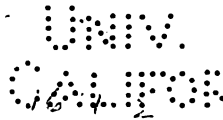

Русская мысль

РУССКАЯ

1895

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,

Пименовская ул., собств. домъ.

1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ТРИ ГОДА. (Разсказъ).—А. П. Чехова	1
II. ВЕЛИКІЙ. Новелла Элизы Ожешковой. Переводъ съ рукописи В. М. Л.	1
III. ПРАКТИКА ЖИЗНИ. (Повѣсть).—И. А. Салова	1
IV. СТИХОТВОРЕНИЕ.—А. Монастырскаго	1
V. МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ. Идиллія Генрика Понтонидана. Переводъ съ датскаго В. М. С.	1
VI. ХЛѢБЪ. (Романъ).—Д. Н. Мамина-Сибиряка	1-я иди
VII. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Продолженіе</i>	Хамт 2-ревој
VIII. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ФОРМЪ НАРОД- НАГО СУДА. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ).—Вс. П. Даневскаго.	Цы
IX. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПАМЯТЬ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА.—В. И. Семевскаго	КНИЖКЕ БУРЛАК 2-ИИТСЯ
X. ВОСПОМИНАНІЕ О Н. И. НОВИКОВЪ И ЕГО ВРЕМЕНИ. — В. О. Ключевскаго	3:
XI. МОЕ НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ СКИТАЛЬЧЕСТВО.—М. М. Ковалевскаго	61
XII. ПАМЯТИ А. М. ИВАНЦОВА-ПЛАТОНОВА.—М. С. Корелина	81
XIII. АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.—А. М. Ска- бичевскаго	100

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ“.

В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Цѣна 1 рубль; пересылка за 1 фунтъ по разетонію.

Вышла новая книга:

„Побѣсти и Разказы“

Элизы Ожешковой.

Бренская идиллія.— Сильный Самсонъ.—
Хамъ.—Подвижница).

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Купите въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, при
редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ
Войцовой Никитской ул. и Леонтьевского пер., домъ
№ 2—24).

Редакция и проф. Э. О. Петрушевскаго, при участіи редак-
торскихъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова,
проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, пр. В. Т. Собичевскаго, В. С.
Соловьева и проф. П. Э. Соловьева, благоволятъ сдѣлать заявленіе съ указаніемъ
подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ“,
Москва, уголъ Леонтьевскаго и В. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдается 20 первыхъ полутомовъ.

823274

По соглашенію редакціи

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

РУССКАЯ МЫСЛЬ

въ книжномъ магазинѣ журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова принимается подписка на

Настольный Энциклопедическій Словарь

изд. Т-ва А. Гранать и К^о.

Настольный энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ,
105—115 выпусковъ (10500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 6 томовъ и 7 выпусковъ 7-го тома (до слова Салиасъ). Для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства, къ изданію прилагаются, начиная съ 5-го тома, снимки съ картинъ классическихъ художниковъ.

Все изданіе будетъ закончено въ апрѣлѣ 1895 г.

Цѣна всему изданію на обыкновенной бумагѣ въ изящныхъ коленчоровыхъ переплетахъ 36 руб.,
на лучшей бумагѣ 48 руб.

За пересылку приплачивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ сгиба приплачивается за каждую серію 28 к.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немедленно получаютъ вышедшіе шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взносами по ДВА рубля.

Съ 1-го марта 1895 г. цѣна будетъ повышена.

Изданіе можно пріобрѣтать также и отдѣльными выпусками по 30 коп.
за экземпляръ на обыкновенной бумагѣ и по 40 коп. на лучшей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВЪСТНИКЪ“.

1-го января вышла 1-я книга.

I. АНИКА ВОИНЪ. Картина мнущаго. Б. Савихина.—II. ОБЛАКА. Стих. Н. Минского.—III. ТУРГЕНЕВЪ и ТОЛСТОЙ. Проф. Д. Овсяннико-Мулликовскаго.—IV. ОТВЕРЖЕННЫЙ. Романъ А. Мережковскаго.—V. РАЗСКАЗЫ: 1. Въ торфяномъ болотѣ Гейца Товота. 2. Малельскій Миронъ. Мисана Франка. Изъ галицкой жизни. 3. Мрачная исторія. Изъ книги повелѣя Лунджи Капуана.—VI. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 1864 г. В. Устинова.—VII. ИЗЪ ЛЕКОНТЪ ДЕ-ЛИЛЯ. Стих. О. Чашинной.—VIII. ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ. Повѣсть. Марин Крестовской.—IX. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ И ЕГО ПЕРВАЯ СЕССИЯ. М. С.—лж.—X. ИСПОВѢДЬ. Аминъ Безантъ. Съ предисл. Зин. Венгерской. Съ англійскаго.—XI. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЕ. В. Стасова.—XII. ИЗГНАННИКЪ. Стих. Льдова.—XIII. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДѢЛО СЪ НАЧАЛА 80-хъ ГОДОВЪ. Проф. А. Ислова.—XVI. ПРОТИВОРѢЧІЯ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ. Гр. Льва Толстого. XV. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. I. Расколъ въ радикальной партіи 60-хъ годовъ. Вурляки собиѣты вноски.—Направленіе „Отечественныхъ Записокъ“.—Статистическіе фельетоны Щедрина въ „Современникѣ“.—Колебаніе въ политическомъ направленіи „Современника“.—Выходка противъ нигилистовъ.—Насмѣшка Щедрина надъ романомъ Чернышевскаго.—Первая схватка съ „Русскимъ Словомъ“.—Отъѣздъ Щедрина и рѣшительная битва между обоими журналами.—Видѣтельство Писарева. Побѣда „Русскаго Слова“ и паденіе „Современника“. А. Вольнскаго. ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ. ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. „Провинціальная печать“. Нѣчто о признаніи печати и о полемикѣ.—О центральному земскомъ печатномъ органѣ.—Прощаніе съ сельскимъ учителемъ.—Жизненная дорога по южному берегу Крыма.—Дешевый кредитъ и крымскіе крестьяне.—А. Прозорова.—II. НѢТЪ ВѢДНОСТИ ВЪ РОССІИ! п. Музичова.—III. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА. Школьная борьба въ Англии. С. Рыбакова.—IV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. На Новый годъ.—Желательные успѣхи.—Отпоръ со стороны *Москов. Ведомостей, Гражданина и Нового Времени*.—Назначеніе графа Шувалова въ Варшаву.—Отношенія съ поляками.—3 1/2% золотой заемъ.—Указъ о кредитныхъ билетахъ.—Эпизодъ изъ финансовой исторіи.—Новый пассажирскій тарифъ.—V. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. Ф. С.—VI. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.—VII. ИЗЪ ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРЫ. Поль Верленъ.—Объѣдъ въ честь П. Д. Бобормкина.—VIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Л. Полонскаго.

Новымъ годовымъ подписчикамъ рассылается при первой книгѣ журнала I ч. повѣсти М. Крестовской „ЖЕНСКАЯ ЖИЗНЬ“ (вся напечат. въ 1894 г.).

Ц ъ Н А:

Съ пересылкою во всё	Годъ:	Полгода:	Четверть:
города Имперіи . . .	13 р. 50 к.	7 р. — к.	3 р. 50 к.
За границей . . .	15 „ — „	8 „ — „	4 „ — „

аэропочта безъ новышенія год. цѣны. Для учащихъ и учащихса уступка.

подписка принимается: въ главн. конторѣ—Спб., Троицкая, № 9, и въ московск.

6: 7—Тверская, докъ № 87, Сазикова.

1-го ЯНВАРЯ ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА

IV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ „МІРЪ ВОЖІЙ“ IV-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

(для юношества и самообразования).

СОДЕРЖАНІЕ:

I. «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ». (Жизнь, личность, творчество). *Ив. Иванова*. — II. «Исторія одной жизни». Романъ. *К. М. Станюковича*. — III. «Стихотвореніе изъ Гейне». Пер. *Юрія Веселовскаго*. — IV. «Характеръ и разумъ». *Альфреда Фюлле*, перев. съ франц. *В. М.* — V. «Великій чело-вѣкъ». Романъ въ двухъ частяхъ. *А. Валенберга*. — VI. «Очерки по исторіи русской культуры». Проф. *П. Н. Милюкова*. — VII. «Бурлаки». Очеркъ. *Н. Гарина*. — VIII. «Конецъ пути». Разсказъ *Киплина*. Переводъ съ англійскаго *Л. Шелмуновой*. — IX. «Процессъ оплодотворенія въ растительномъ царствѣ». Проф. *И. П. Бородина*. — X. «Новыя иностранныя книги». — XI. «Изъ русской жизни и литературы». Вопросы русской общественной жизни. — Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ. — Народное образованіе въ Финляндіи. — Культурные успѣхи Финляндіи. — Нашествіе мышей. — Изъ переписки *М. Е. Салтыкова*. — Одна изъ женъ декабристовъ. — XII. «Изъ иностранной жизни и литературы». Ремесленные союзы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. — Литературный клубъ въ Лондонѣ. — Театръ для рабочихъ въ Германіи. — Географическія общества въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта. — Народныя кухни въ Вѣнѣ. — Медицинское образованіе въ Шотландіи. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Westminster Review», «Revue des Deux Mondes», «La Nature», «Revue des Revues», «Die Zeit», «Yong Woman», «Northamerican Review», «Popular Science Monthly». — XIII. Приложенія: 1) «Князь и кметы». Историческій романъ *Тосифа-Иматія Крашевскаго*. Перев. съ польскаго *Л. В—скаго*. — 2) «Исторія цивилизаціи». *Г. Дюкюдрэ*. Древній міръ. Переводъ съ французскаго *А. Позенъ*, подъ редакціей *Д. А. Корончевскаго*. — 3) «Обзоръ общедоступныхъ книгъ литературнаго и научнаго содержанія». Составляется подъ редакціей особой комиссіи по порученію комитета грамотности, состоящаго при Император. вольномъ экономич. обществѣ. — XIV. Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.

Цѣна: 7 руб. съ доставкой и пересылкой, 6 руб. безъ доставки, 10 руб. за границу.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница *А. Давыдова*.

Редакторъ *В. Острогорскій*,

R u s s k a j a M y s l '
 РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА I

МОСКВА.

—
1895.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/69

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

AP52
K 575
v. 16:1-2
MAIV

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ТРИ ГОДА. (Разсказъ).—А. П. Чехова	1
II. ВЕЛИКІЙ. Новелла Элизы Сжешковой. Переводъ съ рукописи В. М. Л.	54
III. ПРАКТИКА ЖИЗНИ. (Повѣсть).—И. А. Салова	84
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Монастырскаго	127
V. МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ. Идиллія Генрика Поштопидаана. Переводъ съ датскаго В. М. С.	128
VI. ХЛѢБЪ. (Романъ).—Д. Н. Мамина-Сибиряка	164
VII. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Продолженіе</i>	201
VIII. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ФОРМЪ НАРОД- НАГО СУДА. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ).—Вс. П. Даневскаго	1
IX. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВЪ ПАМЯТЬ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА ЯДРИНЦЕВА.—В. И. Семевскаго	29
X. ВОСПОМИНАНІЕ О Н. И. НОВИКОВѢ И ЕГО ВРЕМЕНИ. — В. О. Ключевскаго	38
МОЕ НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ СКАТАЛЬЧЕСТВО.—М. М. Ювалевскаго	61
ПАМЯТИ А. М. ИВАНЦОВА-ПЛАТОНОВА.—М. С. Корелина.	81
АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.—А. М. Сна- бичевскаго	100

R

	Стр.
XIV. СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.—Г. Б. Юллоса	122
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иваненкова	143
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отчетъ государственнаго контроля за 1893 годъ.—Заслуги земской статистики.—Регрессивное ея движеніе подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. — Необходима полная самостоятельность статистики.—Основанія для ея организаціи.—Данныя о развитіи переселенческаго дѣла за послѣднее десятилѣтіе.—Изъ жизни народной школы.— Столѣтіе со дня рожденія Грибоѣдова	168
XVII. 1894 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — В. А. Гольцева	185
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Золото</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Вл. Ив. Немировича-Данченко. Театръ Корша: <i>Madame Sans-Gêne</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. Сарду и Э. Моро, переводъ съ французск. Ф. А. Корша. Ан.—Музыка: Концертъ въ память А. Г. Рубинштейна.—Концерты филармоническаго общества. А. Б.	195
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Географія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Математика.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги.—Изданія для народа.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русское Обозрѣніе», декабрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», декабрь.—«Дѣтское Чтеніе», декабрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1894 г. по 1 января 1895 г.	1

Digitized by Google

Т Р И Г О Д А.

(Разсказъ).

I.

Было еще темно, но кое-гдѣ въ домахъ уже засвѣтились огни и въ концѣ улицы изъ-за казармы стала подниматься блѣдная луна. Лаптевъ сидѣлъ у воротъ на лавочкѣ и ждалъ, когда кончится всенощная въ церкви Петра и Павла. Онъ разсчитывалъ, что Юлія Сергѣевна, возвращаясь отъ всенощной, будетъ проходить мимо, и тогда онъ заговорить съ ней и, быть можетъ, проведетъ съ ней весь вечеръ.

Онъ сидѣлъ уже часа полтора и воображеніе его въ это время рисовало московскую квартиру, московскихъ друзей, лакея Петра, письменный столъ; онъ съ неудомѣніемъ поглядывалъ на темныя, неподвижныя деревья, и ему казалось страннымъ, что онъ живетъ теперь не на дачѣ въ Сокольникахъ, а въ провинціальномъ городѣ, въ домѣ, мимо котораго каждое утро и вечеръ прогоняютъ большое стадо и при этомъ поднимаютъ страшныя облака пыли и играютъ на рожкѣ. Онъ вспоминалъ длинныя московскіе разговоры, въ которыхъ самъ принималъ участіе еще такъ недавно, — разговоры о томъ, что безъ любви жить можно, что страстная любовь есть психозъ, что, наконецъ, нѣтъ никакой любви, а есть только физическое влеченіе половъ, и думалъ съ грустью, что если бы теперь его спросили, что такое любовь, то онъ не нашелся бы, что отвѣ-

тит
нощная отошла, показался народъ. Лаптевъ съ напряженіемъ матрировался въ темныя фигуры. Уже провезли архіерея въ кар уже перестали звонить и на колокольнѣ одинъ за другимъ — красныя и зеленые огни, — это была иллюминація по случаю замового праздника, — а народъ все шель, не торопясь, раз-

говаривая, останавливаясь под окнами. Но вотъ, наконецъ, Лаптевъ услышалъ знакомый голосъ, сердце его сильно забилося, и оттого, что Юлія Сергѣевна была не одна, а съ какими-то двумя дамами, имъ овладѣло отчаяніе.

«Это ужасно, ужасно! — шепталъ онъ, ревнуя ее. — Это ужасно!»

На углу, при поворотѣ въ переулокъ, она остановилась, чтобы проститься съ дамами, и въ это время взглянула на Лаптева.

— А я къ вамъ,—сказалъ онъ.—Иду потолковать съ вашимъ батюшкой. Онъ дома?

— Вѣроятно,—отвѣтила она.—Въ клубъ ему еще рано.

Переулокъ былъ весь въ садахъ и у заборовъ росли липы, бросавшія теперь при лунѣ широкую тѣнь, такъ что заборы и ворота на одной сторонѣ совершенно утопали въ потемкахъ; слышался оттуда шепотъ женскихъ голосовъ, сдержанный смѣхъ и кто-то тихо-тихо игралъ на балалайкѣ. Пахло липой и сѣномъ. Шепотъ невидимокъ и этотъ запахъ раздражали Лаптева. Ему вдругъ страстно захотѣлось обнять свою спутницу, осыпать поцѣлуями ея лицо, руки, плечи, зарыдать, упасть къ ея ногамъ, рассказать, какъ онъ долго ждалъ ее. Отъ нея шелъ легкій, едва уловимый запахъ ладона, и это напомнило ему время, когда онъ тоже вѣровалъ въ Бога и ходилъ во всенощной, и когда мечталъ много о чистой, поэтической любви. И оттого, что эта дѣвушка не любила его, ему теперь казалось, что возможность того счастья, о которомъ онъ мечталъ, для него утеряна.

Она съ участіемъ заговорила о здоровьѣ его сестры Нины Федоровны. Мѣсяца два назадъ у его сестры вырѣзали ракъ и теперь всѣ ждали возврата болѣзни.

— Я была у нея сегодня утромъ,—сказала Юлія Сергѣевна,—и мнѣ показалось, что за эту недѣлю она не то, чтобы похудѣла, а поблекла.

— Да, да,—согласился Лаптевъ.—Рецидива нѣтъ, но съ каждымъ днемъ, я замѣчаю, она становится все слабѣе и слабѣе и таесть на моихъ глазахъ. Не пойму, что съ ней.

— Господи, а, вѣдь, какая она была здоровая, полная, краснощекая!—проговорила Юлія Сергѣевна послѣ минутнаго молчанія.—Ее здѣсь всѣ такъ и звали московской. Какъ хохотала! Она на праздникахъ наряжалась простою бабой и это очень шло къ ней.

Докторъ Сергѣй Борисовичъ былъ дома; полный, сытый, красный, въ длинномъ ниже колѣнъ сюртукѣ и, какъ казалось, коротконогий, онъ ходилъ у себя въ кабинетѣ, изъ угла въ уголъ, за-

сунувъ руки въ карманы, и напѣвалъ въ полголоса: «Ру-ру-ру-ру». Съдые багены у него были растрепаны, голова не причесана, какъ будто онъ только что всталъ съ постели. И кабинетъ его съ подушками на диванахъ, съ кипами старыхъ бумагъ по угламъ и съ большимъ грязнымъ пуделемъ подъ столомъ производилъ такое же растрепанное, шаршавое впечатлѣнiе, какъ онъ самъ.

— Тебя желаетъ видѣть м-сье Лаптевъ,—сказала ему дочь, входя въ кабинетъ.

— Ру-ру-ру-ру,—запѣлъ онъ громче и, повернувъ въ гостиную, въ потемкахъ подавъ руку Лаптеву и спросилъ:—Что скажете хорошенькаго?

Лаптевъ, не сядя и держа шляпу въ рукахъ, сталъ извиняться за беспокойство; онъ спросилъ, что дѣлать, чтобы сестра спала по ночамъ, и отчего она такъ страшно худѣетъ, и его смущала мысль, что, кажется, эти самые вопросы онъ уже задавалъ доктору сегодня во время его утренняго визита.

— Скажите,—спросилъ онъ,—не пригласить ли намъ изъ Москвы какого-нибудь спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ? Какъ вы думаете?

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и сдѣлалъ обѣими руками неопредѣленный жестъ.

— Если желаете, можете выписать доктора не только изъ Москвы, но даже изъ Парижа или Берлина.

Было очевидно, что онъ обидѣлся. Это былъ чрезвычайно обидчивый, мнительный докторъ, которому всегда казалось, что ему не вѣрятъ, что его не признаютъ и недостаточно уважаютъ, что публика эксплуатируетъ его, а товарищи относятся къ нему съ недоброжелательствомъ. Онъ все смѣялся надъ собой, говорилъ, что такіе дураки, какъ онъ, созданы только для того, чтобы публика бѣдила на нихъ верхомъ.

Юлія Сергѣевна зажгла лампу. Она утомилась въ церкви, и это было замѣтно по ея блѣдному, томному лицу, по вялой походкѣ. Ей хотѣлось отдохнуть. Она сѣла на диванъ, положила руки на колѣни и задумалась. Лаптевъ смотрѣлъ на нее и завидовалъ тѣмъ, которые умѣютъ нравиться, которые остроумны, на удививы, умѣютъ пѣть или краснорѣчиво говорить. Онъ зналъ, что онъ некрасивъ, и теперь ему казалось, что онъ даже ощущаетъ тѣмъ эту свою некрасоту. Онъ былъ невысокъ ростомъ, у него была смѣлая, съ румянцемъ на щекахъ, и волосы у него уже сильно порѣдѣли, такъ что зябла голова. Въ выраженіи его вовсе не было той беззаботной простоты, которая даже грубыя, некрасивыя лица

дѣлаеть симпатичными, на фотографіи почему-то всегда выходилъ онъ съ удивленными глазами, въ обществѣ женщинъ былъ неловокъ, излишне разговорчивъ, манеренъ. И теперь онъ почти презиралъ себя за свое безсиліе и готовъ былъ съ злорадствомъ попрекать себя, что, несмотря на свои, въ сущности, громадныя средства, онъ не можетъ купить себѣ красоты, гибкости и талантовъ, хотя бы даже поддѣльныхъ. Чтобы Юлія Сергѣевна не скучала въ его присутствіи, нужно было говорить. Но о чемъ? Опять о болѣзни?

— Но неужели ничѣмъ нельзя предотвратить рецидивъ?— спросилъ онъ.— Неужели медицина такъ бессильна?

И онъ сталъ говорить о медицинѣ то, что о ней обыкновенно говорятъ, то-есть что она лѣчитъ одни только симптомы и, несмотря на свои успѣхи, до сихъ поръ еще не понизила процента смертности.

— Да и успѣхи ея, главнымъ образомъ, выражаются въ ея постепенномъ самоуничтоженіи,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Юліи Сергѣевнѣ.— Она мало-по-малу съѣдаетъ самоѣ себя. Лечились прежде травами, потомъ химія понемножку прогнала изъ аптеки всѣ эти травы, и теперь насъ лечатъ алколоидами; прежній объемъ аптекъ поддерживается искусственно и надо ждать, что, въ концѣ-концовъ, на мѣстѣ ихъ ничего не останется. Медицину вытѣсняеть гигиена.— «Въ сущности, для дѣвушки это нисколько не интересно»,—подумалъ съ досадой Лаптевъ и продолжалъ:— Гигиену очень хвалятъ и говорятъ даже, что мѣстами удается понижать процентъ смертности такими гигиеническими мѣрами, какъ устройство народныхъ столовыхъ, ночлежныхъ домовъ. Меня лично вопросъ этотъ очень интересуеть, встаетъ сказать. Мнѣ совѣтуютъ устроить въ Москвѣ ночлежный домъ, и у насъ даже уже есть смѣта. Если планъ нашъ осуществится, то рабочій, приходя вечеромъ ночевать, за пять-шесть копѣекъ будетъ получать порцію горячихъ щей съ хлѣбомъ, теплую, сухую постель съ одѣяломъ и мѣсто для просушки платья и обуви.

Юлія Сергѣевна обыкновенно молчала въ его присутствіи, и онъ страннымъ образомъ, быть можетъ, по чутью влюбленнаго, угадывалъ ея мысли и намѣренія. И теперь онъ сообразилъ, что если она послѣ всенощной не пошла къ себѣ переодѣваться и пи съ чай, то, значить, пойдетъ сегодня вечеромъ еще куда-нибудь къ гости. Имъ овладѣло такое же отчаяніе, какъ давеча, когда онъ увидѣлъ ее съ дамами.

— Но я не тороплюсь съ ночлежнымъ домомъ,—продолжа гъ

онъ съ раздраженіемъ, обращаясь уже къ доктору, который глядѣлъ на него какъ-то тускло и съ недоумѣніемъ, какъ бы не понимая, зачѣмъ это ему понадобилось поднимать разговоръ о медицинѣ и гигиенѣ. — И, должно быть, не скоро еще я воспользуюсь нашею смѣтой. Я боюсь, что нашъ ночлежный домъ попадетъ въ руки святошь и филантроповъ-карьеристовъ... И получится у насъ не мѣсто отдыха, а дисциплинарный батальонъ. Нѣтъ, ужъ лучше подождать.

Юлія Сергѣевна поднялась и протянула Лаптеву руку. Кажется, что она еще больше утомилась отъ того, что посидѣла.

— Виновата, — сказала она, — мнѣ пора. Поглотитесь вашей сестрѣ, пожалуйста.

— Ру-ру-ру-ру, — запѣлъ докторъ. — Ру-ру-ру-ру.

Юлія Сергѣевна вышла и Лаптевъ черезъ минуту простился съ докторомъ и пошелъ домой. Когда человѣкъ неудовлетворенъ и чувствуетъ себя несчастнымъ, то какою пошlostью вѣетъ на него отъ этихъ липъ, тѣней, облаковъ, отъ всѣхъ этихъ красотъ природы, самодовольныхъ и равнодушныхъ! Луна стояла уже высоко, и подъ нею быстро бѣжали облака. «Но какая наивная, провинціальная луна, какія тощія, жалкія облака!» — думалъ Лаптевъ. Ему было стыдно, что онъ только что говорилъ о медицинѣ и о ночлежномъ домѣ, онъ ужасался, что и завтра у него не хватитъ характера и онъ опять будетъ пытаться увидѣть ее и говорить съ ней, и еще разъ убѣдится, что онъ для нея чужой. Послѣ-завтра — опять то же самое. Для чего? Какой смыслъ? И когда и чѣмъ это кончится? Возвращаясь онъ домой тѣмъ же широкимъ переулкомъ, въ которомъ вахло сѣномъ и липой, и произносилъ вслухъ слова, не имѣвшія никакого отношенія къ его мыслямъ:

«Ну, что-жь? Вотъ тебѣ и все. Вотъ тебѣ и все...»

Придя домой, онъ пошелъ къ сестрѣ. Нина Федоровна была еще крѣпка на видъ и производила впечатлѣніе хорошо сложенной, сильной женщины, но рѣзкая блѣдность дѣлала ее похожей на мертвую, особенно когда она, какъ теперь, лежала на спинѣ, съ закрытыми глазами; возлѣ нея сидѣла ея старшая дочь, Саша, десяти лѣтъ, и читала ей что-то изъ своей хрестоматіи.

— Алеша пришелъ, — проговорила больная тихо, про себя.

Между Сашей и дядей давно уже установилось молчаливое согласіе: они смѣняли другъ друга. Саша закрыла свою хрестоматію, не сказавъ ни слова, тихо вышла изъ комнаты; Лаптевъ вѣлъ съ коммода историческій романъ и, отыскавъ страницу, какую н ч, сѣлъ возлѣ сестры и сталъ читать.

Нина Федоровна была московская уроженка. Дѣтство и юность ея прошли на Пятницкой улицѣ, въ родной купеческой семьѣ. Она была старше своихъ братьевъ и потому прислуга и мальчуганы одно время называли ее нянькой. Дѣтство у нея было длинное, скучное; отецъ обходился съ нею сурово и надменно, и даже раза три наказывалъ ее розгами; мать чѣмъ-то долго болѣла и умерла, и потомъ маленькій братъ Федоръ все не спалъ по ночамъ и все кричалъ, что онъ видитъ свою мать; прислуга была грязная, грубая, лицемѣрная; часто приходили въ домъ попы и монахи, которые читали дѣтямъ длинныя наставленія и закусывали при этомъ. Губернанта, которую наняли для дѣвочки, толстая особа съ большими зубами, похожая на рыбу, ничему не учила и только смотрѣла за поведеніемъ. Мальчиковъ отдали въ гимназію, а Нина такъ и осталась неученой, всю жизнь писала каракулями и читала одни только историческіе романы. Лѣтъ 17 назадъ, когда ей было 22 года, она на дачѣ въ Химкахъ познакомилась съ теперешнимъ своимъ мужемъ Панауровымъ, помѣщикомъ, влюбилась и вышла за него замужъ противъ воли отца, тайно. Неповиновеніе дочери оскорбило старика. Панауровъ, красивый, немножко наглый, закуривающій изъ лампадки и посвистывающій, казался ему совершеннымъ ничтожествомъ. Когда, полгода спустя, зять въ своихъ письмахъ сталъ требовать приданого, старикъ написалъ дочери, что посылаетъ ей въ деревню шубы, серебро и разныя вещи, оставшіяся послѣ матери, и 30 тысячъ деньгами, но безъ родительскаго благословенія; потомъ послалъ еще 20 тысячъ. Деньги эти и приданое съ теченіемъ времени были прожиты, имѣніе продано и Панауровъ переселился съ семьей въ городъ и поступилъ на службу въ губернское правленіе. Въ городѣ онъ завелъ себѣ другую семью и это возбуждало въ обществѣ большой ропотъ, такъ какъ незаконная семья его жила открыто, но къ мѣстному общественному мнѣнію онъ относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ, говоря, что еслибъ у него были средства, то онъ завелъ бы себѣ десять семей, чтобы только досадить этимъ дуракамъ и осламъ, которые ничего не понимаютъ.

Терпѣлъ онъ постоянную нужду въ деньгахъ. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, московская контора высылала его законной семьѣ по 250 рублей въ мѣсяцъ, безъ вѣдома старика, и эти деньги записывались на счетъ братьевъ то Федора, то Алексѣя.

Нина Федоровна обожала своего мужа. И теперь, слушая историческій романъ, она думала о томъ, какъ она много пережила, сколько выстрадала за все время, и что если бы кто-нибудь описалъ ея жизнь, то вышло бы очень жалостно. Такъ какъ опухоль у нея

была въ груди, то она была увѣрена, что и болѣетъ она отъ любви, отъ семейной жизни, и что въ постель ее уложили ревность и слезы. Когда братъ читалъ про любовь, разлуку или измѣну, она представляла себѣ героя не иначе, какъ въ видѣ Панаурова, и ей было то весело, то страшно.

Но вотъ Алексѣй Федоровичъ закрылъ книгу и сказалъ:

— Конецъ и Богу слава. Завтра другой начнемъ.

Нина Федоровна засмѣялась. Она всегда была смѣшлива, но теперь Лаптевъ сталъ замѣчать, что у нея отъ болѣзни минутами какъ будто ослабѣвалъ рассудокъ, и она смѣялась отъ малѣйшаго пустяка и даже безъ причины.

— Безъ тебя тутъ до обѣда приходила Юлія, — сказала она танимъ тономъ, какъ будто собиралась рассказать что-то очень смѣшное. — Какъ я поглядѣла, она не очень-то вѣрить своему папашѣ. Пусть, говоритъ, васъ лечитъ мой папа, но вы, все-таки, потихоньку напишите святому старцу, чтобы онъ за васъ помолился. Тутъ гдѣ-то у нихъ завелся старецъ какой-то.

Нина Федоровна боялась смерти и сама каждый день молилась объ исцѣленіи, но съ дѣтства у нея душа не лежала къ старцамъ, монахамъ и странникамъ. Она сохранила смутное воспоминаніе о сѣдыхъ, длиннополыхъ людяхъ, которые льстили ея богатому отцу и грубо обращались съ больною, запуганною матерью, съ дѣтьми и съ прислугой, и она неохотно говорила о нихъ.

— Юличка у меня зонтикъ свой забыла, ты ей пошли завтра, — проговорила она, помолчавъ немного. — Нѣтъ, ужь когда конецъ, то не помогутъ ни доктора, ни старцы.

— Нина, отчего ты по ночамъ не спишь? — спросилъ Лаптевъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Да такъ. Не сплю, вотъ и все. Лежу себѣ и думаю.

— О чемъ же ты думаешь?

— О дѣтяхъ, о тебѣ... о своей жизни. Я, вѣдь, Алеша, много пережила. Какъ начнешь вспоминать, какъ начнешь... Господи Боже мой! — Она засмѣялась. — Шутка ли, пять разъ рожала, троихъ похоронила... Бывало, собираешься родить, а мой Григорій Николанчъ въ это время у другой сидитъ, послать за акушеркой и за бабкой некого, пойдешь въ сѣни или въ кухню за прислугой а тамъ жиды, лавочники, ростовщики — ждуть, когда онъ домой вернется. «Барыня, — кричатъ, — отдайте намъ деньги!» Голова, бѣло, кружится... Онъ не любилъ меня, хотъ и не высказывалъ этого. Теперь-то я угомонилась, отлегло отъ сердца, а прежде, когда я помоложе была, обидно было, — обидно, ахъ, какъ обидно,

голубчикъ! Разъ,—это еще въ деревнѣ было,—застала я его въ саду съ одною дамою, и ушла я... ушла, куда глаза мои глядятъ, и не знаю, какъ очутилась на паперти, упала на колѣни: «Царица, говорю, небесная!» А на дворѣ ночь, мѣсяцъ свѣтитъ...

Она утомилась, стала задыхаться; потомъ, отдохнувши немного, взяла брата за руку и продолжала слабымъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Бакой ты, Алеша, добрый... Бакой ты умный... Бакой изъ тебя хорошій человѣкъ вышелъ.

Въ двѣнадцатомъ часу Лаптевъ простился съ нею и, уходя, взялъ съ собою зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной. Каждый разъ, когда онъ днемъ или вечеромъ проходилъ въ верхнемъ этажѣ по комнатамъ, какая-нибудь мелочь давала ему почувствовать, что въ этомъ домѣ о порядкахъ уже некому думать. Несмотря на позднее время, въ столовой прислуга, мужская и женская, пила чай; дѣти не спали и паходились тутъ же въ столовой. Говорили тихо, въ полголоса, и не замѣчали, что въ лампѣ уже нѣтъ керосина и что она хмурится, скоро погаснетъ. Всѣ находились въ угнетенномъ настроеніи отъ цѣлаго ряда неблагоприятныхъ примѣтъ: разбилося въ передней зеркало, самоваръ гудѣлъ каждый день и, какъ нарочно, даже теперь гудѣлъ; изъ ботинки Нины Федоровны, когда она одѣвалась, выскочила мышь. Приѣхала изъ деревни старая нянька. Все равно, она приѣзжала каждое лѣто, но теперь ея приѣздъ объясняли предчувствіемъ, наитіемъ свыше: приѣхала-де на похороны. И значеніе всѣхъ этихъ зловѣщихъ примѣтъ прислуга объясняла дѣтямъ; старшая дѣвочка, Саша, худенькая брюнетка, сидѣла за столомъ неподвижно, и лицо у нея было испуганное, скорбное, а младшая, Лида, семи лѣтъ, полная блондинка, стояла возлѣ сестры и смотрѣла на огонь изподлобья, сурово.

Лаптевъ спустился къ себѣ въ нижній этажъ, въ комнаты съ низкими потолками, гдѣ постоянно пахло геранью и было душно. Въ гостиной сидѣлъ Панауровъ, мужъ Нины Федоровны, и читалъ газету. Лаптевъ кивнулъ ему головой и сѣлъ противъ. Оба сидѣли и молчали. Случалось, что такъ молча они проводили цѣлые вечера и это молчаніе не стѣсняло ихъ.

Пришли сверху дѣвочки прощаться. Панауровъ молча, не слыша, нѣсколько разъ перекрестилъ обѣихъ и далъ имъ поцѣловать свою руку, онѣ сдѣлали реверансъ, затѣмъ подошли къ Лаптеву, который тоже долженъ былъ крестить ихъ и давать имъ поцѣловать свою руку. Эта церемонія съ поцѣлуями и реверансами повторилась каждый вечеръ.

Когда дѣвочки вышли, Панауровъ отложилъ въ сторону газету и сказалъ:

— Скучно въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ! Признаюсь, дорогой мой, — добавилъ онъ со вздохомъ, — я очень радъ, что вы, наконецъ, нашли себѣ развлеченіе.

— Вы о чемъ это? — спросилъ Лаптевъ.

— Давеча я видѣлъ, какъ вы выходили изъ дома доктора Бѣлавина. Надѣюсь, вы ходили туда не ради папаша.

— Конечно, — сказалъ Лаптевъ и покраснѣлъ.

— Ну, конечно... А, встаети сказать, другого такого одра, какъ этотъ папаша, днемъ съ огнемъ не сыщешь. Вы не можете себѣ представить, что это за нечистоплотная, бездарная и неуклюжая скотина! И имѣйте въ виду, это типъ, такихъ много. У васъ тамъ, въ столицѣ, до сихъ поръ еще интересуются провинціей только съ лирической стороны, такъ сказать, со стороны пейзажа и Антона Горемыки, но, влянусь вамъ, мой другъ, пейзажъ давно уже вырубали, а Горемыка ушелъ въ извошники. Никакой лирики нѣтъ, а есть только дикость, подлость, мерзость — и больше ничего. Возьмите вы здѣшнихъ жрецовъ науки, здѣшнія, такъ сказать, сливки, интеллигенцію. Можете ли себѣ представить, здѣсь въ городѣ 28 докторовъ, всѣ они нажили себѣ состоянія и живутъ въ собственныхъ домахъ, а населеніе, между тѣмъ, попрежнему, находится въ самомъ безпомощномъ положеніи. Вотъ понадобилось сдѣлать Нинѣ операцію, въ сущности, пустую, а, вѣдь, для этого пришлось выписывать хирурга изъ Москвы, — здѣсь ни одинъ не взялся. Вы не можете себѣ представить! Все они забыли, ничего не знаютъ, не понимаютъ, ничѣмъ не интересуются. Я вотъ не докторъ, но понимаю въ медицинѣ больше, чѣмъ всѣ эти господа. Спросите-ка ихъ, наприимѣръ, что такое ракъ? Что такое, въ сущности, ракъ или скиръръ? Что? Отъ чего онъ происходитъ?

И Панауровъ сталъ объяснять, что такое ракъ. Онъ казался специалистомъ по всѣмъ наукамъ, такъ какъ брался объяснять научно все, о чемъ бы ни зашла рѣчь. Но объяснялъ онъ все какъ-то по-своему. У него была своя собственная теорія кровообращенія — своя химія, своя астрономія. Говорилъ онъ медленно, мягко, и дительно и слова «вы не можете себѣ представить» произносилъ умоляющимъ голосомъ. Ему было уже 48 лѣтъ, но, по застарѣлой привычкѣ, и теперь, какъ 15—20 лѣтъ назадъ, онъ щурилъ глаза, вздыхалъ, томно покачивалъ головой и улыбался милостиво-королевски, и въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ взглядѣ чувствовалось, что онъ очень доволенъ собой и что ему какъ-то

что своимъ присутствіемъ и разговоромъ онъ доставляетъ другимъ большое удовольствіе.

Лаптевъ слушалъ безучастно, не стараясь понимать, и только думалъ: «Какой кокетъ!» Въ ушахъ его раздавалось: лимфа, клѣточки, желчь... Наконецъ, это ему наскучило, онъ поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Мнѣ что-то ѣсть захотѣлось. Я съ удовольствіемъ поѣлъ бы чего-нибудь соленого.

— Ну, что-жь? Это можно сейчасъ устроить.

Черезъ четверть часа Лаптевъ и его зять уже сидѣли наверху въ столовой. Лаптевъ выпилъ рюмку водки и потомъ сталъ пить вино, Панауровъ же только ѣлъ. Онъ никогда ничего не пилъ и не игралъ въ карты и, несмотря на это, все-таки, прожилъ свое и женино состояніе и былъ много долженъ. Про него говорили, что свое состояніе онъ проѣлъ и пропилъ на лимонадѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ любилъ вкусно поѣсть, любилъ хорошую сервировку, музыку за обѣдомъ, спичи, поклонны лакеевъ, которымъ небрежно бросалъ на чай рублей пять или десять. Рубль онъ считалъ слишкомъ мелкою, неприличною бумажкой и стыдился давать ее. Онъ любилъ участвовать во всевозможныхъ подпискахъ и лотереяхъ, посылалъ знакомымъ именинницамъ букеты, покупалъ чашки, подставки, запонки, галстуки, трости, духи, курилъ только потому, что имѣлъ пристрастіе къ мундштукамъ, трубкамъ и портсигарамъ. Ночныя сорочки у него были шелковыя, кровать изъ чернаго дерева, съ перламутромъ, халатъ настоящій бухарскій.

За ужиномъ онъ все вздыхалъ и покачивалъ головой.

— Да, все на этомъ свѣтѣ имѣетъ конецъ,— тихо говорилъ онъ, щури свои темные глаза.— Если вы влюбитесь и будете страдать, ошибаться, раскаиваться, если разлюбите, то знайте, что рано или поздно настанетъ время, когда все это вами забудется, или когда вы сами на все это будете смотрѣть уже окомъ равнодушнаго историка. Всему бываетъ конецъ. Вамъ будутъ измѣнять, потому что нѣтъ женщины, которая бы не измѣняла, вы будете страдать, приходите въ отчаяніе и сами будете измѣнять. Но настанетъ время, когда все это станетъ уже воспоминаніемъ и вы будете холодно разсуждать, что безъ этихъ измѣнъ обойтись нельзя и что, въ сущности, онѣ ничего не значатъ и никому не приносятъ вреда.

А Лаптевъ, усталый, слегка пьяный, смотрѣлъ на его красивую голову, на черную, подстриженную бородку, на бѣлый жилетъ и думалъ: «Вотъ мнѣ бы такую фигуру!...» Или: «Вотъ мнѣ бы

такія манеры!...» И онъ входилъ теперь въ положеніе своей сестры и, казалось, понималъ, почему это женщины такъ любятъ этого избалованнаго, самоувѣреннаго и физически обаятельнаго человѣка.

Послѣ ужина Панауровъ отправился къ себѣ на другую квартиру. Въ цилиндрѣ, оранжевыхъ перчаткахъ и съ великолѣпною тростью онъ казался Лаптеву, который вышелъ проводить его, какимъ-то недоразумѣніемъ. Во всемъ городѣ только онъ одинъ носилъ цилиндръ и около сѣрыхъ заборовъ, жалкихъ трехъколонныхъ домиковъ и кустовъ крапивы его изящная, щегольская фигура производила всякій разъ и странное, и грустное впечатлѣніе.

Противившись съ нимъ, Лаптевъ возвращался къ себѣ не спѣша. Луна свѣтила такъ ярко, что можно было разглядѣть на землѣ каждую соломенку. Городъ спалъ крѣпко, и въ тишинѣ, въ общемъ спокойствіи нельзя было уловить даже признака жизни. Лаптеву показалось, будто лунный свѣтъ ласкаетъ его непокрытую голову, точно кто пухомъ проводитъ по волосамъ.

— Я люблю! — произнесъ онъ вслухъ, и ему захотѣлось вдругъ бѣжать, догнать Панаурова обнять его, простить, подарить ему много денегъ, и потомъ бѣжать куда-нибудь въ поле, въ рощу, и все бѣжать безъ оглядки.

Дома, внизу, онъ сталъ ходить по комнатамъ, смѣясь надъ собой и называя себя сумасшедшимъ. Руки и ноги у него дрожали и голова все еще чувствовала прикосновеніе пуха. Онъ вдругъ увидѣлъ на стулѣ зонтикъ, забытый Юліей Сергѣевной, схватилъ его и жадно поцѣловалъ. Зонтикъ былъ шелковый, уже не новый, пережваченный старою резинкой; ручка была бѣлая, но не изъ кости, а изъ какой-то композиціи. Лаптевъ долго, съ умиленіемъ разсматривалъ его, потомъ сѣлъ и раскрылъ его надъ собой. Теперь ему было очень хорошо, легко, свободно. По привычкѣ онъ слѣдилъ за своими ощущеніями, изумлялся и говорилъ себѣ, что никогда раньше не испытывалъ такого восторга. Ему казалось, что около него даже пахло счастьемъ.

Онъ сѣлъ поудобнѣе и, не выпуская изъ рукъ зонтика, сталъ писать въ Москву, къ одному изъ своихъ друзей:

«Милый, дорогой Костя, вотъ вамъ новость: я опять люблю! Но *опять* потому, что дѣтъ шесть назадъ я былъ влюбленъ въ ту московскую актрису, съ которой мнѣ не удалось даже познакомиться, и въ послѣдніе полтора года жилъ съ извѣстною вамъ «о...», — женщиной немолодой и некрасивой. Ахъ, голубчикъ, какъ вообще мнѣ не везло въ любви! Я никогда не имѣлъ успѣха у: чть, самъ былъ вялъ и равнодушенъ, а если говорю *опять*,

то потому только, что какъ-то грустно и обидно сознаваться передъ самимъ собой, что молодость моя прошла вовсе безъ любви и что настоящимъ образомъ я люблю впервые только теперь, въ 34 года.

«Если бы вы знали, что это за дѣвушка! Красавицей ее назвать нельзя, — у нея широкое лицо, она очень худа, но за то какое чудесное выраженіе доброты, какъ улыбается! Голосъ ея, когда она говоритъ, поетъ и звенить. Она со мной никогда не вступаетъ въ разговоръ, я не знаю ея, но когда я бываю возлѣ, то чувствую въ ней рѣдкое, необыкновенное существо, проникнутое умомъ и высокими стремленіями. Она религіозна и вы не можете себѣ представить, до какой степени это трогаетъ меня и возвышаетъ ее въ моихъ глазахъ. По этому пункту я готовъ спорить съ вами безъ конца, но всегда, хоть убейте, буду стоять на томъ, что люди, вѣрующіе въ Бога, въ торжество справедливости, въ страшный судъ и въ вѣчное блаженство, гораздо содержательнѣе и ближе къ правдѣ, чѣмъ мы, безпредметные идеалисты, ни во что опредѣленно не вѣрующіе и только *упряющіе* себя, что истина есть и достижима. Люблю я ее также за то, что она училась въ Москвѣ, любить нашу Москву и одѣвается по-московски. Я вижу, какъ вы хмуритесь и встаете, чтобы прочесть мнѣ длинную лекцію о томъ, что такое любовь, и кого можно любить, а кого нельзя и проч., и проч. Но, милый Костя, пока я не любилъ, я самъ тоже отлично зналъ, что такое любовь.

«Моя сестра благодаритъ васъ за поклонъ. Она часто вспоминаетъ, какъ когда-то возила Костю Ючезова отдавать въ приготовительный классъ, и до сихъ поръ еще называетъ васъ *бѣдный*, такъ какъ у нея сохранилось воспоминаніе о васъ, какъ о сиротѣ-мальчигѣ. И такъ, бѣдный сирота, я люблю. Пока это секретъ, ничего не говорите *тамъ* извѣстной вамъ «особѣ». Это, я думаю, само собой уладится или, какъ говоритъ лакей у Толстого, *образуется...*»

Лаптевъ любилъ употреблять въ письмахъ подчеркиванія и вычки. Кончивъ письмо, онъ раздѣлся и легъ въ постель. Отъ усталости сами закрывались глаза, но почему-то не спалось; казалось, что мѣшалъ ему уснуть уличный шумъ. Стадо прогнало мимо и играли на рожкѣ, потомъ вскорѣ зазвонили къ ранней обѣднѣ. То телѣга проѣдетъ со скрипомъ, то раздастся голосъ какой-нибудь бабы, идущей на рынокъ. И воробьи чирикали все время.

Онъ одѣлся и вышелъ на улицу.

II.

Утро было веселое, праздничное. Часовъ въ десять Нину Федоровну, одѣтую въ коричневое платье, причесанную, вывели подь руки въ гостиную и здѣсь она прошлась немного и постояла у открытаго окна. Потомъ она пила кофе, ѣла масло, и улыбка у нея при этомъ была широкая, наивная, недоумѣвающая, и Лаптевъ, мядя на нее, вспоминалъ одного знакомаго художника, который называлъ ея лицо ликомъ и говорилъ, что съ нея, когда она весела, можно писать русскую масляницу. И у всѣхъ, — у дѣтей, у прислуги и даже у брата Алексѣя Федорыча, и у нея самой, — явилась вдругъ увѣренность, что она непремѣнно выздоровѣетъ. Дѣвочки съ визгливымъ смѣхомъ гонялись за дядей, ловили его и висли ему на шею, онъ топалъ на нихъ ногами и самъ смѣялся до слезъ. Въ домѣ стало шумно.

Приходили чужіе и справлялись насчетъ здоровья Нины Федоровны. Приносили ей просфоры и сообщали черезъ прислугу, что за нее сегодня почти во всѣхъ церквахъ заказывали молебны. Она въ своемъ городѣ была благотворительницей, ее уважали и любили, и теперь жалѣли. Благотворила она съ необыкновенною легкостью, и эта черта, казалось, была у нея врожденной, какъ у брата Алексѣя, который тоже раздавалъ деньги очень легко, никогда не соображая, нужно дать или нѣтъ. Обыкновенно въ домашнемъ быту у Нины Федоровны только и слышно было о томъ, какъ бы выпросить у знакомыхъ для одного бѣднаго мальчика поддержанья, но еще приличныя брюки, чтобы тому не стыдно было ходить въ ученье или на службу; какъ бы другому купить сапоги, третьяго опредѣлить на телеграфъ сверхъ штата. Она платила за бѣдныхъ учениковъ, раздавала старухамъ чай, сахаръ, варенье, наряжала небогатыхъ невѣсть. Если ей въ руки попадала газета, то она прежде всего искала, нѣтъ ли какого-нибудь воззванія или объявленія о бѣдственномъ положеніи.

Теперь ей подали пачку какихъ-то бумажекъ. Это были записки, по которымъ ея просители въ разное время забирали товаръ въ бакалейной лавкѣ. Тутъ же было и письмо отъ купца, который жалъ уплатить ему 82 рубля.

— Ишь ты, сколько набрали, безсовѣстные! — проговорила она, осматривая свои записки. — Шутка ли? Возьму вотъ и не шъ.

— Я сегодня заплачу ему, — сказалъ Лаптевъ, прочитавъ

— Ну, вотъ... Я тебя и такъ ужъ обобрала.

— Не все ли равно, я заплачу или ты? И потомъ къ чему это выраженіе: обобрала?

— Конечно. Довольно и того, что я каждый мѣсяць по 250 получаю, — добавила она тихо, чтобы не слышала прислуга.

— Ну, а я въ мѣсяць двѣ тысячи пятьсотъ проживаю, — проговорилъ онъ, начиная слегка раздражаться. — Я тебѣ еще разъ повторяю: ты имѣешь право тратить столько же, какъ я и Федоръ. Насъ у отца трое и изъ каждыхъ трехъ копѣекъ поэтому одна принадлежитъ тебѣ.

Но Нина Федоровна не понимала и выраженіе у нея было такое, какъ будто она мысленно рѣшала какую-то очень трудную задачу. И эта непонятливость въ денежныхъ дѣлахъ всякій разъ раздражала и смущала Лаптева. Онъ подозрѣвалъ, кромѣ того, что у нея лично есть долги, о которыхъ она стѣсняется сказать ему и которыя ее беспокоятъ.

— Я знаю, что ты добрый, — проговорила она послѣ нѣкотораго раздумья, — если ужъ тебѣ такъ хочется, то одолжи мнѣ рублей двѣсти.

Лаптевъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Что съ тобой говорить! — вздохнулъ онъ. — Ты напоминаешь мнѣ хохла, который говорилъ, что еслибъ онъ былъ царемъ, то укралъ бы сто рублей и убѣжалъ.

Послышались шаги и тяжелое дыханіе: это вверху по лѣстницѣ поднимался докторъ, по обыкновенію, растрепанный и нечесанный.

— Посмотримъ, — говорилъ онъ нараспѣвъ. — Посмотримъ.

У Лаптева пропало хорошее настроеніе. Чтобы не встрѣчаться съ докторомъ, онъ вышелъ въ столовую и, постоявъ немного, спустился къ себѣ внизъ. Въ послѣднее время онъ убѣдился, что сойтись съ докторомъ покороче и бывать въ его домѣ запросто — дѣло невозможное, и казалось ему, что это было главною причиною, почему онъ такъ рѣдко видѣлся съ Юліей Сергѣевной; другой на его мѣстѣ давно бы ужъ махнулъ рукой на доктора и нашелъ бы сколько угодно способовъ видаться съ его дочерью внѣ дома, онъ же стѣснялся, много думалъ и не зналъ, что дѣлать. И теперь, зная, что она дома одна, онъ, все-таки, не рѣшался пойти къ ней запросто, а какъ мальчишка терялся въ трусливыхъ соображеніяхъ, приличенъ ли будетъ его визитъ и не лучше ли послать зонтикъ съ прислугой.

Онъ взялъ зонтикъ и вышелъ на улицу, сильно волнуясь. Было жарко. На дворѣ у доктора десятка два мальчиковъ играли въ

ничъ. Все это были дѣти жильцовъ, мастеровыхъ, жившихъ въ трехъ старыхъ, неприглядныхъ флигеляхъ, которые докторъ каждый годъ собирался ремонтировать и все отгладывалъ. Раздавались звонкіе, здоровые голоса. Дѣвочки-подростки съ дѣтьми на рукахъ и маленькія дѣвочки, всѣ босыя, сновали тутъ же, не участвуя въ игру; когда въ какую-нибудь невзначай попадалъ мячъ, или мальчикъ, запутавшись въ травѣ, падалъ на землю, то слышался искливый, торжествующій смѣхъ всѣхъ дѣвочекъ. Далекое въ сторонѣ, около своего крыльца, стояла Юлія Сергѣевна, неподвижно, заложивъ руки назадъ, и смотрѣла на игру. Глядя съ улицы во дворъ, Лаптевъ спрашивалъ себя, она ли это, и никакъ не могъ понять, зачѣмъ это она стоитъ на припекѣ съ непокрытою головою.

— Здравствуйте! — окликнулъ онъ.

Она оглянулась. Повидимому, хорошее настроеніе дѣтвора сообщилось и ей. Обыкновенно онъ видѣлъ ее равнодушною, холодною, или, какъ вчера, усталою, теперь же выраженіе у нея было живое и рѣзвое, какъ у мальчиковъ, которые играли въ мячъ.

— Посмотрите, въ Москвѣ никогда не играютъ такъ весело, — говорила она, идя къ нему на встрѣчу. — Впрочемъ, вѣдь, тамъ нѣтъ такихъ просторныхъ дворовъ, негдѣ играть. А папа только что пошелъ къ вамъ, — добавила она небрежно, оглядываясь на дѣтей.

— Я знаю, но я не къ нему, а къ вамъ, — сказалъ Лаптевъ, любясь ея молодостью, которой не замѣчалъ раньше и которую какъ будто лишь сегодня открылъ въ ней; ему казалось, что ея тонкую бѣлую шею съ золотою цѣпочкой онъ видѣлъ теперь только въ первый разъ. — Я къ вамъ... — повторилъ онъ. — Сестра вотъ прислала зонтикъ, вы вчера забыли.

Она протянула руку къ зонтику, но онъ прижалъ его къ груди и проговорилъ страстно, съ умиленіемъ, чувствуя, что въ немъ пробуждается тотъ самый восторгъ, какой онъ испыталъ вчера ночью, сидя подъ зонтикомъ:

— Прошу васъ, подарите мнѣ его. Я сохранию на память о васъ... о нашемъ знакомствѣ. Онъ такой чудесный.

— Возьмите, — сказала она и покраснѣла. — Но чудеснаго ничего въ немъ не вижу.

Онъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ, молча и не зная, что ска-

з.

Что же это я держу васъ на жарѣ? — сказала она послѣ нѣскаго молчанія и разсмѣялась. — Пойдемте въ комнаты.

А я васъ не обезпокою?

шли въ сѣни. Юлія Сергѣевна побѣжала вверхъ, шумя сво-

имъ платьемъ, бѣлымъ, съ голубыми цвѣточками, и остановилась на лѣстницѣ.

— Меня нельзя беспокоить, — отвѣтила она, запыхавшись, — такъ какъ я никогда ничего не дѣлаю. У меня праздникъ каждый день, отъ утра до вечера.

— Для меня то, что вы говорите, непонятно, — сказалъ онъ, подходя къ ней. — Я выросъ въ средѣ, гдѣ дѣвушки уже 12—13 лѣтъ знаютъ, что такое трудъ и забота. Женщина должна трудиться каждый день.

— А если нечего дѣлать? — спросила она.

— Надо поставить свою жизнь въ такія условія, чтобы трудъ былъ необходимъ. Безъ труда не можетъ быть честной и радостной жизни.

Онъ опять прижалъ къ груди зонтикъ и сказалъ тихо, неожиданно для себя и не узнавая своего голоса:

— Если бы вы согласились быть моею женой, я бы все отдалъ. Я бы все отдалъ... Нѣтъ цѣны, нѣтъ жертвы, на какую бы ни пошелъ.

Она вздрогнула и посмотрѣла на него съ удивленіемъ и страхомъ.

— Что вы, что вы! — проговорила она, блѣднѣя. — Это невозможно, увѣряю васъ. Извините.

Затѣмъ быстро, все такъ же шумя платьемъ, пошла выше и скрылась въ дверяхъ.

Лаптевъ понялъ, что это значить, и настроеніе у него переменялось сразу, рѣзко, какъ будто въ душѣ внезапно погасъ свѣтъ. Ничего не испытывая, кромѣ стыда, чувства униженія человѣка, которымъ пренебрегли, который не нравится, противень, быть можетъ, гадокъ, отъ котораго бѣгутъ, онъ вышелъ изъ дому.

«Отдалъ бы все, — передразнилъ онъ себя, идя домой по жарѣ и вспоминая подробности объясненія. — Отдалъ бы все — совѣтъ по-купечески. Очень кому нужно это твое *все!*»

Все, что онъ только что говорилъ, казалось ему, было глупо до отвращенія. Точно послѣ суроваго позорнаго приговора, мало-помалу впадая въ безразличное настроеніе, въ мрачный покой, онъ думалъ о томъ, что славу Богу теперь все уже прошло, и нѣтъ въ ней ужасной неизвѣстности, уже не нужно по цѣлымъ днямъ ожидать, томиться, думать все объ одномъ; теперь все ясно; нужно оставить всякія надежды на личное счастье, жить безъ претензій, а чтобы не было скучно, заняться чужими дѣлами, чужимъ счастьемъ, а тамъ незамѣтно наступитъ старость, жизнь придетъ къ концу —

и больше ничего не нужно. Ему ужь было все равно, онъ ничего не хотѣлъ и могъ холодно разсуждать, но въ лицѣ, особенно подъ глазами, была какая-то тяжесть, лобъ напрягался, какъ резина, — вотъ-вотъ брызнуть слезы. Чувствуя во всемъ тѣлѣ слабость, онъ легъ въ постель и минутъ черезъ пять вѣриво уснулъ.

III.

Предложеніе, которое такъ неожиданно сдѣлалъ Лаптевъ, привело Юлію Сергѣевну въ отчаяніе. Тихая жаркая погода давно уже переѣдилась, дулъ сильный вѣтеръ и на улицѣ было пасмурно отъ пыли, наступалъ уже вечеръ, а она все сидѣла у себя на постели за ширмами и никакъ не могла успокоиться.

Она знала Лаптева немного, только какъ случайнаго знакомаго; это былъ богатый человѣкъ, представитель извѣстной московской фирмы «Федоръ Лаптевъ и сыновья», всегда очень серьезный, поведенію, умный и озабоченный болѣзнью сестры; казалось ей, что онъ не обращалъ на нее никакого вниманія, и сама она была къ нему совершенно равнодушна, — и вдругъ это объясненіе на лѣстницѣ, это жалкое, восхищенное лицо...

Предложеніе смутило ее и своею неожиданностью, и тѣмъ, что рѣчь шла объ ея судьбѣ на всю жизнь, и тѣмъ, что произнесено было слово *жена*, и тѣмъ, что пришлось отвѣтить отказомъ. Она уже не помнила, что сказала Лаптеву, но продолжала еще ощущать слѣды того порывистаго, непріятнаго чувства, съ какимъ отказала ему. Онъ не нравился ей; наружность у него была пригащная, самъ онъ былъ не интересенъ. Для нея не было сомнѣнія, что при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни сдѣлалъ ей предложеніе, она все равно отвѣтила бы отказомъ, но все же ей было неловко, какъ будто она поступила дурно.

— Боже мой, не входя въ комнаты, прямо на лѣстницѣ, — говорила она съ отчаяніемъ, обращаясь къ образку, который висѣлъ надъ ея изголовьемъ, — и не ухаживалъ раньше, а какъ-то странно, необыкновенно...

Она чувствовала, что въ одиночествѣ съ каждымъ часомъ ей тѣмъ же становится все сильнѣе и что ей одной не подъ силу справиться съ этимъ настроеніемъ. Надо было, чтобы кто-нибудь выступилъ за нее и убѣдилъ, что не произошло ничего особеннаго и что она поступила правильно. Но поговорить было не съ кѣмъ. Матери у нея не было съ семи лѣтъ, отца же она считала страннымъ человекомъ и не могла говорить съ нимъ откровенно. Онъ стѣснялъ ее

своими капризами, мелкими несправедливостями, брюзжаньем и своею манерой при всякомъ разговорѣ рѣзко пожимать плечами и дѣлать неопредѣленные жесты; и стояло только завести съ нимъ разговоръ о чемъ бы то ни было, чтобъ онъ тотчасъ же началъ говорить о себѣ самомъ. Сердечна и откровенна она была съ однимъ только Богомъ во время молитвы, теперь же только взглядывала на образокъ и не молилась, такъ какъ все еще не могла сообразить, чего собственно ей нужно просить у Бога.

Подали самоваръ. Юлія Сергѣевна, очень блѣдная, усталая, съ безпомощнымъ видомъ, вышла въ столовую, заварила чай, — это было на ея обязанности, — и налила отцу стаканъ. Самой же ей не хотѣлось пить и все было противно, какъ во время болѣзни. Сергѣй Борисовичъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ ниже колѣнъ, красный, не причесанный, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по столовой, описывая полукругъ. Остановится у стола, отопьеть изъ стакана съ аппетитомъ и опять ходить, и о чемъ-то все думаетъ.

— Мнѣ сегодня Лаптевъ сдѣлалъ предложеніе, — сказала Юлія Сергѣевна и покраснѣла, и ей стало тотчасъ же досадно, зачѣмъ она это сказала.

Докторъ поглядѣлъ на нее съ удивленіемъ и какъ будто не понималъ.

— Лаптевъ? — спросилъ онъ. — Братъ Панауровой?

Онъ любилъ дочь, и когда ему въ голову приходила мысль, что она должна рано или поздно выйти замужъ и оставить его, то онъ старался не думать объ этомъ. Его пугало одиночество и почему-то казалось ему, что если онъ останется въ этомъ большомъ домѣ одинъ, то съ нимъ сдѣлается апоплексическій ударъ. Но своего недовольства онъ никогда не высказывалъ прямо.

— Чтожь, я очень радъ, — сказалъ онъ, пожимая плечами. — Отъ души тебя поздравляю. Теперь представляется тебѣ прекрасный случай разстаться со мной, къ великому твоему удовольствію. И я вполне тебя понимаю... Жить у старика-отца, человѣка большого и полуумнаго, въ твои годы должно быть очень тяжело. Я тебя прекрасно понимаю. И если бы я околѣлъ поскорѣй, и если бы меня черти взяли, то это было бы къ лучшему... и всѣ были бы рады. Я знаю, я всѣмъ мѣшаю жить и всѣхъ сдѣлалъ несчастными. И надо удивляться твоей добротѣ и твоему терпѣнію, что ты еще до сихъ поръ не ушла отъ меня. Отъ души поздравляю.

— Я ему отказала.

У доктора стало легче на душѣ, но, все-таки, онъ продолжалъ по инерціи:

— Небось не особенно-то весело жить въ одномъ домѣ съ сумасшедшимъ. Я удивляюсь, я давно удивляюсь,—продолжалъ онъ, разводя руками въ недоумѣніи,—отчего меня до сихъ поръ не посадили въ сумасшедшій домъ? Почему на мнѣ этотъ сюртукъ, а не горячешная рубаха? Я вѣрю еще въ правду, въ добро, въ человѣческія права, а развѣ въ наше время это не сумасшествіе? На мою правду, на мое честное отношеніе мнѣ всегда отвѣчали тѣмъ, что бросали въ меня камнями и ѣздили на мнѣ верхомъ. И даже у близкихъ родныхъ своихъ я никогда не встрѣчалъ сочувствія... Никакого сочувствія!

— Это невыносимо!—проговорила Юлія Сергѣевна раздраженно.—Съ вами нельзя говорить по-человѣчески!

Она порывисто встала изъ-за стола и ушла къ себѣ, въ сильномъ гнѣвѣ, вспоминая, какъ часто отецъ бывалъ къ ней несправедливъ.

— Я человѣкъ больной,—продолжалъ докторъ,—мнѣ немного осталось жить. Скоро, скоро обрадую всѣхъ васъ, освобожу отъ своего присутствія.

Онъ былъ искренно убѣжденъ, что у него малокровіе истройство нервовъ оттого, что онъ мало ѣсть и мало спитъ, между тѣмъ, ѣлъ онъ всегда очень много, каждый день за обѣдомъ и ужинамъ выпивалъ по три рюмки водки и спалъ, сколько хотѣлъ. И эти постоянныя жалобы на нездоровье возмущали Юлію Сергѣевну своею несправедливостью.

Она была вспыльчива, часто ссорилась съ отцомъ и давала себѣ клятву уйти изъ этого дома навсегда. Но характеръ у нея былъ отходчивый и она всякій разъ первая шла мириться, и теперь также; немного погодя ей уже было жаль отца, и когда онъ уходилъ въ клубъ, она проводила его внизъ и сама заперла за лѣвъ дверь. А на дворѣ была погода нехорошая, безпокойная; дверь дрожала отъ напора вѣтра и въ сѣняхъ дуло со всѣхъ сторонъ, такъ что едва не погасла свѣча. У себя наверху Юлія Сергѣевна прислушалась къ завываньямъ вѣтра и къ шуму деревьевъ, и показалось, будто кто-то ходитъ по крышѣ. Она обошла всѣ комнаты и перекрестила всѣ окна и двери, и въ кабинетѣ приласкала стараго П. ля, который стоялъ посреди комнаты и, разставивъ свои слабыя, большыя ноги и опустивъ голову, думалъ неизвѣстно о чемъ. Когда еще не было такъ скучно, никогда еще она не чувствовала себя такою одинокой.

Она спросила себя: разумно ли она поступила, что отказала отъ любви только потому, что не нравится его наружность? Правда,

выйти безъ любви, за нелюбимаго человѣка, значить—пренебречь всѣми своими мечтами и надеждами, своими понятіями о счастіи и супружеской жизни, но встрѣтитъ ли она когда-нибудь интереснаго человѣка и полюбитъ ли? А ей уже 21 годъ, и сама она не особенно красива и не богата, и легко можетъ случиться, что она навсегда останется въ этомъ домѣ, будетъ каждый день слушать своего отца, видѣть этого пуделя. Жениховъ въ городѣ нѣтъ и едва ли они скоро будутъ. Она представила себѣ всѣхъ знакомыхъ мужчинъ: чиновниковъ, педагоговъ, офицеровъ, и одни изъ нихъ были уже женаты и семейная жизнь ихъ поражала своею пустотой и скукой, другіе были неинтересны, безцвѣтны, неумны, безнравственны. Лаптевъ же, какъ бы то ни было, москвичъ, кончилъ въ университетѣ, говорить по-французски; онъ живетъ въ столицѣ, гдѣ много умныхъ, благородныхъ, замѣчательныхъ людей, гдѣ шумно день и ночь, театры, музыкальные вечера, превосходныя портнихи, кондитерскія... Въ священномъ писаніи сказано, что жена должна любить своего мужа, и въ романахъ любви придается громадное значеніе, но нѣтъ ли преувеличенія въ томъ, что любовь составляетъ необходимое условіе честной, безупречной семейной жизни? Вѣдь, говорятъ, что любовь скоро проходитъ и остается одна привычка, и что самая цѣль семейной жизни не въ личномъ счастіи, а въ обязанностяхъ, напимѣръ, къ воспитаніи дѣтей, въ заботахъ по хозяйству и проч. Да и священное писаніе, быть можетъ, имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, не романтическую любовь, а любовь къ мужу, какъ къ ближнему, уваженіе къ нему, снисхожденіе.

Все это бродило въ головѣ у Юліи Сергѣевны, и каждая новая мысль еще больше смущала ее и сбивала съ толку. Послѣ полуночи она внимательно прочла вечернія молитвы, прогоняя постороннія мысли, вздыхая, благоговѣйно покачивая головой; потомъ она стала на колѣни и, прижавъ руки къ груди, глядя на огонекъ лампадки, говорила съ чувствомъ:

— Вразуми, Заступница! Вразуми, Господи!

Ей въ своей жизни приходилось встрѣчать пожилыхъ дѣвушекъ, бѣдныхъ и ничтожныхъ, которыя горько раскаивались и выражали сожалѣніе, что когда-то отказывали своимъ женихамъ. Не случится ли и съ ней то же самое? И она просила у Бога, чтобы Онъ далъ ей силы полюбить Лаптева, или же поскорѣе устроилъ бы такъ, чтобы опредѣлилась ея судьба. Не пойти ли ей въ монастырь или въ сестры милосердія?

Она раздѣлась и легла въ постель, вкрестясь и вкрестя вокругъ

себя воздухъ. Вдругъ въ корридорѣ рѣзко и жалобно прозвучалъ звонокъ. Бто-то дернулъ такъ сильно, что слышно было даже, какъ зашуршала проволока. Юлія Сергѣевна укрывалась съ головой и въ страхѣ притаила дыханіе. Прошла минута и опять звонокъ.

— Ахъ, Боже мой! — проговорила она, чувствуя отъ этого звонка болѣзненное раздраженіе во всемъ тѣлѣ. Она лежала и все думала о томъ, какъ эта провинціальная жизнь бѣдна событіями, однообразна и, въ то же время, безпокойна. То и дѣло приходится вздрагивать, чего - нибудь опасаться, сердиться или чувствовать себя виноватой, и нервы, въ концѣ-концовъ, портятся до такой степени, что страшно бываетъ выглянуть изъ-подъ одѣяла.

Черезъ полчаса опять раздался звонокъ и такой же рѣзкій. Должно быть, прислуга спала и не слышала. Юлія Сергѣевна зажгла свѣчу и, дрожа, досадуя на прислугу, стала одѣваться. Благодаря дурному характеру доктора, кухарки и горничныя часто мѣнялись въ домѣ. Между ними попадались лѣнныя, непослушныя, дерзкія, очень глупыя и такія, которыя не могли убрать комнату безъ того, чтобы не украсть кольцо или платокъ. А года три назадъ одна горничная, рыжая, съ веснушками, когда ее расчитывали, бранилась и намекала на то, что докторъ съ нею находился въ связи. И Юлія Сергѣевна относилась къ женской прислугѣ съ брезгливымъ чувствомъ. Когда она, одѣвшись, вышла въ корридоръ, то внизу уже горничная запираала дверь.

— Думала, что баринъ, а это отъ больного пріѣзжали, — сказала она, поднимаясь по лѣстницѣ со свѣчей. Она была въ одной сорочкѣ, босая и заспанные глаза ея щурились отъ огня и все лицо морщилось. — Отъ больного, — повторила она и вздохнула.

Юлія Сергѣевна вернулась къ себѣ. Ложиться въ постель не хотѣлось. Она достала изъ коммоды колоду картъ, чтобы погадать. Она рѣшила, что если хорошо стасовать карты и потомъ снять, и если подъ низомъ будетъ красная масть, то это значитъ *да*, т. - е. надо согласиться на предложеніе Лаптева, если же черная, то — *нѣтъ*. Карта оказалась пиковою десяткой.

Утромъ она опять молилась Богу. Она сознавала, что можетъ теперь, если захочетъ, переменить свою жизнь, и боялась ошибиться въ это волновало ее. Она изнемогла, ослабѣла, но все же въ началѣ двѣнадцатаго часа одѣлась и пошла провѣдать Нину Федорову. Ей хотѣлось увидѣть Лаптева: быть можетъ, онъ интереснѣе, чѣмъ казался ей до сихъ поръ.

И трудно было идти противъ вѣтра, она едва шла, предерживая обѣими руками шляпу, и ничего не видѣла отъ пыли.

IV.

Войдя къ сестрѣ и увидѣвъ неожиданно Юлію Сергѣевну, Лаптевъ опять испыталъ унижительное состояніе человѣка, который и противенъ, и, быть можетъ, гадокъ. Онъ заключилъ, что если она такъ легко можетъ послѣ вчерашняго бывать у сестры и встрѣчаться съ нимъ, то, значитъ, она презираетъ его и считаетъ полнѣйшимъ ничтожествомъ. Но когда онъ здоровался съ ней, она, блѣдная, съ пылью подъ глазами, поглядѣла на него печально и виновато; онъ понялъ, что она тоже страдаетъ, и, сѣвши рядомъ, сталъ разговаривать, уже не чувствуя смущенія.

Ей нездоровилось. Посидѣла она очень не долго, минутъ десять, и стала прощаться. Уходя, она сказала Лаптеву:

— Проводите меня домой, Алексѣй Ѳеодорычъ.

По улицѣ шли они молча, придерживая шляпы, и онъ, идя сзади, старался заслонить ее отъ вѣтра. Въ переулкѣ было тише и тутъ оба пошли рядомъ.

— Если я вчера была неласкова, то вы простите, — начала она и голосъ ея дрогнулъ, какъ будто она собиралась заплакать. — Это такое мученье! Я всю ночь не спала.

— А я отлично проспалъ всю ночь, — сказалъ Лаптевъ, не глядя на нее, — но это не значитъ, что мнѣ хорошо. Жизнь моя разбита, я глубоко несчастливъ, и послѣ вчерашняго вашего отказа я хожу точно отравленный. Самое тяжелое было сказано вчера, сегодня съ вами я уже не чувствую стѣсненія и могу говорить прямо. Я люблю васъ больше, чѣмъ сестру, больше, чѣмъ покойную мать... Безъ сестры и безъ матери я могъ жить и жилъ сносно, но жить безъ васъ — для меня это такая же бессмыслица, какъ если бы меня, напримѣръ, посадили въ тюрьму или сослали...

И теперь, какъ обыкновенно, онъ угадывалъ ея намѣренія. Онъ угадывалъ, что она хочетъ продолжать вчерашнее, и только для этого попросила его проводить ее и теперь вотъ ведетъ къ себѣ въ домъ. Но что она могла еще прибавить къ своему отказу? Что она придумала новаго? Полюбить его въ продолженіе этой бессонной ночи она не могла, — такихъ чудесъ не бываетъ. По всему, по взглядамъ, робкой, точно горькой улыбкѣ и даже по тому, какъ она держала голову и плечи, идя съ нимъ рядомъ, онъ видѣлъ, что она, попрежнему, не любитъ его, что онъ чужой для нея и не нравится ей совершенно. Что же она хочетъ еще сказать?

Докторъ Сергѣй Борисовичъ былъ дома. Увидѣвъ Лаптева, онъ пошелъ къ нему на встрѣчу, съ широкою дружескою улыбкой, и взялъ его фамиллярно подъ руку.

— Добро пожаловать, весьма радъ васъ видѣть, Федоръ Алексѣичъ,—сказалъ онъ, путая его имя и отчество.—Весьма радъ, весьма радъ.

Раньше онъ ни разу не былъ такъ привѣтливъ. Лаптевъ заключилъ, что о предложеніи его уже извѣстно доктору, и это ему не понравилось. Гостиная при дневномъ свѣтѣ тоже не понравилась ему; она поражала своею бѣдною, мѣщанскою обстановкой, своими плохими картинами, и хотя въ ней были и кресла, и громадная лампа съ абажуромъ, она, все-таки, походила на нежилое помѣщеніе, на просторный сарай и было очевидно, что въ этой комнатѣ могъ чувствовать себя дома только такой человѣкъ, какъ докторъ; другая комната, почти вдвое больше, называлась залой и тутъ стояли одни только стулья, какъ въ танцглассѣ. Пока Лаптевъ сидѣлъ въ гостиной и говорилъ съ докторомъ о своей больной сестрѣ, его стало мучить одно неприятное подозрѣніе. Онъ уже боялся, что все это не болѣе и не менѣе, какъ маневръ: Юлія Сергѣевна была у сестры Нины и потомъ привела его сюда для того, чтобы объявить ему, что она принимаетъ его предложеніе. Онъ представлялъ себѣ, какъ вчера вечеромъ или ночью отецъ и дочь долго совѣтовались, быть можетъ, долго спорили и согласились, наконецъ, что Юлія поступила легкомысленно, отказавши богатому человѣку. Въ его ушахъ звучали даже слова, какія въ подобныхъ случаяхъ говорятъ родителями: «Правда, ты не любишь его, но за то, подумай, сколько ты можешь сдѣлать добра!» Теперь онъ видѣлъ, какъ она то садилась, то вставала, то выходила изъ гостиной и, чтобы скрыть сильное волненіе, подносила платокъ ко рту, и ему казалось, что она еще не рѣшила окончательно и все еще борется съ собой.

Докторъ сказалъ, что ему пора къ больнымъ. Лаптевъ хотѣлъ выйти съ нимъ вмѣстѣ, но Юлія Сергѣевна замѣтила это и сказала:

— А вы оставайтесь, прошу васъ.

Она замучилась, пала духомъ и убѣждала себя теперь, что отказывать порядочному, доброму, любящему человѣку только потому, что онъ не нравится, особенно когда съ этимъ замужествомъ представляется возможность кореннымъ образомъ измѣнить свою жизнь, свою невеселую, монотонную, праздную жизнь, когда молодъ уходитъ и не предвидится въ будущемъ ничего болѣе свѣтлаго—отказывать при такихъ обстоятельствахъ—это безуміе это какъ и прихоть, и за это можетъ даже наказать Богъ.

Отецъ вышелъ изъ гостиной. Когда шаги его затихли, она гь остановилась передъ Лаптевыми и сказала рѣшительно, и этомъ страшно поблѣднѣла:

— Я вчера долго думала, Алексѣй Ѳедорычъ... Я принимаю ваше предложеніе.

Въ сильномъ смущеніи онъ нагнулся и поцѣловалъ ей руку, она неловко поцѣловала его холодными губами въ голову. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ любовномъ объясненіи нѣтъ главнаго — ея любви, и есть много лишняго, есть расчетъ, пошлая, обывательская психологія, и ему хотѣлось затопать ногами, закричать, убѣждать, тотчасъ же уѣхать въ Москву, но она стояла близко, казалась ему такою прекрасной, страсть овладѣла имъ, онъ сообразилъ, что само приличіе теперь требуетъ, чтобъ онъ приласкалъ ее, что разсуждать уже поздно, обнялъ ее страстно, прижалъ къ груди и, бормоча какія-то слова, называя ее *ты*, поцѣловалъ ее въ шею, потомъ въ щеку, въ голову...

Она отошла къ окну, боясь этихъ ласкъ, и уже оба сожалѣли, что объяснились, и въ смущеніи спрашивали себя: «Зачѣмъ это произошло?»

— Если бы вы знали, какъ я несчастна! — проговорила она, сжимая руки.

— Что, что? — спросилъ онъ, подходя къ ней и тоже сжимая руки. — Дорогая моя, ради Бога, говорите — что? Но только правду, умоляю васъ, только одну правду!

— Не обращайтесь вниманія, — сказала она и насильно улыбнулась. — Я, обѣщаю вамъ, буду вѣрною, преданною женой... Приходите сегодня вечеромъ.

Сидя потомъ у сестры и читая историческій романъ, онъ вспоминалъ то, что произошло, и ему было обидно, что на его великодушное, чистое, широкое чувство отвѣтили такъ мелко; его не любили, но предложеніе его приняли только потому, что онъ богатъ, то-есть предпочли въ немъ то, что самъ онъ цѣнилъ въ себѣ меньше всего. Пожалуй, можно допустить, что Юлія, дѣвушка чистая и вѣрующая въ Бога, ни разу прямо не подумала о деньгахъ и о роскошной жизни, но, вѣдь, она не любила его, значить, руководилъ ею только расчетъ, хотя, быть можетъ, и не вполне осмысленный, но все же расчетъ. Какъ иногда бываетъ жаль прошедшей молодости, такъ и ему теперь было жаль своей восторженной, поэтической, первой и, вѣроятно, единственной любви, которая нашла себѣ мѣсто въ такомъ обыкновенномъ, банальномъ романѣ. Домъ доктора былъ ему противенъ своею мѣщанскою обстановкой, самъ докторъ представлялся жалкимъ, жирнымъ скривою, какимъ-то опереточнымъ Гаспаромъ изъ *Корневильскихъ колоколовъ*, само имя Юлія звучало уже вульгарно. Онъ воображалъ, какъ онъ и ея

Юлія пойдуть подъ вѣнецъ, въ сущности, совершенно не зная другъ друга, безъ капли чувства съ ея стороны, точно ихъ сваха сосватала, и для себя теперь онъ могъ придумать только одно утѣшеніе, такое же пошлое, какъ и самый этотъ бракъ, что онъ не первый и не послѣдній, что такъ женятся и выходятъ замужъ тысячи людей и что Юлія съ теченіемъ времени, быть можетъ, покороче узнаетъ его и полюбитъ. Онъ не обвинялъ ни Юлію, ни себя, но ему было обидно на судьбу, на жизнь, которая складывалась такъ, а не иначе.

— Ромео и Юлія! — сказалъ онъ, закрывая книгу, и засѣлся. — Я, Нина, Ромео. Можешь меня поздравить, я сегодня сдѣлалъ предложеніе Юліи Бѣлавиной.

Нина Федоровна сначала думала, что онъ шутитъ, но потомъ повѣрила и заплакала. Эта новость ей не понравилась.

— Что-жь, поздравляю, — сказала она со вздохомъ. — Но почему же это такъ вдругъ?

— Нѣтъ, это не вдругъ. Эта исторія тянется съ марта, только ты ничего не замѣчаешь... Я влюбился еще въ мартъ, когда познакомился съ ней вотъ тутъ, въ твоей комнатѣ.

— А я думала, что ты женишься на какой-нибудь нашей московской, — проговорила Нина Федоровна, помолчавъ. — Дѣвушки изъ нашего круга какъ будто посолиднѣе и попроще, чѣмъ эти дворяночки. Но, главное, Алеша, чтобы ты былъ счастливъ, это самое главное. Мой Григорій Николаевичъ не любилъ меня и женился на мнѣ изъ-за денегъ, и скрыть нельзя, ты видишь, какъ мы живемъ. Конечно, каждая женщина можетъ полюбить тебя за доброту и за умъ, но, вѣдь, Юличка институтка и дворянка, ей мало ума и доброты. Она молода, а ты самъ, Алеша, уже не молодъ и не красивъ.

Чтобы смягчить послѣднюю фразу, она погладила его по щекѣ и сказала:

— Ты не красивъ, но ты славненькій.

Она разволновалась, такъ что даже на щекахъ у нея выступилъ легкій румянецъ, и съ увлеченіемъ заговорила о томъ, что будетъ очень прилично, если она благословитъ Алешу образомъ, вѣдь, она старшая сестра и замѣняетъ ему мать, и что надо сыграть свадьбу какъ слѣдуетъ, торжественно и весело, чтобы не осудили люди. Она ушла изъ зала, какъ это бѣдная Юлія обойдется теперь безъ матери; но, вѣдь, позаботиться о приданомъ, чтобы все вышло прилично, а, вѣдь, то чудище, — такъ она назвала доктора, — ничего не понимаетъ.

Вечеру погода утихла, стало хорошо, и Лаптевъ пошелъ съ

Юлией въ городской садъ. Гуляя съ нею подъ руку, онъ разсказывалъ ей про свое дѣтство, про университетъ, вообще про московскую жизнь, — она слушала съ большимъ вниманіемъ. Въ темной аллеѣ онъ не удержался, страстно обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы, и она поцѣловала его въ щеку. Этотъ поцѣлуй въ щеку и ея серьезное вниманіе онъ промѣнялъ бы за одну ея улыбку; его стѣсняло то, что она уже готовится къ роли «вѣрной и преданной» жены, — скорѣе супруги, чѣмъ жены, — и, даже обнимая ее и испытывая восторгъ, онъ не могъ забыть, что она его не любитъ.

Затѣмъ онъ сталъ ходить къ Бѣлавинымъ, какъ женихъ, раза по три, по четыре въ день, и уже некогда ему было смѣнять Сашу и читать историческій романъ. Юлія принимала его въ своихъ двухъ комнатахъ, вдали отъ гостиной и отцовскаго кабинета, и онъ ему очень нравились; въ нихъ когда-то жила ея мать, и это почему-то чувствовалось, особенно въ вечернія сумерки, когда еще не зажигали огня. Въ нихъ преобладали темные цвѣта и пахло то очень хорошими духами, то лампаднымъ масломъ. Было много иконъ въ ризахъ. Изъ того, что она живетъ въ самыхъ дальнихъ комнатахъ, что кровать и туалетъ ея скрыты за ширмами и дверцы въ книжномъ шкафѣ задернуты изнутри зеленою занавѣсочкой и что на полахъ ковры, такъ что совсѣмъ не бываетъ слышно ея шаговъ, — изъ всего этого онъ заключилъ, что она прячется, то-есть живетъ своею собственною внутреннею замкнутою жизнью. Скоро онъ убѣдился, что у нея нѣтъ собственныхъ денегъ, и часто во время прогулокъ она признавалась, что у нея нѣтъ ни копѣйки. На наряды и книги выдавалъ ей отецъ, но всякій разъ понемножку, такъ что тратила она на себя не больше ста рублей въ годъ. Несмотря на хорошую практику, дѣла у доктора были очень плохи. Каждый вечеръ онъ игралъ въ клубѣ въ карты и всегда проигрывалъ. Кромѣ того, была у него еще слабость къ выгоднымъ покупкамъ. Въ послѣднее время онъ покупалъ дома въ обществѣ взаимнаго кредита съ переводомъ долга и отдавалъ ихъ въ наймы; жильцы платили ему очень неисправно, и, случалось, нечѣмъ было процентовъ платить, но онъ увѣрялъ, что эти операціи съ домами очень выгодны. Свой домъ, въ которомъ онъ жилъ съ дочерью, онъ заложилъ и на эти деньги купилъ пустошь, чтобы построить на ней большой двухъэтажный домъ и заложить его.

Лаптевъ жилъ теперь какъ въ туманѣ, точно это не онъ былъ, а его двойникъ, машинально и почти безсознательно дѣлалъ многое такое, чего бы онъ не рѣшился сдѣлать въ нормальномъ, бод-

рошъ состояніи. Такъ, онъ раза три ходилъ съ докторомъ въ клубъ, ужиналъ съ нимъ и самъ предложилъ ему денегъ на постройку.

Между прочимъ, онъ даже побывалъ у Панаурова на его дру-гой квартирѣ. Какъ-то гуляя съ нимъ и находясь въ отлич-номъ расположеніи духа, Панауровъ пригласилъ его къ себѣ обѣ-дать, и Лаптевъ, не подумавъ, согласился и, только уже входя въ домъ, догадался, что приглашеніе это было сдѣлано изъ вѣжливос-ти, отъ избытка чувствъ. Его встрѣтила дама лѣтъ 35, высокая и худощавая, съ легкою просѣдью и съ черными бровями. На ея не русскомъ, не свѣжемъ лицѣ лежали бѣлыя пятна отъ пудры, улыбнулась она приторно и пожала руку крѣпко, порывисто, такъ что зазвенѣли на бѣлыхъ рукахъ браслеты, и все это не понрави-лось Лаптеву. Ему казалось, что она улыбается такъ потому, что смущена и хочетъ скрыть отъ другихъ и отъ самой себя свою преждевременную старость и то, что она несчастна. Увидѣлъ онъ и двухъ дѣвочекъ, пяти и трехъ лѣтъ, похожихъ на Сашу. За обѣ-домъ подавали молочный супъ, холодную телятину съ морковью и шоколадъ—это было слащаво и невкусно, но за то столъ былъ уб-ранъ изысканно; на немъ блестѣли золотыя вилочки, флаконы съ соей и кайенскимъ перцемъ, необыкновенно вычурный судокъ, зо-лотая перечница; Лаптевъ мялъ въ рукѣ кружевную салфеточку и думалъ, что если бы простоватая Нина Федоровна догадалась ус-троить для Панаурова такую обстановку, то, быть можетъ, онъ не разошелся бы съ ней.

Только поѣвши молочнаго супу, Лаптевъ сообразилъ, какъ, въ сущности, безтактно поступилъ онъ, придя сюда обѣдать. Дама была смущена, все время приторно улыбалась, показывая зубы, и Лаптева томила мысль, что ей извѣстно все: и то, что его не лю-бить, и то, что выходятъ за него только потому, что онъ богатъ. Панауровъ тоже былъ смущенъ и, покачивая головой, объяснялъ научно, что такое влюбленность и отъ чего она происходитъ.

— Мы тутъ имѣемъ дѣло съ однимъ изъ явленій электриче-ства, — говорилъ онъ по-французски, обращаясь къ дамѣ. — Въ кожѣ каждаго человѣка заложены микроскопическія железки, кото-рыя содержатъ въ себѣ токи. Если вы встрѣчаетесь съ особою, токи ко-ей параллельны вашимъ, то вотъ вамъ и любовь.

Да Лаптевъ вернулся домой и сестра спросила, гдѣ онъ былъ, емъ было неловко и онъ ничего не отвѣтилъ.

Время до свадьбы онъ чувствовалъ себя въ ложномъ поло-же нн. Любовь его съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе и Ю- переставала казаться поэтической и возвышенной, но,

вѣдь, какъ бы то ни было, сущность была та, что онъ покупалъ, а она продавалась. Иногда, раздумавшись, онъ приходилъ просто въ отчаяніе и спрашивалъ себя: не бѣжать ли? Но, казалось, легче и приличнѣе было пустить себѣ пулю въ лобъ, чѣмъ бѣжать, бѣжать глупо и смѣшно, какъ гоголевскій Подколесинъ. Чѣмъ ближе къ свадьбѣ, тѣмъ хуже становились нервы. Онъ уже не спалъ по цѣлымъ ночамъ и все думалъ о томъ, какъ онъ послѣ свадьбы встрѣтится съ госпожей, которую въ своихъ письмахъ къ московскимъ друзьямъ называлъ «особой», и какъ его отецъ и братъ, люди тяжелые, отнесутся къ его женитьбѣ и къ Юліи. Онъ боялся, что отецъ при первой же встрѣчѣ скажетъ Юліи какую-нибудь грубость. А съ братомъ Федоромъ въ послѣднее время происходило что-то странное. Онъ въ своихъ длинныхъ письмахъ, томительно скучныхъ, резонерскимъ слогомъ писалъ о важности здоровья, о вліяніи болѣзней на психическое состояніе, о томъ, что такое религія, но ни слова о Москвѣ и о дѣлахъ. Письма эти раздражали Лаптева и ему казалось, что характеръ брата мѣняется къ худшему.

Свадьба была въ сентябрѣ. Вѣнчаніе происходило въ церкви Петра и Павла, послѣ обѣдни, и въ тотъ же день молодые уѣхали въ Москву. Когда Лаптевъ и его жена, изящная, въ черномъ платьѣ со шлейфомъ, уже по виду не дѣвушка, а настоящая дама, передъ отъѣздомъ прощались съ Ниной Федоровной, все лицо у больной судорожно покривилось отъ плача, но изъ сухихъ глазъ не вытекло ни одной слезы. Она сказала:

— Если, не дай Богъ, умру, возьмите къ себѣ моихъ дѣвочекъ.

— О, обещаю вамъ! — отвѣтила Юлія Сергѣевна, и у нея тоже стали нервно подергиваться губы и вѣки.

— Я приѣду къ тебѣ въ октябрѣ, — сказалъ Лаптевъ, растроганный. — Выздоровливай, моя дорогая.

Они ѣхали въ отдѣльномъ купе. Обоимъ было грустно и неловко. Она сидѣла въ углу, не снимая шляпы, и дѣлала видъ, что дремлетъ, а онъ лежалъ противъ нея на диванѣ и его безпокоили разныя мысли: объ отцѣ, объ «особѣ», о томъ, понравится ли Юліи его московская квартира. И, поглядывая на жену, которая не любила его, онъ думалъ уныло: «Зачѣмъ это произошло?»

Когда же, на другой день утромъ, они приѣхали въ Москву и услышали крикъ извозчиковъ, то настроеніе ихъ измѣнилось. Шелъ дождь, и было холодно, но Москва, все-таки, произвела отличное впечатлѣніе, и оба почувствовали себя на свободѣ и стали смѣяться.

У.

Лаптевы въ Москвѣ вели оптовую торговлю галантерейнымъ товаромъ: бахромой, тесьмой, аграмантомъ, вязальной бумагой, пуговицами и проч. Валовая выручка достигала двухъ миллионъ въ годъ; каковъ же былъ чистый доходъ, никто не зналъ, кромѣ старика. Сыновья и прикащики опредѣляли этотъ доходъ приблизительно въ триста тысячъ и говорили, что онъ былъ бы тысячъ на сто больше, если бы старикъ «не раскидывался». Несмотря на крутой, тяжелый характеръ, старикъ былъ щедръ и отпускалъ въ кредитъ безъ разбору и въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ становился все безпорядочнѣе, такъ что за послѣднія десять лѣтъ однихъ безнадежныхъ векселей набралось на громадную сумму, почти на миллионъ, и старшій прикащикъ, когда заходила рѣчь объ этомъ, хитро подмигивалъ глазомъ и говорилъ слова, значеніе которыхъ было не для всѣхъ ясно:

— Психологическое послѣдствіе вѣна.

Главные торговые операціи производились въ городскихъ рядахъ, въ помѣщеніи, которое называлось амбаромъ. Входъ въ амбаръ былъ со двора, гдѣ всегда было сумрачно, пахло рогожами и стучали копытами по асфальту ломовыя лошади. Дверь, очень скромная на видъ, обитая желѣзомъ, вела со двора въ комнату съ побурѣвшими отъ сырости, исписанными углемъ стѣнами и освѣщенную узкимъ окномъ съ желѣзною рѣшеткой, затѣмъ налѣво была другая комната, побольше и почище, съ чугунною печью и двумя столами, но тоже съ осторожнымъ окномъ: это — контора, и ужъ отсюда узкая каменная лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ находилось главное помѣщеніе. Это была довольно большая комната, но, благодаря постояннымъ сумеркамъ, низкому потолку и тѣсотѣ отъ ящиковъ, тюковъ и спующихъ людей, она производила на свѣжаго человѣка такое же невзрачное впечатлѣніе, какъ обѣ нижнія. Наверху и также въ конторѣ на полкахъ лежалъ товаръ въ кипахъ, пачкахъ и бумажныхъ коробкахъ, въ расположеніи его не было видно ни порядка, ни красоты, и если бы тамъ и сямъ изъ бумажныхъ свертковъ свозъ дыры не выглядывали то пунцовыя и т. д., то кисть, то конецъ бахромы, то сразу нельзя было бы догадаться, чѣмъ здѣсь торгуютъ. И при взглядѣ на эти помятые бумажные свертки и коробки не вѣрилось, что на такихъ пустякахъ вытѣкаютъ миллионы и что тутъ въ амбарѣ каждый день бываютъ зачеты дѣломъ пятьдесятъ человѣкъ, не считая покупателей.

Когда на другой день по пріѣздѣ въ Москву, въ полдень, Лап-

тевь пришелъ въ амбаръ, то артельщики, запаковывая товаръ, стучали по ящикамъ такъ громко, что въ первой комнатѣ и въ конторѣ никто не слышалъ, какъ онъ вошелъ; по лѣстницѣ внизъ спустился знакомый почтальонъ съ пачкой писемъ въ рукѣ и морщился отъ стука, и тоже не замѣтилъ его. Первый, кто встрѣтилъ его наверху, былъ братъ Федоръ Федоровичъ, похожій на него до такой степени, что ихъ считали близнецами. Это сходство беспокоило Лаптева; оно постоянно напоминало ему объ его собственной наружности и теперь, видя передъ собой человѣка небольшого роста, съ румянцемъ, съ начинающею уже плѣшивѣть головой, съ худыми, непородистыми бедрами, неинтереснаго и неинтеллигентнаго, онъ спросилъ себя: «Неужели я такой?»

— Какъ я радъ тебѣ видѣть! — сказалъ Федоръ, цѣлуясь съ братомъ и крѣпко пожимая ему руку. — Я съ нетерпѣнiемъ ожидалъ тебя каждый день, милый мой. Какъ ты написалъ, что ты женишься, меня стало мучить любопытство, да и соскучился, братъ. Самъ посуди, полгода не видались. Ну, что? Какъ? Плоха Нина? Очень?

— Очень плоха.

— Божья воля, — вздохнулъ Федоръ. — Ну, а жена твоя? Небось, красавица? Я ее уже люблю, вѣдь, она приходится мнѣ сестреночкой. Будемъ ее вмѣстѣ баловать.

Показалась давно знакомая Лаптеву широкая, сутулая спина его отца Федора Степановича. Старикъ сидѣлъ возлѣ прилавка на табуретѣ и разговаривалъ съ покупателемъ.

— Папаша, Богъ радость послалъ! — крикнулъ Федоръ. — Братъ прѣхалъ!

Федоръ Степановичъ былъ высокаго роста и чрезвычайно крѣпкаго сложенiя, съ широкою, какъ у акробата, грудью и съ большими руками, такъ что, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ, морщины и сутулую спину, все еще имѣлъ видъ здороваго, сильнаго человѣка. Говорилъ онъ тяжелымъ, густымъ, гудящимъ басомъ, который выходилъ изъ его груди, какъ изъ бочки. Онъ брилъ бороду, носилъ солдатскiе подстриженные усы и курилъ сигары. Такъ какъ ему всегда казалось жарко, то въ амбарѣ и дома во всякое время года онъ ходилъ въ просторномъ парусиновомъ пиджакѣ. Ему недавно снимали катаракту, онъ плохо видѣлъ и уже не занимался дѣломъ, а только разговаривалъ и пилъ чай съ вареньемъ.

Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ его въ руку, потомъ въ губы.

— Давненько не видались, милостивый государь, — сказалъ старикъ. — Давненько. Что-жь, прикажешь съ законнымъ бракомъ поздравить? Ну, изволь, поздравляю.

И онъ подставлялъ губы для поцѣлуя. Лаптевъ нагнулся и поцѣловалъ.

— Что-жь, и барышню свою привезъ? — спросилъ старикъ и, не дожидаясь отвѣта, сказалъ, обращаясь къ покупателю: — Симъ извѣщаю васъ, папаша, вступаю я въ бракъ съ дѣвицей такой-то. Да. А того, чтобъ у папаша попросить благословенія и совѣта, нѣту въ правилахъ. Теперь они своимъ умомъ. Когда я женился, мнѣ больше сорока было, а я въ ногахъ у отца валялся и совѣта просилъ. Нынче уже этого нѣту.

Старикъ обрадовался сыну, но считалъ неприличнымъ приласкать его и какъ-нибудь обнаружить свою радость. Его голосъ, манера говорить и небрежное слово «барышня» навѣяли на Лаптева то дурное настроеніе, какое онъ испытывалъ всякій разъ въ амбарѣ. Тутъ каждая мелочь напоминала ему о прошломъ, когда его съели и держали на постной пищѣ; онъ зналъ, что и теперь мальчиковъ съкутъ и до крови разбиваютъ имъ носы и что, когда эти мальчики выростутъ, то сами тоже будутъ бить. И достаточно ему было пробыть въ амбарѣ минутъ пять и прислушаться къ голосу отца, чтобы стало казаться ему, что его тоже обругаютъ или ударятъ по носу.

Чтобы пережѣнить непріятный разговоръ, Федоръ похлопалъ покупателя по плечу и сказалъ:

— Вотъ, Алеша, рекомендую, нашъ тамбовскій кормилецъ Григорій Тимоенчъ. Можетъ служить примѣромъ для современной молодежи: уже шестой десятокъ пошелъ, а онъ грудныхъ дѣтей имѣетъ.

Прикащики засмѣялись, и покупатель, тощій, слабогрудый старикъ съ блѣднымъ лицомъ, тоже засмѣялся.

— Природа сверхъ обыкновеннаго дѣйствія, — замѣтилъ старшій прикащикъ, стоявшій тутъ же за прилавкомъ. — Куда вошло, оттуда и выйдетъ.

Старшій прикащикъ, высокій, худощавый мужчина лѣтъ 50, съ темною бородой, въ очкахъ и съ карандашомъ за ухомъ, обыкновенно выражалъ свои мысли неясно, отдаленными намеками, и по его хитрой улыбкѣ видно было при этомъ, что своимъ словамъ онъ придавалъ какой-то особенный, тонкій смыслъ. Свою рѣчь онъ люлъ затемнять книжными словами, которыя онъ понималъ по своему, да и многія обыкновенныя, общепотребительныя слова часто употреблялъ онъ не въ томъ значеніи, какое они имѣютъ. Напримеръ, слово «кромѣ». Когда онъ выражалъ категорически какую-нибудь мысль и не хотѣлъ, чтобъ ему противорѣчили, то протрагивалъ впередъ правую руку и произносилъ:

— Бромъ!

И удивительнѣе всего было то, что его отлично понимали остальные прикащики и покупатели. Звали его Иванъ Васильевичъ Початкинъ, и родомъ онъ былъ изъ Каширы. Теперь, поздравляя Лаптева, онъ выразился такъ:

— Съ вашей стороны заслуга храбрости, такъ какъ женское сердце есть Шамиль.

Другимъ важнымъ лицомъ въ амбарѣ былъ прикащикъ Макѣичевъ, полный, солидный блондинъ съ лысиной во все темя и съ бакенами. Онъ подошелъ къ Лаптеву и поздравилъ его почтительно, въ полголоса:

— Честь имѣю-съ... Господь услышалъ молитвы вашего родителя-съ. Слава Богу-съ.

Затѣмъ стали подходить другіе прикащики и поздравлять съ законнымъ бракомъ. Всѣ они были одѣты по модѣ и имѣли видъ вполне порядочныхъ, воспитанныхъ людей. Говорили они на *о*, *э* произносили какъ латинское *g*; оттого, что почти черезъ каждыя два слова они употребляли *съ*, ихъ поздравленія, произносимыя скороговоркой, производили на слухъ какое-то странное впечатлѣніе; на примѣръ, фраза. «желаю вамъ-съ всего хорошаго-съ» слышалась такъ, будто кто хлыстомъ билъ по воздуху—«жвысссъ».

Лаптеву все это скоро наскучило и захотѣлось домой, но уйти было неловко. Изъ приличія нужно было пробыть въ амбарѣ, по крайней мѣрѣ, два часа. Онъ отошелъ въ сторону отъ прилавка и сталъ разспрашивать Макѣичева, благополучно ли прошло лѣто и нѣтъ ли чего новаго, и тотъ отвѣчалъ почтительно, не глядя ему въ глаза. Мальчикъ, стриженный, въ сѣрой блузѣ, подалъ Лаптеву стаканъ чаю безъ блюдечка; немного погодя другой мальчикъ, проходя мимо, спотыкнулся о ящикъ и едва не упалъ, и солидный Макѣичевъ вдругъ сдѣлалъ страшное, злое лицо, лицо изверга, и крикнулъ на него:

— Ходи ногами!

Прикащики были рады, что молодой хозяинъ женился и, наконецъ, пріѣхалъ; они поглядывали на него съ любопытствомъ и привѣтливо, и каждый, проходя мимо, считалъ долгомъ сказать ему почтительно что-нибудь пріятное. Но Лаптевъ былъ убѣжденъ, что все это неискренно и что ему льстятъ потому, что боятся его и что отъ него зависитъ ихъ кусокъ хлѣба. Онъ никакъ не могъ забыть, какъ лѣтъ пятнадцать назадъ одинъ прикащикъ, заболѣвшій психически, выбѣжалъ на улицу въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босой и, грозя на хозяйскія окна кулакомъ, кричалъ, что его замучили;

и надъ бѣднѣйшей, когда онъ потомъ выздоровѣлъ, долго смѣялись и припоминали ему, какъ онъ кричалъ на хозяевъ: «плантаторы!» — вмѣсто «эксплуататоры». Вообще служащимъ жилось у Лаптевыхъ очень плохо и объ этомъ давно уже говорили всѣ рады. Хуже всего было то, что по отношенію къ нимъ старикъ Федоръ Степановичъ держался какой-то азіатской политики. Тагъ, никому не было извѣстно, сколько жалованья получали его любимцы Початкинъ и Магѣичевъ; получали они не больше, какъ по три тысячи въ годъ мѣстѣ съ наградными, онъ же дѣлалъ видъ, что платитъ имъ по сени; наградныя выдавались каждый годъ всѣмъ прикащикамъ, но тайно, такъ что получившій мало долженъ былъ изъ самолюбія говорить, что получалъ много; ни одинъ мальчикъ не зналъ, когда его произведутъ въ прикащики; ни одинъ служащій не зналъ, дозволено имъ хозяинъ или нѣтъ. Ничто не запрещалось прикащикамъ прямо, и потому они не знали, что дозволяется и что — нѣтъ. Имъ не запрещалось жениться, но они не женились, боясь не утопить свою женитьбой хозяйну и потерять мѣсто. Имъ позволялось имѣть знакомыхъ и бывать въ гостяхъ, но въ девять часовъ вечера уже запирались ворота и каждое утро хозяинъ подозрительно оглядывалъ всѣхъ служащихъ и говорилъ то одному, то другому: «А ну-ка дыхни!» — и если отъ кого пахло алкоголемъ, то ему читалось длинное наставленіе.

Каждый праздникъ служащіе обязаны были ходить къ ранней обѣдѣ и становиться въ церкви такъ, чтобы ихъ всѣхъ видѣлъ хозяинъ. Посты строго соблюдались. Въ торжественные дни, напримеръ, въ именины хозяина или членовъ его семьи, прикащики должны были по подпискѣ подносить сладкій пирогъ отъ Флея или альбомъ. Жили они въ нижнемъ этажѣ дома на Пятницкой и во флигелѣ, помѣщаясь по трое и четверо въ одной комнатѣ, и за обѣдѣ ѣли изъ общей миски, хотя передъ каждымъ изъ нихъ стояла тарелка. Если кто изъ хозяевъ входилъ къ нимъ во время обѣда, то всѣ они вставали.

Лаптевъ сознавалъ, что они должны были видѣть въ немъ своего врага и развѣ одни только испорченные стариковскимъ воспитаніемъ серьезно могли считать его благодѣтелемъ. Теперь послѣ полугодового отсутствія онъ не видѣлъ перемѣнъ къ лучшему; и былъ даже еще что-то новое, не предвѣщавшее ничего хорошаго. Братъ Федоръ, бывшій раньше тихимъ, вдумчивымъ и чрезвычайно деликатнымъ, теперь съ видомъ очень занятого и дѣловитого человека, въ карандашомъ за ухомъ, бѣгалъ по амбару, фамильярно похлопывалъ покупателей по плечу и кричалъ на прикащиковъ:

«Друзья!» Повидимому, онъ игралъ какую-то роль, и Алексѣй въ этой новой роли не узнавалъ его.

Голось старика гудѣлъ непрерывно. Отъ нечего дѣлать, старикъ наставлялъ покупателя, какъ надо жить и какъ вести свои дѣла, и при этомъ все ставилъ въ примѣръ самого себя. Это хвастовство, этотъ авторитетный подавляющій тонъ Лаптевъ слышалъ и 10, и 15, и 20 лѣтъ назадъ. Старикъ обожалъ себя; изъ его словъ всегда выходило такъ, что свою покойную жену и ея родню онъ осчастливилъ, дѣтей наградилъ, прикащиковъ и служащихъ облагодѣтельствовалъ и всю улицу и всѣхъ знакомыхъ заставилъ за себя вѣчно Бога молить; что онъ ни дѣлалъ, все это было очень хорошо, а если у людей плохо идутъ дѣла, то потому только, что они не хотятъ посовѣтоваться съ нимъ; безъ его совѣта не можетъ удасться никакое дѣло. Въ церкви онъ всегда становился впереди всѣхъ и даже дѣлалъ замѣчанія священникамъ, когда они, по его мнѣнiю, не такъ служили, и думалъ, что это угодно Богу, такъ какъ Богъ его любитъ.

Въ двумъ часамъ въ амбарѣ всё уже были заняты дѣломъ, кромѣ старика, который продолжалъ гудѣть. Лаптевъ, чтобы не стоять безъ дѣла, принялъ у одной мастерицы аграмантъ и отпустилъ ее, потомъ встрѣтилъ покупателя, вологодскаго купца, выслушалъ его и приказалъ прикащику заняться.

— Твердо, вѣди, азъ! — слышалось со всѣхъ сторонъ (букваши въ амбарѣ означались цѣны и номера товаровъ). — Рцы, иже, твердо!

Уходя, Лаптевъ простился съ однимъ только Федоромъ.

— Я завтра приѣду съ женой на Пятницкую, — сказалъ онъ, — но, предупреждаю, если отецъ скажетъ ей хоть одно грубое слово, то я разорву съ нимъ окончательно.

— А ты все такой же, — вздохнулъ Федоръ. — Женился, но не переѣнился. Надо, братъ, снисходить къ старику. И такъ, значить, завтра часамъ къ одиннадцати. Будемъ съ нетерпѣнiемъ ждать. Такъ приѣзжай прямо съ обѣдни.

— Я въ обѣднѣ не бываю.

— Ну, это все равно. Главное, чтобы не позже одиннадцати, чтобы успѣть и Богу помолиться, и позавтракать вмѣстѣ. Кланяйся сестреночкѣ и поцѣлуй ручку. У меня предчувствiе, что я ее полюблю, — добавилъ Федоръ вполне искренно. — Завидую, братъ! — крикнулъ онъ, когда уже Алексѣй спускался внизъ.

«И почему это онъ все жметъ какъ - то застѣнчиво, будто жется ему, что онъ голый?» — думалъ Лаптевъ, идя по Никольской и

стараясь понять пережѣну, какая произошла съ Федоромъ. — И языкъ какой-то новый у него: братъ, милый братъ, Богъ милости прислалъ, Богу помолимся, — точно щедринскій Іудушка».

VI.

На другой день, въ воскресенье, въ 11 часовъ, онъ уже ѣхалъ съ женой по Пятницкой, въ легкой коляскѣ, на одной лошади. Онъ боялся со стороны Федора Степановича какой-нибудь выходки и уже заранѣе ему было стыдно за своего неинтеллигентнаго отца, и онъ всю дорогу молчалъ. Юлія же Сергѣевна ѣхала съ удовольствіемъ. Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ домѣ мужа, она уже считала свое замужство грубою ошибкой, непоправимымъ несчастіемъ и была увѣрена, что если бы ей пришлось жить съ мужемъ не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, то она не перенесла бы этого ужаса. Въ Москвѣ она могла непрерывно развлекаться, молиться, читать и не думать о себѣ самой; московскія улицы, дома и церкви нравились ей очень, и теперь ей казалось, что если бы можно было ѣздить цѣлый день по Москвѣ и при очень быстрой ѣздѣ дышать прохладнымъ осеннимъ воздухомъ, то она чувствовала бы себя даже счастливой.

Около бѣлаго, недавно вновь оштукатуреннаго двухъэтажнаго дома кучеръ сдержалъ лошадь и сталъ поворачивать вправо. Тутъ уже ждали. Около воротъ стояли дворникъ, въ новомъ кафтанѣ, въ высокихъ сапогахъ и калошахъ, и двое городскихъ; все пространство съ середины улицы до воротъ и потомъ по двору до крыльца было посыпано свѣжимъ пескомъ. Дворникъ снялъ шапку, городские сдѣлали подъ козырекъ. Около крыльца встрѣтилъ Федоръ съ очень серьезнымъ лицомъ, красный и съ университетскимъ значкомъ на лацканѣ.

— Очень радъ познакомиться, сестреночка, — сказалъ онъ, цѣлуя Юлію руку. — Добро пожаловать.

Онъ повелъ ее подъ руку вверхъ по лѣстницѣ, потомъ по корридору сквозь толпу какихъ-то мужчинъ и женщинъ. Въ передней тоже было тѣсно, пахло ладономъ.

— Я представляю васъ сейчасъ нашему батюшкѣ, — прошепталъ Федоръ среди гробовой торжественной тишины. — Почтенный ричокъ, pater familias.

Въ большой залѣ около стола, приготовленнаго для молебна, или, очевидно, въ ожиданіи, Федоръ Степановичъ, священникъ камилавкѣ и дьяконъ. Старикъ подалъ Юлію руку и не сказалъ слова. Всѣ молчали. Юлія сконфузилась.

Священникъ и дьяконъ начали облачаться. Принесли кадило, изъ котораго сыпались искры и шель запахъ ладона и угля. Зажгли свѣчи. Прикащики вошли въ залу на цыпочкахъ и стали у стѣны въ два ряда. Было тихо, даже никто не кашлянулъ.

— Благослови, владыко, — началъ дьяконъ низкимъ, густымъ басомъ.

Молебенъ служили торжественно, ничего не пропуская, и читали два акаѳиста: Иисусу Сладчайшему и Пресвятой Богородицѣ. Пѣвчіе пѣли только потное, очень долго. Лаптевъ замѣтилъ, какъ давеча сконфузилась его жена, и теперь, пока читались акаѳисты и пѣвчіе на разные лады выводили тройное «Господи помилуй», онъ съ душевнымъ напряженіемъ ожидалъ, что вотъ-вотъ старикъ оглянется и сдѣлаетъ какое-нибудь замѣчаніе вроде «вы не умѣете креститься», и ему было досадно на Ѳедора, который неизвѣстно для чего собралъ такую толпу и затѣялъ всю эту церемонію съ попами и пѣвчими. Это было слишкомъ по-купечески, а ему хотѣлось, чтобы жена на первыхъ порахъ видѣла въ немъ и въ братѣ не купцовъ, а университетскихъ людей. Но когда онъ замѣтилъ, что она усердно молится, и когда она вмѣстѣ со старикомъ подставила голову подъ евангеліе и потомъ нѣсколько разъ опускалась на колѣни, онъ понялъ, что ей все это нравится, и успокоился и уже сердился только на то, что пѣвчіе долго тянуть.

Въ концѣ молебна, во время многолѣтія, священникъ далъ приложиться къ кресту старику и Алексѣю, но когда подошла Юлія Сергѣевна, онъ прикрылъ крестъ рукой и сдѣлалъ видъ, что желаетъ говорить. Замахали пѣвчимъ, чтобы тѣ замолчали.

— Пророкъ Самуиль, — началъ священникъ, глядя на Юлію Сергѣевну, — пришелъ въ Виллеемъ по повелѣнію Господню, и тутъ городскіе старѣйшины вопрошали его съ трепетомъ: «миръ ли входитъ твой, о прозорливче?» И рече пророкъ: «миръ, пожрети бо Господу приидохъ, освятитесь и возвеселитесь днесь со мною». Станемъ ли и мы, раба Божія Юлія, вопрошать тебя о мирѣ твоего пришествія въ домъ сей?...

Далѣе, называя торговлю Лаптева и его домъ виноградникомъ, онъ пояснилъ, что всѣ родные и служащіе съ трепетомъ ожидали прибытія супруги старшаго хозяйскаго сына, съ трепетомъ потому, что отнынѣ благополучіе и даже судьба многихъ изъ этихъ людей будетъ зависѣть отъ нея. Она, имѣя власть, можетъ принести много добра, но и много зла.

Юлія раскраснѣлась отъ волненія. Кончивъ, священникъ далъ ей приложиться ко кресту и сказалъ уже совсѣмъ другимъ тономъ:

— Теперь Федора Федорыча надо женить. Пора.

Опять запѣли пѣвчіе, народъ задвигался и стало шумно. Расгrogанный старикъ съ глазами, полными слезъ, три раза поцѣловалъ Юлію, перекрестилъ ей лицо и сказалъ:

— Это вашъ домъ. Мнѣ старику ничего не нужно.

Затѣмъ Юлія Сергѣевна видѣла все, какъ во снѣ. Прикащики поздравляли ее и говорили ей что-то, но пѣвчіе пѣли такъ громко, что ничего нельзя было слышать. Потомъ завтракали и пили шампанское. Она сидѣла рядою со старикомъ и онъ говорилъ ей о томъ, что нехорошо жить врозь, надо жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ, а раздѣлы и несогласія ведутъ къ разоренію; затѣмъ онъ, по обыкновенію, началъ хвастать:

— Я наживалъ, а дѣти только проживаютъ. Дѣти съ однимъ дѣломъ возятся, а я въ это время, гляди, ужь десять дѣлъ кончилъ и за одиннадцатое принимаюсь.

Передъ глазами у Юліи Сергѣевны все время мелькалъ Федоръ, очень похожій на мужа, но болѣе подвижной и болѣе застѣнчивый; онъ суетился возлѣ и часто цѣловалъ ей руку.

— Мы, сестреночка, люди простые, — говорилъ онъ, и при этомъ красныя пятна и потъ выступали у него на лицѣ. — Мы живемъ просто, по-русски, по-христіански, сестреночка.

Когда возвращались домой, Лаптевъ, очень довольный, что самый тяжелый уже визитъ отданъ и что, сверхъ ожиданія, не произошло ничего особеннаго, говорилъ женѣ:

— Ты удивляешься, что у крупнаго, широкоплечаго отца такіа малорослыя, слабогрудыя дѣти, какъ я и Федоръ. Да, но это такъ понятно! Отецъ женился на моей матери, когда ему было 45 лѣтъ, а ей только 17. Она боялась его, какъ звѣря, и блѣднѣла и дрожала въ его присутствіи. Нина родилась первая, родилась отъ сравнительно здоровой матери, и потому вышла крѣпче и лучше насъ; я же и Федоръ были зачаты и рождены, когда мать была уже окончательно запугана и истощена постояннымъ страхомъ. Я помню, отецъ началъ учить меня или, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще и пяти лѣтъ. Онъ сбѣгъ меня розгами, дралъ за уши, билъ по головѣ, и я тоже дрожалъ въ его присутствіи и, просясь, каждое утро думалъ, прежде всего: будутъ ли сегодня драть меня? Играть и шалить мнѣ и Федору запрещалось; мы должны были ходить къ утрени и къ ранней обѣднѣ, цѣловать покамъ и монахи въ руки, читать дома акаѳисты. Ты вотъ религіозна и все это любишь, а я боюсь религіи, и когда прохожу мимо церкви, мнѣ припадаетъ мое ненавистное дѣтство и становится жутко. Когда

мнѣ было восемь лѣтъ, меня уже взяли въ амбаръ; я работалъ, какъ простой мальчикъ, и это было нездорово, потому что меня тутъ били почти каждый день. Потомъ, когда меня отдали въ гимназію, я до обѣда учился, а отъ обѣда до вечера долженъ былъ сидѣть все въ томъ же амбарѣ, и такъ до 22 лѣтъ, пока я не познакомился въ университетѣ съ Ярцевымъ, который убѣдилъ меня уйти изъ отцовскаго дома. Этотъ Ярцевъ сдѣлалъ мнѣ много добра. Знаешь что, — сказалъ Лаптевъ и засмѣялся отъ удовольствія, — давай поѣдемъ сейчасъ съ визитомъ къ Ярцеву. Это благороднѣйшій человѣкъ! Какъ онъ будетъ тронуть!

VII.

Въ одну изъ ноябрьскихъ субботъ въ симфоническомъ дирижировалъ Антонъ Рубинштейнъ. Было очень тѣсно и жарко. Лаптевъ стоялъ за колоннами, а его жена и Костя Бочевой сидѣли далеко впереди, въ третьемъ или четвертомъ ряду. Въ самомъ началѣ антракта мимо него совершенно неожиданно прошла «особа», Полина Николаевна Разсудина. Послѣ свадьбы онъ часто съ тревогой помышлялъ о возможной встрѣчѣ съ ней. Когда она теперь взглянула на него открыто и прямо, онъ вспомнилъ, что велъ себя по отношенію къ ней по-мальчинески, такъ какъ до сихъ поръ еще не собрался объясниться съ ней или написать по-дружески хотя двѣ-три строчки, точно прятался отъ нея; ему стало стыдно, и онъ покраснѣлъ. Она крѣпко и порывисто пожала ему руку и спросила:

— Вы Ярцева видѣли?

И, не дожидаясь отвѣта, пошла дальше стремительно, широко шагая, будто кто толкалъ ее сзади.

Движенія у нея были угловатыя, рѣзкія, и была она вполне женщиной только когда сидѣла за роялю или стояла неподвижно на одномъ мѣстѣ, на улицѣ же, когда она торопливо шла на урокъ въ своемъ длинномъ пальто и шапкѣ, надѣтой до ушей, ее легко можно было принять за молодого послушника.

Она была очень худа и некрасива, съ длиннымъ носомъ, и лицо у нея всегда было утомленное, замученное и казалось, что ей стоило большихъ усилій, чтобы держать глаза открытыми и не упасть. Но она, все-таки, нравилась. У нея были прекрасные темные глаза и умное, доброе, искреннее выраженіе. Говорить съ ней было не легко, такъ какъ она не умѣла слушать и говорить покойно. Любить же ее было тяжело. Бывало, оставаясь съ Лаптевымъ, она долго хохотала, закрывъ лицо руками, и увѣряла, что

любовь для нея не составляет главнаго въ жизни, жеманилась, какъ семнадцатилѣтняя дѣвушка, и, прежде чѣмъ поцѣловаться съ ней, нужно было тушить всѣ свѣчи. Ей было уже 30 лѣтъ. Она была замужемъ за педагогомъ, но давно уже не жила съ мужемъ. Средства къ жизни добывала уроками музыки и акомпанированіемъ къ квартетахъ.

Во время девятой симфоніи она опять прошла мимо, какъ бы невзначай, но толпа мужчинъ, стоявшая густою стѣной за колоннами, не пустила ее дальше, и она остановилась. Лаптевъ увидѣлъ на ней ту же самую бархатную кофточку, въ которой она ходила на концерты въ прошломъ и третьемъ году. Перчатки у нея были новыя, вѣрѣе тоже новыя, но дешевыя. Она любила наряжаться, но не умѣла и жалѣла на это деньги.

Публика аплодировала и кричала bis.

— Вы проведете сегодня вечеръ со мной, — сказала Полина Николаевна, подходя къ Лаптеву и глядя на него сурово. — Мы отсюда поѣдемъ вмѣстѣ чай пить. Слышите? Я этого требую. Вы мнѣ много обязаны и не имѣете нравственного права отказать мнѣ въ этомъ пустякѣ.

— Хорошо, поѣдемте, — согласился Лаптевъ.

— Страшно хочу чаю. Я, вѣдь, сюда прямо съ урока.

Послѣ симфоніи начались нескончаемые вызовы. Публика вставала съ мѣстъ и выходила чрезвычайно медленно, а Лаптевъ не могъ уѣхать, не сказавшись женѣ. Надо было стоять у двери и ждать.

— Мучительно хочу чаю, — опять пожаловалась Разсудина. — Душа горить.

— Здѣсь можно напиться, — сказалъ Лаптевъ. — Пойдемте въ буфетъ.

— Ну, у меня нѣтъ денегъ, чтобы бросать буфетчику. Я не гуачишка.

Онъ предложилъ ей руку, она отказалась, проговоривъ длинную, утомительную фразу, которую онъ слышалъ отъ нея уже много разъ, именно, что она не причисляетъ себя къ слабому прекрасному полу и не нуждается въ услугахъ господъ мужчинъ.

Разговаривая съ нимъ, она оглядывала публику и часто здоровалась съ знакомыми; это были ея товарки по курсамъ Герье и по лекціямъ эрваторіи, и ученики, и ученицы. Она пожимала имъ руки крѣпко и порывисто, будто дергала. Но вотъ она стала поводить глазами, какъ въ лихорадкѣ, и дрожать и, наконецъ, проговорила тихимъ голосомъ, глядя на Лаптева съ ужасомъ:

— На комъ вы женились? Гдѣ у васъ были глаза, сумасшедшій вы человѣкъ? Что вы нашли въ этой глухой, ничтожной дѣвчонкѣ? Вѣдь, я васъ любила за умъ, за душу, а этой фарфоровой куклѣ нужны только ваши деньги.

— Оставимъ это, Полина, — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, боясь, что она скажетъ еще что-нибудь подобное. — Все, что вы можете сказать мнѣ по поводу моей женитьбы, я уже говорилъ себѣ много разъ... Не причиняйте мнѣ лишней боли.

Показалась Юлія Сергѣевна въ черномъ платьѣ и съ большою брилліантовою брошью, которую прислалъ ей свекоръ послѣ молельна; за нею шла ея свита: Бочевой, два знакомыхъ доктора, офицеръ и полный молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, по фамиліи Кишъ.

— Поѣзжай съ Бостей, — сказалъ Лантевъ женѣ. — Я приѣду послѣ.

Юлія кивнула головой и прошла дальше. Полина Николаевна проводила ее взглядомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и нервно пожимаясь, и этотъ взглядъ ея былъ полонъ отвращенія, ненависти и выраженія той боли, какую должно испытывать гордое, несчастное, голодное и глубоко оскорбленное существо, когда видитъ своего счастливаго, богатаго оскорбителя и должно молчать.

Лантевъ хорошо понялъ это выраженіе и подумалъ:

«За что я ее обидѣлъ? Жизнь проклятая!»

Онъ боялся ѣхать къ ней, предчувствуя неприятное объясненіе, рѣзкости и слезы, и предложилъ отправиться пить чай въ какой-нибудь ресторанъ. Но она сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемте ко мнѣ. Не смѣйте говорить мнѣ о ресторанахъ.

Она не любила бывать въ ресторанахъ потому, что ресторанный воздухъ казался ей отравленнымъ табакомъ и дыханіемъ мужчинъ. Ко всѣмъ незнакомымъ мужчинамъ она относилась съ страннымъ предубѣжденіемъ, считала ихъ развратниками, способными броситься на нее каждую минуту. Кромѣ того, ее раздражала до головной боли трактирная музыка, и она никакъ не могла понять, какъ это женщины не платятъ въ ресторанахъ, а позволяютъ платить за себя мужчинамъ. По ея мнѣнію, это было возмутительно и гадко.

Выйдя изъ Благороднаго Собранія, наняли извозчика на Осложенку, въ Савеловскій переулокъ, гдѣ жила Разсудина. Слушая, какъ она нервно дышетъ, Лантевъ всю дорогу старался придумать доброе, теплое слово, которое могло бы ее утѣшить. Въ самомъ

дѣлѣ, онъ былъ ей многимъ обязанъ. Познакомился онъ съ нею у своего друга Ярцева, которому она преподавала теорію музыки. Она полюбила его сильно, совершенно безкорыстно; сойдясь съ нимъ, она не допускала даже мысли о подаркахъ и, попрежнему, продолжала ходить на уроки и трудиться до изнеможенія, и, живя съ ней, онъ еще больше укрѣпился въ сознаниі, что счастье не въ деньгахъ. Благодаря ей, онъ сталъ понимать и любить музыку, къ которой раньше былъ почти равнодушенъ.

— Полцарства за стаканъ чаю! — проговорила она глухимъ голосомъ, закрывая ротъ муфтой, чтобы не простудиться. — Я была на пяти урокахъ, чтобъ ихъ чортъ взялъ! Ученики такія тупицы, долби, я чуть не умерла отъ злости. И не знаю, когда кончится эта каторга. Замучилась. Какъ только скоплю триста рублей, брошу все и поѣду въ Крымъ. Лягу на берегу и буду глотать кислородъ. Какъ я люблю море, ахъ, какъ я люблю море!

— Нигуда вы не поѣдете, — сказалъ Лаптевъ. — Во-первыхъ, вы ничего не скопите, и, во-вторыхъ, вы скупы. Простите, я опять повторю: неужели собрать эти триста рублей по грошамъ у людей, которые учатся у васъ музыкѣ съ жиру, для вашего самолюбія менѣе унижительно, чѣмъ взять ихъ взаймы у вашихъ друзей?

— У меня нѣтъ друзей! — сказала она раздраженно. — И прошу васъ не говорить глупостей. У рабочаго класса, къ которому я принадлежу, есть одна привилегія: сознание своей неподкупности, право не одолажаться у купчишекъ и презирать. Вамъ ненавистна эта привилегія, она даетъ вамъ понять, что есть кое-что повыше вашихъ милліоновъ, и вы рады были бы купить ее и уничтожить. Но этого не будетъ! Нѣтъ-съ, меня не купите! Я не Юличка!

Лаптевъ не сталъ платить извозчику, зная, что это вызоветъ гнѣвный потокъ словъ, много разъ уже слышанный раньше. Заплатила она сама.

Она нанимала маленькую комнату съ мебелью и со столомъ въ квартирѣ одинокой дамы. Ея большой беккеровскій рояль стоялъ пока у Ярцева, на Большой Никитской, и она каждый день ходила туда играть. Въ ея комнатѣ были кресла въ чехлахъ, кровать съ бѣлымъ лѣтнимъ одѣяломъ и хозяйскіе цвѣты, на стѣнахъ висѣли оле рафіи, и не было ничего, что напоминало бы о томъ, что здѣсь жила женщина и бывшая курсистка. Не было ни туалета, ни письменнаго стола. Видно было, что она ложилась спать, какъ только приходила домой, и, вставая утромъ, тотчасъ же уходила изъ дому.

Хозяйка принесла самоваръ. Полина Николаевна заварила чай

и, все еще продолжая дрожать, — въ комнатѣ было холодно, — стала бранить пѣвцовъ, которые пѣли въ девятой симфоніи. У нея закрывались глаза отъ утомленія. Она вышила одинъ стаганъ, потому другой, потомъ третій.

— И такъ, вы женаты, — сказала она. — Но не безпокойтесь, я виснуть не буду, я съумѣю вырвать васъ изъ своего сердца. Досадно только и горько, что вы такая же дрянь, какъ всѣ, что вамъ въ женщинѣ нужны, прежде всего, не умъ, не интеллектъ, а тѣло, красота, молодость... Молодость! — проговорила она въ носъ, какъ будто передразнивая кого то, и засмѣялась. — Молодость! Вамъ нужна чистота, Reinheit! Reinheit! — захохотала она, откидываясь на спинку кресла — Reinheit!

Когда она кончила хохотать, глаза у нея были заплаканные.

— Вы счастливы, по крайней мѣрѣ? — спросила она.

— Нѣтъ.

— Она васъ любитъ?

— Нѣтъ.

Лаптевъ, взволнованный, чувствуя себя несчастнымъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, — повторилъ онъ. — Я, Полина, если хотите знать, очень несчастливъ. Что дѣлать? Сдѣлалъ глупость, теперь уже не поправишь. Надо философски относиться. Она вышла безъ любви, глупо, быть можетъ, и по расчету, но не разсуждая, и теперь, очевидно, сознаетъ свою ошибку и страдаетъ. Я вижу, какъ она мечется... Ночью мы спимъ, но днемъ она боится остаться со мной наединѣ хотя бы пять минутъ и ищетъ развлеченій, общества... Ей со мной стыдно и страшно.

— А деньги, все-таки, брать у васъ?

— Глупо, Полина! — крикнулъ Лаптевъ. — Бто не любить и презираетъ деньги, тотъ не боится ихъ... Она беретъ у меня деньги потому, что для нея рѣшительно все равно, есть онѣ у нея или нѣтъ.

— По-вашему, значить, я боюсь денегъ? — спросила Разсудина.

— Да, вы слишкомъ много о нихъ говорите. Вы придаете имъ то значеніе, какого у нихъ нѣтъ. Она честный и чистый человѣкъ. Вышла она за меня просто потому, что ей хотѣлось уйти отъ отца, такъ же, какъ теперь ей не хочется оставаться со мной, и потому, что она была увѣрена, что для супружеской жизни достаточно только вѣрности и преданности.

— А вы увѣрены, что она вышла бы за васъ, если бы вы не были богаты? — спросила Разсудина и разсмѣялась.

— Ни въ чемъ я не увѣренъ,—сказала съ тоской Лаптевъ.— Ни въ чемъ. Я ничего не понимаю. Ради Бога, Полина, не будемъ говорить объ этомъ.

— Вы ее любите?

— Безумно.

Затѣмъ наступило молчаніе. Она пила четвертый стаканъ, а онъ ходилъ и думалъ о томъ, какъ жена теперь сидитъ въ докторской влюбѣ и ужинаетъ.

— Но развѣ можно любить, не зная, за что?—спросила Разсудина и пожала плечами. — Нѣтъ, въ васъ говоритъ животная страсть! Вы опьянены! Вы отравлены этимъ красивымъ тѣломъ, этой *reizheit*! Уйдите отъ меня, вы грязны! Ступайте къ ней!

Она махнула ему рукой, потомъ взяла его шапку и швырнула въ него. Онъ молча надѣлъ шубу и вышелъ, но она побѣжала въ сѣни и вернула его.

— Но согласитесь, вы поступили со мной жестоко.—Она заплакала и голова ея упала къ нему на плечо.—Я потеряла васъ,—проговорила она,—и мнѣ кажется, что я умерла...

Она зарыдала и судорожно вцѣпилась ему въ руку около плеча.

— Перестаньте, Полина! Полно!—говорилъ онъ и нибгакъ не могъ разжать ея пальцевъ.—Успокойтесь, прошу васъ!

Она закрыла глаза и поблѣднѣла, и длинный носъ ея сталъ неприятнаго воскового цвѣта, какъ у мертвой, и Лаптевъ все еще не могъ разжать ея пальцевъ. Она была въ обморокъ. Онъ осторожно поднялъ ее и положилъ на постель и просидѣлъ возлѣ нея минутъ десять, пока она очнулась. Руки у нея были холодныя, пульсъ слабый, съ переборами.

— Уходите домой,—сказала она, открывая глаза.— Уходите, а то я опять зареву. Надо взять себя въ руки.

Выйдя отъ нея, онъ отправился не въ докторскій влюбъ, гдѣ ожидала его компанія, а домой. Всю дорогу онъ спрашивалъ себя съ упрекомъ: почему онъ устроилъ себѣ семью не съ этою женщиной, которая его такъ любитъ и была уже на самомъ дѣлѣ его женой и подругой? Помимо того, что это былъ единственный человекъ, который былъ къ нему привязанъ, развѣ не было бы благодарною, достойною задачей дать счастье, пріютъ и покой этому униженному, гордому и замученному трудомъ существу? Въ лицу ли ему—спрашивалъ онъ себя,—эти претензіи на красоту, молодость и, какъ выразилась она, *Reinheit*, на то самое счастье, котораго не можетъ быть и которое, точно въ наказаніе или насмѣшку, вотъ уже три мѣсяца держитъ его въ мрачномъ, угнетенномъ состояніи?

Медовой мѣсяцъ давно уже прошелъ, а онъ, смѣшно сказать, все еще не знаетъ, что за человѣкъ его жена. Своимъ институтскимъ подругамъ и отцу она пишетъ длинныя письма на пяти листахъ, и находитъ же, о чемъ писать, а съ нимъ говорить только о погодѣ и о томъ, что пора обѣдать или ужинать. Когда она передъ сномъ долго молится Богу и потомъ цѣлуетъ свои крестики и образки, онъ никакъ не можетъ понять, что собственно ей нужно отъ Бога, и, глядя на нее, думаетъ съ ненавистью: «Вотъ она молится, а со мной и съ собой поступила, въ сущности, какъ продажная». Онъ даже пробовалъ утѣшать себя цинически, что за что онъ платитъ, то и беретъ, но это выходило ужасно; будь это здоровая, наглая, смѣлая, распутная женщина, — ну, тогда такое утѣшеніе, быть можетъ, и годилось бы въ пьяную или злую минуту, но, вѣдь, тутъ молодость, благородныя черты, религіозность, кротость, а, главное, онъ любилъ ее до боли и не былъ вполнѣ увѣренъ, что она сдѣлалась его женой только за деньги. Когда она была его невѣстой, ея религіозность умиляла и трогала его, теперь же, когда она стала его женой, эта условная опредѣленность взглядовъ и убѣжденій представлялась ему заставой, изъ-за которой не видно было настоящей правды, и возмущала его. Въ его семейной жизни не было уже ничего такого, что не давало бы повода переживать каждый день мучительныя минуты. Когда жена, сидя съ нимъ рядомъ въ Маломъ театрѣ или у Борша, ахала, вздыхала или искренно хохотала, онъ вспоминалъ, что точно такое милое, безпечное выраженіе было у нея на Петровъ день, когда дѣти играли въ мячъ, и ему было горько, что она наслаждается одна и не хочетъ подѣлиться съ нимъ своимъ восторгомъ. Не дальше, какъ сегодня, она, выходя со двора, чтобъ ѣхать на концертъ, сердито крикнула Костѣ: «Вы не умѣете ходить съ дамами подъ руку!» — и онъ, Лаптевъ, подумалъ: «Но отчего со мной она не такъ искренна?» И замѣчательно, она подружилась со всѣми его пріятелями, и всѣ они уже знали, что она за человѣкъ, а онъ ничего не зналъ, а только нылъ, хандрилъ и молча ревновалъ, и Костя не даромъ называлъ его то ениселемъ, то бабой, то тряпкой.

Придя домой, Лаптевъ надѣлъ халатъ и туфли и сѣлъ у себя въ кабинетъ читать романъ. Жены дома не было. Но прошло не больше полчаса, какъ въ передней позвонили и глухо раздались по залѣ шаги Петра, побѣжавшаго отворять. Это была Юлія. Лаптевъ узналъ ее по характерной, торопливой походкѣ: тупъ-тупъ-тупъ. Она вошла въ кабинетъ въ шубкѣ, съ красными отъ мороза щеками.

— На Прѣснѣ большой пожаръ,—проговорила она, запыхавшись.—Громадное зарево. Я поѣду туда съ Константиномъ Ивановичемъ.

— Съ Богомъ!

Видъ здоровья, свѣжести и дѣтскаго страха въ глазахъ успокоилъ Лаптева. Онъ почиталъ еще съ полчаса и пошелъ спать.

На другой день Полина Николаевна прислала ему въ амбаръ двѣ книги, которыя когда-то брала у него, всѣ его письма, его фотографіи и записку, состоящую только изъ одного слова: «Баста!»

УШ.

Уже въ концѣ октября у Нины Федоровны ясно опредѣлился рецидивъ. Она быстро худѣла, измѣнялась въ лицѣ и подъ конецъ у нея появились странности, какихъ раньше не замѣчалось. Такъ, несмотря на сильныя боли, она воображала, что уже выздоравливаетъ, и каждое утро одѣвалась, какъ здоровая, и потомъ цѣлый день лежала въ платѣ и ботинкахъ. И также стала она разговорчива. Лежить на спинѣ и рассказываетъ что-нибудь тихо, через силу, тяжело дыша, и, повидимому, эти рассказы доставляли ей большое удовольствіе. Умерла она внезапно и при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Былъ лунный, ясный вечеръ, на улицѣ катались по свѣжему снѣгу и въ комнатѣ слышно было, какъ кричали кучера и скрипѣли полозья. Нина Федоровна лежала въ постели на спинѣ, а Саша, которой уже некому было смѣнить, сидѣла возлѣ и дремала.

— Отчества его не помню,—рассказывала Нина Федоровна тихо,—а звали его Иванъ, по фамиліи Кочевой, бѣдный чиновникъ. Пьяница былъ горькій, царство небесное. Ходилъ онъ къ намъ и каждый мѣсяцъ мы выдавали ему по фунту сахару и по осьмушкѣ чаю. Ну, случалось и деньгами, конечно. Да... Затѣмъ такое происшествіе: записъ шибко нашъ Кочевой и померъ. Говорятъ, отъ водки сгорѣлъ. А, можетъ, и не сгорѣлъ,—народъ пустое говорить. Остался послѣ него сынишка, мальчончекъ лѣтъ семи, славенькій такой, жаленькій... Сироточка моя милая! Взяли мы его и спѣтали у прикащиковъ, и жилъ онъ такъ цѣльный годъ, и папаша не зналъ. А какъ увидѣлъ папаша, только рукой махнулъ и ничего не сказалъ. Когда Костъ, сиротѣ-то, пошелъ девятый годъ, — а я въ ту пору уже невѣстой была, — повезла я его по всѣмъ гимназіямъ. Туда-сюда, нигдѣ не принимаютъ. А онъ плачетъ... «Что же ты, — говорю, — дурачокъ, плачешь?» Повезла я его

на Разгуляй во вторую гимназію и тамъ, дай Богъ здоровья, приняли... И сталъ мальчишечка ходить каждый день пѣшкомъ съ Пятницкой на Разгуляй, да съ Разгуляя на Пятницкую... Алеша за него платилъ... Милости Господни, сталъ мальчикъ хорошо учиться, вникать и вышелъ изъ него толкъ... Адвокатомъ теперь въ Москвѣ, Алешинъ другъ, такой же высокой науки. Вотъ не пренебрегли человѣкомъ, приняли его въ домъ, и теперь онъ за насъ, небось, Бога молить... Да...

Нина Федоровна стала говорить все тише, съ долгими паузами, потомъ, помолчавъ немного, вдругъ поднялась и сѣла.

— А мнѣ не того... нехорошо какъ будто, — сказала она. — Господи помилуй, будто въ грудь вступило. Ой, дышать не могу!

Саша, зная, что мать должна скоро умереть, увидѣвъ теперь, какъ вдругъ осунулось ея лицо, угадала, что это конецъ, и испугалась.

— Мамочка, это не надо! — зарыдала она. — Это не надо!

— Сбѣгай въ кухню, пусть за отцомъ сходятъ. Мнѣ очень даже нехорошо.

Саша бѣгала по всѣмъ комнатамъ и звала, но во всемъ домѣ не было никого изъ прислуги, и только въ столовой на сундукѣ спала Лида въ одежѣ и безъ подушки. Саша, какъ была, безъ валозъ выбѣжала на дворъ, потомъ на улицу. За воротами на лавочкѣ сидѣла няня и смотрѣла на катанье. Съ рѣки, гдѣ былъ катокъ, доносились звуки военной музыки.

— Няня, мама умираетъ! — сказала Саша, рыдая. — Надо сходить за папой!

Придя въ спальню и взглянувъ на больную, няня вышла и, тотчасъ же вернувшись, сунула ей въ руки зажженную восковую свѣчу. Саша въ ужасѣ бѣгала по комнатамъ и умоляла, сама не зная кого, сходить за папой, потомъ надѣла пальто и платокъ и, пугаясь темныхъ комнатъ и луннаго свѣта на лѣстницѣ, выбѣжала на улицу. Отъ прислуги она знала, что у отца есть еще другая жена и двѣ дѣвочки, съ которыми онъ живетъ на Базарной улицѣ. Она побѣжала влѣво отъ воротъ, плача и боясь чужихъ людей, а когда, миновавъ церковь Петра и Павла, въ которой вѣнчался дядя Алеша, повернула въ переулокъ, то стала грузнуть въ снѣгу и зябнуть. Какой-то молодецъ въ полушубкѣ крикнулъ ей:

— Жидовочка, что ты плачешь?

Встрѣтился ей извозчикъ пороженемъ, но она не наняла его изъ страха, что онъ завезетъ ее за городъ, ограбить и бросить на кладбищѣ (за чаемъ рассказывала прислуга: былъ такой случай). Она

все шла и шла, задыхаясь отъ утомленія и рыдая. Выйдя на Базарную, она спросила, гдѣ здѣсь живетъ господинъ Панауровъ. Какаютто незнакомая женщина долго объясняла ей и, видя, что она ничего не понимаетъ, привела ее за руку къ одноэтажному дому съ подъездомъ. Дверь была не заперта. Саша пробѣжала черезъ сѣни, потомъ корридоръ и, наконецъ, очутилась въ свѣтлой, теплой комнатѣ; гдѣ за самоваромъ сидѣлъ отецъ и съ нимъ дама и двѣ дѣвочки. Но ужъ она не могла выговорить ни одного слова и только рыдала. Панауровъ понялъ.

— Вѣроятно, мамѣ нехорошо?—спросилъ онъ.—Скажи, дѣвочка: мамѣ нехорошо?

Онъ встревожился и послалъ за извозчикомъ.

Когда приѣхали домой, Нина Федоровна сидѣла обложенная подушками, со свѣчой въ рукѣ. Лицо потемнѣло и глаза были уже закрыты. Въ спальнѣ стояли, столпившись у двери, няня, кухарка, горничная, мужикъ Прокофій и еще какіе-то незнакомые простые люди. Няня что-то приказывала шепотомъ и ее не понимали. Въ глубинѣ комнаты у окна стояла Лида, блѣдная, заспанная, и сурово глядѣла оттуда на мать.

— Тогда на дачѣ была у насъ лягавая собака, Баро,—рассказывала Нина Федоровна тихо, дѣлая передышку послѣ каждаго слова.—Мы все ходили на станцію гулять, встрѣчать и провожать поѣзда. Вотъ гуляемъ себѣ,—дѣло дѣвичье, хохочемъ,—а какой-то господинъ, высокій, красивый, статный, погладилъ Баро и говорить: «Это дорогая собака, сударыня». Я сконфузилась. Этотъ господинъ въ Химкахъ у родныхъ жилъ... и сталъ онъ гулять со мной...

Панауровъ взялъ у нея изъ рукъ свѣчу и швырнулъ ее на комодъ.

— Это ужасно!—проговорилъ онъ и плечи у него вздрогнули.—Нина, тебѣ лечь нужно,—сказалъ онъ ласково.—Ложись, милая.

Она взглянула и не узнала его... Ее положили на спину.

— Въ Химкахъ,—проговорила она.—Это первая станція отъ Москвы по Николаевской дорогѣ...

Больше она не сказала ни слова. Когда пришли священникъ и докторъ Сергѣй Борисовичъ, прислуга уже набожно крестилась и плакала ея.

— Вотъ она какова исторія! — сказалъ докторъ въ раздумьи, выходя въ гостиную.—А, вѣдь, еще молода, ей и сорока не было. Слышались громкія рыданія дѣвочекъ. Панауровъ, блѣдный, съ

влажными глазами, подошелъ къ доктору и сказалъ слабымъ, тонкимъ голосомъ:

— Дорогой мой, окажите услугу, пошлите въ Москву телеграмму. Я рѣшительно не въ силахъ.

Докторъ добылъ чернилъ и написалъ дочери такую телеграмму: «Панаурова скончалась восемь вечера. Скажи мужу: на Дворянской продается домъ переводомъ долга, доплатить девять. Торги двѣнадцатаго. Совѣтую не упустить».

IX.

Лаптевъ жилъ въ одномъ изъ переулковъ Малой Дмитровки, не далеко отъ Старого Пимена. Кромѣ большого дома на улицу, онъ нанималъ также еще двухъэтажный флигель во дворѣ для своего друга Бочегого, помощника присяжнаго повѣреннаго, котораго всѣ Лаптевы звали просто Бостей, такъ какъ онъ выросъ на ихъ глазахъ. Противъ этого флигеля стоялъ другой, тоже двухъэтажный, въ которомъ жило какое-то французское семейство, состоявшее изъ мужа, жены и пяти дочерей.

Былъ морозъ градусовъ въ двадцать. Огня заиндѣвѣли. Проснувшись утромъ, Бостя съ серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ принялъ пятнадцать капель какого-то лѣкарства, потомъ, доставши изъ книжнаго шкафа двѣ гири, занялся гимнастикой. Онъ былъ высокъ, очень худъ, съ большими рыжеватыми усами, и въ фуфайкѣ, плотно облегавшей его узкую грудь, на длинныхъ ногахъ, размахивая длинными руками, походилъ на паука-босаря.

Тяжело дыша и вытирая съ лица потъ, онъ подошелъ къ телефону и сказалъ густымъ, низкимъ басомъ, чтобы ему принесли изъ большого дома чаю. Петръ, мужикъ среднихъ лѣтъ, съ большою темною бородой, въ пиджакѣ и въ ситцевыхъ брюкахъ, засунутыхъ въ высокіе сапоги, немного погодя принесъ самоваръ и заварилъ чай.

— Очень нынче хорошая погода, Константинъ Ивановичъ, — сказалъ онъ.

— Да, хорошая, только вотъ, братъ, жаль, живется намъ съ тобой не ахти какъ.

Петръ вздохнулъ изъ вѣжливости.

— Что дѣвочки? — спросилъ Бочегой.

— Батюшка не пришли, Алексѣй Федорычъ сами съ ними занимаются.

Бостя нашелъ на огнѣ необледенное шѣстечко и сталъ смо-

тѣть въ бинокль, направляя его на окна флигеля, гдѣ жило французское семейство.

— Не видать, — сказалъ онъ.

Въ это время внизу Алексѣй Ѳеодоровичъ занимался по закону Божию съ Сашей и Лидой. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ онѣ жили въ Москвѣ, въ нижнемъ этажѣ флигеля, вмѣстѣ со своею гувернанткой, и къ нимъ приходили три раза въ недѣлю заниматься учитель городского училища и священникъ. Саша проходила Новый завѣтъ, а Лида недавно начала Ветхій. Въ послѣдній разъ Лидѣ было задано повторить до Авраама.

— И такъ, у Адама и Евы было два сына, — сказалъ Лаптевъ. — Прекрасно. Но какъ ихъ звали? Припомни-ка!

Лида, попрежнему, суровая, молчала, глядя на столъ, и только шевелила губами; и старшая Саша, замѣнявшая ей мать, смотрѣла ей въ лицо и мучилась.

— Ты прекрасно знаешь, не нужно только волноваться, — сказалъ Лаптевъ. — Ну, какъ же звать сыновей Адама?

— Авель и Кавель, — прошептала Лида.

— Баниъ и Авель, — поправилъ Лаптевъ.

По щекѣ у Лиды поползла крупная слеза и капнула на книгу, потомъ по другой щекѣ. Саша тоже опустила глаза и покраснѣла, готовая заплакать. Лаптевъ отъ жалости не могъ уже говорить, слезы подступили у него къ горлу; онъ всталъ изъ-за стола и закурилъ папироску. Въ это время сошелъ сверху Кочевой съ газетой въ рукахъ. Дѣвочки поднялись и, не глядя на него, сдѣлали реверансъ.

— Бога ради, Бостя, займитесь вы съ ними, — обратился къ нему Лаптевъ, отводя его въ сторону. — Я боюсь, что самъ заплачу, и мнѣ нужно до обѣда въ амбаръ съѣздить.

— Ладно.

Алексѣй Ѳеодоровичъ ушелъ. Бостя съ очень серьезнымъ лицомъ, нахмурясь, сѣлъ за столъ и потянулъ къ себѣ священную исторію.

— Ну-съ? — спросилъ онъ. — О чемъ вы тутъ?

— Она знаетъ о потопѣ, — сказала Саша.

— О потопѣ? Ладно, будемъ жарить о потопѣ. — Бостя пробѣжалъ въ книгѣ краткое описаніе потопа и сказалъ: — Долженъ я вамъ замѣтить, такого потопа, какъ здѣсь описано, на шомъ дѣлѣ не было. И ни какого Ноя не было. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Рождества Христова было на землѣ необыкновенное наводненіе, и объ этомъ упоминается не въ одной еврейской Библии, но также въ книгахъ другихъ древнихъ наро-

довъ, какъ-то греговъ, халдеевъ, индусовъ. Но какое бы ни было наводненіе, оно не могло затопить всей земли. Ну, равнины залило, а горы-то небось остались. Вы эту книжку читать-то читайте, да не особенно вѣрьте.

Но дѣвочки не слушали его. У Лиды опять потекли слезы, она отвернулась и вдругъ зарыдала такъ громко, что Костя вздрогнулъ и поднялся съ мѣста въ сильномъ смущеніи.

— Я хочу домой,—проговорила она.—Къ папѣ и къ нянѣ.

Саша тоже заплакала. Костя пошелъ къ себѣ наверхъ и позвалъ къ телефону Юлію Сергѣевну.

— Голубушка, дѣвочки опять плачутъ,—сказалъ онъ.—Нѣтъ никакой возможности.

Юлія Сергѣевна прибѣжала изъ большого дома въ одномъ платьѣ и вязаномъ платкѣ, прохваченная морозомъ, и начала утѣшать дѣвочекъ.

— Вѣрьте мнѣ, вѣрьте,—говорила она умоляющимъ голосомъ, прижимая къ себѣ то одну, то другую,—вашъ папа пріѣдетъ сегодня, онъ прислалъ телеграмму. Жаль мамы, и мнѣ жаль, сердце разрывается, но что же дѣлать? Вѣдь, не пойдешь противъ Бога!

Когда онѣ перестали плакать, она укутала ихъ и повезла кататься. Сначала проѣхали по Малой Дмитровкѣ, потомъ мимо Страстного на Тверскую; около Иверской остановились, поставили по свѣчѣ и помолились, стоя на колѣняхъ. На обратномъ пути заѣхали къ Филиппову и взяли постныхъ баранокъ съ макомъ.

Обѣдали Лаптевы въ третьемъ часу. Юлія Сергѣевна наливала супъ, а Петръ разносилъ тарелки. Петръ прислуживалъ за обѣдомъ, за чаемъ и ужиномъ, каждый день ходилъ въ почтамтъ, въ амбаръ и для Кости въ окружный судъ, по вечерамъ читалъ или набивалъ папирсы, ночью бѣгалъ отворять дверь и въ пятомъ часу утра былъ уже на ногахъ, и никто не зналъ, когда онъ спитъ. Онъ очень любилъ откупоривать зельтерскую воду, и дѣлалъ это легко, безшумно, не проливъ ни одной капли.

— Дай Богъ!—сказалъ Костя, чокаясь и выпивая передъ супомъ рюмку водки съ каплями.— Дай Богъ, чтобы жилось не такъ душно!

Въ первые дни знакомства Костя не нравился Юліи Сергѣевнѣ; особенно не нравились ей его басъ и манера выражаться, когда онъ бывалъ въ духѣ: выставилъ, заѣхалъ въ харю, мразь, изобрази самоварчикъ. И ей казалась тривіальной его привычка чокаться и причитывать за рюмкой, и ничего хорошего она не находила въ стихотвореніи про старшаго дворника, которое онъ часто читалъ

съ злораднымъ смѣхомъ. Но, узнавши его покорооче и понявъ, какъ онъ простъ, не хитеръ и какъ любить Лаптева, ее, дѣвочекъ и даже Петра, она стала чувствовать себя въ его присутствіи очень легко и даже радовалась, когда въ большомъ домѣ раздавался его басъ. Онъ былъ съ нею откровененъ, любилъ по вечерамъ поговорить съ нею въ полголоса о чемъ-нибудь интимномъ, и даже давалъ ей читать романы своего сочиненія, которые до сихъ поръ составляли тайну даже для такихъ его друзей, какъ Лаптевъ и Ярцевъ. Она читала эти романы и, чтобы не огорчить его, хвалила, и онъ былъ радъ, такъ какъ надѣялся стать рано или поздно известнымъ писателемъ. Въ его творествѣ, главнымъ образомъ, были замѣтны двѣ особенности: во-первыхъ, онъ описывалъ въ своихъ романахъ только деревню и помѣщичьи усадьбы, хотя деревню видѣлъ очень рѣдко, только когда бывалъ у знакомыхъ на дачѣ, а въ помѣщичьей усадьбѣ былъ разъ въ жизни, когда ѣздилъ въ Волоколамскъ по судебному дѣлу, и, во-вторыхъ, онъ писалъ всякій разъ только на злобу дня; такъ, если ему почему-либо была несимпатична кабая-нибудь вновь учрежденная должность, то онъ изображалъ несимпатичнаго героя въ этой должности. Любовнаго элемента онъ избѣгалъ, будто стыдился. Героини у него были нравственно и умственно выше героевъ. Природу онъ часто описывалъ и при этомъ любилъ употреблять такія выраженія, какъ прихотливыя очертанія горъ, причудливыя формы облаковъ или аккордъ таинственныхъ созвучій... Романовъ его нигдѣ не печатали, и это объяснял онъ цензурными условіями.

Адвокатская дѣятельность, дававшая столько знакомства и такъ много поводовъ поговорить о важныхъ матеріяхъ, нравилась ему, но, все-таки, главнымъ своимъ занятіемъ считалъ онъ не адвокатуру, а эти романы. Ему казалось, что у него тонкая, артистическая организація, и его всегда тянуло къ искусству. Самъ онъ не пѣлъ и не игралъ ни на какомъ инструментѣ и совершенно былъ лишенъ музыкальнаго слуха, но посѣщалъ всѣ симфоническія и филармоническія собранія, любилъ устраивать концерты съ благотворительною цѣлью, продавать билеты и афишки, знакомиться съ пѣвцами...

Послѣ супа подали жаркде, потомъ сладкое и кофе.

— Удивительное дѣло, — сказалъ Лаптевъ, — вставая изъ-за стола, — опять меня сегодня поставилъ въ тупикъ мой Федоръ! Ну, говорить, узнать, когда исполнится столѣтіе нашей фирмы, чтобы начать хлопотать о дворянствѣ, и говорить это самымъ

серьезнѣйшимъ образомъ. Что съ нимъ подѣлалось? Совсѣмъ измѣнился человѣкъ.

— А какимъ онъ былъ раньше? — спросила Юлія.

— Такимъ же, какъ я, какъ всѣ. Откуда эта перемена? Откровенно говоря, я начинаю беспокоиться.

Долго говорили о Фѣдорѣ и о томъ, что теперь у русскихъ интеллигентныхъ людей мода напускать на себя мистицизмъ, мракобѣсіе, бурбонство и умственное убожество, и многіе даже измѣняютъ голосъ и походку, чтобы только казаться грубыми и тяжелыми. Напримѣръ, Фѣдоръ старается казаться простымъ купцомъ, хотя онъ уже не купецъ, и когда приходитъ къ нему за жалованьемъ учитель изъ школы, гдѣ старикъ Лаптевъ попечителемъ, то онъ обходится съ нимъ какъ начальникъ.

— Около напускного находить себѣ пріютъ настоящее суевѣріе, — сказалъ Лаптевъ, — и если у кого мозгъ болѣзненно склоненъ ко всякой галиматѣй, то ужъ такому не выкарабкаться, пиши пропало. И я замѣтилъ, что все то, что непонятно, неясно, смутно, не досказано, — все эти господа валяютъ въ одну кучу и получается странная каша. Если кто изъ нашей братіи занимается спиритизмомъ или магнетизмомъ, тотъ ужъ непременно и гомеопатъ, и метафизикъ, и символистъ, вѣруеть въ три свѣчи и въ тринадцатое число, ругаетъ цивилизацію во имя китаизма, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, такъ какъ не былъ въ Китаѣ, и подавайте ему науку не иначе, какъ національную. Такое состояніе ума, конечно, не удовлетворяетъ, человѣкъ испытываетъ смутное недовольство собой, всегда онъ раздраженъ, озлобленъ и, одержимый духомъ противорѣчія, готовъ ужъ просто изъ самолюбія увѣрять, что идеалы русскаго человѣка — въ невѣжествѣ, въ розгахъ, въ нищетѣ...

Послѣ обѣда нечего было дѣлать, пошли въ кабинетъ и занялись тамъ разговоромъ. Говорили о декадентахъ, литературѣ, объ *Орлеанской дѣвѣ*, и Бостя пришелъ въ восторгъ и прочелъ цѣлый монологъ, и ему казалось, что онъ очень удачно подражаетъ Ермоловой. Потомъ, когда стемнѣло и Петръ зажегъ лампу и свѣчи, сѣли играть въ винтъ. Дѣвочки не уходили къ себѣ во флигель, а блѣдныя, печальныя сидѣли, обѣ въ одномъ креслѣ, и прислушивались къ шуму на улицѣ: не отецъ ли ѣдетъ? По вечерамъ, одинаково, въ темнотѣ и при свѣчахъ, онѣ испытывали тоску. Разговоръ за винтомъ, шаги Петра, трескъ въ каминѣ раздражали ихъ и не хотѣлось смотрѣть на огонь; по вечерамъ и плакать уже не хотѣлось, но было жутко и давило подъ сердцемъ.

— Что вы сегодня видѣли въ бинокль?—спросила Юлія Сергѣевна у Кости.

— Сегодня ничего, а вчера самъ старикъ французъ ванну принималъ.

И дѣвочкамъ было не понятно, какъ это можно говорить о такихъ пошлостяхъ и смѣяться, когда умерла мама.

Въ семь часовъ Юлія Сергѣевна и Костя уѣхали въ Малый театръ. Лаптевъ остался съ дѣвочками.

— А пора бы уже вашему папѣ пріѣхать,—волновался онъ, поглядывая на часы.—Должно быть, поѣздъ опоздалъ.

Онъ не могъ себѣ представить, что будетъ съ дѣвочками, если Панауровъ не пріѣдетъ, и какую онѣ проведутъ мучительную ночь. Онѣ сидѣли въ креслѣ, молча, прижавшись другъ къ другу, какъ звѣрки, которымъ холодно, а онъ все ходилъ по комнатамъ и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на часы. Въ домѣ было тихо. Но вотъ уже въ концѣ девятаго часа кто-то позвонилъ. Петръ пошелъ отворять.

Услышавъ знакомый голосъ, дѣвочки вскрикнули, зарыдали и бросились въ переднюю. Панауровъ былъ въ роскошной дохѣ, и борода и усы у него побѣлѣли отъ мороза.

— Сейчасъ, сейчасъ,—бормоталъ онъ, а Саша и Лида, рыдая и смѣясь, цѣловали ему холодныя руки, шапку, доху. Брасивый, тошный, избалованный любовью, онъ, не спѣша, приласкалъ дѣвочекъ, потомъ вошелъ въ кабинетъ и сказалъ, потирая руки:

— А я къ вамъ не на долго, друзья мои. Завтра уѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ общають переводъ въ другой городъ.

Остановился онъ въ «Дрезденѣ».

А. Чеховъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЕЛИКІЙ.

Новелла Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ рукописи).

I.

Въ теченіе многихъ лѣтъ я дышалъ такъ широко и свободно, что считалъ себя птицею, парящею въ атмосферѣ рая. Какъ чудно поющей птицѣ, мнѣ удивлялись; меня уважали и кормили самыми изысканными яствами. Пѣлъ я не горломъ, а скрипкою. Скрипка была для меня огненною купелью, ея струны—нитями, на которыхъ я высоко поднимался надъ общимъ уровнемъ. Онѣ были для меня царскимъ казнохранилищемъ, семимильными сапогами, рогомъ изобилія, сыпящимъ на меня всякія наслажденія. Я очень скоро овладѣлъ великою славой и очень долго считалъ себя достойнымъ ея. Я любилъ искусство; во мнѣ горѣлъ огонь энтузіазма и часто чуть не сжигалъ меня; въ этомъ я видѣлъ доказательство, что я—истинный жрецъ искусства, торжественно рукоположенный высшею силой. Въ головѣ моей неустанно волновалось море музыкальныхъ мыслей, которыя я съ неслыханною легкостью перелагалъ въ звуки, а эти звуки до такой степени сливались воедино съ моимъ существомъ, что я не сумѣлъ бы сказать, они ли поютъ въ моей груди, или это бьется сердце. Для меня все пѣло на землѣ и на небѣ, въ людяхъ и въ тучахъ. Музыкальные мотивы, какъ весенніе мотыльки, порхали вокругъ меня и, какъ свита за царемъ, шли за мною повсюду, куда бы я ни пошелъ. Я избиралъ то, что мнѣ хотѣлось, и пропускалъ ихъ между пальцами, какъ сказочный богачъ брилліанты Сезама. Выбравъ самые лучшіе, я начиналъ свою ювелирную работу, и какой нектаръ изливаетъ такая работа въ сердце, еще не отравленное ядомъ, можетъ понять только тотъ, кто самъ упивался такимъ нектаромъ. Повторяю: въ сердце, не отравленное ядомъ.

Небесный нектаръ я пилъ полною грудью, когда въ сѣрую предразсвѣтную пору или передъ золотыми звѣздами ночи, со скрипкою и смычкомъ въ рукахъ, я осматривалъ свои брилліанты, шлифовалъ, оттачивалъ ихъ и вставлялъ въ художественную оправу. Подъ моею рукой изъ разсѣянныхъ атомовъ возникалъ организмъ, изъ хаоса—миръ, тотъ особый, независимый отъ другого, самодовлѣющей миръ, каковыиъ есть произведеніе искусства. Я схватывалъ скрипку съ дрожью, пробѣгающею по моимъ плечамъ и рукамъ, оставлялъ съ румянцемъ, палящимъ мои щеки. Я игралъ до такого изнеможенія, что въ рукахъ чувствовалъ пронзительную боль, а въ головѣ моей угасала всякая сознательная мысль. Тогда я точно возвращался изъ какаго-то заколдованнаго путешествія. Я испытывалъ физическое ощущеніе, что изъ груди моей что-то изъяли, что-то соткали изъ моего сердца, изъ мозга... почему я знаю?—можетъ быть, изъ того, что на человѣческомъ языкѣ называется душою. Я чувствовалъ физически, что изъ самого себя, изъ своей матеріи и изъ своего духа, я создалъ что-то независимое отъ меня, что меня самого убilo отъ этого и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я сталъ еще бѣльшимъ. Я былъ счастливъ. Счастливъ и гордъ. Я чувствовалъ, что обладаю мощью вызывать на свѣтъ образы прекраснаго и слагать ихъ въ мудрыя комбинаціи,—это сознаніе могущества переходило въ чувство гордости. Только тотъ, кто творилъ самъ, знаетъ, что значитъ такая гордость. Толки о томъ, что кто-то, сотни лѣтъ тому назадъ, завоевалъ себѣ такую славу, что ея лучи осѣняютъ голову его дальнихъ потомковъ, о томъ, что Мидасъ извлекъ изъ Патрола столько золота, что онъ самъ одѣвался въ золото и ходилъ по золоту,—это вздоръ, передъ которымъ склоняются только рабскія головы. Художникъ знаетъ и чувствуетъ, что онъ самъ, своею избранною натурой и своимъ собственнымъ трудомъ, палящимъ его огнемъ и охватывающимъ дрожью, созидаетъ надъ своею головой вѣнецъ славы. Онъ знаетъ и чувствуетъ, что питается самъ, а въ особенности питаетъ другихъ не металломъ, добытымъ изъ земли, даже не хлѣбомъ, собраннымъ съ нивы, но отнятыми у себя и своей сущности элементами прекраснаго. Эта гордость не заключаетъ въ себѣ низкой примѣси презрѣнія,—наоборотъ, она избилуетъ любовью, какъ урожайная почва росомъ. Человѣческій родъ—это и истокъ, и устье съ тѣмъ, устье всякой пѣсни. Изъ него она вытекаетъ и, пройдъ черезъ душу художника, къ нему же возвращается. Онъ—первоначальная причина ея существованія, а въ концѣ-концовъ, она должна вновь впитаться въ него. Союзъ пѣвца со слушателями, тѣсный и близкій, какъ треніе дерева о дерево, вызываетъ огонь любви.

Я любилъ людей искренно, чистосердечно, съ наивностью артиста, который такъ упорно смотритъ вверхъ, что ему даже и въ голову не приходитъ обратитьъ взоръ книзу. Врожденный инстинктъ доброжелательства, неутолимая жажда симпатіи заставляли мои губы складываться въ улыбку, широко раскрывать свои объятія и кошелекъ, сыпать деньгами, которыя я добывалъ легко и тратилъ съ наслажденіемъ. Человѣческія сердца и даже головы я не подвергалъ точному анализу. Мой критическій умъ обходилъ это такъ легко, я даже скажу, такъ глупо, какъ будто его вовсе не было; но когда дѣло касалось отвлеченныхъ предметовъ, въ особенности искусства, то пробуждался вновь, бдительный и пронизательный. Бритиковать ближнихъ у меня не было ни времени, ни охоты. Недостатки въ челоѣкѣ доставляли мнѣ такое же неудовольствіе, какъ фальшивая нота въ аккордѣ. Тогда я предпочиталъ быть добровольнымъ слѣпцомъ, и это удавалось мнѣ тѣмъ легче, что среди людей и безъ нихъ меня поглощало искусство, работа надъ нимъ, раздумье, разговоръ и мечты о немъ. Легко не замѣчать грязи тому, у кого душа витаетъ подъ звѣздами, легко любить тому, у кого сердце отъ природы мягко, — сердце артиста, на половину стальное, на половину восковое, таетъ легко въ огнѣ вдохновенія. Наконецъ, можно ли не любить тѣхъ, которые созидаютъ нашу славу и приносятъ намъ ее въ даръ?

Слава! Наряду съ моими творческими наслажденіями это былъ очень важный элементъ. Я не боялся осужденій, — напротивъ, вызывалъ ихъ смѣлостью новыхъ вымысловъ, совлеченіемъ покрововъ съ собственной индивидуальности, борьбою съ устарѣлыми формулами и мертвою буквою азбуки прекраснаго. Но во имя того, что я считалъ истиннымъ, смѣло подставляя чело порицаніямъ, я жаждалъ славы, — той великой славы, которую приносили мнѣ біеніе взволнованныхъ сердець, подъемъ умовъ, вознесенныхъ надъ уровнемъ обыденности силою моего духа. У меня было все, что только въ ряду такихъ наслажденій можетъ существовать: отъ радости, отъ которой разрывается мозгъ и сердце, до веселья почти ребяческаго.

Сколько разъ мнѣ, какъ ребенку, доставляло удовольствіе, когда въ вагонѣ, въ ресторанѣ, въ мѣстахъ, гдѣ группируется сборное общество, одинъ звукъ моего случайно брошеннаго имени, какъ электрическій ударъ, измѣнялъ лица и фигуры людей. Въ разнокалиберной, суетящейся, скучающей толпѣ разговоры прекращались, скука исчезала, и всѣ эти люди, измученные, пустые или серьезные, бросались къ обнамъ и смотрѣли на меня съ тою беско-

звательною боязнью, которую на всѣхъ ступеняхъ творенія испытываетъ мелкота, когда съ глазу на глазъ столкнется съ величіемъ. Было здѣсь также и пошлѣе любопытство, которое возбуждаетъ всякая выдающаяся личность, появляющаяся на сѣромъ фонѣ обыденности, но я тогда не думалъ о томъ. Я не думалъ, что нѣчто подобное произошло бы въ средѣ зайцевъ при видѣ приближающагося слона, среди людей—при видѣ человѣка съ тремя глазами. Мнѣ доставляло большое удовольствіе видѣть, какъ люди держали себя при встрѣчѣ со мной, а когда я замѣчалъ среди нихъ проявленіе натуры болѣе глубокой, то растрогивался. Однажды, —это было на желѣзной дорогѣ, въ общей залѣ, душной, полной народомъ, на другой день послѣ одного изъ моихъ триумфальныхъ выходовъ въ мою родную городъ. Меня окружала масса знакомыхъ. Прощанія, цѣлѣты, крики, шепотъ, даже слезы. Овація... Въ незнакомой, пестрой, далекой толпѣ я различалъ одно лицо—молодой женщины, худощавой, ни красивой, ни безобразной, одѣтой очень бѣдно. Вокругъ ея шеи былъ узенькій воротничъ изъ какого-то сѣраго мѣха, на просто причесанныхъ, ясно-золотистыхъ волосахъ черная шляпка. Въ этой женщинѣ чувствовалась тишина и слабость какой-то тѣни. Она стояла у самой стѣны, какъ будто боясь очутиться на чей-нибудь дорогѣ. Созданыце убогое и, вѣроятно, трудящееся до полусмерти для обезпеченія своей нищенской жизни или жизни своихъ близкихъ, одна изъ тѣхъ маленькихъ фигурокъ, которыхъ никто не знаетъ, а если и познакомится, то не узнаетъ черезъ минуту. Ея лицо, можетъ быть, и красивое, но блѣдное и худое, смотрѣло на меня удивленнымъ, испуганнымъ взоромъ, который при встрѣчѣ съ моимъ взоромъ тотчасъ же обратился въ сторону, скрылся подъ рѣсницами, но опять вскорѣ блеснулъ, искрящійся, жадный, полный тоски. Наконецъ, глаза большіе, сѣрые, прозрачныя, какъ кристаллъ, глубокіе, какъ озера, прильнули ко мнѣ, какъ желѣзо къ магниту, впилась въ черты моего лица съ забвеніемъ о себѣ и обо всемъ мірѣ, съ глубокою нѣжностью, и сами становились все болѣе и болѣе прекрасными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и руки ея въ перчаткахъ съ продыравленными пальцами немного поднялись и сложились у груди въ молитвенный жестъ. Не трудно было отгадать въ ней мою вѣрную слушательницу. Эта незнакомая мнѣ душа упиалась моими рѣсницами и теперь молилась на меня. Притомъ, она была такая бѣдная. Цѣломудріе тѣла и духа выступало на ея вискахъ тонкою сѣтью синеватыхъ жилокъ, очертанія губъ были мягки и нѣжны. Что-то сильное, неудержимое потянуло меня къ ней, симпатія въ разная, но мощная, сожалѣніе, признательность. Она прочитала

это въ моихъ глазахъ, потому что розовое зарево залило ея худенькое личико отъ золотыхъ волосъ до сѣрой полоски воротника. Разсѣянно отвѣчая на раздающіеся вокругъ меня возгласы и щебетанье, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Мнѣ хотѣлось приблизиться къ ней, поговорить, разспросить, взять въ свои руки эти бѣдныя ручки въ дырявыхъ перчаткахъ, заглянуть близко, чрезъ эти прекрасныя глаза въ ея несомнѣнно прекрасную душу, когда толпа разлучила насъ, волна овацій подхватила меня. Дѣвушка куда-то пропала, я не могъ даже оглянуться на нее, потому что и справа, и слѣва, спереди и сзади — поглоники, цвѣты, крики, шепотъ, слезы... Въ вагонѣ перваго класса я ѣхалъ среди людей, нѣсколько минутъ тому назадъ еще незнакомыхъ мнѣ, а теперь они наскоро составили мою покорную свиту. Долго она стояла передъ моими глазами, — она, бѣдная и тихая тѣнь, прижавшаяся къ стѣнѣ, чтобы не стать на чьей-нибудь дорогѣ. Потомъ я забылъ о ней, но черезъ нѣсколько часовъ вспомнилъ снова, и довольно долго думалъ, какъ бы эта женщина любила меня! Какъ бы любила! Что это? Развѣ я не былъ сытъ любовью? Любви я видѣлъ много, разныхъ сортовъ и степеней, — на выборъ, но теперь въ первый разъ почувствовалъ, что чего-то у меня не было, и это «что-то» мелькнуло передо мною въ этой дѣвушкѣ, такой бѣдной и далекой отъ меня. Это было похоже на тѣ радужныя сны, послѣ которыхъ остается смутная тоска по какимъ-то мірамъ, неяснымъ, но лучшимъ... Какъ лучшимъ? Развѣ этотъ міръ не былъ для меня лучшимъ изъ міровъ? Я чувствовалъ это по временамъ, но я былъ великимъ, наслаждался искусствомъ, славою и властью. Ибо мое искусство дѣлало меня властителемъ не только духа, но и тѣла человѣческаго. Съ встрады, на которой я игралъ, я присматривался къ разнымъ метаморфозамъ, и мнѣ доставляло удовольствіе вызывать ихъ. Никто до конца моей игры не оставался такимъ, какимъ былъ въ началѣ. Звуки моей скрипки управляли игрою мускуловъ, то сжимая ихъ до слезъ, то растягивая въ улыбку, управляли движеніемъ крови въ жилахъ, то бросая ее въ лицо, то сосредоточивая въ сердцѣ. Чахлые юноши подъ волшебнымъ вліяніемъ этихъ звуковъ принимали видъ богатырей, у суровыхъ мужей проступали дѣтскія слезы сквозь пальцы, которыми они закрывали глаза, женщины, съ тѣломъ и душою, заключенными въ корсетъ, дрожали отъ спазматическихъ рыданій. Были и такія, которыя падали въ обморокъ. Когда однажды одну выносили изъ залы, шлейфъ ея платья протаялся по полу чуть не у моихъ ногъ, а распущенныя волосы сплывали цѣлою волной чернаго шелка и жемчуга. Но никто

и нагѣйшимъ движеніемъ не нарушилъ очарованія, отъ котораго то сердце перестало биться на минуту, и надъ душною залой, какъ надъ тихимъ святилищемъ, упоительные и упоющіе звуки моей скрипки не прервались ни на мгновеніе. И лишь когда скрипка умолкла, толпа разразилась безконечнымъ рукоплесканіемъ, неистовымъ, смѣшаннымъ уже не съ крикомъ, а съ какимъ-то рычаніемъ, гудъ присутствующихъ однимъ безъ конца повторяющимся «браво!» извергала изъ себя частицу влокачащей въ ней бури.

И я радовался своему болѣе чѣмъ царскому могуществу, потому что никакой царь не можетъ такъ, какъ музыкантъ, то погружать человѣческое сердце въ адъ, то возносить его до рая; радовался триумфу возлюбленнаго искусства, радовался моей съ каждымъ днемъ возрастающей виртуозности, радовался глубокой связи, соединяющей мою душу съ душою человѣчества. Вѣдь, не тѣ одни мои слушатели знали меня, — многими существами, отдаленными, разсѣянными по разнымъ точкамъ земного шара, которыя не слыхали и не могли меня слышать, мои произведенія дѣлали жизнь болѣе легкою и болѣе высокою. Изъ сколькихъ медвѣжьихъ улюлюкъ, изъ сколькихъ мѣсть, утопающихъ во мракѣ и тишинѣ, летѣли на звукахъ пѣсни благодарные вздохи ея незнакомому творцу! Сколько сердецъ почитало меня и любило! Для сколькихъ душъ я былъ источникомъ, изъ котораго струится тоска по идеалу!... Мысль объ этомъ усиливала чувство моей связи со всеобщою душою человѣчества почти до степени мистическаго заблужденія. Обитать во множествѣ незнакомыхъ сердецъ и умовъ, хотя бы по имени, объяснять душу міра такими вдохновенными звуками, что міръ, слушающій ихъ, дрожитъ отъ счастья и страха, что его разгадали, — это граничить съ вездѣсущностью и всемогуществомъ боговъ...

Бромъ этихъ капитальныхъ вещей — множество мелкихъ. Многочисленныя пиршества, шумные тосты, привѣтственныя рѣчи на разныхъ языкахъ, изысканныя блюда, поцѣлуи неисчислимыхъ устъ, — мимолетныя пылинки, съ каждою минутой все новыя, отъ которыхъ жизнь искрилась, какъ брилліантовый поясъ, играющій на солнцѣ, въ то время, когда вблизи трубы играли мой триумфальный гимнъ. Все это было похоже на тѣ греческія вина, гдѣ огонь Фалерна смѣшивался съ медомъ Гимета. Пажи съ лицами агуровъ подавали его въ золотыхъ кубкахъ пирующимъ, возлежащимъ на пурпурѣ, подъ дождемъ розъ, при звукахъ лютней, пляскѣ танцовщицъ, при зефирахъ, разносящихъ благоуханіе мирта и чиндаля, предъ лицомъ увѣнчанной сіяющимъ ореоломъ вершины Парнаса...

II.

И вдругъ комната съ опущенными шторами, съ царящимъ въ ней полусумракомъ, съ желтоватымъ огонькомъ керосиновой кухни, на которой какая-то незнакомая мнѣ женщина готовитъ какую-то аптечную стряпню съ противнымъ запахомъ. Я лежу въ постели; глазами, на которые ежеминутно такъ и спускаются сами собой тяжелыя рѣсницы, смотрю на обои,—по темно-малиновому фону вьются свѣтло-малиновыя арабески. Я думаю, что эти обои я видалъ уже когда-то, только не помню, когда и гдѣ. Потомъ я вспоминаю, что это—комната, въ которой я жилъ во время пребыванія въ своемъ родномъ городѣ. Ничего не понимаю. Зачѣмъ я лежу? Ночь, что ли? Но улица гремитъ полнымъ дневнымъ движениемъ. Кто эта женщина, зачѣмъ она пришла сюда и что дѣлаетъ? Изъ этой рогадой машины съ желтымъ огонькомъ, мерцающимъ въ полусумракѣ, выходитъ тошнотворный запахъ. Послушайте! послушайте! Кто вы?... зачѣмъ здѣсь?... Не могу говорить! Я говорю и чувствую самъ, что только шевелю губами, а голоса своего не слышу. Ничего не понимаю. Наконецъ, лучъ сознанія... Ахъ, да! Правда! Припоминаю! Послѣ этого большого концерта я чувствовалъ себя очень дурно... дрожь... боль... Должно быть, я болѣлъ. Меня это удивляетъ. У меня всегда было желѣзное здоровье, да и теперь мнѣ совсѣмъ ничего... вотъ еслибъ только кто-нибудь былъ такъ добръ и подалъ мнѣ скрипку... Послушайте!... Пожалуйста, дайте мнѣ скрипку... тамъ... на столѣ!... Не слышите! Правда, и я своего голоса не слышу. Ну, что-жь, возьму самъ... нужно только руку протянуть, и возьму скрипку... Что это? Правой руки нѣтъ! Гдѣ моя рука? Правой руки нѣтъ! Послушайте! послушайте! рука моя! гдѣ моя рука? Пожалуйста, отдайте мнѣ руку! Я безъ нея не могу... она должна быть у меня... безъ руки я ничего не могу! Вы слышите? — рука! рука!... Наконецъ-то! Я не только могу говорить, но и кричать. Въ ужасномъ страхѣ, въ тревогѣ, отъ которой волосы встаютъ на моей головѣ, я кричу, что у меня похитили руку, что я долженъ найти ее, отнять назадъ, получить... Сильно встревоженная женщина подбѣгаетъ ко мнѣ, успокоиваетъ, проситъ, увѣряетъ, что рука не пропала, что она найдется невредимая, цѣлая... Кто это? Чьи глаза смотрятъ на меня съ тревогой и сожалѣніемъ? Это ты, Октавія? Октавія! Октавія! возлюбленная моя! Ты, невѣста моя, почти жена моя! Я зналъ, что это ты, что ты должна быть со мной, когда... Нѣтъ, нѣтъ! То не Октавія! Понимаю... это сидѣлка... одна изъ тѣхъ, которыя за

деньги... Почему же не Октавіа? Она обязана, должна быть возлѣ меня, когда я... Да гдѣ-жь она? Умерла развѣ, потому что еслибъ она была жива, то находилась бы здѣсь... находилась бы здѣсь... Послушайте, отчего здѣсь нѣтъ Октавіи... панны Октавіи... моей невесты?... Вы знаете, такая высокая, красивая дѣвушка... очень красивая. Гдѣ она? Можетъ быть, она умерла? Господи, Господи! Гдѣ Октавіа? Я пойду къ ней! Пустите меня! Я пойду къ ея отцу, узнаю, гдѣ она... Ахъ, и руки у меня нѣтъ! Гдѣ рука моя? Пустите меня, пустите! Я пойду искать свою руку! Пустите!... Заложить лошадей! Я поѣду! Я долженъ видѣть ее... долженъ... Ок... та... вію!...

Смутное представленіе двухъ появляющихся служителей, неясное воспоминаніе о борьбѣ съ ними, смертельный страхъ объ утраченной рукѣ, глубочайшее изумленіе по поводу отсутствія любимой женщины, бѣшеная жажда отыскать и эту руку, и эту женщину, — и конецъ всему. Снова черная ночь бессмысленности, которую до два волнуешь какая-то нѣмая мука и отъ края до края наполняетъ отвратительный запахъ...

Такіе угасанія и проблески сознанія повторялись много разъ, огонь свѣтильни глубоко западалъ на дно лампы, разгорался снова, колебался надъ туманною дѣйствительностью и снова исчезалъ въ какой-то темной пастн.

Наконецъ, пришелъ день, когда мнѣ сказали, что я чуть было не умеръ, но теперь, навѣрное, останусь живъ. Тифозная бактерія неизвѣстно откуда забралась въ мой организмъ, вдобавокъ, сквозь случайно открытую дверь на меня пахнулъ вѣтеръ, когда я выходилъ изъ жаркой залы и... я чуть не умеръ.

Чуть не умеръ! Такъ, значить, я могъ умереть? То, чего я избѣжалъ вчера, можетъ встрѣтиться завтра, черезъ годъ, черезъ нѣсколько лѣтъ? Конечно, я зналъ, что я существо, подчиненное закону смерти, но какъ зналъ? Смутно, отрывисто, можно сказать, бессмысленно, потому что на этомъ предметѣ не долго останавливался мыслю. Жизнь подхватила мои мысли, какъ потокъ схватываетъ вѣтку, и несла такъ быстро, метала во всѣ стороны такъ отчаянно, что ни разу не допускала меня до дна бездны.

То-то сказалъ, что каждый знаетъ о смерти вообще, но никто не вѣритъ въ то, что самъ умретъ. Это неточно. Вѣрить—всякій вѣритъ, но есть такіе, которымъ кипучій потокъ жизни не позволяетъ объ этомъ думать. Я видалъ когда-то умирающихъ и умершихъ, но ни разу не примѣнилъ этого ужаса къ самому себѣ. Тотъ же, тотъ умеръ—жалъ бѣдняка! На минуту это смущаетъ радость

жизни, но... но... Мнѣ нужно приготовиться къ завтрашнему вѣходу, передѣлать одну деталь въ своемъ произведеніи, ясно понятъ чужое произведеніе, сдѣлать визитъ, пойти на обѣдъ, написать пріятелю, поблагодарить поклонниковъ, видѣться съ любовницей... По токъ рветъ и не даетъ ни времени, ни желанія остановиться надъ понятіемъ извѣстнымъ, но настолько неопредѣленнымъ и отдаленнымъ отъ меня, что оно представляется почти невозможнымъ. Я знаю что я смертенъ, но это сознаніе мертво покоится на днѣ моего ума переполненнаго до краевъ водоворотомъ и шумомъ неисчислимыхъ явленій свѣта, неустанныхъ личныхъ впечатлѣній.

Вдругъ водоворотъ присмирѣлъ, шумъ утихъ, явленія свѣта исчезли и перестали пробуждать во мнѣ эхо впечатлѣній. Я лежу въ тишинѣ, ничѣмъ не нарушаемой, потому что общество людей мнѣ запрещено, и почти въ полной неподвижности, потому что мои силы возвращаются не особенно скоро. Только мозгъ мой работаетъ сначала съ трудомъ, потомъ все легче и продолжительнѣе.

Прежде всего, меня необыкновенно занимаетъ эта бацилла! Это дуновение вѣтра. Сколько разъ я слышалъ, что я—великій артистъ, и какъ вѣриво я вѣрилъ въ это! Великій художникъ! Величіе! Предметъ мировой любви! А существо безконечно малое чуть меня не пожрало, дуновение вѣтра чуть не смело меня со свѣта. Кто же теперь мнѣ скажетъ, что болѣе велико и сильно: я или бацилла, дуновение вѣтра или мировая любовь? Это дуновение достигло до меня черезъ отворенную дверь случайно. Вотъ и третій факторъ: случайность. Безконечно малая бацилла, дуновение вѣтра бессмысленная случайность—тройственный союзъ, который чуть не обратилъ въ ничто мое величіе. А если теперь онъ не сдѣлалъ этого, то можетъ сдѣлать каждый день, каждый годъ, или его роль замѣнитъ какая-нибудь одинаково почтенная тройца.

Вотъ тебѣ и величіе! Всякій такой грибокъ, недоступный невооруженному глазу, всякій глупый или разсѣянный лакей, который недостаточно хорошо нажметъ своею лапой ручку двери,—и готово! А случится это можетъ неизвѣстно когда, въ особенности тогда, когда я въ потѣ лица борюсь съ трудностями искусства, съ бѣшеною радостью преодолеваю ихъ, когда мой смычокъ, какъ волшебная палочка, чаруетъ толпу... когда мои уста горятъ на прелестныхъ устахъ моей невѣсты...

До такой степени я привыкъ считать себя существомъ,—если такъ можно сказать,—вершиннымъ, то-есть живущимъ у самаго вѣнца творенія, что долго не могъ согласиться, чтобы созданіе не измѣримо ничтожное, незамѣтно существующее у самой подошвы

мира, держало надо мною право жизни и смерти. Меня это изумляло и сильно обезпокоивало. Разъ, при мысли о томъ, какъ я гордился своими вдохновеніями и искусствомъ, своимъ титуломъ творца, самимъ собою, я засмѣялся такъ громко, что добрая женщина въ бѣлошъ фартукѣ подумала, будто я вновь теряю сознание, и поскорѣ послала за докторомъ. Докторъ явился, нашелъ все въ порядкѣ и спросилъ, что меня такъ разсмѣшило часъ тому назадъ?

— О, докторъ, — сказала я, — я былъ свидѣтелемъ любопытнаго зрѣлища: самъ, въ собственныхъ глазахъ, я умалялся, умалялся и, наконецъ, сдѣлался меньше микроба.

— А мы васъ наблюдали въ микроскопъ, а? — пошутилъ онъ.

— И наблюдая такимъ даже образомъ, вы еще не могли видѣть того, что творится во мнѣ...

— Съ вами? — поправилъ онъ.

— Нѣтъ, во мнѣ. Туча опустилась мнѣ на мозгъ. Я боюсь, что никогда уже не буду такимъ яснымъ, какъ прежде.

— Обманъ глазъ и ума, послѣдствія большой слабости. Сохраняйте спокойствіе, кушайте свой бифштексъ, пейте вино и скоро вы будете снова такимъ же великимъ, какъ были.

— Для васъ, можетъ быть, но не для себя. Бифштексъ, это — не смягчающій пластырь для раны, остающейся на мозгѣ, въ рюмкѣ вина не потопишь величайшаго въ мірѣ вопросительнаго знака.

Я спрашиваю: что будетъ потомъ? Послѣ чего? Ну, послѣ того, когда меня сожретъ грибокъ или зефиръ смететь съ лица земли. У меня есть нѣкоторое понятіе о химическомъ процессѣ, которому послѣ катастрофы подвергается та часть человѣка, которая называется тѣломъ. Въ своему несчастію, изъ разговоровъ съ знающими людьми и изъ книжекъ я ознакомился съ разными фазами неизбежной метаморфозы и воспроизводилъ ихъ въ воображеніи съ поразительною ясностью и пластичностью. Минуты, цѣлые часы я проводилъ за наблюденіями надъ разложеніемъ собственнаго тѣла въ разныхъ его фазисахъ и періодахъ и въ концѣ почувствовалъ къ себѣ отвращеніе, граничащее съ безуміемъ. Болѣзненные галлюцинаціи... онѣ должны исчезнуть съ моментомъ возвращенія моихъ силъ, но на днѣ ихъ лежала истина самая очевидная и самая вѣчная изъ всѣхъ существующихъ истинъ — неизбежность смеги и вѣроятная близость къ ней во всякую минуту жизни. При ракъ, неясныя очертанія котораго я едва замѣчалъ до сихъ поръ, теперь выскочилъ изъ глубины перспективы, схватилъ меня за зрачокъ и кричалъ: «Я существую! Я долженъ быть! Присмотрись, какъ въ я!» Я присматривался съ ужасомъ, поднимающимъ на моей

головѣ волосы дыбомъ, меня давило впечатлѣніе тучи, — тяжелой, темной, вторгающейся внутрь меня и лежащейся одинаково какъ на моемъ мозгу, такъ и на сердцѣ.

А въ комнатѣ отеля съ малиновыми обоями было пусто и тихо. Докторъ запретилъ присутствіе постороннихъ людей. Присутствіе близкихъ и любящихъ было бы разрѣшено, — я думаю, даже желательно. Что же это? У меня, великаго, любимаго, чуть не обожаемаго всѣмъ міромъ, неужели не было никого близкаго и любящаго? Гдѣ Октавія? Гдѣ же Октавія? Отчего она...

По прошествіи нѣкотораго времени, какъ тонущій за соломонку, я схватился за мысль: хорошо, все это будетъ съ моимъ тѣломъ. А духъ?

Сколько разъ я слышалъ и самъ произносилъ слова: вдохновенный, пламенный, глубокий, творческій, великій духъ! Что же это такое? Мысли, чувства, вдохновенія мои, — прежде всего, мои пѣсни, — ахъ, эти пѣсни, которыя бороздили мой мозгъ, какъ молніи небо, и, изливаясь изъ-подъ моей руки, уносили въ небо столько чуждыхъ мнѣ людей, — что же все это? Все это такъ же ли слагалось изъ бѣлка, жира и фосфорно-кислой соли, вдыхало кислородъ и азотъ, имѣло происхожденіе извѣстное, исчисленное, взвѣшенное?

Самъ не знаю какъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ многихъ факторовъ, я давно разстался съ религіозными доктринами и понятіе о безсмертіи души было для меня вопросомъ, котораго я не могъ разрѣшить ни въ какомъ направленіи. Наконецъ, до сего времени ни надъ этимъ вопросомъ, ни надъ вопросами подобнаго сорта я никогда не останавливался. Потокъ несъ вѣтку на такихъ бурныхъ волнахъ, что не допускалъ до дна бездны. А бездна, однако, была. Уединеніе и бездѣятельность держали меня теперь надъ ея краемъ и я впивался въ ея черную глубину своими остолбенѣлыми, слѣпыми глазами, не видя ничего, безумно завидуя тому, кому эту бездну освѣщала свѣтильникъ вѣры.

Были минуты, когда я поспѣшно, отчаянно ухватывался за мысль, что, все-таки... все-таки, въ человѣкѣ можетъ быть что-нибудь такое, что-нибудь другое, чѣмъ тѣло, какой-нибудь неизвѣстный элементъ, не изслѣдованный, не названный, — онъ-то и не пропадетъ... Пропадать я не хотѣлъ. Ну, пусть ужъ тѣло! Но то, что во мнѣ мыслить, что чувствуетъ, поетъ, — и чтобы все могло пропасть... противъ этого возмущалось все, что было во мнѣ молодостью, талантомъ, силой. Я испытывалъ такое чувство, какъ будто погружался въ какую-то громадную пустоту. То было безум-

ное, безцвѣтное, зловонное ничто. Въ особенности зловонное, потому что отъ него вѣяло безсмысленностью и безцѣльностью, такъ противною для мысли, какъ для языка бываютъ противны жидкости, не имѣющія никакого запаха, ни вкуса. Я теперь на дѣлѣ узналъ истину, что природа не терпитъ пустоты. Мое мыслящее и чувствующее существо не хотѣло погружаться въ пустоту. Творить что-то сознательное, разумное, возвышенное, съ тѣмъ предназначениемъ, чтобъ оно гило въ грубомъ, глупомъ, отвратительномъ «ничто», мнѣ казалось нелѣпостью настолько гигантской и бессмысленной, настолько непонятной, что ни согласиться съ нею, ни понять ее я не могъ.

Докторъ мой, человѣкъ очень развитой и очень ученый, посмотрѣлъ одинъ разъ на меня съ безпокойствомъ и спросилъ, не гнететъ ли меня какая-нибудь забота или неудовлетворенное желаніе. Я отвѣтилъ, что меня, дѣйствительно, угнетаетъ то, что я родился артистомъ, а не ученымъ.

— Почему же это? — съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Тогда бы я зналъ, можетъ ли баццлла вмѣстѣ со мною съѣсть и мой талантъ.

— Геній, — поправилъ докторъ.

— Геній, — повторилъ я. — Такъ вотъ я зналъ бы, чѣ мой геній также, какъ тѣло, раньше или позже, обратится въ газы и соли.

— Но, дорогой мой, вы тогда также не знали бы объ этомъ, какъ не знаете и теперь.

— Какъ? Еслибъ я былъ ученымъ? великимъ ученымъ?

— Если бы вы были даже болѣе великимъ ученымъ, чѣмъ теперь великимъ артистомъ, то не узнали бы объ этомъ ни слова. Никто о такихъ вещахъ ничего не знаетъ. На такіе вопросы отвѣчаетъ только религія.

Меня охватилъ гнѣвъ.

— Зачѣмъ же вы корпите надъ науками?

— Мы ищемъ истины.

— Да, вѣдь, она не объясняетъ вамъ самаго важнаго.

— Для насъ самое важное — служеніе человѣчеству.

— А человѣчество баццлла слопааетъ или вѣтеръ сдуетъ съ земли.

{окторъ былъ недоволенъ.

— Дорогой мой, о такихъ вещахъ лучше не думать. Это недоушные абсолюты и излишнее созерцаніе ихъ можетъ даже самое твердое разумъ привести къ безумію. Подальше отъ всякихъ

величій! Вѣчность, это — величіе. Кто попробуетъ смотрѣть на солнце, тотъ ослѣпнетъ, кто, не призванный, подвернется подъ руку монарха, тотъ можетъ получить ударъ въ лобъ скипетромъ. Зачѣмъ? Человѣкъ — существо ограниченное въ своихъ средствахъ и долженъ имѣть дѣло только съ вещами ограниченными. Мы окружены желѣзнымъ обручемъ таинственности и должны сказать себѣ разъ навсегда, что никогда не переступимъ черезъ этотъ обручъ, не будемъ бороться съ непобѣдимымъ, — у насъ и безъ того достаточно работы. Жизнь — фактъ, также какъ и смерть. Единица умираетъ, — родъ существуетъ. Планета гибнетъ, — планетная система обходится безъ нея. Будемъ жить и совершенствоваться до возможной степени. Наука и искусство — одни изъ двигателей развитія. Будемъ разрабатывать ихъ. Усовершенствуемъ орудія, которыми мы обезпечиваемъ себѣ и ближнимъ счастье условное, но наше, краткое и, по всей вѣроятности, не повторяющееся. Вотъ и все. Ничего другого наука не можетъ сказать о томъ, чѣмъ вы такъ интересуетесь.

Благодарю! Вылечилъ, ученый человѣкъ, мое тѣло, но для души ты ничего не можешь сдѣлать. Ничего не можешь для того, что тревожится въ мозгу, возмущается, не хочетъ... Если бы ты сто лѣтъ убѣждалъ меня, что я долженъ ограничиваться тѣмъ, что условно, но наше, коротко, но не повторяемо, то и тогда не выполнилъ бы своей задачи, — во мнѣ есть что-то, что безконечно и беспомощно вопрошаетъ о безусловности и требуетъ вѣчности. Счастливъ сто кратъ, въ комъ не раздается такой голосъ. Но у кого нѣтъ его? И во мнѣ онъ молчалъ долго. Я ограничивался этимъ молчаніемъ, не думая даже, что ограничиваюсь, но бурный потокъ остановился, вѣтка упала у самой пасти бездны. Боже! Великій Боже! Что тамъ, въ этихъ недоступныхъ для моего глаза глубинахъ? Ничто? Только ничто? Я не хочу... Именно этого-то я и не хочу всѣми моими силами. Дайте мнѣ Бога, вѣчность, бессмертіе, а то, если нѣтъ, я плюну съ презрѣніемъ, съ ненавистью на эту силу, слѣпую, глупую, жестокую, которая призвала къ жизни меня и мой геній, — о, мой геній!... — призвала къ жизни только для того, чтобы, давъ мнѣ минуту существованія, превратитъ все это въ водородъ!

Не мыслить! Не мысли, счастливецъ, если можешь, — для меня это невозможно. Я всегда черезъ-чуръ высоко цѣнилъ пламя, горящее въ моей головѣ, чтобъ угасить его теперь, когда оно загорѣлось угрюмымъ свѣтомъ. Не нужно было и начинать. Счастливъ сто кратъ, кто никогда не начиналъ мыслить. Но есть ли такой?

Можетъ быть. Что касается меня, если бацилла была поводомъ, что я началъ думать, то я долженъ думать... больше, хочу думать, несмотря на мои удрученія, которыя дѣлають жизнь противною, хочу погружаться въ размышленія о ничтожествѣ жизни, какъ въ черную воду.

Ш.

Великій вопросъ, —этотъ ученый человѣкъ настолько ли излечилъ хотя бы мое тѣло, чтобъ я тысячу разъ не проклиналъ, что меня лечили? Я въ тысячу разъ предпочитаю не жить, чѣмъ не играть. А рука моя больна. Правая рука. Еще во время болѣзни у меня были проблески сознанія о томъ, что съ нею творится что-то недоброе, а теперь я испытываю вѣчное безпокойство, а иногда и ужающую тревогу. Вѣдь, это—мое орудіе. Въ первый разъ въ моей мысли появляется вопросъ: что я буду стоять безъ этого оружія? Въ первый разъ я пробую заглянуть въ глаза не артисту, а человѣку. Если музыкантъ погибаетъ, то какой же человѣкъ остается? Я предвѣщаю что-то недоброе и не хочу думать объ этомъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Музыкантъ не погибнетъ, выздоровѣетъ. Это пройдетъ. Да и что это такое? Вещь совершенно пустая. Боль въ плечѣ и невозможность продѣлывать извѣстную серію движеній. Я хочу вытянуть руку надъ головой, а касаюсь только своего лба, — она какъ-то напряжена и кажется мнѣ укороченной. Больше ничего. Боли никакой. Просто вздоръ, на которомъ, однако, какъ на волоскѣ, виситъ все, чѣмъ я обладаю и чего я стѣю... Что же случилось? Пустяки. Дуновеніе вѣтра, охватившее разгоряченную руку, руку музыканта, исключительно подверженную болѣзнями извѣстнаго рода. Бромъ того, и послѣдствія тифа. Такія великія событія, какъ тифъ, часто влекутъ за собою такія послѣдствія, какъ, напримѣръ, частичный параличъ руки. Счастливо отдѣлавшись отъ великаго, я, по словамъ доктора, долженъ снисходительно относиться къ мелкому. Отъ тифа можно умереть, а отъ воспаленія нерва въ плечѣ—глупости! Отъ этого еще никто не умиралъ. Но позвольте! Я предпочитаю умереть!... Это пройдетъ, повторяетъ дои оръ. Вотъ оно что!... Да, еслибъ вѣрилъ, но я приучился уже думать, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго. А если не пройдетъ? Мо-этъ и не пройти. Можетъ быть, это что-нибудь не такъ легко поддающееся леченію, чѣмъ думаетъ докторъ? А если не пройдетъ? Боже, Боже, Боже! Не хочу... Это хуже смерти. Я предпочитаю умереть. предпочитаю умереть весь, но не хочу, чтобъ моя рука ос-

тавалась мертвою при мнѣ, живущемъ. Я предпочитаю смерть, хотя съ моею смертию канеть въ ничто мое драгоценнѣйшее сокровище—душа моя, полная пѣсенъ.

Но я сумасшедшій и тревога моя ребяческая. Это пройдетъ. Вотъ уже и проходитъ. Немного усилія, я подниму руку вверхъ и съ прежнею легкостью начну перебирать пальцами... Попробую, попробую!... Не могу. Собираю всѣ силы, чтобъ удержаться отъ рыданія. Еслибъ я не переломилъ себя, то забился бы въ самый темный уголъ и плакалъ бы, какъ ребенокъ.

Я пробую каждый часъ, каждую четверть часа, только что пробудившись отъ сна. Не могу... и въ теченіе долгихъ ночныхъ часовъ лежу остолбенѣлый отъ изумленія, всматриваясь въ темному широко открытыми глазами. Какъ? Я не могу играть? Ха, ха, ха! Можно умереть со смѣху,—такая это нелѣпость! Я схватываю скрипку, провожу смычкомъ по струнамъ... Нѣтъ, не могу! Кажется, что разъ я ударился головой объ стѣну, а во второй разъ вырвалъ у себя влокъ волосъ.

Наконецъ, я посвящаю доктора въ свое отчаяніе и свою тревогу. Въ это время я сижу около него на диванѣ и чувствую, что я—малый ребенокъ, тихій, покорный... что глаза мои, помимо моей воли, принимаютъ умоляющее выраженіе, а голосъ звучитъ тоньше, чѣмъ обыкновенно. Я ужасно растроганъ, но, несмотря на это, смѣюсь надъ самимъ собою и почти презираю себя. Какъ можно быть настолько слабымъ и трусливымъ! И, думая такъ, я вымаливаю помощь. Не знаю даже самъ, какъ изъ моихъ устъ вышли эти тихія слова, обильныя, горячія, какъ молитва отчаяннаго чловѣка, взывающаго къ милосердію Божію. Я умолялъ о помощи.

Докторъ, смѣшавшійся, взволнованный, утѣшаетъ меня. Но, вѣдь, это пройдетъ. Это никогда не проходитъ скоро. Нужно время, терпѣніе, а также соответственное леченіе. Когда онъ говоритъ, я всматриваюсь въ него, усиливаюсь читать въ его глазахъ, не вретъ ли онъ для того, чтобъ успокоить меня, или твердо увѣренъ въ томъ, что говоритъ. Сначала слова его льются на меня какъ цѣлебный бальзамъ, но потомъ мое сердце пронизываетъ стрѣла сомнѣнія. Нѣтъ, онъ не увѣренъ въ томъ, что говоритъ. Онъ самъ сомнѣвается. Онъ даже предлагаетъ консилиумъ, а это лучшее доказательство. Не пройдетъ это, нѣтъ; я теперь вижу ясно, какъ при сотнѣ свѣчей, что не пройдетъ. Но на другой день трое самыхъ знаменитыхъ въ столицѣ врачей, послѣ совѣщанія, объявляютъ, что пройдетъ. Я чуть въ окно не выскочилъ отъ радости. Я смѣялся, пожималъ всѣмъ руки такъ, что суставы трещали, болтали,

как заведенная машина, смѣшныя вещи, со слезами на глазахъ. Передъ вечеромъ я схватилъ скрипку и смычокъ. Ахъ, какъ бы я заигралъ! Какъ долго я не игралъ... какая бѣшеная тоска грызеть меня по этимъ звукамъ, которые составляютъ всю мою жизнь, все мое существо!... Итъ, не могу! Рука коротка, пальцы не двигаются, больно. Охъ, не пройдетъ это! Я сѣлъ въ уголъ, уменьшилъ огонь лампы, чтобъ она поменьше свѣтила, и просидѣлъ долго, окаменѣлый, безсильный, почти безсмысленный.

Никогда до сихъ поръ я не предполагалъ, чтобы человѣкъ могъ быть такимъ часовымъ маятникомъ, который все твердитъ: да! кътъ!—существомъ такимъ ничтожнымъ, малымъ передъ лицомъ изыччиваго, какъ вѣтеръ, и таинственнаго, какъ все на землѣ, своего предназначенія.

IV.

Я слышалъ и читалъ, что люди, выздоравливающіе послѣ долгой болѣзни, съ невыразимою радостью привѣтствуютъ возвращающееся къ нимъ біеніе жизни и сознаніе явленій міра. Дѣло чаще всего происходитъ весною или лѣтомъ, когда солнце свѣтитъ въ лазури неба, цвѣты цвѣтутъ, птицы щебечутъ, тихіе зефиры порхаютъ по свѣту. Существо выздоравливающее окружаютъ другія существа, изливающія на него море любви, скопившееся отъ испытанной тревоги, сдуваютъ съ него каждую пылинку. И всѣ ухаживания преграждаютъ доступъ къ мозгу выздоравливающаго ястребинымъ вопросамъ и темнымъ тучамъ. Выздоровливающимъ, какъ невзванный ребенокъ, возвращается на лоно жизни и протягиваетъ руки за ея сладостями съ тѣмъ большею радостью, чѣмъ ближе къ правдѣ было предположеніе, что никогда уже онъ ихъ вкушать не будетъ.

Со мной иначе. Меня, выздоравливающаго, окружаютъ четыре стѣны комнаты отеля, обитой малиновыми обоями, по которымъ вьются тоже малиновые, хотя и болѣе свѣтлыя, арабески. Мебель, обитая малиновымъ бархатомъ, у оконъ малиновыя занавѣски, полированные столы, зеркало въ позолоченной рамѣ, позолота у потолка, надъ окнами, на стѣнахъ. Богато, скучно и глупо въ этой дорогой и роскошной комнатѣ. За окнами—желтоватая стѣна противуположнаго дома и бѣлая зима въ городѣ, опалѣвшемъ отъ карнавала. Бѣлыя снѣжки на крышахъ, выше полоска бѣлаго неба, внизу бѣлая полоска улицы, по которой съ дребезжаньемъ колокольчиковъ мчатся саней. Монотонно и скучно. И глупо также,—ну, зачѣмъ

такъ бѣшено мчатся люди на этихъ рояхъ саней? Подождите, остановитесь на минуту, посмотрите, подумайте! Развѣ вы не замѣчаете у ближайшаго заворота улицы, въ облакахъ, въ воздухѣ, — не замѣчаете чего-то ужаснаго и непонятнаго, что свалится на васъ неожиданно, схватитъ васъ за горло и, вырвавъ васъ изъ вихура потока жизни, завлечетъ Богъ знаетъ куда, или, оставивъ на лицѣ земли, сдѣлаетъ изъ васъ Богъ знаетъ что, но совѣтъ не то, чѣмъ вы есть теперь?

Люди толпами записывали свою фамилію у моихъ дверей, покуда, по распоряженію доктора, онѣ были заперты для нихъ, а когда отворились, то посѣтители также толпами начали навѣщать меня. Какъ же! Великій музыкантъ, любимецъ человѣчества, сокровище міра! Нужно же его навѣстить, развлечь, записаться въ его благодарной памяти, чтобы при встрѣчѣ онъ публично пожалъ намъ руку, чтобы, кромѣ того, наши чувства и старанія вновь побудили его ласкать нашъ слухъ.

Градъ вопросовъ, элегіи соболѣзнованій, гимны утѣшеній и, въ особенности, громадный, не скрываемый интересъ относительно моей правой руки. Рука! Можетъ ли быть? Именно рука! Что это за исключительный и несчастный фактъ! Но это пройдетъ! Конечно, пройдетъ! Не можетъ быть, судьба не такъ жестока, чтобы заставить міръ понести такую колоссальную утрату. Однако, что же это такое? Какъ это называется? Какъ скоро можетъ пройти? Что доктора говорятъ объ этомъ?

Гуртовые вопросы и гуртовые проявленія сочувствія, горячіе, искренніе, въ большинствѣ случаевъ, искренніе. И, все-таки, въ выраженіи лицъ, во взглядахъ, въ вибраціяхъ голоса слышится что-то такое, что говоритъ ясно, хотя безъ словъ: «Можетъ быть, и не пройдетъ, а если не пройдетъ, то ты погибъ. Если не пройдетъ, утрата для міра будетъ колоссальная, — чортъ побралъ бы тебя самого, но міръ потеряетъ много. Если не пройдетъ, то... ты гроша мѣднаго не будешь стоить, и ищи себѣ гдѣ хочешь утѣшителей, — среди насъ ты не найдешь ихъ!» Тѣ, у которыхъ подобныя мысли проявлялись въ глазахъ и звукахъ голоса, однако, скорбѣли, не надо мною лично, но, все-таки, скорбѣли искренно. Но въ глубинѣ, въ самой глубинѣ нѣсколькихъ паръ глазъ я замѣтилъ, несмотря на необыкновенно чувствительныя слова, какой-то проблескъ радости. Какое зло я сдѣлалъ этимъ людямъ? Сознательно, — никакого; бессознательно я затемнялъ ихъ, отодвигалъ на задній планъ. И это были не одни только музыканты, мои непосредственные соперники. Мелкій писатель или мелкій жи-

вопсець не разъ чувствовали, что ими пренебрегли для крупнаго музыканта и, восхищаясь его талантомъ, они ненавидѣли человѣка. Но я всегда питалъ добрыя чувства ко всѣмъ людямъ, ввергать въ пренебреженіе никого не хотѣлъ, ничьихъ заслугъ не отрицалъ. Что за несправедливость!

То была не несправедливость, а такая точка зрѣнія, съ которой артистъ представлялся всѣмъ, человѣкъ ничѣмъ. Всѣ, даже наилучшіе, наиболѣе расположенные ко мнѣ люди думали: «Если талантъ твой пропадетъ, мы съ горя раздеремъ одежды, но ты самъ, какъ человѣкъ, вовсе насъ не интересуешь. Ты намъ ни братъ, ни свать, мы почитаемъ тебя, любимъ, какъ артиста, а если ты перестанешь быть артистомъ, мы швырнемъ тебя въ уголъ, какъ истрепанный и никому ненужный лохмотъ. Правда, ты добрый малый, открытый, дѣятельный, расположенный ко всѣмъ, но подобныхъ много, и какая судьба постигаетъ cadaго изъ нихъ, намъ дѣла нѣтъ, — у насъ на шеѣ свои собственныя заботы и заботы нашихъ братьевъ и сватьевъ. Правда, ты очень несчастливъ, но тѣмъ хуже для тебя, потому что несчастный и скучный — это синонимы. Наконецъ, несчастныхъ на землѣ такое множество, что кто приметъ на себя попеченіе объ этой бочкѣ Данаидъ? Останься артистомъ, останься великимъ артистомъ, потому что иначе ты выйдешь со своимъ блестящимъ прошлымъ и неоспоримыми достоинствами тотчасъ же канешь, какъ капля, въ волну забвенія».

А такъ какъ надежда на спасеніе артиста еще не исчезла, то всѣ приходили, совѣтовали, рекомендовали знаменитыхъ докторовъ, приносили городскія сплетни, читали мнѣ газеты, играли со мной въ карты. Барыни являться не могли и поэтому присылали мнѣ цвѣты и самыя любезныя слова на самой модной бумагѣ. Только во всемъ этомъ не было дыханія любви, того божественнаго дуновения, которое воскрешаетъ мертвыхъ и возстающимъ отъ тяжелой болѣзни повелѣваетъ схватываться за жизнь съ радостью младенца, хватающагося за грудь матери.

А Октавія?

У.

ло на землѣ, въ томъ же самомъ городѣ, существо, которое любю до меня. Обручальное кольцо сверкало на моемъ пальцѣ большаго брилліантомъ. День нашей свадьбы былъ назначенъ. Мы полюбили другъ друга годъ тому назадъ, и полюбили навсегда.

естная блондинка, съ черными глазами, съ очертаніями греко-латинской статуи, съ душою, полною чувства, кротости, любви ко

всему, что хорошо, истинно и прекрасно. Первымъ звеномъ, соединившимъ насъ, была музыка; но потомъ, о Боже, сколько мы нашли и другихъ! Прежде всего, физическое влеченіе, а потомъ одинаковое преклоненіе передъ тѣмъ, что хорошо, истинно и прекрасно, и, наконецъ, совершенное равенство въ общественномъ отношеніи. Если она происходила изъ старой дворянской семьи, то я самъ завоевалъ себѣ славу; если у нея были средства, то и моя скрипка представляла большое состояніе. Папа и мама были довольны, и мы... о, мы обитали у самыхъ дверей рая! Въ будуарѣ, который рядомъ съ великолѣпною гостиной казался какимъ-то тихимъ гнѣздышкомъ, какія долгія и согласныя бесѣды вели мы, обмѣнивались какимъ короткимъ, но сладостнымъ шепотомъ, какими пламенными поцѣлуями!... Чему удивляться? Натура моя артистическая, немного деспотичная, неудержимая, а она была кротка, какъ голубь, влюблена, какъ Офелія. Притомъ, обрученіе паше было отпраздновано всенародно и торжественно, свадьба должна была совершиться скоро.

Когда я падалъ въ бездну, я громко призывалъ ее на помощь и въ утѣшеніе, а когда выбирался изъ бездны, то меня удивляло, что я не вижу ея. У меня было не представленіе, а чувство, что ея присутствіе должно быть неразлучно съ моими страданіями. Въ горячешномъ бреду я принималъ за нее добрую женщину въ бѣломъ фартукѣ, съ каждымъ возвращающимся проблескомъ сознанія ко мнѣ возвращались вопросы: почему ея нѣтъ здѣсь? Кто же обязывалъ ее быть здѣсь? Я не понималъ, но чувствовалъ, что такъ должно было быть.

Существо, которое столько разъ и на всѣхъ струнахъ душевной арфы повторяло, что любить меня больше всего міра, больше себя, которое мѣло отъ упоенія при каждомъ прикосновеніи моего смычка къ струнамъ и моей руки къ ея рукѣ, существо, которое съ радостью пожелало соединить мою судьбу съ своею судьбой, — и оно не со мною, когда я могу каждую минуту исчезнуть съ лица земли, когда ни одинъ часъ не пройдетъ въ увѣренности, что я еще живъ! Я не понималъ, я не объяснялъ никакихъ мотивовъ, не ставилъ никакихъ заключеній, но въ состояніи глухой сознательности они существовали во мнѣ и изъ таинственныхъ глубинъ души, куда не проникаютъ понятія о правахъ человѣка, поднималось недоумѣвающее чувство отвращенія къ правамъ природы. Потомъ уже я началъ понимать, мыслить, вспоминать, и вспомнилъ одно великое право, которое заключается въ одномъ маленькомъ словѣ: неприлично!

Да, я забылъ. Какимъ образомъ могъ забыть я, который самъ всю жизнь подчинился этому праву и до нѣкоторой степени даже стоялъ на его стражѣ? Однако, я забылъ, и это понятно. Мой умъ былъ такъ сильно пораженъ вещами огромной важности, что всякія мелочи исчезали для него, а въ замѣнъ этого въ немъ вступили въ тѣсный союзъ два одинаково же огромныхъ понятія: смерти и любви. Мнѣ казалось, что это двѣ равныхъ размѣровъ силы—единственные несомнѣнныя истины, что только правда любви можетъ вознаградить человѣка за несправедливость смерти. Но на дѣлѣ вотъ что случилось! Право смерти чуть не стерло меня въ порошокъ, а право любви само стерлось передъ маленькимъ словомъ: неприлично!

Женственная скромность, опасеніе передъ сплетнями. Да, да. Справедливо. Долгія бесѣды одинъ на одинъ въ тихомъ гнѣздышкѣ, когда я былъ здоровъ и веселъ, требованій скромности не нарушали, но эти требованія были бы нарушены, еслибъ я лежалъ на смертномъ ложѣ. А еслибъ я умеръ, она, опозоренная, никогда не могла бы выйти замужъ, а еслибъ и составила партію, то не скоро, да и пониже, похуже... Справедливо. Боль скоро любимому человѣку грозитъ смерть, любящій долженъ думать только о себѣ, о томъ, что кто-нибудь долженъ замѣнить исчезнувшаго и чтобы этой замѣнѣ ничто не помѣшало. Еще разъ: справедливо, разсудительно, только все это—какая-то смѣсь лагрицы съ уксусомъ, которая отбиваетъ вкусъ отъ любви. Любовь и «неприлично» точно такая же пара, какъ геній и баццлла. И здѣсь, и тамъ безконечно-малое пожираетъ безконечно-великое. Какъ-то холодно, пусто, скучно.

Что это? Письмо отъ нея? Маленькій, пахучій конвертикъ. Басаясь его атласной поверхности, я испытываю чувство, что касаюсь ея руки, и чувствую себя очень взволнованнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я испытываю угрызения совѣсти. Моя бѣдная, дорогая, несправедливо обвиненная! Негодай я! Какъ я могъ забыть, что женщина въ ея лѣтахъ и положеніи зависитъ отъ воли другихъ? Я жажду на колѣняхъ вымолить у нея прощеніе за то, что въ моемъ сердцѣ имѣлъ заговорить голосъ, обвиняющій ее въ мелочности, хотя тамъ было только страданіе. О, великое страданіе, о которомъ она, навѣрное, пишетъ, и любовь также великая, слова которой такія же священные, какъ она, я, навѣрное, найду на этомъ листкѣ! Я оттягиваю время, радуюсь, блаженствую, оживаю надеждой, что я говорю?—увѣренностью счастья. Однако, меня палитъ безпокойство и суетность; я разрываю конвертъ и читаю:

«Многоуважаемый...» Что это такое? Она называет меня многоуважаемым? Но, вѣдь, у меня порядочная пачка ея писемъ, гдѣ я назывался просто Юліемъ. И не только на письмѣ она называла меня такъ. А теперь «многоуважаемый»! Далѣе слова необыкновенно любезныя, съ отѣнкомъ дружбы къ человѣку и выраженіемъ поклоненія артисту. Въ концѣ—желаніе, чтобы я какъ можно скорѣе выздоровѣлъ.

Что значить все это? Откуда между нами появился такой церемонный тонъ? Нѣтъ ли тутъ еще чего-нибудь? Ничего. Письмо кончается на другой страницѣ листка. Я смотрю на третью, на четвертую и хотя вижу, что онѣ пусты, смотрю еще разъ. Бываютъ такія чернила, которыя не видны и выступаютъ только передъ тѣмъ, кто знаетъ секретъ, какъ ихъ вызвать. Что я сдѣлаю, что я сдѣлаю, коль скоро не знаю такого секрета? Какъ же я прочту то, что она должна была написать мнѣ волшебными чернилами... должна?

Я засиѣлся надъ собой и надъ своими волшебными чернилами. Тутъ крылось совсѣмъ другое волшебство. Я началъ понимать загадку, когда отецъ моей возлюбленной объяснилъ мнѣ ее до конца. Добрый человѣкъ навѣщалъ меня теперь почти каждый день. Какъ же не навѣщать будущаго зятя, который только что перенесъ тяжкую болѣзнь, да, къ тому же, еще знаменитаго человѣка? Умѣренный меломанъ, но человѣкъ добрый, мягкій, добродушный безъ гордости желчи. Мы очень любили его. Онъ обыкновенно говорилъ, что я обладаю тремя золотыми вещами: смычкомъ, сердцемъ и хорошимъ характеромъ. Я былъ сердечно благодаренъ ему, что онъ безъ малѣйшаго сопротивленія отдалъ мнѣ Октавію; по временамъ меня охватывала радость, что у меня будетъ отецъ, потому что своего я не помнилъ. И онъ, и моя мать умерли, когда я былъ малымъ ребенкомъ. Семьи у меня не было, родственниковъ немного, да и то далекихъ, а сердце было глупое, нѣжное, жаждущее близкихъ, своихъ.

Теперь, послѣ письма Октавіи, когда этотъ достойный, любимый человѣкъ пришелъ ко мнѣ, я посмотрѣлъ на него взоромъ, обостреннымъ подозрѣніемъ и беспокойствомъ. Онъ былъ необыкновенно любезенъ, выказывалъ дружеское расположеніе, какъ и письмо Октавіи, но, какъ у письма, у него не доставало двухъ нотъ, которыя прежде были, а теперь исчезли безъ слѣда. Меньше фамиллярности, желаніе увеличить разстояніе между мною и собою на два шага,—только на два шага, но увеличить. Какъ и въ письмѣ Октавіи, такая же осторожность и сдержанность. Разговоръ свободный, но съ заднею мыслью, проглядывающею въ нѣкоторыхъ

словахъ: глаза нѣтъ-нѣтъ, да и останоятся на одной точкѣ; рука нѣтъ-нѣтъ, да и забарабанить по столу пальцами, съ правильно отточенными, миндалевидными ногтями. Я зналъ уже давно, что онъ начинаетъ такъ барабанить только въ минуты смущенія. Наконецъ, послѣ часового разговора задняя мысль высунулась напередъ и выразилась въ вопросѣ: «не думаю ли я, какъ и онъ, что наша свадьба съ Октавіей должна быть отложена на нѣсколько мѣсяцевъ, на полгода, можетъ быть, на годъ, — словомъ, до моего полного выздоровленія?» Я удивился, потому что былъ совершенно здоровъ, но удивленіе мое остановилось на полдорогѣ при его взглядѣ на мою правую руку. Взглядъ этотъ былъ невольный, быстрый, какъ молнія, но и какъ молнія освѣтилъ передо мною мозгъ моего собесѣдника. Какъ въ раскрытой книгѣ, я прочелъ въ этомъ мозгу отцовскую осторожность. Но на глазахъ у него были слезы. На ряду съ осторожностью, въ немъ было и дружеское сожалѣніе, и оно-то выжало изъ его глазной железы каплю влаги. Тѣмъ не менѣе, его вопросъ сопровождался заключеніемъ, что въ настоящее время срокъ нашей свадьбы съ Октавіей не можетъ быть, рѣшительно не можетъ быть опредѣленъ точно.

Я понялъ и первымъ моимъ движеніемъ было сказать, что срокъ этотъ можно опредѣлить словомъ: никогда. Но я почувствовалъ несносную боль въ сердцѣ, — во мнѣ крикнули и нѣжность въ той, которую я любилъ, и великая жалость къ ней. Она зависѣла отъ воли этого человѣка, но, вѣдь, и она сама человѣкъ. Она можетъ желать, отчаяваться, но можетъ и бороться. Только она должна рѣшить этотъ вопросъ, никто другой, — меньше всего моя гордость. Моя уязвленная гордость разсѣялась, какъ туманъ, при мысли о ея страданіи и при моемъ собственномъ страданіи, вызванномъ мыслью о разлукѣ съ нею навсегда. Я просилъ отложить рѣшеніе до моего свиданія съ Октавіей, а нѣсколько часовъ спустя, весело смѣясь, спросилъ у своего доктора:

— Скажите мнѣ, только такъ... откровенно, что вы наговорили обо мнѣ... знаете гдѣ?

Онъ зналъ, о чемъ я говорю, и сразу страшно смѣшался, потомъ началъ увѣрять, что это вовсе не онъ, а профессоръ X. громко: передъ всѣми утверждаетъ, что правой рукѣ моей грозитъ атрофія мускуловъ и что, вѣроятно, я никогда уже не буду имѣть возможности играть на скрипкѣ. Онъ, мой докторъ, совсѣмъ противъ моего мнѣнія. Они спорили объ этомъ съ профессоромъ при многихъ свидѣтеляхъ, и, какъ видно, мнѣніе профессора одержало потому что вотъ что случилось!

— А что именно случилось?—спросилъ я.

— Ну, я не знаю, слухъ можетъ быть не вѣренъ... Извините, что я упомянулъ о немъ.

— Какой слухъ?

— Что ваша свадьба разстроилась.

Знаю ужъ, знаю. Уже разошелся этотъ слухъ. Vox populi, vox Dei... Очевидно, мой талантъ, — или гений, что ли, — вещь одна, а самъ я — другая. Съ нимъ я — сокровище человечества, безъ него — лохмоть, который нужно выбросить въ окно. Золотое сердце и золотой характеръ утратили всю цѣну, когда ихъ погинулъ золотосносный смычокъ. Съ этою сокровищницей я былъ бы отличною партией, а еслибъ утратилъ ее, то спустился бы до уровня червя... горе ему, если онъ будетъ мечтать о звѣздѣ! И такъ, отложимъ свадьбу до поры, когда мускулы моей правой руки рѣшатъ: царь или цыганъ. Свѣтъ утверждаетъ эту великую истину, заранѣе уже гласить, что несчастье мое будетъ ножомъ, который перерѣжетъ нити, соединяющія меня съ любимой и любящею женщиной. Vox populi, vox Dei.

Но посмотримъ еще, какъ это будетъ. Здѣсь есть еще, кромѣ отца и свѣта, одинъ судья, забытый, но самый главный: сердце Октавіи. О, это сердце, дѣвственное, чистое, любящее, — любящее не меня только, а все доброе, правдивое и прекрасное, это ангельское сердце точно такъ же должно быть вѣрнымъ и должно быть мужественнымъ! Оно не откажется отъ будущаго, которое, вмѣсто славы, богатства и меня, можетъ одарить ее только однимъ мною. Если меня встрѣтитъ несчастье, самое предположеніе о которомъ повергаетъ мое существо въ конвульсію боли и тревоги, — благословенная рука Октавіи будетъ изливать цѣлительный бальзамъ на мою боль и тревогу, ея святая, возвышенная любовь сдѣлаетъ чудо: моя немощь превратится въ непоколебимую мощь. Играть я не могу, — буду компанировать. Мускулы руки могутъ подвергнуться атрофіи, но не мускулы души моей. Мой духъ, безъ начала и конца, проникающій всего меня, пѣвучій, творческій, останется живымъ, если ты, Октавія, оставишь въ немъ живую вѣру въ ту великую, святую вещь, какою есть великая и вѣрная любовь женщины!

VI.

Позолоченныя лучами заходящаго солнца рамы картинъ и зеркаль вспыхивали кое-гдѣ дрожащими огоньками, обивка мебели

отбрасывала бирюзовый отблескъ на бѣлыя стѣны, густо изукрашенные позолотой. У тумбы розоваго мрамора, на которой большой бронзовый канделябр свергалъ своими гранеными подвѣсками, стояли стулья, маленькіе, фантастическіе, заслоненные листьями фикусовъ, какъ гнѣздышко для воркующей пары. Въ большой гостиной — уютный уголокъ. Сердце страшно забилося у меня, дыханіе сдѣлалось прерывистымъ, когда съ порога я посмотрѣлъ на маленькіе стулья возлѣ розовой тумбы. Воспоминанія, связанные съ ними, горячею волной заставили хлынуть кровь къ моему лицу и груди. Я стоялъ и ждалъ. Было условлено, что мы увидимся одинъ-на-одинъ. У меня не было и тѣни сомнѣнія относительно того, какъ мы встрѣтимся. Руки мои горѣли отъ желанія прикоснуться къ ея маленькимъ ручкамъ. Одинъ взглядъ, одно слово: моя! — и все будетъ вознаграждено, все воскреснетъ. Пускай во всѣхъ углахъ земли смерть подстерегаетъ людей и меня, — предъ моими глазами ее заслонить волшебный образъ Октавіи. Пускай грубый, глупый, ужасный случай превратитъ мою царственную руку въ руку жалкаго трупа, — моя пѣснь польется съ неслыханною до сихъ поръ силой, съ чувствомъ безконечной благодарности къ ней, моей вѣрной, моей святой...

Она близко, сейчасъ войдетъ. Я такъ хорошо знаю ея быстрые и легкіе шаги, такъ привыкъ различать ихъ тогда, когда они еще никому не были слышны.

Она вошла быстро, легко, стройная, изящная отъ подошвы туфли до самаго тонкаго свѣтлозолотистаго волоска, съ слегка наклоненною головою. Руки мои нетерпѣливо протянулись къ ея рукѣ, артистическая натура и страстная любовь вспыхнули сразу.

— Октавія! Октавія! Какъ давно... давно...

— Прошу васъ, садитесь...

Съ слегка наклоненною головою, раскраснѣвшаяся, не видя протянутыхъ къ ней рукъ, она указывала мнѣ стулъ. Я сѣлъ. Она заговорила. Ей было уже 23 года, — она хорошо знала, какъ принимать гостей, но отъ волненія и неловкости ея глаза по временамъ моргали часто, часто, точно испуганная бабочка трепещетъ крыльшками, голосъ на секунду обрывался въ горлѣ. Но секунда эта проходила и она вновь начинала занимать гостя. Она говорила слова очень любезныя, очень пріятныя, о томъ, въ какую тревогу моя болѣзнь повергла ее, ея отца и мать, весь міръ, насколько это можно было увидеть изъ газетъ, какъ всѣ благодарны докторамъ за то, что ихъ леченіе оказалось удачнымъ. Высказавъ все это, она замолчала. Молчалъ и я. Въ голосѣ ея и раньше слышалось сму-

щеніе, и, несмотря на всю опытность въ занимаіи гостей, она уже не знала, что говорить, а я не хотѣлъ. Да и зачѣмъ? Я зналъ уже все. Минуты двѣ просидѣли мы на маленькихъ стульяхъ, подѣ фикусомъ, молча. Странное впечатлѣніе! Я чувствовалъ себя такъ, какъ въ присутствіи умирающаго. Вотъ только что онъ былъ, столько минутъ мы провели съ нимъ вмѣстѣ и вотъ - вотъ его уже не станетъ. Умираетъ. Исчезаетъ. Однако, мой взглядъ, какъ муха въ паутинѣ, запутался въ ея золотыхъ волосахъ, которые всегда производили на меня очарованіе золотыхъ струнъ арфы. Когда я прикасался къ нимъ рукою или губами, сто струнъ въ моемъ сердцѣ издавали такой аккордъ, что я переставалъ слышать весь міръ и самого себя. Теперь я только взглядомъ прикасался къ своей золотой арфѣ, но и отъ этого взбунтовались всѣ мои страсти. Не зная, какъ и когда, я взялъ ея руку.

— Можетъ ли быть? Октавія... подумай... вспомни... Будемъ бороться. Попытайся бороться. Можетъ ли быть, чтобы ты по своей волѣ... безъ борьбы?... Можетъ ли это быть?

Она подняла на меня свои глаза, увлажненные слезами, и, слегка блѣднѣя, тѣмъ не менѣе, ясно сказала:

— Это должно быть.

Въ это время во мнѣ проснулся демонъ мести, и я спросилъ совершенно спокойно:

— Что должно быть?

Ахъ, какъ она смутилась и какъ я наслаждался ея смущеніемъ! Это было такъ трудно сказать, что она не говорила ничего. Тогда я началъ, улыбаясь и, попрежнему, сохраняя спокойствіе:

— Предполагаютъ, что калифъ утратилъ таинственное слово, которое открывало передъ нимъ двери Сезама. Не нужно думать, чтобы въ этомъ Сезамѣ заключалось только золото и драгоценные каменья, — въ немъ были и лавры. Калифъ безъ драгоценныхъ каменьевъ, золота и лавровъ обратился въ феллаха, обрабатывающаго землю. Подождемъ подавать ему руку для длинной прогулки, подождемъ до тѣхъ поръ, пока не разрѣшится загадка его участи. Вотъ то, что должно быть.

Не успѣлъ я докончить этихъ словъ, какъ мною овладѣло смертельное отвращеніе и досада. Зачѣмъ я говорю это? Зачѣмъ вообще существую я, она? Зачѣмъ существуетъ все? Я всталъ со стула и сдѣлалъ глубокой, церемонный поклонъ. Когда я былъ у дверей гостиной, до меня долетѣли изъ ея глубины подавленные рыданія. Что мнѣ за дѣло? Ни до чего мнѣ нѣтъ дѣла на свѣтѣ, ничего я не хочу... я только утомленъ... ахъ, какъ утомленъ!...

Когда я вышелъ на улицу, надъ городомъ стоялъ зимній вечеръ, сѣрый, безъ малѣйшаго просвѣта и безъ всякой искры надежды. То, что я испытывалъ, можно было сравнить съ сѣрымъ пространствомъ, лишеннымъ всякаго просвѣта, всякой искры. Холодно, пусто, монотонно и скучно. Никакого взрыва чувствъ, — напротивъ, оцѣпенѣнiе такое, что оно кажется подобнымъ смерти. Я ступалъ тяжелыми шагами, руки мои безсильно висѣли вдоль тѣла. Въ головѣ никакой связной мысли, — какая-то путаница короткихъ вопросовъ и отвѣтовъ: «Что случилось? за что? Теперь я не хочу уже! Ничего не хочу!» То было каменное, почти бессмысленное равнодушіе, а на днѣ его все рыдалъ и рыдалъ ребенокъ, у котораго кто-то разбилъ игрушку и наставилъ передъ нимъ разныхъ пугалъ.

Этими пугалами были: пустота, непрочность, безцѣльность. Какой еще мыльный пузырь лопнулъ передо мною? Бриллиантовая радуга обратилась въ мыльную пѣну. Значить, и любовь такова, по крайней мѣрѣ, любовь того сорта, которую всѣ украшаютъ и поэтизируютъ? Я прикоснулся своими устами къ ея мутному источнику, но во мнѣ осталось смутное представленіе и о другомъ видѣ любви. Чувство, которое сплетается въ аккордъ не только тѣла, но и души человѣческія, сквозь счастье и несчастье доводитъ ихъ вмѣстѣ до гроба, я только и считалъ чистымъ и святымъ. Несмотря на множество ошибокъ и уклоненій человѣка, вовсе не оглядывающагося назадъ и мало всматривающагося въ себя, я, въ глубинѣ своей души, жаждалъ чистоты и святости, только ихъ и олицетворялъ съ этимъ чувствомъ. Въ немъ одномъ я видѣлъ не только счастье, но и искупленіе.

А теперь въ какомъ жалкомъ видѣ было оно... точно пылинка утчалась куда-то отъ дуновения вѣтра, какъ нищій въ рубищѣ умерло на моихъ рукахъ. Умерло и разложилось на составные элементы, совершенно такъ, какъ это дѣлается съ умершимъ тѣломъ. Существа абстрактныя умираютъ и подвергаются разложению такъ же, какъ и существа матеріальныя, но погребеніе ихъ всегда происходитъ во мракѣ, а послѣ этого факелъ человѣческаго духа гаснетъ навсегда.

То же чувство умерло, а вмѣстѣ съ нимъ угасла вѣра въ существованіе мощныхъ и святыхъ чувствъ. Я не приходилъ въ отчаяніе отъ утраты Октавіи, я почти не думалъ о ней. Ребенокъ, сидѣвшій въ моемъ сердцѣ, несмотря на порку, заданную ему разумомъ, рыдалъ все сильнѣе, но не о женщинѣ, а о чувствѣ. Мысль о смерти чувства пробѣжала по мнѣ съ головы до ногъ ледяницею

струей и обращала мои слезы въ ледяныя сосульки. Я ничего не хотѣлъ. Если на землѣ не было ничего прочнаго и прекраснаго, то зачѣмъ же и хотѣть чего-нибудь? Одною я хотѣлъ бы, еслибъ не зналъ, что этого никогда не будетъ, — я хотѣлъ бы играть. Но играть я не могъ. Я взялъ въ руки скрипку, съ нѣжною тоскою прикоснулся къ ея струнамъ, началъ напоминать имъ прожитыя вмѣстѣ минуты и спрашивать ихъ, неужели никогда... никогда... и вдругъ крупныя, жгучія капли начали падать изъ моихъ глазъ на струны... Я устыдился своихъ слезъ и уложилъ скрипку въ футляръ. Опять глупость! Чего плавать и отчаяваться? Еслибъ не это безсиліе руки, то что бы было? Ну, поигралъ бы я годъ, два, десять, покоришь бы сердца десятка, сотни Октавій, а конецъ, все-таки, одинъ: умереть я долженъ и сотня Октавій не стѣять ста звуковъ моей скрипки. Чего отчаяваться и плавать, если все это только вопросъ оптики? Смерть, которая кажется такою отдаленною, что не хочешь вѣрить ей, на самомъ дѣлѣ сидитъ себѣ вонъ въ томъ углу комнаты, и вонъ въ томъ, и въ этомъ, и въ каждомъ кубическомъ вершкѣ воздуха, которымъ ты дышешь, и въ каждомъ дуновеніи вѣтра. Октавіи, которыя издали кажутся ангельски прекрасными, на самомъ дѣлѣ такъ обыкновенны: сколько заплаатишь? Все дѣло къ тому и сводится. Нужно видѣть ясно и понять, что всякая любовь, — женщины или публики, внизу или вверху, — всегда сводится къ одному: сколько заплатишь?

Вдругъ въ окно, у котораго я стоялъ, при послѣднемъ издыханіи зимняго дня я замѣтилъ что-то такое, что меня сильно и неожиданно встряхнуло. На противоположномъ тротуарѣ улицы стояла молодая худощавая женщина, ни красивая, ни безобразная, одѣтая очень бѣдно. Вокругъ шеи воротникъ изъ сѣраго мѣха, черная шляпка на гладко причесанной золотистой головѣ. Во всей фигурѣ слабость и тишина тѣни. Когда я замѣтилъ ее, она шла быстро, но остановилась противъ моихъ оконъ и обратила къ нимъ свое лицо. Хотя прохожихъ почти не было, она прижалась къ самой стѣнѣ, какъ бы опасаясь стать на чьей-нибудь дорогѣ. Лицо ея я видѣлъ очень ясно и тотчасъ же вспомнилъ его. Прошелъ годъ, можетъ быть, больше, когда я въ первый разъ увидалъ ее въ душевой залѣ, набитой народомъ, увидалъ, какъ она молилась на меня глазами и руками, сложившимися въ молитвенный жестъ. Теперь выраженія ея глазъ я разсмотрѣть не могъ, но угадывалъ его точно также, какъ дыры на перчаткахъ, которыя обтягивали ея руки, держащія связку бумагъ. Она стояла минуты двѣ и смотрѣла на мое окно. Она должна была знать, что я квартирую здѣсь, что я

чуть не умерь, можетъ быть, знала и о томъ, что счастье мое умерло,— знаменитые люди всегда живутъ на виду у всѣхъ. Она остановилась на тротуарѣ и смотрѣла на мои окна... въ этомъ чувствовалось сожалѣніе, безпокойство, тревога... какая-то далекая любовь, отъ которой доносилось благоуханіе, какъ отъ невидимаго цвѣтка. И какое это было бѣдное, скромное, тихое существо,—изъ другого міра, чѣмъ я и все близкое мнѣ, совсѣмъ изъ другого! Только пачка ноть была связью между этими двумя мірами. Вещь странная, но справедливая: изъ-подъ кучи камней въ вспыхнулъ огонь, изъ-подо льда посыпались искры. Мною овладѣла симпатія, внезапная, сильная, сожалѣніе, благодарность, какая-то странная нежность. Кто она такая? Кто она? Пойду, догоню, разспрошу, скажу ей все,—именно ей скажу все!... Я вскочилъ, и уже одною рукою схватилъ шляпу, другою шубу, какъ за дверью послышались чьи-то голоса.

— Можно войти, маэстро? Толпа вашихъ почитателей пришла развлекать васъ.

— Съ радостью! Вы не могли выбрать минуты лучше!

Они не могли выбрать минуты хуже. Съ радостью я спихнулъ бы ихъ съ лѣстницы, но такой человѣкъ, какъ я, и правда — два противоположные полюса.

Развлекались мы отъ сумерокъ до разсвѣта. Комната съ малиновыми обоями загорѣлась огнями, наполнилась табачнымъ дымомъ, пылью карточныхъ столовъ. Повсюду слышалась оживленная рѣчь, остроты, хлопанье откупориваемыхъ бутылокъ, стукъ металла о фарфоръ. Я игралъ въ вистъ и баккара, разговаривалъ, смѣялся, пилъ шампанское, ѣлъ устрицы. Какъ спали эту ночь мои сосѣди по столу, я не знаю; должно быть, не спали совсѣмъ, но никто не посмѣлъ прервать пира въ помѣщеніи великаго артиста. Еще одна выгода, сопряженная съ моимъ величіемъ: никто не смѣлъ прерывать моей оргіи. Уже далеко за полночь говоръ перешелъ въ крикъ; толпа моихъ почитателей пила за мое здоровье и съ горячностью, въ которой главную роль играло шампанское, подбрасывала меня въ рукахъ чуть не до потолка. Я смѣялся, какъ сумасшедшій, благодарилъ, цѣловался, клялся въ преданности до гроба, болталъ остроумныя глупости и, дѣйствительно, чудесно развлекался... я былъ пьянъ.

И вотъ наступила полная тишина. Всѣ разошлись. Въ влубахъ дымъ и пыли только одна догорающая свѣча освѣщала беспорядочную кучу разной посуды, затоптанный полъ, помятыя карты, помятыя мелки, застывшія стеариновыя пятна, маленькіе ручейки

разлитыхъ напитковъ. Въ воздухѣ къ дыму и пыли примѣшивался запахъ вина и разныхъ блюдъ. Уфъ, какъ душно и какъ гадко!

Тишина, почти гробовая, послѣ шума, почти адскаго, пробудила меня отъ сна. Фу, какой скверный сонъ! Теперь, когда онъ прошелъ, его тяжесть, подъ видомъ испареній, наполняющихъ комнату, схватывала меня за горло и душила такъ, какъ будто я тонуть въ зловонной и грязной волнѣ. Я видѣлъ эту волну ясно, насквозь. Можно было сказать, что какая-то лампада загорѣлась во мнѣ и освѣтила вучу грязи. Много лѣтъ и часто я проводилъ ночи такимъ образомъ и не отдавалъ себѣ отчета, хорошо ли это, а эта ночь поставила меня передъ лицомъ чего-то великаго и грознаго. Я думалъ, что нѣсколько недѣль тому назадъ въ этой же комнатѣ чуть не совершился великій, грозный актъ смерти, что не много часовъ тому назадъ здѣсь умерло мое чувство. Возможно ли, чтобы тотъ, кто разъ лицомъ къ лицу столкнулся съ этимъ величіемъ и грозою, могъ память о нихъ топить въ оргіи? Кто же я такой? Чего я стою? Какъ я живу? Зачѣмъ я живу?

Въ глубокой тишинѣ послышался голосъ городскихъ часовъ, густой, протяжный, означающій уже утренній часъ. Я вслушивался въ этотъ голосъ, какъ въ торжественный, отдаленный зовъ чего-то далекаго... чего? времени? пространства? меркнущихъ звѣздъ? Бога? Кто заветъ меня? Буда? Не знаю. Но, однако, съ земли или съ неба меня зоветъ къ себѣ что-то вѣчное, безконечное, чистое. Я почувствовалъ палящую, томительную тоску и бросился къ скрипкѣ. Я приложилъ къ груди скрипку, поднялъ смычокъ; торжественная и печальная пѣсня билась въ моей груди своими крыльями, какъ орелъ въ клеткѣ. Немного, немного только я поднялъ руку со смычкомъ и больше не могъ. Не могъ провести по струнамъ смычкомъ во всю его длину. Боже великій! Можетъ, уже это атрофія!... Можетъ быть, я уже никогда... Съ трескомъ захлопнулись передо мною врата моего идеала, моего единственнаго идеала. Другого у меня нѣтъ, нѣтъ такого... великаго!

Я сѣлъ въ углу комнаты, въ самый дальній уголъ, закрылъ лицо руками и весь погрузился въ одно желаніе. Мнѣ хотѣлось, чтобы въ эту черную и злую минуту при мнѣ находился кто-нибудь добрый, ласковый, какое-нибудь небольшое существо съ большимъ сердцемъ, которое молча взяло бы въ руки мою голову и утишило бушующую въ ней бурю. Никогда ничего подобнаго не было у меня. Мое величіе было одинокимъ. Весь міръ поклонялся мнѣ, но я былъ совершенно одинокъ. У артиста было множество сердець, у человѣка—ни одного. У артиста было искусство, у че-

ловѣа — ничего. Когда между артистомъ и искусствомъ стало несчастіе, что осталось отъ человѣа? Величіе? Нѣтъ, это артистъ былъ великимъ, — человѣкъ не заботился ни о томъ, каковъ онъ, ни о томъ, каково назначеніе его, ни о томъ, что онъ будетъ дѣлать на дорогѣ, усѣянной ямами, съ самою глубокою ямой въ концѣ. Но какой это голосъ призывалъ меня? Кто призывалъ? Откуда и куда? Не знаю, не знаю. Я только одно начинаю видѣть очень ясно, что мое величіе было очень мало. Устрашила его смерть, парализовала атрофія мускуловъ, отравила женщина, въ грязную воду окунула егія. Пьедесталь сокрушился, я сижу одинъ, съѣжившійся, малый, смотрящій въ зеркало въ свои глаза, ввалившіеся, остолбенѣлые, испуганные, и вижу ясно, ясно, что великаго на свѣтѣ только три вещи: несчастіе, невѣдѣніе и заблужденіе. Несчастіе свое я сознаю до дна. Но въ чемъ же мое невѣдѣніе? Въ чемъ мое заблужденіе?

Снова призывъ, далекій, далекій. Часы бьютъ: разъ, два, три, четыре.

Кто зоветъ? Земля? Небо? Куда? Зачѣмъ? Не знаю.

В. Л.

ПРАКТИКА ЖИЗНИ.

(Повѣсть).

I.

Дѣло было въ маѣ.

Василій Ивановичъ Срывалинъ, благообразный молодой человекъ, лѣтъ подъ тридцать, объѣзжалъ свои поля и дѣлалъ видъ, что любитъ всходами яровыхъ посѣвовъ. Ъхалъ онъ на бѣговыхъ дрожгахъ, запряженныхъ статнымъ жеребцомъ сѣрой масти, въ сопровожденіи прикащика, слѣдовавшаго за нимъ верхомъ на будластомъ и мохнатомъ башкирѣ.

— Хороши всходы, больно хороши! — говорилъ прикащикъ, дѣйствительно любовавшійся изумрудными полями. — Надо лучше, да некуда.

— Да, хороши.

— Что твоя щетка.

— Да.

— А озимые-то извоили видѣть?

— Видѣлъ.

— Что твой бархатъ.

И оба они замолчали.

— Нѣтъ, — заговорилъ Срывалинъ, не то про себя, не то вслухъ, — непременно выпишу жнейку. Тогда уборка пойдетъ у насъ живою рукой.

— Извѣстно, — согласился прикащикъ. — Жнейку нешто можно сравнить...

— А ты видѣлъ?

— Видѣлъ-съ.

— Гдѣ?

— У князя Ботляревскаго.

— Хорошо работаеть?

— Брѣть!

И прикащикъ принялся описывать, какъ именно она занимается этимъ бритьемъ. Срывалинъ сидѣлъ на дрожжахъ и слушалъ эту болтовню, а самъ глазъ не спускалъ съ небольшой липовой рощицы, возвышавшейся отъ него верстахъ въ трехъ. Рощица эта была ничто иное, какъ старинный, темный паркъ въ усадьбѣ генералъ-майора Александра Николаевича Хованскаго.

Срывалина такъ и тянуло повернуть направо, приударить лошадей и помчаться по направленію этого парка. «Шутка ли, — думалъ онъ, — дѣлю недѣлю не видались! Съ этимъ посѣвомъ никогда не попадешь туда, а, между тѣмъ, по правдѣ сказать, я порядочно соскучился по Вѣрѣ Александровнѣ... Такая она симпатичная!»

А эта «симпатичная» Вѣра Александровна была никто иная, какъ дочь генерала Хованскаго, дѣвушка лѣтъ восемнадцати, блондинка, съ роскошными волосами, свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и черными, какъ уголь, глазами.

Онъ познакомился съ нею очень оригинальнымъ образомъ.

Дѣло было весной, въ самый разливъ воды. Задумалъ онъ какъ-то пройтись съ ружьемъ по берегу рѣки, соединявшей его усадьбу съ усадьбой Хованскаго. Небольшая въ обыкновенное время, рѣчка широко разливалась и бушевала не хуже настоящей. Вдругъ послышался женскій голосъ.

— Молодой человекъ! — кричалъ кто-то. — Помогите выбраться изъ этихъ кустовъ! Я никакъ не могу справиться съ лодкой!

Срывалинъ остановился, началъ озираться, но никакъ не могъ понять, откуда именно раздавался голосъ.

— Здѣсь я, здѣсь!

Онъ взглянулъ на зотопленные кусты тальника и увидалъ крошечную лодочку, въ которой сидѣла изящно одѣтая дѣвушка.

— Выручите, пожалуйста, — продолжала она, — меня затащило сюда теченіемъ и я ничего не могу сдѣлать.

Бусты росли довольно далеко отъ берега и достичь ихъ было не особенно легко. Срывалинъ думалъ было подтянуть лодку хворостомъ, валявшейся на берегу, но такъ какъ хворостина оказалась слишкомъ короткою, то онъ, ни слова не говоря, и бросился въ воду.

— Что вы дѣлаете? — вскрикнула дѣвушка, но молодой человекъ былъ уже возлѣ лодки и, поймавъ ее, подтащилъ къ берегу. Весто оказалось неглубокое, вода не залила даже за голенища

охотничьихъ сапогъ и потому Срываинъ, благополучно достигнувъ берега, еще благополучнѣе высадилъ барышню изъ лодки.

Это и была «симпатичная» Вѣра Александровна.

Съ генераломъ, какъ съ ближайшимъ сосѣдомъ, Срываинъ былъ знакомъ раньше, но съ дочкой—нѣтъ, такъ какъ она только на-дняхъ прѣѣхала изъ Москвы, гдѣ обучалась въ какомъ-то институтѣ и состояла подъ наблюдениемъ родной бабушки по матери, княгини Обрѣзковой.

Молодые люди познакомились быстро и Срываинъ вызвался проводить барышню. Дорѣдой она рассказала ему, что, гуляя по парку и дойдя до рѣки, увидела лодку и, вооружившись лопатой, поплыла по теченію, которое и занесло ее въ кусты.

— Какъ видите, очень просто, — прибавила она, докончивъ рассказъ, — а вышелъ цѣлый казусъ. Не случись васъ, я не вы-бралась бы отсюда.

— Судьба! — сорвалось съ языка Срываина, и оба почему-то вспыхнули и переконфузились.

Генералъ Хованскій, начинавшій было беспокоиться продолжительнымъ отсутствіемъ дочери, былъ очень обрадованъ, увидавъ ее возвращавшеюся въ сообществѣ съ Срываинимъ. Онъ даже выбѣжалъ на крыльцо и чуть не съ распростертыми объятіями встрѣтилъ ее.

— Гдѣ это ты пропадала, матушка? — вскрикнулъ онъ.

Вѣра Александровна рассказала и ему про свои походы, рассказала бойко, весело, игриво, помянула про «судьбу», познакомившую ее съ Срываинимъ, и что-то даже съострила по поводу этой «судьбы». Затѣмъ она спросила, не готовъ ли обѣдъ, и заявила при этомъ, что она «ужасно проголодалась».

Сѣли за столъ, а послѣ обѣда Срываинъ, сопровождаемый благодарностями генерала и хорошенькими взглядами Вѣры Александровны, уѣхалъ домой.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ барышни и никогда еще сердце его не билось такъ сильно, какъ билось оно тогда. Онъ даже испугался этого біенія, предвидя въ немъ что-то рѣшающее, и слово «судьба» опять сорвалось съ языка. Онъ даже не думалъ произносить этого слова, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія, даже не помышлялъ о немъ, но оно, все-таки, сорвалось и сердце его невольно замерло. Ему казалось, что онъ никогда еще не встрѣчалъ столь изящной дѣвушки, никогда не видалъ такихъ большихъ откровенныхъ глазъ, такого чуднаго лица и никогда еще не слышалъ такого лас-

ваго, западающаго въ душу голоса. Всю ночь онъ не спалъ и милый для него образъ не переставалъ рисоваться въ его воображеніи.

II.

Съ тѣхъ поръ Срывалинъ сталъ бывать въ Хованщинѣ (такъ называлось село, въ которомъ проживали Хованскіе) чуть не каждый день. Генералъ былъ этимъ очень доволенъ, во - первыхъ, потому, что любилъ Срывалина, какъ хорошаго малаго, а, во - вторыхъ, и потому, что, все-таки, Срывалинъ этотъ представлялъ «Вѣрочкѣ» не успѣвшей еще привыкнуть къ деревенской жизни, некоторое развлеченіе. Дѣйствительно, Вѣрочкѣ и некогда было привыкнуть къ деревнѣ. Она провела тамъ очень короткое время и сохранила о ней самыя смутныя воспоминанія. Потомъ ее зачѣмъ-то возили въ Петербургъ, а когда родители зачѣмъ-то поѣхали за границу, ее отправили къ бабушкѣ, въ Москву. Долго ли, коротко ли прожила она въ тотъ разъ въ Москвѣ, она не помнитъ, но помнитъ только, что когда ея мать умерла, она съ отцомъ опять переехала въ деревню, на этотъ разъ она пробыла въ деревнѣ года два, и когда ей минуло восемь лѣтъ, ее опять отправили въ Москву къ бабушкѣ.

Бабушка первымъ дѣломъ принялась наряжать ее, какъ куколку, гулять съ ней по бульварамъ, возить по магазинамъ и, достаточно наигравшись ею, опредѣлила въ какой-то институтъ. Къ институтскимъ порядкамъ Вѣрочка привыкла не скоро. Она долго плакала, капризничала, чуть было однажды не убѣжала оттуда, но, во-время изловленная садовникомъ, снова была водворена на мѣсто жительства. О происшествіи этомъ начальница института довела до свѣдѣнія бабушки, которая и не замедлила явиться, чтобы сдѣлать внучкѣ приличный нагоняй. Нагоняй этотъ заключался въ томъ, что бабушка рѣшительнымъ тономъ объявила внучкѣ, что пока та не исправится, она не будетъ брать ее къ себѣ по праздникамъ. Однако, характера не выдержала и въ первое же воскресенье приѣхала за ней. Начальница не хотѣла было отпускать Вѣрочки, но бабушка расплакалась, потомъ разсердилась, а затѣмъ чуть бы не устроила начальницѣ скандалъ. Дѣлать было нечего. Вѣрочка была отпущена и съ того времени каждый праздникъ безпрестанно навѣщала «добрую бабушку».

Она не помѣшало, однако, Вѣрочкѣ кончить институтъ и даже получить при выпускѣ какую-то награду. По окончаніи ин-

ститута генераль прїѣхаль было за дочерью, но бабушка (княгиня Обрѣзкова) сдѣлала генералу цѣлую сцену и рѣшительно объявила, что раньше зимы съ Вѣрочкой не разстанется. Дѣлать было нечего и генераль уступилъ.

Но съ приближеніемъ зимы княгиня посовѣтовала генералу оставить Вѣрочку въ Москвѣ. «Ты самъ знаешь, — писала она, — что дѣвка товаръ, товаръ непрочный, что «на солонину» повернуть дѣвку нельзя и что всего лучше товаръ этотъ сбывать съ рукъ какъ можно скорѣе. Достичь этого въ Москвѣ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ медвѣдей, нѣтъ никого (бабушка не любила деревню, а со времени эмансипаціи даже возненавидѣла ее). Ты самъ знаешь, — продолжала она, — что мнѣ знакома вся Москва и что московская молодежь, конечно, большого свѣта, несмотря на мои сѣдины и преклонные года, до сихъ норъ у моихъ ногъ. Выходить замужъ самой мнѣ поздно, а женишка для внучки найти могу. И такъ, — писала она подъ конецъ письма, — не сердись на меня, ежели я удержу на зиму твою милую дочку, а мою неоцѣненную внучку и ежели весной привезу ее къ тебѣ какою-нибудь молодую графиней или княгиней». Этимъ княгиня закончила свое письмо и больше уже генералу Хованскому не писала. Письмо это очень обрадовало генерала, такъ какъ онъ только о томъ и мечталъ, какъ бы поскорѣе и повыгоднѣе пристроить дочку и хотъ этимъ путемъ нѣсколько поправить свои запутанныя дѣла. И такъ, Вѣра Александровна осталась у княгини и на зиму. Княгиня вывозила ее въ свѣтъ, устраивала для нея балы и вечера, намѣчала ей жениховъ, но такъ какъ у внучки, по точнымъ расчисленіямъ гг. жениховъ, было очень мизерное приданое, то планы княгини и остались только одними планами. Всѣ эти господа приходили въ восторгъ отъ Вѣры Александровны, называли ее «розой Москвы», ухаживали за ней, преклонялись передъ ней, сходили съ ума отъ ея красоты, посвящали ей стихи, вальсы, польки, а когда княгиня объявила объ отъѣздѣ внучки въ деревню, то толпа поклонниковъ устроила ей такіе торжественные проводы, какихъ давно не видала Москва. За то давно не видала она и такой разсерженной барыни, каковою была въ тотъ торжественный моментъ княгиня Обрѣзкова. Правда, она всѣмъ и каждому привѣтливо улыбалась, не пропустила ни одного изъ провожавшихъ безъ соотвѣтствующаго свѣтскаго комплимента, но за то глаза ея выражали совсѣмъ не то, что говорилъ языкъ. Глаза эти готовы были въ ту минуту проглотить каждаго провожавшаго внучку, стереть его съ лица земли и уничтожить въ пыль и прахъ. А когда княгиня, проводивъ, наконецъ,

внучку, усѣлась въ свою карету, то она не выдержала и разразилась гнѣвомъ.

«Скоты, — ворчала она, прижавшись въ уголь, — нахамы! Ни стыда, ни совѣсти!»

И ей было обидно не только за себя и за внучку, но даже за матушку Москву, которую будто осквернили своимъ присутствіемъ эти пошлые людишки.

Само собою разумѣется, что послѣ столь шумно проведенной зимы Вѣрѣ Александровнѣ и не могла особенно понравиться деревня съ ея однообразною, монотонною жизнью, въ сообществѣ постоянно жалующагося на судьбу старика-отца. На первыхъ порахъ, впрочемъ, она не замѣчала этой скуки. Ее интересовали тѣ мѣста, по которымъ она бѣгала когда-то, будучи ребенкомъ, этотъ темный паркъ, пугавшій ее таинственнымъ шепотомъ деревьевъ, эта рѣка, называвшаяся ей безконечною, но когда она приглядѣлась ко всему этому, когда воспоминанія дѣтства начали понемногу исчезать и ступеньваться дѣйствительностью и когда ей пришлось по дѣлымъ днямъ бесѣдовать съ отцомъ, вѣчно охавшимъ и ахавшимъ надъ непосильными платежами процентовъ, то деревня сдѣлалась ей противной, а деревенская жизнь невыносимо скучной. Это очень возмущало Срывалина. Идеалистъ по натурѣ и оставшійся таковымъ же идеалистомъ до настоящаго времени, несмотря на окружавшій и окружающій его матеріализмъ, погоню за грошомъ и огульное отрицаніе всего возвышеннаго и изящнаго, онъ никакъ не могъ понять этой скуки въ объятіяхъ природы и вдали отъ суетнаго свѣта.

— Помилуйте, — горячился онъ, — мыслима ли скука среди этой природы, полной поэзіи, изящества и нетронутой красоты, — среди этого народа, на видъ непріятнаго и грубаго, но за то въ душѣ чистаго? Нѣтъ, вы говорите это потому только, что не знаете еще деревни.

Такъ шло время.

Срывалинъ съ каждымъ днемъ привязывался къ дѣвушкѣ сильнѣе и сильнѣе. Онъ нѣсколько разъ порывался даже открыться ей въ любви, но робѣлъ и откладывалъ объясненіе до «слѣдующаго» раза. Пуще всего его смущала родовитость Хованскихъ и тѣ предубѣжденія, безъ которыхъ, по его мнѣнію, немислимы всѣ эти вы топоставленные господа. Повидимому, и дѣвушка была неравнодушна къ нему. Ей нравилось его доброе и ласковое лицо, его смѣлый латинскій голосъ, веселый открытый взглядъ, задушевная рѣчь и сердечныя отношенія къ людямъ вообще. До сихъ поръ она такъ и не встрѣчала подобныхъ ему людей. Всѣ, которыхъ она

видѣла, были совсѣмъ иными. Тѣ были почему-то на одинъ по-крой, на одинъ ладъ, не такъ говорили, не такъ разсуждали и съ тѣми ей было почему-то не такъ легко и не такъ свободно, какъ съ нимъ. Ей казалось, что тѣ были совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они должны бы быть. Они не то говорили, не то дѣлали, что имъ хотѣлось бы сказать и сдѣлать, а потому и она, въ свою очередь, была съ ними совсѣмъ не такою, какою она теперь. Она даже помнитъ, что, разговаривая съ тѣми, она то и дѣло лгала, лгала такъ же, какъ они, и ничуть не стыдилась этой лжи. Она даже не помнила, о чемъ говорили тѣ и что именно она отвѣчала имъ. Но Срывалинъ совсѣмъ не то. Многие изъ его разговоровъ запали ей прямо въ душу и она словно затвердила ихъ наизусть. Съ тѣми ей приходилось только шутить, смѣяться, а этотъ заставлялъ ее задумываться. «Ужъ очень добрый и сердечный!» Ей было какъ-то особенно легко (именно легко), когда онъ приходилъ, и, наоборотъ, какъ-то не по себѣ и тяжело, когда его не было. Они цѣлые дни проводили вмѣстѣ. Гуляли по парку, по лугамъ по полямъ, вмѣстѣ читали. Иногда заходили въ крестьянскія избы и знакомились съ крестьянами. У Вѣры Александровны завелись даже друзья на селѣ, которыхъ она навѣщала и которымъ дѣлала подарки. Иногда, идя на прогулку, она брала съ собою бумагу и карандашъ и срисовывала какой-нибудь понравившійся ей ландшафтъ. Она очень недурно рисовала. Въ это время Срывалинъ садился обыкновенно возлѣ нея и молча просиживалъ такъ по цѣлымъ часамъ, не спуская глазъ съ рисунка.

Однажды какъ-то она срисовывала водяную мельницу. Срывалинъ былъ возлѣ нея. День былъ прелестный, теплый и ясный. Блѣдно-голубое небо словно плавало въ лучахъ солнца и какимъ-то особенно эффектнымъ свѣтомъ освѣщало и безъ того хорошенькую картинку. Мельничный прудъ стоялъ неподвижно, только баба, полоскавшая грязное бѣлье, бороздила слегка его поверхность. Подошла спутанная лошадь и, подогнувъ переднія колѣнки, принялась пить. На противоположномъ берегу дьячокъ удилъ рыбу. Полоскалось нѣсколько утокъ. Онѣ то окунали головы внизъ, доставали со дна тину, барахтая для равновѣсія лапками, то высовывались изъ воды и шумно отряхали крылья. «Утишь!» — крикнулъ на нихъ дьячокъ, махнувъ рукой, и онѣ съ шумомъ шарахнулись въ сторону. На крышѣ мельницы ворковали голуби. Раскидистыя ветлы съ растрескавшеюся отъ дряхлости корой задумчиво отражались въ водѣ и словно хмурились. На плотинѣ сидѣла собака и неизвѣстно на кого-то лаяла. Вѣра Александровна все это

улавливала и переносила на бумагу. Срывалинъ боялся пошевеливаться. Такъ прошло съ полчаса. Вдругъ Срывалинъ, не спуская глазъ съ рисунка, какъ-то нечаянно взглянулъ на обнаженную шею дѣвушки и кровь хлынула ему въ голову. Онъ затрепеталъ весь. Была минута, когда, отуманенный и опьяненный, онъ готовъ былъ прильнуть губами къ этому нѣжному тѣлу, готовъ былъ схватить въ объятія любимое имъ существо и осыпать его страстными поцѣлуями, но вдругъ опомнился и, устыдясь самого себя, быстро отскочилъ въ сторону.

Ничего этого Вѣра Александровна не замѣтила. Она видѣла только, какъ онъ отошелъ отъ нея.

— Буда же вы?—спросила она.—Соскучились?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Сію минуту я кончу.

И, сдѣлавъ еще нѣсколько штриховъ, Вѣра Александровна уложила въ папку рисунки и подошла къ Срывалину.

— Ну, вотъ я и готова,—проговорила она.—А теперь пойдите чай пить. Я думаю, папочка заждався насъ.

А когда они шли темною аллеей парка, Срывалинъ обратился къ ней.

— Вѣра Александровна,—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Подарите мнѣ этотъ рисунокъ.

— Нынѣшній?—спросила она изумленно.

— Да, нынѣшній.

— Но, вѣдь, онъ еще не оконченъ.

— Все равно, «доконченъ ли, не dokonченъ», только ради Бога подарите. Я сохранию его на память.

Вѣра Александровна посмотрѣла на него своими большими глазами и молча передала ему папку.

Немного погодя Срывалинъ возвращался домой.

«Это чортъ знаетъ, что такое!—возмущался онъ.—Не объяснить въ любви! И въ какую минуту? Когда я весь былъ объятъ любовью! Это, по меньшей мѣрѣ, глупо и пошло!»

И онъ порѣшилъ завтра же ѣхать въ Хованщину и объяснить.

«устъ такъ или иначе рѣшаетъ мою судьбу!»

подѣхавъ къ своему домику, остановилъ лошадь.

Ш.

нако, и на слѣдующій день ему не удалось узнать о своей суд. Известно, что и въ дѣлахъ судьбы храбрость играетъ не

последнюю роль, а вот этой-то именно храбрости и не хватало у него. Дѣло въ томъ, что не успѣлъ Срывалинъ соскочить съ дрожекъ, подѣхавъ къ дому Хаванскихъ, съ твердымъ намѣреніемъ объясниться съ барышней, какъ она выбѣжала къ нему на крыльцо и съ торжествующимъ лицомъ сообщила, что сейчасъ получила письмо отъ бабушки, въ которомъ та сообщаетъ ей, что очень о ней соскучилась, что чуть не каждую ночь видитъ ее во снѣ и что поэтому порѣшила лѣто провести не въ Бунцовѣ, не на своей обычной дачѣ, а въ Хованщинѣ, вмѣстѣ съ нею. Она была до того обрадована этимъ письмомъ, что тутъ же, на крыльцѣ, отъ строки до строки прочитала его Срывалину, даже путемъ не поздоровавшись съ нимъ. Письмо было написано на четырехъ листахъ (извѣстно, что бабушки вообще, а московскія въ особенности, писать коротко не умѣютъ) и заключало въ себѣ чуть ли не всѣ московскія новости. Сперва она описывала, какъ провела время послѣ ея отъѣзда, на какихъ именно была операхъ, концертахъ, вечерахъ, раутахъ, съ кѣмъ играла въ карты, сколько выиграла (о проигрышахъ она никогда не говорила и не записывала таковыхъ въ записную книжечку) и у кого именно была съ визитами. Затѣмъ она сообщала, что эфимоны слушала, по обыкновенію, въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ такъ превосходно поютъ монахи, а говѣла и причащалась въ своемъ приходѣ, у Ильи Обыденнаго. Постъ провела она, по ея словамъ, очень скучно: «концерты, да концерты», за то на Брасную горку отъ души посмѣялась надъ происходившими въ Москвѣ свадьбами. Объ этихъ свадьбахъ она отзывалась самымъ ехиднымъ образомъ, ругала невѣсть, жениховъ и, видимо, въ такой формѣ истила имъ за оказанное ей внучкѣ равнодушіе. Бнягиня никакъ не могла простить имъ этого. «Ты не можешь себѣ представить, — писала она, — какихъ нахватали уродовъ наши свѣтскіе щелкоперы, наши такъ называемые львы бо-монда! И откуда только повыкопали они такихъ халдѣ? Дуракъ Гулевичъ, напримѣръ (именно за этого-то дурака она и мечтала выдать внучку); женился на какой-то сорокалѣтней купеческой вдовѣ, только ради того, что у этой дуры есть какая-то фабрика, приносящая до ста тысячъ годового дохода. Это Гулевичъ-то, аристократъ, камеръ - юнкеръ, у котораго у самого прѣдпастъ денегъ и пять тысячъ крестьянъ! (Бнягиня никакихъ реформъ не признавала и продолжала считать имѣнія по душамъ. Ей и арендную плату за землю высылалъ прикащикъ при вѣдомостяхъ, въ которыхъ значилось: «Получено - де оброку со столькихъ - то тяголъ столько-то»). Но, что

оригинальнѣе всего, — продолжала она, — этотъ дуралей Гуленчикъ вздумалъ меня приглашать въ посаженыя матери. «Благословите, говорить, меня, ваше сіятельство». Но я его такъ благословила, что съ тѣхъ поръ онъ и носа не показываетъ. По правдѣ сказать, — писала она, — когда ты жила у меня, я сильно побаивалась, какъ бы этотъ долговязый журавль не вскружилъ тебѣ головку и не вздумалъ бы на тебѣ жениться. Но, слава Богу, ты оказалась умненькою дѣвочкой и, какъ видно, отлично поняла, что это за гусь. Цѣлую за это твой хорошенькій лобикъ». Далѣе сообщала она о томъ, какія сшила себѣ для лѣта платья, и только въ концѣ письма просила передать отцу, чтобы тотъ не беспокоился по поводу ея пріѣзда, не тратился бы, что все необходимое она привезетъ съ собою изъ Москвы, а чтобы только удѣлилъ ей скромный уголокъ, въ которомъ она могла бы пріютиться съ своею крѣпостною дѣвкой Парашкой.

Насколько письмо это обрадовало Вѣру Александровну, настолько оно привело въ смущеніе Срывалина и даже самого генерала. Первый былъ недоволенъ тѣмъ, что оно помѣшало его объясненію, а второй потому, что рѣшительно не зналъ, куда поѣхать «маменьку-тещу».

— Очень радъ, очень радъ, — говорилъ онъ. — Не знаю только, куда дѣваться.

— А кабинетъ-то вашъ? — говорила Вѣра Александровна. — Огромная комната, въ которой вы почти не бываете.

Такъ какъ другихъ комнатъ не было, то на это и порѣшили. Генералъ успокоился, но когда недѣли черезъ полторы послѣ полученія письма въ Хованщину пришелъ цѣлый обозъ съ разными сундуками, мебелью, роялемъ, и когда сверхъ того ему объявили, что княгиня привезетъ съ собою, кромѣ «Парашки», еще домашняго доктора, то генералъ пришелъ въ такой ужасъ, что даже затосковалъ... Пришлось приниматься за такъ называемый «старый домъ», давнымъ-давно не реставрировавшійся и потому производившій самое тяжелое впечатлѣніе. Когда-то этотъ старый домъ, въ сущности, и былъ настоящимъ барскимъ домомъ въ селѣ Хованщинѣ. Онъ состоялъ изъ пяти-шести комнатъ, въ которыхъ и проживалъ старикъ Хованскій (отецъ нынѣшняго генерала). Прежде комнатъ этихъ было совершенно достаточно, но когда семья стала размножаться, молодое поколѣніе подростить, старый домъ оказался тѣснымъ и его пришлось увеличивать всевозможными пристройками. Вкусы и потребности новаго поколѣнія не походили на вкусы и потребности стараго, а по-

тому и новыя пристройки рѣзко отличались отъ стараго дома. Бончилось тѣмъ, что на первый планъ выступили новыя пристройки, а «старый домъ», словно одряхлѣвшій старецъ, вышедшій погрѣться на солнышко, прислонился однимъ плечомъ къ пристройкѣ и мирно доживалъ свой вѣкъ, всѣми забытый. Словомъ, съ нимъ повторилось то же, что совершается и съ людьми. На первыхъ порахъ старика кое-какъ поддерживали, подмазывали, ставили заплаты, а потомъ, когда семья подѣлилась и поразѣхалась, старый домъ оказался излишнимъ. Александръ Николаевичъ, въ то время еще капитанъ гвардіи, порѣшилъ было совсѣмъ сломать «эту рухлядь», но почему-то раздумалъ и обратилъ въ какой-то складочный магазинъ, назвавъ его громкимъ именемъ «депо». Тамъ сохранялись веревки, деготь, хомуты, старое негодное желѣзо и прочее, въ этомъ родѣ, и старый домъ опустѣлъ и замолокъ.

Такъ было на дѣлѣ. Но генералъ объяснялъ это иначе. Онъ объяснялъ это «уваженіемъ къ старинѣ» и желаніемъ сохранить домъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при отцѣ и въ дни минувшаго дѣтства.

— Я считаю его святыней, — говорилъ онъ, разсчитавъ, что на ремонтъ этой «святыни» потребовалось бы слишкомъ много денегъ. — Подъ его кровлей я впервые увидалъ свѣтъ Божій и съ моей стороны было бы святотатствомъ допустить до него топоръ плотника.

Такъ эта «святыня» и разрушалась съ каждымъ годомъ.

Наконецъ, письмо княгини измѣнило положеніе дѣла. Пришлось добираться и до святыни. Ее покрыли соломой, повытаскали хомуты, деготь, веревки; переморили кое-какъ расплодившихся крысъ и мышей, повыгнали голубей и совъ, вставили кое-гдѣ стекла, помазали стѣны мѣломъ, вымыли перекосившіеся полы и «святыня» зѣсколько преобразилась.

Дня черезъ три пріѣхала и княгиня съ своимъ штатомъ. Ее встрѣтили генералъ и Вѣра Александровна. Генералъ высадила ее изъ кареты и хотѣлъ было приложиться къ ручкѣ, но она отстранила его.

— Пойди, — проговорила княгиня, раскрывая внучкѣ свои объятія, — прежде съ ней, съ моею дорогою внучкой.

И она принялась обнимать и цѣловать ее.

Вслѣдъ за княгиней вылѣзъ изъ кареты (именно вылѣзъ, а не вышелъ) длинный и сухопарый докторъ, нѣкто Карлъ Карловичъ Шпренгель, нѣмецъ лѣтъ семидесяти, въ какомъ-то желтомъ кар-

тузъ съ пуговкой наверху и такомъ же куцемъ пальто, наконецъ, и «крѣпостная дѣвка» Парашка, старуха тоже лѣтъ семидесяти.

Увидавъ генерала, Барль Карловичъ какъ-то ослабилъ, фыркнулъ носомъ и еще издали, приподнявъ картузъ съ пуговкой, подошелъ къ нему. Они были давнишніе знакомые.

— О, экселенцъ, какъ я счастливъ увидать васъ!—проговорилъ онъ по-русски, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.—Надѣюсь, что экселенцъ совершенно здоровъ?

— Вы какъ, почтеннѣйшій герръ Шпренгель?

— О, я все, какъ прежде, экселенцъ, ни шатай, ни валяй!

Вслѣдъ за нѣмцемъ, какими-то мелкими шажками, подбѣжала къ генералу и «Парашка». Она сложила руки, словно подходила къ благословенію, и умильно прошамкала:

— Здоровы ли, батюшка, ваше превосходительство?

— А, жива, старуха?—вскрикнулъ онъ, увидавъ Прасковью Зотьевну (такъ звали Парашку), и милостиво подаль ей руку.

— Жива, батюшка,—прошамкала та, благоговѣнно приложившись къ барской ручкѣ.—Богъ грѣхамъ терпитъ-съ.

Наконецъ, княгиня, до-сыта нацѣловавшись со внучкой, подошла и къ зятю.

— Ну, вотъ, теперь и тебя поцѣлую.

А, поцѣловавъ его въ лобъ, прибавила:

— Ну, показывай, гдѣ мои комнаты? И прикажи меня чаемъ напоить.

И вдругъ, взглянувъ на нѣмца, спросила:

— А гдѣ же скрипка?

— О, она здѣсь, въ экипажѣ, принцессинъ!

И, бросившись къ каретѣ, онъ вынулъ футляръ со скрипкой.

— Вотъ она, принцессинъ.

— А ужъ я думала, не потеряли ли,—замѣтила княгиня, и всѣ, кромѣ «Парашки», вытаскивавшей изъ кареты какіе-то узлы и мѣшечки, направились въ домъ.

Въ тотъ же день княгиня разставила привезенную изъ Москвы мебель, рояль, выбрала себѣ комнату для спальни, для гостиной, для ванной (она любила каждый день принимать холодныя ванны), нашла комнату для доктора, отвела уголокъ «Парашкѣ» и приняла восторгъ отъ своей лѣтней резиденціи. Больше всего ей понравились окна, правда, маленькія и перекосившіяся, но за то выдвигшія въ заросшій темный паркъ, и балконъ, утопавшій въ гродныхъ кустахъ бѣлой сирени. Только одинъ докторъ, котораго княгиня затолкала въ какую-то крошечную конурку, лишешнюю

свѣта и воздуха, ворчалъ, не смѣя, впрочемъ, высказывать вслухъ своего неудовольствія. Княгиня держала его въ рукахъ.

Вѣра Александровна, или Вѣрочка, какъ называла ее княгиня, была на седьмомъ небѣ. Она разукрасила ея комнату букетами сирени и полевыхъ цвѣтовъ, помогала ей разставить фотографическіе портретики и множество разныхъ бездѣлушекъ изъ фарфора, гипса и терракоты и поминутно цѣловала ее то въ губы, то въ щеки. За то самъ генералъ былъ не въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Онъ все ходилъ по парку съ трубкой во рту и все о чемъ-то раздумывалъ. Дѣло въ томъ, что княгиня, или, какъ онъ называлъ ее, «маменька-теща», по наведеннымъ справкамъ, кромѣ мебели и рояля, не привезла съ собой ничего: ни чаю, ни сахару, ни кофею, до котораго была великая охотница. «Хоть бы захватила,—размышлялъ онъ,—окорокъ ветчины отъ Генералова!... Въ прежнее время,—продолжалъ онъ,—все это, конечно, ничего не значило, ну, а теперь, когда имѣніе назначено въ продажу, поневолѣ задумаешься. Одинъ имѣецъ сколько слопаеть,—ворчалъ онъ, продолжая расхаживать по парку.—Знаю я его аппетитъ-то... Разъ какъ-то въ Москвѣ послѣ театра въ Славянскій базаръ пригласилъ, такъ даже не радъ былъ!... Опять и эти ванны... Вѣдь, эта старая карга «Парашка» ни одного ведра не принесеть, бабу придется нанять... А яицъ-то сколько потребуется, куръ, масла, цыплятъ!...»

Такъ размышлялъ онъ, какъ вдругъ ему встрѣтился герръ Шпренгель, успѣвшій уже прифрантиться, приумуться и побриться. На немъ теперь былъ лѣтній коротенькій пиджакъ, такія же узенькія панталоны, а на головѣ, вмѣсто желтаго картуза съ пуговкой, маленькая соломенная шляпа съ голубою лентой. Онъ курилъ сигару.

— А, Карлъ Барловичъ!—вскрикнулъ генералъ, послѣшивъ принять веселый видъ.—Вы прифрантились?

— Немножко, экселенцъ. Очень немножко, такъ шутъ-шутъ.

— И даже искупались?

— О, да! Надо было съ себя пылъ обмывать. *Манъ золлт мхъ аберж ейнъ веннгъ абштаубенъ*... Нельзя же.

— Ну, какъ поживаете, почтениѣйшій герръ Шпренгель?

— Мало-по-малу, экселенцъ, мало-по-малу!

— Много больныхъ?

— О, да, славъ Богу, экселенцъ, слава Богу!

Они присѣли на скамью.

— У васъ здѣсь хорошо, экселенцъ, очень хорошо. *Вундеръ-баръ шёнъ*. Все есть... паркъ, цвѣты...

— Ужь этимъ дочь занимается.

— И рѣка тоже хорошая. Скажите, пожалуйста, она имѣеть въ себѣ рыба?

— Да, рыба есть.

— О, это очень хорошо! Я имѣю большое пристрастіе къ уженю рыбы.

— Ну-съ, а какъ вы разиѣстились?— перебилъ его генераль.—Понравилась ли вамъ ваша комната?

— О, да, экселенцъ, нишего!—отвѣтилъ онъ, пожавъ плечани и скорчивъ какую-то кислую гримасу.—Немного мало воздуха, но лѣтомъ это не имѣеть значенія, потому что можно отворить окна.

И онъ выпустилъ струю дыма, генераль чихнулъ.

— Не отъ моей ли сигара, экселенцъ?—испугался нѣмецъ, вскочивъ съ мѣста, но тотъ поспѣшилъ успокоить его.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь,—заговорилъ онъ, усаживая господина Шпренгеля.—Я на этотъ счетъ безъ претензій,—и, вздохнувъ, прибавилъ:—Самъ курю табагъ въ сорокъ восемь копѣекъ фунтъ!

— Я рубль сотня,—замѣтилъ Шпренгель.—Надо по ножка протягивать одежка. Конечно,—прибавилъ онъ,—въ дамской компанія, при принцессинъ, я не дозволяю себѣ курить такія сигары, но на открытый воздухъ, особово, когда вѣтеръ или когда мужеская компани, за кружкой пива, *безондерсъ веннъ зихъ эйнъ лустиге изельтшафтъ умъ эйнемъ кругъ биръ фферзамельтъ*, тогда ничего, очень хорошо.

И, словно встать, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, экселенцъ, у васъ, конечно, есть кегельбанъ?

— Нѣтъ.

— О, почему же это? Это такъ весело и, кромѣ того, *дасъ форнтъ ди мускельнъ*, развиваетъ мускулы... *Зеръ, зеръ изундъ*... Теперь на Россія вездѣ идетъ кегельбанъ... большая но! ..

рѣхалъ Срывалинъ и тоже пришелъ въ паркъ. Генераль позвалъ его съ докторомъ, тотъ церемонно раскланялся, подалъ ему руку и принялъ какой-то серьезно-сдержанный видъ. «Богъ, но, тебя знаетъ, какой ты человѣкъ». Но когда онъ узналъ, что генераль Срывалинъ говоритъ по-нѣмецки, до того обрадовался, что

тотчасъ же буквально заполонилъ его и пустился съ нимъ въ объясненія. Онъ сразу же засыпалъ его разсказами про фатерляндъ, про свой родной Пирмонтъ, лучше и богаче котораго нѣтъ будто и города во всемъ свѣтѣ, а затѣмъ принялся распрашивать его, въ чемъ именно заключается его спеціальность, и не играетъ ли онъ на флейтѣ или на кларнетѣ? Но пришла Вѣра Александровна и, увидавъ Срывалина, взяла его подъ руку и повела представлять княгинѣ.

— Извините, герръ Шпренгель,—проговорила она по-нѣмецки,—господинъ Срывалинъ еще не познакомился съ бабушкой.

— *Битте, битте, гnedигесъ фрейленз, битте.*

И нѣмецъ, изящно раскланявшись, принялся потирать руками, громко похрустывая суставами.

Княгинѣ Срывалинъ понравился. Она нашла его очень порядочнымъ, умѣющимъ держать себя въ обществѣ, веселымъ, пріятной наружности, а пуще всего она расхвалила его за то, что онъ не походилъ на тѣхъ «халдѣевъ», которые шатаются по Москвѣ чумазыми, небритыми, мохнатыми и въ большихъ синихъ очагахъ. Обошлась она съ нимъ ласково, хотя въ ласкѣ этой и проглядывало нѣкоторое снисхожденіе, съ которымъ обыкновенно русскія барыни большого свѣта относятся къ людямъ не ихъ круга.

— Только вотъ что,—замѣтила она Вѣрочкѣ, когда Срывалинъ, откланявшись княгинѣ, удалился.—Сдается мнѣ, что онъ по уши влюбленъ въ тебя. Разумѣется, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго,—напротивъ, я была бы удивлена, если бы онъ былъ равнодушенъ къ тебѣ... Кто же не влюблялся въ тебя? Но, все-таки, будь осторожна.

— Ахъ, что вы, что вы, бабушка!—чуть не вскрикнула Вѣрочка, вспыхнувъ до ушей.—Вамъ такъ показалось!

— То-то, смотри, дурочка. Малый-то онъ хотя и хорошій, а все-таки, не пара внучкѣ княгини Обрѣзковой... Помни, что княжескій родъ Обрѣзковыхъ не чета роду Хованскихъ.

Въ родословной Хованскихъ, встаети сказать, княгиня относилась съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и родоначальникомъ этой фамиліи считала лишь Александра Николаевича, и потому только, что онъ былъ женатъ на ея дочери, предковъ же его въ грошъ не ставила. «Какіе же это предки?—разсуждала она.—Прадѣдъ былъ простымъ солевозчикомъ, съ Елтонскаго озера соль возилъ, дѣдъ чиновникомъ, съ грѣхомъ пополамъ дослужившимся до дворянства, а отецъ откупщикомъ, нажившимъ большое состояніе, которое мо⁴

возлюбленный зятекъ съумѣлъ растранижить (откровенно говоря, не зятекъ, а ея дочка, сорившая деньгами, какъ попало). Какіе же это предки? Послѣ этого и моя Парашка будетъ увѣрять, что у нея были предки».

Съ тѣхъ поръ Срывалинъ опять сталъ бывать въ Хованщинѣ почти каждый день. Съ княгиней онъ игралъ въ пикетъ, терпѣливо выслушивалъ ея анекдоты изъ жизни ея друзей и знакомыхъ, игравшихъ когда-то видную роль какъ въ обществѣ, такъ и на службѣ. Со Шпренгелемъ толковалъ о Германіи, о Бисмаркѣ, а съ генераломъ про хозяйство. Только съ одною Вѣрой Александровной ему не удавалось поговорить о томъ, о чемъ бы хотѣлось, и даже не удавалось, какъ прежде, бывать наединѣ. Съ пріѣздомъ княгини она словно забыла о прогулкахъ, о своихъ деревенскихъ пріятеляхъ и даже о ландшафтахъ. За то Срывалинъ все это помнилъ очень хорошо и, вставивъ въ изящную рамку видъ мельницы, подолгу засматривался на него и тайно грустилъ.

Именно въ эту-то самую пору мы встрѣтили его разѣзжавшимъ на бѣговыхъ дрожкахъ по полю, въ сопровожденіи прикащика, рассказывавшаго про «бритье» жнейки.

IV.

— А что,—перебилъ онъ, наконецъ, надоѣвшаго ему прикащика,—не знаешь, кончилъ генералъ свой посѣвъ?

— Не могу знать-съ.

— Не былъ развѣ въ Хованщинѣ?

— Быть-то былъ, да не спрашивалъ, признаться.

— И генерала не встрѣчалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ... Гость къ нимъ какой-то пріѣхалъ,—прибавилъ онъ.

— Какой такой?

— Тоже генералъ, вишь... Знакомый старый.

— Давно?

— Третьеводни, кажись.

— Вотъ что!

Вслучаю посѣва Срывалинъ не былъ въ Хованщинѣ съ недѣлю, и онъ порѣшилъ, не заѣзжая домой, съѣздить туда. Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ отпустилъ прикащика, а самъ, по столбнику, отправился по направленію синѣвшагося вдали парка. Сперва онъ шелъ шагомъ, но, выбравшись на торную дорогу, пустилъ лошадей крупною рысью. Нетерпѣніе его росло съ каждою минутой, а

подъѣзжая къ парку, онъ даже привсталъ на ноги и принялся всматриваться въ его темную чашу. Вдругъ знакомый голосъ облигнулъ его:

— Василий Ивановичъ, вы къ намъ?

— Бъ вамъ, къ вамъ! — крикнулъ Срывалинъ, увидавъ выходящую съ птичнаго двора Вѣру Александровну. — Какъ поживаете? здоровы ли?

— Что это вы какъ давно не были?

— Некогда было, Вѣра Александровна, — прибавилъ онъ, со-скакивая съ дрожекъ. — Сами знаете, посѣвъ... Нынѣшній день, говорить, цѣлый годъ кормить.

— Мы тутъ соскучились по васъ, и я, и бабушка.

— Ну, что она, здорова?

— Здорова.

— Музицируетъ?

— Да, Бетховена все.

— Съ нѣмцемъ?

— Съ нѣмцемъ.

И, весело засмѣявшись, прибавила:

— Начнуть съ Бетховена, а кончать чуть не драгой. Вчера до того поссорились, что нѣмецъ чуть было въ Москву не уѣхалъ.

— Вотъ какъ!

И оба засмѣялись.

— Да, чуть не забыла. Бъ намъ гость пріѣхалъ.

— Слышалъ, слышалъ, генералъ какой-то?

— Только не военный, а статскій. Нѣкто Бубрицкій.

— Ну, это для васъ не компанія!

— Почему?

— Боли генералъ, значить, пожилой.

— Нѣтъ, онъ превеселый... Вчера, напримѣръ, весь вечеръ игралъ съ нами въ кегли.

— Кто же еще?

— Бабушка, Карлъ Карлычъ.

Срывалинъ расхохотался.

— Хороши кегли, нечего сказать... Бабушкѣ семьдесятъ, нѣмцу чуть не сто... Вотъ не знаю, сколько вашему гостю.

— Говорить, сорокъ.

— Молодится, вѣрно?

— Даже и очень.

— Кто же вамъ кегельбанъ устроилъ?

— Карлъ Карлычъ.

— Самъ?

— Самъ, самъ. Сперва выточилъ кегли и шары. Оказывается, онъ дѣлю недѣлю тихонько ходилъ къ токару и тамъ занимался этимъ, а третьяго дня, тоже по секрету, выровнялъ въ паркѣ дорожку, утрамбовалъ ее и вышелъ кегельбанъ. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ восторгомъ онъ предложилъ намъ вчера конграть въ кегли. «Не угодно ли, — проговорилъ онъ, — позабавить себя? Я устроилъ вамъ прекрасный кегельбанъ».

— Каковы!

— Пойдите-ка, посмотрите.

— Сейчасъ, сейчасъ Только позвольте сперва Александру Николаевичу откланяться.

— Ну, ну хорошо.

Немного погодя онъ входилъ въ переднюю. Его встрѣтилъ тамъ какой-то незнакомый лакей съ пышно расчесанными бакенбардами и краснымъ угреватымъ лицомъ, читавшій газету.

— Александръ Николаевичъ дома?—спросилъ его Срывалинъ.

— Я не здѣшній, — отвѣтилъ лакей и, не вставая съ мѣста, бивнулъ ему на входную дверь.

Срывалинъ вошелъ въ кабинетъ.

Хованскій былъ тамъ и сидѣлъ на диванѣ, рядомъ съ какимъ-то другимъ господиномъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ и видимо слегка подирашивавшимъ тщательно причесанные волосы. Срывалинъ тотчасъ догадался, что это и былъ превосходительный гость.

— А, Василій Ивановичъ!—вскрикнулъ Хованскій, протягивая ему руку.—Давненько, давненько не видались!

И, представивъ Срывалина Кублицкому, прибавилъ:

— Мой ближайшій сосѣдъ, агрономъ и заядлый хозяинъ.

— Очень, очень пріятно слышать, —подхватилъ Кублицкій, протягивая Срывалину руку, украшенную дорогими перстнями.— Очень пріятно, что въ настоящее время молодежь взялась за умъ и убѣдилась, что не единою службой человѣкъ сытъ бываетъ. Особенно то пріятно, что въ средѣ этихъ новыхъ дѣятелей есть масса истинно образованныхъ людей, способныхъ двинуть впередъ, — онъ сдѣлалъ при этомъ обѣими руками соотвѣтствующій жестъ, — земледѣльческое дѣло. Россія, какъ преимущественно земледѣльская страна, нуждается въ такихъ дѣятеляхъ. Очень, очень радъ, —повторилъ Кублицкій, снова пожавъ руку Срывалину, и затемъ спросилъ:—Сами и пашете?

Нѣтъ-съ, —отвѣтилъ Срывалинъ.—Нахожу болѣе дѣлособытьемъ руководить рабочею силой, давать ей указанія, выра-

ботанная наукой, и слѣдить за точнымъ исполненіемъ этихъ указаній.

— А вотъ тутъ-то и стопъ машина! — крикнулъ Хованскій, хлопнувъ ладонями.

— Это почему?—спросилъ Срываинъ.

— Потому, что мужланъ грубъ и дерзокъ. Не понравилась вамъ его работа, вы заставляете его передѣлать такуюю, а онъ шапку въ охапку и маршь. Судиться съ нимъ, убытки взыскивать? Извольте. Вамъ ихъ присудятъ, исполнительный листъ дадутъ... Только взять-то съ него нечего.

— Свѣта больше, свѣта!—заговорилъ Кублицкій тономъ, не допускающимъ возраженій.—Давайте намъ побольше школъ, учителей... Пусть будутъ школы не въ однихъ только большихъ и торговыхъ селахъ, но даже и въ самыхъ крошечныхъ. Пусть торчатъ эти школы возлѣ каждаго верстового столба, пусть проливаютъ онѣ свѣтъ въ эту жалкую темную массу, косящую въ невѣжествѣ, и тогда не потребуются вамъ судьи... Мужикъ самъ придетъ къ вамъ и передѣлаетъ скверно сдѣланное... Свѣта, свѣта больше!... Свѣта!...

Генералъ Хованскій посопѣлъ въ усы, выпустилъ нѣсколько дымныхъ колець и молча смотрѣлъ на Кублицкаго.

— Не вѣрите, ваше превосходительство?—спросилъ тотъ.

— Сомнѣваюсь, ваше превосходительство.

И онъ опять посопѣлъ и выпустилъ нѣсколько колець.

— Почему же, ваше превосходительство?

— Потому что совѣсть забыли, ваше превосходительство.

— Гдѣ свѣтъ, тамъ и совѣсть, ваше превосходительство, — перебилъ его Кублицкій.

— Казалось бы такъ, ваше превосходительство, а на дѣлѣ-то выходитъ по-другому. Святые люди были малограмотными, а проливали свѣтъ даже просвѣщенному Риму...

«Экъ куда хватилъ!»—подумалъ Кублицкій, тоже выпустивъ нѣсколько дымныхъ колець.

— Оставимъ мужика въ покоѣ,—продолжалъ, между тѣмъ, Хованскій.—Что мужикъ? Въ сущности, это существо вѣчно трудящееся и вѣчно голодающее. Ему, по правдѣ сказать, не до свѣта и не до совѣсти... Вы, ваше превосходительство, посмотрите на болѣе сытыхъ и достаточно озаренныхъ свѣтомъ, да не такимъ свѣтомъ, какимъ озаряютъ мужика, и полюбуйтесь, что тамъ творится. Свѣтъ, какъ бы ярокъ ни былъ, но коль скоро онъ лишентъ совѣсти, то никогда свѣточемъ не будетъ, а будетъ лишь коптиль-

никомъ, проливающимъ чадъ, а не свѣтъ. Совѣсти больше, ваше превосходительство, совѣсти!

Срывалинъ, не желая входить въ пререканія господъ генераловъ и имѣя только одинъ «свѣтъ въ очахъ», а именно Вѣру Александровну, поспѣшилъ раскланяться и быстро направился въ паркъ. Вѣра Александровна была тамъ.

— Ну, что, познакомились съ гостемъ?—спросила она.

— Сподобился.

— Понравился?

— Очень.

— Видное мѣсто получилъ и теперь ѣдетъ принимать должность... Кажется, онъ очень доволенъ этимъ назначеніемъ,—говорила Вѣра Александровна, продолжая идти по темной аллеѣ парка,—по крайней мѣрѣ, вчера только и говорилъ объ этомъ.

— Что у кого болитъ...—заговорилъ было Срывалинъ и вдругъ смутился, почувствовавъ, что самъ-то онъ говорить совсѣмъ не о томъ, что болитъ у него самого.

Смутилась и Вѣра Александровна, сознавая то же самое. Смутилась и невольно опустила глаза. Такъ подошли они къ кельбану.

— Не правда ли, хорошо устроилъ?—спросила она, указывая на работу нѣмца.

— И какъ отлично утрамбовалъ... словно асфальтомъ залилъ,—замѣтилъ Срывалинъ. — Нѣмцы на это молодцы. Теперь надо ждать, что тиръ-гартенъ устроить и бирр-галь.

Вѣра Александровна улыбнулась, а Срывалинъ покраснѣлъ и смутился, сознавая, что опять-таки говорить совершенно неподходящаго слова. Словно языкъ у него чужой и словно этотъ языкъ болтаетъ такъ же, какъ Кублицкій, чужія слова.

Они подошли къ скамьѣ и молча сѣли.

«Однако, это глупо, наконецъ,—подумалъ Срывалинъ.— сидѣть и молчать».

И, въ то же время, чувствовалъ, что сердце его замираетъ и перестаетъ биться. Онъ даже испугался. «Но,—подумалъ онъ,—съ чего начать? Какъ приступить? Спросить развѣ, не любила ли на кого-нибудь? Не занято ли ея сердце?» — но въ ту же секунду у порѣшилъ, что такіе вопросы даже глупѣе молчанія. «Точно слѣдователь какой-нибудь!» — и, ни на чемъ не порѣшивъ, принялся опять-таки выводиться по песку полукруги.

Вѣра Александровна сидѣла и мысленно молила судьбу, чтобы кто-нибудь пришелъ и вывелъ ихъ изъ этого глупаго положе-

нія. Но почему же оно казалось ей глупымъ? Развѣ имъ никогда не случалось просиживать молча? Молча любоваться закатомъ солнца, медленно надвигавшимися сумерками, прислушиваться къ шепоту листьевъ, къ пѣнію соловья?... Развѣ этого никогда не было? Было, было, сколько разъ было... Почему же тогда не замѣчалась эта глупость?...

— Вѣра Александровна,—заговорилъ, наконецъ, Срывалинъ дрогнувшимъ голосомъ,—вы замѣчаете, конечно, мое смущеніе... его нельзя не замѣтить.

«А моего-то?»—подумала она.

— Можетъ быть, догадываетесь даже, отчего оно происходитъ?... Нѣтъ, зачѣмъ я сказалъ: «можетъ быть»? Зачѣмъ лгать? Ложь вообще постыдна, а въ такую минуту преступна... Нѣтъ, не «можетъ быть», а навѣрное догадываетесь... Вы не ошиблись... Я люблю васъ...

«А я-то?»—снова подумала Вѣра Александровна.

— Люблю съ перваго дня нашего знакомства, — продолжалъ Срывалинъ,—съ того дня, какъ увидалъ васъ въ лодкѣ... Помните, у меня сорвалось тогда съ языка слово «судьба»?... Такъ и случилось... Теперь моя судьба въ вашихъ рукахъ... Какъ вы порѣшите, такъ и будетъ... Я не прошу у васъ немедленнаго отвѣта... Сохрани меня Богъ!... Подумайте, посовѣтуйтесь съ отцомъ, съ бабушкой... говорить, умъ—хорошо, а два—лучше. Съ своей стороны я скажу вамъ одно только, что вся моя жизнь будетъ посвящена вамъ, и только однѣмъ вамъ.

И, проговоривъ это, онъ дружески протянулъ ей обѣ руки. Она взяла ихъ и пожала крѣпко.

— Я вѣрю вамъ,—прошептала она взволнованно.

— Подумаете?—спросилъ онъ.

— Да,—проговорила она чуть слышно и устремила на него большіе глаза свои, полные слезъ. Но слезы эти были преизбыткомъ счастья, а не горя.

Въ тотъ день Срывалинъ въ домъ не заходилъ, а прямо изъ парка направился къ конюшнѣ, вскочилъ на дрожжи и помчался домой. Проѣзжая мимо парка, онъ увидалъ Вѣру. Облитая яркимъ солнцемъ, вся въ бѣломъ, она стояла на темной опушкѣ парка и, словно изваянная изъ мрамора, провожала его продолжительнымъ взглядомъ.

Счастьемъ его не было границъ.

У.

Между тѣмъ, на половинѣ княгини, называемой, если помнить читатель, «старымъ домомъ», происходило совсѣмъ иное. Тамъ, въ полуразвалившихся гнилушбахъ, раздавалась музыка. Это играли княгиня и докторъ, — княгиня на роялѣ, а докторъ на скрипкѣ. Слово изъ гроба вылетали эти звуки и нарушали собою величавую тишину могилы. На княгинѣ былъ изящный лѣтній костюмъ, обшитый кружевами, сѣдые волосы тщательно убраны и завиты въ локоны, на бѣгавшихъ по клавишамъ аристократическихъ тонкихъ пальцахъ играли изумруды и брилліанты, а на докторѣ были коротенькій фракъ и бѣлый галстукъ. Босоногая дѣвчонка въ засаленномъ платьѣ отмахивала вѣтвой муку отъ игравшихъ и довершала эту картину домашняго концерта. Старички играли очень долго. Наконецъ, раздались финальные аккорды и музыка замерла. Княгиня сняла очки, закрыла рояль и мечтательно опустилась въ мягкое кресло. Карлъ Карловичъ тщательно вытеръ скрипку, уложилъ ее въ футляръ, отеръ свернутымъ въ комочекъ платкомъ влажный лобъ и принялся расправлять пальцы и хрустѣть суставами. Дѣвчонка вышла вонъ, громко топая босыми пятками.

— Нѣтъ, милый докторъ, — заговорила княгиня по-нѣмецки, кокетливо поправляя локоны, — вы сегодня изъ рукъ вонъ плохо играли... Ни малѣйшаго огня, ни капли чувства... Скажите, вы еще не совсѣмъ оглохли?

— О, нѣтъ! Я, принцессинъ, слышу превосходно, — отвѣтилъ докторъ, поставивъ на стулъ футляръ со скрипкой. — Слухъ у меня отличный...

— Очень, очень плохо играли! — и, лукаво погрозивъ пальчикомъ, прибавила: — Я сегодня вами недовольна.

— Я только одинъ разъ, только одинъ разъ во всю свою жизнь исполнилъ безукоризненно эту сонату, — проговорилъ докторъ какимъ-то замогильнымъ голосомъ.

Княгиня пріятно улыбнулась, вынула табакерку, подаренную когда-то ей отцу прусскимъ королемъ, и, понюхавъ, спросила:

— А когда это было?

— Это было, принцессинъ, очень давно.

— Давно? — переспросила она.

— Да, когда и я, и вы были еще очень молоды, — замѣтилъ докторъ, опускаясь въ кресло и заворотивъ фалдочки фрака. — (а кровь била въ насъ ключомъ...

— Въ Москвѣ, на Пречистенкѣ?

— Въ приходѣ Ильи Обыденнаго (по-нѣмецки онъ называлъ Илью Эліасомъ).

— Въ большомъ домѣ со львами на воротахъ? — допрашивала съ улыбкой княгиня.

— Да, въ полусвѣщенномъ залѣ, — продолжалъ докторъ тѣмъ же тономъ. — Мы были тогда совершенно одни...

— Позвольте-съ, — перебила княгиня. — Я никогда вдвоемъ съ мужчиной не оставалась. Въ углу сидѣла гувернантка. Какъ теперь вижу ее, съ очками на носу.

— И съ чулкомъ въ рукахъ, — подхватилъ докторъ. — Совершенно вѣрно-съ. Но она спала, какъ убитая. Да, — продолжалъ онъ, вздохнувъ, — я игралъ тогда очень хорошо!... Скрипка моя пѣла и въ звукахъ ея изливалась вся душа моя, все, что чувствовалъ и чѣмъ былъ весь преисполненъ... Въ то время я былъ убѣжденъ и глубоко вѣровалъ, что тамъ, гдѣ существуетъ взаимная любовь, препятствій быть не можетъ. Но препятствія эти выросли передо мной, какъ страшные призраки, и вырвали у меня изъ рукъ мою любовь и мою жизнь. Да, насъ разлучили, принцессинъ...

— Вы были тогда очень красивы, — замѣтила княгиня, вздохнувъ, — очень!

— А вы... идеально хороши! — воскликнулъ докторъ.

-- А теперь-то что съ вами случилось? Боже мой! — продолжала она, поглядывая на доктора. — На кого вы похожи?

— Вы тоже очень измѣнились.

— Все-таки, не такъ.

— Я много работалъ.

— Это не отъ работы.

— Отъ чего же, принцессинъ?

— Вы гораздо старше меня.

— Немного.

— Лѣтъ на десять, если не больше...

— О, что вы говорите, принцессинъ!

— А вы тогда очень любили меня? — спросила княгиня, бросивъ на него лукавый взглядъ.

— Я сохранилъ эту любовь до настоящихъ дней, — сантиментально произнесъ докторъ, — сохраняю ее до могилы.

— Ну, ужъ это слишкомъ по-нѣмецки, — перебила его княгиня, сдѣлавъ гримасу. — Такая любовь до гроба даже противна.

— Мы, нѣмцы, постоянны.

— Ужъ какая можетъ быть національность въ ваши лѣта!

Докторъ пожалъ плечами.

— А знаете ли? — заговорила княгиня, воодушевившись. — Дѣло прошлое! Отчасти вы сами были причиной, что я не сдѣлалась вашею женой.

— Я?— удивился докторъ.

— Припомните-ка хорошенько. Когда отецъ отказалъ вамъ въ моей рукѣ (ахъ, онъ сдѣлалъ это такъ грубо, такъ издѣвался надъ вами!... Я очень плакала тогда), вы уговорили меня бѣжать...

— Виновать, принцессинъ, — перебилъ ее докторъ, вскочивъ съ мѣста, — это вы уговорили меня.

— Я?— удивилась княгиня.

— Я былъ даже противъ, принцессинъ. Считаю это безчестнымъ, недостойнымъ порядочнаго человѣка, но не выдержалъ характера и уступилъ вашимъ настойчивымъ требованіямъ.

— Моимъ настойчивымъ требованіямъ? Да вы съ ума сошли!... Жениховъ, что ли, у меня не было? Слава Богу, вся тогдашняя московская молодежь пресмыкалась у ногъ моихъ. Самъ Пушкинъ былъ отъ меня безъ ума и воспѣвалъ меня въ стихахъ... Доказательство, что я тотчасъ же, послѣ вашей глупой исторіи, вышла замужъ за князя Обрѣзкова.

— Не смѣю возражать, принцессинъ, — замѣтилъ докторъ, видимо улыбаясь и пожимая плечами, — но...

— Никакихъ тутъ «но» не можетъ быть.

— Слушаю-сь.

— Лучше возвратимся къ прерваннымъ воспоминаніямъ. Вѣдь, намъ теперь только это и остается, — замѣтила она, грустно улыбувшись и сдержавъ невольный вздохъ. — Зачѣмъ, позвольте васъ спросить, вы сообщили о нашемъ намѣреніи бѣжать моей горничной? Зачѣмъ? Къ чему? Положимъ, что въ такомъ серьезномъ дѣлѣ помощница необходима... это вѣрно... Но, согласитесь, нельзя же такія важныя тайны сообщать простой вѣрною дѣвкѣ, которыя вообще болтливы, какъ сороки, а та въ особенности, такъ какъ, прости Господи мое великое прегрѣшеніе, пошалавала съ моимъ покойнымъ отцомъ. Понятное дѣло, что въ одну прекрасную ночь сорока эта все разболтала отцу, тотъ поѣхалъ къ генералъ-губернатору и васъ въ двадцать четыре часа выслали вонъ изъ Москвы. Ну, мало ли было, мой милый докторъ, такъ наивно распорядиться? Ну, право, вы поступили какъ самый глупый ребенокъ!

— Позвольте, принцессинъ... — заговорилъ было докторъ, но не для перебила его.

— Я увѣрена, — продолжала она, — поручи вы это дѣло моей кулантѣ, миссъ Брайтъ, а не горничной, то мы были бы об-

вѣнчаны. Да чего лучше? Припомните побѣгъ княгини Базанцевой съ куаферомъ Леру... Это происходило почти одновременно съ нашимъ романомъ. Леру прямо обратился къ гувернанткѣ, далъ ей, если не ошибаюсь, двадцать лобанчиковъ и та отлично устроила ихъ побѣгъ. А вы къ горничной! — укоризненно добавила она, пожавъ плечами. — Развѣ это возможно?

Все время молчавшій докторъ, наконецъ, приподнялся съ мѣста и, улыбаясь, проговорилъ:

— Виноватъ, принцессинъ. Вамъ измѣняетъ память...

— Неправда-съ. Память у меня превосходная.

— Но, вѣдь, нашу тайну открыли горничной вы, а не я.

— Я? Опять я?

— Вамъ угодно было, — продолжалъ докторъ, — захватить съ собою бѣлое платье и вы приказали горничной уложить его въ чемоданъ, а когда та полюбопытствовала узнать, на что вамъ чемоданъ, вы не выдержали и все ей рассказали.

Княгиня даже вспыхнула.

— Позвольте-съ! — вскрикнула она. — Я еще жива!... Что вы на меня сваливаете, какъ на мертвую?

— Да, вѣдь, и я еще не умеръ.

— Такъ, по-вашему, я и бѣжать васъ подговорила?

— Вы.

— И горничной разболтала?

— Вы, вы.

Княгиня вскочила.

— Это нахаль какой-то! — вскрикнула она, суетливо заходявъ по комнатѣ. — Совершенный нахаль! Лжетъ и не моргаетъ!... Во всемъ я виновата!

И, обратясь къ доктору, прибавила:

— Послѣ этого, милостивый государь, мнѣ остается только благословлять судьбу, что я сдѣлалась княгиней Обрѣзковой, а не женою какого-то жалкаго лекаря изъ нѣмцевъ.

Докторъ вспыхнулъ.

— Въ такомъ случаѣ, — заговорилъ онъ, — вы напрасно пригласили меня сопровождать васъ въ деревню въ качествѣ доктора. Въ Москвѣ у меня практика.

— Никакой у васъ практики нѣтъ, а пригласила я васъ въ деревню не въ качествѣ доктора, а просто какъ музыканта, то оказывается, что вы и музыку-то забыли.

Докторъ даже задрожалъ.

— Принцессинъ, — заговорилъ онъ сильно взволнованнымъ го-

любомъ, — подобныя, очень непріятныя для меня сцены повторяются чуть не каждый день... Онъ очень вредно отзываются на мое здоровье, въ особенности на моей нервной системѣ, а потому прошу васъ дозволить мнѣ откланяться вамъ, принцессинъ, и возвратиться въ Москву.

— Скатертью дорога! — вскрикнула княгиня, указывая на дверь.—Скатертью дорога! Я даже попрошу зятя, генерала Хованскаго, не отказать вамъ въ лошадяхъ и доставить васъ до станціи желѣзной дороги. Ваше нахальство, — прибавила она по-русски (княгиня «въ сердцахъ» всегда говорила по-русски), — тоже очень раздражаетъ мою нервную систему.

Докторъ взялъ скрипку, сдѣлалъ глубокой, почтительный поклонъ, какими обыкновенно благодарятъ актеры публику за вызовы, и вышелъ.

— Болбасникъ! — проворчала княгиня, когда нѣмецъ вышелъ. И, продолжая ходить по комнатѣ, громко возмущалась: — Хороша бы я была, выйдя замужъ за такого нахала! Все на меня свалилъ, все, все... И можно же было увлечься такимъ противнымъ нѣмцемъ... Впрочемъ, что-жь я говорю? Развѣ это было увлечение? Просто, дурь нашла... Дурь, и больше ничего!

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошла Вѣра.

— Что съ вами, бабушка? — спросила она, взглянувъ на нее.

Княгиня остановилась, хотѣла что-то сказать, но, пристально посмотрѣвъ на внучку и замѣтивъ въ ней какое-то смущеніе, спросила:

— Нѣтъ, съ тобой-то что?

— Ничего.

— Неправда, по глазамъ вижу.

— Увѣряю васъ.

— Я сейчасъ видѣла Срывалина, — проговорила она, продолжая смотрѣть на внучку. — Онъ какъ сумасшедшій мимо окна прочался... Ты видѣла его?

— Видѣла, бабушка.

— Теперь все ясно.

И, подойдя къ ней, она спросила:

· Было объясненіе?

ра молчала.

- Что же ты молчишь?

- Было, — едва слышно прошептала Вѣра.

· И...

Объщала подумать.

— Слава Богу, — проговорила княгиня, перекрестившись. — Я полагала, что совсѣмъ порѣшили.

— Я общала поговорить съ вами, съ отцомъ.

— Что скажетъ тебѣ отецъ — я не знаю... Онъ такъ много въ свою жизнь наговорилъ и надѣлалъ глупостей, что отъ него можно ожидать всего, но что касается меня, мать моя (когда княгиня сердилась, она иначе не называла внучку), то знай напередъ, что моего благословенія на этотъ бракъ ты не получишь. Это говоритъ тебѣ княгиня Обрѣзкова, которая никогда не измѣняла своего слова и которая никогда не породнится съ какии-нибудь Срывалинымъ. Можетъ быть, отецъ твой взглянетъ на это дѣло иначе, глазами Хованскаго, но княгиня Обрѣзкова никогда.

И она направилась къ спальнѣ.

— Почему же, бабушка? — вскрикнула Вѣра, всплеснувъ руками. — Почему же?

— А потому, — отвѣтила она, остановясь и въ полуоборотъ посмотрѣвъ на внучку, — что княгиня Обрѣзкова слишкомъ порядочная женщина!

И, проговоривъ это, она вышла и захлопнула за собою дверь.

— Почему же, почему же? — продолжала Вѣра и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

VI.

Обѣдъ въ этотъ день шель монотонно и скучно. Вѣра сказала больно и къ столу не выходила. Генералъ Хованскій, только что получившій изъ банка извѣщеніе о днѣ продажи имѣнія, былъ пасмуренъ и молчаливъ. Герръ Шпренгель имѣлъ видъ мокрой курицы, и только одна княгиня выбивалась изъ силъ, чтобы занять разговорами Кубрицкаго, который, за отсутствіемъ Вѣры Александровны, былъ какъ будто не въ своей тарелкѣ. За то старый слуга Хованскихъ, Захаръ Зотычъ, вполне торжествовалъ, прислуживая за столомъ, за которымъ «изволили» кушать два генерала и одна княгиня (нѣмца онъ въ грошъ не ставилъ; нѣмецъ онъ, такъ нѣмецъ и есть!). Въ старомъ рваномъ сюртукѣ и стоптанныхъ сапогахъ, но за то въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ съ длинными пальцами, онъ горделиво стоялъ позади княгини, задравъ носъ вверху и прижавъ къ сердцу тарелку, словно говорилъ: «Вотъ, дескать, мы какъ, смотрите!» Съ докторомъ, который, несмотря на свой убитый видъ, ѣлъ за десятерыхъ, княгиня не сказала ни слова. Въ данную минуту онъ казался ей такимъ противнымъ, что

она даже удивлялась, какъ могла она, хотя бы на секунду, увлечься такимъ уродомъ. «Одинъ носъ чего стоитъ!—думала она, искоса поглядывая съ какимъ-то омерзѣніемъ на носъ герра Шпренгеля, дѣйствительно не въ мѣру длинный и горбатый.—А сопить-то какъ!...»

За кофеемъ, который пили на балконѣ, Кубрицкій, не стѣсняясь подливаніемъ коньяку, замѣтно оживился и разошелся. Онъ принялся говорить о своемъ новомъ назначеніи и о тѣхъ трудностяхъ, которыя ему предстоитъ преодолѣть тотчасъ же при вступленіи въ должность. Онъ удивлялся бездѣятельности своего предшественника, называлъ его пустымъ «краснобаемъ», человѣкомъ, много говорившимъ, еще болѣе писавшимъ, но, въ сущности, ничего не дѣлавшимъ.

— Только однѣ рѣчи, рѣчи и рѣчи,—возмущался онъ,—а затѣмъ услужливое перепечатываніе этихъ рѣчей въ газетахъ.

Онъ даже слегка намекнулъ о чрезмѣрномъ его преклоненіи передъ женщинами, что въ глазахъ княгини было болѣе, чѣмъ необходимо.

— Конечно,—говорилъ онъ съ какимъ-то слащавымъ умиле-ніемъ и даже облизываясь,—женщина, это—совершеннѣйшее существо въ мѣрѣ... Это—идеалъ красоты и изящества, передъ которымъ нельзя не преклоняться... Но на все есть мѣра. Я самъ преклоняюсь передъ женщинами, самъ сознаю, что она есть, такъ сказать, импульсъ жизни... самъ, если бы только умѣлъ, воспѣвалъ ее и въ прозѣ, и въ стихахъ... Но, согласитесь, предаваться исключительно этому занятію и забыть про все остальное...

Но княгиня перебила его и настаивала, что иначе быть не можетъ и ничего другого существовать не должно.

— Какое же это будетъ преклоненіе?—горячилась она.—Какое? Ежели вы, преклоняясь передъ женщиной, будете думать о какомъ-нибудь квартальномъ... Тогда выкиньте насъ изъ головы... Господь съ вами! Мы въ такихъ поклонникахъ не нуждаемся!

— Конечно, конечно,—говорилъ Кубрицкій,—но согласитесь сами, княгиня...

Княгиня ничего не хотѣла слушать и Кубрицкому пришлось замолчать, что онъ и исполнилъ, расцѣловавъ предварительно ея руку. За то, когда она ушла съ балкона, онъ досыта наговорился на ту же тему съ генераломъ Хованскимъ. Воспользовался уходомъ бабшки и герръ Шпренгель. Все время молча сидѣвшій въ углу балкона и не смѣвшій курить, онъ задымилъ, наконецъ, сигарой и,

подвинувшись къ собесѣдникамъ, рѣшился даже при случаѣ вступить въ разговоръ.

— Да, — продолжалъ Бубрицкій, — заботъ и хлопотъ предстоитъ бездна. Но какъ приступить? Съ чего начать? — спросилъ онъ, окинувъ не то орлинымъ, не то вопрошающимъ взглядомъ генерала Хованскаго, а кстати и герра Шпренгеля, который, испугавшись этого взгляда, привсталъ съ мѣста и чуть было не бросилъ сигару. — Съ чего начать, — продолжалъ онъ, — и достанетъ ли умѣнья?

— Чѣмъ другимъ, ваше превосходительство, а ѣтимъ, поистинѣ, вы можете похвастаться, — подольстилъ Хованскій, рассчитывая, при его содѣйствіи, охлопотать въ банкѣ отсрочку. — Энергіи и способности вамъ не занимать стать. Вы щеголяете и тѣмъ, и другимъ. Не даромъ же обратились къ вашему превосходительству...

— Эхъ, ваше превосходительство! — подхватилъ польщенный Бубрицкій. — А косность? А предубѣждения? Наконецъ, встрѣчу ли сочувствующихъ и способныхъ людей, — людей, готовыхъ помочь мнѣ... поддержать?... Вѣдь, у меня не десять рукъ!

И вдругъ, протянувъ руку Хованскому, прибавилъ взволнованнымъ голосомъ (коньякъ вообще дѣйствовалъ на него возбуждающимъ образомъ):

— Я надѣюсь, ваше превосходительство, что вы, хоть изрѣдка, будете навѣщать меня и дѣлиться со мной мудрыми совѣтами.

Оба генерала привстали и молча пожали другъ другу руки, а успокоившійся герръ Шпренгель сѣлъ на прежнее мѣсто и снова задымилъ сигарой.

— Я думаю, — заговорилъ Бубрицкій, нѣсколько успокоившись, — прежде всего необходимо поналечь...

И, сдѣлавъ видъ, что онъ на кого-то навалился животомъ, прибавилъ:

— И подтянуть.

Генералъ Хованскій хотѣлъ было что-то возразить, но, вспомнивъ про торги, вполне согласился съ Бубрицкимъ.

— Непремѣнно, ваше превосходительство, — проговорилъ онъ.

— Благословяете?

— Обѣими руками.

— Съ того и начнемъ.

И, объяснивъ подробно, какъ именно онъ начнетъ налегать и подтягивать, онъ незамѣтно перешелъ къ утреннему разговору относительно свѣта и совѣсти.

— Вы совершенно вѣрно замѣтили, ваше превосходитель-

ство,— заговорилъ онъ, — что свѣтъ и совѣсть не имѣютъ между собою ничего общаго. Правда, правда... Свѣтъ самъ по себѣ, а совѣсть сама по себѣ. Къ несчастью, это встрѣчается на каждомъ шагу. Вотъ о соединеніи-то ихъ и надо будетъ похлопотать... соединить ихъ воедино и заставить идти рука объ руку. Пойдутъ — прекрасно! Того мы и добивались!... А не пойдутъ — долой эти коптильники, распространяющіе копоть, а не свѣтъ! Тогда остается только дунуть и затушить.

И онъ дунулъ и какъ будто что-то затушилъ.

— Однако, — чуть не вскрикнулъ онъ, — гдѣ же наша обворожительная Вѣра Александровна? Неужели мы ее сегодня такъ-таки и не увидимъ?

— Нездоровится ей что-то, — замѣтилъ Хованскій.

— О, такъ, немножко! — замѣтилъ докторъ по-русски. — Просто-на-просто маленькое... какъ это называется? *Si ista bisserit uncolle.*

— Вы были у нея?

— О, да! Я ходилъ.

— Что же съ нею? — спросилъ Хованскій.

— Ничего, ничего, экселенцъ...

— Хоть бы къ вечеру встала, — перебилъ Кублицкій. — Въ кегли бы опять сыграли...

— О, безъ фрейленъ не будетъ такъ весело, не какъ вчера. Она такъ умѣетъ веселить компани... Вообще юность оживляетъ своимъ присутствіемъ старыхъ людей.

Однако, Вѣра Александровна не приходила и вечеромъ. Обстоятельство это очень огорчило Кублицкаго, а княгиню даже напугало. Ей страшно хотѣлось навѣстить внучку, провѣдать о ея здоровьѣ, посидѣть, поговорить съ нею, но ее удерживалъ сегодняшній разговоръ по поводу сдѣланнаго Срывалинымъ предложенія.

«Чего добраго, — думала она, — вообразить, пожалуй, что я перепугалась, что я измѣню, вслѣдствіе этого, своему рѣшенію, расчувствуюсь, расплачусь, брошусь въ объятія и, въ концѣ-концовъ, дамъ на этотъ бракъ свое согласіе... Знаемъ мы эти штуки, сами когда-то продѣлывали!»

она рѣшила къ внучкѣ не ходить.

«Же лежать-то, вѣдь, надоѣстъ!» — соображала она.

Лгъ скуки она даже присутствовала на кегельбанѣ во время игръ Кублицкаго со Шпренгелемъ. Однако, она пробыла тамъ не долго и куда-то исчезла. Оказалось, что весь вечеръ она просидѣла въ своей комнатѣ и дочитывала какой-то новый французскій

романъ, заинтересовавшій ее своею любовною интригой. Исчезалъ поминутно и генералъ Хованскій, только его интересовалъ не романъ, а Вѣрочка. На этотъ разъ онъ даже забылъ о банкѣ и безпокоился не о платежахъ процентовъ, а о нездоровьѣ дочери. Онъ то и дѣло приходилъ въ ея комнату, щупалъ ея голову, давалъ ей нюхать какой-то спиртъ и ухаживалъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. По правдѣ сказать, онъ даже надоѣлъ ей. Она нѣсколько разъ просила отца не тревожиться, увѣряла, что у нея просто-напросто мигрень и что завтра же она будетъ совершенно здорова.

При такихъ условіяхъ игра въ кегли, конечно, не удалась. Кубрицкій былъ видимо не въ духѣ, въ кегли не попадалъ и поминутно ронялъ шары. Это очень забавляло доктора, который хохоталъ до слезъ.

— О, экселенцъ!—кричалъ онъ.—У васъ сегодня совсѣмъ нѣтъ ударъ. Совсѣмъ не такъ, какъ вчера... Вчера вы играли дивно хорошо.

— Да, сегодня я не въ ударѣ,—согласился онъ и, заплативъ доктору проигрышъ, прекратилъ игру.

Когда шары и кегли были прибраны,—все это аккуратно сдѣлалъ герръ Шпренгель,—Хованскій попросилъ его сходить къ больной.

— О, съ большимъ удовольствіемъ!—проговорилъ докторъ.

Разговоръ этотъ услышала княгиня, кончившая, наконецъ, романъ и возвратившаяся въ паркъ, и какъ только докторъ ушелъ, она сдѣлала видъ, что забыла какую-то работу, и тоже возвратилась въ домъ. Ей очень хотѣлось разузнать, что именно случилось съ Вѣрочкой и нѣтъ ли чего-нибудь серьезнаго? Последнее обстоятельство сильно безпокоило ее. Она боялась сдѣлаться виновницей этой болѣзни.

«Сохрани Богъ!—шептала она.—Сохрани Богъ!»

Въ ожиданіи доктора она расхаживала по залу и, какъ только услышала его шаги, раздавшіеся по корридору, тотчасъ же поспѣшила ему на встрѣчу.

— Ну, что?—спросила она, какъ будто нехотя и придавъ голосу совершенно равнодушный тонъ.—Вздоръ какой-нибудь?

— Да, принцессинь,—отвѣтилъ докторъ по-нѣмецки.

— Можетъ быть, даже капризъ одинъ?

— О, нѣтъ!

— Что же такое?

— Маленькій жарокъ, принцессинь.

— Боторый самъ по себѣ пройдетъ? Да?

Докторъ пожалъ плечами.

— Чего же вы плечами-то пожимаете?—разсердилась княгиня.

— Вѣроятно, пройдетъ, принцессинь,—проговорилъ докторъ.

— Ну, конечно.

И она пошла было дальше, но докторъ остановилъ ее.

— Виновать, принцессинь,—заговорилъ онъ съ какими-то ужимками,—виновать... но... я хотѣлъ напомнить вамъ одно маленькое обѣщаніе.

— Какое еще?

— Вы дали мнѣ слово попросить эскелепецъ довести меня до желѣзной дороги. Поѣздъ въ Москву уходитъ рано утромъ и потому вы очень одолжили бы меня, поговоривъ объ этомъ съ вечера.

— Это удивительно!—вскрикнула княгиня, всплеснувъ руками и бросивъ на доктора молніеносный взглядъ.—Надо быть нѣмцемъ, чтобы рѣшиться сказать такую чепуху! Въ домѣ тяжело больная (бабушка на этотъ разъ сочла нужнымъ не уменьшать, а преувеличить болѣзнь внучки), а онъ о какихъ-то лошадяхъ болочетъ... Вы, кажется, совсѣмъ изъ ума выжили.

Докторъ что-то промычалъ.

— Удивительное дѣло!...—и тотчасъ же прибавила:—Пока больная не выздоровѣетъ, вамъ, милостивый государь, лошадей не будетъ. Зарубите это себѣ на носу.

— Но...

— Я вамъ сказала—и конецъ.

И она, вся вспыхнувъ, быстро направилась въ свою комнату, а докторъ снова пожалъ плечами.

Ужинъ прошелъ такъ же скучно, какъ и обѣдъ. Никто почти не ѣлъ и не пилъ, за исключеніемъ доктора. Послѣ ужина Хованскій опять попросилъ его посмотрѣть больную, а княгиня въ ожиданіи его возвращенія занялась разговорами съ Кублицкимъ. Докторъ не заставилъ себя долго ждать, и княгиня тотчасъ же обратилась къ нему.

— Заснула?—спросила она.

— Нѣтъ, принцессинь, фрейленъ еще не заснула.

— Но скоро заснетъ, конечно?

— Температура немного возвысилась и потому, вѣроятно, нынѣшнюю ночь фрейленъ проведетъ не совсѣмъ спокойно.

— Значить, ей хуже?—какимъ-то упавшимъ и чуть слышнымъ голосомъ спросила княгиня и даже въ лицѣ измѣнилась.

— О, нѣтъ!

— А говорите, возвысилась температура!

— Н-да, очень немножко.

Княгиня окончательно рассердилась.

— Васъ не поймешь,—проговорила она, махнувъ рукой.

Но Кублицкій нѣсколько успокоилъ ее.

— Это обычное явленіе, княгиня,—замѣтилъ онъ,—обычное явленіе. Каждому больному дѣлается въ ночи нѣсколько хуже.

— О, да, да! — подтвердилъ докторъ. — *Ганцъ рихтихъ, ганцъ рихтихъ!*

Но княгиня, все-таки, рассердилась на доктора и, уходя къ себѣ, не подала ему руки, а только кивнула головой. Когда она проходила мимо комнаты Вѣры, ее такъ и подмывало навѣстить ее. Она даже взялась было за дверную ручку, повернула ее, но почему-то раздумала и прошла мимо. Войдя къ себѣ, она тотчасъ же позвала Парашку, раздѣлась и принялась молиться. На этотъ разъ она прочла одну лишнюю молитву, а именно о здравіи болящей Вѣры, причемъ особенно усердно крестилась и чуть не удвоила обычное количество земныхъ поклоновъ.

Немного погодя она лежала уже въ постели, но заснуть долго не могла. Пробыло часъ, два, а она все еще возилась подъ своимъ одѣяломъ и поминутно перевортывала подушку. Вѣрочка не выходила у нея изъ головы. Мысли, одна другой мрачнѣе, не давали ей покоя. Раза два она вставала даже съ постели, надѣвала туфли, почную кофту, накидывала на плечи платокъ, брала въ руки свѣчу и шла въ комнату внучки, но, дойдя до двери и взявшись за ручку, опять уходила.

Такимъ образомъ она промаялась всю ночь и заснула только тогда, когда утренняя заря зарумянилась на востокѣ и блѣдно-розовымъ свѣтомъ окрасила опущенную сторону ея окна.

За то, когда она проснулась, она тотчасъ же приказала своей Парашкѣ сбѣгать къ барышнѣ и узнать о ея здоровьѣ.

— Узнай,—говорила она,—какъ почивала, какъ ея головка, болитъ ли, нѣтъ ли. Пощупай, нѣтъ ли жара. Спроси, встанетъ ли сегодня съ постели, а потомъ приди и доложи... Да не провери чего-нибудь.

А когда Парашка возвратилась, спросила:

— Ну, что?

— Получше-съ.

— А жаръ есть?

— Не могу знать, ваше сіятельство.

— Головку-то не щупала, дура?

— Не щупала, ваше сіятельство... Изъ ума вонъ.

Княгиня даже съ мѣста вскочила и, еще разъ обругавъ Парашку дурой, порѣшила идти къ Вѣрочкѣ сама. Сперва она собралась было попросту, въ чемъ была, въ ночной кофть, ночномъ чепцѣ и въ туфляхъ на босую ногу, но, сообразивъ, что въ такомъ костюмѣ она не будетъ имѣть надлежащей внушительности и что Вѣрочка, чего добраго, при видѣ этого домашняго дезабилье, дозволитъ себѣ свойственную, при такихъ костюмахъ, фамиллярность и снова заговоритъ о Срывалинѣ, порѣшила одѣться какъ слѣдуетъ.

«Костюмъ—великое дѣло!—соображала она.— Съ человѣкомъ тщательно одѣтымъ и говорятъ по-другому. Костюмъ даетъ тонъ; это тотъ же мундиръ, не допускающій никакихъ излишнихъ откровенностей».

Она тщательно причесала голову, убрала накладными локонами, прикрыла просвѣчивавшуюся лысину изящнымъ кружевнымъ фаншономъ и приказала подать себѣ новое, ни разу еще не надеванное платье.

«Такъ будетъ лучше,—соображала она, поглядывая на себя въ зеркало и унизывая пальцы дорогими перстнями.— Очень хорошо».

Наконецъ, туалетъ былъ оконченъ и княгиня, слегка вспрыснувъ себя духами, отправилась къ Вѣрочкѣ. Однако, прежде чѣмъ войти въ комнату, она постучала въ дверь.

— Можно?—спросила она, думая услышать радостный и счастливый откликъ внучки, истомившейся столь долгимъ ожиданіемъ бабушки, милой, дорогой бабушки, но вышло нѣсколько иначе.

Вѣрочка приняла ее сухо, лежа въ постели, и даже не открыла при ея приходѣ глазъ.

«Бапризничаетъ!» — подумала княгиня. Но, ощутивъ ее голову и увидавъ ее пылавшее лицо, мгновенно струсила и принялась укорять себя за столь натянутыя и холодныя отношенія къ внучкѣ, которая, въ сущности, единственное утѣшеніе и единственное ея счастье. Ей даже стыдно стало за себя, что вчера ни разу не навѣстила ее, не посидѣла съ ней, не приласкала, не приняла въ ней ни малѣйшаго участія и вообще обошлась съ нею, какъ съ икоронней. Она даже мысленно упрекала себя и за нынѣшнее ея поведеніе, за эти локоны, кружева, духи, а въ особенности за это «глупое» платье, которое она такъ недавно еще считала необходимою принадлежностью порядочнаго тона. «Да,—думала она,— Вѣрочка была совершенно правъ, сказавъ, что правда—только въ платьѣ. Совершенно вѣрно... Въ такихъ платьяхъ, какъ на мундирахъ правды нѣтъ и не будетъ».

Послали за докторомъ, который гдѣ-то удилъ рыбу, но немедленно былъ разысканъ и приведенъ въ комнату больной, а немного погодя княгиня уже сидѣла возлѣ больной, прикладывала ей къ головѣ холодные компрессы, давала нюхать какой-то спиртъ, натирала ей виски и пульсъ тѣмъ же спиртомъ, но только уже не въ «глупомъ» платьѣ, а въ обыкновенномъ, обыденномъ, къ которому такъ привыкла, въ которомъ ей было такъ спокойно и въ которомъ она всегда говорила одну только правду. Говорила она съ Вѣрочкой искренно, задушевно, разумно, какъ только говорятъ люди въ халатахъ, и снова лицо ея дышало тою ласковою, доброю улыбкой, видѣть которую такъ давно привыкла Вѣрочка.

Результатомъ всѣхъ этихъ разговоровъ было то, что Вѣрѣ Александровнѣ сдѣлалось значительно лучше, жаръ прекратился, лихорадочное состояніе тоже, а къ обѣденному часу ей было такъ хорошо, что она сочла возможнымъ встать съ постели и обѣдать вмѣстѣ съ остальными.

Она провела въ компаніи и весь остатокъ дня и даже присутствовала на кегельбанѣ при состязаніи на кегляхъ Кубрицкаго съ геррѣ Шпренгелемъ и только когда сумерки начали незамѣтно спускаться на землю, а рѣка задымилась легкимъ туманомъ, княгиня взяла ее подъ руку и чуть не насильно повела ее въ домъ.

— Хоть и грустно, — говорилъ щеголевато Кубрицкій, провожая Вѣру Александровну, — но будьте, барышня, «панькой» и ложитесь въ кровать. Я бы даже посоветовалъ вамъ, если бы только смѣлъ давать медицинскіе совѣты въ присутствіи врача, — прибавилъ онъ, съ улыбкой взглянувъ на Шпренгеля, — выпить на ночь либо малины, либо бузины. Средство это не новое, но очень полезное.

— О, да, да, — подхватилъ геррѣ-Шпренгель, — это очень хорошо, очень!

«Противный! — думала Вѣра, прощаясь съ щеголеватымъ Кубрицкимъ. — Словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой!»

Въ тотъ же вечеръ княгиня, разставаясь съ внучкой и крестя ее на сонъ грядущій, говорила:

— Нельзя, мой другъ, нельзя... Нѣтъ, нѣтъ... Это не шуточное дѣло... Вѣдь, это на всю жизнь... А вотъ, когда я съѣзжу... когда все разую и разсмотрю собственными своими глазами, тогда... ну, тогда, пожалуй, подумаемъ, поговоримъ.

И княгиня быстро ушла на свою половину.

На слѣдующій день, часовъ въ восемь утра, княгиня съ докторомъ ѣхала уже въ какомъ-то двухъ-колесномъ допотопномъ кабріолетѣ (кабріолетъ этотъ былъ когда-то купленъ въ Вѣнѣ за

баснословныя деньги покойною матерью (Вѣрочки) по полевой дорожкѣ, ведущей на хуторъ Срываина. Лошадью правилъ докторъ, но такъ какъ онъ никогда этимъ дѣломъ не занимался, то, въ предупрежденіе какой бы то ни было непріятной случайности, въ вѣнскій кабриолетъ и была запряжена наипростѣйшая русская кляча. Вягина успѣла кое-какъ примириться съ докторомъ, и тотъ даже забылъ и думать о своемъ возвращеніи въ Москву. Тѣмъ не менѣе, однако, они все еще были въ натянутыхъ отношеніяхъ и почти всю дорогу молчали.

VII.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Кубрицкій, мужчина лѣтъ пятидесяти, никомъ образомъ не походилъ на старика. Правда, голова его нѣсколько посѣдѣла, а на макушкѣ видѣлся нѣкоторый просвѣтъ, но онъ такъ искусно подгранивалъ волосы и такъ ловко замаскировывалъ лысину накладкой, что никто даже не замѣчалъ этой невинной и вполне извинительной поддѣлки. Точно также и поблекшее отъ времени лицо его дышало свѣжестью и было всегда такъ хорошо и старательно выхолено, что ни единая морщинка не смѣла омрачить собою его довольнаго выраженія. Это былъ мужчина хорошо сложенный, довольно стройный, высокаго роста, съ величественною осанкой и выразительнымъ, подвижнымъ лицомъ, умѣвшимъ во всякое время и ласково улыбнуться, и обдать холодомъ. Одѣвался онъ всегда изящно, бѣлье носилъ не иначе, какъ батистовое, брилъ усы и бороду и носилъ только однѣ бабенбарды, которыя ежедневно подравнивалъ. Бороду и длинные волосы на головѣ онъ носилъ только въ самую юную пору, будучи студентомъ и когда въ головѣ у него бродили еще задорныя идеи, столь же задорныя, какъ и кудри, шапкой покрывавшія его голову. Но съ поступленіемъ въ какой-то департаментъ онъ позналъ, что суть дѣла совѣтъ не въ бородѣ и не въ кудряхъ, а потому бороду сбрилъ, а кудри остригъ. Онъ былъ очень способный человѣкъ и поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ быстро пошелъ въ гору и быстро же выдѣлился изъ среды сослуживцевъ, тавихъ же бѣднякъ, каковымъ былъ и самъ. Нѣкоторые изъ его товарищей умѣли, впрочемъ, что способности тутъ не причемъ, что никакими особенными способностями Кубрицкій не отличался, а весь его умъ и всѣхъ по службѣ приписывали той сорочкѣ, въ которой онъ будто бы родился и которую постоянно носилъ на вѣстѣ. Такъ или иначе, но молодой Кубрицкій не замедлилъ выбраться въ люди и сдѣ-

латься настоящимъ человѣкомъ. Онъ сталъ извѣстенъ не только въ томъ департаментѣ, въ которомъ состоялъ на службѣ (а по увѣренію завистниковъ, ничего не дѣлалъ), но даже и во многихъ другихъ. Его всѣ знали и всѣ считали умнымъ и дѣловитымъ чиновникомъ, съ большими способностями и съ блестящею карьерой впереди. Не менѣе удачно онъ повелъ свои дѣла и въ частной жизни. Онъ имѣлъ обширное знакомство, со всѣми ладилъ и всѣ его любили. Его можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ только бывалъ петербургскій чиновничій людъ высшаго полета, и вездѣ онъ былъ своимъ человѣкомъ. Онъ бывалъ въ театрахъ, клубахъ, концертахъ, въ модныхъ ресторанахъ, на скачкахъ, на бѣгахъ. Въ извѣстные часы его можно было встрѣтить на Невскомъ прогуливающимся по солнечной сторонѣ, на модныхъ каткахъ и гуляньяхъ, а въ концѣ марта на англійской набережной раскланивающимся съ разодртыми по-весеннему барынями. Онъ и между ними игралъ извѣстную роль, какъ секретарь какаго-то дамскаго попечительнаго комитета и какъ вообще очень милый и услужливый кавалеръ.

— Да, Кубрицкій пойдетъ далеко, — говорили про него во всѣхъ сферахъ общества. — Это человѣкъ съ большимъ тактомъ. Ему недостаетъ только состоянія. Но, — прибавляли при этомъ, — съ его тактомъ онъ добьется современемъ и этого.

Онъ только однажды чуть было не свихнулся съ этого такта, задумавъ жениться на какой-то очень неважной танцовщицѣ. Танцовщица эта была изъ кордебалета, нѣкто Лиза Холопова, а по сценѣ Фальери. Она выплясывала рѣдко, но за то очень часто стояла, какъ говорится, «у воды», либо у подножія какаго-нибудь фантастическаго трона и мило улыбалась. Хореографическимъ талантомъ она не обладала и въ кордебалетѣ состояла потому только, что была безродною сиротой, которую некуда было приткнуть (въ спискахъ театральнаго училища, въ которомъ Холопова обучалась, она значилась незаконною дочерью танцовщицы дѣвицы Пелагеи Холоповой). Лиза была красивенькая дѣвушка лѣтъ шестнадцати, имѣла привлекательныя формы, стройную талію, маленькія ножки и миловидное личико, съ маленькими, чуть замѣтными черными усиками поверхъ розоваго миниатюрнаго ротика. Кубрицкій увидалъ Лизу къ костюмъ наяды съ распущенными волосами, украшенными водорослями, полуобнаженною и живописно лежавшею въ какой-то раковинѣ на днѣ океана. Къ ней подплывали золотистыя рыбки, цѣловали ее въ губки, шейку, прикасались къ ея плечикамъ, ножкамъ, а она лежала въ опяняющей позѣ и граціозно улыбалась. Кубрицкій только въ этотъ разъ за-

впился ее. Вооружившись сильнымъ биноклемъ, онъ такъ и впился въ нее глазами, и участь Лизы была рѣшена. Блестящій чиновникъ увлекся найдой съ усиками, найда увлеклась имъ... и блаженству ихъ не было предѣловъ.

Прошелъ годъ безумныхъ увлеченій и Кубрицкій, какъ я ска- залъ уже выше, порѣшилъ покончить дѣло женитьбой. Помимо любви, которую питалъ онъ къ Лизѣ, онъ почему-то считалъ себя обязаннымъ поступить именно такимъ образомъ, а не иначе, и же- нитьбой этой загладить что-то такое, что тревожило его совѣсть.

Онъ сообщилъ объ этомъ своему непосредственному началь- нику, съ которымъ былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, но тотъ пришелъ даже въ ужасъ отъ столь дикой фантазіи.

— Вы — на танцовщицѣ? — изумился онъ. — Вы?... Вы, съ та- кой блестящею карьерой?

— Но развѣ бракъ этотъ помѣшаетъ моей карьерѣ? — горячил- ся Кубрицкій.

Но начальникъ слушалъ его, смотрѣлъ на него изумленными глазами, перемѣнился даже въ лицѣ и не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ. Онъ даже не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ убѣдить Кубрицкаго въ нелѣпости его плановъ.

Но Кубрицкій стоялъ на своемъ.

«Нѣтъ, его надо спасти! — порѣшилъ начальникъ, когда Куб- рицкій оставилъ его кабинетъ. — Спаси! Онъ положительно съ ума сходитъ!»

О «сумасшествіи» Кубрицкаго начальникъ сообщилъ своей су- жругѣ, которая тоже всплеснула руками, тоже была изумлена не меньше мужа и тоже порѣшила во что бы то ни стало «спаси» не- счастливаго больного отъ неминуемой гибели. Барыня эта была пат- ронессой какаго-то филантропическаго общества и дѣло «спасенія» погибающаго безумца какъ разъ соответствовало ея специальности. Въ дѣлу этому она отнеслась очень серьезно и сердечно. Въ тотъ день она объѣхала всѣхъ своихъ филантропическихъ сотрудницъ, всѣхъ знакомыхъ, на сочувствіе которыхъ вполне полагалась; со- общила имъ о намѣреніи Кубрицкаго — и барыни засуетились. Онѣ собрали нѣчто вродѣ совѣта, очень подробно обсудили это дѣло, разработали его до малѣйшихъ деталей, и не прошло двухъ недѣль, какъ Кубрицкій былъ дѣйствительно «спасенъ».

1 произошелъ только маленький скандалъ.

1 Кубрицкому былъ подбинутъ кѣмъ-то крошечный ребенокъ, а въ крѣбелетѣ произошли какіе-то беспорядки. Но скандалъ этотъ про- изводился не долго. Подбинутый ребенокъ былъ куда-то отпра- в-

лень на воспитаніе, няда съ усивами куда-то удалена, а кордебалетъ, попрежнему, принялся порхать и мило улыбаться.

За то гораздо болѣе толковъ возбудила женитьба Кублицкаго на фавориткѣ одного большого барина. Таковой блестящей партіи никто даже не ожидалъ; не ожидалъ даже и самъ Кублицкій. Свадьба эта почему-то происходила за границей, въ какомъ-то маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, въ которомъ имѣлась русская церковь, и отпразднована была наискромнѣйшимъ образомъ. Присутствовали только: «большой баринъ», въ качествѣ посаженаго отца невесты, знакомый уже намъ непосредственный начальникъ Кублицкаго съ супругой, да два-три пріятеля новобрачнаго, въ качествѣ свидѣтелей. Послѣ вѣнчанія поужинали, подвыпили, а затѣмъ, распростившись съ гостями, возвратившимися въ Россію, молодая чета отправилась въ Ниццу, гдѣ и провела всю зиму.

Вотъ тамъ-то, въ Ниццѣ, и познакомились Кублицкіе съ Хованскими. Хованскій былъ тогда еще полковникомъ, командовавшимъ какимъ-то армейскимъ полкомъ, но мечтавшимъ уже о генеральскомъ чинѣ и о командованіи какимъ-то другимъ полкомъ, болѣе блестящимъ. Пріѣхалъ онъ въ Ниццу ради разстроеннаго здоровья жены (матери Вѣры Александровны), которой доктора рекомендовали теплый климатъ и морской воздухъ. Особой надобности въ этомъ, положимъ, не замѣчалось, такъ какъ красивая и разбитная полковница была наивѣтущаго здоровья и могла бы свободно дышать даже самымъ холоднымъ воздухомъ, но такъ какъ спорить и прекословить Хованскій вообще не могъ, то совѣты докторовъ и были имъ выполнены въ точности. Маленькой Вѣрочки (ей было тогда четыре года) они съ собою не взяли, опасаясь, что столь далекое путешествіе неблагопріятно отзовется на ея здоровьѣ, а, проѣзжая Москву, оставили ее на попеченіи бабушки.

Въ Ниццѣ Хованскимъ жилось очень весело. У нихъ была прекрасная вилла на берегу моря, превосходный экипажъ и прелестный поваръ, вывезенный изъ Парижа. Не менѣе весело жила и чета молодыхъ Кублицкихъ. У нихъ тоже была вилла на берегу моря, прекрасные экипажи и превосходный поваръ. Обѣ эти четы познакомились очень скоро, а одинаковые вкусы обѣихъ русскихъ дамъ не мало помогли ихъ сближенію. Прокураясь въ Ниццѣ мѣсяца два, онѣ порѣшили объѣхать вмѣстѣ же и всю Италію. Онѣ исколесили ее вдоль и поперекъ. Въ Неаполѣ любовались изверженіемъ Везувія, а въ Римѣ достойно отпраздновали карнавалъ. Съ наступленіемъ великаго поста барыни принялись за говѣнье. Говѣли онѣ въ русской церкви, но потомъ почему-то ударились въ католи-

дзъмъ и начали разѣзжать по разнымъ монастырямъ всевозможныхъ орденовъ. Бъ нимъ начали ходить какіе-то босые монахи въ лапуцинахъ, подпоясанные веревками, какіе-то толстобрюхіе пагеры съ красными, какъ сафьянъ, лицами, монахини въ накрахмаленныхъ чепцахъ и пелеринкахъ, а такъ какъ всѣмъ этимъ господамъ приходилось давать деньги подъ видомъ какихъ-то вкладовъ, пожертвованій и благодареній, то мужья этихъ двухъ религіозныхъ барынь приходили въ не малое смущеніе. Наконецъ, постъ кончился и наступила Пасха. Пасхальное богослуженіе, совершенное палой въ храмъ Петра, до того поразило ихъ своею торжественностью, что онѣ порѣшили было экспатрироваться и формальнымъ образомъ сдѣлаться католичками. Да спасибо мужья вооружились и кое-какъ уговорили женъ выкинуть изъ головы эту дурь. Хованскому «дурь» эта была не съ руки въ ожиданіи генеральства и блестящаго полка, а Кубрицкому по очень многимъ причинамъ.

Однако, доктора словно наваркали болѣзнь госпожѣ Хованской. Простудившись на какомъ-то пикникѣ, она захворала и послѣшила возвратиться въ Россію. Тамъ она слегла въ постель, а мѣсяца черезъ полтора отдала Богу душу. Смерть жены очень огорчила Хованскаго, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генераль-майора и, забравъ съ собою Вѣрочку, удалился въ свою Хованщину. Онъ даже выкинулъ изъ головы мечту о командованіи блестящимъ полкомъ и принялся за хозяйство.

Однако, всѣ эти командованія, хотя бы и армейскимъ полкомъ, и всѣ эти заграничныя поѣздки (они побывали тамъ разъ пять) до того запутали дѣла Хованскаго, что ему пришлось продать часть имѣнія, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить накопившіеся частные долги. Но и эта продажа не особенно исправила положеніе дѣла. Правда, частные долги были уплачены, но за то оставался на имѣніи большой банковскій долгъ, который не давалъ покоя вновь испеченному генералу. Бъ этому времени подросла и Вѣрочка, объ образованіи которой тоже приходилось подумать. Думалъ объ этомъ генераль очень долго, прикидывалъ и такъ, и этакъ, и, наконецъ, подумался до того, что отвезъ Вѣрочку въ Москву, помѣстилъ въ какой-то институтъ, а наблюденіе за ней поручилъ бабушкѣ. Остальное намъ извѣстно, а потому перейдемъ къ Кубрицкому.

Судьба послѣдняго не походила на судьбу перваго, и пока Хованскій запутывался въ долгахъ и завязалъ въ нихъ, какъ муха въ лаптяхъ, Кубрицкій все шире и шире раскидывалъ крылья, выше и выше поднималъ голову и, собираясь взлетѣть, совсѣмъ поперечу оглядывалъ обружающихъ его людей. Онъ купилъ себѣ

на женины деньги доходное имѣніе, помѣстивъ туда опытнаго и толковаго управителя, а самъ продолжалъ свою служебную карьеру. Карьера эта шла блистательнымъ образомъ. Онъ получалъ орденъ, чины и быстро шелъ впередъ. Его смущало одно только, что у него не было дѣтей. Ему такъ хотѣлось бы имѣть ихъ! Бѣ довершенію горя умерла его жена и онъ опять остался какимъ-то бобылемъ. Онъ устроилъ для покойной пышныя похороны, долго оплакивалъ ея кончину, каждый день ѣздилъ на ея могилу, украшалъ эту могилу букетами, вѣнками, служилъ панихиды, сорокоусты и чуть не слегъ въ постель отъ чрезмѣрнаго утомленія. Онъ очень долго грустилъ. Наконецъ, онъ превозмогъ себя и снова, съ прежнею энергіей принялся за службу. Однако, со смертью жены и въ службѣ этой произошла какая-то заминка. Нѣкоторые изъ друзей сошли со сцены, а нѣкоторые умерли. Было одно время, когда Кубрицкій порѣшилъ было оставить службу, Петербургъ и отправиться на житье въ деревню. Онъ даже взялъ было отпускъ, но, проживъ въ деревнѣ недѣли двѣ, соскучился, возвратился въ Петербургъ и рѣшился, во что бы то ни стало, добиться чего-нибудь болѣе опредѣленнаго. Проѣзжая Москву, онъ навѣстилъ однажды Обрѣзкову. Княгиня была очень рада повидать своего стараго знакомаго (они познакомились на похоронахъ Хованской), поговорили о прошломъ, причѣмъ княгиня всплакнула, а затѣмъ повезла его въ институтъ похвастаться внучкой.

Вѣру Александровну Кубрицкій видѣлъ еще очень маленькою дѣвочкой, а потому, пріѣхавши въ институтъ, очень былъ изумленъ, увидавъ передъ собою красивую дѣвушку лѣтъ шестнадцати. День былъ пріемный, а потому въ институтѣ пробыли они довольно долго. Кубрицкій былъ въ восторгѣ отъ молодой Хованской, сообщилъ объ этомъ княгинѣ, у которой въ тотъ день обѣдалъ, и даже написалъ восторженное письмо самому генералу. Съ тѣхъ поръ Кубрицкій, бывая въ Москвѣ, каждый разъ навѣщалъ княгиню, ѣздилъ съ нею въ институтъ и привозилъ прелестной институткѣ конфеты въ изящныхъ бонбоньеркахъ. Бонбоньерки эти однажды привели въ такое смущеніе одну изъ классныхъ дамъ, что та хотѣла было доложить о нихъ начальницѣ, но такъ какъ Хованская вскорѣ кончила курсъ и оставила институтъ, то классная дама и успокоилась.

Теперь перейдемъ къ другому моему герою — Срывалину.

Но этотъ другой былъ человѣкъ совсѣмъ заурядный, какіе встрѣчаются на каждомъ шагу, и ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Отецъ его былъ плохонькимъ архитекторомъ, плохо знакомымъ

даже съ архитектурой, и еще болѣе плохимъ живописцемъ. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ состоялъ на службѣ. По его планамъ строились въ городѣ пятиконныя домики, съ вѣчными мезонинами, украшенными однимъ полукруглымъ окномъ (огна эти почему-то назывались венеціанскими), а по селамъ — дешевенькія церкви, въ которыхъ, кстати, онъ же писалъ и образа для иконостасовъ. Образа эти, также какъ и венеціанскія огна, всѣ были на одинъ манеръ. Всѣ святые были одинаково румяные, съ одинаковыми носами и глазами и всѣ походили на мѣстнаго архіерея, съ котораго старикъ Срываинъ написалъ не одну сотню портретовъ. Вся разница заключалась въ томъ только, что одни угодники были лысые, а другіе, наоборотъ, съ густыми вьющимися волосами, причемъ у лысыхъ были кепремѣнно жиденькія бороды, а у волосатыхъ — густыя и длинныя. Тѣмъ не менѣе, однако, ему охотно поручались постройки домовъ и церквей, такъ какъ это былъ человѣкъ безусловно честный, каковымъ достоинствомъ отличались не всѣ изъ его сотоварищей. Дослужившись до вожделѣннаго чина, дающаго потомственное дворянство, онъ оставилъ службу и опочилъ на лаврахъ. Когда-то онъ былъ женатъ (женился онъ по любви на актрисѣ), прожилъ съ женою нѣсколько лѣтъ, имѣлъ большое количество дѣтей, но случилось какъ-то такъ, что всѣ дѣти, за исключеніемъ моего героя, перемерли, а немного погодя умерла и жена. Оставивъ службу, онъ купилъ себѣ крошечный участочекъ земли, рядомъ съ имѣніемъ генерала Хованскаго, которому тоже когда-то расписывалъ церкви и съ которымъ былъ давно знакомъ, а купивъ землю, выстроилъ на ней небольшой хуторокъ, въ которомъ и поселился.

Однако, на хуторѣ онъ прожилъ не долго и умеръ на рукахъ сына, только что успѣвшаго кончить гимназію. Похоронивъ отца, молодой Срываинъ поступилъ въ Петровскую академію, которую кончилъ блистательно, и тотчасъ же покинулъ Москву. Его тянула деревня, скромная деревенская дѣятельность и та дѣвственная свѣжесть людей и природы, которая сохранилась еще въ деревнѣ, отдаленной отъ суетливыхъ и болѣзненно гніющихъ городскихъ центровъ. Тамъ, въ деревнѣ, въ средѣ народа, онъ былъ увѣренъ обрѣсти истинное счастье и благотворную дѣятельность, основанную не на однѣхъ только корыстныхъ цѣляхъ, но полную и нравственныхъ идеаловъ. Молодой Срываинъ, по правдѣ сказать, былъ большой руки идеалистъ и преданъ былъ этимъ идеаламъ со всею искренностью и восторженностью юной души.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ своего маленькаго участка и тотчасъ же принялся за хозяйство. Онъ разбилъ землю на участки,

сталъ производить правильные сѣвообороты, въ число которыхъ вошло и травосѣяніе, началъ понемногу обзаводиться необходимымъ инвентаремъ, улучшать породу скота, завелъ немного овецъ и привелъ въ порядокъ разведенный отцомъ фруктовый садъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ болѣзненныхъ людей, которые, не зная дѣла и не имѣя понятія ни о народѣ, ни о деревнѣ и руководимые только однимъ увлеченіемъ, побросали города, принялись за соху и койчили полнѣйшимъ разочарованіемъ. Срывалинъ былъ просто-на-просто человекъ, полюбившій это дѣло, изучившій его съ азбуки и принявшійся за него не съ болѣзненнымъ рвеніемъ, а съ энергіей здороваго русскаго человека. Самъ лично онъ не брался ни за соху, ни за косу, сапогъ не точалъ, печей не клалъ, но зато умѣлъ указать, какъ все это дѣлается. Вставалъ онъ рано, ложился поздно, обѣдалъ и ужиналъ одновременно съ рабочими, не изъ одного котла съ ними, а дома; народъ тотчасъ же понималъ, что имѣеть дѣло не съ больнымъ человекомъ, а со здоровымъ, съ которымъ можно дѣлать дѣло по-настоящему и отъ котораго можно даже кое-чему и понаучиться. Народъ живо понималъ его, а онъ понималъ народъ. Онъ не цокавалъ народу, былъ къ нему требователенъ, настаивалъ, чтобы требованія его непременно выполнялись, но за то и онъ исполнялъ требованія народа. Онъ хорошо вознаграждалъ его трудъ, хорошо кормилъ его и хорошему работнику всегда готовъ былъ придти на помощь. Но онъ занимался не однимъ только хозяйствомъ. Въ зимнее время онъ обучалъ хуторскихъ дѣтей грамотѣ, училъ ихъ писать, читать, а главное, понимать, чтѣ они читаютъ и чтѣ пишутъ. Дѣтьми этими онъ занимался очень усердно и, обыкновенно къ концу зимы, они выучивались и чтенію и письму. Срывалинъ умѣлъ и съ дѣтьми ладить, умѣлъ пріохотить ихъ къ занятіямъ и умѣлъ заинтересовать ихъ любопытство.

Въ это - то самое время онъ и познакомился съ Вѣрой Александровной. Остальное намъ извѣстно.

И. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

•
• •
(Отрывок).

Покрытый инеемъ, какъ ризой серебристой,
Стоитъ въ безмолвіи, вонзаясь въ глубь небесъ,
Съ осанкой царственной, безтрепетный и чистый,
Любимецъ давній мой— безбрежный лѣсъ.

Ни звука легкаго, ни вѣтра дуновенья
Не слышитъ ухо въ немъ... Кругомъ все сладко спать...
И лишь въ груди моей, не вѣдая забвенья,
Больное сердце бьется и стучить.

А. Монастырскій.

МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ.

Идиллія Генрика Понтюппидана.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Немного на востокъ отъ деревни Бальдерёдъ лежитъ большое замѣчательное озеро, которому, на ряду съ его обыденнымъ и прозаическимъ именемъ «Бальдерёдское озеро», романтическія души (и въ особенности священникъ, занимающійся стихотворствомъ) даютъ порою наименованіе «Озеро нимфъ» или «Бупальня нимфъ»; произнося это слово съ какою-то таинственною интонаціей.

Если, несмотря на его довольно значительное протяженіе, еще нельзя видѣть, пока не подойдешь къ самому берегу, то это происходитъ отъ того, что оно лежитъ очень низко, между высокими холмами и посреди дремучихъ лѣсовъ, замыкающихъ его со всѣхъ сторонъ. Какъ ревнивые любовники, стоятъ вокругъ него тѣсные ряды деревьевъ и тщательно скрываютъ отъ взоровъ, когда приближаешься къ нему. И не одинъ путникъ, незнакомый съ этою мѣстностью и не подозрѣвавшій его существованія, чувствовалъ, какъ электрическая искра пробѣгала по его тѣлу, когда при неожиданномъ поворотѣ лѣсной тропы на вершинѣ «Королевскаго холма», онъ вдругъ оказывался лицомъ къ лицу съ широкою залитою солнцемъ гладью озера, лежащаго между темными, тихими шелестящими лѣсными массами и смотрящаго на него, точно громадное, таинственно мигающее око.

Защищенное отъ всѣхъ вѣтровъ, лѣниво улыбающееся и словно по сознающему свою нагую красоту, оно покоится въ ничѣмъ не смущаемомъ блаженствѣ. Лѣсной вѣнецъ свѣшивается надъ нимъ жаждущими вѣтвями, погружая въ его лоно свои глубокія зеленеватыя тѣни. И, точно необъятное, трепещущее море листьевъ

волна за волною куполообразныхъ буковыхъ верхушекъ, съ пятнами изъ березъ и пятнами изъ темныхъ смолистыхъ сосенъ, величаво и торжественно поднимаются съ краевъ его холмы, прегардая сюда доступъ мировому шуму.

Какое-то гнетущее чувство охватить вашу душу, если въ поздній часъ дня, когда тѣни удлиняются, вы остановитесь у этого озера и будете осматриваться вокругъ. Ни одинъ звукъ, кромѣ этого вѣчнаго шума лиственного моря, не коснется вашего слуха. Возьмется надъ водою какая-нибудь пташка съ своею пѣсней и тотчасъ же снова умолкнетъ, точно испугавшись своего собственнаго тоновъаго и одинаго голоса среди царящей кругомъ тишины.

Подъ конецъ какъ-то жутко вамъ станетъ въ этой огромной копѣ, куда лишь облака, плывущія надъ вашею головою, приносятъ вѣсти изъ живого міра, лежащаго позади. Этотъ кислотоватый запахъ гниющаго дерева давитъ вамъ грудь, сердце усиленно бьется и, точно пойманный орелъ, вашъ взоръ пытливо блуждаетъ то здѣсь, то тамъ, по этимъ безконечнымъ волнамъ лѣса, вздымающимся къ голубому небу и запирающимъ всѣ выходы.

Въ одномъ только мѣстѣ, на востокѣ, гдѣ холмы не такъ высоки, лѣса не такъ густы, однообразіе нарушается громаднымъ, дикимъ ущельемъ. Словно какая-то отчаянная сила прорвала здѣсь почву въ своемъ стремленіи свободно вздохнуть. Его высокіе бѣлые склоны просвѣчиваютъ сквозь зелень со всѣхъ пунктовъ во кругъ озера. Но когда подходишь ближе, разбѣлина расширяется и между крутыми, изрытыми песчаными скатами открывается взору на нѣсколько миль вдаль обширное плоское, свѣтлое побережье.

Роскошное ярко-зеленое поле врѣзывается въ дно ущелья, на встрѣчу къ самому озеру, посылающему ему въ обмѣнъ широкій, неглубокий потокъ, пересѣкающій поле. Съ просмоленнаго моста на сваяхъ можно прослѣдить его извилистое теченіе мимо красныхъ деревенскихъ избъ и бѣлыхъ штукатуренныхъ церквей, мимо тучныхъ выгоновъ, гдѣ пасется рядами бѣлый съ черными пятнами скотъ, и мимо большихъ болотистыхъ поемныхъ луговъ, гдѣ дѣвухи въ свѣтлыхъ шляпахъ сгребаютъ въ стога сѣно. То скроется отъ глазъ въ темнозеленой рошицѣ, то разольется какъ бы на лѣнѣ въ нѣсколько маленькихъ свинцоваго цвѣта озеръ, въ это время солнце отражается, какъ въ кусочкѣ оконнаго стекла.

тамъ, вдали, гдѣ луга становятся все темнѣе, тамъ находится широкая полоса бурыхъ мховъ, а за ними снова степи обширныя, плодоносныя нивы съ крошечными, покрыты-

ми красною краской деревушками и крошечными бѣлыми штука-туренными церковками, пока все не исчезнетъ на самой дальней лазури небосклона, гдѣ освѣщенный солнцемъ парусъ или струйка дыма выдають присутствіе моря.

Изъ-за моря восходитъ солнце.

Его первые горизонтальные лучи, золотымъ вѣеромъ раскидывающіеся надъ плоскимъ побережьемъ и зажигающіе пламя въ его безчисленныхъ окнахъ, находятъ себѣ путь и въ ущелье, чтобы расшевелить дремлющую жизнь вдоль береговъ озера, чтобы свѣжимъ утреннимъ вѣтеркомъ встряхнуть сонные лѣса, чтобы вызвать пташекъ изъ ихъ гнѣздъ и пробудить ихъ пѣсни.

Тонкіе шелковистые туманы ночи, игравшіе, точно бѣлые призраки, надъ поверхностью озера, свертываются клубами предъ жгучимъ взоромъ солнца и какъ бы въ страхъ убѣгаютъ подъ самыя глубокіе откосы, гдѣ медленно такутъ по мѣрѣ того, какъ оно поднимается все выше и выше.

Но на открытыхъ мѣстахъ между кустами, вдоль берега, стоять мелкіе, нѣжные лѣсные цвѣточки и забнуть во влажной травѣ. При первомъ проблескѣ солнца надъ откосомъ они выпрямляютъ свои слабыя стебли и раскрываютъ отяжелѣвшіе вѣнчики, точно желая принять въ свои объятія золотой потокъ, приближающійся къ нимъ по травѣ. Надъ ихъ головками паукъ суетится въ своей обрызганной росой паутиной. Изъ впадинъ и трещинъ, крадучись, выползають мелкія букашки, быстрыя и проворныя, и такъ торопятся и хлопчутъ, словно воѣ онѣ знаютъ, что день не долго въ этихъ мѣстахъ и ночь быстро возвращается.

Уже вскорѣ послѣ полудня солнце быстрыми шагами подвигается къ западнымъ холмамъ, туда, гдѣ они всего ближе подходятъ вершинами къ небесной лазури, и не успѣетъ его дискъ опуститься за темную, зубчатую кайму поросшаго хвоей «Королевскаго хребта», какъ тѣни снова выползають изъ чащи и сбѣгаютъ къ водѣ.

На берегу, какъ бы одумавшись, онѣ внезапно останавливаются. Но вы на минуту оторвали отъ нихъ взоръ, и онѣ уже достигли восточнаго края озера и торопливо взбираются на вершины деревьевъ.

И по мѣрѣ того, какъ онѣ поднимаются все выше и выше, прогоняя свѣтъ съ высотъ, глубочайшая тишина нисходитъ на долину. Прежде еще, чѣмъ исчезнуть послѣдніе позолоченные солнцемъ куполы лѣса, внизу, въ ложбинахъ, уже водворяется сумракъ. И подъ нависшимъ лѣснымъ вѣнцомъ ночь тихо прокрадывается

передь, между тѣмъ какъ громадное, незрячее днемъ око озера медленно открываетъ свой величавый, непроницаемый взоръ.

Тогда начинается ночной полетъ сарычей на ихъ мягкихъ крыльяхъ. Сова, беззвучная, какъ тѣнь, вылетаетъ изъ самаго темнаго дупла. Все блѣднѣетъ и замираетъ. Лѣса закутываются въ голубоватую, похожую на привидѣннѣ дымку. А въ бѣлыхъ туманахъ озера летучія мыши затѣваютъ шабашъ и крутятся быстрымъ вихремъ, съ неподвижно вытянутымъ хвостомъ, торчащимъ, точно крошечное метловище, подъ распластанными, какъ полы одежды, крыльями.

То поднимаясь, то опускаясь, носятся онѣ надъ водною гладью и волюю рѣзвятся среди дикаго кустарника, покрывающаго откосы, а то начнутъ вдругъ кружиться надъ головою одинокаго, несчастнаго путника, который заблудился во мракъ ночи на лѣсныхъ тропинкахъ и теперь съ бьющимся сердцемъ пробирается ощупью между стволами, страшась того момента, когда первый серпъ мѣсяца выглянетъ изъ-за лѣснаго гребня.

Ибо въ эту минуту, — такъ говорятъ добрые люди, — начинается странное навожденіе. Тогда изъ самой чаши лѣса слышится душу раздражающій вопль: *Помогите! Помогите!*... Поспѣшные шаги и шумъ хрустящихъ сучьевъ раздаются съ подошвы одѣтаго хвоей холма, куда озеро врѣзывается своимъ самымъ потаеннымъ угломъ. Явственно слышно, какъ отчаливаетъ лодка, отталкиваемая отъ берега, слышенъ плескъ вѣселъ въ водѣ, и челнъ быстро исчезаетъ.

Въ другое время раздается вдали звукъ охотничьяго рога и лай воевъ, а съ озера не разъ слышны были тихіе, жалобные дѣвчьи голоса, доносившіеся на хребтъ крошечныхъ, новорожденныхъ волнъ, — голоса (такъ рассказываютъ въ этихъ мѣстахъ) старыхъ, давно погребенныхъ вѣковъ, когда разбойники и объявленные внѣ закона злодѣи укрывались въ этихъ лѣсахъ и строили себѣ шалаши между дубами, когда великолѣпныя кавальгады знатныхъ господъ, въ шляпахъ съ блестящими перьями, и гордыхъ красавицъ на снѣжнобѣлыхъ коняхъ охотились за кабанами среди этихъ стволовъ, и когда красивыя дочери сосѣднихъ деревушекъ въ туманныя ночи пробирались черезъ ущелье къ озеру, чтобы въ пролѣдѣ ой его пучинѣ смыть съ себя навѣки ласки помѣщиковъ.

около Иванова дня, когда полный мѣсяцъ плыветъ надъ озеромъ и серебрить лѣсъ своимъ блескомъ, странный смѣхъ раздается тогда подъ деревьями.

о-то отстраняетъ вѣтку, направляясь къ водѣ, выглядываетъ

чья-то головка и, облитая луннымъ сіяніемъ, осторожною поступью идетъ молодая, прелестная дѣвушка... нагая (такъ рассказываетъ священникъ), съ свѣтлякомъ въ темныхъ кудряхъ.

Робко наклоняется она и пытливо озирается вокругъ, потомъ внезапно оборачивается и—тсс!...—приглядываетъ пальчикъ къ розовымъ устамъ.

За нею, изъ кустовъ, съ откосовъ, показываются другія— сразу по четыре, по восьми, по десяти, всё нагая, какъ она, и съ свѣтляками въ волосахъ.

Зардѣвшись, въ боязливомъ молчаніи крадутся онѣ къ серебряной купальнѣ. По двѣ въ рядъ или группами по четыре или по шести, съ длинными, темными волосами, разметавшимися по ослѣпительной спинѣ, онѣ нерѣшительно и пугливо скользятъ по песку, устилающему дно озера, слегка трепещутъ и какъ бы съ сомнѣніемъ улыбаются жидкому металлу, обнимающему ихъ бѣлые члены. Вдругъ одна изъ нихъ бросается впередъ, вытянувъ стройныя руки. Слышится сдавленный крикъ... и всё онѣ скрываются подъ волнами и начинаютъ купаться въ пучинѣ.

Мѣсяцъ, старый сластолюбецъ, возсѣдающій на небѣ, какъ стражъ цѣломудренныхъ, подозрительно настораживаетъ уши, точно прислушиваясь къ далекимъ шагамъ. Зорко оглядываетъ онъ лѣса, словно опасаясь, какъ бы враги не приблизились изъ засады къ этой плѣнительной группѣ, которую онъ ласкаетъ своими лучами.

Еще и еще, безъ конца, поднимаются красавицы со дна озера, однѣ съ тростникомъ въ длинныхъ бѣлокурыхъ кудряхъ, другія въ легкихъ одеждахъ, сотканыхъ изъ серебряной пряжи лучей и шелковистыхъ тумановъ ночи. Но при первомъ, едва слышномъ крикѣ лѣтуча, проникающемъ сюда черезъ ущелье, все зрѣлище исчезаетъ, и мѣсяцъ остается одинъ, угрюмый и желтый отъ досады.

II.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ пунктовъ на озерѣ, это—такъ называемый «Пріютъ эхо». Это—продолговатое пространство темной, какъ чернила, воды, врѣзывающееся у самого ущелья въ наполовину высохшій ельникъ; своимъ именемъ оно обязано какому-то особенному мистическому рокоту, которымъ оно отвѣчаетъ всякому, кто что-нибудь крикнетъ надъ нимъ.

У его открытаго и самого узкаго края берега рѣки соединяютъ

простые мостки на зеленовато-тенистых сваях и через эти мостки идет лѣсная дорога. Выходя изъ большого бора, она, прежде чѣмъ повернуть въ ущелье, пробѣгаетъ по берегу озера. И здѣсь-то, на половину скрываясь подъ тѣнью четырехъ высокихъ, стройныхъ, но совсѣмъ почти голыхъ елей, на половину выглядывая въ громадное окно долины, лежитъ единственное на этомъ озерѣ человѣческое жилище.

Это длинная коричневая постройка, полуобвалившаяся, съ покособившимся дубовымъ срубомъ, съ бѣлыми оконными рамами, со стеклами бутылочнаго цвѣта и со старымъ, кривымъ кустомъ бузины, который торчитъ на покрытой дерномъ крышѣ, точно огромная рука скелета, милосердно старающаяся стащить за собой старика на вѣчный отдыхъ въ материнское лоно земли.

Это—старый трактиръ у перевоза.

Съ тѣхъ поръ, какъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, черезъ ручей былъ построенъ мостъ, трактиръ совершенно утратилъ свое значеніе. Желтая почтовая карета, низкоколесныя повозки береговыхъ крестьянъ, даже возчики и барышники быстро катятся мимо него, не удостоивая его взглядомъ,—развѣ лишь сострадательно улыбнутся двумъ запыленнымъ, старомоднымъ графинамъ съ померанцевой и мятною настойкой, все еще виднѣющимся въ крайнемъ окнѣ, у двери.

Низкая и освѣшая, эта дверь остается обыкновенно закрытой чуть ли не до полудня. И подъ выдающимся впередъ кровельнымъ навѣсомъ, за которымъ воюютъ ласточки, стѣны безмятежно продолжаютъ крошиться, точно этотъ старый калѣва понялъ, наконецъ, что его пора миновала, и теперь спокойно дожидается полного разрушенія, погружившись въ свои воспоминанія.

Да, встарину его имя было извѣстно доброй половиной Ютландіи. Въ то время отъ Саллинглана до Гамбурга не было мало-мальски браваго подмастерья, который бы хоть разъ не напился допьяна и не перецѣловалъ бы толстыхъ служанокъ въ Бальдерѣдскомъ трактирѣ у перевоза.

Въ тѣ времена, если былъ проѣздъ по лѣсной дорогѣ, длинныя вереницы повозокъ останавливались передъ его дверями,—цѣлыя про ессин всякихъ экипажей: ломовыя телѣги, съ домъ вышиною, съ краснымъ верхомъ и ведеркомъ съ дегтемъ, болтавшимся между колесами; телѣжки мясниковъ, мелкихъ торговцевъ и графскія кареты,—гуськомъ стояли онѣ, углубляясь въ самый лѣсъ, между тѣмъ какъ четверо людей безостановочно перевозили черезъ рѣку на лодкахъ и на большихъ лодкахъ. А въ трактирѣ, подъ низ-

нимъ, источеннымъ червями дубовымъ потолкомъ закоптѣлыхъ комнатъ, иногда едва можно было протѣсниться, — столько тамъ толпилось одѣтыхъ въ овчину возницъ, торговцевъ мягкою рухлядью, бородатыхъ господскихъ кучеровъ и крестьянъ въ курткахъ съ серебряными пуговицами, въ башмакахъ съ пряжками и плисовыхъ шароварахъ.

Громадные гурты жирнаго убойнаго скота, который въ тѣ времена гнали на югъ, къ Шлезвигу, часто, въ вечернюю пору, располагались на стоянку вокругъ стѣнъ трактира. Табуны ржущихъ лошадей, по пятнадцати, двадцати штукъ въ рядъ, съ самаго Лимфіорда и изъ Финляндіи, день и ночь громыхали по полусгнившимъ мосткамъ, которые и въ то время вели черезъ «Пріютъ эхо».

Но особенное оживленіе было здѣсь замѣтно послѣ жатвы, если она совпадала съ какою-нибудь крупною ярмаркой въ одномъ изъ ближайшихъ провинціальныхъ городовъ. Тогда на расчищенномъ мѣстѣ, у опушки лѣса, набирался мало-по-малу такой лагерь повозокъ, людей и скота, такой поднимался смѣшанный шумъ блеющихъ овецъ, галдящихъ ребятишекъ и фальшивящихъ шарманокъ, точно то была настоящая ярмарка. Фокусники и вожаки медвѣдей, зашедшіе сюда изъ города, безъ церемоніи разбивали свои палатки подъ деревьями. А въ самомъ трактирѣ, набитомъ буквально до конька кровли, такъ какъ даже и на перекладахъ были устроены постели изъ соломы и досокъ, сидѣли рослые нѣмецкіе торговцы скотомъ, съ жирными, лоснящимися затылками, и маленькіе барышники — евреи изъ Венгріи и Седмиградской области кричали и стучали кулаками по столамъ.

Часто, когда очень ужъ разгорячались головы этихъ людей, которымъ порою приходилось цѣлый день ждать переправы и мозгъ которыхъ былъ совершенно отуманенъ непрерывнымъ пьянствомъ и несмолкавшимъ гамомъ, попасть сюда бывало довольно опасно. Малѣйшее оскорбительное слово, толчокъ локтемъ или хотя бы легкое заигрыванье съ дѣвушкой, приглянувшейся кому-нибудь другому, могли разомъ нарушить миръ по всей линіи.

Если бой проникалъ въ самый трактиръ, то смятеніе становилось неопишувемымъ. Страсти въ этой необузданной толпѣ точно выжидали только случая прорваться наружу, и въ мгновеніе она поднималась настоящій ураганъ сжатыхъ кулаковъ и угрожающихъ палокъ; съ воплями и ругательствами бросались ссорившіеся къ дверямъ и разсыпались среди перепуганныхъ лошадей. Тогда женщины принимались кричать отъ страха и прятались съ дѣтьми подъ телѣги. Желѣзные кулаки ютландцевъ раздавали удары направо и

нальво; узловатые хлысты нѣмцевъ и ихъ пронзительные голоса прорѣзали ежеминутно воздухъ.

III.

Въ тѣ времена, т.-е. лѣтъ двадцать тому назадъ, жилъ въ этой сторонѣ маленькій смѣшной человѣчекъ, съ рыжими, курчавыми волосами и черными глазами. Подъ разными ласковыми прозвищами, какъ, на примѣръ, «чертёнокъ» или «ленточный дьяволъ», онъ обѣгалъ весь край изъ деревни въ деревню съ чернымъ деревяннымъ ящикоиъ, висѣвшимъ на ремнѣ у него за спиной, и бѣлымъ посохоиъ въ рукѣ, и на ходу привѣтствовалъ всякаго, кто ему только попадался на встрѣчу, однимъ и тѣмъ же шутливымъ обращеніемъ:

— Вотъ, добрые люди, опять къ вамъ Яковъ вернулся!... Есть у него ленточки, тесемочки для красоти милон, есть табакъ для старой тетушки, есть миндальныя отруби, мыло и духи. Все есть у него, чего душа желаетъ, и очки, и брошки, перья и иголки, ножицы, ножи...

Не докончивъ своего перечня, онъ уже исчезалъ вдаль, по дорогѣ. И крестьянинъ, для котораго Яковъ былъ старымъ знакомцемъ, спокойно останавливалъ свой плугъ и съ улыбкой глядѣлъ вслѣдъ маленькому человѣчку, летѣвшему стрѣлой вдоль края рва на своихъ тонкихъ, журавлиныхъ ножкахъ.

Какъ скоро въ какой-нибудь деревнѣ распространялся слухъ, что пришелъ жидъ Яковъ, всѣхъ женщинъ точно начинала бить лихорадка. Степенныя хозяйки, обыкновенно смотрѣвшія за домомъ съ подобающею рачительностью, и тѣ бросали уполовники и грудныхъ дѣтей, чтобы сбѣгать въ трактиръ, или школу, или другое какое-либо мѣсто, гдѣ Яковъ привыкъ раскладывать свой товаръ. Даже старыя бабушки торопливо ковыляли съ палкой по улицѣ, запрятавъ въ дрожащую руку пустую табакерку или какую-нибудь другую старинную серебряную вещицу.

— Гдѣ медъ, туда и пчелы льнуть! — кричалъ Яковъ своимъ забавнымъ вороньимъ голосомъ и звонко ударялъ длинными весноватыми руками, приступая къ торгу.

Но вотъ какая ходила молва, будто жидъ Яковъ былъ не только трогашъ душою. Когда онъ стоялъ, окруженный толпой женщинъ, и глазки его поспѣшно бѣгали по ихъ здоровымъ членамъ и ошашеннымъ шеямъ, или когда онъ съ томною гримасой вздергивалъ къ самому уху острое плечо передъ какою-нибудь молоденькою дѣвушкой, чуть ли не подросткомъ, робко подходившею къ нему въ старую серебряную пряжку въ рукѣ или обрѣзкомъ золо-

того галуна, тогда по его узкимъ, тонкимъ губамъ и широкимъ, раздувавшимся ноздрямъ хорошо было видно, что не одними только барышами занято его сердце.

Какъ ни странно это кажется, однако, говорили, что маленькій, блѣдный человѣчекъ былъ далеко не безопасенъ для молодыхъ женщинъ, на которыхъ останавливались его черные глаза. Свѣдущіе люди утверждали даже, что до сихъ поръ ни одна дѣвушка, сердце которой онъ хотѣлъ покорить не на шутку, не могла устоять противъ темныхъ чаръ его взоровъ. И многія заботливыя матери не знали покоя до той минуты, пока не убѣждались, наконецъ, что онъ снова покинулъ ихъ приходъ.

Каждое Рождество или масляницу Яковъ являлся въ Бальдерѣдскій трактиръ у перевоза. И такъ какъ онъ съ давнихъ поръ былъ знакомъ съ трактирщикомъ Бренемъ, то охотно располагался у него на ночлегъ.

Въ тѣ дни и въ эту пору года часто случалось, что послѣ двухъ-трехъ дождливыхъ дней или метели съ оттепелью лѣсныя дороги дѣлались почти недоступными, а потому, какъ скоро проходилъ слухъ, что какая-нибудь телега завязла въ грязи, то сообщеніе съ береговою линіей по этой дорогѣ совсѣмъ прекращалось. И такъ какъ морозъ не ранѣе одного или даже двухъ мѣсяцевъ снова прокладываетъ по землѣ надежный мостъ, то порой бывало довольно-таки скучно и одиноко въ столь оживленномъ въ обыкновенное время трактирѣ.

Тогда-то являлся Яковъ.

Уже самый звукъ его веселаго, сопровождаемаго смѣхомъ привѣтствія: «Здравствуйте, добрые люди!»—когда онъ еще въ сѣняхъ сбрасывалъ со спины свой ящикъ и топалъ ногами, чтобы согрѣться, самый этотъ звукъ врвался, точно бодрящій порывъ вѣтра изъ Божьяго міра, въ большую пустую залу, гдѣ два-три крестьянина изъ сосѣдней деревни, сидѣвшіе за чаркой, какой-нибудь мелкій торговецъ или продавецъ шерсти изъ ближняго округа, да трактирные домохадцы составляли обыкновенно все общество.

Даже старикъ трактирщикъ Брень, любившій сидѣть и подремывать у конца стола, поднималъ свою смуглую, горячую цыганскую голову и раскрывалъ глаза съ полною ожиданія улыбкой.

Да и Яковъ не зналъ выше удовольствія, какъ, угостившись вкусною похлебкой съ рубленымъ варенымъ лукомъ и миской сладкой сыворотки, присѣсть къ прочей компаніи за дубовый столъ. И хотя самъ онъ не бралъ въ ротъ крѣпкихъ напитковъ,

но уже одна его маленькая забавная фигурка со смѣшнымъ жаргономъ вносила точно цѣлый праздникъ въ эту большую темную комнату, гдѣ одинокая сальная свѣча разливала надъ головами собравшихся слабый, убогий свѣтъ. Часто засиживались далеко за полночь, чтобы послушаться его неподобныхъ пѣсень и шуточныхъ исторій, отъ которыхъ трактирные служанки, ютившіяся за печкой, нерѣдко краснѣли, какъ маковъ цвѣтъ, и прятались за прятки.

У трактирщика была дочь. Звали ее Элленъ; она была высокая, здоровая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ изсиня-черными волосами и парю пронизательныхъ карихъ глазъ, которыми умѣла держать на почтительномъ разстояніи всѣхъ тѣхъ, кого ея пышныя формы могли бы, особенно въ окружавшей ее обстановкѣ, поощрить къ назойливому обращенію.

Несмотря на свой юный возрастъ, она давно уже облеклась въ броню недоверія и молчаливой подозрительности,—броню, которую жизнь среди этихъ людей научила ее не снимать ни на минуту. Въ ея густыхъ черныхъ бровяхъ, въ ея быстромъ, зоркомъ взглядѣ, когда она на кого-нибудь смотрѣла, было что-то удивительно холодное и враждебное, отъ чего даже лучшіе ея друзья никогда не чувствовали себя вполне застрахованными.

Яковъ, на глазахъ котораго она выросла, обращался съ ней, наоборотъ, по-отечески. Онъ коварно поддерживалъ по отношенію къ ней стариковскую манеру, дѣйствовавшую на нее успокоительно. А, между тѣмъ, она, еще такъ недавно, несмотря на свой высокій ростъ, перешагнувшая за рубежъ дѣтства, сохранила за своею замкнутостью, по крайней мѣрѣ, *нѣкоторую* долю смѣлой дѣтской доверчивости къ этому уморительному карлику, въ которомъ въ былое время она видѣла соединеніе мудрости и опыта, собранныхъ со всей вселенной. Она привыкла смотрѣть на него скорѣе какъ на стараго, вѣрнаго друга дома, чѣмъ какъ на захожаго путника. И въ эти унылые, темные зимніе дни она иной разъ чуть ли не тосковала по немъ, ради уютнаго веселья, неизмѣнно водворявшагося въ трактирѣ вслѣдъ за его появленіемъ.

Съ тихою, задумчивою улыбкой слушала она его изъ своего темнаго уголка у окошка, ни на минуту не отрываясь отъ прятки. Она испытывала особаго рода наслажденіе сидѣть такимъ образомъ въ полной безопасности отъ соблазновъ міра, между тѣмъ какъ передъ внутренними ея очами мелькали пестрыя картины изъ этого міра съ его безумствомъ и суетой, а когда Яковъ снова появлялся, она неожиданно для самой себя ощущала иногда

въ комнатахъ непонятную пустоту или ловила себя на томъ, что цѣлыми часами стоитъ у окна, выходящаго на озеро, и противъ всякаго обыкновенія предается мечтамъ.

Порой, когда они оставались одни, онъ придвигался ближе къ ней, на скамейкѣ, и она молча, но охотно допускала его садиться возлѣ нея. Онъ рассказывалъ ей тогда болѣе подробно о своихъ путешествіяхъ и на родинѣ, и въ чужихъ земляхъ, о множествѣ новыхъ, чудесныхъ вещей, видѣнныхъ имъ въ тѣхъ далекихъ странахъ, гдѣ солнце катится надъ снѣжными горами и рдѣющими виноградниками. Онъ говорилъ ей о жизни на югѣ, о человѣческомъ муравейникѣ въ большихъ городахъ и о монахахъ въ уединенныхъ обителяхъ. И при всякомъ удобномъ случаѣ онъ вилеталъ въ свой рассказъ цвѣтистыя рѣчи о блаженствѣ любви и о тайной утѣхѣ жизни, осторожно обводя взоромъ дѣвушку съ ногъ до головы и радуясь про себя, что она такъ разцвѣтаетъ.

Наконецъ, разъ вечеромъ, когда они долго сидѣли съ глазу на глазъ, и свѣча почти совсѣмъ догорѣла въ подсвѣчникѣ, Яковъ, точно въ разсѣянности, взявъ руку Элленъ и сталъ перебирать ея пальцы въ своихъ. Она взглянула на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но не обратила на это особеннаго вниманія, даже слабо улыбнулась, когда, немного погодя, онъ самъ выпустилъ ея руку съ смущеннымъ извиненіемъ во взорѣ. Но черезъ нѣсколько минутъ ей показалось, что онъ украдкой все ближе и ближе придвигается къ ней, но когда подъ конецъ онъ обвилъ рукой ея станъ и, въ то же время, взглянулъ ей въ лицо съ какою-то странною дрожащею улыбкой, быстрый румянецъ залилъ ея щеки. Она готова была вскрикнуть отъ страха.

У нея было столько силы, какъ у любого мужчины, и она могла бы отбросить Якова, какъ перчатку. Но что же такое словно парализовало ее въ это мгновеніе и заставило ее, какъ какую-то безвольную вещь, отдаться этому отвратительному карлику? Всякій разъ, какъ потомъ, въ долгія безсонныя ночи и ужасные дни, она вспоминала объ этомъ часѣ, она все меньше и меньше была способна это постичь. Точно какія-то чары подчинили ее своей власти. Съ того мгновенія, какъ она почувствовала, что онъ привлекаетъ ее къ себѣ рукой, она совершенно потеряла сознание. Изъ того, что было послѣ, она ничего не помнила, ничего ровно, — такъ внезапно и неожиданно нашло это на нее.

Но замѣчательно, что это было послѣднее появленіе Якова въ Бальдерѣдскомъ трактирѣ у перевоза. Уже осенью стали ходить слухи, что его нашли въ Фюнскихъ болотахъ ограбленнаго, съ

разрубленнымъ черепомъ. Вѣсть эту привезъ странствующій торговецъ хмѣлемъ, очень хорошо знавшій, по собственнымъ его словамъ, жида Якова и даже утверждавшій, будто онъ присутствовалъ на похоронахъ его, такъ что въ достовѣрности этого факта не могло быть никакихъ сомнѣній. Но общее вниманіе вскорѣ обратилось въ другую сторону: въ этотъ самый день Элленъ безслѣдно пропала.

Въ послѣдній разъ ее видѣли на ея обычномъ мѣстѣ, въ уголкѣ трактирной залы, во время разсказа торговца хмѣлемъ. Но вдругъ, побѣдивъ, какъ мертвецъ, она поднялась со стула, и съ тѣхъ поръ ея не могли найти. Начались розыски, люди разбрелись по гѣсу и стали ее обливать. Когда стемнѣло, цѣлыя толпы народа стали бѣгать вокругъ озера съ фонарями и лѣстницами, но все было тщетно. Только въ глухую ночь ее, наконецъ, нашли на запертомъ на ключъ чердакѣ, послѣ того какъ она произвела на свѣтъ крошечное, желтое, какъ воскъ, созданьице съ рыжими волосами и черными глазами, существованіе котораго она цѣлые восемь мѣсяцевъ тщательно скрывала отъ окружающихъ. Старикъ-отецъ, единственный человѣкъ, быть можетъ, провѣдавшій бѣду, пришелъ какъ разъ во-время, чтобы спасти жизнь ребенку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наградить его своимъ проклятіемъ.

Это событіе надѣлало страшнаго шума. Едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что уже много лѣтъ ни одинъ «случай» въ округѣ не возбуждалъ столько разговору, какъ этотъ. Элленъ не находила себѣ мѣста между небомъ и землей, гдѣ бы она могла скрыться отъ стыда и отчаянія. Еще долгіе мѣсяцы послѣ того приходилось силой удерживать ее отъ намѣренія броситься въ озеро, чтобы тамъ избавиться отъ язвительныхъ улыбокъ и злорадныхъ взглядовъ, всюду встрѣчавшихъ столь неприступную прежде красавицу.

Но съ наступившею вскорѣ кончиной отца, стараго цыгана Брена, она впала въ какое-то ступѣніе, въ какой-то столбнякъ, отъ котораго, собственно говоря, уже не пробуждалась, и которому теперь могла безъ помѣхи предаваться, такъ какъ въ это самое время черезъ рѣку построили мостъ. Ребенокъ еще раньше этого былъ крещенъ въ деревенской церкви и получилъ при крещеніи имя Магъна.

IV.

Мѣ этого печальнаго событія столь знаменитый нѣкогда Росинъ дворъ покрылся мракомъ забвенія; съ этого дня нача-

лось его безмолвное разрушеніе, и годъ отъ году онъ опускался все ниже и ниже на свои дубовые костыли. Цѣлый лѣсъ красивы выросъ вокругъ его старыхъ стѣнъ, почти совсѣмъ скрывъ ихъ отъ пѣшиходовъ, а за замкнutoю дверью, за оконными стеклами бутылочнаго цвѣта, въ полумракѣ большихъ пустыхъ комнатъ, точно заживо погребенная, жила Элленъ.

Она жила здѣсь совсѣмъ одна, съ своею маленькою дочкой, и сидѣла обыкновенно на своемъ старомъ мѣстѣ, въ углу, у окошка, уставивъ впередъ тупой взоръ, какъ бы погруженная въ непрерывныя думы о своей судьбѣ. Но какъ ни незамѣтны и однообразны были часы и дни, мелькавшіе мимо нея, они все же далеко не безслѣдно проносились надъ ея головой. Люди, которымъ случалось увидѣть Элленъ, останавливались, совершенно озадаченные, — до такой степени она измѣнилась.

Она усвоила себѣ, между прочимъ, привычку лежать въ постели до поздняго утра, да и потомъ по нѣскольку часовъ подрядъ бродила изъ угла въ уголъ, полуодѣтая, въ заплатанной юбкѣ или длинной холщевой рубашкѣ, съ нечесанными волосами, спадавшими на спину, и все что-то бормотала себѣ подъ носъ, никогда не принимаясь по-настоящему за дѣло. На глаза людямъ она никогда почти не показывалась. Часто по нѣскольку дней она не переступала порога своей комнаты. Но отъ этой сидячей жизни ея и ранѣе того сильно развитая фигура сдѣлалась почти безобразной; лицо какъ-то странно отекло, а каріе глаза угрюмо смотрѣли въ пространство своимъ тяжелымъ, отуманеннымъ взоромъ. Въ деревнѣ такъ прямо и говорили, что она пьетъ.

Въ лѣтнюю пору, когда эту чудную мѣстность наводняли туристы и всякіе другіе путешественники, иногда кое-кто еще заходилъ справиться о дорогѣ или попросить стаканъ молока. Временами даже экипажи останавливались у колодца, чтобы напоить лошадей; мало того, старыя коричневыя стѣны при случаѣ еще пробовали свою притягательную силу на какомъ-нибудь юномъ, мечтательномъ студентѣ, сердце котораго начинало биться сильнѣе при видѣ этой высокой, тучной женщины, съ черными, какъ вороново крыло, волосами и бросавшимися въ глаза сережками.

Но въ общемъ трактиръ посѣщался почти исключительно пятью-шестью старыми добродушными оборвышами, получившими въ народѣ кличку «Спиртный клубъ» и собиравшимися здѣсь каждый вечеръ за большой дубовый столъ, точно на пиршество тѣней. То были двое калѣкъ изъ богадѣльни, трое или четверо бывшихъ дровосѣзовъ и шоссейныхъ рабочихъ, чинно и согласно осушавшихъ

здѣсь двухлитровую кружку водки за свою общую горькую судьбину, чтобы потомъ, въ глухую ночь и неизмѣнно среди общей ссоры, разбрестись, пошатываясь, по своимъ обиталищамъ.

Въ этой-то комнатѣ и Эленъ мало-по-малу научилась заглушать свои думы. Долгое время она дѣлала это тайкомъ, когда винные пары ударили въ голову ея гостей и отуманивали ихъ сознание. Но съ каждымъ годомъ она все болѣе и болѣе теряла власть надъ собой. И теперь сплошь и рядомъ случалось, что она сидѣла среди нихъ, качаясь на стулѣ, съ блѣдными губами и неподвижными взоромъ.

Между тѣмъ, Марта рѣзвилась вокругъ нихъ и, подростая, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе похожа на отца.

Четырнадцать лѣтъ она была уже точно взрослая дѣвушка, свѣженькая и очаровательная въ красномъ корсажѣ поверхъ бѣлой рубашки, и молодые господа, проѣзжавшіе мимо трактира, съ удовольствіемъ заглядывались на ея стройную, изящно сложенную фигуру съ точно вылитыми ножками и гибкою таліей.

И если кто смотрѣлъ на нее, когда она стояла въ открытыхъ дверяхъ, прислонившись къ косяку, держась рукой за приподнятую назадъ голую ножку и обративъ глаза къ небу, или когда въ зимніе вечера она сидѣла въ уголкѣ, устало откинувшись на спинку соломеннаго стула и обвивая тонкими пальцами поднятое колено, съ слабою, напряженною улыбкой слѣдила за опускавшимися все ниже и ниже головами участниковъ безмолвной оргіи, при сонномъ, чадномъ свѣтѣ висячей лампы, — тотъ получалъ такое впечатлѣніе, точно въ этихъ тонкихъ, умныхъ чертахъ, въ этомъ живомъ, пытливомъ взорѣ и во всемъ этомъ маленькомъ нервномъ тѣлцѣ обиталъ въ преобразенномъ видѣ жидъ Яковъ.

Высокій, узкій носъ съ большими, продолговатыми ноздрями, тонкія, блѣдныя губы, крупныя, блестящіе зубы, свѣтлыя брови, слегка хмурившіяся подъ бѣлою плоскостью лба всякій разъ, какъ она во что-нибудь вглядывалась, все было отцовское... кончая даже немного сильнымъ голосомъ и едва замѣтною лукавою улыбкой, мелькавшею у нея, когда она по временамъ, точно случайно, задукивалась среди самаго разгара веселья.

О волосы были у нея болѣе мягкаго оттѣнка; гладкіе и блестящіе, они спускались на прорѣзанные голубыми жилками виски и, летаясь въ двѣ красивыя косы, закрывали глубокую ямочку заглава. Глаза были больше, прозрачнѣе и глубже. Словно вѣрное отраженіе мечтательнаго лѣснаго озера нимфъ, лежали они подъ бровями въ таинственно-переливчатомъ сіяніи и смотрѣли на

міръ Божій изъ-за темнаго вѣнка длинныхъ рѣсницъ, погружавшихъ свои тѣни въ ихъ тихія воды.

Отъ матери она унаслѣдовала только болѣе спокойный взглядъ и высокую, ослабительно-бѣлую шею. И, инстинктивно чувствуя и внутреннее, и внѣшнее ихъ несходство, Марта съ самаго дѣтства не только избѣгала всякой близости съ ней, но со всѣмъ холоднымъ презрѣніемъ посторонней смотрѣла сверху внизъ на это громадное, грузное, лѣнивое животное, называвшее себя ея матерью.

Въ общемъ, все время, пока она росла, она была, можно сказать, совершенно предоставлена самой себѣ. Въ деревенской школѣ, куда ее стали посылать на седьмомъ году, дѣти болѣе зажиточныхъ родителей намѣренно сторонились ея общества, и даже болѣе равныя ей по положенію дѣвочки чувствовали страхъ и смущеніе передъ этимъ страннымъ, такъ мало похожимъ на нихъ ребенкомъ, о происхожденіи котораго онѣ слышали столько удивительныхъ разсказовъ и который поэтому вдвойнѣ пугалъ ихъ своею дикостью и причудливыми выдумками.

Въ своемъ одиночествѣ она перенесла за то весь запасъ своей любви на «клубъ». Эти старыя забавныя гуляки, у которыхъ она рѣзвилась подъ ногами, какъ балованный котенокъ, и которые окружали ея дѣтство почти отеческими попеченіями, сдѣлались мало-по-малу ея единственными и самыми настоящими друзьями. Только среди нихъ она и чувствовала себя въ своей стихіи. Ихъ грубыя рѣчи, ихъ брань и ссоры, даже самое ихъ пьянство и непристойныя разсказы доставляли ей наслажденіе, точно благотворно дѣйствующая пряная приправа къ скугѣ нескончаемаго дня и приторной елейности деревенскаго учителя. Какъ скоро солнце исчезало за западнымъ краемъ лѣса, она жаждала только того мгновенія, когда въ сѣняхъ раздастся стукъ первыхъ деревянныхъ башмаговъ. И хотя зачастую ей цѣлый вечеръ приходилось кашлять отъ дыма, выпускаемаго ужасными трубками, и отъ запаха укропной водки и пива, все же она никогда не испытывала такого блаженства, какъ сидя въ кругу этихъ добродушныхъ стариковъ, въ свою очередь видѣвшихъ въ ней свою радость и гордость.

Это были толстый Мортенъ Скютте, старый бородачъ, то идѣло нюхавшій табакъ изъ большого, круглаго кожанаго кошелья и весь пропитанный какимъ-то удушливымъ запахомъ, точно отъ лисьей шкуры, затѣмъ глухой Андерсъ Когманъ, маленькій, юркій Захарій-Ткачъ, говорившій всегда какъ по-писанному, старый скрипачъ Францъ Микгельсенъ и меланхолическій Сѣренъ, каменотесъ, неизмѣнно шептавшій «Боже милостивый», когда садился, и

«Господи Иисусе», когда принимался пить. Но самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Ларсъ Бюнби или Ларсъ Одноглазый, старый зеландецъ, настоящая развалина богатыря, скрюченный и разбитый параличомъ, слышій въ свое время однимъ изъ самыхъ ярыхъ драчуновъ по всей округѣ, да и теперь еще, несмотря на свой преклонный возрастъ, на свой костыль и завязанный глазъ, умѣвшій быть довольно-таки опаснымъ, когда на него находилъ такой стихъ.

Особенно этотъ послѣдній членъ клуба сдѣлался мало-по-малу самымъ задушевнымъ другомъ Марты и ея покровителемъ, которому она повѣряла всѣ свои маленькія тайны и печали, сидя вечеромъ у него на колѣняхъ и теребя его жесткую сѣдую бороду. Даже тогда, когда она уже подросла и сдѣлалась старше, она, все-таки, сохранила прежнія довѣрчивыя отношенія къ старому рубацѣ, этой, въ сущности, добрѣйшей и нѣжнѣйшей душѣ, и безъ всякой лгуности разрѣшала ему разныя маленькія вольности—ласкать ее, напимѣръ, и цѣловать. Въ награду за это онъ приносилъ ей даромъ въ глубокихъ карманахъ своихъ брюкъ, пестрое содержаніе которыхъ она всегда изслѣдовала усерднѣйшимъ образомъ, то цвѣтную ленточку, то нитку стеклянныхъ бусъ или еще какую-нибудь рѣдкость въ этомъ родѣ, хорошо зная, какъ она любитъ такія украшенія.

Въ день ея конфирмаціи весь клубъ сошелся съ нею въ церковь. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ присутствующіе заволновались, когда торжественная процессія, съ Ларсомъ Одноглазымъ во главѣ и четырьмя взятыми на-прокатъ цилиндрами, двинулась къ хорамъ и среди глубокаго молчанія помѣстилась на одной изъ скамеекъ. Сама Марта была въ черномъ платьѣ изъ почти новой матеріи. На плечахъ у нея былъ бѣлый вязаный платокъ, зашпиленный на груди стальною булавкой. Въ волосы она кокетливо воткнула розовый бутонъ, и когда послѣ проповѣди причастники и причастницы сомкнутыми рядами пошли къ алтарю, глаза многихъ и многихъ невольно остановились на ней.

И не потому только, что ея хорошенькая золотистая головка возвышалась надъ головами большинства ея товарокъ, и въ особенности маленькихъ, приземистыхъ, толстощекихъ жеманницъ изъ класса мелкихъ собственниковъ, гдѣ было и ей отведено мѣсто. Но, съ противоположность всѣмъ другимъ, она бросала вокругъ себя смѣлые и, въ то же время, счастливые взгляды. И вся ея пятнадцатилѣтняя красота была запечатлѣна какою-то почти аристократичною стройностью, дѣйствовавшей, несмотря даже на ея че-

резь-чурь длинное платье, возбуждающимъ и вызывающимъ образомъ.

Среди экзамена на одной изъ дальнихъ скамеекъ поднялась мужская фигура и продолжала стоять неподвижно все время, пока длилась церемонія. Когда Марта увидала ее, темное облачко пробѣжало по ея лицу, и остальную часть богослуженія она ни разу не взглянула въ ту сторону. По всей вѣроятности, это было замѣчено, потому что многіе внезапно повернули голову къ этой фигурѣ, и двое парней начали толкать другъ друга локтемъ.

Тотъ, о комъ идетъ рѣчь, былъ высокій, широкоплечій, немного сутуловатый малый, лѣтъ двадцати съ небольшимъ; его маленькіе, вездѣсушіе глазки подозрительно озирались кругомъ, между тѣмъ какъ широкій, грубо очерченный ротъ складывался въ какую-то странную, неопредѣленную улыбку. Въ деревнѣ онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «Бочарный чурбанъ», но настоящее его имя было Іесперь Дуэбоэль, и слылъ онъ вообще за довольно мудреного парня, котораго нелегко было разгадать. Собственно говоря, онъ могъ быть опасенъ для окружающихъ только когда бывалъ пьянъ, обыкновенно же онъ совершенно погружался въ свою работу дровосѣка и только порою показывался въ какой-нибудь миллиардной или въ трактирѣ. За то онъ частенько заглядывалъ на старый постоянный дворъ у озера, получивъ доступъ въ кружокъ его завсегдатаевъ благодаря своему родству съ глухимъ Андерсомъ Когманъ. И вообще въ деревнѣ сложилось мнѣніе, что клубъ намѣтилъ его въ женихи Марты.

Всякій разъ, какъ онъ переводилъ съ нея взглядъ на собраніе, въ его глазахъ появлялось что-то какъ бы угрожающее и вызывающее. По окончаніи службы онъ вышелъ на кладбище, гдѣ собрались причастники, чтобы принимать поздравленія друзей и знакомыхъ.

Марта бросила въ сторону торопливый и испуганный взглядъ, когда увидала, что онъ медленно приближается къ ней съ опущенною головой, точно быкъ. Одно мгновеніе она хотѣла было спрятаться за широкую спину Мортена Скютте. Но когда Іесперь очутился среди нихъ, она молча и холодно протянула ему руку и, какъ скоро явилась къ тому возможность, поспѣшила присоединиться къ группѣ своихъ подругъ, стоявшихъ съ веселымъ смѣхомъ между могилъ.

Съ самой первой минуты, какъ взоръ ея въ церкви нечаянно упалъ на Іеспера, ея овладѣлъ страхъ, какъ бы онъ не вздумалъ провожать ее до дому, а потому точно тяжесть свалилась у нея съ

сердца, когда немного погодя она увидела, что онъ распростился со всѣми и сталъ удаляться по направленію къ деревнѣ. На вершинѣ холма (она замѣтила это) онъ еще разъ обернулся и взглянулъ на нее. Но, впрочемъ, она скоро забыла и о немъ, и о всей этой сценѣ подъ впечатлѣніемъ торжественной встрѣчи, ожидавшей ее дома.

Столъ былъ накрытъ, по-праздничному, чистою, бѣлою скатертью, два подсвѣчника со свѣчами стояли на немъ. По срединѣ дымилось блюдо рисовой каши. И блюдо, и подсвѣчники были окружены цвѣтами, а передъ приборомъ на одномъ концѣ стола лежало евангеліе съ золотымъ крестомъ на переплетѣ. Марта была такъ расстрогана, что въ первый разъ за многіе годы подошла къ матери и протянула ей руку. Вообще этотъ день былъ полонъ незабвеннаго счастья. Всѣ старые друзья провозгласили единодушно, что она отвѣчала на славу, даже лучше дочери священника; послѣ обѣда Францъ игралъ на скрипкѣ, Захарій-ткачъ читалъ вслухъ изъ стараго альманаха, а послѣ ставана пунша всѣ такъ разошлись, что даже Ларсъ Одноглазый пустился въ дикій плясъ на своемъ костылѣ.

Но когда среди ночи Марта вошла въ свою комнату и стала раздѣваться, ей бросился въ глаза на столѣ маленькій свертокъ, котораго она раньше не замѣтила. Осторожно, почти со страхомъ, она сначала оглядѣла его со всѣхъ сторонъ, потомъ стала медленно его развертывать, снимая одинъ слой бумаги за другимъ, пока не показался маленькій футляръ. Она поспѣшно открыла его. Въ немъ лежали серебряные часы, а къ нимъ была прикрѣплена записочка, на которой неуклюжимъ почеркомъ было написано: «На память отъ Іеспера Андерсена Дуэбоэля».

Румянецъ медленно покрывалъ ее щеки въ то время, какъ она бережно переворачивала въ рукахъ часы. Потомъ ей внезапно вспомнилась сцена на кладбищѣ, и новая, болѣе яркая на этотъ разъ краска залила ее обнаженную шею. Наконецъ, она тихо сѣла на стулъ и погрузилась въ глубокія думы.

Ей тогда еще не было полныхъ пятнадцати лѣтъ.

У.

[вотъ однажды она спустилась на самый берегъ рѣки и тамъ то что собралась мыть ноги, какъ вдругъ на встрѣчу ей показалась маленькая бѣлая лодочка, въ которой сидѣли двѣ фигуры. Она такъ быстро нырнула въ камыши, чтобъ ее не было видно, и съ

любопытствомъ стала наблюдать оттуда за странною, тихо-тихо подвигавшеюся парочкой.

Молодая дама въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и съ ярко-краснымъ зонтикомъ, горѣвшимъ, какъ пунцовый макъ, у кормы лодки, сидѣла, опустивъ голову на руку, и, казалось, не отрывала отъ ландшафта задумчиваго взгляда. Господинъ, помѣщавшійся напротивъ нея, у вѣсель, былъ молодой, бѣлокурый гигантъ, но онъ сидѣлъ спиною къ Мартѣ, такъ что она могла видѣть только его широкія плечи и свѣтлые, вьющіеся волосы на затылкѣ, да верхнюю часть густой свѣтло-русой бороды. Лица ей не было видно, но все же было замѣтно, что онъ не сводитъ глазъ съ молодой, задумчивой дамы, и самый взоръ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее, тоже какъ будто просвѣчивалъ въ томъ бережномъ, почти ласкающемъ движеніи, какимъ онъ поднималъ и снова опускалъ въ воду весла.

Марта сейчасъ же заключила, что это женихъ съ невѣстой.

Вдругъ господинъ почти беззвучно повернулъ лодку къ берегу и причалилъ между камышами, какъ разъ возлѣ Марты. Въ ту же минуту дама очнулась отъ своихъ грѣзъ, и когда она съ удивленіемъ стала озираться вокругъ, по щекамъ ея пробѣжалъ легкій румянецъ. Она улыбнулась, и, только увидѣвъ эту улыбку, Марта вполне оцѣнила ея красоту.

— Я спала? — спросила она необыкновенно мягкимъ, мелодическимъ голосомъ.

— Ты права, — отвѣтилъ онъ и нѣжно кивнулъ ей головой.

Онъ сложилъ весла и поднялся. Она, все еще сидя, взяла руку, которую онъ учтиво подалъ ей, и, вставъ рядомъ съ нимъ, протянула ему обѣ свои и довѣрчиво взглянула на него.

Но его умоляющій взоръ говорилъ, должно быть, что этого мало, потому что, осторожно оглядѣвшись кругомъ, она тихо прижалась къ его груди и, краснѣя, протянула ему розовый ротикъ. Онъ почтительно обвилъ рукою ея станъ и нѣжно прикоснулся къ ней губами.

Марта чуть не расхохоталась въ своей засадѣ надъ этою церемонною лаской. Но когда она въ тотъ же мигъ поймала взоръ, которымъ они оба точно погрузились другъ въ друга при этомъ объятіи, — *его*, горящій тихимъ пламенемъ, *ея*, влажный и трепещущій, — и увидала яркую краску, вспыхнувшую на ихъ щекахъ среди этого поцѣлуя, она вдругъ вся застыдилась и оглянулась назадъ, какъ бы страшась, что кто-нибудь могъ подсмотреть за ними.

Съ бьющимся сердцемъ она еще глубже запряталась въ свой

уголокъ и жадно стала наблюдать, какъ они выходили на берегъ. Затѣмъ дыханіе, слѣдила она за ними глазами, когда они тихо направились черезъ лугъ къ загородкѣ, и лишь тогда, когда, рука объ руку, они исчезли въ лѣсу, она съ нылающими щеками медленно поднялась изъ камышей. И, все - таки, она еще простояла здѣсь нѣсколько минутъ, словно застывъ въ какихъ-то грѣзахъ, и пристально глядѣла на то мѣсто, гдѣ молодая парочка скрылась.

Вдругъ она услышала на мосту мужскіе шаги. Поспѣшно схвативъ она чулки и побѣжала по направленію къ дому. Но когда ей внезапно почудилась въ этихъ шагахъ медвѣжья походка Іеспера, на нее напалъ инстинктивный страхъ при мысли, что именно теперь она должна будетъ встрѣтиться съ своимъ женихомъ. Ни минуты не задерживаясь, она повернула назадъ и изо всѣхъ силъ пустилась бѣжать вглубь лѣса. Но здѣсь она увидѣла за кустами совсѣмъ безобиднаго крестьянина, шедшаго съ мѣшкомъ за спиною, и сама улыбнулась своему испугу. Медленно и задумчиво, по временамъ останавливаясь, чтобы сорвать у себя подъ ногами цвѣтокъ, стала она возвращаться по большой дорогѣ. Придя домой, она услышала, что мать возится въ кухнѣ; поэтому она тихонько обогнула переднюю часть дома, влѣзла черезъ окно въ нежилую каморку и плотно затворила за собою дверь, потомъ подошла къ окну, выходящему на озеро, и осторожно открыла его.

Подъ лѣснымъ вѣнцомъ уже начинало смеркаться. Вверху надъ темно-фіолетовою зубчатою каймой «Боролевскаго хребта» лежало пламенѣющее золото заката, бросая на воду нѣжный розоватый отблескъ. Всѣ птицы замолкли. Только тихій вечерній шелестъ пробѣгалъ по лѣсамъ и замиралъ вдали... Марта какъ-то устало оперлась головкой на руку и долго-долго смотрѣла въ окно.

Она понимала, что то, чему она только что была свидѣтельницей между этими молодыми людьми, — то, что зажгло это чудное пламя въ ихъ взорѣ и заставило трепетать ихъ уста, было ничто иное, какъ неземное счастье человѣчества, завѣтная, святая утѣха жизни — любовь!

Какъ это странно! Тысячу разъ, по крайней мѣрѣ, видѣла она и читала это слово въ маленькихъ сборникахъ романовъ въ красной обложкѣ, и ни минуты не задумывалась надъ нимъ, не знала даже, что оно означаетъ. Теперь же на него какъ бы сразу упалъ трепетный свѣтъ. Теперь ей казалось, что стѣбитъ ей прижать руки къ лицу и закрыть глаза, и она почувствуетъ, что это такое.

Любовь!... Любовь!... Какъ только это слово раздавалось въ ея ушахъ, точно новая жизнь пробуждалась въ ней. Міръ точно

разомъ открывался передъ ея очами, самое небо точно поднималось надъ ея головой. Даже лѣсъ сдѣлался совѣмъ другимъ, пока она стояла и смотрѣла на него. Воздухъ, казался ей, наполнился музыкой, и вѣтеръ шепталъ ей на ухо это волшебное слово.

Какое-то необычайное, торжественное настроеніе нашло на нее. Не отдавая себѣ въ томъ отчета, она выпрямилась и прилонилась головой къ косяку окна. Спиренныя руки ея лежали на подоконникѣ, а взоръ былъ устремленъ на озеро, какъ разъ въ эту минуту раскрывавшее свое таинственное око. И долго стояла она такъ, не шевелясь. Послѣднія блѣдныя полосы зари погасли на небѣ; сумракъ разостлался по водѣ и окуталъ собою лѣсъ... По щекамъ Марты тихо скатилась слезинка. Но когда въ окно ворвался легкій вѣтерокъ и приподнялъ густыя кудри на ея лбу, она сладко содрогнулась.

Вдругъ на ея плечо легла чья-то рука. Дѣвушка обернулась съ легкимъ крикомъ. Рядомъ съ нею стоялъ на костылѣ, съ повязкой на лбу, Ларсъ Одноглазый и смотрѣлъ на нее съ лукавою усмѣшкой. Искры изъ коротенькой глиняной трубки, дымившейся подъ краснымъ кончикомъ его носа, слабо освѣщали небритую нижнюю часть его лица и широкія, обнаженныя, беззубыя десны.

— Тысячу чертей! Вотъ она куда забралась, наша красная дѣвица!— вскричалъ онъ. — А мы-то... мы-то... прости Господи!... чуть изъ кожи не вылезли въ поискахъ за ней! А она, оказывается, забила сюда и не шелохнется!

— Боторый же часъ?—спросила она, удивленно озираясь во кругъ.

— Боторый часъ? Ты спрашиваешь, который часъ?... Мнѣ сдается, убей меня громъ, что замечталась наша дѣвочка!... Боторый часъ? Хи, хи!— онъ сощурилъ глазъ и закудыкалъ. — Пожалуй, часъ-то уже *пробилъ*, а? Чего изволите? Тикъ-такъ, тикъ-такъ!

Онъ разразился оглушительнымъ смѣхомъ. Марта тоже слабо улыбулась, и они вмѣстѣ спустились внизъ, гдѣ ея необычное отсутствіе, дѣйствительно, чуть не возбудило тревоги. Она сказала въ видѣ объясненія, что устала и задремала въ потьмахъ; она даже стала совершенно натурально тереть себѣ глаза и потягиваться, точно она все еще не совѣмъ проснулась, и, наконецъ, усѣлась на свой соломенный стулъ, въ уголѣкъ залы. Но въ первый разъ въ жизни она чувствовала себя словно чужой въ этомъ кружкѣ. Ни охотничьи рассказы Мортена Скютте, ни книжныя разсужденія Захарія-твача не могли остановить на себѣ ея разбѣгающихся мы-

лей, а потому, какъ только для нея явилась возможность незамѣтно выскользнуть, она вышла потихоньку изъ залы и отиравилась къ себѣ.

Ея комнатка находилась на противоположномъ концѣ дома; она была небольшая, продолговатая, съ окномъ, выходящимъ на ущелье, и со старою сводчатою дверью, служившею въ былое время входомъ для перевозчиковъ, но теперь наглухо замкнутою жезнымъ засовомъ. Возлѣ этой двери стояла кровать, а затѣмъ вся мебель ограничивалась лишь столикомъ и трехногимъ стуломъ. Стѣны и полъ были изъ необожженной глины, и время и сырость образовали въ нихъ поверхности большія углубленія, но, тѣмъ не менѣе, эта комнатка, въ противоположность остальной части дома, казалась миленькой и чистенькой, и даже почти уютной.

Марта заперла на задвижку дверь, черезъ которую вошла, плотно закрыла окно ставнемъ и зажгла на столѣ свѣчу. Потомъ она подошла къ кровати и выдвинула изъ-подъ нея на полъ ящикъ со всякимъ хламомъ. Съ самаго дна его она съ легкой улыбкой вытщила связку книжекъ въ красной обложкѣ; сначала она старательно смахнула фартукомъ пыль со страницъ, затѣмъ присѣла къ столу и медленно и задумчиво стала ихъ перелистывать, то приближаясь къ концу, то снова возвращаясь къ началу. Какое-то мѣсто заинтересовало ее, наконецъ; она отвела волосы ото лба, придвинула къ себѣ свѣчку... и долго еще послѣ того, какъ старики вышли, спотыкаясь, изъ сѣней, она сидѣла съ оплывшимъ огаркомъ, совершенно поглощенная *Исторіей таинственной двери или любовныхъ приключеній рыцаря Роберта.*

VI.

Съ этого дня Марта, собственно говоря, уже не жила больше на старомъ Бальдерѣдскомъ ностояломъ дворѣ.

Этотъ единственный трепетный взоръ двухъ влюбленныхъ, это внезапное откровеніе новаго, сверхчувственного міра блаженства сразу распахнули передъ нею двери золотыхъ, невѣдомыхъ странъ, этой лучезарной фата-морганы человѣческой жизни, въ которую она углубилась теперь всѣми своими помыслами.

Послѣ этого происшествія ея стремленія получили иную цѣль. Съ пламенною фантазіей пробуждающейся страсти она съ этого момента погрузила свою душу въ чудный міръ радости и счастья любви и вся отдалась порхающимъ грѣзамъ, которыя наполняли собою все ея время и отблескъ которыхъ отражался въ ея улыбкѣ и сияніи члѣ глубины таинственной ночи ея глазъ.

Если въ этомъ настроеніи она уходила въ лѣсъ, разыскивая самыя темныя тропинки, терявшіяся въ чащѣ, она тотчасъ же создавала себѣ образъ юноши съ рыцарскими манерами, шедшаго рядомъ съ нею. Листъ, задѣвавшій ея щеку, становился въ ея мечтахъ поцѣлуемъ, приводившимъ ее въ трепетъ. Вѣтка, зацѣплявшаяся за ея платье, представлялась ей дерзкими руками, пытавшимися ее обнять. Если же по близости хрустѣли сучья, на нее нападалъ такой страхъ, что она прямо-таки пряталась за кусты.

А когда она сидѣла дома, у окна въ своей комнаткѣ, и смотрѣла черезъ разсѣлину на побережье, ея мечты неизмѣнно сосредоточивались на какомъ-нибудь любимомъ мѣстечкѣ, и неизмѣнно чудился ей тамъ молодой человекъ съ пышною свѣтлорусою бородою и алый ротикъ, къ которому онъ почтительно прикасался губами. У подошвы круглаго холма, поросшаго шиповникомъ, пріютился маленькій бѣлый домикъ, который въ народѣ называли почему-то «мельницей». Тамъ въ особенности любила она воображать себя сидящею самъ-другъ среди розъ и альпійскаго ракитника, то въ тихія лунныя ночи, то въ теплые лѣтніе вечера, оглашаемые трелями жаворонка и напоенные ароматомъ цвѣтовъ, а когда послѣдній лучъ солнца покидалъ землю и золотыя облака заката ложились надъ лѣсомъ, то словно какимъ-то волшебствомъ они вызывали цѣлый рай любви передъ ея взоромъ, чудный садъ нѣжной страсти, съ тѣнистыми аллеями и благоухающими рощицами, въ который она мысленно углублялась вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ.

Но когда, послѣ этихъ блаженныхъ странствованій, взоръ ея снова опускался на землю, и, оглядываясь въ душной, темной комнатѣ, она вспоминала, что дни ея должны протечь въ этой пыльной атмосферѣ, пропитанной запахомъ укропной водки, тогда лицо ея мгновенно омрачалось.

Не тщетны ли воѣ ея думы? Не призраки ли онѣ, не вздорныя ли грѣзы? Откроетъ ли когда-нибудь эта страна чудесъ свои врата передъ нею, дастъ ли ей хоть одинъ только разъ вкусить блаженства, которое таитъ въ себѣ?

Ея сердце болѣзненно сжималось, когда отъ своихъ счастливыхъ мечтаній о нѣжныхъ ласкахъ, о сладкихъ словахъ любви и мягкихъ рукопожатіяхъ она пробуждалась среди пьяныхъ рвчей и грязныхъ перебранокъ и встрѣчалась съ глазами матери, неподвижно устремленными въ одну точку.

Тайный страхъ закрался въ ея душу съ тѣхъ поръ особенно, какъ ей стала вполне ясна цѣль частыхъ посѣщеній леспера и его страннаго поведенія. Последнее время онъ приходилъ чуть ли не

каждый день, садился вмѣстѣ съ другими, опустивъ руки подъ столъ и уткнувшись въ его край подбородкомъ, и съ улыбкой, отъ которой у Марты кровь застывала въ жилахъ, вливался въ нее глазами. Иногда, особенно когда онъ бывалъ навеселѣ, онъ подсаживался къ ней и начиналъ дразнить ее своимъ неуклюжимъ кулакомъ. И ужасъ дѣвушки еще усилился, когда она почувствовала, что не онъ одинъ хочетъ такимъ образомъ подластиться къ ней, но что всѣ они, не исключая даже Ларса Одноглазаго, заодно съ Іесперомъ въ его заговорѣ и втихомолку держатъ его руку.

Съ недоумѣніемъ спрашивала она себя разъ за разомъ, неужели *это* дѣйствительно та участь, которая предназначена ей? Неужели ей дѣйствительно придется назвать *это* своимъ счастьемъ?

Она глялась въ душѣ, что этого не будетъ. Лучше она дастъ длинныя конямы растерзать ее на части, лучше она бросится въ море!... Но въ тяжелыя минуты унынія, такъ часто находившаго на нее теперь, она опять-таки спрашивала себя, на что же еще надеяться такой бѣдной дѣвушкѣ, какъ она, какой же другой, лучшей судьбы смѣетъ она ожидать для себя и не обречена ли она немолчимымъ рокомъ влечь до гроба свои дни на тѣневой сторонѣ жизни, безрадостной и мрачной? Вѣдь, только въ сказкѣ рыцарь Робертъ стучался въ дверь бѣдной пастушки. А если это и бывало еще порой, то какъ же кончила Юргина Веверсъ, повѣсившаяся въ прошломъ году на выгонѣ, или бѣдняжка Анна-Метта, ея же, Марты, товарка по конфирмаціи или, — и Марта содрогалась, — ея родная мать?

По временамъ она испытывала странное возбужденіе при мысли о томъ, что она — дитя такого союза, плодъ мимолетной счастливой встрѣчи, быть можетъ, въ лѣсу, быть можетъ, подъ звѣзднымъ небомъ ночи. Ей часто доставляло особое наслажденіе углубляться тончайшею иглой своей мысли въ эту тайну своего рожденія. Съ неотразимой силой влекло ее приподнять загадочную завѣсу, прикрывавшую ея появленіе на свѣтъ. Но стоило ей только представить себѣ мать, съ ступѣвшими чертами лица и жертвенными глазами, и она вздрагивала отъ страха. Ей казалось, будто ея собственная безотрадная участь, безнадежный приговоръ, висящій надъ ней, выражаются въ этомъ взглядѣ, говорившемъ своею нѣмой неподвижностью, что счастье покупается одною лишь цѣною — жизнью.

Въ эту зиму, послѣ того, какъ ей исполнилось шестнадцать лѣтъ, Марта впала въ глубокую меланхолію. Ея старыя, вѣрные друзья давно уже наблюдали за ней, озабоченно покачивая

головой, тщетно спрашивая себя о причинѣ странной переменѣ во всемъ ея существѣ, и мало-по-малу ихъ не на шутку охватило безповойство. Теперь она, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, была для всѣхъ нихъ зѣницей ока, единственною ихъ радостью и надеждой, и они сообща ломали свои старыя головы, стараясь додуматься до того, что собственно можетъ удручать ея сердечко.

Но Ларсъ Кюнби, бывшій хитрѣе ихъ всѣхъ и, кромѣ того, набравшійся богатаго опыта въ сложномъ и причудливомъ лабиринтѣ жизни, сѣумѣлъ однимъ своимъ глазомъ увидать больше, чѣмъ всѣ другіе вмѣстѣ своими обоими. И вотъ однажды, раннею весной, когда все наперерывъ спѣшило жить, все ликовало въ лѣсу и въ полѣ, онъ счелъ случай вполне подходящимъ для того, чтобы серьезно потолковать со своею любимицею.

Это было подъ вечеръ, когда сумерки уже надвигались. Она сидѣла на каменномъ приступкѣ въ открытыхъ дверяхъ и не слыхала, какъ онъ приближался, хрустя ногами по песку. Она сидѣла, блѣдненькая и тоненькая, среди свѣтлозеленыхъ листьевъ и голубыхъ анемоновъ, но не отвела глазъ отъ рубца зеленой юбочки, лежавшей у нея на колѣняхъ. Лишь тогда, когда Ларсъ почти коснулся ея, она подняла голову, привѣтливо подала ему руку, попробовала даже улыбнуться своею прежнею милою улыбкой. Но это не удалось ей, и когда онъ попытался заглянуть ей въ лицо, она отвернулась, потому что въ глазахъ ея стояли слезы.

Печально тряхнулъ старикъ сѣдыми кудрями, поглядѣлъ на нее съ минуту своимъ прищуреннымъ глазомъ и потомъ тихо присѣлъ рядомъ съ нею на каменный порогъ. Медленно и задумчиво набивалъ онъ свою коротенькую трубку. И даже тогда, когда онъ закурилъ ее, наконецъ, онъ долго сидѣлъ и смотрѣлъ на большія розовато-бѣлыя облака, поднимавшіяся тяжелыми слоями надъ далекимъ гребнемъ лѣса.

Со вздохомъ оглядывался онъ мысленно на то время, когда Марта выбѣгала къ нему на встрѣчу, прыгая, точно козленокъ, какъ только, бывало, заслышитъ его прихрамывающіе шаги, когда она заботливо брала у него изъ рукъ костыль, ставила его въ привычный уголъ, присаживалась на колѣни къ своему другу и отирала потъ съ его стараго, изборожденного морщинами лба. Онъ вспоминалъ веселые часы, незамѣтно пролетавшіе у нихъ въ довѣрчивой бесѣдѣ, вспоминалъ плутовскую улыбку дѣвочки, когда она дергала его за бороду, ея звонкій смѣхъ, когда она таскала у него изъ кармана свертокъ жевательнаго табаку или набивала его ноздри табакомъ изъ его табакерки.

И снова покачалъ онъ съжившеюся отъ старости головой и испустилъ вздохъ сквозь скрипучій стволъ трубки.

— Что же ты ему сказала въ отвѣтъ, Марта?—спросилъ онъ, наконецъ, не глядя на нее и не перемѣняя позы.

— Бому? — спросила она въ свою очередь и тоже не подняла головы.

— Ну, извѣстно кому... Иesperу.

— Ахъ, это ты о немъ!

— Развѣ же онъ не сватался за тебя?

— Конечно, сватался.

— Ну, и что же ты ему на это сказала?

Но такъ какъ она ничего не отвѣтила на его вопросъ, онъ вынулъ изо рта трубку, сплюнулъ подальше, въ самые анемоны, вытеръ губы верхнею частью руки и повернулся лицомъ къ дѣвушкамъ.

— Послушай-ка, матушка, — внушительно заговорилъ онъ. — Не годится, убей меня громъ, не годится такъ опускать крылья. Что приключилось такое? Пропало, что ли, совсѣмъ веселье у нашего котенка? А то, можетъ, испортилось что-нибудь въ этихъ часахъ, что ходятъ у тебя въ сердечкѣ, какой-нибудь тамъ винтикъ соскочилъ съ мѣста, да? — и онъ любовно наклонился къ ней и заглянулъ ей въ лицо. — Тоска сосетъ тебя, дѣточка? Давитъ подъ ложечкой, и слезки просятся на глаза?... Такъ объ этомъ нечего кручиниться, мой свѣтикъ! Сказать тебѣ, что это значитъ? — и снова онъ нѣжно понизилъ голосъ. — Любовь это, видишь ли ты! Пусть чортъ меня поберетъ, коли это не такъ! Вѣдь, и я былъ когда-то молодъ, голубушка, и смыслю кое-что въ этомъ. Любовь прилетаетъ весной такъ же точно, какъ антъ и скворецъ весной прилетаетъ, и нечего, стало быть, пугаться ея. Она, мое дитятко, благословеніе Господа Бога, какъ сказывалъ старшій дьячокъ нашъ въ Кюби. Это такая вещь, — сказывалъ онъ, — отъ которой никому не уйти, и принимать ее надо съ терпѣніемъ. Но слушай-ка, Марта, скажи ты мнѣ, сдѣлай милость, чѣмъ собственно Иesperъ тебѣ такъ не любъ? Парень онъ хоть куда, и собой молодець, здоровый, ядренный отъ маковки до пятокъ, и работникъ такой ретивый, какого дай Богъ всякой дѣвушка въ женихи. И что же за бѣда, если онъ ни разу, можетъ, лишнее хватить, или, когда что-нибудь такое слѣзается, живѣе кулакомъ орудуетъ, чѣмъ бы слѣдовало? Боже милосивый! Вѣдь, не въ этомъ вся суть. У всѣхъ у насъ есть, понаю, свои изъяны. Какъ самъ-то я сдѣлался старымъ калѣжкой? А те же я смѣло могу сказать передъ людьми и передъ Богомъ, что по чинца моя, Сидза-Лена, съ благодарными чувствами въ могилу

сошла. «Мнѣ на это наплевать, — говорила она, — лишь бы сердце доброе было!»... И потомъ... все такое, вѣдь, мигомъ пройдетъ, какъ вы только повѣнчаетесь. Любовь, золотая моя, любовь шестерыхъ воловъ перетянетъ, какъ говорить пословица. А Иесперь, вѣдь, съ ума по тебѣ сходилъ еще тогда, когда былъ чуть ли не подросткомъ, такъ его легче, чѣмъ кого другого, будетъ взять въ руки; надо только съ нимъ умѣючи обращаться. Никому не извѣстно, долго ли, нѣтъ ли намъ, старикамъ, осталось прожить на бѣломъ свѣтѣ, — вотъ мы и успокоились бы на томъ, что пристроили тебя такъ хорошо. А такой малый, какъ Иесперь, Марта!... Не всякій день можно встрѣтить такого, вѣрь моему слову! Хочешь ты, стало быть, послушаться *меня* въ этомъ дѣлѣ, а я, вѣдь, всякіе виды видалъ на своемъ вѣку и смыслю-таки кое-что въ этихъ вещахъ, такъ ты хорошенько подумай, прежде чѣмъ отказывать Иесперу, да еще Бога благодари. Такъ вотъ, видишь ли, какъ я смотрю на это.

Онъ высморкался, зажалъ головку трубки указательнымъ пальцемъ и высосалъ дымъ, энергично затянувшись два или три раза.

Марта по временамъ устремляла взоръ на его лицо и видѣла живое участіе, свѣтившееся въ каждой чертѣ его физиономіи. И она улыбалась ему грустною улыбкой. Да развѣ сама-то она не чувствовала утомленія? И развѣ онъ, въ сущности, не былъ правъ, бѣдный старикъ? Придется же ей когда-нибудь идти замужъ, такъ не все ли равно, собственно говоря, какъ будетъ называться ее женихъ? Гансъ-Петеръ, Іенсъ-Петеръ, Крестенъ, Иесперь... Какая въ этомъ разница, въ концѣ-концовъ? Да и вообще стѣитъ ли поднимать тревогу изъ-за того неизвѣстнаго, который могъ бы оказать ей по сердцу?

Однажды, при выходѣ изъ церкви, ей признался въ любви молодой работникъ мельника, и, можетъ быть, въ концѣ-концовъ, она и согласилась бы пойти за него. Но ее страшила мысль о шумѣ и раздорахъ, которые она вызвала бы этимъ рѣшеніемъ, о бѣшенствѣ Иеспера, объ огорченныхъ минахъ ея старыхъ друзей и ихъ разочарованіи. Притомъ же, она чувствовала ко всему этому такое равнодушіе и такъ ей опостылѣли всѣ эти разговоры, что подъ конецъ ей и думать объ этомъ стало противно.

Разъ вечеромъ, когда она случайно возвращалась изъ горъ да вмѣстѣ съ Иесперомъ, она дала ему слово.

Но съ этого дня надъ ея головой точно нависли темныя волны печали. Какое-то странное, мертвенно-холодное, точно каменное спокойствіе нашло на нее. Она словно разомъ сдѣлалась совсѣмъ

взрослой, рѣшительной и разсудительной, какъ человѣкъ, сознающій, что онъ оставилъ позади себя дѣтскія болѣзни, и видящій передъ собой отмѣренный ему длинный и непрерывный путь жизни... И когда она сидѣла, уединившись, у своего окна, то и взоромъ своимъ она повѣствовала о томъ, что она отъ всего отреклась, все забыла и тихо и безропотно покорилась своей судьбѣ.

Только матери она избѣгала. Онѣ едва обмѣнивались словомъ. Точно двѣ тѣни скользили онѣ одна мимо другой въ могильномъ сумракѣ большихъ комнатъ, лишь изрѣдка бросая холодный взоръ другъ на друга. Имъ не о чемъ было заботиться, не о чемъ хлопотать. Даже домашней птицы у нихъ не водилось.

Но, благодаря этому свойству печали поглощать собою всѣ мысли, Марта не замѣчала, какъ пролетаютъ часы надъ ея головой. Въ долгіе дни, когда дверь ихъ дома почти не отворялась, она неподвижно сидѣла на стулѣ съ своимъ шитьемъ и только вслушивалась въ вѣчный шумъ лѣса, никогда не покидавшій ея ушей.

По вечерамъ въ трактирѣ собирался клубъ. И для Марты было какъ бы меланхолическимъ утѣшеніемъ видѣть, какъ лица ея старыхъ, вѣрныхъ друзей снова свѣтятся удовольствіемъ и радостью. Она спокойно позволяла имъ цѣловать ее въ щеку и даже, по примѣру прежнихъ дней, усаживалась возлѣ нихъ, подавала имъ кружки и бутылки, какъ расторопная маленькая хозяйка.

Но иногда, позднимъ вечеромъ, когда всѣ они перепьются и перессорятся, она незамѣтно выскользала изъ комнаты, садилась на каменный порогъ за дверью и, спрятавъ лицо въ фартукъ, заливалась слезами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Иесперь, дѣйствительно, добился цѣли, которую преслѣдовалъ съ такимъ упорствомъ: онъ сдѣлался, наконецъ, женихомъ Марты. Но за то уже вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что, собственно говоря, онъ немного отъ этого выигралъ. Правда, ему разрѣшались теперь нѣкоторыя вольности, въ которыхъ невѣстѣ затруднительно отказывать жениху, но Марта продолжала къ нему относиться все съ тѣмъ же холоднымъ спокойствіемъ, съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ, какъ будто онъ былъ для нея постороннимъ человѣкомъ, до котораго ей, въ сущности, не было никакого дѣла. Если она сидѣла вмѣстѣ съ другими въ залѣ трактира, она смотрѣла

черезъ его голову, точно его тамъ вовсе и не было; приходилъ ли онъ, уходилъ ли, это, повидимому, не измѣняло ни одной мысли въ ея головѣ.

Много разъ онъ задавалъ себѣ вопросъ, ужь не кроется ли тутъ какая-нибудь штука? Ужь не забрелъ ли кто въ его огородъ? Онъ подозрительно выслѣживалъ малѣйшій шагъ Марты. Онъ подкарауливалъ ее во всякое время дня, сидѣлъ и пристально смотрѣлъ ей въ глаза, точно силою хотѣлъ вырвать изъ нихъ какую-нибудь тайну. Онъ чувствовалъ, что могъ бы совершенно хладнокровно размозжить голову тому, кто вздумалъ бы отбить у него его невѣсту. И когда онъ даже не находилъ въ ней ничего подозрительнаго, то уже при одномъ видѣ ея свѣтлаго, холоднаго облика имъ овладѣвала такая бѣшенная ревность, такая неистовая злоба, что не разъ эти чувства прорывались у него при томъ или другомъ случаѣ въ непозволительныхъ рѣчахъ и поступкахъ.

Въ деревнѣ рассказывали, что лѣсничій жаловался послѣднее время на неисправность и строптивость Іеспера, совершенно неожиданно принявшія такіе размѣры, что онъ уже подумывалъ расчитать его. Говорили, что иногда онъ по нѣскольку дней подрядъ слоняется пьяный съ мѣста на мѣсто, совсѣмъ не показываясь на работѣ; и дѣйствительно, теперь чаще, чѣмъ когда-либо, видали его въ кабакѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, уставившись на присутствующихъ съ злою, вызывающею усмѣшкой. Если же онъ не встрѣчалъ тамъ никого, съ кѣмъ могъ бы затѣять ссору, то начиналъ шататься по улицѣ, гдѣ ребятишки гонялись за нимъ со свистками и насмѣшками, и подъ конецъ неизмѣнно добирался до стараго трактира у перевоза.

Но всякій разъ, какъ онъ являлся въ такомъ видѣ, Марта исчезала и запиралась въ своей комнатѣ. Тогда онъ приходилъ въ настоящее изступленіе, становился у двери, стучался въ нее кулаками и осыпалъ дѣвушку самыми грубыми ругательствами и проклятіями, пока матери ея не удавалось осторожно выпроводить его изъ дому. Впослѣдствіи, вытрезвившись, онъ, правда, раскаивался въ своемъ буйствѣ. Но Марта встрѣчала его пристыженную и сконфуженную мину такимъ леденящимъ холодомъ и такимъ равнодушнымъ презрѣніемъ, что кровь снова бросалась ему въ лицо. Разъ онъ чуть было не поднялъ руку на свою невѣсту, такъ что потребовалось вмѣшательство Ларса Одноглазаго и другихъ ея друзей.

Такъ прошло еще лѣто и зима и Мартѣ минуло семнадцать лѣтъ. Тогда Іесперъ сообразилъ, что пора положить конецъ этой игрѣ.

Одно изъ двухъ: или Марта его невѣста, или ему надо искать себѣ другую. Онъ и самъ чувствовалъ, что если это будетъ такъ продолжаться, его просто со свѣту сживутъ насмѣшливыя улыбки и остроты на его счетъ, которыя ему чудились повсюду. Однажды одинъ изъ его товарищей-дровосѣковъ прямо-таки спросилъ его, съумѣлъ ли онъ хоть разъ поцѣловать свою невѣсту. Бѣднягѣ пришлось заплатить за эту шутку разбитымъ въ кровь лицомъ и сломаннымъ мизинцемъ, но при этомъ самомъ случаѣ Иесперъ надумался предпринять рѣшительный шагъ.

Онъ прослышалъ, что владѣлецъ «мельницы» не прочь ее продать, и такъ какъ ему какимъ-то способомъ, — онъ самъ не помнилъ, какимъ собственно, — довелось узнать, что Марта всегда питала особенную нѣжность къ этому домику, то онъ рѣшилъ вытребовать свою долю въ наслѣдствѣ матери и на эти деньги купить «мельницу». Потомъ онъ пошелъ бы къ лѣсническому и честь-честью выпросилъ бы у него двухнедѣльный отпускъ, чтобы поправить домъ и какъ слѣдуетъ убрать его, а когда все это было бы сдѣлано, онъ сказалъ бы Мартѣ: «Вотъ, ты видишь теперь, что я могу тебѣ предложить, такъ дай же мнѣ настоящій отвѣтъ...» «Только бы намъ повѣнчаться, — думалъ онъ про себя, — тогда она уже не будетъ такой недотрогой-царевной, и все тогда кончится какъ нельзя лучше, въ радости и счастья».

Свои планы онъ повѣрилъ только одному человѣческому существу — матери Марты, трактирщицѣ Эленѣ, какъ ее все еще называли. Но для нея, очевидно, былъ уже близокъ конецъ разрушенія.

Она сидѣла и слушала разсужденія Иеспера съ такимъ мутнымъ и беспокойнымъ взглядомъ, что онъ рѣшилъ въ умѣ, что она, должно быть, пьяна. Но онъ не могъ знать, что тотчасъ по его уходѣ она съ необычною живостью поднялась съ мѣста, стала глядѣть въ окно и боязливо озираться по сторонамъ.

Вотъ въ чемъ было дѣло. Однажды, стоя въ торфяномъ сараѣ, она вдругъ увидала, что Марта съ пылающими щеками торопливо идетъ изъ лѣсу и украдкой то и дѣло оглядывается назадъ, точно кто-нибудь могъ слѣдовать за нею. Это обстоятельство сразу возбудило подозрѣнiе въ Эленѣ. Въ слѣдующіе дни она внимательно наблюдала за дочерью и ей чудилась въ ней какая-то необыкновенная разсѣянность и тревога. Какъ только подъ окнами раздавались шаги, она уже приходила въ беспокойство и смущеніе. Но когда она задыхалась, на губахъ ея мелькала странная улыбка, на щекахъ ея являлся румянецъ, въ глазахъ ея блескъ, въ которыхъ Эл-

лень съ ужасомъ видѣла что-то знакомое. Въ то же время, дѣвушка съ поразительнымъ усердіемъ принялась таскать изъ лѣсу хворостъ и еловыя шишки, но не иначе, какъ въ чулгахъ и причесанная по-праздничному. Наконецъ, мать нашла разъ у нея въ комодѣ пестрый шелковый носовой платокъ, и когда она осторожно спросила дочь, откуда она его достала, та, въѣсто отвѣта, вышла, что-то напѣвая, изъ комнаты.

Тяжелая тоска напала на Элленъ. Забота объ участи этого ребенка, единственное человѣческое чувство, еще не умершее въ ней, пробудилось въ груди ея съ новою силой. Смутное воспоминаніе о несчастіи и ужасныхъ дняхъ ея собственной юности пронеслось, словно призракъ, въ ея полуугасшей душѣ, и она содрогнулась отъ страха... Что же случилось?—былъ вопросъ, который она десять разъ на дню задавала себѣ. Она старалась прочесть отвѣтъ во взорѣ Марты и въ выраженіи ея лица, она, насколько могла, слѣдила за каждымъ ея шагомъ, даже ночью не разъ поднималась съ постели и, подкравшись къ комнатѣ дочери, стояла у двери и прислушивалась.

Но тамъ было тихо. И если Элленъ осторожно отворяла дверь, то заставала дитя свое на кровати, въ спокойномъ, безмятежномъ снѣ. Кроткое сіяніе лѣтней ночи отражалось на свѣтломъ обликѣ дѣвушки, и на устахъ ея играла нѣжная улыбка, какъ будто ей снились счастливые сны.

II.

Черезъ нѣсколько дней послѣ упомянутаго разговора Іеспера съ Элленъ, Марта стояла передъ маленькимъ зеркальцемъ, висѣвшимъ въ простѣннѣ между оконъ въ залѣ трактира, и заплетала свои длинные волосы. Она была въ красной юбкѣ и рубашкѣ. Шея и руки ея были обнажены, и еслибъ покойный отецъ могъ видѣть ее въ это мгновеніе, онъ, навѣрное, порадовался бы, что его дочка такъ раздѣла, наперекоръ всему.

Была ясная погода, какая бываетъ около Иванова дня, и часъ уже не ранній. Солнечные лучи ложились на полъ широкою полосой, и всякій разъ, какъ Марта слышала шаги или стукъ колесъ на мосту, она отступала назадъ, чтобъ ея не было видно.

Но такимъ образомъ ей часто приходилось прерывать свое занятіе, потому что въ этотъ день въ одной изъ долинъ между холмами за большимъ лѣсомъ была крупная ярмарка, и мимо оконъ трактира катились телѣга за телѣгой съ разодѣтымъ по-празднич-

ному людомъ изъ всѣхъ деревень побережья. По временамъ вмѣстѣ съ легкими порывами вѣтра доносились изъ долины звуки музыки.

Въ смежной комнатѣ, дверь въ которую была пріотворена, вошла мать Марты. Но съ ней, очевидно, происходило нѣчто необычайное. Безпрестанно проникалъ оттуда въ залу какой-то неясный шумъ и грохотъ. То она роняла ножницы на полъ, то цѣлый ящикъ, говорила при этомъ сама съ собой и, ежеминутно прерывая свой монологъ, тяжело пыхтѣла и отдувалась, точно ей грозила опасность задохнуться въ собственномъ жиру.

Дѣло въ томъ, что послѣ долгихъ и кропотливыхъ расчетовъ члены клуба рѣшили попробовать, не удастся ли имъ на старости лѣтъ извлечь изъ ярмарки небольшой капитадецъ. Собственно говоря, никто иной, какъ старый скрипачъ Францъ, соблазнивъ ихъ перспективой блестящаго заработка, на основаніи своего долговѣтнаго опыта въ этой области. Цѣлый мѣсяць старики подробно и внимательно обсуждали со всѣхъ сторонъ этотъ вопросъ и, рѣшивъ, наконецъ, еще разъ въ жизни попытать счастья, раздѣлили между собою роли. Роль скрипача опредѣлялась уже его профессіей. Марсъ Одноглазый и Андерсъ Когманъ должны были взять на себя дамскія качели, Захарій-ткачъ и Мортенъ Скютте—маленькую палатку съ пивомъ, а меланхолическій Сѣренъ-каменотесъ, на умственные способности котораго нельзя было настолько положиться, чтобы довѣрить ему такія отвѣтственныя задачи, получилъ въ свое завѣдываніе ящикъ сигаръ. Трактирщицу Эленъ, въ концѣ-концовъ, уговорили заняться продажей пряниковъ и бѣлыхъ булокъ, и вотъ теперь она уже третій часъ копалась въ своей комнатѣ, довершая свои приготовления.

Наконецъ, она показалась въ дверяхъ.

Она была въ полномъ парадѣ. Старая, ставшая теперь чересчуръ маленькой для нея шляпка, съ пунцовыми шерстяными цвѣтами и сизо-голубыми лентами, сидѣла криво на ея черныхъ съ просѣдью волосахъ; на плечахъ была тоненькая шаль съ разводами, которую она нарочно вывернула на-изнанку, большая стальная брошка подпирала подбородокъ, а безобразныя ноги были зашнурованы въ свѣтло-сѣрыя матерчатые ботинки.

Г. порогъ она остановилась и съ минуту озиралась вокругъ себя желаннымъ, блуждающимъ взглядомъ. Но, замѣтивъ Марту, она агнула въ комнату и, взявшись рукой за косякъ двери, стала тѣлоно всматриваться въ дочь. Точно какая-то мысль медленнѣе тыработывалась въ ея больномъ мозгу при видѣ дѣвушки, она взвѣсивъ свои косы съ такою тревожною поспѣшностью, съ ли-

хорадоочно-горѣвшими щеками. И пока она, не отрывая взора, пристально глядѣла на Марту, ея лицо приняло мало-по-малу определенное выраженіе—выраженіе страха, и слабый проблескъ жизни появился въ ея глазахъ.

— А ты развѣ не пойдешь на ярмарку?—спросила она, наконецъ.

При звукѣ ея голоса Марта повернула голову и поглядѣла на мать полуизумленнымъ, полуравнодушнымъ взоромъ.

— Нѣтъ,—коротко отвѣтила она и опять обернулась къ зеркалу.

Нѣкоторое время царило молчаніе. Потомъ Эллень сдѣлала еще шагъ впередъ и ухватилась рукою за спинку стула, но взглядъ ея оставался прикованнымъ къ дочери.

— Можетъ быть, Иесперь зайдетъ за тобой?—спросила она немного погодя, и въ голосѣ ея послышался легкій трепеть.

— Ха, ха, ха! Иесперь... Такъ бы и было! Нѣтъ, онъ, навѣрное, и беспокоиться не станетъ. Впрочемъ, онъ къ намъ не заглядывалъ больше недѣли, такъ что, должно быть, опять загулялъ. Ему, бѣднягѣ, въ пору только о себѣ думать, какъ бы ему на ногахъ устоять. Вѣдь, это Сѣрень, кажется, рассказывалъ, что видѣлъ его на-дняхъ въ канавѣ. Можетъ статься, онъ и теперь еще тамъ валяется.

Эллень грузно опустилась на стулъ.

— Это... это неправда!—съ жаромъ пробормотала она.—Сѣрень пустой болтунъ и самъ не знаетъ, что видитъ. Не годится тебѣ, Марта, говорить такія вещи о Иесперѣ. Вѣдь, онъ, все-таки, твой женихъ. Онъ, можетъ быть, любить тебя больше, чѣмъ ты думаешь. А если онъ не заходилъ къ намъ послѣднее время, такъ, можетъ быть, совсѣмъ по другимъ причинамъ, чѣмъ ты воображаешь... Я одно только скажу тебѣ: ты, навѣрное, заговоришь другое, когда увидишь, что онъ лучше, чѣмъ ты думаешь. А потому, ты должна бы, Марта...

Марта круто повернулась и смотрѣла на нее съ возрастающимъ изумленіемъ. Много лѣтъ уже не слыхивала она изъ устъ матери такой длинной рѣчи.

— Вотъ ты какъ!—сказала она.—Тебѣ нынче почему-то вздувалось ему похвалы расточать! Развѣ же ты не видала своими собственными глазами, какъ на-дняхъ онъ грозился мнѣ своимъ страшнымъ кулакомъ... или какъ онъ выбилъ стекло въ моемъ окнѣ? Если *это* называется у него любовью, то покорно благодарю, лучше ужъ я совсѣмъ обойдусь безъ нея.

— Вѣдь, ты отлично знаешь, Марта, что сама его сердишь. Еслибъ ты только...

— Вздоръ! Еслибъ онъ только оставилъ меня въ покоѣ, я ужь, конечно, ничего худого ему бы не сдѣлала. Я, вѣдь, не упрашивала его свататься ко мнѣ, а если я ему надоѣла, въ его волѣ вернуть мнѣ слово.

Она порывисто перебросила черезъ плечо заплетенную косу, какъ бы показывая этимъ, что хочетъ положить конецъ разговору.

Но мать медленно и съ необычною увѣренностью поднялась со стула и подошла близко къ ней. Твердымъ движеніемъ она схватила ее за руку, такъ что та задрожала, и пристально взглянула дочери въ глаза.

— Кого это ты намеренн встрѣтила въ лѣсу?

Марта поблѣднѣла и попыталась вырвать руку.

— Никому нѣтъ дѣла до этого! Пусти меня!

Но мать ее не выпускала.

— Берегись, Марта! Берегись, говорю тебѣ!... Ужь не нашла ли ты себѣ бѣды? Скажи мнѣ, что ты такое затѣяла?

— Пусти мою руку! — вскричала дочь. — Пусти мою руку, или, какъ Богъ святъ, я ударю тебя прямо въ лицо!

Эленъ испуганно отшатнулась, увидѣвъ, какъ взоръ дочери внезапно загорѣлся безумнымъ гнѣвомъ. Какъ бы въ послѣдней, отчаянной мольбѣ, она, обороняясь, протянула руку впередъ. Но когда Марта выбѣжала изъ комнаты, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь, она бессильно опустилась на стулъ и застонала.

Она все еще сидѣла неподвижно, когда за нею явились Захарій-твачъ и Францъ Миккельсенъ, оба въ праздничныхъ костюмахъ и въ великолѣпнѣйшемъ расположеніи духа. Сначала она на-отрѣзъ отказалась идти на ярмарку, не хотѣла даже подняться со стула, несмотря на то, что оба они подхватили ее подъ руки, и вообще говорила такъ странно и такъ безтолково, что одну минуту они въ испугѣ готовы были подумать, что она совсѣмъ помѣшалась.

Но когда она, наконецъ, поплелась съ ними по дорогѣ, тяжело опираясь на дождевой зонть и судорожно прижимая къ вздутому шивту чистый, аккуратно сложенный носовой платокъ, оба приятеля стали переглядываться за ее спиной съ неодобрительною мимикой, говорившею достаточно ясно, что, по правдѣ сказать, раненько-раненько хозяйка сегодня *того*... и они подмигивали другъ другу.

рта осторожно заглянула въ залу. Убѣдившись, что она оста съ одна въ домѣ, она обошла всѣ комнаты, притворила плот-

нѣе заднюю дверь въ кухнѣ и окно въ спальнѣ матери и затѣмъ поспѣшно принялась одѣваться.

Она вынула изъ коммода свѣтлое, только что выглаженное лѣтнее платье, чистое бѣлье, чулки, бархатную ленточку съ янтарнымъ сердечкомъ, еще кое-какія бездѣлушки, и все это положила на стулъ возлѣ зеркала. Ея лицо было еще сумрачно, но вскорѣ она такъ увлеклась своимъ туалетомъ, что забыла и о матери, и о собственной вспышкѣ. Въ ея глазахъ снова заигралъ тотъ странный, какъ бы мечтательный блескъ. И, сама не отдавая себѣ въ томъ отчета, она напѣвала по временамъ отрывочные куплеты изъ какой-то пѣсни, пока закладывала косу и зашнуровывала ботинки.

Съ особенною любовью занялась она густыми, пушистыми завитками на лбу, долго ихъ разчесывала, стараясь спустить ихъ на виски и за уши. Она попробовала даже вколоть въ волосы розовый бутонъ, но потомъ передумала и вынула его.

«Статный молодецъ шель по дорогѣ лѣсной,
Шаловливо сверкалъ его взглядъ огневой».

Вдругъ она вспомнила, что въ ящикѣ съ бѣльемъ лежатъ серьги матери, два маленькихъ серебряныхъ шарика. Она поспѣшно достала ихъ, примѣрила, отойдя на одинъ шагъ отъ зеркала, и потомъ кивнула сама себѣ, вполне довольная эффектомъ.

«Встрѣчной тропкой красавица-дѣвушка шла,
Отъ земли робкихъ взоровъ отнять не могла».

Она внезапно покраснѣла. Ей вспомнилось, что она поетъ одну изъ пѣсенъ своего отца, одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя онъ пѣвалъ когда-то въ этой самой комнатѣ, быть можетъ, пока мать... Она сама не могла объяснить себѣ, почему она слегка вздрогнула при мысли, что эта пѣсня именно теперь подвернулась ей на языкъ...

Но немного погодя, надѣвъ уже платье, она снова запѣла со всѣмъ тихимъ голосомъ, повертываясь передъ зеркаломъ и оглядывая свою спину:

«И на берегъ, гдѣ темный раскинулся лѣсъ,
Набѣжала неслышно волна,
Заглянула за кустъ и со смѣхомъ назадъ
Покатилась, веселья полна».

Наконецъ, она была готова. Она вынесла рукомыльникъ и гребень, прибрала въ комнатѣ и затѣмъ остановилась посрединѣ, прижавъ руки къ лицу, какъ бы для того, чтобы сосредоточиться.

Да, но что же собственно случилось?

Только и всего, что разъ, бродя по большому лѣсу, она вдругъ услышала по близости чей-то голосъ, громко распѣвавшій. Она быстро спряталась за кустъ, но немного погодя чья-то рука отогнула вѣтку, и передъ Мартой очутился бѣлокурый юноша съ кокардой на шелковой фуражкѣ. Она вскочила и хотѣла бѣжать, но онъ казался такимъ добрымъ и такимъ честнымъ и такъ убѣдительно просилъ ее не пугаться его, что она осталась. Они пошли вмѣстѣ до загородки, и тамъ онъ привѣтливо подаль дѣвушка руку на прощанье и даже приподнял фуражку, такъ что Марта совсѣмъ застыдилась и уронила цвѣтокъ, который держала зубами за стебель. Потомъ, черезъ какихъ-нибудь два дня, она шла безъ всякой задней мысли по лугу, какъ вдругъ онъ точно изъ земли выросъ передъ нею. Она чуть не вскрикнула отъ испуга, но, какъ бы то ни было, дѣло кончилось тѣмъ, что они стали вмѣстѣ рвать по берегу рѣки кувшинки, и такъ какъ Марта, какъ нарочно, была безъ фартука и ей не въ чемъ было отнести ихъ домой, то онъ далъ ей свой шелковый носовой платокъ и просилъ ее оставить его у себя на память. Но уже на слѣдующій день она увидала молодого человѣка гуляющимъ по дорогѣ, подъ ихъ окнами. И всякій разъ, какъ она потомъ приходила въ лѣсъ, всегда, по какому-то удивительному совпадению, они наталкивались другъ на друга. Тогда они всякій разъ прохаживались вмѣстѣ, сидѣли иногда на травѣ или собирали землянику, а у загородки онъ неизмѣнно протягивалъ ей руку и учтиво приподнималъ фуражку... Да, вотъ и все, что между ними было. А сегодня онъ обѣщалъ зайти къ ней... быть можетъ, для того, чтобы проститься. И уѣдетъ онъ, и наступитъ конецъ этому маленькому приключенію, и снова дни ея потекутъ своею обычною, унылою, однообразною чередой.

Она бессильно опустилась на скамью и взяла свою работу, но тотчасъ же отбросила ее въ сторону и склонила голову на руки. И долго сидѣла она такъ, не шевелясь. Все стихло вокругъ нея. Одна только прилежная синичка, пріютившаяся гдѣ-то по близости, пиликала свою пѣсенку. Потомъ и она замолкла.

Марта вдругъ поднялась и въ сильномъ волненіи стала ходить взагъ и впередъ по комнатѣ. Чтò, если онъ не придетъ? Быть можетъ, онъ уже уѣхалъ?...

Но когда она услышала, наконецъ, его шаги въ сѣняхъ, она внезапно остановилась и въ легкомъ головокруженіи закрыла руками глаза.

В. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Х Л Ъ Б Ъ.

(Романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— А ты отсюда взялся-то, дѣдко?

— А Божій я...

— Божій, обшить кожей?... Знаемъ мы вашего брата, такихъ-то Божьихъ... Говори ужь применъко: бродяга?

— Случалось... Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, миленькій. Изъ-подъ Нерчинска убѣгъ, съ рудниковъ.

— Такъ-то вотъ ладнѣе будетъ... Каторжный, значить?

— Какъ есть каторжный: ни днемъ, ни ночью покоя не знаю.

— Ну, мы тебя упокоимъ... Бъ начальству предоставимъ, а тамъ на высижку опредѣлять, пока што.

Толпа мужиковъ обступила старика и съ удивленіемъ его разсматривала. Да и было чему подивиться. Сгорбленный, худенькій, онъ постоянно улыбался, моргалъ глазами и отвѣчалъ заразъ на всѣ вопросы. И одѣтъ былъ тоже какъ-то несообразно: длинная изъ синей пестрядины рубаха снускалась ниже колѣнъ, а подъ ней какъ есть ничего. На ногахъ были надѣты шерстяные бабы чулки и сибирскіе коты. Поверхъ рубахи понитокъ, а на головѣ валеная крестьянская бѣлая шляпа. За плечами у старика болталась небольшая котомка. Въ одной рукѣ онъ держалъ берестяной бурачокъ, а въ другой длинную черемуховую палку. Однимъ словомъ, необычный человекъ.

— Бурачокъ-то у тебя зачѣмъ, дѣдко?

— Бурачокъ?... А это хитрая штука. Секретъ... Онъ, бурачокъ-то, меня изъ неволи выкупилъ.

— Онъ и то съ бурачкомъ-то ворожилъ въ курьѣ, — вступилъ

молодой парень съ рябымъ лицомъ. — Мы, значить, косили, а съ угору и видно, какъ по осокамъ онъ ходить... Этакъ изъ-подъ руки приглядить на рѣку, а потомъ присядеть и въ бурачокъ себѣ опять глядять. Ну, мы его и взяли, потому... не простъ человекъ. А въ бурачкѣ у него вода...

— Ты чего, дѣдко, на нашу-то рѣку обзарился?

— А больно хороша рѣка, вотъ и глядѣлъ... ахъ, хороша!...

Другой такой, пожалуй, и не найти... Сердце радуется.

Старикъ оглянуль мужиковъ своими моргавшими глазками, улыбнулся и прибавилъ:

— Я старичокъ, у меня бурачокъ, а кто меня слушаетъ—дурачокъ... Хи, хи!... Ну-ка, отгадайте загадку: самъ голъ, а рубашка за пазухой. Всею деревней не угадать... Ахъ, дурачки, дурачки!... Поймали птицу, а какъ зовутъ—и не знаете. Оно и выходить, что птица не въ рукахъ...

— Да што съ нимъ разговоры-то разговаривать! — загадѣло нѣсколько голосовъ разомъ. — Сяди его въ темную, а тамъ Флегонтъ Василичъ придетъ, такъ все разбереть... Не совсѣмъ умомъ-то старичонко...

— Больно занятный! — вѣшались другіе голоса. — На словахъ-то, какъ гусь на водѣ... А блаженненькимъ онъ прикидывается, старый хрѣнь!

Описываемая сцена происходила на улицѣ, у крыльца суслонскаго волостного правленія. Лѣтній вечеръ былъ на исходѣ, и возвращавшійся съ покосовъ народъ не останавливался около волости: наработавшіеся за день рады были мѣсту. Старика окружили только тѣ мужики, которые привели его съ покоса, да нѣсколько другихъ, страдавшихъ неизлечимымъ любопытствомъ. Село было громадное, дворовъ въ пятьсотъ, какъ всѣ сибирскія села, но въ страду оно безлюдѣло.

— Отпустить его, чего взять со старика? — замѣтилъ кто-то въ толпѣ. — Много ли онъ и наживеть? Еле душа держится...

— Не пущайте, дурачки! — засмѣялся старикъ. — Обѣими руками держитесь за меня... А отпустите—больше и не увидите.

— Нѣтъ, надо Флегонта Василича обождать, робя!... Ужь вы онъ вырѣшитъ это самое дѣло, а пока мы его Вахрушкѣ сидѣть.

Золостной сторожъ Вахрушка сидѣлъ все время на крылечкѣ, съ лалъ галдѣнье мужиковъ и равнодушно посасывалъ коротенькую солдатскую трубочку-носогрѣйку. Когда состоялось рѣшеніе посадить неизвѣстнаго человека въ темную, онъ молча поднялся,

молча взялъ старика за воротъ и молча повелъ его на крыльцо. Это былъ, вообще, мрачный человѣкъ, дѣлавшій дѣло съ обиженнымъ видомъ. Въ моментъ, когда расщелявшаяся дверь волостного правленія готова была проглотить свою жертву, послышался грохотъ колесъ, и къ волости подкатили длинныя дроги. Мужики сняли свои шапки. На дрогахъ, на подстилкѣ изъ свѣжаго сѣна, сидѣли все важныя лица: впереди всѣхъ самъ волостной писарь Флегонтъ Васильевичъ Замараевъ, плечистый и рябой мужчина въ плисовыхъ шароварахъ, шелковой банаусовой рубахѣ и мягкой сѣрой поярковой шляпѣ; рядомъ съ нимъ, какъ сморчокъ, прижался суслонскій пошпъ Макарь, худенькій, загорѣлый и длинноносый, а позади всѣхъ мельникъ Ермилычъ, рослый и пухлый мужикъ съ бѣлобрысымъ лѣнивымъ лицомъ. Писарь только взглянулъ на стоявшаго на крыльцѣ старика съ котомкой и сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Бродягу поймали?—коротко спросилъ онъ.

— Былъ такой грѣхъ, Флегонтъ Васильичъ... Въ томъ родѣ, какъ утенокъ попался: робята съ покоса привели. Главная причина—не простъ человѣкъ. Мало ли бродяжекъ въ лѣто-то пройдетъ по Блючевой; всѣ они на одинъ покрой, а этотъ какой-то мудреный и насъ всѣхъ дурачками зоветъ...

— Ну-ка, ты, умникъ, подойди сюда!—приказалъ писарь.

Старикъ подошелъ къ дрогамъ и пристально посмотрѣлъ на сидѣвшую знать своими моргавшими глазами.

— Умникъ, а порядка не знаешь!—крикнулъ писарь, сшибая кнутовищемъ съ головы старика шляпу.— Съ кѣмъ ты разговариваешь-то, варнакъ?

— Пока ни съ кѣмъ...—дерзко отвѣтилъ старикъ.— Да моей пестряди нѣ съ твоимъ плисомъ и разговаривать-то не рука.

— Што за человѣкъ? Какъ звать?—грянулъ писарь.

— Прежде Михѣемъ звали...

— А фамилія какъ?

— Человѣкъ Божій...

— Непомнящій родства?

— Гдѣ же упомянуть, миленькій? Давненько, вѣдь, я родился...

— Да што съ нимъ разговаривать-то!—лѣниво замѣтилъ мельникъ Ермилычъ, позѣывая.— Вели его въ темную, Флегонтъ Васильичъ, а завтра разберешь... Вотъ мы съ отцомъ Макаромъ о чаѣ соскучились. Мало ли бродяжекъ шляющихся по нашимъ гвстамъ...

— А какой ты вѣры будешь, старичокъ?—спросилъ о. Макаръ.

— Вѣры я христіанской, батюшка.

— Православной?

— Около того.

— И видно, што православный. Не то тавро...

— Ужь какое есть.

— Изъ вашихъ, — смиренно замѣтилъ о. Макарь, обращаясь къ мельнику Ермилычу. — Имѣеть большую дерзость въ отвѣтахъ, а, между прочимъ, человекъ неизвѣстный.

— Да ну его къ ляду! — лѣниво протянулъ мельникъ. — Охота вамъ съ нимъ разговаривать... Чаю до смерти охота...

Писарь сдѣлалъ Вахрушкѣ выразительный знакъ, и неизвѣстный человекъ исчезъ въ дверяхъ волости. Мужики все время стояли безъ шапокъ, даже когда дроги исчезли, поднявъ облако пыли. Они постояли еще нѣсколько времени, погадѣли и разбрелись по домамъ, благо ужъ солнце закатилось и съ рѣки потянуло сыростью. Кое-гдѣ въ избахъ мелькали огоньки. Съ ревомъ и бляньеньемъ прошло стадо, возвращавшееся съ поля. Трудовой крестьянскій день кончался.

Темная находилась рядомъ со сторожкой, въ которой жилъ Вахрушка. Это была низкая и душная каморка съ соломою на полу. Когда Вахрушка толкнулъ въ нее неизвѣстнаго бродягу, тотъ долго не могъ оглядѣться. Крошечное оконце, обрѣшенное желѣзомъ, почти не давало свѣта. Старикъ сгрудилъ солому въ уголокъ, снялъ свою котомку и расположился, какъ у себя дома.

— Вотъ Богъ и квартиру послалъ... — бормоталъ онъ, погрхатывая. — Что же, квартира отиѣнная.

Вахрушка въ это время заперъ входную дверь, закурилъ свою трубочку и улегся съ ней на лавкѣ у печки. Онъ рассчитывалъ, по обыкновенію, сейчасъ же заснуть.

— Эй, служба, спишь? — слышался голосъ изъ темной.

— Сплю, а тебѣ какая печаль?

— Ты въ солдатахъ служилъ?

— Случалось... А ты у меня поговори!...

Молчаніе. Вахрушка вздыхаетъ. И куда эти бродяги только идутъ? Въ годъ-то ихъ близко сотни въ темной пересидить. Только настоящіе бродяги приходятъ объявляться позднею осенью, когда ударятъ заморозки, а этотъ какой-то оглашенный. Лежитъ Вахрушка и думаетъ, а старикъ въ темной затянулъ:

Се женихъ грядетъ во полунощи и блаженъ рабъ, его же обрядетъ бдяща...

Эй, будетъ тебѣ, выворотень! — крикнулъ Вахрушка. — На-медь: время горло драть...

— Да я духовное, служба... А ты послушай: «И блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща», а ты дрыхнешь. Это тебѣ разъ... А второе: «Недостойнъ, его же обрящетъ унывающа»... Понимаешь?

— Вотъ навязался-то!—ворчалъ Вахрушка.

Опять молчаніе. Слышно, какъ по улицѣ грузно прокатилась телѣга. Гдѣ-то далеко, точно подъ землей, лаютъ неугомонныя деревенскія собаки.

— Ты не здѣшній? — спрашиваетъ старикъ, углаживаясь на соломѣ.

— А ты какъ знаешь?

— Да видно по обличью-то... Здѣсь все пшеничники живутъ, богатѣи, а у тебя скула не по-богачу: можетъ, и хлѣбъ съ хростомъ ѣлъ, да съ мякиной.

— Я чердынскій... Это вѣрно. Убогія у насъ мѣста, земля холодная, неродимая. И дошлый же ты, старичонко, какъ я погляжу на тебя!

— Дошлый, да про себя... А попь у васъ богатый?

— Богатимый попь... Коней однихъ у него съ тридцать будетъ, больше сотни десятинъ запахиваетъ. Опять хлѣба у попа не въ проворотъ: по три года хлѣбъ въ владяхъ лежитъ.

— А писарь?

— И писарь богатимый... Не разберешь, кто кого богаче. Не житье имъ здѣсь, а масляница... Мужики богатые, а земля—шуба шубой. Этого и званья нѣтъ, чтобы навозъ вывозить на пашню: земля матушка сама родить. Вотъ какія мѣста здѣсь... Крестьяны государственные, надѣлы у нихъ большіе,—однимъ словомъ, пшеничники. Рожь сѣютъ только на продажу... Да тебѣ-то какая печаль? Вотъ привязался человекъ!

— А мельникъ у васъ плутъ: на руку нечистъ.

— Да ты почему знаешь, што онъ мельникъ?

— А по сапогамъ вижу: бусь *) на сапогахъ, значитъ, мельникъ.

Вахрушка даже сѣлъ на своемъ коникѣ, пораженный наблюдательностью неизвѣстнаго бродяги. Вотъ такъ старичонко задался: на два аршина подъ землей все видитъ. Вахрушка, въ концѣ-концовъ, разсердился.

— Да ты што допытываешь - то меня, окаянная твоя душа! Вотъ завтра тебѣ Флегонтъ Василичъ покажетъ... Онъ тебя произведетъ. Вишь, какой дошлый выискался!

*) Бусь—хлѣбная пыль, которая летитъ при размолкѣ зерна.

— Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ, служба. Я тебѣ загадку загадаю: сидитъ баба на грядкѣ, вся въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ. Ну-ка, угадай?

— Бануста.

— Ахъ, дурачокъ, дурачокъ, и этого не знаешь! Лукъ, дурашка... Ну, а теперь спи: утро вечера мудренѣе.

— Да ты што ругаешься-то и въ самомъ дѣлѣ? — зарычалъ Вахрушка, вскакивая.

— Полюбилъ я тебя, какъ середа пятницу... Какъ увидалъ, такъ и полюбилъ. Сроду не видались, а увидѣлись, и сказать нечего. Понялъ?... Хи, хи!... А картошку любишь? Опять не понялъ, служба.... Хи, хи!... Спи, дурачокъ.

II.

Утромъ писарь Замараевъ еще спалъ, когда пришелъ къ нему волостной сторожъ Вахрушка.

— Гости у насъ вѣчоръ засидѣлись, — объясняла ему стряпна. — Ну, выпили малость съ о. Макаромъ да съ мельникомъ. У нихъ, вѣдь, компанія до блага свѣту. Люты пить... Пельмени заказали рыбныя, — ну, и компаннлись. Мельникъ Ермилычъ съ радостей и ночевать у насъ остался.

Вахрушка былъ настроенъ необыкновенно мрачно. Онъ при- сѣлъ на порогъ и молча наблюдалъ, какъ стряпка возилась у топившейся печи. Время отъ времени онъ тяжело вздыхалъ, какъ затнанный коренникъ.

— Сказываютъ, вѣчоръ наши суслонскіе ребята бродяжку въ курь поймали? — тараторила стряпуха, громыхая ухватями.

— А тебѣ какая забота? — озлился Вахрушка.

Молва говорила, что у Вахрушки съ писарскою стряпкою Матреной дѣло не чисто. Главнымъ доказательствомъ служили тѣ пироги, которые изъ писарской кухни попадали невѣдомыми никому путями въ волостную сторожку. Впрочемъ, Матрена была вдова, хотя и въ годахъ, а про вдову только лѣнивый не налететь всякой всячины. Писарской пятистѣнный домъ, окруженный крѣпкими хозяйственными постройками, былъ тѣмъ, что называется полною ча ей. Не даромъ Флегонтъ Васильевичъ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ въ лужилъ писаремъ въ Суслонѣ. На всю округу славился суслонскій писарь и вторую жену себѣ взялъ городскую, изъ Заполя, а за суслонскія невѣсты по всему Уралу славятся — богачки и модницы. Благодаря своему богатству Замараевъ прибавилъ еще женино приданое и теперь въ Суслонѣ князь-княземъ.

— Ахъ, песь! — обругался неожиданно Вахрушка, вслакивая съ порога. — Вотъ онъ къ чему про картошку-то меня спрашивалъ, старый чортъ... Ну, и задался человѣчекъ, нечего сказать!

Когда писарь, наконецъ, проснулся, Вахрушка вошелъ въ горницу и, остановившись на порогѣ, заявилъ:

— Какъ хошь, Флегонтъ Василичъ, а я боюсь.

— Бого испугался-то? — удивился не прочухавшійся хорошенько послѣ вчерашнихъ пельменей писарь.

— А этого самаго бродяги. Въ тоску меня вогналъ своими словами. Я всю ночь, почитай, не спалъ. И все загадки загадываетъ. «А картошку, грить, любишь?» Ужь я думалъ, думалъ, къ чему это онъ молвилъ, едва догадался. Онъ это про бунтъ словечко закинулъ.

— Про картофельный бунтъ? — вскипѣлъ вдругъ писарь. — Ахъ, мошенникъ! Да я его въ три дуги согну!... Я...

— Болдунъ какой-то, я такъ полагаю.

— Ну, это пустяки! Я ему покажу... Ступай теперь въ волость, а я приду, только вотъ чаю напьюсь.

— А ежели онъ што надо мной сдѣлаеть, Флегонтъ Василичъ? Боюсь я его.

— Ступай, дуракъ!

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ и почтительно выпятился въ двери. Черезъ минуту мимо оконъ мелькнула его вытянутая солдатская фигура.

Село Суслонь, одно изъ богатѣйшихъ зауральскихъ селъ, красиво разлеглось на высокомъ правомъ берегу рѣки Ключевой. Ряды избъ, по сибирскому обычаю, выходили къ рѣкѣ не лицомъ, а огородами, что имѣло хозяйственное значеніе: скотину поить ближе, а бабамъ за водой ходить. На самомъ берегу красовалась одна бѣлая каменная церковь, лучшая во всей округѣ. Отъ церкви открывался видъ и на все село, и на красавицу рѣку, и на неоглядныя поля, занявшія весь горизонтъ, и на сосѣднія деревни, лѣжившіяся по обоимъ берегамъ Ключевой почти сплошь: Роньжа, Заево, Бакланиха. Вдали, внизъ по теченію Ключевой, грязнымъ пятномъ засѣла на Жулановскомъ плесѣ мельница - раструска Ермилыча, а за ней свѣчой бѣлѣла колокольня села Чуракова. Вверхъ по теченію Ключевой владѣнія суслонскихъ мужиковъ отъ смежныхъ деревень отдѣляла Шейнская курья, въ которой поймали вчера мудреного бродягу. Повыше этой курьи рѣка была точно сжата круть и берегами, — это былъ Прорывъ. Лѣтомъ можно было залюбоваться окрестностями Суслона.

Въ сороковыхъ годахъ Суслонъ сдѣлался центромъ страннаго «картофельнаго бунта». Дѣло вышло изъ - за министерскаго указа объ обязательномъ посѣвѣ картофеля. Запольскій уѣздъ населенъ исключительно государственными крестьянами, объяснившими обязательный посѣвъ картофеля, какъ мѣру обращенія въ крѣпостную зависимость. Темная крестьянская масса всколыхнулась почти на разстояніи всего уѣзда, и волненіе особенно сильно отразилось въ Суслонѣ, гдѣ толпа мужиковъ поймала молодого еще тогда писаря Макараева и на веревкѣ повела топить къ Ключевой, какъ главнаго виновника всей бѣды, потому что писаря и попы скрыли настоящій царскій указъ. Въ этотъ критическій моментъ, когда смерть была на носу, писарь пустился на отчаянную штуку.

— Ведите меня въ волость, я все покажу! — смѣло заявилъ онъ.

Когда тысячная толпа привела писаря въ волость, онъ юркнулъ за свой столъ, обложился книгами и еще смѣлѣе заявилъ:

— Ну-ка, возьмите меня теперь *черезъ законъ*. Вотъ онъ, законъ-то, весь тутъ.

Мужики совершенно растерялись, что имъ дѣлать съ увертливымъ писаремъ. Погадѣли, поругались и начали осаживать къ шери.

— Робята, пойдемъ домой! — послышался первый голосъ, и вся толпа отхлынула отъ волости, какъ морская волна.

Находчивость неизвѣстнаго писарька составила ему карьеру и своего рода имя. Такъ онъ и остался въ Суслонѣ. Вотъ именно этотъ неприятный эпизодъ и напомнилъ ему Вахрушка свою карьеру.

Напившись на скорую руку чаю и опохмѣлившись съ гостемъ сильной настойки на березовой почкѣ, онъ отправился въ волость. Ерилычъ пошелъ за нимъ.

— Надо его проучить, — совѣтовалъ мельникъ, когда они подошли къ волости.

У волости уже ждали писаря нѣсколько мужиковъ и стояла напряженная крестьянская телѣга. Волостныхъ дѣлъ въ Суслонѣ было по горло. Писарь принималъ всегда важный видъ, когда подходилъ къ волости, точно полководецъ на полѣ сраженія. Мужиковъ онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и даже Ерилычъ прошепталъ къ нему невольнымъ страхомъ, когда заворачивалъ въ волость по какому-нибудь дѣлу. Когда писарь входилъ въ волость, въ волости донеслось старческое пѣніе:

Тяжело душенькѣ съ тѣломъ разставатися,

Тяжело душенькѣ во грѣхахъ оставатися.

— Вонъ онъ, идолъ, какую обѣдню развелъ, — жаловался Вахрушка.

Писарь Замараевъ занялъ съ приличною важною свое мѣсто за волостнымъ столомъ, а мельникъ Ермилычъ помѣстился въ качествѣ публики на обсиженной скамеечкѣ у печки. Ермилычъ, какъ бывший крестьянинъ, сохранялъ ко всякой власти подобострастное уваженіе и участенно вздыхалъ, любуясь властными приемами друга-писаря.

— Ну-ка, приведи сюда эту ворону! — лѣниво сказалъ Замараевъ, для пущей важности перелистывая книгу входящихъ бумагъ.

Вахрушка молодцовато подтянулся и сдѣлалъ налѣво кругомъ. Таинственный бродяга появился во всемъ своемъ великолѣпнн, въ длинной рубахѣ, съ котомочкой за плечами, съ бурачкомъ въ одной рукѣ и палкой въ другой. Писарь сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его, продолжая перелистывать журналъ, а потомъ быстро поднялъ глаза и довольно сурово спросилъ:

— Бродяга? Непомнящій родства? Такъ... А прозвище?

— Колобокъ, — смѣло отвѣтилъ старикъ, съ улыбочкой поглядывая на мельника. — Божій человекъ, значить.

— Слыхали, — протянулъ писарь. — Много васъ, такихъ-то Божьихъ людей, каждое лѣто по Блючевой идетъ. Достаточно извѣстны. Ну, а дальше што можешь объяснить? Паспортъ есть?

— По сусѣкамъ метѣнь, по закромамъ скребѣнь, — вотъ тебѣ и весь паспортъ.

Писарь ударилъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— Ты петли - то не вымѣтывай, ворона желторотая! Говори толкомъ, когда спрашиваютъ!

— Не кричи ты на меня, пужливъ я... Охъ, напужалъ!

Бродяга скорчилъ такую рожу, что Ермилычъ невольно фыркнулъ и сейчасъ же испугался, закрывъ пасть ладонью. Писарь сурово скосилъ на него глаза и какъ-то вдругъ зарычалъ, такъ что от дѣльныхъ словъ нельзя было разобрать. Это былъ настоящій потокъ привычной стереотипной ругани.

— Да я тебя заморю! сгною! изотру въ порошокъ!... Да я... я... я...

Ермилычъ даже закрылъ глаза, когда задыхавшійся подъ напоромъ бѣшенства писарь ударилъ кулакомъ по столу. Бродяга тотъ съехался и только мигалъ своими красными вѣками. Писарь высидѣлъ изъ - за стола, подбѣжалъ къ нему, погрозилъ кулакомъ, не ударилъ, а израсходовалъ вспыхнувшую энергію на окно, которое распахнулъ съ трескомъ, такъ что жалобно зазвенѣли стекла.

Сохранялъ невозмутимое спокойствіе одинъ Вахрушка, привыкшій къ настоящему обращенію всякаго начальства.

— Ну, что ты молчишь, а?— ревъль писарь, усаживаясь на мѣсто и приготавливая бумагу, чтобы записать дерзкаго бродягу.— Откуда ползешь?

— Всѣ мы изъ однихъ мѣстовъ. Я отъ бабки ушелъ, я отъ дѣди ушелъ и отъ тебя, писарь, уйду, — спокойно отвѣтилъ бродяга, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ахъ, ты... да я... я...

Писарь только хотѣлъ выскочить изъ-за стола, но бродяга его предупредилъ и однимъ прыжкомъ точно нырнулъ въ раскрытое окно, только мелькнули голыя ноги.

— Держи его, подлеца! Лови! — оралъ Замараевъ, подбѣгая къ окну.

Сидѣвшіе на крыльцѣ мужики видѣли только, какъ мимо нихъ изъ окна волости шлепнулся бродяга на землю, быстро поднялся на ноги и, размахивая своею палкой, быстро побѣжалъ по самой срединѣ улицъ дробною мелкою рысцою, точно заяцъ.

— Держи его! Лови! — кричалъ Замараевъ, выставяясь изъ окна.— Эй, вы, челдоны, чего вы смотрите?

Какой-то бѣлобрысый парень «палъ» на телѣгу и быстро погнался за бродягой, который уже былъ далеко. На ходу бродяга оглядывался и, замѣтивъ погоню, прибавилъ ходу.

— Ловко щекотить,— замѣтилъ какой-то голосъ изъ толпы. Ай, да бродяга, настоящий скороходъ!

Бродяга, дѣйствительно, оказалъ удивительную легкость на ногу и своимъ дробнымъ шагомъ летѣлъ впереди догонявшей его телѣги. Крестьянская лошаденка, лохматая и пузатая, съ трудомъ поспѣвала за нимъ, дѣлая отчаянные усилія догнать. Бѣлобрысый парень неистово лупилъ ее возжами и что-то такое оралъ. Кое-гдѣ изъ оконъ деревенскихъ избъ показывались бабьи головы въ платкахъ, игравшіе на улицѣ ребятишки сторонились, а старичокъ все бѣжалъ, размахивая своею палочкой. Такъ онъ добѣжалъ до послѣднихъ худенькихъ избенокъ и замѣтно сбавилъ шагъ. Телѣга стала его догонять. Попались какіе-то мужики, которые пробовали заградить дорогу бѣглецу, но старичокъ прошелъ мимо нихъ невредимо и спѣ обругалъ.

Эхъ, дурачки, куда вамъ ловить Колобка!

и селеніемъ онъ опять прибавилъ шагъ. У поскотины *), гдѣ

* Покотина—изгородь, которой отдѣляется выгонъ.

стояли ворота, показались встрѣчные мужики, ѣхавшіе въ Суслонь. Бѣлобрысый парень неистово закричалъ имъ:

— Держи варнака! Держи!

Бродяга на мгновение остановился, смѣрилъ глазами разстояніе и тихую рысцой, какъ травленный волкъ, побѣжалъ въ сторону рѣки. Телѣга осталась на дорогѣ, а за нимъ теперь погнался какой-то рыжій мужикъ на захомутанной рыжей лошади. Онъ былъ безъ шапки и отчаянно болталъ локтями. Бродяга опять остановился, потому что рыжій мужикъ летѣлъ къ нему на перерѣзъ, а потомъ усиленною рысью побѣжалъ къ недалекой поскотинѣ. Здѣсь рыжій мужикъ чуть-чуть его не догналъ, но бродяга однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ изгородь и остановился. Теперь онъ былъ въ полной безопасности, потому что дальше начинался тощій лѣсокъ, спускавшійся къ рѣкѣ.

— Эй, дурачки, кланяйтесь своему писарю! — крикнулъ варнакъ бѣжавшимъ къ нему мужикамъ и, не торопясь, скрылся въ лѣсу.

Погоня сбилась въ одну кучку у поскотины. Мужики ошалѣвшими глазами глядѣли другъ на друга.

— Вотъ такъ старичонко! Въ томъ родѣ, какъ виноходець *). Такъ и стелеть, такъ и стелеть.

— Оборотень какой-то, надо полагать.

Подъѣхавшій на телѣгѣ бѣлобрысый парень и рыжій мужикъ на рыжей лошади служили теперь общимъ посмѣшищемъ, а поэтому усиленно ругались.

— Ужо вотъ задасть вамъ Флегонтъ-то Василичъ!

Ш.

Часовъ десять утра. Широій дворъ, утрамбованный желтымъ пескомъ, походить на гуменный токъ. На него съ одной стороны глядитъ большими окнами двухъэтажный нештукатуренный каменный домъ съ террасой, а съ другой расположился плотный рядъ хозяйственныхъ пристроекъ—амбары, конюшни, каретники, сѣновалы. Вся постройка крѣпкая, хозяйственная, какъ умѣютъ строить только купцы. Въ углу у деревянной конуры дремлетъ киргизскій желтый волкодавъ. Въ серединѣ двора стоятъ два бучера и держатъ подъ уздцы горбоносаго и вислозадаго киргиза-иноходца, который шарашится, храпится, поводитъ поротыми ушами и выворачиваетъ бѣлки глазъ.

*) Виноходець—иноходець.

— Эй, вы, челдоны, держите крѣпче!—визгливо кричить съ террасы съдой толстый старикъ въ шелковомъ халатѣ.

— Да чортъ его удержитъ, Храпуна,—отвѣчаетъ старшій кучеръ Никита, степенный мужикъ съ окладистой бородой.—Задавить его, вотъ и весь разговоръ.

Другой кучеръ, башкиръ Ахметка, скуластый молодой парень съ лоснящимся жирнымъ лицомъ, молча смотритъ на лошадь, точно впился въ нее своими черными глазами.

— Дайте ей поводокъ!—кричитъ старикъ съ террасы.

Кучера отпускаютъ поводъ и лошадь дѣлаетъ отчаянный курбегъ, поднимая Ахметку на воздухъ. Никита крѣпко держитъ волосяной чумбуръ, откинувъ назадъ свой корпусъ.

— Тпру!... Чортъ кыргыцкой!

— Держите крѣпче!—кричитъ старикъ, размахивая руками.— Ахъ, галманы!

Лошадь дѣлаетъ отчаянную попытку освободиться отъ своихъ пучителей, бьетъ задними ногами, дрожитъ и раздуваетъ ноздри.

— Тпру, анаема!

Старикъ въ халатѣ точно скатывается съ террасы по внутренней дѣсенкѣ и кубаремъ вылетаетъ на дворъ. Подобравъ полы халата, онъ заходитъ сзади лошади и начинаетъ на нее махать руками.

— Спусти чумбуръ, Никита... Дай поводокъ... Сперва на кордѣ прогонимъ. Ахметка, свиное ухо, ты чего глаза-то вытираешь?

Балитка отворяется и во дворъ въѣзжаетъ верхомъ на вороной высокой лошади молодой человекъ въ черкескѣ, папахѣ и съ серебрянымъ большимъ кинжаломъ на поясѣ. Великолѣпная вороная лошадь степенно, покачиваясь на тонкихъ сухихъ ногахъ, грациозно подходитъ на середину двора и останавливается. Молодой человекъ съ опухшимъ краснымъ лицомъ и мутными глазами сонно смотритъ на старика въ халатѣ.

— Людорка, откуда чортъ принесъ?—крикливо спрашиваетъ старикъ, прищуривая свои желтые глазки.

— Гдѣ былъ, тамъ ничего не осталось,—хрипло отвѣчаетъ молодой человекъ и по пути вытягиваетъ нагайкой Ахмета по спинѣ.

— Ай-яяй!—взвизгиваетъ башкиръ, хватаясь за спину.— Ай, чка!...

Разъ такъ лошадей выводятъ?—кричитъ молодой человекъ, хватаясь и выхватывая у Ахметки поводъ.—Родитель, ты ее са; пугай... Да не бойся. Ахметка, а ты чего стоишь?

Всѣ четверо начинаютъ гонять пугливаго иноходца на кордѣ, но онъ постоянно срываетъ и затягиваетъ поводъ. Кончается это представленіе тѣмъ, что иноходецъ останавливается, храпнуть и затягиваетъ шею до того, что изъ ноздрей показывается кровь.

— Бей его!... Валяй!—визжитъ старикъ, привскакивая на мѣстѣ.

Никита откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, удерживая натянувшійся, какъ струна, волосяной чумбуръ, а Ліодоръ и Ахметка жарятъ ошалѣвшую лошадь въ два кнута.

— Ой, батюшки, до смерти забьютъ!—вскрикиваетъ въ бухнѣ толстая стряпка Аграфена, высовываясь изъ окна.

Бухня въ подвалѣ и ей приходится налегать своимъ жирнымъ тѣломъ на тощаго старичка-странника, который уже давно лежитъ на подоконникѣ и наблюдаетъ, что дѣлается на дворѣ.

— Тетка, этакъ и задавить можно живого человѣка!—ворчитъ странникъ, напрасно стараясь высвободить свое тощее старое тѣло изъ-подъ павалившагося на него бабьяго жира.

— Охъ, ты, некошнѣй!—ругается стряпка.—Шель бы, миленькій, своею дорогой... Поѣлъ, отдохнулъ, надо и честь знать.

Стряпка Аграфена ужасно любитъ лошадей и страшно мучается, когда на дворѣ начинаютъ тиранить какую-нибудь новопкупку, какъ сейчасъ. Главное, воротился Ліодоръ на грѣхъ: забьетъ онъ виноходца, когда разстервенится. Не одну лошадь уходилъ, безголовый.

Странникъ слѣзъ съ окна, поправилъ длинную синюю рубаху, надѣлъ котомку, взялъ въ руки берестяной бурачокъ и длинную палку и пѣвуче проговорилъ:

— Спасибо, Аграфенушка, за хлѣбъ, за соль...

Это былъ тотъ самый бродяга, который убѣжалъ изъ суслопскаго волостного правленія. Нахлобучивъ свою валеную шляпу на самые глаза, онъ вышелъ на дворъ. На террасѣ въ это время показались три разодѣтыхъ барышни. Онѣ что-то кричали старику въ халатѣ, взвизгивали и прятались одна за другую, точно сбѣсившаяся лошадь могла прыгнуть къ нимъ на террасу.

— Папенька!... Папенька, не бейте лошадку!

— Ліодоръ, иди сюда, завтракъ готовъ!

Бродяга внимательно посмотрѣлъ на визжавшихъ барышень и подошелъ къ Ліодору.

— Дай-ка мнѣ поводъ-то, хозяинъ,—заговорилъ онъ, протягивая руку.

Ліодоръ оглянулся и, презрительно смѣривъ бродягу съ ногъ до головы, толкнулъ его локтемъ.

— Дай, тебѣ говорятъ!

У Ліодора мелькнула мысль: пусть Храпунъ утѣшитъ старичонку. Онъ молча передалъ ему поводъ и сдѣлалъ знакъ Никитѣ выпустить чумбуръ. Всѣ разомъ бросились въ стороны. Посреди двора остались лошадь и бродяга. Старикъ отпустилъ поводъ, смѣло подошелъ къ лошади, потрепалъ ее по шеѣ, растянулъ душившій ее чумбуръ, еще разъ потрепалъ и спокойно пошелъ впередъ, а лошадь покорно пошла за нимъ, точно за настоящимъ хозяиномъ. Подведя успокоеннаго Храпуна къ террасѣ, бродяга проговорилъ:

— Вотъ какъ учать лошадей, сударыни-барышни!

Барышни весело разсмѣялись и забили въ ладоши, а бродяга отвелъ лошадь подъ навѣсъ и привязалъ къ столбу.

— Да ты откуда взялся-то, ярыга-мученикъ?—визгливо спрашивалъ старикъ въ халатѣ, подступая къ бродягѣ. — Сейчасъ видно зазнамаго конокрада.

— Стоило бы што воровать, Харитонъ Артемьичъ... Аль не узналъ?

— Гдѣ всѣхъ прощальгъ визнаешь.

— Ну, такъ я ужъ самъ скажусь: про Михея Зотыча Колобова слышалъ? Видно онъ самый... Въ гости пришелъ, а ты меня прощальгой да конокрадомъ навеличиваешь. Полтора ста верстъ пѣшкомъ шелъ.

— Вотъ такъ фунтъ! — ахнулъ Харитонъ Артемьичъ, не исполнѣ довѣряя словамъ страннаго чловѣка.—Слыхивалъ я про твои чудеса, Михей Зотычъ, а, все-таки, опо тово...

— Ладно... Миѣ съ тобой надо о дѣлѣ поговорить.

— Пойдемъ въ горницы... Ну, удивилъ!... Еще какъ Ліодорка тебѣ шею не накостилялъ: простъ онъ у меня на этакія дѣла.

— Боримльца выростилъ,—ядовито замѣтилъ Колобовъ, поглядывая на снявшаго папаху Ліодорку.—Вонъ какой нарядный: у шотовъ хлѣбъ отбиваетъ.

— Охъ, и не говори!... Одинъ онъ у меня, какъ смертный грѣхъ. Одинъ, да дуракъ, хуже этого не придумаешь.

— Одинъ сынъ—не сынъ, два сына—полсына, а три сына—сынъ... Такъ старинные люди сказывали, Харитонъ Артемьичъ. Да те вотъ у тебя три дочери.

— Наградилъ Господь... Охъ, наградилъ!—какъ-то застоналъ Харитонъ Артемьичъ, запахивая халатъ.—Какъ ихъ ни считай, все три дѣвки выходятъ... Давай помѣняемся: у тебя три сына, а у зня три дочери,—ухо на ухо смѣняемъ, да Ліодорку прищипну чѣ придачу.

Теперь всё съ удивленіемъ оглядывали страннаго гостя: кучера, стряпка, Ліодоръ, дѣвицы съ террасы. Всѣхъ удивляло, куда это тятенька ведетъ этого бродягу.

— Какъ онъ сказался по фамиліи-то?—спрашивалъ Ліодоръ кучера.

— Коробовъ али Колобовъ,—не разобралъ хорошенько.

— Вотъ такъ фунтъ!—удивился въ свою очередь Ліодоръ.— Это, значить, родитель жениховъ-то, которые наѣзжали на той недѣлѣ... Богатѣющій старичонко!

Стряпка Аграфена услышала это открытіе и стрѣлой ринулася наверхъ, чтобы предупредить «самоѣ» и дѣвиць. Она едва могла перевести духъ, когда ворвалась на террасу, гдѣ собрались дѣвицы.

— Барышни... родныя... Вѣдь, этоть странникъ-то... странникъ-то...—бормотала она, дѣлая отчаянныя жесты.

— Да вонъ онъ съ тятенькой у крыльца остановился... Сестрицы, тятинька сюда его ведетъ!

— Барышни... охъ, задохлась!... Да, вѣдь, это жениховъ отецъ... Два брата-то наѣзжали на той недѣлѣ, такъ ихній родитель. Самъ себя обозначилъ.

Всѣ дѣвицы взвизгнули и стайкой унеслись въ горницы, а толстуха Аграфена заковыляла за ними. «Сама» послѣ утренняго чаю прилегла отдохнуть въ гостиной и долго не могла ничего понять, когда къ ней влетѣли дочери всѣмъ выводкомъ. Когда-то красивая женщина, сейчасъ Анеуса Гавриловна представляла собой типичную купчиху, совсѣмъ заплывшую жиромъ. Она сидѣла въ ситцевомъ «холодаѣ» и смотрѣла испуганными глазами то на дочерей, то на стряпку Аграфену, перебивавшихъ другъ друга.

— Жениховъ отецъ, мамынька, пріѣхалъ... Колобовъ старикъ.

— Не пріѣхалъ, а пѣшкомъ пришелъ. Съ палочкой идетъ по улицѣ, я сама видѣла, а за плечами котомка.

— Дайте мнѣ словечушко вымолвить, — хрипѣла Аграфена дѣлая умоляющіе жесты.—Красавицы вы мои, дайте...

— Молчите вы, дѣвицы!—окликнула дочерей «сама».—А те говори, Аграфена, да поскорѣе.

— Охъ, задохлась!... Стряпаю я это давѣ утромъ у печки оглянулася, а онъ и сидитъ на лавочкѣ... Ужъ отколь онъ взялся не могу сказать, точно вотъ изъ земли выросъ. Я его за страннаго человѣка приняла... Ну, лепешки у насъ къ чаю были,—я ему лепешку подала. Ей-Богу!... Прикушалъ и спасибо сказалъ. Потому Никита съ Ахметкой вертѣлись въ кувѣнъ и съ нимъ што-то болта-

ли, а ужь миѣ не до нихъ было. Ну, потомъ кучера ушли винохода новаго выводить, а ома въ кувнѣ остался. Подсѣлъ къ окошечку и глядитъ на дворъ, какъ виноходецъ артачится... Я еще чуть не задавила его: онъ въ окошкѣ-то, значить, прилегъ на подоконникъ, а я забыла о немъ, да тоже хотѣла поглядѣть на дворъ-то, да на него и навалилась всѣмъ туловомъ.

— Ахъ, батюшки!—застонала Анеуса Гавриловна, хватаясь за голову.—Да, вѣдь, ты, Аграфенушка, безъ ножа всѣхъ зарѣзала... Навалилась, говоришь?... Ахъ, грѣхъ какой!

— Мамынька, зачѣмъ же онъ въ кувню забрался?—замѣтила старшая дочь Серафима.—Ты только посмотри на него, каковъ онъ изъ себя-то. На улицѣ встрѣтишь—копѣчку подашь.

— Въ томъ родѣ, какъ бродяга али странникъ,—объяснила Аграфена въ свое оправданіе.—Рубаха на немъ изгребная, синяя, на ногахъ коты... Бабы знатѣе, такъ разѣ бы я стала его лепешкой кормить али наваливаться?

— Ну, ну, ладно!—оборвала ее Анеуса Гавриловна.—Дѣвицы, вы приодѣньтесь къ обѣду-то. Не то, штобъ ужь совсѣмъ на отялчку, а какъ порядокъ требуется. Ты, Харитинушка, баржево платье одѣнь, а ты, Серафимушка, шелковое, канаусовое, которое тебѣ отецъ изъ Ирбитской ярманки привезъ... Охъ, Аграфена, сняла ты съ меня голову!... Ну, надоть было дурищѣ наваливаться на такого человѣка, а?... Растерзать тебя мало...

Младшія дѣвицы, Агнія и Харитина, особенно не тревожились, потому что все дѣло было въ старшей Серафимѣ: ей чередъ выходить замужъ. Всѣхъ красивѣе и бойчѣе была Харитина, любимица отца; средняя, Агнія, была толстая и бѣлая, вся въ мать, а старшая, Серафима, вступила уже въ годы, да и лицо у нея было попорчено веснушками. Глядя на дочерей, Анеуса Гавриловна ругала про себя хитраго старичонка гостя: не застань онъ ихъ врасплохъ, не показала бы она Харитины, а бери изъ любимыхъ—Серафиму или Агнію. Ужь не первому жениху Харитина заперла дорогу, а выдавать младшую раньше старшихъ не приходится.

IV.

— Я тебѣ наперво домишко свой покажу, Михей Зотычъ,—говоря старикъ Малыгинъ не безъ самодовольства, когда они по узкимъ лѣсенкѣ поднимались на террасу.—Въ прошломъ году только тстроился. Раньше-то некогда было. Семью на ноги поднималъ, а и я Господь-таки благословилъ: цѣлый огородъ дѣвокъ. Трехъ съ векъ сбывъ, а трое сидятъ еще на градѣ.

— Ваши-то запольскія невѣсты на-слуху, — поддакивалъ гость. — Богатыя да щеголихи. Далеко слава-то прошла. По другимъ мѣстамъ дѣвки сидятъ да завидуютъ запольскимъ невѣстамъ.

— Ужь это што говорить: извелись на модахъ въ концецѣ!... Матери-то въ сарафанахъ еще ходятъ, а дочкамъ фигли-мигли подавай... Одно разоренье съ ними. Тяжеленько съ дочерями, Михай Зотычъ, а съ зятьями-то вдвое... Меня-таки прямо наказалъ Господь. Неудачливъ я на зятьевъ.

Гость ничего не отвѣчалъ, а только поджалъ свои тонкія губы и прищурился, причемъ его сморщенное обвѣтрѣлое лицо получило неприятное выраженіе. Ему не понравился разговоръ о зятьяхъ своею безтактностью. Когда они очутились на террасѣ, хозяинъ съ видимымъ удовольствіемъ оглянулъ свой дворъ и всѣ хозяйственные пристройки.

— Хорошъ дворикъ, — вслухъ полюбовался гость. — А што въ амбарахъ-то держишь?

— А разное, Михай Зотычъ: и сѣмя льняное, и кудельку, и масло.

— Вотъ это ты напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Все такой припасъ, што хуже пороху. Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, такъ костеръ костромъ, — къ слову говорю, а не бѣду накликаю.

— Покедова Богъ хранилъ. У насъ у всѣхъ такъ заведено. Да и домъ каменный, устоятъ. Да ты, Михай Зотычъ, сними хоть котомку-то. Вотъ сюда ее и положимъ, вмѣстѣ съ бурачкомъ и палочкой.

Гость охотно исполнилъ это желаніе и накрылъ свои позитки шляпой. Въ своей синей рубахѣ, пониткѣ и котакъ онъ походилъ не то на богомольца, не то на бродягу, и хозяинъ еще разъ пожалъ плечами, оглядывая его съ ногъ до головы Юродивый какой-то.

— Што, на меня любиешься? — пошутилъ Колобовъ, оправляя понитокъ. — Ужь каковъ есть: весь тутъ. Привыкъ по домашнему ходить, да и дорожка выпала не близкая. Всю Блючевую, почитай, пѣшкомъ прошелъ. Версть съ двѣсти будетъ... Такъ оно по-модному-то и неспособно.

— Шутки шутишь, Михай Зотычъ, — усомнился хозяинъ. — Какая тебѣ нужда пѣшкомъ-то было идти столько мѣста?

— А привыкъ я... Все пѣшкомъ больше хожу: которое мѣсто пѣшкомъ пройдешь, такъ оно памятливѣе. Въ Суслонѣ чуть было не загостился у твоего зятя, у писаря... Хорошій мужикъ.

Одно имя суслонскаго писаря заставило хозяина даже подпрыгнуть на мѣстѣ. Хорошій мужикъ суслонскій писарь? Да это прямо

разбойникъ, только ему ножъ въ руки дать... Живодеръ и христопродавецъ такой, какихъ бѣлый свѣтъ не видывалъ. Харитонъ Артемьичъ распраснѣлся, закашлялся и замахалъ своими запухшими красными руками.

— И какъ онъ обманулъ меня тогда дочерью-то, когда, значитъ, женился на Аннѣ, ума не приложу! — упавшимъ голосомъ прибавилъ онъ, выпустивъ весь запасъ ругательства. — Дѣла тогда у меня повихнулись немножко, караванъ съ саломъ затонулъ, ну, онъ и подсыпался, писарь. А дочь Анна была старшая и въ годкахъ, за ней цѣлый мостъ ихъ, дѣвокъ, — ну, онъ и обманулъ. Прямой разбойникъ... Еще и сейчасъ съ меня приданое свое справлять и даже судомъ грозилъ. Я бы ему на свои деньги веревку гущилъ, только бы повѣсился... Вотъ какіе у меня зятья! Да и низко мнѣ съ писарями родню-то разводить. Што такое писарь? Прѣхалъ становой: «а ну-ка ты, такой-сякой...» И сейчасъ въ слугу. А я въ первой гильдіи.

— Всякіе и писаря бываютъ.

— Да стыдно мнѣ, Михей Зотычъ, и говорить-то о немъ: всему роду-племени покорь. Ты вотъ только помянулъ про него, а мнѣ хуже ножа... У насъ Анна-то и за дочь не считается, а хуже чужой.

— Это ужъ напрасно, Харитонъ Артемьичъ. Горденекъ ты, какъ я погляжу. И птица перо въ перо не родится, а гдѣ же зятьевъ набрать подъ одну шерсть?

Взглянувъ на дворъ, по которому ѣхалъ Людоръ верхомъ на своей лошади, старикъ подбѣжалъ къ периламъ и, свѣсившись, закричалъ:

— Ты это опять вуды навмался-то, непутѣвая голова?... Который это день музыку-то разводишь? Я до тебя доберусь!... Я тебѣ покажу!...

— Бѣ Булыгинымъ, — коротко отвѣтилъ Людоръ, свѣшиваясь въ сѣдлѣ по-татарски, на одинъ бокъ.

— Ахъ, аспидъ! ахъ, погубитель! — застоналъ старикъ. — Видѣлъ, Михей Зотычъ? Гибель моя, а не сынъ... Мы съ Булыгинымъ на ножахъ, а онъ, слышь, къ Булыгинымъ. Ужъ я его, головорѣза, три раза проклиналъ и на смиреніе посылалъ въ степь, и своими руками терзалъ — ничего не беретъ. У другихъ отцовъ сыновья за зятья я мнѣ ножъ вострый. Сколько я денегъ за него переплатилъ!

Въ годы войдетъ — образумится.

Харитонъ Артемьичъ спохватился, что сгоряча сболтнулъ лишнее, и торопливо повелъ мудренаго гостя въ горницы. Весь второй

этажъ былъ устроенъ на отличку: залъ, гостиная, кабинетъ, столовая, спальня, — все по-богачу, какъ въ первыхъ купеческихъ домахъ. Стѣны вездѣ были оклеены бархатными дорогими обоями, потолки лѣпные, мебель крыта шелкомъ и трипомъ. Одинъ только недостатокъ чувствовался въ этой богатой обстановкѣ: отъ нея вѣяло нежилымъ. Вся семья жила въ нижнемъ этажѣ, въ маленькихъ низкихъ комнатахъ, а парадный верхъ служилъ только для пріемовъ. Лѣтомъ еще дѣвицы получали дозволеніе проходить на террасу.

— Одна мебель чего миѣ стоила, — хвастался старикъ, хлопая рукой по дивану. — Вотъ за эту орѣхову плачено триста рублейковъ... Бруглянскую копѣчку стоило обзаведенье, а нельзя супротивъ другихъ ниже себя оказать. У насъ въ Запольѣ по-богачу всё дома налажены, такъ оно и совѣстно свиньей быть.

Гость внимательно все осматрѣлъ, поддакивая хозяину, а потомъ проговорилъ:

— Наладилъ ты себѣ, Харитонъ Артемьичъ, не домъ, а применько сказать — трактиръ.

Это замѣчаніе поставило хозяина втупикъ: обидѣться или поворотить на шутку? Вспомнивъ про дочерей, онъ только замычалъ. Отвѣтилъ бы Харитонъ Артемьичъ, — охъ, какъ тепленько бы отвѣтилъ! — да лиха бѣда, по рукамъ и ногамъ связанъ. Провелъ онъ дорогого гостя въ столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ, уставленный винами и закусками.

— Ну-ка, Михай Зотычъ, огорчимся для первоначалу.

Гость пожевалъ сухими губами, прищурился и быстро отвѣтилъ:

— Не принимаю я огорченія-то, Харитонъ Артемьичъ. И скусу не знаю въ винѣ, какое оно такое есть. Не приводилось отвѣдывать съ молоду, а теперь ужъ года ушли учиться.

«Вотъ гостя Господь послалъ: знакомому чорту подарить, такъ назадъ отдасть, — подумалъ хозяинъ, ошеломленный такимъ неожиданнымъ отвѣтомъ. — Вотъ тебѣ и свать. Ни съ котораго края къ нему не подойдешь. То ли бы дѣло выпили, разговорились, — оно все само бы и наладилось, а теперь разводи бобы въ сухую. Ну, и свать, какъ кривое полѣно: не уложишь ни въ какую полѣвницу».

Пришлось «огорчиться» одному. Налилъ себѣ Харитонъ Артемьичъ самую большую рюмку, «протодьяконскую», хлопнулъ и, не закусывая, повторилъ.

— У насъ между первой и второй не дышуть, — объяснилъ онъ. — Это по-сибирски выходитъ. У насъ всё въ Запольѣ не ду-

раки выпить. Лишнее въ другой разъ переложимъ, а въ компаніи нельзя. Вотъ я и старъ, а компаніи не порчу... Все бросить собираюсь.

Дальше хозяинъ уже не зналъ, что ему и говорить. Но на выручку появилась Анеуса Гавриловна въ своемъ новомъ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, стоявшемъ коробомъ, и въ купеческой косынкѣ-головѣ. Она степенно поклонилась гостю. За ней показались дѣвицы. Онѣ жеманно переглянулись, оглядѣвъ гостя съ ногъ до головы. Всѣ невѣсты на подборъ: любую бери. Старшая имѣла слушающій видъ, потому что ей уже надоѣла эта церемонія «смотришь», да она плохо и рассчитывала на «судьбу», когда на глазахъ вернется Харитина. Анеуса Гавриловна съ перваго раза замѣтила, что отецъ успѣлъ «хлопнуть» прежде времени, а гость и не приронуся ни къ чему.

— Ну-ка, какъ онъ теперь откажется, ежели хозяйка угощать будетъ?—замѣтилъ хозяинъ, глупо хихикнувъ.—Фуса, ну и гость: ни одной капли...

— Что же, не всѣмъ пить,—замѣтила политично хозяйка, подбирая губы оборочкой.—Честь-честью, а неволить не можемъ.

— Это ты правильно, хозяйюшка,—весело отвѣтилъ гость.—Необыченъ я, да и старъ. Въ черномъ тѣлѣ прожилъ всю жизнь, не до питья было.

Хозяинъ, воспользовавшись случаемъ, что при гостѣ жена потѣснится его оговорить, налилъ себѣ третью «протодьяконскую». Анеуса Гавриловна даже отвернулась, предчувствуя скандалъ. Старшая дочь Серафима нахмурила брови и вопросительно посмотрѣла на мать. Въ это время Аграфена внесла миску со щами.

— Садитесь, Михай Зотычъ,—приглашала хозяйка.— Не обезсудьте на угощеніи.

— Вотъ што, милая,—обратился гость къ стряпкѣ:—принеси-ка ты мнѣ ломтикъ ржаного хлѣбца черстваго да соли крупной, чтобы съ хрустомъ... У васъ, Анеуса Гавриловна, соль на дворянскую руку: мелкая, а я привыкъ по-крестьянски солить.

— Вотъ это я люблю!—поддержалъ его хозяинъ.—Я самъ, братъ, не люблю всѣ эти тренъ-брень, а все бабы моду придумываютъ. Нѣтъ лучше закуски, какъ ржаная корочка съ сольцей, да еще съ огурчикомъ.

Серафима была посажена напротивъ гостя, чтобы вся была на виду. На ней лежала сейчасъ не легкая обязанность показать себя въ лучшемъ видѣ, какой только полагается для дѣвицы. Впрочемъ, она была опытной въ подобныхъ дѣлахъ и нисколько не стѣсня-

лась, тѣмъ болѣе, что и будущій свекоръ ничего страшнаго не представлялъ своею особой. Мать взглянула на нее всего одинъ разъ, и Серафима отлично поняла этотъ взглядъ: «Притворяется старичонко, держи ухо востро, Сима». Когда хозяйка налила гостю тарелку щей, онъ сдѣлалъ смѣшное лицо и сказалъ еще смѣшнѣе:

— Матушка, а, вѣдь, я обожгусь серебряною-то ложкой. Мнѣ бы деревянную.

Бойкая Харитина сразу сорвалась съ мѣста и опрометью бросилась въ кухню за ложкой, — эта догадливость не по разуму дорого обошлась ей потомъ, когда обѣдъ кончился. Должна была подать ложку Серафима.

— Стрѣла, а не дѣвка! — еще больше не встати похвалилъ ее захмѣлѣвшій домовладыка. — Вотъ посмотри, Михей Зотычъ, она и мнѣ ложку деревянную приволокетъ: знаетъ мой характеръ. Еще не успѣешь подумать, а она ужъ сдѣлала.

Харитина, дѣйствительно, вернулась съ двумя ложками, сияющая своею раннею молодостью, веселая, улыбающаяся. Взглянувъ на мать, она поняла, какую глупость сдѣлала, и раскраснѣлась еще сильнѣе и стала еще красивѣе. Серафима ѣла выскочку глазами, и только одна Агнія оставалась безучастной ко всему и внимательно разсматривала лысую голову мудренаго гостя. Анеуса Гавриловна завела политичный разговоръ о погодѣ, о соборномъ протопопѣ, объ ярмаркѣ и т. д. Она нѣсколько разъ давала случаю Серафимѣ вставить словечко, — не прежнее время, когда дѣвки сидѣли, набравши воды въ ротъ, какъ нѣмыя. Однимъ словомъ, Анеуса Гавриловна оказалась настоящимъ полководцемъ, хотя гости уже давно про себя «прикинулъ въ умъ» всѣхъ трехъ сестеръ: младшая хоть и взяла и красотой, и удалью, а еще невитое съвоею икона и лопата изъ нея будетъ; средняя въ самый разъ, да только лѣнлива, а растолстѣеть — рожать будетъ трудно; старшая, пожалуй, подходящѣе всѣхъ будетъ, хоть и жидковата изъ себя и модничаешь лишнее. Ну, въ годы войдетъ и раздобрѣеть, а, главное, у ней и глазу огонекъ есть, — упрямо таково взглянетъ. По матери дѣвочки издались, нечего напрасно хаять.

Хозяйку огорчало, главнымъ образомъ, то, что гость почти ничего не ѣлъ, а только пробовалъ. Все свои ржаныя корочки сосетъ да похваливаетъ. За то хозяинъ не терялъ времени и за жаркимъ переѣхалъ на хереса, — значить, все было кончено, и Анеуса Гавриловна перестала обращать на него вниманіе. Все равно, не послушаетъ послѣ третьей рюмки и устроить штуку. Онъ и устроилъ какъ только она успѣла подумать.

— Михей Зотычъ, вотъ мои невѣсты: люблю выбирай, —брякнущь хозяйнѣ безъ обиняковъ. — Нѣтъ, врешь, Харитину не отдашь! Самому дороже стѣдить!

— Харитонъ Артемьичъ, перестань ты нечутѣвыя рѣчи говорить, только дѣвицъ конфузишь, —попробовала оговорить мужа Анеуса Гавриловна.

— Я?!.. Ты меня учить?...

Гость остановилъ хозяйскій буфакъ, готовившійся ударить по столу.

— Полюбился ты мнѣ съ перваго раза, Харитонъ Артемьичъ, — проговорилъ онъ ласково. — Душа на-распашку... Лишнее скажешь: слышимъ не слышимъ. Вы не безпокойтесь, Анеуса Гавриловна. Дѣло житейское.

Вспыхнувшая пьяная энергія сразу смѣнилась слезливымъ настроеніемъ, и Харитонъ Артемьичъ принялся жаловаться на сына Людора, который отъ рукъ отбился и на него, отца, бросился какъ-то съ ножомъ. Потомъ онъ повторилъ начатый еще давеча разговоръ о зятяхъ.

— Перваго зятя ты у меня видѣлъ, — говорилъ Харитонъ Артемьичъ, отгладывая одинъ палець. — Онъ у насъ изъ счету вонъ, потому какъ намъ низко съ писарями родство разводить. Вторая дочь Татьяна вышла за Пашку Булыгина: съ моимъ-то Людоркой два сапога пара. Тоже такой зятекъ, что не обрадуешься... Какъ-то общался своими руками меня задавить, ежели попадусь. Ну, дуракъ, а у дурака дурацкій и разговоръ... А третій зять у меня нѣмецъ Штоффъ, — это какъ по-твоему? Мы его полуштофомъ зовемъ, потому какъ ростомъ маленько не дошелъ... Евлампію дочь у меня этотъ самый полуштоффъ оманулъ и мнѣ никакого уваженія. Хоть бы богатый былъ, а то шантрапа нѣмецъ. Одно у него: крещеный по нашему православному закону. Вотъ какіе все патреты вышли!... Трехъ дочерей отдалъ замужъ, а доведись — и пообѣдать ни у одного зятя не пообѣдаешь: у писаря мнѣ низко обѣдать, Пашка Булыгинъ еще побьетъ, а нѣмецъ мой самъ глядитъ, гдѣ бы пообѣдать. А теперь вотъ этихъ трехъ надо замужъ выдавать. Тоже, еще неизвѣстно, какихъ зятьевъ Господь пошлетъ... Только впередъ тебѣ скажу: Харитину не отдашь. Ни-ни...

— Харитонъ Артемьичъ, будетъ тебѣ, — со слезами въ головахъ молила Анеуса Гавриловна. — Голову ты съ дочерей снялъ.

— Не отдашь Харитину! — кричалъ старикъ. — Нѣтъ, братъ, слышь!... Самому дороже стѣдить!

— Дѣло Божье, Харитонъ Артемьичъ, — политично отвѣтилъ

гость, собирая свои корочки въ сторонку. — А дѣвицамъ не пристало слушать наши съ тобой рѣчи. Пожалуй, и лишнее скажемъ.

Дѣвушки посмотрѣли на мать и всѣ разомъ поднялись. Харитонъ Артемьичъ понялъ свою оплошку и только засопѣлъ носомъ, какъ давешній иноходецъ. Къ довершенію скандала, онъ черезъ пять минутъ заснулъ.

— Ужь вы не обезсудьте на нашемъ невѣжествѣ, — умоляюще проговорила Анеуса Гавриловна, поднимаясь.

— Что же, дѣло житейское, — наставительно отвѣтилъ гость и вздохнулъ. — А кто осудить, тотъ и грѣхъ на себя приметъ, Анеуса Гавриловна.

— Ахъ, замаялась я, Михей Зотычъ!...

— Главная причина: добрый человѣкъ, а отъ добраго человѣка и потерпѣть можно. Слабенежъ Харитонъ Артемьичъ къ винцу... ахъ, житейское дѣло! Веселенько у васъ поживаютъ въ Запольѣ, слыхивалъ я. А не осужу, никого не осужу... И ты напрасно огорчаешься, мать.

Это простое привѣтливое слово сразу ободрило Анеусу Гавриловну, и она посмотрѣла на гостя, какъ на своего домашняго человѣка, который сору изъ избы не вынесетъ. И такъ у него все просто, по-хорошему. Старикъ полюбился ей сразу.

На прощаньи Михей Зотычъ потрепалъ хозяйшку по плечу и проговорилъ:

— Хороши твои дѣвушки, хороши красныя... Которую и брать, не знаю, а начинаютъ съ краю. Серафима Харитоновна, видно, богданною дочкой будетъ... Галактіона - то моего видѣла? Любимый сынъ мнѣ будетъ, хоша мы и не ладимъ съ нимъ... Ну, вотъ и быть за нимъ Серафимѣ. По рукамъ, сватья...

Анеуса Гавриловна расплакалась. Очень ужъ дѣло выходило большое, и какъ - то сразу все обернулось. Да и жаль Серафиму, точно она ее избывала.

У.

Про Заполье далеко шла слава, какъ про городъ бойкій, богатый и оборотистый. Онъ залегъ въ низовьяхъ р. Ключевой, главной артеріи благословеннаго Зауралья, — въ самомъ горлѣ, какъ говорили старожилы. Рѣка была главною кормилицей. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ было то, что Заполье занимало границу, отдѣлявшую собственно Зауралье отъ начинавшейся за нимъ степи или, какъ говорили мужики, «орды». Въ сущности, настя-

дая степь была далеко, но это названіе сохранялось за тою смѣшанною полосой, гдѣ русская селитьба мѣшалась съ башкирской и козачьими землями. Весь бассейнъ Ключевой представлялъ собой настоящее золотое дно, потому что здѣсь осыло крѣпкое хлѣбопашенное населеніе, и благодатный зауральскій черноземъ давалъ снословные урожаи, не нуждаясь въ удобреніи. Съ другой стороны, степь давала богатое степное сырье — сало, кожи, конскій волосъ, шкуры курдючныхъ барановъ и степныхъ быковъ, косяки стѣнныхъ лошадей и цѣлый рядъ бухарскихъ товаровъ. Бывшій пограничный городокъ захватилъ въ свои руки всю хлѣбную торговлю и всѣ операціи со стѣннымъ сырьемъ. Условія были самыя благоприятныя. Скупленный въ Зауральѣ хлѣбъ доставлялся запольскими купцами на всѣ уральскіе горные заводы и уходилъ далеко на сѣверъ, на холодную Печору, а въ засушливые годы сбывался въ степь. Заполье пользовалось и степною засухой, и дождливыми годами: когда выдавалось сырое лѣто, хлѣбъ рождался хорошо въ степи и этотъ дешевый ордынскій хлѣбъ запольскіе купцы сбывали въ Зауральѣ и на сѣверъ, въ сухое лѣто хлѣбъ рождался хорошо въ Зауральѣ, прилегавшей къ Уральскимъ горамъ, гдѣ влага задерживалась лѣсами, и запольскіе купцы везли его въ степь, обмѣнивая на степное сырье. Все шло на пользу начетистому запольскому купцу — и засуха, и дождливые годы. Онъ получалъ свою выгоду и отъ дешеваго, и отъ дорогаго хлѣба, а больше всего отъ тѣхъ темныхъ операцій въ безграмотной простоватой ордѣ, благодаря которымъ оставалось не одно крупное состояніе.

Во всему этому нужно прибавить еще одно благоприятное условіе, именно, что ни Зауральѣ, населенное на половину башкирами, на половину государственными крестьянами, ни степь, ни козачьи земли совсѣмъ не знали крѣпостного права, и экономическая жизнь громаднаго края, шла и развивалась вполнѣ естественнымъ путемъ, минуя всякую опеку и вѣвшательство. Поэтому и объявленная воля не произвела здѣсь никакихъ коренныхъ измѣненій въ обществѣ, а только получилась нѣкоторая разница въ названіяхъ. Нашъ рассказъ относится именно къ этому періоду, къ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда Заполье находилось въ зенитѣ своей славы, какъ главный хлѣбный рынокъ и посредникъ между степью и собственно Руссией.

о вѣшнему виду Заполье ничего особеннаго изъ себя не представляло: маленькій уѣздный городокъ съ пятнадцатью тысячами жителей, и больше ничего. Купечество составляло здѣсь все, и въ

цѣломъ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнія. Въ Запольѣ изъ дворянъ проживало человѣкъ десять, не больше, да и тѣ всѣ были наперечетъ, начиная съ знаменитаго исправника Полуянова и кончая прилюднымъ русскимъ нѣмцемъ Штоффомъ, явившимся неизвѣстно откуда и еще болѣе неизвѣстно зачѣмъ. Остальные дворяне были тоже сомнительнаго свойства, больше изъ сибирскихъ выходцевъ—семинаристы, дослужившіеся до Владимира, оставившіе козацкіи офицеры и потомки какихъ-то многочисленныхъ сибирскихъ князевъ. Сообразно этому купеческому складу устроился и весь городъ. Купецъ сказывался во всемъ. Самымъ живымъ мѣстомъ являлся старый гостиный дворъ, а затѣмъ Хлѣбная улица, усаженная крѣпкими купеческими хороминами,—два порядка этой улицы съ своими каменными бѣлыми домами походили на двѣ гигантскихъ челюсти, жевавшихъ каменными зубами благосостояніе Зауралья и прилегавшей къ нему «орды». Всѣ эти купеческіе дома строились по одному плану: верхъ составлялъ парадную половину, пустовавшую отъ однихъ именинъ до другихъ, а нижній этажъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщался мучной лабазъ, а въ другой ютилась вся купеческая семья. Все богатое, именитое въ Запольѣ сбилось именно на Хлѣбной улицѣ и частью на Хлѣбномъ рынкѣ, которымъ она заканчивалась, точно переходила въ громадный желудокъ. Совершенно отдѣльно стояли дома купцовъ-степняковъ, т.-е. торговавшихъ степнымъ сырѣмъ, какъ Малыгинъ. Они большею частью проживали по своимъ салотопеннымъ займамъ, пріютившимся на р. Ключевой выше и ниже города. Рѣка Ключевая должна была бы составлять главную красоту города, но этого не вышло,—городскую стройку отдѣляло отъ рѣки топкое болото въ цѣлую версту. Церквей было не особенно много,—зеленый соборъ въ честь сибирскаго святого Прокопія, память котораго празднуется всею Сибирью 8 іюля, затѣмъ еще три церкви, и только. Этимъ Заполье рѣзко отличалось отъ коренныхъ расейскихъ городковъ. Сибирь вообще не богомольна, а затѣмъ половина запольскаго купечества держалась старой вѣры или считалась едновѣрцами. Остальныя улицы были заняты мѣщанскою стройкой и домами разночинцевъ. Все это были деревянные домики, въ одинъ этажъ, съ цѣлымъ рядомъ службъ. И мѣщанину, и разночинцу ялось въ Запольѣ хорошо, благо работы всѣмъ было по горло.

«Правильный городъ, — вслухъ думалъ старикъ Колотовъ, выходя на Хлѣбную улицу. — Нечего сказать, хорошій городъ».

День уже склонялся къ вечеру и гдѣ-то звонили къ вечерни. Лѣтомъ Хлѣбная улица пустовала, и у лавокъ безъ дѣла слонялись

только прикащики да подрушныя. Отъ бездѣлья они съ утра до вечера жарили въ пашки или съ хлыстами въ рукахъ гонялись за голубями, смѣло забирающимися прямо въ лавки, гдѣ въ открытыхъ сусѣкахъ ссыпаны были разныя крупы, овесъ и горохъ. Народъ былъ все рослый, краснорозій, какъ и слѣдуетъ быть запольскимъ прикащикамъ. Старикъ Колобовъ остановился у одной лавки, гдѣ шла ожесточенная игра, сопровождавшаяся веселымъ ржаньемъ, крибаутками и тычками, посмотрѣлъ на молодцовъ и только покачалъ головой.

— Тебѣ что понадобилось, дѣдко?

— А вчерашній день потерялъ, миленькіе...

— Проваливай въ палевомъ, приходи въ голубомъ...

Старикъ шелъ, не торопясь. Онъ читалъ вывѣски, пока не нашелъ то, что ему нужно. На большомъ каменномъ домѣ онъ нашелъ громадную синюю вывѣску, гласившую большими золотыми буквами: «Хлѣбная торговля Т. С. Луговникова». Это и было ему нужно. Въ лавкѣ дремалъ благообразный старый прикащикъ. Поднявъ голову, когда вошелъ странникъ, онъ машинально взялъ изъ деревянной чашки на прилавкѣ копѣечку и, подавая, сказалъ:

— Прими, старичокъ.

— Спасибо, миленькій... — отказался странникъ. — Мнѣ бы Тараса Семеныча повидать.

— Тараса Семеныча? Ступай-ка своею дорогой... Ежели каждый полѣзеть къ Тарасу Семенычу, такъ ему и пообѣдать некогда будетъ.

— Можетъ, онъ почиваетъ?

— Нѣтъ, какой теперь сонъ, когда еще восьмой часъ на дворѣ?

— Ну, такъ я его подожду здѣсь. Доложи, што нѣкоторый чеповѣкъ очень желаетъ его видѣть по нѣкоторому дѣлу.

— Да я тебѣ мальчикъ дался?

— Ты-то не мальчикъ, а послать можешь... Очень бы хотѣлъ его повидать.

Прочухавшійся прикащикъ еще разъ смѣрялъ страннаго чеповѣка съ ногъ до головы, что-то сообразилъ и крикнулъ подрушнато. Сткуда-то изъ-за мѣшковъ съ мукой высочилъ молодецъ, вынулъ приказъ и полетѣлъ съ докладомъ къ хозяину. Черезъ минуту онъ вернулся и объявилъ, что самъ придетъ сейчасъ. Дѣйствительно, послышались тяжелые шаги и въ лавку заднею дверью вошелъ высокій сѣдой старикъ въ котиковомъ картузѣ. Онъ посмотрѣлъ на страннаго чеповѣка черезъ старинныя серебряныя очки и проговорилъ, не торопясь:

— Это ты меня спрашивалъ?

— Видно я... Аль не узнаешь, Тарасъ Семенычъ?

Старикъ приподнялъ голову, еще разъ внимательно разсмотрѣлъ мудренаго человѣка и съ прежнимъ спокойствіемъ проговорилъ:

— Пойдемъ въ горницы, Михей Зотычъ.

Михей Зотычъ былъ одинъ и торговому дому Луговникова приходилось имѣть съ нимъ не малыя дѣла, поэтому прикащикъ сразу вытянулся въ струнку, точно по нему выстрѣлили. Молодецъ тоже былъ удивленъ и во всё глаза смотрѣлъ то на хозяина, то на прикащика. А хозяинъ шелъ какъ ни въ чемъ не бывало, обходя бунты мѣшковъ, а потомъ маленькою дверцей провелъ гостя къ себѣ въ низенькія горницы, устроенныя по-старинному.

— Ну, здравствуй, дорогой гостенёкъ, — поздоровался онъ, наконецъ. — Али на богомолье куда наклоняся?

— Нѣтъ, по-дорожному, Тарасъ Семенычъ... Почитай, все Ключевую пѣшкой прошелъ. Да вотъ и завернулъ тебя провѣдать...

— Такъ, такъ... Заходилъ во мнѣ Галактіонъ-то, поклончикъ отъ тебя сказывалъ. Да... Невѣсту высматривать пріѣхали у Малыгиныхъ?

— Есть и такой грѣхъ, Тарасъ Семенычъ. Житейское дѣло... Надо обженить Галактіона-то, пока не избаловался.

— Такъ, такъ.

Хозяинъ что-то хотѣлъ сказать, но только посмотрѣлъ на гостя своими темными близорукими глазами. Гость понялъ этотъ нѣмой вопросъ и отвѣтилъ:

— Самъ - то Харитонъ Артемьичъ не совсѣмъ, а кровь хорошая... Хорошая кровь, нечего хаять.

— Боторую выбралъ?

— А съ краешку, значить, Серафиму. Малость жидковата, а такія-то живущѣе... Закинулъ я давѣ словечко съ самой-то. Правильная женщина, обстоятельная...

— Еще бы, изъ стариннаго рода Анеуса - то Гавриловна. Въ свойствѣ мы съ ней, хотя и небольшая родня.

Горницы у Тараса Семеныча были устроены по-старинному, низенькія, съ небольшими оконцами, запиравшимися на ночь ставнями, съ самодѣльными ковриками изъ стараго тряпья, съ кисейными занавѣсками, горками съ посудой и самымъ простенькимъ письменнымъ столомъ, приткнутымъ въ гостиной. Были еще двѣ маленькія комнаты, въ одной изъ которыхъ стояла кровать хозяина и несгораемый шкафъ, а въ другой жила дочь Устинька съ

старухой нянькой. Даже на неприхотливый взгляд Михея Зотыча горницы были малы для такого человека, какъ Тарасъ Семенычъ.

— Ты, вѣдь, нынче въ большихъ тысячахъ, — заговорилъ гость послѣ длинной паузы. — Надо бы наверхъ перебраться.

— Ладно и здѣсь, Михей Зотычъ. Какъ-то обжился, а тамъ пусто, наверху - то. Вотъ когда гости наберутся, такъ наверхъ зову.

— Другіе-то вонъ какъ у васъ поживаютъ въ Запольѣ. Недалеко ходить, взять хоть того же Харитона Артемьича. Однимъ словомъ, свѣтленько живутъ.

— Другіе и пусть живутъ по-другому, а намъ и такъ ладно. Бому надо, такъ и моихъ маленькихъ горницъ не обѣгаютъ. Нѣтъ, ничего, хорошіе люди не брезгаютъ... Много у насъ въ Запольѣ этихъ другихъ-то развелось. Модники... Смотрѣть-то на нихъ тошно, Михей Зотычъ. А все черезъ бабъ... Испотачили бабешекъ, вотъ и мутятъ: подавай имъ все по-модному.

— Денежки у васъ дикія, вотъ онѣ пѣтухами и поютъ.

— Есть и такой грѣхъ. Не пожалуемся на дѣла, нечего Бога гнѣвить. Взысканы черезъ число... Только опять и то сказать, купца къ купцу тоже не примѣнишь. Стариннаго-то, кондоваго купечества немного осталось, а развелся теперь разный мусоръ. Взять вотъ хоть этихъ степняковъ, — всѣ они съ бору да съ сосенки набрались. Одинъ прикащикомъ былъ, хозяина обворовалъ и на воровскія деньги въ люди вышелъ.

— Это ты насчетъ Малыгина?

— Не одинъ онъ такой-то... Другіе въ ордѣ темнымъ дѣломъ капиталъ приобрѣли, какъ Харитошка Булыгинъ. Извѣстное дѣло, какъ тамъ капиталы наживаютъ. Не даромъ говорится: орда слѣпая. Какими деньгами рассчитываются въ ордѣ? Ордынецъ возьметъ бумажку, посмотритъ и проситъ дать другую, чтобы «тавро пятнѣ».

— Фальшивой работы бумажки?

— И своей фальшивой, и привозныя. Какъ-то наѣзжалъ ко мнѣ по зимѣ одинъ такой-то хахаль, предлагалъ купить по триста рублѣй тысячу. «У васъ, — говоритъ, — уйдутъ въ степь за настоящею... Ну, я его, конечно, прогналъ. Ступай, — говорю, — къ степе нягамъ, а мы этимъ самымъ товаромъ не торгуемъ... Есть, конечно, и изъ мучниковъ всякіе. А только деньги дѣло наживное: какъ пришли, такъ и ушли. Чего же это мы съ тобой въ сухую-то тарбары разводимъ? Пьешь чай-то?

— Охъ, пью, миленькій... И грѣшно, а пью. Великій соблазнъ, а пью... По нашей-то вѣрѣ это даже вотъ какъ нехорошо.

— Пустяки это все... Чай—злакъ Божій и созданъ онъ на потребу человѣку. А потомъ, не сквернить человѣка входящее во уста, а исходящее изъ усть... Эй, Матрена!

Въ дверяхъ показалась старуха-няня, изъ-за которой выглядывала дѣтская русая головка.

— Наставъ-ка намъ самоварчикъ, честная мать. Гость у меня... А ты, Устюща, иди сюда. Да не бойся, глупая.

Старикъ долженъ былъ самъ подойти къ дѣвочкѣ и вывелъ ее за руку. Устюшѣ было всего восемь лѣтъ. Это была прехорошенькая дѣвочка съ русыми волосами, голубыми глазками и пухлымъ розовымъ ротикомъ. Простое ситцевое розовое платьице дѣлало ее такою милою куколкой. У Тараса Семеныча сразу измѣнился весь видъ, когда онъ заговорилъ съ дочерью, —и лицо сдѣлалось такое доброе, и голосъ ласковый.

— Да ты не бойся, Устюша, —уговаривалъ онъ дичившуюся маленькую хозяйку. —Михей Зотычъ, вотъ и моя хозяйка. Прощу любить да жаловать... Вотъ ты не дождался насъ, а то мы бы какъ разъ твоему Галактіону въ самую пору. Любишь чужого дѣдушку, Устюша?

— Нѣ-еть, —недовѣрчиво протянула дѣвочка. —Онъ беззубый.

— Ну, это пустяки: мы ему зубы молодые вставимъ.

— А я тебѣ гостинца привезу въ другой разъ, —пробовалъ задобрить гость упрявившуюся маленькую хозяйку. — Любишь пряники?

— Подымай выше, —засмѣялся счастливый отецъ. — Намъ пряники ни по чемъ, а подавай фрукты.

— Набалуетъ дочь, Тарасъ Семенычъ.

— Пока мала и пусть побалуется, а когда въ разумъ войдетъ, мы и строгость покажемъ. Одна, вѣдь, она у меня, какъ перстъ... Только и свѣту въ огнѣ.

Колобовъ совсѣмъ отвыкъ отъ маленькихъ дѣтей и не зналъ, какъ ему разговаривать съ Устюшей. Впрочемъ, дѣвочка не долго оставалась у отца и убѣжала въ кухню къ нянѣ.

— Вотъ рощу дочь, а у самого кошки на душѣ сребрутъ, —замѣтилъ Тарасъ Семенычъ, провожая глазами убѣгавшую дѣвочку. —Самъ-то старъ становлюсь, а съ кѣмъ она жить-то будетъ?... Вонъ нынче какой народъ пошелъ: козырь на козырѣ. Конечно, капиталъ будетъ, да только деньгами зятя не купишь, и черезъ золото большія слезы льются.

За самоваромъ старики разговорились. Михай Зотычъ снялъ свою сермяжку и остался въ одной синей рубахѣ.

— Ты это что добрыхъ-то людей пугаешь?—еще разъ удивился хозяинъ, улыбаясь.— Бродяга не бродяга, а около этого.

— Да такъ нужно было, Тарасъ Семенычъ... Вѣдь, я не одну невѣсту для Галактиона смотрѣть пришелъ, а и себя не забылъ. Тоже жениться хочу.

— Хорошъ женихъ!

— А то какъ же... И невѣсту ужъ высмотрѣлъ. Хорошая невѣста, а жениховъ не было. Ну, вотъ я и пришелъ... На вашей Блючевой женюсь.

— Н-но-о?

— Вѣрно тебѣ говорю... Заводы бросаю и всю семью вывожу на Блючевую. Всѣмъ работы хватить... И мѣстечко приглядѣлъ, повыше Суслона, гдѣ малыгинскій зять писарить. Ахъ, хорошо мѣстечко!... Ужо мележку поставлю.

— А свою бросаешь?

— Жаль, а приходится бросать. Тоже, вѣдь, на Блючевой стоять. Своя рѣка-то... Ну, пока мы къ заводамъ обязанные были, такъ оно некуда было дѣться, а теперь совсѣмъ другое. О сылахъ надо позаботиться... Дѣла тамъ мало, въ горахъ. Много ли тамъ хлѣба сѣютъ, а здѣсь у васъ приволье. Вотъ я всю Блючевую наскрось и прошелъ... Не рѣка, а угодница. Два города стоятъ, три завода, а сколько фабрикъ, заимокъ, мельницъ—и не пересчитаешь... Иду и дивлюсь. Версть съ триста прошелъ, а все въ виду селенья. Другой такой рѣки и въ Расеѣ съ огнемъ не сыщешь. Ахъ, хороша рѣчка!

— Большую мельницу-то думаешь строить?

— А ужъ это какъ Богъ приведетъ... Вотъ еще какъ мой-то помощники. Емельянъ-то, значить, большакъ, изъ воли не выходить, а на Галактиона какъ будто и не надѣюсь. Мудреный онъ у меня.

— Знаю, знаю, что любимый сынъ... Самъ виноватъ, что забаловалъ.

— Нѣтъ, не то... Особенный онъ, умственный. Всякое дѣло разсудить... А то упрется на чемъ, такъ точно на пень наѣхалъ.

— Постой, Михай Зотычъ, а, вѣдь, ты неправильно говоришь: навладал ты сына середняка женить, а какъ же большакъ-то нечтенатый останется? Не порядокъ это.

Г уть немного замаялся и только потомъ объяснилъ:

— Особенное тутъ дѣло выходить, Тарасъ Семенычъ... да.

Не спросился Емельянь-то, видно, родителя. Грѣхъ тутъ большой вышелъ... Тамъ еще, на заводѣ, познакомился онъ съ одною дѣвицей... Ну, а она не нашей вѣры и жениться ему нельзя, потому какъ или ему въ православные идти, или ей въ дѣвкахъ сидѣть. Такъ это самое дѣло и затянулось: ни взадъ, ни впередъ.

— И хорошая дѣвушка?

— Ему, значить, хороша, а я не видалъ.

Луговниковъ былъ православный, хотя и дружилъ по торговымъ дѣламъ съ старообрядцами. Этотъ случай его возмутилъ, и онъ откровенно высказалъ свое мнѣніе, именно, что ничего Емельяну не остается, какъ только принять православіе.

— Вѣдь, вотъ вы всё такіе,—каралъ онъ гостя.— Послужать, такъ все у васъ какъ по писанному, какъ слѣдуетъ быть... Вѣдь, вотъ сидимъ вмѣстѣ, пьемъ чай, разговариваемъ, а не събли другъ друга. И дѣла раньше дѣлали... Чего же Емельяну поперекъ дороги вставать? Православной-то ужъ ходу никуда нѣтъ... Ежедневно ужъ такое дѣло случилось, такъ надо по-человѣчеству разсудить.

— И то я ихъ жалѣю, про себя жалѣю. И Емельянь-то ужъ въ годахъ. Самъ не маленькій... Ну, вижу, помутился онъ, тоскуетъ... Ну, я ему разъ и говорю: «Емельянь, когда я помру, дѣлай какъ хочешь. Я съ тебя воли не снимаю». Такъ и сказалъ. А про себя не могу дозволить.

Хозяинъ только развелъ руками. Вотъ тутъ и толкуй съ упрямымъ старичонкой. Не угодно ли дожидаться, когда онъ умретъ, а Емельяну ужъ подѣ сорокъ. Скоро сѣдой волосъ прошибетъ.

— Однако, я у тебя закалякался,—объявилъ гость, поднимаясь. — Мнѣ и спать пора... Я, вѣдь, какъ воробей, поднимаясь вмѣстѣ съ зарей.

— Да гдѣ ты остановился-то, Михай Зотычъ?

— А самъ еще не знаю, гдѣ, миленькій. Гдѣ Богъ приведетъ... На постоянный дворъ куда-нибудь заверну.

— Оставайся у меня. Мѣсто найдемъ.

— Мѣсто-то найдется, да я не люблю себя стѣснять... А тамъ я самъ большой, самъ маленькій, и никому до меня дѣла нѣтъ.

— Ну, съ тобой каши не сварить. Заходи какъ-нибудь.

Уходя отъ Тараса Семеныча, Колобовъ тяжело вздохнулъ. Говорили по душѣ, а главнаго-то онъ, все-таки, не сказалъ. Что болтаетъ прежде времени? Онъ шелъ опять по Хлѣбной улицѣ и думалъ о томъ, какъ здѣсь все пережѣнится черезъ нѣсколько лѣтъ и что главною причиною пережѣныи будетъ онъ, Михай Зотычъ Колобовъ.

VI.

Старикъ Колобовъ зажилъ въ Запольѣ. Онъ точно обыскивалъ весь городъ. Все-то ему нужно было видѣть, со всѣми поговорить, вездѣ побывать. Сначала всѣ дивились чудному старику, а потомъ привыкли. Городъ нравился Колобову, а еще больше нравилась рѣка Блючевая. По утрамъ онъ почти каждый день уходилъ купаться, а потомъ садился на бережокъ и проводилъ цѣлые часы въ какомъ-то созерцательномъ настроеніи. Ахъ, хороша рѣка, настоящая кормилица!

— А вы неладно съ городомъ-то устроились, — говорилъ Колобовъ мучникамъ, жарившимъ въ шапки у своихъ лавокъ. — Охъ, неладно!

— А чѣмъ вы провинились, дѣдко?

— Да такъ... Грѣшнымъ дѣломъ, огонекъ пыхнетъ, вы за водой, да въ болотъ и завязнете. Вѣрно говорю... Не бѣду накликаю, а къ примѣру.

Всѣ соглашались съ нимъ, но никто не хотѣлъ ничего дѣлать. Слава Богу, отцы и дѣды жили, чего же имъ иначе? Конечно, подъѣздъ къ рѣкѣ надо бы вымостить, это ужъ вѣрно, — ну, да какъ-нибудь...

Колобовъ поджидалъ сыновей, уѣзжавшихъ по дѣламъ на заводы. Они должны были вернуться давно, да что-то замѣшались. Старику пришлось проболтаться въ Запольѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, пока они вернулись. Приѣхали двое старшихъ, Емельянъ и Галактіонъ. Они одѣвались уже по-новому, въ пиджаки и сюртуки, какъ слѣдуетъ быть новымъ людямъ. Емельяну уже было подъ сорокъ и на макушкѣ у него просвѣчивала порядочная лысина. Это былъ молчаливый человекъ, занятый какими-то своими мыслями. Много-много, если взглянуть на кого, а то и такъ сойдетъ. Окладистая русая борода и строгіе сѣрые глаза придавали ему вообще довольно суровый видъ. Галактіонъ былъ моложе на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Это былъ высокій и статный молодецъ съ типичнымъ русскимъ лицомъ, только что опущенный небольшою бородкой. Ласковые темные глаза постоянно утѣбались. У старика Колобова всѣ надежды заключались въ Галактіонъ, — очень ужъ умный паренекъ издался. За что ни возьми, всякая работа горитъ въ рукахъ. Онъ и механикъ, и писарь, и бухгалтеръ, и все, что хочешь. Никакое дѣло отъ него не отобьется.

— Высмотрѣлъ я мѣсто себѣ подъ мельницу, — объяснялъ

старикъ сыновьямъ.—Всю Ключевую прошелъ — лучше не сыскать. Подъ Суслономъ, гдѣ Прорывъ.

— Что же, будемъ строиться, — согласился Галактіонъ. — Мы проѣзжали мимо Суслона. Мѣсто подходящее... А только я бы лучше на устьѣ Ключевой поставилъ мельницу.

— Далеконько отбилось устье-то, почитай въ самой ордѣ, — сказалъ старикъ, — а Суслонъ въ самомъ горлѣ... Кругомъ какъ полная чаша.

Пораздумавшись, старикъ рѣшилъ, что нужно съѣздить на устье Ключевой, до котораго отъ Заполя не больше верстъ шестидесяти.

— Посмотримъ, — бормоталъ онъ, поглядывая на Галактіона. — Только, вѣдь, въ устьѣ-то вода будетъ по веснѣ долить. Сила не возьметъ... Одна другую рѣки будутъ подпирать.

Емельянъ, по обыкновенію, молчалъ, точно его кто на ключъ заперъ. Ему было все равно: Суслонъ, такъ Суслонъ, а хорошо и на устьѣ. Вотъ Галактіонъ другое, — у того что-то было на умѣ, хотя старикъ и не выпытывалъ прежде времени.

Поѣздка на устье Ключевой являлась одною прогулкой, — такъ было все хорошо кругомъ. Сначала старикъ не соглашался ѣхать на лошадахъ и непремѣнно хотѣлъ идти пѣшкомъ, но Галактіонъ его уломалъ. Дорога шла правымъ степнымъ берегомъ, гдѣ зеленымъ ковромъ разстилались поѣмные луга, а за нимъ разлеглась уже степь, запаханная только на половину. И селитьба здѣсь пошла рѣдкая. Похаять мѣста, конечно, нельзя, а, все-таки, не то, что подъ Суслономъ. Быстро сибирскою ѣздой шестьдесятъ верстъ сдѣлали въ пять часовъ: выѣхали пораньше утромъ, а къ десяти часамъ были уже на мѣстѣ.

— Вотъ это такъ мѣсто! — проговорилъ Галактіонъ, когда дожный коробокъ остановился на мысу.

Дѣйствительно, картина была замѣчательная. Глубокой Тоболь шелъ по степи «въ трубѣ», точно въ нарочно прорытой канавѣ. Ключевая впадала съ лѣвой стороны, огибая отлогій мысъ, извѣстный подъ названіемъ Городища, потому что на немъ еще сохранились слѣды старыхъ земляныхъ валовъ и глубокихъ рвовъ. Мѣсто слиянія двухъ рѣкъ образовало громадное плесо, въ которомъ во, а сейчасъ стояла, какъ зеркало. Михай Зотычъ долго ходилъ по берегу, присматривая открывавшуюся даль изъ-подъ руки. Онъ что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, крутилъ головой и, наконецъ, вырѣшилъ все дѣло:

— Какое же это мѣсто? Тутъ надо какую плотину—страшно вымолвить... Да и весной вода вонъ куда поднимается.

Онъ показалъ размывы берега, гдѣ черта водяного весенняго уровня была налицо.

— Тутъ надо каменную плотину налаживать, да и ту проветь,—ворчалъ старикъ, тыкая своею черемуховою палкой въ водоросны.

— А я бы такъ не ушелъ отсюда,—думалъ вслухъ Галактіонъ, любуясь мѣстомъ.—Вѣдь, что только можно здѣсь сдѣлать, родитель!

— Ну-ка, што?—подразнилъ старикъ.

— Пароходную пристань вотъ тутъ, а повыше буянь для склада всякихъ товаровъ... Вотъ что!

— А пароходы гдѣ?

— За пароходомъ дѣло не встанетъ... По другимъ-то мѣстамъ вездѣ пароходы, а мы все гужомъ волокемъ. Отсюда во всѣ стороны дорога: подъ Семипалатинскъ, въ степь, на Обь къ рыбнымъ промысламъ... Работы хватить.

Галактіонъ даже закрылъ глаза, рисуя себѣ заманчивую картину будущаго пароходства. Михей Зотычъ понялъ, куда гнулъ любимый сынъ, и нахмурился. Не о пустякахъ надо было сейчасъ думать, а у него вонъ что на умѣ: пароходы... Тоже придумаешь.

— Ну, ужь ты самъ ѣзди на своихъ пароходахъ, — ворчалъ онъ, размахивая палкой,—а мы на берегу посидимъ.

— Одно другому не мѣшаетъ, родитель.

— А вотъ и мѣшаетъ! За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь... Надо выкинуть дурь-то изъ головы. Я вотъ покажу тебѣ такой пароходъ...

Повернувшись къ Галактіону, старикъ неожиданно проговорилъ:

— Я тебѣ невѣсту высваталъ, дурагу, а у тебя пароходы на умѣ. Благодарить будешь.

Галактіонъ ничего не отвѣтилъ отцу, а только опустилъ глаза. Онъ даже не спросилъ, кто невѣста. Это послѣднее окончательно во мутило старика, и онъ накинудся на своего любимца съ неожиданною яростью.

— Да ты что молчишь-то, пень березовый?... Я для него убилъ съ, хлопочу, а онъ хотъ бы словечко.

— Что же мнѣ говорить?—замаялся Галактіонъ.—Изъ твоей во я не выхожу. Не перечу... Ну, высваталъ, значитъ, такъ те дѣлу и быть.

— А для кого я хлопоталъ-то, дерево ты стоеросовое?... Ты что долженъ сдѣлать, идолъ каменный? Въ ноги мнѣ долженъ влаться, потому какъ я тебѣ судьбу устраиваю. Ты вотъ считаешь себя умникомъ, а для меня ты вродѣ дурака... Да. Ты бы хоть спросилъ, какая невѣста-то?... Ахъ, безчувственный ты истуканъ!

— Знаю, какая-такая невѣста, — уже спокойно отвѣтилъ Галактіонъ, поднимая глаза на отца. — Что же, дѣвушка хорошая... Немножко въ годкахъ, ну, да это ничего.

— Ну, а еще-то что? Ну, договаривай.

— А еще то, родитель, что ту же бы дѣвушку взять да самому, такъ оно, пожалуй, и лучше бы было. Это я такъ, къ слову... А вообще Серафима Харитоновна дѣвица вполне правильная.

— Вотъ какъ ты со мной разговариваешь, Галактіонъ! Надъ роднымъ отцомъ выкомуриваешь!... Хорошо, я тогда съ тобой иначе буду говорить.

Эта сцена больнѣе всего отозвалась на молчавшемъ Емельянѣ. Большакъ понималъ, что это онъ виноватъ, что отецъ самовольно хочетъ женить Галактіона на немилрой, какъ дѣлывалось встарину. Бойтся старикъ, чтобы Галактіонъ не выкинулъ такую же штуку, какъ онъ, Емельянъ. Вотъ и торопится... Совѣстно стало большаку, что изъ-за него заѣдають чужой вѣкъ. И что это накатилось на старика? А Галактіонъ выдержалъ до конца и ничѣмъ не выдалъ своего настроенія.

Упрямый старикъ сердился всю дорогу и все поглядывалъ на Галактіона, который не проронилъ ни слова. Подѣвзжая къ Запюлю, Михай Зотычъ проговорилъ:

— Думалъ я, по осени сыграемъ свадьбу... По-хорошему, думалъ, все дѣльце пойдетъ. А теперь другое... Да. Черезъ двѣ недѣли теперъ свадьба будетъ.

— А по мнѣ все равно, — проворчалъ Галактіонъ. — Хотъ завтра.

— Ты у меня поговори, Галактіонъ!... Вотъ сына Богъ послалъ!... Я о немъ же забочусь, а у него пароходы на умѣ. Вотъ тебѣ и пароходъ!... Самъ виноватъ, самъ довелъ меня. Охъ, согрѣшилъ я съ вами: одинъ умнѣ отца захотѣлъ быть и другой туда же... Нѣтъ, шабашъ! Будетъ веревки-то изъ меня вить... Я и тебя, Емельянъ, женю по пути. За одинъ разъ терпѣть-то отъ васъ. Для кого я хлопочу-то, галманы вы этакіе? Вотъ на старости лѣтъ въ новое дѣло впутываюсь, петлю себѣ на шею надѣваю, а вы...

Михай Зотычъ ужасно волновался и нѣсколько разъ ссылался

на покойную жену, которая еще не такъ бы поступила съ ослушниками отцовской воли.

— Она не посмотрѣла бы, что такіе лбы выросли... да! — выкрикивалъ старикъ, хотя сыновья и не думали спорить. — Вѣдь, мы такъ же поженились, да прожили вѣкъ не хуже другихъ.

Братья нисколько не сомнѣвались, что отецъ не будетъ шутить и сдержитъ свое слово. Не такой человекъ, чтобы болтать напрасно. Впрочемъ, Галактіонъ ничѣмъ не обнаружилъ своего волненія и относился къ своей судьбѣ, какъ къ дѣлу самому обыкновенному.

Вообще, вся колобовская семья была какая-то странная, что объясняется отчасти ихъ генеалогіей. Первымъ объявился на Уралѣ дѣдушка Колобокъ; онъ былъ изъ сибирскихъ бѣглыхъ. Пробираясь изъ Сибири въ Расею, онъ застрялъ на одномъ изъ горныхъ уральскихъ заводовъ, женился, да такъ и остался навсегда. Оттуда онъ былъ родомъ и кто такой — никто не зналъ, даже единственный сынъ Михей Зотычъ. Дѣдъ не любилъ говорить о своемъ прошломъ. Известно было только одно, что онъ былъ «по старой вѣрѣ». На заводахъ въ то время очень нуждались въ живой рабочей силѣ и охотно держали бродягъ, скрывая ихъ по рудникамъ, отдаленнымъ куренямъ и прискамъ. Дѣдъ такъ и прожилъ «колобкомъ» до самой смерти, а сынъ, Михей Зотычъ, уже былъ приписанъ къ заводскимъ людямъ, наравнѣ съ другими дѣтьми. Этому «заводскому сыну» пришлось пройти очень тяжелую школу, пока онъ выбился въ люди, т. е. достигъ известной самостоятельности. Время было крѣпостное, суровое, а на заводахъ царили порядки добраго каторжнаго времени. Михей Зотычъ проходилъ «механическій цехъ», потомъ попалъ къ паровымъ котламъ, потомъ на мѣдный рудникъ къ штанговой машинѣ, откачивавшей изъ шахты воду, потомъ къ лѣснымъ поставкамъ, — однимъ словомъ, прошелъ сложный и тяжелый путь. Его спасли такъ называемыя отрядныя работы, которыя сдавались своимъ же заводскимъ рабочимъ съ торговъ. Тутъ впервые сказалась вся сметка и находчивость недавняго простого рабочаго. Онъ быстро выдвинулся впередъ и началъ копить деньги. Такъ продолжалось лѣтъ десять. Въ это время Михей Зотычъ успѣлъ жениться и обзавелся своимъ домкомъ. Одно осталось у него на душѣ — и при деньгахъ онъ оставался подневольнымъ человекомъ, неся отцовское иго. Добиться воли, сбросивъ съ себя отцовскій плѣтъ, сдѣлалось завѣтною мечтою настоящего и предприимчиваго человека. Но выкупиться богатому поддочку изъ заводской неволи было немислимо: заводы не нуждались въ деньгахъ, какъ помѣщики, а отпускать отъ себя бога-

таго человѣка невыгодно, т.-е. богатаго по своей крѣпостной заводской ариметикѣ. Но тутъ спасъ Михей Зотыча счастливый случай. Нужно было соединить каналомъ одну горную рѣчку съ заводскимъ прудомъ. Русскіе инженеры, дѣлавшіе промѣры, рѣшили, что это невозможно. Ихъ смѣнилъ какой-то французскій инженеръ и подтвердилъ то же самое. Тогда Михей Зотычъ «прошелъ линію» съ своимъ бурачкомъ съ водой и заявилъ, что проведетъ каналъ, если ему дадутъ вольную. Работы по приблизительнымъ смѣтамъ равнялись тридцати тысячамъ рублей. Счетъ шелъ на ассигнаціи, но эти крѣпостныя ассигнаціи стоили дороже вольныхъ серебряныхъ рублей. Заводоуправленіе согласилось, — вѣроятно, въ видѣ курьеза, — и черезъ три года работы каналъ былъ готовъ и самымъ блестящимъ образомъ оправдалъ всѣ расчеты самоучки-инженера.

Получивъ вольную (дѣйствіе происходило въ сороковыхъ годахъ), Михей Зотычъ остался на заводахъ. Онъ арендовалъ у заводовладѣльца мельницу въ верховьяхъ Блючевой и зажилъ на ней совсѣмъ вольнымъ человѣкомъ. Нужно было снова нажить капиталъ, чтобы выступить на другомъ поприщѣ. И этотъ послѣдній шагъ Михей Зотычъ дѣлалъ сейчасъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МАЛЕНЬКИЙ ПРИХОДЪ *).

Романъ Альфонса Доде.

IX.

П О К И Н У Т А Я .

Послѣ отчаянной скачки черезъ всю Францію, тревожнаго путешествія зигзагами, подъ руководствомъ мосье Александра, съ остановками, объѣздами, всякими предосторожностями, романтическими переодѣваніями, — графиня Лидія, даже просто-графиня, съ своимъ проводникомъ и съ горничною, прибыла позднимъ сентябрьскимъ вечеромъ въ отель *Принцесса де-Лабмаль* въ Киберонѣ. Низкіе потолки, испещренные плѣсенью, тяжеловѣсный балдахинъ надъ кроватью лодкой, изъѣденной червоточинами, истомили бѣдную женщину, не дали ей уснуть всю ночь. При первомъ утреннемъ звонѣ колоколовъ, въ открытое окно съ подъемною рамой она увидѣла мрачное небо, маленькую сѣрую площадь передъ романскою церковью съ приземистымъ порталомъ, старыхъ бретонцевъ, сходящихся въ туманѣ, рычащихъ, какъ тюлени. Все это произвело на Лидію удручающее впечатлѣніе, похожее на предчувствіе той омерзительной комедіи, которую съ нею разыгрывали.

Такое гнетущее настроеніе продолжалось все утро до возвращенія мосье Александра, отправившагося на розыски семейства Бланшаръ, его родственниковъ, про которыхъ онъ сорокъ лѣтъ ничего не слыхалъ и какъ-то вдругъ вспомнилъ въ Монте-Карло, соображая, гдѣ бы найти пріютъ для преслѣдуемыхъ влюбленныхъ. Въ двѣнадцать часовъ онъ вернулся съ сіяющимъ лицомъ. Всѣ Бланшары, большіе и малые, времени его дѣтства, покоились на песчаномъ кладбищѣ Киберона на берегу моря, — всѣ Бланшары, кромѣ

одного дяди, капитана дальняго плавания, находящагося постоянно въ отлучкѣ, врознь съ женою, жившею одиноко въ маленькомъ палевомъ домикѣ на набережной Портъ-Алигана.

«Тетушка съ палевымъ домикомъ», — какъ прозвалъ ее Александръ, — соглашалась отдать внаймы графинѣ помещеніе съ мебелью, готовить ей кушанье такъ же, какъ и графу, когда онъ сюда пріѣдетъ, и прислать даже, послѣ завтрака, экипажъ за мадамъ Лиди, въ багажомъ и горничной. Все это слажено за очень умѣренную плату, не говоря уже объ удовольствіи жить на берегу, сторожить приходъ яхты Шарлексиса, мчащейся въ гавань на всѣхъ парусахъ и пристающей чуть не къ самому дому.

Бургъ Биберонъ расположенъ по срединѣ полуострова, между двумя портами: одинъ ближній—Портъ-Марія на заливѣ *Мерз-Соважъ* (Дикое море), другой—на *Морбигентъ* (Малое море), Портъ-Алиганъ, въ разстояніи одного льѣ, куда идти надо по глухимъ переулкамъ и закоулкамъ съ низенькими стѣнами, огораживающими фермы и сады, сущіе притоны всякаго сброда.

Когда Лидія подѣхала къ спокойному маленькому порту, съ его каменнымъ бѣлымъ семафоромъ на оконечности мола, съ его набережными дальнихъ факторій, обстроеными низкими домами, кабаками, сараями и складами, туманъ уже разсѣялся и съ нимъ исчезло давящее уныніе этого утра. Мягкій свѣтъ золотилъ море и ломанныя очертанія окружающихъ холмовъ, Портъ-Навало, Сень-Жильда. Тихій рокотъ волнъ представлялъ полный контрастъ съ грохотомъ прибоя «Дикаго моря», день и ночь бушующаго по ту сторону полуострова. У входа въ гавань ярко выдѣлялся палевый домикъ и еще сильнѣе, чѣмъ его стѣны, сверкала чепецъ тетушки Бланшаръ, съ утра занятой чистой комнатъ и мебели краснаго дерева въ ожиданіи постояльцевъ.

Для странницы-фантазёрки былъ какъ разъ подходящимъ пріютомъ этотъ домикъ на берегу у самаго моря, и все въ немъ: стѣны, каминны, мебель, раковины, кораллы, морскія растенія, фигурки, вывезенныя изъ Индіи и Китая, — напоминало о путешествіяхъ, объ экзотическихъ странахъ, а море, такъ пылко и такъ неудачно любимое молодою женщиной, колыхалось подъ его окнами, отражалось во всѣхъ зеркалахъ, играя парусами своихъ рыбацкихъ лодокъ, уходящихъ и возвращающихся въ опредѣленные часы, точно стая бѣлыхъ чаекъ. Но какое одиночество и сколько лишений для любящей роскошь и тщеславной молодой женщины! Маякъ, зажигавшійся каждый вечеръ въ лиловой дымкѣ сумерокъ, не могъ замѣнить блеска столовой въ ресторанѣ Монте-Карло въ часъ ужина,

Когда Лидія входила туда подъ руку съ юнымъ графомъ. Такъ же очно пустынный видъ песчанаго берега, прославленнаго и освященнаго трагическими событіями временъ революціи, и нѣсколько шпействъ, пріѣхавшихъ на морскія купанья изъ ближнихъ провинцій, весьма мало напоминали графинѣ восхищенную толпу шведовъ, венгровъ, поляковъ и русскихъ, любовавшихся ея туалетами въ волшебныхъ садахъ игорнаго дома. Здѣсь всѣ сторонились отъ знакомки, одинокой и слишкомъ красивой. Чтобы составить о ней все мнѣніе и заговорить съ нею, выжидали появленія графа, который долженъ былъ прибыть къ ней на своей яхтѣ. Когда онъ будетъ здѣсь? Этого никто не зналъ, — крайне неопредѣленно время плаванія парусныхъ судовъ.

Вначалѣ Лидія не особенно скучала. Все было ново для нея, и этотъ край, и устройство квартиры, и боязнь появленія мужа. Каждое утро къ ней приходилъ за приказаніями мосье Александръ, все еще проживавшій въ гостиницѣ въ Киберонѣ. Когда онъ, длинный и вытянутый, появлялся у окна пріемной палеваго домика, гдѣ пріезженная Лидіей горничная болтала съ тетужкой Бланшаръ, его злая старая морда, вся испещренная пятнами, и мошенническіе, вѣчно бѣгающіе глаза наводили ужасъ на служанку, замѣнившую розину.

— Вы - то, сударыня, считаете ли его, по крайней мѣрѣ, за опаснаго человѣка? — говорила камеристка. — А вотъ на меня, какъ онъ уставится глазами, да скажетъ вдругъ: «Агарита, не проходите?» — и только, ни слова больше, такъ дрожь нападаетъ отъ страха услышать какія-нибудь отвратительныя откровенности.

Лидія успокаивала дѣвушку:

— Я ребенкомъ еще знала Александра.

И на самомъ дѣлѣ, когда она была въ сиротскомъ пріютѣ въ Суази, Александръ представлялся ей важною фигурой на большой дорогѣ, въ фантастическомъ колейдоскопѣ лицъ, развлекавшихъ ея детские взоры. Слѣды этихъ раннихъ впечатлѣній врѣзываются такъ глубоко въ наше сознаніе, что и теперь еще она относилась къ мосье Александру съ большою аттенціей. О, еслибъ она могла взглянуть въ эту узколобую голову жестокосердаго отпущенника, полную яда и ненависти къ безродной сиротѣ, къ маленькой цыганочкѣ, сдѣлавшейся богатою особой и барыней! Если бы только попалось ей въ руки письмо, въ которомъ этотъ зловѣщій нахаль соблаждалъ герцогинѣ подробности своего появленія въ Монте-Карло: «Ну!... Спасайтесь!»...

Владѣть такими скверными ухищреніями могъ только быв-

шій холопъ, злой рабъ, ожесточенный тридцатью годами низки пресмыканій, которыя онъ съ упоеніемъ вымещаетъ на барынь, «госпожъ».хлопоталъ онъ не изъ-за денегъ только и въ Биберонъ проживалъ не изъ-за того лишь, чтобы покончить счета, а и ради удовольствія караулить свою жертву, лично объявить о разрывѣ, «прямо въ ручки ей поднести это», какъ онъ говорилъ съ лакейскою изысканностью. Радостная минута приближалась со дня і день.

Однажды, впрочемъ, онъ былъ неприятно удивленъ, испуганъ возможностью совсѣмъ непредвидѣнной развязки.

— Александръ, смотрите, смотрите туда, въ сторону семафора, — крикнула ему Лидія изъ окна палеваго домика, руками защипывая глаза отъ свѣта. — Вѣдь, это яхта Шарлексиса!

Циническая и молчаливая усмѣшка искривила высобленнаго лакейское лицо.

— Было бы довольно удивительно, — проворчалъ бывшій слуга, снисходительно обращая глаза къ молу.

Скоро, однако, онъ сталъ тревожно вглядываться въ подходщій корабль, своимъ видомъ, оснасткой и размѣрами совершенно сходный съ яхтой *Bleu-Blanc-Rouge*. Онъ, несомнѣнно, былъ і здѣшній, такъ какъ взялъ мѣстнаго лоцмана, шлюпка котораго шла за нимъ на причалѣ, вѣроятно, «англичанинъ», по словамъ нѣсколькихъ старыхъ рыбаковъ, сторожей маяка и таможенныхъ немногочисленныхъ обитателей Портъ-Алигана въ этотъ часъ дня подошедшихъ къ палевому домику, чтобы вблизи посмотреть і яхту. Съ каждою минутой сходство дѣлалось очевиднѣе, и Лидія уже узнавала на залитой солнцемъ палубѣ, у рулевого колеса, массивную фигуру капитана Нюитта и его рыжую бороду ожерельемъ

— Такъ и есть... навѣрняка такъ... — ворчалъ Александръ, совершенно уничтоженный, и тише, себѣ въ галстукъ, прибавилъ: — Штука скверная!... Есть ли какая возможность сладить что-нибудь серьезное, послѣдовательное, съ такимъ вертопрахомъ, какъ этотъ мальчишка Шарлексисъ? Видимое дѣло, что его опять заблуждаетъ влеченіе къ графинѣ. И везетъ же ей, этой гадинѣ... А голпода-то тамъ, въ Гробургѣ, что они заговорять? А деньжата, чи должны перепасть за выставку этой дамы, за ея секретныя роды, — весь уловъ въ мутной водѣ, чѣмъ это замѣститъ?...

Изымляя уже новыя каверзы, мосье Александръ направлялся къ семафору, чтобы первымъ встрѣтить своего юнаго патрона Тамъ догнала его Лидія въ платьѣ и въ шляпкѣ, которыя особенно нравились Шарлексису, сама — бѣленькая и раздумная

мися отъ морского вѣтра и солнца, какъ дикая гвоздика, цвѣту-
тъ на дюнахъ.

Почти въ то же время шкуна, подъ сильнымъ напоромъ вѣтра, вошла на разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ мола и сдѣлала раз-оборотъ. На кормѣ крупными буквами сверкало ея названіе: *Amphitrite*. — *Кардифъ*. Это было торговое судно, построенное на той верфи съ яхтой *Bleu-Blanc-Rouge*, только нѣсколько большаго вмѣстимости, нагруженное маслѣбойными жмыхами и не имѣющее ни признака комфорта роскошной яхты.

— Я такъ и соображалъ... ему прибыть рано, слишкомъ еще рано.

И старый негодяй поглядывалъ на нѣжное личико молодой женщины, съ наслажденіемъ слѣдилъ за его нервными подергиваніями, раженіемъ обманутыхъ ожиданій. Десять минутъ спустя *Amphitrite* вошла въ маленькую тихую гавань, которая тотчасъ же засмѣлась скрипомъ ея снастей и шумнымъ споромъ капитана съ лоцманомъ. Голоса такъ и гремѣли, но никто не понималъ по-английски въ маленькомъ портѣ, и пререканія никогда бы не кончились, если бы Лидія не припомнила уроковъ ирландки и не предложила бы своихъ услугъ въ качествѣ переводчицы.

Интересный сюжетъ для картины современнаго художника представляла эта изящная парижанка, сидящая среди палубы на сверкающемъ канатѣ въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ смолы и мажорныхъ жмыховъ. Передъ молодою женщиной англичанинъ, рыцарскій великанъ апоплексическаго сложенія, бушуетъ съ маленькимъ стоицеи-лоцманомъ, чернымъ, лохматымъ, похожимъ на обезьяну, а матросы убираютъ снасти и удивленно поглядываютъ на странную набережную, на низенькіе, рѣдко раскинутые домики, какъ бы недоумѣвая, зачѣмъ они сюда попали. Да и вправду, подъ шумъ волнъ и прибой о скалы, лоцманъ крикнулъ: «Портъ-Марія», — капитану послышалось «Портъ-Лоріанъ», и онъ взялъ лоцмана на бортъ, такъ какъ грузъ *Amphitritы* шелъ въ Лоріанъ. Противъ вѣтеръ не давалъ войти въ Портъ-Марія, лоцманъ завелъ корабль на другую сторону полуострова, въ затишь маленькой бухты Портъ-Алигана, ничуть не похожую на обширную и шумную гавань, въ которую предполагалъ попасть англичанинъ. Къ счастью, тихій голосъ переводчицы, ея красивое платье и сапфирные глаза скоро всѣхъ помирили, за то ей самой пришлось потомъ отдѣлываться отъ великодушія капитана, сильно воспламенившагося этимъ испанскимъ явленіемъ и послѣдовательно предлагавшаго очаровательной Мирандѣ, сошедшей на палубу его корабля, то бутыл-

ку стараго портвейна, то морскую подзорную трубку, яванскіе туфли, томагавкъ, двуручную японскую саблю. Погончили отъ тѣмъ, что, все-таки, навязалъ Лидіи въ подарокъ маленькій американскій револьверъ, системы *буль-догъ*, который суровый капита дальнихъ плаваній носилъ заряженнымъ въ карманѣ въ качествѣ послѣдняго аргумента противъ покушеній на грабежъ лодчановъ таможенныхъ и всякихъ иныхъ закономъ установленныхъ мошенниковъ.

Едва оправившись отъ только что пережитаго волненія, мось Александръ испыталъ вторичное, еще болѣе сильное потрясеніе. Въ гостиницѣ за чашкою кофе онъ развернулъ *Petit Journal* прочелъ слѣдующее извѣстіе: « Въ ночь съ 27 на 28 сентября яхъ князя Ольмюцкаго, *Bleu-Blanc-Rouge*, столкнулась съ испанскою миноноскою въ виду Болеарскихъ острововъ и моментально пошла ко дну. Спаслись какимъ-то чудомъ только князь и корабельный поваръ, взятые на бортъ случайно проходившимъ судномъ, направлявшимся въ Марсель съ грузомъ апельсиновъ, и только что прибыли въ этотъ городъ ».

— Зачѣмъ ему было отправляться на Болеарскіе острова? таковы были первыя слова, сказанныя Лидіей послѣ того, какъ сообщили эту новость, безъ малѣйшихъ предосторожностей. — И монахо въ Киберонъ это совсѣмъ не по пути.

— Ахъ, знаете, яхта парусная... вѣтромъ мало ли куда несетъ, — возражалъ старый лакей съ насмѣшливымъ подергиваніемъ всѣхъ морщинокъ, бороздившихъ его лицо.

И тотчасъ же онъ предложилъ свои услуги отправиться на рыбѣдки въ Гробургъ, куда его молодой господинъ, навѣрное, захѣдетъ записаться деньгами. А, впрочемъ, онъ, Александръ, готовъ во все исполнять волю графини, такъ какъ онъ въ ея полномъ распоряженіи, по приказанію сына его господъ, — слѣдовали униженныя увѣренія въ преданности, рабскіе поклоны, всѣ холопьи штуки и извороты, всѣ гримасы его прежняго ремесла.

— Да, да... съѣдите, — говорила Лидія, все также доверчиво, но болѣе, чѣмъ когда-либо, задумчиво.

Въ интеллектуальныхъ потемкахъ, въ которыхъ бродитъ большинство людей, случаются событія, моментально, точно молніе освѣщающія вдругъ самыя мрачныя глубины пропасти. Несчастное переданное маленькою газеткой, такимъ именно свѣтомъ озарило молодую женщину. Что бы случилось съ нею, если бы Шарлемъ умеръ? Лидію, невѣдавшую никакихъ корыстныхъ помысловъ, и сколько не пугала перспектива нищеты. Что же было причини

внезапнаго ужаса, охватившаго ее при одномъ предположеніи о смерти князя? Единственно то, что она къ возможности лишиться любимаго человѣка отнеслась почти съ такимъ же равнодушіемъ, какъ къ разлукѣ съ кѣмъ бы ни было изъ знакомыхъ людей. Да развѣ же она его не любила? Вотъ то-то, что нѣтъ. До этой минуты она еще сомнѣвалась въ томъ, теперь доказательство было налицо. Она послѣдовала за Шарлексисомъ изъ тщеславія, отъ скуки и томительнаго однообразія, изъ потребности видѣть новыя страны и испытать нежданнаго ощущенія. Но въ самомъ пылу ихъ ласкъ что-то двоилось въ нихъ обоихъ, постоянно раздѣляло ихъ, — что-то холодное и непроницаемое, охватывавшее его точно вѣрноп закаленнымъ тонкимъ панцыремъ, дававшимъ ему возможность наносить какія угодно раны и оставаться самому неуязвимымъ въ неравномъ и предательскомъ поединкѣ безъ свидѣтелей и безъ оружія, какимъ была ихъ любовь. Два или три раза ей страшно ставилось съ Шарлексисомъ, — страшно отъ иныхъ его улыбокъ, отъ приходившихъ ей на память словъ его отца: «Онъ чудовище... я вамъ говорю, что онъ чудовище». И образъ приходящаго въ отчаяніе генерала, его пламенные и честные глаза, столь отличные отъ глазъ Шарлексиса, окончательно умаляли въ сердцѣ молодой женщины ея любовника, ради котораго она всѣмъ пожертвовала. О, если бы была возможность измѣнить все это, вернуться къ тому времени, когда впереди открывалась жизнь, прямая и простая, въ нежданномъ бракѣ съ хорошимъ, честнымъ человѣкомъ! Какъ могла она броситься въ этотъ омутъ, безумно, безъ страстной любви, безъ радостей? Теперь что ждетъ ее? Чѣмъ кончится все это?

Такъ раздумывала она, вздрагивая, не зная, что предпринять, а въ вечернемъ сумракѣ поднимался туманъ, волны мѣрно рокотали о камни набережной. Паруса возвращающихся лодокъ скользили неслышно, точно призраки. Вдругъ на оконечности исчезающаго въ потемкахъ мола свергнуло пламя, высокое и яркое: то вспыхнула лампа семафора. Въ то же время, Лидія почувствовала какой-то толчокъ, необъяснимый вначалѣ, но вскорѣ повторившійся, понятый, наполнившій ее дивною радостью. Ребенокъ, ихъ дитя, о которомъ она совсѣмъ было забыла, давалъ впервые знать о своемъ существованіи. И вся она преобразилась, какъ бы волшебствомъ какимъ, передъ нею открылась цѣль жизни, мелькнулъ путеводный свѣтъ. Даже отецъ этого ребенка сталъ казаться ей болѣе человѣчнымъ, менѣ темнымъ, не такимъ далекимъ. Пѣсни и крики наполнили гавань. Вѣсла шумно падали въ лодки, а по набережной изъ темныхъ дверей домовъ прорывались красные огни сквозь ту-

мань, слышался трескъ дровъ, горящихъ въ очагахъ, веселый смѣхъ дѣтей.

Не получая цѣлую недѣлю никакихъ извѣстій, Лидія не тревожилась: она знала, что, разъ попавши въ Гробургъ, князю не легко будетъ вырваться оттуда вторично. Съ каждымъ днемъ убывало въ городкѣ число прїѣзжихъ на купанья, и палевый домикъ становился все болѣе и болѣе одинокимъ. Несмотря на исключительно теплую погоду, по усилившимся туманамъ, по переливамъ свѣта, принимавшаго въ извѣстные часы отбѣнки стараго золота, по унылымъ и протяжнымъ тонамъ вѣтра, по стремительности полета чаекъ уже чувствовалось, что лѣто подходит къ концу. А по ту сторону полуострова все разрастался ревъ «Дикаго моря», каждый валъ разбивался о скалы съ грохотомъ артиллерійскихъ орудій.

— Что же это такое зимой-то будетъ, сударыня?... Ужасъ, должно быть,—говорила Лидіи ея горничная Агарита, цѣлые дни проводившая за шитьемъ съ тетушкой Бланшаръ, отъ нея доподлинно знавшая этотъ край и вздрагивавшая при мысли о возможности остаться на зиму въ такой глуши. Прозванная здѣшними обывателями *le Trou du souffleur*—скала, которая свищетъ и гудеть позади Порты-Маріа, издаетъ страшные звуки, какъ только наступаетъ ноябрь, не даетъ людямъ спать по цѣлымъ ночамъ. По эту сторону море не такъ свирѣло, но за него здѣсь бушуетъ недобрый народъ.

И Агарита рассказывала своей госпожѣ про драки, происходящія въ Портъ-Алиганъ между здѣшними рыбаками и финистерскими разбойниками, заходящими ловить рыбу въ этихъ мѣстахъ. Подъ мрачнымъ зимнимъ небомъ, подъ непроницаемыми туманами и безконечными дождями, когда лампы остаются зажженными весь день, какъ ночью, когда лодки не могутъ выходить въ море, въ этомъ крошечномъ портѣ можно увидать, какъ двѣсти-триста моряковъ, вопящихъ и пьяныхъ, выдаются громить кабаки, отгазывающие имъ въ выпивкѣ, какъ ихъ нападенія отбиваютъ засовами, рычагами и ведрами кипятка, и какъ эти пьяные сцѣпляются потомъ драться между собой, точно бѣшеные, бьютъ другъ друга на смерть, барахтаются въ грязи набережной, цѣлыми кучами слтаываются въ воду.

— Не волнуйтесь, моя милая, мы уѣдемъ, не дожидаясь всѣхъ этихъ ужасовъ,—отвѣчала Лидія, дорожившая своею служанкой, взятой съ улицы Ліона, большою рохлей и довольно глупой, но единственнымъ живымъ существомъ, на лицѣ котораго молодая женщина видѣла нѣчто иное, кромѣ подозрительности и недобро-

желательства. Передъ отъѣздомъ мосьё Александръ шепнулъ те-тушкѣ Бланшаръ, что ея жилища попала въ графини только съ лѣвой стороны, и отъ Портъ-Алигана до Киберона не было ни одного камня на дорогѣ, который не подхватилъ бы сплетни, не передалъ бы ее сосѣднему камню въ еще болѣе грязномъ видѣ. Такова была причина недоброжелательства, которое покинутая женщина чувствовала со всѣхъ сторонъ и на каждомъ шагу. Ея гордость страдала отъ этого, но весьма мало, такъ какъ теперь она знала, что у нея будетъ ребенокъ, и онъ захватывалъ все больше мѣста въ ея жизни. Къ тому же, она почти не выходила изъ дому. Какіе-то завязіе шотландцы оставили въ Плоермелѣ фортепіано, Лидія получила его оттуда и цѣлыми днями, смотря по направленію вѣтра, посылала переливы своихъ фантазій то въ сторону тихаго и гуллаго порта, то къ береговой полосѣ, съ каждымъ днемъ становившейся все пустыннѣе.

На обширной песчаной равнинѣ у моря, гдѣ пали когда-то шуани Сомбрѣля, оставалось всего двѣ или три будочки запоздавшихъ гунальщиковъ, отчаянныхъ любителей, выжидавшихъ прибытія флота и опытовъ ночного боя. Чтобъ избѣжать непріязненныхъ и завистливыхъ взглядовъ, враждебныхъ улыбокъ, точно грязью забрызгивавшихъ ее по вечерамъ, Лидія никогда не проходила въ ту сторону. Любимымъ мѣстомъ прогулки былъ для нея молъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ она перестала ждать яхту, вглядываться въ морскую даль, надѣяться и постоянно разочаровываться, нервничать при каждомъ появленіи парусной шкуны. Станнымъ начинало казаться, однако, что нѣтъ писемъ отъ Шарлексиса, ни даже отъ Александра. Въ воскресенье, наконецъ, въ первое воскресенье октября мѣсяца, день парусныхъ гонокъ и большаго гулянья въ Киберонѣ, получилось письмо, но не такое, какого она ждала.

Въ этотъ день Лидія въ первый разъ провела часъ на морѣ безъ тѣхъ ужасныхъ страданій, которыя дѣлали невозможными для нея такіе бы то ни было плаванія. Правда, лодка не двигалась, — лопчанская лодка, назначенная служить цѣлью для состязающихся судовъ, — и погода, къ тому же, стояла чудная, тихая, на всемъ заливѣ ни малѣйшей ряби, море неподвижно, точно застыло, оживленіе же только искрещалось блескомъ лѣтнаго солнца, ошибкой забралъ пагося въ осеннюю пору.

- Поѣдьте со мною, сударыня, — предложилъ ей лопчанъ, оста- мійся пріателемъ Лидіи со времени ея посредничества на Ам- бинъ мидь, — ручаюсь вамъ за то, что съ моей лодки вы все уви-

дите лучше, чѣмъ съ эскадры господина подпрефекта или господина комиссара флота.

Уже болѣе часа они ждали очень далеко отъ берега на обширной бухтѣ, затерянные между моремъ и небомъ, въ чистой, какъ кристаллъ, атмосферѣ, мягкой и теплой, до того прозрачной, что восхищеннымъ людямъ казалось, будто они плывутъ по воздуху. Никогда Лидія не чувствовала себя настолько близкою къ небу. О, какъ сладко было бы сжимать руку друга въ этомъ дивномъ затишьѣ, въ мирномъ покоѣ!

— Ничего не видно тутъ, — шептала Агарита.

И всего любопытнѣе было то, что въ такой дали отъ берега, гдѣ не видно уже ни малѣйшей тѣни, по блестящему и гулкому зеркалу воды до нихъ явственно доносились волны звуковъ, весь шумъ праздника въ Портъ-Алиганъ, звонъ колоколовъ, крики, переливы бретонской волюнки, трескъ барабановъ и ревъ трубъ. Не видно было ничего, за то все слышно. На носу лодки кто-то проговорилъ: «Точно съ неба все это доходитъ!» Вдругъ раздался сигнальный выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ крикъ толпы, въ которомъ рѣзко выдѣлялись визгливые голоса дѣтей. Затѣмъ наступила тишина.

— Вотъ они! — крикнулъ лоцманъ, поднимаясь на ноги.

Лодки неслись длинною вереницей, переднія почти бортъ съ бортомъ. Откуда брали онѣ вѣтеръ, вздувавшій ихъ паруса, натягивавшій шкоты, чуть не разрывавшій здоровенные мускулы моряковъ, гнавшій ихъ мощнымъ дыханіемъ, шумъ котораго въ снастяхъ далеко опережалъ ихъ? Ихъ высокія крылья фантастически-гигантскихъ птицъ, бѣлыя и рыжія, едва развернулись на синевѣ воды и неба, какъ онѣ были уже тутъ, огибали лоцманскую лодку, привѣтствовавшую ихъ громкими «ура», и проскальзывали настолько близко отъ нея, что однимъ толчкомъ снесенная рея разлетѣлась въ дребезги, снасти спутались, сама лодка затрещала, послышались испуганные крики женщинъ, ругательства матросовъ. Длилось это мигъ одинъ, и Лидія успѣла только посмотреть вслѣдъ убѣгающему финистерцу, натворившему это, мелькнувшему призракомъ съ коричневымъ парусомъ, съ экипажемъ настоящихъ пиратовъ, желтыхъ, какъ водка изъ виноградныхъ выжимокъ, которою они напились, смотрящихъ обезумѣвшими глазами изъ-подъ мокрыхъ прядей волосъ, облипшихъ на ихъ лицахъ утопленниковъ. Слѣдовавшій за ними американецъ, — любительская гичка, серебристо-сѣрая и изящная, — заставилъ дрогнуть сердце молодой женщины, такъ какъ его экипажъ напомнилъ ей щеголеватыхъ матро-

совъ славнаго Нюитта. И когда сидящій у руля джентльменъ, высокій нью-йоркецъ въ очкахъ, менѣе элегантный, конечно, чѣмъ Шарлексисъ, поклонился Лидіи при поворотѣ, на ея красивые жемчужные глаза набѣжали слезы.

Вся прелесть гонки исчезла для нея. Пираты и сардинчики, рыбаки изъ Нуармутъе и съ ближнихъ острововъ проскальзывали мимо, поворачивали и уносились вдаль, а Лидія смотрѣла на нихъ безучастнымъ взглядомъ, какъ на спующихъ надъ водою чаекъ или ласточекъ, вся отдавшись своимъ думамъ объ отсутствующемъ, объ отцѣ своего ребенка. Ея любовь, — жалкое подобіе любви, — превратилась уже только въ сознаніе отвѣтственности, и первыя жнныя чувства материнства шевелились въ глубинѣ души женщины. Когда она вернулась къ себѣ, ничто уже не могло отвлечь ее отъ этой сладкой думы. Ничего она не хотѣла видѣть и отпустила свою горничную одну любоваться набережными Портъ-Алигана, кипащими пестрою, живописною толпой, плясками матросовъ, комиссаромъ флота, разукрашеннымъ галунами, какъ перуанскій генераль, сидящимъ за маленькимъ столомъ у трактира и раздающимъ медали за гонки, слѣдовавшими затѣмъ состязаніями на волынкахъ, конкурсомъ плаванія... Въ теченіе вечера горничная спросила у мадамъ Бланшаръ большой фонарь, необходимый для ходьбы по маленькимъ перекрещивающимся переулкамъ, и кое-какъ уговорила свою госпожу дойти вмѣстѣ до Биберона посмотреть пляски.

Съ моря потянулъ холодный вѣтерокъ подъ яснымъ небомъ, усыпаннымъ звѣздами, но въ городкѣ стояла духота отъ животныхъ и людей, скученныхъ въ тѣсныхъ переулкахъ и на площади, кругомъ обставленной распряженными экипажами. Тутъ-то и происходили танцы подъ музыку «на губахъ», «потому что всѣ волынки слишкомъ пьяны», какъ сообщила Лидіи молоденькая дѣвушка въ сѣренькомъ платьицѣ. Толпа обступала два или три круга танцующихъ, изъ которыхъ самый красивый выплясывалъ у отеля *Принцессы Ламбаль*. Одинъ изъ слугъ гостиницы узналъ Агариту, не безъ труда помогъ ей и Лидіи пробраться въ первый рядъ зрителей и поставить ихъ большой фонарь передъ ними на землю въ двойной рядъ ламп чекъ и плашекъ, обдававшихъ танцующихъ красноватымъ свѣтомъ и копотью. Такъ же точно была освѣщена и вся площадь, наполненная фонарями всѣхъ одноколокъ, телѣжекъ, шарабановъ, колыхавшихъ дилижансовъ, доставившихъ сюда окрестныхъ обывателей и служившихъ имъ разнокалиберною и подвижною эстрадой, на которой выдѣлялись изъ темноты жестикулирующіе силуэты.

Люблю дѣвиць я въ красныхъ юбкахъ,
 А болѣе того—
 Люблю я въ юбкахъ синихъ,—

распѣвали хриплые и надорванные голоса рыбаковъ съ прито-
 пываніемъ въ тактъ толстыми башмаками. Отъ этихъ мѣстныхъ
 «рондо» стонъ стоялъ, отъ кружащихся пестрыхъ верениць въ бѣ-
 ломъ и черномъ грубомъ сукнѣ, отъ смѣха и дыханія поднимались
 тяжелыя испаренія, смѣшанныя съ взметанною ногами пылью, съ
 дымомъ трубокъ и сирадомъ плошекъ. Отъ времени до времени
 освѣщенная часть декораціи сдвигалась съ мѣста, оставляла въ
 потемкахъ цѣлый уголокъ праздника: то уѣзжали одни за другими
 дилижансы и колымаги съ своими фонарями, съ своими припѣвами,
 замиравшими вдали переулковъ:

Изъ юбокъ красныхъ,
 Юбокъ синихъ,
 Я больше синія люблю...

Мало-по-малу площадь погружалась въ совершенный мракъ.
 Уменьшившіеся круги пляшущихъ соединились въ одинъ хороводъ,
 вертѣвшійся при вспыхахъ догоравшихъ плошекъ и звѣздъ, кото-
 рые становились виднѣе, какъ слышнѣе сталъ гулъ дикаго моря.
 Его басовые аккорды служили аккомпаниментомъ пѣсни, начатой
 отчаянно-ускореннымъ темпомъ:

Наколемъ дровъ,
 Борошь,
 Растопимъ печь,
 Любовь.

Тяжелыя юбки развѣвались, неистово вопили охрипшіе голоса
 въ темномъ углу площади гудѣлъ вѣтеръ и кружилъ пыль.

— Пойдемъ домой,—прошептала Лидія, охваченная такою же
 странною тревогой, какую она испытала въ вечеръ своего приѣзда
 у окна гостиницы, выходящаго на эту самую площадь.

Агарита взяла фонарь и онѣ направились къ себѣ темными за-
 коулками, по которымъ едва бродили шатающіяся тѣни, цѣпляясь
 за стѣны, съ пьяну падали у заборовъ и засыпали, бормоча при-
 пѣвъ плясовой пѣсни:

Растопимъ печь,
 Любовь.
 Красотея спи,
 Покуда ночь.

На фермахъ лаяли собаки, заставляли Лидію и ея спутницу ускорять шагъ, говорить теще.

— Смотрите, сударыня, огни вонъ тамъ въ морѣ... за этою рябиной, какъ будто флотъ.

Агарита просто бредила этимъ флотомъ, и весь Киберонъ тоже. Отецъ *Ламбаль* былъ набитъ биткомъ пріѣзжими изъ Портъ-Навало, изъ Вана, изъ Нанта, даже изъ Парижа, собравшимися смотреть морскіе маневры. Слуга гостиницы, пріятель Агариты, разсказывалъ ей что-то про одну парижскую даму, пріѣзжавшую съ своею кузиной, довольно хорошенькою толстушкой:

— Вамъ не сказали фамиліи этой дамы? — спросила Лидія, взволнованная страннымъ совпаденіемъ. Не почудилось ли ей, будто во время танцевъ она видѣла на балконѣ гостиницы знакомый силуэтъ женщины, гордой осанки, съ открытою головою, совершенный портретъ ея свекрови? Но Агарита не знала именъ пріѣзжихъ. Въ тому же, появленіе госпожи Фениганъ въ Киберонѣ представлялось совсѣмъ невѣроятнымъ. Очевидно, ей это представилось только, какъ бываетъ иногда, когда мысль долго сосредоточена на чемъ-нибудь одномъ. Во весь день у Лидіи изъ головы не выходило ея прошлое. Что же мудренаго въ томъ, что оно стало вызывать призраки? Такова отчасти галлюцинація Агариты, до того занятой разговорами о флотѣ, что ей уже мерещатся его огни со всѣхъ сторонъ горизонта. А вернувшись въ Портъ-Алиганъ, онѣ на всемъ необозримомъ пространствѣ океана не видали никакихъ иныхъ огней, кромѣ горящаго на семафорѣ, и лампы, зажженной въ нижнемъ этажѣ палеваго домика, единственнаго жилья на берегу.

Подъ этою лампой, на самомъ виду, лежало письмо. Лидія тотчасъ же распечатала его и въ немъ нашла, наконецъ, разгадку своей ужасной тревоги первыхъ дней, проведенныхъ въ этомъ краю, и странной тоски, вновь подступившей въ этотъ самый вечеръ, точно предчувствіе, что именно здѣсь, на этихъ берегахъ, а не въ какомъ мѣстѣ, долженъ разразиться надъ нею жестокой ударъ судьбы. Лидія съ трудомъ разбирала посланіе москѣ Александра. Оно было длинно, глупо и живо съ первой строки до послѣдней. Молодая женщина съ ужасомъ пробѣгала глазами нескладное царпанье старца лакея, запоминая лишь мимоходомъ нѣкоторыя выраженія: «... былъ принужденъ подчиниться... вольноопредѣляющимся... въ лагунахъ... деньги у нотариуса... обезпеченіе на ребенка»... Въ концѣ былъ ясенъ: «Все покончено, онъ васъ бросаетъ. Приготовьте вашъ счетъ, я пріѣду и расплачусь, а пишу вамъ заранѣе, чтобъ избѣжать всякихъ пререканій».

Она отлично знала, что все это должно кончиться, и знала, что сбывается, когда наступит конец, — это она тоже порѣшила. Но какъ же скоро это случилось и до чего гадко!... Даже самъ не написалъ, слова задушевнаго не прислалъ на прощанье, поручилъ лакею объявить о разрывѣ!... Это было всего омерзительнѣе. Мало-помалу, освѣщая одинъ фактъ другимъ, она поняла отвратительный фарсъ, который съ нею играли, начиная съ Монте-Барло: ихъ трагическій отъѣздъ, ея потѣшное бѣгство черезъ всю Францію, зло придуманныя штуки завезти ее въ такую даль и заставить ждать такъ долго для того только, чтобы швырнуть ей это оскорбленіе, точно плевокъ въ лицо... О, Шарлей! Все это выражали ваши непостижимыя улыбки и ваши холодные, какъ камень, глаза, наводившіе такой страхъ на Лидію. «Красивое чудовище», — какъ говорилъ о немъ отецъ, — чудовище, не способное любить и инстинктивно отталкивавшее всякую задушевность и нѣжность. Такъ, именно, и долженъ былъ покончиться ихъ позорный романъ безъ любви... А эти гробургскіе господа съ ихъ деньгами, переданными нотариусу, за кого же они ее принимаютъ? Какъ! И генералъ заодно съ другими... О, болѣе всего казалась ей оскорбительною мысль, что этотъ гордый, великодушный человѣкъ, безнадежная страсть котораго порою трогала ее, могъ подумать, будто у нея продажная и корыстная душа! Такъ узнаютъ же они, какое значеніе придаетъ она ихъ деньгамъ и всему.

«Обезпеченіе на ребенка...» Да, къ довершенію всего — еще ребенокъ. Твердо порѣшивши съ перваго же дня не переживать своего безумія, она не предвидѣла подобной ироніи, что восьмилѣтнее бездѣтное супружество приведетъ къ материнству отъ перваго встрѣчнаго. Но какъ же будетъ она воспитывать этого ребенка? Не будетъ у него ни отца, ни имени, ни даже имени матери, такъ какъ не было его никогда и у нея самой. Мрачнѣйшее существованіе съ княжескою кровью въ жилахъ. Что станетъ съ нимъ, безроднымъ, покинутымъ? Не лучше ли во сто разъ покончить заодно съ собою и съ нимъ? Умереть, разумѣется. Но какъ умереть? Исчезнуть быстро, вырваться изъ этой невыносимой жизни, но какими способомъ? Море тутъ близехонько, подъ скалами. Стоить тихонько открыть окно, перешагнуть черезъ подоконникъ, пройти два шага... Мракъ ночи и воды пугаетъ ее. Надо обуваться, одѣваться, или же идти чуть не голою... А, вотъ!... — оглядывая комнату, Лидія увидала маленькій револьверъ англичанина, блестящій на каминѣ. Стоя передъ зеркаломъ, она нѣсколько секундъ вертѣла его умѣлою рукой, раздумывая о множествѣ людей и вещей, пронося-

лихся въ послѣдній разъ передъ ея блуждающими глазами, и въ тотъ мигъ, когда она низко опустила кружево сорочки, чтобы лучше направить оружіе, ее остановило сознаніе своей красоты, почти жалость увѣчить бѣлизну груди, на которой сверкала маленькая золотая медалька. Мысленно прочитавши молитву, Лидія нажимала уже курокъ, готота была выстрѣлить. Ее еще разъ остановили быстрые удары въ перегородку и голосъ Агариты:

— Сударыня! сударыня!... О, какой восторгъ!... Огни такъ и пляшутъ на морѣ!... Это онъ, онъ... флотъ!... Говорила я вамъ...

Лидія машинально повернула голову къ окну, стекла котораго дрогнули и задрезбжали отъ залпа орудій, заглушившаго отрывистый и рѣзкій выстрѣлъ револьвера «бульдога». Когда Лидія падала, длинный снопъ электрическаго свѣта, направленнаго съ кораблей на берегъ, залилъ всю комнату своими голубоватыми лучами. Они сверкнули прямо въ лицо молодой женщины, и ей чудилось, будто это-то и есть раскрывающаяся передъ нею вѣчность. Быть можетъ, такъ оно и бываетъ, разъ пронесся страшный мигъ смерти.

X.

Дневникъ князя.

В. М. де-Валлонту.

Въ Коллегію Станислава.

Я пишу вамъ съ старой мельницы, главной квартиры нашей арміи, пользуясь досугомъ между двумя сраженіями, измученный тоскою, какъ подобаешь побѣжденному, начинающему уже свѣтаться съ этимъ, ибо мы — побиваемая сторона. Я полагалъ и говорилъ вамъ о томъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Гробурга, что счастливо отдѣлался отъ нелѣпой обязанности дѣлать большіе манѣвры и уже позанился было чудеснѣйшимъ флиртомъ съ двумя сосѣдками-жидовочками, родными сестрами, изъ которыхъ одна только что вышла замужъ, а другая скоро повѣнчается. Обѣ начинали премило «клевать», хоть для обѣихъ была одна удочка и одна вышенка, какъ вдругъ телеграмма моего кузена де-Бутиныяна вынулъ меня самымъ слѣпшимъ образомъ явиться въ нашъ штабъ. «По распоряженію высшаго начальства!» — объявила мнѣ старая дура, полковникъ, подмигивая единственнымъ имѣющимся у него глазкомъ. Ничего иного я такъ и не добился отъ Бутиныяна, вѣчно боягося себя компрометировать. Мой мезиньчикъ подсказалъ мнѣ однако, что и на этотъ разъ генераль-герцогъ, мой родитель,

сыгралъ со мною злую штуку. Онъ находилъ, быть можетъ, что мое присутствіе въ Гробургѣ разводило слишкомъ много молодого веселья вокругъ его кресла калѣки. Послѣ значительнаго улучшенія ему вдругъ стало хуже и даже много хуже. Врачи приписываютъ ухудшеніе паденію генерала съ лошади. Но я былъ при этомъ и видѣлъ, какъ онъ свалился съ сѣдла, уже пораженный повторившимся ударомъ. Для меня, стало быть, его болѣзнь объясняется иную причиною. Онъ любилъ г-жу Ф... и не терялъ смутной надежды, — я въ томъ увѣренъ, — добраться до нея. Извѣстіе о ея самоубійствѣ должно было сильно потрясти его. Да, мой дорогой, несчастная женщина, узнавши, что я отказываюсь отъ нея, пустила себя пулю въ сердце, или около того. Она была при смерти недѣлю назадъ. Съ тѣхъ поръ я ничего о ней не знаю. Но можете представить себя рожу нашего москѣ Александра, отправленнаго свести съ нею счеты на прощанье и встрѣчающагося у постеля умирающей... угадайте съ кѣмъ! — съ матерью мужа, съ свекровью г-жи Ф... Какими судьбами она попала туда? Эти женщины такъ ненавидѣли другъ друга. Не было ли тамъ заодно и мужа? Я знаю только, что Александра выставили въ шею съ его предложеніями денегъ и что герцогинѣ это совсѣмъ по вкусу. Родитель же прислалъ мнѣ, по поводу этого самоубійства, самое бладищенское посланіе, сантиментальное, какъ вальсъ сороковыхъ годовъ.

Моя любовь погубила, видите ли, эту невинную душу. Сущій это вздоръ! Покончила она съ собою отъ разочарованія, отъ скуки, отъ неумѣнья справиться съ тоскливостью жизни. Я чувствую, что лѣтъ черезъ десятокъ способенъ распорядиться съ собою такъ же точно и изъ-за меньшаго повода, въ особенности, если эти десять лѣтъ окажутся похожими на тѣ нѣскольکو недѣль, которыя я провелъ въ полку. Не могу сказать, что трудна мнѣ служба: въ качествѣ секретаря и кузена полкового командира, сына моего панаши и князя самолично, я освобожденъ отъ всякихъ занятій и могу цѣлыми днями зѣвать на кровати въ комнатѣ, нанятой мною передъ самымъ красивымъ видомъ въ Меленѣ. Но этотъ Меленъ, не здѣшніе обыватели!... Чѣмъ тутъ заняться? куда пойти? съ кѣмъ? Офицеры, которыхъ я выдаю въ полковой столовой, когда кузень де-Бутиньянъ приглашаетъ меня туда, заняты такими разговорами, что въ пору только школьникамъ. Въ сущности, они, по большей части, и есть школьники. Запертые съ десяти лѣтъ въ пансіоны при лицеехъ или у монаховъ, они выходятъ оттуда лишь затѣмъ, чтобы сдѣлаться пансіонерами Сенъ-Сира или Сомюра и перейти потомъ въ казарму, т.-е. перебраться изъ одной тюрьмы въ дру-

гум. О жизни они понятія не имѣютъ, потѣшаются надъ своими бывшими воспитателями, вышучиваютъ полковника, какъ бывало вышучивали учителя, по-ребячьи и втихомолку трусливо. За исключеніемъ немногихъ честолюбцевъ, зубрящихъ и изнывающихъ за книгами, маленькихъ Бонапартовъ безъ звѣзды, мѣтящихъ попасть въ Елисейскій дворецъ или въ Сатѳри къ столбу *),— почти всѣ остальные только о томъ и мечтаютъ, какъ бы отвертѣться отъ службы и занятій, улѣзнуть въ Парижъ и кутнуть. Всѣ анекдоты сводятся къ воспоминаніямъ о школьной или гарнизонной жизни; немногіе были на войнѣ. Послѣ обѣда нѣкоторые изъ нихъ усиленно коптятъ себѣ усы сигарами и повѣствуютъ про необычныя приключенія, съ диговинными возгласами: «И закатывало же только! и задали же намъ!...»—отъ ихъ долмановъ ни дюйма, кажется, живого не осталось, все пробито насквозь... и эти скоты продолжали нестись такъ же неустрашимо, —клянусь вамъ,—какъ тѣ, что галошировали подъ ними... Потомъ, когда прислушаешься хорошенько, оказывается, что дѣло идетъ совсѣмъ не о сраженіи, а о проливномъ дождѣ, подъ который они попали въ новый годъ или 14 юля, будучи отправлены конвоировать президента сената или законодательнаго собранія. Другихъ кампаній имъ дѣлать не приходится, и они сожалеютъ объ этомъ. Сожалѣю и я, такъ какъ весьма сомнѣваюсь въ томъ, что эти господа, великолѣпные для парадовъ и конвоированій, на самомъ дѣлѣ боевой народъ и не оплошаютъ на полѣ сраженія. Храбры они, разумѣется! Да всѣ французы храбры, когда знаютъ, что на нихъ смотреть. Но обладаютъ ли они спокойною смѣлостью, способны ли подъ огнемъ непріятеля на быструю и разумную рѣшимость,—это еще вопросъ. Надо повидать смерть лицомъ къ лицу для того, чтобы получить увѣренность въ своемъ хладнокровіи, нарушаемомъ обстоятельствами и временемъ. Мой отецъ рассказывалъ мнѣ, какъ разъ, въ Брыну, состоя адъютантомъ маршала Боске, онъ былъ посланъ съ приказаніемъ къ отряду стрѣлковъ и въ ту минуту, когда ему пришлось покидать уютный и совершенно безопасный уголокъ этихъ стрѣлочковъ, нускаться въ обратный путь подъ градомъ пуль, вдругъ почувствовалъ необыкновенную тяжесть въ ногахъ и подумалъ: «я съ величайшимъ трудомъ лишь подъ зоркими и насмѣшли-

*) Елисейскій дворецъ—резиденція президента республики; „попасть въ Елисейскій дворецъ“—сдѣлаться главою государства. Сатѳри—обширная равнина близъ Версаля, обычное мѣсто маневровъ. Тамъ разстрѣляно большинство инсургентовъ во время версальскаго правительства. „Попасть въ Сатѳри къ столбу“—быть разстрѣляннымъ.

выми взглядами товарищей, начинавших соображать, что онъ *слишкомъ засиживается*. Эти нѣсколько минутъ трусости онъ считаетъ самыми отвратительными въ своей жизни. Говорилъ онъ мнѣ также про одного изъ своихъ сослуживцевъ, эскадроннаго командира африканскихъ конно-егерей, прославившагося тѣмъ, что у него дѣлались страшныя схватки въ желудкѣ всякій разъ, когда трубили атаку. Онъ держалъ у себя въ кобурѣ флаконъ чистаго абсента, который выпивалъ заразъ, накачивался скверною водкой потому, что не могъ драться иначе, какъ мертво-пьяный.

Жалкій аппаратъ наши нервы: у однихъ они будоражатся и безумствуютъ передъ опасностью, у другихъ стихаютъ и дѣйствуютъ разумно. Въ ту ночь, когда пошла ко дну моя несчастная яхта, со мною былъ на ней докторъ Энгель, очень ученый энтомологъ, спутникъ Эмина-паши. Я взялся доставить его въ Портъ-Магонъ, гдѣ онъ намѣревался изучать флору. Этотъ человекъ, неустрашимый охотникъ, отчаянный авантюристъ науки, сотню разъ видѣвшій смерть близехонько и въ самыхъ мрачныхъ видахъ, совершенно обезумѣлъ передъ водою, заливавшею яхту. Онъ рыдалъ, вопилъ, что не хочетъ умирать, кинулся душить папа Нюитта, покончившаго приказаніемъ привязать его въ рубкѣ; такъ бѣдняга и на тотъ свѣтъ отправился связаннымъ, точно арестантъ. И въ то время, какъ человекъ интеллектуальной силы Энгеля до такой степени раскисъ морально, мой экономъ прижался въ уголкѣ палубы съ чайникомъ и спиртовою лампой и, прислушиваясь къ бурчанію воды, заливавшей корабль и ломавшей перегородки, былъ озабоченъ лишь тѣмъ, чтобъ угостить меня чашкой горячаго чая, прежде чѣмъ мы нырнемъ окончательно. Онъ одинъ, впрочемъ, и былъ спасенъ, вмѣстѣ со мною, и во все время я видѣлъ, что онъ оставался спокойнымъ и хладнокровнымъ, наестественнѣйшимъ образомъ, тогда какъ мнѣ это стоило-таки *усилій*.

Въ числѣ немногихъ, у кого я здѣсь бываю, есть одинъ поручикъ резерва, охлопотавшій разрѣшеніе остаться въ полку по окончаніи маневровъ и отбыть дополнительный срокъ обученія. Пре-странные бываютъ вкусы у людей. Этотъ молодецъ въ восхищеніи отъ солдатчины, любитъ службу, строй, дисциплину. Онъ, впрочемъ, сынъ одного изъ нашихъ лѣсниковъ, котораго сенарскіе браконьеры прозвали «Индѣйцемъ». Обращаю ваше вниманіе философа на такую наследственность военнаго рабства, которой не избѣжае нашъ здоровый и крѣпкій малый, прикащикъ крупнаго парижскаго магазина шелковыхъ издѣлій. Вы знаете, что можно почувствовать голодь, глядя на могучій аппетитъ, съ какимъ иной подводчикъ (т-

хватываетъ себѣ ломтище хлѣба и запикиваетъ съ нимъ за одно въ свою пасть куски говядины или сыра. Вотъ такое же впечатлѣніе производитъ на меня поручикъ Соткѣръ. Онъ способенъ возбудить во мнѣ любовь къ военниці тѣмъ увлеченіемъ, съ которымъ самъ онъ къ ней относится, тѣмъ восторгомъ, съ которымъ исполняетъ самыя нелѣпыя ея требованія. Онъ—въ душѣ сокрушитель вражьей силы, плачетъ, читая стихи Деруллада, и умиляется передъ амуниціей, отчищенной до глянца. Не будь у него старика Индѣйца, который имъ гордится, не будь молоденькой жены, которую онъ обожаетъ, воинственный поручикъ плюнулъ бы на всѣ шелковыя издѣлія и удралъ бы въ Тонкинъ, въ Сенегалію, набивать себѣ руку на желтокожихъ и чернокожихъ въ ожиданіи великихъ дней. Но его родитель шалѣетъ отъ восторга, прогуливаясь подъ руку съ сыномъ—драгунскимъ офицеромъ, а когда пріѣзжаетъ въ Мелѣнь позавтракать съ мужемъ его женка, тоненькая дурнушка и пресоблазнительная парижаночка, то у нашего поручика дѣлаются такіе глаза, что его опасно подпускать къ пороховому погребу. Понятно, что удерживаетъ его отъ поѣздки въ Индо-Китай. Да и самъ я, послѣ одного завтрака, которымъ я угощалъ молодыхъ супруговъ на берегу Марны, и послѣ нѣкоторой бесѣды моего сапога съ тоненькою, нервной и совсѣмъ не пугливою ботиночкой парижанки, рѣшилъ почаще бродить въ сосѣдствѣ упраздненнаго монастыря, гдѣ жена моего поручика проводитъ часть года, чтобы въ основномъ мѣсу отдышаться отъ своихъ бронхитовъ. А пока очаровываю супруга, доходящаго до такого обожанія и идолопоклонства передъ мной именемъ, что умереть можно со смѣху. Если онъ когда-нибудь застанетъ меня въ постели своей жены, то къ его огорченію прииѣшается нѣкоторая гордость.

Кромѣ этого молодца, я ни съ кѣмъ не сошелся въ полку. Замѣтилъ я, о мой философъ, что толстякъ портной шьетъ всегда слишкомъ широкіе жилеты, что художникъ-портретистъ, обладающій большимъ носомъ, старается наградить таковыми же всѣхъ, съ кого портреты пишетъ. Вѣроятно, въ силу подобнаго же вліянія субъективности, я нахожу у всѣхъ моихъ товарищей, очередныхъ и вольноопредѣляющихся, на лицахъ одно и то же выраженіе дремоты и скуки, повтореніе на всѣ возможные лады одной и той же фразы: «и дошло это все смертельно». Неужели таково вліяніе обязательной службы? Утратила, что-ли, французская молодежь подъ одною зѣмью военнаго ярма послѣдній остатокъ воодушевленія и бодрости? Какъ бы то ни было, а не похоже на то, чтобы въ 50-мъ драгунскомъ полку жили весело и хоть о чель-нибудь думали. Соткѣръ—

просто идиотъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ жизнь, торжештся и хлопочеть, въ особенности же теперь, во время большихъ маневровъ.

Занятый развѣдочною службой, онъ совсѣмъ уже не спитъ, не ѣсть, изъ силъ выматываетъ людей и лошадей. Я думаю даже, что своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ сторожить и выслѣживать неприятеля онъ разстроилъ планы нашихъ генераловъ, двухъ спокойныхъ старичковъ, неохотниковъ вставать рано. У насъ въ штабѣ ходитъ по рукамъ довольно забавный рисунокъ, на которомъ они оба изображены въ видѣ старыхъ инвалидовъ, мирно играющихъ въ кегли и прогоняющихъ палкой большую собаку въ шейникѣ съ надписью: «Развѣдочная служба», дикія прыжки которой оIROкинули всю ихъ игру. Каррикатурку эту приписываютъ одному солдату моего эскадрона, парижанину польскаго происхожденія, по фамиліи Борскій, высокому, бѣлокурому, съ тонкими губами и неопредѣленнымъ взглядомъ. Будучи вольноопредѣляющимся на одинъ годъ, онъ, чтобъ отдѣлаться отъ занятій, нарисовалъ портретъ полковника двумя карандашами очень хорошо и началъ мой портретъ въ комнатѣ на мельничной вышкѣ съ крошечными окошками, наполненной мѣшгами зерна, когда приходъ одного товарища прервалъ нашъ сеансъ:

— Борскій, скорѣе, тебя зоветъ полковникъ, у него два господина изъ Парижа.

«Пропалъ я!» — громко проговорилъ несчастный, и я подмѣтилъ его взглядъ на окна, слишкомъ узкія для того, чтобы убѣжать черезъ нихъ. Мы думали, что дѣло идетъ о его карриатуркѣ съ кеглями, но въ тотъ же вечеръ мой кузеньъ объяснилъ мнѣ, что вышла исторія посерьезнѣе. Борскій служилъ въ одномъ банкѣ и давно уже рисовалъ фальшивые билеты съ неподражаемымъ искусствомъ. Между банкомъ и рисовальщикомъ шла непрерывная борьба, ожесточенная и таинственная, которую тщательно приходится скрывать отъ публики. Банкъ придумываетъ сложные рисунки, заказываетъ доски, выпускаетъ новые билеты; Борскій ихъ тотчасъ же поддѣлываетъ. Этимъ онъ добывалъ много денегъ и имѣлъ возможность оплачивать капризы одной очень красивой женщины. Въ полку только объ этомъ и говорятъ.

У меня изъ головы не выходитъ то впечатлѣніе, которое подняло этого большого малаго на ноги и обратило его взглядъ къ окнамъ. Сколько жизни было въ этомъ движеніи и въ этомъ взглядѣ, сколько горячаго матеріала сжегъ онъ въ одну секунду! А, Валлонгъ, каково должно быть существованіе подобнаго молодца, каково

значеніе получаютъ самыя ничтожныя вещи! Полученное имъ письмо, стукъ въ его дверь, взглядъ, обращенный на него на улицѣ, самый видъ этой улицы, каждаго дома, откуда, быть можетъ, его сторожать, видъ лѣстницы, по которой ему придется спастись бѣгствомъ, — все его интересуеть, страстно возбуждаетъ. Ни минуты скуки. Всѣ чувства обострены, всѣ способности напряжены. Какъ хорошъ долженъ былъ казаться ему каждый стаканъ вина, какъ хороша — каждая ночь любви, которая всегда могла стать его послѣднею ночью! Не говоря уже о томъ, что эти вѣзаконныя вызываютъ въ женщинахъ безумную потребность наслажденій и любви. Скажите, другъ, не представляется ли вамъ соблазнительнымъ пожить нѣсколько лѣтъ въ шкурѣ Борскаго? Онъ преступникъ, — да, отлично знаю я это. Но его преступленіе почти идеальное, — безъ оружія, безъ насилія, ни чуть не грязное и не звѣрское, а изящная работа тонкимъ перомъ вечеромъ, при лампѣ, въ обществѣ красивой и щеголеватой дѣвочки, услаждающей и поэтизирующей трудъ. Какая разница между такимъ существованіемъ и тѣмъ, что выпало на нашу долю, на мою и на вашу! Жду вашего мнѣнія по этому предмету, мой философъ.

Вы писали мнѣ, что госпожѣ де-Лонгвиль принадлежитъ ужасное признаніе женщины за женщину, будто любить вполне онѣ способны лишь тогда, когда немного презираютъ. Этимъ объясняется слабость нѣкоторыхъ изъ нихъ къ такимъ субъектамъ, какъ Борскій, сверху до низу социальной лѣстницы. На этотъ счетъ боть что рассказывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гробургѣ въ мужской компаніи одинъ знаменитый музыкантъ, членъ института: «Мнѣ было двадцать лѣтъ, — говорилъ онъ. — Одна дикая уличная дѣвчонка, приведенная мною съ бала въ Манмартрѣ, спросила меня утромъ: «Ты кто такой будешь?» Я увѣрилъ ее, что служу подмастерьемъ у парикмахера. Стоило только взглянуть на меня и на мою гриву, въ маленькой каморкѣ, мебелированной желѣзною кроватью и фортепіано, чтобы понять всю вопіющую неправдоподобность этого. Но я имѣлъ дѣло съ существомъ, въ конецъ испорченнымъ и до крайности довѣрчивымъ, до гадости наивнымъ. Подарокъ нѣсколькихъ флаговъ духовъ, банокъ помады и кусковъ мыла, про которые я сказалъ, что стащилъ у хозяина, окончательно убѣдилъ ее. Совсѣмъ одренная ничтожностью моей профессіи, она стала ходить ко мнѣ ч то, и я забавлялся тѣмъ, что расписывалъ ей мою персону сатирическими и ужасающими откровенностями, — будто я позорнѣйшимъ ремесломъ, воровствомъ, сутенѣрствомъ и

того хуже, извѣстенъ въ кварталѣ подь именемъ прекрасной Цезарины. Штука могла прескверно разыгратъся, но мое юное легкомысліе видѣло въ этомъ только потѣху испугами хорошенькой дурочки, жаднымъ опьяненіемъ, съ которыми она видалась меня цѣловать послѣ моихъ омерзительныхъ отвроченностей, какъ бы вырвавшихся въ минуты страсти. А затѣмъ восхитительны были ея нѣжные, материнскіе совѣты: «Берегись, мой котикъ, — ну, какъ тебя спапають?» Ея любовь обусловливалась покровительствующею жалостью, снисхожденіемъ. Она утѣшала меня, ублажала въ минуты раскаянія: находили и онѣ иногда на меня, — настолько я былъ молодъ. Тогда бѣдная дѣвочка на рукахъ укачивала мою голову, глаза мои отирала поцѣлуями и шелковистыми прядями своихъ волосъ, томилась чувствительностью и порывами къ идеаламъ, пыталась вырвать меня изъ грязи, уговаривала меня: «Вѣдь, все-таки, котеночекъ ты мой, бываетъ же иногда, что и душу ты чувствуешь въ себѣ?» И представить себѣ невозможно, въ какія минуты, при какихъ условіяхъ, она принималась проповѣдывать свои идеалистическія доктрины». Эта странная связь нашего академика длилась три или четыре мѣсяца, и человѣкъ, котораго много разъ любили до безумія страстно, какъ любятъ только музыкантовъ, утверждалъ, что никогда не испыталъ болѣе пламенной любви, чѣмъ въ эти нѣсколько мѣсяцевъ. Несчастная дѣвочка раскрывала передъ нимъ самыя завѣтныя свои мысли, всю подноготную своего ужаснаго ремесла, всѣ свои горести и удачи и, въ добавокъ ко всему, свою боязнь полиціи и позорнаго билета. Онъ продолжалъ разыгрывать роль отчаяннаго негодяя, не зналъ порою, какъ отдѣлаться отъ денегъ, которыя она предлагала ему ради того, чтобъ отклонить его отъ «черезъ - чуръ гадкой затѣи». Потомъ она вдругъ исчезла, не отвѣтила на его письма, скрылась изъ своихъ меблированныхъ комнатъ Монмартра. Поняла ли она, что тотъ потѣшался надъ нею, или испугалась, какъ бы не попасться съ нимъ вмѣстѣ, — это ничуть не важно. Меня интересуетъ, въ особенности, Борскій, я завидую его существованію, сравнивая его съ моимъ, плоскимъ и унылымъ... Жить... о, жить хочу!...

Сидя на-дняхъ въ вагонѣ, я смотрѣлъ на муху, пытавшуюся вылетѣть въ окно, чувствовавшую невидимое препятствіе и отчаянно бившуюся о стекло. Она видалась на него изъ всей своей крохотной силы, лихорадочно колотилась въ него головой, вытянувши хоботокъ, и это длилось цѣлыхъ два часа, вплоть до Мелёна. И я дивился на ничтожную тварь, которой и жить-то на свѣтѣ

чуть-чуть и которая все же возмущается противъ неволи, противъ пошлаго заключенія въ вагонъ перваго класса. Какъ же намъ-то, намъ-то вырваться, Валлонгъ? Какъ намъ выскочить изъ нашего буржуазнаго поѣзда? Преступленіемъ ли, подобно Борскому, или безумною выходкой, какъ та несчастная въ Киберонъ? Я убѣжденъ, что выскочу, но когда и какимъ образомъ? О, если бы сбывались сны!... Я расскажу вамъ тотъ сонъ, что мучилъ меня прошедшею ночью. На свекловичномъ полѣ противъ мельницы наши саперы рыли циркувалаціонный ровъ и выкопали огромную книгу съ краснымъ обрѣзомъ, изъѣденнымъ плѣсенью, бѣлыми червями и муравьями. Два солдата принесли ее къ намъ въ штабъ, положили на столъ, за которымъ мы только что кончили завтракать. Называлась она *Альманахъ міра*, и въ ней мелкимъ, убористымъ эльзивиромъ были напечатаны біографіи всѣхъ наличныхъ обитателей земного шара, съ ихъ фамиліями и именами, съ главными событіями ихъ жизни отъ перваго до послѣдняго дня.

«Позвольте, господа... я впередъ»... — сказалъ полковникъ, отстраняя насъ движеніемъ закуренной сигары. И пока мы, чело-вѣкъ двадцать, толкались вокругъ него, онъ очень спокойно пере-листывалъ громадную книгу, примаргивая своимъ единственнымъ глазомъ, но, вмѣсто того, чтобы скорѣе накинуться на собственное имя, онъ разыскивалъ наши имена, точно боясь узнать свою судьбу. За нимъ всѣ остальные выказали такую же слабость, не посмѣли раскрыть страницу съ своею біографіей. Когда же дошла очередь до меня, послѣдняго въ качествѣ простаго солдата, я нетерпѣливо сказалъ имъ: «Скорѣе, господа, смотрите Ольмюцкій... Какіхъ лѣтъ и какъ я умру?» И какъ же билось мое сердце, пока перевертывались страницы! Наконецъ, полковникъ началъ читать своимъ командирскимъ голосомъ: «Шарль-Алексисъ Довернь, князь Ольмюцкій»... и вдругъ смолкъ въ то время, какъ всѣ поблѣднѣли и одинъ за другимъ выходили изъ комнаты, не глядя на меня. Я остался одинъ передъ закрытою книгой. Задыхаясь отъ любопытства, я добрался до своего имени, попытался прочесть. Но слова путались, сливались... и ужасна была неразборчивость строевъ и буквъ моей судьбы въ книгѣ, гдѣ все написано и ничего нельзя про-...

убытъ сигналъ садиться на коней, подходитъ непріятель, котор- о ждали только послѣ-завтра. Навѣрное, натворилъ какіхъ- ниб ѣ глупостей поручикъ Соткѣрь. До свиданія, философъ.

Шарлексисъ.

XI.

Въ пріютѣ.

Черезъ пять недѣль послѣ отъѣзда мадамъ Фениганъ съ кузиной Элизой у воротъ усадьбы Узеллей остановился маленькій омнибусъ со станціи желѣзной дороги, пріѣхавшій изъ Суази по дорогѣ карнизомъ, совсѣмъ бѣлой и заволоченной туманомъ ноябрьскаго утра. Колоколъ у рѣшетки прозвонилъ два раза, какъ бы заглушаемый сыростью. Лишь по второму звонку Розина Шюшенъ, ее отецъ и кучеръ, распивавшіе въ сторожкѣ садовницы вкусный кофе съ настоящими сливками и свѣжимъ масломъ, появились втроемъ у воротъ въ ту минуту, какъ выходила изъ экипажа мадамъ Фениганъ одна, закутанная и полусонная послѣ ночи, проведенной въ долгомъ пути.

— Розина, постель мнѣ, умираю...— сказала хозяйка, проходя по двору и не замѣчая ни растеряннаго вида прислуги, ни дымящихся чашекъ кофе на столѣ сторожки, оставшейся отворенною. Вотъ до чего сильно было утомленіе госпожи Фениганъ. Мало-помалу, однако, тепло комнаты и возвращеніе къ прежнимъ привычкамъ настолько подбодрили почтенную даму, что она была уже въ состояніи задать нѣсколько вопросовъ Розинѣ, помогавшей старой горничной.

— Что Ричардъ?

— Мосьё Ричардъ еще не вставалъ... Прикажете пойти доложить ему?

— Нѣтъ, я хотѣла только узнать, не измѣнилъ ли онъ свой прежній образъ жизни.

— Нисколько, сударыня... Онъ нигуда не выходитъ, кушать подаютъ ему въ рабочую комнату, гдѣ онъ проводитъ цѣлые дни, пишетъ письма, стрѣляетъ изъ пистолета и все нагѣваетъ, по своему обыкновенію... иногда гуляетъ съ господиномъ Мериве подъ шпалерой, и только.

— Часто бывалъ здѣсь аббатъ Сересъ?

— Совсѣмъ не бывалъ. Почти тотчасъ послѣ вашего отъѣзда вышла у него непріятность съ господиномъ кюре и его вызвали въ Версаль... съ тѣхъ поръ онъ и не возвращался.

— Бѣдный аббатъ Сересъ! — вздохнула мадамъ Фениганъ, и къ огорченію ея примѣшивалось ощущеніе большого удовольствія отдохнуть между надушенными простынями, въ нагрѣтой постели, на своемъ привычномъ мѣстѣ. Розина въ себя придти не могла отъ

удивленія передъ снисходительностью своей госпожи къ священнику нищихъ и бродягъ.

— Стало быть, Ричардъ и въ воскресенье не выходилъ изъ дому, не побывалъ даже въ церкви маленькаго прихода, чтобы сдѣлать удовольствіе своему старому другу?

— Да, вѣдь, маленькая церковь заперта... Господинъ Мериве, послѣ отъѣзда аббата Сереса, не дозволилъ никакому другому священнику служить мессу въ своей церкви.

— Вотъ какія диковинныя дѣла, — проговорила старая дама, лицо которой ни чуть не выражало мнимаго изумленія, вызваннаго сообщеніями горничной. На самомъ дѣлѣ все это было ей извѣстно изъ писемъ маленькаго Наполеона, и въ данную минуту она только контролировала, провѣряла полученныя свѣдѣнія.

— А скажи, Розина, мой сынъ никогда у тебя не спрашивалъ, гдѣ я нахожусь?

— Никогда... Мосье Ричардъ зналъ, что вы намъ всѣмъ сказали, что уѣзжаете отдохнуть на берегу моря у мадамъ Элизы.

Розина лгала нахально, съ двойнымъ безстыдствомъ крестьянки и прислуги. Черезъ Александра она знала о неудавшейся попыткѣ на самоубійство своей прежней хозяйки, о присутствіи тамъ ея свекрови, и дивилась тому, что старая госпожа пріѣхала одна, такъ какъ возвращеніе ея служило доказательствомъ выздоровленія Лиди. Горничной извѣстна была также тревога, въ которой жили обитатели Гробурга, ихъ усилія перехватывать непрекращавшіеся вызовы Ричарда. Она могла бы даже рассказать мадамъ Фениганъ объ усердномъ шпіонствѣ, съ которымъ мосье Александръ, по приказанію своихъ господъ, слѣдилъ за перепискою ея сына. Но уже съ минуту старая хозяйка казалась утомленною и разсѣянною, едва слушала исторіи, которыя обыкновенно интересовали ее всего болѣе, какъ, на примѣръ, о злодѣйствахъ бѣлокъ и садовника Клемана. Приказавши подать себѣ стаканъ горячаго молока, мало похожаго на то, какое только что пила внизу прислуга, она отпустила Розину Шюшенъ, предпочитая ея вертлявости и болтовнѣ удовольствіе остаться одной въ своей комнатѣ, полной воспоминаній, и убаюкивать себя меланхолическими осенними криками, доносившимися съ помытой туманомъ дороги: «Шкурки кроличьи... старья, желѣза привать!»... Тридцать лѣтъ она слышала одинъ и тотъ же женскій голосъ, негромкій и пріятный, распѣвающий этотъ утренній призывъ только въ мѣсяцы холода, такъ какъ деревенская старья была всю весну и лѣто бывала занята полевыми работами. И въ дождь и зной этотъ удаляющійся голосъ, такъ же точно звучавшій

въ разныя и очень далекия времена жизни мадамъ Фениганъ, казалось, пронесиль передъ нею цѣлые вороха воспоминаній и невозвратимыхъ часовъ. «Старья... желѣза продавать!»...

Два быстрыхъ, знакомыхъ удара въ дверь заставили ее вздрогнуть, открыть глаза.

— Ты, Ричардъ?... Войди.

Разстались они холодно, едва коснувшись другъ друга щеками, не проговоривши ни слова. За всѣ пять недѣль они не обмѣнялись ни однимъ письмомъ. И теперь, видя суровое и холодное лицо сына, его жесткіе глаза, отворачивавшіеся отъ нея, мать понимала, что ссора все еще длится. Но, вмѣсто того, чтобы огорчиться, она улыбалась и, удерживая сына за руку, заставила его сѣсть на край постели, такъ какъ имѣла многое, очень многое передать ему.

— Потомъ, мамаша, послѣ... Ты слишкомъ утомлена.

— Нѣтъ... благо уже ты здѣсь, я предпочитаю сейчасъ же. Оставайся и слушай.

Спокойно и просто она начала рассказывать исторію своей поѣздки въ Киберонъ: какъ послѣ ужасной сцены въ теплицѣ, вмѣстѣ съ глубокою увѣренностью въ справедливости упрековъ сына въ томъ, что къ Лидіи, да и ко всѣмъ, она относилась недостаточно снисходительно и не мягко, ей пришла въ голову мысль поѣхать и попытаться исправить, насколько можно, то зло, которое она сдѣлала. Потомъ — пріѣздъ въ маленькій городишко, не далеко отъ Лоріана, гдѣ скрывалась молодая женщина, нѣсколько дней выжиданія и наблюденія, и какъ, наконецъ, тронутая этимъ одинокимъ и достойнымъ существованіемъ, этимъ гордо переносимымъ пренебреженіемъ, она пошла въ палевый домикъ, какъ поражена была, когда застала Лидію умирающею, на попеченіи невѣжды деревенскаго врача, дрожащею рукой кромсавшаго своими ножичками ея бѣлую и розовую грудь, чтобы вынуть изъ нея револьверную пулю.

Ричардъ слушалъ, не шевелясь, опустивши голову и отвернувшись, какъ бы для того, чтобы скрыть свои впечатлѣнія. Мать угадывала ихъ только по рукѣ, которую держала, — по рукѣ, въ началѣ непріязненно жесткой, потомъ смягчавшейся мало-по-малу и, наконецъ, совсѣмъ отдавшейся ласковому пожатію, сдѣлавшейся довѣрчивою и нѣжною, какъ рука малаго ребенка, хватающагося за мать, лепечущаго: «Веди меня, не покидай!»

... Предоставленная жалкому коновалу, Лидія умерла бы, какъ вѣрное. Къ счастью, пришелъ военный флотъ, а съ нимъ враги, ледь, всѣ дезинфицирующія средства, свободно предоставленныя

къ услугамъ раненой, благодаря Элизѣ, большой пріятельницѣ всѣхъ врачей флота. О, да, Элиза—добрая, милая «Красная шапочка», которую никто не считалъ способной на такую преданность, самоотверженіе и сдержанность,—Элиза проводила дни и ночи у постели своей соперницы, своего врага, и скрылась какъ только Лидія стала приходить въ себя и узнавать окружающихъ.

Едва покончился ея лихорадочный бредъ, первое живое лицо, которое она увидала около себя, было самое ненавистное ей лицо свекрови, обвиняемой ею во всѣхъ ея несчастіяхъ. Приходилось тихо, исподоволь успокаивать больную душу, не оправившуюся еще отъ послѣдняго страшнаго разочарованія и упорно отклоняющую всякую нѣжность и всѣ заботы. «Нѣтъ, оставьте меня, я недостойна... ни вы, ни вашъ сынъ не въ силахъ будете никогда забыть. И если бы вы даже простили меня, такъ я-то себѣ не прощу... Я хочу умереть... По какому праву мѣшаете вы мнѣ умереть, злая вы женщина?» Она нарочно подыскивала оскорбительныя слова, вызывала горькія воспоминанія, разворачивала жгучій пепелъ на собственныхъ ранахъ. Къ счастью, слушала все это не свекровь, а настоящая мать, любящая сердцемъ, терпѣливымъ и чуждымъ гордости, чуждымъ всякой гордости, имѣя въ головѣ только одну мысль: «Зло я сдѣлала,—хорошо будетъ, если мнѣ удастся его исправить».

О, какъ дрожала въ эту минуту рука Ричарда, какъ нѣжно снимала она руку матери!...

... Со дня на день, подъ вліяніемъ кротости и терпѣнія, къ Лидіи возвращалось желаніе жить, желаніе выздоровѣть, хотя оставалась еще нѣкоторая мрачность въ глубинѣ ея прекрасныхъ глазъ и молодая женщина упорно продолжала говорить «мадамъ» той, которая не иначе называла ее, какъ «дочка моя». Въ особенности возмущала ее мысль объ унизительности прощенія. Послѣднія сопротивленія уничтожилъ пріѣздъ «москѣ» Александра, присланнаго гробургскими господами, чтобы закончить «разсчеты по разрыву». Больная изъ своей комнаты слышала высокомѣрный и негодующій тонъ, которымъ мадамъ Фениганъ выпроваживала зловѣщаго посланника и приказывала ему какъ можно скорѣе отвезти его деньги отъ итно герцогинѣ. «Какъ ни богата она и какъ ни жадна, а у нее никогда не хватитъ ей мерзкихъ денегъ на то, чтобы заплатить за сѣ безумства и преступленія ея сына». Глубоко растроганнаго сознаніемъ, что ее защитили, что отплатили за нее, Лидія, когда въ комнату вернулась свекровь, протянула ей руку со слезами на глазахъ: «Благодарю васъ, мама!» Этимъ словомъ «ма-

ма» завершилось примиреніе. Что же касается полного сближенія, то это уже былъ вопросъ времени, такъ какъ мадамъ Фениганъ становилась съ каждымъ днемъ все нѣжнѣе, болѣе и болѣе убѣждаясь въ томъ, что проступокъ Лидіи обусловливался раздраженіемъ и жаждою независимости, безумнымъ порывомъ природы, созданной для свободы и простора и считающей себя попавшею въ неволю, въ тюрьму. Сердце, настолько прямое, настолько привязчивое, какъ ея, не могло сохранить иного, какъ отвратительнаго, воспоминанія о такомъ холодномъ и бездушномъ юношѣ, какъ Шарлей. Съ этой стороны не было никакого основанія опасаться ни возврата любви, ни печали о быломъ. Но мысль о переходѣ опять къ обычной жизни, къ семейному очагу, приводила въ ужасъ молодую женщину. Идти и стать лицомъ къ лицу съ Ричардомъ, съ которымъ она такъ жестоко, такъ зло поступила... Сможетъ ли онъ когда-нибудь забыть это?... Мадамъ Фениганъ пыталась ее успокоить:

— Да, вѣдь, онъ любитъ васъ и жалѣетъ, ни на минуту не переставалъ васъ любить.

Лидія качала головой:

— Если вы такъ твердо убѣждены въ этомъ, то зачѣмъ же скрыли отъ него, что ѣдете ко мнѣ?

Нѣтъ ничего заразительнѣе страха. Глядя на боязливую сноху, мадамъ Фениганъ поддавалась тоже опасеніямъ и, находя ее достаточно оправившеюся, порѣшила вернуться безъ нея, сказать Ричарду: «Вотъ что я сдѣлала. Я дала твоей женѣ надежду на то, что вы можете опять жить вмѣстѣ и быть счастливы. Что ты на это скажешь?»

Въ комнатѣ гробовое молчаніе. Лица Ричарда не видно, его дрожащая и пылающая рука сжимаетъ руку матери.

Мадамъ Фениганъ повторила совсѣмъ тихо:

— Что ты скажешь? Хорошо ли я поступила?

— О, мама...мама!... —рыдалъ Ричардъ, опускаясь на колѣни у кровати.

Хотя мать и ожидала такого взрыва благодарности, ея лицо, все-таки, сіяло, она была вознаграждена за всѣ свои горести. Одно только удивляло ее и, перебирая рукою короткіе и жесткіе волосч сына, она про себя думала: «Почему же онъ не проситъ сейчасъ же привезти ему жену?» Она чувствовала какое-то смущеніе, сдержанность, причина которыхъ выяснилась двумя словами, тихими сказанными Ричардомъ, робко смотрѣвшимъ въ глаза матери:

— А ребенокъ?

- Нѣтъ его.
- Умеръ онъ?
- Онъ не жилъ.

Ричардъ порывисто вскочилъ на ноги, кинулся въ объятія матери.

— О, какъ облегчила ты мою душу!... Если бы ты знала, какъ этотъ ребенокъ... Я такъ желалъ имѣть дѣтей!... При немъ сближеніе между нами было бы совершенно невозможно. Я настолько ясно сознавалъ это, что, несмотря на безумное желаніе увидать ее, ни на секунду не подумалъ спросить, гдѣ она... О, объ этомъ ребенкѣ я думалъ больше даже, чѣмъ о ней!...

И почти шепотомъ онъ разсказалъ матери, что въ ея отсутствіе, разъ утромъ на разсвѣтѣ, его разбудили страшные вопли, заставили вскочить съ постели и броситься къ окну. Доносились они съ сосѣдней фермы, очень спокойной, повидимому, мирно просыпающейся, какъ всегда, подъ крики пѣтуховъ и павлиновъ на ихъ насѣстахъ, подъ глухое мычаніе быковъ въ ихъ теплыхъ хлѣвахъ. Вскорѣ Ричардъ въ протяжныхъ и болѣзненныхъ стонахъ, которые ему такъ было тяжело слышать, прерываемыхъ отчаянными криками, распозналъ человѣчскій голосъ, голосъ женщины, и понялъ, что мучается родами ихъ сосѣдка, жена фермера... И вдругъ ему представилось, что, быть можетъ, въ эту самую минуту его бѣдная Лидія переживаетъ такія же точно страданія, и настоящее отчаяніе охватило Ричарда... «О, мама, если бы ты видѣла, какъ я плакалъ, стоя у окна... Очень я былъ смѣшонъ, вѣроятно... Но теперь конецъ слезамъ. По твоей милости, обожаемая мама, вернется моя жена, я опять увижу ее. Меня удивляетъ даже, что ты не привезла ее съ собой. Почему?»

— Она еще очень слаба.

Мадамъ Фениганъ отвела глаза въ сторону, смутилась, — лгать она не привыкла. Сынъ продолжалъ:

— Тоскливо, должно быть, въ этомъ маленькомъ Портъ-Алигаѣ, когда наступаетъ зима. Что, если опять найдетъ на Лидію врачье настроеніе?

Я принуждена была уѣхать сюда, злой ты мальчижъ. Мнѣ иясн и, что ты упорно настаиваешь на дуэли, что въ Гроббургѣ ничего другого не знаютъ, какъ только караулять и ловить твои иясн а.

прижимая его къ себѣ со всею нѣжностью материнской любви, а торопливо умоляла сына:

Мой Ричардъ, такой благородный, такой добрый... какъ не

пощадилъ ты несчастнаго отца, солдата, пораженнаго страшною болѣзнию въ разцвѣтѣ славы, который на своемъ креслѣ паралитика получаетъ всѣ оскорбленія, всѣ плевки, предназначенныя тобою его сыну? Можно ли себѣ представить болѣе жалкое положеніе? Принужденный отказаться отъ роли отца семьи, защитника, онъ доведенъ до мелкихъ гадостей, до униженій женщины, перехватывающей письма, поддувающей почтальоновъ... Несчастный! вѣдь, онъ умираетъ отъ невозможности драться на дуэли и умереть за своего сына... И тебя не могли уговорить пожалѣть его?

Ричардъ вырвался изъ объятій матери и заходилъ по комнатѣ.

— Да, такъ это... нашъ старый другъ довольно наговорилъ мнѣ такихъ же точно словъ, и тебѣ я отвѣчу то же, что отвѣчалъ ему: эти люди слишкомъ много сдѣлали мнѣ зла. А! какъ я страдалъ!...

— Страдала всего больше твоя гордость. Но мать, боящаяся, что убьютъ ея сына...

— Все это повтореніе исторій стараго Мериве,—сказалъ онъ тихо.—А какъ ты полагаешь, откуда взялась у меня эта гордость, которою ты попрекаешь меня?

— Отъ твоей матери, не такъ ли?... Сдѣлай то же, что я сдѣлала: освободись отъ гордости.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто... Я пошла въ церковь маленькаго прихода... О, не смѣйся,—совершилось нѣчто чудесное... Я вышла оттуда со всѣмъ другимъ человѣкомъ, съ совершенно иными, новыми, взглядами и чувствами. Какъ это произошло, я не знаю.

Взволнованный болѣе, чѣмъ выказывалъ это, Ричардъ возразилъ шутливымъ тономъ:

— Бѣда въ томъ, что маленькая церковь закрыта уже цѣлый мѣсяць.

Мать не спускала съ него глазъ и проговорила:

— Правда, мнѣ сообщили это прискорбное извѣстіе. Какъ несправедливы были къ этому почтенному священнику! Ты вступился за него, ѣздилъ къ преосвященному? Мнѣ это доставило большую радость.

— Правда это? Да, правда?

Доброе и изумленное лицо Ричарда сіяло. Онъ зналъ дружбу матери съ дравейльскимъ кюре и боялся, что неприятно будетъ ей его обращеніе къ епископу. Но слишкомъ уже возмутительна была клевета. Хватило же у людей духу обвинять аббата Сереса въ томъ, что, пріютивши у себя въ домъ старуху мать и трехъ дочерей Люкрію, пока тотъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за браконьерство, почтен-

ный священникъ сдѣлалъ младшую изъ дѣвочекъ своею любовницей...

— Ты дрожишь отъ негодованія? Да, совсѣмъ еще ребенокъ, несложившаяся, зачухлая дѣвчонка, золотушная и припадочная, таковъ соблазнъ, передъ которымъ не устоялъ будто бы этотъ дивный, святой человекъ! Доказательствъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ, кромѣ пребыванія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ его домѣ... Подумать страшно, что всю эту мерзкую травлю поднялъ тотъ свѣтскій кюре, щеголь и паразитъ богатыхъ домовъ, куда онъ заставлялъ приглашать свою экономку.

Мадамъ Фениганъ, припоминая, что и на ея душѣ лежатъ такого рода приглашенія, послѣшила прервать сына:

— И что отвѣтилъ тебѣ преосвященный?

— Отвѣтилъ цѣлымъ посланіемъ на нѣсколькихъ страницахъ съ цитатами изъ Тертуліана... Господинъ кюре — уважаемый пастыръ, господинъ викарій — очень добрый старый ребенокъ... И, тѣмъ не менѣе, нашего стараго друга отправили на три мѣсяца въ Эгбелъскій монастырь трапистовъ, а господинъ кюре тѣмъ временемъ носится по замкамъ съ петиціей объ освобожденіи нашего края отъ священника, который любитъ только нищихъ и бродягъ, съ ними только и знаетъ. Недостаетъ только твоей подписи, и кюре ждетъ твоего возвращенія, чтобы получить ее.

— Пусть явится! Ужь приму же я его!

— Ты не подпишешь?—воскликнулъ Ричардъ восторженно.— Такъ и я же общаю тебѣ, если эти зарѣчныя каналы оставятъ меня въ покоѣ, не стану я больше возиться съ ними.

— Оставятъ въ покоѣ, клянусь тебѣ въ этомъ. А теперь давай сюда твою голову, я поласкаю ее, и уходи, мнѣ надо уснуть.

— Знаешь, мнѣ бы очень хотѣлось... Нельзя же Лидію оставить тамъ одну... ты понимаешь?

Мать улыбнулась.

— Да, да, понимаю... Объ этомъ мы потолкуемъ за обѣдомъ. Дай мнѣ отдохнуть денегъ. Иди, мой милый.

Ричарду показалось невыносимымъ сидѣть до вечера, запершись въ рабочей комнатѣ, и въ первый разъ за время отсутствія же и онъ вышелъ въ лѣсъ черезъ калитку, свидѣтельница бѣгства Лидіи, съ твердымъ намѣреніемъ не возвращаться домой ранѣе наступленія потемокъ. Лѣсъ, однако, не былъ уже красивъ въ это время года. Осенніе вѣтры и дожди совсѣмъ оголили его, устлали землю желтымъ и грязнымъ войлокомъ листвы. Кустарныя заросли чащи по сторонамъ аллеи утратили свою таинственность, дали

сблизились, и отовсюду просвѣчивавшая нескончаемая загородка заказной охоты Гробурга давала Малому Сенару видъ проводочной рощи. Съ исчезновеніемъ декораціи скрылся и оркестръ. Бое-гдѣ въ густыхъ кустарникахъ черный дроздъ, казавшійся огромнымъ, распѣвалъ и прыгалъ, точно въ клѣткѣ, стаи воронъ пронесились надъ вершинами, въ залитыхъ дождевою водою старыхъ каменоломняхъ плескались двѣ или три дивихъ утки, оглашая пустынный просѣки своимъ гнусливымъ кряканьемъ. Но въ головѣ Ричарда въ этотъ день такъ и гремѣли блестящія фанфары, и на ходу онъ аккомпанировалъ имъ обычными басовыми пумъ-пумъ, пумъ-пумъ... только басы звучали радостно и безумно, живые, какъ мотивъ, весь сложенный изъ трелей и руладъ, какъ пѣсня любви и возрожденія, ликовавшая кругомъ въ то время, какъ онъ самъ гулялъ по воображаемому лѣсу, полному ароматовъ, свѣта, щебетанья птицъ. Такъ они могутъ еще любить другъ друга, опять быть мужемъ и женой. Ничто не представлялось непоправимымъ его влюбленному сердцу, и онъ уже не чувствовалъ болѣе страшнаго обжога, раскаленного угля въ груди, терзавшаго его невыносимо. Отъ ревности онъ излеченъ, его рана омыта слезами и кровью Лидіи.

— Ого, мосьё Ричардъ, раненько зашагали!... Къ завтраку, что ли, спѣшите? Такъ заходите въ старый монастырь съ нами хлѣба-соли отгушать.

— Ваша сноха будетъ, пожалуй, недовольна этимъ, мой добрый Эженъ.

— О, напротивъ! Радехонька будетъ хоть разъ посидѣть за столомъ не съ глазу на глазъ съ моею старою рожей.

Индѣецъ, возвращавшійся съ своего первого обхода, съ ружьемъ за плечами и съ кроликомъ въ ягташѣ, пропустилъ Ричарда передомъ въ старыя монастырскія ворота, ведущія на заросшіи травою дворъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ пировали и отплевывали гости на свадьбѣ молодого Соткѣра. Два бабачка, пустующіе на будняхъ, и домъ лѣсника занимали вокругъ этого луга помещеніе упраздненнаго монастыря. Въ чистенькой и свѣтлой комнатѣ, на стѣнахъ которой клееными красками были изображены незатѣйливыя охотничьи сцены, хозяинъ и Ричардъ расположились выпить передобѣденную рюмку можжевельники, когда появилась сноха сторожа, щеголевато причесанная, почти изящная, несмотря на ранній часъ дня, но заспанная, съ красными глазами и скучающимъ лицомъ. При видѣ Ричарда Фенигана, сидящаго за столомъ, вмѣсто жандарма или угольщика, составлявшихъ обычную компанію ея свекора, глаза молодой женщины вспыхнули, ея нахальная

и болѣзненная мордочка сдѣлалась хорошенькою отъ неистоваго желанія казаться такою.

— Видите, правду я говорилъ вамъ, — шепталъ гостю Индѣецъ по секрету, прикрываясь своею огромною рукою, въ то время, какъ его кокетливая сноха торопливо накрывала столъ, вертляво размахивая юбками. — Увидала господина, землевладѣльца... я увѣренъ былъ, разутѣшу ее этимъ... И представьте, что всю ночь она проплакала изъ-за сережекъ, которыя ей подарили, а я назадъ отдалъ, такъ какъ въ отсутствіе моего молодца...

— А гдѣ же вашъ сынъ?

— Въ полку, мосьё Ричардъ, на дополнительной службѣ. Онъ такъ увлеченъ военною службой, что этимъ вредитъ себѣ въ торговомъ дѣлѣ и, того еще хуже, въ своей семейной жизни. Вчера послалъ я женку-то его снести въ Гробургъ муравьиныя яйца для фазановъ, а она вернулась оттуда съ золотыми сережками въ ушахъ, вмѣсто томпаковыхъ, которыя самъ же я купилъ ей на праздникъ въ Іерѣ. «Откуда ты это взяла?» — спрашиваю ее. — «Герцогиня, — говоритъ, — подарила», Знаю я, что наша герцогиня не изъ тароватыхъ... Это, вѣдь, мосьё Ричардъ, про своихъ господъ можно сказать, безчестья имъ отъ того нѣтъ? Ну, и смекнулъ я сейчасъ, откуда проявился подарокъ; не говоря ни слова бабенкѣ, пошелъ въ замокъ и говорю герцогинѣ, толковавшей о чемъ-то на крыльцѣ съ мосьё Александромъ: «Вы, — говорю, — сударыня, изволили подарить моей снохѣ дорогую вещицу»... Она эдакъ глядитъ на меня, знаете, по-своему. «Съ чего это, — говоритъ, — вы взяли?» А старый плутъ Александръ рожи ей корчитъ, знаки дѣлаетъ. Поняла она и говоритъ: «Ахъ, да, точно... Помню... Что же, ваша сноха находить, что вещица не достаточно хороша?» — «Черезъ-чуръ ужъ превосходна по нашему заведенію, — отвѣчаю я ей такъ напрямки, — и она поручила мнѣ вамъ возвратитъ ее, такъ какъ небогатой и порядочной женщинѣ непристойно нацѣплять на себя такія дорогія цацы». Герцогиня отвѣтила: «Хорошо, Эженъ, можете идти». А я, все-таки, выждалъ мосьё Александра на углу у коста и предупредилъ, что если онъ еще разъ возьмется за подобное порученіе, то, честное слово старика Соткѣра, спущу я его, тычмя голъ юй, въ Сену, съ пулей промежду глазъ.

Маленькіе, круглые глаза полѣсовщика приняли свирѣпое выраженіе.

— Чей же, однако, былъ это подарокъ? — спросилъ Ричардъ, вытѣся.

— Того, о комъ намъ лучше и не поминать, — сказалъ лѣс-

никъ, сообразивши, что сдѣлалъ большую неловкость. — Ну, бабеночка разогорчилась, всю ночь прохнывала. Утромъ объяснились, какъ слѣдуетъ, и я предупредилъ ее: «У тебя, дочка, вродѣ какъ два мужа. Если одинъ слѣпъ и слишкомъ покладистъ, такъ другой подозрителенъ и рука у него тяжелая. Держись въ строгости, а не то плохо будетъ».

Въ бѣломъ фартукѣ, съ засученными рукавами, молодая Соткѣрь принесла яичницу со сморчками, наполнившую всю комнату аппетитнымъ ароматомъ. Но ни вкусное деревенское блюдо, ни шельмовскіе глаза хозяйки не въ силахъ уже были разогнать мрачное настроеніе Ричарда Фенигана, внезапно нагнанное напоминаніемъ о молодомъ князькѣ, и не разъ во время завтрака Эжень, говорившій такъ же не быстро, какъ онъ ѣлъ, съ обычною крестьянскою тягучестью, дивился тому, что Ричардъ, слушая его рассказы о выслѣживаніи звѣря или браконьера, принимался вдругъ напѣвать самымъ непристойнымъ образомъ.

Въ то время, какъ Ричардъ сидѣлъ у полѣсовщика и воображалъ, что мамаша спокойно отдыхаетъ, мадамъ Фениганъ, женщина слишкомъ дѣятельная для того, чтобы спать днемъ, приказала запретъ лошадей и поѣхала въ сиротскій пріютъ Суази. Въ монастырѣ шла штукатурка заново фасада и весь дворъ былъ загроможденъ лѣстницами, телѣгами съ алебастромъ, тамъ и сямъ копошились рабочіе и каменщики подъ наблюденіемъ сестры Марты-ирландки, замѣнявшей госпожу де-Буронъ, настоятельницу, давно уже больную и не встававшую съ постели.

— У насъ толпа рабочихъ, — заговорила сестра Марта, встрѣчая мадамъ Фениганъ, и продолжала тихо, проводя гостью между строительными матеріалами: — Это очень кстати... дѣтямъ и сестрамъ запрещено ходить сюда. Такимъ образомъ, комната Лидіи въ этомъ боковомъ флигелѣ оказывается огражденною отъ любопытныхъ и болтливыхъ. Когда ваша дочь пріѣхала къ намъ сегодня утромъ, здѣсь было нѣсколько каменщиковъ и сестра-привратница, давнишняя ея знакомая, которой я поручила носить ей кушанья и справлять ея маленькое хозяйство. О ея пребываніи у насъ я сообщила также нашему доктору, надежнѣйшему и скромнѣйшему изъ людей. Онъ бываетъ черезъ день у настоятельницы и будетъ, въ то же время, навѣщать Лидію, помѣстившуюся почти рядомъ. Я думаю, что нашей милой бѣдняжкѣ нигдѣ не было бы такъ покойно и удобно, какъ у насъ, ни на фазаньемъ дворѣ, ни въ упрямомъ монастырѣ.

— Я того же мнѣнія, сестра Марта, и, поистинѣ, Господь Богъ

надоумилъ меня обратиться къ вамъ, такъ какъ я не рѣшалась везти Лидію прямо къ себѣ. Но я надѣюсь, что намъ не придется долго утруждать васъ.

Сестра Марта замахала длинными, худыми руками, съ обычною ирландскою живостью.

— Чего тамъ... чего тамъ надѣяться? Не увезете же вы ее отъ насъ сейчасъ? Она такъ слаба еще, такая блѣдненькая!... Не успѣла оправиться и сразу такой долгій путь... Докторъ побовѣтовалъ ей не вставать съ постели дня два-три. Хотите къ ней пройти?

Потомъ она прибавила громко, чтобы слышали окружающіе:

— Пойдемте навѣстить нашу добрую матушку-настоятельницу, вы найдете ее сильно перемѣнившешюся...—и пошла впереди по широкой лѣстницѣ съ бѣлыми стѣнами и только что выкрашенными перилами. Крупныя зерна четокъ сестры Марты и связка ключей, никогда непокидавшая мадамъ Фениганъ, загромыхали по длинному корридору, въ концѣ котораго находилась комната Лидіи.

Молодая женщина лежала блѣдная, съ открытыми глазами, и радостно вскрикнула, увидавши мадамъ Фениганъ.

— Какъ, мама, вы уже пріѣхали ко мнѣ!

— Что подѣлаешь, дѣточка, не могла я заснуть.

— Вотъ и я тоже,—говорила Лидія, обращая вниманіе гостыи на то, что ея просторная и свѣтлая комната, занимавшая уголокъ дома, выходитъ однимъ окномъ на дорогу, другимъ—въ маленькій внутренній садъ, съ дверями въ классныя комнаты, въ которомъ сиротки играли во все время, пока производился ремонтъ дома на большомъ дворѣ.—Съ утра я слышу,—продолжала Лидія,—какъ дѣти поютъ и пляшутъ, какъ они отвѣчаютъ уроки, какъ говорятъ наши милыя сестры. Мнѣ представляется, будто я сама еще учусь и вотъ-вотъ настанетъ мой чередъ. А дорога-то, наша хорошая дорога! Когда вы вошли, я прислушивалась къ ея шуму, къ движению на ней.

Мадамъ Фениганъ улыбнулась и нагнулась къ Лидіи:

— Ты не спрашиваешь про Ричарда?

— Не смѣю я...—прошептала Лидія, и исхудавшее лицо ея омрачилось.

О, по мѣрѣ того, какъ мать передавала ей, какое впечатлѣніе произвелъ на Ричарда рассказъ о ея путешествіи и о ихъ примиреніи—какъ, въ концѣ-концовъ, плакалъ, страстно желалъ увидать ее, психорядочно дрожалъ тотъ, кто ни на минуту не переставалъ думать о ней,—хорошенькое личико молодой женщины оживало и расцветало.

— Теперь я убѣдилась, что всѣ наши страхи были неосновательны и что мнѣ слѣдовало привезти тебя прямо въ его объятія. Вернусь и сейчасъ же признаюсь ему въ томъ, что ты здѣсь, и завтра утромъ мы приѣдемъ за тобой.

— О, не завтра... подождите еще, прошу васъ,—испуганно сказала молодая женщина, укрываясь одѣяломъ, совсѣмъ по-дѣтски.—Страшно мнѣ... Я такъ худа, такъ подурнѣла... да опять и это...—она указала мѣсто своей раны на лѣвой сторонѣ груди.—Докторъ сказалъ, что надо сдѣлать еще нѣсколько перевязокъ. А что, какъ Ричардъ, увидавши меня, вдругъ разлюбитъ, отвернется?

— Но, дитя мое, если онъ узнаетъ, что ты здѣсь, тогда уже ничто его не удержитъ.

— Пусть думаетъ, что я еще далеко, что это необходимо для моего здоровья... Вѣдь, это же отчасти правда.

— А если онъ захочетъ ѣхать къ тебѣ?

— Придумайте какой-нибудь предлогъ, чтобъ удержать его... и оставьте меня еще на нѣсколько дней въ этомъ тихомъ уголкѣ, гдѣ прошло мое дѣтство, гдѣ онъ узналъ меня, гдѣ полюбилъ, гдѣ я совсѣмъ оправлюсь, постараюсь опять похорошѣть, сдѣлаться достойною его любви.

Въ недосказанномъ этими словами и жестами чувствовалась какъ бы потребность очиститься уединеніемъ и созерцаніемъ. Ей казалось, что въ бѣлыхъ стѣнахъ сиротскаго пріюта она снова превратится въ молоденькую дѣвочку. И мадамъ Фениганъ такъ ясно поняла это, что уже не настаивала больше.

— Пусть и будетъ такъ, какъ ты хочешь и когда ты захочешь, милое дитя мое, только перестань волноваться.

Отъ Лидіи она зашла на нѣсколько минутъ къ настоятельницѣ, чтобъ имѣть возможность сказать объ этомъ Ричарду и объяснить свою поѣздку въ пріютъ. Сестрѣ Мартѣ, провѣрившей какіе-то счета подрядчиковъ у постели дремлющей старой монахини, она прошептала:

— Рѣшено, я оставляю у васъ нашу Лидію еще на нѣсколько дней, приѣзжать къ ней буду часто.

Потомъ, усаживаясь въ экипажъ, она сказала:

— Домой... бѣдная матушка-настоятельница очень слаба, очень слаба.

Слова эти, сказанныя умышленно громко ради гучера, вызвали на его лицѣ презрительную улыбку. Онъ уже зналъ, въ чемъ тутъ дѣло: извощикъ со станціи рассказалъ утромъ у садовницы, что мадамъ Фениганъ вышла изъ вагона съ молодою, очень большою

дамой, которую мимоѣздомъ оставили въ монастырѣ Суази. Ричардъ не подозрѣвалъ присутствія своей жены въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, когда это было уже извѣстно всей прислугѣ. Такъ неизбѣжно бываетъ въ каждомъ домѣ, гдѣ много слугъ.

ХП.

«Пумъ-пумъ...»

Въ величайшему удивленію мадамъ Фениганъ, ей, по возвращеніи домой, не пришлось сдерживать влюбленной торопливости сына. Онъ былъ молчаливъ и мраченъ, напѣвалъ свои обычныя «пумъ-пумъ», что не оставляло никакихъ сомнѣній относительно его думъ. Съ матерью онъ былъ, впрочемъ, очень нѣженъ, превращаясь въ прежняго Ричарда ихъ былыхъ вечернихъ бесѣдъ и парій въ шахматы. Во время игры ихъ склоненныя головы почти касались одна другой, но какая пропасть лежала между ихъ мыслями! «Что случилось съ нимъ такое? — недоумѣвала мать. — Опять ссора между глазами, нахмуренныя брови и его вѣчное гудѣніе. Свой припадокъ, я убѣждена, что это припадокъ... надолго ли?» Ричардъ, съ своей стороны, думалъ: «Хорошо сдѣлала мать, что привезла ее. Слишкомъ свѣжа еще моя рана, и лучше переждать нѣсколько дней. Стоило только услышать мнѣ имя Шарлея, опять вотъ нашло на меня, опять я безумствую. Если бы моя бѣдная Лидія была здѣсь, я измучилъ бы ее, не щадя ея слабости».

По прошествіи недѣли душевныхъ бурь и затишей, онъ заговорилъ съ матерью, не перестававшей сообщать ему извѣстія о Лидіи, какъ будто она была еще въ Киберонѣ.

— Тенерь я увѣренъ въ себѣ. Поѣдемъ за нею, мама.

Мадамъ Фениганъ улыбнулась.

— Совсѣмъ вылечился. Твоя жена тоже достаточно оправилась отъ того, чтобы пуститься въ путь, благо онъ и не очень далекій.

— Какъ такъ?

— Въ ландо, не больше получаса.

— Полчаса отсюда до Киберона?... Я не понимаю.

— Да, вѣдь, Лидія въ пріютѣ со дня моего возвращенія... Не могу я же такъ, большое ты дитя... Поѣдемъ послѣ завтрака, и въ вечеру ты привезешь свою жену къ себѣ въ павильонъ. Хорошо ли? Ты доволенъ?

Къ этимъ словамъ, какими восклицаніями можно было бы передать радостную тревогу Ричарда Фениганъ, сидѣвшаго рядомъ съ матерью въ ландо, катившемся по дорогѣ въ Суази между лѣсомъ

и Сеной? Былъ ясный, морозный день, солнечный и снѣжный, и грудь Ричарда замирала при воспоминаніи такихъ же послѣ-полуденныхъ часовъ, которые онъ проводилъ зимою, будучи женихомъ Лидіи, въ монастырской пріемной. Какъ теперь, солнце горѣло и искрилось на снѣгу, гонимомъ вѣтеркомъ, точно серебристая пыль, какъ теперь, онъ не находилъ словъ въ волшебномъ опьяненіи, изъ гимна, звучавшаго во всѣхъ фибрахъ его существа, ничто не прорывалось наружу, ничего не слышалось, кромѣ толчковъ сердца, отбивавшаго темпъ его молчаливой тревоги. Десять лѣтъ минуло съ той поры, и на той же самой дорогѣ, среди того же запущеннаго бѣлымъ снѣгомъ пейзажа, мать пыталась разсѣять его, одна говорила, какъ тогда, сидя въ каретѣ:

— Я приказала все приготовить въ павильонѣ. Вы пообедайте вдвоемъ въ рабочей комнатѣ,—я полагаю, что такъ будетъ лучше для перваго вечера. Съ завтрашняго дня мы опять заживемъ вмѣстѣ, по-старому. Объ этомъ просила меня Лидія. Такъ она деликатно добра и умница, и чутка утонченно... Я начинаю вѣрить, вмѣстѣ съ сестрою Мартой, что она, должно быть, вправду знатнаго происхожденія, она родилась аристократкой... А! вотъ мы и прѣѣхали!

Экипажъ безшумно подкатился по снѣгу къ главному подъѣзду, гдѣ ихъ ждала сестра Марта.

— Вотъ мы и молодѣемъ на цѣлыхъ десять лѣтъ, мосель Ричардъ,—заговорила ирландка своимъ пылкимъ тономъ.—Помните вѣдь, я же проводила васъ въ пріемную. На этотъ разъ вы надете нашу милую дочку въ ея комнатѣ. Мы съ вашей мамой сейчасъ придемъ къ вамъ, побываемъ только у матушки-настойчицы.

Оставшись одинъ въ корридорѣ, Ричардъ съ минуту не могъ пошевелиться отъ волненія. Изъ комнаты, гдѣ его, несомнѣнно, ждали, раздался голосъ: «Войдите», — прежде даже, чѣмъ онъ постучалъ въ дверь,—нѣжный, милый голосъ, давно не слышанный.

«Я войду къ ней съ раскрытыми объятіями, прижму ее къ груди, не говоря ни слова», — вотъ что онъ порѣшилъ сдѣлать. Онъ такъ же точно хотѣла кинуться ему на шею, закрыть ему ротъ долгимъ поцѣлуемъ. Вышло совсѣмъ не такъ, какъ они предполагали, потому что порѣшили они все, не спросившись хозяина, — какъ гласитъ пословица,—а хозяиномъ-то тутъ было тѣло,—врасивое, привлекательное и отвратительное тѣло... Когда Ричардъ вошелъ, Лидія стояла въ глубинѣ комнаты у окна, вся залитая яркимъ отблескомъ снѣга. На этомъ бѣломъ фонѣ отчетливо вы-

валясь ея стройная фигура, охваченная розоватымъ шерстянымъ платьемъ. Нѣжные тоны ея прелестнаго личика обрамлялись вьющимися, тонкими волосами, и темнѣе казались ея сѣрые, жемчужные глаза. Ричардъ остановился, пораженный тѣмъ, что видитъ ее такою молодою и красивою, какою она представлялась ему въ самыхъ пламенныхъ его мечтахъ, но съ оттѣнкомъ сладострастной граціи, совершенно новой въ ней, пріобрѣтенной вдали отъ него, — быть можетъ, въ объятіяхъ другого, — гадко соблазнительной, привлекавшей и отталкивавшей мужа, опылявшей его любовью и безывною злобой, бѣшенымъ желаніемъ цѣловать ее и задушить.

Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ Лидіи и ему казалось, что вмигъ онъ чуть-чуть впередъ, прикоснись къ ней, и его пальцы неодолимымъ движеніемъ сомкнутся желѣзными тисками вокругъ чудной шеи и выместятъ на ней ласки другого. Въ то же время стучая боль подъ сердцемъ дала знать, что вернулись его страданія, и онъ отчаянно сокрушался передъ невозможностью вновь начать жизнь вмѣстѣ, такъ какъ въ самой красотѣ его жены таился источникъ его терзаній и, глядя на нее, онъ каждый разъ бѣсноался отъ ревности. Всѣ эти впечатлѣнія проносились съ страшною быстротою и силой и рѣзюмировались гнетущимъ желаніемъ плакать. Ричардъ опустилъ голову и вздрагивающими губами тихо проговорилъ:

— Доброга утра, Лидія.

Только на это и хватило у него силы въ столь желанную минуту.

— Доброга утра, Ричардъ, — отвѣтила жена, точно эхо.

И оба смолкли, слышался только слабый трескъ кокса въ каминѣ, да изъ класса старшихъ воспитанницъ доносился монотонный голосъ диктующей учительницы. Вдругъ на тихой дорогѣ, за сѣвеной снѣгомъ, раздались звуки скрипки и рожка, заигравшихъ вальсирнелъ бойкой кадрили, прорѣзавшей атмосферу тревоги и бѣшенія, удручающую супруговъ.

— Свадьба, — прошептала Лидія машинально.

Ричардъ двинулся къ окну, слѣдомъ за женой, и добавилъ:

— Должно быть, нынче суббота?

И, какъ въ былое время, когда они были женихомъ и невѣстой, старая дорога пришла къ нимъ на выручку.

— Въ субботу же мы пріѣхали съ мамой изъ Бретани... — и Ричарду сладко было услышать слово «мама», сказанное тономъ большой нѣжности. — Меня разбудила свадебная музыка на дорогѣ. Я такъ обрадовалась этому!

Ричардъ смотрѣлъ на процессію и, не поворачивая головы, сказалъ:

— Такъ не забыла ты нашей корбейльской дороги?

— О, нѣтъ! — отвѣтила Лидія.

И, не отрывая глазъ отъ дороги, она указала мужу на старика Соткѣра, возвращавшагося съ сыномъ со станціи желѣзной дороги. То была одна изъ фигуръ, которую они привыкли видать на дорогѣ, такъ какъ старый полѣсовщикъ всегда выходилъ встрѣчать сына и направлялся съ нимъ къ роцѣ то черезъ Узелли, то черезъ Суази, смотря по тому, въ какомъ участкѣ предстояло дѣлать обходъ. Молодой человекъ проводилъ воскресенье въ упраздненномъ монастырѣ, а въ понедѣльникъ утромъ его жена провожала до станціи, такъ какъ отецъ уходилъ съ докладомъ въ замокъ. Въ высокой степени трогательно было видѣть этихъ двухъ молодцовъ, идущихъ рядомъ, плечо въ плечо, мѣрнымъ военнымъ шагомъ, но разговаривая между собой.

— Такъ онъ вернулся со службы, сынъ Соткѣра?

Вопросъ, сорвавшійся съ языка Лидіи, привелъ въ отчаяніе Ричарда: въ тревожныхъ воспоминаніяхъ обоихъ пронесся образъ молодого князя, служившаго въ одномъ эскадронѣ съ сыномъ Эжена. Точно живой мелькнулъ онъ передъ ними, изящный и стройный, съ кудрявою головою хорошенькой кокетки. И долгое молчаніе сдѣлало обоихъ супруговъ. Въ счастью, иной силуэтъ отвлекъ ихъ вниманіе: старый Жоржъ, съ сумою и палкой, сидѣлъ противъ пріюта на тумбѣ, съ которой онъ смахнулъ снѣгъ. Ричардъ подумалъ тому, какъ могъ старикашка дотащиться до Суази въ такое время года.

— Онъ какъ будто чутьемъ угадалъ, что я здѣсь, — добавила Лидія. — Каждый разъ, когда я поднимаю занавѣски въ этотъ часъ, я уже знаю, что увижу его на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Любопытно, на самомъ дѣлѣ, что этотъ нищій, повидимому, привязанъ къ тебѣ, какъ добрая старая собака. Послѣ твоего отъѣзда его каждое утро поднимали мертво-пьянымъ у нашихъ воротъ. Мнѣ казалось, что онъ запылъ съ горя, и это настолько трогало меня, что я пріютилъ его въ нашемъ сарайчикѣ у рѣки.

— Въ то время, какъ ты имѣлъ столько поводовъ возненавидѣть меня, ты сдѣлалъ это?... О, мой Ричардъ, мой Ричардъ, какъ добръ ты!

Глубоко взволнованная, она взяла его руку и поднесла къ губамъ. Онъ отдернулъ руку рѣзкимъ движеніемъ, котораго тотчасъ

же устыдился, и въ подавленномъ рыданіи вырвалась его просьба о прощеніи:

— О, жена моя! жена моя!...

Она отвѣтила чуть слышнымъ, душу надрывающимъ стономъ:

— Знала я, что все погибло!

— Нѣтъ, нѣтъ... Обѣщаю тебѣ... но не теперь, потомъ, потомъ...

Въ комнату вошли мадамъ Фениганъ и сестра Марта. Одною взгляда матери достаточно было, чтобы понять все, что тутъ происходило. А менѣе зоркая ирландка весело воскликнула:

Этотъ безжалостный человѣкъ вторично является отнимать у меня мою дочку!

Лидія быстро перебила ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, сестра! Не покину я васъ такъ скоро... Ричардъ проситъ васъ, и я умоляю дозволить мнѣ побыть здѣсь еще нѣсколько времени.

— Сколько тебѣ угодно, милое мое дитя, — отвѣтила сестра Марта, широко раскрывши удивленные глаза. — Мудрено только будетъ скрыть твое присутствіе здѣсь, такъ какъ воспитанницы ходятъ теперь по всему дому и мнѣ пришлось уже довѣрить нашу тайну нѣкоторымъ монахинямъ.

— Не безпокойтесь, сестра Марта, — сказалъ Ричардъ, и видно было, какихъ большихъ усилій стоить ему каждое слово. — Мы просимъ у васъ всего лишь нѣсколько дней, очень немного... не такъ ли, Лидія?

— Да, другъ мой, — неувѣренно отвѣтила молодая женщина.

Внизу колоколь звонилъ къ окончанію классовъ. Изъ маленькаго сада доносились рѣзкіе крики, веселый смѣхъ.

Наши дѣвочки пойдутъ сейчасъ на молитву, — обратилась сестра Марта къ господамъ Фениганъ и къ ея сыну, — и если вы не хотите, чтобы васъ видѣли, чтобы возникли толки...

— Пойдемте, — сказалъ Ричардъ печально.

Онъ готовъ былъ кинуться къ женѣ, схватить обѣими руками ея маленькую головку; и Лидія уже подставляла свой лобъ для поцѣлуя, опускала вздрагивающія рѣсницы, когда онъ просто поцѣловалъ на прощаніе ея руки своими пылающими руками.

Окна павильона горѣли огнями въ концѣ крытаго шпалерами холма, кидая яркіе блики на снѣгъ, покрывавшій землю и деревья, когда мать и сынъ вернулись въ Узелли. Тамъ приготовленъ былъ маленький пиръ по случаю прѣміренія супруговъ.

— Не ходи туда, слишкомъ тяжело будетъ тебѣ, — сказала ма-

дамъ Фениганъ, уводя Ричарда къ себѣ въ гостиную, гдѣ ее ждалъ Наполеонъ Мериве, котораго она пригласила, чтобы не обѣдать одной въ этотъ вечеръ.

— Э, что же это такое? А гдѣ же ваша жена?—спросилъ добрякъ сосѣдъ, стоя у камина, передъ которымъ паръ шелъ отъ его измокшихъ сапогъ.

— Не могъ я, не могъ,—сказалъ Ричардъ тихо и сокрушенно, въ то время, какъ его мать жестами просила сосѣда воздержаться отъ разспросовъ.

Да и у самого Мериве были свои серьезные дѣла въ головѣ, о которыхъ онъ и протолковалъ весь обѣдъ съ своими друзьями. Дравейльскій кюре и муниципальный совѣтъ вздумали было силой заставить его отпереть церковь маленькаго прихода, такъ какъ онъ передалъ ее общинѣ. На это маленький Наполеонъ отвѣтилъ, что онъ платитъ священнику и причетнику, а потому естественно ему принадлежитъ и право ихъ выбирать. До тѣхъ поръ, пока аббатъ Сересь будетъ викаріемъ въ Дравейль, никакой другой священникъ не совершитъ богослуженія въ маленькой церкви на шоссе. Тогда кюре пустилъ въ ходъ лицемѣрные извороты передъ совѣтомъ: «Неужели оставаться общинѣ Узелли безъ церковной службы во все время, пока длится заключеніе въ монастырѣ моего викарія?» На эту штуку попались всѣ воротилы муниципалитета, ничуть не подозрѣвая, что дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы нѣсколько лишнихъ су попало въ толстый и безъ того карманъ негоднаго кюре.

— Но влянусь славнымъ именемъ, которое я ношу,—воскликнулъ Наполеонъ Мериве, потрясая десертнымъ ножомъ надъ головами собесѣдниковъ,—я избавлю отъ него нашу общину! Вы увидите, хотя бы мнѣ пришлось для этого обратиться прямо къ святѣйшему папѣ, милостиво удостоившему меня пожалованія ордена святого Григорія.

— А пока что будетъ, васъ заставить отпереть вашу церковь,—сказала мадамъ Фениганъ, потѣшаясь надъ раздраженіемъ сосѣда.

— Весьма ошибаетесь, сударыня. Завтра же каменщикъ Муленъ пришлетъ мнѣ рабочихъ расчищать снѣгъ на колокольнѣ и производить нѣкоторыя поправки... Исторія это длинная, погода: е-благодарная, деревенскіе рабочіе страшные копуны!... Поконча гь они какъ разъ къ тому дню, когда мой милый аббатъ выйдетъ изъ Эгбельскаго монастыря.

И негодованіе старика утасло въ громкомъ и добродушно гь смѣхѣ, сообщившемся хозяевамъ дома.

Оставшись въ гостиной, по уходе мадамъ Фенитанъ въ свою комнату, оба сосѣда долго и задушевно бесѣдовали, какъ нерѣдко дѣлали это со времени разговора въ церковной оградѣ. Ричардъ раскрывалъ свое сердце, рассказывалъ о своихъ колебаніяхъ, о терзаніяхъ, подступившихъ съ новою силой, при первой же встрѣчѣ.

— Я понялъ, какая ужасная началась бы жизнь, еслибъ я привезъ съ собой жену... А, вѣдь, я простилъ ее отъ всего сердца. Что же такое возмущается во мнѣ, что не соглашается? А, мой другъ, вы не сказали мнѣ, что настолько это будетъ трудно.

Онъ говорилъ, расхаживая по комнатѣ, ожесточенно махая руками. Старикъ, видимо, былъ нервно возбужденъ, но сдерживался, направлялъ огонь въ каминъ.

— Знаю я это, на себѣ испыталъ... Когда вернулась моя Ирена, и ночью на лицѣ спящей жены я разсмотрѣлъ тутъ, подъ глазами, въ углахъ рта, крошечныя морщинки, очертившіяся вдали отъ меня, точно намятыя поцѣлуями...! Если бы ты зналъ, какъ возмущалось все существо мое! Но у меня была поддержка, доброе слово, былъ руководитель, котораго я желалъ бы тебѣ имѣть въ эти минуты. Сересъ говорилъ мнѣ рѣзко, жестоко, какъ сталъ бы и тебѣ говорить: «Да, она принадлежала другому, она уже не одного мужа жена. Но чья вина въ томъ? Ты вотъ жалуешься, а самъ-то былъ ли всегда вѣренъ ей? Самъ-то ты былъ ли одной жены мужемъ?»

Нескладная музыка и голоса толпы, идущей вразбродъ, раздались на мягкой, засыпанной снѣгомъ дорогѣ.

— Свадьба отправляется спать ложиться, — весело сказалъ старикъ Мериве. — Вотъ такъ-то, думаю я, въ этотъ самый часъ ты и твоя жена, если бы вы захотѣли... Полно, Ричардъ, бери-ка и ты свое счастье, купи его цѣною небольшой дозы гордости. Постарайся быть спокойнымъ, чтобы вернуть себѣ жену, сдѣлать ее опять своею. Все дѣло въ томъ, чтобы разъ одинъ обнять покрѣпче.

Ричардъ и пытался это сдѣлать, но напрасно. Во время предшествовавшихъ припадковъ ревности, какъ только исчезала внѣшняя причина, вызывавшая ихъ, такъ и они прекращались. Теперь же красота Лиди была какъ бы постояннымъ очагомъ, непрерывно разжигавшимъ его ревнивое бѣшенство, растрояемое при каждомъ свѣданіи страстными соблазнами и неотступною мыслью, что не онъ оди, что губы другого... «О, зачѣмъ помѣшали мнѣ его убить? Но я онъ будетъ живъ, я вѣчно буду чувствовать, что онъ стоитъ не ду нами!»... Этими кончались всѣ ихъ разговоры въ часы томленія, которые Ричардъ проводилъ у ногъ жены, терзая ее своими слезами и упреками, за которыми наступало долгое молчаніе,

и тишину нарушали только голоса дѣвочекъ, занимающихся въ классахъ, да обычный зимою шумъ дороги: звонъ колокольчика продавца вина, крики горбуна, торгующаго обувью, скрипъ колмагъ съ красными занавѣсками, съ тонкими струйками дыма надъ крышами, блестящими отъ дождя.

Необходимо было, однако, на что-нибудь рѣшиться. Лидія не могла оставаться дольше внѣ своего дома и въ такой близости отъ него.

— Вотъ что надо сдѣлать, — предложилъ старикъ Мериве. — Мнѣ нужно ѣхать на два или на три мѣсяца въ Алжиръ ликвидировать мои дѣла. Лидія переедетъ жить къ мадамъ Фениганъ, займетъ свое прежнее положеніе въ домѣ, а Ричарда я увезу съ собой... Путешествіе отлично подѣйствуетъ на него. Этого ему и всегда недоставало, онъ жилъ слишкомъ долго занятый собою только. Я полагаю, что вернется онъ совсѣмъ исцѣленнымъ. Во всякомъ же случаѣ, мы уже найдемъ здѣсь аббата Сереса, маленькая церковь будетъ открыта, и если Ричардъ захочетъ побывать въ ней, совершится то чудо, которое я уже часто видалъ.

— Когда вы ѣзжаете?

— Какъ можно скорѣе, другъ мой.

— Хорошо. Завтра я перевожу мою жену въ павильонъ, и день мы проведемъ вмѣстѣ. Это будетъ послѣдняя попытка. Если я останусь недоволенъ собой, если опять стану мучить ее, на слѣдующій же день на разсвѣтѣ я буду у васъ готовымъ пуститься въ путь.

XIII.

Прощеніе невозможно.

Невообразимо сладко было Лидіи Фениганъ провести первый вечеръ въ гостинной замка Узелли въ обществѣ мужа и той, кого она не иначе уже называла, какъ матерью. Когда Лидія открыла фортеціано и подъ ея длинными бѣлыми пальцами, перебѣгающими по клавишамъ, зазвучали первые такты дивной пѣсни Перголезе, — той пѣсни, которую въ отсутствіе жены такъ часто повторялъ Ричардъ своимъ гудящимъ басомъ, — у всѣхъ захватило дыханіе одно и то же волненіе, — всѣ почувствовали себя соединенными навсегда, нѣжно любящими, души раскрылись для жалости и прощенія. Снаружи, во мракѣ ночи, стоналъ зимній вѣтеръ, морозная крупа шуршала по стекламъ. Никогда въ такой мѣрѣ, какъ этимъ вечеромъ, маленькая, увлекающаяся, цыганская головка Лидіи не на-

слаждалась прелестью семейнаго очага. Ей казалось, будто очнулась она отъ тяжелаго кошмара и она возвращается къ жизни, счастливой и простой, рука объ руку съ честнымъ, вѣрнымъ и добрымъ спутникомъ. Вдругъ съ улицы послышались пѣсни, громкій смѣхъ. Ричардъ спросилъ:

— Что тамъ такое сегодня?

— Это ряженые, маски... Последній день масленицы, — отвѣтила мать.

И всѣмъ троицъ припомнилось одно и то же, всѣ трое смолели, избѣгая взглянуть другъ на друга. Ровно годъ назадъ, въ этотъ самый день и въ тотъ же часъ, рѣзко прозвонилъ колоколъ у воротъ, въ экипажей, остановившихся у подъѣзда, высыпала и вбѣжала въ гостиную толпа костюмированной молодежи въ маскахъ, которая долго танцевала тутъ и кружилась, прежде чѣмъ представился Шарлемсь, юный князекъ, и восхитительное «гетто» съ нимъ, собравшееся тою ночью въ замкѣ Мережи. О, злополучные отголоски карнавала! Съ ними ворвались въ комнаты холодъ и мракъ ночи, отогнали доброе, привѣтливое тепло и покой. Ричардъ поднялся съ мѣста.

— Пойдемъ, Лидія, мамашѣ спать пора.

Мадамъ Фениганъ хотѣла позвонить, приказать ихъ проводить.

— Не надо, мама, Лидія знакома дорога подъ шпалерами.

Да, хорошо знакома. Какое, однако, значеніе придавалъ онъ этимъ словамъ? Не скрыта ли въ нихъ злобная иронія, желаніе скорбить напоминаніемъ часовъ безумія и позора? Въ такомъ случаѣ, ея мученія только что начинаются. Руки Лидіи и щеки были холодны, какъ ледъ, когда она подошла проститься съ госпожею Фениганъ. Мужъ говорилъ: «Попытаемся... если не удастся, я уѣду». И вотъ, съ той минуты, какъ она вошла опять въ этотъ домъ, во время долгой прогулки по парку и саду, во время обѣда, во весь вечеръ, ни въ одномъ словѣ, ни въ одномъ взглядѣ, ни въ пожатіи руки не чувствовалось и тѣни намека на прошлое. А поводовъ къ тому было не мало. Но онъ, повидимому, обходилъ и избѣгалъ ихъ съ такою добротой и деликатностью, что, пріѣхавши сюда съ очень слабою надеждой, Лидія начинала уже вѣрить въ возможность мирной жизни съ мужемъ и счастья для обоихъ. Ея надежда усиливалась по мѣрѣ того, какъ близился часъ остаться наединѣ съ мужемъ, въ ихъ супружеской комнатѣ.

Сильная своею красотой и искренностью своихъ рѣшеній, молодая женщина думала: «Лишь бы взять мнѣ его только, и я была бы счастлива, что онъ останется моимъ». Только съ момента проглятаго

напоминанія о карнавалѣ въ ней шевельнулось предчувствіе, что счастье, столь уже близкое, можетъ снова ускользнуть отъ нея. Потому-то она такъ прижималась къ Ричарду въ темномъ переходѣ подѣ шпалерами. На каждомъ шагѣ ея ноги скользили по гололазкѣ, и это давало ей поводъ крѣпче держаться за его руку; фырканіе огромныхъ псовъ, спущенныхъ на ночь и подбѣгающихъ къ нимъ, трескъ обледенѣвшихъ сучьевъ, погромыхиваніе двери извѣстно подѣ напоромъ вѣтра, — все это заставляло ее вздрагивать и трепетно кидаться къ груди мужа.

Ты не была такъ нуглива, — проговорилъ онъ тихо, не выходя изъ тѣни, однако, прижать ее къ себѣ.

— Не настолько нервна, быть можетъ, другъ мой, — отвѣтила она и прибавила чуть слышно: — Выстрадала такъ много, что...

Она рассчитывала разжалобить его, и это ей не удалось.

Вернувшись къ себѣ, они вошли сперва въ рабочую комнату, гдѣ ждали ихъ, какъ и наверху, огонь въ каминѣ и зажженные лампы. Лидія предпочла бы прямо пройти въ ихъ общую комнату, но Ричардъ хотѣлъ непременно увидать свою жену, въ-явѣ и въ настоящему живую, именно въ этой комнатѣ, гдѣ она такъ часто представлялась ему въ отчаянныхъ мечтахъ.

— Здѣсь я всего больше выстрадалъ... Я усаживался въ кресло и думалъ о тебѣ, глядя на дорогу и на изгибъ рѣки за мостомъ... Ужасные часы я переживалъ.

Лидія сняла обледенѣвшую шубу, подошла къ мужу, положила руки на его плечи.

— Я виновата передъ тобой, дорогой другъ мой, я заглаживаю свою вину моею преданностью и нѣжностью. Взгляни въ мои глаза, въ-явѣ... Много я должна тебѣ, я расквітаюсь, ты увидишь.

Сильно возбужденная, она пыталась привлечь Ричарда и представляла ему свой лобъ для поцѣлуя.

— Пойдемъ къ себѣ наверхъ, пойдемъ...

Опъ отстранилъ ее безъ раздраженія, но очень твердо.

— Иди одна, я останусь здѣсь.

— Какъ, ты хочешь?... — прошептала она, чуть не падая, такъ что Ричардъ началъ подыскивать оправданія своей жестокости.

— Ничего я не могу съ собою подѣлать никакими разсужденіями. Не могу я, боюсь слишкомъ тебя измучить.

Лидія протянула ему руку и, покорная его волѣ, сказала:

— Покойной ночи, въ такомъ случаѣ.

Деревянная лѣстница скрипнула нѣсколько разъ подѣ ея ногами, сверху послышались женскіе голоса. Потомъ сошла Розина

справилась справлять масляницу къ садовникамъ. Лидія была теперь одна въ своей комнатѣ. Истомленный душевною бурей, обезсиленный борьбою чувствъ, Ричардъ кончилъ тѣмъ, что бросился на диванъ, чтобы провести тутъ всю ночь, какъ то много разъ случилось въ отсутствіе любимой женщины. Но она была теперь слишкомъ близко, и не въ состояніи онъ былъ уснуть, когда его волноало ея присутствіе и ихъ добровольное разлученіе. Онъ укорялъ себя въ глупости, въ безуміи, припоминалъ слова сосѣда: «разъ ишь обнять покрѣпче»... Онъ поднимался, говорилъ: «Иду къ ней»... и оставался со слезами бѣшенства на глазахъ.

Наконецъ, онъ не выдержалъ и прошелъ въ ея комнату.

Лидія лежала на ихъ большей кровати, изъ-подъ абажура лампы, стоящей сбоку, свѣтъ падалъ на руки, плечи и шею молодой женщины, оставшіяся обнаженными въ беспорядкѣ кокетливаго ночного костюма. При входѣ мужа, ея прелестные жемчужные глаза выгнули торжествомъ и тотчасъ скрылись подъ рѣсницами изъ женской осторожности.

— Не легъ еще?—сказала она, маня его къ себѣ милымъ движеніемъ пальцевъ.

Онъ подошелъ медленно, стараясь не выказать, насколько гнѣвило его это чудное тѣло, ждущее его ласки.

— Ты не боишься озябнуть?

Онъ говорилъ тихо, во рту у него пересохло отъ волненія, потомъ онъ добавилъ подозрительно:

— Прежде у тебя были ночныя сорочки подъ-душу, помнишь, называлъ ихъ скафандрами.

— Да, какъ заведено въ дортуарахъ пріюта,—сказала она, улыбаясь.—Но я хотѣла, чтобы ты припомнилъ ночь, проведенную нами въ отелѣ Фаваръ...—и, обвившись руками вокругъ шеи Ричарда, она прошептала ему на ухо:—Злой ты, не видишь развѣ, что я ждала тебя?

Онъ закрылъ глаза, чтобъ устоять передъ искушеніемъ, и, точно во снѣ, проговорилъ:

— А, отель Фаваръ... какая ночь!... Но такъ опьянить меня ты не можешь теперь.

— Почему?

— Потому что это...—онъ указалъ на ея руки и плечи.—Все это принадлежитъ не мнѣ одному. Ты отдала это другому.

Б шепотомъ движеніемъ онъ почти отшвырнулъ ее отъ себя, но она опять привлекла его тѣмъ сокрушеннымъ тономъ, которымъ

она сказала:

— Ты находишь, что я не достаточно еще наказана, что мал я искупила все это? Такъ на же, смотри...—на груди, оставшейся молодой и чистой, рана оставила морщинистые рубцы двухъ изъ трехъ глубокихъ шрамовъ. — Пулю очень далеко пришлось разсыпать... видишь, какіе слѣды оставило ихъ рѣзаніе? И если бы ты зналъ, какъ я страдала, несмотря на ихъ хлороформъ!

— Милая, бѣдняжка моя,—вырвалось у Ричарда, охваченная жалостью, и, наклонившись, онъ коснулся губами ея истерзанной груди, но тотчасъ отшатнулся прочь, при мысли, что увѣчила онъ себя такъ изъ-за другого.

— Да, изъ-за любовника, отъ бѣшенства и отчаянія, что разлюбилъ онъ.

— Ошибаешься, Ричардъ, ничего, кромѣ ненависти и презрѣнія, не осталось въ моей душѣ къ тому, о комъ ты говоришь. Спроси у своей матери, не отходившей отъ меня, слышавшей, какъ тебя звала въ бреду, когда не лгутъ уже люди. Только о тебѣ, такъ комъ добромъ, я и думала, о той сладкой жизни, каковую ты мнѣ устроилъ и о которой я жалѣла съ отчаяніемъ.

— Да, я знаю, сердце у тебя доброе. Ты хочешь любить меня всѣ радости готова дать мнѣ... и, несмотря на все это, если бы тотъ, другой, явился сюда, позвалъ бы тебя, хотя бы знакомъ онъ нимъ только, ты не выдержала бы, пошла бы за нимъ.

— О, замолчи... замолчи!...

Но Ричардъ продолжалъ, раздражаясь до жестокой ироніи:

— Зачѣмъ молчать? Это такъ естественно: я робокъ, конфузливъ, не смѣю я и не умѣю... А онъ... онъ такъ хорошо все знаетъ, такой онъ красавчикъ... Какія пѣсенки онъ распѣвалъ тебѣ скажи? какимъ онъ обучилъ тебя?... и обучилъ еще чему, еще?..

— Ричардъ, прошу тебя...

Она пыталась заставить его молчать, обвивала его руками когда изъ мрака ночи донесся звукъ охотничьяго рога и заставилъ Ричарда выпрямиться, страшно поблѣднѣть.

Такъ, бывало, изъ Гробурга переключались съ Узеллями. Шарлексисъ давалъ ѣтимъ знать, что онъ придетъ обѣдать, Ричардъ трубилъ ему въ отвѣтъ, и съ одного берега рѣки на другой неслись веселые переливы, обмѣны дружескихъ привѣтствій между обоими домами.

— Слышишь, Лидія?

Ричардъ, себя не помня, лихорадочно стискивалъ руки жены.

— Милый мой, вѣдь, это у Клемана... наши садовники трубятъ

— Нѣтъ, не то, не то... это съ террасы изъ Гробурга. Какъ

по водѣ-то звонко раздается! Онъ знаетъ, что ты вернулась, и, по-старому, подаетъ тебѣ сигналы... Слышишь, слышишь?

И чѣмъ затѣйливѣе становились переливы звуковъ въ ночной тишинѣ, тѣмъ сильнѣе становилось неистовство Ричарда.

— Какъ онъ выходитъ изъ себя... какъ рвется къ тебѣ! Провести вечеръ съ моею женой? Ну, что же?... да чего лучше, милѣйшій князь? Постой, постой, вотъ я отвѣчу ему.

Онъ кинулся на лѣстницу и черезъ нѣсколько минутъ вернулся, сконфуженный, какъ бы отрезвившійся. Лидія одѣвалась, рыдая. Ричардъ опустился передъ нею на колѣни.

— Куда ты? Что хочешь дѣлать?

— Пусти, пусти меня, я не могу тутъ оставаться... ради тебя, ради себя самой... это слишкомъ ужасно. Я переночую у твоей матери и завтра же уѣду, такъ какъ не по силамъ это намъ, мой добрый другъ.

Въ свою очередь она отстранила его, пыталась вырваться изъ его объятій. Онъ подхватилъ жену на руки, отнесъ ее на кровать, принялся укачивать, какъ ребенка, успокаивать нѣжными словами, переходившими порою въ вопли гнѣва.

— Ты прости меня... видишь, я съ ума схожу... и все этотъ негодяй!

— Вспоминать о немъ не надо. Вѣдь, все кончено, онъ умеръ для меня.

— А, какое счастье было бы для насъ, еслибъ онъ умеръ! Но это чудовище живо, я чувствую, какъ оно бродитъ вокругъ тебя. Только горе ему, если встрѣтится со мною! На этотъ разъ ничто и никто не удержитъ меня.

— Чтобы помѣшать убить его? Да, наоборотъ, я помогу тебѣ за все то зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ... которое дѣлаетъ и теперь, лишая меня твоей любви.

Она вливалась въ него руками, говорила, прильнувши къ его лицу, потомъ, докончивши фразу, упала на подушку. Ричардъ былъ почти готовъ поставить ей въ вину, что она прекратила борьбу, такъ какъ ему казалось, будто все зависѣло теперь отъ силы ея желанія и будто онъ уже не могъ бы вырваться изъ ея объятій. Это со гнаніе вылилось въ горькихъ и злобныхъ словахъ о превосходствѣ Шарлексиса и о собственномъ ничтожествѣ, въ цѣломъ безпокойномъ монологѣ, утомительномъ для него самого безконечными повтореніями одного и того же.

Хотничій рогъ смолкъ. Сквозь шумъ гололедицы о стекла послышался звонъ часовъ маленькой церкви, пробившихъ три часа.

Ричардъ остановился у постели жены подъ вліяніемъ двоякой силы, притягивавшей его и отталкивавшей въ одинаковой мѣрѣ, и голосомъ, стихшимъ до мольбы, говорилъ:

— Жена моя, дитя мое, умоляю тебя, прекратимъ мы это... Скажи мнѣ, что я ошибаюсь, что ты не любишь его. Поклянись мнѣ въ этомъ, чтобъ я безъ опасеній могъ прижать тебя къ моей груди. Вотъ ты не отвѣчаешь... ты ничего не можешь обѣщать. Стало быть, ты еще принадлежишь ему, духу не хватаетъ у тебя лгать? Лидія, отвѣть, пожалѣй меня, скажи хоть что-нибудь.

Онъ наклонился къ женѣ, взявъ ея руки, — онѣ оказались недвижимыми. Лидія спала, спала крѣпкимъ сномъ ребенка. А онъ-то укорялъ себя въ томъ, что терзаетъ ее своими злобными рѣчами. Онъ могъ бы говорить до утра. У него вырвалась горькая усмѣшка, потомъ уступила мѣсто болѣе нѣжному чувству, вызванному такою слабостью, такою беспомощностью послѣ тяжелой сцены. Ричардъ осторожно прикрылъ одѣяломъ плечи и руки молодой женщины, унесъ лампу въ свою рабочую комнату, гдѣ и принялся ходить безостановочно, прислушиваясь къ послѣдовательному бою часовъ маленькой церкви на шоссе, — церкви милосердія и прощенія, трудности котораго Ричардъ никогда не предполагалъ раньше.

Какъ только разсвѣтъ блеснулъ въ окна, запушенные морозомъ, Ричардъ отправился къ сосѣду съ тѣмъ, чтобы пуститься вмѣстѣ съ нимъ въ далекій путь.

М. Р.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сравнительное обзорѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда.

(Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ).

I.

Судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей, какъ *исключеніе* изъ общаго порядка судоустройства и судопроизводства по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 г. являлась до 1878 г. учрежденіемъ, преслѣдовавшимъ точно опредѣленные и ограниченныя дѣли. Государственный совѣтъ видѣлъ въ немъ спеціальныи судъ для важнѣйшихъ политическихъ преступленій, направленныхъ противъ всего государства или верховной власти. Не было установлено никакого принципиальнаго различія между судебными палатами съ сословными представителями и «верховнымъ уголовнымъ судомъ», такъ какъ оба учрежденія вѣдали важнѣйшія государственныя преступленія. Судомъ *нормальнымъ* являлись первыя, а верховный уголовный судъ (ст. 1030 уст. угол. суд.) образовывался только по высочайшему о томъ указу, на случай «общаго заговора» въ разныхъ краяхъ государства противъ верховной власти, или установленнаго образа правленія, или порядка наслѣдованія престола. Изъ мотивовъ ко 2-му п. ст. 1030 (см. изданіе госуд. канц., часть 2, стр. 388) усматривается, что основаніемъ для учрежденія этого суда послужили соображенія *практическаго* свойства: трудно найти ту судебную палату, въ вѣдомствѣ которой должно производиться дѣло о государственномъ преступленіи, слѣды и развѣтвленія котораго могутъ находиться въ округахъ разныхъ палатъ. Самое учрежденіе судебной палаты съ участіемъ сословнаго представительства являясь отступленіемъ отъ общаго начала — разсмотрѣнія важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ судомъ присяжныхъ, — оправдывалось крайнею ею односторонностію. Государственный совѣтъ былъ далекъ отъ мысли о распространѣніи этой исключительной формы суда за предѣлы важнѣйшихъ государственныхъ преступленій. Мотивами же для изыятія этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ соединенные департаменты государственнаго совѣта были, прежде всего, *соображенія государственной пользы*: 1) особая

важность и опасность преступлений, направленных против всего государства или верховной власти; 2) неправильное отношеніе къ нимъ многихъ членовъ общества: далеко не всѣ чувствуютъ къ этимъ дѣяніямъ то отвращеніе, которое возбуждаютъ въ нихъ другія преступленія; 3) это объясняется особымъ свойствомъ этихъ дѣлъ: обвиняемые могутъ прикрываться «ложною наружностью мнимаго желанія общественнаго блага», что можетъ дѣйствовать на людей съ неправильными понятіями о долгѣ гражданина и отношеніяхъ его къ правительству, вызывая въ нихъ сочувствіе, вмѣсто осужденія. Различныя политическія и социальныя теоріи, вредящія государству и обществу, имѣютъ много оттѣнковъ, степени опасности ихъ весьма различны, а, между тѣмъ, «люди неопытные» считаютъ ихъ «равно ничтожными и безвредными». Государство, общество и власть «остались бы безъ всякой защиты», если бы присяжные, имѣющіе такия воззрѣнія, разрѣшали вопросъ о преступности или непроступности ученій и дѣйствій, которыя толкуются превратно и понимаются невѣрно и многими «добросовѣстными членами» общества (см. томъ XIX *Матеріаловъ о преобразованіи судебной части*, № 65). Но государственный совѣтъ, защищая интересы государства, не оставилъ безъ вниманія и другой потребности, охраняемой хорошо организованнымъ процессомъ, — интересовъ личности, которые, по мнѣнію соединенныхъ департаментовъ, подвергаются тоже не малому риску. Возможно такое настроеніе умовъ въ большинствѣ народонаселенія, при которомъ предоставленіе присяжнымъ рѣшенія дѣлъ о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, привело бы къ отдачѣ ихъ «въ жертву народной мстительности»: при «случайномъ стеченіи совершенно постороннихъ обстоятельствъ» нѣкоторыя дѣйствія получаютъ такое преступное значеніе въ глазахъ большинства, что оно, «увлекаясь мщеніемъ, страхомъ и ненавистью, готово придумать для нихъ ужасныя казни», еще чаще большинство способно «по болѣзненной подозрительности» признавать «дѣйствія, ничего не значащія, за важныя преступленія» (*ibidem*). Полное обезпеченіе государства, общества и интересовъ личности возможно только при судѣ «безпристрастномъ и вполне просвѣщенномъ», который бы дѣйствовалъ «не по увлеченію, не по страсти или предразсудкамъ, а по строгимъ законамъ справедливости». Необходимъ судъ, «пользующійся равнымъ довѣріемъ правительства и общества»; последнее *всегда* смотритъ «съ недоовѣріемъ на преслѣдованіе преступленій государственныхъ судомъ негласнымъ и состоящимъ изъ судей, опредѣляемыхъ отъ правительства». Въ виду изложеннаго, *въ настоящее время* судъ по такимъ дѣламъ не можетъ производиться съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей; нужно организовать судилище, состоящее изъ судей высокаго общественнаго положенія, къ торое давало бы подсудимымъ всѣ средства защиты, установленныя общимъ порядкомъ судопроизводства, съ участіемъ въ немъ, наравнѣ съ судьями, и высшихъ представителей всѣхъ сословій, т.-е. губернскаго предводителя дворянства, одного изъ уѣздныхъ предводителей, одного изъ городскихъ головъ и старшинъ уѣзда, въ которомъ находится судебная палата, по

избранію мѣстнаго губернскаго начальства. Сословные представители должны участвовать какъ въ опредѣленіи, по большинству голосовъ, вины или невинности подсудимаго, такъ и въ постановленіи приговора о наказаніи, наравнѣ съ членами палаты, соединяющими «съ опытностью въ производствѣ и сужденіи дѣлъ и ручательство, по высокому и независимому положенію и знаніямъ, въ безпристрастномъ изслѣдованіи и зрѣломъ обсужденіи дѣла». Такимъ составомъ вполне обезпечится «правильный судъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ» и не представится никакой надобности и въ учрежденіи особыхъ судовъ для отдѣльныхъ случаевъ» (ibidem).

Въ этихъ разсужденіяхъ государственнаго совѣта проглядываетъ нѣкоторое *недовѣріе* къ участию присяжныхъ въ рѣшеніи дѣлъ о важнѣйшихъ государственныхъ преступленіяхъ. Но эти опасенія и недовѣріе не раздѣлялись главными дѣятелями судебной реформы. Последніе высказались за *судъ присяжныхъ* и по государственнымъ преступленіямъ, какъ это видно изъ «соображеній» государственной канцеляріи (1862 г.), выработанныхъ ею совмѣстно съ прикомандированными къ ней извѣстнѣйшими юристами (Будковскій, В. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій и др.). «Соображенія» исходятъ изъ положенія, что особенный порядокъ судопроизводства по какому-либо роду дѣлъ «всегда принимается общественнымъ мнѣніемъ съ недовѣрчивостью», введеніе же такого порядка процесса по государственнымъ преступленіямъ было бы «лишено довѣрія» общества въ еще большей степени, такъ какъ государство, преслѣдующее преступленіе, является въ этихъ дѣлахъ и юридическимъ лицомъ, «непосредственно оскорбленнымъ или потерпѣвшимъ». Будучи особенно важными для государства, такіа дѣла могутъ разсматриваться непосредственно въ высшихъ судахъ (въ судебныхъ палатахъ), такъ какъ члены такихъ судовъ, наиболѣе просвѣщенные и уважаемые, будутъ не менѣе самостоятельны и безпристрастны, чѣмъ судьи судовъ низшихъ (ibid., томъ XVIII). Но самое опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено присяжнымъ. Это мнѣніе опирается на слѣдующихъ мотивахъ: 1) обсужденіе и рѣшеніе *фактической* стороны уголовного дѣла присяжными, а не коронными судьями, есть *дѣйствительная гарантія* для подсудимаго; 2) болѣе тяжкія обвиненія оправдываютъ и большія гарантіи правильности суда для подсудимаго, особенно необходимыя въ лицѣ присяжныхъ въ политическихъ преступленіяхъ, такъ какъ государство является въ нихъ личностью, непосредственно оскорбленною и потерпѣвшею; 3) рѣшенія судей правительственныхъ, какъ бы ни были эти судьи самостоятельны и безпристрастны, никогда не будутъ пользоваться въ этихъ дѣлахъ «довѣріемъ общества»: всегда будутъ «нареканія въ пристрастіи, преувеличеніи вины и притѣсеніи подсудимыхъ». Обвиняемые будутъ представляться въ глазахъ общества «несчастными жертвами и играть роль мучениковъ и страдалцевъ за истину»; лишить же государственнаго преступника сочувствія общества можно тогда, когда онъ будетъ осужденъ представителями этого

общества; 4) если бы даже осужденіе присяжными по дѣламъ сего рода и встрѣчалось рѣже, нежели судьями коронными, то и въ такомъ случаѣ вліяніе уголовного закона на общество было бы дѣйствительнѣе, такъ какъ *осужденіе въ такихъ дѣлахъ присяжными обладаетъ особенною нравственною силой*; 5) нельзя опасаться, чтобы правительство, не отвергающее полезныхъ преобразованій, не нашло поддержки со стороны благомыслящей части общества въ преслѣдованіи злоумышленниковъ, пытающихся разрушить существующій порядокъ во имя своихъ вредныхъ ученій и выдающихъ себя за представителей общества, въ намѣреніи навязать ему свою преступную волю. Вотъ почему необходимо, чтобы «само общество осудило такихъ людей». Нельзя не замѣтить, что послѣдняя часть «соображеній» совпадаетъ съ мыслью, высказанною извѣстнымъ криминалистомъ Миттермайеромъ, который обратилъ вниманіе на то, что обыкновенные граждане являются надежною опорой правительства въ политическихъ процессахъ, такъ какъ интересы ихъ отождествляются съ интересами правительства, почему послѣднее можетъ быть увѣрено въ осужденіи ими враговъ порядка. Тѣмъ не менѣе, «соображенія» не рѣшились рекомендовать по такимъ дѣламъ *обыкновеннаго состава* присяжныхъ. Извѣстно, что составители судебныхъ уставовъ поставили участіе народнаго элемента въ уголовномъ судѣ на очень широкую ногу во всемъ, что касается *личныхъ условій*, требуемыхъ отъ присяжныхъ. Къ нимъ предъявлялись требованія довольно ограниченаго имущественнаго ценза, который могъ быть даже замѣненъ для крестьянъ прохожденіемъ различныхъ должностей по крестьянскому управленію; отъ присяжныхъ не требовалось даже *грамотности*, чтобы не устранить отъ участія въ судѣ массу нашего крестьянства. По дѣламъ же о государственныхъ преступленіяхъ «соображенія» предъявляютъ къ присяжнымъ большія требованія, которыя суживаютъ кругъ лицъ, могущихъ участвовать въ управленіи правосудія по государственнымъ преступленіямъ: предполагалось избирать присяжныхъ изъ лицъ зрѣлаго возраста, съ обеспеченными средствами къ жизни и способныхъ къ обсужденію важности сихъ преступленій и точной силы письменныхъ доказательствъ, на которыхъ обыкновенно основывается обвиненіе въ этихъ дѣяніяхъ. Для сохраненія же «нравственной силы» ихъ рѣшеній необходимо, чтобы избраніе ихъ производилось «представителями сословныхъ управленій общества»; начальнику же губерніи предполагалось предоставить лишь право «исключить изъ списка лицъ, въ благонадежности которыхъ онъ сомнѣвается». Самое составленіе ежегодно такого *особаго* списка присяжныхъ изъ *общаго* списка возлагалось на особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ уѣздныхъ предводителей, городскихъ головъ и мировыхъ судей судебного округа.

Такимъ образомъ, проектъ государственной канцеляріи былъ компромиссомъ между обыкновеннымъ судомъ присяжныхъ и специальною формою суда, предложеннаго позднѣе соединенными департаментами и вошедшаго въ судебные уставы. Эта послѣдняя форма суда допускала участіе пред-

ставителей общества, но въ видѣ смѣшенія въ одной судебной коллегіи короннаго и общественнаго элементовъ. Въ этой комбинаціи послѣдній элементъ не былъ непосредственно избираемъ для каждаго дѣла, а входилъ въ составъ суда ex officio, въ силу занимаемой должности, и являлся не представительствомъ всесословнымъ (народнымъ), а *узко сословнымъ* (предводитель дворянства и волостной старшина); характеръ сословности терялся лишь въ лицѣ городского головы. Очевидно, что проектъ государственной канцеляріи ближе къ болѣе совершенной формѣ участія народнаго элемента въ уголовномъ судѣ, чѣмъ восторжествовавшее предположеніе соединенныхъ департаментовъ. Основная мысль проекта государственной канцеляріи совпадаетъ съ идеєю «спеціальныхъ присяжныхъ», существующихъ въ Англіи и дѣйствующихъ тамъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ гражданскимъ дѣламъ, но рѣдко въ процессѣ уголовномъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ Миттермайеръ, Глазеръ, Стифенъ и друг. Въ уголовныхъ дѣлахъ они допущены лишь по обвиненію въ такъ называемыхъ «*miscellaneous*» (преступныя дѣянія меньшей важности), не иначе, какъ по усмотрѣнію суда, за исключеніемъ того случая, когда судится *землегладильецъ*; послѣдній имѣетъ право требовать, чтобы большинство присяжныхъ состояло изъ землевладѣльцевъ. «Спеціальные присяжные» приглашаются для сужденія «*miscellaneous*», начавшихся въ ассизномъ уголовномъ судѣ или въ лондонскомъ центральномъ уголовномъ судѣ, но вытребованныхъ, по просьбѣ обвиняемаго, на основаніи «*writ of certiorari*», судомъ «*Queens Bench*» (Королевиней скамьи). Этотъ судъ можетъ или самъ разобрать такія дѣла, или отослать ихъ въ ассизный судъ для рѣшенія порядкомъ гражданского процесса. «Спеціальнымъ присяжнымъ» составляется особый списокъ; въ него вносятся (изъ общаго списка) почетнѣйшіе члены общества (эсквайры, лица высшаго класса, банкиры, купцы). Сравнивая спеціальныхъ присяжныхъ въ проектѣ государственной канцеляріи съ англійскими, можно подѣлать между ними черты сходства и различія: сходство въ томъ, что и тѣ и другіе—«лучшіе» люди, наиболѣе обеспеченные, за которыми законъ предполагаетъ наибольшее умственное развитіе, довѣріе общества и серьезное отношеніе къ дѣлу, различіе же—въ томъ, что наши «спеціальные» присяжные должны были, въ качествѣ наиболѣе консервативныхъ и спокойныхъ элементовъ общества, призываться для сужденія *важнѣйшихъ дѣлъ, исключительно политическаго характера, выступать обязательно при вершеніи указанныхъ дѣлъ, тогда какъ англійскіе приглашаются исключительно для уголовныхъ дѣлъ второстепенныхъ, по желанію сторонъ и съ согласія суда*. Если принять въ соображеніе, что «спеціальные присяжные» Англіи выступаютъ чаще по запутаннымъ гражданскимъ дѣламъ, гдѣ особыя знанія (напримѣръ, банковскихъ и торговыхъ операцій) наиболѣе полезны, что въ уголовныхъ дѣлахъ они встрѣчаются очень рѣдко и самая необходимость ихъ для уголовного процесса подвергается такъ сомнѣнію, то можно придти къ заключенію, что «спеціальные присяжные» при *такихъ условіяхъ, въ которыхъ это учрежденіе поставлено въ*

Англии, являются тамъ институтомъ, не имѣющимъ для уголовного процесса особеннаго значенія; въ Англии онъ сохранится, по всей вѣроятности, лишь для гражданскихъ дѣлъ. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что существенно различныя условія и цѣли этого учрежденія по проекту государственной канцелярїи *могли оправдать* введеніе этого учрежденія въ Россіи. Если процессы по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ всплываютъ въ обществѣ недостаточно устойчивомъ, которое легко подпадаетъ, по иніціативѣ правительства, вліянію разныхъ политическихъ и социальныхъ теорій, нерѣдко быстро смѣняющихся, то въ такомъ обществѣ, политическій смыслъ котораго признается недостаточно окрѣпшимъ и устойчивымъ, государственная власть не можетъ положиться на обыкновенный составъ присяжныхъ. Эти послѣдніе вполне умѣстны для ординарныхъ дѣлъ, хотя бы и грозящихъ подсудимымъ весьма строгими наказаніями, но они легко могутъ не оказаться на высотѣ своей задачи, когда дѣло идетъ о рѣшеніи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, которыя требуютъ для правильной ихъ оцѣнки значительнаго умственного развитія и особыхъ приѣмовъ изслѣдованія и доказанія, опирающихся, главнымъ образомъ, на анализъ произведеній печатнаго слова, разныхъ политическихъ и социальныхъ, иногда философскихъ системъ, разобраться же въ нихъ можетъ съ успѣхомъ только человекъ, хотя и не специально подготовленный, но приспособившій себя общимъ складомъ своего развитія къ пониманію и оцѣнкѣ такихъ своеобразныхъ доказательственныхъ матеріаловъ и протекающихъ изъ нихъ выводовъ. И можетъ легко случиться, что обыкновенные присяжные будутъ составлены изъ преобладающаго необразованнаго или полуобразованнаго большинства, которое задавить меньшинство болѣе просвѣщенное. Чаще всего такіе присяжные относятся съ предубѣжденіемъ къ подсудимому, который можетъ пострадать лишь благодаря враждебной настроенности противъ него большинства *стырыхъ* присяжныхъ. Если же дѣла о государственныхъ преступленіяхъ разсматривать обыкновенными присяжными, но при судебныхъ палатахъ, т.-е. въ болѣе крупныхъ центрахъ, то рѣшеніе нерѣдко попадетъ въ полунителигентнымъ лицамъ, которыя наиболѣе склонны къ увлеченіямъ разными вздорными или сомнительными политическими и социальными ученіями, почему и могутъ произносить легкомысленные вердикты, подрывающіе авторитетъ суда присяжныхъ и наносящіе ущербъ интересамъ государственной безопасности. И такъ, въ первомъ случаѣ легко можетъ пострадать напрасно или «свыше мѣры содѣянаго» подсудимый, а во второмъ—общество и государство. А такъ какъ послѣднее слишкомъ заинтересовано въ политическихъ процессахъ, то вполне возможно ждать реакціи въ формѣ чрезвычайныхъ судилищъ и о раниченій правъ обвиняемаго въ процессѣ,—реакціи, которая не замедлитъ появиться, какъ отвѣтъ на нѣсколько неудачныхъ приговоровъ, поставленныхъ такими случайными присяжными. Желательно, следовательно, создать судъ, сохраняющій неприкосновенными *основанія* суда присяжныхъ, дающій государству наибольшія гарантіи въ правильности постановленій ихъ

ить рѣшеній, притомъ, безъ урѣзанія гарантій обвиняемаго. Выходомъ изъ затрудненія можетъ быть созданіе только для дѣлъ извѣстнаго рода особаго состава присяжныхъ, набраннаго изъ гражданъ, выдающихся по образованію, достатку, положенію въ обществѣ и вступившихъ въ зрѣлый возрастъ. Избранные изъ всѣхъ слоевъ и классовъ, такіе присяжные будутъ тѣми *разумно-консервативными* силами общества, которыхъ можно найти у насъ въ достаточномъ количествѣ не только въ столицахъ, но и во всѣхъ крупныхъ центрахъ. На этихъ присяжныхъ вполне могутъ положиться законодатель и судъ.

II.

Судъ «спеціальныхъ присяжныхъ», рекомендованный и въ «соображеніяхъ» государственной канцеляріи, во всякомъ случаѣ превосходитъ качествами судъ «палаты съ сословными представителями». Первый судъ зиждется на основномъ началѣ, пронизывающемъ всякій присяжный судъ, т.-е. на *выборахъ*, по системѣ жребія, изъ списка, въ который вносятся *все* лица, призываемыя закономъ къ отправленію обязанности присяжнаго, безъ различія сословій и классовъ (исключаются лишь нѣкоторые лица, напримѣръ, состоящіе въ личномъ услуженіи). Кругъ лицъ, вносимыхъ въ списки, очень широкъ, а выборъ очереднаго списка и скамьи присяжныхъ производится изъ *многихъ лицъ*, перемѣшанныхъ по сословіямъ и классамъ. Представители общества, входящіе въ составъ очереднаго списка, разнообразны, а лица, могущихъ войти въ составъ суда по данному дѣлу, сравнительно много; подборъ присяжныхъ, одностороннее образованіе скамьи — возможны, но являются исключеніями. Вторая форма суда (съ участіемъ сословныхъ представителей) совершенно чужда идее *прямого избранія*. Никакихъ *списковъ*, изъ которыхъ избирались бы по жребію «сословные представители», не существуетъ, засѣдаютъ они ex officio, по должности, притомъ, обязательно; самое число представителей ограничено, уступая числу коронныхъ судей; «представители» въ этомъ судѣ не отъ *всесословнаго* учрежденія, а частью отъ *нѣкоторыхъ лицъ* сословій, частью же лишены строго-сословнаго характера (городской голова). Такъ, отъ сословій присутствуютъ предводители дворянства и волостной старшина, притомъ, при сужденіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ число первыхъ больше (губернскій и уѣздный предводители; см. ст. 1051 уст. угол. суд.) противъ числа представителей отъ сословія крестьянскаго (волостной старшина). Городской же голова (изъ городовъ окр. та мѣстнаго окружнаго суда) de facto чаще всего избирается думою изъ купческаго *класса*, но de jure есть представитель всѣхъ сословій и имъ совѣ городскаго населенія, можетъ быть и дворяниномъ, но во всякомъ случаѣ можетъ и не быть купцомъ. И такъ, сословный характеръ въ предствительствѣ не выдержанъ, въ чемъ нѣтъ, впрочемъ, никакой бѣды, но, въ то же время, одному сословію (дворянскому) отдано предпочтеніе по

числу его представителей сравнительно съ другими сословіями. Оставляя въ сторонѣ городского голову, степень самостоятельности и вліянія котораго въ составѣ этого суда вполне зависятъ отъ *личныхъ* качествъ даннаго головы, нельзя не замѣтить, что участіе на ряду съ двумя предводителями дворянства волостнаго старшины, какъ самостоятельнаго и авторитетнаго представителя крестьянскаго сословія, уже а priori не можетъ достигать цѣли, на практикѣ же оно свелось въ громадномъ большинствѣ случаевъ къ смиренному сидѣнію на временномъ судейскомъ креслѣ. Трудно допустить самостоятельность сужденія старшины и даже достаточное пониманіе имъ сложной механики политическихъ теорій и заблужденій, съ которыми приходится имѣть дѣло въ большинствѣ государственныхъ преступленій, если исключить изъ нихъ тѣ, сравнительно рѣдкіе, процессы, въ которыхъ центромъ тяжести является преступленіе противъ общаго права (напримѣръ, убійство), получающее лишь специальную политическую окраску. Соединенные департаменты, приглашая къ участію въ судѣ волостнаго старшину, имѣли, всеконечно, въ виду самую благовидную цѣль—призвать въ судѣ представителя обширнаго крестьянскаго сословія, освобожденнаго и значительно уравненнаго въ правахъ съ прочими сословіями реформою 1861 года. Тѣмъ не менѣе, соединенные департаменты и общее собраніе государственнаго совѣта впали здѣсь въ противорѣчіе съ тѣми мотивами (см. выше), которые ими же были выставлены въ качествѣ рѣшающихъ при изыятіи дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ и при несогласіи ихъ на передачу этихъ дѣлъ на разсмотрѣніе даже особыхъ присяжныхъ, рекомендованныхъ «соображеніями» государственной канцеляріи. Очевидно, что любой изъ такихъ «спеціальныхъ» присяжныхъ долженъ былъ стоять неизмѣримо выше громаднаго большинства нашихъ волостныхъ старшинъ. Старшины должны засѣдать на ряду съ первымъ представителемъ дворянства (губернскій предводитель) и съ уѣзднымъ предводителемъ. Послѣдній de jure не всегда (ст. 1051 и 1052 уст. угол. суд.) предводитель того же уѣзда, изъ котораго явится и волостной старшина. Но de facto чаще всего приглашается именно предводитель того уѣзда, въ городѣ котораго засѣдаетъ палата, слѣдовательно, старшина долженъ засѣдать «на однихъ правахъ» съ своимъ *начальникомъ*; сознаніе подчиненности, привычное для старшины относительно предводителя, положеніе «почтительнаго повиновенія» не могутъ покинуть его даже въ томъ случаѣ, когда рядомъ съ нимъ будетъ засѣдать предводитель другого уѣзда. Практика, сколько намъ извѣстно, подтверждаетъ эти апіористическія соображенія. Можно указать на нѣсколькихъ старшинъ, игравшихъ довольно самостоятельную роль, умѣвшихъ поставить себя даже въ «особомъ присутствіи правительствующаго сената» при сужденіи величайшихъ политическихъ преступленій; компетентныя лица, принимавшія участіе въ качествѣ судей коронныхъ въ засѣданіяхъ харьковской судебной палаты съ сословными представителями по обсужденію дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія и должностныхъ, говорили намъ,

что имъ пришлось засѣдать съ старшиною, который свободно и смѣло высказывалъ свое мнѣніе «по силѣ разумѣнія» и держалъ себя съ председателемъ и членами палаты на правахъ полного равенства. Но врядь ли нужно доказывать, что такіе старшины, обыкновенно богатые и сравнительно просвѣщенные, встрѣчаясь иногда въ волостяхъ, прилегающихъ къ особо крупнымъ центрамъ, представляются явленіями совершенно единичными и исключительными. Обыкновенно же волостные старшины не играютъ никакой роли, держатся робко, сложность и «мудренность» дѣла пугаетъ ихъ, присутствіе «высокихъ чиновъ», а тѣмъ болѣе мѣстнаго предводителя, стѣсняетъ ихъ и они подаютъ голоса, тщательно прислушиваясь, во время совѣщанія, къ мнѣніямъ и замѣчаніямъ начальства. И чѣмъ дѣло болѣе подходитъ къ политическому, т.-е. менѣе доступному ихъ пониманію и оцѣнкѣ, тѣмъ менѣе оказываются они самостоятельными; если, по исключенію, у нихъ является иногда смѣлость при обсужденіи обычныхъ и въ общемъ довольно однообразныхъ случаевъ «сопротивленія» властямъ, столь извѣстныхъ и понятныхъ простому крестьянину, то они неизбѣжно должны теряться и оказываться малосостоятельными, когда рѣчь заходитъ о болѣе сложныхъ и менѣе доступныхъ ихъ пониманію служебныхъ преступленіяхъ.

Наконецъ, весьма существенное отличіе обѣихъ формъ суда лежитъ въ томъ, что «спеціальныя присяжныя» засѣдаютъ *раздѣльно* отъ коронныхъ людей, имѣютъ, какъ и обыкновенныя присяжныя, свою особую сферу дѣятельности, свои спеціальныя задачи въ процессѣ, тогда какъ палата съ сословными представителями есть *единая* коллегія, въ которой оба элемента смѣшиваются, имѣютъ одну, нераздѣльную цѣль дѣятельности въ процессѣ и обязаны *совмѣстно* рѣшать, на правахъ полного равенства, вопросы о виновности и о примѣненіи наказанія (ст. 1055, 1061³ и 1106¹ уст. угол. суд.) и мотивировать свои рѣшенія. Такимъ образомъ, хорошія стороны суда присяжныхъ вообще, улучшеннаго еще образованіемъ особаго изъ состава для нѣкоторыхъ спеціальныхъ дѣлъ (напримѣръ, о государственныхъ преступленіяхъ), должны отсутствовать въ этомъ смѣшанномъ судѣ, по скольку онъ не обладаетъ въ строѣ процесса тѣми спеціальными особенностями, которыя характеризуютъ судъ присяжныхъ и составляютъ призванія его достоинства.

III.

Быть можетъ, коронный судъ съ сословными представителями содержитъ въ себѣ достоинства, присущія германскому суду шеффеновъ? *Предположимъ* для начала, что судъ шеффеновъ новѣйшаго (германскаго) типа есть форма суда, превосходящая судъ присяжныхъ. Но можетъ ли разсматриваемая русская форма суда равняться съ судомъ шеффеновъ? Германскій шеф-ингерихтъ вѣдаетъ мелкія (полицейскія) правонарушенія, а изъ «пр-гунковъ» — лишь тѣ, которые обложены наказаніями не свыше трехъ

мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ, ареста или денежнаго взысканія не свыше 600 марокъ (*Учрежд. суд. устан. для Герм. имперіи*, § 27, пп. 1 и 2 и § 75). Центр тяжести состава этого суда законодатель переноситъ на элементъ народный—*двое шеффеновъ* засѣдаютъ въ немъ при *одномъ* коронномъ (участковомъ) судѣ, которому предоставлено председательство. Уже въ силу численнаго преобладанія въ коллегіи судьи не профессиональные (шеффены) *могутъ* дѣйствовать свободнѣе и самостоятельнѣе, а при сознательномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ существенно вліять на производство и рѣшеніе дѣла. Шеффены—выборные изъ народа; избраніе ихъ производится изъ особаго всеословнаго списка, внѣ всякаго давленія и даже вліянія администраціи; *условія* для избранія въ эту «почетную должность» (*Учрежд.*, § 31) тѣ же, что и для присяжнаго (*ibidem*, § 85, также §§ 40, 42, 45); они участвуютъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи *всѣхъ* вопросовъ, не исключая процессуальныхъ, возникающихъ въ дѣлѣ, на правахъ полнаго равенства съ участковымъ судьей (*ibidem*, § 30). По *всѣмъ* этимъ пунктамъ, за исключеніемъ послѣдняго, наши суды съ сословнымъ представительствомъ *существенно различаются* отъ шеффенрихтовъ. Не останавливаясь даже на принципѣ сословности и на другихъ, второстепенныхъ отличіяхъ обѣихъ формъ суда, нельзя не замѣтить, что наше законодательство, очевидно, не вполне довѣряетъ и этому своеобразному «народному элементу»; оно вноситъ въ организацію этого суда *численное преобладаніе* элемента короннаго, что особенно замѣтно въ позднѣйшихъ новеллахъ. Такъ, при сужденіи государственныхъ преступленій въ вѣдомствѣ судебныхъ палатъ, составъ короннаго суда выражается въ цифрѣ 5 судей (старшій предсѣдатель палаты и 4 члена ея), въ вѣдомствѣ же «особаго присутствія правительствующаго сената» для рѣшенія тѣхъ же дѣлъ требуется уже 6 сенаторовъ (вмѣстѣ съ первоприсутствующимъ); сословные же представители въ обонихъ судахъ фигурируютъ *въ меньшемъ числѣ*—4 человека (два предводителя, городской голова и волостной старшина). Надлежитъ еще замѣтить, что коронные члены «особаго присутствія» не суть постоянные и неизмѣнные его члены, а назначаются высочайшею властью на срокъ, особымъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 13 и 14 *Учрежд. правит. сената* (по изданію 1886 г.; см. стт. 1050, 1056, 1061 и 1062 уст. угол. суд.). По закону же 7 іюля 1889 г. въ вѣдѣніи судебныхъ палатъ съ сословными представителями отошли окончательно не только дѣла, временно изъятыя изъ ихъ вѣдомства законами 1878 и 1881 гг., но и *всѣ безъ исключенія дѣла о преступленіяхъ по должности, главнѣйшія преступленія противъ порядка управленія и нѣкоторыя другія* (см. стт. 201 и 1105 уст. угол. суд.), если наказанія за нихъ грозятъ лишеніемъ *всѣхъ* правъ состоянія или *всѣхъ* особенныхъ правъ и преимуществъ. Но почему-то составъ присутствія палаты численно *измѣняется*. Вмѣсто 5 коронныхъ судей, участвуютъ только 4 (съ предсѣдателемъ), а на мѣсто 4 сословныхъ представителей—лишь 3 (устранено участіе уѣзднаго предводителя дворянства). Такимъ образомъ, во *всѣхъ*

трехъ видахъ этого особаго суда число членовъ отъ сословій *меньше* числа коронныхъ судей, количество же послѣднихъ возрастаетъ (до 6) въ «особомъ присутствіи», вѣдающемъ наиболѣе важныя государственныя преступленія; число же сословныхъ представителей въ послѣднемъ судѣ меньше числа сенаторовъ на 2. А если принять во вниманіе сказанное нами о роли волостного старшины, то количественное отношеніе голосовъ между двумя элементами единой коллегіи складывается еще менѣе благоприятно для народнаго элемента. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что шеффены, избираясь по жребію изъ всесословнаго и всѣхъкласснаго списка для участія въ серіи дѣлъ, случайно могутъ быть и изъ числа *чиновниковъ*, т.-е. состоять въ нѣкоторой зависимости отъ администраціи; но и по этому щекотливому пункту германскій законодатель постарался оградить личный составъ народнаго элемента, приглашаемаго къ отправленію судейскихъ обязанностей, отъ всякихъ упрековъ въ зависимости и недостаточной самостоятельности; такъ, въ шеффены не призываются «должностныя лица, которыя въ каждое время могутъ быть временно удалены въ отставку» (*Учрежд.*, § 34, п. 3 и 4), также «полицейскія исполнительныя должностныя лица», чины прокуратуры (*ibidem*, пп. 5 и 6). Самая незначительность полицейскихъ нарушеній и проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію шеффеновъ, тоже представляется значительною гарантіей независимости и самостоятельности тѣхъ чиновныхъ лицъ, которыя могутъ случайно попасть въ составъ суда, такъ какъ по такимъ ничтожнымъ дѣламъ, совершенно не затрагивающимъ щекотливыхъ и серьезныхъ вопросовъ политическаго или административнаго свойства, правительственнымъ органамъ и администраціи не представляется основаній ни къ оказанію *давленія* на членовъ суда, ни даже къ выраженію какого-либо неудовольствія по поводу отдѣльныхъ приговоровъ суда и голосованій его членовъ. Наконецъ, германское законодательство, при всей незначительности этихъ дѣлъ, грозящихъ подсудимымъ небольшими карамъ, давая обвиняемымъ гарантіи въ лицѣ двухъ «народныхъ судей» противъ одного короннаго, предоставляетъ лицамъ, судимымъ шеффенами, новыя гарантіи—право апелляціоннаго обжалованія приговоровъ этого суда въ уголовную камеру *Landgericht*'а, который состоитъ исключительно изъ коронныхъ судей (*Учрежд.*, § 72). Наши же сословные представители—исключительно лица *должностныя*, хотя и выборныя; предводители дворянства пользуются на время ихъ состоянія въ должности значительною независимостью, такъ какъ они уstraиваются отъ должности и предаются суду лишь правительствующимъ сенатомъ; менѣе независимы городскіе головы, на которыхъ (исключая столичныхъ) уже можно воздѣйствовать «административнымъ» путемъ; городское положеніе поставило ихъ въ нѣкоторую зависимость отъ начальныя губерніи, а самое утвержденіе головъ губернскихъ городовъ зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Что же касается волостныхъ старшинъ, то они не только не пользуются несмѣняемостью на время состоянія въ должности, но состоятъ въ прямой зависимости и подчиненіи

у администраціи—исправника, земскаго начальника и предводителя; земскій начальникъ можетъ во всякое время посадить старшину подъ арестъ и даже устранить его отъ должности. О независимости такого судьи, присутствующаго въ одномъ засѣданіи съ предводителемъ дворянства, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, гарантію самостоятельности и независимости въ разсматриваемыхъ формахъ суда даютъ предводители дворянства и городской голова, но отнюдь не волостной старшина. Законодатель передаетъ, однако, на рѣшеніе этого суда не мелкія правонарушенія, а дѣла самыя важныя, по которымъ законъ грозитъ наиболѣе тяжкими наказаніями и *устраняетъ по нимъ апелляціонное обжалованіе*, т.-е. возможность перевершенія дѣла по существу: сторонамъ открытъ одинъ путь—кассационнаго обжалованія. Законъ исходитъ изъ предположенія, что судъ съ сословными представителями даетъ сторонамъ тѣ же процессуальныя гарантіи, какъ и судъ присяжныхъ. Самое кассационное обжалованіе весьма стѣснено, когда дѣло идетъ о приговорахъ «особаго присутствія»: допущены кассационныя жалобы и протесты «лишь относительно нарушенія закона и неправильнаго толкованія его при опредѣленіи преступленія и рода наказанія» (ст. 1061 уст. угол. суд.).

И такъ, германскій шеффенгерихтъ обставленъ лучшими гарантіями для правосудія.

Дѣйствующіе у насъ три вида суда съ сословными представителями не могутъ быть отождествляемы и съ такъ называемыми «гминными судами» бывшаго Царства Польскаго. Между этими учрежденіями нѣтъ почти ничего общаго (о «гминныхъ судахъ» см. подробно въ *Журналъ гражд. и угол. права* за 1873 г. въ № 5, за 1875 г.—№№ 5 и 6 и за 1876 г.—№ 1); сходство замѣчается лишь между гминными судами и германскими шеффенгерихтами. На основаніи «положенія 19 февраля 1875 г.» гминный судья и лавники *избираются* на три года, изъ общаго списка, въ который вносятся всѣ лица, удовлетворяющія извѣстнымъ условіямъ возраста, права участія въ дѣлахъ гминнаго схода, имущественнаго ценза и небольшого образовательнаго; гмина избираетъ двухъ кандидатовъ на каждую должность (одного гминнаго судьи и трехъ лавниковъ). На составъ «общихъ списковъ» существенно вліяетъ уѣздный начальникъ, высшій представитель уѣздной администраціи, такъ какъ онъ можетъ исправить, сократить или дополнить списки; наконецъ, *весьма существенное право предоставлено высшей администраціи*: начальникъ губерніи, по соглашенію съ прокуроромъ окружнаго суда, утверждаетъ избранныхъ лавниковъ и кандидатовъ къ нимъ, въ случаѣ же разногласія между этими властями—рѣшаетъ споръ министръ юстиціи. Эти власти могутъ *не утвердить* законно избранныхъ лавниковъ, не отдавая никому отчета въ мотивахъ этого рѣшенія, хотя бы избранныя лица удовлетворяли всѣмъ формальнымъ требованіямъ закона. Избранные же гминные судьи и кандидаты къ нимъ представляются съ замѣчаніями начальника губерніи министру юстиціи, который имѣетъ дискреціонное право *не утвердить* ихъ и назначить другихъ лицъ. Та-

инымъ образомъ, лавники и гминные судьи хотя и избираются, въ отличіе отъ нашихъ сословныхъ представителей, принимающихъ участіе въ судѣ *ex officio* и по должности, исключительно для судебныхъ цѣлей изъ числа всѣхъ обывателей гмины, имѣющихъ формальное право быть занесенными въ списки, но допущеніе ихъ къ исправленію судебскихъ обязанностей поставлено въ полную зависимость отъ высшей мѣстной администраціи и министра юстиціи. Въ этомъ пунктѣ гминный судья отличается, не въ свою пользу, не только отъ шеффенскаго суда, но даже отъ трехъ видовъ русскаго суда съ сословными представителями. Въ остальныхъ существенныхъ пунктахъ организаціи и процессуальной дѣятельности гминный судья совпадаетъ съ судомъ шеффеновъ, приближаясь, что касается рода дѣлъ, подвѣдомственныхъ гминному суду, къ той юрисдикціи нашихъ мировыхъ судей (стг. 1287, 1290 уст. угол. суд.), которую они имѣли до закона 1882 г., изъяснаго многія дѣла о «вкражахъ со взломомъ» изъ вѣдомства присяжнаго суда и передаваго ихъ мировому институту.

Если принять еще во вниманіе, что два выборныхъ шеффена засѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ короннаго судьи (Amtstrichter), образуя смѣшанную коллегію съ численнымъ преобладаніемъ въ ней «народнаго элемента», а гминный судья *цѣлкомъ* состоитъ изъ *однихъ избранныхъ судей*, выборъ которыхъ производится подъ контролемъ администраціи, а утвержденіе—въ прямой отъ нея зависимости, то должно придти къ заключенію, что нашъ гминный судья, при значительномъ сходствѣ съ шеффенгерихтомъ, есть, въ сущности, учрежденіе, принципиально отъ него отличное: онъ представляется судьямъ, образуемымъ на долгій (3-хъ лѣтній) срокъ, изъ лавниковъ (Laienlement), избираемыхъ подъ вліяніемъ администраціи и утверждаемыхъ по ея *усмотрѣнію*. Это вліяніе и усмотрѣніе объясняются особыми политическими условіями Привислянскаго края; но если бы перенести это учрежденіе въ мѣстности, чуждыя этимъ «особымъ условіямъ, освободивъ избраніе и утвержденіе судей отъ всякаго вліянія и усмотрѣнія администраціи, то такая измѣненная организація гминнаго суда почти совпала бы съ шеффенскимъ судомъ и различіе было бы въ одномъ только существенномъ пунктѣ—въ полномъ отсутствіи въ составѣ этого суда короннаго элемента профессиональныхъ судей. Другими словами, преобразованный гминный судья почти отождествлялся бы съ сѣздами мировыхъ судей. Дѣйствующій же въ настоящее время гминный судья сравнительно съ тремя формами нашихъ смѣшанныхъ (коронно-сословныхъ) судовъ уступаетъ послѣднимъ въ томъ отношеніи, что наши «сословные представители», избираемые на занимаемая ими должности (предводителя и проч.), вовсе не въ видахъ участія ихъ въ судѣ и попадающіе въ составъ судебныхъ коллегій, хотя и въ силу занимаемаго ими служебнаго положенія, но все же случайно, оказываются *de jure* и *de facto* болѣе независимыми (за исключеніемъ одного волостнаго старшины) отъ администраціи.

Въ концѣ, эти послѣднія судилица имѣютъ *большое сходство* съ судьями засѣдателями, фигурировавшими въ низшихъ и среднихъ инстан-

ціяхъ нашего дореформеннаго судоустройства, но въ послѣднихъ сословный характеръ засѣдателей былъ проведенъ послѣдовательно, а самое число ихъ превосходило число коронныхъ судей, почему эти судебныя учрежденія являлись судомъ сословнымъ по преимуществу, со всѣми недостатками этого суда, столь хорошо очерченными составителями нашихъ судебныхъ уставовъ.

Резюмируя вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что наши суды «съ участіемъ сословныхъ представителей» уступаютъ шеффенгерихтамъ, организація которыхъ болѣе удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія.

Допустимъ теперь, что соответственными измѣненіями въ организаціи нашихъ судовъ можно приблизить послѣдніе къ шеффенгерихтамъ, сохранивъ между ними лишь различіе *по роду дѣлъ*. Въ такомъ случаѣ возникаетъ другой вопросъ—о *сравнительной доброкачественности шеффенгерихта и суда присяжныхъ*.

IV.

Горячая полемика, вспыхнувшая въ 70 годахъ въ Германіи про и contra суда шеффеновъ, которыми «отецъ шеффеновъ», саксонскій генераль-прокуроръ Шварце, равно и князь Бисмаркъ думали замѣнить судъ присяжныхъ въ Германіи, уже въ то время склонилось не въ пользу шеффеновъ. Въ настоящее время *вопросъ должно считать окончательно рѣшеннымъ въ пользу присяжнаго суда*. Сопоставляя всѣ существенныя данныя и соображенія, выставленныя защитниками шеффеновъ и ихъ противниками, равно какъ и строгими приверженцами чисто-короннаго суда, можно придти къ нижеслѣдующимъ заключеніямъ:

1) Германская попытка къ замѣнѣ шеффенами суда присяжныхъ оправдывала эту затѣю *исторіею шеффенскаго института*, въ которомъ желали видѣть учрежденіе *строга - національное* и самобытное. Судъ шеффеновъ, имѣющій «давніе и глубокіе корни» въ правосознаніи нѣмецкаго народа, вызывается національнымъ объединеніемъ Германіи. Онъ долженъ вытѣснить иноземныя формы суда (присяжныхъ), искусственно насажденныя въ Германіи подѣ влияніемъ духа подражанія французскому судоустройству и судопроизводству. На самомъ же дѣлѣ, проектами шеффенскаго суда въ широкихъ размѣрахъ, который долженъ былъ совершенно вытѣснить судъ присяжныхъ, руководили два соображенія: а) *недоверіе къ участію народнаго элемента въ уголовномъ судѣ, стремленіе къ полному его вытѣсненію*. Судъ шеффеновъ, въ которомъ народный элементъ слить съ короннымъ и не можетъ играть достаточно самостоятельной и авторитетной роли, представлялся противникамъ народнаго элемента тою переходною ступенью отъ суда присяжныхъ къ излюбленному ими коронному суду, которая необходимо и скоро привела бы къ совершенному устраненію этого элемента, къ полному торжеству короннаго суда. Такъ, извѣстный криминалистъ Биндингъ, какъ рѣшитель-

ный сторонникъ суда короннаго, рекомендовалъ шеффеновъ на мѣсто присяжныхъ потому лишь, что «первые—меньшее зло». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что виднѣйшіе защитники шеффеновъ—тайные или явные сторонники короннаго суда, относящіеся скептически и даже прямо враждебно къ народному элементу уголовного суда. Но большинство пытается *накиривать* свою затаенную мысль, почему и аргументируетъ за преимущества шеффенской формы участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи. б) Вторымъ мотивомъ былъ нѣмецкій *шовинизмъ*, возникшій съ неудержимою силой послѣ побѣдъ 1870—71 гг., раздутая ненависть и недоброжелательство къ Франціи и ея учрежденіямъ. Какъ бы то ни было, но приводимыя *историческія основанія и оправданія* института шеффеновъ могли бы имѣть нѣкоторую цѣну только въ томъ случаѣ, если бы было доказано *тождество* между старыми и новогерманскими шеффенами. На самомъ же дѣлѣ *оба типа*, сходствуя въ названіяхъ, *рѣзко отличаются* по существу: древніе шеффены *одни* были судьями, давали отвѣты-приговоры, основанные на обычаяхъ, судья же (представитель государственной власти) не ставилъ приговора и не участвовалъ въ рѣшеніи дѣла. Въ новомъ же шеффенскомъ судѣ видная, даже *главная роль* въ постановленіи рѣшенія въ засѣданіи *принадлежитъ судѣ, коронному юристу, который истолковываетъ законъ шеффенамъ не-юристамъ и первый подаетъ свое мнѣніе* по всѣмъ вопросамъ. Отождествленіе старыхъ и новыхъ шеффеновъ настолько же ошибочно, какъ и отождествленіе древне-русскихъ народныхъ судей съ современными «сословными представителями».

2) *Шеффенскій судъ, а, слѣдовательно, и наши суды «съ сословными представителями»* въ еще большей степени *являются теми же коллегами коронными судами, но, притомъ, искаженными*. Давно признано (Литермаеръ), что для наибольшаго успѣха въ дѣятельности судебной коллегіи необходимо возможно большее и совершенное равенство между членами ея. Но не можетъ существовать ни полнаго, ни даже значительнаго равенства между судьями-юристами, обладающими всѣми хорошими и слабыми сторонами профессиональныхъ правоведавъ и гражданами-неюристами, засѣдающими въ судѣ по выбору, на короткіе сроки (шеффены), или случайно, въ силу занимаемой должности (наши «сословные представители»): въ коллегіи долженъ происходить свободный и сознательный обменъ мыслей между ея членами, но для этого потребны приблизительно одинаковыя умственное развитіе и образованіе, одинаковость привычекъ въ умственной работѣ, даже въ общественномъ положеніи. По всѣмъ этимъ пунктамъ шеффены и коронные судьи различаются и уравниваться они могутъ лишь случайно, по исключенію; но очевидно, что законодатель не можетъ строить организаціи суда и процесса на явленіяхъ случайныхъ и лишь возможныхъ. Различіе между нашими коронными судьями (притомъ, *иски мѣтъ судовъ*) и «сословными представителями» еще большее: «волостной старшина» изъ 100 случаевъ въ 99 не выдержитъ съ первыми ни малѣйшей конкуренціи, наши предводители дворянства, часто личности весьма

почтенныя, но далеко не всегда (особенно гг. уѣздные предводители) достаточно образованы (въ серьезномъ смыслѣ) и, во всякомъ случаѣ, значительное большинство ихъ не только не юристы, но и вообще образованіемъ своимъ значительно уступаютъ членамъ короннаго суда; наконецъ, городской голова удовлетворяетъ по своему образованію указанному требованію въ столицахъ, но уже гораздо рѣже въ губернскихъ городахъ, представляясь сплошь и рядомъ ординарнымъ купцомъ, «грамотнымъ и съ положеніемъ» въ мѣстномъ обществѣ.

3) При указанныхъ въ п. 2 условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о полномъ сліянніи шеффеновъ (или «сословныхъ представителей») съ коронными судьями, основанномъ на сознательномъ стремленіи, на началахъ полнаго фактическаго равенства, всѣхъ членовъ къ достиженію единой цѣли. Одинъ изъ двухъ элементовъ коллегіи долженъ осилить другой. По всѣмъ законамъ вѣроятности, должна подавить и получить преобладающее значеніе та часть коллегіи (коронные судьи), которая выступаетъ во всеоружіи образованія общаго и спеціальнаго, умѣетъ легко и авторитетно истолковать законъ, имѣетъ привычку юридическаго мышленія, выработала приемы и цѣлую систему аргументовъ,—та часть коллегіи, на одного изъ членовъ которой самъ законъ возлагаетъ руководящую, нерѣдко рѣшающую роль председателя. Правда, эти апріористическія соображенія ослабляются, повидимому, показаніями лицъ, близкихъ къ практикѣ шеффенскаго суда. Такъ, Шварце превозноситъ самостоятельность шеффеновъ, дѣйствовавшихъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи до 1877 г., рѣшительно отрицаетъ всякое давленіе на нихъ со стороны короннаго суда; онъ говоритъ, что весь процессъ совѣщанія производитъ «впечатлѣніе гармоніи»: судьи берутъ у шеффеновъ ихъ житейскія знанія, проникаются «свѣжестью ихъ міровоззрѣнія», а шеффены изучаются у судей праву. Такія «взаимныя вліянія», которымъ судьи-шеффены подчиняются добровольно, приводятъ къ приговору, «превосходящему по достоинству вердиктъ присяжныхъ». Такихъ отзывовъ, однако, очень немного; да и самъ Шварце, «отецъ шеффенскаго суда», ярый его защитникъ и противникъ суда присяжныхъ, набралъ эти «laudationes» съ чужихъ словъ. Иначе рисуютъ намъ дѣло другія лица, даже изъ числа сторонниковъ шеффеновъ. Такъ, проф. Палаузовъ приводитъ отзывъ нѣкоего Циммермана (председателя суда шеффеновъ въ Касселѣ), въ которомъ говорится, что дѣятельность шеффеновъ «благотворна *только* по отношенію къ чисто-фактическимъ вопросамъ». Раздаются и такіе голоса практиковъ, близко знакомыхъ съ шеффенскимъ судомъ, которые рѣшительно утверждаютъ, что а) *въ вопросахъ права самые образованные шеффены всегда подчиняются взглядамъ судьи*, б) *менѣе образованные (большинство)—къ дѣлу индифферентны*, держатъ себя пассивно, вполне подчиняются мнѣніямъ и приговору судьи, котораго они сами признаютъ единственно компетентнымъ (см. Палаузовъ: «Къ вопросу» и т. д., стр. 105 — 107). Поэтому, «совѣщанія въ судѣ всегда коротки, взаимномъ обмѣнѣ мнѣній нѣтъ и помину». Если же таково положеніе дѣла

въ судѣ шеффеновъ, гдѣ число голосовъ «народныхъ» было равно или даже превосходило число голосовъ судей отъ короны (въ общегерманскомъ шеффенскомъ судѣ ихъ всегда два противъ одного участковаго судьи), гдѣ шеффены не могли не понимать, что, въ концѣ-концовъ, ихъ голоса при нѣкоторомъ единодушіи между ними *de facto* механически осиливаютъ коронный элементъ, то въ нашемъ судѣ съ «сословными представителями», въ которомъ голоса послѣднихъ численно уступаютъ судьямъ и имѣютъ въ своемъ составѣ въ громадномъ большинствѣ случаевъ «безгласный голосъ» волостного старшины, о самостоятельности и фактической равноправности нареднаго элемента можно говорить еще въ меньшей мѣрѣ. А если такъ, то можно допустить нѣкоторую пользу «сословныхъ представителей» только для рѣшенія чисто-фактическихъ вопросовъ. Намъ приходилось нерѣдко слышать отъ лицъ, близко знакомыхъ съ этимъ судомъ въ Россіи и принимавшихъ непосредственное въ немъ участіе, что сословные представители не только уклоняются отъ дѣятельнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ правовыхъ, вполне полагаясь въ этомъ отношеніи на судъ, но проявляютъ крайнюю сдержанность въ обсужденіи даже и фактической стороны дѣла. Они тщательно воздерживаются отъ заявленія рѣшительныхъ мнѣній, прислушиваясь къ мнѣніямъ и спорамъ, возникающимъ среди судейскаго персонала. Бываютъ, правда, исключенія; случалось, о чемъ мы уже упоминали, что даже «волостные старшины» смѣло и настойчиво выставляли свою точку зрѣнія, еще чаще «собственное мнѣніе» поддерживалось другими «сословными представителями», но такія явленія всегда бывали исключительными.

4) Если въ судѣ шеффеновъ не достигается *единеніе* между короннымъ и народнымъ элементами, должествующее быть послѣдствіемъ ихъ соединенія въ одной коллегіи на началахъ юридическаго равенства ихъ правъ и обязанностей, то отсюда *логически* еще не вытекаетъ оправданіе суда присяжныхъ. Противники могутъ сказать, что организація суда шеффенскаго все же «*par principe*» ближе къ идеѣ хорошаго суда, предполагающаго *нераздѣльность* судебной дѣятельности, стремящейся къ постановленію приговора, нежели судъ присяжныхъ, построенный на началѣ *раздѣльности* двухъ коллегій, которыя дѣйствуютъ изолированно, безъ внутренней между ними связи, не только независимо другъ отъ друга, но даже враждебно, какъ это замѣчается особенно во французскомъ типѣ присяжнаго суда. Свѣдѣнія присяжныхъ не принимаютъ активнаго участія въ рѣшеніи вопроса о допущеніи или недопущеніи къ судебному слѣдствію доказательствъ, необходимыхъ, по ея мнѣнію, для рѣшенія дѣла: полнота или неполнота ихъ, правильное или неправильное ихъ допущеніе на судебномъ слѣдствіи—всецѣло въ рукахъ короннаго суда, а присяжные—лишь молчаливые свидѣтели распоряженій короннаго суда, хотя имъ, а не послѣднему, приходится отвѣчать на вопросы, т.-е. вліять рѣшающимъ образомъ на исходъ дѣла. Тѣмъ не менѣе, этотъ исходъ безусловно въ рукахъ присяжныхъ, что, не отдавая въ своихъ вердиктахъ отчета ни суду, ни обществу,

не обязаны даже мотивировать вердикты, тогда как судъ шеффеновъ и судъ «съ сословными представителями» должны мотивировать свои приговоры. Вотъ почему присяжные *de facto* нерѣдко осуществляютъ, не считаясь съ интересами правосудія, начало «всемогущества» (*omnipotence*) народного суда, хотя современная теорія и отвергаетъ эту неправомѣрную точку зрѣнія, поднимающую присяжныхъ на высоту верховнаго источника властей законодательной и исполнительной. По капризу и увлеченію, въ сознаниі своего фактическаго «всемогущества», они узурпируютъ не принадлежащую имъ власть помилованія посредствомъ явно несправедливыхъ оправдательныхъ приговоровъ. По мысли законодателя, коронные судьи не должны принимать никакого участія въ обсужденіи фактической стороны дѣла. Въ ихъ рукахъ вся процессуальная сторона и юридическая квалификація конкретныхъ фактовъ, установленныхъ вердиктомъ присяжныхъ, т.-е. подведеніе ихъ подъ диспозитивную (описательную) часть уголовного закона и выборъ наказанія; на рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ присяжные не должны имѣть никакого вліянія. На самомъ же дѣлѣ *коронный судъ*, который лишень даже права высказывать передъ присяжными свое мнѣніе о дѣлѣ, существенно вліяетъ на оцѣнку и даже на рѣшеніе фактической стороны процесса, такъ какъ только онъ ставитъ вопросы, подлежащіе рѣшенію народныхъ судей; постановка же вопросовъ—кульминаціонный пунктъ всего процесса и вліяніе ея на исходъ дѣла громадно. Между тѣмъ, присяжные устранены отъ участія и вліянія на постановку вопросовъ, одинъ судъ имѣетъ право внести въ вопросы разные фактическіе признаки, и только онъ же можетъ не вносить въ вопросъ какихъ-либо признаковъ. Послѣдствіе этой системы выражается въ томъ, что судъ, не имѣющій внутренней и достаточно сильной связи со скамьей присяжныхъ, разьединенный отъ послѣдней, далеко не всегда можетъ знать (онъ можетъ лишь *угадывать*) дѣйствительное настроеніе присяжныхъ, сомнительные для нихъ пункты дѣла, ихъ взглядъ на возможное его рѣшеніе; судъ не знаетъ ихъ колебаній, не вѣдаетъ того, что для нихъ не выяснено или недостаточно освѣщено,—однимъ словомъ, не знаетъ, что имъ нужно. Онъ ставитъ имъ, на примѣръ, вопросъ о предумышленномъ убійствѣ, тогда какъ присяжные склоняются по обстоятельствамъ дѣла къ признанію въ дѣлѣ нанесенія смертельныхъ ранъ безъ умысла лишить жизни. Однимъ словомъ, обѣ коллегии вовсе не поставлены въ возможность всегда понимать другъ друга и вотъ присяжные оправдываютъ по первому вопросу, тогда какъ они обвинили бы по другому вопросу, если бы судъ понялъ ихъ и поставилъ этотъ второй вопросъ. Слѣдовательно, исключительная роль суда при постановкѣ вопросовъ, вытекающая изъ основной идеи суда присяжныхъ и изъ конструкціи производства въ этомъ судѣ, толкаетъ «народный элементъ» на путь произнесенія неправильныхъ приговоровъ, даетъ точку опоры для пресловутой «*omnipotence*» присяжныхъ. Для избѣжанія такихъ недоразумѣній, французская система выработала свою печальную «дробность и многочисленность» фактическихъ вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, на мѣсто

одного цѣльнаго отвѣта ихъ на выводъ изъ обвинительнаго акта (англійская система). Но многочисленность и дробность вопросовъ путаешь при- сяжныхъ, мѣшаетъ необходимому сосредоточенію ихъ вниманія на центральномъ пунктѣ дѣла, вовлекаетъ ихъ въ случайные и противорѣчивые отвѣты. Въ концѣ же концовъ, присяжные даютъ свои отвѣты по такимъ отдѣльнымъ вопросамъ, а не по всему предъявленному суду обвиненію.

Противъ изложеннаго представлены были основательныя возраженія. Судебная дѣятельность едина, но единство требуетъ лишь «гармоническаго» сочетанія дѣятельности отдѣльныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый долженъ дѣйствовать въ процессѣ самостоятельно, въ опредѣленной, ему свойственной сферѣ; но эти органы *связаны между собою единствомъ цѣли и обязанностью слѣдовать по пути, предначертанному каждому изъ нихъ закономъ. Раздѣльность коллегіи въ судѣ присяжныхъ — необходимое и полезное условіе дѣятельности этого суда.* Оно зиждется: а) *на потребности раздѣленія труда.* Если возложить весь трудъ на одинъ органъ, то онъ легъ бы на него тяжелымъ бременемъ и ослабилъ бы его способность къ открытію истины. Сосредоточивая же свои усилія по преимуществу на одной сторонѣ задачи, органъ, приспособленный по своимъ качествамъ къ рѣшенію извѣстной части общей задачи, можетъ, если будетъ, притомъ, сохранена связь между его дѣятельностью и работой другихъ органовъ, глубже и основательнѣе изучить свою специальную задачу: пользы для общаго дѣла получится больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда одинъ органъ, не обладающій всѣми специальными свойствами и качествами отдѣльныхъ органовъ, призванъ къ нераздѣльной и сложной работѣ — открытія истины въ уголовномъ дѣлѣ единичными усиліями. б) *Эта раздѣльность является также выраженіемъ закона дифференцірованія, т.-е. постепеннаго различенія и выдѣленія органовъ, существующихъ въ организмѣ, и функций, присущихъ этимъ органамъ; въ этомъ — законъ историческаго развитія общества и его учреждений. Этотъ законъ наглядно проявилъ свое разрушительное вліяніе на строй инквизиціоннаго процесса. Наиболѣе типичныя формы послѣдняго знали въ принципѣ единый органъ — судъ, который совмѣщаль въ себѣ нераздѣльныя функции суда, т.-е. безпристрастнаго посредника и рѣшителя спора между сторонами, и сторонъ — обвинителя и обвиняемаго. Такая организація съ тройственными функциями удовлетворила, конечно, идеѣ единства, но оказалась несостоятельною. Началось распаденіе этого неестественнаго единства, различеніе органовъ и ихъ функций въ процессѣ: отдѣляется и обособляется обвинительный органъ, а затѣмъ — другая сторона (обвиняемый и защита), обѣ стороны противопоставляются суду. И по настоящее время, особенно въ нѣкоторыхъ стадіяхъ процесса, традиція прежняго единства и смѣшенія функций продолжаютъ существовать въ производствѣ. Но въ теоріи идея дифференцірованія уже побѣдила, она быстро завоевываетъ себѣ признаніе и въ законодательствѣ гь. Судъ присяжныхъ — проявленіе этого закона, который нисколько не исключаетъ ни изолированности, ни, тѣмъ менѣе, враждебности отдѣль-*

ных органовъ. Въ хорошемъ устройствѣ суда выражается идея *организма*: части послѣдняго имѣютъ свои спеціальныя функціи, свои особыя задачи, но всё между собою связано тѣсно, должны помогать другъ другу, такъ какъ всё стремится къ одной цѣли; неправильное и разрозненное функционированіе одного органа нарушаетъ функціи другихъ и причиняетъ разстройство цѣлому. Все, что говорятъ объ «антагонизмѣ» двухъ коллегій и о порокахъ присяжнаго суда, относится, главнымъ образомъ, къ французскому его типу, который представляетъ собою ненормальный судебный организмъ. Всѣ эти пороки могутъ быть устранены. Такъ, присяжные могутъ и не быть пассивными зрителями допущенія или недопущенія доказательствъ на судебномъ слѣдствіи, полного или неполнаго ихъ выясненія. Не только въ Англіи, но также въ Германіи и у насъ они могутъ требовать *разъясненія* всего непонятнаго имъ, повторенія допросовъ свидѣтелей, предлагать имъ чрезъ предсѣдателя вопросы. Присяжные могутъ даже высказать свое мнѣніе о необходимости того или другого доказательства. Такъ, у насъ нерѣдки примѣры, когда присяжные заявляютъ предсѣдателю о необходимости допроса отсутствующаго свидѣтеля, изслѣдованія душевнаго состоянія подсудимаго, и случалось, что судъ, признавая ихъ заявленія основательными, призывалъ нужнаго свидѣтеля или откладываетъ дѣло до выясненія экспертизою душевнаго состоянія обвиняемаго. Если же въ законѣ нѣтъ ясныхъ указаній на такое право присяжныхъ, то надлежитъ лишь пополнить или исправить законъ. Теорія «всемогущества» присяжныхъ рѣшительно похоронена: юриспруденція судовъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣвѣрной Америки, Англіи, современная германская литература (см. Гнейстъ и Миттермайеръ) рѣшительно высказались противъ нея; этотъ взглядъ, опасный для правосудія, никогда не былъ господствующимъ въ судебной практикѣ, а если присяжные оправдывали несправедливо, то во Франціи и у насъ это явленіе давно получило удовлетворительное объясненіе. Вліяютъ на неправильные оправдательные приговоры многія причины: ошибки суда при постановкѣ вопросовъ, неправильное веденіе дѣла предсѣдателемъ, что признано и нашимъ кассационнымъ судомъ по многимъ «громкимъ дѣламъ», а также и въ нѣкоторыхъ заключеніяхъ сенатора А. Ѡ. Коши еще чаще вліяютъ большіе недостатки нашего матеріальнаго права, неудовлетворительное состояніе слѣдственной части и т. п. А что исправленія въ процессѣ и измѣненія въ матеріальномъ правѣ, согласующіяся съ указаніями общественнаго мнѣнія и съ потребностями суда присяжныхъ, оказываютъ замѣтное вліяніе на вердикты, уменьшая число оправдательныхъ приговоровъ, доказывається замѣтнымъ усиленіемъ строгости репрессіи нашихъ присяжныхъ *за послѣдніе годы*, воспослѣдовавшимъ послѣ изданія нѣкоторыхъ законоположеній (см. ниже § VI). Причину этого в. с. не случайнаго явленія надлежитъ усматривать, по справедливымъ замѣчаніямъ г. Щегловитова (*Журналъ Гражд. и Уголовн. Права* 1893 г., сентябрь), въ изданіи разныхъ законоположеній въ области матеріальнаго права (наприм., законъ 27 октября 1881 г. о смягченіи отвѣтственности

для несовершеннолѣтнихъ, подлежащихъ исправительнымъ наказаніямъ см. ст. 140 улож.), которыя, смягчивъ наказанія, отняли у представителей общественной совѣсти основаніе къ оправданію лицъ, которыхъ имъ приходилось, до исправленія закона, щадить, чтобы не подвергать ихъ слишкомъ жестокой отвѣтственности. Въ большей еще степени усиленіе репрессіи нашихъ присяжныхъ является послѣдствіемъ нѣкоторыхъ исправленій въ процессѣ, именно введенія въ наше законодательство требованія грамотности отъ присяжныхъ (умѣнья читать и писать) и измѣненія порядка составленія списковъ присяжныхъ (законъ 28 марта 1887 г.), отчасти закона 12 іюня 1884 г., ограничивающаго право отвода присяжныхъ, но въ особенности *благодаря* разумному и плѣсообразному *закону 15 мая 1886 г., предоставившему присяжнымъ* важное и безусловно необходимое имъ *право участія въ постановкѣ вопросовъ*. Съ введеніемъ въ процессъ этой серьезной реформы, которую слѣдуетъ рекомендовать всѣмъ законодательствамъ, не успѣвшимъ еще санкціонировать этого правила, должны прекратиться всѣ жалобы на исключительное участіе суда въ операціи постановки вопросовъ и всѣ неудобства, логически пронеставшія изъ устраненія присяжныхъ отъ постановки вопросовъ.

Что касается «множественности и дробности» вопросовъ, то и та, и другая являются слабыми сторонами французской системы. Эти пороки, хотя въ меньшей мѣрѣ, присущи и русской практикѣ, провозгласившей неправильную систему, выдвинутую покойнымъ сенаторомъ Буцковскимъ, за которымъ послѣдовалъ и уголовный кассационный департаментъ. Эта система покоится на невѣрномъ возрѣніи французской юриспруденціи (въ Англии эта точка зрѣнія давно покинута судебною практикой) на присяжныхъ какъ на судей, призванныхъ исключительно къ оцѣнкѣ и рѣшенію фактической стороны дѣла. Этотъ несообразный взглядъ, послѣдовательное проведеніе котораго оказалось физически невыполнимымъ, несмотря на всѣ усилія сената, полагаетъ возможнымъ разорвать связь между фактомъ и правомъ и отнимаетъ у присяжныхъ такъ называемую «субсумцію», т. е. подведеніе констатированныхъ ими фактовъ подъ законные признаки преступленія (о несообразностяхъ практики сената по этому важному вопросу см. *Семитренниковъ*: «О постановкѣ вопросовъ на судѣ уголовномъ по рѣшеніямъ кассационнаго сената», а также критическую замѣтку проф. Володимира въ *Журналъ Гражд. и Уголов. Права* 1876 г.).

Утверждали, что право субсумціи не примѣняется даже въ Англии въ такъ называемыхъ «спеціальныхъ вердиктахъ» присяжныхъ. Такіе вердикты даются изрѣдка англійскими присяжными, когда они не берутъ на себя, по сложности и запутанности дѣла, отвѣтственности въ рѣшеніи вопроса о соответствіи конкретныхъ фактовъ нѣкоторымъ абстрактно-правовымъ признакамъ даннаго преступленія и предоставляютъ судѣ, т. е. юристу, субсумцію установленныхъ ими конкретныхъ фактовъ подъ нѣкоторые законные признаки преступленія. Несомнѣнно, однако, что «спеціальныя» вердикты содержатъ въ себѣ какъ абстрактно-правовые признаки,

признанные присяжными, так и конкретные факты (см. *Glaser*: «Anklage» и т. д., стр. 163 — 176 и 235, *Гуло-Мейеръ* (переводъ Таганцева): «Вопросы факта и права на судъ присяжныхъ», стр. 28, 31). Въ обыкновенныхъ же англійскихъ и во всѣхъ континентальныхъ вердиктахъ право и обязанность присяжныхъ дѣлать субсумпціи стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Судья-юрисъ не можетъ ограничить присяжныхъ исключительно конкретными фактами; имъ принадлежитъ право субсумпціи признанныхъ ими фактовъ подъ законные признаки преступленія (*Glaser*, *ibidem*, стр. 235). Даже во Франціи не имѣли въ виду отнять у присяжныхъ это право и передать его исключительно коронному суду, такъ какъ и тамъ подъ словомъ «фактъ» разумѣли не только «голые, конкретные факты», но и «законные признаки преступленія» (*Палаузовъ*: «Постановка вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ по русскому праву», ч. I, глава II). Иначе и быть не можетъ. «Всѣ затрудненія при рѣшеніи правовыхъ понятій, — говоритъ проф. Палаузовъ (*Къ вопросу о формѣ участія*, стр. 84—85), — порождаются не формою суда, а невозможностью отдѣлать правовыя понятія отъ фактическихъ обстоятельствъ» и желаніемъ, общимъ всякой формѣ суда, организовать надлежащій контроль надъ судьями и присяжными по поводу субсумпціи. Поэтому трудность разрѣшенія правовыхъ понятій одинаково можетъ быть присуща и «судамъ шеффеновъ, и судамъ короннымъ». Дѣйствительно, почти невозможно провести рѣзкое разграниченіе между абстрактными правовыми признаками преступленія и обстоятельствами конкретными, фактическими, въ которыхъ первые реализируются. Если, слѣдовательно, ограничить компетентность присяжныхъ одною фактическою стороною процесса, то пришлось бы, въ то же время, расширить и вѣдомство судей предоставленіемъ имъ на обсужденіе тѣхъ же вопросовъ факта: судъ, примѣняя законъ къ фактамъ, устанавливаемымъ присяжными, всегда будетъ вынужденъ, при всей фактической полнотѣ вопросовъ, выходить изъ положенія, что въ разсматриваемомъ случаѣ нѣтъ другихъ фактовъ, препятствующихъ субсумпціи конкретныхъ признаковъ дѣянія подъ абстрактные; очевидно, что *такое положеніе неразрывно соединяетъ право съ фактомъ*. Такимъ образомъ, приходится избирать одно изъ двухъ: или предоставить коронному суду и рѣшеніе фактическихъ вопросовъ, или же, изъясъ, по общему правилу, вопросы фактическіе изъ вѣдѣнія этого суда, предоставить присяжнымъ подведеніе конкретныхъ фактовъ, ими утвержденныхъ, подъ правовыя понятія, т.-е. разрѣшеніе вопросовъ права; другими словами, присяжные являются судьями виновности подсудимаго: они рѣшаютъ не *Thatfrage*, а *Schuldfrage*, въ противоположность *Strafffrage*, разрѣшаемой судомъ. Къ этой-то послѣдней точкѣ зрѣнія постепенно склонялась теорія; она принимается и современными законодательствами, на практикѣ даже францускимъ процессомъ (см. *Палаузовъ*: «Къ вопросу» и т. д., стр. 4 — 84—86). Къ такому рѣшенію вопроса приводятъ какъ физическая невозможность раздѣленія факта и права, такъ и идея суда присяжныхъ, остроенная на признаніи специальной задачи за народнымъ, т.-е. нюр:

чекимъ, элементомъ уголовного суда. Съ принятіемъ же вышеприведеннаго положенія должна пасть и система многочисленности и дробности вопросовъ, созданная во Франціи на почвѣ невѣрнаго воззрѣнія на присяжныхъ, какъ на судей исключительно одной фактической стороны дѣла. Впрочемъ, и прежняя англійская система, ограничивавшая присяжныхъ единымъ отвѣтомъ на обвинительный актъ, безъ оговорокъ, т.-е. безъ измѣненій и дополненій въ формулированномъ заключеніи обвиненія, — система, осуждавшаяся и Миттермайеромъ, представляла собою тоже противоположную крайность. Здравый смыслъ и судебный опытъ исправили эту систему въ самой Англійи и новѣйшіе процессуальные кодексы (австрійскій и германскій), признающіе за присяжными право субсумпціи, устранили при постановкѣ вопросовъ крайности обѣихъ противоположныхъ системъ. Принципіальная и фактическая невозможность раздѣленія вопросовъ права и факта требуютъ равнымъ образомъ признанія и за короннымъ судомъ права, хотя и ограниченнаго предѣлами крайней необходимости, оцѣнки вопросовъ факта, насколько такая операція вызывается конечною цѣлью дѣятельности суда — открытія истины, возможнаго лишь черезъ посредство *гармоническаго* сочетанія функций обонхъ органовъ процесса (скамьи коронной и народной). Судъ вырабатываетъ и предлагаетъ сторонамъ *проекты* вопросовъ, а для этого онъ долженъ изучать и оцѣнивать *фактическую сторону* дѣла; онъ же, выслушавъ заявленія сторонъ и присяжныхъ, окончательно рѣшаетъ споры о *содержаніи* фактической стороны вопросовъ; слѣдовательно, коронный судъ не чуждъ фактамъ, *влияетъ косвенно* на ихъ установленіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему принадлежитъ даже прямое и рѣшительное участіе въ *разрѣшеніи* фактовъ. Такъ, почти всѣ законодательства, въ томъ числѣ и наше (ст. 818 уст. угол. суд.), предоставляютъ коронному суду *отрицательное* право — отринуть вердиктъ присяжныхъ, т.-е. обязываютъ коронную коллегію оцѣнивать факты и отвергать ихъ установленіе присяжными на случай несогласія суда съ положительнымъ мнѣніемъ присяжныхъ о виновности подсудимаго.

И такъ, сложная организація суда присяжныхъ слагается изъ дѣятельности присяжныхъ, рѣшающихъ вопросы факта и подводящихъ ихъ подъ правовыя понятія, и изъ дѣятельности суда короннаго, которому *исключительно* принадлежитъ право рѣшенія всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, т.-е. наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ установленнаго въ законѣ метода изслѣдованія истины въ уголовномъ судѣ, а также вопроса о наказаніи; *соизвѣстная же* дѣятельность обѣихъ коллегій проявляется относительно рѣшенія вопросовъ факта, но роль короннаго суда здѣсь *отрицательная*. А сли субсумпція принадлежитъ присяжнымъ, то нужно знакомить ихъ съ пр зомъ, насколько это необходимо для операціи субсумпціи, и контролировать правильное совершеніе ими операціи субсумпціи, т.-е. примѣненія права. Этотъ контроль достигается не мотивировкою приговора присяжныхъ, а общественнымъ контролемъ коллегіи коронныхъ судей и кассаціоннаго суда; причемъ присяжные, какъ это рѣшительно установлено добрыми су-

дебными обычаями Англии и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современной теоріей, *обязаны* слѣдовать руководству предсѣдателя и короннаго суда (*Палаузовъ*, *ibidem*, стр. 86). Это руководство суда проявляется въ двойной формѣ: 1) *отрицательной*—устраненія судомъ изъ процесса всего препятствующаго открытію истины, опаснаго для интересовъ правосудія, хотя бы и вопреки мнѣнію и требованію присяжныхъ, насколько, конечно, процессуальныя правила требуютъ или допускаютъ подобное устраненіе; 2) *положительной*, которая выражается въ *постановкѣ* вопросовъ и въ *руководящемъ* (заключительномъ) словѣ (*resumé*) предсѣдателя; по замѣчанію Бара, резюме есть ничто иное, какъ «мотивировка приговора», притомъ, въ формѣ лучшей, нежели мотивировка приговора короннымъ судомъ, такъ какъ послѣдняя слѣдуетъ за произнесеніемъ приговора, а *resumé* предшествуетъ ему (*Палаузовъ*, *ibidem*, стр. 90; «*Ver-Recht und Beweis im Beschwornengericht*», § 67).

И такъ, чрезъ примѣненіе процессуальныхъ правилъ и рѣшеніе судомъ процессуальныхъ вопросовъ, въ особенности же чрезъ средство заключительнаго слова предсѣдателя, поучающаго присяжныхъ праву, насколько оно необходимо для субсумпціи, осуществляется та связь между дѣятельностью двухъ коллегій, которая приводитъ объ свамъ къ гармоніи, столь необходимой для достиженія общей цѣли. Тамъ, гдѣ процессъ хорошо устроенъ, гдѣ эта связь достаточно окрѣпла въ сознаніи обѣихъ коллегій (напримѣръ, въ англійскомъ судѣ присяжныхъ), не замѣчается никакого антагонизма между коллегіями, а правосудіе стоитъ высоко. Для достиженія этой гармоніи и связи необходимъ еще одинъ факторъ—*личныя качества судей*, которыя должны создать имъ высокій авторитетъ среди общества и присяжныхъ, продолжительная же дѣятельность авторитетныхъ судей приводитъ къ образованію традиціи; послѣдняя, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, вырабатываетъ такое довѣріе присяжныхъ къ руководству короннаго суда, которое, опираясь на нравственной силѣ, превращается въ обычно-правовое положеніе объ обязанности слѣдовать руководству суда (предсѣдателя) во всемъ, что касается правовой стороны дѣла. Въ такомъ положеніи находятся, какъ доказано Бинеромъ, Миттермайеромъ, Глазеромъ и друг., взаимныя отношенія между англійскими судьями и присяжными. При перечисленныхъ условіяхъ каждая изъ коллегій можетъ въ

5) оставаясь дифференцированной въ своихъ функціяхъ, вносить въ разсмотрѣніе и вершеніе дѣла тѣ особыя, свойственныя ей *качества*, которыя недостаточны, если взять ихъ въ отдѣльности, для правильнаго приговора, но оказываются исполнѣ пригодными для цѣлей правосудія, если гармонически *соединить* качества двухъ элементовъ суда. *Обѣ коллегіи взаимно вспоминаютъ другъ друга, недостатки одной вознаграждаются достоинствами другой*; разсматриваемыя же въ отдѣльности, обѣ коллегіи не представляютъ элементовъ, въ достаточной степени способныхъ творить хорошій судъ. Это соображеніе совершенно упускается изъ виду Іерингомъ, почему онъ приходитъ къ рѣзкому, но крайне одностороннему взгляду на тѣ ю-

роки присяжныхъ, которые должны быть чужды лицамъ, отправляющимъ судъ: судья долженъ примѣнять право, долженъ выработать въ себѣ чувство законности, сознавать себя отвѣтственнымъ, быть стойкимъ въ сужденіяхъ и самостоятельнымъ во мнѣніяхъ, а всё эти качества даются лишь постепенно ученіемъ, профессією, состояніемъ на должности и продолжительною практикой; ничего подобнаго нѣтъ у присяжныхъ. Совершенно справедливо, что присяжные незнакомы съ правомъ. Но для установленія фактовъ и субсумціи нужны для большинства дѣлъ здоровый житейскій смыслъ, обыкновенная логика *средняго* человѣка, вполне присущіе благородному составленному списку присяжныхъ, а также элементарныя правовыя разъясненія, которыя даются присяжнымъ председателемъ. Чувство законности, если не смѣшивать его съ формализмомъ и съ преклоненіемъ предъ *буквою* закона, вполне присущи присяжнымъ въ томъ объемѣ, который необходимъ для справедливаго рѣшенія вопросовъ о фактахъ, объ учиненіи дѣйствій даннымъ лицомъ, о степени вреда, причиненнаго обвиняемымъ, и опасности его для общества. Присяжные—люди изъ среды общества; охраняя послѣднее, они охраняютъ себя самихъ и своихъ близкихъ. Говорить объ отсутствіи элементарнаго чувства законности у присяжныхъ—значитъ утверждать, что нормальные члены общественного организма потеряли всякій интересъ къ охранѣ социальныхъ узъ и правопорядка, т.-е., что инстинкты и идеи ихъ извратились до степени представленій и инстинктовъ анархизма. А гдѣ присутствуютъ здравый смыслъ, инстинкты социального сожитія, элементарное чувство справедливости и законности, тамъ имѣется и сознаніе отвѣтственности. Такъ, близко знакомые съ русскимъ судомъ присяжныхъ, особенно съ уѣздными его сессіями, единодушно свидѣтельствуютъ о томъ, что наши присяжные чутко прислушиваются къ дѣлу, за живое затрогиваетъ и нерѣдко волнуетъ ихъ это сознаніе отвѣтственности предъ совѣстью, обществомъ и закономъ. Нерѣдко передъ обсужденіемъ или голосованіемъ, а иногда и послѣ него, особенно по дѣламъ сложнымъ или важнымъ, они молятся Богу въ совѣщательной комнатѣ; послѣ произнесенія вердикта часто чувствуютъ они непреодолимую потребность «отвести душу», подѣлиться своими сомнѣніями и разузнать, какъ общество (публика) и судъ отнесется къ ихъ приговору. И сколько разъ намъ лично приходилось слышать отъ присяжныхъ городскихъ и уѣздныхъ выраженія вроде, на-примѣръ: «трудное дѣло, очень ужъ отвѣтственно», или «предъ Богомъ страшно, да предъ людьми стыдно, коли не такъ», «страшно, коль не такъ корушили»; *не разъ* слышали мы и такія замѣчанія: «все мучаемся, вѣрно ли мы то дѣло-то разсудили», или: «охъ, взяли, кажись, грѣхъ на душу». О самостоятельности сужденій присяжныхъ тоже можно судить по значительному матеріалу. Не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя лица вліяютъ много, а весьма рѣшительно на мнѣнія и голосованіе другихъ присяжныхъ. Особенно замѣчается это въ городахъ, если въ составѣ сѣрыхъ или полугенеральныхъ присяжныхъ имѣются нѣсколько лицъ высшей интеллигенціи. Напримѣръ, профессора высшихъ заведеній, особенно юристы, на-

бираются почти всегда въ старшины и вліяютъ на вердиктъ нерѣдко весьма рѣшительно. Въ уѣздахъ, если «баринъ» или «пань» уважаемъ въ округѣ, онъ тоже оказываетъ большое вліяніе. Замѣтимъ, впрочемъ, что такое преобладающее, иногда рѣшающее вліяніе вполне возможно и въ коронномъ судѣ, если *авторитетъ* члена или предсѣдателя успѣлъ «пустить корни» въ коллегіи, оправдываясь нерѣдко дѣйствительнымъ превосходствомъ ихъ надъ остальными членами. Но можно также указать на многіе случаи, когда авторитетное положеніе отдѣльныхъ присяжныхъ совершенно ступенивалось предъ настроеніемъ и дружно составившимся мнѣніемъ большинства. Такъ, наше мнѣніе въ харьковскомъ судѣ присяжныхъ не разъ уважалось остальными присяжными, но мы могли бы привести два громкія дѣла, въ которыхъ присяжные (средняго развитія), какъ одинъ человекъ, уперлись на своемъ рѣшеніи и не дали въ одномъ случаѣ снисхожденія, на которомъ мы настаивали, а въ другомъ — настояли на оправданіи, когда мы твердо стояли за обвинительный вердиктъ. И не мало интеллигентныхъ присяжныхъ говорили намъ о нерѣдкомъ существованіи подобныхъ явленій. Въ уѣздныхъ сессіяхъ замѣчено, что крестьяне *по извѣстнаго рода дѣламъ* не идутъ ни на какіе компромиссы, игнорируя соображенія своихъ старшинъ и товарищей изъ числа уважаемыхъ помѣщиковъ. Во всякомъ случаѣ, сознаніе ответственности у присяжныхъ больше, нежели у составныхъ частей смѣшанной коллегіи, т.-е. въ шеффенскомъ или нашемъ судѣ съ сословными представителями. Въ этихъ послѣднихъ *de facto* народный элементъ, какъ сторона болѣе слабая, неспособная къ стойкой защитѣ своихъ мнѣній передъ юристами и состоящая подъ ихъ нравственнымъ давленіемъ, поддается коронному, слагаетъ на послѣдній всю ответственность: онъ можетъ всегда оправдаться передъ своею совѣстью и обществомъ ссылкой на то, что «ученымъ—и книги въ руки»; коронный же элементъ, хотя фактически рѣшительно вліяетъ на исходъ дѣла, а въ судѣ съ «сословными представителями» не только своимъ авторитетомъ, но и числомъ голосовъ, всегда можетъ успокоивать себя и слагать *часть* ответственности на «сословныхъ судей», апеллируя къ «совмѣстному обсужденію дѣла» съ послѣдними, къ «воспослѣдовавшему обмѣну мнѣній» между обоими элементами суда, къ «отсутствію всякихъ протестовъ» или «рѣшительно выставленнымъ народными судьями противныхъ мнѣній» и т. п.

Мы совершенно соглашаемся съ тѣмъ, что коронные судьи обладаютъ всѣми исключительными качествами, приписываемыми имъ Герингомъ и Биндингомъ, въ значительно большей степени, нежели судьи народные. Но, взаимно, эти послѣдніе обладаютъ тоже *въ болѣеи степени* другими качествами, безусловно потребными для правильнаго отправленія правосудія. Эти качества хорошо выяснены Миттермайеромъ, Глазеромъ, Гнейстомъ, сен. Буцковскимъ, проф. Фойницкимъ, Палаузовымъ и мног. другими. Нѣкоторые изъ нихъ обратили на себя вниманіе и составителей нашихъ судебныхъ уставовъ, и соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта *Журналъ* 1862 г., № 65). «Они, присяжные, избираются изъ той же среды,

изъ которой вышелъ и обвиняемый», почему имѣютъ и больше средствъ къ оцѣнкѣ факта, чѣмъ судьи, назначаемые отъ короны, «нерѣдко не знающіе ни мѣстности, не ея обычаевъ, нравовъ и ея особенныхъ условій». Присяжные — представители мѣстныхъ, реальныхъ интересовъ и правового сознанія населенія, которое сходствуетъ съ абстракціями судьи-юриста въ главныхъ основахъ, но нерѣдко расходится съ ними въ подробностяхъ и въ исключеніяхъ, допускаемыхъ изъ общихъ правовыхъ положеній, вызываемыхъ особыми условіями мѣста, времени или даннаго случая; судья-юристъ болѣе наклоненъ къ подведенію конкретнаго случая подъ средній, предусмотрѣнный формулою закона, онъ готовъ пожертвовать *индивидуальностью* явленія ради охраненія нормы, между тѣмъ какъ присяжный именно способенъ и наклоненъ *индивидуализировать* каждый случай, т.-е. устанавливать разные оттѣнки, вытекающіе изъ соотношенія между обстановкой отдѣльныхъ случаевъ и общими условіями дѣянія, намѣченными въ законѣ. *Въ этой особенностяхъ и лежитъ громадное преимущество суда присяжныхъ*; изъ нея же, по нашему мнѣнію, и можетъ возникнуть слабая сторона его, такъ какъ индивидуализированіе, приводя къ отступленіямъ отъ нормъ закона, отъ его формулъ, можетъ привести, если практикуется часто и съ большими отступленіями отъ объективнаго права, къ произволу, порождая увлеченія; противодѣйствія же послѣднимъ могутъ оказаться не всегда достаточными, такъ какъ увлеченія не задерживаются охлаждающимъ вліяніемъ изученія права и профессиональнаго отправления правосудія. Вотъ почему мы и полагаемъ справедливымъ и полезнымъ привлечь къ рѣшенію *нѣкоторыхъ дѣлъ*, въ которыхъ такія увлеченія возможны въ степени, превышающей терпимую ихъ мѣру, такъ называем. специальныхъ присяжныхъ. Несомнѣнно также, что коронный судъ болѣе наклоненъ къ формализму, къ сухому изслѣдованію, направляемому больше на преступленіе, нежели на дѣятеля его (преступника). Итальянская антропологическая школа (Ферри, Гарофало и друг.), не щадя черныхъ красокъ для характеристики суда присяжныхъ, въ числѣ другихъ своихъ ошибокъ прегрѣшаетъ и въ этомъ пунктѣ: она не замѣчаетъ, что присяжные именно налагаютъ на преступника, *на его личность*, т.-е. изучаютъ и оцѣниваютъ тотъ факторъ, въ игнорированіи котораго вышесказанное ученіе упрекаетъ классическую школу.

Перечисленные достоинства рѣзко отличаютъ судъ присяжныхъ; они вполне достаточны, чтобы предъявить требованіе отдѣленія самостоятельной скамьи народныхъ судей отъ коллегіи судей коронныхъ. Обѣ коллегіи соединенными своими качествами вырабатываютъ то, чего никогда не дастъ ни каждая изъ нихъ порознь, ни обѣ онѣ, соединенныя въ формахъ смѣшаннаго коронно-народнаго или коронно-сословнаго суда.

(Наконецъ, судъ присяжныхъ имѣетъ еще и то преимущество, что только при немъ возможно послѣдовательное примѣненіе въ процессѣ начала *непосредственности* и принципа *обвинительнаго*. Предсѣдатель и даже жѣ очные члены, если они стоятъ на высотѣ своей задачи, должны

знакомится съ дѣломъ заранѣе, слѣдовательно, по актамъ предварительнаго слѣдствія; такимъ образомъ, коронныя судьи почерпаютъ со стороны свѣдѣнія о дѣлахъ, которыя могутъ вліять на постановку вопросовъ и на рѣшеніе, помимо того матеріала, который допущенъ на судебное слѣдствіе и проверенъ на немъ. А такъ какъ въ этой смѣшанной коллегіи нѣтъ необходимаго въ хорошемъ процессѣ выдѣленія и разграниченія органовъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя цѣли, то судебныя опредѣленія по отдѣльнымъ спорнымъ вопросамъ *процессуальною* свойства, которыя могутъ, однако, вліять и на окончательный приговоръ, постановляются всею смѣшанною коллегіей. Изъ этого проистекаетъ, что коллегія можетъ отнестись не достаточно серьезно къ своимъ процессуальнымъ опредѣленіямъ, полагаясь на то, что она призвана къ рѣшенію дѣла по существу. Этотъ недостатокъ констатированъ Глазеромъ въ судѣ шеффеновъ, но нашему коронно-сословному суду онъ присущъ въ еще большей степени (*Шалаузовъ, ibidem* стр. 124—126).

Вс. Даневскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ родился въ Омскѣ въ 1842 г., учился въ томской гимназiи и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Своимъ первымъ менторомъ и наставникомъ въ Петербургѣ Ядринцевъ называетъ известнаго путешественника Г. Н. Потанина, уже начавшаго тогда литературную дѣятельность и въ то же время слушавшаго курсъ естественныхъ наукъ въ университетѣ. Потанинъ проповѣдывалъ необходимость сближенія сибиряковъ между собою въ Петербургѣ и затѣмъ служенія ихъ своей ближайшей родинѣ. Главнымъ образомъ, по его иниціативѣ стали собираться здѣсь кружки сибиряковъ, къ которому, кромѣ него самого и Ядринцева, принадлежали приобрѣвшіе впоследствии известность своею литературною дѣятельностію Н. И. Наумовъ, Федоровъ-Омулевскій и нѣк. друг. Въ Петербургѣ Ядринцевъ познакомился также еще съ однимъ писателемъ - сибирякомъ — С. С. Шашковымъ.

На собраніяхъ молодыхъ сибирофиловъ шла рѣчь о необходимости основанія сибирскаго университета, о составленіи библіографіи сочиненій о Сибири, объ изданіи сибирскаго календаря или памятной книжки, мечтали о блестящей будущности Сибири, о томъ, что «Сибирь призвана быть независимой Америкой»; впрочемъ, по свидѣтельству Ядринцева, «эта независимость разсматривалась какъ отдаленнѣйшее, хотя и неизбѣжное историческое событіе» *). Каковы бы ни были мечты молодыхъ членовъ кружка объ отдаленномъ будущемъ, ближайшею задачей являлось служеніе родинѣ въ духѣ областническихъ идей. На развитіе стремленій къ мѣстной, областной автономіи могли имѣть вліяніе и прежнія попытки распространенія федеральныхъ взглядовъ. Такою попыткой было, во-первыхъ, «общество соединенныхъ славянъ», цѣль котораго заключалась, по свидѣтельству дека-

* По другому свидѣтельству, нѣкоторые изъ членовъ кружка «отрицали всякую необходимость связи и зависимости Сибири отъ Россіи, утверждая, что не Сибирь нуждается въ Россіи, а наоборотъ».

бриста Розена, «въ соединеніи славянскихъ племенъ посредствомъ федеративнаго союза... съ удержаніемъ взаимной независимости». По свидѣтельству Горбачевскаго, «общество имѣло главною цѣлью освобожденіе всѣхъ славянскихъ племенъ отъ самовластиа, уничтоженіе существующей между нѣкоторыми изъ нихъ національной ненависти и соединеніе всѣхъ обитаемыхъ ими земель федеративнымъ союзомъ. Предполагалось съ точностью опредѣлять границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ форму демократическаго представительнаго правленія, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненія, въ случаѣ надобности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній». Въ 1825 г. «общество соединенныхъ славянъ» слилось съ южнымъ обществомъ *). Второю попыткой было Кирилло - Меоодіевское братство (1846 — 47 гг.); члены его: Н. И. Костомаровъ, Шевченко, Булишъ, Бѣлозерскій и др., также мечтали объ образованіи федераціи славянскихъ народностей; въ числѣ 15 штатовъ, изъ которыхъ должна была состоять Россія, два удѣлялись и на Сибирь **). Слѣды увлеченій Костомарова федеративными идеями мы находимъ и въ его позднѣйшей статьѣ *О федеративномъ строѣ древней Россіи*, напечатанной въ малороссійскомъ журналѣ *Основа* въ 1861 году, когда Костомаровъ былъ уже профессоромъ Петербургскаго университета (съ 1859 г., по возвращеніи изъ саратовской ссылки). Ядринцовъ слушалъ талантливыя лекціи Костомарова и потому, тѣмъ болѣе, могъ интересоваться его общими взглядами.

Съ 1861 года поселился въ Петербургѣ и Шаповъ, вынужденный оставить кафедру въ Казани, послѣ его рѣчи на панихидѣ по крестьянамъ, убитымъ въ 1861 году во время волненія въ селѣ Безднѣ. Хотя Шаповъ былъ и сибирякъ, Ядринцеву не удалось лично познакомиться съ нимъ, но его идеи должны были быть ему извѣстны по рассказамъ пріѣзжавшихъ изъ Казани студентовъ-сибиряковъ, входившихъ въ кружокъ Ядринцева и Потанина, по рассказамъ Шашкова, а затѣмъ и по печатнымъ статьямъ Шапова. Извѣстны слова, которыми Шаповъ началъ въ 1860 году свой курсъ въ Казанскомъ университетѣ: «Не съ мыслью о государственности, не съ идеей централизаціи, а съ идеей народности и областности я вступаю на университетскую кафедру русской исторіи. Въ настоящее время, кажется, утвердилось убѣжденіе, что главный факторъ въ исторіи есть народъ... Но другое начало... еще не сознано ясно въ нашей наукѣ: *начало областности*». По взглядамъ Шапова, которые онъ проводилъ на лекціяхъ и въ университетѣ, и въ духовной академіи, «на историко-этнографическомъ основѣ, при земской самобытности областныхъ общинъ, созданся *конфедер-*

*) *Русскій Архивъ* 1882 г., кн. II, стр. 442—444.

***) Подробности см. въ моей статьѣ о Костомаровѣ (*Русская Старина* 1886 г., т. I). При обыскѣ у Костомарова въ 1847 г. на столѣ у него былъ найденъ «Докладъ слѣдственной комиссіи 30 мая 1826 г.», въ которомъ, между прочимъ, были свидѣнія и объ «обществѣ соединенныхъ славянъ».

ратимый союзъ всей земли Русской. По мнѣнію Шапова, смыслъ всей древней русской исторіи заключается въ томъ, что «Русь стремилась въ федераціи», онъ полагалъ, что «федерація есть единственная плодотворная форма народной жизни». Эти идеи Шапова, безъ сомнѣнія, доходили до свѣдѣнія кружка Ядринцева и Потанина и поддерживали его сибирюфильскія стремленія *). «Ручеекъ мѣстныхъ стремленій и симпатій,—говоритъ Ядринцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—пробивался въ то время, когда русская жизнь кипѣла общими вопросами... Но это будетъ понятно тому, кто знакомъ съ исторіей общественнаго пробужденія... Весной всѣ ручьи оттаиваютъ».

Въ концѣ своего пребыванія въ Петербургѣ Ядринцевъ началъ литературную дѣятельность юмористическимъ очеркомъ въ *Искрѣ* В. С. Курочкина, но уже въ 1863 г. мы находимъ его въ Сибири: въ этомъ году онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета для Сибири и предлагалъ основать общество для собранія пожертвованій на сибирскій университетъ. Лекція эта, напечатанная въ слѣдующемъ году въ *Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, содѣйствовала возобновленію пожертвованій съ указанною Ядринцевымъ цѣлью (первое пожертвованіе на университетъ въ Тобольскѣ было сдѣлано Демидовымъ въ 1803 г. въ количествѣ 50,000 руб.). Ядринцевъ сталъ было сотрудничать въ печатномъ органѣ гор. Томска, туда же для чтенія публичныхъ лекцій пріѣхалъ изъ Красноярска Шашковъ, но въ 1865 г. была неожиданно прервана дѣятельность на пользу Сибири и Ядринцева, и Шашкова, и Потанина, исполнявшаго въ это время обязанности секретаря статистическаго комитета въ Томскѣ. Они были арестованы **) и послѣ трехлѣтняго тюремнаго заключенія въ Омскѣ (въ томъ числѣ полгода одиночнаго) были обвинены въ составленіи тайнаго общества, подъ названіемъ сибирскій кружокъ, и въ распространеніи сепаратистскихъ идей ***). Потанинъ былъ лишень всѣхъ правъ состоянія, три года отбывалъ крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ и затѣмъ нѣсколько лѣтъ поселенія въ г. Никольскѣ, Вологодской губ. Ядринцевъ былъ посланъ на жительство въ г. Шенкурскъ, Архангельской губ. Нужно замѣтить, впрочемъ, что и во время заключенія молодые сибирюфилы ра-

*) По свидѣтельству Ядринцева, Шаповъ изъ заключенія, которому онъ подвергся послѣ своей казанской рѣчи, прислалъ сибирякамъ въ Петербургѣ стихотвореніе, въ которомъ заключалась такая мысль: въ то время, когда въ Россіи настало общее пробужденіе, когда Финляндія, Малороссія и Западный край отозвались уже на призывъ жизни,—что же ты одна молчишь, моя отдаленная Сибирь?

**) Шапову изъ-за упомянутого выше стихотворенія пришлось проѣхать изъ Иркутска въ Омскъ.

***) Упомянемъ кстати, что, вѣроятно, вслѣдствіе бесѣдъ въ кружкѣ петрашевцевъ о возможности восстанія на Уралѣ и въ Сибири, генералъ-губернатору Западной Сибири кн. Горчакову былъ сдѣланъ объ этомъ запросъ въ 1849 г.; онъ не отрицалъ возможности сочувствія „малой части“ сибирскаго общества мысли объ отлученіи Сибири отъ Россіи, но, тѣмъ не менѣе, утверждалъ, что это направленіе не представляеть еще существенной опасности».

ботали на пользу Сибири. Потанинъ еще въ 1856 г. сталъ собирать въ мѣстныхъ архивахъ матеріалы для исторіи Сибири въ XVIII вѣкѣ; онъ получилъ разрѣшеніе заниматься выписками изъ архивныхъ документовъ и въ тюрьмѣ, въ чемъ ему помогали Ядринцевъ и Шашковъ *). Ядринцевъ употребилъ еще время заключенія и на изученіе нравовъ невольныхъ обитателей острога, куда онъ и Потанинъ просили, именно ради этого, перевести ихъ изъ военной тюрьмы.

Такимъ образомъ и личная судьба Ядринцева содѣйствовала тому, что онъ заинтересовался вопросомъ о ссылке, которая, къ тому же, имѣетъ такое громадное значеніе для его родины. Помѣстивъ въ 1867 и 1868 г. двѣ статьи о Сибири въ петербургскихъ журналахъ (*Женщина въ Сибири* и *въ XVII—XVIII ст.* въ *Женскомъ Вѣстникѣ* 1867 г.**) и *Письма о сибирской жизни* въ *Дѣлѣ* 1868 г.), Ядринцевъ еще во время пребыванія въ Архангельской губ. не только напечаталъ рядъ статей о сибирской ссылке, но и собралъ ихъ въ 1872 г. въ отдѣльную книгу, подъ заглавіемъ *Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ*. Упомянувъ въ предисловіи о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторъ этой книги «имѣлъ случай близко ознакомиться съ міромъ преступниковъ и жизнью сибирскихъ тюремъ», Ядринцевъ, прежде всего, говоритъ объ одиночномъ заключеніи и, между прочимъ, описываетъ грязную секретную камеру, очевидно, знакомую ему по личнымъ наблюденіямъ. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣлы: община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ, тюремные жители, ссылканое бродячее населеніе Сибири, историческіе очерки русской ссылки, историческій опытъ разныхъ системъ наказанія. Хотя нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и вызвали позднѣе болѣе детальную разработку въ трудахъ нашихъ криминалистовъ, но, все-таки, книга Ядринцева не утратила своего интереса и значенія по множеству собранныхъ въ ней фактовъ и наблюденій. Основная же мысль этого труда состоитъ въ доказательствѣ нецѣлесообразности ссылки и крайне вреднаго вліянія ея на мѣстное населеніе Сибири, а также необходимости тюремной реформы. Получивъ въ 1874 году возможность покинуть Архангельскую губернію, Ядринцевъ выступилъ въ лучшихъ петербургскихъ журналахъ и газетахъ съ рядомъ статей о ссылкѣ (такъ какъ тогда обсуждался вопросъ о тюремномъ преобразованіи) и о нѣкоторыхъ явленіяхъ сибирской жизни. Участвовалъ Ядринцевъ и въ газетѣ *Сибирь*, основанной въ 1875 г. подъ редакцію Вагина и Загоскина.

Въ 1876 г. Ник. Мих. поступилъ на службу по приглашенію генералъ-губернатора Западной Сибири, Казнакова, и это дало ему возможность

*) Часть этихъ документовъ, собранная Потанинымъ ранѣе, была напечатана въ *Чт. Общ. Истор. и Древн. Россійск.* (1866—67 г.); остальная, передъ ссылкой названныхъ лицъ, отдава была на руки одному изъ мѣстныхъ жителей и удѣламъ ихъ — неизвестно.

**) Статья эта, очевидно, была написана еще въ острогѣ и послана оттуда въ редакцію, также какъ и одна статья въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* (издававшемся въ Иркутскѣ) въ 1867 г.

производить статистическія, экономическія и этнографическія изысканія. Чтобы облегчить подобныя изслѣдованія и другимъ, Ядринцевъ, по порученію западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, составилъ программы для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, изученія быта инородцевъ и для изслѣдованія положенія переселенцевъ. Въ 1878 г., въ видѣ официальной командировки, онъ совершилъ путешествіе въ Алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ, а въ 1880 г. вновь путешествовалъ по Алтаю для изученія инородческаго быта. Въ 1881 г. онъ оставилъ службу и возвратился въ Петербургъ, а въ слѣдующемъ году издалъ самое замѣчательное изъ всѣхъ своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: *Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее*. Мы полагаемъ, что въ самомъ заглавіи *Сибирь какъ колонія* слѣдуетъ видѣть отраженіе идеаловъ и мечтаній автора. Заглавіе поясняется эпитафией изъ Адама Смита («Колонія просвѣщеннаго общества, утверждающаяся въ безлюдной и малонаселенной странѣ, скорѣе всякаго другого человѣческаго общества двигаются къ богатству и благосостоянію») и слѣдующими словами автора въ предисловіи: онъ имѣлъ въ виду въ своемъ сочиненіи показать, что «этотъ край могъ бы при лучшихъ условіяхъ быть страной довольства, богатства и счастья». Въ заключительной главѣ авторъ указываетъ, что такими необходимыми условіями процвѣтанія Сибири, кромѣ нѣкоторыхъ экономическихъ мѣропріятій, являются введеніе земства, гласнаго суда, свободы печати и слова, свобода личности и имущественная неприкосновенность, свобода переселеній и прекращеніе ссылки въ Сибирь *).

Планъ книги *Сибирь какъ колонія* обнимаетъ всѣ важнѣйшія стороны жизни этого края: русская народность на Востоку, областной типъ русской народности, инородцы и инородческій вопросъ, условія его разрѣшенія, колонизація Сибири и современные переселенія, ссылка и положеніе ссылныхъ, исторія эксплуатаціи мѣстныхъ богатствъ, экономическое положеніе страны, управленіе Сибирью и реформа Сперанскаго, потребность знанія и образованія, наконецъ, будущность страны и условія ея преуспѣянія, — все это разсмотрѣно обстоятельно на основаніи литературы, посвященной Сибири, и личныхъ наблюденій автора, изложено живо и талантливо. Сочиненіе это сдѣлалось настольною книгой всѣхъ желающихъ ознакомиться съ Сибирью **).

Въ годъ выхода этой замѣчательной книги Ядринцевъ положилъ основаніе въ высшей степени важному предпріятію на пользу Сибири: онъ сталъ издавать еженедѣльную политическую и литературную газету подъ названіемъ *Восточное Обозрѣніе*, къ участию въ которой сумѣлъ при-

Ядринцевъ упоминаетъ, что обо всемъ этомъ предложилъ ходатайствовать предъ государемъ одинъ гласный енисейской думы по поводу 800-лѣтія Сибири, и предложеніе это было принято думой (стр. 446—447).

*: Сочиненіе это переведено на нѣмецкій языкъ.

влечь не мало хороших научных и литературных силъ. Въ этомъ изданіи можно найти множество серьезныхъ и общедоступныхъ статей по вопросамъ областнымъ, о переселеніяхъ, ссылкѣ, по вопросамъ инородческому, университетскому, о народномъ образованіи, статьи историческія, статьи о золотопромышленности, судѣ и администраціи, промышленности и торговлѣ, крестьянскомъ хозяйствѣ и землепользованіи въ Сибири, статьи о печати, статьи по географіи, этнографіи и археологін, наконецъ, беле-тристическіе очерки. Въ 1885 г. былъ изданъ отдѣльнымъ томомъ *Литературный Сборникъ*, очень интересно составленный, а съ 1886 г. къ *Восточному Обзорнію* сталъ прилагаться *Сибирскій Сборникъ*.

Трудясь для Сибири надъ изданіемъ газеты, Ядринцевъ и его жена, въ то же время, группировали вокругъ себя живущихъ въ Петербургѣ сибиряковъ и особенно молодежь, учащуюся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; ихъ четверги по своей задушевности и непринужденности заставляли вспоминать о лучшемъ времени шестидесятыхъ годовъ, когда общество жило болѣе полною жизнью.

Въ только что упомянутомъ *Литературномъ Сборникѣ*, изданномъ редакціей *Восточнаго Обзорнія* въ 1885 г., помѣщена, между прочимъ, весьма интересная статья Ядринцева: *Начало осѣдлости. Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ*, въ которой авторъ обратилъ особенное вниманіе на переходныя ступени инородческой культуры къ осѣдлости и на формы быта въ лѣсной полосѣ, причѣмъ онъ доказываетъ, что осѣдлость зародилась въ лѣсахъ и благодаря лѣсамъ, рассматриваетъ первобытное земледѣліе и распространеніе его на сѣверѣ Азіи. Статья эта—отрывокъ изъ задуманнаго авторомъ труда по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ. Въ 1886 году Ядринцевъ сдѣлалъ новую поѣздку въ Сибирь для осмотра мѣстныхъ музеевъ и для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ Минусинскомъ округѣ.

Въ 1885 г. *Восточное Обзорніе* было отдано подъ предварительную цензуру; Ядринцевъ продолжалъ усердно трудиться и при этихъ, менѣе благоприятныхъ, условіяхъ, но въ 1887 г. редакція, по причинамъ отъ нея не зависящимъ, лишилась нѣсколькихъ молодыхъ сотрудниковъ, и Ядринцеву пришла мысль перенести изданіе въ Иркутскъ. Нѣкоторые петербургскіе друзья рѣшительно отсѣтовали ему это, находя, что внѣшнія условія изданія газеты будутъ въ провинціи еще менѣе благоприятны, но Ядринцевъ, все-таки, отправился въ Иркутскъ, гдѣ въ 1888 г. и стало выходить *Восточное Обзорніе*. Предсказанія петербургскихъ пріятелей во многихъ отношеніяхъ оправдались, да и личныя силы Ядринцева были потрясены. Чтобы продолжать газету въ болѣе выгодныхъ, какъ ему казалось, условіяхъ, онъ разлучился съ женою, которая осталась въ Петербургѣ ради воспитанія дѣтей и до выясненія обстоятельствъ, и тутъ всего нагляднѣе обнаружилось, какую великою поддержкой для Ядринцева была Аделаида Федоровна, одна изъ лучшихъ женщинъ, какихъ намъ удавалось встрѣ-

чать *). Разстроенный этою разлукой, Ядринцевъ долженъ былъ перенести еще болѣе ужасный ударъ: смерть Аделаиды Федоровны въ разлукѣ съ мужемъ въ 1888 году.

Этимъ годомъ слѣдуетъ отмѣтить рѣшительный переломъ въ жизни Ядринцева. Изданіе газеты требовало пребыванія въ Иркутскѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не давало средствъ для содержанія всей семьи; къ тому же, дѣти оставались въ Европейской Россіи, куда влекла и необходимость литературнаго заработка. Съ этого времени Ядринцевъ какъ будто лишается твердой точки опоры въ жизни.

Въ 1889 г. онъ отправился въ археологическую экспедицію въ Монголію и открылъ развалины знаменитаго Каракорума. Это открытіе вызвало двѣ ученыхъ экспедиціи, финляндскую и русскую, во главѣ послѣдней стоялъ академикъ Радловъ и въ ней (1891 г.) участвовали Ядринцевъ и Клеменць.

Отсутствіе Ядринцева изъ Иркутска не могло не имѣть вреднаго вліянія на изданіе *Восточнаго Обзорня*, редактированіе котораго пришлось поручить молодому, неопытному сотруднику. Въ 1891 г. въ газетѣ была напечатана публичная лекція о золотопромышленности, не вполне соответствовавшая направленію *Восточнаго Обзорня*, такъ какъ лекторъ, называя золотопромышленность «краугольнымъ камнемъ экономическаго развитія Сибири», требовалъ для этого промысла льготъ и покровительства. Лекція эта вызвала справедливыя возраженія въ *Сибирскомъ Листкѣ*, газетѣ, издаваемой въ Тобольскѣ, и вотъ въ теченіе 1891 г. тянулась брагуобійственная полемика между двумя органами одного направленія. Имѣя полное основаніе сдѣлать нападеніе на *Восточное Обзорніе*, авторы нѣкоторыхъ статей въ *Сибирскомъ Листкѣ*, къ сожалѣнію, не удержались отъ нападокъ и на самого Ядринцева, и, между прочимъ, упрекали его въ томъ, что онъ занимается археологіей въ то время, когда, по ихъ мнѣнію, есть болѣе важныя и настоятельныя задачи. При этомъ упускали изъ виду, во-первыхъ, то, что археологическія изученія входили въ кругъ научныхъ занятій Ядринцева, такъ какъ давали матеріалъ для задуманныхъ имъ работъ по исторіи культуры инородческихъ племенъ, а, во-вторыхъ, забывали, что бывають обстоятельства, при которыхъ для общественнаго дѣятеля извѣстнаго направленія чуть не «всѣ пути заказаны» и когда приходится браться за трудъ и не вполне соответствующій личнымъ вкусамъ и наклонностямъ. Давно прошли тѣ времена, когда у насъ научный и литературный трудъ былъ исключительнымъ достояніемъ людей, такъ или иначе матеріально опециченыхъ. Ядринцевъ не принадлежалъ къ числу этихъ счастливицевъ, онъ всю жизнь существовалъ тяжелымъ литературнымъ трудомъ, и нечего удивляться, что онъ отзывался на тѣ обращенія къ его силамъ и знаніямъ, которыя не противорѣчали его убѣжденіямъ. Впрочемъ, его археологическія занятія не нуждаются ни въ какихъ

оправданіяхъ уже потому, что они сопровождалсь важными научными открытіями.

Осенью 1891 года я видѣлъ Ядринцева въ Иркутскѣ на возвратномъ пути изъ археологической экспедиціи въ Монголію, видѣлъ и то, насколько онъ чувствовалъ себя одинокимъ въ этомъ городѣ. Этотъ неустанный труженикъ на пользу Сибири не находилъ въ ней, до поры до времени, приложенія своихъ силъ, но это не охлаждало его любви къ родинѣ, и а былъ свидѣтелемъ, какъ въ Томскѣ онъ держалъ самыя пламенные рѣчи о необходимости дружной работы на пользу Сибири передъ чествовавшей его университетскою молодежью.

По возвращеніи въ Петербургъ Ядринцевъ издалъ въ 1891 г. новое сочиненіе: *Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе*, посвященное собственно инородцамъ Западной Сибири. Вся эта книга, заключающая въ себѣ много новыхъ и интересныхъ данныхъ, въ значительной степени впервые собранныхъ авторомъ во время его путешествій по Сибири, проникнута самымъ гуманнымъ чувствомъ относительно инородцевъ, и авторъ приводитъ не мало фактовъ, указывающихъ на ихъ способность къ развитію.

Въ 1892 г. вышло второе, значительно дополненное изданіе книги *Сибирь какъ колонія*. Авторъ былъ особенно озабоченъ включеніемъ новаго отдѣла о естественныхъ и географическихъ условіяхъ Сибири, онъ прибавилъ также главы о вустарныхъ промыслахъ, объ общественной жизни сибирскихъ городовъ, о зарожденіи мѣстной печати, но недостаточно воспользовался вновь появившимися замѣчательными матеріалами объ экономическомъ бытѣ сибирскаго крестьянства. Это объясняется и разстроеннымъ здоровьемъ Ядринцева въ это время (всѣ его знакомые не могли не замѣтить его особенно нервнаго состоянія по возвращеніи изъ Сибири), и матеріальными обстоятельствами, не благопріятствовавшими продолжительному труду. Здоровье Ядринцева требовало отдыха, а, между тѣмъ, весной 1892 г. мы видимъ его вновь за работой, вовсе не содѣйствовавшей успокоенію нервовъ: ему удалось въ это время непосредственно послужить на пользу народа въ пораженныхъ неурожаемъ Курганскомъ и Ишимскомъ округахъ, Тобольской губерніи *). Само собою разумѣется, что эта поѣздка не могла поправить разстроеннаго здоровья Ядринцева, но для укрѣпленія его распатанныхъ нервовъ было очень полезно путешествіе лѣтомъ 1893 г. въ Сѣверную Америку на выставку въ Чикаго, которое оказалось возможнымъ совершить благодаря матеріальному содѣйствію И. М. Сибирякова и В. И. Базилевскаго.

Изъ этой поѣздки Ядринцевъ вернулся гораздо болѣе здоровымъ, но его продолжали угнетать и затруднительное матеріальное положеніе, и чувство полнаго одиночества (его маленькая дочь воспитывалась въ провин-

*) См. статью его *Экономическій кризисъ въ черноземной полосѣ Южной Сибири* въ *Русскомъ Богатствѣ* 1894 г., № 8.

ди, у родственницы Аделаиды Федоровны, сыновья учились въ Рязани). Понятно, что онъ охотно отозвался на новый призывъ къ живому дѣлу и весной нынѣшняго года отправился въ Барнаулъ, чтобы быть руководителемъ статистическаго изслѣдованія Алтая. Здѣсь, 7 іюня, онъ неожиданно скончался послѣ слишкомъ сильнаго приѣма опиума. Былъ ли этотъ усиленный приѣмъ случайнымъ или умысленнымъ—рѣшить не беремся, хотя мы лично склоняемся къ послѣднему предположенію. Во всякомъ случаѣ, лица, близко знавшія Ядринцева въ послѣдніе годы, могутъ засвидѣтельствовать, что его жизнь была, главнымъ образомъ, подорвана глубокою тоской, чувствомъ полного одиночества.

Такъ преждевременно скончался, всего 52 лѣтъ отъ роду, неустанный работникъ на пользу своей родины. Его дѣятельность была весьма разнообразна, его интересовали всѣ стороны жизни Сибири и сопредѣльнаго съ нею Востока, въ своихъ трудахъ онъ занимался вопросами этнографіи, исторіи, уголовнаго права, народнаго хозяйства и проч.; это былъ, такъ сказать, живой сибирскій университетъ,—не въ духѣ сухой, официальной науки, а университетъ, непосредственно связанный съ жизнью, распространяющій свои знанія, какъ въ Англіи, въ массу общества. При другихъ условіяхъ Ядринцевъ могъ бы сдѣлаться и заправскимъ ученымъ, но у насъ онъ сталъ выдающимся публицистомъ, и эта форма дѣятельности дала ему болѣе сильное и широкое вліяніе въ Сибири, чѣмъ могла бы дать специально-ученая карьера; въ своихъ книгахъ и статьяхъ онъ училъ все сибирское общество, всю сибирскую молодежь знать и любить свою родину, гуманно относиться ко всему ея разнообразному населенію, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, служить интересамъ народа; въ этомъ отношеніи его заслуги очень велики, и потому можно, безъ всякаго преувеличенія, сказать, что имя Ядринцева крупными буквами записано въ исторіи Сибири.

Дѣятельность такихъ талантливыхъ областниковъ, разумѣется, полезна и не для одной ихъ ближайшей родины, хотя бы уже тѣмъ, что они вносятъ своими произведеніями очень существенныя поправки въ централистскія программы. Но, въ то же время, работая на родинѣ въ духѣ principles, которые проповѣдывалъ Ядринцевъ, сибиряки не должны забывать, что если первымъ, настоящимъ дѣломъ сибирскаго общества является пріобрѣтеніе для ихъ родины тѣхъ реформъ, которыя уже достигнуты Европейскою Россіей, то дальнѣйшее движеніе въ духѣ реформъ и осуществленіе *осталь* условій благосостоянія этого края, указанныхъ, какъ мы видѣли, Ядринцевымъ въ 1882 г., является уже обще-русскою задачею, и потому, трудясь совмѣстно съ прогрессивными силами Россіи для достиженія этихъ условій, сибиряки будутъ работать, въ то же время, и на чолъзу своей ближайшей родины.

В. Семеvскій.

Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени *).

Полтора ста лѣтъ прошло отъ рожденія Н. И. Новикова и идетъ 77-й годъ со дня его смерти. Теперь осталось очень мало людей, которые могли бы его лично знать и помнить. Мы можемъ только вспоминать о немъ. Такимъ воспоминаніемъ позвольте на нѣсколько минутъ занять ваше благосклонное вниманіе. Ничего не скажу ни новаго, ни даже цѣльнаго, а только изъ общеизвѣстнаго о Новиковѣ напомнимъ то, чѣмъ особенно можно и должно помянуть его.

Н. И. Новиковъ собственно не писатель, не ученый и даже не особенно образованный человѣкъ въ духѣ своего времени; по крайней мѣрѣ, самъ онъ не признавалъ себя ни тѣмъ, ни другимъ, ни этимъ, хотя онъ и писалъ, даже хорошо писалъ, и издалъ много цѣннаго научнаго матеріала, и своею дѣятельностью много лѣтъ привлекалъ къ себѣ сочувственное и почтительное вниманіе всего образованнаго русскаго общества. Настоящимъ своимъ дѣломъ онъ считалъ издательство; на типографію и книжную лавку положилъ онъ лучшія силы своего ума и сердца. Типографія, книжная лавка—это не просвѣщеніе, а только его орудія. Но именно какъ издатель и книгопродавецъ, Новиковъ сослужилъ русскому просвѣщенію большую службу, своеобразную и неповторенную. Намъ теперь трудно представить себѣ типографскую и книгопродавческую дѣятельность, которою можно было бы сослужить такую службу. Правда, и въ наше время нелегкое и немаловажное дѣло дать въ руки простому читателю, не любителю и не ученому, полезную и пріятную книгу, попасть во вкусъ и потребности грамотнаго общества; въ малограмотныя времена Новикова это было во много разъ труднѣе и важнѣе, чѣмъ теперь. Но Новиковъ по-своему понималъ задачи печатнаго станка и повелъ свое дѣло такъ, что въ его лицѣ русскій издатель и книгопродавецъ сталъ общественною, народно-просвѣтительною силой и постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатлѣніе, какого, кажется, не произво-

*) Читано съ сокращеніями въ публичномъ засѣданіи общества любителей русской словесности 13 ноября 1894 г.

дѣло паденіе ни одной изъ многочисленныхъ «случайныхъ» звѣздъ, появившихся на русскомъ великосвѣтскомъ небосклонѣ прошлаго вѣка.

Я напередъ скажу, гдѣ причипа такого небывалаго на Руси явленія, какъ могло получить такое значеніе скромное само по себѣ дѣло. Энтузіазмъ частныхъ людей въ дѣлу народнаго образованія, соединенный съ чуткимъ пониманіемъ его нуждъ и недостатковъ и съ расчетливымъ выборомъ средствъ ихъ удовлетворенія и устраненія—вотъ что особенно вспоминаемъ мы, собравшись почтить воспоминаніемъ 150-ю годовщину рожденія Н. И. Новикова.

Вспоминая дѣятельность Новикова, я, прежде всего, долженъ говорить именно о нуждахъ и недостаткахъ современнаго ему русскаго просвѣщенія, т.-е. придать своему воспоминанію нѣсколько одностороннее направленіе, тѣневую окраску. Но тѣни сами собой отступаютъ назадъ передъ свѣтлыми чертами, такъ ярко отразившимися въ дѣятельности Новикова и его друзей, и мы получаемъ возможность видѣть русское общество того времени съ обѣихъ сторонъ, лицевой и оборотной.

При мысли о Новиковѣ невольно перебираешь въ памяти цѣлый рядъ явленій въ умственной и нравственной жизни русскаго общества съ самаго начала прошлаго вѣка,—такъ тѣсно связана была издательская дѣятельность Новикова съ ходомъ нашего просвѣщенія, особенно съ судьбою книги на Руси, съ исторіей книжнаго чтенія. Мы привыкли въ своемъ представленіи соединять просвѣщеніе съ книгой, какъ съ однимъ изъ главныхъ его средствъ или пособій. Но въ исторіи нашего просвѣщенія былъ моментъ, когда средство начинало удаляться отъ своей цѣли, когда книга грозила вступить во вражду съ просвѣщеніемъ. Этотъ моментъ былъ дурнымъ перепутьемъ между двумя великими реформами, какія вынесло русское общество въ прошломъ вѣкѣ, между петровскою реформой порядковъ и екатерининскою реформой умовъ. Такой разладъ между средствомъ и цѣлью подготовленъ былъ нѣкоторыми туземными и заносными условіями, дѣйствовавшими на составъ и направленіе книжнаго чтенія, какимъ питалось тогдашнее грамотное общество на Руси.

Въ древней Руси читали много, но немногое и немногіе. Этимъ чтеніемъ съ строго-ограниченнымъ содержаніемъ и направленіемъ выработывались мастера-начетчики, которые знали свою литературу, свое *божественное писаніе*, какъ они ее называли, не хуже, чѣмъ *Отче нашъ* или святцы. Такіе начетчики не переводились у насъ во весь XVIII вѣкъ, не перевелась и донинѣ. Реформа Петра потребовала отъ высшихъ служащихъ классовъ новыхъ знаній, выходявшихъ далеко за предѣлы древне-русскаго книжнаго кругозора, и заставила читать новыя книги преимущественно учебнаго характера. Такъ какъ читали для ученія, а учились по долгу службы, то эта литература разновозрастныхъ учебниковъ не могла стать популярной ни въ младшихъ, ни въ старшихъ возрастахъ, не могла прилит читателямъ внутренней потребности въ ней, которая пережила бы ея вѣчную принудительность. Вѣдь, любознательность ея записныхъ потре-

бителей поддерживалась болѣе всего экзаменной провѣркою и служебною отвѣтственностью съ энергическими послѣдствіями той и другой, и по мѣрѣ того, какъ со смертію Петра истощались эти дѣятельные питатели научнаго огня, гасла и самая любознательность и заставались въ пыли на полкахъ всѣ эти повелительно втиснутые Петромъ въ руки временно-обязанныхъ читателей Пуффендорфъ, Юсты Липсін, Кугорны, Девигноли (Виньола), Гюйгенсы, Боргсдорфы, Бухнеры съ ихъ руководствами исторіи, политики, артиллеріи, фортификаціи, съ книгами *мірозрѣнія* (космографія), *марсовыми*, *архитектурными*, *слюзными* и другими подобными.

Было бы, однако, несправедливо утверждать, что эта сухая учебная литература безслѣдно свѣивалась съ обязанныхъ учебною повинностью умовъ льготнымъ временемъ ближайшихъ преемниковъ и преемницъ Преобразователя. Немного прочныхъ знаній и отчетливыхъ понятій умѣли почерпнуть изъ нея обязательные ея читатели, а ихъ не обязанныя службой сестры не почерпали никакихъ, ибо и не читали ея. Но тѣхъ и другихъ она самымъ появленіемъ и видомъ своимъ приручала къ книгѣ гражданской печати, освобождала отъ древне-русскаго страха передъ нею, какъ передъ аптечною банкою, и, при всей скудости извлекаемаго изъ нея научнаго содержанія, все же мирила съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ на службѣ и въ обществѣ. И вотъ приблизительно съ половины царствованія Елизаветы Петровны на ниву русскаго просвѣщенія, все болѣе очищавшуюся отъ засаженныхъ Петромъ тощихъ цифирныхъ и техническихъ порослей, палъ сначала рѣдкими каплями освѣжительный дождь амурныхъ пѣсенокъ, усердно сочинявшихся доморощенными стихотворцами съ легкой руки Сумарокова; по крайней мѣрѣ, современникъ Болотовъ въ своихъ запискахъ подъ 1752 г. рассказываетъ, что «самая нѣжная любовь, толико поддѣляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе», но такихъ пѣсенокъ было еще очень мало и «онѣ были въ превеликую еще диковинку» и потому молодыми барынями и дѣвками «съ языка были не спускаемы». А за пѣсенками полился потокъ назидательно-прѣсныхъ мѣщанскихъ трагедій и сантиментально-пикантныхъ романовъ, въ изобиліи изготовлявшихся на Западѣ. Колючая литература научнаго знанія смѣнилась произведеніями сердца и воображенія, щекотавшими элементарные инстинкты, которые не нуждаются ни въ подготовкѣ, ни въ поощреніи. Изъ холодной и сухой области научной мысли перескочивъ прямо въ распаренную наркотическую атмосферу вольнаго чувства и образа, свѣтски-образованные люди такъ живо почувствовали разницу между тою и другою средой, что наука и беллетристика, долженствующія идти объ руку одна съ другой къ одной цѣли, къ познанію жизни, въ сознаніи этихъ людей стали непримиримыми врагами и эти люди рѣшили, что можно и должно вкушать сладкіе плоды ученія, отбрасывая его горькій корень. Одногодки Новиковъ и Фонъ-Визинъ молодостью своей попали въ этотъ моментъ и послѣдній увѣковѣчилъ его въ своемъ *Бригадирѣ* (1766 г.) короткимъ и

выразительнымъ обмѣномъ мыслей между двумя образцовыми продуктами этого момента, Совѣтницей и Иванушкой:

«— Боже тебя сохрани,—говоритъ первая второму,—отъ того, чтобы голова твоя была наполнена чѣмъ инымъ, кромѣ любезныхъ романовъ! Бивъ, душа моя, всё на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такіа книги просвѣщаютъ.

«— Madame!—отвѣчаетъ ей Иванушка,—вы говорите правду. Я самъ кромѣ романовъ ничего не читывалъ».

А какое направленіе преобладало въ этихъ романахъ, потреблявшихъ русскими совѣтницами и Иванушками, видно изъ разсказа того же Фонъ-Визина о томъ, какъ онъ, будучи еще студентомъ Московскаго университета, взаимнѣмъ гонорара за переводъ басенъ Гольберга получилъ, отъ московскаго книгопродавца цѣлую кучу иностранныхъ книгъ «соблазнительныхъ, украшенныхъ скверными эстампами» и испортившихъ его воображеніе. Такія книги, очевидно, наиболѣе спрашивались тогдашней свѣтскою молодежью. Людямъ, чувствовавшимъ потребность порядочности, надобно было, подобно фонъ-физинскому Сорванцову, оговариваться въ обществѣ, что они не ставятъ своего невѣжества себѣ въ достоинство.

Жизописецъ Новикова въ 1772 г. скорбитъ о томъ, что романы раскупаются вдесятеро больше наилучшихъ переводныхъ книгъ серьезнаго содержанія, да и было о чѣмъ скорбѣть. Хорошій романъ служитъ прекраснымъ пособіемъ для познанія жизни тому, кто въ немъ ищетъ и находитъ художественное объясненіе своихъ случайныхъ и хаотическихъ житейскихъ впечатлѣній; для такого читателя романъ—художественная иллюстрація дѣйствительности; безъ того и лучший романъ—пустая игрушка воображенія, глубочная картинка, лишенная своей истолковательницы—подписи внизу. Нашихъ читателей и читательницъ романъ отучалъ отъ пониманія дѣйствительности, замѣняя имъ житейскіе опыты и наблюденія призраками; какъ дѣтямъ куклы замѣняютъ живыхъ людей; подобно пушкинской Татьянѣ, они «влюблялися въ обманы и Ричардсона, и Руссо».

Подготовленный любовными пѣсенками вродѣ сумароковскихъ или няковлевскихъ, вкусъ романической публики быстро изощрялся, поддерживая возбуждаемость усталаго литературнаго аппетита. Начинали строго-добродѣтельными семейнымъ романомъ во вкусѣ ричардсоновой *Памелы*, продолжали романомъ тоже довольно добродѣтельнымъ, вродѣ *Клариссы*, но уже съ участіемъ Ловеласа, а кончали ничѣмъ не прикрытыми приключеніями вродѣ тѣхъ эстамповъ, на которые жаловался Фонъ-Визинъ. Самыя заглавія романовъ вторили изощрявшимся вкусамъ: *Россійскую Памелу или приключенія Маріи, добродѣтельной поселянки, смѣняло Геройство любви или изображение великодушнаго любовника*, а затѣмъ уже прямо съдѣла *Генриетта или цусарское похищеніе*, въ трехъ частяхъ. Такъ скоро являлся у насъ значительно разросшійся потомъ классъ потребителей и особіи по потребительницѣ романа, идиллически мечтательный родъ пети-тръ и кокетокъ съ кисейными чувствами и «съ чепухою сладкихъ

словъ», какъ выразился нѣкогда Князьнинъ о выведенномъ имъ въ комедіи *Чудаки* подобномъ продуктѣ идилліи и романа. Жившіе въ Россіи иностранцы съ удивленіемъ встрѣчали въ русскомъ большомъ свѣтѣ много дамъ и дѣвицъ, которыя говорили на четырехъ-пяти языкахъ, играли на разныхъ инструментахъ и отлично знакомы были съ произведеніями извѣстнѣйшихъ романистовъ Франціи, Англіи и Италіи. Въ этомъ знакомствѣ трудно искать любознательности, питавшей размышленіе. Къ этимъ дамамъ и дѣвицамъ шло воззваніе въ переведенной тогда идилліи мадамъ Де-зульеръ:

Овечки! ни наукъ, ни правилъ вы не знаеъ,
Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ.

Надобно сказать правду объ этой идиллической чувствительности: для массы сердець она служила только приправой чувственности, не смягчая чувства. Мамаша послѣ обычной утренней расправы на конюшнѣ съ крестьянами и крестьянками принималась за французскую любовную книжку и откровенно объясняла по-русски всѣ прелести любви и нѣжности прекраснаго пола своему тринадцатилѣтнему сыну (*Жизописецъ* Новикова).

Среди самаго разлива этого чувственно-чувствительнаго чтенія стало проникать въ наше общество вліяніе просвѣтительной философіи. Можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ эта философія такъ наглядно, какъ у насъ, не выказалась обѣими своими сторонами, лицевой и оборотной. Въ нашей разрѣженной культурѣ, какъ въ рѣшетѣ, соръ мысли какъ-то самъ собою отсѣивался отъ ея зерна. Послѣ 28 іюня 1762 г. у насъ было не мало умныхъ и благомыслящихъ людей, которые, становясь у дѣлъ, понимали, чѣмъ могутъ воспользоваться изъ содержанія этой философіи политика, право и общежитіе, и русское законодательство стало провозвѣстникомъ ея низидельныхъ идей. Но популярную силу этой философіи составляли не столько планы построенія новаго порядка, сколько критика существующаго, приправленная насмѣшкой. Наша модно-образованная публика особенно понятливо воспринимала это критическое направленіе просвѣтительной философіи и не столько самую критику, сколько ея приправу. Подобно ночнымъ мотылькамъ, которые ничего не видятъ при дневномъ свѣтѣ, непривычные къ размышленію умы слѣпо бросались на яркіе парадоксы тогдашнихъ *ésprits forts* и на нихъ сжигали послѣдніе остатки здраваго смысла, уцѣлѣвшіе отъ романовъ и идиллій. Развинченное ими вольное чувство, встрѣтившись съ вольною смѣющеюся мыслью, спѣшило устранить всѣ сдержки и преграды и, прежде всего, набросилось на простѣйшія нравственныя связи. Не шадить отца—вотъ прямая добродѣтель вѣка!—восхищается Совѣтница въ *Бригадирѣ*, восхищенная скотскимъ взглядомъ Иванушки н. семейныя отношенія. Въ лицѣ одного изъ героевъ *Чудаковъ*, разбогатѣвшаго самодура-дворянина изъ кузнецовъ Лентагина, Князьнинъ изобразилъ одного изъ этихъ вырожденныхъ новымъ духомъ времени и старыми нравами русскихъ вольнодумцевъ, у которыхъ протестующій философскій смѣхъ герерождался въ безразборчивое зубоскальство надо всѣмъ, а отрицаніе ред-

разсудковъ—въ забвеніе приличій,—словомъ, изъ свободы мысли выходило озорство почувшаго волю холопскаго темперамента. Тогда, по свидѣтельству Фонъ-Визина, составлялись кружки молодежи, все философское упражненіе которыхъ состояло въ богохульствѣ и кощунствѣ. Потерявъ своего Бога, заурядный русскій вольтеріанецъ не просто уходилъ изъ Его храма, какъ человѣкъ, ставшій въ немъ лишнимъ, а подобно взбунтовавшемуся дворовому норовилъ передъ уходомъ набуянить, все перебить, исковеркать и перепачкать. Что еще прискорбнѣе, многими, если не большинствомъ нашихъ вольнодумцевъ, вольныя мысли почерпались не прямо изъ источниковъ,—это, все-таки, задавало бы нѣкоторую работу уму,—а хватались ими съ вѣтра, доходили до нихъ отдаленными сплетнями изъ вторыхъ-третьихъ рукъ: какой-нибудь молодой Фирлюфюшковъ (петиметръ въ комедіи Екатерины II *Именины госпожи Ворчалкиной*), воротясь изъ Парижа, проповѣдывалъ ихъ довѣрчивымъ зѣвакамъ-сверстникамъ, или старый высочинновный грѣховодникъ зазывалъ молодежь къ себѣ на обѣды, чтобы сообщить ей послѣднія, самыя свѣжія полученныя изъ Парижа новости по части атеизма и матеріализма. Многимъ русскимъ вольтеріанцамъ Вольтеръ былъ извѣстенъ только по слухамъ, какъ проповѣдникъ безбожія, а изъ трактатовъ Руссо до нихъ дошло лишь то, что истинная мудрость—не знать никакихъ наукъ. Съ просвѣтительною философіей у насъ повторилось то же, что бывало съ сантиментально-назидательною беллетристикой: мать пушкинской Татьяны была отъ Ричардсона безъ ума.

Она любила Ричардсона
 Не потому, чтобы прочла,
 Не потому, чтобы Грандисона
 Она Ловласу предпочла;
 Но встарину княжна Алина,
 Ея московская кузина,
 Твердила часто ей объ нихъ.

Такимъ образомъ, открывалось неожиданное и печальное зрѣлище: новыя идеи просвѣтительной философіи являлись оправданіемъ и укрѣпленіемъ стараго доморощенного невѣжества и нравственной косности. Обличительный вольтеровскій смѣхъ помогать прикрывать застарѣлыя русскія язвы, не исцѣляя ихъ. Доисторическія привычки и одичалыя понятія, которыя прежде припрятавались отъ глазъ закона или которыхъ стыдились передъ добрыми людьми, какъ стыдятся необрунаго домашняго сора передъ гостями, теперь самодовольно выставлялись на показъ, какъ указаніе или требованіе природы. Новыя идеи нравились, какъ скандалы, подобно ризкамъ соблазнительнаго романа. Философскій смѣхъ освобождалъ наше о вольтеріанца отъ законовъ божескихъ и человѣческихъ, эманципировалъ его духъ и плоть, дѣлалъ его недоступнымъ ни для какихъ страховъ, крѣпъ полицейскаго, нечувствительнымъ ни къ какимъ угрызениямъ, кромѣ философическихъ,—словомъ, этотъ смѣхъ становился для нашего вольнодумца тѣмъ же, чѣмъ была нѣкогда для западнаго европейца папская индულъ-

генція, снимавшая съ челоѣка всякій грѣхъ, всякую нравственную отвѣтственность; да этотъ смѣхъ и тамъ, кажется, былъ преемникомъ, едва ли даже не былъ *натуральнымъ сыномъ* этой самой индугенціи.

При какомъ угодно мнѣніи о просвѣтительной философіи можно огорчаться такимъ ея употребленіемъ. Порошинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ подъ 1765 годомъ, какъ за нѣсколько лѣтъ до того къ одному московскому дворянину нанялся французъ учить его дѣтей французскому языку; послѣ оказалось, что этотъ французъ былъ вовсе не французъ, а чухонецъ, и обучилъ онъ дѣтей дворянина не французскому, а чухонскому языку. Нѣчто подобное тому, что испыталъ здѣсь французскій языкъ, случилось у насъ и съ французскою философіей: многіе наши вольтеріанцы поступили съ ней совсѣмъ по-чухонски, подъ фирмой ея идей выдавали свои собственныя темниковскія или судогодскія измышленія и недомыслія. Еще одинъ ветхозавѣтный мыслитель сказалъ, что и мудрое слово въ устахъ малоумнаго становится безуміемъ. Направленіе русскихъ умовъ, такимъ образомъ воспринимавшихъ просвѣтительное вліяніе, становилось уже не усвоеніемъ европейской цивилизаціи, а болѣзненнымъ разстройствомъ національнаго смысла, не подготовленнаго къ такому острому питанію. Привозныя лѣкарства только растравляли старые туземные недуги и приходилось лечить не только отъ болѣзней, но и отъ самаго леченія.

Такъ книга, эта разнощица просвѣщенія, стала ему помѣхой. Въ этихъ литературахъ, беллетристической и философской, ставшихъ у насъ наиболѣе ходячими, нашъ просвѣщенный свѣтъ особенно охотно и успѣшно черпалъ лишь чувства и идеи, мало пригодныя для частнаго, какъ и для общественнаго блага, только соблазнявшія сердце и умъ своею вольностью или недозволенностью. Въ то время строгіе судьи видѣли въ такомъ направленіи мысли и вкуса только недомысліе и безвкусіе, слѣпое увлеченіе, и надѣялись исправить грѣхъ, открыть слѣпцамъ глаза насмѣшкой. Случилось такъ, что въ одно время съ первою турецкою войною, съ борьбой противъ внѣшнихъ враговъ европейской цивилизаціи, русскіе писатели снарядили цѣлую экспедицію противъ внутреннихъ недуговъ русскаго быта и просвѣщенія и въ продолженіе 5—6 лѣтъ, пока русскія войска поражали турокъ и татаръ на морѣ и на сушѣ, русскіе сатирическіе журналы громади и доморощенные, и завозные пороки русскаго общества Сама императрица съ нѣсколькими обличительными комедіями вступила волонтеромъ въ это патріотическое литературное ополченіе подъ презрачнымъ вуалемъ всѣмъ знакомаго неизвѣстнаго. Тогда двадцатипятилѣтнимъ новобранцемъ выступилъ на литературно-издательскомъ поприщѣ и армейскій поручикъ въ отставкѣ Н. И. Новиковъ, и его журналы *Трутень*, *Живописецъ* и *Кожелекъ* по смѣлости и мѣткости своей сатиры стали рѣшительно впереди всей фаланги сатирическихъ изданій тѣхъ годовъ. Отъ журналовъ Новикова всего болѣе досталось и зараженному французскимъ вліяніемъ модному русскому свѣту; *Кожелекъ* даже выступилъ специальнымъ партизаномъ противъ этого вліянія. Въ журналахъ Новикова встрѣчаемъ едва ли

из самых ярких изображеній типическихъ продуктовъ галломаніи, именно русской галломаніи, львовъ и львиць тогдашняго большаго свѣта, щеголей и щеголихъ или столь памятныхъ петиметровъ и кокетокъ съ ихъ кукольною выдѣлкой и невѣроятнымъ нравственнымъ одичаніемъ, съ ходульными заблуждами, буклями въ видѣ крылышекъ горлицы и до облаковъ взбитыми прическами, съ разученно-нѣжною вскидкой взглядовъ, съ вѣчными разговорами о любви и съ ненавистью къ наукамъ, къ книгамъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ они находили, говоря ихъ языкомъ, «слогъ разстеганный и мысли прыгающія и которыя они фелитировали безъ всякой дисктракціи». Что же вышло изъ этихъ благородныхъ усилій русской сатиры? Есть основаніе опасаться, что она больше обогатила литературу, чѣмъ исправила нравы, научила добродѣтели только добродѣтельныхъ. Въ *Жизнисице* есть статья самого Новикова, передающая юмористическую бесѣду писателей въ разныхъ родахъ съ своими читателями. Между прочимъ, писателю комедій на его рѣчи о нравственно-исправительномъ дѣйствіи комедіи читатель отвѣчаетъ: «Знай, когда ты меня осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю». Нѣчто подобное, кажется, случилось и съ русскою сатирой прошлаго вѣка. Даже болѣе того: осмѣиваемый шутъ, увидѣвъ свой каррикатурный портретъ на сценѣ или въ сатирическомъ журналѣ, любовался имъ и хохоталъ не менѣе другихъ зрителей. Хорошая половина столѣчнаго партера, апплодировавшаго комедіямъ Фонъ-Визина, состояла изъ лодыжниковъ или живыхъ иллюстрацій его художественныхъ каррикатуръ, но крайней мѣрѣ, видѣла въ нихъ портреты своей близкой родни. Какою сатирой можно было донять фонъ-визинскую княгиню Халдину, которая любила одѣваться при мужчинахъ, не находила ничего страннаго въ томъ, что всѣ ея дѣти уродились въ друзей ея мужа,—вѣдь, въ мужниныхъ же друзей, а не какихъ-либо иныхъ, поймите вы это,—и которая съ гордостью добродѣтели говорила: «мнѣ стыдно чего-нибудь стыдиться»? Обличеніе безсмысленно противъ людей, которые, по выраженію древне-русскаго дѣтописца, *ни Бога ся болятъ, ни человекъ ся стыдятъ*. Удары негодующей сатиры безболѣзненно падали на нашихъ великосвѣтскихъ щеголей и щеголихъ прошлаго вѣка, служа только возбуждательнымъ массажемъ для ихъ износившихся въ празднои суетѣ или залежавшихся въ сантиментальной апатіи нервовъ. Болѣе щекотливые надувались сердито, но не исправлялись. Что касается собственно вольнодумства, какъ особаго направленія мыслей, сатирическіе журналы тѣхъ лѣтъ касались его лишь слегка, мимоходомъ, вѣроятно, потому, что оно не успѣло еще выдѣлиться въ такое направленіе изъ общаго хаоса распушенныхъ рѣчей и мыслей. Впрочемъ послѣ, когда оно стало походить нѣсколько на особое міросозерцаніе, обличеніе и на него не оказало замѣтнаго дѣйствія.

Знаемъ, съ которымъ боролась сатира, была не слабость, не простой порокъ, а нѣчто вродѣ порока сердца, т.-е. болѣзнь, порокъ просвѣщенія, а не лѣтъ, не лечатъ, не осмѣиваютъ. Уже если злоупотреблять медицинскимъ терминомъ, эту болѣзнь можно назвать анеміей общественнаго сознанія и

нравственнаго чувства, соединенной съ неестественнымъ отношеніемъ къ окружающему. Общечеловѣческая культура, приносимая иноземнымъ вліаніемъ, воспринималась такъ, что не просвѣтляла, а потемняла пониманіе родной дѣйствительности; непониманіе ея смѣнялось равнодушіемъ къ ней, продолжалось пренебреженіемъ и завершалось ненавистью или презрѣніемъ. Люди считали несчастіемъ быть русскими и, подобно Иванушкѣ Фонъ-Визина, утѣшались только мыслью, что хотя тѣла ихъ родились въ Россіи, но души принадлежали коронѣ французской.

Такое направленіе умовъ въ высшемъ обществѣ грозило немалыми опасностями. Еще въ древней Руси дворянство стало во главѣ русскаго общества, какъ органъ управленія и землевладѣльческій классъ. Петръ Великій хотѣлъ упрочить и расширить это руководящее значеніе сословія, сдѣлавъ его, по крайней мѣрѣ, верхній слой его, дворянство столичное, еще и проводникомъ западно-европейскаго просвѣщенія въ Россіи. Но что бы это былъ за руководящій классъ, который не понимаетъ руководимаго имъ общества и даже презираетъ его! Онъ самъ себя осуждалъ на упраздненіе, и тогда русское общество очутилось бы въ рукахъ провинціальныхъ Простаковыхъ и Скотининныхъ съ ихъ Митрофанами и Николашками, въ 18 лѣтъ едва одолѣвавшими азбуку (въ комедіи Екатерины II *О время!*).

Болезнь была тѣмъ серьезнѣе, что происходила не отъ каприза или увлеченія отдѣльныхъ лицъ, а отъ причинъ, которыя коренились въ исторически сложившемся положеніи всего класса. Иноземное вліаніе не встрѣчало надлежащей подкладки въ элементарномъ общемъ образованіи, которое давало бы умѣнье воспринимать потребное, отбрасывая лишнее. Обязательная выучка дворянства совсѣмъ не давала такого образованія, а модное гувернерское воспитаніе во многомъ было даже хуже простого невѣжества. Новая книга, попадавшая въ руки взрослому просвѣщенному человѣку, служила ему не дополненіемъ, а замѣной учебника. Новыя идеи неслись поверхъ умовъ какими-то сухими туманами, застилая глаза и не освѣжая мысли, а только оставляя на ней сорный осадокъ въ видѣ пустыхъ фразъ, дурныхъ манеръ, непристойныхъ выходокъ противъ общепринятаго и т. п. Притомъ, съ освобожденіемъ отъ обязательной службы значительная часть дворянства успѣшила избавиться отъ привычнаго, но надоевшаго дѣла, для котораго оно училось, но не умѣла найти, да и не искала никакого новаго общепользнаго дѣла, стала праздною. Дѣловая цѣль образованія исчезла изъ глазъ и книга стала только средствомъ приятно наполнять пустоту празднаго и безцѣльнаго существованія. Этики опредѣлились направленіе умовъ и вкусовъ, выборъ чтенія и идей, характеръ воспитанія. Привычка учиться для службы не выработала въ сословіи внутренней потребности образованія, а отсутствіе сословнаго дѣла уничтожало и общественное побужденіе къ тому. Наконецъ, тогдашній классъ «просвѣщенныхъ людей» составлялъ очень тонкій слой, который случайно взбитою пѣной вертѣлся на поверхности общества, едва касаясь его. Отдѣленный отъ народной массы привилегіями, нравами, понятиями

предубѣжденіями, не освѣжаемый притокомъ новыхъ силъ снизу, онъ за-
киривалъ въ своихъ искусственныхъ, призрачныхъ интересахъ и никому не-
нужныхъ суетахъ. Не такими ли наблюденіями внушены были замѣчанія
одного иностранца (Макартнея), бывшаго въ Россіи въ началѣ царствова-
нія Екатерины II и писавшаго, что русское дворянство самое необразо-
ванное въ Европѣ, что русскому правительству труднѣе будетъ цивилизо-
вать своихъ дворянъ, чѣмъ крестьянъ, и что имъ лучше было бы не
имѣть никакого образованія, чѣмъ имѣть такое, какое имъ дается, потому
что оно не можетъ сдѣлать ихъ полезными для общества?

Правительство Екатерины II чувствовало эти недуги русскаго просвѣ-
щенія и принимало мѣры противъ нихъ. Отсюда его настойчивая пропо-
ведь о необходимости воспитанія, которое нравственно переродило бы
общество, его усиленныя заботы о закрытыхъ воспитательныхъ заведе-
ніяхъ, о созданіи «третьяго чина» или средняго сословія, которое стало
бы, какъ въ другихъ странахъ Европы, носителемъ научнаго образованія,
питомникомъ просвѣщенія въ Россіи. И. И. Бецкій въ своихъ докладахъ
императрицѣ указывалъ именно на отсутствіе у насъ воспримчивой среды,
питательной почвы, къ которой могло бы прикрѣпиться научное образова-
ніе, говорилъ, что люди, приобретающіе такое образованіе, скоро теряли
его и возвращались въ прежнее невѣжество по недостатку спроса и прак-
тики для ихъ знаній.

Эти просвѣдительныя усилія правительства не были свободны отъ ил-
люзій и недоразумѣній. Спѣшили заводить закрытыя воспитательныя учи-
лища. А гдѣ же учителя и учебники, гдѣ книги для чтенія, которыя вос-
полняли бы учебники и учительскіе уроки? Какъ, наконецъ, подготовить
общество къ приему перерожденныхъ въ новыхъ училищахъ питомцевъ,
чтобы они не тонули въ темной массѣ и не возвращались въ прежнее
невѣжество?

Новиковъ прямо и смѣло пошелъ на встрѣчу этимъ усиліямъ и недо-
разумѣніямъ. Неизвѣстно, какъ складывался его взглядъ на свое дѣло.
Новиковъ появился въ литературномъ мірѣ какъ-то вдругъ, исподтишка,
безъ замѣтной подготовки. Сынъ достаточнаго, но не богатаго дворянина,
16-ти лѣтъ исключенный изъ дворянской гимназіи при Московскомъ уни-
верситетѣ «за лѣность», признававшій себя и въ старости невѣждой, не
знающимъ никакихъ языковъ, послѣ 8 лѣтъ службы въ гвардіи онъ вышелъ
въ отставку армейскимъ поручикомъ, а съ 1769 г., когда ему было 25
лѣтъ, послѣдовательно выступалъ съ тремя лучшими въ то время сатирически-
ми журналами, привлекъ къ себѣ обширный кругъ читателей, сталъ из-
вѣстнымъ литераторомъ и издателемъ, въ то же время и послѣ выпустилъ
рядъ ученыхъ изданій по русской исторіи и литературѣ, изъ которыхъ
какоторые, особенно *Древняя Россійская Визлювка*, сборникъ разнооб-
разныхъ памятниконъ по русской исторіи, изданный при содѣйствіи Ека-
терины II, доселѣ не потеряли своей ученой цѣны. Изъ впечатлѣній и раз-
мышленій, накопившихся въ продолженіе 10-ти лѣтнихъ литературно-изда-

тельскихъ опытовъ въ Петербургѣ, у Новикова, повидимому, сложились ясный взглядъ на то, что ему слѣдуетъ дѣлать. Съ этимъ взглядомъ онъ въ 1779 г. перѣхалъ въ Москву, заарендовалъ на 10 лѣтъ университетскую типографію съ книжною лавкой и принялся за дѣло.

Въ 1792 году, разбитый постигнутою его бѣдой, Новиковъ на допросѣ произвелъ на враждебнаго ему слѣдователя впечатлѣніе человѣка остраго, дѣтливаго, съ характеромъ смѣлымъ и дерзкимъ. Безспорно, Новиковъ былъ человѣкъ умный и рѣшительный. Труднѣе было замѣтить въ немъ еще одну черту, это—энтузіазмъ сдержанный и обдуманый. У него было два завѣтные предмета, на которыхъ онъ сосредоточивалъ свои помыслы, въ которыхъ видѣлъ свой долгъ, свое призваніе, это—служеніе отечеству и книга, какъ средство служить отечеству. Если въ первомъ сказывалась одна изъ лучшихъ историческихъ привычекъ стараго русскаго дворянства, поднимавшаяся въ лучшихъ людяхъ сословія на высоту нравственнаго долга, то во второмъ взглядѣ на книгу надобно видѣть личную доблесть Новикова. И до него бывали дворяне, посвящавшіе литературѣ свой служебный досугъ. Въ лицѣ Новикова неслужащій русскій дворянинъ едва ли не впервые выходилъ изъ службы отечеству съ перомъ и книгой, какъ его предки выходили съ мечомъ и мечомъ. Къ книгѣ Новиковъ относился мало сказать—съ любовью, а съ какою-то вѣрой въ ея чудодѣйственную просвѣтительную силу. Истина, зародившаяся въ одной головѣ,—такъ вѣровалъ онъ,—посредствомъ книги родитъ столько же подобныхъ правосмыслящихъ головъ, сколько у этой книги читателей. Поэтому книгопечатаніе считалъ онъ наибольшимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго разума.

На этой вѣрѣ въ могущество книги Новиковъ строилъ практично обдуманный планъ дѣйствій. Этотъ планъ былъ тѣсно связанъ со взглядомъ на недостатки и нужды русскаго просвѣщенія, какой просвѣчиваетъ въ изданіяхъ и во всей дѣятельности Новикова. Одинъ изъ главныхъ враговъ этого просвѣщенія—галломанія, не само французское просвѣщеніе, а его отраженіе въ массѣ русскіхъ просвѣщенныхъ умовъ, то употребленіе, какое здѣсь изъ него дѣлали. «Благородные невѣжды», какъ называлъ Новиковъ русскіхъ галломановъ, сходились съ простыми невѣждами старорусскаго покроя въ убѣжденіи, что они достаточно все понимаютъ и безъ науки, что «и не учась грамотѣ можно быть грамотеемъ». Значитъ, вольномысліе не отъ ученія, а отъ невѣжества, и есть не болѣе, какъ легкомысліе. Всякій мыслящій человѣкъ,—такъ писалъ Новиковъ въ одномъ изъ своихъ журналовъ,—чувствуетъ состраданіе, взирая на простодушныхъ людей, которые беззащитно увлекаются надменными и остроумными мудреностями, разрушающими основы человѣческаго общежитія, или гнушаются всѣмъ отечественнымъ, обольщаясь наружнымъ блескомъ иноземнаго. Истинное просвѣщеніе должно быть основано на совмѣстномъ развитіи разума и нравственнаго чувства, на согласованіи европейскаго образованія съ національною самобытностью. Въ составѣ воспитанія Новиковъ не оставлялъ разума на задній планъ, не ронялъ цѣны научнаго образованія, какъ и

дѣлали иногда литературные и даже должностные педагоги того времени. Неосторожно было набрасывать тѣнь на разумъ въ обществѣ, гдѣ и безъ того многіе имъ тяготѣлись, воздерживать отъ увлеченія науками, которыми и безъ того не занимались. Когда Сумароковъ въ рѣчи при открытіи академіи художествъ восклицалъ: «возсіяли науки—и погибла естественная простота, а съ нею и чистота сердца», сколько госпожъ Простаковыхъ готовы были апплодировать этимъ желаннымъ словамъ, такъ легко и просто разрушавшимъ всѣ ихъ материнскія муки съ своими Митрофанами! Вѣдь, Руссо у насъ потому особенно и былъ популяренъ, что своимъ трактатомъ о вредѣ наукъ оправдывалъ нашу неохоту учиться. Въ *Живописцѣ* Новиковъ на смѣшную сопоставлялъ мудрость доморощенныхъ философовъ донаучной чистоты съ ученіемъ Руссо, говоря имъ: «онъ разумомъ, а вы невѣжествомъ доказываете, что науки бесполезны». Новикову принадлежитъ честь одного изъ первыхъ, кто заговорилъ у насъ о разграниченіи заимствуемаго и самотѣнаго, о чертѣ, за которую не должно переступать иноземное вліаніе. Въ *Кошеляхъ* 1774 г. онъ возстаетъ противъ мнѣнія, что русскіе должны заимствовать у иноземцевъ все, даже характеръ, который у всякаго народа свой особый: не одной же Россіи отказано въ немъ и суждено скитаться по всѣмъ странамъ, подбираясь обычаями у разныхъ народовъ, чтобъ изъ этой сборной культурной милостыни составить характеръ, никакому народу несвойственный, а идущій къ лицу только обезьянамъ.

Гдѣ же было найти у насъ опору истинному просвѣщенію? Такою опорой не могъ быть большой свѣтъ ничему не хотѣвшихъ учиться вольтеріанцевъ и модныхъ петиметровъ: здѣсь надобно было предоставить мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ. Екатерина съ Бецкимъ задумывала отнять у всего дворянства принадлежавшее ему съ Петра значеніе хранителя и проводника европейскаго научнаго образованія и передать это значеніе самому «среднему сословію», подобному французской буржуазіи, сдѣлавъ его спеціальнымъ питомникомъ наукъ и художествъ. Но такого сословія не существовало въ Россіи, его еще надобно было созидать. Это была радикальная мѣра, хлопотливая и нѣсколько самонадѣянная. Въ ней сказался философскій XVIII вѣкъ, любившій кроить общество по своимъ идеямъ. Новиковъ думалъ, что удобнѣе кроить платье по плечу, чѣмъ выламывать плечо изъ платья. Онъ надѣялся обойтись наличными средствами, не ломая общества: вѣдь, легче издавать полезныя книги для читателей изъ готовыхъ сословій, чѣмъ создавать особое сословіе для чтенія полезныхъ книгъ. Онъ рассчитывалъ не на средній родъ людей, котораго у насъ не было, а на узкій кругъ читателей, и его расчетъ состоялъ въ томъ, чтобы изъ грабительскаго люда разныхъ сословій создать читающую публику. Въ этой средѣ и входили благоприятныя задатки для успѣховъ просвѣщенія. Онъ самъ въ себѣ испыталъ его значеніе для литературы: его *Живописецъ* выдержалъ въ прошломъ вѣкѣ пять изданій. Новиковъ объяснялъ такой успѣхъ журналу тѣмъ, что онъ пришелся по вкусу мѣщанъ, ибо,—добавлялъ онъ,—наши тѣ только книги четвертыми и пятыми изданіями печатаются, кото-

рыя этимъ простосердечнымъ людямъ по неспанію ими чужестранныхъ языковъ нравятся. Въ самомъ выборѣ чтенія здѣсь можно было найти болѣе просвѣщеннаго вкуса и любознательности: по словамъ Новикова, въ числѣ любимыхъ книгъ у мѣщанъ были *Симонисъ*, учебникъ русской исторіи, *Совершенное воспитаніе дѣтей* и тому подобныя книги, не пользовавшіяся никакимъ уваженіемъ просвѣщенныхъ людей большого свѣта.

«Имѣй душу, имѣй сердце»,—проповѣдовала гуманная педагогика вѣка, и это была прекрасная проповѣдь при бездушной школьной выучкѣ и безсердечномъ вертопрашествѣ свѣтской мысли. Но мало сказать доброе правило,—надобно еще *создать* и *научить*, указать, какъ его исполнить, и подать примѣръ исполненія. И въ дѣлѣ просвѣщенія есть своя черновая часть. Сколько нужно понести пыли и грязи, чтобы вырастить хлѣбный злакъ? Современный сѣятель просвѣщенія, выходя на свою ниву, находитъ много готовыхъ вспомогательныхъ средствъ для своего дѣла: не говори о широко распространенномъ сознаніи пользы ученія, о внутренней потребности образованія въ значительной части общества, объ обильномъ запасѣ учебной и образовательной литературы, достаточно вспомнить о довольно налаженномъ типографскомъ и книгопродавческомъ дѣлѣ. Правда, въ книжномъ дѣлѣ у насъ и теперь бываютъ прискорбныя недоразумѣнія: такъ, нерѣдко книга и читатель ищутъ другъ друга и не находятъ, какъ будто играютъ другъ съ другомъ въ жмурки съ завязанными глазами; порою появляются книги, которыхъ некому читать, и есть охотники чтенія, которымъ нечего читать. Во времена Новикова такихъ недоразумѣній было несравненно больше, а вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія гораздо меньше, даже совсѣмъ мало. Въ единственной тогда университетской столицѣ просвѣщенія было всего двѣ книжныя лавки, годовой оборотъ которыхъ не превышалъ 10 тысячъ рублей; въ провинціи книга была рѣдкостью и продавалась втридорога, на что жаловался самъ Новиковъ; издательское дѣло велось такъ вяло, что не успѣвало за спросомъ читателей простонародныхъ романовъ и повѣстей вроде *Бовы Королевича* или *Еруслана Лазаревича*, и были отставные подьячіе, кормившіеся перепиской такихъ произведеній. Новиковъ видѣлъ, что надо начинать дѣло съ самаго начала, съ черновыхъ вспомогательныхъ средствъ просвѣщенія, и, надѣвъ рабочій передникъ, не побрезговалъ подойти къ типографской сажѣ и стать за пыльнымъ прилавкомъ книжной лавки. Въ обществѣ, гдѣ, по сознанію самого новиковскаго *Живописца*, даже званіе писателя считалось постыднымъ, надобно было имѣть немалую долю рѣшимости, чтобы стать типографщикомъ и книжнымъ торговцемъ и даже видѣть въ этихъ занятіяхъ свое патріотическое призваніе. У Новикова съ энергіей и предпримчивостью соединялась та добросовѣстность мысли, которая побуждала выбирать себѣ дѣло по наличнымъ силамъ, не преувеличивая своихъ силъ по внушеніямъ затѣйливаго самолюбія. Этимъ отчасти можно объяснить его нелюбовь дѣйствовать одиноко, безъ товарищей. За то онъ глубоко вѣрилъ въ могущество совокупнаго труда и умѣлъ соединять людей для

общей дѣли. Именно на поприщѣ народнаго образованія обнаружилъ онъ это умѣнье собирать раздробленныя силы въ большое дружное дѣло.

Московскій кружокъ Новикова—явленіе, не повторившееся въ исторіи русскаго просвѣщенія. Можно радоваться, что такой кружокъ составился именно въ Москвѣ, гдѣ особенно трудно было ожидать его появленія. Про эту столицу русскаго просвѣщенія, единственный тогда университетскій городъ въ Россіи, Сумароковъ, конечно, въ припадкѣ капризнаго раздраженія, писалъ, что тамъ всѣ улицы вымощены невѣжествомъ «аршина на три толщиной». Правда, это былъ тогда городъ разнообразныхъ крайностей. Въ его многочисленномъ дворянскомъ обществѣ съ довольно независимымъ, даже оппозиционнымъ настроеніемъ, направляемымъ выброшенными изъ С.-Петербурга величіями, у которыхъ прошлое было лучше будущаго и которыя потому бранили настоящее,—въ обществѣ, гдѣ встрѣчались носители всѣхъ перебивавшихъ въ Россіи міросозерцаній отъ *Голубиной книги* до *Системы природы* Гольбаха и гдѣ на одномъ и томъ же пиру за минутою иногда слѣдовалъ доморощенный трепакъ, среди суетливаго бездѣлья и дароваго довольства нашлось десятка два болѣею частью богатыхъ или зажиточныхъ и образованныхъ людей, которые рѣшились жертвовать своимъ досугомъ и своими средствами, чтобы содѣйствовать работамъ правительства о народномъ просвѣщеніи. Нѣкоторые изъ этихъ людей стоятъ біографіи и всѣ — самаго теплаго воспоминанія. Изъ нихъ рядомъ съ Новиковымъ мнѣ бы хотѣлось поставить прежде другихъ И. В. Лопухина. Чтеніе его записокъ доставляетъ глубокое внутреннее удовлетвореніе: какъ будто что-то проясняется въ нашемъ XVIII вѣкѣ, когда всматриваешься въ этого человѣка, который самымъ появленіемъ своимъ облачаетъ присутствіе значительныхъ нравственныхъ силъ, таившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ того времени. Съ умомъ прямымъ, немного жесткимъ и даже строптивымъ, но мягкосердечный и человѣколюбивый, съ тонкимъ нравственнымъ чувствомъ, отвѣчавшимъ мягкому и тонкому складу его продолговатаго лица, вѣчно сосредоточенный въ работѣ надъ самимъ собой, онъ упорнымъ упражненіемъ умѣлъ лучшія и рѣдкія движенія души человѣческой переработать въ простыя привычки или ежедневныя потребности своего сердца. Читая его записки, невольно улыбаешься надъ его усиліями увѣрить читателя, что его любовь подавать милостыню — не добродѣтель, а природная страсть, вѣчто вродѣ охоты, спорта, что съ дѣтства онъ привыкъ любоваться удовольствіемъ, какое доставлялъ другимъ, и для того нарочно проигрывалъ деньги крѣпостному мальчику, приставленному служить ему, что во время его судейской слѣбы въ уголовной палатѣ, совѣстномъ судѣ и сенатѣ сдѣлать неправду или не возражать противъ нея было для него то же, что взять вротѣ живное кушанье,—не добродѣтель, а случайность, капризъ природы, вродѣ двата волосъ. Все это очень напоминаетъ красивую застѣнчивую женщину которая краснѣетъ отъ устремленныхъ на нее пристальныхъ взглядовъ и старается скрыть свое лицо, стыдась собственной красоты, какъ

незаслуженнаго дара. Мы если не больше сочувствуемъ нашему высшему крѣпостническому обществу прошлаго вѣка, то лучше понимаемъ его, когда видимъ, что оно если не помогло, то и не помѣшало воспитаться въ его средѣ человѣку, который, оставаясь барининомъ и сторонникомъ крѣпостнаго права, сберегъ въ себѣ способность со слезами броситься въ ноги своему крѣпостному слугѣ, котораго онъ, больной, передъ причащеніемъ, въ припадкѣ вспыльчивости только что разбранилъ за неисправность. И въ то время не на каждомъ шагѣ встрѣчалась привычка во всякомъ Петрушкѣ искать человѣка и во всякомъ человѣкѣ находить ближняго. А по другую сторону Новикова надобно поставить И. Гр. Шварца, по выраженію Новикова, нѣмчика, съ которымъ онъ, поговоривъ разъ, на всю жизнь до самой его смерти сдѣлался неразлучнымъ. Откуда-то изъ Трансильваніи попалъ домашнимъ учителемъ въ Могилевъ, а оттуда въ Москву на профессорскую кафедру въ университетѣ, Шварцъ полюбилъ пріютившую его чужбинну, какъ не всегда любятъ и родину, и посвятилъ ей всѣ еще молодыя силы своего ума, весь жаръ своего горячаго сердца. Восторженный и самоотверженный, педагогъ до тончайшей фибры своего существа, неутомимый энтузіастъ просвѣщенія, вѣчно горѣвшій, какъ неугасимый очагъ, и успѣвшій сжечь себя до тла въ 33 года жизни, Шварцъ будилъ высшее московское общество, гдѣ былъ желаннымъ гостемъ, безъ умолку толкуя въ знатныхъ и образованныхъ домахъ о необходимости составить общество для распространенія истиннаго просвѣщенія въ Россіи, будилъ и университетскую молодежь своими одушевленными мистическими лекціями о гармоніи наукъ въ изученіи таинствъ природы, о связи духа и матери, о союзѣ между Богомъ и человѣкомъ, о стремленіи къ свѣту и добру, къ познанію божества и внутренняго человѣка. А для изображенія Сем. Ив. Гамалѣи, правителя канцеляріи московскаго главнокомандующаго, у меня не найдется и словъ: хотѣлось бы видѣть такого человѣка, а не вспоминать о немъ. Я недоумѣваю, какимъ образомъ подъ мундиромъ канцелярскаго чиновника, и именно русской канцеляріи прошлаго вѣка, могъ уцѣлѣть человѣкъ первыхъ вѣковъ христіанства. Гамалѣй подобаетъ житіе, а не біографія или характеристика. Сомнѣваюсь, сердился ли онъ на кого-нибудь хоть разъ въ свою жизнь. Во всемъ мірѣ только съ однимъ существомъ онъ воевалъ непримиримо, это — съ своимъ собственнымъ, съ его пороками и страстями, и съ какими страстями! — съ нюханьемъ табаку, напримѣръ, и т. п. Когда ему предложили обычную въ то время награду за службу крѣпостными въ количествѣ 300 душъ, онъ отказался: ему-де не до чужихъ душъ, когда и съ своею собственной онъ не умѣетъ справиться. Слугѣ, укравшему у него 500 руб. и пойманному, онъ подарилъ украденныя деньги и самого его отпустилъ съ Богомъ на волю; но онъ не могъ простить себѣ ежегодной траты 15 р. на табакъ, которую считалъ похищеніемъ у бѣдныхъ, и постарался побѣдить столь преступную привычку, обративъ новое сбереженіе на милостыню. Блаженный въ лучшій смыслъ этого слова, котораго современники справедливо прозвали «Бъ

нихъ человѣкомъ!» И другіе члены кружка были проникнуты тѣмъ же новиковскимъ или лопухинскимъ духомъ: это были лучшіе, образованнѣйшіе люди московскаго общества, князья Трубецкіе и Черкасскій, И. П. Тургеневъ и другіе, между которыми и Московскій университетъ имѣлъ своихъ представителей въ лицѣ куратора Хераскова и нѣсколькихъ профессоровъ. Среди этого товарищества просвѣщенія и благотворительности радушною хозяйкой на Покровкѣ и въ подмосковномъ Очаковѣ, самоотверженною пособницей и ободрительницей въ каждомъ дѣлѣ и затрудненіи кружка являлась царившая въ немъ энергическая княгиня Варв. Александр. Трубецкая, урожденная княжна Черкасская, одна изъ прекраснѣйшихъ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка, у которой ни духъ времени, ни свѣтское образованіе, ни таланты и вліяніе на окружающихъ не ослабили силы и непосредственности христіанскаго чувства. Надобно думать, что духъ и составъ кружка сообщали ему большую притягательную силу, если ревностнымъ сподвижникомъ его сталъ богатъ, скучавшій жизнью отъ пресыщенія ея благами, сынъ бывшаго недоброй памяти петербургскаго генералъ-полицеймейстера П. А. Татищевъ, своимъ значительнымъ вкладомъ давшій возможность осуществить завѣтную мечту Шварца объ основаніи просвѣтительнаго общества, а другой богатъ, сынъ верхотурскаго ямщика и уральскаго горнозаводчика Г. М. Походяшинъ, тронутый рѣчью Новикова о помощи нуждающимся въ голодный 1787 г., разстроилъ свое огромное состояніе щедрыми пожертвованіями на дѣла просвѣщенія и благотворенія, но, умирая въ бѣдности, услаждалъ свои послѣднія минуты тѣмъ, что съ умиленіемъ смотрѣлъ на портретъ Новикова, какъ своего благодѣтеля, указавшаго ему истинный путь жизни.

Эта нравственная сила многимъ членамъ кружка далась не даромъ. Когда мы читаемъ признаніе Новикова, что онъ мучился сомнѣніями, находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей и не имѣя краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать свое душевное спокойствіе, когда И. В. Лопухинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ, бывъ усерднымъ читателемъ Вольтера и Руссо и задумавъ распространять въ рукописяхъ свой переводъ изъ восхитившей его *Системы природы* Гольбаха, вдругъ охваченъ былъ чувствомъ неописаннаго раскаянія, не могъ заснуть прежде, нежели сжегъ приготовленную къ пропагандѣ красивую тетрадку вмѣстѣ съ черновой, и успокоился вполнѣ только тогда, когда написалъ *Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями*, — когда мы читаемъ о подобныхъ пароксизмахъ совѣтливой мысли, можетъ быть, мы впервые застаемъ образованнаго русскаго человѣка въ минуту тяжкаго раздумья, какое ему не разъ пришлось и не разъ еще придется переживать въ послѣдствіи. Это раздумье естественно рождалось изъ самаго положенія русскаго образованнаго человѣка. Запоздалый работникъ въ культурной мастерской, принужденный учиться у тѣхъ, кого долженъ былъ догонять, онъ уже въ продолженіи двухъ-трехъ поколѣній привыкъ обращаться къ западно-европейской мыс-

ли за совѣтомъ, къ общественному порядку, въ которомъ эта мысль выработывалась, за опытами и уроками. Но западно-европейскій разумъ, выработывавшій и эту мысль, и этотъ порядокъ, въ прошломъ вѣкъ потянуло въ противоположныя стороны. Фонвизинъ рѣзкими чертами изобразилъ это раздвоеніе, когда писалъ изъ Франціи въ 1777 году, что тамъ, при невѣроятномъ множествѣ способовъ къ просвѣщенію, весьма нерѣдко глубокое невѣжество съ ужаснымъ суевѣріемъ, что одни воспитываются духовенствомъ въ сильномъ отвращеніи къ здравому разсудку, а другіе заражаются новою философіей, такъ что встрѣчаются почти только крайности,—или рабство, или нахальство разума. Въ борьбѣ, возникшей изъ этого раздвоенія, европейская мысль, постепенно разгораясь и разгораясь, приняла отрицательное направленіе, изъ свѣточа превратилась въ зажигательный факель и рѣшительно пошла противъ служившаго ей очагомъ общественнаго порядка. Тогда русскій образованный человѣкъ, если онъ, притомъ, былъ еще и человѣкъ мыслящій, почувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи: служившій ему образцомъ строй понятій, чувствъ, общественныхъ отношеній былъ осужденъ, какъ неразумный. Зданіе отечественной гражданственности, надъ которымъ онъ призванъ былъ трудиться, нельзя стало продолжать ни по старымъ образцамъ, ни по новымъ идеаламъ. Въ ожиданіи огромнаго крушенія, не надѣясь ничего найти на Западѣ для этой постройки, кромѣ раскаленной лавы да гнилыхъ развалинъ, онъ вынужденъ былъ искать доморожденныхъ средствъ. Но, видя вокругъ себя умы больше воспаленные, чѣмъ просвѣщенные новыми идеями, люди новиковскаго направленія рѣшили, что для улучшенія общественнаго порядка каждый отдѣльный человѣкъ, пока не касаясь его основаній, долженъ обратиться къ самому себѣ, сосредоточить работу на своей личности, на своемъ личномъ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи, чтобъ этой дробною мозаическою работою приготовить живой годный матеріалъ для будущаго общества. Такъ понималъ этихъ людей хорошо знакомый съ ними Карамзинъ: онъ называлъ ихъ христіанскими мистиками, пренебрегавшими школьною мудростью, но требовавшими отъ своихъ учениковъ истинныхъ добродѣтелей и не виѣшивавшимися въ политику. Та же мысль о необходимости и достаточности личнаго усовершенствованія для подъема общественнаго порядка высказывалась и въ любимыхъ книгахъ этихъ людей, и въ ихъ собственныхъ признаніяхъ. «Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго, но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна». Это говоритъ И. В. Лопухинъ въ своихъ запискахъ, настаивая на необходимости для человѣка морально переродиться, чтобы сродниться съ евангельскою нравственностью и стать въ христіанскія отношенія къ ближнимъ, къ обществу. А какъ эти люди считали возможнымъ достигнуть такого перерожденія и чего отъ него ожидали, о томъ читайте въ книгѣ англійскаго моралиста Іоанна Масона о самопознаніи, переведенной членомъ кружка И. П. Тургеневымъ и кружку же посвященной. Эта книга учитъ, что чѣмъ лучше мы себя познаемъ,

тѣмъ съ большою пользою занимаемъ то мѣсто въ жизни человѣческой, на какое мы поставлены Провидѣніемъ, и что успѣхи въ наукѣ познанія самого себя сопровождаются быстрымъ и счастливымъ измѣненіемъ нравовъ и мыслей человѣческихъ *). Могутъ сказать, что въ такомъ взглядѣ много оптимистическаго самообольщенія, что нравственный уровень общества такъ же мало зависитъ отъ совершенства отдѣльныхъ его членовъ, какъ мало поднимается температура окружающаго воздуха отъ подъема ртути въ термометрѣ, который держитъ теплая рука. Я и не вхожу въ разборъ этого взгляда, а хочу только отмѣтить моментъ, когда, по моему мнѣнію, образованный русскій человѣкъ впервые почувствовалъ затруднительность своего культурнаго положенія и какъ онъ пытался выйти изъ этого затрудненія. Опять скажутъ: люди новиковскаго кружка нашли такой выходъ, потому что были масоны, мартинисты, и ихъ христіанскія добродѣтели сильно омрачены этою сектантскою тѣнью. Можно сказать и такъ, можно и наоборотъ: они потому стали и масонами, что нашли такой выходъ изъ своего затрудненія, больше масонствовали, чѣмъ были масонами; они—воспользуемся ихъ же фигурнымъ языкомъ—вступили въ составъ «малаго избраннаго народа» вольныхъ каменщиковъ только для того, чтобы самихъ себя переработать въ пригодные камни для мысленнаго храма Соломонова, т.-е. для будущаго идеальнаго русскаго общества. Что же касается ихъ добродѣтелей, то я не берусь судить, насколько нравственная доблесть Гамалѣи тускнѣла отъ того, что онъ прикрывалъ ее отъ недоброжелательныхъ людскихъ глазъ театральнымъ рубищемъ какого-то масонства. Но когда я припоминаю, какъ отозвался о Новиковѣ архіепископъ московскій Платонъ, испытывавшій его въ законѣ Божіемъ по распоряженію императрицы и заявившій, что онъ молитъ Бога, чтобы не только въ его паствѣ, но и во всемъ мірѣ были такіе христіане, каковъ Новиковъ, у меня не хватаетъ рѣшимости искать пятенъ на христіанствѣ этого мистика: вѣдь, я не съумѣю быть православноѣ православнаго русскаго іерарха.

Вспоминая о Новиковѣ и его сотрудникахъ, я хотѣлъ напомнить характеръ свѣтскаго образованія въ Россіи ихъ времени, ихъ взгляды на недостатки и нужды этого образованія и на свойства истиннаго просвѣщенія, ихъ цѣли, планы и нравственныя средства. Но мнѣ едва ли необходимо подробно говорить о томъ, какъ они проводили свои взгляды, какія матеріальныя средства вводили въ свое дѣло, какія встрѣтили препятствія и чего добились: все это, кажется, достаточно извѣстно, и я могу ограничиться наиболѣе крупными чертами, не входя въ подробности.

Цѣль дѣйствій, какъ онъ обнаружился въ предпріятіяхъ кружка и по астамъ былъ высказанъ въ запискахъ Лопухина и изданіяхъ Новиковыхъ. Можно изложить въ такихъ чертахъ. Для успѣха правительствен-

Юлиана Масона: „Познаніе самого себя“, перевелъ съ нѣмецкаго I. Т. Москва, 178 . ч. 1, стр. 12; ч. 2, стр. 32.

ныхъ попеченій о народномъ просвѣщеніи необходимо содѣйствіе частныхъ лицъ, соединяющихъ свои силы и средства съ цѣлью способствовать воспитанію юношества въ полезныхъ обществу наукахъ и издавать книги, утверждающія корень чистой нравственности и добродѣтели. Для этого такія общества частныхъ людей на свои средства, во-первыхъ, устроятъ пробныя или образцовыя учебно-воспитательныя заведенія, во-вторыхъ, готовятъ надежныхъ учителей и воспитателей при помощи университета и, въ-третьихъ, разборчивымъ изданіемъ книгъ и журналовъ создаютъ самобытную, дѣльную печать для обширнаго круга читателей. Такими способами можно вывести русское просвѣщеніе изъ тѣснаго круга оторванныхъ отъ народа «просвѣщенныхъ людей», модно воспитаннаго высшаго дворянства, въ широкій міръ «простосердечныхъ мѣщанъ» простаго грамотнаго люда, и обдуманнымъ сочетаніемъ общечеловѣческихъ и національно-историческихъ элементовъ дать этому просвѣщенію самобытный складъ, который измѣнитъ духъ общества, господствующее направленіе умовъ. Что было осуществлено изъ этого плана, который самъ по себѣ есть уже немалая заслуга русскому просвѣщенію?

Арендуя у Московскаго университета типографію и книжную лавку, Новиковъ имѣлъ въ виду, прежде всего, потребности домашняго и школьнаго образованія. Онъ старался, во-первыхъ, составить достаточно обильный и легко доступный запасъ полезнаго и занимательнаго чтенія для обширнаго круга читателей, во-вторыхъ, войти въ общеніе съ университетомъ, чтобы воспользоваться его силами и средствами для приготовленія надежныхъ учителей. Разстроенную университетскую типографію онъ вскорѣ привелъ въ образцовый порядокъ и менѣе чѣмъ въ три года напечаталъ въ ней больше книгъ, чѣмъ сколько вышло изъ нея въ 24 года ея существованія до поступленія въ руки Новикова. Онъ издавалъ книги довольно разнообразнаго содержанія, особенно заботясь о печатаніи книгъ духовно-нравственныхъ и учебныхъ: въ числѣ 366 книгъ, отпечатанныхъ имъ до конца 1785 года, менѣе чѣмъ въ 7 лѣтъ аренды, насчитывается около сотни изданій перваго рода и болѣе 30 учебниковъ, разноязычныхъ букварей, словарей, грамматикъ и т. п.

Новиковъ нашелъ дѣятельную поддержку въ образовавшемся изъ его друзей по мысли Шварца *Дружескомъ ученомъ обществѣ*, которое при торжественномъ открытіи своемъ въ 1782 г. объявило одной изъ своихъ задачъ печатаніе и даровую раздачу учебныхъ книгъ по школамъ. Указъ 1783 г. о вольныхъ типографіяхъ далъ возможность обществу завести двѣ собственныя типографіи на имя своихъ членовъ Новикова и Лопухина; потомъ, въ 1784 г., завелась еще обширная компанейская типографія, когда изъ дружескаго кружка Новикова образовалось издательское товарищество на паяхъ подъ фирмой *Типографической компаніи*, съ значительнымъ капиталомъ въ 57,500 руб. (болѣе 150,000 руб. на наши деньги) и съ поступившимъ отъ Новикова запасомъ книгъ на 320,000 руб. по продажной цѣнѣ. При такихъ средствахъ Новиковъ превосходно устроилъ

сбыть книгъ, завелъ комиссіонеровъ, вступилъ въ сношенія съ петербургскими книгопродавцами и вообще чрезвычайно оживилъ книжную торговлю въ Россіи. Случилось неслыханное дѣло: книжная лавка Новикова у Воскресенскихъ воротъ по спросу ея товара стала соперничать съ модными магазинами Бузнецкаго моста. вмѣсто двухъ существовавшихъ въ Москвѣ книжныхъ лавокъ съ оборотомъ въ 10,000 руб., при Новиковѣ и подъ его вліяніемъ явилось ихъ здѣсь до 20 и книгъ продавали онѣ ежегодно тысячъ на 200 руб. Ежегодный доходъ «Типографической компаніи», по показанію Новикова, простирался свыше 40,000 руб., дохода въ иные годы до 80,000 руб. О размѣрахъ предпріятія можно судить по тому, что послѣ закрытія компаніи въ 1791 г., когда все дѣло ея было разрушено, несмотря на обширный сбытъ изданныхъ ею книгъ, ихъ оставалось еще по каталожной цѣнѣ безъ малаго на 700,000 руб. (болѣе 1½ милліона на наши деньги), не считая 25 т. экземпляровъ книгъ, сожженныхъ или переданныхъ въ духовную академію и университетъ.

Трудно смѣтить даже на глазъ, какіе успѣхи достигнуты были такими усиліями. Люди, близкіе къ тому времени и къ самому Новикову, утверждали, что онъ не распространилъ, а создалъ у насъ любовь къ наукамъ и охоту къ чтенію, что благодаря широкой организаціи сбыта и энергическому веденію дѣла, новиковская книга стала проникать въ самыя отдаленныя захолустья и скоро не только Европейская Россія, но и Сибирь начала читать. Если частный случай что-нибудь доказывается, я приведу библиографическую подробность изъ своего дѣтства: въ деревенской глуши, гдѣ нецерковная книга была большою рѣдкостью, мнѣ попались двѣ изданныя Новиковымъ поэмы *Иосифъ Битобѣ* и *Потерянный рай* Мильтона и вмѣстѣ съ альманахомъ Карамзина *Аллаей* были въ числѣ первыхъ книгъ, мною прочитанныхъ. Новиковъ хотѣлъ сдѣлать чтеніе ежедневною потребностью грамотнаго человѣка и, кажется, въ значительной мѣрѣ достигъ этого. Число подписчиковъ *Москов. Вѣдомостей*, изданіе которыхъ онъ взялъ на себя вмѣстѣ съ арендой университетской типографіи, при немъ увеличилось всемеро (съ 600 до 4,000). При нихъ выходили прибавленія разнообразнаго содержанія, по литературѣ, сельскому хозяйству, натуральной исторіи, химіи и физикѣ, также листы для дѣтскаго чтенія. Не упоминаю о другихъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ Новикова. Онъ былъ не только типографщикомъ и книгопродавцемъ, но и издателемъ, выбиралъ, что нужно печатать, заказывалъ работы переводчикамъ и сочинителямъ, небывалымъ говораромъ оживилъ переводную и оригинальную письменность, отдавая предпочтеніе произведеніямъ научнымъ и духовно-нравственнымъ. Этимъ онъ внесъ въ текущую литературу того времени новую струю, шедшую противъ господствовавшаго направленія умовъ и литературныхъ вкусовъ тогдашняго свѣтскаго общества. Книжная лавка Новикова, откуда шла эта струя, получила своеобразный видъ и въ ней бывали характерныя сцены: при одилѣ покупатель, рылся въ книжныхъ новостяхъ, разложенныхъ на прилавкѣ, находилъ все изданія духовно-нравственнаго содержанія, кото-

рыхъ не хотѣлъ покупать, спрашивалъ, почему нѣтъ романовъ; Новиковъ отвѣчалъ, что переводчики что-то перестали носить ему такія сочиненія, и, набравъ связку книгъ, какія были на прилавкѣ, просилъ покупателя принять ихъ отъ него въ даръ. Послѣ самъ Новиковъ показывалъ слѣдователю объ усиленіи спроса на духовныя книги, а одинъ изъ учениковъ Новикова писалъ, что цѣлое море душеспасительныхъ книгъ было имъ пущено противъ потока вольнодумческихъ сочиненій. Въ продолженіе 10¹ арендныхъ лѣтъ издательская и книгопродавческая дѣятельность Новикова въ Москвѣ вносила въ русское общество новыя знанія, вкусы, впечатлѣнія, настраивала умъ въ одномъ направленіи, изъ разнохарактерныхъ читателей складывала однородную читающую публику и сквозъ вызванную ею усиленную работу переводчиковъ, сочинителей, типографій, книжныхъ лавокъ, книгъ, журналовъ и возбужденныхъ ими толковъ стало пробиваться то, съ чѣмъ еще незнакомо было русское просвѣщенное общество: это — *общественное мнѣніе*. Я едва ли ошибусь, если отнесу его зарожденіе къ годамъ московской дѣятельности Новикова, къ этому *новиковскому десятилѣтію* (1779—1789). Типографщикъ, издатель, книгопродавецъ, журналистъ, историкъ литературы, школьный попечитель, филантропъ, Новиковъ на всѣхъ этихъ поприщахъ оставался однимъ и тѣмъ же — сѣятелемъ просвѣщенія.

Это новиковское десятилѣтіе — одна изъ лучшихъ эпохъ и въ исторіи Московскаго университета. Въ тотъ годъ, когда Новиковъ взялъ въ аренду университетскую типографію, этотъ университетъ доживалъ свое первое двадцатипятилѣтіе. Но онъ еще не успѣлъ докончить своего обустройства: были аудиторіи и каѳедры, профессора и студенты, были обстановка и личный составъ науки, но сама наука съ трудомъ пробивалась сквозъ те и другое, не успѣла еще обжиться на новосельи. Число студентовъ въ иные годы не доходило и до сотни; иногда на всемъ юридическомъ, какъ и на всемъ медицинскомъ факультетѣ оставалось по одному студенту, и по одному профессору, который читалъ всѣ науки своего факультета, студенты занимались въ университетѣ не болѣе 100 дней въ году; родной рѣчи почти не слышно было съ каѳедръ; люди хорошаго общества еще побаивались пускаться въ университетъ своихъ сыновей; благовоспитанность не всегда примѣчалась и порой какъ будто даже совсѣмъ отсутствовала. У Новикова литературная и издательская дѣятельность еще въ Петербургѣ неразрывно соединилась съ педагогической и благотворительной: съ кружкомъ тамошнихъ друзей онъ основалъ два училища для бѣдныхъ дѣтей и сиротъ и въ пользу этихъ школъ назначилъ выручку отъ издававшегося имъ журнала *Утренній Свѣтъ*. Московскій кружокъ по господствовавшему въ немъ направленію умовъ могъ только усилить и расширить дѣятельность, начатую Новиковымъ въ Петербургѣ. Главнымъ дѣльцомъ по воспитательной части сталъ, разумѣется, Шварцъ. Приготовленіе учителей было настоятельнѣйшею потребностью русскаго просвѣщенія. Ставъ профессоромъ въ 1779 г. и по порученію университета составляя учебники и проекты объ улучшеніи преподаванія, Шварцъ набралъ у своихъ друзей пожертвованій, присоеди-

имѣть къ нимъ 5,000 р. своихъ кровныхъ сбереженій и въ концѣ того же года открылъ при университетѣ *учительскую семинарію*, въ которой сталъ инспекторомъ и началъ преподавать педагогику. Такъ началась дѣятельность открывшагося позднѣе «Дружескаго ученаго общества», которое чрезъ спарціальныхъ архіереевъ стало вызывать изъ духовно-учебныхъ заведеній лучшихъ учениковъ, чтобы приготовить ихъ на свой счетъ къ учительскому поприщу въ университетской семинаріи. Черезъ 3 года въ этой семинаріи было уже до 30 стипендіатовъ, на содержаніе которыхъ общество давало по 100 р. на человѣка, купивъ, притомъ, домъ для ихъ помѣщенія; въ числѣ ихъ находились два будущіе с.-петербургскіе митрополита Мисаилъ и Серафимъ. Задумавъ переводить и издавать лучшія иностранныя сочиненія и желая заготовить себѣ хорошихъ переводчиковъ, въ которыхъ чувствовался крайній недостатокъ, «Дружеское общество» по мысли Шварца въ 1782 г. учредило при университетѣ другую семинарію, *Переводческую или Филологическую*, въ которую приняло 16 студентовъ; изъ нихъ шестеро переведенныхъ изъ духовныхъ семинарій содержались на средства уже известнаго намъ Татищева, остальные—на счетъ другихъ членовъ кружка. Лучшихъ своихъ питомцевъ «Дружеское общество» посылало для довершенія образованія за границу. Заботы общества распространялись на всѣхъ студентовъ: имъ подыскивали занятія, заказывали литературныя работы, переводы и статьи для изданій общества. Студенты, преимущественно питомцы общества, были сотрудниками и даже руководителями періодическихъ изданій Новикова *Вечерней Зари* 1782 г. и *Поколяющаго Трудолюбца* 1784 г. Неугомонный педагогъ общества не ограничивался этимъ: ему хотѣлось свадить выходящаго изъ университета студента возможно обильнѣйшимъ запасомъ надобнаго въ пути багажа. Сверхъ лекцій въ университетской аудиторіи объ эстетической критикѣ онъ читалъ еще у себя на дому приватный курсъ о видахъ познанія и особый курсъ «философской исторіи» для семинаристовъ общества, къ которымъ присоединялись и посторонніе слушатели «всякаго рода и званія», по выраженію одного изъ нихъ, такъ что эти домашнія лекціи превращались сами собою въ публичныя курсы. Ихъ цѣль обнаруживалась въ ихъ дѣйствіи: они противодѣйствовали вольнодумству. Въ этомъ направленіи, можетъ быть, наиболѣе сильное вліяніе имѣло на студентовъ устроенное Шварцемъ *Собраніе университетскихъ питомцевъ* (это было если не первое, то, навѣрное, второе въ Россіи общество, составленное изъ учащейся молодежи *). Это студенческое общество имѣло цѣлью образованіе ума и вкуса своихъ членовъ, ихъ нравственное усовершенствованіе, упражненіе въ человѣколюбивыхъ подвигахъ. Студенты на званіяхъ читали и обсуждали свои литературныя опыты, произносили речи на моральныя темы, задумывали изданія съ благотворительною цѣлью. Все это, конечно, было молодо, суетливо, немножко нервозно; молодежь

* Первымъ можно считать общество любителей русской словесности, составленное изъ кадетовъ сухопутнаго шляхетнаго корпуса еще въ 1730-хъ годахъ, тогда тамъ учился Сумароковъ.

больше чувствовала, чѣмъ познавала науку. Но по-тогдашнему и это развѣ было мало? Въ штатныхъ лампахъ науки, прежде больше декорированныхъ, чѣмъ освѣщавшихъ университетскія стѣны, что-то затеплилось: дайте срокъ— онѣ разгорятся. Среди студентовъ стали зарождаться нравственная товарищеская солидарность, наклонность къ размышленію, нѣкоторый навыкъ самонаблюденія и та способность загораться отъ идей, которая, какъ фонарь въ потьмахъ, предшествуетъ исканію истины. Трудно прослѣдить поприща, по которымъ рассыпались питомцы «Дружескаго общества», какъ трудно услѣдить, куда попадали книги, которыя оно разсѣвало. Известно, что оно дало Московскому университету одного директора (т.-е. ректора) и пять профессоровъ.

Такъ кружокъ Новикова сталъ посредникомъ, чрезъ котораго завязалось тѣсное нравственное общеніе между московскимъ обществомъ и Московскимъ университетомъ. Эта связь не прервалась съ исчезновеніемъ связующаго звена, поддерживаемая взаимнымъ нравственнымъ тяготѣніемъ и обоюдными научными услугами. Общество дало университету нѣсколько профессоровъ, оживившихъ университетское преподаваніе. Университетъ, съ своей стороны, немного позднѣе воспиталъ въ своихъ аудиторіяхъ профессоровъ, оживившихъ общественную мысль и не разъ собиравшихъ московское общество на студенческихъ скамьяхъ. Нѣтъ нужды напоминать всѣмъ памятнымъ имена ихъ. Кажется, университетъ не остался въ долгу передъ обществомъ. Да и зачѣмъ имъ сводить счеты между собою? Вѣдь, они оба будутъ тѣмъ богаче, чѣмъ больше задолжаютъ другъ другу.

В. Ключевскій.

Мое научное и литературное скитальчество.

Меня часто просили издать мои воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ въ эпоху дѣятельности въ немъ Каченовскаго. Еще недавно смерть этого уважаемаго представителя русской науки, Гатенбергера, была поводомъ новаго обращенія ко мнѣ нашихъ общихъ друзей съ просьбой написать о моихъ годахъ ученичества въ Харьковскомъ университетѣ. Съ другой стороны, семья Маркса часто журила меня за то, что, будучи весьма близокъ съ ихъ покойнымъ родителемъ, я не напечаталъ о немъ своихъ воспоминаній. Ко всемъ этимъ мотивамъ разсказать про свои годы ученичества литературнаго скитальчества присоединяется еще новый: отъ меня требуютъ біографическихъ данныхъ для словаря. Хотѣлось бы сразу удовлетворить всемъ этимъ запросамъ и открыто признать тѣ многочисленныя мнѣнія, которымъ я подвергался въ своей жизни и которымъ обязанъ быть немногимъ, что сдѣлано мною по моей специальности. Это и побуждаетъ меня напечатать короткій очеркъ моихъ студенческихъ годовъ въ Россіи и за границей.

Родился я въ Харьковѣ 27 августа 1851 года. Отецъ мой, бывшій воинъ 312 года, занятый исполненіемъ обязанностей сперва уѣзднаго, затѣмъ губернскаго предводителя дворянства и весьма удачнымъ управленіемъ имъ въ самомъ приумноженнаго состояніи, возложилъ все попеченіе о моемъ образованіи на мать. Эта умная и необыкновенно сердечная женщина, получившая при этомъ хорошее эстетическое воспитаніе (она сама занималась живописью, музыкой и пѣніемъ и была знаткомъ французской литературы) несмотря на свою молодость, красоту и свѣтскіе успѣхи, всецѣло отдала мнѣ заботамъ обо мнѣ. Я не имѣлъ другого учителя въ чтеніи и правописаніи, что, впрочемъ, едва ли содѣйствовало быстротѣ моихъ успѣховъ, такъ какъ всякое невниманіе съ моей стороны принималось ею за личную вину и давало поводъ къ маленькимъ семейнымъ сценамъ, но матери я обязанъ очень удачнымъ выборомъ первыхъ книгъ для чтенія, рано развилась во мнѣ вкусъ къ исторіи и этнографіи. Чтеніе по вечерамъ отъ Пушкина, Гоголя и другихъ писателей считалось наградою

за доброе поведеніе и прилежаніе, и съ тою же цѣлью поощренія получалъ я, но крайне рѣдко, литографическіе снимки съ лучшихъ картинъ Луврской, Дрезденской, Мюнхенской и Вѣнской галлерей. Нѣмецкому и французскому языку обучали меня въ самомъ дѣтствѣ при содѣйствіи французскихъ и нѣмецкихъ гувернантокъ. Англійскимъ я сталъ заниматься 15-ти лѣтъ, а итальянскимъ и испанскимъ только на 28 году жизни. Съ восьми лѣтъ мое воспитаніе было ввѣрено французскому гувернеру, уроженцу Фрибурга, Изидору Марисовичу Гранжанъ. Это былъ молодой, энергичный, весьма независимый и любившій свое дѣло человекъ. Съ нимъ я прошелъ на французскомъ языкѣ обстоятельный курсъ исторіи, древней и средней исторіи литературы, разумѣется, французской, и мнѳологіи. Весьма рано также стали меня обучать фортепіанной игрѣ, и я настолько увлекся ею, что одно время думалъ поступить въ консерваторію. Къ живописи у меня никогда не было ни малѣйшихъ наклонностей, и учитель Безперчинъ—тотъ самый, которому Семирадскій обязавъ своими первыми уроками рисованія даже отказался продолжать со мною занятія, говоря, что мальчикъ прилеженъ, но совершенно бездаренъ. Десяти лѣтъ отъ роду я былъ уже за границей и провелъ въ Германіи съ подгода сперва на водахъ, а затѣмъ въ Дрезденѣ, Мюнхенѣ и Швейцаріи. Въ это время я особенно пристрастился къ Шиллеру и по возвращеніи въ Россію сталъ переводить съ помощью учителя исторію тридцатилѣтней войны. Послѣ смерти моего отца послѣдовавшей на моемъ 13-ти лѣтнемъ возрастѣ, въ виду запутанности дѣлъ и необходимости посвятить себя хозяйству, мать рѣшила отдать меня въ гимназію, и тутъ - то и оказалось, что я совершенно не подготовленъ для поступленія въ нее. Я никогда не проходилъ ни латинской грамматики, ни грамматики славянской, ничего не зналъ о катехизисѣ и еще меньше о богослуженіи. Было мнѣ тринадцать лѣтъ, и послѣ предварительнаго домашняго экзамена оказалось, что свѣдѣній моихъ едва хватало для третьяго класса. Это сознаніе очень задѣло мое самолюбіе. Я проработалъ усердно цѣлую зиму и весною принятъ былъ послѣ блестящаго экзамена въ пятый классъ. Въ гимназіи я постепенно сталъ забывать новыя языки и исторію, плохо обучался латыни и по цѣлымъ годамъ слушалъ изложеніе былинъ о богатыряхъ, слова о полку Игоревѣ и поученія Даниила Заточника. Все это, сопровождаемое комментаріемъ, отражавшимъ на себѣ вліяніе взглядовъ Ореста Миллера и ходячей въ то время солярной теоріи. На выпускномъ экзаменѣ случилось со мной довольно комическое приключеніе. Въ то время, какъ я, при полномъ одобреніи присутствовавшихъ для контроля извѣстнаго слависта профессора Петра Лавровскаго, раскрывалъ въ Ильѣ Муромцѣ древне-русскаго бога Перуна, вошелъ попечатать химикъ Воскресенскій. Прислушавшись къ моему отвѣту и узнавъ изъ него, что Владиміръ былинъ никто иной, какъ богъ солнца или Дажьдъ-богъ, онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ, къ немалому скандалу учителя профессора, поспѣшившихъ указать ему на его отсталость въ сравнительной мнѳологіи. Въ настоящее время смѣхъ Воскресенскаго вспоминается мнѣ

какъ единственный протестъ противъ того вздора, какимъ наполняли наши юныя головы. Исторія литературы считалась еще наиболѣе развивающимъ предметомъ. Что касается латыни, то, занятые всецѣло переводами назидательныхъ повѣстухекъ съ русскаго языка, мы едва успѣвали прочитывать двадцать страницъ изъ Цезаря или Саллюстія и вытверживали наизусть двѣ-три оды Горация или отрывокъ изъ метаморфозъ Овидія. Въ алгебрѣ, геометріи и физикѣ учителя придерживались своихъ собственныхъ руководствъ, въ которыхъ все было представлено такъ просто, такъ необыкновенно просто, что въ концѣ года у насъ не оказывалось, на самомъ дѣлѣ, никакихъ положительныхъ знаній, кромѣ немногихъ выученныхъ наизусть формулъ и теоремъ. Преподавали намъ нескончаемое число предметовъ: тригонометрію и космографію, зоологію, ботанику, минералогію, геологію, анатомію, физиологію, и для всего этого полагалось два-три урока въ недѣлю. По исторіи учебникъ Иловайскаго считался настолько обстоятельнымъ, что учитель признавалъ нужнымъ допускать въ немъ сокращенія. Отмѣтками карандашемъ и ограничивались всѣ его педагогическія приемы. По природѣ своей лѣнивый и бездарный, онъ не прочь былъ вызывать меня къ доскѣ. «А ну-те, Ковалевскій, расскажите-ка про Руссо и Вольтера, васъ этому, вѣрно, обучилъ французскій гувернеръ». Ковалевскій рассказывалъ и классъ не безъ изумленія слышалъ объ общественномъ договорѣ, какъ источникѣ всякаго правительства, и о необходимости *écarter l'infâme*. Вспоминаю объ этомъ, между прочимъ, въ доказательство того, что особой политической цензуры, по крайней мѣрѣ, въ началѣ моего поступленія въ гимназію, еще не чувствовалось, но съ каждымъ годомъ въ этомъ отношеніи становилось все хуже и хуже, такъ что дѣло дошло до того, что учителю словесности сдѣланъ былъ выговоръ по слѣдующему странному обстоятельству, въ которомъ мнѣ пришлось играть главную роль. Приказано было чествовать память Крылова по случаю его пятидесятилѣтняго юбилея. Мнѣ, какъ лучшему словеснику, поручено прочесть о немъ слово. Чтобы превознести Крылова, я попрекнулъ Сумарокова за дурныя басни. На это обращено было вниманіе однимъ изъ почетныхъ гостей, кажется, принадлежавшимъ къ профессорской коллегіи. Мнѣ его порицаніе передано было директоромъ уже въ смягченной формѣ. «Непріятно, молъ, слышать изъ устъ молодого человѣка неуважительный отзывъ о столпахъ отечественной словесности». Но учителю данъ былъ за меня нагоняй болѣе энергичный. Позднѣе отношенія съ директоромъ обострились и онъ уже кричалъ на меня: «ваше поведеніе доведетъ васъ до выведенія изъ заведенія», — пророческія слова, которымъ суждено было сбыться двадцать лѣтъ спустя, и не въ гимназій, а въ Московскомъ университетѣ. Къ чести директора и совѣта я долженъ сказать, что всѣ эти окрики не помѣшали выдѣлить мнѣ первой золотой медали вслѣдъ за выпускнымъ экзаменомъ. Мнѣ еще не было семнадцати лѣтъ и пришлось хитрить при поступленіи въ университетъ. Думалъ я сперва избрать историческій факультетъ, но посѣщеніе первыхъ лекцій профессора Рославскаго - Петровскаго подавило во

мпѣ это желаніе. Профессоръ излагалъ дошедшія до насъ имена фараоновъ тридцати двухъ династій, стараясь привести въ соотвѣтствіе списки Манефона съ греческими источниками. Русскую исторію преподавалъ Геннадій Карповъ, читавшій прямо съ каедръ лѣтопись Нестора, говоря, что въ этомъ именно и лежитъ методъ его учителя Соловьева. Исторіи въ это время легче было научиться на юридическомъ факультетѣ, гдѣ тонъ преподаванія давалъ незабвенный Дмитрій Ивановичъ Каченовскій. Его лекціи по исторіи международныхъ сношеній и по исторіи государственныхъ учреждений давали возможность охватить однимъ взглядомъ въ его главныхъ и существенныхъ чертахъ прогрессивный ходъ развитія общественно-политическихъ формъ. Его эрудиція была обширна и основательна, изложеніе талантливо и краснорѣчиво. Въ Россіи я не слыхалъ лучшаго профессора. За границей изъ слышанныхъ мною одинъ Лабуэ, да еще Штейнъ въ Вѣнѣ, отличались равною или нѣсколько лучшею дикціей. Каченовскій ревностно слѣдилъ за литературой своего предмета и самъ былъ первостатейнымъ изслѣдователемъ, какъ доказываетъ его переведенная на англійскій языкъ исторія каперства и призовыхъ судовъ. Но не въ этомъ лежала прелесть его для слушателей, а въ искренней, даже нѣсколько наивной вѣрѣ въ неминуемое торжество принциповъ международнаго права и третейскаго суда надъ милитаризмомъ и въ несравненно болѣе уравновѣшенномъ пристрастіи къ основамъ англійской политической жизни, примирявшемъ въ его глазахъ какъ нельзя лучше порядокъ со свободою. Его англоманія не носила уродливыхъ формъ аристократическаго пристрастія. Онъ не сражался, подобно Гнейсту, съ разлагающимъ вліяніемъ демократическихъ идей, будто бы впервые перенесенныхъ съ континента Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Напротивъ того, Милль былъ для него такимъ же уважаемымъ авторитетомъ, какъ лордъ Брумъ, Галламъ или Маколей. Я не засталъ лучшей, наиболѣе блестящей эпохи его профессорской дѣятельности. Она относится еще къ концу царствованія Николая Павловича и къ первымъ годамъ Александра II. Тогда Каченовскій по цѣлымъ мѣсяцамъ излагалъ исторію отѣны торгоу неграми, а сотни слушателей въ его прозрачныхъ намекахъ справедливо видѣли атаку противъ крѣпостнаго права. Натура Каченовскаго была художественная. Это сказывалось не только въ удачномъ выборѣ эпитетовъ, въ красивой и стройной періодичности его рѣчи, но и въ увлеченіи, съ которымъ онъ изучалъ не только Шекспира и Сервантеса на ихъ родномъ языкѣ, но и творенія первыхъ флорентинскихъ зодчихъ, скульпторовъ и живописцевъ. Всего менѣе Дмитрій Ивановичъ былъ юристъ. Догматическая часть его лекцій мало самостоятельна, а его курсъ частнаго международнаго права сбивчивъ и запутанъ. Но за то лекціи о вліяніи, напрямѣръ, феодализма и имперства или средневѣковой церкви и итальянской дипломатіи на разработку началъ международнаго права или по исторіи смягченія ужасовъ войны и развитія нейтралитета могутъ быть признаны образцовыми. Преподаванію международнаго права поставлено было имъ такъ широко, что

много лѣтъ спустя я съ помощью однѣхъ его лекцій могъ приготовиться къ магистерскому экзамену по этому второстепенному для меня предмету.

Существеннымъ дополненіемъ къ лекціямъ Каченовскаго были курсы по исторіи законодательства, древнихъ и новыхъ, читанные намъ профессоромъ Стояновымъ, также краснорѣчивымъ и талантливымъ преподавателемъ, съ особою любовью останавливавшимся на греческомъ и средневѣковомъ французскомъ правѣ. Одновременно профессоръ Совальскій читалъ едва ли не первый въ Россіи курсъ исторіи политической экономіи, — курсъ, правда, не самостоятельный, но сообщавшій массу любопытныхъ свѣдѣній и о меркантилистахъ, и о физиократахъ, и о школѣ Адама Смита, и о зарожденіи идей социализма и коммунизма.

Въ юридической догматикѣ царилъ еще въ это время почти безраздѣльно нѣмецкая метафизика. Профессора уголовного права и энциклопедіи законодательства придерживались Кестлинга, Бернера и Аренса, но это были люди талантливые, съ большимъ художественнымъ чутьемъ и немаломъ начитанностью. Одинъ изъ нихъ, Станиславскій, извѣстенъ благодаря образцовому переводу Данте на польскій языкъ. Ни его, ни товарища его Палубецкаго нельзя упрекнуть въ узкомъ гегелианствѣ, хотя оба они испытали на себѣ вліяніе этой философіи и слушали за границей лекціи пріятныхъ учениковъ Гегеля. Нѣсколько одностороннее направленіе этихъ двухъ профессоровъ находило, впрочемъ, весьма счастливый противовѣсъ въ трехъ молодыхъ приватъ-доцентахъ. Одинъ изъ нихъ, извѣстный теперь профессоръ Цитовичъ, переводилъ въ это время Данкварта на русскій языкъ, говорилъ о связи политической экономіи съ гражданскимъ правомъ, придерживался въ своемъ курсѣ сочиненія Лассалля: *Теорія приобретеннаго права*, увлекался позитивизмомъ и считалъ возможнымъ обратить «гражданское право въ социальную статистику». Несмотря на недостатки дикціи, его лекціи о вещномъ и договорномъ правѣ удовлетворяли насъ въ гораздо большей степени, нежели учебники Мейера и Побѣдоносцева, недостатки которыхъ тщательно указывались самимъ лекторомъ.

Но личное вліяніе Цитовича въ смыслѣ развитія въ насъ отрицательнаго отношенія къ дѣйствительности превосходило даже его вліяніе, какъ учителя гражданского права. Я лично обязанъ ему знакомствомъ съ курсомъ положительной философіи и съ сочиненіями Прудона *Экономическія противорѣчія* и *О справедливости въ революціи*, которыми я одно время очень увлекался. Это увлеченіе, кажется, прошло только послѣ чтенія марксовской *Еднѣности философіи* — отвѣтъ на *Философію бѣдности*. Другой, также начинающій преподаватель, Владимірскій, являлся передъ нами истолкователемъ бентамовскаго утилитаризма. Посвящая свои раннія работы такимъ практическимъ темамъ, какъ *Экспертиза*, *Судъ присяжныхъ*, онъ возбуждалъ въ насъ совершенно понятное пристрастіе къ тѣмъ принципамъ свободы, равенства предъ судомъ и народнаго участія, которые нашли воплощеніе себѣ въ уставахъ Александра II. Третій, также начинающій преподаватель, Константинъ Константиновичъ Гатенбергеръ, отличаясь мень-

шимъ брѣю, оказалъ своими лекціями, можетъ быть, самое рѣшающее вліяніе въ методологическомъ смыслѣ на тѣхъ немногихъ, и меня въ томъ числѣ, которые по выходѣ изъ университета избрали профессорскую карьеру. Отождествляя свой предметъ—полицейское право—съ прикладною политическою экономіей, знакомя насъ поэтому обстоятельно съ денежнымъ обращеніемъ, кредитомъ, банками, экономіей земледѣлія и промысловъ, онъ предпосылалъ еще своему курсу обстоятельное введеніе, въ которомъ излагалъ ученіе Милля и Корнвалия Льюиса о приемахъ изслѣдованія въ области общественныхъ наукъ. Плохая дивція отвращала многихъ отъ посѣщенія его лекцій, но за то всѣ были согласны въ томъ, что изъ рѣдкаго курса можно было вынести больше разнообразныхъ и полезныхъ свѣдѣній.

Изъ всѣхъ нашихъ профессоровъ Гатенбергеръ, можетъ быть, отличался одинъ чисто-философскимъ умомъ. Не даромъ же прежде занятія политической экономіей провелъ онъ цѣлыя годы въ чтеніи Канта, которое никогда не проходитъ безслѣдно и отражается, между прочимъ, въ развитіи строгаго критическаго отношенія къ научности собственныхъ выводовъ и построеній. Я рѣдко встрѣчалъ ученаго, у котораго такъ развита была бы именно эта способность. Она парализовала его творческую дѣятельность. Ею надо объяснить, почему этотъ человекъ, всю жизнь свою проведеній въ кабинетѣ, не имѣвшій другого интереса, кромѣ книгъ, оставилъ по себѣ сравнительно мало. Искалъ онъ точныхъ неизблемыхъ законовъ и, не находя ихъ, не могъ помириться съ «приблизительными обобщеніями», хотя, по собственному его сознанию, общественныя науки доросли пока только до послѣднихъ. Можно особенно пожалѣть о томъ, что осталась неоконченной его критика идей Джорджа. Соціалистъ по чувству, Гатенбергеръ отнюдь не былъ имъ въ теоріи. Ни Марксъ, ни катедеръ-соціалисты не удовлетворяли его съ точки зрѣнія логичности и строгой научной обоснованности ихъ выводовъ. Онъ признавалъ ихъ заслуги только въ области экономической исторіи и задолго до Менгера не прочь былъ утверждать, что въ построеніи политической экономіи на началахъ точной научной теоріи ими сдѣлано сравнительно мало.

Бружковая жизнь была весьма развита въ это время между студентами. Я особенно часто посѣщалъ домъ Ковальскаго, магистранта физики, женатаго на въ высшей степени симпатичной молодой женщинѣ, увлекавшейся Лассалемъ. На вечернихъ собраніяхъ сходились не мало людей съ разнообразными свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ, медицинѣ, исторіи и юриспруденціи. Многие изъ нихъ современнымъ сдѣлались извѣстны въ литературѣ. Укажу для примѣра на Иллариона Игнатьевича Кауфмана, назначеннаго потомъ профессоромъ въ Петербургъ. Характерною чертой времени было то, что всѣ мы безъ различія специальностей интересовались исключительно общественными вопросами, не выходя при этомъ ни мало изъ сферы чистой теоріи, если не считать практическою дѣятельностью участіе въ товариществѣ потребителей, которое, благодаря нашему дружескому содѣйствію, скоро достигло печальнаго конца. Съ воспоминаніемъ объ этомъ

кружкѣ связана у меня и память о первомъ моемъ литературномъ трудѣ. Имъ было изложеніе взглядовъ Прудона на принципъ экономической взаимности (*mutualité*). Я увлекался этимъ принципомъ и даже заказалъ печать, на которой, вмѣсто герба, стояли слова: свобода, равенство и взаимность. Но мать моя благоразумно уничтожила эту печать до приложенія ея даже къ первому письму.

По окончаніи университета я оставленъ былъ Каченовскимъ по кафедрѣ государственнаго права европейскихъ державъ вслѣдъ за представленіемъ диссертациі о борьбѣ національностей въ Австріи и не состоявшемся въ министерство Гогенварта соглашеніи съ чехами. Только часть этой диссертациі напечатана была мною много лѣтъ спустя въ *Вѣстникъ Европы*. Такъ какъ Каченовскій вскорѣ умеръ, то я предпочелъ подготовиться къ магистерскому экзамену за границей. Гнейстъ пользовался въ это время извѣстностью лучшаго знатока англійскихъ учреждений. Я избралъ поэтому Берлинъ и провелъ въ немъ весь зимній семестръ съ 1872 по 1873 годъ. Слѣдствія мои, однако, не оправдались. Вмѣсто курса англійскаго права, Гнейстъ преподнесъ своимъ ученикамъ исторію государственныхъ учреждений Священной Римской имперіи, Германскаго, Рейнскаго и Сѣверо-Германскаго союза. Политическое объединеніе нѣмцевъ только что совершилось, имперскія учрежденія были еще молоды и не испробованы, профессора столицы сочли нужнымъ искать для нихъ корней и образцовъ въ прошедшемъ. Исторіи англійскихъ учреждений отведенъ былъ только одинъ вечерній часъ въ недѣлю и лекціи по этому предмету скоро прекратились, такъ какъ, занятый въ ландтагѣ и рейхстагѣ, профессоръ не могъ болѣе располагать своими вечерами. Приблизительно ту же неудачу потерпѣлъ я и съ лекціями Бруинера, извѣстнаго историка германскаго права. Лекціи эти прекращены были внезапно въ серединѣ года и профессоръ уѣхалъ за границу. Но чего не доставилъ мнѣ юридическій факультетъ, то восполнено было съ избыткомъ факультетомъ филологическимъ. Профессоръ Нитцъ, столь извѣстный оригинальностью своихъ учений о развитіи городскихъ учреждений въ Германіи, объявилъ четырехчасовую курсъ по общей исторіи учреждений. Я слушалъ его лекціи съ большимъ вниманіемъ и онѣ зародили во мнѣ желаніе ввести современемъ въ мое преподаваніе исторію если не древнихъ, то средневѣковыхъ государственныхъ порядковъ. Лекціи мои о сословной монархіи и о городскихъ республикахъ Италіи внушены были косвенно тѣмъ, что я слышалъ въ Берлинѣ; но задача моя, болѣе скромная въ своихъ рамкахъ, была поставлена нѣсколько шире въ томъ смыслѣ, что, не довольствуясь однимъ знаніемъ политическихъ формъ, ихъ генезиса, развитія и вырожденія, я старался найти всему этому основы въ измѣненіи соціальнаго строя. Въ этомъ сказывался скорѣе послѣдователь кантовской философіи и ученикъ Карла Маркса, нежели внимательный слушатель весьма ученыхъ, правъ (а, но нѣсколько отрывочныхъ и не приведенныхъ въ строгую эволюціонную систему лекцій берлинскаго историка. Говорить ли мнѣ о вліяніи,

оказанномъ на меня курсами Гармса, Целлера и Вагнера? Это вліяніе было весьма незначительно. Каждый изъ нихъ давалъ только конспектъ того, что гораздо основательнѣе и шире изложено было имъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Мнѣ не разъ приходила въ голову мѣткость замѣчанія Тургенева, что многіе ѣдутъ въ нѣмецкіе университеты только для того, чтобы на нѣмецкой почвѣ читать или слушать нѣмецкія книги, что, разумѣется, съ удобствомъ можно было бы сдѣлать и дома. Катедръ-соціалистическое движеніе въ Германіи тогда только начиналось; не одни Вагнеръ и Шмоллеръ, но даже несравненно меньшія величины, вродѣ Брентано, вызывали въ толпѣ поклонниковъ представленіе объ апостолахъ какой-то новой истины. Они устраивали одинъ въ честь другого ужины по подпискѣ, пророчили конецъ манчестеріанству и начало новой эры и въ теоріи политической экономіи, и въ экономическомъ законодательствѣ, они искали сближенія съ Бисмаркомъ, открыто проповѣдывали шовинистическій, чисто-прусскій патриотизмъ и пристраивали къ кафедрѣ собственныхъ учениковъ и послѣдователей. У одного Дюринга хватало смѣлости смѣяться открыто надъ этою странною амальгамой смитовскаго фритродерства съ идеями полицейскаго государства и протекціонизма, окрещеннаго какою-то сантиментальною филантропіей, какимъ-то архаическимъ пристрастіемъ къ средневѣковымъ общественнымъ порядкамъ, къ гильдіямъ и цехамъ, на примѣръ, въ которыхъ никому другому, какъ Брентано, вздумалось искать зародыша современныхъ рабочихъ сообществъ, тогда какъ въ дѣйствительности эти сообщества имѣютъ источникомъ товарищества подмастерій, созданныя въ противовѣсъ гильдіямъ и цехамъ. Вечернія чтенія Дюринга о социализмѣ и коммунизмѣ давали нѣкоторый отпоръ тому самодовольному доктринерству, съ которымъ берлинскіе катедръ-соціалисты, какъ при университетѣ, такъ и при статистическомъ бюро Энгеля, рѣшали рабочій вопросъ. Но многіе скандализировались уже въ это время обозначеніемъ Адольфа Вагнера «маленькимъ» Вагнеромъ и приглашеніемъ не смѣшивать его съ великимъ теской, авторомъ *Колумб Нибелунговъ*. Въ Берлинѣ я не научился именно тому, чему хотѣлъ научиться и чему прежде не сумѣлъ научить меня также въ Россіи, — примамъ самостоятельнаго изслѣдованія. Научился я этому только въ Парижѣ, но не въ *École de droit* и не въ *Collège de France*. Здѣсь господствовали еще въ это время юридическая догматика и риторство, исторія права преподавалась Вальроже не на основаніи источниковъ, а по сочиненію Лаферьера; Франкъ своими поднятими паэосомъ и выходами противъ новѣйшихъ социальнополитическихъ теорій еще вызывалъ аплодисменты старичковъ Латинскаго квартала, приходившихъ погрѣться въ аудиторію. Какъ далеко было еще тогдашнее постановкѣ исторической юриспруденціи до современной, можно судить по тому, что единственный дѣйствительно самостоятельный историкъ французскаго законодательства, ректоръ Шарль Жиро, предпочиталъ излагать международное право. Имена Гарсоннэ, Глассона и Эсмена вовсе еще не стояли въ спискѣ преподавателей, и во всей Франціи парижская школа юридическихъ наукъ бы-

за единственной, въ которой существовала, хотя и плохо замѣшенная, кае-дра исторіи французскаго законодательства. Но чему не научили меня ни Collège de France, ни École de droit, то я нашелъ въ специальной школѣ, школѣ хартій, открытой по сосѣдству съ центральнымъ архивомъ. Здѣсь подъ руководствомъ Альфреда Мори рядъ архивныхъ чиновниковъ, бывшихъ, въ то же время, знаменитыми французскими учеными, Тардифъ, Бутарикъ, Готье, Кипера и другіе читали не столько курсы, сколько отдѣльныя конференціи, принося съ собой на лекціи сырой матеріалъ и показывая, какъ надъ нимъ работать. Счастливая случайность сблизила меня въ это время съ профессоромъ Лучинскимъ, всецѣло погруженнымъ въ собираніе матеріаловъ по исторіи кальвинизма во Франціи. Сколько помнится, онъ первый свелъ меня въ отдѣленіе рукописей національной бібліотеки, указывая на необходимость пополнить ими печатный матеріалъ. Самъ я занятъ былъ исторіей административныхъ судовъ во Франціи. Какъ слушатель Гнейста, я не могъ не придавать большого значенія существовавшимъ судебнымъ гарантіямъ противъ чиновничьяго произвола. Но мои изслѣдованія, удачно направленные случайно прочитанною въ *Revue des Deux Mondes* статьей Альфреда Мори объ административныхъ порядкахъ старой Франціи, убѣдили меня вскорѣ, что огульное заявленіе Гнейста о нравомъ государствѣ, какъ объ особенности германскаго юридическаго творчества, — особенности, совершенно не свойственной романскимъ народностямъ и въ частности французамъ, заключаетъ въ себѣ вопіющую неправду. Желаніе доказать его несправедливость и побудило меня приступить за мою работу, а недостатокъ печатнаго матеріала заставилъ не только изучить въ центральномъ архивѣ неизданные протоколы палаты сборовъ въ Парижѣ, но и предпринять поѣздку въ Руанъ, Дижонъ и Эксъ въ Провансъ съ цѣлью собрать въ мѣстныхъ бібліотекахъ и департаментскихъ архивахъ свѣдѣнія о судьбѣ учреждений, однохарактерныхъ съ парижскою палатою сборовъ. Я далеко не воспользовался и десятою частью собраннаго мною матеріала и издалъ пока одинъ только томъ, посвященный исторіи юрисдикціи налоговъ въ Лангедокѣ. Хочу сказать нѣсколько словъ о радупіи, съ какимъ я встрѣченъ былъ мѣстными изслѣдователями, и о той помощи, какую своими совѣтами оказалъ мнѣ архивистъ департамента Côtes d'or Гарнье, бывший нѣкогда, если не ошибаюсь, слѣсаремъ въ Парижѣ. Прослушавши среди занятія своимъ мастерствомъ трехгодичный курсъ въ школѣ хартій, Гарнье выдержалъ экзаменъ на ученаго палеографа и, въ концѣ-концовъ, обезсмертилъ свое имя образцовымъ изданіемъ грамотъ сельскихъ и городскихъ общинъ въ Бургундіи. Гарнье далеко не единственный ученый палеографъ, съ которымъ познакомили меня мои peregrinations. Достаточно назвать Борпера въ Руанѣ. Кому изъ историковъ не извѣстно сдѣланное имъ по изданію протоколовъ старинныхъ провинціальныхъ штатовъ Нормандіи, по исторіи ея земледѣлія, ремесла и торговли? Повстинѣ о немъ можно говорить, какъ о продолжателѣ работы Леопольда Делля. Отмѣчу также фактъ присутствія въ провин-

ціальныхъ университетахъ Франціи глубокихъ знатоковъ мѣстной исторіографіи, умѣло группирующихъ вокругъ себя людей, готовыхъ заняться монографическою разработкой этой исторіи. Провинціальныя академіи и ихъ ученые изданія даютъ возможность обнародованія всѣхъ подобнаго рода работъ. Образцомъ такихъ неутомимыхъ изслѣдователей, истинныхъ знатоковъ дѣла и руководителей чужихъ работъ былъ покойный Жерменъ въ Монпелье, авторъ исторіи его торговли, его медицинской школы и т. п. Ему я обязанъ направленіемъ своихъ работъ въ департаментскомъ и городскомъ архивѣ, а также въ богатой рукописями университетской бібліотекѣ. За все время моихъ путешествій по архивамъ и бібліотекамъ я только въ Дижонѣ натолкнулся однажды на противодействие. Муниципальная бібліотека закрыла мнѣ свои двери, ссылаясь на то, что нѣмцы достаточно эксплуатировали французовъ и что интересующіе меня финансы, по «вѣрному выраженію Тьера, являются нервомъ войны». Да и то напасть эта обраушилась на меня благодаря рекомендаціи Бендѣва, случайнаго сотрудника Жомзена и потому слышшаго въ Дижонѣ агентомъ пруссаговъ.

Прежде чѣмъ вернуться въ Россію съ готовою диссертацией, я рѣшился побывать въ Англіи, а здѣсь обстоятельства вскорѣ сложились такимъ образомъ, что, вмѣсто того, чтобы кончать начатое, я написалъ новую монографію, которая и представлена была затѣмъ для полученія магистерской степени.

Мой парижскій пріятель Григорій Николаевичъ Вырубовъ, бывшій въ то время издателемъ *Журнала Положительной Философіи*, снабдилъ меня рекомендаціей къ Джону Льюису, а другой мой пріятель, Коріесь, открылъ мнѣ доступъ въ домъ Карла Маркса. Съ этими двумя рекомендаціями я вскорѣ перезнакомился со всѣми специалистами моего предмета, журналистами и политическими дѣятелями, совѣты и указанія которыхъ впоследствии были мнѣ весьма полезны. У Льюиса по воскресеньямъ сходилось много почитателей таланта его жены, великой англійской писательницы Джоржъ Эліотъ. Здѣсь я встрѣтилъ Беджота, книга котораго объ англійской конституціи доселѣ кажется мнѣ лучшимъ изъ того, что написано по этому предмету за послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ. Здѣсь же я впервые сблизился съ Фредерикомъ Гаррисономъ, который познакомилъ меня со всѣмъ кружкомъ англійскимъ позитивистовъ, какъ ортодоксальныхъ, такъ и схизматическихъ. Я узналъ Конгрива, Бисла, Ботгера Моррисона, Джона Морлея и Спенсера. Съ послѣднимъ мнѣ пришлось познакомиться по слѣдующему случаю: Гаррисонъ предложилъ мнѣ во временныя члены Атеней, извѣстнаго литературнаго клуба въ Лондонѣ. Предложеніе было поддержано Спенсеромъ, однимъ изъ старшинъ этого клуба, и мнѣ пришлось благодарить за эту поддержку. Изъ нашего перваго и чуть ли не единственнаго разговора остались мнѣ памятны два заявленія моего собесѣдника. На мой вопросъ, что заставило его пойти въ старшины, онъ отвѣтилъ съ полною серьезностью: желаніе поչако-

интеса съ правительствомъ на практикѣ. Гаррисонъ, которому я передалъ этотъ отвѣтъ, шутя сказалъ мнѣ, что въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Спенсеръ рѣшается даже жить въ пансіонѣ (Boarding house) изъ желанія узнать на опытѣ выгоды и невыгоды общественности. Столь же категорично Спенсеръ объявилъ мнѣ, что война немыслима между цивилизованными націями, и, переходя къ націямъ нецивилизованнымъ, выразилъ удивленіе по поводу своей популярности въ Россіи. Я помню, что въ эту минуту его заявленіе задѣло во мнѣ національное самолюбіе, но, хладнокровно взвѣсивъ теперь сказанное имъ, я думаю, что онъ былъ правъ. Мысль его сводилась къ тому, что въ обществѣ, въ которомъ слишкомъ много элементовъ для развитія критической мысли, метафизика должна быть бессильна; трудно ожидать отъ него ровнаго, объективнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности. Современный поворотъ русской молодежи въ сторону не только метафизическихъ, но даже богословскихъ системъ вполне оправдалъ сказанное мнѣ Спенсеромъ. Будемъ надѣяться, что въ равной мѣрѣ сбудется и другое, болѣе утѣшительное его пророчество.

Первое впечатлѣніе, вынесенное мною изъ знакомства съ Марксомъ, было самое непріятное. Онъ принялъ меня въ своемъ извѣстномъ салонѣ, украшенномъ бюстомъ Зевса олимпійскаго. Его нахмуренныя брови и, какъ показалось мнѣ съ перваго разу, суровый взглядъ невольно вызвали въ умѣ сравненіе съ этимъ бюстомъ, особенно въ виду чрезмѣрнаго развитія лба и нававшихъ назадъ обильныхъ вьющихся и уже сѣдыхъ волосъ. Кажется, въ этотъ же день онъ объявилъ мнѣ, что проживающіе за границей русскіе, за немногими исключеніями, всѣ агенты панславизма, что такимъ же панславистическимъ агентомъ былъ и Герценъ, знакомства съ которымъ онъ поэтому избѣгалъ, что Бакуининъ, котораго онъ, можно сказать, ввелъ въ кругъ социалистической агитаціи, отплатилъ ему черною неблагодарностью, устроивши такъ называемую «Alliance», что и было первымъ толчкомъ къ распаденію интернаціонала. Вышелъ я, помню, отъ Маркса какъ опшаренный, съ рѣшимостью никогда не возвращаться къ нему болѣе. Но вскорѣ мнѣ суждено было встрѣтиться съ нимъ на водахъ въ Карлсбадѣ. Здѣсь, за неимѣніемъ другаго общества, онъ тѣсно сблизился со мною. Мы дѣлали совмѣстно наши утреннія и вечернія прогулки и совмѣстно нарушали діету за бутылкой рюдестейма, къ которому онъ чувствовалъ особую нѣжность. Въ своего обычнаго антуража, этотъ великій человѣкъ становился простымъ и даже благодущнымъ собесѣдникомъ, нестоющимъ въ разсказахъ, полнымъ юмора, готовымъ подшутить надъ самимъ собою. Некию я его разсказъ о томъ, какъ, оставшись однажды безъ денегъ, онъ понесъ въ парижскій ломбардъ серебряную посуду своей жены. Жена его, урожденная фонъ-Вестфаль, со стороны матери была въ родствѣ съ герцгами Аргайлъ. На посудѣ имѣлся поэтому дворянскій гербъ. Это составленіе дворянскихъ претензій съ рѣзко выраженными чертами еврейскан типа повело къ тому, что Марксъ былъ задержанъ и женѣ пришлось долго чвать принадлежность ей посуды и добиваться освобожденія мужа.

Марксъ явился мнѣ вскорѣ по возвращеніи въ Англію и въ неожиданномъ свѣтѣ любящаго отца семейства, готоваго баловать своихъ дочерей и внучать, а также преданнаго друга, испытывавшаго поистинѣ братскую привязанность къ Энгельсу. Эти два человѣка встрѣтились въ ранней молодости и на первый разъ взаимно оттолкнули другъ друга. Одинъ былъ гегелианцемъ, другой — шеллингианцемъ. *Inde igitur*. Но вскорѣ общее дѣло и общая эмигрантская жизнь на чужбинѣ сблизили ихъ до того, что Энгельсъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у Маркса, и наоборотъ. Не знаю, удалось ли Марксу обратить Энгельса въ гегелианство, но что самъ Марксъ оставался до конца не допускающимъ компромисса послѣдователемъ гегелевской философіи, въ этомъ я не разъ имѣлъ возможность убѣдиться изъ собственныхъ его заявленій. Помню, какъ однажды онъ объявилъ мнѣ, что есть только два способа мышленія—логическое по діалектическому методу Гегеля и нелогическое. Онъ, впрочемъ, признавалъ за собой заслугу человѣка, поставившаго въ основаніе трехъугольника то, что Гегелемъ было поставлено въ его вершинѣ, и, говоря это, онъ разумѣлъ, что экономическія вліянія признаны были имъ руководящими и основными даже для философскихъ и научныхъ теорій.

Онъ не прочь поэтому былъ считать Лоренца Штейна до нѣкоторой степени своимъ ученикомъ и охотно вспоминалъ о его сотрудничествѣ въ *Rheinische Jahrbücher*. Журналъ этотъ издавался Марксомъ, если не ошибаюсь, въ Кельнѣ за нѣсколько лѣтъ до перѣзда сперва въ Парижъ, откуда онъ былъ высланъ въ Гизо, а затѣмъ въ Лондонъ. Въ числѣ сотрудниковъ былъ Гейне. Карлъ Марксъ уже въ это время работалъ надъ развитіемъ своей теоріи *Mehrwerth'a*. Впервые онъ высказалъ ее въ систематическомъ видѣ въ своихъ извѣстныхъ возраженіяхъ Прудону *Еднность философіи*. Перѣздъ въ Лондонъ доставилъ Марксу возможность собрать богатый матеріалъ по англійской экономической исторіи, для чего онъ усердно посѣщалъ британскій музей, изучая на дому «синія книги», которыми его собственная бібліотека была особенно богата. Усиленные занятія надорвали его здоровье и онъ герѣдко уже въ эпоху моего знакомства съ нимъ жаловался на какія-то внутреннія боли. Видя его, однако, постоянно бодрымъ и умственно, и физически, всѣ окружающіе не придавали особаго значенія его жалобамъ, приписывая ихъ мнительности, а, между тѣмъ, не прошло пяти лѣтъ, и подъ вліяніемъ личнаго горя—потери жены и старшей дочери, госпожи Лонгъ, нерѣдко помогавшей ему въ черновой работѣ,—у него развилась чахотка; онъ тщетно боролся съ болѣзнію въ Алжирѣ и умеръ въ Лондонѣ, не доживши до шестидесяти лѣтъ. Въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ ничто не предвѣщало такого ранняго конца.

Марксъ продолжалъ работать усиленно, научился русскому языку и читалъ внимательно русскія «синія книги», присылаемыя ему пріятелемъ изъ Петербурга. Онъ собирався дать въ ближайшихъ своихъ томахъ особенное развитіе русскому и американскому матеріалу, но это не мѣшало ему читать и много посторонняго своей темѣ, снабжая всегда прочитанное своими

замѣтками. Вотъ почему послѣ его смерти Энгельсъ показывалъ мнѣ тетради, наполненныя выдержками изъ Моргана (*Древнее общество*), Барденаса (*Исторія собственности въ Испаніи*), моего сочиненія объ общинномъ землевладѣніи, Карѣва (*Исторія крестьянъ во Франціи*). Нѣкоторыми изъ этихъ замѣтокъ воспользовался Энгельсъ въ своемъ этюдѣ о происхожденіи семьи и собственности. Указаніями Маркса руководствовался онъ также и въ своей критикѣ «юринговскихъ» потугъ совершить переворотъ въ наукѣ. Марксъ не безъ нѣкотораго самодовольства говорилъ мнѣ, что Дюрингъ всѣмъ встрѣчнымъ заявляетъ, что источникомъ нападокъ на него является никто другой, какъ онъ, Марксъ. Во время моего знакомства съ Марксомъ онъ и его семья вели весьма замѣнутый образъ жизни. Рѣдко когда можно было встрѣтить въ его домѣ чистокровныхъ англичанъ, за исключеніемъ развѣ Гайндмана, недавняго главы англійскихъ социалистовъ. Ортодоксальные экономисты не находили еще нужнымъ считаться съ нимъ въ это время. Марксъ рассказалъ мнѣ однажды слѣдующій инцидентъ. Левинъ, авторъ исторіи торговли, читалъ публичную лекцію о согласіи экономическихъ интересовъ. Въ концѣ лекціи дозволено было присутствующимъ сдѣлать свои возраженія. Встаютъ Гайндманъ и объявляютъ, что въ числѣ экономистовъ, такъ или иначе высказавшихся о согласіи и несогласіи интересовъ, лекторъ не упомянулъ Карла Маркса. «Я не зналъ его»,—послѣдовалъ отвѣтъ. Такое отношеніе англійскихъ экономистовъ тѣмъ болѣе удивляло меня, что въ Берлинѣ Вагнеръ и Энгель не разъ упоминали имя Маркса, то соглашаясь, то споря съ нимъ. Но англичане почему-то считаютъ политическую экономію своимъ исключительнымъ достояніемъ и рѣдко когда ссылаются на иностранныхъ писателей по этому предмету. Получивши первый томъ *Капитала* отъ автора, Спенсеръ, напримѣръ, считалъ нужнымъ передать черезъ общихъ знакомыхъ, что незнаніе нѣмецкаго языка ставитъ его въ невозможность прочесть книгу. Нѣсколько иначе отнесся къ Марксу Дарвинъ. Онъ послалъ ему длинное письмо, которымъ Марксъ очень дорожилъ и которое сохранилось въ его бумагахъ.

Въ числѣ англійскихъ ученыхъ, знакомство съ которыми оказало наибольшее вліяніе на направленіе моей писательской дѣятельности, я долженъ назвать Мэна. Я знакомъ былъ съ его *Древнимъ правомъ* еще въ Россіи, благодаря сообщенію Каченовскаго. Но въ Лондонѣ я прочелъ впервые его *Деревенскія общины* и его *Древнѣйшую исторію учреждений*. О впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ послѣднимъ сочиненіемъ, можно судить по отзыву, какой я далъ въ *Журналъ Положительной Философіи*. Въ этой статьѣ нѣтъ еще никакихъ оговорокъ, никакихъ сомнѣній въ возможности выставляемыхъ Мэномъ гипотезъ. Ничто не даетъ предугадать что за *Первобытнаго права* и *Современнаго обычая*, послѣдователя теоріи патриархата. Подъ прямымъ вліяніемъ Мэна и отчасти Лавелле напечаталъ и мой очеркъ исторіи общиннаго землевладѣнія въ кантонѣ Ваадтъ, который затѣмъ появившійся въ нѣмецкомъ переводѣ въ Цюрихѣ. Мэну я былъ доступенъ въ бібліотеку индійскаго управленія, въ которой собранъ

былъ мною матеріалъ для книги объ общинномъ землевладѣніи въ этой странѣ. Въ этомъ сочиненіи уже несравненно больше самостоятельности, какъ въ установленіи общихъ факторовъ разложенія мірской собственности, такъ и въ характеристикѣ того вліянія, какое на это разложеніе имѣла англійская поземельная политика. Мэню, какъ вице-президенту индійскаго бюро, недоставало, я думаю, объективности, и онъ, признавая ошибки этой политики, въ то же время, черезъ-чуръ старался найти ей и оправдательные мотивы. Чтеніе Макленана и Моргана впервые раскрыло мнѣ глаза на то, что періоду патриархальной семьи, признаваемому Мэномъ за начальный, предшествовала такая система отношеній между полами и такая система родства, которыя съ трудомъ вяжутся съ главенствомъ *paterfamilias* и агнатизмомъ. Я внесъ впоследствии въ мое преподаваніе изложеніе и развитіе этихъ взглядовъ, опирая ихъ на почти нетронутый Макленаномъ и Морганомъ юридико-историческій матеріалъ. Толчокъ въ этомъ направленіи данъ былъ мнѣ Всеволодомъ Миллеромъ, который въ своей *Истории кунта ашвиновъ* посвящаетъ цѣлую главу характеристикѣ семейнаго и общественнаго строя индусовъ въ эпоху Ригведы. Въ этой главѣ собраны всѣ тѣ намеки на предшествовавшій агнатизму порядокъ матриархата, какой содержать въ себѣ религиозные и отчасти юридическіе трактаты индусовъ. Тотъ же Миллеръ увлекъ меня позднѣе въ свои путешествія по Кавказу. Здѣсь мнѣ пришлось встрѣтить еще столько переживаній матриархата, что мои взгляды на этотъ предметъ получили большую устойчивость и опредѣленность. Эволюція моя въ этомъ отношеніи совпала съ обратной эволюціей западно-европейскихъ этнографовъ; вотъ почему я и счелъ нужнымъ избрать для своихъ лекцій въ Стокгольмѣ и Оксфордѣ эту спорную область. Хотя, въ общемъ, мои взгляды рѣзко разошлись со взглядами Мэна, но такъ какъ онъ первый пробудилъ во мнѣ интересъ къ вопросамъ древнѣйшаго права, то я и счелъ своимъ долгомъ посвятить его памяти свои оксфордскія лекціи.

Вспоминая первые годы моего пребыванія въ Англіи, я жалѣю теперь, что слишкомъ много времени удѣлялъ чтенію и недостаточно пользовался открывшеюся мнѣ возможностью сближенія съ литературными и научными кругами. Я сошелся дружески съ Котеромъ Морисономъ только за нѣсколько лѣтъ до его смерти, рѣдко видѣлся съ Брайсомъ, въ которомъ ничто не предвѣщало еще будущаго блестящаго изслѣдователя американской жизни, встрѣчался изрѣдка съ Морлеомъ, бывшимъ въ то время редакторомъ *Fortnightly*. Онъ въ это время занятъ былъ составленіемъ блестящихъ опытовъ характеристики Вольтера и Руссо и, кажется, весьма мало думалъ самъ о той политической роли, какую придется ему играть въ будущемъ.

Все мое утро уходило на работы въ библиотекѣ и архивѣ. Желая на англійскомъ матеріалѣ прослѣдить тотъ же ходъ развитія судебныхъ гарантій въ сферѣ администраціи, который интересовалъ меня во Франціи, я рѣшился написать исторію мирового института и въ частности четвертныхъ сессій, которымъ, какъ извѣстно, принадлежало въ Англіи до послѣдней реформы

рѣшеніе столкновеній между частными лицами и преступившими свои полномочія или нарушившими законъ органами управленія. Но тема эта, несмотря на томы, посвященные ей Гнейстомъ, оказалась настолько мало разработанной по источникамъ, что поневолѣ пришлось ограничить мою задачу изображеніемъ одного начальнаго періода въ исторіи полиціи безопасности и полицейскаго суда въ Англіи. Насколько неустановленными и спорными являлись еще главные вопросы, связанные съ эволюціей идеи мира и мировой службы въ Англіи, можно судить по тому, что институтъ круговой поруки англійскихъ десятенъ (frankpledge), съ одной стороны, признавался нѣмецкими авторитетами основой всего послѣдующаго развитія, а съ другой—объявляемъ былъ историкомъ англійской конституціи Стебсомъ (издавшимъ въ это время только первый томъ своего сочиненія) чѣмъ-то никогда несуществовавшимъ въ дѣйствительности. Я постарался познакомиться съ Стебсомъ и съѣздилъ съ этою цѣлью въ Оксфордъ, снабженный рекомендаціей Брайса. Изъ моихъ разспросовъ оказалось, что Стебсъ, занятый преимущественно судьбою центральныхъ учрежденій, ограничился въ вопросѣ о круговой поруцѣ однимъ печатнымъ матеріаломъ. Онъ самъ указалъ мнѣ на возможность найти новыя данныя въ протоколахъ вотчинныхъ судовъ и снабдилъ меня въ свою очередь рекомендаціей къ директору архива, Томасу Дуфусу Гарди. Благодаря ей, я встрѣченъ былъ какъ нельзя лучше и нашелъ въ Голле и Сельби такихъ руководителей моими архивными занятіями, что въ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ удалось собрать массу данныхъ, доказывающихъ не только фактъ существованія десятенъ въ англійскихъ помѣстьяхъ XII и XIII вѣка, но и чисто-полицейскій характеръ осуществляемой ими круговой отвѣтственности, а также роль ихъ въ развитіи института обвинительныхъ присяжныхъ. Узнавши о томъ, что въ библиотекѣ адвокатской корпораціи Линкольнсъ - Инна хранятся рукописи извѣстнаго судьи Геля, бывшаго также историкомъ англійскаго права, я черезъ Вестлеа, теперешняго профессора международного права въ Кембриджѣ, проникъ и въ это книгохранилище. Въ рукописяхъ Геля я нашелъ весьма цѣнные списки съ протоколовъ древнѣйшихъ судебныхъ разъѣздовъ. Но тутъ представилось неожиданное препятствіе. Оказалось, что Гелемъ рукописи завѣщаны подъ условіемъ, что онѣ никогда не будутъ обнародованы. Этимъ объясняется, почему мнѣ не пришлось включить отрывковъ изъ нихъ въ то собраніе актовъ и документовъ, которое приложено мною къ диссертациіи и въ которомъ впервые появились выдержки изъ вотчинныхъ протоколовъ XIII и XIV вѣка. Тѣ же протоколы изданы десятки лѣтъ спустя уже въ полномъ ихъ объемѣ Метлендомъ, профессоромъ исторіи права въ Кембриджѣ.

Обирая данныя для характеристики полицейской администраціи въ XIII и XIV вѣкѣ, я поставленъ былъ въ возможность познакомиться также съ древнѣйшимъ законодательствомъ о рабочихъ и съ порядкомъ приложенія этого законодательства мировыми судьями. Этимъ объясняется, почему въ приложеніи къ моей диссертациіи можно найти особый экскурсъ о полиціи рабочихъ въ Англіи въ срединѣ XIV вѣка. Только

впослѣдствіи, благодаря работамъ въ итальянскихъ и испанскихъ городскихъ архивахъ, я убѣдился, что установленіе легальнаго максимума для заработной платы, которое приписывается пока исключительно английскому королю Эдуарду III, было общею мѣрой на всемъ Западѣ и стоитъ въ тѣсной связи съ посѣтившею Европу въ 1348 году моровою язвой, истребившею, приблизительно, треть ея населенія и увеличившею соответственно спросъ на трудъ и его вознагражденіе. Установленіе легальнаго максимума было, такимъ образомъ, первымъ проявленіемъ того узко-сословнаго характера, какой приданъ былъ законодательству съ момента, когда владѣтельные классы общества (въ Англии и Франціи—прямые и второстепенные вассалы, въ итальянскихъ городахъ—члены господствующихъ гильдій, представленныхъ въ большомъ совѣтѣ) одни раздѣлили съ королями и избираемыми городскими начальниками (*podesta*) политическую власть. Раньше королей гильдіи и городскіе совѣты уже приняли мѣры къ нормированію зароботковъ, къ невыгодѣ рабочимъ. Короли и правители только послѣдовали данному имъ примѣру. Рабочее законодательство XIV вѣка въ моихъ глазахъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, въ какому времени должно быть отнесено то обособленіе рабочаго люда отъ предпринимателей, которое является исходнымъ моментомъ новаго хозяйственнаго строя. Оно кажется мнѣ возникшимъ задолго до той эпохи, къ которой относитъ се итальянскій экономистъ Лоріа, авторъ извѣстнаго трактата о генезисѣ капитализма. Всѣ эти вопросы и рѣшенія кажутся мнѣ настолько интересными, что я счелъ возможнымъ посвятить имъ цѣлую монографію. Она написана на французскомъ языкѣ и напечатана будетъ мною въ скорости.

Тѣ же работы въ лондонскомъ центральномъ архивѣ познакомили меня впервые и съ тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой для исторіи экономическаго и соціальнаго строя среднихъ вѣковъ даютъ такъ называемые рентали и описи земельного состава помѣстій. Эти рентали и доставили мнѣ главный матеріалъ для моей докторской диссертации: *Общественный строй Англии въ концѣ среднихъ вѣковъ*. При сужденіи объ этой книгѣ надобно имѣть въ виду, что труды Зибона и Беннингама еще не появлялись, что Роджерсъ успѣлъ отпечатать только первые два тома своей исторіи земледѣлія въ Англии и что книга моя была уже въ наборѣ, когда Охенговскій обнародовалъ свою близкую къ ней по темѣ нѣмецкую монографію. Все предшествовавшій XV столѣтію періодъ былъ такъ плохо обследованъ, что мнѣ пришлось бы въ настоящее время, при новомъ изданіи моего сочиненія, послѣ работъ Зибона и Виноградова, внести существенныя измѣненія въ тѣ историческіе экскурсы, какіе мнѣ случайно приходится дѣлать въ періоды, предшествующіе избранному мною. Что же касается основныхъ положеній моей книги, то я не нашелъ имъ пока существенныхъ опроверженій. Я думаю, что причины и процессъ упадка крѣпостнаго хозяйства въ Англии указаны мною вѣрно, и что также вѣрно опредѣленъ мною характеръ древнѣйшихъ английскихъ фермеровъ, тѣхъ іоменовъ, въ которыхъ до меня видѣли мелкихъ земельныхъ собственниковъ.

Прибывъ въ Москву съ напечатанною уже диссертациею, я безъ труда выдержалъ экзаменъ на магистра и получилъ искому мною степень. Во время моего десятилѣтняго профессорства, впрочемъ, прерваннаго на два года командировкой за границу, поѣздкой въ Италию, Испанію и Соединенные Штаты, я вынесъ много отраднѣхъ впечатлѣній изъ общенія съ товарищами профессорами и студентами.

Моя близость съ нѣкоторыми членами историко-филологическаго факультета позволила мнѣ въ сообществѣ съ Миллеромъ приступить къ редакціи *Критическаго Обозрѣнія*. Этотъ двухнедѣльный журналъ, въ которомъ лучшія силы двухъ факультетовъ, не говоря о петербургскихъ, провинціальнѣхъ и заграничнѣхъ сотрудникахъ, сходились въ выраженіи откровеннѣхъ и, смѣю сказать, объективнѣхъ сужденій обо всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ русской и заграничной эрудиціи, имѣлъ всѣ успѣхи, какіе можетъ имѣть подобное предпріятіе, за исключеніемъ, разумѣется, денежнаго. Периодическая печать въ лицѣ Николая Константиновича Михайловскаго отнеслась къ нему враждебно даже до выхода первыхъ книжекъ. Обѣщаніе объективной научной критики показалось ему косвеннымъ порицаніемъ той, которая подносилась на поляхъ нашихъ толстыхъ журналовъ. Возникшія вскорѣ затѣмъ препирательства въ ученыхъ обществахъ о преимуществахъ субъективной социологіи надъ объективной вскорѣ показали, что потребность въ безпристрастіи вовсе не такъ сильно чувствуется въ русской средѣ, какъ предполагалось при основаніи журнала. Вскорѣ, впрочемъ, одинъ изъ редакторовъ, а именно я, собственнымъ примѣромъ доказалъ трудность сохранить это безпристрастіе съ нѣскольکو высокоумнымъ противникомъ. Мои открытыя отвѣтныя письма къ Борису Николаевичу Члечерину отнюдь не принадлежать къ числу тѣхъ произведеній, которыми я вправѣ гордиться.

Рѣзкость моихъ нападокъ и полемическій тонъ встрѣтили, впрочемъ, дружную поддержку въ периодической печати, и никто другой, какъ тотъ же г. Михайловскій поставилъ на видъ новому органу желательность подобнѣхъ элукубрацій. Это неумѣнье сдержать себя было тѣмъ болѣе печально, что отвратило многихъ отъ еще неуспѣшнаго стать на ноги органа. Полемика нѣкоторыхъ изъ моихъ сотрудниковъ со славянофилами, къ которымъ сами они такъ приблизились въ послѣднее время, только усилила недовольство, а введеніе въ ближайшемъ году литературной критики, которая доселѣ считается почему-то непримиримой съ объективизмомъ, настолько унизила журналъ въ глазахъ публики, что подписка сразу упала въ половину. Такъ какъ дефицитъ достигъ уже крупной цифры семи тысячъ рублей и такъ какъ мнѣ предстояло уѣхать за границу на два года, то мой соредакторъ предпочелъ закрыть изданіе. *Критическое Обозрѣніе* пропало, однако, не безслѣдно; ему обязаны мы хотя бы тѣмъ, что всѣ наши толстые журналы съ этого времени завели на своихъ поляхъ критико-библиографическій отдѣлъ и стали давать, смотря по вкусу, объективнѣе субъективные отзывы о новыхъ книгахъ.

Не болѣе удачно было мое соредакторство въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Я могу поставить себѣ въ заслугу только проведеніе кандидатуры Сергѣя Андреевича Муромцева, вопреки враждебности, какая въ это время существовала по отношенію къ нему въ наличномъ составѣ редакціи. Скоро Муромцевъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ направленіе журнала и повелъ его такъ успѣшно, что журналъ этотъ при значительныхъ денежныхъ затратахъ съ его стороны и весьма небольшихъ со стороны кружка людей, сочувствовавшихъ предпріятію, приобрѣлъ болѣе тысячи подписчиковъ, т.-е. вдвое больше, чѣмъ не уступающая ему въ интересѣ и научномъ значеніи *Revue historique de droit français et étranger*, и просуществовала, несмотря на всѣ невзгоды самого редактора, до момента отдачи подъ цензуру, послѣ чего юридическое общество рѣшило прекратить изданіе.

По возвращеніи изъ моей двухгодовой командировки, я, на ряду со своимъ общимъ курсомъ, посвящаемымъ одинъ годъ исторіи государственныхъ учреждений, другой — характеристикѣ современныхъ политическихъ порядковъ на Западѣ, читалъ еще спеціальныя курсы по исторіи американскихъ учреждений, по сравнительной исторіи семьи и собственности, по исторіи сословій на Западѣ и въ Россіи, по исторіи древнѣйшаго уголовного права и процесса. Я читалъ также публичныя лекціи и рефераты въ юридическомъ и этнографическомъ обществахъ, печатая ихъ затѣмъ въ спеціальныхъ изданіяхъ, а иногда и въ общихъ. Только однажды привелось мнѣ принять участіе въ научномъ сѣздѣ. По моему предложенію открытъ былъ отдѣлъ юридическихъ древностей на археологическомъ сѣздѣ въ Одессѣ, и мнѣ поручено было товарищами предсѣдательство этимъ отдѣломъ. Благодаря участію въ чтеніяхъ такихъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ Лучицкій, Энгельманъ, Павловъ и др., благодаря также интересу, какой вызвала полемика моя съ профессоромъ Самоквасовымъ и Булишеромъ, засѣданія юридического отдѣла привлекали массу публики. Можно пожалѣть поэтому о томъ, что подобные же отдѣлы не открывались болѣе на позднѣйшихъ сѣздахъ.

Освобожденный отъ обязанностей профессора, я попалъ въ условія несравненно болѣе благоприятныя для безстрастной научной дѣятельности. Сосредоточивъ часть своей бібліотеки въ Ваулиецъ, въ окрестностяхъ Ниццы, гдѣ я провожу обыкновенно зимніе мѣсяцы, я приобрѣлъ возможность приводить здѣсь въ порядокъ тѣ матеріалы, которые собраны мною въ прежніе годы и пополняются лѣтними странствованіями по архивамъ и бібліотекамъ. Продолжая сотрудничество въ русскихъ періодическихъ журналахъ, я еще чаще участвую въ спеціальныхъ изданіяхъ. Со времени моей отставки изданы мною: *Законъ и обычай на Кавказѣ*, лекціи о происхожденіи семьи и собственности, читанныя мною въ Стокгольмѣ на французскомъ языкѣ, лекціи о современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ въ Россіи, напечатанныя въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: *Modern Custom and Ancient Law*. Въ нынѣшнемъ году должны выйти три тома по

исторіи происхожденія современной демократіи, посвященные изображенію того періода, когда восторжествовавшая въ 1889 году французская буржуазія ищетъ союза и поддержки въ крайне ограниченной и обдѣленной ею королевской власти. Я намѣренъ продолжать это сочиненіе и прослѣдить судьбы той же демократіи въ эпоху цезаризма Наполеона, буржуазныхъ монархій 1815 и 1830 годовъ, вплоть до торжества начала всеобщаго голосованія и первой постановки социалистической программы. Я намѣренъ также посвятить цѣлыя томы изображенію начальныхъ судебъ европейской демократіи въ городскихъ общинахъ Италіи и въ эпоху ея десятилѣтняго торжества въ Англіи,—эпоху, связанную неразрывно съ памятью объ англійской республикѣ и о протекторатѣ Кромвеля. Обработка моихъ общихъ курсовъ и въ особенности того, который посвященъ исторіи развитія государственныхъ формъ съ паденія Римской имперіи до французской революціи, дастъ мнѣ возможность точнѣе выяснить то взаимодѣйствіе экономическихъ, социальныхъ и политическихъ факторовъ, на которое я старался обратить вниманіе слушателей въ эпоху преподаванія. Чѣмъ болѣе приближаешься къ тому роковому перелому, съ котораго начинается одряхлѣніе, тѣмъ сильнѣе чувствуется потребность свести воодно результаты своихъ работъ, дать синтетическое выраженіе своимъ мыслямъ. Интересъ къ монографическимъ изслѣдованіямъ постепенно падаетъ и является желаніе обхватить цѣлыя эпохи общимъ взглядомъ. Этотъ періодъ уже наступилъ для меня. На 44 году жизни пора подумать уже о томъ, чтобы оставить по себѣ нѣчто цѣльное, а не однѣ лишь разрозненные попытки выставить новыя или оживить старыя гипотезы. Къ тому же, русская читающая публика нуждается всего болѣе въ такихъ синтетическихъ работахъ. Нежелательно, разумѣется, приниженіе ихъ до уровня учебниковъ съ неизбежно связаннымъ догматизмомъ и апіорностью, но пользование собственными изслѣдованіями и чужими монографіями для общей картины цѣлыхъ эпохъ и въ особенности поворотныхъ моментовъ въ исторіи едва ли не является наиболѣе желательнымъ при современной обработкѣ историческихъ, общественныхъ и политическихъ вопросовъ въ нашемъ отечествѣ. Занятіе общими темами, надѣюсь, не помѣшаетъ мнѣ исполнить и другую второстепенную задачу—познакомить европейскихъ ученыхъ съ тѣмъ богатствомъ матеріала, какое обычное право различныхъ народностей имперіи и древнѣйшіе источники русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ представляютъ для такъ называемой эмбриологіи права. Этой цѣли и отвѣчаютъ изданныя уже мною на французскомъ и англійскомъ языкахъ сочиненія, въ числѣ ихъ тѣ очерки великорусскаго и малорусскаго обычнаго права, которые печатаются въ *Revue historique de droit français*. Европейская наука открыто ставитъ такой запросъ по отношенію въ тѣмъ немногимъ, кто, подобно мнѣ, обязанъ всѣмъ своимъ научнымъ развитіемъ Западной Европѣ и, въ то же время, обладаетъ недоступнымъ ей, благодаря барьеру языка, сырымъ ма-

теріаломъ. Такая раздвоенность задачъ, обуславливая собою раздвоенность занятій, отчасти тормазить ихъ ходъ, но есть въ ней и положительная сторона, а именно возможность не разучиваться вполне тѣмъ приемамъ изслѣдованія, которыми, какъ я самъ показалъ въ своей монографіи о методахъ, можетъ научить только историко-сравнительное изученіе законодательныхъ памятниковъ въ связи съ этнографическими данными.

Максимъ Ковалевскій.

Памяти А. М. Иванцова-Платонова.

12 ноября прошлаго года сошелъ въ могилу заслуженный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ церковной исторіи протоіерей Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ. Болѣе 20-ти лѣтъ продолжалась его непрерывная профессорская дѣятельность и болѣе 30 лѣтъ трудился онъ какъ ученый и публицистъ, то издавая отдѣльныя работы, то помѣщая статьи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Но, несмотря на столь продолжительное служеніе наукъ и просвѣщенію, А. М. не пользовался такою извѣстностью въ образованномъ обществѣ, какой заслуживать его многочисленныя и разнообразныя труды. Въ университетѣ онъ читалъ только историкамъ старшихъ курсовъ; его ученныя работы касаются специальныхъ вопросовъ; въ специальныхъ изданіяхъ по большей части помѣщалъ онъ свои статьи и рѣчи. Но почти всѣ его труды представляютъ большой общій интересъ, какъ по содержанию, такъ въ особенности по проникающему ихъ гуманному духу. Въ силу этого, мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ по отношенію не только къ умершему профессору, но и къ русскому обществу познакомить читающую публику съ тою производящею правды и любви, которая исчерпываетъ многолѣтнюю писательскую дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова. Чтобы лучше достигнуть этой цѣли, мы постараемся изложить его воззрѣнія и стремленія его собственными словами, причемъ остановимся преимущественно на его рѣчахъ и журнальныхъ статьяхъ, такъ какъ результаты его ученой работы будутъ рассмотрѣны въ другомъ мѣстѣ *).

А. М. родился въ 1835 году и окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1860 г. Это знаменательное время, предшествовавшее эпохѣ великихъ реформъ, самъ о. Иванцовъ-Платоновъ позже характеризовалъ слѣдующимъ образомъ: «Въ русскомъ обществѣ послѣ долгаго застоя началось съ конца пятидесятихъ годовъ усиленное возбужденіе. Это

*) Московское историческое общество предполагаетъ устроить специальное заглавіе, которое будетъ посвящено памяти А. М. Иванцова-Платонова и въ которомъ будутъ рассмотрѣны его ученныя труды (*Ереси и расколы первыхъ трехъ тысячъ лѣтъ христіанства, Религіозныя движенія IV и V стковъ и друг.*).

возбужденіе, выразившееся въ стремленіи къ обновленію всѣхъ сфер общественной жизни, не могло такъ или иначе не коснуться и сферы церковной, религиозной. Съ расширеніемъ свободы мысли, съ освобожденіемъ печатнаго слова изъ-подъ строгихъ до того времени цензурныхъ условій открылось довольно мѣста для критики существовавшаго порядка вещей. При болѣе облегченныхъ средствахъ сношенія съ Западною Европой, масса новыхъ идей хлынула въ русское общество и не только въ высшіе слои его, всегда болѣе или менѣе пользовавшіеся привилегіями свободной мысли, но и въ средніе слои, преимущественно въ среду учащейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ молодежи *)). Этотъ благотворный подъемъ общественной мысли, выразившійся въ критическомъ отношеніи къ современной дѣйствительности и въ стремленіи измѣнить ее на новыхъ началахъ, оказалъ вліяніе и на Иванцова-Платонова. Оставаясь искренно-религиознымъ человѣкомъ, глубоко проникнутымъ евангельскимъ духомъ, онъ избралъ критеріемъ для оцѣнки реформаціоннаго направленія евангельское ученіе о христіанской правдѣ и любви. Съ этой точки зрѣнія онъ видѣтъ въ великихъ реформахъ Александра II отраженіе «путей царствія Божія». Въ церковной проповѣди, сказанной въ 1880 году, онъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ освобожденіе крестьянъ, судебную реформу, устраненіе сословныхъ привилегій, городское и земское самоуправленіе: «Къ Благочестивѣйшему Государю нашему (Александру II) можно примѣнить (въ извѣстномъ, конечно, смыслѣ) то изреченіе древняго пророка о Помазанникѣ Божіемъ, которое въ высочайшей степени относится къ самому Христу Спасителю: «Духъ Господень на Мнѣ. Онъ помазалъ Меня возвести благую вѣсть нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердецъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу». Этотъ духъ, прежде всего, сказался въ томъ великомъ дѣлѣ, которое, безъ сомнѣнія, составляетъ высшую славу настоящаго царствованія и которое никогда не изгладится ни на скрижалихъ исторіи земной, ни въ той книгѣ жизни, которая пойдетъ на судъ Божій, — въ дарованіи личной свободы съ матеріальнымъ обезпеченіемъ миліонамъ русскихъ людей, не имѣвшихъ ни свободы, ни правъ собственности. Этотъ духъ сказался затѣмъ въ устройствѣ для народа новыхъ судовъ по такому образцу, чтобы въ нихъ, по заповѣди Божіей, сочетались правда и милость, чтобы несчастнымъ обвиняемымъ предоставлены были всѣ средства для защиты, чтобы осужденіе дѣйствій человѣческихъ совершалось не по строгой буквѣ закона, а по христіанской совѣсти и внутреннему убѣжденію, чтобы скорѣе десять осужденныхъ могли быть помилованы, чѣмъ одинъ невинный осужденъ. Этотъ духъ сказывается въ прекращающихся и болѣе и болѣе усиливающихся заботахъ о просвѣщеніи народномъ: ибо «благопріятное лѣто Господне» состоитъ не только въ освобожденіи плѣнныхъ», но и «въ прозрѣніи слѣпыхъ». Этотъ духъ ска-

*) За третье десятилетіе священства. Сергіевъ посадь, 1894 г., стр. 9

зывается въ различныхъ мѣрахъ, имѣющихъ цѣлью сближеніе различныхъ сословій и равномерное распребленіе между ними государственныхъ правъ и обязанностей; ибо высшая цѣль царства земного состоитъ въ утвержденіи между людьми началъ братства и любви, составляющихъ основаніе царства Божія. Этотъ духъ сказывается въ мѣрахъ, направленныхъ къ возбужденію и развитію народныхъ силъ, народной самодѣятельности, въ постепенномъ призываніи народа къ участию въ общественныхъ дѣлахъ; ибо высшее дѣйствіе христіанской любви состоитъ въ нравственномъ возвышеніи человѣческой личности, въ распространеніи между людьми такого общественнаго духа и настроенія, при которомъ бы каждый посылно заботился о всѣхъ и всѣ о каждомъ» *).

И такъ, изъ основы христіанства извлечь о. Иванцовъ-Платоновъ свой взглядъ на великія реформы Александра II, какъ на проявленіе «Духа Господня». Оттуда же выводилъ онъ обоснованіе безкорыстнаго и неустрашимаго служенія научной истинѣ. «Христіанство не есть религія жи, но религія высшей божественной истины,—говорить онъ во вступительныхъ лекціяхъ въ Московскомъ университетѣ.—У христіанства и у науки одна цѣль—истина. Поэтому ни что служащее къ открытію и уясненію научной истины не отвергается истиннымъ христіанствомъ и ничто въ существѣ дѣла противное научной истинѣ не принимается и не оправдывается имъ. Всякіе приемы и тенденціи, противные наукѣ, въ такой же степени противны и истинному христіанству. Наприм., правильное пониманіе христіанства вовсе не требуетъ и не допускаетъ того, чтобы въ интересахъ христіанской церкви распространялись какія-либо вымышленныя сказанія, поддерживались темныя суевѣрія, выдумывались небывалыя чудеса, сочинялись фальшивыя историческіе памятники и т. д. Это противно истинному христіанству столько же, сколько и истинной наукѣ... Только по виду могутъ иногда такъ казаться и на нѣкоторое время, что подобныя приемы могутъ быть употребляемы въ интересахъ христіанства, въ сущности же, въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ это всегда ведетъ къ униженію, искаженію и подрыву христіанства... Служеніе истинѣ, высшее требованіе науки, для представителя истинно-христіанскаго направленія въ наукѣ есть не только требованіе общей отвлеченной идеи или удовлетвореніе внутреннему, субъективному чувству истины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшій нравственный долгъ, дѣло совѣсти, служеніе живому Богу» **). Ближе характеризуя свое отношеніе къ исторіи православной церкви, Иванцовъ-Платоновъ говоритъ: «Подъ православнымъ направленіемъ въ наукѣ и жизни мы вовсе не разумемъ того безжизненнаго и затхлаго направленія, которое идею православія старается прикрывать только приверженность къ рутинѣ и застою, которое сущность православія поставляетъ въ точнѣйшемъ механическомъ соблюденіи внѣшнихъ формъ древне-церковной жизни, безъ

*) «двадцать лѣтъ священства». Москва, 1884 г., стр. 618—619.

**) «д., стр. 472—475.

вниманія къ внутреннимъ началамъ ея—къ духу живого развитія и свободы. Православіе должно быть началомъ жизни, а не смерти, живого органическаго развитія, а не застоя и оцѣпенѣнія» *). Называя служеніе научной истинѣ служеніемъ живому Богу, Иванцовъ-Платоновъ рѣзко осуждаетъ ея тенденціозное искаженіе съ какими бы то ни было цѣлями. «Православное направленіе въ наукѣ,—говоритъ онъ,—вовсе также не состоитъ въ самовосхваленіи, въ составленіи однихъ панегириковъ своей мѣстной церкви, въ изображеніи однихъ свѣтлыхъ сторонъ и фактовъ ея жизни, даже въ выдумываніи такихъ тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ не находится, и обратно въ утаиваніи или прикрасиваніи того, что составляло непримечательную сторону нашей церковной жизни... Въ жизни другихъ церквей мы не должны выставлять на видъ и преувеличивать однѣ темныя и слабыя стороны... Мы должны почитать и любить все доброе, чистое, свѣтлое, высокое и должны безпристрастно раскрывать все недоброе и темное, свѣтлое, гдѣ бы то и другое ни проявлялось» **).

Изъ такого воззрѣнія на науку естественно вытекала горячая любовь къ просвѣщенію, которому А. М. отдавалъ большую часть своихъ силъ. Онъ служилъ высшей школою, какъ профессоръ церковной исторіи, сначала въ Петербургской духовной академіи, потомъ въ Московскомъ университетѣ, работалъ для средней, преподавая Законъ Божій въ Александровскомъ военномъ училищѣ и въ гимназіи. Мы видѣли, какъ относился онъ къ университетской наукѣ; его многочисленныя рѣчи къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго училища, гдѣ онъ работалъ около 30 лѣтъ, ясно показываютъ, въ какомъ духѣ старался онъ воспитывать своихъ учениковъ. Его первую заботу составляетъ поднять интересъ къ преподаваемому имъ предмету, устранить сложившіяся противъ него предубѣжденія. «Винны предубѣжденія, образовавшіяся въ свѣтскомъ обществѣ противъ богословскихъ наукъ,—говоритъ онъ,—падаютъ не на однихъ свѣтскихъ людей, а часто на самихъ же учителей вѣры и Закона Божія—на самихъ духовныхъ. Напримѣръ, эта мысль, будто богословскія науки слѣдуетъ основательно изучать только духовнымъ людямъ, а свѣтскимъ незачѣмъ,—эта мысль первоначально выдумана не свѣтскими людьми, а самими же духовными самими же учителями вѣры, которые, желая сдѣлать знаніе Закона Божія привилегіей только своей касты, чтобы лучше пользоваться плодами его вѣжества и легковѣрія народнаго, нарочно старались увѣрить всѣхъ, будто однимъ духовнымъ людямъ дано право знать и толковать Законъ Божій, а свѣтскимъ положительно запрещали читать самую Библію. Наконецъ, распространенію того мнѣнія, что богословскія науки подавляютъ развитіе ума, опять-таки не мало способствовали и способствуютъ тѣ неискусные ревнители вѣры, которые въ преподаваніи предметовъ вѣры ставятъ безусловное требованіе: «вѣруй всему на слово безъ всякаго разсужденія»

*) Ibid., стр. 487.

***) Ibid., стр. 488—489.

не старайся даже вовсе уяснять себѣ содержаніе своей вѣры, не позволяй себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ самой внѣшней формы, отъ самой буквы, въ которой передается тебѣ та или другая истина вѣры, которые изъ чрезмѣрной ревности о вѣрѣ, изъ опасенія за цѣлость вѣры, готовы бывать задерживать и преслѣдовать всякій свободный порывъ ума, и тѣмъ только вооружаютъ умъ противъ вѣры и унижаютъ самую вѣру» *). Самъ Иванцовъ-Платоновъ держался другихъ пріемовъ: онъ не только не боялся критицизма, но старался вызвать самостоятельное отношеніе къ предмету со стороны своихъ слушателей. «При своемъ преподаваніи, — говорилъ онъ, — я вовсе не намѣренъ требовать отъ васъ безусловной вѣры словамъ преподавателя; напротивъ, тѣмъ пріятнѣе будетъ, чѣмъ разумнѣе и самостоятельнѣе вы будете относиться къ дѣлу, насколько, конечно, вамъ будутъ позволять это ваши другія занятія и вашъ уровень развитія. И если изъ желанія уяснить истину у кого-либо изъ васъ возникнетъ какое-либо недоумѣніе, сомнѣніе, возраженіе по поводу того, о чемъ я буду говорить вамъ, прошу васъ прямо и откровенно высказывать это мнѣ. Вызываю васъ на это не потому, чтобъ я былъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ силахъ и заранѣе считалъ себя способнымъ и готовымъ отвѣчать на всякое возраженіе. Что дѣлать? Еслибъ я иногда и не нашелся сразу отвѣтить на какой-либо вопросъ, смущаться не буду. Посудимъ о дѣлѣ общими силами, поищемъ отвѣта въ хорошихъ книгахъ, если дѣло будетъ стоить того. Если же и здѣсь ни до чего рѣшительно не дойдемъ и ни у кого изъ самыхъ опытныхъ людей не найдемъ отвѣта на наше недоумѣніе, предоставимъ дѣло волѣ Божіей. Наши сомнѣнія и недоумѣнія разрѣшаются иногда и тѣми путями и не тогда, какъ этого мы ожидаемъ» **).

Вызывая самостоятельность учениковъ въ школѣ, А. М. старался развить въ нихъ любовь къ образованію, твердость убѣжденій, вѣрность благороднымъ стремленіямъ молодости. «Вотъ тогда честь и радость была бы и вамъ, и вамъ, — говоритъ онъ выпускному классу, — если бы въ каждомъ изъ васъ горѣло желаніе продолжать свое развитіе. Это касается, прежде всего, самыхъ занятій наукой, умственного развитія. Жалко было бы предположить между вами такихъ, которые, чувствуя себя уже достаточно образованными, рады теперь, съ окончаніемъ курса, покончить всякія умственные занятія. Такимъ, по совѣсти, нужно было бы сказать, что они не только не получили достаточнаго образованія, но даже не понимаютъ еще, что такое наука и знаніе, потому что вѣрный признакъ живого пониманія науки есть именно стремленіе къ дальнѣйшему и дальнѣйшему развитію, любовь и жажда знанія, усиливающая по мѣрѣ пріобрѣтенія свѣдѣній, живое убѣжденіе въ томъ, что наукѣ нѣтъ конца и благородная радость объ этомъ, что такому высокому жизненному наслажденію нѣтъ конца» ***).

Глубоко сочувствуя нравственной чистотѣ въ стремленіяхъ молодежи, Иван-

* *bid.*, стр. 414—415.** *bid.*, стр. 412—413.*** *ibid.*, стр. 8; ср. стр. 304.

повъ-Платоновъ предохраняетъ своихъ слушателей отъ развращающаго вліянія житейскихъ мелочей и горячо убѣждаетъ ихъ сохранять и проводить въ жизнь благородные идеалы молодости. «Молодость нерѣдко ошибается въ томъ, гдѣ и какъ нужно искать серьезнаго дѣла, правды и добра,—говоритъ онъ,—но за то прекрасна въ ней, какъ ни въ какомъ другомъ возрастѣ, эта самая горячность, задушевная искренность и чистая безкорытность, хотя и не вполне осмысленнаго стремленія. Но что же? Долго ли выдерживаетъ это стремленіе напоръ враждебныхъ ему жизненныхъ вліяній? Многіе ли успѣваютъ осуществить въ жизни прекрасныя и благородныя мечты и стремленія молодости? Многіе ли сохраняютъ до старости это безкорытное, горячее, задушевное сочувствіе и стремленіе ко всему доброму и благородному, которыми мы такъ любуемся въ молодыхъ людяхъ даже и тогда, когда сами уже охлаждаемъ сердцемъ? Благо тѣмъ, которые при старческой зрѣлости и опытности сохраняютъ дѣтскую простоту и юношескую горячность чувствъ и стремленій. Но много ли такихъ? Мелкія практическія заботы, всю жизнь наполняющія эгоистическія соображенія, лѣнь и трусость скоро одолеваятъ въ жизни большую часть людей; нерѣдко проходитъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы и кружка товарищескаго въ жизнь самостоятельную, и пылкій юноша, превращенный мечтавшій всю жизнь посвятить на служеніе обществу, дѣлается холоднымъ практикомъ, узкимъ эгоистомъ и празднующимъ, думаетъ только о своемъ спокойствіи и личной выгодѣ. А иной при этомъ еще самъ насмѣхается надъ всѣми чистыми и благородными стремленіями молодости, т.-е. не надъ тѣмъ, что было въ нихъ фальшиваго и несмысленнаго, а именно надъ самою горячностью, задушевностью и безкорытностью ихъ, надъ тѣмъ, что бываетъ лучшаго у человѣка въ жизни (до этого не дай Богъ дойти никому изъ васъ). Отчего же это такъ бываетъ? Отъ того, вѣрно, что у большей части молодыхъ людей эти прекрасныя стремленія юности не имѣютъ глубокаго корня въ убѣжденіи и сердцѣ, а остаются больше въ воображеніи и на языкѣ, отъ того, что слишкомъ наскоро и безъ труда они воспринимаются и мало перерабатываются въ глубокомъ самостоятельномъ размысленіи и искреннемъ чувствѣ, мало примѣняются къ жизни. Въ школѣ, подъ вліяніемъ одной науки и несложныхъ жизненныхъ отношеній, при отчужденности отъ настоящей полной, безконечно-сложной и разнообразной общественной жизни, нельзя еще вполне этого достигнуть, т.-е. окончательно образовать свои убѣжденія и характеръ. Но по выходѣ изъ школы каждому нужно стараться о томъ, чтобы, не давая охладѣть въ себѣ жару молодости, теоретическое, школьное знаніе пополнить практическою опытностью, добрыя нравственныя понятія примѣнить къ жизни, прекрасныя, но неопредѣленныя и нетвердыя стремленія молодости перевести въ твердыя и глубокія жизненныя убѣжденія и образовать въ себѣ навыкъ и умѣнье дѣйствовать всегда сообразно съ своими убѣжденіями въ разнообразныхъ случаяхъ и столкновеніяхъ жизни» *).

* Ibid., стр. 41—42.

Напутствуя своихъ слушателей, переходящихъ изъ школы въ жизнь, Иванцовъ-Платоновъ указываетъ имъ тѣ принципы, которыми они должны, по его мнѣнію, руководиться въ своей общественной дѣятельности. «Современный богословъ,—говоритъ онъ,—долженъ дать отвѣтъ на всѣ возникающіе нынѣ въ такомъ множествѣ вопросы нравственно-общественной жизни». А. М. исполнялъ этотъ долгъ въ томъ же самомъ евангельскомъ духѣ любви и правды. Его наставленія бывшимъ ученикамъ представляютъ собою, прежде всего, проповѣдь гуманности, вытекающую какъ изъ любви христіанской къ ближнему, такъ и изъ убѣжденія въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы. «Во всякомъ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—независимо отъ его внѣшняго положенія, независимо даже отъ его нравственныхъ достоинствъ и недостатковъ, мы должны уважать и любить человѣческую природу, человѣческую личность, и во имя человѣческой природы со всѣми людьми должны обращаться съ человѣколюбіемъ, справедливостью и безпристрастіемъ. Даже въ личностяхъ порочныхъ, преступныхъ, падшихъ нравственно мы не должны забывать братьевъ по происхожденію, не должны относиться къ нимъ съ фарисейскимъ высокомеріемъ и пренебреженіемъ, но должны въ каждомъ человѣкѣ уважать, цѣнить и, насколько возможно, возбуждать и поддерживать всякую искру человѣческаго достоинства» *). Эту гуманность Иванцовъ-Платоновъ ставитъ руководящимъ началомъ какъ въ личной, такъ и въ общественной дѣятельности. Такъ, касаясь жгучаго вопроса о семейномъ разладѣ вслѣдствіе разницы въ идеалахъ отцовъ и дѣтей, онъ требуетъ не отреченія отъ своихъ воззрѣній съ чьей бы то ни было стороны, но взаимной терпимости. «Мы, конечно, далеки отъ того,—говоритъ онъ,—чтобы совѣтовать кому бы то ни было приобретать миръ и согласіе съ своею семьей или другою какою общественною средою отступленіемъ отъ разумныхъ убѣжденій и честныхъ правилъ жизни безчестными сдѣлками съ ложью, низостью и безнравственностью... Требовать, чтобы одна сторона противъ убѣжденій и совѣсти отказывалась отъ своихъ понятій и стремленій и искусственно прилаживалась къ другой—нравственно и безразсудно. Но если гдѣ должны имѣть мѣсто, при различіи взглядовъ и стремленій, взаимная терпимость и осторожная заботливость не огорчить, не оскорбить другъ друга, то по преимуществу во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ членовъ семьи. И тамъ, гдѣ между членами семьи есть взаимная любовь и искреннее уваженіе другъ къ другу, эта взаимная терпимость не будетъ неискреннимъ принужденіемъ, тяжелымъ стѣсненіемъ, но чистымъ и свободнымъ выраженіемъ любви со стороны: однихъ по отношенію къ другимъ» **). Говоря будущимъ офицерамъ, а Иванцовъ-Платоновъ убѣждаетъ ихъ, что только «любовь христіанская, при строгостяхъ и формальностяхъ военнаго званія, можетъ воспитывать и поддерживать истинно-человѣческія отношенія между служащими въ во-

Ibid., стр. 150.

* Ibid., стр. 124—125.

женщинъ полагается одинъ изъ самыхъ вѣрнѣхъ залоговъ къ твердому и правильному истинно-человѣческому гражданскому и семейному развитію *)). Осудивъ далѣе «всякія сомнѣнія и нерасположенія относительно образованія женщинъ», какъ «въ существѣ дѣла, конечно, несправедливыя», онъ подробно излагаетъ основанія, вторыя дѣлаютъ женское образованіе въ настоящее время существенно необходимымъ. «Въ настоящее время,—говорить онъ,—мужская половина образованнаго общества, можетъ быть, болѣе чѣмъ когда-нибудь должна чувствовать потребность восполненія, товарищества и сотрудничества въ дѣлѣ образованія и общественнаго служенія отъ образованныхъ женщинъ, должна поэтому съ полнѣйшимъ сочувствіемъ привѣтствовать всякій добрый шагъ, всякій серьезный починъ, всякое живое стремленіе къ распространенію образованія между женщинами. Не одно только все болѣе и болѣе возрастающее увеличеніе области знаній и не одно все болѣе и болѣе развивающееся усложненіе общественныхъ дѣлъ и отношеній должно внушать образованнымъ мужчинамъ это чувство потребности содѣйствія и сотрудничества отъ образованныхъ женщинъ. Всего болѣе, намъ кажется, должно внушаться это чувство образованнымъ мужчинамъ искреннимъ сознаніемъ нѣкоторой неполноты, ненормальности, нѣкоторой односторонности въ характерѣ и направленіи общественнаго образованія и общественной жизни, доселѣ по преимуществу заправляемыхъ и руководимыхъ умственнымъ вліяніемъ мужской половины рода человѣческаго. Особенно, кажется, должно чувствоваться это въ сферѣ нравственнаго воспитанія; мы разумѣемъ воспитаніе не въ тѣсномъ только смыслѣ первоначальнаго домашняго и затѣмъ школьнаго обученія и руководства дѣтей, а въ самомъ широкомъ смыслѣ воспитанія твердыхъ нравственныхъ началъ, убѣжденій, стремленій и навыковъ во всемъ образованномъ обществѣ. Не чувствуетъ ли искренно большая часть изъ насъ, не должна ли сознаться большая часть образованныхъ мужчинъ, что это дѣло, доселѣ находившееся преимущественно подъ нашимъ вліяніемъ, въ нашихъ рукахъ, идетъ какъ-то не совсѣмъ хорошо, что ему чего-то недостаетъ,—и такого именно, чего мы при всѣхъ своихъ знаніяхъ и усиліяхъ не можемъ дать ему въ желаемой полнотѣ? И не приводитъ ли это насъ къ тому предположенію, что дѣла, кажется, могли бы идти лучше, если бы на помощь намъ съ надлежащимъ знаніемъ дѣла, съ надлежащимъ образованіемъ и съ добрымъ и живымъ отношеніемъ къ дѣлу пришла другая половина рода человѣческаго—наши матери, жены, сестры и дочери?» **). Сочувствіе о. Иванцова-Платонова къ высшему женскому образованію не ограничивалось проповѣдью правильныхъ воззрѣній на это дѣло: въ теченіе 3 лѣтъ (1883—1886) онъ самъ читалъ лекціи по церковной исторіи для образованныхъ женщинъ.

Тѣ же начала христіанской правды и любви проводить о. Иванцовъ-

*) Ibid., стр. 491

**) Ibid., стр. 494—495.

Платоновъ и въ своей журнальной дѣятельности. Его первая статья *О положительномъ и отрицательномъ направленіи въ русской литературѣ* была напечатана въ славянофильскомъ органѣ, въ *Русской Бесѣдѣ* И. С. Аксакова (1859 г., № 1), въ позднѣйшихъ изданіяхъ котораго, *Думъ* и *Руси*, Иванцовъ-Платоновъ помѣщалъ время отъ времени свои статьи. Къ славянофиламъ его влекло ихъ широкое пониманіе православія, ихъ религиозная терпимость при живомъ интересѣ къ религиознымъ вопросамъ, ихъ любовь къ народу. Но Иванцовъ-Платоновъ всегда оставался чуждъ національной исключительности, слѣпому преклоненію передъ всеми народными особенностями. «Любовь къ народу, — пишетъ онъ, — не должна имѣть характера мертвенно-архивнаго. Плохо любить тѣ свой народъ, которые любятъ его только въ прошедшемъ, чувствуютъ восторженное благоговѣніе предъ всякимъ памятникомъ его исторіи и прежней славы и относятся совершенно равнодушно къ настоящимъ судьбамъ, интересамъ, радостямъ и несчастіямъ народа. Любовь къ народу должна имѣть постоянно живое значеніе, и если мы любимъ народъ въ его прошедшемъ, то тѣмъ болѣе, конечно, должны любить его въ настоящемъ; если намъ дорога честь прежнихъ дѣятелей нашей исторіи, то тѣмъ болѣе дорога честь современныхъ дѣятелей народной славы. Наша любовь къ народу должна быть чужда фальшиваго самообольщенія; мы не должны слишкомъ мечтать о своихъ національныхъ достоинствахъ, намѣренно преувеличивать ихъ, украшать свой народъ небывалыми совершенствами и пристрастно возвеличивать его на счетъ всѣхъ другихъ народовъ» *). Къ западному славянству о. Иванцовъ-Платоновъ относился съ большимъ сочувствіемъ, но онъ былъ далекъ отъ того, чтобы навязывать имъ какія-либо особенности нашей культуры, и призывалъ ихъ къ «братскому общенію» во имя широкаго «просвѣтительнаго начала» «святой христіанской вѣры». Прощаясь съ представителями западныхъ славянъ, прибывшими на московскую этнографическую выставку 1867 года, онъ говорилъ: «Чего-жь еще больше желать для пераго свиданія? Въ средствахъ, какъ лучше разумѣть другъ друга, не согласались? Не будемъ спорить и раздражаться, — послѣ, дасть Богъ, согласимся. Въ условіяхъ, какъ и въ чемъ помогать другъ другу, не столковались? Не будемъ унывать — послѣ, дасть Богъ, столкуемся» **). Первымъ и главнымъ средствомъ сближенія съ славянствомъ Иванцовъ-Платоновъ считалъ ознакомленіе русскаго общества съ его историческими судьбами, и ему принадлежатъ первый по времени на русскомъ языкѣ *Очеркъ исторіи христіанства у славянскихъ народовъ*.

Славянофильскія симпатіи не препятствовали Иванцову-Платонову относити къ глубокому уваженію къ западно-европейской наукѣ. Для пріобрѣтенія достаточно привести одну его статью, гдѣ онъ доказываетъ необходимость командировокъ въ заграничные университеты русскихъ богослововъ.

* Тамъ же, стр. 138

** Тамъ же, стр. 501.

Полемизируя противъ мнѣнія объ опасности для православія западно-европейской науки, онъ говоритъ: «Мы думаемъ, что всѣ наши извѣстные составители различныхъ учебниковъ, руководствъ, системъ, всѣ богословы, начиная отъ Теофана Прокоповича до преосв. Макарія, церковные историки отъ покойнаго преосв. Иннокентія до профессора Чельцова, должны были бы откровенно сознаться, что имъ очень и очень много помогали различные французскія, нѣмецкія и латинскія книжки, писанныя католиками и протестантами. Вообще нужно замѣтить, что наши богословы и духовные писатели только на словахъ иногда слишкомъ ригористически относятся къ западной богословской литературѣ, какъ будто она нигде не годится и въ ней, кромѣ лжи и заблужденій, ничего добраго нѣтъ. На дѣлѣ они всегда поступаютъ гораздо умнѣе—пользуются при развитіи своихъ мыслей всѣмъ, что только могутъ найти доступнаго для себя въ западной литературѣ, не обѣгая иновѣрческихъ сочиненій» *).

Помѣщая время отъ времени статьи въ изданіяхъ И. С. Аксакова, Иванцовъ-Платоновъ сосредоточивалъ свою журнальную дѣятельность преимущественно на *Православномъ Обзорнѣ*, гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ съ самаго основанія журнала въ 1860 году и членомъ редакціи съ 1869 до 1875 года. Въ статьѣ *Взглядъ на прошедшее и надежды въ будущемъ*, написанной въ 1870 году, Иванцовъ-Платоновъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свои публицистическія стремленія: «Изданіе *Православнаго Обзорнѣ*,—говоритъ онъ,—явилось въ своей сферѣ однимъ изъ выраженій того новаго движенія общественной мысли и жизни, которое обнаружилось у насъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Віяніе духа новой жизни, болѣе сознательной и свободной, которое стало чувствоваться у насъ во всѣхъ общественныхъ сферахъ съ началомъ настоящаго царствованія, естественно должно было отразиться и въ литературѣ духовной и свѣтской». Съ самаго начала журналъ поставилъ своимъ главною задачей «сближеніе между духовною наукою и жизнью, между духовенствомъ и обществомъ». Ради этой цѣли *Православное Обзорнѣ*, прежде всего, «порѣшило прервать связи съ устарѣлыми духовно-литературными преданіями и приѣмами и заговорить съ своими читателями языкомъ современно-образованнаго общества, современной свѣтской литературы», оно создало себѣ новое знамя—«знамя науки серьезной, основательной, свободной, безпристрастной». Идти подъ этимъ знаменемъ, оставаясь ему неизмѣнно вѣрнымъ, было дѣло новымъ въ церковной литературѣ и представляло большія затрудненія. «Между старыми представителями духовной литературы,—говоритъ Иванцовъ-Платоновъ,—наука представлялась постоянно сферою враждебною вѣрѣ, противною христіанству, отъ свободнаго развитія ея опасались подрыва вѣры. Такое представленіе еще болѣе усиливаемо тѣмъ, что западная свободная наука, развиваясь на по вѣ, враждебною христіанству, постепенно болѣе и болѣе приходила къ г во-

*) *Правосл. Обзор.* 1862 г., кн. 5, стр. 60 и 61.

дамъ противо-христіанскимъ. Всякое новое движеніе западной науки въ этомъ направленіи было пугаломъ для только что зарождавшейся свободы изслѣдованія въ нашей наукѣ. У насъ явились болѣзнь науки, недовѣріе къ ней, и, вслѣдствіе этого, между самими дѣятелями науки стало укореняться странное для дѣателей науки направленіе--не развивать науку, не расширять кругъ ея изслѣдованій, а, напротивъ, вслѣдствіе ограничивать, служивать, обрѣзывать его». *Православное Обзорніе* стало на противоположную точку зрѣнія. «Въ интересахъ вѣры, какъ показываетъ самый опытъ,—писать о. Иванцовъ-Платоновъ,—оказывается не только не полезнымъ, но положительно вреднымъ стѣснять и ограничивать свободу науки или заставлять ее хитрить, лицемерить, являться робкою и пристрадною; особенно это неприлично тѣмъ, которые сами служатъ представителями и дѣателями науки. Никакими ограниченіями, стѣсненіями и искусственными направленіями нельзя ни уничтожить науку, ни лишить ее свободы, сдѣлать ее покорною рабою вѣры, которая бы всегда только соглашалась съ нею и никогда не смѣла бы противорѣчить ей. Всѣмъ этимъ можно только болѣе вооружить науку противъ вѣры, и унижить, опозорить предъ нею вѣру, поставить ту и другую во взаимныя враждебныя отношенія, вредныя и для науки, и для вѣры» *).

Такъ смотрѣлъ о. Иванцовъ-Платоновъ на науку, сближать которую съ жизнью ставилъ своею задачей тотъ журналъ, гдѣ онъ былъ однимъ изъ редакторовъ. Каково было его отношеніе къ общественной жизни, лучше всего показываетъ его полемическая статья противъ редактора *Домашней Бесѣды* Аскоченскаго, написанная въ 1861 году. «*Домашняя Бесѣда*,—говоритъ Иванцовъ-Платоновъ,—позволяла себѣ называть прогрессъ обаяннымъ прогрессомъ и желала ему сквозь землю провалиться вмѣстѣ съ его родною сестрицей, цивилизаціей», и Аскоченскій обвинялъ автора книги: *О православіи въ отношеніи къ современности*, архимандрита Феодора, въ вѣроотступничествѣ за то, что онъ обнаруживалъ сочувствіе прогрессивному направленію тогдашней современности. «Одно Евангеліе можетъ убить всякаго непредубѣжденнаго, — отвѣчаетъ Аскоченскому Иванцовъ-Платоновъ,— что въ истинномъ христіанствѣ, въ православномъ христіанствѣ, даны человечеству самыя полнѣйшія и крѣпчайшія начала прогресса—начала истины, любви, правды, свободы. Съ другой стороны, достаточно обратить вниманіе на самыя общія явленія нашего современнаго прогресса, чтобы видѣть, что онъ въ своихъ главныхъ и лучшихъ проявленіяхъ зиждется на христіанскихъ началахъ. Улучшеніе быта нѣсколькихъ милліоновъ православнаго народа, развитіе общественной благотворительности, распространеніе образованія въ народѣ, стремленіе къ тому, чтобы было больше искренности и справедливости въ различныхъ отношеніяхъ,—вотъ главнѣйшія явленія современности. Что же? Развѣ есть въ этихъ явленіяхъ что-либо противное христіанству? Мысль о бѣдномъ, угнетенномъ, страждущемъ

человѣчествѣ—самая основная мысль современности. Не та же ли и основная мысль христіанства? Можно ли послѣ этого, не будетъ ли страшнѣе хулой видѣть въ современной цивилизаціи духъ не Христовъ, а анти-христовъ, какъ это нерѣдко представляется въ *Домашней Бесѣдѣ* *)).

Мы не имѣемъ возможности рассмотреть здѣсь журнальную дѣятельность Иванцова-Платонова во всемъ ея объемѣ, такъ какъ онъ писалъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ церковной и общественной жизни. Достаточно отмѣтить, что въ отдѣльныхъ статьяхъ онъ примѣнялъ къ частнымъ случаямъ тѣ общія воззрѣнія, съ которыми мы уже ознакомились. Его журнальная дѣятельность является проведеніемъ въ жизнь евангельскаго ученія о братской любви и правдѣ. Такъ, въ статьѣ *Объ отношеніи полемиической богословской литературы къ современнымъ требованіямъ науки и жизни* онъ устанавливаетъ слѣдующее общее правило религіозной полемики: «Главное здѣсь—чувство твердаго и спокойнаго убѣжденія въ истинѣ, христіанская братская любовь къ заблуждающимся, кроткое, проникнутое искреннимъ, а не официальнымъ желаніемъ душевнаго блага обращеніе съ ними, умѣнье, не поступаясь православнымъ убѣжденіемъ, щадить религіозныя чувства и симпатіи самыхъ противниковъ, обличать, но раздражать, обращаться къ нимъ не съ упреками и угрозами, а со словомъ любви и мира». Разбирая въ этой статьѣ книгу Нильскаго *Объ антихриствѣ противъ раскольниковъ*, Иванцовъ-Платоновъ говоритъ: «На 500 страницъ рѣдко у автора проглядываетъ чувство состраданія, чувство человѣческой братской любви къ несчастнымъ заблудшимъ. Оскорбительныя слова: «очевидная, ясная ложь, клевета, недобросовѣстность, нелѣпость, фанатизмъ» и другія встрѣчаются почти на каждой страницѣ и производятъ непріятное впечатлѣніе на человѣка, ни мало не сочувствующаго заблужденіямъ раскольниковъ. Что же послѣ этого должны чувствовать при чтеніи книги сами раскольники? Опровергая мнѣнія противниковъ, какъ будто въ чувствѣ своего превосходства и торжества надъ ними, авторъ позволяетъ себѣ иногда насмѣшку надъ ихъ ложными убѣжденіями. Странно, какъ человѣкъ, имѣющій убѣжденіе и знающій цѣну ему, можетъ такъ легко относиться къ чужому убѣжденію, убѣжденію религіозному, притомъ, убѣжденію не одного человѣка, а цѣлаго общества, состоящаго изъ нашихъ же соотечественниковъ?» **).

Въ статьяхъ, относящихся къ церковной жизни, Иванцовъ-Платоновъ проводитъ тѣ же принципы гуманности, справедливости и просвѣщенія. Въ одной статьѣ онъ возстаетъ противъ тѣлесныхъ наказаній въ школахъ, требуетъ человѣчнаго отношенія къ учащимся, защищаетъ свѣтскую литературу отъ обвиненій во враждѣ къ духовенству, утверждая, что ея нападки обнаруживаютъ «искреннюю ревность о благѣ религіи, о благѣ общественномъ, о чести и благѣ самого духовенства» ***).

*) *Правосл. Обзор.* 1861 г., кн. I, стр. 14 и 17.

**) *Правосл. Обзор.* 1860 г., кн. II, стр. 238—235.

***) Тамъ же, кн. III, стр. 546 и слѣд.

Въ другихъ статьяхъ онъ доказываетъ необходимость участія духовенства въ общей работѣ по народному образованію *) и настаиваетъ на необходимости хорошей женской школы для дѣвушекъ духовнаго званія въ виду важности ихъ роли въ деревнѣ и т. д. **). Какъ публицистъ, Иванцовъ-Платоновъ настаиваетъ на необходимости сближенія духовенства съ другими сословіями. «Въ теоріи, на словахъ, теперь нерѣдко осмѣиваются всякіе сословные предрасудки,—говоритъ онъ,—но на практикѣ едва ли выполняется и десятая доля того, что проповѣдывается въ теоріи, на словахъ. На практикѣ хотя бы между нашимъ духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ до сихъ поръ держится еще такое разъединеніе, какое возможно только при самомъ сильномъ антагонизмѣ сословій. Хвала и честь будетъ той сторонѣ, которая первая съ искренностью начнетъ дѣло сближенія» ***). Въ связи съ этимъ взглядомъ Иванцова-Платонова стоятъ рядъ его статей *О мѣрахъ къ возстановленію выборнаго духовенства*, напечатанныхъ въ газетѣ *Русь* за 1881 годъ. Констатировавъ, что «право выбора кандидатовъ на церковныя должности есть законное право прихожанъ», онъ доказываетъ, что для осуществленія этого права необходимо «не на бумагѣ только, но на самомъ дѣлѣ дать доступъ всѣмъ сословіямъ къ духовному служенію». Для этой цѣли онъ рекомендуетъ, между прочимъ, отдѣлить богословскіе классы нынѣшнихъ семинарій въ самостоятельныя учебныя заведенія, куда могли бы поступать съ небольшою дополнительною подготовкой окончившіе курсъ въ народныхъ школахъ, «наиболѣе близкаго и доступнаго народу». Признавая законность выборнаго принципа при заѣщеніи духовныхъ должностей, Иванцовъ-Платоновъ считалъ соборное начало съ участіемъ мірянъ наиболѣе благотворною основой церковнаго управленія. Еще въ статьѣ *Мысль о соборѣ по дѣлу болгарскому*, помѣщенной въ газетѣ *День* за 1862 годъ, онъ говоритъ: «Желательно было бы, чтобы у насъ на Востокѣ всѣ важныя церковныя дѣла были обсуждаемы и рѣшены не сокровенно-личнымъ усмотрѣніемъ, а открыто-соборнымъ совѣщаніемъ». Двадцать лѣтъ спустя, въ 1882 году, онъ напечаталъ въ *Руси* рядъ статей *О русскомъ церковномъ управленіи*, въ которыхъ представилъ обстоятельную программу реформъ на основѣ выборнаго и соборнаго начала.

Мы далеко не исчерпали всѣхъ вопросовъ, которыхъ касался Иванцовъ-Платоновъ въ своей многолѣтней журнальной дѣятельности, но и сказаннаго достаточно, чтобы составить понятіе, въ какомъ направленіи старался онъ дѣйствовать на русское общество. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ остановиться еще на двухъ его статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ *Дѣтская Помощь*. Последніе годы своей жизни о. Иванцовъ-Платоновъ былъ вынужденъ состояніемъ здоровья ограничить свою дѣятельность и, отъказавшись отъ журнальной работы и отъ преподаванія въ средней шко-

* *Правосл. Обзор*. 1862 г., кн. I и II.

** Тамъ же, кн. IV.

*** *И двадцать лѣтъ священства*, стр. 416—417.

лѣ, переставъ даже быть настоятелемъ церкви при Александровскомъ училищѣ, сосредоточилъ свои послѣднія силы на профессорской дѣятельности и на дѣлахъ благотворенія. Принимая живое участіе во многихъ благотворительныхъ обществахъ, пожертвовавъ одному изъ нихъ всѣ свои сочиненія, а другому свою бібліотеку, онъ ближе заинтересовался вопросомъ объ организаціи благотворительности. Въ одной изъ своихъ статей, которая озаглавлена *Основное начало, высшія степени и различныя виды благотворенія*, онъ старается установить нормы пожертвованія, нравственно обязательнаго для каждаго человѣка. «Нельзя же тѣмъ довольствоваться, — пишетъ онъ, — чтобы одѣлать нищихъ грошами и копѣйками, завалявшимися въ карманахъ, имѣя въ сундукахъ десятки и сотни тысячъ рублей, и при этомъ считать себя серьезно исполняющимъ обязанности христіанскаго благотворенія, припоминая при этомъ евангельскую вдовицу, стязавшую себѣ благословеніе Христа пожертвованіемъ одной лепты на дѣло Божіе... Намъ до этой евангельской лепты такъ же далеко, какъ и до совершеннаго исполненія словъ Христовыхъ: иди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ». Иванцовъ-Платоновъ доказываетъ, что неотяготительный минимумъ пожертвованія есть десятая часть дохода; но главное достоинство статьи составляетъ проникающее ее искреннее и горячее чувство, которое возвышается иногда до настоящаго пафоса. Авторъ обращаетъ свою рѣчь преимущественно къ богачамъ. «Люди ограниченнаго состоянія, — говоритъ онъ, — люди бѣдные, живущіе тяжелыми трудами, едва ли не бѣольшую часть своего состоянія отдаютъ на добрыя дѣла, тѣмъ люди богатые, праздные, пользующіеся плодами чужихъ трудовъ... Въ деревнѣ рѣдкій крестьянинъ отказался бы, имѣя девять человѣкъ въ своей семьѣ, взять на пропитаніе десятаго, чужого сироту, или изъ десяти кусковъ хлѣба, припасенныхъ для семейнаго обѣда, отдать одинъ нищему, или изъ десяти рабочихъ дней, полагаемыхъ на собственное хозяйство, удѣлитъ одинъ день на помощь бѣдной, сиротствующей семьѣ, не могущей собственными руками обрабатывать свой участокъ земли... Нищія, проживающіе въ грязныхъ и холодныхъ вертепахъ и питающіеся милостыней, говорятъ, дѣлятся кусками хлѣба и всякою взаимною помощью между собой, особенно съ наиболѣе слабыми и больными. А богачи, одѣвающіеся въ порфиру и виссонъ, часто проходятъ совершенно равнодушно мимо бѣдныхъ Лазарей, скитающихся около воротъ или дворцовъ (если только ихъ не гоняютъ оттуда), находящихъ себѣ пріютъ вмѣстѣ со псами, охраняющими ихъ богатые дворцы, и питающихся иногда гораздо хуже псовъ, ядущихъ отъ трапезы господей своихъ». Говоря о способахъ благотворительности, Иванцовъ-Платоновъ находитъ хорошія стороны въ каждомъ изъ нихъ и весьма своеобразно защищаетъ даже обыкновенную милостыню нищему. «Говорятъ, — пишетъ онъ, — что раздача подаенія нищимъ не только не достигаетъ своей цѣли, не содѣйствуютъ прекращенію нищенства, но божье способствуетъ его распространенію. Но если бы мы изобрѣли — и не только изобрѣли, а вполне осуществили на практикѣ — другіе, лучше

способы прекращенія нищенства, мы могли бы разсуждать такъ; но пока этого вѣтъ, пока нищія остаются между нами, мы не можемъ, не должны во имя человѣческаго и христіанскаго чувства оставлять ихъ». Соглашаясь, что во всемъ, что говорятъ противъ такого способа благотворительности, есть «печальная правда», онъ утверждаетъ, что и такая милостыня не всегда пропадаетъ даромъ. «Указываютъ на то,—говоритъ онъ,—что гроши и пятаки, собираемые нищими, разносятся по трактирамъ и кабакамъ. Но, вѣдь, бываетъ же и такъ, что эти гроши и пятаки, своевременно поданные, дѣйствительно спасаютъ отъ голода и холода неимущаго человѣка или цѣлую семью. Пусть уже лучше сотни и тысячи грошей и пятаковъ, поданныхъ хотя бы и негоднымъ нищимъ, пропадутъ безъ пользы, нежели хотя одинъ человѣкъ умретъ съ голоду... Да и имѣемъ ли мы право осуждать и того нишаго, который дѣйствительно несетъ въ кабакъ нѣсколько собранныхъ грошей и пятаковъ, когда онъ передъ этимъ нѣсколько дней голодалъ или дрожалъ отъ стужи на улицѣ, въ зимнее время почти непокрытый ничѣмъ? Имѣемъ ли мы право вообще осуждать порочныхъ бѣдныхъ людей, не зная хорошо тѣхъ обстоятельствъ, которыя довели ихъ до этого, не зная и того, каковы бы мы сами были въ ихъ положеніи? Указываютъ на то, что иные нищія обращаютъ себѣ нищенство въ выгодный промыселъ и наживаютъ себѣ большія состоянія... Но это, конечно, исключенія, и да сохранить Господь всякаго, сколько-нибудь обезпеченнаго въ жизни человѣка, который самъ не голодалъ по цѣлымъ днямъ, не оставался безъ пріюта подъ открытымъ небомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, не дрожалъ въ зимнее время отъ стужи безъ теплой одежды и обуви, не подвергался всевозможнымъ униженіямъ и осмѣяніямъ, завидовать такому промыслу, на который рѣшаются совершенно уже обезумѣвшіе, конечно, не отъ счастья и радости люди» *).

Но Иванцовъ-Платоновъ не настаиваетъ именно на этомъ видѣ благотворительности,—наоборотъ, онъ указываетъ цѣлый рядъ другихъ способовъ, посредствомъ которыхъ пожертвованіе вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, и, между прочимъ, весьма характерно защищаетъ наличныя благотворительныя учрежденія. «Пусть въ существующихъ нынѣ благотворительныхъ учрежденіяхъ,—говоритъ онъ,—много несовершенствъ и недостатковъ; но они, все-таки, держатся на началѣ любви и добра, они основываются для высокой цѣли милосердія... Если намъ слишкомъ замѣтны несовершенства существующихъ благотворительныхъ учреждений, если мы имѣемъ гораздо лучшія представленія о дѣлѣ благотворенія,—примемъ сами ближайшее участіе въ дѣятельности этихъ учреждений, внесемъ въ нихъ новый духъ, новыя лучшія начала, или устроимъ, насколько у насъ есть средствъ для того, свои новыя учрежденія на болѣе совершенныхъ началахъ. Но не будемъ только веръ уживать и порицать другихъ, а тѣмъ болѣе устранимся совершенно

) За третью десятилѣтіе священства, стр. 131—132, 136—137, 150—152.

отъ добраго дѣла потому, что доброе дѣло въ настоящее время дѣлается не вполне совершенно» *).

Когда учрежденія стариннаго приказа общественнаго призрѣнія перешли въ вѣдѣніе городской думы и когда комиссіей о пользахъ и нуждахъ общественныхъ былъ представленъ проектъ о новой организаціи благотворительныхъ учрежденій, Иванцовъ-Платоновъ написалъ обширныя замѣчанія на этотъ проектъ. Мы не будемъ касаться содержанія этой обстоятельной статьи и отмѣтимъ только два пункта, въ которыхъ особенно ясно обнаруживаются характерныя стороны воззрѣній ея автора: отсутствіе у него сословныхъ пристрастій и широкая гуманность, искренняя любовь къ бѣдняку. Доказывая, что городскія попечительства о бѣдныхъ не должны совпадать съ приходскими, а должны захватывать болѣе широкій районъ, онъ говоритъ: «Намъ, духовенству, прежде всего, нужно отстранить отъ себя всякую ревность и мелочное соперничество съ городскимъ управленіемъ по устроенію общественной благотворительности. Здѣсь не должны имѣть мѣста ни сожалѣніе о томъ, что не мы являемся въ настоящемъ случаѣ инициаторами въ устроеніи благотворенія, ни опасенія относительно того, какъ бы благотворительная дѣятельность, поступая въ вѣдѣніе горбда, не ушла изъ-подъ вліянія церкви, не сошла съ церковной почвы, не утратила своего религіозно-нравственнаго характера. «Различенъ милованія образъ и широка заповѣдь сія»: всѣмъ, кто бы ни входилъ въ эту область, найдется дѣло и мѣсто. Любовь къ ближнему, помощь ближнему, не есть достояніе и обязанность одного духовенства, а общее дѣло всего христіанства» **).

Говоря о дѣятельности городскихъ попечительствъ, Иванцовъ-Платоновъ считаетъ необходимымъ, чтобы они удовлетворяли «всѣ главныя нужды бѣдныхъ», т.-е. «чтобы и голодные могли получать себѣ пищу, и безпріютные—пріютъ, и беспомощные—призрѣніе, и сироты—воспитаніе, и больные—медицинскую помощь, и ищущіе труда—работу и т. д.»***). Такая же гуманная мысль лежитъ въ основаніи его замѣчаній относительно устройства работныхъ домовъ. Настаивая на необходимости того, «чтобы работающіе были по возможности обставлены всѣми средствами нравственнаго вліянія, чтобы попечители и управители работныхъ домовъ слѣдили за судьбой и образомъ жизни трудившихся въ немъ по истеченіи срока ихъ исправленія, помогали имъ пристраняться къ мѣстамъ свободнаго труда», Иванцовъ-Платоновъ считаетъ справедливымъ отчисленіе въ ихъ пользу части ихъ заработной платы во время заключенія. «Такого принципа,—говоритъ онъ,—что въ рабочихъ домахъ должно быть практикуемо *максимальное напряженіе силъ работниковъ при минимальномъ удовлетвореніи*

*) Тамъ же, стр. 157.

**) Тамъ же, стр. 164.

***) Тамъ же, стр. 168.

*изъ потребностей и безъ всякаго вознагражденія за работу, намъ кажется, по-христіански дѣлу благотворенія и исправленія нельзя давать *)*.

Историки не одинаково оцѣниваютъ культурное значеніе церкви въ различныя эпохи ея исторіи. Такой дѣятель, какъ Иванцовъ-Платоновъ, навсегда останется настоящимъ представителемъ истинно цивилизующаго христіанства.

М. Корелинъ.

*) Тамъ же стр. 190.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.

I.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда вышло въ свѣтъ первое собраніе сочиненій почтеннаго Ал. Конст. Шеллера, я не преминулъ посвятить ему критическую статью, появившуюся на страницахъ *Отечеств. Записокъ* 1873 г. Это обстоятельство дѣлаеть, повидимому, излишнею новую статью съ моей стороны о произведеніяхъ Шеллера, но нѣсколько вѣскихъ въ моихъ глазахъ соображеній заставляютъ меня посвятить уважаемому беллетристу вторую статью—совсѣмъ въ иномъ родѣ.

Одна двадцатилѣтняя давность чего-нибудь да стѣбитъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ и времена были совсѣмъ другія, да и мы были не тѣ. И Ал. К. Шеллеръ, и я—оба мы находились въ полномъ разцвѣтѣ силъ и жизни, что называется, на всѣхъ парахъ. Молодой критикъ выступилъ тогда противъ столь-же молодого беллетриста (мы съ А. К. Шеллеромъ родились въ одномъ году) не только для того, чтобы сдѣлать скромную критическую оцѣнку его произведеній, но съ дерзкою цѣлью—направить дѣятельность его на иной, болѣе благотворный путь.

Нынѣ, конечно, и въ голову не можетъ мнѣ придти направлять А. К. Шеллера на какія-либо новые пути. Оба мы находимся въ такомъ уже возрастѣ, когда приходится подводить итоги дѣятельности почти уже завершившейся. Для обоихъ наступаетъ уже судъ исторіи, особенно-же для всего того, что мы дѣлали двадцать лѣтъ тому назадъ. Многое, представлявшееся намъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ одномъ видѣ, теперь рисуется совсѣмъ иначе подъ вліяніемъ измѣнившихся перспективъ, новыхъ опытовъ и наблюдений, пріобрѣтенныхъ въ столь большой періодъ времени, наконецъ, вслѣдствіе значительнаго измѣненія характера эпохъ. Такъ, на примѣръ, въ то время, когда писалась моя статья, въ 1873 году, въ молодомъ поколѣніи было сильно еще увлеченіе идеями Писарева, и на каждомъ шагу можно было встрѣтить «резвыхъ реалистовъ», которые всю цѣль жизни полагали въ занятіи естественными науками и въ устройствѣ личнаго счастья на разумныхъ основаніяхъ. Мнѣ и многимъ другимъ такой идеалъ казался въ то время слишкомъ буржуазнымъ и эгои-

стичнымъ. Желательно было, чтобы люди увлекались идеалами болѣе широкими и альтруистическими, заключающими въ себѣ стремленіе не къ одному личному усовершенствованію, но и къ общему благу. Положительные типы, встрѣчающіеся въ романахъ Шеллера, носили образъ и подобіе писаревского Базарова, отсюда прямо выходило то отрицательное отношеніе къ нимъ, какимъ проникнута моя статья. Ну, а нынѣ совсѣмъ другое дѣло: въ нашъ вѣкъ «забытыхъ словъ», унылаго пессимизма или цинической безпабашности и безпринципности были бы желательны хотя бы и такіе герои, какихъ выставляеть въ своихъ романахъ А. К. Шеллеръ, т.-е. люди, которые говорили бы: правда, мы никакими широкими задачами не задаемся, но за то въ нашей личной сѣренькой жизни безупречно честны, правдивы, руководствуемся самыми рациональными принципами и въ каждую минуту готовы протянуть руку посильной помощи страдающему ближнему.

Впрочемъ, отъ многихъ пунктовъ моей первой статьи о А. К. Шеллерѣ я и теперь не отказываюсь. Такъ, я и по сейчасъ готовъ утверждать, что А. К. Шеллера въ чисто-художественномъ отношеніи нельзя и сравнивать не только съ такими мастерами, какъ Тургеневъ, Гончаровъ или Л. Толстой, но хотя-бы и съ нѣкоторыми позднѣйшими беллетристами, вроде, напримѣръ, Гаршина, Короленко, Ант. Чехова. Вслѣдствіе замкнутой, кабинетной жизни, кругъ наблюденій А. К. Шеллера не отличается большою широтой. Не найдете вы въ его романахъ ни деревни, ни природы, ни городской провинціальной жизни въ ея разныхъ мѣстныхъ особенностяхъ. Дѣйствіе романовъ А. К. Шеллера совершается по большей части въ Петербургѣ, переходя отъ скромныхъ обитателей Пряжки или Болтовской къ надменнымъ владѣльцамъ каменныхъ громадъ на Англійской набережной. Если въ первой главѣ пахнетъ жаренымъ кофеемъ и блинами,—во второй непременно благоухаютъ фиіамы въ роскошномъ будуарѣ графини или княгини. Въ третьей главѣ отставной титулярный совѣтникъ справляетъ именины, въ четвертой—изображается великосвѣтскій балъ, и такъ далѣе въ перемежку.

Всѣ романы А. К. Шеллера носятъ при этомъ характеръ чего-то искусственно сочиненнаго, составленнаго по предвзятому плану и подогнаннаго въ излюбленной тенденціи. Прибавьте ко всему этому, что, при бѣдности красокъ, вась томить на каждой страницѣ масса безконечныхъ разсужденій и дѣйствующихъ лицъ, и самого автора. При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ авторъ пускается въ мораль и безпрестанно читаетъ нотатин не только тому или другому провинившемуся герою, но и самому читателю.

А. К. Шеллеръ, впрочемъ, и самъ не признаеть себя художникомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такъ, въ концѣ первой части перваго же свго романа *Идилія болота*, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Намъ ли, трезникамъ-мѣщанамъ, писать художественныя произведенія, холодно задумчивыя, расчетливо эффектные и съ безмятежно-ровнымъ, полирован-

нымъ слогомъ? Мы урывками, въ свободныя минуты, записываемъ пережитое и пережитое и радуемся, если удастся иногда высказать накопившее горе и тѣ ясныя, непризрачныя надежды, которыя поддерживаютъ въ насъ силу къ трудовой чернорабочей жизни. Хорошо, если само собою свяжется мѣткое слово, нарисуетъ ловкая картина и вырвется изъ-подъ сердца огонь поэзіи; но если и ихъ не найдется, то горевать нечего, обойдется и такъ...»

Я убѣжденъ, что каждый, кто читалъ романы Шеллера, согласится со мной въ вышеозначенныхъ положеніяхъ. Но если бы этими положеніями исчерпывалось все, что можно сказать о романахъ Шеллера, то, конечно, они не имѣли бы никакого значенія, давно были бы забыты и не чувствовалось бы никакой нужды въ новомъ ихъ изданіи. Однако же, мы видимъ, что въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ ими зачитывались. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ отъ многихъ весьма солидныхъ людей, прожившихъ свою юность въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, что они ничего въ своей молодости не читали съ такимъ увлеченіемъ, какъ романы А. К. Шеллера, и никому не были въ такой степени обязаны благотворнымъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ именно этому почтенному беллетристу, который будилъ въ нихъ инстинкты чести, правды, добра и устремлялъ ихъ на вѣрный и прямой, хотя и тернистый путь.

Чѣмъ же дѣйствовалъ А. К. Шеллеръ на душу своихъ юныхъ читателей? Что составляетъ тайну его вліянія на цѣлый рядъ слѣдующихъ одно за другимъ поколѣній и увлеченія ихъ образами, повидимому, такими стереотипными и однообразными? Раскрытіе этой тайны и составить главную цѣль моей статьи, такъ какъ, безъ сомнѣнія, въ этой тайнѣ и заключается все значеніе романовъ Шеллера, если не художественное, то еще того выше—воспитательное.

II.

Прежде всего спѣшу обратить вниманіе читателей на всю, если можно такъ выразиться, органичность появленія Шеллера въ 1864 году на страницахъ *Современника* съ его первымъ романомъ *Гниль болота*. Въ это время въ обществѣ нашемъ бывшая передъ тѣмъ лихорадка реформъ начала замѣтно стихать и смѣняться новыми вѣяніями, совсѣмъ иного характера. Люди кое-чего достигшіе и во многихъ своихъ надеждахъ и мечтахъ, какъ это всегда у насъ бываетъ, разочаровавшіеся обратили свои взоры отъ нуждъ и потребностей своего отечества, отъ такъ называемыхъ «общихъ вопросовъ», на самихъ себя, на вопросы индивидуально-личностные, на свое личное поведеніе. Повсюду начались исканія новыхъ идеаловъ, всюду слышались вопросы о томъ, какъ жить и что дѣлать, чтобы не слѣдовать слѣпо за пошлою толпой по протореннымъ, рутиннымъ дорожкамъ, а вести сознательно-разумную жизнь, исполненную блеска свѣта и правды.

Не одинъ только Писаревъ выступилъ въ то время на страницахъ *Русскаго Слова* со своимъ базаровскимъ типомъ «трезвыхъ реалистовъ». И на страницахъ *Современника* мы видимъ подобнаго же рода одновременныя попытки выставить новыхъ людей съ ихъ идеальною жизнью, построенною на самыхъ разумныхъ началахъ. Являются программы такой разумной жизни, вдающіяся въ самыя мелкія подробности, включая пищу, одежду и расположеніе комнатъ. Люди, увлекавшіеся такими программами, совершенно забрасывали вопросы вѣдшей и внутренней политики и спланивались въ тѣсныя кружки съ цѣлью устраивать производительныя мастерскія, потребительныя товарищества и т. п. Явилось нѣчто вродѣ сектаторскаго обособленія, причемъ наиболѣе строгіе ригористы и пуристы доводили свое усердіе въ слѣдованіи по новымъ путямъ до такихъ тонкостей, что ставили ребромъ вопросы о томъ, допустимо ли «новому человѣку» бѣть икру, сардинки, дюшесы и тому подобныя гастрономическія деликатесы праздною и изнѣженной роскоши.

Если мы отстранимъ всѣ подобнаго рода крайности и курьезы, неизбежныя въ каждомъ движеніи, а возьмемъ его въ его сути, то въ общемъ тѣ индивидуально-нраственныя идеалы, какими въ то время увлекались передовые люди, носили характеръ чисто-плебейскій. Замѣтьте, именно—плебейскій, но отнюдь не народническій. О народникахъ въ то время не было и помину. Народъ представляли темною и замученною крѣпостнымъ правомъ массою, которую нужно просвѣтить, возвысить и обезпечить ея благосостояніе, но никому и въ голову не приходило, чтобы въ этой массѣ могли храниться такіе идеалы, которыми могли бы увлекаться интеллигентныя люди. Поэтому, если отъ «новыхъ людей» требовали упорнаго, неуспянаго труда, который противопоставлялся барской праздности, то предполагался трудъ чисто-интеллигентный, въ кругъ котораго не входило ни умѣнье пахать и косить, ни всѣ прочія мускульныя и физическія работы. Вопросъ объ опрощеніи былъ въ большомъ ходу, но въ свою очередь не шелъ далѣе пиджака и чернаго платья; о зицунѣ или сарафанѣ не было и рѣчи. Требовались братскія, гуманныя отношенія ко всѣмъ людямъ, но не приглашали непременно ѣхать въ деревню и тамъ совсѣмъ и безвозвратно превратиться въ Пахома или Маланью. Однимъ словомъ, это былъ идеалъ, если можно такъ выразиться, *разночинный*, вышедшій всецѣло изъ той среды мелкаго дворянства, духовенства, чиновничества и мѣщанства, которая заключала въ себѣ такъ называемыхъ людей средняго круга; люди эти теперь стали впереди, дѣлали прогрессъ и, какъ это всегда бываетъ съ преобладающею въ движеніи средой, внесли въ жизнь идеалъ по своему образу и подобию: неустанное труженничество, упорная энергія въ достиженіи поставленной впереди цѣли, простота и нетребовательность во всемъ обиходѣ жизни, нравственная чистота и цѣломудріе, доходящія до светизма, и пр.

естественно и понятно, что наиболѣе послѣдовательныя и горячіе проповѣдники подобнаго рода новаго разночиннаго идеала должны были являть-

ся изъ самой той среды, въ нѣдрахъ которой этотъ идеалъ созрѣлъ, людьми, которые съ самаго дѣтства воспитались въ его духѣ. И дѣйствительно, не даромъ гениально-чуткій Тургеневъ вывелъ своего Базарова изъ плебейской среды въ видѣ сына мелкаго провинціального лекаря. Не даромъ въ свою очередь первая попытка провести въ литературу типъ новаго героя-плебея принадлежитъ семинаристу Помяловскому. Судя по тѣмъ наброскамъ, отрывкамъ и программамъ будущихъ работъ, какіе остались послѣ смерти Помяловскаго, можно полагать, что, если бы не преждевременная кончина, дальнѣйшая литературная дѣятельность Помяловскаго была бы совершенно въ такомъ же родѣ, въ какомъ мы видимъ дѣятельность Шеллера, т. е. подобно послѣднему онъ изображалъ бы новыхъ героев-плебеевъ въ ихъ различныхъ столкновеніяхъ и борьбѣ съ отжившими элементами общества. А. К. Шеллеръ, такимъ образомъ, является какъ бы продолжателемъ Помяловскаго, или, еще правильнѣе сказать, онъ исполнилъ то, что Помяловскому удалось лишь задумать.

А. К. Шеллеръ въ свою очередь является выходцемъ изъ разночинной среды и съ дѣтства воспитанъ въ духѣ ея идеаловъ. Объ этомъ мы можемъ судить по первому же роману его *Гнилая болота*, несомнѣнно заключающему въ себѣ массу автобіографическаго матеріала. Я вовсе не утверждаю, чтобы романъ этотъ всецѣло былъ автобіографіей Шеллера. Много въ немъ, конечно, и прибавлено, и убавлено, и измѣнено, и вообще подвергнуто разнымъ прихотямъ художественной фантазіи. Я хочу только сказать, что, въ общемъ, герой, изображенный въ романѣ, переживаетъ нѣчто подобное тому, что переживалъ самъ авторъ, и въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что многіе факты жизни его сходятся съ тѣми біографическими фактами жизни А. К. Шеллера, какіе намъ извѣстны въ печати. Романъ этотъ тѣмъ именно намъ и дорогъ, что мы найдемъ въ немъ всѣ тѣ элементы творчества, которые вынесъ А. К. Шеллеръ изъ своего дѣтства и воспитанія и которые потомъ неизмѣнно отражались во всѣхъ его послѣдующихъ произведеніяхъ. Поэтому мы, прежде всего, остановимся на этомъ романѣ и подробно займемся имъ.

III.

На первой же страницѣ романа, описывая бѣдную, мѣшанскую обстановку родителей героя, авторъ не ограничивается однимъ объективнымъ описаніемъ, а тенденціозно противопоставляетъ отношеніе къ своей обстановкѣ бѣдныхъ мѣшанъ и разночинцевъ и людей богатыхъ. «Сурово смотрѣли на меня,—говоритъ онъ,—изъ темныхъ угловъ и массивный шкафъ съ бронзовою отдѣлкой, и брюхастый коммодъ, почти почернѣвшій, и стулъ съ тяжелыми, потусклыми спинками и засиженными, клеенчатыми, тв рдыми, какъ дерево, подушками. Какъ фантастическій призракъ съ жел оватымъ лицомъ, отбрасывая по стѣнѣ длинную тѣнь, висѣли часы съ г ромнымъ разрисованнымъ передкомъ; тяжело опускались ихъ свинцовыя

гря, и маятникъ отчетливо и твердо выбивалъ свое вѣчное «тикъ-такъ»; что, дескать, вы ни толкуйте, а время идетъ и идетъ своимъ чередомъ. Прочія стѣны по верхамъ были голы, кромѣ одной, гдѣ красовался портретъ какого-то господина. Господинъ держалъ въ рукѣ перо и словно наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось у насъ... У бѣдняковъ, самыхъ непрактичныхъ людей въ мірѣ, почти всегда есть какая-нибудь завѣтная вещь, какой-нибудь чубукъ въ бисерномъ чехлѣ, обкуранный неизвѣстно куда заброшеннымъ другомъ, какая-нибудь стѣнная, немного вольнаго содержания картинка, воспоминаніе проказъ молодости, обдѣланная въ голубую съ золотымъ бордюромъ рамку, замасленная и зачитанная книга или что-нибудь тому подобное, обыкновенно ни на что не похожее, не имѣющее никакой цѣны въ глазахъ постороннихъ людей и потому остающееся у владельца даже тогда, когда онъ, освобожденный отъ прочей поклажи услужливыми кредиторами, отправляется на казенные хлѣба въ долговое отдѣленіе. У богачей нѣтъ подобныхъ вещей: у нихъ есть золото. На него купили они сотни друзей, давно имъ надобѣвшихъ и постылыхъ, и уже, конечно, не можетъ радовать [ихъ чубукъ, обкуранный однимъ изъ этихъ прхлебателей. За то же золото насмотрѣлись они до тошноты на самыя отвратительныя, скоромныя [картины, даже видѣли въ натурѣ изображенныя на нихъ сцены. Не дорожатъ они какою-нибудь однажды прочитанною книгою, потому что у нихъ есть средства и время купить и продать новыя книги, столь же умныя и столь же ненужныя для нихъ, какъ и старыя. Богачъ не понимаетъ привязанности бѣдняка къ вещи, какъ къ другу,—бѣднякъ не постигаетъ пресыщенія и мертвящей апатіи богача».

Такимъ образомъ, передъ вами на первой же страницѣ романа парадируютъ герой-разночинецъ, гордящійся своимъ плебействомъ и выставляющій его какъ нѣчто идеальное.

Далѣе слѣдуетъ изображеніе отца героя. Отецъ А. К. Шеллера былъ, какъ извѣстно, эстонецъ; отца героя авторъ передѣлалъ въ хохла, но факты жизни обоихъ очень сходны. Подобно отцу А. К. Шеллера, Василий Рудый въ дѣтствѣ, неизвѣстно для чего и почему, былъ привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ театральное училище. Два или годъ французъ балетмейстеръ,—та самая личность, подъ палкой [которой впервые началъ вывихнуть Мартыновъ,—истощалъ всѣ силы и средства, стараясь вывихнуть со своего руки и ноги неуклюжаго мальчугана, наконецъ, передалъ его въ руки трубача музыканта. Форма [губъ мальчика заставила училищное начальство подозрѣвать въ немъ способность къ игрѣ на трубѣ. И точно: играть въ трубу ребенку было легче, чѣмъ, подъ палкою балетмейстера, становиться на носки и выдѣлывать антраша. Василий Рудый окончилъ курсъ трубки двадцати лѣтъ. Онъ умѣлъ съ ошибками писать на трехъ языкахъ, правильно говорить на одномъ русскомъ и лихо волокаться за актрисами. Любо волокитство, охота на Трухтанскомъ, Кругломъ и Баттарейномъ островахъ и шумныя попойки въ пріятельскихъ кружкахъ быстро разстроили его здоровье. На четвертый годъ службы [пришлось оставить трубу или

познакомиться съ чухоткой. Рудый служилъ затѣмъ въ суфлерахъ, переписывалъ ноты, исполнялъ всевозможныя порученія, бѣгалъ за ничтожную плату изъ одного конца города въ другой, истощалъ всѣ силы, чтобы зашибить копѣйку и не умереть голодною смертью гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Натерпѣлся онъ мукъ отъ людей. Надо было имѣть много душевныхъ силъ и упрямства, чтобы перешибить обухъ плетью, пробить стѣну лбомъ и не погибнуть нравственно. Рудый пережилъ все, не погибъ и черезъ два года опредѣлился на службу.

Путемъ такихъ мытарствъ изъ Рудаго выработался своего рода нравственный богатырь. «Люди,—разсказываетъ герой,—знавшіе отца прежде, не узнавали его по прошествіи роковыхъ двухъ лѣтъ. Онъ былъ лысъ и въ остаткахъ черныхъ кудрявыхъ волосъ проглядывала сѣдина. Между бровями врѣзалась глубокая морщина, придававшая его доброму лицу выраженіе суровой строгости. Онъ ходилъ тверже прежняго, поднявъ голову, никому не протягивая впередъ руки, не уступая дороги». «Я иду по законной сторонѣ и не обязанъ сторониться, если встрѣчный вздумаетъ идти по лѣвой»,—говаривалъ отецъ. Казалось, что, говоря съ человѣкомъ, онъ думалъ: «Что бы ты мнѣ ни говорилъ, я тебѣ не повѣрю: слова—вѣтеръ. Покажи мнѣ своими дѣлами, что ты за птица, и, можетъ быть, я стану тебя уважать. Теперь же ты иди своимъ путемъ; мы чужіе, ты мнѣ ненуженъ». И точно, люди со своимъ безцѣльнымъ добромъ и безцѣльнымъ зломъ были ему ненужны. Благодѣяній ихъ не просилъ, злобы не боялся, отъ зналъ выносливость своихъ силъ. Притѣсненія дѣлали его только сильнѣе и тверже: огонь дѣлаетъ изъ дерева пепель и превращаетъ гибкое желѣзо въ сталь; отецъ былъ скованъ изъ желѣза. И люди сторонились отъ него; они боялись его пронизательныхъ, заглядывающихъ въ чужую душу, глазъ и не любили его холодной улыбки, молчаливо указывающей имъ ихъ мелочность, пошлость и подлость. «Звѣри!»—говорили они, встрѣчая отца, и, какъ-то мизерно съжившись, уступали ему дорогу».

Въ заключеніе этой характеристики, герой торжественно, съ плебейскимъ задоромъ объявляетъ, что отецъ его поступилъ въ придворные служители. «Въ какой азартъ,—воскликаетъ онъ,—пришли бы ветхіе люди отъ этого извѣстія о знакомствѣ съ сыномъ лакея! Лакей—холопы! Онъ, можетъ быть, даже въ настоящую минуту дрогнетъ на козлахъ, слушаетъ площадныя острофы кучеровъ, дожидая какую-нибудь фрейлину, весело болтающую въ залу ветхихъ людей, и вдругъ въ ту же залу безцеремонно входитъ его сынъ, пожимаетъ руку гостямъ и хозяевамъ и начинаетъ разсказывать длинную предлинную исторію жизни своего отца и своего дѣтства».

Но далѣе герой утѣшаетъ читателей, что за то по матери онъ происходилъ изъ княжескаго рода Тресково-Обухова, и затѣмъ начинается характеристика его бабушки, дяди и матери, причемъ, выдѣлая свою мать, какъ идеальное существо, представлявшее одинъ изъ прекраснѣйшихъ типовъ русской женщины, къ бабушкѣ и дядѣ герой относится съ безпошадною ироніей.

Такъ, мы узнаемъ, что бабушка героя была десятымъ ребенкомъ у своей матери, и когда та умерла, успѣвши растратить все свое княжеское богатство, дѣвочкѣ пришлось поселиться въ домѣ дяди NN, въ Москвѣ. Дядя, желавшій, чтобы племянница знала англійскій языкъ, нанялъ ей гувернантку миссъ Друри. Въ Петербургъ пріѣхалъ братъ Друри въ качествѣ комисіонера по дѣламъ торговли дома гг. Скоршилъ и К°, влюбился въ княжну и сдѣлалъ ей дядѣ предложеніе, за которымъ послѣдовало изгнаніе жениха и его сестры, за изгнаніемъ послѣдовалъ побѣгъ княжны, и совершилась тайная ея свадьба съ мистеромъ Друри.

Послѣдствія неравнаго брака были очень печальны. Мистеръ Друри былъ небогачъ, а бабушка ничего не смыслила въ хозяйствѣ и не могла быть помощницею мужу. Въ то же время, она страдала, встрѣчая на петербургскихъ улицахъ блестящіе экипажи знакомыхъ людей, на нее наводила тоску афиша о вчерашнемъ спектаклѣ. Джонъ, неизвѣстно откуда, доставалъ деньги и исполнялъ капризы избаловавшаго ребенка. Ребенокъ, къ счастью, былъ очень милъ. Такъ прошло около четырехъ лѣтъ; родился у бабушки сынъ, родилась дочь. Наконецъ, Джона потребовали съ полными отчетами по дѣламъ торговаго дома, запутаннымъ донельзя. Грустно было прощаніе супруговъ, а еще грустнѣе было извѣстіе, полученное изъ Англіи черезъ поггода послѣ отъѣзда Джона, что во время переѣзда изъ Петербурга въ Лондонъ у мистера Друри забружилась голова и онъ упалъ за бортъ корабля въ море.

Чтобы не умереть съ голоду, бабушка обратилась къ братьямъ, давно прослужившимся до значительныхъ чиновъ. Братья хладнокровно прочли категоричныя просьбы—письма сестры, однако, въ помощи ей не отказали, и желая видѣть нишею одну изъ княженъ Тресково-Обуховыхъ: каждый мѣсяцъ назначилъ ей по 25 рублей ассигнаціями ежемѣсячной пенсіи. На эти деньги въ то время можно было жить сносно, но бабушка не умѣла считать. Ея жизнь была длиннымъ рядомъ роскошныхъ обѣдовъ и праздничныхъ дней, богатыхъ нарядовъ и закладыванья ихъ въ частныя руки, гдѣ наряды и пропадали. Дѣти ея подросли и настало время ихъ образованія. Она рѣшилась воспитывать ихъ дома. Для нѣкоторыхъ предметовъ наняла учителей, другіе преподавала сама. Что же она знала? Французскій и англійскій языки, танцовать и плохо писать по-русски: исписанная ею бумага походила на лѣсть, по которому въ продолженіе цѣлаго лѣта ходили мухи. Этими же премудростямъ научились и дѣти. Изъ дяди выработался паркетный шалопаи, кутила, мотъ, кончившій тѣмъ, что поступилъ въ содержаніе къ кривобокон и хромои старухѣ, богатой купчихѣ, и затѣмъ женился на ней.

Ничего общаго не имѣла съ нимъ сестра. Почти постоянно одинокая, единственно любимая бабушкой, безъ причины оскорбляемая братомъ, она занималась съ куклами, шила имъ платья и вѣчно рылась въ доскутъяхъ изъ дорогихъ матерій, полотна и коленкора, за что и получила отъ бабушки прозвище доскутъницы. Маленькая доскутъница-мѣщаночка походила, какъ

двѣ капли воды, на своего отца. Блѣдная, худенькая, съ голубыми жилами на вискахъ, она была миленькимъ и нѣжнымъ ребенкомъ. Находясь всегда дома, она сильно чувствовала недостатки въ дни безденежья и часто голодала въ то время, когда дядя рыскалъ по театрамъ и баламъ. Любила въ душѣ свою несчастную мать, она не любила ея расточительности. У нея родилась какая-то болѣзненная антипатія ко всякому внѣшнему блеску. Въ ея незрѣломъ еще дѣтскомъ умѣ со словомъ «аристократы» соединялось странное представленіе мотовства, бросанья денегъ на вѣтеръ и голодныхъ дней. Съ дѣтства выучилась она шить платья, сначала для куколъ, потомъ для маленькихъ дѣтей, наконецъ, и для взрослыхъ. Няня помогала ей доставать заказы. Бабушка съ презрѣніемъ смотрѣла на такія мѣщанскія занятія своей дочери и пришла въ крайнее негодованіе, когда дочь объявила ей вдругъ свою непреклонную волю выйти замужъ за придворнаго лакея (отца героя), съ которымъ она «познакомилась черезъ брата (онъ помогалъ ея брату пролѣзть за кулисы и такимъ образомъ состоялось знакомство). «Посторонній зритель,— говоритъ при этомъ герой,— не понималъ бы, какая скорбь и злоба кипѣли въ душѣ матери, урожденной княжны Тресково-Обуховой, отдающей дочь за придворнаго лакея, какіе усилій стоило дочери рѣшиться привести въ исполненіе свое желаніе, какое презрѣніе питалъ къ жениху братъ чевѣсты, пожинавшій руку будущаго своего родственника, и какъ любилъ невѣсту и не любилъ ея родители этотъ женихъ».

Такимъ образомъ, герой нашъ возросъ подъ вліяніемъ двухъ противуположныхъ вліяній: нравственно закаляющимъ, вліяніемъ отца и матери и растлѣвающимъ—бабушки и дяди. Ниже мы увидимъ, какъ отразились эти вліянія на воспитаніи героя.

IV.

Отецъ и мать героя вели одинокую жизнь среди шумной столицы. Отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, мать шила по заказу платья. Дѣтей у нихъ было трое и всѣ умерли, доживъ до году. Лишь герой нашъ остался въ живыхъ.

«Подъ вліяніемъ трехъ наставниковъ (отца, матери и часто посѣщавшихъ бабушки),— рассказываетъ герой,— росъ я въ одномъ изъ захолустей Петербурга. Мнѣ недоставало двухъ самыхъ лучшихъ учителей: природы и дѣтей-товарищей. Находясь постоянно въ городѣ, постоянно въ душныхъ комнатахъ, видя всѣ домашніе недостатки, которыхъ отецъ и не считалъ нужнымъ скрывать отъ меня, я очень рано научился понимать и переводить невзгоды, сдѣлался задумчивымъ ребенкомъ и нерѣдко просиживалъ, о чемъ-то мечтая и разговаривая съ самимъ собою. Неблестящая дѣятельность и волшебныя, слишкомъ яркія грезы, навѣяныя бабушкой, мѣшались между собою, и мое воображеніе развилось до крайности сильно. Я вѣрилъ въ невѣдомый волшебный призракъ, управляющій всѣмъ».

миръ, въ добрую фею, которая скоро должна прилетѣть въ нашъ домъ, превратить его въ роскошныя палаты и сдѣлать меня генераломъ, — большаго счастья я не могъ себѣ представить. Мой умъ спалъ и былъ неразвѣтъ. Онъ былъ до того неразвѣтъ, что я никогда не спрашивалъ себя: отчего дѣлается то или другое на свѣтѣ? Огонь жжется, потому что жжется; ножъ рѣжетъ, потому что рѣжетъ, — далѣе этихъ истинъ я не шелъ. Я видѣлъ дѣвѣты на нашихъ окнахъ, но не зналъ, почему они растутъ. «Папаша посадилъ, оттого и растутъ», — отвѣтилъ бы я на подобный вопросъ. И если бы папаша вздумалъ посадить при мнѣ въ землю свою трость и сказалъ: что изъ нея, какъ изъ жезла Ааронова, выростутъ миндальные орѣхи, — я это повѣрилъ бы его словамъ. Отсутствие дѣтей сдѣлало изъ меня что-то родъ отупѣвшаго старика, ничего не знавшаго, не желавшаго знать. Такимъ оставался я почти до девяти лѣтъ, когда меня отдали въ ближайшую отъ нашей квартиры школу.

Это была одна изъ тѣхъ стоявшихъ ниже всякой критики старинныхъ школъ грамотности, открываемыхъ по большей части престарѣлыми инстинктами, — школъ нынѣ совсѣмъ почти исчезнувшихъ съ учрежденіемъ городскихъ училищъ. Довольно сказать, что школа, куда отдали героя, была введена исключительно для дѣвицъ, но туда принимали и мальчиковъ. Когда же наѣзжалъ инспекторъ для ревизіи школы, мальчиковъ запирали въ спальню и однажды спрятали въ очень неприличный чуланъ. Ученикамъ задавали выучивать извѣстное число строкъ и страницъ изъ діалоговъ, географій, исторій, грамматикъ и ариметикъ. Задавалось отсюда до сюда. По выслушаніи отсюда и до сюда, преподавательница завала новый урокъ и вручала ученику или пропись, или задачу, стараясь написать ее подлиннѣе, чтобъ ученикъ не кончилъ ее ранѣе двѣнадцати часовъ. Дѣти писали курсивными и простыми буквами, рѣшали задачи, или ѣла не дѣлали, а только разговаривали, играли въ перушки или бузки, обасы и тому подобные съѣстные припасы, принесенные въ сумкахъ наполнявшіе комнату разными возбуждающими аппетитъ запахами. Эти припасы часто дѣлались предметомъ лотерей. Въ двѣнадцать часовъ кто уходилъ домой, кто оставался въ школѣ, а въ два часа начинались снова учебныя занятія. Въ четыре часа всѣ бѣжали домой, какъ изъ карантина, уличные мальчишки кричали вслѣдъ бѣглецамъ: «Школьники, разбойники, школу разбили, учителя погубили!» Скука въ школѣ царствовала нестерпимая, зѣвота одолевала всѣхъ. Отъ скуки заводились разныя исторіи съма дрянного свойства. «Черезъ годъ, — повѣствуетъ герой, — меня взяли въ школы, видя бесполезность моего пребыванія въ ней. Неучемъ вступилъ я въ нее, неучемъ вышелъ я, неучемъ и остался бы, пробывъ въ ней столько лѣтъ; но сперва я не зналъ, что такое наука, теперь же я ее называю мукою и начинаю ненавидѣть, злобно ненавидѣть».

Послѣ первой неудачи съ частною школою, родители героя задались новымъ вопросомъ, куда же дѣтъ Сашу? Попытка отдать въ гимназію не удалась. Дѣти крѣпостныхъ людей, капельдинеровъ и придворныхъ служи-

телей въ гимназіи не принимались безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ ихъ обществъ. Исключить изъ придворнаго вѣдомства было не трудно, но отецъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: «Что же будетъ дѣлать Саша, если я умру прежде окончанія его образованія, или если ему не пойдетъ въ голову наука? Куда онъ опредѣлится въ службу?» Мысль объ отпадѣ героя въ гимназію была отложена въ сторону. Отецъ вспомнилъ, что кто-то говорилъ ему о прекрасномъ воспитаніи дѣтей въ иностранной N-ской школѣ *). Рѣшились толкнуться туда, и черезъ мѣсяцъ герой поступилъ въ училище.

Далѣе слѣдуетъ описаніе стариннаго дореформеннаго средняго учебнаго заведенія, со всѣми его мрачными атрибутами въ видѣ грубыхъ, невѣжественныхъ учителей, кормившихъ учениковъ зуботычинами, мертвящей формалистики, розогъ и т. п.

«До сихъ поръ, — рассказываетъ далѣе герой, — я жилъ въ узенькомъ семейномъ кругу, и большею частью между женщинами, всегда видя однѣ заботы о насущномъ хлѣбѣ, слыша одни разговоры о дороговизнѣ и вѣчныя жалобы о насущномъ хлѣбѣ, жалобы бѣдныхъ знакомыхъ. Съ другой стороны вѣчно невозмутимое, вѣчно спокойное лицо отца какъ будто намекало мнѣ, что въ жизни есть что-то хорошее, что до этого хорошаго можетъ дожить чловѣкъ. Добылъ ли отецъ это хорошее, не было ли у него въ запасѣ кладъ, которымъ онъ могъ располагать въ случаѣ нужды, — я не зналъ, но мнѣ казалось, что у отца есть кладъ. Отъ бабушки я слышала, что могу быть богатымъ и генераломъ, что въ этомъ состоитъ счастье жизни, чтобы его достигнуть, надо только кончить ученье и начать служить. Отецъ тоже говорилъ: учись — чловѣкомъ будешь! То — есть генераломъ буду, рѣшилъ я мысленно и рѣшился учиться, во что бы то ни стало. Каково бы привести въ исполненіе эту рѣшимость?»

«Дѣти, выросшія въ одиночествѣ, слышавшія множество волшебныхъ сказокъ и повѣрившія пророчествамъ близкихъ людей о будущемъ счастьи вообще склонны къ задумчивости и мечтательности. Имъ тяжело принудить себя учить наизусть разную сушь школьныхъ учебниковъ, и они часто невольно дѣлаются лѣнтями. Я испыталъ это на себѣ.

«Бывало, сижу я на креслѣ, въ углу нашей комнаты, и зубрю слова и фразы: *der reiche Palast* — богатый дворецъ; *der reich Palast*, *der reich Palast*, — твержу я уже бессознательно; но мнѣ надоѣло это слово, и въ воображеніи моемъ начинаетъ рисоваться богатый дворецъ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и блескомъ; расхаживаютъ по его заламъ чудныя женщины одѣтыя въ бархатъ и атласъ, скользятъ по паркету мужчины со звѣздами на груди, въ вышитыхъ кафтанахъ, бѣгаютъ хорошенькіе пажи. И вижу себя входящимъ въ этотъ дворецъ, и всѣ улыбаются мнѣ, привѣтствуютъ а я хожу и хожу по заламъ, и говорю со всѣми окружающими, пожимаю

*) По біографическимъ свѣдѣніямъ, А. Н. Шеллеръ воспитывался въ вѣмнѣ Анненской школѣ.

вить руки... И тянется эта однообразная картина долго, очень долго, глаза такъ безцѣльно устремляются вдаль, гораздо далѣе противоположныя стѣны нашей комнаты; она исчезаетъ и не мѣшаетъ мнѣ,—передо мной разстилается какая-то волшебная страна: это—не широкое пространство сняго моря съ его блестящими при солнечномъ свѣтѣ волнами, не великолѣпная, сочною травой поросшая, гулливый вѣтромъ волнуемая степь, не горы съ снѣговыми вершинами, пугающія человѣческіе взоры своими громадными разиѣрами,—всѣхъ этихъ чудесъ природы я не видалъ, не зналъ ихъ безсмертной красоты; въ моей волшебной странѣ несутся и движутся волшебныя замки безъ основаній, которые можетъ построить только фантазія ребенка, мечутся образы безъ живыхъ очертаній, сливаясь съ прозрачно-голубымъ, какъ утреній туманъ, волнистымъ воздухомъ...

«Много силъ, много даромъ потраченнаго времени потребовалось для того, чтобы побѣдить не въ мѣру развитое воображеніе, чтобы твердо преслѣдовать одну цѣль—учиться. Сколько наказаній, брани вынесъ я отъ учителей, сколько разъ рыдалъ я отъ боли въ надранныхъ до крови ушахъ, когда меня высѣбли за лѣность... развѣ думалъ я пережить этотъ день?... И кусалъ себѣ руку во время зубренья уроковъ, чтобы эта боль мѣшала мнѣ мечтать о постороннемъ... Правда, я уже въ мартѣ мѣсяцѣ того же года былъ третьимъ ученикомъ въ классѣ, но чего мнѣ это стоило! Господи, чего мнѣ это стоило! Какую страшную борьбу выдержалъ я, и только и есть въ ней отраднаго то, что я понялъ силу своего характера. Но для чего развивали мое воображеніе? Для чего развиваютъ его во всѣхъ дѣтяхъ?»

«Въ семь мѣсяцевъ невѣдомой постороннимъ людямъ внутренней борьбы я пересталъ играть въ лапту и въ городки; два часа обѣденнаго времени употреблялись мною на учење, и ихъ мнѣ было мало,—я едва справлялся съ приготовленіемъ уроковъ. Посреди шумной и беззаботной толпы школьничковъ я снова былъ одинокимъ и тоскующимъ ребенкомъ, медленно наблюдалъ я себя, и когда побѣда была одержана, когда учење пошло легко, тогда я не зналъ, куда дѣвать два часа свободнаго времени; играть на дворѣ я отвыкъ и не понималъ, что игра можетъ разсѣять и заставить забыть пережитое время. Я сильно скучалъ, въ душѣ было какое-то утомленіе и раздражительность, мнѣ часто хотѣлось плакать...»

V.

Но человѣкъ, да еще въ дѣтскомъ возрастѣ, легко приспособляется ко всякой жизни. Приспособился къ ней и нашъ герой. Обжился онъ въ нору гниломъ болотѣ, квакалъ по-лягушечьи вмѣстѣ съ другими лягушками, привыкъ съ безпечнымъ хладнокровіемъ смотрѣть на избіеніе младенцевъ въ часы Рейтмана, на сѣченіе, доставлявшее неизяснимое удовольствіе инспектору и его безсмѣнному палачу Schuldjener'у. Не оскорбляли его слова Саломірскаго: «шушера, мелюзга, сволочь». Хохоталъ онъ

вмѣстѣ съ другими, когда бабушка говаривала, входя въ классъ и расчесывая бороду: «опять какую ни на есть пакость сотворите, иновѣрцы, я васъ всѣхъ къ порогу поставлю», и нетерпѣливо ждалъ герой, когда иновѣрцы дѣйствительно сотворятъ пакость, то-есть начнутъ играть въ перушки или въ карты. Познакомился онъ со многими новыми, такими же пошлыми, какъ старыя, учителями, и никогда не мелькала въ головѣ героя мысль, что ихъ дѣятельность гадка, что не такимъ должны быть учителя. Онъ даже не могъ составить себѣ идеала хорошаго учителя, потому что для составленія идеаловъ нужны данныя, нужна живая личность, которую можно бы возвысить въ воображеніи до идеала. Рѣшительно ничѣмъ не выдавался онъ изъ уровня школьнаго развитія и школьной патентованной нравственности. И смутно сознавался передъ самимъ собою, что прилежнымъ не былъ бы онъ, еслибъ не желаніе стоять выше всѣхъ и отмигивать учителямъ и не боязнъ предъ наказаніями: онъ былъ самолюбивъ и трусливое созданіе. Ему хотѣлось блестятъ и блестятъ, во чтобы то ни стало. Не питалъ онъ горячаго чувства привязанности къ прочимъ дѣтямъ, глядѣлъ на нихъ свысока и только ожидалъ одного, когда судьба поставитъ его еще выше ихъ...

Этому тщеславію герой былъ болѣе всего обязанъ вредному вліанію своей бабушки, которая, устроившись посредствомъ родственниковъ подачеку начала втираться въ знатныя дома и часто брала своего внука на дѣтскіе балы, устраиваемыя богачами. Закруженный танцами, герой совершенно забывалъ, что не здѣсь его мѣсто, что онъ пируетъ не на своемъ шире пожимаетъ руки и обвиваетъ своею рукой дѣтскія талія, до которыхъ и долженъ былъ бы и дотрогиваться. Бабушка заказывала ему новыя курточки, одѣвала его, какъ куклолку, ему было весело и онъ былъ счастливъ.

Не малое растлѣвающее вліаніе оказывало на героя и школьное товарищество. Въ младшихъ классахъ ученики сходились въ играхъ, не различая званій своихъ отцовъ. Но съ годами къ дѣтямъ прививались сословныя предрасудки. Дѣти дворянъ и чиновниковъ слышали дома пренебрежительныя отзывы своихъ родителей о мѣщанахъ и мастеровыхъ и мало-по-малу усвоивали эти взгляды. Князь начиналъ отворачиваться отъ сивомелочного торговца и говорилъ, что отъ него селедкой воняетъ; щегольская курточка сторонилась отъ сивей поддевички, за что поддевичка и плачивала курточкѣ полновѣсными тумачами. Курточниковъ очень интересовало рѣшеніе слѣдующихъ важныхъ вопросовъ: кто твой отецъ? сколько у него денегъ? и часто слышали поддевички обидныя упреки: «Ахъ ты, сивожникъ! Много ли селедокъ въ день продаетъ твой отецъ? Что твой родитель беретъ за шитье штановъ?» «Какую же роль въ этой глупой дѣтской комедіи игралъ я?—спрашиваетъ герой,—о, я игралъ самую глупѣшую изъ глупыхъ ролей! Я танцевалъ, какъ рыба на раскаленной сковородѣ. Былъ союзникомъ курточекъ и трепеталъ передъ поддевичками, которые могли мнѣ сказать при первой моей высокомерной выходкѣ: да что ты ношь поднимаешь?—и открыть званіе моего отца. Стыдиться это

званія вошло мнѣ въ привычку. Я пускалъ въ ходъ свои нарядныя одежды, щеголялъ ловкими манерами, рассказывалъ о знакомыхъ мнѣ пажехъ, которыхъ, въ сущности, зналъ немного короче, чѣмъ китайскаго императора; я старался съ помощью своего остроумія сдѣлаться популярнымъ въ классѣ и сдѣлался. Школьники любили меня и не замѣчали, что мое остроуміе съ трудомъ доставалось мнѣ и не носило того дѣтскаго юмора, который разомъ даетъ мѣткія вѣчки учителямъ и товарищамъ».

Но въ мальчикѣ были заложены слишкомъ здоровыя и честныя начала, унаслѣдованныя имъ отъ отца и матери, чтобы онъ могъ окончательно опуститься и сдѣлаться вполне фатомъ и шелопаемъ. Прежде всего, онъ былъ счастливъ тѣмъ, что во-время избавился отъ глетворнаго вліянія своей баушки. Безпутный сынъ ея успѣлъ надѣлать столько долговъ подъ ея гарантіей, что старуху посадили въ долговое. Генеральша Звѣрева согласилась заплатить за бабушку 500 рублей долгу, но съ условіемъ, чтобы бабушка прожила у нея два года въ качествѣ компаньонки. Старухи были давно знакомы и, уѣзжая на зиму въ деревню и потомъ за границу, Звѣрева была рада взять съ собою знакомаго человѣка, умѣющаго болтать на французскомъ языкѣ о нашей старинѣ и играть въ пиветъ; начались переговоры съ бабушкой; она отвѣчала: хоть въ могилу, но вонъ изъ тюрьмы! Бабушка уѣхала съ Звѣревой и оставила дядѣ всѣ свои вѣніи. Дядя тоже скрылся и только черезъ полгода о немъ узнали, что онъ путешествуетъ по Россіи, ищетъ мѣста управляющаго или невѣсту. Но, избавившись такимъ образомъ отъ глетворнаго вліянія своихъ родственниковъ, мальчикъ не вдругъ обратился на истинный путь и освободился отъ всей той скверной закваски, которою былъ обязанъ имъ. Ему пришлось для этого пережить мучительный кризисъ, который едва не стоилъ ему жизни.

VI.

Среди массы воспитанниковъ, дурныхъ отъ природы или искалѣченныхъ жизнью, было трое мальчиковъ вполне порядочныхъ. Таковъ былъ, прежде всего, Калининъ, сынъ русскаго мелочнаго торговца-мѣщанина, мальчикъ здоровый, сильный и широкій въ кости. Лицо у него было умное, открытое, глаза плутоватыя и бойкіе, длинныя русые волосы вились. Онъ былъ не то прилежный, не то лѣнивъ; читалъ рѣдко и мало, игралъ часто и много; на первое грубое слово товарища отвѣчалъ десятью грубыми словами, иногда нецензурными, на первый толчокъ отвѣчалъ обидчику полновѣснымъ ударомъ. Несмотря на это, его любили за веселый нравъ, за бойкій языкъ, за беззаботное перенесеніе наказаній. Такъ, когда онъ не зналъ урока, онъ никогда не прибѣгалъ къ подсказываніямъ, а прямо отвѣчалъ учителямъ, что урока не знаетъ. «Отчего?» — спрашивали учителя. — «Не успѣлъ выучить», — отвѣчалъ Калининъ. Его, разумѣется, наказывали. Подобныя поступки не нравились и казались странными школьникамъ. «Этакъ

тебя всегда будутъ оставлять до семи часовъ въ школѣ», — говорили они. — «Тѣмъ лучше, уроки вызубрю», — отвѣчалъ Калининъ. На такой доводъ чего было возражать, но понять его разумность школьники не могли. Школа никогда не разгадала Калинина съ этой стороны; дѣйствующимъ, выдающимся изъ безпечной толпы лицомъ сдѣлалъ его случай довольно странный, изумившій школьниковъ, смутившій педагогическое спокойствіе учителей-мудрецовъ. Никто не зналъ, какъ назвать Калинина за совершенный имъ поступокъ: одни ему удивлялись, другіе топтали въ грязь ребенка, а онъ первый позабылъ о случившемся, какъ будто ничего и не случилось. Однажды какой-то школьникъ налилъ на каедрѣ чернилъ, насыпалъ на нихъ песку и сдѣлалъ кашу. Дѣло было сдѣлано передъ часомъ французскаго учителя Гро. Этотъ господинъ былъ до крайности гордое созданіе и принималъ дѣло за личную обиду.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ онъ хладнокровно; у него слегка повело бровь — признакъ скрытой ярости.

— Не знаемъ, — слышались голоса классныхъ запѣвалъ.

— Если никто не знаетъ, то пятые ученики будутъ высѣчены сейчасъ же, — отвѣтилъ Гро и вышелъ изъ класса, чтобы позвать инспектора и директора.

Такъ какъ виновникъ не сказывался, Калининъ рѣшился принять вину на себя.

— Я, — сказалъ онъ, — прихожусь, во всякомъ случаѣ, пятымъ и съ хвоста, и съ крыла, значить, мнѣ на роду написано быть сегодня выдраннѣмъ. Но если мнѣ когда-нибудь попадетъ подлець, который это сдѣлалъ, то я ему всѣ ребра переломлю! Слышите вы?

Калинина дѣйствительно высѣкли.

— Что, больно высѣкли? — съ участіемъ спрашивали школьники у него по уходѣ Гро.

— Не знаю; меня маленькаго много драли, такъ я привыкъ, — съ убійственною грустью отвѣтилъ Калининъ и уткнулся въ книгу.

Сколько ни старались съ нимъ заговаривать товарищи, онъ не отвѣчалъ и какъ будто боялся заговаривать. Блѣдность его не проходила во весь вечеръ и онъ часто лихорадочно вздрагивалъ.

На другой день онъ былъ тѣмъ же веселымъ и беззаботнымъ школьникомъ и на дворѣ, сидя на бревнѣ, распѣвалъ русскія пѣсни, лаская любимца-мальчугана. Но дѣло было сдѣлано, онъ выдался изъ толпы товарищей, ему удивлялись, его ругали, но, главное, о немъ говорили.

Вторымъ порядочнымъ мальчикомъ былъ Розенкампфъ. Онъ былъ незаконный сынъ своего отца, подкинутый въ легальную семью послѣдняго, и этимъ положеніемъ въ полужудой семьѣ обуславливался весь мрачный складъ его почти съ пеленокъ ожесточеннаго характера.

— Ты знаешь, вѣдь, я подкидываю, — рассказывалъ онъ герою въ минуту откровенности, — съ этимъ постыломъ названіемъ соединяются всѣ мои воспоминанія. За него меня безнаказанно оскорбляли, за него получалъ я

толчки, за него глядѣли на меня люди съ сострадательнымъ участіемъ и считали своею непрѣмлюею обязанностью бросить на мою долю какую-нибудь кисло-сладкую ласку, какъ бросаютъ паршивому щенку обглоданную корку черстватаго хлѣба. Онъ, благодѣтель, покойный отецъ,—говорять, а его сынъ,—не обижалъ меня, но за то позволялъ обижать другимъ; онъ трепеталъ передъ своею женой, и я не любилъ его боязливыхъ ласкъ, избѣгалъ ихъ. Меня злило, когда онъ давалъ мнѣ деньги и говорилъ: не рассказывай матери. Она, благодѣтельница, презирала меня, а, между тѣмъ, теперь ее прославляютъ при мнѣ за то, что я живу на ея счетъ, что она не выгоняетъ меня изъ своего дома. Вѣдь, мнѣ семнадцатый годъ, я это все понимаю; въ дѣтствѣ меня оскорбляли крѣпостные лакеи, горничныя, ключницы; даже нянька, какъ я простужался и, лежа на постели, надождалъ ей слезами и оханьемъ, нерѣдко говорила: «Вишь, нѣженка, даромъ что холопское отродье!» Говорилось это тихо, за ширмами, но я все слышалъ; я даже старался подслушивать эти рѣчи. Это, можетъ быть, моя холмская натура высказывалась, — съ горечью промолвилъ Розенкампфъ, и его губы передернулись адскою усмѣшкой.—Когда у нихъ, у благодѣтелей, родился сынъ, тогда слова «мужикъ» и «подкидышъ» доставляли мнѣ еще болѣе огорченій. Онъ былъ барчонокъ, я былъ холопъ; онъ могъ капризничать, я не могъ; онъ смѣлъ простужаться, хворать, а когда простужался я, то благодѣтельница говорила доктору, дѣлая кислую мину: «Этотъ ребенокъ такой хилый, сколько намъ съ нимъ хлопотъ...» И, вѣдь, бывало, больше ничего не прибавить, не пришибетъ меня, какъ бѣшеную собаку, даже рукою по моимъ волосамъ проведетъ, будто лаская, а по моему тѣлу даже дрожь пробѣжитъ. «Убирайся ты на тотъ свѣтъ!»—слышалось мнѣ въ ея словахъ... Знаешь, о чемъ я часто молился, когда мнѣ было десять лѣтъ? «Прибери, Господи, младенца Николая!» Это была моя дѣтская молитва. Число земныхъ поклоновъ назначилъ я себѣ, голубчикъ, чтобъ она исполнилась... И зачѣмъ они изломали, измучали меня въ колыбели?... Зачѣмъ не дали вырасти на волѣ, гдѣ-нибудь въ курной избѣ, не дали мнѣ погибнуть тамъ, гдѣ живетъ моя несчастная мать? И гдѣ она? Можетъ быть, ослепшая и голодная, она жива и теперь?...

Исполненный этихъ горькихъ думъ, Розенкампфъ мало сближался со своими товарищами, не принималъ участія въ ихъ играхъ и павестяхъ, сторонился отъ всѣхъ и гордо выносилъ свое отчужденіе.

Наконецъ, третій воспитанникъ, выдававшійся въ томъ классѣ, гдѣ находился герой, былъ Воротицынъ, пансіонеръ директора. Онъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ семействъ въ Петербургѣ. Отецъ его занималъ видное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Дѣтство мальчика провелъ частью въ приволжской деревнѣ отца, частью въ Швейцаріи со своею матерью, женщиною умною и образованною, настоящею, а не мишурною аристократкой. Она отказалась отъ шумныхъ удовольствій свѣта, чтобы просвѣтить себя воспитанію сына. Лицо Воротицына было привлекательно и женственно; голубые глаза его были всегда полу-закрыты длин-

ными ресницами, голова, по привычкѣ, постоянно отклонялась на лѣвый бокъ. Онъ хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, зналъ наизусть всѣ стихотворенія Шиллера, прочелъ книги, о которыхъ его одноклассники и понятія не имѣли, и, будучи хорошимъ музыкантомъ, наслаждался произведеніями Вебера и Шопена. Съ *Последнею мыслию Вебера* соединялись его воспоминанія о матери. Онъ былъ идеальнo-нравственное и склонное къ мечтательности существо; все его счастье состояло въ возможности наслаждаться тишиною, читать любимыя книги и мыслить-мечтать. На семнадцатомъ году Воротицынъ успѣлъ уже создать свою особенную теорію жизни, «этотъ, — по словамъ героя, — печальный даръ всѣхъ ему подобныхъ людей, отъ которыхъ всѣми силами стараются заслонить дѣйствительность». Теорія эта, несмотря на то, что романъ А. Б. Шеллера, написанный въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, знакомитъ насъ съ временемъ половины пятидесятыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе, совершенно походила на современную намъ теорію непротивленія злу насиліемъ. «Со всякимъ зломъ, — гласила она, — человѣку должно примириться, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать, почему оно произошло, но только изучать, а не вступать въ борьбу; борьба безнравственна и бесплодна. Безнравственна потому, что она есть проявленіе эгоизма, гоньбы за личнымъ счастьемъ; бесплодна потому, что, во-первыхъ, нельзя знать, кто побѣдитъ: добро или зло; во-вторыхъ, обрубленное дерево можетъ дать ростки отъ самаго корня, сгнившее же само собою никогда не зазеленѣетъ снова; въ-третьихъ, въ борьбѣ человѣкъ теряетъ спокойствіе духа и, вслѣдствіе того, способность анализировать, добираться до истины. Наука, цѣль которой состоитъ въ раскрытіи истины, требуетъ вполне спокойнаго, даже холоднаго человѣка, не боящагося, на какой дорогѣ и куда поведетъ она его. А спасеніе для будущаго только въ наукѣ; значитъ, нужно примириться со всѣмъ насъ окружающимъ, какъ съ неотразимымъ фактомъ, и изучать его».

VII.

Изъ этихъ трехъ лучшихъ воспитанниковъ класса герой нашъ сошелся съ Розенкампомъ, подружившись съ нимъ еще въ младшихъ классахъ, до того времени, какъ онъ опошлялся подъ вліяніемъ бабушки и дяди. Дружба эта прекратилась, какъ прямое слѣдствіе этого опошленія, вздорною ссорой, въ которой виноватъ былъ вполне нашъ герой.

«Однажды, — рассказываетъ онъ, — я сидѣлъ рядомъ съ Розенкампомъ; онъ былъ не въ духѣ, что случалось съ нимъ весьма часто; мнѣ понадобился классный журналъ, а встать было лѣнь.

- Коля, принеси мнѣ журналъ, — сказала я Розенкампу.
- Возьми самъ, — отвѣчалъ онъ.
- Развѣ тебѣ трудно принести?
- Не трудно, но, вѣдь, это пустая прихоть.
- А если я прошу тебя ее исполнить?

— Что съ тобой, Саша?

— Ничего! Но ты отвѣчай на мой вопросъ: если я тебя прошу исполнить мою прихоть?—Я очень важно дѣлалъ удареніе на словахъ *я* и *моя*, точно человекъ съ характеромъ.

— Такъ я ее не исполню, потому что я не лакей и не желаю исполнять прихоти господина.

— Мужичкѣя понятія о дружбѣ! Я начинаю подозрѣвать, что ты мушкетеръ.

Я всталъ, взявъ журналъ и, не обращая вниманія на лицо друга, сѣлъ на свое мѣсто.

Только и всего. Герой послѣ этого ждалъ, что Розенкампфъ придетъ къ нему мириться, но дни проходили за днями, а Розенкампфъ и не думалъ о примиреніи. Герою было до того тяжело и скучно безъ друга, что это чувство отразилось на его лицѣ, и его замѣтили многіе товарищи, начали утѣшать героя и одинъ изъ нихъ, Онуфріевъ, утѣшилъ тѣмъ, что охота ему скучать объ этомъ подвидышѣ, сынѣ какой-нибудь... и Онуфріевъ нагло произнесъ то названіе падшей женщины, которое рѣдко произносится и большими.

«Услыхалъ,—разсказываетъ герой,—и Розенкампфъ горькій упрекъ за свое происхожденіе, и сильно кольнуло онъ несчастнаго мальчика, старавшагося столько лѣтъ казаться законнымъ сыномъ генерала. Я тоже упалъ съ высоты своего величія и отрезвился. Первымъ моимъ дѣломъ было подойти и объясниться со старымъ другомъ и попросить у него извиненія.

— Коля, перестань дуться,—нѣжно сказалъ я ему,—помиримся, пожалуйста.

— Оставьте меня. Вы мнѣ мѣшаете учиться.

— Ради Бога, Коля, извини меня, я ни въ чемъ не виноватъ!—говорилъ я, волнуясь.

Я уже вполне ясно понималъ всю гадость происходившаго вокругъ меня.

— Вы ни въ чемъ не виноваты, вотъ эти мерзавцы виноваты!—произнесъ Розенкампфъ, указывая на сидѣвшихъ въ классѣ учениковъ, и изъ его глазъ закапали крупныя слезы.—Но подите отъ меня прочь и никогда не подходите ко мнѣ; я васъ такъ же не люблю, какъ и ихъ, слышите вы? Я никого не люблю!—Онъ зарыдалъ и поспѣшно вышелъ изъ класса.

Никакой надежды на примиреніе у нашего героя не осталось, и съ этого момента тотъ мучительный кризисъ въ его жизни, о которомъ мы выше говорили.

«Т.—говоритъ герой,—безвозвратно потерялъ друга и стоялъ совершенно одиноко среди школы; я слишкомъ много и долго ломался, чтобы сойтись теперь съ кѣмъ-нибудь порядочнымъ, а порядочныхъ-то людей было всего только трое въ нашемъ классѣ: Воротицынъ, Калининъ и Розенкампфъ, но онъ не любилъ, не могли любить меня. Настали дни моего испытанія, тяжелыя дни...

«...волновался постоянно. Сперва начало работать мое горячее вообра-

женіе; рисовались страшныя картины моей конечной гибели, потому представлялся мнѣ торжественный день примиренія съ Розенкампомъ. Но этотъ день не наставалъ, и я сталъ спрашивать себя: можетъ ли онъ наступить? Умъ въ первый разъ задалъ себѣ вопросъ и также смѣло разрѣшилъ его. Оказалось, помириться нельзя: мой старый другъ долженъ считать меня пустымъ мальчишкою. Я твердо произнесъ надъ собой этотъ приговоръ и тотчасъ же задалъ себѣ новые вопросы: точно ли я пустой мальчишка? не могу ли я быть лучшимъ? Возникла мучительная внутренняя борьба. То топталъ я себя въ грязь, то доказывалъ себѣ возможность возрожденія. «Ты стыдился своего честнаго отца,—говорилъ мнѣ тайный голосъ,—ты хвасталъ своимъ самолюбіемъ и, между тѣмъ, плясалъ на балахъ, жалъ руки важныхъ дѣтей, которыя смѣялись надъ тобой въ глаза тебѣ; ты лгалъ въ школѣ, называя этихъ дѣтей своими друзьями; ты ненавидѣлъ науку и учился изъ желанія быть первымъ, блестящимъ; теперь ты не учишься, потому что блестящимъ нельзя; товарищи знаютъ, что ты прикидывался барченкомъ, и смѣются надъ тобой; ты говорилъ о своей любви къ другу и, обидѣвъ его, не пошелъ къ нему съ извиненіемъ, почти ругалъ его съ другими школьниками. Гдѣ же тутъ самолюбіе? Гдѣ доказательства, что ты не пустой и не глухой мальчишка?»... «Не вѣрь этимъ упрекамъ,—говорилъ другой тайный голосъ,—ты ненавидишь свое прошлое, значить, ты можешь исправиться». И ни одного указанія, куда мнѣ идти, ни одного наставленія, какъ исправиться, не прибавлялъ этотъ второй тайный голосъ! На всю эту внутреннюю ломку уходили часы и дни и тратилось время ученія. Я быстро падалъ въ отміткахъ учителей и уже не былъ первымъ по классу. Новая причина волненій и стараній не думать ни о чемъ и только учиться, учиться и учиться. Но тайный, ободряющій голосъ слышался мнѣ снова: «Ученье не уйдетъ, а желаніе исправить себя можетъ пройти, успѣхъ въ ученьи опять закружитъ голову, прежде чѣмъ ты исправиться душой».—«А что скажетъ отецъ, если я не перейду въ слѣдующій классъ»? Эта мысль стала мучить меня и днемъ, и ночью. Душевныя пытки, робость ума, неудачи въ ученьи съѣдали мое здоровье, я худѣлъ, голова горѣла».

Но верхъ отчаянія наступилъ для героя послѣ того, какъ однажды онъ подслушалъ разговоръ Воротицына о немъ, и послѣдній прочелъ такой приговоръ, что герой слишкомъ мелочно самолюбивъ, что онъ упалъ и никогда не встанетъ, что онъ то, что въ высшемъ обществѣ называется: un laquais endimanché.

«Меня жгла,—повѣствуетъ герой,—эта вѣрная оцѣнка моей личности, и ужаснѣе всего было то, что я не могъ сказать этимъ людямъ, что уже дѣлаюсь другимъ человекомъ, что они оцѣнили мое прошлое, но не настоящее. И вдругъ вспыхнула во мнѣ глубокая ненависть къ этимъ людямъ, и въ этомъ чувствѣ было что-то безумное, яростное. «А! вы умные, вы безупречные люди!—думалось мнѣ.—Зачѣмъ же вы допустили погибнуть меня, глупаго, испорченнаго? Не нужно мнѣ ваше прощаніе! Не нужна мнѣ

ваша жалость! Вы хуже меня; я погибаю, не видя гибели, а вы и видѣли, да не хотѣли подать мнѣ руки, вы и теперь оттолкнули бы меня, еслибъ я къ вамъ пришелъ. Негодяи!» Жолчь кипѣла во мнѣ, я не могъ думать и размышлять и на время отдался всецѣло своей судьбѣ, сдѣлался мертвою машиной, бросилъ учиться, проваливался на экзаменахъ и даже не краснѣлъ; даже одинъ разъ, это я помню, улыбнулся, получивъ нуль».

Наконецъ, на актѣ, послѣ того, какъ директоръ училища прочелъ ему публично жестокую нотацию, герой нашъ не выдержалъ, съ нимъ сдѣлался обморокъ и затѣмъ у него развилась нервная горячка, чѣмъ и закончился кризисъ.

VIII.

Послѣ болѣзни началось возрожденіе героя къ новой жизни. Проведя гдѣто на дачѣ въ Петергофѣ, гдѣ родители поселились нарочно для него, герой набрался свѣжихъ силъ, и когда вернулся осенью въ училище, товарищи не узнали его: онъ выросъ, пополнился, загорѣлъ, и лицо его получило новое выраженіе, было добрѣе и привѣтливѣе. О тщательной заботѣ понадить и прилизывать волосы не было и помину. Они причесывались одинъ разъ въ день и потомъ лежали, какъ имъ вздумается; карманных щеточекъ съ зеркальцемъ тоже не существовало. Первымъ дѣломъ онъ помирился съ Розенкампомъ, сошелся съ Воротицынымъ; къ нимъ присталъ вскорѣ Калининъ, и они вчетверомъ составили союзъ съ цѣлью помогать другъ другу въ умственномъ развитіи. Это развитіе особенно пошло быстро и успѣшно, когда они поступили подъ руководство наставника Носовича, одного изъ тѣхъ идеальныхъ учителей русской словесности, которые встарину встрѣчались очень часто и безъ благотворнаго вліянія которыхъ рѣдко обходились учившіяся и развившіяся въ пятидесятые годы. Подъ вліяніемъ Носовича молодые люди не только заботились о личномъ саморазвитіи, но и организовали добровольное репетированіе младшихъ воспитанниковъ старшими.

Но и по выходѣ изъ училища молодые друзья не разбрелись въ разные стороны, а отправились доканчивать свое образованіе въ Московскій университетъ. Въ Москву же переселились вслѣдъ за героемъ и родители героя, такъ какъ отецъ его къ тому времени вышелъ въ отставку. Это переселеніе въ Москву имѣло ту цѣль, чтобы не встрѣчаться съ разными постылыми петербургскими личностями, не слышать бессмысленныхъ рѣчей и расказней старыхъ знакомыхъ, не тревожиться семейною грязью. «Мы, — говоритъ герой, — чувствовали невозможность всего этого и, желая совершить что новой, нами и по-нашему устроенной жизни, переселились. Намъ нудна была полнѣйшая свобода, нужна была возможность жить вмѣстѣ. Больше мы ничего не желали, зная, что всѣ остальные блага съумѣемъ добыть своими мелодными силами и упорнымъ трудомъ».

Обвѣсть заканчивается апофеозомъ молодыхъ людей, устроившихъ жизнь

на самых разумных началах. «Через год, — повѣствуетъ герой, — мы встрѣтились въ Москвѣ, наняли вмѣстѣ квартиру. Пошла наша жизнь по-нашему. Въ продолженіе недѣли кипѣлъ и посѣважъ нашъ трудъ, каждый членъ зарабатывалъ по-своему деньги, умножая общій капиталъ, и не боялся въ случаѣ болѣзни остаться безъ присмотра и безъ ѣды, какъ это часто случается съ бѣдными одинокими студентами, умирающими въ дрянныхъ больницахъ. По праздникамъ собирався у насъ кружокъ разной молодежи, развивались сужденія, кипѣли споры; не юлили, не вертѣлся чловѣкъ, рѣшаясь высказать своему собесѣднику рѣзкое слово правды, и не злился этотъ собесѣдникъ, выслушивая правду. Свобода мнѣній была у насъ полная. Новому знакомому сначала казалось страннымъ, что въ этомъ обществѣ безбородой молодежи часто появлялись два старика: мой отецъ и моя мать; но мало-по-малу онъ знакомился со стариками и понималъ, что если съ ними нельзя говорить о научныхъ предметахъ, то всегда можно посоветоваться въ трудныхъ житейскихъ дѣлахъ, не боясь услышать отъ нихъ нелѣпый или подлый отвѣтъ. Ихъ часто называли посторонніе юноши отцомъ и матерью, что, разумѣется, возбуждало веселый смѣхъ кружка, а отецъ шуточно говорилъ: «Значитъ, у насъ сегодня родины, семья прибыло. Право, выгодно имѣть такихъ дѣтей, которые хлѣба не просятъ, а уваженіе оказываютъ». Ни тѣни сантиментальности и приторности не было въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ; но мы искренно любили другъ друга и не стыдились это высказывать...

«Въ минуту мимолетныхъ размовокъ мы знали, что завтра же посмѣемся надъ своею горячностью и обругаемъ себя телячьими головами. Трудъ нашъ спорился легко, потому что мы читали вмѣстѣ книги и ежедневный обменъ мыслей ускоряли свое развитіе. Стычки съ посторонними людьми, разные житейскія неприятности и огорченія, — все забывалось въ дружескомъ кругу и не оставляло въ насъ страшнаго слѣда мелочной раздражительности и бесполезнаго озлобленія, этого медленнаго яда, убивающаго людей и физически, и нравственно...»

Еще разъ повторяю, я далеко отъ того, чтобы во всемъ этомъ содержаніи *Гнилыхъ болотъ* видѣть подлинныя факты жизни самого автора, но несомнѣнно, что здѣсь отразились тѣ элементы, которые вынесъ А. К. Шеллеръ изъ своего дѣтства и юности, какъ это мы часто видимъ у начинающихъ писателей, мало еще наблюдавшихъ жизнь и изучавшихъ людей и которые поэтому въ своихъ первыхъ литературныхъ опытахъ довольствуются тѣмъ, что успѣли пережить въ своей только что развернувшейся жизни, и выкладываютъ весь тотъ матеріалъ, который у нихъ успѣлъ накопиться съ первыхъ лѣтъ ихъ существованія.

Попробуемъ же резюмировать, въ чемъ заключается матеріалъ, вынесенный А. К. Шеллеромъ изъ своего дѣтства и юности къ тому времени, какъ принялся онъ писать свои *Гнилыя болота*, и въ какомъ видѣ представлялась ему въ то время окружающая его человѣческая жизнь?

Жизнь представлялась автору *Гнилыхъ болотъ* въ видѣ непрестан-

ной борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ: съ одной стороны—среды празднаго шелопаинства, людей ликующихъ и праздно-болтающихъ, съ другой—среды честнаго труженничества, первоначально ради хлѣба насущнаго, а въ высшихъ сферахъ умственнаго развитія съ цѣлью распространенія вокругъ себя свѣта, знанія, правды и добра. Добычею, изъ-за которой ведется эта борьба, является герой романа, котораго обѣ борющіяся стороны стремятся заманить въ свой лагерь. Первоначально одолеваетъ злое начало празднаго шелопаинства на томъ простомъ основаніи, что въ то время, какъ честное труженничество рисуется передъ глазами опытнаго ребенка тѣмъ-то весьма непривлекательнымъ, мизернымъ, во всей неприглядной прозѣ тяжкаго будничнаго труда, праздное шелопаинство, напротивъ того, влечетъ къ себѣ ореоломъ роскоши и блеска, шумомъ праздничнаго веселья и массою самыхъ обольстительныхъ и непрерывныхъ наслажденій. Понятно, что юноша склоняется къ послѣднему, исполняется тщеславія, фатовства, рисовки и т. п. Но доброе начало честнаго труженничества не дремлетъ; оно энергично возмущается противъ ложныхъ шаговъ и пошлыхъ увлеченій юноши, выставляетъ на видъ всю неблаговидность его поведенія и подготавливаетъ въ душѣ его тотъ нравственный крикъ, который, потрясая юношу до почти смертельной болѣзни, въ результатѣ ведетъ его къ возрожденію и къ окончательному и сознательному наступленію на путь знанія, добра и правды. Но злое начало посрамляется не только тѣмъ, что теряетъ добычу въ лицѣ возродившагося юноши, явившагося «новымъ человѣкомъ», оно падаетъ жертвою своего безпутства, разлагаясь и постыдно погибая передъ глазами читателей.

Даже мы увидимъ, какъ во всей послѣдующей дѣятельности А. Б. Шеллера повторялись все тѣ же самые элементы и какъ, съ другой стороны, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ тому свѣтлому и бодрому оптимизму, каковой вынесъ онъ изъ своей молодости и который до сѣдыхъ волосъ заставлялъ вѣрить его, что раньше или позже добро непременно должно восторжествовать, такъ какъ зло будетъ мало того что поправно: оно съѣстъ само себя.

А. Скабичевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Страхованіе рабочихъ въ Германіи.

I.

Почти полвѣка тому назадъ Лоренцъ Штейнъ написалъ, подъ впечатлѣніемъ событій 40-хъ годовъ и историческаго изученія рабочаго движенія, извѣстныхъ, тогда чрезвычайно оригинальныхъ слова о будущности монархій: «Das wahre, mächtigste, dauerndste und geliebteste Königthum ist das Königthum der gesellschaftlichen Reform... Alles Königthum wird fortan entweder ein leerer Schatten oder eine Despotie werden oder untergehen in Republik, wenn es nicht den hohen sittlichen Muth hat, ein Königthum der socialen Reform zu werden».

Въ этихъ словахъ заключается вся тенденція социальной политики, представленной Бисмаркомъ въ посланіи Вильгельма I рейхстагу отъ 17 ноября 1881 г. Botschaft—официальный терминъ для всѣхъ заявленій германской короны рейхстагу, но когда въ Германіи говорятъ объ императорскомъ посланіи, въ связи со страхованіемъ рабочихъ, подъ этимъ понимаютъ посланіе 1881 года, ставшее какъ бы социально-политическимъ завѣщаніемъ Вильгельма I. «Уже въ февралѣ этого года,—сказано здѣсь,—мы поручили высказать наше убѣжденіе, что излеченіе социальныхъ недуговъ нужно искать не только въ подавленіи социаль-демократическихъ злоупотребленій, но и положительнымъ содѣйствіемъ благу рабочихъ. Считаемъ своею императорскою обязанностью снова напомнить рейхстагу о необходимости принять близко къ сердцу эту задачу. Мы съ тѣмъ большимъ удовлетвореніемъ оглянемся на всѣ успѣхи, которыми Богъ видимо благословилъ наше правленіе, если намъ удастся унести съ собою сознаніе, что мы оставили отечеству новыя и прочныя гарантіи внутренняго мира, а нуждающимся—больше помощи, на которую они имѣютъ право. Въ нашихъ, направленныхъ къ тому, стремленіяхъ мы увѣрены въ согласіи союзныхъ правительствъ и съ довѣріемъ ждемъ поддержки рейхстага, безъ различія партій. Въ этомъ смыслѣ, прежде всего, будетъ переработанъ предложенный рейхстагу въ прошлой сессіи проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, чтобы подготовить вторичное его обсужденіе. Въ дополненіе къ нему будетъ представленъ проектъ, имѣющій задачей равнодѣрную

организацию кассъ страхованія на случай болѣзни. Однако, и тѣ, которые стали неспособны дабывать средства вслѣдствіе старости или инвалидности, имѣютъ право требовать отъ государства больше заботы, чѣмъ имъ оказываютъ теперь. Найти для осуществленія этого попеченія надлежащія средства — трудная, но одна изъ самыхъ высокихъ задачъ общежитія, основывающагося на нравственныхъ фундаментахъ христіанской народной жизни. Тѣсная связь съ реальными силами народной жизни и соединеніе ихъ въ формѣ корпоративныхъ товариществъ подъ государственною защитой дадутъ, надѣмся, возможность разрѣшить задачи, которыя, въ равномъ размѣрѣ, государство само не въ состояніи было бы исполнить. Однако, и на этомъ пути цѣль не можетъ быть достигнута безъ большихъ средствъ». Конецъ посвященъ указанію на необходимость косвенныхъ налоговъ, — табачной монополіи, для замѣны наиболее утѣснительныхъ прямыхъ налоговъ и для облегченія повинностей общинъ на общественное призрѣніе и школы. Эти финансовыя проекты, — увѣряетъ въ заключеніе посланіе Вильгельма I, — «свободны не только отъ фискальныхъ, но и отъ реакціонныхъ заднихъ мыслей».

Въ приведенномъ посланіи, хотя оно и не первый шагъ на пути новаго соціального законодательства объ обезпеченіи рабочихъ, въ торжественной формѣ возвѣщена программа, осуществленная въ послѣднія 12 лѣтъ въ Германіи и вызвавшая глубокой интересъ всего цивилизованнаго міра. Съ нею связано представленіе о стремленіи пойти на встрѣчу справедливымъ требованіямъ рабочихъ массъ и положительными мѣрами охранить существующій общественный порядокъ отъ попытокъ пересозданія. Одни въ этомъ видятъ гениальную идею государственнаго человѣка, другіе въ сокрушеніемъ указываютъ на заразителный примѣръ заблужденій, проповѣданный монархическимъ государствомъ *), третьи, какъ недавно Морисъ Блокъ, съ злорадствомъ указываютъ, что соціальное страхованіе не предудетъ росту соціаль-демократіи. Въ то же время, однако, рабочіе въ Швейцаріи, Англіи, Бельгіи предъявляютъ къ своему законодательству требованіе, чтобъ оно послѣдовало германскому примѣру и перешло къ системѣ принудительнаго страхованія.

Справедливая оцѣнка достигнутого по этому пути въ Германіи чрезвычайно затрудняется отъ того, что съ законами о страхованіи смѣшиваются представленія, ничего общаго не имѣющія съ сущностью законодательства или стоящія съ нею только въ отдаленной связи. Безспорно, на примѣръ, что главнѣйшимъ мотивомъ кн. Бисмарка, которому Германія обязана этимъ законодательствомъ, было желаніе уничтожить соціаль-демо-

*) На состоявшемся въ октябрѣ 1894 года международномъ конгрессѣ въ Миланѣ для обсужденія вопросовъ о несчастныхъ случаяхъ при работѣ и страхованіи рабочихъ, большинство оказалось на сторонѣ германской системы. Даже такой убѣжденный индивидуалистъ, какъ Лудцатъ, склонился на ея сторону. Германія, — жаловался послѣ этого Yves Guyot, — не удовольствовалась тѣмъ, что отняла у насъ двѣ про...

кратію. Ради самихъ рабочихъ Бисмаркъ не пошелъ бы на борьбу съ препринимателями и не вызвалъ бы на бой традиціонные взгляды. Въ то же время, безспорно, что страхованіе рабочихъ не специфическое средство противъ теорій пересозданія,—страховые законы сами по себѣ могутъ прекрасно разрѣшить задачу въ области своего воздѣйствія и не оказать никакого вліянія на настроеніе массъ, потому что вліяніе ихъ можетъ быть парализовано дѣйствіемъ противоположныхъ факторовъ.

Мы постараемся въ нижеслѣдующемъ дать, насколько это возможно въ сжатыхъ чертахъ, дѣйствительное представленіе о значеніи германскаго рабочаго страхованія. Прежде чѣмъ говорить о дѣйствительности, нужно упомянуть объ ея связи съ прошлымъ.

Въ исторіи идеи страхованія, какъ формы социальной политики, предупреждающей и смягчающей самую больную сторону неравенства, есть одно великое имя, которое забыли или не замѣтили: Кондорсе. Въ германской экономической литературѣ принято считать Винкенблеха и Герман писателями, раньше другихъ отмѣтившими необезпеченность рабочаго при наступленіи болѣзни, старости и неспособности къ труду и указавшимъ государству обязанности въ этомъ направленіи. Гораздо справедливѣе было бы сказать, что это сдѣлалъ Кондорсе уже 100 лѣтъ тому назадъ. Я не хотѣлъ бы быть ложно понятымъ: страхованіе, какъ способъ предупрежденія послѣдствій несчастныхъ случайностей, точно такъ же не оригинальная идея Кондорсе, какъ и мысль, что масса народа въ большинствѣ случаевъ не обезпечена. Что было ново и оригинально въ концѣ 18 вѣка, это—соединеніе обѣихъ мыслей въ задачу общественной политики. Старые устои народнаго хозяйства только что рушились и вмѣстѣ съ ними исчезла та степень обезпеченности, которая связана съ цеховымъ строемъ въ промышленности и приврѣзденіемъ работника къ землѣ въ сельскомъ хозяйствѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ своею трагическою смертію, зная, что дни его сочтены, «*entouré des cœurs de la mort, mais... dans une sublime et continuelle abnégation de lui même*», какъ хорошо выражается его биографъ Даньберъ, Кондорсе набрасываетъ «эскизы исторической картины успѣховъ человѣческаго ума» *).

Обозрѣвая исторію человѣческихъ обществъ, Кондорсе останавливается предъ различіемъ между формальнымъ правомъ и практическимъ его осуществленіемъ. «Очень часто, — замѣчаетъ онъ, — оказывается большое расстояніе между правами, которые законъ признаетъ за гражданами, и правами, которыми они дѣйствительно пользуются,—между равенствомъ, установленнымъ политическими учрежденіями, и равенствомъ между индивиду-

*) *Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain ouvrage posthume du Condorcet. Nouvelle édition, précédée de la notice sur la vie et les ouvrages de Condorcet par Antoine Dampierre (мой экземпляръ помѣченъ 1797 годомъ; первое изданіе, вѣроятно, вышло въ 1796 г.). Ср. въ предисловіи стр. 49—50 и в. Esquisse, стр. 258—262.*

унами... Это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ разрушенія свободы въ античныхъ республикахъ, бурь, которыя ихъ посѣщали, слабости, которая отдавала ихъ въ руки иностранныхъ тирановъ».

Несовпаденіе формальной свободы съ дѣйствительною имѣть свои причины, во-первыхъ, въ неравенствѣ богатствъ, во-вторыхъ, въ неравенствѣ воспитанія, образованія и, въ-третьихъ, («въ неравенствѣ между тѣмъ гражданиномъ), средства существованія котораго, обезпеченныя ему самому, переходятъ потомъ къ его семьѣ, и тѣмъ, у котораго эти средства висятъ отъ продолжительности его жизни, или *върнѣе—той части жизни, когда онъ способенъ къ труду...*» Жизнь, здоровье главы семьи, —проявляетъ Кондорсе,—составляетъ для многихъ единственное состояніе, чрезвычайно подверженное случаю. «Существуетъ, слѣдовательно, необходимая причина неравенства, зависимости и даже нищеты, которая постоянно угрожаетъ наиболѣе многочисленному и наиболѣе трудящемуся классу общества».

Необходимая ли? Кондорсе отвѣчаетъ: «Мы докажемъ (не забудемъ, что это сочиненіе — наброски), что въ значительной степени ее можно устранить, противопоставляя случаю случай (en opposant le hasard à lui-même), безпечивая тому, который достигаетъ старости, помощь, достигнутую его собственными сбереженіями, но увеличенную взносами другихъ, которые приносятъ тѣ же жертвы, но умираютъ раньше наступленія необходимости пользоваться ихъ плодами, предоставляя, при помощи подобной же компенсаціи, источникъ существованія женщинамъ и дѣтямъ, потерявшимъ мужа или отца, приготавливая дѣтямъ, по достиженіи возраста, въ которомъ они могутъ работать самостоятельно для себя, капиталъ для основанія всей семьи и для развитія предпріятія. Идея эта вытекаетъ изъ примѣненія теоріи вѣроятности къ продолжительности жизни и помѣщенія капиталовъ. Ею уже съ успѣхомъ пользовались, но никогда не примѣняли ни въ такихъ широкихъ размѣрахъ, ни въ томъ разнообразіи формъ, которыя имѣютъ ее поистинѣ полезною не только для немногихъ, но для массы, освобождая большое число семействъ отъ періодическаго разоренія, этого постоянно возобновляющагося источника испорченности и горя.

«Такія учрежденія,—прибавляетъ Кондорсе,—*могутъ быть предприняты и именемъ общественной власти (au nom de la puissance sociale) и стать однимъ изъ ея самыхъ великихъ благодѣлій*; они могутъ быть также результатомъ частныхъ ассоціацій». Эти мысли Кондорсе хотеть развить, но онъ сказалъ уже, что это ему не удалось. Приведеннаго, однако, достаточно, чтобъ обезпечить ему выдающееся мѣсто въ исторіи идеи страхованія.

Въ Германіи даже штейнъ-гарденберговскія реформы не такъ радикально покончили съ цеховымъ и феодальнымъ строемъ, какъ французская революція, а реакція послѣ эпохи освобожденія и затѣмъ послѣ 48 года сумѣла сохранить обломки старины. До 50-хъ годовъ развитіе крупной промышленности не было такъ велико, чтобы во-первыхъ о необезпеченности рабочихъ массъ могъ стать выдающимся соци-

альнымъ вопросомъ. Вмѣстѣ съ цеховыми порядками сохранились цеховыя кассы, Brudergladen ремесл. подмастерій, горнорабочіе составляли особую категорию рабочихъ, для которыхъ при содѣйствіи государства опредѣлялись условія труда, а въ обязательныхъ Кnappschaft предусматривалась была помощь при болѣзни, несчастныхъ случаяхъ, неспособности къ труду, обезпеченіе вдовъ и сиротъ. Тѣмъ не менѣе, уже въ 40-хъ гг. въ Пруссіи наступилъ моментъ, когда нужно было задуматься надъ учрежденіемъ вспомогательныхъ кассъ. Законодательство допустило свободу передвиженія въ предѣлахъ прусскаго государства и ближайшимъ его послѣдствіемъ было увеличеніе городского пролетаріата. Города, какъ и всѣ общины, обязаны были призрѣвать неимущихъ, и очень скоро усиленіе пролетаріата внѣ цеховой организаціи безъ корпоративной поддержки со товарищей стало замѣтно отражаться на бюджетѣ общественнаго призрѣнія. Эта точка зрѣнія городскихъ финансовъ и призрѣнія бѣдныхъ играетъ первенствующую роль въ заботахъ государства о развитіи кассъ взаимопомощи. Прусское законодательство въ Gewerbeordnung 1845 г., дополненной въ этомъ отношеніи въ 1849 и 1854 гг., предоставляетъ общинамъ путемъ мѣстныхъ статутовъ обязывать фабрикантовъ и рабочихъ къ учрежденію кассъ помощи при болѣзни и смертныхъ случаяхъ и къ опредѣленнымъ взносамъ для этой цѣли. Общество вправѣ требовать отъ хозяевъ уплаты взносовъ за ихъ подмастерій и рабочихъ; тѣ же могутъ въсчитывать ихъ изъ заработной платы. Кромѣ того, общины могутъ постановить, чтобы предприниматели, ремесленники и фабриканты приплачивали къ взносамъ своихъ рабочихъ до 50% каждаго взноса. Обязательное участіе въ кассахъ могло быть распространено не только на наемныхъ рабочихъ, но и на самостоятельныхъ ремесленниковъ.

На югѣ Германіи, въ Баваріи, Баденѣ, Вюртембергѣ, самая организація помощи была почти исключительно общинная. Каждый предприниматель обязанъ былъ платить извѣстную сумму въ годъ за своимъ рабочимъ и въ случаѣ болѣзни община лечила заболѣвшихъ и выдавала имъ пособіе. Въ Баваріи эти взносы и въ законѣ носили названіе налоговъ, Krankensteuer.

Результатомъ было если и не образцовое, то, по крайней мѣрѣ, почти всеобщее обезпеченіе рабочихъ при болѣзни въ южной Германіи. Прусское законодательство сдѣлало, однако, очень существенную ошибку, предоставивъ установленіе обязательнаго участія въ кассахъ или общинномъ призрѣніи больныхъ мѣстнымъ статутамъ. Въ городскомъ самоуправленіи первое мѣсто занимали купцы-предприниматели, хозяева-ремесленники, и гдѣ это имъ было обременительно, они просто не издавали статутовъ, предпочитая пережить призрѣніе больныхъ на средства общественнаго призрѣнія, т.-е. всѣхъ плательщиковъ. Много лѣтъ спустя, когда тѣ же предприниматели и ихъ представители подняли вопль, что обязательное государственное страхованіе ведетъ къ государственному и коммунальному социализму, Шэффотвѣгидъ имъ: обязательное страхованіе (даже съ государственною субсидіей)

прусскимъ статистическимъ бюро по порученію правительства, въ Пруссіи оказалось:

	Кассъ.	Членовъ.
1) Ремесленниковъ одинакого ремесла .	1,641	146,981
2) Смѣшан. ремесл. кассъ	1,161	122,983
3) Рабочихъ одной и той же фабрики или одного фабриканта	1,591	306,360
4) Смѣшан. фабричн. кассъ	263	163,208
5) Смѣш. кассъ изъ фабр. и рем. кассъ	107	37,031
	<hr/>	<hr/>
	4,763	776,563.

Около $\frac{3}{4}$ милліона рабочихъ, изъ которыхъ почти полмилліона фабричные рабочіе, слѣдовательно, уже принадлежали къ членамъ кассъ. Если же, однако, спросимъ, что давали кассы рабочимъ въ превратностяхъ судьбы, то окажется, что 70 кассъ давали только деньги на погребеніе, 699 кассъ—около 70,000 членовъ—только помощь при болѣзни и 3,714 кассъ—болѣе $\frac{1}{2}$ милліона членовъ—помощь при болѣзни и на погребеніе. Изъ всѣхъ кассъ только 280 съ 192 тысячами рабочихъ давали еще другія и себѣ, кромѣ помощи при болѣзни и для погребенія. И на какія средства существовали рабочія кассы? Преимущественно на гроши самихъ рабочихъ. Въ 2,497 кассахъ, къ которымъ принадлежали почти 300,000 рабочихъ, хозяева не давали ни гроша въ кассы. У ремесленниковъ почти $\frac{3}{4}$ рабочихъ не получали для своихъ кассъ никакого пособія, у фабричныхъ сношеніе фабрикантовъ было гуманнѣе, но и въ фабричной промышленности на 380 тысячъ рабочихъ, которымъ фабриканты давали субсидію, было 165,000, не получавшихъ ничего, и еще несравненно больше такихъ, которые вообще не имѣли никакихъ кассъ.

Надежды, которыя сторонники волюнтаризма возлагали на развитіе свободныхъ кассъ взаимопомощи при дѣйствіи закона 1871 г., не оправдались: кассы стали лучше, управленіе цѣлесообразнѣе, но единства, всеобщности, не было достигнуто. Исчезла крайняя неравномѣрность, несоответствіе между взносами и пособиями, придававшія прежнимъ кассамъ, по выраженію современника, «такой пестрый видъ», какой нельзя было встрѣтить ни въ какомъ другомъ обществѣ; исчезли пособия въ $\frac{1}{2}$ талера въ недѣлю за которое рабочіе иногда вносили до $7\frac{1}{2}$ процентовъ изъ своего недѣльнаго заработка**), но порядка и единства, все-таки, не было. Главное же кассы слабо распространялись. Въ 1880 г. въ Пруссіи оказалось 839,000 ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, записанныхъ въ «регистровые книги», т.-е. соответствовавшія требованіямъ закона 1876 года, кассы,

*) Ср. *Statistik der gewerb. Hilfskassen in Preussen Zeitschrift der K. preuss. Statist. B. Jahrg. 1875.* Также: „*Annalen des deutschen Reichs*“. Jahrg. 1875. S. 1722—1724.

**) Серия очень интересныхъ статей въ *Concordia* 1872 г., №№ 2, 6, 7; 1873 № 7 и p. 404—412.

около 200,000 въ вольныхъ кассахъ, безъ правъ юридическихъ лицъ и по подчиненныхъ закону.

Всобщь организованы были только Кнарршафтскассен, кассы рудокоповъ, исторію которыхъ можно прослѣдить до XIII вѣка. Въ Пруссіи организація основывалась на горномъ уставѣ 1865 года, въ свою очередь повторявшемъ постановленія спеціальнаго закона 1854 года. Почти одинаковы и списаны съ прусскаго законы о кассахъ горнорабочихъ въ Баваріи, Вюртенбергѣ, Брауншвейгѣ. Основной принципъ Кнарршафтен— «обязательное сотрудничество хозяевъ и рабочихъ», въ цѣляхъ поддержки послѣднихъ и ихъ семействъ въ случаяхъ болѣзни, неспособности къ труду, смерти и въ особенности несчастій при работѣ,—притомъ, сотрудничество-взаимодѣйствіе при помощи обоюднo-обязательныхъ взносовъ для цѣлей союза, съ равнымъ участіемъ обѣихъ сторонъ (хозяевъ и рабочихъ) черезъ своихъ представителей въ управленіи и подѣ наблюдениемъ властей. Размѣръ пособія предоставленъ автономіи отдѣльныхъ кассъ. По прусской статистикѣ 78 г. средній размѣръ годовыхъ взносовъ во всѣхъ прусскихъ Кнарршафтсверейне былъ 23 м. 12 пф. для рабочаго и 20 м. 84 пф. со стороны хозяина. На государственныхъ каменноугольныхъ копяхъ въ Саарбрюкенѣ взносы какъ рабочихъ, такъ и хозяина-государства значительно выше, но за то и пособія больше. Здѣсь рабочіе уплачивали въ годъ 42 м., государство нѣсколько больше: на 21,500 рабочихъ—908,002 маркы въ годъ. Въ среднемъ за 1878 г. 12 большихъ кассъ рудокоповъ платили инвалидамъ пенсіи въ 217 м., вдовамъ—106,7 м., на каждого вдовца—33 м. Больные получали въ Саарбрюкенѣ 7 м. въ недѣлю *).

Для каждого отдѣльнаго пенсіонера пособіе болѣе, чѣмъ скромное, но, какъ мы увидимъ ниже, эта организація кассы рудокоповъ давала инвалидамъ еще больше, чѣмъ даетъ теперь социальное страхование нѣмецкому рабочему. Можно и говорить, что для кассъ взаимопомощи или коммунальной помощи Кнарршафтен были недостижимымъ идеаломъ, хотя бы уже потому, что рудокопы имѣли какое-нибудь обезпеченіе при всѣхъ несчастныхъ случаяхъ жизни, кромѣ безработицы, тогда какъ большинство другихъ кассъ давали только пособіе при болѣзни и на погребеніе. Кассы рудокоповъ были обязательны издавна: въ этомъ ихъ секретъ. Однако, и тотъ миллионъ рабочихъ въ Пруссіи и 500—600 т. въ остальной Германіи, которые были застрахованы при общинѣ или въ вольныхъ кассахъ, тоже въ доказательство успѣховъ волюнтаризма. Не забудемъ, что большая половина, если не $\frac{2}{3}$ всѣхъ этихъ кассъ созданы были не по доброй волѣ, а на основаніи мѣстныхъ обязательныхъ статутовъ. Разница противъ государственнаго принужденія только та, что государство предоставляло право принужденія общинамъ, а общины очень часто не исполняли своей задачи. Если въ приведенной выше цифрѣ членовъ кассы взаимопомощи и

* Fr. v. der Heyden: „Ueber die Grundprincipien der Knappschafts Kassen“. Jahrb. f. Gesetzgeb., V, S. 259—271.

общины присоединить даже всѣхъ 320,000 членовъ Кнаррschaften, то во всей Пруссiи на случай болѣзни застрахованы были 1½ милл. рабочихъ, тогда какъ въ то же время (въ 1881 году) въ Пруссiи было болѣе 2½ милл. работниковъ въ промышленности горно-заводской, фабричной и ремесленной. Какъ для Пруссiи, такъ и для Германiи можно съ полнымъ основанiемъ сказать, что въ лучшемъ случаѣ при болѣзни получавъ пособiе только половина всѣхъ заболѣвшихъ, а другая половина должна была существовать на собственные средства или обращаться къ обществу призывнiю.

Уже въ 70-хъ годахъ была до такой степени очевидна невозможность провести обезпеченiе даже при болѣзни безъ принужденiя, что надо только изумляться, какъ на конгрессѣ «каторжъ-соціалистовъ» въ Эйзенахѣ (1874 г.) большинство оказалось противъ принужденiя, совершенно такъ, какъ манчестерскiй Congress Deutscher Volkswirthe, засѣдавшiй въ томъ же году въ Брефельдѣ. Однако, изъ 5 референтовъ въ Schriften des Vereins по тому же предмету, 4 были за обязательность кассъ, за Kassenzwang *). Среди меньшинства на сѣздѣ въ Эйзенахѣ были Гельдъ и Ад. Вагнеръ. Последний привелъ часто цитированный съ тѣхъ поръ примѣръ страхованiя отъ огня, которое 200 лѣтъ тому назадъ въ Пруссiи тоже пришлось вводить принудительно, въ видѣ Brandsteuern, такъ какъ добровольно нельзя было осуществить всеобщаго страхованiя. Карлъ Рошеръ два года спустя привелъ рядъ аргументовъ, воспроизведенныхъ потомъ Шеффле и среди которыхъ одинъ изъ самыхъ наглядныхъ—сравненiе обязательнаго страхованiя съ обязательнымъ шеольнымъ обученiемъ. Принципъ обязательности можетъ распространяться только на минимумъ необходимой помощи, точно также какъ и народная школа даетъ только минимумъ необходимаго знанiя при данной ступени культуры. Альтернатива: государственная помощь и самодѣятельность—невѣрная формула въ старой организацiи предпринимательства; вѣрнѣе будетъ,—замѣчаетъ К. Рошеръ,—противупоставленiе добровольной и принудительной самопомощи. Kassenzwang не только ведетъ къ справедливому распредѣленiю обязанностей по отношенiю къ бѣднымъ, но и ведетъ къ болѣе справедливой оплатѣ издержекъ рабочей силы, Selbstkosten der Arbeit (Энгель). Включая страховую премию въ обязательный бюджетъ заработной платы, государство подымаетъ минимумъ заработной платы **).

Мы до сихъ поръ говорили преимущественно о попыткахъ обезпеченiя рабочаго на случай болѣзни. Неувѣренность въ существованiи рабочаго выражалась, однако, не въ отсутствiи только средствъ при временныхъ перерывахъ вслѣдствiе болѣзни. Калѣка, потерявшiй способность работать и въ обезпеченный на счетъ предпринимателя, старики, слабосильные, вдовы и

*) Verhandlungen des V. f. S., 1874. Schriften des Vereins, B. 5.

**) Carl Rocher: „Zur Kritik der neuesten wirtschaftl. Entwicklung des deutschen Reichs“. Zittau, 1876, S. 180—195.

сироты рабочаго,—всѣ они служили укоромъ существующаго экономическаго строя. Не меньшимъ укоромъ служить здоровый, но умирающій съ голоду человекъ, желающій работать, но не находящій заработка. Всѣ эти формы общественной несправедливости съ особенною настойчивостью выступили въ концѣ 70-хъ годовъ, когда съ принятіемъ исключительнаго закона противъ социаль-демократіи рабочій вопросъ перешелъ въ стадию репрессивныхъ мѣръ. Какъ правительство, такъ и самые консервативные элементы парламента сознавали, что уголовная кара—не разрѣшеніе, что она можетъ напугать агитаторовъ, задержать, но не уничтожить экономическія причины, создавшія рабочее движеніе. Мотивируя въ рейхстагѣ исключительный законъ 1878 г., правительство и его сторонники считали нужнымъ оговориться, что рядомъ съ репрессивными мѣрами они имѣютъ въ виду положительныя мѣры ко благу рабочихъ. Основная цѣль—подавленіе социаль-демократической агитаціи—выставлялась даже средствомъ къ высшей цѣли: тишина, успокоеніе, которыя будто наступаютъ въ странѣ, дасть возможность осуществить социальныя реформы.

Въ этому присоединяется другой моментъ: годъ спустя воздвигнута была протекціонная политика. «Защитники охранительныхъ пошлинъ,—замѣчаетъ Миасковскій,— часто ссылались на дурное положеніе рабочихъ, какъ на послѣдствіе фритредерства. Таможенныя пошлины дадутъ внутренней промышленности возможность платить лучшіе заработки и принять мѣры, прямо направленныя къ поднятію благосостоянія работы. Фабриканты, купцы, помѣщики не могли не чувствовать, что законодательство, предоставляя имъ выгоды путемъ протекціоннымъ, создаетъ вздорное существованіе необходимыхъ предметовъ существованія и питанія массъ. Въ значительныхъ сферахъ даже говорили, что подобно тому, какъ государство предоставило правящимъ классамъ прямыя матеріальныя выгоды, такъ нужно дать что-нибудь рабочимъ, прямо запустивъ руку въ государственную кассу *).

Это очень хорошо объясняетъ и политику Бисмарка въ области страхованія рабочихъ, столь выгодно отличавшуюся отъ его отношенія къ фабричному законодательству. Дать рабочему нормальный рабочій день, воскресный отдыхъ, защиту личности и т. п. въ его глазахъ значило содѣйствовать самостоятельности рабочаго, дать ему время и возможность стать гражданиномъ. Это не былъ идеалъ Бисмарка. Другое дѣло—обеспеченіе больного, увѣчнаго, старика. Благодѣтельствовать можно было сверху, укрѣпляя, какъ думалъ Бисмаркъ, патриархальныя отношенія, вмѣсто того, чтобы ихъ разрушать.

Тѣкъ думали и крупныя фабриканты. Заводчикъ Штуммъ выступаетъ въ 1879 году въ рейхстагѣ съ предложеніемъ о введеніи кассъ страхованія на случай старости, по примѣру тѣхъ, которыя существовали

* *A. v. Miaskowski: „Zur Geschichte u. Literatur des Arbeitsversicherungs-
wesens in Deutschland“ (Schmoller's Jahrb. 1882, S. 474—96.*

при его заводахъ въ Нейкирхенѣ и у нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ предпринимателей. Вслѣдъ за нимъ депутатъ національ-либераловъ Бааре, директоръ извѣстныхъ заводовъ въ Бохумѣ, предлагаетъ рейхстагу подробно мотивированный проектъ о замѣнѣ отвѣтственности предпринимателей обязательнымъ страхованіемъ рабочихъ *). Организация предполагается тутъ централизованной, вознагражденіе рабочимъ въ формѣ рентъ. Рабочій долженъ быть вознагражденъ во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ, кромѣ умышленно имъ вызванныхъ или происшедшихъ по грубой его небрежности. Хотя инициаторъ предложенія и филантропъ, но онъ все же не прочь переложить обязанности предпринимателей, хоть отчасти, на другихъ: преміи по его проекту уплачиваются на $\frac{1}{2}$ хозяевами, на $\frac{1}{4}$ рабочими и на $\frac{1}{4}$ на средства общественнаго призрѣнія. Последняя черта хорошо отбѣчаетъ патріархальную систему.

Проектъ Бааре вызвалъ большое вниманіе какъ въ экономической литературѣ, такъ и въ правительственныхъ кругахъ. Вопросъ о недостаткахъ дѣйствовавшаго законодательства объ отвѣтственности стоялъ на очереди, интересовалъ общество. Представлялся, слѣдовательно, очень благоприятный поводъ сдѣлать что-нибудь осязательное, бросающееся въ глаза и несущее несомнѣнную печать реформы для народа. Прежде чѣмъ изложить первыя попытки къ обязательному страхованію рабочихъ, намъ нужно хотя бы въ краткихъ чертахъ познакомиться съ дѣйствовавшимъ тогда законодательствомъ объ отвѣтственности предпринимателей **).

II.

До 1871 г. мы видимъ въ дѣйствовавшемъ въ Германіи правѣ отвѣтственности лишь два свѣтлые проблеска, и оба они составляли для нѣмецкаго цивилиста аномалію, отступленіе отъ основныхъ правилъ матеріальнаго и процессуальнаго права: желѣзно-дорожный законъ 1838 г. съ ея презумпціей вины предпринимателя являлся нарушеніемъ общаго правила, по которому всякое *obligatio ex delicto* должно быть доказано истцомъ. Въ признаніи своей вины предъ юристомъ, законодатель прибѣгаетъ къ уловкѣ. Онъ говоритъ: въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ несчастіе почти всегда можно предупредить. Слѣдовательно, всего вѣроятнѣе, что если несчастіе произошло, то виновно управленіе, не принявшее мѣръ предосторожности. Другой свѣтлый проблескъ — возложеніе отвѣтственности на предпринимателей за вину ихъ управляющихъ и уполномоченныхъ по дѣйствующему въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи *Code civil*. Оно несомнѣнно представляетъ начало общественной необходимости, общественнаго долга, перенесеннаго

* *Gesetz-Entw. betreffen die Errichtung einer Arbeiter Unfallversicherungskasse* Von Kommerzienrath Baare-Bochum (въ 25 парагр.).

** Подробнѣе изложено мною въ рефератѣ *Отвѣтственность предпринимателей и страхованіе рабочихъ въ Германіи*, читанномъ 16 декабря 1885 г. въ московскомъ юридическомъ обществѣ (напечатанъ въ *Русской Мысли* 1886 г., кн. V).

котораго въ сферу гражданскаго права нѣмецкій цивилистъ не иначе могъ мотивировать, какъ прибѣгая къ фикціи, т.-е. фигурируя несуществующую вину. Безспорна для него была отвѣтственность фабриканта лишь въ томъ случаѣ, если при наймѣ уполномоченнаго, прикащика, могла быть доказана небрежность въ выборѣ (*culpa in eligendo*). Вопросъ о вознагражденіи рабочаго, пострадавшаго отъ собственной неосторожности или отъ непредотвратимаго несчастнаго случая, при такихъ обстоятельствахъ не могъ даже быть поднятъ; онъ могъ быть разрѣшенъ только на почвѣ *общественнаго права*, сознающаго социальныя обязанности, вытекающія изъ общезжитія. Крупное улучшение, однако, внесено было въ дѣйствовавшее право закономъ объ отвѣтственности (*Haftpflichtgesetz*) отъ 7 іюня 1871 г.

Содержаніе закона 1871 г. слѣдующее. Первая статья повторяетъ для жѣлѣзно-дорожныхъ предпріятій постановленіе прусскаго закона 1838 г., дѣлающаго управленіе отвѣтственнымъ за всякій несчастный случай во время движенія, — отвѣтственность, отъ которой дорога можетъ избавиться лишь въ томъ случаѣ, если она докажетъ собственную вину потерпѣвшаго или существованіе *vis major* (непредотвратимаго случая въ тѣсномъ смыслѣ слова). Центръ тяжести закона лежитъ въ статьѣ 2-й: «Владельцы фабрикъ, заводовъ, рудниковъ, каменоломенъ и копей обязаны возмѣстить весь матеріальный ущербъ рабочему, убитому или изувѣченному при работѣ, если смерть или увѣчье рабочаго произошли по винѣ представителя, уполномоченнаго или всякаго другого лица, поставленнаго предпринимателемъ для руководства дѣла или для надзора за рабочими, и если эта вина (представителя или надзирателя) проявлена при исполненіи служебныхъ обязанностей». Размѣры вознагражденія законъ опредѣляетъ полнымъ возмѣщеніемъ имущественнаго ущерба, понесеннаго потерпѣвшимъ, а въ случаѣ его смерти — его семьей. Сюда относятся расходы по леченію, погребенію, прекращеніе заработка со всеми имущественными послѣдствіями какъ для пострадавшаго рабочаго, такъ и для лицъ, кормившихся его трудомъ. Законъ предоставляетъ суду полную свободу въ опредѣленіи суммъ вознагражденія, но рекомендуетъ присуждать убытки предпочтительно въ формѣ ежегодной ренты (статьи 3 и 7). Такъ называемая система свободнаго доказательства, опредѣляемая статьєю 6-й закона, предоставляетъ судьямъ право субъективнаго сужденія, но она потеряла свой исключительный характеръ съ введеніемъ общегерманскаго устава гражданскаго судопроизводства. Высокое принципиальное и практическое значеніе имѣетъ принятая, по предложенію депутата Ласкера, статья 4. Она гласитъ: если пострадавшій рабочій былъ застрахованъ въ частномъ обществѣ или въ одной изъ кассъ взаимнаго вспоможенія, и если фабрикантъ взносилъ за него не менѣе одной трети страховой преміи, то изъ присуждаемаго судомъ въ пользу рабочаго или его семьи вознагражденія должна быть вычтена вся полученная отъ подобнаго общества сумма. Это постановленіе, съ той стороны, произвело брешь въ системѣ гражданской отвѣтствен-

ности, съ другой—повело къ развитію дѣла страхованія и къ стремленію предпринимателей переложить значительную долю премій на рабочихъ. Изъ остальныхъ предписаній заслуживаютъ вниманія еще два: запрещеніе частныхъ сдѣлокъ между фабрикантомъ и рабочими, устраняющихъ дѣйствія закона объ отвѣтственности, и постановленіе о давности, сокращенной до двухгодичной. Наконецъ, подчеркнемъ важнѣйшій моментъ: относительно *onus probandi* (тяжесть доказательства) законъ не дѣлаетъ для фабричныхъ, заводскихъ и т. д. рабочихъ того отступленія отъ общаго правила всѣхъ *obligationes ex delicto*, которое онъ сдѣлалъ, по примѣру прусскаго желѣзно-дорожнаго закона, для пассажировъ и желѣзно-дорожныхъ служащихъ: *чтобы получить вознагражденіе, фабричный рабочий долженъ доказать вину кою-либо изъ уполномоченныхъ предпринимателя.*

Передъ нами теперь уже богатый опытъ, позволяющій безпристрастно судить о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ германскаго закона объ отвѣтственности, послужившаго образцомъ для подобныхъ же законовъ въ другихъ странахъ. Предъ прежнимъ законодательствомъ Германіи (отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ) онъ имѣлъ два чрезвычайно крупныя преимущества: онъ объединялъ для всей имперіи разрозненныя постановленія территориальныхъ законодательствъ и, затѣмъ, расширялъ отвѣтственность до тѣхъ предѣловъ, до какихъ расширяло ее въ общемъ выраженіи французское право. *Соціальный характеръ* закона, характеръ закона въ интересахъ рабочихъ, давалъ ему гораздо больше силы и точности, нежели это возможно было бы въ менѣ узкой сферѣ примѣненія: это — преимущество *перваго европейскаго закона объ отвѣтственности предпринимателей*, закона съ чрезвычайно крупными недостатками, но съ громаднымъ принципиальнымъ значеніемъ.

Прислушиваясь къ многочисленнымъ сужденіямъ, высказаннымъ въ Германіи вскорѣ послѣ изданія закона и повторявшимся въ экономической и политической литературѣ особенно часто въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, мы находимъ, что всѣ они констатируютъ гуманный характеръ судебныхъ рѣшеній за 13 лѣтъ дѣйствія закона. Внутреннее убѣжденіе народа въ томъ, что предприниматель долженъ нести весь рискъ предпріятія, сообщалось и судьямъ, толковавшимъ въ самомъ широкомъ смыслѣ понятіе вины распространеніемъ этого понятія на небрежность; подъ «представителемъ, управляющимъ», судебныя рѣшенія часто понимали даже рабочаго, въ зависимости отъ дѣйствій котораго находился трудъ потерпѣшаго. Огромное большинство всѣхъ авторитетныхъ нѣмецкихъ исследователей согласны, однако, и въ томъ, что законъ 1871 г. былъ лишь полумѣрой, что онъ ограждалъ едва $\frac{1}{4}$ всѣхъ рабочихъ въ обрабатывающей промышленности, что онъ и для этой привилегированной категоріи часто оказывался лишь благимъ намѣреніемъ, вслѣдствіе того, что отъ рабочаго требовалось доказательство вины представителя фабриканта, — доказательство болѣею частью невозможное даже при полномъ нравственномъ убѣжденіи въ винѣ распорядителя. Понятно, что, вмѣсто того, чтобы послужитъ

въ смягченію непріязненныхъ отношеній рабочихъ къ предпринимателямъ, законъ создалъ многочисленныя процессы, озлоблявшіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Наконецъ, онъ не измѣнилъ прежнихъ условій, когда несчастіе бывало дѣйствительно дѣломъ случая или собственной, хотя и вполнѣ естественной и извинительной, неосторожности пострадавшаго. По словамъ Гельда, $\frac{3}{4}$ всѣхъ рабочихъ въ промыслахъ, которые подпали подъ законъ, лишены были возможности пользоваться его благодѣяніемъ отчасти вслѣдствіе трудности доказать, отчасти вслѣдствіе общихъ неблагоприятныхъ условій, въ которыхъ находится бѣдный и невѣжественный человѣкъ на судѣ. Девять десятыхъ всѣхъ несчастій въ рудникахъ и копяхъ, — говоритъ крупный предприниматель Штуммъ, — принадлежать къ такимъ, относительно которыхъ вопросъ о винѣ остается всегда невыясненнымъ. Какъ въ фабричныхъ отчетахъ, такъ и въ рабочей прессѣ постоянно повтораются жалобы на то, что при самомъ благоприятномъ для рабочаго исходѣ процесса онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ остается безъ помощи. Другая тема жалобъ, это—страховыя общества: они увеличиваютъ число процессовъ, нѣкоторыя даже прямо ставятъ условіемъ вознагражденія рабочаго предварительное признание ему этого вознагражденія судомъ, т.-е. процессъ противъ фабриканта. Изъ 7,373 несчастныхъ случаевъ, заявленныхъ въ 1879 г. лейпцигскому страховому обществу, оно признало подлежащими удовлетворенію лишь 1,251, въ остальныхъ 6,121, или въ $\frac{3}{8}$ всѣхъ случаевъ, общество отказывалось платить.

Если большимъ прогрессомъ слѣдуетъ назвать тотъ фактъ, что въ теченіе 10 лѣтъ съ изданія закона одна треть всѣхъ рабочихъ была застрахована фабрикантами отъ несчастныхъ случаевъ, что около 8.000,000 марокъ уплачивалось въ качествѣ премій фабрикантами, то эти благодѣтельные послѣдствія въ значительной мѣрѣ умаляются указанною практикой страховыхъ обществъ. Вопросъ о болѣе цѣлесообразной организаціи вознагражденія пострадавшихъ рабочихъ настойчиво ставился и представителями экономической науки. Въ докладѣ, составленномъ по порученію общества социальной политики, Гельдъ резюмировалъ высказанныя сужденія въ словахъ: наше понятіе о нравственности требуетъ, чтобы промышленность, такъ таковая, съ организаціей которой связана опасность для жизни и здоровья рабочаго, брала на себя и экономическія послѣдствія несчастія. Какъ на съѣздѣ въ Эйзенахѣ, такъ и на засѣданіяхъ экономического конгресса вопросъ объ обезпеченіи рабочихъ ставился въ видѣ альтернативы: самопомощь или принудительное страхованіе?

Законъ 1871 г.,—говоритъ Шмоллеръ*),—одна изъ величайшихъ заслугъ либеральнаго средняго сословія; несмотря на то, что онъ возлагаетъ значительныя жертвы на имущихъ, онъ возникъ по ихъ инициативѣ. Недовольство новымъ закономъ какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ происходило отъ того, что, представляя собою прогрессъ противъ прежняго положе-

Haftpflicht und Unfallversicherung in Schmoller's. Jahrbuch. 1881, S. 295—318.

нія, онъ остановился на половинѣ пути. Онъ выдвинулъ новый юридическій принципъ, но не имѣлъ мужества признать его цѣликомъ и провелъ границу между отдѣльными отраслями промышленности, оказавшуюся въ дѣйствительности произвольною и несправедливою. Требуя отъ рабочаго доказательства вины кого-нибудь изъ уполномоченныхъ фабриканта, онъ лишилъ множество пострадавшихъ возможности добиться вознагражденія. Съ другой стороны, этотъ законъ въ отдѣльныхъ случаяхъ оказался разорительнымъ для фабриканта и повелъ къ безчисленнымъ процессамъ, усилилъ социальный антагонизмъ, такъ что естественно возникъ вопросъ: не лучше ли помочь этому принудительнымъ страхованіемъ, исключаяющимъ вмѣшательство суда? Такимъ же образомъ вопросъ начали ставить и представители правительства: усиленіе отвѣтственности приводитъ въ каждомъ примѣненіи закона рабочаго и фабриканта юридически и фактически во враждебное положеніе, тогда какъ путемъ страхованія можно сплотить ихъ узами солидарности, сказалъ въ рейхстагѣ министръ Гофманъ въ отвѣтъ на запросъ депутата Гертинга 26 февраля 1879 г.

Общественное мнѣніе, какъ видно изъ всего предъидущаго, уже было подъ давленіемъ необходимости реформы, когда кн. Бисмаркъ выступилъ съ проектомъ закона объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. И, тѣмъ не менѣе, трудно себя представить, какую бурю вызвало опубликованіе проекта, въ особенности идея прямой государственной субсидіи, въ которой индивидуалисты всѣхъ отгѣнковъ увидѣли первый шагъ въ коллективизму. Бисмаркъ не скрывалъ отъ себя трудности его осуществленія, но, въ то же время, пугалъ буржуазію перспективой дальнѣйшихъ мѣръ. Еще до внесенія (8 марта 1881 г.) 1-го законопроекта въ рейхстагъ онъ и въ частныхъ бесѣдахъ, и въ засѣданіи прусскаго экономическаго совѣта не скрывалъ, что этотъ проектъ—только первый шагъ въ новой социальной политикѣ *). Основныя черты законопроекта 1881 года о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, устранившаго частноправную отвѣтственность предпринимателей, состояли въ *обязательности* страхованія рабочихъ, въ учрежденіи для этой цѣли *государственную* страхового общества и въ *государственной субсидіи* рабочимъ низшихъ категорій. Преміи должны были уплачиваться каждымъ отдѣльнымъ промышленнымъ предпріятіемъ по опредѣленному тарифу, повышавшемуся или понижавшемуся, смотря по степени опасности данной отрасли производства. За рабочихъ, жалованье которыхъ превышало 750 марокъ въ годъ, двѣ трети страховой преміи долженъ былъ уплачивать предприниматель; за рабочихъ съ жалованьемъ

*) „Man stehe in Anfang einer Gesetzgebung, die vielleicht einen 10 jährigen Zeitraum ausfüllen könnte... Mit der Erfüllung des Versprechens durch positive Massregeln die Socialdemokratie zu bekämpfen, müsse Ernst gemacht werden. Das Versicherungswesen müsse weiter ausgedehnt werden als nur auf Unfälle. Der Staat habe die Aufgabe für diejenigen einzutreten, die ohne Mitwirkung des Staates enterbt sein würden. Warum solle der Gedanke einer Altersversicherung nicht durchzuführen sein“ (Poschinger: „Fürst Bismark als Volkswirth“, Bd. II, S. 15).

менѣе 750 марокъ $\frac{2}{3}$ платилъ хозяинъ предпріятія, а одну треть брало на себя государство. Каждый пострадавшій при работѣ имѣлъ получить, по истеченіи 4 недѣль, изъ страховой кассы вознагражденіе, равное издержкамъ на леченіе и достаточное, по предположенію закона, для пропитанія. Въ случаѣ постоянной неспособности къ труду, ежегодное вознагражденіе равнялось двумъ третямъ средняго заработка потерпѣвшаго; оно доходило до 50% средняго заработка, если послѣдствіемъ увѣчья оказывалось уменьшеніе рабочей силы пострадавшаго. Семь рабочаго, убитаго или умершаго отъ ранъ, законъ назначалъ ренту величиною до 50% средняго заработка ея кормильца. Устраняя вопросъ о виновникѣ несчастнаго случая, германскій законопроектъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлалъ излишнимъ вмешательство суда. Потерпѣвшій не имѣлъ надобности въ судебномъ подтвержденіи своего права на вознагражденіе; онъ могъ бы не огласиться только съ размѣромъ вознагражденія, — случай, предусмотрѣнный законопроектномъ, предоставляющимъ въ этомъ отношеніи недовольному право обжаловать постановленіе страхового банка. Характеръ организаціи страхованія по этому первому проекту совершенно бюрократическій и централизованный: все дѣло концентрируется въ Берлинѣ; территориальныя отдѣленія страхового банка находятся въ полномъ подчиненіи центральному учрежденію. Въ видѣ исключенія, законопроектъ предусматриваетъ автономную организацію крупныхъ отраслей промышленности подъ наблюденіемъ союзнаго совѣта. Отмѣтимъ еще двѣ черты проекта: онъ исключаетъ всякую конкуренцію частныхъ страховыхъ обществъ и можетъ быть обнимать не всю обрабатывающую промышленность, а лишь ту часть ея, на которую распространялось дѣйствіе закона объ ответственности 1881 г., включая еще и строительные промыслы.

Замѣчательны мотивы къ проекту: государство должно въ большей мѣрѣ заботиться о своихъ нуждающихся членахъ, чѣмъ оно это до сихъ поръ дѣлало, иначе нуждающіеся не въ состояніи видѣть въ немъ ничего другого, кромѣ навязываемаго имъ учрежденія. Нужно доказать многочисленнѣйшему сословію, что государство не выдумано для обезпеченія интересовъ имущихъ. Боязнь, что законодатель вводитъ такимъ образомъ социалистическій моментъ, — продолжаетъ правительственный проектъ, — не должна удерживать отъ вступленія на новый путь. Также мало слѣдуетъ останавливаться предъ огромными средствами, которыхъ потребуетъ осуществленіе идеи обезпеченія рабочаго сословія, *ибо цѣнность мѣропріятій, отъ которыхъ зависятъ будущность и существованіе общественнаго порядка, измѣряется не денежными пожертвованіями, которыхъ требуетъ ихъ примѣненіе.*

Въ германскомъ рейхстагѣ самое сильное сопротивленіе встрѣтили два главныхъ начала законопроекта — государственная страховая касса и государственная помощь. Въ исключеніи частныхъ страховыхъ обществъ среднее сословіе увидѣло первый шагъ къ огосударствленію всего страхового дѣла,

тѣмъ болѣе, что эта мысль нѣсколько раньше была высказана профессоромъ Вагнеромъ, вліянію котораго на экономическое направленіе князя Бисмарка было придано преувеличенное значеніе. Въ государственной же помощи сторонники невмѣшательства увидѣли осуществленіе идеи Лассаля въ измѣненной формѣ. Группировка партій въ рейхстагѣ, мысли, выраженные при обсужденіи закона о страхованіи рабочихъ выдающимися представителями парламентскихъ группъ, могутъ служить цѣнною иллюстраціей состоянія экономическихъ идей въ Германіи и борьбы матеріальныхъ интересовъ, выразителями которыхъ эти группы оказывались. Рѣчи депутатовъ Бамбергера и Рихтера, очень умныхъ вожаковъ прогрессистовъ, не только проникнуты неприязнью ко всякому расширенію государственной компетенціи, но и носятъ значительные слѣды защиты всей существующей экономической организациі вообще и страховыхъ обществъ въ частности. По словамъ Рихтера, конечнымъ послѣдствіемъ Бисмарковой социальной политики будетъ переходъ въ руки государства всего производства, ибо подобно тому, какъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ тѣсно связано съ предупредительными мѣрами, обязательное страхованіе отъ кризисовъ и безработицы поведетъ къ единственно возможной формѣ предупрежденія — къ коллективной организациі производства. Рихтеру возражалъ профессоръ Гнейстъ. «Противъ упрека въ государственномъ социализмѣ я долженъ замѣтить, что мы обязательную помощь имѣемъ уже въ теченіе 400 лѣтъ въ каждомъ уголѣ Германіи; въ каждой бѣдной общинѣ выполняется признанная государствомъ обязанность не давать людямъ умереть съ голоду. Теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобы выдѣлить изъ круга попеченія бѣдныхъ несчастные случаи съ рабочими, увеличить размѣръ помощи въ 3 или 4 раза и возложить требующіяся для этого средства на ту самую промышленность, которая употребляетъ рабочія силы. Мнѣ кажется, что эта мысль имѣетъ мало общаго съ утопіей. Опасность современной цивилизациі, — продолжаетъ Гнейстъ, — лежитъ не въ преувеличеніи общихъ и людскихъ обязанностей, не въ избыткѣ сознанія общинной связи, а скорѣе въ недостаткѣ чувства долга какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ государственномъ представительствѣ. Чтобы стать во главѣ культурнаго міра, Германія должна показать примѣръ справедливаго распредѣленія богатствъ, здороваго гармоническаго развитія общества и выполненія человѣческихъ обязанностей».

Въ нѣкоторомъ отношеніи съ законопроектомъ не соглашались и защитники вмѣшательства и принужденія. Одни требовали распространенія его дѣйствій на всѣ отрасли промышленности, тогда какъ проектъ имѣлъ въ виду лишь крупную промышленность. Другіе не соглашались съ размѣромъ вознагражденія потерпѣвшаго. Лишь процентное отношеніе къ средней рабочей платѣ по аналогіи съ пенсіей чиновниковъ казалось многимъ друзьямъ новаго закона недостаточнымъ въ виду того, что во многихъ отрасляхъ промышленности средній заработокъ едва равняется минимуму существованія. Одинъ фактъ признается одинаково всѣми партиями

это — тотъ, что отвѣтственность за потери въ рабочей силѣ должна падать на промышленность. Большинство палаты было и за обязательное страхование, только безъ государственнаго страхового учрежденія и безъ государственной субсидіи.

Въ чести либеральной оппозиціи въ германскомъ парламентѣ, слѣдуетъ упомянуть о предложеніи депутата Буля, внесенномъ отъ имени всей соединенной лѣвой, предлагающемъ самое широкое распространеніе отвѣтственности предпринимателей на всѣ отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности. Отличаясь выгодно отъ правительственнаго проекта въ томъ отношеніи, что онъ охватываетъ почти всю народную промышленность, проектъ депутата Буля страдаетъ смѣшеніемъ двухъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, исключаютъ другъ друга принциповъ: частно-правной отвѣтственности и обязательнаго страхованія. Смыслъ всего предложенія лежитъ въ огражденіи существованія частнаго страхованія *) и можетъ быть принципиально выраженъ формулой: обязательное страхование рабочихъ, но не въ обязательномъ учрежденіи (*Kassenzwang, nicht Zwangskasse*).

Измѣненія, сдѣланныя рейхстагомъ въ проектѣ страхованія рабочихъ, были настолько существенны, что германское правительство рѣшилось отказаться отъ его осуществленія и внести новый законъ, построенный на совершенно иныхъ принципахъ организаціи. Такъ какъ этотъ проектъ, равно какъ и третій, нынѣ ставшій дѣйствующимъ закономъ, выработаны въ главныхъ чертахъ при участіи извѣстнаго экономиста Шефле, то будетъ не лишнимъ изложить въ самыхъ общихъ чертахъ идею этого ученаго по его сочиненію *Der Korporative Hilfs-Kassenzwang*. Шефле признаетъ главною задачею современнаго экономическаго прогресса обезпеченіе рабочаго и считаетъ эту цѣль достижимою только путемъ всеобщаго принужденія. Въ защиту принудительнаго принципа онъ указываетъ на то, что на немъ построено все государственное и коммунальное общежитіе, что путемъ принужденія достигнута общая грамотность, общее страхование недвижимаго имущества, пенсія чиновниковъ. Для рабочихъ низшихъ категорій, плата которыхъ опредѣляется минимумомъ необходимаго существованія, всеобщее принужденіе вноситъ новый элементъ въ этотъ минимумъ, страховую премію. Самая организація рабочаго страхованія, разъ оно сдѣлано обязательнымъ и урегулированнымъ, въ общихъ чертахъ, по предложенію Шефле, должна быть чисто-корпоративная, съ полнымъ просторомъ для волюнтаризма за предѣлами тѣхъ минимальныхъ требованій, которыя предъявляетъ государство. Какъ низшія формы вспомошествованія, кассы

*) Деп. Бамбергерь, — замѣтилъ Бисмаркъ, — началъ свои нападки на законопроектъ лѣвой о разореніи частныхъ страховыхъ обществъ. Онъ сказалъ, что страховыя общества старались заслужить благодарность своихъ согражданъ. Это для меня ново: всегда думалъ, что частныя страховыя общества стремятся только получить деньги съ оныхъ согражданъ. Если они хотятъ еще благодарности, то это очень дѣловая дѣла: (засѣданіе 8 апр. 1881 г. *Poschinger*: „Dokumente“, III, S. 59).

страхованія отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ, такъ и высшія, страхованія на случай старости и смерти и отъ кризисовъ, представляются ему выраженіемъ одной идеи, идеи общественной, товарищеской организаціи труда, восполняющей индивидуализмъ и прямую государственную дѣятельность, оживляющей благотворныя черты старыхъ цеховъ на новой почвѣ современной техники. Въ связи съ такими кассами возникнутъ учрежденія, задача которыхъ будетъ состоять въ указаніи занятій, убѣжища для одинокихъ, въ посредничествѣ между фабрикантами и рабочими. Въ отдаленной перспективѣ Шеффле видитъ крупное воздѣйствіе рабочихъ страховыхъ обществъ на существующія системы кредита и мелкой собственности, путемъ производительнаго употребленія резервныхъ фондовъ, которыми кассы будутъ располагать. Въ этой организаціи Шеффле видитъ единственный осторожный и плодотворный прогрессъ, далекій, по его выраженію, какъ отъ стоячаго манчестерства, такъ и отъ разрушительныхъ экспериментовъ, мѣропріятіе, «въ которомъ лежитъ залогъ внутренняго мира и развитія». Эти идеи Шеффле наглядно отразились во второмъ и третьемъ проектѣ. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ уже бюрократической централизованной организаціи, вмѣсто нея все учрежденіе поконится на обязательной товарищеской формѣ.

Во второмъ проектѣ, внесенномъ правительствомъ въ маѣ 1882 года сдѣланы нѣкоторыя существенныя измѣненія, отчасти соответствовавшія критикѣ въ рейхстагѣ и экономической литературѣ, отчасти носившія характеръ компромисса. Большинство парламента отвергло централизацію страхованія въ одномъ государственномъ учрежденіи въ Берлинѣ и предложило, въ замѣнъ этого, группу страховыхъ, но все еще государственныхъ учрежденій по отдѣльнымъ территориямъ. Правительственный проектъ 1882 г. отступаетъ предъ этою критикой, но создаетъ не то, что предлагалъ рейхстагъ, а нѣчто совершенно новое; онъ вовсе отказывается отъ бюрократическихъ страховыхъ учрежденій, а становится на почву корпоративной организаціи, взаимнаго страхованія предпріятій, подлежащимъ дѣйствию новаго закона, какъ онъ въ основныхъ чертахъ выработанъ былъ Шеффле. Второй проектъ былъ отклоненъ потому, что онъ еще не отказывался отъ государственной субсидіи *), что основаніемъ корпоративной организаціи служила принадлежность къ той же категоріи «опасности»: основаніе, долгое связывавшее предпріятія ничего другъ съ другомъ не имѣвшія и дѣлавшее изъ товарищества мертвую буйву. Указанные парламентскою ком-

*) На поляхъ статей Шеффле объ обязательномъ страхованіи рабочихъ (*Die Kooperative Gestaltung der zwangsweisen Arbeiterversicherung*, въ Мюнхенской *Allg. Z.* отъ 7 и 8 окт. 1881 г.). Бисмаркъ пишетъ: „Sehr einverstanden, bis auf die Ablehnung der Staatshilfe. Ohne die werden die Gemeinden und Berufsverbände zwar zu einer verbesserten, aber auch zu einer vertheuerten Armenpflege auf eigene Kosten gezwungen“. Эти же слова Бисмаркъ повторяетъ въ очень обстоятельномъ письмѣ къ Шеффле отъ 16 окт. того же года (напечатано у Пошингера, *Aktenstücke zur Wirtschaftspolitik des Fürsten Bismarck*. Bd. II, 1891, стр. 66—69.

нншею недостатки были исправлены. Правительство отказалось отъ идеи субсиди, и послѣдній проектъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями сталъ дѣйствующимъ закономъ 6 іюля 1884 года.

Прежде, однако, чѣмъ удалось придти къ какому-нибудь результату относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, и для правительства, и для рейхстага возникла очевидная необходимость рѣшить вопросъ о страхованіи въ случаѣ болѣзни. Какова бы ни была будущая организація Unfallversicherung, бюрократическая, общая для всей Германіи или только для отдѣльныхъ территорій, или же корпоративно-взаимная, но одно было очевидно для всѣхъ, что страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ нуждается въ организаціи, охватывающей большое число предпріятій и людей, иначе рискъ окажется слишкомъ сильнымъ, неравномѣрнымъ. Всякая же организація для большого круга застрахованныхъ болѣе или менѣе централизованная. Слѣдовательно, нельзя обременять страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ мелкими явленіями—увѣчными, выздоравливающими совершенно черезъ нѣсколько дней или недѣль. Послѣднее лучше всего могутъ сдѣлать мѣстныя, небольшія группы, въ которыхъ управляютъ сами рабочіе и гдѣ, слѣдовательно, помощь въ мелкихъ случаяхъ могутъ подать сейчасъ же. Страхованіе на случай болѣзни, съ этой точки зрѣнія, только подготавливаетъ путь страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Но этимъ задача его не исчерпана. Въ всякая болѣзнь—продуктъ несчастія при работѣ.

Внося въ апрѣлѣ 1882 г. проектъ страхованія на случай болѣзни *), правительство справедливо замѣчаетъ въ мотивахъ къ нему, что пересмотръ законодательства объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни крайне необходимо и помимо интересовъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ; да, то едва ли менѣе необходимо, чѣмъ урегулированіе помощи пострадавшимъ при работѣ. Объединеніе многихъ рабочихъ семействъ часто имѣетъ свою причину въ томъ, что ихъ кормилецъ во время болѣзни не получалъ достаточной поддержки. Если рабочій не застрахованъ, то онъ долженъ рассчитывать на общественное призрѣніе, но отсюда помощь обыкновенно приходитъ только послѣ того, какъ всѣ сбереженія, обстановка, платье и т. п. уже принесены въ жертву ради ухода за больнымъ и жалкаго пропитанія. Даже когда помощь подается своевременно, она такъ незначительна, что есть ни достаточнаго медицинскаго ухода, ни достаточныхъ средствъ для прокормленія. Многие рабочіе,—прибавляютъ мотивы,—рано становятся инвалидами и теряютъ способность къ труду вслѣдствіе того, что болѣзни выпускались, больные не пользовались хорошимъ уходомъ.

Отвѣчая сторонникамъ волонтаризма, указывавшимъ на развитіе свободныхъ кассъ, правительство справедливо говорило, что добровольно въ этой области почти ничего не было сдѣлано. Тѣ результаты свободныхъ кассъ,

*) Entwurf eines Gesetzes betreffend die Krankenversicherung der Arbeiter. April 1882. Drucksachen des Reichstags. 1882. Перепечатана (буквально и съ мотивами) въ *Annalen* 1883, S. 223—264.

на которые ссылались противники принужденія, тоже получены принужденіемъ, только не всеобщимъ, для всей страны, а мѣстными статутами общины. Это былъ слишкомъ очевидный аргументъ, чтобы не подѣйствовать на общественное мнѣніе. Что, однако, еще болѣе облегчило осуществленіе закона о страхованіи отъ болѣзни, это другія его двѣ черты: онъ не требовалъ государственной субсидіи и возлагалъ очень мало обязательныхъ жертвъ на предпринимателей. «Ядъ социализма» въ глазахъ предпринимателей и манчестерства выражался въ особенности въ непосредственной помощи изъ суммъ казначейства. Въ этомъ законѣ такой ереси вовсе не было. Доктринеровъ экономическаго либерализма оскорбляло, правда, самое принужденіе, но сила оппозиціи социальной политики лежала не въ доктринѣ, а въ матеріальныхъ интересахъ правящихъ, эти же интересы, повторяю, затрогивались очень слабо. Той трети предпринимателей, которая, тоже въ силу мѣстныхъ статутовъ, обязана была кое-что приплачивать къ общиннымъ или рабочимъ кассамъ, даже было выгодно, чтобы и всѣ конкуренты ихъ также платили.

Такимъ образомъ, обстоятельства сложились очень благоприятно для осуществленія страхованія на случай болѣзни. Оно не потребовало такой продолжительной борьбы, какъ осуществленіе страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Въ апрѣлѣ 1882 г. проектъ былъ опубликованъ, а 15 іюня 1883 г. онъ сталъ закономъ, правда, послѣ продолжительной полемики въ рейхстагѣ. Оппозиція противъ принудительнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ была еще такъ велика, что правительству, чтобы осуществить страхованіе на случай болѣзни, пришлось вычеркнуть изъ закона постановленія указывавшія на связь между обѣими формами страхованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно вынуждено было заявить, что принятіе обязательнаго страхованія отъ болѣзни не обязываетъ еще къ принятію закона о страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Только годъ спустя, когда удалось, наконецъ, провести и страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, связь снова была восстановлена постановленіями закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, возлагавшими на Krankenkassen попеченіе и объ увѣчныхъ въ теченіе первыхъ 13 недѣль Кругъ застрахованныхъ отъ болѣзни въ первомъ законѣ также былъ отмежеванъ очень тѣсно, — онъ заключаетъ въ себѣ промышленныхъ рабочихъ, отчасти которыхъ мѣстное законодательство уже раньше пользовалось правами привлекать къ принудительному страхованію. Только въ слѣдующіе годы отдѣльныя новеллы распространили дѣйствіе страхованія на случаи болѣзни на многія другія категоріи работниковъ, а новелла 1892 г. объединила и дополнила законодательство, придавъ ему ту форму, въ которой оно дѣйствуетъ теперь.

Г. Юлосъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки провинціальной жизни.

Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ регресса сельско-хозяйственнаго промысла служитъ уменьшеніе количества скота. Признакъ этотъ получаетъ наибольшее значеніе, когда и передъ періодомъ начавшагося уменьшенія въ числѣ скота количество его не было достаточнымъ для потребностей земледѣлія. Такое именно положеніе дѣла представляетъ наше крестьянское хозяйство. На обширныхъ пространствахъ произведены исчисленія различнаго у крестьянъ количества скота и сдѣланы сопоставленія съ числомъ его лѣтъ десять назадъ, и всѣ эти изслѣдованія показали уменьшеніе этого важнѣйшаго фактора земледѣльческаго промысла. вмѣстѣ съ уменьшеніемъ количества скота увеличилось значительно число безлошадныхъ хозяйствъ, то-есть такихъ хозяйствъ, которыя стоятъ на границѣ окончательнаго разоренія и перехода изъ самостоятельныхъ хозяевъ въ батраки. По отдѣльнымъ уѣздамъ потеря въ количествѣ скота и ростъ безлошадныхъ достигаютъ громаднхъ размѣровъ. Цифры говорятъ краснорѣчивѣе словъ: въ Казанскомъ уѣздѣ изъ 32,766 домохозяйствъ около половины, именно 13,464, оказались въ прошломъ году, во время переписи, безлошадными; въ Мамадышскомъ уѣздѣ обнаруженъ переписью еще большій процентъ безлошадныхъ, именно около 44%. Кюнская перепись 1893 г. въ Саратовской губерніи выяснила фактъ существованія 85,118 безлошадныхъ хозяйствъ, что составляетъ 29,2% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ губерніи. По отдѣльнымъ уѣздамъ размѣръ процента колеблется между 21 (Сарат. у.) и 44 (Бузнец. у.). Десять лѣтъ назадъ процентъ безлошадныхъ въ Саратовской губерніи не превышалъ 19. Какъ видите читатель, за десятилѣтіе число безлошадныхъ возросло на 33%. Въ Воронежской губерніи крупнаго скота убыло 28%, а мелкаго 43%; число хозяйствъ безъ рабочаго скота перешло уже за третью. Въ Пермской губерніи количество крестьянскаго скота значительно уменьшилось во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ лишь Чердынскаго. Въ трехъ же уѣздахъ: Екатеринбургскомъ, Камышловскомъ и Шадринскомъ получились, въ среднемъ по уѣзду, слѣдующія цифры убыли: лошадей 36%, крупнаго рогатаго скота 41%, мелкаго скота 42%. Въ Вятской губерніи изслѣдованія по предмету

убыли скота окончены въ 131 волостяхъ изъ 307, имѣющихся въ губерніи. Произведенныя изслѣдованія показали, что убыль рабочихъ лошадей достигла цифры 25%, а контингентъ безлошадныхъ дворовъ составляетъ уже 32%.

Уменьшеніе въ количествѣ скота ведетъ къ истощенію почвы и пониженію урожайности; ростъ безлошадныхъ разрушаетъ самостоятельное крестьянское хозяйство, увеличиваетъ армию батраковъ, шатающихся въ поискахъ работы и, не находя ея, обращающихся въ нищихъ. Явленія эти слишкомъ большого значенія, чтобы можно было медлить борьбою съ ними. Для правильной же борьбы съ социальными недугами прежде всего необходимо знать порождающія ихъ причины. Уменьшеніе количества скота и постепенный ростъ безлошадныхъ хозяйствъ являются неизбежнымъ слѣдствіемъ, во-первыхъ, того безпомощнаго положенія, въ которомъ находится крестьянское населеніе въ борьбѣ съ недородами, падежами, при полномъ почти отсутствіи дешеваго и доступнаго кредита; во-вторыхъ, оно происходитъ отъ практикуемой продажи скота за недоимки и, въ-третьихъ, оно является результатомъ недостаточнаго количества земли и луговъ у крестьянства, а также и необходимости продавать для уплаты податей безъ того уже недостаточное для прокорма скота количество собираемыхъ крестьянами съ полей овса и сѣна. Всѣ эти причины прогрессивной убыли скота хорошо понимаются многими земствами, обсуждавшими это важное дѣло. Но что можетъ сдѣлать здѣсь земство? Измѣнить практикующіеся способы взысканія податей не въ его власти. Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія и увеличенія количества луговъ у него не имѣется средствъ. Единственно, что можетъ сдѣлать земство и что оно дѣлаетъ, заключается въ открытіи кредита крестьянамъ для покупки скота и въ организаціи страхованія отъ падежа скота; но и въ этой крайне ограниченной области мѣропріятій для борьбы съ такимъ страшнымъ недугомъ, какъ возрастающее уменьшеніе количества скота и увеличеніе безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ, дѣятельность земства, по скудости его финансовыхъ средствъ, проявляется въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Пока лишь немногія земства открыли кредитъ крестьянамъ для покупки скота; другія ходатайствуютъ предъ правительствомъ объ отпускѣ имъ суммъ для такого кредита, такъ какъ собственныхъ средствъ у нихъ не имѣется.

Вятское земство открыло кредитъ въ 50 тысячъ для помощи безлошаднымъ крестьянскимъ хозяйствамъ обзавестись рабочимъ скотомъ. Саратовское уѣздное земское собраніе хлопочетъ о снабженіи крестьянъ лошадьми при помощи особой ссудной операціи. Кредитъ этотъ, по просьбѣ управы, предполагается открыть осѣдлымъ безлошаднымъ хозяевамъ, занимающимся еще хлѣбопашествомъ. Лошади покупаются земствомъ по участію земскаго ветеринара, цѣною не свыше 50 рублей каждая, причемъ три четверти этой суммы оплачиваются земствомъ, а остальная часть — самими крестьянскими-приобрѣтателями. Земская ссуда выдается на два года изъ 6% годовыхъ, и до полной оплаты лошадь считается со-

ственностью земства, причѣмъ не допускается ни продажа ея, ни обмѣнъ. Въ случаѣ неоплаты лошадь была застрахована не ниже стоимости ссуды. На всю эту операцію земствомъ ассигновано 20 тысячъ рублей. Земство сочло также необходимымъ ходатайствовать объ обязательномъ страхованіи лошадей. Спасское земство настаиваетъ на крайней необходимости прійти на помощь населенію въ дѣлѣ приобрѣтенія рабочаго скота. Для этого управа рекомендуетъ организацію спеціального кредита, для чего нужна сумма отъ 12 — 15 тыс. рублей. Но такъ какъ у земства нѣтъ требуемой суммы, то управа предлагаетъ собранію испросить ее у правительства, для чего придется обратиться или къ министру земледѣлія, или къ государственному банку. Подобныя же постановленія объ испрошеніи правительства помощи для организаціи спеціального кредита на покупку крестьянами рабочаго скота приняты еще нѣсколькими земствами. Такова трудность земскихъ бюджетовъ, что земства встрѣчаютъ затрудненія въ казаніи хотя и небольшой помощи сельскому населенію въ дѣлѣ такой громаднѣйшей важности, какъ борьба съ возрастающей убылью скота и прогрессирующимъ увеличеніемъ безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ. Земству, въ современномъ его положеніи, эта борьба не подъ силу. Справиться съ этимъ страшнымъ социальнымъ зломъ могло бы только государство.

Могучимъ средствомъ въ борьбѣ съ этимъ народившимся въ послѣднее время недугомъ нашей жизни послужило бы расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія. Есть признаки, что такъ понимаетъ дѣло и правительство. Объ этомъ, повидимому, свидѣтельствуетъ появившееся въ печати вѣстие, что въ правительственныхъ сферахъ созрѣлъ планъ активной организационной политики, что министерство внутреннихъ дѣлъ озабочено планными межевыми работами въ Западной Сибири, Степномъ краѣ и въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской и что къ принятію переселенцевъ и теперь приготовлены значительныя площади казенной земли. Въ связи съ этимъ извѣстіемъ находится и другое, а именно, что министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ вноситъ въ Государственный совѣтъ проектъ земельного устройства крестьянъ въ губерніяхъ Томской, Томской, Енисейской и Иркутской. Полнаго сочувствія заслуживаютъ главные основанія этого проекта. Прежде всего необычайно цѣнно является то положеніе, что государство сохраняетъ за собою верховное право собственности на землю; земли будутъ отводиться крестьянамъ только въ пользованіе. Принятіемъ этого положенія будетъ избѣгнута большая ошибка, сдѣланная при освобожденіи крестьянъ. Значительно прочтѣе было бы земельное обезпеченіе крестьянъ, если бы въ великую реформу 19 февраля былъ введенъ принципъ сохраненія за государствомъ законнаго права собственности на земли, поступившія крестьянамъ въ пользованіе. Далѣе, по проекту, надѣлы установлены для Западной Сибири въ 10 десятинъ, для Восточной же точной нормы не назначено и она будетъ устанавливаться въ зависимости отъ качества земли. Сверхъ земельныхъ надѣловъ, каждому сельскому обществу предположено отвести и лѣсныя надѣлы,

по не свыше трехъ десятинъ на наличную душу мужского пола. Нельзя также не привѣтствовать того чрезвычайно важнаго положенія проекта, которымъ устанавливается *общинное* пользованіе надѣлами, эта благодѣтельная для народа форма землевладѣнія.

Но, рядомъ съ этимъ отряднымъ проектомъ, газеты сообщаютъ также о томъ, что предполагается дозволить лицамъ изъ дворянъ пріобрѣтать на льготныхъ условіяхъ земельную собственность въ Сибири въ количествѣ, не превышающемъ размѣра средняго помѣщичьяго хозяйства, причемъ, въ предупрежденіе злоупотребленій, право собственности ограничить лишеніемъ права перепродажи этихъ земель и сдачи таковыхъ въ аренду. Предполагается, что мѣстные чиновники изъ дворянъ, прослужившіе опредѣленное время въ Сибири и находящіеся по условіямъ своей службы въ постоянномъ общеніи съ населеніемъ и землею, составятъ собою основной контингентъ будущихъ въ Сибири дворянъ-землевладѣльцевъ.

Водвореніе въ Сибири дворянскаго землевладѣнія съ означенными ограниченіями не имѣетъ ничего схожаго съ тѣмъ, чего такъ сильно добивалась крѣпостническая общественная группа съ *Московскими Вѣдомостями* во хвостѣ. Она именно хотѣла захватить лучшія земли въ Сибири и ради эксплуатаціи ихъ, а ради эксплуатаціи посредствомъ ихъ народъ пользуясь землею лишь какъ источникомъ ренты или спекулируя ею, перепродавая участки по вызвышеннымъ цѣнамъ. Вотъ этимъ-то своекорыстнымъ домогательствамъ и обрѣзываются крылья путемъ запрещенія перепродажи земель и сдачи ихъ въ аренду.

Какъ ни осторожны эти предположенія о введеніи дворянскаго землевладѣнія въ Сибири, тѣмъ не менѣе, мы желали бы, чтобъ они не потеряли силу закона. Последнія изслѣдованія показываютъ невѣрность хитраго мнѣнія о необъятныхъ пространствахъ въ Сибири пустующихъ удобныхъ земель. Существующія здѣсь свободныя и удобныя земли только могутъ удовлетворить государственной потребности въ нихъ для крестьянскихъ переселеній. Поэтому, было бы крайне важно и по отношенію къ Сибири держаться тѣхъ прекрасныхъ основаній колониальной политики, которыя выражены въ законѣ отъ 15 іюня 1882 года по поводу колонизаціи свободныхъ башкирскихъ земель. Какъ извѣстно, основное положеніе этого закона заключается въ томъ, что государственныя земли должны служить неприкосновеннымъ фондомъ для обезпеченія крестьянскихъ переселенцевъ. Законъ этотъ явился результатомъ той въ высокой степени правильной политической мысли, что раздача земли въ частную собственность сокращаетъ государственный земельный фондъ, ослабляетъ тотъ ресурсъ, который представляетъ собою могучее средство для устранения социальныхъ недуговъ страны не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Одновременно съ измѣненіемъ земельныхъ порядковъ въ Сибири предполагается также улучшеніе аграрныхъ отношеній въ Прибалтійскомъ краѣ. Печать сообщаетъ о состоявшемся въ правительственныхъ сферахъ рѣшеніи распространить дѣятельность крестьянскаго банка на остзейскія

бернн. На отдѣленіи крестьянскаго банка возлагается задача содѣйствовать крестьянамъ въ покупкѣ помѣщичьихъ земель, чтобы такимъ путемъ создать въ остзейскихъ губерніяхъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ и нѣсколько ослабить неблагоприятныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о предстоящей крестьянскому банку дѣятельности въ прибалтійскихъ губерніяхъ печать пока не сообщаетъ. Между тѣмъ въ этихъ подробностяхъ все дѣло. Важно знать, на какихъ именно основаніяхъ банкъ будетъ помогать крестьянамъ въ покупкѣ ими помѣщичьихъ земель. Если банкъ ограничится только помощью существующимъ уже въ Прибалтійскомъ краѣ арендаторамъ, то онъ принесетъ пользу лишь небольшой части наиболѣе достаточнаго крестьянства. Банкъ сдѣлается благодѣтельнымъ для значительной части сельскаго населенія, онъ дѣйствительно ослабитъ неблагоприятныя послѣдствія освобожденія крестьянъ безъ земли лишь въ томъ случаѣ, если основаніемъ его дѣятельности будетъ признано введеніе въ Прибалтійскій край новаго типа крестьянскаго землевладѣнія, близкаго къ обще-русскому типу, благодаря чему масса батраковъ сдѣлается самостоятельными хозяевами-земледѣльцами.

Современные земельные порядки въ Прибалтійскомъ краѣ хорошо освѣщаются недавно вышедшей книгой г. Владиславева, подъ заглавіемъ: *Къ аграрному вопросу въ Лифляндіи*, — книгой, написанной на основаніи архивнаго матеріала, данными которой мы и воспользуемся.

Земли въ Прибалтійскомъ краѣ по способу обработыванія дѣлятся на мызныя и крестьянскія. Собственникомъ обоихъ этихъ видовъ земли является помѣщичій классъ, но право собственности его на крестьянскія земли ограничено. Помѣщики могутъ пользоваться крестьянскою землею только путемъ отдачи ея въ аренду мѣстнымъ крестьянамъ; мызную же землю, которая находится у нихъ въ неограниченной собственности, они обрабатываютъ исключительно батрацескимъ способомъ, съ помощью наемнаго труда. До 1804 г. помѣщикъ имѣлъ полное право обрабатывать ту или другую землю способомъ, который казался ему болѣе выгоднымъ; но законъ 1804 г. закрѣпилъ за крестьянами право на дальнѣйшую аренду той земли, которую они въ моментъ изданія закона арендовали, и точно опредѣлилъ размѣръ повинностей, которыя помѣщикъ могъ требовать отъ съемщика. Отъ распоряженія своимъ участкомъ крестьянинъ могъ быть отрѣшенъ только за небрежное веденіе хозяйства, за неоплатные долги и тому под., причемъ авторитетнымъ учрежденіемъ въ такомъ дѣлѣ былъ ширской судъ. Въ случаѣ отрѣшенія, распоряженіе участкомъ переходило къ старшему сыну отрѣшеннаго или, за его неспособностью, ко второму сыну или къ ближайшему родственнику; вообще, участокъ какъ бы прикрѣплялся къ роду крестьянскому, пользовавшемуся имъ въ моментъ вступленія въ силу закона 1804 г.

Но съ 1819 г. начинается поворотъ въ аграрной политикѣ по отношенію къ Остзейскимъ губерніямъ. Въ этомъ году была торжественно про-

возглашена личная свобода остзейских крестьянъ, но при этомъ было восстановлено неограниченное право помѣщика на распоряженіе крестьянскою землею, а опредѣленіе барщины предоставлено свободному соглашенію сдатчика земли съ арендаторомъ. Такимъ образомъ, положеніе 1819 г. лишило крестьянъ той хозяйственной самостоятельности, которою до него они начинали пользоваться, такъ какъ теперь, въ случаѣ несогласія съ помѣщикомъ объ условіяхъ возобновленія аренды, крестьянинъ долженъ былъ со всѣмъ своимъ скарбомъ сниматься съ участка и идти неизвѣстно куда, къ сосѣднему помѣщику, который, быть можетъ, уговорился съ его прежнимъ господиномъ не принимать къ себѣ непокорныхъ арендаторовъ. Эта перспектива, конечно, заставляла крестьянина быть податливымъ на условія помѣщика, какъ бы тяжки они ни были. вмѣстѣ съ этимъ, помѣщики, получивъ право свободного распоряженія крестьянскою землею, начали вводить батрачскій способъ хозяйства и на эту землю, отказывая арендаторамъ въ продолженіи аренды. Такое положеніе дѣлъ заставляло дворохозяевъ придерживаться своихъ участковъ во что бы то ни стало и, слѣдовательно, тянуло арендныя цѣны вверхъ. Арендныя цѣны подымались, заработная плата падала, сельское населеніе терпѣло большую нужду и, наконецъ, неурожаемъ 1841 г. довершилъ экономическое разстройство крестьянъ. Въ маѣ 1841 г. въ Ригѣ, предъ замкомъ генераль-губернатора, собралась огромная толпа народа, заявляя о «полномъ своемъ раззореніи, о невозможности вести хозяйство при существующихъ аграрныхъ условіяхъ и о своемъ желаніи отправиться на югъ Россіи, гдѣ имъ всѣмъ было бы лучше. Среди крестьянъ обнаружилось сильное стремленіе къ переселенію, и къ Ригѣ стали стягиваться обозы переселенцевъ «на югъ». Помѣщики не ожидали такого оборота дѣла; они могли остаться безъ арендаторовъ и батраковъ. Тотчасъ же были приняты энергическія мѣры къ подавленію этого движенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, учреждена была коммиссія для изслѣдованія причинъ движенія. Изслѣдованіе обнаружило необходимость упорядоченія крестьянскаго быта законодательнымъ путемъ. Для выработки принциповъ новаго законодательства былъ учрежденъ въ Петербургѣ комитетъ, большинство членовъ котораго были крупные остзейскіе землевладѣльцы. Составленный комитетомъ проектъ закона сдѣлалъ лишь небольшія уступки крестьянскимъ интересамъ. Для окончательнаго проведенія этого законопроекта въ жизнь остзейскому дворянству удалось добиться разсмотрѣнія его не въ обычномъ законодательномъ порядкѣ, не въ государственномъ совѣтѣ, а въ особомъ «остзейскомъ комитетѣ». На основаніи журналовъ этого комитета Государь Николай Павловичъ утвердилъ проектъ закона 9 іюля 1849 года.

Общее направленіе внутренней политики начала царствованія Императора Александра II отразилось, правда, въ весьма скромныхъ размѣрахъ, и на крестьянствѣ прибалтійскихъ губерній. Положеніе этого класса было нѣсколько улучшено. Законъ 1849 г. дѣйствовалъ на практикѣ до іюня 1863 г., когда вступило въ силу новое крестьянское положеніе. Въ про-

твуположность закону 1849 г., новый законъ былъ разсмотрѣнъ не только въ остзейскомъ комитетѣ, но и въ государственномъ совѣтѣ. Положеніе 1863 г. дѣйствуетъ и нынѣ. Посмотримъ, какъ опредѣлены этимъ положеніемъ аграрныя отношенія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Земля осталась раздѣленной на мызную и крестьянскую. Мызною землей помѣщики могутъ пользоваться какъ имъ угодно, но крестьянскою землей—только путемъ отдачи ея въ аренду или продажи членамъ крестьянскихъ волостныхъ обществъ; *опредѣленіе же арендной платы предоставляется «свободному соглашенію сторонъ»*. Категорическое постановленіе, что крестьянскою землей помѣщики могутъ пользоваться *только* путемъ отдачи ея въ аренду или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ, значительно ослабляется другими статьями положенія. Въ этихъ статьяхъ говорится, что если не послѣдуетъ соглашенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ арендной цѣнѣ, то помѣщикъ получаетъ право обрабатывать не снятый въ аренду участокъ крестьянской земли батраческимъ путемъ, но не долѣе шести лѣтъ; затѣмъ этотъ участокъ долженъ побывать въ арендѣ у крестьянъ не менѣе шести лѣтъ, и тогда опять, если соглашенія на аренду не состоялось, помѣщикъ можетъ обрабатывать землю самъ снова шесть лѣтъ и т. д. Эти постановленія, какъ и слѣдовало ожидать, отразились крайне неблагоприятно на крестьянствѣ Остзейскаго края. Во-первыхъ, они превращали крестьянскую землю въ полуарендную, полумызную; во-вторыхъ, они способствовали чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ. Такъ называемый «свободный» договоръ объ арендной цѣнѣ между помѣщикомъ и крестьяниномъ фактически превратился въ одностороннее условіе, въ которомъ опредѣленіе платы за арендованіе земли всецѣло зависѣтъ отъ помѣщика. Этими постановленіями помѣщики получили возможность играть арендными цѣнами съ весьма незначительнымъ рискомъ, а иногда и совершенно для себя безубыточно, и всегда въ ущербъ крестьянскому благосостоянію; они получили право напрягать до крайней степени платежныя силы крестьянскаго населенія, не рискуя, что земля останется пустовать, когда со своими требованіями они переступятъ всякія границы. И такъ, крестьянинъ-арендаторъ всегда въ страхѣ, что помѣщикъ чрезмѣрнымъ поднятіемъ арендной платы можетъ согнать его съ земли. Крестьянинъ можетъ лишиться устроеннаго имъ хозяйства еще и при другомъ условіи, а именно, если помѣщикъ отыщетъ покупателя на арендуемый участокъ крестьянской земли. Арендаторъ имѣетъ право лишь на преимущественную покупку участка по объявленной помѣщикомъ цѣнѣ.

Таковы въ главныхъ чертахъ юридическія отношенія крестьянъ къ землѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Ходъ аграрнаго законодательства для этой части имперіи былъ таковъ, что въ отношеніи обезпеченія самостоятельнаго крестьянскаго труда всѣ положенія о крестьянахъ были шагомъ назадъ сравнительно съ законодательствомъ 1804 года. Предстоящая аграрная реформа въ Прибалтійскомъ краѣ имѣетъ задачей исправить эту почти злѣбную ошибку законодательства и улучшить здѣсь экономическое поло-

женіе сельскаго населенія. Съ этою цѣлью еще въ февралѣ 1893 г. былъ данъ правительствующему сенату весьма важный Высочайшій указъ объ обращеніи части помѣщичьей земли для надѣленія батраковъ землей. Дѣло въ томъ, что положеніе 1849 г. открыло помѣщикамъ возможность оттягать себѣ часть крестьянскихъ земель подъ предлогомъ будто бы благоустройства мызныхъ батраковъ, посредствомъ надѣленія ихъ землей, а на самомъ дѣлѣ эта отрѣзанная часть отъ крестьянской земли была присоединена къ мызной (съ небольшими отличіями) и стала обрабатываться помѣщиками съ помощью наемнаго труда. Право же обращаться въ присутственныя мѣста съ жалобами на неправильности этого рода было предоставлено мѣстнымъ крестьянскимъ обществамъ только въ 1889 году, именно одновременно съ замѣною чисто-дворянскихъ по направленію дѣятельности приходскихъ судовъ русскими комиссарами по крестьянскимъ дѣламъ. Немедленно по вступленіи въ отправленіе своей должности комиссары были завалены жалобами на неправильное перечисленіе крестьянскихъ земель въ разрядъ мызныхъ. Накопленіе въ министерствѣ дѣлъ по этимъ жалобамъ было поводомъ къ ближайшему ознакомленію министерства съ положеніемъ этого вопроса въ Остзейскомъ краѣ. Ознакомленіе это и создало почву для упомянутаго именного высочайшаго указа правительствующему сенату. Въ указѣ сказано: «Признавъ своевременнымъ приступить къ окончательному разрѣшенію вопроса о земляхъ, отдѣленныхъ отъ повинностной земли въ Лифляндской губерніи и отъ крестьянской арендной земли на островѣ Эзелѣ и въ Эстляндской губерніи, подъ соответствующими названіями квоты и шестой доли, повелѣваемъ: министру внутреннихъ дѣлъ, по надлежащемъ выясненіи вопроса, войти въ установленномъ порядкѣ съ представленіемъ объ обращеніи сихъ земель къ законному ихъ назначенію». Въ силу этого указа, въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ производятся работы по опредѣленію тѣхъ земель, которыя должны быть изъяты изъ свободнаго распоряженія помѣщиковъ и причислены въ фондъ крестьянской земли.

Ознакомившись съ характеромъ земельныхъ порядковъ въ Остзейскомъ краѣ, мы легко можемъ понять, какое направленіе должна принять здѣсь дѣятельность крестьянскаго банка, чтобъ улучшить экономическое положеніе сельскаго населенія. Прежде всего, очевидно, банкъ не достигнетъ этой цѣли, если ограничить свою дѣятельность помощью въ покупкѣ земли лишь существующимъ уже арендаторамъ-крестьянамъ. И это потому, что въ Прибалтійскомъ краѣ типъ крестьянскаго землепользованія совсѣмъ не тотъ, что въ большинствѣ русскихъ губерній. Здѣсь крестьянская земля раздается помѣщиками въ аренду участками въ 30, 40 и 50 десятинъ. Въ вѣствіе такихъ значительныхъ крестьянскихъ участковъ лишь нѣкоторая доля сельскаго населенія пользуется землей. Крестьянъ-арендаторовъ вмѣстѣ съ крестьянами-собственниками считается лишь одна четверть сельскаго населенія, остальные три четверти составляютъ батраки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ нами отъ комиссаровъ, предстоящее, въ силу

упомянутого выше высочайшаго указа, изъятіе отъ помѣщиковъ захваченной ими неправильно крестьянской земли составить лишь такую земельную площадь, которой едва ли будетъ достаточно для надѣленія землей даже $\frac{1}{4}$ части батраковъ. Отсюда слѣдуетъ, что для распространенія благъ земельнаго владѣнія на массу населенія необходимо сократить существующіе размѣры арендныхъ участковъ на крестьянской землѣ. Далѣе необходимо, чтобы крестьянскій банкъ явился въ Прибалтійскомъ краѣ не въ качествѣ чисто-кредитнаго, а въ качествѣ выкупнаго учрежденія. Если банкъ будетъ функционировать въ качествѣ учрежденія, открывающаго лишь ипотечный кредитъ, а не въ качествѣ выкупнаго учрежденія, то цѣль, для которой создаются отдѣленія банка въ остзейскихъ губерніяхъ, не будетъ достигнута. При весьма понятномъ стремленіи сельскаго населенія сдѣлаться владельцами земли, продажныя цѣны возрастутъ необычайно и купившіе землю попадутъ въ затруднительное положеніе. Въ этомъ отношеніи крестьянскій банкъ, дѣйствующій въ русскихъ губерніяхъ въ качествѣ лишь кредитнаго учрежденія, накопилъ уже достаточно опыта. Ему извѣстно, какъ малоземельные крестьяне жадно накинулись на землю, платили за нее черезъ-чуръ возвышенныя цѣны и, оказываясь потомъ банкротами передъ банкомъ, совершенно разорались. Для Остзейскаго края теперь дѣло идетъ о государственномъ регулированіи аграрныхъ отношеній, которое должно исправить старыя ошибки, допущенныя освобожденіемъ крестьянъ безъ земли. А для этого безусловно необходимо, чтобы банкъ функционировалъ какъ выкупное учрежденіе и, далѣе, чтобы условія выкупа, какъ это и было сдѣлано въ остальной части имперіи, не были предоставлены свободному соглашенію сторонъ, а были бы установлены государственною властью. Только при соблюденіи всѣхъ означенныхъ условій совершится дѣйствительное улучшеніе въ Остзейскомъ краѣ аграрнаго положенія массы сельскаго населенія.

Объ упорядоченіи хозяйственныхъ порядковъ, но объ упорядоченіи совершенно своеобразномъ, хлопочетъ и уральское козачество. Какъ извѣстно, уральскіе казаки составляютъ одну земельную общину, обнимающую собою 27 станицъ съ населеніемъ въ 109,523 души обоого пола. Земля и всѣ угодья, включая и рыбныя ловли, находятся здѣсь въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ этой громадной общины. Въ нее входятъ какъ казаки всѣхъ разрядовъ, составляющіе главную массу общинниковъ, такъ и дворяне, офицеры, чиновники, духовенство. Такимъ образомъ, уральская община представляетъ собою единственный и въ высшей степени своеобразный образецъ всесословной земельной общины. Не мудрено поэтому, что эта община, существующая уже третье столѣтіе съ выработанными самими общинниками порядками, удивляла своею оригинальностью всѣхъ изслѣдователей Уральскаго края и, въ то же время, восхищала ихъ своею цѣлесообразною экономическою организаціей. Благодаря общему нераздѣльному владѣнію землей и пользованію угодьями, здѣсь царитъ общность интересовъ и нѣтъ розни между интеллигенціей и наро-

домъ. Члены общины, возвышающіеся надъ общинъ уровнемъ своимъ происхожденіемъ и образованіемъ, имѣютъ достаточно общихъ интересовъ съ массою общинниковъ. Для управленія дѣлами этой громадной общины существуютъ два учрежденія: «войсковое хозяйственное правленіе» и «съѣздъ выборныхъ отъ станичныхъ обществъ». Съѣздъ собирается ежегодно одинъ-два раза. Каждое станичное общество посылаетъ по два выборныхъ депутата. Такъ какъ выборными на съѣздѣ могутъ быть всѣ лица войскового сословія безъ различія, то составъ съѣзда имѣетъ характеръ смѣшанный въ томъ смыслѣ, что здѣсь встрѣчаются дворяне (офицеры, чиновники), священники, торговый народъ и простое козачество. Последнее представляетъ подавляющее большинство. Предсѣдатель съѣзда избирается имъ самими въ числѣ трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одинъ утверждается наказнымъ атаманомъ. Съѣздъ представляетъ собою совѣщательное собраніе; принятіе или непринятіе его заключеній зависитъ всецѣло отъ войскового хозяйственнаго правленія. Не такъ было до 1880 года. До этого времени онъ имѣлъ гораздо большее значеніе, такъ какъ принималъ участіе въ выборѣ совѣтниковъ въ правленіе, которые теперь назначаются, и тѣмъ имѣлъ вліяніе на ходъ дѣлъ въ правленіи. Съ отмѣною выборныхъ совѣтниковъ значительно ослабла связь между представительнымъ и административнымъ учрежденіями, и нерѣдко последнее, имѣющее рѣшающій голосъ, не обращало вниманія на самыя цѣлесообразныя, на самыя законныя ходатайства съѣзда. Измѣненіе такого порядка управленія, возвращеніе къ прежнему порядку выбора членовъ хозяйственнаго правленія и составляетъ злобу дня уральской общины.

При смѣнѣ начальниковъ края,—говоритъ авторъ статьи въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*: *Община съ представительнымъ учрежденіемъ во власть*,—каждому новому начальнику регулярно подаются заявленія или составляются протоколы съѣзда выборныхъ отъ станичныхъ обществъ съ просьбой вернуться къ прежнему порядку выбора членовъ присутствія хозяйственнаго правленія взамѣнъ существующаго назначенія таковыхъ. Такіе протоколы были составлены: въ 1885 г. по пріѣздѣ новаго наказнаго атамана генераль-майора Шипова; въ 1892 г., когда съѣзду поручено было непосредственно отъ военнаго министерства найти выходъ изъ затруднительнаго положенія по отбыванію воинской повинности. Наконецъ, въ 1893 г., при пріѣздѣ новаго атамана генераль-майора Максимовича, по переданному на съѣздъ вопросу о причинахъ упадка козачьяго хозяйства, съѣздъ вновь высказался за то, что введеніе выборнаго начала значительно улучшитъ ходъ общиннаго козачьяго хозяйства. Тотъ же вопросъ «о причинахъ упадка козачьяго хозяйства» былъ переданъ вновь на обсужденіе съѣзда 1894 г., и съѣздъ присоединился въ этомъ отношеніи къ своему предшественнику, указывая на полную необходимость для правильнаго управленія общинными дѣлами имѣть въ составѣ управленія выборныхъ отъ населенія членовъ. И дѣйствительно,—замѣчаетъ авторъ статьи,—нельзя не согласиться съ представителями населенія, что въ высшей степени ненормально не по-

зволить самому населенію рѣшать въ окончательной формѣ такіе чисто-общинно-хозяйственные вопросы: допускать или не допускать скотъ въ хлѣбную полосу, когда начать покосъ, уборку пашни; какъ урегулировать возможно правильное и безобидное распредѣленіе покосовъ, залововъ и т. п. хозяйственные вопросы. Далѣе масса вопросовъ земскаго хозяйства, которые также рѣшаются въ окончательной формѣ земствами, городскими думами, здѣсь не могутъ быть рѣшаемы иначе, какъ административнымъ путемъ, и если это связано хотя бы съ небольшимъ новымъ расходомъ, часто неотложнымъ, — приходится входить съ ходатайствомъ передъ высшею властью въ Петербургъ, что само собою замедляетъ исполненіе хозяйственныхъ нуждъ, и часто разрѣшеніе расходовъ приходитъ тогда, когда въ нихъ минеть надобность. Представьте себѣ земство, лишенное права производить расходы на мѣстныя нужды безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, или сельскій міръ, лишенный возможности рѣшать въ окончательной формѣ, безъ разсмотрѣнія ихъ по существу и утвержденія мѣстной администраціей, вопросы о томъ, какъ и когда косить, пахать, распредѣлять уголья и пр., и вамъ будетъ понятно то положеніе, въ которомъ находится современная уральская община. Надо, — продолжаетъ авторъ, — присутствовать самому на засѣданіяхъ сѣзда, полныхъ жизни и смысла, слышать эти споры и видѣть то необычайное вниманіе, съ которымъ обсуждаются здѣсь вопросы, чтобы понять всю горечь разочарованія, когда оказывается, что все это было понапрасну, такъ какъ сѣздъ пользуется лишь правомъ совѣщательнаго голоса. При этомъ авторъ оговаривается, что, благодаря самой сути дѣла, гдѣ то или иное отношеніе въ этому учрежденію зависитъ вполне отъ взгляда на него начальника края, съ переменною лицъ и переменною взглядомъ мѣняется и самое отношеніе къ нему, и повышается или понижается его значеніе. Такъ, благодаря весьма правильному взгляду на это учрежденіе теперешняго начальника края, генерала Максимовича, дѣятельности сѣзда придано большее, чѣмъ прежде, значеніе и большая часть постановленій сѣзда 1893 и 1894 гг. утверждены и входятъ въ законную силу. Этому, — говоритъ авторъ, — нельзя не радоваться, но это лишь случайное, основанное на личномъ взглядѣ, улучшеніе постановки дѣла, которое само собою не можетъ замѣнить права, предоставляемаго по закону. А потому является настоятельная необходимость разграничить, какіе вопросы можетъ рѣшать въ окончательной формѣ сѣздъ, какіе войсковое хозяйственное правленіе, или же, какъ это предусмотрено положеніемъ 1874 г., возвратиться къ выборнымъ членамъ этого правленія, о чемъ все населеніе настойчиво и неоднократно, но въ послѣднее время безуспѣшно, ходатайствовало.

Никогда еще вопросъ о всеобщемъ обученіи не выдвигался земствомъ такъ рѣшительно, какъ на послѣднихъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, происходившихъ въ октябрѣ и ноябрѣ минувшаго года. Онъ дебатировался или во всѣхъ углахъ земской Россіи и всюду встрѣчалъ сочувственное

отношение, причѣмъ нѣсколько земствъ нашли и средства значительно приблизиться къ его осуществленію. Первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ весьегонскому и тверскому земствамъ. Еще въ позапрошломъ году весьегонское земство постановило приступить ко всеобщему обученію и для этого открыло 27 новыхъ земскихъ училищъ. Въ настоящее время въ уѣздѣ обучается 90%, мальчиковъ и 42%, дѣвочекъ школьнаго возраста. Теперь собраніе снова выразило управѣ желаніе, чтобы постановленіе его по введенію всеобщаго обученія продолжало исполняться съ той же энергіей и въ будущемъ году, и чтобы всеобщее обученіе распространилось одинаково какъ на мальчиковъ, такъ и на дѣвочекъ. Управа, давая отчетъ собранію о своей дѣятельности по народному образованію, констатировала тотъ фактъ, что потребность въ грамотности и желаніе имѣть у себя земскую школу такъ сильны въ населеніи, что оно не затруднялось выполнить нелегкія условія управы, лишь бы была открыта земская школа. А условія эти состояли вотъ въ чемъ: для открытія каждой школы управа требовала отъ населенія, чтобы для школы было выстроено специальное зданіе или, по крайней мѣрѣ, чтобы населеніе обязалось выстроить его черезъ три года, по плану, одобренному управою. Затѣмъ, населеніе обязывалось принять на свой счетъ: отопленіе школы, наемъ сторожа для ухода за школою и устройство всей классной мебели въ достаточномъ количествѣ, по образцу управы или черезъ ея посредство. Въ послѣднемъ случаѣ населеніе пользовалось кредитомъ на два года. И несмотря на такія требованія, населеніе чрезвычайно сочувственно отнеслось къ открытію новыхъ земскихъ школъ; оно не останавливалось предъ ассигновкой денегъ на постройку новыхъ зданій, приобретеніемъ классной мебели, наймомъ школьной прислуги и другими хозяйственными расходами по школѣ. «На каждомъ сельскомъ сходѣ, — говоритъ членъ управы г. Калитѣвскій, — ни приходилось слышать и видѣть одно единодушное желаніе имѣть у себя начальную земскую школу». Въ нѣсколькихъ мѣстахъ явились жертвователи изъ крестьянъ на школы: жертвовали деньги на постройку зданія и отводили бесплатно помѣщенія для школы.

Какъ весьегонское, такъ и тверское уѣздное земства поставили себѣ ближайшею задачею «доставить возможность всему народонаселенію бесплатно пользоваться правильно организованной начальной школою». И въ этомъ отношеніи земство успѣло уже достигнуть значительныхъ результатовъ. Изъ доклада послѣднему очередному земскому собранію, выдержку изъ котораго напечатаны въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, мы узнаемъ, что въ Тверскомъ уѣздѣ получаютъ начальное образованіе 80% дѣтей школьнаго возраста. Чтобы дать возможность и остальной части населенія учить своихъ дѣтей въ нормально поставленныхъ школахъ, требуется, кромѣ существующихъ 90 училищъ, открыть еще 25 школъ. Земство не сомневается въ возможности осуществить всеобщность обученія въ уѣздѣ въ самомъ неотдаленномъ времени. При обычномъ за послѣднее время ростѣ земскихъ школъ въ уѣздѣ, устройство новыхъ 25 училищъ потребовалось

бы пяти лѣтъ, при благоприятныхъ же условіяхъ дѣло всеобщаго обученія осуществится въ два года. Тверское уѣздное земство, — говорится въ цитируемой нами статьѣ *Русскихъ Вѣдомостей*, — такъ успѣшно работавшее надъ количественнымъ ростомъ школы въ уѣздѣ, не менѣе ревностно заботится и о развитіи качественной ея стороны. Нормальный типъ школы, выработавшійся въ теченіе почти двухъ десятковъ лѣтъ, въ настоящее время вылился въ достаточно опредѣленные формы, заключающіяся въ слѣдующемъ: курсъ ученія въ нормальной школѣ четырехгодичный, при двухъ преподавателяхъ; отъ вновь поступающихъ въ школы учителей и учительницъ требуется среднее или специальное педагогическое образованіе; оладъ содержанія учащихся начинается съ 200 руб. и, сообразно съ продолжительностью земской службы, доходитъ до 300 руб.; всѣ учащіе обязательно зачисляются въ эмеритуру; при всѣхъ школахъ организованы библіотеки для внѣкласснаго чтенія и всѣ школы снабжаются на земскій счетъ учебными пособиями, книгами и другими принадлежностями.

Другое важное дѣло для преуспѣянія народнаго образованія — народныя библіотеки — было также предметомъ живѣйшаго вниманія земскихъ собраній. Повсюду въ собраніяхъ заявлялось, что народная библіотека должна занимать въ системѣ народнаго образованія такое же почетное мѣсто, какъ самая школа, такъ какъ школа безъ народной библіотеки далеко не достигаетъ своего назначенія. Почти всѣ земства дали большія или меньшія суммы на открытіе и увеличеніе числа народныхъ библіотекъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ народныя библіотеки будутъ существовать теперь при всѣхъ земскихъ школахъ. Считаясь съ состояніемъ земскихъ финансовъ и, въ то же время, чтобы не откладывать насущное дѣло о возможно-большемъ приближеніи книги къ народу, гласный мамыжскаго земскаго собранія (въ то же время и предсѣдатель вятской губернской земской управы) А. П. Батуевъ внесъ въ собраніе предложеніе ходатайствовать передъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ устройствѣ въ Вятской губерніи 3,000 народныхъ библіотекъ, и собраніе приняло это предложеніе единогласно. По проекту г. Батуева, каждая библіотека должна заключать въ себѣ до 100 книгъ, стоимостью всѣ до 5 руб. Необходимыя на это 15 тыс. руб. должны вноситься изъ земскаго капитала и затѣмъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ эта сумма должна быть возвращена запасному капиталу внесеніемъ въ смѣту по 5 тыс. рублей. Каждая такая библіотека, предназначенная служить для распространенія знаній въ крестьянской средѣ, поддержанію пріобрѣтеннаго въ школахъ грамотности, должна содержать въ себѣ слѣдующія книги: 1) книги справочнаго характера — календари, законоположенія, относящіяся къ крестьянъ, лечебники и др.; 2) краткіе, просто составленные учебники по различнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ, — составленные примѣнительно къ пониманію крестьянъ; 3) книги религіозно-нравственнаго характера; 4) образцовыя произведенія беллетристическаго и историческаго содержанія; 5) книги по сельскому хозяйству и по различнымъ отраслямъ техники. Изъ числа книгъ, одобренныхъ для употребленія въ народныхъ чл-

тальных, не окажется подходящих книг по той или другой отрасли, то губернская управа, через начальника губернии, входит съ представлениемъ г. министру народнаго просвѣщенія объ одобреніи имѣющихся уже въ продажѣ изданій по означенной отрасли или составленныхъ по ея порученію. Въ случаѣ, если въ продажѣ не имѣется подходящихъ къ крестьянскому пониманію сочиненій по извѣстной отрасли, или имѣющіяся стоятъ слишкомъ дорого, губернская управа обращается къ надлежащимъ лицамъ съ просьбой составить книгу и издаетъ ее. Пользованіе книгами изъ библиотекъ должно быть бесплатно. Непосредственное завѣдываніе такими библиотечками устраивается такъ: желательно, чтобы библиотечки были въ каждомъ сельскомъ обществѣ (2,999 общ.); поэтому губернской управой предлагается каждому сельскому обществу указать лицо, которому слѣдуетъ поручить завѣдываніе библиотечкой. Наблюденіе за цѣлостію библиотекъ возлагается на уѣздныя земскія управы. При ревизіи членомъ уѣздной управы завѣдующій библиотечкой обязанъ представить наличныя книги и указать, у кого находятся не имѣющіяся на лицо книги. Въ случаѣ утери книгъ, завѣдующій доводитъ, при первомъ удобномъ случаѣ, объ этомъ до свѣдѣнія уѣздной управы, которая или разыскиваетъ съ виновнаго стоимость утерянной книги, или замѣняетъ на свой счетъ утерянный экземпляръ новымъ. Главный надзоръ за учреждаемыми библиотечками принадлежитъ директору народныхъ училищъ.

Подобная организація народныхъ библиотекъ, — какъ справедливо замѣчаетъ *Саратовскій Листокъ*, — является у насъ впервые и при условіи распространенія по всѣмъ мѣстностямъ Россіи серьезно приближаетъ къ жаждущему знаній сельскому населенію. Такъ какъ сельскихъ обществъ въ Россіи не болѣе двухсотъ тысячъ, то вся подобная организація въ предѣлахъ проекта малмыжскаго земства обойдется не болѣе 1 милл. рублей. Въ виду настоятельности нужды и серьезности вопроса, газета не сомневается въ томъ, чтобы эта сумма не нашлась у нашихъ общественныхъ учреждений и у правительства, столь заинтересованныхъ въ укрѣпленіи результатовъ грамоты и народнаго образованія. Необходимо лишь имѣть въ виду, что небольшія библиотечки, предложенныя г. Батуевымъ, могутъ считаться лишь первымъ камнемъ въ устройствѣ учреждений для народнаго самообразованія. Послѣ учрежденія ихъ можно будетъ надѣяться, что составъ книгъ станетъ пополняться постепенно какъ на общественныя средства, такъ и на пожертвованія частныхъ лицъ, которыя, обитая въ районѣ библиотекъ, не останутся, вѣроятно, равнодушными къ дѣятельности подобныхъ полезныхъ народно-воспитательныхъ учреждений.

О распространеніи народныхъ библиотекъ хлопочетъ земство, хлопочетъ также общества и частныя лица. Извѣстна крупная дѣятельность въ этомъ дѣлѣ петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности; теперь съ той же цѣлью образовался отдѣльный комитетъ при харьковскомъ обществѣ грамотности. Обращаясь въ печатныхъ бланкахъ къ авторамъ и издателямъ съ просьбой о пожертвованіи книгъ, комитетъ этотъ говоритъ: «Въ вѣ

насушной необходимости придти на помощь народу въ дѣлѣ его образованія и просвѣщенія, при харьковскомъ обществѣ грамотности образовался *Комитетъ по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ*. Такія учрежденія являються обязательнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ школьному обученію: библиотека не только поддерживает грамотность, приобретенную въ школѣ, но и содѣйствуетъ дальнѣйшему приобретению знаній, а, стало быть, и умственному развитію. Школа удовлетворяетъ пока только потребности дѣтей, давая имъ начатки обученія; библиотека же важна для всего взрослого населенія деревни. Дать народу доступъ къ хорошей книгѣ—вотъ въ чемъ заключается одна изъ важнѣйшихъ задачъ нашей общественной просвѣтительной дѣятельности. Воплѣтъ сознавая все значеніе этого нравственнаго долга, комитетъ приступаетъ къ выполненію его въ полной увѣренности, что онъ встрѣтитъ въ обществѣ и сочувствіе, и поддержку», вслѣдствіе чего комитетъ и обращается съ просьбою о пожертвованіяхъ (книгами или деньгами), направлять которыя просить по слѣдующему адресу: *Харьковъ, Москалевка, Васильевскій пер. I Безпл. пер. читальня Общ. грам., для комитета сельскихъ библиотекъ*.

Объ энергичной работѣ провинціальной интеллигенціи для доставленія народу средствъ образованія рассказываетъ корреспондентъ изъ Мензелинска въ *Самарской Газетѣ*. Въ Мензелинскѣ существовала платная народская библиотека, которая была почти недоступна для простого народа. Въ виду этого кружокъ мѣстной интеллигенціи устроилъ бесплатную библиотеку съ подборомъ книгъ преимущественно для простыхъ людей. Началъ свое дѣло кружокъ съ весьма скромными средствами. Но вотъ прошелъ годъ со времени открытія библиотеки и она обладаетъ уже ежегоднымъ бюджетомъ свыше 600 руб. и имѣетъ 1,585 сочиненій въ 1,914 томахъ. Изъ отчета библиотеки видно, что по сословіямъ подписчики распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: крестьянъ: 153, мѣщанъ 151, дворянъ, чиновниковъ и канцелярскихъ служителей 64, солдатъ 27, купцовъ 10, духовныхъ 7, учителей и учительницъ 13. Первое время читателями библиотеки были исключительно мензелинскіе жители; но вскорѣ появились подписчики и изъ отдаленныхъ деревень. Несмотря на значительное разстояніе этихъ деревень къ городу, книги возвращаются для обиха очень аккуратно. По заявленію подписчиковъ книгами пользуются заразъ многіе; такой способъ чтенія особенно распространенъ среди крестьянъ; въ крестьянской средѣ устраиваются своего рода вечера: собираются сосѣди и слушаютъ почѣму и подстрекая нерѣдко просятъ книги болѣе подходящія къ такому совмѣстному чтенію. При библиотекѣ съ успѣхомъ дѣйствуетъ книжный складъ. Открытъ онъ былъ въ мартѣ, а къ 1 октября продано уже книгъ 1,532 экземпляра за сумму 545 руб. 83 коп. Главными покупателями книгъ являются крестьяне.

До какой степени назрѣла потребность въ устройствѣ народныхъ библиотекъ и книжныхъ складовъ, которые даютъ народу хорошую и подходящую для него книгу, живую иллюстраціей къ этому служить напечатан-

ная въ Саратовскомъ Листкѣ статья: *Что читается въ деревнѣ*. «Какъ то на прошлыхъ святкахъ,—разсказываетъ авторъ статьи,—зашелъ ко мнѣ лубочникъ Митрій, вотъ уже болѣе десяти лѣтъ торгующій въ Саратовскомъ уѣздѣ разною мелочью. Въ числѣ предметовъ своего товара онъ предложилъ мнѣ книги. Меня очень заинтересовало, какія книги можетъ продать безграмотный Митрій. Конечно, подумалъ я, это, вѣроятно, лубочныя изданія московскаго рынка. Но книжки оказались совсѣмъ другого характера. Вотъ перечень ихъ: *Догматическое богословіе*, соч. Антонія, *Начатки православнаго ученія*, *Слово-поученіе*, неизвѣстнаго автора, *Объясненіе богослуженія*, сочиненіе Недешева, *Житія святыхъ*, *Акаѳиста Божіей Матери*, *О перстосложеніи*, архимандрита Павла Прусскаго, *Изложеніе системы міра*, сочиненіе Лапласа, *Естественная исторія*, неизвѣстнаго автора, *Всемирная исторія*, соч. Берте, *Учебникъ географіи*, соч. Лебедева, отрывокъ изъ какой-то географіи, *Съ нами Богъ! за спасеніе Царя*, *Слава Всевышнему Богу*, соч. Извольскаго, *Царствованіе Императора Александра II*, *Робинзонъ*, *Пустынникъ*, повѣсть, *Сельская общественная служба*, соч. Блинова, *Памятная книжка Саратовской губ.*, изд. 1880 г., *Журналы петровскаго земскаго собранія за 1876 г.*, три задачника Евтушевскаго и 4 азбуки. Кромѣ перечисленныхъ книгъ, у Митрія было двѣ сѣтки два маленькія книжечки, изданія «Посредника», Морозова, Калмыковой и др. Всѣ книги Митрій купилъ очень дешево, всего за 2 р. 45 к. въ Петровскѣ, на базарѣ. На мой вопросъ, для чего онъ купилъ ихъ, къ чему будетъ ихъ читать, Митрій сказалъ, что купилъ ихъ для продажи и для чтенія. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ я узналъ, что эти книги—уже первая покупка Митрія, что онъ распродалъ по деревнямъ уже не одну сотню книгъ, и—что всего любопытнѣе—на книгахъ онъ беретъ хорошаго барышъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что отдаетъ «на-прокатъ» крестьянскимъ грамотѣямъ: «которыя книжки потолще—пятакъ за прочтеніе, а тоньше—семишаникъ или пару яиць».

«Не знаю, какія книги онъ продавалъ прежде, я сильно сомнѣвался, чтобы большая часть книгъ настоящей покупки будутъ браться для прочтенія и тѣмъ болѣе покупаться крестьянами. Ну, кому подѣ силу читать *Изложеніе системы міра* или журналы петровскаго земскаго собранія за 1876 годъ? Хотя мнѣ хотѣлось приобрѣсти себѣ нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, но изъ любопытства, что будетъ дальше съ этими книгами, я этого тогда не слѣдаль.

«Черезъ нѣсколько времени опять явился ко мнѣ Митрій. Я, конечно, прежде всего, заговорилъ о книгахъ. Оказывается, что болѣе половины книгъ «что потолще», уже продано крестьянамъ, оставшіяся же были порядочно потерты, со слѣдами усерднаго чтенія или перелистыванія, а нѣкоторыя представляли изъ себя положительно подобіе бумажной ваши. При этомъ въ задачникахъ Евтушевскаго Митрій заработалъ не одну сотню яиць, не одну десятокъ аршинъ холста, да еще нѣсколько рублей деньгами. Чтобы узнать

насколько внимательно и съ какимъ пониманіемъ читаются народомъ подобныя книги, я бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ крестьянъ, читавшихъ эти книги. Къ моему удивленію, большинство изъ нихъ (четверо изъ шестерыхъ) обнаружили достаточное пониманіе прочитаннаго. При этомъ одинъ изъ нихъ обнаружилъ довольно правильную оцѣнку книгъ. *Всемирную исторію* Берте и соч. Блинова онъ назвалъ хорошими и подходящими книжками, а *Убийство на днѣ моря*, извѣстнаго московскаго фабриканта книгъ Н. Пазухина, призналъ сказкою, «вещью ледящею, не стоящею вниманія». Бравшіе для чтенія соч. Лапласа откровенно признались, что «читать ее имъ не годится: мудрено ужъ очень».

«Кромѣ Митрія,—продолжаетъ авторъ,—въ нашемъ околоткѣ постоянно ходятъ нѣсколько такихъ же лубочниковъ, осенью и зимою ходятъ офени, а въ селѣ есть три лавки; у всѣхъ у нихъ всегда бываютъ книги для продажи. Покупаются книжки крестьянами и на базарахъ. Крестьяне иногда берутъ книги для чтенія изъ церковной библіотеки, а школьники—изъ библіотеки земской школы. Не думается, чтобы наше село находилось въ особенно благоприятныхъ условіяхъ относительно грамотности сравнительно съ другими селами. Вѣроятно, то же самое въ большей или меньшей степени происходитъ и въ другихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, въ земскихъ губерніяхъ».

«Вотъ что и какъ читаютъ крестьяне. Не очевидна ли,—говоритъ въ заключеніе авторъ статьи,—сильно назрѣвшая у народа потребность въ книгахъ? И если въ народѣ ходятъ больше изданія Никольскаго рынка, то это объясняется не запросомъ на эти книги, а тѣмъ обстоятельствомъ, что главными распространителями книжнаго дѣла въ деревнѣ до сихъ поръ являются разные Митрія, да офени,—лица, ничего общаго не имѣющія съ дѣломъ народнаго образованія. Съ учрежденіемъ сельскихъ правильно организованныхъ библіотекъ и книжныхъ складовъ по селамъ народу откроется полная возможность удовлетворять свою потребность болѣе доброкачественнымъ матеріаломъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло устройства школъ, народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ росло бы значительно быстрѣе, еслибы частная инициатива въ этой области встрѣчала поменьше официальныхъ затрудненій, затрудненій нерѣдко трудно даже объяснимыхъ. Такъ, напримѣръ, изъ Чернигова въ *Русскую Жизнь* пишутъ, что тамъ уже два года назадъ возникла мысль объ открытіи женской воскресной школы. Официальную отвѣтственность за направленіе школы взяла на себя жена товарища председателя окружнаго суда М. Н. Могилевская. Подали прошеніе куда слѣдуетъ. Ждали разрѣшенія долго. Наконецъ, оно было дано, но съ ограниченіемъ числа ученицъ небольшою цифрою (25). Во второе же воскресенье комплектъ былъ наполненъ и пришлось отказывать въ приѣмѣ.

О явленіяхъ подобнаго же характера рассказываетъ въ *Недѣль* А. И. Эртель. Въ 30 верстахъ отъ хутора, гдѣ живетъ г. Эртель, находится го-

родъ Усмани, Тамбовской губерніи. «Это одно изъ тѣхъ зловонныхъ мѣстъ, столь изобильно разсѣянныхъ въ нашемъ отечествѣ, въ которыхъ и въ буквальному, и въ переносному смыслѣ — «не продынешь». Въ такомъ-то городѣ съ недавняго времени открыты: и общественная бібліотека, и народныя чтенія, и торговля дешевыми книгами и картинами... Все это, конечно, возникло не сразу и не безъ препятствій; но, какъ бы тамъ ни было, хорошее дѣло осуществилось. И вынесли все это дѣло на своихъ плечахъ три-четыре человѣка, которые и теперь ведутъ его. «Простонародье» ломится въ полуоткрытыя двери просвѣщенія съ обычною своею ревностью; торговый класъ и сочувствуетъ, и не сочувствуетъ, а больше соображается съ тѣмъ, что скажутъ отецъ протопопъ и начальство; и наконецъ, обыватели «съ вѣсомъ» покуда терпятъ новую ересь, разрѣшенную законами, но съ неослабнымъ усердіемъ сводятъ ее къ нулю, распложаютъ о ней сплетни, намеки, экивоки и отъявленную клевету. И вотъ что недавно случилось въ городѣ Усмани. По грязнымъ улицамъ двигалась странная толпа, состоявшая изъ дѣтей и человѣкъ шести-семи взрослыхъ. Всѣ эти люди направлялись къ квартирѣ инспектора народныхъ училищъ, дабы просить его объ открытіи начальной школы, неожиданно прекращенной 14 октября... Расскажу словами одной старушки-просительницы, — говорить г. Эртель, — что произошло въ квартирѣ инспектора:

«Ребята стоятъ предъ нимъ, слезами плачутъ, а мы-то умоляемъ его: «Ваше благородіе! Откройте школу, дозвольте Огарковой барышнѣ обучать попрежнему!» Я такъ даже въ ноги ему упала... Что-жь, говоримъ, аль плохому чему учили? Вотъ, молъ, они, ребята-то, допросите ихъ по всѣмъ правиламъ. Батюшку ли взять, отца Петра, учительницу ли Клавдію Васильевну, — наши дѣти окромѣ добраго ничего отъ нихъ не слышали. Барышня-то — что твоя мать родная, такой-то желанный, да хорошій человѣкъ. И что мы теперь дѣлать будемъ? Куда ребятъ-то дѣвать? Спросите у нихъ: въ другое училище ни за что не хотятъ, да и время опоздано... Неужто такъ и пропадетъ безъ ученья цѣлый годъ? Заставьте за ваше благородіе Богу молить!» А онъ вотъ какъ засуетился на наши слова: «Не могу, говорить, и самъ, говорить, знаю — хорошій человѣкъ учительница, сколько разъ у ней въ школѣ бывала, а дозволить ученье никакъ не могу. Я, говорить, увѣстяхъ съ директуромъ ее провѣрять: худого ничего не сыскали, но школу открыть невозможно». Да кому же жаловаться, спрашиваемъ, гдѣ правду-то разыскать? — «А это ужъ, говорить, не мое дѣло, развѣ что до министра дойдете». Такъ-таки и сказалъ: до министра... Съ тѣмъ мы и ушли».

Почему же закрыли школу? Объ этомъ г. Эртель сообщаетъ слѣдующее. Въ числѣ тѣхъ немногихъ, благодаря почину и усиліямъ которыхъ осуществились въ Усмани вышеупомянутыя культурныя начинанія, видное мѣсто занимаютъ сынъ и дочь мѣстнаго кожевеннаго заводчика Ѳ. В. и К. В. Огарковы. Когда гг. Огарковы задумали открыть школу на заводѣ отца, то они подверглись сложной и злостной травлѣ «обывателей съ вѣсомъ».

Поэтому разрѣшеніе на устройство школы было получено только послѣ немовѣрныхъ «хожденій по мытарствамъ» и еще послѣ того, какъ на зловредную уѣздную мелюзгу «цыкнули» съ высоты нѣкотораго Олимпа... Школа,—говоритъ г. Эртель,—принялась превосходно. Большинство учениковъ были дѣла бѣдныхъ мѣщанъ и вообще той голи, которая ютится на окраинѣ города, близъ завода, и лишь небольшая часть принадлежала къ семьямъ заводскихъ рабочихъ. Обставленная учебными пособиями и книгами довольно хорошо и, во всякомъ случаѣ, лучше другихъ начальныхъ училищъ, школа еще тѣмъ привлекала учениковъ и ихъ родителей, что въ ней бѣднѣйшіе бесплатно пользовались бумагой, карандашами и перьями; что въ ней не практиковалось «рукопашныхъ» приѣмовъ, какъ въ сосѣдней церковно-приходской; что методъ обученія, принятый молодою учительницей, быстро и наглядно далъ прекрасные результаты; что въ отношеніяхъ этой дѣвушки и священника-законоучителя къ дѣтямъ было много неподдѣльной любви и простоты. И само собой, при такихъ условіяхъ, сразу было достигнуто то самое важное и рѣдко-достигаемое, къ чему должна бы стремиться всякая школа: дѣти не маневрировали посѣщеніями, смотрѣли на учителей безъ трепета, учились охотно и съ большимъ успѣхомъ, а безграмотные родители выказывали великое уваженіе къ школѣ. Заводъ отстоитъ отъ квартиры инспектора въ одной верстѣ, если не меньше. Г-нъ Талашка, въ свое время достаточно тормазившій открытіе школы, конечно, не оставлялъ ее теперь своимъ преувеличеннымъ вниманіемъ. Но вскорѣ и онъ убѣдился, что здѣсь рѣшительно нѣтъ мѣста какому бы то ни было подозрѣніямъ, о чемъ и свидѣтельствовалъ неоднократно.

Вотъ эту-то школу г. Талашка закрылъ 14 октября, извѣстивъ К. В. Огаркову официальной бумагой, что, «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ», устраняетъ ее отъ учительства.

«Что же случилось? Можетъ быть, я пытаюсь опустить самое существенное, т.-е. то, что кто-нибудь изъ гг. Огарковыхъ подвергся обвиненію въ тяжкомъ преступленіи или предосудительныхъ связяхъ? Ничуть не бывало. Еще до сихъ поръ самымъ необузданнымъ клеветникамъ не удалось доказать «политическую неблагонамѣренность» Ѳ. В. Огаркова или его сестры, не говоря уже о другихъ членахъ этой семьи.

«Но въ томъ-то и бѣда, что доказательствъ, очевидно, и не требуется. Наканунѣ закрытія г. директоръ училищъ, вмѣстѣ съ вышесказаннымъ г. Талашкою, посѣтили огарковскую школу. Учительница была нѣсколько удивлена тенденціозностью вопросовъ, которые предлагали ученикамъ г. директоръ, и осмотромъ школьнаго шкафа, похожимъ на «выемку», но, разгнѣтая, ей и въ голову не пришло подозрѣвать за этимъ что-нибудь чрезвычайное... Ребята отвѣчали удовлетворительно, «выемка» окончилась благополучно, и начальство съ миромъ ушло. А вечеромъ пришла ошеломляющая бумага отъ г. Талашки.

«Бесомнѣнно тутъ фигурируетъ подлый доносъ. Но ябедники и доносили всегда бывали, и не это страшно. Страшно то, что, какъ сказалъ

г. инспекторъ, онъ «самъ не знаетъ, кому жаловаться», и что, вопреки точному указанію закона, учебное начальство, не нашедшее ничего зловѣрнаго, тѣмъ не менѣе, закрываетъ школу и компрометируетъ человѣка, ссылаясь на «независящія отъ него», т.-е. отъ начальства, обстоятельства. Отъ кого же, однако, зависящія? Отъ анонимнаго извѣта? Отъ сплетенъ? Отъ произвола? Да неужто вы въ самомъ дѣлѣ думаете, господа, что мы живемъ въ безсудномъ и безгласномъ государствѣ?»

Неоднократно намъ приходилось уже говорить о вопіющихъ фактахъ судопроизводства въ Сибири, краснорѣчиво свидетельствующихъ о крайней необходимости не откладывать введенія въ этомъ обширномъ краѣ судебной реформы. Мы указывали, напримѣръ, что при существующихъ въ Сибири судебныхъ порядкахъ возможны такіе казусы, какъ присужденіе къ двухлѣтнему тюремному заключенію свидѣтеля, вмѣсто обвиняемаго, приведеніе въ исполненіе приговора о ссылкѣ въ каторжныя работы прежде истеченія срока для обжалованія приговора, и когда приговоръ, вслѣдствіе обжалованія, былъ отмѣненъ сенатомъ и обвиненный былъ оправданъ, то его пришлось возвращать уже изъ каторжной работы; преданіе полемому суду шестерыхъ человѣкъ по обвиненію въ преступленіи, за котороелагается смертная казнь, и оправданіе ихъ судомъ «за неимѣніемъ противъ нихъ никакихъ уликъ» *).

Происходившій въ концѣ истекшаго года судебный процессъ въ замъ нижегородскаго окружнаго суда снова напомнилъ намъ ту безсердечную агитацію, которую вели въ голодный годъ лукояновскіе предводители дворянства, предсѣдатель управы, земскіе начальники, а подъ ихъ вліяніемъ и мѣстная администрація. Они отрицали голоданіе народа, заявляли, что голодь—выдумка неблагонамѣренныхъ людей, и, указывая на такихъ людей, просили высшую администрацію освободить отъ нихъ уѣздъ. Назначенная нижегородскимъ губернаторомъ коммиссія констатировала, что въ Лукояновскомъ уѣздѣ разразился страшный голодь,—болѣе страшный, чѣмъ въ множествѣ другихъ мѣсть. Замѣчено, что люди, безучастно относящіяся къ страданіямъ другихъ, къ страданіямъ народа, не отличаются нравственною чистотой. Наблюденіе это проявилось и на упомянутомъ процессѣ, живое изображеніе котораго мы находимъ въ *Недѣль*.

«4 октября уголовный залъ нижегородскаго окружнаго суда представлялъ довольно рѣдкое зрѣлище. За длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, засѣдали члены московской судебной палаты и сословные представители, а впереди стола, на скамьѣ подсудимыхъ, помѣщался рясофорный инокъ Высовогорскаго арзамасскаго монастыря, коллежскій ассессоръ Александръ Ивановичъ Ильинъ.

«Да, это былъ тотъ самый Ильинъ, о которомъ уже много разъ упоминалось въ печати, знаменитый, несмѣняемый въ теченіе многихъ лѣтъ псевдонимъ и моводитель цѣлаго ряда лукояновскихъ предводителей. Въ обвинительномъ

*) *Русская Мысль* 1894 г., кн. IX.

актѣ рассказывалось, какъ Ильинъ въ теченіе 14 лѣтъ незаконно собиралъ со всѣхъ лукояновскихъ волостныхъ старшинъ и писарей деньги.

«— Вы слышали, г. Ильинъ, — сказалъ председательствующій, — въ чемъ васъ обвиняютъ; признаете ли себя виновнымъ?»

«Расоформный инокъ замаялся, издавъ какое-то неопредѣленное мычанье, довольно безнадежно развелъ кистями рукъ и, наконецъ, тихо проговорилъ:

«— Гм... гм... д-д-да.

«— Расскажите же подробно, какъ дѣло было, — сказалъ председательствующій.

«Почтенный инокъ вновь заколыхался и, нѣсколько путаясь, началъ:

«— Я не думалъ, что эти сборы противозаконны... Вѣдь, всѣ знали про это, и 14 лѣтъ такъ шло. Знали это и всѣ лукояновскіе предводители: и П. Ив. Рюминъ, и М. А. Философовъ, и М. Вал. Столыпинъ, и А. В. Приклонскій, и А. Л. Пушкинъ. Всѣ предводители позволяли мнѣ брать съ волостей потому, что у меня не хватало канцелярскихъ суммъ, а не хватало ихъ потому, что ужь очень много было расходовъ. Я жилъ въ квартирѣ, гдѣ помѣщалось воинское присутствие; тамъ же останавливались и предводители. Мнѣ приходилось держать повара, — такъ, вѣдь, не изъ канцелярскихъ же суммъ выплачивать ему жалованье! Г. Столыпинъ, правда, всегда привозилъ съ собою свою провизію, но мало ли было расходовъ и помимо провизіи... Гости г. Столыпина часто играли въ карты, и мнѣ приходилось имѣть хорошіе ломберные столы и готовить запасы сельтерской воды... и много этой сельтерской воды выходило!... Иногда г. Столыпинъ у меня занималъ и до сихъ поръ еще долженъ сто рублей... Г. Философовъ и другіе всегда завтракали на мой счетъ и кушали мой чай... Ну, развѣ на все это можетъ хватить канцелярскихъ денегъ?... Опять вотъ еще мыло и полотенцы... Приходилось мнѣ и это все покупать для гг. членовъ присутствія... И сколько этого мыла выходило!... А все наказываютъ, бывало: «Смотрите, Александръ Ивановичъ, смотрите, чтобы мыло было хорошее, душистое»...

«— Послушайте, господинъ Ильинъ, — сказалъ одинъ изъ сословныхъ представителей, городской голова баронъ Д. Н. Дельвигъ, — скажите, пожалуйста, въ чемъ состояли закуски, которыя вы на свой счетъ подавали господамъ предводителямъ и ихъ гостямъ?»

«— Разныя вообще закуски, — отвѣтилъ Ильинъ, — къ чаю я отпускалъ сухари, печенье, сливки... на закуску — сыръ, селедки, сардинки, вилки, грибки и другое... Мало ли чего подавалось, всего не припомнишь... Господинъ Философовъ любилъ пряники изъ лавки Гинсбурга...

«Начался допросъ свидѣтелей, подтверждавшихъ выводы обвинительнаго акта. Свидѣтель Брекшинъ, служившій долгое время помощникомъ Илы на, подтвердилъ, сверхъ того, показаніе подсудимаго.

«— Объясните, г. Ильинъ, — сказалъ председательствующій, — почему это 4 лѣтъ вы благополучно получали эти поборы, и все дѣло обнаружилось лишь на 15 году?»

«— Все изъ-за досады, изъ-за досады,—говорилъ Ильинъ, потряхивая чепками.—Во время голоднаго года лукояновскій предводитель Философовъ, а съ нимъ предсѣдатель управы и еще нѣсколько земскихъ начальниковъ, какъ извѣстно, противодѣйствовали нижегородскому губернатору. Земскій начальникъ Бобоѣдовъ былъ за губернатора. Ну, конечно, г. Философовъ и г. Бобоѣдовъ постоянно ссорились, и г. Философовъ не приглашалъ г. Бобоѣдова на мои завтраки... Г. Бобоѣдовъ сердился и, считая меня сторонникомъ г. Философова, вчинилъ дѣло о бланкахъ... Все изъ-за досады, изъ-за досады... А то ничего бы и не вышло.

«Въ своей обвинительной рѣчи товарищъ прокурора палаты В. А. Соболевъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я не вѣрю обвиняемому Ильину, чтобы лукояновскіе предводители знали о поборахъ и скрывали ихъ. Я не сомнѣваюсь, что лукояновскіе предводители, еслибъ узнали о поборахъ, немедленно бы ихъ воспретили и отдали бы Ильину все то, что имъ израсходовано было на печенье, грибки, пряники, сельтерскую воду и проч.». Вслѣдствіе этихъ соображеній, г. прокуроръ заявилъ, что поддерживаетъ обвиненіе въ предѣлахъ обвинительнаго акта.

«Товарищъ прокурора «не вѣрилъ», но палата повѣрила и оправдала Ильина».

Совершенно необычайное сообщеніе нашли мы въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*, столь необычайное, что будь оно напечатано въ газетѣ, не отличающейся особенною достовѣрностью извѣстій, мы усомнились бы въ его дѣйствительности. Газетѣ сообщаютъ изъ Новгорода, что крестьяне Семеновской волости, Новгородскаго уѣзда, купили до восьмисотъ десятинъ земли съ усадьбой, скотомъ и вообще съ полнымъ инвентаремъ. Въ этомъ имѣніи около трехъ сотъ десятинъ лѣсу, болѣе ста десятинъ хорошихъ луговъ, большое хлѣбопашество, фруктовый садъ, огородъ, полное хозяйство. Имѣніе это предназначено крестьянами для устройства общежитія или, лучше сказать, цѣлой колоніи для призрѣнія бѣдныхъ, престарѣлыхъ, убогихъ и безпріютныхъ сиротъ. Тѣмъ изъ призрѣваемыхъ, которые оказываются способными къ какому-либо работамъ, поручаются работы сообразно силамъ, способностямъ и познаніямъ каждаго лица. Въ это же общежитіе крестьяне направляютъ въ заработки неплательщиковъ податей. Для управленія всѣмъ дѣломъ крестьяне наняли ученаго практичнаго хозяина, для веденія конторы—писца, для веденія молочнаго хозяйства—опытную женщину, льновода, мастерицъ для рукодѣлія, учительницу для обученія дѣтей. Для наблюденія за веденіемъ дѣла крестьяне избрали изъ среды своей трехъ попечителей. Кромѣ того, разъ въ недѣлю сельскіе старосты обязаны съираться на совѣтъ, обсуждать текущія дѣла. Предсѣдательствуетъ въ совѣтѣ волостной старшина; управляющій колоніей состоитъ также членомъ совѣта, исполняя, въ то же время, секретарскія обязанности. Совѣтъ опрѣдляетъ, кого принять или не принять въ общежитіе. Принятые поступаютъ въ распоряженіе управляющаго, который распредѣляетъ ихъ по должностямъ и занятіямъ: по хлѣбопашеству, скотоводству, птицеводству, въ сѣ,

огородъ, въ ремесленники, плотники и проч. Призрѣваемые все должны дѣлать сами: воздѣлывать ленъ, прясть, ткать, шить, вязать; дѣти должны учиться грамотѣ. Если крестьяне съумѣютъ поставить это дѣло какъ слѣдуетъ, — замѣчаетъ газета, — то оно будетъ служить отряднымъ образцомъ самостоятельнаго осуществленія крестьянами своей собственной, ни откуда не заимствованной мысли.

Нельзя не пожалѣть, что *Смоленскій Вѣстникъ* не пополнилъ сообщаемое свѣдѣніями о томъ, какимъ образомъ образовался въ Семеновской волости капиталъ, потребовавшійся для покупки такого большого имѣнія, и какимъ путемъ пришли крестьяне къ мысли объ устройствѣ такой образцовой колоніи для призрѣнія бѣдныхъ, престарѣлыхъ, убогихъ и безпріютныхъ сиротъ. Напечатаніемъ этихъ дополнительныхъ свѣдѣній газета еще болѣе увеличила бы интересъ сдѣланнаго ею сообщенія.

И. Ивановъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ государственнаго контроля за 1893 годъ.—Заслуги всенской статистики.—Регрессивное ея движеніе подъ вліяніемъ вѣшнихъ причинъ.—Необходима полная самостоятельность статистики.—Основанія для ея организаціи.—Данныя о развитіи переселенческаго дѣла за послѣднее десятилѣтіе.—Изъ жизни народной школы.—Столѣтіе со дня рожденія Грибоѣдова.

Согласно съ отчетомъ государственнаго контроля, дѣйствительное исполненіе росписи доходовъ 1893 года представляется въ слѣдующемъ видѣ. По росписи, обыкновенные государственные доходы были исчислены въ 961.222,143 рубля, а въ дѣйствительности поступило 1.045.685,471 р 93 к., т.-е. почти на 84½ милліона рублей болѣе противъ росписи. Этотъ переборъ былъ слѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ смѣтнаго ожиданія по 28 статьямъ, при недоборѣ по 5 статьямъ. Наиболѣе крупныя превышенія дали: таможенный доходъ—болѣе 31 милліона, выкупные платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ—до 12 милліоновъ и выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—болѣе 9½ милліоновъ. Затѣмъ слѣдуетъ 13 статей, по которымъ превышеніе составило отъ 1 до 5 милліоновъ рублей: съ небольшимъ 5 милліоновъ по лѣсному доходу, около 4 милліоновъ по доходу отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, болѣе 3½ милліоновъ по доходу отъ гербовыхъ, судебныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, около 3½ милліоновъ по питейному доходу, 1½ милліона по табачному доходу, болѣе 1½ милліона по сахарному и проч. Среди статей, давшихъ недоборъ, первое мѣсто принадлежитъ доходу отъ капиталовъ казны и банковыхъ операцій: недоборъ по этой статьѣ достигаетъ почти 4 милліоновъ; второе мѣсто по недобору занимаетъ спичечный доходъ (болѣе 900,000). Сопоставляя исполненіе государственной росписи со смѣтными ожиданіями по основнымъ девяти отдѣламъ государственныхъ доходовъ, мы видимъ, что наибольшее превышеніе (слишкомъ 37½ милліоновъ) падаетъ на косвенные налоги.

Сравнивая движеніе государственныхъ доходовъ по годамъ, мы находимъ увеличеніе ихъ за десять лѣтъ (безъ выкупныхъ платежей) на 279 милліоновъ рублей или 39% ихъ первоначальной величины; въ 1884 годъ

доходы равнялись 706 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, а въ 1893 г. превысили 983 милліона. Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ играетъ самую видную роль въ этомъ ростѣ доходовъ: въ 1884 году онъ составлялъ только 10,7 милліона рублей, а теперь превышаетъ 85 милліоновъ. Однако, этотъ приростъ доходовъ сполна поглощается эксплуатаціонными расходами (около 46 мил. рублей) по желѣзнымъ дорогамъ, не состоявшимъ въ 1884 году въ казенномъ управленіи, а также срочными платежами по облигаціоннымъ капиталамъ этихъ дорогъ и по правительственнымъ облигаціямъ, выпущеннымъ при выкупѣ ихъ, взаимнѣ частныхъ желѣзно-дорожныхъ обществъ (около 35 мил. рублей). Таможенный доходъ, доставившій излишекъ въ 47 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, занимаетъ второе мѣсто въ росписи государственныхъ доходовъ. Остальные косвенные налоги (питейный, табачный, сахарный, нефтяной и спичечный) дали противъ 1884 года превышеніе въ совокупности 69 милліоновъ рублей.

Сравнивая доходы 1893 съ доходами 1892 года, мы видимъ превышеніе на 64 милліона рублей. Таможенный доходъ далъ самое крупное превышеніе—до 27 $\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Второе крупное превышеніе находимъ мы въ доходѣ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, почти на 10 $\frac{3}{4}$ милліоновъ сравнительно съ 1892 годомъ. Нефтяной доходъ далъ превышеніе около 3 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, доходъ съ торговли и промысловъ—слишкомъ 5 милліоновъ, сахарный доходъ больше 2 $\frac{1}{2}$ милліоновъ.

Чрезвычайные ресурсы, ожидавшіеся по росписи 1893 года въ суммѣ 10.673.909 рублей, дали болѣе 174 милліоновъ; правда, изъ этой суммы юльше 162 милліоновъ доставлены реализаціей займовъ (4 $\frac{1}{2}$, внутреннего айма выпуска 1893 года и оставшихся въ распоряженіи правительства облигацій 3% золотого займа выпуска 1891 года).

По росписи 1893 года, на косвенные расходы было ассигновано 947.690.385 рублей. Въ дѣйствительности было израсходовано около 947 милліоновъ. Сопоставляя расходы по годамъ за послѣднее десятилѣтіе, мы видимъ, что въ 1893 году расходы были на 220 милліоновъ выше, нежели въ 1884 г. По сравненію же съ 1892 годомъ расходы увеличились нѣсколько болѣе, чѣмъ на 36 милліоновъ. Въ общей суммѣ этого увеличенія первое мѣсто принадлежитъ расходамъ по государственному кредиту, которые возросли почти на 11 милліоновъ; затѣмъ слѣдуетъ приростъ расходовъ почти на 1 $\frac{1}{4}$ милліоновъ по министерству финансовъ. Приростъ расходовъ по министерству народнаго просвѣщенія составляетъ только 542.170 рублей. Сравнивая измѣненіе расходовъ по годамъ послѣдняго десятилѣтія, мы видимъ, что наибольшее возрастаніе обнаруживаютъ слѣдующія статьи. Министерство путей сообщенія, что связано съ переходомъ въ казну многихъ желѣзныхъ дорогъ, израсходовало въ прошломъ году болѣе 75 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, вмѣсто 21 $\frac{3}{4}$ милліоновъ, которые были затрачены въ 1884 г. Сохраненіе морского министерства стоило 50 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, вмѣсто 34 $\frac{1}{4}$ —исхода за 1884 годъ. Расходъ министерства финансовъ, составлявшій въ 1884 году нѣсколько болѣе 95 $\frac{1}{2}$ милліоновъ, поднялся въ 1893 г. до 124 $\frac{1}{2}$

милліоновъ, т.-е. увеличился слишкомъ на 30%. Расходъ по системѣ государственнаго кредита, составлявшій въ 1884 году неполныхъ 210 милліоновъ, почти равенъ 267 милліонамъ. Крупное увеличеніе дали также расходы по государственному контролю: отъ 3 милліоновъ съ небольшимъ почти до 4½ милліоновъ. Бюджетъ расходовъ министерства народнаго просвѣщенія поднялся менѣе, чѣмъ на 3 милліона: отъ 19½ въ 1884 году до 22½ милліоновъ въ 1893 г., менѣе чѣмъ на 15%.

Чрезвычайные расходы составили за 1893 годъ до 113¾ милліоновъ, изъ которыхъ 61½ милліона затрачено на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ, въ томъ числѣ около 26 милліоновъ израсходовано на постройку сибирской дороги. Чрезвычайные расходы на перевооруженіе достигли 36 милліоновъ. Любопытны сопоставленія расходовъ и доходовъ по губерніямъ и областямъ. Приамурская область занимаетъ первое мѣсто по превышенію расходовъ надъ доходами—около 7.800,000 рублей; за нею слѣдуетъ Закавказскій край, гдѣ расходы слишкомъ на 7 милліоновъ превышали доходы. Великое княжество Финляндское занимаетъ третье мѣсто: въ немъ расходы были больше доходовъ почти на 3½ милліона. Далѣе идутъ 9 губерній и областей—Виленская, Олонецкая, Забайкальская, Ломжинская, степныя области, Туркестанскій край, Люблинская, Плоцкая, Гродненская—съ превышеніемъ расходовъ болѣе чѣмъ на 1 милліонъ рублей каждая. Наконецъ, въ областяхъ Амурской и Якутской, губерніяхъ Сѣдловской и Ковенской превышеніе составляетъ только сотни тысячъ рублей на каждую. Остальныя губерніи и области дали превышеніе доходовъ надъ расходами. Въ 10 изъ нихъ это превышеніе составляетъ болѣе 10 милліоновъ на каждую. Во главѣ стоятъ Кіевская и Херсонская губерніи, гдѣ избытки равнялись почти 24½ милліоновъ и 21¾ милліона.

Въ началу 1893 года общая сумма долговъ государственнаго казначейства составляла 5.527.409,914 р. 81 коп. Въ этой суммѣ было около 3½ милліардовъ рублей долга на общегосударственныя потребности. Займы по выкупной операціи составляли не полныхъ 500 милліоновъ, а остальные 1½ милліарда причитаются на желѣзно-дорожныя консолидированныя займы и облигаціи желѣзныхъ дорогъ, выкупленныхъ казною. Въ теченіе 1893 года было погашено долговъ разныхъ категорій на сумму около 112 милліоновъ рублей кредитныхъ, а вновь образовалось долговъ почти 415 милліоновъ, изъ коихъ до 250 милліоновъ рублей на общегосударственныя потребности, съ небольшимъ 2 милліона по выкупной операціи, а остальное по выкупленнымъ казною желѣзнымъ дорогамъ. Все это увеличило нашъ государственный долгъ и довело къ 1894 году его сумму до 5.830.376,515 р. 59 коп. кредитныхъ.

Отчетъ государственнаго контроля содержитъ также свѣдѣнія о спеціальныхъ сборахъ и капиталахъ, которые находятся въ распоряженіи правительственныхъ учреждений. Въ первому январю 1893 года полная сумма этихъ капиталовъ достигала 450¼ милліоновъ, изъ которыхъ за казными учреждениями и лицами было почти 197¾ милліона. Среди въсѣхъ

капиталовъ имперскій продовольственный достигалъ наибольшихъ размѣровъ—158½ милліоновъ рублей, т.-е. почти 35% общей суммы специальныхъ капиталовъ. Однако, налицо было 1½ милліона, а прочее числилось въ долгу за разными мѣстами и лицами. Эмеритальнымъ пенсіоннымъ каскамъ принадлежитъ второе мѣсто: онѣ имѣли капиталъ почти въ 149 милліоновъ. Стипендіальные капиталы и капиталы учебныхъ заведеній достигали 45 милліоновъ. Инвалидные и разнаго рода вспомогательные и благотворительные капиталы составляли почти 38½ милліоновъ. Специальные капиталы другихъ мѣстъ и учреждений составляютъ болѣе скромныя суммы. Въ теченіе 1893 года специальные капиталы увеличились на 34¼ милліона; главный приростъ—болѣе чѣмъ на 27 милліоновъ—произошелъ въ общеперскомъ продовольственномъ капиталѣ вслѣдствіе причисленія новыхъ долговъ по ссудамъ, которыя выданы за счетъ капитала изъ суммы государственнаго казначейства.

Мы находимъ въ отчетѣ государственнаго контроля свѣдѣнія также объ оборотахъ суммъ государственнаго и губернскаго земскихъ сборовъ и главныхъ земскихъ капиталовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено земское положеніе. Въ началу 1893 года общая сумма земскихъ капиталовъ достигала почти 44¼ милліоновъ, изъ которыхъ до 16 милліоновъ приходилось на суммы земскаго сбора, до 11 милліоновъ на суммы взаимнаго губернскаго страхованія и болѣе 9 милліоновъ на сумму общественнаго призрѣнія. Въ 1893 году земскіе сборы дали нѣсколько болѣе 16 милліоновъ; изъ нихъ около 11½ милліоновъ дали прямыя налоги—поземельные, подымные въ закавказскомъ краѣ и проч. Нѣсколько болѣе 2½ милліоновъ было доставлено сборами съ гильдейскихъ свидѣтельствъ, торговыхъ, промысловыхъ и проч., а 530,000 были позаимствованы изъ постороннихъ источниковъ. Расходы на врачебную и ветеринарную часть составили наибольшую долю земскихъ расходовъ—до 2½ милліоновъ, почти столько же составили расходы на мировыя учрежденія и по полюбовному размежеванію (болѣе 2¼ милліоновъ) и на содержаніе общей администраціи и полиціи (около 2¼ милліоновъ). Расходы на учебную часть составляютъ только 5%.—840,884 рубля.

Заканчивая на этомъ сообщеніе цифръ изъ отчета государственнаго контроля за 1893 годъ, мы поставимъ вопросъ о томъ, насколько удовлетворительны результаты, достигнутыя въ государственномъ хозяйствѣ.

Если смотрѣть на формальную сторону дѣла, то получаешь впечатлѣніе, что финансы процвѣтаютъ, все обстоитъ благополучно. Уже нѣсколько лѣтъ подрядъ государственныя доходы на значительныя суммы превышаютъ расходы. Къ этому присоединяется и другое, повидимому, болѣе благоприятное обстоятельство: казна ежегодно выкупаетъ изъ частной собственности нѣсколько тысячъ верстъ рельсовыхъ путей и въ настоящее время государству принадлежитъ уже болѣе половины всей желѣзно-дорожной сѣти. Постройка сибирской желѣзной дороги продолжается. Отмѣтимъ и другой фактъ: расширеніе за послѣдніе два года старыхъ промышленныхъ пред-

пріятій, которыя еще недавно находились въ самомъ жалкомъ положеніи, и возникновеніе новыхъ. Биржевая цѣна акцій располагаетъ къ оптимистическому настроенію: не дальше конца 1892 года акціи Брянскаго сталелитейнаго завода котировались по 90—95 рублей, а теперь онѣ стоятъ больше 300; акціи Путиловскаго завода дошли въ теченіе 1—1½ года отъ 65—70 до 175 рублей. На биржу выброшенъ цѣлый рядъ новыхъ цѣнностей: акціи Сормовскаго завода, Александровскаго, вновь организованнаго Мальцевскаго товарищества, преобразованнаго Аргинско-Уфалейскаго завода, вѣлборусскихъ рудниковъ и т. д. Наконецъ, во главѣ всего стоитъ несомнѣнное удешевленіе кредита: государственныя процентныя бумаги капитализируются изъ 4% годовыхъ, а бумаги хорошо поставленныхъ частныхъ предпріятій—изъ 5%.

Но всѣ эти факты могутъ быть на-лицо даже въ тѣхъ случаяхъ, когда народное хозяйство не процвѣтаетъ и когда многія потребности населенія удовлетворяются скудно.

Отъ времени до времени въ печати напоминаютъ о слабыхъ сторонахъ въ организаціи русской статистики. Каждый годъ печатаются многочисленныя изданія центрального статистическаго комитета и по поводу каждаго изданія приходится выразить сожалѣніе, что органами, доставляющими эти свѣдѣнія, служатъ волостныя правленія, совершенно неподготовленныя къ такому дѣлу. На ряду съ правительственною статистикою сложилась земская, которая подняла на очень высокой уровень статистическія изысканія, какъ относительно методы, такъ и относительно многочисленности общественныхъ явленій, которыя сдѣлались предметомъ статистическаго изслѣдованія. Съ половины семидесятыхъ годовъ не проходило года, чтобы земство какой-либо губерніи не начало статистическихъ работъ. За московскимъ и черниговскимъ земствами, которыя первыя ступили на этотъ путь, последовали пермское, тамбовское, харьковское и другія. Постепенно развиваясь, земскія статистическія работы охватили 25 изъ числа 34 земскихъ губерній. Правильно организованная статистика стала уже необходимою отраслью мѣстнаго управленія, какъ вдругъ — это случилось въ 1888 году—центральный статистическій комитетъ потребовалъ на утвержденіе подробныя программы земскихъ экономическихъ изслѣдованій и исключилъ изъ нихъ многіе вопросы, относящіеся до экономической жизни. Центральный статистическій комитетъ приравнялъ подворныя изслѣдованія, производимыя земствами, однодневнымъ переписямъ, а потому и нашелъ возможнымъ допустить ихъ только въ случаѣ представленія программъ и образцовъ таблицъ на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Это распоряженіе застало работы во многихъ губерніяхъ въ самомъ разгарѣ. Нѣкоторые уѣзды губерній были изслѣдованы по подробнымъ программамъ, составленнымъ земствами независимо отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, которое, большею частью, не связано съ существомъ дѣла, а объясняется разными сторонними соображеніями. Въ такомъ же положеніи находилось

и тверское земство. Очередное тверское земское собраніе 1888 года, которое должно было ограничить статистическія изслѣдованія согласно съ указаніемъ центрального статистическаго комитета, признало это распоряженіе незаконнымъ и обжаловало его въ сенатъ. Сенатъ отвѣтилъ на это такимъ образомъ: «Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ находитъ, что въ настоящее время въ Тверской губерніи введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года, въ которомъ не заключается изложеннаго въ ст. 6 положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года постановленія о томъ, что земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно. Съ другой стороны, въ новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ включено правило, котораго не содержалось въ дѣйствовавшемъ до послѣдняго времени положеніи, а именно, въ ст. 5 опредѣлено, что губернаторъ имѣетъ надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій земскихъ учреждений. Такимъ образомъ, при дѣйствіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года не только законность, но и правильность дѣйствій земства поставлены подъ наблюденіе и контроль губернскаго начальства. При такихъ условіяхъ возникающій въ разсматриваемомъ дѣлѣ вопросъ... не можетъ вызывать какихъ-либо сомнѣній съ преобразованиемъ въ 1890 году земскаго управленія на новыхъ началахъ. Если же означенный вопросъ... и впредь представился бы спорнымъ, то постановленіе земскаго собранія, коимъ была бы утверждена программа статистическихъ работъ, признаваемая министромъ внутреннихъ дѣлъ неумѣстной и небезопасною, подлежало бы, по представленію министра, разсмотрѣнію не правительствующаго сената, а комитета министровъ, согласно ст. 94 положенія о земскихъ учрежденіяхъ».

Это разъясненіе сената, напоминающее, что только комитетъ министровъ можетъ быть окончательнымъ рѣшителемъ того, въ какой мѣрѣ программы, возлагаемыя земствами въ основаніе статистическихъ изслѣдованій, полезны или несвоевременны, помогаетъ упроченію того взгляда, что центральный статистическій комитетъ и даже министръ внутреннихъ дѣлъ не могутъ окончательно отмѣнить статистическое изслѣдованіе по земской программѣ. Однако, этимъ не создается гарантія, что земства могутъ впредь безпрепятственно изслѣдовать всѣ стороны народнаго быта и по тѣмъ программамъ, которыя они найдутъ наиболее цѣлесообразными. А, между тѣмъ, успѣхи, достигнутые земствами въ дѣлѣ статистическихъ изысканій, таковы, что дѣлаютъ крайне нежелательнымъ суженіе программъ и приостановку работъ въ этомъ направленіи.

Такъ какъ земскія изслѣдованія считаются многими сотнями томовъ, то мы избалованы ими и начинаемъ смотрѣть на нихъ какъ на совершенно безурядное явленіе. А, между тѣмъ, сравненіе ихъ съ западно-европейскими статистическими трудами показываетъ, какъ много сдѣлало земство въ этомъ направленіи. Въ дѣлѣ изученія экономическаго быта населенія, особенно крестьянства, западно-европейская литература не имѣетъ изданій, которыя

могли бы сравниться со сборниками по Бурской, Полтавской, Тамбовской губерніямъ. Или возьмемъ, напримѣръ, трудъ французскаго статистика Тюркана (*Turquan: «Manuel de statistique pratique», 1891*) и сравнимъ вопросы, поставленные имъ по статистикѣ народнаго образованія, съ работами нѣкоторыхъ изъ нашихъ земствъ, и первый представится намъ въ крайне невыгодномъ свѣтѣ. Ненужно большой теоретической подготовки и практической опытности, чтобы изслѣдовать народное образованіе въ предѣлахъ тѣхъ общинъ и широкихъ рубрикъ, которыя мы находимъ у Тюркана. Не нужна большая, совершенно исключительная вдумчивость въ изучаемыя явленія, чтобы получился трудъ, подобный сборнику по народному образованію Московской губерніи (*Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Томъ IX. Народное образованіе. 1884 г.*). Хочетъ ли изслѣдователь познакомить насъ со школьными помѣщеніями, онъ даетъ намъ возможность изучить эту сторону дѣла во всѣхъ подробностяхъ: изъ какаго матеріала построено училищное зданіе, кому оно принадлежитъ, какъ оно устроено, сколько кубическихъ футовъ воздуха приходится на одного учащагося и т. д. Ставится ли вопросъ о законоучителяхъ въ народныхъ училищахъ, и мы узнаемъ мельчайшія частности—не только то, обучаютъ ли Закону Божію священники или диаконы и какое они получаютъ вознагражденіе, но и то, сколько верстъ проѣзжаетъ законоучитель до школы отъ мѣста своего жительства и какіе часы для уроковъ, ранніе или поздніе, онъ предпочитаетъ. Какой бы вопросъ мы ни взяли, мы всегда получаемъ впечатлѣніе, что статистики, изслѣдуя какую-нибудь область народной жизни, не разставались съ нею до тѣхъ поръ, пока не изучали ее во всѣхъ подробностяхъ. Намъ приходитъ по этому поводу мысль, что долгая отчужденность образованныхъ классовъ отъ народа, поддерживаемая крѣпостнымъ правомъ, заставила первыхъ (ибо статистика несомнѣнно принадлежитъ къ первымъ) съ увлеченіемъ приступить къ изслѣдованію народного быта, когда организованіе земской статистики создало вполне пригодную форму для сближенія людей привилегированныхъ сословій съ массами населенія.

Какъ ни было земство увлечено статистикой, какъ ни много оно сдѣлало въ этой области, строгій контроль, установленный со стороны центрального статистическаго комитета надъ земскими программами для мѣстныхъ изслѣдованій, лишилъ земство бодрости и мѣстами породилъ равнодушіе къ этому важному дѣлу. Въ началѣ 1894 года полтавское земство приостановило статистическія изслѣдованія. Правда, южно-русскія газеты, указывая въ свое время на этотъ фактъ, замѣчали, что губернское земское собраніе, въ своемъ нынѣшнемъ составѣ, имѣетъ, главнымъ образомъ, тѣхъ лицъ, которыя не долюбиваютъ земской статистики, что сами полтавскіе земскіе статистики принесли населенію большую пользу и заслуживаютъ большой благодарности за свою честную и плодотворную работу и проч. Что бы ни говорили для оправданія такого рѣшенія полтавскаго земства или для его смягченія,—фактъ остается фактомъ: статистика протѣ-

тала, а какъ скоро правительство начало относиться къ ней недоброжелательно, она стала чахнуть и умерла. Невзгоды земской статистики приняли въ Самарѣ другія формы. Тамъ 10 лѣтъ завѣдывалъ статистикой г. Красноперовъ. Когда онъ въ прошломъ году оставлялъ Самару, направляясь на службу въ Тверь, по приглашенію тверскаго земства, то лучшіе изъ образованныхъ людей Самары поднесли ему адресъ, гдѣ въ самыхъ душевныхъ выраженіяхъ благодарили за услуги, оказанныя губерніи превосходнымъ изслѣдованіемъ многихъ сторонъ народной жизни.

Вотъ отрывокъ изъ этого адреса: «На болѣе чѣмъ двухмилліонное населеніе нашей губерніи едва ли найдется хотя одинъ человекъ, который бы такъ всесторонне зналъ быть безлошаднаго лапотника и такъ любовно относился къ его судьбѣ, какъ вы, не менѣе лапотника многострадальный летописецъ его... Среди самарскихъ земцевъ никто выше васъ не держалъ званія народныхъ интересовъ, и вы являетесь достойнѣйшимъ представителемъ самарскаго земства и самымъ правдивымъ выразителемъ его жгучихъ потребностей и задачъ». И въ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго: г. Красноперовъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей русской статистики. Однако, подъ влияніемъ перемѣны въ воззрѣніяхъ на земскую статистику, самарская земская управа ставила г. Красноперова въ самое тягостное положеніе. Боясь огласки и шума, самарское земство не хотѣло прямо закрыть статистику. Но оно стремилось къ этому, а потому и относилось систематически сурово ко всему, что выходило изъ-подъ пера завѣдующаго самарскою статистикой. Разрѣшеніе на печатаніе каждаго тома стоило немовѣрныхъ усилій. Управа вычеркивала цѣлыя главы и приходилось многое передѣлывать совсѣмъ заново.

Мы приводимъ этотъ эпизодъ только для того, чтобы показать, какъ ненормально поставлена у насъ статистика. Что же, спрашивается, дѣлать? Какая организація должна быть дана статистикѣ для того, чтобы она могла доставить странѣ всю пользу, которой отъ нея ожидаютъ?

Всѣмъ извѣстно, что статистика безусловно необходима для цѣлой управленія. Но не всѣ даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что статистическое изслѣдованіе, направленное на такіе факты общественной жизни, которые въ ближайшемъ будущемъ не составятъ предмета заботъ органовъ управленія, могутъ позднѣе получить большое практическое значеніе. Такъ, напримѣръ, многие труды въ области школьной статистики: о развитіи близорукости среди учащихся, о распространеніи разныхъ болѣзней и проч.—удовлетворяютъ только любознательность и не служатъ практическимъ цѣлямъ до тѣхъ поръ, пока школьное дѣло стоитъ на низкомъ уровнѣ. Но какъ скоро государство посвящаетъ школѣ серьезныя заботы и не щадитъ расходовъ на эту важнѣйшую отрасль управленія, такъ всѣ изслѣдованія этого рода становятся краеугольнымъ камнемъ школьнаго дѣла и начинаются приниматься такія санитарныя мѣры, которыя могутъ предупреждать среди учащихся развитія болѣзней, для которыхъ ненормальности школы создаютъ собѣчно благопріятныя условія. Поэтому нужно быть очень осторожнымъ,

упрекая статистику въ томъ, что многіе изъ ея трудовъ отличаются излишнею теоретичностью или отвлеченностью. Въ Россіи, благодаря особенностямъ нашей общественной жизни, при оцѣнкѣ статистическихъ трудовъ дѣлаютъ нерѣдко и другую ошибку: признають статистическое изслѣдованіе какой-либо стороны общественной жизни вреднымъ и забываютъ, что оно, являясь таковымъ предъ однимъ правительственнымъ вѣдомствомъ, въ толькo полезно предъ лицомъ другихъ, но даже необходимо. За примѣрами ходить не далеко. Программы земскихъ статистическихъ бюро вызывали противъ себя неудовольствіе именно тѣми вопросами, которые относились до арендованія земли крестьянами. Арендная плата деньгами и натурой, отбываніе крестьянами разныхъ работъ въ пользу землевладѣльца—нерѣдко ставятъ крестьянина въ очень тягостное положеніе и обнаруживаютъ большое своекорыстіе собственника земли. Нѣкоторыя вѣдомства и признавали собраніе и опубликованіе этихъ вѣдѣній нежелательными, такъ какъ они бросаютъ тѣнь на многихъ помѣщиковъ и вызываютъ въ обществѣ неудовольствіе. Конечно, такія свѣдѣнія, характеризуя полноту, въ которой сильный пользуется преимуществомъ своего положенія и извлекаетъ выгоды изъ слабаго, бросаютъ тѣнь на перваго; конечно, такіе факты возбуждаютъ негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы статистика не собирала этихъ свѣдѣній? Отнюдь не слѣдуетъ, ибо *эти свѣдѣнія необходимы для правильной работы другихъ государственныхъ учреждений.* Крестьянскій банкъ тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ своему назначенію, чѣмъ болѣе выдаетъ ссудъ въ мѣстностяхъ, гдѣ земельный на дѣль малъ, арендные цѣны высоки, условія пользованія арендуемой землей тягостны. Вотъ министерство финансовъ выступаетъ съ какимъ-либо мѣропріятіемъ, направленнымъ къ преобразованію податной системы, или облегченіемъ податныхъ тягостей, то ему необходимо знать, какія общественныя группы поставлены наименѣе выгодно, гдѣ уменьшеніе платежей наиболѣе желательно; а крестьяне-арендаторы часто образуютъ именно такую общественную группу. Выходитъ на повѣрку, что расчеты одного правительственнаго вѣдомства, — положимъ, департамента полиціи, — идутъ въ разрѣзъ съ потребностями другихъ государственныхъ установленій: крестьянскаго земельного банка и, вообще, министерства финансовъ. Удовлетворить первый и не собирать такихъ свѣдѣній, оглашеніе которыхъ можетъ доставить неудовольствіе извѣстному числу вліятельныхъ лицъ, значитъ помѣшать правильной дѣятельности нѣкоторыхъ важныхъ частей государственнаго механизма.

Смы дѣлаемъ отсюда выводъ, что статистика должна занимать въ строѣ государственнаго управленія совершенно особое и самостоятельное мѣсто. Она не должна входить въ составъ какого-либо министерства, какъ въ настоящее время центральный статистическій комитетъ. Она должна стоять на ряду съ министерствомъ и не находиться въ подчиненіи ни у одного изъ нихъ. Вѣдомство статистики, во многомъ сходное съ вѣдомствомъ государственнаго контроля, должно быть такъ же самостоятельное, какъ этотъ по-

слѣдній. Государственный контроль можетъ быть уподобленъ кровлѣ надъ отдѣльными отраслями управленія: подводя итоги за данный періодъ, напримеръ, календарный годъ, контроль позволяетъ обозрѣть и движеніе денежныхъ суммъ въ государственномъ хозяйствѣ, и отношеніе между заботами государства о различныхъ сторонахъ народной жизни, — заботами, которыя выражаются въ бюджетѣ расходовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Контроль произноситъ окончательный приговоръ надъ результатами государственной дѣятельности въ теченіе года. А статистика служитъ основаніемъ для всей государственной дѣятельности, подготавливаетъ матеріалъ, который позволяетъ рѣшить, что, какъ и когда должно быть предпринято. Если, поэтому, государственный контроль является въ своей оцѣнкѣ правительственной дѣятельности совершенно свободнымъ отъ внѣшняго воздѣйствія, то отъ такого воздѣйствія должна быть свободна и статистика, ибо вліяніе на нее одного органа или вѣдомства, какъ было указано выше, можетъ быть сопряжено съ серьезными невыгодами для дѣятельности другихъ органовъ.

Разъ будетъ данъ утвердительный отвѣтъ на принципиальный вопросъ — о полной самостоятельности статистическаго вѣдомства, наиболѣе цѣлесообразная его организація выясняется сама собою. Весь организмъ государственной статистики долженъ состоять изъ органовъ трехъ разрядовъ: 1) центрального статистическаго учрежденія, 2) среднихъ статистическихъ мѣстъ и 3) низшихъ статистическихъ агентовъ. Центральное учрежденіе, — сохранимъ за нимъ наименованіе центрального статистическаго комитета, — состоитъ изъ управляющаго на правахъ министра, совѣта и чиновъ различныхъ наименованій. Дѣятельность центрального учрежденія должна быть, главнымъ образомъ, ученою. Слѣдя за всѣми успѣхами науки въ своей странѣ и за ея предѣлами, центральный комитетъ долженъ выработать программы изслѣдованій, ставить на очередь новые предметы для статистическихъ изысканій, обрабатывать сырые матеріалы и публиковать ихъ. Средними статистическими мѣстами являются тѣ статистическія отдѣленія и столы, которые имѣются въ каждомъ министерствѣ; сюда же должны быть отнесены губернскіе статистическіе комитеты, земскія и городскія статистическія бюро. Въ настоящее время нѣкоторыя изъ правительственныхъ учрежденій этого рода (таковы, напримеръ, статистическія отдѣленія въ министерствахъ финансовъ, земледѣлія и путей сообщенія) имѣютъ болѣе личный составъ, нежели то было бы нужно при осуществленіи нашего плана. Въ каждомъ изъ названныхъ министерствъ обрабатывается сырой статистическій матеріалъ; часть этой работы могла бы быть предоплавлена вѣдѣнію центрального статистическаго комитета. Дѣятельность статистическихъ отдѣленій и столовъ въ министерствахъ могла бы быть направлена преимущественно на полученіе указаній относительно статистическихъ цифръ, которыя нужны такому-то департаменту даннаго министерства, и сообщеніе этихъ указаній въ центральный комитетъ. Такими же средними мѣстами являются статистическія отдѣленія при земскихъ и городскихскихъ управахъ. Эти отдѣленія, и особенно земскія, не могутъ быть

настолько упрощены, какъ отдѣленія въ министерствахъ, какъ потому, что они являются органомъ надзора надъ низшими статистическими агентами, такъ и потому, что значительная часть статистическихъ данныхъ, собираемыхъ подъ ихъ ближайшемъ наблюдениемъ, нужна именно для нихъ, а потому и естественно, чтобъ она тутъ же подвергалась переработкѣ. Поэтому, въ составѣ земскихъ и городскихъ статистическихъ отдѣленій должна производиться переработка значительной части сырыхъ матеріаловъ. Для упрощенія дѣла слѣдовало бы упразднить губернскіе статистическіе комитеты и сдать всю губернскую статистику въ вѣдѣніе земскихъ статистическихъ бюро. Низшими агентами статистики являются теперь весьма многія мѣста и лица; таковыми служатъ тѣ вѣдомства и чины, въ распоряженіе которыхъ непосредственно поступаетъ сырой статистическій матеріалъ: податные инспектора для министерства финансовъ по отдѣлу окладныхъ сборовъ, отдѣленія банковъ крестьянскаго и дворянскаго, управленія желѣзныхъ дорогъ и проч. Наиболее общее значеніе, въ качествѣ низшихъ агентовъ статистики, имѣютъ приходъ и волость. Всѣ эти мѣста и лица и впредь, что связано съ существомъ дѣла, будутъ низшими агентами статистики. Нѣкоторые изъ нихъ вполне отвѣчаютъ своему назначенію. Но волостное правленіе, какъ низшій органъ статистики, весьма мало пригоденъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Качество статистическихъ работъ, исполняемыхъ волостными правленіями, можетъ быть улучшено, если ставить волостнымъ писарямъ требованія большаго образовательнаго ценза, если лучше оплачивать ихъ трудъ и отдать ихъ въ дѣлѣ собиранія статистическаго матеріала подъ непосредственный контроль земскихъ управленій. При такой постановкѣ дѣла, статистика займетъ въ Россіи подобающее ей мѣсто: будутъ производиться наблюденія всѣхъ сторонъ общественной жизни, независимо отъ того, доставляютъ эти наблюденія удовольствіе отдѣльнымъ учреждениямъ и лицамъ, или, напротивъ, причиняютъ досаду. Улучшеніе качества работъ со стороны низшихъ агентовъ статистики дастъ органамъ правительства и самоуправления матеріалъ гораздо болѣе точный, нежели тотъ, который собирается въ настоящее время. Мы убѣждены, что такое преобразование статистическихъ учреждений потребуетъ очень скромныхъ расходовъ: главнымъ образомъ, дополнительныхъ расходовъ на волостныя правленія, какъ низшіе органы статистики. Не ставя себѣ цѣль дать проектъ системы статистическихъ учреждений, мы предлагаемъ этотъ вопросъ для обсужденія и говоримъ съ удареніемъ только объ одномъ пунктѣ, о томъ, что *статистика должна быть совершенно независима отъ всѣхъ вѣдомствъ и учреждений.*

Въ концѣ истекшаго декабря состоялось общее собраніе общества для вспоможенія пугающимся переселенцамъ, на которомъ былъ сделанъ обзоръ переселенческаго дѣла за послѣднія 10 лѣтъ.

Кто присматривается къ переселенческому движенію, тотъ замѣтитъ правильное его возрастаніе почти изъ года въ годъ. До 80-хъ годовъ онъ

было совсѣмъ незначительно. Но за первую половину 80-хъ годовъ оно уже достигло 53,000 душъ. Для второй половины 80-хъ годовъ мы имѣемъ такія цифры: въ 1886 году чрезъ Тюмень прошли 11,862 переселенца, въ 1887 г.—13,810, въ 1888 г.—26,129, въ 1889 г.—28,341, въ 1890 г.—33,720, въ 1891 г.—67,994, въ 1892 г.—80,015, въ 1893 г.—58,018, въ 1894 г. (до 1 іюля)—57,000. За 10 лѣтъ, съ 1885 и до 1 іюля 1894 года, чрезъ Тюмень прошло 387,000 душъ; за тотъ же періодъ чрезъ Оренбургъ прошло болѣе 60,000. Одновременно съ ростомъ переселенческаго движенія наблюдается и тотъ фактъ, что съ каждымъ годомъ Сибири поставляло переселенцевъ все большее число губерній и областей: въ половинѣ 80-хъ годовъ переселенцы были выходцами изъ 20—22 губерній, а въ послѣдніе годы изъ 50—60, причѣмъ нѣкоторыя губернія, дававшія 10—8 лѣтъ тому назадъ только по 2, 3, 5 семей (Казанская, Кіевская, Черниговская), даютъ теперь 300, 400, 500 семействъ въ годъ и болѣе. Передвиженіе по Сибири совершается и до настоящаго времени при самыхъ тягостныхъ условіяхъ, которыя служатъ къ большому стыду для страны, притязающей на принадлежность къ цивилизованному міру. За прошлый годъ въ одной Тюмени отъ 20 мая до 20 іюня умерло 600 душъ, а амбулаторныхъ больныхъ было около 2,000. Не имѣя точныхъ свѣдѣній о смертности на всемъ пути, мы можемъ привести такія данныя. Съ парохода *Рейтернъ*, который везъ изъ Тюмени въ Томскъ 450 переселенцевъ, на всемъ пути снято 17 покойниковъ. Съ двухъ баржъ, которыя, при пароходѣ *Федоръ*, везли изъ Тюмени въ Барнауль 1,100 душъ, на всемъ пути сняли 43 покойника. На пароходѣ *Александръ*, везшемъ 1,100 душъ отъ Тюмени до Павлодара, умерло 75 человекъ, а на пароходѣ *Настдница*, который везъ изъ Тюмени въ Томскъ 2,000 душъ, было 107 смертей. Въ параллель съ бѣдствіями переселенцевъ въ пути стоитъ и трудность обустройства хозяйства на новомъ мѣстѣ. Кто пришелъ подъ урожайный годъ и хотя съ небольшими денежными средствами, тотъ легко упрочиваетъ свою сѣдлость. Но большинство обладаетъ крайне недостаточными средствами. За 4 года (1890—93) въ Тюмени были опрошены 14,509 семей относительно денегъ, съ которыми они прибыли въ Томскъ. Оказалось, что 8% принесли съ собою хорошія или достаточныя средства: 265 семей имѣли по 300 рублей и болѣе каждая, а 800 семей — по 100 — 300 рублей. 7% (1,021 семья) имѣли только по 50—100 руб., т.-е. гораздо меньше, чѣмъ нужно для устройства хозяйства; 23% — 3,327 семей по 10 — 50 руб., т.-е. очень скудныя средства, а 9,096 семей (62%) принесли съ собою меньше 10 рублей каждая или и вовсе ничего. Положеніе послѣдней группы особенно тягостно потому, что въ краю столь далекомъ и мало заселенномъ, какъ Сибирь, трудно разсчитывать на чью-нибудь помощь.

Съ начала 80-хъ годовъ частная благотворительность стала обращать все вниманіе и на переселенцевъ. Главными мѣстами сбора пожертвованій въ пользу переселенцевъ сдѣлались комитеты въ сибирскихъ городахъ — Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ, Красноярскѣ, Читѣ. А въ концѣ 1890 года

былъ утвержденъ уставъ петербургскаго общества для вспомошествованія переселенцамъ. Дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ облекалась преимущественно въ такія формы: 1) Переселенцамъ выдавались пособия и безпроцентныя ссуды; 2) устраивались бараки и больницы въ главныхъ пунктахъ скопленія переселенцевъ; 3) оказывалась медицинская помощь и 4) для переселенцевъ покупались лошади, телеги, плоты. Пожертвованія частныхъ лицъ, составляя ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ, удовлетворяли только малую долю нужды, которая обнаруживалась среди переселенцевъ.

Съ начала 80-хъ годовъ и правительство начало принимать нѣкоторыя мѣры. Въ 1883 году была учреждена правительственная контора въ Батракахъ на Волгѣ. Постройка уральской желѣзной дороги перемѣнила направление переселенческаго движенія, въ связи съ этимъ были назначены чиновники по переселенческимъ дѣламъ въ Тюмень, Томскъ, Уфу, Самару, Владивостокъ, Барнауль. За нѣкоторыми частными законоположеніями послѣдовало изданіе общаго закона о переселенцахъ (13 іюля 1889 г.). Хотя этотъ законъ далеко не полонъ, однако, онъ не лишень нѣкоторыхъ достоинствъ. Открывая для переселеній Западную Сибирь, а съ 20 апрѣля 1892 г. губерніи Енисейскую и Иркутскую, законъ даетъ переселенцамъ землю не въ собственность, а въ безсрочное пользованіе, вслѣдствіе чего не отнимаетъ у государства права и впредь упорядочивать пользованіе этими пространствами, если бы то оказалось нужнымъ. Предоставляя самимъ переселенцамъ избирать подворное или общинное владѣніе землей, законъ обнаруживаетъ осторожное обращеніе къ такому важному общественному факту, какъ строй землевладѣнія. За послѣднее 10-лѣтіе правительство отпускало переселенцамъ и денежныя средства, правда, очень малыя. Они не составляли полныхъ 150,000 рублей въ годъ; изъ нихъ 128,000 служили пособиями для переселенцевъ на Амуръ, при заселеніи котораго преслѣдуютъ больше политико-статистическія цѣли, чѣмъ экономическія. Тогда же началась въ Сибири дѣятельность межевыхъ чиновъ, отводящихъ переселенцамъ участки земли. Съ прошлаго года общее число межевыхъ чиновъ превышаетъ 100. Небезъинтересно отмѣтить и перемѣну въ отношеніяхъ цензуры къ переселенческому вопросу. 6—7 лѣтъ тому назадъ обсужденіе этого вопроса въ подцензурныхъ изданіяхъ было крайне затруднено. Теперь эти стѣсненія ослабѣли, хотя они не устранены окончательно нѣсколько разъ предпринималось изданіе руководства для переселенцевъ, но всегда встрѣчались препятствія къ выходу его въ свѣтъ.

Перечисленіе всего, что сдѣлано для переселенцевъ, показываетъ, какъ недостаточны принятыя мѣры. Можно было бы удовольствоваться ими, если бы не многія тысячи русскихъ людей имѣли потребность въ отысканіи новой осѣдности. Для ближайшаго будущаго выдвигается настоятельная надобность въ такихъ мѣропріятіяхъ: 1) Должны быть отмѣнены всѣ стѣсненія, которыми нерѣдко стараются удержать крестьянъ на роднѣ. Но мало того: администраціи должно быть вмѣнено въ обязанность усер-

ное содѣйствіе переселеніямъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя поставлены въ особенно невыгодныя условія, гдѣ надѣлъ крестьянъ очень малъ или очень дурного качества; тщательное изслѣдованіе такихъ мѣстъ и ходатайство за желающихъ переселиться—вотъ что должно быть въ такихъ случаяхъ одной изъ существенныхъ задачъ администраціи. 2) Необходимы разнообразныя мѣры попеченія о переселенцахъ, находящихся въ пути. Нельзя примириться съ ужасающими цифрами болѣзненности и смертности, которыя мы привели выше, а потому само собою явствуется потребность въ баракахъ, больницахъ, въ санитарномъ надзорѣ надъ пароходами и баржами, которые перевозятъ переселенцевъ, и проч. 3) Обмежеваніе земель, отводимыхъ переселенцамъ, должно быть тѣсно связано съ изслѣдованіемъ этихъ участковъ относительно климата, почвы, воды. Только при такомъ изслѣдованіи можно будетъ избѣгать ошибокъ, теперь весьма частыхъ, когда переселенцамъ отводятъ землю или вовсе непригодную для культуры, или же не соответствующую мѣстности, съ которою издавна сроднились переселенцы и подъ влияніемъ которой сложились ихъ сельскохозяйственные приемы. 4) Кредитъ для переселенцевъ, въ связи съ бѣдностью большинства этихъ людей, имѣетъ первостепенное значеніе для правильной постановки всего дѣла. Такъ какъ покупка лошади, коровы, орудій, для чего переселенцамъ и нужны деньги, являются затратой основнаго капитала, то ссуды должны быть долгосрочными и начало погасительныхъ платежей должно быть отсрочено на 5—6 лѣтъ, до того времени, когда заемщики уже успѣли нѣсколько упрочить свое хозяйство. Бѣднѣйшіе переселенцы имѣютъ полное право на безпроцентныя ссуды. Давая такую льготу, государство только въ малой мѣрѣ заглаживаетъ несправедливость, совершенную въ недавнемъ прошломъ: бѣднѣйшими переселенцами являются тѣ крестьяне, которые были, количественно или качественно, наиболѣе обдѣлены землей. Правильная постановка переселенческаго дѣла потребуетъ для развитія кредита гораздо большихъ средствъ, нежели тѣ, которыя въ настоящее время отпускаетъ государственное казначейство. Разъ будутъ устранены преграды, затрудняющія теперь переселенія, то ежегодное число переселенцевъ составитъ не менѣе 50,000 семей для ближайшихъ лѣтъ. Такъ какъ не больше 10% могутъ обойтись собственными средствами, то понадобятся ссуды для 45,000 семей. По самому скромному расчету, семья переселенца въ Сибирь должна имѣть на обузавденіе 150—170 рублей. Если опредѣлить средній размѣръ ссуды даже только въ 100 рублей на семью, то общая сумма ссудъ составитъ 1/2 милл. руб. въ годъ. Прибавимъ къ этому 1/2 милл. руб. въ годъ на коллективныя нужды новыхъ поселеній—устройство школъ, проложеніе дорогъ и прочее. Эти цифры безконечно малы для Россіи съ ея государственными расходами болѣе 1 миллиарда руб. въ годъ, но онѣ, все-таки, достаточны, чтобы положить начало дѣлу, которое достигнетъ современно гораздо большихъ размѣровъ.

Отмѣчаемъ данныя по народному образованію въ Рязанскомъ уѣздѣ. Къ 1 января 1894 года земство имѣло 66 училищъ, въ которыхъ обучалось 3,625 мальчиковъ и 922 дѣвочки, всего 17% общаго числа дѣтей школьнаго возраста. 12% учившихся мальчиковъ выдержали испытаніе на льготное свидѣтельство по отбыванію воинской повинности. Въ 1893 году на народное образованіе израсходовано 30,000 противъ 28,000 руб. въ 1892 г. Такимъ образомъ, каждый учащійся стоилъ земству 6 р. 50 к., а каждый кончившій курсъ—54 р. 55 к. На 1895 годъ смѣта на народное образованіе утверждена въ суммѣ 34,293 р., что составляетъ 13% всей смѣты. Земское собраніе поставило управѣ на видъ, что оно не вполне довольно ея дѣятельностью по народному образованію: опредѣлено очень мало помощниковъ учителей и съ крайне незначительнымъ жалованьемъ—отъ 60 до 84 рублей, тогда какъ собраніе назначило имъ по 120 р. Здѣсь же было заявлено членами училищнаго совѣта, что, судя по экзаменамъ, земское школьное дѣло за послѣдніе годы падаетъ. Дабы бороться съ этимъ неблагоприятнымъ теченіемъ, было предложено отмѣнить обязательное увеличеніе жалованья всѣмъ учителямъ въ связи съ продолжительностью ихъ службы, а дѣлать прибавку только тѣмъ; чьи ученики обнаружатъ большіе успѣхи. Нѣкоторые гласные и особенно гласные-крестьяне энергически возстали противъ этой мѣры и доказывали, что школа вовсе не падаетъ, что она растетъ, врѣпнетъ и дастъ населенію все болѣе развитыхъ людей. Рабочій изъ окончившихъ курсъ въ школѣ, говорилъ многіе, будь ли то плотникъ, сапожникъ, кузнецъ, получаетъ въ 20 лѣтъ такое же жалованье, какого заслуживаетъ только въ 30 годахъ рабочій, не бывшій въ школѣ. Проводя эту мысль, многіе гласные возставали противъ отмѣны обязательной прибавки къ жалованью за выслугу лѣтъ, такъ какъ эта надбавка, согласно съ установившимся взглядомъ земства, никогда не считалась наградою, а всегда считалась необходимою потому, что, съ теченіемъ времени, нужды учителей возрастаютъ. Собраніе согласилось съ этими доводами и отвергло предложеніе членовъ училищнаго совѣта.

Все это заслуживаетъ серьезнаго вниманія, какъ доказательство заботы, съ которыми рязанское земство относится къ народному образованію. Несомнѣнно, рязанская управа обнаружила въ этомъ дѣлѣ недостаточную энергію и исполнительность и выслушала справедливый упрекъ собранія. Но послѣднее умѣло отдѣлать постановку школьнаго дѣла по существу отъ тѣхъ промаховъ и ошибокъ, которыя объясняются только личнымъ составомъ управы. Прими собраніе предложеніе членовъ училищнаго совѣта, и оно доказало бы невниманіе къ насущнымъ потребностямъ народныхъ учителей: въ самомъ дѣлѣ, ихъ трудъ оплачивается такъ скудно, что несправедливо, несообразно считать наградами прибавки къ ихъ ничтожному жалованью. Жалованье, вмѣстѣ съ прибавками, такъ мало, что можно желать выдающихся успѣховъ школы, но нельзя требовать ихъ. Замѣчательно то, что главными представителями этого здраваго разума о

взгляда на народную школу были гласные-крестьяне. Мы вспоминаемъ по этому поводу поучительную оцѣнку земской дѣятельности въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, которую сдѣлалъ въ нашемъ журналѣ проф. И. И. Ивановъ (*Очерки провинціальной жизни 1894 г.*, кн. XII).

За послѣдніе мѣсяцы накопилось довольно много матеріала, доказывающаго неудовлетворительность церковно-приходскихъ школъ по сравненію съ земскими. Въ селѣ Алтыновскомъ, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, было до сентября 1890 года земское училище, получавшее отъ общества пособіе въ размѣрѣ 60 р. ежегодно. Училище было поставлено удовлетворительно и число учащихся увеличивалось съ каждымъ годомъ. Въ 1888 году въ томъ же селѣ была открыта церковно-приходская школа, и волостной сходъ постановилъ не выдавать пособія на земское училище. Вслѣдствіе этого оно было закрыто, и въ его зданіи тотчасъ же помѣстилась церковно-приходская школа. Учебное дѣло велось 3 года настолько неудовлетворительно, что въ сентябрѣ 1893 года алтыновскій волостной сходъ постановилъ ходатайствовать предъ уѣзднымъ земствомъ объ открытіи земскаго училища и обѣщалъ ему ежегодное пособіе. Въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, гдѣ школьное дѣло передано духовному вѣдомству, состояніе церковно-приходскихъ школъ, какъ сообщаетъ *Орловскій Вѣстникъ*, крайне неудовлетворительно. Плата учителю составляетъ 25—45 к. въ мѣсяць съ ученика. Большая часть учителей подготовлены очень дурно: въ нѣкоторыхъ школахъ ученики, проучившись 2—3 зимы, не знаютъ главныхъ молитвъ и даже не умѣютъ правильно читать «Отче нашъ». Немногія школы имѣютъ особыя помѣщенія; большую часть онѣ помѣщаются въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ вмѣстѣ съ домашними животными. Въ нѣкоторыхъ школахъ скудная класная мебель такъ неудобна, что ученики не обучаются письму. Въ Орловской губерніи открыто много церковно-приходскихъ школъ, но онѣ, какъ пишутъ въ *Русскую Жизнь*, не имѣютъ успѣха. Такъ какъ учителями состоятъ преимущественно мѣстные духовныя лица, которымъ требы часто мѣшаютъ посѣщать школы въ опредѣленные часы, то ученики нерѣдко сидятъ безъ занятій или расходятся по домамъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ учителями состоятъ мѣстные грамотные крестьяне, очень мало подготовленные къ школьнымъ занятіямъ. Большая часть помѣщеній—такими нерѣдко служатъ церковныя сторожки—крайне неудобны. Корреспонденты *Саратовскаго Листка* указываютъ на очень прискорбный фактъ—враждебное отношеніе церковно-приходскихъ школъ къ земскимъ. Недавно въ саратовскомъ земскомъ собраніи были сдѣланы заявленія, что земскія школы дурно вліяютъ на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей. Собраніе поручило училищному совѣту провѣрить это заявленіе. И вотъ членъ училищнаго совѣта г. Поповъ донесъ собранію, что онъ объѣзжалъ 13 школъ, экзаменовалъ дѣтей и нигдѣ не встрѣтилъ подобныхъ фактовъ. Дѣти хорошо знаютъ молитвы, усердно посѣщаютъ церковь,—словомъ, «нравственно-религіозное воспитаніе дѣтей самое лучшее». Другіе члены училищнаго совѣта подтвердили этотъ отзывъ.

Факты, приведенные нами, еще увеличивают обильный запас доказательств, что земская школа имѣетъ очень большія преимущества предъ церковно-приходскою.

4 января 1895 года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія великаго писателя, котораго справедливо ставить на ряду съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Безсмертное *Горе отъ ума* и до сихъ поръ одна изъ любимѣйшихъ пьесъ нашихъ театровъ, никѣмъ непревзойденное произведеніе нашей драматической литературы. Умомъ, энергіей, страстною жаждою свѣта, добра, свободой общественной дѣятельности проникнуто это удивительное художественное произведеніе.

Въ столѣтію рожденія великаго писателя у насъ особенно размножились рѣчи про умъ Молчалина, про душу Скалозуба... Теперь какъ будто повѣяло свѣжимъ воздухомъ и освобождается мѣсто для Чацкихъ. Въ добрый часъ!

1894 годъ въ политическомъ отношеніи.

Только шесть лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ двадцатаго вѣка, и много политическихъ и экономическихъ вопросовъ перейдетъ на разрѣшеніе въ это столѣтіе. Правительства и общественное мнѣніе стараются устранить возможность того бѣдствія, которое называется войною, и направить теченіе социальной жизни по широкому и спокойному руслу. Есть, конечно, и такія правительства, которыя отъ внутреннихъ затрудненій, отъ грозной отвѣтственности передъ народнымъ представительствомъ охотно бросились бы въ воинственные приключенія. Таково правительство итальянское, руководимое бывшимъ гарибальдийцемъ Криспи. Во многихъ областяхъ Италіи населеніе бѣдствуетъ, разоренное плохую податною системою, милитаризмомъ и покровительственною таможенною системою. Положеніе Сициліи поистинѣ ужасно. Общественное мнѣніе и палата депутатовъ возмущены участіемъ въ мошенническихъ продѣлкахъ римскаго банка многихъ правительственныхъ лицъ, даже, по послѣднимъ извѣстіямъ, самого Криспи. При нормальныхъ условіяхъ парламентской жизни, кабинетъ, прежде всего, долженъ былъ бы подать въ отставку; но въ Италіи парламентская система правленія еще не установилась и происходитъ противоположное: Криспи получилъ согласіе короля на пріостановку засѣданій палаты депутатовъ. Въ то же время Криспи отзываетъ парижскаго посла Рессмана. Офиціозны итальянскаго правительства объясняютъ это тѣмъ, что Криспи желаетъ «наказать» Францію за нападенія ея печати на образъ дѣйствій этого республиканца-радикала, превратившагося въ самовластнаго владыку. Несомнѣнно, что отозваніе Рессмана заключаетъ въ себѣ оскорбительное по формѣ выраженіе неудовольствія и можетъ раздражить французское общественное мнѣніе, на что Криспи, быть можетъ, и рассчитываетъ. Но итальянскому Бисмарку, можно вполне надѣяться, не удастся нарушить европейскаго мира: тройственный союзъ, попрежнему, сдерживается Россіей и Франціей и циркуляръ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ при восшествіи на престолъ Императора Николая II обезпечиваетъ спокойную жизнь Россіи и всей Европѣ.

Главная бѣда Италіи заключается въ глубокомъ невѣжествѣ, въ кото-

ромъ долгое время держали население правители-деспоты отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ и римско-католическое духовенство. Это въ особенности сказывается въ южной Итали. На сѣверѣ народъ стоитъ въ утѣвленномъ, а, слѣдовательно, и въ политическомъ отношеніи неизмѣриво выше, и здѣсь Криспи имѣеть всего болѣе убѣжденныхъ противниковъ. Завязавшаяся теперь борьба будетъ имѣть для Итали чрезвычайно важное значеніе. Пораженіе Криспи было бы спасеніемъ отъ пагубной внутренней и международной политики.

Съ неустрашеннымъ еще кризисомъ вступила въ новый годъ вмѣстѣ съ Италией и ея союзница поневолѣ, Австро-Венгрія. Кризисъ носитъ острый характеръ въ мадьярской половинѣ Габсбургской монархіи. Кабинетъ Векерле, которому удалось добиться согласія императора на введеніе въ Транслейтаніи гражданскаго брака и уравниенія вѣроисповѣданій, долженъ былъ удалиться вслѣдствіе нерасположенія къ нему самого императора и сильной агитаціи придворныхъ сферъ и католическаго духовенства. Когда пишутся эти строки, телеграфъ сообщаетъ списокъ новыхъ министровъ, съ Банфи, нынѣшнимъ президентомъ палаты, во главѣ. По предшествовавшимъ извѣстіямъ, императоръ не желалъ, чтобы первымъ министромъ былъ такой близкій единомышленникъ Векерле, каковымъ является нынѣшній президентъ палаты депутатовъ. Монарху и на этотъ разъ пришлось, однако, отступить передъ непреклонною энергіей мадьярской либеральной партіи. Эту энергію, необычайную политическую жизненность мадьяръ можно бы пріивѣтствовать, еслибъ мадьяры не тѣснили другихъ народностей, еслибъ они не стремились насильственно омадьярить и славянъ, и румынъ Транслейтаніи.

Въ Цислейтаніи до сихъ поръ не подвинулась впередъ реформа избирательной системы, которую все громче и настойчивѣе требуетъ общественное мнѣніе. Нѣмцы-централисты, поляки и консервативные представители крупнаго землевладѣнія все еще остаются господами положенія. Ослабое положеніе въ Богеміи не снято и справедливыя требованія чешскаго народа не получили удовлетворенія. Но демократическое движеніе развивается въ Цислейтаніи довольно быстро и ему въ недалекомъ будущемъ предстоитъ опрокинуть странный союзъ, благодаря которому нѣмецкій либерализмъ и чешскій аристократическій консерватизмъ мѣшajúть и автономіи Богеміи, и созданію справедливаго народнаго представительства въ парламентѣ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ.

Могущественный демократическій потокъ подмываетъ и крѣпкіе устои старой Англии. Избирательная система въ этой странѣ почти достигла всеобщей подачи голосовъ. Старая твердыня британской аристократіи, палата лордовъ, подвергается серьезной опасности. Ей грозитъ или чрезвычайно важное ограниченіе ея правъ, или даже уничтоженіе. Отставка Гладстона и недостаточно авторитетный кабинетъ Розберри вызвали пріостановку законодательной дѣятельности парламента и по ирландскому, и по многимъ другимъ вопросамъ. Нѣкоторые признаки (побѣда консервативныхъ канди-

датовъ на частичныхъ выборахъ въ парламентъ) какъ будто показываютъ, что въ общественномъ мнѣніи совершается отливъ отъ либерализма. Но едва ли такой выводъ будетъ справедливъ. Процессъ идетъ глубже, демократію, которая обладаетъ уже политическими правами, не удовлетворяетъ довольно неопредѣленная либеральная программа нынѣшняго правительства большинства.

Мѣстное самоуправленіе въ графствахъ Англіи уже преобразовано на демократическихъ началахъ. Въ декабрѣ прошлаго года произошли выборы, на такихъ же началахъ, въ сельскихъ приходахъ, гдѣ до сихъ поръ господствовали еще аристократическое землевладѣніе и англиканская церковь. Въ Англіи и Валлисѣ считается 13,000 общинъ (или приходовъ). Выборы происходили въ 7,000 общинъ, которыя имѣютъ свыше трехсотъ человѣкъ населенія. На выборахъ участвуютъ и женщины. Общины съ меньшимъ числомъ жителей (отъ 100 до 300) могутъ обращаться въ совѣтъ графства съ просьбой объ установленіи и у нихъ самоуправленія на такихъ же основаніяхъ.

Ростъ демократіи есть, въ то же время, торжество мира. Старая, крайне эгоистическая, полная пронырливости и энергіи англійская международная политика постепенно измѣняетъ свой характеръ. Все чаще и чаще британская дипломатія стремится ограждать миръ и интересы справедливости. Въ этомъ отношеніи мы можемъ привѣтствовать и то сближеніе Великобританіи съ нашимъ отечествомъ, признаки котораго обнаружались при вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Нѣмецкая печать, встревоженная этимъ возможнымъ сближеніемъ, старается убѣдить Россію въ коварствѣ Англіи, Англію — въ лукавствѣ русской дипломатіи. Почти вся наша печать отнеслась къ англо-русской дружбѣ съ большимъ недовѣріемъ, но мы продолжаемъ думать, что англійскому народу нѣтъ никакого основанія и разчета вступать въ борьбу съ русскимъ народомъ въ-за Средней Азіи и какихъ-либо другихъ азіатскихъ и европейскихъ вопросовъ. Поколебленное могущество англійской аристократіи и крупной промышленности никогда уже не возстановится. Наоборотъ, процессъ его ослабленія будетъ все ускоряться. А именно консервативное честолюбіе и промышленное хищничество руководили до сихъ поръ, — не всегда, разумѣется, но и нерѣдко, — британскою международною и колониальною политикою. Для успѣховъ мирнаго труда, для благосостоянія и просвѣщенія народныхъ массъ, сознательно вступающихъ на западѣ Европы въ политическую жизнь, необходимы нныя начала, необходимы прежде и больше всего миръ и справедливость, а эти идеи не разъединяютъ, но сближаютъ народы, и крѣпкое сближеніе Великобританіи и Россіи было бы великимъ благомъ не только для русскаго и англійскаго народовъ, но и для всего человѣчества. Прежде всего, оно окончательно обезпечило бы европейскій миръ. Мелкія народности, которыя томятся теперь подъ азіатскимъ игомъ, почувствовали бы немедленно облегченіе. Стали бы невозможными тѣ звѣрства надъ армянами, которыя проходили до сихъ поръ безнаказанно для турецкаго пра-

вительства. Трудно и перечислить благотворныя послѣдствія той политики, начало которой положено Императоромъ Николаемъ II. Рѣчь лорда Розберри на банкетѣ лорда-мера и отношеніе къ ней англійской печати свидѣтельствуютъ, что общественное мнѣніе Великобританіи весьма сочувственно смотритъ на сближеніе съ нашимъ отечествомъ. Германская печать совершенно напрасно хочетъ видѣть въ этомъ сближеніи угрозу Гогенцолернской имперіи: оно является естественнымъ и разумнымъ шагомъ для государствъ, владѣнія которыхъ въ Азіи раздѣляются некультурными и несамостоятельными государствами. Для торжества мира и просвѣщенія, въ виду дикихъ и воинственныхъ племенъ, единодушный образъ дѣйствія, доброе согласіе между Россіей и Великобританіей есть дѣло первостепенной важности.

Въ самой Германіи число сторонниковъ мира, конечно, возрастаетъ и мѣръ просвѣщенія народа, уже теперь стоящаго на высокой степени культурнаго развитія. Колебанія *новаго курса*, различныя реакціонныя затѣ имперскаго правительства нарушаютъ, разумѣется, правильный поступательный ходъ общественнаго развитія, но встрѣчаютъ энергическій отпоръ. Предложеніе предать суду Либкнехта за то, что онъ не всталъ, когда президентъ рейхстага провозгласилъ *Ночь* въ честь императора, отвергнута палатой, какъ нарушающее парламентскую неприкосновенность депутатовъ. Правительственный законопроектъ, заключающій въ себѣ репрессивныя мѣры по отношенію къ печати и вообще къ пропагандѣ «разрушительныхъ идей», встрѣчаетъ сильное сопротивленіе. Представители либеральныхъ партій и социаль-демократы доказываютъ, что при помощи новаго закона можно осудить всякаго за отдѣльно выхваченныя слова, что подъ категорію разрушителей подошелъ бы въ протестантской Германіи Лютеръ и величайшіе представители нѣмецкаго просвѣщенія.

Предсказать судьбу правительственнаго законопроекта, когда пишется это обозрѣніе, нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Противъ него рѣшительно высказываются члены свободомыслящей народной партіи, социалисты и центра. Но впереди стоитъ угроза распушенія рейхстага и новыхъ выборовъ. Подъ давленіемъ правительства голоса центра въ рѣшительную минуту могутъ перейти на сторону правительства и обезпечить ему большинство. Не сомнѣнно, однако, что правительство императора Вильгельма II играетъ въ опасную игру, что усиленіемъ наказаній за обнаруженіе мнѣній оно можетъ лишь содѣйствовать распространенію крайнихъ идей и разрушительныхъ стремленій.

Намъ приходилось въ прошломъ году, какъ на одинъ изъ прискорбныхъ признаковъ оживившихся реакціонныхъ теченій въ Германіи, указывать на попытку преслѣдовать профессоровъ богословскихъ факультетовъ за не-ортодоксальное, по ученію протестантской церкви, отношеніе къ священному писанію. Но въ отечествѣ Лессинга свобода религіознаго убѣжденія представляетъ такую признанную нравственную необходимость, что компанія реакціонной печати и реакціонной части протестантскаго духа

венства не можетъ имѣть никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Противъ нападеній на богословскій факультетъ Бонскаго университета, на профессора Графе и Мейнхольда, поднялись протестанты. Въ числѣ ихъ особенно знаменательна протестъ, который подписали нѣсколько сотъ пасторовъ изъ прирейнскихъ областей. За этими пасторами, по ихъ собственному заявленію, стоятъ ихъ прихожане.

Въ превосходномъ возраженіи, которое сдѣлалъ своимъ противникамъ профессоръ Графе, указано на прискорбный и, въ то же время, характерный фактъ: эти противники свободнаго изслѣдованія, эти мнимые носители истиннаго христіанства въ своихъ нападеніяхъ обнаруживаютъ столько злобы, столько ненависти къ чужому убѣжденію и къ людямъ, несогласно съ ними думающимъ, что вызываютъ глубокое отвращеніе со стороны всѣхъ искренне религіозныхъ людей. Просвѣщенное общественное мнѣніе Германіи не допуститъ, конечно, чтобы голоса ожесточенныхъ, пристрастныхъ и лицемерныхъ ревнителей просвѣщенія въ той или иной формѣ стѣснили полную свободу религіознаго исповѣданія, которою справедливо гордится западно-европейская культура.

Тѣмъ не менѣе, новый годъ при новомъ курсѣ начался для Германіи неблагоприятно. Когда во главѣ реакціи или на защиту ея подымается правительство, это пробуждаетъ въ обществѣ плохіе инстинкты, разнуздываетъ злыя страсти и возбуждаетъ хищническія стремленія. Многіе спѣшатъ пристроиться къ новому курсу и въ общество вносятся недоувѣріе, лицемеріе и всѣ ихъ прискорбныя послѣдствія. Нужно замѣтить, однако, что реакція идетъ изъ Пруссіи, что она встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны другихъ правительствъ Германской имперіи. Короли Виртемберга и Саксоніи не одобряютъ многое въ политикѣ императора Вильгельма II. Южно-германская печать возстаетъ противъ казарменныхъ приемовъ управленія, которыя проводятся Пруссіей. Даже такая умѣренная газета, какъ мюнхенская *Allgemeine Zeitung*, рѣзко возстаетъ противъ новѣйшихъ проявленій новаго курса. «Пруссіе дворяне, — говоритъ *Allgemeine Zeitung*, — не возражали, когда имъ заявлено было (императоромъ въ Кёнигсбергѣ) въ качествѣ аксіомы, что оппозиція прусскаго дворянина королю — совершенная бессмыслица, nonsens. Это точка зрѣнія, которую мы, нѣмецкіе бюргеры конца XIX вѣка, можемъ предоставить юнкерству, если это его добрая воля, но президентомъ своего рейхстага мы, бюргеры, не можемъ имѣть человѣка, связаннаго подобнымъ паролемъ. Народное представительство тогда лишь имѣетъ смыслъ, когда оно въ состояніи противопоставить, если этого требуетъ долгъ и честь, свое убѣжденіе волю короны. Во главѣ народнаго представительства, слѣдовательно, можетъ стоять только независимый гражданинъ, имѣющій достаточно мужества для выраженія и такихъ убѣжденій рейхстага, которыя идутъ въ разрѣзъ съ желаніями императора». Имперское правительство впадаетъ въ анахронизмъ, думая управлять германскимъ народомъ по патриархальному прусскому образцу, и слѣдуетъ искренне пожелать, чтобы такіе опыты не повели къ нарушенію

мира Германіи, чтобы не обострялись теперь уже натянутыя отношенія между имперскимъ правительствомъ и народнымъ представительствомъ.

Не лишнее будетъ привести нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ о той заботливости, благодаря которой образованіе все выше и выше поднимаетъ культурный уровень германскаго народа.

Въ истекшемъ году самоуправленіе города Берлина расходовало на городскія школы 9.904,428 марокъ. Въ этихъ школахъ училось 183,393 дѣтей (мальчиковъ—90,297, дѣвочекъ—92,056,—характерныя числа!). Учителей и учительницъ было болѣе 4,000 чел., училищъ—204, классовъ—3,435 *). Первоначальное жалованье учителямъ назначено въ 1,600 марокъ, учительницамъ—въ 1,200 марокъ. Съ теченіемъ времени эти суммы обязательно повышаются (первая до 3,800 марокъ, вторая до 2,200 марокъ). Имѣется въ виду поднять еще учительское жалованье. Завидныя цифры!

Новый годъ начался для Франціи министерскимъ и президентскимъ кризисомъ. Когда высокій постъ перваго сановника республики, послѣ безумнаго убійства Барно, занялъ Казимиръ Перье, онъ вынужденъ былъ обстоятельствами сохранить у власти кабинетъ Дююи. Самъ Перье являлся олицетвореніемъ консерватизма, буржуазіи. Такъ смотрѣли на него и его сторонники, и его противники. Шарль Дююи послѣ нѣкоторыхъ поворотовъ то влѣво, то вправо, выступилъ противъ республиканской концентраціи, провелъ реакціонный законъ о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ путемъ печати, но ничего не дѣлалъ для улучшенія положенія рабочихъ массъ. Радикалы и члены крайней лѣвой вели настойчивую оппозицію противъ такой эгоистической и близорукой политики. Министерство, однако, удерживало за собою большинство въ палатѣ, за то общественное мнѣніе вооружалось противъ него все болѣе и болѣе. Республиканская печать вела упорную борьбу съ недостатками и злоупотребленіями администраціи, раскрывала хищничества, совершавшіяся при содѣйствіи и пособничествѣ высокопоставленныхъ административныхъ лицъ. А Казимиръ Перье и Шарль Дююи продолжали упорствовать въ политикѣ застоя и репрессій. Только министръ финансовъ Пуанкаре попытался было ввести въ бюджетъ принципиально чрезвычайно важную реформу—весьма умѣренную дозу подоходнаго налога, съ признаками его прогрессивности. Это вызвало ожесточенныя нападенія на министра со стороны умѣренныхъ республиканцевъ,—республиканцевъ—сторонниковъ буржуазныхъ порядковъ. *Journal des Débats* усмотрѣлъ въ законопроектѣ Пуанкаре социализмъ. Поль Леруа-Болье обрушился по этому поводу и на министра финансовъ, и на министра-президента.

Въ концѣ прошлаго года стали множиться признаки, свидѣтельствовавшіе о непрочности правительственнаго большинства въ парламентѣ. По

*) Изъ брошюры г. Сабляна *Московское городское управленіе и школьное дѣло* мы видимъ, что въ 1893 году въ Москвѣ было 86 школы, въ которыхъ училось 6,194 мальчика и 5,662 дѣвочки.

смерти Бурдо, бывшаго въ дружественныхъ отношеніяхъ съ президентомъ республики, президентомъ палаты депутатовъ былъ избранъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся вождей радикаловъ, Бриссонъ. Пренія по дѣлу Жеро-Ришара нанесли новый и чувствительный ударъ авторитету правительства. Этотъ журналистъ, осужденный по новому закону о печати за оскорбленіе президента республики, былъ выбранъ депутатомъ въ парламентъ. Тогда правительству предложено было освободить, какъ это обыкновенно бывало, новаго депутата на время парламентской сессіи. Но Дюпюи рѣшительно выступилъ противъ этого предложенія и связалъ его отклоненіе съ существованіемъ кабинета. Большинство, довольно слабое, оказалось и на этотъ разъ на сторонѣ правительства, но многіе изъ подавшихъ голосъ противъ освобожденія Жеро-Ришара были недовольны давленіемъ правительства.

Бъ этому дѣлу присоединилось другое. При заключеніи конвенціи съ нѣкоторыми желѣзно-дорожными обществами, правительство (министръ Рейналь) допустило неясную редакцію статьи, по которой государство гарантируетъ этимъ обществамъ извѣстный доходъ. Министръ путей сообщенія въ кабинетѣ Дюпюи, Барту, не согласился съ тѣмъ толкованіемъ этой статьи, которое дѣлали желѣзно-дорожныя компании, но государственный совѣтъ призналъ его правильнымъ. Тогда Барту вышелъ въ отставку. Это послужило поводомъ къ низверженію кабинета. Палата принимаетъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную Кранцемъ, въ которой говорится объ уваженіи къ государственнымъ правамъ.

Кабинетъ подалъ въ отставку. 4 января телеграфъ сообщилъ, что она принята президентомъ республики, а на слѣдующій день было получено неожиданное извѣстіе о выходѣ въ отставку самого Казимира Перье.

Боевой президентъ крупной буржуазіи не оправдалъ возлагавшихся на него надежды, онъ не обнаружилъ ни достаточно государственнаго такта, ни мужества и стойкости истинно-государственнаго человѣка. Онъ явился президентомъ партіи, а не республики, и не выдерживаетъ никакого сравненія съ покойнымъ Карно. Скорѣе онъ вышелъ штатскимъ Макъ-Магономъ, но и тутъ разница не въ пользу Перье, потому что Макъ-Магонъ вступилъ въ борьбу съ республиканцами и былъ побѣжденъ Гамбеттою, отставку же Перье республиканцы-консерваторы называютъ дезертирствомъ.

Немедленно собрался конгрессъ для выбора новаго президента республики. Два кандидата выступили съ особенно значительными шансами на успѣхъ: Бриссонъ—со стороны радикаловъ, Вальдекъ-Руссо—со стороны умѣренныхъ. Послѣдній вернулся къ политической жизни по настояніямъ, какъ сообщали французскія газеты, бывшаго президента республики.

Произошло то же самое, что случилось за отставкою Гриви: ни тотъ, ни другой кандидатъ не получилъ большинства на первой баллотировкѣ, а на второй восторжествовалъ третій кандидатъ. Въ президенты Французской республики избранъ безупречный государственный человѣкъ, не игравшій до сихъ поръ выдающейся политической роли, Феликсъ Форъ. Онъ входилъ, на

второстепенныхъ постахъ, въ составъ кабинетовъ Гамбетты, Ферри, Бриссона и Тирара. Въ министерство Дюпюи Форъ былъ морскимъ министромъ, въ палатѣ, предшествовавшей нынѣшней, — вице-президентомъ. Онъ извѣстенъ основательнымъ изслѣдованіемъ о бюджетахъ различныхъ государствъ.

По образу мыслей, новый глава французскаго государства занимаетъ мѣсто между Вальдекомъ-Руссо и Бриссономъ. Можно надѣяться, что своею корректностью онъ напомнитъ Карно, своимъ примиряющимъ вліаніемъ будетъ содѣйствовать смягченію того озлобленія между общественными классами, которымъ печально отличалось президентство Казимира Перье. Надлежахъ мы узнаемъ, кого призоветъ новый президентъ республики для составленія кабинета, и тогда значительно выяснится общее положеніе вещей и личный образъ дѣйствія Феликса Форы. Можно пожелать, чтобы этому президенту республики удалось благополучно и въ интересахъ демократіи оставаться президентомъ республики весь законный срокъ и перейти, такимъ образомъ, главою государства въ близкое уже двадцатое столѣтіе.

Франція, въ концѣ XVIII вѣка, много сдѣлала для преобразования стараго европейскаго строя въ демократическій. Несмотря на ужасы революціи, на военную диктатуру Наполеона I, благосостояніе и просвѣщеніе народныхъ массъ поднялись въ весьма значительной степени. Эти заслуги французской политической мысли превосходно указываются въ недавно вышедшемъ сочиненіи нашего извѣстнаго ученаго М. М. Ковалевскаго *).

Авторъ не соглашается съ господствующимъ мнѣніемъ, противоположающимъ школу Монтескьё школѣ Руссо. «Мнѣ кажется, — говоритъ М. М. Ковалевскій, — что, до сихъ поръ, не было обращено достаточно вниманіе на тотъ фактъ, что ни Руссо, ни его крайній послѣдователь, Мабли, ни мало не являются противниками той теоріи раздѣленія и равновѣсія властей, которую Монтескьё считаетъ панацеею (?) политической свободы». Но, «отправляясь отъ теоріи Монтескьё, Руссо и Мабли придали ей большую логическую строгость и сдѣлали изъ нея тѣ крайніе выводы, на которые едва ли бы рѣшился самъ Монтескьё. Они не видѣли, напримѣръ, основанія предоставлять королю право созывать и распускать палаты или отказывать въ утвержденіи принятыхъ ими законовъ. Національное собраніе пошло по слѣдамъ Мабли: «Оно признало право палаты собираться независимо отъ воли короля и расходиться не ранѣе, какъ по истеченіи закономъ положеннаго срока. Оно объявило законы дѣйствительными и помимо согласія короля, который вправдѣ отложить только на время ихъ примѣненіе. Оно сосредоточило въ собственныхъ рукахъ право объявленія войны и заключенія мира и въ лицѣ своего финансоваго комитета присвоило себѣ пріуроченіе государственныхъ доходовъ къ расходамъ». Въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ, — продолжаетъ М. М. Ковалевскій, —

*) *Происхожденіе современной демократіи.* Томъ I. Изд. К. Т. Солдатенкова.

національное собраніе шло не отъ наблюденія и историческаго опыта, а отъ отвлеченной доктрины.

«Не только общая теорія, но и отдѣльныя мысли, болѣе или менѣе искусственно связанныя Монтескьё съ его ученіемъ о раздѣленіи властей, наложили свою печать на дѣятельность законодателей 1789 года».

Въ политическихъ доктринахъ мыслителей прошлаго вѣка было много ярнхъ, глубокихъ и справедливыхъ идей, но не мало, въ то же время, опшочныхъ утвержденій и черезъ-чуръ отвлеченныхъ положеній. Законодательная дѣятельность народныхъ представителей испытывала и благотворное, и вредное вліяніе этихъ доктринъ, которыя защищались съ необыкновеннымъ умомъ и страстностью. Законодательство въ свою очередь мѣло на учрежденія и нравы, прямо или косвенно отражалось на условіяхъ экономическаго быта. Въ теченіе столѣтій, которое прошло уже со времени великой французской революціи, значеніе идей, важность политическаго самосознанія общества увеличились въ чрезвычайной степени. Мноія изъ основныхъ требованій нормальной государственной жизни уже осуществлены на западѣ Европы, другія поставлены на очередь. Этотъ правильный ростъ идей, охватывающихъ общество, служить надежѣйшимъ предствомъ для того, чтобы государственная жизнь текла мирно и достойно, тобы своевременныя преобразованія исключали возможность насильственныхъ движеній снизу и реакціоннаго насилія сверху.

Другія части свѣта, — про Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты того замѣчанія дѣлать не зачѣмъ, — все болѣе и болѣе втягиваются въ мировую жизнь, вступаютъ въ все большую и большую связь съ европейскою цивилизаціей. Важнѣйшимъ событіемъ внѣевропейской исторіи является въ прошломъ году война между Японіей и Китаемъ. Она еще не кончена, побѣды японцевъ покуда весьма значительны и окончательное ихъ торжество можетъ повести къ глубокимъ измѣненіямъ въ политической жизни народовъ дальняго Востока. Наиболѣе заинтересованныя въ исходѣ этой войны державы — Россія, Великобританія и Франція — не вмѣшиваются въ ходъ событий; но, разумѣется, развязка этой кровопролитной борьбы не можетъ быть для нихъ безразличною.

Въ Австраліи происходятъ событія, интересныя и значительныя не въ истинномъ только отношеніи. Парламентъ Викторіи въ концѣ августа минувшаго года выразилъ недовѣріе кабинету Джемса Патерсона. Патерсонъ, защищаясь отъ нападеній, признавалъ экономическое разстройство колоніи и ея финансовую задолженность, но указывалъ на то, что оппозиція мѣшала его планамъ поднятія благосостоянія въ населеніи. Патерсонъ имѣлъ, между прочимъ, въ виду создать государственный банкъ, который оказывалъ бы кредитъ земледѣльцамъ и различнымъ видамъ добывающей промышленности. Сопротивленіе встрѣтили и его планы сократить издержки по управленію колоніи. Губернаторъ далъ согласіе на распущеніе парламента и

новые выборы рѣшать, въ какомъ направленіи будетъ развиваться Викторія въ ближайшіе годы.

Въ Бразиліи постъ президента республики послѣ маршала Пейкоото занялъ Пруденте де-Мораесъ. Страна далеко еще не умиротворена, въ Рио-Гранде полное возстаніе и на долю новаго президента выпала тяжелая задача. Возстаніе въ Рио-Гранде было вызвано неконституціоннымъ образомъ дѣйствія бывшаго президента, который, нарушая федеральныя права этой области и формальную волю законнаго большинства, вооруженною силою поддерживалъ губернатора Рио-Гранде. Слѣдуетъ отмѣтить, что третій (новый) президентъ Бразильской республики—не военный. Населеніе ждетъ отъ него умиротворенія и упроченія республиканскихъ учрежденій.

О выборахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, имѣющихъ большое значеніе, *Русская Мысль* дастъ въ февральской книжкѣ статью г-жи Магъ-Гаханъ.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Малый театр": *Золото*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Вл. Ив. Немировича-Данченко.
Театръ Корша": *Madame Sans Gêne*, комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. Сарду и Э. Моро,
переводъ съ французскаго О. А. Корша.—Концертъ въ память А. Г. Рубинштейна.—
Концерты филантропическаго общества.

Послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ перерыва, по случаю народнаго траура, спектакли на сценахъ казенныхъ театровъ возобновились 1 января наступившаго 1895 года, и 2 января въ Маломъ театрѣ для бенефиса г. Рыбакова была поставлена новая комедія г. Немировича-Данченко *Золото*. Бенефисные спектакли не совсѣмъ удобны для надлежащей и спокойной оцѣнки новыхъ пьесъ. Бенефисъ — праздникъ заслуженнаго артиста, нечто вроде его именинъ, торжество, предназначенное для выраженія сочувствія публики тому, кто достойно потрудился для сцены. Это—день овацій и вызововъ, когда первенствуетъ артистъ, виновникъ торжества, и соборъ, такъ сказать, заслоняетъ пьесу и прикрываетъ автора. Вотъ почему мы не всегда довѣрчиво относимся къ «бенефиснымъ» впечатлѣніямъ и считаемъ необходимымъ ихъ провѣрить на слѣдующихъ представленіяхъ той же пьесы, когда первенствуетъ уже не лицо одного исполнителя, а само драматическое произведеніе, въ которомъ всѣ артисты являются равноправными участниками. За триумфальнымъ шумомъ бенефиснаго спектакля бываетъ трудно даже разобрать, имѣла пьеса успѣхъ сама по себѣ или не имѣла. Правда, при такихъ исполнителяхъ, каковы наши артисты московской драматической труппы, и на обыкновенныхъ представленіяхъ не легко бываетъ иногда опредѣлить съ полною достовѣрностью, тѣмъ обуславливается успѣхъ данной пьесы, ея ли собственными достоинствами, или мастерскимъ исполненіемъ и блестящимъ ансамблемъ, не всегда, впрочемъ, одинаковымъ даже на сценѣ Малаго театра. Такъ, послѣ перваго бенефиснаго представленія, выясненнымъ остался вопросъ, имѣла ли успѣхъ новая пьеса г. Немировича-Данченко. По провѣркѣ на второмъ представленіи, оказалось, что успѣхъ имѣла она несомнѣнный и заслуженный, но не полный и тоже по услугамъ. Объяснимся: пьеса очень хорошо задумана, прекрасно сдѣлана и неудовлетворительно закончена. Сюжетъ пьесы не изъ крупныхъ и не изъ

особенно новыхъ, но трактованъ онъ очень талантливо, живо и умѣло въ смыслѣ сценическомъ. Дѣло вотъ въ чемъ: богатая купеческая дѣвица на первой молодости, Валентина Герасимовна Кочевникова (г-жа Ермолова), съ дѣтства живетъ у своей тетки, Варвары Гермогеновны Шелковкиной (г-жа Фодотова), которой предоставила почти безотчетное распоряженіе своими капиталами, исключительно, впрочемъ, на дѣла благотворительности, такъ какъ завѣдуетъ всѣми дѣлами довѣренный Кочевниковой, родственникъ Варвары Гермогеновны, очень солидный, пожилой и вполне надежный человекъ—Игнатій Александровичъ Шелковкинъ (г. Рыбаковъ), не всегда охотно выдающій деньги «тетенькѣ» по приказанію довѣрительницы. Счета расходовъ оказываются не только очень запутанными, но и непомерно большими, такъ какъ деньги тратятся «тетенькой» не на одни пожертвованія, а въ весьма значительной мѣрѣ на роскошное житье ея единственнаго сына Алексѣя Шелковкина (г. Южинъ) и на прихоти его супруги Лидіи (г-жа Лешковская). Кромѣ того, «тетенька» широкою благотворительностью племянницы создаетъ для Валентины, для своего сына и для себя самой очень выдающееся, льстящее ея тщеславію, положеніе въ высшемъ мѣстномъ обществѣ; за ними ухаживаютъ губернаторъ и губернаторша, какая-то важная княгиня, разные генералы. Все это не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія Валентинѣ,—напротивъ, ей непріятно и тяжело сознаніе, что всѣмъ нужны только ея деньги и никому не нужна она, какъ человекъ. Дѣла нѣтъ никому до ея личности, до ея чувствъ, до ея души. «Я чувствую,—говоритъ Валентина,—будто я не живая даже, а такъ—какая-то золотая статуя, отъ которой всякій норовитъ только отколоть кусочекъ золота и унести съ собой». Шелковкина, желая устранить возможность какого-либо посторонняго вліянія на племянницу, держитъ ее въ настоящей опецѣ, окружаетъ самымъ тщательнымъ присмотромъ своихъ приближенныхъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Анна Ефимовна (г-жа Никулина). Нѣкоторыя особенности характера Валентины, простоты жизни обладательницы миллионнаго состоянія, ея нежеланіе играть видную роль въ обществѣ представляются многимъ такими странностями, которыя даютъ поводъ усомниться въ нормальности ея умственныхъ способностей. Такого рода сплетни едва не приводятъ къ вмѣшательству губернскихъ властей, и только крупное пожертвованіе на благотворительное учрежденіе, состоящее подъ патронатомъ губернаторши, улаживаетъ дѣло, какъ то желательно старухѣ Шелковкиной. По доносу нѣкоего Травликова (г. Музыль) пріѣзжаетъ братъ Валентины, миллионеръ Николай Кочевниковъ (г. Ленскій) съ женою (г-жа Васильева 2) и требуетъ у завѣдующаго дѣлами сестры подробнаго отчета, давая ясно понять свои подозрѣнія въ томъ, что Валентину обираютъ родственники, пользуясь разстройствомъ ея умственныхъ способностей. Кочевниковъ настолько богатъ, что ему совсѣмъ не деньги сестры нужны, онъ хочетъ только, чтобы жила она, «какъ всѣ», не имѣла бы вида какой-то «блаженненькой», «юродивой», — «ну, хоть замужъ бы, что ли, вышла»... Во время происходящей по этому поводу передраги Алек-

сѣй Шелковкинъ узнаеть, что значительныя суммы изъ капитала Валентины растрчены его матерью ради него и мотовства его жены. Онъ до того пораженъ этимъ, что открываетъ Валентинѣ все то, чего она не подозревала, ослѣпленная довѣрiемъ въ своей тетенькѣ. Она понимаетъ, что спасти тетку и Алексѣя отъ позорныхъ для нихъ разоблаченiй есть только одно средство—устранить внимательство брата Николая въ ея дѣла. А тутъ, какъ разъ, открывается возможность сдѣлать это очень просто, выйти замужъ за только что объяснившася ей къ любви завѣдующаго ея дѣлами дальняго родственника, пожилаго холостяка Шелковкина. На рѣшительное требованiе брата о отчетовъ для провѣрки Валентина отвѣчаетъ объявленiемъ, что она выходитъ замужъ и отъ будущаго мужа никакихъ отчетовъ не желаетъ требовать. Такова фабула, таковъ остовъ комедiи *Золото*, составленной изъ ряда живыхъ, стройно другъ за другомъ слѣдующихъ сценъ, очень хорошо воспроизводящихъ снизу до верху изображаемую авторомъ среду. Въ сожалѣнiю, не ясенъ характеръ центрального лица пьесы, Валентины Шелковкиной. Что одни изъ окружающихъ всеобщую благодѣтельница считаютъ ее «блаженненькою», другiе—психопаткою, и всѣ—болѣе или менѣе ненормальною чудачкою, это прекрасно, но довольно плохо то, что такiя же не вполне опредѣленные либнiя складываются о ней и у зрителей. Въ задачу автора не входило, конечно, сдѣлать героиней поврежденную въ умѣ дѣвушку. Этимъ уничтожился бы весь смыслъ пьесы. А потому и слѣдовало большею точностью въ обрисовкѣ характера Валентины предупредить возможность совсѣмъ нежелательнаго недоразумѣнiя. Для тѣхъ, кто видитъ въ ней психопатку, она жалка и только, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ она должна быть для всѣхъ одинаково симпатична, какъ представительница протеста противъ господства золота, давящаго собою даже личность того, кто имъ владѣеть. Не совсѣмъ ясно также отношенiе Валентины къ молодому Шелковкину, въ котораго она будто бы когда-то была влюблена. Эта бывшая любовь ни на что не нужна въ пьесѣ и только путаетъ дѣло, подвертываясь зрителю объяснительнымъ мотивомъ,—плохимъ, по нашему мнѣнiю,—того, почему Валентина такъ настойчиво выгораживаетъ изъ дѣла о растратѣ семью «тетеньки». Мы предпочли бы, чтобы Валентина сдѣлала это не изъ любви къ молодому человѣку, а изъ любви къ «людямъ», по добротѣ сердечной, но глубокому убѣжденiю, что нельзя, противно ея душѣ и мерзко, губить и позорить людей изъ-за нѣсколькихъ горстей золота. И, наконецъ, совсѣмъ уже портить дѣло скоропостижное замужство Валентины. Публика не любить и совершенно правильно поступаетъ, когда ей въ заключенiе пьесы преподносятъ такiе сюрпризы. Премилый, пресимпатичный человѣкъ, какъ будто прямо изъ жизни выхваченный авторомъ, Игнатiй Шелковкинъ, другъ ни съ того, ни съ сего, оказывается для финала совсѣмъ не такимъ солиднымъ дѣльцомъ, какiмъ мы его видѣли въ теченiе трехъ съ половиною актовъ,—точно его подмѣнили. Если автору нуженъ былъ, непременно, такой конецъ пьесы, то надо было заранѣе приготовить его, во

всякомъ же случаѣ, поставить зрителей въ извѣстность относительно истинныхъ чувствъ завѣдующаго дѣлами къ его довѣрительницѣ. Но если бы даже и было это сдѣлано авторомъ, мы, все-таки, думаемъ, что заключеніе комедіи замужствомъ такой героини, какъ Валентина, не удовлетворило бы публику. Очень ужъ это по-девичьиному. Мы находимъ слишкомъ блѣдною и неопредѣленною фигуру Алексѣя Шелковкина. Вотъ почему, несмотря на всѣ усилія такихъ высокоталантливыхъ исполнителей, какъ г-жа Ермолова и г. Южинъ, эти двѣ роли оказались самыми слабыми въ комедіи. Г-жа Федотова въ совершенствѣ воспроизвела интересный типъ пожилой купчихи новаго склада. Г-жа Лешковская была восхитительною, блестящею и безсердечною покупною женой набалованнаго золотомъ сына, такъ называемой, финансовой аристократіи, истаго представителя которой намъ мастерски показалъ г. Ленскій. Г. Рыбаковъ былъ бы вполне типическимъ и безузоризненнымъ денежнымъ дѣльцомъ, если бы немного побавилъ гримасъ, съ которыми онъ выслушиваетъ нападенія старухи Шелковкиной. Правда, гримасы эти вызываютъ смѣхъ, но смѣхъ такой, который мы желали бы какъ можно рѣже слышать въ залѣ Малаго театра. Г-жи Никулина и Васильева 2 превосходно дополняли совѣмъ реальную картину жизни богатѣйшаго купеческаго дома. И надо отдать справедливость автору, картину онъ далъ мастерскую, правдивую и, быть можетъ, даже немного излишне детальную. Мы думаемъ, что въ ней слишкомъ много лицъ, безъ которыхъ можно было бы обойтись, ничуть не умаляя существа дѣла, и много въ ней суеты, отчасти мѣшающей даже цѣльности впечатлѣнія. Поставлена пьеса замѣчательно тщательно и въ общемъ разыграна съ образцовымъ ансамблемъ, въ которомъ не оставлена безъ вниманія даже самая ничтожная мелочь.

Частные театры были открыты ранѣе казенныхъ. На сценѣ театра Борша на сей разъ оказалась вполне сезонною пьесой переводная комедія Сарду и Моро, стоящая на афишѣ подъ своимъ французскимъ заглавіемъ: *Madame Sans Gêne*. Пьеса имѣетъ успѣхъ, давно уже невиданный на московскихъ сценахъ: въ первый разъ она шла 16 сентября прошлаго года и въ три мѣсяца (за исключеніемъ перерыва спектаклей) выдержала болѣе тридцати представленій при полныхъ сборахъ. Во Франціи такой успѣхъ весьма понятенъ, да и ничуть не представляется большою рѣдкостью въ Парижѣ съ населеніемъ въ нѣсколько милліоновъ душъ, съ постоянною смѣною наѣзжающихъ въ него многочисленныхъ иностранцевъ. Тамъ за послѣднее время вошло въ большую моду все, что касается Наполеона I и его времени. Къ добру или къ худу это поведетъ при нынѣшнемъ тревожномъ положеніи Французской республики, сказать трудно. Какъ бы ни было, запросъ тамъ на Наполеона въ литературѣ огромный, и въ отвѣтъ на него, съ одной стороны, подновляется и освѣжается «Наполеоновская легенда», съ другой — идутъ «разоблаченія» Наполеона. Комедія *Madame Sans Gêne* должна быть отнесена къ числу произведеній послѣдней категоріи. Восемнадцатый вѣкъ можетъ быть по справедливости названъ диео-

виннымъ вѣкомъ авантюристовъ и неправдоподобныхъ превращеній, изъ которыхъ самымъ сказочнымъ было превращеніе маленькаго поручика Буонапарте въ императора Франціи и производство имъ солдатъ въ герцоговъ и въ королей. Французскіе драматурги Сарду и Моро воспользовались отрывкомъ этой исторической фееріи и слѣпили изъ анекдотовъ того времени четырехъактную комедію. Первое дѣйствіе происходитъ 10 августа 1792 г. (день взятія Тюльери возставшими парижанами). Въ прачешной Катринъ Юбше, прозванной *Madame Sans Gêne*, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ революціи. Сюда доходятъ отголоски боя, слышится пальба, музыка, мимо проходятъ солдаты національной гвардіи, проводятъ раненыхъ, бѣжить народъ. Тутъ засѣдаетъ Фуше (г. Свѣтловъ) и болтаетъ съ прачками, опасностямъ уличнаго боя онъ предпочитаетъ этотъ мирный уголокъ, гдѣ съ наслажденіемъ занимается сплетнями, съ тѣмъ, чтобы явиться на мѣсто, когда кончится драка. Къ вечеру всѣ расходятся, хозяйка остается одна и запираетъ прачешную. Вбѣгаетъ раненый офицеръ, графъ Нейперъ (г. Добровольскій), австріецъ изъ свиты Маріи-Антуанеты. Катринъ (г-жа Яворская) спасаетъ его отъ преслѣдованія революціонеровъ и прячетъ въ своей спальнѣ въ ту минуту, когда въ дверь стучится сержантъ Лефевръ (г. Трубецкой), женихъ Катринъ. Второе дѣйствіе—въ замкѣ Компьенъ, по прошествіи девятнадцати лѣтъ. Бывшій сержантъ Лефевръ сдѣлался маршаломъ Франціи и герцогомъ, бывшая прачка Катринъ—его жена, сплетникъ Фуше—герцогъ Отрантскій, сенаторъ и бывший министръ полиціи. Наполеонъ, пока еще не появляющійся на сценѣ, достигъ апогея своего величія и славы, развелся съ Жозефиной, — дамой весьма бурной памяти, — женился на дочери австрійскаго императора, пролѣзъ, такъ сказать, въ аристократію и желаетъ имѣть вокругъ себя аристократію, что много труднѣе сдѣлать, чѣмъ надавать громкіе титулы герцоговъ, князей и королей храбрымъ солдатамъ, какъ Лефевръ, Ней, Мюратъ, и отчаяннымъ проходимцамъ, какъ Фуше... Смущаютъ Наполеона, въ особенности же его зазнавшихся сестрицъ, такія герцогини, какъ Катринъ Лефевръ, сохранившая при дворѣ во всей неприкосновенности привычки, приобретенныя въ прачешной. Наполеонъ хочетъ своихъ герцоговъ поженить на настоящихъ обѣдѣвшихъ аристократахъ и для этого требуетъ, чтобы Лефевръ развелся съ *madame Sans Gêne*, нисколько не стѣсняющею ругаться съ королевой неаполитанской (г-жа Журавлева) и съ принцессой Элизой (г-жа Омутова), сестрами императора, водимающими ее на-смѣхъ и сплетничающими на нее Наполеону. Лефевръ и Катринъ любятъ другъ друга, попрежнему и по-плебейски, разводиться не согласны. Но солдатъ не смѣетъ прямо выйти изъ повиновенія, ослушаться командира. Тогда къ командиру идетъ сама герцогиня-прачка, которая мывшая и чинившая плохонькое бѣлье поручика Буонапарте. Остальныя два дѣйствія происходятъ въ кабинетѣ Наполеона (г. Яковлевъ). Катринъ Лефевръ объясняетъ императору, что сразилась съ его сестрами за ихъ гасмѣшки надъ арміей, а она, Катринъ, не могла этого стерпѣть, такъ сама принадлежала къ арміи великаго полководца, была мар-

китанткой, участвовала въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, отдала все свое бѣло для перевязки раненыхъ, за что получила благодарность отъ генерала Ожера въ приказѣ по арміи, и сама была ранена. Наполеонъ смягчается: Катринъ, «настоящій служака», почти солдатъ, принадлежала къ его славной арміи; чѣмъ бы она тамъ ни была прежде, «знамя все прикрываетъ»; тутъ, при дворѣ, конечно, маркизанткѣ не мѣсто, но можно дать Лефевру не мнѣе высокое положеніе гдѣ-нибудь подалеже... Фраза Катринъ о томъ, что она была прачкой, заставляетъ Наполеона опять нахмуриться: маркизантка—еще туда-сюда, все-таки, армія, а прачка... Но Катринъ не напугаешь, ни съ толку не собьешь, не даромъ она «madame Sans Gêne». И вотъ она напоминаетъ, что самъ-то Наполеонъ былъ въ то время не важною птицей, жилъ въ пятомъ этажѣ и ей не заплатилъ по счету 60 франковъ,—вотъ и счетъ, и его письмо... Императоръ увлеченъ воспоминаніями, совершенно примирился съ тѣмъ, что его герцогиня когда-то бѣлье стирала и штопала, общается унять своихъ дуръ сестрицъ. Въ это время слышатся шаги на потайной лѣстницѣ, Наполеонъ зоветъ своего знаменитаго мамелюка Рустана и съ нимъ вмѣстѣ излавливаетъ только что высланнаго изъ Парижа члена австрійскаго посольства графа Нейпера, котораго баронесса Бюловъ (г-жа Весенна) вела къ апартаментамъ императрицы. Всѣмъ извѣстно, какъ ревнивъ былъ Наполеонъ. Происходитъ дикая сцена. Императоръ приказываетъ разстрѣлять Нейпера въ ту же ночь. Катринъ во что бы то ни стало хочетъ спасти своего стараго друга Нейпера, уже разъ обязаннаго ей жизнью,—хочетъ спасти «своего» императора отъ позорнаго дѣянія, императрицу отъ безчестья. За помощью она обращается къ Фуше. Старый плутъ, бывшій министръ полиціи, впавшій въ немилость, соглашается помочь лишь тогда, когда Катринъ убѣдила его, что это можетъ принести ему лично нѣкоторыя выгоды. За средствами у Фуше дѣло не станеть,—весь вопросъ въ томъ, чтобы выиграть время, добиться отсрочки казни, а для этого надо увѣрить императора въ томъ, что Нейперъ принималъ участіе въ заговорѣ, тогда начнется слѣдствіе и, въ концѣ-концовъ, все уладится. «Но, вѣдь, никакого заговора нѣтъ»,—возражаетъ Катринъ. Фуше объясняетъ: «Какой-нибудь заговоръ всегда есть. Полиція, понимающая дѣло, всегда держитъ про запасъ хоть одинъ. Его изготовляютъ въ бюро полиціи, чтобъ открыть, когда понадобится. У меня на всякій случай есть въ бумагахъ два...» Попытка подсунуть Наполеону полицейски-изготовленный заговоръ не удастся, однако. На докладъ дежурнаго адъютанта императоръ пожалъ плечами и отвѣтилъ: «Узнаю Фуше... у него всегда есть въ карманѣ заговоръ для того, чтобъ я не могъ обойтись безъ него. Скажите ему, что я не желаю имѣть дѣла ни съ его заговорами, ни съ нимъ самимъ». Дѣло, все-таки, улаживается благополучно и Фуше спасаетъ Нейпера очень рискованною штукой,—просто выкрадываетъ его и отправляетъ въ Австрію. Тѣмъ временемъ Наполеонъ изъ перехваченнаго письма императрицы убѣждается въ совершенной неосновательности своей ревности, высказываетъ желаніе спасти Нейпера и остается очень доволенъ, когда

узнаеть, что Фуше уже сдѣлалъ это, втихомолку отъ Савари (г. Вязовскій), занимавшаго въ это время должность министра полиціи.

Какъ видить читатель, нѣтъ тутъ никакой драмы, ни послѣдовательно проведенной комедіи; это—рядъ сценъ, ловко и умѣлою рукой спитыхъ изъ старыхъ анекдотовъ, кое-гдѣ пересыпанныхъ историческими «словечками», въ дѣйствительности сказанными, впрочемъ, совсѣмъ въ иное время и при другихъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, въ пословицу превратившаяся фраза Фуше: «C'est plus qu'un crime, c'est une faute politique», сказанная имъ по поводу разстрѣлянія герцога Энгиенскаго. Не достовѣрно даже, была ли она сказана Фуше, такъ какъ ее приписывали и Таллейрану, что, пожалуй, и правдоподобнѣе. Такъ же точно и приведенная выше фраза Наполеона о томъ, что у Фуше всегда имѣется заговоръ для доказательства своей необходимости, не могла быть сказана въ 1811 г., такъ какъ съ 1810 г. до конца 1812 г. министромъ полиціи былъ Савари, а Фуше не было даже во Франціи. Но этими словечками, какъ и фразой императора Наполеона о томъ, что бывшая прачка слишкомъ дорого положила за починку его бѣлья, и другими черточками характеризуется время и личности, выдвинутыя первою имперіей. Вотъ это, собственно, и составляетъ привлекательность пьесы, довольно слабой по существу и весьма неудовлетворительно разыгрываемой въ театрѣ Корша. Къ этому надо добавить, что очень многое въ пьесѣ пропадаетъ отъ перевода ея на русскій языкъ, какъ, напримѣръ, вся сцена между герцогиней-прачкой и сестрами Наполеона (во 2 дѣйствіи), почти непередаваемая и непонятная по-русски. Изъ артистовъ хорошо справляются съ своею ролью г. Яковлевъ, похоже загримированный Наполеономъ и дѣлающій свои распоряженія приблизительно такимъ тономъ, какимъ могъ ихъ дѣлать императоръ, привыкшій больше къ лагерямъ, чѣмъ къ дворцамъ. Еще лучше исполняетъ г. Свѣтловъ роль Фуше, спокойнаго и невозмутимаго карьериста-полицейскаго, которому рѣшительно все равно, кому ни служить, кого ни обманывать, какія ни творить предательства, лишь бы ему была отъ того «своя доля пользы»,—какъ онъ говоритъ женѣ Лефевра, роль котораго отлично исполнилъ г. Трубецкой. Объ игрѣ остальныхъ артистовъ лучше не говорить,—такъ это все плохо, до унынія плохо. По Москвѣ рассказываютъ, будто г-жа Яворская нарочно ѣздила въ Парижъ тамъ набираться умѣнія изображать madame Sans Gêne. Если вѣрно это, то совсѣмъ напрасно она потрудилась и, пожалуй, только хуже сдѣлала. Учатся драматическому искуству въ школахъ, сформировавшимся же артистамъ и артисткамъ надлежитъ играть уже такъ, какъ сами они смогутъ въ мѣру отпущеннаго имъ таланта, самостоятельно обдумывая и штудирюя свои роли. Съ просмотра,—сколько ни смотри,—ничего не сдѣлаешь путнаго, развѣ счужьешь только передразнить того, кто былъ взятъ за образецъ,—на дѣлѣ выйдетъ карриатура. Повторяемъ, намъ неизвѣстно, искала ли г-жа Яворская образцовъ для исполненія роли Катринъ, но несомнѣнно, что роль эту она играетъ плохо, главнымъ образомъ, потому, что нѣтъ въ ея игрѣ ни малѣйшей естественности, все дѣланное, такъ и бьетъ въ глаза стрем-

леніе подражать, не говоримъ какой-нибудь артисткѣ, а вообще—франуженокѣ и, въ частности, парижанкѣ-мастерицѣ. Выходитъ это грубо, неровно, порывисто. Намъ могутъ возразить: публика одобряетъ, стало быть, это хорошо и больше ничего не требуется. Не совсѣмъ такъ это. Часть публики хохочетъ и очень довольна, что ее смѣшать. Мы же, относящиеся къ искусству иначе, чѣмъ потѣшающаяся часть зрителей, очень сожалѣемъ, что эти господа хохочутъ надъ тѣмъ, что не смѣшно, и еще болѣе намъ жаль артистовъ, которые недостойнымъ образомъ потѣшаютъ публику «штучками», которые на закулискомъ жаргонѣ давно названы «выдѣлываніемъ кренделя». Подобнымъ угодничествомъ вкусамъ малоразвитой публики унижается драматическое искусство, значеніе сцены и достоинство артиста.

Ан.

Въ субботу, 3 декабря, состоялся экстренный концертъ, посвященный памяти А. Г. Рубинштейна. Программа, за исключеніемъ *Marche funebre* изъ героической симфоніи Бетховена, состояла изъ сочиненій А. Г. Исполнены были: концертъ d-moll для ф.-п. съ оркестромъ (партію ф.-п. игралъ г. Пабстъ), хоры изъ *Столпотворенія Вавилонскаго*, симфоническія картины: *Фаустъ*, *Донъ-Кихотъ* и *Adagio* изъ струннаго квартета f-dur, сыгранный всѣмъ струннымъ оркестромъ. Затѣмъ г. Тартавовымъ спѣты были арія изъ *Маккавеевъ* и нѣсколько романсовъ. Дирижировалъ оркестромъ г. Сафоновъ. Около встрады, посрединѣ, возвышался бюстъ А. Г., увѣнчанный лаврами. Афиши были отпечатаны съ изображеніемъ А. Г., играющаго на ф.-п. Концертъ имѣлъ большой успѣхъ, многіе нумера изъ программы были повторены и г. Пабсту поднесенъ лавровый вѣнокъ. Залъ собранія были переполнены публикою.

Аматерство въ музыкѣ существуетъ давно, и отличительною чертой его является поверхностность. Типичный любитель обладаетъ удивительною способностью усвоивать себѣ внѣшнюю сторону предмета, но совершенно лишень способности постигать его сущность. Въ музыкѣ любителя поражаетъ звуковая ритмическая послѣдовательность и она - то, главнымъ образомъ, и интересуеть его. Мы можемъ засвидѣтельствовать, что многіе любители пробовали серьезно заниматься искусствомъ, но изъ этого ровно ничего не выходило, и они оставались, какъ и были, только любителями. Поэтому, можетъ быть, всѣ наши любительскіе кружки и общества не имѣютъ положительно никакого развивающаго значенія для музыкальнаго искусства. Гораздо лучше было бы, еслибъ гг. любители устраивали клубы, въ которыхъ приглашались бы заправскіе артисты для исполненія музыкальной программы, а сами сидѣли бы смирно да слушали. Истинное аматерство возможно, но только въ другой формѣ. Любитель можетъ оказывать содѣйствіе начинающимъ талантамъ, даже артистамъ, собирать произведенія извѣстныхъ или мало извѣстныхъ авторовъ, составлять коллекціи нотъ и инструментовъ и т. д. И въ этой дѣятельности онъ можетъ оказать музыкѣ большую услугу.

Концерты филарманическаго общества, кромѣ чисто-любительской окраски, отличаются еще стремленіемъ поставить себя не ниже концертовъ русскаго музыкальнаго общества, а если будетъ возможность, то преуменьствовать надъ ними. Программа ихъ обыкновенно обставлена громкими именами европейскихъ композиторовъ или именами знаменитостей домашняго приготовления, интересныхъ для мѣстнаго общества. Въ концертѣ непременно участвуетъ какая-нибудь знаменитость преимущественно изъ пѣвческаго міра. Это присутствіе знаменитостей, въ сущности, составляетъ *raison d'être* и приманку филармоническихъ концертовъ. Прежде выписывались феноменальныя пѣвицы, потомъ появились красивые тенора и, наконецъ, интересные баритоны. Исполненіе дальше обыкновеннаго проигрыванія пьесы отъ начала до конца не идетъ. Да больше ничего и не нужно. Не для этого собираются сюда люди, чтобъ утруждать себя яснымъ пониманіемъ и правильною оцѣнкой музыкальныхъ произведеній. Пріѣзжія знаменитости это отлочно поняли, а потому поютъ и играютъ хуже, чѣмъ обыкновенно. Даже репертуаръ для этихъ концертовъ они имѣютъ особенный,—общедоступный. Не менѣе поучительный примѣръ представляетъ изъ себя соперничество съ симфоническими концертами. Какъ извѣстно, русское музыкальное общество устроило концертъ въ память А. Г. Рубинштейна; о программѣ этого концерта мы уже говорили. Первый филармоническій концертъ отличался двойнымъ превосходствомъ. Афиши его были отпечатаны съ двумя изображеніями: А. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковскаго (годовщина смерти его). Исполнены: фантазія *Эрота* для оркестра, соч. А. Г. Рубинштейна, написанная имъ въ память Скобелева (не мѣшало бы помѣстить третье изображеніе: генерала Скобелева на бѣломъ конѣ). D-мол'ный концертъ игралъ г. Рейзенауэръ, пианистъ, побывавшій повсюду въ Россіи. Для пѣнія былъ приглашенъ баритонъ петербургской оперы г. Черновъ; пѣлъ онъ почти то же самое, что г. Тартаковъ, но съ существенными измѣненіями въ обстановкѣ: такъ, эпиталама изъ *Нерона* пѣлась не съ акомпаниментомъ ф.-п., а съ акомпаниментомъ арфы. Портретъ П. И. Чайковскаго былъ помѣщенъ не даромъ,—исполнялась его шестая симфонія, о которой для вящаго назиданія публики было сказано, что она исполняется «въ первый разъ», затѣмъ его же романсъ *Среди шумнаго бала*. Если продолжать такимъ образомъ сравненія, то дойдемъ до гг. дирижеровъ. Но тутъ сравненіе окажется, во всякомъ случаѣ, не въ пользу филармоническихъ концертовъ. Пятнадцать лѣтъ дирижируетъ г. Шостаковскій концертами и все одинаково плохо; развѣ только научился смѣло хватать палочкой. А научиться было бы можно и еще кое-чему, хотя бы отъ общенія съ прекраснымъ оркестромъ, съ первоклассными артистами. Все это къ чему не привело и г. Шостаковскій остается неуязвимъ въ своемъ музыкальномъ развитіи. Что можно сказать объ исполненіи хотя бы, напримѣръ, шестой симфоніи П. И. Чайковскаго? Полнѣйшее непониманіе не только этого произведенія, какъ художественнаго цѣлага, а даже просто незнаніе его формы изложенія. Ни одного вѣрнаго темпа, ни одного вѣрнаго отгнѣна. Тутъ, какое-то безцвѣтное переливаніе звуковъ. Гдѣ ужъ тутъ толковать

о правильномъ проведеніи темъ и ихъ сопровожденіи. Эти два понятія обыкновенно смѣшиваются. Напримѣръ, въ первой части вторая тема (cis-moll) съ имитациями совсѣмъ не имѣла характера темы. Третья тема (Andante) и слѣдующее за ней продолженіе (соло флейты и фагота) не имѣли между собою никакой связи. А связь эта существуетъ въ послѣдующихъ унисонахъ флейтъ въ октаву съ гобоємъ. Оттѣнки въ партитурѣ выставлены съ удивительною старательностью, а въ исполненіи они отсутствовали. Такъ, наприм., соло кларнета (Adagio mosso) по исполненію совсѣмъ нигуда не годилось. Въ разработкѣ мотивы не достаточно ясно очерчены, получался какой-то сумбуръ, а органнѣйшій пунетъ на *fis*, въ басу, съ первой и третьей темами игрался и совсѣмъ туманно. Указанные промахи не послѣдніе,—ихъ было множество во всей симфоніи. Мы указали на мѣста, легко доступныя для пониманія всякаго музыканта. Подробно разбирать исполненіе во всѣхъ четырехъ частяхъ мы не будемъ. Скажемъ только въ заключеніе, что музыка второй части вовсе не балетнаго характера, а то получается какой-то танецъ въ пять четвертой. Спрашивается, къ чему всё эти ухаживанія за тѣнями великихъ людей? Насколько намъ извѣстно, филармоническіе концерты сочувствіемъ А. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковскаго не пользовались.

Наконецъ, въ чемъ же мы можемъ выразить свое почтеніе къ ихъ личностямъ, какъ не въ хорошемъ или безукоризненномъ исполненіи ихъ произведеній? Неужели достаточно отпечатать ихъ изображенія на афишахъ? Мы увѣрены, что нѣтъ.

Если Глинка является творцомъ образцовой русской оперы, то П. И. Чайковскій является творцомъ въ другихъ жанрахъ,—симфоніи, квартета и т. д., а оперы его отличаются ясно сознаннымъ духомъ русской музыки. Глинка и Чайковскій, по характеру своего темперамента, оба лирики. Только лиризмъ Глинки непосредственнѣе, такъ сказать, первобытнѣе, а у Чайковскаго онъ отзывается нѣкоторою тенденціозностью. Драматическими композиторами, въ специальномъ значеніи этого слова, они не были. Въ этомъ отношеніи А. Н. Сѣровъ и А. С. Даргомыжскій скорѣе могутъ быть признаны драматическими композиторами, въ особенности первый. Но чѣмъ П. И. Чайковскій отличался и даже превосходилъ своихъ знаменитыхъ собратьевъ по искусству,—это удивительною всесторонностью своего таланта и обширностью техники. Глубокая образованность, въ соединеніи съ большимъ талантомъ и всестороннимъ его развитіемъ, дѣлаетъ П. И. Чайковскаго гордостью нашего русскаго искусства и первокласснымъ европейскимъ музыкантомъ. Съ внѣшней стороны, характерною чертой его творчества является нервная чувствительность, соединенная со страстностью, доходящими иногда до трагизма, какъ, наприм., въ симфонической картинѣ *Франческа ди Римини*, и женственность его музыкальныхъ образовъ. Хотя бы сюжетами служили субъекты обоюбого пола, въ нихъ всегда чувствуется недостатокъ мужественности. Съ внутренней стороны его произведенія отличаются характернымъ построениемъ мелодій въ русскомъ духѣ.

Темами для Чайковского служили обыкновенно народные пѣсни или мелодіи, имѣющія колоритъ народныхъ пѣсней. Постороннія мелодіи отличаются гибкостью модуляционныхъ оборотовъ. Гармонизація всегда соответствовала духу самыхъ мелодій. Богатство гармоніи и модуляцій, соединенное съ удивительною ритмическою изобрѣтательностью, составляетъ главную его силу. Въ особенности онъ любилъ секвенцеобразныя движенія преимущественно въ восходящемъ порядкѣ (вслѣдствіе чего получалось частое повтореніе одного и того же мотива въ различныхъ модуляціонныхъ послѣдованіяхъ). Нерѣдко самыя темы образовывались изъ секвенцій.

Своей контрапунктической техникѣ Чайковскій не придавалъ особеннаго значенія и пользовался ею только въ размѣрахъ необходимости, если это требовалось изложеніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, контрапунктъ его не отличался строгостью этого жанра. Какъ инструментаторъ, П. И. принадлежитъ къ циклу Берліоза и Вагнера, хотя всѣ присущія имъ особенности являются у него переработанными его личнымъ творчествомъ. Необычайная свобода въ обращеніи съ инструментами, какъ выразителями его идей, ясное и вполне опредѣленное положеніе струннаго квартета, основанія оркестра, предпочтительное пользованіе кларнетами, валторнами и фаготами, какъ красками, составляютъ общую характеристику его инструментовки. Общій стиль его изложенія отличается нѣкоторою тяжеловатостью, громоздкостью, въ особенности при гармонизаціи мелодій, въ которыхъ онъ чуть ли не каждую шестнадцатую гармонизировалъ новымъ аккордомъ. По направленію онъ не принадлежалъ къ какой-нибудь опредѣленной партіи, но, во всякомъ случаѣ, новыя вѣянія послѣ-бетховенскаго періода оказывали на него сильное вліяніе. Въ особенности это сказывается въ его свободномъ обращеніи какъ при построеніи самыхъ мелодій, такъ и при ихъ проведеніи. То же самое мы замѣчаемъ и въ формахъ изложенія, которыя хотя по сущности и не отличаются новизною, но съ внѣшней стороны обличаютъ болѣе свободное обращеніе съ предметомъ.

Шестая симфонія (pathétique) П. И. Чайковскаго состоитъ изъ четырехъ частей, различныхъ по содержанію, но общихъ по духу. Первая часть съ интродукціей написана въ сонатной формѣ и имѣетъ четыре темы. Оригинальность формы заключается въ томъ, что вторая тема (cis-molle) является эпизодически, третья же тема (d-dur) имѣетъ контрастирующее самостоятельное значеніе и появляется при транспонировкѣ. Разработка состоитъ изъ мотива первой темы и изъ отрывка третьей; кажущаяся въ некоторой самостоятельности мотивныхъ эпизодовъ объясняется чисто-ритмическими и модуляціонными эффектами. Заключительная партія (тема въ d-dur) является въ самомъ концѣ. Общій характеръ первой части, благодаря частымъ измѣненіямъ настроенія (Adagio, Allegro non troppo, Andante и опять Allegro и т. д.), производитъ впечатлѣніе меланхолично-страстное. Вторая часть написана въ пяти-четвертномъ тактѣ и по формѣ представляетъ трех-колѣнный складъ (d-dur) съ трио (h-molle), связанные между собой ходомъ, а въ концѣ помѣщенъ органннй пунктъ съ мотивомъ трио.

Оригинально трио, построенное все время на звучащей въ бассу нотѣ f . Обѣ темы нѣжнаго полувосточнаго характера. Третья часть (Rondo) съ тремя темами. Первая тема (g -dur) служитъ какъ бы введеніемъ въ общую картину, на фонѣ которой появляется маршеобразная вторая тема (e -dur); третья тема (h -dur) имѣетъ характеръ контрастирующій первыми двумъ темамъ. Всѣ темы транспонируются въ главный тонъ (g -dur). Общій характеръ третьей части шумный, оживленный, будто мы находимся на площади, наполненной народомъ. Четвертая часть, Finale, по формѣ представляетъ Rondo въ медленномъ движеніи. Темы двѣ. Оригинально то, что вторая тема (d -dur) не транспонируется, а настойчиво повторяется нѣсколько разъ подрядъ, что и производитъ нужное впечатлѣніе, и только въ концѣ, на органномъ пунктѣ, появляется въ качествѣ заключенія. Необыкновенно оригинальны также гармоническіе ходы въ восходящемъ порядкѣ, состоящіе изъ септъ-аккордовъ, на органномъ пунктѣ въ бассу (Fis). Общее впечатлѣніе отъ послѣдней части, благодаря переменамъ tempo, — грустно-страстный. Вся симфонія, вслѣдствіе массы красивыхъ мѣстъ, блестящей, прямо виртуозной инструментовки, богатства гармоническихъ эффектовъ, — своего рода шедевръ, и представляетъ большой интересъ для слушателя. Оркестровая фантазія (à la mémoire de M. D. Scoboleff) А. Г. Рубинштейна имѣла чисто-временное значеніе; въ общемъ произведеніе это довольно слабое. Баритонъ петербургской оперы г. Черновъ пѣлъ хорошо, хотя голосъ его намъ не понравился, а манера пѣть показалась нѣсколько эффектированной. Пѣанистъ г. Рейзенауэръ, игравшій d -мольный концертъ А. Г. Рубинштейна, въ общемъ пѣанистъ хорошій, но, такъ сказать, сбившійся съ пути. Игра его весьма часто отличается ненужнымъ сентиментализмомъ, въ особенности въ мелкихъ вещахъ. Гг. Черновъ и Рейзенауэръ имѣли успѣхъ, биссировали. Во-второмъ филармоническомъ концертѣ, между прочими произведеніями, исполнялась сюита «Нуръ и Анитра» г. Ильинскаго, придворнаго композитора г. Шостаковскаго. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Ильинскій удачно дебютировалъ талантливо написанною сюитой съ фугою и хораломъ. При большомъ трудѣ и настойчивости его ожидала почтенная будущность. Но композиторскій трудъ видимо ему не по плечу. Сюита «Нуръ и Анитра» имѣетъ весь характеръ случайно написаннаго произведенія. Ни интересныхъ мыслей, ни замѣтно развивающейся техники не видно у г. Ильинскаго. Ему недостаетъ сильной характеристики для сюжетовъ и рельефной инструментовки. Г. Баттистини, баритонъ съ теноровымъ тембромъ, пѣлъ, разумѣется, хорошо, съ итальянскою манерой пѣнія. Пѣлъ онъ излюбленная публикой: «И будешь ты царицей міра» изъ *Демона*, изъ *Бала-маскарада* Верди и прочія, менѣе любимыя аріи. Пѣлъ онъ по-итальянски и успѣхъ имѣлъ большой. Изъ другихъ произведеній исполнялись: отрывокъ изъ *Парсиваля* Вагнера, прелюдія и танцы изъ *Иродіады* Массена. Оба эти произведенія отражаютъ характерныя стороны своихъ авторовъ и постольку представляютъ интересъ.

А. Б.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Январь

1895 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Географія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Математика.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги.—Изданія для народа.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русское Обозрѣніе», декабрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», декабрь.—«Дѣтское Чтеніе», декабрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1894 г. по 1 января 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сибирскіе рассказы“. Д. Н. Мамина-Сибиряка. — „Житейскія быль“. В. Быстринина. — „Около золотого тельца“. А. Г. Корнева.

Сибирскіе рассказы. Д. Мамина-Сибиряка. 1895 г. Цѣна 1 руб. Г. Маминъ-Сибирякъ превосходно знаетъ ту часть необъятной Сибири, которая прилегаетъ къ Уральскому хребту. Тамашній уроженецъ и страстный охотникъ, онъ извѣздилъ ее и исходитъ пѣшкомъ вдоль и поперекъ, въ своихъ экскурсіяхъ близко видѣлъ быть горныхъ заводовъ и золотыхъ промысловъ, большихъ селъ и мелкихъ поселковъ, дѣсныхъ сторожекъ и кордоновъ, хорошо знаетъ всѣ мѣстные порядки и непорядки, особенности и безобразія, характеризующія этотъ богатѣйшій край, жившій до послѣдняго времени совсѣмъ по-старинѣ. Г. Маминъ-Сибирякъ первый познакомилъ русскихъ читателей съ этою своеобразною жизнью своими беллетристическими произведеніями, рассказами, повѣстями и романами, и до сихъ поръ никто изъ нашихъ писателей не далъ болѣе полныхъ, широкихъ и многостороннихъ картинъ уральской жизни, написанныхъ ярко, живо и правдиво. Въ лежащей передъ нами книжкѣ авторъ продолжаетъ въ обычно-талантливо написанныхъ очеркахъ знакомить читателей съ глухими уголками Уральскихъ горъ въ тотъ періодъ, когда съ проведеніемъ желѣзной дороги и съ введеніемъ гласныхъ судовъ многое новое и небывалое надвигается изъ „Расей“ на смѣну того, что крѣпко тамъ засѣло со времени крѣпостного права и ничѣмъ не стѣснявшася административнаго произвола крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Типичны и необыкновенно живы бывшіе *Сибирскіе орлы*, мѣстные „царьки“—исправники, становые пристава и засѣдатели, нынѣ доживающіе свои дни „уволенными по третьему пункту“ и выпрашивающими двугривенные на выкупку. Того же сорта полицейскіе „орлы“ стараго безсуднаго времени возбуждены въ рассказахъ *Крестникъ* и *Удивленный челoveкъ*, съ тою разницей, однако, что ихъ настигъ и до крайности удивилъ новый

судь съ присяжными, которые не постѣснились во всеуслышаніе объявить: „да, виновны“—такимъ людямъ и передъ такою публикой, которые глубоко были убѣждены, что деньги всякаго и всегда дѣлаютъ правымъ. Интересны и тѣ воротилы, отъ которыхъ сыплются деньги, прикрывая всяческія безобразія и заглушая своимъ звономъ всѣ вопли,—золотопромышленники изъ коренныхъ сибиряковъ,—могучія, почти фантастическія фигуры полудикарей, ведущихъ себя въ Петербургѣ, какъ въ тайгѣ, и являющихся истинными героями въ поискахъ золота на китайской границѣ (рассказъ *Клады*). За этими представителями высшего слоя сибирскаго населенія, „правящаго класса“ въ странѣ, авторъ выбираетъ изъ народной массы не менѣе любопытные типы „управляемыхъ“ этими звѣроподобными людьми, и, разумѣется, насколько не удивительно, что, куда ни посмотри, вездѣ эта темная масса живетъ звѣринымъ обычаемъ, за которымъ, точно какимъ чудомъ, не сгибла душа человѣческая и просыпается, и даетъ знать о себѣ нерѣдко въ самыхъ трогательныхъ проявленіяхъ любви и милосердія. Г. Маминъ никогда не упускаетъ случая раскрыть такіе затаенные уголки человѣческаго сердца, гдѣ еще сохранилось сознаніе добра, даже когда дѣло идетъ объ „орлахъ“ и „волкахъ“, о совершенно озвѣрѣлыхъ, по видимому, существахъ, не имѣющихъ никакого представленія о человѣческомъ достоинствѣ. И авторъ дѣлаетъ это съ большимъ мастерствомъ, настолько просто и художественно, что человѣчное-то въ этихъ дикаряхъ какъ будто само собою оказывается и одерживаетъ верхъ надъ звѣрскимъ, созданнымъ неволею, крѣпостнымъ правомъ и чиновничьимъ владычествомъ, существующимъ по сихъ поръ по милости невѣжества, закоренѣлой грубости властныхъ людей, еще продолжающаго произвола сильныхъ деньгами воротилъ и почти полного отсутствія образованныхъ обывателей. Страна громадна и всѣмъ обильна, не только естественными богатствами, но и втунѣ лежащими, не тронутыми нравственными сокровищами, ждущими только свѣта и свободы для того, чтобы край хищничества и безправія превратился въ истинно культурную часть нашего великаго отечества. Г. Маминъ-Сибирякъ глубоко любитъ свою родину, сердцемъ чувствуетъ ея красоты, знаетъ ея неисчерпаемыя богатства и въ своихъ очеркахъ превосходно знакомитъ читателя со всѣмъ, что есть тамъ добраго и хорошаго, что гложетъ тамъ во мракѣ и неурядицѣ, какія огромныя силы могли бы призваны быть къ дѣятельному участию въ культурной жизни русскаго народа, еслибъ измѣнились условія, препятствующія его нравственному просвѣтлѣнію и росту.

Житейскія были. Очерки и рассказы В. Быстренина. М., 1895 г. Цѣна 1 рубль. За послѣднее десятилѣтіе особенно много стало появляться книжекъ, составленныхъ изъ „очерковъ и рассказовъ“ болѣе или менѣе извѣстныхъ, а иногда и совсѣмъ неизвѣстныхъ, писателей. Причина тому весьма понятна: у насъ развивается газетное дѣло не въ столицахъ только, но и въ провинціи; для множества ежедневныхъ газетъ и еженедѣльныхъ изданій требуются, въ видѣ такъ называемыхъ фельетоновъ, небольшія беллетристическія произведенія, и этого рода спрос создалъ и усиленное производство „очерковъ и рассказовъ“, которые, по напечатаніи ихъ въ газетахъ, собираются авторами и выходятъ отдѣльными книжками. Хорошее это дѣло и очень полезное для молодыхъ, начинающихъ писателей. На небольшихъ рассказахъ они пробуютъ свои силы, приобрѣтаютъ навыки, безъ которыхъ трудно обойтись даже людямъ, одареннымъ большимъ писательскимъ

талантомъ; они находятъ легче и скорѣе, съ меньшею затратой силъ и съ меньшими поводами къ разочарованіямъ, то направленіе, которое соотвѣтствуетъ характеру и силѣ ихъ дарованій. Такое „мелкое“ писательство даетъ возможность критикѣ и читателямъ оцѣнить по достоинству неизвѣстныхъ еще авторовъ, отвести подходящее для нихъ мѣсто въ литературѣ. Всѣ знаютъ, что нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся нашихъ писателей начали съ такого „мелкаго“ сочинительства и имъ приобрѣли громкую извѣстность. По мѣрѣ возможности, мы стараемся отмѣчать сборники мелкихъ рассказовъ и дѣлаемъ это съ большимъ удовольствіемъ, когда такого рода книжки даютъ надежду ожидать отъ авторовъ болѣе крупныхъ произведеній, если не размѣрами ихъ, то значеніемъ. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и только что прочитанная нами книжка г. Быстренина. Въ ней четырнадцать рассказовъ изъ деревенской и провинціально-городской жизни, видимо, хорошо извѣстной автору и,—что важнѣе,—правильно имъ понятой и изображенной безъ слащавости, безъ сантиментальности, безъ ненужнаго и, сказать правду, очень противнаго нытья. Мужики г. Быстренина—настоящіе заправскіе наши крестьяне, его деревенскій „міръ“—доподлинный міръ; его рабочіе, босяки, сбившіеся съ пути или выбитые жизнью изъ колеи, его кулаки и міроѣды, его „живорѣзы“ и „прихвостни“—живые люди средняго, зауряднаго размѣра, и то, что рассказываетъ про нихъ авторъ, производитъ впечатлѣніе подлинныхъ „жизнейскихъ былей“. Симпатичную черту всѣхъ повѣствованій г. Быстренина составляетъ то, что въ „живорѣзѣ“, въ „дармоѣдѣ“, живущемъ подачками за свое шутство, въ пойманномъ конокрадѣ, въ „босякахъ“, взламывающихъ денежную кружку у часовни, во всѣхъ, такъ или иначе свихнувшихся и „оголтѣлыхъ“, авторъ не перестаетъ видѣть человѣка, въ которомъ не сгнбла живая душа, теплится искра Божія и вспыхиваетъ яркимъ свѣтомъ въ непроглядномъ мракѣ невѣжества, среди „темнаго царства“ наживы, кулачества и самодурства. Мы отнюдь не можемъ поставить въ упрекъ автору того, что не во всѣхъ его рассказахъ дѣло сводится къ душевному просвѣтлѣнію выводимыхъ имъ героевъ. Такъ и на самомъ дѣлѣ бываетъ въ жизни, какъ рассказывается въ „очеркахъ“: *Моментъ* и *Вѣрное средство*, гдѣ центральными фигурами являются непоколебимые „столпы“, благополучно уравниволенные, твердо убѣжденные въ своей правотѣ на томъ основаніи, что все, ими продѣлываемое, ненаказуемо по уголовному закону. Но рядомъ съ этими убѣжденными авторъ выводитъ передъ нами, по существу своему, такихъ же точно непоколебимыхъ въ рассказахъ *Добился* и *Гудошникъ*, въ которыхъ просыпается „живая душа“ и въ первомъ—отплачиваетъ тяжкимъ возмездіемъ за то, что про нее забыли въ стремленіи къ наживѣ, во второмъ—возвращаетъ забывшаго про нее къ свѣту любви. Къ лучшимъ, по нашему мнѣнію, рассказамъ принадлежатъ: *Птицы небесная* (босяки), *На мірскихъ глбахъ*—исторія одного деревенскаго подкидыша, *Вора поймали*—картинка изъ жизни глухой деревни. Всѣ рассказы написаны хорошимъ литературнымъ языкомъ, въ нихъ чувствуется тепло, любовь, гуманное отношеніе къ виноватымъ и несчастнымъ, хотя бы то были и „живорѣзы“. А именно въ гуманныхъ-то отношеніяхъ къ такого сорта людямъ и есть средство,—быть можетъ, единственное средство,—разбудить въ нихъ совѣсть, поднять ихъ человѣческое достоинство, показать и доказать имъ, что, помимо „ненаказуемости“ и зарегистрированной жод чсами нравственности, есть высшая правда по душѣ, правда Божья.

Около золотого тельца. Повѣсть А. Г. Корнева (Ковнера). Второе, исправленное и дополненное издание. Спб., 1895 г. Цѣна 75 к. Если бы на обложкѣ этой книги не значилось: „Второе, исправленное и дополненное издание“, мы просмотрѣли бы произведеніе г. Корнева (Ковнера) и отправили бы его въ „отбросъ“, не стали бы утруждать читателей бесѣдой о повѣсти, неудовлетворительность которой призналъ самъ авторъ, найдя нужнымъ ее „исправить и дополнить“. Но передъ нами второе издание, значить—первое разошлось, раскуплено и прочитано, на него добрые люди потратили деньги и время совершенно непроизводительно и, пожалуй даже, со вредомъ для себя, такъ какъ и время, и деньги отняты отъ другихъ литературныхъ произведеній, въ достаточной мѣрѣ отдѣланныхъ авторами до напечатанія и выпуска въ свѣтъ. Прочтенная нами въ „исправленномъ“ изданіи повѣсть г. Корнева оказалась настолько никуда негодною, что мы представить себѣ не можемъ, какую же была она преподнесена читателямъ въ первомъ изданіи. Вотъ образцы того, что мы читаемъ въ исправленномъ изданіи: „Объясните мнѣ *планъ* вашихъ *намѣреній*“,—говоритъ героиня, молодая, хорошо образованная дѣвушка. — „Ему (герою) было досадно, что такая прелестная добыча *избыла*, по крайней мѣрѣ, на время, его когтей“. — „Имѣетъ ли она право послѣ этого *разоблачить* его, *обнажить* его *намѣренія*“... — „*Имѣю* намѣреніе сдѣлать ей предложеніе, я полагалъ“... — „Послѣ *эмигрированія* Монашескаго, Лидочка получила еще два письма *отъ послѣдняго*“... — „Роше при этомъ былъ далеко отъ всякаго фатовства въ этомъ отношеніи и не имѣлъ никакихъ намѣреній разыгрывать передъ графомъ роль *льва* и побѣдителя *en très mauvais genre*. Онъ держался гордо и недоступно, безъ всякаго излишняго *хватовства*“. Такихъ образцовъ языка, — *лампажа*, какъ выражается авторъ, — мы могли бы выписать цѣлыя страницы. По части этого самого *лампажа* г. Корневъ весьма слабовать. Ничуть не сильнѣе онъ и въ „сочинительствѣ“. Заманчивое заглавіе, которое, вѣроятно, и помогло книжкѣ разойтись въ первомъ изданіи, отнюдь не соответствуетъ ея содержанію. *Около золотого тельца* разыгрывается много тяжелыхъ комедій и мрачныхъ драмъ; еврейскіе юноши и дѣвы только плясали и скакали вокругъ него у подножія Синая, а теперь ему храмы воздвигнуты и человѣческія жертвы приносятся, ради служенія ему цѣлыя семьи губятся, ведутся войны, истребляются народы... Описанію ужасовъ, происходящихъ вокругъ „золотого тельца“, посвящено много романовъ лучшихъ писателей разныхъ странъ Европы, и, все-таки, сюжетъ далеко не исчерпанъ. Г. Корневъ пустился слѣдомъ за людьми, но пустился, очевидно, въ область совсѣмъ неизвѣстную ему и непонятную. Авторъ вообразилъ, будто всякій дѣлецъ, нажившій состояніе и получающій большое жалованье, имѣетъ, непрежѣнно, какія-то близкія отношенія къ тому идолицу, которое принято называть „золотымъ тельцомъ“. И вотъ г. Корневъ тягуче и неумѣло повѣствуетъ, какъ дѣлецъ женился на бѣдной красавицѣ, а дочь свою отъ перваго брака выдалъ за какого-то ловкаго проходимца, какъ супруга-красавица, сообщая съ этимъ проходимцемъ, обокрала мужа и уѣхала за границу съ любовникомъ, мужемъ своей падчерицы, — тѣмъ самымъ, который „держался гордо и недоступно, безъ всякаго излишняго *хватовства*“... Излюбленный авторомъ благородный геройчикъ, Монашескій, оказывается настоящею мокрою курицей и надѣленъ совсѣмъ куринымъ мозгомъ, чего авторъ ни мало не подозрѣваетъ, натуживаясь расписать его наилучшими красками. Плоше и забавнѣе этого

геройчика трудно представить себѣ человека, и тѣмъ потѣшнѣе онъ представляется, чѣмъ больше хлопочетъ авторъ о его возвеличеніи. Нигдѣ не доучившійся Монашевскій поступаетъ прикащикомъ въ книжный магазинъ, тамъ съ изумительною быстротою начитывается самыхъ хорошихъ книгъ, сочиняетъ романъ „въ четырехъ частяхъ“, помѣщаетъ его въ большомъ журналѣ, неукоснительно дѣлается извѣстнымъ беллетристомъ, презираетъ богатство, влюбляется въ дочь миллионера-дѣльца, Лидочку, и она въ него, разумѣется, мечтаетъ о томъ, чтобы завести собственный книжный магазинъ на какихъ-то „особенныхъ началахъ“, — невѣдомо какихъ. Проходимецъ Роше, влюбленный въ красавицу Надю, уватываетъ ее за дѣльца, а самъ, неизвѣстно для чего, хочетъ жениться на Лидочкѣ. Ему мѣшаетъ Монашевскій. Роше устраняетъ его очень просто, прѣзжаетъ къ нему ночью съ своимъ приятелемъ, наряженнымъ въ мундиръ жандармскаго офицера, производитъ обыскъ въ квартирѣ, припугиваетъ растерявшагося прикащика-романиста и совѣтуетъ ему спастись бѣгствомъ за границу. Романистъ спрашиваетъ: „Не нужно ли вамъ мое бѣгство, чтобы вы могли жениться на Лидочкѣ?“ Роше говоритъ: „Нѣтъ, не нужно“. — „Дайте честное слово благороднаго человека“... — „Извольте“... И Монашевскій утекаетъ, а изъ чужихъ краевъ пишетъ Лидочкѣ письма, въ которыхъ убѣждаетъ ее выйти замужъ за Роше. Совершеннѣйшій сумбуръ и, къ тому же, замѣчательно скучный.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Études politiques“, par E. de Cyon.

Études politiques. La Russie contemporaine, par E. de Cyon. Paris. Имя г. Цюна, автора книги, уже достаточно краснорѣчиво говоритъ объ ея направленіи. Для тѣхъ же читателей, въ комъ это имя не возбудитъ никакого опредѣленнаго представленія, прекраснымъ разъясненіемъ послужитъ посвященіе книги памяти „знаменитаго русскаго публициста Каткова“. Имя такое опредѣленное указаніе на образъ мыслей нашего автора, мы уже вполне приготовлены и знаемъ, чего можно ждать отъ *Современной Россіи* г. Цюна. Но, подобно тому, какъ общее знакомство съ направленіемъ *Московскихъ Вѣдомостей* не лишаетъ все же чтенія этой газеты извѣстной поучительности, точно такъ же и наше представленіе о г. Цюнѣ не должно помѣшать намъ заглянуть въ его книгу, имѣющую, во всякомъ случаѣ, свой интересъ, хотя бы и чисто-патологическій. Намъ придется ограничиться здѣсь нѣсколькими цитатами, настолько характерными и для автора, и для всего представляемаго имъ направленія, что жалко было бы оставить эти драгоценныя признанія русскаго патріота во Франціи неизвѣстными для русскихъ людей. Интересъ и значеніе книги увеличиваются ея эпиграфомъ: *salus populi suprema lex*. Послѣ такого заявленія автора прѣйти молча мимо его предложеній и игнорировать его совѣты — значить какъ будто не желать блага своему народу. Нѣтъ, говорите, г. Цюнъ, говорите погромче, говорите на благо народу, говорите, какъ вы понимаете это благо!... Мы, съ своей стороны, будемъ только слушать и поучаться.

„Народныя массы, — читаемъ мы на стр. 35, — похожи на женщинъ: онѣ уважаютъ лишь силу властелина, котораго боятся и уважаютъ, а любовь въ этомъ случаѣ всегда готова присоединиться къ уваже-

нiю. За то властелинъ, занятый исключительно желанiемъ заслужить любовь народа, пожинаетъ часто одно презрѣнiе. Мечъ, слишкомъ долго остающiйся въ ножнахъ, ржавѣетъ и изнашивается; то же самое бываетъ съ властью, которая не примѣняется къ дѣлу“. Таково отвлеченное положенiе политической мудрости, а вотъ его практическое примѣненiе. Уничтоженiе смертной казни императрицей Елизаветой было капитальною историческою ошибкой,—смертная казнь необходима, она должна быть восстановлена въ Россiи для уголовныхъ преступниковъ. „Восстановленiе эшафота будетъ имѣть благотворное влiянiе на нравственность русскаго народа и внушитъ ему уваженiе къ челоуѣческой жизни (!), составляющее первый и неизбѣжный шагъ къ признанiю другихъ правъ личности. Глушцамъ и фариисеямъ, которые только за одними убiйцами хотятъ признать право располагать жизнью другого, законодатель можетъ напомнить, что такъ какъ всѣ челоуѣческiя существа съ самаго рожденiя обречены на смерть, судья, слѣдовательно, въ интересахъ сохраненiя общества, въ сущности, только ускоряетъ исполненiе этого приговора“ (стр. 53—54). Утѣшительно, не правда ли?

Какъ критикъ, г. Цiонъ очень строгъ, онъ не щадитъ никого. Главнымъ предметомъ его нападокъ служатъ реформы и все движенiе 60-хъ годовъ. Послѣднее онъ называетъ „истиннымъ безумiемъ эпидемическаго характера, вродѣ сумасшествiя конвульсионеровъ, распространившагося во Францiи въ началѣ XVIII столѣтiя. Теперь, правда, это опасное движенiе прекратилось, но слѣды его не исчезли. Въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и даже въ комитетѣ министровъ (!) встрѣчаются представители той пагубной эпохи, и они дѣлаютъ здѣсь все зло, которое могутъ, противясь дѣлу умиротворенiя, предпринятому современнымъ правительствомъ. Они имѣютъ даже свой органъ: редакцiя журнала *Вѣсти Европы*—это Бисетръ радикаловъ 60-хъ годовъ“ (стр. 10—11).

Второй и третiй отдѣлы книги о франко-русскомъ союзѣ и объ еврейскомъ вопросѣ (который г. Цiонъ называетъ „вопросомъ евреевъ“, ибо въ Россiи всѣ вопросы должны быть „русскими“) блѣднѣе первой части. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдней главѣ мы находимъ тоже нѣсколько перловъ мудрости. Изъ нихъ приведемъ здѣсь одинъ. Вполнѣ понятно, что г. Цiонъ, въ видахъ руссификацiи евреевъ, требуетъ обращенiя ихъ въ православную вѣру. Тѣмъ не менѣе, онъ противникъ насилiя въ религiозной области. „Къ счастью, догадливое правительство не нуждается въ данномъ случаѣ въ постоянномъ и всегда отвратительномъ насилiованiи совѣсти; оно располагаетъ другими средствами, которыя могутъ привести евреевъ къ обращенiю. Дѣйствовать соблазномъ и производить нѣкоторое чисто-нравственное давленiе не значитъ насилловать. Соблазнить женщину любезностями и даже драгоцѣнностями вполнѣ дозволительно (sic); употребленiе же насилiя, чтобы достигнуть той же цѣли, въ высшей степени предосудительно“ (стр. 375). Разумѣется, можно быть разнаго мнѣнiя насчетъ соблазна „любезностями и драгоцѣнностями“, но надо помнить, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло: г. Цiонъ не совѣтуетъ дѣйствовать силой,— и на томъ спасибо, собственно говоря, мы не вправѣ были ожидать отъ него даже этого: вѣдь, „народныя массы, какъ женщины, уважаютъ лишь силу“...

Мы, съ своей стороны, слишкомъ *уважаемъ* читателя, чтобы сомнѣваться въ характерѣ его приговора надъ книгой г. Цiона, а потому мы и не позволимъ себѣ снабжать приведенныя выше цитаты какими бы то ни было опредѣленiями или эпитетами. Sapienti sat.

ФИЛОСОФІЯ.

„Вопросы Философіи и Психологіи“.—„Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“. Н. Беллтова. — „Bibliothèque de philosophie contemporaine“. Joseph de Maistre et sa philosophie, par Fr. Paulhan. — „Декартъ“. Альфреда Фумме.

Вопросы Философіи и Психологіи, книга 5. Въ послѣдней книжкѣ московскаго философскаго журнала за прошлый годъ напечатано окончаніе статей профессора Грота *О времени*, статьи князя С. Н. Трубецкаго (*Психологическій детерминизмъ и нравственная свобода*), А. И. Введенскаго, А. А. Козлова, Э. Л. Радлова *) и А. Я. Ефименко. Послѣдняя обрисовываетъ личность извѣстнаго украинскаго мыслителя Г. С. Сковороды.

Князь С. Н. Трубецкой въ названной статьѣ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Сознательное человѣческое поведеніе опредѣляется не одними физиологическими и физическими причинами. Это поведеніе, поскольку оно цѣлесообразно и разумно, опредѣляется и не одними чувствами и аффектами, но также цѣлями или идеями, которыя внушаютъ человѣку его сознаниемъ или сознаниемъ другихъ людей.

Князь Трубецкой полагаетъ далѣе, что „человѣческая воля, поскольку она разумна и нравственна, не опредѣляется одними внушеніями своихъ мотивовъ по закону психическаго детерминизма, но также внутреннею оцѣнкой мотивовъ, нравственными и разумными основаніями, которыя человѣкъ сознаетъ, какъ нормы истиннаго и должнаго“.

Изъ этого можно было бы заключить, что надъ психологическимъ существуетъ еще нравственный детерминизмъ, но авторъ этого не признаетъ. Мы можемъ, — говоритъ онъ, — дѣйствовать вопреки достаточному основанію, вопреки долгу и разуму или нравственной необходимости. Вопросъ о свободѣ воли поэтому можетъ быть рѣшенъ лишь въ связи съ вопросомъ о природѣ нашего нравственнаго сознанія, т.-е. въ связи съ критикой практическаго разума.

Князь С. Н. Трубецкой полагаетъ, что поведеніе человѣка, въ нравственномъ отношеніи, не можетъ объясняться „одною психологическою причинностью, помимо ея (?) произвольнаго, нравственнаго *рѣшенія*“. Въ этомъ пунктѣ открывается дверь для метафизическихъ построеній, которыя въ теченіе многихъ вѣковъ уже доказали свою бесплодность. Разрывъ между нравственными идеями и нашими дѣйствіями происходитъ нерѣдко, но именно потому, что идеи эти являются сравнительно поздно, что онѣ не успѣваютъ еще неразрывно соединиться съ нашими чувствованіями и аффектами. Когда идеи укрѣпляются не въ сознаніи только, но и во всей нашей природѣ, то онѣ и будутъ направлять наши поступки, причѣмъ многое изъ того, что теперь является предметомъ сознательной борьбы и нравственнаго выбора, перейдетъ въ разрядъ поступковъ болѣе или менѣе автоматическаго характера.

Постоянные отдѣлы журнала составлены съ обычными тщательностью и разнообразіемъ. Отмѣтимъ одинъ курьезъ. Въ прошломъ году въ Московскомъ университетѣ профессоръ Ланге защищалъ докторскую диссертацию (*Психологическія изслѣдованія*). Въ числѣ оппонентовъ былъ извѣстный психіатръ, профессоръ С. С. Корсаковъ, но не было... юрьевскаго психіатра профессора Г. Чижа. Этого показало послѣднему достаточнымъ, чтобы предположить существенные пробѣлы въ возра-

*) Г. Радловъ полемизируетъ съ И. М. Сѣменовымъ по поводу статьи его, напечатанной въ *Русской Мысли* (О предметной мысли).

женіяхъ г. Ланге и прислать свои собственныя возраженія. Къ сожалѣнію, все сколько-нибудь важное въ нихъ было уже сказано оппонентами и напечатано въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи*. Редакція этого журнала и не помѣстила поэтому письма г. Чижа. Тогда онъ печатается въ № 43 *Врача* другое письмо, гдѣ заявляетъ, что редакція *Вопросовъ Философіи и Психологіи* прибѣгаетъ для защиты г. Ланге къ замалчиванію, что она желаетъ скрыть отъ читающей публики заслуги русскихъ нейропатологовъ.

Вздорность этихъ обвиненій очевидна для всякаго, кто знакомъ съ московскимъ философскимъ журналомъ, гдѣ постоянно работаютъ многіе изъ лучшихъ нашихъ нейропатологовъ. Есть ли какой-либо смыслъ въ утвержденіи г. Чижа, что редакція журнала прибѣгаетъ для защиты г. Ланге къ замалчиванію, когда въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* были напечатаны возраженія оппонентовъ г. Ланге на диспутъ, въ томъ числѣ, повторяемъ, такого извѣстнаго нейропатолога, какъ С. С. Корсаковъ? А къ этимъ возраженіямъ разгнѣванный нейропатологъ г. Чижъ рѣшительно ничего важнаго не прибавилъ.

Редакція *Вопросовъ Философіи и Психологіи* перепечатала письмо г. Чижа изъ *Врача*, вѣжливо выразила свое удивленіе и даже сдѣлала подарокъ ученому міру: напечатала и то письмо, съ которымъ г. Чижъ обратился въ московскій журналъ. Изъ этого весьма патріотическаго, но мало содержательнаго письма мы узнаемъ, что всего болѣе работъ по экспериментальной психологіи вышло въ Юрьевѣ (гдѣ г. Чижъ состоитъ профессоромъ). Къ сожалѣнію, прозаическое объясненіе причины умаленія значенія этого факта: только въ Юрьевѣ работы по экспериментальной психологіи принимаются какъ докторскія диссертации. Изъ-за чего было шумъ подымать?

Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп. (1). Н. Бельтова. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. Мы отмѣчали своевременно книги гг. Туганъ-Барановскаго и Струве. Теперь въ томъ же направленіи появилось новое, вышеназванное сочиненіе. Всѣ три книги написаны и съ знаніемъ дѣла, и съ талантливостью. Не раздѣляя односторонней, по нашему мнѣнію, теоріи экономическаго матеріализма, мы готовы были бы, въ интересахъ и науки, и нашей общественной жизни, приветствовать представителей этой теоріи, еслибъ нѣкоторые изъ нихъ (гг. Струве и Бельтовъ) не вносили въ свою полемику черезъ-чуръ большихъ рѣзкостей, еслибъ они не издѣвались надъ писателями, труды которыхъ заслуживаютъ уваженія. Намъ, вѣроятно, придется поговорить объ этой книгѣ и на этотъ разъ мы ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Г. Бельтовъ, по меньшей мѣрѣ, безъ церемоніи расточаетъ обвиненія въ томъ, что такой-то писатель говоритъ о Маркѣ, не прочитавши его сочиненій, осуждаетъ гегелевскую философію, не познакомившись съ нею самостоятельно, и т. п. Не мѣшаетъ, конечно, при этомъ не дѣлать самому промаховъ, въ особенности по самымъ существеннымъ вопросамъ. А г. Бельтовъ именно о Гегелѣ говоритъ совершенный вздоръ: „Если современное естествознаніе,— читаемъ мы на стр. 86 названной книги,—на каждомъ шагѣ подтверждаетъ гениальную мысль Гегеля о переходѣ количества въ качество, то можно ли сказать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ гегелианствомъ“? Но бѣда въ томъ, г. Бельтовъ, что Гегель этого не утверждалъ, а доказывалъ противоположное: у него *качество* перехо-

дѣть въ количество. Жаль, очень жаль, что авторомъ пущены въ ходъ крайне несимпатичныя приемы.

Bibliothèque de philosophie contemporaine. Joseph de Maistre et sa philosophie par Fr. Paulhan. Paris, 1893. Десятые и двадцатые годы во Франціи знаменуютъ собою эпоху реакціи. Революціонное правительство уступило свое мѣсто диктатурѣ Наполеона, имперіи, а вмѣстѣ съ нимъ сошли со сцены и преданы были анаемѣ всѣ революціонныя идеи. Неуваженіе къ авторитетамъ составляло самую отличительную черту скептической философіи XVIII вѣка, послѣднимъ словомъ которой была казнь Людовика XVI, крайнее раболобное уваженіе къ авторитетамъ сдѣлалось лозунгомъ реакціи. Въ области религіозной особенно ярко сказалась эта борьба двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Революція закрыла церкви, стѣснила католическое духовенство и провозгласила новую религію—Разума; реакція возстановила католицизмъ и довела религіозность до ханжества. Народъ мало участвовалъ и въ томъ, и въ другомъ. Церемоніи культа Разума производились нѣсколькими, стоящими у власти революціонерами, духовенство преслѣдовалось правительствомъ изъ политическихъ соображеній, а народъ довольно безстрастно смотрѣлъ на разрушеніе того, къ чему духовенство XVIII вѣка не приучило его относиться съ уваженіемъ. Такъ же безстрастно смотрѣлъ онъ и на сатурналии наступившей вскорѣ реакціи. За то литература конца XVIII и начала XIX вв. какъ нельзя лучше, въ мельчайшихъ подробностяхъ отражаетъ на себѣ то и другое теченіе. Сочиненія Гельвеція и Гольбаха, катехизисъ Сильвана Марешаля и журнальныя статьи Саллавила, порицавшаго учредителей культа Разума за ихъ недостаточную послѣдовательность,—таковы литературные памятники эпохи отрицанія; сочиненія Шатобриана, Бональда, де-Мэстра, Балланша, немного позднѣе Ламенна, Лакордера и Монталамбера—вотъ основныя труды той обширной публицистической и философской литературы во Франціи, которая въ первую четверть XIX столѣтія выставила на своемъ знамени реабилитацію христіанства.

Шатобрианъ былъ поэтомъ, де-Мэстръ сдѣлался философомъ новаго направленія. Съ особеннымъ ожесточеніемъ вооружился онъ противъ сенсуализма Локка и скептицизма Вольтера, повсюду, даже въ чисто-научныхъ вопросахъ выдвигая непререкаемый авторитетъ религіи и церкви. Поборникъ всесторонней реакціи, онъ видѣлъ въ неограниченномъ авторитетѣ свѣтской власти естественное дополненіе столь же неограниченнаго авторитета духовной, и потому непосредственно рядомъ съ папой ставилъ монарха. Политически-богословская точка зрѣнія была еще сильнѣе выдвинута въ сочиненіи его друга Бональда, христіанствующаго юриста и социолога. Онъ защищалъ одно дѣло съ де-Мэстромъ: выводилъ монархическій принципъ изъ религіозныхъ основъ, изъ предписаній божественнаго права. Ему пришлось опровергать ученіе Руссо по вопросу объ общественномъ договорѣ и тутъ народную волю Бональдъ подмѣнилъ волей Божіей, изъ коей объяснялъ происхожденіе семьи, имущества и государства. Современникъ Бональда и ученикъ де-Мэстра, Балланшъ, соимѣстилъ въ себѣ философа и поэта. Его „философскія поэмы“ проводили ту главную мысль, что прогрессъ человѣчества долженъ состоять въ искупленіи вероугоднаго грѣха, искупленіи посредствомъ страданія, жертвъ и утисненій совѣсти... Къ тому же движенію принадлежали немного позднѣе Лакордеръ и Монталамберъ, столько же послужившіе своими

трудами специально католицизму, сколько первые изъ названныхъ нами писателей—религиозному возрожденію вообще. Къ тому же движенію примыкаетъ сначала и Ламенна, первое большое сочиненіе котораго *Essai sur l'indifférence en matière de religion* было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ въ католическомъ мірѣ и обѣщало въ его авторѣ талантливаго и сильнаго борца за католическое дѣло. Надеясь этимъ не суждено было обѣщанія, — Ламенна пережилъ движеніе, его породившее, и самъ съ своей стороны явился однимъ изъ первыхъ апостоловъ новыхъ идей, охватившихъ французское общество въ 30 и 40 гг.

Де-Мэстръ является несомнѣнно одной изъ центральныхъ фигуръ этого религиозно-реакціоннаго движенія начала нашего вѣка. Понятно, что ему посвящена довольно обширная критическая литература, обогатившаяся еще недавно подробнѣйшимъ біографическимъ трудомъ Декоста (*Joseph de Maistre avant la Révolution, 2 vol., 1893*) и обстоятельной книгой Лескура (*Joseph de Maistre et sa famille, 1893*). Среди этихъ увѣсистыхъ изданій сравнительно небольшая и скромная работа Полана можетъ пройти незамѣченной. Это было бы жаль, потому что довольно оригинальная основная мысль автора дѣлаетъ его книжку заслуживающею всяческаго вниманія.

Въ противность общепринятому приему въѣхъ критиковъ де-Мэстра, изображающихъ его или человѣкомъ исключительно религиознымъ, или, напротивъ, человѣкомъ политики, для котораго религія играла вспомогательную, служебную роль, Поланъ выбираетъ себѣ другую, промежуточную точку зрѣнія, съ которой политика и религія де-Мэстра получаютъ свое объясненіе и объединеніе. Онъ видитъ въ де-Мэстрѣ философа-метафизика, отвлеченные идеалы котораго воплощаются, съ одной стороны, въ политическомъ, съ другой—въ духовномъ мірѣ въ форму своеобразныхъ правилъ поведенія. „Де-Мэстръ не обладалъ сильнымъ непосредственнымъ религиознымъ чувствомъ... а, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы о томъ ни говорили, онъ не былъ прежде всего и политикомъ... Онъ любилъ единство и порядокъ съ общей, отвлеченной точки зрѣнія; его политическая и религиозная системы суть части одного цѣлаго, которое было изысканіемъ и возможною реализаціей теоретическаго и практическаго единства“ (стр. 45 и 95). Съ этой точки зрѣнія папа, какъ представитель единства духовнаго, не только непогрѣшимъ, онъ долженъ, онъ не можетъ не быть непогрѣшимымъ. Де-Мэстръ заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что говоритъ о *выгодѣ* папской непогрѣшимости и въ одномъ изъ своихъ писемъ восклицаетъ: „Если догматы—басни, нужно все же, чтобы было *единство басенъ*, а этого не будетъ безъ единства ученія и верховенства папы“ (стр. 97 и 101). Такимъ образомъ, непогрѣшимость папы изображается де-Мэстромъ какъ своего рода постулатъ кантовскаго практическаго разума, а вовсе не какъ нѣчто непосредственно вытекающее изъ религиознаго чувства католиковъ. Философское обоснованіе имѣеть и вся его политика, формула которой такова: единство—какъ цѣль, самодержавная власть—какъ средство.

Вотъ основная точка зрѣнія нашего автора на все ученіе де-Мэстра; развитію и доказательству этого взгляда посвящена преимущественно 3-я глава книги: *La doctrine*. Менѣе интереса представляютъ другія главы (*l'Homme, le Style, les Idées*), разработанныя неровно и отличающіяся чрезмѣрнымъ многословіемъ. Послѣднее объясняется, конечно, тѣмъ, что свою работу Поланъ представлялъ во француз-

скую академію на соисканіе преміи за краснорѣчіе. Краснорѣчіе или, по-просту, многословіе автора не мало затемнило его мысли и повредило ясности и простотѣ книжки, которую все же мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ, какъ недурной критической очеркъ философіи Жозефа де-Мэстра.

Декартъ. Альфреда Фулье. Пер. А. П. Татариновой, подъ редакціей проф. Н. Я. Грота. М. 1895 г. Переводъ талантливой книжки извѣстнаго французскаго мыслителя является весьма полезнымъ пособіемъ для русскихъ читателей, интересующихся философіею. Къ нему приложена глава о Спинозѣ изъ *Исторіи новой философіи* Виндельбанда. Книжка издана *Посредникомъ* и стоитъ дешево—80 к. Имя Н. Я. Грота составляетъ надежное ручательство за достоинства перевода.

ГЕОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„По Россіи“. Вас. Сидорова.—„Земля и люди“. Элизе Реклю.

По Россіи. I. Волга. Путевыя замѣтки и впечатлѣнія отъ Валдая до Каспія. Вас. Сидорова. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. Въ своей книжкѣ г. Сидоровъ рѣшился предложить вниманію публики тѣ впечатлѣнія, какія онъ вынесъ изъ многократныхъ поѣздокъ по Волгѣ, въ надеждѣ, что „они найдутъ въ комъ-нибудь откликъ и побудятъ вообразить и пережить чудные дни, въ теченіе которыхъ передъ глазами путешественника проплываетъ пестрая и своеобразная панорама городовъ, селъ, береговъ и народовъ,—панорама, которая остается памятной на всю жизнь и свиваетъ въ нашей душѣ маленькое гнѣздышко самыхъ теплыхъ, самыхъ приятныхъ, самыхъ милыхъ воспоминаній“. Правда, впечатлѣнія г. Сидорова нѣсколько односторонни, такъ какъ на все, связанное съ Волгой, онъ смотритъ сквозь дымку поэтическихъ грезъ и преувеличенныхъ восторговъ, но, тѣмъ не менѣе, для тѣхъ, кто не гонится за точностью и полнотою описанія, книжка г. Сидорова, все-таки, представитъ нѣкоторый интересъ. Жаль только, что постоянная приподнятость настроенія автора дѣлаетъ содержаніе ея довольно однообразнымъ, а языкъ—слишкомъ вычурнымъ. Такъ, напримѣръ, многіе волжскіе города, по словамъ г. Сидорова, сказочно-прекрасны, церкви сплошь и рядомъ „кокетливо сидятъ по берегамъ или уступамъ крутиковъ“, воздухъ по берегамъ Волги всегда „напоенъ ароматомъ садовъ и луговъ“, рѣки волжскаго бассейна сливаются не иначе, какъ „проглатывая“ другъ друга, и т. п. Во всемъ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, авторъ, конечно, грѣшитъ противъ истины, но несомнѣнно онъ любитъ Волгу и въ этой любви—оправдываетъ всѣхъ его увлеченій.

Земля и люди. Всеобщая географія. Элизе Реклю. Томы XII, съ 64 рис., и XIII, съ 75 рис. Спб., 1898 г. Цѣна каждого тома 1 руб. Въ текущемъ году Элизе Реклю окончилъ свой монументальный трудъ—*Nouvelle géographie universelle*, выпустивъ заключительный XIX томъ, посвященный описанію Южной Америки. Въ виду высокихъ достоинствъ этого труда, какъ парижское, такъ и лондонское географическія общества не такъ давно присудили автору его золотыя медали. Кстати сказать, Реклю находится теперь въ Брюсселѣ, гдѣ, однако, онъ покинулъ пригласившій его университетъ и намѣренъ читать лекціи въ новой „Свободной школѣ“ (*Ecole Libre d'Enseignement Supérieur*)

et Institut des Hautes Etudes), организуемой по инициативѣ такихъ популярныхъ въ Бельгіи лицъ, какъ Поль Жансонъ, де-Греефъ, Эдмонъ Пикарь, Эмиль Вандервельдъ и друг., и имѣющей открыться въ текущемъ году. Русскій переводъ *Новой всеобщей географіи*, какъ извѣстно, значительно отсталъ отъ выхода въ свѣтъ соответствующихъ томовъ подлинника, но солидность издательской фирмы А. Ильина можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ того, что и онъ будетъ доведенъ до конца. Переводъ XII и XIII тома не отличается отъ перевода предыдущихъ томовъ. Не измѣнилась и внѣшность изданія. Оба названные тома заключаютъ въ себѣ описаніе Африки, чрезвычайно богатое подробностями, взятыми изъ новѣйшихъ и наиболѣе солидныхъ источниковъ. Рисунки нѣсколько грубоваты, но въ общемъ они не портятъ дѣла.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Материалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“. — „Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обслѣдованію 1887 г.“ — „Волости и населенныя мѣста 1893 г.“. — „Etienne Cabet und der ikarische Communismus, mit einer historischen Einleitung“, von Dr. Luz.

Материалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири. Выпускъ XII. Названный трудъ составляетъ 2-й томъ итоговъ изслѣдованія экономическаго быта крестьянъ Курганскаго округа, Тобольской губерніи, произведеннаго Н. О. Осиповымъ. Весь этотъ большой томъ посвященъ курганской земельной общинѣ, и отведеніе столь много мѣстъ этому предмету мотивируется авторомъ, помимо теоретическаго интереса, тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что такъ какъ окончательною цѣлью предпринятаго министерствомъ государственныхъ имуществъ изслѣдованія Западной Сибири является оцѣнка крестьянскихъ земель, а однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ цѣнности земли есть свойство почвы, такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, производимые крестьянами передѣлы основаны на самомъ точномъ знаніи ими своихъ почвъ, то детальное изслѣдованіе общины составляетъ одну изъ главныхъ задачъ экспедиціи, снаряженной министерствомъ для изученія экономическаго быта крестьянъ Западной Сибири. Такое значеніе оцѣнки крестьянскихъ почвъ своего надѣла, закрѣпленной объективно въ произведенномъ, въ моментъ передѣла, распредѣленіи между хозяевами въ натурѣ различныхъ участковъ общинной земли, признано министерствомъ государственныхъ имуществъ, пользовавшимся этою оцѣнкой при устройствѣ оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Впрочемъ, большой объемъ труда, посвященнаго курганской общинѣ, является результатомъ того обстоятельства, что при разработкѣ собраннаго матеріала авторъ мало обращался къ сводкѣ его и помѣстилъ въ свою книжкѣ имѣющіяся данныя цѣликомъ, въ видѣ описанія порядковъ передѣловъ въ каждой общинѣ или селеніи. Сводка данныхъ сдѣлана лишь по нѣкоторымъ изъ вопросовъ, допускающихъ цифровую группировку: о времени совершенія послѣднихъ передѣловъ, объ основаніяхъ распредѣленія земли, принятыхъ изслѣдованными общинами при этихъ передѣлахъ, и о срокахъ послѣднихъ. Самостоятельная переработка матеріала нужна была и для имѣющагося въ разсматриваемомъ трудѣ весьма интереснаго описанія порядковъ уравниванія членовъ общины въ

пользованиі общественной землей. Въ остальномъ, повторяемъ, книга состоитъ изъ сырого матеріала, подлежащаго еще разработкѣ.

Г. Осиповъ высоко цѣнитъ курганскую общину за то, что она съумѣла примѣнить принципъ уравненій съ интересами сельско-хозяйственной культуры, производя передѣлы земли черезъ продолжительные сроки (въ 80-хъ гг. почти всѣ общины передѣляли угодья срокомъ на 10—20 лѣтъ), избѣгая дробленія полей и преслѣдуя принципъ старозаимочности, т. е. оставленія при передѣлахъ хозяевъ по возможности на прежнихъ участкахъ. Воздавая должную дань сибирской общинѣ, авторъ противопоставляетъ ей великороссійскую и, вѣроятно, для большаго контраста, сгущаетъ мрачныя краски, лежащія на послѣдней. По его словамъ, „отъ великороссійскихъ передѣловъ вѣдетъ формализмъ, однообразіемъ (!) и безжизненностью (!). Чувствуется, что эта община живетъ такъ же, какъ пчелиный улей, полусознательно повторяя (!) нѣкогда выработанныя формы общинныхъ распорядковъ. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ курганская земельная община“ (стр. 136). Это говорится о великороссійской общинѣ, съ каждымъ годомъ обнаруживающей новыя и новыя формы бытовыхъ отношеній! Положимъ, Александръ Македонскій былъ герой, но зачѣмъ же ломать мѣду? Для прославленія также курганской общины г. Осиповъ придаетъ преувеличенное агрикультурное значеніе принципу старозаимочности при отсутствіи удобренія почвы (стр. 132—3). Нельзя не высказать сожалѣнія и по поводу того обстоятельства, что авторъ безъ всякой нужды измѣняетъ значеніе нѣкоторыхъ терминовъ, принятое въ литературѣ объ общинѣ. Такъ, въ послѣднее время передѣлъ земли, касающійся всѣхъ домохозяевъ и ведущій къ новому количественному распредѣленію между ними земли, называется общимъ кореннымъ передѣломъ въ отличіе отъ общаго передѣла (не коренного) заключающагося въ перераспредѣленіи между домохозяевами земли въ натурѣ безъ нарушенія количественнаго соотношенія между ихъ долями земли. Тотъ послѣдній передѣлъ называется жеребьевкой, переверсткой и т. д. Частнымъ же передѣломъ называется перераспредѣленіе земли, касающееся не всѣхъ членовъ общины, а нѣсколькихъ домохозяевъ. Осиповъ оба послѣдніе передѣла называетъ однимъ терминомъ „частный“ (стр. 46—7) и этимъ не только отступаетъ отъ устанавливающагося правила терминологіи, но и строитъ свою терминологію въ очевидномъ смѣшеніи понятій, называя передѣлъ, касающійся всей общины (общую переверстку), частнымъ передѣломъ. Несмотря на сдѣланныя замѣчанія, мы не можемъ не рекомендовать трудъ г. Осипова съими лицамъ, интересующимся судьбами крестьянскаго землевладѣнія вообще, эволюціонными процессами, совершающимися въ послѣднее время въ средѣ крестьянскихъ поземельныхъ отношеній въ частности.

Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обследованію 1877 года. Первое официальное изслѣдованіе поземельной собственности въ Россіи было произведено въ 1877 году, а результаты его опубликованы въ изданіи, носящемъ названіе: *Статистика поземельной собственности и населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи*. Первое изслѣдованіе (въ новѣйшее время) распредѣленія земель по угодьямъ пахотной — по посѣвамъ огдѣльныхъ хлѣбовъ сдѣлано въ 1881 г. *Статистич. вѣстникъ Россійской имперіи*, серія III, вып. 4).

Въ истеченіи десяти лѣтъ со времени перваго изслѣдованія и пяти лѣтъ со времени втораго центральный статистическій комитетъ рѣшилъ приготовить таковыя, и результаты этихъ новыхъ изслѣдованій сгруппи-

рованы въ изданіи, выставленномъ въ заголовкѣ настоящей рецензіи, — изданіи, составляющемъ вып. XXII *Статистики Россійской имперіи*. Такимъ образомъ, настоящее изданіе полнѣе *Статистики поземельной собственности* въ томъ отношеніи, что, кромѣ свѣдѣній о размѣрахъ всего землевладѣнія и пахотной земли въ частности, оно заключаетъ въ себѣ и данныя о размѣрѣ другихъ угодій и о распредѣленіи пахотной земли по посѣвамъ главнѣйшихъ растений, а также о количествѣ сдаваемой въ аренду земли; но оно уступаетъ названному изданію въ другихъ отношеніяхъ, а именно: въ немъ отсутствуютъ данныя о количествѣ общинъ, поселковъ, строеній, числѣ домохозяевъ и др., которые приводились въ *Статистикѣ поземельной собственности*, и затѣмъ разработка матеріала сдѣлана для каждаго уѣзда только по словеніямъ владѣльцевъ земли, между тѣмъ какъ въ *Статистикѣ поземельной собственности* матеріалъ разрабатывался по размѣрамъ владѣній (частныхъ), по разрядамъ крестьянъ и размѣру душевого надѣла крестьянскихъ обществъ. Данныя для обоихъ обследованій собирались путемъ разсылки во всѣ сельскія общества и ко всѣмъ владѣльцамъ и арендаторамъ имѣній вопросныхъ листковъ, которые, по ихъ наполненіи отвѣтами, провѣрялись сличеніемъ съ другими источниками въ губернскихъ статистическихъ комитетахъ и затѣмъ препровождались въ центральный комитетъ, гдѣ опять провѣрялись и были закончены разработкой только черезъ 6 лѣтъ послѣ сдѣланнаго изслѣдованія. Изданіе разработанныхъ матеріаловъ производится отдѣльными выпусками, по губерніямъ. Каждый выпускъ состоитъ изъ таблицъ, представляемыхъ практическимъ текстомъ, заключающимъ сопоставленіе данныхъ по разсматриваемымъ вопросамъ, собранныхъ въ два момента изслѣдованія, что даетъ возможность до известной степени судить объ измѣненіяхъ, происшедшихъ въ дѣйствительной жизни за десятилѣтіе 1877—87 гг.

Волости и населенныя мѣста 1893 г. Съ каждымъ годомъ во болѣе расширяющаяся литература о Сибири обогатилась новымъ изданіемъ центрального статистическаго комитета, составляющимъ XXVII выпускъ *Статистики Россійской имперіи*. Названное въ заголовкѣ рецензіи изданіе этого комитета состоитъ, во-первыхъ, изъ списка населенныхъ мѣстъ съ показаніемъ числа крестьянскихъ и некрестьянскихъ дворовъ, наличнаго населенія, количества состоящей въ пользованіи крестьянъ и козаковъ земли и, гдѣ было возможно, мелкаго и крупнаго скота; во-вторыхъ, изъ краткаго экономическаго очерка каждаго губерніи или области. Къ изданію приложена схематическая карта соответствующей губерніи съ нанесенными на ней поселеніями и проектированнымъ желѣзно-дорожнымъ путемъ. Таблицы составлены на основаніи официальныхъ данныхъ, частью исправленныхъ для настоящаго изданія.

Etienne Cabet und der ikarische Communismus, mit einer historischen Einleitung von Dr. Lux. Internationale Bibliothek. Stuttgart. Verlag von Dietz. 1894. Въ исторіи социальныхъ ученій Кабэ должно занимать далеко не послѣднее мѣсто. Не то, чтобы авторъ знаменитаго *Путешествія въ Икарію* былъ очень глубокимъ мыслителемъ, не то, чтобы его ученіе отличалось особою оригинальностью, но изъ руководителей французскаго рабочаго движенія едва ли кто пользовался и въ 40-хъ гг., и позднѣе такою популярностью и такимъ личнымъ авторитетомъ, какъ именно Кабэ. „Живя въ Англіи въ качествѣ изгнанника, — говоритъ Марксъ въ своей статьѣ о материализмѣ XVII

вѣка, — французъ Кабэ заражается коммунистическими идеями и по возвращеніи своемъ во Францію дѣлается самымъ популярнымъ, хотя, въ то же время, и наименѣе глубокимъ представителемъ коммунизма^{*)}. Громадное распространеніе, которое получилъ его коммунистическій романъ и затѣмъ издававшійся имъ журналъ *Le Populaire*, масса послѣдователей, которыхъ нашло его ученіе во всѣхъ концахъ Франціи и даже за границей, наконецъ, массовое переселеніе въ Америку, предпринятое Кабэ въ надеждѣ создать тамъ благодатную Икарію, — все это, вмѣстѣ съ тѣмъ особеннымъ интересомъ, который онъ съумѣлъ пробудить во французскомъ обществѣ къ идеямъ социальнаго прогресса, дѣлаетъ его личность достаточно интересной, особенно въ глазахъ историка общественныхъ движеній.

Французскій коммунизмъ сороковыхъ годовъ имѣлъ въ лицѣ Кабэ самого извѣстнаго, но не единственнаго и далеко не самого крайняго представителя. Путешествіе въ Икарію дало толчокъ къ изданію цѣлаго ряда подобныхъ произведеній, изъ которыхъ самыми значительными были *Code de la communauté* Теодора Дезами и *Bible de la liberté* аббата Констана. Въ отличіе отъ матеріалистическаго коммунизма Дезами, Палло, Лаготьера и религіозно-мистическаго коммунизма аббата Констана, Дюмениля и Эскироса, коммунизмъ Кабэ можетъ быть названъ этическимъ и сентиментальнымъ. Онъ вытекаетъ всецѣло изъ чувства братства, которое, по мнѣнію Кабэ, должно объединить все человечество, потому что всѣ братья и благодѣтельная природа, надѣлившая ихъ общимъ нераздѣльнымъ достоинствомъ, землею, — ихъ общая мать. „Природа желала, чтобы человѣкъ былъ счастливъ“; несчастье является слѣдствіемъ дурнаго социальнаго устройства, неравенства и частной собственности. „Естественная справедливость“ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ имѣлъ излишекъ, когда его ближній лишень необходимаго. „Естественная необходимость“ предписываетъ коммунизмъ. Торжества его на землѣ Кабэ ждалъ не отъ революціи, но отъ мирнаго распространенія идей и братскихъ чувствъ, а также отъ тѣхъ практическихъ опытовъ, къ которымъ онъ такъ настойчиво побуждалъ своихъ послѣдователей.

И не одно это ученіе, столь привлекательное для рабочихъ, но и самая личность „дѣдушки“ Кабэ, какъ его называли многіе ученики, не мало способствовала популярности его имени. Частная жизнь Кабэ такъ тѣсно связана съ его общественною дѣятельностью, такъ сплетена съ событіями политическаго свойства, что по своему интересу не ступаетъ, пожалуй, его сочиненіямъ и представляетъ благодарный матеріалъ для біографіи. Къ сожалѣнію, этимъ матеріаломъ пока очень плохо воспользовались: полной, законченной біографіи Кабэ не существуетъ вовсе, а вообще вся имѣющаяся о немъ литература *) поражаетъ своимъ однообразіемъ и крайнею бѣдностью. Попытку д-ра Люкса дать нѣчто цѣльное и законченное какъ объ ученіи, такъ и о жизни Кабэ нельзя не признать поэтому вполне умѣстной.

Жаль только, что нѣмецкій авторъ не только не справился со сво-

*) Ст. Голянскаго въ *Revue Socialiste* за 1891 г., Лекся въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, отдѣльныя страницы въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Л. Штейна, Фрадра, Малона и Роберта Моля. Для перваго ознакомленія съ ученіемъ Кабэ можно могутъ быть пространныя цитаты, приводимыя г. Щегловымъ въ его *Исторіи социальнаго коммунизма*, но собственные рассужденія русскаго автора о коммунизмѣ вообще и о К. въ частности отличаются обычнымъ для него незнакомствомъ съ основными началами политической экономіи.

рованы въ изданіи, въ
 изданіи, составляющем
 Такимъ образомъ, нас
 собственности въ томъ
 всего землевладѣнія и
 въ себѣ и данныя о
 ной земли по посѣвамъ
 другихъ отношеніяхъ
 личествъ общинъ, по
 торья приводились въ
 тѣмъ разработка мате
 словіямъ владѣльцевъ
 мельной собственности
 дѣній (частныхъ), по
 крестьянскихъ обще
 путемъ разсылки во
 и арендаторамъ имѣ
 неніи отвѣтами, про
 губернскихъ статисти
 въ центральный коми
 разработкой только
 Изданіе разработана
 сками, по губерніямъ. Ка
 шествуемыхъ практич
 данныхъ по разматрив
 изсѣдованія, что даетъ
 измѣненіяхъ, происшедш
 1877—87 гг.

Волости и населеніе

болѣе расширяющаяся
 ніемъ центрального с
 выпускъ *Статистич*
 рецензіи изданіе это
 селенныхъ мѣстъ ст
 скихъ дворовъ, нал
 ваніи крестьянъ р
 крупнаго скота; въ
 дой губерній или
 соответствующей
 ектированныхъ
 основаніи офици
 щаго изданія.

Etienne C
rischen Einle
gart. Verla

Каждъ должн
 знаменитаго
 лемъ, не т
 изъ руко
 зовался
 нымъ автор
 изгнанника, — говори

авленномъ въ
 вып. XXII (с
 ящее изданіе
 отношеніи,
 ахотной зем
 змѣръ друг
 главѣйши
 мли; но он
 а именно:
 лковъ, ст
 Статист
 ала сдѣ
 земли, м
 рядамъ
 матеріа
 вствъ. Дан
 всѣхъ сел
 вній вопро
 вприс
 статистичес
 комитетъ,
 черезъ
 нныхъ м
 амъ. Ка
 практическ
 что даетъ
 происшедш
 1877—87 гг.

и населеніе
 расширяющаяся
 центрального с
 Статистич
 изданіе это
 мѣстъ ст
 дворовъ, нал
 крестьянъ р
 крупнаго скота; въ
 губерній или
 соответствующей
 нныхъ
 офици
 изданія.

Etienne C
 rischen Einle
 gart. Verla
 должн
 знаменитаго
 не т
 изъ руко
 зовался
 автор
 изгнанника, — говори

... съ другой—отличаются какою-то
 торить придаетъ имъ развязно-ру-
 то прибѣгаетъ д-ръ Люксъ. Такъ,
 элементарномъ и компилятивномъ,
 бься, онъ говоритъ, между прочимъ
 слаборожденнымъ ребенкомъ даже
 которые съ инстинктивною ненавистью
 лижается къ ея кости отъ ветчины,
 ими страницами дальше: „Священный
 ми и всѣми реакціонными элементами
 св. Людовика“ и (дальше настолько
 ть переводомъ)... und dem mumifizirten
 peckkopfes Ludowigs XVI den Wasser-
 atten“ (стр. 34). Едва ли нужно гово-
 рить этихъ „крѣпкихъ“ словечекъ, весьма
 азчитывать авторъ.

Ознакомившись съ новой биографіею Кабэ не заполняетъ
Histoire populaire de la которая состоитъ изъ трудовъ Каутского
 главіе, кстати сказать, Фрѣе, Энгельса объ англійскихъ рабочихъ,
 подивились невольно тѣмъ: *Нищета философіи* и др. т. п., работа
 кимъ авторомъ, эконоимствъ едва ли не послѣднее мѣсто.
 тѣмъ, что докторъ Люксъ
 Достаточно будетъ замѣтъ:
 остъ двора и что вообще в:

ЧЕСКІЯ КНИГИ.

... *Preussen*, von Prof. K. v. Stengel.—„Das Staats-
 ... *Preussen*, von Prof. K. Covack.—„Das Staatsrecht des
 ... *Reiches*“, von Prof. P. Laband.
 ... *Preussen*, von Prof. K. v. Sten-
 ... *Grossenherzogthums Hessen*, von Prof. K.
 ... *des Deutschen Reiches*, von Prof. P. Laband.
 ... 1894. Только что появившіяся отдѣльныя
 ... вдованій, первоначально напечатанныя во вто-
 ... *Учебника публичнаго права*, который вы-
 ... профессоровъ Марквадзена и фонъ-Зейде-
 ... современнаго государственнаго права Пруссіи,
 ... имперіи, причемъ имперское германское право яв-
 ... редѣланнымъ и исправленнымъ изданіемъ сочине-
 ... явившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Подоб-
 ... по догмъ современнаго государственнаго права
 ... —какъ, наприм., сочиненію Зейделя по ба-
 ... —по итальянскому и др., — всѣ названныя из-
 ... въ общемъ, по одному плану: за историческимъ
 ... весьма полное и точное изложеніе современной
 ... мы, безъ всякихъ особыхъ отклоненій въ сторону
 ... и выводовъ**). Этотъ общій планъ цѣлаго ряда

effentlichen Rechts, herausgegeben von Dr H. v. Marquardsen
 ... Штенгеля. Такъ, за первую кни-
 ... образованія и развитія Прусскаго государства, слѣдуетъ
 ... государствъ и государственномъ устройствѣ“; III—о функціяхъ

ею задачей, но даже приступилъ къ ней не вполне добросовѣстно. Никакихъ сколько-нибудь самостоятельныхъ изысканій онъ не предпринималъ, изъ существующей бѣдной литературы о Кабэ воспользовался, все-таки, не всѣмъ и къ своему матеріалу отнесся безъ всякой критики. Последнее особенно печально. То полное довѣріе, съ которымъ д-ръ Люксъ слѣдуетъ изданной акціонерами газеты *Populaire* весьма односторонней біографіи Кабэ, приводитъ его къ невѣрной оцѣнкѣ нѣкоторыхъ личныхъ качествъ французскаго мыслителя, равно какъ и къ сомнительнымъ утвержденіямъ, вродѣ того, что онъ работалъ по 18 часовъ въ сутки. Надо замѣтить, что названная біографія, написанная въ льстивомъ тонѣ и содержащая въ себѣ всѣ хвалебныя письма, которыя когда-либо были получены Кабэ, предназначалась въ свое время для цѣлей пропаганды и представляетъ собою родъ грубой рекламы. Черпая всѣ свои свѣдѣнія изъ такого мутнаго источника, д-ръ Люксъ изобразилъ намъ Кабэ гонимымъ и оклеветаннымъ со стороны остальныхъ коммунистовъ, тогда какъ въ дѣйствительности полемика ихъ съ Кабэ объяснялась непомѣрнымъ властолюбіемъ и тщеславіемъ „главы“ коммунистической школы.

Ознакомившись съ важнѣйшимъ историческимъ сочиненіемъ Кабэ *Histoire populaire de la révolution française de 1789 à 1830* (самое заглавіе, кстати сказать, передается д-ромъ Люксомъ неправильно), мы подивились невольно тѣмъ похваламъ, которыя расточаются ему нѣмецкимъ авторомъ, экономистомъ по преимуществу, и объяснили ихъ себѣ тѣмъ, что докторъ Люксъ и здѣсь говоритъ только съ чужого голоса. Достаточно будетъ замѣтить, что причинами революціи Кабэ считаетъ исключительно распространеніе освободительныхъ идей и развращенность двора и что вообще во всей его „исторіи“ о правовомъ или экономическомъ положеніи народа читатель не найдетъ ни слова; не говоримъ уже объ устарѣлости книги, объ ея вѣшнихъ недостаткахъ, о невѣрной оцѣнкѣ отдѣльныхъ событій и личностей. Также скептически надо отнестись, имѣя предъ глазами парламентскіе отчеты, и къ неумѣреннымъ восхваленіямъ д-ра Люкса ораторскаго таланта Кабэ (стр. 80). Недобросовѣстность біографа становится особенно очевидной, когда ознакомишься съ приложеннымъ въ концѣ книги указателемъ сочиненій Кабэ. Многихъ работъ его и при этомъ не самыхъ малозначительныхъ (какъ, наприм., *Etat de la question sociale en Angleterre, en Ecosse, en Irlande et en France, 1843, Petits dialogues populaires sur la communauté, 1844, и др.*) д-ръ Люксъ совершенно не знаетъ, названія другихъ онъ безбожно переименовываетъ (*Histoire de 1830* вмѣсто *Le salut par l'union ou ruine par la division*) и, наконецъ, опять же извращая заглавія, приписываетъ Кабэ сочиненія его учениковъ (наприм., книжку Белюза *Colonie et république icarienne dans les Etats-Unis d'Amerique, son histoire. Paris, 1855*).

Точку зрѣнія д-ра Люкса при оцѣнкѣ коммунистическаго ученія Кабэ въ общемъ надо признать хотя и не оригинальной, но правильной. Онъ подчеркиваетъ утопическій характеръ икарійскаго коммунизма, настаиваетъ на томъ, что онъ возникъ въ „Британскомъ музеѣ“, что онъ былъ вычитанъ изъ книгъ. Едва ли правильно, однако, противопоставлять взгляды Кабэ ученію Маркса, для вящаго торжества этого послѣдняго. Думается намъ, что такимъ образомъ авторъ обнаруживаетъ только одно: свою историческую близорукость; да и вообще всѣ его разсужденія о современномъ социализмѣ, съ одной стороны, вполне неумѣстны

въ спеціальномъ изслѣдованіи о Кабэ, съ другой—отличаются какою-то трескучею банальностью. Особый колоритъ придаетъ имъ развязно-ругательный тонъ, къ которому нерѣдко прибѣгаетъ д-ръ Люксъ. Такъ, наприм., во вступленіи, черезъ-чуръ элементарномъ и компилятивномъ, чтобы на немъ стоило останавливаться, онъ говоритъ, между прочимъ (стр. 29): „Заговоръ Бабёфа былъ слаборожденнымъ ребенкомъ даже и безъ оппозиціи собственниковъ, которые съ инстинктивною ненавистью собаки противъ каждаго, кто приближается къ ея кости отъ ветчины, оскалили свои зубы“. А нѣсколькими страницами дальше: „Священный союзъ, поддержанный капиталистами и всѣми реакціонными элементами во Франціи... возстановилъ тронъ св. Людовика“ и (дальше настолько уже хорошо, что мы боимся портить переводомъ)... und dem mumifizirten feudalen Königsleibe anstatt des Speckkopfes Ludwigs XVI den Wasserkopf Ludwigs XVIII aufgesetzt (hatten)“ (стр. 34). Едва ли нужно говорить, что эффектъ, получаемый отъ этихъ „кряпкихъ“ словечекъ, весьма далекъ отъ того, на который рассчитывалъ авторъ.

Сказаннаго, думается намъ, совершенно достаточно для правильной оцѣнки всей разбираемой книги: новая біографія Кабэ не заполняетъ существующаго въ этомъ отношеніи пробѣла, а въ серіи выпусковъ *Международной бібліотеки*, которая состоитъ изъ трудовъ Каутскаго о Томасъ Моръ, Бебеля о Фурьё, Энгельса объ англійскихъ рабочихъ, извѣстнаго сочиненія Маркса *Нищета философіи* и др. т. п., работа д-ра Люкса занимаетъ, увы, едва ли не послѣднее мѣсто.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Das Staatsrecht des Königreichs Preussen“, von Prof. K. v. Stengel.—„Das Staatsrecht des Grossenherzogthums Hessen“, von Prof. K. Cosack.—„Das Staatsrecht des Deutschen Reiches“, von Prof. P. Laband.

Das Staatsrecht des Königreichs Preussen, von Prof. K. v. Stengel.—Das Staatsrecht des Grossenherzogthums Hessen, von Prof. K. Cosack.—Das Staatsrecht des Deutschen Reiches, von Prof. P. Laband. Freiburg in B. und Leipzig, 1894. Только что появившіяся отдѣльныя изданія названныхъ изслѣдованій, первоначально напечатанныя во второмъ переработанномъ изданіи *Учебника публичнаго права*, который выходитъ нынѣ подъ редакціей профессоровъ Марквадзена и фонъ-Зейделя*), касаются догмы современнаго государственнаго права Пруссіи, Гессена и Германской имперіи, причемъ имперское германское право является лишь вторымъ передѣланнымъ и исправленнымъ изданіемъ сочиненія того же Лабанда, появившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Подобно другимъ сочиненіямъ по догмѣ современнаго государственнаго права европейскихъ государствъ,—какъ, наприм., сочиненію Зейделя по баварскому праву, Бруза—по итальянскому и др.,—всѣ названныя изслѣдованія написаны, въ общемъ, по одному плану: за историческимъ введеніемъ слѣдуетъ весьма полное и точное изложеніе современной государственной догмы, безъ всякихъ особыхъ отклоненій въ сторону широкихъ обобщеній и выводовъ**). Этотъ общій планъ цѣлаго ряда

*) *Handbuch des Oeffentlichen Rechts, herausgegeben von Dr H. v. Marquardsen*
 **) *Dr M. v. Seydel.*

**) Укажемъ для примѣра содержаніе сочиненія Штенгеля. Такъ, за первую книжкой, обнимающей исторію образованія и развитія Прусскаго государства, слѣдуетъ II, трактующая „о государствѣ и государственномъ устройствѣ“; III—о функціяхъ

работъ, въ обилии издающихся въ послѣднее время, по государственному праву европейскихъ державъ въ высшей степени характеренъ и знаменуетъ собою цѣлое *направленіе* современной научной мысли въ Германіи: прежде чѣмъ задаваться широкими выводами по отношенію къ догмѣ государственнаго права, приходятъ къ мысли о необходимости пересмотра этой догмы на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки, т.-е., иначе говоря, пересмотра, основаннаго на самомъ тщательномъ подробномъ изученіи современнаго государственнаго строя отдѣльныхъ европейскихъ державъ; новое „общее государственное право“ должно явиться уже послѣ такого изученія, какъ обобщеніе, основанное на болѣе положительныхъ и точныхъ, чѣмъ прежде, данныхъ по исторіи, догмѣ и политикѣ всѣхъ государствъ. То же изданіе Марквардзена и Зейделя обѣщаетъ въ скоромъ времени дать читателямъ цѣлый рядъ изслѣдованій такого характера. Такъ, проф. Г. Режь въ Эрлангенѣ даетъ *Geschichte der Staatsrechtswissenschaft*; извѣстный гейдельбергскій проф. Г. Элленекъ—*Allgemeine Staatslehre*; проф. Гарейсъ—*Allgemeine Staatsrecht* и проч.; нѣтъ недостатка и въ другихъ подобныхъ изданіяхъ, частью обобщенныхъ, частью уже исполненныхъ. Въ цѣломъ, такимъ образомъ, если и занимаются, преимущественно, въ настоящее время пересмотромъ и переработкою *догмы* отдѣльныхъ государствъ, какъ задачу, которую необходимо рѣшить *предварительно*, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отказываются и отъ попытокъ тѣхъ или иныхъ обобщеній, строго, впрочемъ, отдѣляя одну задачу отъ другой. Поэтому, какъ указанія выше изслѣдованія, такъ и рядъ другихъ имъ подобныхъ являются исполненными по одному почти плану, гдѣ сухое, чисто-дѣловое изложеніе современной догмы стоитъ на первомъ планѣ; неприготовленнаго къ подобнымъ серьезнымъ работамъ читателя такое изложеніе на первый разъ можетъ оттолкнуть нѣкоторую схоластичность и какъ бы узкостью задачи, такъ какъ только догма, и догма права, вытѣсняетъ здѣсь все; но, преодолевъ это однообразіе впечатлѣнія, читатель выходитъ изъ изученія этой догмы вооруженнымъ воплію *точныхъ*, положительныхъ данными о современномъ государственномъ строѣ той или иной европейской державы; само обобщеніе, которое онъ захотѣлъ бы построить затѣмъ, явится уже обоснованнымъ не какими-либо гадательными и произвольными соображеніями, а знаніемъ настоящихъ жизненныхъ условій структуры современнаго государства, по скольку они отразились въ его положительномъ правѣ. Утомительная въ началѣ работа даетъ превосходные плоды въ послѣдствіи. Вотъ почему нельзя не обратить серьезнаго вниманія на изданія, подобныя указаннымъ выше, всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы ознакомиться съ современнымъ государственнымъ правомъ европейскихъ державъ въ наиболѣе точномъ и вѣрномъ его изложеніи.

Что касается только что названныхъ сочиненій, то изъ нихъ извѣстное изслѣдованіе проф. Лабанда по догмѣ государственнаго права Германской имперіи заслуживаетъ особаго вниманія обширнаго круга

государственной власти; IV — о финансовомъ управленіи; V — объ общинахъ и ихъ устройствѣ; VI — о провинціальномъ управленіи; VII — о вѣнскихъ сношеніяхъ государства и VIII — о войскахъ. Нѣкоторыя части или „книги“, по терминологіи изслѣдованія, особенно интересны. Такова, наприм., 2-я книга, трактующая о правовомъ положеніи монарха въ Пруссіи, о народномъ представительствѣ и устройствѣ органовъ государственнаго управленія; такова далѣе книга, касающаяся мѣстнаго управленія и проч.

читателей. Послѣ небольшого, но обстоятельнаго очерка возникновенія Германской имперіи, авторъ обрисовываетъ передъ читателемъ основанія „правовой природы имперіи“ („die rechtliche Natur des Reichs“), касается отношенія имперіи къ ея сочленамъ — государствомъ, приводитъ всѣ важнѣйшія данныя по организаціи имперіи, ея функціяхъ, составныхъ частяхъ, касается законодательства по отдѣльнымъ отраслямъ государственнаго управленія и т. д.; въ цѣломъ получается отчетливое представленіе о положеніи монарха, роли союзнаго совѣта, рейхстага, взаимнаго отношенія отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ имперіи, къ этой послѣдней и проч.; указанія на первоисточники и литературу вопроса вездѣ, конечно, вполне точны и опредѣленны, такъ что, въ цѣломъ, дается возможность отнестись критически къ выводу автора.

Не менѣе интереса, хотя и у не столь обширнаго круга читателей, должно вызвать изслѣдованіе вюрцбургскаго профессора Штенгеля по государственному праву Пруссіи, содержаніе коего кратко было указано нами выше; это изслѣдованіе гораздо обширнѣе и обстоятельнѣе изслѣдованія проф. Германа Шульце, которое было помѣщено въ первомъ изданіи названнаго *Учебника публичнаго права*; въ него введены, во-первыхъ, всѣ тѣ измѣненія, какія потерпѣла съ того времени догма прусскаго права, а, во-вторыхъ, расширены нѣкоторые отдѣлы и т. д. Прусское государство, сообразно его значенію и положенію въ Германской имперіи, получаетъ теперь и вполне серьезнаго изслѣдователя въ новомъ общемъ изданіи по государственному праву европейскихъ державъ.

МАТЕМАТИКА.

„Объ основаніяхъ геометріи“. Изд. физико-математическаго общества.

Объ основаніяхъ геометріи. Гауссъ, Бельтрами, Риманнъ, Гельмгольтцъ, Ли, Пуанкаре. Изданіе физико-математическаго общества къ столѣтнему юбилею Н. И. Лобачевского. Съ 2 гравированными таблицами чертежей. Казань, 1893 г. Цѣна 1 р. Изданіе съ приведеннымъ сейчасъ заглавіемъ представляетъ сборникъ переводовъ на русскій языкъ слѣдующихъ статей: *Переписка Гаусса съ Шумахеромъ по вопросу о параллельныхъ линіяхъ* (стр. III—IX); Е. Бельтрами: *Опытъ объясненія неевклидовой геометріи* (стр. 1—37); Е. Бельтрами: *Основная теорія пространствъ съ постоянною кривизной* (стр. 38—66); Б. Риманнъ: *О гипотезахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи* (стр. 67—82); Г. Гельмгольтцъ: *О фактахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи* (стр. 83—102); Софусъ Ли: *Замѣчанія на работу Гельмгольца: „О фактахъ, лежащихъ въ основаніи геометріи“* (стр. 103—108); Г. Пуанкаре: *Объ основныхъ гипотезахъ геометріи* (стр. 109—121). Кроме этихъ статей, изданіе содержитъ въ себѣ еще предисловіе, заявленіе комитета для образованія капитала имени Н. И. Лобачевского, списокъ почетныхъ членовъ того же комитета и составъ его мѣстнаго распорядительнаго отдѣленія.

Цѣль изданія разсматриваемаго сборника выражена слѣдующими словами предисловія: „Работы нашего Лобачевского положили начало ряду изслѣдованій объ основаніяхъ геометріи; но пониманію и уясне-

нію его гениальныхъ мыслей и дальнѣйшему ихъ развитію много способствовали своими трудами Бельтрами, Риманнъ, Гельмгольтцъ, Кэли, Гуэль, Клейнъ, Клиффордъ, Ли, Пуанкаре, Киллингъ и др. Чтобъ облегчить русскимъ читателямъ знакомство съ работами этихъ ученыхъ по вопросу объ основаніяхъ геометріи, физико-математическое общество при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ предпріяло изданіе сдѣланныхъ его членами переводовъ важнѣйшихъ мемуаровъ по этому вопросу* (стр. I).

И такъ, предметомъ сборника, какъ это, между прочимъ, показываетъ и его заглавіе, является вопросъ объ основаніяхъ геометріи, принадлежащій какъ по своему дѣйствительному значенію, такъ и по современному положенію къ числу важнѣйшихъ въ области философіи математики. Въ какомъ состояніи находился этотъ вопросъ въ эпоху, непосредственно предшествующую его изученію названными выше авторами, и съ чего нужно было начать это изученіе, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Риманна*), излагающихъ предпосылаемый изъ своей статьѣ планъ изслѣдованія: „Какъ извѣстно, геометрія предполагаетъ понятіе пространства и первыя основныя понятія о построеніяхъ въ пространствѣ, какъ нѣчто напередъ данное. Она даетъ для ихъ опредѣленія чисто-номинальныя, тогда какъ существенныя опредѣленія вводятся въ видѣ аксіомъ. Взаимное отношеніе дѣлаемыхъ такимъ образомъ первичныхъ предположеній остается поэтому во мракѣ; не видно, необходима ли связь между ними и въ какой мѣрѣ; а ригоръ не ясно даже, возможна ли такая связь.

„Эта темнота не была устранена ни математиками, ни философами, занимавшимися этимъ предметомъ, начиная отъ Евклида до Лежандра, — чтобы назвать только знаменитѣйшаго изъ современныхъ воздѣлывателей геометріи. Причиною этому было, разумѣется, то обстоятельство, что оставалось совершенно неразработаннымъ общее понятіе о многократно протяженныхъ величинахъ, которыхъ частный случай составляютъ пространственныя величины. Я поэтому поставилъ себѣ прежде всего задачу вывести понятіе о многократно протяженной величинѣ изъ общихъ понятій о величинѣ. Отсюда будетъ ясно, что многократно протяженная величина можетъ обладать различными метрическими соотношеніями, и пространство поэтому является только нѣкоторыми особеннымъ случаемъ трикратно протяженной величины. Необходимымъ же слѣдствіемъ отсюда будетъ то, что теоремы геометріи не могутъ быть выведены изъ общихъ понятій о величинѣ, но что тѣ свойства, которыми отличается пространство отъ другихъ мыслимыхъ трикратно протяженныхъ величинъ, могутъ быть выведены только изъ опыта. Отсюда является задача — отыскать простѣйшіе факты, изъ которыхъ могутъ быть выведены метрическія соотношенія пространства, — задача, которая по самой сущности вещей не вполне опредѣленна, ибо можно выбрать нѣсколько системъ простыхъ фактовъ, достаточныхъ для опредѣленія метрическихъ соотношеній пространства; важнѣе всего для настоящей цѣли та система, которая положена въ основаніе Евклидомъ. Факты эти, какъ и всѣ факты, не необходимы, — они имѣютъ только эмпирическую достовѣрность, они суть гипотезы; поэтому нужно изслѣдовать ихъ правдоподобность, которая во всякомъ случаѣ весьма

*) Выдающійся математикъ, ученикъ Гаусса. Біографію его см. во II выпускѣ *Біографій знаменитыхъ математиковъ XIX столѣтія* (Москва, 1894 г.).

велика въ предѣлахъ наблюдений, и затѣмъ уже судить о возможности распространеніи ихъ и за границы наблюдений, какъ въ сторону величинъ неизмѣримо-большихъ, такъ и въ сторону неизмѣримо-малыхъ“ (стр. 67—68).

Тѣмъ же путемъ шелъ, по собственному признанію, и Гельмгольтцъ, но мотивы, заставившіе его выступить на этотъ путь, были другіе. „Мои изслѣдованія о пространственныхъ воспріятіяхъ въ полѣ зрѣнія,—говорить онъ,—привели меня и къ изслѣдованію по вопросу о происхожденіи и сущности нашихъ общихъ воззрѣній о пространствахъ. При этомъ прежде всего явился вопросъ, несомнѣнно принадлежащій въ области точныхъ наукъ: какія изъ положеній геометріи имѣютъ объективное значеніе? какія изъ нихъ, напротивъ, суть только опредѣленія или зависятъ только отъ формы представленія? Этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, разрѣшается не такъ просто, такъ какъ въ геометріи мы имѣемъ дѣло постоянно съ идеальными геометрическими формами, которыхъ вещественное представленіе въ дѣйствительности есть всегда только приближеніе къ требованіямъ понятія,—и мы рѣшаемъ вопросы, твердо ли тѣло, плоски ли его грани, прямы ли его ребра,—съ помощью тѣхъ же положеній, которыхъ фактическую вѣрность хотимъ провѣрить опытомъ“ (стр. 83).

Изслѣдованія основаній геометріи имѣли чрезвычайно важное значеніе, съ одной стороны, для теоріи познанія, съ другой—для философіи и исторіи математики. Для теоріи познанія они открыли новую область изслѣдованія, которая прежде была закрыта господствовавшими въ наукѣ произвольными метафизическими воззрѣніями. Въ философіи математики они положили конецъ господству только что упомянутыхъ воззрѣній и тѣмъ способствовали разсѣянію многихъ предразсудковъ, врождѣ, наприм., убѣжденія въ совершенной точности той группы наукъ, которой вслѣдствіе этого и былъ присвоенъ, въ отличіе отъ другихъ, эпитетъ точныхъ. Наконецъ, въ исторіи математики тѣмъ же изслѣдованіямъ принадлежитъ весьма видное мѣсто въ ряду причинъ, заставившихъ дѣятелей этой науки раздвинуть область своихъ изысканій за установленный ранѣе предѣлъ, представляемый появленіемъ первыхъ произведеній математической литературы.

Указанная сейчасъ важность изслѣдованій, посвященныхъ основаніямъ геометріи, заставляетъ видѣть въ переводѣ на русскій языкъ главнѣйшихъ изъ посвященныхъ имъ статей чрезвычайно цѣнный вкладъ въ русскую математическую литературу, къ тому же, вообще крайне редную произведеніями философско-математическаго характера.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторую неточность, содержащуюся въ приведенномъ выше изложеніи цѣли изданія разсматриваемаго сборника. Понятое въ буквальномъ смыслѣ, это изложеніе, говоря вообще, нѣсколько преувеличиваетъ заслуги Лобачевского. Если на него можно смотрѣть какъ на инициатора въ дѣлѣ изученія основаній геометріи, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что его произведенія являются по времени своего появленія между посвященными этому изученію едва ли не первыми, но никакъ не въ смыслѣ даннаго ими импульса къ этому изученію. Сообщить послѣдній произведенія Лобачевского не могли по той простой причинѣ, что въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ своего появленія были очень мало извѣстны. Римантъ, наприм., совсѣмъ не былъ знакомъ съ ними. Гельмгольтцу же они стали извѣстны уже послѣ выхода въ свѣтъ его, содержащагося въ разсматриваемомъ сборникѣ, произведенія.

МЕДИЦИНА.

„Второй годовой отчетъ московской городской санитарной станціи“. Проф. *Ө. Ө. Эрнсмана*.—„Красота и недостатки человѣческихъ формъ“. *Эрнеста Брюкке*.—„Лечение сифилиса“. *Альфреда Фурте*.—„Главные основы анатоміи, фивіологіи и гігіены“. *Венигборгера*.

Второй годовой отчетъ московской городской санитарной станціи, устроенной при гігіеническомъ институтѣ Императорскаго Московскаго университета (май 1892 и 1893 г.). Составленъ подъ редакціей завѣдующаго станціей проф. *Ө. Ө. Эрнсмана*. Москва, 1894 г. 15 февраля 1891 г. была открыта при гігіенической лабораторіи Московскаго университета городская санитарная станція. „Вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ лабораторіи для изслѣдованія състныхъ припасовъ и другихъ предметовъ потребленія хотя и возникалъ неоднократно въ теченіе 80-хъ годовъ, но получилъ серьезное движеніе лишь въ 1889 г. Въ началѣ этого года бывшій московскій генералъ-губернаторъ В. А. Долгоруковъ предложилъ городскому головѣ внести этотъ вопросъ на обсужденіе городской думы, а дума, съ своей стороны, поручила управѣ представить докладъ по этому предмету. Въслѣдствіе этого, вопросъ объ устройствѣ подобной лабораторіи или „санитарной станціи“ былъ переданъ управой на предварительное обсужденіе исполнительной санитарной комиссіи, состоящей изъ городскихъ санитарныхъ врачей подъ предѣдательствомъ члена управы; санитарные врачи избрали изъ своей среды комиссію изъ трехъ лицъ, которымъ и поручили разработать этотъ вопросъ“.

Названная комиссія высказалась въ принципѣ за организацію городомъ самостоятельной лабораторіи, но, принимая во вниманіе, что на дѣлѣ немедленное учрежденіе самостоятельной городской санитарной станціи было бы нѣсколько преждевременно и, во всякомъ случаѣ, затруднительно, она пришла къ заключенію, что удобнѣе всего было бы учредить въ настоящее время станцію при гігіеническомъ институтѣ Московскаго университета и подъ руководствомъ профессора гігіены.

Съ этимъ заключеніемъ комиссіи согласилась городская дума, согласно постановленію которой при гігіенической лабораторіи Московскаго университета была учреждена городская санитарная станція, открывшая свои дѣйствія 1 апрѣля 1894 г.

До настоящаго времени санитарная станція въ своей дѣятельности руководствовалась выработаннымъ санитарными врачами и принятымъ думой положеніемъ, что аналитическія работы на станціи для начала должны имѣть систематическій характеръ и касаться, прежде всего, наиболѣе употребительныхъ жизненныхъ продуктовъ.

Изслѣдуемые предметы, въ большинствѣ случаевъ, покупались персоналомъ станціи въ соответственныхъ лавкахъ, магазинахъ и на рынкахъ. Въ первый годъ (или, точнѣе, 14 мѣсяцевъ) всѣхъ анализовъ было сдѣлано 498, во второй годъ—470.

Предметы, подвергавшіеся изслѣдованію, были слѣдующіе: хлѣбъ, мука, молоко, масло, вода, водки, наливки, виноградное вино, хересъ, пиво, квасъ, чай, кофе и ихъ суррогаты, укусуъ и укусуная эссенція, оливковое масло, керосинъ, обои, зеленая краска, конфекты, пироги орѣховый, марципанъ, фисташки, апельсины.

Какъ видно изъ этого перечня, изслѣдованію подвергались всѣ

наиболѣе важные предметы потребления, кромѣ мяса, которое было исключено на томъ основаніи, что санитарное изслѣдованіе его производится въ настоящее время на городскихъ бойняхъ.

О результатахъ своей дѣятельности станція представляетъ краткіе отчеты черезъ каждые два мѣсяца московскому городскому общественному управленію и кромѣ того печатаетъ подробный годовой отчетъ.

Во второмъ годовомъ отчетѣ, также какъ и въ первомъ, собираются не только результаты изслѣдованій, но и подробно излагаются методы изслѣдованія, благодаря чему эти отчеты представляютъ не малый интересъ для химиковъ-аналитиковъ. *Отчетъ* распадается на двѣ части: общую и спеціальную. Въ первой, составленной проф. Ф. Ф. Эрисманомъ, изложены „соображенія объ организаціи дѣятельности станціи въ ближайшемъ будущемъ, а также основанія для установленія таксы за изслѣдованія, производимыя для постороннихъ лицъ и учреждений. Тутъ же приложенъ проектъ таксы за производимыя на станціи работы. Особая глава посвящена вопросу объ осуществленіи въ Москвѣ надлежащаго надзора за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ и предметовъ потребления вообще и объ участіи станціи въ этомъ дѣлѣ.

Изслѣдованія пищевыхъ продуктовъ, производимыя на станціи, показали, что фальсификація этихъ продуктовъ является довольно распространенной, поэтому нельзя не согласиться съ составителями отчета, которые почти каждое изслѣдованіе заканчиваютъ фразой о настоятельной необходимости организаціи постоянного правильнаго санитарнаго надзора надъ торговлей пищевыми продуктами.

Въ общей же части отчета помѣщенъ краткій обзоръ аналитическихъ данныхъ, добытыхъ станціей въ теченіе отчетнаго года.

Въ спеціальной части, въ первой главѣ, заключается подробное описаніе анализовъ, произведенныхъ по порученію городской управы (воды изъ различныхъ источниковъ, краснаго вина, колбасы, анельсиновъ-корольковъ). Вторая глава посвящена описанію изслѣдованія коровьяго масла, прованскаго масла, водокъ, наливокъ и чая. Для того, чтобы показать, какіе продукты иной разъ предлагаются въ Москвѣ покупателямъ, мы приведемъ здѣсь результаты изслѣдованія прованскаго масла: изъ всѣхъ 22 пробъ „прованскаго“ масла только 7 можно признать натуральнымъ оливковымъ масломъ, остальные же (68%) фальсифицированы посторонними, болѣе дешевыми растительными маслами, причемъ изъ этихъ 15 пробъ подмѣсъ кунжутнаго масла наблюдалась въ 9 образцахъ, остальные же 6 сортовъ фальсифицированы другими маслами (подсолнечнымъ, сурьфиннымъ и друг.). Случается, что масло, продаваемое за прованское, представляетъ почти чистое кунжутное. Масло, взятое въ крупныхъ магазинахъ (отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. за 1 бут.), оказалось совершенно чистымъ, продаваемое же въ мелкихъ колоніальныхъ лавкахъ „лучшее прованское масло“, въ большинствѣ случаевъ (въ 14 изъ 15), оказывается фальсифицированнымъ, хотя продается почти за ту же цѣну, что и въ крупныхъ магазинахъ. Кромѣ того, укупорка масла въ мелкихъ лавкахъ въ высшей степени неопытна; бутылки затыкаются старыми, бывшими въ употребленіи, пробками, приобретаемыми у старьевщиковъ, которые собираютъ ихъ въ выгребныхъ ямахъ. Чтобы скрыть недостатки подобныхъ пробокъ, торговцы прикрываютъ ихъ свинцовыми колпачками; масло легко проникаетъ черезъ плохія пробки, дѣйствуетъ на свинецъ и изъ колпачками образуется нерѣдко слой свинцовыхъ солей. По-

нотно, что при проникновении этих солей в масло у потребителей легко может быть вызвано хроническое отравление свинцомъ.

Третья глава в специальной части, наиболее обширная, сообщает много интересных данных по исследованию натурального виноградного вина и хереса. Статья эта, составленная М. Б. Блаубергомъ, может служить руководством при исследовании вина, — настолько полно описаны имъ способы исследования. Для того, чтобы получить верныя основы для оценки продажныхъ винъ в смыслъ ихъ фальсификаціи, станція рѣшила произвести подробное химическое исследование натурального виноградного вина, причемъ она остановилась на крымскихъ винахъ, в виду ихъ большей распространенности. Былъ произведенъ 31 анализъ. Изъ этого числа 17 образцовъ было взято изъ погреба департамента удѣловъ и 14 образцовъ изъ склада кн. Л. С. Голицына. Цѣной вина были отъ 60 коп. до 1 р. 70 коп. По исследованіи оказалось, что въ винахъ изъ обоихъ упомянутыхъ источниковъ никакихъ вредныхъ для здоровья потребителей веществъ не содержится. Съ этими винами не было предпринято никакихъ манипуляцій для сдобриванія ихъ. Рыночная стоимость ихъ прямо пропорціональна большей или меньшей доброкачественности ихъ, т.-е. за болѣе выдержанное вино назначена и болѣе высокая цѣна.

Интересные результаты получились при исследованіи различныхъ сортовъ хереса, продаваемыхъ в Москвѣ. Всего было исследовано 24 пробы хереса, цѣной отъ 85 коп. до 6 р. за бут.: 20 образцовъ приобрѣтено в трехъ лучшихъ погребахъ, торгующихъ иностранными винами, 2 пробы — въ мелкихъ винныхъ лавкахъ и 2 — въ одномъ изъ крупныхъ аптекарскихъ магазиновъ. Дешевые сорта хереса (цѣной ниже 1 р. 80 к. за бутылку) представляли продуктъ грубой фальсификаціи. Это — или смѣси незначительнаго количества винограднаго вина, воды, спирта и сахара, сдобренныя эссенціей „Scheggy“, или же они приготовлены по известнымъ рецептамъ, безъ всякой примѣси винограднаго вина. Болѣе дорогие сорта хереса, начиная съ 2 рублей, представляютъ всѣ типическія особенности хереса, но они приготовлены изъ весьма сильно гипсованнаго вина, такъ что количество въ нихъ сѣрнокислаго калия превышаетъ болѣе, чѣмъ въ 3 раза, предѣльную норму, установленную для гипсованныхъ винъ. Что касается сортовъ хереса, взятыхъ въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ аптекарскихъ магазиновъ (по 2 р. 50 коп. за бутылку), то, по своей доброкачественности, они могутъ конкурировать съ образцами значительно болѣе высокой стоимости (въ 5 руб. и больше), отпускаемыми изъ винныхъ погребовъ. По меньшему же содержанію сѣрновой кислоты они имѣютъ даже преимущество.

Въ четвертой главѣ (последней), составленной М. Б. Коцынымъ, содержатся результаты исследованийъ молока, кваса, кофе и его суррогатовъ.

Что касается кофе и его суррогатовъ (цикорнаго, ржаного, ячменнаго, изъ винныхъ ягодъ и т. п.), то исследование обнаружило, что изъ 9 пробъ молотатаго кофе только 1 могла быть признана за чистый, натуральный кофе, всѣ же остальные оказались въ болѣе или меньшей степени фальсифицированными, а именно: 2 пробы были подмѣшаны цикоріемъ (около 40% подмѣси), 1 — винными ягодами и дубовыми желудями (около 60—70%), 4 — цикоріемъ и винными ягодами (около 30%) и 1 — цикоріемъ, дубовыми желудями и свежлой (около 70%).

„Отъ этой фальсификаціи, — говорится въ отчетѣ, — потребители кофе

легко могли бы избавиться, покупая его въ бобахъ, хотя бы и въ жже-ныхъ, такъ какъ фальсификація бобовъ, будучи распознаваема по виѣш-аему виду ихъ, едва ли можетъ проявляться въ широкихъ размѣрахъ“.

Изъ произведенныхъ надъ суррогатами кофе анализовъ (7) оказа-лось, что цикорный кофе, ржаной, ячменный, кофе изъ винныхъ ягодъ не содержатъ въ себѣ никакихъ подмѣсей, такъ что суррогаты кофе предлагаются покупателю въ гораздо болѣе чистомъ и натуральномъ видѣ, чѣмъ самъ кофе.

• Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе подробно останавли-ваться на содержаніи *Второго годового отчета*, но изъ того, что мы привели, видно, что въ немъ находится много интересныхъ данныхъ по вопросу о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, продаваемыхъ въ Москвѣ.

Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Эрнеста Брюкке. Переводъ д-ра Аршавскаго. Изд. Югансона. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. Книга предназначена для гг. художниковъ съ цѣлью обратить ихъ вни-маніе на нѣкоторыя обстоятельства, какъ говоритъ авторъ въ предис-ловіи, „которые часто упускаются ими изъ виду“. На „красоту“ ав-торъ смотритъ съ „чисто-художественной точки зрѣнія, въ пого-вѣ за реализмомъ художниковъ онъ видитъ признаки упадка и оди-чалости“; разбирая въ дальнѣйшемъ изложеніи по частямъ тѣла кра-соту античныхъ образцовъ скульптуры и живописи, авторъ указываетъ на недостатки дѣйствительности, на условія ихъ происхожденія и на возможность иной разъ при извѣстныхъ положеніяхъ фигуры избѣгнуть ихъ и не оскорбить, слѣдовательно, изображеніемъ ихъ культа идеаль-ной красоты. Въ этомъ ли задачи искусства, конечно, можно сомнѣ-ваться. Что касается перевода, то уже безъ всякаго сомнѣнія и спора онъ крайне плохъ, на любой страницѣ вы встрѣтите и ошибки, и дур-ныя выраженія, а мѣстами и прямо темныя мѣста, очевидно, непоня-тыя переводчикомъ; напримѣръ (стр. 13): „у насъ встрѣчается боль-шое множество красивыхъ и цвѣтущихъ дѣвушекъ, показывающихъ эту линію; это-то обстоятельство и склоняетъ хужниковъ къ подража-нію ея“ (стр. 40), „но оно (предплечье) представляется такимъ обра-зомъ, что можетъ быть приводимо въ самыя разнообразныя положенія, не давая при этомъ некрасивыхъ линій, и которое (?) потому я дол-женъ считать наилучшимъ для цѣлей художника“, „часто рѣзкая и прямая горизонтальная борозда... возникла“ и т. п.

Леченіе сифилиса. Альфреда Фурнье. Пер. Говсѣева. Изданіе Говсѣева. Харьковъ, 1893 г. Цѣна 2 р. 50 к. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ клиникѣ нельзя научиться лечить си-филисъ, такъ какъ эта болѣзнь—хроническая, требующая не мѣся-цевъ, а годовъ для своего излеченія. Книга предназначена, слѣдова-тельно, главнымъ образомъ, для практическихъ врачей и посвящена вопросамъ практическаго свойства: когда слѣдуетъ начинать леченіе сифилиса, какъ его вести, когда слѣдуетъ прекратить леченіе и т. п. Вся терапия сифилиса сводится авторомъ къ двумъ главнымъ принци-памъ: первый—для того, чтобы специфическое леченіе оказало въ пол-ной мѣрѣ свой полезный результатъ, оно должно быть производимо перемежающимися курсами, т.-е. не непрерывно; второй—для того, чтобъ осуществилось ожидаемое нами предупредительное вліяніе, спе-цифическое леченіе должно производиться очень долго. Приводитъ со-держаніе 62 главъ, на которыя разбита книга, неумѣстно и невоз-можго. Между прочимъ, авторъ сообщаетъ очень интересное наблюде-

ніе: мужчины, заболѣвающіе сифилисомъ, часто страдаютъ „сифилитическою тоской“, видятъ въ себѣ „мишень для массы будущихъ припадковъ“, въ особенности со стороны головного и спинного мозга, считаютъ себя „приговоренными къ безбрачію“ и т. п.; у женщинъ же, напротивъ, такое душевное состояніе—рѣдкое, почти исключительное явленіе: „Онѣ не чувствуютъ, подобно мужчинамъ, такого ужаса передъ сифилисомъ. Вначалѣ онѣ сильно взволнованы и потрясены своею болѣзнью; но скоро онѣ примираются съ нимъ, не беспокоятся болѣе, не думаютъ о немъ и, въ особенности, не заботятся о будущемъ“. Отъ чего это зависитъ,—отъ „темперамента, натуры, характера?“—авторъ не рѣшаетъ. Знакомство съ этою книгой далеко не лишне не только врачу, но и образованному человѣку, тѣмъ болѣе, что она изложена прекраснымъ, живымъ, образнымъ и удобопонятнымъ языкомъ, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ. Переводъ не оставляетъ желать лучшаго; внѣшность изданія изящна.

Главные основы анатоміи, фізіологіи и гігіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ Кенигсберга. Съ предисловіемъ проф. Эрисмана и 38 рис. въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Цѣна 2 р. Книга эта, какъ явствуетъ изъ предисловія автора, предназначена для учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ; ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія она одобрена для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изложеніе идетъ въ формѣ бесѣдъ (25) и, главнымъ образомъ, посвящено популяризаціи различныхъ гігіеническихъ свѣдѣній. Въ началѣ cadaго отдѣла авторъ предпосылаетъ краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и фізіологіи различныхъ органовъ человѣческаго тѣла. Особенное вниманіе обращено на гігіену питанія вообще и гігіену питанія въ дѣтскомъ возрастѣ въ частности. Несмотря на несомнѣнныя достоинства книги, нельзя не указать на массу замѣченныхъ и незамѣченныхъ опечатокъ, погрѣшностей противъ языка: „вырабатывается представление... заболѣваемъ“, „возможность достигнуть не только тѣлесное здоровье“ и т. п. Кроме того, изложеніе мѣстами очень неточно, даже непонятно, какъ, наприм., въ описаніи строенія костной ткани, „состоящей изъ звѣздчатыхъ полостей“, „костный мозгъ способствуетъ крѣпости костей“; неудаченъ также схематическій рисунокъ сердца на стр. 186, а въ схемѣ кругообращенія крови на стр. 192 пропущенъ такой важный органъ, какъ почки. Во всякомъ случаѣ, эти недостатки нежелательны, тѣмъ болѣе, что ихъ легко было бы избѣжать при болѣе внимательномъ просмотрѣ.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Фруктовое и ягодное винодѣліе и его значеніе для Россіи“. К. К. Вебера. — „Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій и прочаго лицевого товара для архитектурнаго искусства“. В. И. Селзнева. — „Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій въ настоящее и прошлое“. В. И. Селзнева. — „Корзиночное производство“. К. К. Вебера.

Фруктовое и ягодное винодѣліе и его значеніе для Россіи. Составилъ инженеръ-технологъ К. К. Веберъ. 2-е изданіе. Съ 25 рисунками въ текстѣ. Изданіе Деврїена. Спб., 1893 г. Цѣна 75 к. Фруктовое и ягодное винодѣліе, давно существующее, наприм., въ Германіи и во Франціи, въ Россіи почти не извѣстно, несмотря на многія

благопріятныя условія для его здѣсь развитія. За границей плодвое винодѣліе развивается на ряду съ винограднымъ, доставляя дешевый, вкусный и здоровый напитокъ, главнымъ образомъ, конечно, для внутреннего потребленія. Много плодоваго вина выдѣлывается, наприм., въ Виртембергѣ. Департаментъ Марны производитъ отличное плодвое шампанское. Лучшіе сорта этихъ винъ вывозятся въ большомъ количествѣ въ Россію и сбываются у насъ подъ этикетами виноградныхъ.

Приготовленіе хорошаго вина изъ плодовъ требуетъ извѣстныхъ знаній и большой опытности. Но въ общемъ оно мало чѣмъ отличается отъ производства обыкновенныхъ виноградныхъ винъ. Тѣ же операціи, приемы и аппараты. Различіе только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ деталяхъ.

Составленное г. Веберомъ краткое руководство по плодвому и ягодоному винодѣлію въ достаточной степени знакомитъ съ сущностью этого сложнаго дѣла. Всѣ данныя заимствованы авторомъ, главнымъ образомъ, изъ иностранныхъ источниковъ. Очень жаль, что онъ не воспользовался опытомъ и указаніями тѣхъ лицъ, которые занимались этимъ вопросомъ въ Россіи. Подъ рубрикой „Производство плодоваго вина въ Россіи“ г. Веберъ могъ бы дать много цѣнныхъ свѣдѣній относительно опытокъ завести у насъ плодвое винодѣліе. Авторъ же объ этомъ совершенно умалчиваетъ, какъ будто попытки эти ему совсѣмъ не извѣстны.

Въ общемъ книжка г. Вебера составлена недурно. Непріятное впечатлѣніе производятъ довольно обычныя у автора многословіе и расплывчатость изложенія. Книжка издана хорошо и по цѣнѣ вполне доступна.

Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ надѣлій и прочаго лицевого товара для архитектурнаго искусства. Составилъ инженеръ-технологъ К. К. Веберъ. Съ атласомъ, состоящимъ изъ 24 таблицъ, съ 230 рисунками. Изданіе Девріена. Спб., 1893 г. Ц. 5 р. съ атласомъ. Книга г. Вебера написана очень тяжелымъ языкомъ. На каждомъ шагу въ ней встрѣчаются такіе обороты рѣчи, выраженія и термины, которые весьма затрудняютъ пониманіе даже для тѣхъ, кто уже знакомъ съ предметомъ. Сжатое и ясное изложеніе въ особенности необходимо для пракческаго руководства, тѣмъ болѣе, если оно предназначается не для специалистовъ. Г. Веберъ въ своемъ предисловіи прямо указываетъ, что „цѣль и назначеніе его труда—служить практическимъ руководствомъ заводчику, кустарю и сельскому хозяину“. Удобопонятный языкъ и популярное изложеніе здѣсь необходимы. Авторъ же, тщательно избѣгая всякихъ научныхъ понятій и объясненій, въ своихъ длинныхъ, сбивчивыхъ и шероховатыхъ выраженіяхъ затемняетъ иногда самую сущность дѣла и даетъ только смутное представленіе о трактуемомъ предметѣ. Вотъ образецъ этого языка. На стр. 10 объ огнеупорной глинѣ авторъ говоритъ, что она „лишь при самой высокой температурѣ бѣлаго раскала сильно мягчѣетъ“. На той же страницѣ читаемъ: „Въ глинѣ болѣе старой формациі алкалістия соли почти совершенно исчезли, отчего матеріалъ становится болѣе чистымъ. Подвергаясь менѣе сплаву и становясь, иначе говоря, болѣе огнеупорнымъ“. Здѣсь же авторъ называетъ разновидности глины *породими*, *маолинъ*—*фаянсовою* глиной. На стр. 13 говорится, что глина состоитъ изъ мельчайшихъ шариковъ (образчикъ научной популяризаціи), на стр. 14 утверждается, благодаря смѣшенію понятій о гигроскопичности и

водоёмкости, что „глина чрезвычайно гигроскопична, т.-е., въ отличіе отъ другихъ минеральныхъ тѣлъ, способна поглощать и удерживать большое количество воды“. Пластичность авторъ называетъ формоспособностью. Есть еще терминъ—конкурентоспособность. Однимъ словомъ, языкъ оригинальный, но не русский.

Всякихъ научныхъ объясненій г. Веберъ избѣгаетъ. Онъ не даетъ даже химическаго состава глины, а ограничивается только намеками, наприм., „не вполне чистая глина, т.-е. содержащая, кромѣ глинозема, еще другіе минералы“ (стр. 23).

Лучше изложена практическая часть, описаніе машинъ, аппаратовъ, печей. Къ книгѣ приложенъ недурной атласъ. Всѣ чертежи снабжены масштабами и размѣрами.

Можно пожалѣть, что столь полезное по существу руководство написано не вполне удовлетворительно. При лучшей обработкѣ и болѣе толковомъ изложеніи оно могло бы имѣть весьма важное значеніе для русской промышленности. Наше кирпичное и гончарное дѣло, какъ извѣстно, находится въ довольно печальномъ положеніи.

Производство и украшеніе глиняныхъ издѣлій въ настоящемъ и прошломъ (керамика). Для техниковъ, художниковъ и любителей керамики. Составилъ В. И. Селезневъ, завѣдующій фабрикаціей эмали для мозаичнаго отдѣленія Императорской академіи художествъ. Съ 104 рисунками. Изданіе Риккера. Спб., 1894 г. Цѣна 3 рубля. Керамика составляетъ обширный отдѣлъ химической технологии, обнимающій собою цѣлый рядъ разнообразныхъ техническихъ производствъ. Главнымъ основнымъ матеріаломъ для керамики является глина. Отличительная черта нѣкоторыхъ керамическихъ производствъ заключается въ томъ, что здѣсь тѣсно соприкасаются приемы грубой ручной и машинной обработки съ разностороннимъ проявленіемъ художественнаго элемента при окончательной обдѣлкѣ и украшеніяхъ. Таковы, наприм., разныя фарфоровыя издѣлія, посуда, вазы, статуэтки и т. п. По глинянымъ производствамъ чисто-техническаго характера (выдѣлка кирпича, черепицы, трубъ, простой посуды, горшковъ) существуетъ достаточное число руководствъ, но по части художественной керамики техническая литература очень бѣдна.

Трудъ г. Селезнева заключаетъ въ себѣ описаніе свойствъ глины, химическихъ и техническихъ основъ ея переработки, системъ обжигательныхъ печей, началъ декоративной техники, видовъ глинянаго товара и пр. Механическая часть изложена только въ самыхъ общихъ чертахъ, но за то обстоятельно разработаны научныя основы керамическихъ процессовъ и въ особенности художественная (декоративная) сторона дѣла.

Такимъ образомъ, весьма интересная по содержанию книга г. Селезнева восполняетъ одинъ изъ существенныхъ пробѣловъ въ технологии глиняныхъ издѣлій. Въ сжатомъ, общедоступномъ изложеніи авторъ даетъ все наиболѣе важное, сообщаетъ массу живыхъ и solidныхъ свѣдѣній. Помимо научно-техническаго значенія, книга представляетъ несомнѣнно и общій интересъ. Интересующіеся художественною керамикой найдутъ въ ней все, что можно требовать отъ подобнаго руководства. Весьма обстоятельно изложенъ также историческій отдѣлъ. Что касается чисто-техническихъ свѣдѣній по приготовленію массъ (наприм., фарфоровой), то они изложены только въ самыхъ общихъ чертахъ и не даютъ полнаго представленія о производствѣ. Такъ,

наприм., приготовленіе фарфора описано слишкомъ кратко. Съ этимъ уже нужно знакомиться по руководствамъ химической технологіи.

Книга издана очень хорошо и цѣна назначена весьма умѣренная.

Корзиночное производство. Практическое руководство по выдѣлкѣ корзиночныхъ издѣлій и корзиночной мебели. Составилъ инженеръ-технологъ К. К. Веберъ. Съ 69 рис. Спб., 1893 г. Изданіе Девриена. Тѣ кустарные промыслы, продукты которыхъ сталкиваются на рынкахъ съ продуктами крупнаго фабричнаго производства, мало-по-малу хирѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ погибаютъ въ неравной борьбѣ. Но есть цѣлый рядъ такихъ кустарныхъ промысловъ, которые, не встрѣчая конкуренціи въ машинномъ производствѣ, могутъ свободно развиваться и увеличивать на родинѣ благосостояніе. Сюда нужно отнести, между прочимъ, и корзиночное производство. Въ Россіи имѣются налицо всѣ данныя для его развитія, а, между тѣмъ, развивается оно очень мало. Въ Россію ежегодно ввозится изъ-за границы большое количество корзиночнаго товара. Промыселъ этотъ существуетъ у насъ во многихъ губерніяхъ и до извѣстной степени, конечно, удовлетворяетъ мѣстныя нужды. Г. Веберъ составилъ свое практическое руководство, главнымъ образомъ, именно для нашихъ кустарей. Цѣль, конечно, прекрасная. Къ сожалѣнію, авторъ, начиная съ первыхъ страницъ, все время рассказываетъ русскимъ кустарямъ, какъ и что дѣлается въ Германіи и въ Австріи, а о положеніи этого промысла въ Россіи не говоритъ ровно ни одного слова. И для нашего кустаря можетъ быть интересно и полезно познакомиться, какъ работаютъ за границей и въ какомъ положеніи находится тамъ данный промыселъ. Но еще интереснѣе было бы ему знать, гдѣ и какъ работаютъ корзины въ Россіи и на какой степени развитія стоитъ у насъ этотъ промыселъ. Г. Веберъ или не знаетъ, или не хочетъ знать русскаго корзиночнаго производства, свѣдѣнія о которомъ было бы легко найти въ трудахъ земскихъ статистиковъ и въ отчетахъ о кустарныхъ промыслахъ. Интересъ и польза книжки значительно возросли бы, еслибъ авторъ далъ себѣ трудъ ознакомиться съ русскимъ корзиночнымъ производствомъ. Изъ серіи руководствъ г. Вебера, все-таки, это одно изъ болѣе удачныхъ. Въ книжкѣ читатель найдетъ различные приемы работы, рисунки корзиночныхъ издѣлій, способы бѣленія, окрашивания и все-какіе рецепты.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Труды перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи“. — „Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ нечистыми водами г. Олесса“ А. А. Быхиліна. — „Обзоръ мукомольно-крупчатной промышленности въ Праволжьи въ 1892—3 гг.“ А. А. Кытова.

Труды перваго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи. Изд. подъ ред. С. А. Харизоменова. Саратовъ, 1894 г. Ц. 3 р. Областной сельско-хозяйственный съѣздъ, происходившій осенью 1893 года, устроенъ былъ саратовскимъ обществомъ сельскаго хозяйства по предложенію С. А. Харизоменова, которому пришлось затѣмъ принимать дѣятельное участіе въ организаціи и веденіи съѣзда и, наконецъ, редактировать нынѣ вышедшій объемистый томъ *Трудовъ*, занимающій 58 печатныхъ листовъ большаго формата. Первоначальная программа съѣзда была значительно сокращена по указаніямъ мини-

стерства земледѣлія. Засѣданія сѣзда происходили съ 20 сентября по 6 октября; въ нихъ принимали участіе около 130 лицъ. Постановленія сѣзда, довольно многочисленныя, резюмированы въ 81 пунктъ. Заслуживаетъ вниманія признанная сѣздомъ крайняя необходимость учрежденія въ юго-восточномъ краѣ агрономическаго учебнаго заведенія. Отмѣтимъ, что сѣздъ призналъ желательнымъ государственное страхованіе посѣвовъ отъ неурожая, поручаемое завѣдывавію земствъ или другихъ общественныхъ учреждений. Обводненіе съ помощью задержанія снѣговой воды признано мѣрою болѣе важною для края, чѣмъ орошеніе. Дѣлу лѣсоохраненія, по мнѣнію сѣзда, могло бы помочь учрежденіе уѣздныхъ лѣсоохранительныхъ комитетовъ (въ дополненіе къ существующимъ губернскимъ).

Подробные журналы засѣданій знакомятъ съ живыми преніями, въ которыхъ высказано было очень много интересныхъ мнѣній, относящихся къ разнообразнымъ сторонамъ сельско-хозяйственной жизни.

Болѣе половины книги (свыше 30 печатныхъ листовъ) занимаютъ подлинныя доклады, прочитанныя на саратовскомъ сѣздѣ. По сравненію съ преніями доклады представляютъ меньше общаго интереса, но и въ нихъ заключается множество цѣнныхъ указаній, относящихся къ мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ.

Нельзя не пожелать, чтобы руководители тѣхъ сельско-хозяйственныхъ сѣздовъ, которые должны собраться въ 1895 году (въ Кіевѣ и въ Москвѣ), воспользовались прекрасною сводною работою по саратовскому сѣзду; благодаря только подобнымъ работамъ, за сѣздами можетъ сохраниться значеніе помимо пріятныхъ встрѣчъ и бесѣдъ между непосредственными участниками.

Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ нечистыми водами г. Одессы. А. А. Бычихина. Одесса, 1894 г. Въ 1888 году на Пересыпи, подъ Одессою, огороды занимали только 20 десятинъ, черезъ 5 лѣтъ въ 1893 году подъ огородами было уже 206 десятинъ. Такой быстрый ростъ культурной площади на солончаковыхъ пескахъ объясняется исключительно успешными результатами орошенія клоачными водами. Орошеніе позволяетъ эксплуатировать одну и ту-же площадь въ теченіе одного года послѣдовательною культурою нѣсколькихъ растений, которыя даютъ, напримѣръ, такіе сѣвообороты: 1) зеленый лукъ, 2) морковь, 3) бѣлый лукъ, или 1) рѣдька, 2) капуста ранняя, 3) свекла. До послѣдняго времени въ Одессѣ находили громадный сбытъ овощи, получавшіяся изъ-за границы. Теперь можно надѣяться, что значительный спросъ будетъ все болѣе и болѣе удовлетворяться продуктами мѣстнаго производства. Пересыпскіе овощи въ общемъ оказываются доброкачественными и пригодными для заготовленія въ прокъ. Примѣръ окрестностей Одессы долженъ вызвать подражаніе со стороны другихъ нашихъ большихъ городовъ.

Очеркъ мукомольно-крупчатной промышленности въ Приволжьи въ 1892—3 гг. Составилъ А. А. Клоповъ. Авторъ разсматриваемаго труда извѣстенъ своими отчетами о положеніи хлѣбной торговли на Волгѣ, издававшимися имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на средства различныхъ учреждений. Къ изученію мукомольнаго дѣла въ Россіи г. Клоповъ приступилъ нѣсколько лѣтъ назадъ, издавъ въ 1888 году свой трудъ: *Очеркъ мукомольнаго производства въ Приволжьи, въ районѣ мивенской, орлово-рязской и московско-курской ж. д.* Настоящая работа является началомъ новаго изслѣдованія, обнимающаго Поволжье, южный и центральный районъ Россіи. Матеріаломъ для ра-

боты автора служили собранныя имъ самимъ свѣдѣнія на мѣстахъ изслѣдованія и данныя желѣзно-дорожной статистики о перевозкѣ грузовъ. Собранныя авторомъ свѣдѣнія касаются числа и производительности мельницъ въ изслѣдованномъ районѣ, рынковъ закупки зерна для перемола и рынковъ сбыта муки, цѣны зерна и муки, количества рабочихъ, занятыхъ на мельницахъ, стоимости производства муки и т. п. Эти данныя сгруппированы въ таблицы и подвергнуты подробному разсмотрѣнью въ текстѣ, гдѣ отведено много мѣста, между прочимъ, исторіи основанія новыхъ мельницъ и переустройства старыхъ. Изъ данныхъ, собранныхъ другими изслѣдователями, авторъ пользовался, какъ мы сказали, только цифрами перевозки муки по желѣзнымъ дорогамъ; но при этомъ онъ обратился не къ своднымъ изданіямъ общаго сѣзда представителей желѣзныхъ дорогъ и департамента желѣзно-дорожныхъ дѣлъ, разработавшихъ первоначальныя данныя о перевозкахъ по однообразной и достаточно подробной программѣ, а къ отчетамъ правленій желѣзно-дорожныхъ обществъ, составленнымъ по разнымъ образцамъ и, въ большинствѣ случаевъ, не указывающимъ станцій назначенія груза, принадлежащихъ чужимъ дорогамъ. По высказанной причинѣ авторъ не имѣлъ возможности по даннымъ желѣзно-дорожной перевозки точно опредѣлить рынки сбыта муки того или другого мукомольнаго района и долженъ былъ довольствоваться на этотъ счетъ словесными заявленіями мукомоловъ.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Суета суетъ“. С. М. Макаровой.—„Ласточкино гнѣздо“. О. И. Роговой.

Суета суетъ. Историческая повѣсть для юношества. С. М. Макаровой. Изд. Девріена (второе). Г-жа Макарова рассказываетъ въ этой повѣсти подлинную исторію Меньшикова и его несчастливой семьи, разнообразя ее подробностями собственнаго изобрѣтенія. Книга читается легко, въ занимательной формѣ передаетъ историческія событія и рисуетъ нравы второй четверти прошлаго вѣка. Въ ней много портретовъ историческихъ лицъ, рисунковъ, изображающихъ тогдашній Петербургъ, и т. п.

Ласточкино гнѣздо и другіе рассказы для дѣтей. О. И. Роговой. Изд. А. Ф. Девріена (второе). Въ этой изящно изданной, украшенной рисунками въ текстѣ книгѣ г-жи Роговой (урожд. Москвитиновой) напечатано семь рассказовъ. *Ласточкино гнѣздо* получило премію петербургскаго Фребелевскаго общества. Рассказъ мало содержателенъ и годится лишь для дѣтей шести-восьми лѣтъ. Другіе рассказы этого сборника болѣе подходятъ къ среднему возрасту. Художественными достоинствами они не отличаются, но написаны довольно занимательно и просто, съ добрыми намѣреніями. Мы что-то не слышали, чтобъ въ гимназіяхъ въ награду за успѣхи давали часы (*Не все то золото, что блеститъ*).

ИЗДАНИЯ ДЛЯ НАРОДА.

„Чтальня Народной Школы“, журналъ для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ младшихъ школъ. Ц. 3 руб. въ годъ. — „Сельско-хозяйственные рассказы“. И. Селивановскаго.

Что такое русскій журналъ для народа? Было бы большою ошибкой смѣшивать такой журналъ съ журналами вообще, съ которыми

онъ не имѣетъ или почти не имѣетъ ничего общаго, кромѣ выхода въ свѣтъ черезъ опредѣленные сроки. Обыкновенный журналъ слѣдитъ за текущею жизнью, старается отвѣчать на ея запросы. Журналъ для народа въ самомъ лучшемъ случаѣ ставитъ своею задачей сѣять „разумное, доброе, вѣчное“, а что касается „злости дня“, вопросовъ текущей жизни, то они трактуются въ немъ особеннымъ образомъ, который, разумѣется, зависитъ и отъ издателей, но больше всего не отъ нихъ, а отъ другихъ причинъ, ничего общаго съ пользою народа не имѣющихъ. Журналъ для народа или игнорируетъ вопросы текущей жизни, или касается ихъ робко, съ оглядками, оговорками или недомолвками. Исторія журналистики для народа, знакомая читателямъ *Русской Мысли* изъ статей г-жи Некрасовой, прекрасно показываетъ, что натирание тѣхъ или иныхъ очковъ составляло главную задачу огромнаго большинства существовавшихъ журналовъ для „мужика“. Мужикъ представлялся издателямъ и редакторамъ ихъ какимъ-то особымъ существомъ, ничего не знающимъ, мало понимающимъ, но жаждущимъ и алчущимъ, такъ что всякая пища, всунутая ему въ ротъ, сама собою усваивалась и входила въ плоть и кровь. Единственный журналъ, который всталъ на почву *изученія* читателя изъ народа, а не гипнотизирования его, была *Ясная Поляна* Л. Толстого. Другіе журналы для народа этого не дѣлали, а пѣли иную ноту, о которой одинъ изъ обозрѣвателей этихъ журналовъ выразился такъ: „Главная отличительная черта ихъ — благонамѣренность, доходящая до самоотверженія, до готовности публично признаться въ совершенной бездарности и безнадежнѣйшемъ тупоуміи“ (В. С.). Такъ, напримѣръ, *Мирской Вѣстникъ* генерала Гейрота почти исключительно былъ заполненъ проповѣдью и обѣщеніемъ различныхъ „основъ“; *Народный Листокъ* прямо глумился надъ читателемъ и видѣлъ въ самомъ народѣ единственнаго виновника всѣхъ золъ деревенской жизни: „меньше праздничать да работать не на авось — и голода не будетъ“, — эта глубокая мысль проводилась во многихъ статьяхъ этого журнала. Свящ. Гречулевичъ въ своемъ *Мирскомъ Словѣ* проповѣдывалъ иначе: „Лучше жить правдою, чѣмъ кривдою... Запомните это, братцы, да живите по-христіански, въ любви, и берегите другъ друга“. Почтенный издатель, очевидно, былъ увѣренъ, что и такого рода истины нужно еще втемяшивать „въ тупоумныя головы мужиковъ“. М. О. Микѣшинъ устроилъ журналъ для народа *Русь*, чтобы проповѣдывать въ его средѣ славянофильство. *Родина*, основанная въ 1879 г. Захаровымъ, поставила своею задачей „открыть передъ нашею меньшею братіей галерею образцовъ нравственности, по которой *меньшая братія никогда не чуляла. Родина*, какъ извѣстно, гуляетъ по этимъ образцамъ и до сего времени и даже допущена въ бесплатныя народныя читальни. Журналъ *Русскій Рабочій* г-жи Пейкеръ выставилъ на своемъ знамени „давать утѣшеніе рабочимъ людямъ въ минуты горести и примѣръ для ободренія“ и ободрялъ ихъ съ такими же ужимками, какъ вышеупомянутый *Народный Листокъ*. Наконецъ, князь Мещерскій основалъ особый журналъ для пропаганды въ средѣ народа земскихъ начальниковъ, розогъ, вредоносности земской школы и историческихъ заслугъ его, князя Мещерскаго.

Предъидущая галерея портретовъ изъ области народной журналистики довольно наглядно показываетъ, что такое былъ и есть у насъ въ Россіи журналъ для народа. Какія явленія текущей жизни дѣлались извѣстны въ народной средѣ съ помощью такихъ журналовъ, въ какой окраскѣ эти явленія преподносились, какимъ цѣлямъ и интересамъ

служили, понятно само собою. Наглядною иллюстраціей этого могутъ служить примѣры „публицистики для народа“, приведенные нами въ кн. XI *Русской Мысли* за прошлый годъ. Нынѣ существующіе журналы для народа, за нѣкоторыми исключеніями, немного лучше тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Къ числу лучшихъ слѣдуетъ отнести уже извѣстную нашимъ читателямъ *Вятскую Газету*, посвященную, впрочемъ, вопросамъ узкимъ и спеціальнымъ. Недавно имѣли характеръ народной газеты прибавленія (неофициальная часть) *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*; намъ неизвѣстно, таковъ ли ихъ характеръ въ настоящее время. Что касается солдатскаго журнальчика *Досугъ и Дѣло* генерала Зыкова, то по качеству своихъ статей, предназначенныхъ для того же крѣпкаго русскаго солдата, надъ которымъ работали Греггеры, Горвицы и Коганы, этотъ журнальчикъ занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ и можетъ служить прекраснымъ примѣромъ того, какъ плохо отражается на качествѣ изданія обязательное распространеніе и всякія иныя поддержки. Съ этой точки зрѣнія мы еще будемъ имѣть случай говорить объ этомъ журнальчикѣ. А теперь поговоримъ о *Читальнѣ Народной Школы*.

Среди другихъ журналовъ для народа *Читальня Народной Школы* занимаетъ особое мѣсто. Въ сущности, это не журналъ для народа, а собраніе періодически выходящихъ народныхъ изданій. *Читальня Нар. Школы* разсылается одинъ разъ въ мѣсяць; каждый выпускъ состоитъ изъ 2 или 4 отдѣльныхъ книжекъ, вложенныхъ въ общую обложку; каждая книжечка заключаетъ въ себѣ или одну законченную статью, или нѣсколько маленькихъ, тоже вполне цѣльныхъ. Большая часть книжекъ снабжена рисунками. Печать въ нихъ четкая, бумага порядочная, вообще внѣшность изданія приличная. За 7 мѣсяцевъ 1894 года *Читальня Народной Школы* дала 19 книжекъ, которыя по подпискѣ стоятъ 1 р. 75 к. Если принять въ расчетъ внѣшность изданій и объемъ ихъ, то цѣна эта не покажется высокой. Кромѣ подписки, книжки, вошедшія въ составъ *Читальни Народной Школы*, поступаютъ и въ отдѣльную продажу, но уже по относительно высокой цѣнѣ. Этимъ послѣднимъ способомъ онѣ и получаютъ наибольшее распространеніе; о самомъ же журналѣ, хотя и издающемся седьмой годъ (съ 1888 г.), мало кто знаетъ, а если кто и знаетъ, то опредѣленнаго представленія о фizioноміи журнала не имѣетъ и имѣть не можетъ. Фizioномія эта измѣнялась въ теченіе семи лѣтъ нѣсколько разъ, и, къ тому же, измѣнялась довольно рѣзко, смотря по тому, кого приглашалъ въ редакторы журнала его издатель, г. Н. Моревъ. Этотъ послѣдній, какъ видно изъ исторіи *Читальни*, въ теченіе семи лѣтъ, какъ оборотливый торговецъ, успѣлъ перепробовать всякія направленія, — какое возьметъ, какое выгоднѣе. Журналъ возникъ въ 1888 г. по мысли покойной Е. А. Сысоевой, которая, вмѣстѣ съ А. Н. Альмедингенемъ, и была первоначально его редакторомъ. Первые годы своего существованія *Читальня Нар. Школы* была предназначена для *дѣтей изъ народа*. Гдѣ трудно было предвидѣть, что такъ задуманный журналъ не могъ въ сѣтъ будущности какъ потому, что редакторъ его, городская жительница, совершенно не знала читателей изъ народа, крестьянскихъ дѣтей, такъ и потому, что отдѣлать этихъ послѣднихъ отъ читателей изъ народа вообще совершенно нѣтъ возможности. Первый годъ изданія *Читальня* представляла нѣчто невозможное *). Въ слѣдующемъ 1889

*). См. статью Н. Рубакина въ *Русскомъ Богатствѣ* 1888 г., № 12.

или 1890 году редакция перешла въ руки Алексѣя Альмедингена, который значительно поднялъ дѣло, и въ 1891 г. фізіономія журнала измѣнилась несомнѣнно къ лучшему. За этотъ періодъ *Читальня* дала нѣсколько очень хорошихъ и полезныхъ книжекъ для народа, составленныхъ съ знаніемъ дѣла. Съ этого времени *Читальня Нар. Школъ* издается „для грамотныхъ поселенъ и учениковъ народныхъ школъ“,—редакция признала свою первоначальную мысль неудачной. Въ концѣ 1891 года или 1892 г. фамилія г. Альмедингена совершенно исчезаетъ съ обложки, а г. Моревъ переходитъ отъ г. Альмедингена, какъ передавали газеты, къ „постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній“, проявившей свою дѣятельность изданіемъ довольно большого числа довольно плохихъ книжекъ, обладающей и монополіей распространять эти книжки по аудиторіямъ народныхъ чтеній, куда, какъ извѣстно, допущено всего 170—180 изданій, большею частью „постоянной комиссіи“, а для всѣхъ прочихъ, даже болѣе высокаго достоинства, входить закрытъ. Какими бы коммерческими соображеніями ни оправдывался подобный союзъ г. Моревъ съ „постоянною комиссіей“, онъ, по самому своему замыслу, былъ весьма неудаченъ, такъ какъ того, что именно требовалось,—умѣнья издавать хорошія книжки для народа,—у новой редакціи не оказалось. Въ 1893 г. журналъ *Читальня Народной Школы* совсѣмъ зачахъ, а въ 1894 г. возникъ уже, повидимому, при новой редакціи.

Новая редакция принялась за дѣло энергично и въ ея дѣятельности слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторые весьма симпатичныя особенности. Изъ числа 19 книжекъ, изданныхъ ею съ іюля мѣсяца, 6 по беллетристикѣ (*Михайло Простота*, Болеслава Пруса, уже имѣвшійся въ изданіи „Посредника“, *Юліанка* Э. Ожешковой, *Маленькая колдунья* (*Le petite Fadette*) по Ж. Занду, *Мамотка*, по Сентину, и два разсказа Мамина - Сибиряка (*Кормилецъ* и *Вольный челонокъ Яшка*); 4 по географіи и этнографіи (*Араты, очеркъ быта и нравовъ чернаго племени* Д. А. Коропчевскаго), 3 книжки П. Деполовича (*Разсказы о землѣ аравійской*); 2 по естествознанію (*Вымирающіе богатѣри* и *Муравей-чудодѣй* М. С.); 2 біографическихъ (*Житіе милостиваго мужа Федора Ртищева* неизвѣстнаго автора и П. Корсунскаго *Счастливыи угодокъ*, гдѣ изложена біографія извѣстнаго пастора Оберлина). Совершенно особнякомъ слѣдуетъ поставить книжку М. С. *Люди подземнаго міра*, три книжки *Басенъ Крылова* съ поясненіями и примѣчаніями редактора и книжку П. Д. *Пословицы, притчи и басни*. Эти двѣ послѣднія книжки скорѣе всего можно отнести къ отдѣлу исторіи литературы и критикѣ, чѣмъ къ отдѣлу беллетристики. Лучшими книжками всей серіи слѣдуетъ признать книжки по естествознанію о муравьяхъ и *вымирающемъ богатѣри*—слонѣ. Обѣ книжки написаны хорошимъ языкомъ и весьма живо, иллюстрированы многочисленными разсказами путешественниковъ и анекдотами, удачно подобранными; благодаря этому, онѣ читаются какъ беллетристика. Многочисленные рисунки тоже нужно отнести къ достоинствамъ книжекъ. Не дурно составлены книжки г. П. Деполовича *Разсказы о землѣ аравійской*, дающія для читателя много интереснаго матеріала географическаго, бытоваго и пр. слѣдуетъ при этомъ отмѣтить весьма разумный пріемъ, котораго держатся гг. М. С. и П. Деполовичъ и на который мы неоднократно указывали въ нашихъ обзорѣніяхъ народной литературы. Состоитъ этотъ пріемъ въ томъ, чтобы по возможности избѣгать описаній, возможно чаще прибѣгать къ *драматизированію* сюжета, связывая описанія явленій изъ области естественной исторіи, географіи и проч. съ впечатлѣ-

нiями, ощущенiями, борьбой живой, мыслящей, чувотвующей человѣческой личности. Съ помощью такого прiема простое сухое описанiе превращается въ драму, которая овладѣваетъ не только умомъ, но и чувствомъ читателя; только такой прiемъ и позволяетъ расширять до крайнихъ предѣловъ кругъ читателей научно - популярныхъ книгъ, обыкновенно читающихся меньше другихъ. Особенно бросаются въ глаза достоинства предъидущихъ книжекъ, если ихъ сопоставить съ книжкой г. Д. Короичевскаго, который составилъ довольно обширный, но весьма скучный очеркъ быта и нравовъ чернаго племени. Желая писать возможно понятнѣе для читателей, легко впасть въ крайность, съ одной стороны, объяснять подробно то, что не требуетъ совсѣмъ разъясненiя, а съ другой—считать понятнымъ тѣ явленiя, на которыхъ читатель изъ народа смотритъ совсѣмъ иными глазами. Книжка г. М. С. *Люди подземнаго царства* грѣшитъ тѣми же недостатками, какъ недавно разобранная нами книжка Г. Р., на ту же тему (см. *Русскую Мысль* 1894 г., кн. X). Она грѣшитъ весьма грубыми ошибками въ научномъ отношенiи, совершенно не разъясняетъ читателю вопроса о происхожденiи каменнаго угля. Изъ книжки читатель выноситъ понятiе, что для образованiя угля необходимъ подземный жаръ, землетрясенiя, провалы, а что безъ этихъ факторовъ обугливанiя не происходитъ. Далѣе весьма недурно описываются работы углекоповъ, конецъ же книжки какъ-то оборванъ, и, что особенно жаль, ровно ничего не сказано объ экономическомъ значенiи каменнаго угля, о размѣрахъ его добыванiя. Историко-литературный отдѣлъ *Читальни Народной Школы* задумалъ недурно, но не вполне умѣло выполненъ. До сего времени исторiя литературы фигурировала въ области народной литературы почти исключительно въ видѣ биографiй писателей. Г. П. Д. сдѣлалъ попытку объяснить читателю изъ народа, что такое пословица, притча, басня, какъ слѣдуетъ относиться къ ихъ морали, какъ онѣ сложились и проч. Всѣ свои разъясненiя автора иллюстрируетъ множествомъ примѣровъ, которые дѣлаютъ книжку понятной и интересной для широкаго круга читателей. Въ основу объясненiй положена та мысль, что „что бы ты ни читалъ, — читай, провѣряя прочитанное разумомъ и сердцемъ“. Что касается *Басенъ Крылова*, то въ этомъ изданiи достойно вниманiя соединенiе беллетристики съ критикой въ одной и той же книжкѣ, хотя далеко не всѣ примѣчанiя достаточно содержательны и цѣнны, не всѣ басни выбраны удачно, а иныя примѣчанiя грѣшатъ, къ тому же, излишнимъ многословiемъ. Было бы желательно, чтобы были изданы съ историко-литературными примѣчанiями, замѣняющими критику, и произведенiя другихъ русскихъ писателей. Биографiи Ртищева и Оберлина нельзя назвать вполне удачными, первую по исполненiю, вторую—принципиально. Первая совершенно не производитъ цѣльнаго впечатлѣнiя; читатель найдетъ въ ней рассказъ о томъ, какъ проводить день московскiй царь, и о мѣстничествѣ, и о раскольникахъ и происхожденiи раскола, но все это сбито въ кучу, набросано, но не разработано. Что касается книжки г. П. Корсунскаго *Счастливыи уголокъ*, то во многихъ отношенiяхъ она напоминаетъ книжку г. М. Песковскаго: *Въ мушш*. Обѣ книжки проповѣдуютъ теорiю маленькаго дѣла, само собою распространяющаго свое доброе влiянiе на цѣлую округу; въ первой — герой, извѣстный пасторъ Оберлинъ, во второй — народный учитель; въ той и другой книжкѣ герои относятся каждый къ своему дѣлу, какъ таковому, если можно такъ выразиться какъ въ *Diug an sich*, а объ измѣненiи къ лучшему общихъ условiй, въ

которых приходится существовать и работать, не помышляютъ. Г. Песковскій, какъ извѣстно, совершенно обошелъ вопросъ объ этихъ условіяхъ, такъ какъ у него директоръ народныхъ училищъ—личный другъ героя-учителя, и, къ тому же, такой, который не боится ради своего друга просто-на-просто нарушать иной разъ прямой смыслъ закона. Г. П. Корсунскій совсѣмъ обошелъ молчаніемъ, вопреки исторической правдѣ, отношенія Оберлина къ великой французской революціи. Такимъ образомъ, герой книжки г. Корсунскаго, какъ на него ни смотри, такъ сказать, герой неполный, куций. Всякое маленькое дѣло освѣщается, и освѣщается лишь своимъ отношеніемъ къ дѣлу великому; сплошь и рядомъ усиленная проповѣдь перваго сводится лишь къ усиленному замазыванію застарѣлыхъ и глубокихъ язвъ. Въмѣсто того, чтобы печатать книжку г. Корсунскаго, новая редакція *Читальня Народной Школы* лучше бы сдѣлала, обратившись къ другимъ вопросамъ всеобщей исторіи, болѣе поучительнымъ, какъ поступила, наприм., г-жа А. Быкова, составившая хорошую книжку о *Вильгельмъ Оранскомъ* (см. *Русскую Мысль* 1894 г., кн. XII).

Беллетристическій отдѣлъ *Читальни Народной Школы* въ общемъ производитъ благопріятное впечатлѣніе, особенно рассказъ *Малютка*, который отчасти (но только отчасти) возмещаетъ неблагопріятное впечатлѣніе отъ предыдущей книжки. *Малютка*, это—цвѣтокъ, выросшій на дворѣ тюрьмы, гдѣ томился нѣкій итальянскій графъ, „бунтовавшій“ противъ Наполеона I. Исторія любви этого графа къ „малюткѣ“ и составляетъ содержаніе рассказа, прекрасно разъясняющаго читателю, что и хорошіе люди могутъ быть очень жестокими, добросовѣстно исполняя жестокіе законы. Два маленькихъ рассказа г. Д. Мамина *Кормилецъ* и *Вольный человекъ Яюка* необходимо отнести также къ лучшимъ книжкамъ беллетристическаго отдѣла. *Юманка* представляетъ ничто иное, какъ отрывки изъ повѣсти Э. Ожешковой того же названія и, разумѣется, сильно пострадалъ отъ сокращенія. Еще болѣе пострадалъ романъ Ж. Зандъ *La petite Fadette*. Мы уже имѣли случай показать, что сокращенія и передѣлки не служатъ къ украшенію и обогащенію народной литературы, а лишь портятъ вкусъ читателя. Это мы повторимъ и по поводу передѣлокъ, появившихся въ *Читальнѣ Народной Школы*. Что касается рассказа Болеслава Пруса *Михайло простота*, то онъ хотя и выбранъ удачно, но въ народномъ изданіи уже имѣется. Желательно, чтобы издатели народныхъ книжекъ обогащали народную литературу новыми, а не переиздавали бы то, что уже имѣется.

Изъ предыдущаго видно, что *Читальня Народной Школы*, вообще говоря, заслуживаетъ вниманія публики. Новая редакція относится къ своему дѣлу добросовѣстно. Нужно надѣяться, что въ будущемъ она еще болѣе будетъ научена опытомъ удовлетворять тѣ именно нужды народной литературы, которыя особенно существенны.

Къ числу этихъ послѣднихъ необходимо отнести, прежде всего, книжки по вопросамъ текущей жизни, каковъ, напримѣръ, вопросъ о переселеніяхъ, о владѣніи и пользованіи землей, о правахъ и обязанностяхъ крестьянъ и его непосредственнаго начальства, о государственномъ строѣ Россіи и проч., и проч. Точно также особенно желательно появленіе книжекъ по всеобщей исторіи и по исторіи русской народной жизни. Область народной литературы—область непочатая. Тѣмъ, кто желаетъ для нея поработать, дѣла всегда много. Всѣ нужды на-

родной литературы трудно даже и перечислить. Мы указываемъ лишь на нужды наиболѣе существенныя, особенно вопіющія.

Сельско-хозяйственные рассказы. И. Селивановскаго. Вятка, 1894 г. Маленькая брошюра г. Селивановскаго, очевидно, предназначенная для чтенія крестьянамъ, заключаетъ въ себѣ три рассказа подъ слѣдующими заглавіями: *Антонъ-огуречникъ*, *Объ удобреніи золой подъ картофель* и *Лоскій косарь*. Первый рассказъ въ довольно живой формѣ излагаетъ главные приемы воздѣлыванія огурцовъ, въ третьемъ рассказѣ проведено сравненіе между работою горбуши и работою косылиговки. Въ стилистическомъ отношеніи книжечка не можетъ быть названа безупречною (встрѣчается слишкомъ много сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, не свойственныхъ простой рѣчи), но при оцѣнкѣ подобныхъ произведеній нельзя забывать о трудности задачи—писать для народа. Въ концѣ-концовъ, рассказы г. Селивановскаго должны быть признаны удачнымъ опытомъ изложенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній для грамотной массы и автору слѣдуетъ поработать надъ усовершенствованіемъ внѣшней формы для дальнѣйшихъ занятій по популяризаціи техническихъ знаній.

КАЛЕНДАРИ.

„Народный календарь на 1895 г.“. Изд. П. К. Принишникова. — „Первый западно-русскій справочный календарь на 1895 г.“. Н. Златогорскаго.

Народный календарь на 1895 годъ. Изданіе книжнаго склада П. К. Принишникова. Москва, 1894 г. Этотъ небольшой *Календарь* составленъ очень толково, въ немъ помѣщены свѣдѣнія, полезныя въ деревенскомъ быту, по сельскому хозяйству и скотоводству, образцы дѣловыхъ бумагъ и разныя замѣтки по домоводству. Врачебные совѣты занимаютъ болѣе десяти страницъ. Все это написано просто, ясно, коротко, удобопонятно. Въ календарѣ для народа, т.-е. для деревенскихъ жителей, отдѣлъ простыхъ врачебныхъ свѣдѣній весьма важенъ даже въ настоящее время, при всѣхъ заботахъ земствъ о народномъ здоровьѣ. Хорошо сдѣлаютъ издатели этого рода календарей, если обратятъ побольше вниманія на врачебные совѣты и, по возможности, расширятъ этотъ отдѣлъ. Въ *Народномъ календарѣ*, изданномъ г. Принишниковымъ, имѣетъ нѣсколько рекламный характеръ статья: *Откуда достать хорошую книжку*, и рядомъ съ нею помѣщенный „примѣръ, какъ нужно писать адресъ на денежныхъ письмахъ“. Хорошую книжку, разумѣется, можно получить въ книжномъ складѣ П. К. Принишникова и примѣрный адресъ направляетъ денежный пакетъ туда же. Приложенный при этомъ „списокъ хорошихъ книгъ“ есть ничто иное, какъ каталогъ того же книжнаго склада, и въ числѣ яко бы „хорошихъ книгъ“ попадаетъ такая дрянь, какъ *Гвинпленъ (Горе—Смѣль)*, — сокращенное искаженіе романа Виктора Гюго *L'homme qui rit*. Цѣна за календарь въ отдѣльной продажѣ не обозначена.

Первый западно-русскій справочный календарь на 1895 годъ. Со тавилъ Н. Златогорскій. Изданіе книгопродавца И. Палячека. Виѣна, 1895 г. Календарь составленъ очень хорошо и понравился бы намъ еще больше, если бы составитель выкинулъ изъ него шестую страницу, занятую чепухой подъ заглавіемъ: *Предсказанія по Брюсову календарю*. Давно пора перестать печатать такой вздоръ. Кромѣ обы е-календарныхъ свѣдѣній, въ книжкѣ помѣщены очень подробныя

свѣдѣнія о Западномъ краѣ подѣ слѣдующими заглавіями: *Виленская губернія, Городъ Вильна, Ковенская губернія, Городъ Ковна, Гродненская губернія, Городъ Гродна, Городъ Бѣлостокъ, Минская губернія, Городъ Минскъ, Могилевская губернія, Городъ Могилевъ, Городъ Гомель, Городъ Витебскъ*. Это рядъ дѣльно составленныхъ путеводителей по означеннымъ губерніямъ и городамъ, съ указаніями находящихся въ нихъ церквей и монастырей, правительственныхъ и общественныхъ учреждений, различныхъ обществъ, гостиницъ, ресторановъ, увеселительныхъ заведеній, садовъ и гуляній, магазиновъ, аптекъ, адресовъ врачей, акушерокъ, адвокатовъ и т. д. Очень хорошъ отдѣлъ *Медицинскія свѣдѣнія*, въ которомъ первое мѣсто занимаетъ указаніе, какъ составить домашнюю аптеку, необходимую во всякомъ сколько-нибудь большомъ и даже среднемъ хозяйствѣ. Далѣе слѣдуютъ наставленія къ уходу за больными, а затѣмъ—наставленія, какъ подавать помощь при несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача, при обморокахъ, угарѣ, удушеніи и т. под., при отравленіяхъ, при укушеніяхъ бѣшенными или ядовитыми животными и насѣкомыми. Для ѣдущихъ въ Западный край книжка эта не только полезна, но прямо необходима.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы“, декабрь.—„Русское Обозрѣніе“, декабрь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, декабрь.—„Дѣтское Чтеніе“, декабрь.

„Печать нашу часто поносятъ и у нашей печати есть, безъ сомнѣнія, свои грѣхи, хотя враговъ у ней гораздо больше, чѣмъ грѣховъ, и хотя такъ еще мало сознаютъ у насъ серьезныя государственныя заслуги нашей печати. Во всѣхъ великихъ реформахъ и благотѣльныхъ мѣрахъ нашей государственной и общественной жизни, во всѣхъ спасительныхъ обличеніяхъ нашихъ народныхъ язвъ русская печать постоянно являлась передовымъ піонеромъ, самоотверженно прокладывавшимъ первые пути и открывавшимъ новые горизонты, тысячекратно зримъ сторожемъ народныхъ интересовъ“.

Эти поистинѣ благодарныя и разумныя слова г. Е. Маркова (изъ рѣчи его въ петербургской судебной палатѣ) неволью вспомнились намъ, когда мы просматривали послѣднія книги журналовъ за прошлый годъ. Неволью встала передъ нами вся картина движенія нашей литературы не только за послѣдній годъ, а и за много предшествующихъ годовъ. Неволью задался вопросъ: что именно сдѣлала русская литература за всѣ эти годы, и также неволью припомнились всѣ упреки, которыми такъ щедро осыпаетъ всякій, кому только не лѣнь, бѣдную падчерицу нашей общественной жизни — литературу, всѣ тѣ требованія, которыя предъявляютъ къ ней люди, пальцемъ не пошевелившіе для обезпеченія достоинства и свободы этой литературы. Упреки бывали поистинѣ чудовищными и требованія часто ни съ чѣмъ несообразными. Возьмите хотя бы отношеніе нашей публики къ современнымъ беллетристамъ. Отъ нихъ требуютъ не только таланта, но и того, чтобъ они „съ невѣдомою силой по сердцу къ ударяли“, чтобъ они были „властителями думъ“. И за такими требованіями просматриваютъ настоящую, подлинную талантливость многихъ и многихъ и, что еще важнѣе, просматриваютъ тѣ нравственныя условія, среди которыхъ волей-неволей движется современная беллетристика. Въ самомъ дѣлѣ, затѣмъ и почему у насъ теперь нѣтъ Турге е-

выхъ, Толстыхъ, Достоевскихъ? А на меньшемъ публика ни за что не хочетъ помириться. Забывается то обстоятельство, что въ смыслѣ художественной техники нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ беллетристовъ не уступятъ, пожалуй, и вышеназваннымъ большимъ мастерамъ, и если они уступаютъ и даже ни въ какое сравненіе съ ними идти не могутъ въ смыслѣ широты захвата общественныхъ явленій, въ смыслѣ глубины и идейности, то на сіе имѣются причины, ужь совсѣмъ не зависящія ни отъ отдѣльныхъ писателей, ни отъ общаго хода литературы. Одну изъ такихъ причинъ давно уже указывали многіе изъ нашихъ писателей и, между прочимъ, одинъ изъ нашихъ великихъ художниковъ, Достоевскій. Въ своемъ *Подросткѣ* онъ прямо утверждаетъ, что современная жизнь не даетъ и не можетъ дать художнику законченныхъ, цѣльныхъ типовъ, потому что жизнь была великими реформами Александра II выбита изъ своей привычной колеи, лишена своихъ жестовыхъ, но прочныхъ устоевъ, и въ ней теперь нѣтъ цѣлостности и полной гармоніи. Несомнѣнно, что такая причина является основною въ дѣлѣ развитія чисто-художественной литературы. Г. Михайловскій въ своей статьѣ о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ говоритъ, что Успенскій отличается сильнымъ стремленіемъ къ гармоніи въ жизни и мучается отсутствіемъ такой гармоніи. Такія черты свойственны, конечно, не одному Успенскому; овѣ—необходимое свойство всякаго истиннаго художника. У одного онъ болѣе арки и болѣе сознательны, у другого менѣе—вотъ и вся разница. Но онъ общи всѣмъ людямъ, одареннымъ художественнымъ талантомъ. Гармонія жизненныхъ явленій и стремленіе къ ней—одно изъ отличительныхъ свойствъ всякаго истинно-художественнаго произведенія. Даже сатира вызывается такимъ именно стремленіемъ къ гармоніи въ жизни. Гармонія въ жизни порождаетъ и гармоническіе типы, хотя бы эти типы и были Ноздревы и Собакевичи. Они вполне гармонировали со старыми устоями жизни, какъ, съ другой стороны, гармонировали съ ними Рудины, Лаврецкіе, типы Толстого и т. д. Эти старые устои исчезли, исчезли и гармоническіе соотвѣтствующіе имъ типы. Были ли созданы новые устои? Да, пожалуй, они были созданы; но всякій, знакомый съ нашею недавнею исторіею, согласится съ нами, что созданіе новыхъ устоевъ шло рука объ руку съ почти одновременнымъ разрушеніемъ ихъ. При подобныхъ условіяхъ жизнь не могла создавать прочныхъ, цѣльныхъ, гармоническихъ типовъ, типовъ „благообразныхъ“, какъ выражается тотъ же Достоевскій. Порождаемые ею типы были по необходимости неопредѣленными, неясными, раздвоенными, такъ сказать, и потому самому переходными, временными, въ самомъ ограниченномъ значеніи этого слова. Ихъ психическая жизнь отличалась неустойчивостію, извѣстною смутностію, что и дѣлало ихъ трудно наблюдаемыми и трудно изображаемыми. Не со вчерашняго дня, конечно, появились такія свойства преходящести и неясности въ нашей общественной жизни и въ создаваемыхъ ею типахъ. Многіе изъ нашихъ большихъ художниковъ давно уже отиѣтили эти свойства и горько жаловались, часто ошибочно приписывая неопредѣленность создаваемыхъ ими фигуръ не самой жизни, а недостаткамъ своего собственнаго творчества. Даже Тургеневъ, тотъ чѣть ли не самый гармоничный изъ всѣхъ нашихъ великихъ художниковъ, въ 1857 г., въ своемъ письмѣ къ С. Аксакову, говорилъ о себѣ: „Я одинъ изъ писателей междуцарствія, эпохи Гоголемъ и будущимъ главою; мы всѣ разрабатывали въ ширину и въ разбивку то, что великій талантъ сжалъ бы въ одно крѣпкое цѣлое, добытое имъ

изъ глубины“. Уже въ то время, когда Тургеневъ писалъ это письмо, „благообразные“ типы Ноздревыхъ, Коробочекъ и Собакевичей, и даже другіе благообразные типы—Рудиныхъ, Лаврецькихъ и проч., отошли въ область преданія,— недавняго, правда, преданія, а все же преданія. Старые устои уже рухнули, создавались новые, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, появились и новые смутные и неясные типы, и Тургеневъ инстинктивно чувствовалъ это. Наша художественная литература еще довольно долго жила въ сферѣ „благообразныхъ“, гармоническихъ типовъ, порожденныхъ прошлымъ, уже разрушившимся строемъ. Тутъ, какъ и вездѣ въ исторіи человѣчества, созданное, производное пережило создавшее, произведшее; литературные, художественные типы пережили создавшій ихъ строй жизни. Съ тѣхъ поръ никакого строя, можно сказать, не было; наше общество жило и продолжаетъ жить подъ вліяніемъ чего-то временнаго, неустановившагося. Съ одной стороны создаются новые устои, съ другой стороны они тутъ же и тѣми же историческими факторами разрушаются. Сословность, какъ основное условіе строя, разрушается, а бессословности не создается, потому что для ея созданія недостаетъ самаго существеннаго условія—свободнаго проявленія и свободнаго развитія личности... Удивительно ли, что художественная литература, какъ обыкновенно говорятъ у насъ, падаетъ или, вѣрнѣе сказать, утрачиваетъ гармоничность и даже стремленіе къ ней? Нѣтъ гармоничности въ жизни, нѣтъ ея и въ художественной литературѣ. И она пускается въ поиски, часто бесплодные, за типами временными, преходящими, смутными,—однимъ словомъ, переходными.

Но, сказавъ: „переходность“. преходящесть, мы не сказали еще всего, еще не выяснили основной причины упадка художественной литературы. Переходныя эпохи переживались и другими народами, и другими литературами, и, однако, художественная литература у нихъ часто не падала, а, напротивъ, развивалась. Таково, на примѣръ, было положеніе дѣлъ во Франціи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ эпоху окончателнаго развитія такъ называемаго буржуазнаго режима. Тогда художественная литература процвѣтала и создавала типы, хотя тоже преходящіе, но очень яркіе, и была поэтому властительницей думъ. И, опять-таки, это совершенно понятно: въ жизни создавались новые устои, и создавались послѣдовательно, ясно и опредѣленно, безъ малѣйшихъ колебаній. Даже общественныя бури не разрушали, въ сущности, создаваемаго. Подумайте, то ли у насъ? Мы, конечно, не говоримъ, что бѣда въ томъ, что у насъ не создавалась и не создается буржуазія,—на это мы надѣемся и въ это твердо вѣримъ. Нѣтъ, Богъ съ ней, съ этою буржуазіей! А бѣда въ томъ, что не создавалось ничего,—по крайней мѣрѣ, ничего прочнаго, никакихъ устоевъ, и созданное сегодня разрушалось на другой же день. Въ душѣ общества волновались и кипѣли, сталкиваясь между собой, самыя разнообразныя психическія настроенія. И процессъ этого кипѣнія столь мучителенъ, что художественное творчество, требующее гармоничности, прочности общественныхъ устоевъ, благообразія, т.-е. соотвѣтствія жизненныхъ типовъ съ самою жизнью, не могло изобразить этого процесса, ибо самыя-то образы въ жизни были неуловимы. Фактъ общезвѣстный, что самыя крупныя изъ нашихъ современныхъ беллетристовъ - художниковъ черезъ - чуръ часто дѣлаются публицистами. Была же на это причина; эта причина именно и состоитъ въ мучительности процесса нашего общественнаго

развитія. Вѣдь, люди же они, современные-то художники!... Кажется, Стендаль говорилъ, что литература—только зеркало, проносимое по улицѣ, и что если на улицѣ грязь, то зеркало и отразитъ грязь. Это—нѣсколько надменное и, такъ сказать, аристократическое представление о литературѣ. Зеркало-то оно зеркало, но забывать не надо, что по улицѣ это зеркало несутъ люди, и если на улицѣ много грязи, то не только зеркало отразитъ грязь, но и на немъ самомъ окажутся пятнышки. И даже совсѣмъ оно загрязниться можетъ, если вышеупомянутый мучительный процессъ будетъ черезъ-чуръ продолжительнымъ. Г. Ламанскій въ своей, надѣлавшей много шума, рѣчи въ славянскомъ обществѣ пожелалъ, „чтобы русская печать становилась все болѣе и болѣе искреннимъ выражениемъ чувствъ и мыслей русскаго общества; дабы дестъ не смѣшивалась съ преданностью, а честное искреннее указаніе недостатковъ не принималось за злонамѣренность“... Пожеланіе, разумѣется, прекрасное, и мы, конечно, его вполне раздѣляемъ... Но не напоминаетъ ли оно нѣсколько о пожеланіяхъ Манилова о томъ, чтобы въ его помѣстьи былъ построенъ мостъ, а на мосту стояли каменные лавки, въ которыхъ бы сидѣли купцы и торговали всякими товарами? Хроникеръ *Вѣстника Европы* совершенно основательно замѣчаетъ, что исполненіе пожеланій г. Ламанскаго зависитъ совсѣмъ не отъ печати, потому что необходимою предпосылкой *искренности* является *свобода*. „Похвала,—говоритъ хроникеръ,—утратила свое достоинство именно потому, что слишкомъ была ограничена возможность *критики*. Чтобы не терять почвы подъ ногами, мысль должна переходить въ *дѣло*, оставаясь въ законныхъ рамкахъ, но не встрѣчая ни произвольныхъ задержекъ, ни предвзятыхъ подозрѣній“. Пятнышки на зеркалѣ несомнѣнно есть и они будутъ на немъ до тѣхъ поръ, пока улица будетъ такъ безобразно грязна; и, однако, вышеприведенныя слова г. Маркова о заслугахъ нашей печати кажутся намъ гораздо болѣе соответствующими дѣйствительности, чѣмъ пожеланія г. Ламанскаго. Мы и представить себѣ не можемъ, во что бы обратились наша жизнь и наше общество, еслибъ у него не было такой литературы, какова она есть. Историческая перспектива необходима при обсужденіи всякаго вопроса. Ну, а насчетъ исторической перспективы, при которой мы жили и живемъ доселѣ, думается намъ, и разговаривать много нечего, всякому она извѣстна. И, несмотря на все это, наша литература въ *цѣломъ* честно несла свое знамя. Если читатели, а вмѣстѣ съ ними, конечно, и мы, имѣли резонъ огорчаться паденіемъ художественной литературы, то они не имѣли такихъ же поводовъ жаловаться на такъ называемые серьезные отдѣлы нашей журналистики. Если бы наша литература сдѣлала въ послѣдніе годы только одно дѣло, еслибъ она только пронесла среди житейской грязи и разгара страстей міросозерцаніе, начатки котораго были созданы литературой конца сороковыхъ годовъ и которое развилось въ свѣтлую эпоху реформъ, то и тогда бы заслуга предъ обществомъ была бы неопѣнимой. Это она сдѣлала. Но она сдѣлала не только это — она шла впередъ, она разрабатывала общія положенія міросозерцанія въ подробностяхъ, она поставила и разрѣшила въ теоріи,—практика не отъ нея зависѣла,—множество живыхъ и настоятельныхъ вопросовъ,—однимъ словомъ, она стояла на высотѣ своей задачи, не только общественной, но и государственной. Она была не просто зеркаломъ, а и учительницей, и, конечно, не ей одна, что жизнь не всегда выслушивала и всегда старалась замолчать уроки. И, все-таки, не замолчала. Потому что все, что сдѣлано въ

жизни прочнаго и, такъ сказать, органическаго, есть плодъ ея уроковъ, потому что и впредь придется дѣлать только то, что она проповѣдуетъ, за что она трудно и мучительно борется. И когда будетъ жизнью закрѣплено все, что вытекаетъ изъ общаго міросозерцанія нашей литературы, тогда явятся у насъ, кромѣ всего другого, и прочность устоевъ, и гармоничность, и великія художественныя произведенія.

Перейдемъ, однако, къ рассмотрѣнію лежащихъ передъ нами книгъ журналовъ.

Въ нихъ довольно много мѣста отведено рассмотрѣнію вышеупомянутой рѣчи г. Ламанскаго. Въ нашемъ журналѣ уже было указано на эту рѣчь и потому мы можемъ ограничиться передачей нѣкоторыхъ замѣчаній *Вѣстника Европы*. Эпигоны славянофильства давно уже отступили отъ основныхъ положеній ученія старыхъ славянофиловъ; у нихъ оставались только неясныя представленія о какой-то особой славянской идеѣ, на практикѣ обыкновенно вырождавшіяся въ довольно ординарный шовинизмъ. Подъ ихъ знаменемъ шествовали или, вѣрнѣе сказать, къ нему примазались такъ называемые самобытники, отстаивающіе сословныя привилегіи дворянства, требовавшіе покровительства крупной промышленности и уничтоженія или ограниченія фабричнаго законодательства и фабричной инспекціи, требовавшіе уничтоженія самоуправленія, упраздненія земской школы и замѣны ея церковно-приходскою, — однимъ словомъ, люди, бывшіе въ нашей литературѣ защитниками, а часто и просто прихвостными чисто-классовыхъ интересовъ... Теперь г. Ламанскій вырылъ довольно глубокую яму и зарылъ въ нее всѣ эти вождедѣнія, прикрывавшіяся почтеннымъ когда-то, но совершенно истрепавшимся знаменемъ. Въ такой работѣ могильщика, зарывающаго давно умершее, можно, пожалуй, видѣть заслугу г. Ламанскаго. „Тринадцать лѣтъ тому назадъ, — говоритъ хроникеръ *Вѣстника Европы*, — были еще свѣжи у насъ славянофильскія увлеченія, а теперь лучшіе представители бывшаго славянофильства отказываются отъ прежней мечтательности и проповѣдуютъ здравыя и разумныя идеи. Г. Ламанскій говоритъ о необходимости приняться за устройство и управление нашихъ собственныхъ домашнихъ дѣлъ, а когда мы высказывали эти же самыя замѣчанія, то славянофильскіе ораторы и публицисты обвиняли насъ въ безплодномъ либеральномъ доктринерствѣ. Указывать на забытыя нужды и потребности собственнаго народа было тогда либеральною, а потому и нехорошею доктриной“.

Въ рѣчи г. Ламанскаго на первый планъ выступаютъ вопросы внутренней жизни, которыми обыкновенно занимались только либеральныя доктринеры; вмѣсто освобожденія славянскихъ племенъ, слѣдовало, по мнѣнію кающагося профессора, заботиться объ улучшеніи быта крестьянства, о народномъ образованіи, о развитіи личнаго и общественнаго почина, т.-е. слѣдовало дѣлать то, что настойчиво и безуспѣшно предлагали либералы. Одна изъ характернѣйшихъ особенностей нашей общественной эволюціи и состоитъ именно въ томъ, что всѣ идеи, отстаиваемыя нашею либеральною печатью, постепенно и по закону исторической необходимости входятъ въ общественное сознаніе.

Въ декабрьской книгѣ *Русскаго Обзорнія* г. Глубоковскій льетъ, — ильтъ, не льетъ, а чинитъ колокола, г. Поповъ рассказываетъ анекдоты о шулерахъ, г. Зининъ „кружнымъ путемъ“ отстаиваетъ святость семейнаго союза, г. Бальмонтъ воспѣваетъ „осторожный утесъ и тревожныя скалы“, гг. Spectator и Тихомировъ... Впрочемъ, эти господа произносятъ

столь неудобнопроизносимыя словеса, что говорить о нихъ нѣсколько затруднительно. Однимъ словомъ, въ разбираемой книгѣ *Русская Обзорнiя* все обстоитъ какъ слѣдуетъ. О статьѣ г. Spectator'a, впрочемъ, можно сказать нѣсколько словъ. Недавно пережитую нами эпоху онъ сравниваетъ съ эпохой Петра Великаго, признавая первую прямымъ продолженiемъ второй (г. Тихомировъ сравниваетъ ту же эпоху съ эпохами Карла Великаго и Константина Великаго). Сравненiе—такой литературный приемъ, который можно употреблять когда угодно и по какому угодно поводу, хотя было бы желательнo, чтобы прибѣгающiе къ сравненiямъ избѣгали, по крайней мѣрѣ, очевидныхъ нелѣпостей. Параллель между эпохой Петра Великаго и недавно пережитой нами г. Spectator видитъ въ томъ, что въ первую изъ нихъ намъ было необходимо нужно выучиться кое-чему у Европы, а такъ какъ теперь мы выучились всему, чему было нужно, такъ какъ наука и искусство раздѣли у насъ аки кринъ сельный, и теперь не только не хуже, а даже много лучше европейскихъ, то учиться у европейцевъ намъ стало совсѣмъ нечему и недавняя эпоха вернула насъ „домой“. Хорошее это словечко „домой“, только никакъ не поймешь, что оно обозначаетъ. Въ одномъ изъ нашихъ предъидущихъ обзорнiй мы доказывали, что для *Русскаго Обзорнiя* возвращенiе домой обозначаетъ возвращенiе даже не къ московскому періоду нашей исторiи, а къ порядкамъ Византии въ эпоху ея паденiя, къ ожесточенной борьбѣ между духовной и свѣтской властями и къ полному подчиненiю свѣтской власти духовной. Но, вѣдь, это только идеаль *Русскаго Обзорнiя*, такъ что это словечко „домой“ и послѣ статьи г. Spectator'a остается неопредѣленнымъ. Все также трудно понять, какія именно изъ явленiй этой эпохи составляютъ возвращенiе „домой“.

Въ декабрьской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщены два новыя беллетристическiя произведенiя: *Старый медальонъ* кн. Волконскаго и этюдъ г. Стахевича: *Начало конца*. Разсказъ кн. Волконскаго отзывается чѣмъ-то очень архаичнымъ и по содержанiю, и по формѣ,—такъ писали у насъ даже не въ пятидесятыхъ, а развѣ въ тридцатыхъ годахъ. Этюдъ г. Стахевича, по формѣ не особенно блестящiй, нѣсколько сухой и резонерскiй, вообще гораздо болѣе головное, рефлексивное, чѣмъ настоящее художественное произведенiе, очень любопытенъ и современенъ по замыслу. Сюжетъ его — старый, преста-рый вопросъ объ отцахъ и дѣтяхъ; но г. Стахевичъ освѣщаетъ этотъ вопросъ съ совершенно новой точки зрѣнiя. Разрывъ между отцами и дѣтьми въ этомъ этюдѣ не идейный, какъ въ разрывѣ между Базаровыми и Кирсановыми, а чисто-нравственный, эмоціональный, таящiйся въ области чувства. Такая постановка вопроса, съ одной стороны, лишаетъ его широты и, такъ сказать, общечеловѣческаго интереса, а съ другой—усиливаетъ его напряженность, дѣлаетъ его болѣе глубокимъ и придаетъ ему характеръ подлинной современности. Между Базаровыми и Кирсановыми, прежде всего, лежитъ идея. Идея можетъ, разумеется, быть страстной, т.-е. осложняться временною страстью, но она относится, все-таки, къ объективной сферѣ духовной жизни и потому по существу безстрастна, — при извѣстныхъ условiяхъ разрывъ можетъ сгладиться, люди могутъ придти къ соглашенiю. Не то сфера чувства,—тутъ примиренiе невозможно; да тутъ дѣло, собственно говоря, и не въ разрывѣ, а въ надрывѣ. И этотъ надрывъ неисцѣлимъ. Тутъ на первый планъ выступаетъ чисто-соціологическая идея, выражаемая простыми словами: яблочко недалеко отъ яблонки падаетъ;

каковы отцы, таковы и дѣти; при такихъ отцахъ дѣти иными и быть не могутъ. Представитель стараго поколѣнія—разорившійся и изжившійся виверъ-помѣщикъ, весело и изрядно грѣховодно прожившій свою жизнь, загнавшій въ гробъ свою жену, кроткое и любящее существо, эгоистъ глубокой и, притомъ, наивный. Въ старости этотъ грѣховодникъ живетъ оброшеннымъ и забытымъ всѣми въ своемъ хуторѣ, послѣднемъ обломкѣ прежняго великолѣпія. И только теперь вспоминаетъ о своемъ единственномъ сынѣ, на котораго раньше, въ годы своей славы, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія,—старая лисица, у которой выпали зубы, идетъ въ монастырь и говоритъ нравоучительныя рѣчи. Представитель новаго поколѣнія—сухой, безпринципный эгоистъ,—у отца все же есть хоть и не принципы, такъ нѣкоторыя условныя понятія о чести, — но при этомъ эгоистъ разсудочный, холодный, обдуманый и, прежде всего, озлобленный; это вполне современный человѣкъ, отлично понимающій, гдѣ раки зимуютъ, ничѣмъ не возмущающійся и на всякую пакость согласный, лишь бы ему было выгодно. Онъ злобно, но хладнокровно отчитываетъ отцу жестокую правду: „Тебѣ, отецъ,—говоритъ онъ,—никто не мѣшалъ жить, какъ ты хотѣлъ; не мѣшай же и мнѣ... Заглянулъ ли ты когда въ мою дѣтскую душу? Попытался ли ты хоть разъ узнать, что тамъ творится?... Я искалъ, дѣлалъ выводы... А ты... училъ ли ты меня бороться съ моими дурными инстинктами? Ты тогда жилъ въ свое полное удовольствіе... но тебѣ этого мало: ты еще хочешь тѣшить и услаждать свою старость поученіями, благо теперь это въ модѣ. Теперь отъ васъ, старыхъ раскаянныхъ грѣшниковъ, просто отбою нѣтъ... Да мы-то вашей запоздалой добродѣтели не вѣримъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ легко быть добродѣтельнымъ и не трудно проходить мимо всякаго соблазна. Если бы вамъ возвратили молодость, посмотрѣли бы мы, какъ вы къ чорту послали бы всѣ эти высшія стремленія къ добру и разные тамъ идеалы, съ которыми теперь отъ нечего дѣлать нянчитесь“. Да, тутъ надрывъ, и надрывъ неисцѣлимый. Въ душѣ молодого поколѣнія накопилось столько злости на безшабашное распутство отцовъ, что дѣти эту злость внесутъ неизбежно и въ отношенія ко всѣмъ и ко всему и создадутъ атмосферу человѣконеапативничества, отъ которой всѣ мы, „простые, смиренныя русскіе люди“, чуть не задохнулись совсѣмъ. Вотъ они, настоящіе-то переходные типы, — жаль, что г. Стахевичъ ограничился этюдомъ, генезисомъ типа и не показалъ его намъ въ дѣйствіи, въ отношеніяхъ общественныхъ, какъ героя разныхъ *временностей*, подъ влияніемъ которыхъ мы живемъ и доселѣ.

Превосходная статья г. Вл. Соловьева: *Нравственная основа общества*. Почтенный авторъ сѣмѣлъ изъ этой отвлеченной темы сдѣлать нѣчто вполне современное, вполне отвѣчающее нравственнымъ и умственнымъ запросамъ нашего общества, такъ страстно жаждущаго найти основы для своего бытія и дѣятельности. Не то, чтобы г. Соловьевъ говорилъ что-либо новое. Итъ, онъ защищаетъ тѣ же положенія, которыя давно уже были положены въ основу ученія о нравственности философами XVIII вѣка: съ одной стороны, Кантомъ, съ другой—Руссо; но заслуга автора въ томъ, что онъ сѣмѣлъ очень ярко и, главное, послѣдовательно выдѣлить эти основоположенія изъ окутывавшаго ихъ метафизическаго тумана и указать на ихъ непосредственную связь съ главными и существенными требованіями и желаніями нашей интеллигенціи и нашего народа.

„Принципъ человѣческаго достоинства — вотъ единственная нрав-

ственная основа общества, — говоритъ г. Соловьевъ. — Многихъ нравственныхъ основъ въ собственномъ смыслѣ этого слова быть не можетъ, какъ не можетъ быть многихъ верховныхъ благъ или многихъ нравственностей... Никакой человѣкъ ни при какихъ условіяхъ и ни по какой причинѣ не можетъ разсматриваться только какъ *средство*, — онъ не можетъ быть орудіемъ ни для блага *другого лица*, ни для блага *цѣлаго класса*, ни даже для *общаго блага*. „Общее благо, чтобъ имѣть значеніе нравственнаго принципа, должно относиться не къ многимъ только или большинству, а ко всѣмъ безъ исключенія. Само по себѣ разумѣется, что признаніе личнаго достоинства, права личности единственною основой морали отнюдь не исключаетъ признанія эволюціи развитія нравственныхъ ученій въ исторіи человечества“. Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не достаточно ярко выставляетъ эту связь своего ученія съ ученіями эволюционистовъ. Намъ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется; но за то чрезвычайно мѣткі замѣчанія г. Соловьева о яко бы множественности нравственныхъ основъ. Легко доказать, — говоритъ онъ, — что религія, семья и собственность не могутъ имѣть сами по себѣ значенія нравственныхъ основъ въ собственномъ смыслѣ. Религія, прежде всего, можетъ быть и не нравственной, кромѣ того, единое нравственное начало по существу своему *универсально*, одно для всѣхъ, а религія можетъ и не быть универсальной. Г. Соловьевъ далѣе замѣчаетъ, что „универсальность выражается не только въ отсутствіи внѣшнихъ, національныхъ, конфессіональныхъ преградъ, но также и еще болѣе въ отсутствіи преградъ внутреннихъ; чтобы быть универсальной, религія не должна отдѣляться отъ умственного просвѣщенія, отъ науки, отъ общественнаго и политическаго прогресса“. Семья по тѣмъ же соображеніямъ также не можетъ быть признана нравственною основой. Что же касается собственности, то признать ее самою по себѣ нравственною основой общества есть не только логическая, но и психологическая невозможность. „Первое пробужденіе сознательной жизни и мысли произошло во мнѣ, — говоритъ г. Соловьевъ, — подъ громъ разрушенія собственности въ двухъ ея историческихъ формахъ — рабства и крѣпостнаго права, и это разрушеніе совершилось во имя общественной нравственности“. Вѣрное и психологически тонкое замѣчаніе. „Мнимая неприкосновенность, — продолжаетъ авторъ, — была блистательно опровергнута фактомъ столь удачнаго прикосновенія. Очевидно, собственность есть нѣчто требующее нравственной *опоры для себя*... Принципъ безусловнаго права человѣческой личности ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ; но въ зависимости отъ него общества и учрежденія получаютъ нравственный характеръ“, — таково заключеніе статьи г. Соловьева.

Опредѣленіе основы нравственнаго ученія имѣетъ значеніе не только теоретическое, но и практическое. Въ предъидущемъ нашемъ обзорѣни по поводу статьи г. Корсакова о князѣ Вяземскомъ мы пытались опредѣлить различіе между великимъ дѣломъ и великимъ подвигомъ; это отличіе приводится, въ сущности говоря, къ тому же вопросу объ единой основѣ нравственности. Въ декабрьской книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника* г. Корсаковъ говоритъ о нѣкоторыхъ теоретическихъ положеніяхъ князя Вяземскаго, которыя и были основой для его житія, для его подвиговъ. Князь, правда, какъ и почти всѣ подвижники, былъ плохимъ теоретикомъ; тѣмъ не менѣе, въ его взглядахъ былъ одинъ центральный, руководящій пунктъ, служившій путеводною звѣздой въ прожитой имъ подвижнической жизни. Этотъ центральный пунктъ — дѣятельная

любовь, какъ основа практической морали. „Основой жизни, — говорить г. Корсаковъ, — князь признаетъ любовь. Всѣ отношенія между людьми должны вытекать изъ любви, какъ источника всего благого“. Деньги, стяжаніе, состояніе князь считаетъ, разумѣется, несомнѣннымъ съ христіанствомъ, т. е. съ любовью. „Только когда я избавился отъ состоянія, почувствовалъ себя истиннымъ человѣкомъ“, — говаривалъ князь, что не мѣшало ему восклицать: „Ахъ, еслибъ у меня были деньги въ томъ размѣрѣ, какъ бы мнѣ хотѣлось, — бѣдность одно счастье — нельзя помогать другимъ“. Далѣе: „Задачи просвѣщенія сводятся на воспитаніе людей. Мудрое правительство должно хлопотать о немъ. Вторая насущная забота власти въ широкой и разумной организаціи труда“. Эти послѣднія положенія князя, какъ видите, переносятъ насъ изъ сферы личной морали, изъ сферы самоусовершенствованія посредствомъ дѣятельной любви въ болѣе широкую сферу социологіи, причемъ первая изъ этихъ сферъ ничѣмъ не связана со второй, ибо что можетъ сдѣлать дѣятельная любовь, какъ основа практической морали, въ томъ случаѣ, когда правительство, наприм., не мудро и насущную заботу свою не признаетъ? Мы указываемъ на эти непослѣдовательности въ мышленіи князя совсѣмъ не для умаленія достоинства его подвига; напротивъ, такая непослѣдовательность во всякомъ случаѣ дороже тупой прямолинейности проповѣдниковъ дѣятельной любви, которыхъ такъ много теперь у насъ, благодаря нашему безвременью. Основа морали какъ теоретической, такъ и практической, — личность во всей ея цѣлостности, ея достоинство, какъ личности, и ея право. Видѣлять изъ личности одну ея сторону, одно чувство, одну эмоцію, чтобы сдѣлать ее основой нравственности, — это все равно, что вырѣзать кусокъ мяса изъ цѣлаго организма и вообразить этотъ кусокъ живымъ организмомъ и оперировать съ нимъ соответственно такому представленію. Несомнѣнно, что чувства являются въ историческомъ процессѣ развитія человѣчества настоящими двигателями, настоящими социальными силами; несомнѣнно также, что любовь, какъ социальная сила въ этомъ процессѣ, непрерывно растетъ на счетъ другихъ низшихъ силъ — чувствъ; но такой ростъ возможенъ не какъ самостоятельный процессъ, самъ изъ себя исходящій, а только при участіи направляющей силы интеллекта. Именно этого — то и не понимаютъ проповѣдники любви, какъ социальной силы; и до тѣхъ поръ, пока они не поймутъ этого, ихъ проповѣдь будетъ безплодной также, какъ и всякіе подвиги, вызываемые этою проповѣдью. Далѣе, вѣдь, это только конецъ процесса, а до него намъ еще очень далеко; въ самомъ же теченіи процесса другія социальныя силы, другія чувства, даже низшаго порядка, играютъ и играютъ роль, несомнѣнно, прогрессивную. Напримѣръ, во времена всякихъ общественныхъ переворотовъ, какъ мирныхъ, такъ и немирныхъ, благодѣтельныхъ для всего человѣчества или какой-либо его части, чувство, противоположное любви, ненависть играла и играетъ видную и полезную роль, особенно когда она направлялась интеллектомъ. И въ особенности такую благодѣтельную роль играли чувства смѣшанныя, сложныя, — не такъ, вѣдь, ужъ проста человѣческая натура, какъ это полагаютъ проповѣдники любви, — вродѣ ненавидящей любви и любящей ненависти. Намъ, разумѣется, возразятъ, что мы не принимаемъ будто бы въ соображеніе вліянія подвига на окружающую среду, развитія, благодаря ему, высшихъ чувствъ, пробужденія совѣсти въ свидѣтеляхъ подвига. Таково именно и было вліяніе подвижничества князя на окружающую

щее общество. „Всѣ приходившіе съ нимъ въ прикосновеніе,—говорить его біографъ,—чувствовали въ немъ присутствіе высшаго духа, чуждаго низменныхъ, будничныхъ интересовъ и пошлыхъ мірскихъ вожделеній. При видѣ его фабрикантъ забывалъ о своихъ расчетахъ, купецъ—о своихъ гривнахъ; каждый при князѣ хотѣлъ быть человекомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ этого слова. Не одинъ человекъ, бесѣдуя съ нимъ, заглядывалъ въ свою собственную душу и ужасался своему паденію“. Все это такъ, и мы не забываемъ о такомъ, не подлежащемъ учету, но совершенно реальномъ влияніи, но... Случалось ли вамъ, читатель, гдѣ-нибудь въ вагонѣ, въ сельскомъ трактирѣ и проч. наталкиваться на такую сцену: сидитъ какой-нибудь благообразный русскій человекъ, преимущественно деревенскій кулакъ-торговецъ, и поучаетъ многочисленныхъ слушателей изъ писанія? Хорошо поучаетъ; видно, что человекъ тонко свое дѣло знаетъ, такъ что слушатели только благоговѣнно вздыхаютъ, слушая, какъ онъ евангельскими текстами сыплеть. Но вотъ какой-нибудь изъ менѣе благоговѣйныхъ слушателей,—такіе всегда находятся,—упомянетъ что-нибудь о затхлой мукѣ, поставленной благообразнымъ русскимъ человекомъ въ больницу, и что же? Не только самъ проповѣдникъ, нисколько не смущаясь, отвѣчаетъ скептику, что, молъ, это дѣло особое, что это дѣло мірское, торговое и что, конечно, всѣ грѣшны (это говорится съ умиленнымъ вздохомъ), а то дѣло божественное, но и слушатели-то всѣ до одинаго, не выключая и самого скептика, съ нимъ согласны. Положимъ, что это не живой примѣръ подвижника, а только поученіе, не дѣятельная любовь, а просто книга, хотя и святая книга, изъ книгъ книга. Живой примѣръ дѣйствуетъ сильнѣе и, однако, если вы приглядитесь внимательно къ влиянію подвижниковъ,—хъ, вѣдь, не мало бывало на народѣ (объ обществѣ и говорить нечего: даже біографъ князя признается, что общество почитало князя чудакомъ, страннымъ человекомъ),—вы увидите, что отношеніе народа къ подвигу и подвижнику точь-въ-точь такое же, какъ и въ приведенномъ нами примѣрѣ, т.-е. появляется сознаніе, что то—божественное, а это мірское,—сознаніе, что ни учиться, ни подражать подвижнику мірскому человеку нельзя, что оно и хорошо бы, да грѣхи одолѣли. Для параллели припомните одинъ рассказъ г. Успенскаго (*Что надѣлала акушерка Анна Ивановна*). Въ этомъ рассказѣ акушерка Анна Ивановна, навѣрное, такой же простой человекъ, какъ и всѣ мы, грѣшныя, личными участіемъ и личными хлопотами помогаетъ крестьянамъ купить нужную имъ землю. Только и всего,—подвига тутъ нѣтъ, несомнѣнно, никакого нѣтъ, самое простое дѣло, которое всякій сдѣлать можетъ. И, однако, тутъ всякій мужикъ сознаетъ, что вотъ такое дѣло каждый и можетъ и при случаѣ долженъ дѣлать; тутъ влияніе и несомнѣнно и, пожалуй, его даже и учесть можно. А, вѣдь, дѣло акушерки Анны Ивановны, совсѣмъ не будучи подвигомъ, она, поди, и танцуетъ на вечеркахъ, и ссорится съ подругами, и сплетничаетъ и, чего добраго, даже, пожалуй, и рюмку вина иногда выпьетъ,—относится тоже къ сферѣ дѣятельной любви. Въ чемъ же разница между дѣломъ Анны Ивановны, которое мы должны отнести къ категоріи великихъ (помните наше опредѣленіе: великое дѣло то, которое входитъ въ область общей и обобщающей идеи) и великимъ подвигомъ князя Вяземскаго? Да просто въ томъ, что въ случаѣ Анны Ивановны чувство, какъ соціальная сила, направлялось интеллектомъ... И съ увѣренностью можно сказать, что акушерка Анна Ивановна считала,—конеч-

но, инстинктивно, а не сознательно, — основой нравственного поведения и вообще нравственности не любовь, а всего человека, личность, ее достоинство и ее права, что она не выхватывала из личности, из плъга нравственного организма, одной только эмоціи любви, а считалась и со всѣми другими составными частями личности.

Изъ трехъ беллетристическихъ произведеній разбираемой книги *Съвернаго Вѣстника*: повѣсти г. Нефедова *Тайна рыбки* (окончаніе), повѣсти г-жи Крестовской *Женская жизнь* (неоконченной) и очерка г. Соллогуба *Тьни*, по производимому на читателя впечатлѣнію, довольно сильному, хотя и болѣзненному, обращаетъ вниманіе очеркъ г. Соллогуба. Это несомнѣнно символическое произведеніе. Собственно говоря, всякое художественное произведеніе символично, потому что средства, орудія искусства, которыми единственно оно и можетъ, и должно оперировать, суть образы, т.-е. символы. Но дѣло въ томъ, что символы, кромѣ ихъ вѣрности и невѣрности, т.-е. соотвѣтствія и несоотвѣтствія дѣйствительности замыслу автора, его идеѣ, могутъ быть еще ясными, точными, опредѣленными или смутными, неясными, неопредѣленными. Первые изъ нихъ производятъ совершенно опредѣленное и ясное впечатлѣніе, порождаютъ извѣстный опредѣленный кадръ идей — болѣе или менѣе широкій — и вызываютъ опредѣленные же эмоціи. Символы же второго рода, неясные, смутные, порождаютъ идеи и эмоціи неопредѣленные и потому самому мало гармоничныя или даже совсѣмъ негармоничныя, и производимое ими впечатлѣніе всею почти бываетъ нѣсколько болѣзненнымъ. Художественное произведеніе въ которомъ преобладаютъ или исключительно господствуютъ символы второго рода, и будетъ символическимъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. При извѣстной степени таланта автора, порождаемая его произведеніемъ, хотя бы и символическимъ, идеи и эмоціи могутъ быть и весьма значительными, но онѣ всегда остаются нѣсколько смутными и неопредѣленными и требуютъ отъ читателя затраты значительной силы какъ интеллектуальной, такъ и эмоціональной. Получается не истинное художественное наслажденіе, т.-е. не достигается истинная цѣль искусства, а наслажденіе, смѣшанное съ страданіемъ усиленнымъ главнымъ образомъ усилія эмоціональнаго. Именно къ этому роду произведеній принадлежатъ и *Тьни* г. Соллогуба. Авторъ *Тьней* несомнѣнно обладаетъ талантомъ, но, благодаря его *приему*, впечатлѣніе получается не гармоничное, а смѣшанное, производится не наслажденіе, а нѣчто страдальчески-болѣзненное, что-то вродѣ впечатлѣнія, производимаго „мучительскимъ“ талантомъ Достоевскаго.

Дѣтское Чтеніе, декабрь 1894 г. Съ декабрьской книжки прошлаго года *Дѣтское Чтеніе* переведено въ Москву и выходитъ подъ редакціей извѣстнаго педагога Д. И. Тихомирова. Здѣсь было положено начало *Дѣтскому Чтенію* знаменитымъ дѣятеlemъ нашего просвѣщенія Н. И. Новиковымъ, и мы искренне желаемъ, чтобы новиковскій духъ вѣялъ въ этомъ журналѣ.

Декабрьская книжка составлена весьма удачно: въ ней помѣщено *Сказочка про козлячку* Д. Н. Мамина-Сибиряка, *Про одного скорняка* К. Баранцевича, отличная статья о зрѣніи С. П. Меча (*Вблизи и вдали*), историческая статья, лессинговская басня, *По водѣ подъ землей* г. Петрова, разныя замѣтки, задачи, игры и т. п. (есть и музыкальный отдѣлъ).

При декабрьской книжкѣ *Дѣтскаго Чтенія* приложенъ *Педагогическій Листокъ*. Въ этой книжкѣ помѣщенъ обширный и обстоятельный

обзоръ дѣтскихъ книгъ и книгъ для родителей и воспитателей и нѣсколько самостоятельныхъ педагогическихъ статей. Весьма интересенъ и въ высшей степени умѣстенъ очеркъ г. Ермилова: *Николай Ивановичъ Новиковъ, основатель „Дѣтскаго Чтенія“*.

Въ заявленіи отъ редакціи мы читаемъ, что задачей дѣтскаго журнала она ставитъ „воспитаніе гуманнаго чувства по отношенію къ природѣ и людямъ и стремленія къ самосовершенствованію“.

„Хорошая книга и статья,—замѣчаетъ редакція,—прочитываются съ одинаковымъ интересомъ и пользою всѣми дѣтьми одинаковаго развитія. Поэтому мы и предназначаемъ нашъ журналъ для *всѣхъ* дѣтей школьнаго возраста,—безъ различія званій и состояній“.

Желаемъ редакціи *Дѣтскаго Чтенія* скорого и полнаго успѣха въ достиженіи трудной и прекрасной задачи, ею поставленной.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 декабря 1894 г. по
1 января 1895 г.**

- Златогорскій, Н.** Первый западно-русскій справочный календарь на 1895 г. 8-й годъ издавiя книгопродавца И. Палачева. Вильна, 1894 г.
- Гавкинъ, Н.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансона. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 коп.
- Малиновскій, I.** Ученiе о преступленiи по Литовскому статуту. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Записная книга на 1895 г.** Изд. К. J. Риккера. Спб., 1895 г.
- Исаевъ, А. А.** Начала политической экономiи. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 30 к.
- Покровский, Н.** Блѣдновъ. Повѣсть злобы дѣя. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Тверской, П. А.** Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Гурфинкель, Л. М.,** д-ръ. Дѣтя и уходъ за ними. Популярная гигиена для матерей. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Одинцовъ, А.** Возвышенiе чиселъ въ квадратъ и кубъ и извлеченiе изъ чиселъ квадратнаго и кубическаго корней. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Ц. 30 к.
- Убийство Барно.** Спб., 1894 г.
- Ветуховъ, А.** Языкъ, поэзiя и наука. Харьковъ, 1894 г. Ц. 25 к.
- Извѣстiя восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества.** № 1. Иркутскъ, 1894 г.
- Преображенскій, М. Я.,** д-ръ мед. Физическая антисептика при леченiи ранъ. Экспериментальное изслѣдованiе. Изд. К. J. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Дюрсенъ, А.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентовъ и врачей. Пер. съ третьаго дополненнаго издавiя д-ра медицины Г. К. Рунге. Съ 105 рис. Изд. К. J. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- АНГО, А.** Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведенiй. Т. II. Пер. со 2 французскаго издавiя съ дополненiемъ и приложенiями Н. И. Мамонтова. Москва, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Брѣмъ, А.** Жизнь животныхъ. Популярное издавiе подъ редакцiей д-ра зоологiи С. М. Переславцова. Вып. 17. Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Петровъ, К. Ѡ.** Звѣздочка. Сборникъ статей въ прозѣ и стихахъ для постепеннаго изученiя роднаго языка. Въ четырехъ отдѣлахъ. Шестое исправленное и дополненное издавiе. Часть I. Москва, 1895 г. Ц. 40 к., въ переплѣтѣ 50 к.
- Смирновскій, П.** Маленькая русская хрестоматiя для дѣтей. Изд. 3-е книжной торговли А. Я. Панафидина. Москва, 1894 г. Ц. 15 коп., въ переплѣтѣ 20 коп., въ переплѣтѣ 25 коп.
- М., М.** Три стихотворенiя въ прозѣ. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Васкинъ, В. С.** Русскiе композиторы. П. И. Чайковскiй. Очеркъ его дѣятельности. Съ портретомъ композитора. Изд. А. Ф. Маркса. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Материалы по вопросамъ преподаванiя естествознанiя въ средней и высшей школѣ.** Издаю подъ редакцiей М. П. Варавина и Г. А. Кожевинкова. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Коссель, Г.** Лечение дифтерiи кровною сывороткой. Пер. съ нѣмецкаго д-ра мех. И. И. Дроздовскаго. Изд. книжнаго магазина Бр. Башмаковыхъ. Спб., 1895 г.
- Бертенсонъ, В. А.** Шелководство въ

- Херсонской, Бессарабской и Таврической губ. и мѣры къ его развитію. Одесса, 1894 г.
- Отчетъ первой одесской городской бесплатной народной читальни за 1893 г. Одесса, 1894 г.
- Турцевичъ, Ар. Русская исторія. Курсъ III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Виѣна, 1894 г. Ц. 50 к.
- Вальтескій, С. I. Надъ могилой Карла Шмидта. Съ портретомъ покойнаго Карла Шмидта. Томскъ, 1894 г.
- Рише, Шарль. Самоубица организа. Пер. съ французскаго д-ра В. Вальтера. Изд. Н. Н. Петрова. Слб., 1895 г.
- Молин, Е. Испытанныя врачевныя средства (какъ вѣрные способы леченія болезней). Пер. съ французскаго д-ра В. К. Панченко. Изд. книжнаго магазина Н. П. Петрова. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хвольсонъ, Б. Ручежъ. Рассказы для дѣтей. Изъ естественной исторіи и дѣтской жизни. Второе просмотрѣнное и дополненное изданіе А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Макарова, С. М. Суета суеть. Историческая повѣсть для юношества изъ русской жизни прошлаго столѣтія. 2-е изданіе А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Рогова, О. И. Ласточкино гнѣздо и другіе рассказы для дѣтей. 2-е изданіе, съ рисунками въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Желиховская, В. П. Какъ я была маленькой. Изъ воспоминаній ранняго дѣтства. 2-е исправленное и дополненное изданіе А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 20 к.
- Ялина, М. А. Самородокъ. Повѣсть для дѣтей. Съ 6 рисунками академика А. И. Морозова. Изд. А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 25 к., въ переплетѣ 40 к.
- Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художника Н. А. Богатова. „Иллюстрированная бібліотека Крестнаго Календаря“. Вып. 1, 2, 3, 4 и 5. Москва, 1894 г. Цѣна выпуска 25 к., съ пересылкой 30 коп.
- Обзоръ бакинскон нефтяной промышленности и свидѣнія объ американской нефтяной промышленности за 1898 г. Баку, 1894 г.
- Отчетъ о дѣятельности соѣта, избраннаго на VIII сѣздѣ нефтепромышленниковъ. Баку, 1894 г.
- Поменовскій, М. Б. Мечты. Вторая книга стихотвореній. Изд. Е. П. Раколовой. Одесса, 1895 г. Ц. 75 коп.
- Тавбовскій, А. П. Триумфъ любви. Третій выпускъ переводныхъ стихотвореній автора. Изд. Г. В. Енисейскій. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Настѣнный энциклопедическій словарь. Вып. 96. Изд. товарищества. А. Гранатъ и К°. Москва, 1894 г. Цѣна отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 к.
- Гарвей, Николай. Сказки дѣда Всева. Сборникъ дѣтскихъ сказокъ. Съ 12 хромолитографіями и 40 политипажамми въ текстѣ. Изд. А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Дмитріевъ - Кавкааскій, Л. Е. По Средней Азіи. Записки художника. Съ 199 рисунками автора. Изд. А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Лабуль, Эдуардъ. Голубыя сказки. Пер. съ французскаго Николая Гарвей. Съ 150 рисунками. Изд. А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Русскіе путешественники - изслѣдователи. Путешествіе по Туркестану Н. А. Сѣвердова и А. П. Федченка. Яложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Ялиной. Съ 81 рисункомъ и картой. Изданіе А. Ф. Девриена. Слб., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Минаковъ, Петръ. О волосахъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Диссертация на степень доктора медицины. Москва, 1894 г.
- Tolstol, Alexis, comte. Le prince sérébriany. Roman historique du temps d'Ivan le Terrible. Traduit du russe par Léon Golschmann. Paris, 1895.
- Алтайскій сборникъ. Изд. общества любителей изслѣдованія Алтая. Томскъ, 1894 г.
- Стукаличъ, В. К. Мальцевскіе заводы. Витебскъ, 1894 г.
- Народный календаръ на 1895 г. Изд. книжнаго склада П. К. Прияниникова, Москва, 1894 г.
- Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. (Романъ. Повѣсть. Рассказы). Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Цуриковъ, Н. Темы и планы ученическихъ сочиненій. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.
- Селивановскій, И. Сельско-хозяйственные рассказы. 2-е изданіе книжнаго склада К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 8 коп.
- Сперанскій, Н. С. О дурной болѣзни. Изд. книжнаго склада П. К. Прияниникова. Москва, 1895 г.
- Вахтаровъ, А. Пролетаріатъ и учлине тѣлы Петербурга. Бытовые очерки. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея. Вып. II. Тобольскъ, 1894 г.
- Ларошъ. Музыкально - критическія статьи. Изд. В. Бессель и К°. Слб., 1894 г.
- Риманъ, Гуго. Катехизисъ музыкальнаго диктанта. Пер. А. Ладухина. Слб., 1894 г. Ц. 75 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. КНИГЪ.

	Стр
Беллетристика: „Сибирскіе разсказы“. <i>Д. Н. Мамина-Сибиряка</i> .—„Житійскія буря“. <i>В. Быстрѣмина</i> .—„Около золотого тельца“. <i>А. Г. Корнея</i>	1
Публицистика: „Études politiques“, <i>par E. de Cyon</i>	6
Философія: „Вопросы Философіи и Психологіи“.—„Къ вопросу о развитіи монашескаго взгляда на исторію“. <i>Н. Бельтова</i> . „Декартъ“. <i>Альфреда Фулье</i> .—„Bibliothèque de philosophie contemporaine“.	7
Географія и путешествія: „По Россіи“. <i>Вас. Сидорова</i> .—„Земля и люди“. <i>Эмме Реклю</i>	11
Политическая экономія и статистика: „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“.—„Главнѣйшія данныя поземельной статистики по обследованію 1887 г.“.—„Волости и населенныя мѣста 1893 г.“.—„Etienne Cabet und der ikarische Communismus, mit einer historischen Einleitung“, <i>von Dr Lutz</i>	12
Юридическія книги: „Das Staatsrecht des Königreichs Preussen“, <i>von Prof. K. v. Stengel</i> . — „Das Staatsrecht des Grossherzogthums Hessen“, <i>von Prof. K. Sovack</i> .—„Das Staatsrecht des deutschen Reiches“, <i>von Prof. P. Laband</i>	17
Математика: „Объ основаніяхъ геометріи“. <i>Изд. физико-математическаго общества</i>	19
Медицина: „Второй годовой отчетъ московской городской санитарной станціи“. <i>Проф. Ф. Ф. Эрсмана</i> .—„Красота и недостатки человѣческихъ формъ“. <i>Эрнеста Брюккѣ</i> .—„Леченіе сифилиса“. <i>Альфреда Фуриѣ</i> .—„Главныя основныя анатоміи, физиологіи и гигиены“. <i>Кенигсбергера</i>	22
Техническія книги: „Плодовое и ягодное винодѣліе и его значеніе для Россіи“. <i>К. К. Вебера</i> .—„Практическое руководство по производству кирпича, черепицы, дренажныхъ трубъ, терракотовыхъ издѣлій и прочаго лицевого товара для архитектурнаго искусства“. <i>Ею же</i> . — „Производство и украшеніе глина-	

ныхъ издѣній въ настоящемъ и прошломъ". В. И. Селезнева. — „Корзинное производство". К. К. Вебера 26

Сельское хозяйство: „Труды первого областного съѣзда сельскихъ хозяевъ юго-восточной Россіи". — „Состояніе огородничества на поляхъ, орошаемыхъ ливными водами г. Одессы". А. А. Бычкова. — „Обзоръ мукомольно-крупчатой промышленности въ Приволжьи въ 1892—3 гг.". А. А. Клопова 29

Дѣтскія книги; „Суета суетъ". С. М. Макаровой. — „Ласточкино гнѣздо". О. И. Столовой 31

Изданія для народа: „Читальня Народной Школы", журналъ для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ народныхъ школъ. — „Сельско-хозяйственные рассказы". И. Семановскою —

Календари: „Народный календарь на 1895 г.". Изд. П. К. Прлимитикова. — „Первый западно-русскій справочный календарь на 1895 г.". Н. Златоверскою 37

II. Периодическія изданія.

„Вѣстникъ Европы", декабрь. — „Русское Обозрѣніе", декабрь. — „Сѣверный Вѣстникъ", декабрь. — „Дѣтское Чтеніе", декабрь. 38

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 декабря 1894 г. по 1 января 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова

коммисіонера общества любителей русской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенковичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- **Вѣсть догмата.** Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- **Путевые очерки.** Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Доде, Альфонсъ.** Портъ-Тарасковъ. (Последнія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Юноша, Клеменсъ.** Снякъ. Картины деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб.
- Эртель, А. И.** Гарденинъ, или дворянъ, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.
- Въ пользу воскресныхъ школъ.** Сборникъ. Цѣна 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р. 50 к. Подписчики на журналъ „Русская Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Михайловскій, Н. К.** Щедрикъ. (Критическій онытъ). Цѣна 1 руб.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки

- и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- **Очерки и рассказы.** Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.
- **Слѣпой музыкантъ.** Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С.** О клястѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваютъ ся?“ Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ).** Наши годы. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Корелингъ, М. С., проф.** Иллюстрированные чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учебнаго старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го выш. 50 коп., 2-го выш. 30 коп.
- Мачтетъ, Григорій.** Смураги. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Богословскій, В. С., проф.** Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подписчики на „Русскую Мысль“ за пересылку не платятъ.
- Гольцевъ, В. А.** Вопросы для ищущихъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
- **Объ искусствѣ.** Критическія записки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- **Литературные очерки.** Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
- Чеховъ, Мих.** Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Народныя оцѣнки и рецензіи журналу „Русская Мысль“.

Что такое золото и серебро? (3-е издание). Собирантъ? (3-е издание). С. П. Сенкевичъ, ГЕНЕРАЛЬ. О музыкантѣ. Цѣна 1 коп.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1½ коп.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убийецъ. Цѣна 1½ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечера и утра, и Вожественная литургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Василия Великаго и Прѣдсѣдательскихъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга общаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепьяно. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.
— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по арметикѣ. Ц. 50 к.
— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими невѣрными. Ц. 60 к.
— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Александръ Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіи типки, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіи народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ картинъ съ картинами русскихъ художниковъ. М. Ц. 2 р.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.
Андерсенъ, Хансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Афонтеатровъ. Психонать. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Баранцевичъ, К. С. Родина картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картины жизни. 39 рассказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Безобразовъ. Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Безъ, Д-ръ. Построеніе деревянныхъ гѣбницъ. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендцулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиа. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифлиса. Общедоступное изложене, какъ предохранить и лечить себя отъ сифлиса. Кіевъ, 1898 г. Ц. 50 к.

Вергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Вернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Вибиговъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб., 1862 г. Ц. 50 к.
Библиотека ремесленниковъ и кустарей. Ограиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
— Золоченіе и серебряніе дерева. Изд. 1-й. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библиотека-крошка. Многочисленныя издавія, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Кольцова, Барамына, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Деметровой, съ 88 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое приѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Рассказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
Бородинъ, И. Весна, русская жизнь

и природы. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человекъ паразитами. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Сиб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Сиб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выпускъ.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корсакина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ арифметикѣ дѣльныхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.

— Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 80 к.

— Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Арифметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Виле-де-Дюка и Э. И. Вуслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англии. Сиб., 1891 г. Ц. 1 р.

Вьертнеръ-Вьертсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Вакротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Варъ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Вагнеръ. Химическая технология. Сиб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ приобрятаются болѣзни желудка. Сиб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Квинльвортъ; 2) Легенда о

Монтрозъ; 3) Аббатъ; 4) Антикартъ; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Замерзшая нѣвѣста; 9) Черный карликъ; 10) Северный Пикъ; 11) Пираты; 12) Обрученные; 13) Везерлей; 14) Карлъ Сильный; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Сиб. 1892 г. Ц. каж. к. 40 к.

— Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1886 г. Ц. 2 р.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Сиб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Варио, Ж. Дѣтскій докторъ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Вобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. глиняго товара съ атласомъ. Сиб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрени. и водяныхъ двигателей съ атласомъ. Сиб., 1894 г. Ц. 5 р.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алігьери его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 8 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительной статьёй значенія вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейсъ, Германъ. Вѣтшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую, цѣна

Верецагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виноградовъ. Ectemeralia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „бесмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 8-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 80 к.

— Руководство къ русской азбуцѣ. Ц. 20 коп.

— Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Рассказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригинальные стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь европейскія народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же.

Ч. III. Жители средней Европы. Спб.

— На отдыхѣ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ пакѣ 1 р. 85 к. Спб.

— Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработанное). Спб. Ц. 2 р.

— Одногласныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубна). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.

— Какъ люди на блгоумъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.

— Турки. Спб., Ц. 40 к.

Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 85 коп.

Войславъ. Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.

— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаймъ, Р. Герцерь, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II. ц. 5 р. М., 1898 г.

— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.

Гамбургцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вѣсельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно намѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, модъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсоева. Выпускъ первый. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Гаринъ, Н. Дѣтство Тѣми. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.

Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.

Гартвицъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.

Герценштейнъ, М. Кредитъ къ земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.

Гесдинъ, Г. Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.

Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.

- Гильти, К. Счастье.** Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государств. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1886 г.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Вопросъ государственнаго хозяйства. Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гораций.** Сатиры. Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Гораций.** Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Горкевичъ, Д.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнъ, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ издѣн. коленпер., ц. 4 р. 50 к., безъ переплета ц. 4 р. 20 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ издѣн. колен. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Гриммъ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 60 к.
— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.
— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- Гриммъ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.
- Громека М. С.** О А. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Грэхемъ, Ж. Ж. Русо.** Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густафсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ нѣмец. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роскошн. переплетѣ—1 р. 75 коп.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Демосеенъ.** Олинескія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
— Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефю.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 т. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джеромъ, К.** Праздныя мысли гѣтты. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ новѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Минина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стерня, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Добровотворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, к. 8 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, к. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммерманъ. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Драперъ, Д. В.** Исторія умственаго

- развѣтій Еврочы. Въ 2-хъ том. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяковскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноимскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Мессоді, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на правдствѣ тысячелѣтія для кончины бл. Мессодіа. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека. Генрихъ Ибсенъ. Статуйецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Геприетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тэя, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Езагодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1898 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ешпательевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Жакъе, Ф. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Женѣ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жукъ. Дѣтя. Дневникъ матери. Спб., 1892 г.
- Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 руб.
- Жюль Вернъ. Гекторъ Сервалатъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жѣ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ. Путь кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 5 к.
- Зѣблинъ, И. Куцего и древній Сѣверскій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- За мѣловатый квадратъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., перемѣлка за 1 ф. по разстоянію.
- Засодимскій, П. В. Задушевныя рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе. (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 к.
- Законы о велосахъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Зелинскій. Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 8-е. М., Ц. 25 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію Ф. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Землеръ, Генрихъ. Чай, развѣленіе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.

Златовратскій. Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Юланти и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Слб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Слб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политикѣ съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Изъ дневника Амели. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Слб., 1894 г. Ц. 35 к.

Ингрэмъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадиа. Электричество. Изд. 3-е. Слб., 1894 г. Ц. 5 р.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Канонниковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Слб., 1891 г. Ц. 3 р.

Кантъ, Иммануилъ. Прологоменн ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Слб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.

Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каронинъ (Петропавловскій). Рассказы. 8 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.

Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Борша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и переводъка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.

Квитка-Основьяненко. Паясъ Ха-

лавскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.

— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 85 к.

— Малороссійскія новѣсти, рассказаныи Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 85 к.

Кенигсбергъ, М. М., д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гігіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текствѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.

Кенанъ, Джорджъ. Стенная жизнь въ Сибіри. Слб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кесслеръ. Слитаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кингсфордъ, Анна, докт. мед. Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Э. Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общаго. Цѣна 4 р.

Кнейпцъ, Севастьянъ. Моее излеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Слб., 1887 г. Ц. 3 р.

Кобелль. Таблицы. Изд. 2-е. Слб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Коломбо, маркиза. Красавица. Рассказы. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскоши. переплетъ.

Кольбе. Введеніе къ ученію объ алгебрѣ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Корелингъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вил. I и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.

Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чихотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Корончевскій, Д. А. Люди. Этнографическія очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.

Короленко: Голодный годъ. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.

Корсакъ, Марія. Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Слб., 1888 г. Ц. 5 р.

— Томъ IV. Слб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.

Костычевъ, П. Общественное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.

— Обработка и удобреніе чернозема. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для индѣянаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Котельниковъ, Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Сиб., 1893 г. Ц. 40 к.

— **Бесѣды по земледѣлю.** Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Сиб. Цѣна кажд. вып. 30 к.

Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 коп.

Крестовскій, В. (псевдоним). Альбомъ, группы и портреты. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.

Криста, М. Конечъ крейцеровой сонаги Льва Толстого. Сиб., Ц. 30 к.

Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

— **Подъ колесомъ жизни.** Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.

— **Незабудки.** Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Сиб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.

— **Вечерніе досуги.** Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.

Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1896 г. Ц. 8 к.

Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— **Книга II-я, изд. 3-е.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— **Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

— **Книги V-я, VI и VII.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ч. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— **Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго.** Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сцени для любителейскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Сиб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кутешовъ, П. Свиноводство. М. 1838 г. Ц. 1 р.

— **Иноводство.** М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— **Грунты и практическія основанія под-**

бора клеменныхъ животныхъ въ оидководствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— **Артуръ Шопенгауеръ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Сиб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курцусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсака. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабуль, Эдуардъ. Голубныя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Сиб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелъ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Лесбоокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полт. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 84.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, Н. I. Указатель къ сѣмъ для любителейскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Минна фонъ-Баригельмъ. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— **Эмилия Галотти.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— **Натанъ Мудрый.** Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— **Молодой ученый.** Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— **Гамбургская драматургія.** Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— **Драматич. соч.: Минна фонъ Баригельмъ, Эмилия Галотти, Натанъ Мудрый.** Сиб. 1886 г. Ц. 2 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— **Исторія Рима отъ основанія города.** Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— **Римская исторія Кн. XXI, XXII.** Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Линпертъ, Ю. Исторія культуры. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ли, Ионасъ. Осужденный на вѣкъ. Рассказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лихіе нарядники. (Шутка - задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.

Лотце, Германъ. Микроковъ (эмоли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е.

- Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Доброй его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Сиб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочинения. Т. II-ой. Сиб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиология человека. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невѣданный бытъ. Ром. Вместо хлѣба, камель. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные котки. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный келугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На скѣпу прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія плагиата съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж.** Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (повѣя). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мауринъ, К., и Высоцкій, В.** Формулы по ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старинн. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ пакѣ 1 р., въ коленкоромъ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Маклеодъ, Д. Г.** Основанія политической экономіи. Сиб., 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій.** Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія гѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Маргиновъ.** Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.
- Мартъ, Констанъ.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для биографіи Добролюбова,** собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1867 г. Ц. 4 р.
- Галлей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1896 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Сиб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общаго, подворнаго, селскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Мачтетъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Влудный смыслъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Сиб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллѣсъ.** Россія. Т. Iа. I. Сиб., 1880. Ц. 5 р.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Милюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Сиб., 1892 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Сиб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкіе къ ней науки. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Сиб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Сиб. 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Момсенъ, Э.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. IV ц. 3 р. 50 к. М., 1886 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монть-Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранная Л. Н. Толстимъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. 2-я. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, собраніе рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дядро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Сб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Сб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Сб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мудреный кругъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., переписка за 1 ф. по разстоянію.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Мясоницкій, Ив. Замоскворѣцкія свѣдѣнія. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Наединъ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьернсона - Бьернстера, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппе, Пьера Лоти, Жана Риншера, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.

Народныя русскія сказки и загадки. Собрании сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ ваекъ 1 р.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Балморье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Одьаля-рудокотъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетъ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кувачнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руковод. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивелирный планъ города Москвы, съ указаниемъ раздѣленія города на судебныя и мировыя участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Слени у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Сб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Нордау, Максъ. Вирожденіе. Сб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Сб., 1891 г. Ц. 3 р.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни въ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Сб., 1892 г. Ц. 2 руб. 50 к.

Ольденбергъ, Германъ. Вудла, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дьячка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1899 г. Ц. 2 р.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ рассказ. съ 45 рисун. (изд. 2-е). Сб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскош. перепл.—1 р. 60 к.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизни замѣчательныхъ людей“. („Биографическая бібліотека“). 1) С. П. Боткинъ, 2) Д. Воклачю, 3) Беранже, 4) Беккариа и Бенгаль, 5) Воронцовы, 6) Ф. Г. Волковъ, 7) Гутенбергъ, 8) Янъ Гусъ, 9) Державинъ, 10) Давидъ Дефо, 11) Чарльзъ Дарвинъ, 12) Эд. Дженнеръ, 13) Данте, 14) Джорджъ Элиотъ, 15) Эдисонъ и Морзе, 16) Конфуцій, 17) Кепплеръ, 18) Канкринъ, 19) В. Н. Каравинъ, 20) С. В. Ковалевскій, 21) Кювье, 22) Н. Коверникъ, 23) Лессингъ, 24) Ливингстонъ, 25) М. В. Лосовосовъ, 26) И. Лойола, 27) Линней, 28) Чарльзъ Лявель, 29) Лейбницъ,

80) Лавуазье, 81) Мирабо, 82) Милтонъ, 83) Мейерберъ, 84) Мольеръ, 85) Монтескье, 86) Моцартъ, 87) А. Милевичъ, 88) Милель-Анджелю, 89) И. С. Никитинъ, 40) Потемкинъ, 41) Пржевальскій, 42) Песталоцци, 43) Писаревъ, 44) Перовъ, 45) Рихелье, 46) Струве, 47) Сенковский, 48) Соловьевъ, 49) Сакля-Муни, 50) Свифтъ, 51) Вальтеръ-Скоттъ, 52) Стенли, 53) Стефенсонъ и Фультонъ, 54) Теккерей, 55) Торквемада, 56) Дж. Уаттъ, 57) Франклинъ, 58) Уильямъ Цвингли, 59) Робертъ Шуманъ, 60) Ж. Ж. Руссо, 61) Тургеневъ, 62) Фодотовъ.

Пальчиковъ. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.

Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы философіи и психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.

— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

Пель. Фальсификація и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Пашкевичъ, В. Культура гѣкарствен. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.

Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.

Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.

Петуниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1886 г.

Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.

Платонъ. Аполлогія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Критонъ. Изд. 2-е. Киевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.

Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.

— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.

— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.

Покровский. К. Путеводитель по северу. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Покровский, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.

— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическія упражненія. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.

Покорни, д-ръ. Общее земледѣліе. Ч. 3-я (последняя). М. 1891 г. Ц. 3 р.

ПОЛИТИКОСЪ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стхотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.

Порошинъ, Ив. Рассказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Полясти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.

Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.

Программы домашнего чтенія на 1894—1895 г. Комиссія по организаціи домашнего чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.

Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши кричащія цидероли. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1896 г. Ц. 30 коп.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Извожен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. 3. р. 50 к.

Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовая садъ. (Изд. 4-е). Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (Изд. 5). Спб. 1893 г. Ц. 8 р.

Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

Регель. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

— Однолѣтнія и двухлѣтнія плѣтущія растения. Изд. 8-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рейхъ. Оптическое гігіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гігіена. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.

Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гігіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманнинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборикина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корна. Ц. 2 руб. М., 1868 г.

Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Розенбажъ. Современный мистицизмъ. Сб., 1891 г. Ц. 60 к.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 8 р. 50 к.

Рони, Ж. До потопа. Сб., 1892 г. Ц. 50 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Сб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рудакій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Сб., 1890 г. Ц. 8 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюдений. Изд. харьковского календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 80 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Сб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рышетниковъ, Ф. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Сб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рыбининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Сб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Сб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Стета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Стета натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 коп.

Сборникъ рисунковъ товарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столовыхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лманчкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сикорскій. Занкатиіе. Сб., 1889 г. Ц. 8 р.

Симсонъ, Ф. О невѣдѣтѣ собственныхъ подданныхъ. Сб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Коломенско, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.

Снабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Сб., 1893 г. Ц. 2 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 85 к.

Сказки русскаго народа. 2 в. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Скворцовъ. Гигіена. Сб., 1881 г.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Цыгане“ Пушкина; 2) „Мавай и зайцы“ Некрасова и 3) „Дѣдушка“ Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ выщную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Слезюкинскій, А. Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Соболевскій, А. И. Фonetика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекція по исторіи русскаго языка. Сб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 руб. М., 1891 г.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

Соннѣ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Коловѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоклетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала социологіи (объясненія учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1898 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ правовъ). Рассказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

фес. Н. К. Лучинскаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фульье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 8 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

Хидая. Комментаріи мусульманскаго права. Пер. съ англійскаго подъ ред. Н. И. Гродекова. Въ 4-хъ том. Ташкентъ. 1898 г. Ц. 7 р.

Жудожественная Россія. Т. I-й Слб. 1886 г. Изд. П. И. Колового. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

ЦИГОНЪ, Т. Физиологическая психологія. Слб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за цара Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архіа. поэта 1891 г. Ц. 80 к

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 80 к

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Калпурніи. Ц. 50 к.

— Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к.

— Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гіеа Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Слб., 1894 года Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Кастанка. Изд. 3-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 руб.

Чиколетвъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ

описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, В. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 8 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Христіановичъ, П. Опыты устройства общеобразовательной школы. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Катчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій въ двухъ т. Слб., 1891 г. Ц. за 2 т. 8 р.

Шерръ, Иоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Слб., 1879 г. Ц. 4 р.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земнаго шара. Переводъ съ нѣмец. Слб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.

Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тельмъ Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Племанникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Слб., 1887 г. Ц. 75 к.

Шимко. Патриаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Слб., 1868 г. Ц. 10 р.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1890 г.

я. IV, двѣ части, цѣна имѣ 7 р. М., 1881 г.

Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Свенсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Кюбусомъ Фрауншtedтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шперкъ, Э. Система Спнновм. Слб., 1898 г.

Шредеръ, Р. И. Русскій огорождъ, питомникъ и плодовой садъ. Слб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Издаііе 5-е).

Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Слб. 1880 г. Ц. 2 р.

— Многъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Герои Греціи въ войнахъ и мирѣ. Слб., 1879 г. Ц. 2 р.

— Великіе римскіе писатели. Слб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Герои Рима въ войнахъ и мирѣ. Слб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.

Шутце, Фр. Учидищевѣдііе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинаріи и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ш., Л. Незабѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидератія. Слб., 1891 г. Ц. 2 р.

Эртель, А. И. Двѣ нарм. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Эртель, А. Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Слб., 1883 г. Ц. 8 руб.

Эсмаркъ. Первая помощь. Слб., 1890 г. Ц. 80 к.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Слб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Янъ. Термохимія. Слб., 1893 г. Ц. 2 р.

Ефодоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Cornelli Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.

C. Julii Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.

— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.

Donjean, A. Офорть. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Hausser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.

Herodoti historiarum. Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.

— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.

Jordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.

Jul Pargeldt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гігіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Lenhartz, H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Moscou et ses environs, rués et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.

Mörkus, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Paul Julius Mosbicus. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Tedeschi, V. Пизца маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.
 Французскія азбуки:
 L'Alphé des tout petits. Couverture en couleurs. Av. 8 grav. col. Цѣна 8 коп.
 L'Alphé du premier âge. Couvert. en noir. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.

L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Adrien-Marie. Цѣна 65 коп.
 L'Album Alphabet. Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. Цѣна 1 р. 25 к.

**Французскія книжки съ раскрашенными карт.
для маленькихъ дѣтей.**

Первая серия.

Цена по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.
Le Bain de Minet, ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

Вторая серия.

Цена по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill. par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malbraugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abe des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.

Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Martin.
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy,
L'ili, par Clérice.
Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.

Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort.

7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.

Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

Книжки для чтения для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.

Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.

Цена каждому тома безъ перепл. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguéard.

Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par P. Andrievau.

Bébés en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.

Petits amis, par M-me de Bosguéard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.

Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyquier.

Scènes enfantines, par M-me de Bosguéard.

Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguéard.

L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon cœur, par Mlle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

Книги для детей от 9—12 лет.

Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый том с переплетом 1 руб

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit homme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugène. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourlac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
 Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

Книги для детей от 10—13 лет.

Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый том без перепл. 1 р. 15 к., с перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
 Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
 Les Rogimbot.
 Mlle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
 Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
 Histoire d'un enfant de Paris.
Mizel. Notre ami Polly.
Muceau. Mon petit frère.
 L'enfant des Vosges.
Pf off. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sebol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
 Les héros modestes.

Книги для детей от 12—14 лет.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый том с переплетом 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont. Au pays des fées, ill. par. Mes Cooper.
Bas de cuir, art. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по английскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miezi. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieb-linge — Frau Mieze — Eichhörchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomni-bus — Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En ten familie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Lieblings Kurzweil — Comitsche clowns — Unsere Lieblingsthiere.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

- Sturm, J.** Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinker cartonirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
- Hey,** Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 8 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
- Scharz,** 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt, Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinker. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
- Biller,** Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
- Deutsche Jugend.** Gediegenste, Auswahl von Bildern, Märchen, Reisebeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
- Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen** Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von Th. Schäfn, (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vollbildern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 880 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
- Biller, E.** Lieschens kluge Einfälle Hänschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
- Frey, A.** Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
- Lottka,** Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunter 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie vier neuesten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinker. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler. Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K., nur R.

Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Bildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Lese-schüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonirt. 80 K.

Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 85 K.

Gureke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterricht verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Артистъ. Театрально музыкальный и художественный журналъ. Ежемѣсячно. Ц. 12 р.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и пе-

рес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій съ карикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Ежедневный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волянь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный ежедневный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обзорѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемесячный журналъ съ приложеніемъ „Ежедневной хроники“. Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Всемирная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходятъ ежедневно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемесячный журналъ. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
Цосугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Ежедневная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обзорѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедневно, съ ежемѣсч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $\frac{1}{2}$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно-технический журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., с. пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсч. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кі-Влянинъ. Газета юго-западнаго

края. Ежедневно, выходить въ Кіевъ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 7 р.
Край („Край“). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 р.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ ежедневнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
Недѣля. Ежедневная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
Новости. Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е вѣд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.—II-е вѣд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
Новъ. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
Нувеллистъ. Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
Осколки. Ежедневный, иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
Петербургская Газета. Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
Петербургская Жизнь. Иллюстр. ежедневный журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путеше-
ствій. Ежедневно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ.
Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер.
12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библиографи-
ческий и научно-литературный, отъ 20
до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер.

Развлеченіе. Журналъ литературы и
6 руб.
юмористич., съ политипажами. Выходитъ
ежедневно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Ежедневно. Ц. съ дост. и
пер. 5 р.

Родина. Ежедневный иллюстрирова-
ный журналъ съ приложеніемъ романовъ.
Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный
журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ ли-
тературный и политическій. 12 кн. въ
годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета воен-
ная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9
р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“
13 р.

Русская Жизнь. Ежедневная газе-
та. Ц. съ дост. 8 р., съ пер. 9 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный
литературно-политич. журналъ. М. Ц.
съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета поли-
тическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$
г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Еже-
дневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еже-
недѣльными и ежемѣсячными приложе-
ніями; ц. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости.
Газета политическая и литературная; вы-
ходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р.,
съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herald. Ежедневно. Поли-
тическая и литературная газета. Ц.
съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.; за 6 м.
7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg.Zeitung. Газета по-
литическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13
р., съ пер. 14 р.

СВѢТЪ. Газета политическая и литера-
турная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер.
4 р., съ приложеніемъ романовъ и ко-
вѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Ежедневная
народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер.
2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собра-
ніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
55 к.

Стрекова. Художественно-юмористич.
журналъ. Ежедневно. Ц. съ дост. 9 р.,
съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

Судебная Газета. Ежедневная газе-
та. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литератур-
но-научный и политическій журналъ. 12

№№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к.,
съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстриро-
ванный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц.
съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич.,
учебная и литерат. Выходитъ ежедневно.
Ц. съ дост. и пер. 8 р.
— Второе изданіе безъ приложен. 4 р.

Тифлисскій Листокъ. Ежедневная
газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ
годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣ-
сяцъ Ц. 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій
журналъ каррикатуръ. Ежедневно. Ц.
съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р.
65 к.

П о л ь с к і е .

Atheneum. Pismo naukowe i literac-
kie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcelniejszych utworow li-
teratury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6
kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literaska. Pismo literackie
ilustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem
powiesci, rs. 8.

Bluszez. Pismo tygodniowe ilustr. dla
kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem
mód kolorowanych i krajów. Wydanie
II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne.
Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Ty-
godnik literasko-artystyczny, zawiera ut-
wory zagranicznych i krajowych kompo-
zytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym
dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera, rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny,
rs. 12.

**Gazeta przemysłowo - rzemie-
slnicza,** pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem
rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 nu-
mera, rs. 8.

Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3

Gazeta Warszawska codziennie, rs.
12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom
religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towar-
zystw przyrodników imienia „Kopernika“.
Lwów, 21 resztytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Pe-
tersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik nau-
kowy, poświęcony przeglądowi postępów
 nauk lekarskich, rs. 6.

- Kronika Rodzinna.** 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.
Kurjer Poranny. Wychodzi codzień, rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Świąteczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny ilustrowany, rs. 4.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik ilustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.
Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 8.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.
Romans i Powieść. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik ilustrowany, poświęcony literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powieści. Z dodatkami ilustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powieści. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo ilustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomości farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe ilustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny, rs. 12.
Wszechświat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

год издания 83-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

1895.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО въ двухъ изданіяхъ:

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ выходитъ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“ съ переходомъ къ новому издателю и при новомъ составѣ редакціи, совершенно реформирована, увеличена въ форматѣ и дополнена всѣ отдѣлы. Въ каждомъ номерѣ газеты помѣщаются руководящія статьи и замѣтки по всѣмъ современнымъ вопросамъ, вызываемымъ внутренними и иностранными событиями, а также общественной жизнью. Несмотря на весьма скромную подписную цѣну на газету, всѣ свѣдѣнія о выдающихся событіяхъ сообщаются при посредствѣ репортеровъ, специальныхъ корреспондентовъ и телеграммъ—

ОДНОВРЕМЕННО СЪ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ СТОЛИЧНЫМИ ИЗДАНИЯМИ, а потому газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ обновленномъ видѣ и по общему литературнаго матеріала, вполне замѣняетъ собою

дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ, годовые подписчики получаютъ:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщается въ теченіе года до 300 рисунковъ, а также и карикатуры.
- 2) 40 номеровъ „романы и повѣсти“ русскихъ и иностранныхъ писателей, что составить въ годъ нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.
- 3) 12 номеровъ „моды и рукодѣлія“, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ“.
- 4) „Стинной календарь“ (съ картою Россіи), отпечатанный въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):
На годъ 8р. На полгода 4р. 50к. На тримѣс. 2р. 50к. На одинъ мѣс. 1р.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

выходитъ ЕЖЕДНЕВНО листами даже и въ дни, слѣдующіе за праздниками (въ годъ 360 номеровъ), въ форматѣ меньше перваго, но по той же обширной программѣ и также безъ предварительной цензуры. Въ каждый номеръ газеты входятъ всѣ выдающія новости въ придворной, духовной, административной, военной, ученой, внутренней и иностранной жизни. Въ отдѣлѣ беллетристики: оригинальные романы, повѣсти, рассказы, анекдоты, стихотворенія и проч. Статьи и замѣтки, имѣющія выдающійся интересъ, всегда дополняются художественными иллюстраціями.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ—4 р. | На полгода—2 р. 50 к. | На три мѣсяца—1 р. 50 к.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“ могутъ получать, какъ новыя большія акварельныя картины: „Бурлаки на Волгѣ“, проф. М. Рѣпина и „Жертва Волги“, худ. С. Верещагина, такъ и прежнія изданія (картины и гравюры), уплачивая за каждый экземпляръ (съ доставкой)—одинъ рубль.

Металлическіе бюсты русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ III. (въ Божѣ почившій). 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Александровна. 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Божѣ почившій). 4) Прот. Юаннъ Сергѣевъ Кронштадскій. Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ. 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Толстой. 11) Композиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна: každого бюста на выборъ, для подписчиковъ—четыре рубля, не подписчиковъ—пять рублей (безъ доставки).

Въ подписной просьбѣ обращаться исключительно въ Главную Контору газетъ:
С.-Петербургъ, Невскій просп., у Анничина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объясненіе вмѣстается въ контору, по требованію, бесплатно.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи ЕЖЕДНЕВНУЮ (не менѣе 330 №№ въ годѣ), политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“.

Газетное дѣло не любитъ застоя. Памятуя это, мы стремились постоянно къ улучшенію нашей газеты въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не скупясь никакими встрѣчающимися на нашемъ пути предѣльными и не отаганизываясь ни предъ какими матеріальными затратами. Возростающее съ каждымъ днемъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи „Одесскихъ Новостей“ и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропадутъ даромъ.

Откинувшись на всѣ злобы дня, помѣщая на столбахъ „Одесскихъ Новостей“ обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной, мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ газетѣ „Одесскія Новости“ помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и внешней, въ области политики, литературы искусства, науки и техники. Кроме специально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и зарубежной, очерки и рассказы, журнальное обзоріе, театральное обзоріе и научно-технической фельетонъ. Кроме того, на праздникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный „Дѣтскій номеръ“ содержащій рассказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особливо развитымъ является въ „Одесскихъ Новостяхъ“ областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кроме того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Въмѣстѣ съ тѣмъ заведенію болѣе прочныя сношенія съ иностранной и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ) переносимъ, такъ сказать, читателей какъ въ самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впередъ Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управленія, педагогикъ, науки и т. и.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ „Одесскихъ Новостей“ значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд.), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Дюнео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Егирничниковъ, Т. Л. Кунерникъ-Щепкина, Л. А. Кунерникъ, В. С. Ланидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ф. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хитальницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кроме именовавшихся лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ и до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за „Одесскими Новостями“ репутацію газеты, отличившейся на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Въмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ и техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія „Одесскихъ Новостей“ переехали въ новое роскошное помѣщеніе въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельевской и Греческой улицъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ОДЕССКІЯ НОВОСТИ“.

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города	
На 1 мѣсяць	— р. 90 к.	На 1 мѣсяць	1 р. — к.
„ 3 „	2 „ 50 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 6 „	4 „ 50 „	„ 6 „	5 „ — „
На годъ	8 „ — „	На годъ	9 „ — „

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во внесѣн подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. номеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ ОДЕССѢ, въ Главной конторѣ: Греческая ул., домъ № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЪ въ другихъ городахъ: Аккерманъ, Александровскі, Алешнякъ, Валтъ, Ватужъ, Вендерахъ, Вердичевъ, Вердянскі, Верезовскі, Вернацкѣ, Богополѣ, Вериславѣ, Волградѣ, Вобруйскѣ, Вишницѣ, Вознесенскѣ, Верхнедѣпровскѣ, Гомелѣ, Генническѣ, Гайсипѣ, Дунаевцахъ, Еннаторіи, Екатеринославскѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомирѣ, Измаилѣ, Кишинѣ, Ерив.-Рогѣ, Ерив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Баменецъ-Подольскѣ, Базатинѣ, Берчи, Бишиневѣ, Бременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Мариуполѣ, Мелитополѣ, Месквѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргиевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣвѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смиѣлѣ, Смирферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Тальнохъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Керсонѣ, Ялтѣ, Феодосіи.
Редакторъ-Издатель А. СТАРКОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
и
«ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ».

„Церковный Вѣстникъ“ имѣетъ цѣлю удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ, конечно, прежде всего потребности нашего отечественнаго духовенства — знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православною восточною въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ сопряженіи ея съ жизнью свѣтскаго общества.

Программа Христіанскаго чтенія, вступающаго въ XXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна и рассчитана на удовлетвореніе потребностей труженниковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующахъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Читеніи“ будутъ непременно печататься толкованія на разныя книги Вѣтхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію „Полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоуста“ въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно: подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большою томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Читенія“ получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,— собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ. Годовая цѣна въ Россіи: а) за оба журнала 7 (семь) руб. съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою. б) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за „Христіанское Читеніе“ 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

Заграницей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб. съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ

Образовательныя игры и занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. Ал. Попова.

Поступила въ продажу новая серія изданій

для **МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:**

Сладкими картинками, служащими иллюстраціями къ доступнымъ пониманію дѣтей произведеніямъ избранныхъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей, портретовъ ихъ и самихъ произведеній.

ВЫШЛИ ТРИ КАРТИНКИ:

1. Цыгане—Александра Сергѣевича Пушкина.
2. Мазай и зайцы—Николая Алексѣевича Некрасова.
3. Дѣдушка—Ивана Саввича Никитина.

Пересылка названной серіи за 1 ф. по разстоянію. Каждая картинка со всѣмъ къ ней приложеніемъ заключена въ изящную коробку. Цѣна каждой 45 коп.

РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ

для **МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:**

1. Ручныя тѣни (любимая дѣтская забава). Ц. 15 к.
2. Затруднительное путешествіе (игра-задача). Ц. 15 к.
3. Лихіе маѣздники (шутка-задача). Ц. 10 к.

Пересылка всей серіи 10 коп., съ налог. платеж. 20 коп.

Примѣчаніе: Пересылка обѣихъ вышеозначенныхъ серій — за 1 ф. по разстоянію.

для **СТАРШАГО ВОЗРАСТА:**

1. Тѣневые портреты русскихъ писателей (для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ или потолкѣ). Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибоедовъ, Крыловъ, Кольцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ и гр. Толстой. Всѣ 9 портретовъ въ обложкѣ, съ руководствомъ. Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

2. Замысловатый квадратъ (головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность). Въ коробкѣ, съ предисловіемъ и чертежомъ. Ц. 25 к.

3. Мудреный кругъ (тоже). Ц. 25 к.

Пересылка всей серіи за 1 ф. по разстоянію.

Примѣчаніе: Изданія высылаются съ наложеннымъ платеж., по первому требованію (по желанію — отдѣльно), причѣмъ высылающіе всѣ три серіи сразу платятъ пересылочныхъ за 2 ф. по разстоянію.

Главный складъ у издателя Владиміра Алексѣевича Попова (г. Ораніенбаумъ, Петербургской губ., Дворцовый просп., д. Коновалова), куда гг. многогородне и благодѣтели обращаются съ требованіями.

Годъ XIII

1895

Годъ XIII

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ

КАРСКОЙ ОБЛАСТИ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

НА БУДУЩІЙ 1895 ГОДЪ.

Газета „Карсъ“ въ 1895 году будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ 1894 году, по той же программѣ и подъ тою же редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

съ доставкою и пересылкою ТРИ рубля въ годъ

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ“, въ гор. Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и многогородне.

Газета „Карсъ“ имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній, какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 г.

VIII-е ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

VIII-е ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Подписчики «Сивера» въ 1895 году получаютъ:

52

1) Мнѣ прощается малострадательное журн. въ 50—60 страницъ еженед. сообщать о событіяхъ, въ которыхъ, если прочтѣ, будутъ полезны извѣстия русск. художниковъ и прозаиковъ: А. И. Майкова «Дѣла суды», Д. М. Грингорина «Петербургск. парализованн. и Лотарейск. балетъ», такъ какъ эти произведенія относятся къ будущ. году 80 лѣтъ со дня ихъ перваго появленія въ свѣтъ.

12

2) Мнѣ выдаютъ извѣстия о «ПАРИЖСКИХЪ МОДАХЪ» и румянахъ, составленныхъ по лучшимъ образцамъ парижск. журналовъ.

12

3) Отдѣлы новостей; въ нихъ 6 выдаютъ въ литератур. смѣткѣ и 6 в отдѣлахъ логикъ.

6

4) Разумный чертенокъ для любите. смѣлки изъ дѣтъ, шестъ и шестокъ.

6

5) Дѣтскихъ уроковъ для смѣлки.

12

6) Слѣбонск. статьи: интересн. выписки русск. интересн. и обществ. дѣлѣтъ, со времени жизни Павлика Младшаго по апрѣльск. 1894 года: сѣб. чертѣ, поведенію, пѣснѣмъ, поговоркѣ, художеств. и поэтик. выпискамъ-выпискамъ.

1

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

СЕМЬСОУЧНЫХЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ЖУРНАЛУ «СИБИРСКАЯ БИБЛИОТЕКА «СИВЕРЪ»:

Г. Р. ДЕРЖАВИНА
СОЧИНЕНІЯ Н. Д. АХШАРУМОВА.

Въ пред. сѣбѣмъ Корнелия-сѣбѣмъ Павлика Младшаго (1894 г.)

Сочиненія Никиты Осиповича: «ПАНЪ ХОЛЯВСКІЙ» и «ОБЪ ОБИВАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА».

НИКОЛАЯ П.

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ

Большая картинка еженед. художникомъ В. И. Суриковымъ. Издана въ 1894 г. Въ пред. сѣбѣмъ Корнелия-сѣбѣмъ Павлика Младшаго (1894 г.)

ТАБЕЛЬ КАЛЕНДАРЬ въ краскахъ.

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ

Въ виду больш. цѣности картинъ «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требуются много талочной бумаги, г. еженед. выписки «Сивера» доставляются на пересылку талочн. прилагаетъ 50 в. лист. картинъ.

ИНТЕРЕСЫ ЖЕЛУДКА.

Въ годовое издаваніе со всѣми приложениями безъ доставленія въ С.-Петербургъ. 6 р. 50 к. 7 р.

Въ виду больш. цѣности картинъ «Покореніе Сибири Ермакомъ» и портрета Государя Императора, требуются много талочной бумаги, г. еженед. выписки «Сивера» доставляются на пересылку талочн. прилагаетъ 50 в. лист. картинъ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главн. отдѣлѣ редакціи «Сивера»: Благородн. № 4

12 ТОМОВЪ «БИБЛИОТЕКА СИВЕРЪ» И 1 ТОМЪ «БИБЛИОТЕКА ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ».

2 ДОЖДЕВЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ О ПОРТРЕТѢ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА 2 ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ ЕРМАКОМЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

„ВОЛЖСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изучение мѣстнаго Волжско-Каспскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

ПЕРЕДОВЫЯ СТАТЬИ по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

ОБЗОРЪ ТЕКУЩЕЙ ПРЕССЫ И ЖУРНАЛИСТИКИ.

Ежедневныя политическія телеграммы. ПОСТОЯННЫЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ХРОНИКА ЖИЗНИ ВОЛЖСКО-КАСПСКАГО КРАЯ. Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширение этого отдѣла.

КАЗАНСКАЯ ХРОНИКА: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. **ЕЖЕДНЕВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ** текущей и международной жизни.

НАУКА, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ТОРГОВЫЙ ОТДѢЛЪ: свѣдѣнія, коррес-

понденціи и телеграммы изъ главныхъ приставей и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и вѣшной торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. Сельско-хозяйственные вопросы и торговые интересы края будутъ представляться редакціей всесторонне и полно.

ФЕЛЬЕТНЫ И БЕЛЕТРИСТИКА. Въ этомъ отдѣлѣ попрежнему будутъ помѣщаться воскресные бесѣды **МИРОЛЮБОВА;** крокъ того, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе, въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **ОБЩЕДОСТУПНЫЯ СТАТЬИ НАУЧНАГО СОДЕРЖАНІЯ,** составленныя специалистами. Беллетристическія произведенія какъ нашихъ писателей, такъ переводимыя—лучшихъ иностранныхъ писателей попрежнему найдутъ себѣ мѣсто въ этомъ отдѣлѣ.

Тиражи выигршей, ср. отдѣла, объявленія и проч.

Въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, А. Н. Барановъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Булда, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ, И. А. Гаринъ, В. А. Гольдбергъ, проф. А. Ф. Гусевъ, С. Я. Елплатовскій, проф. Н. П. Загоскинъ, И. В. Засодимскій, Ивановичъ, А. П. Ивановъ, В. Ильковъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котоловъ, Г. Ф. Кудравцевъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, Н. Е. Михайловскій, А. Д. Мисовская, В. Н. Назаровъ, К. П. Назарьва, Островская, Онгирскій, Ленскій, М. А. Плотниковъ, В. О. Португалавъ, Поссадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. П. Слугинъ, Сырова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, проф. А. Н. Штуценбергъ, Е. Н. Щепетильникова, проф. Э. П. Яншевскій, Н. Ф. Юшковъ, А. М. Федоровъ, проф. Н. Н. Ойрсовъ и друг.

ПО Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А

Для городскихъ подписчиковъ:

съ доставкой:

На годъ . . . 7 р.
 „ полгода . . . 4 р.
 „ 3 мѣсяца . . 2 р. 25 к.
 „ 1 мѣсяць . . 75 к.

безъ доставки:

На годъ . . . 6 р. 25 к.
 „ полгода . . . 3 р. 25 к.
 „ 3 мѣсяца . . 1 р. 75 к.
 „ 1 мѣсяць . . — 60 к.

Для иногороднихъ подписчиковъ:

На годъ . . . 9 р.
 „ полгода . . . 5 р.
 „ 3 мѣсяца . . 2 р. 75 к.
 „ 1 мѣсяць . . 1 р.

Допускается разрѣша: для иногороднихъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля р., 1 июля 3 р., для городскихъ 2 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 июня 1 р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1895 годъ безъ разрѣшенія годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1го января 1895 г. Подписка принимается въ главной конторѣ **Волж. Вѣстника,** на углу Грузинской и Театральной ул., д. Бузыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжн. магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, городской пассажъ, А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи и секретаря и въ правленіи общества пивоварниковъ у К. П. Алексѣева, въ Симбирскѣ (Стрѣлецка ул., д. Романова).

Ваткъ въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **Волжскаго Вѣстника.**

Редакторъ-издатель **Н. Рейнгардтъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

政治 經濟 教育 社會 新聞 雜誌

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКИЙ ВЪСТНИКЪ.

условія подписки:

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЛѢ И ПЕРЕСЫЛКОЙ ВЪ ДР. ГОРОДА
НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается СЪ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяць 1 р., до уплаты всей сумм.

Для ознакомленія—Мѣ газетъ высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 15 числа мѣсяца. За перемѣну адреса многократно уплачивають 25 к., причѣмъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копія могутъ быть высланы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку вѣтита въ 35 буквъ, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к. и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣляется уступка отъ 10% до 40%. За объявленія не менѣе 100—150 разъ—уступка 50%.

За объявленія судебныхъ приставовъ о публичныхъ продажахъ берется 1 р. 50 к. за одинъ разъ; они же печатаются безплатно въ справочномъ отдѣлѣ газетъ—въ сокращенномъ видѣ.

За адресъ, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газетъ—10 р. въ годъ—за 150 разъ, 6 р. за 75 разъ, 4 р. за 38 разъ и 2 р. за 15 разъ.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

Адресъ редакціи: г. Орелъ, Знаменская улица, д. № 2.

ВЫШЛА ПЕРВАЯ КНИЖКА ЗА 1892 Г. ЖУРНАЛА

ВЪСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Отъ редакціи.—I. Оригинальныя и переводныя статьи. Киралль Петровичъ Яновскій, попечитель кавк. уч. округ. Р. С. Т. Добавленіе отъ Геданца. Е. Н. Новиковскій.—Дѣтскіе вопросы. Ив. Городецкаго.—Французская лига образованія и ея четырнадцатый конгрессъ. Ив. Г—скаго.—Наблюденіе надъ жизнью дѣтей (Письма къ другу) I—У. (Продолженіе слѣдуетъ). Скифа.—Къ вопросу о трудѣ учащихся во среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Г. Рокова.—Игрушки и забавы. Н. Чернышкова.—Средняя школьная экскурсія. Т. С. Семечкиной.—II. Критика и библиографія. Литература маленькаго народа. (Критическія бесѣды). XIII. Дешевыя изданія для самыхъ маленькыхъ дѣтей. А. Круглова.—Новыя книги.—Стихотворенія. Е. А. Векетовой. Н. М.—III. Мелкія сообщенія. Сущность истиннаго образованія.—Тормазъ на пути къ реформѣ преподаванія родного языка.—Физическая сила и идеаль.—Вліяніе воспитанія на количество преступленій.—Вліяніе на организмъ водоспешнаго спорта.—Петиція о запрещеніи носить корсетъ.—Вредъ подблудевъ. IV. Хроника. Воспитаніе и образованіе на VIII международномъ гигиеническомъ конгрессѣ въ Буапаншѣ. I—II (продолженіе слѣдуетъ). Проф. Ир. Скворцова.—Къ вопросу объ обратности въ учителяхъ.—Положеніе одной школы.—Паркъ для дѣтскихъ игръ.—Второй съѣздъ по техническому образованію.—Школьный праздникъ.—Судъ надъ малолѣтникомъ.—Неосторожная шутка.—Значительная ассигновка на доброе дѣло.—Частный починъ въ дѣлѣ просвѣщенія.—Оплатъ Кузовщина.—V Приложенія. Ница (Педагогическій разсказъ). Кота Мурдыки.—VI. Объявленія.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пров. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ такъ и женскихъ.

Годъ вое издавіе, состоящее изъ 8 книжекъ, стоитъ безъ доставки 8 р., съ доставкой 9 р.; полгода 3 р.—Гр. многогородныхъ просятъ обращаться прямо въ редакцію по адресу (Москва, Кузнецкая Садовая, Софійская дѣтская больница, квартира главы. 4-я).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

Редакторъ-издатель х-ръ Е. А. Покровский.

Издается
съ 1885 года.
X-й г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1895 годъ

Юбилейный
X-ый
годъ изданія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА
ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЗВѢЗДА

съ приложеніемъ книгъ

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА.

Журналь „ЗВѢЗДА“ поставилъ своею главною задачей быть иллюстрированнымъ обзорніемъ текущихъ политическихъ и общественныхъ событій, отмѣчая въ иллюстраціяхъ, рисункахъ, портретахъ и проч. всякое выдающееся явленіе каждой страны, отдавая при этомъ первое мѣсто отечественной русской жизни.

Важнѣйшимъ событіямъ будутъ посвящены экстренные №№. Художественнымъ отдѣломъ завѣдываетъ художникъ В. П. Овсянниковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 рублей безъ доставки, шесть рублей съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ 2 р., къ 1 мая 2 р. и 1 сентября—остальные.

52 Еженедѣльныхъ №№, каждый въ 24 страницы журнальнаго формата, съ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

12 Книгъ ежемѣсячнаго литературнаго журнала. Каждая книга объемомъ болѣе 240 стр. большого формата.

12 №№ моднаго журнала въ годъ, до 500 рисунковъ, съ приложеніемъ 12 ДВѢНАДЦАТИ ЛИСТОВЪ выкроекъ, узоровъ и вышивокъ.

Контора и редакція журнала „Звѣзда“ Спб., Стремянная ул., собств. домъ, № 12.

Завѣдывающей литературною частью А. Е. Заринъ
За редактора издатель Петръ Сойкинъ

21 ДЕКАБРЯ ВЫШЕЛЪ № 12

ЖУРНАЛА

„Русское Богатство“.

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Друзья. Романъ А. С. Шабельской. 2) Одна изъ женъ декабристовъ. В. И. Шенрока. 3) Госкожа Кривантъмъ. Разсказъ о Японіи. Пьера Лоти. 4) Надгробные цвѣты. Стихотвореніе К. Бальмонтъ. 5) Лидочка. Разсказъ бывалаго человека. А. Куприна. 6) Якутскій хлѣбъ. В. Сѣрошевскаго. 7) Святки въ деревушкѣ. Деревенская картинка. А. Энгельмейера. 8) Встрѣча съ Н. А. Некрасовымъ. Л. Неллидовой. 9) Тоска жизни. Стихотвореніе Вл. Мартова. 10) Народно-хозяйственные наброски. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 гг. Н. А. Карышева. 11) Сельско-хозяйственные синдикаты во Франціи. Н. Цакки. 12) Новая книга: Д. Мамитъ-Сибирякъ. Золото. Романъ.—И. М. Гутмахеръ. Таганрогскіе мотивы.—Стихотворенія П. Н. Петровскаго. Лирическіе наброски.—Н. В. Гоголь и его переписка съ друзьями. Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева.—Евгеній Богословскій. Тургеневъ о Львѣ Толстомъ.—П. Догашевъ. Нѣсколько словъ о крупномъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ.—П. Фирсовъ. Къ вопросу объ оцінкѣ земель, какъ предмета земельнаго обложенія. 13) Литература и жизнь. Н. К. Михайловскаго. 14) Какъ живетъ Закавказье. С. К. 15) Къ исторіи судебной реформы. В. Л. Вишнѣва. 16) Хроника внутренней жизни С. Н. Южанова. 17) Программа для собранія свѣдѣній по вопросу о всеобщемъ обученіи. 18) Объявленія.

Съ январской книги 1895 г. будутъ печататься
очерки **Вл. КОРОЛЕНКА:** „Въ Америку“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

Подписная цѣна: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р., безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р., за границу 12 р.

Уступокъ съ подписной цѣны никому не дѣлается.

Подписныя деньги слѣдуетъ исключительно адресовать: въ контору журнала „Русское Богатство“—С.-Петербургъ, Бассейная, 10.

При непосредственномъ обращеніи въ контору редакціи допускается разсрочка: для иногородн. и городскіхъ подписчиковъ съ доставкой — при подпискѣ 5 р. и къ къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Не уплатившимъ подписныхъ денегъ въ означен. сроки высылка журнала прекращается.

Для городскіхъ подписчиковъ безъ доставки допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ—до 1-го сентября.

Въ Москвѣ подписка на журналъ безъ доставки принимается въ книжномъ магазинѣ А. Я. Панафидина, Фуркасовскій пер., 10, по соглашенію съ магазиномъ.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммисію и пересылку денегъ 40 к. съ каждаго годового экземпляра.

Книжнымъ магазинамъ, выписывающимъ журналъ на условіяхъ разсрочки, никакой уступки не дѣлается.

За своевременную высылку журнала контора редакціи отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если подписныя деньги были присланы или сданы непосредственно къ контору редакціи.

Издательницы: Н. В. Михайловская, О. Н. Попова.
Редакторы: П. Бмковъ, С. Цоловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 г.

(четырнадцатый годъ изданія)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго мировоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редація постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ науч. матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

Съ пересылкой и доставкой 10 руб. —
Безъ доставки и пересылки 8 „ 50 к.
За границу 12 „ —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полныя экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прѣжнія года, кромѣ 1882, 1886 гг., по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ которъ редакціи (Кіевъ, Кузнецкая ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. Гамалій.

Редакторъ В. Науменко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

XV-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ.

XV-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

Газета общественная, политическая и литературная. Выходитъ ежедневно.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящіе статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзоріе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ мѣг: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XVI. Слѣсы. XVII. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочныя свѣдѣнія; дѣла назначенныя въ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукционныхъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія. XXII. Объявленія.

Редаціи имѣть собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы. Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особѣ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, извѣстія отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою погороднымъ: на 12 н. 11 р.—11 н. 10 р. 50 к.—10 н. 10 р.—9 н. 9 р. 20 к.—8 н. 8 р. 50 к.—7 н. 7 р. 80 к.—6 н. 7 р.—5 н. 6 р.—4 н. 5 р.—3 н. 4 р.—2 н. 3 р.—1 н. 1 р. 50 к.; съ доставкою въ Харьковъ: на 12 н. 10 р.—11 н. 9 р. 50 к.—10 н. 9 р.—9 н. 8 р. 25 к.—8 н. 7 р. 50 к.—7 н. 6 р. 75 к.—6 н. 6 р.—5 н. 5 р. 25 к.—4 н. 4 р. 50 к.—3 н. 3 р. 40 к.—2 н. 2 р. 40 к.—1 н. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Краѣ“ на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-издатель А. А. Іозефовичъ

Открыта подписка на 1895 годъ на

АРТИСТЪ

(годъ 7-й)

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году „АРТИСТЪ“ будетъ попрежнему выходить

ЕЖЕМЕСЯЧНО по той же программѣ.

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (ЖИВОПИСЬ, АРХИТЕКТУРА, СКУЛЬПТУРА, МУЗЫКА И ТЕАТРЪ), РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей, художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденція, хроника, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные ОФОРТОМЪ, ГЕЛЛОГРАФИЮЮ, ФОТОТИПЕИ, ФОТОТИПЕИ въ КРАСКАХЪ, ФОТОТИПЕИ на МЪДИ, АВТОТИПЕИ и ХРОМОГРАФИИ.

Въ 1895 году въ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛѢ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. ЧЕХОВА, Г. А. МАЧТЕТА, П. П. ГНѢДИЧА, И. Н. ПОТАПЕНКА, Вас. И. и Влад. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, М. Н. АЛЬБОВА, А. А. ЛУГОВОГО, Е. П. ГОСЛАВСКАГО, И. Л. ШЕГЛОВА-ЛЕОНТЬЕВА, В. М. МИХВЕВА, А. А. ВЕРБИЦКОЙ, Н. А. Д'ЕССАРЪ, А. М. ВАСНЕЦОВА и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Ва. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренинъ, А. Ф. Арндтъ, К. Д. Балашовъ, Н. В. Басинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклишиевъ, П. И. Блаватскій, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, И. М. Быковский, В. М. и А. И. Васнецовы, П. П. Веймаръ, В. Д. Валачко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Вилля, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ф. Гальдеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольдбергъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далинатовъ, М. М. Дальвичъ, Н. В. Досталинъ, Л. М. Жончуминиговъ, П. В. Жуковский, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Интелетовъ-Ивановъ, А. И. Мильскій, Н. В. Назаровъ, Е. П. Карповъ, И. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, г. Коносовъ, В. Г. Короленько, Н. А. Касаткина, Н. А. Коровинъ, М. П. Клеветъ, Н. Р. Кочетковъ, С. Н. Круляковъ, Т. Л. Кутерникъ-Щеглина, Ц. А. Ном, А. Ф. Лагорио, К. В. Лемковъ, И. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Ляхчевъ, проф. П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Мановскіе, В. М. Максимова, Д. Н. Машинъ (Сибирякъ), З. Э. Материнъ, В. Б. Матъ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Меронинскій, В. М. Михеевъ, проф. П. И. Милановъ, Г. Г. Млоодовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Новикинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасова, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Перелетчиковъ, В. В. Подколысинъ, В. Д. Подольновъ, И. Н. Поталенко, В. И. Ребиновъ, Н. А. Рижскій-Корсаковъ, А. А. Рижский, И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Савицкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Сивковъ, А. И. Сирстинскій, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Софловъ, С. С. Соловьевъ, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньницъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Юмизъ), В. С. Стрѣва, Н. М. Тимковский, С. И. Фидановъ, проф. И. В. Цѣтлавъ, М. И. Чайковский, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Ченикинъ, В. А. Четотъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шинкинъ, И. В. Шмакинскій, М. А. Шелоговъ-Леонтьевъ, В. Р. Ширговъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Федотовы и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА остается прежняя: безъ доставки въ Москвѣ 10 р., на полгода 6 р.; съ пересылкой и доставкой 12 р., на полгода 7 руб.; съ пересылкой за границу на годъ 14 р., на полгода 8 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При 1 р. до уплаты полной подписной поднасъ 2 р. и ежемесячно не менше сумми.

Редакція и главная контора: Москва, у Арбатскихъ воротъ, д. Шмидтъ, тодѣл. конторы: Петровскія Линіи № 15—16, магазинъ бывш. П. К. Пращеникова.

Телефонъ редакціи № 890, телефонъ главной конторы № 1490.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ТИФЛИССБУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ „НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(двѣнадцатый годъ изданія).

Въ 1895 году „Новое Обозрѣніе“ будетъ выходить въ Тифлисъ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, по программѣ газеты литературной, общественной и политической.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ пересылкою и доставкою: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяць 1 р. 50 к., за границу: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе, какъ считая съ перваго числа любого мѣсяца).

Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносятся 3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му сентября—2 р.

Подписка и объявленія принимаются въ Тифлисъ: въ конторѣ газеты, Варшавская ул., № 8.

Иногородные адресуютъ свои требованія: въ Тифлисъ, въ редакцію „Новаго Обозрѣнія“. Лица, подписавшіяся (безъ разсрочки) на годовое изданіе „НОВАГО ОБОЗРѢНІЯ“ 1895 г. въ настоящее время, будутъ бесплатно получать газету въ текущемъ году со дня подписки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету „КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издающуюся въ г. Севастополь
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВОСЬМОЙ).

Газета, выходящая ежедневно, вромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самою болшею въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій и въ дни послѣпраздничные городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

БЕЗЪ ПЕРЕСЫЛКИ и ДОСТАВКИ;	⚡	СЪ ДОСТАВКОЮ и ПЕРЕСЫЛКОЮ:
На годъ 7 р. — к.		На годъ 8 р. — к.
„ 1/2 года 4 „ — „		„ 1/2 года 5 „ — „
„ 1/4 „ 2 „ 50 „		„ 1/4 „ 3 „ — „
„ 1 мѣсяць 1 „ — „	⚡	На 1 мѣсяць 1 „ — „

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносятся 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му июля—остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополь—въ редакцію „КРЫМСКАГО ВѢСТНИКА“, Екатерининская ул., д. Спиро, въ г. Симферополь—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской ул., домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г. Снака, въ Мелитополѣ—въ книжномъ магазинѣ Лифшица, въ Бахчисаратѣ—у г. Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдгера и К°, въ Феодосіи—въ отдѣленіи конторы КРЫМСКАГО ВѢСТНИКА при типографіи Спиро. Полицейская ул., домъ Карабанова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

„САМАРСКУЮ ГАЗЕТУ“

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно, кроме дной послѣпраздничныхъ.

Съ марта мѣсяца 1894 года „Самарская Газета“ издается подъ новою редакціей, въ значительно расширенномъ и обновленномъ видѣ. Газета ставитъ своєю задачей—имѣть вѣрнымъ отраженіемъ интересовъ Поволжья, Уфимскаго и Оренбургскаго края и дать читателямъ систематическій матеріалъ, касающійся какъ областныхъ, такъ и общегосударственныхъ вопросовъ и вообще всѣхъ сторонъ русской общественной жизни.

Въ „Самарской Газетѣ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Я. В. Абрамовъ, Н. П. Ашеровъ, А. Л. Бостромъ, Е. А. Булангина, Н. И. Васильевъ (Немо W.), Р. Гвоздевъ, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Е. М. Ешлинъ, Юл. Зейдеръ, Ивановичъ, д-ръ П. П. Крыловъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Н. Г. Михайловскій (Н. Гаринъ), М. А. Плотниковъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), А. Санинъ, В. П. Ушковъ, Евгений Чириковъ (Е. Валинъ) и д-ръ С. О. Прошевскій, Кроме того общали свое сотрудничество: И. И. Ивановъ и В. Г. Короленко.

Подписная цѣна для иногороднихъ: На 12 мѣсяцевъ—7 руб., на 6 мѣсяцевъ—3 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца—2 руб. и на 1 мѣсяць—70 коп.

Иногородніе адресуютъ: Самара, редакція „Самарской Газеты“.

Редакторъ—*Н. А. Ждановъ.*

Издатель—*С. И. Бостерникъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

ВЪ 1895 ГОДУ

(33-й годъ изданія).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, „Саратовскій Листокъ“ остается при той же программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе: сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *П. О. Лебедевъ.*

Издатель *И. Горизонтъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовъ:			Съ пересыл. въ другіе города:		
На годъ	7 р. — к.	↑	На годъ	8 р. — к.	
„ 11 мѣсяцевъ	6 „ 50	↑	„ 11 мѣсяцевъ	7 „ —	„
„ 10 „	6 „ —		„ 10 „	6 „ 50	„
„ 9 „	5 „ 50		„ 9 „	6 „ —	„
„ 8 „	5 „ —		„ 8 „	5 „ 50	„
„ 7 „	4 „ 50		„ 7 „	5 „ —	„
„ 6 „	4 „ —		„ 6 „	4 „ 50	„
„ 5 „	3 „ 50		„ 5 „	4 „ —	„
„ 4 „	3 „ —		„ 4 „	3 „ 50	„
„ 3 „	2 „ 50		„ 3 „	3 „ —	„
„ 2 „	2 „ —		„ 2 „	2 „ 40	„
„ 1 „	1 „ —	↑	„ 1 „	1 „ 20	„

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ: первые вносить при подпискѣ 3 руб., а 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезгорге.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 к., за строку, въ слѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а слѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особою уступкой.—Объявленія извнѣ границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кроме Саратовской, Тамбовской, и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій быв. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спирядонова. Для этихъ объявленій такса на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку четвѣть.

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 1-го января 1895 года, при газетѣ „Сынъ Отечества“ будетъ выходить въ свѣтъ за особую подписную плату, **НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ**. въ видѣ совершенно самостоятельнаго большого литературнаго журнала подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

въ составѣ которой входятъ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ) РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(Въ годѣ двѣдцать книгъ или 4,000 страницъ большаго формата).

Приступая къ выпуску новаго ежемѣсячнаго изданія „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“, мы не задаемся цѣлью преслѣдовать какое-нибудь модное направленіе, а ставимъ себѣ исключительную задачу дать нашимъ читателямъ въ обиліи здоровый по идеямъ и надлежащій въ смыслѣ художественнаго творчества матеріалъ для чтенія, какъ русскихихъ, такъ и иностранныхъ писателей, имѣя въ виду, что высокія подписныя цѣны, существующія на большіе литературные журналы, къ сожалѣнію, большинству не доступны. Организуя редакціонный составъ въ широкихъ размѣрахъ, мы пригласили въ участіе извѣстныхъ писателей и журналистовъ, нѣзъ коихъ многіе не только обещали свое сотрудничество въ будущемъ, но уже дали для помѣщенія въ первыхъ же книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ въ 1895 году **НОВЫЯ** свои литературныя произведенія.

Мы употребили всѣ наши общія усилія, чтобы дать въ ежемѣсячныхъ книжкахъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“, богатый по количеству и интересный по качеству, литературный матеріалъ для чтенія, не смотря на скромную подписную годовую цѣну, которая возможна лишь исключительно въ виду обширности нашего издательскаго дѣла и нашей готовности отказаться, на первое время, отъ всякихъ крѣпостей, чтобы поставить дѣло на прочную почву.

Каждый томъ „ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ“ будетъ содержать неизмѣнно одинъ новый законченный романъ или повѣсть, при томъ отнюдь не перепечатку литературныхъ произведеній, бывшихъ уже въ печати, какъ это нѣрѣдко практикуется въ послѣднее время. Соблюденіе послѣдняго условія совершенно исключаетъ наше новое изданіе изъ другихъ существующихъ дешевыхъ журналовъ.

Въ книжкахъ „ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА“, въ 1895 году, будутъ напечатаны слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, въ числѣ коихъ нѣкоторые извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихихъ писателей:

1) МИХАЙЛОВЪ, А. (А. К. Шеллеръ) — „Злая судьба“ (романъ изъ современной жизни).	9) АЛЕСАНДРОВЪ, А. — „Безъ исхода“. Романъ.
2) ЯСИНСКИЙ, І. І. (Максимъ Бѣлинскій) — „Неоконченное дѣло“ (больш. повѣсть).	10) СЪДОЙ (псевдонимъ), А. П. — „Хорошо жить на свѣтѣ“. Большая повѣсть.
3) МОРДОВЦЕВЪ, Д. А. — „Искусительница“ (романъ изъ восточной жизни).	11) ЗАРИНЪ, А. Е. — „Тихая пристань“. Романъ.
4) КАРНОВИЧЪ, И. — „Дитя обители“ (историческій романъ изъ русской жизни).	12) ДУБРОВИНА, Е. О. — „Мщеніе“. Романъ.
5) САФОНОВЪ, С. А. — „Незабудка“ (новелла).	13) ТАНГЕВЪ, И. Е. А. — „Загадочн. трутъ“, романъ.
6) МАКСИМОВЪ, А. М. — „Счастье измѣнилось“. Большой романъ.	14) НАЗИ-БЕНЪ, ЮРІЙ. — „Тайны минарета“ (изъ жизни черкесовъ до покоренія Кавказа).
7) НАЗАРЬЕВА, Н. В. — „Наши защитники“. Большой романъ изъ современ. жизни.	15) МЕДВѢДСКИЙ, К. П. — „Дешевыя періодическія изданія и ихъ значеніе“.
8) ЛЕМАНЪ, А. И. — „Порча жизни“. Повѣсть.	16) ШВЕЦОВЪ, В. Г. — „Новости научныя и сельско-хозяйственныя и
	17) СМѢТЬ и проч.

Подписная цѣна на ДОМАШНЮЮ БИБЛИОТЕКУ (съ доставкою по Имперіи):

На годъ (за 12 книгъ) ЧЕТЫРЕ р. На полгода (за 6 книгъ) ДВА р. 50 к.

Первая книга „Домашней Библіотеки“ выйдетъ 1 января 1895 г.

4 р. Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ **4 р.**
Глазную Контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Анничкова моста, д. № 68—40.

ГОДЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г. **ГОДЪ**
XVII. (семнадцатый годъ изданія) XVII.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ“

(50 №№ въ годъ)

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 3 р. | На полгода 3 р. 50 к.
Лица, подписавшіеся не менѣе какъ НА ГОДЪ, со дня подписки по 1-е января 1895 года получаютъ газету **БЕЗПЛАТНО**. Учителя и учительницы городскихъ и сельскихъ **НАЧАЛЬНЫХЪ** училищъ, а также воспитанники учебныхъ заведеній могутъ получать газету **ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ**, именно: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб. 50 коп. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ число постоянныхъ отдѣловъ газеты значительно увеличено и въ настоящее время программа ея состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

- 1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“.
- 2) Передовыя статьи.
- 3) Хроника мѣстной жизни.
- 4) Корреспонденціи собственныхъ корреспондентовъ изъ Приуралья и Сибири.
- 5) Статьи научнаго содержания.
- 6) Статьи по вопросамъ, текущимъ нуждамъ и потребностямъ Приуралья и Зауралья.
- 7) По Россіи.
- 8) За границей.
- 9) Изъ газетъ.
- 10) Политическое обозрѣніе.
- 11) Указатель книгъ и статей о Пермскомъ краѣ.
- 12) Критика и библиографія.
- 13) Отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и городскихъ учреждений и ученыхъ обществъ Пермской губерніи.
- 14) Фельетоны.
- 15) Литературный отдѣлъ (повѣсти, рассказы—оригинальные и переводные—и стихотворенія).
- 16) Слѣсъ.
- 17) Справочный отдѣлъ: списокъ дѣлъ, назначаемыхъ въ слушанію въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ и резолюціи этого суда; коммерческія телеграммы; цѣны хлѣбовъ на главнѣйшихъ русскихъ рынкахъ; бюллетени метеорологическихъ станцій на Уралѣ; календарныя, желѣзно-дорожныя, почтовыя, телеграфныя и друг. свѣдѣнія.
- 18) Объявленія.
- 19) Приложение: „Записки Уральского общества любителей естествознанія“.

Въ теченіе 1894 года въ беллетристическомъ отдѣлѣ „Екатеринбургской Недѣли“, по прибіру журналовъ и крупныхъ столичныхъ газетъ, не помѣщено ни одной переизданный: все напечатанное было написано или переведено съ иностраннаго специально для „Екатеринбургской Недѣли“.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, въ г. Екатеринбургѣ (Вознесенскій проспектъ, д. № 44).

Редакторъ-издатель А. М. Симоновъ.

Редакторъ П. Н. Галиць.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ Г. СТАВРОПОЛЬ-КАВКАЗСКОМЪ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“

XI г. изд.

XI г. изд.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ И ПОСВЯЩЕННУЮ ВЪЯСНЕНІЮ НУЖДЪ КРАЯ, НАЗВАНІЕ КОТОРАГО НОСИТЪ ГАЗЕТА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:

Съ доставкой и пересылкой:

	Р. К.		Р. К.
На годъ	4 50	На годъ	5 50
„ полгода	2 50	„ полгода	3 —
„ 3 мѣсяца	1 50	„ 3 мѣсяца	1 75

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками).

Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.
Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакція „Сѣвернаго Кавказа“.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ И К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

- Бурже, Поль. Изъ-за любви. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гюго, Викторъ. Сочиненія, 2 т. Съ портретомъ автора и вступительной статьей А. М. Смабичевского. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жизнь замѣтательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Н. А. Добролюбовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Жизнь замѣтательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Сервантесъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Жизнь замѣтательныхъ людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова. Рембрандтъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Зудерманъ, Германъ. Свадьба Иоланте и другіе рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Императоръ Николай. Очеркъ. Спб., 1895 г. Ц. 10 к.
- Кентъ, Ч. Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Съ 109 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 руб.
- Лебе, В. Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслохлѣбъ и сыровареніе. Съ 42 рисунками въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лерика и антологія русскихъ поэтовъ. Сборникъ стихотвореній. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Литвиноскій, П. Кусочки небеснаго свода. Наблюденіе звѣздъ изъ окна и на открытомъ воздухѣ (зима и весна). Спб., 1895 г. Ц. 40 к.
- Макошъ, А. Я. Наши задачи на Тихомъ океанѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- На далекомъ Востокѣ. Рассказы и быль изъ жизни на отдаленной окраинѣ Россіи. Т. 2-я. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Маттезъ, Григорій. „Баба“ и другіе рассказы (Силуэты, т. 1-я). Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Влудный сынъ. Повѣсть. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мертваго, А. П. Не по торному пути. Изъ воспоминаній (1878—88 гг.). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Молодцовъ, Е. Стихотворенія 1891—1894 гг. Спб., 1894 г. Ц. 65 к.
- Мясницкій, Изъ. Замоскворѣцкія сказки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Налидовой, Д. Дѣвочка Инда. Рассказъ для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Старковъ, В. В. Къ свѣту. Рассказы для дѣтей. Съ 27 рис. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Паульсонъ, Ф. Гамлетъ, какъ трагедія и ея смыслъ. (Международная библиотека № 22). Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Покровский, Іоаннъ. Христіанскія добродѣтели. Изд. 2-е. Тула, 1894 г. Ц. 25 к.
- Преферъ, В. О сохраненіи здоровья въ продолженіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Прохоровъ, А. Вертикальное письмо. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Прудонъ, П. Ж. Искусство, его основаніе и общественное назначеніе. Переводъ съ послѣдняго изданія съ пригласительной и вступительной статьей А. Огедоромъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рехле, Эрнстъ. Земля. Описаніе жизни и воднаго шара. Выпускъ II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рисунками и 4 картами. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Рокезъ, Д. Наслѣдственность. (Критическое изложеніе теоріи Вейсмана Д. Д. Роменсомъ). Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Савкозъ, П. Н. Канунъ Рождества. Драматическая картинка въ 1 д. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Скайлозъ, С. Саморазвитіе умственное, нравственное и практическое. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Соловьевъ, П. М. Разработка торфа въ топливо. Руководство для практиковъ. Съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Сидой, А. (Исеидоникъ). Святочные рассказы. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Терье, Андре, Вдова. Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Чудиковъ, А. Н. Древне-русскіе повѣсти и романы. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.
- Шэффъ, В. Методы рѣшеній вопросовъ элементарной геометріи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ съ наложеннымъ платежомъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на ежемѣсячный политическій, литературный и историческій журналъ

РУССКАЯ БЕСѢДА.

Названіе, которое мы дали нашему изданію, почти извѣщаетъ насъ отъ необходимости объяснять его цѣль и направленіе. „Бесѣда“, это—задушевный общій мнѣній по занимающимъ умъ и волнующимъ сердце вопросамъ. „Русская Бесѣда“, значитъ, бесѣда русскихъ людей между собой о томъ, что особенно имъ близко и дорого, или что особенно ихъ тяготитъ и тревожитъ. На страницахъ нашего изданія будетъ ласковый приемъ и найдется почетное мѣсто и вѣрному брату-мавлянину и честному гостю-чужакину; но главною задачею возобновляемой нами „Русской Бесѣды“ будетъ выясненіе пользы и нужды родной земли, родного народа, завѣтныхъ его думъ и желаній. Мы говоримъ „возобновляемой“—потому, что изданіе съ этимъ именемъ и задачами не въ первый разъ является на Божій свѣтъ. Въ 1856—1860 гг. „Русскую Бесѣду“ издавалъ въ Москвѣ А. И. Кошелевъ. Въ этомъ изданіи участвовали и имъ руководилъ незабвенной памяти А. С. Хомяковъ, Авсаковы, Кирѣевскіе, Ю. Ф. Самаринъ, И. Д. Бѣляевъ, Н. П. Гиларовъ-Платоновъ и вдроставшій понемѣжѣ Т. И. Филипповъ. Имена эти достаточно говорятъ русскому уму и сердцу. Въ 1871—72 гг. въ той же Москвѣ выходила „Бесѣда“ С. А. Юрьева, оставившая по себѣ такой же добрый слѣдъ и такую же добрую память, какъ и „Русская Бесѣда“ Кошелева. Мы ставимъ себѣ задачею вести нашу „Русскую Бесѣду“ въ томъ же духѣ и направлять ее къ тѣмъ же цѣлямъ, какія были у прежнихъ двухъ одноименныхъ съ нашимъ изданіемъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

- 1) Статьи политическія по выдающимся событіямъ въ Россіи и за границей.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, историческаго и духовнаго содержанія.
- 3) Церковный отдѣлъ. 4) Историческіе, бытовые и этнографическіе очерки, монографіи, воспоминанія, путешествія, жизнеописанія замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и разныя другія статьи научнаго и описательнаго характера. 5) Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и народныя пѣсни.
- 6) Правительственные распоряженія и отчеты о засѣданіяхъ различныхъ обществъ.
- 7) Внутреннія и внѣшнія хроника разныя событія, извѣстія и письма внутреннія и заграничныя. 8) Выдержки изъ газетныхъ статей и журнальныхъ обзорѣній. 9) Библиографія и критика. 10) Мелкія извѣстія и послѣднія новости. 11) Рисунки, соотвѣтствующіе содержанію статей. 12) Справочный отдѣлъ и Объявленія.

Приложеніемъ къ РУССКОЙ БЕСѢДѢ будетъ выходить

БЛАГОВѢСТЬ,

въ которомъ будутъ помѣщаемы статьи богословскаго, церковно-общественнаго и церковно-историческаго содержанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи и за границу на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.

Цѣна отдѣльныхъ выпусковъ—60 коп. съ пересылкой.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Русской Бесѣды“, С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 18, а также, въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ; Н. П. Карбасникова въ Варшавѣ и Москвѣ; Л. Иднковскаго и М. Я. Оглоблина въ Киевѣ; Якутскаго въ Вильнѣ, П. И. Макушина въ Томскѣ и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платежемъ.

Адресъ редакціи: (для присылки статей, повременныхъ изданій и книгъ обѣимъ и для отысковъ) С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 16

Издатели: А. В. Васильевъ, Е. А. Едочкимовъ и В. С. Драгомирецкій.

НА

„НУВЕЛЛИСТЪ“**МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.**

Съ 1 января 1895 году „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ въ 56-й годъ своего существованія. Сколько музыкальных журналовъ въ теченіе этого времени рождалось на Руси! Но всѣ они, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ, умирали, не оставивъ послѣ себя никакой памяти! Такъ ушли въ вѣчность: „Музыкальный Свѣтъ“, „Музыкальный Вѣстникъ“, „Музыка и Театръ“, „Музыка. Эхо“, „Музыка. Миръ“, „Музыка. Сезонъ“, „Музыка. Мирокъ“, „Гудокъ“, „Звѣзда“, „Баянъ“ и много друг. Въ прошломъ году окончили свое существованіе послѣдній музык. журналъ „Мѣсяцъ“. Это доказываетъ, что никто изъ издателей не понималъ потребности общества, потребности сего. Между тѣмъ, какъ характеръ „НУВЕЛЛИСТА“ и его программа настолько отвѣчаютъ требованіямъ большинства публики, что существованіе его съ каждымъ годомъ упрочивается. Матеріалъ „НУВЕЛЛИСТА“ настолько богатъ и разнообразенъ, что удовлетворяетъ и хорошаго музыканта и скромнаго любителя.

ПРОГРАММА „НУВЕЛЛИСТА“:

Въ 1895 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, аккуратно, каждое первое число, тетрадями, заключающими въ себѣ: *Салонныя пьесы* вѣстныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки. *Новыя танцы* (польки, вальсы, мазурки, кадрили). *Русскіе романсы* для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепиано. *Лѣтнія пьесы для дѣтей*, для фортепиано и для скрипки съ фортепиано и *Дѣтскія пѣсенки*.

Редакція „НУВЕЛЛИСТА“ обратитъ также особое вниманіе на *Дѣтскій отдѣлъ*, пьесы котораго, подъ руководствомъ опытнаго педагога Н. А. Тивольскаго, будутъ распределены по степенямъ трудности, съ обозначеніемъ правильной аппликатуры.

Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ, по крайней мѣрѣ, въ 400 стр. большого нотнаго формата, заключающій въ себѣ до 100 строго выбранныхъ музыкальныхъ номеровъ музыки.

Кромѣ огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ, „Нувеллистъ“ дастъ:

ПРЕМІЮ

Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти номеровъ, указанныхъ редакціею.

Подписная цѣна на годъ. 5 руб.

Съ пересылкой и доставкой. 6 „

Для гг. служащихъ допускается рассрочка черезъ ихъ казначеевъ.

Подписка принимается: въ С-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала „Нувеллистъ“ при музыкальномъ магазинѣ Ж. Вернарда, Б. Морская, 26, — въ Москвѣ въ музыкальномъ магазинѣ П. И. Юргенсова, Неглинный провъдъ, 10, — въ Кіевѣ у Ивковскаго и въ Казани въ музык. магазинѣ „Восточная Лира“

8-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ

Русскаго Сельскаго Хозяйства

(52 номера въ годъ).

Редакція въ теченіе года даетъ **бесплатныя приложенія** (сімена, и помѣщаетъ въ журналѣ **бесплатно** отвѣты на вопросы хозяевъ.

Сотрудники журнала: *русскіе сельскіе хозяева-практики, профессора и специалисты по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.*

Въ *Вѣстникѣ* помѣщаются статьи: руководящія по текущимъ вопросамъ хозяйства, сельско-хозяйственная экономя, полеводство и луговоеводство, молочное хозяйство и скотоводство (главный сотрудникъ *Николай Васильевичъ Верещанинъ*), сельско-хозяйственныя машины и орудія, техническія производства, садоводство, огородничество, коневодство, овцеводство, птицеводство, пчеловодство и статьи по мног. др. отраслямъ хозяйства.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Статьи по всемъ отраслямъ сельскаго хозяйства.—Корреспонденція.—Хроника.—Библиографія.—Вопросы и отвѣты.—Торговныя извѣстія.—Объявленія.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою: Безъ пересылки:

На годъ 6 рублей. 5 рублоѣ.

На полгода 3 „ 3 „

На годъ съ пересылкою за границу 7 рублоѣ.

Отдѣльный номеръ 20 коп., а съ заказною пересылкою 30 коп.

Цѣна полного экземпляра „Вѣстника“ за 1893, 1892 и 1891 годы по 3 руб., а за 1890 и 1889 года по 4 руб., за каждый годъ, съ пересылкою.

Подписка и объявленія принимаются въ редакція журнала: *Москва, Леонтьевскій пер., домъ Варшавскій, № 2*, а также и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

За напечатаніе объявленій платится за строку мелкаго шрифта 10 к. за каждый разъ (длина строки=2¼ вер.).

За пересылку при журналѣ прейсъ-курантовъ, каталоговъ, объявленій взимается по 80 копѣекъ отъ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ; за каждый добавочный лотъ по 40 коп. съ сотни экземпляровъ.

За перемѣну адреса городского на иногородній или обратно, платится 1 рубль, если перемѣна сдѣлана въ первой половинѣ года, и 60 коп.—во второй половинѣ; за перемѣну городск. на городск. и иногородн. на иногородн. 20 коп.

Статьи, присылаемыя для помѣщенія въ журналѣ, могутъ быть сокращаемы. Статьи, доставленныя безъ всякихъ условій относительно вознагражденія за нихъ, считаются бесплатными.

() **НОВЫХЪ КНИГАХЪ** по сельскому хозяйству, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются **бесплатно** объявленія или помѣщаются рецензіи.

Редакторъ-издатель **И. П. Петровъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„ВОЛЬНЬ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ,

НА 1895 ГОДЪ.

Годъ изданія семнадцатый. Въ 1895 г. „Вольнь“ будетъ выходить, попрежнему, ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и послѣдственныхъ дней.

Задача газеты «Вольнь» — служить интересамъ родного края.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учреждений, живущихъ или нѣющихъ свои глазами конторы или правленія за границей въ Вольнской губ. и въ городовъ Кіева и Варшавы принимаются исключительно только въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ, Мясницкая, домъ Спиридонова, и въ его отдѣленіи: С.-Петербургъ, на Большой Морской, № 11.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ редакціи, Б. Бердичевская ул., домъ Лехардовой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м. 5 р., 11 м. 4 р. 75 к., 10 м. 4 р. 40 к., 9 м. 4 р., 8 м. 3 р. 50 к., 7 м. 3 р. 6 м. 2 р. 60 к., 5 м. 2 р. 10 к., 4 м. 1 р. 80 к., 3 м. 1 р. 50 к., 2 м. 1 р., 1 м. 75 к. Въмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Изягороду код писочки за перемѣну адреса припачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 коп.

За издателя Е. В. Коровницкая.

Редакторъ Б. И. Коровницкій.

ИЗДАНІЯ О. Н. ПОПОВОЙ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Э. РЕКЛЮ. *Земля. II выпускъ. Кружоворотъ воды на земномъ шарѣ.* Съ 51. рис. и 4 карт. Редакція и примѣчанія Н. А. Рубакина. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Э. РЕКЛЮ. *Земля. I выпускъ. Земля какъ планета.—Горы и равнины,* съ 28 рис. и 4 карт. Редакція и примѣчанія Н. А. Рубакина. Цѣна 90 к., съ пер. 1 р. 10 к.

Н. И. КАРВѢВЪ. *Историко-философскіе и социологическіе этюды: Общезначеніе историческаго образованія.—Теоретическіе вопросы исторической науки.—Философія, исторія и теорія прогресса.—О субъективизмѣ въ социологіи.—Общество и организмъ.—Экономическій матеріализмъ въ исторіи.—Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса.—Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи.* Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

Н. П. КАРБАСНИКОВА:

Петербургъ, Литейный, 46.

Москва, Моховая, противъ университета, д. Бокъ.

Варшава, Новый Свѣтъ.

Н. К. Михайловскій. *Критическіе опыты. III.* Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Складъ изданій въ конторѣ журнала „Рус. Богатство“—Спб., Бассейная, 10.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Э. РЕКЛЮ. *Земля. Вып. III, Подземныя силы. Вып. IV, Океаны. Вып. V, Атмосфера. Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ.*

Каждый выпускъ будетъ снабженъ многочисленными рисунками, географическими картами и научными примѣчаніями. Переводъ безъ пропуска съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціей Н. А. Рубакина.

1895. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1895.
XI ГОДЪ. НА ГАЗЕТУ XI ГОДЪ.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

издающійся въ Томскѣ.

Въ 1895 году Сибирскій Вѣстникъ выходитъ ежедневно номерами и прибавлениями къ нимъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 9 р., 1/2 года 4 р. 50 к., 3 мѣс. 2 р. 25 к., 1 мѣс. 75 к.

Подписка принимается въ Томскѣ, въ конторѣ редакціи „Сибирскаго Вѣстника“.

Объявленія изъ Европейской Россіи изъ за границы для Сибирскаго Вѣстника принимаются въ конторѣ Метцль и К° въ Москвѣ: Мясницкая, д. Спиридонова, и въ Петербургѣ: Б. Морская № 11.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1895 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ИЗДАНІЯ ГОДЪ XIII).

Въ 1895 году „Самарскій Вѣстникъ“, имѣя основной своей задачей разработку земско-общественно-экономическихъ и бытовыхъ вопросовъ преимущественно Самарскаго края и Волжско-Камскаго района, будетъ издаваться ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, по утвержденной г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ расширенной программѣ, причемъ при газетѣ, въ видѣ бесплатныхъ приложений, разрѣшены фототипическіе, исполняемые въ собственной мастерской, портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также ны Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооружений.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Въ г. Самарѣ и Самар-	†	Съ пересыл. въ друг. го-
скомъ уѣздѣ въ годъ 5 р. —	†	рода и уѣзды на годъ 6 р. —
Тоже на 1/2 года. . . . 3 „ —	†	Тоже на 1/2 года . . . 3 „ 50 к.
На одинъ мѣсяць . . — 50 к.	†	На одинъ мѣсяць. . . — 50 „

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ Самарѣ, Дворянска улица, домъ Петрова (бывшій Бахъ).

Редакторъ-издатель Н. К. Реутовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ“.

Издание Московскаго Психологическаго Общества,

состоящаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи; въ понятія философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, оптималъ и физиологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ философовъ и психологовъ. 3) Общіе обзоры литературъ помименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографія. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (въ началѣ января, марта, мая, сентября и ноября) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ (съ 1 января 1896 г. по 1 января 1896 г.) безъ доставки—6 р., съ доставки въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ перес. въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Члены Психологическаго Общества, учащіяся, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная подписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромя книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (Спб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (Спб., Москва и Варшава), Волына (Спб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Вашмакова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Арбатъ, д. Разцаѣтовой.

Полные экземпляры журнала за первый годъ (№№ 1—4) распродаютъ, отдѣльно продаются оставшіеся въ небольшомъ числѣ экз. 3-й книги по 2 р. съ перес. Полные годовые экземпляры журнала за второй (№№ 5—9), за третій (№№ 10—14), за четвертый (№№ 16—20), за пятый (№№ 21—25) года продаются по 6 р. за каждый годъ, за два года 11 р., за три—16 р., за четыре—21 р. Лично, имѣющимъ право на льготную подписку (см. выше), платятъ за одинъ годъ—5 р., за два—9 р., за три—13 р., за четыре—17 р. № 15-й (переходящій между 3-мъ и 4-мъ годами)—2 р. безъ услуги. Пересылка на счетъ выписывающихъ: по разстоянію—за 6 фунтовъ съ годового экземпляра. Можно выписывать наложеннымъ платкомъ, причѣмъ взимается съ каждаго рубля по 2 к. Сверхъ того, можно приобретать по 1 р. (съ пер. 1 р. 20 к.) слѣдующія отдѣльныя книги журнала, оставшіеся лишними сверхъ полнаго комплекта: №№ 6, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14 и 21.

Въ журналѣ за 1894 годъ напечатаны, между прочимъ, статьи:

Гр. Л. Н. Толстого. „Къ вопросу о свободѣ воли“.—Вл. С. Соловьева. „Смыслъ любви“.—Его же. „Современное состояніе вопроса о медумвнѣ“.—Его же. „Первичныя данныя нравственности“.—Н. Я. Грота. „О значеніи идеи паралелизма въ психологіи“.—Его же. „О времени“ (3 статьи).—А. А. Кошкова. „Французскій позитивизмъ“ (2 статьи).—Его же. „Густавъ Тейхмюллеръ“.—Н. Н. Страхова. „О задачахъ исторіи философіи“.—В. Я. Цингера. „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“.—Н. А. Умова. „Вопросы познанія въ области физическxъ наукъ“.—С. С. Борсакова. „Къ психологіи микроцефаловъ“.—П. Д. Воборикина. „Формулы и термины въ области прекраснаго“.—В. Р. Вунде. „Анализъ условій пространства и времени при ассоціаціяхъ идей“.—А. А. Токарскаго. „Заклинаніе со стрѣлой тибетскихъ ламъ“.—Его же. „Къ вопросу объ ассоціаціяхъ идей“.—Его же. „Сознаніе и воля“.—В. А. Гольцова. „Психологія идей-силъ“.—Н. И. Шинкина. „Пространство Лобачевскаго“ и др.

Къ помѣщенію въ ближайшихъ книгахъ предполагаются: Вл. С. Соловьева. „Философскій аскетизмъ“.—Н. Я. Грота. „Основанія ученія о нравственномъ долгѣ“.—Кн. С. Н. Трубецкаго. „Отъиди изъ области морали“.—А. А. Токарскаго. „Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ“.—Л. О. Дарниевича. „Объ интеллектуальной сферѣ женщинъ“ и др.

Редакторы: проф. Н. Я. Гротъ.

проф. Л. М. Лопатинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

на издающуюся въ Ростовѣ н/Д.

ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Газета выходитъ по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

I. Правительственныя распоряженія. II. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и собственныхъ корреспондентовъ. III. Специальныя телеграммы курсовыя фондоваго С.-Петербургскаго биржи. IV. Передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. VII. О чемъ пишутъ. VIII. О чемъ говорить. IX. Эзопы дѣла. X. Летучіе листки. XI. Зигзаги. XII. Протоколы жизни. XIII. Хроника общаго, мѣстной и изъ отдѣлений редакціи. XIV. Корреспонденціи. XV. По Россіи. XVI. Мелочи (сценки и наброски). XVII. Фельетоны литературный, научный, болшегистическій и др. XVIII. Театръ и музыка. XIX. Наука и литература. XX. Торговля слѣдствія. Виржа. XXI. Справочный отдѣлъ. XXII. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи

Безъ доставки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	8 руб. — коп.	На годъ	9 руб. — коп.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 5 „	3 „ 75 „	„ 5 „	4 „ 25 „
„ 4 „	3 „ — „	„ 4 „	3 „ 50 „
„ 3 „	2 „ 25 „	„ 3 „	2 „ 75 „
„ 2 „	1 „ 50 „	„ 2 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 80 „	„ 1 „	1 „ — „

За пересылку газеты за границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 к. въ мѣсяцъ

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) полугодичная—при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р. и 2) въ тѣя срока—при подпискѣ 4 р., къ 1-му мая 3 р. и къ 1-му августа 2 р.

Въ предупрежденіе задержки въ высылкѣ первыхъ номеровъ „Приазовскаго Края“ въ будущемъ году, въ виду затрудненія при печатаніи многихъ адресовъ, тщательной къ проверкѣ и группировкѣ, контора редакціи проситъ ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ н/Д.—въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“, уголъ Большой Садовой и Братскаго переулка, соб. домъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у М. Н. Псалги, типографія Рази, въ Новочеркасскѣ—въ Донской книжной торговлѣ П. Ананьевой, въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ А. О. Галаджанца, въ Мариуполѣ—у М. Н. Фалькевича, въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у С. И. Розенштейна, въ Ставрополѣ (Кавк.)—у Я. В. Абрамова, въ ст. Меленной—у Э. Розена, аптекарскій магазинъ.

Редакторъ-издатель С. Х. Арутюновъ.

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

выходить ежемесячно, за исключеніемъ іюля и августа, кнѣгами около 15 листовъ.

Первая книга выйдетъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ сего 1894 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою и 1 рубль въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ главной конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Студенты университетовъ и Демидовскаго Юридическаго лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербург., Васильевскій островъ, 5 линия, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ главной конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страничку.

Редакція журнала Министерства Юстиціи — С.-Петербургъ, Екатерининская улица, зданіе Министерства Юстиціи. Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающійся гонораръ можетъ быть высланъ многогороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ, Членъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи учрежденной
Профессоръ Н. Сергѣевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Ежедневная газета политическая, общественная и литературная безъ предварительной цензуры.

Знамя газеты: Люди — братья; ихъ долгъ — жить въ мирѣ, во взаимной помощи и въ стремленіи ко благу общему.

Основная задача газеты — изученіе нуждъ родной земли. Работы, начинанія, проекты, успехи и успѣхи общественныхъ дѣятелей различныхъ мѣстностей нашего обширнаго и все еще мало изслѣдованнаго отечества — вотъ тотъ матеріалъ, которымъ имъ преимущественно слѣдуетъ дѣлиться съ труженниками-участниками общественной работы.

Освѣщая нужды всѣхъ областей и окраинъ Русской земли, всѣхъ слоевъ нашего народа мы высоко цѣнимъ всемірный историческій опытъ и употребляемъ всѣ усилія, чтобы „Русская Жизнь“ по вопросамъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики была органически дѣльна, жива, откровенна.

Съ переводомъ печатанія „Русско-Жизни“ въ устраиваемую шпѣт своею типографіею газету будетъ увеличенъ безъ увеличенія подписной платы.

Подписная цѣна съ пересылкой для многогородныхъ: На годъ — 9 р., полгода — 5 р. 3 мѣсяца — 3 р., одинъ мѣсяцъ — 1 р.; для городскихъ — 8 р., 4 р. 50 к., 2 р. 60 к., 90 к.; за границу: на годъ 17 р., полгода 9 р.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе 1 рубля ежемесячно впередъ.

Новымъ подписчикамъ, уплатившимъ годовую подписку, газета высылается бесплатно по 1 января 1895 года со дня полученія въ Главной Конторѣ подписки и денегъ; оплатившимъ полугодовую подписку ранѣе 1 декабря газета высылается бесплатно за декабрь сего года.

Главная контора: С.-Петербургъ, Большая Морская, 23.

Отдѣленіе Конторы: С.-Петербургъ: 1) при книжномъ магазинѣ Н. Фому и К^о, Невскій проспектъ, противъ Гостиного двора; 2) при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Литейной, 46.

Москва: Моховая, противъ университета, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; на Никольской, въ Славянскомъ Базарѣ, при книжномъ магазинѣ И. Д. Сытца, и въ конторѣ Печковской.

Варшава: Новый свѣтъ, 67, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Томскъ — при книжн. магазинѣ П. И. Макушина.

Редакторъ-издатель А. Пороховицкій.

1835.—БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ—1895.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1895 ГОДА ВЫДАЕТЪ:

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ НУМЕРА изящной литературы ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 3—5 листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ 7—10 рисунками и съ копіями картинъ выдающихся художниковъ.

Кромѣ 52 номеровъ журнала подписчики получаютъ бесплатно

СТО ШЕСТИДЕСЯТЬ ПЯТЬ ПРИЛОЖЕНІЙ:

I. ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ ИЗБРАН. ПРОИЗВЕДЕНІЙ ВСЕМІРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Романы и повѣсти: *Додэ, Дикенса, Бретъ-Гардта, Золя, Беллима, Мопассана, Сувифта, Сервантеса, Сенкевича* и др. Каждая книжка выходитъ отъ 15—20 листовъ. II. 40 номеровъ „Новые романы и повѣсти современныхъ писателей“ (съ иллюстраціями). III. 24 номера „Новѣйшихъ Моде“. IV. 40 номеровъ игры, задачъ и ребусовъ. V. 15 номеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“. VI. 12 выписей въ натуральную величину. VII. 12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ вѣстей“. VIII. Четыре номера „образцовъ для вышиванія“. IX. 1 Стѣнной календарь (съ картою Россіи).

ПЯТЬ БЕСПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

1) **«НЕОБХОДИМАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ».**

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящной оберткѣ, содержащаго всегда, вездѣ и воѣмъ нужныя свѣдѣнія, въ особенности, эта книга принесетъ несомнѣнную пользу провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ ВАРТИНЫ:

1) „Возвращеніе изъ гостей“, 2) „Сокольниковъ на охотѣ“, 3) „Какъ началась живопись“ и 4) „Нападеніе волковъ“.

Кромѣ пяти бесплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ Главную Контору, новую большую акварельную картину (длина: 22½ вершка, ширина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала известнаго художника С. Верещагина—

ЖЕРТВА ВОЛГИ,

(картина изображаетъ известный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе года, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картинамъ (съ доставкою на скалкѣ)—ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣателей. Цѣна за каждый металлическій бюстъ большого формата, на выборъ, для подписчиковъ **ЧЕТЫРЕ руб., а неподписчиковъ ПЯТЬ руб.** (Безъ доставки).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

НА ГОДЪ (съ доставкою въ Спб. по Имперіи) 8 р., НА ПОЛГОДА 4 р. 50 к.

Безъ доставки на годъ: въ Спб.—7 р. Въ Москвѣ—7 р. 50 к.

РАВСРОЧКА ВЗНОСОВЪ ДОПУСКАЕТСЯ для служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (въ столицахъ и другихъ городахъ Россіи) съ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Съ подпиской *проситъ обращаться исключительно въ Главную Контору: Спб., Невскій прот., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

По рубное иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

„ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ“.

Таков девизъ вѣка. Но имѣющіе деньги не знаютъ, какъ убить время, а имѣющіе время—убиваются, что не хватаетъ денегъ. Между тѣмъ, ничто такъ значительно не сокращаетъ время за незначительныя деньги, какъ журналъ „Будильникъ“—всеобъемлющій, духоподъемный и назидательный.

Подпишитесь на журналъ „**БУДИЛЬНИКЪ**“ въ 1895 г.

Онъ будитъ не только въ установленныя часы, но непрерывно въ теченіе цѣлаго года. Главное достоинство „Будильника“—приличіе и вѣрность основному девизу серьезной сатиры. Не портится и не требуетъ поправки. Удобенъ въ гостиницѣ, гдѣ занимаетъ гостей, и въ дорогѣ, гдѣ сокращаетъ путь. Каждому годовому подписчику высылается полностью 50 №№ журнала. Въ каждомъ №—карикатура на серьезную тему, поразительныя картинки провинціальной и общественной жизни, отпечатанныя поразительными красками. Онъ будитъ всѣхъ, но провинцію, какъ сонную особу, „Будильникъ“ не только будитъ, но шекочетъ въ каждомъ номерѣ перомъ и карандашомъ. Какъ новость, черезъ № будутъ помѣщаться оригинальныя юмористическіе рассказы, иллюстрированныя оригинально-остроумными художниками. Въ приложеніяхъ къ каждому №, для спеціального развлеченія читателей, введены: 1) юмористическій календарь, съ анекдотами, для ежедневнаго употребленія; 2) лучшія „смѣхотворныя“ пьесы вселаго репертуара и 3) рассказы иностранныхъ юмористовъ, заграничнаго производства.

Годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будетъ выдана въ Пасхѣ премія „Будильника“ на 1895 г.

Альбомъ
рисунковъ

„ЛЕДЯНОЙ ДОМЪ“

къ роману

И. И. Лажечникова.

Альбомъ „Ледяной домъ“ содержитъ: девять большихъ фототипій (сцены), портретъ автора съ его факсимиле, отрывки романа, относящіеся къ иллюстраціямъ, краткій пересказъ содержанія романа и биографическій очеркъ И. И. Лажечникова, составленный известнымъ библиографомъ А. В. Сосницкимъ.

Полугодовые подписчики лишены преміи.

Для любящихъ разсрочку платежа контора допускаетъ такую на условіяхъ уплаты при подпискѣ—5 р., а слѣдующіе 5 р.—не позже 1 іюня.

Подписная цѣна: на годъ съ преміей—10 р., безъ преміи—9 р.; на 1/2 года—5 р. Москва, Тверская, д. Спиридовова.

Слѣшите подпиской: время—деньги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ СТЕПНОЙ КРАЙ

(на 1895 годъ).

Газета выходитъ въ Омскѣ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ, а въ остальные дни (кромѣ неприсутственныхъ) подписчики получаютъ телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.

Программа газеты слѣдующая:

1) Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“. 2) Правительствоныя распоряженія. 3) Переловныя статьи по вопросамъ: экономическому и этнографическому, санитарному и др. 4) Фельетонъ: повѣсти, рассказы, стихотворенія и др. 5) Отчеты о засѣданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ учреждений, городской думы и ученыхъ обществъ. 6) Литературное обозрѣніе. 7) Внутреннее обозрѣніе. 8) Корреспонденціи. 9) Отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ. 10) Городская хроника. 11) Переселенческое дѣло. 12) Метеорологическія наблюденія. 13) Почтовый ящикъ. 14) Справочныя извѣстія. 15) Частныя объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для иногороднихъ:

Съ телеграммами:	Безъ телеграммъ:
За годъ — 7 р. 50 к.	За годъ — 5 р. 50 к.
„ полг. — 4 р. 50 к.	„ полг. — 3 р. 50 к.
„ 3 мѣс. — 3 р.	„ 3 мѣс. — 2 р. 50 к.
„ 1 мѣс. — 2 р.	„ 1 мѣс. — 1 р. 50 к.

Для городскихъ:

Съ телеграммами:	Безъ телеграммъ:
За годъ — 7 р.	За годъ — 5 р.
„ полг. — 4 р.	„ полг. — 3 р.
„ 3 мѣс. — 2 р. 50 к.	„ 3 мѣс. — 2 р.
„ 1 мѣс. — 1 р. 50 к.	„ 1 мѣс. — 50 к.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Омскъ, редакция газеты „Степной Край“.

Печатать И. Г. Сунгуровъ.

Редакторъ П. Б. Яшеровъ.

VII г.
изданія.

VII г.
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ „ЕНИСЕЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Выходитъ въ г. КРАСНОЯРСКЪ, Енисейской губ., ЕЖЕДНЕВНО.

1. Статьи и очерки по мѣстнымъ вопросамъ; статьи по городскому земскому и сельскому хозяйству, экономическія, торговля, по фабрично-заводскому производству и горной промышленности. 2. Дѣйствія и распоряженія правительства. 3. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“. 4. Недѣльная хроника. 5. Судебная хроника. 6. Торговый отдѣлъ. 7. Справочныя свѣдѣнія. 8. Смѣсь. Отвѣты редакціи. 9. Фельетонъ. Романы, новѣсти, рассказы, очерки, сцены и стихотворенія. 10. Объявленія частныя и казенныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 руб., на полгода 4 р., на четверть года 2 руб., на одинъ мѣсяць 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Красноярскѣ въ конторѣ редакціи „Енисейск. Листка“, домъ Кудрявцевой, Воскресенская ул., въ Омскѣ въ книжномъ магазинѣ Александрова, въ Томскѣ въ Отдѣленіи редакціи „Енис. Листка“, Почтамтская ул., домъ Окулова, и въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Минусинскѣ въ отдѣленіи редакціи „Енисейск. Листка“, въ Иркутскѣ въ книжномъ магазинѣ Михайлова и Макушина, въ Петербургѣ и Москвѣ въ центральной конторѣ объявленій Торгового Дома Л. и Э. Метцль.

Редакторъ-надатель Е. Кудрявцевъ.

„Харьковскія Губернскія Вѣдомости“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія:

1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и вѣншей политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общахъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Вѣншія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.). 15. Библиографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ въ конторѣ „Харьк. Вѣд.“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Сл. перес.	10 —	9.50	9 —	8 —	7 —	6.20	5.75	5 —	4 —	3 —	2.10	1.20
Сл. дост. въ Харьковъ.	9.25	8.50	8 —	7 —	6.60	5.10	5 —	4 —	3.50	2.50	2 —	1 —
Въ дост.	8.25	8 —	7.50	6.50	6 —	5.25	4.50	3.75	3 —	2.25	1.50	— 80

ВЪ 1895 ГОДУ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

вступаетъ въ двадцать седьмой годъ своего существованія.

„Дѣтское Чтеніе“ одобрено: Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для кадетскихъ корпусовъ. Въ 1895 г. „Дѣтское Чтеніе“ будетъ выходить книжками отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ.

При журналѣ выдается безплатное приложение „Педагогическій Листокъ“, выходящій 4 раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 листовъ, посвященный вопросамъ первоначальнаго воспитанія и обученія и обзору книгъ для внѣкласснаго чтенія, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей. Въ 1895 году въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ примутъ участіе: Б. С. Баранцевичъ, Н. А. Борисовъ, Н. П. Вагнеръ (Котъ-Мурдыка), Ю. Н. Вагнеръ, В. А. Гольдбергъ, И. И. Горбулевъ-Посадовъ, В. Е. Ермиловъ, П. В. Засодимскій, Д. А. Корончевскій, А. В. Кружковъ, Вл. Н. Ладженскій, В. М. Лавровъ, Лихачевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, С. П. Мечъ, Д. Л. Михаловскій, В. И. Немировичъ-Данченко, Ал. Н. Острогорскій, Вас. П. Острогорскій, Н. И. Позняковъ, И. Н. Нотаненко, Н. А. Рубакинъ, Д. Д. Селезовъ, К. Е. Сентъ-Илеръ, П. А. Сергѣенко, В. С. Сиповскій, В. М. Сорочкинъ, А. П. Чеховъ и мн. др. Въ художественномъ и музыкальномъ отдѣлахъ: Е. М. Вѣкъ, М. М. Далькевичъ, М. П. Клодтъ, А. М. Клодтъ, Максимовичъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

на годъ: безъ доставки въ Москвѣ 5 руб., съ доставкой и пересылкою во всѣ г. Россіи 6 руб., за границу 8 руб. Допускается разсрочка по четвертямъ и полугодіямъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ главной конторѣ редакціи: Москва, Тверская ул., домъ Гиршмана,
кв. Дм. Ив. Тихомирова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

НОВОСТИ ДНЯ

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ
ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Живая общедоступная форма, всеобъемлющая полнота и чуткая отзывчивость по всему выдающемуся въ русской жизни,— вотъ тотъ доводъ, который избралъ собою раз навсегда и потеряла неуказно доринется наша газета.

Благодаря постоянному возрастующему успѣху и большому распространению „Новостей Дня“, редакция наша осмеливается дать **ВСѢМЪ СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ** на 1895 г.

Безплатно ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ДРУГОЕ СВОЕ ИЗДАНИЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЬЯ

ВЫХОДЯЩІЙ
ПО САМОЙ ШИРОКОЙ ПРОГРАММѢ

Всестороннее развитіе общественнаго порتری и развитіе практической жизни государственности и общественной деятельности, составленныя изъ фактовъ дня, Талантъ порتری и результаты будущею дая, опытъ и изъ текущаго году, бытъ 1894. На одинъ журналъ до одинъ рубль по даятъ такъ много талантъ, выходящія порتری, и „Новости Дня“, выходящія „Семья“, талантъ одной изъ самыхъ интереснаго газетъ въ земль отечества.

Такимъ образомъ „НОВОСТИ ДНЯ“ предлагала своимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО „СЕМЬЮ“** всесторонне, даятъ роскошную программу: 18 номеръ иллюстрированнаго журнала, изъ которыхъ каждый номеръ отражаетъ текущія явленія дня. Достигающе это благодаря всеобщности за этотъ предметъ

50.000 РУБЛЕЙ

Подписка цена въ „Новости Дня“ авторъ съ иллюстрируетъ журналомъ „Семья“ въ рубль 10 р., за шесть месяцевъ 5 р. 50 к., за три месяца 3 р., за одинъ месяцъ 2 р.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

заключить общественныя сношенія и даятъ въ русскомъ народѣ лучшаго ознакомленія иностранцами. талантъ французскія, английскія, швейцарскія, итальянскія, испанскія и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: въ годъ 3 руб., а съ журналомъ „СЕМЬЯ“ 5 руб.

порознь каждый по 3 р. въ годъ. Въ три издаванія 12 руб.

Въ газетѣ бесплатно выданы съ 1-го № вынуть выданы „СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ и др.

Адресъ: Москва, скважна номера газетъ „Новостей Дня“ и журналомъ „Семья“ и „Новости иностранной литературы“

Издатель **А. Липецеровъ.**

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Въ 1895 г. „НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ будетъ выходить по прежней программѣ и съ прежнимъ составомъ сотрудниковъ. Объемъ журнала нѣсколько расширяется, вслѣдствіе измѣненій, которыя произойдутъ въ составѣ „Приложеній“. Редакція рѣшилась дать въ будущемъ году шесть крупныхъ приложений (по одному каждое два мѣсяца), каждое объемомъ до 10 печатныхъ листовъ (150—160 стр.).

Въ „Приложеніяхъ“ этихъ будутъ даны капитальныя сочиненія по разнымъ отдѣламъ наукъ. Съ этою цѣлью нами приобретены уже переводы слѣдующихъ сочиненій: 1) ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ. Происхожденіе видовъ. Перев. съ послѣдняго (шестого) англійск. изданія.

Замѣтимъ, что переводъ А. Рачинскаго, не имѣющійся болѣе въ продажѣ, былъ сдѣланъ съ перваго изданія, впоследствии значительно дополн. и измѣненнаго Дарвиномъ.

2) РИБОУ. Современная германская психологія. Еще не была переведена на русскій языкъ; была переведена П. Боборыкиннмъ „Англійская психологія“ того же автора.

3) УЭББЪ. Астрономическіе объекты для любительскихъ телескоповъ.

Переводъ съ послѣдняго (пятого) англійск. изданія, недавно вышедшаго. Это сочиненіе стало въ Англій классическимъ. Оно содержитъ подробное описаніе того, что можно наблюдать съ помощью слабыхъ увеличеній, а частью и простыми глазами.

Къ этимъ тремъ сочиненіямъ мы надѣемся прибавить еще одно, если позволитъ мѣсто.

Математическій листокъ журнала, — къ которому отнесены и рефераты двухъ ученыхъ обществъ — будетъ переработанъ, съ цѣлью удовлетворить любителей математики чистой и прикладной, а изъ текста журнала окончательно будутъ удалены математическія статьи, исключая задачъ. Отдѣлы сельскаго хозяйства и технологій, а также отдѣлы антропологіи и т. п. будутъ нѣсколько увеличены. Что касается изложенія, мы сдѣлаемъ все, что только возможно съ цѣлью общедоступности, насколько это не въ ущербъ научному направленію журнала *).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ семь руб. съ перес. и дост. За границу десять руб. На полгода 4 р., на четверть года (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября, 2 руб. съ перес. и дост. На четверть года можно подписываться только въ главной конторѣ. При обращеніи въ редакцію допускается разсрочка по 1 руб. въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы послѣдній взносъ былъ сдѣланъ не позднее 1 сентября.

Адресъ ред. и главной конторы: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24.
Ред.-изд. х-ръ философіи М. Филипповъ.

*) Между прочимъ, предложено дать краткія слова научнымъ терминамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННУЮ ГАЗЕТУ
ПРИАЗОВСКАГО КРАЯ

„ТАГАНРОГСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Въ 1895 году газета будетъ выходить въ форматѣ большого печатнаго листа, три раза въ недѣлю — по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ, по слѣдующей программѣ:

1) *Мѣстный отдѣлъ:* Руководящія статьи по вопросамъ мѣстной экономической и общественной жизни. Городская хроника и мѣстныя извѣстія. 2) *Внутренній отдѣлъ:* Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, корреспонденціи и извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Приазовскаго края, Донской области и другихъ мѣстъ. 3) *Иностранный отдѣлъ:* Свѣдѣнія о наиболее выдающихся событіяхъ иностранной жизни. 4) *Судебная хроника.* 5) *Смѣсь.* 6) *Фельетоны:* Статьи беллетристическаго характера, оригинальныя и переводныя. Исторія края. 7) *Справочный отдѣлъ.* 8) *Областныя.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	6	5	50	5	25	4	75	4	50	4	3	50
Съ дост. и перес.	7	6	50	6	5	50	5	4	50	4	3	50
	3	2	75	2	25	1	50	1	70	—	85	

Подписка принимается въ Таганрогъ въ редакціи, Николаевская ул., д. № 5, и въ отдѣленіи редакціи — въ Ростовѣ-на-Дону, уголъ Соборнаго пер. и Темеринской ул., при типо-литографіи И. Я. Александрова.

Издатель А. Митроновъ.

Редакторъ М. Красновъ.

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЖУРНАЛЫ:

„ПРИРОДА и ОХОТА“ И „ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Подписчики получают 12 книг журнала «Природа и Охота» (выход еженедельно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (выход еженедельно).

Оба журнала иллюстрируются рисунками русских и иностранных художников, портретами охотников, портретами собак, фотографіями сценъ изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породы собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дрессировки и натаски, леченія.—Отчеты о садахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничьихъ обществъ, кружковъ и отдѣльных охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ образа жизни, и мѣстоахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи. Юридическій отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника. Правительственные распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничьихъ и рыболовныхъ промысловъ.—Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей—Библиографическія замѣтки.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты.—Объявленія.

Подписная цѣна: { На годъ съ доставкой и пересылкой 15 руб.
 { За границу 20 »

Всѣмъ подписчикамъ, отъ которыхъ подписныя деньги на 1895 годъ получены будутъ въ редакціи до 1-го декабря 1894 года, будетъ выслана бесплатно, немедленно по полученіи денегъ „Справочная и Записная книга“ Н. В. Туркина „охотника и рыбака“,—изд. 1894 года.

Охотники, желающіе одновременно съ подпиской на 1895 годъ приобрести журналъ и газету за текущій 1894 годъ, получаютъ изданія за оба года за 27 рублей съ пересылкой и за 25 рублей безъ пересылки, причѣмъ всѣ вышешія книги и №№газеты за 1894 годъ высылаются и выдаются немедленно.

Гребованія безденежныя съ наложеннымъ платежомъ не исполняются.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой.

Редакторы-Издатели: { Л. П. Сабанѣвъ.
 { Н. В. Туркинъ.

KURYER CODZIENNY

ILLUSTROWANY,

korzysta ze współpracownictwa całego zastępu znanych literatów, dziennikarzy, pisarzy fachowych, reporterów, korespondentów prowincjonalnych i zagranicznych, których współudział zapewnia mu z dnia na dzień niewyczerpany materiał, jakim rozporządzać powinno piśmo, ubiegające się o jak najszerszą poczytność. **Codziennie korespondencye z Łodzi.**

Każdy numer „**KURYERA CODZIENNEGO**“ obznajmia swoich Czytelników z najważniejszymi wypadkami chwili, nie tylko drukowaniem słowem, ale i obrazowaniem jej w rycinach, które czynią z niego **jedynę** w naszej prasie

PISMO CODZIENNE ILLUSTROWANE.

„**Kuryer Godzienny**“ wychodzić będzie nadal przy stałym współpracownictwie **Bolesława Prusa**.

Względnie do obfitości i jakości materiału „**Kuryer Godzienny**“ ma prawo nazywać się przy swojej niskiej cenie

najtańszem piśmie warszawskiem

dotarczającą swym Czytelnikom miejscowym i prowincjonalnym sporego zapasu świeżej i zajmującej lektury.

W Listopadzie r. b. rozpoczęliśmy druk najnowszej powieści **Maryana Gawalewicz**, osnutej na tle życia warszawskiego, p. t.:

„**SZUBRAWOY**“,

której początek mogą otrzymać nowi prenumerotorowie.

Najsensacyjniejsze powieści obcych autorów.
(w formie książkowym.)

Warunki Prenumeraty KURYERA CODZIENNEGO

	mieсяcznie	kwartalnie	półrocznie	rocznie
w Warszawie	— 50	1 50	3 —	6 —
na Prowincyi	— 75	2 25	4 50	9 —

Cena ogłoszeń:

Wiersz pet. na ostatniej str. 1-szy raz 10 k. || Wiersz reklam garm. 1-szy raz. . . 25 k.
 „ „ „ „ „ każdy nast. 8 „ || „ „ „ „ „ każdy następny 20 „
 „ „ „ 1-szej „ . . . 30 „ || „Nadesłane“ wiersz garm. . . . 1 — „

Warszawa, Krakowskie-Przedmieście 17.

ŁÓDŹ, Piotrkowska 46. — PIOTRKÓW, w księgarni Jędrzejewicza.
 Wydawnictwo *Gebethnera i Wolffa* w Warszawie.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

28 годъ.

Д О Н Ъ

XVIII г.

(ВЪ ВОРОНЕЖЪ)

НА 1895 ГОДЪ.

Двадцать восьмой годъ изданія.

Съ 1895 года „Донъ“ начинаетъ 28-лѣтiе своего изданія. Просуществовавъ 27-и лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтiя, поэтому, открывая подписку на 1895 г., редакция ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обиданій,—что можно будетъ сдѣлать для улучшения газеты, то будетъ сдѣлано.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежъ .	6 руб.	3 р. 50 к.	2 р. — к.	— р. 75 к.
Съ пересыл. въ другіе города.	7 „	4 „ — „	2 „ 50 „	1 „ — „

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Съ января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фототрафії и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ кружка, участвующихъ сполна годовой вносъ—*бесплатно*; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на вѣденовой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ кружка.	4 р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ.	6 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	10 „
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ.	85 „
„ „ „ всѣхъ остальныхъ.	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго кружка (Тверская, уголъ Ковицкаго пер., д. Ланной), въ магазинѣхъ: Н. И. Мамонова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ *А. Д. Тороповъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 Г.

НА ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„МИНСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Въ предстоящемъ году содержаніе газеты будетъ пополнено торговимъ отдѣломъ и особое вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ областной.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ст. пересылкою—на годъ—4 руб., девять мѣс.—3 руб., полгода 2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 50 к. и 1 мѣс.—75 к., безъ доставки и пересылки—на годъ—3 руб., девять мѣс.—2 руб. 50 коп., полгода 2 руб., 3 мѣс.—1 руб. и 1 мѣс.—50 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ въ гор. Минскѣ губ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ
ВТОРОЙ ТОМЪ
СОЧИНЕНІЙ А. ЛУГОВОГО.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

ГРАНИ ЖИЗНИ.

Романъ въ 5-ти частяхъ. 526 страницъ въ 8-ю долю листа. Цѣна 2 р., пересылка по разстоянію. Складъ изданія—въ книжномъ магазинѣ типогр. М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., д. 28.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1-й, 2-й и 3-й томы сочиненій А. Лугового, по 5 р. (вмѣстѣ 6 р.), за всѣ три тома вмѣстѣ. Подписывающіеся уплачиваютъ 3 р. для полученія 1-го тома и по 1 р. для полученія cadaго слѣдующаго тома. Пересылка—по разстоянію.

Подписка принимается также и въ книжныхъ магазинахъ *Новаго Времени*, *Карбасникова*, *Русской Мысли*, *Артиста* и друг.

Со дня поступления въ продажу 3-го тома подписка по уменьшенной цѣнѣ будетъ прекращена.

Томъ 1-й—572 стран. въ 8-ю долю листа. Повѣсти и рассказы: „Не судилъ Богъ!“—„Однимъ часомъ“.—„На курномъ насѣстѣ“.—„За грозой—вѣдромъ“.—„Не отъ міра сего“.—„Ольга Ярославна“.—„Швейцаръ“. Драматическія произведенія: „За золотымъ руномъ!“ Сцены изъ похода современныхъ аргонатовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—„Оземь“. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Стихотворенія: „Крымскіе пейзажи“.—„Опять на Волгѣ!“—„Борь“.—„Русь“.—„Въ майскую ночь“.—„Жалко Гуса!“ и друг.

Цѣна 2 рубля, пересылка—по разстоянію.

Томъ 2-й Повѣсти и рассказы: „Policee verzo“.—„Нѣсколько поцѣлуетъ“.—„Тепломъ повѣяло“.—„Счастливецъ“.—„Исполнители“.—„Простая случайность“.—„Изъ поѣзда въ голодающимъ“.—„Ностигне“.—„Первая ночь“.—„Музыкантъ въ своемъ родѣ“.—„Между двухъ смутныхъ идеаловъ“.—„Альміроръ“. Стихотворенія: „Сумасшедшее проклятіе“.—„Taedium vitae“.—„Credo... quia absurdum“.

Цѣна 2 рубля, пересылка—по разстоянію.

ПО Д П И С К А

НА

„ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

НА 1895 Г.

Съ доставкою въ Воронежъ:		Съ перес. въ др. города:	
На годъ	5 р. к.	На годъ	6 р. к.
— полгода	2 „ 75	— полгода	3 „ —
— 3 мѣс.	2 „ —	— 3 мѣс.	2 „ 75
— 1 мѣс.	— „ 75	— 1 мѣс.	1 „ —

Подписка на „Воронежскій Телеграфъ“ принимается въ конторѣ редакціи, при типографіи Исаева, въ Воронежѣ, въ д. доктора Столь, на Большой Дворянской улицѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XV ГОДЪ.

ОСКОЛКИ

ГОДЪ XV.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступающій въ ПЯТНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1895 году подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1894 году.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая на своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1800 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкихъ фельетонныхъ набросковъ изъ текущей жизни, рассказовъ, сценъ, шаржей, народій, очерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени редакция предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на премию

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ въ КОНЦѢ 1895 года

— БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ —

Ю М О Р Ъ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО

ВЪ РИСУНКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:

Безъ доставки и пересылки;

На годъ съ бесплатной преміей 9 руб.

На годъ съ бесплатной преміей 8 р. — к.

На полгода безъ преміи 5 „

На полгода безъ преміи 4 „ 50 „

На три мѣсяца безъ преміи . . . 3 „

На три мѣсяца безъ преміи 2 „ 50 „

За границу на годъ 10 „

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ПРЕМИИ ПРИПЛАТЫ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ.

Допускается расписка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ распиской получаютъ премию лишь по уплатѣ всей подписной суммы.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели Н. Лейкинъ и Р. Голіке.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БИРЖЕВУЮ, ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ

объявленій и справокъ.

Задача „Нижегородскаго Листка“ дать подписчикамъ за вполне доступную цѣну свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлается въ Нижнемъ-Новгородѣ и Нижегородскомъ краѣ, въ Россіи и за границей, чтобы читатель, получая только одну газету, могъ знать все, что необходимо всякому, ослѣдству за современною жизнью.

Особенное вниманіе будетъ уделено редакціей предстоящей

Нижегородской всероссійской выставкѣ 1896 года, а также БИРЖЕВЫМЪ И ТОРГОВЫМЪ СВѣДѢНІЯМЪ,

получаемымъ отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ большинства важнѣйшихъ торговыхъ центровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на газету „Нижегородскій Листокъ“ съ доставкой и пересылкой

въ Н.-Новгородѣ: на 12 м. 4 р., 6 м. ||| Нижегородскіе: на 12 м. 5 р., на 6 м.

2 р. 50 к., 3 м. 1 р. 50 к., 1 м. 60 к. ||| 3 р., на 3 м. 1 р. 80 к., на 1 м. 70 к.

Плата за объявленія: передъ текстомъ 10 копѣекъ за строку петита (мелкаго шрифта), послѣ текста 5 копѣекъ.

Фирма существуетъ съ 1840 года.

МАГАЗИНЪ ПАРОВОЗЪ ВЪ МОСКВѢ.

(Рождественка, близъ Кузнецкаго м., д. Заларина).

МОСКВА. ДѢТСКОЕ ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ для МАЛЬЧИК. и ДѢВОЧЕКЪ.

ФОРМЕННЫЯ БЛУЗЫ.

КУШАКИ для УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ:

Пальто, ватеръ-пруфы, костюмы отъ 1-го до 17-ти лѣтняго возраста изъ вимнихъ и лѣтнихъ матерій.

КУЧЕРСКІЯ НАРЯДЫ:

кафтанчики, поддевки, безрукавки, чуйки, шаромары, рубашки и кушаки.

ФОРМЕННЫЯ ПЛАТЬЯ для гимназистовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Фуражки, башлыки, ранцы, галстуки, бѣлье, помочи, чулки, вязанные башмаки, фартучки и перчатки.

Занавы исполняются съ всюю акуратностію. Вещи высылаются наложеннымъ платежомъ по высылкѣ одной трети части задатка.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИНЪ

И МАСТЕРСКАЯ ИСКУССТВЕННЫХЪ ЦВѢТОВЪ

СЕСТЕРЪ СЕРБИНЫХЪ

(Москва, Тверская, Старо-Газетный пер., д. Ниловой пустыни).

Вѣнчальные уборы, парюры для баловъ, шляпы изъ цвѣтовъ, букеты для шляпъ и вазъ, декоративныя растенія, корзинки съ цвѣтами, вѣнки, гирлянды, маскарадныя костюмы и проч.

Иногороднимъ высылается не менѣе, какъ на сумму 25 р., съ полученіемъ по-ловиннаго задатка.

МАГАЗИНЪ ЛУЧШИХЪ МАНУФАКТУРЪ

А. Н. ИВАНОВА

(Пассажъ Постникова, на Тверской, въ Москвѣ).

ВСЕГДА РАЗНООБРАЗНЫЙ ВЫБОРЪ

новѣйшихъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ тканей для дамъ.

Цѣны внѣ конкуренціи и безъ запроса.

Получены ОДѢЯЛА изъ чисто-верблюжьей шерсти, замѣчательно теплыя и прочныя. Размѣръ длины 3 ар., шир. 2 ар.

Цѣна только 5 руб.

ОДѢЯЛА ПЛЮШЕВЫЯ 3 р. 50 к. и 4 р.

Гг. иногороднимъ высылается съ наложеннымъ платежомъ.

МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ.

Романъ Альфонса Доде.

I.

Деревенскій колоколь.

Ричардъ Фениганъ, извѣстный охотникъ и рыболовъ департамента Сены-и-Уазы, живущій круглый годъ въ деревнѣ съ матерью и съ молодою женой, только что вынулъ изъ воды свои верши на усѣянномъ зелеными островами участкѣ Сены, который онъ арендовалъ для рыбной ловли, между шлюзами Эври и Атиса. Знойнымъ, удручающимъ іюльскимъ утромъ, подъ жгучимъ, какъ расплавленная платина, солнцемъ, серебрящимъ все небо, рѣка курилась, неподвижная и молчаливая, безъ обычнаго даже птичьяго гомона, которыми оглашаютъ пребрежные кусты камени, малиновки, ласточки. И, наоборотъ, эта марящая духота обостряла ароматы водяныхъ растений, противный запахъ шпанскихъ мухъ, свергавшихъ изумрудными пятнами на ясеняхъ. Даже Фениганъ, здоровенный малый лѣтъ тридцати пяти, краснолицый, съ густою темною бородой, чувствовалъ всю тяжесть такой атмосферы. Добравшись до маленькой заводи, гдѣ причалены были лодки и раскинуты на свѣжей муравѣ берега его рыболовные сѣти, онъ нѣсколько минутъ не могъ подняться изъ лодки, поддаваясь дремотѣ, изнемогая въ своей одеждѣ изъ зеленого полотна, забрызганной водою, испещренной темными сырими пятнами. На той же сторонѣ Сены пронесся съ высоты звѣтъ колокола. Ричардъ вздрогнулъ.

— Слышалъ, Шюшенъ?

Шюшенъ, караульщикъ рыбной ловли, забившійся въ свою сторуку считать наловленныхъ щукъ, линеи и угрей, приподнялъ темное отъ загара лицо, болѣе изборожденное морщинами, чѣмъ рѣка волнами подъ порывами вѣтра.

— Звонять, навѣрное, въ замкѣ.

— Не къ завтраку же звонять. Еще только одиннадцать часовъ.

— Можетъ быть, гости... кто - нибудь изъ Гробурга. Я только что видѣлъ, какъ ихъ коляска ѣхала назадъ къ мосту.

Снова раздался вдали звонъ колокола, особенно рѣзкій въ неподвижномъ затишьи.

— Прибери тутъ все, старина Шюшенъ, я пойду узнаю.

Неторопливою походкой, привычною деревенскому жителю, Ричардъ пошелъ береговою тропой до тополевой аллеи, круто поднимающейся въ гору къ дорогѣ въ Корбейль, вдоль которой было расположено маленькое село Узелли и помѣстье, носящее то же названіе. На ходу, заинтересованный призывнымъ звономъ колокола, онъ вслухъ разсуждалъ самъ съ собой, безъ малѣйшаго предчувствія чего-либо дурного. Предположеніе, что пріѣхали гости изъ Гробурга, совсѣмъ неправдоподобно. Кому оттуда пріѣхать? Генераль на водахъ въ Тиролѣ, вмѣстѣ съ герцогиней. Сынъ въ Парижѣ готовится къ экзамену въ Сень-Сиръ, а экзаменъ уже на носу. Всего вѣрнѣе, что какая-нибудь драма на кухнѣ или на скотномъ дворѣ дѣлаетъ необходимымъ присутствіе хозяина. Или, быть можетъ, сцена между его матерью и женою... А, впрочемъ, уже давным-давно покончена эта отвратительная междоусобная война, омрачавшая первое время ихъ супружества... Что же, однако, тамъ такое?

— Добраго утра, мосѣ Ричардъ! — раздался съ другой стороны дороги приторно-сладкій, фальшивый голосъ и отвлекъ Фенигана отъ его думы.

Тамъ ихъ было четверо или пятеро подъ развѣсистымъ тополемъ: сторожъ Робенъ, разсыльный Рожеръ, сошедшій съ своего велосипеда, который онъ держалъ за правило, прачка, присѣвшая на рукоятку своей тяжелой двухколески, нагруженной мокрымъ бѣльемъ. Всѣ они слушали, разинувши рты и вытаращивши глаза, исторію, которую имъ разсказывалъ мосѣ Александръ, бывший метръ-д'отель Гробурга, длинный, бритый, чопорный, въ бѣлой фланелевой парѣ и съ рыболовною бамбуковою тростью въ рукахъ. О чемъ шла эта болтовня, вдругъ смолкшая съ приближеніемъ Фенигана? Что значить эта иронія въ привѣтствіи отставного холопа, всегда принижено почтительнаго? Впослѣдствіи малѣйшія подробности вѣтра утра придутъ на память Ричарду съ ужасающею ясностью, нѣ пойметъ всѣ мелочи, которыя теперь проскальзываютъ, едва каясь его, лишенные всякаго значенія.

Передъ церковью, сверкающею бѣлизной, какъ только что поставленный надгробный памятникъ, кто-то окликнулъ его еще рѣ-

Старикъ Мериве, въ цилиндрѣ и въ длинной сѣрой блузѣ, съ кистью въ одной рукѣ, съ горшкомъ черной краски въ другой, былъ усердно занятъ подновленіемъ, какъ онъ говорилъ, надписи на фасадѣ.

— Посмотрите, сосѣдь... за цѣлое лѣе можно прочесть теперь.

Онъ посторонился, чтобы дать сосѣду полюбоваться заново вычерченными строками на штукатуркѣ стѣны справа отъ главнаго входа.

*Наполеонъ Мериве,
Кавалеръ ордена Святого Григорія Великаго,
Соорудилъ эту церковь
Въ память своей супруги Ирены*

и

Оную принесъ въ даръ общинѣ Узелли.

Эта надпись была эпилогомъ семейной драмы, никому доподлинно не извѣстной въ округѣ. Всѣ знали только, что г. Мериве, послѣ смерти жены, которую онъ любилъ до безумія, построилъ эту церковь противъ своей усадьбы и очень заботился о ней, вмѣстѣ съ своею кухаркой, исправлявшею должность сторожа, и съ своимъ лакеемъ, служившимъ за пономаря. Строитель даже особенно гордился, когда его церковь бывала по воскресеньямъ полна народа, когда у ея дверей стояли экипажи и люди обмѣнивались привѣтствіями и любезностями послѣ короткой мессы, отслуженной въ девять часовъ утра викаріемъ изъ Дравейля, къ приходу котораго принадлежали Узелли. По поводу этой - то воскресной службы Мериве и остановилъ сосѣда, чтобы высказать свое неудовольствіе на обывателей замка. Статочное ли это дѣло, что тамошнія дамы ѣздятъ разыскивать мессу въ Дравейль или въ сиротскій пріютъ Суази, когда тутъ близехонько...

— Нехорошо это, сосѣдь, очень нехорошо, — приставалъ старикъ, пошлепывая кистью въ горшкѣ съ краской, — ни одна изъ тѣхъ церквей не стодитъ моею, моя приноситъ счастье. Если бы вы знали, подѣ какимъ она патронатомъ, что за существо была моя Ирена!... Республика выставляетъ на своихъ монументахъ слова: *Свобода, равенство, братство*, а тутъ на фронтонѣ мнѣ слѣдовало бы написать: *Жалость, милосердіе, всепрощеніе*... Про насъ говорятъ, что мы маленький приходъ, а по-настоящему надо бы сказать — добрый приходъ. И, приходя молиться сюда, вы, человѣкъ же чуждый, обезпечили бы себѣ этимъ ваше семейное счастье.

Ичардъ извинялся, оправдывалъ своихъ дамъ: самая близость къ церкви уже препятствіемъ къ исполненію ихъ желанія бывать въ этой церкви, — онѣ такъ рѣдко выѣзжаютъ. Воскресная месса въ

Дравейль или въ пріютѣ даетъ имъ возможность подышать воздухомъ, промять лошадей, поистинѣ, слишкомъ зажирѣвшихъ. Но онъ поговорить объ этомъ съ своею матерью, и очень скоро его самы будутъ имѣть свои стулья въ маленькомъ приходѣ. Эти послѣднія слова заставили его улыбнуться, онъ вспомнилъ прозвище, которыми въ округѣ называли церковь Мериве, — прозвище, далеко не дпособное привлекать въ нее женатыхъ людей. Третій призывной звонъ колокола, частый и рѣзкій, заставилъ его вновь пуститься въ путь, на этотъ разъ уже торопливѣе.

Помѣщеніе владѣльцевъ Узелли состояло изъ двухъ отдѣльных домовъ, такъ называемаго замка, новѣйшей постройки съ шиферною крышей, съ верандою и балконами. Тутъ жила мать Фенигана. Длинный шпалерный ходъ соединялъ замокъ съ навильономъ, гдѣ помѣщались молодые супруги. Небольшая дверь служила входомъ въ эту часть усадьбы. У ея-то порога Розина Шюшенъ, дочь сторожа рыбныхъ ловель, служившая у Фенигановъ, всматривалась въ дорогу, прикрывая руками глаза отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Издали дѣвушка крикнула Ричарду:

— Мадамъ нѣтъ съ вами?

На самомъ дѣлѣ, часто, въ дни осмотра своихъ рыболовныхъ снастей, Ричардъ съ утра уводилъ жену съ собою на рѣку. Молодая женщина любила опускать руки по плечо въ холодную воду, ей нравилось самой вытаскивать тяжелыи верши, смотрѣть, какъ въ глубинѣ ихъ блещетъ и трепещетъ живымъ серебромъ пойманная рыба. А въ этотъ день Лидія была утомлена и на всѣ уговоры мужа отвѣчала легкимъ ворчаніемъ въ полудремотѣ, очаровательно разгорѣвшаяся въ своей подушкѣ, свергая яркимъ взглядомъ голубовато-сѣрыхъ, жемчужныхъ, глазъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ. На нѣсколько секундъ Ричардъ отдался воспоминанію объ этомъ сладкомъ видѣніи влюбленаго мужа въ то время, какъ служанка повторяла сокрушенно:

— Мадамъ, стало быть, не съ вами?

— Нѣтъ, а что?

— Ахъ, мосьё, она исчезла съ самаго утра!

— Исчезла? Что за вздоръ!

У него хватило силъ пройти двѣ ступеньки у маленькой двери, и онъ тотчасъ же опустился на каменную скамью при входѣ въ шпалеру. То же недомоганіе, что утромъ, головокруженіе, уже испытанное имъ на рѣкѣ, повторилось съ еще большею силой. Но въ состояніи будучи ни слова вымолвить, ни шевельнуться, онъ съ гнѣвомъ слышалъ болтовню Розины, едва понимая, что она говоритъ

паркѣ, на огородѣ, въ баракѣ у рѣки, повсюду искали... Наконецъ, вотъ сейчасъ только старый Жоржъ, вѣчный бродяга, вернувшись изъ лѣсу, сказалъ садовнику, что отворена одна изъ калитокъ, ведущихъ въ лѣсъ, потомъ передалъ какую-то записку мадамъ Фениганъ-матери...

— Да вотъ идетъ и сама мадамъ Фениганъ... быть можетъ, она что-нибудь знаетъ.

Мать Ричарда, гордая и массивная, неизмѣнно съ открытою головою, съ гладко причесанными, вѣрнѣе—прилизанными, черными волосами, шла подъ шпалерой, какъ бы прорѣзывая на каждомъ шагу яркія пятна свѣта, разсыпанныя по лежащей на землѣ тѣни. Порывистая походка ясно давала понять, что старуха знаетъ что-то и взбѣшена. Ричардъ хотѣлъ встать, пойти ей на встрѣчу, но, точно прикованный къ скамьѣ, смогъ только взглядомъ выразить свою тревогу и проговорить такимъ голосомъ, какимъ онъ обращался къ матери, будучи ребенкомъ:

— Лидія? Гдѣ Лидія, мамаша?

Грубо, почти съ торжествомъ, мать отвѣтила:

— Твоя жена уѣхала, дитя мое, и это единственная радость, которую она когда-либо намъ доставила.

— Уѣхала?

— И, представь, не одна... Но угадай, съ кѣмъ... нѣтъ, ты угадай!

Вмѣсто того, чтобы угадывать, онъ слабо простоналъ, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и съ побагровѣвшимъ лицомъ повалился на скамью, касаясь руками песка, которымъ была усыпана крытая шпалерой дорожка.

II.

Дневникъ князя.

*М. В. де-Валлонгу
въ Коллеги Станислава, Парижъ.*

Грубургъ, 6 іюля 1886 г.

Нынѣшнимъ утромъ, мой милый Валлонгъ, и слѣдующими за нѣмъ утрами мое мѣсто останется пустымъ въ приготовительномъ. Закончено, я отказываюсь отъ Сень-Сира и отъ военной славы, которую нашъ родъ, на мой взглядъ, увѣнчанъ въ достаточной мѣрѣ. Начиная съ моего прадѣда, Шарля Довернь, котораго первая черія сдѣлала маршаломъ, герцогомъ д'Алькантара и княземъ

Ольмоуцкимъ, и кончая бѣднягою моимъ отцомъ, разбитымъ параличомъ въ сорокъ семь лѣтъ, въ чинѣ генерала, командира 3-го корпуса, мои преславные предки не оставили уже ни одного отличія на долю моего честолюбія. Русская чаша, красующаяся посерединѣ нашего большого салона улицы Шаналейль, — знаменитая чаша, въ которую мы, въ видѣ консервовъ, складываемъ всѣ ордена семьи, полна и даже верхомъ. Что же дѣлать теперь? Ничего. На это я и чувствую себя рѣшившимся наиположительнѣйшимъ образомъ. Въ восемнадцать лѣтъ, единственному сыну, наслѣднику громкаго имени, крупнаго состоянія и, несомнѣнно, пресквернаго здоровья папаша сама мудрость повелѣваетъ наслаждаться, не отглядывая вдаль, тѣмъ, что жизнь можетъ дать хорошаго. Я начинаю.

Изъ тѣхъ двухъ писемъ, что я писалъ при васъ во время класса тригонометріи, одно было адресовано капитану Нюитту изъ Бардифа и предупреждало его, чтобъ онъ ждалъ меня въ маленькомъ портѣ Касси, въ устьѣ Роны, съ яхтой *Bleu-blanc-rouge*, хорошо снаряженной, при восьми человѣкахъ экипажа, кромѣ повара и метръ-д'отеля, за плату по десяти тысячъ франковъ въ мѣсяцъ за все. Вторымъ письмомъ я извѣстилъ ту особу, которая сопровождаетъ меня въ моей экспедиціи. Вы понимаете, разумѣется, что не въ одиночествѣ же я отправляюсь. Дамы этой вы не знаете. Она не фигурируетъ въ ящикѣ для галстуконъ, въ которомъ мы часто перебирали вмѣстѣ письма и портреты моихъ фаворитовъ. Я могу вамъ сообщить, что она замужемъ, наша сосѣдка, живетъ противъ Гробурга, по ту сторону Сены. Тридцать лѣтъ едва минуло, продолговатые свѣтлые глаза всегда опущены, а когда она ихъ открываетъ, они освѣщаютъ все ея лицо отблескомъ жемчужнаго ожерелья. Видъ самый скромный, длинныя руки пьянистки въ полуперчаткахъ былыхъ временъ. Дѣтей нѣтъ, мужъ ее боготворить, въ округѣ она пользуется общимъ уваженіемъ. Мнѣ стоило только написать: «Пріѣзжайте», — она отвѣтила: «Ѣду», и вотъ она бросаетъ все, — мужа, домъ, семью, чтобы пуститься въ плаваніе съ такимъ молодымъ и малонадежнымъ спутникомъ, каковъ вашъ добрый другъ. Поистинѣ говорю вамъ, женщины совсѣмъ необычныя птицы!

Что меня касается, то этою я ничуть не больше дорожу, чѣмъ всякою другою, я слишкомъ люблю *tutte le done* для того, чтобъ отдать предпочтеніе какой-нибудь одной изъ нихъ. Какъ только положилъ въ ротъ одну изъ этихъ восхитительныхъ конфетонъ мнѣ уже хочется ее выплюнуть и перебрать всю коробку, въ і

деждѣ, что попадется хотя одна такого чуднаго вкуса, какого я ишу и не нахожу. Пожелайте мнѣ успѣха на этотъ разъ, милый мой Валлонгъ.

Когда вы получите это письмо, я уже буду нестись на всѣхъ парусахъ, и проклятія моихъ родителей ужаснуть небеса. Тѣмъ хуже! Сами добивались того, что вышло. Чѣмъ держать меня сначала въ Гробургѣ, потомъ въ Станиславѣ, оставили бы они меня лучше на свободѣ въ Парижѣ, тогда и не напало бы на меня непреодолимое желаніе задать стрелача. А герцогиня, моя мамаша, сама не прочь пожить одна, подалше отъ своихъ мужчинъ, какъ она насъ называетъ, нашла чрезвычайно разумнымъ принудить меня учиться и быть положительнымъ, сдѣлавши изъ меня сидѣлку при больномъ генералѣ. Она не подумала о томъ, что одиночество— плохой совѣтникъ и что отъ непрерывнаго созерцанія узелъскаго бугра съ маленькою бѣлою церковкой и съ колокольней, на которую собираются голуби всей округи, мнѣ могутъ придти въ голову меланхолическія мысли и желаніе вырваться на просторъ. Генералъ засадилъ меня въ коллегію и тѣмъ окончательно довелъ до рѣшенія бѣжать. Когда-нибудь я расскажу вамъ интимную драму, разыгравшуюся между этимъ знаменитымъ инвалидомъ и мною за время моего пребыванія въ замкѣ.

А, Валлонгъ, какъ много я передумалъ одинъ, вечерами, въ этомъ огромномъ Гробургѣ, бродя по парку или по площадкѣ на берегу рѣки! Какъ я прямо и смѣло посматрѣлъ на жизнь, на людей и на себя самого, человѣка болѣе сложнаго, чѣмъ всѣ другіе! Въ результатъ этого анализа получилось отырытіе, что въ восемнадцать лѣтъ я чувствую себя одряхлѣвшимъ и усталымъ, поконченнымъ для всякихъ стремленій, не любящимъ ничего, не интересующимся ничѣмъ, знающимъ напередъ конецъ какихъ бы то ни было радостей. Почему я таковъ? Откуда взялась моя преждевременная опытность, мое отвращеніе отъ всего и эти морщины, которыя я чувствую на себѣ до конца моихъ пальцевъ? Таково ли, вообще, все наше поколѣніе, всѣ тѣ, кого называютъ «дѣтьми пораженія» потому, что они родились, какъ я, около года войны и вторженія, или же такова лишь въ частности особенность моей семьи, обветшалаго почвы, давшей слишкомъ много счастливыхъ урлаевъ и требующей теперь продолжительной залежи? Какъ Богъ съ тѣ, я устрою ей залежь.

Ъ тому же, только женщина и море представляютъ, на мой взгдъ, желательныя развлеченія, и я хочу попользоваться тѣмъ и дрчмъ, широко попользоваться. До сихъ поръ, въ качествѣ лю-

бовника и матроса, я пускался только въ пробныя экскурсіи. На этотъ разъ ухажу въ дальнее плаваніе и, если мои задушевные повѣствованія васъ интересуютъ, я обязуюсь, дорогой Вильки, дать вамъ вести настоящій дневникъ или корабельный журналъ странствованій и привлоченій души, которую генераль-герцогъ, мой родитель, давно уже объявилъ темною и опасною, какъ ночное сраженіе.

Шарлексисъ, князь Ольмюцкій.

III.

Корбѣйльская дорога. — Ричардъ и Лидія.

Всѣ комнаты павильона, въ томъ числѣ и та, куда перенесли Ричарда послѣ обморока, выходили окнами на корбѣйльскую дорогу, вьющуюся гарнизомъ надъ рѣкою и едва ли не самую живописную въ департаментѣ Сены-и-Уазы. По этой самой дорогѣ, тридцать пять лѣтъ назадъ, октябрьскимъ утромъ 1851 года, подъ мелкимъ осеннимъ дождемъ, неожиданно захватившимъ путниковъ, метръ Фениганъ, нотаріусъ изъ Дравейля и владѣлецъ помѣстья Узеллей, шелъ съ своимъ сосѣдомъ, жившимъ въ Гробургѣ старымъ герцогомъ д'Алькантара, заявить въ меріи о рожденіи сына, явившагося на свѣтъ ночью. Зайдя утромъ случайно къ своему нотаріусу, герцогъ пожелалъ выразить ему этимъ свое расположеніе, и длинный путь пѣшкомъ скромнаго деревенскаго нотаріуса подъ руку съ знаменитымъ сподвижникомъ Наполеона оставилъ въ хроникѣ семейства Фенигана не менѣе блистательный слѣдъ, чѣмъ подпись славнаго маршала въ книгѣ ничтожной общины.

Мать долго не могла оправиться послѣ запоздавшего появленія на свѣтъ маленькаго Ричарда. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она принуждена была не вставать съ своей кушетки; отецъ жилъ вѣдѣ дома, постоянно занятый въ конторѣ; ребенокъ, единственная утѣха больной, росъ при ней, одинокій, молчаливый и задумчивый, запертый въ одной комнатѣ, гдѣ единственнымъ для него развлеченіемъ было смотрѣть на проѣзжую дорогу со спующими по ней телѣгами и экипажами, людьми и животными, прохожими, пастухами и мелкими торговцами. И зналъ онъ въ точности эту быструю и зоркіе, умѣли различать тысячи подробностей, незаметныхъ для другихъ. Лучше, чѣмъ солнечные часы, установленные въ кумбѣ посерединѣ лужайки, дорога показывала ему время. Лѣто, тогда сторожъ Робенъ задвигалъ свою тачку подъ короткую

тѣнки у фонтана, мальчикъ думалъ вслухъ: «Завтракъ Робена... овно часъ». И большимъ удовольствіемъ для ребенка было смотѣть, какъ сторожъ и его двое ребятишекъ садились у дороги во-другъ тачки, служившей имъ столомъ. По окончаніи завтрака, толъ превращался въ кресло, немного жесткое, на которомъ сто-южъ пристраивался для отдыха въ то время, какъ дѣти въ двухъ пагахъ отъ него принимались тихонько играть, сгребали мелкіе камешки въ красивыя кучки, подобныя тѣмъ, какія складывалъ ихъ отецъ на шоссе. Такъ же точно, когда женщины возвращались со стирки бѣлья, когда стадо проходило въ большія ворота сосѣдней фермы, когда дѣти на пути изъ школы расходились въ разныя стороны на поворотѣ за фонтаномъ, Ричардъ зналъ, что было че-тыре... пять... шесть часовъ. Какъ дорога замѣняла ему часы, такъ она служила ему и календаремъ, отмѣчая извѣстнымъ обра-зомъ каждый день недѣли. По понедѣльникамъ ниціе, — длинная ве-реница лохмотьевъ и костылей, являвшихся невѣдомо откуда, — всегда одни и тѣ же изнуренныя, землистаго цвѣта лица, — пока-зывались у большой двери, чтобы получить отъ мадамъ Клеманъ, садовницы, два су и кусокъ хлѣба. По субботамъ, согласно обычаю старой Франціи, проходили свадьбы, съ музыкантами во главѣ, взбудораживавшими все селеніе своимъ пилиганьемъ. За ними — новобрачная въ бѣломъ, въ красномъ, вся потная подъ вѣнкомъ изъ флѣръ-д'оранжа, новобрачный въ шелковомъ цилиндрѣ и чер-номъ суконномъ сюртукѣ, побѣлѣвшемъ отъ накаленной солнцемъ шоссеиной пыли; за ними — гости попарно, женщины, гордо воло-чація бахромы своихъ ковровыхъ шалей, мужчины, смущенные тѣмъ, что разгуливаютъ по дорогѣ безъ дѣла, въ праздничныхъ нарядахъ, теряя рабочій день. По вторникамъ и четвергамъ, въ ганунъ рынковъ въ Борбейлѣ, проходили стада быковъ, двигались тележки торгашей, останавливавшихся иногда у замка продавать свои товары. По воскресеньямъ, лѣтомъ, «орфеоны» разгуливали съ музыкой, щеголяя своими знаменами, увѣшанными медалями конкурсовъ, парадировали пожарные. Съ наступленіемъ осени на-чиналось передвиженіе войскъ, пушекъ, длинные обозы которыхъ заставляли дрожать дома, а у того же фонтана толкались и дрались изъ-за воды усталые солдаты, несмотря на гнѣвные крики майора. Иногда большіе охотничьи брики провозили къ рошѣ, окаймлявшей дорогу, приглашенныхъ въ сосѣдніе замки, въ Гробургъ, въ Ла-Григъ, въ Мерожи, блестяли новыя охотничьи сумки, сверкали ру-ка подъ лучами красноватаго солнца.

и изъ всѣхъ дней недѣли самымъ радостнымъ для Ричарда,

наиболѣе нетерпѣливо ожидаемымъ былъ четвергъ, когда около трехъ часовъ рой молодыхъ голосовъ раздавался подь окнами и, занимая всю ширину дороги, одѣтыя въ длинныя пелеринки и соломенные шляпы съ голубыми лентами, шли на прогулку сиротки изъ Суази подь присмотромъ двухъ или трехъ монахинь въ бѣлыхъ головныхъ уборахъ. Почти всегда ихъ зазывали въ замокъ поиграть и закусить на лужайкахъ. Какой это былъ праздникъ для Ричарда, не знавшаго другихъ дѣтей, кромѣ этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ, которымъ онъ представлялся чѣмъ-то вродѣ юнаго короля, въ этой рамкѣ роскоши и цвѣтовъ! И какимъ печальнымъ взглядомъ, послѣ игръ, бѣготни, веселья на дорожкахъ, онъ провожалъ ихъ до поворота, пока не исчезали изъ вида добрыя монахини съ развѣвающимися по вѣтру лопастями бѣлыхъ шляпъ!

О, дорога въ Борбейль! Какое мѣсто занимала она въ воспоминаніяхъ Фенигана! Его дѣтство, его молодость какъ будто прорѣзаны ея широкою пыльною полосой, на которой разыгрывались важнѣйшія событія его жизни. На этой дорогѣ, между Дравейлемъ и Узеллями, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ высокій желѣзный крестъ, упалъ метръ Фениганъ, пораженный апоплексическимъ ударомъ на пути изъ своей конторы. Ричарду было тогда шестнадцать лѣтъ. Спѣшно вызванный изъ коллегіи Людовика Великаго, гдѣ онъ медленно и съ трудомъ тянулъ свой курсъ наукъ, молодой человѣкъ утѣшался въ постигшемъ его горѣ надеждою никогда не вернуться въ школу. Это заточеніе маленькаго Фенигана было поводомъ къ рѣзкимъ спорамъ въ семействѣ нотариуса: мать хотѣла держать сына при себѣ, взявши для него учителя, отецъ стоялъ за университетское образованіе и школьную дисциплину изъ опасенія, какъ бы его Ричардъ, живя одинъ въ деревнѣ, не сдѣлался такимъ же дикимъ и неотесаннымъ, какъ дѣти шоссеянаго второжа. Всегда крайне слабый передъ женой, которую онъ называлъ своимъ «добрымъ тираномъ», метръ Фениганъ на этотъ разъ твердо настоялъ на своемъ. Не обращая вниманія на слезы и бушеваніе супруги, онъ самолично отвезъ Ричарда въ Парижъ и водворилъ его въ высокія черныя стѣны, гдѣ мальчикъ и остался бы до окончанія своего образованія, если бы скорбная телеграмма не вызвала его въ Узелли сиротой.

Какою восхитительною казалась Ричарду его милая дорогъ въ то время, какъ онъ шелъ за катафалкомъ, одинъ впереди огромнаго, сосредоточенно молчаливой толпы! Люцерна ярко зеленѣла, и мнущіяся нивы сверкали подь лучами солнца. На каждомъ игу вставали передъ юношей воспоминанія его дѣтства; лѣса, рѣка

давали его хорошо знакомыми, опьяняющими ароматами, и онъ замъ себя укорялъ за сладостныя ощущенія съвозъ слезы, за радостное настроеніе на лонъ этой привычной ему природы, которую онъ любилъ всѣми своими инстингтами, которую повидалъ съ большимъ горемъ. И вотъ теперь онъ уже не разстанется съ нею. Въ томъ онъ вполне сходилъ съ своею матерью, слѣдившею изъ окна на длинную похоронную процессію и думавшею такую думу: «Что ему дѣлать въ Парижъ? Ради чего продолжать ученіе, которое идетъ такъ плохо и безуспѣшно? Какая надобность идти по слѣдамъ отца, когда состояніе уже нажито, и не изъ-за чего мнѣ опять разлучаться съ моимъ единственнымъ ребенкомъ?»

На другой же день по возвращеніи въ Узелли Ричардъ сложилъ всѣ свои книги въ ящикъ, ожесточенно забилъ его и отправилъ на пердакъ, твердо порѣшивши никогда его не открывать и не брать въ руки ни одной изъ отвратительныхъ книжицъ, терзавшихъ его такъ долго. Какъ почти всѣ мелкіе буржуа, выросшіе въ деревнѣ, онъ былъ безопасно лѣнивъ и склоненъ къ задумчивости, робокъ до дикости, неразговорчивъ, и оживлялся только на полномъ просторѣ, на рыбной ловлѣ, верхомъ на лошади, никогда не читалъ ни книгъ, ни журналовъ, кромѣ *Иллюстрированной Охоты* и нѣсколькихъ номеровъ *Вокругъ Свѣта*. Мать вставала рано, но видала его лишь за столомъ, за то вечерами онъ отлучался рѣдко, игралъ съ нею въ партіи въ шахматы, длившіяся до десяти часовъ, когда по неизмѣнно установленному порядку тушились всѣ огни въ домѣ и въ службахъ. Гости бывали у нихъ рѣдко. Продолжительная болѣзнь г-жи Фениганъ удалила отъ нихъ добрыхъ знакомыхъ, живущихъ въ Дравейлѣ и Суази, и хотя вдова нотариуса пользовалась теперь отличнѣйшимъ здоровьемъ, ей слишкомъ хорошо было съ взрослымъ сыномъ для того, чтобы хлопотать о возстановленіи порванныхъ связей. Прошло десять лѣтъ такой однообразной и спокойной жизни. За всѣ эти десять лѣтъ выдающимися событіями въ жизни Ричарда были приглашенія его аристократическими сосѣдями Гробурга къ открытію охоты, да поѣздка въ Гавръ для покупки маленькой шляпки, которую ему вздумалось приобрести. Случилось еще, что два лѣта сряду гостили у Фенигановъ ихъ родственники изъ Лоріана, папенька, маменька и совсѣмъ молоденькая дѣвушка, которую постыдно выдали въ маленькую фѣТРовой шляпѣ верхомъ на лошади р домъ съ бузеномъ. Отъ Вильневъ-Сенъ-Жоржа до Корлейя, во всемъ краю, гдѣ значительное состояніе Фенигановъ сдѣлало ихъ вѣстнымъ, заговорили было о предстоящей женитьбѣ Ричарда. И томъ родственники вдругъ исчезли, и тѣ, что выдавали за

достоверное известіе о женитьбѣ, первые начали доказывать его несодѣянность. Увалень Ричардъ, съ своею бычачьею шеей и съ лицомъ, сплошь заросшимъ бородой, — слабое и смиренное существо, находящееся въ полномъ подчиненіи у матери, а мадамъ Фениганъ слишкомъ любить его для того, чтобы допустить другую женщину поселиться въ ихъ домѣ. И вотъ доказательство: въ тотъ день, когда лоріанская амазонка совсѣмъ была увѣрена въ успѣхѣ по возвращеніи съ катанья, настолько многознаменательною казалось мечтательная молчаливость кузена, достаточно было одного слова мадамъ Фениганъ, одного взгляда на сына: «Очень тебѣ нравится?» — «Нисколько», — отвѣтилъ молодой человекъ, смахивая съ сапога пепель своей англійской трубки такъ же спокойно, какъ выкидывалъ изъ головы свое легкое покушеніе на любовь. На слѣдующій день дѣвица уѣхала, и помина никогда не было потомъ объ этомъ ниномъ сватовствѣ. Немного времени спустя сынъ мадамъ Фениганъ, все-таки, женился, не встрѣтивши на этотъ разъ ни малѣйшаго препятствія со стороны матери.

По очень старой привычкѣ, еще со времени ранняго дѣтства Ричарда, сиротскій пріютъ Суази заходилъ по четвергамъ въ теплое время года въ Узелли и получалъ тамъ угощеніе. Мадамъ Фениганъ подчинялась, такъ сказать, этой повинности, не столько, впрочемъ, ради дѣвочки, сколько изъ-за удовольствія побыть съ монахинями, почти поголовно женщинами хорошаго общества и необыкновенной доброты. Въ одинъ изъ четверговъ Ричардъ, оставшійся случайно дома, присутствовалъ при визитѣ сиротокъ и за обѣдомъ спросилъ у матери:

— Кто эта высокая дѣвушка, тоненькая и блѣдная, съ сербристо-сѣрыми глазами, точно бархатными? Она все время не отходила отъ сестры Марты, ирландки.

— Да это Лидія, маленькая Лидія.

— Какъ, ужасная маленькая цыганочка?

И вдругъ въ толпѣ этихъ заброшенныхъ ребятъ, дѣтей порока и нужды, рядомъ съ несчастными подкидышами, онъ видитъ гордое и меланхолическое лицо, обрамленное вьющимися прелестными волосами, спускающимися изъ-подъ жалкой соломенной шляпы. И это маленькая Лидія, это дитя большой дороги, дѣвченка, подоспѣвшая лѣтъ пятнадцать назадъ чуть ли не въ канавѣ, завернутою въ какое-то тряпье... Вотъ она какою стала!

— Если бы ты слышалъ въ воскресенье, какъ она играетъ на органѣ... О, ирландка можетъ гордиться своею ученицей: она

маленькая Лидія совершенная прелесть! Я говорю—маленькая, а она уже съ меня ростомъ.

Въ слѣдующее же воскресенье Ричардъ въ первый разъ отправился, вмѣстѣ съ матерью, къ обѣднѣ въ сиротскій пріютъ, и во всю службу не отводилъ глазъ отъ изящнаго профиля, склоненнаго надъ органомъ въ глубинѣ хоръ. О, нѣтъ, эта дѣвушка не могла быть такимъ же незаконнорожденнымъ подкидышемъ, какъ другія, ея происхожденіе не можетъ быть такимъ же низменнымъ! Иначе чѣмъ же объяснить ея аристократическіе инстинкты, ея музыкальныя способности, которыми гордится сестра Марта?

Ричардъ побывалъ нѣсколько разъ у обѣдни въ Суази, по четвергамъ оставался дома для пріема сиротокъ. Разъ даже мадамъ Фениганъ упросила ирландку сыграть сонату въ четыре руки съ ученицей на старомъ фортепіано, издававшемъ тоненькіе, жиденькіе звуки. Ричардъ вышелъ изъ комнаты до окончанія сонаты. «Слишкомъ жарко было»,—отвѣтилъ онъ рѣзко, когда его хотѣли заставить сознаться въ охватившемъ его волненіи. Но съ этого дня обѣднѣ малый началъ постоянно напѣвать эту сонату, пытаться наигрывать ее на фортепіано неловкими и неповоротливыми пальцами. Тѣмъ не менѣе, онъ не измѣнилъ своей обычной жизни, охотился, ходилъ къ своимъ вершамъ въ сопровожденіи сторожа, но сталъ еще молчаливѣе, упорно сохраняя свою тайну, которую угадывала мать и съумѣла, наконецъ, у него вырвать.

— Угадай, кто будетъ обѣдать у насъ на будущей недѣлѣ? — сказала мадамъ Фениганъ между двумя партіями въ шахматы.

Онъ ничего не отвѣтилъ, весь погруженный въ свою мечту.

— Версальскій епископъ, — продолжала мать. — Онъ будетъ служить въ сиротскомъ пріютѣ по случаю постриженія Лидіи.

— Она идетъ въ монахини?

— Куда же ей дѣваться безъ денегъ, безъ родныхъ? Хорошо еще, что въ монастырь ее принимаютъ безъ всякаго взноса.

Ричардъ измѣнился въ лицѣ, оставилъ игру и исчезъ во мракѣ сада. Мадамъ Фениганъ разыскала сына въ маленькомъ домикѣ, стоящимъ у окна, прислонившись лбомъ къ стеклу, облитому луннымъ свѣтомъ.

— Дрянной мой мальчикъ!... Почему не хочешь сказать, что ты любишь ее?

— А, мама... мама...

нѣ только и могъ отвѣтить этими двумя словами, съ большимъ усиліемъ вырвавшимся изъ сжатого спазмой горла въ то время, какъ брызнувшія изъ глазъ слезы дождемъ лились по стеклу, а его

могучее тѣло дрожало, точно въ лихорадкѣ. Боже мой, любилъ ли онъ ее! Только сознаться въ этомъ никогда бы онъ не посмѣлъ изъ боязни получить отказъ.

— Глухой, глухой, — нѣжно журила мать, — ничего другого я никогда не искала, кромѣ твоего счастья.

Соображеніе, что сынъ предпочелъ другимъ дѣвушкамъ совсѣмъ нищую и сироту, тоже весьма содѣйствовало такому благодушію матери: какъ бы то ни было, бѣдняжка, которая всѣмъ будетъ имъ обязана, не можетъ внести въ домъ новаго авторитета, своего вліянія, сопротивляющагося власти мадамъ Фениганъ, такъ долго бывшей тутъ единственною госпожей.

Лидія тотчасъ же согласилась на этотъ бракъ. Съ радостью ли она это сдѣлала? Не пожалѣла ли она, напротивъ, о томъ, что инымъ представлялся женихъ въ ея мечтахъ? Никто не узналъ этого никогда. Когда въ первый разъ Ричардъ явился въ качествѣ жениха въ пріемную пріюта, Лидія приняла его съ милою и простою улыбкой, совершенно спокойная въ своемъ нищенскомъ чепчикѣ и въ ужасной пелеринкѣ, точно невѣста съ великолѣпнымъ приданымъ и самымъ лучшимъ родствомъ. Она была такою же сосредоточенною, молчаливою, какъ Ричардъ. Но робость женщины даже самой конфузливой не похожа на робость мужчины, такъ какъ, несмотря ни на что, женщина сохраняетъ увѣренность въ своей привлекательности. Къ тому же, эта дѣвушка не любила еще, тогда какъ молодой человѣкъ, весь охваченный страстью, не могъ вымолвить ни слова. Волненіе было такъ сильно, такъ искренно, что оно сообщилось и молодой дѣвушкѣ, и оба они съ минуту стояли молча, неподвижные и растерянные.

Къ счастью, корбейльская дорога, лежавшая подъ окнами пріемной, помогла имъ выйти изъ неловкаго положенія. Сиротка знала эту дорогу во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, такъ какъ, подобно Ричарду, цѣлыми часами смотрѣла на нее изъ окна. Они заговорили объ этой дорогѣ, точно о фееріи, которую оба они видѣли на сценѣ, про которую вспоминаютъ, перебирая ея перипетіи и дѣйствующихъ лицъ. О, тачка стараго Робена и маленькіе Робены, очень выросли они теперь, но имъ на смѣну являются другіе маленькіе Робены, донашиваютъ рваные панталончики и заплаканные рукава старшихъ. А маленькій горбунъ, торгующій обувью, а турокъ въ шубѣ, являющійся съ своимъ медвѣдемъ, котораго Лидія такъ боялась, когда была маленькою, боялась, впрочемъ, менѣе чѣмъ старика Жоржа и его длинной палки. Чѣмъ только объясняется странную блажь этого ужаснаго бродяги, упорно слѣдовавшая за

воспитанницами во время прогулки лишь тогда, когда Лидія была въ ихъ числѣ? Она даже по ночамъ бредила имъ, по четвергамъ не осмѣливалась уже и выходить. Наконецъ, чтобъ избавиться отъ сумасшедшаго старика, принуждены были пригрозить ему жан-дармами.

— Знаете, мадемуазель Лиди, вѣдь, живъ еще старый Жоржъ.

— Знаю, мосье Ричардъ, но теперь я уже не боюсь его, хотя онъ попрежнему ходитъ съ своею огромною палкой и, встрѣчаясь со мною, бормочетъ что-то на своемъ эльзасскомъ нарѣчїи, котораго я не понимаю.

А вотъ кого уже давно не видно—пирожницы изъ Суази, доброй, старенькой бабушки, сгорбленной и всегда такой чистенькой, проходившей этою дорогою по воскресеньямъ въ большомъ бѣломъ фартукѣ и съ корзиной, покрытой бѣлою салфеткой, изъ-подъ которой пахло вкусными горячими пирожками. Несмотря на свои годы, старушка обходила Суази, Узелли и даже Дравейль, и очень гордилась тѣмъ, что пирожки ея покупаютъ въ замкѣ Фенигановъ. Когда она заходила въ прїютъ и воспитанницы обступали ея корзину, добравшись до отложеннаго въ сторонку лагомства, старушка говорила съ оттънгомъ почтенія: «Не трогайте, мадемуазель... это съ ванилью, для мосье Ричарда». Исторія о пирожкѣ съ ванилью, которую Лидія вспоминала очень забавно, продѣлывая старомодные реверансы торговки, смѣшила обоихъ до слезъ. Но дѣвушка не выдавала того, что и она раздѣляла тогда благоговѣніе старушки передъ булкой съ ванилью, передъ самимъ мосье Ричардомъ и передъ всѣми обитателями замка. Женщина, какъ бы молода ни была, всегда держится на-сторожѣ и умалчиваетъ о своихъ затаенныхъ впечатлѣніяхъ, въ особенности о тавихъ, которыя она испытала наиболѣе живо. И Лидія не сказала также ничего о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя оставляли въ ея дѣтской душѣ посѣщенія по четвергамъ Узеллей, гдѣ высокія деревья и роскошная зелень лужаекъ являли ей широко раскрытые глаза не менѣе, чѣмъ богатые обои и обстановка комнатъ нижняго этажа, видная съ крыльца. Откуда могла явиться у нищей дѣвочки эта склонность къ роскоши и слишкомъ рано проявившіеся аристократическіе инстинкты? Почему изъ бездѣлечнаго разнообразія всего, видѣннаго ею на большой дорогѣ, ничто не заставляло такъ биться ея сердечко, какъ мчащіеся на станцію желѣзной дороги экипажи, блестящіе, украшенные гербами, нагруженные четвериками, съ сидящими на козлахъ напудренными кучерами и лакеями? Не было ли основанія вѣрить тому, что слово «монахини, будто Лидія родилась, повидимому, въ ка-

комъ-нибудь сосѣднемъ замкѣ и въ недалекомъ будущемъ раскроется тайна ея происхожденія на свѣтъ, — восхитительный аристократическій романъ? Этимъ объясняли, по крайней мѣрѣ, добрыя монахини то радостное «да», которымъ отвѣтила на предложеніе Ричарда молодая дѣвушка наканунѣ постриженія, предпочитая опасный свѣтскій шумъ бѣлому монашескому головному убору, который та въ прекрасно шелъ бы къ ея яснымъ глазамъ и наивно-чистому лицу.

Вѣнчаніе происходило въ монастырской капеллѣ въ субботу, по деревенскому обыкновенію. Но корбейльская дорога, — насколько могъ помнить старый шоссейный сторожъ, — никогда еще не видала такой свадьбы. Всѣ старые кліенты конторы Фенигана, начиная съ фермера изъ Бержери и кончая владѣльцемъ Гробурга, присутствовали въ церкви, отдавая тѣмъ послѣднюю дань уваженія памяти деревенскаго нотариуса, честнаго человѣка такого типа, который сталъ очень рѣдкимъ въ наше время. Передъ вереницей экипажей, слѣдовавшихъ за каретой новобрачной, лежала широкая и гладкая дорога, вся залитая блескомъ чуднаго юньскаго солнца. На поворотѣ къ Суази, не доѣзжая сиротскаго приюта, гдѣ епископъ ждалъ молодую чету, дорога поднималась въ гору, все выше и выше и терялась вдали, точно тонула въ небѣ, безконечно голубомъ, чистомъ, безъ единого облачка.

«Я буду дѣлать изъ нея все, что захочу», — порѣшила мать Ричарда, и этимъ вполнѣ объяснялось ея согласіе принять въ домъ дѣвушку безъ приданаго, безъ имени, блѣдную и нѣжную бѣлоручку. Совершенно противоположный типъ представляла собою женщина, которую метръ Фениганъ называлъ «добрымъ тираномъ». Дѣятельная, энергичная, погромыхающая при каждомъ движеніи связкою ключей, которыхъ было ровно столько же, сколько замковъ въ домѣ, мадамъ Фениганъ въ пятьдесятъ пять лѣтъ, во время женитьбы сына, имѣла видъ сорокалѣтней женщины. Ея гладкіе черные волосы, ничѣмъ не прикрытые, незнакомые ни съ какими модными прическами, были неизмѣнно такими же черными, какъ ея глаза, маленькіе, быстрые и добрые, но добрые по-янсенистски, спокойно, безъ нѣжности. Нужны были какія-нибудь совершенно исключительныя обстоятельства для того, чтобъ она поцѣлала сына, котораго любила, однако, больше всего въ мірѣ.

— У насъ въ семьѣ не любятъ этихъ нѣжностей, — говорила она очень охотно.

Кромѣ того, привычка жить вдовою, какъ ей угодно, была въ ней потребность властвовать. При такомъ ничѣмъ не снѣжи-

ваемомъ деспотизмѣ, она съ перваго же дня очень плохо принялась за свою сноху.

Начать съ того, что она высказалась противъ путешествія новобрачныхъ. Ричардъ ни на какой поѣздѣ не настаивалъ. Была бы только жена съ нимъ, а здѣсь или въ другомъ мѣстѣ, до этого ему было мало дѣла. Его чрезмѣрная робость ужасалась даже передъ всякою перемѣной мѣста, передъ гостиницами, табль-д'отами, необходимостью разговаривать съ незнакомыми людьми тамъ, гдѣ онъ никогда не бывалъ. И, наоборотъ, путешествіе представлялось Лидіи какимъ-то идеаломъ дозволеннаго счастья. Въ замкнутой монастырской жизни она только одного и желала—посмотрѣть другія страны, уѣхать далеко-далеко за этотъ холмъ, что лежитъ напротивъ, спуститься съ него, переѣхать черезъ другой, и такъ—докуда глазъ хватаетъ.

— Это отъ того, что я слишкомъ много смотрѣла на дорогу, — говорила она во время долгихъ бесѣдъ съ женихомъ и признавалась ему въ томъ, что такъ и тянетъ ее на просторъ и что ей случалось завидовать самой жалкой колымагѣ фигляровъ, ихъ ужинамъ гдѣ-нибудь у канавы, ихъ приваламъ въ тѣни запыленныхъ деревьевъ. Очарованный разгорѣвшимся отъ восторга личикомъ онъ общалъ: «Мы поѣдемъ путешествовать, Лидія». И чего бы онъ ни наобъщалъ въ такую минуту! Теперь онъ ничего не говорилъ, находилъ возраженія, повторяемые матерью, основательными... Развѣ въ ея время путешествовали новобрачные? Ничего не можетъ быть опаснѣе. Сколько несчастныхъ молодыхъ женщинъ заплатили жизнью за эту дурацкую выдумку! «И если бы вы знали, моя милочка, какая это пытка для только что вышедшей замужъ,—и стыдно-то, и неловко... Повѣрьте мнѣ, откажитесь отъ такой затѣи». Лидія не настаивала. Но подавленное желаніе надолго оставило въ ея душѣ недоброе чувство. Вначалѣ, изъ благодарности расположенная къ свекрови, она вдругъ очутилась точно въ тюрьмѣ у нея, только и думала, какъ бы вырваться на свободу. Что же касается мужа, котораго она готова была полюбить и котораго видѣла теперь постоянно съ опущенною головою, съ прячущимися глазами, приниженнымъ, беспомощнымъ, какъ ребенокъ, подъ своею огромною бородой, то его она стала презирать, привыкла ни въ чемъ не разсчитывать на его помощь.

Молодые поселились въ старомъ павильонѣ, а кушали въ замкѣ у *адамъ*, какъ всѣ титуловали старую хозяйку. Сидя за столомъ на хозяйскомъ мѣстѣ, мадамъ, по-старинѣ, разрѣзала кушанья, на тѣвала чай, кофе, вино. Покончивши завтракать, супруги исче-

зали. Вначалѣ мать пыталась задержать сноху, посвятить ее въ многочисленныя обязанности хозяйки дома, столь сложныя въ деревнѣ, гдѣ воровство такъ и гнѣздится повсюду, — въ саду, на кухнѣ, на скотномъ дворѣ, все хозяйство охватываетъ цѣлою сѣтью плутней и обмановъ. Но Лидіи настолько скучными казались рассказы о домоводствѣ, Ричардъ сидѣлъ, потупившись, такъ забавно удрученный, что мать отпускала ихъ и, покоряясь необходимости, принималась сама считать груши, подбирать опадающіе фрукты, караулить корзины, въ которыхъ переносили ихъ, и осматривать опустошенія, производимыя бѣлками, ужасными бѣлками, менѣе вороватыми, однако, чѣмъ садовникъ, сваливавшій на нихъ всю вину. Погруженная въ свои хлопоты, мадамъ Фениганъ раздумывала о томъ, какъ ошиблась она въ долговязой, беззаботной снохѣ, которою надѣялась распорядиться, какъ вздумается. При своемъ кажущемся перерожденіи, Лидія оставалась прежнимъ «дьявольскимъ цыганенкомъ», въ душѣ беспорядочною и своевольною. Сопровождать мужа на охоту, на рыбную ловлю, помогать ему снаряжать патроны представлялось ей не въ примѣръ занимательнѣе, чѣмъ сидѣть за шитьемъ и вышиваньемъ.

— Надо же вамъ, моя милая, учиться быть хорошею хозяйкой.

— Для чего, мадамъ, когда у меня нѣтъ хозяйства, а въ дошѣ вамъ угодно принимать всѣ заботы на себя?

— Но, вѣдь, не вѣчно же я буду при васъ.

Такія пререканія, очень частыя между ними, неизмѣнно повторялись въ коляскѣ, возившей ихъ разъ въ недѣлю въ Корбейль, и дѣлали еще противнѣе Лидіи нескончаемую прогулку по старинному маленькому городку, съ остановками на рынкѣ, гдѣ мадамъ Фениганъ упорно доискивалась распознать овощи и фрукты своего сада.

— Посмотрите, развѣ это не наши дыни?... А эти армянскіе огурцы! Ихъ только и выводятъ въ Гробургѣ и у насъ... Я убѣждена, что все это — все краденое.

И опять начиналась та же вѣчная исторія о корзинахъ, наполненныхъ фруктами и исчезающихъ у хозяйки изъ-подъ носа, улетающихъ черезъ загородку сада, несмотря ни на какой надзоръ. Въ счастіе, молодая женщина, при поѣздѣ туда и обратно, находила себѣ развлеченіе въ воспоминаніяхъ, никогда не надобѣвшихъ Лидіи, мелькавшихъ передъ нею на этой дорогѣ, подъ шумъ колесъ. Она переживала про себя то время, когда совсѣмъ маленькою дѣвочкой бѣгала тутъ въ пелеринчѣ и въ шляпѣ съ голубыми лентами, а, проѣзжая по главной улицѣ Суази-су-Этуаль, в-

родная сирота каждый раз испытывала приливъ тщеславной радости при видѣ монастыря, гдѣ она выросла.

Вечеромъ послѣ обѣда всѣ сидѣли вмѣстѣ въ гостиной. Ричардъ, попрежнему, сражался съ матерью въ шахматы, но его постоянно развлекала игра Лидіи на фортепіано.

Этотъ дикарь страстно любилъ музыку и никогда не слыхивалъ ее иначе, какъ въ исполненіи обожаемой женщины, — двойное наслажденіе совершенно опьяняло его. Его взглядъ каждую минуту скользилъ отъ шахматовъ къ изящному профилю музыкантши, къ ея рукамъ, бѣлизною превосходившимъ клавиши. Когда же движеніе, призывъ ревниваго нетерпѣнія матери заставляли его вернуться къ шахматамъ, онъ разсѣянно передвигалъ какую-нибудь фигуру, неумѣло подпѣвая басомъ сонату, которую играла Лидія.

— Да замолчи, Ричардъ, это несносно! — кричала мать.

Но сколько же разъ онъ принимался за то же до десяти часовъ, этого неизмѣнно установленнаго срока тушить огни въ замкѣ!

Существовало еще одно обязательство, которому молодые супруги подчинялись крайне неохотно. Такъ хорошо было бы погулять вѣтъ усадьбы, по дорогѣ, освѣщенной луной, или въ лѣсу, подъ шелестъ березъ, облитыхъ волшебнымъ серебристымъ свѣтомъ. Но вѣтъ, всѣ ворота и калитки на запорѣ, всѣ ключи повѣшены у изголовья хозяйки. Если же Ричардъ и Лидія запаздывали на свѣжемъ воздухѣ парка, Атосъ и Портосъ, два огромныхъ сторожевыхъ пса, лаяли такъ долго и громко, что гуляющіе предпочитали сидѣть у себя дома.

Одно изъ оконъ павильона, а именно окно уборной, выходило на равнину Вильневъ-Сенъ-Жоржъ, въ ту сторону, гдѣ находится Парижъ. Тусклое отраженіе свѣта на темномъ небѣ неясно обозначало мѣсто громаднаго города. По вечерамъ Лидія долгія минуты проводила у этого окна, гипнотизируемая манящимъ заревомъ. О, Парижъ! Какъ близокъ онъ, всего семь - восемь лье, и какъ недосыгаемъ для нея! Еще одно изъ тиранствъ мадамъ Фениганъ. «Зачѣмъ вамъ ѣхать въ Парижъ, моя милочка? Развѣ я ѣзжу туда? Развѣ мой сынъ ѣздилъ до васъ?» Лидія ничего не отвѣчала, даже негодовать перестала на несправедливый деспотизмъ, лишившій ее всаго удовольствія, котораго жаждали ея молодость и здоровье. Но Ричарду очень слѣдовало побаиваться тѣхъ взглядовъ, которые он порою устремляла на этотъ свѣтъ волгана, мечтательно забывающаго у открытаго окна.

Разъ, впрочемъ, предубѣжденія мадамъ Фениганъ уступили настигшимъ сосѣдей изъ Гробурга. Собственники лѣсовъ, близъ ко-

торыхъ расположено село Узелли, Алькантары, къ открытію охоты неизмѣнно приглашали Ричарда, знавшаго весь лѣсъ не хуже любого браконьера. Ему стоило только пройти свой паркъ, отворить калитку, и онъ могъ явиться первымъ на сборный пунктъ охоты по фазанамъ. Въ первый годъ послѣ его женитьбы, утромъ, въ день открытія охоты, генераль и его гости увидали поджидавшаго ихъ Фенигана стоящимъ рядомъ съ хорошенькимъ охотникомъ въ зеленомъ бархатномъ костюмѣ, въ гетрахъ, въ сапогахъ, въ тирольской шляпѣ на чудесныхъ пепельныхъ волосахъ. «Моя жена, генераль!» — сказала Ричардъ, представляя Лидію. Она была такъ восхитительно молода и стройна, такъ задорно интересна, что генераль не отходилъ отъ нея во все время охоты, усадилъ съ собою рядомъ за завтракомъ въ лѣсу. Прощаясь, онъ настоятельно просилъ Ричарда пріѣхать въ Гробурзь съ женой. Мадамъ Фениганъ возстала противъ этого визита. Со смерти нотариуса сосѣди не бывали другъ у друга. Генераль женился на единственной дочери барона Сильва, богатаго вѣнскаго банкира, и ея огромное приданое пришлось очень кстати, чтобы освободить отъ долговъ майоратъ Гробурга, спасти отъ разоренія семью мотовъ Довернь, изъ рода въ родъ бутиль и игроковъ. Гордая австріячка считала Фенигановъ слишкомъ мелкою сошкой для себя. «Особливо со времени женитьбы Ричарда», — добавляла его мать, никогда не пропускавшая случая осадить непокорливую сноху, напомнить Лидіи ея происхожденіе. Вдругъ, въ началѣ зимы, получается письмо генерала-герцога съ приглашеніемъ отъ имени герцогини госпожѣ Фениганъ и молодымъ супругамъ провести вечеръ въ ихъ ложѣ въ Оперѣ на какомъ-то дебютѣ, назначенномъ черезъ двѣ недѣли. Мадамъ Фениганъ, очень польщенная на этотъ разъ, посовѣтовала дѣтямъ принять приглашеніе.

— Мнѣ это уже не подъ лѣта, а вамъ-то... понимаете, Лидія, вы должны ѣхать. Я плачу за хорошее платье для васъ.

— Благодарю васъ, маман, — отвѣтила, краснѣя отъ удовольствія, Лидія, давно уже называвшая свекровь не иначе, какъ «мадамъ».

Двѣ недѣли молодая женщина провела точно во снѣ. Заказъ платья въ Парижѣ сдѣлалъ необходимыми поѣздки, потомъ присутствіе въ домѣ Фенигановъ модистки, изящно одѣтой, съ увядш. и, истрепаннымъ лицомъ, засыпающей на первомъ попавшемся с. г. лѣ, какъ бы изъ непреодолимой потребности наверстать недосг. i. ное. Эта проблематическая особа вдоль и поперекъ знала парижск. е общество и, примѣривая платье, выбалтывала всю скандалы и подноготную Гробурга: генераль, какъ безумный, бѣгаетъ за г. i.

ми женщинами, герцогиня почти не ревнуетъ его, вся поглощена страстью къ сыну и къ деньгамъ. За модисткой явился парикмахеръ, не корбейльскій, которымъ Лидія удовольствовалась на своей свадьбѣ, а парижскій парикмахеръ, рекомендованный модисткой.

Когда, послѣ столькихъ хлопотъ и стараній, Лидія очутилась въ большой ложѣ, одѣтою въ платье «Емриге», съ обнаженными руками и плечами, передъ ярко освѣщенной залой, впечатлѣніе у безродной подкинутой пріютки, до двадцати четырехъ лѣтъ не видавшей театра, получилось неопишное, до безумія взбудоражившее всѣ ея нервы. Глазамъ больно было, — такъ они у нея разгорѣлись и блестяли. Что происходило на сценѣ, что тамъ пѣлъ небольшой толстенькій человекъ, что игралъ оркестръ, звуки котораго то разрастались, то слабѣли въ гармоническихъ перебивахъ, — все это исчезало для Лидіи за біеніемъ ея пульса и висковъ. Она не слышала даже дерзкаго привѣтствія герцогини, маленькой женщины съ веснучатымъ лицомъ, съ желтымъ волосами, съ овечьимъ профилемъ и длинною шеей, обвитою тремя рядами жемчуга, такого крупнаго, какого Лидія никогда не видала.

Вдругъ она была рѣзко выведена изъ этого забытья, сладко угачивавшаго ее, въ которомъ она носилась подобно медузѣ, утрачивающей свой переливчатый блескъ, какъ только ее вынуть изъ воды. Генераль, сидѣвшій позади Лидіи, уже не разъ наклонился, чтобы оглянуть залу, и концами своихъ длинныхъ рыжихъ усовъ щекоталъ хорошенькое плечо сосѣдки. Затѣмъ она почувствовала, что ея руку схватила и сжимаетъ желѣзная, пылающая перчатка. Вначалѣ Лидія оскорбилась, пробовала высвободиться, но перчатка сопротивлялась, крѣпко держала маленькую гибкую ручку, обезсиленную, наконецъ, этимъ влюбленнымъ и грубымъ пожатіемъ. У Лидіи голова кружилась. «Какова дерзость! Какъ онъ сжимаетъ, какъ жметъ меня! Непремѣнно замѣтятъ... герцогиня... мой мужъ»... Всего же больше приводила ее въ ужасъ невозмутимая наглость генерала, спокойно говорившаго о какихъ-то пустякахъ. Въ первый разъ являлось передъ нею свѣтское притворство и глубоко возмущало ея душу, пока еще честную. Почему, при первомъ движеніи герцогини, поднявшейся задолго до конца оперы и проговорившей гдѣ-то, немного въ носъ: «Не могу больше, уѣдемъ!» — почему герцогъ тотчасъ же всталъ съ мѣста и тоже ушелъ въ срединѣ акта, бросивши и мленную и негодующую ручку такъ же безцеремонно, какъ захватилъ ее? «А, хорошо же... пусть-ка господинъ герцогъ д'Альбара въ другой разъ попробуетъ ломать мнѣ руку цѣлый вечеръ... я его отдѣлаю». И, оставшись одна съ Ричардомъ, тихо си-

дѣвѣшимъ въ глубинѣ ложи, Лидія, подѣ громъ оркестра и вопли хора, обдумывала, какъ ей отдѣлать генерала, — она была убѣждена въ томъ, что на этомъ герцога не покончить.

Когда они сѣли въ карету, по окончаніи представленія, Лидія, очень возбужденная и взволнованная непривычною ей толпою, разумѣется, блескомъ электричества, всѣмъ оживленіемъ парижской ночи послѣ спектаклей, сказала мужу: «Не поужинать ли намъ?» — Ричардъ удивленно посмотрѣлъ на жену. Съ чего ей пришла въ голову такая фантазія? А ихъ поѣздъ, единственный ночной поѣздъ въ двѣнадцать часовъ пятьдесятъ минутъ, который еще застать надо на Ліонскомъ вокзалѣ? Они едва успѣютъ доѣхать. «Э, ну его этотъ поѣздъ!... Мы ночуемъ въ гостиницѣ», — и, въ то же время, она обвила вокругъ его шеи такія нѣжныя руки, прильнула къ его губамъ такимъ небывало сладкимъ поцѣлуемъ, что бѣдный мужъ избавилъ ее отъ обычнаго: «что скажетъ мама?» — и просто отвѣтилъ: «Поѣдемъ ужинать».

Чтобы все уже было для молодой женщины непредвидѣннымъ въ эту ночь, ея спутникъ, обычно робкій до того, что не осмѣливался одинъ войти въ магазинъ, ни заговорить съ прикащикомъ, проявилъ поразительную самоувѣренность и веселость, говорилъ «ты» слугамъ ночного ресторана, пилъ шампанское, не стѣсняясь, оказался такимъ мужемъ, какого она никогда не знала и какого впредь ей никогда не суждено было видѣть. Онъ былъ разговорчивъ и экспансивенъ, клялся каждый мѣсяцъ устраивать такой же маленький кутежъ, а если мамаша вздумаетъ что-либо возражать, то отправить маменьку къ ея бѣлкамъ, да!... такъ-таки прямехонько. Въ два часа ночи молодая чета путешествовала въ фіакръ по Парижу, ища пристанища, такъ какъ въ нѣкоторыя гостиницы ихъ не пустили, принимая за подозрительную парочку, что очень смѣшило обоихъ. Наконецъ, они пріютились въ улицѣ Монмартръ и сохранили объ отведенной имъ огромной комнатѣ съ облупленнымъ поломъ, съ продранною мебелью, неизгладимо-чуждое воспоминаніе.

Но на слѣдующій день надо же было вернуться въ Узелли. Слуги говорили шепотомъ, лица у всѣхъ были убитыя. «Мадамъ» лежала въ постели, больная, прождала всю ночь до утра. Цѣлую недѣлю потомъ она не выходила въ гостиную, и если простила Ричарду го продѣлку, то со снохой никогда уже не помирилась. Лидія пообовала разъ или два напомнить мужу про ихъ поѣздку, но бѣда приходилъ въ такой забавный ужасъ, такъ съезживалось все го лицо подѣ большущемо бородою, когда онъ шепталъ: «Да, вѣ, это уморить мамашу!» — что молодая женщина, изъ жалостн ѣ

его безсилію и изъ презрѣнія также, отказалась и отъ повторенія ихъ праздника, и отъ воодушевленнаго смѣлостью и рѣшимостью, блестящаго, влюбленнаго мужа, котораго она любила одну только ночь, всего одну ночь.

О генералѣ, съ его попытками на ухаживаніе, и слуха не было, — ни письма, ни визита. И мысль, что старый волокита, съ выцвѣтшими глазами и багровымъ румянцемъ, цѣлый вечеръ потѣшался надъ нею, счелъ ничего большаго не стоящему, казалась Лидіи настолько оскорбительною, что ей хотѣлось бы отомстить ему или пожаловаться на него. Но какъ это сдѣлать съ такою тряпкой, какъ ея мужъ? Только лишнюю досаду прибавлять ко всему прежнему и прятать ее въ душѣ, вмѣстѣ со многими печальными или унижительными воспоминаніями, какъ запрятано въ сундукъ ея платье, сшитое знаменитымъ портнымъ для одного вечера и никогда потомъ ненадѣванное, на которое она даже не посмотрѣла, чтобы не травлять горькихъ сожалѣній.

— Знаете, какое несчастье въ Гробургѣ? — спросила однажды вечеромъ Розина, разувая свою госпожу.

Генералъ, уже нѣкоторое время разнемогавшійся вслѣдствіе паденія съ лошади, которое хотѣли скрыть, только что перевезенъ въ свое помѣстье разбитый параличомъ. Розина Шюшенъ узнала объ этомъ отъ москѣ Александра, бывшаго эконома въ Гробургѣ, жившаго на проценты съ своихъ капиталовъ въ Узелляхъ, завитаго щеголя и отчаяннаго сердцаѣда, несмотря на свои лѣта и крашенные волосы. При такомъ извѣстїи, объяснявшемъ все, Лидіи уже не осталось никакого иного чувства, кромѣ большой жалости къ герою, сраженному въ разцвѣтѣ силъ, гордости, стремленій къ славѣ и почестямъ.

Немного времени спустя Ричардъ и Лидія ходили по лѣсу и на заросшей травю дорогѣ, шириной какъ разъ въ экипажный ходъ, встрѣтили на половину закрытое ландо, въ которомъ уныло сидѣлъ высокій старикъ, совсѣмъ сѣдой, неподвижный, погруженный въ думу, рядомъ съ молодымъ человѣкомъ въ очкахъ. «Видѣла, генералъ?» — тихо проговорилъ Ричардъ, котораго никогда не обманывали его зоркіе глаза охотника. Генералъ, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, усами, съ восковымъ цвѣтомъ лица, съ немощно лежащими руками! Лидія глазамъ не вѣрила. Но никакого сомнѣнія не могло оставаться тогда она увидала въ двадцати шагахъ отъ экипажа герцогиню, идущую тою же дорогой подъ руку съ сыномъ, княземъ Ольмюцкымъ, хорошенькимъ, безбородымъ и розовымъ юношей лѣтъ пятинадцати-семнадцати. Сильно измѣнилась и герцогиня со времени

ихъ встрѣчи въ Оперѣ, въ особенности же измѣнились ея тонъ и манеры. Она представила милымъ сосѣдямъ князя, своего сына, котораго зовутъ Шарлексисъ, слитыми въ одно именами его дѣда и отца: Шарль, Алексисъ. Учитель, сидѣвшій съ генераломъ въ ландо, подозвалъ молодого человѣка. Мать воспользовалась этимъ и заговорила свободнѣе. Бѣдному мальчику не весело живется въ Гробургѣ, а болѣзнь генерала вынуждаетъ всю семью провести здѣсь все лѣто. На бѣду случилось такъ, что ея отецъ заболѣлъ въ Вѣнѣ и ей необходимо поспѣшить къ нему. Поэтому она обращается ко всѣмъ друзьямъ и сосѣдямъ съ просьбой почаще бывать въ Гробургѣ, чтобы хоть немного поживѣе было вокругъ больного и развлекался бы Шарлексисъ, тоскливо переходящій отъ своего класснаго стола къ креслу недвижимаго отца. Было бы, поистинѣ, добрымъ дѣломъ со стороны Ричарда и его прелестной жены брать его съ собою на ихъ прогулки верхомъ, въ лодкѣ. Милый мальчикъ такъ любитъ всѣ удовольствія спорта, которыхъ, къ сожалѣнiю, не могутъ доставить ему ни его отецъ, ни его учитель.

— Вы будете иногда брать его съ собой, не правда ли?

По мшистой зеленой дорогѣ къ нимъ подходилъ князь, изящный и стройный, гордо поднявши кудрявую русую головку, и улыбки трехъ собесѣдниковъ говорили:

«Какъ онъ милъ!»

Издали, обращаясь къ герцогинѣ, онъ сказалъ:

— Добрая вѣсть, матушка... Увидавши мадамъ Ричардъ недалеко отъ ландо, генералъ узналъ ее и внятно выговорилъ ея имя. Это первое слово, которое ему удалось собрать. Мой учитель подозвалъ меня, чтобы сообщить объ этомъ.

Лидія Фениганъ почувствовала, какъ розовѣетъ ея лицо, что придало ей необыкновенный блескъ юности и свѣжести. Герцогиня пожала руку молодой сосѣдки и проговорила:

— Вотъ видите, ваше присутствiе чуда дѣлаетъ. Я очень рассчитываю на васъ обоихъ.

Съ этого дня, благодаря Шарлексису, установилась связь между Гробургомъ и Узеллями. Странный мальчикъ, изысканно вѣжливый и невозмутимый, съ такимъ же интересомъ слушалъ исторiи мадамъ Фениганъ о грабительствахъ бѣлокъ и садовниковъ, съ какою принималъ участiе въ кокетливости мадамъ Лиди, которой онъ давалъ совѣты относительно ея нарядовъ, шляпъ, бѣлья. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой-то отчаянный, сорви голова, любящій и ищущій опасности, тревожащій Ричарда своими безумствами, которыми онъ продѣлывалъ съ обычнымъ невозмутимымъ спокойствiемъ, ст-

измѣннымъ каменнымъ жесткимъ взглядомъ, сверкающимъ и непроницаемымъ. Добрый онъ или злой? Этого никто не зналъ. «Я не понимаю его»,—говорилъ учитель юноши, Жанъ Метцеръ. Правда, такой наставникъ, бывший профессоръ Лозаннскаго университета, который онъ покинулъ вслѣдствіе болѣзни горла, оказывался плохимъ знатокомъ людей, болѣе знакомымъ съ книгами, чѣмъ съ живыми существами. Теперь онъ поправлялъ свое здоровье этимъ деревенскимъ урокомъ, соединеннымъ съ удовольствіями долгихъ прогулокъ въ экипажѣ и занятій музыкой, вмѣстѣ съ Лидіей, такъ какъ Жанъ Метцеръ былъ превосходнымъ виолончелистомъ.

Гробургъ и Узелли понаслушались-таки за это время ноктурновъ и сонатъ. Длинный футляръ инструмента переправлялся черезъ рѣку въ лодкѣ старика Шюшена почти также часто, какъ и юный князекъ. По вечерамъ, во время нескончаемыхъ партій въ шахматы Ричарда съ матерью, нотариусъ изъ Дравейля, преемникъ Фенигана, старикъ Мериве, строитель церкви на шоссе, а иногда присоединявшіеся къ нимъ священникъ и членъ корбейльскаго суда составляли обычную аудиторію Лидіи и учителя. Вечеръ заканчивался угощеніемъ липовымъ цвѣтомъ, любимымъ напиткомъ старой хозяйки дома, подчивавшей имъ гостей, въ предупрежденіе простуды, передъ уходомъ ихъ среди ночи. Можно было подумать, что находишься за сто лье отъ Парижа, въ глухой провинціи, привывшей къ незатѣйливой и правильной жизни.

Насколько же иными были для Лидіи музыкальные сеансы въ Гробургѣ! Происходили они послѣ полудня въ одной изъ обширныхъ и высокихъ пріемныхъ комнатъ нижняго этажа, обтянутой полосатою, зеленою съ золотомъ, шелковою матеріей, отдѣланною деревомъ со временъ Людовика XIII, когда построенъ самый замокъ, съ окнами-дверями, выходящими на огромную террасу передъ великолѣпнымъ французскимъ садомъ, грандіознымъ, залитымъ свѣтомъ, гдѣ подъ яркими лучами солнца сверкали мраморною бѣлизной статуи, вазы, балюстрады на фонѣ замыкающихъ садъ безконечныхъ шпалеръ подстриженныхъ канделябровидныхъ деревьевъ. Со времени болѣзни мужа и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшей смерти отца герцогиня не жила въ Гробургѣ, занятая сложными хлопотами вслѣдствѣ въ Вѣнѣ и въ Будапештѣ, и замокъ казался унылымъ и покинутымъ. При первыхъ звукахъ рояля и виолончели, гулъ отдававшихся въ пустыхъ залахъ, слышалось легкое погромываніе катящегося по ковру кресла на колесахъ. Генералъ, къ которому вернулись память и способность говорить, вся интеллектуальная жизнь, но который, повидимому, былъ приговоренъ къ

вѣчной неподвижности, приказывалъ подвозить себя къ роялю и цѣлые часы проводилъ, слушая Баха, Бетховена, Шумана. Нерѣдко Лидія украдкой брошеннымъ взглядомъ видала, какъ больной, подъ вліяніемъ дѣйствовавшей на его нервы музыки, запрокидывалъ голову на спинку своего кресла, стараясь сдерживать крупныя капли слезъ, проступавшія на его ввалившихся глазахъ. И каждый разъ видъ молчаливаго отчаянія, огромнаго несчастія, за- таенно оплакиваемаго въ этой роскошной и печальной обстановкѣ, сжималъ сердце молодой женщины нѣжною тревогой.

О томъ, что было въ Оперѣ, не было сказано ни слова, ни намека, ни имъ, ни ею. Иногда, оставшись наединѣ съ нею у рояля, онъ бралъ руку Лидіи, съ минуту держалъ ее въ своихъ дрожащихъ рукахъ. И эта немощная ласка, настолько непохожая на грубое сжиманіе, которымъ онъ томилъ ее цѣлый вечеръ, наполняло Лидію очень сладкою грустью. Долго это вводило ее въ заблужденіе, и, довѣрчиво отдаваясь чисто-платоническому чувству, она думала, что, сопровождая мужа въ Гробургъ, бываетъ тамъ ради больного. Но онъ первый увидалъ все ясно и въ раздраженіи ей объяснилъ:

— Вашъ мужъ, должно быть, не ревнивъ?

Она кокетливо улыбнулась.

— Къ кому же ревновать?

— Да къ мальченокъ, смѣю думать! Не видите вы развѣ, какъ онъ бродитъ вокругъ васъ, подкарауливаетъ на дорожкахъ сада, прислушивается къ шелесту вашего платья на поворотахъ въ аллеи?

Онъ говорилъ рѣзко и запинаясь отъ легкой афазіи, вернувшейся въ припадкѣ ревности. Лидія попыталась обратить все въ шутку. Вѣдь, онъ, просто, еще ребенокъ. Кто же думаетъ о женщинахъ въ семнадцать лѣтъ? Навѣрное, она должна ему казаться чѣмъ-то вродѣ бабушки. Но герцогъ стоялъ на своемъ, отрицательно качалъ головой, судорожно сжималъ руки на своихъ безжизненныхъ колѣняхъ.

— Берегитесь, мальчишка далеко не новичокъ. У него тамъ наверху, цѣлый ящикъ набитъ письмами женщинъ. Скажите вашему мужу, чтобъ онъ попросилъ его показать. А, звѣренокъ аю началъ, умѣетъ подбираться къ женскимъ сердцамъ! У него, рочемъ, какъ говорить его учитель, есть *кавата*.

Имѣть *кавату*, на языкѣ віолончелистовъ, значитъ вла- вѣть смычкомъ съ тою плѣнительностью, которая сообщаетъ тре- ть глубокимъ звукамъ, заставляетъ дрожать струны и нервы с- па-

телей. У юноши была *кавата*, и Лидія бессознательно поддавалась таинственному очарованію. Предупрежденная генераломъ, она рѣшила быть осторожнѣе. Но возможно ли это съ такимъ милымъ и нѣжнымъ мальчикомъ, почти неотлучнымъ и неопаснымъ? Они вмѣстѣ катались въ лодкѣ, на рыбной ловлѣ ихъ голыя руки сплетались въ только что вынутыхъ изъ воды вершахъ. Цѣлыми часами они сидѣли на охотѣ въ засадѣ, рядомъ, прижавшись другъ къ другу, въ потемкахъ подъ деревьями. Разговоры велись чуть слышно, мелкій осенній дождь шелестилъ листьями. Мальчикъ зябъ, Лидія укрывала его половиной своего широкаго плаща. Окончательно успокаивало молодую женщину то, что Ричардъ былъ всегда не далеко и говорилъ про Шарлексиса: «Это нашъ сынокъ», не замѣчая, какъ эти слова всякій разъ подновляютъ затаенное горе его жены, ея печаль о томъ, что нѣтъ у нихъ дѣтей. Добрякъ Ричардъ неловокъ былъ до геніальности и первый приходилъ въ восторгъ отъ безстрашной ловкости юноши. «На все онъ молодецъ!» — говорилъ про него Ричардъ. Но въ характерѣ Лидіи было столько правдивости и гордости, что это охраняло ее отъ банальной измѣны мужу. Для этого нужна была неожиданность, нѣчто непредвидѣнное, противъ чего женщина защищается плохо, не имѣя времени ни для колебаній, ни для рассужденій.

Разъ вечеромъ въ воскресенье, около конца сентября, обычные слушатели музыки были очень удивлены появленіемъ Жана Метцера безъ віолончели и безъ ученика. Учитель былъ сильно разстроены, голосъ измѣнялъ ему больше, чѣмъ всегда... Шарлексисъ уѣзжаетъ, завтра поступаетъ въ коллегію Станислава готовится къ экзамену въ Сень-Сиръ. Генералъ совершенно нежданно порѣшилъ это, и молодой человекъ, послѣ короткаго и рѣзкаго объясненія съ отцомъ, шелъ проститься съ своими друзьями Фениганами, но вдругъ въ десяти шагахъ отъ ихъ дома онъ погинулъ учителя, сказавши, что слишкомъ тяжело у него на душѣ, и поручилъ всѣмъ передать его горе и увѣренія въ искренней дружбѣ. Въ залѣ послѣдовалъ общій взрывъ сожалѣній, нѣжныхъ словъ. Всѣ обожали милаго князька. Мадамъ Фениганъ негодовала на генерала за то, что онъ такъ распоряжается въ отсутствіе герцогини.

- Всегда она въ отсутствіи! — ворчалъ обозлившійся Ричардъ, чуть не опрокидывая шахматный столикъ.

- А милѣйшій учитель Жанъ? — спросилъ Мериве, забывшій отъ оленія положить сахаръ въ свой липовый цвѣтъ. — Неужели мы его лишимся?

Совершенно сдавленнымъ голосомъ учитель отвѣтилъ, что ему предлагають остаться въ Гробургъ въ качествѣ... въ качествѣ...

— Регента пѣвчихъ?—подсказалъ Мериве.

— Именно,—подтвердилъ бѣдняга, краснѣя отъ стыда.—И я соглашаюсь въ надеждѣ видать моего милаго ученика во время отпусковъ разъ въ мѣсяць.

— Какъ?—отозвались всѣ хоромъ.—Только разъ въ мѣсяць? Это варварство!

Лидія слушала молча, хотя болѣе всѣхъ была взволнована отъѣздомъ князя: она догадывалась, что есть въ томъ доля и ея вины, и если страстная ревность генерала разжигала ея гордость, то сжимающее сердце чувство, вызванное этою разлукой, не безъ основанія изумляло ее. Неужели, вправду, она любитъ этого мальчика? Но, въ такомъ случаѣ, что же такое ея флиртъ съ его отцомъ?... Пока она старалась разобраться въ своихъ сложныхъ чувствахъ, вечеръ тянулся уныло, а въ десять часовъ всѣ поднялись уходить. Ричардъ зажегъ большой фонарь и спросилъ:

— Лидія, пойдешь провожать маэстро Жана?

Ночь была очень темная, гудѣлъ вѣтеръ. Плохо закрѣпленный ставень погромыхивалъ объ стѣну. Почему Лидія, готовая во всякое иное время съ удовольствіемъ проѣхаться по рѣкѣ, взбудораженной осеннимъ вѣтромъ, на этотъ разъ не приняла приглашенія мужа? Инстинктъ ли, предчувствіе удержали ее, или простое желаніе остаться одной въ своей комнатѣ, подумать о неожиданномъ горѣ? Лидія сошла съ крыльца, вмѣстѣ съ гостями, проводила ихъ за ворота до дороги, потомъ направилась къ закрытому шпалерами ходу, въ концѣ котораго свѣтилась желтымъ пятномъ лампа, горящая въ нижнемъ этажѣ павильона. Молодая женщина шла тихо, точно во снѣ, а вѣтеръ крутилъ вокругъ нея юбку легкаго платья, гналъ массу сухихъ листьевъ, шелестъ которыхъ производилъ такое впечатлѣніе, будто кто-то слѣдуетъ за нею, крадется по пятамъ. Два или три раза она оглядывалась, слышала произнесенное шепотомъ свое имя:

— Лидія... Лидія...

Безъ малѣйшаго страха она протянула руки впередъ и пошла прямо къ скамейкѣ, откуда раздавался хорошо знакомый голосъ.

— Шарлей!... вы?...

Онъ уже два часа поджидалъ ее, караулилъ, чтобы проститься съ нею, съ нею одной. Какъ онъ дрожалъ, милый, бѣдный мальчикъ! Его голосъ обрывался отъ слезъ, отъ настоящихъ дѣтскихъ рыданій, которыя Лидія пыталась остановить, зажимая ему ротъ.

рукой и вружевомъ накинутой на голову косынки. Наконецъ, изъ опасенія, что его могутъ услышать изъ павильона, она ушла съ нимъ въ глубину темнаго парка. Но скоро выпущенныя собаки начали свой ужасный лай.

— Въ избу, — тихо проговорилъ юный князекъ.

Избой называли маленькую кладовую для садовыхъ инструментовъ, которую Ричардъ приспособилъ для храненія своего оружія, приказавши выстрогать и отполировать потолокъ и сосновыя доски, облицовывавшія внутреннія стѣны, что, вмѣстѣ съ циновками, брошенными на полъ, и мебелью, покрытою восточными коврами, какъ будто походило на что-то русское.

О, если бы Лидія могла видѣть улыбку Шарлея, когда они входили въ избу, куда онъ предательски заманивалъ молодую женщину! Но, увлеченная заботой утѣшить его и успокоить, могла ли она заподозрить такое, не по лѣтамъ раннее, коварство? Дверь скрипнула, гонимые вѣтромъ листья слѣдомъ за ними пронеслись въ темноту вплоть до широкаго дивана, надъ которымъ красовался трофей изъ мечей съ блестящими рукоятками. Не слыша болѣе шаговъ, собаки смолкли.

Все время, что Шарлексисъ пробылъ въ коллегіи Станислава, въ этой избѣ происходили ихъ свиданія, опасныя и рѣдкія, разъ въ мѣсяцъ, ночью съ субботы на воскресенье, когда юноша пріѣзжалъ въ отпускъ. Какъ только всѣ укладывались спать въ Гробуртѣ, князь переправлялся черезъ рѣку, передѣлалъ черезъ стѣну сада, незамѣтно проскальзывалъ до кладовой, гдѣ оставался до разсвѣта, и тою же дорогой возвращался домой. Каждый разъ онъ рисковалъ жизнью. Съ своей стороны Лидія подвергалась еще болѣе опасности, прокрадываясь изъ алькова, изъ общей супружеской спальни на свиданіе съ любовникомъ. Возвращаясь запылавшись отъ бѣга, въ пеньюарѣ, измоченномъ росой или изморозью, она каждое утро ожидала, что на порогѣ павильона ее встрѣтитъ мужъ ужаснымъ вопросомъ: «Ты откуда?» Лидіи даже нравилась опасность: она какъ будто скрашивала низость измѣны, постояннаго обмана, особенно возмущавшаго ее. Ей случалось даже выдумывать такія отчаянныя штуки, которыя, въ концѣ-концовъ, пугали самого юношу.

1 одно изъ такихъ свиданій Лидія пожелала, чтобы Шарлексисъ, приглашенный къ нимъ завтракать на слѣдующее утро, остался ночевать въ избѣ на диванѣ, и утромъ принесла ему рубашку своего мужа, чтобы онъ не показывался въ измятомъ бѣльѣ. Было частаяшимъ чудомъ, что ихъ не захватили сотню разъ, такъ

какъ слуги, за исключеніемъ Розины, дочери Шюшена, нанавидѣли безродную нищую, сдѣлавшуюся женою ихъ господина. Чего бы не дали они за то, чтобъ изловить ее на такомъ дѣлѣ! Нѣтъ, ничтго не видалъ, ничего не подозрѣвалъ. Сторожевыя собаки, быть можетъ, знали кое-что, но ихъ свидѣтельство оказывалось невразумительнымъ. Одинъ только паралитикъ, генераль, сидя въ своемъ креслѣ, угадалъ все безъ тѣни шпионства. Теперь, когда Лидія являлась въ Гробургъ въ дни, назначенные для музыки, насмѣшливый и горькій взглядъ встрѣчалъ ее, преслѣдовалъ, стѣснялъ въ особенности при учителѣ, котораго онъ могъ навести на подозрѣнія. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда не бывало въ комнатѣ ни учителя, ни Ричарда, больной ласкалъ ея руку и тихо, нѣжно укорялъ молодую женщину:

— Я васъ предупреждалъ, однако... Онъ не любитъ васъ и никогда не полюбитъ... А вышло вотъ что... Есть у него *кавата*, есть *кавата*...

Лидія притворялась ничего непонимающею, широко раскрывала красивые наивные глаза, но онъ упрямо продолжалъ настаивать. О своей страсти онъ говорилъ не иначе, какъ тономъ сожалѣнія о чемъ-то далекомъ и навсегда потерянномъ.

Разъ какъ-то онъ говорилъ:

— Изъ всего, чѣмъ мнѣ пришлось пожертвовать, что разбито и отнято у меня, я оплакиваю только васъ. И какъ подумаю, что вы принадлежите моему сыну... О!

Въ другой разъ:

— Когда онъ приходитъ отъ васъ, какъ онъ ни скрывается отъ меня, я угадываю это по его походкѣ, по запаху вашихъ духовъ. И это такое мученіе, такая пытка... Тогда я начинаю жалѣть, что не страдаю отъ болѣзни еще болѣе. По крайней мѣрѣ, боли отвлекли бы меня, я не сталъ бы думать непрерывно объ одномъ и томъ же, объ ужасной ревности, которая сводитъ меня съ ума.

Вначалѣ весны герцогиня пріѣхала за мужемъ, чтобы везти его въ Тироль на воды, про которыя чудеса рассказывали. Большой долженъ былъ выдержать двойной курсъ. Прикрывая свою ревность тѣмъ предлогомъ, что близятся экзамены и необходимы усиленные занятія, генераль рѣшилъ, что Шарлексисъ все это время проведетъ въ школѣ безвыходно, несмотря на предложеніе Ричарда брать къ себѣ молодого князя на время отпусковъ. Шарлексисъ покори́лся безъ малѣйшаго возраженія. Онъ давно мечталъ о большомъ путешествіи на яхтѣ вокругъ свѣта и, чтобы добыть денегъ для осуществленія своей затѣи, обрати... в

бывшаго метръ-д'отеля герцогини. Юноша предполагалъ пуститься въ плаваніе не въ одиночествѣ, а убѣдить Лидію ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и для этого ему достаточно было написать ей нѣсколько довольно искусно сочиненныхъ писемъ, — ловко поиграть педалью на тѣхъ или иныхъ струнахъ женскаго сердца, всѣ вибраціи которыхъ были ему хорошо знакомы. Передъ бродяжническими и кыганскими инстинктами безродной сироты онъ развѣтывалъ павораму чудесъ и приключеній долгаго плаванія, раскрывалъ небо, невѣдомые горизонты. Чтобы польстить ей тщеславію незаконнорожденной и зная романы, которые она измышляла о своемъ таинственномъ происхожденіи, Шарлексисъ писалъ ей: «Неужели текущая въ твоихъ жилахъ аристократическая кровь не возмущается въ этой средѣ отупѣлаго мѣщанства, низкаго скаредничества?» Несмотря ни на что, Лидія, все-таки, съ недовѣріемъ относилась къ нему, къ его молодости, задумывалась передъ отчаяніемъ его матери, передъ горькою усмѣшкой генерала. Одно ничтожное обстоятельство уничтожило ея колебанія.

— Кто вамъ это передалъ? — спросила она Розину, когда та украдкой сунула ей первое письмо князя.

Горничная покраснѣла.

— Мосьё Александръ... вамъ это, однимъ вамъ...

Съ этой минуты Лидія почувствовала себя во власти дворни. Бывшій лакей, при встрѣчахъ съ Лидіей, строилъ таинственныя рожи сообщника. Она была поставлена въ необходимость дѣлать видъ, будто не знаетъ про его отношенія къ Розинѣ, такъ какъ въ собственный секретъ былъ въ рукахъ обоихъ. Рано или поздно, по ихъ неосторожности или по злобѣ, разразится скандалъ, лучше уже было не дожидаться этого. Она написала своему любовнику: «Когда захочешь». Отвѣтъ: «Завтра утромъ, въ пять часовъ, у лѣсной калитки».

Последній день въ домѣ Фенигановъ ничѣмъ не разнился отъ всѣхъ другихъ дней. Вечеромъ игра въ шахматы и музыка. Вернувшись въ павильонъ ровно въ десять часовъ, пока Ричардъ клался спать, Лидія въ своей уборной нацарапала нѣсколько трогательныхъ объясненій ей, что уходитъ изъ дому безъ денегъ, безъ чемодана и узла, лишь въ томъ, что на ней надѣто. «Вы взяли меня безъ ничего, безъ ничего я и ухожу... Я была въ тѣмъ, — убѣгаю на свободу». Она сняла совсѣмъ новый пенъ-артъ изъ голубаго фуляра съ гипюромъ и швырнула его Розинѣ, и неописуемому изумленію горничной.

— Чѣмъ дарить мнѣ?

— Да, возьмите.

Затѣмъ она преспокойно легла, проспала до разсвѣта, когда мужъ отправился на рыбную ловлю, и ровно въ пять часовъ была въ дальней части парка у калитки, растворенной настѣжъ, но не передъ ожидаемымъ экипажемъ, а передъ телѣгой торгаша, на которую садовники укладывали корзины съ овощами и фруктами. Вотъ такъ бѣлки!...

Появленіе Лидіи произвело чисто-сценическій эффектъ. Телѣга исчезла въ лѣсу, садовники — въ чащѣ парка, на мѣстѣ осталась лишь одна корзина, забытая у калитки. Какъ бы расхохоталась бѣглянка, если бы для нея самой этотъ моментъ не былъ настолько драматиченъ! Но она спѣшила къ скрытой на половину деревьями каретѣ, запряжка и кучеръ которой были ей хорошо знакомы. Изъ канавы на встрѣчу Лидіи поднялся старый бродяга. Въ этомъ грязномъ и оборванномъ нищемъ съ всклокоченною бородой молодая женщина узнала старика Жоржа, наводившаго на нее такой ужасъ во время ея дѣтства. Она тотчасъ же рѣшила отдать ему письмо къ свекрови.

— Снеси это туда въ домъ.

Онъ взялъ письмо и не двинулся съ мѣста, склонивши на бокъ голову и загоразивая дорогу красавицѣ, съ которой не спускалъ своихъ часто мигающихъ глазъ. Она подумала, что онъ ждетъ платы за данное ему порученіе.

— У меня нѣтъ денегъ, тебѣ тамъ заплатятъ.

Онъ, повидимому, не понявъ, продолжалъ стоять неподвижно и только шевелилъ губами какія-то невнятные слова. И только когда Лидія отстранила его рѣзкимъ движеніемъ, чтобы пройти, и скрылась за кустарникомъ на поворотѣ, онъ повернулъ въ противоположную сторону и побрелъ съ глухимъ рычаніемъ, похожимъ на стонъ, не вырвавшійся изъ сдавленнаго горла.

IV.

Ревность.

Противъ павильона, на углу дороги въ Корбейль и переулка, ведущаго въ поле и спускающагося къ Сенѣ между виноградниками, стоитъ у стѣны стариннаго парка хорошо знакомый пѣгеходамъ фонтанъ-колонка съ привѣшеннымъ на цѣпочкѣ жестянымъ стаканомъ. Первый звукъ, дошедшій до Ричарда, когда онъ очутился отъ безпамятства, продолжительности котораго онъ не могъ предѣлать, былъ звонъ этого стакана, выпущеннаго изъ рукъ про-

хожимъ, только что напившимся изъ него. Услыхавши знакомый съ дѣтства звукъ, Ричардъ улыбнулся, открылъ глаза и съ своей постели, въ полутемной комнатѣ со спущенными занавѣсками, увидалъ отраженную на бѣломъ потолкѣ, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, крошечную тѣнь путника, берущагося за свою сумку послѣ остановки у фонтана.

— О, дорога!—проговорилъ Ричардъ вслухъ, довольный тѣмъ возвратомъ сознанія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вернулось и воспоминаніе о постигшей его бѣдѣ. Ему стало холодно, стало страшно, и онъ инстинктивно закрылъ опять глаза, какъ бы для того, чтобы снова впасть въ безпамятство, забыть обо всемъ. Но его закрытые глаза видѣли, его закутанныя одѣяломъ уши слышали все одинъ и тотъ же ужасъ: появленіе его матери у входа подъ шпалеру, ея крикъ:

— Лидія уѣхала!

По странной аномаліи, ревность, отъ которой ему пришлось позднѣе выстрадать такъ много, что онъ послужилъ типомъ для этого ѣтюда человѣческой страсти, не сразу дала почувствовать свои когти и свое острое жало безпощадной химеры этому очень простому и очень мягкому, но чисто-инстинктивному существу. Когда онъ узналъ, съ кѣмъ уѣхала Лидія, — съ Шарлеемъ, съ его матросомъ, какъ самъ мальчикъ называлъ себя, съ задушевнымъ его другомъ, — то, конечно, ударъ показался ему тяжелымъ, похожимъ на рану въ животъ, предательскую рану снизу вверхъ, самая неожиданность которой ослабляетъ первую боль. «Онъ... онъ могъ!»... Мимолетная вспышка пробѣжала по его лихорадочно-блѣдному лицу, туманъ пронесся передъ его глазами добродушной собаки, и только. Муки ревности явились позднѣе, ударили въ догонку и тогда уже довели до горячешнаго бреда. Въ данную же минуту все рушилось въ огромную черную пропасть, раскрывшуюся у его ногъ, куда онъ вглядывался, ничего не понимая... Уѣхала?... Почему? Что сдѣлали ей?... Стало быть, она не любила его, когда онъ любилъ такъ сильно?

Сидя у окна, передъ знакомыми видами, гдѣ все напоминало ему Лидію, онъ во все время выздоровленія думалъ только одно: «Что же такое случилось?» Онъ хотѣлъ прочесть письмо, которое она оставила, уѣзжая. Но мать не давала ему этого письма... Позднѣе, когда онъ совсѣмъ оправится. Въ письмѣ есть вещи, которыя причинять ему слишкомъ большія страданія, могутъ вызвать новый припадокъ... А эта негодница тамъ будетъ въ восторгѣ отъ той

На самомъ дѣлѣ письмо Лидіи настолько категорически обвиняло свекровь, дышало такимъ негодованіемъ и такою искренностью, что мать пугалась отчаянія и, быть можетъ, гнѣва сына, влюбленнаго въ жену послѣ восьми лѣтъ супружества, какъ въ первый день брака. И вотъ самое постоянство этой любви въ особенности раздражало почтенную женщину. Какъ для множества французенокъ, — неизмѣримо болѣе нѣжныхъ матерей, чѣмъ любящихъ женъ, переносящихъ на ребенка всю силу своихъ чувствъ, которыми не хотѣлъ или не умѣлъ пользоваться мужъ, — для матери Ричарда страстная любовь имѣла значеніе лишь аксессуара, пригоднаго въ романѣ и на сценѣ, а жизнь съ мужемъ была только низменной ассоціаціей. Могла ли такая женщина объяснить себѣ силу страсти, которую она видѣла во взорахъ сына столь же пламенною послѣ многихъ лѣтъ, какъ въ то время, когда слезы его обливали окно избы?

— По правдѣ сказать, не понимаю я васъ, мужчинъ, — говорила мадамъ Фениганъ, вода и поддерживая сына на первой его прогулкѣ по парку. — Вы одновременно можете любить и презирать... Хоть тебя взять, ты все еще думаешь о негодяйкѣ, которая обманула тебя, живетъ съ другимъ, сдѣлала тебя посмѣшищемъ всей округи.

Мать почувствовала, какъ дрогнула рука сына, опиравшагося на ея руку, но продолжала суровымъ тономъ, глядя незнающими пощады глазами оператора:

— Вся ихъ исторія доподлинно извѣстна, представь только это... Свиданія ихъ бывали у насъ же въ домѣ. Онъ являлся по ночамъ, перелѣзалъ черезъ стѣну.

— Войдите сюда, мама, я совсѣмъ разбитъ, — прошепталъ Ричардъ, отворяя дверь русскаго домика.

Фениганъ опустился на диванъ всею тяжестью своего измученнаго тѣла. Ослабѣвшія пружины дивана скрипнули, и одна и та же мысль вызвала краску на лица матери и сына.

— Ради собственнаго достоинства, ради твоего имени, милосердїя мое, не думай ты больше объ этой женщинѣ... обѣщай мнѣ забыть ее.

Она сдвинула съ мѣста подушку, чтобы сѣсть ближе къ сыну. Забытыя подъ нею головныя шпильки попались подъ руку мадамъ Фениганъ. Она собрала ихъ и съ отвращеніемъ выбросила наружу. Послѣдовало долгое молчаніе, во время котораго черезъ отворенную дверь влетѣла ласточка, черкнула крыломъ, точно вѣромъ по бревнамъ, и упорхнула, какъ вапризъ женщины.

— Обѣщай мнѣ... — повторяла мать, сильно взволнованная.

Ричардъ отвѣтилъ:

— Да, хорошо, я обещаю, но съ однимъ условіемъ... Я хочу знать, требую, чтобы ты мнѣ сказала, гдѣ они.

Она испугалась того, что слишкомъ сильно растрогала самолюбіе и злобу сына.

— Знать, гдѣ они... Зачѣмъ? Что ты хочешь дѣлать?

— Ничего, простое любопытство.

— Но я сама не знаю, увѣрю тебя.

— Хорошо. Тѣ, гробургскіе, вернулись. Тамъ я добьюсь отвѣта.

Изъ боязни скандала мадамъ Фениганъ общалась сама отпра-виться за справками къ д'Алькантара, ей придется поплатиться только мигренью, какъ всякій разъ, когда она надѣвала шляпку.

Черезъ два дня она вышла изъ экипажа передъ громаднымъ крыльцомъ Гробурга и застала герцогиню за интимною и оживленною бесѣдой съ мосье Александромъ. Сердце посѣтительницы похолодѣло отъ его насмѣшливо-почтительнаго поклона.

— Я еще увижу васъ, Александръ...— сказала герцогиня, вводя гостью въ маленькій угольный салонъ, обитый старинною шелковою матеріей.

— Чему мы обязаны столь любезнымъ посѣщеніемъ, госпожа нотаресса?— проговорила хозяйка тономъ притворнаго и высоко-мѣрнаго расположенія.

Нотаресса, сразу такъ ловко озадаченная своимъ титуломъ, совсѣмъ растерялась отъ такого приѣма, въ виду всего, брайне тя-желаго и еще не высказаннаго между ними.

— Мой сынъ, Ричардъ, чуть не умеръ...

— А, неужели?... вотъ какъ?... а я и не знала.

— Какъ, вы не знали, что мой несчастный сынъ...

— Боже мой, моя милая, подобные сюжеты настолько ще-котливы...

Она водила флакономъ съ солями подъ своимъ типическимъ еврейскимъ носомъ.

— Этотъ сюжетъ касается васъ довольно близко, однако,— тихо сказала мадамъ Фениганъ.

И вдругъ, увлеченная своимъ материнскимъ негодованіемъ, она в сѣлигнула:

— Ахъ, герцогиня, какое огромное несчастье, что мой сынъ сшелся съ вашимъ!

Маленькая головка съ волосами лимоннаго цвѣта выпрямилась съ злымъ смѣхомъ.

— Ужь не думаете ли вы обвинить Шарлексиса въ похищеніи

вашей снохи? Моему сыну едва минуло восемнадцать лѣтъ, онъ былъ еще въ школѣ...

Растворилась дверь, изъ амфилады пріемныхъ комнатъ появилась жалкая, исхудалая фигура генерала, тяжело опирающагося на ручку своего кресла, чтобы бросить г-жѣ Фениганъ такую дерзкую фразу:

— Я же добавлю, сударыня, что нашъ невинный младенецъ уѣхалъ, занявши сто тысячъ франковъ, за что мы, конечно, поплатимся вдвое, тогда какъ его Даная хвалится тѣмъ, что убѣжала въ одной рубашкѣ, которая была у нея на плечахъ.

Въ то время, какъ онъ говорилъ, старинное зеркало надъ каминомъ маленькаго салона отражало вздрагиваніе его длинныхъ усовъ, передергиваемыхъ улыбкою бѣшенства, и отчаянныя движенія, которыя выдѣлывалъ смычкомъ виолончели учитель Жанъ, стоя позади кресла больного. Мадамъ Фениганъ поднялась съ большимъ достоинствомъ и, улыбаясь, проговорила:

— Пожелайте же вашему сыну никогда не встрѣтиться лицомъ къ лицу съ моимъ.

Генералъ вздрогнулъ, герцогиня поспѣшила его успокоить:

— Пустое это!... Одинъ въ департаментѣ Сены и Уазы, другой на пути въ Индію, — встрѣтиться не рискуютъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ только мадамъ Фениганъ сѣла въ карету и экипажъ удалялся въ конецъ аллеи, москѣ Александръ былъ позванъ въ маленькій салонъ.

— Александръ!

— Что прикажете?

— Смотрѣть за этимъ Ричардомъ... понимаешь? Если вздумаетъ уѣхать, вали слѣдомъ и давай знать обо всемъ.

Герцогиня добавила:

— Что же касается расходовъ моего сына, сколько бы онъ ни потребовалъ, обращайтесь прямо ко мнѣ.

Бывшій метръ-д'отель поклонился чуть не до земли и вышелъ изъ Гробурга сіяющей и злобѣщей.

Въ то же время, приподнявши свои широкія плечи, Ричардъ бѣшено шагалъ по своей гостиной и слушалъ рассказъ мадамъ Фениганъ, подавленной негодованіемъ, немощно опустившейся въ кресло и положившей на колѣни старомодную шляпку. Стиснувъ зубы, онъ выждалъ конца разсказа, потомъ остановился перѣ матерью, приподнял ее, прижалъ къ своей груди и въ избыткѣ нѣжности, довольно рѣдкомъ у такого сдержаннаго человѣка, поговорилъ:

— Теперь конец. Твоя правда, ничего эта женщина не стыдиться и пусть себя отправляется куда ей угодно, никогда мы о ней говорить не будем.

Онъ говорилъ это отъ всей искренности своей злобы, терзаясь мыслью, что Лидія увлекла, похитила и развратила школьника. Въ первый разъ онъ сообразилъ, насколько это потѣшно и омерзительно, и дивился тому, какъ, живя вмѣстѣ, такъ долго не замѣчалъ, что она, просто, больная, истеричная женщина. За подтвержденіями онъ обращался къ матери, и та поддерживала, укрѣпляла въ немъ эту мысль, восхищенная своимъ вновь завоеваннымъ положеніемъ.

— Это уже, видишь ли, сыночекъ, наша вина... Мы разыскали ее въ воспитательномъ домѣ. Это избавляетъ отъ неудобствъ возиться съ женщиною родней, за то получаешь жену безъ всякаго прошлаго, безъ ручательства, окруженную таинственностью, неизвѣстнымъ, со всѣми возможными наслѣдственными изъянами. Эта дѣвчонка набила себѣ въ голову, будто она аристократическаго происхожденія... Это ей натолковали въ монастырѣ. Только, какъ бы тамъ ни было, ея аристократизмъ пустилъ ей въ жилы довольно много всякой северности... Обними ты меня, лучше, и забудемъ мы о ней.

Это онъ и попытался сдѣлать, утомляя себя до изнеможенія, чтобы вечеромъ повалиться на постель и уснуть, какъ убитый. Конечно, еслибъ онъ женился на доброй хозяйкѣ, какою была его мать, вѣчно занятая своимъ садомъ, шкафами, бѣльемъ, вареньемъ, Ричардъ, быть можетъ, разогналъ бы свое горе жизнью внѣ дома. Но Лидія, не имѣя ни дѣтей, ни заботъ по хозяйству, всюду сопровождала мужа, неразлучно съ нимъ была на охотѣ, на рыбной ловлѣ, и когда онъ задумалъ убѣжать отъ воспоминаній о ней, онъ встрѣчалъ ихъ на каждомъ шагу, живыми и неотступными, какъ тѣнь его исчезнувшаго счастья.

Въ первый разъ, по уходѣ жены, онъ закинулъ свою сѣть между Ри и Жювизи, недалеко отъ берега. Въ водѣ, очень тихой въ томъ мѣстѣ, отражался въ опрокинутомъ видѣ трактиръ, одиноко стоявшій у самаго бечевника, крытый соломой и бывшій когда-то парою станціей.

— Что, въ траву, должно быть, заѣхали? — спросилъ Шюшнъ, сидѣвшій на веслахъ и удивившійся неподвижности хозяина.

Ричардъ не отвѣтилъ. Въ эту минуту передъ нимъ вновь ожила одна изъ сценъ его жизни съ Лидіей, происходившая на этомъ

самомъ мѣстѣ. Гроза и ливень хлестали рѣку, небо было черно, вода заливала лодку. Лидія вскрикивала и смѣялась подъ дождемъ, одинъ башмакъ свалился съ ея ноги, упалъ въ воду, при выходѣ на берегъ. Потомъ—зала трактира, длинная и мрачная, гдѣ салныя свѣчи, воткнутыя въ пустыя бутылки, освѣщали свирѣпыя лица каменщиковъ, землекоповъ, пастуховъ, тоже застигнутыхъ ождемъ и просушивавшихъ свои широкіе плащи передъ пылающимъ хворостомъ, у котораго грѣлась вся измокшая Лидія и выжимала свои волосы, потѣшаясь разгоравшимися на нее взглядами этихъ озвѣрѣлыхъ людей, сдерживаемыхъ на почтительномъ разстояніи внушительною фигурой и увѣсистыми кулаками ея спутника.

— Тутъ вода слишкомъ чиста, старикъ, поднимемся за мостъ,—сказалъ Ричардъ измѣнившимся голосомъ.

Подъ сильными взмахами весель Шюшена, зеркало, отражавшее прибрежный трактиръ, разбилось вдребезги, исчезнувши въ глубинѣ рѣки, вмѣстѣ съ вызванными имъ воспоминаніями. Лодка остановилась у Воробьиного острова, отличнѣйшаго мѣста для ловли приволокой, но хозяинъ былъ рѣшительно не въ ударѣ на этотъ разъ.

На одной изъ оконечностей островъ двоится, берега расходятся, образуя удлиненный полукруглый заливъ, съ чистымъ песчанымъ дномъ, съ тихою прозрачною водою, двумя наклонившимися и густо разросшимися ивами. Лидія называла это мѣстечко своею купальной. Лодка Ричарда съ развернутымъ парусомъ прикрывала заливчикъ со входа, ивы служили занавѣсомъ со стороны берега, и Лидія брала тутъ уроки плаванія. При раздѣваніи, при выходѣ изъ воды такъ же звенѣлъ ея смѣхъ, легкіе крики испуга при малѣйшемъ прикосновеніи къ ея обнаженному, розовому тѣлу вѣтки кустарника или вьющагося надъ водою насѣкомаго. Воспоминаніе объ этомъ восхитительномъ тѣлѣ, раздражающее сознаніе утраты,—вотъ все, что получилось въ результатъ долгой стоянки у Воробьиного острова.

— Чудное это дѣло,—говорилъ вечеромъ въ кухнѣ отецъ Розины, Шюшенъ,—съ такимъ печальнымъ лицомъ, какое у мосье Ричарда, онъ, не переставая, пѣлъ во все время рыбной ловли.

На самомъ дѣлѣ, отдаваясь единственному и дорогому воспоминанію, онъ машинально повторялъ мотивъ Перголеза, играннѣйшимъ учителемъ Жаномъ и Лидіей, вслухъ воспроизводилъ въ тактъ басы своими «пумъ-бумъ», аккомпанируя ими дивной пѣснѣ, звучавшей въ его головѣ, наполнявшей его сердце.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни повторялось то же самое. Во всѣхъ закоулкахъ и изгибахъ рѣки ему чудился любимый образъ, гдѣ бы и въ какой бы то часъ ни было, подъ утреннимъ туманомъ, густымъ настолько, что направлять лодку можно было только прислушиваясь къ плеску воды о мостовыя сваи, или вечеромъ, когда огни барокъ скользятъ въ сумракѣ надъ самою поверхностью воды, и на Іерѣ, и на Оржи, хорошенькихъ притокахъ Сены, окаймленныхъ зелеными берегами, группами деревьевъ и цвѣтовъ, прачешными плотами, старинными аббатствами, превращенными въ мельницы. Тотъ же неотступный образъ видѣлъ онъ подъ своимъ весломъ, — стройный и свѣжій, какъ водяное растеніе, съ его зелено-вато-бѣлою окраской, недоступною солнцу и загару.

Лѣсъ тянулся вдоль рѣки. Ричардъ бинулся въ лѣсъ, чтобы уйти отъ призрака, преслѣдовавшаго его на водѣ. Но и въ лѣсу, въ заросляхъ кустарниковъ, на перекресткахъ зеленыхъ дорогъ, всѣ развѣтвленія которыхъ онъ зналъ наизусть, его не покидало то же видѣніе. Вездѣ и всегда она—Лидія, а если и не сама Лидія, то разныя встрѣчи и случайности непрерывно напоминали Ричарду о его несчастіи. Разъ вечеромъ, возвращаясь домой послѣ долгой ходьбы пѣшкомъ и проходя мимо стариннаго, упраздненнаго монастыря, онъ услышалъ привѣтливые голоса:

— Э, мосьё Ричардъ!

Соткёръ, прозванный Индѣйцемъ, старый полѣсовщикъ огромнаго роста, гроза браконьеровъ, женилъ сына, служащаго прикащикомъ въ Парижѣ, на дѣвушкѣ, работавшей въ одномъ съ нимъ большомъ магазинѣ. Среди заросшаго травой, запущеннаго двора прежняго монастыря, за большимъ столомъ сидѣли сторожа въ синихъ ливреяхъ Гробурга съ загорѣлыми женами, разряженными въ яркіе цвѣта, фермеръ съ семьей, два свадебныхъ музыканта и мосьё Александръ настоящимъ щеголемъ въ лаковыхъ башмакахъ, въ свѣтлыхъ панталонахъ, заигрывая моноклемъ съ новобрачною, восхитительно дурнушкой, одѣтою и причесанною на славу. Ричардъ принужденъ былъ зайти и присѣсть на нѣсколько минутъ. Обѣдъ подходилъ къ концу, пили бѣлое вино за здоровье новобрачныхъ. Затѣмъ, по сигналу, данному музыкантами, составила адриль при послѣднихъ вспышкахъ заката. Ричардъ и Индѣецъ мотрѣли на танцующихъ и разговаривали, положивши локти на катеръ.

— Что касается кокетства, мосьё Ричардъ, это точно, я думаю, что очень кокетлива эта дѣвочка, — говорилъ старый полѣсовщикъ, слѣдя своими узкими глазами толстокожаго за бѣлымъ

вѣнкомъ молодой снохи.—Мой молодецъ совсѣмъ и не желаетъ, чтобъ она возвращалась въ магазинъ, тѣмъ болѣе, что у нея немного слаба грудь. Они пробудутъ сезонъ или два здѣсь. Онъ цѣлый день будетъ занятъ своимъ дѣломъ въ Парижѣ, а я тутъ буду присматривать за его женой. Съ моею-то, бывшее дѣло, неладно вышло, за то ручаюсь вамъ, что этой не дамъ сбиться съ пути.

— Да, разумѣется,—сказалъ Ричардъ, принужденно улыбаясь и думая про себя, что недурно бы рассказать Индѣйцу, каковъ былъ присмотръ у нихъ въ домѣ.

Ночь охватывала мѣсь, когда Ричардъ ушелъ изъ стараго монастыря. Птицы смолкли, въ воздухѣ разносились только отрывистые и рѣзкіе звуки свадебной музыки. Но не ее слышалъ Ричардъ, не ей поддѣлывалъ басомъ свои тоскливые «пумъ-бумъ-пумъ», гудѣвшіе по темнымъ аллеямъ.

Совсѣмъ истомленный, онъ пересталъ выходить изъ дому. Въ нижнемъ этажѣ павильона, рядомъ съ кладовою, была такъ называемая рабочая комната. Ричардъ, со времени ухода жены, ночевалъ въ замкѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жилъ холостымъ, вблизи отъ комнаты матери, а днемъ отдыхалъ въ покинутой рабочей, сидя въ большомъ кожаномъ креслѣ, и тамъ же повѣрялъ счета подрядчиковъ за пузатымъ бюро стараго нотариуса. Теперь онъ цѣлые дни проводилъ въ этой комнатѣ. Изъ окна, какъ во время своего дѣтства, онъ смотрѣлъ на дорогу, довольный тѣмъ, что находитъ на ней старыхъ знакомыхъ, тачку шоссейнаго сторожа, маленькаго горбуна, торговца обувью,—все это имѣло наивный видъ громадной игры въ «гусѣкъ», причемъ Фенигану представлялось, будто и Лидія тутъ же, рядомъ съ нимъ. Онъ вспомнилъ, какъ она боялась быковъ, рыночныхъ старухъ и телѣги, въ которой отвозили утопленниковъ, покрытыхъ грубымъ холстомъ.

И вотъ, какъ разъ, эта мрачная телѣга медленно поднимается со стороны Сены, везетъ слугу старика Мериве, вытащеннаго изъ прибрежной травы, гдѣ онъ случайно утонулъ третьяго дня. Онъ былъ за пономаря въ маленькомъ приходѣ, и бѣдняга Мериве идетъ за нимъ и плачетъ, болѣе сгорбленный, болѣе съѣжившійся, чѣмъ обыкновенно.

А тутъ и старый Жоржъ съ своею длинною палкой и съ кускомъ хлѣба подъ мышкой, хотя нынче и не день раздачи милостыни нищимъ. Но съ нѣкоторыхъ поръ старый бродяга не покидаетъ Узеллей. Его постоянно видятъ то шляющимся вокругъ замка, лежащимъ у одной изъ калитокъ, или въ сторонѣ дороги, или лѣса. «Такъ и не опохмѣляется!»—завистливо говорилъ Шюшенъ,

а работницы, когда старый шатунъ заглядываетъ къ нимъ въ подвальный этажъ, смѣются и кричатъ ему:

— Что, иль и у тебя есть какое горе на сердцѣ, папашка Жоржъ?

Въ ясный и теплый день на душѣ мрачно становится, при видѣ этого человѣческаго отребья, еле держащагося на ногахъ, цѣпляющагося за деревья и за стѣны. Откуда онъ? Гдѣ его родина? Какой языкъ коверкаетъ его беззубый ротъ? Какъ могло случиться, что въ этомъ уголкѣ Сены-и-Уазы старый нищій такъ же далеко, чуждъ и неизвѣстенъ всѣмъ, какъ еслибъ онъ блуждалъ по центральной Африкѣ? Вотъ онъ подходитъ къ фонтану, пытается взять стаканъ и держать его подъ струей воды. Его руки трясутся, ноги скользятъ, войлочная шляпа, давно утратившая цвѣтъ и форму, сваливается, падаетъ рядомъ съ пролитымъ стаканомъ, что вызываетъ громкій смѣхъ молодой жены фермера, стоящей у воротъ своего двора. Наконецъ, бѣднягъ, послѣ огромныхъ усилій, удалось напиться прямо изъ-подъ крана, и двѣ струйки воды текутъ по его бородѣ, тогда какъ солнце палитъ его голый, красный черепъ, испещренный толстыми синими жилами. И Ричардъ припоминаетъ, какъ Лидія говорила, что никогда не могла видѣть прохожаго, оставливающагося напиться тутъ, на перекресткѣ, и въ нерѣшительности опускающаго глаза, — да, никогда не могла она видѣть этихъ несчастныхъ, всѣми покинутыхъ, и не подумать тутъ же, что этотъ жалкій бродяга былъ когда-то ребенкомъ, что его ласкала и нѣжила любящая мать и, глядя на него соннаго, отдавалась самымъ чуднымъ мечтамъ о его будущемъ. Какъ же женщина, говорившая съ такою сердечною добротой, съ такою искреннею жалостью, могла такъ много зла сдѣлать своему мужу? Неужели для нея онъ значить меньше, чѣмъ какой-нибудь нищій старикъ?

Напившись, старый Жоржъ укладывается у фонтана, опускается тяжело, какъ-то не вдругъ, точно бросаетъ на землю свои усталые члены другъ за другомъ, поочередно. Онъ вынимаетъ краюшку хлѣба изъ-подъ своего дыряваго рубища, кладетъ ее на ближній камень, палку кладетъ по другую сторону, закрываетъ глаза, но только на половину, такъ какъ охраняетъ свой провиантъ отъ мухъ и отъ всякой дряни, враждебной отдыху бродяги. Онъ засыпаетъ, и ложивши одну руку на свой хлѣбъ, держа другою свою здоровую д бину.

А Ричардъ и заснуть не можетъ, — покончено съ прежними сладкими часами дневного отдыха! Онъ видитъ, почти слышитъ, какъ и ту сторону залитой свѣтомъ дороги спитъ несчастный бѣднякъ,

въ которомъ онъ чувствуетъ что-то похожее на нѣжность, потому что это былъ нищій Лидіи, потому что она съ нимъ говорила съ послѣднимъ,—ему, въ его истрескавшіяся руки, отдала записку, которую мадамъ Фениганъ не посмѣла показать сыну. И вдругъ Ричардъ сообразилъ, что, за неимѣніемъ этого письма, въ маленькомъ бюро Лидіи, наверху, въ ихъ комнатѣ, могутъ оказаться другія письма, не менѣе интересныя. Какъ же ранѣе не пришло ему въ голову порыться въ этомъ бюро?

Еще минута, и онъ у Розины, чтобы спросить ключъ, видитъ силуэтъ мосьё Александра, уносящаго ноги черезъ открытое окно въ паркъ, быстро поднимается по маленькой деревянной лѣстницѣ, задрапированной ковромъ съ крупными цвѣтами. Вотъ и маленький кокетливый столикъ со старинными инкрустаціями. Ричардъ выламываетъ замокъ, внезапно опьяненный запахомъ ириса въ саше, который напоминаетъ ему отсутствующую сильнѣе всякихъ мотивовъ Перголезе или Бетховена. Толстыми дрожащими пальцами онъ ищетъ, перерываетъ все. Ему уже попались подъ руку письма его матери и его собственныя, писанныя когда онъ былъ женихомъ, нѣсколько записокъ сестры Марты за время ея поѣздки въ Дублинъ, потомъ—очень тщательно сохраненные два счета за ихъ ужинъ и за ночлегъ въ гостиницѣ въ вечеръ оперы. Бѣдная Лидія, не много удовольствій выпало ей на долю!

Наконецъ-то, большой конвертъ и въ немъ футляръ съ миниатюрой на кости и три письма, написанныхъ знакомымъ тонкимъ и предательскимъ почеркомъ, рукою Шарлексиса. Съ первыхъ же строкъ Ричардъ вздрагиваетъ, его щеки багровѣютъ отъ дьявольскихъ ухищреній князька убѣдить Лидію бѣжать съ нимъ, показать ей всю отвратительность ея существованія между толстымъ Пумпумъ и госпожею съ бѣлками, подборательницей яблокъ,—такъ онъ отдѣлываетъ Ричарда и его мать. А, гадина! ничто отъ него не ускользнуло, всѣ слабости подмѣтилъ, и какъ онъ ловко умѣетъ раздражить тщеславіе молодой женщины, ея претензіи на аристократизмъ, ея мечты о путешествіяхъ и приключеніяхъ, какъ хитро увѣряетъ ее, будто она задыхается на этомъ влчкѣ Сены между двумя шлюзами!... И осмѣливаются обвинять Лидію, будто она воспользовалась тѣмъ, что ему всего восемнадцать лѣтъ! Да ему сто лѣтъ, этому юному князьку, и на придачу—за нимъ опытность старыя танцовщицы и мерзкаго патера... О, не она его похитила и развѣтила, доказательства налицо — эти письма... Но въ крошечной золотой рамкѣ что же это за ребенокъ, восхитительный, словоточенный, совсѣмъ голенькій на цвѣтахъ ковра? Чей это ребенокъ?

Быть может, ихъ... Но когда же? Гдѣ, какъ? Она никогда не уѣжала изъ дому... И несчастный мужъ, постоянно сокрушавшійся о томъ, что у него не было дѣтей, всматривается, пытается распознать черты лица на миниатюрѣ, золотистые вьющіеся волосы, холодные, какъ камень, глаза предполагаемаго незаконнаго ребенка юнаго чудовища. Такъ нѣтъ же, это само чудовище. Этотъ портретъ двухлѣтняго Шарлексиса — прихоть генерала, желавшаго этимъ сказать дамамъ, восхищавшимся тѣломъ прелестнаго мальчика: «Вотъ какіе отъ меня родятся!» — тогда какъ князь, даря своей любовницѣ медальонъ съ такимъ портретомъ, хотѣлъ, повидимому, показать ей: «Вотъ я какъ сложенъ!» Въ томъ же футлярѣ, подъ портретомъ, болѣе интимное письмо, болѣе пламенное, чѣмъ другія, объясняло это. Пробѣгая это письмо, Ричардъ вдругъ поблѣднѣлъ, весь охваченный нервною дрожью, почувствовалъ жестокую судорогу въ груди. Въ глазахъ у него зарыбило, читать онъ уже не могъ, ослѣпленный какими-то искрами... Ядъ, ядъ ревности... онъ понятія не имѣлъ еще о томъ, какъ страшно жжетъ этотъ ядъ. Лидія уѣхала, потеряна для него, — далѣе этого онъ ничего не видалъ. Теперь онъ думаетъ о томъ, кто отнялъ ее, объ ихъ восторгахъ, объ ихъ ласкахъ...

И несчастный продолжаетъ читать. Онъ бы хотѣлъ бросить письмо, каждое слово терзаетъ его, жжетъ, но надо читать, надо... точно злая лихорадка заставляетъ его пить чудную отраву...

Чтобъ убѣдить Лидію уѣхать, любовникъ въ пламенныхъ фразахъ изливаетъ свои жалобы на то, что ихъ ночи въ избѣ слишкомъ темны; ему надоѣло любить оцупью, во мракѣ, подъ страхомъ, слыша дыханіе собакъ за дверью. Несомнѣнно, имѣетъ свою прелесть и опасность... О! ихъ вчерашній поцѣлуй на крыльцѣ Гробурга, такой сладкій, дивный поцѣлуй, что пять минутъ потомъ они оба пошатывались, ноги у нихъ подкашивались... Но, все равно, ихъ свиданіе на яхтѣ будетъ еще лучше.

Ричардъ поднялся съ мѣста, въ бѣшенствѣ ходитъ по комнатѣ, взмахиваетъ руками, готовыми на убійство. То отвратительное, что онъ видитъ, что наполняетъ его глаза ужасомъ, этого онъ никогда не вырветъ изъ нихъ. «А, мерзкій князишка! А, разбойникъ, куда ты увезъ ее? Гдѣ спрячешь? Если бы могъ я узнать, найти его, инутья... вотъ же тебѣ, вотъ!» — и каблукомъ сапога онъ топчетъ, разбиваетъ въ мелкіе куски медальонъ съ портретомъ на груди, воображая, будто истребляетъ обнаженное тѣло, живое существо... Но отравы выпита, вошла въ кровь и не дастъ ему пощады.

Вечеромъ въ гостиной, разставляя шахматы, при спокойномъ свѣтѣ изъ-подъ абажура, мадамъ Фениганъ смотритъ на сына съ радостною, довольною улыбкой.

— Хорошо, правда? Оба мы счастливы вотъ такъ-то вдвоемъ?

Еслибъ она могла подозрѣвать, что онъ видитъ, какія сцены измышляетъ его воображеніе...

V.

Разговоръ въ оградѣ.

Обѣдня только что кончилась. Сквозь отворенныя рѣшетки и двери видно было на черномъ фонѣ церкви, затемненной еще болѣе яркимъ свѣтомъ снаружи, какъ гаснуть свѣчи одна за другою. Подъ самымъ порталомъ маленькій г. Мериве, начисто выбритый, съ бѣлыми волосами, лежащими валикомъ на высокомъ шелковомъ галстукѣ, съ розовымъ папскимъ орденомъ въ петлицѣ сюртука, раскланивался съ посѣтителеми при выходѣ, провожалъ болѣе важныхъ до дороги, благодарилъ за большую честь, съ игривою и старомодною мимикой.

— Поистинѣ, поистинѣ, я такъ признателенъ... Очень не мало народа было сегодня, и было бы еще больше, если бы не престольный праздникъ въ Дравейлѣ и ужъ не знаю что въ сиротскомъ пріютѣ Суази, который постоянно намъ вредитъ... До воскресенья... пріѣзжайте же... до воскресенья.

Вѣрные маленькому приходу, почти все сосѣди, расходились въ разныя стороны, и на шоссе нѣсколько минутъ слышались поскрипыванія новыхъ ботинокъ и шуршаніе шелковистыхъ матерій. Варвара, стародавняя кухарка, исполнявшая со смерти камердинера должность пономаря, принесла господину Мериве ключи отъ главной двери.

— Да, мосьѣ, все аккуратно заперто, вездѣ потушено... Только ризница осталась, господинъ викарій тамъ еще. Онъ сказалъ, чтобъ я не ждала его, — пройдетъ черезъ ограду.

Ограда охватывала маленькій клочокъ земли, прилегающей къ церкви, на которомъ въ травѣ и высокомъ цвѣтущемъ макѣ валялось нѣсколько тесаныхъ камней, оставшихся отъ постройки. С дороги можно было счесть это мѣстечко за небольшое сельское кладбище.

— Здоровъ ли господинъ аббатъ Сересъ? Зачѣмъ онъ остался въ ризницѣ? — спросилъ Мериве, которому священникъ его маленькой церкви былъ такъ же дорогъ, какъ сама церковь.

Варвара успокоила его. Господинъ викарій взялъ у нея иголку и черныхъ нитокъ, навѣрное, для починки своей изношенной лоснящейся сутаны.

— Пора бы вамъ, мосьё, купить ему и новенькую.

— Правда, Варвара, мы купимъ новую сутану... А вы поторопитесь съ завтракомъ.

Старая дѣвушка перешла черезъ опустѣвшую дорогу, ставшую какъ будто шире, подобно всей окрестности, отъ тишины и праздничнаго покоя. Варвара скрылась въ маленькую дверь противоположной стѣны, оставивши своего хозяина сидящимъ на одномъ изъ широкихъ бѣлыхъ камней въ оградѣ. Мериве съ минуту поджидалъ викарія и выискивалъ средство, какъ бы заставить его принять хорошую сутану съ тѣмъ, чтобъ онъ не продалъ ее тотчасъ для помощи своимъ бѣднымъ, когда на дорогѣ послышались шаги и чей-то голосъ, напѣвающій басомъ. Старикъ всего больше любилъ, чтобы прохожій, чужой кто-нибудь, остановился передъ его церковью, прочелъ надпись: *Наполеонъ Мериве, кавалеръ ордена святаго Григорія Великаго...* и т. д. Онъ уже поднялъ голову, предвкушая тщеславную радость, но тотчасъ же немного разочаровался появленіемъ Ричарда Фенигана, котораго онъ не видалъ со времени прекращенія музыкальныхъ вечеровъ, прерванныхъ отъѣздомъ Лидіи. Мериве позвалъ Ричарда привѣтливымъ жестомъ, усадилъ его рядомъ съ собой и, пристально вглядываясь въ него, заговорилъ:

— Что вы не пришли раньше? Вы такъ ни разу не хотите побывать въ моей маленькой церкви? А вамъ бы она добро сдѣлала.

Ричардъ, исхудалый, осунувшійся, съ длинными горизонтальными морщинами, избородившими его лобъ, какъ нотную бумагу, искалъ какой-нибудь предлогъ, чтобы поскорѣе спастись бѣгствомъ отъ упрековъ стараго маниака, вообразившаго себя собственникомъ какого-то культа; но теплота камня, расслабляющій аромать мака, все, что было привлекательнаго и захватывающаго въ добротѣ старика, точно заморозили Фенигана на мѣстѣ.

— Вы много моложе меня,—говорилъ добрякъ, тихонько похлывая пивая сосѣда по рукъ,—но разница лѣтъ почти исчезаетъ, когда у людей одинаковое горе... То, отъ чего вы страдаете, я испыталъ, пережилъ, какъ вы, готовый умереть отъ тоски, готовый от тоски убить... да, именно, убить... Забавно это, не правда ли Старый Мериве, маленькій старичокъ, такой вѣжливый, такой тихій... едва не сдѣлался, въ припадкѣ безумной гордости...

подлѣйшимъ изъ убійць. Да, можетъ ли быть что подлѣе убійства мужемъ жены съ разрѣшенія закона?

Ричардъ опустилъ глаза, ничего не отвѣтивъ. Цѣлую недѣлю онъ только и бредилъ убійствомъ, местию, и теперь возвращался съ почты, гдѣ надѣялся случайно, между письмами до востребованія, по почерку, добраться до чего-нибудь. И вдругъ ему приходится наткнуться на такія откровенности! Неужели настолько уже видны зловѣщія думы, гнетущія его пылающую голову?... И почему старый Мериве, крайне скрытный обыкновенно, вдругъ пожелалъ рассказать ему свою исторію?

— Эта исторія, дорогой мой другъ, похожа на вашу, только я былъ на шестнадцать лѣтъ старше моей жены. Ростомъ я былъ малъ, некрасивъ, по уши погруженъ въ торговлю, въ торговлю альфой *), вынуждавшую меня часто ѣздить въ Алжиръ. За меня было одно, я хорошій музыкантъ. Моя Ирена, родомъ изъ Бландаха **), имѣла золотистый цвѣтъ лица, продолговатые и ласковые глаза, необыкновенно кроткій видъ. Совсѣмъ не зная музыки, она любила ее, какъ вы любите, инстинктивно, всѣми своими нервами, и моя скрипка приводила ее въ восхищеніе. Звуки производили на нее такое впечатлѣніе, что она вся вздрагивала. Надо вамъ сказать, что я порядочно-таки былъ силенъ въ музыкѣ. Вы удивляетесь тому, что никогда не слышали меня на вашихъ концертахъ по воскресеньямъ. Дѣло въ томъ, что со смерти Ирены я уже никогда не бралъ въ руки смычка. На второй годъ у насъ родился ребенокъ, но пожилъ не долго. Мою жену это страшно огорчило, тѣмъ болѣе, когда насъ предупредили, что она уже не можетъ быть матерью. Тогда-то, чтобы занять ее, дать ей возможность дышать хорошимъ воздухомъ, я купилъ это имѣніе. Ей здѣсь нравилось или притворялась она, будто нравится, чтобы сдѣлать мнѣ удовольствіе. Такая она была добрая!... На мое несчастье, одинъ извѣстный художникъ поселился тутъ не вдалекѣ. Ирена любила людей, пользующихся извѣстностью. Подобно ей, и я поддавался этой слабости парижскихъ буржуа, очень гордящихся тѣмъ, что за ихъ столомъ бываетъ знаменитость. Принятый у насъ художникъ началъ являться часто. Красивый былъ малый, съ театральными манерами, съ бородой клинушкомъ, съ прической à la Рубенсъ, и, при такомъ-то прециозномъ видѣ, фантазія богатѣйшая, рѣчь эффектная и захватыва-

*) *Альфа (Ligum spartum)*—растеніе, разводимое въ Сѣв. Африкѣ и въ Іспаніи, даетъ превосходный матеріалъ для выработки бумаги. Алжиръ производитъ огромное количество альфы.

**) *Бланда* или *Бландаха*—говорять въ Африкѣ, въ 48 килом. отъ гор. Алжиръ.

вающаяся. Все время, пока онъ сидѣлъ, бывало, у насъ, Ирена глазъ съ него не сводила, упивалась его фразами. Потомъ, какъ ни заставлялъ я пѣть мою скрипку, жена только его голосъ слышала, не смотря на Мендельсона и Шопена. Я страдалъ, видя ее печальною и молчаливою, когда мы оставались одни, и оживляющеюся, розовою и сияющею, какъ только она заслышитъ его шаги за дверью. Иногда я упрекалъ ее за это въ шутку, смѣясь, но мой смѣхъ былъ, вѣроятно, настолько же неестественнымъ, какъ и ея, когда она отвѣчала съ наивнымъ, изумленнымъ видомъ: «Неужели ты думаешь?... Да нѣтъ же, увѣряю тебя!...» Скоро у меня въ головѣ не было уже другой мысли, какъ: «Она любить его... она любить его...» Ночью, лежа рядомъ съ нею, я видѣлъ во снѣ, будто я очень большого роста, очень силенъ, много красивѣе того, а часто, когда не могъ заснуть, я слѣдилъ за нею, подкарауливалъ, не вырвется ли у нея во снѣ крикъ страсти, которою, — я уже видѣлъ это, — полна ея грудь, хотя между ними ничего ровно не было. Иной разъ мнѣ хотѣлось разбудить ее, крикнуть: «Люби меня, люби меня, или я убью тебя!» Наконецъ, чувствуя, какъ съ каждымъ днемъ все больше и больше ускользаетъ отъ меня сердце моей жены, я рѣшился обратиться къ человѣку, котораго она полюбила. Самъ не знаю почему, въ моемъ представленіи я отождествлялъ занятіе искусствомъ съ возвышенностью души, съ великодушіемъ, съ умственнымъ превосходствомъ. И такъ, однажды, я совершенно просто сказалъ этому господину: «Послушайте... Я безсиленъ... Я чувствую, что ускользаетъ она отъ меня, что стремится къ вамъ, сама того не желая. Для васъ это — забава, удовлетвореніе минутной прихоти... Для меня это — вся жизнь моя. Не отнимайте ее у меня, прошу васъ... оставьте ее мнѣ, уѣзжайте». Этотъ господинъ отвѣтилъ: «Хорошо, я уѣду». И онъ дѣйствительно уѣхалъ на слѣдующій день, только и ее увезъ съ собой. Что я выстрадалъ, вы это по себѣ знаете. Но къ этому добавьте еще, что я былъ одинъ, души не было, съ кѣмъ бы подѣлиться горемъ, не было матери, которая не дала бы мнѣ надѣлать безумствъ. Прежде всего, я пустился за ними вдогонку, твердо порѣшивши убить обоихъ. Они были въ Швейцаріи, въ Герсо, на берегу озера Четырехъ Бонтоновъ. Какъ уныло показалось мнѣ это мѣсто, затемненное горами, подъ сумракомъ ночи, въ тотъ вечеръ, когда я вышелъ изъ вагона въ двухъ шагахъ отъ единственной гостиницы. Моя жена и ея любовникъ только что отправились въ Узалъ. Я занялъ комнату насупротивъ ихъ номера, слышалъ, какъ они вернулись домой вмѣстѣ съ другими жильцами гостини-

цы. Художникъ громко говорилъ въ корридорѣ своимъ нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ. Но у него былъ и другой голосъ, мнѣ незнакомый, домашній голосъ, рѣзкій и грубый, вскорѣ донесшійся до меня смутно сквозь ихъ затворенную дверь. Свою я оставилъ полуотворенною въ продолженіе части ночи и притаился за нею съ револьверомъ въ рукѣ, готовый кинуться за нимъ. Удержалъ меня глупый пустякъ — непривычка обращаться съ оружіемъ, въ особенности съ пистолетомъ, купленнымъ въ то же утро совсѣмъ заряженнымъ. Я боялся, что не съумѣю хорошо владѣть имъ. Мнѣ кажется, однако, что, при малѣйшемъ страстномъ вздохѣ, я бросился бы, какъ дикій звѣрь. То, что я услышалъ, ничуть не походило на нѣжности. Онъ бушевалъ и злился, она умоляла тихимъ жалобнымъ голосомъ, прерываемымъ слезами, унижалась. Позднѣе я узналъ, что онъ дѣлалъ ей сцену изъ-за одного музыканта курзала, на котораго она будто бы засматривалась, — художникъ былъ тоже ревнивъ, ревнивъ и золъ до того, что билъ ее, и во время ихъ ссоръ его самый главный доводъ, самый первый упрекъ ей состоялъ въ томъ, что она обманула мужа. Слыша эти тихія и монотонныя всхлипыванія существа, которое я такъ любилъ и которое страдало такъ близко отъ меня, я самъ обливался слезами потому, что она плакала, и, упрекая себя въ глупости и слабости, я кинулся на постель, заглушая свои рыданія и стоны подушкой... О, какъ темно въ нашихъ душахъ, когда ихъ не освѣщаетъ молитва! А въ то время я не умѣлъ молиться. На разсвѣтѣ любовникъ Ирены ушелъ съ своимъ ящикомъ и мольбертомъ. Онъ отправился писать въ горы. Моя жена спала, повидимому, — въ комнатѣ было тихо. Мнѣ стоило только повернуть ручку двери... И самъ я не знаю, какъ и зачѣмъ, — убійцей или любящемъ мужемъ, чтобы поцѣловать ее или убить, — но я очутился около жены. Произведенный мной легкій шумъ на половину разбудилъ ее, она зашевелилась, но тяжелый утренній сонъ послѣ дурно проведенной ночи опять охватилъ ее. Спала она, вѣроятно, одна, а онъ — на диванѣ, гдѣ валялись простыни, дополняя беспорядокъ тѣсной комнаты, загроможденной чемоданами и платьемъ, освѣщенной двойнымъ утреннимъ блескомъ неба и сосѣдняго озера. Съ какимъ волненіемъ смотрѣлъ я на мою возлюбленную, очутившуюся въ такой обстановкѣ, на трактирной кровати, и въ той ꙗрковетливой позѣ, которою я такъ часто любовался, съ одною ѿкрой, закинутаю за голову и поддерживающею волосы, съ другою, лежащею на одѣялѣ въ ослѣпительной наготѣ. Да, тутъ я готовъ былъ задушить ее, чтобы не доставалась она тому, другому Но,

склонившись надъ нею, охваченный этимъ дикимъ порывомъ, я услышалъ ея глубокой вздохъ, полурыданіе настоящаго ребенка, уснувшаго огорченнымъ рѣзкою бранью. Я видѣлъ, что ея вѣки красны, припухли отъ слезъ, и мнѣ стало новообразимо жалъ ея, вся моя злоба исчезла передъ такою безотвѣтностью и слабостью. Хорошо говорить съ театральными жестами какому-нибудь торговцу фразами: «Убей ея!» Но, вѣдь, для этого надо имѣть инстинкты убійцы, низкую душу и руки палача... Я ушелъ, не оглядываясь, а черезъ часъ былъ уже въ пути... Вернулся я въ Парижъ совсѣмъ неспособнымъ приняться за дѣла, бѣжалъ сюда и очутился настолько одинокимъ, настолько несчастнымъ, что пустилъ — таки въ дѣло мой револьверъ противъ себя самого на этотъ разъ... Вотъ эта маленькая круглая ямка, — старикъ Мериве приподнялъ сѣдые волосы и показалъ шрамъ, — это слѣдъ пули, которую я пустилъ себѣ въ голову и которая держала меня два мѣсяца между жизнью и смертью въ безпамятствѣ. Когда мой мозгъ вновь началъ жить, я увидалъ около себя дивнаго человѣка, святаго, исцѣлившаго мою душу. А разъ была исцѣлена душа, мои объятія, по закону милосердія и прощенія, опять раскрылись для той, которую я все еще любилъ и которая ничего такъ не желала, какъ вернуться ко мнѣ. Бѣдная, каково было это возвращеніе! Исхудалая, неизможенная, съ алыми кругами на щекахъ, подобными тѣмъ, что мы видимъ на листьяхъ бука, попорченныхъ долгоносиками, она вернулась послѣ шести мѣсяцевъ свободной любви, точно изъ больницы выпущенная. Я думалъ, что этотъ хорошенькій зеленый уголокъ, отлично пріютившійся между рѣвкой и лѣсомъ, возстановить ея силы. Но она не переставала чахнуть, даже послѣ зимы, проведенной на родинѣ, среди апельсиновой рощи около Блудаха. Иногда, съ невообразимо-грустною улыбкой въ чудныхъ глазахъ, дѣлавшихся съ каждымъ днемъ все огромнѣе, она говорила мнѣ: «Я люблю тебя, я счастлива и умираю... Какова судьба!» Я все еще надѣялся, полагаясь на мою любовь, на ея молодость... Вдругъ она точно ожила, по крайней мѣрѣ, вернулись всѣ признаки оживленія и желаніе жить. Это чудо сдѣлали романы Гершера. Все лѣто, послѣднее ея лѣто, она провела въ нашемъ саду, вонъ по ту сторону дороги, забко сидя на самомъ припекѣ въ будочкѣ изъ ивовыхъ прутьевъ, читая и перечитывая прелестныя любовныя повѣсти романиста и въ особенности *Золотошвейку*, наиболѣе нравившуюся ей за милый образъ Ламины, которой она вздѣвала подражать, нося ея костюмъ, бархатную вышитую куртку и урѣзъ изъ севиновъ на длинныхъ косахъ. Меня она часто спра-

пывала: «Что сказалъ бы авторъ, еслибъ увидалъ меня Іаминой? Похожа я на нее?»... Ничего не зная, я отвѣчалъ: «несомнѣнно»... думая тоскливо, что еслибъ авторъ явился сюда, то увидалъ бы, какъ я видѣлъ, что надъ кресломъ его кокетливой Іамины, съ прелестными, лихорадочно горящими глазами, развѣшенные на балконѣ ея комнаты бѣлые и подушки больной, еще непросохшіе отъ испарины безсонной ночи. Желая сдѣлать ей пріятное, побаловать ее до конца, я однажды спросилъ, не доставить ли ей удовольствія повидать Гершера, и если она хочетъ, то я напишу ему, попрошу пріѣхать? Любовь моя все еще продолжалась, но отъ ревливой гордости я совсѣмъ излечился, какъ видите. Все это такъ ничтожно, когда смерть близка! Ирена, сильно взволнованная, ничего не сказала и, вмѣсто отвѣта, послала мнѣ поцѣлуй рукой, не имѣя силы сдержать рыданіе. Не много времени спустя я лишился ее на первыхъ дняхъ осени, когда въ опустѣвшихъ поляхъ вороны смѣняють ласточекъ. И тогда только я узналъ, что моя жена переписывалась съ знаменитымъ романистомъ, была одною изъ тѣхъ «незнакомокъ», надъ безумною влюбленностью которыхъ онъ потомъ самъ потѣшался. Что съ этимъ подѣлаешь? Несчастливая женщина была такъ романтична. Ее ужасала тихая жизнь, плетущаяся одною бороздой. Никогда не выдавши ее, славный писатель отвѣчалъ ей: *Гостюжъ Х... , до востребованія, Вильневъ-Сенъ-Жоржъ*. И каждую субботу Варвара ходила за письмами и относила письма. Она мнѣ и открыла тайну этой переписки, совершенно невинной, я полагаю. Говорю: «я полагаю» потому, что у меня достало характера не раскрыть ни одного изъ многочисленныхъ писемъ, писанныхъ одною и тою же рукой и найденныхъ въ столѣ моей жены. Я отправилъ ихъ знаменитому писателю съ такимъ извѣщеніемъ: «Ваша незнакомка въ Вильневѣ умерла. Если интересуетесь узнать ея имя, вы можете прочесть его на фронтонѣ маленькой церкви, выстроенной въ память ея на дорогѣ въ Борбейль, между Дравейль и Суази». Г. Гершеръ не пріѣхалъ.

Наступило молчаніе. Слышны были только воркованія голубей на церковной крышѣ и отголоски далекихъ колоколовъ, приносимые рѣкой, точно звуковымъ трамполиномъ. Ричардъ зло усмѣхнулся и сказалъ:

— Вашъ рассказъ, добрѣйшій мой сосѣдъ, доказываетъ, о по части измѣны и жи всѣ женщины стѣять другъ друга и о изъ мужчинъ очень немногіе настолько снисходительны и доб , какъ вы.

Мериве взглянулъ на него, глубоко огорченный тѣмъ, что его не поняли.

— Это моя вина, — заговорилъ онъ. — Я не сумѣлъ передать сущности разлада между моею женой и мною. У нея было все то, чего мнѣ не доставало: привлекательность, красота, молодость. По ея милости, я былъ счастливъ нѣсколько лѣтъ, не задумываясь надъ тѣмъ, счастлива ли она, не спрашивая ее: «Чего бы ты хотѣла?» Передъ настоящими, справедливыми судьями одно это эгоистическое отношеніе послужило бы къ оправданію проступка жены. А сколько другихъ соображеній могли бы оправдать ее! По какому праву, наприимѣръ, требуютъ отъ женщины, чтобъ она была женою одного человѣка, когда мужчина не удовлетворяется одною женщиной? Много лѣтъ моя Ирена жила одиноко въ своемъ домѣ, видала мужа только по вечерамъ, жила далеко отъ родного края, отъ матери, не имѣя дѣтей. Отсутствие дѣтей въ семьѣ — великое оправданіе. Материнство — прямое назначеніе женщины, занятіе для нея, ея радость, ея охрана. Вамъ, какъ и мнѣ, милый мой Ричардъ, не доставало ребенка.

Фениганъ поднялся съ мѣста окончательно взбѣшенный. Все, что ему говорили, онъ самъ зналъ отлично. Лидія достаточно-таки приходила въ отчаяніе отъ того, что не было у нихъ дѣтей. Весь отдавшись своему мщенію, онъ сближалъ въ своемъ умѣ эти два направленія мысли и ограничился злобною выходкой:

— По-вашему, стало быть, лучшаго, чѣмъ то, что съ нами случилось, и желать нельзя: женщина очень хорошо дѣлаетъ, что обманываетъ мужа?

— Нѣтъ, я хочу только, чтобъ и защита была, чтобы никого не обвиняли, не выслушавши.

— Женщина нашла самый лучший способъ защиты: она убѣгаетъ отъ мужа, — возразилъ Ричардъ внѣ себя.

Старикъ заморгалъ своими хитрыми глазками, тихонько усадилъ Ричарда опять на камень рядомъ съ собою и продолжалъ:

— Ну, да, она уходитъ... Не честиѣ ли это, чѣмъ оставаться, лгать и прятаться? Не лучше ли стать внѣ закона передъ обществомъ, чѣмъ безъ опасности и скандала вносить развратъ въ се чью? Скажу болѣе: отсутствіе вашей жены облегчаетъ вамъ ее за дитя передъ самими собой, даетъ возможность взглянуть прямо на ее несчастье и на ваше собственное, чтобы совершенно быть готовымъ къ великому дню примиренія и прощенія.

— Никогда я не прощу, — заскрежеталъ Ричардъ стиснутыми зубами.

Старикъ покачалъ головой.

— Вы такъ думаете потому, что васъ еще терзаетъ страшный недугъ ревности, отъ котораго я страдалъ не менѣе, чѣмъ вы, и излечился, какъ и вы излечитесь.

— Излечивается тотъ, кто не любитъ.

— Ошибаетесь. Ревность совсѣмъ не то же самое, что любовь, хотя, конечно, связь есть между ними. Разница чувствуется въ томъ наслажденіи, которое примѣшивается къ самымъ ужаснымъ терзаніямъ ревностью... О, Боже мой, вспомнить страшно, какое удовольствіе я испытывалъ, заставляя мою жену говорить, что она думала о своемъ живописцѣ, что она любила его больше всего въ мірѣ! Я чуть не умиралъ отъ этого и находилъ въ этомъ какую-то дикую сладость... Тѣмъ не менѣе, любовь возможна безъ ревности, которая оказывается только горячкою, бредомъ любви, иногда бредомъ болѣе горделивымъ, чѣмъ страстнымъ. «Возможно ли это?— другой красивѣе, любимъ больше, чѣмъ я!» Доказательство, что ревность есть чувство, не зависящее отъ любви, стоящее особнякомъ отъ нея, заключается въ томъ, что любовь вездѣ одинакова, тождественна, на Востокѣ и на Западѣ, тогда какъ ревность восточныхъ людей не похожа на нашу. Такъ, арабу незнакома ревность къ прошлому, самая мрачная, быть можетъ, самая грызущая. Я зналъ близъ Орлеанвиля одного кайда*), который изъ своихъ четырехъ женъ отдавалъ предпочтеніе одной, болѣе красивой, правда, чѣмъ другія, Байѣ, бывшей танцовщицѣ и куртизанкѣ. Влюбленный *руми* ни на одинъ день, ни на одинъ часъ не пересталъ бы терзать эту несчастную позорнымъ прошлымъ ея мерзкой юности. И, наоборотъ, мой кайдъ, совершенно равнодушный къ этому исчезнувшему, погребенному прошлому, которое онъ зналъ и добровольно забывалъ, оказался свирѣпо-ревнивымъ относительно настоящаго, такимъ звѣремъ, что, когда Байя позволила себѣ легкій флиртъ, какъ вы говорите, съ однимъ переводчикомъ арміи, мужъ изрубилъ ей лицо и горло кинжаломъ. Какимъ-то чудомъ она осталась жива, и кайдъ отдѣлался приговоромъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьмѣ въ Аяччіо. Оттуда онъ регулярно писалъ своему брату, приставленному наблюдать за его женами и имуществомъ, и каждое письмо, вмѣсто обычной арабской формулы: *ля Алла и ь Алла*, начиналось строжайшимъ наказомъ: *смотри за Бай*. Ясно, что его ревность не стихала... А то, вотъ еще, великій ловѣкъ, имя котораго мнѣ родители дали, совсѣмъ не къ жи

*) *Caid*—вождь племени, начальникъ, правитель города или провинціи.

такъ какъ никогда во мнѣ не было ничего геройскаго, — Наполеонъ, отчасти арабъ родомъ, былъ ревнивъ по-восточному. Его письма къ Жозефинѣ показываютъ, насколько невозмутимо онъ относился къ ея страшно-бурному прошлому и какъ все ему подозрительно и терзаетъ его въ ея настоящей жизни... Я хорошо помню отвѣтъ той самой Байи, про которую сейчасъ рассказывалъ вамъ. На вопросъ председателя суда, почему она держала себя такъ кокетливо, когда знала, насколько ревнивъ ея мужъ, она спокойно отвѣтила: «Чтобы заставить его лучше смотрѣть за мною». Какъ много мужей, на самомъ дѣлѣ, которые не только не смотрятъ за женой, а подставляютъ ее подъ всякія опасности изъ тщеславія, изъ безпечности или по своей неловкости! Не я ли самъ разыскалъ и ввелъ къ себѣ въ домъ художника, который укралъ у меня жену? И вы сами, милый мой сосѣдъ, твердо ли убѣждены въ томъ, что всегда хорошо смотрѣли за вашею Байей?

Въ эту минуту въ оградѣ показалась старая, затрепанная сутана викарія среди высоко разросшагося мака. Проходя мимо, аббатъ Сересъ, ариѣжскій горецъ, бодрый не по годамъ, съ сѣдыми жесткими волосами, поклонился очень смиренно.

— Смотрите, господинъ аббатъ, не забудьте, что мы завтрагаемъ виѣсть!—крикнулъ ему Мериве.

Потомъ, когда священникъ уже не могъ слышать его голоса, онъ обратился къ Ричарду:

— Вотъ человекъ, вотъ тотъ святой, который вылечилъ меня, спасъ меня.

— Какъ, господинъ Сересъ?—сказалъ Ричардъ, знавшій викарія съ дѣтства, со времени приготовления къ первому причастію, и относившійся немного свысока къ бѣдному аббату, котораго не принимали въ замкахъ и въ зажиточныхъ домахъ, гдѣ находили его слишкомъ эксцентричнымъ, плохо одѣтымъ, неряшливымъ.

— Да, этотъ превосходнѣйшій священникъ побѣдилъ мою гордыню... Я знаю, что говорятъ про аббата Сереса въ официальныхъ сакрістіяхъ. Но если вы зайдете въ церковь маленькаго прихода, — а, вѣдь, должны же вы рѣшиться зайти въ нее когда-нибудь, — вы поймете, почему для службы въ ней я пригласилъ этого простого человека съ ясными глазами, чуждаго заботъ житейскихъ, и когда вы услышите, какъ онъ читаетъ *Отче нашъ*, какъ говорить: «яко ж и мы оставляемъ должникомъ нашимъ», вы будете растроганы глубины души и исцѣлены, какъ я исцѣлился.

— Есть оскорбленія, которыхъ не прощаютъ, есть раны, отъ которыхъ никогда не вылечиваются, — глухо проговорилъ Ричардъ. —

Оскорбленный человекъ мститъ и убиваетъ. Я за Шекспира противъ проповѣдниковъ всепрощенія.

— А, да, Шекспиръ, Отелло... Читалъ я это, чтобъ ознакомиться, получить понятіе, когда самъ страдалъ этимъ... Ничего онъ не понимаетъ, вашъ Шекспиръ. Его Оттелло не ревнивецъ, онъ — просто негръ, сынъ знойныхъ странъ, пламенный, звѣрскій, и только. Особенность ревности, охватывающей человека, состоитъ въ томъ, что она самаго кроткаго дѣлаетъ свирѣпымъ, самаго невиннаго сразу посвящаетъ во всѣ ухищренія, — ангеламъ, дѣвушкамъ даетъ сатанинское воображеніе и пониманіе всѣхъ тайнъ разврата. Чтобъ изъ Отелло сдѣлать правдивый типъ, надо было, когда забираетъ его ревность, чтобы завистливая и мерзкая душа Яго, единственнаго настоящаго ревнивца, вошла въ Отелло, вселилась въ него... Велика геніальность, нечего сказать, сдѣлать Отелло мулатомъ, существомъ низшей расы, безобразнымъ, уродомъ! У влюбленнаго урода ревность представляется вполне естественною. Менѣе объяснима она у такого статнаго молодца, какъ вы, дорогой сосѣдъ.

Ричардъ грустно улыбнулся, онъ зналъ за собою жестокое уродство: свою робость, которую не могли одолѣть столько лѣтъ супружеской жизни. Всего разъ, одинъ только разъ въ восемь лѣтъ, онъ осмѣлился любить свою жену такъ, какъ того хотѣлъ, всѣмъ существомъ своимъ, да и въ эту-то ночь онъ былъ пьянъ. Тогда какъ тотъ, молодой негодяй, мастеръ на блестящія слова, искусившійся во всѣхъ нѣжностяхъ. О, какъ чудно хорошо должно быть ихъ путешествіе новобрачныхъ! Рѣзкій толчокъ поднялъ его на ноги, рука безсознательнымъ движеніемъ отгоняла отъ глазъ, силсилась вывратъ изъ нихъ отвратительное видѣніе.

— Куда же вы?... Ричардъ!...

— Нѣтъ... нѣтъ... видѣть это постоянно... Нѣтъ, конечно, не могу я больше! Прощайте... прощайте!...

Онъ выкрикивалъ это сдавленнымъ голосомъ, шагая въ бѣшенствѣ по большей дорогѣ. Старикъ Мериве остался одинъ, встревоженный внезапнымъ уходомъ сосѣда, и раздумывалъ, не его ли старая исторія и разсужденія о ревности, вмѣсто того, чтобъ успокоить несчастнаго мужа, еще больше взволновали его. Въ тишинѣ и теплѣ оградъ жужжаніе пчелъ сливалось съ блескомъ солнца и яркихъ, пестрыхъ цвѣтахъ мака. У Мериве слегка кружилась голова, когда черезъ минуту онъ поднялся съ мѣста и увидалъ подъ жающей экипажъ, полный народа, свѣтлыхъ платьевъ, сверкающихъ зонтиковъ. Маленькая бѣлая церковь, надъ которою вилась голубей, старый господинъ, съ розовою орденскою ленточкой

въ петлицѣ, съ озабоченнымъ и важнымъ видомъ хозяина запирающій ворота, возбудили любопытство катающихся. Они остановились.

— Осмотрѣть можно?—спросилъ изъ экипажа молодой женскій голосъ.

Мериве улыбнулся, очень польщенный.

— Осмотрѣть? Зачѣмъ? Въ церкви нѣтъ ничего любопытнаго. Но каждое воскресенье въ девять часовъ у насъ бываетъ месса и проповѣдь, и я ручаюсь вамъ, что нигдѣ нѣтъ такой мессы, какъ въ нашемъ маленькомъ приходѣ.

Онъ поклонился и направился къ себѣ домой черезъ дорогу въ полномъ удовольствіи отъ тѣшившаго его тщеславіе молодого женскаго голоса, читавшаго вслухъ надпись:

Наполеонъ Мериве,
Кавалеръ ордена Святого Григорія Великаго,
Соорудилъ эту церковь...

VI.

Дневникъ князя.

*А. В. де-Валлонгу,
въ коллегію Станислава.*

Ваше письмо, мой милый Вильки, переслано мнѣ изъ Мессины, которую я вамъ обозначилъ, какъ первый портъ моего кругосвѣтнаго путешествія, прерваннаго совершенно неожиданно.

Впечатлѣніе, произведенное моимъ бѣгствомъ на персоналъ училища, рѣчь директора въ столовой, молитва отца Салиньона о скорѣйшемъ возвращеніи заблудшаго чада, всѣ прелестныя и обстоятельныя ваши рассказы о первыхъ дняхъ, слѣдовавшихъ за моимъ отъѣздомъ, отлично позабавили меня, въ чемъ я весьма нуждался, такъ какъ не однѣ розы даетъ ремесло похитителя. Еще разъ простите и примите мою благодарность за трудъ, который вы приняли на себя, доставляя въ Гробургъ мой скарбишко подъ проливнымъ дождемъ, и не взыщите также за весьма діятный завтракъ, которымъ васъ, навѣрное, угостили тамъ на великолѣпномъ серебрянѣ съ фальшивыми гербами. Меня не обманете, я хорошо знаю, что тамъ кормятъ, когда герцогиня дома. Въ разгаръ сезона фруктовъ васъ за десертомъ потчивали черносливомъ и всякимъ сухояніемъ. А сама герцогиня была въ прескверномъ расположеніи духа отъ того, что я опять запросилъ у нея фондовъ. При подобныхъ обстоятельствахъ кровь барона Сильва бушуетъ и вопіетъ противъ

меня. Не такъ легко объяснима мрачность моего отца, если, какъ вы говорите, его ноги поправляются со дня на день. Ему бы снѣтъ надо было. Что касается маэстро Жана, моего бывшего учителя, то его словечко *кавата*, которое онъ шепнулъ вамъ, говоря о своемъ ученигѣ, имѣеть лишь отдаленное отношеніе къ ящику для галстуковъ, куда я сваливаю письма и другой любовный хламъ... «У него есть *кавата*» значитъ, что я непреодолимый мастеръ по части женскаго пола. Бѣдный малый легко могъ убѣдиться въ этомъ въ качествѣ усерднаго свидѣтеля моихъ амуровъ, которыми онъ сопровождалъ на своей виолончели... Да, маленькая колокольня на возвышеніи, съ нѣсколькими домиками кругомъ, которые вы видѣли сквозь дождь, на зеленомъ фонѣ Сенарскаго лѣса, и есть, именно, церковь села Узелли. Въ округѣ ее называютъ «маленькимъ приходомъ».

.....

Тамъ-то я однимъ раннимъ утромъ прошедшаго мѣсяца, на разсвѣтѣ, поджидалъ мою любовницу, мадамъ Ф..., сидя въ экипажѣ съ гербами и ливрейными слугами Гробурга, что не лишено нѣкоторой дозы отчаянности, какъ вы согласитесь. Восхитительный Александръ все оборудовалъ для нашего бѣгства, — доставилъ деньги, написалъ маршрутъ. Рекомендую вамъ этого молодца; дорогъ онъ, правда, но неподражаемъ.

Домчались лѣсомъ до Мелёна, по желѣзной дорогѣ—до Лиона, нѣсколько часовъ отдыха—и пустились въ Басси, куда приѣхали на слѣдующій день вечеромъ. Все путешествіе — волшебство. Эта красивенькая дѣвчонка выпрыгнула съ постели прямо въ мою карету, не успѣла даже застегнуть лифъ... Наши первыя объятія облиты ароматомъ мяты и брызгами росы, воображеніе опынено мыслью, будто насъ преслѣдуютъ въ этой безумной скачкѣ по лѣсу, вѣтви хрустятъ, листья бьютъ по стекламъ, и при всемъ этомъ чудное и дикое наслажденіе тѣмъ, что все это мы дѣлаемъ наперекоръ всякимъ правиламъ и обязанностямъ, охотимся на запретныхъ земляхъ... Наконецъ, Басси, море, въ концѣ набережной яхта *Bleu-blanc-rose* съ парусомъ на половинѣ мачты, поджидающая насъ только, чтобы развернуть крылья. Все это... о, все это архи-восхитительно!

Но едва только мы пустились въ путь дивнымъ вечеромъ, зеленымъ и лиловымъ, едва только моя подруга и я начали вкушать всю полноту наслажденій, обнявшись и лежа на палубѣ, убаюкиваемые прелестнымъ хоромъ мужскихъ голосовъ съ неаполитанскаго ловца коралловъ, державшаго одинъ курсъ съ нами и съ

вавшего свои веселыя пѣсни съ тихимъ рокотомъ воды подъ килемъ, съ шелестомъ вымпела на верху мачты, какъ — *horrible, most horrible!* — мою возлюбленную забрала жесточайшая морская болѣзнь, не дававшая ей передышки во всю ночь, во весь слѣдующій день, и заставившая насъ отложить плаваніе на мѣсяць, на два мѣсяца, можетъ быть, навсегда. Болѣе полного фіаско представить себѣ невозможно. Я говорилъ вамъ, какую восхитительную подругу путешествія я выбралъ себѣ изъ столькихъ другихъ, — смѣлую и предприимчивую, страстно увлеченную моремъ и плаваніями, умѣющую править рулемъ и крѣпить шкотъ не хуже, чѣмъ я, — настоящей типъ жены мореплавателя. Все пошло къ чорту! Надо же было, чтобы съ нею сдѣлалась морская болѣзнь... да какая! — ужасная, неизлечимая.

Что оставалось дѣлать? Отказаться отъ моего чуднаго путешествія? Отпустить яхту въ Кардифъ, оставивши добрѣйшему капитану Нюитту полторы тысячи ливровъ, выданныя впередъ за три мѣсяца? На это у меня рѣшимости не хватило, какъ и на то, чтобы буржуазно засѣсть въ какой-нибудь виллѣ на берегу Люцернского или Женевского озера, а потомъ перебраться на итальянскія озера съ моею графиней... Графъ и графиня дезъ-Узелль — это мы для сосѣдей за общимъ столомъ и для записей въ отеляхъ. Житье вдвоемъ, при такихъ условіяхъ, это — самоубійство скугой, если человѣкъ не влюбленъ или не страдаетъ грудною болѣзнью. Нѣтъ, это не мой жанръ, и не вашъ, надѣюсь, Валлонгъ.

Чтобы дать себѣ время все обдумать, я задвинулъ свою яхту подъ огромную скалу Монако и нанялъ первый этажъ одного изъ каравансараевъ Монте-Карло, величественно группирующихся вокругъ игорнаго дома. Хотя теперь и не сезонъ еще, но вокругъ столовъ рулетки цѣлая толпа, толпа исключительно иностранцевъ. Въ первые дни я выигралъ большія деньги, потомъ проигралъ и добавилъ къ нимъ оставшіяся у меня въ карманѣ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ франковъ. На мою задачу случилось такъ, что Александра не было дома, чтобы тотчасъ отвѣтить на мое требованіе выслать денегъ, и мнѣ пришлось взять обратно у капитана Нюитта все, выданное ему впередъ. Можете себѣ представить его разочарованіе, его ужасъ. А чѣмъ платить экипажу, *by God?* а не содержаніе мистрисъ Нюиттъ? Ровно восемь дней я вынужденъ былъ слушать весь этотъ вздоръ съ уморительнѣйшими варіаціями капитана, его помощника, баталера, съ добродушными англійскими мѣщанами, унылыми, отчаянными, преслѣдующими меня повсюду, въ почтовомъ бюро, за игорнымъ столомъ, бродящими за мною,

точно фантастическія и потѣшныя тѣни, по бѣлымъ террасамъ отеля, по тѣнистой дорогѣ въ Монако. Наконецъ, прибыли галіоны, каптанъ, его супруга, экипажъ убоготорены и довольны, я про-должаю играть, такъ какъ дни необыкновенно длинны, но уже за-страхованъ напередки отъ всякихъ увлеченій.

Вначалѣ моя возлюбленная была въ страшномъ горѣ отъ не-удачи, постигшей насъ по ея винѣ, по скоро примирилась съ этимъ, благодаря превосходнымъ инструментамъ Плейэля и невзыскатель-ной аудиторіи нашей виллы. Добавьте къ этому наслажденіе ком-фортомъ, роскошью и ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе слы-шать, какъ метръ-д'отель величаетъ: «madame la comtesse», вхо-дить въ столовую подъ руку съ графомъ. Титулы, гербы — завѣт-ная мечта этой безродной дѣвочки, воспитанной въ сиротскомъ приютѣ и съ дѣтства воображающей, будто она аристократическа-го, архи-аристократическаго происхожденія. Правда, она достаточно изящна, талія нѣжная и гибкая, видъ легко становится высокобѣ-рымъ, лобъ узкій, превосходно обрамленный волосами, но большія ноги и большія руки настолько же удобны для фортепіано, для кла-вишъ и педали, насколько мало убѣдительны относительно проис-хожденія. Полюбила ли бы она меня, еслибъ я не былъ сыномъ герцога и не имѣлъ бы самъ княжескаго титула? Сомнѣваюсь. Она еще слишкомъ молода для того, чтобъ ее могла плѣнить моя юность, какъ одну весьма зрѣлую баронессу, пріятельницу моей матушки, очень лакомую до свѣженькихъ щечекъ. Несмотря на мой ростъ и сложеніе, мои восемнадцать лѣтъ скорѣе стѣсняють ее, какъ и на-пвность и несмысленность, которыя она предполагаетъ во мнѣ. Бѣдная дѣвочка!

Che volete? Есть еще на свѣтѣ сентиментальныя женщины. Моя любовница изъ тѣхъ, что способны вамъ сказать: «Приди, по-плачь на моемъ плечѣ». Къ слову, расскажу вамъ, мой милый Вильки,—быть можетъ, пригодится при случаѣ,— какъ мнѣ уда-лось преодолѣть ея послѣднія сопротивленія. Мы были одни, вече-ромъ, въ маленькомъ домикѣ въ глубинѣ парка. Какихъ ухищреній мнѣ стоило завести ее туда!... И представьте,—ничего больше... ни просьбы, ни мольбы, ничто не беретъ. Какъ нарочно, чтобы сдѣ-лать меня окончательно смѣшнымъ,—въ подобные моменты оч-нь легко оказаться смѣшнымъ,— мнѣ попадаетъ въ глазъ какая то соринка. Я усиленно тру глазъ, продолжая мою атаку. Глаза в-нѣютъ, наворачиваются слезы, и вдругъ я чувствую, что моя д-на уступаетъ: «Ты плачешь?... ты сомнѣваешься въ моей любви .. О, не плачь, не сомнѣвайся!» Это недоразумѣніе длится до с-кѣ

порь,—она думаетъ, будто я необыкновенно влюбленъ, хотя сама не особенно сильно меня любитъ.

Не любопытная ли штука, что она пустилась въ такую авантюру съ довольно умѣреннымъ запасомъ горючаго матеріала страсти? Правда ли, какъ она увѣряетъ, что «ей прискучило лгать»? А, между тѣмъ, это вовсе не такъ скучно, и въ поедингѣ между мужчиной и женщиной оружіе слабыхъ, дѣтское и женское оружіе, хорошенькая ложь, тонкая и изворотливая, сплетенная маленькими артистическими ручками, представляется мнѣ очень пріятною игрой... Нѣтъ, не ложь ей наскучила, а очень просто, сама она заскучала. Жертва монотонной жизни и бездѣлья, она предпочла отдаться всѣмъ капризамъ моихъ восемнадцати лѣтъ, всѣмъ опасностямъ монгольфера на соломенномъ огнѣ. На что она рассчитываетъ? Допуская даже, что ей удалось бы развестись съ мужемъ, у меня найдется тысяча оснований для того, чтобы не жениться на ней,—мои годы, мое положеніе... Въ тому же, о разводѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Ея мужъ, г. Ф..., котораго считали невозмутимымъ толстякомъ, лопнуть готовъ отъ бѣшенства, какъ сообщаетъ мнѣ Александръ, и въ одно прекрасное утро можетъ нагрянуть, обрушиться на насъ. Впрочемъ, ревность мужа кажется мнѣ менѣе опасною, чѣмъ ревность моего отца, генерала.

Да, милый мой Валлонгъ, отецъ ревнуетъ меня, безъ ума влюбленъ въ мою любовницу, которая очень глубоко въ сердцѣ хранитъ къ герою Виссембурга болѣе нѣжное чувство, чѣмъ къ его невинному сыночку. Жалость ли породила это чувство, или оно существовало до болѣзни генерала? Этого я не знаю. Но видѣлъ я нѣсколько мѣсяцевъ кряду, какъ она у рояля, онъ въ своемъ креслѣ на колесахъ обмѣнивались взглядами, болѣе краснорѣчивыми, чѣмъ слова, и я часто соображалъ, что съ этого рода любительницею ворковать нашъ калѣва, увѣнчанный сѣдинами и славой, очень опасный соперникъ. Старикъ, съ своей стороны, смекалъ про меня, побаивался моей *каваты*, убѣжденный, что пѣльда останется за мною, по милости моихъ ногъ и всего того, чего не хватаетъ у него. А сколько я, должно быть, надѣлалъ ему непріятностей, въ особенности, когда она пріѣзжала днемъ въ Гробургъ, и я водилъ ее по все му дому и по саду! Представьте себѣ только обезножившаго Донъ-Жуана, хитрѣйшаго изъ самыхъ ловкихъ, такого, котораго не проведешь, какъ онъ говоритъ, и который всю жизнь самъ всѣхъ проводилъ,—представьте вы себѣ такого челоуѣка привинченнымъ къ креслу, вынужденнымъ издали посматривать, сквозь оконныя стекла, и твердить себѣ все время: «Гдѣ они? Что они дѣлаютъ?» По-

дозрительный, истомленный, едва ползающий, чтобы подслушивать у дверей, безильный и плачущий, таковъ-то былъ мой отецъ. Отлично понимаю, что, желая отдѣлаться отъ этой пытки, онъ надумалъ законопатить меня въ Станиславку! На что я и отвѣтилъ неукоснительно сугубымъ улепѣтываніемъ молодого человѣка и предмета нѣжной страсти. Теперь очень легко можетъ статься, особливо, послѣ неудавшагося плаванія на яхтѣ, оставившаго насъ подъ его лапами, что отецъ воспользуется моимъ несовершеннолѣтіемъ и запрячетъ меня въ Гробургъ и даже опять въ Станиславку. Нѣтъ, слишкомъ забавно было бы снова очутиться въ приготовительномъ... заодно бы ужъ и съ любовницей. Нашъ мундирчикъ былъ бы ей къ лицу. И вотъ такой-то развязки она, конечно, не предвидѣла.

Задумывается ли она, впрочемъ, надъ чемъ-нибудь?—на это я затрудняюсь отвѣтить, и, сказать правду, очень необыкновенна эта замкнутость, эта затаенность другъ отъ друга двухъ существъ, живущихъ бокъ-о-бокъ, спящихъ подъ однимъ мустикеромъ*). Воображаю порой ея вопль ужаса, еслибъ она вдругъ заглянула въ мое нутро, въ самую глубину, настолько темную и непонятную, что я самъ въ ней путаюсь и самому мнѣ страшно становится. Что бы съ нею было, еслибъ она туда забралась, если бы только прочла вотъ это письмо? Сразу, напавалъ была бы убита та небольшая любовь, которую она, быть можетъ, питаетъ ко мнѣ, хотя возможно и совершенно обратное. Не припомню, какая-то герцогиня блистательнаго вѣка говорила, будто женщина тогда только сполна любить мужчину, когда немного презираетъ его. Каково же было бы, если бы надоѣвшей мнѣ любовницѣ я показалъ себя такимъ, какой я на самомъ дѣлѣ, и этимъ ея увлеченіе превратилъ бы въ страсть? Нѣтъ, ужъ лучше пусть дѣло идетъ, какъ угодно судьбѣ и фурьерскимъ святынямъ, къ которымъ моя красавица питаетъ самую слѣпую вѣру,—насколько слѣпую, что, убѣжавши изъ дому чуть не голою, она въ Лионѣ, прежде чѣмъ купить рубашку, кинулась на богомолье въ Фурьеръ и запаслась тамъ освященными медальончиками и ладонками.

Изъ иностранцевъ, болѣе или менѣе невѣдомаго происхожденія, живущихъ въ нашемъ отелѣ или приходящихъ только обѣдать, мы сошлись съ молодою четой Нанzenовъ. Мужъ—шведъ, профессоръ какого-то тамъ университета, выхлопоталъ себѣ для поправки здоровья командировку на югъ Италіи. Онъ возвращается отъ да женатымъ, восемь мѣсяцевъ назадъ, на прехорошенькой дочкѣ ю-

*) *Мустикеръ*—пологъ изъ тюля у кровати для защиты отъ комаровъ.

держателя гостиницы въ Палермо. Медовый мѣсяцъ преисполненъ страсти, парная запряжка Сѣвера съ Югомъ представляетъ забавѣйшій контрастъ. Мужъ—рыжій, въ очкахъ, вроткій, чахлый, съ свалившеюся грудью, съ блѣдными и тусклыми глазами. Кто-то сказалъ: «Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ безцвѣтнѣе и безжизненнѣе становятся глаза». Совсѣмъ не таковы чудесные близорукіе глаза Нины, мадамъ Нанзенъ, двѣ соблазнительныхъ, свергающихъ ягоды чернаго винограда на великолѣпной итальянской кожѣ. Дамочка немного толста, но очень мила своею молодостью и естественностью, такъ и льнетъ къ мужу со смѣхомъ обожаемой любовницы, съ дрожью счастливаго растенія, нѣжащагося и распускающагося на солнцѣ. Наше появленіе въ отелѣ, куда они приходятъ кушать изъ сосѣдней виллы, нарушило ихъ семейную гармонию. Красивые туалеты моей парижанки, ея высокоиѣрная сдержанность производили видимое впечатлѣніе на господина Нансена, который вдругъ сталъ замѣчать, что у его Нины корсажи слишкомъ ярки, а видъ слишкомъ простъ. Но бѣдный малый черезъ-чуръ робокъ и ни малѣйшей надежды не подаетъ на то, что когда-нибудь потрудится смѣнить меня съ вахты, какъ бы ему ни хотѣлось этого, да и мнѣ, быть можетъ, тоже. Чѣмъ обуславливается такая робость, очень заурядная у мужчинъ и совсѣмъ незнакомая женщинамъ? Я говорилъ вамъ о господинѣ Пумъ-пумъ, Нанзенъ напоминаетъ его своею робостью. Это такого сорта люди, что спотыкаются, какъ только на нихъ посмотришь, имъ нужно сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы войти въ магазинъ, и на улицѣ они жмутся къ стѣнѣ, желали бы продать ея и исчезнуть. Пумъ-пумъ, удостоивавшій меня всяческихъ откровенностей, рассказывалъ про одного своего пріятеля, который напивался пьянымъ для того, чтобы осмѣлиться быть нѣжнымъ съ своею женой. Я всегда подозрѣвалъ, что такой пріятель—онъ самъ. Мой датчанинъ такой же молодчина. Разъ въ салонѣ онъ игралъ тятучій вальсъ Брамса и въ какомъ-то упоеніи не спускалъ глазъ съ моей любовницы. Я стоялъ около него и тихо сказалъ: «Берегитесь, Нанзенъ, вѣдь, замѣтно...» Въмѣсто того, чтобы спросить, что замѣтно, онъ сильно покраснѣлъ и уронилъ очки на клавиши.

Когда я дразнилъ Лидію ея безмолвнымъ обожателемъ, она отвѣтила, улыбаясь: «А мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ равнодушны къ его женѣ...» И вправду, Нина волновала меня двойною таинственною привлекательностью молоденькой жены и чужеземки, въ авось еще сильно влюбленной въ мужа. Поняла ли это моя любовница? Не боязнь ли заставила ее вдругъ рѣшиться уѣхать изъ Монте-Барло? Какъ бы то ни было, разъ утромъ, съ недѣлю на-

задъ, когда капитанъ Нюйттъ флегматически пришелъ за приказа- ніями, она объявила, что готова пуститься въ море, несмотря на предостереженія врачей. Мы условились добраться до Генуи и въ томъ случаѣ, если это короткое плаваніе не повредитъ ей, отпра- виться на Мальту и дальше.

— Не взять ли намъ съ собой Нанзеновъ до Генуи? — предло- жилъ я небрежнымъ тономъ.

Она попыталась въ глубинѣ моихъ глазъ высмотрѣть мои мыс- ли, что совсѣмъ не такъ легко, и, по обыкновенію, очень гордо рѣшила:

— Возьмемъ Нанзеновъ.

Въ тотъ же день, въ два часа, наша яхта выходила изъ Мо- нако подъ всѣми парусами. Но передъ вечеромъ, противъ Венти- милы, на насъ налетѣлъ хорошенькій шкваликъ, съ градомъ, съ молоньей, громомъ. Мадамъ Ф... повалилась на постель, недвижи- ма и безгласна, совсѣмъ въ агоніи. Рядомъ, въ салонѣ, освѣщае- момъ молніей, отдавалъ Богу душу, забывши про любовь, Нанзенъ. Мы могли бы, я и его жена, цѣловаться и обниматься при немъ, какъ намъ угодно, и онъ не въ состояніи былъ бы шевельнуть пальцемъ. Но бѣдной Нинетъ не до того уже было. Обезумѣвши отъ страха, она весь вечеръ провела на колѣняхъ, вцѣпившись въ кресло своего супруга, и каждый разъ, когда молнія сверкала въ иллюминаторъ, она отчаянно крестилась, рыдала, выкрикала: «Свя- тая Варвара, святая Елена, святая Марія Магдалина!...» Чтобы за- тѣять флиртъ при такихъ условіяхъ, мнѣ надо было бы имѣть ро- мантическую и богохульную душу одного изъ героев Эжена Сю.

На слѣдующій день оказались новыя осложненія. У Нанзена, вслѣдствіе его болѣзни, появилось сильное кровохарканіе, и намъ пришлось высадиться въ Сень-Ремо, чтобы скорѣе подать меди- цинскую помощь нашимъ больнымъ. Вечеромъ, въ то время, какъ наша яхта дѣлала огромныя усилія, чтобы занять подъ скалою Мо- нако свое мѣсто рядомъ съ яхтой его высочества, мы всѣ возвра- тились въ Монте-Карло по Карнизу. Въ гостиницѣ меня ждало письмо папаши, — воинственный трубный гласъ, взымающій о че- сти, о родинѣ. Въ теченіе столѣтія, одинъ изъ насъ, Доверней, не- измѣнно былъ подъ знаменами и занималъ видное мѣсто. Если завтра вспыхнетъ война, если Франціи потребуются ея сыны, то же изъ насъ станетъ на ея защиту? Слѣдуютъ четыре страны и прекрасной лирики, сводящейся, въ концѣ-концовъ, къ тому, что я побудить меня бросить мою любовницу и поступить въ Сень-Си

Нечего вамъ говорить, насколько холоденъ я остался къ воинственнымъ призывамъ.

Война мнѣ противна, я считаю ее дѣломъ глупымъ и грязнымъ. Есть только два способа смотрѣть на поле битвы: вертикальный, — это взглядъ кавалериста, бодро мчащагося на конѣ, съ саблей наголо, съ надлежащею порціей водки въ головѣ, — и горизонтальный — взглядъ раненаго, съ распоротымъ брюхомъ, валяющагося въ крови и въ гадости. Я смотрю на войну только съ этой послѣдней точки зрѣнія, что возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе, если не страхъ. На другой день Виссенбургскаго сраженія мой отецъ такъ выразился о немъ: «Накрошили тамъ мяса...» Мнѣ война представляется бойней, переполненной мясомъ, нарубленнымъ и передавленнымъ колесами, а никакъ не движеніями блестящихъ массъ и живыхъ людей. Я, однако, совсѣмъ не изъ трусливыхъ. Посмотрѣли бы вы на меня въ ту ночь, когда насъ съ молодецкимъ экипажемъ *Bleu-Blanc-Rouge* окунало носами въ укусъ, я не поморщился. Нѣтъ, въ свое время и я покажу себя не хуже всякаго другого, только мнѣ противна бойня. Кромѣ того, всѣ эти слова: отечество, знамя, фамильное имя являются для меня отголосками притворства, пустыми звуками. Таковы же и вы, мой милый Валлонгъ, съ тою лишь разницей, что въ васъ это результатъ ученья и работы мысли, послѣдствіе завоеванія нѣмецкою философіей вашей головы и головъ множества молодыхъ французовъ, — завоеванія болѣе серьезнаго, чѣмъ захватъ Эльзаса и даже Лотарингіи. Кантъ, Гартманъ, въ особенности же тотъ, знаменитый, — вы знаете, кого я разумѣю, — разнесли передъ вами одну за другою всѣ декораціи жизни. Анализъ чувствъ и ощущеній уничтожилъ въ васъ способность чувствовать.

Ну, а я то, — я, ничего не знающій, ничего не читавшій, ничему не учившійся, — какъ же я дошелъ до той же степени нравственнаго утомленія и немогучести? Почему, едва доживши до восемнадцати лѣтъ, я уже сухъ и дряхлъ душой? Съ чего явилось во мнѣ презрѣніе ко всякой обязанности, къ какому бы то ни было дѣлу, отрицаніе какихъ бы ни было законовъ?... Съ моимъ именемъ, съ моимъ состояніемъ и молодостью, я чувствую въ себѣ душу анархиста. Отчего это? Вамъ я говорю все, Валлонгъ, вы меня знаете насъ возъ, — постарайтесь же выяснитъ меня мнѣ самому. Считаете ли вы меня, — какъ то можно заключить, повидимому, изъ вашего письма, — просто за продуктъ новой школы, за образецъ самаго послѣдняго фасона? Въ такомъ случаѣ старшее поколѣніе будетъ удивлено. Я знаю, что приходящіе на смѣну не похожи на тѣхъ,

кого они смѣняють, но на этотъ разъ, если судить по моему отцу и по мнѣ, окажется, что уничтожены всѣ мосты между двумя поколѣніями, и взаимное непониманіе съ обѣихъ сторонъ можетъ дойти до ненависти.

Само собою разумѣется, что я по-своему читалъ письмо генерала и въ посланіи усмотрѣлъ признаки его возврата къ жизни и желаніе увидать опять милую его сердцу мадамъ Ф..., на которую,—долженъ въ томъ сознаться,—пылъ воинственнаго краснорѣчія произвелъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ на заблудшаго сына. У моей сентиментальной подружки глаза затуманились слезами. Съ нѣкоторыхъ поръ, впрочемъ, припадки такой чувствительности являются у нея довольно часто и даже нѣсколько тревожатъ меня. Вотъ былъ бы вазусъ-то!... Тутъ, однако, слезы изливались изъ совершенно моральнаго источника: я видѣлъ ея волненіе, ея готовность на величайшія жертвы. А, старый драбантъ! Письмо сочинялось не столько для меня, сколько для той, кто прочтетъ его изъ-за моего плеча, вспоминая объ авторѣ. И я ожидаю теперь еще болѣе энергичнаго наступленія. Возможно, что онъ явится самолично раздѣлывать хорошенькую сцену мелодрамы, попытается хватить по двумъ литаврамъ, за одинъ разъ спаять свою возлюбленную и своего юнца. Такъ я и стану его ждать тутъ!... Въ тому же, рулетка уже не занимаетъ меня, еще одно впечатлѣніе пролетѣло въ трубу. Не стоило изъ-за него жариться подъ ослѣпительнымъ африканскимъ солнцемъ, глотать раскаденную пыль, терзать свой слухъ оглушительнымъ стрекотаніемъ кузнечиковъ.

Всего лучше было бы выбраться отсюда на моей яхтѣ, поручивши Лидію друзьямъ, которые доставили бы мнѣ ее сухимъ путемъ въ какой-нибудь укромный уголокъ Бретани или Италіи. Но кому поручить? Нанзенамъ конецъ... Я забылъ вамъ сказать, что несчастный ученый умеръ отъ скоротечной чахотки на другой день послѣ нашего возвращенія. И вотъ, по этому-то поводу, я имѣю предложить на ваше разрѣшеніе, господинъ философъ, какъ моему духовнику, нѣкое приключеніе, диковинное и таинственное, почти непередаваемое.

Нашъ шведъ отбылъ «къ праотцамъ». Два дня мы были заняты его смертью: моя возлюбленная цѣлыми часами сидѣла обѣ доведенной до отчаянія вдовушки; я и мой добрѣйшій Нюйттъ, сикуру котораго я ни чуть не щажу, занимались хлопотами о трѣномъ гробѣ, дубовомъ, свинцовомъ и сосновомъ, для доставленія покойника въ родную страну, а также вопросами о его переездѣ, о транзитѣ. Мы, буквально, только этимъ шведомъ и жили те

могли отдѣлаться отъ его праха ни за столомъ, ни во снѣ. На третій день, вчера утромъ, моя графиня сказала мнѣ:

— Вамъ слѣдовало бы пойти къ Нинѣ... Вы были такъ добры и услужливы, она желала бы васъ поблагодарить.

Ничего не можетъ быть банальнѣе такого визита. Почему же я такъ волновался, такъ страстно волновался, входя въ маленький садикъ виллы Нанзеновъ, расположенной въ овражкѣ, въ десяти минутахъ ходьбы отъ моря? Было ли это вліяніе сирокко, аромата олеандровъ? Я чувствовалъ, что во рту у меня пересыхаетъ, руки горять, что весь я захваченъ чувственнымъ туманомъ, не мѣшавшимъ мнѣ, все-таки, думать о смерти... Да и могъ ли я не думать о ней, когда она вездѣ тутъ царила, все наполняла тою неурядицей, тою растерянностью, которыя она всюду вноситъ съ собою? Окна перваго этажа растворены настежь, одно герметически закрыто въ комнатѣ, откуда просвѣчиваетъ желтоватый отблескъ свѣчей среди бѣлаго дня, и вездѣ, даже въ саду, даже подъ олеандрами, чувствуется мерзкій запахъ лѣкарствъ и строганаго дерева новаго гроба.

Я прождалъ пять минутъ въ пріемной нижняго этажа, сидя на диванѣ. Послышались шаги на лѣстницѣ. Вошла Нина. Я говорилъ вамъ, кажется, что ничего ровно не было между мною и этою женщиной. Наканунѣ ея несчастья, мы цѣлый вечеръ смѣялись и шутили съ нею на террасѣ гостиницы. Не болѣе, какъ веселый флиртъ, но, какъ ни забавляло ее мое ухаживаніе, она, главнымъ образомъ, занята была своимъ мужемъ, сидѣвшимъ съ моею любовницей у рояля за сонатой въ четыре руки. Съ тѣхъ поръ я не видалъ Нину. Скажите же мнѣ, почему я былъ *такъ увѣренъ* въ томъ, что должно случиться?.. Она вошла очень блѣдная, наскоро одѣтая въ гладкое черное платье, плотно облегавшее ее, не стянутый корсетомъ, гибкій станъ. Ясно обрисовывалось красивое тѣло итальянки. Глаза искрились изъ-подъ припухшихъ, покраснѣвшихъ вѣкъ. Она, молча, опустилась на диванъ рядомъ со мной, наши руки встрѣтились, и все во мнѣ вспыхнуло... «А, мосье Шарлей!»... Въ тотъ же мигъ я прижималъ ее къ моей груди, наши губы сливались въ долгомъ, лихорадочномъ поцѣлуѣ... Какъ разъ въ эту минуту вошла хозяйка виллы спросить пару простынь и изъ зубъ у меня вырвала такой случай, какого уже не дождешься.

Какъ бы то ни было, какого вы объ этомъ мнѣнія, мой философъ? Подъ вліяніемъ какой дьявольской реакціи эта женщина отрывалась отъ покойника, котораго она любила и оплакивала, чтобы кинуться безсознательно въ мои объятія? Отъ гробовъ ли вѣетъ

дыханіемъ сладострастія, или же, просто, жизнь свое стремится навестать въ неудержимыхъ и неотложныхъ порывахъ? Я убѣдёнъ, что врачи знаютъ больше, чѣмъ говорить, по части такихъ беспорядочныхъ и извращенныхъ увлеченій, которыми они, вѣроятно, часто пользуются. Я самъ, въ иной разъ, при еще болѣе ужасныхъ обстоятельствахъ, уже испыталъ таинственную силу... любви и смерти, Валлонгъ!

Я предполагалъ отправить вамъ мой дневникъ лишь тогда, когда будетъ рѣшенъ вопросъ о новомъ мѣстѣ моего пребыванія, но произошло нечто совсѣмъ неожиданное. Сюда явился не папаша мой, а Отелло. Сегодня утромъ къ намъ вошелъ, щеголемъ, по обыкновенію, но съ растеряннымъ лицомъ мосьё Александръ, который со времени моего отъѣзда шпионить, по порученію моихъ родителей, за мужемъ мадамъ Ф... и пріѣхалъ сюда въ одномъ поѣздѣ съ нимъ. Бѣ счастью, свирѣпый мужъ рыскаетъ по Монаго, думая, что мы тамъ скрываемся, и это даетъ намъ время предпринять что-нибудь.

Скоро получите новыя вѣсти. Дѣло оказывается довольно серьезнымъ. Но я провѣряю себя, — пульсъ спокоенъ.

VII.

Интермеццо.

Покинувши старика Мериве послѣ разговора у маленькой церкви, Ричардъ наткнулся на мосьё Александра, и холопья улыбка, и чудящаяся въ ней насмѣшка точно внезапнымъ свѣтомъ озарили голову несчастнаго Фенигана.

— Гдѣ они, мерзкіе?... Этотъ лакей знаетъ, знаетъ изъ Гробурга, а наша Розина знаетъ отъ Александра.

И онъ зашагалъ по горячему уже шоссе, а его короткая тѣнь рядомъ съ нимъ вторила жестамъ, сопровождавшимъ его раздраженный монологъ.

Какъ же я глупъ, что не сообразилъ этого раньше и ходилъ позванивать у рѣшетки почтовой конторы!... Лишь бы теперь эта дѣвочка сказала... О, скажетъ, не то...

Какъ разъ Розина Шюшень, съ своею востренькою мордочкой, показавшись въ маленькой двери съ двумя ступеньками, откуда такъ недавно чуть не убила своего хозяина сообщеніемъ объ извѣщеніи Лиди. Въ нарядной шляпкѣ и маленькихъ башмачкахъ, въ лодочномъ молитвенникомъ въ рукахъ, горничная, повидимому, поджидала кого-то. Она посторонилась передъ Ричардомъ, улыбаясь

неопредѣленною и подобострастною улыбкой, въ выраженіи которой можно увидать все, что угодно. Ричардъ перевернулъ ее обѣими руками и притиснулъ къ притолкѣ, захлопнувши дверь ногой.

— Гдѣ мадамъ?... Ты знаешь... Говори сію минуту... гдѣ мадамъ?

Онъ грубо ее встряхивалъ. Озадаченная горничная не сразу поняла и бормотала:

— Да нѣтъ, мосьё Ричардъ, не знаю я, гдѣ мадамъ... Она вернулась отъ обѣдни, здѣсь была ей депеша...

— Я спрашиваю про твою госпожу... про мою... мою жену.

Онъ съ усиленіемъ выговорилъ это слово.

— Она гдѣ?

И, видя, что дѣвушка собирается наггать что-то, онъ продолжалъ:

— Я никогда не путался въ твои исторіи, но отлично ихъ знаю... Понимаешь? Неужели ты воображаешь, что я не слышу, какъ приходитъ къ тебѣ любовникъ? Стоить мнѣ сказать одно слово, и моя мать вышвырнетъ тебя на улицу, а старикъ Шюшенъ...

— О, мосьё Ричардъ...

— Ну, не вертѣться. Когда Александръ имъ пишетъ, куда онъ адресуетъ письма?

Невольный трепеть здоровой деревенской дѣвушки ясно обнаруживалъ ея колебанія, покончила она, однако, тѣмъ, что шепотомъ выдала названія города и гостиницы. Ричарда точно по головъ ударили. Онъ думалъ, что бѣглецы далеко, за морями, что не догнать уже ихъ. Ему же говорили объ ихъ путешествіи въ Индію. И вдругъ, вмѣсто того, чтобы мчаться съ своею местию такъ недалеко, онъ почувствовалъ необыкновенное спокойствіе, не отказываясь, впрочемъ, отъ поѣздки, такъ какъ распорядился, чтобы Розина приготовила его дорожный мѣшокъ.

— Знаешь, тотъ чемоданчикъ, который я беру на охоту, когда ѣзжу на пруды въ Мержожи. Только смотри, моей матери ни слова. Ты говоришь, она куда уѣхала?

— На станцію въ Вильневъ, поѣхала въ коляскѣ.

— Мамаша—въ Вильневъ! Это зачѣмъ?

Мадамъ Фениганъ никогда не выѣзжала иначе, какъ къ обѣднѣ.

— Я не знаю, мосьё Ричардъ, но воспользуюсь ея отсутствіемъ, чтобы взять вашъ чемоданчикъ, оставшійся въ замкѣ.

Она была уже подъ шпалерой, когда Ричардъ крикнулъ:

— Пройди также въ мою комнату и захвати...

Онъ не зналъ, какъ приказать ей принести револьверъ, лежав-

шій въ его ночномъ столитѣ. Этимъ онъ ясно раскрылъ бы свои намѣренія, а потому и не договорилъ.

— Нѣтъ, ничего, я самъ пойду.

Осматривая пистолеть, онъ досадовалъ на себя за внезапное и необъяснимое спокойствіе.

«Что же это такое? Почему мысль, что завтра, въ этотъ самый часъ, я буду отомщенъ, если захочу, почему эта мысль такъ расхолодила меня? Неужели я совсѣмъ ужъ нигуда негодный чловѣкъ, или только не хватаетъ у меня рѣшимости?»

Чтобы подзадорить себя, подновить только что стихшій пылъ бѣшенства, онъ досталъ письма Шарлексиса къ Лидіи, которыя хранилъ въ шкатулкѣ, изъ желанія имѣть ихъ всегда подъ руками, передъ глазами. О, за этимъ дѣло не стало! Въ головѣ, немного затуманенной и отяжелѣвшей отъ духоты на воздухѣ, оживить воображеніе можно было только внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Такъ иные сластолюбцы прибѣгаютъ къ помощи книжки и картинокъ для возбужденія своихъ остывшихъ чувствъ. Эти письма Ричардъ зналъ наизусть, но, при чтеніи ихъ, фразы превращались въ образы, слова сверкали, точно взгляды.

Стукъ экипажныхъ колесъ оторвалъ его отъ этихъ видѣній. Его мать... уже вернулась!... Онъ быстро спряталъ письма, очень недовольный тѣмъ, что не уѣхалъ раньше, не повидавшись съ нею. Теперь придется выдумывать предлогъ для объясненія поѣздки, для избѣжанія слезъ и упрасиваній. И онъ ломалъ надъ этимъ голову, направляясь на встрѣчу матери, выходя на крыльцо, какъ разъ въ то время, когда экипажъ остановился у подъѣзда. Каково же было удивленіе Ричарда, когда онъ увидалъ, что козлы загромождены чемоданами, а рядомъ съ мадамъ Фениганъ сидитъ молодая женщина подъ ярко краснымъ зонтикомъ, въ такомъ же красномъ платьѣ, во всемъ красномъ, начиная съ шляпки и придерживающей ее шпильки и кончая шелковыми ажурными чулками, которые она показала, выпрыгивая изъ экипажа съ живостью ловкаго мальчика.

— Здравствуйте, Ричардъ, — вскрикнула она весело, помогая выйти изъ экипажа мадамъ Фениганъ, дѣлавшей знаки своему сыну.

Голосъ звучалъ молодо и свѣжо, съ милымъ мѣстнымъ акцентомъ, хорошо знакомымъ, почти близкимъ. Но Ричардъ все еще сомнѣвался, когда мать, входя на крыльцо подъ руку съ дамой въ красномъ, проговорила:

— Елиза, не узнаешь развѣ, кузина изъ Лоріана?

Рой воспоминаній, минуты влюбленности и счастья пронесли въ головѣ Ричарда. Передъ нимъ опять мелькала пухленькая

маленькая кузиночка, скачущая на лошади рядомъ съ нимъ по долинамъ Сентъ - Женеьевъ - де - Буа у дверцы ландо, въ которомъ Франсуа Бельгикъ, богатый подрядчикъ на плотничныя работы, и мадамъ Бельгикъ, урожденная де - Керкабелекъ, договаривались съ мадамъ Фениганъ о предстоящемъ бракѣ между ихъ дѣтьми, уже отлично поладившими между собою. На бѣду, маменьки были слишкомъ похожи другъ на друга для того, чтобы сговориться. Мадамъ Бельгикъ, урожденная де... и т. д., была бретонка, тесаная изъ цѣльнаго камня, тоже «добрый тиранъ», имѣвшая претензію всеми распорядиться такъ же точно, какъ она правила мужемъ, рукою твердой и поводьями крѣпкими. «Франсуа у меня не изъ бойкихъ», — говорила она при немъ, и мужъ всякій разъ только раскланивался и блаженно улыбался. Бойкости-то въ немъ, вправду, не было, и супружеское ярмо онъ несъ покорно. Ричардъ, при одной рѣзкой сценѣ между двумя «добрыми тиранами», вынужденъ былъ принять сторону матери противъ родителей дѣвушки, которую онъ уже ласкалъ взорами жениха. Онъ пожертвовалъ собой, главнымъ образомъ, по своей мягкости, по матеріальной невозможности сказать «нѣтъ», но въ глубинѣ души затаилъ истинное горе, стертное потомъ временемъ и болѣе глубокими ранами. Въ эти двѣнадцать лѣтъ мадамъ Бельгикъ, урожденная де-Керкабелекъ, успѣла отправиться къ своимъ праотцамъ. Франсуа, который былъ не изъ бойкихъ, съ горя о томъ, что пересталъ это слышать, последовалъ вскорѣ за своею супругой въ могилу. Элиза, выданная замужъ за флотскаго врача, злого и алкоголика, бившаго ее нещадно, выхлопотала себѣ право на отдѣльное жительство и распоряженіе имуществомъ, а потомъ получила разводъ, какъ только былъ востановленъ законъ о разводахъ. Мадамъ Фениганъ вначалѣ отнеслась къ этому съ полнымъ негодованіемъ истинно вѣрной католички. Въ свое время этотъ разводъ бывалъ даже поводомъ къ кислосладкимъ спорамъ между нею и ея снохой, причемъ взвизгиванія «милая мамаша» и «любезная дочка» обмѣнивались весьма злобными головами. Затѣмъ, когда сноха уѣхала и мадамъ Фениганъ увидела одиночество и печаль сына, котораго считала способнымъ довольствоваться одною ея материнскою нѣжностью, она измѣнила свой взглядъ на разведенную и даже на разводы. Она припомнила, что Элиза и Ричардъ любили другъ друга, и въ ней заговорило раскаяніе въ томъ, что она помѣшала ихъ браку, который избавилъ бы ихъ отъ многихъ огорченій. Раскаяніе было вполнѣ искреннимъ потому, въ особенности, что упокоеніе въ мирѣ супруговъ Бельгикъ все чѣло оставляло въ ея рукахъ власть, которую она такъ ревниво

охраняла. Тогда, безъ положительно опредѣленнаго еще рѣшенія, руководясь своимъ материнскимъ инстинктомъ и совѣтами своего духовника, дравейльскаго вюре, она втихомолку написала въ Лоріанъ кузинѣ, звала ее погостить въ Узелли, и кузина, не помня зла, тотчасъ же прикатила.

Ея прибытіе, первымъ дѣломъ, помѣшало немедленному отъѣзду Ричарда. Онъ отложилъ путешествіе до вечерняго поѣзда и завтракалъ, сидя противъ Элизы, очень довольный тѣмъ, что слышать опять ея звонкій смѣхъ, видить красивый разрѣзъ ея глазъ и ея ослѣпительныхъ губъ. Она принадлежала къ той породѣ избранныхъ, по которымъ всѣ житейскія невзгоды и катастрофы скользятъ, не оставляя за собою ни малѣйшаго слѣда. Послѣ столькихъ лѣтъ печали и слезъ, онъ видѣлъ ее все такою же беззаботно веселою, какъ въ былые годы, такою же, по-провинціальному, любительницей всего блестящаго и яркаго. И такъ же точно сверкали изъ-за яркихъ губъ ея мелкіе, ровные зубки, на смуглыхъ и розовыхъ щекахъ лежалъ такой же пушокъ слѣлаго персика, только плечи стали круглѣе, кожа—блѣдѣе, и болѣе умѣлымъ стало декольте, безстыдное и наивное, порядочно-таки смущавшее ея робкаго сосѣда за столомъ. Ричардъ ежеминутно отворачивался, исподтишка взглядывалъ и краснѣлъ, что восхищало милую родственницу, которой добрая маменька сказала очень просто:

— Мой сынъ болѣнъ, вылечи ты мнѣ его.

Только что кончился завтракъ, Элиза вскрикнула въ ужасѣ: «А моя сумка!»—маленькая сумка изъ красной кожи, въ которой она хранила деньги, бумаги, вещи, все свое достояніе. Вначалѣ никто особенно не встревожился. Въ теченіе часа со времени приѣзда чего-чего она ни растеряла? Всѣ были увѣрены, что сумка разыщется, какъ были найдены вѣреть, кольца, зонтикъ, разбросанные милою гостьей въ ея непрерывной суетѣ движеній и мыслей. Послѣ долгихъ поисковъ, пришлось, однако, сознаться, что маленькая сумка осталась въ вагонѣ или на станціи, такъ какъ старый кучеръ Либеръ удостовѣрилъ, что не видалъ ее въ ѡкинажѣ въ числѣ другихъ пожитковъ.

— Пусть Либеръ отправится опять на станцію,—сказала мадамъ Фениганъ.

— Благодарю васъ, кузина, меня это такъ беспокоитъ, что я сама поѣду.

— Элиза, я провожу васъ,—предложилъ Ричардъ.—Мы гдѣ-кажемъ запречь кабриолетъ, скорѣе доѣдемъ.

Болоколъ звонилъ къ завтраку служителей, и добрякъ хозяинъ

пошелъ запрягать самъ, чтобы никого не беспокоить и не терять времени.

Дамы остались однѣ, обоюдный порывъ увлечь ихъ въ объятія другъ другу.

— А, дитя мое, еслибы тебѣ удалось...

— Миѣ кажется, дѣло идетъ не очень плохо... Положитесь на меня, увидите...

— Ты находишь, что онъ измѣнился?

— Въ особенности, похудѣлъ, лицо осунулось... Такимъ онъ миѣ больше нравится. Вы говорили, что онъ такъ печалень, кузина, а онъ все время напѣваетъ что-то.

Она представила его пумъ-пумъ, бассовый аккомпаниментъ сонаты.

— Онъ такъ поетъ, когда о ней думаетъ,—сказала мать.

— Стало быть, онъ всегда думаетъ о ней... Возможно ли это послѣ того, что она съ нимъ сдѣлала?

— Ты этого не понимаешь... да и я тоже, милое дитя мое.

Ричардъ сидѣлъ уже въ кабриолетѣ и звалъ кузину. Она быстро сошла въ нему. Отъ Узеллей до Вильневъ-Сенъ-Жоржъ было слишкомъ два льѣ.

Въ легонькомъ экипажѣ, которымъ правилъ Ричардъ, они домчались менѣе чѣмъ въ полчаса. Въ то время, какъ кабриолетъ въѣзжалъ во дворъ станціи, загроможенный омнибусами и всевозможными экипажами, и тихо пробирался черезъ толпу разряженныхъ парижанъ, мосьё Александръ, въ шотландской шапочкѣ и съ дорожною сумкой черезъ плечо, свертывалъ сигаретку передъ пассажирскою залой и, съ видомъ превосходства скучающаго путешественника, которому предстоитъ долгій путь, посматривалъ на этотъ мелкій людъ, толгушійся по окрестностямъ Парижа. Извѣщенный Розиною Шюшенъ о намѣреніяхъ ея хозяина, потомъ о приѣздѣ кузины, онъ расцелъ, что Ричардъ можетъ уѣхать только съ вечернимъ скорымъ поѣздомъ и что, опередивши его нѣсколькими часами, самъ онъ явится въ-время, чтобы предупредить влюбленныхъ бѣглецовъ. Весь планъ его и всѣ гримасы были уже готовы: воспользоваться испугомъ, растерянностью первыхъ минутъ, спровадить князя на его яхтѣ, увезти его даму сухимъ путемъ и, разлукавши такимъ образомъ любовниковъ, возбудить въ нихъ обоюдное недовѣріе, насплетничать, сдѣлать невозможнымъ ихъ сближеніе.

Внезапное появленіе Ричарда въ шумной толпѣ, наполнявшей дворъ, разбило сразу всѣ эти предположенія. Изъ угла залы треть-

яго класса Александръ видѣлъ, какъ Фениганъ выпрыгнулъ изъ экипажа, прошелъ на платформу, видимо, для того, чтобъ отправиться съ тѣмъ же поѣздомъ. Какъ же быть въ такомъ случаѣ? Какъ пробраться въ вагонъ, не будучи замѣченнымъ? Какъ укрыться въ пути и тамъ, по приѣздѣ на мѣсто?... Вдругъ Ричардъ появляется вторично, помахивая маленькою красною сумкой, которую онъ издали показываетъ своей спутницѣ, оставшейся въ кабриолетѣ. Фениганъ усѣлся опять рядомъ съ нею, взялъ у нея изъ рукъ возжи и, не дотронувшись даже бичемъ до своей лошади, исчезъ въ улицахъ Вильнева, скрылся изъ глазъ подсматривавшаго за нимъ бывшаго метръ-д'отеля. Вправду ли пустится Ричардъ въ погоню за женой, или же съ приѣздомъ кузины измѣнились его намѣренія? Повидимому, ничто не обличало въ немъ свирѣпствующаго Отелло, думающаго о мести. Парижскій поѣздъ подкатилъ къ станціи, потрясая платформу, захлопали двери.

— Кому ѣхать въ Лионъ, Марсель, Ниццу...

Мосье Александръ простоялъ секунду въ нерѣшимости, потомъ, съ недоброю усмѣшкой на бритыхъ губахъ, вошелъ въ первый попавшійся вагонъ.

На обратномъ пути Элиза пожелала ѣхать болѣе дальнею дорогой.

— Я, какъ маленькая Красная Шапочка, — говорила она, смѣясь, — люблю окольные дороги, глухія тропинки, на которыхъ можно заблудиться, гоняясь за всѣмъ, что летаетъ, и за всѣмъ, что пахнетъ пріятно... Волка бояться?... Да никогда въ жизни!... Красная Шапочка умѣетъ съ нимъ справиться, и бояться надо за волка.

Опьяненная прелестью дня, быстротою ѣзды, радостью, что нашлись ея вещи, она въ самомъ дѣлѣ производила впечатлѣніе маленькой сказочной дѣвочки, какою она намъ представляется, въ ярко пунцовомъ головномъ уборѣ и съ звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ на устахъ. И они поѣхали вдоль Іера, маленькой темно-синей рѣчки, дремлющей въ густой тѣни, между зелеными берегами, свѣжесть которыхъ являлась поразительнымъ контрастомъ раскаленной бѣлизнѣ дороги.

«Берегись, берегись!» — и передъ быстро мчавшимся кабриолетомъ торопливо сторонились семейныя группы, переполняющія ревенскія дороги своимъ праздничнымъ разгуливаніемъ. Мелькаютъ крошечныя виллы, вычурно разнообразныя, съ башенками и бончиками, испещренныя украшеніями изъ фаянса и розовыхъ мешковъ; въ окнахъ этихъ дачекъ показывались силуэты людскихъ пытныхъ, и на ихъ изнывающихъ отъ скуки и утомленія лицъ

Ричардъ замѣчалъ одно и то же выраженіе удовольствія, симпатіи, вызванное появленіемъ веселаго существа, улыбавагося имъ съ высоты кабріолета. Могъ ли оставаться равнодушнымъ къ этимъ заманчивымъ улыбкамъ человѣкъ, сидящій божь-о-божь съ молодой женщиной, чувствующій трепеть ея тѣла, свѣжее дыханіе ея болтовни, аромат растрепанныхъ вѣтромъ локоновъ? Поминутно, чтобы взять у него то возжи, то бичъ, она задѣвала его щеку своею обнаженною рукой или, желая обратить его вниманіе на огромную магнолію среди лужайки, на вереницу желтенькихъ утятъ, плывущихъ по рѣкѣ, наклонялась къ нему, приближала къ его глазамъ вырѣзъ платья, открывавшій ея бѣлую, пухлую шею. Безсознательно для него самого близость этой женщины очаровывала его, успокоительно вліяла на его нервы.

Въѣхавши въ село Іеръ, лежащее на большой дорогѣ, имъ пришлось сдержать лошадь. Мѣстный праздникъ былъ въ разгарѣ, издали слышались звуки шарманокъ, барабановъ, трубъ, разносился запахъ жареныхъ въ маслѣ пироговъ, по обѣ стороны шоссе тянулись балаганы, карусели съ деревянными конями. Стиснутый, чуть не подхваченный толпой, становившейся съ каждымъ шагомъ все гуще, кабріолетъ подвигался шагомъ.

— Какъ поживаете, Эжень?... Что ваши молодые?

На этотъ вопросъ Фенигана оглянулся Эжень Соткёръ, призванный Индѣйцемъ, шедшій рядомъ съ кабріолетомъ. Изъ-подъ круглой форменной фуражки смотрѣло багровое и озабоченное лицо огромнаго лѣсника.

— Не дурно, благодарю васъ, мосьё Ричардъ, и дѣти живутъ такъ себѣ. Только малый-то мой отбываетъ двадцати-восьми дневный учебный сборъ, а сноха осталась на моихъ рукахъ. Нельзя сказать, чтобы покойно это было. Сегодня утромъ у насъ завтракали пріятели ея мужа. Она и выдумала повести ихъ на праздникъ... То-то вотъ, старъ я становлюсь!

Онъ досталъ изъ фуражки цвѣтной фуляровый платокъ и отеръ имъ потный лобъ, прорѣзанный сердитою складкой, потомъ оглядѣлъ кругомъ толпу, выше которой былъ на цѣлую голову.

— А, дрянъ адакая!... Опять куда-то ушмыгнула!

Онъ сдѣлалъ по-военному подъ козырекъ и быстро направился къ балаганамъ разыскивать сноху, которую Ричардъ, минуту спустя, увидалъ на церковной площади въ обществѣ молодыхъ франтъ въ кафе-шантаннаго пошиба.

— Какъ бы ни былъ зорокъ вашъ Индѣецъ, — сказала Элиза, — а думаю, трудно ему будетъ укараулить такую дичь, какъ эта.

— Я то же думаю, кузина, но и ей слѣдуетъ держать ухо остро, не то старикъ Соткёръ ужасныхъ дѣлъ натворить.

— Бѣднѣхъ, чѣмъ мужъ?

— Ну, что мужъ!... Это типъ одного склада со мной.

Онъ проговорилъ эти слова горькимъ тономъ, и они были первымъ, единственнымъ намекомъ на его несчастье съ прїѣзда Элизы. Ричардъ отпустилъ поводья своему рысаку, нетерпѣливо равншемуся вонъ изъ толпы и помчавшемуся во всю прыть по улицѣ, слухавшейся къ рѣкѣ. Перебравшись черезъ небольшой мостъ, они поѣхали тѣнистою дорогою, окаймленною обширными цвѣтущими и благоухающими парками. Издали, сквозъ шумъ оставшагося позади деревенскаго праздника, раздался благовѣстъ къ вечернѣ, протяжный и грустный, какъ только что сказанная печальная фраза, которая неожиданно омрачила веселость ихъ легкомысленной болтовни.

Въ этотъ вечеръ, вопреки обычаю, неизмѣнному для всѣхъ обывателей замка, тушить огни въ десять часовъ, у Фенигановъ долго не засыпали. Хозяйка дома, въ бѣлой фланели и съ подсвѣчникомъ въ рукахъ, наслушаться не могла разсказовъ объ ихъ катаньѣ. Свѣча догорала, вѣски милой Красной Шапочки тяжелѣли, а заботливая мать, зашедшая на нѣсколько минутъ, не замѣтила, что сидитъ тутъ уже два часа. Тѣмъ временемъ Ричардъ, въ полномъ недоумѣніи отъ того, что очутился на своей кровати, вмѣсто поѣзда, несущагося въ Монте-Карло, понять не могъ, почему подушка кажется ему такою мягкой, простыни такими свѣжими, послѣ лихорадочныхъ предшествовавшихъ ночей, — какъ случилось, что ни его любовь къ матери, ни дружескіе совѣты старика Мериве не могли поколебать его безумнаго намѣренія, и оказалось достаточнымъ лифа съ вырѣзомъ, толстой закрученной косы и сверкающей шейки для того, чтобы дать совершенно иное направленіе его мыслямъ. Лампа давно была потушена, а вся философія бѣднаго малаго все еще напрягала силы и въ тупикъ становилась передъ задачею, какъ немножко открытое женское тѣло можетъ быть настолько неодолимо привлекательнымъ, что въ такомъ измученномъ сердцѣ, какъ его, найдется мѣсто для желаній, не имѣющихъ ничего общаго съ щеніемъ и убійствомъ.

На слѣдующій день онъ опять не уѣхалъ, не загнулся даже о поѣздкѣ. На конюшнѣ была только одна верховая лошадь, и пришлось добыть другую для Элизы, и Ричардъ сталъ каждый день бѣгаться съ своею кузиной. Молчаливый по привычкѣ, по темпераменту, онъ находилъ верховую ѣзду тѣмъ особенно пріятною, что слѣдѣ не разговариваютъ и думаютъ лишь на половину, сосре-

Точивши все вниманіе на лошади, самоѣ своенравномъ и пугливомъ животномъ, зрѣніе котораго совершенно не соотвѣтствуетъ зрѣнію человѣка. Верхомъ самъ дѣлаешься немного лошадыю. Ричардъ находилъ восхитительною такую пріостановку собственныхъ думъ. Когда, послѣ одной изъ долгихъ прогулокъ верхомъ, мадамъ Фениганъ видѣла возвращающагося сына съ веселымъ лицомъ, съ бодрымъ голосомъ, безъ обычной складки на лбу, означавшей гнетущую мысль, она сама сіяла, надѣялась на его скорое исцѣленіе и, если бы Розина не сказала ей про исторію съ чемоданомъ, готова была бы думать, что Ричардъ совсѣмъ не такъ сильно потрясенъ, какъ увѣряли ее дравейльскій кюре и старый шутъ Мериве.

— Ну, что, милочка?

Съ такими словами, сказанными таинственно-лукавымъ тономъ, мадамъ Фениганъ являлась каждый вечеръ въ комнату Элизы. Но дни слѣдовали за днями и катанья верхомъ шли своимъ чередомъ, не принося собою ничего опредѣленнаго.

— Дѣлаю я, однако, все, что могу, — говорила молодая женщина, чуть не плача.

И мать подбадривала ее, вмѣстѣ съ нею изыскивала средства побѣдить робость Ричарда.

— Вотъ это-то, милая моя, только это и помѣха. Всѣ мужчины робки, а онъ болѣе робокъ, чѣмъ всѣ.

— Вы полагаете, кузина? Такъ я попытаю...

Она попытала.

Застигнутые грозой въ долину Буркуруны, они, послѣ отчаянной скачки, нашли пріютъ въ пустомъ сараѣ. Мѣста было немного, ихъ лошади стояли рядомъ.

— А, какъ сердце бьется!... Смотрите, Ричардъ.

Быстрымъ движеніемъ Элиза взяла его руку и приложила къ трепещущему лифу своей амазонки. У Ричарда духъ захватило.

— А та... та... — шепталъ онъ, обхватывая свободною рукой талию несопротивлявшейся спутницы, и въ теченіе пяти минутъ они, сладко забывшись, сжимали другъ друга въ объятіяхъ, безъ словъ, оба блѣдные.

До этой минуты она была для Ричарда не болѣе, какъ одною изъ тѣхъ ласточекъ, которыя залетали въ открытыя окна избы, и дѣлали крыльями по бревнамъ и эфесамъ шпагъ. Теперь онъ началъ слѣдить за нею, любопыествуя распознать, что кроется въ ея неизмѣнно-веселой душѣ, за постоянно беззаботнымъ щебетаньемъ. Почему бы не любить эту, если она вылечитъ его отъ той, и когда его мать, повидимому, такъ желаетъ этого?... Объ этомъ

онъ раздумывалъ, играя послѣ завтрака въ шахматы съ мадамъ Фениганъ, на другой день послѣ страшной грозы, размывавшей садъ цѣлую ночь и испортившей всѣ дороги. Стѣсняясь съ Ричардомъ со вчерашняго дня, боязливо ожидая признанія, на которое рассчитывала и приближеніе котораго чувствовала, Элиза неподвижно стояла у окна и смотрѣла на дорогу.

— Что тамъ такое? — спросила мадамъ Фениганъ, отвлеченная отъ своей партіи въ шахматы криками и гиканьемъ.

— Нищій этотъ... какъ его зовуть?... Старикъ Жоржъ въ такомъ видѣ... Ъзъ нему пристають эти озорники... Они отнимають у него палку... А, несчастный! Онъ упадетъ сейчасъ.

Съ улицы раздался взрывъ хохота. Пьяный, отвратительный, съ головы до пятъ въ грязи, старый бродяга хотѣлъ разогнать стаю маленькихъ, преслѣдовавшихъ его мучителей, уронилъ свою длинную палку, которою ребяташки тотчасъ же завладѣли, и теперь стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ фермы. Онъ хватался за камни, скользилъ, поднимался и опять падалъ, съ плачемъ требовалъ назадъ свою палку. Сторожъ Робенъ, отдыхавшій на своей тачкѣ и разбуженный шумомъ, возвратилъ ее, наконецъ, пьяному бродягѣ. Тутъ разыгралась маленькая драма, за которою Ричардъ слѣдилъ изъ окна. Въ порывѣ чисто-животной жалости шоссейный сторожъ взялъ несчастнаго старика подъ руку и кое-какъ помогъ ему встать на подгибающіяся ноги.

— Ну, старина Жоржъ, полно, прибодрись хоть немного!

Въ эту минуту подводчики выѣхали изъ фермы верхами на своихъ лошадяхъ къ водоюу, остановились передъ вымазаннымъ всякою гадостью нищимъ, скользящимъ палкой по грязи, шатающимся изъ стороны въ сторону и увлекающимъ сторожа своимъ покачиваніемъ.

— Эй, берегись, Робенъ, какъ бы отъ него чума не пристала! И громкій хохотъ разносился далеко по дорогѣ.

Сконфуженный сначала, а потомъ и совѣмъ пристыженный, Робенъ началъ грубо встряхивать еще болѣе потерявшагося старика. Хохотъ усилился. Робенъ не выдержалъ, бросилъ нищаго, и Жоржъ, перепуганный, окончательно ошалѣвшій, разводилъ руками, точно слѣпой, рухнулъ на колѣни, на руки и, наконецъ, рванулся плашмя на кучѣ грязи, аккуратно подвальной къ стѣнѣ.

— Это отвратительно! — воскликнулъ Ричардъ, выведенный изъ себя дурацкимъ хохотомъ всѣхъ этихъ дикихъ людей.

Элиза, не сообразивши, чѣмъ вызвано негодованіе Фениганъ, сочла умѣстнымъ заявить о своемъ отвращеніи къ пьянству, въ

особенности же къ пьянству стариковъ. Ричардъ рѣшилъ, что она — дура, а мадамъ Фениганъ, зная слабость сына ко всѣмъ бѣдьямъ, въ особенности же къ этому, послѣшила заговорить о другомъ.

— Посмотрите, вотъ такъ чудо... Аббатъ Сересъ въ новой сутаи... Онъ великолѣпенъ.

— Это тотъ, что въ здѣшной церкви служить, — спросила Элиза, — изъ-за котораго въ воскресенье старикъ Мериве сѣдился съ дравейльскимъ кюре?

— Онъ самый, кузина. Хорошій человекъ, этотъ аббатъ Сересъ, но я вполне согласна съ нашимъ милымъ кюре, не хватаетъ ему достоинства, умѣнья держать себя, какъ подобаетъ духовному лицу. Представьте себѣ, онъ пріютилъ у себя всѣхъ Люкрію, бабушку, двухъ дочерей, въ то время, какъ отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ Меленѣ.

Ричардъ быстро обернулся.

— Безъ этого священника, маменька, когда Люкрію вернулся изъ Мелена оправданнымъ...

Онъ не договорилъ, привлеченный опять къ окну вновь усилившимися криками и смѣхомъ.

На священникѣ не сутаи только была новая, но и шляпа, и башмаки съ пряжками впервые появлялись на улицѣ. Очень довольный тѣмъ, что онъ идетъ навѣстить своихъ бѣдныхъ такимъ щеголемъ, онъ благодушно думалъ: «А, вѣдь, они меня, пожалуй, и не узнаютъ...» — когда сборище привлекло его вниманіе. Ричардъ изъ окна не могъ слышать того, что онъ говорилъ нищему старику, валявшемуся, чуть не утопавшему въ мерзости и грязи. Видно было только, что священникъ, послѣ тщетнаго обращенія къ окружающимъ, наклонился самъ къ этой кучѣ измазанныхъ лохмотьевъ, поднялъ старика своими сильными руками, взялъ его подъ руку и повелъ, не обращая вниманія на смѣющихся, нисколько не заботясь о своемъ прекрасномъ платьѣ. Въ то время, какъ онъ скрывался за изгибомъ дороги, освѣщенной яркимъ солнцемъ, Элиза говорила, смѣясь:

— Чистъ же будетъ теперь господинъ аббатъ!

Мадамъ Фениганъ добавила:

— Лишь бы не къ себѣ онъ отвелъ его.

— Ты подала мнѣ хорошую мысль, — сказалъ Ричардъ, напружаясь къ двери. — У меня найдется уголь для стараго бѣдняка.

— Не притащишь же ты его къ намъ сюда! — крикнула мать.

Но Ричардъ не слышалъ, — онъ уже былъ далеко на большой дорогѣ.

Онъ вернулся поздно. Его поджидали съ обѣдомъ. Столъ былъ накрытъ на двѣнадцать человѣкъ. Такіе обѣды у нихъ часто бывали въ честь кузины, и тутъ собирались всѣ ихъ прежніе воскресные гости: нотаріусъ, преемникъ покойнаго Фенигана, собственникъ маленькой церкви, и Жанъ Делькру, членъ суда въ Борбейлѣ, небольшой, толстенькій господинъ, вѣчно озабоченный примскиваніемъ богатой невѣсты, вертѣвшійся вокругъ Элизы и скалившій на нее свои рѣдкіе и блестящіе, волчьи зубы, обрамленные черными деревянными баками. Но въ этотъ вечеръ Красная Шапочка не рѣвилась и не кокетничала. Равнодушіе Ричарда, послѣ сцены во время грозы, и то, что она узнала, какъ давно уже стараго бродягу называютъ «нищій Лидіа», были достаточно тревожащими поводами для размышленій, слишкомъ непосильныхъ ея головкѣ, набитой, вмѣсто мозга, хлѣбнымъ мякишемъ.

— Ну, что, кузень... гдѣ же вашъ пріятель, вашъ старый нищій?—спросила она, садясь за столъ рядомъ съ Ричардомъ, очень задорная, во всеоружіи рукъ и плечъ, эффектно открытыхъ изъ-подъ розоваго газа платья.

Фениганъ отвѣтилъ, что его пріятель спитъ въ маленькомъ сараичикѣ на берегу рѣки, въ который Шюшенъ прибираетъ весла и сѣти.

— На берегу рѣки?... Ого! прохладно же ему будетъ!

— Я приказалъ поставить желѣзную печку, — сказалъ Ричардъ спокойно.

Желѣзная печь въ сараѣ для веселья очень потѣшала Элизу.

«Глупа и безсердечна», — думалъ Ричардъ, не подозрѣвая даже той досады, которая укрывалась за этимъ школьническимъ смѣхомъ. Какая разница съ его женою, безконечно добросердечною, приходившею въ отчаяніе отъ невозможности подать милостыню всѣмъ нищимъ, встрѣчавшимся на дорогѣ, сердившеюся на вучера Либера, на лошадей за то, что они не останавливались или же дѣлали это слишкомъ поздно, когда бѣднякъ былъ уже далеко! И нищіе такъ уже знали это, что, встрѣчаясь съ ихъ ландо, никогда не смотрѣли на нихъ, не протягивали руки... О, какимъ сокрушеннымъ голосомъ говорила объ этомъ Лидіа, — и теперь еще этотъ голосъ звучалъ въ ухахъ Ричарда сквозь дрожащій смѣхъ кузинъ.

— Воображаю, какъ вы тамъ устраивали стараго Жоржа въ его желѣзную печку! Какъ же онъ поблагодарилъ васъ?

— На шею ему кинулся... — хихикнула членъ суда.

— Вотъ ужасъ! — вскрикнула Элиза, а за нею хоромъ и въ сѣдѣвшіе за столомъ.

Делькру, довольный успѣхомъ своей шутки, продолжалъ:

— А вотъ меня такъ не бродяга, а убійца пожелалъ разъ обнять во что бы то ни стало.

— Послушай, Ричардъ, вѣдь, это же совсѣмъ невозможное дѣло, — сказала мадамъ Фениганъ забавно-негодующимъ тономъ. — Неужели ученіе аббата Сереса до такой степени затуманило тебѣ голову?

Ричардъ промолчалъ. Членъ суда воспользовался этимъ.

— Дѣло было въ самомъ началѣ моего судейства, въ глухой грущобѣ, которую называютъ Сукъ'Ара...

Его прервалъ голосъ:

— Сукъ'Ара, граница Туниса, превосходнѣйшій грунтъ для альфы.

— Любезнѣйшій мосьё Мериве, вамъ Алжиръ знакомъ, какъ свои пять пальцевъ... Я попалъ въ Сукъ'Ара мировымъ судьей, исправляющимъ, въ то же время, обязанности прокурора республики. Черезъ часъ по пріѣздѣ, на закатѣ солнца, я устраивался въ помѣщеніи моего предшественника, въ квартирѣ съ продранными стульями, съ плохой желѣзною кроватью, когда явился служитель моей канцеляріи, мой чаушъ, сообщить, что меня зоветъ одинъ приговоренный къ смерти. Я даже глаза вытаращилъ... Представьте только мое удивленіе, что въ тюрьмѣ находится какой-то бѣдняга, котораго должны гильотинировать на слѣдующее утро. По обязанности мирового судьи территоріи съ гражданскимъ управленіемъ, на моей обязанности лежало сопровождать его до ступеней эшафота. Надо же было случиться, что я пріѣхалъ какъ разъ наканунѣ!... Въ тюрьмѣ я нашелъ совсѣмъ звѣроподобнаго малаго, мальтища, болеарца, кто его тамъ знаетъ, чернаго, волосатаго, губастаго, смотрѣвшаго на меня маленькими желтыми глазками, привѣтливыми и глухими. Онъ обливается слезами и на отвратительномъ сабирскомъ *) изыгѣ умоляетъ позволить ему меня поцѣловать. Смердить отъ него, какъ отъ льва! Вижу я, что ничего болѣе путнаго онъ сказать не имѣетъ, и отправляюсь спать, разбитый двумя ночами, проведенными въ сѣдлѣ. Около трехъ часовъ утра будить меня мой чаушъ: «*Ja didou, moucié joude de raix*» **)... «Что тамъ такое?» Осѣжденный желаетъ опять бесѣдовать со мной... Это животное захогло уже слишкомъ далеко. Но была ли какая возможность отказа человѣку, когда ему предстояло умереть? Тюрьма вся была

*) *Le sabir* — своеобразный алжирскій жаргонъ, составившійся изъ словъ французскихъ, испанскихъ, турецкихъ, итальянскихъ, выговариваемыхъ на арабскій ладъ.

**) Тамъ сидитъ, господинъ мировой судья“...

на ногахъ. «У насъ нѣтъ священника», — объяснилъ мнѣ смотритель въ свое оправданіе, — можетъ быть, осужденный хочетъ вамъ открыть что-нибудь». Ведутъ меня къ нему, онъ опять начинаетъ вздыхать и рыдать. «А, мосѣ Дельбру... мосѣ Дельбру!...» Пришлось позволить ему еще разъ поцѣловать меня, такъ какъ онъ только этого и хотѣлъ. Прижалъ онъ свои толстыя губы къ моему щекѣ, облилъ ее слезами и простоналъ: «Ахъ, мосѣ Дельбру!... такой-то негодяй, какъ я...» Отправляясь на эшафотъ и сходя съ телѣжки, за которою я слѣдовалъ верхомъ съ жандармами, онъ снова заявилъ то же самое потѣшное требованіе. Я готовъ былъ бы счесть это за мистификацію, если бы моментъ не былъ настолько трагическимъ и если бы я не нашелъ въ бумагахъ канцеляріи объясненія этой дикой симпатіи. Оказалось, что его звали Жуанъ Дельбру, то есть онъ носилъ мое имя и мою фамилію, хотя былъ родомъ изъ Портъ-Магона, а я изъ Багора.

Женскій голосъ спросилъ:

— А какое преступленіе сдѣлалъ вашъ осужденный? Можно это сказать?

— О, вполне, сударыня!... Онъ зарѣзалъ свою любовницу, которая ему измѣнила.

— И представьте же себѣ, что его бы оправдали, еслибы онъ убилъ свою законную жену! — ворчалъ Наполеонъ Мериве. — А, вѣдь, преступленіе то же самое и еще болѣе подлое, такъ какъ извѣстно, что оно постоянно остается безнаказаннымъ.

— Вотъ потому-то и разумно установленіе развода, — послышался благонамѣренный басокъ нотариуса.

Маленькій Наполеонъ сдѣлалъ движеніе, которымъ чуть не опрокинулъ блюда съ камбалой подъ бѣлымъ соусомъ, которое обносили вокругъ стола.

— Да, нечего сказать, хорошъ этотъ законъ о разводахъ!... Что сдѣлалъ онъ доброго?

— А то, что уничтожилъ варварскій обычай и далъ возможность мужу, не проливая крови, избавиться отъ жены, которая его позоритъ.

— Да развѣ мужъ, которому измѣняютъ и который убиваетъ, думаетъ о позорѣ? Онъ убиваетъ изъ-за бѣшеной ревности, изъ-за оскорбленной гордости и своей поруганной любви, иногда изъ-за ни оказавшись смѣшнымъ, изъ опасенія за свое положеніе, а та же потому, что лже-моралисты надули ему въ уши: «Убей ее!» — жь не воображаете ли вы, что все это устраняется разводомъ?... Ю-

жете вы представить себя делом ведущимъ дѣло о разводѣ съ Дездемоной?

Делькру, изъ желанія угодить Элизѣ, заговорилъ о положеніи женщинъ, которымъ новый законъ далъ средство избавиться отъ рабства. Старикъ Мериве не хотѣлъ съ этимъ согласиться. Для него разводъ былъ равносильнъ уничтоженію браковъ.

— Да, сударыня... такъ оно и есть, — настаивалъ онъ, обращаясь къ мадамъ Фениганъ, заспорившей съ нимъ. — Въ былыя времена, когда люди знали, что они связаны на всю жизнь, они и улаживались по возможности лучше, какъ бы отправляясь въ долгое путешествіе, шли на уступки, на маленькія жертвы своенравію спутника, — одинъ немного посожмется, другой потѣснится... Теперь, при первомъ столкновеніи, заявляется о невозможности совмѣстной жизни. Все летитъ вдребезги отъ ничтожной царапины. Нѣтъ уже ни снисходительности, ни терпѣнія. И даже вступая въ бракъ по любви, наши молодые люди соображаютъ про себя: если дѣло выйдеть не ладно, такъ, вѣдь, дверь-то отворена.

— Но позвольте, мосьё Мериве, если несчастное существо, вотъ такое, какъ... какъ...

Элиза хотѣла сказать: «какъ я», но ее душили слезы. Не въ силахъ будучи докончить фразу, она выпивала стаканъ за стаканомъ воды, чтобы заглушить свое волненіе. Послѣ минуты молчанія и неловкости въ ожиданіи, что молодая женщина заговоритъ опять, Мериве обратился къ матери Ричарда и продолжалъ обсуждать вопросъ, не касаясь ничьей личности.

— Несчастному существу, не нашедшему въ бракѣ ни любви, ни счастья, я бы посовѣтовалъ вотъ что: вмѣсто хлопотъ о разводѣ, обратиться къ маленькому приходу, зайти въ маленькую церковь, не имѣющую своего священника, на колокольнѣ которой вьютъ себѣ гнѣзда лѣсные голуби. Побывать въ этой церкви ровно столько времени, сколько нужно, чтобы прочесть «Отче нашъ», — простую молитву покорности и самоотреченія... вотъ и весь секретъ быть счастливымъ.

Всѣмъ извѣстно было тихое помѣшательство благодушнаго старика, и присутствующіе обмѣнялись улыбками, закончившими обѣдъ болѣе весело, чѣмъ было его начало.

На слѣдующій день дороги настолько просохли даже въ лѣсу, что Элиза и Ричардъ отправились кататься верхами, какъ всегда. Они ѣхали маленькимъ Сенарскимъ лѣсомъ, гдѣ узкія дорожки, за гнѣнными дубами, вьются между заброшенными каменоломнями, которые носятъ названіе *Уэльскихъ* и уже заросли павиликой,

терновникомъ, верескомъ, мѣстами залиты дождевою водою, утоляющею жажду оленей, кроликовъ и фазановъ. Элиза предложила отдохнуть нѣсколько минутъ. Привязавши лошадей къ проволочной рѣшеткѣ, которую былъ обнесенъ участокъ, сберегаемый для охоты владѣльцевъ Гробурга, они усѣлись рядомъ на мохъ, покрывающій изрытыя водомойнами заросли.

— Я хочу предложить вамъ серьезный вопросъ, Ричардъ, — заговорила Элиза, смотря ему прямо въ глаза, — вашъ отвѣтъ будетъ имѣть огромное значеніе для меня, а потому я бы желала, чтобъ онъ былъ совершенно правдивъ и прямъ. Какого вы мнѣнія о мосьѣ Делькру? Полагаете ли вы, что онъ можетъ быть хорошимъ мужемъ?

Этого Ричардъ никакъ не ожидалъ. Онъ долго не зналъ, что сказать, и кончилъ тѣмъ, что сказалъ глупость:

— Мужемъ для васъ?

— Да. Мнѣ тяжело жить одной. Всѣмъ вамъ я кажусь очень веселой... Если бы вы знали, какъ часто я смѣюсь, когда мнѣ совсѣмъ не до смѣха!

Ея забавный маленькій носикъ, задорно-шаловливыя губки, насмѣшливо приподнятые углы рта явно противорѣчили ея меланхолической пѣсенкѣ. Но тонъ ея былъ настолько искренній, что вернулъ Элизѣ симпатію ея спутника. И до чего, въ сущности, простое существо человѣкъ, самый простой! Еслибы она сказала: «Любите ли вы меня? Могу ли я надѣяться, что вы разведетесь съ вашею женою и женитесь на мнѣ?» — Ричардъ не задумался бы отвѣтить: «Я васъ не люблю и вторично ни на комъ не женюсь...» И, тѣмъ не менѣе, ему пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы посоветовать ей выйти замужъ за другого.

— Честный ли человѣкъ Делькру? Полагаю, что да... Но онъ слишкомъ честолюбивъ... и недостаточно мягокъ. Я помню, какъ два года назадъ, настоявши на обвиненіи убійцы семьи Мельотовъ, онъ потиралъ руки отъ удовольствія и съ наслажденіемъ говорилъ: «Наконецъ-то мы заполучили его голову!»

— Вы приводите меня въ ужасъ, — сказала Элиза, видимо очень довольная такимъ проявленіемъ антипатіи, изъ-за которой проглядывало чувство ревности.

Но, какъ бы желая устранить такое заключеніе, онъ поспѣшилъ добавить:

— О, я не думаю, чтобы съ нимъ вы могли быть несчастны!... Хотя...

Онъ не договорилъ въ нерѣшимости, точно испугавшись че

то... И глубокое затишье лѣса, съ его вѣчнымъ трепетомъ и едва уловимымъ шелестомъ, съ непрерывнымъ стрекотаніемъ насѣкомыхъ въ травѣ, съ неяснымъ гуломъ свержающихъ на солнцѣ вершинъ, было похоже на ихъ молчаніе, полное тревоги и готовыхъ вырваться признаній. Почему на этотъ разъ казалась она Ричарду такою соблазнительной въ своей синей амазонкѣ, плотно охватывавшей ея небольшую, пухлую фигурку? Бѣдная Красная Шапочка подъ когтями этого кота себѣ на умѣ... Ричардъ быстро поднялся и проговорилъ сильно взволнованнымъ голосомъ:

— Два дня подождите давать ему отвѣтъ.

А она думала: «Какъ просто было бы теперь же!»—и встала, нехотя, очень медленно.

Лошади мчали ихъ во всю прыть по дорогѣ, называемой діагональною, прорѣзывающею лѣсъ во всю ширину и проходящею по зарослямъ различныхъ древесныхъ породъ, ели, ольхи, березы, дуба, черезъ порубки для выжиганія угля, гдѣ въ стелящемся по низу дымѣ видѣлись хижинки изъ травы и битой земли, окруженныя курами, дѣтьми, заготовленными дровами, возами съ хвостомъ. Элиза и Ричардъ уже съ полчаса скакали, не говоря ни слова, точно уносимые своими желаніями и мечтами, когда увидели за чащей буковъ охотничій домикъ въ стилѣ Людовика XV, съ огромными окнами, съ полукруглымъ верхомъ двери, передъ которою группа полѣсовщиковъ верхами, казалось, ожидала экипажа мадамъ де-Помпадуръ.

— Это фазаній дворъ,—объяснилъ Ричардъ своей спутницѣ, пріостановившейся изъ любопытства.

Сколько воспоминаній и какихъ удручающихъ воспоминаній вызвала въ немъ эта старинная постройка, гдѣ, при открытіи охоты, въ палаткѣ, раскинутой передъ входомъ, Лидія сидѣла за столомъ по правую руку генерала-герцога, такая хорошенькая и гордая!... Полѣсовщики почтительно раздвинулись передъ очень изящнымъ всадникомъ, одѣтымъ во все сѣрое и, по-военному, застегнутымъ на всѣ пуговицы. Онъ направлялся къ дорогѣ діагонально. Ричардъ вздрогнулъ, глазамъ не повѣрилъ, узнавая въ помолодѣвшемъ, бодромъ всадникѣ больного, котораго считалъ недвижимымъ Гробургъ. Тотъ проѣхалъ мимо Фенигана, не видя его, занятый инстинктивно Элизой.

— Кто это?—спросила она.

Ричардъ не успѣлъ отвѣтить, какъ другой всадникъ, совсѣмъ лоденькій, въ драгунской формѣ, отдѣлился отъ группы сторожъ и въ галопъ пустился за генераломъ. Эти крошечные усики,

эти кудрявые бѣлокурые волосы подь кепи! Фениганъ едва сдержалъ крикъ изумленія и бѣшенства... Шарлей!... То былъ Шарлей... въ драгунскомъ мундирѣ... А Лидія? Куда онъ ее дѣвалъ? Что съ нею теперь?... Въ ухахъ у него гудѣло, буки, казалось, выросли, приняли неправдоподобные размѣры, Элиза—гдѣ-то очень далеко, совсѣмъ крошечная, махала руками, говорила какія-то слова, которыхъ онъ не понималъ. И вдругъ, прежде чѣмъ она сообразила причину волненія Ричарда, онъ повернулъ лошадь и, какъ сумасшедшій, помчался слѣдомъ за всадниками, исчезнувшими уже въ концѣ длинной аллеи. Элиза догнала его у большого дуба, гдѣ Фениганъ остановился и спрашивалъ возчика углей, высоко взгромоздившагося на свою кладь. Громкій голосъ крестьянина гулко разносился въ чистомъ воздухѣ поляны.

— Да, вѣрно, это князь. Онъ еще въ воскресенье прїѣзжалъ сюда охотиться съ индѣйцемъ и далъ нашему Гильому двухъ-франковикъ... А касательно его службы въ драгунахъ, такъ насчетъ этого сынъ Фукара, что покойниковъ возить, и малый Эжена расскажутъ вамъ больше, чѣмъ я, они въ томъ же эскадронѣ, гдѣ и Шарль-сись.

— Благодарю, — сказала Ричардъ, побѣлѣвшій, какъ стволъ березы.

И тихо онъ проговорилъ кузинѣ:

— Вернемтесь,—я нездоровъ.

Вплоть до дому она не могла добиться отъ него ни одного слова, за то его «пумъ-пумъ-пумъ», которые онъ напѣвалъ себѣ подь носъ, достаточно обличали его душевныя муки. «Моя игра проиграна», — думала про себя Элиза и, вернувшись, ушла тотчасъ же къ себѣ въ комнату скрыть свои слезы, въ то время, какъ Ричардъ направился въ фруктовый садъ разыскивать мать.

Послѣ большого дневного зноя наступалъ часъ прохлады, когда цвѣты купаются и пьютъ влагу. Подъ журчаніемъ воды вдоль рабатокъ, подъ ласкою косыхъ солнечныхъ лучей, они выпрямляются, нѣжатся сладострастно, и ихъ блескъ, оживлявшійся по мѣрѣ того, какъ угасалъ день, обличалъ вѣчный антагонизмъ, существующій между окраской и свѣтомъ. Рои бабочекъ носились надъ клумбами. Стукъ леекъ о края бассейновъ и короткія приказанія садовника рабочимъ одни только нарушали молчаливую дѣятельность наступавшаго вечера, охватывавшаго прїятною свѣжестью

— Что съ тобой?—спросила мадамъ Фениганъ, увидавши, въ какомъ волненіи вошелъ ея сынъ въ теплицу, гдѣ она садовыми ножницами подрѣзывала рѣдкостные кустарники.

Вмѣсто отвѣта, Ричардъ спросилъ:

— Шарлевисъ вернулся?

— Въ Меленѣ, уже два мѣсяца... Поступилъ въ драгуны. Развѣ ты этого не зналъ?

— А она? Гдѣ она? Что онъ съ нею сдѣлалъ?

— Что съ такими женщинами дѣлаютъ, — отвѣтила мать, порывисто срѣзая сучекъ. — Заплатятъ за развратъ и выставятъ вонъ.

Она говорила настолько громко, что садовники могли слышать. Ричардъ затворилъ стеклянную дверь и продолжалъ такимъ рѣзкимъ голосомъ, какого мать никогда не слыхивала:

— Лидія не развратница, она жертва деспотизма, которую заперли въ тюрьму и которая убѣжала, какъ сказано въ ея послѣднемъ письмѣ... А затѣмъ, ты не имѣешь права оскорблять женщину, носящую мое имя.

Глаза мадамъ Фениганъ вспыхнули.

— Тебѣ давно слѣдовало отнять у нея это имя, и ты могъ это сдѣлать.

— Развестись, не такъ ли? Развестись, чтобы вы женили меня на кузинѣ, изукрашающей себя во всѣ цвѣта корабельныхъ флаговъ?... Ну, на это не рассчитывайте! Не будетъ этого... никогда... никогда!

— О-о, понимаю... тебѣ больше по вкусу катехизисъ маленькаго прихода!... Иди просить прощенія у негодницы въ томъ, что она сдѣлала насъ посмѣшищемъ всей округи, потомъ приведи ее сюда, помѣсти не въ павильонъ уже, а въ замкъ, у твоей родной матери, чтобы той покойнѣе было... родить!

Но едва она выговорила это, какъ сама испугалась страшной блѣдности Ричарда и нервной дрожи его губъ. Мать нѣжно бросилась къ нему съ распростертыми объятіями. Ричардъ грубо оттолкнулъ ее безумнымъ движеніемъ.

— Беременна! А ты же увѣряла, что она не можетъ имѣть дѣтей... Зачѣмъ ты лгала? Зачѣмъ ты всегда лгала, говоря со мной о ней? Ты очень ненавидѣла ее?

— Она была моимъ всегдашнимъ мученіемъ и позоромъ. Да, я ее ненавидѣла... Но, будь спокоенъ, твое обращеніе со мной послужитъ мнѣ урокомъ. О ней мы уже никогда больше говорить не будемъ. Бери ее, ухаживай за нею, признавай ея незаконнаго ребенка. На него назначено обезпеченіе въ двѣсти тысячъ франковъ. Афера хорошая, какъ видишь.

До глубины души уязвленная въ своей гордости, въ своей

страстной материнской любви, она все время обрѣзывала вѣтки, подчеркивая каждую фразу отрывистымъ щелканьемъ ножницъ.

Ричардъ не далъ ей продолжать рѣчь:

— Берегись, мама!

Онъ схватилъ ее за руку, силою повернулъ къ себѣ и, доведенный до отчаянія всѣмъ, что онъ слышалъ отъ нея, приблизилъ свое искаженное лицо къ лицу старухи и заговорилъ, себя не помня:

— Мое вѣчное мученіе—ты... понимаешь это? Ты, а не она... Ты съ дѣтства держала меня взаперти, въ комнатѣ больной, лишила меня воздуха и движенія. Твоя эгоистическая любовь не давала мнѣ развиваться, лишила меня возможности стать человѣкомъ. Чтобы держать меня при себѣ, ты меня тиранила такъ же точно, какъ тиранила моего отца. Ты ублажала мою лѣнь, потворствовала моимъ порокамъ, сдѣлала невозможною для меня какую бы то ни было карьеру. Чтобы я не женился, чтобы не было здѣсь иного вліянія, кромѣ твоего, ты своихъ служанокъ поставляла мнѣ въ любовницы... Э, что тамъ!... Точно я не видалъ этого... А эту глупенькую бѣдняжку зачѣмъ ты вытребовала изъ Лоріана, какъ не за тѣмъ, чтобы сунуть въ мои объятія? Къ какимъ ты ни прибѣгала штукамъ для того, чтобы она сдѣлалась моею любовницею, и только любовницею, такъ какъ мужъ ея живъ, а церковь не признаетъ разводовъ! Ты на все готова, лишь бы не допустить къ намъ въ домъ ту женщину, которую выгналъ твой деспотизмъ, твоя вѣчная ревность... А, нечего сказать, хороша твоя религіозность, хорошъ и фарисей—твой почтенный духовникъ! Но ничего вы не подѣлаете, ничего: я люблю мою жену, люблю ее и прощаю ей, потому что я виноватъ передъ нею, виноватъ тѣмъ, что не защитилъ ее отъ тебя, отъ твоей злости... Плачь теперь, плачь. Она плачетъ больше, чѣмъ ты, она одинока, брошена невѣдомо гдѣ... О, я разницу ее!... Чѣмъ жить такъ, какъ я живу безъ нея, съ глазу на глазъ съ тобою, я лучше съ собою покончу, убью себя вотъ этимъ...

— Ричардъ, дитя мое...

Онъ хотѣлъ вырвать у нея ножницы, но болѣе, чѣмъ онъ, проворная и ловкая, мадамъ Фениганъ швырнула тяжелыя ножницы въ уголъ теплицы, заваленный обрѣзанными сучьями и измятыми цвѣтами.

VIII.

Чудо маленькаго прихода.

— Нѣтъ, вы представить себѣ не можете того утомленія, какъ я испытываю отъ постоянного напряженія воли ради самыхъ !

стыхъ вещей, ради того, чтобы подняться съ мѣста, сѣсть, снять шляпу, надѣть ее. Что у васъ является движеніемъ безсознательнымъ, автоматическимъ, то вынуждаетъ меня на усилія, на призывъ всѣхъ моихъ резервовъ... Вставать утромъ съ постели, жевать, сидя за столомъ, докончить фразу, которую я имѣлъ несчастье начать, — все становится для моей жалкой, разбитой машины работой и мученіемъ... Сядемте... Видите вотъ, съ меня потъ градомъ капится отъ того, что я сюда дошелъ, опираясь на вашу руку.

Такъ говорилъ генералъ, останавливаясь на террасѣ у рѣки въ Гробургѣ. Жалостливый и покорный своей судьбѣ, учитель Жанъ съ самаго завтрака водить отъ скамьи до скамьи герцога д'Алькантара, терпѣливо выслушиваетъ его жалобы, пытается ободрить его немудрыми утѣшеніями, какими убаюкиваютъ неизлечимо-больныхъ.

— Вы ѣздили, однако, вчера верхомъ, господинъ герцогъ, и Шарлекисъ находитъ, что вы были великолѣпны на лошади.

— Сущая это потѣха! До фазаньяго садка я доѣхалъ въ ландо съ герцогиней, пришла мнѣ блажь погалопировать немного на смиреннѣйшей лошади старшаго сторожа. Черезъ пять минутъ я уже лежалъ въ канавѣ и меня перетасили въ экипажъ очень счастливаго тѣмъ, что я востей тамъ не оставилъ. Вотъ какъ я хорошъ былъ на лошади!... Дѣло въ томъ, что силъ нѣтъ совсѣмъ, и еслибъ я хоть на минуту забылъ твердить: «Я хочу жить», — я пересталъ бы жить.

Генералъ сидѣлъ, закрывши глаза и откинувши голову на трельяжъ, возвышавшійся позади скамьи. На блѣдныхъ крупныхъ чертахъ его лица видно утомленіе, изнеможеніе. Въ парѣ слышны возгласы и удары мяча игры въ теннисъ, скрытой влумбою кустарниковъ, сквозь которые мелькаютъ бѣлые береты и яркія юбки. Взрывъ смѣха, болѣе громкій, болѣе торжествующій, чѣмъ всѣ прежніе, вывелъ больного изъ полузабытья.

— Слышите, какъ бывший вашъ ученикъ веселится со всѣми Эсэирями и Реввеками замка Мережи? А! Онъ не страдаетъ... Какъ хорошо онъ смѣется!...

И вдругъ голосъ больного сдѣлался мрачнымъ, очень жесткимъ:

— Меня въ ужасъ приводитъ этотъ мальчишка... Отъ него сердце у меня замираетъ, точно надъ пропастью. А вы ухитритесь-бы вотъ разобрать его!

— Да мнѣ кажется... — мямлитъ бывший учитель, — мнѣ кажется, онъ исправляется... исправился, ведетъ себя, какъ должно...

— Да, поневолѣ... А кстати, вы не знаете конца романа. Гер-

герцогиня запрещаетъ говорить объ этомъ, такъ какъ нашъ молодецъ оказался и тутъ не особенно блистательнымъ. Ну, а за мною такихъ материнскихъ слабостей не водится. Такъ вотъ, въ одно прекрасное утро, въ комнату влюбленныхъ въ Монте-Карло влетаетъ старый пройдоха Александръ, которому мы поручили слѣдить за мужемъ. «Мужъ прѣхалъ, здѣсь онъ, спасайся, кто можетъ!»—объявляетъ онъ съ приличествующими обстоятельствамъ тремоланьи. Дама перепугалась, знаетъ, что неповоротливаго супруга не скоро сдвинешь съ мѣста, но что свирѣпъ онъ, какъ буйволъ, и что рога у него здоровые. Мальчишка оказался молодцомъ, долженъ сознаться, бѣжать отказался. Тогда Александръ вынужденъ былъ потихоньку отъ возлюбленной держать такую рѣчь: «Нѣтъ тутъ никакого мужа, это одна комедія. Но у васъ нѣтъ ни сантима, обчистила рулетка. У васъ на шеѣ женщина, яхта и, чего добраго, ребенокъ будетъ, надо выпутываться. Вотъ вамъ деньги, утекайте на яхтѣ, а я спроважу вашу даму». Вы знаете нашего влюбленнаго и можете себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ онъ соглашается на эту штуку. Зацѣпился на цѣлыхъ три мѣсяца, легко сказать! Въ слезахъ онъ вырывается изъ объятій своей возлюбленной и, въ то время, какъ Александръ пробирается съ нею въ Бретань, онъ, чтобы сбить со слѣда нашего Отелло, развертываетъ всѣ паруса своей яхты и направляется къ маленькому порту въ Морбиганѣ, гдѣ его должна дожидаться его любовница и гдѣ она ждетъ его и по сей часъ. Я полагаю, что и мы не скоро бы увидали молодца, еслибъ его яхта не погибла, какъ-то ночью, въ виду Болеарскихъ маяковъ. Вернулся онъ къ намъ, повѣся носъ, съ пустымъ кошелькомъ... А тутъ процессъ съ арматоромъ, вознагражденіе за убытки экипажу, уплата неустойки, на все это потребовалось много денегъ. Я воспользовался этимъ, поприжалъ его и вынудилъ поступить вольноопредѣляющимся. Но всего непонятнѣе и всего ужаснѣе во всей исторіи то, что онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о женщинѣ, которая всѣмъ для него пожертвовала и вотъ уже больше мѣсяца изнываетъ въ Бретани.

Учитель Жанъ въ недоумѣніи, совсѣмъ растерянно, смотритъ поверхъ своихъ очковъ.

— Какъ... она до сихъ поръ не знаетъ?

— Нѣтъ. Покончить дѣло поручено Александру, и я вообщаю, съ какимъ удовольствіемъ онъ его тянетъ. Это такая скверная собака... Тсс! Герцогиня...

Она шла изъ глубины площадки, торопливо сѣменя своими и

жими шагами. Цвѣтъ лица и даже волосы, казалось, пожелтѣли еще больше.

— Я васъ искала, — заговорила она мужу очень тихо и очень быстро, всовывая ему въ руку распечатанное письмо.—Посмотрите, что я нашла сейчасъ въ почтѣ на имя Шарлея. Мое вниманіе обратилъ штемпель Дравейля.

Сначала въ полголоса, потомъ про себя генераль прочелъ нѣсколько строкъ, заключавшихъ въ себѣ вызовъ на дуэль, присланный его сыну Ричардомъ Фениганомъ.

«Я зналъ васъ за негодяя, но вы будете подлецомъ, если теперь, ставши солдатомъ...» гм... гм...

Длиныя блѣдныя руки, державшія письмо, немощно опустились.

— *Play!* — крикнулъ свѣжій мужской голосъ на лужайкѣ, гдѣ играли въ теннисъ.

Генераль дочиталъ письмо и очень серьезно проговорилъ:

— Послѣ вчерашней встрѣчи въ лѣсу этого и слѣдовало ждать.

Герцогиня такъ и подпрыгнула отъ негодованія.

— Я ужь давала, давала денегъ, готова еще давать, и все оказывается мало, чтобъ удовлетворить этотъ народъ!

— Въ жизни, моя милая, не въ деньгахъ только сила... Да и мужъ-то, вѣдь, ничего не получилъ. У него отняли жену, онъ сердится, это довольно естественно, и мнѣ кажется, что Шарлею мудрено будетъ отдѣлаться отъ этой дуэли.

— Да что вы... совсѣмъ съ ума сошли... Не вы ли сами говорили, что Ричардъ Фениганъ первоклассный боецъ на шпагахъ и такой же стрѣлокъ изъ пистолета?

— Что-жь тутъ подѣлаешь? Вашъ сынъ солдатъ, его оскорбляютъ, — надо драться.

— Я не покажу ему этого письма.

— Онъ другое получить, еще болѣе оскорбительное.

— Я поѣду къ матери того.

— И его мать приметъ васъ такъ, какъ вы ее приняли... Нѣтъ, нѣтъ... есть, если хотите, одно средство помѣшать дуэли вашего сына.

— Какое? — страстно воскликнула герцогиня.

— Мнѣ идти, вмѣсто него.

Проблескъ надежды сверкнулъ въ глазахъ жены, обинувшей герала взглядомъ, но она тотчасъ же пожала плечами.

— Вы говорите—идти, мой бѣдный другъ, а сами на ноги встать не можете... Нѣтъ, всего проще было бы написать его полковому командиру, нашему кузену де-Бутиныяну, чтобъ онъ тот-

часъ же вызвалъ Шарлексиса въ полкъ. Я хотѣла избавить его отъ большихъ маневровъ, но въ виду этого...

Шаръ тенниса прокатился къ ихъ ногамъ. Облитый пвѣтами, занавѣсь кустарника раздвинулся подъ руками молодого князя съ открытою шеей, въ бѣломъ фланелевомъ вестонѣ, стянутомъ широкимъ шелковымъ поясомъ, обхватывавшимъ гибкій станъ. Юноша, съ разгорѣвшимся румянцемъ, съ влажными волосами, улыбнулся торопливому движенію герцогини, поспѣшившей скрыть письмо.

— А у васъ тутъ секреты, — сказалъ онъ и, поднявши шаръ, исчезъ опять въ чащѣ, оставляя за собой восхищеніе его ловкостью и граціозностью. У всѣхъ троихъ промелькнула одна мысль, которую мать выразила вслухъ:

— И чтобъ такую-то прелесть я допустила искалѣчить, отнять у меня!... Пойду и сію же минуту напишу Бутиньяну.

Оставшись одинъ съ Жаномъ, генераль энергично всталъ со скамьи.

— Оставьте, оставьте... Я хочу попробовать.

Стоя и пошатываясь на мѣстѣ, онъ повернулся въ профиль, раздвинулъ ноги, попытался поднять трость, вытянуть руку, какъ бы для фехтованія, но покачнулся, раскинулъ руки и упалъ бы, навѣрное, еслибъ учитель не подхватилъ его и не усадилъ опять на лавку.

— Дуэль въ такомъ-то положеніи! — прошепталъ бѣдняга, отирая со лба потъ, выступившій отъ усилія. Въ глазахъ герцога стояли слезы.

Помолчавши немного, онъ продолжалъ:

— Хорошо она это сказала, что я на ногахъ не могу держаться!... Какое полное презрѣніе звучало въ голосѣ женщины къ жалкому мужу, который не въ силахъ уже защищать ее, свою жену, и своихъ дѣтей!

Онъ говорилъ это, опустивши голову, а по парку разносились веселые голоса, смѣхъ и бойкіе удары оживленной партіи въ теннисъ.

Молодой князь спалъ еще, когда на слѣдующее утро было доставлено въ Гробургъ заказное письмо съ дравейльскимъ штемпелемъ. Такъ какъ всѣмъ слугамъ было приказано, чтобы ни од письмо не подавалось Шарлексису, пока не побываетъ въ рука его матери, то и въ полученіи этого пакета расписалась герцогиня и распечатала записку Фенигана, еще болѣе оскорбительную, чѣмъ первая. Герцогиня не сказала никому объ этомъ и совсѣмъ было у покоилась телеграммой полковника, вызвавшей ея сына въ Мелер

когда на слѣдующій день за завтракомъ было опять получено посланіе Ричарда, адресованное на этотъ разъ уже отцу и съ приложеніемъ дубликатовъ оскорбленій, посланныхъ юному князю.

«Какъ относится къ этому герцогу д'Альвантара? Окажется ли онъ такимъ же дряннымъ трусомъ, какъ его сынъ?»

Герцогиня, сидя напротивъ мужа, удивлялась тому, что онъ ничего не ѣстъ. Онъ не въ состояніи былъ держать вилку, — такъ сильно дрожали его руки. Въмѣсто отвѣта на вопросъ жены, генераль передаль ей только что распечатанное письмо. Она окинула бѣглымъ взглядомъ оскорбленія, наносимыя всеѣмъ близкимъ ей, и, совершенно спокойная за сына, находившагося, по ея мнѣнію, въ полной безопасности, равнодушно проговорила:

— Это смѣшно, — вѣдь, онъ же знаетъ, что вы не въ состояніи драться.

— Онъ этого не знаетъ... Третьяго дня онъ видѣлъ меня верхомъ на лошади.

— Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ былъ видѣть васъ и валяющимся на землѣ, такъ какъ на лошади вы недолго усидѣли... А затѣмъ и объясниться можно. Я пошлю къ нему учителя Жана.

Глаза учителя заморгали, какъ передъ особенно трудною партіей віолончели.

— Вы правы, — сказалъ генераль, внезапно успокоившись.

Бѣдный учитель Жанъ! Какими далекими казались ему тѣ дни, когда онъ въ лодкѣ Шюшена переѣзжалъ съ своею віолончелью черезъ рѣку изъ одного дома въ другой! Когда-то такія веселія и оживленныя Узелли казались теперь поразительно мрачными, особливо съ тѣхъ поръ, какъ мадамъ Фениганъ и ея сынъ, вслѣдствіе необыкновенно рѣзкаго объясненія, перестали говорить и видаться другъ съ другомъ. Ричардъ перебрался въ свою прежнюю комнату въ павильонъ, куда ему подавали кушать и гдѣ онъ проводилъ цѣлые дни. Безъ сухого постоянного хлопанья комнатнаго пистолета никто бы не зналъ, что онъ находится въ домѣ. Мадамъ Фениганъ удвоила свою хозяйскую дѣятельность, носилась со скотнаго двора въ садъ, продолжала изводить садовника и его бѣлокъ, и въ раздраженномъ ея голосѣ, въ ея походкѣ, въ сердитомъ позвягиваніи ючами такъ и слышались ея бушующая гордость и оскорбленная стеринская любовь.

— Послѣ всего, что я для него дѣлала, онъ предпочитаетъ мнѣ эту негодную женщину... О!..

И она словъ не находила для выраженія своего негодованія, въ бѣшенности, когда на память приходило выраженіе дрожавшихъ,

искаженныхъ губъ, бросившихъ ей въ лицо слова оскорбленія и ненависти. И это ея сынъ, это ея ненаглядный Ричардъ!

— Вы ошибаетесь, кузина, — осторожно вступалась Элиза, помогая собирать яблоки-падальцы, — Ричардъ обожаетъ васъ... Говорилъ онъ въ сильномъ раздраженіи, но я увѣрена, если бы вы захотѣли...

Мать гордо выпрямилась, разсыпала яблоки.

— Никогда этого не будетъ. Ты меня не знаешь. Я скорѣе соглашусь умереть, чѣмъ унижаться передъ сыномъ. Онъ обязанъ просить у меня прощенье.

— Кто же говоритъ, что онъ не желаетъ этого? Если бы вы позволили мнѣ пойти въ павильонъ, попытаться увидать его...

Мадамъ Фениганъ презрительно усмѣхнулась.

— Былъ бы напрасный трудъ. Ты не знаешь, что надо сказать ему... Слишкомъ ты хорошая женщина.

Въ глубинѣ души мадамъ Фениганъ и на нее злилась. Элиза понимала это и, въ виду такого горя, забывала собственную неудачу, сознавала свою бесполезность, стѣснительность своего пребыванія здѣсь, заговаривала объ отъѣздѣ въ Лоріанъ, причемъ хозяйка не считала нужнымъ ее удерживать.

Ричардъ, съ своей стороны, переживалъ припадки страшной ревности, думалъ только о мщеніи и убійствѣ. Два офицера изъ полка, занимавшаго фортъ Вильневъ, старые товарищи по коллегіи Людовика Великаго, были наготовѣ явиться секундантами, а Ричардъ цѣлые дни проводилъ въ томъ, что упражнялъ руку, поджидая отвѣтъ на свои вызовы, когда разъ утромъ къ нему вошелъ учитель Жанъ, растерянный и заикающійся. Такъ необычайно было для него все то, что онъ увидалъ въ комнатѣ, — этотъ пистолеть на столѣ, разстрѣлянные карты, и, наконецъ, то, что говорить ему предстояло, порученіе, которое онъ долженъ былъ передать. «Генераль ничего иного не желаетъ, какъ занять мѣсто сына, отправившагося на маневры, но слабость лишаетъ его возможности держаться на ногахъ, и онъ рассчитываетъ на великодушіе Фенигана и его секундантовъ, которые согласятся, быть можетъ, на нѣкоторыя его условія».

— Ему угодно драться верхомъ? — спросилъ Ричардъ отрывистъ

— Нѣтъ, но... сидя... Генераль д'Эльбе, если я не ошибаюсь раненый былъ разстрѣлянъ синими на креслѣ *). Вамъ предложатъ

*) Жюго д'Эльбе, главнокомандующій вандейскою арміею во время французскіи революціи, былъ тяжело раненъ при Шоле, захваченъ республиканцами и разстр

дуэль такого рода... два кресла въ пятнадцати или въ двадцати шагахъ.

Ричардъ грубо оборвалъ его:

— Такія штуки пусть въ лазаретахъ продѣлываютъ. Передайте генералу, что я подожду возвращенія его сына. Я ужь это предпочитаю. Буду ждать мѣсяць, шесть недѣль, сколько потребуется... Но драться я буду съ тѣмъ молодымъ негодяемъ. Если же ничѣмъ нельзя его принудить къ этому, то я подкараулю его на дорогѣ, въ лѣсу, и убью...

Ричардъ повторилъ нѣсколько разъ: «убью его, убью!» — какъ бы вколачивая это слово въ хилую голову бывшаго учителя. И Жанъ, пошатываясь, вышелъ за дверь съ двумя ступеньками, гдѣ его уже съ минуту поджидала мать Ричарда. Увидавши ее, бѣдный малый совсѣмъ по-дурачки воскликнулъ:

— Ахъ, сударыня, какъ давно... какъ я радъ...

Она быстро остановила его и, указывая на павильонъ, сказала:

— О чемъ вы тамъ говорили? Какое еще зло хотятъ намъ сдѣлать ваши гробургскіе?

— Но, вѣдь, это же онъ, это Ричардъ хочетъ... Никакъ не мы. Задыхаясь, онъ рассказалъ про письма, полученныя въ Гробургъ, про ужасъ герцогини.

— Я предупреждала ее, — сказала мадамъ Фениганъ съ тихимъ, гордымъ смѣхомъ. — Горько вамъ будетъ, если наши дѣти встрѣтятся!

Ее заставила призадуматься фраза учителя:

— Несчастье слѣпо, сударыня, оно одинаково можетъ обрушиться и на васъ, какъ на насъ. Прошу васъ, успокойте лучше вашего сына. Вы имѣете на него такое огромное вліяніе...

— Увы, никакого не имѣю. Эта ужасная женщина, уходя отсюда, унесла у меня и привязанность, и довѣріе моего сына. Повѣрите ли, что вотъ уже три дня...

Она замолчала изъ боязни расплакаться, чего она ни за что въ мірѣ не хотѣла: слезы расслабляютъ, а ей нужны были всѣ ея силы, вся ея гордость съ вышедшимъ изъ повиновенія сыномъ.

Миновавши лѣсную дорожку, они пошли по большой корбейльсе й дорогѣ, — мадамъ Фениганъ съ открытою головою, подъ зонтикомъ, какъ всегда ходила у себя по саду. Люди, которыхъ они встрѣчали, все мѣстные старожилы, одѣтые по-праздничному, кланялись имъ, удивленно оглядывались на нихъ.

въ 1794 г. Республиканцевъ называли „синими“, по цвѣту ихъ мундировъ, въ от. чие отъ „бѣлыхъ“ — вандейцевъ.

— Что такое сегодня?—спросилъ учитель Жанъ.—Иди сюда, я слышалъ звонъ въ маленькой церкви, хотя никакого праздника нѣтъ.

— Какая-нибудь годовщина у полоумнаго старика...—сказала мадамъ Фениганъ и пожала плечами. Она все еще не могла простить Мериве его споръ за послѣднимъ обѣдомъ, его вліянію приписывала отвращеніе Ричарда отъ Элизы и отъ развода... А потому, когда старый сосѣдъ поравнялся съ ними, выйдя изъ своей церкви, мадамъ Фениганъ едва отвѣтила очень сухимъ кивкомъ на церемонный поклонъ добряка Мериве, одѣтаго во все черное, въ глубокой трауръ по любимой женѣ, по случаю двадцать первой годовщины ея смерти.

— Прощеніе всякихъ мерзостей, отпущеніе всевозможныхъ преступленій, вотъ что здѣсь проповѣдуютъ.

Мадамъ Фениганъ зонтикомъ указала на маленькую бѣлую церковку у шоссе.

— И меня зазываютъ туда, хотять, чтобъ я принадлежала къ этому приходу! Благодарю покорно! Пусть ужъ мой сынъ ходитъ, если ему нравится, а моей ноги тамъ никогда въ жизни не будетъ.

— О, мадамъ Фениганъ... мадамъ Фениганъ! — вздыхалъ виолончелистъ, вспоминая объ ужасномъ порученіи, которое онъ взялся выполнить.— Что же будетъ съ нами, если вы не можете повліять на вашего сына? Вѣдь, онъ хочетъ убить... убить...

— Пусть и начинается съ жены. Отлично сдѣлаетъ.

— О, мадамъ!

— Какъ, и вы туда же, и вы за нее? Да чѣмъ же это она васъ всѣхъ опоила, эта ужасная безпутница? А, да, васъ очаровала музыкой, дуэтами, вотъ какъ Ричарда, съ его пумъ-пумъ-пумъ... и потомъ своимъ жеманствомъ, которое сходитъ за нѣжность, за слабость... Мужчины такъ любятъ воображать, будто оказываютъ покровительство слабому существу... О, негодница! сына отняла у меня!... Если бы только она мнѣ попала въ руки...

— Вы пожалѣли бы ее, потому что вы очень добры, а она очень несчастна, — сказалъ Жанъ, усиленно моргая глазами, какъ бы въ ожиданіи побоевъ, которыми грозили свергающіе взгляды госпожи Фениганъ.

Но нѣтъ, избіенія не послѣдовало. Гордая и раздраженная женщина оборвала разговоръ короткимъ наклоненіемъ головы, быstro повернулась и направилась по дорогѣ обратно къ дому.

Дверь церкви была все открыта. Подъ вліяніемъ какого-то внезапнаго влеченія, противнаго ея убѣжденіямъ, въ силу какого-то бессознательнаго измѣненія всего настроенія, переступила мадамъ

Фениганъ порогъ маленькой церкви. Возможно, что подѣйствовали слова старика Мериве, сказанныя за столомъ бѣдной истерзанной женщины: «Войдите и опуститесь на колѣни,— вотъ въ чемъ весь секретъ счастья». Онъ сказалъ это поразительно убѣжденнымъ тономъ, и лишь нѣсколько минутъ назадъ, когда этотъ сумасшедшій старикъ переходилъ черезъ дорогу, на его лицѣ видно было выраженіе удивительнаго блаженства и забвенія всѣхъ скорбей.

Мадамъ Фениганъ вошла, охваченная мягкимъ сумракомъ послѣ яркаго блеска дня на улицѣ, обвела высокомернымъ взглядомъ высокія гладкія стѣны, испещренныя тамъ и сямъ отблескомъ цвѣтныхъ оконныхъ стеколъ, всѣхъ затворенныхъ, за исключеніемъ одного, очень высокаго и широкаго, сквозь которое надъ самымъ алтаремъ сіяло лазурно-голубое небо. О, какъ безконечно глубоко, какъ привлекательно прекрасно это небо!... Почти нехотя мадамъ Фениганъ опустилась на колѣни, и ея губы сами собой зашептали «Отче нашъ»... смиренную молитву малыхъ и кроткихъ, забывая всѣ прошенія, кромѣ: «остави намъ долги наши, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ...» Слезы хлынули изъ твердой каменной глыбы. Всколыхнулась душа, тяжелое бремя скатилось со всего существа, и она всю увидала себя, судъ произнесла надъ собой, пережила все свое прошлое.

Да, правъ Ричардъ. Гордость, страсть властвовать вызывала, обуславливала все, что она дѣлала. Да, ея мужъ и ея сынъ, которыхъ она любила, однако, страдали отъ нея. И, быть можетъ, съ болѣе мягкой матерью сиротка Лидія всю жизнь была бы счастлива въ своей семьѣ. Но для этого надо было ей, матери Ричарда, имѣть много снисходительности, умѣть жалѣть душою, умѣть прощать сердцемъ. Все это яснымъ представлялось ей теперь, а также и то, что предстояло ей попытаться сдѣлать. А предстояло нѣчто очень трудное, но Богъ уже просвѣтилъ ее и впредь поможетъ ей, несомнѣнно... «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ...»

Глубокій вздохъ невадалькѣ далъ знать госпожѣ Фениганъ, что она въ церкви не одна. Глаза, привыкшіе къ сумраку, разсмотрѣли въ нѣсколькихъ шагахъ стоящую на колѣняхъ передъ стуломъ бѣдную женщину, повязанную платкомъ, одѣтую въ заношенное, и линявшее платье. Рядомъ съ нею на полу лежалъ узелъ, изъ котораго торчалъ ластиковый черный зонтикъ. Мадамъ Фениганъ,— женщина, та, что недавно входила въ церковь,— не любила нищихъ, считала милостыню унижительною и никогда, за исключеніемъ о предѣленнаго дня, своего традиціоннаго понедѣльника, не подавала

никому ни сантимата, ни корки хлѣба. Таковъ былъ одинъ изъ пунктовъ ея личнаго кодекса, постоянный поводъ къ пререканіямъ съ снохой, когда онѣ вдвоемъ выѣзжали въ ландо. А! если бы Лидія изъ угла, гдѣ она скрывалась съ своимъ проступкомъ и несчастьемъ, могла видѣть свою ненавистную жалости свекровь въ ту минуту, когда та подошла къ бѣдной женщинѣ и тихо, кротко спросила: «Вы не здѣшная?» Какія бы надежды это дало несчастной молодой женщинѣ, и какъ бы это удивило ее!... Нищая ничего не отвѣтила. Истомленная усталостью, она уснула за молитвой. вмѣсто того, чтобы придти въ негодованіе, какъ она не преминула бы сдѣлать въ прежнее время, вмѣсто того, чтобы грубо разбудить бѣдняжку, дерзнувшую такъ непочтительно относиться къ Богу, мадамъ Фениганъ отдалась безграничной жалости, вынула изъ своего ридикюля портъ-моне, погромыхивавшій тамъ связкою ключей, и, не раскрывая его, не справляясь, сколько въ немъ денегъ, положила его на узелокъ бѣдной женщины. Знавшимъ мать Ричарда этотъ порывъ благотворительности показался бы еще болѣе диковиннымъ, чѣмъ тѣ новыя и затаенныя рѣшенія, съ которыми она выходила изъ церкви маленькаго прихода.

При видѣ ея, Наполеонъ Мериве, съ минуту уже прогуливавшійся по заросшему макомъ участку, радостно воскликнулъ:

— Вы, мадамъ... такъ это вы тамъ были?... Я слышалъ, какъ двигалъ кто-то стулья, только... никакъ уже не могъ предположить...

— Правда, это настоящее чудо, но васъ-то не удивишь чудесами, — отвѣтила она съ свѣтлою улыбкой.

Затѣмъ, раскрывая зонтикъ подъ знойнымъ солнцемъ полудня, она продолжала:

— Мосье Мериве, я попрошу васъ объ одномъ одолженіи... Мнѣ необходимо уѣхать на нѣсколько дней, какъ ни тяжело оставить Ричарда одного, особливо при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ...

По лицу старика, отъененному густыми, какъ усы, бровями, пробѣгала хитрая улыбка.

— Не одинъ онъ останется... а кузина-то? — проговорилъ Мериве.

— Кузина отправляется къ себѣ въ Бретань, и я ѣду съ н. о.

— Вы, въ Бретань? По какимъ дѣламъ?

— Сама еще не знаю... Вотъ здѣсь я получила вдохновеніе.

Ни о чемъ болѣе не спрашивая, старикъ проговорилъ съ влеченіемъ:

— О, я всегда зналъ, что вы прекрасная, благородная женщина, и только ваша проклятая гордость...

— Въ особенности, помните, мосьё Мериве, для моего сына, какъ и для всѣхъ здѣсь, я ѣду проводить Элизу, и только. У Ричарда могутъ явиться разныя безумныя надежды, я хочу, предварительно, посмотрѣть самолично.

— Вашъ сынъ будетъ знать лишь то, что вамъ угодно, и надѣяться на то, чего вы захотите. Въ ваше отсутствіе я буду зорко смотрѣть за нимъ и за сосѣдами изъ Гробурга, и если увижу, что я не въ силахъ помѣшать имъ надѣлать огромныхъ глупостей, то у меня есть на это мой добрый Сересъ, одаренный кротостью святого Франциска и мускулами Геркулеса... Я вамъ поручаю за вашего сына.

— Благодарю, — отвѣтила сильно растроганная госпожа Фениганъ.

Она хотѣла удалиться, но ее удержало движеніе старика, собиравшагося запереть дверь церкви.

— Подождите, тамъ есть кто-то, кабая-то бѣдная женщина, задремавшая на молитвѣ.

Маленькій Наполеонъ гордо приподнялъ голову:

— Церковь стоитъ на большой дорогѣ. Какъ только дверь остается отворенною, всегда какой-нибудь идущій мимо несчастный заходитъ въ нее, ищетъ въ ней убѣжища. Пусть себѣ подремлетъ, я запру потомъ... Есть тамъ еще кто-нибудь, кромѣ той бѣдной женщины?

— Да, есть еще нѣкто, кого я тамъ покинула въ одномъ уголкѣ и кого слѣдуетъ тамъ оставить навсегда... это — моя гордость, моя проклятая гордость... — сказала мадамъ Фениганъ, радостная и улыбающаяся, нисколько не похожая на ту высокомѣрно-заносчивую женщину, которая нѣсколько минутъ назадъ вошла въ церковь маленькаго прихода.

М. Р.

(Продолженіе въ январской книгѣ).

Дозволено цензурою. Москва, 21 декабря 1894 года.

Москва, типо-лит. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

	Стр.
XIV. СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.—Г. Б. Юллова	122
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванцова	143
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Отчетъ государственнаго контроля за 1893 годъ.—Заслуги земской статистики.—Регрессивное ея движеніе подѣ влияніемъ внѣшнихъ причинъ. — Необходима полная самостоятельность статистики.—Основанія для ея организаціи.—Данныя о развитіи переселенческаго дѣла за послѣднее десятилѣтіе.—Изъ жизни народной школы.— Столѣтіе со дня рожденія Грибоѣдова	168
XVII. 1894 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ. — В. А. Гольцева	185
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Малый театръ: <i>Золото</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Вл. Ив. Немировича-Данченко. Театръ Корна: <i>Madame Sans-Gêne</i> , комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. Сарду и Э. Моро, переводъ съ французск. Ф. А. Корша. Ам.—Музыка: Концертъ въ память А. Г. Рубинштейна.—Концерты филармоническаго общества. А. Б.	195
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Публицистика.—Философія.—Географія и путешествія.—Политическая экономія и статистика.—Юридическія книги.—Математика.—Медицина.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Дѣтскія книги.—Изданія для народа.—Календари. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», декабрь.—«Русское Обозрѣніе», декабрь.—«Сѣверный Вѣстникъ», декабрь.—«Дѣтское Чтеніе», декабрь. III. Списки книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1894 г. по 1 января 1895 г.	1

Генрикъ Сенкевичъ предоставилъ В. М. Лаврову право передать своего новаго историческаго романа изъ первыхъ вѣковъ христіанства „Камо грядеши?“ („Quo vadis?“). Начало этого романа появится въ первыхъ книжкахъ журнала „Русская Мысль“ 1895 года.

Этой книгѣ прилагаются для новыхъ подписчиковъ на 1895 г. первая глава романа Альфонса Доде „Маленькій приходъ“ и всѣмъ подписчиковъ объявленіе объ изданіи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ въ доставляемыхъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а разсрочку иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разницѣ подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского переулка и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій проспектъ, домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦА

ФЕВРАЛЬ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Шварцъ и К^о,

Пименовская ул., советв. домъ.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПРАКТИКА ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Продолженіе.</i> —И. А. Салова.	1
II. МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ. Идиллія Генрика Понтошпидана. Переводъ съ датскаго В. М. С. <i>Окончаніе.</i>	23
III. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Продолженіе.</i> —Д. Н. Мамина-Сибиряка.	33
IV. БРЫМСКІЕ СОНЕТЫ. Адама Мицкевича. Переводъ съ польскаго Л. М. Медвѣдева	105
V. ТРИ ГОДА. (Разсказъ). <i>Окончаніе.</i> —А. П. Чехова.	115
VI. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Окончаніе.</i>	157
VII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАВЕЛИНА. (1847 — 1884 гг.). Съ примѣчаніями Д. А. Корсакова	225
VIII. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ НѣКОТОРЫХЪ ФОРМЪ НАРОДНАГО СУДА. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ). <i>Окончаніе.</i> —В. П. Даневскаго.	1
IX. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ВЪ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКѢ. (Выборы 6 ноября 1894 г.).—В. Н. Макъ-Гаханъ.	21
X. РОССИЯ И ДАНІЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ I. (По документамъ датскаго архива).—А. Г. Бриннера.	39
XI. СОЦІАЛЬНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ СИЦИЛИИ.—Н. Ч.	61
XII. АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛМЕРЪ. <i>Окончаніе.</i> —А. М. Скабичевскаго	72
XIII. СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. <i>Продолженіе.</i> —Г. Б. Юлоса.	105

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ“.

В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Вышла новая книга:

„Побѣсти и Газказы“

Элизы Ожешковой

(Сѣренькая идиллія.—Сильный Самсонъ.—
Хамъ.—Подвижница).

Переводъ **В. М. Лаврова.**

Цена 1 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. М. Лаврова**, при редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевского пер., домъ № 2—24).

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА,

подъ редакціей **К. К. Арсеньева** и проф. **Ө. О. Петрушевскаго**, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. **А. Н. Бекетова**, **С. А. Венгерова**, проф. **А. И. Воейкова**, проф. **Н. И. Карѣева**, проф. **Д. И. Менделѣева**, пр. **В. Т. Собичевскаго**, **В. С. Соловьева** и проф. **П. Ө. Соловьева**, благоволятъ сдѣлать заявленіе съ указаніемъ подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ“, Москва, уголъ Леонтьевского и Б. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдается 20 первыхъ полутомовъ.

По соглашенію редакціи
НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ
И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

РУССКАЯ МЫСЛЬ,

въ книжномъ магазинѣ журнала РУССКАЯ МЫСЛЬ
В. М. Лаврова принимается подписка на

Настольный Энциклопедическій Словарь

изд. Т-ва А. Гранатъ и К^о.

Настольный энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ,
105—115 выпусковъ (10,500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 6 томовъ и 7 выпусковъ 7-го тома (до слова Саліасъ). Для лучшаго ознакомленія съ великими произведеніями искусства, къ изданію прилагаются, начиная съ 5-го тома, снимки съ картинъ классическихъ художниковъ.

Все изданіе будетъ закончено въ апрѣлѣ 1895 г.

Цѣна всему изданію на обыкновенной бумагѣ въ изящныхъ коленкоровыхъ переплетахъ 36 руб.,
на лучшей бумагѣ 48 руб.

За пересылку приплачивается по 10 коп. на каждый рубль стоимости.

За отдѣльную пересылку снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ безъ сгиба приплачивается за каждую серію 28 к.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновременно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немедленно получаютъ выпедшіе шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взносами по ДВА рубля.

Съ 1-го марта 1895 г. цѣна будетъ повышена.

Изданіе можно пріобрѣтать также и отдѣльными выпусками по 30 коп. за экземпляръ на обыкновенной бумагѣ и по 40 коп. на лучш

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА II.

МОСКВА.

—
1895.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и I

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ПРАКТИКА ЖИЗНИ. (Повѣсть). <i>Продолженіе.</i> —И. А. Салова	1
II. МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ. Идиллія Генрика Понтоншадана. Переводъ съ датскаго В. М. С. <i>Окончаніе</i>	20
III. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Продолженіе.</i> —Д. Н. Мамнина-Сибиряка	50
IV. КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ. Адама Мицкевича. Переводъ съ польскаго Л. М. Медвѣдева.	105
V. ТРИ ГОДА. (Разсказъ). <i>Окончаніе.</i> —А. П. Чехова.	115
VI. МАЛЕНЬКІЙ ПРИХОДЪ. Романъ Альфонса Доде. Переводъ съ французскаго М. Н. Р. <i>Окончаніе.</i>	157
VII. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКИ КАВЕЛИНА. (1847 — 1884 гг.). Съ примѣчаніями Д. А. Корсакова.	225
VIII. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ НѢКОТОРЫХЪ ФОРМЪ НАРОДНАГО СУДА. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ). <i>Окончаніе.</i> —В. П. Даневскаго.	1
IX. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ ВЪ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКѢ. (Выборы 6 ноября 1894 г.).—В. Н. Манъ-Гаханъ	21
X. РОССИЯ И ДАНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ I. (По документамъ датскаго архива).—А. Г. Брикнера.	39
XI. СОЦІАЛЬНЫЙ КРИЗИСЪ ВЪ СИЦИЛИИ.—Н. Ч.	61
1 . АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ. <i>Окончаніе.</i> —А. М. Скабичевскаго	72
XI . СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. <i>Продолженіе.</i> —Г. Б. Юлоса	105

	Стр.
XIV. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	129
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова	137
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Государственная роспись на 1895 годъ.—Первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія.—Пробѣлы въ программѣ занятій совѣта.—Съѣздъ мукомоловъ.—Попечительства о народной трезвости.—По поводу биржевой спекуляціи.—Изъ области народнаго образованія.—Высочайшій указъ 13 января.—К. Н. Ермолинскій †.—Отъ московскаго комитета грамотности	164
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	185
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Третье и четвертое квартетныя собранія.—Второе и третье симфоническія собранія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.—Третій и четвертый концерты филармоническаго общества.—Симфоническій концертъ подъ управленіемъ г. Буллеріана.—«Мелузина», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ кн. Трубецкаго.—«Тушинцы», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Бларамберга. А. Б.	191
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Біографіи.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», ноябрь и декабрь.—«Вѣстникъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Міръ Божій», январь.—«Русское Обозрѣніе», январь.—«Дѣтское Чтеніе», январь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1895 г.	53

ПРАКТИКА ЖИЗНИ *).

(Повѣсть).

УШ.

Срывалинскій хуторокъ былъ расположенъ очень живописно. Видно было по всему, что старикъ хотя и былъ плохимъ архитекторомъ, но, все-таки, имѣлъ вкусъ. Почти на самомъ берегу рѣки стоялъ флигелекъ Срывалина. Флигель былъ срубленъ изъ красиваго сосноваго лѣса и просторными сѣнями раздѣлялся на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщался самъ Срывалинъ, а въ другой кухня и старый слуга Срывалина Архипъ Ѳомичъ Зотовъ. Флигель переднимъ своимъ фасадомъ обращался на рѣку, а заднимъ смотрѣлъ на обширный дворъ, посреди котораго возвышался колодезь съ неизбѣжнымъ колесомъ, а по бокамъ тянулись надворныя постройки и кое-какія службы. Постройки эти составляли боковыя стороны двора, а на задней сторонѣ возвышался садъ, окруженный живою изгородью изъ боярышника.

На этомъ - то дворѣ въ описываемый день Срывалинъ шумѣлъ съ плугарями, отвратительно пахавшими ему пары. Тутъ же былъ старшина и нѣсколько понятыхъ, производившихъ осмотръ пахоты. По осмотру оказалось, что пахота, дѣйствительно, производилась не такъ, какъ требовалось договоромъ, и Срывалинъ прогналъ плугарей съ работы.

— Мнѣ такихъ плугарей и даромъ не надо, — горячился онъ.

— Пахали кубыть за первой сортъ, — галдѣла толпа.

— Мы ладились, чтобы пахота въ четыре вершка была, — крича ть Срывалинъ, — а вы въ два царапали.

— Въ четыре и пахали.

) *Русская Мысль*, кн. I.

— Врете. Кабы въ четыре, мнѣ бы не зачѣмъ было ни старшину, ни понятыхъ приглашать. Не зачѣмъ было бы и васъ прогонять.

— Слушайте, братцы, — вмѣшался старшина, какимъ-то вкрадчивымъ голосомъ и поминутно прикладывая руку къ сердцу. — Надо по-Божьему говорить. Въ четыре-то вершка у васъ ни одной борозды нѣтъ. Чего душой-то кривить? Всѣ въ два вершка, а чуть бугорокъ и того меньше.

— Что вѣрно, то вѣрно, — подхватили понятые.

— Вѣдь, помирать будемъ, — продолжалъ старшина, — передъ Господомъ Богомъ отвѣтствовать.

— А ты слышка-сь, ваше степенство, — загалдѣли плугари, видя, что дѣло ихъ не выгораетъ. — Кабы на быкахъ... Ну, такое дѣло...

— И опять врете, — подхватилъ Срывалинъ. — Васъ не залежь поднимать заставили, не обороть, а мягкую. Гдѣ же это слыхано, чтобы мягкую землю лошадьми пахать нельзя было?

Но такъ какъ плугари, все-таки, стояли на своемъ и никакихъ резоновъ не принимали, то Срывалинъ и приказалъ тутъ же стоявшему прикацигу ѣхать въ Хованщину и нанять другихъ плугарей. Тогда мужики загалдѣли еще пуще.

— Какъ же такъ? — кричали они. — Наймалъ на всю недѣлю, а таперь гнать?

— А теперь гнать, — подтвердилъ Срывалинъ.

— Да какъ же это?

— Очень просто, — кричалъ въ свою очередь Срывалинъ. — У меня шальныхъ денегъ нѣтъ. У меня деньги трудовыя. Я вамъ за это за самое, — продолжалъ онъ, — что пахота мнѣ требуется четырехвершковая, цѣлыхъ пять рублей, супротивъ сосѣдей, накинулъ. Вотъ ты мнѣ въ четыре вершка и паши, а не хочешь, такъ и проваливай.

— Чаго же намъ теперь цѣльную недѣлю дѣлать? — продолжали плугари. — Мы на недѣлю наймались. Гдѣ же мы теперь работу найдемъ? Съ насъ тоже податя требуютъ. Мы, коли такое дѣло, жалиться будемъ. Нешто такъ дѣлають? Наймалъ на недѣлю.

— Слушайте, православные, — вмѣшался опять старшина, какимъ-то вкрадчивымъ голосомъ. — Ну, ладно... будете вы жалиться... прійдетъ господинъ земскій начальникъ, его высокогородіе... Вѣдь, онъ на слово ни вамъ, ни ихней милости не поверитъ, а повѣритъ ахту... А что я въ ахтѣ написать долженъ и къ чему должонъ приложить печать? Сообразите-ба... Вѣдь, —

продолжалъ старшина, — тоже присягу примаешь... Вѣдь, я должнъ правду показать. Все одно и поштенные старички - понятые... Вѣдь, коли мы неправду покажемъ, насъ Господь Богъ накажетъ. Вѣдь, всё мы помирать будемъ, а, вѣдь, своя душа дорога... Ну, какъ же мы покажемъ, — продолжалъ старшина, — что вы въ четыре вершка пахали, коли этого нѣтъ? А вы вотъ что, православные, чѣмъ вамъ судиться-то, да его высокоблагородіе господина земскаго начальника безпокоить, лучше по-Божьему кончите...

— Что же намъ теперь, — зашумѣли плугари, — лошадей, что ли, поморить прикажешь? Нешто можно четыре вершка?

И, проговоривъ это, плугари, заломивъ шапки, куда-то спѣшно направились, продолжая шумѣть и кричать, что поморить лошадей они не согласны. Старшина даже вздохнулъ.

— Ну, народъ! — замѣтилъ онъ. — Вотъ ты поди и ладь съ нимъ!

Дѣлали сокрушенный видъ и почтенные старички - понятые въ чайнѣ получить за безпокойство, и только одинъ Срывалинъ, стоявшій на крылечкѣ, не обращалъ вниманія ни на отходившую толпу плугарей, ни на вздыхавшаго старшину, ни на понятыхъ и, словно забывъ обо всемъ только что происшедшемъ, внимательно смотрѣлъ вдаль, на дорогу, извивавшуюся по направленію къ Хованщинѣ. Приложивъ руку ко лбу, въ видѣ козырька, онъ не сводилъ глазъ съ небольшого пыльнаго облачка, медленно приближавшагося къ его хутору. Вниманіе, съ которымъ наблюдалъ онъ за этимъ облачкомъ, возбудило любопытство и въ старшинѣ, а затѣмъ и въ понятыхъ. Тѣ тоже приложили ко лбу руки и тоже сѣлились разсмотрѣть, отъ чего бы могла подниматься эта пыль.

— Должно, ѣдетъ кто, — замѣтилъ, наконецъ, старшина.

— Ужь больно тихо, — замѣтилъ одинъ изъ понятыхъ.

— Либо лошадь бредѣтъ, либо корова.

— Зачѣмъ это корова-то туда зайдетъ? — подхватилъ старшина. — Тоже, придумалъ!

— Нѣтъ, это экипажъ какой-то! — вскрикнулъ, наконецъ, Срывалинъ. — Не разберу только какой.

И всё они принялись разсматривать экипажъ и даже не замѣтили, какъ толпа плугарей, завернувъ за уголь амбара, разсѣлась на траву и, вытянувъ ноги (извѣстно, что русскій мужикъ рѣдко садится калачикомъ), принялась о чемъ-то совѣщаться. Совѣщались плугари, какъ видно, очень горячо, размахивали руками, выставляли что-то по пальцамъ, поминутно чесали въ затылкахъ, скакивали на ноги и даже остановили зачѣмъ-то прикащика, охъавшаго нанимать другихъ плугарей.

— А, вѣдь, это барская лошадь-то! — вскрикнулъ, наконецъ, старшина, избранный изъ крестьянъ села Хованщины. — Водовозка генеральская!

— И то, кубыть, — подхватили остальные.

— Бурый меринъ.

— Онъ, онъ!

Дѣйствительно, это былъ генеральскій бурый меринъ, ежедневно возившій воду, а теперь запряженный въ вѣнскій кабриолетъ, на которомъ и возсѣдали княгиня и нѣмецъ-докторъ. Срывалинъ, успѣвшій сбѣгать къ себѣ и вооружиться зрительною трубой, тотчасъ же узналъ ихъ и не мало смутился столь неожиданнымъ посѣщеніемъ. Смущеніе это было еще тѣмъ сильнѣе, что онъ тотчасъ же догадался, что посѣщеніе это не даромъ, что оно, вѣроятно, тѣсно связано съ предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ Вѣрѣ Александровнѣ. Онъ на-скоро распростился со старшиной и понятыми и бросился въ домъ переодѣваться.

А бурый меринъ все трусилъ, да трусилъ и кабриолетъ замѣтно подвигался къ хутору. Княгиня вооружилась лорнетомъ и внимательно принялась осматривать постройки.

— Я все не могу себѣ усвоить, принцессинъ, — говорилъ господинъ Шпренгель по-нѣмецки и какимъ-то недоумѣвающимъ тономъ, — зачѣмъ, собственно, мы ѣдемъ къ геррѣ Срывалинъ? Что бы сдѣлать визитъ?

— Не визитъ, — возразила княгиня какимъ-то недовольнымъ тономъ (она все еще дулась на нѣмца), — это было бы слишкомъ много чести, — а просто-на-просто мнѣ требуется навести о немъ кое-какія справки.

Нѣмецъ, все-таки, ничего не понималъ.

— Не понимаете? — спросила она, замѣтивъ, что нѣмецъ хлопалъ глазами.

— Извините, принцессинъ, но...

— Ну, да... Я знаю, что нѣмцы вообще недогадливы.

— Но, принцессинъ, вы еще не объяснили, въ чемъ должны заключаться эти справки и зачѣмъ онѣ требуются?

— А вамъ непременно хочется знать всѣ подробности?

— Мнѣ кажется...

Княгиня подумала немного, помолчала и нехотя проговорила:

— Онъ сдѣлалъ предложеніе одной моей знакомой.

— Ужь не фрейленъ ли Хованской?

— Посмотрѣла бы я, какъ бы онъ посмѣлъ сдѣлать предложеніе внучкѣ княгини Обрѣзковой!

— Почему же, принцессинь? Герръ Срываинъ очень хорошій человекъ.

— Нѣтъ, — перебила его княгиня. — Онъ настолько уменъ, что понимаетъ разницу между нимъ и моею внучкой. Онъ сдѣлалъ предложеніе, какъ я вамъ сказала, одной моей знакомой дѣвушкѣ, и вотъ мать этой дѣвушки просила меня справиться, что именно за человекъ этотъ Срываинъ.

— Онъ превосходный человекъ, принцессинь.

— Какъ вы быстро узнаете людей!

— О, это видно, принцессинь!

— А у насъ, у русскихъ, — перебила его княгиня, — есть по-словица, которая говоритъ: чтобъ узнать человека, надо съ нимъ пудъ соли съѣсть.

— Такъ много? — удивился нѣмецъ.

Но княгиня не слушала его и продолжала:

— Я хочу ознакомиться съ его домашнею обстановкой и, вообще, посмотрѣть, какъ онъ живетъ дома, у себя, на своемъ хуторѣ. Но такъ какъ самой мнѣ сдѣлать это не совсѣмъ удобно, то я и взяла васъ.

— О, теперь я все понимаю, принцессинь! — заговорилъ докторъ, видимо польщенный возложеннымъ на него порученіемъ. — Все, и, натурально, постараюсь въ точности исполнить угодное вамъ.

— Я сама въ домъ къ нему не пойду, — продолжала княгиня, — чего добраго, на какую-нибудь экономку наткнешься, — ну, а вы сходите.

— О, извольте, извольте!

— И все хорошенько высмотрите. Главное, — продолжала она, — постарайтесь въ заднія комнаты заглянуть. Эти заднія комнаты, — прибавила она, вздохнувъ, — всегда являются главными въ домѣ. А затѣмъ загляните и въ прачешную. Прачки тоже иногда играютъ роль. У мужа было ихъ много.

— Кто любитъ опрятность... — заговорилъ было нѣмецъ, но княгиня перебила его и съ нѣкоторою досадой замѣтила:

— Тутъ дѣло совсѣмъ не въ опрятности! — «Этотъ нѣмецъ совсѣмъ ничего не понимаетъ», — подумала она, но, тѣмъ не менѣе, родолжала, все-таки, дѣлать ему необходимыя наставленія. — ройдите въ кабинетъ, въ спальную, посмотрите, какія тамъ вить картинки... Словомъ, постарайтесь все разглядѣть и развѣять... Домашнія обстановка, — прибавила она, — лучше всего друго обрисовываетъ характеръ и наклонности своихъ обитателей...

И въ вашей квартирѣ не была, — продолжала она, — но увѣрена, что вашъ кабинетъ непременно увѣшанъ какими-нибудь обнаженными женщинами. Этого сорта картины теперь въ большой модѣ!

— Да, классическаго характера, — замѣтилъ нѣмецъ, опять-таки не понявшій сути дѣла.

— Ну, да, «характерныя» вообще, — добавила княгиня.

Въ это самое время они подъѣхали къ флигелю и увидали ожидавшаго ихъ на крыльцѣ Срывалина.

— Ваше сіятельство! — кричалъ онъ, радостно улыбаясь. — Какими судьбами? Чему я обязанъ?

— Жажда одолѣла, вотъ чему.

— И за то спасибо, — продолжалъ онъ, помогая княгинѣ выбраться изъ кабриолета. — Ужь такимъ-то угощу васъ квасомъ, что останетесь довольны.

— Ну, вотъ, вотъ. Я очень люблю квасъ.

— Милости просимъ въ домъ, пожалуйста.

— Ну, нѣтъ, въ домъ не пойду, мухи небось...

— Этого добра сколько угодно.

— То-то и есть, а я ихъ до смерти боюсь... Я лучше здѣсь, на крыльцѣ, посижу. У тебя здѣсь чисто, хорошо.

— Ну, какъ угодно.

— А ты, голубчикъ, сбѣгай и распорядись насчетъ квасу.

— Сейчасъ, сейчасъ.

И Срывалинъ бросился въ домъ.

«Ну, какое же сравненіе между русскимъ и нѣмцемъ? — думала, между тѣмъ, княгиня, усаживаясь на скамью, стоявшую на крыльцѣ, и искоса поглядывая на Шпренгеля. — Хоть бы взять этого Срывалина... Любо взглянуть! И рожа у него такая веселая, и говорить весело... на губахъ улыбка... румянецъ во всю щеку... А этоть, — продолжала она, презрительно метнувъ глазами на нѣмца, — чисто сосиска какая-то. А тоже, вѣдь, воображаетъ о себѣ... Одинъ носъ чего стѣять!»

— Принцессинъ, — проговорилъ Шпренгель таинственно и оглядываясь, — прикажете сейчасъ рекогносцировку дома сдѣлать?

Та даже руками всплеснула.

— При немъ-то?

— При немъ развѣ неудобно?

— Я полагаю.

— Слушаю-сь.

Прибѣжалъ Срывалинъ, объявилъ, что квасъ будетъ тотчас же поданъ, указалъ даже на какую-то бабу, стремглавъ броси

шуюся на ледникъ съ громаднымъ кувшиномъ; замѣтилъ, что внягиня неудобно сидѣтъ на скамейкѣ и, притащивъ изъ дома кресло, принялся усаживать ее на это кресло, а въ то же время подсунулъ ей подъ ноги скамеечку. Все это очень понравилось внягиня. Она ласково потрепала его по щекѣ, за что тотъ не преминулъ поцѣловать у нея ручку, и принялась затѣмъ осматривать въ лорнетъ надворныя постройки. Герръ Шпренгель держалъ себя какъ-то особенно церемонно, щурилъ глаза, игралъ цѣпочкою отъ часовъ, почему-то фыркалъ носомъ и никакъ не хотѣлъ пересѣсть съ рѣшетки крылечка на предложенный ему Срывалинымъ стулъ.

— О, не безпокойтесь, пожалуйста, — говорилъ онъ, — мнѣ и здѣсь очень хорошо.

— А у тебя здѣсь ничего, красиво, — говорила княгиня, продолжая смотрѣть въ лорнетъ. — И постройки недурныя, и все такъ чистенько.

— У меня здѣсь отлично, — восхищался Срывалинъ.

— Только немножко навозомъ пахнетъ, — замѣтилъ Шпренгель.

— Ну, ужъ безъ этого нельзя!

— На моей родинѣ этого нѣтъ. У насъ все это подметають, подчищаютъ.

— А вы все еще не забыли свою родину? — спросила княгиня съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Родину? О, нѣтъ, принцессиня, никогда!

— Но дѣло въ томъ, что у насъ, въ Россіи, стада громадныя, а въ вашемъ герцогствѣ какихъ-нибудь двѣ-три коровы, — замѣтила княгиня, продолжая смотрѣть въ лорнетъ. — Какой же можетъ быть тамъ запахъ? И радъ бы понюхалъ, да нечего!

— Навозъ, это — золото, — подхватилъ Срывалинъ. — Я имъ поля удабриваю. Во всей округѣ за то нѣтъ такого урожая, какъ у меня.

— А что это за постройка у тебя? — спросила княгиня, указывая лорнетомъ на какую-то возводимую кирпичную постройку.

— А это я масленку строю, — подхватилъ Срывалинъ. — Не по карману немного, ну, да ничего... Теперь ссуды выдаются нашему брату, сельскому хозяину, прихвачу деньжонокъ и примусь за дело. Накуплю подсолнуховъ...

— Подсолнуховъ! — передразнила его княгиня. — Кто же такъ ворить?

— Знаю, что подсолнечниковъ надо бы сказать, — перебилъ ее Срывалинъ, — да ужъ больно трудно выговаривать. Языкъ сломаешь.

— И будешь масломъ торговать?

— Конечно. А жижи на кормъ свиньямъ.

— И свиней тоже продавать?

— Да, рѣзать и продавать.

— Да ты учился, что ли, гдѣ-нибудь?

— Кто же нынче не учится?—вскрикнулъ весело Срывалинъ.

— Да ты дворянинъ, что ли?—спросила княгиня, пристально взглянувъ на Срывалина.

— Дворянинъ.

— Потомственный?

— Да. Отецъ дослужился до дворянства.

— Изъ новоиспеченныхъ, значить,—замѣтила княгиня.—Это выходитъ, что вашъ родъ въ третью книгу внесенъ,—прибавила она съ нѣкоторою презрительною миной.—Древнее дворянство въ шестую заносится.

— Ну,—вскрикнулъ Срывалинъ весело,—до такихъ тонкостей я не дошелъ!

— Почему же ты на службу не поступилъ? Ты могъ бы составить себѣ карьеру.

— Нашелъ болѣе удобнымъ хозяйствомъ заняться.

— Но, вѣдь, у тебя, кажется, крошечное имѣнiе?

— Извините-съ!—вскрикнулъ Срывалинъ.—Цѣлыхъ двѣсти десятинъ!

Княгиня улыбнулась.

— Огромное!—проговорила она.

— У насъ,—виѣшался Шпренгель,—такое имѣнiе считается очень большимъ.

— Еще бы,—замѣтила княгиня,—ежели все-то ваше герцогство съ этотъ столъ!

— О,—вскрикнулъ Шпренгель, фыркнувъ носомъ,—это очень благоустроенный и очень богатый край!

— Воображаю!

— А я замѣчаю,—подшутилъ Срывалинъ,—что вы очень не долюбиваете нѣмцевъ.

— Ахъ, голубчикъ, да за что же ихъ и любить-то?

— Но вы, конечно, не будете опровергать, принцессинъ,—заговорилъ докторъ,—что мы, нѣмцы, все-таки, культурный и родъ и что всегда были и будемъ во главѣ цивилизаціи?

— Не вы, а французы.

— Никогда!—вскрикнулъ докторъ.

— По-вашему, можетъ быть, а по-моему далеко вамъ до французовъ.

- У насъ литература...— горячился нѣмецъ.
- Ужь не вашъ ли Шпильгагенъ, котораго я читать не могу?
- У насъ были Шиллеръ, Гёте...
- Въ кои-то вѣки двое народились!
- Наконецъ, у насъ философія...
- Умъ за разумъ зашла ваша философія. Глупѣть отъ нея

начали.

Докторъ даже съ мѣста вскочилъ.

— Пренепріятная есть черта у русскаго народа,— горячился онъ, обращаясь къ хототавшему до слезъ Срываину, — это — страсть надо всёми глумиться!

— Есть и другая,—холодно замѣтила княгиня,—это—страсть откармливать и отпаивать неблагодарныхъ.

Докторъ фыркнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но въ это самое время вошла на крылечко баба съ квасомъ и разговоръ о нѣмецкой цивилизаціи прекратился. За то Срываинъ, увидавъ бабу съ подоткнутыми подоломъ и засученными по локоть рукавами, даже руками всплеснулъ.

— Что ты со мной надѣлала? — вскрикнулъ онъ.— Да развѣ такъ подаютъ?

— А какъ же? — удивилась баба, чуть не выронивъ изъ рукъ кувшина.

— Во-первыхъ, квасъ подается въ графинѣ...

— Захочешь пить, такъ и изъ кувшина напьешься,—замѣтила она.

— Ахъ, дура, дура!... Да гдѣ же Архипъ?

— Въ вуфнѣ самоваръ чистить.

— Его бы и прислала,—говорилъ Срываинъ, отнимая у бабы кувшинъ и стаканъ.— Онъ умѣетъ подавать.

— И то посылала, да не пошелъ. «У меня,—говорить,— не десять рукъ. Не то самоваръ чистить, не то квасы разносить».

— Ну, ладно, ладно, ступай ужъ.

Баба ушла.

— Ужь извините, — говорилъ Срываинъ, наливая квасъ и обращаясь къ княгинѣ.— Ужь извиняте, что не на подносѣ.

— А что это за баба у тебя?

— Бухарка.

— Красивая! — замѣтила княгиня, взявъ стаканъ.

— Я люблю красивыхъ,—смотрѣть веселѣе.

— И много у тебя такихъ красавиць?

Срывалинъ задумался, началъ молча считать по пальцамъ и, наконецъ, объявилъ:

— Четыре.

— Достаточно! — замѣтила княгиня и принялась прислушиваться къ долетавшему изъ сада пѣнію. — А гдѣ это поютъ? — спросила она.

— Въ саду яблони мотыжутъ, — отвѣтилъ онъ и тотчасъ же добавилъ: — Не угодно ли на мой садикъ взглянуть? Садикъ у меня — могу похвалиться.

— Пойдемъ, пожалуй.

— Пойдемте, пойдемте, — засуетился Срывалинъ и бросился въ домъ за фуражкой.

Княгиня воспользовалась отсутствіемъ Срывалина и, подойдя къ доктору, таинственно прошептала:

— Мы пойдемъ въ садъ, а вы въ домъ пройдите. Онъ насчиталъ четырехъ, — прибавила она, — но, по всей вѣроятности, есть гдѣ-нибудь и пятая. Эти всегда подъ секретомъ, о нихъ не говорятъ и по пальцамъ ихъ не выеблываютъ. Пожалуйста, все хорошенько осмотрите.

— О, будьте покойны, принцессинъ!

Вошелъ Срывалинъ, подалъ княгинѣ руку и обратился къ доктору:

— Карлъ Карлычъ, милости прошу.

— Ежели позволите, я здѣсь останусь, — проговорилъ онъ жеманно и почему-то по-русски.

— Что тагъ?

— Я буду пользоваться отсутствіемъ принцессинъ и немножко курить сигара. Я очень давно не курилъ.

— Ну, какъ угодно!

И Срывалинъ подъ руку съ княгиней направился къ саду.

Х.

Они обошли весь садъ вдоль и поперекъ, побывали на огородѣ, осмотрѣли плантацію хмѣля, котораго княгиня никогда не видала, а потому и вообразила, что это виноградъ, обошли всѣ надворныя постройки, побывали на скотномъ дворѣ, на птичьемъ, въ людско въ кухнѣ, и княгиня, какъ только встрѣчала гдѣ бы то ни бы красивую бабу, сейчасъ же тихонько загибала палець. Въ концъ концовъ, она убѣдилась, однако, что Срывалинъ не совралъ и ч ихъ было дѣйствительно четыре. «Вотъ посмотримъ, — думаетъ она, — что еще нѣмецъ скажетъ».

Въ хозяйствѣ княгиня ровно ничего не смыслила, не имѣла даже понятія о томъ, какъ пекутся хлѣбы, и была въ полномъ убѣжденіи, что для приготовленія лапши мужики покупаютъ вермишель. Но, тѣмъ не менѣе, какой-то внутренней голосъ подсказывалъ ей, что хозяйство у Срывалина въ порядкѣ, что онъ понимаетъ это дѣло и что вообще онъ, какъ видно, малый дѣловой. Не то, что ея зятекъ почтенный!

На возвратномъ пути къ Срывалину подошли знакомые намъ плугари. Подошли они безъ шапокъ, лѣнливо переваливаясь съ ноги на ногу и глупо улыбаясь.

— Вы что?—спросилъ Срывалинъ.

— Къ твоей милости.

— Ну?

— Ты вотъ что, — заговорилъ одинъ изъ плугарей, почесываясь, — накинъ намъ, а ужъ мы тебѣ вспашемъ, какъ тебѣ хотца.

— Не только не накинѣ, — разсердился Срывалинъ, — а даже совсѣмъ не желаю имѣть съ вами дѣла.

— Что такъ?

— А потому, что въ васъ совѣсти нѣтъ.

— А то ужъ накинъ...

— Я вамъ сказалъ, что мнѣ васъ не надо. Можете ко дворамъ отправляться, — объявилъ Срывалинъ и пошелъ дальше, а плугари, зайдя за амбаръ, снова разсѣлись на мураву, снова вытянули ноги и принялись о чемъ-то шумно галдѣть и спорить.

— Это что же за мужики?—полюбопытствовала княгиня.

Срывалинъ рассказалъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ отправь ихъ къ становому, только и всего, — разсудила она. — Онъ ихъ живо уму-разуму научить.

— То-есть какъ это?—удивился Срывалинъ.

— Очень просто. Выпореть ихъ... они тебѣ и вспашутъ.

Срывалинъ, все-таки, ничего не понялъ.

— Да они какіе у тебя, крѣпостные или вольные?—спросила княгиня.

— Кто?

— Да вотъ эти мужики, что подходили-то къ тебѣ?

— Но, вѣдь, теперь нѣтъ крѣпостныхъ... Крестьяне давнымъ-давно освобождены... они всѣ вольные.

— Да? Такъ у тебя по-новому!—замѣтила княгиня. — Напрасно.. Вотъ поэтому-то тебя и обманываютъ. Нѣтъ, — прибавила она, — я умнѣе тебя распорядилась... У меня этой воли нѣтъ... Я по старому. Какъ было прежде, такъ и теперь... Попрежнему, му-

жики въ извѣстное время привозятъ мнѣ оброкъ, масло, куръ, тальки...

— Какія такія тальки?—удивился Срывалинъ, не имѣвшій и понятія объ этихъ талькахъ.

— Ну, почему я знаю?—перебила его княгиня.—Знаю только, что нитки какія-то. И все идетъ у меня, какъ по маслу. Я этой вашей эмансипаціи знать не хочу... Да и къ чему я буду вводить эти реформы?—продолжала она.—Что я за реформаторша такая? Хорошо, ежели что-нибудь путное выдумаю, а какъ вдругъ, вмѣсто путнаго-то, да какую-нибудь безтолковщину сдѣлаю?... Я все не желаю, чтобы меня на старости лѣтъ душой обругали.

— И попрежнему къ становому обращаетесь?—спросилъ Срывалинъ.

— Ахъ, Боже мой!—вскрикнула княгиня.—За что же я буду ихъ пороть, коли они мнѣ аккуратно оброкъ платятъ? Напротивъ, я даже всегда приказываю угощать ихъ водкой. Даже люблю поговорить съ ними... У меня мужики хорошіе, вѣжливые... Всегда такъ хорошо одѣты... въ сапогахъ, въ новыхъ полушубкахъ... Волосы у нихъ всегда причесаны, бороды тоже... И потому они всегда приходятъ ко мнѣ съ подарками... Голову сахару, фунта два чаю и непременно коробку монпасье.

— Ну, ваше сіятельство,—вскрикнулъ Срывалинъ,—я еще въ первый разъ встрѣчаю такую помѣщицу! Да полно, ужъ правда ли? Не шутите ли?

— Ахъ, батюшка! — вскрикнула княгиня.— Не стану же я лгать! А ежели не вѣришь, такъ Парашку спроси. Она у меня тоже крѣпостная.

Въ это самое время они подошли къ крыльцу дома и только было собирались подняться на ступеньки, какъ вдругъ въ домъ послышался какой-то шумъ, трескъ, какой-то крикъ и, въ то же время, выскочилъ на крыльцо старикъ Архинъ.

— Что такое? Что случилось?—удивился Срывалинъ.

Но вслѣдъ за Архиномъ выбѣжалъ и Шпренгель.

— Помилуйте,—кричалъ послѣдній по-нѣмецки и весь дрожа отъ гнѣва,—вашъ лакей или кто онъ такой, не знаю, осмѣлился принять меня за вора.

Срывалинъ растерялся.

— Быть не можетъ!—возмущался онъ.

Однако, все это было, а произошло слѣдующимъ образомъ... хипъ, и не подозрѣвавшій о пріѣздѣ гостей, чистилъ себя въ кухнѣ самоваръ, а вычистивъ таковой, отправился убирать баринскіе

спальную. Вошелъ и вдругъ видить какого-то незнакомаго чело-вѣка, забравшагося на диванъ и торопливо снимавшаго со стѣны картинку, изображавшую мельницу. Сперва онъ ошалѣлъ, а потомъ, опомнившись, вооружился щеткой и набросился на нѣмца, сочтя его за вора.

— Ну, да, да! — горячился нѣмецъ. — Я разсматривалъ ландшафтъ и разбиралъ надпись, которая имѣлась внизу... А затѣмъ, прочтя, что этотъ ландшафтъ рисовала фрейленъ, повѣсилъ его на мѣсто. Вотъ и все.

— Такъ бы и говорилъ! — горячился въ свою очередь Архипъ. — А то залѣзъ на диванъ!... А кто онъ такой — не говоритъ!

Срывалинъ чувствовалъ себя въ крайне неловкомъ положеніи. Онъ обругалъ Архипа «старымъ дуракомъ», хотя, въ сущности, и сознавалъ его правоту, и принялся извиняться передъ докторомъ, который никакъ не могъ успокоиться отъ нанесеннаго ему оскорбленія. За то княгиня, не принимавшая участія въ происшедшемъ объясненіи, но понявшая, въ чемъ вся суть, отъ души хохотала, глядя на расходившагося нѣмца. Срывалинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и, не понимая причины смѣха, расхохотался и самъ. Только одинъ докторъ, попрежнему, былъ блѣденъ, какъ полотно, и никакъ не хотѣлъ примириться съ стоявшимъ передъ нимъ старымъ Архипомъ. Все это кончилось тѣмъ, что княгиня обругала нѣмца за его безсердечность, доказала ему, что во всемъ случившемся виноватъ только онъ одинъ, и согласилась, наконецъ, войти въ домъ, гдѣ былъ уже приготовленъ завтракъ.

Произведеннымъ дознаніемъ княгиня была вполне довольна. Срывалинъ произвелъ на нее самое благопріятное впечатлѣніе. Она нашла его вполне «порядочнымъ и приличнымъ челоувѣкомъ, прекраснымъ хозяиномъ, воспитаннымъ, ученымъ, а, главное, скромнымъ и не имѣющимъ при себѣ никакой подозрительной экономки». Ей понравилась его усадьба, его домикъ, правда, небольшой, но за то уютный, чистенькій, свѣтленькій, и даже понравился Архипъ, успѣвшій къ завтраку приумуться и прифрантиться.

Позавтракавъ и напившись кофе, княгиня отправилась домой. Когда Срывалинъ усаживалъ ее въ кабриолетъ, къ нему подѣхалъ на дрожжахъ тотъ самый прикащикъ, котораго онъ посылалъ нанять пугарей.

— Ну, что, нанялъ? — спросилъ онъ прикащика, продолжая усаживать княгиню.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Это почему?

— Старые согласились.

— Значить, опять кое-какъ пахать будутъ?

— Нѣтъ-съ. Теперь какъ слѣдуетъ пахать... Одумались.

Срывалинъ вскочилъ на дрожки и вмѣстѣ съ прикащикомъ поѣхалъ посмотрѣть на «одумавшихся» плугарей.

— Молодецъ!—вскрикнула княгиня.—Вотъ этотъ съумѣетъ справиться съ своимъ добромъ!

Но докторъ молчалъ. Онъ, видимо, былъ не въ духѣ, сопѣлъ носомъ и промолчалъ такимъ образомъ вплоть до самой Хованщины. Однако, княгиня не обращала даже и вниманія на это молчаніе, такъ какъ думала не о докторѣ, а о Срывалинѣ и внучкѣ. «Конечно,—соображала она,—онъ ей не партія, но коли любятъ другъ друга... Ахъ,—продолжала она,—теперь все пошло шиворотъ на выворотъ, и то, что считалось прежде неприличнымъ, теперь считается даже весьма естественнымъ!»

XI.

Между тѣмъ, въ Хованщинѣ по аллеямъ парка прогуливались генераль и его гость Кубрицкій. День былъ превосходный, солнечный, теплый и потому оба они были въ легкихъ костюмахъ. На Хованскомъ былъ бѣлый военный китель съ поперечными генеральскими погонами, а на Кубрицкомъ чечунчовая пара, свѣтлый галстукъ, повязанный изящнымъ бантомъ, и маленькая соломенная шляпа. Кубрицкій былъ въ самомъ наипрѣятнѣйшемъ расположеніи духа. Тщательно выбритый, напомаженный, надушенный, онъ пріятно улыбался, весело помахивалъ тросточкой и на все смотрѣлъ веселыми глазами. Видно было по всему, что и на душѣ у него было и легко, и весело. Сверхъ обыкновенія, былъ веселъ и генераль Хованскій. Онъ тоже имѣлъ праздничный видъ и постоянно хмурое и озабоченное лицо его на этотъ разъ дышало какимъ-то особеннымъ довольствомъ. Онъ весь прибодрился, молодцовато шагивалъ, потряхивая плечами, и даже насвистывалъ какой-то очень веселый военный маршъ. Даже не вѣрилось какъ-то, чтобы это былъ тотъ самый генераль Хованскій, вѣчно хмурый и вѣчно только и заботившійся о переучетѣ векселей и объ уплатѣ въ банкъ процентовъ за имѣніе. Словно какъ онъ выигралъ двѣсти тысячъ и, выкупивъ имѣніе, жилъ себѣ настоящимъ баринномъ.

— Ахъ!—вскрикнулъ онъ весело, обращаясь къ Кубрицкому и показывая какой-то сорванный цвѣтокъ.—Посмотряте, ваше превосходительство, какой прелестный цвѣтокъ!

— Да, да, прелесть! — восхищался Кубрицкій, но, увидавъ

кавую-то пеструю птичку, быстро вскрикнулъ: — А вонъ какаѣ красивая птичка, ваше превосходительство!

— Гдѣ, ваше превосходительство, гдѣ?

— А вонъ на этой липѣ.

— Вижу, вижу. Да, да, очень нарядная, — проговорилъ Хованскій и тотчасъ же прибавилъ:—Это дятель.

— Прелестная птичка!

И, вдоволь налюбовавшись птичкой, Бублицкій весело спросилъ:

— Такъ вы думаете, ваше превосходительство, Вѣра Александровна не будетъ противъ моего предложенія?

— Я въ этомъ увѣренъ, ваше превосходительство.

— Можетъ быть, мои лѣта...—заговорилъ онъ было, но Хованскій перебилъ его:

— Ахъ, Боже мой! Ну, что такое лѣта? Наконецъ, не вамъ бы говорить о лѣтахъ... Вы такъ еще свѣжи, бодры.

— Я чувствую себя великолѣпно.

— Въ васъ такъ много жизни, энергій.

— А все какъ-то страшно, ваше превосходительство.

Хованскій даже расхохотался.

— Дѣвушки, въ особенности такія молодыя, какъ Вѣра Александровна, вообще какъ-то странно относятся къ мужчинамъ среднихъ лѣтъ,—замѣтилъ Бублицкій, понюхивая цвѣтокъ.—Онѣ полагаютъ, что ежели мужчина перешагнулъ за сорокъ, то онъ уже старикъ. Имъ все требуются херувимы, съ розовыми щеками, шелковистыми будрами! — прибавилъ онъ насмѣшливо, но Хованскій опять перебилъ его.

— Только не моей Вѣрочкѣ, — проговорилъ онъ. — Вѣрочка моя совсѣмъ не такая дѣвушка. Она у меня разсудительная. Она сейчасъ сообразить, что вы дѣлаете ей честь... она... она...

И, вслѣдъ за тѣмъ, оглянувшись и понизивъ голосъ, добавилъ:

— Она совсѣмъ не такая, какъ покойница мать.

— Покойница была превосходная женщина,—замѣтилъ Бублицкій,—но слишкомъ добра.

— Нѣтъ - съ, не добра, а расточительна,—подхватилъ Хованскій съ нѣкоторымъ даже озлобленіемъ.—Вѣдь, вы помните... Вѣдь, мы съ вами одновременно за границей-то жили... Помните, что она тамъ продѣлывала - то... Вѣдь, она, не тѣмъ будь помянута, чортъ знаетъ какъ сорила деньгами... Вѣдь, я, по ея милости, чуть не нищій... да-съ, чуть не нищій!

— Но,—перебилъ его Бублицкій,—все-таки, я скажу, ваше превосходительство, что это была святая женщина.

— Это вѣрно, совершенно вѣрно. Но, вѣдь, святые, какъ вашъ извѣстно, ни въ рулетку не играли, ни баловъ не задавали и не тратили бѣшеныхъ денегъ на кружева и бархатъ... А, вѣдь, покойница...

— Ваше превосходительство, — вскрикнулъ Кублицкій нѣсколько даже дрожавшимъ голосомъ, — вы меня извините, можетъ быть, я и ошибаюсь, но... мнѣ кажется, что отчасти вы сами были виноваты!... Вы такъ любили покойницу... такъ боготворили ее... Мало того, такъ преклонялись передъ ней, что даже и забыли о невозможности давать женщинамъ полную свободу. Этого нельзя, никакъ нельзя... Вѣдь, женщина живетъ сердцемъ, а не разумомъ.

— Ахъ, ваше превосходительство, — вскрикнулъ, въ свою очередь, Хованскій, остановясь и разведя беспомощно руками, — какъ будто вы меня не знаете?... Вѣдь, вы меня знаете отлично. Вѣдь, я хотя и ношу военный мундиръ, хотя и былъ въ то время увѣшанъ всевозможнымъ смертоноснымъ оружіемъ, но, вѣдь, я хуже всякой бабы. Я Менелай, чистый Менелай! Я не могу... что хотите!... Не могу ни остановить, ни отказать! Ну, какъ было отказать такой женщинѣ, какъ была покойная жена? Ну, какъ?... Вѣдь, это была красавица. Помните?

— Вѣрно, ваше превосходительство, вѣрно! — вскрикнулъ Кублицкій, весь озарившись восторженною улыбкой. — Она была дивно хороша! Вѣра Александровна очень, очень похожа на нее... такъ похожа, такъ похожа...

— Внѣшностью, — подхватилъ Хованскій, — только одною внѣшностью.

— Вотъ я и боюсь, ваше превосходительство, — подшутилъ Кублицкій, — какъ бы тоже не превратиться изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, какъ вы изволили выразиться, въ Менелая...

Хованскій расхохотался.

— Я, вѣдь, тоже пасую передъ красотой женщины. Тоже рабъ женской красоты.

— Не такая дѣвушка моя дочь.

— Она дивно хороша! — вскрикнулъ Кублицкій, закрывъ глаза. — Я и теперь уже начинаю смахивать на Менелая!

Хованскій расхохотался еще пуще.

— Не такой и вы человекъ, ваше превосходительство, — проговорилъ онъ, досыта нахохотавшись. — Покойная супруга ваша была тоже красавица. Однако, вы никогда не были Менелаемъ. Вы умѣли сдерживать покойницу... Вѣдь, я помню...

— Нѣтъ, ваше превосходительство, ваша супруга была много

красивѣе моей! Далеко нулику до Петрова дня! Наконецъ, это былъ бракъ иного сорта... Тогда... Да нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то, не то, не то!...

И, какъ-то замявъ разговоръ, продолжалъ:

— И такъ, вы переговорите съ Вѣрой Александровной?

— И переговорю, и внушу.

— Боже мой, какъ бы я былъ счастливъ!... Но какой - то внутренней голосъ...

— Ахъ, не слушайте вы этихъ голосовъ!—перебилъ его Хованскій.—Вы меня обижаете... Неужели моя дочь настолько глупа, что не сообразить того блестящаго положенія, которое вы ей предоставляете?

— Вы такъ ободряете меня, что я даже самъ начинаю вѣрить въ возможность такого счастья.

— Только помните, ваше превосходительство,—перебилъ его Хованскій, остановившись и приподнявъ вверху указательный палецъ,—что, прежде всего, вы должны привести въ порядокъ всѣ денежные дѣла по имѣнью, то-есть погасить всѣ недоимки, числящіяся на имѣннн, и внести за годъ впередъ проценты.

— Ну, да, да, — согласился Кубрицкій. — Какъ мы говорили.

— Да, какъ говорили. Это составитъ тысячъ шесть, не больше. Эту сумму я прошу васъ, ваше превосходительство, внести немедленно, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, имѣннн будетъ продано.

— Развѣ оно назначено уже въ продажу?

Хованскій только головой мотнулъ.

— Когда же торги?

Онъ сказалъ, когда именно.

— Такъ скоро?

— Банки дремать не любятъ.

— Такъ, вѣдь, это, значить, черезъ двѣ недѣли!—вскрикнулъ Кубрицкій.

— Да, черезъ двѣ.

— Это значить надо торопиться.

— Вотъ поэтому-то я и говорю, что, прежде всего, слѣдуетъ по унать объ удержаннн имѣннн. Вы всегда воротите свои деньги, по тому что имѣннн это будетъ принадлежать Вѣрочкѣ, а вы, конечно будете завѣдывать имъ. Распоряжайтесь имъ, какъ вамъ будетъ угодно. Здѣсь есть къ чему приложить руки,—продолжалъ Хованскій видимо ободряя задумавшагося Кубрицкаго. — Земля у меня

удобная, плодородная, заливные луга, мельница... съ деньгами можно отлично повести хозяйство.

— Почему же вы сами?...—спросилъ было Кублицкій, но Хованскій перебилъ его:

— Устарѣлъ я, да и не моихъ рукъ дѣло это. Знаете пословицу: «не пѣть курицѣ пѣтухомъ, не владѣть бабѣ мужикомъ»? Я и въ этомъ дѣлѣ Менелай. Берите имѣніе въ свое завѣдываніе, а мнѣ дайте крошечный уголокъ въ домѣ, гдѣ бы я могъ спокойно провести остатокъ своихъ дней. Дочь назначить мнѣ крошечную пенсію и я буду совершенно счастливъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше превосходительство, —подхватилъ растроганный Кублицкій, — мы съ женой не допустимъ васъ до этого! Вы съ нами будете, въ городѣ... будете руководить насъ добрыми совѣтами... а, главное, помогать мнѣ въ моихъ многотрудныхъ служебныхъ обязанностяхъ, хотя бы только своими разумными и опытными совѣтами.

Хованскій даже расхохотался.

— Нашли учителя, нечего сказать! Вы и безъ меня отлично изучили практику жизни, а практику службы и подавно. Нѣтъ, нѣтъ, какой я учитель!

— Все-таки, ваше превосходительство... Умъ хорошо, а два лучше.

— Нѣтъ, ужъ вы меня увольте.

— Такъ вы изволите говорить, что тысячь шесть потребуется?

— Не больше.

— Ну-съ,—заговорилъ Кублицкій,—а ежели Вѣра Александровна почему-либо не захочетъ быть моею женой?

Хованскій опять перебилъ его:

— Я вамъ ручаюсь. Даю вамъ честное, генеральское слово.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ. Я приведу въ порядокъ ваши дѣла,—торжественно провозгласилъ Кублицкій.

Оба генерала протянули другъ другу руки и лица обоихъ озярили наисчастливѣйшими улыбками.

— На-дняхъ,—продолжалъ Кублицкій,—я буду въ Питерѣ и внесу деньги въ банкъ.

— Это рѣшено?—спросилъ Хованскій.

— И рѣшено, и подписано.

— Не опоздайте.

— Ваше превосходительство,—вскрикнулъ Кублицкій ш. его растопыривъ руки,—за кого же вы меня принимаете? Накоръ гъ, вѣдь, это дѣло касается будущей моей жены.

— У васъ такъ много заботъ.

— Первѣйшею моею заботой, — перебилъ его Кублицкій, — будетъ успокоить васъ и Вѣру Александровну.

— Она даже и не знаетъ объ этой продажѣ. Скрываю все, огорчать не хочу.

— И не огорчайте, ваше превосходительство. Все будетъ сдѣлано... все.

Хованскій прослезился и поспѣшилъ обнять Кублицкаго.

— Спасибо вамъ, — проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.. Это я долженъ благодарить васъ, — проговорилъ Кублицкій тоже взволнованнымъ голосомъ. — Моя услуга — денежная... вздорная, тогда какъ вы даруете мнѣ полнѣйшее счастье, даруете мнѣ дочь свою. Теперь, — продолжалъ онъ, — вся жизнь моя будетъ посвящена ей, только ей одной.

И они опять бросились обнимать другъ друга.

Немного погодя они подходили къ мельницѣ, къ той самой, которую когда-то срисовывала Вѣра Александровна и рисунокъ которой висѣлъ у Срывалина надъ диваномъ.

— У васъ прелестные есть пейзажи, — замѣтилъ Кублицкій, любясь полуразвалившеюся мельницей. — Хоть этотъ, напримеръ... Вѣдь, это картинка. Прудъ, вѣтлы, камыши и даже лодочка.

— Въ безпорядкѣ только, — проворчалъ Хованскій. — Хоть бы грошъ дохода.

— Турбины слѣдуетъ пріобрѣсти... Вотъ тогда и посмотрите, какой она начнетъ давать доходъ.

— Кабы, да если бы! — вздохнулъ Хованскій.

— Не безпокойтесь, ваше превосходительство, — подхватилъ Кублицкій, — все устроимъ, все. И турбины поставимъ, и амбаръ заново отдѣлаемъ. Я сюда своего саратовскаго управляющаго переведу. Дѣльный, очень дѣльный малый... Изъ поляговъ онъ, молодой, образованный.

И Кублицкій принялся описывать дѣловитость и распорядительность своего управляющаго. Онъ разсказалъ, въ какомъ безпорядкѣ было прежде его имѣніе, купленное на женины деньги, какъ оно было запущено и какъ этотъ управляющій въ какихъ-нибудь два года сдѣлалъ его образцовымъ.

— Тамъ была тоже такая мельница, — прибавилъ онъ, указывая тросточкой на мельницу. — Тоже ни гроша не давала. А теперь, когда мы поставили турбины, да заново амбаръ отдѣлали, это уже и мельница вышла, а крупчатка, приносящая мнѣ тысячи три дохода. Вотъ это какой человекъ!

Въ это самое время изъ-за мельницы показался кабриолетъ. Первымъ увидалъ его Бубрицкій.

— Это что еще за одноколка?—вскрикнулъ онъ, помирая со смѣха.—Посмотрите-ка, посмотрите-ка, ваше превосходительство! Это непременно фокусники какіе-нибудь, либо странствующие музыканты.

— Это просто-на-просто княгиня съ нѣмцемъ, — разубѣдилъ его Хованскій.

— Быть не можетъ!

— Я васъ увѣрю.

— На такой допотопной колесницѣ?

— А все жена покупала, —словно обрадовался Хованскій.— Вотъ изволите видѣть, какъ мы деньгами-то сорили!... Еще карета была... тоже вѣнскон работы. Такъ мнѣ для этого ковчега пришлось отдѣльный каретникъ выстроить, ни въ одинъ не помѣщалась. Тысячи три, кажется, отвалили за нее... со всѣми дорожными приспособленіями. Не зналъ, что и дѣлать съ ней, да, спасибо, архіереевъ поправила. Ему и продалъ за полтора ста.

Но Бубрицкій уже не слушалъ его. Убѣдившись, что это дѣйствительно ползла княгиня, онъ мелкою рысцою побѣжалъ ей на встрѣчу.

— Ваше сіятельство!—кричалъ онъ.— Возможно ли? Вы ли это? Откуда?

И, подбѣжавъ къ остановившемуся кабриолету, принялся осыпать поцѣлуями руку княгини.

— А я вѣрить не хотѣлъ, —продолжалъ Бубрицкій, заливаясь веселымъ смѣхомъ.—Откуда, думаю себѣ, эти музыканты?

— Прокатиться вздумала, —говорила княгиня, которой очень не понравилось, что ее сравнили съ какими-то странствующими музыкантами.—Засидѣлась.

— Очень, очень пріятно встрѣтиться.

Подошелъ Хованскій и тоже принялся осыпать поцѣлуями руку княгини.

— Ну, что, наватались?—спросилъ онъ.

— Отлично, отлично.

— Вы что-то долго... Мы ждали, ждали васъ.

— Да ты прежде спроси, батюшка, гдѣ я была-то?

— Гдѣ?

— У Срывалина. Пить мнѣ захотѣлось, —лукавила княгиня, — а тутъ какой-то хуторъ подвернулся, мы и заѣхали, да какъ рѣчь къ нему и угодили. Ну, ужъ и хозяинъ!—добавила она, всплеснувъ

руками и покачивая головой.—Въ какомъ у него все порядкѣ! Ахъ, въ какомъ порядкѣ! И какой онъ самъ порядочный малый. Я даже не ожидала. Вотъ бы тебѣ у кого хозяйству-то поучиться,—привадила она, похлопывая по плечу Хованскаго.—Отличный хозяинъ, отличный!

И затѣмъ, обратясь къ Бублицкому и протягивая ему руку, проговорила:

— Ну-ка, ваше превосходительство, помогите-ка мнѣ выйти изъ экипажа.

— Желаете пройтись, ваше сіятельство?

— Да, ноги хочу поразмять.

Бублицкій подхватилъ княгиню и поставилъ ее на землю.

— Пожалуйте,—проговорилъ онъ.

— Спасибо, спасибо. Премилый,—продолжала княгиня восхищаться Срывалинымъ.— Я просто влюблена въ него.

Въ этотъ самый моментъ раздался шумъ женскаго платья, чьи-то торопливые шаги, а затѣмъ и голосъ Вѣры Александровны.

— Въ кого? Въ кого, бабушка?—кричала она, весело подбѣгая къ разговаривавшимъ.— Въ кого это вы влюблены?

— Въ Срывалина, вотъ въ кого!

Вѣра Александровна вспыхнула, радостно захлопала въ ладоши, но тотчасъ же опомнилась и спросила:

— Давно ли, бабушка?

— Съ нынѣшняго утра, матушка, съ нынѣшняго. У него въ гостяхъ была...

— Въ гостяхъ?

— Чему же ты удивляешься?

— У Срывалина?

— Ну, да, да.

И княгиня принялась подробно рассказывать, какъ именно провела она время у Срывалина, чѣмъ онъ угощалъ ее и что именно тамъ видѣла. Вѣра Александровна слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ, а когда княгиня снова принялась восторгаться его хозяйствомъ, его садомъ и строящеюся масленкой, то даже не выдержала и принялась восторженно обнимать и цѣловать ее.

— Милая, дорогая моя бабушка!—говорила она.— Какая вы хитрая и добрая!

Все это не ускользнуло отъ вниманія Бублицкаго, зорко слѣдяшаго за Вѣрой Александровной. Онъ и прежде замѣчалъ, что между молодыми людьми существовало что-то такое, похожее на взаимную симпатію, но теперь, когда онъ увидалъ во-очію это

раскрасившееся от радости личико, эту счастливую улыбку и эти глаза, такъ много говорившіе о томъ, что происходило на душѣ дѣвушки, ему стало яснымъ, что подозрѣнія его были не безъосновательными. Не понравилась эта поѣздка и генералу Хованскому: «Зачѣмъ? Къ чему? Съ какой стати?... Ужь не затѣваетъ ли чего эта старая сіятельная дура? Не воображаетъ ли она изъ моей дочери сдѣлать какую-нибудь госпожу Срываину, помѣщицу какихъ-то несчастныхъ двухъ сотъ десятинъ?... Чего добраго!... Вѣдь, собиралась же она когда-то замужъ за этого нѣмца... Можетъ, тому же самому и дочь мою собирается научить?»

А Вѣра Александровна, увидавъ, тѣмъ временемъ, продолжавшаго сидѣть въ кабриолетѣ нѣмца, подбѣжала къ нему и кричала:

— Барль Карлычъ, голубчикъ! Вы одни...

— О, я берегу лошадь, фрейленъ!

— Не беспокойтесь, она не уйдетъ, не таковская. Или, можетъ, хотите, чтобы я прокатила васъ?

— Венъ зи воленъ, фрейленъ, ихъ вюрде зеръ глюклихъ зейнг!

— О, конечно, очень рада!

И, быстро вскочивъ въ кабриолетъ, взяла въ руки возжи и, ударивъ ими лошадь, она прибавила:

— Поѣдте, милый мой Карль Карловичъ, поѣдте.

— У тебя, кажется, сегодня, всѣ милые, — проворчалъ ей вслѣдъ Хованскій.

— Всѣ, папочка, всѣ... И вы, и бабушка, и его превосходительство, и даже этотъ бурый меринъ, — наивно добавила она, заливаясь веселымъ смѣхомъ, и, еще разъ ударивъ возжами «милаго» мерина, повезла герра Шпренгеля по направленію къ усадьбѣ.

Остатокъ этого дня прошелъ великолѣпно. Вѣра Александровна была со всѣми очень мила и любезна, а въ особенности съ Кубрицкимъ, почему тотъ и забылъ даже про то неприятное впечатлѣніе, которое утромъ произвела на него Вѣра Александровна. Она положительно ухаживала за нимъ.. Во время обѣда подливала ему вина, болтала, шутила, говорила ему любезности... Послѣ обѣда сама варила кофе, а когда дневной жаръ нѣсколько схлынулъ и въ воздухѣ почувствовалась прохлада, первая напомнила о кегляхъ. Послѣднее предложеніе привело въ восторгъ герра Шпренгеля. Онъ забылъ въ это время про оскорбленіе, нанесенное ему лакеемъ Срываина, и тотчасъ же бросился въ паркъ, чтобы пригото- все необходимое для предстоявшей игры. Онъ даже разыскалъ то двѣ бутылки пива и, торжественно поставивъ ихъ на столъ, далъ съ нетерпѣніемъ прихода игроковъ. Успокоился и генералъ

Хованскій. Онъ внутренно раскаивался, что заподозрилъ княгиню въ столь неблаговидныхъ каверзахъ относительно его и Вѣрочки, и все время былъ невыразимо веселъ и доволенъ. Словомъ, всѣ были въ наилучшемъ расположеніи духа и вечеръ прошелъ незамѣтно.

На слѣдующее утро Бубрицкій оставилъ Хованщину съ тѣмъ, чтобы отправиться сперва въ тотъ городъ, въ который получилъ назначеніе, принять должность, хотъ мимоходомъ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, а затѣмъ въ Петербургъ.

— Про мое-то дѣло не забудьте, ваше превосходительство, — говорилъ Хованскій, прощая гостя.

— Нѣтъ, вы-то про мое не забывайте... Ваше дѣло пустое... Стоитъ только выложить деньги и конецъ... А вотъ мое помуреніе будетъ! Впрочемъ, — прибавилъ онъ, самодовольно улыбаясь, — вчера Вѣра Александровна была со мною такъ очаровательна, что я даже нѣсколько прибодрился.

— Не сомнѣвайтесь, ваше превосходительство. Въ вашему возвращенію все будетъ устроено и улажено.

Бубрицкій вздохнулъ только.

— Надѣюсь даже, — продолжалъ Хованскій, — что встрѣчу васъ не какъ гостя, а какъ нареченнаго моей дочери.

— Ваше превосходительство! — вскрикнулъ Бубрицкій, но отъ избытка нахлынуваемаго волненія голосъ его оборвался и онъ только молча бросился въ объятія Хованскаго.

Вслѣдъ затѣмъ они разстались.

ХІІ.

Въ тотъ же день княгиня какъ-то не поспало и она проснулась ранѣе обыкновеннаго. Проснувшись, она быстро вскочила съ кровати, накинула на себя утренній капоть, помолилась на скорую руку и, усѣвшись у раствореннаго окна, принялась гадать на картахъ. Бстать сказать, она была очень суевѣрна и съ большими предрасудками. Она вѣрила въ «тяжелые» и «легкіе» дни, въ знаменательность сновъ, въ порчу, въ дурной и хорошій глазъ, въ колдовство и волшебство, и, сверхъ того, была большая охотница до всевозможныхъ дураковъ и юродивыхъ, обладающихъ будто бы сомнѣннымъ даромъ прорицанія. Въ описываемую ночь она что-то кое видѣла во снѣ касающееся будущей судьбы любимой внучки, но, позабывъ, что именно, порѣшила возстановить этотъ сонъ съ помощью картъ. Карты, вѣдь, тоже предсказываютъ, соображала она, и вотъ, можетъ быть, по этимъ-то предсказаніямъ она при-

помнить и видѣнный ею сонъ. А сонъ былъ какой-то особенно хорошій и, какъ будто, очень благопріятный для Вѣрочки.

«И такая досада, — ворчала она, торопливо перетасовывая карты, — забыла подъ подушку кусочекъ хлѣбца положить; тогда бы ни за что не забыла. Это очень вѣрная примѣта».

И такъ, она гадала... Но, къ величайшему ея огорченію, карты раскладывались такъ безтолково и такъ бессмысленно, что княгиня рѣшительно не понимала ничего. Она нѣсколько разъ принималась раскладывать ихъ, тасовала и такъ, и этакъ, раза два оборачивала подъ собою стулъ, и, все-таки, выходила та же самая чепуха. Съ полчаса провозилась она такимъ образомъ, наконецъ, разсердилась и швырнула на столъ карты.

— Парашка! — крикнула она.

Старушка явилась моментально.

— Чего изволите, матушка ваше сіятельство? — спросила она, остановясь у притолки.

— Погадай хоть ты! — вскрикнула она, сердито расхаживая по комнатѣ. — У меня сегодня ничего что-то не выходитъ... Точно одурѣли...

— Это бываетъ, матушка, — замѣтила Прасковья, садясь за столъ и перетасовывая карты. — Тоже, вѣдь, и у нихъ характеръ есть...

— Не характеръ, а характеръ, — оборвала ее княгиня.

— Тоже, какъ найдеть-сь...

— Мало бы что! А ежели мнѣ нужно?

— Попытаю, матушка.

— Да ты скорѣе.

— Сію минуту, ваше сіятельство.

И, что-то пошептавъ на колоду, спросила:

— На кого же погадать прикажете?

— На червонную даму.

— Слушаю-сь.

Но едва успѣла княгиня проговорить это, какъ мимо она проходилъ какой-то мужикъ. Онъ шелъ безъ шапки, косматый, не мытый, босой и въ какой-то дырявой, грязной рубахѣ.

Княгиня даже въ лицѣ измѣнилась и, въ то же время, слов обрадовалась.

— Постой-ка, постой-ка! — заговорила она, подбѣжавъ къ Цесковѣ и указывая ей на мужика.

— Догони того мужика, да спроси: не дуракъ ли онъ?

Прасковья опрометью выбѣжала вонъ, а немного погода вернулась.

— Ну, что?

— Нѣтъ, ваше сіятельство. Говорить, умный.

— Жалко... А то эти дураки иной разъ отлично предсказываютъ.

И, перемѣнивъ тонъ, прибавила:

— Садись, гадай.

— Такъ на червонную-сь?

— Да ужь говорила.

Прасковья принялась раскладывать, а княгиня снова заходила по комнатѣ. Водворилась тишина.

— Ну, что?—спросила немного погода княгиня.

— Отлично, ваше сіятельство,—заговорила Прасковья, пристально разглядывая карты.—То-есть вотъ какъ-сь. Надо бы лучше, да некуда. Ужъ такъ-то хорошо, что даже на рѣдкость.

— Что же вышло-то?

— Да все, что вамъ угодно. И любимый человекъ, и пріятная бесѣда, и большія деньги, и даже свадьба.

— А слезъ нѣтъ?

— Какія тамъ слезы, ваше сіятельство! Ни одной слезинки. Одиѣ только пріятности. Вотъ письмо, точно, имѣется.

— Охъ кого?

— Отъ червоннаго короля.

— Издалека?

— А ужъ этого доложить не могу, а кубыть не больно издалека...

— Гадаете? — прогремѣлъ вдругъ въ окнѣ голосъ Хованскаго.

Княгиня ахнула. Прасковья присѣла подъ столъ, а Хованскій, облокотившись на подоконникъ, громко хохоталъ.

— Что, испугались?—спросилъ онъ.

— Ты, батюшка, кажется, совсѣмъ съ ума спятилъ! Развѣ такъ возможно? У меня чуть сердце не лопнуло съ испуга.

— Вотъ напугали-то, ваше превосходительство,—бормотала Прасковья.

А Хованскій продолжалъ хохотать, самодовольно покручивая усы.

Наконецъ, перепугавшіяся кое-какъ опомнились и отдышались. Прасковья выползла изъ-подъ стола и, пошатываясь, вышла изъ комнаты, а княгиня усѣлась въ кресло.

— Что это ты, батюшка, ни свѣтъ, ни заря поднялся?—спросила она, все еще держась за сердце.—Блохи, что ли, кусали?

— Гостя провожалъ.

— Уѣхалъ?

— Уѣхалъ.

— Раненько!

— На поѣздъ торопится.

И, нѣсколько помолчавъ, прибавилъ:

— Пришелъ вамъ новость сообщить.

— Бакою, батюшка?

— Бубрицкій предложеніе сдѣлалъ.

— Бому это?—вскрикнула княгиня, всплеснувъ руками.

— Вѣрочкиной руки просить.

Княгиня поблѣднѣла, какъ полотно.

— И что же ты?

— Я съ своей стороны очень радъ.

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — вы, можетъ быть, не знаете, въ какомъ я нахожусь положеніи?

— Именно?

— А вотъ почитайте.

И, вынувъ изъ кармана сильно потертую и помятую телеграмму, онъ подаль ее княгинѣ. Та сходила въ спальную за очками, на дѣла ихъ и, прочитавъ телеграмму, возвратила Хованскому.

— Продается? — спросила она упавшимъ голосомъ.

— Какъ видите!

— Что же отъ этого произойдетъ?

— Бто-нибудь купить Хованщину и насъ попросить вонъ.

Княгиня вздрогнула и неволью посмотрѣла на свой роиль и на свою мебель.

— Но... — заговорилъ Хованскій.

— Ну, ну...

— Бубрицкій далъ слово внести проценты.

— А сколько потребуется на это денегъ?

— Тысячъ шесть.

— А помимо его денегъ найти нельзя?

Хованскій пожалъ плечами.

— Да что ты плечами-то пожимаешь?—разсердилась княг. ия, вскочивъ съ кресла.— Ты мнѣ толкомъ скажи: можно помимо его достать эту сумму?

— Никто не дастъ.

Бнягиня задумалась.

— Но развѣ она можетъ любить его? — спросила она.

Бнягиня опять задумалась и въ раздумьи принялась ходить по комнатѣ.

— Вы вотъ говорите, можетъ ли она любить его? Почему же нѣтъ? Онъ еще не старъ, богатъ, занимаетъ видное положеніе. Въ Петербургѣ у него сильныя связи. Живетъ онъ открыто, весело. На первыхъ порахъ, можетъ быть, онъ и не покажется ей особенно привлекательнымъ. Но стерпится—слюбится. Тѣмъ болѣе, что онъ по уши влюбленъ въ нее и, конечно, будетъ исполнять не только малѣйшія ея желанія, но даже и прихоти. Согласитесь, сверхъ того, что онъ очень милый и любезный человѣкъ.

— А ты знаешь, что она любитъ? — перебила его бнягиня.

— Не знаю, но... догадываюсь.

— Она любитъ Срываина! А ты знаешь, что такое любовь?

— Шалость, которая быстро забывается.

— Ужъ не по себѣ ли ты это судишь?

— Пожалуй, хоть и свою любовь припомните.

Бнягиня даже вспыхнула вся.

— Ты грубый и дерзкій мужикъ! — вскрикнула она.

— По-военному, люблю правду рѣзать. Вѣдь, это только въ пѣсняхъ поется, что «съ милымъ рай и въ шалашѣ», или: «было бы сердце согрѣто жаромъ взаимной любви». Все это вздоръ, который надо выкинуть изъ головы.

— Въ твои лѣта, можетъ быть, это и вздоръ.

— Я отецъ, прежде всего, и ежели я вижу, что дочь моя дуритъ, я обязанъ научить ее уму-разуму. Вы это очень хорошо можете по себѣ судить...

— То-есть какъ это по себѣ? — прошипѣла бнягиня (именно прошипѣла, а не проговорила), вся задрожавъ и широко раскрывъ глаза.

Но добродушнѣйшій генералъ даже и не замѣтилъ этой надвигавшейся грозы и продолжалъ пренаивнѣйшимъ тономъ:

— Ну, да, да, по себѣ. Хороши бы вы были, ежели бы ваши родители не позаботились помѣшать вашему роману съ нѣмцемъ! Вы не были бы, во-первыхъ, княгиней, а, во-вторыхъ, шатались бы теперь по улицамъ и разводили бы себѣ какую-нибудь музыку... Онъ со скрипкой, вы — съ шарманкой... Ха, ха, ха! — продолжалъ онъ все тѣмъ же добродушнѣйшимъ тономъ. — Хороша бы-а бы картина! Дождь, слякоть... Онъ въ какомъ-нибудь куцелѣ пальтишкѣ, вы — въ нанковомъ салопишкѣ, въ изодранныхъ

ботинкахъ... Нечего сказать, очень хорошо! Ну, а теперь... у васъ, все-таки, есть имѣніе, съ котораго вы получаете приличную аренду, свой собственный домъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ вы всѣми уважаемы, у васъ обширное знакомство... Вы посѣщаете общество, театры, концерты, по четвергамъ къ вамъ собираются ваши друзья и знакомые... Вы играете въ карты... У васъ свои лошади, своя карета... Эхъ, княгинюшка, княгинюшка,—продолжалъ онъ, даже и не замѣтивъ, что та, подбѣжавъ къ столу, быстро схватила колокольчикъ и вся дрожала отъ гнѣва,—не желайте же моей Вѣрочѣ той нищеты и того позора, которые когда-то грозили и вамъ самимъ!

Но когда въ ухахъ генерала раздался оглушающій звонъ колокольчика и когда, словно пробужденный этимъ звономъ, онъ взглянулъ на княгиню, то даже остолбенѣлъ. Она стояла передъ нимъ блѣдная, какъ смерть, съ широко раскрытыми глазами, съ судорожно сжатыми въ рукѣ колокольникомъ, съ стиснутыми, посинѣвшими губами, съ распустившееся сѣдою косичкой и, не будучи въ силахъ произнести ни слова, только потрясала въ воздухъ сжатыми, костлявыми и словно окоченѣвшими кулаками. На зовъ приближала Парашка и, увидавъ княгиню, всплеснула руками.

— Матушка ваше сіятельство!—вскрикнула она.—Что съ вами? Господи, Царица небесная, Мати пресвятая Богородица!...

— Выгони его вонъ!—прошипѣла она, наконецъ.

И, протянувъ руку по направленію къ Хованскому, упала въ изнеможеніи на кресло.

И. Саловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОЛОДАЯ ЛЮБОВЬ *).

Идиллія Генрика Понтюппидана.

III.

Два часа прошло послѣ того, а Марта все еще сидѣла на скамейкѣ, подъ однимъ изъ оконъ, выходившихъ на озеро и на дорогу, и оранжево-красный свѣтъ заходящаго солнца, проникая сквозь бутылочно-зеленыя стекла, разливался по ея затылку и плечамъ. Можно было подумать, что она вся ушла въ свою работу: она не шевелилась, не оглядывалась, но прилежно подшивала рубецъ у рубки, приколотой къ ея слегка приподнятому колѣну.

Дѣвственный румянецъ смѣшивался на щекахъ ея съ отблескомъ заката, подбородокъ былъ низко опущенъ на грудь, трепетно колыхавшуюся подъ свѣтлымъ лѣтнимъ платьемъ. Но тонкіе пальцы тревожно и торопливо бѣгали по рубцу, несмотря на легкій туманъ, застилавшій ей глаза.

На соломенномъ стулѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, сидѣлъ ровсѣмъ юный на видъ блондинъ и пожиралъ ее влюбленнымъ взоромъ своихъ большихъ голубыхъ глазъ.

Они едва ли сами знали, сколько времени уже просидѣли другъ противъ друга, не прерывая молчанія. Неподвижный, какъ мраморная статуя, онъ оперся локтями на колѣни, держа въ рукахъ фуражку, и слѣдилъ взглядомъ за каждымъ стежкомъ, точно его собственная участь была прикована къ ниткѣ. Въ комнатѣ слышался только скрипъ иглы да ускоренное дыханіе дѣвушки. По временамъ, въ большихъ промежуткахъ, мимо оконъ проѣзжала, спѣша на ярмарку, какая-нибудь запоздавшая телега, и стѣны дома дрожали отъ грохота. Тогда молодой человекъ поднималъ на минуту къ

дрезжащимъ стекламъ свою бѣлокурую голову, но тотчасъ же снова опускалъ ее все съ тѣмъ же разсѣяннымъ видомъ, прежде еще, чѣмъ стукъ колесъ успѣвалъ затеряться въ лѣсу.

Онъ былъ очень молодъ. Едва ли ему было болѣе двадцати лѣтъ. Тонкій и нѣжный, почти какъ дѣвушка, онъ былъ хрупкаго птичьяго сложенія, съ длинною шеей и узкими, покатыми плечами, составляющими отличительные признаки юношескаго возраста. Подъ подбородкомъ, на подобіе маленькаго зоба, выступало Адамово яблоко. И вся его фигура точно завершалась большимъ, энергическимъ носомъ, придававшимъ выраженіе всей его наружности. На рѣзко очерченной переносицѣ сидѣло блестящее пенснѣ, а надъ выпукло отшлифованными его стеклами поднимались свѣтлыя брови.

Быть можетъ, поза юноши производила немного комическое впечатлѣніе, такъ какъ ему приходилось сидѣть, совсѣмъ подогнувъ длинныя ноги подъ низкое сидѣнье соломеннаго стула. Но за то взоръ, которымъ онъ изъ-подъ пенснѣ смотрѣлъ на Марту, этотъ взоръ, столь отрѣщенный отъ всего другаго, столь полный скрытой нѣжности, весь отдавшійся созерцанію, робкая, затаенная страсть, тлѣвшая въ его глазахъ и окрасившая его щеки почти дѣтскимъ румянцемъ, облекали его фигуру какою-то особою, трогательною красотой.

По временамъ онъ проводилъ пальцами по своимъ влажнымъ волосамъ. Тогда въ его лицѣ внезапно появлялось напряженное, безпокойное выраженіе; губы его начинали лихорадочно шевелиться, и онъ энергическимъ жестомъ поправлялъ пенснѣ, точно силою стараясь оторваться отъ туманившихъ его грѣзъ...

Предчувствіе Марты оказалось болѣе вѣрнымъ, чѣмъ сама она, конечно, думала. Много дней и ночей провелъ онъ въ тщетной борьбѣ противъ чаръ, которыми его опутала юная красота дѣвушки, и вотъ сегодня твердо рѣшилъ положить всему конецъ. Принудивъ себя на минуту спокойно и хладнокровно уяснить себѣ ихъ отношенія, онъ не могъ скрыть отъ себя, къ чему, по всей вѣроятности, они въ скоромъ времени должны будутъ ихъ привести. Но при этой мысли у него внезапно потемнѣло въ глазахъ. Теперь, когда цѣль была такъ близка, у него вдругъ пропала храбрость. Онъ чувствовалъ, что онъ, все-таки, не можетъ, что онъ никогда не рѣшится или не посмѣетъ сдѣлаться повиннымъ въ несчастіи дѣловой человѣческой жизни и ощипать эту лѣсную горлицу, такъ замятно трепетавшую въ его рукахъ. Онъ испытывалъ что-то подобное на стыдъ при мысли о томъ, чего онъ собственно домогался, и въ сердцѣ его поднялся предостерегающій голосъ ничѣмъ не признанной до сихъ поръ совѣсти.

Его рѣшеніе было принято. Онъ хотѣлъ разстаться съ Мартой, хотѣлъ уѣхать, хотѣлъ преодолѣть эту первую въ своей жизни страсть, бившую такимъ горячимъ влечомъ и грозившую поглотить его. Его чемоданъ стоялъ въ гостиницѣ совсѣмъ уложенный, онъ уже заказалъ себѣ въ дилижансѣ мѣсто на завтрашній день. А теперь онъ пришелъ сказать это Мартѣ, пришелъ для того, чтобъ увидеть ее еще разъ и, подъ конецъ, пожимая ей на прощанье руку, выразить ей въ нѣжномъ шепотѣ свою благодарность за тѣ счастливые часы, которые она ему дарила.

Но рѣшительное слово никакъ не сходило у него съ языка.

Какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, какъ только взоръ его упалъ на ея стройную фигуру, сильное волненіе охватило все его существо. Всякій разъ, какъ онъ потомъ хотѣлъ заговорить, точно пробка затыкала ему горло. И вотъ онъ сидѣлъ здѣсь уже второй часъ и съ ужасомъ чувствовалъ, какъ внутри его все колеблется и бушуетъ.

Но до чего она была обворожительна, съ головкой, слегка склоненной надъ руками! Мягкій свѣтъ заката все больше и больше золотилъ ея бѣлый затылокъ, насквозь озаряя своимъ пламенемъ мелкіе завитки, почти сливавшіеся съ тонкимъ, волнистымъ пушкомъ шеи, на томъ мѣстѣ, гдѣ она начинала скрываться подъ обшивкой лифа. На щекахъ дѣвушки, подернутыхъ нѣжно-алою краской, покоился отблескъ глубокаго счастья. Игла слегка дрожала въ ея гибкихъ пальцахъ, и грудь ея волновалась подъ свѣтлою, полупрозрачною тканью лѣтнаго платья.

Молодой человекъ общалъ себѣ въ глубинѣ души, что въ своемъ воспоминаніи онъ унесетъ ея образъ, гдѣ она будетъ точь-въ-точь такую, какою сидитъ передъ нимъ теперь. И онъ чувствовалъ, что найдетъ себѣ утѣшеніе и награду въ сознаніи, что можетъ мысленно созерцать его, не ощущая при этомъ стыда. Когда онъ вскорѣ возвратится къ своимъ книгамъ, память объ этой дѣвушкѣ и о краткой, счастливой встрѣчѣ съ ней будетъ для него источникомъ тайной радости. И въ часы унынія онъ будетъ до мельчайшей черты восстанавливать въ своихъ мысляхъ ея обликъ, будетъ наслаждаться воспоминаніемъ объ ея красотѣ, объ аломъ румянцѣ этихъ нѣжныхъ щекъ, о блескѣ этихъ золотистыхъ волосъ, объ огнѣ этихъ чудныхъ темныхъ очей, съ первой же встрѣчи пробудившихъ въ немъ нестерпимое влеченіе своею загадочною глубиной.

Его первая встрѣча!

Онъ вспоминалъ о ней, какъ будто съ тѣхъ поръ прошли цѣлыя годы. А, между тѣмъ, всего какихъ-нибудь двѣ недѣли тому

назадъ, онъ, вольный и беззаботный путникъ, шелъ черезъ лѣсъ съ котомкой за плечами, вспугивая птицъ своею веселою пѣсней и не подозрѣвая, что за кустарникомъ въ цвѣту, видѣвшимся возлѣ тропинки, притаилась та дѣвушка, которой первой было суждено пробудить въ груди его демоновъ страсти. Онъ и теперь весь дрожалъ, вспоминая тотъ мигъ, когда среди безмолвнаго уединенія темныхъ, дремучихъ лѣсовъ онъ вдругъ увидалъ двѣ голыя женскія ножки, на половину спрятанныя въ травѣ, затѣмъ полинялое платье, длинные, свѣтлыя волосы, заплетенныя въ тяжелыя косы, и, наконецъ, эти большіе, дивныя глаза, испуганно бросившіе на него изъ-подъ приподнятой руки умоляющій, трепетный взоръ.

О, какъ прихлынула кровь къ его щекамъ въ это мгновеніе, какъ застучало сердце подъ ребрами! И все же онъ и не предчувствовалъ, какое безуміе и какое блаженство, какая волнующая тревога и какая сладкая тоска послѣдуютъ за этою встрѣчей, сколько бессонныхъ ночей, сколько мучительныхъ часовъ породитъ этотъ одинъ застѣнчивый взглядъ.

— Марта!— произнесъ онъ, наконецъ.

Она вздрогнула, услышавъ его голосъ. Онъ былъ такой мягкій и такой задушевный, онъ раздался точно изъ самой тишины, царившей вокругъ нихъ, и тотчасъ же снова слился съ нею. Но, въ то же время, въ немъ звучали безпомощность и отчаяніе, которыхъ юноша все еще не былъ въ силахъ побороть.

— О чемъ вы сейчасъ думали, Марта?

Но такъ какъ, вмѣсто отвѣта, она съ тѣнью своей легкой улыбки только еще ниже склонила голову надъ работою, онъ прибавилъ немного погодя:

— Почему вы такъ молчаливы? И почему вообще всегда такъ серьезны?

— Я не серьезна,— сказала она и опять улыбнулась.

— Но всегда такъ задумчивы. Почему?

— Да просто потому, вѣроятно, что не отъ чего быть особенно веселой.

— Этого я ужъ никакъ не ожидалъ услышать изъ *вашихъ* устъ, Марта! Но вы, конечно, не можете такъ думать на самомъ дѣлѣ... *вы* менѣе, чѣмъ кто-либо!

Она все прислушивалась, какъ бы ожидая продолженія. И наконецъ, она тихо спросила:

— Почему именно я?

— Потому что... У кого хватило бы духу чѣмъ-либо огорчить васъ? Съ *такою* красотой и *такими* глазами нельзя быть несчастли-

ной. Я думаю, наоборотъ, что всё молодые парни въ деревнѣ наперебой ухаживаютъ за вами. Вѣдь, это такъ и есть, не правда ли? Да въ этомъ и нѣтъ ничего удивительнаго. Я такъ хорошо понимаю, какъ всякому изъ нихъ хотѣлось бы имѣть такую прелестную женку, которая просто съ ума можетъ свести отъ любви своего мужа.

— Ахъ, вы шутите!—сказала она, но опустила вѣки какъ бы въ сладостномъ головокруженіи.

— Вы думаете, что я шучу, Марта?—Онъ покачалъ головой съ какимъ-то грустно-забавнымъ видомъ.—Увы, я говорю черезъ-чуръ искренно, быть можетъ. Да, черезъ-чуръ искренно... Знаете, что мнѣ часто приходится на мысль?

— Нѣтъ,—сказала она, видя, что онъ ждетъ отвѣта.

— Слышали вы когда-нибудь объ эльфахъ? О маленькихъ феяхъ, что рождаются въ лунныя ночи подъ листомъ лопуха? Онѣ такія стройныя, гибкія, волосы у нихъ длинныя, золотистыя, точь-въ-точь, какъ у васъ, а глаза такіе, что, когда смотришь въ нихъ, точно заглядываешь въ дремучій лѣсъ. Вѣдь, вы же отлично знаете ихъ?

Онъ опять сидѣлъ, опершись локтями на колѣни, и, немного подавшись впередъ, наклонился къ дѣвушкѣ. Она ничего не отвѣтила, только засмѣялась.

— Знаете, что мнѣ рассказывали о нихъ? Отъ крестной матери онѣ получаютъ въ даръ приворотное зелье, таинственную волшебную мазь, въ составъ которой входятъ пыль съ крыльевъ бабочки, капелька туманной гущи и слеза шестнадцатилѣтней дѣвушки. Вѣдь, это совершенно вѣрно, не правда ли? И дарится имъ эта волшебная мазь въ крошечной кружечкѣ, чашечкѣ желудя. И вотъ, какъ слышать онѣ въ лѣсу шаги путника, сейчасъ же спѣшатъ подкараулить его, и во мгновение ока онъ оказывается точно околдованнымъ... Скажите, не было ли у васъ съ собой этой кружечки въ тотъ день, когда, помните, мы въ первый разъ встрѣтились съ вами?

Она опять засмѣялась.

— Мнѣ показалось тогда, будто какой-то невидимый пальчикъ скользнулъ по моимъ вѣкамъ. Вы, навѣрное, маленькая волшебница, Марта? Признайтесь, вѣдь, вы живете собственно не здѣсь, а въ дивныхъ мѣстахъ, среди блуждающихъ огней. Въ вашихъ глазахъ притаился маленькій демонъ... Смотрите, вотъ онъ опять промелькнулъ! Марта, Марта! Какъ только у васъ на это хватило духу? Вѣдь, я же ничѣмъ васъ не обидѣлъ, ничѣмъ!

— О, мнѣ нечего было этого бояться!—сказала она, смѣясь, поправила за ухомъ выбившійся локонъ и, въ то же время, неслышно перевела духъ.

— Вы такъ думаете?... А что бы вы сказали, еслибъ въ наказаніе я увелъ васъ съ собою... быть можетъ, далеко, далеко? Для молоденькихъ, хорошенькихъ дѣвушекъ, вѣдь, очень опасно гулять совсѣмъ однѣмъ въ лѣсу. Развѣ вамъ вовсе не было страшно? А что, еслибъ мнѣ вздумалось поцѣловать васъ?

— Я васъ ударила бы тогда,—засмѣялась она въ отвѣтъ.

— Но еслибъ я это сдѣлалъ *теперь*?

Легкій трепетъ пробѣжалъ по ея плечамъ. *Его* щеки тоже пылали, и онъ неподвижно смотрѣлъ на нее.

— Что сказали бы вы, Марта, еслибъ я попросилъ у васъ поцѣлуя? Разсердились бы вы или нѣтъ? Только одинъ, одинъ поцѣлуй, на память о васъ, о лѣсѣ, объ озерѣ и о тѣхъ дняхъ, когда мы съ вами встрѣчались... Я часто, очень часто буду вспоминать о всемъ этомъ, когда уѣду отсюда. Не правда ли, намъ такъ хорошо было другъ съ другомъ?... А теперь я хотѣлъ бы... я долженъ сказать вамъ, Марта... Я, вѣдь, пришелъ проститься съ вами!

— Вы уѣзжаете?—спросила она и вдругъ прямо взглянула ему въ лицо.

При видѣ ея волненія глаза его подернулись подъ стеклами пенсне легкою влагой. Онъ утвердительно кивнулъ и опустил голову.

— Да, такъ вы уѣзжаете!—тихо промолвила она.

Молодой человѣкъ не сразу нашелъ въ себѣ силы заговорить снова; тѣмъ не менѣе, онъ былъ, повидимому, спокоенъ и, казалось, совершенно владѣлъ собой. Онъ поблагодарилъ дѣвушку за ихъ не долгое, но столь пріятное знакомство, въ приличныхъ выраженіяхъ высказалъ ей свое сожалѣніе о томъ, что вынужденъ покинуть мѣстность, пребываніе въ которой доставило ему столько удовольствія, и подъ конецъ попросилъ ее сохранить о немъ добрую память.

Но Марта лишь на половину слушала его. Блѣдная, съ полузакрытыми глазами, она, словно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, сидѣла, склонившись надъ работой. Лишь отдѣльные, отрывочныя слова съ поразительною ясностью проникали въ ея сознаніе и вызывали передъ нею картины, смѣнявшіяся безъ всякаго смысла. Она сама удивлялась, какъ она не упала въ обморокъ; она испытывала такое ощущеніе, точно парить гдѣ-то въ пространствѣ. Но когда она услышала, что онъ упоминаетъ о морѣ, оно мгновенно

предстало передъ нею, безпредѣльное и свѣтлое, какимъ она видала его въ дѣтствѣ раннымъ утромъ, когда длинныя, плоскія волны медленно плескались о прибрежный песокъ, точно большіе, блестящіе круги изъ золота и перламутра.

Замѣтивъ, что онъ поднялся со стула, она положила работу на скамью и тоже встала. И, увидѣвъ, что онъ протягиваетъ ей руку, она машинально подала ему свою, не поднимая на него глазъ.

— И такъ, прощайте, Марта! Будьте счастливы! — услышала она его голосъ, прозвучавшій точно издадека.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она.

— Желаю вамъ всякихъ радостей! Дай Богъ, чтобъ вамъ жилось *сполнѣ* хорошо!

— Благодарю васъ.

— А будете вы иногда вспоминать о студентѣ, котораго такъ испугались въ лѣсу?

— Да, да, конечно, буду.

— А когда вы сдѣлаетесь счастливою женою и будете у васъ свой домъ и, можетъ быть... семейный очагъ, любимый мужъ и все такое, будете вы тогда...

Но тутъ Марта внезапно выдернула свои пальцы изъ его руки и быстро отвернулась, закрывъ руками глаза. Простоявъ нѣсколько времени въ этой позѣ, она, шатаясь, добрела до сундука и бросилась на него лицомъ внизъ. Стройный станъ ея вздрагивалъ отъ сильнаго волненія, елокотавшаго въ ея груди; рыданій не было слышно, но цѣлая минута, по крайней мѣрѣ, прошла въ скорбномъ молчаніи.

Молодой человѣкъ сначала какъ бы удивленно поднялъ брови, но мало-по-малу сталъ все съ большимъ безпокойствомъ и замѣшательствомъ глядѣть на дѣвушку изъ-подъ пенсне. Два багровыхъ пятна съ быстротою молніи вспыхивали и погасали на его блѣдныхъ щекахъ, а пальцы лѣвой руки судорожно обвивались вокругъ стальной цѣпочки, гремѣвшей у него на жилетѣ. Наконецъ, точно нѣмой вопль потрясъ все его тѣло, онъ бросилъ на стулъ фуражку, сжалъ Марту въ объятіяхъ, подвелъ ее затѣмъ къ себѣ и усадилъ рядомъ съ собой.

— Марта, — зашепталъ онъ, наклонившись надъ ней, — мы не разстанемся. Я не уйду. Я не могу отъ тебя оторваться. Я останусь здѣсь. Я люблю тебя, Марта. Я полюбилъ тебя съ самаго перваго дня... Ты и представить себѣ не можешь, какъ страстно я люблю тебя... Всякій разъ, какъ я о тебѣ думалъ, я былъ точно

сумасшедшей. Я спать разучился, я... А ты, вѣдь, тоже меня любишь? Вѣдь, это правда, ты любишь меня? Я видѣлъ это въ твоёмъ взорѣ... Любишь? Скажи мнѣ!

Но при этомъ внезапномъ объятіи, при этомъ бурномъ взрывѣ такъ долго подавляемой имъ страсти Марта совершенно пришла въ себя. Страшная блѣдность согнала краску съ ея щекъ и шеи и вся она задрожала отъ головы до ногъ. Но такъ какъ онъ не выпускалъ ея изъ своихъ объятій, она отвернулась и закрыла лицо руками, какъ бы пытаясь насильно заградить доступъ къ своему сердцу и ушамъ этому горячему потоку нѣжности и ласки, невнятныхъ признаній и грѣшныхъ молитвъ, которыя молодой человѣкъ въ безсвязномъ лепетѣ изливалъ передъ нею.

— Перестаньте! Перестаньте же! — задыхаясь, стонала она и вся перегнулась, какъ бы стараясь удержать въ груди безумно стучавшее сердце. Точно въ какомъ-то вихрѣ промелькнула въ ея головѣ ужасная доля ея матери, Анны-Метты и Юргины Веверсъ. И все же то была минута несказаннаго счастья, когда, подъ конецъ, блѣдный, растерянный, онъ упалъ предъ ней на колѣни, покрывая ея руки поцѣлуями, осыпая ее самыми нѣжными именами.

Вдругъ она подняла голову и какъ бы въ испугѣ тронула его за плечо.

— Тсс... кажется, кто-то идетъ!

Онъ поспѣшно поднялся и тоже сталъ прислушиваться.

Вдали, дѣйствительно, раздавались шаги.

— Это мать! — сказала Марта. — Она не должна васъ видѣть... Уйдите!... Уйдите! — упрашивала она и, сложивъ руки, протянула ихъ къ нему съ мольбой.

Онъ повиновался. Но, прежде чѣмъ уйти, онъ, все-таки, взялъ ее за руки и еще разъ страстно притянулъ ее къ себѣ. Глубокое смущеніе снова залило краской ея щеки и шею, когда она встрѣтилась съ нимъ глазами; когда же она почувствовала новый горячій поцѣлуй на своемъ лицѣ, она безсильно упала къ нему на грудь.

— Ты моя? — прошепталъ онъ.

— Да.

— И ты придешь нынче вечеромъ, когда стемнѣетъ? Знаешь, къ тому большому дубу?

Она бросила на него быстрый и какой-то странный взглядъ, медленно высвободилась изъ его объятій, потомъ подошла къ сундуку и снова опустила голову и руки на его край. Лицо ея вскинуло жгучимъ пламенемъ; молодой человѣкъ не послѣдовалъ за ней.

— Ты придешь?—спросилъ онъ только умоляющимъ тономъ.— Придешь?

— Да,—тихимъ и хриплымъ голосомъ произнесла она.

— И ты услышишь, когда я стукну о стволъ дуба?

— Да... Только уйдите!... уйдите!

— И я могу положиться на это?

— Да.

— Спасибо, Марта, спасибо!

Онъ поспѣшно схватилъ фуражку, послалъ дѣвушкѣ воздушный поцѣлуй и исчезъ.

IV.

Шаги, которые приближались, замолкли на мосту въ тотъ самый моментъ, когда молодой человѣкъ выскользнулъ изъ наружной двери трактира. Немного погодя они послышались снова и вскорѣ раздалась въ сѣняхъ. Кто-то осторожно повернулъ щеколду и дверь отворилась.

Марта, ухватившаяся въ волненіи за спинку стула, встала, шатаясь, и отбросила рукою волосы, спустившіеся ей на глаза. Но, обернувшись, она громко вскрикнула: въ дверяхъ стояла коренастая фигура Іеспера, пристально глядѣвшаго на нее.

На немъ былъ праздничный костюмъ, красный галстукъ и широкополая шляпа, но зловѣщая блѣдность покрывала его лицо. Дѣвушка содрогнулась предъ его подозрительнымъ взглядомъ, старавшимся какъ бы насевозь ее пронизать. Но съ быстротой молніи выраженіе ея измѣнилось. Несказанное отвращеніе и презрѣніе къ этому человѣку съ новою силой вспыхнуло въ эту минуту въ ея душѣ и глаза ея мгновенно загорѣлись гнѣвнымъ огнемъ; и хотя она едва держалась на ногахъ отъ изнеможенія, но съ невозможнымъ напряженіемъ воли она гордо выпрямилась и съ холоднымъ видомъ прошла мимо Іеспера черезъ всю комнату къ окну. Спокойно сѣла она на свое мѣсто и взяла въ руки работу.

— Я думала, что это мать,—сказала она просто.

Онъ все еще стоялъ у двери, обводя комнату торопливымъ и испытующимъ взглядомъ. Наконецъ, глаза его остановились на пюпитрѣ съ бутылкой и недопитыми стаканами, стоявшемъ на столѣ.

— Да, я, кажется, пришелъ немножко некстати,—сказалъ онъ и взглянулъ на невѣсту со своею нехорошею, неопредѣленною улыбкой.—У тебя, никакъ, были гости?

— Господниъ одинъ заходилъ выпить стаканъ мятной настойки,—равнодушно отвѣтила она.

— Гм...—онъ медленно подошелъ и, наконецъ, наклонился надъ подносомъ.—Что-жь это значить? Онъ развѣ пилъ изъ двухъ стакановъ заразъ?

— Онъ и меня угощалъ.

— Скажите, скажите! А это что тутъ такое? Двѣ кроны, да еще совѣмъ новенькія! Вотъ такъ штука!

Онъ повернулъ къ ней голову; его руки, синія губы, все его крѣпкое тѣло дрожало.

— Что-жь, онъ недурно тебѣ платить, моя красавица!

Марта подняла взоръ, но снова его потупила, слегка побрякивая.

— Я даже ничего и не знала объ этихъ кронахъ. Впрочемъ, онъ воленъ былъ дать, сколько ему угодно.

Иесперь ядовито посмотрѣлъ на нее.

— Ну, онъ, вѣрно, и получилъ то, что ему было угодно... Ужь молчала бы лучше!

Вся комната точно наполнилась звономъ и Марта слегка поблѣднѣла. Съ грязнымъ ругательствомъ Иесперь швырнулъ въ уголъ шляпу и бросился на стулъ возлѣ стола.

Немного погодя онъ снова зло засмѣялся.

— А, вѣдь, досадно, что я вдругъ явился и потревожилъ васъ. Могу себѣ представить, какъ вы тутъ славно время проводили... И вдругъ я какъ снѣгъ на голову вамъ свалился. А? Что-то ты ужъ очень распарадилась... И посмотрите только! Она даже и серьги надѣла! Ты скоро будешь настоящею франтихой, Марта! Настоящею принцессой, которой бы только въ бархатѣ ходить!... А та тряпочка, что я видѣлъ у тебя наемднн, — изъ чистаго шелка, натурально! — она, навѣрное, тоже тебѣ досталась отъ этого жиденькаго подлипала, который выскочилъ изъ двери какъ разъ въ то время, какъ я шелъ сюда?

— Ужь, конечно, не отъ тебя.

— Ну, и видный же онъ, прости Господи, мужчина! Нечего сказать, хорошъ тебѣ милый попался, ха, ха, ха! Просто, молжакъ какой-то, право слово, а не то что настоящій человекъ, какъ ему быть слѣдуетъ... Ну, да не въ этомъ дѣло. А только если съ воображаетъ, что можетъ всюду шляться и поддѣзжать ко всякой дѣвушкѣ потому только, что онъ, можетъ быть, съ лица смазливъ, да потому, что у него карманы потуже набиты, чѣмъ у другиъ,

такъ онъ увидить, что ему за это будетъ. Я покажу ему, что это враки. Понимаешь ты или нѣтъ?

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы зазвенѣли.

— Ты, должно быть, не проспалъ еще хмѣля; у тебя все послѣднее время отъ него въ головѣ шумить, — сказала, наконецъ, Марта тихимъ, но дрожащимъ отъ негодованія голосомъ. — Впрочемъ, я, вѣдь, сколько разъ говорила, что не я упрашивала тебя назвать меня своею невѣстой. Ты, вѣдь, отлично знаешь, что я рада буду, если ты вернешь мнѣ слово. Если ты находишь, что такъ будетъ лучше, ты, вѣдь, можешь отказаться отъ меня.

— Да, могу, Марта! И такъ и *сдѣлаю!* — отвѣтилъ онъ спустя минуту необыкновенно медленно и обдуманно. Его голосъ сдѣлался вдругъ прерывистымъ и грустнымъ и онъ устремилъ на дѣвушку печальный взглядъ.

— Но мнѣ, все-таки, кажется, Марта, что ты не должна бы такъ легко смотрѣть на это. Ну, что-жь, разоидемся! Вѣдь, мы, все равно, всегда были чужими другъ другу, потому что ты никогда ни капельки не любила меня, какъ я о томъ ни старался. Ты всегда хотѣла быть выше другихъ, Марта! Но тотъ, кто заносится черезъ-чуръ высоко, сваливается подъ конецъ въ грязь, помни мое слово! А если тебя въ самомъ дѣлѣ тянетъ въ омутъ ради этого тоненькаго вертопраха изъ-за того только, что онъ разводитъ передъ тобой медовыя рѣчи, такъ, вѣдь, тебѣ же потомъ придется плакаться, Марта! Но ты вотъ говоришь, что я *пьянствовалъ*... положимъ, теперь тебя не можетъ касаться, гдѣ я былъ это время, потому что мы больше не женихъ съ невѣстой и теперь это ужъ тебѣ должно быть все равно... но тотъ, кто сказалъ это, *лжецъ и клеветникъ*... понимаешь ты это?

Марта не отвѣчала ему. Она положила работу на скамейку и повернулась къ окну. Опершись подбородкомъ на руку, а локтемъ на подоконникъ, она смотрѣла на послѣднiе догоравшiе лучи солнца, золотившаго верхушки деревьевъ. Въ комнатѣ было почти темно.

— Жаль только, — снова заговорилъ Іесперь спустя нѣсколько минутъ еще болѣе тихимъ и печальнымъ голосомъ, опустивъ внизъ влажные глаза, — жаль только, Марта, что я раньше этого не чалъ. Тогда я, по крайней мѣрѣ, избавилъ бы себя отъ хлопот по покупкѣ «мельницы».

— «Мельницы»? — повторила Марта и въ полъоборота взглянула на него. — Неужели ты купилъ «мельницу»? — продолжала она не получивъ отвѣта.

— Вѣдь, я же слышалъ, что у тебя лежитъ къ ней сердце. А

такъ какъ она какъ разъ продавалась, то я и надумалъ сдѣлать тебѣ это удовольствіе, хотя бы кошелекъ сталъ отъ этого и легче, чѣмъ ему быть надлежитъ. Домикъ-то недурненькій, и садъ есть при немъ, и рѣшетка. Вотъ я и подумалъ, что если его поштукатурить, да покрасить, такъ, пожалуй, онъ выйдетъ ничего себѣ. И вотъ только что на-дняхъ я пересталъ полъ въ горницы и сдѣлалъ новыя рамы въ трехъ окнахъ, что выходятъ на дорогу. Я и самъ, конечно, знаю, что это не Богъ вѣсть какъ нарядно, хотя я постарался устроить все такъ хорошо, какъ только могъ... Но теперь-то ужъ все равно, теперь мнѣ ничего этого не нужно!

Послѣ этихъ словъ въ комнатѣ водворилось молчаніе. Марта медленно повернулась лицомъ къ Іесперу. Она наклонила голову и, закусивъ губы, долго смотрѣла на свою правую руку, судорожно цѣплявшуюся за край скамьи.

— Іесперь,—сказала она, наконецъ, тихимъ и хриплымъ голосомъ, не поднимая глазъ на жениха,—Іесперь, отчего ты такой?

— Оттого, что я такой, а не другой,—отвѣтилъ онъ и опять взглянулъ на нее въ упоръ.—И каковъ я *теперь*, такимъ я былъ и въ тотъ вечеръ, когда мы вмѣстѣ возвращались изъ города и ты дала мнѣ слово. Но отчего *ты* не такая, какою была?

— Отчего ты всегда такой буйный, Іесперь?

— Э, ты, вѣдь, отлично знаешь, что у меня это не нарочно выходить. Но подумай, развѣ не ты же сама меня бѣсишь? Если бы *ты* держала себя со мной, какъ водится между женихомъ и невѣстой, такъ и *я*, навѣрное, сдѣлался бы такимъ, какимъ мнѣ должно быть. Но развѣ ты хоть когда-нибудь сказала мнѣ доброе слово? Когда я приходилъ сюда, ты едва удостоивала признать меня и подать мнѣ руку; и смотрѣла ты на меня такъ, точно не человекъ я, а собака или скотина какая-нибудь. Какъ же ты хочешь, чтобъ изъ такого обращенія вышло что-нибудь путное? А вотъ мнѣ такъ скорѣе тебя спросить, какъ можешь ты знать, каковъ я на самомъ дѣлѣ, или какимъ я могу сдѣлаться, когда ты никогда не говоришь со мной, никогда не слушаешь, что я говорю? И какъ ты думаешь, какіе толки объ этомъ ходятъ въ деревнѣ? Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ, нахалъ Лорицъ спросилъ меня, удалось ли мнѣ хоть разъ поцѣловаться съ тобой. Ты должна же понять, что отъ такихъ вещей у меня сердце разрывается на части. А если мнѣ случится такого негодяя по башкѣ хватить, ты сейчасъ же дуешься и прячешься въ свою комнату. Вотъ я и говорю: если *это* значить имѣть невѣсту, такъ лучше ужъ совсѣмъ разойтись съ ней.

Онъ подиеръ рукою щеку и уныло уставился глазами въ полъ.

Но вдругъ Марта медленно поднялась со скамьи, тихо подошла къ нему и положила ему руку на плечо.

— Иesperь! Будемъ опять друзьями!

— Э, что ужъ тутъ! Все равно никакого толку изъ этого не выйдетъ. Насильно милъ не будешь. И ничего отъ этого не пере-мѣнится.

— Нѣтъ, пере-мѣнится, — сказала она, обнимая его уже за шею, но все еще не рѣшаясь на него взглянуть. — Если ты только хочешь, все пойдетъ хорошо. Съ нынѣшняго дня все пойдетъ хорошо, говорю тебѣ.

— Ты это не въ шутку общаешь, Марта? И ты думаешь, что можешь это исполнить? А то намъ, право, лучше теперь же положить всему конецъ.

— Нѣтъ, ты можешь на меня положиться. Все пере-мѣнится съ нынѣшняго дня.

Онъ медленно всталъ и неувѣренно взглянулъ на дѣвушку.

— А онъ... этотъ тонконогій... ты понимаешь... развѣ... развѣ онъ не...

— Нѣтъ, — сказала она и покраснѣла.

— И ты закрѣпишь это поцѣлуемъ?

— Да.

— Только настоящимъ поцѣлуемъ?

— Да.

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу, когда она почувствовала на вистяхъ рукъ его жествія руки и увидала опухшія губы, которыя онъ наклонилъ къ ней. Но, сдѣлавъ надъ собой энергическое усиліе, она собралась съ духомъ и дала ему себя поцѣловать.

V.

Марта приняла свое рѣшеніе, и съ этой самой минуты какая-то удивительная истома, какое-то благотворное спокойствіе проникли въ ея душу. Иesperь просидѣлъ съ ней еще около часу и они разсудительно и мирно толковали о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, о мебелировкѣ «мельницы», объ оглашеніи и о многомъ другомъ.

Еще въ дверяхъ Марта снова общала ему пере-мѣниться и быть ему вѣрною женой, а онъ со своей стороны далъ торжественное обѣщаніе снова сдѣлаться работающимъ и исправнымъ, такъ, чтобъ имъ счастливо зажить другъ съ другомъ. Но когда она заперла всѣ (вери въ домъ и пришла въ свою комнатку, она упала возлѣ стула и разразилась глухими, судорожными рыданіями.

Значить, вотъ чѣмъ это, все-таки, кончилось! Вотъ къ чему, несмотря ни на что, привела ее судьба!

Она знала, что такъ будетъ лучше, знала, что она точно чудомъ спаслась отъ рокового шага, котораго всегда страшилась. И все же она не могла удержаться отъ слезъ. Вѣдь, она должна была выплакать всю тайную тоску, всѣ надежды своей юности, и она чувствовала при этомъ, что ей предстоитъ теперь выдержать еще послѣднее искушеніе, еще послѣднюю борьбу. Лишь бы только эта ночь миновала, а завтра, когда она узнаетъ, что *онъ* уѣхалъ отсюда, ей сердце обрѣтетъ навсегда тотъ миръ, который былъ отнынѣ единственнымъ предметомъ ея желаній.

Но эта долгая, долгая ночь!

Вѣдь, онъ придетъ и будетъ звать ее, будетъ стоять и ждать ея прихода, будетъ караулить ее, прислушиваться къ ея шагамъ, полный нетерпѣнія и страстной тоски! Правда, она чувствовала, что теперь она сильна, что ничто болѣе не поколеблетъ ея рѣшенія. Завтрашній день застанетъ ее спокойной и безропотной; лишь бы только пережить ей эту долгую, темную ночь, лишь бы только избавиться отъ этой послѣдней мѣки.

Она медленно встала и начала раздѣваться. Неувѣренными шагами двигалась она по темной продолговатой комнатѣ, сняла покрывало съ постели, прибрала свои вещи, такъ долго оставшіяся въ беспорядкѣ. Ужасная слабость овладѣла всѣми ея членами; ея ноги какъ-то странно отяжелѣли, голова болѣла. Подъ конецъ она опустилась на край кровати, прижавъ къ глазамъ манишку. И, вспомнивъ вдругъ, что давно уже она не читала вечерней молитвы, она стала молиться.

Но среди молитвы она снова увидала передъ собой эту изящную бѣлокурую голову, покоившуюся у нея на колѣняхъ. Она словно все еще осязала эту мягкую, трепещущую руку въ своей, чувствовала прикосновеніе этихъ горячихъ губъ. Каждое слово, произнесенное имъ, все еще раздавалось въ ея ушахъ съ нѣжнымъ, молящимъ звукомъ, и она заплакала отъ горя. Вся жизнь ея съ того рокового дня, когда, притаившись въ камышахъ, она подстерегла поцѣлуй двухъ влюбленныхъ, промелькнула вновь въ ея памяти и она точно пережила ее еще разъ. Каждый тоскливый порывъ, которому она давала мѣсто въ своемъ сердцѣ, каждая мечта, которая когда-либо посѣщала ее, снова пронеслись въ душѣ ея въ это мгновеніе. И она спрашивала себя, почему же все такъ случилось, какая цѣль могла быть во всемъ этомъ, если былъ неминуемъ подобный конецъ? Еще разъ увидала она передъ собой этотъ лучезарный

рай своей юности, этот благоухающий садъ любви, въ который она такъ часто углублялась своими мыслями, но не какъ пустую фантазмагорію, вызванную больными, суетными грѣзами. Теперь онъ предсталъ передъ нею точно живой. Ей казалось, будто она остановилась у его порога и чувствуетъ, какъ черезъ его отверстыя врата изливается на нее потоками пламенное блаженство любви.

Что, еслибъ она отважилась войти въ нихъ? Только этотъ единственный разъ? Никто, вѣдь, ничего не узнаетъ. Когда онъ увидетъ, это будетъ погребено какъ бы подъ мракомъ непроглядной ночи. Сама же она будетъ вспоминать объ этомъ лишь какъ о чудномъ снѣ, о мимолетномъ видѣніи. Но это видѣніе останется великою, драгоценною тайной ея жизни, которую она унесетъ съ собой въ могилу. Только бы еще разъ увидѣть его! Только бы взять его за руку и на прощанье подарить ему послѣдній поцѣлуй! Только бы извѣдать *это* счастье, и она охотно отречется отъ всего! Какую она сдѣлается за то доброю и преданною женой! Никогда не будетъ она роптать, никогда не будетъ подавать ни малѣйшаго повода къ неудовольствію.

Она схватилась за голову. Что это за мысли?

Но въ тотъ же мигъ донеслись изъ лѣса три короткихъ, глухихъ удара.

Она медленно откинулась на кровать, закрыла глаза руками, и долго лежала такъ тихо-тихо, какъ бы чего-то ожидая.

Спустя нѣсколько минутъ звукъ повторился. Третье пробѣжалъ по ея полуобнаженному тѣлу, но она не шевельнулась. Блѣдный свѣтъ луны упалъ черезъ окно на постель и скользнулъ по распущеннымъ волосамъ Марты, такъ что они окутали ея бѣлую фигуру словно золотымъ потокомъ. Пальцы ея лежали неподвижно на мертвенно-блѣдномъ лицѣ, и она едва дышала; только сердце ея билось неудержимо... Четыре раза повторился стукъ и всякій разъ сильнѣе, какъ бы нетерпѣливѣе, между тѣмъ какъ лунный свѣтъ неудовимо разливался по краю кровати и полу. Затѣмъ снова все смолкло и ничто болѣе не нарушало тишины.

Марта поднялась съ подушки и глубоко перевела духъ.

— Бончено!

Руки ея бессильно опустились вдоль стана, лицо исказилось су зрोगой и она снова откинулась на постель.

Вдругъ кто-то стукнулъ въ окно въ залѣ. Она вздрогнула. Не онъ ли это? Снова раздался стукъ. Безъ колебаній она накинула на се я шаль и побѣжала въ залу. Онъ стоялъ за окномъ и шепотомъ звѣлъ къ ея.

— Ради самого Господа, — крикнула она ему, осторожно отворяя окно, — не стойте здѣсь! Не стойте здѣсь! Кто-нибудь может пройти и увидѣть васъ. Да, да, я приду. Только уйдите опять въ лѣсъ. И тогда я приду...

Она побѣжала въ свою комнату и надѣла платье. Торопливо повязала она вокругъ шеи маленькій платочекъ и нагнула на голову шаль. Она чувствовала, что погибла. Беззвучно подняла она желѣзный засовъ со сводчатой двери и задворками прокралась въ лѣсъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Было совсѣмъ раннее утро. Солнце еще не взошло, но вдали, на востокъ, море уже было объято пламенемъ. Надъ широкимъ, плоскимъ побережьемъ плыли клочки тумана, повисшаго тамъ и сямъ на отдѣльно стоящихъ кустахъ и на терновникѣ, точно нити, оставленныя бѣлыми одѣянiями ночныхъ привидѣнiй. Но все человеческое еще было погружено въ сонъ.

Между ровною, ярко-зеленою плоскостью полей и молочно-голубымъ куполомъ неба, подъ которымъ, точно оторванные лепестки розъ, пролетали крошечныя, легкiя облачка, окрашенныя свѣтомъ зари, взвивались и опускались жаворонки, радостно привѣтствуя утро тысячеголоснымъ аллилуйя. Въ крестьянскихъ садахъ щеголихи-сороки чистили свои перышки. А изъ лѣсу большими стаями летѣли на тяжелыхъ крыльяхъ вороны, крича всюду, куда ни показывались, на своемъ грубомъ языкѣ: «Прочь! Прочь!» — и, наконецъ, услылись на только что вспаханную новину, причемъ раздавался оглушительный шумъ.

Вдругъ все затихло. Словно тысяча темныхъ точекъ, съ молниеносною быстротой опустились на землю жаворонки и исчезли въ поляхъ. Сороки осторожно вспорхнули на самые глубокiе сучья и, поворачивая голову, вытянули впередъ шею. Три заблудившiяся курицы изъ деревни поспѣшно перебѣжали дорогу и, тѣсно прижавшись одна къ другой, запрятались въ кучу навоза. Глуныя вороны — и тѣ сомкнулись рядами въ бороздахъ пашни и стали боязливо выглядывать оттуда.

Высоко-высоко надъ деревней показался коршунъ.

Повиснувъ въ вышинѣ на широкихъ крыльяхъ, онъ медленно и спокойно разсѣвалъ воздухъ, по временамъ озираясь и словно высматривая жаднымъ взглядомъ добычу. Описавъ четыре большiхъ

круга, онъ направилъ свой полетъ къ лѣсу и, наконецъ, въ дватри короткихъ, но могучихъ размаха исчезъ надъ верхушками деревьевъ.

Изъ травы послышался слабый пискъ, вслѣдъ затѣмъ раздалось хриплое «Прочь!» вороны и вскорѣ воздухъ снова огласился ликующимъ хоромъ.

У опушки лѣса стояла, наблюдая эту сцену, какая-то странная фигура, не то лунатикъ, не то призракъ. Рука ея лежала на загородкѣ, голова и плечи были обутаны шалью, а мутный взоръ былъ устремленъ вверхъ, гдѣ только что кружился коршунъ. Это была Марта.

Медленно, едва переступая съ ноги на ногу, какъ бы для того, чтобы не нарушить своей внутренней дремоты, пробиралась она вдоль опушки, между загородкой и лугомъ, тамъ, гдѣ онъ спускался къ ущелью. Одинъ только разъ кинула она вокругъ быстрый, пугливый взоръ и затѣмъ скрылась за тою самою дверью, которую наканунѣ оставила позади себя незапертой.

Войдя въ комнату, она сбросила съ себя шаль и какъ бы съ изумленіемъ оглядѣла стѣны. Но вдругъ ей сдѣлалось дурно, она толкнула окно и жадно стала глотать воздухъ.

Между склонами ущелья лежало какъ разъ передъ ней, залитое розовымъ свѣтомъ зари и искрившееся росой, побережье. Словно переливчатая парча, носились надъ лугомъ нити паутины. А вдали, за моремъ, всходило солнце.

Величаво, царственно, въ спокойномъ сознаниі своемъ могущества, поднимался громадный огненный шаръ надъ безоблачнымъ небосклономъ, лаская своею золотою улыбкой эту равнину, начинавшую мало-по-малу пробуждаться отъ сна. Изъ маленькихъ хижинъ съ пламенѣющими оконными стеклами уже взвивались среди неподвижнаго воздуха тонкія струйки дыма. Здѣсь отворялись ворота въ деревнѣ, тамъ сверкала на солнцѣ коса. А на засѣянныхъ клеверомъ пастбищахъ уже слышалось мычанье коровъ, какъ бы въ отвѣтъ веселой пѣснѣ показавшейся на дорогѣ молочницы съ дойниками на коромыслѣ.

Марта прислонилась къ стѣнѣ и съ какою-то странною, почти бессмысленною улыбкой смотрѣла на эту пробуждающуюся, радостную жизнь. Но мало-по-малу она совсѣмъ изнемогла подъ бременемъ непосильной усталости. Шатаясь, точно пьяная, она подошла къ кровати, бросилась на нее, не раздѣваясь, прижала руки ко лбу, закрыла глаза и долго лежала совершенно неподвижно, погруженная не то въ сонъ, не то въ забытье.

II.

Неужели это дѣйствительно случилось?... Не было ли все это сномъ, пустою фантазіей? Ей казалось невозможнымъ, чтобъ это на самомъ дѣлѣ случилось съ нею. Снова и снова перебирала она въ своихъ мысляхъ всѣ событія ночи и могла прослѣдить ихъ шагъ за шагомъ, могла вспомнить каждое слово, каждый взглядъ, каждое чувство, каждую радость. Но всякій разъ, какъ она приходила къ концу этихъ воспоминаній, она отказывалась вѣрить, что это дѣйствительно произошло съ нею, а не съ какою-то другою, совершенно постороннею личностью. По временамъ, когда она впадала въ легкую дремоту, нить совершенно ускользала отъ нея. Но какъ скоро она просыпалась, она съизнова начинала повторять въ своихъ мысляхъ все то же странствованіе: по лѣсной дорогѣ, вдоль озера, среди луннаго свѣта, подъ соснами... и снова на лицѣ ея мелькала эта странная, точно безумная улыбка.

А онъ? Куда же онъ дѣвался? Она долго лежала и думала и все не могла сосредоточить на немъ своихъ мыслей. Вдругъ она поднялась и дико посмотрѣла впередъ. *Уххалз!* Но, вѣдь, это невозможно. Послѣ того, что было!... А, между тѣмъ, развѣ же не видитъ она всего живѣе себя самою, стоящую на колѣняхъ передъ нимъ въ сырой травѣ, упрашивающую, умоляющую его со слезами не покидать ее? Развѣ не видитъ она и его, какъ онъ стоитъ блѣдный, трепещущій при утреннемъ свѣтѣ, дрожа, какъ школьникъ, передъ тѣмъ, что совершилъ? И развѣ подъ конецъ онъ не оттолкнулъ ее безжалостно отъ себя, не оставилъ ее въ лѣсной чащѣ, несмотря на всѣ ея мольбы?

Она вскочила съ постели. И такому-то трусу она дѣйствительно отдалась! Ради такого негодяя бросилась въ омутъ, загубила свою жизнь, навсегда разрушила свой покой и счастье!

Вздоръ! Вздоръ! Это невозможно! Это рѣшительно невозможно! Онъ вернется къ ней. Онъ вернется навѣрное. Когда онъ только опомнится, онъ подумаетъ о томъ, что сдѣлалъ, и не покинетъ ее. И вдругъ сердце ея проникнулось твердымъ, несокрушимымъ убѣжденіемъ, что онъ не сможетъ бросить ее. Она подняла надъ головой свои красивыя, тонкія руки, какъ бы съ торжествующею увѣренностью, что онъ снова обниметъ его, что она снова прижметъ его къ своему сердцу и назоветъ его *своимъ! своимъ! своимъ!*... Она громко разсмѣялась надъ своимъ страхомъ, и грудь ея наполнилась безпредѣльнымъ ликованіемъ. «Онъ придетъ! онъ придетъ!»—звучало въ ея душѣ, и, словно подавленная внезапною, несказанною радостью, она откинулась на край постели.

«И какъ только могла я хоть на минуту сомнѣваться въ этомъ?» — спросила она себя немного погодя, поднявъ голову съ блаженною улыбкой и оглядываясь вокругъ. Какъ только могли придти ей такія мысли? Господи Боже! если даже онъ и велъ себя нѣсколько странно сегодня утромъ, то, вѣдь, это, право, было протитительно. Развѣ сама она не была ошеломлена до такой степени, что едва сознавала себя? А развѣ это мѣшаетъ ей чувствовать уже теперь, какъ сердце ея сладостно бьется? Развѣ не кипитъ кровь въ ея жилахъ отъ одного стремленія снова увидѣть его?

Но въ эту минуту она услышала, какъ по дорогѣ, тяжело стуча колесами, проѣхалъ экипажъ. Она прислушалась. И, какъ стрѣла, мелькнула въ головѣ ея новая мысль. Вѣдь, этою дорогой проѣзжаетъ и дилижансъ. Изъ этого окна, или, еще лучше, изъ-за куста въ лѣсу, она, навѣрное, увидитъ, кто ѣдетъ въ почтовой каретѣ. Вѣдь, день давно уже насталъ, теперь она вскорѣ должна проѣхать. Не спрятаться ли ей гдѣ-нибудь возлѣ дороги и не подкараулить ли дилижансъ?

Вздоръ! И что это за глупости лѣзутъ ей въ голову? Къ чему терзать себя такими страхами?... Но, Боже милостивый, на что только она похожа! И вся комната въ какомъ видѣ! Что, она совсѣмъ помѣшалась, что ли? Представить себѣ только, что войдетъ мать и увидитъ ее въ такомъ безпорядкѣ! Наружную дверь она такъ и не заперла! Надо было для этого положительно съ ума сойти!

Съ лихорадочною поспѣшностью принялась она все прибирать, чтобы изгладить всѣ слѣды ночныхъ событій. Потомъ она тщательно одѣлась въ свое будничное платье, забросила подалше подъ кровать запачканные въ грязи башмаки и причесала волосы. Вдругъ она спохватилась, не забыла ли она вчера вечеромъ затворить въ залѣ окно, черезъ которое говорила со своимъ милымъ? Но, успокоивъ себя мыслью, что, въ такомъ случаѣ, его, навѣрное, захлопнудъ вѣтеръ, она сѣла на стулъ и стала соображать, какъ ей лучше всего держать себя, для того, чтобъ ей и на будущее время можно было уходить тайкомъ, и чтобъ ничто не нарушало ихъ счастья.

Она подумала, не удастся ли ей какимъ-нибудь способомъ сейчасъ же послать ему вѣсточку. Сердце, конечно, подсказывало ей, что сегодня вечеромъ онъ будетъ ждать ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они вчера назначили свиданіе другъ другу, и, навѣрное, въ то же самый часъ, но ей казалось невозможнымъ такъ долго не видѣть его. Притомъ же, всѣ старики соберутся сегодня, и, прежде чѣмъ они уйдутъ, ей, вѣдь, нельзя будетъ выбраться изъ дома. На-

конецъ, надо же предупредить его, чтобъ онъ не вздумалъ стучать. Она говорила себѣ, что во всемя должна соблюдать величайшую осторожность. Она знала, что за ней слѣдятъ и шпионятъ со всѣхъ сторонъ, и что малѣйшая неосмотрительность возбудитъ подозрѣніе.

Снова раздался стукъ колесъ, и Марта вскочила со стула. Тревожно начала она ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, безпрестанно хватаясь за голову и прижимая руки къ вискамъ. Она чувствовала, что не въ силахъ выдержать этой неизвѣстности, что она не доживетъ до конца этого дня, если сомнѣнія ея не разсѣются. Съ внезапною рѣшимостью она подвизала, наконецъ, фартукъ, въ которомъ ходила въ лѣсъ собирать хворостъ, быстро выглянула въ окно и выскользнула изъ двери. Но на порогъ она остановилась и критическимъ взоромъ обвела комнату. Чувствуя, что лицо ея смертельно-блѣдно, она крѣпко растерла себѣ обѣ щеки рукой. Затѣмъ, подождавъ, пока все вокругъ нея стихнетъ, она, крадучись, вышла черезъ сѣни.

Какъ только она очутилась на каменномъ приступкѣ, ее охватилъ внезапный страхъ: ей такъ явственно представилось, что мать стоитъ въ залѣ, у того самаго окна, которое она отворяла вечеромъ. Но со страшнымъ напряженіемъ она мгновенно поборола свой испугъ, прошла какъ будто совсѣмъ равнодушно, напѣвая въ полголоса пѣсню, и даже остановилась посреди дороги, съ непринужденнымъ видомъ взглянувъ на облака, точно желая угадать по нимъ, каковъ будетъ день. Дойдя до опушки лѣса, она снова ускорила шаги. Но вдругъ, на поворотѣ дороги, она увидала невдалекѣ Ларса Одноглазаго, который, съ костылемъ и палкой, шелъ какъ разъ ей на встрѣчу. Проклятiе вырвалось изъ ея усть, она хотѣла было свернуть въ чащу, но Ларсъ уже замѣтилъ ее и сталъ ей дѣлать знаки палкой.

У Марты мучительно забилось сердце. Она вспомнила, что это первый человѣкъ, котораго она встрѣтила послѣ того, что случилось, и у нея мелькнула мысль: что, если онъ прочтетъ это на ея лицѣ? Чѣмъ болѣе они приближались другъ къ другу, тѣмъ сильнѣе разрасталось въ ней опасеніе, что въ ея наружности могла произойти какая-нибудь перемѣна, которую Ларсъ откроетъ въ ней съ перваго взгляда, и она уже была готова съ крикомъ убѣжать отъ своего стараго, вѣрнаго друга, когда онъ остановился передъ ней.

— Скажите, скажите!—воскликнулъ онъ.—Наша красная дѣвица вышла въ лѣсъ погулять!

— Да,—сказала она, улыбаясь и блуждая взоромъ по сухимъ

листьями, устилавшимъ землю подъ деревьями. — Миѣ надо набрать для матери хворосту.

— Чортъ возьми! Да развѣ же тебѣ есть когда, дитятко, заниматься теперь такими дѣлами?

— Почему-жь ты думаешь, что миѣ нѣтъ времени на это?

— Да, вѣдь, я полагаю, прости Господи, что ты ужь начала свивальники шить. За это дѣло, мой свѣтикъ, всегда лучше спозаранку приняться, разъ только дѣвушка сказала «да».

Марта пристально взглянула на него и поблѣднѣла. Неужели онъ что-нибудь подозреваетъ?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Ха, ха! Она, никакъ, думаетъ провести меня!... Ну, нѣтъ, не на того напала, голубушка! Ларсъ Одноглазый не вчера родился на свѣтъ. Меня, видишь ли, судьба столкнула нынче утромъ съ твоимъ нареченнымъ Іесперомъ, который себя не помнилъ отъ радости и все миѣ рассказалъ съ начала до конца. Ну-съ, да пошлетъ же вамъ Господь Богъ счастья и здороваго мальчишку, прежде чѣмъ годъ минетъ, какъ говаривалъ нашъ старый нономаръ въ Ёюнби.

Она съ облегченіемъ перевела духъ и снова опустила глаза.

— Да, Іесперь желаетъ, чтобы мы скорѣе повѣнчались. Онъ, вѣдь, купилъ «мельницу».

— Да, и мельница куплена, и кровать готова, а завтра онъ пойдетъ къ священнику сговориться насчетъ оглашенія, такъ что вамъ недостаетъ только, чтобы самъ Господь благословилъ васъ, моя дѣточка!

— Ты былъ сейчасъ въ лѣсу?—спросила она вдругъ.

— Ну, да, тысячу чертей!... Вѣдь, вчера на ярмаркѣ надъ нами стряслась бѣда.

— Бакая бѣда?—спросила она, улыбаясь.

Она только теперь замѣтила, что Ларсъ уже съ утра былъ навеселѣ.

— Развѣ же ты не слыхала объ этомъ, голубушка? Или ты нынче еще не видалась съ матерью?

— Нѣтъ.

— Да, правда! Она, вѣдь, ничего объ этомъ и не знаетъ. Она то что на пожаръ спѣшила домой.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала Марта и еще разъ внимательно взглянула на него.

— Такъ что же случилось?

— Что случилось? Господи Боже! Вѣдь, у насъ Сѣренъ про-

— Пропалъ? Бто?

— Видишь ли, дѣточка, дѣло съ качелями и пряниками шло у насъ, какъ по маслу. Ну, а какъ стали мы искать Сѣрена, который, какъ тебѣ извѣстно, долженъ былъ сигарами торговать, такъ представь себѣ только, что онъ точно сквозъ землю провалился. Повитное дѣло, напился пьянъ, потому что ящикъ мы нашли среди дороги, но совсѣмъ, совсѣмъ-таки пустой, а самъ онъ, навѣрное, завалился спать гдѣ-нибудь въ кустахъ.

— Ты, стало быть, не нашелъ его?

— Да нѣтъ же, Господи Боже! Во всемъ лѣсу я только и видѣлъ, что какого-то блѣднаго франтика, который сидѣлъ у дороги и посасывалъ трубку.

— Сидѣлъ у дороги?—спросила Марта съ внезапнымъ оживленіемъ.—Бто же бы это могъ быть?

— Да какъ будто одинъ изъ тѣхъ студентовъ, что тутъ ша-таются.

Улыбка неизъяснимаго счастья блеснула на ея лицѣ.

— Онъ ждалъ дилижанса,—сказалъ Ларсъ.

— Дилижанса?...—и она невольно схватила его за руку.—Ты въ этомъ увѣренъ?

— Еще бы не увѣренъ! Вѣдь, я самъ потомъ видѣлъ, какъ онъ туда полѣзъ... Да что съ тобой дѣлается, дитятко? Вѣдь, на тебѣ лица нѣтъ...

У нея, дѣйствительно, подкашивались ноги. Она закрыла одну рукой глаза, крѣпко закусилла губы и на мгновеніе оперлась на руку Ларса.

— Я... мнѣ что-то нездоровится. Я плохо спала эту ночь... Я думаю, мнѣ лучше пойти домой...

— Но, Господи Боже! Неужели ты какъ разъ теперь расхвор-ешься у насъ, дитя?

— Нѣтъ, нѣтъ... Это пустяки... Это просто... Только пойдемъ скорѣе домой.

Она прошла нѣсколько шаговъ съ нимъ, все время держась за его руку. Но, немного опомнившись, она внезапно выпустила ея и, отрывисто сказавъ старику: «Мнѣ надо торопиться», — побѣжала домой, прямо въ свою комнату. Тамъ она стремительно кинулась на постель, зарылась въ подушки и, ломая руки, залилась бурными, судорожными, но беззвучными слезами.

III.

Вечеромъ члены клуба собрались, какъ всегда, за дубовымъ столомъ въ залѣ трактира, но на этотъ разъ настроеніе было необыкновенно веселое и праздничное.

Безъ сомнѣнія, прискорбный случай съ меланхолическимъ Сереномъ-каменотесомъ, котораго, впрочемъ, удалось найти въ теченіе дня, хотя въ довольно-таки плачевномъ состояніи, и, что всегo хуже, безъ гроша въ карманѣ изъ довѣренной ему выручки,—безъ сомнѣнія, этотъ случай превратилъ ихъ горделивыя надежды относительно вчерашней аферы въ горькое разочарованіе. Но взаимнѣ явилось столь неожиданное и вдвойнѣ поэтому радостное извѣстіе о близкой свадьбѣ Іеспера и Марты,—это осуществленіе ихъ общихъ завѣтныхъ желаній и упованій, и точно магическимъ словомъ разсѣяло всѣ тучи на темномъ небѣ.

Весь вечеръ они горячо и серьезно обсуждали всевозможные вопросы, касавшіеся этого великаго и знаменательнаго дѣла. Во-первыхъ, всѣ они быстро и единодушно порѣшили отправиться на слѣдующее утро всею компаніей, не исключая и Марты, смотрѣть «мельницу». Оттуда Іесперь, съ Ларсомъ Одноглазымъ и Захаріемъ-трачкомъ въ качествѣ свидѣтелей, долженъ былъ пойти къ священнику условиться насчетъ оглашенія, а послѣ того предполагалось собраться всѣмъ въ трактирѣ и отпраздновать этотъ день приличествующимъ случаю образомъ за сытною трапезой и стаканомъ пунша.

Понятно, что Іесперь, болѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ, чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

До сихъ поръ онъ видѣлъ жизнь далеко не съ свѣтлой ея стороны. Сынъ пользовавшихся дурною славой чужаковъ, съ клеймомъ позора на челѣ, унаслѣдованнымъ отъ воровки-матери и пьяницы-отца, при этомъ постоянно преслѣдуемый своими сверстниками, дразнившими и поднимавшими его на смѣхъ за неуклюжую подозрительность, порожденную въ немъ его уединенною жизнью, онъ рано позналъ людскую злобу, и въ немъ выработался постепенно злосчастный, буйный нравъ, котораго, быть можетъ, никто тамъ не боялся, какъ онъ самъ.

Но теперь счастливое сознаніе, что, наконецъ, онъ въ самомъ дѣѣ овладѣлъ сокровищемъ, котораго домогался съ такимъ постоянствомъ и среди такихъ жестокихъ испытаній, это сознаніе точно пр образило его, сдѣлало его совсѣмъ новымъ, лучшимъ человекомъ. Этотъ первый лучъ солнца, озарившій его путь, какъ будто ра сопилъ все, что было въ душѣ его суроваго и враждебнаго.

Иесперь явился въ трактиръ совѣмъ еще потный отъ работы. И весь вечеръ онъ не отходилъ отъ Марты, все время сидѣлъ возлѣ нея на скамейкѣ и осторожно, почти боязливо гладилъ ея нѣжную, бѣлую, мягкую ручку своимъ дюжимъ, грубымъ, но честнымъ кулакомъ дровосѣка.

Она пришла вскорѣ послѣ того, какъ всѣ они собрались. Но, принявъ поздравленія старыхъ друзей, она сейчасъ же сѣла въ уголь, гдѣ тѣнь падала всего гуще, и съ тѣхъ поръ не вставала. Она все еще была очень блѣдна и что-то почти зловѣщее сказывалось въ пугливомъ и, въ то же время, подозрительномъ взорѣ, которымъ ея темные глаза скользили украдкой по комнатѣ, и въ исполненномъ страха трепетѣ, внезапно охватившемъ ее, когда Иесперь сѣлъ рядомъ съ нею и взялъ ея руку.

Но старые друзья ликовали. Въ своемъ безпредѣльномъ восторгѣ они объясняли себѣ эту молчаливую замкнутость лишь столь естественною и столь привлекательною въ молоденькой, невинной дѣвушкѣ робостью предъ такимъ важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ. Иесперь же тѣмъ болѣе находилъ въ манерѣ своей невѣсты новое и радостное доказательство того, что она начала, наконецъ, смотрѣть на дѣло съ подобающимъ приличіемъ и серьезностью.

Сама Марта порой едва сознавала, гдѣ она и что съ нею дѣлается,—до такой степени у нея все еще звенѣло и путалось въ головѣ.

Весь день она провела въ своей комнатѣ, безпрестанно переходя отъ тупой апатіи къ горькому отчаянію. Были мгновенія, когда она не на шутку боялась помѣшаться, и другія мгновенія, когда на нее нападала такая безграничная ненависть къ ея оболъстителю, такой дикій и бѣшеный гнѣвъ противъ вѣроломнаго труса, навѣки покрывшаго ее позоромъ, что ей казалось невозможнымъ жить, не отомстивъ ему... Взявшись уже за ручку двери, чтобы войти въ залу, она спокойно и хладнокровно спросила себя, не лучше ли будетъ покончить со всѣмъ этимъ и броситься въ озеро? И когда, только что переступивъ порогъ, она сразу встрѣтилась съ счастливымъ взглядомъ Иеспера, она должна была прислониться на мгновеніе къ косяку, чтобы не упасть.

Всего презрѣннѣе казалось ей, что онъ тайкомъ пробрался въ лѣсъ и тамъ дожидался дилижанса для того, чтобы не проѣхать мимо нея. Всякій разъ, какъ она вспоминала объ этомъ, она невольно стискивала руки и кусала губы. Эта предумышленная хитрость, этотъ коварный расчетъ, казалось, болѣе чѣмъ что-либо другое, обнаруживали его низость и трусость. А темъ,

когда она снова сидѣла среди своихъ старыхъ, преданныхъ друзей, всегда желавшихъ ей только добра, готовыхъ отдать жизнь за нее, еслибъ это понадобилось,—теперь ей вдругъ представилось совсѣмъ непостижимымъ, какъ могла она такъ слѣпо увлечься, какъ могло ей хоть на единый мигъ придти на мысль отдаться такому человѣку, котораго она, притомъ, едва даже знала по имени?

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ старики забывали о нихъ въ своей болтовнѣ и головы ихъ туманились пивомъ и водкой, Иесперь все ближе и ближе придвигался къ ней и подъ конецъ обнялъ ее за талию, заглядывая ей въ глаза млѣющимъ отъ любви взоромъ.

Еслибъ онъ только зналъ, какъ сжималось ея сердце, какъ трепетали ея нервы всякій разъ, какъ онъ притягивалъ ее къ себѣ или въ блаженномъ упоеніи рассказывалъ ей о своихъ планахъ относительно ихъ будущаго! Никогда не чувствовала она такъ живо, что значить настоящая, искренняя любовь, никогда не понимала такъ, какъ въ это мгновеніе, что она въ десять тысячъ разъ дороже всѣхъ сладкихъ рѣчей и заманчивыхъ обѣщаній. И невольно она крѣпко сжала большую, неуглажую, мозолистую руку Иеспера, и губы ея передернулись, точно отъ чисто-физической боли.

Она кляла тотъ день, когда, спрятавшись въ камышахъ, впервые дала опутать свое сердце ласками влюбленной парочки. Она кляла свою жизнь, свои глупыя, суетныя мечты, мутившія ей чувства и туманившія ей глаза до этой минуты, когда было уже поздно...

Но, сдѣлавъ надъ собой почти сверхчеловѣческое усиліе, она вызвала улыбку на свое лицо, когда Иесперь наклонился къ ней. И когда онъ прижалъ ея голову къ своему плечу, она даже взглянула на него съ нѣжнымъ, но страдальческимъ выраженіемъ.

Въ тотъ же мигъ въ головѣ ея мелькнула мысль: что, если я во всемъ ему признаюсь? Что, если я позову его къ себѣ въ комнату, брошусь къ его ногамъ и стану молить его о прощеніи?

Она тотчасъ же почувствовала, что не могла бы этого сдѣлать. Ей стояло только взглянуть ему въ глаза, стояло только почувствовать торжествующее счастье въ его рукопожатіи, чтобы съ ужасомъ отогнать прочь эту мысль. Спасенія нѣтъ, ея жизнь загублена. Она сама бросила ее въ грязь, и никто, никто не возвратитъ ей того, что она потеряла.

А, между тѣмъ, именно теперь ей такъ страстно хотѣлось жить, такъ страстно хотѣлось начать съизнова совсѣмъ другую, честную жизнь, чтобы загладить грѣхъ, который она въ своемъ безуміи сошила, и раздѣлить съ другими счастье, которое только теперь

научилась цѣнить. Съ остаткомъ своей прежней мечтательности она, припавъ головой къ плечу Іеспера, принялась создавать въ своихъ мысляхъ мирную, дѣятельную, совмѣстную жизнь, осмысленную преданностью и любовью, и съ сердцемъ, готовымъ разорваться, она лишь теперь поняла вполнѣ все то, чего она навѣки лишилась.

Но развѣ дѣйствительно все было утрачено такъ безвозвратно? Развѣ не можетъ она это забыть? Развѣ не можетъ отбросить это, какъ сонъ, какъ видѣніе? Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не похоже это скорѣе на сонъ?... Что случилось, въ концѣ-концовъ, если только Іесперь ничего не узнаетъ, если онъ не потерпитъ разочарованія? И, притомъ, развѣ теперь каждый уголокъ ея сердца не принадлежитъ ему за то въ десять разъ больше, чѣмъ прежде? Развѣ не будетъ вся жизнь ея отнынѣ...

Обезсиленная усталостью и тоской, она медленно поникла къ нему на грудь. Она не почувствовала, какъ глаза ея сомкнулись и какъ она заснула на его плечѣ. Онъ заботливо обвилъ ее руками, притихнувъ, какъ мышь, сторожилъ ея сонъ; безмолвный восторгъ отражался на его наклоненномъ лицѣ.

Противъ нихъ, возлѣ стола, сидѣла Элленъ. Весь вечеръ не спускала она съ дочери странно-неподвижнаго, пытливаго взгляда. Теперь и она съ тайнымъ вздохомъ устало согнулась на стулѣ.

IV.

Когда Марта среди ночи вошла въ свою комнату, она все еще чувствовала такое изнеможеніе и такую душевную подавленность, что едва держалась на ногахъ. Она раздѣлась машинально, какъ будто все еще не совсѣмъ проснувшись, и, опустивъ голову на подушку, тотчасъ же погрузилась въ тяжелый, мертвый сонъ.

Она проспала, можетъ быть, около часу, какъ вдругъ услышала, что по близости кто-то шепотомъ произноситъ ея имя. Долго не могла она объяснить себѣ, откуда идетъ этотъ звукъ; наконецъ, кто-то осторожно отворилъ окно снаружи и проскользнулъ въ него. Неувѣренными, какъ бы ищущими, беззвучными шагами двигалась по комнатѣ темная фигура. Только когда она приблизилась къ постели и лунный свѣтъ упалъ на бѣлокурую голову, Марта увидала ее и испустила крикъ. Это былъ онъ.

Въ одно мгновеніе она кинулась ему на шею и пролежала въ сколько минутъ на его груди, ничего не сознавая.

Наконецъ, она услышала надъ своею головой его голосъ:

— Милая!... Милая!...

Она раскрыла глаза и посмотрѣла на него долгимъ, блаженнымъ и, въ то же время, скорбнымъ взглядомъ. Она не могла еще говорить, но какъ бы въ страхѣ уцѣпилась за него изо всѣхъ силъ и прильнула лбомъ къ его плечу.

— Я знала это... я, вѣдь, это знала!—пролепетала она, наконецъ, и откинулась назадъ, точно снова потерявъ сознание.

Онъ опустился на край постели и обвилъ холодными руками ея теплое, трепещущее тѣло, привлекая ее къ себѣ.

— Милая!... Милая!...

— Ахъ, какъ хорошо, что ты пришелъ!—съ усиленіемъ промолвила она, прижавъ одну руку къ глазамъ.

— Ты ждала?

— Не знаю. Миѣ кажется, я съ ума бы сошла, еслибъ ты не пришелъ!... Я...

— Тсс... тсс!... Теперь все забыто, да? Вставай же и одѣвайся! Вѣдь, ты пойдешь со мной, пойдешь?

— Да, да, только бы скрыться отсюда!

— Пойдемъ! Но торопись же! Дай я тебѣ помогу!

Она хотѣла соскочить съ постели... и въ ту же минуту проснулась. Она оглядѣлась вокругъ блуждающимъ взоромъ и затѣмъ медленно приподнялась.

Что это? Разсудокъ у нея развѣ помутился? Неужели она презрѣнное, погибшее созданіе?

Неужели Господь совсѣмъ, совсѣмъ отвергнулъ ее и отдалъ ее во власть діаволу?

Она схватилась за голову обѣими руками и устремила обезумѣвшій взоръ въ окно, за которымъ въ лунномъ сіяніи сверкалъ широкій потокъ рѣки.

Развѣ же тамъ ей не будетъ во сто разъ лучше, чѣмъ на землѣ? Отчего бы ей не схоронить себя возлѣ Анны-Метты, ея товарки по конфирмаціи, и многихъ другихъ, искавшихъ тамъ утѣшенія въ своей горькой судьбѣ? Чего ей осталось ждать отъ этой жизни?... Вѣдь, тогда она будетъ вмѣстѣ съ Анной-Меттой гулять по лѣсамъ въ тихія лунныя ночи... нагая, съ свѣтлякомъ въ волосахъ. Онъ объ эльфахъ рассказывалъ ей, объ эльфахъ и феяхъ... вотъ и она бу етъ феей!

Она остановилась въ своемъ бредѣ, закрыла руками глаза и отинулась на постель, чтобы собраться съ мыслями... и снова за нула.

V.

Когда она проснулась опять, было уже утро. За окномъ птицы заливались звонкою пѣсней, а на выгонѣ пастушокъ пронзительнымъ голосомъ скликала скотину. Марта медленно обвела взоромъ комнату, и вдругъ глаза ея остановились: на стулѣ, въ ногахъ постели, сидѣла мать и пристально глядѣла на нее.

Дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Она хотѣла вскочить, но у нея не хватило на это силъ и она снова закрыла глаза. «Что это значитъ?—думала она съ тревогой.—Неужели ей что-нибудь извѣстно?» Но въ тотъ же мигъ она вспомнила, какъ Ларсъ Одноглазый говорилъ ей, что мать точно на пожаръ торопилась домой съ ярмарки, и ея члены снова оцѣпенѣли. «Она все знаетъ!» — промелькнуло у нея въ головѣ.

Она продолжала лежать неподвижно. Но вдругъ мать поднялась и положила руку на одѣяло.

— Марта, вставай!

Она пролежала еще нѣсколько минутъ, не шевелясь, но потомъ медленно подняла голову съ подушки, взглянувъ на мать широко-раскрытымъ, испуганнымъ и трепещущимъ взоромъ. Ни мать, ни дочь не произнесли ни слова. Но когда глаза ихъ встрѣтились, точно ледяное дуновение пронеслось надъ ними. Мать грузно опустилась на край постели, а Марта, нагнувшись надъ одѣяломъ, закрыла руками лицо. Немного погодя послышались сухія, отчаяныя всхлипыванія.

— Отчего ты никогда не хотѣла довѣриться мнѣ, Марта?— смиренно пробормотала мать.— Вѣдь, я не имѣю права ни въ чемъ упрекать тебя, потому что сама не была для тебя хорошимъ примѣромъ, но ты все же могла бы имѣть хоть сколько-нибудь довѣрія во мнѣ, Марта: вѣдь, я, все-таки, твоя мать.

— Иesperъ знаетъ?—спросила Марта.

— Знаетъ.

— О, о, о!

Она плакала почти дѣтскимъ плачемъ и трепетъ пробѣжалъ по ея прекрасному, полунагому тѣлу

— Кто ему сказалъ?

— Я ему рассказала вчера вечеромъ послѣ того, какъ ты ушла.

— Что-жь онъ говорить? — спросила она спустя нѣсколько минутъ.

— Я не знаю.

— О! о! — Она запрятала голову подъ одѣяло.

— Гдѣ онъ?

— Онъ въ горницѣ. Онъ ждетъ тебя. Онъ хочетъ съ тобой по-толковать.

— А другіе тоже тамъ?

— Да.

— Они тоже знаютъ?

— Нѣтъ, я не думаю. Но вставай же, Марта! Слышишь?

Она сама откинула одѣяло и бережно подняла дочь съ постели. Но Марта была точно безпомощный ребенокъ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, такъ что не могла сама одѣться.

— Возьми же себя въ руки, дитя!—сказала мать, помогая ей.

Но когда она, наконецъ, была совсѣмъ готова, когда волосы ея были причесаны, платье застегнуто, мать подвела ее къ стулу и усадила.

— Ну, вотъ, теперь постарайся немножко собраться съ духомъ. Если ты только дашь обѣщаніе исправиться, то Іесперъ, Богъ дастъ, проститъ тебя на этотъ разъ. Останься пока здѣсь, я пойду позову его, онъ хочетъ говорить съ тобой съ глазу на глазъ.

Она еще разъ озабоченно взглянула на нее, потомъ приложила руку къ виску, какъ будто что-то вспоминая, и вышла изъ комнаты.

Марта сидѣла почти безъ признаковъ жизни, съ бѣлымъ, какъ мраморъ, лицомъ, опустивъ руки на колѣни и устремивъ въ одну точку черные, какъ ночь, глаза. Но при первомъ звукѣ она вскочила и прислушалась. «Это онъ!»—подумала она... И хотя никто еще не шелъ, она стояла, настороживъ уши и раскрывъ глаза, точно звѣрь, готовый обратиться въ бѣгство. «Вотъ онъ идетъ!»—въ полголоса сказала она спустя минуту, и все ея тѣло затрепетало, точно натянутая струна.

Но когда она услышала, что дверь въ сѣняхъ дѣйствительно отворилась, она поспѣшно схватила башмаки и, какъ кошка, выпрыгнула въ открытое окно.

Двое сутокъ искали ее въ лѣсу, шарили по дну рѣки и озера большими баграми, но все было напрасно. Тогда прошелъ слухъ, что въ одной деревнѣ, миляхъ въ двухъ отъ Бальдерѣда, видѣли молодую дѣвушку съ блѣднымъ лицомъ и длинными, развѣвающимися волосами. Она сидѣла на корточкахъ за шоссею каналъ, обнявъ руками колѣни. Но всякій разъ, какъ мимо нея проходилъ мужчина, она вставала и съ какимъ-то страннымъ, тревожнымъ выраженіемъ внимательно заглядывала ему въ лицо, такъ

что многіе бѣжали отъ нея въ испугѣ. Подъ вечеръ она пришла къ деревенскому кузнецу и, низко, застѣнчиво кланяясь, спросила его, долго ли ей еще осталось идти до рая? На всѣ его вопросы она давала все тотъ же отвѣтъ, что она спѣшитъ на встрѣчу къ своему жениху, который писалъ ей, что придетъ за ней по этой дорогѣ, что онъ студентъ, и на Михайловъ день назначена ихъ свадьба.

Кузнецъ и его жена были добрые люди; они сожалѣлись надъ бѣдною дѣвочкой и рѣшили до поры до времени пріютить ее у себя. Но ночью она выпрыгнула въ окно, а на слѣдующее утро въ мельничной плотинѣ, не далеко отъ кузницы, нашли ея трупъ.

В. С.

Х Л Ъ Б Ъ .

(Романъ).

VII.

Дѣло со свадьбой быстро пошло впередъ. Двухнедѣльный срокъ, данный Михеемъ Зотычемъ, поднялъ малыгинскій домъ вверхъ дномъ. Анеуса Гавриловна просто сбилась съ ногъ съ своими бабьими хлопотами. Оказалось, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, что и того нѣтъ, и этого недостаетъ, и третьяго не хватаетъ, а о четвертомъ и совсѣмъ позабыли. И, въ то же время, нужно было сдѣлать все по-настоящему, чтобы не осрамиться передъ другими и не запереть ходъ оставшимся невѣстамъ. Чужіе-то люди все замѣтятъ и зубы во рту у невѣсты пересчитаютъ, и Анеуса Гавриловна готова была вылѣзти изъ кожи, чтобы не осрамить своей репутаціи. А тутъ еще наѣхали разныя тетки, свояченицы и дальнія родственницы, и каждая чѣмъ-нибудь разстроивала.

— Женишокъ, нечего хаять, хорошъ, а только капиталъ у нихъ сумлительный, да и дѣлать его придется промежду тремя братьями, — говорила тетка со стороны мужа. — На запольскихъ-то невѣсть всякій позарится, кому и не надо.

— Ну, капиталъ дѣло наживное, — спорила другая тетка, — не съ деньгами жить... А вотъ карахтеромъ-то ежели въ тятеньку родимаго женишокъ издастся, такъ ужъ оно не того... Михей-то Зотычъ, сказываютъ, двухъ женъ въ гробъ заколотилъ. Аспидъ нас оящій, а не человекъ. Да еще сказываютъ, что у Галактіона-то | ихенча ужъ была своя невѣста на примѣтѣ, любовнымъ дѣломъ, ну, вотъ старикъ-то и торопить, чтобы огласки какой не вышло.

Анеуса Гавриловна все это слышала изъ пятого въ десятое, но только отмахивалась обѣими руками: она хорошо знала цѣну этимъ разстройнымъ свадебнымъ рѣчамъ. Не одно хорошее дѣло распалось вотъ изъ-за такихъ бабьихъ шепотовъ. Лично ей женихъ очень нравился, хотя она многого и не понимала въ его поведеніи. А, главное, очень ужъ пришелся онъ по душѣ невѣстѣ. Чего же еще надо? Серафимочка точно помолодѣла лѣтъ на пять и была совершенно счастлива.

— Высидѣла жениха, — шептали бѣдныя родственницы, не могшія простить этого счастья и подыскивавшія что-нибудь непріятное. — Ну, да ему, голенькому, какъ разъ по зубамъ невѣста-перестарокъ.

Теперь весь верхъ малыгинскаго дома былъ занятъ женщинами, хлопотавшими около невѣстина приданого. Особенно хорошо было по вечерамъ, когда наѣзжали со всего Заполя подруги невѣсты, и всѣ комнаты наполнялись беззаботнымъ дѣвичьимъ смѣхомъ, молодыми голосами и старинными свадебными пѣснями. Сколько тутъ было хорошенькихъ дѣвичьихъ лицъ, блестящихъ молодостью глазъ и того безпричиннаго веселья, которое приходитъ и уходитъ вмѣстѣ съ молодостью. Выворочены были изъ кладовыхъ старинныя сундуки съ заготовленнымъ уже раньше приданнымъ, по столамъ вездѣ разложены всевозможныя новыя матеріи, — однимъ словомъ, работа шла во всю. Дѣлалось все это, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы всѣ видѣли, какъ Малыгины выдаютъ дочь замужъ. Изъ всѣхъ дѣвушекъ веселилась, главнымъ образомъ, Харитина, на которую теперь мать почему-то особенно ворчала и не давала прохода.

— И что ты хвостомъ-то повертываешь, безсовѣстная? — ворчала Анеуса Гавриловна. — Ты у меня смотри, я до тебя доберусь!

— Мамынька, да что вы въ самомъ-то дѣлѣ привязываетесь ко мнѣ?

— Погоди, я тебѣ покажу, вертихвостка!

Особенно доставалось Харитинѣ, когда пріѣзжалъ женихъ. Анеуса Гавриловна не спускала глазъ съ нея. Дѣло доходило до подзатыльниковъ и слезъ.

— А не лѣзь на глаза, не представляйся! — какъ-то по-зѣвному шипѣла Анеуса Гавриловна. — Вошь другія-то дѣвушки прячутся отъ мужчинъ, а ты все на выставку, все на выставку.

— Мамынька, да право же, ей-Богу, я ничего... Я тоже буду прятаться.

Женихъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и зналъ всѣ

порядки по свадебному дѣлу. Онъ прїѣзжалъ каждый день и проводилъ съ невѣстой какъ разъ столько времени, сколько нужно—ни больше, ни меньше. И остальныхъ дѣвушекъ не забывалъ: для каждой у него было свое словечко. Всѣ невѣстины подружки любили Галактіона Михеича, а старухи шептали по угламъ:

— Ну, этоть изъ молодыхъ да ранній! Пожалуй, другимъ-то зятьямъ и пикнуть не дастъ.

Правился дѣвушкамъ и другой братъ, Емельянъ. Придетъ на дѣвичникъ, сядетъ въ уголокъ и молчитъ, какъ пришитый. Сначала всѣ дѣвушки какъ-то боялись его, а потомъ привыкли и насмѣлились до того, что сами начали приставать къ нему и свои дѣвичьи шутки шутить.

— Емельянъ Михеичъ, расскажите сказочку! Емельянъ Михеичъ, спойте пѣсенку!

А Емельянъ Михеичъ сидитъ и только молча улыбается. Самыя смѣлыя дѣвушки кончали тѣмъ, что начали примѣривать на него невѣстины наряды, надѣвали на него чепцы и шляпы и хохотали до слезъ. Одно появленіе Емельяна уже вызывало общее веселье и дѣвушки нападали на него всею гурьбой, какъ осиное гнѣздо. А онъ все молчалъ и только улыбался. При немъ не стѣснялись и болтали все, что взбредетъ въ голову, его же тащили во всѣ дѣвичьи игры и шалости, теребили за бороду, цѣловали и продѣлывали всякія дурачества, особенно когда старухи уходили послѣ обѣда отдохнуть. Съ другими мужчинами не смѣли и сотою доли того смѣлать, а жениха даже побаивались, хотя на видъ онъ и казался засковѣе. Всѣ чувствовали, что женихъ только старается быть възлюбимымъ и что его совсѣмъ не интересуютъ дѣвичьи шутки и забавы.

И дѣйствительно, Галактіонъ интересовался, главнымъ образомъ, мужскимъ обществомъ. И тутъ онъ умѣлъ себя поставить и просто, и солидно: старикамъ—уваженіе, а съ другими на равной ногѣ. Всего лучше Галактіонъ держалъ себя съ будущимъ тестемъ, который закрутилъ съ самаго перваго дня и могъ говорить только всего одно слово: «Выпьемъ!» Будущій зять оказывалъ старику вниманіе и дѣлалъ такой видъ, что совсѣмъ не замѣчаетъ его безпросыпнаго пьянства.

— Богоданный тятенька, вы бы на террасѣ посидѣли... Оно на свѣжемъ воздухѣ прїятнѣе.

Такое поведеніе, конечно, больше всего нравилось Анеусѣ Гавриловнѣ, ужасно стѣснявшейся сначала передъ женихомъ за пьянаго чужа, а теперь женихъ-то въ одну руку съ ней все дѣлалъ и

даже самъ укладывалъ спать окончательно захмѣлѣвшаго тестя. Другимъ ужасомъ для Анеусы Гавриловны былъ сынъ Лѣодоръ, отъ котораго она прямо откупалась: дать денегъ, и Лѣодоръ пропадетъ на день, на два. Когда онъ показывался гдѣ-нибудь на дворѣ, дѣвушки сбивались, какъ овечье стадо, въ одну комнату и запирались на ключъ.

Разъ, все-таки, Лѣодоръ неожиданно для всѣхъ прорвался въ дѣвичью и схватилъ въ охапку первую попавшуюся дѣвушку. Поднялся отчаянный визгъ и всѣ бросились въ разсыпную. Но на выручку явился точно изъ-подъ земли Емельянъ Михеичъ. Онъ молча взялъ за плечо Лѣодора и такъ его повернулъ, что у того кости затрещали,—у великаго молчальника была желѣзная сила.

— Да ты, чортъ, не очень того! — бормоталъ потерявшійся Лѣодоръ. — Мы и сами съ усами! Мелкими можемъ расчесть дать!

Емельянъ только показалъ глазами на окошко, а потомъ вытолкалъ Лѣодора въ дверь. Дѣвушки не знали, какъ и благодарить великодушнаго силача, который опять молча улыбался.

Появилась въ малыгинскомъ домѣ и Евлампія Харитоновна или, по-домашнему, «полуштофова жена». Прямою ссоры съ зятемъ нѣмцемъ у Малагиныхъ не было, но и родственной близости не выходило. Видались больше по праздникамъ, да на именинахъ. Евлампія была большая модница и щеголяла напропалую. И на свадьбу она явилась въ такомъ платьѣ, что всѣ ахнули. Всѣ удивлялись только одному, откуда хитрый нѣмецъ беретъ деньги, чтобы такъ наряжать жену: ни торговли, ни службы, ни опредѣленныхъ занятій, ни капитала, а живетъ на широкую ногу. Познакомившись съ женихомъ, Евлампія сдѣлала презрительное движеніе плечами и только замѣтила:

— Не большого бобра убили, мамынька!

— Какого еще тебѣ жениха нужно, Евлампія? — обидѣлась Анеуса Гавриловна. — Всѣ завидуютъ... Пожалуй, почище твоего-то нѣмца будетъ.

— Ну, моего нѣмца вы оставьте, мамынька. Вы ему теперь цѣны еще не знаете.

— То-то онъ что-то ужъ очень скрываетъ свою цѣну, — ядовито замѣтила Анеуса Гавриловна. — Какъ будто и другіе тоже ничего не замѣчаютъ.

Вечеркомъ заглянула и Татьяна Харитоновна, бывшая за Булыгинимъ. Она урвалась изъ дому тайкомъ, чтобы хоть однимъ глазомъ взглянуть на Серафимина жениха. Не красно жилось Татьянѣ, похудѣла она, какъ щепка, подъ глазами синіе круги. Болѣло

в ней сердце у Анеусы Гавриловны, постоянно болѣло, а помочь было нечѣмъ. Такая ужь неудача родилась. Она посмотрѣла на жениха изъ другой комнаты, похвалила и незамѣтно ушла домой, точно боялась своимъ присутствіемъ нарушить веселье въ отцовскомъ домѣ. Анеуса Гавриловна даже всплакнула потихоньку, — очень ужь жаль ей было Татьяны. Кажется, всѣхъ бы дочерей собрала подь свое материнское крыло и никому не дала въ обиду. Вотъ и Анны, писаревой жены, тоже нѣтъ на свадьбѣ, и мать не разъ о ней вспомнила. Такъ, ни за грошъ дѣвку загубили... Отецъ и слышать ничего не хотѣлъ о суслонскомъ писарѣ.

— Ну, что, каковъ женихъ?—спрашивала Анеуса Гавриловна, провожая Татьяну по черной лѣстницѣ.

— Женихи-то всѣ хороши, мамынька, — уклончиво отвѣтила Татьяна. — Ничего, хорошій. Жениховъ-то, какъ гусей, по осени считаютъ. Что-то очень ужь ласковый. Я это такъ, къ слову.

— Не буянъ бы, да не пьяница, Татьянушка! А наша Серафима прямо ума рѣшилась. Горитъ вся.

— Дай Богъ, мамынька.

— Охъ, Татьянушка, болитъ у меня сердце за всѣхъ васъ! Вотъ какъ болитъ! Хотѣла выписывать Анну изъ Суслона, да отецъ сразу поднялся на дыбы: слышать не хочетъ.

Въ Запольѣ еще сохранились старинные свадебные обряды, хотя они и перемѣшались съ новыми модными обычаями. Колобовская свадьба, благодаря спѣху, прошла кое-какъ въ этомъ отношеніи, и старухи, собравшіяся на свадьбу, сильно пеняли на старика Колобова. Буда ускорился старичонко, подумаешь, а дѣло не таковское. Блохъ ловить торопятся, а жену берутъ честь-честью. Не было настоящаго сватовства, не было рукобитья, а прямо начали съ дѣвичниговъ, точно на пожаръ погнали. Опытныя старушки ничего хорошаго въ этомъ спѣхѣ не видѣли и сулили молодымъ незадачу. Конечно, все это говорилось по угламъ, а не въ глаза мужниной и жениной роднѣ. Ломался старый вѣковой обычай, а это не къ добру. Самъ-то Михей Зотычъ, небойсь, и глазъ не казалъ на свадьбу, а отсиживался у себя на постояломъ дворѣ, да на берегу Блючевой. Все обсудили старушки, все вызнали и по-своему разсудили дѣло: неправильная свадьба и, все равно, проку не будетъ. Вонъ и женихъ уже сейчасъ туманный ходить.

Веселилась и радовалась одна невѣста, Серафима Харитоновна. Очень ужь по сердцу пришелся ей молодой женихъ, и она видѣла только его одного. Скорѣе бы только все кончилось... Съ дею онъ былъ сдержанно-ласковъ, точно боялся проявить свою же

ниховскую любовь. Только разъ Галактіонъ Михеичъ сказалъ невѣстѣ:

— Вы доброю волей за меня идете, Серафима Харитоновна! Пожалуйста, не обижайтесь на меня: можетъ быть, у васъ былъ кто-нибудь другой на примѣтѣ?

— Что вы, Галактіонъ Михеичъ,—смущенно отвѣтила невѣста.—Никого у меня не было и никого мнѣ не нужно. Я вся тутъ. Сами видите, кого берете. Какъ вы, а я всею душой...

Галактіону Михеичу вдругъ сдѣлалось совѣстно, потому что онъ не могъ отвѣтить невѣстѣ такъ же искренно и просто. Собственно невѣста ему и нравилась, ему хотѣлось иногда ее приласкать, сказать ласковое словечко, но все какъ-то не выходило, да и свадебные гости мѣшали. Жениху съ невѣстой не приходилось оставаться съ глазу на глазъ.

Однажды вечеромъ на дѣвичникѣ, когда дѣвушки запѣли старинную пѣсню:

«Разступитесь, люди добрые,
Что на всѣ на четыре стороны!
Дайте-ко мнѣ путь-дороженьку,
Мнѣ идти къ родному батюшкѣ!»...

у жениха вдругъ упало сердце, точно онъ дѣлалъ что-то нехорошее и кого-то обманывалъ. У него даже мелькнула мысль, что, вѣдь, можно еще отказаться, время не ушло, а впереди цѣлая жизнь съ нелюбимою женой. Но это было только проявленіе минутной слабости. Ничего не оставалось, какъ идти до конца. Взглянувъ на пригорюнившагося брата Емельяна, Галактіонъ понялъ, что они оба охвачены однимъ сомнѣніемъ, оба думали одну думу и оба приходили къ одному заключенію. Да, суженой-ряженой, видно, на конѣ не объѣдешь.

УШ.

На свадьбѣ Галактіонъ перезнакомился со всѣмъ Запольемъ, потому что теперь въ малыгинскій домъ валили званый и незваный. Это тоже старинный обычай, и чѣмъ больше гостей, тѣмъ больше почету невѣстину дому. Даже старые недруги могли проходить и старое зло на время забывалось. Изъ приходившихъ въ малыгинскій домъ большинство были купцы средней руки. Знатъ составляли такіе именитые люди, какъ старикъ Луговниковъ и запольскій богатъ Еврафъ Огибенинъ. Огибенинскій купеческій родъ пользовался громадною популярностью во всемъ округѣ, центръ

котораго составляло Заполье. Еще дѣды вели здѣсь торговлю и завывали первые узлы. Нынѣшній Евграфъ Огибенинъ являлся послѣднимъ словомъ купеческаго прогресса, потому что держалъ себя совсѣмъ на господскую ногу: одѣвался по послѣдней модѣ, волосы стригъ подъ гребенку, бороду брилъ, усы завывалъ и, въ довершеніе всего, остался старымъ холостякомъ, чего не случалось въ купечествѣ, какъ стояло Заполье.

— Пошелъ родъ на переводъ, — говорилъ старикъ Луковниковъ, особенно недолюбливавшій Евграфа.

Другіе называли Огибенина просто «Еграфшкой модникомъ». Анзуса Гавриловна была взята изъ огибенинскаго дома, хотя и состояла въ немъ на положеніи племянницы. Поэтому на малыгинскую свадьбу Огибенинъ явился съ большимъ апломбомъ, какъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ относился ко всѣмъ свысока, какъ къ дикарямъ, и чувствовалъ себя на одной ногѣ только съ Евлампіей Харитоновной.

Изъ всей этой малыгинской родни и сборныхъ гостей Галактіону ближе всѣхъ пришелся по душѣ будущій родственникъ, нѣмецъ Штоффъ. Это былъ небольшого роста господинъ, немного прищипавшій на лѣвую ногу. Лицо у нѣмца было совсѣмъ русское и даже обросло по-русски какою-то мочальною бороденкой. Знакомство состоялось какъ-то сразу и будущіе зятя полюбились другъ другу.

— Я здѣсь совсѣмъ чужой, — откровенно объяснялъ Штоффъ. — Да и вы тоже не совсѣмъ свой... Впрочемъ, ничего, привыкнете современемъ. Первое время мнѣ приходилось довольно-таки тяжело, а теперь ничего, обтерпѣлся.

Въ разговорѣ нѣмецъ постоянно улыбался и немного подмигивалъ правымъ глазомъ, точно этотъ глазъ у него тоже прихрамывалъ, какъ лѣвая нога.

— И знаете, на чемъ я сошелся съ ними? — объяснялъ онъ. — На водкѣ... У меня счастливый желудокъ, а это здѣсь считается величайшимъ достоинствомъ. Мнѣ это много помогло.

Нѣмецъ жилъ въ Запольѣ лѣтъ пять и зналъ всѣхъ наперекъ, а также зналъ и всѣ торговые дѣла.

— Зачѣмъ вы здѣсь живете, Карлъ Карлычъ? — спрашивалъ Галактіонъ въ томъ же откровенномъ тонѣ, въ какомъ началъ нѣмецъ.

— Зачѣмъ? — удивился Штоффъ. — О, батенька, здѣсь можно дѣлать большія дѣла!... Да, очень большія! Важно поймать моментъ... Все дѣло въ этомъ. Край благодатный, и кто пользуется его богатствами? Смѣшно сказать... Вы посмотрите на нихъ: никто

дальше насиженного мелкаго плутовства не пошелъ или широко орудовать на родительскіе капиталы, тоже нажитые плутовствомъ. О, здѣсь можно развернуться!... Только нужно людей, надежныхъ людей. Моя вся бѣда въ томъ, что я русскій нѣмецъ... да!

Этимъ Штоффъ открывалъ свои карты, и Галактіонъ понял, почему нѣмецъ такъ льнетъ къ нему. Лично онъ ему очень нравился, какъ человѣкъ обстоятельный и энергичный. Что же, въ свое время хитрый русскій нѣмецъ могъ пригодиться.

Свадебное дѣло близко шло къ развязкѣ. Гостей набиралось все больше и больше. Появились какіе-то совсѣмъ неизвѣстные люди, которыхъ зналъ по своимъ степнымъ дѣламъ одинъ Харитонъ Артемьичъ, но сейчасъ отрекшійся отъ нихъ обѣими руками. Это были купцы изъ глухихъ пограничныхъ степныхъ городковъ. Народъ все рослый и совсѣмъ дикій. Изъ нихъ запольскіе купцы признали только одного, извѣстнаго степного богатыря Сашку Герохова, крестившагося четырехпудовою гирей. Этотъ Сашка Героховъ быстро сдѣлался настоящимъ героемъ дня, потому что никто не могъ его перепить, даже нѣмецъ Штоффъ. И видъ у него былъ какой-то несообразный, какъ у стариннаго бронзоваго памятника какому-нибудь герою, — бычачья шея, маленькая голова, невѣроятной величины руки и ноги. Эту фундаментальную структуру степного богатыря портила только сильная сутуловатость. Въ довершѣнію курьеза Сашка говорилъ какою-то жалобною тоненькою фистулой и шепелявилъ, какъ младенецъ. Харитонъ Артемьичъ влился въ него, какъ клещъ, и не отходилъ. Самъ ужъ онъ допилъ до того, что не могъ отличить водки отъ воды, чѣмъ и пользовались, а за то любовался подвигами Сашки, получившаго сразу кличку «лужоного брюха».

— Саша, выпей.

Сашка молча наливалъ чайный стаканъ водки и молча его выпивалъ, точно выливалъ въ какое-то подполье.

— А еще можешь, Саша?

— Могу-съ, — слащаво пицалъ Саша и выпивалъ второй стаканъ.

Около этого богатыря собиралась цѣлая толпа поклонниковъ, слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, какъ слѣдятъ всѣ поклонники за своими любимцами. Развѣ это не артистъ, который могъ выпивать каждый день по четверти ведра водки? И хоть бы пошатнулся. Такимъ образомъ, Сашка являлся главнымъ развлеченіемъ мужской компаніи.

Появились и другіе неизвѣстные люди. Ихъ привелъ не-

но откуда Штоффъ. Во-первыхъ, вихлястый худой нѣмецъ съ бригою верхнею губой, — онъ говорилъ только вопросами: «что вы думаете? какъ вы сказали?» Штоффъ отрекомендовалъ его своимъ самымъ старымъ другомъ, который попалъ въ Заполье случайно, проѣздомъ въ Сибирь. Фамилія новаго нѣмца была Драке, Федоръ Федорычъ.

— О, это большой человѣкъ! — по секрету сообщалъ Штоффъ кениху. — Настоящій большой человѣкъ!

А большой нѣмецъ какъ-то особенно глупо хлопалъ глазами, вытягивалъ тонкую гусиную шею, сосалъ какія-то лепешки и спрашивалъ съ удивленіемъ:

— Зачѣмъ они женятся? Что? Развѣ это необходимо для каждаго русскаго купца? А, впрочемъ, можетъ быть, я плохо понимаю по-русску?

Не получая отвѣта на такіе вопросы, нѣмецъ принималъ сонный видъ и начиналъ сосать свои лепешки.

Этотъ потѣшный нѣмецъ сдѣлался жертвой знаменитаго запольскаго исправника Полуянова, только что вернувшагося изъ уѣзда. Имя Полуянова гремѣло далеко и наводило панику своимъ звѣрствомъ, особенно съ купцами. Это былъ плечистый, средняго роста мужчина, съ какимъ-то дубленнымъ загаромъ энергичнаго лица, — онъ выбился въ исправники изъ знаменитыхъ сибирскихъ фельдшеровъ. Ходилъ Полуяновъ всегда въ военной тужуркѣ, заложивъ руки въ карманы. Въ компаніи онъ былъ милѣйшимъ человѣкомъ, — забавникъ, балагуръ, питухъ, пѣсенникъ, бабій угодникъ, на всѣ руки. Но стоило ему только оставить веселую компанію, какъ сейчасъ же онъ превращался въ звѣря. Тяжелая была рука у Ильи Фирсыча Полуянова и не даромъ его называли дантистомъ. Сейчасъ Полуяновъ старался наверстать пропущенное время и успѣвалъ напиваться по три раза въ день. Въ свѣтлые промежутки онъ занимался травлей новаго нѣмца, потѣшая почтенную публику разными выходками. Лучшимъ номеромъ въ этомъ репертуарѣ былъ тотъ, когда Полуяновъ незамѣтно усаживалъ рядомъ съ Драке только что пріѣхавшаго богатаго степного татарина Шахму.

— Шалтай-балтай, поговори съ нѣмцемъ, — упрасивалъ Полуяновъ. — Въ ножки поклонюсь твоей татарской образинѣ.

— Мало-мало калякаемъ нѣмца... — бормоталъ Шахма, грузно подсаживаясь къ Драке. — Эй, знаюмъ, карта гуляешь?

— — Зачѣмъ карта?

— — Э-э... Шахма любитъ карта... Одинъ карта на лѣвый нога, другъ ѣ карта на правый нога. Купца много сѣялъ, а Шахма много

платилъ... Исправникъ любить деньга Шахма... Шахма любить исправникъ.

Этотъ Шахма былъ извѣстная степная продувная бестія; онъ любилъ водить компанію съ купцами и разнымъ начальствомъ. О его богатствѣ ходили невѣроятные слухи, потому что въ одинъ вечеръ Шахма иногда проигрывалъ по нѣскольку тысячъ, которыя платилъ съ чисто-восточнымъ спокойствіемъ. По наружности это былъ типичный жирный татаринъ, совсѣмъ безъ шеи, съ запылыми узкими глазами. Въ своей степи онъ дѣлалъ большія дѣла, и купцы-степняки не могли обойти его власти. Онъ пріѣхалъ на свадьбу за триста верстъ.

— Да разѣ я тебя звалъ? — удивлялся Харитонъ Артемычъ, продирая глаза. — Видѣлись-то еще въ прошломъ году.

— Ну, тогда и звалъ, — невозмутимо отвѣчалъ Шахма. — Сама говорилъ: дѣвка буду пропивать, пріѣзжай Шахма. Вотъ я и гулялъ на твой свадьба.

— А водку не выучился пить?

— Законъ Шахмѣ не велить... Барта гулялъ, деньга платилъ, а водка тебѣ оставлялъ.

Полуяновъ значительно оживилъ свадебное торжество. Онъ отлично пѣлъ, еще лучше плясалъ и вообще былъ вездѣ душой компаніи. Скучавшія дѣвушки сразу ожили и веселье полилось широкою рѣкой, такъ что стономъ стонъ стоялъ. На улицѣ собиралась цѣлая толпа любопытныхъ, желавшая хоть издали послушать, какъ тѣшится Илья Фирсычъ. Съ женихомъ онъ сейчасъ же перешелъ на «ты» и нѣсколько разъ принимался цѣловать его безъ всякой видимой причины.

— Мы, вѣдь, тутъ, каналья ты этакая, живешь одною семьей, а я у нихъ какъ посаженный отецъ на свадьбѣ... Ты, ангелъ мой, еще не знаешь исправника Полуянова. За глаза меня такъ величиваютъ. Хорошъ мальчикъ, да хвалить некому... А, впрямь, не понадайся, ежели что, — освѣжю... А русскую хорошо пляшешь? Не умѣешь? Ахъ, ты, пентюхъ!... А вотъ постой, мы Харитину въ кругъ выведемъ. Вотъ такъ дѣвка: развей горе вдовочкой!

Устраивался кругъ и Полуяновъ пускался въ плясъ. Харитина, дѣйствительно, плясала русскую мастерски и мать только удивлялась, гдѣ она могла научиться разнымъ вывертамъ. Такая пляска заканчивалась какимъ-нибудь неистовымъ колѣннымъ разудалого исправника: онъ начиналъ ходить колесомъ, кувырчался черезъ югову и т. д.

Послѣдними уже къ большому столу явились два новыхъ гостя. Одинъ былъ извѣстный полякъ изъ ссыльныхъ, Май-Стабровский, а другой — розовый, улыбавшійся красавецъ, еврей Ечкинъ. Оба они были изъ дальнихъ сибиряковъ и оба попали на свадьбу проездомъ, какъ знакомые Полунова. Стабровский, среднихъ лѣтъ господинъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Ечкинъ поразилъ всѣхъ своими брилліантами, которые у него горѣли вездѣ, гдѣ только можно было ихъ посадить.

— Вотъ такъ штука: жидъ на свадьбѣ проявился! — дивились добродушные запольскіе купцы и видѣли въ этомъ новую дурную примѣту.

Но Полуновъ всѣхъ успокоилъ. Онъ зналъ обоихъ еще по своей службѣ въ Томскѣ, гдѣ пировалъ на свадьбѣ Май-Стабровскаго. Эта свадьба едва не закончилась катастрофой. Когда молодыхъ послѣ вѣнца усадили въ коляску, лошади чего-то испугались и понесли. Плохо пришлось бы молодымъ, если бы не выручилъ Полуновъ: онъ бросился къ взбѣсившимся лошадямъ и остановилъ ихъ на всемъ скаку, причемъ у него пострадалъ только казенный мундиръ.

— Мои сибирскіе дружки, — хвалился Полуновъ, представляя незваныхъ гостей. — Захотятъ — купить и продадутъ все ваше Заполье и еще сдачи дадутъ.

Штоффъ отвелъ таинственно жениха въ сторону, оглядѣлся и сообщилъ:

— Вы ничего не слыхали про Ечкина, Бориса Яковлича Ечкина?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Штоффъ приподнялъ плечи, повертѣлъ у своего лба пальцемъ и торжественно проговорилъ:

— Это, голубчикъ, геніальнѣйшій человѣкъ и другого такого нѣтъ, не было и не будетъ. Да... Положимъ, онъ сейчасъ ничего не имѣетъ и брилліанты поддѣльные, но я отдалъ бы ему все, что имѣю. Стабровскийъ тоже хорошъ, только это ужъ другое: тѣхъ же щей, да пожиже влей. Они тамъ, въ Сибири, большія дѣла обдѣлывали.

Галактіонъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на Ечкина и еще разъ удивился: рѣшительно ничего особеннаго въ немъ не было. Просто какой-то прикащикъ изъ магазина съ золотыми вещами. И улыбается глупо, и глазами шмыгаетъ. А, впрочемъ, кто ихъ знаетъ, — Штоффъ зря не будетъ говорить. Бурьезнѣе всего вышло то, какъ напыжился Евграфъ Огибенинъ на новыхъ гостей,

затмившихъ его и костюмами, и галантерейностью обращенія. Особенно проклятый жидъ его возмущалъ, — со всѣми перезнакомился, всѣмъ успѣлъ сказать что-нибудь пріятное и сейчасъ же утѣся съ Шахмой за карточный столъ. Нечего сказать, увертливый жидъ, а держать себя въ размахку, какъ будто ужь совсѣмъ не по-ядовски. Дамы находили тоже, что сибирскій жидъ скорѣе походитъ на ярославскаго лихого коробейника.

Вѣнчаніе молодыхъ происходило, по старому обряду, въ старинной раскольничьей моленной. Провожавшіе молодыхъ всѣ одѣлись по старинкѣ: мужчины въ длиннополые кафтаны, а женщины въ сарафаны. Невѣста въ этомъ нарядѣ была совсѣмъ хороша и женихъ ею невольно полюбовался. Замѣчательный этотъ женскій русскій костюмъ, онъ ко всякой идетъ — къ красивой и некрасивой, къ молодой и старой. Но Галактіонъ просто ахнулъ, когда среди провожавшихъ невѣсту онъ увидѣлъ Харитину: это была такая красавица, что у него на душѣ захолонуло. Въ дѣтствѣ онъ испытывалъ подобное же чувство, когда на качеляхъ подвигивалъ вверхъ. Да, она стояла передъ нимъ, сама красота, и жгла-налии своими дѣвичьими глазами его сердце... Эта встрѣча произошла уже въ моленной, куда женихъ уѣхалъ впередъ и тамъ поджидалъ невѣсту. У него все завертѣлось передъ глазами и во время самаго обряда вѣнчанія онъ не могъ избавиться отъ преступной теперь мысли о другой дѣвушкѣ. Да и обрядъ вѣнчанія по стариннымъ уставамъ съ крюковыми напѣвами ничего веселаго не имѣлъ и Галактіону казалось, что онъ уже умеръ и его хоронятъ. Ему сдѣлалось страшно, страшно за себя, за ту дѣвушку, которая сегодня сдѣлается его подругой на всю жизнь... Не скрылось это настроеніе жениха отъ слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ женскихъ глазъ, и зашумукали сдержанные голоса, точно шуршала шелковая матерія.

Дома оставались купцы изъ православныхъ, какъ старикъ Луковниковъ, привезшій почти насильно упрявившагося Михея Зетыча, да игроки въ карты. Металъ банкъ сначала Ечкинъ и проигрался. Понтировавшій ему Евграфъ Огибенинъ съ особеннымъ удовольствіемъ положилъ въ свой бумажникъ нѣсколько сторублевыхъ ассигнацій, — игра шла, въ виду малаго времени, крупными цифрами. Ечкина смѣнилъ Стабровскій и тоже проигрался. Выигрывали Огибенинъ и Шахма. Послѣдній задыхался отъ радости и спускалъ выигранныя деньги куда-то за пазуху, точно въ подолъ. Кончилось тѣмъ, что началъ метать Огибенинъ и въ нѣсколькихъ талій проигралъ не только все, что выигралъ раньше, но и всѣ нѣ-

ги, какія были при немъ, и деньги Шахмы. Все выигралъ Стабровский и даже не моргнулъ глазомъ.

— Ахъ, ты, шайтанъ! — ругался Шахма, ощупывая опустѣвшую пазуху и дѣлая гримасы. — Ну, шайтанъ!... Лѣвая нога, правая нога, и нѣтъ ничего, а старый Шахма дуракъ.

— Дома еще осталось, — успокоивалъ его Стабровский, подавая на чай подручному, подававшему карты, десятирублевую ассигнацію.

Большой послѣсвадебный столъ представлялъ собою оригинальную по пестротѣ картину. Въ главной залѣ, гдѣ сидѣли молодые, были разиѣщены ближайшіе родственники и самые почетные гости. Въ это послѣднее число попали исправникъ Полуяновъ, Евграфъ Огибенинъ, Май-Стабровский, Шахма и даже Драке. Старикъ Луговниковъ, какъ самый почетный гость, сидѣлъ рядомъ съ Михеємъ Зотычемъ, казавшимся какимъ-то грязнымъ пятномъ среди окружавшей его роскоши, — онъ ни за что не согласился переиѣнить свою изгребную синюю рубаху и дорожную сермяжку. Изъ дамъ выдѣлялись своимъ нарядомъ красавица жена Полуянова, а потомъ Евлампія Харитоновна, явившаяся въ довольно смѣломъ декольтѣ, что не мало смущало благочестивыхъ древнихъ старушекъ.

— Охъ, стыдбушка головушкѣ глядѣть-то на полуштофову жену!... У, срамница!... Вся заголилась, точно въ баню собралась идти...

Въ другихъ комнатахъ были разсажены остальные гости, причемъ самые неважные были переведены внизъ.

Свадебное веселье пошло своимъ чередомъ, увеличиваясь съ каждою минутой, какъ катившійся съ горы комъ снѣга. Впрочемъ, все шло благополучно вплоть до того момента, когда начали поздравлять молодыхъ шампанскимъ. Гости сбились въ одной комнатѣ. Сашка Гороховъ стоялъ съ своимъ бокаломъ за спиной Огибенина и довольно терпѣливо ждалъ своей очереди чокнутья съ молодыми, но потомъ ему надѣло ждать, онъ взглянулъ направо и увидалъ декольтированныя женскія плечи Евлампіи Харитоновны. Она сидѣла къ нему спиной, и онъ видѣлъ только разрѣзъ платья сзади, стирывавшій бѣлую налитую спину, уходившую желобомъ подъ корсетъ. У Сашки моментально мелькнула счастливая мысль, и онъ весь свой бокалъ вылилъ за спину полуштофовой женѣ. Поднялся визгъ, гвалтъ, хохотъ. Взбѣшенный Штоффъ кинулся съ кулаками на обидчика, всѣ повскачили съ своихъ мѣстъ, — однимъ словомъ, весь столъ рушился. Но этимъ скандалъ еще не кончился. Благодаря происходившей суматохѣ, наверхъ незамѣтно пробрались два

новыхъ гостя: сынъ Ліодоръ и зять Булыгинъ, оба пьяные и съ бакимъ-то опредѣленнымъ намѣреніемъ.

— Тутъ жида да нѣмцы радуются, а родному сыну да зятю и мѣста нѣтъ! — гаркнулъ Ліодоръ. — Пашка, валяй жидовъ, а я нѣмецъ молотить начну!

Толпа разступилась, и новые гости предстали во всей красѣ. Ліодоръ былъ, по обыкновенію, въ черкескѣ и папахѣ. Женщины завизжали, а полуштофова жена забралась подъ столъ, гдѣ ее потомъ едва нашли. Выручилъ всѣхъ Сашка Гороховъ, стоявшій къ Ліодору ближе другихъ. Онъ бросился на смутьяновъ, схватилъ ихъ къ охапку и торжественно вынесъ изъ залы, не обращая вниманія, какъ его молотили четыре кулака, четыре ноги, а Ліодоръ въ бѣшенствѣ даже вдѣпился зубами въ плечо. На лѣстницѣ догналъ Полуяновъ и собственноручно спустил гостей внизъ, такъ что затрещали деревянные ступени.

Однимъ словомъ, большой столъ закончился крупнымъ скандаломъ. Когда всѣ немного успокоились и все пришло въ порядокъ, хватились Михея Зотыча, но его и слѣдъ простылъ.

IX.

Болобовская свадьба отозвалась въ Суслонѣ далекимъ эхомъ. Особенно волновались въ писарскомъ домѣ, куда вѣсти собирались со всѣхъ сторонъ.

— Хорошую роденьку Богъ послалъ, — ворчалъ писарь Флегонтъ Васильичъ. — Оборотни какіе-то... Счастье намъ съ тобой, Анна Харитоновна, на родню. Зятя-то на подборъ, одинъ лучше другого, да и родитель Харитонъ Артемьичъ хорошъ. Брезгуешь суслонскимъ зятемъ.

— Погордилась сестрица Серафима Харитоновна, — соображала писарская жена Анна Харитоновна, — очень погордилась.

— И мамынька тоже хороша: про родную дочь забыла. Сказывають, на свадьбѣ-то какіе-то жида да татары радовались.

— Не будетъ добра, Флегонтъ Васильичъ. Всѣ говорятъ, что неправильная свадьба. Буда торопились - то? Точно на пожаръ погнажи. Такъ-то выдаютъ невѣсть съ заминочкой... А все этотъ старичонко виновать. Отъ него все...

— Ужь этотъ мнѣ старичонко! — рычалъ писарь, вспоминая нанесенный бродягой конфузъ. — Болдунъ какой-то!

Въ писарскомъ домѣ теперь собирались гости почти каждый день. То пощъ Магаръ съ попадѣй, то мельникъ Ермильчъ. Было

о чем поговорить. Попъ Макаръ какъ разъ былъ во время свадьбы въ Запольи и привезъ самыя свѣжія вѣсти.

— Сбѣжалъ отъ большого стола старичокъ - то, жениховъ отецъ, — рассказывалъ онъ. — Бой у нихъ вышелъ, промежду гостей, ну, оглянулись, а свекра-то и нѣтъ. Словно въ воду канулъ...

— Охъ, не епроста это, о. Макаръ!... Не таковскій онъ челоуѣкъ.

— Бродяга какой-то, вотъ и бѣгаетъ.

Разъ, когда такъ вечеркомъ гости разговаривали разговоры, писарская стрипка Матрена вошла въ горницу, вызвала Анну Харитоновну и заявила:

— Тутъ онъ, сродственникъ-то.

— Какой сродственникъ?

— Ну, а этоть... старичонко съ палочкой... Еще который сынъ женилъ въ Запольи на твоей сестрѣ.

— Да гдѣ онъ?

— А въ кухнѣ сидитъ у меня... Я пельмени дѣлаю, оглянулась, а онъ сидитъ на лавочкѣ. Точно изъ земли выросъ, какъ грибокъ дождевикъ.

Можно себѣ представить общее удивленіе. Писарь настолько потерялся, что нѣкоторое время не могъ выговорить ни одного слова. Да и всѣ другіе точно ошѣмѣли. Вотъ такъ гостя Богъ послалъ!... Не успѣли всѣ опомниться, а мудреный гость уже въ дверяхъ.

— Флегонту Васильичу, родственнику, наше почтеніе и всей честной компаніи.

— Здравствуйте, Михей Зотычъ, — здоровался хозяинъ. — Будетъ вамъ шутки-то шутить надъ нами... И то осрамили тогда на всю округу. Садитесь, гостемъ будете.

— Отъ свадьбы убѣжалъ... да... А у меня дѣльце до тебя, Флегонтъ Васильичъ, и не маленькое дѣльце.

— Утро вечера мудренѣе, Михей Зотычъ... Завтра о дѣлѣ-то поговоримъ. Да, пожалуй, я тебѣ впередъ самъ загадку загадаю.

Отведя гостя въ сторону, писарь сказалъ на ухо:

— Меленку хотите у насъ оборудовать? Я-то ужъ потомъ догадался и впередъ съ мужичками на счетъ земли словечка два закинулъ.

— Вотъ умища! — похвалилъ гость. — Это и мнѣ такъ впору догадаться... Ай-да молодець писарь, хоть на свадьбу и не звали!... Не тужи, потомъ позовутъ, да самъ не пойдешь: низко будетъ.

Появленіе старика Болובהа въ Суслонѣ было цѣлымъ событіемъ. Теперь ужъ всѣ поняли, зачѣмъ птица прилетѣла. Всѣхъ

больше волновался мельникъ Ермилычъ, подъ рукой распускавшій нехорошіе слухи про старика Колобова. Онъ боялся сильнаго конкурента. Но Колобовъ самъ пришелъ къ нему на мельницу въ гости, осмотрѣлъ все и сказалъ:

— А ты не безпокойся, мельникъ. Тѣсно не будетъ... Я, вѣдь, крупчатку буду ставить. Ты мели, да помалывай сѣрячокъ, а мы бѣлую мучку будемъ дѣлать, дастъ Богъ.

Потомъ старикъ побывалъ у попа Макара и тоже осмотрѣлъ все поповское хозяйство. Осмотрѣлъ и похвалилъ.

— Ничего, свѣтленько живете, о. Макарь... Дай Богъ такъ-то всякому. Ничего, свѣтленько... Вотъ и я выросъ на ржаномъ хлѣбцѣ, всѣ зубы сѣлъ на немъ, а подъ старость захотѣлъ пшенички. Много ли нужно мнѣ, старику?

— Что же, намъ не жаль...—уклончиво отвѣчалъ о. Макарь, отнесшійся къ гостю довольно подозрительно.—Чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ и рады. У Бога всего много.

— Богъ - то Богъ, да и самъ не будь плохъ. Хорошо у васъ, о. Макарь... Приволье кругомъ. Вы-то ужъ привыкли и не замѣчаете, а мнѣ въ диковину... Однимъ словомъ, пшеничники.

— Мельницу хочешь строить? — спрашивалъ попъ Макарь, слегка прищуривая одинъ глазъ.

— Не знаю, что выйдетъ, а охота есть.

Отъ новыхъ знакомыхъ получалось одно впечатлѣніе: всѣ жили по-богачу — и писарь, и мельникъ, и попъ — не въ примѣръ прочимъ народамъ. И мужики тоже не бѣдовали. Рожь сѣяли только на продажу, а сами ѣли пшеничку. И хороша была эта ключевская пшеничка, хоть насквозь смотри. Смолотая на раструскѣ пшеничная мука была хотя и сѣрая, но такая душистая и вкусная. Суслонскія бабы отлично пекли свой пшеничный хлѣбъ, а ржаного и въ заводѣ не было. Такъ ужъ велось изстари, какъ было поставлено еще при дѣдахъ. Отъ всего вѣяло тугимъ, хорошимъ достаткомъ. И народъ былъ все рослый и крѣпкій, — не даромъ этихъ «пшеничниковъ» узнавали вездѣ.

Разъ ночью писарской домъ былъ поднятъ весь на ноги. Оголо часу къ воротамъ подкатила почтовая тройка.

— Здѣсь живетъ писарь Замираевъ?—спрашивалъ въ темнотѣ сильный мужской голосъ.

Писарь растворилъ окно и довольно грубо отвѣтилъ:

— Онъ самый.

— Запольскіе молодые пріѣхали. Можно остановиться?

— Ахъ, милости просимъ!... Это вы, Галактіонъ Михенчъ!

— Да, да.

Большой сибирскій тарантасъ тяжело вкатился на дворъ, а писарь выскочилъ на крыльцо со свѣчей въ рукахъ.

— Вотъ не ожидали-то, дорогіе гости!

— Просимъ любить и жаловать, Галактіонъ Михеичъ.

Зятья оглядѣли другъ друга и расцѣловались. Молодая не выходила изъ экипажа, сладко потягиваясь. Она ужасно хотѣла спать. Когда вышла хозяйка, она съ лѣнливою улыбкой, наконецъ, выгѣзла изъ тарантаса. Сестры тоже расцѣловались.

— Давно мы съ тобой не видались, Сима, — повторяла Анна Харитоновна, продолжая разсматривать сестру. — Какая-то ты совсѣмъ другая стала.

— Ужъ какая есть, Анюта. Мамаша тебѣ наказала кланяться и не велѣла сердиться.

— Хорошо, хорошо. Еще поговоримъ... А мужъ у тебя молодецъ, Саша. Красивый.

— Развѣ?

Серафима Харитоновна тихо засмѣялась и еще разъ поцѣловала сестру. Когда вошли въ комнату и Серафима разсмотрѣла суслонскую писаршу, то невольно подумала: «Какая деревенщина стала наша Анна! Неужели и я такая буду?» Анна дѣйствительно сильно опустила, обрюзгла и одѣвалась чуть не по-деревенски. Рядомъ съ ней Серафима казалась барыней. Ловко сшитое дорожное платье сидѣло на ней, какъ перчатка.

— Вы насъ извините, — говорилъ Галактіонъ, — не во-время побезпокоили... Ночь, да и остановиться негдѣ.

— Ну, что за счеты между родственниками! — политично отвѣчалъ писарь. — Тятенька - то вашъ здѣсь, въ Суслонѣ... Только у насъ не хочетъ жить. Карахтерный старичокъ.

— Папаша, вѣроятно, опять пѣшкомъ пришли? — освѣдомилась Серафима. — Они все по-своему... на особицу.

Галактіонъ очень понравился и писарю, и женѣ. Настоящій молодецъ, хоть куда поверни. На отца-то и не походитъ совсѣмъ. И обращеніе самое политичное.

— Ну, этотъ изъ молодыхъ, да ранній, — задумчиво говорилъ писарь, укладываясь на кровать съ женой. — Далекое поидетъ.

— А Симка - то такъ ему въ глаза и заглядываетъ, какъ собака.

— Что же, насидѣлась она въ дѣвкахъ. Тоже любопытно... И зѣстная ваша женская слабость. Какого еще прынца нужно?...

— Здѣсь, говорить, жить будутъ.

— Отлично. Намъ веселѣе... Только вотъ старичонко-то того... Я его просто боюсь. Того гляди, какую-нибудь штуку отколеть. Блаженный не блаженный, а около этого. Такие-то вотъ странники больше по папертямъ стоятъ съ ручкой.

Молодой Болобовъ понравился всѣмъ въ Суслонѣ: и уменъ, и простъ, и ловокъ. За то молодая не пришлась по вкусу, начиная съ сестры Анны. Очень ужъ модная и на все фыркаетъ.

— Неужто мы здѣсь будемъ жить? — капризно спрашивала она мужа.

— А то гдѣ же?

— Да здѣсь съ тоски пропадешь.

— Некогда будетъ тосковать.

Серафима даже всплакнула съ горя. Съ сестрой она успѣла поспориться на другой же день и обозвала ее неотесанною деревенщиной, а потомъ сама же обидѣлась и расплакалась.

— Вы на нее не обращайтесь вниманія, Анна Харитоновна, — спокойно замѣтилъ Галактіонъ и строго посмотрѣлъ на жену.

Этого было достаточно, чтобы Серафима сейчасъ же притихла и даже попросила у Анны прощенія.

Вотъ съ отцомъ у Галактіона вышелъ съ перваго раза крупный разговоръ. Старикъ стоялъ за мѣсто для будущей мельницы на Шейнской Бурѣ, гдѣ его взяли тогда суслонскіе мужики, а Галактіонъ хотѣлъ непременно ставить мельницу въ такъ называемомъ Прорывѣ, выше Шейнской Бурьи версты на три, гдѣ Блужевая точно была сдавлена каменными утесами.

— Нельзя на Бурѣ строиться, — авторитетно говорилъ Галактіонъ. — По веснѣ вода широко будетъ разливаться, затопитъ наши и не оберешься хлопотъ съ подтопами.

— А у Ермилыча поставлена мельница на Жулановскомъ плесѣ? — спорилъ Михай Зотычъ.

— Во-первыхъ, родитель, у Ермилыча мельница раструска и воды требуетъ вдвое меньше, а потомъ Ермилычъ вѣчно судится съ чуратовскими мужиками изъ-за подтоповъ. Намъ это не рука. Здѣшній народъ бѣдовый, не вдругъ уломаешь. Въ Прорывѣ вода идетъ трубой, только косою плотиной ее поджать.

— На берегу мѣста мало.

— Ничего, родитель: въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ.

— Тебя развѣ переспоришь?

— А ежели я дѣло говорю?

Теперь роли переменялись. Женившись, Галактіонъ сдѣлался совершенно другимъ человекомъ. Свою покорность отцу онъ теперь

выкупалъ вызывающею самостоятельностью, и старикъ покорился, хотя и не вдругъ. Это была серьезная борьба. Михей Зотычъ сердился больше всего на то, что Галактіонъ началъ относиться къ нему свысока, какъ къ младенцу, — выслушаетъ изъ вѣжливости, а потомъ все сдѣлаетъ по-своему.

— Ты у меня смотри! — погрозился разъ старикъ. — Я не посмотрю, что ты женатый... да!

Галактіонъ только улыбнулся. Ушло время учить, да свою волю родительскую показывать. Женился изъ-подъ палки. — чего же еще нужно?

Х.

Дѣло съ постройкой мельницы закипѣло, благодаря все той же энергіи Галактіона. Старикъ чуть не испортилъ всего, когда пришлось заключать договоръ съ суслонскими мужиками по арендѣ Прорыва. «Накатился упрямый стихъ», какъ говорилъ писарь. Мужики стояли на своемъ, Михей Зотычъ на своемъ, а споръ шелъ изъ-за какихъ-то несчастныхъ двадцати пяти рублей.

— Эхъ, родитель, родитель! — корилъ Галактіонъ. — Двадцать пять рублей дѣроги, а время ни почемъ... Мы еще съ осени выложимъ фундаментъ, а за зиму выстроимся. Время-то дороже денегъ. Дай я переговорю съ мужиками-то.

— А ты, щучій сынъ, умнѣе отца хочешь быть?

— Постой, родитель... Знаешь, какъ большую рыбу изъ воды вытаскиваютъ: дадутъ ей поводокъ, она и ходитъ, а притомилась — ее на берегъ.

Съ мужиками Галактіонъ говорилъ, какъ свой братъ, и живо повернулъ все дѣло. Обѣ стороны остались довольны. Контрактъ былъ подписанъ и Галактіонъ принялся за работу. Планъ мельницы былъ составленъ имъ еще раньше. Теперь нужно было торопиться съ постройками. Стояла осень и рабочихъ на мѣстѣ нельзя было достать ни за какія деньги, пока не кончится уборка хлѣба. И это предвидѣлъ Галактіонъ и раньше нанялъ артель вятскихъ плотниковъ въ сорокъ человекъ, да другую артель каменщиковъ. Деревенскіе мужики по-настоящему не умѣли и топора въ руки взять. Будетъ съ нихъ и того, если привезутъ бревна, да камень наломаютъ.

У Прорыва въ нѣсколько дней выросъ настоящій лагерь. Больше сотни рабочихъ принялись за дѣло опытною рукой. Съ плотничьей артелью вышелъ братъ Емельянъ и сдѣлался правою рукой Галактіона. Братья всегда жили дружно.

Галактіонъ задался цѣлью непремѣнно выстроить жилой домъ въ заморозкамъ, чтобы переселиться съ женой на мѣсто работы. Жизнь у писаря его тяготила, да и ѣздить было тяжело. На счастье ему попался въ Баклановой пустовавшей поповскій домъ, который онъ и купилъ на сносъ. Оставалось только перевезти его, да заложить фундаментъ. Галактіону вездѣ везло, — такой ужъ удачливый зародился. Даже попъ Макарь одобрялъ за «благопоспѣшность». Больше всего Галактіонъ былъ доволенъ, что отецъ уѣхалъ на заводы заканчивать тамъ свои дѣла и не мѣшался въ дѣло. Старикъ былъ умный, да только очень ужъ упрямъ.

Постройка новой мельницы отозвалась въ Суслонѣ замѣтными оживленіемъ, особенно по праздникамъ, когда гуляли здѣсь обыватскія артели. Чувствовалось, что дѣлалось какое-то большое дѣло, и всѣ ждали чего-то особеннаго. Были и свои скептики, которые сомнѣвались, выдержать ли старый Колобовъ, — очень ужъ большой капиталъ требовался сразу. Въ качествѣ опытнаго человѣка и родственника писарь Замираевъ съ большими предосторожностями завелъ объ этомъ рѣчь съ Галактіономъ.

— Нѣтъ, у отца большихъ денегъ нѣтъ, — откровенно объяснилъ тотъ.

— Такъ-съ... да. А какъ же, напримѣръ, съ закупкой хлѣба Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь, большія тысячи нужны будутъ.

— Добудемъ. Ту же мельницу въ банкъ заложимъ.

— Это какъ же такъ: въ банкъ?

Галактіонъ объяснилъ, и писарь только развелъ руками. Да, хитрая штучка, и безъ денегъ, и съ деньгами. Видно, не стары времена, когда деньги въ землю закапывали, да по подпольямъ прятали. Вообще, умственно. Писарь начиналъ смотрѣть теперь на Галактіона съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, который изъ ничего сдѣлаетъ что захочетъ. Ловкій мужикъ, нечего сказать.

— А мы-то тутъ живемъ дураки дураками, — со вздохомъ говорилъ писарь. — У насъ все по старинкѣ... На гроши считаемъ.

— Ничего, вычитесь.

Утромъ Галактіонъ вставалъ въ четыре часа, уѣзжалъ на работу и возвращался домой только вечеромъ, когда стемнѣетъ. Эта энергія приводила всѣхъ въ невольное смущеніе. Въ Суслонѣ не привыкли къ такой работѣ.

— А что будетъ, если я буду чай распивать, да выѣду на работу въ восемь часовъ? — объяснялъ Галактіонъ. — Я раньше всѣхъ долженъ быть на мѣстѣ и уйти послѣднимъ. Рабочіе-то по хозяйству бывають.

— Ужь это что говорить... Правильно. Какая это работа, ежели съ чаями прокламаться?

Писарь давно облѣнился, отсталъ отъ всякой работы и теперь казнилъся, поглядывая на молодого зятя, какъ тотъ поворачивалъ всякое дѣло. Заразившись его энергіей, писарь началъ заводить строгіе порядки у себя въ дому, а потомъ въ волости. Эта домашняя революція закончилась ссорой съ женой, а въ волости взбунтовался сторожъ Вахрушка.

— Что я тебѣ каторжный дался?—заявилъ сторожъ.—Нѣтъ, братъ, будетъ мудрить! Шабашъ!

— Што-о?!... Да какъ ты смѣешь, кислая шерсть?

— А вотъ и смѣю... Не тѣ времена. Подавайте жалованье и конецъ тому дѣлу. Будетъ мнѣ терпѣть.

Писарь выгналъ Вахрушку съ позоромъ, а когда вернулся домой, узналъ, что и стрипка Матрена отошла. Вотъ тебѣ и новые порядки! Писарь уѣхалъ на мельницу къ Ермилычу и съ горя кутилъ тамъ цѣлыхъ три дня.

Сестры въ теченіе двухъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни успѣли перессориться и помириться нѣсколько разъ, стараясь не доводить своихъ размолвокъ до Галактіона. Обѣ побаивались его, хотя онъ никогда не сказалъ ни одного грубаго слова.

— Высидѣла ты себѣ мужа, Сима, — корила Анна сестру. — Пожалуй, и не по чину тебѣ достался. Вонъ какой орелъ!

— А тебѣ завидно? Не чета твоему писарю.

— Смотри, матушка, не прохвались. Боекъ ужь очень.

Счастье влюбленной въ мужа Серафимы кололо глаза засидѣвшейся въ деревнѣ Аннѣ. Вѣстѣ росли, а судьба разная. Анна начинала теперь придираться къ мужу и на каждомъ шагу ставила ему въ примѣръ Галактіона.

— Ты посмотри на себя-то, — поговаривала Анна, — тебѣ водку пить съ Ермилычемъ, да съ попомъ Макаромъ, а настоящаго-то ничего и нѣтъ. Ну, каковъ ты есть человекъ, ежели тебя разобрать? Вонъ глаза-то запыли какъ отъ пьянства... Небойсь, Галактіонъ компаніи не ломаетъ, а всегда въ своемъ видѣ.

— Отстань, смола! Галактіонъ, Галактіонъ, — дался вамъ этотъ Галактіонъ! Еще посмотримъ: летать летаетъ, да гдѣ сидеть.

— У васъ съ Ермилычемъ не спросить.

— Молчать! Ты вотъ лучше училась бы у сестры Серафимы, какъ слѣдуетъ уважать мужа... да! И по домашности тоже все запустила... Вонъ стрипка Матрена ушла.

— Все изъ-за тебя же, извергъ. Ты прогналъ Вахрушку, а онъ

смазилъ Матрену. У нихъ ужъ давно промежду себя узоры разные идутъ. Все ты же виноватъ.

Писарь Замараевъ про себя отлично сознавалъ недостижимыя совершенства новаго родственника, но удивлялся ему про себя, не желая покориться женѣ. Ну, что же, хорошъ и пусть будетъ хорошъ, а мы и въ шубѣ навыворотъ проживемъ.

Слухи о новой мельницѣ въ Прорывѣ разошлись по всей Ключевой и подняли на ноги всѣхъ старыхъ мельниковъ, работавшихъ на своихъ раструсочныхъ мельницахъ. Положимъ, новая мельница будетъ молоть крупчатку, а, все-таки, страшно. Это была еще первая крупчатка на Ключевой, и всѣ инстинктивно чего-то боялись.

— О девяти поставахъ будетъ мельница-то, — жаловался Ерилычъ. — Ежели она, на примѣрно, ахаетъ въ сутки пятьсотъ мѣшковъ? Съѣстъ она насъ всѣхъ и съ потрохами. Гдѣ хлѣба набраться на такую прорву?

— Были бы деньги, а хлѣба навезуть.

Чтобъ отвести душу, Ерилычъ и писарь сходились у нока Макара и тутъ судачили вволю, благо никто не могъ подслушать. Писарь отстаивалъ новую мельницу, какъ хорошее дѣло, а отецъ Макаръ задумчиво качалъ головой и повторялъ:

— Увидимъ, увидимъ, братіе... Все увидимъ.

— Нечего и смотрѣть: дѣло ясное, — сказалъ писарь.

— Первое, не есть удобно то, что Колобовы старовѣры... да. А второе, жили мы безъ нихъ, благодаря Бога и не мудрствуя лукаво. У всѣхъ былъ свой кусокъ хлѣба, а впредь невѣдомо, что и какъ.

— И вѣдать нечего, отецъ, — уныло повторялъ Ерилычъ. — Раздавать насъ, какъ лягушекъ. Разговоръ короткій. Однимъ словомъ, силаща.

— А вы того не соображаете, что крупчатка хлѣбъ дастъ народамъ? — спросилъ писарь. — Теперь на одной постройкѣ сколько народу орудуешь, а дальше — больше. У которыхъ мужичковъ хлѣбъ-то по три года лежитъ, мышь его ѣстъ и прочее, а тутъ на, получай наличныя денежки. Мужичокъ-то и оборотится съ деньгами и опять хлѣбца подвезетъ.

— Деньги весьма сомнительный и даже опасный предметъ, — мягко не уступалъ попъ Макаръ. — Во-первыхъ, деньги тоже къ рукамъ идутъ, а, во-вторыхъ, въ нихъ сокрытъ великій соблазнъ. На что мужику деньги, когда у него все свое есть: и домишко, и земляца, и скотинка, и всякое хозяйственное обзаведеніе? Только и надо деньги, что на подати.

— А ежели у насъ темнота? Будутъ деньги, будетъ и торговля. Надо же и купцу чѣмъ-нибудь жить. Вотъ и тебѣ, о. Макарь, за гребы прибавка выйдетъ, и мнѣ, писарю. У хлѣба не безъ крохъ.

— Вотъ главное, чтобы хлѣбъ-то былъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, будущее неизвѣстно. Съ деньгами-то надобно тоже умѣючи, а зря ничего не подѣлаешь. Нѣтъ, я сомнѣваюсь, поколику дѣло не выяснится.

А Галактіонъ точно не хотѣлъ ничего замѣчать и продолжалъ свою работу. Если бы всѣ тѣ, которые теперь судили и пересуживали его крупчатку, могли видѣть, что онъ думалъ! Начать съ того, что мельницу онъ считалъ дѣломъ такъ себѣ, пока, а настоящее было не здѣсь. Сколько хлопотъ съ мельницей, а дѣло, все-таки, мертвое. Пришить къ своему мѣсту, какъ пуговица, и никуда не двинешься. Его тянуло дальше, на широкій просторъ. Наблюдая работы, онъ часто вспоминалъ свой разговоръ съ нѣмцемъ Штоффомъ и крѣпко задумывался. Умень и оборотистъ нѣмецъ, вообще — ловчакъ. Выжидаетъ, выжидаетъ, да къ настоящему дѣлу и приспособится. Не мало огорчало Галактіона и то, что не съ кѣмъ ему было въ Суслонѣ даже поговорить по душѣ. Всѣмъ имъ и мельница-крупчатка въ диковинку.

«Эхъ, если бы не отецъ! — съ какою-то злобой иногда думалъ Галактіонъ. — А то сиди въ Суслонѣ».

Къ женѣ Галактіонъ относился, попрежнему, съ сдержанною ласковостью. Онъ даже начиналъ ее любить за ея безответность и за страстную любовь. Правда, иногда ему дѣлалось совѣстно, что онъ по-настоящему не можетъ отвѣтить на ея рабскія ласки, но въ немъ накупало и крѣпло хорошее чувство къ ней. Молодость брала свое, а потомъ сознаніе, что сдѣланнаго не передѣлаешь. Не разъ, глядя на нее, онъ вспоминалъ красавицу Харитину, — у той все бы вышло не такъ. Странно, что безответная Серафима какимъ-то чутьемъ слышала эти его тайныя мысли, стихала и точно дѣлалась меньше. Такая несчастная вся, и ему вдругъ станеть ее жаль. Чѣмъ же она виновата, что такъ судьба вышла? А вотъ съ Харитиной онъ могъ бы и поговорить по душѣ, и посовѣтоваться, и все пополамъ раздѣлить. Развѣ она стала бы скучать, какъ Серафима? Небойсь, вышла бы дѣло и всѣхъ бы постановила.

Впрочемъ, Галактіонъ упорно отгонялъ отъ себя всѣ эти мысли. Такъ, глупость молодая, и больше ничего. Стѣрпится — слюбится. Иногда Серафима пробовала съ нимъ заговаривать о серьезныхъ дѣлахъ, и онъ видѣлъ только одно, что она ровно ничего не понимаетъ. Старается подладиться къ нему и не умѣеть.

— Ты ужь лучше молчи, Сима, — ласково шутил онъ.

— Можетъ, привыкну и буду понимать, Глаша. Всѣ дѣвчѣ сначала ничего не понимаютъ, а потомъ замужемъ и выучатся.

Ему не нравилось, что она зоветъ его Глашей, — какое-то бабье имя.

Но всѣ эти сомнѣнія и недосказанныя мысли разрѣшились сами собой, когда Серафима, краснѣя и заикаясь, призналась, что она беременна. Мужъ посмотрѣлъ на нее непонимающими глазами, а потомъ такъ хорошо и любовно обнялъ и горячо поцѣловалъ... еще въ первый разъ поцѣловалъ.

— Милая... милая!...

— Ты меня любишь, да? Немножечко? — шептала она, сгора отъ нахлынувшего на нее счастья.

Потомъ она расплакалась, какъ плачутъ дѣти, а онъ взялъ ее на руки и носилъ по комнатѣ, какъ ребенка.

— Милая... милая!...

XI.

Пропавшій на время изъ Суслона Михай Зотычъ былъ совсѣмъ близко, о чемъ никто не подозрѣвалъ. Онъ успѣлъ устроить кое-какія дѣла у себя на заводѣ и вернулся на Блючевую, по обыкновенію, въ своемъ бродяжническомъ костюмѣ. Онъ переходилъ изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, все высматривалъ, обо всемъ разузнавалъ и вездѣ сохранялъ самое строгое incognito. Это ужь была такая крѣпостная привычка дѣлать все изподтишка, украдомъ. Никто не зналъ, что старикъ Колобовъ былъ въ Суслонѣ и видѣлся со старымъ благопріятелемъ Вахрушкой, котораго и снабилъ къ себѣ на службу.

— За битаго семь не битыхъ даютъ, — шутилъ онъ, по обыкновенію. — Тебя въ солдатчинѣ били, а меня на заводской работѣ. И вышло — два сапога пара. Поступай ко мнѣ на службу: будешь доволенъ.

— А какое твое жалованье, Михай Зотычъ?

— Вотъ и вышелъ дурачокъ, а еще солдатъ: жалованье не жалованью. Что заслужишь, то и получишь.

— А ежели ты меня оманешь?

— А ты старайся.

Вахрушка почесалъ въ затылкѣ отъ такихъ выгодныхъ условий, но, сообразивъ, согласился. Богатый человекъ Михай Зотычъ и не стать ему обижать стараго солдата.

— Поглянулся ты мнѣ, вотъ главная причина, — шутилъ Михай Зотычъ. — А есть одна у тебя провинка.

— Ну, говори, какая?

— А такая, дурачокъ. Били тебя на службѣ, били, а ты, все-таки, не знаешь, въ какой день пятница бываетъ.

— Ну, пошелъ огородъ городить...! Такъ не оманешь?

— Сказано: будешь доволенъ. Главное, скула мнѣ у тебя нравится: на ржаной хлѣбъ скула.

Сказано — сдѣлано, и старики ударили по рукамъ. Согласно уговору, Михай Зотычъ долженъ былъ ожидать вѣрнаго слугу въ Бавлановой, гдѣ уже впередъ купилъ себѣ лошадь и телѣгу. Вахрушка скоро раздѣлался съ писаремъ и на другой день ѣхалъ уже въ одной телѣгѣ съ Михеемъ Зотычемъ.

— Ахъ, служба, служба: бить не битаго везеть! — смѣялся мудреный хозяинъ, похлопывая Вахрушку по плечу. — Будемъ жить, какъ передняя нога съ задней, какъ грива съ хвостомъ.

— Страсть это я не люблю, какъ ты зачнешь свои загадки загадывать, Михай Зотычъ. Даже мутить... ей-Богу. Ну, и скажи прямо, а то прямо ударь.

— А ты головой, дурашка, головой добивайся, умишкомъ раскинь, обмозгуй... хе-хе!...

Эти хозяйскія шуточки нагоняли на Вахрушку настоящую тоску и онъ начиналъ угрюмо молчать. Въ корень изводилъ его хитрый старичонко, точно песку въ башку насыпать.

— Ты вотъ что, хозяинъ, — заявилъ Вахрушка на другой день своей службы, — ты не мудри, а то...

— Ну, ну, испугай!

— Уйду!... Вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Это ты загадку загадываешь, милъ человекъ? Ахъ, дурашка, дурашка! Никуда ты не уйдешь, потому какъ я на тебя зарокъ положилъ великій и при этомъ задатокъ четыре недѣли на мѣсяцъ ты ужь получилъ впередъ сполна...

Цѣль старика Колобова была объѣхать тотъ хлѣбный районъ, который долженъ былъ поставлять пшеницу на будущую мельницу. Ему хотѣлось на мѣстѣ познакомиться съ будущими производителями и поставщиками сырья. Пусть мельницу строитъ Галактионъ — ему и книги въ руки, а Михай Зотычъ объѣзжалъ теперь свое будущее царство. Нужно было создать цѣлый рынокъ и впередъ сообразить все условія. Это было поважнѣе постройки мельницъ и онъ не могъ довѣрить такого отвѣтственнаго труда даже

Галактіону. Молодь еще и ничего не понимаетъ, да и яйца курицу не учать.

Въ лицѣ Вахрушки хитрый старикъ приобрѣлъ очень хорошаго сотрудника. Вахрушка былъ человекъ бывалый, посмотрѣлся всачины, да и свою округу зналъ, какъ пять пальцевъ. Потому онъ былъ съ бѣдной приуральской стороны и зналъ цѣну окружавшему хлѣбному богатству, какъ никто другой.

— Вахрушка, ты у меня въ томъ родѣ, какъ главнокомандующій!

— Похоже, Михай Зотычъ, ежели считать по заплаткамъ.

— Ну, вотъ-вотъ... Выговорилъ-таки хоть одно умное слово.

Приѣзжая куда-нибудь въ село, Михай Зотычъ сказывался работникомъ, а Вахрушку навеличивалъ хозяиномъ. Эта комедія была только продолженіемъ предъидущаго шутовства, и Вахрушка скоро привыкъ. «Что-жь, хозяинъ, такъ хозяинъ!» По пути они скупали у бабъ коноплю, ленъ и дешевые деревенскіе харчи, а эта купля служила только предлогомъ для подробныхъ разспросовъ, что и какъ. Чѣмъ дальше они такимъ образомъ ѣхали, тѣмъ ярче выступала картина зауральскаго крестьянскаго богатства. Хорошо здѣсь жилъ народъ, запасливо и не боялся чернаго дня.

Всего больше приводилъ въ восторгъ Михея Зотыча аршинный зауральскій черноземъ.

— Вотъ такъ земля! — восхищался старикъ. — Овчина-овчиной!

— Ужь я тебѣ говорилъ, што удобрять здѣсь землю и не слыхивали, — объяснял Вахрушка. — Сама земля родить.

А какія попадались деревни и села — одно заглядѣнье. Ужь картину пиши. Справно жилъ народъ, съ тугимъ крестьянскимъ достаткомъ. Всего было вволю — и земли, и хлѣба, и скотины. Правда, мужикъ-пшеничникъ сильно полѣнивался, но отъ достатка и воръ не воруетъ. У большинства крестьянъ были запасы на годъ, на два впередъ. Сбывали только столько, сколько было нужно на подати, а остальное все шло въ прокъ. Такъ хозяйство ставилось еще отцами и дѣдами, отнимавшими благодатный край у неумытой орды. Башкирскія волости раздвинулись какъ-то по крайнѣ и не имѣли никакого экономическаго значенія въ общемъ хозяйствѣ богатѣйшаго края.

Въ Вахрушкѣ, по мѣрѣ того, какъ они удалялись въ глубь бассейна Блючевой, все сильнѣе сказывался похороненный солдатъ чинной коренной русской пахарь. Онъ то и дѣло соскакивалъ съ телеги, тыкалъ кнутовищемъ въ распаханную землю и начиналъ ругать ся.

— Разѣ это работа, Михай Зотычъ? На два вершка въ г. би-

ну пашуть .. Тьфу! Помажутъ кое-какъ сверху—вотъ и вся работа. У насъ въ Чердынскомъ уѣздѣ земелька-то по четыре рублика ренды за десятину ходить,—ну, ее и холять. Да и какая земля—глина да песокъ. А здѣсь одна божедкая благодать... Охъ, бить ихъ некому, пшеничниковъ!

Путешественники нѣсколько разъ ночевали въ полѣ, чтобы не тратиться на постой. Михай Зотычъ былъ скупъ, какъ Боцей, и держалъ солдата въ проголодь. Зачѣмъ напрасно деньги травить? Все равно, такого стараго чорта не откормишь. Сначала солдатъ ропталъ и даже ругался.

— Ахъ, ты, дурашка, брюхо-то не зеркало, да и мы съ тобой на ржаной мукѣ замѣшаны. Есть корочка чернаго хлѣбца, и слава Богу... Какъ тебя будетъ разжигать аппетитъ, ты Богу молись, чревоугодникъ!

Солдатъ никакъ не могъ примириться съ этою теоріей спасенія души, но покорился по солдатской привычкѣ, все равно, нужно же кому-нибудь служить. Онъ очень скоро подпалъ подъ вліяніе своего новаго хозяина, который расшевелилъ его крестьянскія мысли. И какъ ловко старичонко умѣлъ наговаривать, такъ одно слово къ другому и лѣпить, да такъ складно.

Хорошо было со старикомъ ночевать у огонька. Осеннія ночи такія темныя, огонекъ горитъ такъ весело.

— Земля—все,—понимаешь?—говорилъ Михай Зотычъ.—А остальное пустыки... И заводы, и фабрики, и машины:

— Это ты правильно.

— А почему земля все? Потому, что она даетъ хлѣбъ насущный... Поднялся хлѣбецъ въ цѣнѣ на пяточокъ—красный товаръ у купцовъ всталъ, еще на пяточокъ—бакалея разная остановилась, а еще на пяточокъ—и все остальное сѣло. Никому не нужно ни твоей фабрики, ни твоего завода, ни твоей машины... Все отъ хлѣбца, батюшки. Урожай—дѣвки, какъ блохи, замужь поскакали, неурожай—посиживай у окошечка, да поглядывай на голодныхъ жениховъ. Такъ я говорю, дурашка!

— Тоже вотъ и нащеть водки, Михай Зотычъ... Солдату порція казенная, а отставному гдѣ взять въ голодный-то годъ?

Иногда на Михея Зотыча находило какое-то дѣтское умиленіе, и онъ готовъ былъ цѣловать благодатную землю, точно еврей послѣ переселенія въ обѣтованную землю. Ужъ очень хорошо было кругомъ. Народъ жилъ полною чашей,—любо посмотрѣть. Этакого-то угоднаго мѣста по всей Расеѣ не сыщешь съ огнемъ. Народъ еще не «чпотачился» и жилъ по-Божески. Все свое, домашнее—вотъ

и достатокъ, потому что какъ всё отъ матушки земли жили и не гнались на городскую руку моды заводить. Прикидывая въ уѣзъ хлѣбный районъ по одной Блючевой, Михай Зотычъ видѣлъ, что сырья здѣсь хватить на двадцать такихъ крупчатоѣ, какую онъ строилъ въ Прорывѣ.

— Всѣмъ хватить, Вахрушка, и еще отъ насъ останется, да.

— Какъ не хватить, Михай Зотычъ!

Другой вопросъ, который интересовалъ стараго мельника, былъ тотъ, гдѣ устроить рынокъ. Не покупать же хлѣбъ въ Запольѣ, гдѣ сейчасъ сосредоточивались всё хлѣбныя операціи. Одинъ провозъ съѣсть. Мелкіе торжки, положимъ, кое-гдѣ были, но нужно было выбрать изъ нихъ новый пунктъ. Вотъ въ Бацлановой по воскресеньямъ бывалъ подвозъ хлѣба и въ другихъ деревняхъ.

— Эхъ, повернутъ бы торжокъ въ Суслонъ! — мечталъ старикъ.

Онъ прикинулъ еще раньше центральное положеніе, какое занималъ Суслонъ въ бассейнѣ Блючевой, — со всѣхъ сторонъ близко, и хлѣбъ самъ придетъ. Было бы кому покупать. Этакъ, пожалуй, и Заполью плохо придется. Мысль о поворотѣ торжка сильно волновала Михея Зотыча, потому что въ этомъ заключалась смерть запольскимъ толстосумамъ: копѣчка съ пуда подешевле отъ провоза — и конецъ. Вотъ этого-то онъ и не сказалъ тогда старику Луконникову.

Это путешествіе чуть не закончилось катастрофой. Старикъ уже возвращались домой. Дѣло происходило ночью, недалеко отъ мельницы Ермилыча. Лошадь шла шагомъ, нога за ногу. Старикъ дремали, прикурнувъ въ телѣгѣ. Вдругъ Вахрушка вздрогнулъ, какъ строевая лошадь, слышавшая трубу.

— Михай Зотычъ, родимый, не ладно!

— А? Что? — бормоталъ спросонья хозяинъ.

— Слышишь?

Гдѣ-то вдали тонко прозвонили дорожные колокольчики и замерли, точно порвалась струна.

— Исправникъ на встрѣчу гонить! — въ ужасѣ прошепталъ Вахрушка, проникнутый смертнымъ страхомъ ко всякому начальству.

— Ну, и пусть гонить. Мы ему не мѣшаемъ.

— Ахъ, ты какой, право!... Лучше бы своротить съ дороги. Не ровенъ часъ... Ежели пьяный, такъ оно лучше не попадетъ къ нему на глаза.

— Давай сюда возжи, дурашка.

Вахрушка такъ и замеръ отъ страха. А колокольчики такъ и заливаются. Ближе, ближе,—вотъ ужь совсѣмъ ближе.

— Михай Зотычъ, своротимъ отъ грѣха!—молилъ Вахрушка.

— Молчи, дурашка.

Ночь была темная, и съѣхались носомъ къ носу.

— Ей, кто тамъ дорогу загородилъ?— рявнуль голосъ изъ исправничьяго экипажа.

— Чортъ съ рѣпой!—спокойно отвѣтилъ Михай Зотычъ.

— Сворачивай съ дороги, каналья!

— Ты сворачивай, порожнемъ на тройкѣ ѣдешь, а я съ возомъ на одной!

Бто-то соскочилъ съ козелъ исправничьяго экипажа и нагнулся съ неистовымъ ревомъ на непокорную телѣгу. Въ воздухѣ свистнула нагайка.

— Бей каналья!—кричалъ самъ Полуяновъ, сидя въ экипажѣ.

— Илья Фирсычъ, да ты никакъ съ ума спятилъ!—крикнуль Колобовъ, ловко защищаясь кнутикомъ отъ козачьей нагайки.— Бреста на тебѣ нѣтъ... Аль не узналъ?

— Да кто тамъ?—сердился исправникъ.

— Сказано: чортъ съ рѣпой! Бить не битаго везеть.

— Тьфу! Дуракъ какой-то... Ну, подойди сюда!

— Охъ, не подходи!—въ ужасѣ шепталъ Вахрушка, ухватывая хозяйина за рукавъ.

Но Колобовъ смѣло подошелъ къ экипажу. Полуяновъ чиркнуль спичку и съ удивленіемъ смотрѣлъ на бродягу.

— Не признаешь? Хе, хе. А еще на свадьбѣ вмѣстѣ пировали въ Запольѣ.

— Да это ты, Михай Зотычъ? Тьфу, окаянный человѣкъ!—засмѣялся грозный исправникъ.—Экъ тебя носить нелегкая! Хочешь коньяку? Нѣтъ? Ну, я скоро въ гости къ тебѣ на мельницу приѣду.

— Милости просимъ.

Когда исправничій экипажъ покатилъ дальше, Вахрушка снялъ шапку и перекрестился. Онъ еще долго потомъ оглядывался и встряхивалъ головой. Съ этого момента онъ проникся безграничнымъ удивленіемъ къ смѣлости Михея Зотыча: ужь если исправника Полуянова не испугался, такъ чего же ему бояться больше?

ХІІ.

Какъ Галактіонъ сказалъ, такъ и вышло: жилой домъ на Прорывѣ былъ конченъ къ первопутку, т. е. конченъ настолько, что

можно было переѣхать въ него молодымъ. Серафима торжествовала. Ей такъ надоѣло жить въ чужихъ людяхъ, у всѣхъ на виду, а тутъ былъ свой уголъ, свое гнѣздо. Она больше не робѣла передъ мужемъ и съ затаенною радостью чувствовала, что онъ начинаетъ ее любить. Это высказывалось въ тысячѣ тѣхъ обиденныхъ мелочей, которыя въ отдѣльности даже назвать трудно. Мужъ теперь предупреждалъ ея малѣйшія желанія и слѣдилъ за каждымъ шагомъ. Но ей рѣшительно ничего было не нужно. Боже мой, какъ она была счастлива, а новый домъ на Прорывѣ казался ей раемъ.

— У насъ теперь свое гнѣздо, — повторяла она, ласкаясь къ мужу. — И никто, никто не смѣетъ его тронуть. Да, Глаша?

— Кому же это нужно, Сима?

— Нѣтъ, я такъ, къ примѣру. Мнѣ иногда дѣлается страшно. Сама не знаю отчего, а только страшно, страшно, точно вотъ я падаю куда-то въ пропасть. И плакать хочется, и точно обидно за что-то. Вѣдь, ты сначала меня не любилъ. Ну, признайся.

— Перестань болтать глупости!

— Какъ же ты могъ любить, когда совсѣмъ не зналъ меня? Да я тебѣ и не нравилась. Тебѣ больше нравилась Харитинка. Не отпирайся, пожалуйста, я все видѣла, а только мнѣ было тогда почти все равно. Очень ужъ надоѣло въ дѣвцахъ сидѣть. Тоска какая-то, все не мило. Я даже злая одѣлалась и мамаша плакала отъ меня. А теперь я всѣхъ люблю.

Это счастливое настроеніе заражало и Галактіона, и онъ находилъ жену такую хорошей и даже красивой. Отъ дѣвичьей угловатости не осталось и слѣда, а ее смѣнила чарующая женская мягкость. Галактіону доставляло удовольствіе ухаживать за женой.

Серафимѣ нравилось и самое мѣсто, выбранное Галактіономъ подъ мельницу. Ключевая была здѣсь такая быстрая да глубокая, а напротивъ каменнымъ гребнемъ поднималась большая гора. Изъ за горы, внизъ по Ключевой, видѣлась Шейнская Бурья, а за ней бѣлою свѣчей поднималась церковь въ Суслонѣ. Мѣсто подъ мельницу было выбрано на лѣвомъ берегу, на каменномъ мысу, вдававшемся въ Ключевую. Правда, уже теперь чувствовалась нѣкоторая тѣснота, но когда будутъ кончены постройки, сдѣлается совсѣмъ свободно. Серафима по-своему мечтала о будущемъ вѣткѣ земли: у нихъ будетъ свой маленькій садикъ, гдѣ она будетъ гулять съ ребенкомъ, потомъ она заведетъ полное хозяйство, чтобы дома все было свое, на мельничномъ пруду будетъ плавать пара лебедей и т. д. Эти лебеди снились Серафимѣ даже во снѣ, какъ символъ семейнаго счастья. Да, она была счастлива и чувст-

вала, что всё ее любить, даже старикъ Михай Зотычъ. Она понимала, что онъ любить собственно не ее, а тѣхъ будущихъ внучатъ, которыхъ она подарить ему.

— Такъ, невѣстуха, такъ, милая...— повторялъ старикъ, глядя на нее любящими глазами.— Внучка мнѣ нужно.

— Будетъ внучекъ, папаша.

— То-то, смотри, Серафима Харитоновна, не осрамись, да и меня не подведи.

Такіе откровенные разговоры заставляли Серафиму вспыхивать яркимъ румянцемъ, хотя она и сама была увѣрена, что родится именно мальчикъ. Даже молчаливый Емельянъ теперь какъ-то особенно подолгу заглядывался на невѣстку и начиналъ ухмыляться. Ему тоже нравилась ласковая и старавшаяся всѣмъ угодить сноха. Пріѣхалъ и третій братъ, Симонъ, совсѣмъ еще молодой человекъ, состоявшій въ семьѣ на положеніи мальчика. Онъ былъ самый красивый и походилъ на мать, но отецъ какъ-то недолюбливалъ его за недостатокъ характера. Мальчикъ былъ такой ласковый, и Серафима полюбила его съ перваго раза, какъ родного брата.

— У насъ вся семья сердитая,— потихоньку рассказывалъ мальчикъ.— И я всѣхъ боюсь.

Это была первая молодая женщина, которую Симонъ видѣлъ совсѣмъ близко, и эта близость поднимала въ немъ всю кровь, такъ что ему дѣлалось даже совѣстно, особенно когда Серафима цѣловала его по-родственному. Онъ потихоньку обожалъ ее и боялся выдать свое чувство. Эта тайная любовь тоже волновала Серафиму и она напрасно старалась держаться съ мальчикомъ строго,— у ней строгость какъ-то не выходила, а потомъ ей дѣлалось жаль славнаго мальчугана.

— Симонъ, не смотри на меня такъ! — строго говорила она.

— Я... я ничего.

— Если Галактіонъ увидитъ, онъ тебѣ задастъ.

Вообще, въ новомъ домѣ всѣмъ жилось хорошо, хотя и было тѣсно. Двѣ комнаты занимали молодые, въ одной жили Емельянъ и Симонъ, въ четвертой—Михей Зотычъ, а пятая носила громкое названіе конторы и пока въ ней поселился Вахрушка. Стряпка Мигрена поступила къ молодымъ, что послужило предметомъ серьезной ссоры между сестрами.

— Жили-жили, да въ благодарность и стряпку сманили,— корила жена писаря.

— Никто и не думалъ сманивать,— оправдывалась Серафим-

ма. — Сама пришла и живетъ. Мы тутъ не причемъ. Скажешь, что и солдата тоже мы сманили?

— И солдата... Умны ужь очень.

Между зятьями временно пробѣжала черная кошка и недоразумѣнія возникали изъ-за всякихъ пустяковъ. Впрочемъ, они скоро помирились, благодаря политикѣ Галактіона. По первопутку пріѣхалъ въ гости дорогой тестюшка Харитонъ Артемьевичъ, вмѣстѣ съ любимой дочерью Харитиной, — вѣрнѣе сказать, не пріѣхалъ, а его привезла Харитина. Старикъ съ самой свадьбы не переставалъ кутить и началъ заговариваться. Анфуса Гавриловна рѣшительно ничего не могла съ нимъ подѣлать и отправила на поправку къ новому зятю, на котораго надѣялась теперь, какъ на каменную стѣну. Очень ужь умный и почтительный зять и все устроитъ. Изъ писемъ Серафимы Анфуса Гавриловна знала ихъ жизнь и заочно восторгалась новымъ зятемъ. Галактіонъ воспользовался появленіемъ гостей, чтобъ устроить новоселье, какъ того требовали деревенскіе порядки. Былъ приглашенъ въ первую голову писарь Замираевъ.

— Да ты съ ума сошелъ, Галактіонъ? — удивилась даже смѣлая на все Харитина.

— Нисколько. Онъ такой же зять, какъ и я. Роднѣ не приходится считаться. Нечего намъ дѣлать.

— А тятенька?

— Ничего и тятенька. Въ гостяхъ воля хозяйская.

Поведеніе Галактіона навсегда примирило Анну съ добрымъ и умнымъ новымъ зятемъ. Писарь тоже не могъ не согласиться, что Галактіонъ все по-умному дѣлаетъ.

Были приглашены также мельникъ Ермилычъ и попъ Макарь. Послѣдній долго не соглашался ѣхать къ старовѣрамъ, пока писарь не уговорилъ его. Къ самому новоселью подоспѣлъ и исправникъ Полуяновъ, который обладалъ какимъ-то чутьемъ попадать на такіе праздники. Однимъ словомъ, собралась большая и веселая компанія. Какъ-то все выходило весело, начиная съ того, что Харитонъ Артемьевичъ никакъ не могъ узнать зятя писаря и все спрашивалъ:

— Да ты кто таковъ человекъ будешь?

— Не чужой человекъ, тятенька. Прежде зятемъ считали.

— Зятемъ? Тьфу!... Тоже и скажеть человекъ. Разъ у г и такіе зятя? Ахъ, ты, капустный звѣрь!

Молодая хозяйка была счастлива, какъ никогда, и сіяла своимъ молодымъ счастьемъ. Она походя обнимала Харитину и цѣловала ее отъ избытка радости. Бойкая и взбалмошная Харитина прѣдъ

обыкновенія держала себя какъ-то особенно солидно и казалась даже грустной. Ее только забавляли преслѣдовавшіе ее глаза Симона. Мальчикъ совсѣмъ увлекся, увлекся сразу и ничего больше не видѣлъ, кромѣ запольской красавицы съ ея поджигающимъ смѣхомъ, вызывающею улыбкой и бойкою рѣчью. Онъ такъ вѣл ее глазами, что даже замѣтилъ Галактіонъ и сказалъ женѣ:

— Ты скажи Симону, что такъ нельзя... Мнѣ самому неловко сказать. Совсѣмъ дуракъ мальчишка.

— Что же тутъ мудренаго? Харитину какъ увидеть, такъ и влюбится. Ужъ такая уродилась... Она у меня сколько жениховъ отбила. И ты тоже женился бы на ней, если бы не отецъ.

— Перестань болтать глупости! Какъ тебѣ не стыдно?

— Я, вѣдь, не ревную, а такъ, къ слову сказала.

Веселье продолжалось цѣлыхъ три дня, такъ что Полуяновъ тоже переставалъ узнавать гостей и всѣхъ спрашивалъ, по какому дѣлу вызваны. Онъ почувствовался только тогда, когда его свозили въ Суслонь и выпарили въ банѣ. Михай Зотычъ, по обыкновенію, незамѣтно исчезъ изъ дому и скрывался неизвѣстно гдѣ.

Больше всего доставлялъ хлопотъ дорогой тещинка, съ которыми никто не могъ управиться, кромѣ Галактіона. Старшихъ дочерей онъ совсѣмъ не признавалъ, да и любимицу Харитину тоже. Разъ ночью съ нимъ сдѣлалось совсѣмъ дурно. Стерегшій гостя Вахрушка только махалъ руками.

— Я боюсь,— заявила Серафима разбуженному мужу.— Иди ты... Ахъ, Господи, вотъ согрѣшенье-то!... Мамаша тоже послала гостя.

Галактіонъ нагинулъ халатъ и отправился въ контору, гдѣ временно помѣщенъ былъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ сидѣлъ на кровати съ посинѣвшимъ лицомъ и страшно выкаченными глазами. Около него была одна Харитина. Она тоже только что успѣла соскочить съ постели и была въ одной юбкѣ. Плечи были прикрыты шалью, изъ-подъ которой выбивалась шелковая волна чудныхъ волосъ. Она была блѣдна и въ упоръ посматрѣла на Галактіона.

— Пошли скорѣе Вахрушку за нашатырнымъ спиртомъ,— тихо и повелительно приказала она.— Да чтобы живо. Потомъ приноси сыѣгу и воды.

Дѣвушка знала, какъ нужно отваживаться съ пьяницей отцомъ, и распорядилась, какъ у себя дома. Старикъ сидѣлъ, попрежнему, на кровати и тяжело хрипѣлъ. Временами изъ его груди вырывалось неопредѣленное мычаніе, которое понимала только одна Харитина.

— Ммм... моч... рю... ку... ррюмочку.

— Подожди, будетъ и рюмочка,—сурово говорила Харитина, щупая голову ошалѣвшаго родителя.—Вотъ до чего себя довелъ.

— Мм... не ббуду... не ббуду.

Лицо его искривилось, глаза страшно выкатились и онъ повалился на постель. Въ этотъ моментъ вбѣжалъ Галактіонъ со снѣгомъ и водой. Холодные компрессы сдѣлали свое дѣло, а поданная рюмка водки на время успокоила пьяницу. Онъ теперь лежалъ на постели съ закрытыми глазами, опухшій, налитый пьянымъ жаромъ, а надъ нимъ навлонилась Харитина, такая цвѣтушая, молодая, строгая. Днемъ у нея глаза были сѣрые, а ночью темнѣли, какъ у кошки; золотистые волосы обрамляли блѣдное лицо точно сіяніемъ. Галактіонъ стоялъ въ изголовьи кровати и невольно любовался ею, любовался не такъ, какъ прежде, а какъ мужчина, полный силъ, который видитъ красивую женщину. Всѣ эти дни онъ почти совсѣмъ не обращалъ на нее вниманія и даже не замѣчалъ, хотя они и были по-родственному на ты и даже цѣловались, тоже по-родственному. Въ комнатѣ горѣла одна сальная свѣчка и при ея красноватомъ свѣтѣ Харитина походила на русалку. Она не смотрѣла на Галактіона, но чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ, и машинально поправила подъ шалью спустившійся рукавъ рубашки. Потомъ она смѣло посмотрѣла прямо въ лицо Галактіону, посмотрѣла почти съ ненавистью, плотно сжавъ губы. Потомъ онъ видѣлъ, какъ она медленно и спокойно подошла къ нему, обняла его своими голыми руками и безмолвно прильнула къ его лицу горѣвшими губами.

— Харитина, опомнись!... Харитина, что ты дѣлаешь?—шептала онъ, напрасно стараясь освободиться изъ ея объятій.—Харитина!...

Бѣлыя руки распались сами собой, и она засмѣялась нехорошимъ смѣхомъ.

— Не любишь? забылъ?—шептала она, отступая. — Другую полюбилъ? А эта другая рохля и плакса. Развѣ тебѣ такую было нужно жену? Ахъ, Галактіонъ Михенчъ! А вотъ я такъ не забыла, какъ ты на своей свадьбѣ смотрѣлъ на меня... ничего не забыла. Соколъ посмотрѣлъ, и нѣтъ дѣвушки... и не стыдно мнѣ нисколько.

Она опять обняла его и цѣловала, вѣрнѣе—душила своими цѣлуями, лицо, шею, даже руки цѣловала. Галактіонъ чувствовалъ только, какъ у него вся комната завертѣлась передъ глазами, а эти золотые волосы щекотали ему лицо и шею.

— Милый, милый,—шептала она въ изступленіи, закрывъ

глаза.—Только одинъ разъ. Развѣ та, другая, умѣетъ любить? А я-то тосковала по немъ, я-то убивалась!

— Харитина!...

— Нѣтъ здѣсь никакой Харитины. Харитина тамъ, гдѣ ее любить.

Эта дикая сцена была прекращена появленіемъ Вахрушки, который успѣлъ вернуться изъ Суслона со спиртомъ.

— Ты меня будешь помнить,—повторила нѣсколько разъ Харитина, давая отцу нюхать спиртъ.—Я не шутки съ тобой шутила. О, какъ я тебя люблю, несчастный!

Когда Галактіонъ проснулся на другой день, все случившееся ночью ему показалось тяжелымъ кошмаромъ. Онъ даже посомнѣвался, было ли все это на самомъ дѣлѣ. Харитина вышла къ чаю, какъ всегда. На ней была та же шаль, что и ночью, и это кольнуло Галактіона. Она ему хотѣла показать, что ставить его ни во что. Припоминая подробности вчерашней сцены, Галактіонъ отчетливо зналъ только одно, именно, что онъ растерялся, какъ мальчишка, и все время держалъ себя дуракомъ. Нужно было сдѣлать рѣшительный шагъ въ ту или другую сторону, а теперь оставалось дѣлать такой видъ, что онъ все принялъ за глупую выходку и не придаетъ ничему серьезнаго значенія.

— Мы съ папашей сегодня ѣдемъ домой, — заявила Харитина усталымъ голосомъ.—Видно, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись. Вста-ти, насъ проводить Илья Фирсычъ. Ему тоже пора домой.

Полуяновъ даже всталъ на колѣни и принялся цѣловать руки капризной красавицы.

— О, богиня, я могу только повиноваться, какъ слабый смертный!

Симонъ, бывший свидѣтелемъ этой глупой сцены, блѣднѣлъ и краснѣлъ, до крови кусая губы. Бѣдный мальчуганъ страстно ревновалъ запольскую красавицу даже, кажется, къ ея шали, а когда на прощаньи Харитина по-родственному поцѣловала его, онъ не вытерпѣлъ и убѣжалъ.

— Что ты дѣлаешь съ мальчикомъ?—упрекнула ее Серафима, нахмурившаяся въ лѣниво-спокойномъ настроеніи беременной женщины.

— Я? Ничего, — рѣзко отвѣтила Харитина. — Кто меня полюбилъ, тотъ несчастный человѣкъ на вѣкъ.

Галактіонъ все время молчалъ и старался не смотрѣть на нее. Онъ поцѣловалась и съ нимъ, опустивъ глаза.

— Желаю тебѣ быть пайньюгой, — пошутила надъ нимъ Харитина, усаживаясь въ экипажъ. — Пряничка дадутъ.

Въ этотъ моментъ Галактіонъ ненавидѣлъ ее и былъ счастливъ, что ночью былъ дуракомъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло пять лѣтъ.

Все Заполье переживало тревожное время. Кажется, въ самомъ воздухѣ висѣла мысль, что жить по-старинному, какъ жили отцы и дѣды, нельзя. Доказательствъ этому было достаточно, и самыхъ убѣдительныхъ, потому что всѣ они были запольскихъ купцовъ прямо по карману. Достаточно было уже одного того, что, благодаря новой мельницѣ старика Колобова, въ Суслонѣ открылся новый хлѣбный рынокъ, обѣщавшій въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться серьезнымъ конкурентомъ Заполью. Это была первая повѣстка.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, — повторяли запольскіе купцы. — По-старому, братъ, не проживешь. Сегодня у тебя пшеницу отнимутъ, завтра куделю и льняное сѣмя, а тамъ и до степного сала доберутся. Что же у насъ-то останется? Да, конечно. Надо все пополированному дѣлать, чтобы какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ.

Запасъ свѣдѣній объ этихъ другихъ прочихъ мѣстахъ оказался самымъ ограниченнымъ, вѣрнѣе сказать — запольскіе купцы ничего не знали, кромѣ своего родного Заполья. Молодые купцы были бы и рады устраиваться по-новому, да не умѣли, а старики артачились и не хотѣли ничего знать. Вообще, разговоры и пересудовъ было достаточно, а какая-то невидимая бѣда надвигалась все ближе и ближе.

Въ собственномъ смыслѣ событій за эти пять лѣтъ не случилось. Было три пожара, потомъ открыли новую городскую дуну, причемъ старикъ Луговниковъ былъ избранъ первымъ городскимъ головой, потомъ Малыгины выдали младшую дочь Харитину раньше старшей и т. д. Харитина вышла замужъ чуть не убѣгомъ, противъ воли родителей, и теперь была исправницей Полуяновой. Жена у Полуянова умерла черезъ годъ послѣ свадьбы Серафима, а черезъ годъ онъ съ пьяныхъ глазъ женился на красавицѣ Хитинѣ, вѣрнѣе сказать — она сама высватала его. Свадьба была играна еще скорѣе, чѣмъ у Серафима, потому что женихъ вдовецъ. Анфуса Гавриловна на колѣняхъ умоляла дочь не дѣлать этого, но Харитина твердила одно:

— Мамаша, я хочу быть благородной. Очень мнѣ интересно выходить замужъ за какого-нибудь сиволапаго купца! Насмотрѣлась я на своихъ сестрицъ, какъ онѣ въ темноѣ живутъ.

— Поглядимъ мы на твое пьяное да старое благородство!

— Исправницей буду, мамаша. Чаемъ губернатора буду угощать, а онъ у меня руку будетъ цѣловать. Въ благородныхъ домахъ вездѣ такой порядокъ. Въ каретѣ буду ѣздить.

— Дура ты, Харитинка, и больше ничего.

— Не виновата, что такая родилась, мамаша.

Въ сущности, Харитина вышла очертя голову за Полуянова, голько потому, что желала хотя этимъ путемъ досадить Галактиону. На, полюбуйся, какъ мнѣ ничего не жаль! Изъ-за тебя гибну. Но Галактионъ, кажется, не почувствовалъ этой мести и даже не пріѣхалъ на свадьбу, а послалъ вмѣсто себя жену съ братомъ Сиономъ. Харитина удовольствовалась тѣмъ, что заставила мужа выписать карету и разъѣзжала въ ней по магазинамъ цѣлые дни. Пусть всѣ смотрятъ и завидуютъ, какъ молодая исправница кагается.

Если запольскіе купцы не знали, что имъ нужно, то отлично это знали люди посторонніе, которые все набивались въ городъ. Кто они такіе, откуда, чего домогаются—никто не зналъ. У Штоффа уже давно жилъ безымянный нѣмецъ Драке, потомъ пріѣхалъ и поселился Май-Стабровскій. Онъ занялъ лучшую квартиру въ городѣ, завелъ выѣздныхъ лошадей, цѣлый штатъ прислуги и занялъ на широкую ногу. Въ Запольѣ и во снѣ не видали такой роскоши, и молодая исправница сгорала отъ зависти. Впрочемъ, она была принята у Стабровскихъ, и самъ старикъ ухаживалъ за ней съ чисто-польскимъ джентльменствомъ. Потомъ поселился подозрительный еврей Ечкинъ. Впрочемъ, онъ самъ мало жилъ въ Запольѣ, а все гдѣ-то разъѣзжалъ. Около этихъ новыхъ людей жалась цѣлая лучка безыменныхъ и прожорливыхъ пановъ, нѣмцевъ и евреевъ. Они всѣ чего-то искали, буда-то ѣздили по какимъ-то никому неизвѣстнымъ дѣламъ и вообще ужасно торопились. Не было, кажется, такого угла, котораго они не обнюхали бы и не обыскали. Однимъ словомъ, что-то готовилось, и запольскіе купцы впередъ чувствовали, какъ ихъ забираетъ страхъ.

— А все это проклятый Полуштофъ, — ругались они за спиной. — Все отъ него пошло. Дай лисѣ хвостъ просунуть, она и вся залѣзетъ. А у нѣмцевъ такъ ужъ заведено: у одного крючокъ, у другого петля—другъ за дружкой и волокутся.

оставалось на орѣхи и «полуштофову тестю», т. - е. Харитону

Артемичу. Онъ первый прирѣлъ голаго нѣмца, да еще дочь за него замужь выдалъ. Вотъ теперь всё и расхлебывай. Да и другой зять, Галактіонъ, тоже хорошъ: всёмъ мельникамъ заперъ ходъ, да еще рынокъ увелъ къ себѣ въ Суслонъ.

Сами по себѣ новые люди были всё очень милые, вѣжливыя и веселые. Вездѣ сами бывали, всёхъ принимали у себя и умѣли товаръ лицомъ показать. На другой же годъ въ Запольѣ открылся клубъ, учрежденіе невиданное. Старики не пошли, а молодежь была рада. Въ Запольѣ до сихъ поръ не было ни одного веселаго пріюта. По зимамъ проворные нѣмцы начали устраивать въ клубѣ семейныя вечера съ танцами, благотворительныя «лоттерей-алегри», а, главное, напрополюю дулись въ карты. Это выходило гораздо удобнѣе, чѣмъ у себя дома. И хлопотъ никакихъ, и удовольствіе получай, какое хочешь. Май-Стабровский и Ечкинъ повели настоящую большую игру, особенно когда пріѣхалъ Шахма, этотъ степной крезъ, о которомъ составлялись настоящія легенды. Игралъ въ большую Еграка Огибенинъ, исправникъ Полуяновъ и даже аккуратный нѣмецъ Штоффъ. Однимъ словомъ, зажили по-настоящему, какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ, особенно когда появились два адвоката, Мышниковъ и Черевинскій, забывшіе сразу мѣстныхъ доморощеныхъ ходатаевъ и дѣльцовъ. Впрочемъ, Мышниковъ былъ свой, запольскій. Онъ происходилъ изъ разорившейся купеческой семьи и кончилъ курсъ въ университетѣ.

Этотъ приливъ новыхъ людей закончился нотаріусомъ Меридиновымъ, тоже своимъ человѣкомъ, — онъ былъ сынъ запольскаго соборнаго протопопа, — и двумя слѣдователями. Говорили уже о земствѣ, которое не сегодня-завтра должно было открыться. Всё эти новые люди устраивались по-своему и не хотѣли знать старыхъ порядковъ, когда всёмъ заправлялъ одинъ исправникъ Полуяновъ да два ветхозавѣтныхъ засѣдателя.

Больше всёхъ суетился и хлопоталъ нѣмецъ Штоффъ, какъ чловѣкъ, достаточно освоившійся съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ. Онъ бралъ какіе-то подряды, хлопоталъ объ открытіи мѣстной женской прогимназіи и реального училища, открылъ какое-то таинственное «депо земледѣльческихъ усовершенствованныхъ машинъ» и такъ далѣе, безъ конца. Время отъ времени онъ тоже исчезалъ изъ города и шнырялъ по уѣзду, выискивая какія-то новыя дѣла. Впрочемъ, его дѣятельность скоро обнаружилась, когда Май-Стабровский купилъ въ уѣздѣ упраздненный винокурный казенный заводъ и назначилъ его своимъ главнымъ управляющимъ. Были и свои винокуры, но это былъ народъ все мелкій, работавшій съ грѣхомъ пополамъ для всѣхъ

наго потребленія, а Стабровский затѣвалъ громадное, миллионное дѣло и повелъ его сильною рѣкой. Все устроивалось по послѣднему слову винокуренной науки. Отъ Заполья до новаго завода было верстъ сто, и туда отхлынула вся польская челядь, окружавшая Стабровскаго. Запольскіе купцы только смотрѣли и оживались. Ихъ «старѣнка» оставалась позади, а впередъ лѣзли новые люди, удивлявшіе своею пробойкостью и прозорливостью. По «старѣнкѣ» считали на тысячи и много-много на десятки тысячъ, а тутъ сразу счетъ пошелъ на сотни тысячъ.

— Что же это будетъ?—удивлялись недавніе запольскіе богачи.—Что же намъ-то останется? Все нѣмцы забираютъ.

Винокуренный заводъ Стабровскаго находился всего въ двадцати верстахъ отъ Суслона, и это сразу придадо совершенно другое значеніе новому хлѣбному рынку. Для этого завода ежегодно имѣлось въ виду скупать до миллиона пудовъ ржи, а это что-нибудь значило. Старикъ Колобовъ только ахнулъ, когда услышалъ про новую затѣю.

— Съѣсть насъ всѣхъ Стабровский,—говорилъ онъ, качая головой.—Мы тутъ мышей ловимъ, а онъ прямо на медвѣдя пошелъ.

Новая крупчатная мельница, дѣйствительно, являлась ничтожествомъ по сравненію съ грандіознымъ заводомъ. Было тутъ о чемъ подумать. Хлопотавшій по постройкѣ завода Штоффъ раза два завертывалъ въ Прорывъ и ночевалъ.

— Ты это что же затѣваешь - то?—ворчалъ Михей Зотычъ.—Мы тутъ вотъ мучку мелемъ, а ты хлѣбъ собираешься изводить на проклятое зелье.

— Ничего, ничего, старичокъ. Всѣмъ хлѣба хватить... Мы, вѣдь, себѣ только рожь беремъ, а вамъ всю пшеницу оставляемъ. Кругъ другу не будемъ мѣшать, старичокъ.

— Да я не о томъ, нѣмецкая душа: дѣло-то ваше неправильное... да. Божій даръ будете переводить, да чорта тѣшить. Мы - то съ молитвой, а вамъ налევать... тьфу!...

— Да, вѣдь, народу же деньги - то пойдутъ, старичокъ? Ахъ, какой ты!... Теперь хлѣбъ напрасно пропадаетъ, а тогда на, поутай наличными. Всѣ будутъ довольны... Такъ-то!

— Богу вы всѣ отвѣтите за свои выдумки!—грозилъ Михей Зотычъ.—Да и какой у васъ Богъ? Ни Бога, ни чорта... Про совесть-то слыхалъ, Карлъ Карлычъ?

— У насъ сколько угодно совѣсти, старичокъ.

— Такъ вы ее, совѣсть - то свою, въ процентъ отдавайте... А тебѣ скажу пряменько, нѣмецъ: не о чемъ намъ съ тобой разговѣр разговаривать... такъ, попусту, языкомъ болтать.

Штоффъ только улынулся. Онъ никогда не оскорблялся и славился своимъ хладнокровіемъ. Его еще никто не могъ вывести изъ себя, хотя случаевъ для этого было достаточно. Михей Зотычъ отъ всей души возненавидѣлъ этого увертливаго нѣмца и считалъ его главною причиною всѣхъ грядущихъ золъ.

— Послушай, старичокъ, поговоримъ откровенно, — приста-валъ Штоффъ. — Ты живой человѣкъ и я живой человѣкъ, ты хочешь кусочекъ хлѣба съ масломъ и я тоже хочу... Такъ? И всѣ другіе хотѣть, да не знаютъ, какъ его взять.

— Ну, заговаривай зубы, заговаривай, змѣй!

— А я понимаю одно: я имѣю свою пользу и долженъ дать пользу другимъ... Такъ?

— Ужь ты дашь, что говорить... Даже вотъ какъ дашь... Не обрадуешься твоей-то пользѣ.

— Все зависитъ отъ того, какъ смотрѣть на вещи.

Хитрый нѣмецъ проникъ даже къ попу Макару. Едва ли онъ самъ зналъ, зачѣмъ есть поппъ Макарь, но и онъ тоже ѣсть свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и можетъ пригодиться. Поппъ Макарь былъ очень недовѣрчивый человѣкъ и отнесся къ нѣмцу почти враждебно.

— Во-первыхъ, я живу здѣсь уже двадцать лѣтъ и никого не касаюсь, — объяснилъ онъ откровенно, — и, во-вторыхъ, я ничего не понимаю.

— Да, вѣдь, мнѣ, батюшка, ничего отъ васъ и не нужно, — объяснилъ Штоффъ, не сморгнувъ глазомъ. — Просто, счелъ долгомъ познакомиться съ вами, такъ какъ будемъ жить въ сосѣдствѣ.

— Оно, конечно, милостивый государь... Божь скоро человѣкъ отметааетъ отъ себя всяческую суету, потолкину онъ принадлежитъ самому себѣ, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

— Послушайте, батюшка, вы ведете громадное хозяйство, у васъ накапливается одной ржи до пяти тысячъ пудовъ, я говорю примѣрно. Вамъ приходится хлопотать съ ея продажей, а тутъ я приѣду, и мы покончимъ безъ всякихъ хлопотъ. Это я говорю къ примѣру.

— Позвольте, во-первыхъ, какая ваша будетъ цѣна, милостивый государь?

— На одну восьмую копѣйки съ пуда больше, чѣмъ на рынкѣ... Это... это составитъ за пять тысячъ пудовъ ровно 6 рублей 25 копѣекъ. Кажется, я выражаюсь ясно? Вѣдь, деньги не алыются на дорогѣ.

Штоффъ попалъ въ самое больное мѣсто скуповатаго де-вья-

слага батюшки. Онъ жилъ бездѣтнымъ, вдвоемъ съ женой, и всю любовь сосредоточилъ на скромномъ стяжаніи, — его интересовали не столько сами по себѣ деньги, а, главнымъ образомъ, процессъ ихъ приобрѣтенія, какъ своего рода спортъ.

II.

Старшему сыну Серафимы было уже четыре года, его звали Сережей. За нимъ слѣдовали еще двѣ дѣвочки-погодки, т. е. родившіяся черезъ годъ одна послѣ другой. Старшую звали Милочкой, младшую Катей. Какъ Серафима ни любила мужа, но трехлѣтняя, почти безъ перерыва, беременность возмутила и ее.

— Я хочу и сама пожить, — заявляла она съ наивностью на-мучившагося челоуѣка. — Будеть съ насъ дѣтей.

— И я то же думаю, — соглашался Галактіонъ.

Тотъ красивый подъемъ всѣхъ силъ, который Серафима переживала сейчасъ послѣ замужства, давно миновалъ, смѣнившись нормальнымъ существованіемъ. Первые радости материнства тоже прошли и Серафима иногда испытывала приступы безпричинной скуки. Пять лѣтъ выжили въ деревнѣ. Довольно. Особенно сильно повлияла на Серафиму поѣздка въ Заполье на свадьбу Харитины. Въ городѣ всѣ жили и веселились, а въ деревнѣ только со скуки пропадай.

— Переѣдемъ въ городъ, — все чаще и чаще повторяла Серафима мужу, — а то совсѣмъ деревенскіе мужики будемъ.

Эти слова каждый разъ волновали Галактіона. Деревня тоже давно надоѣла ему, да и дѣлать здѣсь было нечего, — и безъ него отецъ съ Емельяномъ управятся. Собственно удерживало Галактіона последнее предпріятіе: онъ хотѣлъ открыть дорогу зауральской крупчаткѣ туда, на Волгу, чтобъ обезпечить сбытъ надолго. Нужно было только предупредить другихъ, чтобы снять сливки.

Дѣла по мельницѣ установились окончательны и шли прекрасно. Въ первую зиму свѣжую крупчатку возили въ Ирбитъ на ярмарку на тройкахъ. Ее брали на-расхватъ. Происходила конкуренція съ дорогою казанскою крупчаткой. За эти четыре года мельница не только окупилась, но и дала большой доходъ. Теперь шеница заготовлялась впередъ за годъ и покупалась на наличныя деньги. Вообще дѣла шли отлично. Мысль открыть сбытъ своей крупчаткѣ въ «Расею» очень понравилась Михею Зотычу, и онъ съ большимъ удовольствіемъ отпустилъ Галактіона съѣздить въ Базачь, Рыбинскъ, Саратовъ и Нижній, чтобы на мѣстѣ познако-

миться съ дѣлами. Галактіонъ проѣздилъ все лѣто и вернулся уже по окончаніи нижегородской ярмарки. Эта поѣздка имѣла для него рѣшающее значеніе.

— Ну, что, какъ тамъ у нихъ?—спрашивалъ Михай Зотычъ.

— Ахъ, папаша, даже рассказывать стыдно, то-есть за себя стыдно. Тамъ настоящія дѣла дѣлаютъ, а мы только мухъ здѣсь ловимъ. Тамъ ужъ вальцевыя мельницы строить... Мы на гроши считаемъ, а тамъ счетъ идетъ на милліоны.

— Съ большимъ-то счетомъ и запутаться можно, Галактіонъ.

— Въ лѣсъ ходить—не бояться волковъ, а дѣлать дѣло, такъ по-настоящему.

— Ну, съ меня будетъ и этого, а когда я помру, какъ знаетъ.

Бойкая жизнь Поволжья просто ошеломила Галактіона. Вотъ это, называется, жить во всю. Какими капиталами ворочаютъ, какія дѣла дѣлаютъ!... А здѣсь и развернуться нельзя: все гужомъ идетъ. Не ускочишь далеко. А тамъ и чугушка, и пароходы. Все во-время, на срокъ. Главное, не ѣсть перевозка, нѣтъ мѣсячныхъ распутиць, весеннихъ и осеннихъ, нѣтъ лѣтняго ненастья и зимнихъ вьюгъ,—вездѣ скатертью дорога.

— А какіе тамъ люди, Сима, — рассказывалъ женѣ Галактіонъ,— смѣлые да умные! Пальца въ ротъ не клади... И все дѣло ведется въ кредитъ. Капиталъ—это вздоръ. Только бы умный да надежный человѣкъ былъ, а денегъ сколько хочешь. Все дѣло въ оборотѣ. У насъ здѣсь и капиталъ-то у кого есть, такъ и съ нимъ некуда дѣться. Переваливай его съ боку на бокъ, какъ дохлую лошадь. Все отъ оборота.

Серафима слушала мужа только изъ вѣжливости. Въ дѣлаъ она, попрежнему, ничего не понимала. Да и мужъ какъ-то не умѣлъ съ нею разговаривать. Вотъ, другое дѣло, пріѣдетъ Карлъ Карлычъ, тотъ все умѣетъ понятно рассказать. Онъ вонъ и женѣ всѣ наряды покупаетъ и даже въ шляпахъ знаетъ больше толку, чѣмъ любая настоящая дама. Сестра Евлампія никакой заботы не знаетъ съ мужемъ, даромъ что нѣмецъ, и шеголяетъ напропалую.

Заѣзжая на мельницу въ Прорывъ, хитрый нѣмецъ никогда не забывалъ захватить и ребятишкамъ игрушекъ, и невѣстѣ какой-нибудь пустяковый подарочекъ. Себя въ убытокъ не введетъ и другимъ удовольствіе доставить.

Въ послѣднюю зиму, когда строился у Стабровскаго заводъ, нѣмецъ началъ бывать у Колобовыхъ совсѣмъ часто. Дѣло было зимой и нужно было закупать хлѣбъ на будущій годъ, а главный рынокъ устраивался въ Суслонѣ.

— Это намъ Михей Зотычъ дорожку проторилъ, — похваливалъ нѣмецъ хмурившася старика, — мы на готовое-то, какъ на чужую нашу съ своею ложкой приходимъ.

— Только не подавитесь, — ворчалъ Михей Зотычъ. — Ложка-то у васъ больно велика. Пожалуй, и каши не хватить.

— Всѣмъ, дѣдушка, хватить, которые ежели съ умомъ.

Главный подвозъ хлѣба происходилъ въ ноябрѣ, когда устанавливался крѣпкій санный путь. Штоффъ прожилъ цѣлую недѣлю въ Суслонѣ у писаря, изучая складывавшійся новый хлѣбный рынокъ. Галактіонъ тоже пріѣзжалъ дѣлать закупки, и они вмѣстѣ провели всю недѣлю. Приходилось вставать раннимъ утромъ, задолго до свѣту, часа въ четыре. Широкая суслонская улица съ обѣихъ сторонъ была уставлена безконечными возами. Скупщики ходили отъ воза къ возу съ фонарями и рынокъ получалъ какой-то фантастическій характеръ. Народное богатство лежало тутъ, на виду, прикрытое домашней работы пологами. Галактіона уже знали, и онъ ставилъ цѣну. Остальные только прикупали, какъ Ермилычъ и небольшіе мельники.

— По-деревенски живемъ, Барлъ Барлычъ, — иронически говорилъ Галактіонъ про самого себя. — Изъ-за хлѣба на квась.

— Ну, вы-то пожаловаться не можете.

— Да и радоваться нечему. Изъ маленькаго дѣла не выскочишь. Мнѣ собственно и дѣлать на мельницѣ больше нечего.

— А вы пріѣзжайте къ намъ въ Заполье. Можетъ быть, и дѣльце найдемъ. Люди нужны, а ихъ нѣтъ.

Нѣмецъ чего-то не договаривалъ, а Галактіонъ не желалъ вынытывать. Нужно, такъ и самъ скажетъ. Впрочемъ, разъ ночью они разговорились случайно совсѣмъ по душамъ. Обоимъ что-то не спалось. Ночевали они въ писарскомъ домѣ и разговоръ происходилъ въ темнотѣ. Собственно говорилъ больше нѣмецъ, а Галактіонъ только слушалъ.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, Галактіонъ Михейчъ... Будемте разсуждать математически, такъ сказать. Въ природѣ ничто не должно пропадать, ни одинъ атомъ. Такъ, да? Каждый человѣкъ представляетъ собой извѣстную силу, а сила — только тогда сила, когда она находитъ свое приложеніе. Да? Съ одной стороны, вотъ мы съ вами, какъ сила, ищущая своего приложенія, а съ другой — богатый край, переполненный сырьемъ. Наше приложеніе въ томъ, чтобы дать оборотъ этимъ богатствамъ. Не правда ли? Умъ — самая страшная изъ всѣхъ силъ. Вы вотъ умный человѣкъ и понимаете совершенно вѣрно, что съ мельницей у васъ лѣтъ черезъ

пять будетъ все кончено. Значить, нужно пристроиться къ другому дѣлу.

— Я и самъ это думаю, Барль Барлычъ. Давненько думаю.

Нѣмецъ сдѣлалъ паузу. Гдѣ-то тяжело тикали старинные часы.

— У васъ есть деньги? — спросилъ Штоффъ уже совершенно другимъ тономъ, продолжая какую-то свою мысль.

— То-есть какъ деньги?

— Ну, тысячь тридцать-сорокъ.

— Барль Барлычъ, вѣдь, вы знаете, что у меня своихъ и сорока копѣекъ нѣтъ.

— Но у васъ есть обычай выдѣлять сыновей. Наконецъ, вы получили кое-что за женой.

— Женины деньги меня не касаются, а что касается выдѣла, едва ли отецъ согласится. Вы знаете, какой у него характеръ.

— А вы имѣйте свой характеръ. Требуйте свою часть.

— Онъ меня просто выгонитъ вонъ.

Нѣмецъ подумалъ, что-то пригнулъ въ умѣ и проговорилъ убѣжденно:

— И то для васъ будетъ выгоднѣе, чѣмъ сидѣть здѣсь и ждать у моря погоды. Повѣрьте мнѣ. А я васъ устрою.

— Вы теперь такъ говорите, а когда отецъ прогонитъ, вы можете заговорить другое.

— Повѣрьте, что нѣтъ, Галактіонъ Михенчъ. Это мой прямой интересъ и я вамъ скажу сейчасъ, въ чемъ дѣло. Да. Вотъ у васъ мельница и вы въ зависимости отъ урожая, отъ рынка, отъ конкуренціи, да? Я теперь управляющій Стабровскаго и завишу отъ него. Дѣло громадное и будетъ зависѣть отъ тысячи случайностей, начиная съ самой жестокой конкуренціи, какая существуетъ только въ нашемъ водочномъ дѣлѣ. Не правда ли? Возьмите всякое другое коммерческое дѣло — вездѣ рискъ, вездѣ опасность, вездѣ сомнѣнія. А есть такое дѣло, которое ничего не боится, скажу больше: ему все на пользу — и урожай, и неурожай, и разореніе, и богатство, и даже конкуренція. Это моя завѣтная мечта.

Галактіонъ сѣлъ на кровати и проговорилъ.

— Банкъ? Вы хотите, чтобы въ числѣ учредителей стояло мое русское имя?

— Да. Прибавьте къ этому, что русскихъ именъ мы найдемъ сколько угодно, а намъ нужны работники, хорошіе, энергичные работники. Признаюсь, я васъ изучалъ въ теченіе пяти лѣтъ и знаю васъ больше, чѣмъ вы сами себя знаете. Извините за нескромное любопытство... У васъ есть размахъ, есть кровь, а это главное.

Придется много работать и ставить все на карту. Потому у васъ есть умѣнье имѣть дѣло съ людьми. Примѣръ: скажу я—и мнѣ не повѣрятъ, скажете вы то же самое—и вамъ повѣрятъ. Это величайшій секретъ науки, называемой психологія. Мнѣ скажутъ: «у! нѣмецъ хитритъ!» Я это въ глазахъ читаю, и мнѣ дѣлается обидно, хотя я и хладнокровный человѣкъ. А вамъ повѣрятъ, всё повѣрятъ,—о, какъ повѣрятъ!... Да, у васъ сейчасъ нѣтъ денегъ, но умереть отецъ,—будемте говорить откровенно,—у васъ сто тысячъ вѣрныхъ. Значитъ, вы сейчасъ стоите эти сто тысячъ и можете имѣть кредитъ.

— Банкъ будетъ въ Запольѣ?

— Да... Коммерческій Зауральскій банкъ. Главные учредители: Стабровскій, Ечкинъ, Шахма, Драке и я. Видите, все иностранцы, то-есть не русскія фамиліи, а это неудобно. Намъ необходимо привлечь Луковникова, Огибенина и еще человѣка три-четыре. У насъ уставъ уже написанъ и Ечкинъ выхлопочетъ его утвержденіе. О, этотъ человѣкъ можетъ сдѣлать рѣшительно все на свѣтѣ!... Знаете, говоря между нами, я считаю его гениальнымъ человѣкомъ. Да. Представьте себѣ, у него рѣшительно ничего нѣтъ, а онъ всегда имѣетъ такой видъ, точно у него въ бумажникѣ чекъ на пятьсотъ тысячъ. Стабровскій умень и тоже гениальный человѣкъ, но до Ечкина ему далеко, какъ до звѣзды небесной... И Стабровскій это самъ знаетъ.

— Что же я буду дѣлать въ Запольѣ, пока вашъ банкъ не откроется?

— Э, дѣла найдемъ!... Во-первыхъ, мы можемъ предоставить вамъ нѣкоторые подряды, а потомъ... Вы знаете, что домъ Харитона Артемьича на жену,—ну, она передастъ его вамъ: вотъ цензъ. Вы на соответствующую сумму выдадите Анеусъ Гавриловичъ векселей и домъ... Кромѣ того, у васъ уже сейчасъ въ коммерческомъ мірѣ есть свое имя, какъ дѣльнаго человѣка, а это большой ходъ. Васъ знаютъ и въ Запольѣ, и въ трехъ уѣздахъ... О, извѣстность—тоже капиталъ!

Галактіонъ такъ и не могъ заснуть всю ночь. У него горѣла голова и мысли въ головѣ топились, какъ въ жаркій лѣтній день тлѣются комары надъ болотомъ. Хитрый нѣмецъ умѣло и ловко затюнулъ его самое больное мѣсто, именно то, о чемъ онъ мечталъ только про себя. Правда, предстояло сдѣлать рѣшительный шагъ, но все равно, его нужно было когда-нибудь сдѣлать. Отъ этого зависѣло все. Одно только нагоняло на Галактіона сомнѣніе: онъ не дѣлалъ хитрому нѣмцу. Продастъ и мадуетъ при случаѣ за ка-

кой-нибудь «кусочек хлѣба съ масломъ». Отъ такихъ людей нужно ожидать всего.

Галактіону дѣлалось обидно, что ему не съ кѣмъ даже посоветоваться. Жена ничего не понимаетъ, отецъ будетъ противъ, Емельянъ согласится со всѣмъ, Симонъ молодъ, — дѣлай, какъ знаешь.

Передъ отъѣздомъ изъ Суслона Штоффъ имѣлъ болѣе подробный разговоръ съ Галактіономъ и откровенно высказался.

— Я знаю, что вы не довѣряете мнѣ... Это отлично. Никому не нужно вѣрить, даже самому себѣ, потому что каждый человекъ можетъ ошибиться. Да. А можно вѣрить только одному — дѣлу. Вы только подумайте: вотъ сейчасъ мы всѣ хлопочемъ, бьемся, бѣгаемъ за производителемъ и потребителемъ, угождаемъ какому-нибудь хозяину, вообще зависимъ направо и налево, а тогда другіе будутъ отъ насъ зависѣть. У насъ всегда будетъ урожай на нашей нивѣ... Расчетъ самый простой: по вкладамъ мы будемъ платить семь процентовъ, а по ссудамъ будетъ получать до двадцати. Капиталъ будетъ... Вы только сообразите, сколько пропадаетъ теперь мертваго капитала у поповъ, писарей, купцовъ, а изъ этихъ мелочей составится страшная сила, какъ изъ мелкихъ рѣчинокъ наливается море.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЫМСКІЕ СОНЕТЫ.

Адама Мицкевича *).

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.
Geme.

Товарищамъ по крымскому путешествію.

Асторъ.

I.

Акерманскія степи.

Я выплылъ на просторъ сухого океана;
Возъ тонетъ въ зелени, какъ челнъ среди валовъ;
Межь шумныхъ волнъ луговъ, межъ заводью цвѣтовъ,
Миную острова багряные бурьяна.

Темнѣеть... Ни тропы нигдѣ нѣтъ, ни вургана...
Средь звѣздъ небесъ ищу ладѣ проводниковъ;
Не облако-ль блеститъ, не день ли встать готовъ?
Нѣтъ, то сверкаетъ Днѣстръ—лампада Акермана.

Постойте! Что за тишь! Я слышу, какъ незримый
И взорамъ сокола журавль свой держитъ лѣтъ,
Какъ мотылекъ въ травѣ дрожитъ, неуловимый,

Какъ змѣйка скользкая былинки грудью мнетъ
Такъ тихо, что поймать я-бъ слухомъ могъ любимый
Зовъ изъ Литвы... Но въ путь... никто насъ не зоветъ.

Изъ Мицкевича у насъ до сихъ поръ переведено немного. *Крымскіе сонеты* высланы цѣлымъ Пушкинъ. И великая душа гениальнаго польскаго поэта, и красота нашего Крыма ярко отражаются въ этихъ сонетахъ. Приближается столѣтіе со дня рожденія Мицкевича, и редакция *Русской Мысли* сочла своимъ долгомъ познакомить читателей съ однимъ изъ лучшихъ его произведеній.

II.

Морская тишина.

На вышинѣ Тарханхута.

Чуть вѣтъ лентами палатки вѣтерокъ
И грудью тихую играетъ гладь морская...
Невѣста такъ себя мечтой любви лаская,
Пробудится, вздохнетъ и снова сонъ глубока.

Какъ стяги бранные, когда война пройдетъ,
На мачтахъ паруса недвижны; легкимъ ходомъ
Корабль колышется, какъ бы прикованъ къ вѣдамъ;
Радъ отдыху матросъ и путникъ чуждъ заботъ.

О, море! Есть въ числѣ твоихъ существъ веселыхъ
Полищъ; во время бурь онъ дръбно спитъ на днѣ,
Но въ тишь волнуешь глубь змѣистыми ногами...

О, мысль! И у тебя въ часы невзгодъ тяжелыхъ
Спитъ гидра памяти, покоясь въ тишинѣ,
Когда же въ сердцѣ миръ—вонзается когтями.

III.

Въ плаваньи.

Свѣжѣтъ... чудовища всплыли морей,
Готовьтесь, дѣти!... Матросъ выбѣгаетъ,
По сѣти невидимой кверху всползаетъ,
Вися, какъ паукъ въ паутинѣ своей!

Вихрь! Вѣтеръ! Не зная узды, веселѣй
Корабль накренившійся въ пѣнѣ ныряетъ,
Свѣозъ тучи корму къ небесамъ поднимаетъ,
И вѣтеръ подъ крылья хватаетъ смѣлѣй!

Я духомъ въ глубокой пучинѣ летаю,
Мечты разметались, какъ ткань парусовъ,
И съ крикомъ веселья за ихъ вереницей

Несусь я и руки впередъ простираю,
Помочь кораблю въ быстромъ бѣгѣ готовъ.
Легко мнѣ... я знаю, что значить быть птицей.

IV.

Б у р я.

Порваны снасти; шумъ бездны побѣднѣй,
Паника, помпы зловѣще стучать,
Бросили въ страхѣ матросы канать,
Солнце заходить съ надеждой послѣдней.

Вихрь завываетъ; другъ другу на смѣну
Влажные горы вздымаются съ дна,
Смерть налетѣла на остовъ судна,
Словно солдатъ на разбитую стѣну.

Тотъ полумертвъ, этотъ руки воздѣль,
Тѣ обнялись передъ мракомъ могилы,
Тѣ просятъ смерть ихъ отъ смерти спасти.

Путникъ одинъ лишь въ раздумьи сидѣль,
Мысля: блаженъ, кто лишается силы,
Молится-ль небу, твердить ли «прости».

V.

Видъ горъ изъ Козловскихъ степей.

Пилигримъ и мирза.

Пилигримъ.

Аллахомъ ли изъ льдовъ тамъ создана преграда,
Иль ангеламъ онъ тронъ изъ мерзлыхъ тучъ сковаль,
Иль дивы сдвинули обломки горныхъ скалъ,
Чтобъ не могла пройти съ востока звѣздъ плеяда?

Но что за зарево?... Иль то пожаръ Царь-Града,
Иль Богомъ въ часъ, когда на землю сумракъ палъ,
Чтобъ на пути мірамъ плывущимъ день сіялъ,
Въ небесныхъ высотахъ повѣшена лампада?

Мирза.

Тамъ?... Былъ я... тамъ зима спить въ ледяной постели,
Тамъ горло родниковъ пьетъ изъ ея гнѣзда;
Дохнулъ—и снѣгъ летѣль; но тамъ я былъ у цѣли,

Гдѣ нѣтъ дорогъ орламъ, гдѣ стала тучъ гряда;
Я сидѣль сонный громъ въ туманной колыбели,

Тамъ надъ моею чалмою блестяла лишь звѣзда:
То Чатырдагъ!...

Пилигримъ.

Aall

VI.

Бахчисарай.

Дворецъ Гиреевъ пусть, но дремлетъ въ гордомъ снѣ.
Тамъ, гдѣ съ пороговъ пылъ шаши сметали лбами,
По тронамъ и софамъ, межъ страсти тайниками,
Гадъ вьется, саранча роится въ тишинѣ.

Цвѣтныя стекла скрыль плющъ вьющійся въ окнѣ,
По сводамъ вверхъ взбѣжалъ онъ гибкими вѣтвями...
Какъ въ Валтасара дни своими письменами
«Руина» пишетъ здѣсь природа на стѣнѣ.

Средь залъ изъ мрамора сосудъ, онъ цѣль донинѣ:
Гарема то фонтанъ, онъ до сихъ поръ живетъ,
Струей жемчужныхъ слезъ взывающій къ пустынѣ:

Гдѣ скрыты вы, любви и мощность, и почетъ?
Вамъ вѣкъ бы жить и жить, источникъ быстръ въ долинѣ...
О, горе! Вы прошли, а ключъ еще течетъ.

VII.

Бахчисарай ночью.

Толпа молящихся оставила джамидъ,
Изана тонетъ звукъ въ затишьи молчаливомъ,
Зардѣлся лигъ зари въ томленіи стыдливомъ:
То свѣтлый царь къ своей возлюбленной спѣшитъ.

Огнями вѣчныхъ звѣздъ гаремъ небесъ горитъ,
Тамъ, гдѣ сквозитъ просторъ сапфировымъ отливомъ,
Какъ лебедь облачко въ спокойствіи сонливомъ
Плыветъ; грудь бѣлая, край золотомъ повить.

Тѣнь стелетъ минаретъ и вѣтви кипариса,
Гранита черныхъ глыбъ чернѣетъ рядъ кругомъ,
Какъ сонмы дьяволовъ передъ лицомъ Эвлиса,

Подъ кровомъ темноты; порой надъ ихъ шатромъ
 Проснется молнія и съ быстротой Фариса
 Пустыню объжить въ молчаніи ночномъ.

 VIII.

Могилы Потоцкой.

Въ краю весны ты спишь межъ пышными садами,
 О, роза юная! Мгновенья дней былыхъ,
 На память сердцу давъ лишь гнетъ терзаній злыхъ,
 Умчались отъ тебя цвѣтными мотыльками.

Надъ Польшей небеса усѣяны звѣздами...
 Зачѣмъ на сѣверѣ такъ много блещеть ихъ?...
 Иль, прежде чѣмъ остыть, огонь очей твоихъ,
 Летя, отмѣтилъ путь блестящими слѣдами?...

О, поляка! я, какъ ты, умру въ тоскѣ унылой,
 Пусть другъ на гробъ земли родной мнѣ броситъ комъ.
 Случайныхъ странниковъ передъ твоей могилой

Я буду пробужденъ родимымъ языкомъ.
 И пѣсню въ честь тебя слагая съ вѣщей силой,
 Помянетъ и меня пѣвецъ своимъ стихомъ.

 IX.

Могилы гарема.

Мирза къ пилигриму.

Изъ виноградника любви васъ взялъ Алахъ
 Бъ столу незрѣлыми; жемчужины Востока,
 Изъ моря счастья, изъ радостей потока
 Васъ въ лоно мрачное похитилъ рано прахъ.

Забвенье скрыло васъ; надъ вами здѣсь въ садахъ
 Чалма холодная сіяетъ одиноко,
 Какъ призраковъ бунчукъ, и еле видитъ око
 Гяура надписи о вашихъ именахъ.

О, розы райскія, гдѣ чистый билъ потокъ,
 Подъ листьями стыда вы дни свои кончали,
 Сокрытыя, чтобъ зрѣть невѣрный васъ не могъ.

Теперь его глаза пріють вашъ повстрѣчали.
 Я допустилъ... Прости ему, святой пророкъ:
 Вѣдь, онъ одинъ сюда взглянулъ съ слезой печали.

 X.

Байдары.

Я шпору — конь летить со скоростью вѣтровъ;
 Долины и лѣса, и камни въ рядъ тѣснятся,
 Плывуть у ногъ моихъ, какъ волны въ даль стремятся;
 Упится я хочу волной картинныхъ сновъ.

Когда же мой скакунъ, уставъ, не слышитъ словъ,
 Когда цвѣта земли подъ кровомъ мрака тмятся, —
 Какъ въ стеклахъ зеркала разбитаго дробятся
 Въ глазахъ ряды долинъ, и камней, и лѣсовъ.

Миръ спитъ, но я не сплю. Скачу въ предѣлѣ морской.
 Тамъ черный валъ, спѣша, на берегъ съ шумомъ плещеть...
 Его встрѣчаю я съ простертою рукой...

Вокругъ меня хаосъ, въ лицо волна мнѣ хлещеть...
 Я жду, а мысль, какъ челнъ въ пучинѣ водяной,
 Бружится и на мигъ въ безпамятствѣ трепещеть.

 XI.

Алушта днемъ.

Гора отряхнула туманные латы,
 Намазъ зашептала полей полоса,
 Съ кудрей, наклоняясь, роняють лѣса,
 Какъ съ четокъ калифовъ, рубинъ и гранаты.

Въ цвѣтеньи луга мотыльками богаты...
 Ихъ рой, словно радуги яркой коса,
 Цвѣтнымъ балдахиномъ закрылъ небеса;
 Вдали саранча вьетъ свой саванъ крылатый.

Гдѣ-жь лысыя скалы любятся въ морѣ,
 Тамъ шумно стихія прибоемъ идетъ
 И съ отблескомъ злымъ, какъ у тигра во взорѣ,

Жесточай грозы предвѣщаетъ налетъ,
 Но съ легкостью воды колышетъ въ просторѣ
 И въ нихъ лебединый купается флотъ.

XII.

Алушта ночью.

Повѣялъ вѣтерокъ, слабѣй жара дневная;
 На Чатырдагъ упалъ свѣтильникъ всѣхъ міровъ,
 Потоконъ разлился пурпурныхъ огоньковъ
 И гаснетъ. Пилигримъ мечтаетъ, отдыхая.

На горы тьма легла, въ долинахъ ночь глухая,
 Сквозь сонъ журчатъ ручьи на ложѣ изъ шелковъ,
 Струится ароматъ, какъ музыка цвѣтовъ,
 Рѣчами тайными въ глубь сердца проникая.

И тихо я дремлю, лелѣю темнотою.
 Вдругъ метеоръ сверкнулъ и, упавъ низко,
 По небу надъ землей льетъ пламень золотой.

О, ночь восточная!—властна, какъ одалиска,
 Ты лаской усыпишь, а если сонъ ужъ близокъ—
 Огнемъ очей твоихъ вновь будишь къ ласкѣ той.

XIII.

Чатырдагъ.

Мирза.

Ислама вѣрный сынъ дрожить, твой склонъ лобзая;
 О, мачта крымская, великій Чатырдагъ!...
 Ты міра минареть, ты высей падишахъ,
 Вознесся между скалъ, къ лазури убѣгая.

Ты видѣнъ въ небесахъ отъ края и до края,
 Какъ свѣтлый Гавріилъ въ эдемскихъ высотахъ;
 Лѣса тебѣ плащомъ, тюрбанъ твой въ облакахъ
 Распила молнія, огнями стрѣлъ сверкая.

Горитъ ли солнце намъ, нависнетъ ли туманъ,
 Летитъ ли саранча, гяуръ ли жгетъ селеня,
 Ты, Чатырдагъ, молчишь въ величьи безъ движеня,

Межъ небомъ и землей природы драгоманъ;
 У ногъ твоихъ и громъ, и земли, и твореня,
 Ч Божью слушать рѣчь тебѣ даръ тайный данъ.

XIV.

Пилигримъ.

У ногъ моихъ коверъ роскошнѣйшихъ полей,
Надъ головой лазурь, кругомъ красавицъ лица,
Но сердце почему-жъ изъ этихъ мѣстъ стремится
Въ далекій край и въ даль, увы, ужъ прошлыхъ дней.

Литва! Твой шумный лѣсъ мнѣ пѣсни пѣлъ звучнѣй,
Чѣмъ соловей Байдаръ, Салгирская дѣвица,
Ни желтый ананасъ, ни въ цвѣтѣ шелковица
Не могутъ замѣнить трясины мнѣ твоей.

Манить всей прелестью та дальняя страна!...
Но отчего-жъ томлюсь въ печали неустанной
О той, что такъ любилъ въ дни юности туманной?

Мнѣ съ родиной моей разлука суждена,
А ей все тамъ твердить, что вѣренъ другъ желанной...
Топча мой свѣжій слѣдъ, вѣрна ли мнѣ она?...

XV.

Дорога надъ пропастью въ Чуфутъ-Кале.

Мирва и пилигримъ.

Мирза.

Брось поводъ. Помолись. Отвори свой взоръ.
Здѣсь всадникъ разумъ свой ногамъ коня ввѣряетъ.
Бонъ умный. Онъ стоитъ, пространство измѣряетъ,
Припалъ, копытомъ бьетъ о край кремнистыхъ горъ,
Повисъ. Не смѣй глядѣть! Твой взглядъ упалъ въ просторъ,
Какъ въ Аль-Каира глубь, и дна не достигаетъ;
Не указуй: рука на крыльяхъ не летаетъ;
Не мысли: думъ полетъ неудержимъ и скоръ,
Какъ якорь брошенный въ пучины водяныя,
Помчится молніей и, не встрѣчаясь съ дномъ,
Лишь только погрузить ладью въ хаосъ волненья.

Пилигримъ.

Мирза! А я, взглянувъ съвозъ щели міровыя,
Тамъ видѣлъ... Что? въ гробу тебѣ скажу лишь я о той
На языкѣ живыхъ нѣтъ словъ для выраженья.

XVI.

Гора Кикинеисъ.

МИРЗА.

Взгляни на пропасть. Въ ней лазурь небесъ сіяеть.
 То море. Кажется, среди его валовъ,
 Кружась, орель-гора, сраженъ стрѣлой громовъ,
 Какъ радуги дуга, взмахъ крыльевъ простираеть

И снѣжнымъ островомъ равнину водъ скрываетъ.
 То туча плаваеть тѣмъ островомъ снѣговъ.
 Полмира ночи мглой покрылъ ея покровъ...
 Ты видишь, лента тамъ на лбу ея пылаеть?

То молнія. Постой! Понался намъ подъ ноги
 Проваль; туда помчусь на всемъ скаку коня.
 Вотъ я скачу... ты жди, исполненный тревоги...

Я скроюсь... между скалъ гляди ты на меня...
 Заблещеть на чалмѣ перо, то это я,
 А нѣтъ, такъ значить нѣтъ тамъ для людей дороги.

XVII.

Развалины замка въ Балаклавѣ.

Вотъ замка древняго нестройная громада,
 О Крымъ забывчивый, твоя краса и страхъ,
 Какъ груды череповъ, тѣснитъ на горахъ;
 Въ немъ гадъ нашель пріютъ иль люди хуже гада.

Взойдемъ наверхъ! Ищу гербовъ межъ стѣнъ фасада.
 Вотъ надпись... Имя то, гремящее въ бояхъ,
 Гроза враждебныхъ войскъ, въ забвенья дремлетъ снахъ,
 Обвитое, какъ червь, листьями винограда.

Монголамъ рабства цѣпь здѣсь итальянецъ вилъ,
 Грекъ фрески вырѣзалъ на удивленье глаза,
 Изъ Мекки пилигримъ шепталъ слова намаза.

А нынѣ коршунъ тутъ кружится чернокрылъ,
 Какъ въ городѣ, когда надъ нимъ прошла зараза,
 Какъ погребальный флагъ, твердя про тлѣны могилъ.

XVIII.

Аюдагъ.

Опершись на скалу, съ вершины Аюдага
 Я поглядѣть люблю на черный строй валовъ...
 То блескомъ радуги, то серебромъ снѣговъ
 Сверкаетъ и кипитъ ихъ пѣнистая влага.

Взбѣжавъ на мель, они ворвутся, какъ ватага
 Съ твердыней берега воюющихъ битовъ,
 И, устремясь назадъ, роняютъ средь песковъ
 И жемчугъ, и кораллъ — богатствъ подводныхъ блга*

Не такъ ли и въ тебѣ, о молодой поэтъ,
 Порою страсть мрачить безбурный сердца свѣтъ,
 Но лиру ты возьмешь — и скорби нѣтъ, какъ нѣтъ.

Безслѣдно потонувъ на глубинѣ забвенья,
 Она смѣняется безсмертьемъ пѣснопѣнья,
 Для твоего чела сплетая украшенья.

Ястребъ.

На вершинѣ Кляккенскъ (къ *)).

Вотъ ястребъ, противъ тучъ исполненный безсилья,
 Въ стихію чуждою грозю занесенъ,
 Весь мокрый и борьбой съ вѣтрами утомленъ,
 На мачтѣ, средь людей, свои расправилъ крылья.

Его никто теперъ обидѣть не рѣшится,
 Спокойный, какъ въ лѣсу на вѣтвѣ, онъ сидитъ...
 Гость Джіованна онъ: кто гостю повредитъ,
 Тотъ, если на морѣ, пускай грозы страшится.

Припомни ты мое, свое припомни ты;
 Ты въ жизни видѣла удары бурь ужасныхъ,
 И крылья подрѣзалъ мнѣ вихрь невзгодъ ненастныхъ.

Бъ чему слова любви, къ чему обманъ мечты?
 Ты ставишь сътъ другимъ среди путей опасныхъ...

Л. Медвѣдевъ.

*) Этотъ сонетъ Миллеричемъ не оконченъ.

Т Р И Г О Д А *).

(Разсказъ).

Х.

У Лаптевыхъ часто бывалъ Ярцевъ, Иванъ Гавриловичъ. Это былъ здоровый, крѣпкій человѣкъ, черноволосый, съ умнымъ, пріятнымъ лицомъ; его считали красивымъ, но въ послѣднее время онъ сталъ полнѣть, и это портило его лицо и фигуру; портило его наружность и то, что онъ низко стригъ волосы. Въ университетѣ когда-то, благодаря его хорошему росту и силѣ, студенты называли его вышибалой.

Онъ вмѣстѣ съ братьями Лаптевыми кончилъ на филологическомъ факультетѣ, потомъ поступилъ на естественный, и теперь былъ магистромъ химіи. На кафедрѣ онъ не рассчитывалъ и нигдѣ не былъ даже лаборантомъ, а преподавалъ физику и естественную исторію въ реальномъ училищѣ и въ двухъ женскихъ гимназіяхъ. Отъ своихъ учениковъ, а особенно ученицъ онъ былъ въ восторгѣ и говорилъ, что подростаетъ теперь замѣчательное поколѣніе. Кромѣ химіи, онъ занимался еще у себя дома соціологіей и русскою исторіей, и свои небольшія замѣтки иногда печаталъ въ газетахъ и журналахъ, подписываясь буквой Я. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь изъ ботаники или зоологіи, то ходилъ на историка, когда же рѣшалъ какой-нибудь историческій вопросъ, то ходилъ на естественника. Знакомство съ естественными науками кладетъ на словесниковъ какой-то особый отпечатокъ, который чувствуется и въ ихъ методѣ, и въ манерѣ дѣлать опредѣленія, и даже въ фізіономіи.

Главнымъ правиломъ у Ярцева было: старатся быть выше

*.) *Русская Мысль*, кв. I.

своихъ инстинктовъ и жить сознательно. Напримѣръ, онъ вѣрилъ въ то, что русскій суровый климатъ располагаетъ къ лежанью на печкѣ и къ небрежности въ туалетѣ, и потому никогда не позволялъ себѣ ложиться днемъ, рано вставалъ, не носилъ халата и туфель и каждый день мѣнял сорочку. Но, все-таки, одежда на немъ всегда имѣла подержанный видъ и сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшкато.

Своимъ человѣкомъ у Лаптевыхъ былъ также Кишъ, прозванный вѣчнымъ студентомъ. Онъ три года былъ на медицинскомъ факультетѣ, потомъ перешелъ на математическій и сидѣлъ здѣсь на каждомъ курсѣ по два года. Отецъ его, провинціальный аптекаръ, присылалъ ему по сорока рублей въ мѣсяцъ, и еще мать, тайно отъ отца, присылала по десяти, и этихъ денегъ ему хватало не только на прожитіе, но даже на такую роскошь, какъ шинель съ польскимъ бобромъ, перчатки, духи и фотографія (онъ часто снимался и раздавалъ свои портреты знакомымъ). Чистенькій, немножко плѣшивый, съ золотистыми бачками около ушей, скромный, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, готоваго услужить. Онъ все хлопоталъ по чужимъ дѣламъ: то носился съ подписнымъ листомъ, то съ ранняго утра мерзъ около театральной кассы, чтобы купить для знакомой дамы билетъ, то по-чѣму-нибудь порученію шелъ заказывать вѣнокъ или букетъ. Про него только и говорили: Кишъ сходить, Кишъ сдѣлать, Кишъ купить. Порученія исполнялъ онъ большею частью дурно. На него сыпались попреки, насмѣшки; часто забывали заплатить ему за покупки, но онъ всегда молчалъ и въ затруднительныхъ случаяхъ только вздыхалъ. Онъ никогда особенно не радовался, не огорчался, рассказывалъ всегда длинно и скучно, и остроты его всякій разъ вызывали смѣхъ потому только, что онъ были смѣшны. Такъ, однажды, съ намѣреніемъ пошутить, онъ сказалъ Петру: «Петръ, ты не осетръ», и это вызвало общій смѣхъ, и самъ онъ долго смѣялся, довольный, что такъ удачно съострилъ. Онъ любилъ торжественную обстановку, многолюдныя собранія и всякаго рода процессіи, и когда хоронили какого-нибудь профессора, то шелъ впереди вмѣстѣ съ факельщиками.

По его рекомендаціи къ Лаптевымъ была приглашена гувернантка Марья Васильевна, очень худая, смуглая дѣвица, которую Кишъ рекомендовалъ, какъ особу умную, интеллигентную и отзывчивую. Было условлено, что она будетъ готовить уроки съ дѣвочками, гулять съ ними и за особое вознагражденіе смотрѣть за библіотекой Лаптева. Отзывчивая особа начала съ того, что написала на каждой книгѣ плохимъ почеркомъ: «Сія книга принадле-

жить Алексѣю Федоровичу Лаптеву»; потомъ оказалось, что она страдаетъ нервами. Когда она не могла рѣшить Сашѣ задачу или когда Костя, проходя въ себѣ наверхъ черезъ комнату, гдѣ занимались, забывалъ поклониться, то она начинала швырять все, что попадалось ей подъ руки, била себя въ грудь кулаками и рыдала, а дѣвочки умоляли ее успокоиться и потомъ вводили гулять на Дмитровку. И теперь Лаптевы никакъ не могли придумать благовиднаго предлога, чтобы разстаться съ ней.

Ярцевъ и Ыпшъ обыкновенно приходили вечеромъ къ чаю. Если хозяйка не уѣзжали въ театръ или на концертъ, то вечерній чай затягивался до ужина, и было не замѣтно, какъ бѣжало время. Въ одинъ изъ февральскихъ вечеровъ въ столовой происходилъ такой разговоръ:

— Художественное произведеніе тогда лишь значительно и полезно, если оно въ своей идеѣ содержитъ какую-нибудь серьезную общественную задачу, — говорилъ Костя, сердито глядя на Ярцева. — Въ *Запискахъ охотника* мы видимъ протестъ противъ вѣрнопостного права, а въ *Аннѣ Карениной* авторъ вооружается противъ высшаго свѣта съ его пошлостями, и потому эти произведенія значительны и полезны. Тѣ же романы и повѣсти, гдѣ ахъ да охъ, да она его полюбила, а онъ ее разлюбилъ, и прочая мантифолія съ укусомъ, — такія произведенія, говорю я, ничтожны и пишутся для того только, чтобы портить воображеніе гимназистамъ и поповнамъ.

— Я съ вами согласна, Константинъ Ивановичъ, — сказала Юлія Сергѣевна. — Одинъ описываетъ любовное свиданіе, другой — измѣну, третій пишетъ повѣсть на ту тему, что въ нашъ вѣкъ уже не умѣютъ любить по-настоящему, а сегодня я читала, что мы всѣ погибаетъ отъ любви и что спасеніе наше только въ воздержаніи отъ любви. Неужели нѣтъ другихъ сюжетовъ? Вѣдь, очень много людей, голодныхъ, больныхъ и несчастныхъ, которымъ не до любви и противно все это читать. Вчера мы съ Алексѣемъ проѣзжали черезъ Хитровъ рынокъ, и тамъ стоятъ толпами оборванные, пьяные, отвратительные люди съ обмороженными щеками. Про нихъ бы лучше писали!

Лаптеву было извѣстно, что еще скажутъ Костя и Ярцевъ, такъ какъ онъ уже много разъ самъ участвовалъ въ такихъ спорахъ. Теперь для него было ново и неприятно только то, что его жена, молодая женщина, которой нѣтъ еще и 22 лѣтъ, такъ серьезно и холодно разсуждаетъ о любви. Онъ догадывался, почему это такъ.

— О вкусахъ не спорять, — сказалъ Ярцевъ, — а мы споримъ

именно о вкусахъ и потому никогда не кончимъ. Если поэзія не рѣшаетъ вопросовъ, которые кажутся вамъ важными, то оставьте ее и обратитесь къ сочиненіямъ по техникѣ, полицейскому и финансовому праву, читайте передовыя статьи и научныя фельетоны. Вы хотите, чтобы поэзія довлѣла днѣви и специализировалась, но для чего вамъ это нужно, если въ вашемъ распоряженіи такая масса специальныхъ сочиненій? Бъ чему это нужно, чтобы въ *Ромео и Жульеттѣ*, вмѣсто любви и жаворонка, шла рѣчь, положимъ, о свободѣ преподаванія или о дезинфекціи тюремъ, если объ этомъ вы найдете въ специальныхъ статьяхъ и руководствахъ?

— Дядя, это крайности! — поребилъ Бостя. — Мы говоримъ не о такихъ гигантахъ, какъ Шекспиръ или Гёте, мы говоримъ о сотнѣ талантливыхъ и посредственныхъ писателей, которые принесли бы гораздо больше пользы, если бы оставили любовь и занялись проведениемъ въ массу знаній и гуманныхъ идей.

— Ахъ Боже мой, если они вамъ не нравятся, бросьте ихъ и читайте то, что вамъ нужно и по вкусу. Мнѣ же скучно читать тѣ повѣсти и рассказы, въ которыхъ нѣтъ любви. Только когда я читаю, то рассчитываю всякій разъ, что авторъ сообщитъ мнѣ о любви что-нибудь важное и новое; если же онъ повторяетъ старое и говоритъ не интересныя пошлости, то я зѣваю и бросаю книгу, но вовсе мнѣ не приходитъ желанія, чтобы этотъ бездарный писатель занялся наукой или проповѣдью.

Бишь, картавя и немножко въ носъ, сталъ рассказывать содержаніе повѣсти, которую онъ недавно прочелъ. Рассказывалъ онъ обстоятельно, не слѣша; прошло три минуты, потомъ четыре, пять, а онъ говорилъ, и никто не могъ понять, о чемъ это онъ рассказываетъ, и лицо его становилось все болѣе равнодушнымъ и глаза потускнѣли.

— Бишь, рассказывайте поскорѣе, — не выдержала Юлія Сергѣевна, — а то, вѣдь, это мучительно!

— Перестаньте, Бишь! — крикнулъ на него Бостя.

Ярцевъ засмѣялся. Смѣхъ у него былъ громкій, заразительный; засмѣялись всѣ, и самъ Бишь.

Пришелъ Федоръ. Съ красными пятнами на лицѣ, торопясь, онъ поздоровался со всѣми и увелъ брата въ кабинетъ. Въ послѣднее время почему-то онъ избѣгалъ многолюдныхъ собраний и предпочиталъ общество одного человѣка.

— Пускай молодежь тамъ хохочетъ, а мы съ тобой тутъ оговоримъ по душамъ, — сказалъ онъ, садясь въ глубокое кресло,

подалше отъ лампы. — Давненько, братуха, не видались. Сколько времени ты въ амбарѣ не былъ? Пожалуй, съ недѣлю.

— Да. Нечего мнѣ у васъ тамъ дѣлать. Что нужно, сдѣлаютъ Початкинъ и Магѣичевъ, а я только помѣшаю. Да и старикъ надо-ѣлъ, признаться.

— Конечно, безъ насъ съ тобой могутъ обойтись въ амбарѣ, но надо же имѣть какое-нибудь занятіе. Въ потѣ лица будешь ѣсть свой хлѣбъ, какъ говорится. Богъ труды любить. Это я тебѣ не мораль читаю, а просто такъ, по душамъ. Не хочешь торговать съ нами, такъ на службу иди.

Петръ принесъ на подносѣ стаканъ чаю. Ѳедоръ выпилъ безъ сахару и еще попросилъ. Онъ пилъ много чаю и въ одинъ вечеръ могъ выпить стакановъ десять, и это утомляло его знакомыхъ.

— Знаешь, что, братъ? — сказалъ онъ, вставая и подходя къ брату. — Не мудрствуя лукаво, баллотируйся-ка ты въ гласные, а мы помаленьку да полегоньку проведемъ тебя въ члены управы, а потомъ въ товарищи головы. Дальше-больше, человекъ ты умный, образованный, тебя замѣтятъ и пригласятъ въ Петербургъ, — земскіе и городскіе дѣятели теперь тамъ въ модѣ, братъ, и, честное слово, будешь департаментомъ управлять, а то и въ товарищи министра угодишь. Пятидесяти лѣтъ тебѣ еще нѣтъ, а ты ужъ тайный совѣтникъ и лента черезъ плечо.

Глаза у него горѣли и на лицѣ была написана дѣтская радость. Лаптевъ понялъ, что всего этого — и тайнаго совѣтника, и ленты хочется самому Ѳедору; ему стало неловко, онъ отошелъ и сѣлъ у камина.

— Прости, но въ послѣднее время ты сильно измѣнился, — сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Можетъ быть, — вздохнулъ Ѳедоръ.

Братья сидѣли и молчали. Ѳедоръ открылъ свои часы и долго, очень долго глядѣлъ въ нихъ съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ будто хотѣлъ подмѣтить движеніе стрѣлки, и выраженіе его лица казалось Лаптеву страннымъ.

Позвали ужинать. Лаптевъ пошелъ въ столовую, а Ѳедоръ остался въ кабинетѣ.

— Я думаю, что равенство людей на землѣ невозможно, — сказала Юлія, очевидно, продолжая прерванный разговоръ. — Даже религія признаетъ господъ и рабовъ, богатыхъ и бѣдныхъ.

— Вслѣдствіе разности климатовъ, энергій, вкусовъ, возрастъ, равенство среди людей физически невозможно, — сказалъ Яичевъ тономъ учителя, объясняющаго своимъ ученикамъ. — Но

культурный человек может сделать это неравенство безвредным так же, как он сделал уже это с болотами и медведями. В этом отношении вполне можно положиться на воспитание. Сделал же один ученый так, что у него кошка, мышь, котик и воробей были из одной тарелки. Жизнь идет все вперед и вперед, культура делает громадные успехи на наших глазах. И я положительно убежден, что настанет время, когда будут миллионы в банках и наживаться на счет фабричных для культурного человека будет таким же абсурдом, как теперь играть в карты на собаках. Воспитание мало-по-малу делает капитализм смешным и он потеряет всякое значение.

— Это будет через пять тысяч лет, — сказал Бостя и усмехнулся. — Через пять тысяч лет Ротшильд станут смешны его подвалы с золотом, а до тех пор рабочий пусть гнет спину и пухнет с голоду. Ну, нет — с, дядя, довольно. Не ждать нужно, а бороться.

— И боритесь, если угодно, только что же выйдете из этого? Если культурный человек, который богаче вас, не проникнут сознанием, что деньги — зло и предразсудок, то вы ничего не можете поддаться силой, так как, во всяком случае, сила на его стороне.

— Так ли? А вы думаете, на уступочки он не пойдет? Если кошка есть с мышью из одной тарелки, то, вы думаете, она проникнута сознанием? Как бы не так, ее просто заставили силой.

— После того, что за целый день услышишь, в голове такая каша! — сказал Лаптев и потер ладонью лоб. — Видите ли, Иван Гаврилыч, я думаю, что большинству современных капиталистов давно уже указал сам опыт, что не в деньгах счастье, что деньги зло и проч. Но для того, чтобы начать новую жизнь, у них не хватает уверенности. Ни один из них не уверен окончательно, что бросить деньги, это — хорошо. А у меня лично не только нет этой уверенности, но даже иногда кажется, что если бы отец дал мне сразу миллион, то я сделал бы много хорошего.

— Да и к роскоши привыкли, сударь, — сказал Бочевой.

— К какой роскоши? Что мне дали до сих пор деньги, позвольте вас спросить? — сказал Лаптев, строго глядя на Бостю. — И чем я счастливее вас или Ярцева? Детство было у меня ватожное, и деньги не спасали меня от розог. Когда Нина болела и умирала, ей не помогли мои деньги. Когда меня не любят, то я не могу заставить полюбить себя, хотя бы потратил миллион.

— За то вы можете много добра сдѣлать,—сказалъ Бишъ.

— Заблужденіе, Бишъ! Вы вчера просили меня за какого-то математика, кончившаго курсъ, который безъ мѣста и прочее. Вѣрьте, я могу сдѣлать для него такъ же мало, какъ вы. Правда, я могу дать денегъ, но, вѣдь, это не значитъ помочь. Какъ-то у одного извѣстнаго музыканта я просилъ мѣста для бѣдняка-скрипача, а онъ отвѣтилъ такъ: «Вы обратились именно ко мнѣ потому, что вы не музыкантъ». Такъ и я вамъ отвѣчу: вы обращаетесь ко мнѣ за помощью такъ увѣренно потому, что сами ни разу еще не были въ положеніи богатаго человѣка.

— Для чего тутъ сравненіе съ извѣстнымъ музыкантомъ, не понимаю!—проговорила Юлія Сергѣевна и покраснѣла.—Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ!

Лицо ея задрожало отъ ненависти и она опустила глаза нарочно, чтобы скрыть это чувство. И выраженіе ея лица понялъ не одинъ только мужъ, но и всѣ, сидѣвшіе за столомъ.

— Причемъ тутъ извѣстный музыкантъ!—повторила она тихо.—Нѣтъ ничего легче, какъ помочь бѣдному человѣку.

Наступило неловкое молчаніе. Петръ подаль рябчиковъ, но никто не сталъ ѣсть ихъ и всѣ машинально ѣли одинъ салатъ. Лаптевъ уже не помнилъ, что онъ сказалъ, но для него было ясно, что ненавистны были не слова его, а ужь одно то, что онъ заговорилъ.

— Вы сказали, что жизнь идетъ все впередъ и впередъ,—началъ Костя, чтобы переменить разговоръ,—а по-моему, если желаете знать, она идетъ все назадъ и назадъ.

— Оставьте, пожалуйста!—разсердился Ярцевъ.—Кто не имѣетъ музыкальнаго слуха, тому кажется, что музыканты деруть и что только онъ одинъ это замѣчаетъ. Жизнь, повѣрьте, идетъ своимъ естественнымъ порядкомъ, никто не деретъ, и только тѣмъ, у кого нѣтъ слуха, кажется, что происходитъ страшный безпорядокъ. Успокойтесь, прошу васъ!

Придя послѣ ужина къ себѣ въ кабинетъ, Лаптевъ напряженно, съ біеніемъ сердца, ожидая еще новыхъ униженій, прислушивался къ тому, что происходило въ залѣ. Какъ ни въ чемъ не бывало, Ярцевъ и Кочевой продолжали спорить; потомъ Ярцевъ сѣлъ за рояль и съ чувствомъ спѣлъ «Средь шумнаго бала». Это былъ мастеръ на всѣ руки, и одни называли его большимъ талантомъ, другіе—диллетантомъ.

— Какъ вамъ угодно, господа, а я не желаю сидѣть дома,—сказала Юлія.—Надо поѣхать куда-нибудь.

Рѣшили ѣхать за городъ и послали Биша къ купеческому шубу за тройкой. Лаптева не приглашали съ собой подь тѣмъ предлогомъ, что у него гость, но ему было понятно, что его общество скучно для нихъ, что онъ въ этой веселой, молодой компаніи совсѣмъ лишній. Онъ былъ радъ, что съ нимъ поступаютъ такъ жестоко, что имъ пренебрегаютъ, что онъ глупый, скучный мужъ, золотой мѣшокъ, и былъ бы еще больше радъ, если бы его жена измѣнила ему въ эту ночь съ лучшимъ другомъ. Онъ ревновалъ ее къ знакомымъ студентамъ, къ актерамъ, пѣвцамъ, къ Ярцеву, даже къ встрѣчнымъ мужчинамъ, и теперь ему хотѣлось заставить ее на мѣстѣ преступленія, чтобы потомъ принять ядъ и заставить ее нравственно страдать. Федоръ пилъ чай и громко глоталъ. Но вотъ и онъ собрался уходить.

— А у нашего старичка, должно быть, темная вода, — сказалъ онъ, надѣвая шубу. — Совсѣмъ сталъ плохо видѣть.

Лаптевъ тоже надѣлъ шубу и вышелъ. Проводивъ брата до Страстного, онъ, не отдавая себѣ отчета, для чего это нужно, взялъ извозчика и поѣхалъ къ Яру.

«И это называется семейнымъ счастьемъ! — смѣялся онъ надъ собой, нарочно распахивая шубу, чтобы простудиться. — Это любовь!»

Стыдясь своей ревности и проклиная ее, онъ у Яра прошелся около столовъ, послушалъ въ залѣ куплетиста; на случай встрѣчи со своими у него не было ни одной готовой фразы, и онъ заранѣе былъ увѣренъ, что при встрѣчѣ съ женой онъ только улыбнется жалко и глупо, и всѣ поймутъ, какое чувство побудило его прійхать сюда. Отъ электрическаго свѣта, громкой музыки, запаха пудры и отъ того, что встрѣчныя дамы смотрѣли на него, его мучило. А когда онъ, то и дѣло останавливаясь у дверей, старался подсмотреть и подслушать, что дѣлается въ отдѣльныхъ кабинетахъ, то ему казалось, что онъ играетъ за одно съ куплетистомъ и этими дамами какую-то низкую, презрѣнную роль. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Стрѣльну, но и тамъ не встрѣтилъ никого изъ своихъ, и только когда, возвращаясь назадъ, опять подѣзжалъ къ Яру, его съ шумомъ обогнала тройка; пьяный ящикъ кричалъ и явно слышно было, какъ хохоталъ Ярцевъ: «га-га-га!»

Вернулся Лаптевъ домой въ четвертомъ часу, чувствуя себя несчастнымъ и смѣшнымъ. Юлія Сергѣевна была уже въ постели. Замѣтивъ, что она не спитъ, онъ подошелъ къ ней и сказалъ рѣзко:

— Я понимаю ваше отвращеніе, вашу ненависть, но вы могли бы пощадить меня при постороннихъ, скрыть свое чувство.

Она съѣла на постели, спустивъ ноги. При свѣтѣ лампадки глаза у нея казались большими, черными.

— Я прошу извиненія,—проговорила она.

Отъ волненія и дрожи во всемъ тѣлѣ онъ уже не могъ выговорить ни одного слова, а стоялъ передъ ней и молчалъ. Она тоже дрожала и сидѣла съ видомъ преступницы, ожидая объясненія.

— Какъ я страдаю!—сказалъ онъ, наконецъ, и взялъ себя за голову.—Я какъ въ аду, я съ ума сошелъ!

— А мнѣ развѣ легко? —спросила она дрогнувшимъ голозомъ.—Одинъ Богъ знаетъ, каково мнѣ.

— Ты моя жена уже полгода, но въ твоей душѣ ни даже искры любви, нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта! Зачѣмъ ты вышла за меня? —продолжалъ Лаптевъ съ отчаянiемъ.—Зачѣмъ? Какой демонъ толкалъ тебя въ мои объятія? На что ты надѣялась? Иего ты хотѣла?

А она протянула къ нему обѣ руки и смотрѣла на него съ ужасомъ, точно боясь, что онъ убьетъ ее.

— Я тебѣ нравился? Ты любила меня?—продолжалъ, онъ торопясь говорить и задыхаясь.—Нѣтъ! Такъ что же? Что? Говори: кто?—крикнулъ онъ.—О, проклятыя деньги! Проклятыя деньги!

— Блянусь Богомъ, нѣтъ!—вскрикнула она и перекрестилась; она вся сжалась отъ оскорбленія, простонала и онъ въ первый разъ услышалъ, какъ она плачетъ.—Блянусь Богомъ, нѣтъ! —повторила она.—Я не думала о деньгахъ, онѣ мнѣ не были нужны, мнѣ просто казалось, что если я откажу тебѣ, то поступлю дурно. Я боялась испортить жизнь тебѣ и себѣ. И теперь страдаю за свою ошибку, невыносимо страдаю!

Она горько зарыдала, и онъ понялъ, какъ ей больно, и, не зная, что сказать, онъ опустилсѣ передъ ней на коверъ.

— Довольно, довольно,—бормоталъ онъ.—Оскорбилъ я тебя, потому что люблю безумно,—онъ вдругъ поцѣловалъ ее въ ногу и страстно обнялъ.—Хоть искру любви! —бормоталъ онъ.—Ну, долги мнѣ! Солги! Не говори, что это ошибка!...

Но она продолжала плакать и онъ чувствовалъ, что его ласки она переноситъ только какъ неизбежное послѣдствiе своей ошибки. И ногу, которую онъ поцѣловалъ, она поджала подъ себя, какъ птица. Ему стало жаль ея.

— Я, Юля, виноватъ передъ тобой, моя голубка,—сказалъ онъ мягко и погладилъ ее по волосамъ.—Объщаю тебѣ, что больше уже никогда не будетъ такихъ объясненiй.

(за легла и укрылась съ головой, ей уже было стыдно своихъ

слезъ, а онъ раздѣлся и тоже легъ. Утромъ оба они чувствовали смущеніе и не знали, о чемъ говорить, и ему даже казалось, что она нетвердо ступаетъ на ту ногу, которую онъ поцѣловалъ.

Передъ обѣдомъ пріѣзжалъ прощаться Панауровъ. Юлія неудержимо захотѣлось домой на родину; хорошо бы уѣхать, дунав она, и отдохнуть отъ семейной жизни, отъ этого смущенія и постоянного сознанія, что она поступила дурно. Рѣшено было за обѣдомъ, что она уѣдетъ на курьерскомъ съ Панауровымъ и погоститъ у отца недѣли двѣ-три, пока не соскучится.

XI.

Она и Панауровъ ѣхали въ отдѣльномъ купѣ; на головѣ у него былъ картузь изъ барашковаго мѣха какой-то странной формы.

— Да, не удовлетворилъ меня Петербургъ, — говорилъ онъ съ разстановкою, вздыхая. — Общаются много, но ничего опредѣленнаго. Да, дорогая моя. Былъ я мировымъ судьей, непремѣннымъ членомъ, предсѣдателемъ мирового съѣзда, наконецъ, совѣтникомъ губернскаго правленія; кажется, послужилъ отечеству и имѣю право на вниманіе, но вотъ вамъ: нивагъ не могу добиться, чтобы меня перевели въ другой городъ...

Панауровъ закрылъ глаза и покачалъ головой.

— Меня не признаютъ, — продолжалъ онъ, какъ бы засыная. — Конечно, я не гениальный администраторъ, но за то я порядочный, честный человекъ, а по нынѣшнимъ временамъ и это рѣдкость. Баюсъ, иногда женщинъ я обманывалъ слегка, но по отношенію къ русскому правительству я всегда былъ джентльменомъ. Но довольно объ этомъ, — сказалъ онъ, отрывая глаза, — будемъ говорить о васъ. Что это вамъ вздумалось вдругъ ѣхать къ папашѣ?

— Такъ, съ мужемъ немножко не поладила, — засмѣялась Юлія, глядя на его картузь.

— Да, какой-то онъ у васъ странный. Всѣ Лаптевы странные. Мужъ вашъ еще ничего, туда-сюда, но братъ его Федоръ со всѣмъ дуракъ.

Панауровъ вздохнулъ и спросилъ серьезно:

— А любовникъ у васъ уже есть?

Юлія посмотрѣла на него съ удивленіемъ и усмѣхнулась.

— Богъ знаетъ, что вы говорите.

На большой станціи, часу въ одиннадцатомъ, оба вышли и поужинали. Когда поѣздъ пошелъ дальше, Панауровъ снялъ пальто и свой картузикъ и, повидимому, довольный, что время проходитъ такъ не скучно, сѣлъ рядомъ съ Юліей.

— А вы очень милы, надо вамъ сказать, — началъ онъ. — Извините за трактирное сравненіе, вы напоминаете мнѣ свѣже-промоленный огурчикъ; онъ, такъ сказать, еще пахнетъ парникомъ, но уже содержитъ въ себѣ немножко соли и запахъ укропа. Изъ васъ мало-по-малу формируется великолѣпная женщина, чудесная, изящная женщина. Еслибъ эта наша поѣздка происходила лѣтъ пять назадъ, — вздохнулъ онъ, — то я почелъ бы пріятнымъ долгомъ поступить въ ряды вашихъ поклонниковъ, но теперь, увы, и не гоюсь даже въ запасъ. Я инвалидъ.

Онъ грустно и, въ то же время, милостиво улыбнулся и обнялъ ее за талію.

— Вы съ ума сошли! — сказала она, покраснѣла и испугалась такъ, что у нея похолодѣли руки и ноги. — Оставьте, Григорій Николаевичъ!

— Что же вы боитесь, милая? — спросилъ онъ мягко. — Что гуть ужаснаго? Вы просто не привыкли.

Если женщина протестовала, ужасалась, мучилась, то для него это было признакомъ, что онъ произвелъ впечатлѣніе и нравится. Держа Юлію за талію, онъ крѣпко поцѣловалъ ее въ щеку; потомъ въ губы, въ полной увѣренности, что доставляетъ ей большое удовольствіе. Онъ всегда полагалъ, что его вниманіе, близость и прикосновенія къ нему пріятны женщинамъ. Юлія оправилась отъ страха и смущенія, и когда близко увидѣла его красивое лицо и темные, кроткіе, будто женскіе глаза, то стала смѣяться. Онъ поцѣловалъ ее еще разъ и сказалъ, надѣвая свой смѣшной картузь:

— Вотъ и все, что можете дать вамъ инвалидъ. Одинъ турецкій паша, добрый старичокъ, получилъ отъ кого-то въ подарокъ или, кажется, въ наслѣдство цѣлый гаремъ. Когда его молодая, красивая жены выстроились передъ нимъ въ шеренгу, онъ обошелъ ихъ, поцѣловалъ каждую и сказалъ: «Вотъ и все, что я теперь въ состояніи дать вамъ». То же самое говорю и я.

Все это казалось ей глупымъ, необыкновеннымъ и веселило ее. Хотѣлось шалить. Ставши на диванъ и напѣвая, она достала съ полки коробку съ конфетами и кригнула, бросивъ кусочекъ шоколада:

— Ловите!

Онъ поймалъ и сгущалъ съ удовольствіемъ; она бросила ему другую конфету съ громкимъ смѣхомъ, потомъ третью, а онъ все мовилъ и кушалъ, глядя на нее умоляющими глазами, и ей казалось, что въ его лицѣ, въ чертахъ и въ выраженіи много женскаго и дѣтскаго. И когда она, запыхавшись, сѣла на диванъ и продол-

жала смотрѣть на него со смѣхомъ, онъ двумя пальцами дотронулся до ея щеки и проговорилъ какъ бы съ досадою:

— Подлая дѣвчонка!

— Возьмите, — сказала она, подавая ему коробку. — Я не люблю сладкаго.

Онъ съѣлъ конфеты, всѣ до одной, и пустую коробку заперъ къ себѣ въ чемоданъ; онъ любилъ коробки съ картинками.

— Однако, довольно шалить, — сказалъ онъ. — Инвалиду пора бай-бай.

Онъ досталъ изъ портъ-плекда свой бухарскій халатъ и подушку, легъ и укрылся халатомъ.

— Спокойной ночи, голубка! — тихо проговорилъ онъ и вздохнулъ такъ, какъ будто у него болѣло все тѣло.

И скоро послышался храпъ. Не чувствуя никакого стѣсненія, она тоже легла, лицомъ къ спинкѣ, и скоро уснула.

Когда на другой день утромъ она въ своемъ родномъ городѣ ѣхала съ вокзала домой, то улицы казались ей пустынными, безлюдными, снѣгъ сѣрымъ, а дома маленькими, точно кто приплюснулъ ихъ. Встрѣтилась ей процессія: несли покойника въ открытомъ гробѣ, съ хоругвями. «Покойника встрѣтить, говорятъ, къ счастью», — подумала она, но все же ей стало грустно. На окнахъ того дома, въ которомъ жила когда-то Нина Федоровна, теперь были приклеены бѣлые билетки.

Съ замираніемъ сердца она въѣхала въ свой дворъ и позвонила у двери. Ей отворила незнакомая горничная, полная, заспанная, въ теплой ватной кофтѣ. Идя вверхъ по лѣстницѣ, Юлія вспомнила, какъ здѣсь объяснялся ей въ любви Лаптевъ, но теперь лѣстница была немытая, вся въ слѣдахъ. Наверху, въ холодномъ корридорѣ, ожидали больные въ шубахъ. Она была увѣрена, что не встрѣтитъ въ этомъ домѣ ничего новаго и пріятнаго, но все же почему-то сердце у нея сильно билось и она едва шла отъ волненія.

Докторъ, еще больше пополнившій, красный, какъ кирпичъ, и съ взъерошенными волосами, пилъ чай. Увидѣвъ дочь, онъ очень обрадовался и даже прослезился, и ей повезло, что въ жизни этого старика она — единственная радость, и она, растроганная, крѣпко обняла его и дала ему слово прожить съ нимъ до Пасхи. Но когда она, переодѣвшись у себя въ комнатѣ, опять пришла въ столовую, чтобы вмѣстѣ пить чай, онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, засунувъ руки въ карманы, и пѣлъ: «ру-ру-ру», — значить, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Тебѣ въ Москвѣ живется очень весело, — началъ онъ. —

Конечно! Я за тебя очень радъ... Мнѣ же, старику, ничего не нужно. Я скоро издохну и освобожу васъ всѣхъ. И надо удивляться, что у меня такая брѣшная шкура, что я еще живъ! Изумительно!

Дальше онъ называлъ себя старымъ, двужилымъ осломъ, на котораго все взвалили. На него взвалили не только леченіе Нины Федоровны, но даже заботы объ ея дѣтяхъ, ея похороны; нужно было ходить къ ней раза по три въ день, а этотъ хлыщъ Панауновъ ничего знать не хотѣлъ и даже взялъ у него сто рублей займы и до сихъ поръ не отдаетъ.

— Возьми меня въ Москву и посади тамъ въ сумасшедшій домъ!—говорилъ докторъ.—Я сумасшедшій, я наивный ребенокъ, такъ какъ все еще вѣрю въ правду и справедливость!

Затѣмъ онъ упрекалъ ея мужа въ недалководности и насмѣялся надъ нимъ, что онъ хотя и купческаго происхожденія, но не знаетъ своей пользы: не покупаетъ домовъ, которые продаются такъ выгодно.

— Я ему предлагалъ,—говорилъ онъ, пожимая плечами.—Я писалъ ему. И если онъ, чудакъ этакій, не понимаетъ дѣла, то юрчилъ бы мнѣ.

И теперь ужъ Юліи казалось, что въ жизни этого старика она—не единственная радость. Когда онъ принималъ больныхъ и потомъ рѣхалъ на практику, она ходила по всѣмъ комнатамъ, не зная, что дѣлать и о чемъ думать. Ей было грустно, скучно и обидно, что она такъ скоро отвыкла отъ родного города и родного дома, и что ее не тянетъ теперь ни на улицу, ни къ знакомымъ, и при воспоминаніи о прежнихъ подругахъ и о дѣвичьей жизни не становится жаль того, что было и уже не повторится.

Вечеромъ она одѣлась понаряднѣе и пошла ко всеобщей. Но въ церкви были только простые люди и ея великолѣпная шуба и шляпка не произвели никакого впечатлѣнія. И казалось ей, будто въ церкви произошла какая-то перемѣна, уже не было прежняго настроенія и разныя мысли мѣшали молиться. Прежде она любила, когда во всеобщей читали канонъ и пѣвчіе пѣли поэтическіе ирмосы, наприимѣръ, «Отверзу уста моя», любила медленно подвигаться въ толпѣ къ священнику, стоящему среди церкви, и потомъ шущать на своемъ лбу святой елей, теперь же она вспомнила объ этомъ только, когда уже кончилась служба. И, выходя изъ церкви, она не могла подать нищимъ, такъ какъ въ карманахъ у нея уже не было мѣдныхъ денегъ, а были только рубли.

Утромъ она въ постель рано, а уснула поздно. Снились ей все

какіе-то портреты, а передъ разсвѣтомъ приснилась похоронная процессія, которую она видѣла утромъ; открытый гробъ съ мертвецомъ внесли во дворъ и остановились у двери, потомъ долго расчищали гробъ на полотенцахъ и ударили имъ въ дверь: «бу!» И опять: «бу!» И въ третій разъ: «бу-бу!» Юлія вскочила въ ужасъ и зажгла свѣчу. Въ самомъ дѣлѣ, внизу стучали въ дверь и проволочка отъ звонка шуршала по стѣнѣ, но звонка не было слышно.

— Боже мой, это ужасно! — проговорила она. — Этакъ съ ум сойдешь!

Вотъ, слышно, горничная сошла внизъ, потомъ вернулась. Закашлялъ докторъ.

— Барыня! — сказала печально горничная и постучала въ дверь. — Барыня!

— Что такое? — спросила Юлія.

— Вашъ телеграмма!

Юлія набросила капоть и со свѣчей вышла къ ней. Позади горничной стоялъ докторъ, въ нижнемъ бѣльѣ и пальто, и токъ со свѣчей.

— Звонокъ у насъ испортился, — говорилъ онъ, зѣвая съ соню. — Давно бы починить надо.

Юлія распечатала телеграмму и прочла: «Прѣжь ваше здоровье. Ярцевъ, Кочевой».

— Ахъ, какіе дураки! — захохотала она; на душѣ у нея стало легко и весело. — Это знакомые прислали изъ Москвы, — сказала она отцу. — Если бы ты зналъ, какіе они умные, милые! Что и люди!

Вернувшись въ себѣ въ комнату, она тихо умылась, одѣлась, потомъ долго укладывала свои вещи, пока не разсвѣло, а въ полдень уѣхала въ Москву.

ХП.

На Святой недѣлѣ Лаптевы были въ училищѣ живописи на картинной выставкѣ. Отправились они туда всѣмъ домоу, по-московски, взявши съ собой обѣихъ дѣвочекъ, гувернантку Марью Васильевну и Костю. Заплатилъ за всѣхъ Лаптевъ. Увидѣвъ флаги у подъезда, дѣвочки стали очень серьезны, говорили уже шепотомъ и не вошли въ залу, прежде чѣмъ дядя не далъ имъ билетовъ въ руки.

Лаптевъ зналъ фамиліи всѣхъ извѣстныхъ художниковъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ знакомъ и не пропускалъ ни одной

выставки. Иногда лѣтомъ на дачѣ онъ самъ писалъ красками пейзажи и ему казалось, что у него развитое чутье и много вкуса и что еслибъ онъ учился, то изъ него, пожалуй, вышелъ бы хорошій художникъ. Но бывали у него минуты особеннаго настроенія, когда онъ не сомнѣвался, что живопись и скульптура на него не дѣйствуютъ вовсе и что въ нихъ онъ ровно ничего не понимаетъ. За границей онъ заходилъ иногда къ антикваріямъ и съ видомъ знатока осматривалъ древности и высказывалъ свое мнѣніе; антикварій слушалъ внимательно и соглашался, — очевидно, льстилъ его невѣжеству и презиралъ его въ душѣ; и Лаптевъ чувствовалъ это и изъ упрямства покупалъ какую-нибудь вещь, антикварій бралъ съ него, сколько хотѣлъ, и купленный антикъ лежалъ потомъ, забытый въ ящикъ, въ каретномъ сараѣ, пока не исчезалъ неизвѣстно куда. Или, зайдя въ эстампный магазинъ, онъ долго и внимательно осматривалъ картины, бронзу, бездѣлушки, дѣлалъ разныя замѣчанія и вдругъ покупалъ какую-нибудь лубочную рамочку или коробку дрянной бумаги — и выдавалъ свое невѣжество. Дома у него были картины все большихъ размѣровъ, но плохія; хорошія же были дурно повѣшены. Случалось ему не разъ платить дорого за вещи, которыя потомъ оказывались грубою поддѣлкой. И такихъ примѣровъ много. Между тѣмъ, онъ не могъ припомнить ни одного факта, который говорилъ бы за развитое чутье и богатство вкуса. И замѣчательно, что робкій въ собраніяхъ, въ театрѣ, у себя въ амбарѣ, онъ былъ смѣлъ и самоувѣренъ на картинныхъ выставкахъ. Сознаніе, что онъ можетъ купить всѣ эти картины, придавало ему увѣренность, и онъ всякій разъ ловилъ себя на этомъ и ему становилось неловко. А когда онъ, стоя передъ какою-нибудь картиной, высказывалъ громко свое сужденіе, то что-то на самой глубинѣ души, должно быть, совѣсть, шептало ему, что въ немъ это бурлитъ кровь купца-самодура и что онъ, такъ смѣло критикующій художника, мало отличается отъ брата своего Федора, когда тотъ отчитываетъ провинившагося прикащика или учителя.

Юлія Сергѣевна смотрѣла на картины, какъ мужъ, въ кулакъ или бинокль и удивлялась, что люди на картинахъ, какъ живые, а деревья, какъ настоящія; но она не понимала, ей казалось, что на выставкѣ много картинъ одинаковыхъ.

— Это лѣсъ Шишкина, — объяснялъ ей мужъ. — Всегда онъ пишетъ одно и то же... Это не художникъ, а гербаристъ... А вотъ обрати вниманіе: такого лиловаго снѣга никогда не бываетъ... А у этого мальчика лѣвая рука короче правой.

Когда всѣ утомились, и Лаптевъ пошелъ отыскивать Бостю,

чтобы ѣхать домой, Юлія остановилась передъ небольшимъ пейзажемъ и смотрѣла на него равнодушно, со скукой. На переднемъ планѣ рѣчка, черезъ нее бревенчатый мостикъ, на томъ берегу тропинка, исчезающая въ темной травѣ, поле, потомъ справа сосочекъ лѣса, около него костеръ: должно быть, ночное стерегутъ. А вдали догораетъ вечерняя заря.

Юлія вообразила, какъ она сама идетъ по мостику, потомъ тропинкой, все дальше и дальше, а кругомъ тихо, кричатъ сонные дергачи, вдали мигаетъ огонь. И почему-то вдругъ она почувствовала себя одинокой и стало казаться, что эти самыя облачка, которыя протянулись по красной части неба, и лѣсъ, и поле, она видѣла уже давно и много разъ и что если все идти, идти и идти по тропинкѣ, то захочется вѣчной жизни.

— Какъ это хорошо написано! — говорила она, удивляясь и радуясь, что картина стала ей вдругъ понятна. — Посмотри, Алеша! Замѣчаешь, какъ тутъ тихо?

Она старалась объяснить, почему такъ нравится ей этотъ пейзажъ, но ни мужъ, ни Костя не понимали ея. Выраженіе лица у нея было такое, какъ будто она только что очнулась отъ забыты и еще находилась подъ вліяніемъ сна. Она все смотрѣла на пейзажъ съ грустною улыбкой, съ умиленіемъ, и то, что другіе не находили въ немъ ничего особеннаго, волновало ее; потомъ она начала снова ходить по заламъ и осматривать картины, страстно хотѣла понять ихъ и уже ей не казалось, что на выставкѣ много одинаковыхъ картинъ. Когда она, вернувшись домой, въ первый разъ и все время обратила вниманіе на большую картину, висѣвшую въ залѣ надъ роялемъ, то почувствовала къ ней вражду и сказала:

— Охота же имѣть такія картины!

Послѣ того, какъ она побывала на выставкѣ, золотые картины, венеціанскія зеркала съ цвѣтами и картины вродѣ той, что висѣла надъ роялемъ, а также разсужденія мужа и Кости объ искусствѣ уже пугали ее и возбуждали въ ней чувство досады, а порой даже ненависти.

Жизнь текла обыкновенно, изо дня въ день, не обѣщая ничего особеннаго. Театральный и концертный сезонъ уже кончился, наступало теплое время, и уже трудно было придумывать развлеченія. Погода все время стояла превосходная. Какъ-то утромъ Лятевы собрались въ окружной судъ послушать Костю, который защищалъ кого-то по назначенію суда. Они замѣшкались дома и приѣхали въ судъ, когда уже начался допросъ свидѣтелей. Дѣло было неинтересное, кража со взломомъ. Обвинялся запасный рядовой,

золотыхъ дѣлъ мастеръ. Длинный рядъ свидѣтельница, по профессіи прачекъ, показалъ, что подсудимый часто бывалъ у хозяйки, содержательницы прачешной, называя себя ея родственникомъ, и любилъ, чтобъ его угощали, а напившись, всякій разъ обижалъ дѣвушекъ и грозилъ, что наведетъ на всѣхъ нихъ «позолоту», а что это значило, никто не зналъ, но было обидно; подъ Воздвиженье онъ пришелъ поздно вечеромъ и сталъ просить денегъ, чтобы опохмѣлиться, но никто ему не далъ; тогда онъ ушелъ, но черезъ часъ вернулся и принесъ съ собой пива и замокъ для дѣвушекъ. Пили и пѣли пѣсни почти до свѣта, а когда утромъ хватились, то замокъ у входа на чердакъ былъ сломанъ и изъ бѣлья пропало: три мужскихъ сорочки, юбка и двѣ простыни. Костя у каждой свидѣльницы спрашивалъ насмѣшливо: не пила ли она подъ Воздвиженье того пива, которое принесъ подсудимый? Очевидно, онъ гнулъ къ тому, что прачки сами себя обокрали. Говорилъ онъ свою рѣчь нисколько не взволнованный, громко, сердито глядя на присяжныхъ.

Послѣ длиннаго вступленія, совершенно ненужнаго, онъ выпилъ воды и сталъ говорить о каторжной жизни рабочаго класса, о невѣжествѣ, поголовномъ пьянствѣ, голодѣ, о томъ, что у бѣдняка уже ничего не осталось, кромѣ чести, и что даже для такого незамѣтнаго, плюгаваго человѣка, какъ подсудимый, честь дороже всего на свѣтѣ.

Потомъ онъ объяснялъ, что такое кража со взломомъ и простая кража. Говорилъ онъ очень подробно, убѣдительно, жестикулируя обѣими руками, и Лаптевъ, слушая, удивлялся этой его способности говорить долго и серьезнымъ тономъ одни общія мѣста и банальныя истины, которыя давно уже набили всѣмъ оскомину. Онъ возмущался и никакъ не могъ понять: чего собственно Костя хочетъ? Вѣдь, изъ его длинной рѣчи присяжный засѣдатель могъ извѣдать только одинъ выводъ: «взломъ былъ, но кражи не было, какъ какъ бѣлье пропили сами прачки, а если кража была, то безъ валома». Но, очевидно, онъ говорилъ именно то, что нужно было, такъ какъ рѣчь его растрогала присяжныхъ и публику и очень понравилась Юліи. Когда оправданный подсудимый перешелъ на другую скамью, Юлія закивала головой Костѣ и потомъ грѣпко пожала ему руку.

Когда на московскихъ улицахъ распустились тополи и березы, Лаптевы переѣхали на дачу въ Сокольники. Въ это время Юлія была уже беременна. Она переносила свою беременность легко, безъ капризовъ и безъ болѣзней, и только иногда курила папиросы

и сердилась, что ее зовут Юлей, говоря, что это имя къ лицу только хорошенькимъ горничнымъ; и Кочевой, и Ярцевъ, слысъ, называли ее Констанціей.

XIII.

Прошло больше года. Въ Сокольникахъ, не далеко отъ полета Ярославской дороги, сидѣли на травѣ Юлія и Ярцевъ; немного въ сторонѣ лежалъ Кочевой, подложивъ руки подъ голову, и смотрѣлъ на небо. Всѣ трое уже нагулялись и ждали, когда пройдетъ дачный шестичасовой поѣздъ, чтобъ идти домой пить чай.

— Такъ ужъ природа устроила, что матери видятъ въ своихъ дѣтяхъ что-то необыкновенное, — говорила Юлія. — Цѣлые часа мать стоитъ у постельки, смотритъ, какіе у ребенка уши, глаза, носикъ, восхищается и все ей кажется, что она дѣлаетъ открытія. Если вы цѣлуете ребенка или няньчитесь съ нимъ, то ей, бѣдной, кажется, что это доставляетъ вамъ большое удовольствіе. И только и разговору, что о ребенкѣ. Я знаю эту слабость матерей и слѣжу за собой, но, право, моя Оля необыкновенная. Я разсуждаю безпристрастно. Какъ она смотреть, когда сосетъ! Какъ смѣется! Въ только восемь мѣсяцевъ, но, ей-Богу, такихъ умныхъ глазъ я не видала даже у трехлѣтнихъ.

— Скажите, между прочимъ, — спросилъ Ярцевъ, — оттого, что вы такъ сильно любите ребенка, не уменьшилась ли ваша любовь къ мужу?

Юлія пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Я никогда сильно не любила мужа, и Оля — это, въ сущности, моя первая любовь. Вы знаете, я, вѣдь, не по любви шла за Алексѣя. Прежде я была душой, страдала отъ этого, все думала, что погубила и его, и свою жизнь, а теперь вижу, никакой любви не нужно, все вздоръ. Все это, Иванъ Гаврилычъ, одніе выдумки, честное слово.

— Но если не любовь, то какое же чувство заставляетъ васъ жить съ мужемъ?

— Не знаю... Такъ, привычка, должно быть. Я его уважав, мнѣ скучно, когда его долго нѣтъ, но это — не любовь. Для моего счастья достаточно сознанія, что это умный, честный, очень добрый человекъ, что называется, человекъ-рубаха.

— Какая онъ рубаха? — проговорилъ Бостя брезгливо. — Онъ не рубаха, а старая тряпка изъ бабьей юбки. Алеша умный, Алеша добрый, — продолжалъ онъ, лѣниво поднимая голову, — но я-

ная моя, чтобы узнать, что онъ умный, добрый и интересный, нужно съ нимъ три пуда соли съѣсть... Его не узнаешь, пока онъ не раскочается. Это такая рохля! Денегъ онъ вамъ отвалитъ сколько угодно, это онъ можетъ, но гдѣ нужно употребить характеръ и дать отпоръ наглцу и нахалу, тамъ онъ конфузится и падаетъ духомъ. Такіе люди, какъ вашъ любезный Алексисъ, прекрасные люди, но для борьбы они совершенно негодны. И такихъ много-съ, и, благодаря этому, въ нашемъ обществѣ рядомъ съ широкимъ развитіемъ гуманныхъ идей, рядомъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ вы встрѣчаете татарщину и всякія безобразія.

Наконецъ, показался поѣздъ. Изъ трубы валилъ и поднимался надъ рощей совершенно розовый паръ и два окна въ послѣднемъ вагонѣ вдругъ блеснули отъ солнца такъ ярко, что было больно смотрѣть. Поѣздъ быстро промчался и черезъ минуту отъ него осталось одно только воспоминаніе.

— Чай пить! — сказала Юлія Сергѣевна, поднимаясь.

Она въ послѣднее время пополнила и походка у нея была уже дамская, немножко лѣнивая, съ перевальцемъ.

— Положительно не понимаю, господа, что вы всё имѣете противъ любви? — сказалъ Ярцевъ, идя за ней. — Вѣдь, какъ ни философствуйте, а, въ концѣ-концовъ, она, все-таки, благо. Если юдчасъ она бываетъ жестокой и разрушительной, то причина, гдѣ, не въ ней, а въ насъ самихъ. Когда одни сыты, умны и добры, а другіе голодны, глупы и злы, то всякое благо ведетъ только къ раздору, увеличивая неравенство людей. Мы все только говоримъ и читаемъ о любви, но сами мало любимъ, а это мнѣ кажется большимъ пробѣломъ въ нашей жизни.

— Право, все это пустяки, Иванъ Гаврилычъ, — сказала Юлія. — Не въ этомъ счастье.

Чай пили въ садикѣ, гдѣ цвѣли резеда, левкоя, никоціана и уже распускались ранніе шпажники. Ярцевъ и Бочевой по лицу Юліи Сергѣевны видѣли, что она переживаетъ счастливое время душевнаго спокойствія и равновѣсія, что ей ничего не нужно, кромѣ того, что уже есть, и у нихъ самихъ становилось на душѣ покойно, славно. Кто бы что ни сказалъ, все выходило встать и уйти. Сосны были прекрасны и стояли именно тамъ, гдѣ имъ нужно стоять; пахло смолой чудесно, какъ никогда раньше, и сливки были очень вкусны, и Саша была умная, хорошая дѣвочка...

Послѣ чаю Ярцевъ пѣлъ романсы, самъ себѣ аккомпанируя, а Юлія и Бочевой сидѣли молча и слушали, и только Юлія изрѣдка вставала и тихо выходила, чтобы взглянуть на ребенка и на

Лиду, которая вот уже два дня лежала вся въ жару и ничего не ѣла.

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ, — пѣлъ Ярцевъ, — люблю... твоя... твоя...» Нѣтъ, господа, хоть зарѣжьте, — сказалъ онъ и встряхнулъ головой, — не понимаю, почему вы противъ любви! Еслибъ я не былъ занятъ пятнадцать часовъ въ сутки, то непременно бы влюбился.

Ужинать накрыли на террасѣ; было тепло и тихо, но Юлія куталась въ платокъ и жаловалась на сырость. Когда потемнѣло, ей почему-то стало не по себѣ, она все вздрагивала и упрашивала гостей посидѣть подольше; она угощала ихъ виномъ и послѣ ужина приказала подать коньяку, чтобы они не уходили. Ей не хотѣлось оставаться одной съ дѣтьми и прислужгой.

— Мы, дачницы, затѣваемъ здѣсь спектакль для дѣтей, — сказала она. — Уже все есть у насъ — и театръ, и актеры, останемъ только за пьесой. Прислали намъ десятка два разныхъ пьесъ, но ни одна не годится. Вотъ вы любите театръ и хорошо знаете исторію, — обратилась она къ Ярцеву, — нанишите-ка намъ историческую пьесу.

— Что-жь, это можно.

Гости выпили весь коньякъ и собрались уходить. Былъ уже одиннадцатый часъ, а по-дачному это поздно.

— Какъ темно, зги не видать! — говорила Юлія, провожая ихъ за ворота. — И не знаю, какъ вы, господа, дойдете. Но, однако, холодно!

Зубы у нея застучали, она окуталась плотнѣе и пошла назадъ къ крыльцу.

— А мой Алексѣй, должно быть, гдѣ-нибудь въ карты играть! — крикнула она. — Этакій забулдыга! Спокойной ночи!

Послѣ свѣтлыхъ комнатъ не было ничего видно. Ярцевъ и Бостя ощупью, какъ слѣпые, добрались до полотна желѣзной дороги и перешли его.

— Ни черта не видать, — сказалъ Бостя басомъ, останавливаясь, и поглядѣлъ на небо. — А звѣзды-то, звѣзды, точно новенькіе пятиалтынные! Гаврилыч!

— А? — отозвался гдѣ-то Ярцевъ.

— Я говорю: не видать ничего. Гдѣ вы?

Ярцевъ, посвистывая, подошелъ къ нему и взялъ его юдь руку.

— Эй, дачники! — вдругъ закричалъ Бостя во все горло. — Соціалиста поймали!

На-веселѣ онъ всегда былъ очень безпокоенъ, кричалъ, приди-
рался къ городovýmъ и извощикамъ, пѣлъ, неистово хохоталъ.

— Природа, обними меня!—закричалъ онъ.

— Ну, ну, — унималъ его Ярцевъ. — Не надо этого. Прощу
васъ.

Скоро пріятели освоились съ потемками и стали различать си-
луэты высокихъ сосенъ и телеграфныхъ столбовъ. Съ московскихъ
вокзаловъ доносились изрѣдка свистки и жалобно гудѣли проволо-
ки. Сама же роща не издавала ни звука, и въ этомъ молчаніи чув-
ствовалось что-то гордое, сильное, мистическое, и теперь ночью
казалось, что верхушки сосенъ почти касаются неба. Пріятели
отыскивали свою просѣку и пошли по ней. Было тутъ совсѣмъ тем-
но, и только по длинной полосѣ неба, усѣянной звѣздами, да по
тому, что подъ ногами была утоптанная земля, они знали, что
идутъ по аллеѣ. Шли рядомъ молча и обнимъ чудилось, будто на
встрѣчу имъ идутъ какіе-то люди. Хмѣльное настроеніе погнуло
ихъ. Ярцеву пришло въ голову, что, быть можетъ, въ этой рощѣ но-
сятся теперь души московскихъ царей, бояръ и патриарховъ, и хо-
тѣлъ сказать это Костѣ, но удержался: если бы въ этой тишинѣ
раздался человѣческій голосъ, то, пожалуй, стало бы жутко.

Когда вышли къ заставѣ, на небѣ чуть брезжило. Продолжая
молчать, Ярцевъ и Бочевой шли по мостовой мимо дешевыхъ дачъ,
трактировъ, лѣсныхъ складовъ; подъ мостомъ соединительной вѣт-
ви ихъ прохватила сырость, пріятная, съ запахомъ липы, и потомъ
открылась широкая длинная улица и на ней ни души, ни огня...
Когда дошли до Краснаго пруда, уже свѣтало.

— Москва—это городъ, которому придется еще много стра-
дать,—сказалъ Ярцевъ, глядя на Алексѣевскій монастырь.

— Что это вамъ пришло въ голову?

— Такъ. Люблю я Москву.

И Ярцевъ, и Костя родились въ Москвѣ и обожали ее, и относи-
лись съ предубѣжденіемъ къ другимъ городамъ; они были убѣжде-
ны, что Москва—замѣчательный городъ, а Россія—замѣчательная
страна. Въ Крыму, на Кавказѣ и за границей имъ было скучно,
неуютно, неудобно, и свою сѣренькую московскую погоду они на-
ходили самую подходящей для своего здоровья. Дни, когда въ окна
стучитъ холодный дождь и рано наступаютъ сумерки, и стѣны до-
мовъ и церквей принимаютъ бурый, печальный цвѣтъ, и когда, вы-
ходя на улицу, не знаешь, что надѣть, — такіе дни пріятно возбу-
ждали ихъ.

Наконецъ, около вокзала они наняли извощика.

— Въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы написать историческую пьесу, — сказалъ Ярцевъ, — но, знаете, безъ Липуновыхъ и безъ Годуновыхъ, а изъ временъ Ярослава или Мономаха... Я ненавижу русскія историческія пьесы всѣ, кромѣ монолога Пимена. Когда имѣешь дѣло съ какимъ-нибудь историческимъ источникомъ и когда читаешь даже учебникъ русской исторіи, то кажется, что въ Россіи все необыкновенно талантливо, даровито и здорово, но когда я смотрю въ театрѣ историческую пьесу, то русская жизнь начинается казаться мнѣ бездарной, пошлой, нездоровой и я даже забѣваю.

Около Дмитровки пріятели разстались и Ярцевъ поѣхалъ дальше къ себѣ на Никитскую. Онъ дремалъ, покачивался и все думалъ о пьесѣ. Вдругъ онъ услышалъ страшный шумъ, ляганье, крики на какомъ-то непонятномъ, точно бы калмыцкомъ языкѣ; и кака-то деревня, вся охваченная пламенемъ, и сосѣдніе лѣса, покрытые инеемъ и нѣжно-розовые отъ пожара, видны далеко кругомъ и такъ ясно, что можно различить каждую елочку; какіе-то дикіе люди, конные и пѣшіе, носятся по деревнѣ, ихъ лошади и они сами такъ же багровы, какъ зарево на небѣ.

«Это половцы», — думаетъ Ярцевъ.

Одинъ изъ нихъ — старый, страшный, съ окровавленнымъ лицомъ, весь обожженный — привязывается къ сѣдлу молодую дѣвушку съ бѣлымъ русскимъ лицомъ. Старикъ о чемъ-то неистово кричитъ, а дѣвушка смотритъ печально, умно... Ярцевъ встряхнулъ головой и проснулся.

— «Мой другъ, мой нѣжный другъ, — запѣлъ онъ, — люблю...»

Расплачиваясь съ извозчикомъ и потомъ поднимаясь къ себѣ по лѣстницѣ, онъ все никакъ не могъ очнуться, и видѣлъ, какъ пламя перешло на деревья, затрещалъ и задымилъ лѣсъ; громадный дикій кабанъ, обезумѣвшій отъ ужаса, несся по деревнѣ... А дѣвушка, привязанная къ сѣдлу, все смотрѣла.

Когда онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, то было уже свѣтло. На рояли около раскрытыхъ ноть догорали двѣ свѣчи. На диванѣ лежала Разсудина въ черномъ платьѣ, въ кушакѣ, съ газетой въ рукахъ и крѣпко спала. Должно быть, играла долго, ожидая, когда вернется Ярцевъ, и, не дождавшись, уснула.

«Эка, умаялася!» — подумалъ онъ.

Осторожно вынувъ у нея изъ рукъ газету, онъ укрывъ ее п. едомъ, потушилъ свѣчи и пошелъ къ себѣ въ спальню. Ложась, съ думалъ объ исторической пьесѣ и изъ головы у него все не уходилъ мотивъ: «Мой другъ, мой нѣжный другъ»...

Черезъ два дня заѣзжалъ къ нему на минутку Лаптевъ сказать, что Лида заболѣла дифтеритомъ и что отъ нея заразились Юлія Сергѣевна и ребенокъ, а еще черезъ пять дней пришло извѣстіе, что Лида и Юлія выздоровѣли, а ребенокъ умеръ, и что Лаптевы бѣжали изъ своей сокольницкой дачи въ городъ.

XIV.

Лаптеву было уже неприятно оставаться подолгу дома. Жена его часто уходила во флигель подъ предлогомъ, что ей нужно заняться съ дѣвочками, но онъ зналъ, что она ходитъ туда не заниматься, а плакать у Кости. Былъ девятый день, потомъ двадцатый, потомъ сороковой, и все нужно было ѣздить на Алексѣевское кладбище слушать паннихиду и потомъ томиться цѣлыя сутки, думать только объ этомъ несчастномъ ребенкѣ и говорить женѣ въ утѣшеніе разныя пошлости. Онъ уже рѣдко бывалъ въ амбарѣ и занимался только благотворительностью, придумывая для себя разныя заботы и хлопоты, и бывалъ радъ, когда случалось изъ-за какого-нибудь пустяка проѣздить цѣлый день. Въ послѣднее время онъ собирался ѣхать за границу, чтобы познакомиться тамъ съ устройствомъ ночлежныхъ пріютовъ, и эта мысль теперь развлекала его.

Однажды, когда Юлія только что пошла во флигель плакать, а Лаптевъ лежалъ въ кабинетѣ на диванѣ и придумывалъ, куда бы уйти, Петръ доложилъ, что пришла Полина Николаевна. Лаптевъ, обрадованный, вскочилъ и пошелъ на встрѣчу своей бывшей подругѣ. Съ того вечера, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, она нисколько не измѣнилась и была все такая же.

— Полина! — сказалъ онъ, протягивая къ ней обѣ руки. — Сколько зимъ, сколько лѣтъ! Если-бъ вы знали, какъ я радъ васъ видѣть! Милости просимъ!

Разсудина, здороваясь, рванула его за руку и, не снимая пальто и шляпы, вошла въ кабинетъ и сѣла.

— Я къ вамъ на одну минуту, — сказала она. — О пустякахъ мнѣ разговаривать некогда. Извольте сѣсть и слушать. Рады вы меня видѣть или не рады, для меня рѣшительно все равно, такъ какъ милостивое вниманіе ко мнѣ господь мужчинъ я ставлю ни въ грошъ. Если же я пришла къ вамъ, то потому, что была сегодня уже въ пяти мѣстахъ и вездѣ получила отказъ, между тѣмъ, дѣло неотложное. Слушайте, — продолжала она, глядя ему въ глаза, — пять знакомыхъ студентовъ, люди ограниченные и без-

толковые, но не сомнѣнно бѣдные, не внесли платы и ихъ теперь исключаютъ. Ваше богатство налагаетъ на васъ обязанность поѣхать сейчасъ же въ университетъ и заплатить за нихъ.

— Съ удовольствіемъ, Полина.

— Вотъ вамъ ихъ фамиліи, — сказала Разсудина, подавая Лаптеву записку. — Поѣзжайте сію же минуту, а наслаждаться семейнымъ счастьемъ успѣете послѣ.

Въ это время за дверь, ведущую въ гостиную, послышался какой-то шорохъ: должно быть, чесалась собака. Разсудина покраснѣла и вскочила.

— Ваша дульцинея насъ подслушиваетъ! — сказала она. — Это гадно!

Лаптеву стало обидно за Юлію.

— Ея здѣсь нѣтъ, она во флигелѣ, — сказалъ онъ. — И не говорите о ней такъ. У насъ умеръ ребенокъ, и она теперь въ ужасномъ горѣ.

— Можете успокоить ее, — усмѣхнулась Разсудина, опять садясь, — будетъ еще цѣлый десятокъ. Чтобы рожать дѣтей, кому ума не доставало? Самка, машинка для высиживанія цыплятъ! А вы, сударь, годны только на то, чтобы быть самцомъ. Вы безнадешны. Я на васъ уже крестъ поставила.

Лаптевъ вспомнилъ, что это самое или нѣчто подобное онъ слышалъ уже много разъ когда-то давно, и на него пахнуло поэзіей минувшаго, свободой одинокой, холостой жизни, когда ему казалось, что онъ молодъ и можетъ все, что хочетъ, и когда не было любви къ женѣ и воспоминаній о ребенкѣ.

— Поѣдьте вмѣстѣ, — сказалъ онъ, потягиваясь.

Когда пріѣхали въ университетъ, Разсудина осталась ждать у воротъ, а Лаптевъ пошелъ въ канцелярію; немного погодя онъ вернулся и вручилъ Разсудиной пять квитанцій.

— Вы теперь куда? — спросилъ онъ.

— Бъ Ярцеву.

— И я съ вами.

— Но, вѣдь, вы будете мѣшать ему работать!

— Нѣтъ, увѣряю васъ! — сказалъ онъ и посмотрѣлъ на нее умоляюще.

На ней была черная, точно траурная шляпка съ креповою отдѣлкой и очень короткое поношенное пальто, въ которомъ оплывались карманы. Носъ у нея казался длиннѣе, чѣмъ былъ раньше, и въ то время, какъ отъ свѣжаго осенняго вѣтерка у всѣхъ прохожихъ, даже стариковъ, были красныя или розовыя щеки на

ея лицѣ не было ни кровинки. Лаптеву было пріятно идти за ней, повиноваться ей и слушать ея ворчаніе. Онъ шелъ и думалъ про нее: какова, должно быть, оригинальность и внутренняя сила у этой женщины, если, будучи такою некрасивой, угловатой, безпокойной, не умѣя одѣться порядочно, всегда неряшливо причесанная и всегда какая-то нескладная, она, все-таки, обаятельна.

Въ Ярцеву прошли они чернымъ ходомъ, черезъ кухню, гдѣ встрѣтила ихъ кухарка, чистенькая старушка съ сѣдыми будрями и съ маленькимъ лицомъ; она очень сконфузилась, сладко улыбнулась, причежь лицо ея стало похожимъ на пирожное, и сказала:

— Пожалуйте-сь.

Ярцева дома не было. Разсудина сѣла за рояль и принялась за скучные, трудные экзерцисы, приказавъ Лаптеву не мѣшать ей. И онъ не развлекалъ ее разговорами, а сидѣлъ въ сторонѣ и перелистывалъ *Вѣстникъ Европы*. Поигравъ два часа,—это была ея дневная порція,—она поѣла чего-то въ кухнѣ и ушла на уроки. По уходѣ ея, Лаптевъ прочелъ продолженіе какаго-то романа, потомъ долго сидѣлъ, не читая и не испытывая скуки и довольный, что уже опоздалъ домой къ обѣду.

— Га-га-га!—послышался смѣхъ Ярцева и вошелъ онъ самъ, здоровый, бодрый, краснощекій, въ новенькомъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами,—га-га-га!

Пріятели пообедали вмѣстѣ. Потомъ Лаптевъ легъ на диванъ, а Ярцевъ сѣлъ около и закурилъ сигарку. Наступили сумерки.

— Я, должно быть, начинаю старѣть,—сказалъ Лаптевъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ умерла сестра Нина, я почему-то сталъ часто подумывать о смерти.

Заговорили о смерти, о безсмертіи души, о томъ, что хорошо бы въ самомъ дѣлѣ воскреснуть и потомъ полетѣть куда-нибудь на Марсъ, быть вѣчно празднымъ и счастливымъ, а, главное, мыслить какъ нибудь особенно, не по-земному.

— А не хочется умирать,—тихо сказалъ Ярцевъ.— Никакая философія не можетъ помирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто какъ на гибель. Жить хочется.

— Вы любите жизнь, Гаврилычъ?

— Да, люблю.

— А вотъ я никакъ не могу понять себя въ этомъ отношеніи. У меня преобладаетъ мрачное настроеніе или безразличное. Я робокъ, не увѣренъ въ себѣ, у меня трусливая совѣсть, и я никакъ не могу приспособиться къ жизни, стать ея господиномъ. Иной и ворить глаупости или плутуетъ, и такъ жизнерадостно, я же,

случается, сознательно дѣлаю добро и что же?—испытываю при этомъ только безпокойство или полнѣйшее равнодушіе. Все это, Гаврилычъ, объясняю я тѣмъ, что я рабъ, внукъ крѣпостного. Прежде чѣмъ мы, чумазы, выйдемъ на настоящую дорогу, много нашего брата ляжетъ костью!

— Все это хорошо, голубчикъ,—сказалъ Ярцевъ и вздохнулъ.—Это только показываетъ лишній разъ, какъ богата русская жизнь. Ахъ, какъ богата! Знаете, я съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаюсь, что мы живемъ наканунѣ величайшаго торжества, и мнѣ хотѣлось бы дожить, самому участвовать. Хотите вѣрите, хотите нѣтъ, но, по-моему, подростаетъ теперь замѣчательное поколѣніе. Когда я занимаюсь съ дѣтьми, особенно съ дѣвочками, то испытываю наслажденіе. Чудесныя дѣти!

Ярцевъ подошелъ къ роялю и взялъ аккордъ.

— Я химикъ, мыслю химически и умру химикомъ,—продолжалъ онъ.—Но я жаденъ, я боюсь, что умру не насытившись; и мнѣ мало одной химіи, я хватаюсь за русскую исторію, исторію искусствъ, педагогію, музыку... Какъ-то лѣтомъ ваша жена сказала, чтобы я написалъ историческую пьесу, и теперь мнѣ хочется писать, писать; такъ бы, кажется, просидѣлъ трое сутокъ, не вставая, и все писалъ бы. Образы до такой степени истомили меня и такая тѣснота въ головѣ, что я чувствую, какъ въ мозгу моемъ бьется пульсъ. Я вовсе не хочу, чтобы изъ меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ великое, а мнѣ просто хочется жить, мечтать, надѣяться, всюду поспѣвать... Жизнь, голубчикъ, коротка и надо прожить ее со вкусомъ.

Послѣ этой дружеской бесѣды, которая кончилась только въ полночь, Лаптевъ сталъ бывать у Ярцева почти каждый день. Его тянуло къ нему. Обыкновенно онъ приходилъ передъ вечеромъ, ложился и ждалъ его прихода терпѣливо, не ощущая ни малѣйшей скуки. Ярцевъ, вернувшись со службы и пообедавъ, садился за работу, но Лаптевъ задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, и у нихъ начинался разговоръ на самыя разнообразныя темы, а въ полночь пріятели разставались, очень довольные другъ другомъ.

Но это продолжалось не долго. Какъ-то придя къ Ярцеву, Лаптевъ засталъ у него одну Разсудину, которая сидѣла за роялемъ и играла свои экзерцисы. Она посмотрѣла на него холодно, почти враждебно, и спросила, не подавая ему руки:

— Скажите, пожалуйста, когда этому будетъ конецъ?

— Чему этому?—спросилъ Лаптевъ, не понимая.

— Вы ходите сюда каждый день и мѣшаете Ярцеву работа

Ярцевъ не купчишка, а ученый, каждая минута его жизни драгоценна. Надо же понимать и имѣть хотя немножко деликатности!

— Если вы находите, что я мѣшаю,—сказалъ Лаптевъ кротко, смутившись,—то я прекращу свои посѣщенія.

— И прекрасно. Уходите же, а то онъ можетъ сейчасъ придти и застать васъ здѣсь.

Холодный тонъ, какимъ это было сказано, и равнодушные глаза Разсудиной окончательно смутили его. У нея уже не было никакихъ чувствъ къ нему, кромѣ желанія, чтобы онъ поскорѣе ушелъ,—и какъ это не было похоже на прежнюю любовь! Онъ вышелъ, не пожавъ ей руки, и казалось ему, что она облигнетъ его и позоветъ назадъ, но слышались холодныя, безстрастныя гаммы, и онъ, медленно спускаясь по лѣстницѣ, понималъ, что онъ уже чужой для нея.

Дня черезъ три приходилъ къ нему Ярцевъ, чтобы вмѣстѣ провести вечеръ.

— А у меня новость,—сказалъ онъ и засмѣялся: — Га-га-га! Полина Николаевна перебралась ко мнѣ совсѣмъ.—Онъ немножко смутился и продолжалъ въ полголоса: — Что-жь? Конечно, мы не влюблены другъ въ друга, но, я думаю, это не важно. Я радъ, что могу дать ей пріютъ и покой и возможность не работать въ случаѣ, если она заболѣетъ, ей же кажется, что оттого, что она сошлась со мной, въ моей жизни будетъ больше порядка и что подъ ея вліяніемъ я сдѣлаюсь великимъ ученымъ. Га-га-га!

Лаптевъ молчалъ. Ярцевъ прошелся по кабинету, посмотрѣлъ на картины, которыя онъ уже видѣлъ много разъ раньше, и сказалъ, вздыхая:

— Да, другъ мой. Я старше васъ на три года и мнѣ уже поздно думать о настоящей любви съ поцѣлуями и цвѣтами, и, въ сущности, такая женщина, какъ Полина Николаевна, для меня находка и, конечно, я проживу съ ней благополучно до самой старости, но чортъ его знаетъ, все чего-то жалко, все чего-то хочется и все кажется мнѣ, будто я лежу въ долинѣ Дагестана и снится мнѣ балъ, а на этомъ балу сидитъ одна, молодая, поэтическая, прекрасная, какъ небо, и думаетъ обо мнѣ. Однимъ словомъ, никогда человѣкъ не бываетъ доволенъ тѣмъ, что у него есть.

Онъ пошелъ въ гостиную, хохоталъ тамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и пѣлъ Юліи Сергѣевнѣ романсы, а Лаптевъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, закрывши глаза, старался понять, почему Разсудина сошлась съ Ярцевымъ, и объяснялъ себѣ это тѣмъ, что женщина не можетъ долго оставаться безъ привязанности. А потому

онъ все грустилъ, что нѣтъ прочныхъ, постоянныхъ привязанностей, и ему было досадно, что Полина Николаевна сошлась съ Ярцевымъ, и досадно на себя, что чувство его къ женѣ было уже совсѣмъ не то, что раньше.

XV.

Лаптевъ сидѣлъ въ креслѣ и читалъ, покачиваясь; Юлія была тутъ же въ кабинетѣ и тоже читала. Казалось, говорить было не о чемъ и оба съ утра молчали. Изрѣдка онъ посматривалъ на нее черезъ книгу и думалъ: женишься по страстной любви или совсѣмъ безъ любви, — не все ли равно? И то время, когда онъ ревновалъ, волновался, страдалъ, дѣлалъ глупости, представлялось ему теперь далекимъ и не серьезнымъ, и онъ уже готовъ былъ по-прежнему увѣрять, что любви никакой нѣтъ, а есть лишь физическое влеченіе половъ, психозъ и проч. Онъ успѣлъ уже побывать за границей, и теперь отдыхалъ отъ поѣздки и рассчитывалъ съ наступленіемъ весны опять поѣхать въ Англію, гдѣ ему очень понравилось.

А Юлія Сергѣевна привыкла къ своему горю, уже не ходила во флигель плакать и, повидимому, чувствовала себя покойно. Въ эту зиму она уже не ѣздила по магазинамъ, не бывала въ театрахъ и на концертахъ, а оставалась дома. Въ московской квартирѣ, какъ въ домѣ своего отца, она не любила залы и гостиной, и всегда была или въ кабинетѣ мужа, или у себя въ комнатѣ, гдѣ у нея были кіоты, полученные въ приданое, и висѣлъ на стѣнѣ тотъ самый пейзажъ, который такъ понравился ей на выставкѣ. Денегъ на себя она почти не тратила и проживала теперь такъ же мало, какъ когда-то въ домѣ отца.

Зима протекала не весело. Вездѣ въ Москвѣ играли въ карты, но если вмѣсто этого придумывали какое-нибудь другое развлеченіе, напримѣръ, пѣли, читали, рисовали, то выходило еще скучнѣе и гости, расходясь, обыкновенно чувствовали раздраженіе противъ хозяевъ или распорядителей и говорили: «Богъ знаетъ, какая скука!» Недоставало темперамента и искренней веселости. И оттого, что въ Москвѣ было мало талантливыхъ людей и на всѣхъ вечерахъ участвовали все одни и тѣ же пѣвцы и чтецы, само наслажденіе искусствомъ мало-по-малу пріѣлось и превратилось для многихъ въ скучную, однообразную обязанность.

Къ тому же, у Лаптевыхъ не проходило ни одного дня безъ огорченій. Старикъ Федоръ Степановичъ видѣлъ очень плохо и уже в

ывалъ въ амбарѣ, и глазные врачи говорили, что онъ скоро ослѣп-
еть; Федоръ тоже почему-то пересталъ бывать въ амбарѣ, а сидѣлъ
се время дома и что-то писалъ. Панауровъ получилъ переводъ въ
ругой городъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣт-
ники и теперь жилъ въ «Дрезденѣ» и почти каждый день пріѣзжалъ
къ Лаптеву просить денегъ. Бишь, наконецъ, вышелъ изъ универ-
ситета и, въ ожиданіи, пока Лаптевы найдутъ ему какую-нибудь
олжность, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ, рассказывая
линные, скучныя исторіи. Все это, вмѣстѣ взятое, раздражало и
томляло и дѣлало будничную жизнь непріятной.

Вошелъ въ кабинетъ Петръ и доложилъ, что пришла какая-то
незнакомая дама. Лаптевъ взялъ карточку и прочелъ: «Жозефина
осифовна Миланъ».

— Проси,— сказалъ онъ,— но предупреди, что я занятъ.

Юлія Сергѣевна лѣниво поднялась съ chaise longue и вышла,
медва прихрамывая, такъ какъ отсидѣла ногу. Въ дверяхъ пока-
залась дама, худая, очень блѣдная, съ темными бровями, одѣтая
во все черное. Она сжала на груди руки и проговорила съ мольбой:

— Мосье Лаптевъ, спасите моихъ дѣтей!

И по звону ея браслетовъ, и по пятнамъ пудры на лицѣ Лап-
тевъ узналъ въ ней ту самую даму, у которой какъ-то передъ
свадьбой ему пришлось такъ некстати пообѣдать. Это была неза-
конная жена Панаурова.

— Спасите моихъ дѣтей! — повторила она и лицо ея задро-
вало и стало вдругъ старымъ и жалкимъ, и глаза покраснѣли.—
Только вы одинъ можете спасти насъ, и потому я пріѣхала къ вамъ
въ Москву на послѣднія деньги! Дѣти мои умрутъ съ голоду!

Она сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла стать на ко-
лѣни. Лаптевъ испугался и схватилъ ее за руки повыше локтей и
ощупалъ очень мягкое тѣло и тонкія кости, и ему стало немножко
гадко.

— Садитесь, садитесь... — бормоталъ онъ, усаживая ее.—
Прошу васъ, садитесь.

— У насъ теперь нѣтъ денегъ, чтобы купить себѣ хлѣба,—
сказала она.— Григорій Николаевичъ уѣзжаетъ на новую долж-
ность, но меня съ дѣтьми не хочетъ брать съ собой, и тѣ деньги,
которые вы, великодушный человѣкъ, присылали намъ, тратить
только на себя. Что же намъ дѣлать? Что? Бѣдныя, несчастныя
дѣти!

— Успокойтесь, прошу васъ. Я прикажу въ конторѣ, чтобы
эти деньги высылали на ваше имя.

Она зарыдала, потомъ успокоилась и продолжала, глядя на него красными глазами, и онъ замѣтилъ, что отъ слезъ у нея на нанудренныхъ щекахъ прошли дорожки и что у нея растутъ усы, и опять почувствовалъ физическое отвращеніе.

— Вы великодушны безъ конца, мосьё Лаптевъ. Но будьте нашимъ ангеломъ, нашею доброю феей, уговорите Григорія Николаевича, чтобы онъ не покидалъ меня, а взялъ съ собой. Вѣдь, я его люблю, люблю безумно, онъ моя отрада. Я не могу безъ него жить, и если онъ оставитъ меня, то я убью себя и дѣтей.

Лаптевъ далъ ей сто рублей и пообѣщалъ поговорить съ Панауровымъ и, провожая ее до передней, все боялся, какъ бы она не зарыдала или не стала на колѣни.

Послѣ нея пришелъ Бишъ. Потомъ пришелъ Костя съ фотографическимъ аппаратомъ. Въ послѣднее время онъ увлекался фотографіей и каждый день по нѣскольку разъ снималъ Юлію Сергѣевну, дѣвочекъ и Петра. Это новое занятіе приносило ему много огорченій и онъ даже похудѣлъ.

Передъ вечернимъ чаемъ пришелъ Федоръ. Сѣвши въ кабинетъ въ уголь, онъ раскрылъ книгу и долго смотрѣлъ все въ одну страницу, повидимому, не читая. Потомъ долго пилъ чай; лицо у него было красное. Въ его присутствіи Лаптевъ чувствовалъ на душѣ тяжесть; даже молчаніе его было ему почему-то неприятно, и онъ старался не заходить въ кабинетъ, но какъ-то зашелъ, чтобы взять папиросъ, и въ это время Федоръ взглянулъ на него и сказалъ:

— Можешь поздравить Россію съ новымъ публицистомъ. Вирочемъ, шулки въ сторону, разрѣшился, братъ, я одною статеичкой, проба пера, такъ сказать, и принесть тебѣ показать. Прочти, голубчикъ, и скажи свое мнѣніе. Только искренно.

Онъ вынулъ изъ кармана тетрадку и подалъ ее брату. Статья называлась такъ: *Русская душа*; написана она была тяжелымъ, претенціознымъ слогомъ, какимъ пишутъ обыкновенно неталантливые, неискренніе, втайнѣ озлобленные люди, и главная мысль ея, какъ понялъ Лаптевъ, прочитавши, была такая: русской православной душѣ присущъ идеализмъ въ высшей степени, составляя ея главную и основную черту; западникъ можетъ не вѣрить въ сверхъестественное, но онъ обязанъ скрывать это свое невѣріе, чтобы не производить соблазна и не колебать въ людяхъ вѣры; безъ вѣры нѣтъ идеализма, а идеализму предопредѣлено спасти Европу и указать человѣчеству настоящій путь.

— Но тутъ ты не пишешь, отъ чего надо спасать Европу, —

сказалъ Лаптевъ, испытывая ненависть къ тетрадеѣ и къ почерку брата.

— Это понятно само собой.

— Ничего не понятно, — сказалъ Лаптевъ и прошелся въ волненіи. — Не понятно, для чего это ты написалъ. Впрочемъ, это твое дѣло.

— Хочу издать отдѣльною брошюрой.

— Это твое дѣло.

Помолчали минуту. Федоръ вздохнулъ и сказалъ:

— *Alia jacta est*. Я остановился на этомъ направленіи и буду держаться его честно до самой смерти. И мнѣ глубоко, безконечно жаль, что мы съ тобой разны мыслимъ. Ахъ, Алеша, Алеша, братъ мой милый! Мы съ тобой люди русскіе, православные, широкіе люди; къ лицу ли намъ всѣ эти нѣмецкія и жидовскія идеешки? Вѣдь, мы съ тобой не прохвосты какіе-нибудь, а представители именитаго купеческаго рода.

— Какой тамъ именитый родъ? Дранный родъ! — крикнулъ Лаптевъ въ сильномъ гнѣвѣ и швырнулъ стулъ къ камину. — Дранный, хамскій родъ! Дѣдъ нашъ уже не былъ крѣпостнымъ, но мнѣ за достовѣрное извѣстно, что помѣщики его драли, драли... и каждый послѣдній чиновничиха билъ его въ морду. Отца дралъ дѣдъ, меня и тебя дралъ отецъ. Дранный, поганый, подлый родъ!

Лаптевъ быстро вышелъ, но тотчасъ же вернулся и продолжалъ, ударивъ кулакомъ по столу:

— Что намъ съ тобой далъ этотъ твой именитый родъ? Какіе нервы и какую кровь мы получили въ наслѣдство? Ты вотъ уже почти три года разсуждаешь, какъ дьячокъ, говоришь всякій вздоръ и вотъ написалъ, — вѣдь, это холопскій бредъ! А я, а я? Посмотри на меня... Какъ моллюскъ, мозглякъ какой-то, ни гибкости, ни смѣлости, ни сильной воли; я боюсь за каждый свой шагъ, точно меня выпорять, я робѣю передъ ничтожествами, идіотами и скотами, стоящими неизмѣримо ниже меня умственно и нравственно; я боюсь дворниковъ, швейцаровъ, полныхъ дамъ, а за границей я хожу, какъ виноватый... Я родился отъ затравленной матери, съ дѣтства я забить и запуганъ!... Мы съ тобой хорошо сдѣлаемъ, если не будемъ имѣть дѣтей. Нами долженъ кончиться этотъ родъ, иначе, — и я въ этомъ глубоко убѣжденъ, — въ слѣдующихъ поколѣніяхъ мы дадимъ только трусовъ, преступниковъ и сумасшедшихъ!

Федоръ вздрогнулъ и сказалъ:

— Это грубо, Алеша. Не надо такъ.

Въ кабинетъ вошла Юлія Сергѣевна и сѣла у стола.

— Вы о чемъ-то тутъ спорили? — сказала она. — Я не помѣшала?

— Нѣтъ, сестреночка, — отвѣтилъ Федоръ, — разговоръ у насъ принципиальный. Вотъ ты говоришь: такой-сякой родъ, — обратился онъ къ брату, — однако же, этотъ родъ создалъ и держитъ къ рублямъ миллионное дѣло. Это чего-нибудь да стоитъ!

— Велика важность — миллионное дѣло! Мужикъ безъ особеннаго ума, безъ способностей затрачиваетъ на булавки и нитки десять рублей, случайно становится торгашомъ, потомъ богачомъ, торгуетъ изо дня въ день, безъ всякой системы, безъ опредѣленныхъ цѣлей, не имѣя даже жадности къ деньгамъ, торгуетъ машинально, и деньги сами идутъ къ нему, а не онъ къ нимъ. И совсѣмъ ему не нужна эта торговля. Онъ самодуръ, а не дѣлецъ. Онъ всю жизнь сидитъ у дѣла и любитъ его потому только, что можетъ начальствовать надъ прикащиками, издѣваться надъ покупателями. Отецъ старостой въ церкви потому, что тамъ можно начальствовать надъ пѣвчими и гнуть ихъ въ дугу; онъ попечитель школы потому, что ему правится сознавать, что учитель — его подчиненный и что онъ можетъ разыгрывать передъ нимъ начальство. Купецъ — самодуръ любитъ начальствовать. Да, для такой торговли, какъ ваша, нужны прикащики обезличенные, обездоленные, и вы сами приготовляете себѣ такихъ, заставляя ихъ съ дѣтства кланяться вамъ въ ноги за кусокъ хлѣба, и съ дѣтства вы приучаете ихъ къ мысли, что вы — ихъ благодѣтели. Небойсь вотъ университетскаго человѣка ты въ амбаръ къ себѣ не возьмешь!

— Университетскіе люди для нашего дѣла не годятся.

— Неправда! — крикнулъ Лаптевъ. — Ложь!

— Извини, мнѣ кажется, ты плюешь въ колодезь, изъ котораго пьешь, — сказалъ Федоръ и всталъ. — Наше дѣло тебѣ ненавистно, однако же, ты пользуешься его доходами.

— Ага, договорились! — засмѣялся Лаптевъ, глядя съ ненавистью на брата. — Да не принадлежи я къ вашему именитому роду, будь у меня хотя на грошъ воли и смѣлости, я давно бы швырнулъ отъ себя эти доходы и пошелъ бы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но вы въ своемъ амбарѣ съ дѣтства обезличили меня, и я теперь въ вашей власти. Я вашъ!

Федоръ взглянулъ на часы и сталъ торопливо прощаться. Онъ поцѣловалъ руку Юліи и вышелъ, но, вмѣсто того, чтобы идти въ переднюю, въ сильномъ замѣшательствѣ прошелъ въ гостиную, потомъ въ спальню.

— Я забылъ расположеіе комнатъ,—сказалъ онъ.—Странный домъ. Не правда ли, странный домъ?

Когда онъ надѣвалъ шубу, то былъ будто ошеломленъ, и лицо его выражало боль. Лаптевъ уже не чувствовалъ гнѣва; онъ испугался и, въ то же время, ему стало стыдно и жалъ Федора; та теплая, хорошая любовь къ брату, которая, казалось, погасла въ немъ въ эти три года, теперь проснулась въ его груди и онъ почувствовалъ сильное желаніе выразить эту любовь.

— Ты, Федя, приходи завтра къ намъ обѣдать,—сказалъ онъ и погладилъ его по плечу.—Придешь?

— Да, да. Но дайте мнѣ воды.

Лаптевъ самъ побѣжалъ въ столовую, взялъ въ буфетѣ, что первое попалось ему подъ-руки,—это была высокая пивная кружка,—налилъ воды и принесъ брату. Федоръ сталъ жадно пить, но вдругъ укусилъ кружку, послышался скрежетъ, потомъ рыданіе. Вода полилась на шубу, на сюртукъ. И Лаптевъ, никогда раньше не выдавшій плачущихъ мужчинъ, въ смущеніи и испугѣ, считая себя виноватымъ, стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Онъ растерянно смотрѣлъ, какъ Юлія и горничная сняли съ Федора шубу и повели его обратно въ комнаты, и самъ пошелъ за ними и легъ въ изнеможеніи на диванъ, первый разъ въ жизни чувствуя себя серьезно несчастнымъ, и ему хотѣлось умереть.

А Юлія уложила Федора и опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Это ничего,—утѣшала она.—Это у васъ нервы...

— Голубушка, мнѣ такъ тяжело!—говорилъ онъ.—Я несчастливъ, несчастливъ... но все время я скрывалъ, скрывалъ!

Онъ обнялъ ее за шею и прошепталъ ей на ухо:

— Я каждую ночь вижу сестру Нину. Она приходитъ и садится въ кресло возлѣ моей постели...

Когда часъ спустя, успокоившись, онъ опять надѣвалъ въ передней шубу, то уже улыбался и ему было совѣстно горничной. Лаптевъ поѣхалъ проводить его на Пятницкую.

— Ты пріѣзжай къ намъ завтра обѣдать,—говорилъ онъ докторой, держа его подъ-руку,—а на Пасху поѣдемъ виѣсть за границу. Тебѣ необходимо провѣтриться, а то ты совсѣмъ закисъ.

— Да, да. Я поѣду, я поѣду... И сестреночку съ собой всзьмемъ.

Вернувшись домой, Лаптевъ засталъ жену въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Происшествіе съ Федоромъ потрясло ее, и она никакъ не могла успокоиться. Она не плакала, но была очень блѣдная и металась въ постели, какъ отравленная, и цѣпко хваталась

холодными пальцами за одѣяло, за подушку, за руки мужа. Глаза у нея были большіе, испуганные.

— Не уходи отъ меня, не уходи,—говорила она мужу.—Слажи, Алеша, отчего я перестала Богу молиться? Гдѣ моя вѣра? Ахъ, зачѣмъ вы при мнѣ говорили о религіи? Вы смутили меня, ты и твои друзья. Я уже не молюсь.

Онъ вжалъ ей на лобъ компрессы, согрѣвалъ ей руки, поилъ ее чаемъ, а она жалась къ нему въ страхъ и бормотала:

— Страшно жить!... Сегодня на улицѣ я видѣла слѣпотаго ребенка. Надо скопить двадцать-тридцать милліоновъ и помогать.. спасать людей... Страшно, страшно!...

Къ утру она утомилась и уснула, а Лаптевъ сидѣлъ возлѣ и держалъ ее за руку. Такъ ему и не удалось уснуть. Цѣлый день потомъ онъ чувствовалъ себя разбитымъ, тупымъ, ни о чемъ не думалъ и вяло бродилъ по комнатамъ. Приходилъ послѣ обѣда Панауровъ и говорилъ съ нимъ о госпожѣ Миланъ, а онъ не слушалъ и соглашался.

— Она вамъ жаловалась, что я бросаю ее,—говорилъ Панауровъ.—Но это вздоръ, мой милый. Я хочу только убѣдить ее, что моя новая должность несовмѣстима со свободною любовью, и что если увидать у меня въ домѣ гражданскую супругу, то, пожалуй, попросятъ меня подать въ отставку. И если мы будемъ жить въ разныхъ городахъ, то отъ этого намъ обоимъ и дѣтямъ не будетъ хуже.

— Да, да, да...—согласился Лаптевъ.

— А любовь и всё эти страстные чувства такому перестарку, какъ она, пора уже бросить. Глупо, вѣдь. Что же касается, мой дорогой, финансовой стороны вопроса, то она превосходно рѣшена вами. Она говорила, что вы обѣщали высылать ей ежемѣсячно по двѣсти сорокъ рублей. Что-жь? Это прекрасно. Дорогой другъ, а мой новый адресъ, надѣюсь, вы уже сообщили въ конторѣ?—спросилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Да, да, да...

XVI.

Доктора свазали, что у Федора прогрессивный параличъ. Лаптевыми овладѣла тревога и такое чувство, какъ будто всѣмъ имъ угрожала опасность погибнуть. Алексѣй Федоровичъ не зналъ, что дѣлается на Пятницкой, а темный амбаръ, въ которомъ уже не показывались ни старикъ, ни Федоръ, производилъ на него

впечатлѣніе склепа. Когда жена говорила ему, что ему необходимо каждый день бывать и въ амбарѣ, и на Пятницкой, онъ или молчалъ, или же начиналъ съ раздраженіемъ говорить о своемъ дѣтствѣ, о томъ, что онъ не въ силахъ простить отцу своего прошлаго, что Пятницкая и амбаръ ему ненавистны и проч.

Въ одно изъ воскресеній, утромъ, Юлія сама поѣхала на Пятницкую. Она застала старика Федора Степановича въ той самой залѣ, въ которой когда-то, по случаю ея пріѣзда, служили молебень. Онъ въ своемъ парусинномъ пиджакѣ, безъ галстука, въ туфляхъ, сидѣлъ неподвижно въ креслѣ и моргалъ слѣпыми глазами.

— Это я, ваша невѣстка, — сказала она, подходя къ нему. — Я пріѣхала провѣдать васъ.

Онъ сталъ тяжело дышать отъ волненія. Она, тронутая его несчастьемъ, его одиночествомъ, поцѣловала ему руку, а онъ ощущалъ ея лицо и голову и, какъ бы убѣдившись, что это она, перекрестилъ ее.

— Спасибо, спасибо, — сказалъ онъ. — А я вотъ глаза потерялъ и ничего не вижу... Одно чуть-чуть вижу и огонь тоже, а людей и предметы не замѣчаю. Да, я слѣпну, Федоръ заболѣлъ, и безъ хозяйскаго глаза теперь плохо. Если случится какой безпорядокъ, то взыскать некому; избалуется народъ. А отчего это Федоръ заболѣлъ? Отъ простуды, что ли? А я вотъ никогда не хворалъ и никогда не лечился. Никакихъ я докторовъ не зналъ.

И старикъ, по обыкновенію, сталъ хвастать. Между тѣмъ, прислуга торопливо накрывала въ залѣ на столъ и ставила закуски и бутылки съ винами. Было поставлено бутылокъ десять и одна изъ нихъ имѣла видъ Эйфелевой башни. Подали полное блюдо горячихъ пирожковъ, отъ которыхъ пахло варенымъ рисомъ и рыбой.

— Прощу дорогую гостью закусить, — сказалъ старикъ.

Она, готовая заплакать отъ состраданія, взяла его подъ руку и подвела къ столу и налила ему воды.

— Я къ вамъ и завтра пріѣду, — сказала она, — и привезу съ собой вашихъ внучекъ, Сашу и Лиду. Онѣ будутъ жалѣть и ласкать васъ.

— Не нужно, не привозите. Онѣ незаконныя.

— Почему же незаконныя? Вѣдь, отецъ и мать ихъ были повѣнчаны.

— Безъ моего позволенія. Я не благословлялъ ихъ и знать не хочу. Богъ съ ними.

— Странно вы говорите, Федоръ Степановичъ, — вздохнула

Юлія.— Неужели вы еще не простили вашей дочери? Вѣдь, ее не прощать нужно, а молиться на нее. Она была святая.

— Въ евангеліи сказано: дѣти должны уважать и бояться своихъ родителей.

— Ничего подобнаго. Въ евангеліи сказано, что мы должны прощать даже врагамъ своимъ.

— Въ нашемъ дѣлѣ нельзя прощать. Если будешь всѣхъ прощать, то черезъ три года въ трубу вылетитъ.

— Но простить, сказать ласковое, привѣтливое слово человеку, даже виноватому,—это выше дѣла, выше богатства!

Юліи хотѣлось смягчить старика, внушить ему чувство жалости къ себѣ и къ людямъ, пробудить въ немъ раскаяніе, но все, что она говорила, онъ выслушивалъ только снисходительно, какъ взрослые слушаютъ дѣтей. Онъ, попрежнему, былъ гордецомъ, самохваломъ, несмотря на слѣпоту и одиночество, и не откуда было взяться раскаянію, такъ какъ онъ считалъ себя высшимъ, непогрѣшимымъ существомъ и уважалъ свое прошлое.

— Федоръ Степановичъ,—сказала Юлія рѣшительно,—вы уже стары и скоро Богъ призоветъ васъ къ себѣ; Онъ спроситъ васъ не о томъ, какъ вы торговали и хорошо ли шли ваши дѣла, а о томъ, были ли вы милостивы къ людямъ; не были ли вы суровы къ тѣмъ, кто слабѣе васъ, на примѣръ, къ прислугѣ, къ прикащикамъ?

— Для своихъ служащихъ я былъ всегда благодѣтелемъ и они должны за меня вѣчно Бога молить,—сказалъ старикъ съ убѣжденіемъ, но, тронутый искреннимъ тономъ Юліи и желая доставить ей удовольствіе, онъ сказалъ: — Хорошо, привозите завтра вѣчекъ. Я велю имъ подарочковъ купить.

Старикъ былъ неаккуратно одѣтъ, и на груди и на колѣняхъ у него былъ сигарный пепелъ; повидимому, никто не чистилъ ему ни сапогъ, ни платья. Ризъ въ пирогахъ былъ недоваренъ, отъ скатерти пахло мыломъ, прислуга громко стучала ногами. И старикъ, и весь этотъ домъ на Пятницкой имѣли заброшенный видъ, и Юліи, которая это чувствовала, стало стыдно за себя и за мужа.

— Я къ вамъ непременно приѣду завтра,—сказала она.

Она прошлась по комнатамъ и приказала убрать въ спальнѣ старика и зажечь у него лампаду. Федоръ сидѣлъ у себя въ комнатѣ смотрѣлъ въ раскрытую книгу, не читая; Юлія поговорила съ нимъ и у него тоже велѣла убрать, потомъ пошла внизъ къ прикащикамъ. Среди комнаты, гдѣ обѣдали прикащики, стояла деревянная некрашенная колонна, подпиравшая потолокъ, чтобы онъ не обрушился; потолоки здѣсь были низкіе, стѣны оклеены дешевыми обо-

ими, было угарно и пахло кухней. По случаю праздника, всё прикащики были дома и сидѣли у себя на кроватяхъ въ ожиданіи объѣда. Когда вошла Юлія, они вскочили съ мѣстъ и на ея вопросы отвѣчали робко, глядя на нее изподлобья, какъ арестанты.

— Господа, какое у васъ, однако, дурное помѣщеніе! — сказала она, всплескивая руками. — И вамъ здѣсь не тѣсно?

— Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ, — сказалъ Магѣвичевъ. — Много вами довольны и возносимъ наши молитвы милосердному Богу о здравіи благодѣтелей нашихъ.

— Соотвѣтствіе жизни по амбиціи личности, — сказалъ Початкинъ.

И, замѣтивъ, что Юлія не поняла Початкина, Магѣвичевъ поспѣшилъ пояснить:

— Мы маленькіе люди и должны жить соотвѣтственно званію.

Она осмотрѣла помѣщеніе для мальчиковъ и кухню, познакомилась съ экономкой и осталась очень недовольна.

Вернувшись домой, она сказала мужу:

— Мы должны какъ можно скорѣе перебраться на Пятницкую и жить тамъ. И ты каждый день будешь ѣздить въ амбаръ.

Потомъ оба сидѣли въ кабинетѣ рядомъ и молчали. У него было тяжело на душѣ и не хотѣлось ему ни на Пятницкую, ни въ амбаръ, но онъ угадывалъ, о чемъ думаетъ жена, и былъ не въ силахъ противорѣчить ей. Онъ погладилъ ее по щекѣ и сказалъ:

— У меня такое чувство, какъ будто жизнь наша уже кончилась, а начинается теперь для насъ сѣрая полужизнь, состоящая изъ одной скуки. Когда я узналъ, что братъ Ѳедоръ безнадежно боленъ, я заплакалъ; мы вмѣстѣ прожили наше дѣтство и юность, когда-то я любилъ его всею душой и вотъ тебѣ катастрофа, и мнѣ кажется, что, теряя его, я окончательно разрываю со своимъ прошлымъ. А теперь, когда ты сказала, что намъ необходимо переѣзжать на Пятницкую, въ эту тюрьму, то мнѣ стало казаться, что у меня нѣтъ уже и будущаго.

Онъ всталъ и отошелъ къ огню.

— Какъ бы то ни было, придется проститься съ мыслями о счастья, — сказалъ онъ, глядя на улицу. — Его нѣтъ. Его не было никогда у меня и, должно быть, оно невозможно. Впрочемъ, разъ въ жизни я былъ счастливъ, когда сидѣлъ ночью подъ твоимъ зонтикомъ. Помнишь, какъ-то у сестры Нины ты забыла свой зонтикъ? — обернулся онъ къ женѣ. — Я тогда былъ влюбленъ въ тебя и, помню, всю ночь просидѣлъ подъ этимъ зонтикомъ и испыталъ блаженное состояніе.

Въ кабинетѣ около шкафовъ съ книгами стоялъ комодъ изъ краснаго дерева съ бронзой, въ которомъ Лаптевъ хранилъ разныя ненужныя вещи, въ томъ числѣ зонтикъ. Онъ досталъ его и подаль женѣ.

— Вотъ онъ.

Юлія минуту смотрѣла на зонтикъ, узнала и грустно улыбулась.

— Помню,—сказала она.—Богда ты объяснялся мнѣ въ любви, то держалъ его въ рукахъ,—и, замѣтивъ, что онъ собирается уходить, она сказала:—Если можно, пожалуйста, возвращайся пораньше. Безъ тебя мнѣ скучно.

И потомъ она ушла къ себѣ въ комнату и долго смотрѣла на зонтикъ.

XVII.

Въ амбарѣ, несмотря на сложность дѣла и на громадный оборотъ, бухгалтера не было и изъ книгъ, которыя велъ конторщикъ, ничего нельзя было понять. Каждый день приходили въ амбаръ коммисіонеры, нѣмцы и англичане, съ которыми прикащики говорили о политикѣ и религіи; приходилъ спившійся дворянинъ, большой, жалкій человекъ, который переводилъ въ конторѣ иностранную корреспонденцію; прикащики называли его фитюлькой и поили его чаемъ съ солью. И въ общемъ вся эта торговля представлялась Лаптеву какимъ-то большимъ чудачествомъ.

Онъ каждый день бывалъ въ амбарѣ и старался заводить новыя порядки; онъ запрещалъ съѣчь мальчиковъ и глумиться надъ покупателями, выходилъ изъ себя, когда прикащики, съ веселымъ смѣхомъ, отпускали куда-нибудь въ провинцію залежалый и негодный товаръ подъ видомъ свѣжаго и самаго моднаго. Теперь въ амбарѣ онъ былъ главнымъ лицомъ, но, попрежнему, ему не было извѣстно, какъ велико его состояніе, хорошо ли идутъ его дѣла, сколько получаютъ жалованья старшіе прикащики и т. п. Початкинъ и Маѣвичевъ считали его молодымъ и неопытнымъ, многое скрывали отъ него и каждый вечеръ о чемъ-то таинственно шептались со слѣпымъ старикомъ.

Какъ-то въ началѣ іюня Лаптевъ и Початкинъ пошли въ Бубновскій трактиръ, чтобы позавтракать и встати поговорить о дѣлахъ. Початкинъ служилъ у Лаптевыхъ уже давно и поступилъ къ нимъ, когда ему было еще восемь лѣтъ. Онъ былъ своимъ человекомъ, ему довѣряли вполне и, когда, уходя изъ амбара, онъ забиралъ изъ кассы всю выручку и набивалъ ею карманы, то это

не возбуждало никакихъ подозрѣній. Онъ былъ главнымъ въ амбарѣ и въ домѣ, а также въ церкви, гдѣ, вмѣсто старика, исполнялъ обязанности старосты. За жестокое обращеніе съ подчиненными прикащиками и мальчижи прозвали его Малютой Скуратовымъ.

Когда пришли въ трактиръ, онъ вивнулъ половому и сказалъ:

— Дай-ка намъ, братецъ, полдиковинки и двадцать четыре неприятности.

Половой немного погодя подаль на подносѣ полбутылку воды и нѣсколько тарелокъ съ разнообразными закусками.

— Вотъ что, любезный, — сказалъ ему Початкинъ, — дай-ка ты намъ порцію главнаго мастера клеветы и злословія съ картофельнымъ пюре.

Половой не понялъ и смутился, и хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, но Початкинъ строго поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Бромъ!

Половой думалъ съ напряженіемъ, потомъ пошелъ совѣтоваться съ товарищами и, въ концѣ - концовъ, все - таки, догадался и принесъ порцію языка. Когда выпили по двѣ рюмки и закусили, Лаптевъ спросилъ:

— Скажите, Иванъ Васильевичъ, правда ли, что наши дѣла въ послѣдніе годы стали падать?

— Ни отнюдь.

— Скажите мнѣ откровенно, на чистоту, сколько мы получали и получаемъ дохода, и какъ велико наше состояніе? Нельзя же, вѣдь, въ потемкахъ ходить. У насъ былъ недавно счетъ амбара, но, простите, я этому счету не вѣрю; вы находите нужнымъ что-то скрывать отъ меня и говорите правду только отцу. Вы съ раннихъ лѣтъ привыкли къ политикѣ и уже не можете обходиться безъ нея. А къ чему она? Такъ вотъ, прошу васъ, будьте откровенны. Въ какомъ положеніи наши дѣла?

— Все зависимо отъ волненія кредита, — отвѣтилъ Початкинъ, подумавъ.

— Что вы разумѣете подъ волненіемъ кредита?

Початкинъ сталъ объяснять, но Лаптевъ ничего не понялъ и послалъ за Макѣичевымъ. Тотъ немедленно явился, закурилъ, помялся, и своимъ солиднымъ, густымъ баритономъ заговорилъ, прежде всего, о томъ, что прикащики обязаны денно и ночью молить Бога за своихъ благодѣтелей.

— Прекрасно, только позвольте мнѣ не считать себя вашимъ благодѣтелемъ, — сказалъ Лаптевъ.

— Каждый человекъ долженъ помнить, что онъ есть, и чув-

ствовать свое званіе. Вы, по милости Божіей, нашъ отецъ и благодѣтель, а мы ваши рабы.

— Все это, наконецъ, мнѣ надоѣло!—разсердился Лаптевъ.— Пожалуйста, теперь будьте вы моимъ благодѣтелемъ, объясните, въ какомъ положеніи наши дѣла. Не извольте считать меня мальчишкой, иначе я завтра же закрою амбаръ. Отецъ ослѣпъ, братъ въ сумасшедшемъ домѣ, племянницы мои еще молоды, и судьба на одного меня взвалила это дѣло, которое, признаюсь, я ненавижу; я охотно бы ушелъ, но замѣнить меня некому, вы сами знаете. Бросьте же политику, ради Бога!

Пошли въ амбаръ считать. Потомъ считали вечеромъ дома, причѣмъ помогалъ самъ старикъ; посвящая сына въ свои коммерческія тайны, онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто занимался не торговлей, а колдовствомъ. Оказалось, что доходъ ежегодно увеличивался приблизительно на одну десятую часть и что состояніе Лаптевыхъ, считая однѣ только деньги и цѣнныя бумаги, равнялось шести милліонамъ рублей.

Когда въ первомъ часу ночи, послѣ счетовъ, Лаптевъ вышелъ на свѣжій воздухъ, то чувствовалъ себя подъ обаяніемъ этихъ цифръ. Ночь была тихая, лунная, душная; бѣлыя стѣны замоскворѣцкихъ домовъ, видъ тяжелыхъ запертыхъ воротъ, тишина и черныя тѣни производили въ общемъ впечатлѣніе какой-то крѣпости и недоставало только часового съ ружьемъ. Лаптевъ пошелъ въ садикъ и сѣлъ на скамью около забора, отдѣлявшаго отъ сосѣдняго двора, гдѣ тоже былъ садикъ. Цвѣла черемуха. Лаптевъ вспомнилъ, что эта черемуха во времена его дѣтства была такою же корявой и такого же роста, и нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ. Каждый уголокъ въ саду и во дворѣ напоминалъ ему далекое прошлое. И въ дѣтствѣ такъ же, какъ теперь, сѣвозъ рѣдкихъ деревьевъ видѣнъ былъ весь дворъ, залитый луннымъ свѣтомъ, такъ же были таинственны и строги тѣни, такъ же среди двора лежала черная собака и открыты были настѣжъ окна у прикащиковъ. И все это были невеселыя воспоминанія.

За заборомъ въ чужомъ дворѣ слышались легкіе шаги.

— Моя дорогая, моя милая...—прошепталъ мужской голосъ у самаго забора, такъ что Лаптевъ слышалъ даже дыханіе.— Люблю, люблю...

Вотъ поцѣловались. Лаптевъ былъ увѣренъ, что милліоны и дѣло, къ которому у него не лежала душа, испортятъ ему жизнь и окончательно сдѣлаютъ изъ него раба; онъ представлялъ себѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкнется со своимъ положеніемъ, мало-по-малу у

войдетъ въ роль главы торговой фирмы, начнетъ тупѣть, стариться и, въ концѣ-концовъ, умереть, какъ вообще умираютъ обыватели, дрянно, кисло, нагоняя тоску на окружающихъ. Но что же мѣшало ему бросить и милліоны, и дѣло, и уйти изъ этого сада и двора, которые были ненавистны ему еще съ дѣтства?

Шепотъ и поцѣлуй за заборомъ волновали его. Онъ вышелъ на средину двора и, разстегнувши на груди рубаху, глядѣлъ на луну, и ему казалось, что онъ сейчасъ велитъ отпереть калитку, выйдетъ и уже болѣе никогда сюда не вернется; сердце сладко жилось у него отъ предчувствія свободы, онъ радостно смѣялся и воображалъ, какая бы это могла быть чудная, поэтическая, святая жизнь...

Но онъ все стоялъ и не уходилъ, и спрашивалъ себя: «Что же меня держитъ здѣсь?» И ему было досадно и на себя, и на эту черную собаку, которая валялась на камняхъ, а не шла въ поле, въ лѣсъ, гдѣ бы она была независима, радостна. И ему, и этой собацѣ мѣшало уйти со двора, очевидно, одно и то же: привычка къ неволѣ, къ рабскому состоянію...

На другой день въ полдень онъ поѣхалъ къ женѣ и, чтобы скучно не было, пригласилъ съ собой Ярцева. Юлія Сергѣевна жила на дачѣ въ Бутовѣ и онъ не былъ у нея уже пять дней. Приѣхавъ на станцію, приятели сѣли въ коляску, и Ярцевъ всю дорогу пѣлъ и восхищался великолѣпною погодой. Дача находилась не далеко отъ станціи въ большомъ паркѣ. Гдѣ начиналась главная аллея, шагахъ въ двадцати отъ воротъ, подъ старымъ широкимъ тополемъ сидѣла Юлія Сергѣевна, поджидая гостей. На ней было легкое изящное платье, отдѣланное кружевами, платье прохладнаго, кремоваго цвѣта, а въ рукахъ былъ все тотъ же старый знакомый зонтикъ. Ярцевъ поздоровался съ ней и пошелъ къ дачѣ, откуда слышались голоса Саши и Лиды, а Лаптевъ сѣлъ рядомъ съ ней, чтобы поговорить о дѣлахъ.

— Отчего ты такъ долго не былъ?—спросила она, не выпуская его руки.—Я цѣлые дни все сижу здѣсь и смотрю: не ѣдешь ли ты. Миѣ безъ тебя скучно!

Она встала и рукой провела по его волосамъ, и съ любопытствомъ оглядывала его лицо, плечи, шляпу.

— Ты знаешь, я люблю тебя,—сказала она и покраснѣла.—Ты мнѣ дорогъ. Вотъ ты приѣхалъ, я вижу тебя и счастлива, не знаю какъ. Ну, давай поговоримъ. Расскажи миѣ что-нибудь.

Она объяснялась ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось

ему завтракать. Она обняла его за шею, щекоча шелкомъ своего платья его щеку; онъ осторожно отстранилъ ея руку, всталъ и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ дачѣ. На встрѣчу ему бѣжали дѣвочка.

«Какъ онѣ выросли!—думалъ онъ.—И сколько пережѣнь за эти три года! Прожито съ женой только три года, но, вѣдь, придется, быть можетъ, жить еще тринадцать, тридцать лѣтъ... Что-то еще ожидаетъ насъ въ будущемъ? Поживемъ—увидимъ».

Онъ обнялъ Сашу и Лиду, которые повисли ему на шею, и сказалъ:

— Бланиется дѣдушка... Дядя Федя скоро умереть, дядя Боси прислалъ письмо изъ Америки и велитъ вамъ бланяться... Онъ скучился на выставкѣ и скоро вернется. А дядя Алеша хочетъ ѣсть.

Потомъ онъ сидѣлъ на террасѣ и видѣлъ, какъ по аллеѣ тихо шла его жена, направляясь къ дачѣ. Она о чемъ-то думала и на ея лицѣ было грустное, очаровательное выраженіе, и на глазахъ блеснули слезы. Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, блѣднолицая дѣвушка, а зрѣлая, красивая, сильная женщина. И Лаптевъ замѣтилъ, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ ей на встрѣчу Ярцевъ, какъ это ея новое, прекрасное выраженіе отражалось на его лицѣ, тоже грустномъ и восхищенномъ. Казалось, что онъ видѣлъ ее первый разъ въ жизни. И когда завтракали на террасѣ, Ярцевъ какъ-то радостно и застѣнчиво улыбался и все смотрѣлъ на Юлію, на ея красивую шею. Лаптевъ слѣдилъ за нимъ невольно и спрашивалъ себя: что, если Ярцевъ полюбитъ его жену? И думалъ:

«Поживемъ—увидимъ».

Антонъ Чеховъ.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИХОДЪ *).

Романъ Альфонса Доде.

XIV.

Въ день рынка.

Майскимъ утромъ, теплымъ и ароматнымъ, старикъ Шюшенъ съ мѣдною бляхой сторожа поднимался вверхъ по Сенѣ, въ своемъ рыбацкомъ ботникѣ, и выискивалъ новыя мѣста для вершей къ предстоящему сезону. По тому, какъ онъ тихо гонитъ лодку, какъ лѣниво гребетъ, какъ свободно отдается своимъ привычкамъ къ ротовѣйству и болтовнѣ, видно уже было, что хозяинъ въ отсутствіи и что давно уѣхалъ изъ дома. Сторожъ рыбныхъ ловель былъ настоящимъ господиномъ рѣки. Съ каждой шаланды, идущей внизъ по теченію, ему подносили выпивку; онъ издали перекликался шуточками съ женами лодочниковъ и плотовщиковъ, съ прачками на баркѣ, зачаленной у моста, одинъ трещалъ больше, чѣмъ всѣ прибрежныя птицы вмѣстѣ. Шюшенъ только что покончилъ съ прачками, какъ, принимаясь опять за весла, поднялъ голову и увидалъ стоящаго на мосту, опершись на перила, щеголеватого и зловѣщаго мосьё Александра.

Скрытый тѣнью устоя, отецъ Розины продержался съ минуту на веслахъ, не двигаясь съ мѣста, всматриваясь въ бывшего метръ-д'отеля и ворча сквозь зубы, стискивавшіе трубку-носогрѣйку:

— Что такое мастерить здѣсь эта старая выжига? Извѣстно, прислушивается къ болтовнѣ прачекъ, перемывающихъ бѣлье и косточки всей округи... Ну, да мосьё Александръ побольше ихъ знаетъ и могъ бы поразсказать кое-что. Нѣтъ, на воду-то онъ

*) *Русская Мысль*, кн. I.

только шурится, а самъ носится въ сторону станціи, — навѣрное, поджидаетъ кого-нибудь.

Двумя ударами веселъ Шюшенъ выплылъ изъ засады и крикнулъ хриплымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

— Аль ужь рыбку прикармливать начали, мосьё Александръ! Кажись бы, далеко еще до открытія ловли.

Александръ слегка растерялся, сталъ поправлять пенсне, чтобы успѣть придумать отвѣтъ.

— Какъ нельзя лучше угадалъ, старикъ: я высматриваю тутъ стайку пескарей, которыхъ не видать тебѣ у себя въ вершѣ.

Онъ смолкъ, настороживши ухо въ сторону желѣзной дороги, но то, что онъ принялъ было за шумъ поѣзда, направляющагося къ Парижу, былъ далекій рокотъ воды на шлюзахъ. Александръ нагнулся надъ перилами и продолжалъ:

— А у васъ что новенькаго? Не слыхать, когда хозяинъ вернется изъ своего Алжира?

— Шуточки шутишь! Точно Розина-то не передаетъ тебѣ всего, что у насъ дѣлается.

Мосьё Александръ поморщился. Онъ избѣгалъ говорить съ отцомъ о Розинѣ, не столько изъ чувства приличія, котораго онъ не понималъ, сколько изъ боязни непріятныхъ объясненій.

— Эй, Шюшенъ, — крикнулъ онъ, чтобы пережѣнить разговоръ, — смотри-ка, твой постоялецъ въ кабакъ пошелся!

Старикъ Жоржъ на самомъ дѣлѣ вышелъ изъ своего барака, жмури глаза отъ яркаго блеска воды, едва волоча ноги и таща обѣими руками длиннѣйшее удилице.

— Дармоѣдъ! — выругался сторожъ съ злобнымъ презрѣніемъ крестьянина къ человѣку, не способному уже работать. — Придумали тоже эдакую-то рвань негодную засунуть въ одно мѣсто съ нашими веслами и снастями. Что это онъ затѣялъ дѣлать своею жердью? Вѣдь, рыбу-то ловить еще не дозволено...

— Не видишь развѣ, что къ шесту у него привязана бутылка? Это онъ за водой идетъ на рѣку... Гляди только, до чего потѣнешь.

Берегъ былъ довольно высокъ, и старикъ изобрѣлъ такой способъ доставать воду. Но рѣка спала и ему пришлось лечь, растянуться плашмя, такъ какъ старымъ костюмъ уже не подъ силу было гнуть спину. Александръ и Шюшенъ громко смѣялись надъ усилиями нищаго.

— Какъ бы шкура у него не полопалась, ишь натуживается.

— На самый край лѣзеть, того гляди, голова перетянется внизъ... Эй, старина Жоржъ, берегись!... Р-разъ!... влопался!

По рѣкѣ пронесся отчаянный крикъ, дивій вопль, въ которомъ ибнувшее существо напрягаетъ свои послѣднія жизненные силы. [виженіе прибрежнаго тростника указывало мѣсто, куда свалился тарикъ тычмя головой. Работавшіе по близости крестьяне не безъ руда вытащили его изъ воды и усадили на берегъ, насквозь мокрою, дрожащаго, не выпускающаго своего шеста изъ судорожно сжатой руки. Только тогда сторожъ Шюшенъ, подумавшій было, что овсѣмъ избавился отъ своего постояльца, подплылъ къ берегу, притворяясь, будто хочетъ помочь старику Жоржу.

Въ то же время, со станціи отошелъ поѣздъ въ Парижъ и у юста появилась сноха Соткѣра въ легкомъ весеннемъ платьѣ, отъ ѣтра плотно облегавшемъ ея ноги. Она только что проводила мужа и возвращалась домой въ сопровожденіи дамы, катившей передъ собою дѣтскую колясочку, — толстой и запыхавшейся госпожи Номль, жены учителя одного изъ парижскихъ лицеевъ, нанявшей комнату въ старомъ монастырѣ, чтобы дать возможность своей маленькой дочкѣ подышать здоровымъ лѣснымъ воздухомъ. Завидѣвши стараго лакея, съ ногъ до головы одѣтаго въ синій костюмъ, молодая Соткѣръ попросила свою спутницу переждать на берегу, а сама, вся трепещущая, подошла къ мосье Александру, караулившему ее на мосту. Они быстро обмѣнялись нѣсколькими словами, сказанными шепотомъ.

- Бнязь въ Гробургѣ... Свиданіе въ лѣсу... у большого дуба.
- Нельзя, очень стерегутъ.
- Индѣецъ?
- Да... Житья нѣтъ отъ него!

По мосту проходили и проѣзжали мѣстные обыватели, торговцы. Булочница кивала головой разговаривающимъ съ передка своей телѣжки, работникъ мясника верхомъ на лошади съ корзиной овядины оглядывался на нихъ, улыбаясь, и Александръ умышленно громко передавалъ приключеніе съ Жоржемъ, размашистыми жестами указывая на помятый и поломанный тростникъ, на хивину, въ которую отнесли бѣднягу-старика.

— Я уже такъ было и рѣшилъ, что придется послать за телѣгой Фукара... — говорилъ бывший лакей и тихо добавлялъ: — Завтра четвергъ, рынокъ въ Борбейлѣ... въ одиннадцать часовъ у золотыхъ дѣлъ мастера въ улицѣ Сень-Спиръ... вмѣстѣ выберете ящи.

— Не знаю... общать не могу, — нерѣшительно шептала франшиха, глядя въ ту сторону, откуда доносился шумъ воды на шлюзахъ, и вслухъ договорила для тѣхъ, кто могъ ихъ слышать: — Не-

счастный старикъ Жоржъ! Если въ его-то годы воспаленіе... Мое почтеніе, мосьё Александръ!

— Мядямъ...

Прачки внизу продолжали усердно работать вальками, что не помѣшало имъ внимательно слѣдить за короткимъ таинственнымъ діалогомъ. Когда же онѣ увидали, какъ мосьё Александръ заговорилъ воздушнымъ поцѣлуемъ, градъ ихъ насмѣшекъ посыпался на стараго сердцеѣда... Удерживать этому Александру! Мало ему дѣвчонки Шюшена, принимается теперь за молодую Соткѣрь... Вся семья, впрочемъ, таковская: жена срамила Индѣйца на всю округу, та же участь ждетъ сына... Вальки такъ и отшлепывали, лифы прачекъ трещали отъ хохота.

Не подозрѣвая, что отчасти и для нея гремитъ эта музыка, сноха Соткѣра догнала свою спутницу у подъема и, помогая ей втѣпуть въ гору колясочку, предложила вмѣстѣ отправиться завтра на рынокъ въ Борбѣйлъ. Телѣжку съ лошадыю можно выпросить у сердцеѣда... дорога восхитительная, лѣсомъ... ребенку это будетъ очень полезно.

— Ради свекора надо, впрочемъ, такъ устроить, будто вы это надумали. Слишкомъ онъ придирается къ снохѣ, да и ко всѣмъ женщинамъ. Вы одна составляете исключеніе, ужъ не знаю почему. До вашего переезда къ намъ онъ не позволялъ мнѣ даже въ лѣсу погулять, безъ мужа... Скажите ему, что вамъ надо сдѣлать покупки. А какъ весело будетъ, сами увидите!

Если старикъ Соткѣрь выказывалъ излишнюю подозрительность, то у мадамъ Ноэль ея было совсѣмъ недостаточно. Уже всѣмъ цѣлый она наивнѣйшимъ образомъ попадала въ пособники гнусныхъ покушеній Шарлексиса на жену сослуживца-поручика. Честное и широкое лицо доброй кормилицы, званіе преподавателя въ лицѣѣ, которое имѣлъ ея мужъ, оказывали настолько успокоительное вліяніе на лѣсника, что онъ измѣнилъ своей всегдашней недовѣрчивости и обычному шпионству. Пріятельницы каждый день уходили изъ дому вдвоемъ, уносили съ собой ребенка, складные стулья, завтракъ и устраивались у перекрестка подъ большимъ дубомъ, въ участкѣ лѣса, не принадлежавшемъ къ обходу Индѣйца. Онѣ разговаривали, шили, читали вслухъ *Le Petit Journal* подъ стрекотаніе насѣкомыхъ въ листьѣѣ, подъ шелестъ вершинъ деревьевъ. Посидѣвши съ часъ, молодая Соткѣрь предлагала пройтись немного и кончала тѣмъ, что отправлялась бродить по лѣсу одна, такъ какъ ея тяжеловѣсная подруга предпочитала не утруждать себя передвиженіями съ мѣста на мѣсто.

Вдоль старой ограды парка, заросшей кустарникомъ и замыкающей эту часть Малаго Сенара, тянется, докуда глазъ хватаетъ, лѣсной подсѣдъ по бархатистой травѣ, которую ласкаютъ низко спускающіяся вѣтви, колеблемыя малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтерка. Въ глубинѣ одной изъ этихъ обширныхъ и таинственныхъ полянокъ, всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, поджидалъ молодую женщину, точно случайно забытый, большой зонтъ изъ суровой шелковой матеріи, а подъ зонтомъ, совсѣмъ укрытый имъ, красавчикъ Шарлексисъ, нѣжащійся, растянувшись на мягкой муравѣ. Въ старый, упраздненный монастырь ему не было уже доступа съ тѣхъ поръ, какъ полѣсовщикъ засталъ юнаго князя обнимающимъ его сноху. И вотъ Шарлексисъ устроилъ себѣ такой бивакъ для свиданій, поистинѣ, опасный и очень неудобный, гдѣ можно было обмѣняться лишь нѣсколькими торопливыми поцѣлуями и мимолетными, боязливыми ласками. Встрѣча въ городѣ, на рынкѣ, приведетъ, навѣрное, къ лучшимъ результатамъ.

Когда на слѣдующее утро телѣжка изъ стараго монастыря перѣехала широкой мостъ въ Корбейлѣ, городокъ, тихій и пустынный въ обычное время, былъ полонъ шума и движенія. Скученный вокругъ своего стариннаго монастыря на лѣвомъ берегу Сены, съ садами, раскинувшимися уступами надъ рѣкой, съ постепенно поднимающимися все выше перспективами, городокъ напоминалъ Базель, но Базель въ дни областныхъ конкурсовъ, привлекающихъ цѣлыя села и фермы всей округи. Около крытаго рынка и въ соседнихъ улицахъ тѣснились деревенскіе экипажи разнообразнѣшаго вида и затрудняли движеніе. Соткѣрь направила свою телѣжку въ монастырь св. Спира, тихій и пустынный въ самомъ центрѣ города, постоянно освѣжаемый вѣтромъ, крутящимся вокругъ древней церкви. Молодая женщина попросила госпожу Ноэль тутъ подождать немного, пока она сходитъ за покупками.

— Если дѣвочка скучать будетъ, вы можете войти въ церковь. Тамъ есть каменный рыцарь, удивительно красивый, — и вся сіяющая она умчалась на свиданіе.

Князь пріѣхалъ раньше, сидѣлъ уже въ уголѣ магазина, наполненномъ покупателями, и выбиралъ сережки, приберегая свободный стулъ рядомъ съ собой. Она вошла и сѣла, близко придвинувшись къ юношѣ. Они заговорили тихо, рассматривая блескъ серегъ на черной бархатной подставкѣ, а вокругъ нихъ фермеры изъ Морсана, забравшіеся съ цѣлыми толпами родственниковъ и знакомыхъ, торговали къ свадьбѣ сыновей вещи для подарковъ невѣстамъ, обмѣнивались шуточками и хохотали такъ, что можно

было подумать, будто сидишь въ Пале-Рояль на одномъ изъ сѣхотворнѣйшихъ спектаклей. Но у обоихъ любовниковъ далеко въ смѣхъ былъ на умѣ. Въ этотъ вечеръ Индѣецъ со всѣмъ персоналомъ лѣсной стражи получилъ служебный нарядъ на всю ночь.

— Въ десять часовъ я буду у васъ, оставь открытымъ окно твоей комнаты.

— О, нѣтъ, прошу васъ... Боюсь я.

— Чего бояться? Твой мужъ въ Парижѣ, старикъ вернется лишь въ шесть часовъ утра. Все дѣло въ томъ, чтобы не заснуть, а спать намъ, конечно, не захочется. Подумай только, цѣлая ночь будетъ наша, въ первый разъ цѣлая ночь.

Онъ говорилъ, почти касаясь губами ея шею, ея волосъ, въ то время, какъ она примѣривала свои блестящія обновки. Свадебная компанія покупателей ушла. Хозяйка магазина и ея сестра съ вялыми зеленоватыми лицами, типическія представительницы истощенной расы, часто встрѣчающіяся въ департаментѣ Сены-и-Уазы, подошли къ князю, кланяясь чуть не до земли, спрашивая, изволятъ ли его сиятельство выбрать, что ему было желательно.

— Да, мадамъ Сушотъ... Вотъ этотъ полный парюръ. Я самъ зайду за нимъ вечеромъ.

Сноха Соткѣра поднялась съ мѣста, раскраснѣвшись, собралась уйти, когда большое ландо остановилось у магазина, безъ того уже довольно темнаго, и совсѣмъ закрыло его окно точно сразу опущенною маркизой.

— Барета мадамъ Фениганъ,—проговорила хозяйка почтительнымъ тономъ, менѣе приниженнымъ, однако, чѣмъ для Шарлексиса. О, купеческій регистръ, во сто разъ болѣе сложный и хитрый, чѣмъ китайская гамма!

Князь не шевельнулся, не отвернулъ лица, только измѣнилось выраженіе его улыбки, сдѣлалось злобнымъ, когда онъ увидалъ входящую въ магазинъ стройную и высокую фигуру женщины.

— Готовы мои часы?—и у Лидіи не стало силъ продолжать. Помимо ея воли или нѣтъ, нервный кашель оборвалъ ея голосъ. Шарлексиса она не видала со времени комедіи въ Монте-Карло, со времени бѣгства оттуда. И вотъ, совсѣмъ неожиданно, опять онъ передъ нею, въ потускнѣвшемъ зеркалѣ магазина отражается его хорошенькое личико, нахальное и живое. Впечатлѣніе получилось очень быстрое и крайне сложное,—отвращеніе, ужасъ, гнѣвъ... и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостное сознаніе, что къ этимъ разнороднымъ чувствамъ не примѣшивается ни малѣйшаго сожалѣнія, что окончательно исчезаютъ послѣднія сомнѣнія, волновавшія ее иногда,

югда приходилъ въ голову вопросъ: «Что со мною будетъ, если я встрѣчу его?»

Если она когда-нибудь любила его, то покончено это, и навсегда. И совершенно напрасно смотреть на нее съ такою ненавистью та Соткёръ, черноглазая и наглая, какъ истая дочь парижскаго предидѣстья. Часы были готовы, Лидія взяла ихъ и вышла, не проговоривши ни слова. Но свекровь, увидавши ея взволнованное лицо, такъ и вскрикнула:

— Что такое случилось?

— Неприятная встрѣча,—прошептала Лидія, садясь въ экипажъ, и совсѣмъ тихо, чтобы не слыхалъ кучеръ, уже усердно наюстрившій уши, она назвала Шарлексиса.—Не слѣдовало мнѣ ѣхать на этотъ рынокъ.

— Въ томъ моя вина, милое дитя мое. Вы никуда не выходите изъ дому, я хотѣла, чтобы вы хоть разокъ подышали свѣжимъ юздухомъ.

— Предчувствовала я, что случится несчастье.

— Несчастье?—встревожилась мать Ричарда.

— О, ничего похожаго на то, чего могли бы вы опасаться съ такою безумною, какъ я! Нѣтъ, я люблю моего мужа и никого не юлюблю, кромѣ мужа... Но какъ я сообщу ему о нашей встрѣчѣ?

— Объ этомъ мы съ вами помолчимъ. Когда все идетъ хорошо, когда Мериве шлетъ такія добрыя вѣсти... Мы этимъ, пожагуй, замедлимъ только его выздоровленіе и его возвращеніе.

— Такъ, вѣдь, лгать придется, скрывать отъ него, когда я ѣбщала все говорить ему и ни разу не нарушила ѣбщанія съ ѣхъ поръ, какъ онъ въ Алжирѣ.

Пока онѣ говорили, экипажъ пробирался шагомъ по тѣснымъ и пумнымъ улицамъ, останавливаясь у аптеки, у лавки письменныхъ принадлежностей, у мастерскихъ шорника и корзиночника, юзяева которыхъ подходили къ дверцѣ ландо за приказаніями, нагружали свертками и бутылками ящикъ подъ козлами и козлы Ибера. Совсѣмъ по-женски велся этотъ разговоръ, полный загушевной искренности и сантиментальныхъ откровенностей, преюмыаемыхъ хозяйственными заботами, спорами изъ-за цѣны съ юставщиками. Передъ лавкою пирожника, гдѣ остановились дапы, чтобы сдѣлать заказъ къ воскресенью, къ дверцѣ подошелъ судья Дельеру, парадно одѣтый, въ перчаткахъ, сверкая зубами. Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не бывалъ въ Узелляхъ и теперь направлялся сюда наскоро позавтракать, чтобы поспѣть къ поѣзду

и отправиться къ дамамъ, такъ какъ желаетъ обратиться къ нимъ съ очень серьезною и неотложною просьбой.

— Въ такомъ случаѣ, садитесь и поѣдемте завтракать къ намъ,—предложила мадамъ Фениганъ.

Въ то время, какъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ усаживался противъ нихъ между свертками, Лидія, немного сконфуженная встрѣчей съ однимъ изъ ихъ прежнихъ друзей, смотрѣла на маленькіе столики, разставленные въ глубинѣ мрачной и грязноватой булочной, и съ притворнымъ любопытствомъ проговорила:

— Стало быть, вы здѣсь кушаете?

— Да, сударыня, моя камера въ двухъ шагахъ отсюда, а судя въ концѣ улицы, на той маленькой площади около мельницы.

Лидія продолжала разсѣянно смотрѣть кругомъ, ничуть не предполагая, какое важное значеніе для нея будутъ имѣть эти самыя мѣста.

— Вамъ очень унылымъ кажется этотъ уголокъ, не правда ли?... А мнѣ-то каково тутъ... Вотъ почему, рассчитывая на ваше доброе расположеніе... Позвольте, однако, какія извѣстія имѣете вы изъ Алжира? Когда ждете друга Ричарда?

— Сынъ вернется скоро, дорогой мосьё Дельбру. Но вы знаете, что и въ его отсутствіе, если мы можемъ чѣмъ-нибудь служить вамъ, и моя дочь, и я...

Судья поклонился, улыбаясь,—онъ все объяснитъ, когда они отѣдутъ подалеже отъ рынка и всей этой толпы.

Бойкою рысью крупныхъ лошадей экипажъ выѣхалъ изъ города, оставивъ за собой гигантскія трубы паровыхъ мельницъ, застилавшихъ своимъ дымомъ край яркаго неба. Телѣжки, пѣшеходы, животныя, веселыя ватаги возвращающихся съ рынка спѣшно двигались по дорогѣ карнизомъ между сверкающею внизу рѣкой и зеленымъ ковромъ полей, тянущихся до самаго горизонта. Маленькая телѣжка, которою правили женщины, пронеслась мимо, чуть не задѣвши ландо колесами. Лидія узнала сноху Сотжера и долго слѣдила грустнымъ взглядомъ за скачками скромной телѣжки по выбоинамъ дороги. О, какъ хотѣлось бы Лидіи крикнуть ей вслѣдъ: «берегись!»—предупредить ее объ опасности, о неминуемомъ паденіи, которое ждало ее! Но телѣжка мчалась быстро, была уже далеко, почти на опушкѣ неподвижнаго темнаго лѣса.

Въ противоположномъ направленіи, гремя бубенцами и вздымая клубы пыли, летѣла во всю прыть коляска въ запряжкѣ «демонъ», съ вершиниками въ голубыхъ ливреяхъ д'Алькантаръ съ

хорошенькими жидовочками замка Мережи въ обществѣ князя Шарпексиса, блестящаго ледяными глазами и безпощадною усмѣшкой молодого раджи, смотрящаго, какъ наполняются колодцы нѣжными сѣлами красивыхъ женщинъ. Коляска скрылась изъ вида. Въ экипажѣ мадамъ Фениганъ всё смолкли въ тревогѣ. «Какое счастье, то нѣтъ Ричарда!» — думали дамы. Делькру соображалъ, удобно ли будетъ ему, послѣ такой встрѣчи, заговорить о томъ дѣлѣ, ради котораго онъ пустился въ путь. Нежданный случай вывелъ всѣхъ изъ неловкости.

На подъемѣ въ гору къ Суази двѣ дѣвочки съ льняными волосами отбѣжали отъ распряженной на луку подводы и подошли къ ландо, предлагая корзинки, плетенныя изъ тростника и водорослей. Хотя подъемъ былъ крутъ, кучеръ, изъ ненависти къ нищимъ, толкнулъ лошадей въ ту минуту, какъ Лидія протягивала руку къ одной изъ маленькихъ корзинокъ. Госпожа Фениганъ, замѣтивши виженіе молодой женщины, крикнула остановиться. Кучеръ не послушался, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ слышались позади кипажа торопливое дыханіе и частый топотъ босыхъ ножекъ вѣвочекъ. По нѣсколько разъ повторенному приказанію хозяйки, кучеръ вынужденъ былъ, наконецъ, сдержать лошадей. Лидія полагодарила свекровъ, взялась за портъ-моне, чтобы расплатиться за окупку, но мадамъ Фениганъ уже высыпала цѣлую горсть мелкаго серебра въ крошечныя ручонки дѣтей.

— Васъ удивляетъ это, мосьё Делькру? — обратилась она къ лену суда.

— Правда, къ попрошайкамъ вы относились всегда съ антипатіей, которую я, впрочемъ, вполне раздѣляю. Я помню даже, какъ на этой самой дорогѣ разъ поспорилъ съ вашимъ сыномъ.

— Совершенно вѣрно... Элиза была тогда съ нами.

— Именно такъ, — сказалъ Делькру, просіявши при воспоминаніи о «Брасной шапочкѣ». И, оскаливая свои рѣдкіе и острые ольчьи зубы, онъ продолжалъ: — Такъ какъ вы сами заговорили въ этой очаровательной женщинѣ...

Экипажъ катился между лѣсомъ и виноградниками по склону горы. Ароматъ шиповника въ полномъ цвѣту вѣялъ на дорогу. Судья рѣшилъ, что время и мѣсто, какъ нельзя лучше, благоприятствуютъ откровенной бесѣдѣ: прискучило ему жить одному, — дамы сами видѣли, въ какомъ неприглядномъ и уныломъ плу. Но имъ знакомъ Корбейль только въ дни торга, и представить себѣ нельзя обычной, повседневной мертвенности этого городишки, гдѣ съ восьми часовъ вечера все уже на запорѣ, огни по-

тушены, гдѣ всѣ обыватели, слыша стукъ экипажа на улицѣ, говорятъ: «Это господинъ председатель возвращается изъ суда... это омнибусъ гостиницы отправляется на станцію»... Нѣтъ ни клуба, ни общества, ни какихъ-либо развлеченій. Одно удобство—близость Парижа, до котораго всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, возможность бывать по нѣскольку разъ въ недѣлю на Вандомской площади, потолкаться въ канцеляряхъ, похлопотать о повишеніи, что облегчить ему присканіе выгодной партіи. Опротививъ ему, наконецъ, слышать изо дня въ день, какъ выкрикиваютъ въ булочной Кувершеля: «Обѣдъ господина судьи»... А со времени встрѣчи съ кузиной изъ Лоріана изъ головы у него не выходитъ ея хорошенькое веселое личико, на которомъ всѣ невзгоды ея не оставили ни малѣйшей морщинки. Элиза, спрошенная разъ серьезно, отложила отвѣтъ до слѣдующаго дня, а на слѣдующій день уѣхала. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія и колебаній, онъ написалъ ей очень обстоятельное письмо, очень искреннее, выяснилъ свое настоящее положеніе и свои виды на будущее, и теперь умоляетъ мадамъ Фениганъ оказать ему поддержку.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь, — отвѣтила она. — Житье въ Корбейлѣ не особенно привлекательно для молодой женщины, и кузина не веселится и въ Лоріанѣ, къ тому же, и мы, по сосѣдству, поможемъ ей сколько-нибудь развлечься. Обѣщаю вамъ написать ей.

— И мнѣ позвольте приписать нѣсколько строкъ, — сказалъ Лидія, — я хорошо узнала и полюбила милую Элизу.

— О, какъ благодарить мнѣ васъ обѣихъ! — шептала Дельеру, краснѣя, и во всю дорогу они не переставали изукрашать проектъ его женитьбы планами веселыхъ прогулокъ вмѣстѣ, рыбныхъ ловель и охоты въ дружеской компаніи.

— Вамъ надо повѣнчаться въ церкви святой Ирены, — необдуманно проговорила Лидія и смолкла, растерявшись, но Дельеру былъ не изъ щекотливыхъ.

— Мадамъ Элиза въ разводѣ, — сказалъ онъ спокойно, — сталъ быть, и вѣнчанія въ церкви не будетъ, о чемъ я весьма сожалею. Было бы весьма восхитительно это въ маленькой деревенской церкви. — Потомъ онъ обратился къ мадамъ Фениганъ: — А кстати, только что узналъ, что другой священникъ назначенъ на мѣсто вашего друга, дравейльскаго кюре.

— О, моего друга... давно уже пересталъ онъ быть моимъ другомъ! Не прощу я ему нападокъ на аббата Сереса, достойнѣйшаго священника.

Она невольно разсмѣялась надъ крайнимъ изумленіемъ Делькру, которому въ былое время говорила о священникѣ маленькаго прихода не иначе, какъ съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Да, вотъ подите же, всё мнѣнія мои измѣнились, и сама я уже не та, что была. Какъ это случилось? Я, быть можетъ, расскажу вамъ когда-нибудь. Это даже поучительно.

Завтракъ кончился, и они перешли въ гостиную. Лидія заиграла прелюдію Шопена, на звучныя рюлады которой отозвалась своимъ цebetаніемъ малиновка въ павильонѣ, когда раздался звонокъ у юроть. Сидя у стола за письмомъ къ Элизѣ, госпожа Фениганъ увидала гостей, идущихъ по двору, и быстро поднялась съ мѣста.

— Лидія, милая, закройте фортепiano. Это аббатъ Сересъ и съ нимъ другой священникъ, вѣроятно, новый кюре, направляющійся къ намъ съ визитомъ. Онъ всего нѣсколько дней какъ вступилъ въ должность.

— А, это и есть аббатъ Сересъ, про котораго рассказываютъ такія диковины! — сказалъ судья, подходя къ огню, куда за нимъ послѣдовали обѣ женщины, укрываясь за драпировкой.

Священники шли медленно, разговаривая съ непринужденнымъ видомъ, немного напускнымъ, — особливо новый кюре, небольшого роста, полный, съ розовыми щеками и съ двойнымъ, чисто выбригымъ подбородкомъ, очень похожій въ своей черной пелеринѣ на голстую вдову, утѣшившуюся и довольною своею судьбой. Онъ установился передъ одною изъ двухъ большихъ клумбъ, разбитыхъ по обѣ стороны двора, и обратилъ вниманіе своего викарія на группу розъ. И трогательно было видѣть, какъ этотъ почтенный человекъ, шедшій безъ шляпы отъ самыхъ воротъ, склонилъ свою сѣрую голову, сгибалъ свой богатырскій станъ, чтобы съ ребяческою почтительностью выслушивать слова начальника, бывшаго дѣтъ на двадцать моложе его. Таковъ-то былъ непокорный священникъ, неукротимый Люциферъ, сокрушить гордыню котораго надумали пятидесятичнымъ заключеніемъ въ монастырѣ траппистовъ.

— Эге, не важнымъ козыремъ смотритъ священникъ святой Ирены!

Это замѣчаніе въ полголоса вырвалось у Делькру почти невольно, — такъ поразило его контрастъ между двумя сутанами, подвигающимися черезъ дворъ, ярко залитый солнцемъ: одна изъ нихъ была настолько же блестяща и безукоризненно черна, насколько кругая оказывалась порыжѣвшею, отрепанною и потертою. Но пригнѣвшіеся брови госпожи Фениганъ, тонъ, которымъ она про-

говорила: «Святой онъ человѣкъ!» — сразу оборвали легкія шуточки чиновника. Онъ сдержалъ даже готовый разразиться смѣхъ, когда растворилась дверь, слуга доложилъ о гостяхъ и викарій ринулся впередъ, все опрокидывая, чтобы войти первымъ. Никто сразу не понялъ причины такого шумнаго входа, и гнѣвный взглядъ начальствующаго въ конецъ смутилъ аббата Сереса, смиреннаго и робкаго, невѣдующаго свѣтскихъ обычаевъ настолько, что онъ воображалъ, будто въ обществѣ, какъ въ церковныхъ процессіяхъ, младшіе должны проходить впередъ, — псаломщикъ впереди дьякона, дьяконъ впереди священника, священникъ впереди епископа. На этотъ разъ, несмотря на всю его торопливость, ему не удалось проскочить первымъ.

«Вотъ господинъ кюре и разсердился, — соображалъ бѣдняга, раскланиваясь. — Надо теперь смотрѣть въ оба, чтобы, при уходѣ, не сдѣлать такой же невѣжливости».

Сокрушеніе объ этомъ сообщило растерянное выраженіе его свѣтлымъ глазамъ, двумя голубоватымъ пятнамъ на лицѣ цвѣта дубленой кожи, въ то время, какъ онъ восхищался прекрасными манерами своего кюре, ловкостью его поклоновъ, умѣньемъ красиво сѣсть, выразить мадамъ Фениганъ свой восторгъ отъ ея чудныхъ розъ, отъ ея «Маршалъ-Нель», отъ ея «Глюаръ-де-Дижонъ», — находчивостью въ разговорѣ о музыкѣ съ Лидіей, о Вагнерѣ и Шуманѣ, тономъ настоящаго знатока-диллетанта. Когда же Лидія, начитавшаяся иностранныхъ романовъ во время своихъ скитаній по космополитическимъ отелямъ, случайно назвала въ разговорѣ имена Толстого, Ибсена, Достоевскаго, новый кюре не замедлилъ декламировать, что писатели эти, хотя и не настолько знакомы ему, какъ его служебникъ, все же далеко не безъизвѣстны ему.

«Вотъ человѣкъ-то!» — твердили добрые, наивные глаза аббата Сереса, восторженно устремленные на пухлое розовое лицо начальника. А тотъ, ничуть не трогаясь такимъ молчаливымъ умиленьемъ, захотѣлъ немного потѣшиться надъ бѣднымъ викаріемъ и неожиданно спросилъ, какого онъ мнѣнія о Достоевскомъ. Щеки стараго священника изъ обычно-темныхъ стали кирпично-красными, все лицо его выражало такую растерянность, что судья Делькру стало жаль его.

— Господинъ аббатъ Сересъ, навѣрное, не имѣетъ времени заниматься чтеніемъ, — проговорилъ онъ своимъ ораторскимъ и докторальнымъ тономъ, — слишкомъ много несчастныхъ приходится ему посвѣтить и поддержать.

А смиренный священникъ казнился этими похвалами, которія,

казалось ему, умаляютъ достоинство его кюре, вертѣлся на стулѣ, бурмоталъ рѣзкимъ горнымъ акцентомъ, что не больше другихъ онъ дѣлаетъ, что и у него чтеніе отнимаетъ много времени.

— Ну, полно, Сересъ, насъ не увѣрите въ томъ, что вы читали Достоевскаго,—настанвалъ кюре, громкимъ смѣхомъ потряхая свою щегольскую пелерину.

— Что-жь, читалъ, читалъ я его... Мосъ Мериве давалъ мнѣ... и даже я... я не доволенъ этимъ Достоевскимъ.

— Не довольны, почему такъ?—спросилъ кюре, пораженный не менѣе всѣхъ присутствующихъ. И на самомъ дѣлѣ, простой деревенскій священникъ, повидимому, неспособенъ былъ понимать автора *Карамазовыхъ* и быть недовольнымъ какою-либо изъ его георій.

— Недоволенъ тѣмъ, что онъ въ моду ввелъ русскую жалостливость.

— Русскую жалостливость?... Что вы подъ этимъ разумѣете, любезнѣйшій мой аббатъ?

— Разумѣю я жалостливость неправильную, обращенную только къ негодяямъ и распутницамъ, которая стремится растрогать насъ бѣдствіями каторги и другихъ нехорошихъ мѣсть, точно несчастье достойно состраданія только въ связи съ преступленіемъ и съ нравственнымъ паденіемъ. Вотъ что я называю русскою жалостливостью. Всѣ мы видали честныхъ женъ рабочихъ людей, изнывающихъ въ заботахъ о хозяйствѣ и о дѣтяхъ, безропотно переносящихъ всякія лишенія и побои. И когда Достоевскій повергаетъ своего Родіона къ ногамъ погибшей женщины, которая для него символизируетъ все человѣческое несчастье, онъ опозориваетъ несчастье и взводитъ клевету на человѣчество.

Голосъ священника, освободившагося отъ своей нерѣшительности, раздавался громко и мелодично, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядъ и движенія его дѣлались увѣренны, въ нихъ чувствовался широкій взмахъ проповѣдника. Лидія, выдавшая аббата только издали въ его старенькой истертой сутанѣ, поняла теперь энтузіазмъ своей свекрови и старика Мериве.

— Вы знаете, господинъ аббатъ, что эта жалостливость отъ насъ же пошла,—сказалъ Жанъ Дельверу.—Зародилась она съ сорокъ восьмого года, вы найдете ее въ романахъ Виктора Гюго, госпожи Зандъ, Евгенія Сю. Русскіе только заимствовали ее, утончивши въ соотвѣтствіи съ своими сложными нервами, что не мѣшаетъ Сонѣ Достоевскаго быть очень сродни Фантинѣ.

Обрадованный возможностью показать дамамъ какъ свою на-

читанность, такъ и краснорѣчіе, судья гордо закидывалъ голову и возвышалъ голосъ, точно въ засѣданіи, но конецъ его спича затерялся въ толкотнѣ. Господинъ кюре расцелъ, что визитъ дѣлалъ достаточно времени, быстро поднялся, откланялся хозяйгѣ и двинулся къ двери, когда викарій замѣтилъ, что онъ собирается уйти.

«А, Боже мой, — укорялъ себя бѣдняга, — опять я прозѣывалъ!» — и онъ рванулся черезъ комнату, наткнулся на табуретъ, опрокинулъ нѣсколько стульевъ и подхватилъ на руки своего маленькаго кюре въ тотъ самый мигъ, когда онъ готовъ былъ переступить порогъ.

«Нѣтъ, этого уже я не допущу... я хорошо знаю мои обязанности относительно моего начальника!» — и онъ поднялъ кюре, отставилъ его въ сторону и выскочилъ на крыльцо первыми, съ торжествующимъ видомъ.

— Вотъ чудачище!... Чего онъ все такъ торопится? — такъ спросилъ Делькру у Лидіи и ея свекрови, смотрѣвшихъ вслѣдъ уходящимъ священникамъ. Пелерина маленькаго кюре такъ и развѣвалась отъ гнѣвной мимики въ то время, какъ сопровождавшій его викарій шелъ, склонивши голову передъ грознымъ урокомъ свѣтскихъ приличій, ничуть не пошедшимъ, однако, въ прокъ, такъ какъ, встрѣтивши почтальона, сходявшаго у воротъ съ велосипеда, старый викарій, неизмѣнно разсѣянный и жалостливый, принялся разспрашивать писмоносца о здоровьѣ его больной жены. Послышался раздраженный и нервный голосъ кюре:

— Когда же вамъ угодно будетъ, аббатъ... — затѣмъ последовали оправданія бѣднаго Сереса, исчезавшаго въ вихрѣ дорожной пыли и рѣзкихъ словъ настоятеля.

— Бѣдный нашъ викарій! — проговорила мадамъ Фениганъ. — И съ этимъ не сладкое будетъ его житье!

Лидія не отвѣтила, погруженная въ чтеніе письма Ричарда, которымъ онъ извѣщалъ о своемъ пріѣздѣ съ Мериве въ слѣдующій вторникъ.

— Черезъ три дня, шатамъ!... Онъ будетъ здѣсь черезъ три дня!

Въ ея радостномъ голосѣ, въ движеніи, которымъ она обвила руками вокругъ шеи свекрови, было столько искренности, что судья разсуждалъ про себя, возвращаясь къ вечеру въ Корбейль:

«Что ни толкуй, а бракъ — установленіе прочное. Послѣ такихъ-то пертурбацій, вѣдь, опять заживутъ эти люди претолчно!»

Такъ судить свѣтъ, видящій лишь обманчивую наружность и не подозревающій того, что подъ нею скрыто. Даже изъ близкихъ

Фениганамъ людей, одобрявшихъ или порицавшихъ снисходительность мужа и великодушное прощеніе имъ жены, очень немногіе когдаывались о томъ, что драма все еще длится, болѣе острая и мучительная, чѣмъ прежде; очень немногіе подозрѣвали истинную причину долгаго путешествія Ричарда и мучительное однообразіе писемъ, которыми въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обмѣнивались супруги. Въ особенности же въ первое время разлука, съ ея обычно благоприятными миражами, обостряла, напротивъ, ревнивыя терзанія мужа. Мысль, что князь въ Гробургѣ, что они могутъ встрѣтиться, видаться, постоянно воспроизводила въ безконечныхъ письмахъ, неразборчивымъ почеркомъ задыхающагося челоуѣка, сцену той ночи, которая предшествовала его отъѣзду: «За что ты его любила?... Клянись, что не любишь его!...»—и она клялась, цѣлыя страницы наполняя увѣреніями, прибирала всѣ возможныя формулы убѣжденій.

Тѣмъ не менѣе, восхитительные и разнообразныя виды алжирскаго Сахеля *), а еще болѣе, чѣмъ виды, къ которымъ равнодушными оставались буржуазныя глаза,—охоты и долгія поѣздки верхомъ, за которыми слѣдовалъ крѣпкій сонъ въ палаткѣ, окончательно подбодрили Ричарда Фенигана, отогнали прочь неотвязную, съ ума сводившую его мысль. Тонъ его писемъ измѣнился, сталъ болѣе яснымъ и твердымъ, какъ голосъ выздоравливающаго. Мериве писалъ: «Дѣло идетъ на поправку». А немного спустя написалъ и Ричардъ: «Я чувствую себя совсѣмъ хорошо». Вскорѣ затѣмъ пришло письмо, извѣщающее о его возвращеніи въ слѣдующій вторникъ.

Лидія сидѣла на скамьѣ въ тиши пустыннаго парка, читала и перечитывала это письмо, милое письмо, полное нѣжныхъ словъ и радужныхъ плановъ. День догоралъ въ мягкихъ тонахъ красокъ и температуры, и просвѣты неба, видныя сквозь листву, изъ ярко-голубыхъ становились блѣдно-зеленоватыми. Какъ разъ такое время, когда надѣяться и вѣрить хочется. Вдругъ совсѣмъ вблизи, изъ-за лѣсной чащи, раздался крикъ женщины, злой до бѣшенства, настолько искаженный страстью, что нельзя было узнать голосъ.

— Сгинь, пропади, негодница!... Хороши дѣла для замужней женщины!... Стыда-то нѣтъ, мерзкая тварь!

Лидія встала въ ужасѣ, думая, что оскорбленія къ ней отно-

*) *Sahel*—арабск. берегъ, рѣка,—названіе горной цѣпи, на одномъ изъ отроговъ которой расположено городъ Алжиръ.

сятся, и увидала у калитки, ведущей въ лѣсъ, Розину Шюшенъ, ухватившуюся обѣими руками за рѣшетку и выкрикивающую свои ругательства вдогонку розовому полосатому платью и зонтику, спасающимся бѣгствомъ въ лѣсъ. Прачки рассказали ей про разговоръ на мосту Александра съ снохою Соткѣра, и она приревновала къ ней своего стараго любовника, такъ какъ интрига между ними казалась вполне правдоподобной потому, что Розина уже нѣсколько дней подмѣчала, какъ молодая Соткѣръ бродитъ по Малому Сенару около Узеллей, куда безпрестанно приходитъ Александръ. Присутствіе Лидіи не остановило ее, горничная призывала свою же хозяйку въ свидѣтельница такой наглости и подлости.

— Какова же безсовѣстная она, сударыня... вплоть до насъ является отбивать у насъ нашихъ мужичи!

— Да развѣ ты замужемъ, моя бѣдная Розина?

— Не замужемъ, сударыня, а, все-таки, есть вещи, которыхъ нельзя снести... Ужь не воображаетъ ли она, что я позволю ей выдѣлывать ея штуки?... Нѣтъ, не ея колпаку мужу скажу я объ этомъ, а свекору, Индѣйцу, пусть-ка съ нимъ поговорить!... Дорого ты у меня заплатишься, каналья!

Но на лѣсной тропинкѣ въ чудной тишинѣ июнскаго вечера никого уже не было, кромѣ прыгающихъ молодыхъ кроликовъ и перелетающихъ фазановъ, спугнутыхъ этими криками. Лидія, крайне изумленная взрывомъ страсти въ такомъ существѣ, какъ Розина, которую она считала сонной и апатичной, настоящею бурьшой, попыталась ее урезонить.

— Вѣдь, это же будетъ ужасно, если ты скажешь свекору. Дикій звѣрь онъ, сама знаешь... Но я увѣрена въ тебѣ, ты этого не сдѣлаешь, ты не злая.

Розина покачала головой.

— Нѣтъ, не злая, но я ревнива... Такъ ревнива... что это— вродѣ какъ бѣшенство... тебя угусили, и ты хочешь угусить. Сама страдаешь, пусть же и отъ тебя пострадаютъ.

Ея грубоватое лицо дѣлалось красивымъ, разгорѣвшись злобой и вспыхивая страстью, и Лидія Фениганъ съ ужасомъ видѣла въ чертахъ крестьянки, — точно угрозу или предвѣщаніе, — то болѣзненное выраженіе, которое было ей такъ знакомо, напоминало столько скорбныхъ часовъ.

XV.

Дневникъ князя.

*В. де-Валлонну.
Въ Коллегію Станислава.*

Теперь я знаю, изъ-за чего родители такъ долго держали меня въ изгнаніи. Мужъ г-жи Ф..., отнесшійся по-философски къ покищенію своей супруги; глаза вылупилъ отъ злости, когда узналъ объ ея отставкѣ. Угрозы господина Пумъ-Пумъ взбудоражили мою мамашу, ей уже представлялось, что меня вотъ-вотъ утопятъ, повѣсятъ, на колы посадятъ, скальпируютъ, и успокоилась она немного, лишь отдавши меня подъ охрану моего кузена де-Бутиныяна и непобѣдимаго 50-го драгунскаго полка. Что произошло у нашихъ сосѣдей, пока мы продѣлывали большіе маневры? Меня увѣряютъ, что супруга вернулась подъ семейный кровъ, что Пумъ-Пумъ утекъ въ Алжиръ, но никто не можетъ дать мнѣ ключъ къ этой двойной загадкѣ. Всего же существеннѣе то, что полковникъ возвратилъ меня родителямъ, давши отпускъ, который можетъ быть возобновляемъ несчетное число разъ.

Не весело у родителей. Герцогиня постоянно въ разъяздахъ изъ-за нескончаемыхъ хлопотъ о наслѣдствѣ, генералъ все болѣе и болѣе дѣлается недвижимымъ, уподобляется тѣмъ мифологическимъ личностямъ, которыхъ изобразили *Виргилій* и *Овидій* преслѣдуемыми гнѣвомъ боговъ и превращенными въ дерево или въ скалу. Съ часу на часъ расплзается болѣзненное окаменѣніе, нарастаетъ сдавливающая его кора. Скоро останется живою только голова, потомъ—глаза, его темные негодующіе глаза, въ которыхъ блескъ сверкаетъ, какъ отраженіе солнца въ стеклахъ чердака, обращеннаго на западъ. Мысль работаетъ хорошо, языкъ повируется исправно, но онъ имъ пользуется лишь для того, чтобы разбирать свои недуги въ выраженіяхъ, способныхъ довести до отчаянія. Все, что онъ говоритъ,—безпощадно, сверкаетъ, рѣжетъ и терзаетъ, какъ хирургическій инструментъ... Впрочемъ, если вѣрять ему, то его способности тупѣютъ, *віолончель* нашего *Жана* уже не щечочетъ его нервы такъ сладострастно, какъ прежде. Правда, и самъ-то маэстро *Жанъ* чуть дышетъ. Когда онъ говоритъ, то получается такое впечатлѣніе, будто его голосъ доносится изъ другой комнаты. Можетъ быть, и его *віолончель*, подобно ему, утрачиваетъ свою звучность.

Ічера послѣ полудня мы втроемъ разговаривали на площадкѣ у рѣки. «Сдѣлай мнѣ папиросу», — сказалъ мнѣ генералъ скрип-

чимъ голосомъ. Свертывая папиросу, я, разумѣется, посмотрѣлъ на его большія руки, недвижимыя, скрюченныя на колѣняхъ, какъ засохшіе листья. Его свѣрное настроеніе еще ухудшилось.

— Что ты смотришь на мои руки? Онѣ не такъ бѣлы, какъ ручки мадамъ Ф...

И, произнеся это имя, онѣ совсѣмъ изъ себя вышелъ, принялся укорять меня въ безчестномъ поведеніи съ этою женщиной, обвинять въ томъ, что я опять возвращаюсь къ ней.

— Я запрещаю тебѣ это! Слышишь? Я запрещаю! — кричалъ онъ съ лицомъ, искаженнымъ ревностью, и такимъ повелительнымъ тономъ, какимъ командовалъ войсками въ Лоншанѣ, проходившими церемональнымъ маршемъ передъ трибуной президента. Это ужъ и меня взорвало.

— Вы мнѣ запрещаете? А по какому праву?

— По праву отца... по праву главы семьи...

Какъ разъ, милый мой Валлонгъ, въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы говорили о принципѣ власти и объ его всеобщемъ крушеніи. Я припомнилъ нѣкоторыя изъ вашихъ фразъ, очень звучныхъ и краснорѣчивыхъ, и преподнесъ ихъ генералу, какъ бы отъ собственнаго разума. Когда я сказалъ, что семья идетъ рука объ руку съ государствомъ, что была она монархическою, по его образцу, потомъ—либерально-монархическою, а затѣмъ—демократизируется вмѣстѣ съ нимъ,—нѣтъ, вы представить себѣ не можете растерянности и настоящаго ошалѣнія моего знаменитаго родителя, отразившихся тотчасъ же на плачевной рожѣ учителя Жана.

А суть вся въ томъ, что генералъ все еще пылаетъ къ нашей хорошенькой сосѣдкѣ и корчится отъ бѣшенства, привинченный къ своему пьедесталу, каждый разъ, когда я отправляюсь за рѣку. Онъ убѣжденъ, что я брожу вокругъ Узеллей... А я,—честное въ томъ слово,—ни разу не встрѣчался съ мадамъ Ф... со времени нашего разрыва и до сегодняшняго утра, когда мы случайно столкнулись у одного ювелира въ Корбейлѣ. Мнѣ показалось, что она немного похудѣла, но все такъ же лѣниво-граціозна и блѣдна, что я приписываю нечаянности встрѣчи. Мы не сказали ни слова, едва обмѣнялись взглядомъ и только. Могу даже завѣрить васъ, что только и будетъ, и если меня винять въ томъ, что я хожу въ Узелли, то лишь потому, что свиданія съ моею маленькою Соткѣръ происходятъ всегда въ той части лѣса, которая прилегаетъ къ парку Фенигановъ. Я говорилъ вамъ, подъ какимъ надзоромъ держать мою бѣдную милочку и какой безумный страхъ вселить въ нее Индѣецъ, по милости котораго мы все еще только предъиди

взыгрываемъ. Вотъ почему, вѣроятно, мое баловство съ нею преращается въ страстишку, вотъ почему никогда не привлекала она ни одна женщина изъ общества такъ сильно, какъ этотъ усхитительный маленькій арабскій персикъ.

Хорошенькая? — это самое большое, что можно сказать о ней. ольшой ротъ, маленькій носикъ, «монмартрскій», общій тонъ маизинной дѣвицы. Войдя въ ювелиру, гдѣ мы съ нею выбирали зотую цѣпочку, мадамъ Ф... выразила мнѣ все свое презрѣніе въ цномъ взглядѣ, который означалъ: «Вотъ вы до чего дошли!... оздравляю!» Бъ сожалѣнію, и я могъ отвѣтить только выразиьльнымъ взглядомъ, а этого было слишкомъ недостаточно для то), чтобъ объяснить ей, что было бы мнѣ желательно.

Видите ли, Вильки, хотя я и очень молодъ еще, но уже почти овсѣмъ закончилъ экспериментальное изученіе женщинъ, въ осонности же — французскихъ женщинъ. Первымъ дѣломъ, — гдѣ эта ранцуженка? Что это за типъ? Фантазѣрка ли, холодно развратая, изображаемая въ маленькихъ романахъ прошлаго вѣка? Нестовствовала ли она когда-нибудь, подобно Мальвинамъ романтиовъ «молодой Франціи»? Или же мы скорѣе разыщемъ ее среди идумчивой скотинки поэтовъ-парнасцевъ, или «инстинктивовъ» атуралистовъ и мистическихъ невропатовъ декадентовъ? Возможно, что всѣмъ этимъ она была или, по крайней мѣрѣ, воображала обя, оставаясь манекеномъ романистовъ, на все готовую примѣивальщицей, покорною всяческимъ модамъ, хотя бы отчаянно ецентрисескимъ. Въ сущности же, я подозреваю, что страстна на притворно, развратна — безъ убѣжденія, и просто-на-просто ючти всегда — только мать, мамаша. За три года, съ небольшимъ, ожалуй, что я вожусь съ женщинами, всего чаще встрѣчалъ я менно такихъ. Вы скажете, что тутъ играютъ роль мои лѣта. Однако, здѣсь даже я выдаюсь часто съ очень молоденькими дѣвушами и женщинами, нашими сосѣдками изъ Мерови, въ котоыхъ, — я отлично чувствую это, — все только гримасы, увлеченіе ли подражаніе модѣ, все, исключая нѣжнаго и заботливаго интнвкта материнства. Соткѣрь — то совсѣмъ иная статья: такъ и рожить вся, и мордашка безумная, пламенная. Тутъ уже не аритократическая красота графини, не типъ рыжей еврейки Ребеки оллингерь, а что-то совершенно другое привлекаетъ меня, что-то акое, чему я не знаю эквивалента. Оставляю свой дневникъ отрытымъ и завтра скажу вамъ, другъ мой, ошибся я или нѣтъ въ юемъ діагнозѣ.

Почему завтра? А потому, что всяческими ухищреніями мнѣ

удалось приспособить въ полное наше распоряженіе цѣлую ночь, по-настоящему, въ ея комнатѣ, а не подъ вертячею защитой зонтика. Я убѣдилъ нашего главнаго смотрителя лѣсовъ устроить большую облаву на браконьеровъ, доходящихъ до непозволительной дерзости. Вызванный сегодня вечеромъ на Фазаній дворъ съ всею лѣсною стражей Большого и Малаго Сенара, Индѣецъ вернется домой только завтра къ шести часамъ утра. Предоставляю вамъ рѣшить, съумѣемъ ли мы этимъ воспользоваться.

Я прилагаю къ этому посланію эскизъ двумя карандашами, начатый съ моей легкомысленной особы рядовымъ Борскимъ, участникомъ въ поддѣлкѣ банковыхъ билетовъ. Какъ видите, сходство уже есть большое. Только, — въ силу того субъективизма, о которомъ мы съ вами какъ-то бесѣдовали и который побуждаетъ моего толстяка-портного шить, несмотря на всѣ мои убѣжденія, непомерно широкіе жилеты, — этотъ Борскій придалъ моему взгляду отчаянную пламенность своихъ глазъ, что совершенно измѣнило выраженіе моего лица. Въ послѣдній разъ я видѣлъ этого несчастнаго малаго во дворѣ нашего штаба въ то утро, когда его проводили послѣ приговора къ каторжнымъ работамъ. Мрачная и театральная церемонія разжалованія въ четырехугольникъ черныхъ стѣн, людей и лошадей, не производила на него, повидимому, никакого впечатлѣнія. Когда онъ проходилъ мимо меня, высоко поднявши голову, въ мундирѣ, вывороченномъ наизнанку и накинутаго на его плечи, я пораженъ былъ его взглядомъ, устремленнымъ будто вдаль, гдѣ носились его мысли. Ясно было, что дѣла нѣтъ ему ни до какихъ каторгъ, — онъ съ восторгомъ улыбался той женщинѣ, которая довела его до преступленія. Это-то пламя страсти онъ перенесъ на мой портретъ совсѣмъ напрасно.

О, нѣтъ и признака такого пламени въ глазахъ нашего полковника, — не правда ли, Валлонгъ? Не воспаляютъ насъ ни любовь, ни отечество. Кто въ этомъ виноватъ? Вы, мой философъ, мыслитель, ученый, пожиратель книгъ, вы думаете, что въ туманахъ нѣмецкой метафизики утопили вашъ пылъ и блескъ взоровъ, — вы книгамъ приписываете, что онѣ слишкомъ рано васъ научили и засушили. Въ такомъ случаѣ, мы-то, лѣнтяи, ничего не читающіе, должны бы были сохранить этотъ огонь, пылъ честныхъ вѣрованій, а вышло наоборотъ. Чтобъ узнать тяжелыя книжки, которые васъ разочаровали, нѣтъ, должно быть, надобности раскрывать ихъ. До отчаянія доводящія идеи, заключающіяся въ нихъ въ зародышномъ видѣ, формулировались и распространились, и мы вдыхаемъ ихъ съ воздухомъ, воспринимаемъ всѣми порами. Ни

разу не привели вы мнѣ ни одной изъ прекрасныхъ и удручающихъ аксіомъ вашихъ философовъ безъ того, чтобъ я не сказалъ себѣ: «Да, вѣдь, я это знаю!» И это представляется такою же необъяснимою проблемой, какъ то, что вѣсть объ очень крупномъ событіи передается съ одного края пустыни на другой ни для кого непостижимымъ способомъ. Вотъ почему мы всѣ послѣдняго вывода времени пораженія, невѣжественные, какъ я, и ученые, какъ вы, — всѣ мы обречены на тоску и изнеможеніе, побиты безъ боя, въ душѣ анархисты, лишены смѣлости что-либо дѣлать.

Шарлксисъ.

XVI.

В ъ л ѣ с у.

Высадившись въ Марсели, старикъ Мериве, вынужденный задержаться на день или на два для окончательнаго устройства своихъ дѣлъ, былъ крайне удивленъ рѣшеніемъ Ричарда покинуть его и продолжать путь на Парижъ.

— Ну, скажите, зачѣмъ?—спрашивалъ Наполеонъ, провожая съ парохода прямо на желѣзную дорогу своего капризнаго спутника.— Вы извѣстили своихъ о нашемъ приѣздѣ во вторникъ или въ среду... Что выиграете вы, приѣхавши днемъ раньше? Экипажъ на вами не выѣдетъ, никто васъ ждать не будетъ.

— Этого-то я и хочу,—сказалъ Ричардъ, краснѣя отъ своего революрнаго признанія.

Мериве всполошился, такъ взмахнулъ руками, что на это движеніе оглянулся бы весь бульваръ Итальянцевъ, но никто не обратилъ вниманія среди множества подобныхъ жестовъ на шумныхъ тротуарахъ Канеберы *).

— Какъ, несчастный, вы еще такія штуки продѣлываете?... Незначай хотите домой вернуться, жену врасплохъ застать?... А это былъ такъ глушь, что думалъ, будто съ вами все прошло! Заблуживали бы вы, приѣхавши...

При видѣ волненія Ричарда, у Мериве не хватило духу договорить.

— Ну, счастливый путь, безумный вы человѣкъ! А такъ какъ приѣдете вы раньше меня, то поцѣлуйте вашу матушку и вашу жену за ихъ стараго друга.

Не одна ревность, впрочемъ, побуждала Ричарда вернуться до-

*) Названіе большой и лучшей улицы Марсели.

мой двадцатью четырьмя часами раньше. Онъ спѣшилъ приять Лидію къ своей груди, но не хотѣлъ сказать этого Мериве, признаваясь въ томъ, что послѣ года слишкомъ жизни врознь съ женою ему невыносимымъ представлялось одинъ лишній день обойтисъ безъ нея.

Когда онъ поутру вышелъ изъ вагона на станцію Вильгельм-Сенъ-Жоржъ, кучеръ вольнаго омнибуса, запряженнаго чахлою хромою клячей, взялся доставить въ Узелли его и бывшій съ нимъ багажъ. Ъхали тихо, мѣрнымъ шагомъ кавалерійской «браковки»; солнце поднялось высоко, стало припекать верхъ стараго рыдвана, наполняя его отвратительнымъ запахомъ прѣлой кожи и табаку. Ричардъ сѣлъ на козлы рядомъ съ кучеромъ, у котораго языкъ рывязался отъ стакана бѣлаго вина, выпитаго на поворотѣ у Шато-Фрейе. Возница былъ трубачемъ 3-го стрѣлковаго полка, когда онъ командовалъ герцогъ д'Алькантара. Душа - человекъ этотъ герцогъ и женскому полу спуску не давалъ, гдѣ ни проходилъ ихъ полкъ. Не удивительно, что теперь его скрючило. Бажется, что и сынокъ-то его, маленький Шарль - сисъ, по батюшкѣ пошелъ, всласть забавляется. Съ годъ назадъ сбѣжалъ отсюда съ женою одного здѣшняго обывателя. На послѣднемъ праздникѣ въ упраздненномъ монастырѣ только объ этомъ и говорили. Пассажиръ, быть можетъ, слышалъ про это.

Ричардъ отрицательно покачалъ головой и во всю дорогу не вымолвилъ уже ни слова. Послѣ безплодныхъ попытокъ возобновить разговоръ возница, слыша, какъ онъ что-то напѣваетъ, вообразилъ, что его клиентъ любить музыку, досталъ изъ-подъ козелъ измятый и покрытый зеленью рожокъ и принялся трубить всѣ свои полковые сигналы. Ричарду скоро надоѣло это дуденіе, рѣзавшее ему уши, а затѣмъ невдалекѣ уже отъ его дома на дорогѣ карнизомъ стали встрѣчаться люди, знавшіе Ричарда и дивившіеся его экипажу. Проѣхавши Дравейль, Фениганъ сошелъ съ козелъ и направился въ лѣсъ въ то время, какъ омнибусъ ѣхалъ дальше съ трубными звуками подъ палящимъ солнцемъ. На самомъ дѣлѣ рассказъ кучера встревожилъ въ немъ нехорошее любопытство, желаніе явиться нежданнымъ, въ необычное время и необычайномъ дорогой.

«Что дѣлаетъ Лидія? Ждетъ ли меня?» — твердилъ онъ, широко и безшумно шагая по мягкому моху тропинки, ведущей къ большому дубу.

Въ маленькомъ приходѣ звонили къ полуденной молитвѣ, и Ричардъ узналъ колоколъ по звукамъ, разносившимся въ горячемъ

воздухъ равнины. Онъ прислушивался къ знакомому благовѣсту, когда близко отъ тропинки раздался трескъ сучьевъ, послышались шаги убѣгающаго человѣка и, въ то же время, паденіе какого-то орудія, заступа, который онъ увидалъ брошеннымъ на муравьиной кучѣ, гдѣ добываютъ муравьиныя яйца на кормъ фазанамъ. Ясно было, что Ричардъ потревожилъ какого-нибудь мародера.

Не обращая вниманія на это, Ричардъ продолжалъ путь, невольнo ускоряя шагъ по мѣрѣ приближенія къ дому, и скоро вышелъ къ большому дубу, отъ котораго радіусами расходится нѣсколько просѣкъ, а въ концѣ одной изъ нихъ виднѣется калитка парка Фенигана. Издали калитка эта, обычно запертая, показалась ему отворенною, и, къ удивленію своему, онъ увидалъ мелькающія въ ней фигуры людей, которые выходили изъ парка и бѣгомъ направлялись вправо въ лѣсъ, гдѣ на освѣщенной солнцемъ прогалинѣ, въ мѣдѣ темнаго, подвижнаго пятна, виднѣлась большая толпа. Ричардъ направился туда, заинтересованный поразительною тишиною этого сборища. Вся округа сбѣжалась сюда изъ Суази, изъ Дравейля, лѣсники, жандармы. Что такое могло случиться? Недоброе, наѣрное, такъ какъ одновременно съ Ричардомъ подъѣзжала телѣжка Фукара, подпрыгивая по колесницамъ, выбитымъ угольщиками.

— А вотъ и мосье Ричардъ! — проговорилъ кто-то.

Толпа почтительно разступилась, давая видѣть отдѣльную группу людей, состоящую изъ судьи Жана Делькру, его письмоводителя и двухъ врачей изъ Суази и Дравейля, тихо разговаривавшихъ съ Александромъ передъ неподвижно лежащею въ травѣ фигурой, отъ которой видны были только ноги въ высокихъ гетрахъ, а все тѣло было скрыто большимъ желтымъ зонтомъ.

— А, дорогой мой Фениганъ, какой ужасъ! — тихо проговорилъ удья официально-холоднымъ тономъ и подалъ Ричарду руку, ни утъ не удивившись его появленію. Всѣ остальные раскланялись къ нему, но никто не разъяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Что случилось? — спросилъ Фениганъ, въ головѣ котораго другъ мелькнуло подозрѣніе, обезцвѣтившее его губы и вызвавшее яркій блескъ въ его глазахъ. Делькру взглянулъ на него въ одоумѣніи.

— Какъ, вы не знаете? Князь Ольмицкій умеръ дня два или три назадъ, какъ полагаютъ, и вотъ мы положили его на то мѣсто въ той самой позѣ, какъ его нашелъ Александръ сегодня утромъ.

По предложенію судьи, письмоводитель въ полголоса прочелъ Ричарду показаніе, которое онъ писалъ подъ диктовку бывшаго естръ-д'отеля.

... «Отлучившись изъ Гробурга въ пятницу вечеромъ послѣ своего обѣда, князь не показывался до утра понедѣльника, то-есть до сегодня. Но въ замкѣ никто этимъ не былъ встревоженъ, такъ какъ князь часто пропадалъ какъ же точно изъ дому. Безпокоиться стали только въ воскресенье вечеромъ, когда онъ не явился къ обѣду, по случаю дня его рожденія, когда ему исполнилось девятнадцать лѣтъ. На обѣдъ были приглашены всѣ сосѣди. Чтобы не напугать герцогиню, домъ былъ освѣщенъ до поздняго вечера и колодезь танцевала минуэть, разученный къ этому дню. Въ понедѣльникъ раннимъ утромъ генералъ, не спавшій всю ночь, послалъ за Александромъ и сообщилъ ему о своей скрытой тревогѣ. Мосье Александръ улыбнулся при первыхъ же словахъ генерала.

— Да я его, мосье Шарлексиса, вчера видѣлъ, ваше превосходительство... и третьего дня видѣлъ.

— Гдѣ же это?—спросилъ отецъ радостно.

— Въ лѣсу и все на одномъ и томъ же мѣстѣ... Есть такой уголокъ въ Маломъ Сенарѣ, въ кварталѣ Большого Дуба, гдѣ съ мѣсяцъ уже, каждый день лежа на травѣ подъ большимъ зонтомъ, князь поджидаетъ... кого?... Я никогда не позволялъ себѣ справиться объ этомъ, но если генералу угодно будетъ...

— Ничуть не угодно. Меня удивляетъ только, что, при такой близости поля его маневровъ, онъ не навѣдается въ Гробургъ успокоить свою мать. Если увидите его сегодня, то я уполномочиваю васъ нарушить секретъ его свиданій и передать ему сказанное мною.

Мосье Александръ обѣщалъ исполнить это и порѣшилъ, не откладывая до послѣполудня, пройти въ Узелли лѣсомъ вдоль парковъ. Не вдалекѣ отъ калитки Фенигановъ, подъ вліяніемъ какого-то необъяснимаго чувства, онъ нагнулся и сталъ смотрѣть по нему лѣса въ ту сторону, гдѣ ранѣе того видалъ князя. И странное дѣло, несмотря на то, что едва пробило восемь часовъ, зонтикъ оказался раскрытымъ въ густой травѣ, еще покрытой росой. Самъ юноша лежалъ тамъ, спалъ, вѣроятно, такъ какъ Александръ оглянувъ его два раза, не получивши отвѣлика. Тогда»...

На этомъ обрывалось показаніе. Письмоводитель обратился къ Александру, и тотъ продолжалъ:

— Тогда, господа, я отодвинулъ зонтикъ и увидалъ нѣчто настолько ужасное, что пустился бѣжать, крича что есть силы. Садовники г. Фенигана услышали мой крикъ, со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди. Но до прибытія суда въ Борбейль я никого не подпустилъ къ тѣлу, ни до чего не дозволилъ дотронуться.

Послышался одобрителный шепотъ.

— Несомнѣнно ли было, что онъ мертвъ? — спросилъ Фениганъ, охваченный необычайнымъ волненіемъ, въ которомъ скорѣе можно было угадать чувство облегченности, чѣмъ ужаса. Судья и его письмоводитель обмѣнялись гадкими улыбками.

— Тѣни сомнѣнія не могло быть... посмотрите сами, — сказалъ Делькру, указывая на то, чѣмъ сталъ князь Ольмюцкій, побѣдитель женскихъ сердець, непреодолимый молодой человекъ, надѣленный «каватой», превратившійся въ отвратительный трупъ съ головой плохо очищеннаго скелета... Въ впадинахъ глазъ и рта, въ остаткахъ ноздрей и ушей кишѣло безчисленное множество красныхъ муравьевъ, червей, лѣсныхъ козявокъ. Вотъ что случилось съ тѣмъ, кого любило и ласкало столько женщинъ, по чьей милости столько мужчинъ съ ума сходило отъ ревности.

Толпа любопытныхъ, несмотря на сопротивленіе жандармовъ, двинулась слѣдомъ за Ричардомъ и отступила съ ужасомъ и отвращеніемъ. Успѣвшіе посмотрѣть рассказывали остальнымъ, выражая сожалѣніе, по-простонародному образно... «голова издырывается, какъ фонарь»... И, какъ всегда, при самыхъ даже мрачныхъ драмахъ, кое-гдѣ послышался смѣхъ. Вдругъ снова возстановилась тишина, тревожное молчаніе затаившей дыханіе толпы, и слышно было только жужжаніе мухъ въ воздухъ, шелестъ и стрекотаніе насѣкомыхъ въ травѣ. По знаку судьи, подѣхала телѣжка для покойниковъ, цѣпляясь за низкіе сучья, двое лѣсниковъ положили на нее трупъ, голову котораго одинъ изъ нихъ догадался прикрыть фуляромъ.

— Куда вы отправляете его? — тихо спросилъ судью Ричардъ Фениганъ, стараясь придать голосу печальную интонацію.

— Въ Гробургъ береговою дорогою, чтобы не сразу поразить родителей, которыхъ Александръ взялся предупредить. У д'Алькантара есть фамильный склепъ въ этомъ имѣніи, и его похоронять сейчасъ же. Что же касается вскрытія, то я полагаю, что два эскулапа въ цилиндрахъ, идущіе за нами, не справятся съ этимъ дѣломъ одни. Ихъ сбиваетъ съ толку эта обезображенная голова. Они полагають, что смерть послѣдовала отъ прилива крови къ мозгу, случай не рѣдкій въ ихъ семьѣ, и произошло это внезапно въ то время, какъ князь лежалъ подъ своимъ зонтомъ. Я держусь того же мнѣнія, иначе пришлось бы заподозрить, что его убили, потому положили тѣло на мѣсто въ его обычной позѣ подъ зонтомъ, что было бы утонченнѣйшимъ звѣрствомъ, ничѣмъ не вызваннымъ.

Они шли слѣдомъ за телѣжкой, которую сопровождали Але-

ксандръ и жандармы, по каменистой дорожкѣ, проложенной въ паркѣ Фенигановъ. Толпа медленно разбрелась небольшими группами въ разные стороны по лѣснымъ тропинкамъ, когда вдругъ, покрывая шумъ шаговъ и скрипъ колесъ, раздался голосъ Ричарда, рѣзко окликнувшего возчика Фукара, который взялъ подъ узды свою лошадь, какъ бы съ тѣмъ, чтобы своротить и въѣхать въ паркъ.

— Эй! вы тамъ, куда ѣдете?

На отвѣтъ подводчика, что, проѣхавши черезъ усадьбу, они выйдутъ, по меньшей мѣрѣ, полчаса времени и что такъ распорядился мосье Александръ, Ричардъ крикнулъ крайне раздраженно:

— Не смѣйте вы этого дѣлать! Я рѣшительно не допущу этого!... Буда еще лѣзетъ съ своими распоряженіями этотъ мерзкій хамъ!

Дельберу вздрогнулъ отъ нервности голоса и движенія Ричарда, вызвавшихъ цѣлый рой мыслей, почти подозрѣній, которыя онъ поспѣшилъ отогнать прочь самымъ простымъ разсужденіемъ: «Да, правда, бывший любовникъ его жены. Но это давно покончено и супруги помирились. Въ тому же, слѣдователямъ повсюду чудятся убійства. Для перваго дѣла, за которое я берусь, надо поостеречься такого смѣшнаго увлеченія». У калитки парка онъ остановился, чтобы дать кое-какія указанія своему письмоводителю, раскланялся съ врачами и, взявши Ричарда подъ руку, развязно вошелъ съ нимъ въ паркъ.

— Теперь идемте къ дамамъ. Утромъ я обѣщалъ имъ зайти все рассказать, какъ только отдѣлаюсь... Онѣ говорили, что ждутъ васъ завтра.

— Да, но я увлекся фантазіей явиться днемъ раньше и пройти лѣсомъ, сдѣлать имъ сюрпризъ. И вотъ самъ налетѣлъ на сюрпризъ, поистинѣ ужасный.

Тонъ былъ искренній такъ же, какъ и выраженіе честнаго и суроваго лица, загорѣвшаго подъ африканскимъ вѣтромъ. Судя въ душѣ упрекалъ себя за набѣжавшее было подозрѣніе и готовъ былъ каяться въ этомъ, даже вслухъ каяться, весь отдавшись радостной экспансивности.

— Конечно, конечно, дорогой мой Ричардъ, случай ужасный. Но, признаюсь вамъ, самъ я настолько счастливъ, что мнѣ трудно даже... Вамъ извѣстны мои намѣренія относительно вашей кузины Элизы? Она только что отвѣтила благопріятно, кажется, вашей матушкѣ, которая сегодня, среди всѣхъ этихъ тревоженій, успѣла сказать мнѣ всего нѣсколько словъ... А, вотъ и дамы!

Госпожа Фениганъ и Лидія появились въ концѣ аллеи. Случайно, въ это утро, онѣ очень рано вышли въ садъ нарвать розъ, когда жена садовника прибѣжала, запыхавшись, сообщить имъ о страшной находкѣ, сдѣланной Александромъ на лужайкѣ. Маленькія садовые ножницы съ ручкою слоновой кости, которыми Лидія срѣзала цвѣты, продолжали свое дѣло безъ малѣйшаго перерыва, не дрогнувши даже, и мадамъ Фениганъ замѣтила это. Лидія ограничилась лишь замѣчаніемъ въ полголоса: «Счастье, что Ричардъ еще не вернулся!» — и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало другое, котораго она не высказала: «Послѣ его угрозъ убить князя стали бы непременно его обвинять... и сама я, пожалуй, подумала бы...»

Эта мысль не выходила у нея изъ головы, и когда Делькру, вызванный изъ Борбейля, задержался на нѣсколько минутъ у нихъ въ замкѣ и въ разговорѣ съ своимъ письмоводителемъ высказывалъ различныя предположенія относительно происшествія, Лидія готова была вслухъ выразить радость, что мужа ея нѣтъ дома, но какой-то таинственный инстинктъ не далъ ей сдѣлать этого. При такихъ условіяхъ можно представить себѣ ужасъ молодой женщины, когда около полудня она увидала передъ навильономъ чемоданъ и дорожный мѣшокъ Ричарда.

— Это доставлено omnibusомъ изъ Вильнёва, — сказала ей садовница. — Мосье Ричардъ пошелъ пѣшкомъ лѣсною дорогою.

Лидія такъ и замерла, охваченная такимъ убѣжденіемъ: «Онъ убилъ Шарлея»...

Драма представилась ей съ поразительною отчетливостью. Мужъ пріѣхалъ днемъ раньше, чтобы застать ее неожиданно, князь притаился гдѣ-то у калитки, они встрѣтились, взрывъ гнѣва и убійство. Подробности оставались необъяснимыми, но надъ этимъ она не задумывалась, слишкомъ сильно пораженная и изумленная: она дивилась тому, что у мужа хватило смѣлости на такое дѣло, — у него, всегда робкаго и слабаго, у этого мужчины-ребенка, котораго она считала способнымъ только плакать и сокрушаться. Какъ сильна, стало быть, его любовь и какова ревность! И, за-одно съ душевною тревогой, росла ея нѣжность, признательность, чудная лихорадка любви, еще болѣе усилившаяся, когда Лидія на поворотѣ аллеи увидала Ричарда, похудѣвшаго, бронзоваго африканскимъ загаромъ, съ глазами, сверкающими радостью, съ выраженіемъ во всей фигурѣ энергии и мужества, которыхъ она никогда не видала въ своемъ мужѣ.

Опершись на руку Лидіи и сдерживая ея ускоряющіеся шаги,

мать издали кричала сыну, не въ состояніи будучи преодолѣть свое нетерпѣніе:

— Что за фантазія не предупредить насъ!... Знаешь ли, до чего мы перепугались, увидавши твой багажъ и безъ тебя... Въ особенности послѣ этого страшнаго происшествія.

— Правда; дорогія вы мои, неудачный день я выбралъ...—и, не договоривши фразы, онъ кинулся на шею матери, тѣмъ же быстрымъ движеніемъ прижимая къ своей груди Лидію, лицо которой ему пришлось разыскивать подъ большимъ розовымъ капюшономъ.

Онъ почувствовалъ жену настолько похолодѣвшею и дрожащею, что высказалъ это вслухъ. Она ничего не отвѣтила, и госпожа Фениганъ, понимая, что ихъ необходимо оставить вдвоемъ, пошла впередъ къ Дельеру.

Ричардъ, себя не помня отъ радости, прижималъ къ себѣ жену, какъ нищій обхватываетъ свой хлѣбъ, какъ утопающій стискиваетъ спасательный кругъ. Онъ останавливался на каждомъ шагѣ, чтобы посмотреть на нее, выпросить до глубины ея глазъ.

— Отчего ты вся дрожишь? Отчего твои руки, твои щеки холодны, какъ ледъ?... Тебя взволновалъ мой неожиданный пріѣздъ... но, вѣдь, теперь прошло это... или, вѣрнѣе, ужасъ, нечаянность этой смерти.

— О, нѣтъ!—отвѣтила она такъ, что въ искренности ея не могло быть сомнѣнія.

Ричардъ настаивалъ:

— Объ этомъ слѣдовало бы сказать мнѣ. Теперь я могу все выслушать...

— Для меня онъ давно умеръ, ты знаешь это... нѣтъ, Ричардъ, не то это.

— Что же, въ такомъ разѣ?... Ты не рада свиданію со мной? Твои письма, однако, были такъ нѣжны.

— Я нѣжнѣе ихъ, мой Ричардъ, и очень рада быть съ тобой. О, очень... очень... влянусь тебѣ!

Все болѣе и болѣе вздрагивая, она прижалась къ нему въ порывѣ всего своего существа, съ молчаливыхъ и трепетныхъ губъ готовы были сорваться признанія или вопросъ, которыхъ она не смѣла выговорить. И Ричардъ ломалъ себѣ голову, дѣлалъ предположенія, продолжая говорить о безразличныхъ вещахъ, образующихъ первую связь между сердцами, бывшими долго въ разлукѣ.

Отъ времени до времени въ его большихъ добрыхъ глазахъ вспыхивалъ огонь грозы, нисколько не соотвѣтствовавшій заурядности разговора. Ричардъ думалъ: «Что мудренаго въ томъ, что въ

его отсутствіе бѣдная женщина, которой грозилъ, которую преслѣдовалъ этотъ негодяй, рѣшилась, какъ въ Киберонѣ, на отчаянный поступокъ, но уже не противъ себя на этотъ разъ?» Тщетно пытался онъ отогнать эту мрачную думу, она угнетала его, какъ кошмаръ, и доводила до того, что на жену онъ смотрѣлъ такими же тревожными и болѣзненными глазами, какими она вглядывалась въ него.

Впереди нихъ, подъ руку съ госпожею Фениганъ, судья Дельгру бредить начиналъ отъ счастья, узнавши, что Элиза готова дать свое согласіе. О своей женитьбѣ онъ мечталъ уже, какъ о чемъ-то очень близкомъ, думалъ уже раздать своихъ кошекъ и своего погугая, всю свою семью стараго холостяка, совѣтовался съ матерью Ричарда о томъ, какъ устроить свое будущее жилище, кого пригласить въ свидѣтели.

— Если бы не сегодняшнее несчастное событіе, я могъ бы обратиться къ моему знаменитому другу, герцогу д'Алькантара...

Сдвинувшіяся брови госпожи Фениганъ заставили его замолчать.

— Вы забываете, мосье Дельгру, что между Гробургомъ и Зеллями не можетъ быть уже ничего общаго. Богъ знаетъ, что сла я на нихъ не имѣю больше послѣ удара, поразившаго ихъ, но намъ эти люди причинили слишкомъ много горя.

— Правда, сударыня, — сказала Дельгру сердечнымъ тономъ, — прошу извинить мою неловкость, знаете, избытокъ счастья...

Жесткія брови оставались сдвинутыми, — госпожѣ Фениганъ казалось непристойнымъ слово «счастье» вблизи отъ той — другой матери, которой только что повезли сына на тяжелой мертвецкой селѣжкѣ.

Весьма кстати разговоръ былъ прерванъ докладомъ, что госпожа слѣдователя просить пожаловать въ Гробургъ; Александръ, вѣхавшій за нимъ въ тильбюри, ждетъ его у воротъ. Волненіе Індіи замѣтно усилилось при этомъ извѣстіи, и въ то время, какъ гудья откланивался хозяевамъ, Ричардъ видѣлъ, что она вотъ-вотъ готова лишиться чувствъ.

Едва усѣвшись рядомъ съ Александромъ, Дельгру, вновь захваченный интересомъ и таинственностью драмы, которую ему предстояло разъяснить, справился о душевномъ состояніи обитателей замка.

— Я полагаю, что герцогиня ничего еще не подозрѣваетъ, — отвѣтилъ старый слуга сдержаннымъ тономъ. — Что же касается

генерала, то онъ очень стойко вынесъ извѣстіе объ этомъ новомъ несчастіи и приказалъ намъ помѣстить тѣло въ маленькомъ за- нѣи, которое у насъ называютъ Фантомъ и куда можно пробѣжать, минуя замокъ.

— А въ народѣ, мосьё Александръ, что говорятъ, что думаютъ? Заключение врачей согласуется ли съ общимъ мнѣніемъ?

Старый лакей сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Что говорить деревенскій народъ, господинъ судья, это, если потребуется, узнать можно. Что онъ думаетъ, то—ужь статья иная.

— Ну, а вы, мосьё Александръ?

— О, я-то что...

Чтобъ уклониться отъ прямого отвѣта, онъ сдѣлалъ видъ, будто усиливается справиться съ пугливой лошадей. Они подъѣзжали къ тополямъ у моста. Звонкіе голоса доносились съ барки, на которой прачки полоскали бѣлье, развѣшивая его потомъ для просушки на веревкахъ, протянутыхъ по луку.

Александръ выпрямился, топырясь во весь ростъ, чтобъ издали видѣли его рядомъ съ судьей-слѣдователемъ въ экипажѣ герцога д'Алькантара.

— Если бы вашъ письмоводитель могъ записать все, что здѣсь разсказывается съ утра, вы узнали бы, можетъ быть, какъ толкують про это дѣло, безъ чего...

По герметически сомгнувшимся губамъ своего спутника судья понялъ, что ничего ровно не добьется отъ бывшего лакея, составившагося на плутняхъ, хотя маленькіе его глазки ясно говорили, что ему многое хорошо извѣстно. Судья ни мало не смутился этимъ, вполне увѣренный, что въ его камерѣ, въ Корбейлѣ, этотъ самый Александръ, столь сдержанный и таинственный теперь, все выслеплетъ наружу, при первомъ требованіи судебной власти, иско- наго пугала деревенскихъ людей.

Выйдя изъ экипажа на пустынной набережной у одной изъ милитокъ Гробурга, Делькру скоро очутился на террасѣ надъ рѣкой, гдѣ герцогиня въ шляпѣ, готовая выѣхать, о чемъ-то горячо спорила съ мужемъ и учителемъ Жаномъ, сидѣвшими на скамьѣ у площадки для игры въ теннисъ. Едва завидѣвши судью, генералъ выпрямился и издали крикнулъ, въ то время, какъ глаза учителя такъ и запрыгали въ отчаянной мимикѣ.

— Идите на подмогу, милѣйшій мой... помогите намъ уско- коить бѣдную герцогиню, вообразившую, будто мы что-то скрыва- емъ отъ нея.

Делькру отвѣтилъ, попадая въ надлежащій тонъ:

— Нибакнхъ вѣстей еще не имѣете, генералъ?

— Нибакнхъ, и вотъ почему я попросилъ васъ пріѣхать, такъ какъ, признаюсь, меня это начинаетъ тревожить.

— Да и на самомъ дѣлѣ,—проговорилъ Дельеру, смущенно поглаживая свои бакенбарды.

Герцогиня нервно взрывала концомъ зонтика убитую пескомъ площадку и подозрительнымъ взглядомъ обидывала троихъ мужчинъ. Ея осунувшіяся щеки, цвѣтъ лица, принявшій землистый оттѣнокъ, въ два дня превратили ее въ старуху. Она чувствовала, что всѣ они въ заговорѣ противъ нея, обманываютъ ее, порѣшивши не говорить ей того, что такъ страшно было ей угадать. Обратившись къ учителю, какъ къ самому робкому изъ нихъ, она рѣзко сказала:

— Ключъ отъ Фантома... слышите, метръ Жанъ?... Онъ нуженъ мнѣ.

— Слушаю, герцогиня... только я не знаю...—бормоталъ бѣдняга Жанъ.—Князь самъ заперъ... шары тенниса все пропадали, онъ и заперъ... а ключъ, должно быть, положилъ въ карманъ.

— Ищите опять; говорю вамъ, что онъ мнѣ нуженъ сегодня.

Въ то время, какъ она удалялась, генералъ заговорилъ умышленно громко, чтобъ она могла слышать:

— Сущая бѣда съ женскими фантазіями!... Герцогинѣ приснилось сегодня ночью, будто ея сына нашли утонувшимъ въ старомъ павильонѣ, прозванномъ Фантомомъ, а тамъ и воды-то никогда ни капли не бывало!

Онъ знакомъ подозвалъ Дельеру и, указывая тростью на красное кирпичное строеніе, прикрытое зеленью, продолжалъ:

— Вы знаете, тамъ онъ, и необходимо, чтобы вскрытіе было сдѣлано сегодня вечеромъ. Я хочу какъ можно скорѣе положить его въ гробъ, не то мать съ ума сойдетъ, если увидитъ его такимъ. А, милѣйшій мой Дельеру, въ моей боевой жизни мнѣ случалось присутствовать при страшныхъ избіеніяхъ, но когда я увидалъ то, что случилось съ моимъ мальчикомъ, съ этимъ бѣлокуримъ красавчикомъ, котораго принесли мнѣ сюда, на то самое мѣсто, гдѣ онъ игралъ недѣлю назадъ...

Онъ смолкъ передъ блестящимъ образомъ Шарлея, еще настолько близкимъ всѣмъ, что имъ казалось, будто слышится его смѣхъ, его крики на лужайкѣ: «Play»,—въ тишинѣ, нарушаемой только жужжаніемъ пчелъ надъ кустами бирючины.

Послѣ долгаго молчанія судья заговорилъ первый все еще тихимъ голосомъ:

— Такъ и сдѣлаемъ, генераль. Врачи будутъ здѣсь къ ночи. Но если мнѣніе ихъ не измѣнится, то они объявятъ вскрытіе ненужнымъ, полагая такъ же, какъ и я, что причиною смерти князь былъ приливъ крови къ мозгу.

— Я совершенно иного мнѣнія, — сказалъ герцогъ д'Алькантра, причемъ не дрогнула ни одна морщина его блѣднаго лица. — Но всего прежде я бы желалъ предложить вамъ одинъ вопросъ. По какому случаю, въ этомъ злосчастномъ дѣлѣ, пала на васъ обязанность произвести первыя дознанія?

Дельеру смутился немного.

— По тому простому случаю, герцогъ, что нашъ слѣдователь находится въ отпуску для поправленія здоровья, а прокуроръ республики отправился въ свадебное свое путешествіе.

— А вы не думаете ли свое подготовить?

— Мое брачное путешествіе? — проговорилъ судья, очень удивленный тѣмъ, что его намѣренія уже извѣстны, и такимъ еще высокопоставленнымъ особамъ.

— Не вѣрно развѣ, что идутъ переговоры о вашей женитьбѣ на кузинѣ Фенигановъ, разведенной, хорошенькой и съ состояніемъ?

Передъ скамьей, на которой они сидѣли, на холмѣ противоположнаго берега высились павильонъ Узеллей и шпалерный ходъ, соединяющій его съ главнымъ зданіемъ. Какъ ни былъ увертливъ и скрытенъ чиновникъ, онъ не посмѣлъ отрицать свои надежды въ виду строеній и деревьевъ, бывшихъ всему свидѣтелями. Онъ сознался въ томъ, что подробности еще не опредѣлены, но что въ принципѣ онъ считаетъ бракъ этотъ дѣломъ рѣшеннымъ.

— Въ такомъ случаѣ, мой милый... — голосъ генерала слымася звучнѣе, его угасшіе взгляды стали ярче и проникательнѣе, — въ такомъ случаѣ, безусловно необходимо вамъ передать это дѣло кому-нибудь изъ вашихъ товарищей-слѣдователей, такъ какъ мой сынъ палъ жертвою убійства, а убійца никто иной, какъ вашъ будущій родственникъ, Ричардъ Фениганъ.

Дельеру поднялся съ мѣста въ порывѣ негодованія, почти непритворнаго.

— Что вы говорите, герцогъ!

— Ничего такого, чего не могъ бы доказать. Метръ Жанъ, прошу васъ, дайте прочесть господину судьѣ.

Торопливыми и дрожащими пальцами учитель вынулъ изъ лежавшаго у него на колѣняхъ кожаного свертка и подалъ Дельеру несчастныя письма, въ которыхъ обезумѣвшій Ричардъ, доведенный до бѣшенства постоянною неумовимостью противника, повторялъ

на всѣ лады, во всевозможныхъ вариантахъ: «Онъ не хочетъ драть-я на дуэли, такъ я его убью, убью». По знаку генерала, Жанъ заговорилъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Угрозы эти не въ письмахъ только были выражены. Два раза господинъ Фениганъ, лично говоря со мною, подтверждалъ ихъ, клялся, что подбараулитъ князя гдѣ-нибудь на перекресткѣ съ лѣсу и превратитъ его хорошенькое личико въ кусокъ битаго яса ударами своихъ каблуковъ, какъ разбилъ онъ медальонъ съ его портретомъ.

— Что вы на это скажете, мой милый?—спросилъ генераль.

— Признаюсь вамъ,—отвѣтилъ Делькру,—вначалѣ мои подозрѣнія направились было въ эту же сторону. Но ихъ неосновательность совершенно очевидна. Вернулся онъ, правда, неожиданно, но вернулся лишь сегодня утромъ, а преступленіе совершено нѣсколь-ко дней назадъ. Иначе не успѣли бы лѣсныя насѣкомыя...

Онъ не рѣшился договорить свою мысль отцу, который съ необычнымъ спокойствіемъ продолжалъ:

— Убійца дѣйствовалъ не самолично, быть можетъ... Какъ бы то ни было, его угрозы хорошенькому личику, не дававшему ему покоя, были осуществлены настолько въ соотвѣтствіи съ его ревностью и бѣшеною злобой, что дѣло тутъ не обошлось безъ его участія. Повѣрьте мнѣ, Делькру, я не знаю, какъ совершилось это ужасное дѣло, но въ немъ я вижу ясно ожесточеніе страсти, ея страшные когти... Ричардъ это, говорю вамъ, его это дѣло... И если вы дадите ему провести васъ, если вы не распорядитесь засадить его, и засадить живо, то васъ обвинять въ потворствѣ будущимъ родственникамъ и вы можете поплатиться за это очень дорого.

Делькру вздрогнулъ.

— О, герцогъ!

— Чего проще, телеграфируйте въ Версаль, чтобы поручили слѣдствіе другому.

Чиновникъ взвѣшивалъ свои шансы, подумалъ нѣсколько секундъ, потомъ воскликнулъ съ амфатическимъ жестомъ:

— Генераль, тутъ затронутъ вопросъ долга, я прошу позволить мнѣ до вечера отложить мое рѣшеніе.

XVII.

Двойное недоразумѣніе.

Въ то время, какъ этотъ трагическій разговоръ шелъ въ тѣни гробургскаго сада, на противоположащемъ берегу рѣки, по откры-

тымъ склонамъ, занятымъ фруктовымъ садомъ Фенигановъ съ его шпалерами и трельяжами, съ дорожками, обсаженными низкорослыми, точно китайскими, карличковыми фруктовыми деревьями, Ричардъ прогуливался съ матерью, и трогательно было видѣть, какъ заботливо, будто малаго ребенка, прикрывала она зонтикомъ шедшаго рядомъ съ нею здороваго охотника. Лидія осталась въ гостинной принимать гостей, такъ какъ понедѣльникъ былъ къ пріемнымъ днемъ, и драма этого утра привлекла къ нимъ большое число посѣтителей, любопытствующихъ разузнать подробности, въ особенности же посмотрѣть на молодую женщину, на впечатлѣніе, которое произвела на нее катастрофа.

Несмотря на свои тревоги, на желаніе побыть съ мужемъ, Лидія поняла, что обязана сдѣлать это ради безопасности Ричарда, ради достоинства семьи, — обязана смѣло встрѣтить недоброжелательное вторженіе всего этого люда. Что значить это некрупное пожертвованіе личнымъ самолюбіемъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мужъ смѣлъ сдѣлать для нея? И по мѣрѣ того, какъ звонки слѣдовали одни за другими у воротъ замка, госпожа Фениганъ изъ глубины своего сада узнавала гостей, называла ихъ своему сыну.

— Это экипажъ изъ Шато-Фрейе... это жидовочки изъ Мерожи... Твоя жена отлично сдѣлала, что принимаетъ ихъ... Еслибъ она вздумала уклониться отъ пріема визитовъ сегодня, Богъ знаетъ, что заговорили бы эти господа, какія стали бы дѣлать предположенія.

— Что же бы такое могли подумать? — спросилъ онъ очень тихо.

Желая быть совсѣмъ съ глазу на глазъ, они удалились въ крайнюю дорожку, окаймленную грядами гвоздикъ и фіалокъ, блестящихъ пестрою цвѣтовъ и распространяющихъ аромат перци и ладона.

— Какъ знать? — отвѣтила мать. — Могутъ наболтать, что смерть князя страшно огорчаетъ Лидію, что прячется она, желая это скрыть... гадокъ свѣтъ!

Ричардъ вздохнулъ облегченно, какъ будто ожидалъ болѣе ужасныхъ предположеній. Мать продолжала:

— Какъ ни ужасна и преждевременна эта смерть, но думать, что она вызвала бы хоть одну слезинку у нашей милой Лидіи, можетъ лишь тотъ, кто совсѣмъ не знаетъ ея гордой природы... Начать съ того, что никогда она не любила этого Шарлексиса... а всѣ его подлости, всѣ звѣрства привели къ тому, что вызвали въ ней ненависть, жажду мщенія... Я помню, какъ въ Биберонѣ, во время ея бреда, мнѣ доводилось слышать даже угрозы убить его...

— Молчи... молчи, мама!...—живо прошептавъ Ричардъ, затѣвивши вблизи садовника, несшаго парниковыя рамы. Когда же отъ удалился, сынъ не безъ нѣкотораго стѣсненія обратился къ атери съ вопросомъ:—А знала ли ты, что... этоть... ну, Шарвей... знала ли, что онъ съ нѣкоторыхъ поръ все въ этой сторонѣ родилъ?

— Узнала объ этомъ сегодня утромъ, твоя жена этого тоже не знала... Такъ, по крайней мѣрѣ, она меня увѣряла, а я никогда не сомнѣваюсь въ справедливости ея словъ,—слишкомъ я хорошо знаю ее теперь.

Ричардъ остановился въ сильномъ волненіи.

— Если ты хорошо ее знаешь, то не можешь ли объяснить мнѣ ея смущеніе, какую-то неестественность со мною съ минуты моего возвращенія? Я чувствую, что она какъ будто не рѣшается чѣмъ-то мнѣ признаться. Я было подумалъ сначала, что этоть жасный, отвратительный видъ тамъ, въ лѣсу...

— Но мы же ничего не видали.

— Да, знаю я, потому и доискиваюсь... О, не бойся, это не прежнія черныя мысли лѣзутъ мнѣ въ голову,—я вымечился со сѣмъ и навсегда... Только этоть Шарлексисъ, двуличный и сложный, какъ его имя, надѣленъ былъ адскою душой, и мнѣ приходится въ голову вопросъ, не обозлился ли онъ на то, что Лидія со сѣмъ ускользнула отъ него, и не пытался ли онъ снова овладѣть ю посредствомъ какой-нибудь мерзости? Представъ себѣ, что у него остались письма, какой-нибудь портретъ, слишкомъ интимный, и что онъ воспользовался ими, какъ приманкой, какъ угрозой, для того, чтобы добиться свиданія, прежде всего...

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь, правда, ты мнѣ напомнилъ...

Два рѣзкихъ удара колокола, раздавшихся на внутреннемъ дворѣ, прервали рѣчь госпожи Фениганъ.

— Навѣрное, Лидія посылаетъ меня звать. Должно быть, го- тинная биткомъ набита...

Понявши, однако, движеніе сына, она продолжала:

— Но я докончу тебѣ мой рассказъ... Такъ вотъ, въ прошедшую пятницу, въ день рынка въ Корбейлѣ, я повезла съ собою Лидію, не выѣзжавшую нигуда со времени твоего отъѣзда...

И мать осторожно передала ему въ этомъ рассказѣ о встрѣчѣ съ княземъ у ювелира, налегая на то, какъ блѣдна была Лидія при выходѣ изъ магазина, какъ она была растеряна, что служить юказательствомъ полной неожиданности такой встрѣчи, и все еще опасаясь взрыва ревности, она добавила:

— Если Лидія не написала тебѣ объ этомъ, то лишь потому, что я ее упросила такъ поступить... Понимаешь, другъ мой, се нельзя винить за это... я, одна я.

Но Ричардъ ни на секунду не усомнился въ правдивости матери, въ честности жены. Онъ вспомнилъ только страшную и совершенно иную сцену, разыгравшуюся въ этомъ самомъ саду всенѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Сколько событій произошло съ той поры, какъ измѣнились всѣ ихъ чувства! Очень серьезно онъ взялъ дорогія ему старческія руки матери, одѣтыя въ садовыя перчатки, и благоговѣнно поднесъ ихъ къ своимъ губамъ.

— Не бойся, мама, моя милая. Я Лидіи вѣрю, какъ тебѣ самой... Но рассказанное тобой подтверждаетъ всѣ мои опасенія. Я знаю теперь, знаю...

— Что? что такое ты знаешь? Что ты предполагаешь?... Поистинѣ, вы меня пугаете...

Раздался опять звонъ колокола и почти тотчасъ же явился слуга звать господа Фениганъ. Она вѣрно угадала: ея присутствіе въ гостиной оказывалось необходимымъ. И притворно-веселымъ тономъ, — такъ какъ волненіе ея дѣтей начинало и ее тревожить, — она проговорила, уходя:

— Я сейчасъ пришлю къ тебѣ жену, постарайся ее выспросить.

Опершись локтями на низкую кирпичную стѣнку, отдѣляющую садъ отъ обширнаго овсянаго поля, идущаго пологимъ спускомъ къ Сенъ, Ричардъ долго стоялъ неподвижно и думалъ... Выспрашивать Лидію... для чего? Его убѣжденіе вполне опредѣленно... Между нею и бывшимъ ея любовникомъ оставалась какая-то связь, оскорбительная, позорящая. Этимъ объясняются его шалости около парка и ихъ встрѣча въ Корбѣйлѣ. Притиснутая, съ одной стороны, дерзостью этого негодяя, съ другой — близостью возвращенія мужа, она смѣло пошла на послѣднее свиданіе, чтобы получить обратно, во что бы ни стало, залогъ прежнихъ отношеній, письма или портретъ, оставшіеся въ предательскихъ рукахъ. Тогда, передъ слишкомъ омерзительными условіями, несчастная женщина отомстила и себя защитила, только болѣе надежнымъ оружіемъ, чѣмъ тамъ, въ Киберонѣ... Умеръ онъ, ея негодование стихло, и она осталась растерянною, озадаченною, въ ужасѣ отъ совершеннаго преступленія, съ вполне человѣческою потребностью сознаться во всемъ, въ особенности мужу, который одинъ способенъ понять ее и оправдать. Вотъ почему она такъ прижималась къ нему, такъ смотрѣла въ его глаза, точно хотѣла сказать: «Бойсь я, стыдно мнѣ... скрой меня, спаси меня!»

Что дѣлать? Возможно ли принять это страшное признаніе иначе, какъ раскрывши ей все свое сердце и свои объятія? Самъ-то онъ не отвѣтственъ ли такъ же точно? Не говорилъ онъ ей развѣ, и сколько разъ еще, и какимъ отчаяннымъ тономъ: «Пока живъ этотъ человѣкъ, мы не можемъ быть счастливы... Я постоянно буду думать, что ты ему принадлежала, постоянно буду опасаться, что ты еще принадлежишь ему». Ему ли винить жену въ томъ, что она освободила ихъ, наконецъ, отъ этого человѣка? И если въ эту самую минуту онъ чувствовалъ такой просторъ, такое непостижимое ликованіе въ душѣ, если переливчатая волна хлѣбовъ, изгибъ рѣки въ глубинѣ обширной равнины и небо, и деревья, и всѣ знакомыя дали восхищаютъ его, какъ никогда, то не обязанъ ли онъ этимъ сознанію, что теперь онъ одинъ можетъ страстно любоваться и обладать этою очаровательною женщиной?...

Торопливые и осторожные шаги, шелестъ кисейнаго платья... Лидія около него, запыхавшаяся, очень блѣдная...

— Делькру у насъ, — шепчетъ она Ричарду, не глядя на него, рядомъ съ нимъ облокотившись на низкую стѣнку. — Все измѣнилось, повидимому, теперь полагаютъ, что совершенно преступленіе... есть какой-то слѣдъ...

О, несчастныя побѣлѣвшія губы, сисяція улынуться, говоря эти фразы... Еслибъ они были одни въ саду, какъ быстро вернулъ бы имъ Ричардъ ихъ цвѣтъ и жизнь, но слышенъ скрипъ граблей на всѣхъ дорожкахъ, стукъ леекъ о закраины каменныхъ бассейновъ.

— Какой слѣдъ?... Что тамъ такое узнали? — спрашиваетъ Ричардъ равнодушно, стараясь успокоить жену.

— Судья ничего не говоритъ. Всѣ въ гостиной съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ толпятся вокругъ него.

— Что намъ за дѣло до этого? — сказалъ Ричардъ съ нѣжнымъ увлеченіемъ и, взявши подъ легкую кисей молодую, упругую руку, прижалъ ее къ своей рукѣ. — Намъ такъ хорошо здѣсь...

Брутомъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ спускалось солнце, лились ароматы левкоевъ, золотистыхъ, пурпурныхъ, темно-фіолетовыхъ, благоухали фіалки, и въ атмосферѣ, трепещущей отъ рѣзкихъ красокъ и ароматовъ, облака крошечныхъ бабочекъ носились надъ голью что политыми цвѣтами, свергая вихремъ голубыхъ искръ.

— О, да, хорошо здѣсь! — вздохнула Лидія, припадая головой къ плечу мужа съ дѣтскою кокетливостью, но въ душѣ замирая отъ страха. Ее удивляетъ спокойствіе мужа въ виду всего, что имъ грозитъ, и она задаетъ себѣ вопросы: «На что онъ надѣется? От-

куда берется у него такая смѣлость?... Еслибъ еще быть увѣреннымъ въ томъ, что мы не разстанемся, что страдать и искушать будемъ вмѣстѣ... А, бѣдный, милый другъ!»

Ричардъ, освобожденный смертью Шарлея отъ тяжести, такъ долго удручавшей его сердце, наслаждался блестящею красотой своей жены, опьяняемый ею такъ же, какъ прелестью неба и всего, ихъ окружающаго. Но его смущаетъ, въ отчаяніе приводитъ боязливый взглядъ устремленныхъ на него чудныхъ сѣрыхъ глазъ.

— О, не вздыхай же такъ!... Что съ тобою, Лидія, скажи?... Вѣдь, мы теперь вдвоемъ, совсѣмъ одни, близко такъ другъ къ другу.

— Не настолько одни, мой Ричардъ, не настолько близко, чтобы говорить о томъ, что надо намъ сказать другъ другу.

— Гдѣ же, въ такомъ случаѣ? Сегодня вечеромъ, ночью?

— Да, ночью... все скажемъ.

Ихъ дыханія, ихъ руки ищутъ другъ друга, пылаютъ. Ричардъ проговорилъ тихо:

— И ты не боишься, что злымъ я буду, какъ въ тотъ разъ, въ ночь моего отъѣзда, помнишь?

— Нѣтъ, этого я не боюсь,—отвѣтила она увѣренно.

— Почему?

Она выпрямилась быстрымъ движеніемъ.

— Потому, что теперь есть между нами...

Ричардъ притворился, будто не понимаетъ, и тихо спросилъ:

— Что есть?

Они смотрѣли другъ на друга, вздрагивая, какъ бы охваченные лихорадкой, воспламененные однимъ и тѣмъ же желаніемъ. Позади Лидіи горѣло вечернее небо, придавая особый блескъ ея тонкимъ волосамъ; въ глазахъ Ричарда отражался красный отблескъ заката. Никогда они не находили другъ друга настолько красивыми, никогда не стремились другъ къ другу такъ пылко. И не одинъ только блескъ неба и солнца преобразилъ ихъ въ таинственный, сдѣлалъ ихъ столь новыми и обворожительными другъ для друга. Сдѣлало это то, что между ними *есть*, то страшное, въ чемъ они подозреваютъ другъ друга, равно жалѣя, одинаково прощая въ глубинѣ души.

— Фениганъ!... Э, Фениганъ!

Голосъ, повелительный и рѣзкій, доносился сверху изъ сада.

— Дельбру зовешь,—сказала Лидія, дрогнувши отъ ужаса.

Ричардъ сердито проворчалъ сквозь зубы:

— Чего онъ лѣзетъ даже сюда за нами?

Его движеніе, инстинктивное и покровительственное, какъ бы прикрывало Лидію, казалось, говорило: «Я съ тобой, ничего не ойна!»

А она думала, видя его такимъ спокойнымъ: «Какъ онъ смѣлъ! ахъ я люблю его!» И Ричардъ находилъ ее очень трогательною, удно-женственною, съ ея нервными страхами, которые всѣхъ ихъ кватываютъ, когда дѣло уже совершено.

— Извините, дорогой мой Фениганъ,—кричалъ Дельберу, при-
инаясь къ нимъ мелкими быстрыми шагами,—мнѣ хотѣлось бы
опастъ въ Корбейль до отъѣзда моего письмоводителя, не можете
и вы приказать отвезти меня?

Ричардъ отвѣтилъ:

— Это очень легко сдѣлать.

— Я пойду прикажу Либеру запрягать,—обрадовалась Ли-
идя, что Дельберу уѣзжаетъ, стало быть, на сегодня нечего бояться.

— Пойдемте вмѣстѣ предупредить Либера,—продолжалъ Ри-
ардъ, смѣясь.

Въ то время, какъ они проходили садомъ, освѣщеннымъ косы-
и лучами солнца, судья, шедшій рядомъ съ Фениганомъ, шепнулъ
гу на ухо:

— Устройте такъ, чтобы проводить меня немного, только вдво-
мъ. Я попрошу васъ дать мнѣ кое-какія свѣдѣнія.

Очевидно, судья хотѣлъ разспросить его про Лидію: это-то и
тъ слѣдъ, рассказъ про который вывезенъ изъ Гробурга. Ричарду
ришлось призвать на помощь весь свой запасъ хладнокровія и
вердости.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ онъ такъ же таинственно.

Богда открытая коляска въѣхала во дворъ, гдѣ стояли экипажи
ютей, и Лидія увидала, какъ Ричардъ садится рядомъ съ судьей,
и преместное личико поблѣднѣло, какое-то невѣдомое чувство под-
казало, что у нея похищаютъ мужа и что свидится она съ нимъ
в скоро. Она пересилила, однако, волненіе и сказала, улыбаясь:

— Будьте милы, господа, возьмите меня съ собой. Мнѣ толь-
о надѣть шляпу.

Ричардъ понялъ выразительный толчокъ локтя чиновника и от-
вѣтилъ:

— Не стоить, я доѣду только до конца усадьбы,—и, посылая
енѣ поцѣлуй концами пальцевъ, добавилъ: — Пройди лучше въ
алонъ, ты окажешь услугу матери.

Изъ открытыхъ оконъ нижняго этажа вырывалось щебетаніе
еневныхъ голосовъ, очень возбужденной свѣтской болтовни. Лидія,

стоя на крыльцѣ, прежде чѣмъ войти въ домъ, смотрѣла вслѣдъ уѣзжающему экипажу и слышала, какъ мужъ, обратившись къ ней, крикнулъ:

— Сейчасъ вернусь!

Не безъ сокрушенія, — выраженіе немного сильное для зачерствѣлыхъ душъ судебного персонала, — Делькру пожертвовала Узелами Гробургу и любовью — повышенію по службѣ. Онъ шелъ пѣшкомъ вдоль Сены, и нерѣшительность его длилась до половины моста. Если бы «Красная шапочка» была налицо, то, нѣтъ сомнѣнія, ея чарующій смѣхъ, ея реальное присутствіе восторжествовали бы надъ погоней за быстрымъ повышеніемъ и надъ престижемъ вліятельныхъ особъ. Но, предоставленный собственнымъ инстинктамъ, членъ суда неспособенъ былъ дойти до Узеллей, не принявши того рѣшенія, какое подсказывали его честолюбіе и сухость ея сердца. Онъ исполнить свою «судейскую обязанность» и для этого добьется разговора по душѣ съ своимъ милымъ Фениганомъ раньше формальнаго слѣдственнаго допроса, чтобъ имѣть возможность контролировать показанія обвиняемаго откровенною бесѣдой друга. И едва они выѣхали изъ усадьбы, а подковы лошадей застучали по убитому шоссе, судья началъ свои выпытыванія.

Другъ Фениганъ долженъ понять основанія, помѣшавшія имъ взять съ собой молодую женщину: неудобно было бы говорить при ней о смерти князя Ольмюцкаго, несомнѣнно насильственной и трагической, а совсѣмъ не простиго случайной, какъ увѣряютъ врачи.

— Что же, у васъ есть доказательства? — жадно спросилъ Ричардъ.

— Неотразимыя, — отвѣтилъ Делькру, наклоня голову.

На этотъ разъ мужъ не сомнѣвался болѣе. Дѣло идетъ о Лиди. Но не глупо ли вообразить, что онъ выдастъ свою жену этимъ законникамъ, что не предпочтетъ во сто кратъ лучше все принять на себя!

Делькру, хотя былъ и не изъ очень прозорливыхъ, все же разглядѣлъ тревогу сквозь загаръ своего спутника и продолжалъ съ восторгомъ:

— Первое доказательство, которое вначалѣ ускользнуло отъ нашего вниманія... то, что князь, подобно большинству людей, имѣлъ при себѣ письма женщинъ, портреты, сувениры, которые онъ охотно показывалъ. Онъ никогда не разставался съ маленькимъ черепаховымъ портфелемъ, наполненнымъ подобными ех-vo-to и хорошо знакомымъ его пріятелямъ. И вотъ, когда нашли

гиззя, его карманы оказались пустыми. Этимъ обусловливаются и подкрѣпляются наши подозрѣнія.

То была какъ разъ та самая драма, которая представлялась воображенію Ричарда: Лидія во что бы ни стало хотѣла вернуть сувениръ, который Шарлей отказывался ей отдать. Тѣмъ не мѣѣе, Фениганъ держался стойко и нашелъ достаточно силы на то, чтобы возразить слѣдователю, давившему его, точно тисками, своею аргументаціей:

— Если карманы его такъ опустошены, то, стало быть, его били, просто, чтобы ограбить.

— Нѣтъ, такъ какъ при немъ оказались въ цѣлости его юрть-моне, часы и перстни. Добирались только до имѣющихся у него писемъ и до хорошенькаго личика соблазнителя женщинъ. Какъ разъ признаки преступленія изъ-за страсти.

Ричардъ ничего не отвѣтилъ. Делькру, боясь, что зашелъ слишкомъ далеко и что ничего уже не добьется, попытался сдѣлать диверсію, чтобы снова затянуть своего спутника.

— Знаете о чемъ я подумалъ, Ричардъ? О мести женщины!— и, видя, какъ Фениганъ вздрогнулъ, онъ рѣшилъ, что дѣло налаживается, и продолжалъ:— Мысль эта пришла мнѣ въ голову при видѣ тщательно уложеннаго тѣла, въ положеніи, производящемъ иллюзію жизни, и подъ его обычною защитой отъ солнца. Не находите ли вы, что вся эта обстановка Гревеновскаго музея указываетъ на утонченность, на кокетливость чисто-женской вендетты?

Ричардъ понялъ, что его жена погибла, и бинулся впередъ расклонить ее собою.

— Милый мой, польз тутъ не причемъ, когда дѣло идетъ о мести или о ревности. Мужъ, обманутый и мстящій, можетъ обставить свое преступленіе съ неменьшею утонченностью, чѣмъ ямая испорченная женщина.

— И въ этомъ вы не усматриваете женской руки?

— Готовъ поклясться въ противномъ.

— Ого, какой же вы знатокъ!—сказалъ судья, закатываясь отъ смѣха, казавшагося ему очень остроумнымъ; потомъ, неожиданно, тѣмъ изворотомъ, который составляетъ одинъ изъ фортелей слѣдователя, онъ спросилъ, конфиденціально и серьезно:— Вы, говорятъ, очень ревнивы?

— Очень ревнивъ, правда.

— Кажется, писали даже письма, до крайности рѣзкія...

— Развѣ сознаетъ человѣкъ, что онъ дѣлаетъ въ минуты побужденія?...

Наступила длинная пауза, молчаніе, во время котораго умъ успокоиваются, собираются съ силами. По дорогѣ, бѣгѣющей по мѣрѣ того, какъ темнѣло небо, по двое и по трое проходили рабочіе, молчаливые и утомленные всею тяжестью дневного труда, таща на плечахъ свои котомки и заступы. Подводчикъ, задремавшій было подъ убаюкивающій звонъ бубенцовъ, кидался съ телѣги къ своей лошади, чтобы дать дорогу колясцѣ, за которою завистливый взглядомъ слѣдилъ бродяга, сидящій на откосѣ канавы и развертывающій длинныя тряпки съ своихъ оброставленныхъ ногъ. За виноградниками по склонамъ блестяла Сена пурпуромъ заката, дѣлая еще болѣе мрачными лѣсныя массы, тянущіяся вдоль карниза. Отъ времени до времени раздавался свистокъ туэра на рѣкѣ, а сверху роща откликалась на него пѣснями соловьевъ, цѣлымъ потокомъ влюбленныхъ и радостныхъ трелей, благоуханіемъ ландшей. И все это вызывало для Ричарда обворожительный образъ Лидіи, для Делькру — воспоминаніе о веселомъ смѣхѣ и блестящихъ зубахъ Элизы. О, чудная музыка мая, свѣжіе ароматы полей, какими таинственными тонами охватываете вы самыя черствыя души! Судья, сильно разнѣжившійся, готовъ уже былъ телеграфировать въ Версаль о присылкѣ, взамѣнъ его, другого слѣдователя, но такая слабость быстро исчезла.

Вдругъ, близъ Суази, съ тропинки между виноградниками появилась высокая фигура, вся черная на мѣловой бѣлизнѣ дороги.

— Здравствуйте, господинъ Сересъ, — крикнулъ Ричардъ и приказалъ кучеру остановиться.

Первою фразой викарія былъ простодушный вопросъ о томъ, возвратился ли также владѣлецъ церкви маленькаго прихода. Ричардъ отвѣтилъ, что господинъ Мериве остался въ Марсели, но не надолго.

— А васъ-то самихъ, дорогой мой аббатъ, что вынуждаетъ ходить такъ поздно по дорогамъ? Потребовалась помощь какинъ-нибудь несчастнымъ въ этой сторонѣ?

Старикъ священникъ отеръ потъ съ своихъ сѣдыхъ волосъ и очень просто отвѣтилъ:

— Я иду изъ вашей рыбацкой... Старикъ Жоржъ, нищій, котораго вы тамъ пріютили, прислалъ за мной.

— Онъ все еще болѣнъ?

— О, совсѣмъ умираетъ... Вечеромъ я пойду его причастить.

— Бѣдняга Жоржъ! Лидія будетъ огорчена...—и вслѣдъ исчезающему въ сумракѣ священнику Ричардъ крикнулъ: — Всѣ расходы на похороны на мой счетъ, прошу васъ, господинъ аббатъ.

— Благодарю, честная душа!—донесся издали громкій голосъ священника.

Тѣни отъ деревьевъ пропали на лугахъ. Все становилось одинаково темнымъ, точно подъ крыломъ смерти, перешедшей дорогу. Въ то время, какъ кучеръ зажигалъ фонари, Делькру обратился опять къ драмѣ утра, къ своему слѣдствию, и спросилъ Фенигана:

— Когда вы разстались съ господиномъ Мериве?

— Вчера утромъ...—и тотчасъ же, спохватившись, что этимъ онъ выдаетъ жену, Ричардъ послѣшилъ прибавить:—Нѣтъ, впрочемъ, что я говорю... Не вчера, а третьяго дня... ну, словомъ, два дня назадъ. Трудно представить себѣ, какъ одна ночь, проведенная въ вагонѣ, перепутываетъ всѣ представленія о времени.

«Самъ лѣзетъ въ петлю, несчастный!»—подумалъ судья и, отдаваясь жалости, быть можетъ, профессиональному диллентантизму, находя дѣло слишкомъ ужь легкимъ, онъ попытался открыть Ричарду глаза на его неосторожность:

— Сегодня, однако, когда мы встрѣтились въ лѣсу, вы сказали, что только что пріѣхали. Иначе оно и быть не могло, такъ какъ нельзя же предположить, что вы двое сутокъ бродили въ этихъ мѣстахъ, не заходя къ себѣ.

— Очевидно,—прошепталъ Ричардъ, растерявшись совершенно искренно.

На этотъ разъ судья соображалъ: «Дурачка играетъ», — и послѣ минутнаго раздумья заговорилъ опять:

— Послушайте, Фениганъ, это ужь совершенно между нами, вы знаете, что, къ сожалѣнію, отношенія князя Ольмюцкаго къ одной очень дорогой вамъ особѣ были очень извѣстны въ здѣшнемъ краю.

— Знаю,—отвѣтилъ Ричардъ невозмутимо.

— Такъ вотъ, когда трупъ князя былъ найденъ почти у самыхъ вашихъ воротъ, не приходило ли вамъ въ голову, что судебная власть, прежде всего, подумаетъ о мести, если не прямо вашей, то, по меньшей мѣрѣ, съ вашей стороны?

— Подобная мысль никогда мнѣ не приходила потому, что такое предположеніе черезъ-чуръ уже просто, и болѣе ловкою оказалась бы, можетъ быть, догадка, что князь, убитый въ другомъ мѣстѣ, былъ перенесенъ туда съ цѣлью, весьма понятною.

Делькру, въ свою очередь, почувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи и съ примодушнымъ взглядомъ проговорилъ:

— Вполнѣ разумное разсужденіе. Все же я хочу предложить вамъ одинъ вопросъ, на который вы вправѣ не отвѣчать. Предпо-

ложимъ, что, будучи такимъ ревнивымъ, какимъ васъ считаютъ, вы, неожиданно для всѣхъ, возвращаетесь домой лѣсною калиткой и встрѣчаетесь лицомъ къ лицу съ княземъ, выходящимъ на зарѣ изъ вашего парка. Что тогда?... Не думаете ли вы, что...

— Что я убилъ бы его?... Да непременно и даже съ разрѣшенія закона.

— Никогда въ жизни, несчастный вы человѣкъ! Да, вѣрно, такой законъ есть, но только при наличности достаточнаго, точно опредѣленнаго повода, того, что называется «flagrant délit».

— Милый мой Дельбру, для воображенія ревнивца есть всегда достаточный поводъ.

Слова эти вырвались съ такою силой, что судья подскочилъ на подушкахъ коляски, — сказанное Ричардомъ показалось ему самымъ рѣшительнымъ сознаниемъ, какого онъ могъ добиться въ откровенной бесѣдѣ съ другомъ. Теперь наступало время говорить слѣдователю. Мужъ съ своей стороны сильно тревожился, раздумывалъ: «Что теперь онъ будетъ дѣлать? За какими разговорами завезъ меня онъ до этихъ мѣстъ?»

Они въѣзжали въ Корбейль въ то время, какъ отраженіе первыхъ зажженныхъ фонарей трепетно засверкало на водѣ Сены въ послѣднихъ отблескахъ заката. Легенкій дымокъ висъ еще надъ громадными трубами мельницъ и бумажныхъ фабрикъ. По тротуарамъ молчаливыми вереницами расходились рабочіе, мужчины и женщины; у всѣхъ были въ рукахъ мрачныя соломенные корзины, совершенно черныя отъ заводской копоти. Кромѣ этого измученнаго работой людского стада, никого не было ни на улицѣ Нотр-Дамъ, ни на площади Галиньяни, узкой и темной, гдѣ въ углу, рядомъ съ большою мельницей, висилось старое зданіе суда, соединенное съ арестантскимъ домомъ.

— Экипажъ предсѣдателя здѣсь еще, — сказалъ Дельбру, видя, что растворены обѣ половинки главнаго подъѣзда, и, обратившись къ кучеру, крикнулъ: — Въѣзжайте, въѣзжайте во дворъ!

Во дворѣ, слабо освѣщенномъ остатками дневнаго свѣта и двумя фонарями, онъ вышелъ первымъ изъ коляски и попросилъ Ричарда послѣдовать за нимъ до его кабинета — «для неотложнаго сообщенія», — пробурчалъ онъ измѣнившимся, грубымъ голосомъ. Ричардъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ за нимъ въ большую комнату, гдѣ на половину спущенная лампа горѣла на письменномъ столѣ. Глухой стукъ мельницы и ея водяного двигателя раздавался мѣрными ударами въ тиши этого помѣщенія. Дельбру пустилъ сильнѣе лам-

г, звонкомъ вызвалъ письмоводителя, работавшаго въ сосѣдней кнатѣ.

Пока они царапали что-то на бумагѣ и шептались... «приказъ арестъ, обязательный секретъ», Ричардъ смотрѣлъ въ открытое окно съ желѣзною рѣшеткой на второй маленькій дворикъ, на торомъ въ сумеркахъ онъ съ трудомъ разобралъ надпись надъ этою дверью: *Maison d'arrêt cellulaire* *).

— Дорогой мосьё Фениганъ, — слышался рѣзкій голосъ дѣди, причеиъ Ричардъ обернулся къ письменному столу, —миѣ глубоко прискорбно... но я вынужденъ задержать васъ впредь до распоряженія судебной власти.

Ричардъ Фениганъ принялъ удрученный видъ, но онъ, несомѣнно, ожидалъ какого-нибудь сюрприза въ этомъ родѣ, такъ какъ, выходя изъ коляски, успѣлъ сунуть старому кучеру, невозвратно сидѣвшему на козлахъ, короткую записку Лидіи: «Уѣзжай юрѣй... Гдѣ ты будешь, тамъ буду и я ранѣе недѣли».

ХУІІІ.

Нищій Лидіи.

Послѣ встрѣчи съ Ричардомъ аббатъ Сересъ прошелъ улицей узки, гдѣ изъ каждой двери вырывался трескъ горящихъ сырыхъ ювъ и сильный запахъ луковаго супа. Священникъ позвонилъ у протскаго пріюта.

— Наша матушка-настоятельница все еще очень нездорова, — юбщила ему привратница, —но если господинъ аббатъ пожелаетъ идѣть сестру Марту, то она какъ разъ теперь на первомъ дворѣ.

Ирландка, за которою прыгали и скакали цѣлымъ выводкомъ вочки разнаго роста, встряхнула свою юбку обѣими руками и обѣжала на встрѣчу старому священнику. Съ первыхъ же словъ икарія широкія лопасти ея головного убора, ярко блѣвшаго на емномъ фонѣ двора, такъ и запрыгали отъ радостнаго удивленія.

— Идите сюда, господинъ аббатъ, отъ меня вы все узнаете учше, чѣмъ отъ кого-либо другого.

Въ пріемной, мягко освѣщенной лампой и слегка ароматной отъ вѣлыхъ розъ на алтарѣ, поставленномъ передъ статуей Богородицы, по случаю мѣсяца Пресвятой Дѣвы Маріи, сестра Марта по-ывистымъ движеніемъ молодого послушника достала изъ библіюечнаго шкафа большой реестръ въ зеленой обложкѣ и, быстро еределиставши его, заговорила:

*) Домъ одиночнаго заключенія.

— Вотъ точно записанный день поступления въ пріютъ маленькой Лидіи... 28 октября 1860 года. Скоро тому шестъ двадцать девять лѣтъ, было это въ первый годъ моего послушничества, и вотъ почему, вѣроятно, у меня въ памяти сохранились мельчайшія подробности ея принятія. Было восемь часовъ, шла и черныя молитва. Марія Виоанская, наша привратница, та сама что сейчасъ отворяла вамъ дверь, подходитъ совсѣмъ растерянно къ нашей матушкѣ-настоятельницѣ и объясняетъ, что наша своей калитки дѣвочку, полутора года или двухъ лѣтъ, спящую завернутую въ одѣяло, къ которому былъ приколотъ лоскутъ бѣлаго маги съ плохо написаннымъ именемъ Лидія.

— Все такъ, совершенно такъ, — повторялъ викарій, согнувшись надъ спискомъ.

Ирландка спросила, сіяя:

— Вы разыскали ея родителей? Я была въ этомъ увѣрена. Здѣшніе, не правда ли?

— Нѣтъ, сестра.

— Аристократы, навѣрное?

— О, далеко не то!

— Однако, я помню, — настаивала монахиня, — на одѣялѣ то-есть на большой конской попонѣ были вытѣснены корона какой-то знатный гербъ. Это значитъ и въ реестрѣ, вотъ смотрите!

— Опасаюсь, что одѣяло было краденое, — сказалъ священникъ, добродушно улыбаясь.

— Краденое! — воскликнула ирландка въ ужасѣ. — Такъ же она, эта несчастная дѣвочка?

Викарій, извиняясь, отвѣтилъ, что никому, кромѣ самой же Ричарда, онъ не можетъ открыть тайну ея рожденія. Онъ обѣщалъ это старику ея дѣду, находящемуся при смерти и желающему и видать въ послѣдній разъ свою Лидію.

— Если я сперва зашелъ сюда, то лишь за тѣмъ, сестра, чтобы провѣрить нѣкоторыя подробности и числа очень невнятнаго разказа, который бормоталъ онъ мнѣ беззубымъ ртомъ, искаженнымъ старостью и болѣзнью, но который оказался правдивымъ какъ я вижу.

Онъ поднялся съ мѣста. Сестра Марта сдѣлала то же, не спрашивая болѣе, одобряя сдержанность священника потому и особенностями, — говорила монахиня, — что всѣ у Фенигановъ и въ пріютѣ сохраняли еще иллюзію знатнаго происхожденія молодой женщины.

Очень поздно вечеромъ викарій шелъ берегомъ Сены съ Лидіей, хорошо знавшей всѣ эти узкія, заросшія травой тропинки, много разъ пройденныя ею, когда она сопровождала мужа для установки и выниманія изъ воды ихъ рыболовныхъ снарядовъ. Окутанная большимъ покрываломъ, она шла впереди священника, указывала ему ытвины, кольца барочныхъ причаловъ, такъ какъ аббатъ подвигался очень осторожно, неся въ рукахъ святыя дары.

Хотя ночь была свѣтлая, густой туманъ надъ водой, все-таки, окутывалъ оба берега и легкою дымкой располагался до половины горы. Подходя къ маленькой заводи, гдѣ стояли лодки Ричарда, они увидали огонь, просвѣчивавшій сквозь неплотныя ставни барака. Въ то же время исхудалая женщина выбѣжала имъ на встрѣчу.

— Это вы, тетка Люкріо?

— Я, господинъ аббатъ... Слишкомъ поздно несете вы намъ Господа Бога. Старикъ Жоржъ покончился.

И, жестикулируя въ туманѣ, точно тѣнь двигающейся маріонетки на промасляной бумагѣ, маленькая женщина изображала въ лицахъ и передавала въ разсказѣ послѣднія минуты бѣднаго старика. Весь вечеръ онъ бормоталъ что-то непонятное, не спускалъ съ двери своихъ кошачьихъ глазъ. Потомъ, когда вошелъ докторъ, старикъ приподнялся на кровати и, не видя того, что онъ ожидалъ, упалъ навзничь съ открытымъ ртомъ и пересталъ дышать. Къ счастью, у тетки Люкріо была бутылка святой воды. Съ часъ уже старуха караулитъ покойника.

— Спасибо, добрая моя, — сказалъ викарій, — теперь побудьте здѣсь... я позову васъ.

Осторожно онъ впереди себя втолкнулъ Лидію, дрожавшую всѣмъ тѣломъ. Среди мокрыхъ веселъ, крючковъ, сѣтей, веревокъ, удочекъ, на стулѣ, покрытомъ бѣлою салфеткой для святыхъ даровъ, горѣли свѣчи въ двухъ серебряныхъ подсвѣчникахъ, составляя свѣтлый и чистый уголокъ у изголовья покойника. Руки, локти, все тѣло стараго нищаго, начиная съ самой шеи, исчезали въ тѣни безформеннымъ ворохомъ лохмотьевъ, которыми была завалена кровать. Выдѣлялась только голова, спокойная и величественная, не багровая и опухшая, а матово-блѣдная, точно восковая, съ застывшими чертами лица, очистившагося отъ гримасъ и морщинъ. Даже борода, расчесанная и приглаженная, имѣла внушительный видъ, наводила на мысль о престарѣломъ королѣ Лирѣ большихъ дорогъ, застигнутомъ смертью въ ожиданіи своей Борделіи.

Ошеломленная вначалѣ неопредѣленнымъ запахомъ, точно муравьиного спирта, который распространяють одежды и притоны

истинной бѣдности, *запахомъ нужды*, Лидія тотчасъ же была поражена красотой, величіемъ лица стараго нищаго. Передъ нивелирующею смертью стыдъ, удручавшій ее съ вечера, съ той минуты, когда она узнала, что доводится внучкою этому бродягѣ, уступилъ мѣсто жалости, нѣжной и почтительной. Священникъ почти насильно увелъ съ собою молодую женщину, возмущенную и взбѣшенную, готовую оспаривать столь унижительное происхождение, закричать старику: «Вы жете!»... Теперь, при взглядѣ на лицо бѣдняка, на которомъ отражалось, быть можетъ, нѣкоторое сходство съ нею, слезы затуманили ея глаза, припомнилась вся жизнь, полная преданности и горя, только что рассказанная аббатомъ Сересомъ.

... Осенній вечеръ. Борбейльская дорога. Плетется колымага, биткомъ набитая цыганами, торговцами корзинками, точильщиками косъ, ворожеями. Хлѣба нѣтъ, колеса скрипятъ за неимѣніемъ подмазки. И вотъ, у въѣзда въ Суази, при видѣ прекраснаго сиротскаго пріюта съ новыми кровлями, со свѣтлыми занавѣсками, бродягамъ приходитъ въ головы мысль оставить тутъ одинъ изъ маленькихъ «лишнихъ ртовъ», самый меньшой, крошечную дѣвчончку съ ангельскимъ личикомъ. Свечерѣло, и ее положили въ воротахъ, осѣненныхъ крестомъ. Мать заплакала въ этотъ вечеръ, по, поглощенная заботами кормить столькихъ оставшихся на ея рукахъ, разсудила, что эта-то, по крайней мѣрѣ, будетъ спасена отъ нищеты. Опять заскрипѣли колеса, и вскорѣ никто въ караванѣ уже не думалъ о маленькой пискунѣ,—никто, кромѣ старика дѣда, оставшагося одиноко побираться вокругъ монастыря въ Суази, чтобы видѣть, пріютятъ ли брошеннаго ребенка. И въ теченіе тридцати лѣтъ, до самой смерти, никуда онъ не двинулся изъ этихъ мѣстъ, глядя, какъ растетъ, становится молодою дѣвушкой, женщиной маленькая, хорошенькая цыганочка, и ни одного раза въ эти тридцать лѣтъ не выдалъ онъ ничѣмъ своего унижающаго ея родства.

И Лидія вспоминаетъ... По четвергамъ, въ дни прогулокъ, старыи нищій ковылялъ за воспитанницами по накаленной солнцемъ дорогѣ. «Лидія, твой бѣдный!»—кричали маленькія.—«Лидія, твой влюбленный!»—шептали старшія. Всѣ указывали, смѣясь, на бродягу съ лысою головой. Въ иное время земля залита дождемъ, порывы осеняго вѣтра гонять по небу безконечныя сѣрыя тучи, а изъ-за частой туманной сѣтки дождя вырисовывается силуэтъ старика Жоржа, сидящаго на придорожной тумбѣ, поднимающаго свою измокшую бороду, слезящіеся глаза къ окнамъ пріютской пріемной. Прошлою

имой, когда Лидія, выздоравливающая, жила въ монастырѣ, разъ троемъ бѣднаго старика подняли занесеннаго снѣгомъ подъ ея окна, гдѣ онъ проспалъ всю ночь. И въ то утро, два года назадъ, въ о злосчастное утро, въ палаціи іюльскій зной, когда Лидія убѣжала изъ дому лѣсною калиткой, старый Жоржъ вдругъ загородилъ ей дорогу, остановилъ ее, точно онъ угадывалъ ея безуміе, хотѣлъ держать ее. О, да, онъ зналъ, что его дитя уходитъ отъ него, гибнетъ навсегда, быть можетъ, и отчаянное рыданіе, которымъ онъ роводилъ ее, должно было бы дать знать Лидіи, какая героическая и нѣжная преданность таится подъ лохмотьями этой рвани. Бѣдный старый Жоржъ! Послѣ столькихъ-то страданій не суждено ему было испытать величайшей радости — увидать и обнять свое дитя, хотя бы разъ, одинъ только разъ, не исполнилось его послѣднее, предсмертное желаніе. Слишкомъ поздно пришла къ нему его Борделія, стоя передъ дѣдомъ, навсегда сложившимъ свои дряхлыя руки, шепотомъ задавала себѣ вопросъ, чѣмъ въ состояніи она отплатить за такую любовь и за такую самоотверженность?

— Закройте ему глаза, сударыня, онъ только этого желалъ.

Лидія вздрогнула при этихъ словахъ священника и, наклонившись ко лбу покойника, уже похолодѣвшему и твердому, какъ камень, прикоснулась къ нему губами, опустила неподвижныя вѣки на утратившіе взглядъ глаза старика.

— Только это и могла я дать ему, — прошептала она, потомъ обратилась къ священнику:—Прошу васъ, господинь Сересь, не считите меня гордою и безсердечною женщиной, какою могу я показаться, прося васъ сохранить между нами, совершенно между нами, въ тайнѣ то, что произошло здѣсь въ этотъ вечеръ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ это, — холодно сказалъ священникъ.—Я понимаю, что по семейнымъ соображеніямъ...

— Нѣтъ, вы не знаете...—прервала его Лидія.—Вы не можете знать. Никакія соображенія, о которыхъ вы говорите, не помѣшали бы мнѣ громко заявить о моемъ происхожденіи, устроить старому дѣду похороны, достойныя силы его характера, и самой идти впереди всѣхъ за его гробомъ... Для него я обязана была такъ поступить... Но ужасныя, непредвидѣнныя обстоятельства... сейчасъ арестовали моего мужа, господинь Сересь... сегодня вечеромъ, по дѣлу князя Ольмюцкаго. Смерть была насильственная, и въ томъ обвиняють Ричарда. Это объяснить вамъ смятеніе, въ которомъ всѣ мы были у насъ въ домѣ, что дало мнѣ возможность уйти незамѣченной. Когда вы явились къ намъ, мы только что получили это извѣстіе. Можете себѣ представить, какъ поражена, какъ уби-

та моя свекровь. Ея сынъ заподозрѣнъ въ убійствѣ, Фениганъ въ тюрьмѣ! И изъ-за меня, оказывается, изъ-за его жены... Видите ли теперь, что во всѣмъ справедливымъ нареканіемъ прибавится новый укоръ моимъ происхожденіемъ и ляжетъ пятномъ на имя Фенигановъ, которое я ношу, сдѣлавши ихъ близкими родственными старому Жоржа! Нѣтъ, духа у меня не хватитъ сказать объ этомъ, ни ей, ни моему мужу... Даже передъ общественнымъ мнѣніемъ и въ убѣжденіи судей, — если бы стало извѣстнымъ, что онъ взялъ жену изъ семьи бродягъ, промышляющихъ ворожбой, — нравственное значеніе моего мужа пострадало бы, умалилось бы, и это могло бы компрометировать его еще больше.

Аббатъ Сересъ, въ чертахъ лица котораго, энергичныхъ и подвижныхъ, отражались всѣ его чувства, былъ изумленъ вначалѣ, потомъ растроганъ признаніями молодой женщины. Дружескимъ и добродушнымъ движеніемъ онъ пожалъ ея руки.

— Вы сто кратъ правы, дитя мое, но будьте покойны, все останется въ тайнѣ, какъ бы то была исповѣдь. Никто не видалъ, какъ вы пришли сюда, кромѣ старухи Люкріо, за которую я ругаюсь. Да помимо того, всѣмъ извѣстно, какъ вы всегда были добры къ бѣднякамъ, въ особенности къ этому... Ваше появленіе въ хижинѣ, гдѣ вы же его пріютили, покажется совершенно естественнымъ, такъ какъ вашъ мужъ принялъ на себя всѣ расходы на похороны.

И, видя удивленіе Лидіи, священникъ разсказалъ ей про свою встрѣчу на дорогѣ съ Ричардомъ и съ судьей.

— Дорогой мой... — вздохнула молодая женщина, растроганная до слезъ тѣмъ, что въ разгаръ драмы и борьбы за собственную жизнь Ричардъ вспомнилъ о нищемъ Лидіи.

Аббатъ Сересъ продолжалъ:

— Я предполагаю завтра устроить похороны, очень приличные и очень простыя. Я надѣюсь, что вы будете за одно со мною такъ же, какъ въ будущее воскресенье за обѣдней въ церкви ильенбаго прихода. Я совершу заупокойную мессу, а по комъ, то будемъ знать только мы двое. На Дравейльскомъ кладбищѣ мы положимъ его не въ углу для бѣдняковъ. По уполномочію, данному мнѣ мосье Ричардомъ, я куплю тамъ мѣсто поближе къ большой дорогѣ, на которой всегда жилъ бездомный старикъ, и закажу черную каменную плиту съ выбитыми на ней числами дня его смерти и дни рожденія, съ именемъ покойника, найденнымъ мною вотъ въ этой записной книжкѣ.

Онъ взялъ съ изголовья кровати и передалъ молодой женщинѣ

маленькую тетрадку, истрепанную и засаленную, пропитавшуюся вратительнымъ запахомъ. Это было такъ называемое удостовѣреніе личности, вродѣ книжечки нищаго, въ которой, между потертками разныхъ мерій и отпечатками грязныхъ пальцевъ, можно было разобрать:

*Жоржъ Мендельсонъ, по прозвищу старикъ Жоржъ,
Ружмутъ (Эльзасъ), 1802 г.*

Только при немъ и нашли, что эту книжку и ключъ отъ его *штетльства*, какъ онъ говорилъ, огромный ключъ, который онъ висилъ на голомъ тѣлѣ, прикрѣпленнымъ къ цѣпочкѣ, надѣтой на ею. Бѣдняга былъ такъ старъ, такъ болѣнъ, его память настолько измѣняла ему во всемъ, что не касалось его *дѣтки*, что священнику не удалось ничего дознать точнаго о его національности, имени и семьѣ. Миръ для него начинался и кончался Лидіей, все дальнее терялось въ пыли и туманѣ большой дороги. Однако же, въ виду того, что удостовѣреніе личности выдано было со времени его прихода въ Суази, ранѣе, чѣмъ онъ одряхлѣлъ отъ лѣтъ и болѣзни, и значащійся въ книжкѣ 1802 годъ, и имя Мендельсона могли быть совершенно подлинными.

— Имя очень славное въ мирѣ искусствъ, не правда ли?— просилъ викарій, желая, вѣроятно, ослабить ударъ, нанесенный въ гордости и, какъ онъ полагалъ, болѣе чувствительный, чѣмъ-то отъѣла показать жена Ричарда.

Она отвѣтила утвердительно тихимъ и молчаливымъ наклоненіемъ головы, неподвижная и сосредоточенная, держа въ рукахъ нищенскую книжку, въ которой громкое имя, быть можетъ, и ей принадлежавшее, являлось такимъ же контрастомъ съ грязною измятою страницей, какимъ была вся изящная фигура молодой женщины съ рязною обстановкой хижины, почернѣвшей отъ копоти и дегтя...

Протяжный свистокъ буксирнаго парохода, требовавшаго шлюма, заставилъ Лидію очнуться. Свѣтильни нагорали на свѣчкахъ, пращѣ ложились тѣни на матовое лицо покойника, священникъ юлился, опустившись на колѣни у кровати. Лидія рѣшительно не въ силахъ была послѣдовать его примѣру. Слишкомъ сильна была и внутренняя тревога, и всего болѣе нужно ей было собраться съ мыслями, успокоиться. Въ послѣдній разъ взглянула она на своего бѣдняга, мирному сну котораго она позавидовала, и быстро вышла изъ барака.

— Не проводить ли мнѣ васъ, сударыня?— прошептала старука Люкрію, задремавшая, сидя на кормѣ небольшого парома.

— Благодарю...— и Лидія, желая скорѣе остаться въ одиноче-

ствѣ, исчезла въ туманѣ, сдѣлавшемся еще гуще и непроницаемѣе, чѣмъ прежде.

Вдали шлюзы захватывали весь горизонтъ глухимъ и непрерывнымъ грохотомъ воды, въ которомъ терялись отчаянные призывы буксирнаго парохода. Молодой женщинѣ представлялось, что это она сама, что это ея скорбная жизнь взываетъ о помощи. Было такъ мрачно, такъ смутно у нея на душѣ послѣ всѣхъ бурь этого долгаго дня. Утромъ тотъ найденъ мертвымъ на лужайкѣ, потокомъ арестъ Ричарда, и въ то время, какъ она усиливалась понять странную записку, доставленную изъ тюрьмы, появленіе аббата Сереса, поведшаго ее къ умирающему старику Жоржу... Такъ вотъ что крылось за тою короной и знатными гербами, за блестящими иллюзіями ея дѣтства, которыми она тѣшила себя въ тяжелыя минуты, которыя дразнили ея гордость, ея безсознательное недовольство! Теперь она знаетъ, каково ея аристократическое происхождение, нашла объясненіе своей страсти къ приключеніямъ и къ бродяжничеству. Жалкіе скитальцы, останавливавшіеся у фонтана на поворотѣ дороги, бѣдные фургоны, за которыми жадно слѣдили ея взоры,—вотъ почему она васъ такъ любила! Вы были родными ея, ея подвижною отчизной. Зачѣмъ не осталась она жить съ вами? Какое это было бы счастье для Ричарда и его матери!... И, думая объ этихъ простыхъ, сердечныхъ людяхъ, о ихъ безхитростномъ и тихомъ существованіи, нарушенномъ, выбитомъ изъ колеи ея цыганскою натурой, Лидія искренно жалѣла о томъ, что не даде ей умереть въ Киберонѣ. Была даже минута, когда близко журчащая рѣка подъ отвѣсною кручей берега, плескающаяся о сваямоста и треплющая длинныя водоросли, вновь вызвала у молодой женщины мысль о самоубійствѣ... Но воспоминаніе о Ричардѣ, любящемъ и преданномъ, воспоминаніе о томъ, что сдѣлалъ онъ изъза нея, указали Лидіи ея истинныя обязанности. Нѣтъ, не вправду уже она распорядиться своею жизнью. Еслибъ и не было въ душѣ глубокаго и нѣжнаго чувства къ мужу, все же на ней лежитъ непремѣнный долгъ слѣдовать за нимъ, поддерживать его до конца на томъ отчаянномъ пути, на который онъ кинулся изъ любви къ ней. И въ то время, какъ въ ея пылкой и романтической головѣ укрѣплялись мысли о самопожертвованіи, въ то время, какъ ей представлялось уже, будто она въ ссылкѣ, вмѣстѣ съ мужемъ, подъ раскаленнымъ небомъ Новой Каледоніи, среди зарослей каторжной колоніи,—громкіе свистки буксира, давно неслышныя ей, будили Ричарда Фенигана, счастливаго тѣмъ, что онъ, вмѣсто своей жены, лежитъ на дрянной кровати въ тюрьмѣ надъ рѣкой.

XIX.

Ночная засада.

Яснымъ утромъ, безъ вѣтерка, безъ облачка, въ Гробургѣ жили «французскіе» гаюны. На длинныхъ лужайкахъ, окруженныхъ мраморными балюстрадами, украшенныхъ вазами и статуями, въ ряда рабочихъ то сгибались, то выпрямлялись подъ горячими лучами солнца, и ни пѣсня, ни говоръ, ни даже лязгъ косы о брукъ не нарушали мертвой тишины, такъ что можно было принять гу косьбу за работы пенитенціарной колоніи, если бы не великобѣпіе окружающей ее обстановки.

Вдругъ пронзительный крикъ, душу раздирающій, одинъ изъ вѣх мрачныхъ и бессмысленныхъ воплей, что раздаются изъ саевъ умалишенныхъ, пронесся изъ конца въ конецъ по всей усадьбѣ, отъ террасъ надъ рѣкой до рѣшетки королевскаго парка, монументальной рѣшетки, въ которой ликторскія сѣкиры, золоченыя и проблематическія, напоминаютъ о маршалѣ, главнокомандующемъ сею кавалеріей императора. На крикъ отчаянія, огласившій лужайки, не поднялась ни одна голова, не шевельнулся никто изъ абочихъ, безучастныхъ, какъ статуи. Можно было подумать, что го такой обычный шумъ, на который, въ концѣ-концовъ, никто въ домѣ уже не обращаетъ вниманія. Однако, въ маленькомъ угольомъ салонѣ съ желтыми шелковыми обоями, гдѣ герцогъ д'Альантара бесѣдовалъ съ судьей Дельбру, разговоръ вдругъ оборвался, когда крикъ долетѣлъ туда сквозь полуоткрытыя высокія жаузы.

— Слышите, мой дорогой, вѣдь, это ужасъ!... Съ того утра, акъ, несмотря на всѣ наши усилія, она заставила отворить палльонъ и увидала тамъ страшно обезображенное лицо мертваго мна, герцогиня не произнесла ни одного слова, перестала узнавать людей, и живаго отъ нея остается только вотъ этотъ вопль, овторяющійся изъ часа въ часъ. И очутился я, немощный и невяжимый на моемъ греслѣ, между убитымъ сыномъ и сошедшею въ ума женой... А вы мнѣ говорите объ освобожденіи убійцы, хоте отнять у меня даже радость отомстить за нихъ.

Глаза паралитика, въ которыхъ сосредоточилась вся его нервая жизнь, горѣли бѣшенствомъ въ то время, какъ судья, въ болъюй нерѣшительности, оправдывался, пытался что-то объяснить. ерцогъ не можетъ сомнѣваться въ искренности его желаній... риказъ о приводѣ сегодня вечеромъ... трое сутокъ въ секретной... ничего, никакихъ результатовъ.

— Дурачить онъ васъ... Не подь силу вамъ справиться, — ворчалъ генераль.

— Да напротивъ, дорогой мой герцогъ... онъ, точно умышлено, запутываетъ себя. Это просто необъяснимо. Я имѣю теперь доказательства, что онъ прѣѣхалъ въ понедѣльникъ утромъ, черезъ два дня послѣ убійства... И, по мѣрѣ того, какъ это подозрѣнн разсѣивается, я открываю иной слѣдъ, болѣе вѣрный, на которомъ все совпадаетъ: часъ, день, мотивы, донесенія моихъ агентовъ, полученные мною анонимныя письма.

Делькру смогъ, увидавши лакея, входившаго съ террасы и полуотворенную балконную дверь.

— Кто тамъ? Я сказалъ, не смѣть насъ беспокоить! — крикнулъ генераль повелительнымъ тономъ.

Лакей исчезъ, на его мѣстѣ громадная тѣнь заслонила собой весь просвѣтъ входа.

— Прошу простить, господинъ герцогъ.

— А, вы, Соткѣрь?

Делькру быстро и безшумно подошелъ къ генералу.

— Прошу, примите его, мы поговоримъ, когда вы съ нимъ кончите.

Генераль пожалъ плечами и, показывая на задрапированную дверь, ведущую въ пріемныя комнаты, сказалъ:

— Пройдите туда, я позову васъ, — потомъ, обратившись къ балконной двери, добавилъ: — Войдите, Эженъ.

Похудѣвшій, сгорбившійся, ослабѣвшій ногами Индѣецъ имѣлъ видъ человѣка, не оправившагося послѣ болѣзни. Его голосъ такъ утратилъ свою металлическую звучность, хотя полѣсовщикъ старался говорить твердо и держаться прямо, такъ какъ былъ въ радной формѣ, при оружіи и являлся къ своему господину.

— Господинъ герцогъ, — заговорилъ онъ, выткнувшись и отставивши глаза, — я пришелъ просить васъ объ увольненіи и въ отставку.

— Почему?

— Мой сынъ съ женою отѣзжаетъ въ Америку. Они просятъ меня ѣхать съ ними. Но прежде... мнѣ надо свести и счеты съ судомъ.

— Съ судомъ? Что съ тобой случилось?

— Прескверное дѣло.

— Объясни.

— Не знаю, смогу ли, — тихо проговорилъ полѣсовщикъ.

Онъ прислонился къ камину, дрожа такъ сильно, что стволъ

ружья, повѣшеннаго на плечѣ, отбивалъ мелкую дробь по мрамору. Соткѣръ принужденъ былъ выпрямиться, чтобы разсказать свою исторію. Проста была и мрачна эта исторія. Наряженный въ пятницу въ облаву на браконьеровъ, онъ возвращался домой около двухъ часовъ ночи, когда изъ окна его дома кто-то выпрыгнулъ во дворъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Было темно. Онъ подумалъ, что то былъ воръ, выстрѣлилъ, не цѣлясь, повалилъ и, когда подошелъ взглянуть, кто это...

— Лжешь! — прервалъ его грубый голосъ.

Сторожъ дрогнулъ отъ такого оскорбленія.

— Генералъ!

— Говорю тебѣ, лжешь. Не такъ убилъ ты князя. Я знаю, знаю, что ты сдѣлалъ, такъ же хорошо знаю, какъ твоя собственная совѣсть. Только я хочу слышать это отъ тебя самого. Ну, говори... или нѣтъ, стой.

Онъ громко крикнулъ:

— Делькру!

Увидавши, что вошелъ членъ суда въ Борбейлѣ, пунктуальный и важный, передъ которымъ онъ нерѣдко давалъ показанія въ дѣлахъ о браконьерствѣ, Индѣецъ почувствовалъ, какъ подгибаются его колѣни, точно палачъ уже положилъ ему руку на плечо: «Въ путь!» Щеки поблѣднѣли и какъ-то вдругъ осунулись. Поистинѣ, онъ не ждалъ, что все сдѣлается такъ быстро.

— И такъ, господинъ слѣдователь, — заговорилъ герцогъ, торжествуя, — имѣлъ я, кажется, нѣкоторыя основанія думать, что негодяй, о которомъ мы говорили, весьма могъ и не самолично дѣйствовать. И вотъ найдено орудіе и объясненіе всѣхъ алиби, которыя сбивали васъ съ толку... Ну, Соткѣръ, если хочешь, чтобы къ тебѣ были милостивы, разсказывай толкомъ все, какъ было... безъ увертокъ, въ особенности.

Генералъ думалъ, что его сторожъ колеблется, и, чтобы избавить его отъ стыда признаній, принялся помогать ему, подсказывать слова.

— Говори, что тебѣ обѣщано? Или сколько дали тебѣ, такъ какъ не отъ себя же ты это сдѣлалъ?

Соткѣръ выпрямился, щеки его вспыхнули, жилы на лбу налились отъ усилія, которое онъ дѣлалъ, чтобы сдержаться.

— Возможно, что такія дѣла и дѣлаются за деньги... но чтобы послѣ двадцати восьми лѣтъ, — тринадцати на Заячьей Почтѣ и пятнадцати при Монастырѣ, — мой господинъ счелъ меня способнымъ... Нѣтъ!

— Не станешь же ты увѣрять насъ, что настоящая правда только что рассказанная тобою исторія?—насмѣшливо проговорил генераль, слегка смущаясь.

— Сейчасъ, господинъ герцогъ, я солгалъ по глупой гордости, имѣть которую потерялъ я право. Рука захвачена, надо, чтобы и нею слѣдовало и все тѣло... Такъ пусть и слѣдуетъ, разрази его Богъ!... Сознаться въ правдѣ мнѣ легче будетъ, чѣмъ выслушивать то, что я выслушалъ.

Онъ присоанился, стиснувши кулаки, и опять заговорилъ:

— Десять дней назадъ, въ отсутствіе моего молодца, я получилъ коротенькое письмецо безъ подписи, которымъ меня предупредили, что слѣдующею ночью, между тремя и пятью часами, изъ монастырскихъ воротъ могу увидать, какъ мужчина выльзетъ въ окно изъ комнаты моей снохи. Надо сказать, что былъ бы дѣломъ я испыталъ семейныя несчастья. Любилъ я одну женщину, она-то и показала мнѣ виды! Бончилось тѣмъ, что ушла она съ жандармомъ, бросила меня съ ребенкомъ въ нашей глуши на Заячьей Почтѣ... Пустякъ, не дорогого стоитъ! Съ этого самаго приключенія осталась у меня злость на всѣхъ женщинъ, и когда я малый женился, я далъ себѣ слово зорко смотрѣть за его вертункой, твердо порѣшивши, если выйдетъ такой случай, сразу вынести и свою бѣду, и его. Въ округѣ знали про это, и тотъ, къ мнѣ писалъ, тоже хорошо зналъ, что дѣлаетъ.

Делькру спросилъ:

— Сохранили вы это анонимное письмо?

— Дайте же ему кончить,—нетерпѣливо сказалъ герцогъ.

— Какъ разъ въ эту самую пятницу всѣхъ нашихъ поставил на ноги, чтобы словить менвильскихъ озорниковъ, стрѣлявши нашихъ лучшихъ ланей... Въ письмѣ было сказано, между тремя и пятью часами. Около трехъ часовъ я ушелъ съ своего мѣста въ аллеѣ Большого Дуба и притаился въ монастырскихъ воротахъ. Тамъ же вѣрно, какъ то, что въ рукѣ у меня ружье, я не зналъ, кого впустила къ себѣ въ комнату моя сноха. Доходили до меня слухи, что князь увивался вокругъ нея, но послѣ одной сцены съ бабенькой я думалъ, что на этотъ разъ все покончено, а письмо, какъ видите сами, господа, наводило меня совсѣмъ на другое имя. Съ полчаса я мокъ до костей подъ сплошнымъ дождемъ, когда услышалъ, что щелкнула оконная задвижка. Кто-то выпрыгнулъ въ десяти шагахъ отъ моей засады и пустился на-утекъ. Видно было очень плохо, и я, вѣроятно, промахнулся бы, еслибъ онъ продолжалъ бѣжать. На бѣду, онъ остановился раскрыть зонть, а я выстрѣлилъ.

Готь прошелъ нѣсколько шаговъ очень скоро, потомъ свалился въ канаву и не шевельнулся, какъ звѣрь, котораго хватили въ отдѣлку. Тогда я побѣжалъ въ домъ. Сноха притворилась, будто спитъ, завернулась въ простыню. «Вставай и бери фонарь, — говорю я ей. — Я убилъ твоего любовника, иди помочь мнѣ закопать его». Она перепугалась, но послушалась сразу, въ томъ вамъ ручаюсь... Въ эту минуту я и не подозрѣвалъ даже, кого я уложилъ моимъ выстрѣломъ. Доказательство то, что когда мы оба спустились въ канаву и неподвижно стояли надъ тѣломъ, я спросилъ у снохи: «Ето кто?» — «Смотри», — сказала она тихо и опустила фонарь... А, господинъ герцогъ, когда я увидалъ, что сдѣлалъ...

Рукавомъ своего форменнаго камзола онъ стеръ лобъ, облитый потомъ. Герцогъ, зорко наблюдавшій за тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ на Делькру рассказъ полѣсовщика, обратился къ Соткѣру самымъ спокойнымъ тономъ:

— Ты чѣмъ стрѣлялъ?

— Крупною дробью.

— И попалъ куда?

— Весь зарядъ прошелъ мимо... Только одна маленькая ранка, гуть, около виска...

Среди наступившаго тяжелаго молчанія снова раздался вопль матери, точно она увидала эту рану, — маленькую ранку, тутъ, жоло виска. Затѣмъ допросъ пошелъ своимъ чередомъ:

— Ты говоришь, что онъ упалъ близъ монастыря. Нашли его, однако, не тамъ.

— Мы положили его сначала въ одну изъ старыхъ ямъ, которыхъ много въ той сторонѣ лѣса, и прикрыли терновникомъ и листвою. Когда мы вернулись домой, страшно иззябшіе, намъ пришла въ голову мысль взять его оттуда и снести на лужайку рядомъ съ паркомъ Фенигана. Сноха шла съ фонаремъ, я несъ покойника на рукахъ, какъ ребенка... я очень силенъ. Все было такъ, какъ я вамъ говорю.

Судья сдѣлалъ хитрую мину и изъ своего угла спросилъ:

— А зонть надъ головой зачѣмъ раскрыть?

— Я вспомнилъ про одну даму, которую нашли мертвою подъ вонтикомъ въ лѣсу у Фонтенебло и которая пролежала тамъ цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ ее потревожили.

— И почему. вблизи парка Фенигана?

Соткѣръ опустилъ голову и, зачинаясь, отвѣтилъ:

— Это ужъ скверность была, господинъ Делькру... подлая мысль, и я себя наказываю за нее, каясь вамъ. Послѣ исторіи

между княземъ и женою шосьё Ричарда можно было предположить, что подозрѣніе падеть на мужа... Только долженъ я вамъ сказать, что эта мысль никогда бы не пришла намъ въ голову, ни моей снѣхъ, ни мнѣ, если бы не письмо, которое было при князѣ...

— Наконецъ-то!... Вотъ въ чемъ дѣло!—крикнулъ герцогъ въ злобномъ порывѣ.—Такъ признавайся же, что ты обшарилъ его карманы, чтобы захватить бумаги, которыя хотѣлъ имѣть въ рукахъ мужъ... Признавайся, и мы оставимъ тебя въ покоѣ.

Сторожъ молча вынулъ изъ кармана письмо и маленький портфель.

— Князь Ольмюцкій имѣлъ при себѣ, кромѣ вещей, которыя вамъ переданы, вотъ этотъ бумажникъ и это незапечатанное письмо, которое онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей. Онъ не отослалъ его потому, что хотѣлъ впередъ узнать, хороша ли задастъ ему та ночь... Конечно, мнѣ не слѣдовало читать... но голова у меня была такъ растеряна, а сноха все время твердила мнѣ: «Можетъ быть, въ немъ есть что-нибудь такое, что насъ выдастъ». Вправду, письмо это подтверждаетъ все, что я вамъ сказалъ. Прочитавши его, вы увидите, что я не солгалъ, что несчастный молодой человѣкъ своими руками разставилъ ловушку, въ которой и погибъ.

Письмо къ Валлонгу и маленький черепаховый портфель онъ положилъ на подвижной пюпитръ у кресла больного генерала.

— А гдѣ полученное вами анонимное извѣщеніе? — спросилъ Делькру въ то время, какъ генералъ читалъ письмо.

— Со мною... если господину судьѣ угодно посмотреть его...

— Давайте... Писала женщина, и невысокаго полета... Вотъ оно что!—Делькру вздрогнулъ и обратился къ сторожу въ полголоса, какъ бы опасаясь, что ихъ услышитъ генералъ: — Такъ вы стрѣляли въ Александра?

— Да,— отвѣтилъ полѣсовицгъ наклоненіемъ головы.

Генералъ, сердито теребившій свой усъ, поднялъ глаза отъ письма и сказалъ:

— Все же тутъ есть кое-что необъяснимое для меня... Заявление, съ которымъ ты пришелъ, для чего ты дѣлаешь?... И почему не сдѣлалъ ты его раньше?

— О, все это женщины, господинъ герцогъ!... Я уступилъ просьбамъ моей снохи, которая боится мужа, какъ огня, и хотѣла все скрыть отъ него. И вышло такъ, что бѣдный мой малый всѣ эти дни пробылъ съ нами, ничего не подозрѣвая. Онъ ѣздилъ въ свой магазинъ, въ вагонахъ разговаривалъ со всѣми объ этомъ

происшествіи... а я, видите ли, я состарился за это время! Мысль, что невинный сидитъ въ тюрьмѣ за меня, что его могутъ обвинить... Наконецъ, вчера обѣдали мы втроемъ. Сынъ видѣлъ, что я оттолкнулъ отъ себя тарелку, не вѣлъ, какъ это часто случалось уже нѣсколько дней. «Что съ тобою, отецъ?» Тутъ я не выдержалъ, — душило меня, — я все рассказалъ... А, бѣдный мой мальчикъ, я думалъ, что онъ тутъ же повалится мертвымъ отъ нанесеннаго мною удара! Жена стала передъ нимъ на колѣни, онъ даже не взглянулъ на нее и про собственное несчастье забылъ. «Нѣтъ, нѣтъ, объ отцѣ впередъ позаботимся. Отецъ погрѣшилъ, нужно ему же и поправить дѣло». Ахъ, господа, это такія минуты въ земьѣ!... Обнялись мы съ сыномъ и зарыдали оба. Я поклялся ему, что сегодня пойду къ вамъ... вотъ и пришелъ.

— Все это очень похоже на правду, — прошепталъ Дельгеру.

— И согласуется съ тѣмъ, что я тутъ прочелъ, — сказалъ генералъ, какъ будто съ сожалѣніемъ. — Остается только эта рана пробитой, слѣда которой не нашли врачи, — такъ сильно разложилось лицо... хотя тѣло пролежало всего два дня.

— Браконьерская уловка, господинъ герцогъ, — отвѣтилъ Соткѣръ, вздрагивая, — но я скорѣе языкъ себѣ вырву, чѣмъ...

...чѣмъ рассказать отцу, какъ для того, чтобы сдѣлать неузнаваемымъ его сына, его на цѣлую ночь повѣсили за ноги на березѣ, а голову до плечъ зарыли въ муравьиную кучу.

Судья, держа въ рукѣ письмо Шарлексиса, говорилъ на ухо генералу:

— Завѣрялъ я васъ, что не по тому мы слѣду... очевидно, что убилъ этотъ человѣкъ, и если вы хотите отомстить...

— Отомстить этому болвану!... Нѣтъ, любезный мой, до Фенигана я добирался... а такой-то...

— Тѣмъ болѣе, что съ этимъ письмомъ при дѣлѣ обвиненіе болѣе чѣмъ сомнительно.

Герцогъ подумалъ немного, потомъ рѣшительно проговорилъ:

— Я то же думаю, Дельгеру. Добрая слава князя и нашего дома нисколько не выиграетъ отъ огласки дѣла, равно какъ и отъ циническихъ откровенностей, которыми обмѣнивались между собою два молодыхъ джентльмена... Болѣе, чѣмъ когда-либо, есть уважительныя основанія не давать хода этому дѣлу...

Судья съ волчьими зубами и деревянными бабенбардами живо перебилъ генерала и обратился къ Соткѣру, стоявшему неподвижно на вытяжку съ фуражкой въ рукѣ:

— Вы слышали, герцогъ не желаетъ продолжать это глубоко

прискорбное дѣло. Уѣзжайте какъ можно скорѣе, не говоря ни слова. Отъ вашего благоразумія зависитъ избѣжать всякихъ непріятностей.

Полѣсовщикъ поклонился.

— Благодарю васъ, господа, — сказалъ онъ и, въ дверяхъ, готовый выйти, нерѣшительно спросилъ: — А мосьё Ричардъ?

— О немъ не беспокойтесь... Мосьё Ричардъ вернется въ Узелли до наступленія вечера.

На такое увѣреніе Делькру генераль отозвался раздраженнымъ тономъ:

— До наступленія вечера... ради чего?... Очень вамъ не терпится возвратить этому скоту его жену!

Это былъ крикъ ненависти, его немощной ревности, вырвавшийся среди самыхъ тяжелыхъ заботъ и всѣхъ терзаній родительскаго отчаянія.

Позднимъ вечеромъ въ Узелляхъ госпожа Фениганъ и старикъ Мериве сидѣли подѣ большою павловніей у крыльца и обмѣнивались рѣдкими меланхолическими фразами и отрывочными словами, за которыми слѣдовали долгія паузы. Садовники и работницы фермы вышли подышать свѣжимъ воздухомъ на дорогу передъ растворенными воротами. Неизмѣнный часъ тушить огни давно прошелъ, и никто не обратилъ вниманія на это, быть можетъ, по милости исключительной красоты ночи, или же потому, что напуганный и перебудораженный домъ пересталъ подчиняться мелочамъ обычной дисциплины. Но какая же была разница между тишиной нижняго этажа дома, освѣщеннаго и пустыннаго, и шумнымъ весельемъ людскихъ, между громкимъ равнодушнымъ смѣхомъ и грустнымъ тономъ голосовъ, тихо говорившихъ подѣ дремлющимъ деревомъ!

— Какъ гулко въ воздухѣ этою ночью!... Слышны шаги на мосту, — замѣтилъ собственникъ маленькой церкви, не покидавшій мать и жену Ричарда со времени своего возвращенія.

— Должно быть, идетъ кто-нибудь съ послѣдняго поѣзда и очень торопится... — отвѣтила г-жа Фениганъ, прислушиваясь къ спѣшному шагу запоздавашаго путника.

— Жена Ричарда очень печальна сегодня, — заговорилъ опять Мериве, — болѣе печальна, чѣмъ всѣ эти дни. Повидимому, ее сильно огорчила смерть старика нищаго.

— Когда на сердцѣ тяжело, тогда все вызываетъ слезы, — вздохнула госпожа Фениганъ. — Подумайте только, другъ мой, три

ня, какъ ея мужъ арестованъ, и нѣтъ никакихъ извѣстій о немъ, ромъ маленькой записочки...

— Доказывающей его увѣренность въ скоромъ освобожденіи. то какое-то недоразумѣніе, — повторяю вамъ, что это недоразумѣніе... Я сразу понялъ это, какъ только увидалъ Делькру, по его мученному и огорченному виду... Повѣрьте мнѣ, вы скоро увидите вашего милого сына. Да, вотъ, смотрите... смотрите же, мадамъ де-ниганъ! — крикнулъ Наполеонъ Мериве, вскакивая съ мѣста.

На голубовато-бѣлой, залитой луннымъ свѣтомъ дорогѣ, проливъ отворенныхъ настѣжъ воротъ, быстро подвигался впередъ орошо знакомый силуэтъ. Не имѣя силъ шевельнуться, мать взглянула:

— Ричардъ!

— Вотъ вы гдѣ! — отозвался голосъ, слившійся казаться одрымъ и тотчасъ же оборвавшійся рыданіемъ. — А Лидія... имѣете ли извѣстія о ней?

— Лидія? Да она у тебя, у васъ... въ павильонѣ.

Ричардъ, пораженный, не слушая объясненій матери, кинулся юдъ сводъ шпалеры, шелестящей темною листвою, полною ароматомъ цвѣтущихъ липъ.

Лидія въ пеньюарѣ писала въ нижней комнатѣ, сидя передъ бюро своего мужа. Она не обернулась, думая, что вошла Розина, и подняла голову лишь тогда, когда Ричардъ стоялъ уже совсѣмъ близко. Послѣдовалъ взрывъ удивленія, безумной радости, едва слышныхъ словъ, прерываемыхъ поцѣлуями, объятіями...

— Свободенъ!... Ты свободенъ?

— Да, настоящій убійца найденъ.

Она взглянула на него, уничтоженная.

— Какъ... настоящій убійца?

Ея волненіе, выраженіе лица вырвали у Ричарда невольный возгласъ:

— Такъ ты думала, что я...

— Да, — отвѣтила она очень тихо, не имѣя силы солгать.

— А я-то думалъ про тебя то же! — сказалъ Ричардъ, не мѣтѣ ея смущенный.

Лидія подняла голову.

— Неужели?... — потомъ, внезапно сообразивши, она заговорила: — О, теперь я понимаю, почему ты писалъ мнѣ, чтобъ я ѣздила... почему ты вводилъ въ заблужденіе судью!... Ты хотѣлъ, чтобы, вмѣсто меня, тебя обвинили... Мужъ мой!... милый мой мужъ!...

Она кинулась ему на грудь, рыдая. Ричардъ чувствовалъ трепеть ее груди, всего ее тѣла подъ легкимъ кружевнымъ пеньваромъ.

— Повторяй, повторяй мнѣ, что ты любишь меня, и я за все буду вознагражденъ! — шепталъ онъ, нѣжно увлекая ее.

XX.

Д о р о г а.

— Лидія... Ричардъ... Идите же, лѣнивцы... послѣдній звонокъ обѣднѣ.

Бузина Элиза, пріѣхавшая два дня назадъ въ Узелли, звала и вертѣлась подъ окнами павильона, въ то время, какъ съ колокольни маленькаго прихода разносились ясные звуки колокола въ тиши воскреснаго утра. Госпожа Фениганъ появилась подъ шпалерами, шла величественною походкой важной обывательницы, съ золотымъ молитвенникомъ въ одной рукѣ и съ погромыхивавшимъ кивачами мѣшечкомъ въ другой.

— А Ричардъ?—спросила она, увидавши, что Лидія выходитъ одна, изящно одѣтая во все черное, въ противоположность съ яркими, бросающимися въ глаза, цвѣтами костюма «Красной шапочки».

— Мы слишкомъ долго зачитались, и я побоялась разбудить его, — отвѣтила молодая женщина, краснѣя отъ своей лжи, продолжая надѣвать перчатки и быстро направляясь къ церкви.

Ричардъ уже не спалъ, нѣжился только, лежа на большой кровати въ сладкой истомѣ, убаюкиваемый трезвономъ маленькой церкви, врывающимся въ открытое окно, виѣсть съ журчаніемъ фонтана и позвякиваніемъ его жестяной кружки. Почему не пошелъ онъ къ обѣднѣ съ матерью и съ женой? Конечно, изъ боязни показаться смѣшнымъ, изъ нежеланія быть тамъ на-людяхъ, послѣ всего, что случилось. Тѣмъ не менѣе, въ этой маленькой церкви у дорогъ его мать почувствовала свѣтъ душевный, жалость къ людямъ, и изъ этой церковки отправилась она разыскивать и вернуть бѣглику. Да, онъ, несомнѣнно, долженъ быть благодаренъ церкви маленькаго прихода, и, — хотя не легко это для его гордости, — онъ непременно пойдетъ туда въ одно изъ будущихъ воскресеній.

Колоколъ заканчивалъ звонъ рѣдкими ударами. Въ полудремотѣ Ричардъ услышалъ хриплый голосъ Шюшена, сторожа рыбной ловли, напоминавшаго, что они собирались забросить приволоку у Воробьиного острова, пока солнце не очень высоко поднялось. Фениганъ быстро вскочилъ съ постели и, выходя изъ дому, столкнул-

у крыльца съ худою старухой, поспѣшившею скрыться съ цѣмъ снопомъ великолѣпныхъ цвѣтовъ, которые передала ей Рона Шюшенъ. Съ нѣкоторыхъ поръ смущенность и таинственность личной интриговали Ричарда. Онъ вернулся и подозрительно росилъ:

— Это что за женщина?

— Старуха Люкріо изъ Дравейля.

— А цвѣты, зачѣмъ они ей?

Розина не знала этого. Молодая госпожа приказала давать стахъ каждый день по букету и только. Ричардъ не сталъ разспрашивать, находя болѣе достойнымъ обратиться прямо къ Лидіи, и чувствовалъ лишь, что сталъ печальнѣе. На поворотѣ большой рѣги онъ встрѣтилъ толпу выходящихъ изъ церкви. Въ семейной ушѣ Фенигановъ «Красная шапочка» волновалась, встряхивая этикомъ и всѣми своими лентами.

— Нѣтъ, какъ хотите, кузина... не охотница я молиться за идей, которыхъ совсѣмъ не знаю... Къ тому же, если бы мнѣ изстно было, что я попаду на заупокойную мессу, я не надѣла бы ѣтного туалета, пошла бы въ черномъ, какъ Лидія.

— Но меня... меня тоже не предупредили...—прошептала Лидіа, смущенная взглядомъ мужа, которымъ тотъ окидывалъ ея темный нарядъ.

— По комъ же совершалась сегодняшняя служба?—спросилъ Ричардъ.

— Никто не знаетъ, ни даже господинъ Мериве,—отвѣтила сножа Фениганъ въ то время, какъ Ричардъ взялъ подъ руку руку и проговорилъ очень тихо и быстро:

— Ты знаешь?

— Да.

— Потомъ, для кого посылаешь цвѣты?

Лидія дрогнула отъ изумленія и смѣло отвѣтила:

— Да, по томъ... по старикѣ Жоржѣ.

Этимъ и кончилось.

Они были такъ счастливы въ теченіе нѣсколькихъ дней; волна, начивавшая ихъ, отражала столько яснаго солнца въ своемъ нѣащемъ движеніи, иѣла имъ такіа чарующія мелодіи, что Лидіи грашно было нарушить полноту ихъ счастья признаніемъ своего албаго и низкаго происхожденія: чтѣ, если Ричардъ разлюбитъ ее, чѣ безвѣстныхъ бродягъ, кочевого и враждебнаго племени? Всего мѣе страшило ее объясненіе съ свекровью, правда, очень измѣвшееся, нѣжною, матерински любящею, но еще болѣе гордою,

чьмъ ея сынъ. И молодая женщина отгадывала это неизвѣстно объясненіе до другого времени, рассчитывая на вліяніе аббата Сиреса. Но слова и задумчивый видъ мужа давали ей понять, что долго будетъ она въ состояніи про себя хранить свою тайну.

Вмѣсто того, чтобы идти на рыбную ловлю, Ричардъ направился прямо по дорогѣ, — сѣти перестали занимать его. Онъ думалъ только о заупокойной мессѣ, о цвѣтахъ, о траурѣ жены, въ ея безнестыжности чрезмѣрно ужь демонстративномъ ради стараго оборванца Нѣтъ, совсѣмъ невѣроятно, что дѣло идетъ о старикѣ Жоржѣ, — придали бы этому такой таинственности... О комъ же, въ такомъ случаѣ? О томъ, кто покоится въ глубинѣ гробургскаго парка, въ пышномъ фамильномъ склепѣ? Неужели она все еще думаетъ о немъ? Чтобы удостовѣриться въ этомъ, ему стоить только дойти до Люкріо, ютившихся всею семьей за Дравейлемъ въ старой будшоссейнаго сторожа... Старуху распросить... И въ то время, когда почти безсознательно, онъ направлялся въ ту сторону, дорога вокругъ него развертывала свою мирную праздничную жизнь. Наполеонъ Мериве только что заперъ свою церковь и издала грозный Фенигану ея большимъ ключомъ. Ричардъ разозлился, думая о себѣ: «О, нѣтъ, ноги его никогда не будутъ въ этой церкви прощай, во что бы то ни стало, гдѣ молятся за тѣхъ, кто дѣлаетъ вамъ зло!» За тѣмъ послѣдовалъ холопскій и ехидный поклонъ москѣ Александру, одѣтаго и снаряженнаго опереточнымъ охотникомъ, и охота не была еще открыта. Онъ все утро стрѣлялъ кроликовъ въ садкахъ Гробурга, и его ягташь, его ружье, высокіе гетры, — было новенькое, блестяло и поскрипывало. Даже слѣдовавшая за нимъ собака, лѣниво жавшаяся къ ногамъ хозяина, послѣ пяти часовой гоньбы имѣла видъ картонной собаки, только что вынутая изъ коробки. «Каково охотились, москѣ Александръ?» — кричала работница фермы. Булочница выглядывала изъ-подъ парусиноваго навѣса своей телѣжки и тоже спрашивала: «Хорошо ли охотились, москѣ Александръ?» И Александръ всѣмъ отвѣчалъ равнодушнымъ и небрежнымъ тономъ, перенятымъ въ замкѣ у господъ: «Ничего не видалъ». Собака тоже ничего не видала. Но они столько разъ хозяинъ и его песь, должны были давать тотъ же отвѣтъ, что, когда одна изъ дочерей шоссейнаго сторожа, подававшая завтракъ отцу и опрокинутой тачкѣ, издала крикнула: «Хорошо поохотились, москѣ Александръ? Найдется у васъ что-нибудь для меня?» — старый лакей обернулся, точно его змѣя укусила, и прохрипѣлъ съ видомъ волокиты и обзеленнаго человѣка: «Для тебя, милочка? У меня всегда найдется что-нибудь для тебя». Тонъ былъ настолько заб-

тъ, что Ричардъ невольно улыбулся, но вслѣдъ за тѣмъ послѣ-
авшая встрѣча вернула ему прежнюю мрачность и тревогу.

У спуска къ мосту остановилась телѣга, верхомъ нагруженная
бѣлю. Два человѣка, оба огромные, хлопотали около нея, под-
вивали тормазъ, перевязывали ослабѣвшія веревки, потомъ спе-
ци раздался голосъ жены Соткѣра: «Впередь, Бланшета!» — и
съ двинулся грузно подъ горбу въ сопровожденіи двухъ мужчинъ,
дшихъ рядомъ молча. Ричардъ, отошедшій въ сторону, чтобы не
ущать бѣдныхъ людей, видѣлъ, какъ на ходу по изрытой дорогѣ
рагиваютъ ихъ широкія плечи, точно отъ рыданій. Въ годы ста-
ю лѣсника какъ тяжелъ такой отъѣздъ! Его лѣсъ, его заброшен-
й монастырь, вся жизнь его уничтожены, загублены изъ-за при-
ги мальчишки. Правда, негодяй дорого заплатилъ за свой кап-
въ... При такой молодости, громкоимени, богатѣйшемъ майо-
гѣ Франціи, глубоко прискорбна постигшая его участь, и жа-
ть Лиди, ея букеты и молитвы не заключаютъ въ себѣ ничего
вдосудительнаго, въ сущности. Стоило ли изъ-за этого пускаться
унизительное дознаніе, которое онъ затѣвалъ, идя къ Люкрію и
своя вызвать сплетни, клевету? Бѣ тому же, недалеко и малень-
е кладбище, не трудно найти могилу старика Жоржа, удостовѣ-
ться своими глазами, солгала ли его жена. Онъ уже торопился въ
омъ направленіи, когда мимо прошелъ «орфеонъ» изъ Дравейля,
вершавшій свою воскресную прогулку со знаменемъ во главѣ. По
тыре человѣка въ рядъ, они маршировали, надувая мѣдные тру-
своими здоровыми деревенскими щеками, выбритыми и загорѣ-
ми, оттѣненными золотымъ голуномъ фуражекъ, отбивая шагъ
дъ героической мотивъ, вспугивавшій стаи куропатокъ въ вино-
вдникахъ.

Ричардъ видѣлъ уже за большою стѣной у входа въ село вер-
шки тисовыхъ деревьевъ и бѣлѣющія могилы и, вновь поддав-
сь своей нерѣшительности, сѣлъ на каменную скамью у дороги.
тъ, всё эти розыски представляются чѣмъ-то очечь дряннымъ
слѣ его примиренія съ Лидіей, и до нихъ онъ не унижится. Онъ
жетъ просто сказать женѣ: «Я думалъ, будто совсѣмъ исцѣлилъ-
оказалось, что нѣтъ. Я воображалъ, что все покончено смертью,
вотъ я ревную даже къ мертвому. Твоя жалость къ нему разры-
етъ мнѣ сердце, а потому я прошу, откажись ты отъ нея... Я
ищемъ несчастенъ». Раздумывая такъ, онъ успокоивался, нер-
стихали, и мало-по-малу отъ мирнаго воскреснаго покоя, окру-
вшаго его, отъ неподвижныхъ тѣней, отъ обширной и пустын-

ной равнины, отъ полей сурьпки и гречихи, золотоу и серебру раскинувшихся вплоть до лѣсу, повѣяло на него живительное жестью, точно раненому дали пить, освободивши его отъ тяжелой жесткой кирасы.

Сколько времени просидѣлъ онъ на этомъ мѣстѣ? Оресту «Феоны» прошелъ еще разъ и назадъ вернулся, блестя своими труфами и медалями, стада протнали, промелькнуло нѣсколько пѣндовъ, почталонъ, старьевщица съ ея меланхолическимъ вытраваніемъ: «старья, желѣза продать»... маленький горбунокъ, торгующій обувью, всѣ фигуры давно знакомой игры въ гусекъ... И дался звонъ къ молитвѣ «Ангела», отделинулись другъ отъ друга цать маленькихъ сельскихъ колоколовъ, и точно эхомъ отозвался колокола въ замкахъ и вилахъ, призывавшіе къ завтраку. Тут только, поднимаясь съ своего мѣста, Ричардъ увидалъ, что въ время просидѣлъ у подножія высокаго желѣзнаго креста, послеленнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ упалъ много лѣтъ назадъ старій вейльскій нотаріусъ, метръ Фениганъ. Воспоминаніе, скорѣе фвѣрное, чѣмъ нѣжное, вызвало передъ Ричардомъ далекій и ный образъ отца, котораго онъ зналъ мало. Не отъ отца ли шелъ къ нему страшный недугъ ревности, вѣзвшійся въ плоть и въ кровь? Не въ роду ли это у Фенигановъ, какъ и гордость? таинственное ли это наследство, о которомъ помину не бываетъ завѣщаній?... «А, отецъ... отецъ!... — вздыхалъ бѣдный Ричардъ, возвращаясь домой и напѣвая, какъ въ мрачные дни своей жизни, лучше бы оставилъ ты мнѣ меньше полей, луговъ и лѣсовъ и передалъ бы этой ужасной раны, отъ которой, — я чувствую, что не избавится мнѣ никогда!»

До самаго вечера какое-то недовольство тяготѣло надъ Узлами, несмотря на веселые крики «Красной шапочки». Приѣхавши въ часъ послѣ катастрофы, милая женщина кинулась къ слѣдующей, и ей былъ обязанъ Ричардъ своимъ быстрымъ освобожденіемъ. Дравейль, въ Суази не преминули заговорить: «Эти Фенигановы такъ богаты... такимъ нечего бояться, ихъ и къ суду не выведутъ»... На самомъ же дѣлѣ судья Делькру сознавалъ, насколько виноватъ передъ своими друзьями. Но, при помощи любви и большой дозы нахальства, онъ заявилъ, что явится къ нимъ въ это воскресенье вечеромъ, и можно себя представить, какіе это вызвали толки въ кухнѣ и въ людскихъ. Что же касается Розины Пашень, — виновницы всей этой драмы, по милости ея анонимнаго письма, — то, услышавши въ потемкахъ звонокъ у воротъ, горно

ная сбѣжала, заперлась въ избѣ и тамъ притаилась. Въ гостиной, гдѣ на которой были открыты на затишьѣ ароматнаго парка, судья съ жесткими черными бакенбардами для всѣхъ нашель подходящія разы. Его волчьи зубы такъ и сверкали на атласную кожу и полное тѣло «Красной шапочки». Умоляя Лидію съѣсть за фортепiano, въ даль прочесть Ричарду и его матери диеирамбическую статью, прославлявшую Фенигановъ, напечатанную въ *Корбейльской Газетѣ*, подписанную «Veгах». Это былъ наборъ фразъ, пустыхъ, игучихъ и закругленныхъ, и не трудно было узнать автора по ому простору, который давала эта риторика широкимъ жестамъ и акциямъ же рукавамъ оратора. На бѣду, въ томъ же номерѣ были омѣщены слѣдующія строки:

«Сегодня, въ воскресенье, въ маленькой капеллѣ Гробурга, какъ и во всѣхъ главныхъ церквахъ округи, въ Дравейлѣ, Суази, Ри, Атисѣ, Моран-и, были отслужены мессы за упокой души князя Ольмюцкаго. По окончаніи богослуженія герцогъ и герцогиня д'Альвантара, оба очень больные, ѣхали въ Ангадинъ *) съ докторомъ Жаномъ Метцеромъ».

Ричардъ долго не отводилъ глазъ отъ этого сообщенія, точно о сладамъ его читалъ или на другой языкъ переводилъ, потомъ одошелъ къ фортепiano и положилъ на пюпитръ передъ Лидіей вѣтныи листокъ, рѣзко отчеркнутый ногтемъ.

— Теперь мнѣ все ясно,—проговорилъ Ричардъ очень тихо.— отъ за кого ты молилась сегодня утромъ... Цвѣты были для него е, вѣроятно?

Лидія подняла на мужа прелестные, испуганные глаза.

— О, Ричардъ!...

Она продолжала играть, а слезы крупными каплями падали на клавиши, движеніе рукъ замедлилось. Наконецъ, Лидія порывисто встала.

— Я все скажу... пойдемъ!

— Куда же вы, дѣти?—крикнула удивленная мать, но они же вышли изъ комнаты.

Въ слѣдующее воскресенье, передъ началомъ обѣдни, Наполеонъ Мериве, украшенный папскимъ орденомъ, встрѣчалъ на порогѣ своей церкви всѣхъ входящихъ подобающими ихъ общественному положенію привѣтами и былъ удивленъ и обрадованъ, уви-

*) *Engadine*, по-вѣмецки *Инталь*,— въ Швейцаріи, долина верхняго теченія р. Инна.

давши приближающагося Ричарда подъ руку съ женою, — его «милым маленькимъ Мендельсономъ», — одѣтою во все голубое, какъ святая патронесса церкви, изображенная на стеклѣ. Когда они вѣдиди въ церковь, голуби, похлопывая крыльями, вились надъ елокольней, а добрый старикъ, улыбающійся и довольный, на этотъ разъ поклонился немного ниже обыкновеннаго, съ нѣжными и счастливымъ жестомъ привѣта.

M. P.

Изъ литературной переписки Кавелина *).

(1847—1884 гг.).

XI.

Графъ М. А. Корфъ.

(Р. 11 сентября 1800 г. † 2 января 1876 г.)

Товарищъ по лицу Пушкина, извѣстный организаторъ Императорской публичной библіотеки и въ особенности ея отдѣленія *Russica* (иноязычныхъ книгъ о Россіи) и государственный дѣятель царствованія Александра I, управляющій II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а затѣмъ предсѣдатель департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ,—баронъ, впоследствии графъ, М. А. Корфъ примыкаетъ къ кругу литераторовъ своими библиографическими работами и историческими трудами, изъ которыхъ важнѣйшими являются *Восшествіе на престолъ Императора Николая I* (Спб., 1857 г.) и *Жизнь гр. Сперанскаго* (Спб., 1861 г.). Письмо графа Корфа къ Кавелину вызвано статьей Константина Дмитриевича: *Что желательно для Россіи, Новаго свода или Уложенія?* помещенной въ *С.-Петербург. Вѣдомостяхъ* 1863 г., № 223.

Царское Село, 10 октября 1863 г.

Милостивый государь Константинъ Дмитриевичъ!

Съ живымъ удовольствіемъ, скажу—наслажденіемъ, прочелъ я вѣроятно дня статью вашу въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, только же зрѣло обдуманную и глубокую по содержанию, сколько мастерскую по изложенію. Не могу не сознаться, что въ этомъ частвовала и доля польщеннаго самолюбія: во взглядахъ печатнаго нашего ученаго и публициста встрѣтилась мнѣ не одна точка прикосновенія съ моими собственными, хотя мы никогда не имѣли случая сообщаться объ этомъ предметѣ. Въ моей *Жизни Сперанскаго* вы изволите найти (т. II, стр. 320—325) критику Свода,

*) *Русская Мысль* 1892 г., кн. X.

на которую я считалъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что едва ли на цѣлая треть его (въ первомъ изданіи) принадлежала мнѣ самому, и хотя, по цѣли и объему моего труда, эта критика представляетъ однѣ только главныя, основныя черты, однако же, и въ ней есть кое-что соотвѣтственное вашимъ замѣчаніямъ. Но другой, болѣе обширный анализъ творенія нашего Трибониана содержится и трехъ запискахъ о нашей кодификаціи, которыя я подавалъ Государю еще въ маѣ прошлаго года. Позволяю себѣ приложить ихъ здѣсь, для личнаго вашего свѣдѣнія, въ надеждѣ, что, при сродности съ любимымъ предметомъ вашихъ занятій, онѣ не будутъ лишни для васъ нѣкотораго интереса. Долгомъ только считаю предварить, что все это, покаместъ, одна мертвая буква. Записки разсматривались въ совѣтѣ министровъ, разсматривались потомъ каждымъ министромъ отдѣльно (для нихъ онѣ единственно и напечатаны); все еще разсматриваются, найдя, подобно большей части дѣлъ человѣческихъ, и поборниковъ, и противниковъ. Но, главное, преполюженія, въ нихъ заключающіяся, еще далеки отъ осуществленія. А, между тѣмъ, несмотря на всѣ планы для *будущаго*, я, в *настоящемъ*, вынужденъ былъ уступить единодушнымъ настояніямъ практики и людей, выросшихъ и воспитавшихся на Сводѣ на-дняхъ выйдетъ новое его продолженіе, опять-таки по прежней системѣ, съ тою, впрочемъ, выгодною, что это новое продолженіе— работа, огромность и трудность которой замѣтять и оцѣнять только подобныя вамъ эксперты,—обниметь и замѣнить собою всѣ вышедшія донинѣ съ изданія Свода 1857 года.

Примите, милостивый государь, свидѣтельство совершеннаго моего почтенія и преданности.

Баронъ М. Корфъ.

ХІІ.

М. Б. Чистяковъ.

(Род. 1809 г. † 23 сентября 1885 г.)

Извѣстный педагогъ, издававшій одинъ изъ лучшихъ нашихъ дѣтскихъ журналовъ *Журналъ для дѣтей* (1851—1865 гг.) и напечатавшій потомъ цѣлый рядъ книгъ для чтенія дѣтей и юношества, Михаилъ Борисовичъ Чистяковъ познакомился съ Е. Д. Кавелинымъ, вѣроятно, въ то время, когда послѣдній служилъ по военно-учебнымъ заведеніямъ (1850—1857 гг.) такъ какъ въ началѣ 50-хъ годовъ Чистяковъ былъ преподавателемъ въ Павловскомъ военномъ училищѣ и въ специальныхъ классахъ дворянскаго полка. Записка его къ Кавелину, относящаяся уже къ тому времени, когда Чистяковъ занималъ мѣсто предсѣдателя учебнаго комитета по учрежденію

къ Императрицы Маріи, заключаетъ въ себѣ всего нѣсколько строкъ, но весьма характерна: она ярко выражаетъ ту сердечность, душевную теплоту скромность, которыми отличался М. Б. Чистяковъ.

17 сентября 1875 г.

Глубокоуважаемый Константинъ Дмитриевичъ!

Хоть стыдно посылать вамъ свою школьную мелочь, но дѣлать нечего: душа требуетъ, чтобы чѣмъ-нибудь выразить питаемые къ вамъ чувства; вѣдь, подносили-жъ греки женѣ Оттона букетъ картофельныхъ цвѣтовъ.

Вашъ преданнѣйшій слуга
М. Чистяковъ.

ХІІІ.

И. А. Гончаровъ.

(Рох. 6 іюня 1812 г. † 15 сентября 1891 г.)

И. А. Гончаровъ въ извѣстной статьѣ: *Нарушеніе воли* (напеч. въ *Вѣстникъ Европы* 1889 г., мартъ, стр. 71—90) категорически выказался противъ опубликованія послѣ его смерти какихъ-либо литературныхъ его произведеній, не напечатанныхъ, имъ при жизни, или какихъ, на которыя онъ не передалъ права изданія, въ томъ числѣ и его писемъ. Основаніемъ для такого завѣщанія нашего знаменитаго писателя послужило дѣйствительно весьма, къ сожалѣнію, у насъ нечуждое явленіе: не только безцеремонное изданіе послѣ умершаго писателя разныхъ мелочныхъ его записочекъ и замѣтокъ, не предназначавшихся для печати и не имѣющихъ существеннаго значенія для его литературной біографіи, но и оглашеніе совершенно интимныхъ, домашнихъ и дружескихъ его отношеній, не подлежащихъ достоянію публики... «Въ письмахъ моихъ нѣтъ ничего дѣльнаго, серьезнаго, глубокаго, какъ, напримѣръ, въ письмахъ Кавелина, Крамского,—говоритъ Гончаровъ въ статьѣ своей *Нарушеніе воли*,—не пѣнятся они и тою игрой блеска, остроумія, таланта, какъ письма Пушкина, Тургенева,—словомъ, нѣтъ даже почти ничего касающагося литературы. Это безцеремонная болтовня съ пріятелями, пріятельницами, рѣдко съ литературами, иногда, можетъ быть, живая, интересная для тѣхъ только, къ кому писалась, и въ то время, когда писалась. У меня есть своего рода «ридеи» являться на позоръ свѣту съ такимъ слабомъ. И я прошу пощады этому чувству, т.-е. *ридеи*» *).

Такова основная точка зрѣнія творца *Обломова* на запретъ печатать его письма. Но въ той же статьѣ Гончаровъ одобрительно отзывается объ извлеченіяхъ изъ писемъ Кавелина, которыя помѣщены мною въ *Вѣстникъ Европы* (1886—1888 гг.), потому что въ нихъ исключено все, что

*) *Вѣстникъ Европы* 1889 г., мартъ, стр. 96.

имѣть чисто-семейный интересъ. «*Письма безупречны въ этомъ отноше-
ніи*,—говоритъ Гончаровъ.—Видѣ обще-интересныхъ вопросовъ, отвѣды
только мѣсто нѣжной любви Кавелина къ его дочери, въ своемъ очеркѣ
бывшей извѣстною въ петербургскомъ педагогическомъ мірѣ. Остальное
все въ его письмахъ всецѣло просится въ свѣтъ, въ публику, въ литер-
атуру: все писано будто не къ одному кому-нибудь, а ко всѣмъ» *).

Г-нъ М. С., авторъ некролога Гончарова въ октябрьской книгѣ *Вѣст-
ника Европы* за 1891 г., лицо, какъ видно, весьма близкое и къ Гонча-
рову, и къ редакціи *Вѣстника Европы*, заявляетъ, что впоследствии Гон-
чаровъ сдѣлалъ нѣсколько уступокъ въ своемъ запретѣ обнародовать ея
письма и что эти уступки сдѣланы имъ именно вслѣдствіе только что на-
веденнаго одобрительнаго его отзыва объ изданіи писемъ Кавелина. Гонча-
рову было указано на противорѣчіе между этимъ отзывомъ и запретомъ
и въ отвѣтъ на такое указаніе онъ писалъ: «и теперь повторю, что *не
слѣдуетъ издавать лишнее въ письмахъ, что мало интересно для всѣхъ*» **).
«Вотъ что, слѣдовательно, составляетъ существо мысли Гончарова»,—дѣ-
лаетъ выводъ изъ его завѣщанія о «нарушеніи воли» г. М. С.

Вполнѣ раздѣляя такой выводъ и основываясь на отзывѣ самого Гон-
чарова о напечатанныхъ мною извлеченіяхъ изъ писемъ Кавелина, я убѣ-
денъ, что не нарушаю воли знаменитаго нашего писателя, не оскорбляю
его памяти и его чувства *ridetur*, печатая два (только и сохранившіяся)
его письма къ Кавелину. Читатели сами оцѣнятъ ихъ по достоинству: въ
какой мѣрѣ они интересны въ общемъ отношеніи и правъ ли Гончаровъ,
уменьшая значеніе своихъ писемъ, по сравненію ихъ съ письмами Кавелина,
Крамского, Пушкина и Тургенева.

Оба письма писаны въ Петербургѣ, по поводу вышедшей въ 1872 г.
отдѣльнымъ изданіемъ книги Кавелина *Задачи психологіи*, и интересны
во-первыхъ, по воззрѣніямъ Гончарова на эту книгу, во-вторыхъ, по от-
ношеніямъ его къ Кавелину и, въ-третьихъ, по общему ихъ тону, столь же
скромному, какъ все, что говоритъ о себѣ одинъ изъ величайшихъ рус-
скихъ писателей XIX в.

27 мая 1872 г.

Вы не можете себѣ представить, достойнѣйшій и почтеннѣйшій
Константинъ Дмитриевичъ, какъ я тронутъ присылкою мнѣ превос-
ходнаго вашего труда, который я цѣню высоко, насколько позво-
ляетъ мнѣ мое скудное разумѣніе его достоинствъ.

Независимо отъ капитальныхъ качествъ въ литературномъ и
ученомъ отношеніи, я, — да и всѣ друзья истиннаго и прочнаго
прогресса и просвѣщенія, — смотрю на него, какъ на смѣлый и бла-
городный опытъ поворотить русскую мысль и науку съ ея побоч-
наго и односторонняго пути на широкій, всесторонній и прямой

* Ibid., стр. 80.

** *Вѣстникъ Европы* 1891 г., октябрь, стр. 864.

гуть, и возвратить и ей, и вообще человѣку то начало, котораго хотѣлъ лишить ихъ крайній и односторонній матеріализмъ и утилитаризмъ.

Публика встрѣтила вашу книгу сочувственно: надо надѣяться, то и критика воздастъ ей должное, развѣ что не всякому критику по плечу одолѣть широту вашей задачи.

Съ какою бы радостью я взялъ на себя трудъ быть истолкователемъ въ печати силы, строгости и *необходимости* вашей книги, также какъ и блистательнаго исполненія, если бы хоть немного болѣе былъ знакомъ вообщемъ съ литературою этого предмета!

Но я боюсь, что изъ-подъ моего пера не вышло бы ничего, кромѣ поверхностной диллетантской оцѣнки, а вашъ трудъ долженъ быть оцѣненъ глубоко и серьезно, какъ глубоко и серьезно онъ заманъ и исполненъ.

Не зная, въ городѣ ли вы и гдѣ вы живете, я прошу М. М. Утасюлевича препроводить къ вамъ эти мои строки, въ которыхъ юспѣшаю выразить вамъ мою благодарность и чувства всегдашняго къ вамъ уваженія и преданности.

И. Гончаровъ.

Не рѣшаюсь препровождать вамъ теперь же моей послѣдней книги *), чтобы не ставить рядомъ серьезнаго съ несерьезнымъ, но при встрѣчѣ когда-нибудь, надѣюсь, вы примете радушно и мой громадный трудъ.

26 октября 1873 г.

Я радъ отмѣнѣ вашего намѣренія придти на rendez-vous въ Hôtel de France, глубокоуважаемый Константинъ Дмитриевичъ, это была бы слишкомъ большая жертва съ вашей стороны моему любознанию. Мнѣ вообще очень совѣстно заманивать васъ, отнимая у васъ время, въ нескончаемый лабиринтъ вопросовъ, которые неминуемо мечетъ за собой появленіе такой книги, какъ ваша. Повторю, что и смотрю на нее, какъ на смѣлый и блистательный шагъ въ дѣлѣ, которому вы справедливо предвидите и предсказываете возрожденіе и неоспоримое господство навсегда. Мнѣ совѣстно, говорю я, потому что, сочувствуя живѣйшимъ образомъ вашему прекрасному труду, и бесѣдую съ вами, какъ простой, праздный диллетантъ, а не какъ противникъ, поединокъ съ которымъ могъ бы быть вамъ полезенъ, какъ, напримѣръ, въ печатной полемикѣ съ вашими, болѣе или менѣе хорошо вооруженными по этой части, критиками.

Будьте же снисходительны къ моимъ вопросамъ и смотрите на

*) О какой книгѣ говоритъ Гончаровъ, мнѣ неизвѣстно.

меня въ этомъ случаѣ, какъ на Гоголевскаго козака, которому все хочется узнать: «то ли дьякъ въ церкви читаетъ, чему въ бурсѣ учать».

Я въ настоящую минуту вновь просматриваю ваши *Этюд* или *Задачи* и останавливаюсь особенно на главѣ о *мысли*, на которую вы указали въ послѣдній разъ, а потомъ на *закл-ченіи*.

Я очень, очень буду радъ, если въ понедѣльникъ, у Михаила Матвѣича *), или когда-нибудь въ другое время, гдѣ бы то ни было, à vos moments perdus, вы снисходительно прислушаетесь къ нѣкимъ *созерцательнымъ* предположеніямъ, сомнѣніямъ, вопросамъ, вообще анализу, и не откажетесь снисходительно отвѣчать на нихъ. Снисхожденіе въ такихъ случаяхъ — хорошее качество, признакъ силы.

Въ ожиданіи пріятнаго свиданія, будьте увѣрены въ моегъ неизмѣнномъ уваженіи.

И. Гончаровъ.

XIV.

М. Е. Салтыковъ.

(Род. 15 января 1826 г. † 28 апрѣля 1889 г.)

Оба письма Салтыкова относятся къ прекращенію въ 1884 г. изданія *Отечественныхъ Записокъ*, конкъ онъ былъ въ то время редакторомъ. Кавелинъ не раздѣлялъ всѣхъ воззрѣній «молодыхъ литераторовъ», группировавшихся въ этомъ изданіи, но былъ постояннымъ и самымъ искреннимъ почитателемъ общественной сатиры Салтыкова-Щедрина. Знаменитый нашъ сатирикъ находился съ Кавелинымъ въ близкихъ отношеніяхъ, что можно заключить изъ шутиваго тона перваго письма, въ которомъ Салтыковъ помѣщаетъ Кавелина въ число «попехонскихъ литераторовъ».

Кавелинъ былъ очень взволнованъ прекращеніемъ *Отеч. Зап.*, потому что всегда стоялъ за полную свободу печатнаго слова и непривосновенность прессы. Воззрѣнія Кавелина на прекращеніе *Отечественныхъ Записокъ* извѣстны мнѣ изъ личныхъ съ нимъ бесѣдъ и изъ имѣющагося у меня его письма къ одному очень близкому ему человѣку. Повидимому, тѣ же мысли, сочувственныя Салтыкову по поводу закрытія его журнала, были высказывалъ Кавелинъ мнѣ и излагалъ въ названномъ письмѣ, онъ сообщилъ письменно и Салтыкову въ отвѣтъ на его первое письмо. Это видно изъ втораго письма Салтыкова, въ которомъ онъ прекрасно характеризуетъ свое тогдашнее душевное настроеніе и взглядъ на свои отношенія къ «ча-

*) Стасюлевича, редактора и издателя *Вѣстника Европы*.

ателью». Литературные замыслы Салтыкова, о которых онъ упоминаетъ въ концѣ второго письма, осуществились вскорѣ: это всѣмъ извѣстныя—*Топехонская старина* и *Сказки*.

4 мая (1894 г.).

Многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ!

Разница между покойнымъ Тургеневымъ и прочими пошехонскими литераторами (я испыталъ ее теперь на собственной шкурѣ) слѣдующая: если бы литературнаго собрата постигла бы такая же непостижимость, какая, напримѣръ, меня постигла, Тургеневъ непремѣнно отозвался же (бы?). Прочіе же пошехонскіе литераторы (наприм., Гончаровъ, Бавелинъ, Островскій, Т.....) читаютъ небылицы въ лицахъ и, распахнувъ ротъ, думаютъ: какъ это еще насъ Богъ спасъ!

М. Салтыковъ.

12 мая (1894 г.), Петербургъ.

Многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ!

Письмо ваше глубоко меня тронуло и утѣшило. Не ради удовлетворенія пустому тщеславію я ожидалъ нѣкоторыхъ заявленій, а ради убѣжденія, что Пошехонье не все сплошь переполнено пошехонцами. Въ сожалѣнію, это убѣжденіе и теперь не составилось.

.....

Что касается лично меня, то меня, прежде всего, поражаетъ (и до сихъ поръ не могу освоиться) то обстоятельство, что я лишень возможности ежемѣсячно бесѣдовать съ читателемъ. При моей старости и недугахъ, это только утѣшеніе и оставалось мнѣ. Живу я совершеннымъ нелюдимомъ, почти никого не вижу, никуда не выѣзжаю, чувствуя, что я вездѣ буду въ тягость. Одинъ ресурсъ у меня оставался—это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренно и горячо любилъ, съ нимъ однимъ не стѣснялся. И,—не припишите это самоинѣнію,—мнѣ казалось, что эта отвлеченная персона тоже меня любитъ, и именно потому любитъ, что и я для нея «отвлеченная персона». Можетъ быть, приди въ личное со мною сопрікосновеніе, читатель былъ бы не совсѣмъ удовлетворенъ большимъ и брюзжащимъ старикомъ; но издали и при посредствѣ мысли общеніе выходило свободное и отъ болѣзни, и отъ брюзжаній. Я даже убѣжденъ, что если бы меня запереть наглухо, оставивъ въ моемъ распоряженіи только «читателя», я былъ бы вполне счастливъ, даже счастливѣе, нежели въ обществѣ людей. Довольно я понатерся между ними, взявъ отъ нихъ что могъ и что могъ возвратить.

Теперь у меня все это отняли.

Дѣятельность моя такъ сложилась, что переламывать ее на другой манеръ потребуетъ не мало времени. Хотя я давно задумывалъ написать большую бытовую картину (цѣлое «житіе»), но полагалъ приступить къ этому позднѣе. Думалъ, что въ концѣ 1885 года покончу съ *Отеч. Зап.* добровольно и засяду. Теперь приходится сдѣлать ломку, а удастся ли она — не знаю. Голова до сихъ норъ полна совсѣмъ другимъ и, между прочимъ, сказками, которыя задумано, а отчасти и написано до 30 штукъ. Надобно отказаться отъ этой книги, которая не повредила бы мнѣ...

Прощайте. Еще разъ благодарю за сочувственное письмо и крѣпко жму вашу руку.

М. Салтыковъ.

равнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда *).

(Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ).

v.

Закономъ 7 мая 1878 г. изъ вѣдѣнія присяжныхъ изъяты были наибѣе важныя дѣла о сопротивленіи власти, но указомъ 11 мая 1882 г. огія изъ нихъ вновь перешли къ присяжнымъ. Правда, законъ 5 апрѣля 1879 г. и общее положеніе 4 сентября 1881 г. (2 примѣчаніе къ 1031 уст. угол. суд., отмѣненное въ 1889 г.) объ «усиленной и чрезвычайной охранѣ» опять изъяли изъ компетенціи присяжныхъ дѣла объ ійствѣ, покушеніи на убійство и о всякаго рода насильственныхъ дѣйствіяхъ *противъ должностныхъ лицъ*, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, подчинивъ ихъ «особому присутствію» съ сословными представителями или военнымъ судамъ; въ обоихъ случаяхъ эти изыятія носили *временный* характеръ, были вызваны тѣми чрезвычайными условіями, которыя переживались въ то время государствомъ (извѣстно, что и въ австрійскомъ судопроизв. уставѣ 1873 г. имѣется особый порядокъ производства «Standrechtliches Verfahren» и аналогичныхъ обстоятельствъ). Это признано въ указѣ 1881 г., который констатировалъ «печальную необходимость допустить *на время* чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полного спокойствія и искорененія крамолы», но торжественно провозглашаетъ неизблемость новыхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія, въ которыхъ узакъ видить «наиболѣе прочный залогъ благоденствія и прелѣянія отечества». Въ виду временности этихъ мѣръ и прекращенія вышедшей ихъ крамолы, законъ 7 іюля 1889 г. явился неожиданностью; это слѣднее свойство онъ получаетъ въ еще болѣеи степени въ виду его содержанія. Дѣйствительно, окончательно отошли въ вѣдѣнія судебныхъ палатъ «съ словными представителями»: 1) всѣ вышеуказанныя дѣла (ст. 201 уст. по суд. 1890 г.), если они сопряжены съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или

*) Русская Мысль, кн. I.

всѣхъ особенныхъ правъ, 2) *всѣ вообще преступленія по должности* если за нихъ назначаются вышеуказанныя правопораженія, въ томъ же и служебныя преступленія лицъ, служащихъ въ общественныхъ и частныхъ банкахъ (ст. 1154—1155 уложенія), 3) *важнѣйшія преступленія противъ порядка управленія*, именно, вся I-я глава раздѣла IV уложенія т.-е. всякаго рода возстанія противъ властей, сопротивленія распоряженіямъ правительства и неповиновеніе властямъ (ст. 263, 272, 274 уложенія), а также различнаго рода оскорбленія присутственныхъ мѣстъ и новиковъ (стт. 276, 282 и 286 улож.); 4) цѣлый рядъ другихъ дѣлъ разбросанныхъ по разнымъ раздѣламъ нашего уложенія, но которыя все связаны между собою одною общою идеей, особою заинтересованности государства, которое является въ нихъ стороною потерпѣвшей (стт. 304, 315, 618, 633, 755, 756, 823, 824, 830, стт. 1143—1144); 5) цѣлая группа преступленій, именуемыхъ обыкновенно «общепопасными» (стт. 1083—1085, 1140, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262); 6) одно преступленіе противъ юза брачнаго—двоеженство (ст. 1554 улож.); 7) наконецъ, всѣ преступныя дѣянія, которыя влекутъ за собою одно лишь лишеніе «нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ»; всѣ они, будучи изъяты изъ вѣдѣній присяжныхъ, переданы *коронному суду безъ участія сословнаго представителя*. Такимъ образомъ, къ суду чисто-коронному или смѣшанному отошло множество дѣлъ, значительно урѣзавшихъ вѣдомство присяжнаго суда.

Разбираясь въ существѣ этихъ 7 группъ изъятій, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Изъятія, указанныя въ пунктѣ 7, могли бы быть объяснены и оправданы желаніемъ облегчить трудъ присяжныхъ освобожденіемъ ихъ отъ разсмотрѣнія дѣлъ *сравнительно* маловажныхъ, въ которыхъ законъ облагаетъ средними исправительными наказаніями. За вѣдѣніемъ одного англійскаго права, всѣ современныя законодательства называютъ присяжныхъ къ разсмотрѣнію однихъ *наибольше тяжкихъ преступленій* (Франція, Бельгія, Италия, Австрія и Германія). Но законъ 1-го іюля 1889 г. не отличается послѣдовательностью. Онъ нарушаетъ основное начало судебныхъ уставовъ (подвѣдомственность присяжнымъ преступленій, влекущихъ за собою *правопораженія*), такъ какъ лишеніе «нѣкоторыхъ правъ»—тоже правопораженіе, и по нѣкоторымъ юридическимъ соображеніямъ послѣдствіямъ довольно серьезное; поэтому, было бы справедливымъ передавая такія дѣла коронному суду, отнять у него право назначать лишеніе «нѣкоторыхъ правъ», или же, по аналогіи, подчинить ихъ вѣдѣнію окружныхъ судовъ съ сословными представителями, если законотворецъ вѣрилъ въ необходимость привлеченія народнаго элемента къ участию въ уголовномъ судѣ, какъ это признано имъ для другихъ дѣлъ, переданныхъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ «съ сословными представителями». Если же желалъ лишь замѣнить одну форму этого участія (въ конструкціи суду присяжнаго) другою, признаваемою имъ за болѣе цѣлесообразною. По отношенію къ пункту 6 (ст. 1554 улож.) должно сказать, что изъятіе «двое-

ненства» не оправдывается ни основною мыслью законодателя, которую можно, хотя и съ нѣкоторыми усиліями, подмѣтить въ изъятіяхъ, установленныхъ въ нѣкоторыхъ изъ предъидущихъ группъ, ни соображеніями целесообразности, насколько послѣднія опираются на судебномъ опытѣ. Явившись, правда, нѣсколько оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ о двоеженствѣ, удивившихъ и возмутившихъ всѣхъ тѣхъ, которые или тенденціозно относились къ суду присяжныхъ, требовали отъ него одной формальной правды, или же не вникали хорошо въ дѣла, окончившіяся оправданіемъ (Гр. Джаншиевъ: «Основы судебной реформы», 1891 г., стр. 243—44). Нѣкоторые голоса указывали на гражданскія послѣдствія (для законности брака, дѣтей и для наслѣдованія), иногда совершенно негѣпныя, которыя проистекали изъ оправдательныхъ вердиктовъ, игнорировавшихъ юридически установленный фактъ перваго, законнаго брака. Но оправдательные вердикты, иногда несправедливые, а иногда лишь несогласные съ формальною правдою, появлялись и по дѣламъ объ убійствахъ, поджогахъ и проч. не менѣе опасныхъ преступленіяхъ; несообразныя гражданскія послѣдствія могутъ произойти и отъ оправдательныхъ вердиктовъ съ другихъ преступленіяхъ; отъ нихъ не вполне гарантированы ни суды съ сословными представителями, ни суды коронныя. Весь вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, какъ должно дорожить больше—формальною или матеріальною правдою, и что целесообразнѣе для правопорядка—первая или вторая? Наконецъ, всѣ затрудненія могутъ быть, по нашему мнѣнію, совершенно устранены раздѣленіемъ вопроса о доказанности событія преступленія отъ вопроса о виновности подсудимаго: здравый смыслъ и чутье внутренней правды въ дѣлѣ, столь характеризующіе присяжныхъ, давали имъ по многимъ дѣламъ полную возможность оправданія подсудимаго, съ признаніемъ факта преступленія и, слѣдовательно, уничтоженія пагубныхъ его гражданскихъ послѣдствій (напримѣръ, подложности векселя или завѣщанія). Коронный судъ могъ бы, на основаніи такого раздѣленія вопросовъ при обвиненіяхъ о двоеженствѣ, опредѣлять гражданскія юридическія послѣдствія такихъ вердиктовъ.

Что касается пятой группы преступныхъ дѣяній, то отдѣльныя статьи наказанія, исключаящія вѣдомство присяжныхъ, внесены въ законъ 1889 г. *юрие случайно*, безъ достаточнаго соотношенія съ важною вредо, съ действительною опасностью отдѣльныхъ дѣяній или съ особыми интересами государства или общества въ ихъ преслѣдованіи и наказаніи. Такъ,ряду съ серьезными преступленіями «желѣзно-дорожными» (ст. 1083—1086 улож.), изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ и дѣла о «непріятіи корабльщиками или штурманами мѣръ для предупрежденія побѣга арестанта», а равно и оставленіе ими пассажира «на пустынномъ морскомъ берегу»; а важныя преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя въ ст. 1519 и 1520 улож. (умышленное поставленіе челоуѣка въ опасность), караемыя наравнѣ съ умышленнымъ лишеніемъ жизни (по ст. 1454 и 1458 улож.), оставлены за присяжными. Равнымъ образомъ непонятно, почему «оставленіе машинистомъ

паровоза въ виду угрожающей опасности» или «штурманомъ и корабельщикомъ» своего корабля при тѣхъ же условіяхъ являются «общими дѣянiями», которыя не могутъ быть довѣрены благоразумію и доброму общественному инстинкту присяжныхъ, и почему именно судъ присяжныхъ заслуживаетъ такого довѣрія при постановленіи ими приговоровъ по преступленіямъ тоже общеопаснымъ и не менѣе важнымъ, вродѣ, напримѣръ, предусмотрѣнныхъ ст. 1453, п. 1 (убійство чрезъ поджогъ обитаемаго зданія, чрезъ прорваніе плотины, потопленіе, порчу мостовъ и т.д.) при которыхъ можетъ погибнуть множество людей, или вродѣ дѣяній предусмотрѣнныхъ въ ст. 1607 (части 5, 6 и 7) и ст. 1608 улож. (поджогъ при особенно отягчающихъ обстоятельствахъ). Еще менѣе объяснимо клятiе изъ вѣдѣнія присяжныхъ нерадѣнія служащихъ на желѣзной дорогѣ (ст. 1085 улож.), за которое наказаніе можетъ испуститься до тѣхъ поръ заключенія, тогда какъ ужаснѣйшее преступленіе (ст. 1082 улож.)—умышленная порча желѣзной дороги съ намѣреніемъ причинить крушеніе поезда съ наказаніемъ безсрочною каторгой, довѣрено присяжнымъ (*Джаншиевъ ibidem*, стр. 235). Вѣрно и другое замѣчаніе г. Джаншиева: большинство изъ «общеопасныхъ» преступленій, переданныхъ въ вѣдомство судебной палаты съ сословными представителями, могло встрѣчаться у насъ крайне рѣдко (*ibidem*, стр. 233), почему и нельзя было вывести опредѣленнаго заключенія ни о томъ, какъ относятся къ нимъ наши присяжные, ни о силѣ ихъ репрессіи. Слѣдовательно, не было и основаній не доверять присяжнымъ и постановленія закона 1889 г. носить здѣсь характеръ случайности.

До извѣстной степени то же можно сказать и о четвертой группѣ. Нельзя отрицать, что отнесенныя въ нее дѣянiя связаны между собою одною обладающею идеей, такъ какъ потерпѣвшимъ является въ нихъ, главнымъ образомъ, *государство*. Но основная идея не выдержана и допущенныя изъ нея опять же носятъ характеръ случайности и нѣкотораго произвола: какіе дѣянiя того же рода, въ которыхъ интересы и авторитетъ государственной власти затронуты очень серьезно, остаются за присяжными, какъ, напримѣръ, подлогъ указовъ правительствующаго сената (ст. 292 улож.), поддѣлка большой государственной печати (ст. 295 улож., съ наказаніемъ даже казною безъ срока), кредитныхъ билетовъ (стт. 571—573 и слѣд. улож.), простое истребленіе казенной печати или вещей, ею опечатанныхъ (ст. 304 улож.), дѣла о противодѣйствіи поимкѣ арестантовъ (ст. 315 улож.), и раемыя обыкновенно лишь арестантскими ротами или ссылкой на нихъ по 31 ст. улож., переданы судебной палатѣ съ сословными представителями. Трудно уяснить себѣ, въ чемъ заключается *руководящая мысль* и кона и почему можно опасаться легкомысленныхъ вердиктовъ, не принимающихъ во вниманіе государственныхъ интересовъ, при обвиненіяхъ по 304 и 315 ст. улож., и не должно страшиться подобнаго же отношенія присяжныхъ къ обвиненіямъ еще болѣе серьезнымъ по стт. 292, 295 и 571 уложенія. Случается даже, что преступныя дѣянiя одного и того же рода

осагающія на одно благо, распредѣляются между тѣмъ и другимъ судомъ: акъ, противодѣйствіе при поимкѣ арестантовъ отходить въ вѣдомство алаты, а *насмѣшественное* освобожденіе арестантовъ (ст. 308), облагаемое оубѣ серьезнымъ наказаніемъ, попрежнему, подлежитъ вѣдѣнію присяжныхъ (*Джаншиевъ, ibidem, стр. 234—235*).

Къ аналогичнымъ заключеніямъ можно прійти и относительно дѣяній второй и третьей группъ. Въ значительной степени вѣрно, что преступленія противъ порядка управленія наиболѣе приближаются къ чисто-государственнымъ, оторыя были изъяты изъ компетенціи присяжныхъ въ первой редакціи удобныхъ уставовъ (20 ноября 1864 г.); замѣчали также, что преступленія по должности, какъ обладающія нѣкоторыми специальными свойствами, требуютъ для правильной ихъ оцѣнки и справедливаго приговора, мущаго охранять интересы государственной службы, особо умѣлаго и всеторонняго отношенія къ нимъ со стороны судящихъ; послѣдніе должны ыть подготовлены къ ихъ пониманію и къ установленію правильного соотношенія между интересами личности и государственной службы, страдающей отъ этихъ преступленій. Но въ такомъ случаѣ дѣлу правосудія, при уженіи преступленій второй и третьей группъ, можно привести помощь призваніемъ «специальныхъ присяжныхъ». Во всякомъ случаѣ, *не доказано*, тобы наши сословные представители болѣе удовлетворяли вышеуказаннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ судьямъ, рѣшающимъ эти дѣла: ихъ могутъ, и то лишь до извѣстной степени, удовлетворять гг. предводители, въ гораздо въ меньшей степени—городской голова, а волостной старшина—лишь по фикціи закона, почти никогда неосуществимой на практикѣ. *Не доказано* также, тобы даже обыкновенные присяжные были неспособны *въ большинствѣ случаевъ* серьезно относиться къ важнѣйшимъ изъ дѣлъ обѣихъ категорій, дѣйствительно заслуживающихъ строгой репрессіи. Ошибочные приговоры ихъ *по нѣкоторымъ* дѣламъ этого рода—*исключительная явленія*. Причинами ихъ часто являлись вовсе не неспособность присяжныхъ къ охранѣ нарушаемыхъ этими дѣяніями особыхъ благъ и специальныхъ интересовъ государственной власти и службы, не легкомысленное отношеніе къ интересамъ, не имѣющимъ прямой и видимой связи съ правами частныхъ лицъ, нарушаемыми обыкновенными преступленіями, а все тѣ же *общія* причины нашихъ дѣйствительно или только формально неправильныхъ вердиктовъ, давно выясненные въ нашей литературѣ. Къ этимъ общимъ причинамъ приплетаются иногда разныя *случайности*, вродѣ чрезвычайно исключительнаго и «несчастнаго» состава жамьи присяжныхъ по данному дѣлу, особеннаго въ данный моментъ настроенія общественнаго мнѣнія, не встрѣтившаго отпора въ хорошемъ руководствѣ со стороны короннаго суда, и т. п. Мы увидимъ ниже, что и судъ съ сословнымъ представительствомъ приходитъ при сужденіи этихъ дѣлъ къ результатамъ весьма близкимъ къ тѣмъ, которые даетъ судъ присяжныхъ. Относительно изъятій изъ этихъ двухъ группъ тоже можно замѣтить, что въ нихъ вошло не мало статей, примѣнявшихся на практикѣ

весьма рѣдко, слѣдовательно, нельзя было придти ни къ какому опредѣленному заключенію ни о силѣ репрессіи присяжныхъ, ни о степени серьезности отношенія ихъ къ дѣламъ этого рода, почему и недоверіе къ суду присяжныхъ основано и здѣсь на однихъ гадательныхъ предположеніяхъ. Такова, напримѣръ, ст. 1144 улож.—поврежденіе телеграфа съ намереніемъ приостановить правительственную корреспонденцію или насильственное сопротивленіе массъ при провозѣ соли, краденаго мяса или при поимкѣ преступниковъ. И весьма сомнительно, чтобы нашимъ присяжнымъ пришлось когда-либо рѣшать дѣло о «вооруженномъ сопротивленіи массъ обнародованію высочайшихъ указовъ». (*Джанниевъ*, *ibidem*, стр. 233). А что среди преступленій служебныхъ и противъ порядка управленія не такъ самыхъ пустыхъ, не требующихъ никакой «серьезной репрессіи», необходимостью которой можно было бы оправдать передачу такихъ дѣлъ суду палаты, можно убѣдиться на всякомъ шагѣ: каждая сессія палаты съ сословнымъ элементомъ приноситъ съ собою рядъ дѣлъ настолько незначительныхъ (оканчивающихся нерѣдко весьма ничтожными результатами), что самое разсмотрѣніе ихъ этимъ судомъ вызываетъ общее недоумѣніе. Такъ, недавно харьковская палата судила волостного старшину, который обвинялся въ томъ, что, отказавъ крестьянину въ разрѣшеніи открыть въ селѣ увеселенія въ видѣ «качель» безъ внесенія установленнаго сбора въ пользу учрежденія Императрицы Маріи, взялъ съ него 30 к. сер. «мзды», послѣ чего и допустилъ открытіе «качель»; подсудимый былъ обвиненъ и приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности и къ штрафу въ 60 к. сер. Такихъ примѣровъ можно бы привести не мало, а изъ разряда дѣлъ о «сопротивленіи и ослушаніи властямъ» многія поражаютъ своеобразными бытовыми условіями обстановки и ничтожностью тѣхъ дѣйствій, въ которыхъ проявлялся «составъ преступления». Удивительно ли, что многія такіа дѣла оканчиваются оправданіемъ или наложеніемъ легкихъ взысканій (арестъ, тюрьма), т.-е. заканчиваются такъ, какъ они завершились бы и на судѣ присяжныхъ?

Наконецъ, первая группа преступныхъ дѣяній отошла въ вѣдѣніе «особаго присутствія сената съ сословными представителями» еще по законамъ 1878, 1879 и 1881 гг., почему и опытъ примѣненія къ ихъ разсмотрѣнію суда присяжныхъ не могъ быть ни продолжителенъ, ни значителенъ ни по количеству рѣшенныхъ дѣлъ: какъ только послѣднія стали часты, благодаря вранюль, усилившейся съ 1878 г., ихъ сейчасъ же передали въ особенныя судилища; *поводомъ* къ такому урѣзанію компетенціи присяжныхъ служило одно какое-нибудь дѣло (*Джанниевъ*, *ibidem*, стр. 233), на которомъ строилась цѣлая ошибочная система, исходящая изъ недоверія къ способности присяжныхъ судить преступления съ политическимъ характеромъ. Въ своемъ мѣстѣ мы привели мнѣніе по этому вопросу Илгертмайера; полагаемъ, что нужно немного только знать русскихъ присяжныхъ, чтобъ отвергнуть мысль о возможности сколько-нибудь частаго оправданія ими политическихъ убійствъ.

Оправдательные вердикты могли бы быть лишь рѣдчайшими исключеніями, продуктами неправильнаго веденія дѣла и, слѣдовательно, исправленіи путемъ кассационнаго обжалованія.

VI.

Чѣмъ же вызваны на самомъ дѣлѣ изъятіе изъ вѣдомства присяжныхъ передача перечисленныхъ въ § V дѣлъ суду съ сословными представителями? Единственное тому основаніе—убѣжденіе въ *чрезмѣрной*, слѣдовательно, и *опасной снисходительности присяжныхъ*, выражающейся въ льпномъ количествѣ оправдательныхъ вердиктовъ. Возможность низведенія числа оправданій до *minimum'a* усматривали въ обращеніи къ коронному суду съ присутствіемъ или безъ присутствія въ немъ «народнаго мента». Посмотримъ теперь, насколько подтверпляется такое убѣжденіе фловною статистикой. Трудно дѣлать рѣшительныя сопоставленія между словъ оправдательныхъ приговоровъ дореформеннаго суда и количествомъ въ судахъ, дѣйствующихъ на основаніи судебныхъ уставовъ Имперора Александра II; выводы изъ сравненія этихъ чиселъ были бы случайны и проблематичны. Нашъ дореформенный процессъ осуждалъ не болѣе 10%, всего числа судившихся, тогда какъ присяжные (съ конца 80 годовъ) осуждаютъ уже болѣе 60%. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что реформенные суды постановляли множество приговоровъ объ «оставленіи подозрѣніи» (въ двухъ видахъ), которые, вызываясь особенностями инвизионнаго процесса, не могутъ быть причисляемы къ оправдательнымъ, а, жду тѣмъ, такихъ приговоровъ (объ оставленіи въ подозрѣніи или въ льномъ подозрѣніи) было никакъ не менѣ половины всего числа дѣлъ, сходявшихъ на разсмотрѣніе судовъ. Они не влекли за собою наказанія, не были приговорами оправдательными, висѣли дамокловымъ мечомъ надъ головами лицъ, подвергшихся ихъ дѣйствію, и давали государственной асти право вновь привлечь оставленнаго въ подозрѣніи къ отвѣту; поэтому и приводили къ крайнему стѣсненію личной свободы. Для правильности авненій выводовъ необходимо прикинуть къ обвинительнымъ приговорамъ реформенныхъ судовъ число приговоровъ объ «оставленіи въ подозрѣніи»; конецъ, на различіе въ конечныхъ итогахъ репрессіи неизбѣжно должны или вліять и различія въ строѣ самого процесса, особенно въ системѣ вазательствъ, примѣнявшейся въ первыхъ и осуществляемой нынѣ въ формированныхъ судахъ. Гораздо вѣрнѣе другой путь—сравненія итоговъ ательности различныхъ судовъ *реформированныхъ*. Слѣдую этому приему, и приходимъ къ такимъ беспорнымъ выводамъ.

Въ десятилѣтіе 1875—1884 гг. въ окружныхъ судахъ и судебныхъ латахъ съ *участіемъ присяжныхъ* (исключивъ округа варшавской и флеской палаты) *оправдано 124,178 чел. изъ общаго числа 316,015 осудимыхъ*, слѣдовательно, оправдано $39\frac{3}{10}\%$; судами безъ *участія при-*

сложныхъ судилось 102,314 челов. и изъ нихъ оправдано 27,416, т.-е. 24⁴/₁₀%. И такъ, 39¹/₁₀% противъ 24⁴/₁₀%! Различіе, повидимому, очень значительное, указывающее на болѣе серьезную репрессию короннаго суда (см. *Тарновскій*: «Оправдательные приговоры въ Россіи». *Юрид. Вѣстникъ* 1891 года, № 3, стр. 426—427). Но такое различіе сейчасъ же уменьшается, если мы исключимъ изъ обвинительныхъ приговоровъ короннаго суда дѣла о бродяжествѣ: извѣстно, что оправданія въ столь очевидныхъ преступленіяхъ, сводящихся къ формальнымъ констатированнымъ нарушеніямъ правилъ о паспортахъ, почти немислимы (например, въ 1879 г. за бродяжество оправдано лишь 1%), а такъ какъ число такихъ дѣлъ восходитъ за десять лѣтъ до 16,564 чел., то, исключивъ эту цифру изъ 102,314 ч., получимъ остатокъ въ 85,750 ч., изъ коихъ оправдано 27,239, т.-е. 31⁸/₁₀%. И эта послѣдняя цифра, по справедливому замечанію г. Тарновскаго (*ibidem*), тоже «не можетъ служить мѣриломъ строгости того и другого суда», такъ какъ судомъ безъ присяжныхъ разбираются дѣла «не однородныя съ разбираемыми при участіи присяжныхъ». Сравнивая, далѣе, число оправдательныхъ приговоровъ за отдѣльные годы (с 1875 по 1884 г.), можно усмотрѣть, что процентъ оправданій присяжными шель, почти непрерывно возрастая, а въ коронномъ судѣ онъ колеблется безъ опредѣленнаго направленія въ ту или другую сторону. Наиболѣе резкая разница обнаружилась въ 1882—1884 годахъ, когда процентъ оправданныхъ присяжными восходилъ до maximum'a (40³/₁₀, 45³/₁₀, 42³/₁₀%), а въ судѣ коронномъ понижался, ниспускаясь въ 1884 г. до minimum'a въ 26⁸/₁₀%. Оказывается, однако, что такое сильное ослабленіе репрессіи присяжныхъ и соответственное усиленіе ея въ коронномъ судѣ получаетъ самое простое объясненіе, ничуть не компрометирующее присяжныхъ: цифрами обвинительныхъ приговоровъ по дѣламъ о кражахъ доказывается изъ года въ годъ, что какъ присяжные, такъ и коронные суды относятся особенно строго къ ворахъ; и вотъ законъ 18 мая 1882 г. передаетъ въ некоторые виды квалифицированныхъ кражъ, судившихся ранѣе присяжными, мировымъ судьямъ (по 169 и 170¹ ст. уст. о нак.), т.-е. изымаетъ очень много дѣлъ, дававшихъ наибольшее число обвинительныхъ вердиктовъ, изъ вѣдомства присяжныхъ, оставивъ за ними тѣ дѣла, по которымъ они чаще даютъ (въ различныхъ, конечно, размѣрахъ) оправдательные приговоры; такимъ образомъ, общій процентъ послѣднихъ долженъ былъ повыситься у присяжныхъ и уменьшиться у коронныхъ судей (*Тарновскій*, *ibidem*, стр. 428). Обращаясь къ отдѣльнымъ родамъ преступленій, увидимъ, что наибольшій процентъ оправданія на судѣ присяжныхъ давали служебныя преступленія (71¹/₁₀%), поджоги и истребленіе имущества (55⁷/₁₀%), подлоги (почти 60%), растлѣніе и изнасилованіе (52³/₁₀%), тѣлесныя поврежденія (52¹/₁₀%), и преступленія противъ порядка управленія (52%). По всемъ остальнымъ родамъ дѣяній процентъ оправданій—ниже 50%, причемъ наибольшее число ихъ приходится на мошенничество и присвоеніе (47⁶/₁₀%), среднее—на разбой и грабежъ (41³/₁₀%), на убійство (38⁸/₁₀), а

наименшее—на кражу ($30\frac{7}{10}$) и святотатство ($27\frac{2}{10}$); слѣдовательно, по послѣднимъ тремъ группамъ дѣяній % оправданій ниже средняго ($39\frac{3}{10}\%$). Сравнивая же % оправданій въ коронномъ судѣ по тѣмъ *однороднымъ дѣламъ*, которыя судятся обоими видами судовъ, увидимъ, что по *всѣмъ рѣшительно дѣламъ коронный судъ оправдываетъ меньше, чѣмъ присяжные*: послѣдніе даютъ $49\frac{3}{10}\%$ оправданій, а коронные суды—лишь 30%. Особенно *рѣзко это различіе въ служебныхъ преступленіяхъ*: казенные судьи оправдываютъ почти *втрое* меньше ($26\frac{3}{10}\%$ противъ $71\frac{4}{10}$), затѣмъ—по поджогамъ (коронный 25%, а присяжный— $53\frac{3}{10}\%$) и *противъ порядка управленія* (присяжные оправдываютъ почти вдвое чаще—52% противъ $27\frac{2}{10}\%$). По поджогамъ же, разбою и грабежу число оправданій присяжными близко къ количеству ихъ у казенныхъ судей (*Тарновскій, ibidem, стр. 430—436*).

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ данныхъ? Тотъ, что если весь вопросъ о подвѣдомственности тому или другому суду разрѣшить на основаніи одного признака—степени репрессивности приговоровъ, выражающейся въ количествѣ обвиненій, не обращая вниманія на матеріальную правду судебныхъ рѣшеній и на степень согласованія въ уголовныхъ приговорахъ требованій жизни съ отвлеченными установленіями закона, то слѣдовало бы, сохраняя послѣдовательность, изъять изъ вѣдомства присяжныхъ не одни только преступленія служебныя и противъ порядка управленія, какъ это сдѣлано закономъ 1889 г., но также всѣ поджоги, обыкновенные подлоги, растлѣніе и изнасилованіе ($52\frac{5}{10}\%$), тѣлесныя поврежденія, даже мошенничество и присвоеніе ($47\frac{1}{10}\%$), такъ какъ по всѣмъ этимъ преступленіямъ % оправданій выше, иногда почти вдвое, *средняю процента* ($39\frac{3}{10}\%$) оправданій, который и такъ очень высокъ. Между тѣмъ, законъ 1889 г. изъять лишь дѣла первыхъ двухъ группъ и передать ихъ не чисто-коронному, а смѣшанному суду. Идя же послѣдовательно по этому пути, надлежало бы, принявъ за болѣе нормальный средний % оправданій въ коронныхъ и, вообще, безприсяжныхъ судахъ, отнять у присяжныхъ юрисдикцію по всѣмъ дѣламъ, такъ какъ ни по одной группѣ дѣяній присяжный судъ, по репрессивности его, не можетъ соперничать съ казенными судами. Мы же полагаемъ, что быющее въ глаза громадное число оправданій по преступленіямъ служебнымъ и противъ порядка управленія можетъ доказывать только необходимость особаго состава присяжныхъ (спеціальные присяжные) для разсмотрѣнія *нѣкоторыхъ* изъ этихъ дѣлъ. Мы не можемъ, однако, согласиться съ г. Тарновскимъ (*ibid.*, стр. 433), когда онъ говоритъ, что на «максимальную оправдываемость» присяжными преступленій по должности «видимо не остаются безъ вліянія особенности слѣдственнаго производства по этимъ дѣламъ» (запутанность ихъ и позднее обнаруженіе факта преступленія). Но почему же эти «особенности» не вліяютъ на коронный судъ, выносящій по нимъ лишь $26\frac{3}{10}\%$ оправдательныхъ приговоровъ, т.-е. даже на 4% *ниже* нормы оправданій, свойственной этому суду? Вѣрнѣе другое объясненіе, приводимое г. Тар-

новскимъ (ibid.) изъ «свода министерства юстиціи за 1875 г.», согласно которому «для приведенія этихъ преступленій въ возможную ясность, равно какъ и для самаго распознаванія ихъ, недостаточно, въ большинствѣ случаевъ, обыкновенныхъ силъ, а требуется еще участіе людей, обладающихъ спеціальными знаніями». Министерство юстиціи имѣетъ здѣсь въ виду участіе экспертовъ; мы же думаемъ, что здѣсь недостаточно одной экспертизы, помогающей присяжнымъ, а необходимо, чтобы сами присяжные принадлежали къ числу наиболѣе интеллигентныхъ, зрѣлыхъ лицъ, способныхъ проявлять особыми свойствами такихъ дѣлъ и понимать спеціальную важность ихъ для интересовъ государства, охраняющаго правила и распорядки службы. Въ доказательство пригодности обыкновенныхъ присяжныхъ для разсмотрѣнія и справедливаго рѣшенія сложнѣйшихъ и наиболѣе запутанныхъ дѣлъ этого рода ссылались на знаменитое дѣло о хищеніяхъ въ таганрогской таможенѣ, столь блестяще разрѣшенное въ 1885 г. харьковскою судебною палатою съ участіемъ присяжныхъ. Но единичные примѣры ровно ничего не доказываютъ ни про, ни contra, да и самый примѣръ выбранъ не совсѣмъ удачно: составъ присяжныхъ по таганрогскому дѣлу былъ изъ *ряду вонъ хорошихъ*, напоминалъ собою тѣхъ «спеціальныхъ присяжныхъ», которые желательны для такихъ дѣлъ.

Орудя однимъ статистическимъ методомъ, нѣтъ возможности выяснитъ сложныя причины этого рѣзкаго различія въ процентѣ оправданій присяжными и правительственными судами. Самъ г. Тарновскій очень остороженъ въ своихъ заключеніяхъ; онъ высказываетъ одни болѣе или менѣе вѣроятныя *предположенія*. Къ заключеніямъ достовѣрнымъ можно придти только по нѣсколькимъ пунктамъ: доказано, напримѣръ, что присяжные русскіе и заграничныя вообще оправдываютъ болѣе женщинъ, что рецидивисты (а ихъ больше всего въ кражахъ, святотатствѣ и т. п.) осуждаются имъ чаще. Имѣется значительная вѣроятность за предположеніемъ, что на сужденіе присяжныхъ характеръ самаго преступленія не оказываетъ, повидимому, особеннаго вліянія, что степень обнаруживаемости преступленій, т.-е. большая или меньшая легкость открытія и установленія ихъ состава, оказываютъ такое вліяніе; нѣкоторое вліяніе имѣютъ еще возрастъ, степень грамотности обвиняемаго (чѣмъ образованнѣе, тѣмъ *больше* шансы на оправданіе) и т. п. *Совокупность* нѣкоторыхъ изъ этихъ условій, напримѣръ, сравнительно меньшая выясненность дѣла на предварительномъ слѣствіи, незначительность числа рецидивистовъ и болѣе крупная доля лицъ образованныхъ или грамотныхъ, проявляющаяся въ преступленіяхъ по должности, даетъ наибольшій процентъ оправданій у присяжныхъ, но не у коронныхъ судей; число оправдательныхъ приговоровъ по этимъ дѣламъ у коронныхъ судей—*ниже* нормы. Въ общемъ же вѣрно положеніе, что *причины, вліяющія на повышение числа оправданій присяжными, мало замѣтны въ результатахъ судебного разбирательства безъ присяжныхъ* (Тарновскій, ibidem, стр. 435).

Наиболѣе вѣрнымъ представляется такой выводъ: вліяетъ на значи-

гельный процентъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ *совокупность причинъ, именно житейскія, реальныя условія, вызывающія и окружающія преступленія, жизненная сторона послѣдняго*. На приговоры присяжныхъ оказываетъ могущественное вліяніе констатируемое ими отношеніе между духомъ и мыслью нарушеннаго закона и дѣйствіями судимаго индивидуума, которое вызывается, прежде всего, *личными* свойствами этого послѣдняго. Вотъ почему присяжный судъ легко оправдываетъ, наприм., «подлогъ по службѣ» (362 ст. улож.), если въ немъ не было подлыхъ, корыстныхъ мотивовъ, хотя бы и пострадали при этомъ интересы службы и давалась поблажка чиновникамъ; служебный подлогъ представляется присяжнымъ дѣяніемъ весьма условнымъ и формальнымъ, преступленіемъ отвлеченнымъ, юридическій складъ котораго не гармонируетъ съ распространенными въ обществѣ воззрѣніями на блага, требующія охраны усмненною или систематическою репрессіей. Нѣсколько иначе должны относиться присяжные къ подлогу духовнаго завѣщанія, такъ какъ реальныя условія житейскаго обихода требовали въ ихъ глазахъ защиты завѣщаній и воли наследодателя, вполне доступной ихъ пониманію. Понятно также, почему присяжные охотно оправдывали легкіе и средней тяжести случаи «сопротивленія власти или ослушанія ей», особенно тогда, когда дѣло шло о дѣйствіяхъ темнаго люда, плохо разумѣвшаго законъ и пытавшаго охранить свои имущественныя блага. *Присяжные инстинктивно стремятся къ согласованію своихъ приговоровъ съ духомъ, цѣлью закона, а не съ его буквою*. Поэтому, они считаютъ возможнымъ совершенно *оправдывать* по незначительнымъ преступленіямъ даннаго рода, осуждая за крупныя: въ первыхъ они усматриваютъ нарушенія, мало вредящія основной дѣлѣ законодателя; они полагаютъ, что правопорядокъ требуетъ лишь наказанія наиболѣе грубыхъ видовъ его нарушенія.

Напряженное стремленіе присяжныхъ къ индивидуализированію преступныхъ дѣяній и наказаній обратило на себя вниманіе процессуалистовъ Проф. Гейнце (*Strafprozessualische Erörterungen*) предлагалъ, напримѣръ, опредѣлять вѣдомство присяжныхъ на основаніи разныхъ признаковъ (свойствъ), присущихъ уголовнымъ дѣламъ. Тяжесть наказанія не должна, по его мнѣнію, вліять рѣшающимъ образомъ, а необходимо обращать вниманіе на родъ преступленія, личность подсудимаго и на особыя свойства подсудимца по дѣлу. Рецидивы, напримѣръ, дѣтоубійства, *служебныя преступленія* должны быть изъяты изъ вѣдѣнія присяжныхъ, равно какъ и дѣянія, учиненныя несовершеннолѣтними, а также преступленія, по которымъ воспослѣдовало *сознаніе* со стороны виновныхъ. Это воззрѣніе отразилось и на окончательной редакціи германскаго уложенія, которое передаетъ коронному суду всѣ дѣла о несовершеннолѣтнихъ, рецидивѣ при кражѣ, мошенничествѣ, укывательствѣ и о половыхъ распутствахъ надъ несовершеннолѣтними.

Нужно ли говорить, что коронный судъ, дѣйствующій болѣе формально и привыкшій къ правовымъ понятіямъ, который признаетъ лишь законныя

условія дѣянія (субъективныя и объективныя), нерѣдко примыряется съ одною формальною правдою, долженъ постановлять и больше обвинительныхъ приговоровъ? Этимъ объясняется, въ нашихъ глазахъ, фактъ, кающійся на первый взглядъ необъяснимымъ: присяжные гораздо болше оправдываютъ за «мздоимство и лихоимство» ($73\frac{2}{10}\%$), казалось бы столь ненавистное нашему обществу, чѣмъ коронныя судьи ($42\frac{2}{10}\%$).

Повліять на усиленіе репрессіи присяжныхъ можно не только введеніемъ хорошихъ процессуальныхъ правилъ, но и измѣненіемъ разныхъ отраслей законодательства, въ частности же *исправленіемъ уголовнаго законодательства, именно болшимъ согласованіемъ его постановленій съ требованіями жизненной правды, а наказаній—съ индивидуальными свойствами обвиняемыхъ*. Даже незначительныя улучшенія въ матеріальномъ правѣ, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, соединившись съ нѣкоторыми разумными мѣропріятіями въ процесѣ, дали уже замѣтные, вполне благоприятные результаты. Такъ, съ 1883 г. замѣчается постоянное повышеніе репрессіи суда присяжныхъ—съ $59\frac{2}{10}\%$ осужденныхъ въ 1884 г. до 63% въ 1889 г., $66\frac{2}{10}\%$ въ 1890 г. и 66% въ 1891 году. Следовательно, за 9 лѣтъ процентъ осужденій повысился почти на 10 (*Щеломковъ*: «Репрессія суда присяжныхъ въ Россіи». *Журн. гражд. и уголов. права*, сентябрь 1893 г., стр. 10—11). Если же принять въ соображеніе, что коронныя (окружныя) судьи усиливали репрессію только съ 1883 г. по 1887 г. (въ 1884 г. $75\frac{4}{10}\%$ осужденныхъ, въ 1885 г.— 76% , въ 1886 г.— $76\frac{1}{10}\%$) и что она стала падать съ 1887 г., (въ 1887 г.— $75\frac{3}{10}\%$, въ 1888 г.— $75\frac{4}{10}\%$, въ 1889 г.— $74\frac{6}{10}\%$, въ 1890 г.— $74\frac{1}{10}\%$ и въ 1891 г.— $73\frac{2}{10}\%$), причѣмъ въ 1891 г. репрессія этого суда превышаетъ присяжныхъ всего на 7% (въ 1883 г. различіе выражалось въ 14% слишкомъ), то сенаторъ Воня имѣлъ право сказать (въ 1892 г.), что «присяжный засѣдатель оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа» (*ibidem*).

Сравнивъ же репрессивность суда присяжныхъ и «судебныхъ палатъ съ сословными представителями», при посредствѣ которыхъ несомнѣнно имѣли въ виду *усилить* репрессію многихъ проступныхъ дѣяній, изъятыхъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ, получимъ итоги для многихъ неожиданныя, позволяющіе весьма усомниться въ томъ, чтобы законодатель достигъ назначенной цѣли. Съ 1878 г., когда впервые этому суду подчинили нѣкоторыя посягательства противъ порядка управленія, *процентъ осужденій этими судами и присяжными все болше сближается*, за исключеніемъ отдельныхъ годовъ (напримѣръ, 1883 г.—съ присяжными $56\frac{2}{10}\%$, палатами— $71\frac{1}{10}\%$, 1884 г.—первыми $59\frac{2}{10}$, а вторыми— $79\frac{2}{10}$, въ 1885 г. первыми— $60\frac{2}{10}\%$, вторыми— 80%); притомъ, съ 1889 г., т.-е. съ введенія въ дѣйствіе новеллы 7 іюля этого года, число осужденій судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей почти совпадаетъ съ числомъ обвинительныхъ вердиктовъ присяжныхъ: въ 1889 г. присяжные

осудили 63%, а палаты съ сословными представителями—66%, въ 1890 г. первые—66²/₁₀%, вторые—69²/₁₀%, въ 1891 г. первые—66%, вторые—68²/₁₀%; другими словами, репрессія присяжныхъ ниже репрессіи этихъ особыхъ судовъ *всего на 2%*, а въ нѣкоторые годы (*Щегловитовъ, ibidem, стр. 17—18*) репрессія вторыхъ обазывается даже ниже репрессіи присяжныхъ (въ 1881, 1882, 1887—88 гг.). Наконецъ, изъ интересной таблицы, приложенной г. Щегловитовымъ (*ibidem, стр. 18—20*), видно, что *судъ присяжныхъ по строгости превосходилъ наши низшіе и единоличныя судебныя органы, т.-е. мировыхъ судей, уѣздныхъ членовъ и городскихъ судей—за 1891 г.* Все это дало г. Щегловитову полное право, отмѣчая этотъ «отрадный и поучительный фактъ», резюмировать статистическія данныя въ такомъ положеніи: *репрессія суда присяжныхъ въ Россіи, постепенно повышаясь съ 1883 г., почти сравнялась съ репрессією судебныхъ палатъ по особымъ присутствіямъ съ участіемъ сословныхъ представителей и немногимъ лишь уступаетъ въ строгости коронному суду; по силѣ репрессіи судъ присяжныхъ превосходитъ низшіе единоличныя суды* (*ibidem, стр. 20*). И такіе результаты получились «несмотря на то, что наше уголовное законодательство не приведено въ соотвѣтствіе съ современными требованіями жизни, карательная система не преобразована, а слѣдственная часть не доведена до желательнаго совершенства» (*ibidem, стр. 21*). Не очевидно ли, что съ введеніемъ реформъ въ указанныхъ трехъ отношеніяхъ можно будетъ получить еще лучшіе результаты для уголовной репрессіи и что не представится уже никакой надобности въ сохраненіи особыхъ судовъ, которые можно замѣнить, и те лишь для нѣкоторыхъ дѣлъ, судомъ специальныхъ присяжныхъ?

VII.

а) Дѣла о преступленіяхъ государственныхъ вѣдаются у насъ *тремя судами*: судебными палатами, особымъ присутствіемъ правительствующаго сената съ сословными представителями и верховнымъ уголовнымъ судомъ безъ сословнаго элемента (ст. 1030 уст. угол. суд.). Нормальнымъ судомъ, *по тексту закона*, является лишь первый; оба послѣдніе—только исключенія, вызываемыя къ жизни не иначе, какъ по особому «высочайшему повелѣнію» (п. 2, ст. 1030 уст. угол. суд.) или «указу» (п. 3, ст. 1030). Ни законъ, ни практика не провели рѣзкой разграничительной черты между 2 и 3 видами суда. Тщетно было бы искать критерій этого разграниченія въ текстѣ 3 п. ст. 1030 уст. объ учрежденіи верховнаго суда, организуемаго «по случаю обнаруженнаго въ разныхъ краяхъ государства *общаго заговора противъ верховной власти, или противъ установленнаго закономъ образа правленія или порядка наслѣдованія престола*»; совершенно такія же дѣла подвѣдомственны и особому присутствію сената, которое опредѣляетъ за нихъ тѣ же наказанія. Изъ мотивовъ же къ учрежденію верховнаго уголовного суда слѣдуетъ, что *исключительно практическія сообра-*

женія (см. § I) побудили законодателя къ образованію этого суда. Но всё такія затрудненія падаютъ сами собою, если замѣнить верховный судъ «правительствующимъ сенатомъ», который тоже *единъ*, обнимаетъ собою всю имперію, состоитъ изъ высокихъ сановниковъ, назначаемыхъ непосредственнымъ государевымъ усмотрѣніемъ, вполне благонадежныхъ, опытныхъ и пользующихся полнымъ довѣріемъ верховной власти. Что учрежденіе суда верховнаго—случайность, что онъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣненъ сенатомъ, явствуетъ изъ того, что преступленіе Соловьева, покушавшагося на жизнь государя Александра II, судилось верховнымъ уголовнымъ судомъ, а убійство 1 марта—«особымъ присутствіемъ сената»; между тѣмъ, въ первомъ случаѣ не было «обширнаго» заговора, а во второмъ таковой былъ несомнѣнно и существовало цѣлое преступное сообщество, имѣвшее связь организацию и развѣтвленія по всей Россіи.

Представляется необходимымъ *объединить судъ по государственнымъ преступленіямъ*. Наиболее цѣлесообразно сохранить за сенатомъ роль высшаго суда для государственныхъ преступленій. Не представляется надобности въ учрежденіи «особаго присутствія сената», а можно бы передать эти дѣла уголовному кассационному департаменту, который иногда выступаетъ у насъ въ роли суда I степени, а также апелляціонной инстанціи. Составъ его для сужденія государственныхъ преступленій можно бы усилить (напримѣръ, пять сенаторовъ, считая въ томъ числѣ и первоприсутствующаго). Въ составъ его можно бы привлечь или «спеціальныхъ присяжныхъ», избираемыхъ изъ *особаю* списка, въ который должны быть вносимы лишь лица не моложе 35 лѣтъ, съ образованіемъ не ниже средняго (общаго или спеціальнаго), обладающія значительнымъ имущественнымъ цензомъ или состоящія на службѣ государственной или общественной въ видныхъ должностяхъ, т.-е. *наиболѣе консервативные* элементы общества. *Въ видъ компромисса*, если будетъ признано совершенно неудобнымъ допустить участіе народнаго элемента въ формѣ такихъ спеціальныхъ присяжныхъ, послѣдніе могутъ быть заменены особыми представителями отъ общества, но подъ условіемъ, *чтобы число ихъ равнялось числу н. сенаторовъ*, чтобы въ составъ ихъ входили губернской предводитель, городской голова, предсѣдатели губернской и уѣздной управъ и одинъ изъ *наиболѣе образованныхъ* волостныхъ старшинъ.

б) Всѣ дѣла, перечисленные нами при изложеніи содержанія закона 1889 г. въ группахъ 5 и 6, должны быть возвращены обыкновенному суду присяжныхъ. Къ нему должны вновь отойти *нѣкоторые* изъ дѣлъ, перечисленныхъ въ группахъ 2—4, случайно попавшія въ число «изъятія», не оправдываемыхъ ни съ точки зрѣнія ихъ опасности для государства, ни по сложности производства и необходимости особеннаго умственнаго развитія или спеціальныхъ знаній для правильнаго ихъ пониманія и справедливаго рѣшенія. Внимательный анализъ каждаго изъ дѣяній, перечисленныхъ въ группахъ 2—4, дастъ возможность рѣшить о томъ, оставить ли ихъ за обыкновенными присяжными, или передать на

разсмотрѣніе специальныхъ присяжныхъ. Для примѣра, укажемъ на дѣянія, предусмотрѣнныя стт. 633, 755, 756, 823, 824, 830, 1143—1144 (провозъ вооруженными шайками незаконно добытой соли съ насиліемъ противъ поимщиковъ, насильственные дѣйствія противъ таможенной и лѣсной стражи, противъ телеграфистовъ съ цѣлью остановить дѣйствіе телеграфа и т. д., противодѣйствіе поимкѣ арестантовъ (ст. 315 улож.) и т. п.)

с) Всѣ остальные дѣла, т.-е. *важнѣйшія преступленія противъ порядка управленія, по должности и насильственнымъ дѣйствіямъ противъ должностныхъ лицъ*, т.-е. нѣкоторыя дѣла изъ группъ 2—4 и дѣла группы 1—подчинить вѣдѣнію *окружныхъ судовъ съ „спеціальными присяжными“*. Не для чего передавать ихъ въ судебную палату съ специальными присяжными, такъ какъ пришлось бы или разсматривать дѣла вдали отъ мѣста совершенія дѣянія, т.-е. двигать въ мѣсто постоянного пребыванія судебной палаты массу свидѣтелей и обвиняемыхъ (неудобства такого порядка давно признаны и избѣгнуты *выѣздными сессіями палатъ*), или же, оставаясь при системѣ выѣздовъ палаты, возлагать на казну значительныя издержки, сопряженныя съ выѣздами. На такіе выѣзды затрачиваются не малыя суммы. Такъ, до новеллы 7 іюля 1889 г. харьковской судебной палатѣ отпускатось: въ 1888 г. 4,240 р. 50 к., въ 1889 г. всего 2 т. руб.; но въ 1890 г. суммы выросли весьма значительно: въ 1890 г. потребовалось 9,546 руб., въ 1891 г. уже—20,100 р., въ 1892 г. 19 т. руб., въ 1893 г. 17,500 р., а въ 1894 г. 15,500 р. Итого средній отпускъ въ годъ за пять лѣтъ (1890—1894 гг.) выражается въ 16 т. руб. на одну харьковскую палату.

Нѣкоторые окружные суды образованы въ небольшихъ центрахъ (напримѣръ, Изюмъ, Череповецъ и т. п.); въ нихъ затруднительно, а иногда и совсѣмъ нельзя будетъ найти достаточнаго числа лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ специальныхъ присяжныхъ. Такое затрудненіе легко обойти: дѣла, возникающія въ районѣ такихъ судовъ, надлежитъ, въ силу самаго закона, передавать для рѣшенія *въ ближайшіе окружные суды губернскихъ городовъ*, гдѣ въ потребныхъ лицахъ не можетъ быть недостатка: такихъ дѣлъ обыкновенно немного; даже въ большіе губернскіе города палаты пріѣзжаютъ 2, много 3 раза въ годъ, обыкновенно на 2—3 дня, рѣдко на болѣе продолжительную сессію. Нѣкоторыя изъ дѣлъ могутъ, какъ уже было замѣчено, отойти въ обыкновенный присяжный судъ, слѣдовательно, «специальныхъ присяжныхъ» потребуется немного и на непродолжительныя сессіи (въ 2—3, много 4—5 дней), не болѣе 2—3 разъ въ годъ, а потому всегда можно имѣть списокъ (по городу съ уѣздами и по ближайшимъ уѣздамъ) специальныхъ присяжныхъ въ 60—100 человекъ. Врядъ ли кто будетъ тяготиться отправленіемъ этой обязанности даже два раза въ годъ по нѣсколькимъ днямъ. Замѣтимъ, что за «специальныхъ присяжныхъ» высказались такіе выдающіеся практики, какъ оберъ-прокуроръ I деп. сената И. Закревскій.

Судебнымъ палатамъ и уголовному кассационному департаменту сената

съ «спеціальными присяжными» можетъ быть предоставлено лишь разсмотрѣніе и рѣшеніе тѣхъ преступленій *по должности*, которыя совершены лицами, занимающими должности опредѣленныхъ классовъ. Но и въ этомъ изъятіи въ пользу судебныхъ палатъ не представляется особенной выдѣльности, такъ какъ для всѣхъ должностныхъ лицъ до V класса включительно судъ «равныхъ» вполне обезпеченъ: члены окружнаго суда состоятъ въ V классѣ, а предсѣдатель его даже въ IV.

d) Въ спеціальныя списки должны быть вносимы лица, достигшія 30 лѣтъ, получившія образованіе не ниже средняго (общее или спеціальное), и съ значительнымъ имущественнымъ цензомъ, который долженъ быть тѣмъ ниже, чѣмъ выше образованіе лица, или занимающія должности не выборамъ или отъ правительства. Лица, состоящія на нѣкоторыхъ должностяхъ, напримѣръ, по полиціи, должны быть, въ силу закона, исключены изъ такихъ списковъ. Списки «спеціальныхъ присяжныхъ» могутъ составляться *судомъ* изъ общаго списка, *дополняемаго* по заявленіямъ органовъ правительственныхъ, общественныхъ и сословныхъ и по указаніямъ частныхъ лицъ.

e) Дѣла седьмой группы должны судиться коронными судами *безъ присяжныхъ*, съ отмѣною добавочнаго за нихъ наказанія въ видѣ лишенія «нѣкоторыхъ правъ».

VIII.

A) Въ § 1 мы упоминали объ англійскихъ спеціальныхъ присяжныхъ; они допускались обычнымъ правомъ еще въ XVI вѣкѣ, но узаконены въ Англіи лишь статутами XVIII столѣтія. Три особенности характеризуютъ тамъ это учрежденіе: 1) тяжущіеся или подсудимые должны выразить *желаніе* судиться спеціальными присяжными; 2) изъ вѣдѣнія ихъ исключены дѣла объ измѣнѣ (treason) или о тяжкихъ преступленіяхъ (felony) подлежатъ ихъ вѣдѣнію такъ называемыя «*misdeameans*», т.-е. менѣе тяжкія преступныя дѣянія; слѣдовательно, не столько характеръ дѣянія, сколько тяжесть угрожающаго наказанія опредѣляетъ возможность обращенія къ этому суду; 3) права подсудимыхъ и тяжущихся *отводитъ* спеціальныхъ присяжныхъ несравненно шире ихъ права на отводъ обыкновенныхъ присяжныхъ (законъ 1825 г.), что указываетъ на цѣль законодателя—доставить подсудимому и тяжущимся большее огражденіе (*Журналъ Министерства Юстиціи* 1862 г., т. XIV, стр. 269). Ту же цѣль законъ преслѣдуетъ и при уголовномъ судѣ надъ иностранцами, которые имѣютъ право требовать, чтобы половина присяжныхъ была составлена изъ ихъ *соотечественниковъ*.

Мысль о «спеціальныхъ присяжныхъ» встрѣтила сочувствіе и во Франціи. Но здѣсь учрежденіе получило иной характеръ: на мѣсто свободнаго обращенія къ этому суду законодатель *заранѣе опредѣляетъ случаи*, въ которыхъ обыкновенныя присяжныя вытѣсняются спеціальными. Съ закона

791 г. они вѣдали подлоги, составленіе фальшивой монеты и ассигнацій, ложное банкротство, лихоимство, расхищеніе государственной казны и злоупотребленія торговыхъ товариществъ; по закону же 1797 г. къ нимъ тошли еще: возмущенія, ослушанія начальству и посягательства на личную свободу частныхъ лицъ. Самое избраніе ихъ возлагалось на особаго оммиссара, назначаемаго правительствомъ. Слѣдовательно, компетенція этихъ присяжныхъ опредѣлялась исключительно родомъ дѣлъ, безъ отношенія къ тяжести наказаній; особый характеръ нѣкоторыхъ дѣяній требовалъ, по мнѣнію законодателя, приглашенія въ судъ гражданъ, обладающихъ специальными свѣдѣніями или, вообще, наибольшимъ умственнымъ азвитіемъ. Въ 1801 г. «спеціальныя присяжныя» замѣнены особыми «исключительными коммиссіями», просуществовавшими въ видѣ «временныхъ удовъ» до закона 20 апрѣля 1820 г., который превратилъ ихъ въ постоянные суды, подъ именемъ «особыхъ судовъ», *обыкновенныхъ и случайныхъ*: первые вѣдали политическія преступленія, разбой, убійство и проч., вторые—дѣла, передаваемые имъ по усмотрѣнію императора. Но въ 1817 г. всѣ эти суды уничтожены, «спеціальныя присяжныя» не возстановлены, стались лишь обыкновенныя присяжныя для *crimes* (преступленій наиболее тяжкихъ). Верховному же уголовному суду, учрежденному въ 1852 г., подчинили не особые роды дѣлъ, а высшія правительственныя лица (*Журналъ Министерства Юстиціи*, *ibidem*, стр. 271—272).

Наконецъ, въ *Сардиніи* закономъ 26 марта 1848 г. судъ присяжныхъ былъ введенъ только для преступленій противъ печати, какъ общихъ, такъ и государственныхъ или *политическихъ*; всякій, пользовавшійся избирательнымъ правомъ, могъ быть присяжнымъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ противъ печати (*ibidem*, стр. 276—277). Но такъ какъ всѣ остальные (головныя дѣла вѣдались коронными судами, то очевидно, что присяжныя, созданныя закономъ 1848 г., не могли играть роли *спеціальныхъ присяжныхъ*: они были обыкновенными присяжными, призванными лишь для известнаго рода дѣлъ, т.-е. присяжнымъ судомъ съ крайне ограниченной компетенціей, исключеніемъ изъ общаго правила о распространеніи вѣдомства короннаго суда на всѣ преступныя дѣянія. Въ 1859 г. въ *Сардиніи* введенъ судъ присяжныхъ для всѣхъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и всѣ дѣянія, перечисленныя въ законѣ 1848 г., переданы обыкновеннымъ присяжнымъ.

В) Учрежденіе спеціальныхъ присяжныхъ вызвало серьезныя возраженія со стороны выдающихся правовѣдовъ. Извѣстный французскій процессуалистъ Фаустень-Эли признаетъ, что это учрежденіе, вводимое для *нѣкоторыхъ* преступленій, наприимѣръ, для злостнаго банкротства, лихоимства, подлога, есть прямое послѣдствіе начала, признающаго *способность* первымъ условіемъ для отпращиванія должности присяжнаго: въ перечисленныхъ дѣяніяхъ важны какъ составъ, такъ и опредѣленіе преступности дѣйствія, почему они и требуютъ отъ присяжныхъ большой проникательности и опытнаго ума. Оффиціальная коммиссія, рассматривавшая въ Сар-

диннй вопросъ о введеніи обыкновеннаго присяжнаго суда, тоже признала, что система специальныхъ присяжныхъ, «повидимому, весьма правильна въ теоріи» (ibidem, стр. 276). Тѣмъ не менѣе, и Фаустенъ-Эли, и сардинскія комиссія рѣшительно высказались *противъ* введенія специальныхъ присяжныхъ *по соображеніямъ практическаго свойства*. Фаустенъ-Эли признаетъ это учрежденіе не «совмѣстнымъ съ общественными нравами», и чему оно не достигаетъ цѣли, скорѣе вредно, чѣмъ полезно: специальные присяжные, какимъ бы порядкомъ ихъ ни назначали, будутъ всегда въ глазахъ общества *чрезвычайными* комиссіями, не будутъ пользоваться доврѣемъ, необходимымъ для огражденія «силы правительства», могутъ даже стать предметомъ «общей ненависти и презрѣнія». Специальные присяжные—тѣ же «чрезвычайные и исключительные суды», не пользующіеся доврѣемъ общества, которое требуетъ общаго суда для всѣхъ и каждаго. Гарантіями этого суда считаются *особенныя условія*, которыми должны удовлетворять такіе присяжные—возвышенный цензъ, лучшее образованіе и т. п. Но еще сомнительно, могутъ ли лица, обладающія сказанными условіями, хорошо выполнить ввѣренный имъ судъ, оправдаютъ ли они возложенное на нихъ особое доврѣіе. Мысль о томъ, что они составляютъ *исключительный судъ*, можетъ лишить ихъ независимости, столь необходимой въ дѣлѣ суда, они могутъ сдѣлаться несправедливыми изъ одной боязни показаться такими. Избранные изъ высшей среды общества, специальные присяжные могутъ, по мнѣнію сардинской комиссіи, дѣйствовать подъ вліяніемъ личнаго интереса или интереса особаго класса людей (ibidem, стр. 277), тогда какъ присяжные «должны быть представителями общаго интереса». «Для обсужденія самыхъ запутанныхъ дѣлъ,—продолжаетъ Фаустенъ-Эли,—не требуется высшей учености или особенно глубокаго и разнообразнаго образованія»: достаточно «практическаго здраваго смысла, который есть принадлежность самаго обыкновеннаго, но прямого ума». Въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки специальные присяжные, назначаемые лишь *по желанію подсудимаго*, имѣютъ цѣль—по возможности «расширить право судебной защиты».

Изъ изложеннаго очевидно, что сами противники этой разновидности присяжнаго суда не оспариваютъ того, что она удовлетворяетъ основному условію хорошаго отправленія присяжными ихъ обязанностей. Центральной частью ихъ возраженій вращается около *отождествленія этого учрежденія съ чрезвычайными, исключительными судами*. Совершенно справедливо, что эти послѣдніе суды, напримѣръ, французскіе, встрѣчали общее «недоврѣіе»; но это чувство вызывалось ихъ *особенною организаціей и особыми складами процесса*. Устройство послѣдняго преслѣдовало одну цѣль—оставить приговоръ такого суда по каждому дѣлу подъ полное фактическое вліяніе правительства; оно не давало и обвиняемому никакихъ гарантій или предоставляло ихъ ему въ очень недостаточной степени. Обыкновенно въ такіе суды назначаются особые члены, *ad hoc*, или же въ качествѣ постоянныхъ, но изъ числа лицъ, не удовлетворяющихъ тѣмъ требованіямъ,

которыя предъявляются хорошимъ судьямъ. Члены такихъ судилищъ обыкновенно не пользовались несмѣняемостью и назначались тенденціозно. Напримеръ, «особые обыкновенные суды» Франціи (по закону 20 апрѣля 1810 г.) состояли изъ президента, 4 совѣтниковъ и 3 *жандармскихъ офицеровъ*, а *обвиняемый лишился всякаго права обжалованія рѣшенія*. Защита въ такихъ судахъ обыкновенно стѣснена, производство болѣе суммарно, гарантіи сложнаго и формальнаго процесса сокращены, равно какъ и право обжалованія. Такіе суды приближаются къ полевымъ—военнымъ, оправдываемымъ лишь особыми обстоятельствами и нуждами военнаго времени на встрѣчу военныхъ операций. Самое поверхностное сравненіе всѣхъ такихъ обыхъ и чрезвычайныхъ судовъ съ специальными присяжными приводятъ къ убѣжденію, что между ними нѣтъ ничего общаго. *Судъ специальныхъ присяжныхъ—тотъ же присяжный судъ*: и тамъ, и здѣсь коронный судъ состоитъ изъ обыкновенныхъ судей, пользующихся несмѣняемостью, назначаемыхъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, въ законѣ указанныхъ; присяжные также *избираются по жребію*, изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ закона, но къ этимъ *общимъ условіямъ прибавляются еще специальные, повышенныя условія*, отнюдь не противорѣчащія основаніямъ этого суда, ни независимости присяжныхъ.

Эта форма есть лишь *видъ присяжнаго суда*, пользующагося, вообще, щимъ довѣріемъ; она не имѣетъ ничего общаго съ особыми и чрезвычайными судилищами уже по различію цѣлей, преслѣдуемыхъ ими: послѣдніе жертвуютъ интересами и правами личности ради государства, для временныхъ, преходящихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ имъ при посредствѣ искаженнаго элементарныхъ требованій судоустройства и судопроизводства; судъ же специальныхъ присяжныхъ построенъ, какъ и всякій хорошій судъ, на гармоническомъ сочетаніи требованій интереса публичнаго (пользы государства) и личнаго (охраны обвиняемаго). *Все производство въ судѣ специальныхъ присяжныхъ*, т.-е. весь складъ уголовного процесса въ немъ, *въ воспроизведеніе процесса, установленнаго въ законѣ для судопроизводства съ обыкновенными присяжными*; обвинитель и обвиняемый имѣютъ въ обѣихъ формахъ присяжнаго суда одинаковыя гарантіи. Опасаться, чтобы такіе «спеціальныя присяжныя» будутъ дѣйствовать «подъ вліяніемъ публичнаго интереса» или «интереса особаго класса людей», возможно въ томъ лишь случаѣ, когда ихъ будутъ избирать изъ какого-либо *одного сословія или класса*. Опасенія должны исчезнуть, если въ спеціальныя списки будутъ заноситься лица, удовлетворяющія *одному изъ нѣсколькихъ повышенныхъ требованій*—имущественнаго ценза или службы (по выборамъ или назначенію, общественной или правительственной) и требованію образованія. Количество лицъ, удовлетворяющихъ одному изъ этихъ условій, можетъ быть весьма значительно въ *крупныхъ* центрахъ и въ списки попадутъ лица всякихъ сословій, профессій и классовъ общества, почему сословныя и классовыя различія должны значительно ступшеваться. Чтò бы ни говорили, а несомнѣнно, что и въ настоящее время среди *обыкновенныхъ*

присяжныхъ въ большихъ городскихъ центрахъ у насъ и за границей низшіе классы (представители сельскаго населенія и такъ называемаго мѣщанства) очень нерѣдко численно ступшевываются, часто случается, что въ цѣлыхъ сессіяхъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ дѣлахъ, слышны преобладаютъ присяжные *выше средняго* типа, по качествамъ своимъ совпадающіе съ специальными присяжными или близко къ нимъ подходящіе. Съ такими нерѣдкими фактами необходимо считаться; и никто не подумалъ протестовать противъ такого исключительнаго состава скамьи присяжныхъ, не рѣшался утверждать, что они постановляютъ вердикты подъ вліяніемъ «личнаго интереса или интереса особаго класса людей». Законодатель остается лишь сдѣлать одинъ шагъ—водворить въ качествѣ законнаго и постояннаго для нѣкотораго рода дѣлъ явленіе *de facto нерѣдкое*, хотя и случайное. Особаго рода дѣла (см. § VII) вызываютъ и оправдываютъ *узаконеніе* этого учрежденія потому, что въ извѣстныхъ, переходныхъ эпохахъ государственной и общественной жизни, когда судъ присяжныхъ не пользуется еще довѣріемъ правительства для всѣхъ дѣлъ, когда необходимо оберечь его отъ всякихъ случайностей и превратностей судьбы, это учрежденіе, обладая всѣми хорошими свойствами присяжнаго суда и не лишая подсудимаго существенныхъ гарантій правильно устроеннаго процесса, можетъ внушить къ себѣ большее довѣріе со стороны правительства, а въ устраняетъ до извѣстной степени опасность перехода отъ общаго присяжнаго суда къ какой-либо формѣ судовъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ.

Мы согласны съ тѣмъ, что по большинству дѣлъ для присяжныхъ достаточно лишь обыкновенные здравый смыслъ и проникательность. Это не менѣе, наврядъ ли можно оспаривать два положенія: 1) чѣмъ образованнѣе судья (присяжные), чѣмъ они независимѣе по положенію и средствамъ, тѣмъ болѣе они представляютъ гарантію хорошаго суда; 2) и въ дѣлахъ такого рода, при обсужденіи и рѣшеніи которыхъ, какъ показываетъ опытъ, обычный составъ присяжныхъ поставленъ въ большое затрудненіе, а въ нѣкоторыхъ, *хотя и рѣдкихъ, случаяхъ* даже въ такомъ положеніи, въ которомъ шансы на ошибочное или случайное рѣшеніе значительно увеличиваются. Весьма позволительно усомниться въ томъ, чтобы уѣздная сессія среди нашихъ присяжныхъ могла съ успѣхомъ разобрать дѣло о злоупотребленіяхъ въ таганрогской таможнѣ. Въ будущемъ, когда образованіе распространится въ массѣ, когда будетъ возможно *нѣсколько повысить* требованія, предъявляемыя ко всѣмъ вообще присяжнымъ, исчезнетъ, конечно, необходимость въ специальныхъ присяжныхъ. Во всякомъ же случаѣ рекомендуемые нами специальные присяжные—лучшая форма суда, нежели дѣйствующія у насъ въ настоящее время судилища съ «сословными представителями».

Вс. Даневскій.

Мужчины и женщины въ американской политикѣ.

(Выборы 6 ноября 1894 г.).

Американцы сами говорятъ, что съ политиканами они держатся той же metody, которой монголы держатся съ лекарями: набиваютъ имъ карманы юлотомъ, если тѣ ихъ поддерживаютъ въ добромъ здравіи, и головы съ нихъ снимаютъ долой, когда тѣ этого не исполняютъ.

На послѣднихъ выборахъ, состоявшихся въ ноябрѣ 1894 г., американскіе избиратели совсѣмъ было голову сняли съ демократической партіи, которую надѣлили самыми широкими полномочіями два года назадъ.

Самый фактъ этотъ удивлять бы никого не долженъ: за послѣднія 12 лѣтъ экспериментовъ американцевъ съ тарифомъ и финансами дѣла національныя идутъ все хуже и хуже, въ народѣ отъ безработицы и разныхъ кризисовъ держится упорное недовольство, при которомъ онъ на каждыхъ выборахъ смѣняетъ негодныхъ исполнителей своихъ предъидущихъ приказаній; удивительно то, какъ тихо подготовился послѣдній переворотъ, какъ мало его предвидѣли самые зоркіе и опытные наблюдатели.

Вотъ уже который годъ избирательныя кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ ведутся путемъ печатной и устной пропаганды болѣе или менѣе ложныхъ политико-экономическихъ доктринъ, что называется *a campaign of education*: народъ явно переросъ ту пору, которую еще я сама здѣсь жила 14 лѣтъ тому назадъ, когда каждая политическая партія рассчитывала на многотысячныя блестящія дневныя и факельныя процессіи своихъ приверженцевъ, на шумъ, грохотъ, похвалбу и ракеты для того, чтобы перетянуть въ свою сторону наибольшее число избирателей.

Теперь число молчаливыхъ избирателей—*the silent vote*—съ каждымъ выборомъ все увеличивается и съ каждымъ же разомъ потому дѣлается труднѣе предвидѣть результаты голосованія. Тѣмъ болѣе замѣчательно единодушіе, съ которымъ избиратели прилагаютъ свою плетку тамъ, гдѣ ея воздѣйствіе настоятельнѣе всего требуется.

Смѣшанныя чувства осаждаютъ голову при сопоставленіи фактовъ, доставленныхъ только что пережитою нами выборною горячкою. Они въ прахъ

разбиваютъ облюбленное западно-европейцами обвиненіе американцевъ въ томъ, что, въ погонѣ за долларами, они утратили чувство гражданственности и что американская «экспериментальная» система самоуправления находится на порогѣ къ банкротству.

Едва ли дѣло клонится къ этому, когда, какъ увидимъ ниже, демократическая партія разбивается въ пухъ и прахъ самими же демократами, рѣшившими, что политикамъ ихъ стороны встrepка пойдеть на пользу, а впоследствии—въ науку, когда народъ и его представители обрушиваются всѣмъ гнетомъ своего презрѣнія на администрацію президента—десять остающагося глухимъ къ «гласу народа» и чуждымъ его національнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Едва ли стоять здѣшнія политическія учрежденія на порогѣ къ банкротству, когда и на западѣ, и на востокѣ штатовъ толпы интеллигентнаго, крайне занятаго люда въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ жертвуютъ временемъ и зачисляются добровольцами въ ряды борцовъ противъ воровства, продажности и взяточничества; когда сотни тысячъ рабочихъ, проведя лѣто въ броженіи, стачкахъ, беспорядкахъ и буйствѣ, все свое озлобленіе противъ «власть имущихъ» складываютъ, заодно со своими избирательными билетами, въ ящики въ мѣстахъ подачи голосовъ и безъ малѣйшаго протеста подчиняются рѣшенію большинства.

Значеніе послѣднихъ выборовъ становится еще знаменательнѣе, если принять во вниманіе, что теперь впервые за цѣлое двадцатилѣтіе народная воля по всему пространству страны выражается безпрепятственно, чему избиратели обязаны демократамъ настоящаго конгресса, отмѣнившимъ пресловутый *Force Bill*, которымъ республиканцы въ шестидесятыхъ годахъ установили федеральный надзоръ (и вмѣшательство) надъ мѣстными выборами когда-то мятежныхъ южныхъ штатовъ, одновременно съ отмѣною демократами въ городѣ Нью-Йоркѣ такого же вмѣшательства и гнета со стороны республиканцевъ въ выборы городскіе. И эти первые выборы, состоявшіеся безъ этого правительственнаго надзора и вмѣшательства, всѣми партіями единогласно признаются неоспоримо законными и замѣтельно вѣрно передающими народную волю.

Въ сужденіи объ американскихъ дѣлахъ европейцы упорно и неизмѣнно игнорируютъ двѣ коренныя черты американскаго національнаго склада: ихъ самобытность и залегшую имъ въ кровь и плоть національную антипатію къ Англіи. Самобытность ихъ чаще всего и сбивчивѣе всего сказывается въ способѣ подхода ихъ къ общественнымъ вопросамъ, давно уже волнующимъ страны Стараго Свѣта: европейцы просто не хотятъ усвоить себѣ той простой истины, что, брезгая принятіемъ чужихъ выводовъ на вѣру и опираясь на свою собственную свободу отъ всѣхъ традицій, которыя налагаютъ путы на поступательное движеніе европейскихъ народовъ, американцы во всякомъ вопросу подходятъ просто, безхитростно и рѣшаютъ его по-своему, какъ подсказываетъ имъ здравый ихъ смыслъ и собственные интересы. Ошибокъ они, какъ водится, дѣлаютъ массу, но несутъ затѣмъ на себѣ ихъ бремя безропотно, предпочитая все провѣрить собственнымъ опытомъ, не-

если снимать готовые слички съ опыта Европы, гдѣ условія жизни и труда совершенно отличны отъ здѣшнихъ.

Насчетъ того, окунается ли этотъ процессъ американцамъ, мнѣнія разходятся; одно неоспоримо, что американцамъ проходить даромъ многіе эксперименты (какъ, наприм., въ области финансовъ), которые Западною Европой единогласно признавались совершенно отчаянными, и объясненіе того явленія опять-таки кроется въ томъ, что всё эксперименты эти имѣютъ подъ собою солидную почву настоящаго на нихъ требованія народныхъ массъ. Въ настоящее время, вдобавокъ къ вопросамъ финансовымъ, рѣшенію американцевъ подпадаютъ вопросы социальныя, и къ нимъ американцы приступаютъ по-своему; правда, что вопросы эти дѣйствительно нѣсколько видоизмѣняются при американскихъ условіяхъ жизни.

Что же касается національной вражды къ Англіи, то на этой подюдной скалѣ потерпѣла теперь крушеніе прежняя популярность президента Кливленда: народъ не прощаетъ ему и его статсъ-секретарю близорукихъ стараній «выслужиться передъ Англіей».

I.

Что подвержено было голосованію и съ какими результатами.

Выборы 6 ноября были первостепенными по важности и значенію своему, за тѣмъ единственнымъ ограниченіемъ, что на нихъ не происходило выбора президента Соединенныхъ Штатовъ, т.-е. главы исполнительной власти въ странѣ.

Начать хотя бы съ того, что страна давно томится отъ финансовыхъ кризисовъ и недочетовъ, а теперь шли выборы конгрессменовъ, т.-е. членовъ палаты представителей, которые въ полномъ составѣ избираются каждое двухлѣтіе. По закону, всё финансовыя законопроекты должны исходить изъ этой нижней палаты конгресса, члены которой выбираются простымъ всеобщимъ голосованіемъ по всемъ штатамъ: однѣ территоріи, которыхъ остается теперь четыре, выбираютъ и отправляютъ отъ себя въ конгрессъ не конгрессменовъ, а делегатовъ, имѣющихъ голосъ не законодательный, а лишь совѣщательный. Штатовъ въ Союзѣ въ настоящее время насчитывается 44, и изъ нихъ 41 штатъ выбиралъ конгрессменовъ 6 ноября, тогда какъ въ трехъ штатахъ (Мэнѣ, Орегонѣ и Вермонтѣ) выборы состоялись еще въ сентябрѣ. Выбранные этою осенью 356 конгрессменовъ (вмѣсто перешедшихъ 351) уже не попадутъ въ теперешній 53-й конгрессъ, а составятъ палату представителей 54-го конгресса, первая сессія котораго откроется въ первый понедѣльникъ декабря 1895 года, въ томъ случаѣ, если президентъ не вздумаетъ воспользоваться своимъ правомъ созыва 54-го конгресса на экстренную сессію 4 марта 1895 года,—срока, когда заканчивается легальное двухлѣтнее существованіе 53-го конгресса.

Верхняя палата конгресса, называемая федеральнымъ сенатомъ, попол-

няется по третямъ каждое двухлѣтіе, такъ что въ полномъ своемъ составѣ сенатъ возобновляется черезъ каждыя шесть лѣтъ. Сенаторы выбираются не прямо избирателями, а законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ, по два отъ каждаго штата, причѣмъ, въ случаѣ смерти или выѣзда какаго-нибудь сенатора, губернаторъ его штата назначаетъ ему временнаго преемника, пока не соберется на очередную сессію законодательное собраніе того штата и не произведетъ выборъ сенатора обычнымъ порядкомъ.

Раннею осенью уже состоялись выборы членовъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній въ пяти штатахъ Союза, а 6 ноября состоялись выборы членовъ таковыхъ еще въ 21 штатѣ; въ большинствѣ этихъ штатовъ законодательныя собранія станутъ выбирать по одному сенатору въ конгрессъ, а въ четырехъ штатахъ—по два сенатора.

Общенациональная важность состава законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ проявляется въ воздѣйствіи таковыхъ на составъ федеральнаго сената, куда, конечно, посылаются сенаторами выборные той политической партіи, которая располагаетъ въ данномъ собраніи штата большинствомъ.

Въ 21 штатѣ 6 ноября выбирались губернаторы и вице-губернаторы, а въ девяти штатахъ еще и другія должностныя лица. Въ десяти штатахъ подавались голоса по вопросамъ о поправкахъ къ конституціямъ тѣхъ штатовъ, а въ числѣ таковыхъ въ Канзасѣ вотировали еще по вопросу о распространеніи всѣхъ избирательныхъ правъ на женщинъ, и въпросъ этотъ рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Во множествѣ городовъ, притомъ, происходили 6 же ноября муниципальныя выборы мэровъ, альдермановъ и проч., еще болѣе усложняющія задачи избирателей. Однимъ изъ благихъ результатовъ выборовъ 6 ноября является то, что отнынѣ въ штатѣ Нью-Йоркѣ отмѣняется обычай одновременно производить городскіе и федеральныя выборы.

Разберемся теперь въ данныхъ, получаемыхъ въ результатъ народныхъ выборовъ 6 ноября, которые безъ преувеличенія могутъ быть названы революціей.

Для явшаго уясненія переворота слѣдуетъ припомнить, какъ обширны были полномочія, которыми партія демократическая располагала и будетъ располагать до 4 марта 1895 года. Въ 1892 г. демократы выбрали своего президента и огромное большинство въ 53-й конгрессъ. Въ этомъ конгрессѣ при открытіи его насчитывался 351 конгрессменъ, а именно: 214 демократовъ, 125 республиканцевъ и 12 народниковъ; съ прибавленіемъ за послѣдніе года новыхъ штатовъ къ союзу число конгрессменовъ возвысилось до 356 человекъ.

Теперешнее демократическое большинство 53-го конгресса исчисляется въ 82 человекъ; грядущее республиканское большинство 54-го конгресса исчисляется въ 132 человекъ.

Нѣкоторые изъ выбранныхъ народниковъ сами себя причисляютъ къ завзятымъ поборникамъ «свободнаго серебра», тогда какъ другіе вы-

сены въ списки демократовъ или республиканцевъ, т.-е. партія временной коалиціи, которой они обязаны своимъ избраніемъ. Помимо этихъ «спорныхъ» народниковъ, въ 54-мъ конгрессѣ будетъ народниковъ шесть человекъ. Таковы цифры, полученныя при первомъ счетѣ голосовъ; офіціальный счетъ только что начался и нѣсколько измѣнить эти цифры; къ тому же, правильность избранія 28 конгрессменовъ оспаривается ихъ оппонентами и имѣетъ порѣшиться самимъ 54-мъ конгрессомъ. По наиболѣе въ настоящую минуту достовѣрному списку членовъ 54-мъ конгресса, только что появившемуся изъ конгрессионной типографіи, слѣдуетъ, что республиканское большинство доходитъ до 132 чел.: эта партія будетъ имѣть въ конгрессѣ 244 члена, демократы—104; отъ народниковъ будетъ всего 6 членовъ; одинъ конгрессменъ—«серебренникъ» и одно мѣсто въ конгрессѣ освободилось со смертью одного новозбраннаго въ Нью-Йоркѣ конгрессмена и еще не замѣщено.

Для того же, чтобы уяснить себѣ сущность народнаго вердикта, выражаемаго этими цифрами, слѣдуетъ припомнить въ общихъ чертахъ, что именно изображала собой до сей поры республиканская партія. За послѣдніе годы она является поборницей расширенія сферы вмѣшательства федеральнаго правительства—протекціонизма, въ видахъ огражденія отечественной промышленности отъ конкуренціи Европы, и—на Востока—горю стоитъ за золотой монометаллизмъ.

На Западѣ же республиканцы, равно какъ и демократы, поддались повѣтрію требованій свободной чеканки серебра. Несмотря, однако же, на теоретичную приверженность протекціонизму, республиканцы едва ли скоро тронуть только что проведенный тарифный билль, такъ какъ они сознаютъ, что протекціонизма и въ немъ достаточно, что страна утомлена агитаціей въ пользу покровительственныхъ тарифовъ и рады оставить отвѣтственность за это законодательство на демократахъ. Законодательная работа конгресса, уже намѣченная посланіемъ президента при открытіи конгресса, общааетъ, главнымъ образомъ, сосредоточиться теперь на обсужденіи финансовыхъ реформъ, а по этимъ вопросамъ въ конгрессионномъ большинствѣ должна проявиться серьезнѣйшая разногласица.

Демократическая партія всегда стояла за возможно большую независимость отдѣльныхъ штатовъ отъ федеральнаго правительства; признавая въ теоріи, что протекціонизмъ допустимъ лишь съ цѣлью покрытія ввозными пошлинами расходовъ по экономному управленію страной, демократическая партія, по вступленіи во власть, испугалась, однако же, своей отвѣтственности передъ избирателями и едва тронула республиканскій протекціонизмъ, чѣмъ заслужила презрѣніе какъ друзей, такъ и враговъ. Что касается финансовыхъ вопросовъ, то по отношенію къ нимъ партія эта раздѣлена не меньше республиканской: люди знающіе даже говорятъ, что на дальнемъ Западѣ если не двѣ трети, то уже навѣрное половина всего состава демократической партіи затронута «ересью» свободнаго серебра.

Что же касается «партии народа», то вот главные ее требования, как они сказались в «платформах» этой партии за последние два года ее существования:

- 1) Выпускъ всѣхъ денегъ правительствомъ, безъ участія частныхъ корпораций, именуемыхъ «національными банками», какъ дѣлается это теперь.
- 2) Свободная чеканка серебра и узаконеніе выпуска серебряныхъ денегъ, съ сохраненіемъ теперешняго соотношенія этихъ металловъ (16-ти къ 1-му).
- 3) Требованіе, чтобы количество денегъ, обращающихся въ странѣ, было въ возможно скоромъ времени доведено до 50 долларовъ на каждыя ея обитателя.
- 4) Установленіе подоходнаго налога.
- 5) Сокращеніе всѣхъ правительственныхъ съ народа поборовъ.
- 6) Учрежденіе правительствомъ сохранныхъ кассъ при почтовыхъ коихъ-то.
- 7) Выкупъ правительствомъ въ свои руки всѣхъ желѣзно-дорожныхъ линій, а также и
- 8) Линій телеграфныхъ и телефонныхъ.
- 9) Отобраніе у желѣзно-дорожныхъ компаній розданныхъ имъ земель, которыми тѣ не пользуются, а равно и запрещеніе иностранцамъ владѣть въ странѣ земельною собственностью.

Въ платформахъ народнической партии, принятыхъ за прошлое лѣто, требуется, вдобавокъ къ этому, чтобы правительство выкупило въ свое владѣніе всѣ каналы и угольные копи и само же ихъ эксплуатировало, равно какъ захватило бы въ свои руки и продажу хмѣльныхъ напитковъ.

Кромѣ того, эту партией требуется установленіе общественныхъ работъ для заработка празднымъ рабочимъ, обязательное предоставленіе всѣхъ стачекъ разбирательству и рѣшеніямъ третейскихъ судовъ, учрежденіе пенсіонныхъ кассъ отъ правительства для обезпеченія престарѣлыхъ или нетерпѣвшихъ увѣчья рабочихъ и запрещеніе найма частными лицами и корпорациями «динкертоновъ» и отрядовъ иныхъ вольнонаемныхъ сыщиковъ.

Народная партия въ громадномъ большинствѣ своихъ членовъ набирается изъ природныхъ американцевъ, которые неизмѣнно протестуютъ, когда ихъ зовутъ социалистами. Между тѣмъ, платформа ихъ настолько удовлетворяетъ социалистическія требованія, что социалистической партией не существуетъ внѣ самыхъ большихъ городовъ, да и въ Нью-Йоркѣ за социалистовъ подано на выборахъ всего 8,000 голосовъ.

Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, сущность требованій различныхъ національныхъ партий, мы теперь снова вернемся къ республиканскому большинству и посмотримъ, въ какихъ мѣстностяхъ союза эта партия снискала себѣ наибольшее число прозелитовъ.

По мѣстности конгрессіональное республиканское большинство распределяется слѣдующимъ образомъ: на восточные штаты Новой Англіи приходится по 26 человѣкъ; на старые средніе штаты—66 чел.; на средне-

западные штаты—92 ч.; на штаты далекаго Запада—28 чел. и на южные штаты—32 человека. Весьма важно это *географическое* распредѣленіе республиканскаго большинства, которое имѣть рѣшать всѣ важные вопросы вплоть до 4 марта 1897 года; оно, главнымъ образомъ, набралось помимо восточныхъ и старыхъ штатовъ сѣверной и средней полосы, настаивающихъ на золотомъ монометаллизмѣ, поэтому, несомнѣнно, 54-й конгрессъ будетъ болѣе склоненъ къ исполненію воли штатовъ западныхъ. Въ общей же сложности республиканцы приобрѣли теперь за себя два милліона болѣе голосовъ, чѣмъ числилось на ихъ сторонѣ въ 1892 году.

Полное затмѣніе демократической партіи въ конгрессѣ какъ нельзя ярче представляется изъ слѣдующаго: отъ девятнадцати штатовъ Союза у республиканцевъ будутъ полныя делегации въ конгрессъ, а у демократовъ таковыя будутъ только отъ шести штатовъ; *двадцать одинъ изъ штатовъ союза* не отправили отъ себя въ конгрессъ ни одного демократа, такъ что демократія этихъ штатовъ не будетъ имѣть въ конгрессѣ ни одного представителя. Самая серьезная и вліятельная демократическая газета Нью-Йорка *Sun* такъ опредѣляетъ положеніе: «республиканская партія стала подавляющей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ до того была сильна, и проявила свою энергію въ такихъ мѣстахъ, гдѣ о ней до сей поры не имѣли почти никакого понятія».

Безпомощность демократовъ въ конгрессѣ еще усугубляется тѣмъ, что почти всѣ ихъ конгрессіонные лидеры забаллотированы: не попалъ въ конгрессъ даже Уильсонъ, авторъ послѣдняго тарифнаго билля и правая рука президента Кливленда.

Вся печать страны сходится на томъ мнѣніи, что демократическая партія такъ жестоко разбита демократическими же голосователями. Главный органъ республиканской партіи въ Нью-Йоркѣ, *N.-Y. Tribune*, сопоставляя данныя послѣднихъ выборовъ, не только приходитъ къ тому выводу, что власть передана республиканцамъ въ руку цѣлою арміею избирателей, никогда не принадлежавшихъ къ республиканцамъ, но и указываетъ на чрезвычайно курьезное по своей равномѣрности уклоненіе демократическихъ голосовъ въ пользу республиканцевъ.

Перебирая подтвержденныя цифры голосовъ, поданныхъ изъ наиболѣе густо населенныхъ 12 штатовъ Востока и средней полосы, *Tribune* доказываетъ, что въ каждомъ изъ этихъ штатовъ около одной четверти голосовъ, поданныхъ въ 1892 г., уклонилось въ этомъ году въ сторону республиканцевъ, что въ общей сложности въ этихъ 12 штатахъ въ 1892 году подано было 4.119,000 голосовъ и изъ нихъ 1.116,000 голосовъ (т.-е. немногимъ болѣе одной четверти всего) перешло на сторону республиканцевъ.

Огромное большинство губернаторовъ, которые избирались въ двадцати штатахъ, оказываются республиканцами; въ Небраскѣ выбранъ губернаторомъ народникъ *Holcomb*; за то въ Колорадо прежній губернаторъ народникъ *Waite* забаллотированъ и на его мѣсто выбранъ республиканецъ.

Республиканское же большинство, во многих случаях подавляющее, установилось послѣдними выборами и во многих из законодательныхъ собраній, которыя избирались въ полномъ составѣ въ 21 штатѣ, а этия законодательныя собранія придется выбирать многихъ сенаторовъ въ федеральный сенатъ, который пополняется черезъ каждое двухлѣтіе по третямъ; теперь же, кромѣ обычной трети всѣхъ членовъ сената, сенаторы имѣютъ быть выбраны на мѣсто нѣсколькихъ умершихъ сенаторовъ, а также и отъ нѣсколькихъ нововключенныхъ въ союзъ штатовъ, по два отъ каждаго.

Предполагаютъ, что сенатъ 54-го конгресса будетъ состоять изъ 43 республиканцевъ, 39 демократовъ, 4 народниковъ и 2 «серебрянниковъ» — прежнихъ республиканцевъ, *Jones* и *Stewart*, которые отдѣлились отъ своей партіи потому, что являются горячими поборниками свободной чеканки серебра. По вопросу объ организаціи сената и многимъ другимъ эти два сенатора, конечно, будутъ всегда вотьрывать за одно съ республиканцами, такъ что у тѣхъ при случаѣ будетъ положительное большинство — 45 голосовъ — въ сенатѣ, насчитывающемъ въ общей сложности 88 членовъ. Но демократы за сессію конгресса, открывшуюся 3 декабря этого года, непременно постараются включить въ союзъ территорію Новой Мексики, откуда присланы бы были въ сенатъ демократы. Пока тѣ или другая партія не усилитъ своего положенія въ федеральномъ сенатѣ, рѣшающій голосъ въ немъ легко можетъ доставаться на долю четырехъ сенаторовъ-народниковъ.

Такимъ образомъ, законодательная работа въ Вашингтонѣ оказывается порученной на послѣдующіе два года чрезвычайно странному составу деятелей: въ палатѣ представителей будетъ царить огромное республиканское большинство, въ сенатѣ рѣшающій голосъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ, главнымъ образомъ, финансовыхъ, будетъ принадлежать какимъ-нибудь тремъ-четыремъ народникамъ, а окончательно скрѣплять свою работу проводимые конгрессомъ законы и предлагать порою новое законодательство предстоитъ избранному демократами президенту Кливелэнду. Не вольно припоминается басня о лебедѣ, ракѣ и жуцѣ. Не лишено юмора, что ни одна изъ трехъ партій не соглашается признавать президента Кливелэнда за своего. Демократы всего союза приписываютъ Кливелэнду въ значительной мѣрѣ понесенное ими поражение, обвиняя его въ томъ, что онъ, будто бы, перешелъ въ вѣру народниковъ, взявъ себѣ въ статсъ-секретари Грѣшаму, которому народники предлагали въ 1892 г. кандидатуру въ президентство, и настаивая на томъ, чтобы къ демократической реформѣ тарифа присоединенъ былъ въ конгрессѣ подходящий налогъ, который рекомендовали въ своей національной платформѣ одни народники: подоходный налогъ теперь сталъ закономъ, весьма на Востоцѣ непопулярнымъ, и вотъ демократы величаютъ Кливелэнда социалистомъ — народникомъ. Но народники отъ Кливелэнда отрещиваются обѣими руками, утверждая, что президентъ — покорный слуга Англии, ненавистныхъ народни-

камъ корпорацій и ньюйорскихъ биржевиновъ, которымъ онъ набиваетъ мощну всякаго рода новыми финансовыми мѣрами (изъ нихъ послѣдней по счету является выпускъ пятидесяти - милліоннаго займа, который всецѣло переданъ былъ синдикату ньюйорскихъ банкировъ, такъ называемому *Stewart trust*. Этотъ послѣдній, захвативъ 14/26 ноября въ свои руки прямо изъ казначейства весь заемъ сполна, въ теченіе какихъ-нибудь двухъ недѣль затѣмъ положилъ въ карманъ своихъ участниковъ свыше милліона чистаго барыша, перепродавая бумаги государственнаго банка публикѣ по возвышенной цѣнѣ).

И вотъ народники, отказываясь отъ преподносимаго имъ демократами въ даръ Кливелэнда, въ свою очередь утверждаютъ, что Кливелэндъ, какъ поборникъ до сей поры золотого монометаллизма (въ интересахъ поддержки котораго имъ и выпущенъ былъ вышеупомянутый заемъ на свой страхъ, изъ боязни оппозиціи ему демократовъ на очередной сессіи 53-го конгресса, открывшейся всего недѣлю спустя, 3 декабря), по праву долженъ быть соприсчисленъ къ республиканской партіи, являющейся пока главною защитницей золотого монометаллизма, требуемаго Востокомъ.

Но республиканцы хотя и одобряютъ финансовыя мѣры Кливелэнда, тѣмъ не менѣе, умываютъ руки въ другихъ его дѣйствіяхъ и говорятъ, что краеугольнымъ камнемъ всего славнаго прошлаго республиканской партіи былъ ея всегдашній горячій патриотизмъ и что въ рядахъ республиканцевъ не можетъ быть мѣста Кливелэнду, который, всегда стараясь плясать подъ дудку Англіи, попраля ногами всѣ лучшія традиціи страны, оттолкнувъ предложенія Гавайи присоединиться къ союзу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (чего въ теченіе 50 лѣтъ желала американская дипломатія) и употребивъ всѣ силы на то, чтобы подкопать установившуюся на этихъ островахъ республику съ президентомъ американцемъ и реставрировать тамъ тронъ распутной, лѣнивой королевы-негритянки Лилиукалани.

II.

Броженіе въ старыхъ и въ новой политическихъ партіяхъ.

Едва ли не самымъ знаменательнымъ, важнымъ и неожиданнымъ результатомъ выборовъ 6 ноября была произведенная республиканцами брешь въ непоколебимо-демократической до сей поры твердынѣ Юга.

Съ самаго времени междуусобной войны Сѣвера съ Югомъ въ 1861—65 годахъ, за исключеніемъ слѣдовавшихъ за нею нѣсколькихъ лѣтъ, когда на подавленномъ Югѣ самовластно распоряжались разные республиканскіе авантюристы, южные штаты всегда оставались за демократами, и въ конгрессъ оттуда неизмѣнно отправлялись одни только демократы. Въ одной лишь Сѣверной Каролинѣ два года назадъ избранъ былъ губернаторомъ народникъ изъ рабочихъ, Тильманъ. На этихъ же выборахъ за демократами уцѣлѣло всего шесть штатовъ рабовладѣльческаго Юга; въ двухъ южныхъ штатахъ, въ Западной Виргиніи и въ Делаверѣ, республиканцы

выбрали всѣхъ конгрессменовъ, а въ остальныхъ восьми штатахъ «твердыни Юга» выбрано въ конгрессъ 59 демократовъ, 26 республиканцевъ и 8 народниковъ и приверженцевъ свободной чеканки серебра. Если бы передъ послѣдними выборами кому пришло въ голову утверждать, что противъ демократовъ возстанутъ такіе штаты, какъ Теннесси, Миссури, Кентѣкки и Сѣверная Каролина, его бы приняли за сумасшедшаго, теперь же это—совершившійся фактъ.

Важности политическаго переворота, совершившагося въ «твердынѣ Юга», здѣсь не умаляетъ никто. Нужды нѣтъ, какія къ тому повели причины на первомъ планѣ стоитъ тотъ фактъ, что закончилась эра междуусобной войны и что отнынѣ предстоитъ по всему Союзу новая и болѣе целесообразная группировка политическихъ партій, сообразно съ экономическими требованіями той или другой мѣстности Союза. Югъ и Западъ все болѣе и болѣе тяготеютъ другъ къ другу: богатые, главнымъ образомъ, естественными продуктами, они въ требованіяхъ своихъ являются антагонистами интересамъ мануфактурной восточной и средней части Союза. Западъ съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ свободной чеканки серебра и федеральнаго узаконенія серебра на одной доскѣ съ золотомъ въ пропорціи 16 унцій серебра на одну золота, а къ этому требованію присоединяется теперь и Югъ, въ противовѣсъ Сѣверу и Востоку, изъ всѣхъ силъ настаивающимъ на удержаніи золотого монометаллизма.

Группировка политическихъ партій, установившаяся за время междуусобной войны 1861 — 65 гг., распалась теперь, главнымъ образомъ, по вопросу о тарифѣ, а новая группировка совершится болѣе рациональнымъ порядкомъ, сообразно экономическимъ и финансовымъ тенденціямъ штатовъ. Все указываетъ на то, что тарифъ до поры до времени оставленъ будетъ въ покоѣ и всѣ интересы сосредоточатся теперь на преобразованіи финансовой политики Соединенныхъ Штатовъ въ другихъ отношеніяхъ. Требованіе этихъ преобразованій сказалось съ такою силой на ноябрьскихъ выборахъ, что его не смѣтъ игнорировать даже президентъ Кливелендъ, и въ годовомъ докладѣ своемъ при открытіи конгресса онъ рекомендуетъ немедленную реформу теперешней системы доставленія народу денежныхъ знаковъ. Конечно, поборниковъ свободной чеканки серебра, требующихъ огромнаго увеличенія суммы обращающихся въ народѣ денегъ, предложеніе Кливеленда совсѣмъ не удовлетворяетъ, поэтому и новой группировкѣ партій предстоитъ идти своимъ чередомъ.

До сей поры приверженцы свободной чеканки серебра держались партіи народниковъ, но теперь число ихъ возростаетъ такъ быстро и требованія ихъ находятъ такой мощный отголосокъ въ сельскихъ массахъ, что поговариваютъ объ организаціи независимой серебряной партіи, которая бы въступила на президентской кампаніи 1896 года со своимъ кандидатомъ: въ скоромъ времени предполагаютъ созвать большой съѣздъ приверженцевъ серебра для обсужденія этого самаго вопроса.

Многіе, однако же, держатся того мнѣнія, что союзъ приверженцевъ

свободной чеканки серебра съ народниками не расторгнется, тѣмъ болѣе, что предполагается перестройка на новыхъ началахъ самой народнической партіи, съ тѣмъ, чтобы освободить ее отъ разныхъ присосавшихся къ ней тумасбродныхъ «измовъ» и сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ она является по своему существу: партіей государственнаго социализма на подкладкѣ требованій, предъявляемыхъ американскими условіями жизни. Обсуждая слѣдующее, по необходимости, сведеніе итоговъ только что состоявшихся выборовъ, большинство наиболѣе вліятельныхъ газетъ восточныхъ штатовъ, признаютъ огромные уронъ, понесенные народниками, и указываютъ на то, что эта скользящая партія такъ же быстро испарится, какъ быстро и возникла. Выходя этотъ, однако, оказывается, на основаніи пробѣренныхъ данныхъ, совершенно ошибочнымъ. Правда, что народническая партія, которую *N.-Y. Sun* называетъ «партіей социализма на подкладкѣ безумія», разбила въ Колорадо и въ Канзасѣ, въ тѣхъ самыхъ штатахъ, гдѣ успѣла, казалось, за послѣдніе годы утвердиться наиболѣе твердою ногой; но за то она распространилась по множеству штатовъ, гдѣ о ней до сихъ поръ не было и слышно, а въ особенности въ штатахъ южныхъ, гдѣ она одержала очень крупныя побѣды. Въ добавокъ къ этому за кандидатуры народнической партіи подано на этихъ выборахъ почти вдвое болѣе голосовъ, нежели подано таковыхъ въ 1892 году: тогда голоса народниковъ составляли лишь $\frac{1}{12}$ голосовъ, поданныхъ за выборы по всему Союзу, а этою осенью за народниковъ подано уже $\frac{1}{6}$ всѣхъ голосовъ въ штатахъ. Это ли не гигантскій ростъ для молодой партіи?

Всего подано было 6 ноября по всему Союзу около десяти милліоновъ голосовъ, а въ 1892 г.—около двѣнадцати милліоновъ голосовъ, такъ какъ свершившееся въ томъ году избраніе президента обострило интересъ народа къ политикѣ. И вотъ мы видимъ, что въ 1892 году подано было за кандидата на президентство отъ народной партіи 1.041,028 голосовъ; въ томъ же году въ общей сложности подано народниками 1.636,000 голосовъ т.-е. они, повидимому, перетянули на свою сторону за два года почти 600,000 человѣкъ избирателей. И эта цифра общаго роста новой партіи несомнѣнно оказалась бы еще много внушительнѣе, если бы на далекомъ западѣ, въ самой твердынѣ народниковъ, обѣ старыя партіи не сдались передъ всеобщимъ въ той мѣстности требованіемъ свободной чеканки серебра и не надавали обѣщаній въ этомъ смыслѣ, что привлекло къ нимъ массу отшатнувшихся было отъ нихъ избирателей. Потерявъ массу голосовъ на Западѣ, народники съ лихвой возмѣстили эти утраты побѣдами въ штатахъ Юга, которые страдаютъ тою же болѣзнью недостатка денежныхъ знаковъ въ обращеніи, на которую жалуется Западъ.

Теперь вопросъ въ томъ, найдетъ ли Югъ себѣ исходъ помимо вступленія въ народную партію, или нѣтъ? Зависеть же разрѣшеніе этого вопроса будетъ отъ того, какому методу леченія подвергнутся въ ближайшемъ будущемъ финансовыя немощи Юга и Запада. Насколько можно было судить за послѣдніе годы, главная мощь народнической партіи крылась въ томъ, что

она была единственною партіей, открыто возставшею противъ существующаго въ странѣ золотого монометаллизма, неизмѣнно поддерживаемаго штатами восточными. И самый этотъ престижъ ученія народническихъ указываетъ на то, что главное зло не въ тарифѣ, надъ которымъ уже столько лѣтъ ломаютъ себѣ голову объ старыя политическія партіи, а въ ошибочной постановкѣ національныхъ финансовъ со времени введенія въ 1871 году золотого монометаллизма. Мы не станемъ здѣсь, за недостаткомъ мѣста, вдаваться въ подробный разборъ аргументовъ финансистовъ народнической партіи; въ подтвержденіе вѣрности своего диагноза болѣзни національнаго организма народники указываютъ на то, что, несмотря на всяческіе пересмотры тарифа, времена для народа за послѣднія двѣнадцать лѣтъ становятся съ каждымъ годомъ все тяжелѣе и тяжелѣе, и все это, по ихъ увѣренію, потому, что, съ увеличеніемъ численности населенія страны, недостача денежныхъ знаковъ въ обращеніи становится все чувствительнѣе. Такъ, въ 1868 году денегъ, обращавшихся въ странѣ, приходилось по 52 доллара на человѣка, теперь же, когда население страны почти удвоилось и дѣловые обороты вдесятеро возросли, денегъ въ обращеніи приходится по 25 долларовъ на человѣка, а на Югѣ и того менѣе: въ южномъ штатѣ Алабамѣ денегъ въ обращеніи имѣется и 3 доллара 60 центовъ на человѣка, а долгу—по 26 долларовъ на человѣка.

И вотъ, какъ утверждаютъ народники, подъ вліяніемъ этого-то невыносимаго финансоваго гнета, причиняющаго нужду и безработицу, съ недавними новыми національными выборами совершался переворотъ: народъ, и зная, въ чемъ искать облегченія, выгонялъ изъ власти одну партію и другую, и все же облегченія не получалъ, а политическія сотрясенія съ каждымъ выборами становятся все значительнѣе.

До сей поры возставала противъ финансоваго политикана Востока одна лишь партія народниковъ, набравшаяся, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ фермеровъ и иного разношерстнаго люда, имѣющаго весьма смутное понятіе о финансовомъ дѣлѣ. Теперь же на Западѣ объ старыя партіи, уступая народнымъ требованіямъ, высказались за свободную чеканку серебра и тѣмъ нанесли тамъ огромный подрывъ народникамъ. И вотъ нѣгіе опытные политики предсказываютъ, что къ 1896 году серебряный вопросъ долженъ настолько обостриться, что если республиканская партія, надававшая теперь на Западѣ обѣщаній, откажется въ 1896 г. встать въ свою національную платформу требованіе свободной чеканки серебра, то всѣ делегаты отъ Запада разомъ оставятъ республиканскій національный конвентъ и выставятъ кандидатовъ на президентство отъ образуемой ими новой, *серебряной*, партіи, къ которой пристанутъ, само собою разумется, и демократы Юга, тогда какъ приверженцы монометаллизма на Востокѣ сами собою сплотятся съ республиканскою партіей, и такъ-де «совершится упрощеніе демократической національной партіи».

Нечего, я полагаю, и присовокуплять, что эти предсказанія идутъ отъ народникъ въ и отъ республиканцевъ; демократы пока не собираются пре-

завести надъ собою *hari-kari*: они тоже заигрываютъ съ поборниками вободнаго серебра, видя въ ихъ лицѣ грозную тучу, надвигающуюся на нихъ съ Запада и Юга. Насколько страстенъ въ массахъ далекаго Запада просъ на финансовое облегченіе, становится очевидно уже и изъ того, какъ онѣ обошлись съ народниками, въ политической платформѣ которыхъ ни провидѣли возможность для себя облегченія, но которые затѣмъ отолкнули ихъ тѣмъ, что оказались готовыми исполнять требованія всякихъ фантазёровъ и диллетантовъ экономической науки.

Два года тому назадъ только что организованная тогда народническая партія одержала на выборахъ побѣду: въ Орегонѣ, Колорадо, Канзасѣ и Невадѣ избраны тогда были губернаторы отъ народниковъ; отъ Невады, Канзаса и Южной Дакоты отправлены были народники сенаторами въ конгрессъ, а Орегонъ, Колорадо, Айдахо, Невада и Сѣверная Дакота избрали всею полностью или отчасти народнической списокъ президентскихъ выборщиковъ.

Правда, что эта побѣда одержана была народниками съ помощью заднихъ демократовъ, которые, давно состоя въ безнадежномъ меньшинствѣ, рѣшились на это средство, чтобы смѣстить республиканцевъ. Но двухъ лѣтъ народническаго режима было достаточно, чтобы оттолкнуть народъ отъ этой партіи, не успѣвшей еще проложить себѣ надежное русло и представляющей изъ себя пока какую-то хаотическую силу: пристали къ ней и прежніе гринбэкеры, предлагавшіе наводнить страну бумажными деньгами, поборники принудительной трезвости, женскаго голосованія, правительственныхъ вспомошествованій фермерамъ денежными ссудами, проповѣдники необходимости экономическаго и законодательнаго отложенія запада Союза отъ востока, люди, исповѣдующіе доктрины Генри Джорджа, всякіе адепты теоріи государственнаго социализма,—однимъ словомъ, составила партія «чего хочешь, того просишь». Народникъ губернаторъ Колорадо—*Waite*—пошелъ даже до того, что сталъ подстрекать одни классы народа противъ другихъ, всенародно, притомъ, заявляя, что «самъ готовъ вести массы впередъ, хотя бы ему пришлось для того ѣхать бродомъ въ потокахъ крови, доходящей его коню до уздечки...»

Провозглашая эту нелѣпую фразу, облетѣвшую затѣмъ весь Союзъ и ставшую затѣмъ эпитетомъ кровожаднаго губернатора, — *bloody bridle Waite*,—Уайтъ упустилъ изъ вида ту своеобразность коренныхъ американскихъ народныхъ массъ, что онѣ вовсе не извѣрили въ дѣйствительность зовихъ свободныхъ учреждений, гордятся ими и презираютъ призывы къ юрѣшенію дѣлъ путемъ грубой силы и кровопролитія, какъ вещи, налаившія тѣнь на доброе имя республиканской формы правленія.

Представители народниковъ въ конгрессѣ своею дѣятельностью заставили въ то время всѣхъ мыслящихъ людей призадуматься надъ тѣмъ, не тапиаки ли эти представители? За двѣ первыя сессіи 53-го конгресса горсть народниковъ,—ихъ тамъ не было и двѣнадцати человекъ,—запрудили конгрессъ разными сумасбродными биллями, изъ числа которыхъ девять,—

...законными,—вызвали бы страну на затрату 35.527.300,000 рублей, т.-е. слишком *семидесяти миллиардов* русских рублей.

Чуждо ли удивляться тому единодушію, съ которымъ старая партія исполнилась этою осенью въ штатахъ Запада для сверженія народниковъ?

Въ виду настоятельности общей опасности, люди Запада не постылись за самыми радикальными уступками: объ старая партія принимали на себя обязательство содѣйствовать установленію свободной чеканки серебра; демократы, сознавая свое безнадежное меньшинство, вездѣ примкнули къ республиканцамъ, подавая голоса за ихъ кандидатовъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ дѣло дошло до безпримѣрнаго въ здѣшней политикѣ явленія: демократы за время кампаніи, предшествовавшей выборамъ 6 ноября, упразднили даже свою отдѣльную политическую организацію, исполняя лишь предначертанія своихъ союзниковъ республиканцевъ, и этимъ до извѣстной степени объясняются подавляющія побѣды республиканцевъ на Западѣ и полное тамъ затмѣніе демократической партіи. Въ штатѣ Колорадо, гдѣ стараніями народниковъ только что распространены были избирательныя права и всѣхъ женщинъ, достигшихъ совершеннолѣтія, эти самыя женщины явились мощными и неутомимыми дѣятелями въ сверженіи народническаго управленія. Какъ отчаянна была въ данномъ штатѣ борьба противъ народниковъ, можно судить по тому, что хотя теперь республиканцы и восторжествовали тамъ по всей линіи, но за послѣдніе выборы народники Колорадо все же подали 67,000 голосовъ, тогда какъ въ 1892 году имъ отдано было всего 54,000 голосовъ.

Но тогда какъ на Западѣ имъ приходилось выдерживать уронъ за уронъ, народники, какъ мы уже показывали, стаяли большія побѣды въ южныхъ штатахъ. И надо сказать, вопреки утверженію нѣкоторыхъ газетъ, что народная партія является и понинѣ силой, съ которою придется считаться. И какъ растетъ эта партія, несмотря на понесенные ея уроны! Какъ уже сказано выше, за два года число голосовъ народниковъ при выборахъ возросло на 600,000, т.-е. численность ихъ въ этотъ короткий срокъ возвысилась на цѣлыхъ 57 процентовъ, и это въ такую пору, когда у партіи не было опытности, когда къ ней прицѣплялись всякіе непопаты, когда она производила ошибку за ошибкой!... Трудно и предсказать будущее этой партіи при теперешнемъ недовольствѣ въ народѣ обими старыми политическими партіями. Многое, конечно, будетъ зависеть отъ того, на какихъ основахъ будетъ утверждена перестройка партіи при проектируемомъ ея преобразованіи въ партію свободной чеканки серебра и преимуществу. Утверждаютъ, вѣдь, люди знающіе, что въ западныхъ штатахъ отъ половины и до двухъ третей всего числа демократовъ заранѣе «серебряною горячкой»; не мало приверженцевъ свободной чеканки насчитывается тамъ и среди республиканцевъ.

Въ сущности, только что опредѣлившіеся результаты ноябрьскихъ выборовъ 1894 года являются яркимъ доказательствомъ того, что народные массы въ Соединенныхъ Штатахъ извѣржились въ объ старая партія,—

доктрины обѣихъ этихъ партій сильно обветшали и утратили свой интересъ: ни та, ни другая народныхъ требованій не удовлетворяютъ; народъ растетъ чуть не каждое двухлѣтiе теперь передаетъ власть изъ рукъ одной партіи въ руки другой, зная, что «обѣ хуже», ища лишь болѣе способныхъ исполнителей законовъ, людей отзывчивыхъ хотя бы на самыя козанныя стремленія націи.

И вотъ всѣ себя спрашиваютъ: какими переѣнами скажется новая рупнировка избирателей на партіи,—удержится ли народничество, или оно гдетъ поглощено *серебряною* партіей?

III.

Существуетъ ли *de facto* образовательный цензъ для американскихъ избирателей?

Во многихъ органахъ партій, потерпѣвшихъ поражение, причиною его при дится невѣжество массы избирателей, не способныхъ вникнуть въ сущность предлагаемыхъ имъ нововведеній.

Посмотримъ теперь, насколько можетъ быть правды въ этихъ объясненіяхъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ извѣстно, не существуетъ ни образовательнаго, ни имущественнаго ценза въ дѣлѣ подачи голосовъ при федеральныхъ выборахъ; на самомъ же дѣлѣ въ большинствѣ штатовъ голованіе является дѣломъ настолько сложнымъ, что человѣку темному или непривычному приходится поступаться своимъ голосомъ, такъ какъ маѣйшей неисправности въ формѣ подачи избирательнаго билета или поѣтки такового достаточно для того, чтобы билетъ выбросили изъ счета.

Взять хотя бы для примѣра штатъ Нью-Йоркъ. Каждый штатъ самъ устанавливаетъ форму и правила для подачи избирателями голоса въ своихъ предѣлахъ, Нью-Йоркъ же я беру для примѣра потому, что дѣсь имѣется наибольшее число невѣжественныхъ избирателей въ числѣ прибывающихъ изъ Европы эмигрантовъ (однихъ русскихъ и польскихъ евреевъ въ штатѣ насчитывается до трехсотъ тысячъ душъ, изъ которыхъ же навѣрное до 30,000 человекъ заручились правомъ голоса), а также и потому, что въ этомъ году на рѣшеніе избирателей представлено было дѣсь особенно много вопросовъ, помимо обычнаго комплекта кандидатовъ на выборныя должности.

Голосованіе иногда происходитъ въ табачныхъ или иныхъ мелкихъ лавкахъ, закрытыхъ для публики въ этотъ день, но по большей части въ козобыхъ домикахъ, сколоченныхъ изъ тесу для того, чтобы служить на одинъ день выборовъ, и поставленныхъ на самой улицѣ, у тротуара; въ такомъ домикѣ, за деревянными перилами, сидятъ избирательные клерки, которые спрашиваютъ у каждаго входящаго избирателя его имя и адресъ, спрашиваютъ, занесено ли такое имя въ книгу предварительной регистраціи, ставятъ противъ него отиѣтку и вручаютъ избирателю полный комплектъ

билетовъ. Получивъ билеты, избиратель удаляется въ одну изъ четырехъ или пяти будокъ, устроенныхъ, какъ стояла, вдоль одной изъ стѣнъ того же домика, и за нимъ затворяются коротенькія дверцы, оставляющія на виду его голову и ноги. Въ такой будкѣ каждому избирателю позволяется оставаться никакъ не болѣе десяти минутъ: если въ это время онъ не справился съ билетами, то голосъ его пропадаетъ и онъ обязанъ уступить мѣсто другому.

Между тѣмъ, задача, представлявшаяся избирателю въ день выборовъ 6 ноября, была далеко не шуточная. Каждому изъ входящихъ выборные клерки вручали отъ 22 до 24 избирательныхъ билетовъ, 6×8 дюймовъ или 6×10 величины каждый, — разнѣмъ зависѣлъ отъ того, длиненъ ли списокъ имъ или менѣе кандидатовъ той или другой партіи на билетѣ, или на немъ напечатано одно какое предложеніе, подлежащее въ данный день голосованію. Этою осенью интересъ къ выборамъ въ самомъ городѣ Нью-Йоркѣ чрезвычайно былъ обостренъ вслѣдствіе энергическаго вмѣшательства въ политику людей и организацій, стремившихся свергнуть иго Таммани Холъ и разславившихъ порочные методы этой старой организаціи демократической партіи на весь штатъ, на весь, можно сказать, союзъ штатовъ... И вотъ 6 ноября, въ числѣ 22 билетовъ, предлагаемыхъ избирателю въ большинствѣ кварталовъ города, было восемь билетовъ со списками кандидатовъ различныхъ партій: кандидата на губернатора штата, мэра города и другихъ должностныхъ лицъ, членовъ законодательнаго собранія и конгрессменовъ отъ партій *регулярно-демократической*, *республиканской*, отъ *Empire State Democracy*, отъ *Democratic Reform Organisation*, отъ *New-York State Democracy*, отъ *рабочей социалистической партіи*, отъ партіи *народнической* и отъ *пропибиціонистовъ*, т.-е. партіи принудительной трезвости. Тамъ, гдѣ новые волонтеры-реформаторы предъявляли своихъ кандидатовъ, избирателямъ выдавались еще добавочные билеты отъ партіи хорошаго управленія—*Good government party*. Кроме того, кандидату выдавалось пять билетовъ *за* и пять билетовъ *противъ* пяти различныхъ поправокъ къ конституціи штата или группы предлагаемыхъ новыхъ мѣръ; затѣмъ по два билета *за* и *противъ желательности* постройки и счетъ города подземной желѣзной дороги и соединенія подъ однимъ муниципальнымъ управленіемъ Нью-Йорка и смежныхъ съ нимъ городовъ того же штата Нью-Йорка: огромнаго Бруклина и около двадцати мелкихъ городковъ, занимающихъ въ общей сложности площадь въ 317,7 милл. Чѣбы не возвращаться уже къ этому вопросу, скажемъ теперь же, что избиратели высказались *за желательность* этихъ двухъ послѣднихъ предложеній, и новозбранное законодательное собраніе штата выработаетъ теперь способы къ осуществленію того и другого: городу разрѣшается извѣсти на первый разъ заемъ въ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ на застройку подземной дороги. На одномъ изъ избирательныхъ билетовъ предлагалось высказаться разомъ касательно принятія или отверженія 31 поправки къ конституціи штата.

Когда избиратель, держа въ рукахъ пачку изъ 22-хъ или 24-хъ билетовъ, удалялся въ будку, то онъ тамъ въ теченіе десяти минутъ долженъ былъ не только отобрать тѣ билеты, которые желалъ вотировать, о и сложить каждый изъ этихъ билетовъ въ отдѣльности не иначе, какъ редписаннымъ закономъ способомъ, т.-е. чтобы не видно было снаружи ничего, кромѣ нумера билета, затѣмъ сложить вмѣстѣ все остальные билеты, вручить тѣ и другіе, при выходѣ изъ будки, выборному клерку и осмотрѣть за тѣмъ, какъ тотъ разорветъ, броситъ отверженные избираемымъ билеты и, оторвавъ нумера билетовъ, имъ вотируемыхъ, опуститъ ихъ въ надлежащіе избирательные ящики. Въ избирательныхъ будкахъ мѣются пропитры, чернила и перья, и избиратель можетъ по желанію вычеркивать какія хочетъ имена въ спискахъ кандидатовъ, вписывая на ихъ мѣсто другія, или же наклеивая на билетъ ленточки съ запечатанными на нихъ именами кандидатовъ иныхъ группъ; эти ленточки имѣютъ съ пластомъ клея на оборотной сторонѣ даромъ предлагаются агентами различныхъ партій избирателямъ въ самыхъ мѣстахъ голосованія; агентамъ этимъ, впрочемъ, не дозволяется подходить ближе, чѣмъ на полтора фута въ самый будкамъ. Помимо этого каждый голосователь передъ выборами получаетъ отъ заправителей различныхъ партій такія ленточки (*pasters*) цѣлыми дюжинами по почтѣ и онъ можетъ захватить ихъ съ собой въ будку. Одинъ мой знакомый получилъ по почтѣ 12 различныхъ такихъ списка при воззваніяхъ отъ различныхъ организацій.

Для того, чтобы разобратся во всей этой массѣ билетовъ, бѣгло просмотрѣть ихъ, вставить въ нихъ новыя имена, сложить билеты и подать ихъ, требуется не малое знакомство съ дѣломъ и расторопность, тѣмъ болѣе, что даже помогать избирателю выбирать или складывать билеты не позволено никому, иначе какъ когда тотъ сѣпъ или же не владѣетъ руками, о чемъ, впрочемъ, долженъ представить формальное свидѣтельство.

Удивляться ли въ виду всего этого тому, что въ городѣ Нью-Йоркѣ написано было въ регистрахъ свыше 285,000 избирателей, а 6 ноября правильно поданныхъ и сочтенныхъ голосовъ оказалось не болѣе 265,000? И это число свидѣтельствуетъ о столь высокомъ уровнѣ развитія избирателей, который едва ли найдется въ какомъ другомъ большомъ городѣ цивилизованнаго міра: въ Нью-Йоркѣ, вѣдь, насчитывается теперь 1.900,000 жителей, а одинъ голосователь приходится здѣсь, среднимъ числомъ, на каждыя шесть или семь душъ населенія.

Конечно, множество билетовъ портилось избирателями, имѣвшими право требовать въ такомъ случаѣ свѣжіе билеты, но ихъ и напечатано было для одного города Нью-Йорка, на счетъ штата, двадцать милліоновъ штукъ, на изготовленіе которыхъ пошло, какъ говорятъ, свыше ста тоннъ бумаги, а на связываніе ихъ въ пачки—до восьми сотъ фунтовъ тонкой бичевы.

Таммани Холль,—организація, имѣющая наибольшее число невѣжественныхъ и безграмотныхъ приверженцевъ,—заблаговременно выдавала инструк-

ци насчетъ того, чтобъ эти люди не мѣшкали въ будкахъ надъ билетами, а выбирали бы скорѣе списки кандидатовъ Таммани Холль и подавали бы эти одни, не тратя времени на вотированіе поправокъ къ конституціи и на другимъ предложеннымъ вопросамъ. Такимъ порядкомъ трое послѣдователямъ Таммани удавалось вотировать въ теченіе десяти минутъ, которыя у другихъ, притомъ, просвѣщенныхъ избирателей дѣлкомъ уходили на подачу одного голоса.

Надо сказать, что такая сложная система голосованія, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ дѣйствуетъ въ Нью-Йоркѣ: требованія на ея упрощеніе слишкомъ велики. Весьма также вѣроятно, что принято будетъ и узаконено вотированіе посредствомъ машинъ, недавно здѣсь изобрѣтенныхъ и оказывающихся весьма практичными. При этихъ машинахъ выставляются списки именъ кандидатовъ всѣхъ партій и тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются на выборъ избирателямъ: избирателю предоставляется лишь нажимать пуговку при каждомъ имени или предложеніи, за которыя онъ желаетъ вотировать, и голосъ его заносится въ списки механическимъ способомъ. Правда, что стоимость этихъ машинъ исчисляется по сотни долларовъ каждая, но расходы на нихъ окупаются въ короткое время, такъ какъ машины могутъ служить многіе годы, а ими устраняется обычный расходъ въ 40,000 долларовъ на одно печатаніе официальныхъ билетовъ при каждомъ выборахъ, да, притомъ, ими чуть ли не втрое сокращается число выборныхъ участіевъ. На-дняхъ здѣсь произведены были пробы этимъ машинамъ, и въ результатѣ оказалось, что на каждой изъ нихъ свободно могутъ вотировать до 500 человекъ за тѣ десять часовъ, что, обыкновенно, опредѣляется закономъ на подачу голосовъ, а сочтены будутъ бытъ поданные голоса въ теченіе какихъ-нибудь 35-ти минутъ времени, причемъ результаты не могутъ ни мошеннически подтасовываться, ни подвергаться какому-либо сомнѣнію.

В. Макъ-Гаханъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и Данія при императрицѣ Екатеринѣ I.

(По документамъ датскаго архива).

Сношенія между Россіей и Даніей въ продолженіе XVIII-го в. не имѣли важнаго политическаго значенія. При первыхъ государяхъ дома Романовыхъ Московское государство не принимало особенно дѣятельнаго участія въ общеевропейскихъ дѣлахъ. Поэтому не было повода къ заключенію союзовъ или къ столкновеніямъ съ Данією.

За то неоднократно въ сношеніяхъ между Даніей и Московскимъ государствомъ была рѣчь о брачныхъ вопросахъ, не приводившихъ къ желанной цѣли. Такъ, наприм., царь Борисъ хотѣлъ было выдать свою дочь Есенію за датскаго принца Иоганна, который, пріѣхавъ въ Россію, вскорѣ заболѣлъ и скончался. Немного позже, въ 1621 году, патріархомъ Филаретомъ было отправлено посольство къ датскому королю Христіану IV для присканія царю Михаилу Теодоровичу невѣсты между племянницами короля. Посольство это не имѣло успѣха. Россія тогда, послѣ смутнаго времени, не пользовалась уваженіемъ на Западѣ, датскій король не желалъ сближенія съ московскимъ дворомъ и даже вовсе не принялъ русскихъ дипломатовъ. Затѣмъ въ концѣ царствованія Михаила Теодоровича возникъ вопросъ о бракѣ дочери царя съ датскимъ принцемъ Вольдемаромъ, который, пріѣхавъ въ Россію, не хотѣлъ принять православія и поэтому отказался отъ этой женитьбы.

Порою дипломатическія сношенія между Даніей и Россіей относились къ вопросамъ торговли. Такъ, наприм., въ 1631 году датчане просили о дозволеніи торговать беспошлинно, о вывозѣ въ Данію хлѣба и о разрѣшеніи имъ торговли съ Персією чрезъ московскія владѣнія; другой разъ датскіе купцы ходатайствовали объ уступкѣ имъ монополіи торговли шифтъю, объ устройствѣ ими въ Россіи канатнаго завода и проч. Всѣ эти переговоры не имѣли успѣха. Датскіе дипломаты въ Россіи не пользовались особенно благопріятнымъ успѣхомъ. Также и съ русскими дипломатами въ Копенгагенѣ иногда происходили непріятности.

Не раньше какъ въ эпоху царствованія Петра Великаго дипломатическія сношенія между Даніей и Россіей сдѣлались важными въ области

политики. Данія, въ то время владѣвшая Норвегією, имѣла для Россіи значеніе полезнаго союзника въ борьбѣ съ Швеціей. По мѣрѣ того, какъ балтійскій вопросъ становился жгучимъ при царѣ-преобразователѣ, сближеніе съ Даніей сдѣлалось чрезвычайно важнымъ. Нападая на Швецію, Петръ рассчитывалъ на удачныя дѣйствія Даніи противъ Карла XII, который, однако, успѣлъ въ самомъ началѣ Сѣверной войны принудить Данію къ заключенію травендальскаго мира. Данія послѣ этого въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не могла участвовать въ войнѣ. Полтавская битва дала Петру возможность вновь ввести Данію въ войну противъ Швеціи. Въ Россію былъ отправленъ дипломатъ вице-адмиралъ Юль (Juel), записка котораго о пребываніи его въ Нарвѣ, Петербургѣ, Москвѣ и о его участіи въ прутскомъ походѣ недавно были изданы въ Копенгагенѣ секретаремъ архива Грове. Неудача въ борьбѣ противъ Турціи содѣйствовала затѣмъ нѣкоторому охлажденію въ сношеніяхъ между Даніей и Петромъ. Въ 1715 году, однако, былъ составленъ проектъ о совмѣстномъ дѣйствіи русскаго и датскаго флотовъ противъ Швеціи, и самъ Петръ отправился въ Копенгагенъ для осуществленія этого проекта. Въ сожалѣнію, военныя дѣйствія оказались невозможными вслѣдствіе разлада между союзниками. Хотя вообще Петръ могъ быть доволенъ оказаннымъ ему и царицѣ Екатеринѣ въ Копенгагенѣ приѣмомъ (1716 г.), все-таки, между нимъ и датскимъ королемъ Фридрихомъ IV происходили недоразумѣнія. Данія медленными энергичными поддержаніемъ военныхъ дѣйствій, и Петръ, благодаря этому, не могъ не мечтать о продолженіи, независимо отъ Даніи, войны и о заключеніи сепаратнаго мира съ Швеціей.

Скоро послѣ заключенія нинштатскаго мира сношенія между Даніей и Россіей сдѣлались натянутыми, благодаря тому, что герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ сватался за дочь Петра, Анну, въ то самое время, когда между нимъ и Даніей дѣло дошло до открытаго разлада по вопросу о герцогствѣ шлезвигскомъ, занятомъ Даніей. Въ 1732 году русскій дипломатъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, доносилъ изъ Копенгагена, что датскій дворъ признаетъ Петра императоромъ всероссійскимъ, но съ условіемъ гарантіи Шлезвига или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Карла-Фридриха изъ Россіи.

Вообще Данія была чрезвычайно недовольна перевѣсомъ Петра. Она опасалась снабженія будущаго зятя Петра, герцога голштинскаго, судами и войсками. Возникла даже мысль о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Швеціей противъ Даніи. Однако, вліяніе Петра въ Копенгагенѣ оставалось весьма сильнымъ. Русскій посолъ въ тайныхъ аудіенціяхъ умѣлъ дѣйствовать на короля; къ тому же, онъ посредствомъ подарковъ оказывалъ вліяніе на министровъ. Такимъ образомъ, Данія при Петрѣ оставалась въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи.

Вотъ почему извѣстіе о кончинѣ Петра произвело въ Копенгагенѣ не описанную радость. По словамъ русскаго дипломата, «изъ первыхъ при дворѣ яко генерально и всѣ подлѣе съ радости опилися было». Королева,

исаль далѣе А. П. Бестужевъ, въ тотъ же день послала тысячу офимковъ въ четыре церкви для нищихъ и въ госпитали подѣ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что царица благодарила Бога за другое потому что король выздоравлилъ уже едѣлю тому назадъ, да и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако, царица ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велѣ объ прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную адость.

Радость происходила оттого, что ожидали смуты въ Россіи; восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицей безъ всякаго сопротивленія ¹⁾.

Вскорѣ датское правительство убѣдилось въ томъ, что, благодаря перевѣ на престолѣ, въ Россіи еще болѣе усилилась опасность, грозившая Данию со стороны гольштинскаго герцога. Екатерина находилась нѣкоторое время подѣ влияніемъ Карла-Фридриха, который воспользовался своимъ положеніемъ въ Россіи для того, чтобъ обезпечить себя по вопросу о Плезвигѣ. Въ Россіи мечтали о войнѣ съ цѣлью поддержанія правъ и интересовъ зятя императрицы. Особенно зимою 1725—1726 г. можно было ожидать разрыва въ ближайшемъ будущемъ. Война весною 1726 г. казалась неминуемою. До чего доходило влияніе герцога гольштинскаго въ Россіи, можно было видѣть, когда въ это же время зашла рѣчь объ уступкѣ ему всѣхъ прежнихъ шведскихъ провинцій, завоеванныхъ Петромъ Великимъ. Карлъ-Фридрихъ мечталъ о занятіи русскаго престола; онъ же надеялся сдѣлаться шведскимъ королемъ. Пользуясь нѣкоторое время довѣніемъ императрицы Екатерины и располагая средствами Россіи, Карлъ-Фридрихъ, ненавидѣвшій Данию, могъ сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ.

Соперничество, возникшее между герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ и княземъ Меншиковымъ, а далѣе заступничество Англіи,—именно появленіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ,—отклонили разрывъ между Даниею и Россіей. Смѣлые проекты зятя императрицы Екатерины рушились. Раздѣлъ Россіи не состоялся. Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Россіи былъ рѣшенъ не въ пользу Карла-Фридриха и его супруги, Анны Петровны. Герцогъ не сдѣлался королемъ шведскимъ. Нападеніе Россіи на Данию оказалось невозможнымъ. вмѣсто герцога гольштинскаго, князь Меншиковъ сдѣлался самымъ важнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Петербургѣ. Диктатура князя положила конецъ даже пребыванію герцога въ Россіи. Право на престолъ Петра II, помолвка его съ дочерью князя Меншикова, кончина Екатерины измѣнили самымъ кореннымъ образомъ положеніе дѣлъ, и Даниа могла быть довольною этимъ уничтоженіемъ влияния своего взятаго противника.

Изложенію этихъ событій посвященъ слѣдующій очеркъ; главнымъ источникомъ при изученіи этого предмета служили донесенія датскаго

¹⁾ См. мое сочин. о Петрѣ Великомъ, стр. 580—581.

посланника Вестфалена, хранящихся въ коненгагенскомъ архивѣ; до сихъ поръ эти матеріалы оставались совсѣмъ неизвѣстными. Можно смѣло сказать, что депеши датскаго дипломата заключаютъ въ себѣ самыя важныя данныя для той роли, которую при русскомъ дворѣ разыгрывалъ герцогъ Карлъ-Фридрихъ. Вестфалень, состоявшій въ тѣсной связи съ русскими сановниками, съ другими членами дипломатическаго корпуса и съ нѣкоторыми иностранцами, находившимися въ то время въ Петербургѣ, узнавалъ разныя частности о событіяхъ при дворѣ и въ высшихъ сферахъ русскаго общества. Порою датскій дипломатъ оказывалъ нѣкоторое вліяніе на дѣла. Такъ, наприм., въ концѣ царствованія Екатерины I онъ участвовалъ въ составленіи проекта брака Петра Алексѣевича съ дочерью князя Меншикова. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за развитіемъ разлада между герцогомъ гольштинскимъ и княземъ Меншиковымъ. Въ его донесеніяхъ встрѣчаются любопытныя данныя для характеристикъ лицъ, стоявшихъ на первомъ планѣ во время царствованія Екатерины I. Благодаря всему этому, этотъ источникъ богатствомъ содержанія, новостями данныхъ, подробностью изложенія многихъ, такъ сказать, закулисныхъ фактовъ при русскомъ дворѣ и въ русскомъ обществѣ не уступаетъ ни изданнымъ Императорскимъ историческимъ обществомъ донесеніямъ другихъ иностранныхъ дипломатовъ, какъ-то: Лефорга, Кампредона и Мардефельда, ни разработаннымъ въ послѣднее время документамъ, заимствованнымъ изъ вѣнскаго архива ¹⁾.

1. Положеніе Вестфалена при русскомъ дворѣ.

Датскій посланникъ Вестфалень прибылъ въ Россію въ 1718 году и оставался тутъ до 1733 года. Слѣдовательно, онъ былъ свидѣтелемъ царствованій Петра Великаго, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны. Работа его донесеній за все это время, обнимающее пятнадцать лѣтъ, была бы полезною задачей для отечественной историографіи. До сихъ поръ были извѣстны лишь нѣкоторыя донесенія Вестфалена, относящіяся къ началу 1730 года. Эти документы напечатаны въ видѣ приложенія къ замѣчательной монографіи Д. А. Корсакова *Воцареніе Анны Иоанновны* (Казань, 1880 г.). Мы ограничиваемся въ слѣдующемъ очеркѣ лишь указаніемъ на содержаніе донесеній Вестфалена, относящихся къ 1725—27 годамъ.

При Петрѣ Великомъ положеніе датскаго резидента было выгодноѣе, чѣмъ послѣ кончины царя-преобразователя. Враждебное отношеніе Россіи къ Деніи при Екатеринѣ содѣйствовало усложненію той роли, которую онъ игралъ при дворѣ. Понятно, что герцогъ гольштинскій и его министры относились къ нему съ недоувѣріемъ. Иногда, впрочемъ, русскій дворъ обращался с

¹⁾ См. мою монографію *Императрица Екатерина I въ Востокѣ Европы 1694 г. январь и февраль.*

нимъ особенно благосклонно. Такъ, наприм., при составленіи церемоніала по случаю погребенія Петра Великаго руководствовались его совѣтами, такъ какъ онъ могъ сообщить о частностяхъ церемоніала при погребеніи въ Даниі короля Фридриха III ¹⁾. Когда въ февралѣ 1726 г. была церемонія въ память кончины Петра, Вестфаленъ былъ приглашенъ присутствовать при этой церемоніи, тогда какъ другіе члены дипломатическаго корпуса въ ней не участвовали ²⁾. Однако, изъ депешъ шведскихъ дипломатовъ и изъ другихъ источниковъ видно, что положеніе Вестфалена порою было весьма неловкимъ. Шведскій дипломатъ Седеркрейцъ доносилъ въ апрѣлѣ 1725 г. о «неумѣстномъ» предложеніи Вестфалена заключить договоръ, въ которомъ Россія и Даниа гарантировали бы другъ другу всѣ владѣнія ³⁾. Это предложеніе не могло не возбудить нѣкоторое раздраженіе въ то время, когда Россія мечтала объ отнятій у Даниа Шлезвига въ пользу Карла-Фридриха. Французскій дипломатъ Кампредонъ доносилъ тогда министру Морвилю: «Царица воспретила своимъ министрамъ давать какой-либо отвѣтъ на предложенія датскаго посланника, которыя находятъ оскорбительными для чести своей и своего зятя» ⁴⁾.

За Вестфаленомъ строго наблюдали. Донесенія его, отправленныя по почтѣ, подвергались такъ называемой перлюстраціи. Почти всѣ депеши датскаго дипломата были шифрованы. Однако, не всегда можно было надеяться на сохраненіе тайны шифра. Вестфаленъ считалъ легко возможнымъ, что его шифрованныя депеши, все-таки, читались ⁵⁾, и потому онъ во возможности для сообщенія тайныхъ и важныхъ извѣстій предпочиталъ отправленіе курьеровъ. Впрочемъ, шифрованныя депеши датскаго дипломата характеромъ и содержаніемъ отличаются отъ нешифрованныхъ. Тогда какъ въ послѣднихъ говорится о царствованіи Екаторины въ тонѣ оптимизма и одобренія, Вестфаленъ доносилъ въ шифрахъ объ опасностяхъ, грозившихъ новому правительству, о враждебномъ императрицѣ настроеніи Гюль и пр. Тотчасъ послѣ воцаренія Екаторины Вестфаленъ не считалъ удобнымъ сообщить своему двору всѣ подробности этого событія и объцалъ разсказать объ этомъ «щекотливомъ» дѣлѣ ⁶⁾ нѣсколько позже, т.-е. какъ скоро окажется возможнымъ отправить курьера.

Отправленіе курьеровъ было также сопряжено съ затрудненіями. Приходилось хлопотать о паспортѣ, о подорожной, о наймѣ жилища и пр. ⁷⁾ Обращеніе къ правительству съ просьбой о паспортѣ и о лошадяхъ для курьера иногда возбуждало подозрѣніе, рождался вопросъ: что могло за-

1) Донесеніе отъ 13 (24) февраля 1725 г.

2) Донесеніе отъ 29 января (9 февраля) 1726 г.

3) Донесеніе Седеркрейца отъ 5 (16) апрѣля 1725 г., въ Стокгольмскомъ архивѣ.

4) *Сб. Ист. Общ.*, т. LVIII, стр. 167.

5) Донесенія 27 марта (7 апрѣля) и 10 (21) іюля 1725 г.

6) „La corde est trop délicate à toucher“. Донесеніе 9 (20) февраля 1725 г.

7) Жалобы Седеркрейца въ донесеніи 8 (19) мая 1727 г., въ Стокгольмскомъ

ставить дипломата прибѣгнуть къ такой мѣрѣ? Нужно было придумать средства для избѣжанія толковъ по такимъ предметамъ. Вестфаленъ, сдѣлавъ зимою 1725 — 1726 г. за приготовлениями къ войнѣ, желалъ отправить курьера въ Копенгагенъ для предостереженія датскаго правительства отъ грозившей Даніи опасности и ради полученія новыхъ инструкцій. Къ тому же, Вестфаленъ нуждался въ денежныхъ средствахъ, необходимыхъ при собираніи точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило въ сферахъ русскаго правительства ¹⁾. Въ то же время, однако, онъ желалъ избѣгнуть формальностей, которыя могли бы обнаружить его опасенія. Поэтому Вестфаленъ воспользовался отъѣздомъ за границу секретаря французскаго посланника Кампредона для отправленія своего камердинера въ Данію; послѣдній получалъ паспортъ въ качествѣ слуги французскаго секретаря. Такимъ образомъ, Вестфалену удалось не возбуждать сомнѣнія русскаго правительства и показывать видъ, будто онъ не замѣчаетъ приготовленій къ войнѣ. Королю же онъ писалъ при этомъ случаѣ: «Нынѣшній годъ для меня самый трудный во всей моей жизни» ²⁾.

И другіе дипломаты, главнымъ образомъ, посредствомъ подкупа, уезжали о видахъ русскаго правительства. Всѣ дѣла сохранялись въ глубокой тайнѣ. Нужно было вознаграждать чиновниковъ канцелярій для полученія извѣстій о намѣреніяхъ сановниковъ, о рѣшеніяхъ тайнаго совѣта и о событіяхъ при дворѣ ³⁾. Такъ и Вестфаленъ употреблялъ денежные средства для собиранія свѣдѣній о настроеніи умовъ и о текущихъ дѣлахъ, жалуясь порою на недостаточность суммъ, находившихся въ его распоряженіи ⁴⁾.

Вестфаленъ считалъ свое положеніе не безопаснымъ. Такъ, наприм., онъ осенью 1725 г. воспользовался удобнымъ случаемъ для отправленія нѣкоторой части посольскаго архива въ Копенгагенъ, такъ какъ считалъ возможнымъ отнятіе у него насильно важныхъ и тайныхъ бумагъ. «Такіе случаи бывають здѣсь иногда», — доносилъ онъ 28 авг. (8 сент.) 1725 г., вѣроятно, намекая на эпизоды, случившіеся нѣсколько раньше съ голландскимъ посланникомъ де-Би ⁵⁾ и съ австрійскимъ резидентомъ Плейеромъ ⁶⁾.

Впрочемъ, Вестфаленъ, пріѣхавъ въ Россію, засталъ тамъ весьма значительное число соотечественниковъ; нѣкоторые изъ нихъ занимали видныя положенія въ администраціи. Люди очень замѣчательные служили въ русскомъ флотѣ. Это обстоятельство представляло большую выгоду для де-

¹⁾ Письмо къ королю отъ 14 (25) декабря 1725 г.

²⁾ „L'année de ma vie la plus épineuse et la plus embarrassante“.

³⁾ См., наприм., донесеніе Седеркрейна отъ 16 іюня 1727 г.

⁴⁾ Въ донесеніи отъ 11 (22) января 1726 г. онъ говоритъ о людяхъ, находившихся „sous l'influence de ma petite bourgeoisie“. Получивъ въ февралѣ 1,500 кр., онъ пишетъ, что расходы составляютъ сумму вдвое больше, и пр.

⁵⁾ См. Устрялова *Петръ Великій*, т. VI, стр. 519—520.

⁶⁾ См. изданіе Германа *Zeitgenössische Berichte sur Geschichte Russlands* т. II, стр. 146 и слѣд.

ни, и имъ воспользовался Вестфаленъ для собиранія свѣдѣній о приговорахъ къ войнѣ. Для русскаго же правительства пребываніе датскихъ моряковъ въ русской службѣ представляло большое затрудненіе. Петръ Великій нуждался при устройствѣ русскаго флота въ сотрудничествѣ иностранцевъ ¹⁾. Самымъ замѣчательнымъ экспертомъ-морякомъ въ это время былъ адмиралъ Крейсъ (Cruys), норвежецъ по происхожденію. Сиверсъ, Шильстеръ, Бредаль, Грибъ, Агерсонъ, Берингъ, Косъ (Kaas), Бонъ (Bon) и другіе датчане находились въ русской службѣ ²⁾. Понятно, что личное знакомство Вестфалена съ этими моряками служило обильнымъ источникомъ для собиранія свѣдѣній о состояніи русскаго флота и что эти сообщенія могли быть особенно важными въ ту минуту, когда можно было ожидать нападенія Россіи на Данію.

Датчане пользовались въ это время расположеніемъ русскаго правительства. Благодаря ихъ трудамъ, упадокъ русскаго флота послѣ кончины Петра Великаго совершался менѣе быстро. Вестфаленъ упоминаетъ особенно заслугахъ въ этомъ отношеніи Крейса и Сиверса ³⁾. Екатерина наградила Сиверса пожалованіемъ ордена; Бонъ сдѣлался генераломъ ⁴⁾. По свѣдѣнію поручили командовать арміею въ 48,000 человекъ ⁵⁾. Упомянутая о морскихъ офицерахъ-датчанахъ, наприм., объ адмиралахъ Тройелѣ, Розенпальмѣ и Косѣ, о контръ-адмиралахъ Пауельсонѣ и Кнойѣ, о командирахъ Гефельдѣ и Фостенѣ, Вестфаленъ особенно восхваляетъ Коса, какъ истиннаго героя ⁶⁾.

Въ виду опасности, грозившей Даніи со стороны русскаго флота, Вестфаленъ часто бесѣдовалъ со своими соотечественниками объ этомъ предметѣ ⁷⁾. Сиверсъ прямо говорилъ датскому посланнику, что Данія можетъ сильно пострадать, если не будутъ приняты мѣры для обороны ⁸⁾. Вестфаленъ могъ слѣдить за всѣми частностями военной администраціи въ Россіи и руководствоваться совѣтами своихъ соотечественниковъ. Такъ, напримѣръ, въ средѣ датчанъ въ Петербургѣ господствовало мнѣніе, что, въ интересахъ Даніи, должно желать назначенія главнокомандующимъ датскаго флота не адмирала Рабе, а адмирала Кристена ⁹⁾. Далѣе датчане-моряки совѣтовали датскому правительству готовиться къ отпору, но, главнымъ образомъ, избѣгнуть разрыва путемъ продолженія дипломатическихъ переговоровъ. По совѣтамъ Крейса, Бранта, Сиверса и другихъ, Данія

¹⁾ „Die meisten Lecofficiers des zaren sind Holländer, Norweger und Dänen“, доносилъ Веберъ въ 1715 году. См. *Zeitgenössische Berichte*, т. II, стр. 51.

²⁾ См. монографію Дое (Doae) *Nordmaend og Danske i Russland i act attende i arhundrede*. Christiania, 1884 г., стр. 7, 9, 29, 35, 36, 43, 45, 46, 51, 53, 59.

³⁾ Донесеніе отъ 19 (30) іюля 1725 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 24 августа (4 сентября) 1725 г.

⁵⁾ Донесеніе отъ 31 августа (11 сентября) 1725 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 27 декабря 1725 г. (7 января 1726 г.).

⁷⁾ Донесеніе отъ 1 (12) января 1726 г.

⁸⁾ Донесеніе отъ 11 (22) января 1726 г.

⁹⁾ Донесеніе отъ 5 (16) февраля 1726 г.

должна была без замедленія отправить свой флотъ въ Балтійское море ради предупрежденія наступательныхъ дѣйствій русскаго флота. Дать датчане говорили о способѣ нападенія на русскій галерный флотъ; имъ же сообщали разныя частности о недостаткѣ въ русскомъ флотѣ мачтовъ, о неудовлетворительномъ состоянн русскаго артиллеріи на военныхъ судахъ, о медленности работъ по постройкѣ новыхъ галеръ. Наконецъ, Вестфаленъ чрезъ этихъ же людей узнавалъ о нерасположенн Меншикова къ герцогу гольштинскому и о нежеланн князя воевать изъ-за Шлезвигъ. Адмиралъ Сиверсъ повтому совѣтовалъ Вестфалену бывать почаще у Меншикова и стараться снискать его расположеніе ¹⁾.

Все это, съ точки зрѣнн политической нравственности, производило весьма неблагоприятное впечатлѣніе. Датчане, находившіеся въ русской службѣ, такъ сказать, были склонны къ измѣнѣ. Однако, не должно забывать, что всѣ эти люди, оказывая услуги Россіи, оставались датчанами и повтому не могли равнодушно относиться къ опасности, грозившей ихъ отечеству. Къ тому же, они понимали, что разрывъ между Даніей и Россіей не соответствовалъ настоящимъ интересамъ Россіи. Войны могли вѣдать лишь гольштинцы и ихъ сторонники, тогда какъ всѣ другіе предпочитали сохраненіе мира. Это соображеніе при обсужденн образа дѣйствій датчанъ можетъ служить «смягчающимъ обстоятельствомъ».

Русское правительство, впрочемъ, понимало, что для датчанъ-моряковъ изъ всего этого происходило нѣкоторое столкновеніе обязанностей. Повтому Екатерина въ самомъ началѣ 1726 г. поручила главный надзоръ надъ русскимъ флотомъ Ушакову и Юсупову съ цѣлью освобожденія Россіи отъ вліянн иностранцевъ ²⁾. Такъ какъ большая часть лоцмановъ въ русскомъ флотѣ состояла изъ норвежцевъ и датчанъ, то герцогъ Карлъ-Фридрихъ обратился къ шведамъ для доставленія моряковъ шведскихъ, вполне знакомыхъ съ фарватеромъ у береговъ Даніи. Также была рѣчь о невозможности вѣручить датчанину Агерсону начальство надъ экспедиціей, направленной противъ Даніи, и повтому были приняты мѣры для найма шведскаго моряка, которому можно было дать это порученіе ³⁾. Въ засѣданн верховнаго тайнаго совѣта 7 марта 1726 г. генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ сказано въ протоколѣ, «представлялъ въ разговорахъ, что во флотѣ русскаго много офицеровъ датской націи, которые нынѣ здѣсь обрѣтаются и разсуждали, чтобъ ихъ на нынѣшнее время, ради опасности отъ нѣкоторыхъ какихъ датской сторонѣ сообщеній, отправить отсюда къ командамъ въ другія мѣста, на Воронежъ и Астрахань, но сіе только разговоръ былъ, а на мѣрѣ ничего не постановлено» ⁴⁾.

Такимъ образомъ, для датскаго посланника не было недостатка въ «старыхъ каналахъ», черезъ которые онъ не только узнавалъ о происхожденн

¹⁾ См. разныя донесенія Вестфалена особенно въ февралѣ и въ мартѣ 1726 г.

²⁾ Донесеніе отъ 22 января (2 февраля) 1726 г.

³⁾ Донесеніе отъ 2 (13) апрѣля 1726 г.

⁴⁾ Сб. Ист. Общ., т. LV, стр. 83.

ихъ въ центрѣ событіяхъ, но даже порою могъ оказывать вліяніе на ѳла. Такъ, наприм., въ домѣ Меншикова находилась датчанка, пользовавшаяся особеннымъ расположеніемъ князя и оказывавшая Вестфалену весьма существенныя услуги ¹⁾. Мы увидимъ ниже, что этой женщинѣ принадлежитъ важная доля въ составленіи проекта брака дочери Меншикова съ Петромъ Алексѣевичемъ.

Сношенія Вестфалена съ русскими сановниками были вообще благоприятными. Отсутствие единства политической мысли въ Россіи для датскаго агента представляло значительную выгоду. Государственные люди отчасти не одобряли покровительства, оказываемаго Екатериною герцогу гольштинскому, и вовсе не желали разрыва съ Даніей. Разладъ между русскими министрами давалъ Вестфалену возможность узнавать подробности политическихъ бесѣдъ въ центрѣ государства. Сначала ненависть многихъ лицъ противъ Меншикова, затѣмъ враждебное отношеніе послѣдняго къ эрцогу Карлу-Фридриху оказались важнымъ средствомъ поддержанія интересовъ Даніи. Нужно отдать полную справедливость Толстому и Остерману: ба они въ своихъ бесѣдахъ съ Вестфаленомъ держали себя скромно, сохраняя достоинство, не вдаваясь въ лишнія объясненія и не нарушая тайны русской политики. За то всѣ другіе: Меншиковъ, Долгорукіе, Апраксинъ, Шафировъ и пр.—не отличались сдержанностью, и воспроизведеніе ихъ бесѣдъ съ Вестфаленомъ въ донесеніяхъ послѣдняго служить любопытнымъ источникомъ исторіи этого царствованія.

Въ первое время послѣ кончины Петра Великаго Меншиковъ не противоѳвствовалъ видамъ гольштинскаго герцога. Не раньше какъ лѣтомъ 1726 г. разлада между зятемъ Екатерины и княземъ до того усилилась, что перѣѳсъ Меншикова положилъ конецъ честолюбивымъ проектамъ герцога. Вотъ почему въ первое время царствованія Екатерины I Вестфаленъ скорѣе могъ оспользоваться своими сношеніями съ противниками Меншикова для собианія свѣдѣній о состояніи дѣлъ.

Какъ извѣстно, Шафировъ, приговоренный къ смертной казни при етрѣ Великомъ и сосланный въ Ревель, скоро послѣ воцаренія императрицы Екатерины могъ вернуться въ Петербургъ. Герцогъ гольштинскій окровительствовалъ Шафирову и принялъ къ себѣ на службу его секретаря, Кёнига ²⁾. Стараясь привлечь на свою сторону самого Шафирова, эрцогъ встрѣтилъ нѣкоторое затрудненіе. Вестфаленъ однажды ночью имѣлъ тайное свиданіе съ Шафировымъ, который сообщилъ датскому посланнику, то не намѣренъ согласиться на предложенія, сдѣланныя ему Карломъ-Фридрихомъ. Вестфаленъ совѣтовалъ Шафирову показать видъ, будто онъ

¹⁾ Въ донесеніи Вестфалена отъ 4 (15) февраля 1727 г. сказано: „U y a une femme danoise dans la maison de Menchikow fort avant dans la faveur du prince, qui me rennd des services considérables. Elle m'est cone sous le nom de m-lle Bierregaard“.

²⁾ См. донесеніе Кампредона отъ 7 апрѣля 1725 г. въ *Сб. Ист. Общ.*, т. LVII, стр. 102.

склоненъ поддерживать интересы герцога, и воспользоваться покровительствомъ герцога для того, чтобы получить обратно хотя бы отчасти инфискованныя у него имѣнія ¹⁾. Шафировъ былъ затѣмъ полезенъ Вестфалену сообщеніемъ разныхъ секретовъ. Такъ, наприм., въ февралѣ 1726 г. онъ разсказалъ ему о намѣреніи Меншикова объявить войну Даніи въ надеждѣ сбыть съ рукъ, такимъ образомъ, герцога голштинскаго, пребываніе котораго въ Петербургѣ ему становилось тягостнымъ ²⁾.

Вестфаленъ состоялъ въ сношеніяхъ и съ другимъ противникомъ князя Меншикова, съ Ягужинскимъ, который, впрочемъ, не игралъ важной роли ³⁾. Неоднократно онъ бесѣдовалъ съ противниками герцога Карла-Фридриха, которые жаловались на претензіи послѣдняго ⁴⁾. Не называя ихъ по именамъ, датскій резидентъ часто писалъ о такихъ людяхъ, съ которыми онъ иногда устраивалъ тайныя свиданія ⁵⁾. Такимъ образомъ, онъ, бесѣдуя нѣкогда гдѣ-то съ нѣкоторымъ лицомъ «de grand poids», узнавалъ въ февралѣ 1726 г. разныя частности о приготовленіяхъ къ войнѣ противъ Даніи, о томъ, какъ отзывался объ этомъ предметѣ князь Меншиковъ и пр. Разумѣется, такіе конфиденціальныя сообщенія иногда были сопряжены съ расходами. Иные же противники Меншикова высказывались открыто въ бесѣдѣ съ Вестфаленомъ, благодаря личной враждѣ къ князю. Таковы были бесѣды датскаго посланника съ княземъ Василиемъ Лукичомъ Долгорукимъ и съ фельдмаршаломъ Василиемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Когда послѣдній, благодаря интригамъ Меншикова, былъ удаленъ на Кавказъ главнокомандующимъ въ персидскихъ провинціяхъ, онъ до отъѣзда туда побывалъ у Вестфалена и въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о враждебномъ отношеніи русскаго правительства къ Даніи. Ему датскій посланникъ былъ обязанъ сообщеніемъ многихъ данныхъ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Долгорукій, къ тому же, просилъ Вестфалена передать королю датскому выраженіе его искренней преданности, причѣмъ онъ говорилъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ и преемнику Даніи ⁶⁾. Быть можетъ, именно Василій Владиміровичъ Долгорукій былъ тѣмъ лицомъ «de grand poids», о которомъ неоднократно упомянуто въ донесеніяхъ Вестфалена.

Официальныя отношенія датскаго посланника къ русскимъ министрамъ не были особенно оживленными. Ему неоднократно приходилось въ бесѣдахъ съ Головкинымъ, Остерманномъ и Толстымъ жаловаться на образъ дѣйствій русскаго посланника въ Копенгагенѣ, Бестужева. Объ Остерманнѣ онъ писалъ однажды, что этотъ министръ «сдѣлался голштинцемъ», т. е. считаетъ для себя выгоднымъ поддерживать интересы герцога Карла-Фри-

¹⁾ Донесеніе отъ 27 марта (7 апрѣля) 1725 г.

²⁾ Донесеніе отъ 26 февраля (9 марта) 1726 г.

³⁾ Донесеніе отъ 6 (17) апрѣля 1725 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 15 (26) мая 1725 г.

⁵⁾ Донесеніе отъ 9 (20) октября 1725 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 19 (30) іюля 1726 г.

ка, и что поэтому на него разсчитывать нельзя ¹⁾. Когда Вестфаленъ снаряды, въ февралѣ 1726 г., требовалъ отъ Толстого объясненій по поводу вооруженія, тотъ министръ отвѣтилъ лукаво, что никто не можетъ знать о настоящихъ видахъ Екатерины, но что, по всей вѣроятности, вооруженіе имѣть лишь цѣлью маневры, упражненія ²⁾.

Благодаря всему этому, Вестфаленъ находился въ это время въ неловкомъ положеніи, которое было бы еще гораздо хуже, еслибъ онъ въ самое послѣднее время царствованія Петра, по случаю опасности, грозившей Меншикову, и Екатеринѣ, не относился къ нимъ столь же почтительно, какъ и во время ихъ могущества. Такимъ образомъ, онъ могъ разсчитывать на благосклонное вниманіе къ нему императрицы ³⁾. Положеніе Вестфалена поправилось значительно по мѣрѣ усиленія вражды князя Меншикова съ герцогомъ гольштинскимъ, т.-е. весной 1727 г., когда состоялся проектъ брака дочери князя съ наследникомъ престола Петромъ Алексѣевичемъ.

II. Отношеніе Вестфалена къ другимъ членамъ дипломатическаго корпуса.

Министрами герцога Карла-Фридриха въ это время были Бассевичъ и Штамбе. Бассевичъ игралъ весьма важную роль въ минуту воцаренія Екатерины; пока онъ пользовался расположеніемъ князя Меншикова и оказывалъ сильное вліяніе на дѣла ⁴⁾. Понятно, что отношенія Вестфалена съ гольштинскими министрами оставались холодными. Однажды, въ іюлѣ 1725 г., Бассевичъ и Штамбе явились у датскаго дипломата съ предложеніемъ уступки Шлезвига и Гольштиніи Даніи, лишь бы Данія уступила Карлу-Фридриху, который тогда мечталъ о шведской коронѣ, Норвегію. Вестфаленъ объявилъ, что не считаетъ себя вправѣ выслушивать столь неумѣстное предложеніе ⁵⁾. Датскій дипломатъ считалъ Бассевича болтуномъ, лжецомъ и интриганомъ ⁶⁾ и искалъ случая вывѣдать его секреты за бутлкою вина, однако, Бассевичъ держалъ себя осторожно, и Вестфаленъ не могъ открыть его тайны ⁷⁾. Впрочемъ, внѣшнія отношенія между дипломатами были благопріятными. Однажды герцогъ со свитою былъ на черѣ у Вестфалена и тотъ игралъ въ карты съ дочерью Бассевича ⁸⁾. Также и Вестфаленъ бывалъ у герцога, куда приглашались и моряки-датчане.

¹⁾ Донесеніе отъ 18 (24) апрѣля 1725 г.

²⁾ „Tenir sa marine en haleine“. Донесеніе отъ 8 (19) февраля 1726 г.

³⁾ „Si je ne me fus mépagé les bonnes grâces de la czarienne“. Донесеніе отъ (17) апрѣля 1725 г.

⁴⁾ См. о значеніи Бассевича мою статью объ Екатеринѣ I въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г. январь, стр. 124—125.

⁵⁾ Донесеніе отъ 6 (17) іюля 1725 г.

⁶⁾ „Nabieur, menteur et broncheur“.

⁷⁾ Донесеніе отъ 21 августа (1 сентября) 1725 г.

⁸⁾ Донесеніе отъ 15 (26) января 1726 г.

Вопросъ о Шлезвигѣ имѣлъ важное международное, общеевропейское значеніе. Россія требовала, чтобы герцогъ голштинскій получилъ, въ награду за потерю Шлезвига и тѣмъ Франція не мѣшала Россіи добыть ему это вознагражденіе, если датскій дворъ отвергнетъ представленія Англии и Франціи; но Франція и Англія хотѣли обязаться хлопотать о доставленіи герцогу какого-нибудь возмездія за Шлезвигъ, не нарушая гарантіи, данной ими Даніи на ея герцогство ¹⁾. Въ то же время, Россія мечтала объ отбѣвѣ для русскихъ кораблей зундской пошляины и уже по этому вопросу, не говоря о Шлезвигѣ, могли возникнуть между обѣими державами недоразумѣнія ²⁾. Е Швецію въ борьбѣ противъ Даніи рассчитывать было невозможно. В Стокгольмѣ имѣли сильное вліяніе англійскій и французскій дипломаты утверждавшіе, что ихъ короли обязались удерживать Шлезвигъ за Даніей ³⁾. Несмотря на то, что Россія тратила большія деньги для того чтобы подкупить членовъ шведскаго сейма, положеніе русскаго дипломата въ Стокгольмѣ было неловкимъ. Сначала М. П. Бестужевъ занималъ эту постъ; затѣмъ онъ былъ замѣненъ Головкинымъ, а потомъ Василиемъ Іудичомъ Долгорукимъ. Оба они заботились о поддержаніи въ Стокгольмѣ партіи герцога Карла-Фридриха, мечтавшаго о сверженіи съ престола и роля Фридриха I, принца гессенъ-кассельскаго, мужа Ульрики Элеоноры сестры Карла XII. Узнавъ о воцареніи Екатерины, Бестужевъ писалъ и Головкину, что онъ ѣздилъ ко двору и «увидалъ короля и его партію новъ въ великой радости». Новой государынѣ Бестужевъ писалъ: «Дѣло сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла испровергнутся; но когда узнали что ваше величество вступили на престоль и все окончилось тихо, и придворные стали ходить повѣся носъ, и, такимъ образомъ, этотъ слухъ открылъ сердца многихъ людей. Намѣреніе здѣшняго двора было въ то время водъ рыбу ловить; надѣялись, что герцогъ голштинскій принужденъ будетъ выѣхать изъ Россіи, отъ которой не будетъ имѣть болѣе поддержки, и тутъ можно будетъ вести кассельскія интриги и умножать свою партію. Эта надежда превратилась въ дымъ вступленіемъ на престоль ваше величества; партія герцога голштинскаго здѣсь теперь не уменьшилась только при нынѣшнихъ конъюнтурахъ надобно ее ласкать, а вѣрнѣе приводить на истинный путь умнымъ и пріятнымъ обхожденіемъ» ⁴⁾.

Въ это время шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ Скарпекрейцъ. Кроме того, скоро послѣ воцаренія Екатерины былъ отправленъ въ Россію изъ Стокгольма на нѣкоторое время баронъ Седергельмъ. Нѣ слѣдній имѣлъ особенное значеніе, какъ членъ партіи герцога Карла-Фри-

¹⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 23.

²⁾ Меморіалы, т.-е. отчеты о посольствахъ шведскихъ дипломатовъ Седергельма и Седергельма, въ Стокгольмскомъ архивѣ.

³⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 69.

⁴⁾ Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 69.

ка въ Стокгольмѣ. Вестфаленъ писалъ о немъ, что онъ ненавидитъ шведскаго короля Фридриха, какъ иностранца, а королеву за то, что она уступила корону своему супругу ¹⁾; кромѣ того, датскій посланникъ считалъ рона Седергьельма опаснымъ интриганомъ, не заслуживавшимъ ни въ кѣ довѣрія ²⁾. Въ рѣзкихъ отзывахъ Вестфалена о шведскомъ послѣ оглядывается ненависть датчанъ къ шведамъ вообще ³⁾. Седергьельмъ, по вѣнью Вестфалена, могъ считаться главнымъ виновникомъ вооруженія сснн противъ Даниа, между тѣмъ какъ онъ постоянно говорилъ о необходимости сохраненія мира. Поэтому датскій дипломатъ обвинялъ его въ ввводущи и ханжествѣ ⁴⁾.

Въ этихъ отзывахъ замѣтно опасеніе союза Россіи съ Швеціей противъ Даниа. И другіе дипломаты придавали пріѣзду Седергьельма въ Россію важное значеніе. Кампредонъ доносилъ французскому правительству еще до пріѣзда шведскаго посла слѣдующее: «Сторонники герцога гольштинскаго распускаютъ слухъ, будто миссія эта имѣеть цѣлю условиться съ царицей на счетъ средствъ силою оружія возвратитъ Шлезвигъ герцогу гольштинскому, безъ чего, полагаютъ помянутые сторонники, король датскій никогда не надумается какъ бы то ни было удовлетворить герцога. Очень возможно, что Седергьельмъ дѣйствительно будетъ говорить съ нею и объ этомъ дѣлѣ, которое онъ, будучи однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ шведскихъ министровъ и, въ то же время, ревностнѣйшимъ слугою герцога гольштинскаго, весьма близко принимаетъ къ сердцу. Но главною цѣлю его поѣздки, я думаю, будетъ вопросъ о мѣрахъ къ низложенію шведскаго короля не далѣе, какъ въ предстоящую же сессію государственныхъ чиновъ» и проч. ⁵⁾. Недаромъ Вестфаленъ, узнавъ о предстоявшемъ пріѣздѣ Седергьельма, сильно безпокоился ⁶⁾. «Онъ зараженъ (*infecté*) привязанностью къ герцогу гольштинскому,—писалъ Вестфаленъ ⁷⁾,—и поэтому онъ постарается привести въ движеніе здѣшній флотъ, готовый къ поѣзду». Вскорѣ послѣ пріѣзда шведскаго посла датскій дипломатъ узналъ о тайныхъ бесѣдахъ, происходившихъ гдѣ-то на дачѣ между Екатериной, Седергьельмомъ, Меншиковымъ и Бассевичемъ. Несмотря на всѣ свои усилія, Вестфаленъ не могъ узнать о содержаніи этихъ конференцій. Его удивляло безпокою то обстоятельство, что въ нихъ не принимали участія ни Го-

¹⁾ Ульрика Элеонора вступила въ бракъ съ наследнымъ принцемъ гессенъ-кассельскимъ 31 января 1719 года. Она еще до этого вступила на шведскій престолъ послѣ смерти брата, Карла XII, въ 1718 году, а въ 1720 году назначила своего друга соправителемъ. Отзывъ о немъ въ донесеніи Вестфалена отъ 29 марта (9 апрѣля) 1726 г.

²⁾ Донесеніе отъ 5 (16) февраля 1726 г.

³⁾ Донесеніе отъ 15 (26) февраля 1726 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 26 марта (6 апрѣля) 1726 г.

⁵⁾ *Сборн. Ист. Общ.*, т. VIII, стр. 126—127.

⁶⁾ Донесеніе отъ 24 апрѣля (5 мая) 1725 г.

⁷⁾ Донесеніе отъ 29 мая (9 іюня) 1725 г.

Меншиковъ, или Толстой ¹⁾. Седергельмъ, побывавъ у Вестфалена съ нимъ, говорилъ съ нимъ о необходимости удовлетворенія герцога голштинскаго и объ опасности, грозившей Даніи въ случаѣ упорства этой державы. Увѣщанія шведскаго посла казались Вестфалену плодомъ коварства и къ тому же увлеченіе въ его рѣчахъ производило на датскаго дипломата неблагопріятное впечатлѣніе ²⁾.

Чѣмъ болѣе въ Россіи опасались во время перемены на престолѣ измѣненія со стороны Швеціи ³⁾, тѣмъ болѣе въ Петербургѣ обрадованы пріѣзду шведскаго посла, сторонника герцога голштинскаго. Ему былъ оказанъ отиѣнный пріемъ. Такъ какъ Седергельмъ пріѣхалъ въ іюль, и предложенію Меншикова было на этотъ разъ отиѣнено празднованіе годовщины полтавской битвы 24 іюня (7 іюля) ⁴⁾. Седергельмъ уже прежде бывалъ въ Россіи и былъ хорошо знакомъ съ этою страной. В. І. Дегорукій, знавшій его въ Стокгольмѣ, не былъ особенно высокаго мнѣнія о его способностяхъ и называлъ его «человѣкомъ остроты не пушей» ⁵⁾. Съ другимъ шведскимъ дипломатомъ, Седеркрейцомъ, посолье не ладилъ. Они расходились въ политическихъ воззрѣніяхъ. Седеркрейцъ былъ сторонникомъ короля Фридриха I, тогда какъ Седергельмъ поддерживалъ интересы герцога голштинскаго. Поэтому Вестфалень находился въ гораздо болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Седеркрейцомъ и чрезъ него, также какъ и чрезъ Кампредона, узнавалъ кое-что о козняхъ Седергельма противъ Даніи. Седеркрейцъ былъ въ разладѣ съ голштинскимъ министромъ Басевичемъ ⁶⁾, и Вестфалень умѣлъ воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы развѣдать о проектахъ противниковъ Даніи. Впрочемъ, Вестфалень считалъ Седеркрейца мало способнымъ ⁷⁾.

Седергельмъ пробылъ въ Россіи не долго, лишь до марта 1726 года. Его политическая дѣятельность не имѣла столь рокового значенія, какъ ожидалъ Вестфалень. Однако, оказанный ему въ Россіи пріемъ свидѣтельствовалъ о сильномъ вліяніи на дѣла герцога голштинскаго. Ему дали Андреевскую ленту, портретъ императрицы Екатерины цѣною въ 2,000 червонцевъ и 3,000 червонцевъ наличными деньгами. Кроме того, Седергельма получила портретъ Екатерины, 1,500 червонцевъ и разныя

¹⁾ Донесеніе отъ 21 (30) іюля 1726 г.

²⁾ „Des conseils et persuasions suédoises me paraissent pas mal ressembler aux conseils et aux persuasions du serpent du paradis“. Донесеніе отъ 27 іюля (7 августа) 1725 г.

³⁾ *Revattelse om Ryssland* Седеркрейца, въ Стокгольмскомъ архивѣ. Деламъ Кампредона въ *Сборн. Ист. Общ.*, т. LVIII, стр. 127.

⁴⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 25 іюня 1725 г.

⁵⁾ *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 63.

⁶⁾ „Ses chiens ne chassent pas bien ensemble avec ceux de Bassewitz, d'autant plus que leurs femmes sont en guerre“. Донесеніе Вестфалена отъ 17 (28) августа 1725 г.

⁷⁾ „Ce n'est pas un homme à inventer la politique, si elle ne l'étais déjà“. Донесеніе отъ 16 (26) февраля 1726 г.

мощныя матеріи. Герцогиня гольштинская, Анна Петровна, подарила богатое ожерелье. Еще послѣ отъѣзда изъ Петербурга, на пути въ Борнъ, Седергельмъ получилъ въ подарокъ три ящика съ оружіемъ. Погнѣ, что все это имѣло значеніе взятки. Седергельмъ обязался дѣйствовать въ Швеціи въ пользу герцога гольштинскаго и возбуждать правдыство противъ Даниі 1).

Впрочемъ, партія гольштинскаго герцога въ Стокгольмѣ не имѣла успѣха и проекты послѣдняго оставались безъ исполненія. Бъ тому же, между шведцевъ и Россіей происходили недоразумѣнія, и нельзя было думать о имѣстномъ дѣйствіи противъ Даниі 2). Между тѣмъ какъ Россія заключила союзъ съ Австрією, въ Швеціи мечтали о приступленіи въ такъ называемому ганноверскому союзу, заключенному въ сентябрѣ 1726 года въ Герренгаузенѣ и направленному противъ Испаніи и Австріи. Пока въ сеіи интересы Меншикова и герцога Карла-Фридриха не мѣшали другъ другу, Швеція могла опасаться нѣкотораго перевѣса Россіи. Но именно въ это время антагонизмъ между свѣтлѣйшимъ княземъ и герцогъ усиливался, и, благодаря этому, Швеція ожидала разстройства силъ средствъ Россіи. Седеркрейцъ доносилъ въ Стокгольмѣ объ этомъ раздѣ 3) и эти извѣстія производили въ Швеціи сильное впечатлѣніе. Русскій дипломатъ въ Стокгольмѣ, В. М. Долгорукій, писалъ оттуда Екатеринѣ: «Седеркрейцъ писалъ, будто при дворѣ в. и. величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія: король и его партія сильно радовались и разсуждаютъ, что по причинѣ этихъ несогласій ни малѣйшій опасности съ русской стороны коронѣ шведской быть не можетъ» 4) Понятно было сильное безпокойство герцога гольштинскаго, у котораго обстоятельства грозили отнять надежду на наслѣдство шведскаго престола и на возвращеніе Шлезвига. Понятно и удовлетвореніе датскаго принца Вестфалена, который могъ доносить своему двору, что нападеніе Россіи и Швеціи на Данию со дня на день становится менѣе вѣроятнымъ. Что касается дипломатовъ другихъ державъ, аккредитованныхъ при русскомъ дворѣ, то Вестфаленъ находился въ довольно благоприятныхъ отношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ Кампредономъ. Старанія послѣдняго содѣйствовать сближенію между Франціей и Россіей и устроить къ между однимъ изъ французскихъ принцевъ и Елизаветою Петровной были увѣнчаны успѣхомъ, и положеніе его при русскомъ дворѣ становится неловкимъ. По мѣрѣ того, какъ происходило сближеніе между Россіей и Австріей, оказалось неминуемымъ нѣкоторое охлажденіе между Рос-

1) Донесеніе Вестфалена отъ 26 марта (6 апрѣля) 1726 г.

2) См. частности по вопросу о приступленіи Швеціи къ ганноверскому союзу у Овьева. Т. XIX, стр. 23, 62, 69.

3) Изъ донесенія Седеркрейца отъ 29 апрѣля 1726 г. въ Стокгольмскомъ архивѣ, что слухъ о такихъ извѣстіяхъ повредилъ Седеркрейцу въ глазахъ русскихъ государственныхъ людей.

4) Соловьевъ, т. XIX, стр. 70—71.

сией и Франціей. Вооруженіе Россіи и намѣреніе ея объявить Даніи мѣду произвели неблагопріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Французское правительство требовало объясненій по поводу образа дѣйствій русскаго кабинета. Эти заявленія Кампредона сильно не понравились русскимъ министрамъ. Герцогъ гольштинскій въ обращеніи съ Кампредономъ обнаруживалъ извѣстность. Остерманъ объявилъ французскому посланнику, что Россія не имѣетъ обращать вниманія на угрозы Франціи ¹⁾. Дѣло кончилось отъѣздомъ Кампредона весною 1726 г. безъ прощальной аудіенціи. Вестфаленъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ высоко цѣнилъ своего товарища и они бесѣдовали съ нимъ о дѣлахъ ²⁾. Интересы Даніи и Франціи шли рука объ руку. Однажды Вестфаленъ, осенью 1726 г., бесѣдовалъ конфиденціально съ секретаремъ французскаго посольства, который откровенно говорилъ о необходимости, ради сохраненія мира на сѣверѣ, прямо уничтожить русскій флотъ ³⁾, отдать Карелію и Ингерманландію Швеціи, Эстляндію—Даніи, Лифляндію—Польшѣ и этимъ наказать чрезмѣрную гордость Екатерины ⁴⁾. Секретарь французскаго посольства выразилъ при этомъ надежду, что Данія съ удовольствіемъ станетъ помогать Франціи при осуществленіи сихъ смѣлыхъ проектовъ ⁵⁾.

Къ прусскому и австрійскимъ дипломатамъ Вестфаленъ относился и недоувѣрчивъ. Между Даніей и Пруссіей существовали нѣсколько вѣчныхъ отношеній. Вотъ почему Вестфалену сильно не нравилось выгодное положеніе, занимаемое при русскомъ дворѣ Мардефельдомъ. Прусскій дипломатъ, «несмотря на скупость короля Фридриха-Вильгельма I», какъ писалъ Вестфаленъ, располагалъ значительными денежными средствами, раздалъ богатые подарки для того, чтобы снискать себѣ расположеніе министровъ и ухаживалъ за Меншиковымъ и имѣлъ вліяніе на дѣла. Король прусскій подарилъ Екатеринѣ карету и восемь лошадей, цѣною въ 22,000 талеровъ. Кроме того, Мардефельдъ въ первое время царствованія Екатерины раздалъ разнымъ лицамъ при русскомъ дворѣ до 40,000 рублей. Меншиковъ Пруссія подарила имѣніе въ Помераніи, доходы котораго ежегодно составляли 10,000 червонцевъ. Такимъ образомъ, какъ доносилъ Вестфаленъ, Меншиковъ былъ склоненъ поддерживать интересы Пруссіи, а Остерманъ, въ качествѣ прусскаго подданнаго, также былъ сторонникомъ Пруссіи ⁶⁾.

Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины въ Россіи не было австрійскаго посланника. Секретарь посольства Гогенгольцъ былъ единственнымъ

¹⁾ Донесенія Вестфалена отъ 5 (16) февраля 1726 г. и отъ 15 (26) марта 1726 г.

²⁾ Донесеніе отъ 21 мая (1 іюня) 1726 г.

³⁾ „L'abolition eutièrre de la marine russienne dans la Baltique“.

⁴⁾ L'orgueil et l'opiniâtreté de cette femme“.

⁵⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 27 сентября (8 октября) 1726 г.

⁶⁾ Вестфаленъ доносилъ 3 (14) сентября 1725 г., что Мардефельдъ „un fait achevé“ и о „considérables présents, donts il graine ici les pattes des uns et d'autres“ и т. п.

⁷⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 23 октября (3 ноября) 1725 г.

одставителемъ Австрiи. Онъ находился въ близкихъ сношенiяхъ съ голландскими министрами, поддерживалъ интересы герцога Карла-Фридриха и этому самому не могъ рассчитывать на расположенiе къ нему датскаго пломата. Когда весной 1726 года въ Россiю прибылъ австрiйскiй посланецъ графъ Рабутинъ, Вестфаленъ и къ нему относился съ недовѣрiемъ, мѣ болѣе, что и Рабутинъ располагалъ значительными средствами для того, чтобы задобрить русскихъ министровъ.

Впрочемъ, ни Пруссiя, ни Австрiя не относились прямо враждебно къ нимъ и даже пороку дѣйствовали въ интересахъ этой державы. Такъ, прим., Пруссiя предлагала герцогу Карлу-Фридриху довольствоваться вознагражденiемъ за Шлезвигъ герцогствомъ Бурляндскимъ¹⁾; такъ, наприм., Австрiя, равно какъ и Данiя, была готова дѣйствовать въ пользу правъ ука Петра Великаго (Петра II); и въ Вѣнѣ, и въ Копенгагенѣ, въ сущности, были недовольны счастливымъ воцаренiемъ Екатерины.

Съ особеннымъ вниманiемъ Вестфаленъ слѣдилъ за событiями перемены престоловъ въ Россiи въ 1725 году.

III. Воцаренiе Екатерины I.

Въ продолженiе семи лѣтъ Вестфаленъ былъ свидѣтелемъ дѣятельности Петра Великаго. Онъ составилъ себѣ чрезвычайно высокое мнѣнiе о заслугахъ и дарованiяхъ царя-преобразователя. Когда въ концѣ 1724 года въ нiя распространился слухъ объ опасной болѣзни Петра и даже объ умоушибательствѣ государя, Вестфаленъ спѣшилъ опровергнуть это ложное вѣстiе, увѣряя, что Петръ совсѣмъ здоровъ и продолжаетъ самымъ пышнымъ образомъ свою кипучую дѣятельность. Рабочая сила и гениальность Петра именно въ это время казались датскому дипломату баснословными²⁾. Вестфаленъ объясняетъ, какъ все дѣла безъ исключенiя сосредоточивались въ рукахъ Петра и какъ онъ заботился о всѣхъ мелочахъ администрацiи, какъ онъ ежедневно рано утромъ посѣщалъ присутственнаго мѣста для контроля надъ текущими дѣлами, бывая въ сенатѣ, въ легiяхъ и даже въ синодѣ и пр.

Немного позже Вестфаленъ доносилъ о временномъ прекращенiи всѣхъ дѣлъ, благодаря церемонiи выбора князя-папы и празднествамъ, сопряженнымъ съ этою церемонiей. Скоро послѣ этого Петра не стало.

Подробности погребенiя Петра, о которыхъ рассказываетъ Вестфаленъ, представляютъ интереса. Онъ замѣчаетъ, что никогда при подобныхъ

¹⁾ *Соловьевъ*, т. XIX, стр. 76. Донесенiе Седеркрейнда отъ 1 апрѣля 1726 г.

²⁾ „Bien loin que le czar se dut trouver dans ce cas-là (т.-е. dérangement du cerveau) son est esprit est au contraire sans cesse dans une assiette de supériorité sur dessus de toutes les hommes vivants dans ce pays-ci. C'est constamment un véritable prodige que la sagesse, le discernement, la pénétration, la vigilance et la mété du czar et son application aux affaires“. Донесенiе отъ 26 декабря 1724 г. января 1725 г.)

случаяхъ въ Россіи не было столь великолѣпной церемоніи, прибавляя, что пышность и роскошь на этотъ разъ соответствовали значенію совершившагося событія, такъ какъ Петръ Великій геніальностью и заслугами не восходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ на русскомъ престолѣ ¹⁾. Достоинно вниманія замѣчаніе Вестфалена, что всѣ, за исключеніемъ духовенства, были глубоко потрясены потерей государя, но что никто изъ духовныхъ лицъ не проливалъ ни одной слезы ²⁾.

Въ одной изъ послѣднихъ депешъ Вестфалена, писанныхъ до кончины Петра, сказано по случаю изложенія дѣятельности государя: «Онъ бываетъ иногда и въ синодѣ, учрежденномъ имъ для управленія дѣлами церкви, для усовершенствованія обрядовъ, духовной нравственности и пр. Однако, тутъ онъ бываетъ менѣе охотно, такъ какъ имѣетъ дѣло съ ханжескими лицами, съ буквѣдами и притворщиками. Онъ выходитъ оттуда, часто проливая слезы, горько жалуясь на испорченность людей и упрекая духовенство въ томъ, что оно не заботится объ улучшеніи нравовъ. Иногда онъ въ своемъ раздраженіи мечтаетъ о томъ, какъ бы лишить духовенство части имущества» ³⁾.

Вестфаленъ сожалѣлъ о кончинѣ Петра, между прочимъ, и потому, что государь жаловалъ находившихся въ его службѣ датчанъ. Между датчанами находился знаменитый морякъ Витусъ Берингъ, путешествія котораго привели къ самымъ важнымъ географическимъ открытіямъ. Настоящимъ виновникомъ этихъ открытій былъ Петръ, составившій для Беринга, 23 декабря 1724 года, значить за нѣсколько недѣль до кончины, слѣдующую инструкцію: 1) надлежитъ на Камчатѣ или въ другомъ мѣстѣ сдѣлать одинъ или два бота съ палубами; 2) на оныхъ ботахъ возлѣ земли, которая идетъ на Нордъ, и по чаянію, понеже оной конца не знаютъ, кажется, что та земля часть Америки, и 3) и для того искать, гдѣ она сошлась съ Америкой, и чтобъ доѣхать до какаго города европейскихъ владѣній, проѣхать отъ него, какъ оный кюстъ называютъ, и взять на письмѣ и самимъ побывать на берегу и взять подлинную вѣдомость и, поставя на карту, пріѣзжать сюда» ⁴⁾.

Вестфаленъ опасался, что, вслѣдствіе кончины Петра, экспедиція Беринга, какъ видно, обращавшая на себя вниманіе современниковъ, не состоится. Однако, Екатерина распорядилась объ исполненіи начертаній Петра ⁵⁾, и открытіе Берингова пролива воспослѣдовало въ 1728 году. Вообще же

¹⁾ Донесеніе отъ 13 (24) февраля 1725 г.

²⁾ „Mais on n'a pas vue qu'aucun du clergé ait versé de larmes“. Доне- 1725
16 (27) марта 1725 г.

³⁾ Донесеніе отъ 26 декабря 1724 г. (6 января 1725 г.).

⁴⁾ См. соч. К. Э. фонъ-Бера (Baer): *Peters des Grossen Verdienste um die Fort-
terung der geographischen Kenntnisse*, въ сборникъ академіи наукъ *Beiträge zur
niss des Russischen Reichs* и пр. Спб., 1872 г., стр. 42.

⁵⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 13 (24) февраля 1725 г.

датскому посланнику казалось, что послѣ кончины Петра административная дѣятельность какъ бы остановилась и въ дѣлахъ обнаруживался застой. Въ особенности, по мнѣнію Вестфалена, отъ этого пострадали войско и флотъ ¹⁾. Онъ находилъ, что въ политическихъ соображеніяхъ правительства не было болѣе прежней послѣдовательности и системы ²⁾. «Необычайныя способности Петра, — писалъ Вестфаленъ, — имѣли болѣе значенія, нежели всѣ силы и средства Россіи на морѣ и на сухопутномъ пути» ³⁾. Однажды по случаю приднества при дворѣ герцогъ гольштинскій предложилъ пить на благоденствіе Россіи; генераль-адмиралъ Апраксинъ выразилъ сомнѣніе въ успѣшномъ ходѣ текущихъ дѣлъ, и на вопросъ герцога, почему онъ такъ думаетъ, сказалъ, громко рыдая ⁴⁾: «Ты забываешь, что не стало нашего великаго Петра. Я не хочу пить, оплакивая горькую судьбу моего отечества».

Воцареніе Екатерины озадачило Вестфалена, какъ и другихъ современниковъ. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, братъ адмирала, былъ по случаю изпраздненія престола единственнымъ членомъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ, который говорилъ о правахъ на престолъ внука Петра, но его, какъ рассказываетъ датскій дипломатъ, заставили молчать тотчасъ же. Сообщить подробности о воцареніи Екатерины Вестфаленъ сначала считалъ опаснымъ. Онъ писалъ лишь о раздачѣ суммъ войскамъ, прибавляя, что въ Россіи ожидаютъ правленія мягкаго и вроткаго, какъ это и соответствовало праву императрицы. Далѣе онъ, очевидно, ожидая, что его письма будутъ «перлюстрированы», хвалилъ мудрость Екатерины, намѣревавшейся сократить расходы для постройки судовъ и вообще уменьшить флотъ, соображаясь на этотъ счетъ съ состояніемъ дѣлъ и наклонностями народа ⁵⁾. Въ другомъ донесеніи датскій дипломатъ, расхваливая Екатерину, сравниваетъ ее съ знаменитою палмирскою царицею Зеновіей, унаслѣдовавшею правленіе отъ покойнаго мужа Одената и успѣвшею развить силы и средства своего государства ⁶⁾.

Нѣсколько иначе отзывался Вестфаленъ въ донесеніи отъ 13 (24) марта 1725 г. о воцареніи Екатерины. Тутъ, наприм., сказано: «Императрица мо-

¹⁾ Донесеніе отъ 8 (19) мая 1725 г.: „Ce sont autant de corps morts que l'armée, la flotte, le conseil même de la Russie après que la Providence en a retiré l'activité de Pierre Alexovitz qui en était l'âme et la véritable force mouvante“.

²⁾ Донесеніе отъ 12 (23) іюня 1725 г.: „Les affaires d'ici sont devenues fort sujettes à changer d'un jour à l'autre depuis que la délibération du czar ni a plus de part, ni sa fermeté“.

³⁾ Донесеніе отъ 18 (29) сентября 1725 г.

⁴⁾ „Comme un enfant fouetté“. Донесеніе отъ 30 ноября (11 декабря) 1725 г.

⁵⁾ Донесеніе отъ 9 (20) февраля 1725 г.: „S. M. Czarienne a aussi jugé nécessaire de retrancher le superflu dans la construction des vaisseaux de guerre et dans le verse de sa marine, qui sera avec le temps réduite à quelque chose de plus proportionné aux affaires de la Russie et au génie du peuple que pour le passé“.

⁶⁾ Донесеніе отъ 20 февраля (3 марта) 1725 г.

жетъ назначить себѣ преемника по своему усмотрѣнію, т.-е. она распла- гаетъ всѣмъ государствомъ, какъ своими изношенными туфлями ¹⁾, въ чѣмъ заключается странный деспотизмъ. Очевидно, она намѣрена распла- гать всѣмъ для своихъ дочерей, не обращая вниманія на права великаго князя Петра Алексѣевича» ²⁾. Говоря о всемъ томъ, Вестфаленъ выставляетъ и въ видъ, что эти обстоятельства имѣютъ значеніе для всѣхъ государствъ и даже могутъ повліять на политическое равновѣсіе. Очевидно, тутъ встрѣчается намекъ на чисто-династическіе интересы, на семейныя соображенія, заставлявшія Екатерину мечтать о нападеніи на Данію въ виду обезпеченія выгодъ ея зятя, герцога Карла - Фридриха. «Можно во всякомъ случаѣ,—писалъ Вестфаленъ,—считать несчастіемъ бракъ герцога голштинскаго съ дочерью императрицы, особенно въ то время, когда въ Россіи царствуетъ женщина, которая никогда не была расположена въ нашу пользу и которая, побуждаемая неограниченнымъ честолюбіемъ, отличается неснѣханною смѣлостью» ³⁾. «Царствованіе этой шведки ⁴⁾,—сказано въ другомъ донесеніи датскаго дипломата,—всегда будетъ представлять собою величайшую опасность для Даніи, потому что ея зять—завзятый противникъ нашего короля» и пр.

Въ Копенгагенѣ желали узнать подробнѣе о состояніи дѣлъ въ Россіи и о томъ, какимъ образомъ было возможно воцареніе Екатерины. Поэтому Вестфалену предложили отвѣтить на двадцать вопросовъ, относящихся къ этому предмету. Вестфаленъ исполнилъ желаніе датскаго правительства. Въ его донесеніи отъ 10 (21) іюля 1725 года сказано, между прочимъ, что Петръ Великій не думалъ вовсе о назначеніи Екатерины преемницею и что она обязана своимъ воцареніемъ исключительно войску, которое Вестфаленъ сравниваетъ съ преторіанцами въ древнемъ Римѣ. Екатерина,—рассказываетъ Вестфаленъ,—велѣла наванунѣ кончины Петра роздать войскамъ большія деньги. Бутурлинъ получилъ 10,000 червонцевъ, семь майоровъ гвардіи по 5,000 червонцевъ, офицеры по нѣскольку сотъ червонцевъ, утеръ-офицеры по 50 р., рядовые по 25 р. По мнѣнію датскаго дипломата, положеніе Екатерины на престолѣ могло считаться довольно прочнымъ, благодаря ея кротости, которую ея подданные умѣли цѣнить особенно послѣ строгаго и жестокаго царствованія Петра Великаго. Едва ли,—писалъ Вестфаленъ,—кто-либо станетъ думать о сверженіи императрицы съ престола. Однако, два обстоятельства многимъ не нравятся: во-первыхъ, намѣреніе Екатерины исключить отъ права на престолъ великаго князя Петра

¹⁾ „De disposer de la succession de tout ce vaste empire comme de ses vieilles pantouffles“.

²⁾ „Comme cela se manifesta entre autres par ce que dans les prières publiques elle s'y fait seulement nommer avec ses filles, sans qu'il soit fait aucune mention de la personne du grand-duc“.

³⁾ Донесеніе отъ 3 (14) апрѣля 1725 г.

⁴⁾ „Cette femme suédoise“, сказано въ депешѣ Вестфалена отъ 2 (13) апрѣля 1726 г.

Алексѣевича, а, во-вторыхъ, ея тѣсная дружба съ Меншиковымъ, который навистенъ особенно дворянамъ. Уже при Петрѣ Великомъ,—продолжаетъ Вестфаленъ,—Меншиковъ управлялъ почти всѣми дѣлами и былъ, такъ сказать, великимъ визиремъ; его честолюбіе не знаетъ предѣловъ и онъ враждебно относится къ старымъ дворянамъ, а къ тому же склоненъ къ кровопролитію. Меншиковъ въ минуту воцаренія Екаторины объявилъ членамъ сената и синода, что если они не признаютъ безъ замедленія права Екаторины на престолъ, они за это будутъ лишены жизни и ихъ имѣнія конфискованы ¹⁾. На вопросъ датскаго правительства, какія лица могутъ считаться приверженцами Екаторины, Вестфаленъ отвѣтилъ: «Всѣ виновники кончины царевича Алексѣя. Они же стануть препятствовать назначенію Петра Алексѣевича наследникомъ престола». Вестфаленъ прибылъ въ Россію, такъ сказать, наканунѣ трагедіи 1718 года. Онъ сочувствовалъ сыну несчастнаго царевича и былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что Екаторина теперь могла располагать Русскою имперіей, какъ «старымъ платьемъ» ²⁾. Въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ Вестфаленъ говорилъ о великомъ князѣ Петрѣ ³⁾.

По мнѣнію Вестфалена, популярность великаго князя Петра Алексѣевича рано или поздно могла сдѣлаться опасною Екаторинѣ. Въ маѣ 1725 года, какъ рассказываетъ датскій дипломатъ, былъ казненъ какой-то полковникъ, отказывавшійся присягнуть Екаторинѣ ⁴⁾. Происходили безпорядки; при дворѣ сильно беспокоились. Меншиковъ три ночи сряду оставался при Екаторинѣ, гдѣ происходили тайныя совѣщанія, продолжавшіяся по нѣсколькимъ часамъ ⁵⁾. Отвѣчая на вопросы, предложенные ему датскимъ правительствомъ, Вестфаленъ сообщилъ, что въ минуту воцаренія Екаторины подали голосъ за Петра II: Головинъ, Репнинъ, Голицынъ, В. М. Долгорукій, Мусинъ-Пушкинъ и Петръ Апраксинъ. Затѣмъ было чрезвычайно опасно разсуждать о правѣ Петра Алексѣевича на престолъ. Меншиковъ, какъ доносилъ датскій дипломатъ, приказывалъ арестовать тайкомъ всѣхъ людей, открыто говорившихъ о великомъ князѣ, какъ о наследникѣ ⁶⁾.

Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что во время воцаренія Екаторины въ Петербургѣ опасались оппозиціи фельдмаршала Голицына, командовавшаго значительнымъ отрядомъ войскъ въ Украинѣ. Вестфаленъ доносилъ, что Екаторина, Меншиковъ и герцогъ гольштинскій намѣревались въ такомъ случаѣ обратиться за помощью къ Швеціи и предложить этой дер-

¹⁾ „Ihnen die Köpfe eingeschlagen werden würden“. Австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ рассказываетъ, что гвардія, провозгласившая Екаторину императрицею, грозилъ убить каждаго, не одобряющаго это рѣшеніе.

²⁾ „Wie über ein abgelegter Gewand“.

³⁾ „Ein Kind von der allergrössten Hoffnung, schön wie ein Engel und von dem Volke seines unschuldigen Vaters wegen geliebt“.

⁴⁾ Донесеніе отъ 8 (19) мая 1725 г.

⁵⁾ Донесеніе отъ 16 (27) мая 1725 г.

⁶⁾ „Die Justice lässt keinen leben, der sich merken lässt, dass der Grossfürst das geringste Recht zur Krone habe. Solche Leute lässt der Fürst Menzichoff in aller Stille in die Gefängnisse werfen“.

жавъ уступку герцогу гольштинскому, какъ будущему королю шведскѣмъ, «Меджиди, Эстляндіи и Карелію», лишь бы Швеція предоставила Россіи войско въ 25,000 человекъ для борьбы противъ Голицына. Съ этимъ проектомъ былъ отправленъ дипломатическій агентъ герцога Карла-Фридриха, нѣкто Зурландъ. Однако, всѣ предположенія о возможности междоусобной войны въ Россіи оказались лишенными основанія; Голицынъ призналъ Екатерину императрицею и присягнулъ ей со всѣмъ войскомъ. Такимъ образомъ, раздѣлъ Россіи не состоялся ¹⁾. О немъ, однако, не перестали мечтать герцогъ гольштинскій и его сторонники.

Къ сожалѣнію, въ донесеніяхъ Вестфалена почти вовсе не встрѣчаются данныя о самой личности Екатерины и о ея домашней жизни. Въ мартѣ 1727 г. онъ писалъ подробно о родственникахъ Екатерины, Скавронскихъ, которые явились въ Петербургъ вскорѣ послѣ воцаренія императрицы. Эти данныя, однако, не представляютъ собою ничего новаго ²⁾. Что касается причинъ болѣзни Екатерины, то Вестфаленъ довольствуется намеками, не считая удобнымъ входить въ подробности. Также вопросъ о роли, которую играла при Екатеринѣ госпожа Крамеръ, казался датскому дипломату щекотливымъ, и онъ не считалъ возможнымъ воспроизведеніе слуховъ на этотъ счетъ, распространенныхъ въ публикѣ.

А. Бриннеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ См. донесенія Вестфалена отъ 19 (30) іюля и отъ 4 (15) декабря 1725 г.

²⁾ См. донесеніе отъ 11 (22) марта 1727 г.

Соціальний кризисъ въ Сициліи *).

Сицилія представляеть совершенно обособленный, изолированный міръ, несмотря на то, что тридцать три года уже присоединена къ Итальянскому королевству. До сихъ поръ для сициліанца всякій итальянецъ, даже какабриецъ—иностронецъ. Среди жителей острова многіе вовсе не понимаютъ языка Данта; большая часть ихъ никогда не переплывала узкій, всего въ три километра, проливъ между Мессимной и Аспромонте. Движеніе въ этомъ небольшомъ проливѣ самое ничтожное: путешественникъ, приѣхавшій въ Реджіо послѣ обѣда, можетъ возвратиться только на слѣдующій день, хотя ему требуется всего полчаса на переѣздъ. Эта изолированность ощущается особенно сильно по вечерамъ, когда съ узкаго берега видны С.-Джіованни смотришь на громадныя крутыя утесы Сициліи, темною массой выступающіе въ полумракѣ ночи: ни звука кругомъ, съ трудомъ различаешь нѣсколько огней тамъ, гдѣ спитъ Мессина. А мимо плавно проходятъ огромныя пароходы, направляясь въ далекія воды Востока и Запада,—идутъ прямо, не считая нужнымъ задерживаться у огибаемыхъ ими береговъ Сициліи, какъ будто эта нѣкогда богатая страна не принадлежитъ уже къ торговому и промышленному міру XIX столѣтія.

Между тѣмъ, есть ли во всей остальной Европѣ страна, счастливѣе одаренная во всѣхъ отношеніяхъ? Нѣтъ тумановъ; снѣгъ лишь на вершинахъ высочайшихъ горъ; въ долинахъ вѣчная весна. Отъ Палермо до Мессины, гдѣ горы слегка отступаютъ отъ берега, непрерывный садъ: апельсины, абрикосы, вишни, оливы, лимоны, японскій кизиль зрѣютъ мирно, не опасаясь запоздалыхъ морозовъ, въ другихъ странахъ въ одну ночь губящихъ весь урожай. Отъ Мессины до Катаны растительность еще роскошнѣе; зеленымъ плащомъ она прикрываетъ здѣсь мѣдъ, свинецъ, сурьму, мышьякъ, серебро, яшмисъ-лазурь. По склонамъ Этны деревья достигаютъ удивительныхъ размѣровъ. Къ югу отъ Катаны безконечныя нивы. Въ провинціяхъ Сиракузы, Марсала, Алькамо, Пуека воздѣлываются вина, знаменитыя съ глубокой древности. Внутри острова не знаешь, чему болѣе

*) *Georges Lainé: „La crise sociale en Sicile“ (La Revue de Paris, № 18).*

удивляться,—плодородію ли почвы, или богатствамъ, кроющимся въ ндрахъ земли. Здѣсь неистощимыя залежи сѣры, здѣсь былъ когда-то сѣдочный центръ, откуда Римъ черпалъ хлѣбъ для своего пропитанія. И даромъ же здѣсь у воротъ Кастро-Джованни, древней Энны, возвышается и до сихъ поръ еще развалины величественнаго храма Цереры.

Кромѣ счастливаго положенія въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря, Сицилія обладаетъ еще прекрасными портами. Портъ Мессины защищенъ естественными плотинами лучше, нежели какими-либо инженерными сооружениями; на западѣ не менѣе удобный портъ Трапани; на югѣ портъ Марсала, древній Дилибой, откуда отправился нѣкогда флотъ, разрушившій Карфагенъ; наконецъ, Сиракузскій портъ. Окружающее Сицилію море отличается не меньшимъ богатствомъ. Въ Мессинскомъ проливѣ водится знаменитый меченосъ, а по всему побережью тысячи тунцовъ лѣтомъ сами бросаются въ сѣти рыбаковъ. Розовый коралль раскидываетъ свои тонкія вѣтви въ водахъ Суякка и Эгадскихъ острововъ, а въ солончакахъ Трапани и кояхъ Ваникатти добывается соль. Но какъ будто всѣхъ этихъ естественныхъ даровъ было недостаточно: и природа, и минувшія поколѣнія присоединили въ очаровательныхъ пейзажахъ природы дивныя памятники искусства. Каждый годъ масса художниковъ и туристовъ посѣщаетъ островъ, оставляя здѣсь не малую часть своихъ достатковъ. Ихъ встрѣтите повсюду: въ Палермо предъ капеллой Балатина, въ Монреалѣ передъ Христомъ, въ развалинахъ Сегесты, Селинунта и Джирджепти передъ греческими храмами Согласія, Юноны и Геркулеса; въ Сиракузахъ, Мессинѣ, Катанѣ, на ступеняхъ греческаго храма въ Тѳминѣ, величественной декорацией которому служить вѣчно дымящаяся, выступающая изъ земли садовъ Этна.

Несмотря на такія благопріятныя естественныя условія, положеніе трудящагося класса въ Сициліи было всегда самое тяжелое. Въ декабрѣ прошлаго года по Европѣ разнеслась вѣсть объ открытомъ возстаніи въ Сициліи, послѣдовавшемъ за цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ стачекъ. Триста тысячъ человекъ съ оружіемъ въ рукахъ требовали правъ эксплуатируемымъ рабочимъ. Повсюду основывались ассоціаціи, подъ названіемъ *fasci*. Движеніе охватило Калабрию и Апулію; возлѣ Бари раздраженная толпа сожгла живо MUNICIPALNAго чиновника; въ Неаполѣ заволновались *fondaci*, въ Римѣ бушевали вспыхнулъ въ Транстеверѣ; вооруженныя шайки разсыпались въ горы Массы и Кардовы. Вскорѣ, однако, на континентѣ эти попытки къ возстанію были подавлены и только одни сициліанцы продолжали подставлять грудь подъ пули итальянскихъ армій. «Убейте насъ, мы умираемъ съ голоду!»—кричали они солдатамъ, присланнымъ для водворенія порядка. На улицахъ Палермо, Мессины, Катаны массы женщинъ въ изношенныхъ платьяхъ, съ худыми отъ лишеній и страданій лицами, съ лихорадочными глазами. Въ Мизельмери, Трапанѣ, Корлеонѣ толпы несчастныхъ; босые, въ лохмотьяхъ, тѣснились они у воротъ военнаго суда, ожидая приговора судей. «Какъ мы станемъ теперь жить,—кричали женщины и дѣти, за-

вадсь слезами,—когда наши мужья и отцы въ тюрьмѣ? Кто заработаетъ гдѣ нѣсколько сантимовъ, которыми мы существуемъ? Все кончено, мы погибли!» На вокзалѣ тоже отчаяніе, гдѣ же разговоры. Присутствіе жандармовъ, приставленныхъ держать въ порядкѣ людей, выведенныхъ изъ терпѣнія нищетой, не мѣшаетъ сообщать другъ другу, что въ Сициліи нѣтъ возможности жить, нѣтъ работы, хлѣбъ дорогъ, что единственная надежда спасенія—бѣжать вдаль отъ родины, вдаль отъ деревенскихъ тирановъ, отъ полиціи и голода, что убиваетъ всѣхъ. «Жить въ Сициліи возможно только чиновникамъ»,—говорили они.

Спросите пассажировъ, уѣзжающихъ на пароходахъ въ Геную или Марсель, и они объяснятъ вамъ, что ѣдутъ въ Туринъ, Миланъ, Ліонъ, Парижъ искать работы, такъ какъ въ Сициліи нѣтъ ея. Въ Леркара, въ самомъ центрѣ разработки копей, хозяева скажутъ вамъ, что они боятся открывать заводы, что сѣра не находитъ сбыта, а работники расскажутъ, что въ прошломъ январѣ многіе изъ нихъ предпочли пасть отъ пули солдатъ, чѣмъ продолжать такую жизнь. Гдѣ бы и кого бы вы ни спросили, вездѣ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что такъ далѣе жить нельзя, что народъ эмигрируетъ въ Америку. Владѣлецъ копей сказалъ вамъ, что нѣтъ сбыта для сѣры, винодѣлы пожалуются, что имъ приходится выливать на землю вино, чтобъ опростать чаны для новаго сока, торговцы апельсинами и лимонами—на плохія цѣны, которыя предлагаютъ имъ за ихъ продукты, содержатели гостиницъ, что иностранцы не пріѣзжаютъ, боясь революціи; старые гарибальдійцы, наконецъ, шепнуть вамъ на ухо, что, предвидя они послѣдствія объединенія, не стали бы рисковать жизнью и терять силы для низверженія династіи Бурбоновъ.

Какая же тайная болѣзнь разъѣдаетъ несчастную Сицилію? Неужели «житница Рима», «садъ Гесперидъ», «жемчужина Средиземнаго моря» не можетъ поддержать существованіе своихъ жителей? Въ такомъ случаѣ, риліе естественныхъ даровъ не есть ли кажущееся? Не лучше ли тогда жить подъ туманами Темзы, въ болотахъ Голландіи, въ снѣгахъ Норвегіи, въ закоптѣлой странѣ Намюра и Шарлеруа?

Спустимся въ сѣрную копи. Въ узкихъ опасныхъ корридорахъ движутся полуобнаженные мужчины и дѣти; это picconieri и sagusi—два совершенно различныхъ класса рабочихъ. Picconieri отбиваютъ руду, прокладывая новыя галлерей; sagusi уносятъ отколотыя глыбы вонъ изъ копи. Sagusi—юноши и дѣти, въ нѣкоторомъ родѣ рабы, купленные picconier'омъ. Цѣляется это такъ. Picconiero, имѣющій нужду въ saguso, платитъ сто или полтора ста франковъ родителямъ ребенка, и съ этихъ поръ ребенокъ попадаетъ въ полную его власть. Чтобы получить свободу, saguso долженъ возратить уплаченную за него сумму,—условіе невозможное, такъ какъ полтора ста франковъ немедленно переходятъ въ руки ростовщиковъ или на уплату неотложныхъ долговъ. Слѣдовательно, для своего выкупа saguso долженъ разсчитывать только на свои экономіи, для чего нужны длинныя годы, такъ какъ жалованье его равняется приблизительно семидесяти сан-

имаѣть въ день. Цѣлые дни поднимается и спускается онъ по низенькимъ, темнымъ подземнымъ лѣстницамъ, согнувшись подъ тяжестью отъ 30 до 40 кило. Онъ дышетъ зараженною атмосферой сѣрныхъ паровъ и человѣческихъ испареній. Часто отъ вдыханія воздуха, наполненнаго ядами глистовъ, сагузи умираютъ отъ медленной анеміи, «хлороза Битши», причиняемаго этими микроскопическими животными. Вслѣдствіе страшной тяжести, поднимаемой на спинномъ хребтѣ, большая часть дѣтей становятся горбатыми. Отъ времени до времени на ходу, на скорую руку сдѣлать они кусокъ хлѣба, чтобы, не теряя минуты, снова продолжать свое непрерывное путешествіе по лѣстницамъ; риссоніего всегда на-готовѣ будить энергію своего сагузо. Риссоніего, начавши свое ремесло тоже въ качествѣ сагузо, не менѣе послѣдняго обремененъ трудомъ, такъ какъ онъ получаетъ за работу сдѣльно.

Но какъ ни тяжело положеніе рудокоповъ, въ сравненіи съ жизнью крестьянъ оно завидно. Собственниковъ между послѣдними очень мало. Они обрабатываютъ землю, которую снимаютъ у gabelotti, арендующихъ ее, въ свою очередь, у землевладѣльцевъ. Собственники сдаютъ крупныя участки, слишкомъ обширныя для крестьянина, за известную цѣну gabelotti, которые и берутъ уже на себя трудъ входить въ соглашеніе съ непосредственными воздѣлывателями. Такимъ образомъ, землевладѣлец спокойно живетъ себѣ въ Палермо, а gabelotti остаются съ крестьянами. Легко представить, каковы ихъ отношенія. Если вѣрить М. Sydney Sonnino, крестьянинъ, при подписаніи аренднаго договора, часто долженъ еще обѣщать габелотто не прибѣгать за помощью помимо него ни къ какому другому работодцу; такимъ образомъ, габелотто обезпечиваетъ себѣ, кромѣ арендной платы, доходъ въ 25 и 50 процентовъ на сто. Крестьяне-земледѣльцы терпятъ недостатокъ рѣшительно во всемъ; въ жилищахъ животными гнѣди спятъ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Нѣкоторымъ приходится каждое утро пройти 6—8—10 километровъ до своего участка; ихъ ежедневный заработокъ не достигаетъ при этомъ и 50 сантимовъ.

Однако, участь пастуховъ еще бѣдственнѣе. Прикрытые овечьими шкурами, они бродятъ съ своими стадами вдали отъ селеній и семей, поджигаясь лѣтомъ невыносимому солнечному жару. Получаютъ они за такой трудъ отъ 75 до 200 франковъ въ годъ. Они питаются вареными травами, кореньями, молокомъ и сыромъ, а мясо употребляютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится прирѣзать заболѣвшее и издыхающее животное.

Еще ниже за пастухами стоитъ масса поденщиковъ, получающихъ за шестнадцатичасовой дневной трудъ семьдесятъ пять сантимовъ, причѣмъ дней двѣсти въ году остаются безъ работы. На этотъ мизерный заработокъ и нѣсколько сантимовъ заработка жены поденщикъ долженъ существовать съ своею обыкновенно многочисленною семьей. Нѣкоторымъ изъ спорьемъ служило крестьянѣ выкармливаніе поросятъ, которыхъ онѣ и скали и нѣжили больше собственныхъ дѣтей, но съ нѣкотораго времени постановленіями муниципалетовъ, во имя гігіены и благочинія, запрещ-

выпускать на уилпу этихъ животныхъ. Единственный, остающійся этимъ счастливымъ источникъ дохода—продажа дѣтей *ricconier*'у.

Такимъ образомъ, причина социального кризиса лежитъ не въ бѣдности почвы, не въ неспособности жителей. Сицилианецъ умѣренъ и трудолюбивъ, превыше всякихъ границъ; конкуренція, какую онъ составляетъ земнымъ рабочимъ въ Америкѣ и Австрали, показываетъ, что онъ умѣетъ работать, не будучи при этомъ требовательнымъ.

Земледѣльцы и рудокопы живутъ не въ деревняхъ, а въ городахъ, имѣя по 10, 15, 20 тысячъ, какъ, напримѣръ, въ Меркара, Каникат-Санъ-Стефано и проч. Въ этихъ городкахъ путешественникъ съ трудомъ находитъ комнату въ гостиницѣ. Чаше онъ получаетъ одну постель въ бы въ дортуарѣ, гдѣ вечеромъ пять-шесть другихъ лицъ займутъ дѣнья кровати. На обѣдъ ему дадутъ салатъ, апельсинъ, бобы и сосисы, да и эта-то скромная трапеза возбуждетъ зависть зрителей.

Бѣдность влечетъ за собою крайнее невѣжество; здѣсь вѣрятъ въ колдовъ, волшебниковъ, сны. Въ сентябрѣ прошлаго года открылась холера Пиана де-Греки. Немедленно разнесся слухъ, что эпидемію произвелъ муниципальный совѣтъ, по соглашенію съ докторами. Населеніе заволновалось, давая администраціи почувствовать, чтобы оно, по возможности скоро, прекратило эти опасныя шутки. Но когда, несмотря на угрозы, холера, тѣмъ не менѣе, продолжалась, раздраженные крестьяне винулись въ гущу, поломали мебель, повывили окна и подожгли домъ.

Высшій классъ живетъ въ Катанѣ, Мессинѣ, Джирдженти, Сиракузахъ, Мани, но особеннымъ центромъ стремленій служить Палермо. Здѣсь на *della Libertá* и *Fogo Italiano* роскошные экипажи и элегантныя туалеты создаютъ иллюзію богатства, но для большинства кажущихся счастливымъ высшій блескъ поддерживается цѣною массы лишеній; скрывшіеся глубинѣ своихъ старинныхъ дворцовъ, и этотъ классъ чувствуетъ отягощеніе кризиса: большинство дворцовъ—съ потертою мебелью, многія имѣнія обременены ипотечными долгами, не мало домовъ, чувствующихихъ необходимость ратить расходы. Трудъ былъ бы единственнымъ средствомъ поправить голянія этихъ владѣльцевъ имѣній и дворцовъ; съ помощью нѣкоторыхъ измѣненій необработанныя *latifondi* превратились бы въ производительныя земли, введеніе усовершенствованныхъ машинъ увеличило бы количество продуктовъ сѣрныхъ копей. Но какъ говорить о трудѣ людямъ, въ захъ которыхъ работа—униженіе? Несовершенство аппаратовъ для разотки руды заставляетъ терять до 66% сѣры; земля обрабатывается внимъ римскимъ плугомъ, углубляющимся въ почву не болѣе какъ на 10 сантиметровъ; вино выдѣлывается, какъ во времена Улисса и Поэма и лишь въ Сеттѣ подвергается обработкѣ и превращается въ боркія вина. Шелкъ—сырецъ отправляется за границу, и никому не придетъ въ голову основать мѣстныхъ шелкопрядильни, пока англичане и нѣмцы устроились въ Мессинѣ. Удивительно ли послѣ этого, что Палермо, голя, на цѣлую треть болѣе населенный, нежели Генуя, имѣетъ портовое

движеніе вдвое менѣе оживленное, что американская сѣра побиваетъ сицилійскую на европейскихъ рынкахъ, что Сицилія съ трудомъ отпускаетъ за границу каменную и морскую соль, тогда какъ ея каменной соли достаточно бы на нужды всего міра? Залежи такъ богаты сѣрой, что доставитъ приблизить лампу къ стѣнѣ галлерей, какъ вспыхиваетъ огонь. Земля плодородна, но за отсутствіемъ осушенія воды застаиваются въ лощинахъ и вызываютъ злокачественныя лихорадки; лѣса истреблены; рѣки постоянныя—лѣтомъ высыхаютъ, во время дождей превращаются въ бурные потоки, все уничтожающіе на своемъ пути и часто уносящіе живыхъ и людей, такъ какъ ихъ высохшія русла служатъ обыкновенно дергами. Важнѣйшіе рудники сообщаются съ моремъ тропинками, гдѣ извозъ возможна только на мулахъ, и туземцы сознательно сопротивляются введенію дорогъ изъ боязни, какъ бы не пострадалъ промыселъ волашниковъ.

Главная причина сицилійскаго кризиса понятна. Что пользы жить и земномъ раю, что толку быть трудолюбивымъ и воздержнымъ, если и народъ не создался духъ инициативы, если нѣтъ класса, который сумѣлъ бы своимъ примѣромъ, образованіемъ, капиталами и смѣтливостью вывести въ борьбѣ труда рабочую массу, который помогъ бы ей устоять и промышленной борьбѣ съ расами, лучше одаренными и болѣе энергичными. Въ то время, какъ новыя открытія сближали страны вселенной, Сицилія продолжала стоять въ сторонѣ. Паръ, электричество не нарушили празднаго покоя. Но такая изолированность не могла продолжаться долго. Цивилизація подвигалась впередъ съ своими машинами, локомотивами, пароходами, телеграфами, телефонами; и чтобы жить, надо было примѣняться къ новымъ условіямъ жизни: сициліяне не сумѣли или захотѣли этого сдѣлать, и прогрессъ, созидающій и разрушающій однимъ и тѣми же средствами, не пощадилъ этихъ отсталыхъ приверженцевъ прошлаго.

Не трудно угадать причину поражающаго успѣха социальныхъ доктринъ въ Сициліи, въ странѣ безъ фабрикъ и заводовъ. Экономическій кризисъ является слѣдствіемъ неудовлетворительнаго положенія социальной организаціи. Безъ хлѣба, апельсинны, вино и сѣра не находятъ сбыта, причиною тому служатъ способъ обработки земли и эксплуатація рудниковъ; для объясненія этого зла нѣтъ надобности ссылаться на дурную погоду, на засуху и дожди, на филлоксеру и на перепроизводство, — въ другихъ странахъ и же и филлоксера опустошала виноградники, и засуха уничтожала жито, истинное зло—отсутствіе инициативы, недостатокъ просвѣщенныхъ классовъ въ странѣ. Исторія можетъ показать, какъ создавался въ Сициліи инициативный классъ.

Двѣ эпохи были особенно славны для Сициліи: одна въ древности, другая въ новѣйшее время. Первая—эпоха греческаго владычества, вторая—эпоха владычества нормандскаго. Процвѣтаніе Сициліи въ эти два періода свидѣтельствовано не только историками, но и памятниками Джерджанты

Монреалья, Селинунта и Палермо, Сегасты и Кефалу; эти славные остатки прошлаго устояли противъ челоѣка, времени и землетрясеній. До сихъ рѣ встрѣчаются сициліянцы, считающіе правленіе Рожера единственно пригоднымъ для Сициліи,—такое неизгладимое впечатлѣніе оставили въ умѣ рода нормандскіе вожди. Процвѣтаніе въ періодъ греческаго и нормандскаго владычества имѣло совершенно различныя основанія: первое—торговлю, второе—земледѣліе. Греки основались близъ береговъ, норманны утѣшились проникнуть внутрь острова; оба народа слѣдовали, въ нѣмнѣ случаѣ, инстинктамъ своей расы. Тогда какъ развалины нормандскихъ аббатствъ и монастырей донинѣ украшаютъ высоты Палермо, Адера, Балтанисетты, Калашибетты, главные греческіе города, Катана, Сиракузы, омываются волнами Средиземнаго моря. Ближайшая содѣ Греціи, расположенная въ центрѣ извѣстнаго тогда міра, вблизи Каррагена и основывавшагося Рима, Сицилія занимала счастливое положеніе и должна была привлекать вниманіе предприимчивыхъ торговцевъ отважныхъ моряковъ исторической древности. Во времена Рожера центръ цивилизациі перемѣстился. Сицилія очутилась на границѣ цивилизованнаго ра; ея торговая роль была сыграна, а для широкаго развитія промышленности не пришло еще время; единственно земледѣліе создавало почву для эры новаго величія. Различныя во многихъ отношеніяхъ греки и норманны имѣли, однако, одну общую черту характера: они не слились съ туземнымъ населеніемъ, представляя высшій классъ правителей и эксплуататоровъ мѣстнаго населенія. Подобно грекамъ Эллады, греки Сиракузъ, Сегасты, Селинунта и Акрагаса кончили внутренними раздорами. Они прибѣгали на помощь то аеинянъ, то каррагенянъ, то римлянъ вплоть до момента, когда были окончательно поглощены Римомъ. Сицилія, низведенная на второстепенную роль провинціи, не замедлила сдѣлаться добычею консуловъ, вовсе не щадившихъ ея. Когда имперія рушилась, сициліянцы не сумѣли стряхнуть съ себя иго Византіи. Сарацины тоже владовали нѣкоторое время надъ этимъ народомъ, неспособнымъ управлять самостоятельно. Наконецъ, въ 1070 году сынъ Танкреда де-Отвилля, графъ Рожеръ, воспользовался раздиравшими страну распрями, овладѣлъ Палермо и учредилъ тамъ, въ компаніи нормандскихъ и ломбардскихъ авантюристовъ, твердое правленіе. Къ несчастію, эти сѣверные люди высадились въ недостаточномъ числѣ и не могли наложить на Сицилію и сициліянъ въ тотъ окончательный отпечатокъ, который они оставляли въ другихъ странахъ и на другихъ народахъ. Черезъ нѣсколько поколѣній нормандская кровь выродилась; царская династія угасла съ фамиліей Гогенштауфенъ; потомки храбрыхъ спутниковъ Рожера были поглощены испанскими вилліями. Въ 1816 году Неаполь и Сицилія соединились въ одно государство подъ именемъ Двухъ Сицилій. Подъ твердымъ правленіемъ Фердинанда II въ Сициліи, казалось, вернулись дни Рожера, но реставрированная монархія организовалась по образцу наполеоновской. Поддерживаемый

иезуитами, король, твердо убѣжденный, что центральное управленіе, усовершенствованное императоромъ, было вѣрнымъ средствомъ держать владѣнныхъ въ рукахъ, сумѣлъ лишь раздражить ихъ административными новшествами, нарушившими вѣковые обычаи страны. Населеніе глубоко ненавидѣло присланныхъ изъ Неаполя чиновниковъ, недовольство росло со дня на день; отраженіе 1848 года почувствовалось и въ Сициліи. Была введена конституція, но въ 1850 году генералъ Филанджеръ нанесъ ударъ сицилійской революціи, и конституція опять сдѣлалась мертвою буквой.

4 апрѣля 1859 года монахи монастыря Santa Maria degli Angioli дали сигналъ возстанія. Нѣсколькими недѣлями позднѣе на островъ высадились Гарибальди; населеніе провозгласило его диктаторомъ, а въ февралѣ 1861 года крѣпость Мессины сдалась на капитуляцію. Завоевали ли, наконецъ, сицилианцы свободу? Нашли ли подходящихъ правителей? Такъ думалось сначала. Но не прошло и пяти лѣтъ, а возстаніе снова угрожало уже Виктору-Эммануилу. Высокомѣріе пьемонтскимъ чиновниковъ, обращавшихся съ населеніемъ какъ съ дикарями, выводило изъ терпѣнія народъ, общее недовольство увеличивалось еще болѣе налогами, а рекрутскій наборъ, отъ котораго Фердинандъ освободилъ Сицилію, довелъ раздраженіе до крайнихъ предѣловъ. Въ 1866 году населеніе поднимается съ цѣлью изгнать пьемонтцевъ, какъ ранѣе оно изгнало неаполитанцевъ. Впрочемъ, пьемонтцамъ не трудно было справиться съ неорганизованными шайками.

Такимъ образомъ, во всѣ эпохи своей исторіи сицилианцы оказались бессильными создать правящій классъ, способный покровительствовать рабочей массѣ и управлять государствомъ. Уже Улиссъ, высадившись въ странѣ циклоповъ, встрѣтилъ въ Сициліи населеніе «безпечное, находящееся въ постоянной анархіи. Эти народы не имѣли законовъ, не держали совѣтовъ, жили на вершинахъ высокихъ горъ или въ пещерахъ». И сицилианцы 1894 года точно также удаляются въ горы, избѣгая плодородныхъ долинъ, гдѣ ячмень и виноградъ созрѣваютъ на необработанной почвѣ. Древніе сикулы, «безпечные и безъ законовъ», не сумѣли сплотиться въ націю; побѣжденные, но не измѣнившіеся подъ вліяніемъ столичнаго владычества, сицилианцы черезъ три тысячи лѣтъ остались съ тѣми же инстинктами. Вѣроятно, Сицилія оставалась бы и донинѣ безъ законовъ, если бы не побѣдители. Народный инстинктъ давалъ себѣ ясный отчетъ въ этой неспособности выйти изъ анархіи: революціи изгоняли чужеземныхъ князей, призывая на ихъ мѣсто другихъ иностранцевъ, но не было ни одной попытки учредить національное правительство.

Для всякаго сицилианца врагъ, это—правильно организованное правительство. Да и какъ могло быть иначе? Какъ могъ народъ любить и уважать правителей другой расы, которые, притомъ, только угнетали и эксплуатировали его? Народъ соглашался переносить это чуждое ему правленіе, но обращался къ нему какъ можно рѣже. Законы Omerta (кодексъ благородныхъ людей) и сводъ чести запрещаютъ идти для разбора спор-

наго дѣла въ судъ: если вы не негодий, вы сами должны расправиться Единственный національный законъ—родовая месть. Характернѣйшая черта сицилианца—стремленіе пользоваться даже въ самыхъ ничтожныхъ случаяхъ незаконною властью; отсюда—шафа, карбонари и разбойничество. Эти нелегальные общества—сила, съ которой правительству приходится считаться, такъ какъ они пользуются симпатіей и сочувствіемъ населенія; это не преступники, по мнѣнію массы, а судьи: развѣ они не идутъ противъ общаго врага? Разбойниковъ никто не выдаетъ,—напротивъ, имъ помогутъ убѣжать, поддержать, въ случаѣ надобности, даже противъ государственной силы. Возможное ли дѣло, чтобы безъ соучастія населенія правительство короля Гумберта не могло захватить шайки Марина Ка-стельбуоно, чтобы было вытребовано столько выкуповъ, столько преступленій, совершенныхъ неизвѣстно кѣмъ, остались безъ наказанія? Продаться тому, кто больше даетъ, предложить свою помощь честолюбцамъ во времена революціи и потомъ измѣнить—считается ни во что, но покинуть храбрецовъ, борющихся съ узурпаторами, выдать разбойниковъ, измѣнить шафа... негодяю, способному на такое преступленіе, нѣтъ пощады, нѣтъ покоя; онъ—измѣнникъ чести.

Силу сицилианцевъ въ теченіе долгаго времени составляли семейный духъ, духъ преданія и привязанности къ прошлому. Въ Сициліи все говоритъ о прошломъ: въ Адиреалѣ скалы циклоповъ, въ Сиракузахъ источникъ Арегузы, въ Джирдженти портъ Эмпедокла; Этна всегда остается для народа Монджибелло, воспоминаніями о сицилійской вечернѣ полны всѣ улицы Палермо. Между Мессиною и Катаной, Палермо и Джирдженти существуютъ до сихъ поръ тѣ же распри, какъ нѣкогда между Сегестою и Селинунтомъ, Сиракузами и Акрагазомъ. Эту-то любовь къ традиціямъ—оплотъ сицилійскаго общества—правительство 1860 года старалось всячески побороть. Обязательная военная служба освободила сыновей изъ-подъ опеки отцовъ: возвращаясь домой въ деревню послѣ долгаго пребыванія въ гарнизонахъ большихъ городовъ, они не были уже послушными сынами своихъ родителей-крестьянъ, не подходили къ нимъ съ кроткимъ «Sabb'irica»—«да благословить меня ваша милость». Эти эмансипированные юноши не считали уже нужнымъ привѣтствовать иностранцевъ и богатыхъ собственниковъ почтительнымъ «Benica, signore». Такимъ образомъ, старые устои расшатывались, что было въ нихъ хорошаго исчезало; а, между тѣмъ, ретроградный духъ, существующій и донинѣ, мѣшалъ введенію настоящихъ реформъ. Ранѣе 1860 года въ Сициліи существовало множество братствъ, которыя преслѣдовали различныя цѣли: поддержку церковнаго благолѣпія, заботу о больныхъ, помощь бѣднымъ. Государство завладѣло имуществами этихъ братствъ, накопленными въ теченіе многихъ поколѣній; но кому они были розданы, неизвѣстно. Въ настоящее время богослуженіе бѣдно, церковныя и свѣтскія празднества и процессіи, страстно любимыя народомъ,—лишь тѣнь того, чѣмъ они были прежде; бѣдные

и больные умирают съ голоду. Монастыри нѣкогда извлекали огромные доходы изъ своихъ несмѣтныхъ владѣній, но эти доходы оставались въ странѣ, большею своею частью, въ той или другой формѣ, возвращаясь народу. Конфискація церковныхъ имуществъ мотивировалась тѣмъ, что эти имущества, бесплодные въ рукахъ монаховъ, перейдутъ въ руки болѣе искусныя и предприимчивыя, но государственная казна оказалась худшимъ хозяиномъ, чѣмъ церковь. Налоги росли непомерно съ каждымъ годомъ. Сицилія, лишенная своихъ традицій, шла наугадъ, какъ поклянутый корабль, у котораго сняли старыя мачты, не замѣнивъ ихъ новыми. Этотъ народъ съ патріархальными нравами былъ отданъ подъ команду совершенно чуждыхъ ему чиновниковъ. Иностранные промышленники, привлеченные природными богатствами острова, явились было въ Сицилію, но они были унесены общимъ разореніемъ и не нашли себѣ преемниковъ въ странѣ: кому была охота селиться въ странѣ, разоренной финансовымъ, экономическимъ и социальнымъ кризисомъ? Напротивъ, всѣ, кто можетъ, стремятся уйти оттуда скорѣе.

Такова нездоровая почва, на которой въ 1891 году родились и развились съ поражающею быстротой *fasci*: въ 1892 году уже триста тысячъ членовъ были наготовѣ, а въ 1893 году вспыхнула революція. Эти ассоціаціи не имѣли правильной и твердой организаціи. Фашисты вѣрили, что крупныя земельныя владѣнія (*latifondi*) будутъ раздѣлены между ними поровну, что отнынѣ всѣ станутъ одинаково богаты, что поля, лѣса и сады сдѣлаются собственностью ихъ, работниковъ страны. Мятельники расхаживали по улицамъ деревень, заявляя, что они не боятся итальянскаго правительства, такъ какъ французы ихъ скоро освободятъ; безоружные, безстрастные, они падали подъ пулями войскъ, но знали ли они, за что умираютъ?

Эта тупая, бессильная, страдающая толпа была отличнымъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ея искусныхъ предводителей. Но голодные воиска объявили войну, не дождавшись приказа, и все было потеряно. Планъ руководителей состоялъ въ томъ, чтобы завладѣть сначала всѣми горелскими совѣтами Сициліи: устройса фашисты въ ратушахъ, дѣло, думали они, было бы на три четверти сдѣлано. Нужда не позволила ждать, и поспѣшность погубила всѣ надежды фашистовъ.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести интересныя слова министра Соннино: «Если Сицилію предоставитъ самой себѣ,—говоритъ онъ,—она найдетъ сама искусство отъ своихъ золъ; это добазываютъ намъ многіе частныя факты, а естественныя богатства земли даютъ намъ въ томъ твердую увѣренность. Соціальное преобразование, рано или поздно, должно произойти неизбѣжно, мирнымъ или революціоннымъ путемъ, но мы, итальянцы прочихъ провинцій, противодѣйствуемъ этому, мы узаконяемъ угнетеніе и обезпечиваемъ угнетателямъ безнаказанность. Въ современномъ обществѣ всякая законная тиранія обуздывается стра-

комъ нелегальной реакціи. Въ Сициліи мы своими учрежденіями, лишь по внѣшности либеральными, доставляемъ притѣснителямъ средство облечь въ законную форму давнишнее угнетеніе... мы посылаемъ имъ на помощь войска для большей увѣренности, что, каковы бы ни были ихъ насилія, мы не допустимъ никакой нелегальной реакціи, а реакція законная тамъ проявиться не можетъ, такъ какъ законъ находится въ рукахъ правящаго класса». Слова столь авторитетнаго лица заставляютъ признать, что переворотъ 1860 года не былъ для Сициліи эпохой воскресенія. Онъ рашатал прочныя основы семьи, попечительство монастырей замѣнилъ еще менѣе удачнымъ попечительствомъ государства.

Н. Ч.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ *).

IX.

Какъ намъ извѣстно изъ обнародованныхъ въ печати біографическихъ свѣдѣній о жизни А. К. Шеллера, онъ кончилъ курсъ анненской школы въ 1857 г., затѣмъ до 1861 года былъ вольнослушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ, въ печать же выступилъ съ первымъ своимъ романомъ въ 1864 г. Въ то же время мы знаемъ, что представляли собой тѣ семь лѣтъ, которыя протекли между выходомъ Шеллера изъ школы и появленіемъ его на литературномъ поприщѣ. Эти семь лѣтъ были полнымъ разгаромъ, апогеемъ общественнаго движенія, возникшаго послѣ крымской войны. Крестьянская реформа, паденіе откуповъ, первыя попытки общинной гласности, толки о судебной и земской реформахъ, о преобразованіи всей педагогической системы среднихъ учебныхъ заведеній, горячее одушевленіе прессы, блестявшей первостепенными талантами по всѣмъ литературнымъ отраслямъ и непрестанно возбуждавшей общественную мысль то появленіемъ того или другого гениальнѣйшаго произведенія, то рядомъ публицистическихъ и критическихъ статей, поднимавшихъ вопросы первой важности, то ожесточенною полемикой, дѣлившею на партіи весь читающій людъ,—все это держало русское общество въ непрестанномъ лихорадочномъ напряженіи. Можно положительно сказать, что вся Русь отъ края до края была взволнована до самаго нутра; всѣ классы, сословія, состоянія, города и веси были такъ или иначе затронуты и заинтересованы совершившимся и предстоящими реформами. Толкамъ, спорамъ, слухамъ, цѣлымъ легендамъ, порою самаго фантастическаго характера, взрываамъ то шумнаго восторга, то разочарованія, отчаянія и негодованія не было конца.

Могъ ли двадцатилѣтній талантливый юноша, только что вырвавшійся на свободу изъ-подъ школьной ферулы, не быть увлеченнымъ и поглощеннымъ этимъ могучимъ потокомъ? Какъ нельзя болѣе естественно, что, проживая въ самую бурную фазу нашего Sturm und Drang, такіе ровные

*) *Русская Мысль*, кн. I.

годы своей жизни, когда формируются и талантъ, и нравственный характеръ, и убѣжденія, молодой писатель долженъ былъ явиться всецѣло созданиемъ этой самой фазы. Такъ именно и случилось.

Но вопросъ въ томъ, какъ отразилась бурная эпоха въ произведеніяхъ Шеллера и что она изъ него создала? По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что писатели, жившіе въ то время, выносили далеко не однородныя впечатлѣнія изъ бурной эпохи. Не говоря уже о различіи возрастовъ, убѣжденій, симпатій, много значило здѣсь, въ какихъ слояхъ общества, въ какомъ край нашего обширнаго отечества и съ какихъ сторонъ наблюдалъ тотъ или другой писатель русскую жизнь. Иначе, напримѣръ, тоже самое общественное движеніе представлялось Писемскому, который наблюдалъ его преимущественно въ провинціальной средѣ мелкопомѣстнаго дворянства и чиновничества. Иначе мы видимъ его у Тургенева, имѣвшаго дѣло (наприм., въ *Отцахъ и дѣтахъ*) съ богатыми и утонченно-образованными землевладельцами, вроде Кирсановыхъ, и опять-таки въ иномъ родѣ изображено оно у писателей, наблюдавшихъ его въ Западномъ край, каковы, напримѣръ, были Ключниковъ или Вс. Крестовскій.

А. Б. Шеллеръ былъ равно далеко отъ нравовъ и провинціальной администраціи, и помѣщиковъ, и Западнаго края. По окончаніи школы ему пришлось вращаться преимущественно въ средѣ петербургскаго интеллигентнаго пролетаріата, ютящагося по чердачкамъ и подвальныхъ въ глуши зарѣчныхъ частей города, среди людей пишущихъ и читающихъ, учащихся и учащихся. Гулъ реформъ смутно доносился въ мирныя обители этихъ тружениковъ мысли. Здѣсь увлекались болѣе вопросами философскими и психологическими, чѣмъ общественно-практическими. На первомъ планѣ стояли умственное и нравственное развитіе личности въ духѣ новыхъ идей и, сообразно новымъ условіямъ общественной жизни, выработка новыхъ личныхъ идеаловъ и путей къ ихъ осуществленію. Изъ этой именно среды шло то великое педагогическое движеніе, которое въ эти годы волновало умы нисколько не менѣе крестьянской и всѣхъ прочихъ реформъ. Стоить только вспомнить то потрясающее впечатлѣніе на все русское общество, какое произвели въ 1856 и 57 годахъ статьи Пирогова и Бема въ *Морскомъ Сборникѣ*, а затѣмъ первыя попытки педагогическихъ реформъ, произведенныя подъ руководствомъ Ушинскаго, Водовозова и всѣхъ его сподвижниковъ. Стоить вспомнить тотъ глубокій интересъ, съ какимъ общество слѣдило за полемикой о розгахъ или прочитывало статьи Добролюбова о значеніи авторитета въ дѣлѣ воспитанія. Залъ пятой гимназіи, гдѣ происходили два раза въ мѣсяцъ достопамятныя «педагогическія собранія», въ дни засѣданій былъ всегда переполненъ публикой, состоявшей изъ людей всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ. А далѣе затѣмъ началась горячка воскресныхъ школъ, возникшихъ во всѣхъ частяхъ города и привлекшихъ къ дѣятельному участию въ нихъ тысячи интеллигентнаго люда. Не замедлило это педагогическое движеніе отразиться и въ беллетристикѣ въ видѣ массы описаній и обличеній старыхъ училищ-

ныхъ порядковъ въ гимназіяхъ, семинаріяхъ, корпусахъ, институтахъ и пр. Вспомнимъ только ту сенсацію, какую произвели въ то время *Очерки бурсы* Помяловскаго.

Вращаясь среди всего этого хаоса восторженныхъ увлеченій вопросовъ о воспитаніи дѣтей, развитіи взрослыхъ и равноправности женщинъ, А. К. Шеллеръ тѣмъ съ большею горячностью отдался всѣмъ этимъ вопросамъ, что самъ онъ, какъ мы видѣли въ предъидущей статьѣ, вынесъ столько нравныхъ и тяжелыхъ впечатлѣній изъ своихъ школьныхъ лѣтъ. Старая деревенская школа, если не физически, то нравственно, измучила его до такой же степени, какъ бурса Помяловскаго, и на своемъ опытѣ позналъ онъ, какъ дорого достается умственное развитіе человѣку, возросшему въ бѣдной мѣщанской средѣ. Какъ велико было увлеченіе А. К. Шеллера педагогическими вопросами, не теоретически только, но и практически, въ смыслѣ страстнаго желанія протянуть руку помощи въ самообразованіи бѣднымъ дѣтямъ, мы можемъ судить по тому, что тотчасъ же по выходѣ изъ университета, въ 1861 г., А. К. Шеллеръ основалъ замѣчательную по своему устройству школу для бѣдныхъ дѣтей, въ которой послѣднія учились за ничтожную плату 90 к. въ мѣсяцъ. Учениковъ набралось до сотни, и школа успѣшно существовала до 1863 года, когда вѣсть съ наступившимъ поворотомъ въ правительственныхъ сферахъ, ознаменовавшимся прежде всего закрытіемъ воскресныхъ школъ, учебное начальство отнеслось недовѣрчиво и къ школѣ Шеллера, — она должна была видоизмѣниться и утратила свой первоначальный строй. Вслѣдъ затѣмъ А. К. Шеллеръ и выступилъ на литературное поприще въ качествѣ романиста-публициста, повѣствующаго о томъ, какъ трудно воспитываться и развиваться бѣднымъ людямъ обоюго пола, сколько тяжелыхъ усилій стоить хоть сколько-нибудь выбиться въ люди и какъ много всякаго рода подводныхъ камней встречаются они на пути.

Въ самомъ дѣлѣ, романы А. К. Шеллера представляются, въ сущности, вовсе не такими произведеніями, которыя вполне оправдывали бы это названіе. Вы не найдете въ нихъ ни той любовной интриги, которая завязывалась бы чуть не на первой страницѣ и затѣмъ проходила бы черезъ весь романъ, волнуя читателей различными перипетіями и пертурбаціями, ни какихъ-либо необыкновенно трогательныхъ или ужасныхъ приключеній съ героями, ни новыхъ типовъ, ни бытовыхъ характеристикъ и нравоописаній. Все содержаніе любого романа А. К. Шеллера исчерпывается тѣмъ, что, выставивши передъ нами двухъ-трехъ героевъ, однихъ изъ барской среды, другихъ изъ разночинской, авторъ слѣдитъ далѣе за всѣми перипетіями умственного и нравственнаго развитія ихъ, и затѣмъ, какъ только они кончаютъ курсы, выходятъ на широкую дорогу жизни и дѣлаются новыми людьми и свѣтлами прогресса, онъ прощается съ ними и предоставляетъ имъ въ дальнѣйшей жизни своей доблестно шествовать по пути прогресса и наслаждаться разумнымъ счастіемъ людей, представляющихъ собою «соль земли». При этомъ А. К. Шеллеръ до такой сте-

Юни строго специализируется въ изображеніи одѣхъ только картинъ умственнаго и нравственнаго развитія современнаго ему юношества, что онъ тщательно избѣгаетъ какихъ бы то ни было случайныхъ катастрофъ, которыя хотя и могли бы растрогать читателей, привести ихъ въ ужасъ и негодованіе на несовершенства нашей жизни, но къ дѣлу не шли бы. Исполненный свѣтлаго оптимизма, вынесеннаго имъ, конечно, изъ тѣхъ са-рыхъ 7 лѣтъ, которыя воспитали его, А. К. Шеллеръ хотя и не отрицаетъ возможности преждевременныхъ смертей и раздирательныхъ катастрофъ въ жизни героевъ, но сознательно не желаетъ мучить ими своихъ читателей, такъ какъ цѣль его повѣствованій заключается вовсе не въ томъ, чтобы внушить намъ, какъ непрочно бываетъ человѣческое счастье на землѣ, а, напротивъ того, какое прочное и разумное счастье могутъ создать люди путемъ умственнаго и нравственнаго развитія. Объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующему мѣсту въ концѣ романа *Жизнь Штова*:

«Теперь остается,—говоритъ герой романа, заканчивая свою автобіографію,—два вопроса: что будетъ далѣе съ дѣйствующими лицами моей автобіографіи? Можно ли надѣяться на ихъ счастье? Можно, любезный читатель, если вамъ не вздумается уморить меня чахоткою, какъ умеръ Инсаровъ, и заставить Аню пропасть безъ вѣсти, какъ пропала жена этого господина, если вы не вздумаете заставить Колюку дѣлать операцію, обрѣзать палецъ и умереть преждевременною смерью, подобно Базарову, если вы не захотите заставить мою Лёню влюбиться въ какого-нибудь проѣзжаго юношу и бросить на время Семена Иваныча, подобно героинѣ *Подводнаго камня*, если вы, однимъ словомъ, не захотите сдѣлать съ нами какой-нибудь убійственной продѣлки, отъ которой погибаютъ на мгновеніе всякія людскія надежды на будущую счастливую жизнь... Но одного вы не можете сдѣлать, несмотря на всю безграничную и всемогущую власть воображенія въ широкомъ мірѣ фантазіи, создающаго и разрушающаго цѣлые города, уничтожающаго цѣлыя государства, и объ этомъ я вамъ впередъ шепну на ухо, чтобъ избавить васъ отъ лишняго и бесплоднаго труда: вы не можете превратить насъ въ подлецовъ. Кромѣ того, вы можете дѣлать со мною и съ моими друзьями все, что вамъ угодно, потому что мы сами стоимъ съ вопросомъ, вступая въ двери будущаго; мы знаемъ только одно то, что мы сами отворили эти двери, что никакія бабушки не ворожили намъ, никакія четвероюродныя тетуски «связями» не подсылали разныхъ холоповъ общества, чтобы расчистить намъ дорогу, облегчить намъ взобраться по лѣстницѣ и растворить передъ нами двери. Что мы сдѣлали, то сдѣлали сами. Устремляя взоръ въ будущее, я желалъ бы, чтобы всё мы были счастливы и сьумѣли бы сдѣлать хоть что-нибудь для своихъ дѣтей, чтобъ эти дѣти не имѣли горькаго права быть нашими противниками, по какой бы дорогѣ мы ни шли, какихъ бы убѣжденій мы ни были,—чтобъ эти дѣти не переживали тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя пережилъ я, встрѣчаясь съ отцомъ: пусть всё члены семьи научатся

любить другъ друга,—ну, а тамъ, можетъ быть, они научатся уважать и постороннихъ, не связанныхъ съ ними узами крови людей».

Желая болѣе познакомить нашихъ читателей съ этимъ морально-педагогическимъ характеромъ своеобразныхъ романовъ А. Е. Шеллера, мы остановимся на трехъ наиболѣ замѣчательныхъ романахъ его, изъ которыхъ первый относится къ шестидесятымъ годамъ, второй—къ семидесятымъ, третій—къ восьмидесятымъ. Мы увидимъ, какъ съ годами изменялись взгляды А. Е. Шеллера и на русскую жизнь, и на русскихъ людей, но какъ при всемъ охлаждающемъ опытѣ лѣтъ, при всѣхъ горькихъ разочарованіяхъ, которыя А. Е. Шеллеръ раздѣлялъ со всѣми своими сверстниками, онъ не переставалъ оставаться все тѣмъ же человѣкомъ шестидесятихъ годовъ, т.-е. тѣмъ же горячимъ идеалистомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлымъ и бодрымъ оптимистомъ.

Х.

Такъ, прежде всего, остановимся на романѣ *Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ*, послѣдовавшемъ вслѣдъ за *Гнилыми болотами* и напечатанномъ въ *Современникѣ* 1865 года. Здѣсь мы видимъ двухъ героевъ: одинъ—Шуповъ, отъ лица котораго ведется рассказъ въ видѣ, явобм. автобіографіи, принадлежитъ къ богатой дворянской семьѣ; другой, Коля Люлюшинъ—чистокровный разночинецъ. Отецъ Шупова былъ свирѣпый крѣпостникъ, внушавшій ужасъ во всѣхъ окружавшихъ. «Слыша его металлическій голосъ, мы дрожали,—рассказываетъ герой,— ровный, звучный, оглушающій, онъ проносился по всѣмъ комнатамъ, когда отецъ кричалъ на кого-нибудь. Впрочемъ, я невѣрно выразился: отецъ никогда не кричалъ; крикъ предполагаетъ усиліе, болѣзненную раздражительность кричащаго, надсаживанье имъ собственной груди,—этого не бывало съ отцомъ, онъ гремѣлъ безъ усилій надъ собою, какъ громъ, доходя отъ едва слышнаго шепота до оглушающихъ звуковъ...» Одна только жена его, Мари, своими ласками и обаятельнымъ вліяніемъ на него была способна утѣшать этого звѣря и дѣлать изъ него агнца. Но она зачахла и вскорѣ умерла, и двое дѣтей ея, сынъ и дочь, остались безъ всякаго призора, подъ руководствомъ длинной и тощей гувернантки, мадамъ Бурдонъ, и въ обществѣ лакеевъ, не стѣснявшихся обнаруживать передъ барчонкомъ всю свою какъ физическую, такъ и нравственную нечистоплотность. Отецъ, отчаянный картежникъ, рѣдко бывалъ дома, а затѣмъ, проигравшись, повезъ дѣтей въ деревню къ брату, гдѣ героя нашего жестоко избѣли за то, что онъ заступился за крестьянъ, которыхъ ему стало жаль. Послѣ порки отецъ отвезъ сына въ Петербургъ и поселилъ его у нѣкаго чиновника Люлюшина, съ цѣлью приготовить его въ корпусъ, для чего бы нанять студентъ. Здѣсь герой нашъ окунулся по уши въ особаго рода французскую грязь. Люлюшины прошли путемъ лишеній и невзгодъ и тотъ же съ грѣхомъ пополамъ достигая того благосостоянія, которымъ пользуютъ ся

съ титулярные, надворные и коллежскіе совѣтники, пристроившіеся къ вѣлымъ мѣстечкамъ. Они не бѣдствовали, не голодали; отъ ихъ ежемѣсячнаго дохода оставался даже излишекъ; но они еще не настолько увѣрены были въ прочности своего благосостоянія, чтобы пользоваться и наслажаться жизнью. Передъ ними, какъ передъ похитителями чужой короны, вѣчно носился призракъ чернаго дня, и они откладывали копѣйку на тотъ день, бились именно изъ-за этой копѣйки; чѣмъ болѣе откладывалось этихъ копѣекъ, тѣмъ была полнѣе радость откладывателей, но отъ той радости вѣяло не спокойною увѣренностью, а тревожною боязнью грядущихъ; они, если можно сдѣлать такое сравненіе, шили савантъ, привѣтствуя рожденіе ребенка. Жизнь ихъ шла однообразно, монотонно, жучно и разнообразилась только подзатыльниками дѣтямъ и дрязгами съ сухарками, которыхъ хозяйка дома вѣчно заподозрѣвала въ кражахъ, котя и сама припрятывала порой кое-что изъ бѣлья постояльца. Герой нашъ изъ всѣхъ домохозяевъ больше всего сошелся со старшимъ сыномъ козювъ, Колькою, мальчюкомъ однихъ съ нимъ лѣтъ, удивившимъ его гѣмъ отрицаніемъ, съ какимъ онъ относился къ своимъ роднымъ. Такъ, послѣ нѣсколькихъ тукмановъ со стороны матери и обѣщанія выпороть, онъ пришелъ въ комнату героя и разразился беспощадными обвиненіями своей матери въ воровствѣ.

«— Ты думаешь, что она честная?—съ недѣтскою серьезностью сурово спросилъ онъ.— Не такіа бывають честныя. Вонъ у Пети Панова честная мать, у ней даромъ рады жить люди, у ней дѣтей не бьютъ, ее и въ лавочкѣ не ругаютъ, а нашу ругаютъ; «много ли съ отцомъ и съ матерью наворовала?»—говорять. А развѣ я ворую, развѣ я большой? Я не виновать. Кольку сорванцомъ зовутъ, разбойникомъ Кольку зовутъ. Пусть зовутъ, а Колька воровъ не будетъ, вотъ что! Колька чужихъ рубахъ брать не станетъ!— злобно рыдая, прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

«Я сѣлъ рядомъ съ нимъ,— рассказываетъ далѣе герой,— и сталъ утѣшать его, какъ умѣлъ и какъ могъ.

«— Ты тоже не будешь воровъ?—наивно спросилъ онъ, немного успокоившись.

«Я побожился, что никогда не думалъ и никогда не буду воровать.

«— Ну, такъ ты, значить, будешь хорошимъ, тебя ругать не будутъ, попрекать не станутъ. Безъ воровства можно жить. Вотъ я тебѣ расскажу, какъ можно жить безъ воровства.

«Съ этими словами Колька началъ серьезно развивать передо мною теорію жизни безъ воровства, созрѣвшую въ его дѣтской головѣ безъ помощи чужихъ наставленій и безъ чтенія книгъ. Это была до крайности наивная теорія, ее даже какъ-то неловко называть этимъ именемъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о ней безъ веселой улыбки. По его соображеніямъ, слѣдовало работать, цѣлый день работать, бумаги писать въ должности, салоги или платье шить дома,— все работать и на выработанныя деньги нанимать самую маленькую комнату и жить одному, чтобы дѣтей

не было; одѣваться просто,—ну, совсѣмъ просто,—вотъ, какъ мужики одѣваются, и не покупать чепцовъ съ бѣлыми бантами,—хотя я и не пошелъ, для чего пригодился бы мнѣ, напримѣръ, чепецъ съ бѣлыми бантами, но промолчалъ и вполне согласился, что именно только при такой жизни можно обойтись безъ него,—потомъ слѣдовали пункты о томъ, чего не должно дѣлать: не должно вина пить, не должно въ карты играть, именины и праздники справлять, на гулянья и въ театръ ѣздить и такъ дѣле. Однимъ словомъ, его мысли сложились подъ вліяніемъ окружавшей его жизни и онъ отрицалъ ее вполне, безъ всякой пощады и безъ снисхожденія, не желая удержать изъ нея хоть на память какой-нибудь лоскутокъ. Мы заключили съ нимъ условіе жить именно по этому плану, когда выростемъ большіе, и вслѣдствіе этого сдѣлались друзьями. Условіе, вмѣстѣ печати, скрѣпилось горячимъ поцѣлуемъ, послѣ чего Колька снова началъ меня поучать. Наша первая бесѣда длилась до прихода изъ должности Люлюшина. Колька рассказалъ мнѣ, какой скверный мальчишка былъ его братъ, какъ онъ любилъ подслушивать и наушничать, какъ его ругаютъ на дворѣ мальчишки и лавочкики. «Когда я вырасту,—говорилъ онъ,—и если у Сашки не будетъ денегъ, то я дамъ ему ихъ, но прежде три дня заставлю его каяться, на хлѣбѣ и на водѣ продержу, чтобъ онъ зналъ, каково казнить мошенниковъ...»

«— Развѣ ты это знаешь? — спросилъ я.

«— Я, братъ, все знаю.

«Эти слова имѣли большое значеніе: Колька, дѣйствительно, зналъ все. Онъ сообщилъ мнѣ, какъ на свѣтѣ нищія подаяніемъ Христовымъ живутъ, какъ шарманщики маленькихъ дѣтей ломаться учатъ и чьи это дѣти, какъ рассчитываются хозяева съ фабричными мальчишками и какъ тяжело жить послѣднимъ, какъ наживаются обманами сидѣльцы въ лавочкахъ и какъ хлѣбы пекутся,—короче, я нашелъ въ немъ такого опытнаго наблюдателя и знатока городской жизни, что пришелъ въ изумленіе. Вспоминая теперь о томъ, я удивляюсь, какъ уживались въ немъ дѣтская чистота съ знаніемъ грязныхъ предметовъ. Въ его головѣ эта жизнь находила то странное и наивное, то не по лѣтамъ серьезные вопросы.

«— Одного, я не понимаю,—серьезно и задумчиво говорилъ онъ мнѣ однажды,—за что это собакъ и лошадей мучутъ?

«— Да, вѣдь, и людей мучутъ, Колька,—отвѣчалъ я.— Ты самъ говорилъ...

«— Людей! Такъ люди души свои за то спасутъ. Вотъ и я теперь, еслибъ умеръ, такъ святымъ бы сталъ,—съ нѣжною улыбкой промолвилъ онъ, полушутя.— А у собакъ и лошадей души нѣтъ».

XI.

Такимъ образомъ, оба мальчика имѣли въ душѣ своей очень хорошіе задатки и здоровые инстинкты, но, вслѣдствіе различія состоянія и поло-

венія въ обществѣ ихъ родителей, имъ пришлось идти различными дорогами. Между тѣмъ какъ Кольба поступилъ въ гимназію, гдѣ, то дерясь съ юварищами, то верховою ими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грызаясь съ учителями, онъ продолжалъ быть все тѣмъ же рыцаремъ чести и неуспянаго труда, греслѣдуя идеалъ, созданный имъ въ дѣтствѣ,—Шуповъ, прежде чѣмъ обратиться на путь добра и правды, долженъ былъ, подобно герою *Гнильхъ Болотъ*, пройти трясину прискорбнаго опошленія. Въ корпусъ онъ не попалъ, не выдержавъ вступительнаго экзамена, и отецъ отдалъ его на полный пансіонъ въ какое-то частное заведеніе, гдѣ приготавливали дѣгей благородныхъ родителей къ поступленію въ юнкера, въ университетъ и т. д.

По своему обыкновенію, А. К. Шеллеръ весьма подробно изображаетъ бытъ и нравы училища, гибельно повліявшаго на юнаго героя и едва не стубившаго его. Въ то же время, шагъ за шагомъ слѣдить онъ за тѣми нравственными метаморфозами, какимъ подвергался герой подъ тлетворнымъ вліяніемъ и начальства, и товарищей. Минуя всѣ эти подробности, мы скажемъ только, что къ 17-ти годамъ онъ научился уже и курить, и пить, и развратничать.

«Я игралъ,— повѣствуетъ герой, — въ нашемъ кружкѣ очень важную роль; острилъ искуснѣе другихъ, въ спорахъ оставался побѣдителемъ, имѣя очень громкій голосъ; хвасталъ знаніемъ разной дрянн; серьезно разсуждалъ о томъ, что на зиму запущу волосы, что короткая стрижка гадка и выходитъ изъ моды; сильно завидовалъ въ душѣ усамъ одного изъ товарищей и щипалъ свою верхнюю губу, на которой не было и пуха. Я сорилъ деньгами и былъ кругомъ въ долгу; мое обращеніе съ прислугой было нестерпимо дурно.

«— Когда-нибудь ты нарвешься на бойкаго лакея,—угрожали мнѣ мои товарищи, когда я слишкомъ забывался въ обращеніи со школьною прислугой.

«— Вотъ еще выдумали! Этими холопамъ только деньги плати, такъ они съ радостью будутъ подставлять щеки подъ оплеухи. У нихъ и пословицы-то какія: «какъ ни зови, только хлѣбомъ корми», или: «брань на вероту не виснетъ».

«— Однако...

«— Однако, я вымазалъ дегтемъ мальчишву нашего солдата и пустилъ его въ этомъ видѣ на улицу, да, вѣдь, не пожаловался же солдатъ на меня за это?

«— Ты куда выйдешь?—спросилъ меня, переиѣняя разговоръ, мой старый знакомый Золотовъ, сдѣлавшійся довольно странною личностью: онъ былъ склоненъ къ загулу, къ кутежу, и, въ то же время, сильно сочувствовалъ честнымъ идеямъ, которыя начинали въ это время проникать въ наше общество.

«— Въ гусарскіе юнкера, душа моя, думаю выйти,—промолвилъ я.— Мнѣ осталось два года до выпуска.

«— Содержаніе дорого.

«— Такъ что же такое? У меня деревня, вѣроятно, и капиталъ найдется. Отецъ мало тратитъ на мое воспитаніе и, значитъ, проценты все растутъ.

«— А какъ отецъ-то не дастъ тебѣ ничего изъ этого капитала?

«— Развѣ онъ смѣетъ? Имѣніе мое, мнѣ мать его оставила.

«— То-то ты задутишь, какъ вырвешься на волю! Теперь-то тебя присадили, голубчика!

«— Кто присадилъ?—вспылилъ я.

«— Какъ кто?

«— Ну, да, ну, да? кто? я тебя спрашиваю,—кричалъ я.—Я самъ не хотѣлъ ходить по праздникамъ въ отпуски, а захочу, такъ и буду ходить.

«— Да куда? Вѣдь, у тебя родныхъ здѣсь нѣтъ?

«— А куда захочу, туда и пойду, хоть въ кабаки!—и я захохоталъ удалымъ смѣхомъ. — Я, братъ, военнымъ буду, а не какимъ-нибудь штафиркой, какъ ты!...

«Я въ этотъ день не пилъ вина, но я былъ пьянъ безъ помощи вина. Это было опьяненіе необузданной, безшабашной удали, въ которую вылились всѣ мои нравственныя силы, не имѣвшія ни другого дѣла, ни другого пути. И съ какимъ отвратительнымъ хохотомъ, съ какою самонадѣянностью говорилъ я о своемъ предполагаемомъ противодѣйствіи отцу и какъ игралъ именемъ этого человѣка, котораго одинъ взглядъ едва не заставлялъ меня падать въ обморокъ!»

Другъ дѣтства, Колька, навѣщалъ Шупова; встрѣчались они радостно, братски цѣловали другъ друга и, походивъ по школьному корридорю, разставались какъ-то грустно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, холодно. Причиной этого было то, что они стояли уже на разныхъ берегахъ и сойтись имъ не было возможности. Кольку, знавшаго всю грязь и мерзость городской жизни, пугалъ цинизмъ рѣчей друга; онъ не выносилъ безъ краски стыда ухарскаго тона неистощимыхъ анекдотовъ Шупова. Его суровые рассказы о гимназій, о домашнихъ дѣлахъ скользили мимо ушей Шупова, не задѣвая его за живое; съ такимъ же невниманіемъ слушалъ Шуповъ восторженныя рѣчи о какомъ-то учителѣ Шуповѣ и только посмѣивался предположенію Кольки, что какой-нибудь учительшка можетъ быть его родственникомъ. Все это оскорбляло и раздражало Кольку. Онъ ходилъ къ другу все рѣже и рѣже, но оставить его, повидимому, не могъ, какая-то непонятная для него самого въ то время сила привязывала его къ Шупову, несмотря на всю пошлость послѣдняго. Въ корридорѣ, гдѣ они обыкновенно ходили, часто происходили странныя сцены: друзья ссорились, говорили другъ другу рѣзкія, непонятныя слова, окончательно рѣшались никогда не встрѣчаться, и потомъ въ обычный день Шуповъ стоялъ долгіе часы у окна и смотрѣлъ на дорогу, ожидая, не появится ли Колька. Если онъ не появлялся, Шупову дѣлалось тяжело, невыносимо тяжело, хотя онъ и увѣрялъ себя, что не любитъ его, и вотъ онъ писалъ ему: «Колька, я не имѣю никакого

права просить тебя придти ко мнѣ, но я нездоровъ, и потому, ради Бога, придти ко мнѣ еще одинъ разъ». И Колька приходилъ... Шупову хотѣлось въ эти минуты плакать, просить у него за что-то прощенія, цѣловать его руки; но ему было стыдно, и встрѣча была холоднѣе, чѣмъ бы слѣдовало ожидать по письму, а прощаніе снова походило на ссору...

Дойдя такимъ образомъ до послѣдней степени паденія, Шуповъ вслѣдъ затѣмъ, подобно герою *Гнилыхъ болотъ*, вступилъ въ фазу возрожденія. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ то время, какъ у болѣе юнаго героя *Гнилыхъ болотъ* возрожденіе совершалось въ нѣсколько мѣсяцевъ, Шуповъ возрождался въ теченіе нѣсколькихъ дѣтъ. Кризисъ начался съ того, что онъ случайно узналъ о существованіи родственниковъ въ Петербургѣ, въ видѣ семьи Александры Ивановны Шуповой, разведенной жены дяди героя. Семья состояла, кромѣ самой хозяйки, изъ сына ея, Антона, пятнадцатилѣтней Ани и ея старшаго дяди, учителя въ отставкѣ, Федора Ивановича Звонарева. Что касается Антона, главнаго виновника возрожденія Шупова, то онъ является столь же идеальнымъ учителемъ, какъ Носовичъ въ *Гнилыхъ болотыахъ*. «Онъ, — читаемъ мы, — былъ удивительнымъ учителемъ, другомъ учениковъ, но онъ возставалъ, если при немъ слишкомъ рѣзко обвиняли учителей, дѣйствовавшихъ иначе, указывалъ на вліяніе среды. Такой человекъ, разумѣется, дѣйствовалъ благотворно на юношество; онъ не запугивалъ молодежь крайностями, послѣ него она могла развиваться самостоятельно, не подвергаясь особенной ломкѣ, могла доходить до послѣднихъ заключеній своимъ умомъ, такъ какъ учитель, указывая путь, не назначалъ границъ».

Шуповъ со своимъ безшабашнымъ ухарствомъ, узнавъ о семьѣ своихъ родственниковъ, насильно вторгся къ нимъ нежданымъ, негаданнымъ, но самолюбіе его было глубоко уязвлено, когда онъ увидалъ, что его приняли, правда, радушно, но безъ малѣйшаго поклоненія его особе; пошленькіе анекдотцы и остроты его никого не насмѣшили, а глазки пятнадцатилѣтней Ани смотрѣли на него съ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ на заморскаго звѣря. Ему было очень неловко чувствовать на себѣ этотъ взглядъ, онъ краснѣлъ и злился на то, что краснѣеть. Но еще болѣе взбѣсила его эта дѣвушка въ ту минуту, когда онъ выходилъ въ переднюю, простившись съ хозяевами. Она спросила свою тетку: «Зачѣмъ онъ приходилъ, тетя?»

Герой злился, выходилъ изъ себя, но, тѣмъ не менѣе, его такъ и потянуло къ этимъ страннымъ въ его глазахъ людямъ, и онъ началъ посѣщать ихъ, пользуясь для этого каждымъ отпускомъ изъ училища. Онъ встрѣтилъ тамъ и своего друга Кольку, который уже третій годъ былъ знакомъ съ Антономъ, достававшимъ ему уроки. Дѣло кончилось, какъ и надо было ожидать, тѣмъ, что мало-по-малу онъ совсѣмъ привязался къ своимъ новымъ друзьямъ, втянулся въ ихъ бесѣды и споры, и они такъ на него подѣйствовали, что онъ оставилъ всѣ свои мечты о гусарствѣ, перешелъ въ университетъ и началъ жить самостоятельною и независимую жизнью.

«Поступая въ университетъ,—говоритъ онъ,— я уже былъ достаточно подготовленъ къ желанію вести дѣятельную жизнь. Университетская жизнь того времени должна была непременно поглотить меня вполне сходками, толками о студенческой кассѣ, о концертахъ и литературныхъ вечерахъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, о сборникѣ, о литографированіи лекцій и т. д. (это было какъ разъ въ концѣ 50-хъ годовъ). Но на второй годъ я увидалъ, что мнѣ нельзя одновременно слѣдить и за сходками, и давать уроки, которыхъ было больше и больше при помощи Ани, рекомендовавшей мнѣ то того, то другого ученика. Я рѣшился пожертвовать первымъ и занялся уроками, изъ которыхъ одни давались даромъ, за другіе приходилось брать небольшую плату, чтобы не стѣснять родителей учениковъ. Я былъ очень доволенъ и, разумѣется, гордился въ глубинѣ души своею дѣятельностью, хотя не сознавался въ этой гордости даже передъ самимъ собою и старался увѣрить себя, что я дѣлаю хорошее дѣло, не считая это въ заслугу, что я дѣлаю это потому, что я созналъ вполне и средился съ этимъ убѣжденіемъ. Вообще это была очень обыкновенная игра въ прятки человѣка со своею собственною совѣстью... Но мало-по-малу моя гордость исчезла, когда я увидѣлъ, что всѣ окружающіе меня, начиная съ Ани, работаютъ еще прилежнѣе меня, одинъ изъ-за денегъ, другой даромъ, одинъ давая уроки, другой переводя книги, третій составляя лекціи для литографированія; когда я увидалъ бѣдняка, прошедшаго пѣшкомъ въ одноѣмъ сюртукѣ пятьсотъ верстъ для того, чтобы попасть въ университетъ, когда я узналъ, что у него нѣтъ ни гроша денегъ и что онъ долженъ трудиться тотчасъ по прибытіи въ городъ, тогда я понялъ, что мой трудъ—забава. Въ массѣ же было, попрежнему, не мало лѣнтаевъ и хлыщей въ бѣлыхъ жилеткахъ, рыскавшихъ по кондитерскимъ, развратничавшихъ и державшихъ у себя на хлѣбахъ дрянныхъ холоповъ-бѣдняковъ, соглашавшихся работать за своихъ патроновъ-благодѣтелей и приходивъ ранехонько въ университетъ, чтобы разложить на первой скамейкѣ бумажечки съ написанными на нихъ фамиліями патроновъ, такъ что послѣдніе могли спать вплоть до начала лекцій и, все-таки, имѣли первыя мѣста въ аудиторіи. Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ-прихлебателей даже успѣли омертвѣть, спили на барскія деньги сюртуки изъ тонкаго сукна, поддакивая во всемъ своимъ патронамъ, попали въ партію бѣложилетниковъ и стали впереди честныхъ юношей, какъ становится впереди бѣднаго ремесленника важный и откормленный, какъ индюкъ, камердинеръ... Но гдѣ же безъ печальныхъ исключеній? И можно ли требовать, чтобы вся предъидущая жизнь нашего общества дала только хорошіе плоды? Не правильнѣе ли просто удивляться, что она еще успѣла дать нѣсколько хорошихъ плодовъ, что не все сгнило?... И такъ, общее настроеніе, какъ я уже сказалъ, было хорошо и выражалось простыми словами: стремленіе къ дѣлу и труду»...

Уже во время университетскихъ лѣтъ между Шуповымъ и Аней произошло сближеніе настолько, что они объяснились во взаимной любви другъ къ другу. По окончаніи же Шуповымъ курса, въ 1864 году, молодые люди

ушли въ бракъ и на другой день свадьбы уѣхали въ Германію, взявъ съ собою всю семью Анн. Для полнаго счастья недоставало съ ихъ одного Больки, который тоже уѣхалъ изъ Петербурга со всею семьей, не за границу, а въ провинцію, вынужденный къ тому обстоятельствами, не зависѣвшими. Но это не мѣшало ему сохранить ясность и бодрость духа и по-своему быть счастливымъ. «Странно сказать, — писалъ онъ друзьямъ, — но я теперь счастливъ, я дѣятельно занимаюсь практикой, учу кой-что, читаю, дѣлаю опыты, пишу, мать ухаживаетъ за мною, и можно сказать навѣрное, что если мы проживемъ это лѣто вмѣстѣ, то во все время ни я, ни она не скажемъ другъ другу неприятнаго слова, и тѣмъ ятнѣе мнѣ это согласіе, что оно не пахнетъ ни мажировщиной, ни прѣлымъ воздухомъ, которымъ, вѣроятно, пахло въ комнатахъ старосвѣтскихъ мѣщичковъ»...

Послѣ этого письма друзьямъ стало легче, и уже въ тотъ же день вечеромъ они смѣялись надъ недавними опасеніями.

— Не смѣшно ли, что мы боялись за него? — говорилъ Антонъ, — развѣ кіе люди погибаютъ нравственно? Для ихъ гибели нуженъ *deus ex machina*, чтобъ упрятать ихъ въ могилу.

И послѣ этого герой разразился тою тирадой о прочности разумнаго счастья, какую мы привели выше и которою заканчивается романъ словно юного рода озареннымъ бенгальскимъ огнемъ апоэозомъ.

ХІІ.

Далѣе затѣмъ обратимся къ роману *Лисъ рубятъ — щепки летятъ*, появившемуся въ концѣ шестидесятыхъ или началѣ семидесятыхъ годовъ. Романъ этотъ отличается отъ предъидущихъ тѣмъ, что въ то время, какъ ихъ имѣютъ дѣло съ современною жизнью, заканчиваются сегодняшнимъ днемъ (такъ, мы видимъ, что въ романѣ *Жизнь Шупова*, напечатанномъ въ 1865 году, герой женится на героинѣ въ 1864 году), въ романѣ же *Лисъ рубятъ* является уже ретроспективный взглядъ на шестидесятые года и слѣдствіе этого романъ имѣетъ отчасти историческій характеръ.

Такъ, мы видимъ, что дѣйствіе романа начинается задолго до реформъ и до римской войны. Авторъ ведетъ насъ въ одну изъ коломенскихъ трущобъ, в берегъ рѣчки Пряжки, и изображаетъ бѣдное чиновничье семейство Прижаевыхъ, состоящее изъ отца, матери, двухъ дочерей и двухъ сыновей терпящее горькую нищету вслѣдствіе болѣзни главы дома, пьющаго за-себя. Со смертью его положеніе семьи должно было еще болѣе ухудшиться и угрожало въ близкомъ будущемъ голодною смертью. Пришлось обратиться, прежде всего, къ богатому брату покойнаго, сановитому Данилу Захаровичу Боголюбову (братья носили разные фамиліи по происхожденію изъ духовнаго званія и по старому обычаю мѣнять фамиліи по поступленіи дѣтей въ семинарію), и лишь получивъ пособіе отъ Боголюбова, вдова Марья (митрѣевна вздохнула свободнѣе. Все-какіе грошовые долги были отданы,

сыну Антону было куплено теплое пальто на Толкучемъ рынкѣ, сшитыя для него жалкую женскую кофту; старшая дочь Катерина Александровна перешла себѣ платье, подаренное теткой, и могла выйти изъ дому по своимъ дѣламъ, не обращая на себя вниманіе прохожихъ своими лохмотьями. Между тѣмъ какъ Марья Дмитріевна въ теченіе нѣсколькихъ недѣль со своимъ неизмѣннымъ спутникомъ Антономъ съ утра до ночи ходила по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, прося пенсіи, вспомошествованія, обивая пороги домовъ благотворительныхъ и вліятельныхъ лицъ, дочь Катерина Александровна тоже не дремала. Это была дѣвушка серьезная и съ характеромъ, въ ней уже съ дѣтскихъ лѣтъ развилась энергія и умѣнь властвовать надъ людьми, по крайней мѣрѣ, надъ тѣми, которые до сихъ поръ обижали ее. Она не помнила того времени, когда не была бы старшею въ домѣ. Уже семилѣтнимъ ребенкомъ она умѣла утѣшать слабую, забитую Марью Дмитріевну и не падала духомъ. Когда родился братъ Антонъ, она страстно привязалась къ нему; онъ былъ живою игрушкой, вѣчнымъ собесѣдникомъ маленькой Кати. Черезъ годъ послѣ его рожденія она поступила въ одну изъ «патріотическихъ» школъ, гдѣ учились не только лѣтъ, но не много вынесла оттуда: тамъ учили шить, читать, писать, считать и пѣть. Бое-какіе отрывки изъ географіи и исторіи запали въ голову молодой дѣвушки, кое-какія понятія о литературѣ мелькомъ дошли до нея. По смерти отца, всѣ мысли Катерины Александровны сосредоточились на братѣ, во всѣхъ думахъ ея на первомъ планѣ стоялъ братъ, стояло его счастье, желаніе во что бы ни стало спасти его, сдѣлать умнымъ и богатымъ. «Неужели такъ ему и погибать, какъ отецъ погибалъ?»—думалось ей, и вотъ она строила планы, рассчитывала, соображала. Подобно матерѣ, она успѣла исколесить весь городъ. Она искала себѣ мѣста швей, горничной, няни. Но, прежде чѣмъ отправиться въ поиски случайныхъ мѣстъ у частныхъ лицъ, она рѣшилась обратиться съ просьбою о казенномъ мѣстѣ къ одной вліятельной особѣ, посѣщавшей въ качествѣ попечительницы ту школу, гдѣ воспитывалась Катерина Александровна, именно къ княгинѣ Марьѣ Осиповнѣ Гирѣевой. Эта особа оставила въ Катеринѣ Александровнѣ самыя отрадныя воспоминанія. Дѣвушка отчетливо помнила эту низенькую старушку съ сѣдыми, гладко причесанными волосами, съ добродушно улыбавшимся лицомъ, покрытымъ старческимъ румянцемъ; она помнила эту мягкую руку, гладившую ее по головѣ, и этотъ привѣтливый, кроткій голосъ, лишенный крикливыхъ или сильныхъ нотъ, спрашивавшій у дѣвушки

— Ну, что, черненькіе глазки, хорошо ли идетъ работа?

Хлопоты Катерины Александровны увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Она успѣла при помощи добрыхъ людей—швейцара и экономки въ домѣ княгини Гирѣевой—получить ауденцію у послѣдней. Княгиня вспомнила «черненькіе глазки», которыми она нѣкогда любовалась, и опредѣлила ее помощницей въ одинъ изъ дѣтскихъ пріютовъ, состоявшихъ подъ ея покровительствомъ. Дѣти Марьи Дмитріевны въ свою очередь были размѣщены по разнымъ пріютамъ. Марья Дмитріевна наняла небольшую квартиру во второи

ЖѢ деревяннаго домика противъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. (авши двѣ комнаты жильцамъ, она поселилась съ дочерью въ третью, какъ мать, такъ и дочь принялись усердно за работу. Онѣ и прежде не бѣли сложа руки, но теперь работа спорилась лучше. Катерина Александровна была спокойнѣе, зная, что у нея есть обеспеченное жалованье, двадцать рублей въ мѣсяцъ; изъ этихъ денегъ она отдавала половину матери, половину оставляла себѣ на мелкіе расходы или откладывала для того, чтобы скопить кое-какіе гроши на образование брата. Въ свободные часы она занималась шитьемъ бѣлья дома или въ пріютѣ и заработанныя деньги тоже дѣлила на двѣ части, отдавая одну часть матери и оставляя другую у себя. Ея лицо въ эти дни дышало спокойствіемъ, энергіей и веселостью. Она была убѣждена, что такъ или иначе, несмотря на всѣ несправедливости, испытываемыя въ пріютѣ, она дойдетъ до своей цѣли, спасетъ свою семью, выведетъ на хорошую дорогу этихъ слабыхъ людей. Молодость дала свое дѣло и гнала всѣ черныя предчувствія, всѣ мрачныя думы. Она съ такою твердою вѣрой въ свѣтлое будущее, но, тѣмъ не менѣе, спокойно принялась за свое дѣло и Марья Дмитріевна. Она впервые почувствовала, что послѣ долгихъ лѣтъ страданій и она стала жить, какъ люди, въ собачьей конурѣ, не въ подземномъ погребѣ. Ей нечего было беспокоиться о платѣ за квартиру, такъ какъ на это доставало ея небольшой пенсіи и платимыхъ ея жильцами денегъ за двѣ комнаты. Ей оставалось работать, чтобы добыть на кусокъ хлѣба. Деньги, даваемыя Катериною Александровною, шли на мелкіе расходы и, главнымъ образомъ, на воскресные обѣды, когда въ квартирѣ Марьи Дмитріевны собирались младшіе члены семьи. Мать отказывала себѣ во всемъ, чтобы получше накормить дѣтей въ праздникъ. Она тоже зашла за шитье бѣлья.

Опредѣленіе Катерины Александровны въ дѣтскій пріютъ для дѣвочекъ протѣяло автору поводъ значительную часть романа посвятить характеристикѣ нравовъ и порядковъ, господствовавшихъ нѣкогда въ столичныхъ пріютахъ и разныхъ другихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Пріютъ былъ частный, принадлежалъ графамъ Бѣлокопытовымъ и завѣдовали имъ Дарья Федоровна Бѣлокопытова и Марья Осиповна Гирѣва. Гирѣва, имѣвшая низкихъ родственниковъ въ дипломатическомъ мірѣ, принимала живое и деятельное участіе въ судьбахъ Европы, переписывалась съ Гизо и Монлаберомъ и очень ревностно занималась вопросами о сближеніи англиканской церкви съ православною. Графиня Бѣлокопытова заботилась о дѣлахъ православія, вела дѣятельную переписку съ нѣсколькими архіереями, вводившими православіе между евреями, поляками, кавказскими народами и иноудцами Сибири. Все это отнимало у Гирѣвой и Бѣлокопытовой возможность управлять своими собственными благотворительными учрежденіями. Вслѣдствіе этого они устроили цѣлую администрацію, цѣлый департаментъ правленія своими филантропическими учрежденіями. Здѣсь были попечители, казначей, правители дѣлъ, секретари, писцы, взятые изъ того слоя общества, къ которому принадлежалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бого-

любовь и докторъ Гроховъ, люди, дошедшіе отъ нищеты до благосостоянія при помощи труда, дѣйствительныхъ знаній и умѣнья удить рыбу въ мутной водѣ. Боголюбовъ и Гроховъ вертели дѣлами, представляли кассиршамъ невообразимо сложные отчеты съ точными узананіями на какія - нибудь израсходованныя $\frac{2}{3}$ копѣйки, и поначительницы оставляли вполне спокойны, не умѣя провѣрять счетовъ и оставляя за собою такъ право посѣщать въ высокаторжественные или свободные дни свои крѣпости и богадѣльни, опредѣлять туда дѣтей, стариковъ, помощницъ и начальницъ. Въ уставѣ пріюта говорилось, что дѣтямъ должна даваться сытая и здоровая пища, по полуфунту говядины и по полутора фунта хлѣба въ день два раза чай съ хлѣбомъ, ужинъ изъ одного блюда и тому подобнос, а не смѣтъ значилось, что на воспитанницу отпускается только девять копѣекъ въ сутки. Барыни восхищались словами о сытой и здоровой пищѣ, о полуфунтѣ говядины въ день и, вслѣдствіе отсутствія ариметическихъ знаній никакъ не понимали, что на девять копѣекъ нельзя приготовить обѣда ужина и чая, если бы даже за говядину платилось десять копѣекъ за фунтъ. Мужчины пропускали безъ вниманія громкія фразы и выражали свое гнѣвъ вольствіе, что бюджетъ доведенъ до *minimum'a*. Въ бюджетѣ дѣйствительно появились очень интересныя статьи: такъ, напримѣръ, для воспитанницъ на канцелярскія принадлежности, учебныя пособія и медическія нужны отпускалось только 60 руб. въ годъ; на мыло и прачешныя потребности 50 руб. въ годъ; на одежду, обувь и бѣлье по 13 руб. на воспитанницу; на ѣду слугителей по сѣмъ копѣекъ въ день. Однимъ словомъ Боголюбовъ и Гроховъ довели бюджетъ до того, что призрѣваемые умерли бы съ голода, еслибы они не ѣли своей пищи, не пили своего кофе, и насыщались бы гдѣ-нибудь виѣ пріюта въ праздники. Конечно, администраторы не забывали себя и довольно щедро назначали суммы на ремонтъ зданія, на разѣзды себѣ. Такъ, напримѣръ, за разѣзды Боголюбовъ получалъ до 350 руб. въ годъ и посѣщалъ пріютъ не болѣе, какъ разъ въ мѣсяцъ.

Но верхъ безобразія представляли внутренніе порядки пріюта. Притворство дѣтей, вѣчныя интриги, дразги и взаимная грызня помощницъ какъ съ воспитанницами, такъ и между собою могли внушить положительный ужасъ въ каждомъ постороннемъ, свѣжемъ человѣкѣ, не принявшемъ еще въ этой страшной атмосферѣ.

Рядомъ съ описаніемъ пріютскихъ порядковъ мы встрѣчаемъ чрезвычайно яркую и поразительную характеристику пріютскихъ помощницъ. Мы не встрѣчали, — говоритъ авторъ, — въ жизни ни одного болѣе жалкаго созданія, чѣмъ классныя дамы, помощницы и тому подобныя дѣвственныя закрытыхъ учебныхъ заведеній. Монахиня выноситъ свою затворническую жизнь, убиваетъ свою плоть въ силу убѣжденія; бѣднякъ терпитъ нужду, вѣчно питая надежду на лучшее будущее, — ни того, ни другого нѣтъ у тѣхъ жалкихъ существъ для возбужденія ихъ энергіи. Эти женщины поступаютъ на свои мѣста не потому, что онѣ любятъ дѣтей, не потому,

кто онѣ любятъ дѣло воспитанія, но потому, что у нихъ нѣтъ куска хлѣба, нѣтъ возможности и умѣнья заработать этотъ кусокъ хлѣба какимъ-нибудь другимъ способомъ. По большей части эти дѣвушки поступаютъ на свои мѣста въ томъ возрастѣ, когда женщина теряетъ надежду на замужество. Онѣ, уже при поступленіи на свои мѣста, носятъ въ себѣ порядочный запасъ разочарованій, желчи, разстройства нервовъ, и всѣ эти задатки начинаютъ здѣсь развиваться все сильнѣе и сильнѣе. И днемъ, и ночью эти женщины не принадлежатъ себѣ. Ежеминутно имъ приходится умирать дѣтей, смотрящихъ на нихъ непріязненно. Ежеминутно онѣ должны опасаться выговоровъ начальницы, въ глазахъ которой классная дама или помощница отвѣчаетъ и за свои ошибки, и за продѣлки дѣтей. Даже въ такъ называемый свободный день классная дама не принадлежитъ себѣ: въ ея комнатѣ, помѣщенной между дортуарами, почти не могутъ быть приняты гости, не только мужчины, но даже и женщины, такъ какъ начальница станетъ косо смотрѣть на ту изъ своихъ помощницъ, у которой часто бываютъ собранія.

«Классная дама или помощница окружена шпионами; за ней слѣдятъ дѣти, большинство которыхъ, ненавидя ее и не имѣя никакихъ жизненныхъ вопросовъ, пристращаются къ сплетнѣ; за нею слѣдитъ прислуга, желающая выслужиться передъ начальницей; за нею слѣдятъ ея подруги, или завидующія ей, если она моложе ихъ, или ненавидящія ее, если она старше ихъ; за ней слѣдитъ начальница, стремящаяся поддерживать въ своемъ учебномъ заведеніи чистѣйшую нравственность.

«Долгія наблюденія непремѣнно заставятъ наблюдателя раздѣлить этихъ женщинъ на четыре разряда: къ первому разряду принадлежатъ забытыя, безмолвныя, ступившія созданія съ вѣчными первыми болями, ужасами, слезами, страдающія малокровіемъ и кого-нибудь обожающія,—это овцы, идущія на закланіе; ко второму принадлежатъ желчныя личности, вѣдо смѣющіяся, иногда злобно-остроумныя, вѣчно огрызающіяся, сухія и нѣскольکو желтыя; къ третьему разряду принадлежатъ толстыя, полнокровныя, заплывшія жиромъ женщины, словно лишеныя нервовъ, вѣчно сплетничающія, роющія другимъ яму, имѣющія видъ не то базарныхъ торговцевъ, не то оставившихъ свое ремесло и сколотившихъ гроши содержанокъ; къ четвертому разряду причисляются женщины, поступившія на подобныя мѣста только для того, чтобы присѣсть поскорѣе другое положеніе; эти люди сидятъ здѣсь, какъ на станціи, какъ въ клѣткѣ, ожидая когда передъ ними распахнется дверь ихъ временной тюрьмы. Да не обманетъ судьба ихъ надежды!»

Въ среду этихъ несчастныхъ существъ попала и Катерина Александровна. Борьба ея съ пріютскими порядками и временная побѣда надъ ними и составляетъ главное содержаніе романа.

У матери героини, Марьи Дмитріевны, былъ знакомый штабсъ-капитанъ Прохоровъ. Онъ потерялъ ногу въ сраженіи подъ Парной, но до пенсіи не дослужилъ, и пробивался съ хлѣба на квасъ грошовыми подачками

высокопоставленныхъ благотворителей. У него было двое сыновей, умшихся на казенный счетъ въ корпусѣ. Послѣ смерти отца Екатерины Александровны капитанъ облизился съ Прилежаевыми, сталъ бывать у нихъ по воскреснымъ днямъ съ сыновьями, причѣмъ платилъ даже имъ изъ своихъ скудныхъ средствъ за хлѣбъ-соль, а впоследствии онъ и совсѣмъ переѣхалъ къ нимъ. Самъ онъ представлялъ изъ себя человѣка, что называется, бывалаго, въ высшей степени добродушнаго, честнаго и въ своемъ родѣ глубокаго философа-этика. Сыновья его имѣли одинънадцать, другой—четырнадцать лѣтъ. «У обоихъ,—по словамъ автора,—былъ отличный аппетитъ; у обоихъ были очень развиты мускулы; у обоихъ была способность садиться на стулья такимъ образомъ, что стулья трещали; у обоихъ былъ даръ громко и задушевно смѣяться, быть въ гостяхъ, какъ дома, и, въ то же время, совершенно теряться, краснѣть до ушей, не принимать своихъ словъ при появленіи незнакомаго лица и, въ особенности, при появленіи женщины или офицера. Глядя на этихъ юношей, не трудно было сразу опредѣлить, что изъ нихъ можетъ выйти. Это были не натуры и не сломанныя натуры. Если преобладающимъ влияніемъ въ ихъ жизни будетъ грубая физическая сила, суровая дисциплина, затворническое прозябаніе среди казармъ, изъ нихъ выйдутъ грубые этапные начальники, чуждающіеся среды умственно-развитыхъ личностей, свободно дышащіе только среди загрубѣлыхъ собратьевъ, дико сторонящіеся отъ всякой хотя нѣсколько развитой женщины и кончающіе женитьбой на какой-нибудь бабѣ, которая будетъ бѣгать имъ за водкой, будетъ не только выносить ихъ побои, но, при случаѣ, и сама станетъ укладывать ихъ спать послѣ попойки съ помощью своихъ здоровыхъ кулаковъ. Если же въ ихъ дальнейшей жизни возьметъ верхъ смягчающее и грѣющее влияніе добрыхъ и сочувствующихъ имъ личностей, изъ нихъ выйдутъ, можетъ быть, не особенно гениальные, но честные работники: это будутъ добрые малые, которые хотя и не выдумаютъ пороку, но сумѣютъ приготовить не только этотъ порохъ, но и пушку, изобрѣтенную болѣе развитыми умственно, и менѣе ихъ способными въ физическому тяжелому труду людьми; они не только осуществляютъ идеи этихъ болѣе развитыхъ людей, но и подставляютъ за нихъ грудь, лягутъ за нихъ костями».

ХІІІ.

Сдѣлавши такую постановку романа, А. Е. Шеллеръ, вѣрный общему характеру всѣхъ своихъ произведеній, не выводилъ читателей изъ себя никакими случайными катастрофами, рассказываетъ лишь, какъ они жили годъ за годъ, старые старѣлись, молодые росли и развивались подъ влияніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ вѣяній. Такъ, мы видимъ, что младшій братъ Екатерины Александровны, Антонъ, поступилъ въ гимназію, сестра Даша умерла, заѣденная пріютскою жизнью. Сама Екатерина Александровна, борясь съ пріютскими неурядицами и зарабатывая въ полѣ

ца хлѣбъ, успѣвала дополнять свое образованіе, учаась по учебникамъ эта параллельно его гимназическому курсу. Изъ старшаго сына штабсъ-питана, Александра, выработался кадетъ-протестантъ, который не зналъ редины: онъ прямо называлъ людей или подлецами или честными, или ушлыми или умными. Чѣловѣкъ «такъ себѣ», чѣловѣкъ «ни то, ни сѣ», ковѣкъ золотой середины для него не существовалъ. Это рѣзкое разгра-ченіе людей на двѣ половины, бывшее слѣдствіемъ молодости, неопыт-сти и страстнаго стремленія къ правдѣ, не могло не привести къ раз-чпымъ столкновениямъ и сдѣлало то, что въ сношеніяхъ съ юношей бми чувствовался какой-то острый уголъ, не допускавшій до тѣснаго иженія съ этимъ чѣловѣкомъ. Совершенно незамѣтно для самого себя Александръ Прохоровъ сталъ оставаться одинокимъ: уже давно разошелся ть съ друзьями брата Ивана; теперь же его стали покидать и его соб-венные друзья. И самъ онъ порою сталъ уклоняться отъ своего кружка: маніе поскорѣ изучить французскій языкъ, неохота безплодно спорить, ремленіе сосредоточиться и обсудить тѣ вопросы, которые пробуждались ; головѣ вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній, — все это увлекало его да-нибудъ въ уединенный уголокъ.

Но, съ каждымъ днемъ удаляясь болѣе и болѣе отъ товарищей, Про-ровъ сильнѣе и сильнѣе привязывался къ Катеринѣ Александровнѣ. мько съ нею онъ могъ поговорить откровенно, отъ нея лишь услышать жреннее слово одобренія или порицанія, высказанное безъ всякой зад-й мысли. Она была молода, относилась къ нему просто, чувствовала къ му искреннюю дружбу, никогда не стѣснялась прямо высказать ему авду. Въ ея участіи было такъ много теплоты, въ ея смѣхѣ такъ много разительной веселости, въ ея выговорахъ было такъ много безобидной жренности, что Прохоровъ отдался всею душою своей молодой подругѣ.

Началась крымская война. Братья Прохоровы къ этому времени кон-ли курсъ въ корпусѣ и имъ пришлось ѣхать на мѣсто военныхъ дѣй-звій, и лишь при трогательномъ разставаніи Александръ Прохоровъ и атерина Александровна пришли къ сознанію, что они любятъ другъ друга мьше всего на свѣтѣ.

Между тѣмъ, Катерина Александровна успѣла настолько образоваться, что была въ состояніи занять въ пріютѣ мѣсто наставницы. Въ то о время ей удалось выйти побѣдительницей изъ всѣхъ разставленныхъ ротивъ нея сѣтей ея товаровъ и начальницы, ненавидѣвшихъ ее за ея гманныя отношенія къ дѣтямъ и заступничество за нѣкоторыхъ изъ нихъ. ри помощи ревизіи пріюта дѣвушка успѣла даже содѣйствовать пол-ому перевороту во всѣхъ дѣлахъ пріюта. Прежняя начальница, женщина гараго закала, во всѣхъ отношеніяхъ пошлая и дрянная, была уволена ее мѣсто заняла Софья Андреевна Вунчъ, вдова какого-то гвардейца, случившая институтское образованіе, бывавшая за границею, любившая гтать французскіе романы, восхищавшаяся произведеніями Жоржъ Зандъ, урившая пахитосы и толковавшая, выпускающая струйки дыма, о женской

«эмансипаци», — однимъ словомъ, женщина, вполне соответствовавшая наступившей эпохѣ новыхъ вѣяній. Она энергично принялась за дѣло преобразования пріюта, и Катерина Александровна сдѣлалась ея правой рукою, помогая ей во всемъ. На половинѣ начальницы теперь завелись вечеря, на которые собиралась молодежь — нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ, нѣсколько офицеровъ и студентовъ. Тамъ слышались вѣчные споры, раздавался смѣхъ, сыпались шутки, порой высказывались довольно сильныя мысли и желанія. Прислушиваясь къ шуму тѣхъ рѣчей, — говоритъ авторъ, — трудно было уловить какой-нибудь опредѣленный характеръ этихъ кружка; серьезная мысль уживалась здѣсь рядомъ со свѣтскою пустотою, толки объ общественныхъ событіяхъ шли рядомъ съ мелкими разсказами про семейныя интриги; критическія замѣтки на литературныя произведенія смѣнялись вопросами о балахъ и модахъ... Трудно сказать, чего хотѣли эти люди: оперы, баловъ, каретъ и пикниковъ или крестьянской и сѣвѣрной реформы, разрѣшенія женскаго вопроса и преобразования, но можно было навѣрное сказать, что они не желали возвращенія, на примѣръ, въ временамъ арапчевщины, или введенія домостроевскихъ правилъ въ семейную жизнь, или второго пришествія временъ Магницкаго. На всѣхъ этихъ людяхъ лежала печать барства: они были бѣлоручки, они не могли приняться за черныя труды, они схватили только верхушки образованія, они не могли бы отказаться отъ свѣтскихъ удовольствій, отъ блестящихъ рядовъ, они были довольны, что у нихъ есть наследственное и благопробрѣтенное имущество, но, въ то же время, имъ уже успѣли опротивѣть семейныя дразги, разбитыя скулы вѣрнопостныхъ, деспотизмъ старшихъ, они стыдились взяточничества, они бранили неполноту образованія, они читывали книжки, искали въ книжкахъ чего-то. Присматриваясь къ кружку Софьи Андреевны, можно было сразу уловить влияние должно-понятой жоржзандовской эмансипаци въ довольно свободныхъ отношеніяхъ молодежи, въ нѣкоторой бойкости барышень, въ куреніи пахитось и папирокъ и ради удовольствія, какъ курили у насъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ совсѣмъ неэмансипированныя провинціалки, курили не папирокъ, а просто трубки, — но ради желанія показать, что «и мы имѣемъ право курить, какъ мужчины». Катерина Александровна сразу выдѣлилась въ этомъ кружкѣ своимъ характеромъ и своими стремленіями. Она равнодушно начинала, когда шли толки о балахъ и театрахъ, о поэзіи и концертахъ: всего этого не существовало въ ея голодномъ прошломъ, и она не чувствовала никакой притягательной силы во всемъ этомъ. Но стоило заговорить объ образованіи вообще и объ образованіи бѣдныхъ дѣвушекъ въ особенности, и она дѣлалась краснорѣчивою, свѣдующею, разумною. Она еще не выбилась изъ тѣмы невѣжества, она знала, какъ трудно необразованной дѣвушкѣ добыть кусокъ хлѣба; она поняла, что дѣлаютъ ради попечители голодныхъ сиротъ, она могла опредѣлить значеніе женскаго труда, состоящаго въ умѣннѣ шить бѣлье. Говоря обо всемъ этомъ, она

дѣлалась краснорѣчивою, иногда страшною; порою въ ея рѣчахъ слышалось негодованіе, подчасъ онѣ сверкали остроуміемъ.

Къ этому обществу молодежи, группировавшейся вокругъ Софьи Андревны, присоединился и возвратившійся изъ Севастополя Александръ Прохоровъ (братъ его Иванъ сложилъ свою голову въ Севастополѣ). Поселившись въ Петербургѣ, онъ ясно видѣлъ, что ему неостанетъ одного жалованья для содержанія отца и для поддержки Прилежаевыхъ. Для увеличенія средствъ онъ занялся приготовленіемъ дѣтей къ поступленію въ военно-учебныя заведенія, получалъ мѣсто учителя математики въ одномъ изъ приготовительныхъ пансіоновъ и началъ помѣщать небольшія спеціальныя статьи въ *Военномъ Сборникѣ*. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заботился и о расширеніи своихъ познаній. Съ семи часовъ утра до семи или восьми вечера онъ работалъ безъ устали, а потомъ являлся въ кругу разнообразныхъ знакомыхъ говорливымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ. Казалось, эта натура не знаетъ усталости и покоя. Всмотриваясь поближе въ образъ его жизни, можно было замѣтить, что его бодрость и выносливость не были слѣдствіемъ одной молодости и здоровой природы, и, какъ онъ самъ говорилъ, умѣнья поддерживать себя и увеличить свои силы. Онъ постоянно смѣнялъ свои занятія; послѣ долгаго сидѣнья ходилъ пѣшкомъ на уроки; обѣдалъ въ определенное время; вставалъ рано, ложился не очень поздно, велъ жизнь трезвую и т. д. Онъ иногда замѣчалъ, что корпусъ имѣлъ то благодѣтельное значеніе для него, что приучилъ его дѣлать все въ определенное время и не валяться на постели. Военное время, по его мнѣнію, также имѣло для него хорошее значеніе, приучивъ его къ выносливости и хотя нѣсколько познакомивъ съ образомъ жизни европейцевъ. «Они дѣйствительно живутъ всѣмъ организмомъ и являются членами своей родины,—говаривалъ онъ.—Мы же или ходимъ въ дремотѣ, или лежимъ на постели тоже въ дремотѣ, а иногда не только не интересуемся, что дѣлается въ глубинѣ Россіи, но не знаемъ, что происходитъ въ нашемъ родномъ городѣ».

Въ то же время, Прохоровъ былъ добрякомъ, подобно своему отцу, и отличномъ товарищемъ. У него всегда могъ переночевать безпріютный, его кошелекъ былъ открытъ для тѣхъ, у кого не было денегъ; онъ готовъ былъ бѣжать ночью въ аптеку или за докторомъ для больного; онъ въ пріятельскомъ кружкѣ забывалъ за спорами и живыми бесѣдами свои урочные часы сна и обѣда и съ наслажденіемъ выпивалъ стаканъ, другой вина. Желѣзная кровать съ бѣлымъ одѣяломъ, турецкій диванъ, обитый клеенкой, ломберный столъ, игравшій роль письменнаго стола и заваленный книгами, бумагами и папиросами, нѣсколько легкихъ стульевъ, шкафъ съ небогатымъ гардеробомъ,—вотъ почти все, что имѣлъ Прохоровъ, хотя въ его старомъ замшевомъ кошелекѣ иногда водились не малыя деньги. Онъ почти постоянно ходилъ въ потертомъ пальто, которое носилось весной, зимой и осенью; онъ мало обращалъ вниманія на тонкость сукна на своихъ сюртукахъ и если чѣмъ-нибудь могъ щегольнуть, такъ развѣ только

тонкостью и чистотою бѣлья. Этого аккуратнаго, расчетливаго и не вышлаго никакихъ претензій человѣка нерѣдко обирали и надували приятели; иногда это вызывало довольно комичныя сцены, но онъ очень добродушно выносилъ пріятельскія продѣлки и говорилъ, что «нужно же жить за уроки».

Выставивъ, такимъ образомъ, двухъ молодыхъ людей, весьма, повидимому, порядочныхъ, авторъ, въ то же время, далеко отъ того, чтобы ставить ихъ на пьедесталъ безусловнаго совершенства, какъ это онъ дѣлалъ въ первыхъ своихъ романахъ. Опытъ, вынесенный съ лѣтами, масса горькихъ разочарованій, обусловливаемыхъ реакціею, наступившею по совершеніи реформъ, имѣли свое вліяніе на молодого беллетриста, и им не видимъ уже въ немъ восторженной вѣры въ то, что разъ герои его сдѣлались «новыми людьми», они непременно совершаютъ чудеса прогресса и всѣхъ вокругъ себя осчастливаютъ. Авторъ отрицаетъ даже, что они «новые люди». «Теорія и практика,—говоритъ онъ,—были еще крайне далеки другъ отъ друга. Молодой человѣкъ, научившійся по книгамъ любить новыя идеи, но пріученный къ роскоши и праздности въ домѣ разжившагося откупани или оброками съ крестьянъ отца, быть можетъ, могъ свернуть съ прямой дороги или неумѣло сдѣлать взятое на себя дѣло и испортить его. Молодая барыня, понявшая изъ книгъ необходимость женскаго труда, но сидѣвшая въ четырехъ стѣнахъ, державшаяся въ шелковыхъ рукавицахъ, не подготовленная ни къ чему, могла, можетъ быть, скверно переводить, портить взятую швейную работу, небрежно преподавать дѣтямъ науки и поддаться на какую-нибудь связь, которую она считала прочною и которая, въ сущности, была тѣмъ же, чѣмъ бывали и всѣ другія любовныя связи въ старое время между довѣрчивыми дѣвухами и разнузданными мужчинами. Но все это являлось не потому, что и этотъ молодой человѣкъ, и эта молодая дѣвушка были «новые люди», а потому, что они были дѣтьми стараго времени, такими же бѣлоручками, какъ ихъ отцы. Если бы мы жили въ Китаѣ, то эти молодые люди продолжали бы ту же самую жизнь, какую вели ихъ отцы и матери. Но такъ какъ имъ пришлось родиться не въ Китаѣ, такъ какъ имъ пришлось жить въ ту пору, когда выработанныя человѣчествомъ идеи стали прииняться къ практикѣ у насъ, то они и толковали объ этихъ теоріяхъ, пробовали освоиться съ ними, осуществить ихъ—и очень часто, проповѣдуя новое, поступали по-старому.

«Александръ Прохоровъ, какъ простая дюжинная личность, тоже не былъ исключеніемъ изъ общаго правила, тоже не былъ «новымъ человекомъ», то-есть такимъ человекомъ, который твердо шелъ бы по одной избранной дорогѣ, къ одной извѣстной цѣли, подобно какому-нибудь опытному работнику, знающему, которое колесо и какъ долженъ онъ вертѣть, хотя, какъ мы уже говорили, онъ учился самъ и писалъ поучающія статьи, дѣятельно занимался вопросомъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ и принималъ участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, давалъ уроки у разныхъ господъ

и хлопоталъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ. Что было для него главною, что было для него второстепенною дѣятельностью, — этого онъ, пожалуй, не опредѣлилъ бы и самъ».

Такимъ образомъ, какъ Катерина Александровна, такъ и нареченный ея Александръ Прохоровъ (съ которымъ она, конечно, не замедлила соединиться законнымъ бракомъ), оба были не творцами своего времени, а его созданиями. Они беззавѣтно отдавались теченію подобно многимъ, такимъ же, какъ и они, пловцамъ по морю житейскому, и когда теченіе принесло ихъ къ непроходимымъ порогамъ, ихъ утлые челны разбились о скалы совершенно для нихъ непредвидѣнно и ничѣмъ не могли они предупредить крушенія. Такъ, Катерина Александровна потерпѣла полное fiasco въ своей пріютской дѣятельности послѣ того, какъ съ наступленіемъ реакціи въ пріютѣ вновь воцарились прежніе порядки, Софья Андреевна получила отставку, вмѣстѣ съ нею вышли и новыя помощницы, а въ начальницы была взята престарѣлая барыня. Прохоровъ же потерялъ всѣ уроки по подозрѣнію въ неблагонадежности, затѣмъ былъ арестованъ, и, въ концѣ-концовъ, супруги должны были удалиться въ мѣста не столь отдаленныя, откуда тайкомъ бѣжали за границу. Изъ всего пережитаго они вынесли трезвое, хотя и горькое сознаніе, которое Прохоровъ выразилъ въ письмѣ къ младшему брату Катерины Александровны, Антону. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ:

«Мы сошли со сцены, сошли для того, чтобы начать мирную, быть можетъ, буржуазную жизнь съ трудомъ изъ-за куска хлѣба. Нѣкоторыхъ изъ насъ, быть можетъ, назовутъ жертвами, въ другихъ бросятъ камень осужденія; однихъ, быть можетъ, возведутъ на пьедесталь, другихъ смѣшаютъ съ грязью. Но мнѣ кажется, что теперь настало время, когда нужно заниматься не осужденіями и похвалами, расторгаемыми тѣмъ или другимъ лицомъ, а стараться избѣгать тѣхъ промаховъ, которые были вѣмъ бы то ни было сдѣланы въ прошломъ, заниматься развитіемъ самихъ себя, неустанно работать въ пользу того, что уже начато... У насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ, но въ этомъ были виноваты не мы. Конечно, ты понимаешь, что я говорю о себѣ, о Катѣ, о такихъ же, какъ мы, второстепенныхъ дюжинныхъ личностяхъ какъ изъ молодежи, такъ и изъ стариковъ. Да, недостатокъ подготовки, недостатокъ серьезнаго знанія и строгой опредѣленности въ выборѣ дѣятельности не былъ принадлежностью одной молодежи, — это былъ общій недостатокъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками, но все это было и прежде. Правда, прежде эти факты не такъ сильно бросались въ глаза, потому что въ обществѣ при старыхъ порядкахъ, при старыхъ идеяхъ являлось больше лицъ, бѣжавшихъ отъ труда, чѣмъ лицъ, бѣжавшихъ за работою. Новыя идеи и новыя порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ къ развитію и, въ то же время, трудившихся изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упре-

вать за неумѣнье хорошо исполнять взятый ею на себя трудъ и за вѣтанье изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой. Но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщано ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого же неумѣнья. Если бы нашелся въ ней опытный сапожникъ, повѣрь мнѣ, что онъ не сталъ бы хвататься за печенье булокъ или писать книги; если бы въ ней былъ опытный переплетчикъ, то, повѣрь мнѣ, онъ не взялся бы за трудъ наборщика или не сталъ бы заниматься переводомъ. Но такихъ подготовленныхъ къ труду людей было мало. Намъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему. Если въ насъ и было что-нибудь хорошее, то это было куплено самовоспитаніемъ. Вотъ почему и работа исполнялась по-старому, кое-какъ и на-авось, вотъ почему и не могли устроиться какія-нибудь мастерскія на прочныхъ началахъ; вотъ почему даже на учительскомъ поприщѣ мы умѣли лучше проводить либеральныя идеи, чѣмъ закладывать въ мозгу учениковъ прочныя основанія знанія. Но кто въ старыя времена не былъ грѣшнѣе въ стремленіи отбыть только официально взятая на себя служебныя обязанности, кто не исполнялъ кое-какъ своего труда, заботясь больше о матеріальныхъ выгодахъ, о чинахъ, о своемъ значеніи, чѣмъ о добросовѣстности, кто училъ юношество безъ всякаго шарлатанства, кто вообще безошибочно и честно отмежевывалъ себя скромный и небольшой уголокъ, рассчитавъ напередъ свои склонности, силы и способности, и воздвигалъ этотъ клочокъ земли до высшаго совершенства,—тотъ пусть бросаетъ въ насъ камень!»

Въ этихъ словахъ Александра Прохорова такъ и слышатся намъ тѣ итоги, которые въ концѣ шестидесятихъ годовъ и въ началѣ семидесятихъ подводила эпоха великихъ реформъ; подобнаго рода итоги вѣсъ были не въ рѣдкость въ то время и въ беллетристикѣ, и въ критикѣ.

Но этотъ холодный анализъ нисколько не мѣшаетъ А. Б. Шеллеру оставаться, какъ я уже говорилъ выше, все тѣмъ же и восторженнымъ идеалистомъ, и бодрымъ оптимистомъ шестидесятихъ годовъ. Жалуясь на неподготовленность своего поколѣнія къ исполненію тѣхъ великихъ задачъ, какія были возложены на него, онъ, въ то же время, не падаетъ духомъ, не сѣтуетъ на то, что произошло, и никого не обвиняетъ. «Еслибъ историческія событія,—говоритъ онъ устами своего героя,—шли иначе, еслибъ они продолжали быть такими же, какими были въ дни нашего дѣтства,—мы, можетъ быть, мирно и полусонно провели бы спокойную жизнь, злѣря и множась, безъ всякихъ высшихъ стремленій, безъ всякихъ тревоженій. Не думай, что я жалѣю о томъ, что намъ не удалось прожить эту болотную жизнью до могилы,—нѣтъ, я просто утверждаю фактъ и благодарю, въ то же время, всѣ великія событія, которыя, несмотря ни на что, ни на какія нападенія, ни на какія неприятели отдѣльныхъ лицъ, вошли въ жизнь».

XIV.

Прошло еще десять лѣтъ. Прошли семидесятые годы со все́ми своими смутами и тревогами, глухою внутреннею борьбой и внѣшней войной, внеся еще болѣе разочарованія и унынія въ душу русскихъ людей. Наступили восьмидесятые годы, съ своимъ «забвеніемъ словъ», индифферентизмомъ, самоуглубленіемъ, идеалистическою реакціей и пессимизмомъ. Въ значительной степени измѣнились и взгляды А. К. Шеллера на людей и своего поколѣнія, и младшаго. Такъ, въ его обширномъ романѣ *Голь*, появившемся въ восьмидесятихъ годахъ, мы видимъ совсѣмъ уже иныя историческія перспективы, иные горизонты, иные нравы, иныхъ людей. Замѣчательно при этомъ, что канва, по которой вышиваются узоры романа, остается, повидимому, та же самая. Точно также дѣйствіе романа начинается въ дореформенное время, проходитъ затѣмъ сквозь всѣ перипетіи шестидесятихъ годовъ, и лишь во второй половинѣ романа захватываетъ семидесятые годы. Точно также два главные героя романа выводятся параллельно изъ двухъ различныхъ слоевъ общества: одинъ — изъ княжескаго рода, другой — изъ разночинцевъ. Точно также они сначала опошляются, а потомъ нравственно возрождаются. Но то же, да не то же.

Такъ, во-первыхъ, тутъ нѣтъ уже подробныхъ описаній и характеристикъ училищныхъ нравовъ, какія встрѣчались въ прежнихъ романахъ А. К. Шеллера. Одинъ изъ героевъ, Орловъ, учился въ гимназіи, другой, князь Русовъ, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Въ прежнее время вторъ не преминулъ бы много главъ посвятить характеристикѣ того и другого заведенія. Но въ романѣ *Голь* ничего мы этого не видимъ. Оно и онятно: въ восьмидесятые годы педагогическіе вопросы стояли на заднемъ планѣ, никто ими не интересовался и они находились въ полномъ загонѣ. Героевъ въ романѣ *Голь* и опошляетъ, и снова затѣмъ возрождаетъ уже не школа, а сама жизнь.

Во-вторыхъ, мы не встрѣчаемъ уже въ *Голѣ* возданія преимуществу изючнику передъ дворяниномъ. Правда, Орловъ хвалится своимъ разноинствомъ, но на самомъ дѣлѣ князь Русовъ является куда симпатичнѣе; онъ посрамляетъ своего друга и, къ тому же, инициатива возрожденія принадлежитъ ему, а не Орлову.

Наконецъ, въ-третьихъ, въ романѣ вы не видите уже безусловно идеальныхъ личностей, и лучшія изъ выведенныхъ лицъ являются лишь хорошими людьми, отнюдь не изъятыми и отъ недостатковъ, и отъ заблужденій или ошибокъ. Но обратимся къ самому роману.

Одинъ изъ его героевъ, Дмитрій Андреевичъ Орловъ, происходилъ изъ мѣи бѣдныхъ чиновниковъ, нищета которыхъ еще болѣе возросла послѣ того, какъ они погорѣли, едва успѣвши выстроить домикъ на послѣднихъ сколоченныхъ деньгахъ. У матери героя былъ дядя Лампадовъ, подѣ влияніемъ котораго герой нашъ провелъ первые годы своего дѣтства. Во многихъ романахъ Шеллера встрѣчается особеннаго рода типъ престарѣлаго,

самобытнаго философа, гуманнаго, добраго, исполненнаго здраваго смысла, тяжкихъ опытовъ жизни и глубокаго знанія челоуѣческаго сердца. Тамъ въ *Гнилыхъ болотахъ*—отецъ героя, въ романѣ *Льсы рубятъ*—штабсъ-капитанъ Прохоровъ, въ романѣ *Въ разбродъ*—капитанъ Хлопко; таковы и передъ нами и Лампадовъ. Онъ былъ когда-то учителемъ русскаго языка и математики. Поповичъ по рожденію, воспитавшійся въ доброй семьѣ, вичившій свое образованіе въ университетѣ, онъ, рано оставшійся круглымъ сиротой, жилъ вѣчнымъ трудомъ—перепиской, уроками, литературными работами, не занимая никакого особеннаго, виднаго мѣста въ официальномъ мірѣ. У него былъ недюжинный умъ, серьезное образованіе, большая вчитанность и знаніе жизни. Онъ самъ говорилъ про себя: «Всему опытъ меня научилъ: бывало, тамъ щелкнуть, тутъ оборвать, — ну, и научилъ наукѣ жить». И точно, бѣдность его научила быть нетребовательнымъ; горько окончившееся увлеченіе молодости—любовь къ одной изъ важныхъ ученицъ — научило его «не соваться съ суконнымъ рыломъ въ чужой рядъ»; пребываніе гувернеромъ въ аристократическихъ домахъ привило къ нему извѣстный тактъ и извѣстный лоскъ; чтеніе книгъ и столкновеніе съ передовыми людьми его времени развили въ немъ любовь къ мысленію. Мало-по-малу изъ него выработался вполне законченный типъ учителя и ученаго. Онъ не написалъ никакихъ ученыхъ изслѣдованій, но онъ былъ въ полномъ смыслѣ кабинетный ученый, нѣсколько склонный къ отшельничеству, немного педантъ, челоуѣкъ мало способный къ разговору и очень падкій до дидактизма. Сдержанность, холодность, дидактизмъ прежде всего бросались въ глаза при встрѣчѣ съ нимъ; но подъ этою ледяною оболочкой билось младенческое, искреннее, доброе и впечатлительное сердце. Ото до старости способенъ былъ плакать надъ книгой, носить ежегодно вѣнокъ на могилу разлученной съ нимъ въ юности дѣвушки, пригрѣвать переклепаннаго попавшагося ребенка, любоваться красивымъ пейзажемъ, вечерними облаками, золотыми лучами солнца и восхищаться тихою поэзіей такихъ произведеній, какъ *Сельское кладбище* Грея.

Лампадовъ занялся первоначальнымъ обученіемъ своего впечатлительнаго мальчугана, показывалъ ему, какъ надо читать и писать, и рядомъ съ этимъ пояснялъ, какія великія заслуги принесла грамотность, какіе гениі изобрѣли, создались при помощи знанія, какъ легко пропасть челоуѣку, если у него нѣтъ знаній. Лампадовъ, неволью уклоняясь, такимъ образомъ, отъ первой и прямой своей задачи—обучить Митю грамотѣ, шуточно говаривалъ, что «нимъ покуда торопиться некуда», и самъ не сознавалъ, повидимому, какъ сильно и поспѣшно забѣгалъ впередъ, въ ту область, гдѣ иногда Мити духъ захватывало отъ новыхъ ощущеній. Мальчикъ читалъ еще съ ошибками, но онъ уже мечталъ о Гуттенбергахъ, Фаустахъ, Уаттахъ, Иакастерахъ, Песталоцци. Возвратившись домой отъ Лампадова, Митя забивался въ уголокъ и весь отдавался мечтамъ. Онѣ начинались всегда почти съ одной и той же мысли: «Я сдѣлаюсь ученымъ, ученымъ и навѣду изведуть въ генералы». Затѣмъ шли фантазіи о томъ, какъ онъ «всѣмъ

ему научится» и какъ будетъ «самымъ, самымъ главнымъ генераломъ», что будетъ онъ тогда дѣлать. Онъ и теперь желалъ благодѣтельствовать челоѣчеству, только теперь у него болѣе опредѣленное понятіе о благодѣянiяхъ: онъ хотѣлъ учить, наставлять, просвѣщать челоѣчество.

Будучи давно знакомъ съ князьями Русовыми, Лампадовъ свелъ туда гува, и у Мити сердце замерло при видѣ роскоши барскаго дома, при встрѣчѣ съ хозяйкой дома, Марьей Львовной Русовой.

— Фей, дядя, вотъ пре вторыхъ въ книжкахъ пишутъ, такія? — назво спросилъ онъ у Лампадова, возвращаясь съ нимъ домой послѣ пер-го визита къ Русовымъ.

Лампадовъ расхохотался и потомъ передалъ это замѣчаніе княгинѣ. Она же много смѣялась надъ этимъ замѣчаніемъ и сказала Митѣ, что она парается быть всегда его доброю феей. Она полюбила его, отчасти какъ вти любить новую игрушку, отчасти какъ добрые люди любятъ нуждающихся въ ихъ помощи слабыхъ ближнихъ. Въ то же время, онъ поразилъ своею оригинальною красотой. Къ красивымъ же дѣтямъ почти всегда посятся благосклоннѣе, чѣмъ къ некрасивымъ.

Орловъ началъ часто посѣщать Русовыхъ и это съ перваго же раза не юшло безъ нѣкотораго нравственнаго раздвоенiя. Ему начало претить, го родные его знаютъ съ нѣкоторыми холопами Русовыхъ, извлекая изъ того знакомства свои выгоды. Сначала эти люди, толкавшіеся въ ихъ мартирѣ, просто мѣшали ему учиться и заставляли его иногда убѣгать съ игами къ Лампадову. Потомъ его начало коробить отъ фамильярнаго об-ищенiя съ нимъ этихъ людей, отъ ихъ лакейскихъ подшучиванiй надъ имъ. Онъ чувствовалъ къ этому «хамову отродью» отвращеніе и волно-мся при каждомъ столкновенiи съ нимъ. Онъ очень хорошо зналъ, что и ить, и отецъ, и сестра Анна Андреевна такъ же, какъ онъ, ненавидятъ ихъ людей, но взрослые умѣли притворяться, а у него на это не хва-мо ни силъ, ни умѣнья. Ненависть къ этимъ людямъ должна была еще болѣе живаться съ каждымъ днемъ по мѣрѣ того, какъ у мальчика расши-мся кругъ товарищей въ гимназiи и въ домѣ княгини Русовой.

Въ то же время, сойдясь очень близко съ маленькимъ княземъ Русо-мъ, онъ былъ очень радъ, когда Русовы послали за нимъ къ гимназiи юихъ лошадей, что и учитель, и товарищи видали этихъ лошадей, этотъ ипажъ, и знали, что онъ, Митя, друженъ съ княземъ Русовымъ. Ему хо-илось, чтобъ его видѣли съ князьями Русовыми не одни обыватели захо-стной улицы, не одни гимназисты и учителя, а «всѣ люди». Когда онъ первые попалъ съ Русовыми въ театръ, ему казалось, что всѣ смотрятъ на него. Самъ не замѣчая того, онъ очень громко и слишкомъ часто ворилъ маленькому Русову «ты».

XV.

Между тѣмъ, годы шли за годами. По окончанiи гимназическаго курса, мкъ разъ въ началѣ наступленiя эпохи шестидесятыхъ годовъ, послѣ крым-книга II.

ской войны, Орловъ поступилъ въ домашніе секретари къ князю Руссу и, въ то же время, его избрали секретаремъ въ благотворительномъ обществѣ, гдѣ главную роль играла княгиня. Между тѣмъ какъ онъ лихорадочно работалъ для князя, засѣдавшего въ коммиссіяхъ, составлялъ разные вклады по его наброскамъ, по официальнымъ документамъ, княгиня съ столь поразилъ своею красотой, талантомъ, который онъ обнаружилъ исполнивши роль Чацкаго въ одномъ великосвѣтскомъ домашнемъ спектаклѣ, и грандіозными филантропическими проектами на засѣданіяхъ благотворительнаго комитета, что она послѣ одного изъ засѣданій пала на его объятія, а онъ и самъ не замѣтилъ, какъ сдѣлался ея любовникомъ.

Этотъ ложный шагъ поставилъ нашего героя въ весьма двусмысленное и фальшивое положеніе въ домѣ князя Русова и произвелъ въ немъ тяжелое нравственное раздвоеніе, еще болѣе усилившееся послѣ того, какъ онъ узналъ отъ Лампадова, что со стороны княгини это было вовсе не первое невольное увлеченіе, что она съ первыхъ же лѣтъ супружеской мѣняла любовниковъ, какъ корсеты, и онъ былъ, по малой мѣрѣ, двадцатый уже любовникъ. Орловъ сознавалъ, что сталъ въ ложное положеніе и что онъ выпутается изъ него не скоро. Княгиня не броситъ его, не оттолкнетъ, такъ какъ увлеклась имъ со всюю страстью женщины, мечтающей, что ея молодость уходитъ. Онъ горько улыбнулся и въ его головѣ промелькнула желчная мысль: ну, что-жь, нужна же какая-нибудь любовница, вѣдь, безъ княгини пришлось бы, въ концѣ-концовъ, прибавляться грязными связями... Это, по крайней мѣрѣ, если и падшая женщина, то изъ барынь, не какая-нибудь нѣмка изъ Риги или солдатка дочь изъ казармъ.

«Но князь? О, онъ ничего не узнаетъ! Онъ, Орловъ, сдѣластъ все, что бы тотъ не могъ и подозрѣвать, что онъ близокъ къ княгинѣ. Въ отношеніяхъ же къ князю онъ будетъ еще болѣе преданнымъ человекомъ; онъ искупитъ свою вину безграничною привязанностью къ старшему. Наконецъ онъ, въ сущности, и не такъ виноватъ. Вся его вина въ томъ, что онъ еще неопытенъ въ дѣлѣ укрощенія своихъ страстныхъ порывовъ. Каждый на его мѣстѣ поступилъ бы такъ же, не устоялъ бы. Еслибъ онъ былъ гулякой, вродѣ самого князя Александра, онъ бы, конечно, не устоялъ такъ. Но онъ еще никого не любилъ и потому охваченъ отъ перваго знанія въ любви».

«Сдѣлки съ совѣстью начались», — съ злобною улыбкой думалъ онъ, въ то же время, и его начинала бѣсить та двойственность, которую онъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ подмѣчать въ себѣ. Эта двойственность была въ немъ уже давно: онъ хотѣлъ быть независимымъ и гордымъ человекомъ, а, между тѣмъ, въ какомъ упоеніи онъ былъ, когда онъ явился въ обществѣ рядомъ съ князьями Русовыми; онъ иногда страстно увлекался говоря о бѣднякахъ, и тутъ же подмѣчалъ въ себѣ рисовку своими личными страданіями, стремленіе преувеличивать это страданіе; онъ тогда сознавалъ себя виновнымъ и, въ то же время, старался уже найти се

нравданіе, примириться съ своею совѣстью. И вездѣ, вездѣ была эта двойственность, это отсутствіе цѣльности натуры».

Падая такимъ образомъ нравственно, Орловъ, въ то же время, черствѣлъ въ своемъ тщеславіи и честолюбіи и, воображая себя героемъ, избраннымъ спасать человѣчество, онъ не удѣлялъ ни малѣйшей любви и участія своимъ близкимъ роднымъ. Если же и помогалъ имъ, то лишь настолько, насколько этого требовало холодное сознаніе долга. Передъ его глазами яла жертвою темперамента, обратясь въ кокотку, его двоюродная сестра Іастя, подруга дѣтскихъ лѣтъ; онъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы и отъсеялся съ полнымъ индифферентизмомъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производитъ на насъ молодой князь Рузовъ. Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, правда, подѣйствовала на него вредно, научила его кутить съ товарищами и мотать деньги; онъ бумблъ въ короткое время нажить массу долговъ, изъ которыхъ съ трудомъ выручилъ его Орловъ, взявшись ходатайствовать за своего друга передъ тарикомъ Русовымъ. Но онъ скоро очнулся, и два обстоятельства поужили въ его нравственному возрожденію: во-первыхъ, слабое здоровье аставило его испугаться и воздерживаться отъ кутежей; во-вторыхъ, онъ влюбился въ Настей, отбилъ ее въ качествѣ кокотки у товарища, но полюбить въ ней женщину. «Мнѣ не хотѣлось,—разсказывалъ онъ впоследствии своему другу,—возить Настю на попойки, въ общество гулякъ и кокотокъ. Тутъ руководили мною не нравственные побужденія, а что-то вроде желанія сохранить ее для себя одного. Она, испуганная перспективою нищеты, перенесшая много позорныхъ сценъ, много униженій отъ негодяя, огубившаго ее, отдалась мнѣ съ такою кроткою любовью, съ такою благодарностью, съ такою почти рабскою покорностью, что я впервые почувствовалъ, что я кому-нибудь нуженъ. Для меня это сознаніе было очень важно. До этой поры я даже представить себѣ не могъ, что я могу быть кому-нибудь настолько нуженъ, что этотъ человѣкъ станетъ угадывать мои желанія, станетъ читать въ моихъ глазахъ мысли, станетъ переносить за меня всѣ мои капризы, мои недостатки,—однимъ словомъ, будетъ развѣтывать отъ моей улыбки, плакать отъ моего малѣйшаго неудовольствія. Я нашелъ такого человѣка въ ней, потому что я спасъ ее отъ голода, отъ позора, отъ нравственныхъ оскорбленій, спасъ ради животнаго чувства, ради развратныхъ побужденій, но все же спасъ... И вотъ, переставъ утѣять и тяготѣть присутствіемъ на чужихъ кутежахъ, я уходилъ все чаще и чаще къ ней, въ тотъ тихій уголокъ, въ то гнѣздышко, гдѣ никто не оскорблялъ, не унижалъ меня».

Однажды, подслушавши случайно, какъ Настя учила своего ребенка отличать за него, Русова, онъ такъ умилился душой, что, по словамъ его, «все понялъ, со всѣми помирился, все разрѣшилъ»... Онъ далъ себѣ слово не брать болѣе у отца денегъ, а жить на свои средства, доставшіяся ему отъ тетки его матери. Думая о своемъ воспитаніи, думая о бу-

душемъ, онъ пришелъ къ заключенію, что онъ ничего не знаетъ, и и что не годится, что ему нужно начинать съ азбуки, если онъ начнѣ дѣлаться человѣкомъ.

«Подвиги, великія дѣла!—размышлялъ, въ те же время, князь.—Разні люди, въ большинствѣ случаевъ, призваны именно для нихъ, а не ии будничнаго, мелкаго, чернаго дѣла? Стремиться только къ нимъ—это ичтъ обречь себя на бездѣлье, на праздность, когда кругомъ столько икого дѣла, безъ котораго нельзя жить, нельзя добиться чего-нибудь. Раньше чѣмъ какая-нибудь гениальная мысль распространится по свѣтѣ, нужно, чтобы нашлись простые работники для приготовления бумагъ, шрифта, набора книги. Прежде чѣмъ выростетъ этотъ самый гений, нужны няньки для него, сапожники и портные для него, земледѣльцы и учителя для него. Жажда подвиговъ и великихъ дѣлъ и отвращеніе отъ ирнаго труда—это болѣзнь вѣка и особенно въ Россіи: все интеллигентное съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе заражается этою болѣзнью. Ии быть всю жизнь упорнымъ и честнымъ работникомъ, но сдѣлаться въ оди минуту героемъ, не быть серьезнымъ ученымъ, но дѣлать открытія, извавъ именемъ какую-нибудь бабочку, комету, новое лѣкарство, не сочнать, не писать бумагъ, но подписывать и подписывать—вотъ стремленіи большинства такъ называемыхъ развитыхъ людей и въ этомъ, с.ъ ижесть, главное несчастіе общества, главная причина бездѣтельности, глнвая причина скуки жизни».

На основаніи всѣхъ размышленій князь рѣшился поселиться въ деревнѣ, сдѣлаться земскимъ дѣятелемъ,—словомъ, идти къ народу и работатъ съ нимъ.

Судите сами изъ всего вышесказаннаго, насколько потюнокъ дреянато княжескаго рода, хотя и не совсѣмъ чистой крови (его отецъ былъ не князь, а одинъ изъ многочисленныхъ любовниковъ матери), являетя передъ нами выше такого разночинца, какъ Орловъ. Принимая это въ с.ображеніе, можно было бы подумать, что съ теченіемъ времени взгляди Шеллера на нравственно закаляющее вліяніе бѣдности и растлѣваніи богатства совершенно измѣнились, сдѣлались радикально противоположными. Но это только повидимому. Начать съ того, что и прежде А. К. Шеллеръ былъ весьма далекъ отъ такой прямолинейности, иначе какимъ бы образомъ могъ онъ допускать нравственное возрожденіе въ вывоиныхъ имъ свѣтскихъ шалопахъ, вродѣ героя *Гиммалъ болотъ* или Штупова? А съ другой стороны, и въ своемъ романѣ *Голь* А. К. Шеллеръ остается передъ нами все тѣмъ же оптимистомъ, какимъ былъ всегда. Ии крайней мѣрѣ, мы видимъ, что еслибы авторъ захотѣлъ отдать дань умлымъ вѣяніямъ 80-хъ годовъ, ему ничего не стоило бы напустить въ с.омъ романѣ массу самаго чернаго пессимизма, такъ какъ въ содеркаи романа есть къ тому всѣ данныя. Такъ, земская дѣятельность князя могла потерпѣть полное фиаско, князь остался бы не удѣлъ, въ полномъ разочар-

и. Сестра его, княжна Соня, вышедшая замужъ за агитатора Благолѣповъ и сосланная съ нимъ въ сѣверную глушь, могла бы не вынести ужасовъ и лишней ссылки и зачахнуть, а Благолѣповъ—спился бы. Орловъ, обившись матеріальнаго обезпеченія, окончательно очерствѣлъ бы, остался бы старымъ холостякомъ и до сѣдыхъ волосъ не переставалъ бы брюжжать, какъ это онъ начиналъ уже дѣлать, когда его спрашивали о жетитьбѣ:

— Не до женитьбы было въ молодости, когда приходилось думать о кускѣ насущнаго хлѣба. Пюзія любви, это—роскошь богачей, это—гибель бѣдняковъ. Тяжело сознавать, что молодость прошла безъ этой пюзіи; но какъ разсудишь хладнокровно, такъ, право, нужно и радоваться, что не вплодилъ нищихъ или не продалъ совѣсти для прокомленія дѣтей. У насъ, бѣдъ, всегда такъ: бѣднякъ или пускаетъ по міру свою семью, или оправываетъ всѣ свои грязные поступки однимъ мотивомъ: «У меня жена, дѣти».

Когда его спрашивали, почему онъ не женится теперь, онъ говорилъ:

— Спустия дѣто нечего по малину ходить. Моя пора прошла: на пожившей, а пожилой я не женюсь, а молодая сама за меня не пойдетъ, по крайней брѣ, не пойдетъ по любви; по расчету—да, пожалуй, пойдетъ и молодая, но избави Богъ отъ такого брака. Да, наконецъ, жизнь такъ дурна, мы живемъ въ такое время, когда трудно ждать чего-нибудь хорошаго въ близкомъ будущемъ, когда то и дѣло слышишь о самоубійствахъ съ мотивами «надобло жить», «невыносимо жить», когда каждый изъ насъ отовъ сказать, что лучше бы вовсе не родиться,—такъ имѣемъ ли мы право обрекать на испытаніе подобной жизни новыхъ членовъ общества, воихъ дѣтей?

Вы видите, сколько мрака могъ бы напустить въ свой романъ А. К. Шеллеръ. Но онъ этимъ ни въ малой степени не воспользовался. Бнязь, венившись послѣ смерти отца на своей Настѣ, остался доблестнымъ земскимъ подвижникомъ, Благолѣповъ съ Сонею успѣли благополучно выбраться за границу. Въ концѣ же концовъ, милосердное небо сжалилось и надъ грустнымъ одиночествомъ Орлова и послало ему въ жены дѣвицу магородныхъ родителей, и не только молодую, но и такую идеальную, что она готова пожертвовать въ пользу бѣдныхъ все, что имѣеть.

XVI.

Разобранныхъ нами романовъ совершенно достаточно, чтобы мы могли теперь на основаніи этого разбора отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ началѣ статьи объ А. К. Шеллерѣ,— что за причина, что, несмотря на всѣ художественные недостатки романовъ его, въ продолженіе трехъ десятилѣтій подростаящая молодежь не переставала зачитываться ими и до сихъ поръ считаетъ А. К. Шеллера въ числѣ самыхъ любимыхъ своихъ писателей?

Причина какъ нельзя болѣе ясна и проста: молодежь потому и любитъ А. Б. Шеллера и такъ усердно читаетъ его, что онъ имѣетъ въ своихъ романахъ дѣло именно съ этою самою молодежью, съ картинками умственнаго и нравственнаго развитія подросткающаго поколѣнія въ разныхъ сферахъ общества. Я убѣжденъ въ томъ, что не найдется на Руси ни одинъ юноша или дѣвочка, которые не переживали чего-нибудь такого, что переживаютъ герои романовъ А. Б. Шеллера. Училищныя дразни, неприятности, исторіи и столкновения съ учителями, семейные раздоры, нравственно оздоравливающія или, напротивъ того, растлѣвающія вліянія личностей, съ которыми приходится сталкиваться юношамъ, нравственныя кризисы, обуславливающіе поворотъ отъ гибельнаго пути на прямую и спасительную дорогу, — все это должно представлять животрепещущій, поглощающій интересъ именно въ такіе годы, когда молодые люди сами переживаютъ, если можно такъ выразиться, каждую страницу любого романа Шеллера. Въ нашихъ бѣглыхъ очеркахъ содержанія этихъ романовъ мы не имѣли возможности и въ тысячной долѣ познакомить нашихъ читателей со всѣмъ богатствомъ тѣхъ дидактическихъ элементовъ, какіе можно найти въ каждомъ романѣ, — въ видѣ хотя бы, напримеръ, безконечныхъ разсужденій героевъ между собою о всѣхъ ихъ психическихъ переживаніяхъ, общественныхъ отношеніяхъ и столкновенияхъ. Авторъ не ограничивается одними объективно-художественными изображеніями, но каждый поступокъ и шагъ того или другого дѣйствующаго лица подвергаетъ тщательному анализу и всестороннимъ обсужденіямъ. Нужно ли и говорить, что въ основѣ всѣхъ этихъ анализовъ и обсужденій лежатъ гуманныя идеи единенія въ духѣ любви, братства и всепрощенія? Вы не найдете въ романахъ Шеллера ни одной строки, которая ожесточала бы читателей или какъ бы то ни было омрачала ихъ, возбуждая злобу и зависть. Исполненный чисто-христіанской кротости и смиренія, А. Б. Шеллеръ, напротивъ того, непрестанно руководствуется тѣмъ гуманнымъ принципомъ, что все понять — значитъ все простить, и самая крайняя степень его осужденія никогда не идетъ далѣе грустнаго сѣтованія о томъ, что *не видятъ бо, что творятъ*.

Болѣе же всего привлекаютъ романы А. Б. Шеллера страстью автора рисовать положительные типы, идеальныя и свѣтлыя личности, тѣмъ особенно отличаются произведенія его, написанныя въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ. Я убѣжденъ въ томъ, что шиллеровскій идеализмъ, романтическіе прекраснѣйшіе романы Ж. Зандъ, равно какъ и многихъ произведеній В. Гюго такъ же необходимы для извѣстнаго возраста, какъ молодому человеку. Каждый человѣкъ переживаетъ свою эпоху романтизма, въ которой онъ составляетъ въ своемъ воображеніи высокіе и доблестные нравственные идеалы и въ осуществленіи ихъ полагаетъ всю задачу своей жизни. Величайшее зло нашего времени заключается въ томъ, что современная текущая беллетристика наша пишется по большей части разочарованная

эриками для извѣрившихся старухъ и представляет собою матеріалъ не только не пригодный для подростящаго потомства, но и крайне для него вредный.

Въ такомъ возрастѣ, когда юноша какъ въ маннѣ небесной нуждается изображеніяхъ человѣческой доблести и героизма, которые служили бы у образцами, руководящими его въ предстоящей жизни, его заставляютъ чти копаться въ житейской грязи и увѣряютъ его, что все въ жизни тлѣнно, входяще и ничтожно, а герои чести, правды и добра существуютъ въ вѣхъ романтическихъ поемахъ,—ну, а ужъ извѣстно, что въ нашъ положительный вѣкъ романтическія поэмы способны возбуждать одинъ смѣхъ.

Между тѣмъ, съ какою естественною и живою потребностью юности имѣемъ мы въ настоящемъ случаѣ дѣло, мы можемъ судить по тому, что гда не было еще ни Шиллера, ни Жоржъ Зандъ, ни В. Гюго, вспомнимъ, кимъ любимымъ чтеніемъ юношества до самаго начала нынѣшняго столѣтія были *Жизнеописанія героевъ* Плутарха. Плутархъ игралъ въ воспитаніи юношества XVIII вѣка совершенно такую же роль, какую потомъ али играть Шиллеръ, В. Гюго и Ж. Зандъ, и сколько гениальныхъ людей и героевъ исторіи воспитались подъ влияніемъ этого вдохновляющаго ченія.

Романы А. К. Шеллера въ большой степени восполняютъ этотъ важный пробѣлъ нашей литературы, пробѣлъ поистинѣ вопіющій, потому что, о правдѣ сказать, не одна только современная намъ пессимистическая беллетристика, но и всѣ наши классики, съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и Гоголемъ включительно, очень бѣдны положительными, идеальными типами. орошіе же, избранные и новые люди, которыхъ рисуетъ передъ нами А. К. Шеллеръ, имѣютъ еще то преимущество, что они живутъ и дѣйствуютъ въ зременной намъ жизни, въ той самой обстановкѣ, въ какой живетъ каждый юноша въ Россіи, а тѣмъ легче этому юношѣ подражать представляемымъ ему образцамъ.

Наконецъ, не малую симпатію для молодежи представляетъ тотъ оптимизмъ А. К. Шеллера, который такъ и прыщеть изъ-подъ каждой строки го романовъ. И здѣсь, въ свою очередь, мы имѣемъ дѣло съ живою и естественною потребностью юношескаго возраста. Оптимизмъ такъ же свойственъ юности, какъ и романтическое прекраснудшіе; оба идутъ рядомъ и взаимно обуславливаются. Развѣ могли бы составляться высокіе идеалы словѣческой доблести, если бы составленіе это не вдохновлялось свѣтою вѣрой въ осуществленіе этихъ идеаловъ и въ то, что раньше или позже добро и правда вопарятся на землѣ? По моему мнѣнію, тѣ педагоги, которые подносятъ своимъ воспитанникамъ ядъ какихъ бы то ни было пессимистическихъ ученій, имѣютъ дѣло съ ядомъ не въ переносномъ только, но въ буквальномъ смыслѣ, и могутъ быть названы по всей истинѣ подлинными убійцами, потому что они умерщвляютъ энергію въ своихъ питомцахъ, все, чѣмъ можетъ быть жизнь красна, и до такой степени обезцвѣ-

чиваютъ ихъ существованіе, дѣлаютъ его столь ненавистнымъ предположимою безцѣльностью, что, въ концѣ-концовъ, юноша, если не накладываетъ на себя рукъ, то обращается въ ходячій трупъ, гниющій и разлагающійся заживо.

Однимъ словомъ, я убѣжденъ въ томъ, что многіе Шуповы, Прохоровы, Орловы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ вліяніемъ чтенія романовъ А. Б. Шеллера и, конечно, и до сихъ поръ, на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ вѣстникѣ и другѣ.

А. Сиабичевскій.

Страхованіе рабочихъ въ Германіи *).

III.

Въ той формѣ, которая ему придана новеллой 1892 г., законъ о страхованіи на случай болѣзни **) знаетъ три категоріи работниковъ. Къ первой принадлежатъ тѣ, которые *обязательно* должны быть застрахованы и въ мѣстности застрахованы, пока они имѣютъ заработокъ; вторая состоитъ изъ рабочихъ, которые должны быть застрахованы, если это поставлено будетъ мѣстнымъ, территоріальнымъ законодательствомъ или общиннымъ статутомъ; къ третьей группѣ, наконецъ, принадлежатъ рабочіе, которые *могутъ* быть застрахованы, если они сами пожелають дѣлать взноги. При опредѣленіи обязательнаго страхованія, законъ «подъ рабочими» имѣетъ въ виду наемныхъ рабочихъ и служащихъ по найму, если жалованье послѣднихъ менѣе 2,000 марокъ въ годъ. Страхованіе, основывающееся на статутѣ, можетъ быть, однако, признано обязательнымъ также для членовъ семьи ремесленника, работающихъ безъ жалованья, и для кустарей.

Обязательно застрахованы всѣ наемные рабочіе и служащіе въ горныхъ и соляныхъ промыслахъ, на фабрикахъ и заводахъ, на верфяхъ, поройбахъ, желѣзныхъ дорогахъ и судоходствѣ; во всѣхъ производствахъ, въ которыхъ постоянно находятся паровые котлы и механическіе двигатели; на почтѣ и телеграфѣ, въ мастерскихъ морского и военнаго вѣдомства; всѣ наемные подмастерья и ученики у ремесленниковъ. Что касается прикащиковъ и вообще служащихъ въ торговлѣ, то они должны быть обязательно застрахованы въ томъ лишь случаѣ, если не пользуются представленнымъ имъ торговымъ уставомъ правомъ на 6-ти недѣльное пособие отъ хозяина въ случаѣ болѣзни и если жалованье ихъ не превышаетъ 1,000 марокъ въ годъ. Со служащими въ торговлѣ уравниены въ этомъ слу-

*) *Русская Мысль*, кн. I.

**) Текстъ закона съ примѣчаніями и разъясненіями лучше всего у *Bedmka F. v. Woldike*: „Krankenversicherungsgesetz mit Erläuterungen“, Berlin, 1892. Изъ систематическихъ изложеній наиболѣе обстоятельныя: *Rosin*: *Das Recht der Arbeiterversicherung*, I, Band 1890—1893 (Berlin); *Bornhak*: „Das deutsche Arbeiterrecht“, München—Leipzig, 1892.

чаѣ служащіе въ конторахъ адвокатовъ, нотариусовъ, судебныхъ при-
водовъ и страховыхъ учреждений. Административный фабричный и проми-
ленный персоналъ подчинены обязательному страхованію также лишь въ
томъ случаѣ, когда жалованье не превышаетъ 2,000 марокъ въ годъ и
6²/₃ мар. въ день.

Мы сейчасъ увидимъ, что изъ этихъ главныхъ категорій наемныхъ ра-
бочихъ *) допускаются нѣкоторыя изъятія. Однако, при чтеніи постановле-
ній закона, признающаго *обязательность* страхованія для значительнѣ-
шей части наемныхъ рабочихъ, возникаетъ болѣе крупный вопросъ: должи
ли и *сельскіе* рабочіе быть обязательно застрахованы? Правительство считало
вовсе исключило ихъ изъ круга застрахованныхъ лицъ, мотивируя это тѣмъ,
что условія деревни еще патріархальны. Обязательное страхованіе, по своей
сущности, продуктъ денежнаго хозяйства, вносить же чистый принципъ де-
нежнаго хозяйства въ натуральное или смѣшанное хозяйство деревни
вредно, и несправедливо. Помѣщикъ считаетъ долгомъ чести заботиться о
своихъ заболѣвшихъ рабочихъ, въ крестьянскихъ же условіяхъ обезпе-
ченіе заболѣвшаго работника достигается непосредственною сосѣдскою и мір-
скою помощью. Эта посылка, отвѣчала правительству защитники государ-
ственного страхованія, ложна: натуральное хозяйство исчезаетъ и въ де-
ревнѣ, обязанности помѣщика—дѣло прошлаго, мірская же помощь свѣ-
дится къ крайне жалкому призрѣнію бѣдныхъ. Развѣ сельскіе рабочіе
не больше фабричныхъ нуждаются въ средствахъ медицинской помощи и
не одинаково вправѣ требовать, чтобы помощь оказывалась имъ и
въ униженной формѣ милостыни? Либералы и социаль-демократы не
ставили споръ также на почву конкретныхъ политическихъ и сословныхъ
условій: правительство, говорили они въ рейхстагѣ, только потому выиски-
вало сельскихъ рабочихъ, чтобы оказать льготу прусскому юнкерству **).

Послѣ нѣкотораго колебанія и черезъ 3 года послѣ изданія перваго
Krankenversicherungs-Gesetz, правительство и консервативная партія по-
шли на компромиссъ. Законъ не признаетъ страхованія сельскихъ рабочихъ
обязательнымъ для всей Германіи, но предоставляетъ каждому союзному
государству право подчинить сельскихъ рабочихъ въ своей территоріи обя-
зательному страхованію, наравнѣ съ промышленными рабочими. Такое же
право предоставлено каждой общинѣ для сельскихъ рабочихъ ея тѣснѣ.

*) Мы называемъ здѣсь только главныя категоріи, чтобы не утомлять перечис-
леніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ видовъ наемнаго труда, какъ: упаковщики, нагрѣвныя
и т. п., включенныхъ въ обязательное страхованіе новеллой 1885 г.

***) Бисмаркъ, защищавшій точку зрѣнія патріархальности и ссылавшійся на об-
стоятельный помѣщичій опытъ, долженъ былъ потомъ, когда рѣчь шла о распростра-
неніи *Alters- und Invalidenversicherung* на сельскихъ рабочихъ, просить и даже по-
пытаться своимъ собратямъ-помѣщикамъ на правой сторонѣ рейхстага: „Я былъ членомъ
консервативной партіи,—сказалъ онъ,—когда она еще именовалась фракціей Ста-
мы тогда не оказывали правительству оппозиціи въ денежныхъ вопросахъ, а спра-
шивали только, какія мѣры содѣйствуютъ упроченію государства и монархіи? Ва-
шъ аптекарскіе счета мы не пускались“ (*Poschinger: „Dokumente“* etc., Bd. V, p. 217).

Иона. Въ какой мѣрѣ общины воспользовались своимъ правомъ, для зѣта на это у насъ нѣтъ достаточнаго матеріала. Путемъ частныхъ опро- зъ намъ удалось только убѣдиться, что такихъ общинныхъ статутонъ много. Изъ союзныхъ государствъ, однако, Саксонія, Баденъ и Гессенъ- рмштадтъ въ 1886 г. подчинили сельскихъ рабочихъ обязательному стра- занію наравнѣ съ рабочими въ промышленности; въ Баваріи и Вюртем- ргѣ для сельскихъ рабочихъ, какъ и для всѣхъ прочихъ наемныхъ лю- ѣ, на которыхъ не распространено было дѣйствіе имперскаго страхова- на случай болѣзни, какъ, напримѣръ, домашняя прислуга, сохранено расширено уже раньше существовавшее общинное страхованіе на случай гѣзни. Оно не должно быть смѣшано съ общинною помощью изъ средствъ цественнаго призрѣнія, потому что баварскія и вюртембергскія общины даютъ пособія заболѣвшимъ на основаніи уплаченныхъ взносовъ и безъ каго унижительнаго характера помощи бѣднымъ.

Къ приведеннымъ категоріямъ: обязательно страхуемыхъ отъ болѣз- , перечисленныхъ въ законѣ, и сельскихъ рабочихъ, подчиненныхъ обя- гельному страхованію на основаніи территориальныхъ законовъ, при- диняется та, которая можетъ быть подчинена страхованію по распо- женію имперскаго канцлера, мѣстныхъ правительствъ или постановле- мъ общины въ статутѣ. Канцлеръ и отдѣльныя правительства могутъ ючать въ число обязательно страхуемыхъ всѣхъ служащихъ въ госу- ственныхъ предпріятіяхъ или государственныхъ вѣдомствахъ, не входя- хъ въ первую, точно обозначенную категорію, насколько они по службѣ имѣютъ правъ на пособіе, соотвѣтствующее тому, которое предусмотрѣно ономъ для рабочихъ. Общинные же статуты могутъ распространить обя- гельное страхованіе отъ болѣзни: на сельскихъ рабочихъ, если это не лано мѣстнымъ правительствомъ для всей территоріи; на кустарей-хо- вь, на прикащиковъ и учениковъ въ торговыхъ заведеніяхъ, хотя бы и общимъ закономъ были освобождены отъ страхованія; на служащихъ и работающихъ въ общинѣ и общинныхъ предпріятіяхъ; на членовъ ыи предпринимателя (мелкаго), работающихъ не по найму, и, наконецъ, всѣхъ наемныхъ рабочихъ, не имѣющихъ прочихъ занятій. При тѣс- ѣ связи страхованія съ опредѣленнымъ заработкомъ, законъ имѣетъ въ цу наемныхъ рабочихъ, работающихъ на одномъ мѣстѣ, по крайней рѣ, недѣлю. Бродячій элементъ, чернорабочіе и поденщики въ тѣсномъ клѣ слова, попрежнему остаются не обезпеченными и зависящими отъ цественнаго призрѣнія, если общины не воспользуются своимъ пра- гь—издать для нихъ особые статуты.

Изъятія изъ круга застрахованныхъ, о которыхъ мы говорили выше, большей части основываются на справедливомъ предположеніи, что нѣтъ юбности обязывать тѣхъ, которые и теперь уже обезпечены на случай гѣзни. Безусловно освобождены всѣ служащіе на государственной или цественной службѣ и всѣ работающіе въ предпріятіяхъ государства, са- правленія и въ судоходствѣ, если они по службѣ и занятіямъ имѣютъ

право или на получение прежнего заработка, или на пособие, неступающее минимуму пособия изъ страховыхъ кассъ въ теченіе 3 мѣсяць (13 недѣль).

Служащіе и рабочіе у частныхъ предпринимателей съ такими же правами на продолженіе жалованья или пособіе освобождаются отъ страхованія только *по ихъ заявленію* и если нѣтъ сомнѣнія въ платежеспособности хозяина. *По представленію хозяевъ* освобождаются также ученики, имѣющіе право получать во время болѣзни помощь и пособіе отъ хозяина совершенно другіе мотивы повели къ изъятіямъ для безработныхъ, временно находящихъ пріютъ въ рабочихъ колоніяхъ и т. п. филантропическихъ учрежденіяхъ: эти учрежденія освобождены отъ страхованія, такъ какъ законъ разсуждаетъ, что люди этой категоріи въ случаѣ болѣзни—существенные питомцы общественнаго призрѣнія. Очень сходны съ этими мотивы, которыми руководствовался законъ, допуская освобожденіе отъ страхованія увѣчныхъ, хронически-больныхъ, стариковъ. Они были бы мученіемъ для кассъ и, все-таки, обречены на общественное милосердіе.

Упомянемъ еще о сравнительно-мелкомъ, но, безъ сомнѣнія, основанномъ на заблужденіи, изъятіи: фармацевты и аптекарскіе ученики и подлежатъ страхованію. Законодатель, очевидно, думалъ, что они не принадлежатъ къ пролетаріату. Въ дѣйствительности же, въ особенности при сохраненіи аптечной концессіи, фармацевты, по крайней мѣрѣ, такіе же, въ большинствѣ случаевъ, пролетаріи, какъ прикащики съ жалованьемъ менѣе 2,000 марокъ, которыхъ законъ считалъ нужнымъ застраховать.

Изъ трехъ осуществленныхъ до сихъ поръ видовъ страхованія: на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ и неспособности къ труду или старости, въ законѣ страхованія отъ болѣзни *принципъ принужденія* идетъ не такъ далеко, какъ въ обоихъ другихъ. Законъ обязываетъ извѣстную категорію лицъ быть застрахованными на случай болѣзни, но онъ не идетъ такъ далеко, чтобы обязать ихъ принадлежать непременно къ опредѣленной страховой кассѣ. Большинство имѣетъ выборъ. На этомъ основаніи можно сказать, что принципъ страхованія на случай болѣзни:—*Kassenzwang*, или *Zwangkasse*.

Отчасти это находится въ связи съ тѣмъ, что законъ о страхованіи на случай болѣзни былъ первымъ въ ряду страховыхъ законовъ, такъ что ему больше другихъ приходилось считаться съ предубѣжденіемъ противъ принужденія. Но это лежитъ и въ свойствѣ самого дѣла. Принужденіе можетъ быть оправдано только необходимостью, оно не *Selbtzweck*, и безъ него можно обойтись, манчестерецъ и социалистъ готовы бороться объ руку противъ бюрократіи. Добровольное страхованіе и обязательное страхованіе на основаніи мѣстныхъ статутовъ привели лишь къ тому, что половина рабочихъ были застрахованы. Чтобы застрахованы были всѣ, нуженъ былъ *Kassenzwang*, нужно было, чтобы государство заявило: *важнѣйшій рабочій въ такихъ-то промыслахъ долженъ быть застрахованъ. И гдѣ ему быть застрахованнымъ, это, въ сущности, для государства вторично*

еженный вопросъ, если только кассы представляютъ достаточно гарантий своей прочности.

Не зачѣмъ было также разрушать тысячи кассъ, существовавшихъ до введенія обязательнаго страхованія. Если бы рѣчь шла о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ или инвалидности, тогда, конечно, ими пришлось бы пожертвовать: государство, провозглашая обязательность всеобщаго страхованія и принуждая платить, дѣлать взносы, не можетъ предоставить такіа ложныя и опасныя операціи всякой частной кассѣ. Взрывъ парового котла сдааетъ иногда сотню жертвъ, гдѣ же маленькой кассѣ справиться съ такою обязанностью? То же самое въ страхованіи на старость и неспособность къ труду: это сложная техническая операція, требующая распредѣленія риска въ большое число лицъ и какъ мы увидимъ, не исполнимая безъ прямой государственной субсидіи. Страхованіе отъ болѣзни скромнѣе и проще. Для него достаточно небольшого числа лицъ и мѣстной организаціи. Товарищи другъ друга легче могутъ контролировать. Участіе въ управленіи кассой—цѣль изъ элементовъ свободной дѣятельности рабочаго, развивающій и поднимающій его въ собственныхъ глазахъ.

Исходя, такимъ образомъ, изъ принципа обязательности страхованія, законъ предоставилъ существовавшимъ раньше вольнымъ кассамъ, подчинившимся закону 1876 г. и приобрѣвшимъ права регистрованныхъ «вспомогательныхъ кассъ», или же существовавшимъ на основаніи отдѣльныхъ, не импергерманскихъ постановленій, возможность дальнѣйшаго существованія. Однако, бюрократизмъ и недоувѣріе къ вольной дѣятельности рабочихъ, все-таки, очень замѣтно выразились въ законѣ. Въ вольной кассѣ, если она удовлетворяетъ всеѣмъ требованіямъ относительно помощи при болѣзни, рабочій можетъ остаться, принадлежность къ ней освобождаетъ его отъ участія въ другихъ предусмотрѣнныхъ закономъ страховыхъ кассахъ, но онъ долженъ платить всю страховую премію, тогда какъ въ другихъ кассахъ премія закономъ возложена на предпринимателей. Кроме того, установлена презумпція, что рабочій не принадлежитъ къ вольной кассѣ, пока онъ этого не заявилъ и не потребовалъ освобожденія отъ взносовъ въ другія кассы, и не во всякое время онъ это можетъ сдѣлать, а только въ извѣстные сроки. Существованіе вольныхъ кассъ только терпятъ, особенно послѣ новеллы 1892 года *).

*) Кулеманъ (Kulemann, судья и бывший нац.-либ. депутатъ) (*Die Reform in der Socialversicherung. Schmoller's Jahrb.* 1894. 3 ч., 14 Heft, также отдѣльною книжкою) совершенно справедливо замѣчаетъ, что образъ дѣйствій правительства по отношенію къ вольнымъ кассамъ носитъ вольный отпечатокъ бюрократической неприязни ко всему, что не укладывается въ шаблонныя рамки, въ начерченную схему. Тутъ проявляется непониманіе этическихъ достоинствъ самостоятельности, не только не идущей, но дополняющей созданіе законодательства (Р. 160—161). Требованиями новеллы къ закону о страхованіи на случай болѣзни, касающимся вольныхъ кассъ, имъ, наприм., запрещеніемъ замѣнять медицинскую помощь дополнительною денежною помощью или постановленіемъ, чтобъ заработная плата исчислялась не по мѣсту явленія кассы, а по мѣсту жительства страхователя, и нѣкот. друг., бюрократія истинительно успѣла оузнить дѣятельность вольныхъ кассъ.

Какія же это другія кассы, излюбленныя законом? Прежде итъ, Ortskrankenkassen, мѣстныя кассы. Если община не велика и числу рабочихъ немного, касса учреждается для всѣхъ живущихъ въ ней въ бочихъ. Въ большихъ городахъ, въ промышленныхъ центрахъ, рабѣ отдѣльныхъ промысловъ могутъ, наоборотъ, учредить свои отдѣльныя мѣстныя кассы, но для этого нужно, по крайней, мѣрѣ 100 членовъ Ortskasse отличается отъ вольной кассы тѣмъ, что открытіе ея производится общинною властью, статутъ вырабатывается общинной и въ управленіи кассой предоставляется участіе предпринимателямъ, которые за обязаны платить $\frac{1}{2}$ премій за своихъ рабочихъ. Общее собраніе членовъ кассы и хозяевъ или ихъ представителей выбираетъ правленіе кассы. Однако, какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ правленіи предприниматели не должны имѣть больше $\frac{1}{2}$ голосовъ. Кроме того, вольная касса можетъ принять кого ей угодно и отказывать въ приѣмѣ членовъ, тогда какъ мѣстная касса обязана принять всякаго рабочаго въ данной мѣстности, подлежащаго обязательному страхованію. Если въ общинѣ, гдѣ есть Ortskasse, нѣтъ специальныхъ фабричныхъ, цеховыхъ, горныхъ или строительныхъ кассъ и если рабочій не заявилъ, что онъ причисленъ къ вольной кассѣ, то онъ ео ipso, тѣмъ самымъ, что вступилъ на должность считается застрахованнымъ въ «мѣстной» кассѣ. Последнія, следовательно, вынуждены принимать членовъ, которые, очевидно, станутъ для нихъ тяглымъ ношей: больныхъ, слабыхъ, старыхъ, тогда какъ вольная касса отъ нихъ можетъ отдѣлаться. Принципъ профессиональности не обязательна, однако, для мѣстныхъ кассъ; если въ городѣ нѣсколько сотъ подлежащихъ страхованію портныхъ, сапожниковъ, слесарей и т. п., то они всѣ вмѣстѣ сходятся въ одной общей Ortskasse. Выставляя обязательнымъ принципомъ только мѣстность, требуя, чтобы застрахованный не долженъ былъ ждать помощи издалека, законъ, однако, имѣетъ въ виду, что по возможности страхованіе будетъ организовано и на профессиональномъ началѣ. Въ дѣйствительности это не осуществлено даже во всѣхъ мѣстныхъ мѣстахъ. Правда, въ Берлинѣ столяры имѣютъ свои Tischlerkassen, маляры свои и т. д., но въ Лейпцигѣ, Дрезденѣ и многихъ другихъ городахъ въ одной «мѣстной» кассѣ соединены десятки тысячъ рабочихъ различныхъ профессій. Наиболѣе отчетливо профессиональный характеръ страхованія на случай болѣзни выступаетъ, однако, въ фабричныхъ, цеховыхъ, горнозаводскихъ и строительныхъ кассахъ.

Еще до введенія обязательнаго страхованія на основаніи закона 1884 года въ Германіи было очень много *фабричныхъ кассъ*. Законъ не только допустилъ ихъ, подобно вольнымъ кассамъ, но призналъ ихъ однимъ изъ основныхъ формъ страхованія на случай болѣзни, поставивъ Betriebs- и Fabrikkrankenkassen рядомъ съ Ortskassen и снабдивъ ихъ одинаковыми привилегіями. Если работа на фабрикѣ сопряжена съ особенно сильною заболѣваемостью, предприниматель даже можетъ быть принужденъ устроить для своихъ рабочихъ особую кассу. По представленіи администраціи мѣст-

И кассы или общины, принужденію къ основанію собственной фабричной кассы можетъ быть подчиненъ всякій фабрикантъ или заводчикъ, у котораго работаетъ болѣе 50 человѣкъ. Такой предприниматель всегда вправѣ новать собственную кассу, если его къ тому и не принуждаютъ. Мала фабрика, на которыхъ работаютъ менѣе 50 человѣкъ, лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ учредить собственную фабричную кассу, если высшею администраціей признана будетъ платежеспособность кассы. Рабочій становится членомъ такой кассы съ момента поступленія на фабрику. Почти одинаковы содержаніе и администрація строительныхъ кассъ (Bauekrankenkassen), предусмотрѣнныхъ для рабочихъ при большихъ постройкахъ. Единственная разница только та, что такія строительныя кассы временныя, пока длится остройка.

О кассахъ страхованія при ремесленныхъ корпораціяхъ (Innungen) мы уже упоминали: онѣ не созданы новымъ закономъ, а существовали уже раньше и оставлены только въ силѣ. То же самое относится къ Кнарршафтен, ассамблеямъ горнорабочихъ. Тѣ и другія включены только закономъ въ общую систему страхованія. Кассы ремесленныхъ корпорацій даже не самостоятельныя юридическія лица, а только учрежденія при юридическомъ лицѣ — корпораціи. Остается упомянуть еще о послѣдней формѣ страхованія на случай болѣзни — общинныхъ кассахъ, Gemeinde Krankenversicherung. Эта форма въ законѣ фигурируетъ на первомъ мѣстѣ, въ дѣйствительности же ей принадлежало послѣднее, потому что она предусмотрѣна лишь на тотъ случай, что рабочіе, по закону подчиненные страхованію, не попадутъ ни въ одну изъ перечисленныхъ нами кассъ. Это бываетъ или въ маленькихъ общинахъ, или же когда рабочій, по характеру своей профессіи, не можетъ быть включенъ ни въ одну изъ специальныхъ кассъ.

Такимъ образомъ, въ современной постановкѣ страхованія германскихъ рабочихъ на случай болѣзни 7 различныхъ типовъ и наименованій страховыхъ кассъ: мѣстныя кассы (Ortskrankenkassen), фабричныя кассы, кассы рудокоповъ, кассы ремесленныхъ корпорацій, кассы при строительныхъ работахъ, вольныя кассы и, наконецъ, какъ послѣднее убѣжище, страхованіе при мѣстномъ общинномъ правленіи. Другъ съ другомъ эти различные типы кассъ не имѣютъ связи, каждая дѣйствуетъ независимо, въ своей организаціи онѣ другъ отъ друга отличаются очень существенно, а что касается оказываемой кассами помощи, то въ законѣ предусмотрѣнъ минимумъ обязательной помощи больнымъ, но не выставлено обязательное нивелированіе помощи. Въ дѣйствительности пособія далеко не одинаковы. Не одинаковы и взносы.

Начнемъ со взносовъ и пособій. Они ниже всего въ общинномъ страхованіи. Премія, уплачиваемая на $\frac{2}{3}$ рабочими и $\frac{1}{3}$ предпринимателями, не должны превышать 2% (обыкновенно 1½ процента) обычной заработной платы обыкновеннаго поденщика данной мѣстности. При изслѣдованіи заработной платы въ Германіи, въ цѣляхъ страхованія такой средней заработной платы въ 1884 г. былъ установленъ на 10 лѣтъ для различныхъ мѣст-

ностей Германіи; онъ колеблется между 75 пф. и 3 марками въ день. Убогимъ восточныхъ провинцій Пруссіи, гдѣ обычный заработокъ чернорабочаго рѣдко превышаетъ 1 м. въ день, приходится платить при общинномъ страхованіи всего 6—7 пф. въ недѣлю, ихъ хозяевамъ—3—4 пф. За п и пособія болѣе чѣмъ скромныя, такъ какъ и они выдаются не соотвѣственно дѣйствительному заработку заболѣвшаго, а въ дробяхъ фактнаго средняго заработка поденщика. Помощь состоитъ въ предоставленіи врача, медикаментовъ и, если болѣзнь заставляетъ не работать, въ выдачѣ 50% того же обычнаго, въ сущности, минимальнаго заработка. Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, кое-гдѣ въ Баваріи, Саксоніи и Вюртембергѣ это сводится къ 50—60 пф. пособія въ день, при которомъ больной только что не умираетъ съ семьей съ голоду. Въ Берлинѣ это—1 м. 20 пф., въ Килѣ, Бременѣ—отъ 1 м. 30 пф. до 1 м. 50 пф. въ день. Роженицы, получающія въ другихъ кассахъ пособія въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 4-хъ недѣль, при общинномъ страхованіи ничего не получаютъ. Пособія на погребеніе община тоже не даетъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ она имѣетъ возможность постановленіемъ статута повысить помощь больнымъ, но за то ей предоставлено право—вовсе не выдавать помощи или уменьшить помощь такимъ больнымъ, которые причинили себѣ болѣзнь вслѣдствіе пьянства, участія въ дракахъ и половомъ раснущенностью.

Гораздо лучше условія премій и пособій въ мѣстныхъ, фабричныхъ, ремесленно-корпоративныхъ и строительныхъ кассахъ; въ нихъ находится и гораздо большее число рабочихъ, чѣмъ въ общинныхъ. Законъ предоставляетъ имъ довольно широкое право въ опредѣленіи взносов и пособій собственными статутами, но послѣдніе должны, все-таки, придерживаться минимальныхъ и максимальныхъ границъ, указанныхъ относительно этого закономъ. Всѣ эти кассы должны давать своимъ членамъ не только пособіе при болѣзни, но и единовременное пособіе на погребеніе въ разнѣхъ не менѣе 20-ти кратнаго обычнаго поденнаго заработка въ вышеуказанномъ смыслѣ и пособіе роженицамъ въ теченіе 4-хъ недѣль послѣ родовъ*)

Какъ при опредѣленіи премій, такъ и при выдачѣ пособій въ основаніе положенъ не заработокъ простаго поденщика, а средній заработокъ той категоріи труда, къ которой принадлежатъ застрахованные; этотъ средній заработокъ не принимается, однако, въ расчетъ болѣе, какъ 3 марками въ день. Кассамъ предоставлено право еще болѣе специализировать въ своихъ уставахъ взносы и пособія, внося раздѣленіе рабочихъ одной и той же кассы и группамъ заработковъ, но не выше заработка въ 4 м. въ день. При утѣжденіи кассы, премій только тогда должны превышать 3% средняго заработка рабочихъ данной категоріи (съ заработка не выше 3 марокъ), если это необходимо для оказанія минимума пособій, указаннаго въ законѣ. Поим

*) Въ правительственномъ проектѣ пособіе должно было оказываться только при законныхъ бракахъ; рейхстагъ, однако, вычеркнулъ это ограниченіе. Оно сохранилось только относительно сельскихъ работницъ, не получающихъ помощи при небрачныхъ родахъ.

асы могутъ увеличить преміи до $4\frac{1}{2}$ процентовъ заработка; но если это необходимо для оказанія минимума законнаго пособія, то поднятіе пре- до $4\frac{1}{2}$ процентовъ разрѣшается только въ томъ случаѣ, если на это класны какъ члены кассы—рабочіе, такъ и представители предпринима- ей. Дѣло въ томъ, что предприниматели обязаны платить $\frac{1}{2}$ премій и отвѣтственно своимъ взносамъ имѣютъ вліяніе на установленіе высоты смій.

Какъ и при общинномъ страхованіи, рабочіе, застрахованные въ мѣст- хъ, фабричныхъ, ремесленныхъ или строительныхъ кассахъ, имѣютъ право даровую медицинскую помощь (врачъ, медикаменты, медицинскіе аппа- ты, какъ биндажи, очки и т. п.) съ момента заболѣванія и, въ случаѣ гѣзни, мѣшающей работать, на 50% средняго заработка съ третьяго дня гѣзни въ продолженіе 13 недѣль. Пособіе тутъ, какъ и тамъ,—50%, но общинномъ пособіи 50% заработка чернорабочаго составляютъ, по боль- ой части, гроши, въ другихъ же кассахъ они болѣе или менѣе прибли- ются къ половинѣ дѣйствительнаго заработка. Опытъ, во всякомъ слу- ѣ, показалъ, что помощь мѣстныхъ, фабричныхъ и проч. кассъ не- авненно дѣйствительнѣе и щедрѣе общинной помощи. Многія фабричныя ѣкоторыя мѣстныя кассы вышли за рамки минимума, требуемаго зако- мъ, и увеличили помощь экстензивно, предоставляя ее не съ 3-го, а съ го дня болѣзни и выдавая ее не въ теченіи 3 мѣсяцевъ, а долѣе (за- ѣ разрѣшаетъ до 1 года), и интензивно, выдавая, какъ это позволяетъ вонъ, не 50, а до 75% заработной платы, оказывая роженицамъ по- щь не въ теченіе 4, а 6 недѣль, увеличивая пособіе на погребеніе до ѣка кратнаго размѣра заработка.

По отношенію къ холостымъ своимъ членамъ, не живущимъ въ семьѣ, асы пользуются правомъ замѣнять пособіе помѣщеніемъ въ больницѣ. Семейные и женатые только въ томъ случаѣ подчинены этому постановле- ю, когда по роду заболѣванія нуженъ уходъ и питаніе, котораго боль- ой дома не можетъ имѣть. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ семейныхъ жно послать въ больницу только съ ихъ собственнаго согласія. Какъ мостые, поддерживающіе родителей, такъ и женатые и замужнія при ыльничномъ пользованіи имѣютъ право на то, чтобы половина обязатель- ого пособія предоставлена была ихъ семьямъ. Кассы могутъ постановить ѣ своихъ уставахъ, чтобы и тѣ больные, которые не имѣютъ никого на юихъ рукахъ, получали, лечась въ больницѣ, $\frac{1}{2}$ пособія деньгами на ырманые расходы. Кассамъ, однако, предоставлено, съ другой стороны, ѣ же право, что общинѣ, относительно больныхъ, вызвавшихъ болѣзнь згуломъ, алкоголизмомъ и участіемъ въ дракахъ. Что касается медицин- ой помощи, то хотя кассы обязаны предоставлять ее лишь своимъ чле- мъ, очень многія изъ нихъ распространяютъ ее и на семьи членовъ.

Задача страхованія—освобожденіе рабочаго отъ унижительнаго призра- ѣ въ качествѣ публичнаго нищаго. Если, тѣмъ не менѣе, онъ пользуется ыщественнымъ призраченіемъ, будучи застрахованъ въ кассѣ, то призра-

вающая его община вправе предъявить къ страховой кассѣ требованіе о возвратѣ выданныхъ ею (общиной) пособій. Съ другой стороны, если страхованіе имѣютъ право (хотя онѣ могутъ и не пользоваться этимъ правомъ) сократить пособіе тѣмъ своимъ членамъ, которые добровольно и страховали себя на случай болѣзни въ другихъ учрежденіяхъ, но въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда общая сумма получаемыхъ больнымъ пособій, от обязательнаго и добровольнаго страхованія, превышаетъ полный средній заработокъ въ данной профессіи.

Страхованіе, какъ мы видѣли, составляетъ обязанность, связанную принадлежностью къ извѣстной профессіи. Пока рабочій работаетъ на фабрикѣ, у ремесленника, въ кояхъ и т. д., онъ застрахованъ, на случай болѣзни, со вступленія на работу до прекращенія наемныхъ отношеній. В такомъ же состояніи находится прикащикъ или конторщикъ съ жалованьемъ менѣе 2,000 марокъ. Хотя главная тяжесть взносовъ лежитъ на работчѣ, но формально принужденіе закона направлено противъ предпринимателя: хозяинъ подъ угрозой штрафа долженъ заявить кассѣ о какомъ домъ вновь поступившемъ на работы, хозяинъ же вноситъ въ кассу всѣ преміи, вычитая $\frac{2}{3}$ изъ жалованья рабочаго. Благодаря принужденію, рабочій хотя сколько-нибудь обезпеченъ. Но если у него нѣтъ работы? Вотъ это и есть самая больная сторона всей организаціи, давши болѣе умнымъ противникамъ, какъ Brentano, поводъ выступить противъ обязательнаго страхованія. Brentano, какъ мы покажемъ въ заключеніи до крайности преувеличилъ значеніе аргумента, лежащаго въ безработицѣ кризисахъ, но этотъ аргументъ, все-таки, очень существенъ. Законодательство сдѣлало попытку смягчить слабый пунктъ, чуть-чуть заполнить брешь, предоставивъ, во-первыхъ, всѣмъ рабочимъ, оставленнымъ занятіе, чтобы поступить на военную службу, и всѣмъ рабочимъ, профессія которыхъ связана съ періодическими перерывами, право во всякое время вернуться въ кассу. Это имѣетъ значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда кассы требуютъ отъ вновь поступающихъ единовременныхъ взносовъ (законъ разрѣшаетъ это въ размѣрѣ до 6-ти недѣльныхъ премій) или обуславливаютъ выдачу пособій принадлежностью къ страховой кассѣ въ теченіи 6 мѣсяцевъ. Большинство кассъ въ дѣйствительности не знаетъ ни какихъ ограниченій (такъ называемой *Kasenz*), ни единовременныхъ взносовъ.

Существеннѣе вторая уступка, вызванная безработицей. Статья 28-го закона гласитъ: «Члены кассы, которые потеряли работу (*welche erwerbslos werden*), сохраняютъ въ теченіе безработицы, но не дольше, чѣмъ они принадлежали къ кассѣ, и ни въ какомъ случаѣ не дольше, какъ въ теченіе 3 недѣль право требовать отъ кассы минимумъ пособій, установленный закономъ. Смыслъ этого постановленія тотъ, что рабочій, если онъ, потерявъ работу, заболѣетъ въ теченіе первыхъ 3 недѣль, все еще считается какъ бы членомъ кассы и имѣетъ право на минимумъ пособія не въ теченіе 3, а 13 недѣль, какъ это требуетъ законъ для всѣхъ членомъ кассъ *). Эта привилегія

*) См. комментарий Wödtke.

щество, однако, для рабочихъ, застрахованныхъ въ общинѣ, хотя той общинѣ, по большей части, приходится призрѣвать неимущихъ большъ на суммы общественнаго призрѣнія. Не имѣетъ указанной льготы рабочій, оставшійся безъ работы болѣе 3 недѣль, если онъ не прожилъ добровольно платить страховую премію. Въ этомъ отношеніи агонпріятнѣе условія въ вольныхъ, «записанныхъ» вспомогательныхъ кассахъ: онѣ сохраняютъ за своими членами право на пособіе въ теченіе мѣсяцевъ по выходѣ изъ кассы. Хотя по закону онѣ обязаны лишь вать пособіе въ размѣрѣ пособій общиннаго страхованія, но въ дѣйствительности онѣ даютъ гораздо больше. Это одна изъ причинъ, побуждающая болѣе интеллигентныхъ и привилегированныхъ рабочихъ предпочесть льную кассу мѣстной, хотя этимъ они лишаются права на субсидію со ороны предпринимателей въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ премій. Другая, еще болѣе ипатичная въ глазахъ рабочихъ черта—та, что въ вольныхъ кассахъ и сами господа, самостоятельные распорядители.

Не надо, впрочемъ, думать, чтобы въ другихъ кассахъ рабочіе не имѣли аба голоса. Законъ признаетъ во всѣхъ кассахъ рабочихъ распорядителями а и запрещаетъ предоставлять хозяевамъ больше вліянія, чѣмъ это соотвѣтвуетъ размѣру ихъ взносовъ. Распорядители кассъ на $\frac{2}{3}$ изъ рабочихъ и не ьше какъ на $\frac{1}{3}$ отъ хозяевъ; то же самое на общихъ собраніяхъ, въ котохъ рабочіе, члены кассы, какъ вдвое больше платящіе, имѣютъ и вдвое ьше голосовъ. Мы имѣемъ при этомъ въ виду два главныхъ класса кассъ, аставленныхъ новымъ законодательствомъ: мѣстную и фабричную кассу. бщинное страхованіе вообще лишено всякаго представительства, оно— инь изъ придатковъ мѣстнаго самоуправления; общинная касса страховаія—даже не самостоятельное юридическое лицо. Корпоративно-ремесленные а Krankenkasen, точно такъ же какъ и Knappschaften горнорабочихъ,—не родуктъ новаго законодательства. Законъ только признаетъ ихъ, какъ учжденія, соотвѣтствующія той цѣли, которую онъ задался.

Какъ мы уже сказали, мѣстная касса учреждается общиной, если въ ней не енѣ 100 подлежащихъ страхованію рабочихъ. Общинныя власти вырабатыаютъ уставъ кассы, приглашая при этомъ хозяевъ и рабочихъ сдѣлать свои мѣчанія. Затѣмъ сзывается общее собраніе членовъ. Правомъ голоса пользуются всѣ совершеннолѣтніе застрахованные не опороченные судомъ. Въ еболшихъ кассахъ на общемъ собраніи непосредственно участвуютъ всѣ члены кассы, въ очень большихъ, съ тысячами членовъ, это фактически невозможно; если членовъ кассы болѣе 500, то происходитъ замѣстительство, на общихъ обраніяхъ, делегатами, выбранными рабочими. Общее собраніе назначаетъ олжностныхъ лицъ (Vorstand), завѣдующихъ дѣломъ кассы (причемъ выюры происходятъ отдѣльно отъ предпринимателей и рабочихъ), провѣряетъ годовые отчеты, предпринимаетъ измѣненія въ статутахъ кассы, прездѣдуетъ интересамъ кассы противъ должностныхъ ея лицъ. Последнія веуть дѣла совершенно такъ, какъ директора частныхъ обществъ или кассъ.

Въ городахъ съ населеніемъ болѣе 10,000 жителей надзоръ за кассами порученъ общинамъ, въ другихъ это обязанность администраціи.

Организація *фабричныхъ* и строительныхъ кассъ въ нѣсколькихъ существенныхъ пунктахъ имѣетъ свои особенности. Уставъ ихъ составляется не общиной, а фабрикантами, и утверждается администраціей. Предприниматель и въ этихъ кассахъ имѣетъ не болѣе $\frac{1}{3}$ голосовъ, но можетъ, однако, сохранить за собою или своимъ уполномоченнымъ председательство въ правленіи кассы. За то онъ и обязанъ нести всѣ расходы и счетоводству и управленію.

Понятно, что фактически не только въ отдѣльныхъ фабричныхъ кассахъ, но и въ мѣстныхъ кассахъ вліяніе предпринимателей можетъ быть очень замѣтно. Этимъ и объясняется стремленіе лучше зарабатывающихъ рабочихъ избѣгнуть опеки и остаться въ вольной кассѣ. Нерѣдко такіе рабочіе одновременно принадлежать и къ вольной, и къ фабричной кассѣ.

Не входя въ дальнѣйшія детали организаціи кассъ и постановленій о правахъ и обязанностяхъ страхующихъ и застрахованныхъ, мы приведемъ только постановленія закона, которыя касаются отношенія премій къ пособіямъ и вопроса о существованіи кассы, если между взносами и пособіями оказывается несоотвѣтствіе. При общинномъ страхованіи вопроса о прекращеніи кассы ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть: если приходъ не покрываетъ расходовъ, община приплачиваетъ изъ собственныхъ средствъ, притесняющихъ изъ другихъ источниковъ. Законъ предоставляетъ общинамъ только одинъ выходъ: если она мала или слаба, она можетъ соединиться съ сѣдними общинами, если тѣ этого пожелаютъ. Рискъ, раскладываемый на большее число лицъ, не такъ великъ. Что касается другихъ кассъ, то, въ случаѣ дефицита, онѣ имѣютъ возможность довести премію до $4\frac{1}{2}$ процентовъ. Кромѣ того, законъ обязываетъ мѣстныя, какъ и фабричныя, ремесленно-корпоративныя, строительныя и вольныя кассы составить себѣ резервный фондъ, въ который отчисляется $\frac{1}{10}$ премій, пока фондъ не достигнетъ, въ крайней мѣрѣ, постановленіемъ въ уставѣ кассы, размѣра среднихъ годовыхъ издержекъ (на пособія, управленіе и проч.). Фондъ можетъ быть иведенъ до размѣра расходовъ въ теченіе 2 лѣтъ. Если этихъ гарантій, все-таки, будетъ недостаточно и при максимумѣ допускаемой закономъ преміи ($4\frac{1}{2}$ процента), мѣстная касса, одна или въ союзѣ съ другою, не въ состояніи существовать, то она закрывается и члены ея переходятъ въ общинное страхованіе: это — послѣднее убѣжище; равныя кассы, обыкновенно дающія больше минимума, сокращаютъ размѣръ пособій. Въ фабричныхъ кассахъ прекращеніе дѣятельности возможно и другимъ причинамъ: если закрылась сама фабрика, если на фабрикѣ числ рабочихъ опустилось ниже 50 и фабрикантъ при этомъ не предоставилъ достаточно гарантій своей кредито-способности. Изъ-за несоотвѣстности между взносами и платежами ни фабричныя, ни строительныя, ни ремесленные кассы не могутъ прекратить своего существованія. Если премія доведена до максимума и платежи превышаютъ доходы, то недостающія суммы

срываются въ фабричныхъ и строительныхъ кассахъ предпринимателями въ собственныхъ средствъ, въ ремесленныхъ—корпорацией, цехомъ.

Вольныя кассы взаимопомощи могутъ закрыться и добровольно, по повелѣнію общаго собранія, принятому $\frac{4}{5}$ голосовъ. Въ этомъ случаѣ эны ихъ перечисляются или въ мѣстную, или въ общинную, или въ одну изъ другихъ кассъ, отъ принадлежности къ которой они были освобождены основаніи своей принадлежности къ вольной, признанной закономъ, кассѣ.

Для сѣвера типичныя кассы—мѣстныя и фабричныя, для юга Германіи—общинное страхованіе. Здѣсь ясно выражается привычка, традиція: въ Баваріи, Вюртембергѣ, Баденѣ община издавна включала въ число своихъ обязанностей пособіе при болѣзни не въ формѣ общественной милостыни (слѣдствія—обязанность общины во всей Германіи), а какъ право больнаго, пріобрѣтенное собственными взносами и взносами хозяевъ. Послѣ распространенія обязательнаго страхованія на всю Германію, форма общиннаго страхованія осталась преобладающей на югѣ, приспособившись къ требованіямъ новаго закона. Въ своей прежней формѣ общинное страхованіе сохранилось на югѣ безъ измѣненія для одной очень большой категоріи наемнаго люда—для домашней прислуги.

Наглядно различіе между распредѣленіемъ кассъ на сѣверѣ и югѣ обнаруживается изъ сравненія ближайшей дѣйствительности въ Баваріи, съ одной стороны, и Саксоніи, наприм., съ другой. Изъ 4,665 кассъ, насчитанныхъ въ Баваріи къ 1 января 1893 года, 4,128—общинныя, 50—мѣстныя, 478—фабричныя, 34—вольныя. По числу застрахованныхъ лицъ значеніе общинныхъ кассъ не столь подавляющее, но въ нихъ все же больше половины всѣхъ застрахованныхъ: изъ 586 тысячъ—348 тысячъ человекъ. Въ фабричныхъ кассахъ застраховано свыше 140, въ мѣстныхъ только 9 тысячъ.

Совершенно другое распредѣленіе членовъ и отношеніе кассъ въ Саксоніи. Изъ 2,290 кассъ къ концу 93 года только 714, около трети, общинныя. Фабричныхъ кассъ абсолютно больше—781, затѣмъ слѣдуютъ: 50 мѣстныхъ кассъ, 188 вольныхъ, 57 ремесленно-цеховыхъ и 1 строительная. Однако, еще гораздо рѣзче различіе между сѣверомъ и югомъ обнаруживается въ распредѣленіи членовъ кассъ. Изъ 843,835 застрахованныхъ саксонцевъ только 146,072 въ общинныхъ кассахъ, тогда какъ въ мѣстныхъ кассахъ—427,090, т.е. болѣе 50%, всѣхъ. Даже въ фабричныхъ кассахъ больше членовъ, чѣмъ въ общинныхъ,—183,147. Въ вольныхъ кассахъ только около 77 тысячъ.

Во всей Германіи изъ приблизительно $7\frac{1}{2}$ милл. застрахованныхъ отъ болѣзни въ 1892 г. почти 3 милл. застрахованы въ Ortskrankenkassen, $1\frac{3}{4}$ милл. въ фабрично-заводскихъ кассахъ, 1,2 милл. въ общинѣ, около 930,000 въ вольныхъ, 480,000 въ Knappschaften, $76\frac{1}{2}$ тыс. въ ремесленныхъ. Бюджетъ мѣстныхъ кассъ—почти 51 милл. марокъ дохода въ годъ (1892 г.) и около 14 милл. расходовъ. Взносы въ фабричныя кассы превышаютъ 31 милл. Бюджетъ общиннаго страхованія гораздо скромнѣе, около 10 милл.,

и соответственно тому, какъ мы сказали, гораздо слабѣе и оказывала больнымъ помощь. Доходы всѣхъ кассъ достигаютъ почти 125 милліоновъ въ годъ, на помощь больнымъ и семьямъ ихъ израсходовано въ 1891 г. болѣе 94 милліоновъ. Остальное пошло на расходы по управленію и въ резервный фондъ.

Значеніе принудительнаго страхованія не ограничивается помощью нуждающимся: оно оказываетъ огромное вліяніе на улучшеніе народнаго здравія и, въ то же время, ведетъ къ полному перевороту во врачебной и больничной организаціи. Большія кассы начинаютъ заводить свои больницы, тысячи врачей превращаются во врачей рабочихъ кассъ *).

IV

У меня было искушеніе,—сказалъ Бисмаркъ въ одной изъ своихъ спеціально-политическихъ рѣчей при дебатахъ о страхованіи рабочихъ,—поставить въ 1-мъ параграфѣ законопроекта о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, вмѣсто: «рабочіе, которые работаютъ на фабрикахъ, заводахъ и т. д.», должны быть вознаграждены за несчастные случаи, два слова «каждый нѣмецъ» **). Отъ этого идеала законодательство послѣ 10-ти лѣтней практики и послѣ присоединенія къ основному закону 5 новыхъ, чрезвычайно расширившихъ кругъ застрахованныхъ, и теперь еще далее. Несмотря на то, что въ 1893 г. около 16½ милліоновъ ***)) человекъ уже считаются застрахованными, это далеко еще не всѣ самостоятельныя нѣмцы. Законодательство сначала имѣло въ виду наемныхъ рабочихъ и служащихъ (последнихъ съ жалованьемъ менѣе 2,000 марокъ въ годъ) и наиболѣе опасныхъ промышленно-заводскихъ производствахъ; затѣмъ постепенно оставался критерій опасности и все болѣе распространялся принципъ обязательнаго страхованія на всѣхъ наемныхъ рабочихъ и служащихъ, получающихъ небольшое жалованье, и не только въ промышленности, но и въ сельскомъ хозяйствѣ и транспортныхъ предпріятіяхъ. Однако, несмотря на внушительную цифру застрахованныхъ, страхованіе отъ

*) Въ Берлинѣ изъ 300 тысячъ членовъ обязательныхъ кассъ болѣе 200,000 (въ концѣ 1892 г. точная цифра была 207,822), принадлежавшіе къ 55 изъ 60 мѣстныхъ кассъ (Ortskrankenkassen), держались системы назначенія постоянныхъ врачей, которые оплачивались годично отъ 1,500 до 2,700 марокъ. Такихъ врачей было 129 (въ всѣхъ болѣвняхъ) и 27 специалистовъ: по глазнымъ, кожнымъ, женскимъ и прм. болѣзнямъ. Больной, посѣщающій врача, имѣетъ выборъ между всѣми 156 врачами. Къ себѣ на домъ онъ имѣетъ право звать только одного изъ врачей даннаго округа. Въ среднемъ на одного члена кассы содержаніе врачей обходилось въ 1 м. 55 шф. въ годъ. Врачи получали съ кассъ 308 т. м. въ годъ. Несмотря на достоинство этой системы, въ кассахъ замѣчается агитація за полную свободу въ выборѣ врача и въ назначаемыхъ съ постояннымъ окладомъ (Verwaltungsbericht der Gewerbe-Deputierten des Magistrats Berlin 1892—93. Die Arbeiter-Versorgung. Central Organ für das gesamte Versicherungswesen 10 Jahrg (1893), 689—695).

**) *Documente zur Geschichte der Wirtschaftspolitik etc.* Bd. III, 53—54.

***)) Формально болѣе 18 милліоновъ, но многія цифры фигурируютъ дважды.

частныхъ случаевъ обнимаетъ даже еще не всѣхъ работающих по нему: здѣсь нѣтъ пока ни рабочихъ у ремесленниковъ и кустарей (безъ каническихъ двигателей), ни служащихъ въ торговлѣ *). Только въ июнѣ 94 г. обнародованъ проектъ, распространяющій страхование отъ несчастныхъ случаевъ и на эти категоріи наемныхъ работниковъ. Если даже проектъ будетъ принятъ, что пока еще сомнительно, то и тогда нѣтъ обязательнаго страхования еще останется домашняя прислуга и всѣ бродячіе рабочіе безъ постояннаго занятія.

Не заключая въ себѣ, такимъ образомъ, вездѣ наемныхъ рабочихъ, обязательное страхование вовсе не имѣло въ виду мелкаго промышленника-ремесленника, часто немногимъ выше поставленнаго, чѣмъ наемные рабочіе: ремесленника, домашняго работника. Статуты отдѣльныхъ *Berufsgenossenschaften* (товариществъ страхования отъ несчастныхъ случаевъ) могутъ распространить страхование и на предпринимателей съ заработкомъ мѣсяче 2,000 марокъ въ годъ. Новѣйшій законопроектъ, о которомъ мы только что упоминали, пытается это сдѣлать въ болѣе общей и обязательной формѣ, путемъ закона, а не отдѣльныхъ уставовъ. Исключеніе изъ правила, что страхование имѣетъ въ виду наемныхъ рабочихъ и лишь рѣдко самостоятельныхъ хозяевъ, представляютъ условія страхования отъ несчастныхъ случаевъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Такъ какъ общій для всей Германіи законъ въ этомъ случаѣ предоставилъ широкія полномочія законодательству отдѣльныхъ германскихъ странъ, то нѣкоторыя изъ нихъ: Баварія, Вюртембергъ, Саксонія, Гессенъ-Дармштадтъ, Саксенъ-Веймарингенъ, — одинаково подчинили страхованію какъ собственниковъ, такъ и наемныхъ рабочихъ.

Область, захваченная обязательнымъ страхованиемъ отъ несчастныхъ случаевъ, все-таки, огромная, несравненно больше той, которая принадлежала страхованію на случай болѣзни. Если государство до сихъ поръ не захватило рабочихъ мелкой промышленности, то это произошло не только изъ боязни взвалить на мелкаго промышленника тяжесть страховыхъ платежей, но и потому еще, что оно исходило изъ распространеннаго мнѣнія, будто въ мелкихъ производствахъ безъ машины несчастныхъ случаевъ почти не бываетъ. Безъ сомнѣнія, фабрика съ машинами, угольные копи и т. п. предприятия поставляютъ и абсолютно, и относительно большій контингентъ жертвъ, чѣмъ мелкіе промыслы. Тѣмъ не менѣе, и въ послѣднихъ абсолютная цифра искалѣченныхъ и пострадавшихъ очень велика, и если государство задается цѣлью предоставить всякому пострадавшему рабочему право на вознагражденіе, то оно не должно обрѣзать работника мелкой промышленности на милостыню общественнаго призрѣнія.

*) Текстъ и комментарий закона: *Wödtke*: „Unfallversicherungsgesetz“, v. 6 Juli 1884. 4 Auflage 1889 (Berlin).

**) *Reichsanzeiger* отъ 9—21 іюня 1894 г.

Какъ ошибочны иногда представленія, основывающіяся на отдѣльныхъ наблюденіяхъ объ опасности производства, а не на точной статистикѣ, это ясно обнаружилось при введеніи обязательнаго страхованія въ сельскіе хозяйства. Представители землевладѣльцевъ въ рейхстагѣ не понимали, для чего на нихъ возлагаютъ совершенно лишнюю обузу. Несчастія въ деревенскихъ земледѣльческихъ занятіяхъ случаются такъ рѣдко, да они и столь преходящаго свойства, что всякій хозяинъ безъ принужденія исполняетъ свой долгъ. И что оказалось въ дѣйствительности? По статистикѣ частныхъ случаевъ за 1891 г., предпринятой подъ руководствомъ Беддера въ Германіи оказалось 19,918 тяжелыхъ несчастныхъ случаевъ при сельскихъ занятіяхъ, повлекшихъ за собою смерть пострадавшихъ въ 2,236 случаяхъ, создавшихъ 9,793 инвалидовъ и полу-инвалидовъ на всю жизнь 7,889 пострадавшихъ неспособны были къ работѣ въ теченіе болѣе трехъ мѣсяцевъ. Что это не случайно несчастный годъ, показываютъ цифры слѣдующаго отчета за 1892 годъ, когда число тяжелыхъ случаевъ достигло въ сельскомъ хозяйствѣ 23,231. На 10,000 застрахованныхъ въ сельскихъ хозяйствахъ получили вознагражденіе за увѣчья: въ крупныхъ имѣніяхъ 34 въ среднихъ — 15, а въ мелкихъ (крестьянскихъ) — 10. Очевидно, что эти существенныя отклоненія стоятъ въ связи съ пользованіемъ машинами, которыя болѣе всего распространены въ крупномъ земледѣліи. Во всей крупной промышленности, вмѣстѣ съ каменноугольными копями, транспортными учрежденіями, строительными работами, оказывается немногимъ болѣе жертвъ, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ: 26,619. Даже число *убитыхъ* и очень значительно въ промышленности и транспортныхъ предпріятіяхъ, чѣмъ въ сельскомъ хозяйствѣ: 2,026 (въ 1892 г.) въ сельскомъ хозяйствѣ 3,282 во всѣхъ остальныхъ частныхъ предпріятіяхъ, подчиненныхъ обязательному страхованію *).

Объ статистикѣ несчастныхъ случаевъ мы познакомимся подробнѣе, когда перейдемъ къ оцѣнкѣ обязательнаго страхованія. Теперь же мы крутъ застрахованныхъ, мы, прежде всего, ставимъ вопросъ, что законъ даетъ пострадавшимъ? Какія права возникаютъ для пострадавшихъ, застрахованныхъ отъ несчастныхъ случаевъ?

Несчастный случай можетъ повести къ смерти потерпѣвшаго или къ тяжелымъ поврежденіямъ, дѣлающимъ рабочаго калѣбой на всю жизнь, вовсе неспособнымъ болѣе къ труду, или къ поврежденіямъ, наводящимъ уменьшающимъ трудовую силу, или, наконецъ, только въ временной неспособности къ труду. Въ послѣднемъ случаѣ неспособность къ труду болѣзнь, можетъ быть кратковременная или продолжительная. Законодательство о страхованіи рабочихъ подраздѣляетъ ее на болѣзнь и неспособность къ труду, продолжающуюся а) менѣе и б) болѣе 13 недѣль.

*) „Amtl. Nachrichten des Reichsversicherungsamtes“, 1893. *Bedicker: Unfallstatistik*. См. *Handwörterbuch*, Bd. 6, p. 308, и *Statistisches Jahrbuch 1894*, p. 186—187.

Если послѣдствіе несчастнаго случая — смерть потерпѣвшаго, семья получаетъ, на основаніи страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, прежде всего, сумму на погребеніе, равняющуюся 20-ти кратному дневному заработку потерпѣвшаго или (у сельскихъ рабочихъ) $\frac{1}{18}$ его годовичнаго заработка, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе 30 марокъ. Со дня смерти потерпѣвшаго, семья: жена, малолѣтнія дѣти, родители (если сынъ или дочь были единственными ихъ кормильцами), получаютъ ежегодную ренту. Вдова получаетъ 0%, заработка мужа для себя и по 15% для каждаго изъ дѣтей до достиженія ими 15-ти лѣтняго возраста, но въ совокупности не болѣе 60% заработка пострадавшаго. Что касается родителей, то они имѣютъ право на пожизненную ренту въ размѣрѣ 20% заработка умершаго, но въ томъ лишь случаѣ, если рента его жены и дѣтей не достигаетъ предѣла—60%. Рента вдовѣ также пожизненна; если, однако, она опять выходитъ замужъ, ей выдаютъ одновременно троекратный размѣръ ея ренты и дальнѣйшая выдача прекращается. Точно также прекращается выдача ренты дѣтямъ, достигшимъ 15 лѣтъ. Если умершій оставляетъ круглыхъ сиротъ, то каждый ребенокъ имѣетъ право не на 15, а на 20%, но всё вмѣстѣ опять-таки не болѣе, какъ на 60%. Иностранцы и семьи иностранцевъ пользуются такими же правами, какъ и германско-подданные, съ тѣмъ, однако, тобъ они не покидали Германіи. Семья убитаго или потерпѣвшаго иностранца, если она во время несчастнаго случая не жила въ Германіи, равно не пользуется. Если она переселяется на свою родину послѣ несчастнаго случая, ей выдаютъ одновременно троекратную пенсію. Новѣйшій проектъ отъ іюня 1894 г. предоставляетъ право на полученіе пенсіи не только родителямъ, которые исключительно, но и тѣмъ, которые главнымъ образомъ жили поддержкой отъ пострадавшаго; кромѣ того, онъ распространяетъ это же право на братьевъ, сестеръ и внуковъ потерпѣвшаго.

Слѣдующая возможность: пострадавшій не убитъ, не умеръ отъ несчастнаго случая, а сталъ инвалидомъ или полу-инвалидомъ. При полной неспособности къ труду потерпѣвшему возмѣщаются, начиная съ 14-й недѣли послѣ несчастія, расходы на леченіе (дома или въ больницѣ, совершенно такъ, какъ при страхованіи отъ болѣзни) и назначается постоянная рента въ 66 $\frac{2}{3}$ % процента его заработка. Рента сохраняется до тѣхъ поръ, пока длится неспособность къ труду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій, излечившись, становится способнымъ зарабатывать не меньше, чѣмъ до несчастія, рента нѣсколько уменьшается, чтобы заработокъ, вмѣстѣ съ пенсіею, составлялъ $\frac{2}{3}$ средняго заработка. Опредѣленіе размѣра уменьшенія ренты и способности къ работѣ происходитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, индивидуально.

Кромѣ постоянной, полной или частичной неспособности къ труду, бываетъ еще временная: рабочій пострадалъ при работѣ, болѣзнь его длится болѣе 3 мѣсяцевъ, но, излечившись, онъ совершенно возстановилъ свои силы и можетъ зарабатывать попрежнему. Въ этихъ случаяхъ рента, въ томъ

же размѣрѣ, какъ для полнаго инвалида, выдается до возобновленія сил. Если силы возобновляются постепенно и рабочей сначала можетъ зарабатывать меньше, онъ получаетъ часть ренты, какъ и полувалидъ.

Огромное большинство несчастныхъ случаевъ вызывается, однако, только кратковременный перерывъ въ работѣ—въ нѣсколько дней, нѣсколько недѣль. Въ этихъ случаяхъ отвѣтствуетъ касса страхования отъ болѣзни, а не страхование отъ несчастныхъ случаевъ. Тутъ въ особенности выражается связь между страхованиемъ отъ болѣзни и страхованиемъ отъ несчастныхъ случаевъ. Избавивъ рабочихъ отъ всякихъ взносовъ за страхование отъ несчастныхъ случаевъ, законодательство сочло возможнымъ возложить на нихъ попеченіе о больныхъ и увѣчныхъ болѣе легкаго свойства. Сложный аппаратъ страхования отъ несчастныхъ случаевъ, конечно, чрезвычайно упрощается, но принципъ: «предпріятіе несетъ весь рискъ» поволобленъ. По статистикѣ 1892 г., въ обрабатывающей промышленности, транспортномъ и прочихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, организованныхъ въ *Vereinigungsverenschaften*, т.-е. товариществахъ предпринимателей для взаимнаго страхования отъ несчастныхъ случаевъ, на 26,619 тяжелыхъ случаевъ было 136,384 легкихъ. Только первые падаютъ на кассы страхования отъ несчастныхъ случаевъ. Не надо, однако, думать, что на долю *Krankenkassee*, въ которыхъ рабочіе платятъ сами $\frac{2}{3}$ взносовъ, падаетъ большая доля расходовъ, наоборотъ, на долю *Krankenkassee* приходится около 16%, всѣхъ пособій пострадавшимъ при несчастныхъ случаяхъ, на долю *Unfallversicherung* — 84%. Хотя кассы страхования отъ болѣзни имѣютъ въ 5 разъ больше увѣчныхъ, но это все временные пенсіонеры, не болѣе, какъ на 13 недѣль, да и пособіе въ этихъ кассахъ скромнѣе. Мы знаемъ, однако, что кругъ застрахованныхъ на случай болѣзни и застрахованныхъ отъ несчастныхъ случаевъ не совпадаетъ: что же дѣлать тѣмъ, которые не застрахованы въ *Krankenkassee*, если законъ даетъ имъ право на ренту и пособія изъ кассы страхования отъ несчастныхъ случаевъ только по истеченіи 13 недѣль (*Karenzzeit*)? Законъ это предусмотрѣлъ и для этихъ случаевъ сохранилъ личную отвѣтственность предпринимателя, у котораго произошелъ несчастный случай: если пострадавшій рабочій не былъ застрахованъ отъ болѣзни, онъ получаетъ помощь въ теченіе первыхъ 13 недѣль отъ предпринимателя, но не послѣ судебного иска, а на основаніи одного факта, что онъ пострадалъ при работѣ. Вопросы о винѣ рабочаго, непредотвратимой случайности и т. п. не можетъ быть, какъ и вообще страхование почти вовсе устраняетъ моментъ личной отвѣтственности и лишь въ одномъ только случаѣ лишаетъ потерпѣвшаго права на вознагражденіе: если онъ умышленно причинилъ себѣ увѣчье.

Сельскіе рабочіе, больше другихъ нуждающіеся въ субсидіарной личной отвѣтственности хозяина, въ первые 13 недѣль лишены, однако, этой льготы: они пользуются только медицинскою помощью и медикаментами отъ общины.

Что касается рабочихъ, застрахованныхъ въ *Krankenkassee*, то и они въ

которой степени все еще пользуются обязательно помощью того предпринимателя, у котораго они пострадали. Начиная съ 5-й недѣли помощь, вываемая изъ Krankenkasse, должна быть не меньше $\frac{2}{3}$ заработка, который положенъ въ основаніе пособій. Если по статутамъ кассы помощь не стигаетъ этого размѣра, все, что выдается потерпѣвшему сверхъ нормы, т.-е. разница между пособиемъ, которое получаютъ прочіе больные, и пособиемъ, которое выдается увѣчному, доплачивается предпринимателемъ, котораго потерпѣвшій работалъ.

Говоря о пособияхъ при несчастныхъ случаяхъ, о пенсіяхъ, достигающихъ $66\frac{2}{3}\%$ заработка, мы не упомянули еще, о какомъ заработкѣ идетъ рента. При изученіи страхованія отъ болѣзни мы видѣли, что въ основаніе исчета кладется не индивидуальный заработокъ заболѣвшаго, а шаблонный, установленный для этого случая закономъ: въ страхованіи общины—установленный, сначала на 10, лѣтъ—обычный заработокъ обыкновеннаго поденщика, въ мѣстныхъ кассахъ—средній заработокъ данной профессіи, но никакъ не больше 3 марокъ. Только отдѣльные статуты могутъ постановить, чтобы въ расчетъ принимался индивидуальный заработокъ, до 4 марокъ.

То, что въ Krankenkasse только допускается на основаніи статута и составляетъ исключеніе, при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ обязательно о закону. Рента, которая выдается потерпѣвшему или его семьѣ, вычисляется на основаніи дѣйствительнаго заработка потерпѣвшаго, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что при заработкѣ сверхъ 4 марокъ полностью высчитываются 4 марки, остальные же только на $\frac{1}{2}$. Механикъ, получавшій 4 марокъ въ день и ставшій совершеннымъ калѣкой, получаетъ, слѣдовательно, $66\frac{2}{3}\%$ процента съ 4 марокъ $+ \frac{2}{3}$ марки $= 3\frac{1}{2}$ марки въ день или $133\frac{1}{3}\%$ въ годъ пенсіи. Только если потерпѣвшій—чернорабочій, получавшій меньше «обычнаго поденнаго заработка», опредѣленнаго для Krankenkassen рента выдается на основаніи этого обычнаго, а не индивидуальнаго заработка. Сельскіе рабочіе и тутъ, однако, хуже поставлены, чѣмъ промышленные: для нихъ высчитывается средній заработокъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и рента выдается на основаніи средней, а не индивидуальной заработной платы.

Такъ же, какъ для совершенно неспособныхъ къ труду, рента вычисляется для полувалѣкъ, для вдовъ, дѣтей, родителей. Полукалѣка—расширимое понятіе. Если присмотрѣться къ практикѣ отдѣльныхъ «товариществъ», то можно встрѣтить ренты, начиная съ 5—10% за оторванный палець и кончая границей, поставленной закономъ. Иногда искалѣченному безъ долгаго изслѣдованія назначаютъ полную пенсію: если рабочему оторвало обѣ ноги, наприм., то тутъ уже спора нѣтъ, что онъ полный инвалидъ. Часто же приходится разбирать, устанавливать степень инвалидности, и вотъ почему прекрасная идея страхованія и очень хорошая постановка размѣра вознагражденія въ дѣйствительности часто зависятъ отъ организаціи дѣла. Каково же устройство этого вида страхованія въ Германіи?

Организація страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ построена на началѣ взаимнаго страхованія предпріятій. Слово *Berufsgenossenschaft* само тоже создано законодательствомъ. Подъ нимъ понимается товарищество, группа предпріятій определенной профессіи или, по крайней мѣрѣ, близкихъ по характеру профессій, имѣющая цѣлью коллективное и въ большинствѣ случаевъ автономное устройство страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Мѣстная близость при этомъ не играетъ роли, хотя фактически она сказалась при устройствѣ и разграниченіи дѣятельности отдельныхъ профессиональныхъ группъ. По закону каждая изъ нихъ можетъ распространить свою дѣятельность на всю Германію. Въ дѣйствительности это оказалось, однако, только въ меньшей половинѣ всѣхъ группъ, въ 28 изъ 64 существующихъ теперь *Berufsgenossenschaften*. Въ такихъ отрасляхъ промышленности, какъ желѣзная, мануфактурная (текстильная), строительная, гдѣ каждая имѣетъ сотни тысячъ рабочихъ, оказалось возможнымъ, безъ риска съ страховой точки зрѣнія, образовать по нѣскольку самостоятельныхъ страховыхъ группъ. Въ строительномъ промыслѣ, напримѣръ, 11 отдельныхъ *Berufsgenossenschaften*, изъ которыхъ самыя малыя: мюнхонская и вюртембергская, имѣютъ по 34—35 тысячъ застрахованныхъ рабочихъ, а самая большая, сѣверо-восточная (*Nordöstliche Baugewerksgenossenschaft*) въ 1892 г. насчитывала болѣе 165,000 застрахованныхъ. Хозяева кирпичныхъ заводовъ, наоборотъ, предпочли основать одну группу для всей Германіи, заключающую въ себѣ почти 253,000 членовъ.

Теперь, когда страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ уже отпраздновало свой 10-ти лѣтній юбилей, принадлежность каждаго отдельнаго предпринимателя къ страховой группѣ не вызываетъ больше затрудненій и сомнѣній. Если я открываю въ Германіи кирпичный заводъ, то я эти самыя уже принадлежу къ товариществу кирпичныхъ заводовъ для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и къ той секціи, которая учреждена въ избранной мною мѣстности. Точно также каждый предприниматель, вновь устрояющій въ Хемницѣ или Лейпцигѣ ткацкую фабрику, принадлежитъ обязательно къ *Sächsische Textilgenossenschaft*. Онъ обязанъ, подъ угрозой высокаго штрафа, представить списокъ своихъ рабочихъ, отиѣтъ характеръ и техническія условія производства и становится членомъ страховой группы. Труднѣе были условія 10 лѣтъ тому назадъ, когда законъ только осуществлялся. Предпринимателямъ нужно было сговориться, рѣшить вопросъ о территориальномъ разграниченіи товарищества, а въ менѣе крупныхъ производствахъ и вопросъ о соединеніи съ близкими профессіями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда добровольное соглашеніе не удавалось, организацію специальныхъ товариществъ приходилось предписывать сверху, изъ центрального *Reichsversicherungsamt*.

Членами группы или товарищества состоятъ всѣ причисленные къ ней предприниматели. Они образуютъ общее собраніе. Законъ предоставляетъ участникамъ опредѣлить въ статутѣ, пользуется ли каждый членъ товарищества равнымъ голосомъ, или же число голосовъ соответствуетъ размѣру

производства, определяемому числомъ рабочихъ. Общее собраніе выбираетъ правленіе, права котораго точно определяются въ статутѣ же. Обязательное содержаніе правъ общаго собранія, предписываемое закономъ для всѣхъ группъ, заключается въ контролѣ годовыхъ отчетовъ, избраніи правленія и измѣненіи статутовъ. Всѣ остальные дѣла отдѣльные статуты могутъ вредать правленію, могутъ и сохранить за общимъ собраніемъ. На практикѣ правленіе Berufsgenossenschaften пользуется такими же полномочіями, какъ и правленіе въ акціонерныхъ обществахъ, но только подъ болѣе тщательнымъ государственнымъ контролемъ, исходящимъ изъ центральнаго Reichsversicherungsamt или мѣстныхъ центральныхъ учреждений, гдѣ они уществуютъ (какъ, напримѣръ, въ Баваріи). Въ большинствѣ «товариществъ», не сосредоточенныхъ въ одномъ небольшомъ округѣ, организація общей группы распадается на секціи и во главѣ каждой секціи стоитъ свое правленіе. Права секцій въ законѣ не ограничены, они могутъ быть введены въ статутахъ очень близко къ полномочіямъ правленія всего товарищества. Законъ только предписываетъ, чтобы правленіе секціи самостоятельно распоряжалось въ выдачѣ пособій на леченіе, погребеніе и при временной неспособности къ труду. Эти предписанія имѣютъ въ виду интересъ пострадавшихъ, которымъ въ противномъ случаѣ слишкомъ долго пришлось бы ждать помощи. Гдѣ нѣтъ секцій или секціи тоже велики, Berufsgenossenschaft назначаетъ еще своихъ довѣренныхъ лицъ (Vertrauenspäpner) въ каждой мѣстности, въ которой находятся предпріятія ея членовъ. Какъ члены правленія, такъ и довѣренные люди должны быть членами товарищества или ихъ представителями (управляющіе, инженеры и с. п.), не опороченными судомъ и не лишенными права распоряжаться своимъ имуществомъ. Всѣ должности выборныхъ—почетныя и бесплатныя. Разумѣется, при каждомъ правленіи есть и платныя служащіе по найму.

Все, что приведено было до сихъ поръ объ организаціи профессиональныхъ товариществъ для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, ясно указываетъ на то, что это предпринимательскіе союзы. Да иначе и быть не можетъ,—отвѣчали правительство и хозяева, когда эта сторона дѣла была рѣзко подчеркнута въ рейхстагѣ и въ эконоимической литературѣ,—вѣдь, преміи платятъ только фабриканты, хозяева,—зачѣмъ же имъ не предоставить распоряженія дѣломъ? Вѣдь, въ кассахъ страхованія отъ болѣзни предприниматели тоже отступаютъ на задній планъ и лишь настолько участвуютъ въ управленіи кассами, насколько они участвуютъ во взносахъ.

Совершенно вѣрно,—отвѣчали защитники рабочихъ интересовъ,—но не надо забывать двухъ вещей: во-первыхъ, что рабочіе фактически участвуютъ и въ расходахъ на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ мелкихъ поврежденій и въ теченіи 13 первыхъ недѣль послѣ несчастнаго случая пособія выдаются изъ Krankenkasse, въ которую преимущественно платятъ сами рабочіе; во-вторыхъ же, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, ставя обезпеченіе всѣхъ пострадавшихъ на почву публичнаго, а не частнаго права, провозглашаетъ *обязанность* промышленности

или предпріятія предъ пострадавшими. Тутъ, дѣйствиельно, рѣчи нѣтъ о подаркѣ со стороны капитала труду. Общест. Сое. принужденіе включает премію за рискъ въ издержки производства. Мало бы поэтому *справедливо* поручить управленіе страхованіемъ (разъ уже остановились на корпоративной профессиональной организаціи) представителямъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ: хозяевъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы страхованіе обошлось какъ можно дешевле, и рабочихъ, прежде всего заинтересованныхъ въ томъ, чтобы ограждена была ихъ жизнь и, затѣмъ, чтобы права, предоставленныя имъ закономъ, вполне осуществлялись.

Слабая уступка этимъ требованіямъ сдѣлана была и въ законѣ 1884 г. Представителямъ рабочихъ дано было право голоса въ рѣшеніяхъ третейскихъ судовъ, учрежденныхъ при каждомъ товариществѣ и при многихъ секціяхъ и имѣющихъ своимъ назначеніемъ установленіе правъ пострадавшихъ, назначеніе размѣра ренты и т. п., если потерпѣвшіе невольны рѣшеніемъ правленія. Судъ въ этихъ случаяхъ состоитъ изъ председателя по назначенію отъ правительства и 4 членовъ, изъ которыхъ 2 назначаются товариществомъ, т. е. хозяевами, другіе же 2 назначаются рабочими. Представители тѣхъ кассъ страхованія на случай болѣзни, въ которыхъ застрахованы не менѣе 10 рабочихъ данной Berufsgenossenschaft, всѣ вмѣстѣ выбираютъ столько представителей въ товарищество предпринимателей, сколько въ правленіи товарищества или въ секціи членовъ отъ хозяевъ. Если, слѣдовательно, во главѣ секціи или въ правленіи товарищества 12 членовъ правленія, выбранныхъ предпринимателями, то Krankenkassen выбираютъ столько же рабочихъ. Последніе отнюдь, однако, не пользуются участіемъ въ управленіи: роль ихъ сводится, во-первыхъ, къ выбору указанныхъ уже 2 членовъ третейскаго суда, во-вторыхъ, къ выбору 2 членовъ изъ своей среды для участія въ засѣданіяхъ центрального страхового бюро и, въ-третьихъ, къ участію при товариществѣ или секціи въ изданіи мѣръ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Кромѣ этихъ представителей при правленіи секціи или товариществъ, Krankenkasse назначала еще на каждый пунктъ, гдѣ есть застрахованныя предпріятія, своего довѣреннаго человѣка, уполномоченнаго принимать участіе при полицейскомъ дознаніи о несчастныхъ случаяхъ.

При всѣхъ этихъ выборахъ отъ кассъ страхованія на случай болѣзни выбираютъ только рабочіе (хозяева въ правленіи кассъ права голоса тутъ не имѣютъ) и выбранными могутъ быть только рабочіе, застрахованные отъ несчастныхъ случаевъ. Вольныя кассы при выборѣ представителей (кромѣ довѣренныхъ лицъ для полицейскихъ дознаній) право голоса не пользуются. Рабочіе-представители получаютъ за потерю въ время вознагражденіе изъ суммъ товарищества предпринимателей.

Уже въ первомъ законѣ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ (1884 г.) отъ намѣченной здѣсь организаціи пришлось сдѣлать нѣкоторыя отступленія для горныхъ промысловъ. Въ то время, какъ другія предпріятія государства сохранили за собою право—не примыкать съ собст-

ми, непосредственно самому государству работающими рабочими къ организаціи Berufsgenossenschaft для угольныхъ копей и рудниковъ сдѣлано исключеніе: существующія Кнappschaften сохранили свою организацію и соединены были въ одно общее товарищество для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ (Кнappschafts-Berufsgenossenschaft), безъ изыятій для государственныхъ копей и рудниковъ. «Товарищество» должно было только оветворять тѣмъ требованіямъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ и распределеніи риска, которыя законъ выставилъ для другихъ промышленныхъ рабочихъ. вмѣсто выборныхъ отъ рабочихъ, представительство рабочихъ интересовъ поручено было непосредственно Кнappschaftsältesten, делегатамъ рабочихъ и служащихъ въ горныхъ кассахъ. Эти делегаты пользуются правомъ голоса въ управленіи товарищества или секціи, тогда какъ въ другихъ товариществахъ представители рабочихъ участвуютъ только въ третейскихъ судахъ, полицейскомъ дознаніи и обсужденіи предупредительныхъ мѣръ.

Когда въ слѣдующемъ 1885 г. страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ было распространено на почту, телеграфъ, желѣзныя дороги и другія перевозочныя предпріятія, государство сохранило изыятіе для всѣхъ своихъ служащихъ и рабочихъ: вознагражденіе отъ несчастныхъ случаевъ имъ было обезпечено, но не изъ товарищества, а непосредственно отъ казны, назначавшей лишь для завѣдыванія страховымъ дѣломъ отдѣльныя учрежденія (Staatliche Ausführungsbehörden). Совершенно такое же право было предоставлено общинамъ. Фактически теперь въ Германіи, рядомъ съ 64 Berufsgenossenschaften, существуютъ еще 129 страховыхъ учрежденій для рабочихъ и служащихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ и 219 провинціальныхъ и коммунальных Ausführungsbehörden. Для частныхъ желѣзныхъ дорогъ и болѣе мелкихъ перевозочныхъ предпринимателей сдѣлано изыятіе изъ требованія закона (ст. 9), чтобы каждое предпріятіе принадлежало къ тому товариществу, въ округѣ котораго оно расположено.

Самыя существенныя измѣненія внесены въ профессионально-корпоративный принципъ при распространеніи въ 1886 г. страхованія отъ несчастныхъ случаевъ на сельское хозяйство. Законъ, прежде всего, далъ широкій просторъ законодательству отдѣльныхъ территоріальныхъ государствъ, такъ что между организаціей въ Пруссіи, Баваріи или Саксоніи очень замѣтная разница: не столько организація, сколько размѣръ и характеръ пособія пострадавшимъ предписаны одинаково для всѣхъ. Распределеніе сельскаго населенія по группамъ или товариществамъ произошло не на основаніи соглашенія между землевладѣльцами, а сверху, по распоряженію высшей администраціи, правда, выслушавшей и мѣстное самоуправленіе, и сельско-хозяйственныя общества. Въ виду однородности занятій, о профессиональномъ дифференцированіи нѣтъ рѣчи, такъ что все сельское страхованіе представляется, по своей организаціи, построеннымъ на принципѣ мѣстной принадлежности, совершенно такъ, какъ происходитъ административное раздѣленіе.

Въ Пруссiи устройство сельско-хозяйственныхъ страховыхъ товариществъ и секцій приспособлено къ политическому раздѣленiю страны: каждая провинция образуетъ «товарищество», каждый уѣздъ (Kreis)—секция. Представительство страховыхъ учрежденiй слито съ мѣстнымъ самоуправленiемъ. Уѣздная управа, Kreisauausschuss, завѣдуетъ дѣлами секцiи, провинциальная управа (Provinzialausschuss) замѣняетъ правленiе Berufsgenossenschaft. Въмѣсто общаго собранiя изъ членовъ землевладѣльцевъ, дѣла страховыхъ кассъ, ихъ отчеты, измѣненiя въ статутахъ и т. д. обсуждаются провинциальными ландтагами, наравнѣ съ прочими земскими дѣлами. Законъ представляетъ возможность и иного порядка, но въ дѣйствительности страхованiе отъ несчастныхъ случаевъ въ сельскомъ хозяйствѣ превратилось въ одну изъ функций земскаго самоуправления, такъ что принципъ корпоративно-профессиональной организацiи для деревни только фикцiя.

Въ Саксонiи на всю страну одно общее товарищество землевладѣльцевъ для страхованiя отъ несчастныхъ случаевъ. Сельско-хозяйственный совѣтъ (Landeskulturrath) назначаетъ 28 членовъ, образующихъ общее собранiе и выбирающихъ правленiе. Въ каждую общину назначается довѣренное лицо. Правленiе дѣйствуетъ подъ наблюденiемъ совѣта 28. Годные отчеты представляются для утвержденiя въ Landeskulturrath.

Очень близка къ саксонской организацiя сельскаго страхованiя въ Вюртембергѣ. Члены общаго собранiя изъ землевладѣльцевъ выбираютъ тамъ окружными сельско-хозяйственными обществами, а гдѣ ихъ нѣтъ—мѣстнымъ самоуправленiемъ. Общее собранiе выбираетъ правленiе, предсѣдатель котораго, однако, назначается правительствомъ. Какъ въ Вюртембергѣ, такъ и въ Баденѣ, и въ Гессенѣ контроль за дѣйствiями и отчетами правленiя порученъ центральному страховому бюро. Въ Баварiи 8 «товариществъ», какъ и въ Пруссiи, совпадающихъ съ административнымъ раздѣленiемъ страны (Regierungsbezirke). Общее собранiе состоитъ изъ членовъ Landrath, принадлежащихъ къ землевладѣльцамъ-страхователямъ. Общее собранiе назначаетъ 4 членовъ правленiя, предсѣдателя назначаетъ администрацiя. Въ большинствѣ случаевъ, предсѣдатель единолично ведетъ дѣла, только при назначенiи пенсiй семьямъ убитыхъ и ренты постояннымъ инвалидамъ необходимо коллегiальное рѣшенiе *).

Представительство рабочихъ въ сельскомъ страхованiи почти равно нулю. Они вообще не участвуютъ ни при изданiи принудительныхъ ипр., ни при изслѣдованiи несчастныхъ случаевъ. Гдѣ осуществлено страхованiе сельскихъ рабочихъ при болѣзни, кассы еще могутъ выбрать членовъ въ третейскiе судьи, но это бываетъ очень рѣдко.

Г. Толосъ.

(Окончанiе слѣдуетъ).

*) Bornhak, p. 121—122.

Изъ литературныхъ наблюдений.

4 января исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія творца *Горя отъ ума*. Иногіе и до настоящаго времени продолжаютъ ложно истолковывать безсмертную комедію Грибоѣдова. Либералы-критики упорно твердятъ, что Фамусовъ, Скалозубъ, Молчаливъ—типы отрицательные. Крѣпко засѣвшая въ ихъ головы антинаціональная доктрина до сихъ поръ не позволяетъ имъ видѣть всей вздорности терзаній Чацкаго, его безпочвенныхъ исканій и гонимій. А дѣйствительность, наша русская дѣйствительность, еслибъ только наши господа либералы къ ней внимательно присматривались, давно научила бы ихъ, что и Фамусовъ, и Скалозубъ, и Молчаливъ — типы положительно существовавшіе и не менѣе положительно существующіе; Чацкіе же и имъ подобные какъ разъ составляютъ отрицательное явленіе противное подлинному духу нашей самобытности. Фамусовъ говорилъ:

„Ученье—вотъ чума, ученость—вотъ причина,
Что нынче хуже, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось и дѣлъ, и лицъ, и мнѣній“.

Что же, не правду говорилъ Фамусовъ? Не дѣлаютъ намъ хлопотъ разныя земскія и церковно-приходскія школы? Я подчеркиваю вредоносность и тѣхъ, и другихъ, рѣшительно протестую противъ моднаго теперь увлеченія просвѣтительною дѣятельностью духовенства. Вы не помните, что говорилъ о нашихъ духовныхъ семинаріяхъ, о нашемъ духовенствѣ вообще Фамусовъ нашихъ дней, газета *Гражданинъ*? Напрасно, эти слова надо бы помнить всѣмъ ревнителямъ просвѣщенія. «Семинаристъ,—писалось въ этой газетѣ,—ненавидитъ дворянство въ Россіи. Кровь семинариста удивительно самобытна и не поддается перерожденію при слияніи съ другою кровью. Она подобна крови негра, цыгана; черезъ нѣсколько поколѣній кровь семинариста сказывается; оттого ненависть семинариста къ дворянству проходитъ иногда отличительною духовною чертой черезъ нѣсколько поколѣній».

Оставимъ, однако, шутки. Мы рѣшительно предпочитаемъ земскую народную школу, но не менѣе рѣшительно возстаемъ противъ той возмут-

тельной оцѣнки, которую даетъ нашему духовному сословію князь Истрскій. Въ этомъ сословіи никогда не изсякала и живая любовь къ народу, и пониманіе его нуждъ, и стремленіе къ народному просвѣщенію. Правда, тяжелы бывають нерѣдко условія жизни духовенства, въ особенности сельскаго, и не высокъ въ зависимости отъ этого умственный и нравственный уровень немалаго числа служителей церкви, вслѣдствіе чего нельзя ожидать значительныхъ успѣховъ для народнаго образованія отъ церковно-приходской школы. Но лучшіе служители православной церкви, — а ими и оскудѣла Русская земля, — всегда дѣлали «благое дѣло», всегда достойно трудились ради торжества правды общественной. Профессоръ Борзильскій изобразилъ намъ, въ январьской книжкѣ *Русской Мысли*, одного изъ такихъ истинно-христіанскихъ пастырей, протоіерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова. Съ полнымъ правомъ его высокое служеніе церкви русскому обществу мы можемъ противопоставить нелѣпнымъ реакціонерамъ *Русскаго Обзорнія* и *Московскихъ Вѣдомостей*, которые стараются представить нашу церковь непримиримымъ врагомъ либеральныхъ идей. Протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ «видѣлъ въ великихъ реформахъ Александра II отраженіе путей царствія Божія».

Въ интересной книгѣ г. Григорьева *Задачи просвѣтительной дѣятельности современнаго русскаго духовенства и организація этой дѣятельности* *) мы читаемъ слѣдующее: «Новый порядокъ вещей, начавшійся съ величайшей изъ реформъ прошлаго царствованія — освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, долженъ былъ предъявить къ духовенству и новыя, болѣе широкія требованія, такъ какъ народная и общественная жизнь осложнилась, поставила новыя задачи. Освобожденіемъ отъ рабства физическаго, матеріальнаго, дѣло было сдѣлано только на половину, предстояло еще освободить народъ отъ болѣе опаснаго рабства — умственнаго и нравственнаго». И, конечно, ни одинъ достойный служитель нашей церкви не изъавитъ прязнаній монополизировать въ рукахъ духовенства народное образованіе или прямо, или косвенно препятствовать въ этомъ степеніи общественной самодѣятельности и частному почину. Наоборотъ, просвѣтительная дѣятельность свѣтскихъ людей можетъ заслуживать и благословенія пастырей церкви, какъ благословлялъ, напримѣръ, дѣло Новикова митрополитъ Платонъ.

Къ сожалѣнію, частный починъ въ народномъ образованіи развитъ у насъ еще слабо, вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ условій. Тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ надо относиться къ энергическимъ усиліямъ этихъ немногихъ дѣятелей. Передо мною лежатъ два поучительные отчета петербургскаго и московскаго комитетовъ грамотности и об-
вѣдъ для народнаго чтенія (и народныхъ картинъ), изданный вторымъ изъ этихъ комитетовъ.

*) Уфа, 1894 г. Книга появлялась первоначально статьями въ *Уфимскихъ Вѣдомостяхъ*.

Число членовъ петербургскаго комитета грамотности къ 1 января 1894 да равнялось 644 (возросло въ одинъ годъ на 256). Имъ разослано въ четномъ году, бесплатно, 51,150 книгъ (въ 446 мѣствъ). Изданій комитета для народнаго чтенія продано на 3,968 р. 76 к. Кроме того, комитетъ приступилъ къ сбору пожертвованій на сто народныхъ библиотекъ. Суммою не менѣе 250 рублей каждая. По послѣднимъ извѣстіямъ, сумма пожертвованій для этой цѣли перешла уже за 16,000 р.

Московскій комитетъ грамотности обладаетъ меньшими средствами, чѣмъ его северный собратъ, но развиваетъ свою дѣятельность съ замѣчательною энергіей. Лишь въ 1890 году нѣсколькими членами было внесено въ комитетъ предложеніе приступить къ разсылкѣ бесплатныхъ сельскихъ школьныхъ библиотекъ. Для осуществленія этой новой задачи была учреждена библиотечная коммиссія, въ которой теперь числится болѣе семидесяти членовъ. Въ ея составъ входятъ люди разныхъ специальностей. Ею издается уже третій годъ, подъ редакціей С. Г. Смирнова, *Ежегодникъ*, обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ. Въ *Ежегодникъ* за 1893 годъ, недавно вышедшемъ, помѣщены обстоятельное предисловіе, таблицы (цифровыя), обзоръ 762 книгъ и, — это является впервые, — обзоръ народныхъ картинъ, продававшихся въ Москвѣ въ 1893 году.

Цѣль *Ежегодника* двоякая: «съ одной стороны, изученіе народной литературы, съ другой — практическая помощь при составленіи народныхъ библиотекъ». Понятно, какаго труда стоить составленіе *Ежегодника* **).

Книгъ для народа московскій комитетъ грамотности издалъ въ 1893 году значительно болѣе, чѣмъ петербургскій: второй 10,000 экз. (одна книжка), первый 51,000 экз. (шесть книжекъ).

Конечно, принимая во вниманіе, что дѣло идетъ о просвѣщеніи столмиліоннаго народа, нельзя не признать приведенныхъ цифръ весьма и весьма скромными; но каждому извѣстно, что въ дѣлѣ частнаго и общественнаго почина цифры необходимо у насъ считать *по-севастопольски*. Кроме того, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ поражаешься его быстрымъ ходомъ, его превосходною организаціей, энергіей и безкорыстнымъ трудомъ его участниковъ. То же самое должно сказать о дѣятельности другихъ нашихъ просвѣдительныхъ учреждений (харьковскаго, одесскаго). Но, все-таки, больно сопоставлять данныя о ходѣ нашего народнаго образованія хотя бы съ свѣдѣніями таковаго же рода во Франціи.

Русская Мысль давала отъ времени до времени такія свѣдѣнія. Новѣйшія данныя находимъ мы въ январской (за нынѣшній годъ) книжкѣ *Вѣстника Воспитанія* *).

Въ августѣ прошлаго года въ Нантѣ происходилъ четырнадцатый

*) Отмѣтимъ маленькую неточность по отношенію къ одному изъ народныхъ изданій *Русской Мысли*: по цифрѣ *Правительства. Вѣстника*, количество экземпляровъ третьяго изданія книжки *Что такое подати?* показано въ 2,000 экз.; на самомъ дѣлѣ она отпечатана въ 20,000 экз.

***) *Французская мѣра образованія и ея четырнадцатый конгрессъ*. Изв. Г.—скаго

конгрессъ *лиги образованія*, основанной знаменитымъ Жаномъ Массо возникновеніи и развитіи этой лиги *Русская Мысль* уже говорила. Приведемъ небольшія извлеченія изъ рѣчей Леона Буржуа и Бюссона, произнесенныхъ при открытіи конгресса (въ переводѣ журнала *Вѣстникъ Испитанія*). Это покажетъ намъ, въ какомъ духѣ дѣйствуетъ *лига* и какъ отнесется къ ней правительство.

«Въ своемъ медленномъ и тяжеломъ поступательномъ движеніи, — говоритъ Леонъ Буржуа, — человечество достигаетъ вершины лишь для того, чтобы идти передъ собою, какъ возвышаются новыя и болѣе лучезарныя вершины. Гражданское равенство, завоеванное въ 1789 году, было только преддверіемъ политическому равенству и ко всеобщему голосованію; всеобщая подача голосовъ требовала всеобщаго обученія; послѣднее же только тогда имѣетъ смыслъ, когда оно восполняется нравственнымъ и гражданскимъ воспитаніемъ. Республика бываетъ въ опасности, если верховная власть, которая принадлежитъ всѣмъ, не находится въ рукахъ людей, достойныхъ и способныхъ нести ея бремя». «Государство, — продолжаетъ Леонъ Буржуа, — не можетъ взять на себя эту задачу. Это — дѣло частной инициативы гражданъ. И *лига* обращается съ своимъ призывомъ къ гражданамъ, ко всѣмъ людямъ двойной воли; она проситъ ихъ собираться въ группы и столкновываться между собою, основывать ассоціаціи, создавать библіотеки, устраивать курсы, конференціи, попечительства. Она не навязываетъ своихъ убѣжденій никому, но общается всѣмъ, кто задумаетъ сдѣлать что-нибудь въ этомъ родѣ, свои совѣты, свою нравственную поддержку и свою матеріальную помощь»...

Въ распоряженіи *лиги* теперь находятся милліоны франковъ, ея дѣятельность раскинулась по всей Франціи, и представитель министерства народнаго просвѣщенія имѣлъ полное основаніе привѣтствовать это торжество частнаго почина и общественной энергіи. «Конгрессъ, — сказалъ между прочимъ, г. Бюссонъ, — оказалъ громадную услугу, напомнивъ всѣмъ, чѣмъ должна быть школа свободнаго народа: національнымъ учрежденіемъ по преимуществу, наиболѣе дорогимъ изъ всѣхъ для добромыслящихъ гражданъ. Конгрессъ напомнилъ также, что школа создана не для учителя, а учитель для школы, какъ она, въ свою очередь, создана для страны, для націи».

Бюссонъ, несмотря на поразительные успѣхи, достигнутые въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи послѣ разгрома второй имперіи, видитъ, что дѣло это только начинается, что впереди много работы. Въмъ въ прогрессъ предохраняетъ и отъ пессимизма, и отъ лѣности, «и», — прибавилъ Бюссонъ, — кто не отчаивается, тотъ долженъ дѣйствовать. «Эту вѣру въ будущее Франціи и Республики, — сказалъ въ заключеніе представитель правительства, — это усердіе къ дѣлу улучшенія учреждений, отъ которыхъ зависитъ будущее нашей дорогой молодежи, этотъ духъ увѣренія ко всему, что его достойно, къ миру и терпимости, ко всѣмъ намъ одной матери, но, въ то же время, этотъ духъ труда, инициати

рогресса, это глубокое единеніе между свободными гражданами и должностными лицами въ общемъ усилии къ общественному благу, это напряженіе и этотъ порывъ, которые свидѣтельствуютъ о жизни великаго народа, этотъ культъ истины и свободы,—да все это и мы, люди администрации и представители правительства, общаемъ также не проповѣдывать только концами своихъ губъ, но проявлять на дѣлѣ изъ глубины своего сердца, мы, находящіеся среди людей такой вѣры и отзывающіеся на вашъ призывъ *)).

Конечно, повторяемъ, съ успѣхами французской *лиги образованія* нельзя, по размѣрамъ, и сравнивать того, что достигнуто частными усилиями у насъ; но образованныхъ людей въ русскомъ обществѣ гораздо меньше и препятствій для ихъ просвѣдательной дѣятельности несравненно больше.

Поучительныя свѣдѣнія о частной инициативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія собраны во второмъ изданіи книги А. С. Пругавина: *Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія* **).

Харьковское общество грамотности оказывается самымъ богатымъ изъ одобнаго рода учрежденій въ Россіи. Оно имѣетъ четыре каменныхъ дома, изъ которыхъ въ трехъ помѣщаются его школы, а четвертый, стоящій оцѣнѣ 100,000 р., предназначенъ для доставленія обществу постоянного охота. Общество имѣетъ отдѣленія въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ харьковской губерніи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тифлисѣ возникъ кружокъ энергичныхъ дѣятелей, который потомъ получилъ оффиціальное признаніе подъ именемъ *Тифлискаго общества взаимнаго вспоможенія учительницъ и воспитательницъ*. Общество устроило отличную народную библіотеку, организуетъ весьма удачныя народныя чтенія. Плодотворною дѣятельностью отличается нижегородское общество распространенія народнаго образованія; въ Николаевѣ, въ Екатеринославѣ, въ Елизаветградѣ, во многихъ другихъ городахъ и глухихъ уголкахъ нашей обширной родины идетъ честная и энергическая борьба съ невѣжествомъ. Разумѣется, въ виду разбросанности этихъ усилій, въ виду трудностей для ихъ приложенія и относительной случайности ихъ возникновенія,—много времени, труда и средствъ тратится непроизводительно, и это особенно печально въ странѣ, гдѣ немного образованныхъ и стойкихъ работниковъ, гдѣ мало средствъ, гдѣ, наконецъ, и время не терпится, потому что очень ужъ отстали мы отъ своихъ западныхъ сосѣдей.

«Дѣло не ждетъ,—говоритъ г. Пругавинъ,—быстро, съ каждымъ годомъ растетъ масса грамотнаго люда по нашимъ селамъ и деревнямъ, и въ средѣ этой массы съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе назрѣва-

*) *Вѣстникъ Воспитанія*, стр. 54 (январь 1895 г.).

***) Спб., 1895 г. Изданіе значительно дополнено.

ють потребности духовной, умственной жизни, которыя, увы, до сих поръ остаются безъ отвѣта, безъ отклика, безъ удовлетворенія...

Г. Пругавинъ мечтаетъ объ учрежденіи такого общества, «которое бы объединило и связало въ одно стройное цѣлое всё тѣ разрозненныя силы, всё тѣ кружки, комитеты, коммисіи и проч., которыя работаютъ теперь въ разныхъ отрасляхъ народнаго просвѣщенія въ разныхъ концахъ Россіи».

Мы думаемъ, что до такого общества намъ еще далеко, но бодрое строеніе г. Пругавина вполне раздѣляемъ. Онъ приводитъ въ своей книгѣ длинный (и, конечно, не полный) списокъ лицъ, которыя въ послѣднее время внесли крупныя пожертвованія на дѣло народнаго просвѣщенія. Большая часть такихъ пожертвованій шла до сихъ поръ преимущественно на нужды средняго и высшаго образованія. Но земская школа, трудъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, плодотворная дѣятельность обществъ, расширяющихъ просвѣщеніе въ народѣ,—все это подняло глубокий интересъ къ народной школѣ и читальнѣ и уже направляетъ притокъ новыхъ пожертвованій въ эту сторону. Спѣшу оговориться: было бы большою ошибкой противопоставлять нужды начальной школы нуждамъ средняго и высшаго образованія. Безусловно необходимо дѣйствовать въ обѣ стороны, и слѣдуетъ только устранить ту односторонность, которая не могла не существовать при торжествѣ сословнаго и крѣпостническаго строя. Для нашего національнаго просвѣщенія университеты сдѣлали неизмеримо много, и не даромъ старѣйшій изъ нихъ основанъ мужикомъ Ломоносовымъ. Этому университету исполнилось въ нынѣшнемъ году сто сорокъ лѣтъ и не за горами, стало быть, его полуторастовѣковой юбилей. Какъ мы отстали отъ Запада, гдѣ многіе университеты считаютъ за собою по шести, по пяти вѣковъ!

Современная университетская молодежь въ Россіи замѣтно поднялась сравнительно съ недавнимъ еще временемъ. Она больше учится, бодрѣе и сознательнѣе смотритъ на жизнь, на общественныя задачи, которыя придется въ слѣдствіи разрѣшать молодому поколѣнію. Причину такого умственнаго и нравственнаго подъема слѣдуетъ искать, мнѣ кажется, въ нѣкоторомъ фактическомъ смягченіи «системы» нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и въ несомнѣнномъ ростѣ всего общества. Въ послѣднее время возникла надежда и на скорое улучшеніе дѣла по существу. При министерствѣ народнаго просвѣщенія образована, по газетнымъ сообщеніямъ, коммиссія, которая будетъ обсуждать проектъ инспектора кавказскаго учебнаго округа, г. Яновскаго. Проектъ этотъ имѣетъ въ виду такія общеобразовательныя школы, въ которыхъ преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ начиналось бы лишь съ пятаго класса, да и то не во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ право на поступленіе въ университетъ.

Благодѣтельныя послѣдствія этой реформы были бы несчастными. Старая классическая система падаетъ на Западѣ Европы, и какъ разъ въ это время мы перенесли ее къ себѣ. У русскаго народа безконечное множество историческихъ задачъ, одна сложнѣе другой. Мы до сихъ поръ не знаемъ

ою страну, не умѣемъ пользоваться природными богатствами. Намъ не-
 стааетъ историческихъ, естественно-научныхъ, экономическихъ и юридиче-
 скихъ знаній, а въ это время сухое, схоластическое преподаваніе убиваетъ
 подростующихъ поколѣніяхъ любознательность и энергію мысли. Даже
 родной языкъ, родная словесность отодвинуты въ нашихъ гимназіяхъ на
 орой и третій планъ. Пора, въ истинныхъ интересахъ нашей самобытно-
 сти, положить предѣлъ такому ненормальному порядку вещей. Заимствовать
 ѣдуетъ лишь то, что имѣетъ жизненность у высоко-культурныхъ наро-
 въ, что растетъ и развивается у нихъ и составляетъ основы культурнаго
 щества. Въ числу такихъ *основъ* классическая система отнюдь не при-
 длежитъ. Мы не будемъ отрицать нѣкоторыхъ ея педагогическихъ досто-
 ствъ, но достоинства эти имѣютъ возможность вполнѣ обнаружиться, если
 ассическимъ языкамъ будутъ обучать въ нашихъ гимназіяхъ года три-
 тьре.

Такое измѣненіе въ постановкѣ нашихъ гимназій значительно облегчитъ
 ускорить правильное разрѣшеніе у насъ вопроса о высшемъ женскомъ
 разованіи. До насъ доходятъ съ разныхъ сторонъ извѣстія объ оживле-
 ніи въ обществѣ надеждъ и въ этомъ отношеніи. До высоты престола
 йдутъ, вѣроятно, горячія желанія образованнаго общества относительно
 шпиренія существующихъ женскихъ курсовъ и возстановленія для жен-
 инъ высшаго медицинскаго образованія. Доказательства пользы и важно-
 ти этого образованія для семьи, для общества, для государства приводи-
 сь безчисленное число разъ и, кажется, исчерпаны. Давно уже сообща-
 юсь извѣстіе, что министерствомъ народнаго просвѣщенія выработанъ и
 роектъ женскаго медицинскаго института. Дѣло, разумѣется, не въ назва-
 ии, а въ томъ, чтобы женщинамъ-врачамъ давалось полное медицинское
 бразованіе. И въ городѣ, и въ деревнѣ женщина-врачъ, какъ доказалъ
 же опытъ и въ нашемъ отечествѣ, приноситъ великую, незамѣнимую поль-
 у. А въ здоровьи мы нуждаемся, и въ физическомъ, и нравственномъ.
 бразованная женщина всего скорѣе оздоровитъ и облагородитъ нашу се-
 ейную и общественную жизнь, спасетъ насъ отъ разнузданности хищныхъ
 истинетовъ и отъ грѣховнаго равнодушія и унынія.

Я думаю, что декаденты наши будутъ весьма огорчены, если состоятся
 реобразования, о которыхъ здѣсь упомянуто: имъ хорошо именно въ по-
 утьѣ, въ насыщенной страхами и предразсудками обстановкѣ. Кстати:
 въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* (№ 22, 1895 г.) напечатана любопытная статья:
Декаденты Запада и поэзія волжскихъ инородцевъ. Аналогія выходитъ
 распорѣчивая. Приведу примѣръ. У Метерлинка въ *Душѣ* говорится слѣ-
 ующее: «Вотъ утренній разсвѣтъ, вторгшійся на праздникъ. Я различаю
 гнать, а у оконъ госпиталя парусъ. Какъ продолжительнъ путь отъ мо-
 го сердца къ душѣ! И всѣ часовые умерли на своихъ постахъ. Однажды
 ылъ скромный праздникъ въ предмѣстьяхъ моей души. Тамъ косили въ
 оскресное утро болиголовъ, и всѣ монахини смотрѣли на проходившіе по

каналу корабли въ солнечный пестный день. Между тѣмъ, лебеди стради подь ядовитымъ мостомъ» и т. д.

Казанскій вотякъ поеть въ святочной пѣснѣ: «Камышь будеть шуть *кыштырь, куаштырь*. Съ воды будеть подниматься парь, то поднимала, то опускаясь: это—воздухъ, вдыхаемый нами. Никого нѣтъ похожихъ н насъ. Наши мысли о грибахъ. У берега будеть сидѣть стрижь».

По-моему, вотяцкая пѣсня даже превосходить метерлинковскую *Думу*, и если на Западѣ въ декадентство, въ символизмъ впадаютъ развѣченные люди, пресыщенные многовѣковой культурой, — не ими завоеванной, — н у насъ-то съ какой стати подражать вотякамъ? Нѣтъ, нѣтъ, побольше сѣта, и всѣ эти плачевныя нелѣпицы исчезнуть. Пора за дѣло, за серьезные общественныя задачи: вѣдь, мы во что бы то ни стало, если не хотимъ рисковать своимъ историческимъ будущимъ, должны сравняться въ образваніи съ передовыми народами Западной Европы.

О. Т. В.

Очерки провинціальной жизни.

Эпоха освобожденія крестьянъ и послѣдніе годы—вотъ два момента, когда дуги народной жизни сдѣлались предметомъ серьезнаго вниманія общества. Однимъ этимъ моментамъ предшествовали большія несчастія. Освобожденію крестьянъ предшествовала несчастная крымская война; переживаемому теперь нами моменту предшествовалъ ужасный голодъ. Голодъ, разразившійся въ пространствѣ болѣе двадцати губерній, ошеломилъ общество. Страшенъ былъ голодъ, тяжелы до сихъ поръ его послѣдствія для сельскаго населенія, но онъ же, этотъ голодъ, далъ одинъ важный, положительный результатъ: онъ сильно поспособствовалъ распространенію сознанія разройства крестьянскаго хозяйства. Правда, хроническое ухудшеніе изъ года въ годъ экономическаго положенія крестьянской массы, начавшееся еще въ семидесятыхъ годахъ, неустанно отмѣчалось наукой и публицистикой; въ этому первостепенной важности предмету были написаны капитальные научные труды, печатались сотни статей въ журналахъ, нерѣдко говорилось въ лучшихъ органахъ ежедневной прессы, но, къ несчастію, потребовался всегды необычайный голодъ, чтобы выдвинуть дѣла деревни на видное мѣсто. Умножившіяся за послѣднее время изслѣдованія экономическаго положенія крестьянъ, а также сообщенія о немъ въ печати повсемѣстно вскрываютъ слѣдующую картину. Населеніе растетъ, а удовлетворить всю потребность питанія правильнымъ путемъ перехода къ болѣе усовершенствованной земледѣльческой техникѣ оно не въ состояніи, такъ какъ громаднаго большинства сельскаго населенія не имѣется на это средствъ. Сельское населеніе вынуждено было увеличивать пахотное поле на счетъ луговъ и выгоновъ и сокращать, такимъ образомъ, и безъ того весьма ограниченную площадь пастбищной земли. Результатомъ такого процесса является прогрессирующее уменьшеніе количества скота, истощеніе и иссушеніе почвы, пониженіе урожаевъ и болѣе частые полные неурожаи. Начиная съ 70-хъ годовъ, неурожаи въ свою очередь усиливаютъ неблагоприятныя послѣдствія земельной бѣдноты и порожденнаго ею матеріальнаго недостатка. Они увеличиваютъ задолженность крестьянъ, вызываютъ распродажу, падежъ и вообще потерю скота, усиливаютъ сдачу надѣльной земли, увеличиваютъ число без-

лошадныхъ и безземельныхъ, создавая тѣмъ сельскій пролетаріатъ, ищущающій имѣющіеся въ крестьянскомъ хозяйствѣ запасы и дѣлаютъ сельское населеніе совершенно безпомощнымъ передъ всякою случайностію.

Остановить этотъ регрессъ сельскаго хозяйства, этотъ прогрессирующій упадокъ экономическаго положенія крестьянской массы, выражающійся и непрестаннымъ ростѣмъ безлошадныхъ, безземельныхъ и нищихъ, остановить этотъ бѣдственный процессъ разрушенія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства сдѣлалось теперь одной изъ важнѣйшихъ заботъ правительства. И такое государство, какъ Россія, съ его громаднымъ фондомъ занятыхъ земель, въ состояніи справиться съ этою великою историческою задачею. Историческія задачи, составляющія эпоху, поворотный моментъ въ народной жизни, не бываютъ легки. Трудность предстоящаго правительству великаго дѣла увеличивается еще тѣмъ, что много упущено уже времени. Надежды дѣятелей эпохи освобожденія крестьянъ на предстоящій Россіи благотворный путь развитія оправдались бы, если бы, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, была установлена правильная колонизаціонная система на государственныхъ земляхъ по сю и по ту сторону Уралъ, на необходимость чего указывали дѣятели редакціонной комисіи, и если бы наше пореформенное экономическое законодательство, вкупѣ съ податною системою, обращало бы такое же вниманіе на условія хозяйственнаго преуспѣянія многомилліоннаго сельскаго населенія, какое обращало оно на развитіе крупной промышленности. Тяжелое экономическое положеніе, переживаемое нашимъ отечествомъ, повело къ сознанію ошибочности нѣмѣ тридцатилѣтней экономической политики. Мы читаемъ теперь неоднократныя заявленія правительства, что отнынѣ земледѣльческая промышленность, какъ главное основаніе экономическаго преуспѣянія страны, составитъ предметъ его живѣйшихъ заботъ. Эта возникающая новая экономическая политика успѣла уже проявиться въ важныхъ законодательныхъ актахъ и законодательныхъ работахъ. Здѣсь, прежде всего, надо остановиться на манифестѣ вступившаго на престолъ Императора. Высочайшимъ манифестомъ 14 ноября повелѣно отчислять особыя средства на образованіе собственнаго капитала крестьянскаго банка. Капиталъ этотъ, составленный изъ ежегодныхъ отчисленій съ поступающихъ выкупныхъ платежей, имѣетъ прямою своею задачею «содѣйствіе большому числу лицъ изъ крестьянскаго сословія къ приобрѣтенію земли». Такое повелѣніе высочайшаго манифеста открываетъ чрезвычайно важныя перспективы для будущаго. Помимо того, что сосредоточеніе въ рукахъ крестьянскаго банка свободнаго капитала, который современемъ долженъ дойти до 50 милліоновъ рублей, дастъ ему большія средства для расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія, самое упоминаніе въ высочайшемъ манифестѣ о насущнѣйшей нуждѣ крестьянства краснорѣчиво указываетъ, какъ настоятельна эта потребность, и вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаетъ надежду, что эта задача займетъ подобающее ей важнѣйшее мѣсто въ государственной экономической политикѣ. Далѣе, состоявшееся высочайшее повелѣніе даетъ основаніе рассчитывать на и-

неніе характера дѣятельности крестьянскаго банка. Какъ извѣстно, банкѣ совершенно не удовлетворялъ своему первоначальному назначенію дѣйствовать приобрѣтенію земли наиболее нуждающемуся въ ней частью крестьянскаго населенія. Напротивъ, въ банкѣ водворилась система поддержки наиболее состоятельнаго слоя крестьянства. Замѣчательно, что эта система установилась не путемъ закона, а въ силу усмотрѣнія и приѣмовъ, чему-то терпѣвшихся, а можетъ быть и поощрявшихся. Но теперь, надо думать, эти приемы придется оставить. Новое пособіе дано всему крестьянству, а потому допустимо ли обратить его на болѣе сытыхъ и богатыхъ? Мѣстное экономическое общество, на одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій, постановило представить министру финансовъ мотивированное ходатайство о коренномъ преобразованіи крестьянскаго банка и предложило на усмотрѣніе правительства слѣдующіе свои тезисы: 1) Совершенное отдѣленіе управленія крестьянскаго поземельнаго банка отъ государственнаго орянскаго банка; переименованіе крестьянскаго банка въ государственнѣй крестьянскій банкъ. 2) Предоставить банку покупку земель съ цѣлью ихъ увеличенія надѣловъ, такъ и для перепродажи ихъ крестьянамъ съ цѣлью колонизаціи. 3) Предоставленіе уѣзднымъ земствамъ права инициативы покупокъ земель за счетъ отдѣленій. 4) Предоставленіе органамъ мѣстныхъ земствъ правъ агентовъ по посредничеству между крестьянскимъ банкомъ и покупателями-крестьянами. 5) При выдачѣ ссудъ въ мѣстностяхъ, гдѣ господствомъ общиннаго землевладѣнія желательно отдавать предпочтеніе общинамъ передъ товариществами и отдѣльными лицами. 6) Уменьшеніе, до крайнихъ предѣловъ, формальностей при выдачѣ ссудъ съ предоставленіемъ мѣстнымъ отдѣленіямъ или земствамъ права ованчивать всѣ формальности, не выходя до центрального управленія, и съ сохраненіемъ за послѣднимъ лишь права утвержденія оцѣнокъ и сдѣлокъ и общаго контроля за дѣятельностью отдѣленія. 7) Определеніе размѣра ссудъ всею оцѣночною суммой безъ доплаты, съ предоставленіемъ банку права при исключительныхъ случаяхъ, когда эти участки будутъ имѣть для крестьянъ важное значеніе, выдавать ссуды даже въ большемъ размѣрѣ противъ банковской оцѣнки. 8) Предѣльные нормы ссудъ должны быть разсчитываемы подушно, независимо отъ формы владѣній. 9) При покупкѣ земель маломощными крестьянами могутъ выдаваться ссуды на покупку инвентаря изъ средствъ банка. 10) Продажа недвижимыхъ участковъ допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тщательное изслѣдованіе обнаружило, что накопленіе недоимокъ произошло безъ уважительныхъ причинъ; въ случаяхъ же, когда причиной недоимокъ будетъ непредотвратимое бѣдствіе, онѣ покрываются изъ суммъ банка и разсрочиваются на слѣдующіе годы. 11) Въ виду большихъ средствъ, которыми обезпечиваются крестьянскому банку, желательно съ дѣятельностью этого банка поставить въ тѣсную связь содѣйствіе крестьянскимъ разселеніямъ и переселеніямъ. 12) Желательно, чтобы при дальнѣйшемъ пониженіи процентовъ по государственнымъ займамъ свидѣтельства крестьянскаго банка ставились на первое мѣсто.

Ту же первостепенной важности задачу расширения крестьянского землепользования преследуют происходящая нынѣ въ правительственныхъ формахъ работы надъ организацией въ широкихъ размѣрахъ переселеній и всматриваясь въ законодательство о крестьянской арендѣ государственныхъ земель.

Увеличеніе площади крестьянскаго землепользования является той государственною мѣрой, безъ которой невозможно серьезное улучшение экономическаго положенія народа. Но оно невозможно также и безъ другой мѣры, а именно безъ реформы дѣйствующей податной системы. Чтобы и брать у сельскаго населенія весь его доходъ отъ хозяйства, чтобы освободить ему средства для земледѣльческихъ улучшеній, безусловно необходимыхъ для доставленія пищи увеличивающемуся населенію, нужно реформировать нашу ветхую податную систему въ направленіи соответствія и согласованія съ доходностью. Этого требуетъ и справедливость, и государственніе расчеты.

Въ чемъ еще громадная хозяйственная нужда сельскаго населенія, это въ организаціи мелкаго кредита. Безъ рационально устроеннаго кредита не можетъ идти правильно хозяйство. За отсутствіемъ для сельскаго населенія кредитныхъ учрежденій, оно вынуждено обращаться къ ростовщическому кредиту и платить огромные проценты. Законъ противъ ростовщичества, какъ и слѣдовало ожидать, мало достигъ своей цѣли. Ростовщическіе проценты въ конецъ разоряютъ крестьянъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ правительствомъ сдѣланъ шагъ на пути удовлетворенія этой важной экономической потребности; мы говоримъ объ агентурѣ государственнаго банка по выдачѣ мелкихъ ссудъ деревенскимъ и городскимъ производителямъ. Но за этою мѣрой можно признать значеніе лишь перваго шага. Кредитъ агентствъ банка не будетъ доступенъ огромной массѣ потому, что агентство учреждается въ городахъ, мѣстечкахъ и такихъ селеніяхъ, которые отличаются или торговымъ значеніемъ, или значительною величиной производства. Этимъ самымъ устанавливается ограниченность распространенія агентствъ. Очевидно, внѣ района агентуры останется огромная масса сельскаго люда.

Расширеніемъ крестьянскаго землепользованія, реформой податной системы, организаціей дешеваго сельскаго кредита было бы весьма значительное поднято экономическое положеніе народа. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія рука объ руку пошло бы просвѣщеніе и нашъ даровитый народъ болѣе и болѣе приобщался бы къ благамъ культуры. Въ этомъ прогрессивномъ культурномъ процессѣ дѣятельность земства получила бы большую видную роль, сравнительно съ настоящею, такъ какъ съ преуспѣваніемъ народного благосостоянія возрастали бы земскіе бюджеты и земству открылась бы возможность такихъ мѣропріятій, на которыя теперь у него нѣтъ средствъ.

Надо только сопоставить тѣ первостепеннаго значенія задачи общенациональныя, надъ которыми работаетъ земство, какъ-то: подъемъ матеріальнаго благосостоянія народа, народное образованіе, народное здравіе, съ одной

роны, а съ другой стороны, какъ мало, по скудности бюджетовъ, мотъ сдѣлать теперь земство въ этихъ сферахъ, какъ скудные бюджеты связываютъ руки мѣстнаго самоуправленія въ его усиліяхъ добросовѣстно выполнять возложенныя на него важныя задачи,—надо только сопоставить это, чтобы понять, какъ сильно задерживается культурное развитіе нашего отечества. До какой степени оскудѣнія дошли земскіе финансы въ уѣздахъ съ наиболѣе бѣднымъ крестьянскимъ населеніемъ, это хорошо видно изъ того, что земства здѣсь не имѣютъ денегъ даже на уплату долговъ, на уплату жалованья учителямъ и врачамъ. Мы уже сообщали, что предсѣдатель губернской управы въ такой, когда-то богатой, губерніи, какъ Саратовская, доложилъ собранію, что «земская касса совершенно пуста», между тѣмъ, предстоитъ неотложныхъ расходовъ на 10 тысячъ рублей. Пуста касса потому, что земской недоимки числится около 2.700,000 рублей. *Лукояновское* земство, за неимѣніемъ средствъ, прекратило выдачу жалованья народнымъ учительницамъ и учителямъ во всемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. На *слабужскомъ* экстренномъ земскомъ собраніи выяснилось, что земская касса «совершенно пуста». Собраніе вынуждено было уполномочить управу заложить въ городской банкъ или еще куда-нибудь нѣсколько серій, а если не хватить, то и процентныя даже бумаги, принадлежащія капиталу общественнаго призрѣнія. Задолженность земству крестьянъ огромная. По многимъ губерніямъ она превышаетъ въ нѣсколько разъ годовую окладь. Такъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи сумма недоимокъ земскаго сбора увеличилась въ теченіе 14 лѣтъ почти въ 5 разъ. Та же сумма недоимокъ въ 1893 году превысила окладъ того же года почти въ два раза. Недоимка страховыхъ платежей въ теченіе тѣхъ же четырнадцати лѣтъ увеличилась въ шесть с лишнимъ разъ, а 1893 г. сумма страховыхъ недоимокъ превышаетъ сумму оклада того же года въ два и половиною раза и достигаетъ до 1.219,870 руб. 50 к. Громадное увеличеніе недоимокъ по всѣмъ доходнымъ статьямъ начинается, главнымъ образомъ, съ 1886 г. Херсонская губернія, читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, переживаетъ экономическій кризисъ, который не могъ не отразиться на земской дѣятельности. Прежде всего, онъ неблагоприятнымъ образомъ отразился на поступленіи недоимокъ, что можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ цифръ: на 1 сентября 1893 г. числилось недоимокъ губернскаго сбора на земляхъ 441,303 руб. 36 к., а на городскихъ недвижимыхъ имуществахъ 149,886 руб. 88 к.; на 1 сентября 1894 г. числилось недоимокъ: на земляхъ 460,111 руб. 82 к., а на недвижимыхъ имуществахъ—333,483 руб. 18 к. Такимъ образомъ, въ теченіе отчетнаго года прибавилось недоимокъ 102,405 р. И такой результатъ получился несмотря на то, что начальникъ Херсонской губерніи циркуляромъ предписалъ полиціи принять для пополненія недоимокъ всѣ дозволенныя закономъ мѣры вплоть до продажи недвижимаго имущества, на которомъ числится недоимка. Вслѣдствіе слабого поступленія сборовъ, губернской управѣ и особенно уѣзднымъ приходилось удовлетворять текущія нужды займами. Займами живетъ земство и такой, повидимому, богатой губерніи, какъ Орловская. Въ отчетѣ, представлен-

номъ управой послѣдному губернскому собранію, говорится о печальномъ положеніи дѣла земскихъ сборовъ. Изъ отчета оказывается, что къ 1 января 1894 г. по губернской смѣтѣ исчислено было земскихъ повинностей 206,913 р. Къ 1 января 1894 г. оставалось въ недоимкѣ 286,240 р., и пополненіе которыхъ по 1 сентября поступило 135,209 р. Такимъ образомъ, въ теченіе означеннаго времени въ счетъ оклада ничего не поступило и осталось непополненною недоимка прежнихъ лѣтъ — 151,030 руб.; всего же къ 1 сентября сего года состоятъ за уѣздными управами губернскаго сбора (недоимки и оклада) 357,943 руб. Такое неудовлетворительное поступленіе земскаго сбора вынудило губернскую управу, для удовлетворенія необходимыхъ расходовъ, прибѣгнуть къ займамъ.

Мы могли бы еще долго перечислять тѣ земства, гдѣ финансы крайне разстроены большими недоимками. Недоимки земскихъ бюджетовъ значительно превышаютъ въ процентномъ отношеніи недоимки государственныхъ бюджета и это потому, что, несмотря на неоднократныя ходатайства земствъ, послѣднія продолжаютъ получать лишь остатки отъ казенныхъ сборовъ, и взысканіи которыхъ сосредоточены все вниманіе, вся энергія органовъ фиска.

На земство возложена высокая обязанность попеченія о хозяйственныхъ нуждахъ населенія, и, надо сказать, большинство земствъ добросовѣстно и умѣло выполняютъ эту обязанность. Не мало добра сдѣлали они населенію, но, по скудости своихъ матеріальныхъ средствъ, они не въ силахъ были остановить разложеніе самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, поддержать ростъ безлошадныхъ, безземельныхъ и нищихъ. Въ виду этого, земству оставалось одно: указывать правительству на прогрессирующій упадокъ экономическаго положенія народа и ходатайствовать о настоятельныхъ требуемыхъ жизнью государственныхъ мѣрахъ. Земство это дѣлало и продолжаетъ дѣлать.

Ухудшеніе условій крестьянскаго хозяйства совершается во многихъ мѣстностяхъ. Вотъ предъ нами лежитъ изданный недавно губернскимъ земствомъ *Сельско-хозяйственный обзоръ по С.-Петербургской губерніи 1894* въ періодической печати рѣдко появляются свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Петербургской губерніи, во всякомъ случаѣ гораздо рѣже, нежели о плодовомъ же хозяйствѣ въ большинствѣ другихъ губерній. Между тѣмъ, условія хозяйства крестьянъ Петербургской губерніи столь же неблагоприятны, какъ и повсюду въ Россіи.

Климатическія условія 1894 г., говорится въ упомянутомъ обзорѣ, были очень благоприятны для сельскаго хозяйства. Исключительная, необычайная ранняя весна, съ почти южными солнечными днями, крайне благоприятно отразилась на всходахъ хлѣбовъ и травъ. Вместе съ тѣмъ, благодаря мягкой зимѣ, благоприятны были также и условія для зимняго прокорма скота. Большинство земскихъ корреспондентовъ говорятъ о прошедшемъ году какъ о необыкновенно счастливомъ для сохраненія скота. Какъ же, спрашивается, отозвались эти необыкновенно благоприятныя для сельскаго промысла условія на крестьянскомъ хозяйствѣ? Оправданы ли хотя немного

истьяне за этотъ годъ? Пополнили ли они хотя отчасти происшедшую за нѣжніе годы огромную убыль скота? Нѣтъ, къ сожалѣнію, этого не произошло. Единственнымъ результатомъ исключительно благопріятныхъ климатическихъ условій прошлаго года было лишь отсутствіе въ большинствѣ юстей продажъ рабочаго скота. Но и этотъ фактъ значительно теряетъ, словамъ *Обзора*, свое значеніе, если припомнить, что въ предшествующемъ году была столь усиленная продажа скота, что и «продавать стало нѣго». Дѣйствительно, многіе корреспонденты, сообщивъ о томъ, что прокн скота не было, вслѣдъ за симъ прибавляютъ: «сбыта не было, ибо нѣ мало осталось отъ прошлаго года»; «продажи скота не было, такъ нѣ нечего сбывать,—скота осталось мало». Причины, воспрепятствовавшія крестьянамъ оправиться и въ такой необычайно-счастливый въ климатическомъ отношеніи годъ, каковы были прошлый, корреспонденты видѣтъ въ маломъ количествѣ хлѣба, собираемаго крестьянами съ собственннхъ земель, въ малыхъ размѣрахъ крестьянскихъ выгоновъ, въ чрезмѣрныхъ податяхъ. Во всей губерніи нѣтъ ни одной волости, гдѣ населенію втило бы собственнаго хлѣба болѣе чѣмъ на 9 мѣсяцевъ. Число волостей, которымъ хватаетъ хлѣба отъ 6 до 9 мѣсяцевъ, составляетъ лишь 5%. Отъ 3 до 6 мѣсяцевъ населеніе кормится своимъ хлѣбомъ въ 32% всѣхъ волостей. 28% хватаетъ хлѣба только до 3 мѣсяцевъ. 8% покупаютъ хлѣбъ круглый годъ *). Какъ недостаточны крестьянскіе надѣлы дѣ хлѣбъ, такъ же недостаточны они для выгона, безъ расширенія котораго сельское населеніе никогда не будетъ въ состояніи держать надлежащее количество скота. Недостаточность собственныхъ крестьянскихъ выгоновъ и слишкомъ большая плата за пользованіе выгонами частныхъ имевладѣльцевъ, говорится въ *Обзорѣ*, составляютъ общія условія крестьянскаго хозяйства въ Петербургской губерніи. Невозможность для крестьянъ держать надлежащее количество скота по немнѣнію для него корма нѣ болѣе усиливается тѣмъ, что и изъ того небольшого количества коровъ, которые собираются съ полей, крестьяне еще съ осени вынуждены значительную часть продавать на уплату податей. Объ этомъ говорятъ всѣ корреспонденты.

На человека, способнаго живо чувствовать народную нужду, современное экономическое положеніе крестьянъ производитъ удручающее впечатлѣніе. Это удручающее впечатлѣніе еще усиливается сознаніемъ, что нѣтъ бы энергична ни была частная дѣятельность въ экономической сферѣ, нѣа немногое измѣнить въ совершающемся процессѣ ухудшенія условій роднаго хозяйства. Другое дѣло, если бы на помощь народу выступили сотни, а десятки тысячъ образованныхъ людей; но ожиданіе этого сегодня или завтра было бы мечтою. Тѣмъ не менѣе, въ печати не переставать вновь и вновь сообщаться свѣдѣнія о появленіи то въ томъ, то въ

*) Изъ 36 волостей, составляющихъ 28,8% всѣхъ волостей губерніи, свѣдѣній получено.

другомъ мѣстѣ добрыхъ людей, которыхъ совѣсть призываетъ пріести посильную помощь окружающему ихъ населенію.

Изъ села Беково, Саратовской губерніи, въ *Русскую Жизнь* сообщаютъ, что тамъ кружкомъ сельской интеллигенціи основано общество улучшенія народнаго труда. Въ настоящее время общество имѣетъ около сѣмнадцати членовъ съ шестирублевымъ взносомъ въ годъ. Общество намѣтло слѣдующую программу дѣятельности: 1) озаботиться устройствомъ кредита для крестьянскаго населенія; 2) поддерживать и развивать существующія на мѣстѣ кустарныя производства; 3) устраивать выставки изделий сельскаго хозяйства и кустарныхъ произведеній съ продажей ихъ; 4) ввести при мѣстныхъ народныхъ училищахъ преподаваніе элементарнаго курса сельскаго хозяйства и народной медицины; 5) открывать ремесленные классы при земскихъ школахъ, существующихъ въ районѣ дѣятельности комитета, и открыть при мѣстномъ двухклассномъ мужскомъ министерскомъ училищѣ третій специально ремесленный классъ, съ цѣлью готовить мастеровъ-руководителей для ремесленныхъ отдѣленій, укреплений при сельскихъ народныхъ школахъ; 6) устроить народную бесплатную бібліотеку и публичные чтенія въ с. Бековѣ для рабочихъ и крестьянъ.

Часть этой программы общество успѣло уже выполнить. Такъ, и открыто ссудо-сберегательное товарищество, распространяющее свои дѣятельности на 19 волостей. Товарищество въ настоящее время имѣетъ годовыя обороты около 100 тысячъ рублей при 700 членахъ, главный составъ ихъ крестьяне ближайшихъ селъ и деревень. Дѣла товарищества находятся въ цвѣтущемъ состояніи и довѣріе къ нему растетъ съ каждымъ годомъ, что видно уже изъ размѣра оборотовъ товарищества. Далѣе, общество открыло мастерскую при мѣстномъ двухклассномъ мужскомъ училищѣ въ которой, кромѣ учениковъ училища, обучаются слесарному и столярному ремеслу и окончившіе полный курсъ училища. Въ прошломъ году въ мастерской обучалось болѣе 50 мальчиковъ по столярному отдѣлу и столько же по слесарному; ученики школы занимаются въ мастерской въ послѣднее обѣденное время, а окончившіе курсъ и оставшіеся специально для изученія какого-нибудь ремесла занимаются весь день. По ходатайству общества, разрѣшена и уже открыта народная бесплатная читальня съ бібліотекой при ней въ зданіи женскаго министерскаго двухкласснаго училища. Въ настоящее время въ бібліотекѣ имѣется 556 названій книгъ въ 700 экземплярахъ по разнымъ отраслямъ знанія. Читальня въ праздничныя дни бываетъ буквально полна посѣтителями, такъ что довольно обширный залъ, по словамъ завѣдующаго бібліотекой, иногда не вмѣщаетъ желающихъ читать. Сознавая важное значеніе народныхъ публичныхъ чтеній, общество желало открыть въ праздничные вечера публичные чтенія, съ этою цѣлью пріобрѣтенъ волшебный фонарь, картины и проч., составленъ списокъ допущенныхъ и разрѣшенныхъ въ народномъ чтеніи книгъ и брошюръ, не было недостатка и въ лекторахъ, но... недостаетъ главныхъ разрѣшеній: комитетъ обращался за разрѣшеніемъ открыть публичныя чтенія

и къ духовной и свѣтской администраціи, но всё хлопоты пока безпѣшны.

Въ концѣ октября прошлаго года,—читаемъ въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ*,—въ Томскѣ открыло свои дѣйствія общество вспомошествованія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ Томскаго горнаго округа. Общество новано по инициативѣ мѣстнаго горнаго кружка, члены котораго явились редителями и организаторами общества, имѣющаго главною цѣлью оказаніе помощи тѣмъ рабочимъ, которые при работахъ на горныхъ и золотыхъ промыслахъ лишились возможности трудиться вслѣдствіе увѣчья или траты здоровья и силъ. Сообразно съ этою цѣлью занятія общества составляютъ: 1) снабженіе одеждою, пищею и пріютомъ увѣчныхъ, если они могутъ приобретать ихъ собственными средствами, равно выдача имъ въ крайнихъ случаяхъ денежныхъ пособій; 2) устройство для увѣчныхъ рабочихъ особыхъ убѣжищъ; 3) содѣйствіе матеріальными средствами къ скорѣйшему и успѣшному излеченію увѣчныхъ и оказаніе пособія ихъ семействамъ и 4) содѣйствіе къ страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ въ страховыхъ обществахъ. Общество находится въ городѣ Томскѣ. Пріобрѣтствуя новое томское общество, *Екатеринбургская Недѣля* высказываетъ пожеланіе, чтобы благой примѣръ его нашелъ подражателей и въ Уралѣ, гдѣ горная промышленность еще болѣе развита, чѣмъ въ Сибирѣ.

Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ мы говорили о распространеніи въ Пермской губерніи земледѣльческихъ артелей, начало устройству которыхъ было положено секретаремъ шадринской земской управы г. Федоровымъ. Такихъ артелей теперь уже болѣе сотни. Къ числу наиболѣе процвѣтающихъ артелей принадлежатъ артели Першинскія. Основала эти артели и завѣдуетъ ими Юлія Ивановна Кудрявцева. *Екатеринбургская Недѣля*, сообщая о дѣятельности г-жи Курявцевой, справедливо видитъ въ ея работѣ чрезвычайно плодотворное примѣненіе силъ на пользу народа. По словамъ газеты, г-жа Кудрявцева пользуется въ Першинской волости всеобщою любовью, какъ женщина, много потрудившаяся для своихъ односельчанъ. Зная основательно бытъ каждаго изъ першинскихъ крестьянъ въ отдѣльности, зная степень ихъ устойчивости въ работѣ, также приблизительно и характеръ многихъ,—это все необходимо знать для успѣшнаго веденія дѣла,—г-жа Кудрявцева сумѣла сдѣлать прекрасный и надежный подборъ членовъ. Постоянно заботясь объ артеляхъ, участвуя въ ихъ совѣщаніяхъ, г-жа Кудрявцева поставила дѣло такъ, что артельщики, народъ почти совершенно разорившійся въ голодный годъ, начинаютъ, благодаря сплоченной работѣ, снова вставать на свои ноги и обзаводиться полнымъ хозяйственнымъ инвентаремъ. И надо сказать правду, дружная работа ихъ сторицею вознаградилась хорошимъ урожаемъ. Была бѣда только въ томъ, что полученный хлѣбъ некуда ссыпать, потому что амбары артельщиковъ были уничтожены бывшимъ въ селѣ года четыре тому назадъ громаднымъ по-

жаромъ, а поставить новые—не было средствъ. Но и тутъ выручили добрые люди. Завѣдующая артелями обратилась отъ имени всѣхъ трехъ артелей къ мѣстному землевладельцу, г. Поклевскому, съ просьбой пожертвовать артелямъ принадлежащее ему старое развалившееся зданіе, гдѣ прежде помѣщался кабакъ. Результатомъ этой просьбы было то, что артелиныи имѣютъ теперь амбаръ. Г. Поклевскій (большое и душевное спасибо говорить ему артельщикамъ) уже прислалъ документы для передачи артелямъ права владѣнія зданіемъ.

Но какъ бы плодотворно ни была работа кружка или отдѣльнаго лица, какое бы нравственное удовлетвореніе ни доставляла она, дѣятели и народной средѣ не могутъ забыть, что ихъ работа несетъ добро лишь въ селенію окружающаго ихъ околотка. А потому, естественно, ихъ не оставляетъ мысль о томъ, какими, при данныхъ жизненныхъ условіяхъ, путемъ возможно было бы немедленно организовать, въ широкихъ размѣрахъ, защиту народныхъ интересовъ, повторяемъ—организовать немедленно, и ожидая тѣхъ или другихъ государственныхъ мѣръ, результаты которыхъ скажутся лишь по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а за это время «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ». Какъ ни разнообразны представленія о возможныхъ къ немедленному осуществленію путяхъ защиты народныхъ интересовъ, всѣ они, однако, имѣютъ существенное общее, и это общее заключается въ вѣрѣ, что элементъ для такой организаціи существуетъ и этотъ элементъ есть интеллигенція, живущая по деревнямъ. Именно съ этой стороны представляетъ интересъ статья: *Возможность борьбы съ кулачествомъ въ настоящее время*, напечатанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Екатеринбургскій Недѣли*.

Много говорено и писано о кулачествѣ, — говоритъ авторъ статьи, этой злѣющей язвѣ на общественномъ организмѣ деревни; много есть государственныхъ проектовъ для излеченія этой язвы; но когда они еще существуютъ, а жизнь идетъ и на каждомъ шагу предъявляетъ свои требования; каждый часъ несетъ свои недуги, требуетъ вниманія и заботы. Чемъ менѣе видишь зло препятствій для себя, тѣмъ энергичнѣе проявляются дѣлая новыя бреши въ распатанной народной жизни, раздѣлая язвы шире и глубже. Возлагая надежды на радикальное врачеваніе зла въ будущемъ, нельзя закрывать глаза на настоящее; много вопіющихъ жизненныхъ явленій могло бы быть устранено теперь же, немедленно, при наличныхъ силахъ и условіяхъ.

Вотъ картина будничной сѣрой жизни деревни, засвидѣтельствованная массой наблюдателей: право богатаго и сильнаго положительно преобладаетъ надъ чувствами справедливости и законности. Жажда наживы совершенно подавляетъ эти чувства. Власть темной силы, именуемой «кулачествомъ», такъ глубоко всосалась въ народную жизнь, что не остается впереди ни передъ какимъ правонарушеніемъ, если за нимъ видится возможность наживы, хотя бы путемъ самаго вопіющаго притѣсненія меньшинства.

та. И всё эти неприглядныя дѣянія прикрываются весьма прозрачною тенью, сотканною изъ жалкихъ словъ: «мы кормимъ ихъ, въ нуждѣ вы-
заемъ». Гдѣ кулачество не можетъ проявить себя подъ видомъ благодѣ-
ла, тамъ употребляются подкупъ, лжесвидѣтельство и т. п., чтобы съ
формальной стороны узаконить незаконныя дѣянія. Власть достатка ухи-
щется прельстить нетвердыя души; совѣсть этихъ слабыхъ, колеблемая
обещаніями благъ земныхъ, — обещаніями, подкрѣпляемыми зельемъ кабац-
мъ, а чаще всего безвыходною нуждой, — попирается и приносится въ
жертву мамонѣ. Есть въ народѣ и смѣлые люди, готовые самоотверженно
личить зло, заступиться за обиженнаго; но въ народѣ же давно сложи-
лась поговорка, что «правда въ щель загнана». Кажется, что лучше сво-
е начальниковъ, своего суда? Какъ мѣстные жители той же деревни,
изко знающіе недуги ея, избираемые самою же деревней, они, думается,
огли бы бороться съ правонарушеніями, предупреждать ихъ, въ самомъ
истинѣ пресѣкать зло. Но эти такъ называемые «лучшіе» люди избираютъ,
въ громадномъ большинствѣ случаевъ, подъ давленіемъ кулачества же;
какъ плоть отъ плоти этой силы, сами насквозь пропитанные идеалами
кулачества, они великое благо самоуправленія нерѣдко извращаютъ въ
опиющее самоуправство, которое тѣмъ злѣе, что прикрывается вынужден-
ными, подъ вліяніемъ кулачества, рѣшеніями волостныхъ судовъ, съ фор-
мальной стороны законными и неподлежащими обжалованію. Но «страшенъ
онъ, да милостивъ Богъ». Борьба съ этимъ зломъ безправія въ большей
мѣрѣ возможна теперь, въ настоящую минуту, при наличныхъ силахъ и
словіяхъ; необходимо только объединиться этимъ силамъ. Всѣ помнить,
какъ энергично и толково работала русская интеллигенція во время ми-
нувшего бѣдствія и исполнила свою работу хорошо, потому что работала
дружно. Такая же дружная работа интеллигенціи противъ язвы безправія,
выросшаго на почвѣ кулачества, должна бы проявиться и теперь, — несо-
мнѣнно, такая работа имѣла бы огромныя преимущества передъ единичною
работой отдѣльныхъ лицъ. Кулачество выработалось въ извѣстную систе-
му; обирание ближняго производится имъ сообща; всѣ послѣдователи этого
культа помогаютъ другъ другу съ примѣрнымъ усердіемъ и единодушіемъ.
Разъ это такъ, то и бороться съ этимъ зломъ возможно также сообща,
силами всей, *непременно всей*, интеллигенціи деревни. Общее соглашеніе
всѣхъ дѣятелей деревни возможно установить на ежегодно бывающихъ
сѣздахъ духовенства по благотворительнымъ округамъ; для частныхъ же со-
глашеній отдѣльныхъ лицъ всегда найдется и время, и мѣсто. Въ какой
формѣ выработается единство дѣйствій — дѣло такта самихъ дѣятелей, лишь
бы только всѣхъ дѣятелей согрѣвала христіанская любовь, руководило бы
всѣми чувство христіанскаго братолюбія. Жизнь идетъ, — заканчиваетъ ав-
торъ, — зло не дремлетъ; силы есть, — необходимо бороться съ нимъ.

То же организованное объединеніе силъ сельской интеллигенціи имѣло
въ виду полтавское земство въ проектированныхъ имъ «сельскихъ попечи-
тельствахъ», о которыхъ мы говорили въ ноябрской книжкѣ нашего жур-

нала. Но, разумеется, задачи этих попечительствъ были шире и постановка самого дѣла была гораздо практичнѣе сравнительно съ организацией, проектируемой авторомъ указанной статьи. Какъ помнитъ читатель, на «сельскія попечительства» возлагалось оказывать содѣйствіе сельскимъ обществамъ: 1) по долгосрочной арендѣ и приобретению въ собственность земель; 2) по отысканію заработковъ и переселенію въ другія мѣстности; 3) по организациіи кредита; 4) по улучшенію прочихъ условій матеріальнаго ихъ быта; 5) по улучшенію условій нравственнаго ихъ быта, и 6) во всѣхъ случаяхъ непредвидѣнныхъ бѣдствій и вообще при обнаруживавшейся надобности оказать содѣйствіе.

Одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ открытію интеллигенціи болѣе возможности работать въ интересахъ народа многіе справедливо ищутъ въ учрежденіи всесословной волости. Нынѣшнее волостное устройство составляетъ самую слабую сторону мѣстнаго административнаго строя. Волостные старшины и волостныя правленія давно уже обратились въ органы общаго, а не специально крестьянскаго управленія. При такомъ положеніи дѣлъ, предложенныя, какъ слышно, въ министерствѣ внутреннѣхъ дѣлъ частныя измѣненія въ составѣ волостного схода не могутъ имѣть большого значенія; существенною переимѣной къ лучшему была бы только замѣна крестьянской волости другою территориальною единицею, общесословною и самоуправляющеюся, причѣмъ открылась бы сельской интеллигенціи возможность принять живое, юридически обоснованное участіе въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Какъ городская, такъ и сельская интеллигенція находятъ въ настоящее время наибольшее приложеніе своимъ силамъ въ сферѣ просвѣщенія народа. Каждый мѣсяцъ газеты приносятъ новыя свѣдѣнія объ открытіи отдѣльными лицами и кружками школъ начальныхъ и воскресныхъ, народныхъ читаленъ, сельскихъ библиотекъ, сельскихъ книжныхъ складовъ, народныхъ чтеній. Часто дѣло начинается съ самыми ничтожными средствами и въ небольшой періодъ времени достигаетъ значительнаго развитія и становится на твердую почву. Такова, напримѣръ, исторія школы г-жи Боганъ, рассказанная въ *Крымскомъ Вѣстникѣ*. А. М. Боганъ открыла въ Симферополѣ начальное училище, въ которомъ предполагала обучать за небольшую плату дѣвчонокъ. Но едва только открылось училище, какъ бѣднѣйшее населеніе города стало осаждать учредительницу просьбами о принятіи дѣтей въ школу бесплатно. Г-жа Боганъ убѣдилась, что большинство просителей настолько бѣдно, что не можетъ платить за ученіе. Зрѣніе духовнаго голода побудило г-жу Боганъ измѣнить свое первоначальное намѣреніе. Заручившись сочувствіемъ двухъ другихъ учительницъ и нѣсколькихъ лицъ изъ общества, обѣщавшихъ матеріальную помощь, она преобразовала свою платную школу въ бесплатную. Дѣти нахлынули въ такомъ количествѣ, что пришлось многимъ отказать и ограничиться 50 ученицами, сообразно съ занятымъ помещеніемъ. По истеченіи нѣкотораго времени учредительница школы не могла не замѣтить, что для того благодѣ-

дей, изъ котораго въ школу нахлынули дѣти, одного общаго образованія недостаточно. Г-жа Коганъ задалась цѣлью организовать при школѣ, комъ съ преподаваніемъ общеобразовательныхъ предметовъ, изученіе ремесла. Осуществилась и эта задача. Сначала была приглашена за плату учительница рукодѣлія; но такъ какъ это потребовало непосильныхъ расходовъ (на учебныя пособия и приспособленія), а частныхъ пожертвованій хватало, то явилась необходимость прибѣгнуть за помощью къ городскому управленію; послѣднее не отклонило ходатайство и послѣшило на помощь училищу. Конечно, это такъ только говорится, — замѣчаетъ газета, — что городъ пришелъ на помощь школѣ, говорится по странному неразумію, потому что въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ случаяхъ добраго рода, частныя лица съ своими школами и съ своимъ безкорыстнымъ трудомъ приходятъ на помощь городу, а не наоборотъ... Но дѣло не въ этомъ. Городская управа ассигновала субсидію въ 200 рублей; съ этими средствами, при кое-какихъ частныхъ пожертвованіяхъ, можно было вести дѣло дальше. Одновременно съ увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ директорница школы нашла полезнымъ озаботиться учрежденіемъ контроля надъ школой въ матеріальномъ отношеніи; это повело къ тому, что третьи, пользующіяся въ городѣ почетною извѣстностью и довѣріемъ общества, приняли ближайшее участіе въ дѣлахъ школы. Разумѣется, не контроль надъ школой составлялъ исключительную цѣль этого участія; приглашенные лица поставили себѣ главнѣйшею задачею увеличеніе матеріальныхъ средствъ школы, которыя съ той минуты вступили въ новую фазу своего бытія. Средства школы стали быстро возрастать, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась возможность ея расширенія. Было расширено помѣщеніе школы, число ученицъ достигло 97; школа уже формальнымъ образомъ была реобразована въ профессиональную. Дѣти, занимаясь общеобразовательными предметами, въ то же время, основательно занимались рукодѣліемъ, оставленнымъ уже достаточно широко; они кроили, самостоятельно шили латя себѣ и своимъ домашнимъ и, наконецъ, съ открытіемъ при школѣ одной мастерской, школа стала принимать заказы частныхъ лицъ. Въ прошломъ году школьная мастерская въ общемъ дала 259 р. дохода. Школа дѣлалась популярной. На нее обратилъ вниманіе г. начальникъ губерніи, который, посѣтивъ школу, вынесъ вполне благопріятныя для нея впечатлѣнія и принялъ кое-какія мѣры къ увеличенію ея денежныхъ фондовъ. Въ пользу школы былъ устроенъ танцевальный вечеръ съ подарками, давший чистаго сбора 1,400 рублей. Основной фондъ училища, хранившійся въ банкѣ, достигъ вслѣдствіе этого 2,000 рублей. Такова краткая исторія школы, созданной энергіей г-жи Коганъ и ея сотрудниковъ.

Приазовскій Край сообщаетъ, что въ Таганрогѣ на-дняхъ откроется народная бібліотека и читальня, организаторомъ которой является Л. П. Терницкая. По словамъ газеты, эта просвѣщенная женщина задалась мыслію открыть доступъ къ книгѣ тѣмъ элементамъ городского населенія, которые, обучившись грамотѣ, затѣмъ въ теченіе всей жизни бываютъ отторгнуты

отъ книги или питають умъ нездоровою пищею лубочныхъ изданій. Проекту основательницы «таганрогской народной читальни и библиотеки», предполагается библиотеку-читальню снабдить не только книгами, но и папками, и журналами, допущенными въ народныя библиотеки. Учредительница предварительно занялась изученіемъ, по библиографическимъ даннымъ, и проса о томъ, «что читаетъ народъ», и, сообразно съ опытомъ существующихъ читаленъ, выработала для своей библиотеки каталогъ, въ которомъ съ достаточною полнотою представлены разные отдѣлы беллетристическаго историческаго и популярно-научнаго чтенія. Книжки будутъ выдаваться и пользованія въ самомъ помѣщеніи читальни бесплатно, а за чтеніе на нихъ платомъ по 10 к. въ мѣсяцъ и 50 к. въ полгода.

Изъ Лохвиць въ *Русскую Жизнь* сообщаютъ объ исполнявшейся и дошедшей до существованія тамъ воскресной школы, устроенной мѣстной интеллигенціей. Уже первый годъ существованія школы, — говоритъ корреспондентъ, — показалъ, какъ нетрудно въ каждомъ провинціальномъ городкѣ, и самыхъ ограниченныхъ средствахъ, устроить воскресную школу и ка велика потребность въ ней народа. Когда было испрошено разрѣшеніе на ея открытіе, то среди лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, было собрано около 50 руб. и на эти скудныя средства были выписаны все необходимыя для первоначальныхъ занятій учебники, учебныя пособія, составлена маленькая библиотека и пр. Уже вскорѣ послѣ начала занятій школа и считывала 63 ученика (43 мужчинъ и 20 женщинъ), а когда слухъ о ней успѣлъ распространиться среди населенія, то число учениковъ достигло 165 человекъ, изъ которыхъ были 103 мужчины и 62 женщины. Несмотря на то, что населеніе охотно посѣщаетъ воскресныя занятія и вѣрить въ ихъ пользу видно изъ того, что, кромѣ городскихъ жителей, ее посѣщали жители деревень, отстоящихъ отъ города на 5—8 верстъ. За весь учебный годъ изъ 165 учениковъ прекратило занятія только 17 человекъ, и то, главнымъ образомъ, по такимъ причинамъ, какъ выѣздъ изъ города, наемъ и пр. Все эти 165 человекъ чрезвычайно разнообразны по возрасту: здѣсь были и дѣти одиннадцатилѣтняго возраста, и шестидесятилѣтніе старики. Эти слѣдующіе ученики ведутъ свои занятія съ необыкновеннымъ прилежаніемъ, направляютъ свое вниманіе, чтобы постичь уже труднѣе въ ихъ годы дальнейшее ученіе грамоты и всякій успѣхъ, всякая новая буква видимо доставляетъ имъ большое удовольствіе. Одинъ старикъ продолжалъ свои занятія до самаго поръ, пока болѣзнь, а затѣмъ смерть не прекратила ихъ.

Весьма интересное также сообщеніе о народныхъ чтеніяхъ, организованныхъ недавно въ селѣ Антиповкѣ, Камышинскаго уѣзда, напечатанное въ *Саратовскомъ Листкѣ*. Здѣсь религіозно-нравственныя и отчасти историческія чтенія ведутся въ приходскомъ храмѣ. Инициаторомъ и организаторомъ этихъ чтеній является приходскій священникъ В. П. Космолинскій. Къ нему примкнули нѣсколько лицъ изъ мѣстной интеллигенціи. Храмъ, въ которомъ происходятъ чтенія, вмѣщаетъ въ себѣ болѣе тысячи слушателей; для другой части чтеній служитъ помѣщеніе земско-общественнаго

колы. Въ промежутки между чтеніями пость хоръ любителей, преимущественно изъ крестьянъ, а передъ началомъ и въ концѣ чтеній—всѣ притетвующіе, подъ руководствомъ священника, массою. Чтенія очень нравятся крестьянамъ и число посѣтителей съ каждою чтеніемъ сильно возрастаетъ.

О такомъ же наплывѣ народа на чтенія пишутъ изъ Вятки въ *Волжскій Вѣстникъ*. Съ 13 ноября,—сообщаетъ корреспондентъ,—у насъ на-длись правильно организованныя народныя чтенія, которыя происходятъ каждый праздникъ въ одномъ изъ земскихъ зданій при громадномъ стеченіи публики. Стеченіе публики бываетъ настолько велико, что довольно просторная зала, могущая вмѣстить до 500 человекъ, оказывается тѣсною, какъ какъ число посѣтителей бываетъ отъ 600 до 700 и болѣе человекъ, въ виду чего послѣдующія чтенія, какъ слышно, будутъ происходить уже въ помѣщеніи клуба, залъ котораго просторнѣе. Нужно замѣтить, что вятскій клубъ, къ его чести, на ряду съ губернскимъ земствомъ принялъ живѣйшее участіе въ организаціи народныхъ чтеній, уполномочивъ одного изъ своихъ старшинъ быть въ числѣ учредителей, и согласился, совместно съ губернской земскою управою, выписать для чтеній хорошій волшебный онаръ съ картинами, на что тѣмъ и другимъ учрежденіемъ ассигновано 50 рублей.

Гдѣ открыты народныя чтенія, они полны народомъ; начальныя и воскресныя школы переполнены крестьянскими дѣтьми и многіе изъ нихъ, по недостатку школъ или мѣстъ въ существующей школѣ, лишаются того права, которое должно считаться однимъ изъ самыхъ неотъемлемыхъ,—права на образованіе. Бѣдность народа не позволяетъ ему самому взяться за образованіе своихъ дѣтей; но когда средства имѣются, на сцену выступаетъ крестьянская инициатива въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Такъ, *Томскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ о цѣломъ рядѣ сельскихъ обществъ, ходатайствующихъ объ открытіи на ихъ средства народныхъ библиотекъ. Крестьянскія общества селъ: Такмыкского, Муромского, Пустынского и Мало-Красноярского, Тарского округа, возбудили ходатайства о разрѣшеніи открытія народныхъ бесплатныхъ библиотекъ и читаленъ, изъ которыхъ муромскій сельскій сходъ постановилъ на устройство сельской библиотеки ассигновать 150 р. изъ суммъ прибыли общественнаго питейнаго заведенія, а мало-красноярское, такмыкское и пустынское общества на устройство библиотекъ ассигновали: первыя два по 150 руб., а послѣднее 100 руб. изъ суммъ мирского сельскаго капитала; въ селѣ же Такмыкомъ подъ общественную библиотеку безвозмездно отдается домъ, состоящій изъ 3-хъ, вполне удобныхъ, сухихъ и теплыхъ комнатъ, принадлежащій мѣстному торговцу крестьянину Дмитрію Байглеву, а завѣдываніе открывающеюся библиотекою безвозмездно приняла на себя жена мѣстнаго священника. *Полтавскія Губернскія Вѣдомости* сообщаютъ, что ивановскій волостной сходъ постановилъ учредить въ селѣ Гурбинцахъ волостную двуклассную школу на 60 душъ. При школѣ устранивается общежитіе,

куда сельскіе обыватели могли бы помѣщать своихъ дѣтей, снабжая ихъ пищевыми продуктами. На постройку школы волостнымъ сходомъ ассигновано одновременно 2,700 руб. изъ мірскихъ суммъ, принадлежащихъ той волости, и на содержаніе ея дано обязательство ежегодно выдавать по 700 руб. изъ прибыли вспомогательной кассы и другихъ доходовъ волости. Бѣлоцерковскій волостной сходъ рѣшилъ устроить народную безплатную библіотеку въ честь восшествія на престолъ Императора Николая II. Проектъ устройства библіотеки былъ принятъ сходомъ единогласно, причемъ ассигновано одновременно 50 руб. и ежегодно по 40 рублей. Въ Самарскій *Вѣстникъ* пишутъ изъ Уфы, что жители села Усь-Степановки, Бирскаго уѣзда, желая увѣковѣчить память въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, постановили открыть при волостномъ правленіи такъ называемую «волостную» библіотеку. За содѣйствіемъ при самой организаціи библіотеки и объ уставѣ усь-степановскіе обыватели обратились въ вѣтербургскій комитетъ грамотности. Жители волости, въ числѣ 1,300 душъ, постановили собрать съ каждой ревизской души по 15 коп. Къ образовавшейся, такимъ образомъ, суммѣ въ 195 руб. прибавили еще 55 руб. изъ волостныхъ суммъ, чтобы собрать необходимые 250 рублей и чтобы заручиться, такимъ образомъ, содѣйствіемъ комитета грамотности. Въ ту же газету сообщаютъ изъ Новоузенскаго уѣзда, что малоузенскій волостной сходъ постановилъ открыть въ слободѣ Маломъ-Узенѣ при мѣстномъ волостномъ правленіи народную библіотеку-читальню. На первоначальное открытіе библіотеки сходъ ассигновалъ одновременно 200 руб., а для дальнѣйшаго существованія ея обязался отпускать изъ своихъ мірскихъ суммъ по 10 руб. ежегодно. «Мнѣ остается только,—заканчиваетъ свое сообщеніе корреспондентъ, — отъ всей души и отъ всего человѣческаго сердца привѣтствовать сіе знаменательнѣйшее явленіе въ нашей деревенской жизни».

Чѣмъ болѣе развивается въ народѣ сознаніе важности просвѣщенія, тѣмъ болѣе онъ научается цѣнить проводниковъ образованія въ его среду—народныхъ учителей. Между сельскимъ населеніемъ и сельскимъ учителемъ теперь нерѣдко устанавливаются самыя сердечныя отношенія, вторыя, при случаѣ, обнаруживаются въ достаточной степени. Вотъ, напримеръ, какія трогательныя проводы устроили крестьяне села Натальи, въ Самарскомъ уѣздѣ, учителю мѣстной школы Дмитрію Федоровичу Сынникову. Цѣлыхъ 20 лѣтъ,—читаемъ въ *Самарской Газетѣ*,—прослужилъ этотъ скромный труженикъ въ селѣ въ качествѣ сельскаго учителя и такъ сроднился съ сельчанами, что не было ни одного мужика въ селѣ, ни одного подростка, который бы не опечалился уходомъ любимаго человѣка. Крутыя матеріальныя обстоятельства, необеспеченность въ будущемъ оставили этого труженика оставить дѣло, которому онъ былъ преданъ всею душой, оставить школу, въ которой протекли всѣ лучшіе годы его жизни, и поступить въ діаконы села Бобровки. Въ день отъѣзда любимаго учителя дѣтвора кишия-кишѣла около училища и каждому мальчугану хотѣлось проститься съ Дмитріемъ Федоровичемъ. Взрослые парни, бывшіе ученики

го, явились въ училище и поднесли своему любимцу въ знакъ памяти серебряный чайный подставажникъ съ надписью: «Уважаемому учителю отъ чениковъ». Скоро училище наполнилось сельчанами всѣхъ возрастовъ, отъ дѣтишекъ до стариковъ и старушекъ. Грустно было это прощаніе. Учитель ю всѣми передѣловался и пожелалъ въ послѣдній разъ пройти по селу гѣшкомъ. Впереди ѣхала подвода, а за нею шелъ Дмитрій Ѳеодоровичъ въ сопровожденіи громадной толпы народа. Тѣ, кто не могъ придти, выходили изъ ворота и кланялись своему другу. Далеко за селомъ разстались сельчанине съ Дмитріемъ Ѳеодоровичемъ и долго еще махали ему шапками и кричали: «Прощай, добрый человекъ! Не забывай насъ!»

Святое и великое дѣло—быть народнымъ учителемъ, проводить въ массу просвѣщеніе, содѣйствовать непосредственно умственному и нравственному развитію. И, въ то же время, какой контрастъ между высокою миссіей народнаго учителя и тою жизненною обстановкой, въ какую онъ поставленъ. Нѣтъ такой профессіи, которая была бы хуже обставлена, чѣмъ профессія сельскаго учителя. Жалкая, тѣсная и темная квартира, крайне скудное содержаніе, отсутствіе надеждъ на лучшее положеніе въ будущемъ, полная необезпеченность въ старости и вообще въ случаѣ инвалидности—вотъ участь народнаго учителя и его семьи. Послѣ многолѣтняго труда онъ, въ большинствѣ случаевъ, съ разстроеннымъ здоровьемъ, выбрасывается изъ школы прямо на улицу, такъ какъ пенсіи для него не существуетъ, а сдѣлать сбереженія самому нѣтъ никакой возможности. Говорять и пишутъ о тяжеломъ положеніи носителей свѣта въ народную жизнь много. Говорять и пишутъ давно, а сдѣлано такъ мало, что, можно сказать, ничего не сдѣлано. На земскихъ собраніяхъ непрестанно подымается вопросъ о необходимости улучшить положеніе сельскихъ учителей, кое-гдѣ, когда средства позволяютъ, дѣлаютъ прибавки къ содержанію учителей, но, въ общемъ, матеріальное положеніе народнаго учителя продолжаетъ оставаться чрезвычайно тягостнымъ. Неужели сельскимъ учителямъ придется ждать того времени, когда поправятся земскіе финансы, что можетъ случиться весьма не скоро? Трудъ народныхъ учителей является столь же важнымъ, какъ и трудъ педагогическаго персонала въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И дѣло государства позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи сельскихъ учителей.

Другое обстоятельство, не менѣе важное по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ какъ для учителя, такъ и для самаго дѣла, которому онъ служить, составляетъ отсутствіе средствъ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей учителя. Однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ для удовлетворенія этихъ потребностей были учительскіе съезды. Съезды народныхъ учителей устраивались до 1884 года губернскими и уѣздными земствами при содѣйствіи директоровъ учительскихъ семинарій и извѣстныхъ педагоговъ: барона Корфа, Бунакова и другихъ. Многостороннее значеніе этихъ съездовъ для жизненныхъ интересовъ народной школы успѣло вполне выясниться. Но вотъ почему-то съ 1884 года такіе съезды не разрѣшаются. Земства

до послѣдняго времени продолжаютъ ходатайствовать о разрѣшеніи сѣздовъ; особенно много такихъ ходатайствъ было въ 1889 году, но разрѣшенія не получилось. Между тѣмъ, необходимость въ подобныхъ сѣздахъ очевидна какъ нельзя болѣе; благодаря имъ, выясняются многія серьезныя и истинныя потребности народной школы. Для земства, городскихъ учрежденій и для правительства учительскіе сѣзды представляютъ одинъ изъ лучшихъ способовъ ознакомиться съ недостатками и ближайшими нуждами школьнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сѣзды эти имѣютъ важное значеніе въ жизни учителя; на нихъ онъ разрѣшаетъ возникающіе изъ педагогической практики вопросы и недоумѣнія, при посредствѣ ихъ пополняетъ знанія учителей, возвышается ихъ преподавательская опытность. Такъ именно и понимало прежде это дѣло правительство. Въ бытность министромъ народнаго просвѣщенія барона Николаи были изданы особые циркуляры, въ которыхъ говорилось: «Совѣщанія учителей начальныхъ училищъ между собою, совмѣстное обсужденіе и разъясненіе возникающихъ въ ихъ практикѣ недоумѣній, сомнѣній и вопросовъ могутъ принести значительную пользу для самообразованія и усовершенствованія упомянутыхъ учителей въ веденіи школьнаго образованія»... «Директора и инспектора народныхъ школъ должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самостоятельности общественной; сію послѣднюю они должны умягчать и поощрять». И дѣйствительно, въ министерство барона Николаи сѣзды были особенно часты и оживленны. Но съ 1884 года сѣзды почему-то, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, стали не разрѣшаться, или касавшіяся ихъ законы и циркуляры остались безъ измѣненія. Въ ходатайствѣ о сѣздахъ отказывается не только земствамъ, но и директорамъ народныхъ училищъ. Такъ, *Орловскій Вѣстникъ* сообщаетъ, что въ концѣ прошлаго года директоръ народныхъ училищъ Орловской губерніи обратился къ начальству московскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи сѣзда въ г. Орлѣ учителей и учительницъ сельскихъ училищъ съ цѣлью устройства подъ его предсѣдательствомъ педагогическихъ совѣщаній; но на представленіе директора отъ помощника попечителя московскаго учебнаго округа послѣдовалъ отказъ на томъ основаніи, что сѣзды вообще запрещены.

Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, происходившихъ въ концѣ истекшаго года, были приняты постановленія ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи сѣздовъ сельскихъ учителей и учительницъ. Весьма желательно, чтобы съ подобнымъ ходатайствомъ выступило побольше земствъ. Въ виду все усиливающагося интереса со стороны правительства къ народной школѣ, можно надѣяться, что это ходатайство будетъ наконецъ, удовлетворено.

Сѣзды учителей въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не могутъ происходить часто по причинѣ бѣдности учителей и бѣдности большинства земствъ. А потому заслуживаетъ вниманія предложеніе Б. Н. Михайлова, напечатанное въ *Самарскомъ Вѣстникѣ*. Въ статьѣ *Какъ добиться сѣздовъ*

енія сельскихъ учителей г. Михайловичъ предлагаетъ, рядомъ съ губернскими и уѣздными учительскими сѣздами, взять за образецъ также сѣзды, устраиваемые нашимъ духовенствомъ и не требующіе положительно никакихъ расходовъ. Извѣстно, — говоритъ авторъ, — что церковнослужители съ предѣлъ своего благочинія для разсужденія о своихъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ собираются въ заранѣе для того намѣченный пунктъ и рѣшаютъ различные интересующіе ихъ вопросы. Обыкновенно на эти сѣзды собираются представители 10—15 церквей. Простота и удобство, съ какими возможно осуществленіе подобныхъ маленькихъ сѣздовъ, не требуютъ ничего, кромѣ добраго желанія власть имѣющихъ принести немаловажную пользу сѣятелямъ знанія на нивѣ народной. Для осуществленія предлагаемаго стоить только раздѣлить школы даннаго уѣзда на участки, по 10—15 школъ въ каждомъ, и въ центрѣ участка избрать какое-нибудь село съ болѣе обширнымъ училищнымъ помещеніемъ. День сѣзда долженъ падать на воскресенье или иной праздникъ, дабы не прерывать школьныхъ занятій. Что же касается другихъ вопросовъ, — замѣчаетъ авторъ, — хотя непосредственно и не касающихся сѣздовъ, но все же имѣющихъ значеніе въ глазахъ людей, получающихъ ограниченное содержаніе, наприм., «сѣбстной» вопросъ, то онъ очень легко разрѣшится, если каждый изъ педагоговъ позаботится захватить съ собою небольшой запасъ провизіи, такъ это и дѣлаютъ многіе изъ духовенства, отправляясь на сѣздъ, ибо въ данномъ случаѣ неудобно затруднять своего собрата, въ училищѣ котораго назначенъ сѣздъ. Вопросъ относительно ночлега тоже не представлятъ затрудненій, если принять во вниманіе патриархальность деревни, благодаря которой ни одинъ крестьянинъ не откажетъ въ гостепримствѣ иному, тѣмъ болѣе учителю. Единственное затрудненіе, въ виду крайне скуднаго учительскаго бюджета, можетъ представить наемъ лошадей до пункта сѣзда. Но здѣсь можно разсчитывать на помощь земства. Многія земства имѣютъ такъ называемыхъ станціонныхъ лошадей; эти земства могутъ сдѣлать распоряженія относительно того, чтобы учителя, хотя бы нѣсколько разъ въ годъ, имѣли право проѣзда на земскихъ лошадяхъ.

Какъ ни скудно вознагражденіе сельскихъ учителей, они умудряются и изъ него удѣлять нѣкоторую долю для ускоренія хода народнаго просвѣщенія. О пожертвованіяхъ учителей на это дѣло уже не разъ сообщалось въ печати. Новое сообщеніе о томъ же находимъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* изъ Сосницъ, Черниговской губерніи. Служащіе въ земской управѣ и народные учителя порѣшили отчислять изъ получаемаго содержанія по 1%, на образованіе *всероссійскаго фонда для всеобщей грамотности*. Съ этимъ извѣстіемъ невольно напрашивается на сопоставленіе сообщеніе *Касіа* о томъ, что союзъ нефтяныхъ капиталистовъ не хочетъ и думать о просвѣщеніи или хотя бы о развитіи простой грамотности въ средѣ десятковъ тысячъ ихъ рабочихъ. На послѣднемъ своемъ сѣздѣ они ни копѣйки не ассигновали за школьное дѣло. Намѣченное совѣтомъ сѣзда устройство школъ и народныхъ чтеній оставлено безъ всякаго вниманія, хотя денежныхъ средствъ

на это потребовалось бы очень немного. Это была бы самая незатѣная капелька въ многомиллионныхъ оборотахъ верошиннозаводчиковъ. Да, справедливо замѣчено, что золото не слѣдовало бы называться «благороднымъ» металломъ. Когда нужно устроить громадное предпріятіе, дающее большіе проценты,—банкъ, желѣзную дорогу, каналъ, фабрику, когда нужны учрежденія роскоши,—золото бьетъ обильнымъ ключомъ и всегда является въ время; когда же нужны средства на помощь несчастнымъ, на ихъ простищеніе,—золото лежитъ безъ движенія. Мы уже имѣли случай привести заявленіе секретаря петербургскаго комитета грамотности по поводу открытой комитетомъ подписки для пріема пожертвованій на народныя читальни. Изъ заявленія секретаря видно, что расчеты комитета въ одномъ отношеніи оказались ошибочными, а въ другомъ превзошли ожиданія. Комитетъ рассчитывалъ, главнымъ образомъ, на состоятельные классы. Но отвѣтъ получилась сумма значительно менѣе ожидавшейся. Тогда комитетъ обратился къ «мірской казнѣ» и положеніе дѣлъ сразу измѣнилось. Со всѣхъ концовъ Россіи стали поступать пожертвованія отъ рубля до почтовой марки. Бѣдный рабочій людъ посылаетъ, что можетъ, изъ своихъ скромныхъ заработковъ, извиняясь, что больше послать не можетъ.

Вотъ еще весьма характерный фактъ изъ психологій капитала. Торговцы сельско-хозяйственными орудіями образовали стачку съ цѣлью торгизить усилія земства къ улучшенію экономическаго положенія народа. Какъ извѣстно, дѣятельность уфимскаго земства и нѣкоторыхъ другихъ земствъ по распространенію сельско-хозяйственныхъ орудій приняла довольно солидные размѣры. А такъ какъ земство старается снабжать мужика земледѣльческими орудіями единственно изъ желанія ему блага и потому, въ возможности, удешевляетъ стоимость орудій, то гг. коммерсантамъ эта земская дѣятельность показалась вредной для ихъ кармана и они образовали стачку. Въ Самарѣ происходило три съѣзда представителей очень многихъ фирмъ, производящихъ торговлю сельско-хозяйственными машинами и орудіями въ предѣлахъ Волжско-Камскаго края. Съ цѣлью прекратить возможность земствамъ получать со скидкой земледѣльческія орудія и, благодаря этому, продавать ихъ крестьянамъ дешевле сравнительно съ прейсъ-курантами фирмъ, съѣздомъ было постановлено, чтобы земствамъ при продажѣ никакихъ уступокъ дѣлаемо не было. Если какая-нибудь фирма (въ томъ числѣ Липгарта и Эккерта) продастъ земству земледѣльческія орудія, то цѣна на нихъ не должна быть ниже той цѣны, по которой на мѣстѣ продаются орудія комиссіонерами фирмъ. Въ случаѣ продажи по цѣнамъ болѣе низкимъ, продавшая фирма подвергается штрафу въ 10 проц. съ каждаго рубля или остракизму, т.-е. у нея не берутъ машинъ и орудій никакія другія фирмы. Стачка эта, по словамъ волжскихъ газетъ, вызываетъ теперь оживленные разговоры среди земскихъ людей. Мензелинскій экономическій совѣтъ, гдѣ вопросъ этотъ обсуждался, рѣшилъ предложить мензелинскому земскому собранію, чтобы оно просило уфимское губернское земство возбудить передъ правительствомъ ходатайство о созывѣ предста-

ителей отъ земствъ, тяготящихся къ Волжско-Камскому краю, какъ-то: римскаго, пермскаго, вятскаго, казанскаго, сибирскаго, самарскаго и др., къ обсужденію мѣръ къ противодѣйствію стачкѣ капиталистовъ.

Въ прошедшей книгѣ нашего журнала мы говорили о ходатайствахъ рѣдь правительствомъ уральскаго козачества, — ходатайствахъ, вчиняемыхъ же въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по предмету измѣненія порядковъ мѣстнаго управленія. Въ этихъ ходатайствахъ козачество указывало и продолжаетъ указывать на крайнюю необходимость, для правильнаго управленія влами обширной уральской общины, имѣть въ составѣ управленія выборовъ отъ населенія представителей. Теперь корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ изъ Уральска, что злоба дня здѣсь — назначенная изъ етербурга ревизія мѣстныхъ учреждений, завѣдующихъ общиннымъ и земскимъ хозяйствомъ края. Общепризнаваемое несоотвѣтствіе состава и организаціи означенныхъ учреждений съ дѣйствительными нуждами общиннаго земскаго хозяйства и неудовлетворительное веденіе ими дѣла послужили поводомъ къ ревизіи. Утверждаютъ, что главною задачею ревизіи является выясненіе истинныхъ нуждъ населенія и вызываемыхъ ими измѣненій въ организаціи мѣстнаго управленія. Мѣстное населеніе возлагаетъ большія надежды на результаты ревизіи съ такими широкими задачами. Дѣйствительно, — говоритъ корреспондентъ, — благодаря ряду неурожайныхъ лѣтъ и бюрократическому веденію многосложнаго земско-общиннаго хозяйства, войсковое населеніе пришло въ послѣднія 10—15 лѣтъ въ большой экономическій упадокъ и требуетъ для своего поправленія не только болѣе благоприятныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи лѣтъ, но, что особенно важно, болѣе цѣлесообразнаго управленія. Недостатки существующаго мѣстнаго управленія признаны. Направленіе, въ которомъ необходимо его смѣнить, совершенно правильно указано уральскимъ козачествомъ и было имъ крайне прискорбно, если результатомъ ревизіи будетъ лишь болѣе точная нормировка бюрократической дѣятельности. Возможно, что это и улучшить «дѣлопроизводство», но на измѣненіе къ лучшему мѣстной общинной и земско-хозяйственной жизни это повліять не можетъ. Будемъ же надеяться, — заключаетъ корреспондентъ, — вмѣстѣ со всѣми мѣстными жителями и близко къ сердцу принимающими войсковыя дѣла людьми, что ревизія не ограничится формальною стороною дѣла, а заглянетъ въ самое ущество мѣстнаго неурстройства въ управленіи, и тогда, можно смѣло сказать, она должна будетъ признать невозможность исправить дѣло иначе, какъ путемъ привлеченія къ рѣшенію общинныхъ и земскихъ вопросовъ а не къ обсужденію только) выборныхъ представителей самой общины, какъ это и имѣло мѣсто по закону 1874 г., отмѣненному въ 1880 г.

Другое, еще болѣе важное извѣстіе, касающееся уже населенія большей части Европейской Россіи, заключается въ сообщеніи столичныхъ газетъ, что въ законодательныхъ сферахъ поставленъ вопросъ о пересмотрѣ положенія земскихъ начальниковъ и объ ограниченіи ихъ судебныхъ полномочій.

Одновременно съ этимъ извѣстіемъ въ петербургскихъ газетахъ былъ напечатано, что комиссія по преобразованію судебной части приняла ужъ опредѣленному заключенію относительно необходимыхъ преобразованій въ области мировой юстиціи. Сущность мнѣнія комиссіи была передана *Новымъ Временемъ* слѣдующимъ образомъ. Комиссія, — говорила газета, — обсуждая предстоящую реформу, значительнымъ большинствомъ голосовъ склонилась къ мнѣнію о необходимости такой должности мѣстнаго суда, въ которой сосредоточивались бы всѣ функціи существующихъ въ настоящее время мѣстныхъ судей, т.-е. мировыхъ, гдѣ они сохранены, городскихъ, окружныхъ и земскихъ начальниковъ; на судью предполагается возложить также и всѣ обязанности слѣдственного производства и судебного управленія, т.-е. охранительное производство и нотаріальную часть. По мнѣнію комиссіи, реформа эта потребуетъ, конечно, значительнаго увеличенія числа состава судей, но комиссія справедливо полагаетъ, что для осуществленія реформы не понадобится усиливать бюджетъ министерства юстиціи такъ какъ новые судьи замѣнятъ всѣхъ прежнихъ — мировыхъ, городскихъ судебныхъ слѣдователей и, главное, земскихъ начальниковъ, а извѣстно, что личный персоналъ послѣднихъ весьма значителенъ. Придется лишь часть средствъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ, въ которомъ состоятъ нынѣ земскіе начальники, перенести въ министерство юстиціи.

По поводу этого проникшаго въ печать слуха въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано слѣдующее опроверженіе: «Въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось извѣстіе, что комиссія по перемотру законоположеній по судебной части значительнымъ большинствомъ голосовъ высказалась и учрежденіе должности «мѣстнаго судьи», который совмѣщалъ бы въ себѣ обязанности нынѣшнихъ мирового и городского судей, судебного слѣдователя и земскаго начальника. Извѣстіе это лишено всякаго основанія. Подобнаго рѣшенія комиссія не принимала. Въ отдѣлахъ комиссія имѣла различныя предположенія о наиболѣе единообразномъ и правильномъ устройствѣ мѣстныхъ установленій судебного вѣдомства. Но работы по сему предмету находятся въ такомъ положеніи, при которомъ постановленіе какаго либо заключенія со стороны комиссіи является преждевременнымъ».

И такъ, изъ *Правительственнаго Вѣстника* мы узнали, что въ комиссіи дѣйствительно имѣются предположенія о наиболѣе единообразномъ и правильномъ устройствѣ мѣстныхъ установленій судебного вѣдомства, и что работы по сему предмету находятся въ такомъ положеніи, при которомъ комиссія не могла еще придти къ постановленію окончательнаго заключенія. Что институтъ земскихъ начальниковъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него ожиданій, въ этомъ приходится признаться даже тѣмъ газетѣ, какъ *Гражданинъ*. По поводу извѣстія о пересмотрѣ судебнаго полномочія земскихъ начальниковъ эта газета съ грустью заявляетъ: «Нельзя, отрицать, что критики этого учрежденія нашли себѣ подкрѣпленіе и помощь на почвѣ практики самаго учрежденія, т.-е. въ неудачныхъ и небрежныхъ земскихъ начальникахъ». *Гражданинъ* говоритъ о неудачныхъ

небрежныхъ начальникахъ, но люди безпристрастные и понимающіе дѣло отратятъ глубже: они понимаютъ, что неудовлетворительный, въ большинствѣ случаевъ, составъ земскихъ начальниковъ обуславливается недостатками самого учрежденія. Съ возникновеніемъ комиссіи по преобразованію судебной части, провинціальная печать посвящаетъ большое вниманіе учрежденію земскихъ начальниковъ. Возможно ли, — говоритъ *Кіевлянинъ*, — не жертвуя цѣлями правосудія и обеспечивающаго его правильною системою судебной организаціи, сохраненіе власти земскихъ начальниковъ, той судебной власти, которая, не будучи подчинена вѣдомству министерства юстиціи, сливаясь тѣсно съ областью административнаго распоряженія, лишь легка соприкасается въ апелляціонной инстанціи съ судьями вѣдомства министерства юстиціи въ лицѣ уѣзднаго члена окружнаго суда и городского дѣды, съ тѣмъ, чтобы опять въ кассационной инстанціи всецѣло перейти въ административное учрежденіе? Такой вопросъ ставился въ періодъ разработки положенія о земскихъ начальникахъ, затѣмъ онъ разбирался въ печати вслѣдъ за изданіемъ закона 12 іюля 1889 г. и онъ же неминуемо возникаетъ при первомъ шагѣ къ упорядоченію приведенной въ разстройство мѣстной юстиціи. Никакой законъ, — продолжаетъ газета, — не можетъ засчитывать только на высокія личныя качества исполнителей; учрежденія должны быть организованы въ расчетѣ на среднія силы, на среднихъ людяхъ. При несоблюденіи этого правила, когда, притомъ, въ учрежденіи нарушаются общепризнанные принципы, оно неминуемо будетъ плохо функционировать и будетъ не совершенствовать общественную жизнь, а служить ормазомъ для правильнаго ея развитія. Такимъ именно учрежденіемъ казалось созданное положеніемъ 12 іюля 1889 года. Преслѣдуя благу цѣль учредить въ сельскихъ мѣстностяхъ сильную, твердую и, въ то же время, попечительную для народа правительственную власть, законъ 12 іюля для достиженія этой цѣли допустилъ, безъ крайней надобности, такія отступленія отъ основныхъ общихъ началъ устройства судебной части, которыя не могли не отразиться вредно на самой дѣятельности юрховыхъ учрежденій и должны были придать имъ характеръ чего-то временнаго, неустойчиваго, партійнаго. Соединеніе въ одномъ лицѣ судьи и администратора являлось главнѣйшимъ изъ такихъ отступленій отъ принципа, давно уже утвердившагося не только въ законодательствѣ другихъ странъ, но и у насъ. Послѣдствіемъ нарушенія этого принципа неизбѣжно является пониженіе значенія и роли судьи, какъ нелицепріятнаго и строгаго толкователя и исполнителя закона, поглощеніе его въ роли администратора, издающаго распоряженія, преслѣдующаго за неисполненіе ихъ даже въ судебномъ порядкѣ, дѣйствующаго по усмотрѣнію и невольно примѣняющагося въ этихъ случаяхъ и къ обстоятельствамъ, и къ личностямямъ.

Такъ же понимаетъ это дѣло гжатское дворянство, которое, по инициативѣ мѣстнаго предводителя, возбудило недавно ходатайство о пересмотрѣ положенія о земскихъ начальникахъ. Г. предводитель, — какъ сообщаютъ *Рус-*

скія Відомости,—констатировалъ, что неуспѣхъ въ дѣятельности судебныхно-административныхъ учрежденій кроется въ самыхъ законоположеніяхъ 12 іюля 1889 года. «На земскаго начальника,—говорилъ предводитель,—закономъ возложена такая масса сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, что успѣшное исполненіе ихъ недоступно даже посвящающему все свое время этому дѣлу. Поэтому думаю, что лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ затрудненій было бы восстановленіе рядомъ съ должностью земскаго начальника должности мирового судьи. Связанною съ этою мѣрою уменьшеніе численнаго состава земскихъ начальниковъ откроетъ возможность болѣе строгаго ихъ избранія. Восстановленіемъ мирового института былъ бы лишь развитъ принципъ, положенный въ основаніе закона 12 іюля,—приблизить власть къ населенію,—уже по той одной причинѣ, что многочисленная группа дѣлъ всего уѣзда, подсудная нынѣ уѣздному члену окружнаго суда, далеко проживающему отъ населенія, могла бы быть распредѣлена между судьями, и неизбежно связанное съ введеніемъ мирового института упраздненіе должности уѣзднаго члена открыло бы лишній источникъ для покрытія средствъ мирового института». Только при условіи кореннаго измѣненія законоположенія 12 іюля,—заключилъ свой докладъ собранію г. предводитель,—возможно осуществленіе словъ повѣрнаго Государя, начертанныхъ на докладѣ г. министра юстиціи, «сдѣлать такъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи». Дворянское собраніе согласилось съ мнѣніями, выраженными въ докладѣ своего предводителя, и постановило представить докладъ на усмотрѣніе г. министра юстиціи.

Дѣйствительно, жизнь представляетъ обиліе фактовъ, свидѣтельствующихъ о крайней необходимости кореннаго пересмотра закона 12 іюля 1889 года. Вотъ, напримѣръ, новый случай изъ практики земскихъ начальниковъ, заимствуемый нами изъ *Русскихъ Відомостей*. Одинъ изъ земскихъ начальниковъ Тульской губерніи разослалъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ слѣдующій любопытный циркуляръ: «На крестьянскомъ населеніи вѣреннаго мнѣ участка,—такъ начинается тульскій земскій начальникъ свое посланіе къ землевладѣльцамъ,—накопилось громадное количество всякаго рода недоимокъ. Главный источникъ благосостоянія населенія зависитъ отъ сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности населенія и затѣмъ отъ сбереженія того, что каждымъ зарабатывается, но, къ сожалѣнію, и мнѣ и вамъ, гг. землевладѣльцы, хорошо извѣстно, что то, что зарабатывается, въ большинствѣ случаевъ, расходуется весьма легкомысленно, повинности же почти всегда уплачиваются при особыхъ настояніяхъ властей, рѣдко добровольно. На послѣднее обстоятельство его превосходительство г. тульскій губернаторъ, въ циркулярѣ отъ октября 6 дня 1894 г. за № 131, обращаетъ вниманіе гг. земскихъ начальниковъ и предлагаетъ намъ вразумить въ крестьянскомъ населеніи сознаніе долга необходимости платить повинности безъ всякихъ полицейскихъ мѣръ, часто вредно вліяющихъ на крестьянское хозяйство, и такимъ образомъ содѣйствовать къ повышенію

благосостоянія крестьянской семьи, первой платежной единицы въ государствѣ, устраняя все то, что ее обезсмливаетъ, и внушить, чтобы заработныя деньги, остающіяся за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей хозяйства, обращались безъ замедленія въ уплату налоговъ и ни подъ какимъ видомъ не пропивались». Земскій начальникъ понялъ это распоряженіе губернатора довольно своеобразно. Ему предложено «вразумлять» крестьянъ, — онъ сталъ вразумлять землевладѣльцевъ. «Изучивъ свой участокъ въ хозяйственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, — пишетъ онъ, — довольно юнымъ опытомъ, отвѣтъ мой долженъ быть слѣдующій: крестьянинъ работаетъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ему хватило лишь на годовое личное прожитіе, объ улучшеніи же своего хозяйства, а также объ обязанностяхъ своихъ платить повинности онъ не желаетъ и думать; при этомъ онъ изучилъ законъ о неотчуждаемости отъ него всего необходимаго для жизни очень хорошо и настолько, что власти его не могутъ ничѣмъ испугать, а потому и не старается пріобрѣсти чего-нибудь лишняго. Исходя изъ вышеуказанныхъ соображеній о ненормальномъ явленіи по отношенію набопавшихся недоимокъ, а также и распущенности крестьянскаго населенія вообще, я, — заявляетъ авторъ циркуляра, — прихожу къ такому заключенію, что для того, чтобы улучшить положеніе вѣрннаго мнѣ участка, необходимо населеніе нѣсколько разбудить отъ спячки, что я могу сдѣлать лишь при участіи вашеѣ, гг. землевладѣльцы, т.-е. заставить крестьянское населеніе болѣе работать, чѣмъ оно работало до сего времени, и заставить менѣе проживать заработныхъ денегъ, чѣмъ оно проживало до сего времени». Далѣе слѣдуетъ изложеніе изобрѣтеннаго земскимъ начальникомъ средства — одновременно и противъ накопленія недоимокъ, и противъ мужникой безнравственности. Губернаторскій циркуляръ требовалъ, чтобы заработанныя крестьяниномъ деньги «за удовлетвореніемъ насущныхъ потребностей» обращались «безъ замедленія» въ уплату податей. Но земскому начальнику эта мѣра показалась слабой. Нужно, по его мнѣнію иное, «а именно: каждый землевладѣлецъ долженъ поставить себѣ за правило всѣ расчеты съ рабочими, какъ годовыми, такъ равно и поденными, производить не съ ними, а съ сельскими старостами того общества, откуда нанимаются рабочіе, или съ старшиной той волости, въ присутствіи лицъ, заработавшихъ деньги, ибо послѣднимъ приходится за неуспѣшный сборъ недоимокъ, иной разъ безъ всякихъ съ ихъ стороны поблажекъ населенію за неплательщиковъ, могущихъ заплатить, отсиживать подъ арестомъ, они же съ удовольствіемъ возьмутъ на себя этотъ трудъ, дабы избавиться отъ отвѣтственности. Деньги же, которыя получающіе добровольно никогда не отдають, будутъ, прежде всего, по моему внушенію, зачисляться въ подати, ибо я увѣренъ въ томъ, что на свое пропитаніе каждый найдетъ себѣ работы и скорѣе позаботится найти ее, если будетъ нуждаться въ ней, чѣмъ онъ будетъ заботиться о таковой для уплаты повинностей». Въ заключеніе авторъ циркуляра беретъ на себя обязательство самаго предупредительнаго содѣйствія землевладѣльцамъ,

желающим последовать его совету. «Съ своей же стороны я, какъ земскій начальникъ, ручаюсь,—говорится въ циркулярѣ,—гг. землевладельцамъ за то, что я заставлю рабочихъ работать такъ, какъ слѣдуетъ работать, и прошу въ случаѣ какихъ-либо упущеній со стороны ближайшихъ властей въ этомъ отношеніи, въ рукахъ которыхъ есть способы заставить работать неповинующихся, обращаться ко мнѣ съ жалобами во всякое время на бездѣйствующія власти, съ которыхъ мною будетъ строго взято, при семъ присовокупляю, что для приведенія въ дѣйствительность предлагаемаго мною правила относительно возбужденія отъ спячки населенія необходима строгая солидарность всѣхъ гг. землевладельцевъ».

Вотъ,—какъ справедливо замѣчаютъ *Русскія Видомости*,—новый примѣръ того, до чего можетъ дойти произволъ чиновника, предѣлы власти котораго надъ населеніемъ точно неограничены и который дѣйствуетъ, притомъ, фактически безконтрольно. Удастся или не удастся земскому начальнику его планъ «возбужденія отъ спячки» подчиненнаго ему населенія, во всякомъ случаѣ, уже фактъ появленія на свѣтъ циркуляра подобнаго рода весьма характеренъ для института земскихъ начальниковъ, имѣющихъ полную возможность продѣлывать такіе эксперименты.

Въ заключеніе нашего очерка сообщимъ одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ, показывающихъ, въ какое безвыходное положеніе поставили ссыльные въ Сибири. Ссылный мѣщанинъ,—разсказываетъ *Енисейскіе Листокъ*,—былъ подвергнутъ уголовному суду за *двадцать первую* кражу. Прокуроръ клеймилъ обвиняемаго нещадно; онъ указывалъ на прошлыя его преступленія и на то, что примѣненныя къ нему «раціональныя мѣры исправленія» не привели ни къ какимъ благотворнымъ результатамъ. Вотъ тогда-то обвиняемый, защищавшійся самъ, разсказалъ суду, въ свое оправданіе, объ условіяхъ жизни въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ. «Нѣ, а когда выйдешь изъ тюрьмы,—сказалъ подсудимый,—опять нужда, опять голодъ, и на первую же ночь и ночевать негдѣ. Лѣтомъ, знаю, каждый кустикъ ночевать пустить, а зимой, если не украдешь, такъ и замерзнешь на улицѣ, какъ собака. И зачѣмъ это только насъ сюда ссылаютъ? Въ своемъ обществѣ лучше бы исправился; ну, потерпѣлъ бы маленько, а тамъ принялся бы за работу и зажилъ бы съ семьей по-божески; а тутъ вотъ на тебѣ, меня сослали, а семья тамъ дома въ нуждѣ; ну, какой же я послѣ того работникъ въ Сибири, да еще съ волчьимъ паспортомъ въ рукахъ? *Плачешь, да идешь воровать*. Судите меня гг. судьи, какъ ищите»,—заклучилъ со слезами на глазахъ подсудимый.

Случай этотъ представляетъ собою хорошую иллюстрацію того, о чемъ давно говоритъ вся сибирская печать. Сибирская печать единодушно ругаетъ противъ ссылки въ Сибирь, особенно противъ ссылки въ ея современной организаціи. Печать эта убѣдительно поучаетъ насъ какъ о разлагающемъ вліяніи ссылки на мѣстное населеніе, такъ и о томъ, что для самихъ преступниковъ ссылка не только не имѣетъ исправляющаго значенія, но, при современной ея организаціи, она создаетъ всѣ условія для

звершенія новыхъ преступленій. «Надѣяться на исправленіе голоднаго реступника невозможно», а вотъ именно въ такое положеніе ставится ольшинство ссыльныхъ. Истомившись въ довольно продолжительномъ предварительномъ тюремномъ заключеніи, а другіе и по нѣсколько лѣтъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, ссыльные, — говорить *Енисейскій Листокъ*, — прибываютъ въ Сибирь нравственно и физически слабленными и, въ большинствѣ случаевъ, безъ всякихъ средствъ. Получивъ на мѣстѣ водворенія свободу, они, съ первыхъ же минутъ своего освобожденія, становятся лицомъ къ лицу съ голодною нуждой. Работу оцать трудно; пошелъ бы въ другое, болѣе населенное мѣсто для прісканія работъ, да нельзя, — много есть сосланныхъ съ воспрещеніемъ тлучекъ съ мѣстъ, назначенныхъ для жительства, и съ воспрещеніемъ роживать въ губернскихъ городахъ и ихъ округахъ. Если къ этому пооженію прибавить еще и тотъ паспортъ съ краснымъ клеймомъ, которымъ набжается каждый ссыльный съ утерянными правами, то всякій пойметъ ѣ условія, въ которыя поставлены ссыльные на новыхъ мѣстахъ ихъ ительства. А, вѣдь, ихъ въ Сибири около милліона.

Нельзя, конечно, отрицать, — какъ справедливо замѣчаетъ *Енисейскій Зѣстникъ*, — что перемѣщеніе осужденнаго преступника изъ условій его прежней обстановки въ другую, а также и установленіе за нимъ извѣстаго надзора иногда могутъ быть весьма полезны и даже необходимы. Но для этого безусловно требуется, чтобы сосланный или вырванный изъ его прежней обстановки встрѣтилъ въ новомъ мѣстѣ хотя какую-нибудь о ебѣ заботу и находилъ бы благоприятныя условія для начала новой туювой жизни. Если хотите уменьшить число преступленій, то употребите ись способы, чтобы поставить людей въ такія условія, при которыхъ они огутъ заработать кусокъ хлѣба.

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственная роспись на 1895 годъ.—Первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія.— Пробѣлы въ программѣ занятій совѣта.—Сѣвскіе мукомолы.—Попечительства о народной трезвости.—По поводу биржевой спекуляціи.—Изъ области народнаго образованія.—Высочайшій указъ 13 января.—Б. Н. Ермолянскій †.—Отъ московскаго комитета грамотности.

Въ государственную роспись на 1895 годъ внесено 1.214.378,030 руб. дохода и 1.192.000,000 р. расхода; превышеніе дохода надъ расходами въ суммѣ 22 милліона рублей предназначено на покрытіе расходовъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. По сравненію съ росписью на 1894 годъ, въ настоящемъ году какъ доходы, такъ и расходы представлены суммою въ 138 милліоновъ рублей большею. Настоящая роспись имѣетъ особенности сравнительно съ предыдущими: въ ея основаніе положенъ законъ 4 іюня 1894 года, согласно съ которымъ измѣненъ порядокъ дѣленія расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные. По этому закону, изъ числа расходовъ, заносимыхъ въ наши росписи, къ чрезвычайнымъ могутъ относиться, сверхъ расходовъ, вызываемыхъ дѣйствительно чрезвычайными обстоятельствами, войнами, крупными народными бѣдствіями, сверхъ уплаты на досрочное погашеніе займовъ, только расходы на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и на изготовленіе подвижнаго состава и желѣзно-дорожныхъ принадлежностей въ исключительныхъ размѣрахъ. Всѣ остальные расходы, въ томъ числѣ и входившіе по прежнимъ росписямъ въ чрезвычайный бюджетъ расходы на перевооруженіе, на заготовленіе резервовъ продовольствія, на улучшеніе желѣзныхъ дорогъ и коммерческихъ портовъ, отнесены къ обыкновеннымъ. Къ чрезвычайнымъ источникамъ доходовъ признано необходимымъ относить: вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, значительныя единовременныя поступления изъ специальныхъ капиталовъ, обрабатываемыя въ общія средства государственнаго казначейства, или отъ продажи крупной государственной собственности, поступления отъ займовъ и другихъ кредитныхъ операцій. Въ частности наиболѣе значительныя измѣненія, по сравненію съ росписью на 1894 годъ, должны быть отмѣчены по слѣдующимъ статьямъ. По питейному доходу роспись предусматриваетъ увеличеніе

сумму до 10 милліоновъ рублей, такъ какъ, по предположенію министра финансовъ, «потребленіе вина возвращается къ той нормѣ, изъ которой оно было временно выведено неурожаями 1891 и 1892 гг.». Роспись ожидаетъ сахарному доходу увеличенія на 8.651,000 р. Возрастающее потребленіе росина позволяетъ ожидать увеличенія нефтяного дохода на 2 милліона. таможенный доходъ увеличенъ почти на $18\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, «въ виду живленія нашей вѣтшей торговли и увеличенія пошлины на хлопокъ». Напротивъ, и увеличивая таможенный доходъ значительною суммой, роспись числяетъ его на 8 милліоновъ ниже цифры его поступления за 1893 г. Железному доходу ожидается увеличеніе слишкомъ на $5\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей. Но самый крупный приростъ ожидается въ доходѣ отъ казенныхъ железныхъ дорогъ, почти на 74 милл. Почти весь этотъ приростъ явится слѣдствіемъ перехода въ казну железныхъ дорогъ: николаевской, петербургско-ржавской, московско-нижегородской, лозово-севастопольской, новоторжской и ржево-вяземской. Наконецъ, ожидается увеличеніе почти на 11 милліоновъ рублей доходовъ отъ казенныхъ заводовъ и складовъ. По нѣкоторымъ статьямъ государственныхъ доходовъ ожидается уменьшеніе: на $1\frac{1}{2}$ милліона рублей по сбору съ пассажировъ и грузовъ большой скорости, ревозимыхъ по железнымъ дорогамъ, вслѣдствіе пониженія пассажирскихъ багажныхъ тарифовъ, на 2 милліона въ пошлинахъ съ имущества, защищеннаго отъ огня, такъ какъ предположено пониженіе этихъ пошлинъ и уменьшеніе около 1 милліона по доходу съ паспортовъ, вслѣдствіе введенія новой паспортной системы съ начала текущаго года.

Въ росписи расходовъ мы находимъ въ сметѣ св. синода увеличеніе слишкомъ на 1 милліонъ, изъ котораго $\frac{3}{4}$ милліона назначены на улучшеніе быта духовенства и духовно-учебныя заведенія. Мы находимъ очень крупное увеличеніе по сметѣ министерства финансовъ, гдѣ наиболѣе затѣны мѣста занимаютъ: около 9 милліоновъ на расходы по казенной продажѣ вина въ 4 восточныхъ губерніяхъ, 10 милліоновъ на подготовительныя мѣропріятія по введенію казенной продажи вина въ 25 западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ и $2\frac{1}{2}$ милліона на выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ. По сметѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ расходъ увеличенъ на $2\frac{1}{2}$ милліона, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ милліона назначены на выдачи ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. По министерству юстиціи сообщенія общее увеличеніе кредитовъ достигаетъ почти 47 милліоновъ, вызванныхъ, главнымъ образомъ, эксплуатаціонными расходами железныхъ дорогъ, которыя перешли въ казну. Расходы министерства народнаго просвѣщенія увеличены съ небольшимъ на 1 милліонъ. Чрезвычайные расходы опредѣлены цифрою въ $94\frac{1}{4}$ милліона, изъ которыхъ около 50 милліоновъ предназначены на постройку сибирской железной дороги и до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ на сооруженіе другихъ железныхъ дорогъ. Въ послѣдней сметѣ заключаются и 10 милліоновъ, которые позволяютъ приступить къ сооруженію мѣстныхъ дешевыхъ железныхъ путей. Въ росписи высказывается мысль, что «наиболѣе существенная и неотлагательная мѣра для

воспособленія сельскому хозяйству заключается въ томъ, чтобы сдѣлать Россію въ возможно большей степени проѣзжей».

Въ росписи сдѣлана также оцѣнка разныхъ сторонъ русской хозяйственной жизни.

Министерство финансовъ указываетъ на уменьшившееся поступленіе государственныхъ доходовъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1894 года и объясняетъ это низкими цѣнами хлѣба, которыя удручаютъ наше землевладѣніе и земледѣліе. «Паденіе цѣнъ на произведенія земли, — читаемъ мы въ росписи, — представляетъ выдающуюся черту экономической исторіи культурныхъ государствъ за послѣднюю четверть вѣка. Коренныя причины этого мирового явленія заключается въ широкомъ развитіи земледѣлія во вѣвропейскихъ странахъ и въ постоянно усиливающимся оборотахъ международной торговли. Если бы паденіе цѣнъ на хлѣбъ происходило строго постепенно, то европейское земледѣліе могло бы столь же послѣдовательно приспособляться къ нему, тѣмъ болѣе, что самый приростъ населенія поглощаетъ значительную долю возрастающихъ хлѣбныхъ избытковъ. Однако, по непредвидимымъ причинамъ, подъ вліяніемъ одновременно высокихъ урожаевъ какъ въ странахъ вывоза хлѣба, такъ и въ странахъ спроса на него, хлѣбныя цѣны въ нѣкоторые годы достигаютъ столь низкаго уровня и порождаютъ столь угнетенное настроеніе у нѣкоторой части населенія, что обнаруживается даже склонность разсматривать обильные дары неба какъ источникъ экономического бѣдствія, угрожающаго на многіе годы». Среди новыхъ поставщиковъ хлѣба на всемірный рынокъ особенно выдѣляется Аргентинская республика, успѣшно развивающая свое земледѣліе. По словамъ росписи, угнетенное положеніе отдѣльныхъ странъ, вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ, неодинаково; оно объясняется ихъ хозяйственными и бытовыми условіями.

«Въ этомъ отношеніи наше отечество занимаетъ своеобразное положеніе среди прочихъ государствъ міра. Поэтому для Россіи имѣетъ особую важность всестороннее изученіе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ нашего народнаго хозяйства—о вліяніи высоты урожая и цѣнъ на экономическую жизнь государства во всемъ разнообразіи его интересовъ». Общій обзоръ сельскаго хозяйства въ Россіи, сдѣланный министромъ финансовъ, заставляетъ придти къ заключенію, что низкія цѣны хлѣба особенно тягостны для хозяйствъ, обремененныхъ долгами. Гораздо меньше невыгодъ испытываютъ тѣ хозяйства, въ которыхъ развиты сельско-техническія производства, или же тѣ мелкія имѣнія, значительная часть продуктовъ которыхъ потребляется дома, внѣ зависимости отъ рынка. Такъ какъ изъ всей массы хлѣба, производимой въ Россіи, на рынокъ поступаетъ только небольшая часть, то, въ общей совокупности, обильный урожай выгоденъ для Россіи. Признавая необходимымъ для развитія нашего сельскаго хозяйства разнообразныя техническія улучшенія, роспись выражаетъ надежду, что нынѣшнее угнетенное состояніе хлѣбнаго рынка не можетъ быть продолжительнымъ. «всемірный сборъ хлѣбовъ подвергается рѣзкимъ колебаніямъ по отдѣль-

нѣмъ годамъ; потребление хлѣба, хотя медленно, но постоянно возрастаетъ, размѣръ же зернового производства въ болѣе промышленныхъ странахъ постепенно сокращается».

Соглашаясь со многими пунктами этой оцѣнки росписью положенія нашего сельскаго хозяйства, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одно весьма существенное разногласіе: роспись вовсе не отмѣчаетъ недостаточной покупательной силы населенія, какъ причины кажущагося избытка хлѣба на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Если бы покупательныя средства русскихъ людей и особенно нашей деревни были болѣе значительны, то съ рынка было бы снято гораздо большее количество, была бы менѣ настоятельная потребность въ вывозѣ зерна за границу и цѣна стояла бы выше, нежели въ настоящее время. Насколько наша статистика располагаетъ данными о производствѣ въ Россіи хлѣба и его потребленіи, настолько мы знаемъ, что нашъ народъ потребляетъ на $\frac{1}{3}$ меньше, нежели то нужно согласно съ требованіями гигиены, а потому увеличеніе покупательныхъ средствъ сразу измѣнило бы положеніе нашего сельскаго хозяйства, препятствуя столь рѣзкому паденію цѣнъ, какъ въ настоящее время.

Обозрѣвъ состояніе нашего сельскаго хозяйства, роспись отмѣчаетъ перемѣны, совершившіяся въ экономической жизни Россіи 1881 года. На первое мѣсто выдвигается ростъ государственныхъ доходовъ: въ 1881 году доходы превышали лишь немногимъ 650 милліоновъ рублей, тогда какъ за 1893 годъ ихъ поступило 1,025 милліоновъ. До 1888 года въ государственномъ хозяйствѣ были ежегодные дефициты, а съ этого года наступаетъ превышеніе доходовъ надъ расходами, составляющее нѣсколько десятковъ милліоновъ ежегодно. Но возрастаніе доходовъ не мѣшало развитію бережливости и систематическому подавленію сверхсѣтныхъ расходовъ. Роспись признаетъ, что государственный долгъ увеличился съ 1881 года почти на $1\frac{3}{4}$ милліарда кредитныхъ, однако, благодаря конверсіямъ и досрочнымъ выкупамъ займовъ, ежегодные платежи увеличились на неполныхъ 20 милліоновъ. Въ кредитованіи Россіи на международномъ и внутреннемъ денежномъ рынкахъ произошла также существенная перемѣна: 4% металлическіе займы, которые можно было помѣщать въ 1880 году по курсу не выше 75%, помѣщаются теперь по 97. Министръ финансовъ указываетъ въ росписи также на возрастаніе золотого правительственнаго фонда: въ началѣ 1881 года онъ не превышалъ 291 милліона, а къ 15 декабря 1894 года онъ достигъ 649,5 милліоновъ. Говоря объ успѣхахъ, сдѣланныхъ съ 1881 года русскою промышленностью, министръ финансовъ считаетъ невозможнымъ охарактеризовать эти успѣхи хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Производство чугуна съ 27,3 мил. пуд. въ 1881 году поднялось до 70,8 мил. въ 1893 г., а приготовленіе желѣза увеличилось съ 17,9 мил. пуд. въ 1880 г. до 30,1 мил. пуд. въ 1893 г. Стале-литейное производство возросло съ 18,7 мил. пуд. до 29,8 мил. пуд. Добываніе руды началось въ Россіи только 10 лѣтъ тому назадъ, а, между тѣмъ, въ настоящее время Россія не нуждается въ иностранной рудѣ и даже сама вывозитъ этотъ

металл. Добыча каменного угля въ 200 мил. пуд. въ 1880 г. достигла 460 мил. пуд. въ 1893 г. Нефтяная промышленность получила очень большое развитіе: въ 1880 г. было добыто нефти всего 21,4 мил. пуд., а въ 1893 г.—337 мил. пуд. Довольно быстро развилось также и сахаровареніе: съ 15,9 до 35,6 мил. пуд. Роспись отмѣчаетъ также развитіе сельскохозяйственнаго промысла. Въ зависимости отъ непрерывнаго расширенія площади посѣвовъ средній сборъ хлѣбовъ значительно возросъ: въ 1871—80 годахъ онъ составлялъ въ среднемъ 235 мил. четвертей ежегодно, а въ 1888—94 годахъ—276 мил. четвертей. Что касается внѣшней торговли, то роспись отличаетъ очень малую переменъ въ ея валовыхъ цифрахъ—1 миллиардъ 47 милліоновъ рублей въ 1881 г. и 1 миллиардъ 77 милліоновъ въ 1893 г. Однако, совершилась очень крупная переменъ въ распределеніи ввоза и вывоза: въ 1881 г. балансъ склонялся въ пользу ввоза на 35 милліоновъ рублей, а въ 1893 г. балансъ склонялся въ пользу вывоза на 151 милліонъ. Расширеніе торговыхъ оборотовъ доказывается также усиленіемъ выборки торговыхъ документовъ: такъ, въ 1892 г., по сравненію съ 1881 г., было выбрано гильдейскихъ свидѣтельствъ, билетовъ и паспортныхъ купеческихъ свидѣтельствъ болѣе на 60,000 штукъ, свидѣтельствъ на мелочной торгѣ—болѣе на 160,000 штукъ.

Въ государственной росписи отмѣчается развитіе и кредитнаго дѣла. Въ 1881 г. государственный банкъ имѣлъ 55 учрежденій, теперь же онъ располагаетъ 107. Общій итогъ всѣхъ выдачъ по учетно-ссудной операціи въ 225,6 милліона въ 1881 г. поднялся до 329,1 милліона въ 1894 г. Вклады на храненіе составляли въ государственномъ банкѣ къ концу 1894 г. 2,4 миллиарда противъ 1,2 миллиарда въ 1881 г. Число сберегательныхъ кассъ увеличилось за это время съ 76 до 3,180, а сумма вкладовъ поднялась съ 9 милліоновъ до 328,5 милліона. Существенное развитіе получили за это время и средства сообщенія: къ 1881 г. общее протяженіе желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для движенія, составляло 21,226 верстъ (кромѣ Финляндіи), а теперь, съ включеніемъ открытыхъ участковъ Сибирской желѣзной дороги, оно достигло 33,869 верстъ.

Затѣмъ роспись перечисляетъ мѣры, принятыя въ области податнаго политики, и мѣропріятія, которыми старались поддержать нашу промышленность и торговлю.

Обзоръ, который дѣлаетъ государственная роспись, даетъ бы болѣе полную картину внутренней жизни Россіи, если бы были приняты въ расчетъ переменъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности, а также въ различныхъ формахъ народнаго труда. Такъ, напримѣръ, можно указать на быструю производствъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, цѣнность которыхъ составляла въ 1881 г. только 275,2 милліона, а въ 1889 г. поднялась до 487,1 милліона, и на ряду съ этимъ большое сокращеніе производствъ издѣлій изъ льна и пеньки. Это замѣчается уже въ крупной промышленности, обрабатывающей названные матеріалы. Съ начала 80-хъ годовъ цѣнность льняныхъ издѣлій составляла только 25—26 милліоновъ рублей. Брестскій

я же обработка льна потерѣла очень замѣтное сокращеніе Въ 1881 г. всей Россіи было собрано нѣсколько болѣе 18 милліоновъ пуд. льняного волокна; въ слѣдующіе годы сборъ даетъ отъ 16½ до 19 милліоновъ п., а въ 1891 г. оно лишь немногимъ превышаетъ 15 милліоновъ пуд. насъ поступаетъ въ торговлю около 14 милліоновъ пуд. льняного воина ежегодно, а 3—4 милліона пуд. перерабатывается производителями и поступаетъ для собственнаго потребленія. Сокращеніе посѣвовъ за выдвигаетъ любопытный вопросъ: сокращается ли та доля, которая возится за границу, или же та, которая остается для переработки внутри страны? Такъ какъ въ цифрахъ вывоза льна за границу замѣчается увеличеніе отъ 7 милліоновъ пуд. въ 1886 г. до 11½ милліоновъ пуд. въ 91 г., то количество, остававшееся для внутренняго потребленія, было меньше и меньше: въ 1886 г. оно составляло еще нѣсколько болѣе милліоновъ пуд., а въ 1891 году не достигало и 4 милліоновъ пуд. Такъ образомъ, ростъ хлопчатобумажнаго производства только тогда явится надлежащемъ свѣтъ, когда мы отмѣтимъ очень большое уменьшеніе переработки льна и особенно въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Обороты въ шерстной промышленности обнаруживаютъ также замѣтное уменьшеніе, тѣмъ же прискорбное, что эта отрасль принадлежитъ къ наиболѣе стариннымъ вѣтвямъ нашего производства. Въ *Обзоръ русской промышленности*, данномъ министерствомъ финансовъ къ выставкѣ въ Чикаго, мы находимъ слѣдующія цифры: въ 1880 г. цѣнность шерстomorphicъ издѣлій составляла 15,4 милліона, шерстоткацкихъ — 36,7 милліона, суконныхъ — 63,3 милліона рублей, а въ 1889 г. эти производства дали намъ такія цифры: 8,5 милліона, 33,9 милліона и 42,7 милліона рублей, т.-е. производство сократилось на 25%. Этотъ пробѣлъ не былъ восполненъ привозомъ шерсти перестяныхъ издѣлій: въ 1880 г. было привезено изъ-за границы шерсти перестяныхъ издѣлій на сумму до 24 милліоновъ рублей, въ 1886 г. — только на 13½ милліоновъ, а въ 1891 г. — на 22½ милліона рублей. А такъ какъ запасъ шерстяныхъ издѣлій, которымъ располагаетъ Россія, уменьшается, то мы должны сдѣлать выводъ, что населеніе нашего отечества слабѣе удовлетворяетъ теперь свою потребность въ теплой одеждѣ, отвѣтствующей нашему климату, нежели то было ранѣе. Обзоръ положенія, въ которомъ находится Россія, былъ бы гораздо полнѣе, если бы росписи были указаны перемены, происшедшія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Въ январской книгѣ *Русской Мысли* (см. *Очерки провинциальной жизни*) профессоръ Иванюковъ далъ яркую характеристику пещинъ, которыя произошли относительно крестьянскаго скота въ губерняхъ Казанской, Пермской, Саратовской и другихъ. Данныя конской пещины 1893 г. обнаруживаютъ большое уменьшеніе крестьянскаго скота. Саратовской губерніи 29,2%, крестьянскихъ хозяйствъ вовсе не имѣть лошадей; 10 лѣтъ тому назадъ только 19% крестьянскихъ хозяйствъ имѣли безлошадными. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Пермской губерніи количество лошадей уменьшилось на 36—42% и т. д. Замѣтимъ также, что государ-

ственная роспись на 1895 годъ дала бы болѣе цѣльную картину нашего народнаго хозяйства, если бы воспользовалась свѣдѣніями, содержащими въ официальномъ изданіи—*Сводъ статистическихъ свѣдѣній, касающихся экономическаго положенія сельскаго населенія Европейской Россіи*. Въ этомъ изданіи сгруппированы цифры относительно рабочихъ рукъ, которыя не находятъ занятія на родинѣ. Такимъ образомъ, факты, сообщенные въ государственной росписи на 1895 годъ, интересны, но роспись проливала бы еще болѣе свѣта на наше экономическое положеніе, если бы въ нее были включены свѣдѣнія, собранныя въ разныхъ правительственныхъ изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ.

7 января открылась первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта, и ваго совѣщательнаго органа при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Онъ имѣетъ цѣлью обсуждать мѣры, которыя принимаются для улучшенія сельскаго хозяйства вообще и, въ частности, въ отдѣльныхъ отрасляхъ. Въ первую сессію вошли: предсѣдатель, министръ А. С. Ермоловъ, члены: товарищъ министра, камергеръ Нарышкинъ, и ректоръ земледѣлія П. А. Костычевъ, бывшій директоръ, сенаторъ В. В. Мачовъ, начальникъ отдѣла сельско-хозяйственной экономіи д. ст. сов. В. Мирзевъ; отъ земледѣлія и сельскаго хозяйства: с.-петербургскій предводитель дворянства графъ А. А. Бобринскій, кievскій предводитель дворянства князь Н. В. Репнинъ и кievскій помѣщикъ егермейстеръ Н. П. Башшовъ, воронежскій помѣщикъ И. А. Звегинцевъ, бывшій воронежскій губернский предводитель дворянства и мѣстный землевладѣлецъ М. А. Венгтвиновъ; отъ земледѣлія Привислянскаго края камергеръ графъ В. Ф. Чапай д. ст. сов. Стевень, предсѣдатель полтавскаго общества сельскихъ хозяевъ Д. Квитка, Н. А. Хомяковъ, новгородскій губернский предводитель дворянства въ должности церемоніймейстера князь Б. А. Васильчиковъ; отъ сельскихъ хозяевъ: камеръ-юнкеръ Д. Н. Шиповъ, камеръ-юнкеръ князь А. Г. Щербатовъ, предсѣдатель общества сельскихъ хозяевъ въ Россіи Н. Ф. Сухомлиновъ, дворянинъ И. О. Шатиловъ; отъ сельскихъ хозяевъ прибалтійскихъ губерній: дворянинъ Н. А. фонъ-Эссенъ. Отъ министерствъ: Императорскаго Двора и удѣловъ В. А. Ильинъ и Л. И. Яшиковъ; внутреннихъ дѣлъ: директоръ хозяйственнаго департамента И. И. Кабыловъ; путей сообщенія: директоръ департамента железныхъ и водяныхъ сообщеній А. Н. Столпаковъ и А. Д. Арбузовъ; финансовъ: директоръ департамента торговли и мануфактуръ В. И. Ковалевскій и В. И. Касперовъ и отъ министерства народнаго просвѣщенія камеръ-юнкеръ князь П. М. Волконскій и Е. М. Ковалевскій. Первая сессія новаго совѣщательнаго органа привлекаетъ къ себѣ большое вниманіе сельскихъ хозяевъ, а потому будетъ не лишнимъ указать на программу занятій и ваго учрежденія.

Къ правительству много разъ поступали ходатайства о разрѣшеніи мѣстныхъ, областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Областной съѣздъ

льскихъ хозяевъ, бывшій въ 1890 году, выработалъ и представилъ министру государственныхъ имуществъ цѣлый проектъ организаціи уѣздныхъ льско-хозяйственныхъ съѣздовъ. Кромѣ того, изъ разныхъ мѣстностей періи часто поступали и продолжаютъ поступать ходатайства объ открытіи сельско-хозяйственныхъ обществъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, въ разныхъ мѣстахъ обнаруживается потребность сельскихъ хозяевъ въ учрежденіи товариществъ, которыя облегчаютъ членамъ покупку инвентаря и сбытъ издѣлій. Наконецъ, земства въ своей дѣятельности по воспособленію мѣстному хозяйству обыкновенно разсчитываютъ на содѣйствіе министерствъ земледѣлія. И соображенія и побудили внести на разсмотрѣніе совѣта четыре вопроса, которые имѣютъ между собою тѣсную связь и направлены къ достиженію народныхъ цѣлей: 1) Проектъ положенія о губернскихъ и уѣздныхъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ. 2) Проектъ нормальнаго устава мѣстныхъ льско-хозяйственныхъ обществъ. 3) Объ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ товариществъ взаимной помощи. 4) О мѣрахъ для содѣйствія стороны министерства земледѣлія сельско-хозяйственной дѣятельности мѣстн. Мотивируя вторую группу вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе совѣта, министерство земледѣлія отмѣтило потребность въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Изыскивая способъ распространить сельско-хозяйственное образованіе, министерство полагаетъ, что, кромѣ раздѣленія на высшихъ, среднихъ и низшихъ училищъ по сельскому хозяйству, мѣстныя школы могутъ служить и другія мѣропріятія: открытіе курсовъ по земледѣлію вообще и отдѣльнымъ его отраслямъ, введеніе преподаванія сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, командированіе агрономовъ въ разные мѣстности Россіи, дабы знакомить населеніе съ улучшенными приемами культуры и проч. Съ тѣмъ вмѣстѣ представляется желательнымъ установить живую связь между учебными заведеніями министерства земледѣлія и практическими дѣятелями по сельскому хозяйству. Въ этихъ видахъ можетъ быть полезно включить представителей мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ составъ совѣта въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразно съ этимъ, въ программу занятій сельско-хозяйственнаго совѣта включены два вопроса: 5) Какія мѣры необходимо принять по сельско-хозяйственному образованію, независимо отъ увеличенія числа существующихъ специальныхъ учебныхъ заведеній, высшихъ, среднихъ и низшихъ? 6) О включеніи представителей мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ въ составъ совѣтовъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній министерства земледѣлія. Къ этимъ 6 вопросамъ приобщены четыре, касающіеся улучшенія орудій, скота, введенія новыхъ приемовъ культуры при помощи опытныхъ полей и проч. Вотъ и вопросы: 7) О мѣрахъ къ распространенію улучшенныхъ породъ скота (снабженію хозяевъ племенными производителями. 8) О мѣрахъ къ распространенію въ хозяйствахъ специальныхъ культуръ. 9) О мѣрахъ къ распространенію въ крестьянскихъ хозяйствахъ улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. 10) О содѣйствіи министерства земледѣлія учрежденію опыт-

ных и показательных полей въ частныхъ хозяйствахъ. Наконецъ, поставлены три вопроса, имѣющихъ для сельскаго хозяйства общее значеніе: 11) О желательныхъ измѣненіяхъ въ лѣсоохранительномъ законѣ. 12) О мѣрахъ, препятствующихъ распространенію подвижныхъ песковъ. 13) Объ организаціи страхованія посявовъ отъ градобитія.

Просматривая эту программу, мы видимъ, что она охватываетъ вольно полно вопросы сельскаго хозяйства, однако, въ ней не отвѣдены мѣста для вопросовъ относительно землевладѣнія, а именно они и являются основными. Въ нашемъ отечествѣ всѣ успѣхи земледѣлія зависятъ отъ того, какъ упорядочено землевладѣніе. Пока не достигнуто послѣднее, вѣтъ поръ разнообразныя мѣры, направленныя къ улучшенію сельскаго хозяйства, принесутъ мало пользы. Нельзя признать нормальнымъ, что министерство земледѣлія, вѣдая сельское хозяйство, остается чуждымъ вопросамъ землевладѣнія. Мы полагаемъ, что сельско-хозяйственный совѣтъ и долженъ былъ бы сдѣлать основаніемъ для всѣхъ своихъ занятій всестороннее разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько неустройство нашего землевладѣнія служитъ препятствіемъ для успѣховъ сельскаго хозяйства и какія мѣры должны были приняты для того, чтобы поставить крестьянское землевладѣніе въ болѣе нормальныя условія. Мы находимъ также, что организація сельско-хозяйственнаго совѣта не лишена недостатковъ. Члены совѣта среди которыхъ есть лица, пользующіяся почетною извѣстностью въ наукѣ и практикѣ сельскаго хозяйства, укажутъ, и правильно укажутъ, на многія невзгоды нашего сельскаго хозяйства. Но очень жаль, что въ совѣтъ нѣтъ представителей мелкаго хозяйства, особенно крестьянскаго, которое и является, численно, преобладающимъ представителемъ русскаго земледѣлія. Во многомилліонной массѣ мелкихъ сельскихъ хозяевъ много опытности, есть даже теоретическія знанія и близкое знакомство съ мѣстными условіями, которое не всегда встрѣчаешь среди крупныхъ земледѣльцевъ. Сельско-хозяйственный совѣтъ могъ бы услышать отъ представителей мелкаго сельскаго хозяйства много полезнаго, расширилъ бы свой кругозоръ вниманіемъ къ такимъ стараніямъ нашего земледѣльческаго быта, которыя, при нынѣшнемъ составѣ совѣта, могутъ остаться въ тѣни.

Засѣданія совѣта открылись рѣчью министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Указавъ на первенствующее значеніе земледѣльческаго промысла для нашего отечества и разнообразіе вопросовъ, выдвигаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ, А. С. Ермоловъ сказалъ: «Всѣ виды сельско-хозяйственной промышленности, крупная и мелкая, собственная и арендная, дворянская и крестьянская, должны составить предметъ одинаковой заботливости правительства, ибо сельское хозяйство отнюдь не сословное дѣло, предметъ того или другого направленія политики, а всенародное дѣло, основной фундаментъ нашего національнаго богатства... Не буду скрывать отъ васъ, что эта первая сессія собирается при самыхъ неблагоприятныхъ для сельскаго хозяйства условіяхъ. Земледѣліе наше переживаетъ тяжелый кризисъ, обусловленный множествомъ очень сложныхъ причинъ. Прав-

ство, въ лицѣ почти всѣхъ своихъ органовъ, работаетъ надъ устраненіемъ или облегченіемъ кризиса; но всѣ эти заботы, отвѣчая лишь во-осу дня, не могутъ выразиться иначе, какъ въ мѣропріятіяхъ палліативныхъ, ибо причины кризиса лежатъ слишкомъ глубоко. Наша работа ого рода. Не отвлекаясь злобами дня, мы должны взглянуть въ самый рень печальнаго положенія нашего земледѣлія. Этотъ корень—его негойчивое положеніе. Если мы сравнимъ правительственную работу и теція задачи дня въ годы 1892, 1894—95, мы найдемъ рѣзкую, почти метральную противоположность этихъ задачъ, какъ будто прошло не а, а десятки лѣтъ между этими годами. А, между тѣмъ, причина обоъ кризисовъ одна и та же—неустойчивость земледѣлія, не имѣющаго къ собою твердыхъ основъ. Позаботиться о постановкѣ на твердыхъ наахъ нашего сельскаго хозяйства, отвѣтить не на его временные, на постоянные вопросы—вотъ прямая задача сельско-хозяйственнаго вѣта».

Приводя этотъ отрывокъ изъ рѣчи г. министра земледѣлія, мы считаь не лишнимъ добавить, что различіе и даже противоположность между рпріятіями 1892 и 1894—95 годовъ доказываютъ самымъ убѣдительно образомъ, что благосостояніе Россіи стоитъ на низкомъ уровнѣ. и года тому назадъ хлѣбъ былъ дорогъ и правительство было озабочено просомъ о томъ, какъ бы удешевить его; въ настоящее время хлѣбъ шевъ и всѣ помыслы сельскихъ хозяевъ и правительственной власти няты вопросомъ о мѣрахъ, которыя могутъ поднять его цѣну. И если зввычайно высокія цѣны, вызвавшія въ 189½ годахъ голодь, были рашны только потому, что населеніе Россіи вовсе не имѣло сбереженій въ натурѣ, ни въ деньгахъ, то низкія цѣны нынѣшняго года только тому могутъ упорно держаться на этомъ уровнѣ и угнетающимъ обрамъ дѣйствовать на сельскихъ хозяевъ, что внутренній рынокъ очень раниченъ, покупательныя средства населенія ничтожны, и оно, являясь абымъ потребителемъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, не можетъ днять ихъ цѣны.

Оставляя въ сторонѣ многіе вопросы, бывшіе предметомъ разсмотрѣнія ѣско-хозяйственнаго совѣта, мы сообщимъ о четвертомъ засѣданіи, въ торомъ шла рѣчь о преподаваніи разныхъ отраслей сельскаго хозяйства . учительскихъ семинаріяхъ. При этомъ напомнимъ, что министерство наднаго просвѣщенія еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ признало полезимъ преподаваніе въ учительскихъ семинаріяхъ разныхъ отраслей сельаго хозяйства, но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволилъ осуствить эту мысль въ широкихъ размѣрахъ. Совѣтъ высказался за эту ру, но не призналъ ее обязательною: сельское хозяйство должно быть сподаваемо въ семинаріяхъ, если условія благоприятны, и само преподааніе должно быть приноровлено ко всей обстановкѣ, въ которой нахотся семинарія. Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, помимо юль, путемъ устройства для лицъ разныхъ званій публичныхъ чтеній,

бесѣдъ и проч. Были голоса, что такіа мѣры весьма полезны сами по себѣ, но что населеніе деревни вовсе не подготовлено къ этому и извлечь изъ этого очень мало пользы. Однако, большинство высказалось за то, что подобныя чтенія будутъ полезны, но что эта мѣра можетъ быть проведена только съ созданіемъ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія, такъ какъ устройство въ провинціяхъ чтеній весьма затруднено: тамъ дѣйствуетъ общее правило, что все запрещено, что не разрѣшено прямо. Въ томъ же засѣданіи выяснилось, что эти сомнѣнія вполне обоснованы: представители министерства внутреннихъ дѣлъ г. Кабатъ заявилъ, что это министерство встрѣтитъ серьезныя препятствія при проведеніи этой мѣры. Советъ одобрилъ резолюцію, согласно которой признано полезнымъ устройство чтеній для разныхъ классовъ населенія; при этомъ высказано пожеланіе, чтобы они были приноровлены къ требованіямъ слушателей и уровню ихъ развитія. При чтеніяхъ крестьянамъ должно быть обращено главное вниманіе на объясненіе предметовъ, которые имѣютъ особенное значеніе въ ихъ сельскомъ хозяйствѣ. Вполнѣ сочувствуя развитію сельско-хозяйственнаго образованія, мы полагаемъ, что чтенія и бесѣды по сельскому хозяйству могутъ принести тѣмъ большую пользу, чѣмъ болѣе подвинется къ начальнаго образованія. Такимъ образомъ, и министерство земледѣлія ближайше заинтересовано въ томъ, чтобы назрѣвшій вопросъ о всеобщемъ народнои школы поскорѣе получилъ желанное рѣшеніе.

Въ томъ же засѣданіи разсматривался и другой любопытный вопросъ о контролѣ за дѣятельностью сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Было предложено учредить особые мѣстные органы, которымъ и должна быть ввѣрена забота о развитіи сельско-хозяйственнаго образованія. Такими органами могутъ быть учрежденія на подобіе училищныхъ совѣтовъ министерства народнаго просвѣщенія. Многие члены совѣта поставили этотъ вопросъ съ связью съ другимъ и болѣе важнымъ — съ устройствомъ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія. Въ зависимости отъ характера состава этихъ органовъ опредѣляются роль и значеніе тѣхъ мѣстныхъ органовъ, которымъ будутъ ввѣрены ближайшія заботы о развитіи сельско-хозяйственнаго образованія. А. С. Ермоловъ перенесъ пренія на ближайшую почву. Онъ разъяснилъ, что, какова бы ни была организація мѣстныхъ учрежденій министерства, центръ тяжести въ дѣлѣ завѣдыванія мѣстными хозяйственными нуждами останется за земствомъ, что его обязанности въ этой сферѣ должны быть не только сохранены, но даже расширены. Согласившись относительно того, что земства являются центромъ по завѣдыванію мѣстнымъ хозяйствомъ, члены совѣта не пришли къ единогласному рѣшенію по вопросу о привлеченіи мѣстныхъ дѣятелей къ надзору за сельско-хозяйственными учебными заведеніями, высшими, средними и низшими. Многие высказывались за то, что такой надзоръ можетъ быть излишнимъ пререканіемъ по разнымъ вопросамъ учебной жизни. Другіе же члены взглянули на это дѣло болѣе правильно: отмѣчая полное отсутствіе въ настоящее время связи между населеніемъ и сельско-хозяйственными

ми учебными заведениями, эти члены отстаивали мысль, что участие мѣстных дѣятелей въ совѣтѣ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній могло измѣнить многое къ лучшему: эти лица внесутъ въ жизнь заведенія местные интересы, привлекутъ къ нему мѣстное населеніе, которое почерпнетъ тамъ много полезнаго для своего хозяйства. Лица, избранныя въ соеты учебныхъ заведеній земствами или сельско-хозяйственными обществами будутъ независимы въ своихъ отношеніяхъ какъ къ учебнымъ заведениямъ, такъ и къ министерству земледѣлія. Разработка частныхъ этого вопроса поручена особой комиссіей.

Значительный интересъ представляло обсужденіе совѣта вопроса о высшемъ сельско-хозяйственномъ образованіи. Независимо отъ разныхъ частныхъ предложеній, которыя касались программы высшаго сельско-хозяйственнаго образованія, всѣ члены сѣзда проводили мысль, что число высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній у насъ совершенно недостаточно, что и сѣверь, и югъ, и центральныя губерніи, и Поволжье нуждаются въ высшемъ учебномъ заведеніи по сельскому хозяйству. Размѣнились упреки по адресу нашихъ высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній (особенно Петровской академіи), что они не даютъ хорошихъ практиковъ. Дабы пріобрѣсти таковыхъ, нужно какъ создать нѣсколько специальныхъ институтовъ по сельскому хозяйству, такъ и приблизить къ практикѣ преподаваніе на факультетахъ наукъ, добавивъ нѣсколько кафедръ.

Мы вполне раздѣляемъ мысль о пользѣ, которую могутъ принести Россіи высшія учебныя заведенія по сельскому хозяйству, но не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы преподаваніе на естественныхъ факультетахъ было слишкомъ приближено къ практическимъ задачамъ сельскаго хозяйства: прикладныя науки дѣлаютъ успѣхи по мѣрѣ роста теоретическаго знанія, и если въ университетахъ будутъ менѣе благоприятныя условія для пріобрѣтенія теоретическихъ знаній, то это не замедлитъ обнаружиться и замедленіемъ въ развитіи прикладныхъ наукъ.

Сѣздъ мукомольцевъ, состоявшійся въ январѣ, работалъ также надъ вопросами, сопрягающимися съ сельскимъ хозяйствомъ. Задачей этого сѣзда была выработка мѣръ къ усиленію вывоза муки за границу. Помѣщеніе русскихъ продуктовъ на иностранныхъ рынкахъ не въ видѣ зерна, а въ видѣ муки представляетъ крупныя выгоды, и, нашъ главный соперникъ—американскіе Соединенные Штаты находятся именно въ такомъ положеніи: они поставляютъ европейскому рынку въ видѣ муки около 60% всего нашего хлѣбнаго вывоза, а относительно англійскаго хлѣбнаго рынка эта цифра повышается даже до 80%. Положеніе Россіи совсѣмъ иное: наше мукомольство имѣетъ высокія качества, наше мукомолье стоитъ на высокомъ уровнѣ техническаго развитія, однако, русская мука идетъ за границу въ крайне ничтожныхъ размѣрахъ: она составляетъ не болѣе 2—3% всего нашего хлѣбнаго экспорта, и вывозъ ея постепенно падаетъ. И самые рынки, на

которых мы продаем нашу муку, не располагают въ утѣшительныя выводы: мы поимѣемъ ее не въ Англіи, Бельгіи, Голландіи, гдѣ она хорошо оплачивается, а въ Константинополѣ, Греціи, Малой Азіи, гдѣ нельзя выручать хорошихъ цѣнъ. Въ Россіи, по мнѣнію председателю съѣзда мукомоловъ В. И. Бовалевскаго, есть благопріятныя условія для воза муки, какихъ нѣтъ въ Америкѣ: высокое качество сырья и дешевизна труда. Хотя Америка пользуется сравнительно съ Россіей тѣми преимуществами, что имѣетъ болѣе дешевыя машины и болѣе дешевый кредитъ, однако, и Россія дѣлаетъ въ этомъ отношеніи успѣхи. Самыми серьезными препятствіями для конкуренціи съ Америкой являются недостаточное знакомство съ иноземными рынками, неумѣнье приурочить товаръ къ ея просу и всякаго рода накладные расходы, падающіе на вывозъ муки. Съѣздъ обратилъ главное вниманіе на стоимость производства муки, причемъ обнаружались весьма любопытныя факты. Выяснилось, что издержки производства составляютъ въ Англіи 1 р. 20 к. на четверть пшеницы, въ Бельгіи производство обходится около 72 к., а въ Сѣверной Америкѣ около 70 к., что, вслѣдствіе дешевизны рабочихъ рукъ, производство въ Россіи можетъ стоить еще меньше. Такія заявленія, казалось бы, чрезъчайно упрощаютъ рѣшеніе вопроса о мѣрахъ, которыя могутъ имѣть содѣйствовать вывозу русской муки за границу, а между тѣмъ, русскіе особенно озабочены тѣмъ, какъ бы образовать союзъ мукомоловъ, который долженъ не только стремиться къ завоеванію внѣшнихъ рынковъ, но и бороться съ своимъ внутреннимъ врагомъ—перепроизводствомъ. Если такой союзъ осуществится, то, быть можетъ, ему не удастся приобрести внѣшняго рынка, такъ какъ у нашего главнаго соперника въ Сѣверной Америкѣ организація этого рода достигла высшаго развитія и въ самомъ разнообразномъ выраженіи, но, несомнѣнно, приведетъ къ одному результату—поглощенію мелкихъ и даже среднихъ мукомольныхъ предпріятій крупными. Припомнимъ быстроту, съ которою уже совершается этотъ процессъ въ мукомольной промышленности. Волжское мукомольное дѣло приняло довольно крупныя размѣры еще въ 40-хъ годахъ, однако, только за послѣднее 20-лѣтіе замѣчается окончательная побѣда исполнискихъ паровыхъ мельницъ надъ средними и даже крупными водяными и паро-водяными. Въ 1893 году на Волгѣ было всего 186 мельницъ; изъ нихъ 40 крупнейших перемалывающихъ болѣе $\frac{1}{2}$ милліона пудовъ зерна каждая, могутъ перемолоть 39 милліоновъ пудовъ (66%, общаго количества) и 146 мелкихъ и среднихъ—19 $\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ (34%). Стоитъ образоваться съѣзду мукомоловъ—и крупное производство сдѣлаетъ въ этой отрасли самый нѣвысшій шагъ впередъ, а въ рядахъ мелкихъ и среднихъ мукомольныхъ предпріятій будутъ произведены новыя опустошенія.

Циркуляръ министра финансовъ отъ 22 декабря 1894 года имѣетъ цѣлью насадить трезвость въ русскомъ народѣ. Вотъ въ какихъ словахъ оцѣнивается циркуляромъ возможность борьбы съ народнымъ пьянствомъ

Борьба съ этимъ застарѣлымъ нашимъ зломъ не легка. Она требуетъ не только соответственныхъ измѣненій въ условіяхъ питейной торговли, но должна быть для желательнаго успѣха вспомошествована совокупными усиліями всѣхъ лучшихъ людей общества. Недостаточно ослабить соблазны питейнаго заведенія, — необходимо еще возбудить въ населеніи расположеніе къ трезвости и воздержанію, какъ противовѣсъ этимъ соблазнамъ; недостаточно закономъ устранить отъ питейной торговли людей, частный интересъ которыхъ побуждаетъ ихъ спаивать народъ, — необходимо еще, чтобы самъ народъ уразумѣлъ смыслъ и цѣль принятой правительствомъ реформы. Эти соображенія и побуждаютъ министерство финансовъ, одновременно съ положеніемъ о казенной продажѣ питей, ввести въ дѣйствіе ставъ попечительства о народной трезвости. Предполагается, что попечительства сплотятъ всѣ лучшія мѣстные силы для борьбы съ пьянствомъ. Члены попечительства, будучи мѣстными жителями, хорошо знакомы съ бытомъ и нравами населенія. Они могутъ наблюдать за правильностью производства питейной торговли, могутъ распространять въ населеніи здравыя понятія о вредѣ чрезмѣрнаго потребленія спиртныхъ напитковъ, могутъ лечить страдающихъ запоємъ, устраивать народныя чтенія, издавать соответствующія брошюры, открывать читальни, чайныя и другія заведенія того рода. Руководствуясь всѣмъ этимъ, министръ финансовъ высказываетъ надежду, что «чины акцизнаго вѣдомства, которымъ предстоитъ ближайшее участіе въ осуществленіи питейной реформы, приложатъ все стараніе и всѣ усилія, чтобы обезпечить успѣхъ начинанію столь большой важности». Состоя въ вѣдѣніи министерства финансовъ по департаменту неокладныхъ сборовъ, попечительства находятся подъ ближайшимъ руководствомъ губернскихъ и уездныхъ комитетовъ; въ первомъ предсѣдательствуетъ губернаторъ, а членами служатъ чины губернской администраціи, въ вторыхъ членами являются чины уѣздной администраціи, уѣздные земскіе дѣятели, а предсѣдательствуетъ уѣздной предводитель дворянства. Члены попечительства пользуются особымъ знакомъ, а почетные члены — сверхъ того — и мундиромъ министерства финансовъ VI класса.

Мы полагаемъ, что попечительства возникнутъ, и, притомъ, въ недалекомъ будущемъ, въ довольно большомъ числѣ, — за это ручается уже самый составъ губернскихъ и уездныхъ комитетовъ, а также напоминаніе чинамъ акцизнаго надзора о томъ, чтобы они содѣйствовали скорѣйшему осуществленію этого начинанія. Но образованіе довольно большого числа попечительствъ еще не можетъ служить залогомъ ихъ успѣшной дѣятельности. Напомнимъ объ условіяхъ, благодаря которымъ пьянство развивается наиболѣе успѣшно. Какъ ни разнообразны конкретныя проявленія пьянства, какъ ни различны формы, въ которыхъ обнаруживаютъ свое вліяніе наслѣдственность и условія личной жизни пьяницы, два обстоятельства особенно содѣйствуютъ развитію цѣльнаго, законченнаго типа пропойцы: бѣдность и невѣжество. Говоря о бѣдности, мы разумѣемъ не такую обстановку человѣка, когда крайне низкому уровню потребностей соответствуютъ и крайне скуд-

ныя средства къ ихъ удовлетворенію: мы разумѣемъ ту матеріальную обстановку человѣка, когда его хозяйство разстроено, когда не обещаны завтрашній день, когда положеніе, ранѣе удовлетворительное, настало худшимъ, что всё усилія ума и воли не могутъ измѣнить его къ лучшему. Кто наблюдалъ пьянство въ деревняхъ, тому извѣстно, что оно развивается тамъ подъ вліяніемъ именно первыхъ условий. Исправный крестьянинъ почти никогда не бываетъ пьяницей. Но когда его хозяйство разстроено, онъ начинаетъ пить и нерѣдко пропиваетъ все до послѣдней нитки. Это—пьянство съ отчаянія, и именно къ нему всего больше подходитъ названіе *юрмаю* пьянства. Пьянство среди бѣдныхъ слоевъ городского населенія, фабричныхъ работниковъ, ремесленниковъ, даже интеллигентныхъ людей, развивается при иныхъ условіяхъ: случайность и непрочность заработковъ, отсутствіе собственнаго угла и даже подвижности всего личнаго способствуютъ такому настроенію человѣка, когда онъ не имѣетъ привычной формы для сбереженій. Вотъ условія, при которыхъ бѣдность способствуетъ развитію пьянства. Попечительства о народной трезвости не могутъ дѣйствовать на эту сторону жизни населенія, такъ какъ лишены способности поднимать его благосостояніе. Но открытіемъ читальн., библіотекъ, устройствомъ народныхъ чтеній попечительства могутъ быть полезны, ибо они будутъ въ этой формѣ хотя немного содѣйствовать просвѣщенію народа. А просвѣщеніе уже потому является могущественнымъ средствомъ борьбы съ этимъ порокомъ, что воспитываетъ волю людей, которые увлеклись дурными примѣрами, но еще не стали алкоголиками. Просвѣщеніе и потому можетъ ослаблять эту страсть, что дѣлаетъ доступными для человѣка новыя и болѣе благородныя развлеченія. А потому, если, соединивъ въ попечительства о народной трезвости, русскіе люди разовьютъ среди простолудинцовъ свою просвѣтительную дѣятельность, то новыя органы принесутъ замѣтную пользу русской культурѣ.

Наша печать довольно много говорила за послѣднее время о биржевой игрѣ, принявшей въ Петербургѣ очень большіе размѣры. Поводомъ къ этимъ оживленнымъ толкамъ послужило напечатанное въ *Торгово-Промышленной Газетѣ* сообщеніе, предупреждающее нашу публику отъ опасностей, съ которыми связано увлеченіе биржевою игрою. Редакція этой газеты, различая бумаги солидныхъ предпріятій отъ акцій весьма сомнительнаго достоинства, такъ высказывается по поводу спекуляціи: «Серьезно покупающіе бумаги, желающіе вложить въ приносящія проценты дѣлающія свои сбереженія, прежде чѣмъ купить бумагу, выясняютъ, какии предпріятіемъ эта бумага выпущена, каково настоящее и ближайшее по времени положеніе этого предпріятія и даже какова конъюнктура дальнѣйшаго хода его дѣла; онъ заглянетъ въ отчеты, справится съ дивидендами и, сопоставивъ биржевую цѣну съ возможнымъ въ будущемъ доходностью бумаги, рѣшается на покупку ея... Совершенно въ иныхъ условіяхъ стоятъ и дѣйствуютъ игроки-спекулянты. Ихъ интересуетъ не солидное помѣщеніе

ихъ сбереженій, а быстрая, легкая нажива, возможная при колебаніи цѣнъ въ ту или другую сторону... Въ ней никто не интересуется кагвомъ бумаги, а лишь возможностью получить разницу при движеніи вверхъ и внизъ; въ ней въ выигрышѣ почти всегда руководители, а публика, неопытная и увлекаемая въ игру, — въ вѣрномъ проигрышѣ. Руководительство спекуляціей, распредѣлявшееся доселѣ обыкновенно между вѣдными лицами и потому не въ той мѣрѣ опасное, за послѣднее время до принимать все болѣе опасный оттѣнокъ соглашенія. Начало синдикатовъ, дѣлающее въ промышленности такіе успѣхи, проникаетъ и въ сферу спекуляціи цѣнностями, примѣненіе въ которой этого начала, однако, наиболѣе желательно. Давая такую оцѣнку, названная газета не сказала намъ ничего новаго. Издавна извѣстно, что покупатели цѣнныхъ бумагъ дѣлятся на нѣсколько категорій, что биржевые дѣльцы образуютъ группы, заботящіяся о размѣщеніи въ публикѣ цѣнныхъ бумагъ отдѣльныхъ категорій. Но, при обсужденіи биржевой игры, всегда наиболѣе интересенъ вопросъ о томъ, почему въ данное время спекуляція обнаруживаетъ особенное оживленіе? За послѣдніе годы въ нашемъ народномъ хозяйствѣ особенно усилилось дѣйствіе причинъ, которыя должны были вызвать расстройство биржевыхъ оборотовъ. Такою причиной является, прежде всего, совершеніе конверсій. Владѣльцы русскихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ привыкли получать 5% въ годъ; пониженіе же процента послѣдніе годы уменьшило ихъ доходъ до 4% годовыхъ. Акции и явились главнымъ источникомъ, откуда можно было ожидать пополненія понесенной убытки. Доходъ промышленныхъ предпріятій капитализовался до послѣднихъ временъ изъ 6—7% годовыхъ. Уменьшившаяся доходность государственныхъ процентныхъ бумагъ побудила многихъ крупныхъ и мелкихъ штатистовъ обратиться къ бумагамъ частныхъ обществъ, и возвысившаяся спросъ не замедлил поднять ихъ цѣну на 25—30% и болѣе. Но этомъ процессѣ обнаруживается дѣйствіе и второй причины. Покровительственный характеръ нашей таможенной политики способствовалъ образованію крупныхъ промышленныхъ предпріятій и полученію высокихъ дивидендовъ. Заказы этимъ заводамъ со стороны казны и особенно принадлежностей желѣзно-дорожнаго дѣла еще болѣе способствовали доходности которыхъ предпріятій, особенно въ области машиностроенія. Это вызвало огромный запросъ на акции нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій, бывъшихъ предметомъ особенно оживленныхъ оборотовъ. Отметимъ, наконецъ, и третью причину — незначительность нашего внутренняго рынка и слабое развитіе нашей промышленности вообще. Когда промышленность страны быстро развивается, то значительная часть ежегодныхъ сбереженій поступаетъ на расширеніе существующихъ промышленныхъ предпріятій и основаніе новыхъ. Когда же, какъ мы выше указали относительно нашего отечества, понудительныя средства населенія незначительны и промышленность, вмѣстѣ нѣкоторыхъ отраслей, развивается медленно, когда, притомъ, заработная плата низка, а прибыль очень велика, то остается свободною до-

вольно большая часть ежегоднаго прироста по капиталу, и эта часть, нежеланіемъ владѣльцевъ довольствоваться 4% вѣ годъ, направляется на спекуляцію. Поэтому спекуляція можетъ быть ослаблена не обращеніемъ къ благоразумію публики и не прописными разсужденіями о томъ, каковъ трудъ полезнѣе биржевой игры, а только мѣрами, которыя увеличатъ покупательныя средства населенія, расширятъ внутренній рынокъ, увеличатъ спросъ на разнообразныя товары и облегчатъ помѣщеніе въ различные отрасли промышленности возможно болѣе значительныхъ долей вроднаго дохода.

Въ послѣдніе мѣсяцы русское общество внимательно слѣдило за дѣятельностью и грядущею судьбой московскаго и петербургскаго комитетовъ грамотности. Особенно живое безпокойство возбуждаютъ слухи о томъ, что отдѣлять комитеты грамотности московскій—отъ Императорскаго вольнаго общества сельскаго хозяйства, а петербургскій—отъ Императорскаго вольнаго экономическаго общества и передадутъ ихъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Такая крупная переиѣна въ жизни обоихъ комитетовъ вызывалась бы серьезною необходимостью, еслибъ они дѣйствовали вяло, неумѣло, или же дѣйствовали бы энергично и успѣшно, и нарушали бы уставы и правила, которые даны имъ закономъ въ русское время. Однако, факты говорятъ, что дѣятельность обоихъ комитетовъ грамотности обнаруживаетъ и полное пониманіе дѣла, и строго законосообразное отношеніе членовъ къ своимъ обязанностямъ.

Недавно отпечатавъ *Обзоръ* дѣятельности петербургскаго комитета грамотности за 1861—1894 годъ. Мы можемъ почерпнуть изъ этого обзоръ много поучительныхъ свѣдѣній. Учрежденный въ мартѣ 1859 года при Императорскомъ отдѣленіи Императорскаго вольнаго экономическаго общества, комитетъ грамотности обратилъ главное вниманіе на бесплатное снабженіе книгами и учебными пособіями школъ, больницъ, обществъ трезвости, тюремъ и т. д. Понимая нужды школъ въ глухихъ уголкахъ Россіи, гдѣ полное отсутствіе матеріала для чтенія тормазитъ успѣхи школьнаго дѣла, комитетъ старался удовлетворить всякую просьбу, заслуживающую вниманія, и останавливаясь только предъ недостаткомъ средствъ. Въ архивѣ комитета хранится множество писемъ, съ изъявленіемъ признательности, отъ архіереевъ, губернаторовъ, помѣщиковъ, священниковъ, крестьянъ. Одно изъ такихъ изъявленій признательности прислано изъ Камчатки и написано на берестѣ. Изъ членскіе взносы и собранныя пожертвованія комитетъ разослалъ бесплатно всего около 1 $\frac{1}{4}$ милліона книгъ. Къ этому присоединяется дѣятельность комитета по подбору и покупкѣ книгъ для лицъ, которыя даютъ ему порученія. Въ концѣ 1893 года комитетъ поставилъ себѣ цѣлью устройство, при содѣйствіи земствъ, бесплатныхъ народныхъ читаленъ; ихъ должно бы быть многія тысячи, однако, теперь число ихъ не достигаетъ 100. В течение года комитетъ собралъ на это дѣло больше 17,000 рублей, причемъ многія пожертвованія поступали изъ самыхъ отдѣльныхъ и глухихъ мѣ-

гой. На ряду съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить и издательную дѣятельность итета. Съ 1881 года онъ издалъ 54 книжки для народнаго чтенія. Дѣла этой дѣятельности признана и официально: министерство народнаго просвѣщенія выписало изданный комитетомъ «народно-учебный катальогъ» въ количествѣ 6,000 экземпляровъ для распространенія по своему округу. Заслуживаютъ вниманія также попытки комитета учредить школы приготовленія учителей и учительницъ. Въ 1863 году комитетъ основалъ въ Петербургѣ первую женскую учительскую школу и таковая же была открыта въ селѣ «Старой Майнѣ». Эти школы послужили прототипомъ училищъ, которыя существуютъ теперь подъ именемъ женскихъ училищескихъ семинарій. Во время неурожая 1891—92 годовъ комитетъ постарался придти на помощь ученикамъ народныхъ школъ; ему удалось собрать этой цѣлью 28,000 рублей, на которые и содержалось около 200 столовъ. Дабы обогащать себя опытомъ относительно всего, что касается дѣла одного образованія, комитетъ поддерживаетъ правильныя сношенія съ многочисленными иностранными обществами, которыя служатъ дѣлу просвѣщенія. Сдѣланный нами краткій перечень того, что выполнено петербургскимъ итетомъ грамотности за время его существованія, доказываетъ, что оно живетъ дѣлу народнаго образованія честно, безкорыстно, отзывчиво и, въ же время, *закономерно*. Такъ взглянуло на его дѣятельность и общее собраніе Императорскаго вольнаго экономическаго общества въ засѣданіи января. Общее собраніе, дабы положить конецъ тревожнымъ слухамъ рядущихъ судьбахъ комитета, разсматривало вопросъ о мѣрахъ, которыя могутъ упрочить его дальнѣйшее существованіе. Нѣкоторые изъ членовъ общества считали наиболѣе цѣлесообразнымъ обратить комитетъ грамотности въ особое (счетомъ 4-е) отдѣленіе общества. Доказывали раціональность такой мѣры ссылкой на то, что комитетъ грамотности будетъ, какъ и качества 4-го отдѣленія, тѣснѣе связанъ съ Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ, нежели въ настоящее время, а болѣе тѣсная связь помѣшаетъ отторженію его отъ общества, если бы на то произошло иягательство со стороны какого-либо высшаго учрежденія. Однако, сліяніе представляло бы и значительныя неудобства: пришлось бы сосредоточить дѣятельность преобразованнаго комитета не на развитіи народной грамотности, а на содѣйствіи преимущественно сельско-хозяйственному образованію. Съ тѣмъ вмѣстѣ комитетъ потерялъ бы больше половины членовъ: въ настоящее время члены комитета уплачиваютъ 5 рублей въ годъ, тогда какъ члены общества платятъ 10 р. А потеря многихъ членовъ была бы еще болѣе прискорбна, что комитетъ, на вербовавъ членовъ во всѣхъ слояхъ населенія, привлекъ къ себѣ много энергическихъ сотрудниковъ. Наконецъ, такое преобразование было бы и въ томъ отношеніи неудобно, что оно усложнило бы управление дѣлами комитета. Вотъ почему особая коммиссія изъ 5 членовъ (въ составъ которой вошли гг. Арсеньевъ, Исаевъ, Мертваго, Тютрюмовъ и Фальборкъ) предложила Императорскому вольному экономическому обществу сохранить комитетъ въ его настоящемъ видѣ,

обративъ его изъ «временнаго учрежденія» общества, какъ звать и уставъ, въ постоянное. Общее собраніе приняло это предложеніе или единогласно. И это рѣшеніе безусловно правильно: поле для нашихъ грамотности на Руси такъ обширно, что желательно видѣть въ этой области дѣятелями, на ряду съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и можно больше частныхъ лицъ и учреждений.

Именнымъ высочайшимъ указомъ министру финансовъ отъ 13 янв. повелѣно отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства деньги средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Исполни высочайшей воли возложено на Императорскую академію наукъ. Въ немъ выражена увѣренность, что «таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлю частныхъ учреждений, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ». Въ этихъ видахъ всемилоостивѣнше повелѣно: 1) Отпустить изъ государственнаго казначейства по 50,000 рублей ежегодно для выдачи ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ единовременныхъ пособій, и тѣмъ изъ нихъ, которые не получаютъ ни изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій. 2) Обсудить и установить правъ названныхъ лицъ и распоряженіе указанными сумми возлагается на академію наукъ, президентъ которой можетъ приглашать по своему выбору лицъ, которыя могутъ быть полезны въ этомъ дѣлѣ. 3) Ввиду общему соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ и президента академіи наукъ предоставлено ввести въ дѣйствіе правила, которыми мы на руководствоваться академія наукъ при рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ.

Высочайшій указъ представляется выдающимся явленіемъ. Трудно, наго, литератора и публициста, за рѣдкими исключеніями, вознаграждать весьма скудно. Каждому извѣстно, что большая часть людей этой профессіи умираетъ, оставляя вдову и сиротъ безъ всякихъ средствъ на произволъ судьбы. Общество пособія литераторамъ и ученымъ, болѣе известное подъ именемъ «литературнаго фонда», существуетъ 35 лѣтъ, но за этотъ долгій срокъ оно могло довести свой капиталъ только до 350,000 рублей, которые, при нынѣшнемъ процентѣ, служатъ источникомъ весьма скромнаго дохода. Такимъ образомъ, высочайшій указъ 13 января обезпечитъ одинъ десятокъ литературныхъ работниковъ.

Русская литература, оказавшая родинѣ крупныя услуги, даже и не занимаетъ того выгоднаго положенія и не имѣетъ правъ, которыхъ заслуживаетъ она честнымъ трудомъ на пользу отечества въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Будемъ надѣяться, что за милостью, оказанною литературѣ послѣдуетъ и расширеніе области, въ которой печататное слово можетъ быть независимымъ, ибо при нынѣшнихъ условіяхъ печать не можетъ влечь всей пользы изъ многихъ дарованій.

30 декабря истекшаго года скончался въ Нальчикѣ, Терской области, ровный и трудолюбивый земскій статистикъ Константинъ Николаевичъ Молинскій. Изъ-подъ его пера вышли превосходные сборники статистическихъ свѣдѣній по нѣкоторымъ уѣздамъ Бессарабской и Нижегородской губерній. Окончивъ въ 1882 году курсъ Петровской академіи, онъ служилъ слѣбъ бессарабскому земству, а послѣдніе годы жизни проводилъ на хуторѣ близъ Нальчика, гдѣ дѣлилъ время между трудами по сельскому хозяйству и обработкой статистическихъ матеріаловъ по Нижегородской губерніи. Горячо преданный дѣлу, покойный работалъ съ изумительною энергіей. Большой чахоткой, истощенный продолжительными страданіями, К. Н. не оставлялъ работы и въ послѣдній періодъ болѣзни, когда непрерывно высокая температура указывала на близкій конецъ. Вѣчная память этому уютному, даровитому и честному труженику!

Мы получили слѣдующее заявленіе отъ комитета грамотности при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства:

«Вопросъ о доставленіи всему русскому народу правильнаго школьнаго обученія несомнѣнно составляетъ самую насущную задачу настоящаго времени. Дѣятельность правительства, дѣльный рядъ выдающихся земскихъ мѣщуприятій, страстное стремленіе къ школѣ со стороны народа, а прежде всего общее наше сознаніе, что необходимо вывести народъ изъ темноты и невѣжества,—все заставляетъ признать правильную постановку и повсеобщное устройство начальныхъ училищъ одною изъ самыхъ важныхъ и неотложныхъ общественныхъ задачъ.

Для правильнаго и скорѣйшаго разрѣшенія этой задачи, а также и другихъ, съ нею связанныхъ, необходимо наглядное знакомство съ общимъ положеніемъ школьнаго дѣла и другихъ средствъ народнаго просвѣщенія и съ отдѣльными наиболее интересными явленіями въ этой области. Такое знакомство при разрозненности дѣятелей на поприщѣ народнаго просвѣщенія нашего обширнаго отечества чрезвычайно затруднительно и нерѣдко прямо невозможно, что вызываетъ часто непроизводительную трату силъ для достиженія цѣли личнымъ и часто дорого стоящимъ опытомъ того, что бы могло быть давно извѣстнымъ при ознакомленіи съ результатами чужого опыта.

Органы земскаго и городского самоуправления, которые являются у насъ главною дѣйствующею силой на поприщѣ начальнаго образованія, далеко не въ одинаковой степени близки къ осуществленію своей конечной задачи—просвѣщенія всего народа. Представить въ возможной полнотѣ и съ возможною наглядностью то, что достигнуто отдѣльными земствами и городами, имѣло бы для всего русскаго общества первостепенную важность, а для отдѣльных дѣятелей—весьма большое практическое значеніе.

Все болѣе развивающаяся у насъ частная инициатива въ области просвѣщенія народныхъ массъ еще въ сильнѣйшей степени нуждается для успѣшности своей дѣятельности въ объединеніи хотя бы путемъ нагляднаго одновременнаго обзрѣнія различныхъ формъ ея проявленія.

Руководствуясь этими мыслями, состоящей при Императорском высшемъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ грамотности рѣшился и предстоящей въ ноябрѣ 1895 года высочайше разрѣшенной сельско-хозяйственной выставкѣ общества въ отдѣлѣ комитета устроить *выставку и народному образованію*, гдѣ бы была дана возможность дѣйствующимъ въ этой области учреждениямъ и лицамъ представить общественному вниманию результаты своей дѣятельности.

Для осуществленія своей цѣли комитетъ нуждается, прежде всего, въ денежныхъ средствахъ.

По составленной смѣтѣ устройство выставки обойдется комитету въ 4,500 руб. Сумму эту комитетъ надѣется собрать путемъ ассигнованій со стороны органовъ самоуправления и путемъ частныхъ пожертвованій друзей русской народной школы, великодушныхъ и просвѣщенныхъ радѣтелей о духовныхъ нуждахъ русскаго народа.

При устройствѣ выставки комитетъ имѣетъ задачей представить:

а) съ возможною полнотой общее движеніе русской начальной школы за послѣднее время;

б) общія цифровыя свѣдѣнія о количествѣ начальныхъ училищъ и учащихся, распредѣленіи ихъ и о расходахъ, производимыхъ на дѣло начального обученія;

в) общія данныя по вопросу о доставленіи правильнаго школьнаго обученія всему русскому народу и указать приемы для разработкѣ частности этого вопроса;

г) положеніе и обстановку типичныхъ школъ, по возможности, всѣхъ существующихъ у насъ видовъ;

д) образцовую обстановку русской начальной школы;

е) свѣдѣнія о народныхъ читальняхъ, воскресныхъ школахъ и о другихъ средствахъ общаго развитія народа, народныхъ чтеніяхъ, народныхъ театрѣ, музеяхъ и проч.;

ж) движеніе народной литературы за послѣдніе годы и, наконецъ,

з) въ возможной полнотѣ роль частнаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія.

Насколько удастся комитету осуществить свою широкую программу, зависитъ, прежде всего, отъ того сочувствія, съ которымъ отнесется общество къ предпринятому дѣлу. Въ расчетѣ на такое сочувствіе комитетъ, согласно постановленію своему въ засѣданіи 21 декабря 1894 года, обращается съ убѣдительною просьбой ко всѣмъ, имѣющимъ возможность сдѣлать, откликнуться присылкой какъ можно скорѣе пожертвованій на составленіе необходимой для устройства выставки суммы въ 4,500 рублѣ. Всѣ могущія остаться отъ выставки денежные средства, а также книги и другіе экспонаты, которые будутъ предоставлены въ распоряженіе комитета, имѣютъ поступить на устройство школьнаго музея при комитетѣ и въ его библіотеку».

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ еженедѣльной германской газетѣ *Die Gegenwart* была недавно напечатана статья Карла Валькера о движеніи въ пользу мира, которое исходитъ въ современной Европѣ. Въ настоящее время общества друзей мира существуютъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи, въ Італіи, Швейцаріи, Германіи и Австро-Венгріи. Въ Бернѣ въ 1891 году основано международное бюро, которое издаетъ, подъ редакціей Дюкоммюна (Commins), двухнедѣльную *Correspondence autographiée*. На нѣмецкомъ языкѣ органами пропаганды мира служатъ *Долой оружіе (Die Waffen nieder!)*, издаваемый Бертою Суттнеръ, и швейцарскій *Миръ (Der Friede)*. Валькеръ указываетъ на ростъ этого движенія и въ нашемъ отечествѣ.

Опасность для мира *Gegenwart* видитъ во французскихъ и русскихъ провинціяхъ. Мы полагаемъ, что у насъ провинціевъ немного, что ихъ во всемъ случаѣ больше въ Германіи или Італіи. Дѣло печати всѣхъ странъ—дѣйствовать распространенію идей справедливости и мира въ международныхъ отношеніяхъ, и нѣмецкая печать часто нарушаетъ это требованіе, стараясь увеличить недобровѣріе, которое существуетъ между Россіей и Англіей, или раздувая вражду между Франціей и Італіей. Въ германскихъ газетахъ не перестаютъ появляться статьи объ англійскомъ коварствѣ, о неискренности интересовъ Россіи и Великобританіи. Яблокомъ раздора въ послѣднее время выставляется вопросъ о Памирахъ. По мнѣнію *Nationalzeitung*, дружественная къ намъ политика нынѣшняго либеральнаго англійскаго кабинета не можетъ имѣть успѣха, потому что расширеніе области русскаго вліянія въ восточномъ Туркестанѣ, приближеніе русской границы къ Тибету, было бы весьма опасно для британскихъ интересовъ въ Індіи и въ Афганистанѣ. Англійскія газеты, наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ, признаютъ и желательнымъ, и возможнымъ договорное разрѣшеніе всѣхъ пограничныхъ вопросовъ.

По соглашенію, которое состоялось еще въ 1873 году, Англія обязана удерживать афганскаго эмира отъ какихъ бы то ни было захватовъ на правомъ берегу Оксуса («Que l'Emir afgan ne chercherait pas à étendre a-de là de ces limites (de l'Oxus) son ingérence et son ascendant et que le

Gouvernement anglais emploierait ses efforts pour le détourner de toute entreprise agressive»). Восточная граница наших среднеазиатских владѣй до сихъ поръ не была точно установлена. Въ 1884 г. русское и индское правительства признали границею своихъ владѣній Памирское плоскогорье, но географически это признаніе отличается большою неопредѣленностью, потому что имъ указана не пограничная линія, а обширная возвышенная земля. Афганцы, подстрекаемые англичанами, заняли независимое ханство Ваханъ (южная часть Памира) и Бадахшанъ (находявшійся въ зависимости отъ Бухары). Шуньянъ и Рушанъ фактически подпали подъ власть афганскаго эмира, а китайцы двинулись впередъ отъ озера Сарыкуль (англичанъ оно называется *Victoria Leak* или *Wood Leak*, по имени открывшаго его въ 1838 году англійскаго полковника) къ озеру Ясыкуль. Суть дѣла и заключается въ томъ, чтобъ удалить китайцевъ и афганцевъ изъ занятыхъ ими областей, имѣющихъ большое стратегическое значеніе. Можно надѣяться, что это будетъ достигнуто точнымъ соглашеніемъ между нашимъ и великобританскимъ правительствомъ. Добрымъ признаменованіемъ въ этомъ отношеніи является общее англо-франко-русское вниманіе въ армянскія дѣла, разслѣдованіе представителями этихъ державъ турецкихъ и курдскихъ звѣрствъ.

Къ этому дѣлу постѣпшила пристроиться Италия, которая, въ мѣстѣ Криспи, одержима маніей великодержавія. Въ Эрзерумѣ до сихъ поръ не было итальянскаго консула. Создается этотъ постъ, и новому консулу отъ правительства немедленно поручается изслѣдованіе положенія дѣлъ въ Арменіи. Это, конечно, вещь безвредная, отчасти, быть можетъ, и полезная, потому что представитель просвѣщеннаго государства не станетъ потѣшать убійцамъ и грабителямъ; но, разумѣется, не такія гуманныя цѣли, а желаніе играть роль на ряду съ тремя названными государствами побуждаютъ итальянское правительство учредить консульство въ Эрзерумѣ.

Тѣ же побужденія руководятъ Италіей въ расширеніи ея африканскихъ владѣній, гдѣ ея интересы сталкиваются съ французскими. И надо помнить, что Италия втягивается въ колониальныя приключенія, когда ея внутреннее состояніе печально и тревожно. Изъ помѣщенной въ этой книжкѣ *Русской Мысли* статьи о Сициліи читатели могутъ видѣть, что творится на этомъ островѣ. Страшный упадокъ народнаго благосостоянія видѣнъ и въ другихъ областяхъ королевства. Но это не останавливаетъ Криспи, который съ слѣпымъ упорствомъ истощаетъ страну въ вооруженіяхъ.

Встрѣтивъ серьезную оппозицію въ парламентѣ, будучи замѣшанъ въ хищенія и скандалахъ римскаго банка, министръ-президентъ добился короля разрѣшенія приостановить парламентскую сессію. Она не возобновилась до настоящаго времени и правительство имѣетъ намѣреніе распустить парламентъ и приступить къ новымъ выборамъ. Даже нѣкоторые нѣмелкіе друзья Криспи не одобряютъ его диктаторскихъ замашекъ и не ждутъ отъ такого образа дѣйствій ничего добраго ни для Италіи, ни для династіи. Не таковы мнѣнія *National-Zeitung*: она въ восторгѣ отъ несокрушимой энергіи стариннаго

Криспи (ему семьдесятъ пять лѣтъ) и привѣтствуетъ министра-президента, какъ непримиримаго врага Франціи. Римскій корреспондентъ этой газеты общается, что итальянское правительство обезпокоено русскою миссіей въ Абиссинію, которая отправилась туда съ капитаномъ Леонтьевымъ во главу; но за то оно совсѣмъ не обезпокоено возрастающею народною нищетою и надѣется, путемъ административнаго давленія, восторжествовать на предстоящихъ выборахъ (они произойдутъ, вѣроятно, въ апрѣлѣ). Однако, *National-Zeitung* вынуждена признать, что въ нападеніяхъ на Криспи Цанарделли и другихъ вождей оппозиціи не мало справедливаго. Такъ, на-примѣръ, министръ - президентъ, несомнѣнно, нарушаетъ законъ, собирая налоги и вводя преобразованія арміи безъ согласія парламента, во время пріостановки его засѣданій. Королевскіе декреты, которыми Криспи прикрывается, являются также, разумѣется, актами незаконными.

Если новые выборы вызовутъ паденіе министерства Криспи, то этотъ результатъ должны будутъ привѣтствовать всѣ друзья мира. Устраненіе отъ дѣлъ честолюбиваго и не разборчиваго на средства итальянскаго министра-президента повлечетъ за собою смягченіе отношеній между Франціей и Италіей и, быть можетъ, ослабленіе милитаризма, отказъ отъ расширенія колоній, большее вниманіе къ настоятельнымъ нуждамъ народныхъ массъ.

Побѣды японцевъ подають надежду, что скоро окончится японско-китайская война. По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, между Россіей, Великобританіей и Франціей существуетъ общность взглядовъ на то, какія условія мира допустимы, когда Китай признаетъ себя побѣжденнымъ. Европейскія державы, если вѣрны эти извѣстія, не намѣрены допускать пріобрѣтенія японцами китайскихъ территорій на материкѣ или окончательнаго сокрушенія Китайской имперіи. Во всякомъ случаѣ, можно только пожелать скорѣйшаго прекращенія этой войны. Она блистательно доказала превосходство европейскаго духа, громадную пользу своевременныхъ заимствованій изъ того, что создано многовѣковою цивилизаціей. Для Китая этотъ жестокій урокъ не можетъ пройти безслѣдно. Кстати будетъ упомянуть, что извѣстный знатокъ Китая и Японіи, Thomas Wade, сорокъ лѣтъ прожившій въ Китаѣ (онъ теперь профессоромъ въ Кембриджѣ), предсказываетъ скорое распаденіе Небесной имперіи и видитъ въ успѣхахъ японскаго оружія признаки грядущаго паденія и Японіи. Японія, по мнѣнію этого синолога, не въ состояніи воспользоваться какъ слѣдуетъ плодами своихъ побѣдъ; увлеченная ими, она вступитъ въ борьбу съ европейскими государствами и тогда неминуемо потерпитъ пораженіе.

Первые шаги новаго президента Французской республики заслужили сочувствіе и уваженіе и во Франціи, и за границею. Феликсъ Форъ, прежде всего, обратился для составленія кабинета къ Леону Буржуа. Ему, однако, не удалась эта миссія, къ великой радости оппортунистовъ и республиканцевъ того направленія, которое представляетъ *Journal des Débats*.

Тогда президентъ республики предложилъ постъ министра-президента одному изъ наиболее видныхъ вождей умеренныхъ республиканцевъ, Рибо. Эго, конечно, не удовлетворяетъ радикаловъ, но они должны признать, что Феликсъ Форъ поступилъ вполне корректно.

Посланіе новаго президента вызвало одобреніе и въ парламентѣ, и въ печати. Скромно замѣтивъ, что свое избраніе онъ приписываетъ тому, что конгрессъ хотѣлъ почтить въ его лицѣ трудолюбивую демократію, Форъ говоритъ: «Я сознаю всю обширность обязанностей, возложенныхъ на меня національнымъ собраніемъ, довѣрившимъ мнѣ охраненіе конституціи; я выполняю этотъ долгъ. Вы можете рассчитывать, господа, на то, что я предложу все свое рвеніе, всю свою бдительность къ огражденію соблюденію конституціонныхъ законовъ, къ правильному и добросовѣстному приложенію парламентскаго режима». Сказавъ о томъ, что Франція одушевлена неустаннымъ стремленіемъ къ прогрессу, что она чутко отзывается на всякую возвышенную идею (увы, по отношенію къ современной Франціи это большое, очень большое преувеличеніе), президентъ республики выражаетъ увѣренность, что «всѣ добросовѣстные граждане сплотятся, проникнувшись идеей примиренія, успокоенія и общественной справедливости, чтобы подготовить общимъ согласіемъ и республиканскимъ братствомъ почву для непрерывнаго развитія матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія» *).

Серьезныхъ реформъ отъ кабинета Рибо ожидать трудно, но онъ, во всякомъ случаѣ, не пойдетъ по реакціонной дорогѣ, по которой пытались вести Францію бывшій министръ-президентъ Дюшюи. Одна хорошая иѣра уже была, впрочемъ, немедленно предложена министерствомъ и принята парламентомъ: амнистія политическихъ преступниковъ. Амнистія эта дозволила вернуться въ Парижъ редактору газеты *Intransigeant*, Рошфору. Изгнаніе не мѣшало ему печатать ежедневно въ этой газетѣ рѣзкія статьи противъ правительства; но Рошфоръ уже старикъ, и возвращеніе его на родину вызвало сочувственныя демонстраціи.

Католическое духовенство относится къ новому президенту республики и къ кабинету Рибо съ меньшимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ Казиміру Перу и Шарлю Дюшюи. У нихъ оно не встрѣтитъ, вѣроятно, такой благосклонной поддержки, того *нового духа*, который былъ возвѣщенъ Споллеромъ. Энергіи, настойчивости и ловкости римско-католической церкви нельзя не подивиться. Во всѣхъ концахъ міра не прекращается католическая пропаганда, повсюду папскій престолъ, поощряя то социалистическія стремленія, то націоналистическія надежды, лаская консерваторовъ, призывая къ себѣ обездоленныхъ, — старается укрѣпить могущество своей іерархіи. Читатели русскихъ газетъ, быть можетъ, не нашли извѣстій о конференціи, которая была въ Римѣ въ концѣ прошлаго года. На ней участвовали, въ предсѣдательствѣ папы, представители восточныхъ церквей: коптской (Египеть), маронитской, сирійской, армянской, униатской и т. д. Конференція имѣ-

*) Цитируемъ по переводу *Новостей* (№ 20).

а въ виду увеличить связь между этими церквами и папскимъ престоломъ, поднять его авторитетъ и непосредственное вліяніе.

Имѣя страшнаго врага въ современной наукѣ, римско-католическая церковь ведетъ борьбу и на этой почвѣ. Въ нашихъ рукахъ первый нумеръ юваго періодическаго изданія, которое основано въ Парижѣ для защиты интересовъ этой церкви: *Revue catholique des Revues des Deux Mondes* январь 1895 г.). Редакторъ этого журнала—аббатъ Мазойе (Mazoyer). Въ программѣ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: священникъ долженъ знать, что думаютъ, что говорятъ въ мірѣ, какіе вопросы поднимаются, какія дѣлаются усилія и какіе получаются результаты. Человѣкъ битвы (Homme de combat), католическій священникъ долженъ слѣдовать за врагомъ повсюду, въ любой области вступать съ нимъ въ сраженіе.

Энергическое, дѣятельное, объединенное строгою іерархіей католическое духовенство, имѣя во главѣ независимаго въ международномъ отношеніи папу, представляетъ весьма опаснаго противника для свѣтской власти. Едва ли поэтому въ скоромъ времени осуществляются стремленія республиканцевъ-прогрессистовъ освободить государство отъ обязательныхъ по конкордату расходовъ на содержаніе католическаго духовенства. Въ этомъ обязательствѣ есть и выгодная для государства сторона: угроза прекратить выдачу содержанія тому или другому епископу можетъ иногда сдерживать ихъ антиправительственную агитацію.

Выборы въ норвежскій парламентъ, давшіе опять большинство представителямъ радикальной партіи, повели, наконецъ, къ выходу въ отставку Станга. Такимъ образомъ, исчезла надежда на то, что Норвегія откажется отъ своихъ требованій по отношенію къ Швеціи. Требования эти, начинаясь дипломатическою самостоятельностью норвежскихъ консуловъ за границей, доходятъ у руководителей мепьшинства до намѣренія совершенно отдѣлиться отъ Швеціи и установить въ Норвегіи республику. Движеніе это характеризуется и тѣмъ, что норвежцы являются рѣшительными противниками милитаризма, сторонниками мира вообще и дружественнаго соглашенія съ нашимъ отечествомъ въ частности. Покровительственная таможенная политика, имѣющая многихъ защитниковъ въ Швеціи, не пользуется сочувствіемъ норвежскаго народа. Вслѣдствіе этихъ причинъ, между соединенными подъ одною короной странами идетъ упорная борьба, до такой степени серьезная, что шведы начинаютъ грозить Норвегіи оружіемъ. Если дѣло дойдетъ до войны, то она не будетъ, во всякомъ случаѣ, легкою для Швеціи. Кромѣ того, разгромъ норвежской самостоятельности и соответствующее усиленіе Швеціи могли бы вызвать международныя усложненія. Такой исходъ войны между Норвегіей и Швеціей былъ бы невыгоденъ для Россіи, на примѣръ. Не потеряна, однако, надежда, что столкновеніе можетъ быть улажено мирнымъ путемъ. Къ сожалѣнію, въ Швеціи еще не сильна стоящая за миръ и за полюбовное соглашеніе съ Норвегіей демократическая партія. До сихъ поръ властью пользуются такіе классы и

группы населенія, которые мечтаютъ о территориальныхъ приобретеніяхъ о союзѣ съ Германскою имперіей и т. д.

Изъ событій въ другихъ второстепенныхъ государствахъ Европы слѣдуетъ отмѣтить паденіе министерства Трикуписа въ Греціи. Эта страна переживаетъ долгій и тяжелый кризисъ, благополучнаго исхода изъ котораго въ скоромъ времени, повидимому, ожидать нѣтъ никакого основанія. Населеніе Греціи отличается неспособностью къ правильной культурной и к. особенности политической жизни. Невѣжество и бѣдность угнетаютъ страд. гдѣ когда-то цвѣли Аяины.

Въ Бельгіи наступило относительное затишье, и серьезное значеніе не жетъ получить пока лишь вопросъ о Конгскомъ государствѣ. Въ Голландіи избирательная реформа очень замедлилась. Полагаютъ, что едва ли она будетъ обсуждена и введена въ дѣйствіе ранѣе 1898 года. Католическая партія играетъ въ Голландіи большую роль. При нынѣшнемъ раздорѣ другихъ партій католикамъ можетъ во многихъ случаяхъ принадлежать даже решающее значеніе. Либеральное министерство Робля и Ванъ-Гутена держится, благодаря уступкамъ, которыя оно дѣлаетъ группѣ католическихъ депутатовъ.

Испанія и Португалія продолжаютъ жить тою странною жизнью, какою давно живутъ эти государства. Вѣчное броженіе, нерѣдкіе взрывы революціоннаго насилія—и медленный, тяжелый ростъ политическаго самосознанія въ его правильныхъ формахъ. Сказывается мрачное наследіе католическаго изуверства, инквизиціи, свирѣпыхъ религіозныхъ войнъ. Конечно, событія въ современной Испаніи и Португаліи не имѣютъ мирового значенія, но для общаго хода просвѣщенія и благосостоянія въ Европѣ не жетъ быть, конечно, безразличнымъ, поднимаются ли просвѣщеніе и благосостояніе на Пиринейскомъ полуостровѣ. Вместе съ тѣмъ должно отмѣтить, что испанскія и португальскія колоніи вовлекаютъ ихъ метрополіи въ международное соперничество. Испанскіе интересы на африканскомъ побережьи могутъ сталкиваться съ англійскими или французскими; островъ Куба находится въ такомъ положеніи, что можетъ уйти изъ-подъ испанскаго владычества, и т. д.

В. Г.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

эти и четвертое квартетныя собранія.—Второе и третье симфоническія собранія ператорскаго русскаго музыкальнаго общества. — Третій и четвертый концерты гармоническаго общества.—Симфоническій концертъ, подъ управленіемъ г. Буліана. „Мелузина“, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ кн. Трубецкаго.— „Тушинцы“, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Вларамбаерга.

Третье квартетное собраніе. Бетховенскій квартетъ A-dur фактурою содержаніемъ живо напоминаетъ гайдновскую манеру писанія и отличается отъ нея только болѣе широкими приѣмами изложенія. Короткія темы, дополненіями и расширеніями въ каденціяхъ, нѣкоторая, такъ сказать, рмальность разработки и, наконецъ, характерное, свойственное Гайдну, мѣщеніе темы съ варіаціями, взаимнѣ самостоятельной части въ медленномъ движеніи,—все это носитъ явные слѣды вліянія, а, можетъ быть, и дражанія Гайдну, хотя, разумѣется, имѣетъ отпечатокъ бетховенскаго гена. Такъ, напримѣръ, Menuetto съ Trio отличается большою колоритностью размѣщеніемъ темъ, а самыя темы болѣе свободнымъ построеніемъ. Тема шуетто въ придаточномъ предложеніи удлинняется до восьми тактовъ; тамъ образомъ, вмѣсто восьми тактовъ съ главнымъ предложеніемъ, благодаря удлинненію придаточнаго, получается двѣнадцать тактовъ. Вторыя двѣна обѣихъ частей имѣютъ больше характерной картинности.

Точно то же можно сказать и о варіаціяхъ. Онѣ имѣютъ больше виртуознаго блеска и колоритности, а самый способъ построенія ихъ имѣетъ характеръ не варіацій темы, а какъ бы разработки ея. Исполненіе квартета имъ не особенно понравилось. Въ немъ недоставало необходимаго спокойствія и ровности, а также не было замѣтно и должной солидарности между исполнителями. Г. Гржимали велъ первую скрипку совсѣмъ какъ профессоръ, остальные только подчинялись ему. Trio G-moll съ ф.-п. А. Г. Рубингейна отличается всѣми особенностями его творчества. Всѣ четыре части характерны по содержанію, темы хорошо иллюстрированы, въ акомпаниментѣ ф.-п. есть нѣкоторая ритмическая оригинальность (Adagio), ф.-п. партія отличается виртуознымъ блескомъ и требуетъ не зауряднаго исполненія. Во въ общемъ trio имѣетъ характеръ концерта для ф.-п. съ акомпаниментомъ скрипки и виолончели; ф.-п. замѣтно преимуществуетъ надъ ними какъ

въ самомъ изложеніи содержанія, такъ и въ техническомъ исполненіи. Имъ ф.-п. игралъ г. Левинъ, молодой виртуозъ, окончившій курсъ въ московской консерваторіи. Г. Левинъ имѣеть всё данныя быть выдающимся музыкантомъ. Желательно, чтобы онъ обратилъ побольше вниманія на внутреннее музыкальное развитіе. Это ему необходимо для большей чистоты передаваемого имъ содержанія и, слѣдовательно, лучшаго пониманія духа самого произведенія. Успѣхъ онъ имѣлъ большой и на бисъ сыгралъ двѣ ф.-п. пьесы. Остальные исполнители тоже имѣли успѣхъ и играли хорошо.

Второй квартетъ F-dur, П. И. Чайковскаго, представляетъ изъ себя высшей степени оригинальное, самобытное произведеніе. Своеобразный колоритъ темъ въ народномъ духѣ, разнообразіе модуляціонныхъ и ритмическихъ построеній въ соединеніи съ большою виртуозностью голосовыхъ партій, любимыя секвенцеобразныя движенія, наконецъ, тактовые измѣненія, — все это ново и напоминаетъ характерныя стороны творчества П. И. Чайковскаго. Самое начало квартета (интродукція къ первой части, Adagio) оригинально. Первая скрипка и альтъ одновременно вступаютъ на секунду b-as, затѣмъ къ нимъ присоединяется виолончель на звукѣ ges, образуя такимъ образомъ, созвучіе b-as-ges. Это сильно дисонирующее созвучіе постепенно измѣняется въ звукахъ, вслѣдствіе чего получаютъ новыя сочетанія, образуется съ послѣдующимъ вступленіемъ второй скрипки звукъ А секунды аккордъ es-f-a-c, который и разрѣшается въ сексу аккордъ d-f-b-f.

Черезъ четыре такта такое же вступленіе повторяется тономъ G-dur. Подобное начало производитъ поразительный эффектъ, даже заставляетъ некоторое время недоумѣвать и только послѣдующее нѣсколько секундъ впечатлѣніе и настраиваетъ слушателя на опредѣленный ладъ. Изъ тактная первая тема первой части (Moderato assai) въ началѣ играетъ въ первой скрипкѣ, а въ придаточномъ предложеніи переходитъ въ альтъ-приемъ тоже не заурядный. Имponирующимъ образомъ дѣйствуетъ первый синкопъ въ альту, при заключеніи первой темы въ F-dur. Въ сущности эти синкопы представляютъ нѣсколько разъ повторяющуюся каденція въ F-dur, но затѣмъ являясь въ d-moll и, наконецъ, повторяясь всѣмъ квартетомъ въ G-dur, образуетъ переходъ ко второй темѣ C-dur. Большой интересъ и своеобразность представляетъ также разработка, построенная на мотивахъ первой и второй темы, а въ модуляціонномъ и ритмическомъ отношеніи она можетъ служить примѣромъ развитой техники. Отмѣтимъ, въ особенности, появленіе органнаго пункта на доминантѣ (C) и тоникѣ (F) въ началѣ разработки, послѣ восьми-тактнаго проведенія мотива первой темы, а не въ концѣ, какъ это вообще принято дѣлать. Укажемъ еще на оригинальную особенность, что при транспозиціи первая тема начинается съ придаточнаго предложенія (въ альту), а затѣмъ идетъ уже главная (въ первой скрипкѣ). Разбирать подробно какъ первую часть, такъ и слѣдующія мы не будемъ. Полагаемъ, указанныхъ примѣровъ достаточно

я характеристики всего произведенія. Скажемъ только, что оригинальностей въ квартетѣ во всѣхъ частяхъ (Scherzo, Andante, Final) много и о квартетѣ представляеть изъ себя выдающееся явленіе въ этомъ жанрѣ. Квартетъ былъ сыгранъ хорошо, если принимать въ соображеніе его большія техническія трудности.

Четвертое квартетное собраніе. А-moll'ный квартетъ Бетховена представляеть изъ себя такое произведеніе великаго гения, въ которомъ идея дико преобладаетъ надъ формою. Мрачно настроенный неудовлетворяющими его проявленіями жизни (*assai sostenuto, Allegro*), Бетховень обращается къ религіи (*molto adagio, in modo lidico*), но жизнь смущаетъ его оею предестыю (*Andante*) и подѣ конецъ окончательно подчиняетъ его бѣ (*alla Marzia, Allegro appassianato*). Такъ, по крайней мѣрѣ, представляется намъ идея квартета. Первая часть начинается восьми-тактнымъ тупленіемъ (*assai sostenuto, a-moll*), которое, въ сущности, служитъ исходною точкой для послѣдующихъ настроеній первой части (*Allegro*); появляясь гѣмъ въ разработкѣ (*Allegro—g-moll, e-moll*) и, наконецъ, при транспозиціи (*a-moll*), оно, въ то же время, представляеть и начало квартета. По тому исполнять вышесказанное вступленіе и послѣдующія его появленія *Allegro* (несмотря на ритмическую разность) должно одинаково важно, мрачнымъ отгѣнкомъ пессимизма. Сонатная форма, въ которую заключена первая часть (*Allegro*), имѣеть ту особенность, что въ разработкѣ, слѣдъ нѣсколько разъ повторенной темы вступленія, въ различныхъ модуціяхъ, идетъ, начинаясь съ доминанты главнаго тона, повтореніе изложено *Allegro*. Это производитъ нѣсколько утомляющее впечатлѣніе, но оправдывается идейностью содержанія, чему служитъ подтвержденіемъ тема вступленія. И такъ, содержаніе первой части повторяется три раза.

Средняя часть заключаетъ два грандіозно задуманныхъ содержанія. Первое имѣеть глубоко-религіозное настроеніе, представляеть изъ себя какъ храмъ, въ которомъ измученная человѣческая душа обращается къ Богу. Второе содержаніе—это жизнь съ ея волненіями. Чередуясь между собою, оба содержанія, составляющія среднюю часть, представляють пластическій мѣръ драматической музыки, написанной для однихъ инструментовъ, безъ участія человѣческаго голоса и слова. По формѣ вся средняя часть можетъ быть разсматриваема, какъ *Rondo* въ медленномъ движеніи, но въ крупныхъ мѣрахъ, такъ какъ каждая часть имѣеть совершенно самостоятельный характеръ, хотя въ построеніи второй части есть гармоническая общность. Закончена средняя часть двойною фугою, въ сильно сжатой формѣ. Слѣдующіе затѣмъ *alla Marzia* и *Allegro appassianato* заканчивають квартетъ, также и идейность содержанія заканчивается торжествомъ жизни надъ испинными стремленіями души. Квартетъ G-dur Моцарта пропитанъ всею олестью непосредственнаго творчества, а изящество и легкость изложенія и могучая техника дѣлають его настоящимъ перломъ искусства. Фу-

гированная послѣдняя часть, Allegro molto, можетъ служить образомъ контрапунктической ловкости и изящества.

Тріо d-moll съ ф.-п. Шумана имѣетъ всё признаки шумановской пѣи, и отличается несомнѣнными достоинствами, но не удовлетворительное исполненіе ф.-п. партіи г. Шлецеромъ не вызвало должнаго впечатлѣнія; въ сущности, успѣха не имѣло. Въ общемъ исполнители играли точно такъ же, какъ и въ предыдущихъ квартетныхъ собраніяхъ.

Второе симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества. Программа его состояла исключительно изъ сочиненій П. И. Чайковскаго. Исполнены были: шестая симфонія, антрактъ и пляска изъ оп. *Воевода*, ариозо изъ кантаты *Москва*, третья пѣсня Лея изъ *Сингурочки*, соната и вальсъ для скрипки; романсы: «Намъ звѣзды кроткія сіяли», «Я сидѣли съ тобой у заснувшей рѣки»; увертюра *Ромео и Джульетта*. Дирижировалъ и аккомпанировалъ на фортепіано г. Сафоновъ. Пѣла г-жа Юлина (контральто), на скрипкѣ игралъ г. Гржималин. Если дисциплина и соединеніи съ правильнымъ отношеніемъ къ предмету вполне достаточны для художественнаго исполненія и если художественное исполненіе ограничивается плано-соразмѣрностью изображаемаго, то оркестровыя произведенія были сыграны удовлетворительно. Но намъ кажется, что извѣстная намъ соразмѣрность не есть еще художественность, и художественное воздѣйствіе должно приподнимать душевныя силы слушателя, а не вызывать въ немъ только одностороннее впечатлѣніе логической звуковой послѣдственности. Въ этомъ отношеніи исполненію недоставало многого. Странное дѣло, отъ каждаго виртуоза-инструменталиста мы требуемъ, помимо совершенства техники, еще необходимыхъ душевныхъ качествъ артиста. Для дирижора же мы считаемъ вполне достаточнымъ умѣнье махать палочкой, указывать вступленія инструментамъ (совершенно, впрочемъ, ненужныя указанія, такъ какъ музыканты умѣютъ считать паузы самъ) и дѣлать тѣленженія, долженствующія изображать оттѣнки, выставленные въ партитурѣ. На самомъ дѣлѣ дирижоръ-художникъ долженъ умѣть играть на самомъ большомъ инструментѣ, какимъ является оркестръ. Техника его должна заключаться въ умѣнии слить всю разнородную массу инструментовъ въ одно цѣлое, сохраняя при этомъ ихъ индивидуальныя особенности. Такая идея, вложенная авторомъ въ сочиненіе и правильно понятая дирижеромъ, служила бы связующимъ звеномъ для исполнителей. Артистичность же исполненія заключается въ выпукло созданной и одухотворенной картинѣ цѣлаго. Только при такомъ исполненіи музыка производитъ возвышающее впечатлѣніе на душу слушателя и только тогда она имѣетъ эстетическое воспитательное значеніе въ жизни. Разумѣется, и само музыкальное произведеніе должно вполне удовлетворять строгимъ художественнымъ требованіямъ. Наши дирижоры своею собственною персоной изображаютъ тѣ же знаки препинанія, выставленные въ партитурѣ.

Отрывки изъ оперы *Воевода* и увертюры *Ромео и Джульетта* при

слежать къ раннему періоду творчества великаго музыканта и, развѣтъ, носить слѣды молодости и неопытности, но, тѣмъ не менѣе, нихъ уже ясно намѣчаются характерныя стороны творчества будущаго художника. Прекрасныя темы, колоритная инструментовка, разнообразіе модуляціонныхъ построений — вотъ главные достоинства этихъ мизведеній, а недостатокъ заключается въ нѣкоторой расплывчатости изложеніи и формѣ. Г-жа Долина—хорошая пѣвица, но имѣющая ровный въ своихъ регистрахъ голосъ. Различіе въ регистрахъ особенн замѣтно, когда пѣвица поетъ на верхнихъ звукахъ, не имѣющихъ нтральтоваго тембра и звучности. Намъ кажется, что это зависитъ скорее отъ метода пѣнія, чѣмъ отъ невозможности 'выровнять' весь объемъ юса и придать ему нужную окраску. Пѣла г-жа Долина хорошо и имѣла пѣхъ. Почтенный юбиляръ, профессоръ Гржимали, игралъ не совсѣмъ овлетворительно, но это и понятно. Канунъ чествованія' двадцатипятилетней педагогической дѣятельности, оваціи со стороны публики, тушь кестра, различныя подношенія,—все это видимо волновало и трогало г. жимали, и играть при такихъ обстоятельствахъ съ прежнимъ профессорнымъ спокойствіемъ было трудно.

Третье симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества. Кантата для соло, хора и оркестра, посвященная памяти Императора Александра III, соч. г. Конюса. Не легкая задача быть выразителемъ настроенія массы, въ виду печальнаго событія, оказалась въ кантатѣ г. конюса неразрѣшенной. Несмотря на участіе колокола, фанфаръ и печальныхъ напѣвовъ, въ общемъ произведеніе получилось безцвѣтное, напоминающее ученическую работу. Солистка г-жа Полякова, ученица консерваторіи, имѣетъ хорошій голосъ и старательно пѣла свою партію. Г. Бузони, личный пианистъ, прекрасно сыгралъ, хотя съ нѣкоторою аффектаціей, концертъ-штюкъ Вебера и испанскую рапсодію Листа, оркестрированную самимъ исполнителемъ. Скажемъ только о послѣдней вещи, которую, по шшему мнѣнію, сопровождать оркестромъ не слѣдовало бы, такъ какъ ю, во-первыхъ, разсѣиваетъ вниманіе слушателя и, во-вторыхъ, подобныя произведенія Листа имѣютъ свой собственный интересъ, какъ изображенія на ф.-п. цѣлаго оркестра; къ тому же, и инструментирована пьеса нежно. На бисъ г. Бузони сыгралъ большую фантазію Листа—*Норму*.

Первая симфонія, C-dur, op. 21, Бетховена,—это—произведеніе начинающаго генія, еще не освободившагося отъ вліянія своихъ учителей, но имѣющаго всѣ данныя стать впереди ихъ. Таковы, по нашему мнѣнію, части *quattro* и *Finale*. Кавказскіе эскизы, сюита соч. г. Ипполитова-Иванова, обольшія, но прелестно написанныя пьесы для оркестра. Судить о разбѣрахъ таланта автора по небольшимъ, да еще жанровымъ, картинкамъ довольно трудно. Во всякомъ случаѣ, у автора есть способность къ характеристикѣ и колоритность инструментовки. Дирижировалъ самъ авторъ. Въ этомъ отношеніи у него есть тоже симпатичныя стороны: онъ не

жонглируетъ, стоя на дирижорскомъ пьедесталѣ, и умѣетъ напоивать вѣтнки только концомъ палочки. Больше всего понравились публикѣ пьесы *Въ ауль* и *Шестое сердаря*, которыя и были повторены. Солистами въ первой пьесѣ были гг. Тесситоре (англійскій рожокъ) и Соколовскій (альт), прекрасно сыгравшіе свой дуэтъ-соло, въ особенности г. Соколовскій. Парижскій карнаваль Свендсена—эффектная оркестровая характеристика, изображающая нѣкоторые моменты парижскаго карнавала. Исполненіе оркестровыхъ произведеній ничѣмъ не отличалось отъ обыкновеннаго исполненія въ симфоническихъ концертахъ подъ управленіемъ г. Сафонова. Въ одинъ моментъ подчиненіе оркестра палочкѣ г. Сафонова было изумительно. Это—небольшое *Adagio* въ финалѣ бетховенской симфоніи. На это г. Сафоновъ потратилъ много талантности и создалъ цѣлую пьесу въ выразительности, хотя матеріаломъ послужило простое, но оригинальное въ началу изъ-затактное вступленіе первой темы. Въ общемъ концертъ прошелъ съ успѣхомъ, причемъ авторамъ публика поднесла вѣнки.

Третій концертъ филармоническаго общества. Вторая симфонія, D-moll, Бетховена, представляетъ изъ себя такое произведеніе, въ которомъ гнѣчій гений хотя еще не вполне освободился отъ постороннихъ вліяній, и уже чувствуетъ силу своихъ крыльевъ и ясно видитъ сверкающій идеалъ.

Первая и вторая часть симфоніи еще слегка напоминаютъ стиль Гайда и Моцарта, но третья (*Scherzo*) и четвертая (*Allegro molto*) вполне самостоятельны. Каждая часть въ отдѣльности является вполне законченнымъ художественнымъ произведеніемъ, а вложенные въ нихъ сюжеты до такой степени рельефны, выпуклы, что, кажется, сюжетъ ихъ можно передать словами. Вся симфонія, въ различныхъ моментахъ, видимо, излагаетъ какую-то драматическую исторію. Очень жаль, что исполненіе заставляетъ жалеть иногда какъ со стороны общей идеи, такъ и въ частности. Легенда и либретто изъ оперы *Лакме* Делиба, *Gavotte* изъ оп. *Манон* Массеня, *L'Alba*, вальсъ посвященный г-жѣ Никитѣ, соч. Арджити,—все эти пьесы пѣла знаменитая пѣвица Луиза Никита (сопрано). Пѣла она, какъ знаменитость, хоромъ, только впечатлѣніе получилось такое, что пѣвица или не совсѣмъ здорова, или голосъ ея начинаетъ тускнѣть. Она имѣла большой успѣхъ, на сценѣ спѣла «Соловья» Алябьева по-русски и въ заключеніе что-то, не то французскую шансонетку, не то изъ оперетки; узнать названіе пьесы не могли, а спросить объ этомъ у пѣвицы не осмѣлились. Въ концертѣ Квартетъ для ф.-п. (исполнявшемся въ первый разъ) г. Ляпунова партію ф.-п. игралъ г. Ульяницкій, пианистъ, по игрѣ ничего изъ себя не представляющій. Такихъ пианистовъ въ Москвѣ дюжины. Игралъ по поговоркѣ: «звонилъ, да и съ колокольни долой». Самый же концертъ, видимо, написанъ не для фортепiano съ аккомпаниментомъ оркестра, а для оркестра съ аккомпаниментомъ фортепiano. По крайней мѣрѣ, въ оркестрѣ происходитъ большая возня модуляцій съ имитациями, а пианистъ только смущенно и

о поглядываетъ. Впрочемъ, все прошло благополучно и исполненію аплодировали. *Solitude* Годара и *Прялка* Мендельсона представляютъ изъ себя фортепьянные пьесы, переложенныя для оркестра. При болѣе тонкомъ исполненіи гдѣ-нибудь на встрадѣ сада онѣ были бы умѣстны, но слушать ихъ послѣ симфоніи Бетховена (хотя и въ плохомъ исполненіи), по меньшей мѣрѣ, не интересно.

Четвертый концертъ филармоническаго общества. «Изъ дѣтской жизни», сюита г. Бонюса. Музыкальная характеристика — занятіе очень удобное. Даже великимъ музыкантамъ, вродѣ Берліоза и Вагнера, она не всегда удавалась и требовала словесныхъ объясненій. Дѣтскій альбомъ Гумана хотя и представляетъ нѣкоторую характерную изобразительность, безъ подписей многое было бы непонятно. Г. Бонюсъ задался цѣлью изобразить звуками различные психическіе моменты дѣтской жизни, наприм., ру въ лошадки, капризы, дѣтскія ласки, а, вмѣсто того, получился рядъ большихъ пьесъ во французскомъ жанрѣ. Впрочемъ, въ одной изъ нихъ, *реамчикъ* (*tempo di valse*), ярко сохранены характерныя стороны этой музыкальной игрушки. Эти пьесы при болѣе тонкомъ исполненіи могли бы ушаться съ удовольствіемъ.

Придворная пѣвица королевы англійской, г-жа Альбани, пѣла арію *Lasta diva* изъ оп. *Норма* Беллини, арію «*Swiet Bird*» съ аккомпаниментъ флейты (соло на флейтѣ игралъ г. Бюхнеръ), вальсъ изъ оп. *Ромео Джульетта* Гуно. Мы слышали г-жу Альбани лѣтъ двадцать тому назадъ въ московской итальянской оперѣ, и тогда она не представляла ничего особенно выдающагося, а теперь она знаменитость. Слѣдовательно, прогрессъ въ ініи возможенъ, что и не мѣшало бы принять въ свѣдѣнію нашимъ русскимъ пѣвицамъ. Пѣла г-жа Альбани съ большимъ успѣхомъ. Затѣмъ слѣдовалъ концертъ для фортепьяно, А-шолл, Грига. Норвежскій композиторъ Григъ, написавшій массу различныхъ произведеній, характеренъ тѣмъ, что онъ весьма часто импровизовалъ для своихъ произведеній шведско-норвежскія пѣсни, вслѣдствіе чего всѣ его темы отличаются народнымъ духомъ и своеобразною импровизаціей. Г-жа Лентовская, исполнявшая партію ф.-п. въ концертѣ, гѣтъ талантъ, но не имѣетъ хорошей школы, отчего игра получилась ровная; тамъ, гдѣ преимуществовалъ музыкальный инстинктъ, выходило хорошо, въ остальномъ замѣтны были недостатки школы. Тѣмъ не менѣе, исполнители аплодировали, и она сыграла еще небольшую пьесу. *Импрессионистическая охота*, симфоническая поэма французскаго композитора Гиро, представляетъ очень эффектное оркестровое произведеніе, въ которомъ сильно сказывается вліяніе Берліоза и отчасти Вагнера (полетъ Валькири). По внутреннему содержанію оно ничего особеннаго не представляетъ; все, видимо, рассчитано на инструментовку и различные оркестровые эффекты. При болѣе образномъ исполненіи сочиненіе Гиро могло бы произвести впечатлѣніе, а, между тѣмъ, получался какой-то сумбуръ.

Симфоническій концертъ подъ управл. емъ г. Буллеріана. Появленіе новаго дирижора на нашемъ музыкальномъ горизонтѣ всегда возбуждаетъ большой интересъ. Г. Буллеріанъ, давшій свой первый концертъ въ большой залѣ дворянскаго собранія, принадлежитъ къ типу дѣрзкихъ нѣмцевъ, для которыхъ Россія—настоящая Колхида. Настойчивость и энергія даютъ имъ возможность прекрасно устроиться на новомъ мѣстѣ. Всѣ наши музыкальныя учрежденія, сверху до низу, наполнены такими энергичными людьми. Какъ дирижоръ, г. Буллеріанъ обладаетъ нѣкоторыми талантами, опытностью и большою смѣлостью въ исполненіи. Такъ, напримѣръ, всѣ произведенія, большія и маленькія, онъ дирижируетъ на память. Конечно, нѣкоторыя произведенія классическаго репертуара можно дирижировать и такъ, но дирижировать съ одинаковою легкостью вальсъ Глинки и симфонію Шумана, это показываетъ только легкомысленное отношеніе къ дѣлу. Вальсъ Глинки—очень повѣтливое произведеніе гениальнаго музыканта, но симфонія Шумана отличается болѣе сложнымъ построеніемъ и въ партитурѣ представляетъ болѣе трудностей. Строгой обдуманности и послѣдовательнаго развитаго плана въ исполненіи мы не замѣтили. Это—дирижированіе инстинкту много слышавшаго, а, можетъ быть, игравшаго въ оркестрѣ влюбленнаго, но и только. Подробно обсуждать достоинства и недостатки исполненія мы не будемъ, такъ какъ пожалуй, пришлось бы начинать съ учебника. Г. Буллеріанъ—дирижоръ не безъ таланта, но безъ школы и серьезнаго музыкальнаго образованія.

Участвовавшій въ концертѣ скрипачъ г. Халиръ одинъ разъ уже былъ въ Москвѣ. Это отличный скрипачъ. Концертъ Бетховена и *Adagio* и *Presto* изъ сюиты Рисса онъ сыгралъ очень хорошо. Артистъ имѣлъ большой репутатъ. Г-жа Соколова-Фрѣлихъ ни по голосу, ни по исполненію—ничего изъ себя не представляющая пѣвица. Композиторъ г. Кочетовъ, дирижировавшій своимъ сочиненіемъ *Полоцкое разореніе*,—начинающій композиторъ при усиленномъ трудѣ, можетъ быть, изъ него что-нибудь и вынищется. Публики въ концертѣ было немного.

Мелузина, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, муз. кн. Трубецкаго. Новая опера представляетъ изъ себя диллетански плохое произведеніе и подробное обсужденію подлежать не можетъ. Авторъ видимо не знакомъ съ теоріей композиціи. Мелодіи его оперы—это общія мѣста, принадлежащія всѣмъ и каждому, гармоніи же производятъ впечатлѣніе случайно подобранныхъ сочетаній. Музыкально-драматическаго развитія въ оперѣ нѣтъ, вся опера составлена изъ отдѣльныхъ кусковъ. Инструментована она безцвѣтно, такъ называемымъ военно-капельмейстерскимъ способомъ: всѣ какъ будто бы играютъ, а слушать нечего. Въ переведенномъ либретто попадаются такіе стихи

„Вѣдь, нынче день раздачи хлѣба
Въ нашей обители святой.
Старець пріоръ даръ чудный неба
Всѣмъ смилеть щедрой рукой.

Благословъ до Провидѣнья,
 Что въ жъ дни все намъ подаютъ,
 Отъ бѣдъ даруетъ избавленья
 И помощь скорую шлетъ“ (стр. 2, 3, 4. по ф.п. перелож.).

Эти стихи—лучшіе, есть хуже. Общій стиль оперы—стиль плохихъ итальянскихъ оперъ, въ соединеніи съ мелодіями балетнаго характера.

Примѣромъ музыкальнаго творчества можетъ служить увертюра (Es-g), состоящая изъ двухъ (по восьми тактовъ) повторенныхъ періодовъ, ключенныхъ въ уменьшенный септъ-аккордъ A-C-Es-Ges, длянщійся тридцать тактовъ. Этотъ септъ-аккордъ переходитъ въ доминантъ-септъ-аккордъ H-Dis-Fis-A (3 такта), послѣ паузы разрѣшающійся въ кварть-квартъ-аккордъ B-Es-G. Послѣ этого начинается новая мелодія въ тонѣ Es-g, заключенная въ этомъ же тонѣ. Эта новая мелодія именуется Andante съ заключеніемъ имѣетъ всего девятнадцать тактовъ. Вотъ и вся увертюра. Затѣмъ слѣдуетъ опять Andante (e-moll), служащая, по всей вѣроятности, связью увертюры съ первымъ дѣйствіемъ. Лучшимъ мѣстомъ оперы слѣдуетъ признать балетъ въ третьемъ дѣйствіи, написанный относительно хорошо. Что опера написана плохо, это насъ нисколько не удивляетъ: къ музыкально необразованнаго диллетанта нельзя и требовать многого, и чего мы, признаться, не вполне понимаемъ, такъ это постановки ея въ сценѣ Большаго театра, при этомъ образцовой постановки. Съ перваго пѣвца до послѣдняго музыканта— всюду видѣлось особенное стараніе. Прекрасныя декораціи, новые костюмы, отлично обученный хоръ балетъ. Наконецъ, дирижировалъ оперой г. Альтани, а онъ не такой апельмейстеръ, который сталъ бы дирижировать всякою оперой. Наприм., *Гонъ-Жуанъ* Моцарта дирижировалъ г. Аврамакомъ, капельмейстеромъ, такъ сказать, второй степени. Впрочемъ, какъ отвѣтъ на происходящее недоумѣніе между публикою и дѣятельностью Большаго театра, можетъ служить то, что *Мелузина* успѣха не имѣла и авторъ ея достойно былъ названъ. Позволимъ себѣ сказать къ слову: есть у насъ опера *Игорь* покойнаго А. П. Бородина,—опера, отличающаяся многими достоинствами. Полагаемъ, что постановка этой оперы на сценѣ Большаго театра весьма желательна, такъ какъ А. П. Бородинъ еще при жизни занималъ почетное мѣсто среди русскихъ композиторовъ.

Тушинцы, опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ, музыка г. Бламера. Сюжетъ перы заимствованъ изъ драматической хроники А. Н. Островскаго. Содержаніе оперы вкратцѣ слѣдующее. Въ смутное время междуцарствія ростовскій воевода Сеитовъ, встрѣтившись на постояломъ дворѣ съ дворяниномъ Максимомъ Редриковымъ, выгоняетъ изъ избы и его, и его семейство. Оскорбленный Максимъ обѣщается отмстить за это воеводѣ. Онъ переходитъ на сторону Лжедмитрія, въ Тушинѣ набираетъ себѣ шайку дальцовъ и отправляется съ нею въ Ростовъ. Тѣмъ временемъ младшій го братъ, Пнколай, влюбленный въ дочь воеводы, Людмилу, женится на

и вместе съ отцомъ и матерью въ Ростовѣ. Не вѣдая ничего, Максимъ попадаетъ въ толпу въ хоромы Сентова, но встрѣчаетъ отца своего, и тотъ обвиняетъ его за то, что онъ перешелъ къ тушинцамъ. Запуганный этимъ видомъ отъ толпы, Максимъ падаетъ отъ удара не узнававшего его Батюшки Мухоморова, отецъ Максима, Николай и Людмила, гибнутъ въ отъѣздѣ Батюшки, подоженныхъ толпою.

Музыка оперы основана, главнымъ образомъ, на мотивахъ народныхъ пѣсенъ или на тѣхъ же пѣсняхъ, взятыхъ цѣликомъ. Это заставляетъ предположить въ авторѣ, во-первыхъ, большое знакомство съ ними, во-вторыхъ, довольно техническую опытность въ обработкѣ. Находящіяся въ оперѣ музыкальныя темы для хора: «И отъ Москвы заря занималася», «И что ты, идиотъ, пригорѣлся», «На морѣ утушка купалася» и «Будри русныя какъ и ты въ походъ пошли», по построению, очень близко подходятъ къ народному исполненію. Только «На морѣ утушка» насъ нѣсколько смущаетъ своимъ видомъ будто бы изъ народной пѣсни, а напѣвъ другой, мало похожъ на слова. Первая пѣсня поется безъ всякаго сопровожденія, остальные съ общепринятымъ сопровожденіемъ. Связи съ цѣлою оперой почти нѣтъ пѣсенъ не имѣющихъ и могутъ удобно быть замѣнены пѣснями другого характера или подходящаго содержанія. Относительно искусственно созданныхъ напѣвовъ въ народномъ духѣ, хотя бы, на примѣръ, *Колыбельныя* темы Марфы или хоровой темы «Напала пороша на талую землю», — можно сказать, что неискренность ихъ разработки сильно замѣтна. Большей частью въ сопровожденіи, это — *background*, темой котораго служатъ усвоенныя авторомъ обороты народной пѣсни, хоровая же тема «Напала пороша», изъ-за своей неразработанности, производитъ впечатлѣніе скелета, лежащаго на пыльной дорогѣ. Всѣ остальные темы въ русскомъ и не русскомъ духѣ тоже мало входятъ въ составъ оперы, т.-е. остаются неразработанными. Это невыгодно отражается на всей оперѣ, производя впечатлѣніе собранія отдѣльныхъ музыкальныхъ нумеровъ разнаго содержанія, написанныхъ въ русскомъ духѣ. Темы оперы, мы полагаемъ, должны глубже входить въ составъ самой оперы, вслѣдствіе чего получается большая цѣльность музыкально-драматическаго развитія, а сама опера получаетъ настоящій смыслъ, какъ цѣльнаго художественнаго произведенія. А то можно написать оперу и изъ народныхъ пѣсенъ, взятыхъ отдѣльно, какъ подходящія для словъ мотивы, но это не будетъ уже опера. Кажущаяся намъ мотивная несвязность цѣлой оперы и большая самостоятельность отдѣльныхъ эпизодовъ происходятъ, по всей вѣроятности, отъ недостатка контрапунктической техники у автора. Русскія народныя пѣсни, трудно поддающіяся гармонизаціи, прекрасно уживаются въ контрапунктической обработкѣ.

Въ гармоніи авторъ стремится, главнымъ образомъ, быть оригинальнымъ. Оригинальность гармоническихъ созвучій строится на энгармоническихъ общихъ тонахъ, наприм., трезвучіе As-C-Es имѣетъ общій тонъ As-Gis съ трезвучіемъ E-Gis-H, которое въ свою очередь имѣетъ общій тонъ E съ трезвучіемъ C-E-G. Такихъ тональныхъ сочетаній въ оперѣ

ого. Особенно ярким примѣромъ можетъ служить введеніе и хоръ 2-го дѣйствія. Второй приемъ, которымъ авторъ руководствуется въ гармоніи, юванъ на хроматическомъ повышеніи или пониженіи какого-нибудь тона въ аккордѣ, наприм., G-H-D-E можетъ быть измѣняемъ въ G-B-D-F, F-Des—F, G-H-D-Fes, Ges-H-D-F, и, смотря по орфографіи, можетъ быть встрѣшаемъ куда угодно. Примѣромъ такой гармонической неустойчивости можетъ служить хотя бы введеніе къ первому акту. По неопредѣленности дальности опера можетъ служить примѣромъ декадентства въ музыкѣ. Въ общемъ гармонизація оперы, благодаря тональнымъ эффектамъ аккордовой неустойчивости, производитъ впечатлѣніе выдуманности и къ концу становится скучной, хотя въ ней встрѣчаются цѣлыя страницы, написанныя въ одномъ тонѣ, безъ модуляцій, или съ очень бѣдными, (наприм., стр. по ф.-п. переложенію 28, 29, 113, 114, 115 и т. д.) родемъ, и эти модуляціи имѣютъ характеръ чисто-случайныхъ отклоненій, а не послѣдовательно развитыхъ построений. Такимъ примѣромъ можетъ служить стр. 20—26 (ф.-п. перел.), которыя, при отклоненіи съ 20—26 такты въ G-dur, могутъ играть безъ всякихъ знаковъ, въ томъ тонѣ C-dur.

Относительно формъ изложенія, которыхъ авторъ придерживается въ речитативахъ и аріяхъ, мы можемъ сказать, что развитыхъ речитативовъ въ оперѣ нѣтъ, такъ какъ обрывки мелодическихъ фразъ трудно считать оперные речитативы, требующіе нѣкоторой формы и декламационной заводы. Въ понятіи же объ аріи, какъ извѣстной музыкальной формѣ, мы съ авторомъ совершенно расходимся. Аріей мы называемъ вполне самостоятельную развитую часть (имѣющую двѣ, даже три темы), слѣдующую послѣ речитатива и нѣкоторымъ образомъ вытекающую изъ него. Это своего рода сонатная форма для пѣнія, только безъ настоящей разработки. Типовыя аріи: «О поле, поле» изъ *Руслана* или арія Агаты изъ *Волшебнаго стрѣлка*. Ничего подобнаго по формѣ въ *Тушинцахъ* мы не встрѣчаемъ. Напримѣръ, арія Людмилы представляетъ одну пѣсню въ быстромъ движеніи (B-moll), затѣмъ послѣ небольшого мелодическаго речитатива другую пѣсню, въ медленномъ движеніи (As-dur), и затѣмъ повторяется первая пѣсня. То же представляетъ арія Максима (въ третьемъ дѣйствіи), имѣющая четыре различныхъ содержанія: Moderato, Menno mosso, Andante sostenuto, appassionato, могущія существовать самостоятельно, какъ пѣсни или даже романсы.

Что касается совмѣстнаго пѣнія тріо, квартетовъ и дуэтовъ съ хоромъ, а также однихъ хоровъ, то въ нихъ мало голосовой самостоятельности. Наприм., тріо съ хоромъ въ первомъ дѣйствіи напоминаетъ обыкновенный хоръ съ запѣвалой. Квартетъ съ хоромъ въ третьемъ дѣйствіи начинается solo, затѣмъ слѣдуетъ дуэтъ въ терціяхъ и секстахъ, въ прямомъ и противоположномъ движеніи, потомъ опять solo, затѣмъ терціи и сексты и самый квартетъ, имѣющій основой не голосовую самостоятельность, а гармоническое единство; хоръ поетъ самостоятельно и только

подъ конецъ совпадаетъ съ квартетомъ на выдержанной гармоніи. Ярвые голоса обыкновенно поютъ одновременными гармоніями, хотя съ примѣръ двухголосныхъ имитаций. Такъ, въ сценѣ драки, сопрано имитируютъ альты, а тенорамъ—басы, разными мотивами. Но это ограничивается скромными размѣрами и, въ сущности, только три раза повторяется въ тонахъ B-moll, Des-dur и опять B-moll.

Есть въ оперѣ новая форма музыкальнаго выраженія, это—монологъ Марфы. По внѣшности онъ ничѣмъ не отличается отъ принятыхъ авторомъ формъ арій. Такое названіе «монологъ» существуетъ у Сѣрова въ *Романдо*.

Танцы въ оперѣ прекрасны и могутъ служить вкладомъ въ национальную музыку; лучший изъ нихъ татарскій танецъ. Что касается музыкально-драматической изобразительности, то авторъ видимо въ ней совсѣмъ не расположенъ. Такъ, въ сценѣ, когда Максимъ встречается въ хоромы Сеитова и встрѣчаетъ отца, вся музыкальная стропа ограничивается речитативнымъ діалогомъ безосодержательнаго характера. Точно также и въ слѣдующей сценѣ братоубійства, когда Николай (теноръ) на фразѣ «и не твоя, а Божья» убиваетъ брата, то послѣдующій обмѣнъ фразъ съ отцомъ и сентенціи самого отца прямо—таки поражаютъ своею безосодержательностью. Кстати о фразѣ Николая. Построена она на верхнихъ звукахъ Des-F-As-H; безъ поддержки въ оркестрѣ, намъ кажется, ее очень трудно спѣть хорошо. Благодаря же верхнему H, для не голосистыхъ теноровъ русской оперы это, пожалуй, и совсѣмъ мудрено. Есть попытка характеризовать личность звуками. Такъ, въ аріозо съ хоромъ присутствіе и слова пана Лисовскаго сопровождаются мазуркой (вѣрнѣе, полькой-мазуркой). Мы полагаемъ, такая музыкальная характеристика неудовлетворительна. Тогда характеризовать различныя національности можно такимъ путемъ: русскаго—трапкомъ, нѣмца—вальсомъ, француза—марсельезой и т. д.

Инструментована опера гладко, но безколоритно, несмотря на присутствіе арфы, бассъ-кларнета и другихъ внутреннихъ эффектовъ инструментальной. Видимо авторъ при писаніи оперы не сжился съ инструментами, долженствующими изображать его мысли, а просто переложилъ ее на оркестръ.

Относительно общей оригинальности оперы мы скажемъ, что авторъ видел много и внимательно слушалъ и изучалъ произведенія: Глинки, Сѣрова, Чайковского, Мейербергера и Вагнера, что разумѣется, и отразилось на его оперѣ.

Общее впечатлѣніе отъ оперы таково: это—трудъ въ высшей степени почтеннаго диллетанта; недостатокъ школы и серьезности музыкальнаго воспитанія восполняется большою любовью къ искусству и высокимъ добросовѣстностью въ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, такую оперой, какъ *Туманцы*, всегда можно замѣнить различныя *Трагедіи* и *Люции*. Осмѣлимъ только посоветовать почтенному автору на будущее время выбирать сюжетъ для оперъ безобиднаго лирическаго характера. Такой сюжетъ, намъ кажется, ближе подойдетъ къ его таланту.

Поставлена опера прекрасно: новыя декорации, новыя костюмы, отлично звученный хоръ и балетъ. Солисты пѣли хорошо, видимо старались. Скажемъ только, что г-жа Дейша-Сіонницкая (Людмила) изображала собою невольную дѣвицу 17 вѣка, а капризную женщину новаго времени; шрим., въ третьемъ дѣйствіи, въ сценѣ съ отцомъ, она скорѣе напомнила чью-то жену, а не дѣвицу, находящуюся подъ зоркимъ родительскимъ окомъ. Г. Донской (Николай) изображалъ тоже не наивнаго, влюбленнаго парня, а скорѣе просто-глупаго парня. Таково его поведеніе въ сценѣ съ Людмилой, тоже въ третьемъ актѣ. Г. Власовъ (Максимъ) пѣть эту партію не можетъ, такъ какъ она написана авторомъ для баритона, а у г. Власова— *alto cantante*, хотя имѣющій хорошія верхнія ноты. Своимъ сценическимъ введеніемъ онъ мало подходилъ къ страстному типу Максима. Остальные артисты были удовлетворительны. Дирижировалъ оперой г. Альтани, очень выразительно посматривающій на подчиненный ему оркестръ, что, впрочемъ, не мешало ему мало слѣдить за танцующими въ пляскахъ. Въ общемъ опера имѣла успѣхъ. Автора вызывали нѣсколько разъ. Театръ былъ полонъ.

Опера прекрасно издана музыкальнымъ магазиномъ В. Бессель и Б^о въ Петербургѣ.

А. Б.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, угол Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24) принимает объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы въ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдующей за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 г., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 г. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Февраль

1895 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Біографія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», ноябрь и декабрь.—«Вѣстникъ Европы», январь.—«Сѣверный Вѣстникъ», январь.—«Міръ Божій», январь.—«Русское Обзорніе», январь.—«Дѣтское Чтеніе», январь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Новые морскіе рассказы“. К. М. Станюковича. — „Сочиненія“ Виктора Гюго. — „Иллюстрированные романы“ Валтеръ Скотта.

Новые морскіе рассказы. К. М. Станюковича. Спб., 1895 г. I. 2 р. 50 к. Г. Станюковичъ пользуется заслуженною извѣстностью, какъ авторъ морскихъ рассказовъ, въ которыхъ живо рисуется морской бытъ лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ, въ которыхъ постоянно звучатъ гуманныя ноты. Очень хорошъ помѣщенный въ новыхъ рассказахъ г. Станюковича *Безпокойный адмиралъ*. Тепло написанъ очеркъ изъ далекаго прошлаго *Исайка*. Образъ симпатичнаго молодого матроса-еврея и его трагическая смерть оставляютъ сильное впечатлѣніе.

Вторую часть книги занимаютъ воспоминанія автора о морскомъ сорпусѣ, представляющія не мало интереснаго и поучительнаго. Книга издана очень хорошо, но цѣна ей назначена нѣсколько высокая.

Сочиненія Виктора Гюго. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительною статьей А. М. Скабичевскаго. Спб. Изд. Р. Павленкова. Ц. 2 р. 50 к. Въ два компактные тома этого изданія, въ два столба, вошли слѣдующія произведенія Гюго: *Бюгъ-Жаргаль*, *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, *Соборъ Парижской Богоматери*, *Клодъ Ге*, *Исторія одного преступленія*, *Человѣкъ, который смѣется*, *Труженники моря*, *Несчастные*, *Девяносто третій годъ*. Переводъ сокращенный. Мы нѣсколько разъ уже говорили, что подобныя сокращенія почти всегда вредятъ произведенію. Пусть это произведеніе отличается длиннотами, но въ длиннотахъ нерѣдко чувствуется, все-таки, оригинальность автора, да и не всегда сокращаются длинноты и мѣста неважныя. Даже очень искусный *сократитель* рискуетъ испортить художественное произведеніе.

Въ эпоху *натурализма*, во французскомъ смыслѣ этого слова, декадентства, символизма и тому подобной мертвечины, начиненной мнимымъ глубокомысліемъ, мы особенно привѣтствуемъ изданіе г. Павлен-

кова, дающее стараго романтика Гюго. Мы готовы привѣтствовать, в ливнѣшимъ временамъ, даже нѣкоторые недостатки Виктора Гюго, которые составляютъ противовѣсъ „достоинствамъ“ многихъ изъ современныхъ беллетристовъ. Горячее чувство, высокая гуманная идея Гюго выражаются нерѣдко въ нѣсколько, — случается и въ весьма, — пыщенныхъ выраженіяхъ; но многое и многое простится писателю, который такъ пламенно вѣрилъ въ добро и правду. А. М. Скабичевскій кончаетъ свою вступительную статью къ *Сочиненіямъ* Виктора Гюго такими прекрасными словами: „Нѣтъ, поэтъ, который всю жизнь толь и дѣлалъ, что показывалъ намъ, какъ намъ слѣдуетъ любить, какъ намъ слѣдуетъ прощать, какъ намъ слѣдуетъ заботиться о слабыхъ, угнетенныхъ и немущихъ, какъ намъ слѣдуетъ жить и умирать за свою идею, не щадя своего живота, такой поэтъ шелъ не мимо жизни и никогда не исчезнетъ онъ изъ памяти грядущихъ поколѣній“.

Иллюстрированные романы Вальтеръ Скотта. Изд. Павленкова. Спб., 1895 г. Передъ нами еще пять романовъ Вальтеръ Скотта въ изданіи г. Павленкова, и тоже въ сокращенномъ переводѣ (*Робертъ, графъ Парижскій, Приключеніе Ниселя, Редантлетъ, Отасный зимъ*, въ той же книжкѣ *Два пастуха* и *Семь-рономскія воды*). Каждый романъ стоитъ по 40 к. Сокращенный переводъ превращаетъ иной разъ произведенія знаменитаго писателя въ сухой конспектъ. Налечтаны книжки очень хорошо, какъ большая часть изданій г. Павленкова. Конечно, въ такомъ видѣ романы Вальтеръ Скотта получаютъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ въ полныхъ, болѣе дорогихъ переводахъ.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ И ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы Философіи и Психологіи“. — „Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ“. А. Фулье. — „Воспитаніе и Обученіе“. — „Introduction à la Psychologie expérimentale“, par Alfred Binet. — „Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи“. И. В. Семчина.

Вопросы Философіи и Психологіи, январь 1895 г. Въ послѣднее время наши философы особенно занялись пространствомъ и временемъ. Въ январской книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи* на эту тему напечатана обширная статья г. Чичерина. Съ нашей точки зрѣнія, съ метафизической постановки пространства и времени ничего дѣльнѣе произойти не можетъ. Вопросъ нисколько не подвинуть къ правильному разрѣшенію и размысленіямъ Б. Н. Чичерина.

В. С. Соловьевъ напечаталъ статью объ аскетическомъ началѣ въ нравственности. Вопросъ трактуется со свойственною этому философу силою мысли. Мы упоминали о первой статьѣ почтеннаго автора, въ которой онъ говорилъ объ основномъ нравственномъ чувствѣ — стыдѣ. Развивая далѣе свое воззрѣніе, г. Соловьевъ рассуждаетъ о дѣйствіи разума, которымъ полусознательное и неустойчивое чувство стыда выводится въ *принципъ аскетизма*. Этотъ принципъ въ теоріи г. Соловьева не такъ страшенъ, какъ можно было бы подумать съ перваго рази: „животная жизнь въ человѣкѣ, — говоритъ авторъ, — должна быть начинена духовной“. Хотя духовное начало и не признается В. С. Соловьевымъ какою-нибудь особенною *субстанціей*, но метафизическій духъ вѣдетъ, конечно, въ разсужденіяхъ автора. Жизнь духа въ члвкѣ есть видоизмѣненіе матеріальнаго бытія, но по идельной его сущ-

сти г. Соловьевъ считаетъ духовное бытіе не однороднымъ съ матеріальнымъ. Тѣмъ не менѣе, имъ признается и для духовной жизни законъ сохраненія энергіи, превращенія духовной энергіи въ матеріализмъ и, наоборотъ, „подобно тому, какъ механическое движеніе превращается въ теплоту и обратно“. Намъ эти разсужденія почтеннаго автора представляются недостаточно ясными и даже противорѣчивыми: неоднородное по сущности не можетъ подвергаться подобной трансформации.

В. С. Соловьевъ считаетъ воздержаніе отъ мясной пищи всеобщимъ требованіемъ. Мы считаемъ такое воздержаніе въ принципѣ желательнымъ, но, при современныхъ условіяхъ жизни, неосуществимымъ, безъ вреда для здоровья, для огромнаго большинства. Къ питью аскетическое начало благосклоннѣе: на высокихъ ступеняхъ нравственной жизни вино усиливаетъ энергію духа. Въ примѣръ приводится Сократъ. Можно было бы кое-что возразить противъ этого съ точки зрѣнія трансформации.

По вопросу о дѣторожденіи г. Соловьевъ высказывается въ положительномъ смыслѣ („нравственно-дурное, плотскій грѣхъ, — говоритъ въ, — слѣдуетъ видѣть, конечно, не въ физическомъ актѣ дѣторожденія и зачатія“); къ половой же функціи онъ относится отрицательно и то „перевѣсь безмысленнаго матеріальнаго процесса надъ самооблаваніемъ духа, это есть дѣло противное достоинству человѣка, гибель еловѣческой любви и жизни“. Какъ же тутъ быть? „Всецѣлое превращеніе нашей плотской жизни въ духовную (а, вѣдь, теплота всецѣло превращается въ энергію), какъ *событіе*, не находится въ нашей части, а потому и не можетъ быть предметомъ нравственной обязанности, правила или предписанія. Обязательно для насъ, — по мнѣнію философа-аскета, — и имѣть нравственное значеніе внутреннее наше отношеніе къ этому коренному проявленію плотской жизни, именно — признаніе его зломъ, рѣшеніе, этому злу не поддаваться и добросовѣстное исполненіе этого рѣшенія, насколько это отъ насъ зависитъ“. Последняя оговорка лишаетъ аскетическую теорію ея строгости; но и въ такомъ видѣ теорія эта не можетъ быть признана людьми, которые признаютъ половую функцію нормальною, функціей здороваго организма.

Забывая о допущенномъ имъ превращеніи духовной энергіи въ матеріальную, г. Соловьевъ говоритъ въ предпоследней главѣ своей статьи о *непроницаемости* духа для чужеродныхъ элементовъ. Статьи очтеннаго автора, которыя появляются въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* и въ *Вѣстникѣ Европы*, представляютъ части очевидно обширнаго и весьма интереснаго труда его по обоснованію своеобразной нравственной теоріи. Г. Соловьевъ возстаегъ противъ ложнаго или безнравственнаго аскетизма, первообразомъ котораго, по христіанскимъ понятіямъ, является дьяволъ: онъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и пребываетъ въ безбрачій. „Самый принципъ аскетизма, — такъ кончается статья, — имѣть нравственное значеніе только условно, именно *модъ словіемъ* своего соединенія съ принципомъ *альтруизма*, коренящимся въ жалости“.

Со статьей г. Соловьева читатель съ пользою сопоставитъ статью Токарскаго, врача по профессіи: *Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ* (она напечатана въ той же книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи*).

Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. А. Фуллье. Пер. съ фран. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1895 г. Нельзя не привѣтствовать появленія на русскомъ языкѣ этой фило-

софской хрестоматіи, на страницахъ которой Фуллье, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи философіи, собралъ драгоценныя жемчужки человѣческой мысли и въ хронологическомъ порядкѣ помѣстилъ отрывки изъ сочиненій великихъ мудрецовъ. Въ виду того, что большинству образованной публики чуждо непосредственное знакомство съ оригинальными произведеніями философовъ, понятна значительная польза такого сборника, въ которомъ интересующійся читатель можетъ найти, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя главы изъ этихъ произведеній и по нимъ прослѣдить, какіе вклады въ сокровищницу мировыхъ идей вносили замѣчательные люди всѣхъ временъ и народовъ. Подобная книга является чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ учебнику исторіи философіи, такъ какъ она ясно показываетъ, на основаніи какихъ данныхъ изложено мировоззрѣніе того или другого мыслителя, и позволяетъ, кромѣ того, критически относиться къ этому изложенію, проверять и дополнять его. Но, разумѣется, для того, чтобы такая хрестоматія достигла своихъ цѣлей, необходимо изъ совокупности произведеній даннаго писателя выбирать тѣ отрывки, которые наиболѣе ярки и характерны для его системы и составляютъ сердцевину его ученія. Въ общемъ, книга Фуллье вполне удовлетворяетъ этому требованію, и тѣ, кому уже изъ вторыхъ рукъ знакомы нѣкоторыя философскія теоріи, легко узнаютъ ихъ въ предложенныхъ отрывкахъ, по которымъ даже лица, мало свѣдущія въ области философіи, могутъ безъ особеннаго труда составить себѣ понятіе о системахъ различныхъ мыслителей. Въ сборникѣ Фуллье мы находимъ обширныя цитаты и выдержки, которыя съ достаточною рельефностью изображаютъ постепенное развитіе религіозной и философской мысли на Востоцѣ, въ античномъ мірѣ и въ средневѣковой и новой Европѣ. Фрагменты, помѣщенные у Фуллье, трактуютъ не только о вопросахъ чисто-метафизическаго характера, но и касаются различныхъ пунктовъ политики и социологій; въ этомъ отношеніи особеннаго интереса заслуживаютъ страницы, удѣленные Лэ Боэти, Монтеスキю, Руссо и Кондорсе. Къ сожалѣнію, однако, надо замѣтить, что въ книгѣ Фуллье, составляющей приложение къ его *Исторіи философіи*, не всѣ отрывки подобраны одинаково удачно, не всѣ они являются достаточно характерными представителями цѣлыхъ системъ. Такъ, изъ знаменитаго, сдѣлавшаго эпоху въ исторіи философіи *Опыта* Локка приведена та цитата, въ которой англійскій эмпирикъ возражаетъ противъ врожденности идей, но мы не находимъ ни одного изъ тѣхъ многочисленныхъ мѣстъ, въ которыхъ Локкъ противопоставляетъ нативизму свою собственную теорію и указываетъ на ощущеніе и рефлекцію, какъ на единственные источники нашихъ идей. Далѣе, считая несомнѣнно, Кондильяка болѣе типичнымъ защитникомъ эмпиризма въ теоріи познанія, Фуллье удѣлилъ ему гораздо больше вниманія, чѣмъ собственно гносеологическимъ замѣткамъ Локка. Вообще, англійскую философію авторъ, сравнительно съ нѣмецкой и, въ особенности, съ французской, поставилъ на второй планъ; только философъ-французъ могъ отвести въ своемъ сборникѣ столько мѣста эклектику Виктору Кузену. Кромѣ того, число философовъ, сочиненія которыхъ, въ отрывкахъ, помѣщены у Фуллье, могло бы быть значительно больше; странно, напримѣръ, отсутствіе Гербарта, Лотце, Гартманна, еще неразвитѣе отсутствіе такого мыслителя, какъ Спенсеръ. Быть можетъ, Фуллье прошелъ молчаніемъ послѣднихъ двухъ потому, что они—наши здравствующіе современники, но едва ли это является достаточно уважительною причиною.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти недочеты, сборникъ французскаго

илософа является для насъ очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ и содержитъ въ себѣ, такъ сказать, квинтъ-эссенцію всѣхъ важнѣйшихъ филологическихъ системъ. Переводъ сдѣланъ г. Николаевымъ, по обыкновенію, юлиѣ хорошо; единственное, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть,—это то, что въ книгѣ много неприятныхъ опечатокъ, вродѣ „монеты“ (стр. 237), „этнологическое доказательство“ (стр. 147) и др.

Воспитаніе и Обученіе, ежемѣсячный педагогическій листокъ, освященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія. 1895 г., январь, № 1. Этотъ журналъ издается при *Родникѣ*. Чрезвычайно доступный по цѣнѣ для обширной массы читателей (2 руб. въ годъ), онъ заслуживаетъ вниманія и по своему содержанию. Это—интересныя, просто написанныя бесѣды съ родителями по самымъ жгучимъ вопросамъ воспитанія. Статья извѣстнаго педагога-писателя г. Каптерева *Родительскія сомнѣнія* высугнаетъ въ встрѣчу къ мучительнымъ думамъ, зачастую терзающимъ сердца отцовъ и матерей, ломающихъ руки надъ вопросами: „Какъ тутъ быть? [то дѣлать?“ Какъ часто всѣ старанія родителей разсыпаются въ пухъ и прахъ передъ дѣтскими шороками, невѣдомо какъ, вопреки воли родителей, свившими себѣ гнѣздо въ душѣ ихъ ребенка! Какъ трудно вскрыть источникъ той или иной черты характера, проявившейся неожиданно въ поступкахъ воспитанника! Надо очень пристально и глупо всматриваться въ индивидуальную природу дитяти, чтобъ удачно разрѣшить задачу воспитанія, наиболѣе подходящаго для него. Съ этою цѣлью авторъ совѣтуетъ не оставлять безъ вниманія психо-физиологической стороны вопроса—душевнаго состоянія матери въ періодъ беременности. Тутъ большое значеніе для развитія характера ребенка имѣетъ вопросъ о томъ, гдѣ жила мать въ этомъ періодѣ: въ городѣ или деревнѣ; какъ проводила время: въ трудѣ или въ отлѣхѣ, спокойно или въ тревоженіяхъ и т. п. Другое условіе, требующее за собой пристрастнаго, это—характеръ няни, ея понятія, ея развитіе и т. п. Послѣ всѣхъ разысканій такого рода уже можно будетъ рѣшить вопросъ о средствахъ воздѣйствія на даннаго ребенка съ цѣлью искорененія въ немъ того или другаго недостатка.

Въ статьѣ г-жи Марковой *Дѣтскій садъ* подымается очень важный практическій вопросъ. Авторъ справедливо указываетъ на высокое воспитательное значеніе совмѣстнаго времяпровожденія дѣтей группами: у каждаго нормальнаго ребенка существуетъ потребность быть въ обществѣ другихъ дѣтей. Г-жа Маркова считаетъ самымъ лучшимъ средствомъ удовлетворенія этой потребности—устройство дѣтскаго сада. И она рассказываетъ, какъ группа интеллигентныхъ матерей устроила такое учрежденіе въ глухомъ провинціальномъ городкѣ. Дѣти собирались разъ въ недѣлю поочередно у каждой изъ участницъ этой группы и проводили время въ играхъ и занятіяхъ. Въ результатѣ получилось дружеское, тѣсное общество дѣтей и не менѣе тѣсно сплоченный кружокъ матерей. Онѣ стали собираться вмѣстѣ для бесѣды о дѣтяхъ, обмѣна наблюденіями за ихъ жизнью и развитіемъ ихъ характеровъ, а также для совмѣстнаго чтенія педагогическихъ изданій. И глухая провинціальная жизнь освѣтилась для нихъ новымъ свѣтомъ и теплѣ имъ стало жить въ городишкѣ, гдѣ доселѣ умственные интересы жителей закоренѣли подъ вліяніемъ изстари заведеннаго обычая—убивать время за зеленымъ столомъ. Статья г-жи Марковой поучительна: рассказанная ею исторія—примѣръ для многихъ матерей, достойный подражанія. Редакціей открытъ еще отдѣлъ вопросовъ, съ которыми она обращается къ родителямъ, желая обратить ихъ вниманіе на нѣкото-

рыя интересныя стороны жизни дѣтей, оказывающія существенное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе дѣтской личности. Въ этомъ журналѣ постоянно помѣщаются протоколы засѣданій *Родительскаго кружка*, существующаго уже нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ. Такъ какъ въ этомъ кружкѣ участвуютъ люди очень компетентные и образованные, то протоколы эти заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Introduction à la Psychologie expérimentale, par Alfred Binet. Paris, 1894. Эта книжечка составлена персоналомъ лабораторіи фізіологической психологіи, основанной въ 1889 году при Сорбоннѣ и состоящей подъ директорствомъ Бинэ, профессора фізіологіи медицинскаго факультета въ Нанси. Нѣкоторыя главы написаны А. Бинэ вмѣстѣ съ лаборантами, а двѣ вступительныя главы, о психологическихъ лабораторіяхъ и о психологической методикѣ, написаны имъ самимъ, какъ помощникомъ директора лабораторіи.

Имя Альфреда Бинэ извѣстно нѣсколькими самостоятельными трудами въ области „новой психологіи“. Достаточно назвать его *La psychologie du raisonnement*, переведенный на русскій языкъ Г. И. Чашковскимъ, и его года два назадъ вышедшую книгу *Les Altérations de la personnalité*, о которой была помѣщена рецензія въ журналѣ *Вопросы Философіи и Психологіи*, чтобы съ интересомъ отнестись къ его новому труду.

Во вступительной главѣ приводится кратко исторія лабораторіи фізіологической психологіи; она поучительна. 1878 годъ оказывается дважды важнымъ для психологіи: Вильгельмъ Вундтъ основалъ въ Лейпцигѣ первую лабораторію экспериментальной психологіи (у французовъ психологія чаще носитъ названіе экспериментальной, и оба термина часто употребляются одинъ вмѣсто другого), а покойный Шарко началъ въ Парижѣ свои изслѣдованія надъ гипнотизмомъ и истеричныхъ. Почти въ это же время и Рибо основалъ свой журналъ *Revue Philosophique*, который, по мнѣнію Бинэ, далъ толчокъ къ изученію экспериментальной психологіи во Франціи.

Съ этого времени начали возникать лабораторіи экспериментальной психологіи и въ другихъ странахъ. Въ настоящее время ихъ насчитывается уже болѣе 30, изъ которыхъ въ одной Америкѣ—16 лабораторій. Америка, какъ видно, особенно по вкусу пришлась лабораторная работа по психологіи. Остальныя лабораторіи распредѣляются такъ: въ Германіи—4, въ Англии—2 и по одной во Франціи, Италіи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и Румыніи. О Россіи у А. Бинэ не упоминается, да и дѣйствительно на подобное самостоятельное учрежденіе, какъ лабораторія фізіологической психологіи, имѣющая свой штатъ, свой органъ, труды, учениковъ, въ Россіи указать нельзя. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ Россіи не интересовались и не занимались фізіологической психологіей,—этотъ выводъ былъ бы совсѣмъ не вѣренъ,—но это означаетъ только, что нѣтъ отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія ни при русскихъ университетахъ, ни при ученыхъ обществахъ, въ которомъ сосредоточивался бы этотъ интересъ и этотъ трудъ.

Изложенію этихъ результатовъ, къ которымъ привели лабораторныя изслѣдованія по психологіи, и посвящены остальныя главы книги Бинэ. Признавая различіе между экспериментомъ и наблюденіемъ въ психологіи основнымъ и важнымъ, Бинэ дѣлитъ книжку на двѣ части: одну, въ которой собраны изслѣдованія объ ощущеніи, о движеніи, о памяти и психометрическія, изучаемыя съ помощью экспериментальной методы, и другую,—изслѣдованія, производимыя съ помощью наблюде-

ія. Части эти очень неравны по объему: первой отведены главы III, V, V, VI и VII, а второй—только одна VIII глава.

Придавая большое значеніе внутреннему наблюденію, способности анализировать свои внутреннія, душевныя состоянія, *психологическому вкусу*, авторъ рѣзко критикуетъ приемы такихъ упрощеній, при которыхъ роль изслѣдуемаго субъекта сводится къ роли автомата. Этотъ прощенный приемъ, идущій, можетъ быть, отъ самаго Фехнера, приводитъ къ результатамъ однообразнымъ, точнымъ, поддающимся различнымъ математическимъ комбинаціямъ, но имѣющимъ тотъ важный недостатокъ, что эти результаты не вѣрны (стр. 30). По мнѣнію автора, не слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ упрощеніямъ, къ такимъ граниченіямъ отвѣтовъ экспериментируемаго субъекта; напротивъ, широкая свобода сообщать результаты возможно полнаго самонаблюденія можетъ привести къ дѣйствительно важнымъ открытіямъ (стр. 30, 34, 102).

Хотя Бинэ и дѣлитъ психологію на два рода: *собственно экспериментальную психологію*, изучающую здороваго индивидуума, и на *психологію, изучающую больного человека*, и назначаетъ настоящее введеніе исключительно первой, т.-е. психологіи здороваго человека (стр. 2), ю не ограничивается этимъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи касается и психологіи больного индивидуума (стр. 57, 71, 91).

Такъ обѣ эти психологіи тѣсно связаны между собою и такъ часто изучаются вмѣстѣ, одними и тѣми же учеными, будучи призваны пополнить одна другую.

Въ главахъ, посвященныхъ изученію ощущеній, т.-е. опредѣленію отношеній внѣшнихъ раздраженій къ ощущеніямъ, изученію движеній, г.-е. опять опредѣленію отношеній различныхъ состояній сознанія къ вызываемымъ ими движеніямъ, изученію памяти, т.-е. отношеній ощущеній реальныхъ къ ощущеніямъ въ воспоминаніи (идеальнымъ), подробно описываются приемы изслѣдованій и дается понятіе объ употребленныхъ при этомъ аппаратахъ и пр.

Глава о памяти занимаетъ 26 стр. (изъ 146 стр. всей книги), причѣмъ авторъ дѣлаетъ замѣтку, что въ руководствахъ физиологической психологіи вообще мало отводится мѣста изученію памяти сравнительно съ изученіемъ ощущеній (у Вундта въ его руководствахъ, содержащемъ 1,350 стр., изученію ощущеній отведено 600 стр., а изученію памяти только 11 стр.).

Указывая на важность экспериментальнаго изученія явленій памяти, Бинэ, „на свой рискъ и страхъ“, впервые, какъ онъ самъ замѣчаетъ, знакомитъ въ печати съ методами такого изученія памяти. Вотъ четыре главныя изъ нихъ: метода описанія, метода узнаванія, метода воспроизведенія и метода сравненія. На каждую методу приводятся примѣры. Нельзя сказать, чтобъ онѣ были такъ ужъ новы. Въ концѣ упоминается объ изслѣдованіяхъ *индивидуальныхъ памятей, качествахъ воспоминаній* (словесныя, зрительныя, слуховыя).

Въ главѣ о возникновеніи и теченіи идей авторъ высказывается противъ сведенія всѣхъ задачъ психологіи къ изученію явленій ассоціаціи; этотъ взглядъ школы ассоціанистовъ въ настоящее время оставленъ экспериментальными психологами (стр. 96). Приводятся нѣкоторые примѣры опытнаго изученія элементарныхъ ассоціацій.

Въ главѣ о психометриі, послѣ краткаго и схематическаго описанія нѣкоторыхъ приборовъ, употребляющихся при психометрическихъ изслѣдованіяхъ, послѣ приведенія нѣсколькихъ примѣровъ изъ области психометрической экспериментации, А. Бинэ ставитъ вопросъ: „къ чему

служить психометрія? Вопросъ, тѣмъ болѣе интересный, что, и справедливому замѣчанію автора, этотъ вопросъ даже и не подозрѣвается въ руководствахъ экспериментальной психологіи, переполненныхъ всевозможными измѣреніями времени, находящими свое оправданіе въ замѣчательной точности, изъ-за достиженія которой часто забывается о самой цѣли этихъ измѣреній. Математическая точность методы такъ подкупаетъ, что и здѣсь часто средство превращается въ цѣль, стремятся произвести возможно большее число измѣреній и этимъ вся наука ограничивается. Психометрія въ этомъ отношеніи имѣетъ сходство съ антропометріей, краниометріей и пр. Стоитъ только начать что-либо мѣрить внимательно и точно, получается что-то похожее и на научный трудъ, и на научный результатъ, а мѣрить можно безъ конца,—это всѣмъ извѣстно давно.

По мнѣнію автора, психометрія не должна имѣть цѣлью лишь измѣренія, а должна служить средствомъ для анализа такихъ сложныхъ душевныхъ явленій, какъ вниманіе, сужденіе, приспособленіе, навѣкъ, утомленіе и т. д. Не много, однако, приводится авторомъ пригѣровъ подобнаго анализа, но, къ счастью, авторъ находитъ ихъ многообещающими и ободряющими продолжать почти только что начатыя изслѣдованія.

Понятіе психологической лабораторіи не должно ограничиваться, по мнѣнію автора, мастерской, гдѣ съ помощью усовершенствованныхъ орудій производятъ эксперименты надъ различными состояніями сознанія; лабораторія должна быть центромъ правильно организованныхъ работъ и хранилищемъ всякихъ психическихъ документовъ. Вотъ почему въ этой книжкѣ экспериментальной психологіи А. Бэнэ отводится глава также и для ознакомленія съ методами психологическаго наблюденія, съ интроспективной личною методою и съ интроспективною сравнительною коллективною методою и придаетъ этимъ методамъ важное научное значеніе.

Въ заключеніе авторъ настаиваетъ на томъ, что экспериментальная психологія окончательно уже организовалась въ самостоятельную, отдѣльную и независимую науку, притомъ, науку естественную, безъ всякихъ спиритуалистическихъ, матеріалистическихъ или монистическихъ тенденцій, безъ всякихъ стремленій къ разрѣшенію обширныхъ философскихъ и глубокихъ метафизическихъ проблемъ.

Въ общемъ книжка составлена какъ-то поспѣшно и касается многихъ вопросовъ лишь поверхностно, за то она легко читается, не загромождена ни цифрами, ни формулами и безпристрастно освѣщаетъ современныя работы психологическихъ лабораторій, стараясь воздать должное каждой методѣ, принятой современною наукою психологіей.

Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи. И. В. Свѣчина. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. Мы отмѣчаемъ эту книгу лишь для предупрежденія тѣхъ изъ читателей, которые по легковѣрью могли бы заинтересоваться „общечеловѣческою“ философіей г. Свѣчина. Исходя изъ того взгляда, что человѣкъ становится философомъ по необходимости и что „не малое число философовъ можно найти и между малограмотными людьми“, авторъ наполняетъ книгу такимъ сумбуромъ, который не поддается передачѣ. Приведемъ нѣкоторые перлы. Недовольный тѣми путями познанія, какіе признаются философами-раціоналистами, г. Свѣчинъ рекомендуетъ особые пути познанія. Одинъ изъ такихъ путей для ознакомленія съ „вещами самими въ себѣ“, это — „мечтательность“. Благодаря ей, по мнѣнію автора, въ нашемъ сознаніи появляется „образъ свободнаго дѣйствія или абсо-

отной свободы мечтающей души. Это не мысль, не умозаключеніе, а идея, совершенно новый матеріалъ, взятый не изъ предметнаго міра, полученный памятью непосредственно отъ самостоятельныхъ дѣйствій нашей души, въ состояніи мечтательности“. Фантазія есть также способность для познанія вещей, ибо она есть „царство полнѣйшей свободы проявленія вещей самихъ въ себѣ“. Признаваемыми критеріями истины авторъ также недоволенъ и предлагаетъ еще особый критеріемъ, онъ торжественно пророчить близкую гибель теоріи Дарвина и опровергаетъ гипотезу о происхожденіи земли. Кромѣ того, въ книгѣ трактуется въ томъ же вкусѣ объ единствѣ и индивидуализмѣ, о добрѣ и злѣ, о человѣческихъ инстинктахъ и даже о любви, причемъ приводится какая-то таблица видовъ любви. Потомъ г. Свѣинъ переходитъ почему-то къ программамъ гимназическаго курса, а затѣмъ добродушно увлекается разборомъ *Илиады* Гомера и *Гамлета* Лекспира. Во всей этой кашѣ, не говоря уже о философіи, очень мало и здраваго смысла. Книги подобнаго рода можно считать только влеченіями особаго рода литературнаго маіачества и представляютъ лишь интересъ для любителей курьезовъ.

БИОГРАФІИ.

„Сто великихъ людей“. Изд. А. Суворина.

Сто великихъ людей. Дешевая бібліотека. Книга I—VI. Изд. А. Суворина. Цѣна кажд. вып. 20 к. Эта новая біографическая бібліотека, несмотря на скромность своего размѣра и содержанія, представляетъ извѣстный интересъ. Въ каждой изъ шести небольшихъ вышедшихъ книжекъ помѣщено три (въ одной даже четыре) біографическихъ очерка, причемъ въ размѣщеніи ихъ соблюдается хронологическій порядокъ. Каждая изъ біографій составлена по сочиненію каждаго-нибудь извѣстнаго писателя, который тутъ же и указывается. Біографіи русскихъ дѣятелей не вошли сюда и ихъ предполагается издать отдѣльно. Въ вышедшихъ шести книжкахъ помѣщены жизнеописанія крупнѣйшихъ представителей древняго міра и частью среднихъ вѣковъ. Не всѣ біографіи изложены съ достаточною полнотою, но всѣ написаны умѣло и живымъ литературнымъ языкомъ. Какъ на лучшія изъ нихъ, можно указать на біографію Перикла, составленную по сочиненію англійскаго историка Грота, Аннибала по Момсену, Фридриха Великаго по Филипсону, Георга Вашингтона по Ирвингу. Эти небольшіе очерки, конечно, не могутъ быть поставлены рядомъ съ біографическою бібліотекою г. Павленкова, но они доступныѣе по содержанию и цѣнѣ и потому не теряютъ своего значенія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СТАТИСТИКА.

„Очерки теоретической экономіи“. В. В.—„Les syndicats professionnelles“, par Ernest Mahaim.—„Артель въ кустарномъ промыслѣ“. В. В.—„Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи“. С. Ф. Руднева.

Очерки теоретической экономіи. В. В. Спб., 1895 г. Въ самое послѣднее время и на Западѣ, и у насъ замѣчается большое оживленіе въ обсужденіи теоретическихъ вопросовъ политической экономіи. Книга г. В. В. является вполне естественною данью этому оживленію, но странное впечатлѣніе производитъ она среди другихъ экономиче-

ских трудовъ нашего времени. Частью составленная изъ журнальныя статьи, печатавшихся 7 лѣтъ тому назадъ, частью написанныя совершенно заново, въ своей положительной части она не заключаетъ рѣшительно ничего, что бы говорило объ ея недавнемъ происхожденіи. Г. В. В. со своими экономическими идеями живетъ какъ-то *въ времени*: онъ упорно цитируетъ только сочиненія 60-хъ—70-хъ гг., и желаетъ знакомиться съ послѣдними приобрѣтеніями экономической науки и всѣ свои выводы развиваетъ изъ самого себя, отрицая въ этомъ дѣлѣ пользу сотрудничества. Кто знакомъ съ другими сочиненіями г. В. В., тотъ мало новаго найдетъ для себя въ *Очеркахъ теоретической экономіи* (объ исключеніяхъ см. ниже): тѣ же мысли, тѣ же темы, тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. А, главное, употребленіе не вполне литературное, но принятое среди литераторовъ выраженіе, главное—все та же „отсебятина“, одна „отсебятина“.

Первая статья очерковъ посвящена очень важному вопросу о роли рынка. Роль эта, по мнѣнію г. В. В., весьма серьезна: рынокъ есть *регуляторъ* промышленности. Съ этимъ положеніемъ, повидимому, трудъ не согласится, но г. В. В. спѣшитъ пояснить свою мысль такимъ образомъ, что отъ нея тотчасъ же придется отрещиваться. „Регулировать движеніе,—по мнѣнію автора,—значитъ направлять его къ известной *цѣли*, по опредѣленному плану“. Приписавъ рынку такую истинную роль, г. В. В. удивляется, что въ міровой промышленности „отдѣльныя части не приспособлены другъ къ другу, а въ цѣломъ и наблюдается единства и цѣлесообразности“. Особенно обидно г. В. В. за распредѣленіе, которое будто бы въ нашемъ обществѣ „освободило отъ цѣлей“ (стр. 33). Соображенія справедливости заставляютъ почтеннаго экономиста мечтать о возвращеніи утраченнаго. „Если бы личные интересы всѣхъ членовъ общегитія,—высказываетъ онъ свое пожеланіе (стр. 26), — прежде чѣмъ выразиться активно, были согласованы между собой,—рыночное выраженіе существующихъ отношеній было бы правильнѣе“... „Къ сожалѣнію,—меланхолически замѣчаетъ нашъ авторъ на стр. 50,—исторія рѣдко когда слѣдуетъ указаніямъ разума; и потому регулированіе экономическихъ отношеній она не вручила бы гомыслящимъ философамъ, а отдала „въ руки отдѣльнаго индивида“ (sic!), поэтому и дѣятельность рынка оказалась не планомѣрною быготворительностью, но „слѣпымъ проявленіемъ слѣпнаго механизма“ (стр. 39). „За неимѣніемъ спеціальнаго института (!), вырабатывающаго планъ производства и распредѣленія и слѣдующаго за его выполненіемъ, планомѣрность въ общественно-экономической дѣятельности регулируется рынкомъ, который, однако, есть ничто иное, какъ *плодъ* столкновенія отдѣльныхъ экономическихъ дѣятелей“.

Кардинальное значеніе рынка становится отсюда понятнымъ. Но и слѣдуетъ черезъ-чуръ увлекаться этимъ значеніемъ,—предупреждаетъ насъ г. В. В.,—не слѣдуетъ все знаніе науки строить на однихъ отношеніяхъ спроса и предложенія. „Спросъ и предложеніе есть механизмъ, направляемый основными естественными и социальными вліяніями. это—способъ, которымъ выясняются экономическія отношенія въ товарно-капиталистическомъ обществѣ, но только выясняются, а не образуются, ибо причины ихъ, повторяемъ, другія. Нельзя сказать,—несколько данно прибавляетъ г. В. В. (стр. 11),—чтобы это положеніе было прочно и ясно установлено наукой“. Для убѣжденія читателя, немного знающаго съ „наукой“ и потому естественно удивленнаго подобнымъ объясненіемъ, нашъ авторъ спѣшитъ прибавить: оно „настолько *стуже* не общепринято, что существуетъ возможность появленія такихъ экономи-

товъ, какъ Маклеодъ“. Поистинѣ *внѣ времени* живетъ г. В. В.: откуда это ему извѣстно, что появленіе Маклеода, писавшаго въ 50-хъ—60-хъ годахъ, оказывается теперь возможнымъ, или нашъ авторъ—есть въ прошломъ?

Не менѣе важной темѣ посвящена и вторая глава: *Что такое цѣнность?* Здѣсь авторъ обращается сначала къ различнымъ существующимъ учениямъ о цѣнности, но надо сознаться, что этихъ *различныхъ* ученій *существуетъ* для него немного. Онъ излагаетъ только ученіе Маклеода, Милля, Рикардо, Шторха и отчасти Маркса, изъ русскихъ же экономистовъ упоминаетъ лишь Зибера и Пихно. Маклеода и Шторха г. В. В. побиваетъ Зиберомъ, Милля и Маркса (уже не побиваетъ, а дополняетъ и исправляетъ) самостоятельными, какъ ему кажется, разсужденіями. Въ дѣйствительности, однакожъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, самостоятельности этой оказывается немного. Главное возраженіе, дѣлаемое г. В. В. Миллю и заключающееся въ томъ, что въ вопросѣ о цѣнности англійскій экономистъ смѣшиваетъ частное хозяйство съ общественнымъ и разсуждаетъ о вопросахъ общественныхъ въ частно-хозяйственной точкѣ зрѣнія, замѣчаніе это уже 20 лѣтъ назадъ сдѣлано и развито было Кэрнсомъ. Точно также и противопоставленіе трудовой теоріи равенства прибылей,—противупоставленіе, долженствующее служить какъ бы укоромъ Марксу, выдвинуто было особенно рѣшительно Адлеромъ, который и строилъ на этомъ пунктѣ опроверженіе всей марксовой системы. Послѣдняго возраженія, впрочемъ (съ легкой руки Адлера, получившаго большое распространеніе), г. В. В. себѣ не приписываетъ. За то онъ беретъ устроить его и *самостоятельно* разрѣшить то видное противорѣчіе, въ которое впадаетъ будто бы трудовая теорія цѣнности. „За 30 лѣтъ,—говоритъ нашъ авторъ (стр. 208),—у Маркса не нашлось ни одного послѣдователя, настолько вникшаго въ основныя положенія его ученія, чтобы дать за него требуемое разъясненіе, иначе говоря—чтобы двинуть теорію на одинъ шагъ“. Это позволяетъ г. В. В. толковать въ предисловіи о „безплодности поклоненія, воздаваемого этому замѣчательному мыслителю его многочисленными и горячими послѣдователями“. „Отсебятина“, увы, и въ этомъ случаѣ сыграла злую шутку надъ г. В. В. Ознакомясь онъ съ нѣмецкою экономическою литературой послѣдняго времени, и онъ бы зналъ, что требуемое имъ объясненіе давало уже нѣсколько человѣкъ. Самъ г. В. В. вынужденъ сдѣлать исключеніе для г. Скворцова (стр. 286), мы же укажемъ ему на К. Шмидта, В. Лексиса и Фиремана, изъ коихъ послѣдній особенно близко подошелъ къ рѣшенію, данному нынѣ и самимъ Марксомъ въ только что вышедшемъ третьемъ томѣ его *Капитала* *).

Мы не станемъ знакомить читателя съ довольно пронизательными соображеніями г. В. В. о томъ, какъ согласить равенство прибылей во всѣхъ предпріятіяхъ съ трудовой теоріей цѣнности, не станемъ потому, что замѣчанія эти утратили теперь, послѣ появленія третьяго тома *Капитала*, всякій интересъ и покрываются сполна даже *неизвѣстною* для нашего экономиста, а, между тѣмъ, весьма глубокою формулой Фиремана. Приведемъ ее здѣсь въ доказательство того, какъ непрочна самостоятельность, опирающаяся на одну „отсебятину“: „Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности,—говоритъ Фиреманъ,—гдѣ отношеніе между постояннымъ и переменнымъ капиталомъ наибольшее, товары будутъ продаваться выше своей нормальной трудовой цѣнности и на-

*) *Das Kapital*, III B., 1-er Theil. Hamburg, 1894 г., гл. 8 и 9, стр. 120 и слѣд.

оборотъ, гдѣ это отношеніе наименьшее, тамъ они будутъ продаваться ниже стоимости. Общая же сумма цѣнъ будетъ равна трудовой кѣности, и противорѣчіе исчезнетъ“.

Если, какъ мы уже сказали, въ *Очеркахъ теоретической экономии* вообще мало новаго по сравненію съ другими сочиненіями того же автора, то это особенно справедливо въ примѣненіи къ двумъ послѣднимъ статьямъ: *Капиталистическая эволюція промышленности и Русскій марксизмъ*. Въ первой въ полномъ согласіи со своими прежними статьями г. В. В. старается указать на невыгодныя стороны капиталистическаго процесса и на возможность и желательность для Россіи избѣжать его. Здѣсь мы встрѣчаемся со всѣми старыми соображеніями почтеннаго автора: и съ тѣмъ, что если даже благодѣтельны результаты капитализаціи, печаленъ самый процессъ (стр. 113), противъ котораго поэтому и надо упираться, и съ тѣмъ, что „способность народнаго производства достигнуть высокаго техническаго совершенства доказывалась успѣхами, сдѣланными промышленностью всякой страны до подчиненія ея капиталу“ (стр. 120), и съ тѣмъ, что глубокая разница, существующая между обрабатывающею и добывающею промышленностью, исключаетъ возможность однороднаго процесса капитализаціи въ обоихъ случаяхъ. Послѣднее г. В. В. доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что „возвышеніе сельскаго хозяйства заключается въ его интензивованіи (ужели только?), а стоимость продукта интензивованнаго земледѣлія скорѣе повышается, нежели понижается, т.-е. здѣсь происходитъ нѣчто прямо противоположное тому, что мы наблюдаемъ въ сферѣ обрабатывающей промышленности. Это не мѣшаетъ нашему автору на той же стр. (112) признаться, что въ странѣ капиталистическаго земледѣлія земледѣльческій трудъ можетъ быть „въ 1½ раза успѣшнѣе, а хлѣбъ въ 1½ раза дешевле“. Въ своихъ выводахъ нашъ авторъ, конечно, непоколебимъ.

Содержаніе четвертаго очерка, посвященнаго русскому марксизму, всецѣло предопредѣлено извѣстными статьями г. В. В. въ *Русскомъ Бѣлатствѣ* и книжкой *Наши направленія*. Съ тѣхъ поръ, какъ появились эти вещи, позиція г. В. В. не измѣнилась, прибавилось только число его враговъ, съ которыми онъ теперь и раздѣляется. Мы не послѣдуемъ за этою полемикой, отмѣтимъ только здѣсь нѣсколько мыслей, поразившихъ насъ своею новизной въ писаніяхъ г. В. В. Характерно, во-первыхъ, что „практическія заключенія“ г. Ник — она, какъ извѣстно, вполне совпадающія съ пожеланіями г. В. В., признаются этими послѣднимъ имѣющими „характеръ утопіи“ (стр. 219). Характерно далѣе то, что почтенный авторъ говоритъ о „правильномъ освѣщеніи того пути, по которому мы стремимся... въ неизвѣстное“ (стр. 246). Давно ли, кажется, г. В. В. читалъ въ будущемъ, какъ въ своихъ собственныхъ мысляхъ? Еще характернѣе слѣдующее заявленіе на стр. 251: „Каждая крупная перемѣна общественныхъ отношеній, подлежащая естественнымъ ходомъ вещей, осуществляется какимъ-нибудь *классомъ*, являющимся представителемъ новой идеи“. Эта „новая идея“, представителемъ которой является отнынѣ самъ г. В. В., составляетъ, какъ извѣстно, одно изъ основныхъ положеній экономическаго материализма. Чтобъ окончательно осудить свою недавнюю точку зрѣнія и свои прежніе критическіе приемы, г. В. В. прибавляетъ: 1) „именемъ науки нельзя предписывать какой-либо странѣ пути, которыми предстоитъ ей идти, и формы жизни, которыми она обязательно должна подчиняться“ (стр. 272); 2) не слѣдуетъ критиковать теоретическія системы „съ точки зрѣнія ихъ логической состоя-

пности и, тѣмъ болѣе, отвергать ихъ всѣ, кромѣ одной, какъ единственно истинной“, „ибо такая критика можетъ дѣйствовать разслабоще на психическіе мотивы борющихся лицъ и, слѣдовательно, ослаблять классовую борьбу и задерживать весь историческій процессъ“ (р. 268). Какъ строго г. В. В. къ себѣ самому и какъ жестоко онъ я караетъ за грубость и рѣзкость своей недавней полемики противъ рксистовъ!

Всѣ предшествующія замѣчанія, разбѣрами рецензіи неизбежно мниченныя въ числѣ, имѣютъ цѣлью доказать одно, что г. В. В., льшой знатокъ русской экономической жизни, въ вопросахъ чисто-ретическихъ стоитъ не на столь твердой почвѣ, какъ кажется, что же самобытную экономическую систему нельзя построить въ наши дни съ сотрудничества западно-европейской науки, а именно этого сотрудничества-то г. В. В., къ сожалѣнію, и избѣгаетъ. Сказанное не шаетъ признать, что новая книга автора *Судебъ капитализма* вываетъ на размышленія и возраженія и потому привѣтствовать ее, къ „вкладъ“ въ столь небогатую теоретическими работами русскую ономическую литературу.

Les syndicats professionnels, par Ernest Mahaim. Bibliothèque de la Société des connaissances modernes. Bruxelles, 1894. Всѣмъ извѣстно, кую крупную, выдающуюся роль въ экономической и политической изни Запада играютъ профессиональные союзы рабочихъ. Въ Германіи, гдѣ рабочая партія на выборахъ въ рейхстагъ располагаетъ, по авненію со всѣми другими въ отдѣльности взятыми партіями, самымъ льшимъ числомъ голосовъ, въ Англіи, гдѣ организація рабочихъ зволяетъ имъ сокращать свой трудовой день и увеличивать заработную плату, во Франціи, гдѣ на послѣднихъ выборахъ восторжестволо 50 рабочихъ депутатовъ, въ Бельгіи, гдѣ рабочимъ удалось при моци коопераций улучшить свое матеріальное положеніе даже при ществующей жалкой платѣ за трудъ, въ Соединенныхъ Штатахъ,— въ всѣхъ этихъ странахъ рабочее движеніе или опирается прямо на иженіе синдикальное, или, по крайней мѣрѣ, идетъ рука объ руку сь нимъ. Синдикаты, профессиональные союзы,—это тѣ первыя ячейки, въ которыхъ только и можетъ сложиться сильная рабочая организація. Безъ профессиональнаго объединенія, какъ это признаютъ теперь рабочіе всѣхъ странъ, экономическая борьба для нихъ невозможна. Вотъ мы видимъ, какъ въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, въ ельгіи и во Франціи рабочіе союзы медленно, но неуклонно растутъ, кватывая все большее и большее число различныхъ отраслей промышленности. Не удивительно при этомъ, что западно-европейская печать дѣлала много вниманія рабочимъ организаціямъ и что вопросъ о синикатахъ имѣетъ за собой уже обширную литературу. Проглядывая ространный, хотя все же недостаточно полный библиографическій указатель, приложенный къ книгѣ Магайма, мы замѣчаемъ, однако, что сѣ здѣсь указанныя работы посвящены той или другой странѣ, той ли другой отдѣльной эпохѣ. Объединяющихъ и полныхъ сочиненій, оторыя бы описывали все синдикальное движеніе, во всей его цѣости, мы не имѣемъ, если не считать только весьма любопытныхъ, о черезъ-чуръ короткихъ статей Лексиса, Шмѣле и др. въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. Лежащая теперь передъ нами книга роф. Магайма представляетъ собою первую попытку этого рода.

Свою задачу авторъ понимаетъ широко. Его совершенно одинаково итересуетъ какъ исторія, такъ и современное положеніе рабочихъ

союзовъ, какъ одна, такъ и другая изъ европейскихъ странъ *). Историческій очеркъ открывается Римомъ; здѣсь мы встрѣчаемся съ гильдіями ремесленниковъ, довольно рано заявляющихъ свои претензіи на участіе въ политической жизни. Проф. Магайтъ рассказываетъ намъ какъ объ ихъ несложной организаціи, такъ и объ отношеніи къ императоровъ, сначала нѣсколько опасавшихся ремесленныхъ союзовъ, но затѣмъ, начиная съ Александра Севера, уже благоволившихъ имъ и даже пользовавшихся ими для своихъ цѣлей. Постепенно вѣдательство все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе вѣдѣшивается во внутренніе порядки этихъ союзовъ, пока, наконецъ, они не становятся въ полное подчиненіе къ администраціи. Тогда принадлежность къ гильдіи дѣлается своего рода обязанностью, а сами ремесленники становятся какъ бы рабами государства. Чтò въ области аграрныхъ отношеній значило выраженіе *glebae adscripti*, то можно было бы обозначить здѣсь соответственнымъ терминомъ *collegiae adscripti*.

Приближаясь болѣе къ новому времени, проф. Магайтъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на средневѣковыхъ промышленныхъ организаціяхъ, въ которыхъ онъ видитъ не продолженіе римскихъ гильдій, но совершенно самостоятельныя учрежденія, возникшія впервые на германской почвѣ въ формѣ гильдій. Картина цеховыхъ порядковъ, рисуемая въ книгѣ, въ общихъ чертахъ вполнѣ сходится съ успѣвшимися взглядомъ на средневѣковыя корпораціи. Весьма недурно прослѣжено авторомъ постепенное разложеніе цеховъ: возникновеніе внутри ихъ антагонизма между мастерами и подмастерьями и учрежденіе первыхъ, чисто-рабочихъ союзовъ, основанныхъ сначала на религиозно-нравственной почвѣ и ничуть не враждебныхъ хозяевамъ, скоро, однако, сдѣлавшихся опаснымъ оружіемъ рабочихъ въ экономической борьбѣ. „Съ конца XIV в. хозяева жалуются уже, что общества мастеровъ не остаются болѣе въ прежнихъ рамкахъ дружескихъ братствъ, и съ этого времени начинаютъ принимать строгія мѣры противъ рабочихъ союзовъ. Подчасъ они ихъ даже запрещаютъ и тогда начинается уже настоящая война. Стачки становятся многочисленными, больше и жесточе“. Однако, большинство стачечниковъ требуетъ лишь сохраненія старыхъ обычаевъ, какъ они ихъ понимаютъ, и собственно вопросъ о существованіи самихъ корпорацій не возбуждается еще даже мятежными рабочими (стр. 64 и 71). Онъ возникаетъ позднѣе, почти только въ XVIII в., и, какъ Гордіевъ узелъ, скоро же разрушается, и жели разрѣшается революціей въ знаменитомъ декретѣ 1791 года.

Изъ всѣхъ рабочихъ союзовъ новѣйшаго времени англійскихъ *trade-unions* проф. Магайтъ удѣляетъ въ своемъ изслѣдованіи всего болѣе мѣста. Нельзя сказать, однако, чтобы посвященная имъ III-я глава была изъ самыхъ удачныхъ въ книгѣ. Авторъ въ своемъ изслѣдованіи слѣпо слѣдуетъ памфлету Гоуэля (*Conflicts of capital and labour*), человека, самого вовлеченнаго въ англійское движеніе и потому и легко не безпристрастнаго въ его оцѣнкѣ. Слѣды этого вліянія мы видимъ какъ въ нѣкоторомъ преувеличенномъ представленіи о полнотѣ могуществѣ *trade-union*'истовъ, такъ и въ отношеніи проф. Магайта къ послѣднимъ, болѣе радикальнымъ теченіямъ среди молодой части *trade-union*'истовъ. Едва ли, наприм., справедливо, что „рабочіе союзы привели Англію къ такому социальному положенію, о которомъ конта

*) Напрасно только онъ ограничился Европой; его изслѣдованіе выиграло бы много, если бы онъ не игнорировалъ Соединенныхъ Штатовъ и Австраліи.

гальнымъ странамъ приходится еще только мечтать, — социальному по-
енію, при которомъ существуетъ лишь одна надежда, а не два враж-
ныхъ народа — бѣдные и богатые“ (стр. 125). Такимъ же увлече-
гъ отличается замѣчаніе автора, въ которомъ онъ торжественную
цедуру принятія въ союзъ новаго члена, — процедуру, сохранившуюся
англійскихъ союзахъ отъ стараго времени и не имѣющую смысла те-
ь, объясняетъ происхожденіемъ воспитанія и большею „обществен-
гью“ англичанъ (стр. 113). Вліяніемъ Гоуэля мы склонны объяснять
ѣзкое неодобреніе, съ которымъ Магаймъ относится къ стремле-
тъ trade-union'истовъ (къ ихъ, какъ онъ выражается, „мечтаніямъ
ирокіихъ реформахъ“) подвинуть государство на путь социальнаго
онодательства.

Какъ въ главѣ объ англійскихъ рабочихъ союзахъ авторъ поль-
тсѣ почти исключительно трудомъ Гоуэля, такъ точно, обращаясь
другимъ странамъ, проф. Магаймъ выбираетъ себѣ опредѣленнаго
ководителя, которому онъ въ своемъ изложеніи очень близко и слѣ-
ть. Такъ, о бельгійскихъ синдикатахъ онъ намъ рассказываетъ по-
отъ проф. Вендервелда (*Enquête sur les associations professionnel-
d'ouvriers et d'artisans en Belgique*. Bruxelles, 1891), о француз-
ихъ — по сочиненію проф. Лексиса (*Gewerbvereine und Unternehmer-
bände in Frankreich*. Leipzig, 1879), о нѣмецкихъ и объ австрій-
ихъ — по статьямъ Шмеле и Геркнера, помѣщеннымъ въ *Handwör-
buch der Staatswissenschaften* и, наконецъ, о швейцарскихъ союзахъ
книгъ Бехтле (*Gewerkvereine in der Schweiz*. Jena, 1887). Этотъ
лнѣ компилятивный характеръ послѣднихъ главъ разбираемаго со-
зенія нисколько ни мѣшаетъ имъ, однако, быть очень интересными,
стоятельными и поучительными. Нельзя не сознаться, что авторъ
блалъ вполне удачный выборъ руководителей и потому, если бы не
которая сухость, замѣчаемая мѣстами въ его изложеніи, мы ничего
имѣли бы возразить противъ такого способа пользованія матеріа-
лѣ въ книгѣ, не претендующей на оригинальность. Опираясь на
ѣствительно лучшіе труды о синдикальномъ движеніи въ каждой изъ
ропейскихъ странъ, проф. Магаймъ гарантировалъ себя этимъ отъ
упныхъ ошибокъ и недоразумѣній. За то, когда по извѣстному во-
осу излагаемая имъ книга не давала почему-нибудь нужныхъ свѣдѣ-
і, нашъ авторъ не всегда оказывался на высотѣ своей задачи. При-
ромъ этого можетъ служить его черезъ-чуръ благосклонная оцѣнка
даннаго въ 1884 г., слѣдовательно, уже послѣ вышеупомянутаго
чиненія Лексиса, французскаго закона о синдикатахъ *). Законъ
отъ ставить рабочимъ довольно неудобное условіе, требуя, чтобы
и сообщали въ мѣри имена всѣхъ лицъ, составляющихъ администра-
о союза, равно какъ и протоколы всѣхъ своихъ засѣданій; сообщать
о администраціи для рабочихъ все равно, что рассказывать о своихъ
лахъ фабрикантамъ-хозяевамъ: между экономическою и политическою
астью во Франціи, какъ это они знаютъ по опыту, секретовъ не
ваетъ... Вотъ почему рабочіе съ самаго начала становятся въ оппо-

*) Еще болѣе восторженную и еще менѣ основательную оцѣнку мы встрѣчаемъ
русской литературѣ въ статьѣ г. М-кинцева, напечатанной въ *Русскомъ Бо-
истѣ* 1893 г., № 7: „Лучшую организацію, — читаемъ мы здѣсь (стр. 37), — болѣе
зностороннюю и гибкую, болѣе отзывчивую на живые вопросы и всякія начи-
ніа (чѣмъ ту, которая создана закономъ 1884 г.), — едва ли можно себѣ предста-
ть...“ Остается лишь удивляться неблагонадежности рабочихъ, которые въ теченіе
лѣтъ такъ настойчиво отказывались пользоваться „благодѣяніями“ новаго закона.

зицію закону, до послѣдняго времени, до закрытія биржи труда въ министерство Дюшан, остававшемуся безъ примѣненія.

Заканчивая этимъ нашу замѣтку о книгѣ Магайма, мы не можемъ не повторить здѣсь снова, что обстоятельство составляетъ ее большое достоинство и что нѣкоторые болѣе или менѣе второстепенные недостатки не должны намъ препятствовать признать книгу въ общемъ чрезвычайно полезной для ближайшаго ознакомленія съ западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ.

Артель въ кустарномъ промыслѣ. В. В. Спб., 1895 г. Передъ нами небольшая книжка, сжато изложенная. Авторъ исчерпываетъ въ ней весь литературный матеріалъ интересующаго его вопроса. Правда уже въ предисловіи г. В. В. жалуется на скудость фактически данныхъ относительно примѣненія артельного начала въ кустарномъ промыслѣ. Весь относящійся сюда матеріалъ носить въ специальныхъ изслѣдованіяхъ чисто-случайный характеръ и отличается большою неопредѣленностью: видимо наши изслѣдователи народной жизни не ставили себѣ совершенно ясно вопроса объ артельномъ началѣ въ кустарномъ промыслѣ, а касались его лишь попутно и мимоходомъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что автора разсматриваемой книги занимала только, такъ артельная организація, которая представляетъ явленіе бытовое, выросшее стихійно и подчиненное регулированію того, что называется обычнымъ правомъ; поэтому вся область, такъ сказать, „официальной“ артели (въ утвержденномъ уставомъ) оставлена имъ не затронутой. Кромя того, онъ не занимается также разработкою данныхъ объ артели, имѣющей задачи оказанія услугъ, и на страницахъ разсматриваемой книги мы встрѣчаемся лишь съ сотрудничествомъ, направленнымъ на переработку вещественнаго матеріала. Понятно, что такого рода организація, часто ничѣмъ не закрѣпленная, отличающаяся самымъ разнообразнымъ характеромъ и полною неопредѣленностью, рѣдко бросались въ глаза изслѣдователямъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ собираетъ очень цѣнный матеріалъ группируетъ его съ большимъ искусствомъ и всѣ свои обобщенія даетъ возможность провѣрить на большомъ количествѣ фактовъ. Трудъ ее распадается на четыре части: въ двухъ первыхъ мы имѣемъ дѣло съ артельнымъ началомъ, проявляющимся въ совмѣстномъ достиженіи и бочныхъ самому производству цѣлей: закупки сырья, прискаканія рынка для сбыта, общаго пользованія мастерскими и другими приспособленіями. Третья и четвертая части посвящены собственно рабочимъ артелямъ, имѣющимъ далеко не одинаковый характеръ въ мѣстныхъ промыслахъ и въ отхожихъ. Главнѣйшія положенія г. В. В., основанныя на группировкѣ фактическаго матеріала, сводятся къ слѣдующимъ. Весьма обычною и повсемѣстно распространенною единицей въ мелкомъ самостоятельномъ производствѣ является семейная ассоціація. Дальше кооперація, выходя за предѣлы ближайшей семьи и представляющая самостоятельную выгоду съ точки зрѣнія экономіи производства, поддерживается и укрѣпляется болѣе отдаленными родственными связями. Если выполнение работы превышаетъ физическія силы семьи, то слѣдней приходится или отступить вовсе передъ капиталистическою формою труда, или же прибѣгнуть къ временному сотрудничеству въ видѣ „помочи“. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ постоянное обращеніе семейныхъ ассоціацій другъ къ другу за помощью, которая принимается, такимъ образомъ, характеръ взаимопомощи. Однако, кромя самой работы, цѣлый рядъ попутныхъ операцій (прискаканіе кредита, закупка матеріала, обезпеченіе рынка и т. д.) влечетъ иногда кустар-

Формѣ сотрудничества и тутъ уже родственная организація уступаетъ мѣсто артельному началу въ собственномъ смыслѣ. Хотя факты вмѣстной закупки матеріала встрѣчаются нерѣдко, тѣмъ не менѣе, о явленіе нельзя считать очень распространеннымъ. Еще рѣже подаются случаи коопераціи въ дѣлахъ болѣе выгоднаго сбыта, такъ какъ почти всегда бѣднѣйшая часть кустарей вынуждена реализовать свой трудъ немедленно, хотя и получая при этомъ ничтожную плату отъ скупщика. Далѣе артельное начало сказывается въ устройствѣ нѣсколькими производителями общихъ мастерскихъ, если работакова, что у себя въ избѣ кустарь не можетъ успѣшно вести дѣло. Обыкія общія мастерскія весьма обыкновенны въ производствахъ, требующихъ, кромѣ отдѣльнаго отъ семьи помещенія, еще какихъ-нибудь техническихъ приспособленій. Переходя къ артельной организаціи собственно самаго труда, надо сказать, что всего чаще приходится встрѣчаться съ нею въ *добывающей* промышленности: силы отдѣльныхъ цехъ совершенно недостаточны для производства тяжелыхъ работъ, иѣющихъ мѣсто въ этой области. Поэтому-то въ каменоломняхъ, при добычѣ глины, чугунной руды, даже въ поискахъ за каменнымъ углемъ (Донецкая область) и золотомъ (на Уралѣ) мы очень часто видимъ артели кустарей. Напротивъ, въ мѣстной *обрабатывающей* промышленности, гдѣ типичною производительною единицею является семейная ассоціація, соединеніе для работы постороннихъ другъ другу встрѣчается какъ исключеніе. Что касается отхожихъ промысловъ, то здѣсь чаще всего артельное начало проявляется въ различныхъ подраздѣленіяхъ строительнаго дѣла; однако, въ этой области вязующимъ элементомъ является вообще необходимость вести дѣло народомъ, такъ что строительныя артели могутъ существовать и на мѣстахъ. Иначе дѣло поставлено въ отхожихъ промыслахъ, гдѣ при работѣ дома наиболѣе распространена семейная ассоціація: тамъ принципъ объединенія постороннихъ другъ другу кустарей надо считать менно чуждыя имъ условія работы, жизни и рынка. Этимъ краткимъ пересказомъ содержанія разбираемой книги далеко не исчерпывается обранный авторомъ ея матеріалъ: характеръ группируемыхъ г. В. В. фактовъ мало поддается обобщенію; при этомъ часто все дѣло въ подробностяхъ, въ томъ, какъ реализуется стремленіе къ коопераціи въ каждомъ частномъ случаѣ. И надо отдать справедливость г. В. В.: онъ старается проникнуть именно въ суть каждой кооперативной формы, обнаружить проявленіе ея во всѣхъ подробностяхъ и потому не жупится на сообщеніе тѣхъ „обстоятельствъ дѣла“, на которыя есть указанія въ разсматриваемыхъ имъ матеріалахъ. Благодаря этому, въ книгѣ попадаются иногда живыя описанія не только артельной организаціи, но и самыхъ условій производства. Такимъ образомъ, авторъ развѣртываетъ, на примѣръ, передъ нами удручающую картину добычи кустарями камня и каменнаго угля, со всѣми ужасными подробностями этого труда, по справедливости именуемаго народомъ „кагоржнимъ“.

Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи. С. Ф. Руднева. Эта брошюра, отгискъ изъ *Сборника Саратовскаго Земства*, подвергнувъ обстоятельной критикѣ данныя земской статистики о промыслахъ, вводитъ всѣ общія цифровыя свѣдѣнія по этому вопросу въ поуѣздныя и погубернскія таблички. Уже на основаніи этихъ общихъ цифровыхъ данныхъ г. Рудневъ дѣлаетъ небезынтересные выводы о значеніи промысловъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ различныхъ мѣстностей

Россіи, а въ послѣдующихъ очеркахъ онъ обѣщалъ войти въ нѣкоторыя подробности, что, конечно, представить еще большій интересъ, придавъ необходимую полноту и законченность этой серьезной социальной работѣ.

Подвергая строгой критикѣ цифровой матеріалъ земско-статистическихъ изслѣдованій, пытающихся учесть промысловыя занятія крестьянъ, авторъ отмѣчаетъ, что даже нѣкоторые изъ мѣстныхъ изслѣдователей считали это сложное явленіе народной жизни плохо поддающимся цифровому учету, а собранныя ими данныя довольно шаткими и вообще несравнимыми по разнымъ губерніямъ. И дѣйствительно, вслѣдствіе особенностей быта отдѣльныхъ мѣстностей Россіи, благодаря еще не установленной, все развивающейся программѣ земско-статистическихъ изслѣдованій по вопросу о промыслахъ, заключающіяся въ статистическихъ сборникахъ разнообразныя цифровыя данныя трудно укладываются въ однородныя рубрики сравнительной поузъездной таблицы. Авторъ считаетъ наиболѣе существеннымъ недочетомъ земско-статистическихъ публикацій по промысламъ отсутствіе подраздѣленій промышленниковъ по времени, какое они посвящаютъ промыслу, но и этотъ недостатокъ уже устраненъ въ послѣднихъ публикаціяхъ статистиковъ вятскаго земства. За то земскія подворныя переписи являются незаменимымъ источникомъ по полнотѣ количественнаго учета промышленниковъ, такъ какъ, имѣя передъ собой всѣ данныя объ экономическомъ положеніи хозяйства, изслѣдователь ясно видитъ, должно ли оно выдѣляться для промысла кого-либо изъ своихъ членовъ, или можетъ жить однимъ земледѣльческимъ трудомъ на своей или арендованной землѣ. Въ результатѣ оказывается, что данныя земскихъ сплошныхъ подворныхъ переписей даютъ болѣе полный количественный учетъ промышленниковъ, чѣмъ даже специально промысловыя анкеты и что эти данныя даже не такъ несравнимы, какъ кажется, не углубляясь въ подробное изученіе предмета.

Авторъ пользуется земско-статистическими данными о промыслахъ по 148 уѣздамъ (въ 19 губерніяхъ), имѣющимъ болѣе чѣмъ 21 $\frac{1}{2}$ жителей обоаго пола, что составляетъ около $\frac{2}{10}$ всего населенія 50 губерній Европейской Россіи. Во всѣхъ 148 уѣздахъ лица, занимающіяся промыслами, составляютъ 55% общаго числа мужчинъ рабочаго возраста, но въ южныхъ губерніяхъ (Херсонской, Таврической) этотъ процентъ равенъ 20, а въ сѣверныхъ (Московской, Петербургской, Смоленской) выше 80. Вообще, просматривая рядъ губерній, легко убѣдиться, что цифровыя данныя о промыслахъ даютъ довольно вѣрную картину промысловыхъ занятій крестьянъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Оказывается, что въ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ болѣе $\frac{2}{3}$ крестьянскаго населенія не могутъ пропитаться отъ хозяйства на собственныхъ и арендныхъ земляхъ, въ сѣверныхъ и средне-черноземныхъ губерніяхъ $\frac{1}{2}$ населенія кормится отъ заработковъ внѣ своего земельного хозяйства, въ юго-восточной окраинѣ Россіи—только $\frac{1}{3}$, а въ южныхъ степяхъ—лишь $\frac{1}{2}$.

Подраздѣленіе промышленниковъ по виду ихъ промысла оказалось возможнымъ дать лишь по 97 уѣздамъ, и въ настоящей статьѣ авторъ выдѣляетъ только четыре крупныя группы: 1) сельско-хозяйственныя рабочіе—батраки, поденщики, пастухи и т. п.; 2) кустари и ремесленники—главнымъ образомъ, плотники, портные, кузнецы; 3) фабричныя и заводскія рабочіе и 4) остальные промысловыя рабочіе. Оказывается, что въ южной земледѣльческой части Россіи крестьяне занимаютъ

преимущественно сельско-хозяйственными заработками, въ сѣверныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ крестьяне работаютъ больше по найму въ городахъ, въ лѣсахъ и на сплавныхъ рѣкахъ, а Московская губ. имеетъ значительное количество фабричныхъ рабочихъ. Больше подробное ознакомленіе съ промышленниками каждой изъ отмѣченныхъ четырехъ группъ г. Рудневъ имѣетъ въ виду дать въ послѣдующихъ своихъ статьяхъ; но уже и въ настоящемъ очеркѣ внимательная критика матеріала позволила г. Рудневу составить подробную таблицу по 97 уѣздамъ, съ указаніемъ по каждому изъ нихъ числа лицъ, занимающихся промыслами четырехъ отмѣченныхъ категорій. Едва ли надо прибавлять, что эта таблица, кромѣ своего прямого назначенія, помогаетъ уясненію хозяйственной фizioноміи cadaго уѣзда. Слѣдовало бы и по остальнымъ 50 уѣздамъ дать хотя бы общее число лицъ, занимающихся промыслами, съ отмѣткой противъ каждой численности населенія, что, очевидно, авторъ могъ бы сдѣлать.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы основательная (судя по началу) работа г. Руднева появилась отдѣльнымъ изданіемъ; въ предисловіи въ этому изданію авторъ не долженъ скупиться на подробныя объясненія тѣхъ приѣмовъ критики матеріала, которые дали ему возможность олучить изъ сборниковъ по земской статистикѣ разныхъ губерній такія сравнимыя цифры промышленниковъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О вліяніи лѣсовъ на климатъ Швеціи. Д-ра Хамберга. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ, и о мѣрахъ ихъ истребленія“. К. Э. Линдемана. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ лѣвнымъ зернамъ и мукамъ въ амбарахъ“. К. Э. Линдемана. — „Краткое описаніе жизни непарнаго шелкопряда и мѣры борьбы съ нимъ“. К. Е. Шатерникова. — „Для чего устроенъ клинскій земскій опытный участокъ и то на немъ дѣлается“. Н. В. Соболева. — „Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе“. Н. Ф. Сумцова. — „Сельско-хозяйственныя страхованія“. Alfred'a Thomer'a.

О вліяніи лѣсовъ на климатъ Швеціи. Исслѣдованіе д-ра Хамберга. Перев. съ французск. Н. Дубровской, подъ редакціей Д. Квитка. Полтава, 1894 г. Цѣна 1 руб. Книга *Неурожай и народное хозяйство* (1892 г.), обратившая на себя особое вниманіе благодарнаго административному положенію автора, рекомендуетъ, между прочимъ (стр. 57), грандіозную работу облѣсенія прикаспійскихъ степей, какъ коренную мѣру для измѣненія климата юго-восточной Россіи. При лѣсномъ департаментѣ дѣйствуетъ уже (подъ руководствомъ В. В. Докучаева) особая экспедиція, къ задачамъ которой принадлежатъ обширныя лѣсонасажденія въ степяхъ. Сгруппированные Хамбергомъ шведскіе матеріалы подвергаютъ сомнѣнію укоренившееся убѣжденіе въ значеніи лѣсовъ для увлажненія климата. За болотами Хамбергъ согласенъ признавать увлажняющее дѣйствіе, но для лѣсовъ онъ считаетъ такое дѣйствіе крайне слабымъ или ничтожнымъ. Наблюденія на шведскихъ метеорологическихъ лѣсныхъ станціяхъ относятся, однако, только къ пяти годамъ. Во всякомъ случаѣ, организація станцій (парами) и полученные выводы заслуживаютъ вниманія и русскихъ ученыхъ, и русскихъ хозяевъ, и при слабой связи русской агрономической литературы со шведскою слѣдуетъ поблагодарить какъ Д. К. Квитка, выбравшаго книгу и снабдившаго переводъ интереснымъ предисловіемъ, такъ и Н. В. Дубровскую, хорошо исполнившую самый переводъ (хотя и не съ подлинника); жаль только, что къ переводу не приложено

разъясненія о томъ, продолжаются ли крайне интересныя наблюденія въ Швеции послѣ 1886 года, и если продолжаются, то къ какимъ видамъ приводить. Цѣна книги (въ 15 печатныхъ листовъ) можетъ считаться весьма умѣренной.

О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ, и о гнѣрахъ ихъ истребленія. К. Э. Линдемана. Изд. К. И. Тихомиров. Москва, 1894 г. Цѣна 35 коп. Борьба съ насѣкомыми, повреждающими огороды, является для земледѣльца болѣе благодарнымъ дѣломъ, чѣмъ истребленіе живыхъ враговъ полевой культуры, но и здѣсь успешная борьба немислима безъ ознакомленія съ образомъ жизни вредящихъ насѣкомыхъ. Такому ознакомленію поможетъ новая книжка проф. К. Э. Линдемана. Подобно другимъ произведеніямъ энергичнаго энтомолога, книжка эта богата личными самостоятельными наблюденіями автора; кромѣ того, какъ отличіе отъ многихъ однородныхъ описаній, даваемыхъ въ специальной литературѣ, слѣдуетъ отмѣтить параллельныя указанія на отношеніе отдѣльныхъ истребителей огорода къ полевымъ растеніямъ. Враги огородной культуры распределены по 10 группамъ, соответственно различнымъ культурамъ (капуста, бобовыя, лукъ, мятличная, подсолнечникъ, картофель, свекла, хмѣль, кукуруза, бахчи). Въ книжкѣ 30 рисунковъ, относящихся къ изображенію какъ насѣкомыхъ, такъ и причиняемыхъ ими поврежденій.

О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мугъ въ амбарахъ. К. Э. Линдемана. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1894 г. Цѣна 10 коп. Эта брошюра представляетъ специальный интерес для лицъ, близко стоящихъ къ продовольственному дѣлу. Натуральныя хлѣбныя запасы, оказавшіеся по многимъ мѣстамъ въ столь плачевномъ состояніи въ грозный 1891 годъ, для исправнаго содержанія нуждаются въ тщательной охранѣ противъ живыхъ враговъ. Изъ враговъ хлѣбнаго зерна описаны въ брошюрѣ долгоносики амбарный и рисовый, моль зерновая и ячменная и кожедѣ; изъ враговъ муки — моль, мавританскій жукъ, мучной жукъ и мучной клещъ; важнѣйшіе непріатели представлены на полиптикахъ.

Краткое описаніе жизни непарнаго шелкопряда и мѣры борьбы съ нимъ. Сост. моск. губ. зем. агрономъ М. Е. Шатерниковъ. М., 1894 г. Въ 1894 г. непарный шелкопрядъ произвелъ колоссальныя опустошенія на русскихъ деревняхъ на громадной площади, растянувшейся отъ Москвы до Одессы. Можно опасаться новаго появленія гусеницъ съ весны 1895 года. Для садовъ и парковъ шелкопрядъ вредяще, чѣмъ для лѣсовъ. Маленькая брошюра М. Е. Шатерникова въ сжатомъ, простомъ изложеніи хорошо знакомитъ съ характеромъ и вреденій, причиняемыхъ непарнымъ шелкопрядомъ, и съ исполненіемъ двухъ важнѣйшихъ предохранительныхъ мѣръ: собираемъ яицъ и наложеніемъ клеевыхъ колецъ.

Для чего устроенъ клинскій земскій опытный участокъ и что на немъ дѣлается. Составилъ Н. В. Соболевъ. М., 1895 г. Д. 2 к. Бывшій агрономъ клинскаго земства, нынѣ перешедшій на службу въ тульское губернское земство, Н. В. Соболевъ, покидая устроенный имъ въ 1891 г. опытный участокъ, составилъ краткое описаніе этого участка съ указаніемъ на задачи земскихъ опытовъ. На участкѣ введены три сѣвооборота: трехпольный, четырехпольный съ однимъ клеверомъ и восьмипольный съ двумя клеверами. На трехполья вставляются и демонстрируются сорта хлѣбовъ, разные способы обработки, посѣвъ очищенными сѣменами, удобреніе фосфоритомъ и золою и

льтура однолѣтнихъ кормовыхъ. Очистка и отборка зерна вознагражились прекрасными результатами (овесъ далъ увеличеніе урожая на 1 пуд., ячмень на 16 п. съ десятины). Большого вниманія заслуживаютъ сопровождаемыя рисунками указанія на улучшенія въ изготовленіи дешевыхъ бромей и скоропашекъ. Картофель по золѣ далъ пристоить урожай въ 1 мѣру на 2 пуда золы. Четырехполье съ восьмитинымъ чередованіемъ заведено по примѣру конищевского сѣвооборота (Романовскаго уѣзда, Ярославской губ.), гдѣ крестьянское травояніе устроилось еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Весьма содержательная и очень просто написанная брошюра Н. В. Оболева найдетъ хорошее распространеніе среди грамотныхъ крестьянъ, чему поможетъ и совершенно общедоступная цѣна (дѣтъ коп.).

Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе. Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1894 г. Цѣна 1½ к. На ряду съ полезною книгой Керна, гдѣ можно найти обстоятельныя указанія относительно борьбы съ оврагами, не лишена нѣкотораго значенія и маленькая брошюра г. Сумцова, которая можетъ во всякомъ случаѣ натолкнуть вниманіе деревенскаго читателя на овражный вопросъ, имѣющій серьезное значеніе для черноземной Россіи. Здѣсь вкратцѣ описаны устройство ивовыхъ фашинныхъ запрудъ и способы пользованія закрѣпленными оврагами. Брошюра издана харьковскимъ обществомъ распространенія въ народѣ грамотности.

Сельско-хозяйственныя страхованія. Alfred'a Thomereau. Спб., 94 г. Брошюра Томеро, изданная въ русскомъ переводѣ редакціею журнала *Страховое Обозрѣніе*, знакомитъ съ настоящимъ положеніемъ сельско-хозяйственныхъ страхованій во Франціи. Французская официальная статистика располагаетъ уже обширнымъ матеріаломъ для численія вѣроятности градобитій, скотскихъ падежей, вымерзанія и топленія посѣвовъ; но и во Франціи практически развилось только страхованіе отъ града, да и оно еще не можетъ считаться удовлетворительно поставленнымъ. Въ 1893 г. при французской палатѣ депутатовъ дѣйствовала специальная коммиссія, которая, между прочимъ, придала во вниманіе и русскія работы неумоимаго Л. І. Грасса. Въ приложеніи напечатанъ переводъ статьи о главной кассѣ сельско-хозяйственныхъ страхованій (изъ *Journal des Economistes*), гдѣ авторъ возстааетъ противъ „опаснаго пути правительственнаго вмѣшательства“ въ страховое дѣло и ссылается на неудачные опыты „государственнаго социализма“ при Наполеонѣ III. Многія мѣста брошюры и приложенія представляють спеціальныи интересъ только для Франціи, но, въ виду чрезвычайной бѣдности русской литературы по страхованію, приходится признать небезполезнымъ появленіе этого перевода, изъ котораго, все-таки, можно почерпнуть представленіе о постановкѣ вопросовъ въ области сельско-хозяйственныхъ страхованій.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Основанія электротехники. А. П. Постникова. — „Свѣтотопированіе“. Н. Р. Казанскаго. — „Практическое руководство въ примѣненію электричества въ промышленности“. Е. Кадіа и Л. Дюбоста.

Основанія электротехники. (Въ элементарномъ изложеніи). Часть III. Динамомашинныя переменнаго тока и многофазныя. Трансформаторы. А. П. Постникова. Ц. 1 р. 25 к. М., 1894 г. Эта небольшая

книжка, заключающая въ себѣ всего 115 страницъ, даетъ всѣ основныя понятія о динамомашинахъ, трансформаторахъ и аккумуляторахъ. Авторъ сообщаетъ только теоретическія основы и почти не касается подробностей устройства самыхъ машинъ. Научныя основанія разлагаются строго, ясно, послѣдовательно. Въ то же самое время, изложеніе отличается краткостью, благодаря чему все существенное выступаетъ очень рельефно и легко усваивается. Въ концѣ книжки указаны солидные источники, которыми пользовался авторъ. Изъ массы электротехническихъ сочиненій трудъ г. Постникова рѣзко выдѣляется своею оригинальною фізіономіей.

Въ небольшомъ объемѣ, ясно, толково онъ разбираетъ научныя основы современной электротехники и, такимъ образомъ, даетъ практикамъ возможность ознакомиться съ теоретическою стороною дѣла, что до сихъ поръ, за неимѣніемъ подходящихъ (достаточно краткихъ и популярныхъ) руководствъ, было сопряжено съ большими затрудненіями.

Свѣтокопированіе. Практическое руководство для разнороднаго чертёжя, плановъ и т. д. посредствомъ свѣта. Обработано по иностраннымъ источникамъ Н. Р. Каминскимъ, ассистентомъ В. Классена, фотографа двора Его Императорскаго Величества и Императорской академіи наукъ. Съ 7 рисунками. Изданъ Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1894 г. Цѣна 1 р. Примѣненіе фотографіи къ потребностямъ практической жизни составляетъ весьма важный элементъ въ исторіи ея развитія. Теперь предложено получать помощью свѣта быстро и дешево самыя точныя копии съ чертёжя, плановъ, рукописей и т. п. Здѣсь уже нѣтъ надобности, какъ при ручномъ копированіи, провѣрять каждую копию отдѣльно, — свѣтъ воспроизводитъ рисунокъ вполне аккуратно, со всѣми мельчайшими подробностями. Это весьма важное преимущество новаго способа дѣлаетъ его въ особенности пригоднымъ для архитекторовъ, техниковъ, строителей и всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда требуется сразу получить большое число копій. Въ небольшой книжкѣ авторъ собралъ много разныхъ способовъ свѣтокопированія, съ солями желѣза, хрома, марганца, урана, серебра и съ діазосоединеніями. Суть дѣла изложена обстоятельно. Въ текстѣ встрѣчаются полезныя практическія указанія и вообще книжка представляетъ большой интересъ для специалистовъ.

Практическое руководство къ примѣненію электричества въ промышленности. Единицы и измѣренія. Источники электричества. Электрическое освѣщеніе. Электрическая передача работъ. Гальванопластика и электрометаллургія. Телефонія. Составилъ Е. Кадіа и Л. Дюбость. Переведъ съ 4 изданія К. де-Шарьера. Русское изданіе 3-е. Съ 257 чертежами въ текстѣ. Изданъ К. Л. Риккера. Спб., 1894 г. Ц. 5 р. Новое изданіе мало чѣмъ отличается отъ предыдущихъ. Кое-что въ немъ совсѣмъ выкинуто, опущены нѣкоторыя несущественныя детали и по возможности сокращено описаніе приборовъ, машинъ и установокъ, но за то многое дополнено по отношенію къ центральнымъ станціямъ. Взаимно опущеннаго приведены новыя данныя и практическія указанія. Въ 3-мъ изданіи опущены всѣ важнѣйшія открытія и изобрѣтенія въ области электрометаллургии, сдѣланныя за послѣднее время во Франціи и другихъ странахъ. Въ технической литературѣ мало сочиненій, которыя бы имѣли такъ выдающійся успѣхъ, какъ трудъ Кадіа и Дюбоста. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ книга появляется третьимъ изданіемъ, — явленіе у насъ довольно рѣдкое.

МЕДИЦИНА.

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГІИ, Проф. В. В. Подвысоцкаго. — „Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1895 г.“. В. К. Анрепа и Н. А. Вороникина. — „Санитарное положеніе Тверской губ.“. М. С. Угарова.

Основы общей патологіи. Проф. В. В. Подвысоцкаго. Т. 1 и 2. Изд. Риккера. Спб., 1894 г. Цѣна 8 р. Т. 1, изд. 2-е. Настоящее даніе 1-го тома значительно дополнено противъ перваго, что вызвано, главнымъ образомъ, успѣхомъ науки, быстро идущей впередъ. Если считать учебника проф. Пашутина, пока еще, къ сожалѣнію, не законченнаго, то настоящій трудъ проф. Подвысоцкаго является первымъ русскимъ трудомъ, представляющимъ систематическое руководство по общей патологіи; послѣдняя въ ряду медицинскихъ наукъ занимаетъ весьма важное мѣсто; не знать ея—значить не умѣть правильно, философски мыслить въ медицинскомъ смыслѣ, не умѣть обобщать фактовъ, видѣть взаимную связь между ними, оцѣнить относительное достоинство каждаго изъ нихъ. Въ виду этого, къ сочиненіямъ въ этой области, въ особенности къ руководству, должны предъявляться весьма серьезныя требованія; авторъ, прежде всего, долженъ владѣть широтой горизонта, глубокою эрудиціей, памятью, удерживающей въ себѣ массу малѣйшихъ деталей, подчасъ весьма важныхъ, и одною объективностью. Настоящій трудъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Предлагая вниманію читателя известную группу фактовъ, авторъ совершенно объективно относится къ нимъ, обобщаетъ ихъ, тотъ или другой выводъ является уже естественнымъ слѣдствіемъ, возникая уже самъ собою въ умѣ читателя; въ этомъ громадное достоинство руководства. Содержаніе захватываетъ почти всѣ болѣзненные процессы, за весьма небольшими исключениями; профессоръ обѣщаетъ пополнить эти пробѣлы изданіемъ особаго приложенія. Въ концѣ каждой главы приведена для желающихъ болѣе детально ознакомиться съ предметомъ подробнѣйшая литература. Въ концѣ второго тома, между прочими приложеніями, имѣется статья проф. Мечникова: *О естественной и приобретенной неосприимчивости къ болѣзнямъ*. Оба тома снабжены алфавитными указателями. Изложеніе иллюстрируется прекрасно исполненными рисунками, большинство которыхъ сдѣланы самимъ авторомъ. Внѣшняя сторона изданія безупречна.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1895 г. Подъ редакціей В. К. Анрепа и Н. А. Вороникина. 3 ч. Цѣна 2 руб. Первая часть *Календаря* заключаетъ въ себѣ общія календарныя свѣдѣнія и повторяетъ собою первую же часть изданія 1894 г. безъ всякихъ перемѣнъ; вторая содержитъ краткій обзоръ успѣховъ гигиѣны, хирургіи, невропатологіи, офтальмологіи, клиники внутреннихъ болѣзней, гинекологіи, обзоръ новыхъ рецептовъ и средствъ и новыя законоположенія по медицинской части. Цѣль этихъ обзоровъ—на нѣсколькихъ страницахъ, въ краткомъ, возможно сжатомъ, но толковомъ изложеніи передать наиболѣе существенное въ данной отрасли медицины; изложеніе личныхъ взглядовъ, личныхъ наблюдений обозрѣвателя едва ли можетъ имѣть мѣсто при такихъ календарныхъ обзорахъ, тѣмъ болѣе пристрастное отношеніе къ нѣкоторымъ работамъ, хотя бы и своимъ собственнымъ; все это очень рѣзко бросается въ глаза при чтеніи одного изъ обзоровъ, гдѣ двѣ трети страницъ украшены словами: „я“, „мой“. Третью часть составляютъ адресныя свѣдѣнія, гдѣ слѣдуетъ указать на неточность нѣкоторыхъ и устарѣлость другихъ.

Санитарное положеніе Тверской губерніи. М. С. Уварова. Статистика движенія населенія и заболѣваемости. Изданіе тверской губернской земской управы. Тверь, 1894 г. Въ январьской книжкѣ *Русской Мысли* во *Внутреннемъ обзорѣ* было указано на заслугу земской статистики: блестящимъ доказательствомъ сказаннаго такъ служить настоящая работа г. Уварова. Громадный статистическій матеріалъ удачно сгруппированъ, прекрасно разработанъ и освѣщенъ съ научнымъ безпристрастіемъ. Изложивъ статистику движенія населенія, рождаемость, смертность и заболѣваемость его, авторъ заключаетъ книгу общими выводами. Мертвыя цифры оживаютъ, получаютъ дѣрзкіи краснорѣчивой, убѣдительной. Такъ, при сравненіи смертности по десятилѣтіямъ за время отъ 40-хъ до 90-хъ гг., получается выводъ весьма интересный: рождаемость въ селахъ повысилась, а смертность понизилась, въ городахъ же—наоборотъ. Причину этого явленія авторъ видитъ въ реформахъ царствованія Александра II, коснувшихся, главнымъ образомъ, деревень и служащихъ „причиной повышенія благополучія населенія“. Однако, говорятъ далѣе цифры, это не такъ благополучіе, какъ кажется съ перваго взгляда: смертность мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, 18—60 лѣтъ, достигаетъ очень большой цифры; „фактъ этотъ ужасенъ по своему значенію, —воскликаетъ авторъ, — онъ представляетъ громадную важность“, „жизнь этихъ людей требуетъ безотложнаго изслѣдованія, и если бы земство и государство могли путемъ развитія мѣстныхъ промысловъ, правильной организаціи быта, облегченія мелкаго кредита“ и т. д. понизить смертность, „то это была бы большая побѣда уже по одному тому, что она отдаляла бы возможную въ будущемъ катастрофу“. Такъ что прогрессивное увеличеніе „общей суммы благополучія“ повело къ тому, что въ населеніи накопилось много стариковъ и женщинъ и, такимъ образомъ, „на плечи рабочаго возраста ложится все болѣе и болѣе тяжелое бремя“; это компенсируется затѣмъ отчасти увеличеніемъ вдвое числа „уходящихъ на заработки женщинъ“. „Чѣмъ чревато будущее? — спрашиваетъ авторъ. — Выдержитъ ли населеніе борьбу съ отягчившимися условіями тѣми же своими біологическими силами?...“ „Предсказать трудно, въ несомнѣнно, что ему слѣдуетъ помочь“...

У Ч Е Б Н И К И.

„Курсъ начальной географіи“. Изв. Пантюхова. — „Настольная книга для учащихся“. В. Лезовскаго.

Курсъ начальной географіи. Родиновѣдѣніе. Черниговская губернія и Кролевецкій уѣздъ. Съ картой губерніи и картой уѣзда и многими рисунками. Для городскихъ и прочихъ народныхъ училищъ. Составилъ Ив. Пантюховъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 коп. Г. Пантюховъ, убѣжденный собственною многолѣтнею практикой въ трудности преподаванія начальной географіи въ нижней школѣ, задая цѣлью написать примѣрный учебникъ родиновѣдѣнія, которое, по его мнѣнію, и должно составлять начатки географіи въ означенной школѣ. Такимъ образомъ, намѣреніе автора, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было учебниковъ или пособій по названному предмету, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Весь вопросъ только въ томъ, что же именно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „родиновѣдѣніе“?

По мнѣнію г. Пантюхова, курсъ родиновѣдѣнія слѣдуетъ начинать

описанія классной компаты, тутъ же знакомить дѣтей съ странами га и давать понятіе о планѣ и масштабѣ, послѣ чего приниматься черченіе плановъ комнаты, дома, усадьбы, училищнаго околodka, го города и ближайшихъ его окрестностей (*Предисл.*). Все это— шмы, обыкновенно практикующіеся въ низшихъ школахъ, и съ ними бзя не согласиться, потому что съ помощью ихъ ученику несомнѣн- легче усвоить первое понятіе о географической картѣ. Но не по- аемъ, почему далѣе г. Пантюховъ настаиваетъ на необходимости аничить курсъ родиноуѣднія географическимъ описаніемъ губерніи, которой находится школа. Подобный приѣмъ дѣйствительно употреб- а въ нѣкоторыхъ школахъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ гъ желателенъ. Почему-то принято думать, что ребенку нужнѣе и ересиѣ изучать только то, что у него передъ глазами, между тѣмъ, шимъ опроверженіемъ этого можетъ служить тотъ же учебникъ Пантюхова.

Названный учебникъ предназначается, главнымъ образомъ, для уча- а въ народныхъ и городскихъ школахъ Черниговской губерніи и левецкаго уѣзда. Онъ составленъ вполне добросовѣстно и подроб- Въ немъ ученикъ найдетъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, сколько овъ скота въ такомъ-то или другомъ уѣздѣ Черниговской губерніи ; въ такомъ-то селѣ Кролевецкаго уѣзда, онъ узнаетъ, на какой ино верстѣ впадаетъ одна рѣка той же губерніи въ другую, онъ ке узнаетъ, чѣмъ именно занимаются жители различныхъ селъ и де- иень его губерніи; но насколько интересно и нужно ему это знать то время, когда онъ не имѣетъ никакого понятія ни о значеніи къ вообще, ни о значеніи промышленности? Не лучше ли было бы, сто этого, заняться съ классомъ того же возраста болѣе нужными анительными вещами, дать ему возможность усвоить кое-что по аической географіи, что дѣйствительно явится пищей для дѣтскаго а и воображенія и послужитъ матеріаломъ для разнообразныхъ ивеній.

Настольная книжка для учащихся. Справочникъ по русскому аописанію съ ореографическимъ указателемъ; ариеметическія блицы, таблицы русскихъ мѣръ и метрическая система мѣръ. ставилъ В. Леховскій. Для начальныхъ школъ. Вильна, 1894 г. 10 к. Назначая свой справочникъ для начальныхъ школъ, въ чемъ жно убѣдиться по обложкѣ, г. Леховскій ни словомъ не объясняетъ цѣли своей *Настольной книжки*, ни плановъ, ни намѣреній, съ ко- рыми онъ издавалъ ее. Такъ какъ подобныхъ книжекъ существуетъ въ томъ, такъ въ другомъ видѣ очень много, то г. Леховскій, оче- дно, думалъ привлечь вниманіе публики дешевизной своего изданія; ради 10 к., которая оно стоитъ, нельзя, конечно, отнестись равно- шно къ его безграмотности.

По всей справедливости, въ *Настольной книжкѣ* г. Леховскаго олько же своеобразнаго и замысловатаго, сколько неправильнаго и ошибочнаго. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли *примѣчаніе къ таблицѣ мѣръ* (стр. 30), въ которомъ обозначается „ $\frac{1}{2}$ половина; $\frac{1}{4}$ четверть; двѣ трети“ и т. д., не назвать своеобразнымъ, когда встрѣчалась же $\frac{1}{2}$ и та же $\frac{1}{4}$ (стр. 27), но никакихъ примѣчаній при этомъ не мо? Далѣе, всякій согласится, вѣроятно, съ нами, что довольно не- ятно слѣдующее грамматическое правило: „названіе предмета, на- саннаго на бумагѣ, называется его *именемъ*“ (стр. 14). Еще далѣе, Леховскій поучаетъ, будто „имена предметовъ измѣняются по вопро-

самъ" (стр. 15), а по поводу буквы *щ* говорить: „когда передъ означеніемъ *щикъ* и *щина* стоять коренные звуки *з*, *с*, *д* и *т* или *ж*, *з* вмѣсто *щ* пишется *ч*: разносчикъ, переписчикъ, приказчикъ" и проч. (стр. 10). Кромѣ замысловатостей, въ *Настольной книжкѣ* найдено много ошибокъ. Слова „нѣкто“, „нѣчто“ и „нѣтъ“ попадаютъ у г. Круковского въ списокъ коренныхъ словъ съ буквою *ъ* (стр. 9), буква *ъ* пишется, по его мнѣнію, на концѣ только немногихъ словъ (стр. 5), родительный падежъ множественнаго числа слова „бани“ составляетъ себою по *Настольной книжкѣ* исключеніе (стр. 15) и проч.

Все вышеприведенное не можетъ не привести къ заключенію, что разбираемая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ самыхъ, которыя и нужны никому и нигдѣ. Мы могли бы указать еще на странный порядокъ распредѣленія матеріала въ ней, на частую недостаточность, частую излишество этого матеріала, на отвлеченность языка и друг., но справочникъ рѣшительно не стоитъ того, чтобы о немъ распространяться много.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія М. Круковского.—Изданія подъ ред. С. Шарпова.

Изданія М. Круковского. Рождественская ночь. Корна хлѣба. Ц. 1½ к.—Нашель, гдѣ не искаль. Ц. 1½ к.—„Восточные цѣты“. Избр. произведенія славянскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, румынскихъ и греческихъ писателей въ русск. переводѣ. Изданія подъ ред. С. Шарпова (М. Конопницка. Богъ смерти и дасть. Ц. 5 к.—Ея же. Ануся. Ц. 5 к.—В. Новакъ. Василева любовь. Ц. 5 к.—Л. Лазаревичъ. У колодца. Ц. 5 к.). Въ послѣднее время появилось нѣсколько новыхъ издателей народныхъ книгъ. Въ Петербургѣ стали выходить изданія г. Круковского, въ Москвѣ—цѣлыя серия изданій подъ редакціей г. Шарпова. Разумѣется, по двумъ-тремъ книжкамъ еще нельзя судить о фізіономіи издателя, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя черточки, характеризующія взглядъ его на свое дѣло, все же бросаются въ глаза. Мы уже имѣли случай отмѣчать, что въ области народной литературы существуютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія по самымъ основнымъ вопросамъ. Наприм., спорять даже о томъ, собственно ли мужицкій мозгъ понимать и чувствовать тѣ произведенія, которыя написаны для „чистой публики“. Большинство думаетъ, что это дѣло не мужицкаго ума—читать, понимать и чувствовать беллетристику, создаваемую для нервовъ тонкихъ и для натуръ особенныхъ. Большинство думаетъ, что для мужика должно быть все особенное—и беллетристика, и наука, и системы воспитанія, и права и законы. Съ этой стороны область народной литературы можно разсматривать, какъ своего рода микрокосмъ; въ ней, какъ въ каплѣ воды, отражается вселенная, отражается наша общественная жизнь, различныя ея тѣнія, тенденціи различныхъ направленій, инья—проявляющаяся, что называется, „во всю“, наприм., описанная нами въ кн. XI *Русской Мысли* за прошлый годъ книжка о церковно-приходскихъ школахъ, инья—проявляющаяся лишь сдержанно, робко, но, тѣмъ не менѣе, обладающая несомнѣнно могучею жизненною силой, устраниющею всякія сомнѣнія въ томъ, кому именно принадлежитъ будущее... Правда, ученіе мужикѣ, какъ о „черной кости“, приводится и въ толстыхъ журналахъ извѣстнаго лагеря, и въ ученыхъ книжкахъ, даже въ профессор-

гхъ трудахъ. Недавно вышель, напримѣръ, ученый трудъ быв-го профессора Б. Чичерина *Курсъ государственной науки*. За-тники того взгляда, что народу нужна особая беллетристика и гература, несомнѣнно будутъ очень довольны этою книгой, на ко-рую они при случаѣ могутъ сослаться. Правда, почтенный уче-й говорить въ своей книгѣ о способности политической, но гово-тъ такъ, что раздѣленіе рода человѣческаго на черную и бѣлую сть, раздѣленіе по существу, представляется для автора несомнѣнною гвиной. „Политическая способность,—пишетъ Б. Чичеринъ (стр. 40),— ставляетъ продуктъ извѣстныхъ взглядовъ, чувствъ, образованія, щественнаго положенія, которые, передаваясь потомственно, обра-ютъ преданія рода или цѣлага класса людей. Эти преданія состав-ютъ основу всякой аристократіи“. А „жизнь, посвященная чисто-зическому труду, уменьшаетъ способность къ политической жизни, торая требуетъ высшаго умственнаго развитія“. Далѣе доказывается, о „для умственнаго развитія и ближайшаго ознакомленія съ государ-венными вопросами“ подходящий элементъ лишь „зажиточные классы“, бавленные отъ физическаго труда и „привязанные къ порядку, со-авляющему необходимое условіе матеріальнаго благосостоянія“. Есть ругіе авторы, кромѣ г. Чичерина, обосновывающіе раздѣленіе рода че-рвѣческаго на черную и бѣлую кость съ различнѣйшихъ точекъ зрѣ-ія,—біологической, психологической, соціологической и т. д. Только ужикъ, читающій всякую книжку, какая до него дошла или „допу-чена“, знать не хочетъ никакихъ доказательствъ съ біологической, оціологической и политической точекъ зрѣнія, а читаетъ себѣ не олько листовки, а и толстыя книги, какія удалось только достать. Деревенскихъ любителей чтенія дѣлается все больше и больше. Они е только стремятся къ книгѣ,—они ищутъ ее. Пишущему эти стро-и изъ личнаго опыта извѣстно, равно какъ и изъ переписки съ ли-аами, живущими въ деревнѣ, какую осаду приходится иной разъ вы-ерживать владѣльцу книгъ отъ этимъ деревенскихъ грамотѣевъ. „Дай то-нибудь почитать на досугѣ!“—какъ бы совѣстясь, говоритъ де-ювенскій грамотѣй.—„Да, вѣдь, цѣтъ у меня ничего такого, для *тебя подходящаго*“,—отвѣчаетъ деревенскій учитель.—„Да, вѣдь, ювъ у тебя книжки лежатъ, ужь ты дай“.—„Ну, бери самъ, коли кто найдешь по вкусу“. Деревенскій грамотѣй начинаетъ рыться въ снигахъ и беретъ какую-нибудь книжку журнала, гдѣ есть „черточки“ (разговоры). „Никакъ я не думалъ,—пишетъ намъ одинъ деревен-скій житель,—что моему Ивану старый № одного журнала придетъ по вкусу. Далъ я ему прочесть на досугъ рассказъ Салова, а оказалось потомъ, что Иванъ „на досугѣ“ прочесть чуть ли не всю книжку... И больше всего ему понравилась статья г. Абрамова *Хлудовщина*. Ока-валось, что кто-то изъ близкихъ родственниковъ Ивана самъ работалъ на фабрикѣ и успѣлъ уже на своей шеѣ почувствовать, что въ статьѣ Абрамова правды-то очень много.. И понялъ Иванъ и эту правду, и даже въ цифрахъ разобрался, несмотря на то, что и читаль-то онъ на своемъ вѣку немного, и нигдѣ, кромѣ народной школы, не учился. Даже внутреннее обозрѣніе, гдѣ рѣчь шла о надѣлахъ, Иванъ успѣлъ прочесть, и хотя не все, а что до него поближе касается, тоже разобралъ и разсудилъ, что тамъ сказано правильно и что неправильно. Особенно пришло ему по вкусу *Деревенскія будни* Н. Златовратскаго... Толстыя книги, принадлежація деревенскимъ учителямъ, среди крестьянъ чи-таются гораздо больше, чѣмъ это, можетъ быть, кажется съ перваго

взгляда. Взглядъ на читателя изъ народа, какъ на представителя другого вида Homo sapiens, — ничто иное, какъ переживание дореформеннаго строя, поддерживаемое нѣкоторыми другими условиями русской жизни.

Г. Круковский начинаетъ свою издательскую дѣятельность съ передѣлокъ и правоучительныхъ повѣстей. Извѣстный рассказъ Бретъ Гардта *Рождественская ночь* на рынкѣ народныхъ книгъ существуетъ уже въ нѣсколькихъ изданіяхъ, — и въ полномъ, и сокращенномъ, и даже есть стихотворное переложение его. Г. Круковский издалъ тот же рассказъ въ передѣлкѣ С. В. Передѣлка сдѣлана хотя и хорошимъ языкомъ, но, какъ всякая передѣлка, сдѣлана съ большимъ ущербомъ яркости образовъ и вообще художественности ихъ. Врядъ ли можно сомнѣваться, что въ беллетристическихъ книжкахъ для народа и какія передѣлки не желательны, если только онѣ не объясняются мотивами чисто-издательскаго свойства, наприм., съ цѣлью удешевленія большихъ и дорого стоющихъ книгъ и облегченія ихъ доступа въ массѣ. Авторы и издатели народныхъ книгъ, прежде всего, должны помнить, что главная ихъ задача — повышать читателя до книги, а не книгу понижать до читателя. Выражаясь языкомъ биологич., приспособиться нужно лишь настолько, чтобы можно было приспособлять. Непосредственное изученіе читателя изъ народа показываетъ, что беллетристическія произведенія никакихъ передѣлокъ не требуютъ, и передѣлки ихъ прямо не желательны. Въ этомъ отношеніи первый шагъ г. Круковского на издательскомъ поприщѣ нельзя не признать ошибочнымъ. Въ книжкѣ *Нашель, идѣ не искаль*, рассказывается исторія четвертаго волхва Артабана, который пошелъ изъ своей страны, чтобы поклониться новорожденному Царю. Новорожденнаго онъ такъ и не нашель, но за то во время многолѣтнихъ поисковъ за нимъ сдѣлалъ нѣсколько добрыхъ дѣлъ; въ нихъ-то онъ и обрѣлъ Христа. Книга написана въ искусственномъ и поучительномъ тонѣ, который въ народныхъ изданіяхъ положительно не желателенъ. Если авторъ желаетъ вложить въ книжку поучительную идею, подобно тому, какъ ее вкладываютъ и въ произведенія, написанныя для „чистой публики“, то эта идея должна развиваться не въ поученіяхъ, а въ самомъ дѣйствіи, съ помощью ходъ рассказа, къ тому же, естественно и правдиво, чтобы читатель не чувствовалъ, что идею въ данномъ случаѣ притягиваютъ, такъ сказать, за волосы. Именно это-то и чувствуется въ изданіи г. Круковского. Это весьма жаль. Судя по статьямъ о народной литературѣ, появившимся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, г. Круковский искренне отданъ своему дѣлу. Тѣмъ болѣе онъ долженъ относиться къ своимъ изданіямъ осмотрительнѣе.

Г. Шараловъ, редактирующій изданія, выходящія подъ общимъ заглавіемъ *Восточные цвѣты*, судя по вышедшимъ книжкамъ, смотритъ на свое дѣло вполне правильно. Онъ не предназначаетъ своихъ изданій исключительно для читателей изъ народа и не докучаетъ читателей поученіями и наставленіями. Онъ выбираетъ изъ славянскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, румынскихъ и греческихъ писателей небольшія произведенія, которыя и издаетъ безъ всякихъ передѣлокъ и сокращеній. Что касается смысла общаго заглавія *Восточные цвѣты* и насколько это заглавіе приложимо къ произведеніямъ литературы финской, — и почему западные славяне называются у г. Шаралова восточными, — это тайна автора. Въ общемъ, матеріалъ для изданій подбирается удачно. Рассказъ Маріи Коношницкой *Богъ смерти не данъ*

въ художественномъ, и въ идейномъ отношеніи—настоящій перлъ. Юннѣя этого разсказа—старушка, которая пришла къ дѣтямъ уми-ть, а вмѣсто того живеть да живеть. Дворникъ говоритъ дѣтямъ: « бы видѣ на жительство вашей маменькѣ выправили». — „А сколько стѣбитъ?“ — „За каждыя три мѣсяца по два злотыхъ!“ Старушка раз-даетъ иначе: „На что мнѣ видѣ на жительство, когда я на смерть шла?“ На этой почвѣ разыгрывается цѣлая коллизія, которая, какъ дится, отнюдь не ведетъ къ измѣненію установленныхъ порядковъ въ пзу старушки. Дѣло кончается штрафомъ въ пять съ половиной гуль-овъ, а Богъ, все-таки, смерти не даетъ .. Разсказъ ведется отъ лица рушки. Появленіе этого разсказа въ дешевомъ изданіи нельзя не при-ть весьма цѣннымъ вкладомъ въ народную литературу. Другой раз-къ М. Конопницкой, хотя и не отличающійся столь же глубокимъ со-жаніемъ, какъ предыдущій, представляетъ весьма задушевно-напи-ную картинку изъ жизни униженныхъ и оскорбленныхъ. Весьма уда-выбранъ и разсказъ хорватскаго писателя Венцеслава Новака *Васи-и любовь* и разсказъ сербскаго писателя Лазо Лазаревича *У колодца*. а разсказа изъ деревенской жизни западныхъ славянъ. Содержаніемъ аго разсказа послужила исторія одной деревенской любви, окон-шейся неудачно,—деревенскаго богача Василя къ бѣдной кра-вицѣ Люцѣ; эта послѣдняя выходитъ замужъ за несчастнаго, боль-го Марка изъ жалости, а Василь женится на другой безъ любви. аркъ и Люца умираютъ отъ чахотки; сына ихъ беретъ къ себѣ въ ить и усыновляетъ Василь. Вся эта деревенская исторія разсказана ожеественно и правдиво. Разсказъ Л. Лазаревича *У колодца*, по спра-дливому замѣчанію переводчика, представляетъ „прекрасное сочета-іе двухъ элементовъ“—замѣчательной яркости образовъ и красокъ цѣльности чисто-народнаго сербскаго міровоззрѣнія. Авторъ разсказа, временно умершій докторъ Лазаревичъ *), принадлежитъ къ числу кантливѣйшихъ современныхъ сербскихъ писателей, а самый разсказъ *колодца*—къ числу лучшихъ его произведеній. Содержаніе разсказа ково. Деревенская красавица Анока—богатая, избалованная, свар-вая—выходитъ замужъ за крестьянина Арсена и попадаетъ въ патрі-кальную сербскую семью,—старинную „задругу“, въ составъ кото-й входитъ нѣсколько десятковъ человекъ родныхъ подъ главенствомъ аршаго или „главаря“—дѣда Матіе. Задруга не только укрощаетъ роптивую, непривыкшую къ труду Аноку, но положительно перевос-тываетъ ее. Исторія этого укрощенія строптивой разсказана превос-дно и очень своеобразно. Если бы дѣдъ Матіе сталъ принуждать юку работать и повиноваться и уступать другимъ, поступаясь сво-мъ, изъ этого ничего не вышло бы, кромѣ новыхъ сваръ и еще льшаго озлобленія. Дѣдъ Матіе поступаетъ не такъ. Онъ, по своей асти главаря, приказалъ всей задругѣ во всемъ слушаться Аноку. Іе хочу я, чтобы она работала у меня въ домѣ. Пусть не ма-етъ своихъ господскихъ рукъ! Чтобы даже вина не нацѣдила!...“ юка ко всему готова, но не къ этому. Этого она не выносить. Тру-вая, дружная, задушевная обстановка всей семьи оказываетъ на нее ое дѣйствіе, ассимилируетъ какъ будто бы и чуждый ей элементъ.

Изъ предыдущаго видно, что серія *Восточныхъ цѣттовъ* заслужи-етъ вниманіе и сочувствія. Опасаемся мы лишь одного, какъ бы Шараровъ не испортилъ дѣла своими славянофильско-нововремен-

*) Разсказъ его *Школьная икона* былъ напечатанъ въ *Русской Мысли*.

скими потугами, слѣды которыхъ мелькаютъ уже кое-гдѣ и тамъ (напримѣръ, въ краткой биографіи Лазаревича, приложенной къ сказу).

Было бы желательнo, чтобы въ серію его издавій вошелъ романъ М. Нордау изъ венгерской жизни *Панна*, недавно появившійся на русскомъ языкѣ въ сборникѣ *Движеніе челоѵческой души* (издан. К. И. Карбасникова).

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, ноябрь и декабрь.—„Вѣстникъ Европы“, январь.—„Сѣверный Вѣстникъ“, январь.—„Міръ Божій“, январь.—„Русское Обзорѣніе“, январь.—„Домашнее Чтеніе“, январь.

Въ разбираемыхъ книгахъ *Русскаго Богатства* г-жа Шабельская закончила свой большой романъ: *Друзья*. Произведеніе г-жи Шабельской не блещетъ никакими достоинствами: романъ длиненъ, вальсскученъ. Оригинальныя и, во всякомъ случаѣ, крупныя черты движенія того времени, которое изображается въ романѣ, г-жа Шабельская свела на совсѣмъ мелкую романтическую исторію влюбленности нѣсколькихъ дамъ разнаго типа и разнаго темперамента въ героя романа, Верещакова, причеиъ всѣ тѣ особенности, которыя могли сдѣлать этого героя хоть сколько-нибудь напоминающимъ челоѵка шестидесятихъ годовъ и которыя, по крайней мѣрѣ, замѣчались въ началѣ романа, совершенно ступшевались. Собственно говоря, не вышло не только никакой картины движенія и переворота, происходившихъ въ то время въ умѣ, но не вышло даже и обыкновеннаго шаблоннаго романа. Г-жа Шабельская—писательница очень почтенная и очень симпатичная, но, очевидно, что у ней не имѣется настолько художественныхъ силъ, чтобы браться за крупныя сюжеты. Уже не въ первый разъ она пробуетъ изображать крупныя общественныя движенія и всегда неудачно... И право, приходится пожалѣть, что наши беллетристы съ своими, подобнымъ силамъ г-жи Шабельской, берутся совсѣмъ не за свое дѣло, —гораздо, вѣдь, плодотворнѣе писать удачныя *Наброски карандашомъ* чѣмъ неудачныя большіе романы.

Г. Гаринъ, въ противоположность г-жѣ Шабельской и многимъ другимъ, ограничивается только однѣми жанровыми картинками. Мы не можемъ съ увѣренностью сказать, хорошо ли онъ дѣлаетъ, испугая подобнымъ образомъ. Несмотря на неудовлетворительность и недостаточную выработку его большихъ вещей—*Дитство Телмы* и *Полназисты*, намъ думается, что у него хватило бы силъ на крупное произведеніе. Временами онъ проявляетъ такую широту захвата, такія блестящія художественнаго изображенія, такую поистинѣ замѣчательную стилистику, что невольно жалѣешь, что беллетристъ такой силы ограничивается жанромъ. У г. Гарина въ его произведеніяхъ очень часто проглядываетъ какъ будто нѣкоторая небрежность, нѣкоторая глѣзганья, нѣкоторое даже какъ будто неуваженіе къ своимъ собственнымъ силамъ. Такъ и кажется, что онъ просто набрасываетъ картинку, слепитъ и, даже не прочитывая ея, отдаетъ въ печать. И такъ, молъ, сойдеться. А изящная литература, искусство вообще,—ревнивая подруга; она требуетъ большаго вниманія и уваженія къ себѣ и, главное, она не терпитъ никакихъ соперницъ. Можетъ быть, мы и ошибаемся въ нашей оцѣнкѣ художественныхъ силъ г. Гарина и ставимъ ему неумѣренныя

ованія. Можетъ быть; но, во-первыхъ, кому много дается, съ того и взыскивается, а г. Гарину, безспорно, дано многое; а во-вторыхъ, мы ничѣмъ не можемъ объяснить поразительныхъ неровностей творчества г. Гарина, какъ отсутствіемъ труда и изученія. По нау мнѣнію, талантъ на половину состоитъ именно изъ труда и изученія, а требовать труда и изученія мы можемъ отъ всякаго, отнюдь выходя изъ предѣловъ законныхъ требованій и не насилуя личности ея самостоятельности въ художественномъ творчествѣ.

Каковы бы, однако, ни были причины, по которымъ г. Гаринъ почитается оставаться только жанристомъ, за его картинками нельзя признать серьезныхъ художественныхъ достоинствъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, и въ особенности, если можно такъ выразиться, миниатюры, зачательны въ своемъ родѣ. Миниатюра въ беллетристикѣ можетъ давать всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя обыкновенно достигаются крупными художественными произведеніями; она можетъ не только доставить го-художественное наслажденіе, возбудить въ читателѣ настоящую эстетическую эмоцію, но и своими чуть-чуть очерченными образами возбудить цѣлую серію идей, весьма значительныхъ и даже иногда глубокихъ. Но всѣхъ такихъ результатовъ она достигаетъ только искусственнымъ путемъ, посредствомъ образовъ мелкихъ, т.е. сказать, зачаточныхъ и требующихъ отъ читателя, во-первыхъ, сильного увеличительнаго стекла, чтобы разсмотрѣть эти образы, во-вторыхъ, значительнаго труда индивидуальнаго воссозданія этихъ образовъ во всю ихъ естественную величину, такъ какъ авторъ самъ потрудился исполнить за читателя этотъ трудъ созданія полного образа. Само собою разумѣется, что далеко не всякій читатель способенъ продѣлать эти двѣ операціи. Также само собою разумѣется, что беллетристъ, ограничивающій свое творчество родомъ миниатюрнаго жанра, самъ ограничиваетъ кругъ своего литературнаго значенія и художественнаго вліянія. Миниатюра не для всѣхъ, а только для любителей. Представьте себѣ, напримѣръ, что Гоголь ограничился бы изображеніемъ поручиковъ изъ Рязани, постоянно заказывающихъ новые сабли и примѣривающихъ ихъ, онъ, конечно, считался бы талантливымъ беллетристомъ, но Гоголемъ онъ не былъ бы.

Къ такому роду жанра и миниатюры относится и новое произведеніе г. Гарина: *Въ усадьбѣ помѣщицы Ярышевой*. Это прелестная миниатюра. Во всякомъ читателѣ, который съумѣетъ продѣлать двѣ описанныя умственные операціи, т.-е. вооружиться надлежащею силой для разсмотрѣнія мелкихъ образовъ картины и воссоздать по нимъ эти образы въ ихъ натуральную величину, непременно возбуждѣтся сильная эстетическая эмоція и появится рядъ значительныхъ идей о настоящемъ героѣ почти всѣхъ произведеній г. Гарина: о наглости, или, вѣрнѣе сказать, о крестьянствѣ. Какъ ярко встанетъ тогда передъ вами образъ этого богатыря съ дѣтскимъ сердцемъ и, къ сожалѣнію, съ дѣтскимъ же умомъ, съ могучими мускулами, съ не менѣе гучными интуитивными умственными и моральными способностями и слабымъ развитіемъ высшихъ интеллектуальныхъ способностей, одѣтымъ словомъ, богатыря, котораго, по выраженію самого народа, даже ши заѣсть могутъ! Въ картинкѣ г. Гарина такую мышью, заѣдающую богатыря, мышью совсѣмъ маленькой и очень добродушной, же милой является помѣщица Ярышева, старушка добраго старикаго типа, перебивающаяся съ хлѣба на квасъ, „уважительная барыня“, какъ ее называютъ крестьяне, по немножку занимающаяся кула-

честью по своему жалкому хозяйству и добрыми разговорщицею, маленьку прижимающая сосѣднихъ мужичковъ-нищихъ. Совѣтъ и ленькая и миленькая мышка. И ужь если такая крошка, такая „жизельная“ барыня можетъ заѣдать богатыря, такъ значить ему или приходится. Детали картинки г. Гарина поистинѣ прелестны: вѣзмѣрь, картина примиренія барыни съ суровымъ крестьяниномъ, которому барыня отдаетъ его собственный гѣсъ, фигура молодого ушарпанья Никанора, которому полюбилась вдругъ внучка старушки-вѣмщицы, и картина добродушно-шутливого спайванія этого мышкы веселаго паренька, огорченнаго тѣмъ, что „сахарная“ барыня ушла съ помочи. Вообще во всей картинкѣ, нарисованной талантливымъ беллетристомъ, разлита тихая, но свѣтлая грусть,—грусть тяжелой пережитаго прошлаго, не исключаящая надеждъ на болѣе свѣтлое будущее; въ ней вѣетъ живительнымъ воздухомъ добродушія и искренности, проникающихъ во всѣ отношенія заѣдаемаго мышками богатыря къ природѣ, къ людямъ; она полна добраго и кроткаго, любящаго и страснаго, которымъ отъ него, отъ этого младенца, невольно заражаются всѣ съ нимъ соприкасающіеся люди. Заключительные аккорды, которыми художникъ заканчиваетъ свой очеркъ, картина постепеннаго и сыпанья старенькой, вымирающей усадьбы, хороши, жизненны, душевны.

Другой очеркъ г. Гарина: *Бурлаки (Миръ Божій)*—въ томъ же родѣ; но этотъ очеркъ служить прекраснымъ примѣромъ тѣхъ особенностей, которыми отличается творчество г. Гарина. Тутъ въ доволно скудной и вялой картинкѣ наемки рабочихъ татаръ на уборку хлѣба въ степи,—картинкѣ, которой авторъ предпослалъ еще болѣе вялый рассказъ о женитьбѣ молодого татарина, вернувшагося изъ солдатской службы,—прицѣпленъ превосходный, поэтический конецъ, изображеніе старика татарина, сидящаго у деревенской поскотины сторожекъ, съ вословящаго и денно, и ночно Аллаха и ожидающаго райскихъ вѣнчанъ за свою многострадальную жизнь. Только эти двѣ-три странички очерка и заслуживаютъ вниманія, какъ яркое изображеніе душевнаго настроенія вѣрующаго татарина и вообще фаталистическаго мировоззрѣнія восточнаго человѣка. Просто даже не вѣрится, что эти странички и предшествующій имъ рассказъ написаны однимъ человѣкомъ,—до такой степени великъ контрастъ силы и бесилія, контрастъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчающійся въ произведеніяхъ талантливыхъ но небрежныхъ къ своему таланту беллетристовъ.

Драка въ домѣ В. Г. Короленко, это—описаніе извѣстнаго инцидента съ боксомъ полковника Саундерсона. Авторъ вкладываетъ храброму полковнику въ уста такія слова: „Если мы немного и подралки въ вашемъ „домѣ“, за то вы избавлены отъ необходимости драться и морѣ и на берегахъ Ирландіи. Вы отдали въ наши руки всю страсть и всѣ ненависти, вѣками накопившіяся въ этомъ вопросѣ, и удивляйтесь, что патронъ, наконецъ, взорвался. Молите Бога, чтобы судья приняла наши шишки и кровь, пролитую въ „домѣ“, какъ умиленную вительную жертву. Потому что такіе вопросы судьба до сихъ поръ рѣшала у всѣхъ народовъ желѣзомъ и кровью“... И потомъ самъ авторъ заканчиваетъ свою статью такимъ замѣчаніемъ: „старому парламентаризму новыя времена предъявляютъ и новыя серьезныя требованія“. Въ ирландскомъ вопросѣ стоитъ цѣлая туча другихъ, исполненныхъ такой же, если не большей, страстности, еще болѣе глубокихъ и серьезныхъ, требующихъ отъ политическихъ формъ необыкновенной ширины

тѣхности. Если „праматерь парламентовъ“ найдетъ въ себѣ достаточно лодости и силы, чтобы справиться съ этимъ роковымъ наслѣдіемъ ковъ, если она сумѣетъ разрѣшить его на началахъ гуманности и авды, если она откроетъ путь любви и миру тамъ, гдѣ всѣ народы избѣгаютъ къ крови и желѣзу,—кто не проститъ ей эту небольшую лость, эту минуту опьяненія и забвенія?“

Въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ не только у насъ, а и въ Задной Европѣ замѣчается поворотъ отъ положительнаго научнаго мышленія къ старымъ, казалось бы, отжившимъ свое время, метафизическимъ системамъ. Какъ бы ни было прискорбно само по себѣ подобное леніе, оно довольно естественно и неоднократно повторялось въ исторіи человѣчества. Таково было, наприм., возрожденіе платонизма въ вѣніяхъ Плотина и Александрійцевъ; таковы же были системы Менъ-Бирана, Бональда и др. во Франціи. Вообще такія возвращенія, къ неизбѣжнымъ спутникамъ политическихъ и общественныхъ реакцій, статочно часты. Человѣческая мысль какъ будто нуждается въ побужденіяхъ отступленія къ затѣмъ, чтобы прыгнуть дальше впередъ. У насъ такое возвращеніе къ мистикѣ и метафизикѣ даже естественнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Въ январской книгѣ нашего журнала М. М. Ковалевскій рассказываетъ, что Спенсеръ въ разговорѣ съ нимъ даже предложилъ, что у насъ должно произойти подобное возвращеніе. Но у насъ это сопровождается, въ силу нашей некультурности, другимъ, еще болѣе прискорбнымъ явленіемъ, въ Европѣ немислимимъ,—страстною лемикой, такъ сказать, заднимъ числомъ, и невѣжественнымъ и наивническимъ отношеніемъ къ людямъ, дѣятельность которыхъ была лавой для ихъ родины и краеугольнымъ камнемъ нашей литературы. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, возможно ли въ Европѣ такое явленіе, гобы лѣвыхъ гегелианцевъ: Фейербаха, Штраусса, Бруно, Бауэра или эзитивистовъ Спенсера и его послѣдователей и, наконецъ, немногихъ редставителей научнаго мышленія называли невѣждами, людьми неподготовленными къ философскому мышленію, чтобы ихъ работу призывали разнузданною свистопляской, развратившей литературу? А у насъ происходитъ нѣчто въ этомъ родѣ и, къ сожалѣнію, происходитъ безъ всякаго отпора со стороны общественаго мнѣнія. Такова сила некультурности. Въ виду такихъ прискорбныхъ явленій въ нашей литературѣ, нельзя е признать полезными безпристрастныя изслѣдованія, каково, наприм., изслѣдованіе г. Филиппова: *Судьба русской философіи*. Въ разбираемой книгѣ *Русскаго Богатства* помѣщена уже шестая статья почтеннаго втора подъ этимъ общимъ заглавіемъ, посвященная вліянію Гегеля а нашу философію. Авторъ доказываетъ, что развитіе русскаго философскаго мышленія шло совершенно законномѣрно, безъ всякихъ переывовъ и колебаній, точно, шагъ за шагомъ, слѣдуя за развитіемъ философіи въ Германіи. „Любопытно,—говоритъ онъ,—что начало разлѣненія гегелевской школы въ самой Германіи на двѣ враждебныя фракціи относится какъ разъ къ тому времени, когда Бакуиниъ проагандировалъ разумную дѣйствительность. Почти одновременно съ Бѣинскимъ испыталъ нѣсколько аналогичный переломъ извѣстный Бруно Бауэръ, который въ 1836—1837 году яростно нападалъ на Штраусса, ю вскорѣ пошелъ гораздо далѣе его“. Имѣя въ виду такую правильность и непрерывность въ ходѣ нашего философскаго мышленія, можно ии, въ самомъ дѣлѣ, говорить о философской неподготовленности Черышевскаго, послѣдователя лѣвыхъ гегелианцевъ, особенно Фейербаха, ютомъ пошедшаго въ своемъ *Антропологическомъ принципѣ* дальше

своего учителя на пути положительнаго научнаго мышленія? Проф. Градовскій, — говоритъ г. Филипповъ, — старался доказать, что самъ Гегель не далъ ни малѣйшаго повода для истолкованія его ученія какомъ-либо ретроградномъ смыслѣ и что, наоборотъ, оно вполне мирно и съ самыми либеральными теоріями“. То же самое пытался доказать и современные возродители гегелианства, занимающіеся и ѣздничествомъ. „Во всемъ этомъ, — продолжаетъ нашъ авторъ, — былъ лишь то, что къ ученію Гегеля термины политическаго словаря намъ не примѣнны. Но абсолютный духъ вовсе ужъ не такъ абсолютенъ: у него бывають иногда чисто-мѣщанскіе вкусы и склонности. Неудивительно, что при переходѣ на почву, чуждую Германіи, этотъ духъ усвоилъ совсѣмъ другія понятія и заговорилъ во Франціи голосомъ пролетарія, а въ Россіи, въ лицѣ Бакунина, началъ проповѣдывать идеи, во многомъ сходныя съ возрѣніями славянофиловъ и Достоевскаго“. Руководящими идеями пропаганды Бакунина были идеи о святости дѣйствительности и необходимости страданія. По неустрашимости своихъ возрѣній Бакунинъ шелъ дальше и славянофиловъ, и Достоевскаго. Онъ узаконялъ путемъ разума или, лучше сказать, декретировалъ личнымъ авторитетомъ подчиненіе всему, что составляло предметъ отвращенія скорби и негодованія лучшихъ людей того времени. Причина подобныя блужданія сильнаго, но несамостоятельнаго ума Бакунина состояла именно въ методѣ мышленія. Дѣло въ томъ, что „абстрактныя схемы Гегеля тѣмъ и удобны, что по своей крайней отвлеченности и пустотѣ онѣ могли съ одинаковымъ удобствомъ наполняться какою угодно конкретнымъ содержаніемъ. Ученіе о разумной дѣйствительности было одною изъ тѣхъ тавтологій, которыя, именно по отсутствію поддержки, нерѣдко кажутся необычайно глубокою премудростью. Гегель основные вопросы бытія и мышленія разрѣшалъ словесными фокусами. Но онъ далъ страшное оружіе въ руки всякаго діалектика, способно наполнить пустоту его логическихъ схемъ каковымъ бы то ни было содержаніемъ“. Поэтому-то выдѣленіе изъ гегелианства его лѣвой, а потому и полное забвеніе гегелианскаго метода въ наукѣ было процессомъ необходимымъ и неизбежнымъ и всѣ первые работники на пути этого процесса, на пути созданія въ наукѣ и философіи настоящаго научнаго метода, заслуживаютъ благодарности мыслящихъ людей.

Въ прошломъ году исполнилось тридцатилѣтіе судебной реформы 1864 года. вопросу объ основахъ ея посвящены въ *Северномъ Вѣстникѣ* дѣльная статья г. Устинова, а въ двухъ разбираемыхъ книгахъ *Русскаго Богатства* статья г. Бинштока. Въ бѣглыхъ журнальчыхъ замѣткахъ невозможно передать содержаніе такихъ дѣловыхъ статей, и потому мы ограничимся только указаніемъ на нѣкоторыя мѣста послѣдней изъ названныхъ статей. Г. Бинштокъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что особенно чувствуется потребность въ обстоятельной исторіи судебной реформы теперь, когда приступлено къ пересмотру уставовъ и дополненій и измѣненій къ нимъ. Авторъ, пользуясь „дѣломъ о преобразованіи судебной части“ (74 толстыхъ тома, одна опись въ которыхъ на 47 печатныхъ страницахъ), старается проникнуть въ ту лабораторію, въ которой вырабатывались судебные уставы. Просматривая статью г. Бинштока, читатель отмѣтитъ два существенные призыва, характеризующіе методъ работъ комиссіи для преобразованія судебной части. Эти призывы: необычайная въ нашей государственной жизни широта взгляда и обращеніе ко всемъ общественнымъ силамъ страны. Г. Бинштокъ говоритъ, что когда была образована комиссія для вы-

Ютки основныхъ положеній, то предсѣдатель государственнаго со-
 та, кн. Гагаринъ, направилъ всѣ свои усилія на то, чтобъ исхода-
 ствовать „юристамъ“, прикомандированнымъ къ этой комиссіи, пол-
 о свободу дѣйствій, и юристы широко пользовались даннымъ имъ
 рѣшеніемъ; они принимали мнѣнія всѣхъ, всякаго рода и званія
 дей, лишь бы они имѣли что сказать имъ. Приводя мнѣніе воронеж-
 го стряпчаго Богданова о „присяжныхъ повѣренныхъ и нотариусахъ“,
 горь замѣчаетъ: „Прочитывая эти собранныя изъ разныхъ концовъ
 него обширнаго отечества мнѣнія, иногда просто поражаешься бо-
 ствомъ языка, необщественною эрудиціей автора, благородствомъ
) мыслей. Куда дѣвались всѣ эти Побѣдимовы, Богдановы, Манце-
 ги и др., просто недоумѣваешь“. Можетъ быть, и даже навѣрное,
 и никуда не дѣвались, а просто и мирно существуютъ и даже коли-
 тство ихъ несомнѣнно увеличилось со времени шестидесятыхъ годовъ,
 они молчатъ, ибо, оставаясь избранными, они перестали быть зва-
 ми. Таково вообще значеніе метода въ государственной работѣ. Что
 сается второго признака, широты взгляда, то она всего лучше
 ражена въ слѣдующихъ словахъ записки Буцковскаго: „Нашъ нор-
 льный путь—не подражаніе, а разумное примѣненіе общихъ началъ,
 работанныхъ юридическою наукою“, или въ благородныхъ словахъ
 руднаго: „Если законодательныя предположенія верны, то они и
 вогвременны; трудно думать, чтобы итъ-либо и когда-либо люди были
 тотовлены къ дурному и зрѣли для хорошаго“. Всѣмъ намъ было бы
 бесполезно постоянно помнить эти прекрасныя слова.

„Высокія пальмы раскидывали свои большіе листы. На ихъ темной
 мени красиво выдѣлялись бѣлыя пирамиды изъ ландышей. Мѣстами
 ь сплошной зелени кустовъ камелій и розъ выглядывали причудли-
 яе, точно восковые, цвѣтки орхидей-паразитовъ. Острый запахъ га-
 птвовъ, смѣшиваясь съ нѣжнымъ ароматомъ розъ и ландышей, напол-
 лъ комнату благоуханіемъ, а матовыя электрическія лампочки подъ
 шитыми кружевомъ шелковыми абажурами, цвѣта *saumon pâle*, нѣ-
 или и ласкали глазъ“. Таково великолѣпіе, въ коемъ живутъ и дви-
 гутся герои и героини повѣсти г. Фонвизина *Сплетня (Вѣсти. Евр.)*.
 героини „глубокіе зеленоватые, *русалочьи* глаза“, а герой Максъ
 къ и совсѣмъ неописуемъ. „Подъ фракомъ изъ Лондона его стройное,
 ѣпкое тѣло казалось выточеннымъ. На шитой груди твердой, какъ
 аморь, рубашки чернѣла большая жемчужина, на рукахъ залонки
 или изъ такого же жемчуга. Желтая роза въ петлицѣ и черные шел-
 ьные носки на узкихъ породистыхъ ногахъ, обутыхъ въ лакирован-
 яя открытыя туфли, довершали его костюмъ“... Однимъ словомъ,
 ескъ и больше ничего. Но только любопытно, что герои и героини
 Фонвизина совершаютъ какъ будто совсѣмъ несоотвѣтственные та-
 му блеску поступки. Посудите сами: дѣло происходитъ на балу, въ
 стинной, черезъ которую постоянно проходятъ гости, и вдругъ при-
 жихъ-то условіяхъ герой, ничтоже сумняшеся, цѣлуетъ героиню въ
 бнаженное плечо, за что и получаетъ надлежащее возмездіе въ видѣ
 ощечины. Это на балу-то, въ бальной комнатѣ петербургской high
 fe?... Или, напримѣръ, тутъ же на балу одинъ кавалеръ собирается
 дарить другого по животу. „Округленное брюшко Джона, — повѣству-
 гь авторъ, — съ быстротою молніи отдернулось назадъ и тѣло образо-
 вало уголъ въ 45°. Но потомъ онъ обидѣлся и зафыркалъ, какъ кош-
 а“. Наврядъ ли, приступая къ описанію избранной имъ среды съ подоб-
 ми приемами, г. Фонвизинъ убѣдитъ читателя въ ея ничтожествѣ и раз-

вращенности, что, кажется, и составляет цѣль его повѣствованія. Онъ очень неестественно. И, все-таки, любопытно тутъ то обстоятельство, и наши беллетристы съ нѣкотораго времени начали заниматься описаніемъ жизни высшей петербургской бюрократіи, этой такъ называемой high life. Они какъ будто чувствуютъ къ ней нѣкое „влеченье, родъ недуга“. Дни безъ огня не бываетъ, не бываетъ и явленія безъ причины. Беллетристы вѣроятно, инстинктивно чувствуютъ, —говоримъ: инстинктивно чувствуютъ, а не сознаютъ, потому, что еслибъ они сознавали, то и описывали бы иначе, не на тѣ явленія обращали бы вниманіе, на которыя обращаютъ теперь, —что эта среда теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, дѣлаетъ дождь и хорошую погоду, что ужъ очень мы всѣ, все наше общество весь нашъ народъ отъ нея зависимы... И понятно, что публикѣ все бываетъ любопытно узнать, каковы, молъ, тѣ, отъ которыхъ мы такъ зависимъ. Поэтому мы даже склонны привѣтствовать такое новое направление нашей изящной словесности, хотя оно по внѣшности и поминаетъ нѣсколько возвращеніе къ чему-то очень старому, отъ вается чѣмъ-то ужъ очень архаичнымъ, такъ что даже возбуждаетъ невольную усмѣшку. Но для того, чтобы такое направленіе было не дотворно, писатели должны руководиться въ своемъ выборѣ средствъ цѣлями обличенія, тѣмъ менѣе неясными влеченіями, а опредѣленной художественно-общественною задачею.

Описаніе той же среды высшей петербургской бюрократіи, той же high life, посвящено и начало новаго большого романа г. Боборыкина *Ходокъ*. Говорить о новомъ произведеніи нашего плодовитаго беллетриста пока невозможно. Трудно по началу большого романа судить будетъ ли онъ удаченъ, или нѣтъ. За г. Боборыкинымъ установившаяся довольно сомнительная извѣстность, какъ за „отзывчивымъ“ писателемъ. Въ послѣдней книжкѣ *Недѣли* г. Венгерова помѣстивъ для статьи о немъ подъ такимъ заглавіемъ. Въ этой статьѣ онъ наговорилъ г. Боборыкину изрядное количество комплиментовъ, но нѣкоторые изъ этихъ комплиментовъ такого рода, что отъ нихъ, пожалуй, и поздоровится. Приведемъ примѣры: „Надо признаться, что писательскій темпераментъ г. Боборыкина бѣденъ и блѣденъ. Нѣтъ въ немъ слѣда колоритности, нѣтъ въ немъ поэзіи, нѣтъ глубины и мощности *настроения*. Основная и главная черта писательскаго темперамента г. Боборыкина — *полное отсутствіе* страсти и страстности. Въ этой же степени, какъ любовь, мало доступны писательскому темпераменту г. Боборыкина и всякія другія страсти: восторгъ, гнѣвъ, ненависть и злоба. У г. Боборыкина *совершенно нѣтъ* (даже совершенно?) того внутренняго творческаго паюса, присутствіе котораго должно ощущаться въ самыхъ объективныхъ произведеніяхъ. Въ большинствѣ романовъ и повѣстей г. Боборыкина совершенно не чувствуется, что авторъ увлеченъ своимъ сюжетомъ, что онъ пишетъ подъ влияніемъ органической потребности высказаться, подѣлиться тѣми образами и чувствами, которыя переполняютъ его творчество и ищутъ выхода“... Довольно, однако, выписокъ. Если признать вѣрность замѣчаній г. Венгерова, критикъ очень расположеннаго къ нашему автору, что же останется отъ сорокалѣтней дѣятельности г. Боборыкина, какъ беллетриста? Неужели только одна отзывчивость? Но, вѣдь, отзывчивости маловато для того, чтобы быть не только художникомъ, но даже и просто беллетристомъ. На одной отзывчивости далеко не уѣдешь. Да и что такое отзывчивость сама по себѣ? Когда въ комнатѣ раздастся могучій, опредѣленный звукъ, онъ повторяется и струной рояля, и звономъ обоявъ

гла, и дребезжаньемъ какой-нибудь стоящей въ шкафу треснувшей вороды. И наврядъ ли кому въ голову придетъ въ звукъ разбитой вороды или даже въ звукъ стекла видѣть вѣрный и точный отзвукъ давагося въ комнатѣ сильнаго звука. Для опредѣленія того, ка въ пресловутая отзывчивость г. Боборыкина, его новый романъ, какъ, очемъ, и почти всѣ его прежнія произведенія, даетъ нѣкоторыя занія. Герой романа *Ходоки*—графъ Таманцевъ, вернувшійся изъ евни съ специальною цѣлью быть ходатаемъ за крестьянъ, добиваюгся какой-то земли, присвоенной неправильно однимъ казеннымъ вѣствомъ. Въ своемъ кругу онъ и раньше слылъ за краснаго, за интаста“, вообще за человѣка неустановившагося и неуравновѣшанго. Тѣмъ не менѣе, къ нему относятся если и не благослонно, то, всякомъ случаѣ, терпимо, какъ къ человѣку своего круга. Какъ же тѣ крестьянскій ходоки приступаетъ къ исполненію своей задачи? жде всего, своему дядѣ, очень важному генералу, который долженъ къ пособить ему въ его дѣлѣ, онъ говоритъ весьма для генерала орбительныя рѣчи о камарильѣ, на что и получаетъ понятный отгъ: „Твоихъ глупостей не переслѣдуй, но дерзостей я не намѣгъ слушать“. Потомъ своему школьному товарищу, сдѣлавшемуся ютилой какъ разъ въ томъ вѣдомствѣ, съ которымъ ему, какъ хоу, придется начать процессъ, человѣку къ нему расположенному и овому сдѣлать все, что можетъ, онъ, „ходоки“, наговорилъ дерзой на счетъ петербургскихъ мандариновъ. И въ довершеніе всего, затившись къ знаменитому адвокату, онъ требуетъ отъ него не проій добросовѣстности въ веденіи взятаго на себя дѣла, а и того, юбъ „адвокатъ былъ преданъ душой тому, за что онъ, графъ, рать“; поэтому адвокатъ и отказывается, говоря ему: „Вамъ мало оді честиности и знаній въ довѣренномъ лицѣ, вы требуете всю его пу“. Зачѣмъ г. Боборыкину понадобилось заставить своего героя дѣлывать всѣ эти, нелѣпности? Онъ слишкомъ опытный беллетристъ, эбы не видѣть всей ненатуральности поведенія графа, если только въ дѣйствительно серьезно добивается поставленной себѣ цѣли. Виной эхъ этихъ несообразностей, по нашему мнѣнію, можно признать именно юство отзывчивости г. Боборыкина. Въ послѣднія десятиа или около ю дѣтъ у насъ часто появляются принадлежащія къ разнымъ класкъ и общественнымъ слоямъ ходоки за народное дѣло. Г. Боборыкъ знаетъ о существованіи такихъ людей, и онъ отозвался. Но изугъ ихъ, какъ типичное явленіе, углубляться въ это явленіе, въ психескіе процессы, совершавшіеся подъ вліяніемъ общихъ условій въ зни той среды, изъ которой выходятъ такіе ходоки, и въ душѣ сакъ ходоковъ, онъ или не хочетъ, или не умѣетъ, и потому приливаетъ этимъ людямъ совѣмъ не принадлежащія имъ свойства. И, эти ходоки, давно уже и жизнью, да и самою своею задачей хотайствовать за народное дѣло въ „сферахъ“ выучены имѣть, когда жно, лисій хвостъ, держать, когда нужно, языкъ за зубами,—однимъ овомъ, они менѣе всего прямолинейны и далеко не такъ просты и сложны, какъ это воображаютъ отзывчивые беллетристы. Но, вмѣстѣ тѣмъ, они, какъ ходатаи за народное дѣло, непремѣнно немножко родники, хотя, конечно, не народники прежняго типа. А г. Боборыкъ знаетъ только то, что они народники, и пришилываетъ къ этому вершенно новому типу совершенно старыя черты народниковъ семисятыхъ годовъ. Ну, да, конечно, народники семидесятыхъ годовъ омилл и камарилью, и мандариновъ, и души отъ всѣхъ требовали.

Это вѣрно и совсѣмъ, конечно, не въ томъ дѣло, было ли это разумно или неразумно. Достаточно того, что это было послѣдовательно согласно съ типомъ. Вѣдь, тѣ люди, о которыхъ мы говоримъ, иными никогда не были, въ „сферы“ они не шли и никакихъ выходовъ на „сферы“ не возлагали. А припишьте-ка ихъ свойства, прикупите имъ и въ силу ихъ убѣждений, и въ силу ихъ темперамента, вообще въ силу всей ихъ природы, къ людямъ совершенно другого типа, и ходокамъ, какъ это сдѣлалъ г. Боборыкинъ, и выйдетъ фальшивый типъ, миражъ отзывчивости. Можно, конечно, сказать, что это случайность, что у всякаго писателя можно встрѣтить подобные же моменты. Въ томъ-то и дѣло, что это не такъ. У г. Боборыкина и основная черта его отзывчивости—припиливание къ типу несвойственныхъ ему особенностей; и это можно бы было доказать детальнымъ разсмотрѣніемъ почти всѣхъ его произведеній, напримѣръ, *Самое добродѣтельное*, *Дальцовъ*, *На ущербѣ* и *Перевала*. При этомъ не забыть еще одно обстоятельство: тамъ, гдѣ г. Боборыкинъ вполнѣ въ томъ дѣла, онъ не заставляетъ своихъ героевъ совершать такихъ удивительныхъ скачковъ. Напримѣръ, тотъ же ходокъ, кромѣ ходатайства крестьянъ, преслѣдуетъ другую, личную цѣль—понятно, амураго. Онъ хочетъ спасти вѣкову дѣвицу, княжну Кэтъ, отъ влияния развращающей атмосферы петербургскаго общества. Дѣвица эта—настоящая боборыкинская дѣвица, — сухая, холодная, въ сущности, безкровная, безстрастная и вся насквозь пропитанная преклоненіемъ предъ собою предъ своею особой и предъ своими позывами весьма не высокаго свойства. Но не въ ея свойствахъ дѣло, а въ томъ, что въ моментъ этой дѣвицей графъ дѣйствуетъ такъ, какъ надлежитъ для человека его типа. Еслибъ онъ былъ народникомъ семидесятыхъ годовъ, преслѣдующимъ высшую бюрократію, онъ, понятно, и тутъ произнесъ бы громкую рѣчи и, въ концѣ-концовъ, плюнулъ бы и пошелъ искать въ ревню, гдѣ „оскорбленному есть чувству уголокъ“. Но именно потому, что онъ совсѣмъ не имѣетъ тѣхъ свойствъ, которыя приписаны къ нему г. Боборыкинъ, онъ и поступаетъ совсѣмъ иначе: онъ рѣшается побороться съ средой, рѣшается даже быть у противной стороны, Лили, гдѣ княжна Кэтъ будетъ въ трико какой-то балетной изображать... Какъ видите, тутъ типъ выдерживается до конца. Отъ чего такая разница въ отзывчивости автора? Да просто отъ того, что въ этомъ явленіи у него имѣется отзывчивость подлинная, соединенная съ изученіемъ явленія, а въ первомъ—случайная отзывчивость древожасаго стекла.

Не многіе изъ современныхъ читателей помнятъ, что въ нашей литературѣ была одно время полоса подъ страннымъ названіемъ „чернокнижія“. Г. Венгеровъ въ своей статьѣ о Дружининѣ рассказываетъ объ этомъ странномъ явленіи: „Это явленіе, —говоритъ онъ,—глубоко знаменательно для характеристики того безвременья, которое отдѣляетъ эпоху Бѣлинскаго отъ эпохи Добролюбова, для характеристики того идейнаго оскуднѣнія, которое порождено тяжелою общественною атмосферой 1848—55 годовъ“. Это безвременье крайне неблагоприятно отозвалось на внутренней жизни виднѣйшихъ представителей тогдашней литературы. „Чернокнижіе“ можетъ служить лучшею иллюстраціей наступившаго духовнаго оскуднѣнія. Литературные кружки начали приниматься, по словамъ историка „чернокнижія“, Лонгинова, *литературными малостями*. И среди этихъ кружковъ были такіе люди, какъ Дружининъ, Панаевъ и даже Некрасовъ. Каковы были эти малости

жно судить по тому, что г. Венгеровъ утверждаетъ, что „со времени ркова русскій стихъ впервые служилъ такую службу; соль *шаловой* состояла въ томъ, чтобы все называть по имени и, притомъ, по возможности часто“ Чтобы кружокъ первенствующихъ литераторовъ издалъ дѣлую литературу грубаго цинизма, этого ни до чернокнижия, послѣ чернокнижия никогда не было, — говоритъ г. Венгеровъ. Далѣе горь говоритъ о вліяніи этой печальной полосы въ нашей литературѣ на Дружинина. На него, какъ на человѣка, неприкосновеннаго традиціямъ недавняго прошлаго, къ которымъ были прикосновенны въ другіе члены кружка, и, притомъ, на человѣка, вообще склоннаго индифферентизму, вытекавшему изъ его аристократическаго дѣтства, изъ его отвращенія къ шуму, связанному съ общественными иженіями, изъ его безстрастности и отсутствія какихъ-либо общевенныхъ убѣжденій, вліяніе чернокнижныхъ собраній было прямо однимъ. Это вліяніе и помѣшало Дружинину выработать какое-либо литическое и философское міросозерпаніе и было причиной того, что кой литературно-высоко-образованный человѣкъ, горячо преданный тересамъ литературы и искусства и, притомъ, обладавшій несомнѣннымъ талантомъ и высоко развитымъ эстетическимъ вкусомъ, какъ дружининъ, сдѣлался забытымъ, и не на время только, а навсегда, безнадежно забытымъ. Судьба Дружинина представляетъ серьезное предупрежденіе для всѣхъ индифферентистовъ, которыхъ было мало въ закончившуюся, какъ намъ думается, у насъ эпоху безвременья, представителей которой остается достаточно и до сихъ поръ, ли не въ обществѣ, то въ литературѣ. Что, въ самомъ дѣлѣ, такое эти символисты, декаденты, мистики и метафизики, какъ не тѣ же „чернокнижники“, только въ другомъ, менѣе циничномъ, видѣ, какъ продукты эпохи общественнаго безвременья? И навѣрное, ихъ всѣхъ, недалеко въ будущемъ ожидаетъ такое же безнадежное забвеніе, кое постигло и болѣе ихъ даровитаго Дружинина.

„Люди на селѣ остались въ томъ же видѣ, по-старому — бѣдные, бѣдные, предоставленные игрѣ шальныхъ, нежданныхъ случайностей, измышленныхъ, ни для кого не полезныхъ страданій. Глухо на селѣ, пусто!“ — такъ заканчиваетъ свое грустное и правдивое повѣствованіе объ *Аникѣ воинѣ* г. Савихинъ (*Сѣв. Вѣстн.*). Сюжетъ разсказа Савихина — довольно обыкновенное деревенское приключеніе, имѣющее сколько анекдотическій характеръ. Старый солдатъ, прослужившій solo тридцати лѣтъ, весь исколотый и изрубленный, продырявленный, какъ рѣшетъ, и, конечно, давно забытый своими сродниками и кривней, возвращается на родину умирать. Нажилъ онъ въ службѣ, помѣлъ болѣзней и ранъ, три сухаря, какъ говаривали николаевскіе солдаты. Деревня сначала принимаетъ солдата даже съ восторгомъ нѣкоторымъ; всей, молъ, деревнѣ честь имѣть въ своей средѣ такого заслуженнаго воина. Потомъ... ну, потомъ обыкновенная исторія: ругать солдата не можетъ, издырявленъ ужъ очень, а ѣсть ему все же надо; а, вѣдь, въ деревнѣ-то отцу родному откровенно говорятъ: „Чего, старичокъ, застишь? Вѣдь, пооди, и умирать бы пора!“ А ужъ солдату-то, отрѣзанному ломтю, и Богъ велѣлъ. Старики, братья солдата, еще туда-сюда, а ихъ жены-старухи начинаютъ солдата поѣдомъ стѣ; хоть по міру иди, такъ въ ту же пору. Такъ обыкновенно и бываетъ; но г. Савихинъ тутъ изобрѣтаетъ анекдотъ, довольно, впрочемъ, правдоподобный. Солдатъ пускается на хитрость; у него есть ворная шкатулка съ хитрымъ замкомъ, а въ шкатулкѣ сотня слиш-

нимъ старыхъ солдатскихъ пуговицъ. Замѣтивъ, что невѣстка уже дыкаетъ въ щелку двери, солдатъ начинаетъ громохатъ пуговицами отсчитывая ихъ какъ деньги, до тысячи досчитываетъ. Старуха убѣдается, что солдатъ богатъ, и начинается смѣшная и грустная комедія разнузданной человѣческой жадности, вслѣдствіе униженія чуждѣйшей личности, разрушенія стародавнихъ деревенскихъ устоевъ подлости, раздоры, сплетни и всякая гадость. Но солдатъ своею хитрою выдумкой обезпечилъ себѣ безбѣдное существованіе на нѣсколько недѣль. Чѣмъ бы кончилось дѣло—неизвѣстно. Можетъ быть даже преступленіемъ. Но авторъ въ-время заставилъ солдата проститься и умереть. Преступленіе, однако, все-таки, совершилось: она лѣлая баба, когда при обыскѣ, произведенномъ старостой и други братамъ солдата, вмѣсто денегъ, находятъ пуговицы, заподозрѣвъ своего мужа въ кражѣ солдатскихъ денегъ и доходить даже до того что обвиняетъ старика въ небываломъ преступленіи, въ убійствѣ! Глухо на селѣ, грустно! Разсказъ г. Савихина нѣсколько разнунуть, но написанъ онъ живо, искренно и хорошимъ, очень бликимъ къ мужицкому, языкомъ. Замѣчается, правда, нѣкоторая ясность мысли; производится впечатлѣніе такое, какъ будто въ этихъ грустныхъ исторіяхъ виновата бабья жадность и бабья глупость; не замѣтны за густою сѣтвой анекдота и нравоученія основныя причины темноты, шальныхъ случайностей и бессмысленныхъ никому не полезныхъ страданій. Но, во всякомъ случаѣ, разсказъ г. Савихина представляетъ полезный вкладъ въ нашу небогатую и родную литературу, а культурныхъ людей можетъ заставить призадуматься и пожелать побольше свѣта. Не для деревни,—нѣтъ, въ этихъ страданіяхъ деревнѣ и свѣтъ наврядъ ли поможетъ,—а для ея культурныхъ людей. Настолько свѣта, чтобы они, наконецъ, признали основную причину бессмысленныхъ и никому не полезныхъ страданій и позаботились объ устраненіи этой причины.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой время отъ времени поучал публику по поводу разныхъ, преимущественно этически-религиозныхъ вопросовъ. Свойства поученій графа слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ надо было распространяться. Это обыкновенно рядъ софизмовъ, отрицаніе несуществующихъ Америкъ и полное пренебреженіе во всѣхъ результатахъ, съ громаднымъ трудомъ и великими страданіями достигнутымъ человѣческимъ мышленіемъ и наукой въ теченіе всей долгой многострадальной исторіи человѣчества. Всѣми этими свойствами отличается и послѣднее поученіе графа: *Противорѣчія эмпирической нравственности*, напечатанное въ январской книжкѣ *Сѣверная Вѣстникъ*. Собственно говоря, заглавіе статьи совершенно не соответствуетъ ея содержанію. Объ эмпирической нравственности и ея противорѣчій, какъ это ни странно,—въ статьѣ не говорится. Очевидно, графъ забылъ, о чемъ онъ хотѣлъ писать. А написалъ онъ о происхожденіи религій, ихъ классификаціи и происхожденіи и зависимости нравственности отъ религій. Кто-то задавъ графу вопросъ объ этихъ предметахъ (такъ и статья начинается: „Вы спрашиваете меня: 1) что я понимаю подъ словомъ „религія“ и 2) считаю ли я возможной нравственность, зависящую отъ религій) и графъ отвѣчаетъ на вопросъ. Графъ, прежде всего, возражаетъ противъ того положенія, что религія ведетъ свое происхожденіе или, вѣрнѣе сказать, имѣетъ свое психическое начало въ чувствѣ страха. Его смущаетъ то обстоятельство, что Сократъ, Декартъ, Ньютоны и образованные и передовые люди нашего времени

изнають высшее сверхъестественное Существо отнюдь не изъ страха. Не бы они изъ страха признавали! Для графа Толстого было бы не вползезно прочитатъ прекрасную статью проф. Овсяннико-Куликовскаго, печатанную въ той же книгѣ *Съвернаго Вѣстника*. Изъ нея графъ узналъ бы, что „явленіе сначала ашперцепировалось челоуѣкомъ въ формѣ живого миеического существа, одареннаго волею и сверхчелоуѣческой силой. Въ этомъ смыслѣ всѣ образы были *пугающими, грозными...* челоуѣкъ, прежде всего и больше всего, *боялся чужой воли и силы...* поскольку явнѣе мыслили миеологически, постольку они *точно были во власти измѣнъ опасеній и страховъ...* страхъ уменьшался или совсѣмъ исчезалъ, когда въ сознаниі на мѣсто миеологическаго дѣятеля вступала ея замѣна и метаморфоза — безжизненная субстанція... но нѣкоторая часть *прежнихъ все еще сохраняется* именно потому, что субстанція часть непосредственная преемница миеологическаго дѣятеля и таитъ въ себѣ черты послѣдняго...“ И далѣе: „Весьма распространенное психологическое явленіе, что извѣстное душевное состояніе, первоначально возникшее какъ результатъ извѣстнаго вѣрованія, отнюдь не исчезаетъ и въ концѣ съ этимъ послѣднимъ и готово всякій разъ оживиться, лишь только оживляется въ сознаниі соотвѣтственная *форма мысли*; на прим., какой-то образъ... вѣрованіе исчезло, но форма мысли, ему отвѣчающая, осталась и продолжаетъ дѣйствовать“. Вотъ что графъ узналъ бы изъ статьи г. Овсяннико-Куликовскаго. Далѣе графъ даетъ совершенно новое опредѣленіе религии. По его мнѣнію, „основа религии — становленіе отношенія челоуѣка къ окружающему его міру или первоначинѣ его“. Оригинальное опредѣленіе и, конечно, всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ вопросомъ, намъ не зачѣмъ предупреждать, что то надо понимать наоборотъ. Отношеніе челоуѣка къ міру устанавливается именно суммой его знаній, т.-е. наукой, въ каждый данный моментъ ея развитія. Графъ, какъ мольеровскій докторъ, измѣнилъ все это и печень у него очутилась на лѣвой сторонѣ, а сердце на правой. Понятно, что у него дальше выходитъ такая странная штука, что для познанія (замѣтите, не вѣрованія, а познанія) отношенія съ окружающему міру или началу его челоуѣку не нужно ни философскихъ, ни научныхъ знаній, а нужно только отреченіе отъ суеты міра. Оттого-то русскій полуграмотный мужикъ *„безъ малѣйшаго усилія мысли“* (?) признаетъ смыслъ жизни въ томъ самомъ, въ чемъ его полагали величайшіе мудрецы міра...“ Основныхъ отношеній челоуѣка въ міру, по мнѣнію графа, только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное и 3) христіанское или божеское. На этомъ и зиждется классификація религій, причѣмъ происходитъ то любопытное явленіе, что браманизмъ и буддизмъ, да и другія религии, перескакиваютъ у графа то въ первую, то во вторую, то даже въ третью изъ этихъ категорій.

Однако, довольно. Но вотъ что любопытно: что, если бы графу вздумалось написать статью, въ которой онъ пресерьезно бы доказывалъ, что земля на трехъ китахъ стоитъ или что солнце вокругъ земли обращается, — нашелъ ли бы онъ общелитературный журналъ, который эту статью согласился бы напечатать? И, притомъ, тоже серьезно, безъ оговорокъ. Мы полагаемъ, что нашелся бы. Ужъ очень мы большіе идолопоклонники.

Январская книга журнала *Миръ Божій* составлена очень хорошо. Кромѣ статьи г. Иванова о Тургеневѣ, перевода статьи Фуллѣ: *Характеръ и разумъ* и очерка г. Гарина, о которомъ мы говорили выше.

журналъ даетъ начало романа г. Станюковича: *Исторія одной жизни* и начало статьи проф. Милюкова: *Очерки по исторіи русской культуры*. Намъ пріятно отмѣтить, что на этотъ разъ почтенный беллетристъ выбралъ очень удачно интересную тему: жизнь уличныхъ дѣтѣ и разнаго ночлежнаго столичнаго люда. Жизнь этихъ отбросовъ, вторыми какъ деревня, такъ и разные слои городского населенія, награждаютъ наши большіе города, недостаточно изслѣдована и др г. Станюковича это можетъ быть такимъ же золотымъ руномъ, каковы была жизнь моряковъ. Уже въ самомъ началѣ своего новаго романа г. Станюковичъ намѣтилъ типъ, довольно оригинальный и свѣжій—типъ золоторотца изъ культурныхъ людей, бывшаго барина Опольск, извѣстнаго въ трущобахъ подъ именемъ графа.

Проф. Милюковъ напечаталъ пока только введеніе къ своимъ *Очеркамъ по исторіи русской культуры*, въ которомъ онъ излагаетъ общіе историко-философскіе свои взгляды и устанавливаетъ цѣль и содержаніе очерковъ. Слѣдующія слова г. Милюкова могутъ служить выраженіемъ его общихъ историко-философскихъ воззрѣній: „Возможности распространенія общественнаго сознания въ массѣ мы отрицать не можемъ, а, слѣдовательно, не можемъ и указать границы, на которой должно остановиться развитіе сознательнаго социальнаго поведения массы. Двигающія пружины человѣческой психологіи всегда останутся однѣ и тѣ же. Стремленіе поддержать собственное существованіе и продлить существованіе рода, потребность выполнять функціи человѣческаго организма, физическаго и психическаго, всегда будутъ разнообразиться до безконечности и средства достиженія безконечно развиваться въ направленіи большей сложности и цѣлесообразности. Путь, которымъ можно придти къ замѣнѣ стихійнаго историческаго процесса сознательнымъ, только одинъ: замѣна общественно-цѣлесообразныхъ поступковъ личностей общественно-цѣлесообразнымъ поведеніемъ массы“. Цѣль очерковъ—изображеніе „основныхъ явленій и процессовъ, которые характеризуютъ русскую общественную эволюцію“. „Найдутся, вѣроятно, критики,—замѣчаетъ авторъ,—которымъ самая понята покажется рискованной и преждевременной при современномъ состояніи науки. Но въ подобной книгѣ существуетъ несомнѣнная потребность не только среди читающей публики, но и среди специалистовъ. Очерки, можетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя дадутъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, изслѣдованію...“ Таковы задачи, поставленные себѣ г. Милюковымъ. Отъ души привѣтствуемъ его попытку и желаемъ ей успѣха.

Русское Обозрѣніе, помѣщая новый большой романъ г. Щеглова: *Милліонъ терзаній*, сочло нужнымъ помѣстить небольшую критическую замѣтку о произведеніяхъ этого беллетриста, въ которой наша журнальная критика упрекается въ замалчиваніи этого писателя, причѣмъ, конечно, такое замалчиваніе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Щегловъ писатель независимый и не поддѣляется къ какому-нибудь литературному лагерю. Объясненіе, очевидно, невѣрное. Мало ли писателей, несомнѣнно принадлежащихъ къ какому-нибудь лагерю, встрѣчали суровые отзывы отъ критиковъ этого же лагеря, и, наоборотъ, развѣ не въ либеральномъ лагерѣ Достоевскій, наприм., бывшій яростнымъ врагомъ либераловъ, нашелъ и самое горячее признаніе, и самую безпристрастную оцѣнку? Что касается г. Щеглова, то онъ несомнѣнно талантливый человѣкъ. Назвать его сатирикомъ, какъ это дѣлаетъ критикъ *Русскаго Обозрѣнія*, было бы очень смѣло, но и

умиѣнно, что онъ юмористъ настоящій и, пожалуй, обладающій достаточною силой, чтобы возбудить нѣкоторое вниманіе публики и критика. Несомнѣнно также, что онъ искренній писатель, т.-е. душевно и искренно относится къ описываемымъ имъ лицамъ и событіямъ, но...

нѣтъ можно сказать то же, что г. Венгеровъ сказалъ о Дружининѣ: въ не тори и не вигъ, не консерваторъ и не либераль, онъ просто индифферентистъ, т.-е. онъ не имѣетъ никакихъ общественныхъ убѣжденій. Онъ настоящій писатель недавней, еще не вполне закончившейся эпохи; не даромъ онъ и выступилъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ своемъ писательскомъ темпераментѣ онъ отразилъ основныя черты той печальной эпохи. Индифферентизмъ совсѣмъ не безпристрастіе, — то совсѣмъ не то даже, чтобы человекъ „добру и злу внималъ равнодушно“. Нѣтъ, это просто безсиліе, это боязнь шума, связаннаго съ общественною жизнью, это — залѣзаніе въ свою раковинку, крохотную, прекрохотную, это — преимущественное и любовное занятіе ничего не значущими мелочами. Для художника или для беллетриста даже ничего не можетъ быть губительнѣе этихъ свойствъ; они — особаго рода патентъ на равнодушіе и невниманіе публики въ настоящемъ и на полное и безнадежное забвеніе въ будущемъ. Печальная судьба Дружинина, талантливаго, несомнѣнно талантливаго, беллетриста и критика, грозитъ и всѣмъ писателямъ его типа, въ томъ числѣ и г. Щеглову. Г. Щегловъ не только смѣется, но и плачетъ; онъ даже часто плачетъ; но и его смѣхъ, и слезы какіе-то мелкіе, потому что направленные — то они на предметы очень маленькіе, очень жалкіе. Напримѣръ, въ одной его повѣсти герой, благородный и къ чему-то, кажется, къ простотѣ отношеній, стремящійся капитанъ, кончаетъ самоубійствомъ изъ-за несчастной любви. Кажется, чего трагичнѣе? Но такъ какъ простоты отношеній онъ ищетъ въ средѣ номерной прислуги, а райской невинности въ номерной горничной, то впечатлѣніе и получается не трагическое, а просто до жалости смѣшное, и все въ этомъ родѣ... Посмотрите, наприм., на новое произведеніе г. Щеглова. Оно несомнѣнно талантливо, читать его безъ веселаго и добродушнаго смѣха невозможно; но какіе это, въ сущности, пустяки!... Честный литераторъ, добросовѣстно относившійся къ своей работѣ, страдаетъ переутомленіемъ и находится на пути къ сумасшествію или чахоткѣ. Докторъ посылаетъ его въ Италію или, въ крайнемъ случаѣ, въ Крымъ. Безъ денегъ туда, конечно, не уѣдешь. Тутъ есть мѣсто для горечи, даже для слезъ. Но г. Щегловъ торопится къ мелочамъ; плакать ему некогда. У литератора имѣется жена, барыня бурная, нервная и рѣшительная, настоящее дитя нервной столицы, — очень хорошая и душевная барыня, но принадлежащая къ разряду безпородныхъ и доставляющая свою пылкостью и стремительностью литератору „милліонъ терзаній“. Но за то ея же рѣшительность можетъ и выручить въ критическія минуты. Она, вмѣсто Италіи и Крыма, избрѣгаетъ глухой городокъ Лукоморь — и тутъ-то начинается потѣха. Избраніе мѣста жительства, хлопоты, укладка, переѣздъ, — все это описано такъ живо и такъ смѣшно, что просто любишься искреннимъ весельемъ автора. Но, Боже мой, какая все это жалкая, ничтожная мелочь! И не та мелочь, въ которой, какъ у Гоголя или Достоевскаго, высказывается вся душа человека, вся среда, къ которой онъ принадлежитъ, — нѣтъ, это мелочь самая мелкая, самая случайная, самая внѣшняя, вродѣ дурно спитаго сюртука или бородавки на носу. Уди-

вительно ли, что критика замалчивает г. Щеглова? О чемъ тутъ говорить ей? Посмѣяться можно, но думать тутъ не о чемъ.

Разбираемая книга *Русская Обзорня* богата историко-литературными матеріалами. Прежде всего, очень любопытенъ критическій очеркъ Гончарова о его романѣ *Обрывъ*. Очеркъ этотъ написанъ знаменитымъ писателемъ для какой-то „очень высокой особы“, которая до прочтенія романа сказала, что Гончаровъ „не пощадилъ святыхъ сѣдлинъ бабушки“. Критическій очеркъ Гончарова не представляетъ, однако, простого оправданія въ странномъ упрекѣ „высокой особы“: это—довольно детальный разборъ романа. Гончаровъ предпосылаетъ разбору нѣкоторыя замѣчанія, прочесть которыхъ будетъ не бесполезно и тесеръ для очень многихъ изъ нашихъ беллетристовъ. „Искусство,—говоритъ онъ,—имѣетъ серьезную задачу совершенствовать человѣка; художникъ тотъ же мыслитель, но онъ мыслить не посредственно, а образами... Всякій изъ насъ, насколько есть таланта, стремится къ полному изображенію жизни. Талантъ имѣетъ то драгоцѣнное свойство, что онъ не можетъ искажать истину; художникъ перестаетъ быть художникомъ, какъ скоро онъ станетъ защищать софизмъ. Перестаетъ онъ также быть художникомъ, если удалится отъ образа и станетъ на почву моралиста и проповѣдника. Его дѣло изображать и изображать“. Далѣе Гончаровъ даетъ то же самое объясненіе упадка нашей художественной литературы, какое дали мы въ предыдущемъ обзорѣ. „Истинное произведеніе искусства,—говоритъ онъ,—можетъ изображать только устоявшуюся жизнь... Только то, что оставляетъ замѣтную черту жизни, что поступаетъ въ ея капиталъ, будущую основу, то и входитъ въ художественное произведеніе. Теперь старые люди, какъ и старые порядки, доживаютъ свой срокъ (и не дожили еще и до сихъ поръ; были удержаны въ жизни искусственнымъ путемъ), новые пути еще не установились. Старые художники дописываютъ старую жизнь и прежнихъ людей. Новыхъ еще нѣтъ (это невѣрно; но они, дѣйствительно, не представляютъ опредѣленныхъ фазисовъ, что для искусства и нужно). Только тогда, когда реформы установятъ жизнь и когда жизнь эта окрѣпнетъ въ прочной формѣ, тогда въ средѣ ея опредѣлятся образы людей...“ Какъ извѣстно, этого-то и не случилось. Къ сожалѣнію, Гончаровъ не удержался на высотѣ тѣхъ требованій, которыя самъ ставилъ художнику. Въ погонѣ за типомъ новыхъ людей, понять и въ особенности научить которыхъ было невозможно даже для художника большой силы, большой широты взглядовъ, болѣе разносторонняго и образованнаго,—однимъ словомъ, для Тургенева,—онъ содалъ въ своемъ Волоховѣ не типъ, а карикатуру. Онъ самъ призываетъ случайность происхожденія этой фигуры: „Въ первоначальномъ планѣ романа,—разсказываетъ онъ,—на мѣстѣ Волохова у меня предполагалась другая личность, также сильная, почти дерзкая воля, не ужившаяся въ своимъ либеральнымъ идеямъ въ службѣ и посланная на жительство въ провинцію. Вѣра также, вопреки волѣ бабушки и дѣлаго общества, увлеклась страстью къ нему и потомъ, вышедши за него замужъ, уѣхала въ Сибирь, куда послали его за политическія убѣжденія. Но я встрѣчалъ въ провинціи и въ Москвѣ нѣсколько экземпляровъ типа, подобнаго Волохову...“ И далѣе говоритъ онъ о тревогѣ общества по поводу появленія нигилистовъ. Въ этомъ разсказѣ очевидны случайность впечатлѣнія и отсутствіе изученія (встрѣтилъ—не значить изучилъ). Романъ былъ испорченъ и Гончаровъ въ этотъ моментъ пересталъ быть художникомъ.

Очень любопытна и касается весьма важнаго и доселѣ неразработаннаго основательно вопроса о самобытности развитія Россіи, или, вѣрнѣе сказать, о нѣкоторыхъ особенностяхъ этого развитія, переписка ерцена и Тургенева. Началась она по поводу романа *Дымъ*. Въ отвѣтъ на письмо Тургенева при посылкѣ экземпляра романа Герценъ пишетъ ему: „Что ты поддерживаешь Каткова, это больно видѣть; скречно признаюсь, что твой Потугинъ мнѣ надоѣлъ. Зачѣмъ ты не абылъ, половину его болтанья?“ „Я нахожу,—отвѣчаетъ ему И. С.,—то Потугинъ еще не достаточно говорить. Мнѣ кажется, что еслибъ вы понюхали то постное масло, которымъ всѣ они (славянофилы) отауютъ, ты бы нѣсколько попрдержалъ свое умиленіе“. И, въ другомъ письмѣ: „Я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ оявился въ самое время этой всеславянской пляски съ присяжкой, дѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ на съ гармошкой“... Позже по поводу статьи Герцена въ *Колоколѣ* о противоположности между Европой и Россіей И. С. пишетъ ему: „По моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода; мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ (никакого за нами специально новаго слова не предвидится. Во всякомъ случаѣ, моментъ едва ли хорошо выбранъ; теперь дѣйствительно поставленъ вопросъ: кому одолѣть, наукѣ или религіи? Съ какой тутъ тати Россія?“ Въ отвѣтъ на замѣчаніе Герцена, что онъ всегда выажался не просто „гибель“, а „гибель или кризисъ“, что есть еще ялы, которые могутъ оплодотвориться наукой и спасти организмъ, то что сама наука, не воплощаясь, не спасетъ міра, такъ какъ ей дѣла нѣтъ, „гдѣ будетъ ея фатера“, И. С. отвѣчалъ ему: „Сынъ твой, какъ человекъ положительный, вѣритъ только въ науку, а ты, романтикъ и художникъ, вѣришь въ народъ, въ особую породу людей. Ты указываешь мнѣ на Петра и говоришь: смотри, Петръ-то умираетъ! Согласенъ. Да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что Иванъ здоровъ? Ты сами достаточно обожглись, чтобы не знать, какая тамъ (въ народѣ) глушь, и темъ, и тираннія. Что же дѣлать? Возьмите науку, цивилизацію и лечите этою гомеопатіей мало-по-малу“.

Дѣтское Чтеніе, январь. Январская книжка *Дѣтскаго Чтенія* составлена весьма интересно. Г. Маминъ далъ отличный рассказъ—*Акѣ-Бозатъ* (онъ еще не конченъ); начата повѣсть изъ временъ кавказской войны Вас. И. Немировича-Данченко (*Гаврюшкинъ плѣнъ*); г. Мечъ пишетъ лѣто въ Новгородской губерніи; г-жа Пронская написала, по Пьеру Лоти, картинки изъ японской жизни, и т. д. Въ книжкѣ помѣщено много хорошо подобранныхъ свѣдѣній (*По блѣу свету*), заачь, игръ и т. п. Обращаетъ на себя вниманіе талантливая музыка Рахманинова на слова: „Славься, народу давшій свободу“. Два наивныя беллетристическія произведенія и статья г. Меча украшены рисунками гг. Литвиненко, Степанова и Чичагова. Немножко наивны сцены *Товарищъ*, но книжки онѣ не портятъ. Она даетъ высокогражданственное чтеніе, но безъ подчеркиваній морали, и много полезнѣйшихъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній. Мы вернемся къ январскому номеру *Дѣтскаго Чтенія*, когда будутъ кончены начатыя въ немъ рассказы и статьи.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля
1895 г.**

- Вовчокъ, Марко.** Козачка, Одарка, Горпина. Разкази. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1895 г. Ц. 4 коп.
- Саша. Разказъ. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1895 г. Ц. 8 коп.
- Сестра. Ледащя. Разкази. Изданіе петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1895 г. Ц. 4 к.
- Цомакионъ, А. И.** Сервантесъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Съ портретомъ Сервантеса. (Жизнь замѣчательныхъ людей). Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Мороховецъ, А. Е.** Популярное руководство къ общедоступному сельскохозяйственному счетоводству по способу „время — деньги“. Таблица примѣрнаго учета хозяйства. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Бернацкий, А. А.** Докладъ перискому экономическому обществу члена-учредителя сего общества по поводу проекта министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ учрежденіи мѣстныхъ органовъ сельско-хозяйственнаго управленія. Пермь, 1894 г.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія. Въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей А. М. Скабичевскаго. Сокращенный переводъ С. А. Браучинской. Т. I и II. Цѣна за два тома 2 р. 50 к.
- Мертвый, А. П.** Не по торному пути. Изъ воспоминаній (1878 — 1888). Изд. журнала „Хозяинъ“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Скоттъ, Вальтеръ, Редгантль.** Съ 16 рис. Въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Писключенія Нигеля. Съ 16 рис. Въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Робертъ, графъ Парижскій. Съ 12 рис. Въ сокращенномъ переводѣ Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Опасный замокъ. Съ 8 рис. Два вѣстуха. Съ 3 рис. Въ сокращенномъ переводѣ Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Сень-ронанскія воды. Съ 12 рис. Въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 40 к., въ папкѣ 50 к.
- Отчетъ пензенской общественной библиотеки М. Ю. Лермонтова за 1894 г.
- Девятнадцатый отчетъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныя товариществахъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Абрамовъ, Я. В.** Частная жизнь воскресная школы въ Харьковѣ и въ крестина школы вообще. Второе, дополненное изд. Ставрополь, 1894 г.
- Сообщенія С.-Петербургскаго комитета сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып. 3 и 9. Спб., 1894 г.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенции въ области просвѣщенія и воспитанія. Изд. второе, значительно дополненное. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ и предложенъ С.-Петербургскаго комитета грамотности спеціальной комиссіей Отдѣлу по родному языку (обученіе грамотѣ, грамматика и литература). Вып. 2-е исправленное и значительно дополненное. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пантюховъ, И. И.** О кумизь.

- Антропологическій очеркъ.** Тифлисъ, 1895 г.
- ОКОЛОВЪ, В. Д.** Москва-Самаркантъ. (Путевыя впечатлѣнія). Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- ЮНЪ, М.** Экспортныя мельницы. Къ вопросу о вывозѣ русской муки. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Сиб., 1895 г. Ц. 50 к.
- ОРМАНСКИЙ, СЕРГѢЙ (СИГМА).** Оттуда. Рассказъ. Изд. М. М. Ледерле и К°. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- ТАНЮКОВИЧЪ, К. М.** Новые морскіе рассказы и маленькіе моряки. (Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ). Изд. М. М. Ледерле и К°. Сиб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- АРЛЕНЪ, Э.** Капризная женщина. Романъ. Изд. М. М. Ледерле и К°. Сиб., 1894 г. Ц. 1 р.
- ОКОЛОВЪ, М.** Руководство къ разведенію плодового сада и уходу за нимъ. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- АЗИЛЕВСКИЙ, М.** Легенда Галеви (Абугасанъ). Его жизнь и дѣятельность. „Наша старина“. Изд. книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса, 1894 г. Ц. 15 коп.
- ГОРЕНБОЛИТЪ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXIII. Изд. К. К. Банза. Москва, 1894 г.
- КРАПАЛЬ, И. Г.** Обученіе грамотѣ и цифровому счету въ семь дней или въ семь уроковъ по „органодѣловому методу мысли“. Урокъ первый. Ч. V, для преподавателя. Кіевъ, 1895 г. Ц. 30 к.
- ЗОЖЕРЯНОВЪ, И. Н.** Какъ праздновать и празднуетъ народъ русскій Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе и Масляницу. Историческій очеркъ. Изд. М. М. Ледерле и К°. Сиб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Э., Д.** Критика безконечности. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Этчетъ дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1893 г.** Харьковъ, 1894 г.
- ЭГАРКОВА, В. В.** Къ свѣту. Рассказы для дѣтей. Съ 27 рис. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.
- КЕНТЪ, Ч.** Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. Пер. съ англійскаго Д. Головъ. Съ 109 рис. въ текстѣ. Изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Энциклопедическій словарь.** Т. XIII а. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Сиб., 1894 г.
- КАРНО, И.** Исторія французкой революціи. Пер. съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. И. Сементковскаго. 2-е изд. Ф. Павленкова. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р.
- СКАБИЧЕВСКИЙ, А. М. Н. А.** Добролюбовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Биографическій очеркъ. Съ портретомъ Добролюбова. (Жизнь замѣчательн. людей). 1894 г. Сиб., Ц. 25 к.
- Флоринскій, Тимоѳей.** Лекціи по славянскому языкованію. Ч. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 3 р.
- Къ всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ.** Иллюстрированное изданіе А. А. Алексѣева съ приложеніемъ плана выставки. Москва, 1894 г.
- Вларамбрегъ, П. И.** Тушинцы. Опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ драматической хроники „Тушино“ А. Н. Островскаго. Изд. В. Бессаль и К°. Сиб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Календарь для врачей** всѣхъ вѣдомствъ на 1896 (XXVII годъ изданія). Подъ редакціей В. К. Анрепа и Н. А. Воронихина, при постоянномъ сотрудничествѣ П. Н. Булатова. Изд. К. Л. Риккера. Сиб., 1895 г.
- Эварницкій, Д. И.** Исторія запорожскихъ козаковъ. Т. II. Съ приложеніемъ плана Желтоводской битвы. Сиб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Данилевскій, В. Я., проф.** Чувство и жизнь. Изд. книжнаго магазина П. А. Брейтгама. Харьковъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ. Т. XIX.** Изд. тамбовскаго губерн. земства. Тамбовъ, 1894 г.
- ПОГОССКИЙ, А. Э.** Злодѣи и Петька. Повѣсть. 4 изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 8 к.
- ГАРШИНЪ, В. М.** Четыре дня. Рассказъ. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 3 к.
- КОВАЛЕНСКАЯ, А. Г.** Крутиковъ. Рассказъ. 5 изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1895 г. Ц. 7 к.
- ШЕВЧЕНКО, Т. Г.** Вятрачка. Повѣсть. 2 изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1895 г. Ц. 3 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Соловки. Очерки. 2 изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 6 к.
- ГАРШИНЪ, В. М.** То, чего не было, и лягушка путешественница. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 3 к.
- Асларское дѣло. Рассказъ. Изданіе петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 3 к.
- Трусъ. Рассказъ. Изд. петербургскаго комит. грамотн. Сиб., 1894 г. Ц. 3 к.
- Гордая пальма и сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 3 к.
- Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ.** 2 изд. петербургскаго комитета грамотности. Сиб., 1894 г. Ц. 6 к.
- ПОТАПЕНКО, И. Н.** Шестеро. Рассказъ. Изд. петербургск. комитета грамотности. Сиб., 1891 г. Ц. 5 к.
- Реклю, Элизе.** Земля. Описаніе жиз-

- ни земного шара. Пер. безъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изд. А. В. Мезиеръ, подъ редакціей и съ примѣчаніями Н. А. Рубакина. Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Съ 52 рис. и 4 картами. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Верленъ, Поль.** Романсы безъ словъ. Пер. Валерія Брюсова. Москва, 1894 г.
- Кудрявцевъ, И. А.** Дѣти-пастухи. Рассказъ для дѣтей. Вятка, 1894 г. Ц. 10 к. безъ пересылки.
- Принтцъ, Н. Г.** Случайности, влияющія на судебное преобразование 1864 г. Спб., 1894 г.
- Суды подъ хлѣбъ изъ государственнаго банка. Докладъ полтавскому сальско-хозяйственному обществу. Полтава, 1894 г.
- Дмитріевъ, К. Д., агрономъ.** Обезпеченный доходъ съ имѣнія безъ капитала на веденіе хозяйства. Изд. книжнаго склада П. К. Прянишникова. Москва, 1895 г. Ц. 80 к.
- Какъ устроиться съ землею сальскому духовенству въ расчетахъ на доходъ отъ хлѣбопашества. Изд. книжнаго склада П. К. Прянишникова. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Памяти императора Александра III.** Сборникъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Изд. С. Петровскаго. Москва, 1894 г.
- Путята, Д. В.** Китай. Спб., 1895 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 25 к.
- Цело.** Ноябрьбар. Београд., 1894 г.
- Палопеженцевъ, Н. И.** Народное образованіе въ г. Ялуторовскій и Ялуторовскомъ округѣ, Тобольской губ. Ч. I. Исторія ялуторовскихъ школъ. Тобольскъ, 1894 г.
- Отчетъ о дѣятельности комиссіи, по устройству въ г. Астрахани народныхъ чтеній за 1893 г.**
- Юдль, Фр.** Этика и политическая экономія. Пер. съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Ежегодникъ Императорскихъ театровъ.** Сезонъ 1893—1894 гг. Кн. I. Спб., 1894 г.
- Мамбѣвъ, С. Н.** Рукописи библиотеки тобольскаго губернскаго музея за XVII и первую четверть XVIII столѣтій. Вып. I. Тобольскъ, 1894 г.
- Чижевъ, В. Ф.** Обзоръ сочиненій по криминальной антропологіи. Харьковъ, 1894 г.
- Платвевъ, Л. М.** Хронологія. Пособіе для учащихся при прохожденіи и повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Кашеневъ, 1894 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.
- Жбанковъ, Д. Н.** Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. Вып. I. Изд. смоленскаго губернскаго земства. Смоленскъ, 1894 г.
- Гебель, В.** Сборникъ примѣровъ и задачъ для усвоенія метрической системы мѣръ и вѣсовъ. Изд. книжнаго склада на В. В. Думнова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.
- Сельско-хозяйственный обзоръ по Омской губерніи за 1894 г.** Вып. I. Изд. на урожай. Вып. II. Результаты урожая съ 3 картограммами. Орскъ, 1894 г.
- В., В.** Малое производство въ Россіи. Вып. I. Артель въ кустарномъ производствѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Вельтовъ, Н.** Къ вопросу о россійскомъ монетическомъ взглядѣ на исторію. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Отчетъ общества конеченія о бѣднѣ и безпріятныхъ дѣлахъ въ Москвѣ и окрестностяхъ за 1893 годъ.** Москва, 1894 г.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. Изъ журнала „Вѣстникъ Восточнаго Патамія“. Москва, 1894 г. Ц. 40 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Безвѣрчій. Пьеса. Изд. петербургскаго коллегіума грамотности. Спб., 1894 г. Ц. 8 к.
- Крафтъ-Эбингъ, Р.** Судебная психологія. Пер. съ примѣчаніями и дополненіемъ по русскому законодательству Александръ Черемшанскій. Изд. К. I. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 5 р.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 91 и 97. Издан. т-ва А. Грантъ и К°. Москва, 1894 г. Цѣна отдѣльнаго выпуска на лучшей бумагѣ 40 к.
- Эпштейнъ.** Очеркъ физическихъ основаній электротехники въ общепонятномъ изложеніи. Изданіе Эггерсъ и К°. Спб., 1895 г.
- Гачковскій, Г. И.** Санитарное изслѣдованіе служащихъ на рыбнско-балтовской жел. дор. Спб., 1890 г.
- Совѣтовъ, А., и Донучаевъ, В.** Материалы по изученію русскихъ школъ. Вып. IX. Спб., 1895 г.
- Семевскій, В.** Крупное пожертваніе въ пользу рабочихъ. Спб., 1894 г.
- Положеніе о капиталѣ Михаила Александровича Сибирякова для выдачи пособій прикованнымъ рабочимъ.** Спб., 1894 г.
- Бекетовъ, В. А.** Воронежская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Отчетъ по командировкѣ отъ Императорскаго москов. общества сельскаго хозяйства. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Сибирскій торгово-промышленный календарь.** Изданіе Романова. Томскъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней,** составленное Л. Holländer'омъ, профессоромъ въ Галлѣ. Переводъ г-на Л. А. Говсѣева, подъ ред. проф. В. С. Грубе. Изданіе д-та Я. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1895 г.

- ЖИМОВЪ, Н. М.** Бѣдный Туватай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей. Для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 15 к.
- ЭГАРЪ, Альфредъ, д-ръ.** Половое влеченіе. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. г-ра Лейненберга. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- БЮИСЪ, Дж.** Жизнь и ученіе Спинозы. Пер. съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Гараповъ, Сергѣй.** Пособіе молодымъ хозяйкамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Съ приложеніемъ 16 невзданныхъ писемъ А. Н. Энгельгардта къ А. Н. Куломзину. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Харьковскій календарь на 1895 г. Годъ XXIII.** Въ двухъ книгахъ. Изд. харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Говальковскій, К. П.** Основы гигиены. Пособіе для учащихся. Ч. I. Общественная гигиена. Съ 28 рисунками въ текстѣ. Варшава, 1894 года. Ц. 2 р.
- Урошевскій, Вацлавъ (Сирко).** Якутскіе разсказы. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Амфитеатровъ, Александръ.** Оборванные струны. Ц. 1 р.
- Рева, И. М.** Сельско-хозяйственный идеалъ. (Къ вопросу объ организаціи хозяйства). Киевъ, 1895 г.
- Палладинъ, В. И.** Физиологія растений. 2 изданіе. Съ 82 рис. въ текстѣ и одною фототипіей. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Разсказы. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Акаемовъ, Н. Ѳ.** Городъ Курмышъ въ XIV—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Казань, 1895 г.
- Вундтъ, В.** Душа и мозгъ. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. „Международной библиотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Прейеръ, В. О** сохраненіи здоровья и о продолженіи жизни. Изд. „Международной библиотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Лагранжъ, Фердинандъ.** Реформа физическаго воспитанія. Изданіе Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Паульсенъ, Ф.** Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Изд. Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Рюмелинъ, Г.** Что такое социальный законъ? Изд. Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1894 г. Ц. 15 к.
- Ферре, Шарль.** Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія. Изд. Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Миттермайеръ, К.** Судь присяжныхъ и его значеніе. Изд. Г. Бейленсона и I. Юровскаго. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Скрытая Скруджъ. Святочный разсказъ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Спб., 1895 г. Ц. 9 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I Книги.

	Стр.
Веллетристика: „Новые морскіе рассказы“. К. М. Станковича.—„Сочиненія“ Виктора Гюю.—„Иллюстрированные романы“. Валтеръ Скотта.	3
Философія, психологія и педагогіка: „Вопросы Философій и Психологій“.—„Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ“. А. Фулле.—„Воспитаніе и Обученіе“.—„Introduction à la Psychologie expérimentale“, par Alfred Binet.—„Опытъ изложенія началъ общечеловѣческой философіи“. И. В. Сечина.	54
Биографіи: „Сто великихъ людей“. Изд. А. Суворина	61
Политическая экономія и статистика: „Опытъ теоретической экономіи“. В. В.—„Les syndicats professionnels“, par Ernest Mahaim.—„Артезианскій кустарный промыслъ“. В. В.—„Промыслы крестьянъ въ Европейской Россіи“. С. Ф. Руднева	—
Сельское хозяйство: „О вліяніи гѣсовъ на климатъ Швеціи“. Д-ръ Хамберга. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ, и о ихъ истребленіи“. К. Э. Линдемана. — „О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукамъ въ амбарахъ“. К. Э. Линдемана. — „Краткое описаніе жизни непарнаго шелкопряда и мѣры борьбы съ нимъ“. М. Е. Шатерникова. — „Дѣла чего устроенъ елицинскій земскій опытный участокъ и что на немъ дѣлается“. Н. В. Соболева. — „Овраги, ихъ закрѣпленіе и облѣсеніе“. Н. Ф. Сумцова.—„Сельско-хозяйственные страхованія“. Alfred'a Tomersei	71
Техническія книги: „Основанія электротехники“. А. П. Постмикова.—„Свѣтокопированіе“. Н. Р. Каминскаго. — „Практическое руководство къ примененію электричества въ промышленности“. Е. Кадія и Л. Добоста	73
Медицина: „Основы общей патологій“. Проф. В. В. Подмыскаго.—„Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1895 г.“. В. К. Анрепа и Н. А. Вороникова.—„Санитарное положеніе Тверской губ.“. М. С. Уварова	75
Учебники: „Курсъ начальной географіи“. Изд. Пантюхова. — „Настоящая книга для учащихся“. В. Лажовскаго	78
Изданія для народа: Изданія М. Кроковского.—Изданія подъ редакціей С. Шаранова.	79

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, ноябрь и декабрь. — „Вѣстникъ Европы“, январь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, январь.—„Міръ Божій“, январь.—„Русское Обзореніе“, январь.—„Дѣтское Чтеніе“, январь.	83
---	----

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 января по 1 февраля 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

ижного магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,
коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

ижный магазинъ принимаетъ на коммисію постороннія изда-
нія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты
высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку
нигъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ
быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Энкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и
рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ
предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.

Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М.
Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р.
50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.

Путевые очерки. Перев. В. М. Лавро-
ва. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Жешкова, Элиза. Повѣсти и рас-
сказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г.
Ц. 1 р. 50 к.

Одѣ, Альфонсъ. Портъ-Тарасмонъ.
(Послѣднія приключенія знаменитаго
Тартарева). Перев. М. Н. Ремезова.
Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Юноша, Клеменсъ. Сизифъ. Кар-
тинки деревенской жизни. Перев. съ
польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к.,
съ пересылкою 65 к.

де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце.
романъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна
1 руб.

Гретьль, А. И. Гарденины, ихъ двор-
ня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна
2 руб. съ пересылкою.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ.
Цѣна 1 р.

Ослѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній
русскихъ поэтовъ, составленный и из-
данный редакціею журнала „Русская
Мысль“. Цѣна 2 руб., съ пересыл. 2 р.
50 к. Подписчики на журналъ „Русская
Мысль“ за пересылку не платятъ.

Исайловскій, Н. К. Щедринъ.
(Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.

Короленко, Владиміръ. Очерки

и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна
1 руб. 50 коп. съ пересылкою.

— Очерки и рассказы. Книга вторая. (Вто-
рое изданіе). Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье
изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.

Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О плян-
ствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н.
Толстого: „Для чего люди одурманиваютъ-
ся?“ Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). На-
шихъ полей ягода. Романъ. Цѣна 1 р.,
съ пересылкою 1 р. 20 к. Подписчики
на „Русскую Мысль“ за пересылку не
платятъ.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстри-
рованная чтенія по культурной исторіи.
Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II:
Средневѣковая первовная готика. Одоб-
рено ученымъ комитетомъ министерства
народнаго просвѣщенія для учебныхъ
старшаго возраста библиотекъ учебныхъ
заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна
1-го вып. 50 коп., 2-го вып. 30 коп.

Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ
второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Богословскій, В. С., проф. Пяти-
горскія и съ ними смежныя минераль-
ныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р.
50 к., съ перес. 1 р. 80 к. Подпис-
чики на „Русскую Мысль“ за пере-
сылку не платятъ.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дна и жиз-
ни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки.
Цѣна 1 руб. съ перылкою.

— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пе-
ресылка за 1 фунтъ по разстоянію.

Чеховъ, Мих. Закрытъ. Словарь для
сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего их собирают? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мучкавъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за ними! Переводъ В. Даврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Рассказъ про смутное время на Руси. Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Некомнлагого Цѣна:

Короленько, В. Г. Убавка. Цѣна 1½ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечера и утренняя, и Божественная литургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Василия Великаго и Пржедсващенныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга общаго православнаго церковнаго пѣнія, положенаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепiano. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Читеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. к. 50 к.; сред. ф. к. 60 к.; больш. ф. к. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 8 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ коній съ картинъ русскихъ художниковъ. М. Ц. 2 р.

Альгрентъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ нитчательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-само-

учка, опытъ, наставленія грамотнаго поселка въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 1½

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Цѣна 45 к.

— Домашній перешлетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при постройкѣ каменныхъ и деревянныхъ зданій. В. лодка, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтъ и Врандтъ. Азбука естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи Сборникъ рассказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ перелѣтѣ.

Важина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ рассказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картины жизни. 39 рассказовъ Самата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Варатинскій, Е. А. Полное соф. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Безобразовъ. Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1890 г. Ц. 24 р.

Безъ, Д-ръ. Построеніе деревяннаго лѣстница. 1890 г. Ц. 1 р.

Бендицулъ, Альбертъ. Въ курсу о школьныхъ скамьяхъ. Офф. в. кладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Веръ, Альфредъ. Гигіена сафана. Общедоступное изложженіе, какъ предохранять и лечить себя отъ сафана. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Вергергофъ, Г. Руководство для агрономовъ, обобщеніе и доработка. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Вернетъ, Френсисъ. Исторія медальнаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ перелѣтѣ 1 р. 50 к.

Вергера, Поль. Спутникъ малоросныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Вибиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Виблотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе тканей. М., 1892 г. Ц. 40 к.

олоченіе и серебреніе деревян. издѣ-
 л. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
 лютека-грешка. Миниатюрное изданіе,
 скошно-отпечатанное, содержащее въ
 66 отдѣльных произведеніи лучшихъ
 русскихъ писателей: Пушкина, Лермон-
 ова, Грибоедова, Фонъ-Визина, Коль-
 ова, Карамзина, Богдановича и ин. др.
 лейвъ. Изданіе Ф. А. Югансона. Цѣна
 10, 15 и 20 к. за книжку.
 ЭККИ. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб.,
 191 г. Ц. 75 к.
 ЭКЛОВЪ. За фактами и цифрами. М.,
 194 г. Ц. 1 р.
 ОКЪ, Морисъ. Матери великихъ
 одей. Пер. съ франц. Н. М. Дементье-
 й, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
 ОКЪ, Ю. Велоспектъ, его значеніе
 и здоровья, практическое примѣненіе,
 кодъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М.,
 193 г. Ц. въ перешлѣтѣ 2 р.
 БОРЫКИНЪ, П. Д. Трупъ. Раз-
 казъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
 РОДИНЪ, И. Весна, русская жизнь
 природы. Сборникъ для дѣтскаго чтен-
 ія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
 Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е).
 Мб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
 РАЙСЪ, Джемсъ. Американская
 республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть
 I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц.
 I. р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р.
 0 к. М. 90 г.
 РАУНЪ, М., проф. Какъ заражается
 оловѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г.
 Ц. 15 к.
 РАТОНЪ. Электрическіе звонки. Прак-
 тическое руководство для любителей.
 Мб., 1890 г. Ц. 1 р.
 Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе
 къ соч. „Жизнь животных“). Спб., 1891
 гда. Ц. 2 р.
 РАЙКНЕРЪ. Потемкинъ. Спб., 1891 г.
 Ц. 2 р. 50 к.
 РАЙСЪ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
 РАЙСЪ, Эрнестъ. Красота и не-
 достатки человѣческихъ формъ. Кіевъ,
 1894 г. Ц. 1 р.
 РАЙСЪ, А. Жизнь животныхъ. 180 ви-
 дусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за
 выпускъ.
 РАЙСЪ. Комнатныя пѣвчія птицы. М.,
 1876 г. Ц. 75 к.
 РАЙСЪ, Гастонъ. Римская религія
 отъ Августа до Автоніановъ. Перев. М.
 Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.
 Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Кор-
 сакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.
 Изданіе янчества. Пер. подъ ред.
 и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р.
 М., 1892 г.
 РАЙСЪ, Н. Задачникъ къ аримети-
 кѣ дѣльныхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц.
 25 коп.
 Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ
 чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариметикѣ. Цѣна
 числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
 — Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
 БУТОВСКІЙ, В. И. Русское искусство
 и мнѣнія о немъ Е. Воле-де-Дюка и
 Ф. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
 БУТСЪ, Вильямъ. Въ трудоблажъ
 Англии. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
 БЪЕРНСТЪЕРНЕ-БЪЕРНСОНЪ. Но-
 выя вѣдѣнія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г.
 Ц. каждой части 35 к.
 — Леонарда (драма). Новая система (дра-
 ма). Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
 — Новобрачные (комедія). 1865 г. Си-
 гурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Бан-
 кротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г.
 Ц. 35 к.
 — Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1893 г.
 Ц. 35 к.
 — По Божьему пути. Романъ. Кіевъ,
 1894 г. Ц. 35 к.
 БАРЪ, АДОЛЬФЪ. Исторія всемірной
 торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876
 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
 БАРЪ, ПОЛЬ. Первые понятія о зооло-
 гіи. (8-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
 В. В. Артель въ кустарномъ промышлѣ.
 Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
 — Очерки теоретической экономіи. Спб.,
 1895 г. Ц. 2 р.
 — Наши направленія. Спб., 1893 года.
 Ц. 1 р. 50 к.
 — Прогрессивныя теченія въ крестьян-
 скомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна
 1 р. 35 к.
 — Итоги экономическаго изслѣдованія Рос-
 сіи по даннымъ земской статистики. Т. I
 Крестьянская община. М., 1892 г. Ц.
 3 р. 50 к.
 ВАГНЕРЪ. Химическая технологія. Спб.,
 1892 г. Ц. 8 р.
 — Какъ приобрятаются болѣзни желудка.
 Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
 ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТЪ. Иллюстр. рома-
 ны: 1) замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о
 Монрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи;
 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Мо-
 настиръ; 8) Ламермурская невѣста; 9)
 Черный карликъ; 10) Перевиль Пикъ;
 11) Пиратъ; 12) Обрученные; 13) Ве-
 верлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ
 Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17)
 Робъ-Рой; 18) Ричардъ Лыное Сердце;
 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн.
 40 к.
 — Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г.
 Ц. 2 р.
 ВАЦКОВЪ. Полный варманнъ техникъ.
 Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
 ВАРИО, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г.
 Ц. 1 р.
 ВАРМИНГЪ, д-ръ. Систематика ра-
 стеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.
 ВАХТЕРОВЪ, В. П. Всеобщее началь-
 ное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
 ВЕБЕРЪ, Георгъ. Всеобщая исто-

- рия. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 6 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Веделе, Францъ.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитков для безубойнаго житія, съ вступительною статьей о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣнншій бытъ народовъ съ древѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верещагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Виноградовъ.** Extremologia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федовъ.** Диалогъ объ идеѣ „бессмертія“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.
- Книга 10, 11 и 12. Кіевъ, 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** Опытательныхъ вѣстникъ. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I. Ц. 45 к. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 50 к.
- Руководство къ русской азбукѣ. Ц. 1 коп.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. I. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальн. стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскихъ народовъ. Ч. I. Жители вост. (с 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к. переплетъ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣв. (с 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. 3 р. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
- На отдыхѣ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р. 10 коп. 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработанное). Спб. Ц. 2 р.
- Одномоментныя дѣтскія рисунки. (Мушкетеры). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на блгоумъ свѣтѣ живутъ Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровскій, П.** Устройство и домахъ электрическаго освѣщенія и телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ машинномъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Войславъ.** Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна Пер. съ нѣмек. Ц. 2 р. 75 к. въ переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Вундтъ.** Душа и мозгъ. Одесса 1891 года. Ц. 20 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примененная къ сферическимъ зеркаламъ и линзамъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаймъ, Р. Герднеръ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. к. 5 р. и Т. II к. 5 р. М., 1888 г.

- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Амбурцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Ано, А.** Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество.** Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Арейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Персеова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Аринъ, Н.** Дѣтство Тѣми. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Артманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Артвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Геддингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Слб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гнействъ, Рудольфъ.** Исторія государствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Слб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Слб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія жезъно-дорожнаго дѣла. Слб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Слб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Горацій Сатурн.** Переводъ съ подстроич. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Горацій.** Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Салиустій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнъ, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Вальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Слб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Слб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 4 р. 50 к., безъ переплета п. 4 р. 20 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящ. колен. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Слб., 1892 года. Ц. 2 р.
- ГРИММЪ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- ГРИММЪ, БРАТЯ.** Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- ГРИММЪ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Слб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго

- варола. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М., 1892 г.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Грехомъ. Ж. Ж. Русо.** Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ. Механика.** Изд. 2-е. Сиб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густафсонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ шведск. изданія. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гюго. Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Сиб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Сиб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Демосеенъ.** Оливерскія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филипп. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефов.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1898 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джеромъ, К.** Праздники мысли глѣтала. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Сиб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Сиб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ новѣстей и разказовъ К. Баранцевича, А. Бариковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣвова, Д. Мамнина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Сторжъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П.** Разказы, очерки и наброски. Сиб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перепл. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1898 г.
- Дрәперъ, Д. В.** Исторія умственного развитія Европы. Въ 2-хъ том. Сиб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Дѣтское Чтеніе. XXV.** Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяковскій. Сиб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 15 р.
- Объ историческомъ наслѣдствіи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1871. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноескимъ и Янъ Гусъ. I. 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Месодій, первоучитель славянской. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтніи для кончины бл. Месодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Материалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Сиб., за два тома 6 р.
- Европейская библіотека.** Генрихъ Пбссъ. Стаскивецъ. Сиб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мисли Сафира. Сиб., 1894. Ц. 30.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Сиб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Тель, Ипполитъ: „Вальсакъ“. Сиб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Сиб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Ешпательевскій, С. Я.** Очерки Сибиря. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Жакъ, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Женэ, Рудольфъ.** Шекспиръ, ет жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стерженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вальра. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жукъ.** Дитя. Дневникъ матери. Сиб., 1892 г.
- Жуковъ, Николай.** Электрогальванія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 руб.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалла, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣн 2 р. 50 коп.
- Жѣ.** Задача по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Сиб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Кузнецовъ и древній Стунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., впресылка за 1 ф. по разсылкѣю.
- Записки желудка.** Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Сиб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. В.** Задуманные разказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Сиб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе.** (Игра-зага

(для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкою 25 коп.

коны о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоф. фид.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

ЭЛИНСКІЙ, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній Н. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

ЭЛИНСКІЙ. Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Справочный словарь буквъ ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Критическій комментарий къ сочиненію Ѡ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.

Златовратскій. Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Юланти и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Верта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Изъ дневника Амелия. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Иллюстрированная сказочная бібліотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Пороровской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894^{1/2} года.

Инграмъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадія. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Кантъ, Иммануилъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кандезъ, Ѡ. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.

Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.

Каронинъ (Петропавловскій). Рассказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Каро, Ѡ. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.

Каррьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.

- Капцоліно, Пр.** Гигіена уха. Кієвъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлава З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халавскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кієвъ, 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кієвъ, 1893 г. Ц. 85 к.
- Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грыпкомъ Основьяненкомъ. Кієвъ, 1894 г. Ц. 85 к.
- Кенигсбергъ, М. М.,** д-ръ мед. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиени въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенанъ, Джорджъ.** Стенная жизнь въ Сибирѣ. Слб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кесслеръ.** Святаякъ съ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетаріанства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 80 коп.
- Кистяковский, А. Ѳ.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кієвъ, 1891 г. Часть обща. Цѣна 4 р.
- Кнейпъ, Севастьянъ.** Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кієвъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобенко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.** Изд. 3-е. Слб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Слб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А.** Борьба за счастье. Кієвъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Слб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскош. переплетѣ.
- Кольбе.** Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кієвъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Королчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Слб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Слб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренбитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 ч. Ц. каждого вып. 40 к. М., 1892—1901 года (всего будетъ 35—40 выпусков).
- Корнигъ.** Первый выѣзъ и первое изданіе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена дѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Намъ другъ, книга для чтенія въ школахъ и домахъ (16 изд.). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общественные руководствъ къ земледѣлію (Изд. 2). Слб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобреніе чернозема. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочныя книжки по винокуренію для лицъ изъ цѣннаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Слб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О мѣзѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи мѣзъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1842. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя р-стенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Слб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
- Краффтъ-Эбингъ.** О здоровьи и больныахъ нервахъ. М., 1886 г. Ц. 75 коп.
- Крестовскій, В. (псевдонимъ).** Альбомъ, группы и портреты. Слб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о родинѣ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
- Криста, М.** Конекъ крайперовой шкатулки Льва Толстого. Слб., Ц. 30 к.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кієвъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Кієвъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Слб. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. въ роскош. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунками въ текстѣ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстроч. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кієвъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 8-е. Кієвъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кієвъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Кієвъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ.** Руководствъ къ исторіи искусства, обработан. Любк. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунками

текстѣ, ч 5 р. М. 1869 г.; т. II, ч. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.

— Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.

Кузьминскій, К. Н. Устройство сценны для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Слб., 1894 г. Ц. 50 к.

Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.

— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.

Куно - Фишеръ. Леснигъ, какъ преобразователь вѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Слб., 1875 г. Ц. 2 р.

Курцусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.

Лабуль, Эдуардъ. Голубья сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Слб., 1894 г. Ц. 3 р.

Лавелъ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.

Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (часть 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.

Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полт. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.

Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.

Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Леонтьевъ, Н. И. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Слб. 1893 г. Ц. 1 р.

Лессингъ, Г. Миня фонъ-Барнгамель. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.

— Дратягъ. соч.: Миня фонъ Барнгамель, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Слб. 1886 г. Ц. 2 р.

Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Исторія Рима отъ основанія города. Книжки I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.

— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.

Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ли, Ионасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Лихіе наѣзники. (Шутка - задачка для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.

Лотце, Германъ. Микровозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи чловѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.

Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Соч. Т. I. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія. Т. II-ой. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.

Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физиологія чловѣка. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Въѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.

— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— На волось. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ волн. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.

Любке, Вильгельмъ. Исторія платики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.

Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (повѣи). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.

Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старинны. Историческіе разсказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ пачкѣ 1 р., въ коленкоромъ переплетѣ 1 р. 80 к.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Слб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхождение современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣх. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Мартиновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Константъ. Философы и полит.-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Материалы для биографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р. — Галлей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Слб., 1877 г. Ц. 1 р. 60 к.

Мауреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачетъ, Григорій. Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повесть. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Между прочимъ. Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная Библиотека. Рименинъ. Что такое социальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Маттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к.

Международная библиотека. № 1. Ферд. Брюкнеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амеръ Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнеттеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рюше. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тевъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11.

Луио Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ члвкѣ. Ц. 15 к. № 13. Десля Стефанъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законъ культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхождение семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчинъ и женщинъ и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шамгаузъ о возрастахъ челоука. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Винз. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.

Мекензи, Уоллѣсъ. Россія. Т. II. Слб., 1880. Ц. 5 р.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 5 р.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Слб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к. — Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ биологіи и близкіяхъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Слб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Бритическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой современія. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Слб. 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Момсенъ, Ф. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, д. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, д. 7 р. М., 1887 г. Т. V. д. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монть-Орианъ. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. 2-я. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мудреній кругъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Лятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Лясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свѣдѣнія. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

На добрую память изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы) изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Наединъ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьернсона - Бьернстера, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Рашпева, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.

Народныя русскія сказки и загадки. Собрани сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ пакѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Гроза. Ром. въ 2 хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Вѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Оелька-рудоконь. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краи свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1898 г. Ц. 1 р., въ перешетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ П. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирийный пляжъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебномыя мировыя участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціо-

логическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нордау, Максъ. Врожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метаморфозъ“.

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библиотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 руб. 50 к.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Диварка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.

— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.

— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Хорошіе люди. Сборникъ рассказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.

П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей“. („Биографическая бібліотека“). 1) С. П. Боткинъ, 2) Д. Боккачіо, 3) Беранже, 4) Беккариа и Бентамъ, 5) Воронцовъ, 6) Ф. Г. Волковъ, 7) Гутенбергъ, 8) Янъ Гусъ, 9) Державинъ, 10) Даниэль Дефо, 11) Чарльзъ Дарвинъ, 12) Эд. Дженнеръ, 13) Данте, 14) Джорджъ Элиотъ, 15) Эдисонъ и Морзе, 16) Конфуцій, 17) Кеплеръ, 18) Канкринъ, 19) В. Н. Каразинъ, 20) С. В. Ковалевъ.

- ская, 21) Кюлье, 22) Н. Коверникъ, 23) Лессингъ, 24) Ливингстонъ, 25) М. В. Лососновъ, 26) Н. Лойола, 27) Линней, 28) Чарльзъ Ляйблль, 29) Лейбницъ, 30) Лавуазье, 31) Мирабо, 32) Мильтонъ, 33) Мейербергъ, 34) Мольтеръ, 35) Монтескьё, 36) Моцартъ, 37) А. Мицкевичъ, 38) Миколь-Анджело, 39) И. С. Никитинъ, 40) Потекинъ, 41) Пржевальскій, 42) Песталоцци, 43) Писаревъ, 44) Перовъ, 45) Рихелье, 46) Струве, 47) Сенковский, 48) Соловьевъ, 49) Сакля-Муни, 50) Свифтъ, 51) Вальтеръ-Скоттъ, 52) Стендаля, 53) Стефенсонъ и Фултонъ, 54) Теккерей, 55) Торквемада, 56) Дж. Уаттъ, 57) Франклинъ, 58) Ульрихъ Цвингли, 59) Робертъ Шуманъ, 60) Ж. Ж. Руссо, 61) Тургеневъ, 62) Федотовъ. Жизнь замѣчательныхъ людей: Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бѣляевскій, Берне, Бэконъ, Бэръ, Бетховенъ, Бонапарте, Джордано Бруно, Вагнеръ, Леонардо-де-Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарьбаaldi, Гарибальди, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракки, Грибоѣдовъ, Гумбольдъ, Григорій VII, Гюго, Даргомыжскій, Добролюбовъ, Даламбергъ, Дашкова, Демидовъ, Диккенсъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковский, Ивановъ (художн.), Иоаннъ Грозный, Кальвиль, Кавтемаръ, Кантъ, Карлейль, Карамзинъ, Кетле, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсе, Коптъ, Крамской, Корфъ, Крыловъ, Лапласъ и Эйлеръ, Лермонтовъ, Лесенсъ, Линкольнъ, Лобачевскій, Лойола, Локъ, Ломоносовъ, Маколей, Милль, Моръ, Николь, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Пяроговъ, Писемскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ротшильдъ, Руссо, Салтиковъ, Савонарола, Сервантесъ, Слобелевъ, Адамъ Смитъ, Сперанскій, Струве, Строровъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Щепкина, Юмъ.
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австралиі, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопроси Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура лѣкарственныхъ растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ аритметическѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петунниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія науки открытій. Пер. Э. Циммерманъ. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч. в 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочникъ. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 30 к.
- Критикъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за кі тома 3 р. 50 коп.
- Покровский, К.** Путеводитель по городу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры гимнастика въ отношеніи воспитанія здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическыхъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
- Покорни, д-ръ.** Общее земледѣліе. Ч. 3-я (последняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Политическѣ.** Европейскіе монархіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ Стохотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Рассказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Прессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Программы домашняго чтенія на 1894-1895 г.** Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Дрессировка адвокаты и наши присяжные дѣятели. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 коп.

утешествія В. В. Юнкера ю Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. 3. р. 50 к.

УШКИНЪ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.

Вевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Слб., 1893 г. Ц. 1 р.

Ваенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (Изд. 5). Слб. 1893 г. Ц. 3 р.

Витъ, Д. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.

ЕГЕЛЬ. Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.

Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растения. Изд. 8-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.

ЕЙЖЪ. Оптическая гигиена глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.

Еклямпъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Еккло, Э. Современные политическіе дѣятели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.

Ембольдтъ, д-ръ. Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманнинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.

Енанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.

Енто, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.

Иль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.

Ичардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.

Юзенбахъ. Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.

Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рони, Ж. До котла. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.

Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Слб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рудскій, Ал. Лѣсная таксадія. Пособіе для лѣвничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Слб., 1890 г. Ц. 3 р.

Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.

Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Слб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.

Рѣшетниковъ, Э. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Слб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.

Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.

Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Пѣтнникъ розъ“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.

Салтыковъ (Щедринъ). Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Слб., 1894 г.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.

Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Киевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.

Сборникъ рисунковъ токарныхъ надѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ надѣлій. М. Ц. 2 р.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.

Святловскій, В. В. Фабричная гигиена (163 рис.) Слб., 1891 г. Ц. 4 р.

Северъ, Риббингъ. Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.

— Бракъ Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.

Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лиманчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Слб., 1893 года. Ц. 80 к.

Сикорскій. Занзаніе. Слб., 1889 г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невнятахъ собственныхъ подданныхъ. Слб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Слб., 1893 г. Ц. 2 р.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 8-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 2 в. М., 1894 г. Ц. 25 к.

Скворцовъ. Гигиена. Слб., 1881 г.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Цыгано“ Пушкина; 2) „Мазай и зайцы“ Некрасова и

- 3) „Дѣдушка“ Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ живую коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Слезскійскій, А.** Буты военныя поселенія въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права.** Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. — Москва-Самарнадъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Соболевскій, А. И.** Фonetика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекція по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 руб. М., 1891 г.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Соннѣ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софокль.** Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (образованія учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ставровскій, Л.** Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ правовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обзорніе восточнаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Стенли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернь, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
- Столбувская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 тт. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ф. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной метода краѣвки дамскаго, дѣтскаго и верхлаго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ вѣласомъ 8 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, никоеваніе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ.** Выпускъ II. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарьныхъ работъ, составленному критично къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласъ съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Терешкевичъ.** Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Сторожко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1896 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣіе и физиологія растений. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, расширяемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Очеркъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1896 г. Ц. 55 к.
- Алфубка правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей и главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знакомъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Азбука церковно-славянская для первоначальных упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. [6 к.

Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 892 г. Ц. 5 к.

Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к. Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 10 к.

Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школь и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1898 г. Ц. 1 руб. 25 к.

Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 80 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Ихومیровъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Ихومیровъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Одентеръ, И. Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Оквилъ, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.

Олстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Киевъ, 1892 г. Ц. 15 к. - Смерть Ивана Ильича. Киевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Ораутшольдъ, Г. Основы геологіи.

Часть II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г. Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Слб., 1869 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Слб., 1869 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корна. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на вождъ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубейкой, Евгений. Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1898 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опрежденіе древесина, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1898 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Жюкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тѣньше портреты русскихъ писателей. (Для впрѣзыванія и отраженія на отѣвѣ). Пушкинъ.—Дерматовъ.—Гоголь.—Грибоедовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. А. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.

Тѣнь, Г. Тѣть Левій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тѣнь. Критическіе опыты. Слб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уильямсъ, Ж. Этима пици или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьи Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М., 1893 г. Ц. 2 руб.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Уставъ акціонерныхъ семейныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Слб. 1894 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Иисуса Христа.

- Пр. съ англійскаго **Ө. М. Матвѣева**. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Федоровъ**, Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ**, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1898 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Фельзбергъ**, Матильда. Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ**, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложенеіе теоріи Дарвина), изд. 2 е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Цѣна 50 к.
- Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
- Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Филипповъ**, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей**, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Фиске**, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фламмаріонъ**, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Флеровъ**, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древн. церковнаго языка. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ**, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ**, С. Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуатовъ**, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Француз и русскіе въ Крыму**. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ**. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ**, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Отрывки изъ сочиненій великаго философа. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фримантъ**, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакціею профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текст). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба том. М., 1892 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фульье**, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1884 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ**. Декартъ. Изд. подъ редакціею профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Хвольсонъ**, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хидая**. Комментарій мусульманскаго права. Пер. съ англійскаго языка Н. И. Гродекова. Въ 4-хъ том. Ташкентъ. 1893 г. Ц. 7 р.
- Христіановичъ**, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большой подготовкы учащихся жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Художественная Россія**. Т. I-3 Спб. 1884 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣстѣ 5 р. 2 руб.
- Цвѣтковъ**, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.
- Электрическое освѣщеніе въ практич. ныхъ къ жизни и военному искусству, (161 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I, II, 1894 г. Ц. 3 р.
- Цигенъ**, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ**. Рѣчь за царя Деятера. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). II 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поета 1891 г. Ц. 30 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милла. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 30 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америнскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калпурнія. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Луція Мурусу. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея м. ководецемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О мрзрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли объ утѣшеніи мечали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ думоныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтяхъ 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

тний починъ въ дѣлѣ народнаго обра-
 зованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
КОВЪ, АНТ. П. Жена. Рассказъ.
 ., 1894 г. Ц. 25 к.
Кривичъ. Рассказъ. М., 1893 г. Ц.
) коп.
Палата № 6. Рассказъ. М., 1893 г.
 . 35 коп.
Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Слб., 1894 г.
 . 1 р.
Рассказы. Изд. 8-е. Слб., 1894 года
 . 1 р.
Палата № 6. Изд. 3-е. Слб., 1893 г.
 . 1 р.
Каштанка. Изд. 3-е. Слб., 1893 г.
 . 50 к.
Дуэль. Изд. 4-е. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
Колетъ, Д. Руководство къ пригото-
 вленію и сжиганію фейерверковъ съ
 описаніемъ устройства электрическаго
 свѣщенія. М.; 1884 г. Ц. 2 р.
Кочеринъ, Б. Н. Положительная фи-
 лософія и единство науки. М., 1892 г.
 Ц. 3 р.
Основанія логики и метафизики. М.,
 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
**Кыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шев-
 ченка.** М., 1874 г. Ц. 1 р.
Крижановичъ, П. Опыты устрой-
 ства общеобразовательной школы. М,
 1894 г. Ц. 40 к.
Кумасовъ, К. А. Практическое
 руководство по мыловаренію. М. 1893 г.
 Ц. 40 к.
Караповъ. По русскимъ хозяйствамъ.
 М., 1893 г. Ц. 2 р.
Кажовъ, А. Очерки литературнаго
 движенія въ первую половину XIX вѣка.
 Лекція по исторіи французской литера-
 туры, читанныя на высшихъ женскихъ
 курсахъ въ Москвѣ. Слб., 1894 г. Ц.
 1 р. 50 к.
Кекспиръ. Драматическія сочиненія,
 въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ
 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
Келгуновъ, Н. В. Собраніе сочи-
 неній въ двухъ т. Слб., 1891 г. Ц. за
 2 т. 3 р.
Керръ, Иоганнъ. Шиллеръ и его
 время. М., 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
 — Всеобщая исторія литературы. Т. I и
 II. Слб., 1879 г. Ц. 4 р.
Квейеръ-Леркенфельдъ, А. Ф.
 Женщина. Ея жизнь, нравы и общест-
 вен. положеніе у всѣхъ народовъ зем-
 ного шара. Переводъ съ нѣмец. Слб.,
 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ
 съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер.
 Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
 — Заговоръ Фиско въ Генуѣ. Киевъ,
 1892 г. Ц. 25 к.
 — Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій.
 Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
 — Коварство и любовь. Пер. Гомберга.
 Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.

— Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
 — Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Ки-
 евъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика.
 Изд. 2-е. Слб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патриаршій казенный приказъ.
 М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйствен-
 ная экономія. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII
 столѣтія и XIX-го до паденія Француз-
 ской имперіи. 8 томовъ. Слб., 1868 г.
 Ц. 10 р.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педаго-
 гики, изложенная во всемірно-историче-
 скомъ развитіи и въ органической связи
 съ культурною жизнью народовъ.
 Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М.,
 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.;
 т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М.,
 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормаль-
 ности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ
 нѣмецкаго Л. Д. Стенсовича. М.,
 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви.
 Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта
 его философіи. Извлечено изъ его соч.
 Юліусомъ Фраунштеттомъ. М., 1887 г.
 Ц. 1 р. 50 к.
Шперкъ, Э. Система Снинovy. Слб.,
 1893 г.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, пи-
 томникъ и плодовой садъ. Слб., 1893 г.
 Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Штольцъ, Г. В. Великіе греческіе пи-
 сатели. Слб. 1880 г. Ц. 2 р.
 — Мнѣніи классической древности. М.,
 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
 — Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Слб.,
 1879 г. Ц. 2 р.
 — Великіе римскіе писатели. Слб., 1889 г.
 Ц. 2 р.
 — Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Слб.
 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи
 римскаго права. Въ 2-хъ вып. М.,
 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практи-
 ческое ученіе о воспитаніи и обученіи
 для семинарій и учителей народныхъ
 школъ. Киевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ш., Л. Невозможное зло. Рассказъ.
 М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чле-
 ніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая
 гігіена въ примѣненіи къ обыденной
 жизни). Слб., 1891 г. Ц. 40 к.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты
 и сидератія. Слб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцидлеръ, К. Уходъ за больными въ
 семьѣ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ нарм. Повѣсть.
 М., 1894 г. Ц. 60 к.

- Эртель, А.** Записки степняка. Очерки и рассказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 8 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Социальная жизнь животных. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южакъ, С. Н.** Афганистанъ и сопредѣльные страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Якимовъ, Н. М.** Бѣдный Тунгатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янъ.** Термехамія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Cornelli Nepotis.** Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Киевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julli.** Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Киевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
- Книжки 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
- Donjean, A.** Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Hausser.** Исторія реформации. I. 1882 г. Ц. 5 р.
- Herodoti historiaram.** Книга первая. Киевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Книжки 4, и 9. Ц. по 50 к.
- Книжки 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
- Jordan, Dr. W.** Руководство къ геодезїи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
- Jul Parreidt.** Зубы и уходъ за ними. Популярная гигиена зубовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Kercoff A. G.** Cours gradué de langue française. Parties I, II. М., 1890 г. I. 1 р. 25 к. III и IV parties. М. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Lehner, S.** Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lenhartz, H., проф.** Микроскопическія и химическія исследования у желудка больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Moscou et ses environs, gazes et monuments.** Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
- Morius, Paul, Dr.** Гигиена первобытныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Paul Julius Moscbius.** Общая гигиена первобытныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Tedeschi, V.** Пшеница малыхъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.

Иностранная книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

- L'Abeced tout petits.** Couverture en couleurs. Av. 6 grav. col. Цѣна 8 коп.
- L'Abce du premier âge.** Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.
- L'Alphabet usuel.** Av. 24 grav par Adrien-Marie. Цѣна 65 коп.
- L'Album Alphabet.** Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. Цѣна 1 р. 25 к.

Французскія книжки съ раскрашенными картами для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.

Цѣна по 5-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
- La Fête de Jeanne,** ill. par Bouisset.
- Le Mariage de Toto,** ill. par Bouisset.
- La Première Poupée,** ill. par Bouisset.
- Le Voyage de Lucie,** ill. Godefroy.

- Le Jardin de Juliette,** ill. par Godefroy.
- La Semaine de Noël,** ill. par Bouisset.
- Le Bain de Minet,** ill. par Godefroy.
- La petite fermière,** ill. par Bouisset.
- La petite Ménagère** ill. par Bouisset.

— Вторая серия.

Цѣна по 8-ми коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
- Monsieur Dumolet,** ill. par Vogel.
- Mon père m'a donné un mari,** II par Bouisset.
- Saint-Nicolas et Guilleri,** ill. par Vogel.
- Gribouille,** ill. par Steinlen.
- Il était une bergère,** ill. par Bouisset.
- Le Chevalier du Roi,** ill. par Vogel.
- M. de la Palisse,** ill. par Chovin.
- Malbraugh,** ill. par Clérico.
- Cadet Rousselle,** ill. par Faria.
- La Mère Michel,** ill. par Faria.
- Le Roi Dagobert,** ill. Chovin.

des tous petits, ill. par Bouisset.
Renard et le Corbeau, ill. par
libest.

le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

ouvrages en couleurs et 8 pages de tex-
Couverture en couleurs.
Trillon, ill. par Grivaz.
le Ponce, ill. par Vogel.
e journée, ill. par Steinlen.
be bleue, ill. par Vogel.
rot, ill. par Jozet.
saut du moulin, ill. par Tofani.
Chat botté, ill. par Myrbach.
prince Saphir, ill. par Gumery.
uet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

gravures en couleurs et 8 pages de tex-
e. Couverture en couleurs.
en le Chaneux, ill. par Chovin.
Semaine de Julie, ill. par Martin.
gnol, ill. par Job.
en L'ours, ill. par Massé.
al dans la lune, ill. par Job.
iseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy,
li. par Clérice.
pt d'un coup! D'après Grimm, ill. par
poirson.
Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

pages imprimées en gros caractères
sur papier fort. 8 gravures en couleurs.
Couverture en carton souple avec or
et couleurs.
ère et soeur, ill. par Vogel.
rgantua, ill. par Myrbach.
tite Poucette, ill. par Job.
en Quichotte, ill. par Myrbach.
binson Cruscé, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

pages imprimées en gros caractères
sur papier fort. 8 gravures très fort.
7 gravures en couleurs. Couverture en
carton souple avec or et couleurs.
e dormeur éveillé, ill. par Chovin.
es animaux domestiques, ill. par
Gambard.
li-Baba ou les 40 voleurs, ill. par
Myrbach.
u Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

contenant vers 80 ill. en couleurs, carton-
nage en couleurs.
e voyage de M-lle Rosalie, ill. par
T. Marie.
bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 82 ill. de Grigny.
Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 82 illustrat. de
Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par
Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

Книжки для чтения для детей от 5—8 лѣтъ.
Напечатанными крупнымъ шрифтомъ съ мно-
гочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цена каждая тома безъ перепл. 40 коп.
съ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me
de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andri-
veau.
Bébé en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ida, par M-me de
Paloff.
Petits amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de
de Sobol.
Mignonnettes, par M-me Noémi Balley-
guier.
Scènes enfantines, par M-me de Bos-
guérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wally.
Moi et mes poupées, par M-me de Bos-
guérard.
L'histoire d'une troupe de marion-
nettes, par M. A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle
Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme
Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor
Cahu.

Книжки для детей от 9—12 лѣтъ.

Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit homme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse
Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne ai-
guille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes
Boërs.
Muller, Eugène. Récits enfantins.
Musset, F. de M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.

Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les
glaces.

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.

Bibliothèque de l'éducation mater-
nelle illustrée.

Каждый томъ безъ перена. 1 р. 15 к., съ
перена. 1 р. 75 к.

Anfostl. Le secret de sir William.

Jacques l'abandonné.

Balleysgier. Aux garennes.

Les Rogimbot.

Mlle Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.

Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.

Boret. Histoire d'un garçon.

Carnoy. La nuit de Noël.

Hans Mertens.

Dumont. Fables pour les petits.

Le Conte. Ce bon Loff.

Jane. Le 28 jours de Suzanne.

Le Roy. Le fils de l'amiral.

Mesureur. Voyage à la mer.

Histoire d'un enfant de Paris.

Mirzel. Notre ami Polly.

Monceau. Mon petit frère.

L'enfant des Vosges.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.

Witt. L'hiver à la campagne.

Les héros modestes.

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8°.
illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill.
par Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant.
Ill. par Nac.

Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois,
ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr.
par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящ-
ная иллюстрація.

Новая изящная коллекція съ раскра-
шенными картинками по англійскому
способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm,
Dremm.—Puck—Mein Miezl.—Nach Hel-

goland.—Mutter Glaus und ihre
linge—Frau Mieze — Eichbörnchen—
Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—
Haus das Haus, baute—Der Kinder-
bus—Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch—Kaspetin
ter.—Kätzchen zu Hause—Die En-
milie.—Tick-Tack für kleine Leda.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche—Duch
und Hain—Ringel, Ringel, Rosakra-
Puppen-Gesellschaft — Die wunder-
Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern-
Kleine und grosse Freunde—Allerlei
sellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustig
Reigen—Lieblings Kurzweil—Comit
clowns—Unsere Lieblingthiere.

Нѣмецкія дѣтскія книги
удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit Ill. und
Originalzeichnungen von F. Flinker
tonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern ge-
zeichnet von Otto Speckter (Original-
Ausgabe des weltbekannten, klassischen
Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“
und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen
statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen
von Bodenstedt. Lohmeyer. Stern-
Zahlreiche Illustrationen v. Flinker, eleg-
gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heineleinmännchen
oder Reiseabenteuer einer Puppe und
eines Nussknackers. Mit vielen bunten
Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswahl
von Bildern, Märchen, Reisebeschreibungen,
Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur
2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen
Schilderungen, Lebensbeschreibungen
Gedichte etc. bearb. von Th. Schick
(Dresden). Mit zahlreichen bunten Ver-
bildern und Textillustrationen. Jedes
Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem
Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jedes
Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

er, E. Lieschens kluge Einfälle Hän-
chens Reise durch die Stube. Mariele
nd die sieben Puppen. Wie es Fritzchen
uf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit
ielen farbigen Illustrationen v. Klein-
ichel. 4 kurze Geschichten in einem Ban-
e gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
y, A. Schweizersagen. Mit Holzchnit-
en nach Original-zeichnungen deutscher
Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K.,
ur 1 R.
tka, Kinderträume. Mit zahlreichen
brächtigen Illustrationen von Claudius,
leg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
rger, Märchen aus Heimat und Fremd-
de. Mit 50 Original-Illustrationen, da-
runten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten)
in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K.,
nur 85 K.
ern, M., Anthologie für die Kinderstube.
Eine Auswahl der besten Ammenscherze,
Spielverse, Puppengedichte, Räthsel,
Fabeln, Neckmärchen Kindergebete alt-
berkömmlichen Reime, sowie vier neue-
sten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illu-
strationen von Flinzer. Pletsch, Rich-
ter, Thumann und A. eleg. gebunden,
statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
letke, Hermann. Die Kinderwelt. In
Märchen und Liedern. Mit zahlreichen
Holzschnitten nach Originalzeichnungen

deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt
1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz, Kleine illustrierte Na-
turgeschichte für die Jugend. sechste
vermehrte und vielfach verbesserte Auf-
lage Mit 179 Holzschnitten und 15 Taf-
eln Abbildungen in Farbendruck. Ele-
gant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen dunten
Bildern. 25 K.
Bilder A. B. C., oder der fleissige Les-
eschüler (mit bunten Bildern) cartonn-
irt. 25 K.
Das goldene A. B. C., für kleine fleis-
sige A. B. C. Schützen (mit vielen bun-
ten Bildern) cartonnirt. 30 K.
Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Le-
se-Unterricht. 35 K.
Gureke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit
Holzschnitten von Q. Speckter cartonn-
irt. 45 K
Dietlen, R Des Kindes erstes Lesebuch.
Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern.
Auf Grundlage des mit dem Anschauungs
unterrichte verbundenen ersten Sprech-,
Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für
Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается под-
писка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М.
Лаврова.

Русскія.

Артистъ. Театрально музыкальный и
художественный журналъ. Ежемѣсячно.
Ц. 12 р.
Афиши театральныя. Ц. съ достав.
5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Виржевыя Вѣдомости. Газета
биржи, финансовъ, торговли, политики
и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и пер-
ес. на 1-е нѣд. 15 р., на 1/2 г. 9 р.,
на 2-е нѣд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирический
съ карикатурами. Москва. Еженедѣль-
но. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Ежене-
дѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12
р., на 1/2 г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр.
журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ.
Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣль-
ный журн. съ прилож. сборника научно-
беллетристическаго содерж. Казань. Ц.
съ пер. 7 р.

Волынъ. Газета; 3 раза въ недѣлю.
Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еже-
недѣльный журналъ для народа. Ц. съ
дост. и пер. 3 р.
Восточное Обозрѣніе. Литера-
турно-политическая газета. Иркутскъ.
Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ
приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“.
Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г.
6 р.
Всемирная Иллюстрація. Боль-
шой иллюстрированный журналъ. Вы-
ходитъ еженедѣлю съ ежемѣс. л.—н.
прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ
пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначаль-
ства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исто-
ріи, политики и литературы. 12 нумер.
въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16
р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной лите-
ратуры. Ежемѣсячный журналъ. Ц.
4 р.

- Вѣстникъ Кавказа.** Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
- Гражданинъ.** Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
- Донская Пчела.** Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
- Досугъ и Дѣло.** Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпускъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
- Екатерибургская Недѣля.** Ежедневная газета. Екатерибургъ. Ц. съ перес. 6 р.
- Живописное Обзорѣе.** Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедневно, съ ежемѣсич. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
- Journal de St.-Petersbourg.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., $\frac{1}{2}$ года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
- Journal d'Odessa.** Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
- Зодичъ.** Художественно-техническій журналъ ежемѣсичный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
- Историческій Вѣстникъ.** Ежемѣсичн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Кавказъ.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
- Киевлянинъ.** Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходятъ въ Киевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 7 р.
- Книговѣдѣніе.** Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
- Край („Kraj“).** Ежемѣсичная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
- Лучъ.** Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ ежедневнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
- Московскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Ежедневная газета съ приложеніемъ ежемѣсичнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем.
- литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 11 р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконог. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- НОВЬ.** Иллюстрированный двухмѣсячный вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувеллисть.** Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прилож. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Ежедневн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. ежедневн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедневн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Ежедневно. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 30 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературы и юмористич., съ политич. нажимами. Выходитъ ежедневн. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Ежедневный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсичный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“ 13 р.
- Русская Жизнь.** Ежедневная газета. Ц. съ доставкой 8 р., съ пер. цѣной 9 р.

ское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. въ пер. 15 р. 50 к.

ская Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ 6 р.

ская. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ ежедневными и ежемѣсячными приложениями; ц. 8 р.

Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., въ пер. 18 р.

Petersb. Herald. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 1 р. 50 к. съ дост. и пер.

Petersburg-Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Вѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложениемъ романовъ и повѣстей 8 р.

вльскій Вѣстникъ. Ежедневная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

внатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

трекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Ежедневно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.

удебная Газета. Ежедневная газета. Ц. въ годъ 7 р.

вверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

вверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

ынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

- Второе изданіе безъ прилож. 4 р.

ифлискій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

ітеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Пахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Путь. Художественно-юмористическій журналъ карикатуръ. Ежедневно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і е .

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcenniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6. — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literaska. Pismo literackie iilustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powiesci, rs. 8.

Bluszez. Pismo tygodniowe iilustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 18; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemyslowo - rzemieślnicza, pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika“. Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny, w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codziennie, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcyą d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny iilustrowany, rs. 4.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik iilustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuki pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.

- Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych.** Miesięcznik, rs. 3.
- Rola.** Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
- Rolnik.** Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.
- Romans i Powieść.** 52 numera, rs. 4.
- Słowo.** Gazeta codzienna, rs. 12.
- Sylwan** piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
- Tygodnik ilustrowany,** poświęcony literaturze, nauce i sztuce pięknej, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
- Tygodnik mód i powieści.** Z dodatkami ilustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
- Tygodnik powieści.** Poznań, rs. 4.
- Tygodnik Romanów i Powieści,** rs. 4.
- Wędrowiec.** Pismo ilustr., obejmujące podróże, rs. 8.
- Wiadomości farmaceutyczne** (tytuł rocznik), rs. 5.
- Wieczory rodzinne.** Czasopismo tygodniowe ilustrowane dla dzieci, rs. 12.
- Wiek,** dziennik polityczny i społeczny, rs. 12.
- Wszechświat.** Tygodnik popularny poświęcony naukom przyrodniczym. Półrocznik, redakcją B. Znatowicza, rs. 10.
- Zdrowie,** miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.
- Zorza.** Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

МОСКОВСКИЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КРУЖОКЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Съ января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фототрафи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

Программа журнала, утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 3 іюня слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плакатовъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ лица книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) рѣшенія статьи по библиографіи; 3) библиографическія; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8^о (19×26^о), для членовъ кружка, уплатившихъ сполна годовую внось, бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на вѣленовой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ кружка.	4 р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ.	6 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	10 „
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ.	35 „
„ „ „ всѣхъ остальныхъ.	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ конціоніи Московскаго Библиографическаго кружка (Тверская, уголъ Козницкаго пер., д. Лавина), въ магазинахъ: Н. И. Мамонова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Бибикова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ *А. Д. Тороповъ*.

ОТЪ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ РОССИЙСКАГО ОБЩЕСТВА

„КРАСНАГО КРЕСТА“

19-го августа сего года истекаетъ срокъ для представленія работъ на конкурсъ въ память Императора Александра II, учрежденный Россійскимъ Обществомъ *Краснаго Креста*.

За лучшія работы, служащія для облегченія страданій раненыхъ и больныхъ воиновъ, назначено двѣ преміи:

въ 1.000 и 500 р.

Желающимъ ознакомиться съ подробными условіями конкурса, таковыя, по требованіямъ, высылаются канцеляріей Главнаго Управленія Общества (Инженерная, № 9) бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

XV ГОДЪ. **ОСКОЛКИ** **ГОДЪ XV.**

подъ редакціей и при постоянномъ участіи
Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступающій въ ПЯТНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1895 году подъ тою же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1894 году.

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщаемыхъ своихъ страницахъ въ теченіе года до 1000 юмористическихъ и карикатурныхъ и дожественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 100 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ, а именно: легкіе фельетонныя набросковъ изъ текущей жизни, разсказовъ, сценъ, шаржей, вероидочерковъ, анекдотовъ, шутокъ, изреченій, каламбуровъ, шарадъ, загадокъ и пр.

Время отъ времени редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки на преміи.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ въ КОНЦѢ 1895 года

—**БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ**—
ЮМОРЪ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО
ВЪ РИСУНКАХЪ.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:

Безъ доставки и пересылки:

На годъ съ бесплатной преміей 9 руб.

На годъ съ бесплатной преміей 8 р. — 1

На полгода безъ преміи 5 „

На полгода безъ преміи 4 „ 50

На три мѣсяца безъ преміи . . . 3 „

На три мѣсяца безъ преміи 2 „ 50

За границу на годъ 10 „

ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ПРЕМІИ ПРИПЛАТЫ НЕ ПОЛАГАЕТСЯ.

Допускается разсрочка подписной платы черезъ госноудъ казначеествъ или по иному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала „Осколки“. Подписавшіеся съ разсрочкой получаютъ премію лишь по уплатѣ всей подписной сумы.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-издатели Н. Лейкинъ и Р. Голыцъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПОСТУПИЛЪ

ВЪ ПРОДАЖУ

ТРЕТІЙ ТОМЪ СОЧИНЕНІЙ

А. ДУГОВОГО.

616 страницъ, въ 8-ю долю листа. Цѣна 2 р., пересылка по разстоянію.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій остр., 5 линія, д. 28.

Подписка по уменьшенной цѣнѣ прекращена.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ ЯНВАРСКАЯ (1-Я) КНИГА ЖУРНАЛА „ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

VI-Й ГОДЪ.

ДЕРЖАНИЕ: *Б. Н. Чичеринъ:* „Пространство и время“.—*В. А. Голышевъ:* „Саму-
ъ Пуфендорфъ“.—*Вл. С. Соловьевъ:* „Аскетическое начало въ нравственности“.—
Д. Боборыкинъ: „Природа красоты“.—*А. А. Токарскій:* „Происхождение и раз-
тве нравственныхъ чувствъ“.—*Л. О. Даршкевичъ:* „Объ интеллектуальной сферѣ
ищины“.—*М. И. Каринскій:* По поводу статьи проф. А. И. Введенскаго: „О Кантѣ
Истинномъ и воображаемомъ“.—*Кн. С. Н. Трубецкой:* „Новая книга по исто-
и греческой религіи“.—*В. Анри:* „Вопросникъ для психологическаго изслѣдованія
первыхъ воспоминаній дѣтства“.—Критика и библиографія.—*Н. Н. Данинъ:* „Письмо
въ редакцію“.—Психологическое Общество и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

в годъ (съ 1-го января 1895 г. по 1-е января 1896 г.): безъ доставки—6 р., съ до-
авкой въ Москвѣ 6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.
лены Психологическаго Общества, учащіяся, сельскіе учителя и сельскіе священ-
ики пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается
только въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, д. Раздѣловой).

Редакторы: проф. Н. Я. Греть и проф. Л. М. Лопатинъ.

15 января вышла первая (январская) книжка
ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУНАЛА

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

СО ДЕРЖАНИЕ:

I. „Акѣ-Бозать“. Разсказъ. *Д. Мамина - Сибиряка*, съ картинками
А. С. Степанова. — II. „Старушка“. Стихотвореніе *Веры Рудичъ*. —
III. „Гаврюшкинъ плѣнъ“. Съ карт. худож. *К. И. Чичагова. Вас. Из.*
Немировичъ-Данченко. — IV. „Товарищъ“. Двѣ сцены. *С. П—ва*. — V.
„Лѣто въ Новгородской губерніи“. Съ картинками худож. Литвиненко.
С. Меча. — VI. „Собратья“. Съ англійскаго. — VII. „Первые шаги Рем-
брандта (съ франц.) *И. Петрова*. — VIII. „Брошенные“. *Виктора Гюю*. —
IX. „Картинки изъ японской жизни“ (по Пьеру Лоти). *Е. Пронской*. —
X. „Акуля“. Повѣсть. *Клавдія Лукашевичъ*. — XI. „Король Малліась и
его пастухъ“ (съ франц.). *А. Васильевой*. — XII. По бѣлу свѣту: а) „Какъ
встрѣчали новый годъ въ древней Руси“. — б) „Волки-охотники“. —
в) „Миражъ“. — XIII. Музыкальный отдѣлъ: „Слава Александру II-му“,
для хора, музыка *С. В. Рахманинова*. — XIV. Шутки, игры, занятія,
задачи и проч. — XV. Рѣшенія задачъ, шарадъ и проч. — Объявленія.

Въ 1895 г. Дѣтское Чтеніе вступило въ 27 годъ своего существованія. Журналъ одобренъ Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи, главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и учебнымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. 6 р. За границу 8 р. На полгода 3 р.

Москва, Тверская, д. Гыршмана, кв. Д. И. Тихомирова.

Издатель: Е. Н. Тихомирова, Я. В. Борисовъ.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

52 №№ и 6 книгъ.

ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ, ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Редакція преслѣдуетъ цѣль распространенія научныхъ знаній, не въ смыслѣ такъ называемой „популяризаціи“, для которой существуютъ свои спеціальныя органы, и тѣмъ не менѣе, въ возможно доступной формѣ. Желая дать возможность читателямъ слѣдить за успѣхами науки, мы разсматриваемъ, по преимуществу, новѣйшія ученія, гипотезы и фактическія данныя, но не упускаемъ изъ виду и историческаго развитія науки, и открытій и изобрѣтеній чисто-практическаго характера. Программа журнала: 1) Статьи общаго характера по всѣмъ отраслямъ научнаго знанія. 2) Библіографія. 3) Научныя новости. 4) Задачи. 5) Отвѣты редакціи. Въ 1894 году въ журналѣ принимали участіе слѣдующіе авторы: проф. А. Бекетовъ, д-ръ физ. Г. Брутоферъ, проф. Н. Вагнеръ, министр В. Вагнеръ, проф. М. Галичъ, проф. С. Глазенацъ, проф. Л. Кемпфербергъ, прив.-доц. д-ръ Бурдескскій, В. В. Лесевичъ, проф. Н. Либковъ, д-ръ зоол. В. Михайловъ, проф. Нр. Сковрцовъ, проф. И. Холодовскій, проф. В. Шимкевичъ, проф. П. Шиффъ, предсѣд. Нижегород. астроном. кружка С. Щербаковъ и мн. др. Кромѣ названныхъ лицъ, обѣщали участіе въ 1895 г. проф. Нестрашицъ, акад. А. О. Ковалевскій, проф. Лесафть, Н. К. Михайловскій, Францъ Нитти (проф. Неапол. унив.), С. Южаковъ и др.

Въ числѣ приложеній будутъ даны капитальныя переводныя сочиненія: *Чарльзъ Дарвинъ*. Происхожденіе видовъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія—Риб. Современная германская психологія.—Уэббъ. Астрономическіе объекты.—Одно сочиненіе по физикѣ.—Краткій словарь научныхъ терминовъ.—Русскій астрономическій календарь, сост. Нижегород. кружкомъ.

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ЗА 1894 ГОДЪ

для подписчиковъ на 1895 годъ 6 руб. съ пер. и дост., для не подписчиковъ 7 руб. (Осталось около ста экземпляровъ).

Отдѣльныя приложенія за 1894 годъ только слѣдующія: 1) Спенсеръ. Недостаточность естеств. подбора. Ц. 40 к. 2) Дарвинъ. Истинникъ. Посмертное сочин. Ц. 30 к. 3) Герцъ. Электрическая сила. 4) Эльсъ. Опыты по физиологій растений. Ц. 50 к. 5) Брокъ и Жаке. Кожныя болѣзни. Ц. 50 к. 6) Микроскопъ и телескопъ. Ц. 40 к. (Цѣны безъ пересылки). У Карбасникова, Риккера, Щеланскаго, Цинзерлинга, Волфа Стасюлевича и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб. съ перес. и дост. За границу 10 руб. На полгода 4 руб., на четверть года (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 сентября) 2 руб. съ перес. и дост. На четверть года можно подписываться только въ главной конторѣ. При обращеніи въ редакцію допускается рассрочка 1 руб. въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы послѣдній взносъ былъ сдѣланъ не позднѣе 1 сентября.

Адресъ ред. и глав. конторы: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24. Читателямъ просятъ обращаться преимущественно въ главную контору.

Въ журналѣ принимаются объявленія по 25 к. за строку петица въ 1 столб. Отдѣльныя приложенія по 8 р. съ 1,000 и съ лота.

Ред.-изд. д-ръ философій М. Фришманъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ И К^О

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

поступили въ продажу, между прочимъ, слѣдующія новыя книги:

- ерклеза, Е.** Практическіе совѣты по садоводству. Яблоня и груша. 87 рис. сдѣланы съ натуры авторомъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- гудей, Людв.** Золотой осель. Переводъ съ латинскаго Н. М. Соколова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- рикольдъ, Ф. К.** Исторія гѣсоводства въ Россіи, Франціи и Германіи. Спб., 1895 г. Ц. 8 р.
- эльствей, Е.** Къ вопросу о развитіи монастыскаго взгляда на исторію. Отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и ком. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Эльсверъ, Антолида.** Миронева работница. Разсказъ для дѣтей 9—15 лѣтъ. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- ельдець, В. А.** Литературныя очерки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- ордонъ, Л. А.** Д-ръ. Гигіена уха съ нагляднымъ изложеніемъ устройства и отправления слухового аппарата. Съ 27 рисунками въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- урфликель, А. М.** Д-ръ. Дѣтя и уходъ за ними. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- одль, Фр.** Этика и политическая экономія. Переводъ съ нѣм. А. Острогорскаго. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Семковъ, А. А., проф.** Религія графа Л. Н. Толстаго, его ученіе о жизни и любви. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Семковъ, Н.** Словарь церковно-славянскаго языка новаго періода на Новій Завѣтъ, Псалтирь, Богослужебные каноны и тѣ отрывки изъ книгъ ветхаго Завѣта, какіе помѣщены въ учебныхъ книгахъ по церков. - слав. языку Н. Ильчнскаго, Грушевскаго и другихъ. Самара, 1894 г. Ц. 50 к.
- Доказъ, поручикъ.** Царь-миротворецъ Александръ III, Императоръ Всероссійскій. Чтеніе для солдатъ и народа. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Эльсверъ, Дж.** Жизнь и ученіе Спинозы. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Медеръ, Н. В.** О томъ, какого вида земля и какъ она велика. Отчего бываетъ день и ночь, весна, лѣто, осень и зима. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Михульцъ, В.** Мамочка отравилась. Очеркъ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Мунтъ, А. (Валуевъ) и Павской.** Въ Неволѣ и на волѣ. Прыгуныя и Ключка. Разсказъ для маленькыхъ дѣтей. Съ рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ съ наложеннымъ платежомъ.**
- На помощь матерямъ.** Посвященное вопросамъ воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Нейштубе, С. Т.** Торговля домашнею птицей и дичью въ Россіи. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Павловъ-Сивилановскій, Н.** Люди кабалные и докладные. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Песодскій, Н.** Столярное, токарное и плотничное ремесла. (Сокращенный курсъ). Съ 350 рус. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Песодскій А.** Церковь святыхъ Живоначальныхъ Троицы лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Свѣтловъ, В.** Золоченая богема. Романъ изъ петербур. жизни. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Севкевичъ, Гекрихъ.** Пойдемъ за ними! М., 1895 г. Ц. 5 к.
- Огонь и мечомъ. Историческій романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сѣрошевскій, Вацлавъ (Сирка).** Якутскіе разсказы. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Стажковичъ, К. Ж.** Новые морскіе разсказы и маленькіе моряки. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Уггеръ, д-ръ.** Естественное и искусственное вскармливаніе грудныхъ дѣтей. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Дѣтское въ Шатеркѣ.** Первоначальная книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктовокъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Чеховъ, Ан.** Повѣсти и разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ж.** Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чернышевскій, М. Н.** Критическія статьи. Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Островскій, Л. Толстой, Щегривъ и др. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Шлектендаль и Влите.** Определитель насекомыхъ, введеніе въ ихъ изученіе. Изд. 2-е испрвл. Съ 15 таблицами рисун. М., 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Эберсъ, Георгъ.** Невамѣнные сказки. Спб., 1894 г. Ц. 15 к.
- Эльсверъ, Вальтеръ.** Опыты по физиологіи растеній. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ягларевъ, Р. А.** Дѣтскіе типы въ произведеніяхъ Достоевскаго. Психологическіе этюды. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.

Образовательныя игры и занятія для дѣтей въ дешевыхъ изданіяхъ Вл. Ал. Попова.

Поступила въ продажу новая серія изданій
ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

Сладкія картинки, служащія иллюстраціями къ доступнымъ пониманію дѣтей прозаическимъ избраннымъ русскимъ авторамъ, съ приложеніемъ краткихъ біографій писателей и портретовъ ихъ и самихъ произведеній.

ВЫШЛИ ТРИ КАРТИНКИ:

1. Цыгане—Александра Сергѣевича Пушкина.
2. Заяцъ и зайцы—Николая Алексѣевича Некрасова.
3. Дѣдушка—Ивана Саввича Никитана.

Пересылка названной серіи за 1 ф. по разстоянію. Каждая картинка со всеми къ ней приложеніями заключена въ нащупную коробку. Цѣна каждой 45 коп.

РАНѢЕ ВЫШЕДШІЯ ИЗДАНІЯ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА:

1. Ручныя тѣни (любимая дѣтская забава). Ц. 15 к.
2. Затруднительное путешествіе (игра-задача). Ц. 15 к.
3. Лихіе наѣздки (шутка-задача). Ц. 10 к.

Пересылка всей серіи 10 коп., съ налог. платеж. 20 коп.

Примѣчаніе: Пересылка обихъ вышеозначенныхъ серій — за 1 ф. по разстоянію
ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА:

1. Тѣневые портреты русскихъ писателей (для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ или потолкѣ). Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Грибѣдовъ, Крыловъ, Кольцовъ, Тургеневъ, Некрасовъ и гр. Толстой. Всѣ 9 портретовъ въ обложкѣ, съ руководствомъ. Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

2. Замысловатый квадратъ (головоломка, развивающая дѣтскую сообразительность). Въ коробкѣ, съ предисловіемъ и чертежомъ. Ц. 25 к.

3. Мудреный кругъ (тоже). Ц. 25 к.

Пересылка всей серіи за 1 ф. по разстоянію.

Примѣчаніе: Изданія высылаются съ наложеннымъ платежъ, по первому требованію (по желанію — отдѣльно), причемъ высылающіе **ВСѢ ТРИ СЕРІИ** сразу платятъ пересылочныхъ за 2 ф. по разстоянію.

Главный складъ у издателя Владиміра Алексѣевича Попова (г. Ораніенбаумъ, Петербургской губ., Дворцовый просп., д. Коновалова), куда гг. иногородніе и благоволящіе обращаться съ требованіями.

ОТЪ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ РОССІЙСКАГО ОБЩЕСТВА

КРАСНАГО КРЕСТА.

Главное управленіе Россійскаго общества Краснаго Креста, принявъ на себя, по предложенію министерства финансовъ, устройство отдѣла общества Краснаго Креста на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 году, приглашаетъ учрежденія и лица, желающія участвовать въ отдѣлѣ общества своими произведеніями, имѣющими отношеніе къ дѣятельности общества, безотлагательно заявить о томъ. Къ дѣятельности Краснаго Креста относятся: предметы госпитальнаго снаряженія, типы постоянныхъ и подвижныхъ барановъ, предметы, касающіеся эвакуаціи больныхъ по желѣзнымъ, грунтовымъ и водянымъ путямъ, протезы, носилки и вообще все служащее для облегченія страданій больныхъ и раненыхъ.

Заявленія должны быть сообщены главному управленію общества (Инженерная, № 9) не позже 1 марта, съ указаніемъ, что предполагается выставить, а также въ натуральную ли величину, въ моделѣ или чертѣжѣ.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ГЖРЫТА ПОДПИСКА НА ВСЕ СОЧИНЕНІЕ

Э. РЕКЛЮ „ЗЕМЛЯ“.

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ ЗЕМНОГО ШАРА.

Переводъ безъ пропусковъ съ послѣдняго франц. изд. Редакція и научныя замѣчанія Н. А. Рубакина. Все изданіе снабжено многими рисунк. и геогр. карт.

Подписная цѣна на все изданіе *шесть выпусковъ 8 руб. 50 коп.* Допускается иждущая рассрочка:

При подпискѣ уплачивается 3 р. и получаются два выпуска—I и II. При полученіи III и IV выпусковъ уплачивается 1 р. 50 к., при полученіи V выпуска—1 р. шускъ VI выдается безплатно.

Лица, успѣвшія приобрести I выпускъ, могутъ подписаться на остальные пять, начиная по подпискѣ четыре руб. 60 коп. При этомъ первый взносъ при полученіи II выпуска—3 руб., при полученіи III и IV—1 р. 60 к., V и VI выпуски выдаются безплатно.

Пересылка наложеннымъ платежомъ.

Подписка принимается *исключительно* у издательницы О. Н. Поповой, Спб., Охотная ул., д. 27, кв. 12, отъ 12 до 4 час. дня, и въ библиотекѣ Л. Т. Рубакина, Б. Подъячская, д. 24, Спб.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу:

Вып. I. *Земля какъ планета.—Горы и равнины.* Съ 26 рис. и 4 геогр. карты. Спб., 1895 г. Цѣна 90 к., съ пер. 1 р. 10 к.

Вып. II. *Круговоротъ воды на земномъ шарѣ.* Съ 52 рис. и 4 карт. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Н. И. Карѣевъ. Историко-философскіе и социологическіе этюды. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

КАРБАСНИКОВА,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ВАРШАВА.

Н. И. Михайловскій. *Критическіе опыты.* III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Складъ изданія въ конторѣ журнала „Русское Богатство“, Спб., Басейная, 10.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Э. Реклю. *Земля.* Вып. III. *Подземныя силы.* Вып. IV. *Океанъ.* Вып. V. *Атмосфера.* Вып. VI. *Жизнь на земномъ шарѣ.*

С. Н. Кривенко. *На распутьи.* Культурные колонисты и одиночки.

Н. В. Шалгуновъ. *Сочиненія.* 2 тома.

Е. Дюрингъ. *Великіе люди въ литературѣ.* Исторія современ. литературы съ вымыслъ точекъ зрѣнія, критически изложенная. Перев. Ю. М. Антоновскаго.

Глубинскъ. *Промышленная исторія Англіи.* Перев. А. В. Каменскаго.

Ш. Летурие. *Соціологія, основанная на этнографіи.*

За справками по дѣламъ изданій О. Н. Поповой просятъ обращаться къ Н. А. Рубакину. Спб., Б. Подъячская, д. 24, библиотека Л. Т. Рубакиной.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», Барбасникова, «Русскіи Мысли» и др.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ 5-е ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ КНИГЕ
ИЗЪ ЭПОХИ ВЕЛИКИХЪ РЕФОРМЪ

Историческія справки Гр. Джаншјева.

Съ портретами А. М. УНКОВСКАГО и С. М. ЗАРУДЯГО.

СОДЕРЖАНИЕ: Наканунъ пересмотра Судебныхъ Уставовъ и новелъ (вместо предисловія къ 5-му изданію). Предисловія къ предыдущимъ изданіямъ. — А. М. Унковскій † 20-го декабря 1894 г. Глава I. Объявленіе воли и ея всеобъемлющее значеніе. Глава II. Роль тверского дворянства въ крестьянской реформѣ. Глава III. 30-лѣтію отбѣны тѣлесныхъ наказаній. Глава IV. Университетскій уставъ 1863 г. Глава V. Земское самоуправленіе. Глава VI. Законъ о печати 6-го апрѣля 1865 г. Глава VII. Первые шаги безцензурной печати. Глава VIII. Судебные Уставы Александра II. Глава IX. Претеча гласнаго суда. Глава X. Открытіе новаго суда въ Петербургѣ. Глава XI. Открытіе новаго суда въ Москвѣ и въ провинціи. Глава XII. Учрежденіе мирового суда. Post scriptum (либерализмъ и новый судъ). Глава XIII. Военскій уставъ 1874 года. Глава XIV. Какъ возникло московское юридическое общество. Глава XV. Двадцатипятилѣтіе „Вѣстника Европы“. Глава XVI. Корифей судебной реформы С. И. Зарудный. Глава XVII. Сподвижникъ Царя-Освободителя великій князь Константинъ Николаевичъ. Глава XVIII. Дѣятель крестьянской реформы В. А. Арцимовичъ. Глава XIX. Юбилейныя справки: 1) В. Д. Спасовичъ, 2) Н. И. Стояновскій, 3) А. А. Головачевъ, 4) Е. И. Старицкій, 5) В. Н. Герардъ, 6) И. Я. Никитскій, 7) А. М. Фальковский, 8) П. Н. Обянский, 9) Д. А. Ровинскій. Глава XX. Скорбныя справки: 1) Н. М. Строголазовъ, 2) П. Н. Грековъ, 3) П. Я. Алехинъ, 4) Н. С. Тихоновъ. Стр. 716+XLIV и библиотечная картонка.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

Выручка съ 1,200 экземпляровъ обращается на благотворительныя цѣли.

Поступили въ продажу новыя изданія редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

1) *Корелинъ, М. С., проф.*: «Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи». Выпускъ II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ минис. народн. просвѣщенія. Цѣна 30 коп.

2) *Чеховъ, Михаилъ*: «Закромъ». Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. № 2-24)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Газета политическая и литературная, выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣдпраздничныхъ.

Главнѣйшая задача этой единственной ежедневной и самой распространенной газеты Сѣверо-Западнаго края служить вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ выдающихся явленій культуры и быта этой окраины нашего отечества и, по возможности, содѣйствовать всесторонней разработкѣ и выдѣленію мѣстныхъ вопросовъ и нуждъ. Уставляя вѣрнымъ этой своей основной задачѣ, Виленскій Вѣстникъ ставитъ себѣ цѣлю, наравнѣ съ другими газетами, ежедневно давать своимъ читателямъ полный обзоръ всѣхъ выдающихся фактовъ политической и гражданской жизни культурныхъ народовъ міра. Редакція обезпечила себя значительнымъ числомъ сотрудниковъ и специальныхъ корреспондентовъ, получая притомъ и телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“.

Помимо того, въ газетѣ помѣщаются всѣ правительственныя распоряженія, назначенія, награды и всевозможныя справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ Сѣверо-Западному краю, а также спеціальныя корреспонденціи изъ Либавы о торговыхъ цѣнахъ на разные сорта хлѣба и проч. Что особенно

ВАЖНО ДЛЯ ГГ. ПОДРЯДЧИКОВЪ И ПОСТАВЩИКОВЪ:

въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, на основ. 11 п. прилож. къ 318 ст. т. 1, ч. 2 учр. прав сен., изд. 1892 г., независимо отъ *Сенатск. и С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостей*, печатаются обязательно всѣ безъ исключенія объявленія всѣхъ военныхъ и гражданскихъ присуственныхъ мѣстъ и учреждений о торгахъ по подрядамъ, поставкамъ и другимъ хозяйственнымъ операціямъ по девяти губерніямъ: Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской, — наковыя объявленія считаются равносильными съ напечатанными въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Вильнѣ:		Съ пересылкой въ другіе города:	
На 1 годъ . . . 6 р.	На годъ . . . 8 р.	На 6 мѣс. . . 4 р.	
„ 6 мѣсяцевъ . 3 „	„ 11 мѣс . . 7 „ 50 к.	„ 5 „ . . . 3 „ 50 к.	
„ 3 мѣсяца . . 1 „ 50 к.	„ 10 „ . . 7 „ —	„ 4 „ . . . 3 „ —	
„ 1 „ . . . — 60 „	„ 9 „ . . . 6 „ —	„ 3 „ . . . 2 „ —	
	„ 8 „ . . . 5 „ 50 к.	„ 2 „ . . . 1 „ 80 „	
	„ 7 „ . . . 5 „ —	„ 1 „ . . . 1 „ —	
	За границу . . 12		

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ съ перваго числа каждаго мѣсяца въ редакціи „Виленскаго Вѣстника“.

Редакторъ-издатель П. Бывалькевичъ.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ

С.-Петербургскаго Комитета Грамотности

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны только что вышедшія изданія.

Басни И. А. Крылова изданы по случаю 50-лѣтія со дня его смерти. Иллюстрированы множествомъ рисунковъ извѣстныхъ художниковъ.

№ 3. Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яковлевымъ. 4-е изд.	15
№ 5. Крутиковъ. Разсказъ А. Г. Ковалевской. 5-е изд.	7
№ 6. Ватрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченка. 2-е изд.	3
№ 8. Злодѣй и Петляка. Повѣсть А. Ф. Погосскаго. 4-е изд.	8
№ 11. Былины и стихотворенія. Графа А. К. Толстого. 2-е изд.	10
№ 16. Разсказы о Севастопольской оборонѣ. Гр. Л. Н. Толстого. 2-е изд.	18
№ 25. Судъ людской и Божій. Два разск. А. Ф. Погосскаго и Г. Писсадова.	10
№ 26. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ графа Л. Н. Толстого	5
№ 27. Два старика. Разсказъ Л. Н. Толстого	6
№ 28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина	10
№ 29. Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Подъ ред. проф. Ф. Миллера и И. А. Шляпкина. 2-е изд.	6
№ 31. Соловки. Очерки Вас. И. Немировича-Данченко. 2-е изд.	6
№ 32. Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленка	10
№ 33. Царь Алексѣй съ соколомъ. Разск. Г. П. Данилевскаго	5
№ 34. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича. Разск. Г. П. Данилевскаго	5
№ 35. Басни Хемницера, Дмитриева, Измайлова и Крылова	9
№ 36. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова	25
№ 37. Голодова и зимовка на Новой Землѣ. Разсказъ С. В. Максимова	10
№ 39. Разсказы о дѣлахъ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина	30
№ 40. Зимовье на Студеной. Разсказъ Д. Н. Мамнина-Сибиряка	3
№ 41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленка	3
№ 42. Между матросами. Разсказъ Б. М. Станюковича	5
№ 43. Дѣя елки. Разсказъ Б. М. Станюковича	3
№ 44. Безоброчный. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ)	8
№ 45. Шестеро. Разсказъ И. Н. Потапенка (безъ картинокъ)	5
№ 46. Трусъ. Разсказъ В. М. Гаршина	3
№ 47. Ансларское дѣло. Разсказъ В. М. Гаршина	3
№ 48.	
№ 49. То чего, не было, и Лягушка путешественница. Сказки В. М. Гаршина	3
№ 50. Гордая палыца и Сказаніе о гордомъ Аггѣѣ. Сказки В. М. Гаршина	3
№ 51. Басни И. А. Крылова. (съ біографіей)	I выд. 10
№ 52. Басни И. А. Крылова	II выд. 8
№ 53. Басни И. А. Крылова	III выд. 8
№ 54. Басни И. А. Крылова	VI выд. 8

Сверхъ того, находятся въ продажѣ слѣдующія изданія комитета

- 1) Сборникъ конкурсныхъ программъ и докладовъ о трудахъ въ пользу народнаго образованія, увѣнчанныхъ преміями Комитета Грамотности 50
- 2) Указанія о бесплатныхъ народныхъ бібліотекахъ (читальняхъ). 2-е изданіе 10

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ С.-Петербургскаго Комитета Грамотности находятся при книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича (С.-Петербургъ), А. М. Бартыковой (С.-Петербургъ), А. М. Муриновой (Москва), и Л. Розова (Кіевъ и Одесса) и П. И. Макушина (въ Томскѣ и въ Иркутскѣ).

Лица, покупающія изданія Комитета одновременно на сумму не менѣе 10 руб., пользуются въ складахъ Комитета на изданіяхъ №№ 5, 6, 8, 29, 31, 40—54 уступкой въ 25 проц. въ Петербургѣ и Москвѣ, 20 проц. въ Томскѣ, Кіевѣ и Одессѣ и 15 проц. въ Иркутскѣ. Пересылка—на счетъ покупателей.

Условія продажи изданій №№ 3, 11, 16—28, 32—39 остаются прежніе.

	<i>Стр.</i>
XIV. ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—О. Т. В.	129
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Ивановова	137
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Государственная роспись на 1895 годъ.—Первая сессія сельско-хозяйственнаго совѣта министерства земледѣлія. — Пробѣлы въ программѣ занятій совѣта.—Съѣздъ мукомоловъ.—Попечительства о народной трезвости.—По поводу биржевой спекуляціи.—Изъ области народнаго образованія. — Высочайшій указъ 13 января.—К. Н. Ермолинскій †.—Отъ московскаго комитета грамотности	164
XVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	185
XVIII. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО: Третье и четвертое квартетныя собранія. — Второе и третье симфоническія собранія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.—Третій и четвертый концерты филармоническаго общества.—Симфоническій концертъ подъ управленіемъ г. Буллеріана.—«Мелузина», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ кн. Трубецкаго.—«Тушинцы», опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ г. Бларамберга. А. Б.	191
XIX. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія и педагогика.—Біографія.—Политическая экономія и статистика.—Сельское хозяйство.—Техническія книги.—Медицина.—Учебники.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», <i>ноябрь и декабрь</i>.—«Вѣстникъ Европы», <i>январь</i>.—«Сѣверный Вѣстникъ», <i>январь</i>.—«Міръ Божій», <i>январь</i>.—«Русское Обозрѣніе», <i>январь</i>.—«Дѣтское Чтеніе», <i>январь</i>. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 января по 1 февраля 1895 г.	53

Г. Генрикъ Сенкевичъ предоставилъ В. М. Лаврову право перевода своего новаго историческаго романа изъ первыхъ вѣковъ христіанства „Камо грядеши?“ („Quo vadis?“). Начало этого романа появится въ первыхъ книжкахъ журнала „Русская Мысль“ 1895 года.

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

GENERAL LIBRARY
UNIVERSITY OF CALIFORNIA—BERKELEY

RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

27 Apr '55 P W

JUN 18 1955 LU

28 Sep 55 JB

OCT 20 1955 LU

SEP 25 1975

REC. CIR. DEC 15 '75

LIBRARY USE MAR 31 '86

SEP 24 2002